ФУРСОВ А. И.

ПУБЛИКАЦИИ
1996 - 2018 гг.
(статьи, очерки, интервью)
ЧАСТЬ I

Список публикаций Фурсова А.И. за период с 1996 г. по 2018 г.

ЧАСТЬ I

1996	Колокола истории
1998	Биг Чарли, или о Марксе и марксизме (к 180-летию со дня рождения Карла Маркса)
1998	Срединность срединной Азии
1999	Еще один «очарованный странник»
1999	На закате Современности. Терроризм или всемирная война
1999	По ком звонят Колокола Истории. Капитализм и коммунизм в XX веке
1999	Русская система и реформы (в соавторстве с Ю.Пивоваровым)
2000	Saeculum vicesimum. In memoriam (Памяти XX века)
2001	Русская власть, Россия и Евразия в больших циклах истории
2002	Выступление на юбилее А. А. Зиновьева
2002.02.(21-27)	Мир на рубеже столетий
2003-2004	Операция «Прогресс»
2003.04.29	Терроризм от политического террора к войне нового типа
2003.10.13	Демонтаж капитализма
2004	Война, породившая XX век
2004	Операция «Ориентализм»
2004.01.19	Последняя смута
2004.01.26	Искажение смыслов
2004.02.16	Слабых бьют
2004.04.12	Счет победителей
2004.09.20	Княжеско-боярский комбайн
2004.10.18	Завтра грабим короля. Власть и олигархии в СССР и постсоветской России
2004.12.20	Сверхдержава — изгой (полная версия)
2005	А надо бы иначе! (Мифы перестройки и мифы о перестройке)
2005.01.24	Победитель не получает ничего. Россия в мировых войнах
2005.04.13	Огонь в парадной раме. Некоторые мифы и стереотипы эпохи Горбачёва
2005.05.03	Глобоамерика. Битвы третьей мировой войны и ее итог
2005.05.16	Крах центроверха
2005.10.18	Империализм пространств
2005.12.28	Революция опасных классов
2006	Исследования современного миропорядка
2006.(08.23)-(09-20)	Великий Вопрекист
2006.02.20	Государство, оно же корпорация
2006.02.26	Биология возвращается
2006.07	Номенклатурные сатурналии
2006.07-06	Третий Рим и Третий рейх, Советско-германский покер в американском преферансе
2006.07.11	Синусоида Русской истории
2006.10	Виновны в непонимании. Размышляя о холодной войне
2006.11	Фултонское начало
2006.11.13	Рукотворный кризис. Глобальный смутокризис (интервью Максиму Калашникову)
2006.12.27	Русский успех в исторической ретроспективе «добрым молодцам урок»
2007	Недолгое счастье среднего класса
2007	Размышления о книге А.Н. Савельева «Время русской нации»
2007.01.17	Россия в «буре тысячелетия»
2007.01.30	“Империология” без теории, или “хлопок одной ладонью”
2007.04.19	Кошмар «светлого будущего»
2007.06.13	О специфике русской истории
2007.08.14	Прощальный поклон капитализма
2007.10.09	Россия выбирает
2007.11.07	Исторический коммунизм - чем он не был
2007.12.16	Противоречия исторического коммунизма
2008	Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними
2008	Шабаш моральных и социальных уродов
2008.01	Российская Федерация в начале XXI века
2008.04.18	Капитал (замогильные записки)
2008.04.25	Капитал (кесарево сечение)
2008.05.05	Капитал (субстанция и функция)

2008.06.08 Русская власть, история Евразии и мировая система
2008.06.26 Капитал (государство как функция)
2008.07.11 Сталин становится символом справедливой силы
2008.07.17 Кризис исторического коммунизма
2008.09.05 Чехословакия-68 и вокруг
2008.09.17 Капитал (закон мировой гегемонии)
2008.10.30 Нас ждут проблемы посерьезнее, чем экономический кризис, нефть или экология
2008.11.10 Обама - идиот у власти, которого США могут себе позволить
2008.12.03 Кузнецы глобального социализма
2009 Холодная война, системный антикапитализм и Пересдача Карт Истории
2009.01.28 (Русская Европа) Интересы, а не ценности - русская Европа, а не Евразия
2009.03.11 Кризис-матрешка
2009.04.14 Студенты должны строить несложные объекты
2009.05.19 Леонид Брежнев и его эпоха
2009.05.21 Создание комиссии положит конец оплевыванию советского прошлого
2009.05.25 Новое образование для новой реальности или новое оружие сильных против слабых
2009.06.01 Улыбка чеширского кота
2009.06.08 Кто окажется источником накопления для нового исторического рывка
2009.06.10 Знание как антикризисная сила
2009.06.11 Новый украинский школьный курс — чисто политическая акция
2009.06.25 Иран — слишком серьезная страна для «оранжевой» революции
2009.07.01 Метаморфозы Обамы
2009.07.05 Передышка для гегемона
2009.08.11 С точки зрения педагогики Россия поступает правильно
2009.08.11 Холодная война и системный антикапитализм
2009.09.09 Время глобальной ЧЕКА (Тревожное будущее РФ)
2009.09.09 Вход в турбулентную зону. (Беседа с каббалистом М. Лайтманом)
2009.10.01 Сетка социальных наук трещит по швам
2009.10.05 Нынешние показатели ЕГЭ вообще ни о чем не говорят
2009.10.21 Обама по своему положению должен быть оптимистом (беседа с И.Панариным)
2009.10.27 Еще раз о коварстве истории. Русская политология
2009.10.27 Пять вузов на выбор — достаточно для абитуриента
2009.11.11 Конспирология - веселая и строгая наука
2009.11.12 О кризисе
2009.11.19 Весь мир капитализма мы разрушим! До основанья! А зачем
2009-2014 Записи из блога «В кругу друзей» (обн. 01.09.2014)

Андрей Фурсов
Колокола истории

АНДРЕЙ ФУРСОВ
КОЛОКОЛА ИСТОРИИ

Часть 1

Предисловие к размещаемому в Интернете тексту

Размещение в сети моей книги «Колокола Истории» требует предварительных замечаний, поскольку книга вышла в 1996 г., а писалась – по частям – в 1993 и 1994 гг., а целиком – в 1995–1996 гг., т. е. по сути в иную эпоху.

Дробный характер работы был связан вот с чем. Первая часть работы (около 60 стр.) была написана в начале 1993 г. по-французски в качестве большого доклада на проводившейся в Париже конференции «Идеологии прогресса, прогресс идеологий». Затем весной 1994 г. тоже в Париже, но уже по-английски я написал 150-страничный текст, над которым работал параллельно со своей частью международного проекта «Номотетические дисциплины versus идиографические: ложная дилемма?» Выжимки из 150-страничного

текста были опубликованы в 1994 г. по-немецки в Лейпцигском журнале «Comparativ» под названием «Капитализм, коммунизм и Колокола Истории» в специальном номере, посвящённом мировой системе и глобальной истории, и в 1996 г. в американском журнале «Review» по-английски в несколько изменённом виде под названием «Коммунизм, капитализм и Колокола Истории». Через два года в одном из номеров «Review» был помещён специальный раздел «О России: реакции на Фурсова», где несколько известных учёных (Уильям Макнил, Сильвиу Брукан, Самир Амин, Марина Фукс и Хайнц-Хайнрих Нольте) разбирали мою работу.

В 1995 г. в Москве усилиями нескольких людей, в том числе моими, был создан новый журнал – «Рубежи». Он планировался как обозрение широкого спектра проблем, включая мировые, и мне предложили написать работу о современном мире – о крушении коммунизма, о капитализме, о будущем. В самом начале 1995 г. возник журнал «Рубежи» (до сих пор не могу понять, почему не запатентовал придуманное мной название), я стал членом его редколлегии и одним из авторов.

Журналу понадобилась ударная теоретическая публикация по проблемам развития современного мира (крушение коммунизма, капиталистическая система и т. д.), которой он мог бы открываться как своеобразной визитной карточкой. Для выполнения этой задачи я решил переписать по-русски, а, попросту говоря, перевести на русский 200 «парижских» страниц. Однако, как верно заметил Марио Пьюзо в своих «10 правилах, как написать роман-бестселлер», «*Rewriting is a whole secret to writing*» . Вместо 200 страниц англо-французского текста появились четыре с половиной сотни страниц принципиального нового текста – книга «Колокола Истории». Этой работой открывались первые 17 книжек (всего вышло 28) журнала «Рубежи» в 1995–1996 гг. В 1996 г. опубликованный в «Рубежах» текст с моего авторского разрешения был издан в виде книги в ИНИОН РАН тиражом 300 экз., которые быстро стали библиографической редкостью. Поскольку переиздавать книгу в ближайшее время я не собираюсь, а может, и вообще не соберусь, я принял предложение разместить её в Интернете, ничего не меняя в тексте, но снабдив его предварительными замечаниями.

Прежде всего о названии – почему «Колокола Истории». Осенью 1990 г. в Колумбийском университете я читал лекцию, посвящённую русской истории и советской современности. Как раз в тот день Горбачёв в очередной раз сдал какую-то свою позицию, и один из присутствовавших в аудитории, явный антисоветчик, злорадно спросил меня: «А не кажется ли Вам, что колокола звонят по СССР, по коммунизму?». Я ответил ему джондонновским: «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе», пояснив, что под «тебе» я имею в виду капитализм, поскольку крушение коммунизма станет знаком на стене для капитализма и будет означать начало конца этой системы. Мой ответ опирался на мои написанные «в стол» работы второй половины 1980-х годов о социальной природе коммунизма как системы (кратократии), где я рассматривал последний как негативный элемент капиталистической системы и индикатор её относительного системного здоровья.

В первой половине 1990-х годов я развил эти идеи, и когда в 1994 г. встал вопрос о названии для работы о судьбах коммунизма и капитализма, оно само собой выскочило из «колумбийского эпизода» – «Колокола Истории».

О чём книга? Прежде всего о капитализме – философии и политэкономии развития этой системы, о главном противоречии капитала – между им как субстанцией и им же как функцией. Под этим тезисом и подавляющим большинством выводов я готов подписаться и сегодня; более того, сегодня я ещё более уверен в его справедливости.

Естественно, за прошедшие полтора десятилетия я двигался дальше в освоении темы «капиталистическая система», реализуя заложенный в «Колоколах…» потенциал и придумывая нечто новое. Так, занятия политэкономией капитализма вывели меня на проблематику закрытых наднациональных структур мирового управления – именно они превратили государство в функцию капитала и встали над самим капиталом как

персонификаторы его долгосрочных и целостных интересов, как Хозяева Игры – мировой, которая в определённый момент и привела их к осознанию необходимости демонтажа капитализма в интересах сохранения самого капитала и своих привилегий. Никакой конспирологии (в вульгарном понимании термина) – криптополитэкономия капитализма.

Ещё одним логическим развитием сюжетов «Колоколов…» стали концепции всемирной войны, корпорации-государства и кризиса-матрёшки, сформулированные мной соответственно в 1999, 2006 и 2007 гг. Можно назвать ещё с десяток новых идей и концепций, но вряд ли это имеет смысл; главное в том, что именно их разработка делает лишней второе издание «Колоколов…» – нужны новые книги – о капитале, закрытых наднациональных структурах и кризисе XXI века.

Если главные линии и схемы «Колоколов…» полностью сохраняют своё значение, то с побочными сюжетами книги дело обстоит несколько иначе. Работая над «Колоколами…», я одновременно писал (в соавторстве) работу под названием «Русская Система», методологической основой которой были моя работа 1991 г. «Кратократия: социальная природа обществ советского типа» и сами «Колокола…», а также некоторые идеи моего учителя Владимира Васильевича Крылова. В той мере, в какой «Колокола…» требовали освещения не только коммунистической, но вообще русской проблематики, я пользовался терминологией «Русской Системы», отражавшей изложенные в ней концепции.

Эти концепции, однако, я радикально пересмотрел уже в 2001 г., что и нашло отражение в большой работе «Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории» («Русский исторический журнал». М., 2001. Т. IV, № 1) и целом ряде работ первого десятилетия XXI века, последними из которых стали статья «Опричнина – воспоминание о будущем» («Наш современник», 2010, № 8) и доклад «Россия, мировой капитал и субъект стратегического действия, или Кто услышит Музыку Истории», сделанный в Институте динамического консерватизма в сентябре 2010 г.

Суть ревизии заключалась как в форме, так и в содержании. Помимо прочего, я перестал использовать прописные буквы в написании словосочетаний «Русская Власть», «Русская Система» – избыточная пафосность не красит научный текст. Моносубъектность из качества русской власти стала её функцией, качество – автосубъектность, и дело, разумеется, не только в термине, а в сути. Самое главное: я уже давно не пользуюсь термином «Русская Система» – в нашей истории никогда не было единой системы, и уж, конечно, ошибочно записывать в одну систему самодержавие и коммунизм. В русской истории было несколько систем, а коммунизм вообще лежит не только в русской, но и в мировой плоскости. Читающему сегодня «Колокола…» и встречающему на его страницах термин «Русскую Систему» следует об этом помнить. Есть ещё несколько мелочей, но они непринципиальны для главной темы «Колоколов Истории».

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сказать читателю.

27 сентября 2010 г.

А.И. Фурсов

КОЛОКОЛА ИСТОРИИ

Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол:
он звонит по Тебе.
Джон Донн

I

Мы живем в парадоксальное время: XXI в. и третье тысячелетие еще не наступили, а вот тысячелетие второе и век XX уже кончились. И не потому, что средневековый монах,

переписывавший тексты, ошибся, как утверждают ныне, на 8 лет, и на самом деле 2001 год наступил в 1993 г. Нет, конец века связан с годом 1991-м. Спорить, думаю, можно лишь о конкретной дате. Либо 17 ч. 09 мин. 23 августа, когда, несмотря на бурные протесты последнего генсека КПСС и первого и последнего президента СССР Михаила Горбачёва, первый президент России Борис Ельцин подписал указ, по сути запрещавший КПСС. Либо 10 ч. 45 мин. 25 декабря 1991 г., когда Михаил Горбачёв, заявив о своей отставке, возвестил миру о прекращении существования СССР. В любом случае XX в. начался и окончился по московскому времени – он родился и умер с советским коммунизмом. Разумеется, были и другие события, указывавшие на конец эпохи. Например, ставший уже в 1991 г. ясным приход к власти в ЮАР в ближайшей перспективе Африканского национального конгресса (АНК). И дело здесь не в ЮАР, а в АНК, поскольку это последнее национально-освободительное движение, последние из могикан национал-либерационизма, пришедшие к власти в Третьем мире. Или, например, иракско-американская война в Персидском заливе, ставшая определенным водоразделом в отношениях Север – Юг.

И все же именно падение коммунизма – веховое событие, опускающее Занавес Истории над XX в., укорачивая это столетие до 74 лет. Успехи АНК и иракско-американский конфликт – не только события меньшего масштаба и значения. В значительной степени они лишь следствия тех сдвигов, которые происходили в СССР с 1985–1986 гг., и тех изменений в мире, которые происходили вследствие советских сдвигов как результат общего изменения международного климата. Это касается даже нападения Ирака на Кувейт. Как заметил наблюдательный американский ученый, именно кризис коммунистической системы позволил Саддаму Хусейну решиться нанести удар: иракский лидер знал, что СССР не поддержит его (по крайней мере – непосредственно), а потому в отсутствие биполярного противостояния ядерный удар США маловероятен (подр. см. 35). Разумеется, мы едва ли когда-нибудь узнаем всю правду о том, кто и как готовил планы нападения на нефтяные эмираты, на какие изменения в СССР в 1990–1991 гг. рассчитывал Саддам Хусейн и не была ли его акция элементом более широких международных замыслов, – допускаю, реальность могла быть столь хитрой, что способна превзойти сюжеты Ладлема, Форсайта, Тополя и Незнанского вместе взятых. Но в целом ситуация в СССР и мире действительно позволяла Саддаму Хусейну не опасаться «ядерного Саддама» («садам» – по-арабски: удар) в ответ на вторжение в Кувейт. То есть это вторжение – факт производный по отношению к кризису и падению коммунизма, замкнувшему «короткий XX век». И не то удивительно, что век был коротким, – бывают «длинные века» («длинный XVI», 1453–1648; «длинный XIX», 1789–1917 гг.) и «короткие века» «короткий XVIII», 1715–1789 гг., и, как видим, «короткий XX», 1917–1991 гг.). Удивительно другое: век родился и умер неожиданно для большинства.

В начале 1890-х годов были люди, предсказывавшие революцию в России. Их было немного, но они были. Еще раньше, в последней трети «календарного» XIX в., Константин Леонтьев предупреждал о грядущем «торжестве мещанина», словно предвидя героев М.Зощенко, а Николай Лесков закончил роман «На ножах» фразой: «Да, да, нелегко разобрать, куда мы продвигаемся, идучи этак на ножах, которыми кому-то все путное в клочья хочется порезать; но одно только покуда во всем этом ясно: все это пролог чего-то большего, что неотразимо должно наступить». И наступило, подтвердив оказавшийся вещим сон Льва Толстого о русской революции, направленной против частной собственности. А вот в конце XX в. лишь единицы предсказывали падение коммунизма. Да и то некоторые из них угадали по принципу «пальцем в небо». Таким образом, и рождение коммунизма чуть менее ста лет назад, и его падение оказались для подавляющего большинства неожиданностью.

Есть еще одно сходство между двумя межвековыми рубежами. И тогда, и ныне мир жил иллюзиями и мечтами о прекрасном будущем – тем горше оказались разбитые надежды. В начале XX в. люди в России и за рубежом аплодировали революции, полагая, что грядет переход «от самодержавия – к демократии». То, что пришло на смену самодержавию, оказалось еще дальше от демократии, чем самодержавие. На рубеже 80–90-х годов многие воспринимали и до сих пор воспринимают советскую и постсоветскую реальность сквозь

призму магической формулы «от тоталитаризма – к демократии». И хотя ныне нотки разочарования, а у наиболее слабонервных – страха и истерики – появляются все чаще (а что если и посткоммунизм окажется еще дальше от демократии, чем коммунизм, особенно в его мягкой, поздней, брежневско-застойной форме?!), тем не менее, несмотря на разочарование и апатию, направление вектора надежды для многих как у нас, так и на Западе остается прежним. Формулируется это так: с падением коммунизма и СССР рухнули последние препоны на пути к капитализму и демократии! Это – стандартная реакция на падение коммунизма. «Долой коммунизм, да здравствует свобода и капитализм!» – вот по сути лозунг момента. Мне почему-то это напоминает сцену одной из пьес Ф.Дюренматта, когда германцы входят в поверженный Рим с транспорантами: «Долой рабство! Да здравствуют свобода и крепостное право!»

«Даешь капитализацию в мировом масштабе!», «Все нынешнее поколение превратится в средний класс!». Вот два других квинт-эссенциальных лозунга. Лозунги эти, как и вера в торжество капитализма, были многократно усилены эйфорией по поводу победы США над Ираком. Здесь не место оспаривать эти лозунги-тезисы и снимать восторги по поводу американской победы в Заливе, хотя массовый средний класс – это на самом деле массовая беднота; массовый капитализм – это грошовый капитализм, «капитализм» кули; военная победа американцев обернулась целым рядом политических проблем, Саддам Хусейн не смотрится проигравшим и т. д. Но в данном случае интереснее другое: на чем основано убеждение в том, что падение коммунизма открывает путь в капитализм и светлое будущее, точнее, в том, что капитализм становится светлым будущим – реальным, зримым и самое главное – материальным?

Основа эта очень проста: жесткая дихотомия «коммунизм – капитализм», жесткое противопоставление двух этих начал по манихейскому принципу «или – или»; борьба между ними – это борьба Света и Тьмы, Добра и Зла (знаки расставляются в зависимости от политической позиции). А потому, если коммунизм потерпел поражение, то это автоматически победа капитализма. При этом капитализм и коммунизм автоматически рассматриваются как автономные, равновеликие системы, вырастающие из разных корней.

А что, если это не так? Если капитализм – двуликий Янус? Если коммунизм – специфическое проявление капитализма, его мировая некапиталистическая зона и подпорка одновременно? Тогда крушение коммунизма – это не победа капитализма, а его метаисторическое поражение, первый стук Судьбы в его дверь. Стук Судьбы из Пятой симфонии Бетховена. Но ведь есть и Реквием Моцарта.

Историю, свой век обмануть нельзя. От них нельзя увернуться, спрятаться, уйти в себя. Как говорил Ежи Лец, в смутные времена не уходи в себя – там тебя легче всего найти. Но век можно и нужно понять и заставить работать на себя. Здесь – две трудности. Первая связана с пониманием. Мир меняется быстрее, чем мы понимаем его: Сова Минервы вылетает в полночь. И тем не менее понимание и знание своего (у нас это уже – XXI) века – императив не только побед, но и выживания. А бывают ситуации, когда выживание – это уже победа. Знание – сила. Здесь возникает вторая проблема – морального выбора. Сила – это чаще всего Зло. По крайней мере, такой вариант более характерен для истории. Понимающее, умное Зло – одна из самых серьезных проблем Истории.

Большевики и нацисты победили потому, что оказались в своих странах людьми XX в., уловившими суть и смысл наступающей эпохи. И первые, и вторые поняли в наступающем веке то, чего кроме них не понял никто. К сожалению, других людей XX в., способных по-другому ответить на вызов или хотя бы смягчить ответ, здесь не нашлось. Большевизм и нацизм стали русским и немецким путем в XX в. Степень неадекватности даже началу XX в. многих лучших русских умов, противостоящих большевизму, степень их неготовности к и современности – очевидна.

Большевикам в России противостояли в основном люди XIX в., которые смотрели в прошлое и не понимали, что оно кончилось, что век «вывихнут». И потому проиграли. А выиграли те, кто «вывихнулся» вместе с веком, т. е. понял историю. Причем понял в самый

нужный и важный момент – когда она на изломе, когда она «вывихнута» и на этом «вывихе» в очередной раз садится играть в карты с человеком. Французский историк Фернан Бродель говорил, что «социальные карты», т. е. «карты» власти, престижа, богатства, в истории сдают очень нечасто, хотя и не один раз – колод мало, а потому пересдачи редки (18, с. 558). В XX в. История сдала карты в «длинные 20-е», (1914–1934) годы. Победили те, кто ухватил козыри. Похоже, ныне мир вступает в период очередной пересдачи карт Истории. По-видимому, продлившись 20–25 лет, нынешняя пересдача определит доклад сил на весь XXI в. В борьбе за козыри – в стране и в мире – победит тот, кто раньше других станет человеком XXI в., т. е. начнет понимать. Во-первых, понимать то, что не понял XX в., отгадать загадки, которые оказались ему не по силам. Во-вторых, отгадать загадку самого XX в. В-третьих, на этой основе понять, определить и просчитать основные варианты, основные тенденции и векторы развития мира в грядущем веке, вычислить точки их взаимодействия, точки скрещения исторических судеб и выйти к намеченным рубежам раньше других. Прежде всего – раньше Зла.

Среди этих загадок центральное место занимают капитализм и коммунизм. До тех пор пока не будет как следует понята их природа, мы, хотя 1 января 2001 г. наступит XXI в. и третье тысячелетие, так и останемся в нетях странного межвекового, в раскорячку положения: уже не в XX, но еще не в XXI в., на положении эдаких маргиналов Времени. Собственно, разворачивающаяся ныне в мире социальная борьба и ведется по поводу того, кого исключат, вытолкнут из Времени, кто станет его маргиналом, кто – мастером, а кто – Властелином его колец.

Понимание капитализма и коммунизма – золотой ключик ко всем остальным загадкам, который позволит не только приподнять занавес истории, но и открыть находящуюся за ним потайную дверь в Будущее. Но прежде чем искать золотой ключик и потайную дверь, необходимо избавиться от иллюзий и оптимизма, господствовавших в XIX–XX вв. и доставшихся в наследство от Просвещения. Не худо бы помнить, что одному из последних социальных философов Просвещения, одному из наиболее ярких авторов теории прогресса – Кондорсе пришлось принять яд, чтобы не стать одной из первых жертв гильотины. Да и её создателю масону Гийотену досталось – «ступай, отравленная сталь, по назначенью». Почему-то прогресс часто «обручался» с гильотиной. И приходил как гильотина, отсекая оптимизм вместе с головами. Будем очень осторожными оптимистами. И прежде всего, проверим оптимизм, посмотрим на его основания.

Действительно, по ком звонит колокол? По коммунизму? Или не только и даже не столько по нему? И вообще, стоит ли радоваться, когда звонят колокола Истории?

II

Оптимистическая (как с точки зрения России, так с точки зрения мира в целом) оценка факта падения коммунизма вызвана, помимо прочего, верой в линейный прогресс: «рабовладение – феодализм – капитализм» и т. д. С той лишь модификацией, что, если раньше коммунизм шел после капитализма, замыкая «линейку», и оказывался мостом в светлое будущее, то теперь он оказался лишь кружным, в обход – как раз для «настоящих героев» – путем к капитализму. Ну, а у капитализма произошла перемена участи, и он по «принципу Аввакума» («ишо вчера был блядин сын, а топерво батюшко») стал одновременно и вечным светлым будущим, и мостом в это будущее. Правда, мостом узким и опасным, вроде моста Чинват, с которого грешники должны будут сорваться в пропасть. Грешная страна Россия? Судя по оптимизму тех, кто выступает за светлое капиталистическое будущее, – нет. Но мы в любом случае не обязаны принимать на веру «линейку» прогрессивного исторического развития, которую предлагают вульгарные версии марксизма и либерализма. Как можно верить тем, кто не смог ни предсказать, ни объяснить падение коммунизма? Тем, кто упускает из виду целый пучок негативных тенденций развития современного мира. Тем, кто с легкостью меняет коммунизм на капитализм в

качестве венца истории. Это для них капитализм – высшая стадия развития всех исторических систем. Может, так оно и есть. Может, так оно и есть для определенного типа систем. А может, в других системах капиталистические формы появляются, например, не как высшая стадия, а как продукт разложения этой системы или временная промежуточная и побочная форма при переходе системы из одного исторического состояния в другое? Ответы на эти вопросы вовсе не предрешены, они могут быть получены только в ходе исследования, не попадающего в двойную ловушку симбиоза вульгарно-прогрессистских форм марксизма и либерализма. Безоговорочная вера в торжество капитализма в России у многих публицистов есть всего лишь изнанка прежней веры в торжество коммунизма. Просто – очередная смена вех, а основа осталась без изменений: вера в «линейку», в прогресс и в однокачественность всех исторических систем.

Стандартная оптимистическая реакция на падение коммунизма обусловлена и некими стандартными представлениями о коммунизме и капитализме. Представлениями, за которыми скрывается незнание. Или неполное знание, которое порой хуже незнания. До сих пор не создана общая теория развития коммунистической системы. Но ведь нет и общей макротеории развития капитализма. Быть может, одна из причин этого заключается в том, что, с одной стороны, коммунизм и капитализм рассматриваются взаимообособленно, только как антагонисты; с другой – коммунизм пытаются понять и объяснить на языке, выработанном для описания капиталистических реалий. Имеет ли основания в принципе такой подход? Быть может, до сих пор единой теории развития мировой капиталистической системы потому и нет, что коммунизм и капитализм противопоставлены друг другу как монады, атомы и не рассматриваются как элементы единого целого? Эти вопросы о капитализме и коммунизме, об их соотношении – не академическое, это – не просто теория, хотя и теория тоже. От ответов на эти вопросы зависят выбор исторической практики и социально-экономической стратегии. От них зависят как определение самого поля поиска ответов и решений, так и способ постановки вопросов. Короче, эти теоретические проблемы имеют практическое значение. Как любил говорить А.Эйнштейн, что может быть практичнее хорошей теории?

Если капитализм и коммунизм суть абсолютно противоположные взаимоисключающие начала, то падение коммунизма означает для России одно, с вытекающими из этого «одного» поисками, стратегиями, подходами. Если же дело обстоит не так или хотя бы отчасти не так, то падение коммунизма означает для России, для Русской Системы совсем другое. Ныне практически все стратегии выхода России из кризиса строятся на основе первого вывода, но если он ошибочен, то предлагаемые меры заведомо непродуктивны.

Далее. Если связь между капитализмом и коммунизмом носит более тонкий и менее однозначный характер; если они выступали друг по отношению к другу не столько как взаимоисключающие (особенно в манихейской традиции) Ормазд и Ахриман, сколько как взаимодополняющие инь и ян; если коммунизм выполнял определенную функцию в капиталистической системе, подрывая и одновременно поддерживая ее (а капитализм так же действовал по отношению к коммунизму); если капитализм как мировая система по своей сути и логике развития предполагает на определенном этапе своей истории наличие антикапиталистической зоны, которую и заняла Россия, превратившись в СССР, то падение коммунизма – это не победа капитализма, а скорее поражение или сигнал о серьезных неполадках именно в капиталистической системе, о том, что из нее начали вылетать звенья. Пока – наиболее слабые. Но это – пока. И если впереди у капитализма – не светлое будущее, а «сумерки богов», если антикапиталистическая зона – интегральный элемент капитализма и коммунисты лишь первыми страдают от язв капитализма подобно идолопоклонникам, страдающим от язв христианства, то выход России из прежней зоны на путях капитализации – это не просто ошибочный ответ на вызов Истории, обрекающий нас, подобно Сталкеру, на вечное возвращение в Зону, а нечто похуже. Да и сам ответ тогда должен быть качественно более сложным и многомерным, чем «вперед к капитализму» или «назад к коммунизму». Разумеется, речь не идет о некоем «третьем пути». Третьих путей вообще, по-видимому, не

бывает. Более того, дело даже не в ответе, а в принципиально иных постановках основных, главных вопросов и проблем выхода России из кризиса и из зоны этого кризиса. Принципиально по-иному должна разрабатываться стратегия выживания (минимум) и/или преуспевания (максимум) в позднекапиталистическом и, кто знает, быть может, в посткапиталистическом мире XXI в. Иначе в поисках выхода получится, что выхода нет – «есть только вход, и то не тот». Одно дело – пересаживаться из тонущей шлюпки на мощный фрегат, и совсем другое – карабкаться из нее на давший сильную течь, хотя и великолепный и богатый, но медленно тонущий корабль. Или, скажем мягче, на корабль, который и так переполнен, кренится и где лишние не нужны. Где места и так не хватает, а по лестнице уже карабкаются латиноамериканцы, восточноазиаты, восточноевропейцы.

III

Отчасти действительно: коммунизм и капитализм – противоположные начала, взаимоисключающие, непримиримо враждебные системы, «борющиеся царства». Но это так лишь содержательно. Однако помимо содержательного аспекта развития у каждой системы имеются и другие. Например, генетический и функциональный.

Есть один исторический парадокс, который не только не объяснили до сих пор, но и вообще, кажется, не замечают. Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия. По крайней мере, коммунистические идеи существуют со времен киников, которые первыми попытались сформулировать антисистемный комплекс идей как контркультуру, охватывающую все сферы жизни: отношения эксплуататоров и эксплуатируемых, общества и природы, отношения полов или, как говорят теперь, «тендерные» отношения и даже отношения «центр – периферия». Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм материализовался только в капиталистическую эпоху. Исторический коммунизм («реальный коммунизм», «реальный социализм») – это только антикапитализм. В истории никогда не был таких социальных систем, как антирабовладение и интифеодализм. Коммунизм как социальная система никогда не существовал как антифеодализм или антирабовладение. Только антикапитализм, только как отрицание капитализма. Причем капитализма на определенной стадии его развития – социального, экономического, технического.

Попытка якобинского эксперимента на доиндустриальной основе, направленного против Старого Порядка, провалилась, якобинцы не стали создателями антикапиталистической зоны. Постиндустриальный капитализм с энтээровской организацией производства – в этом мы убедились воочию, эмпирически, оказался несовместим с коммунизмом, точнее – наоборот. И если к производственной системе капитализма НТР повернулась обоими своими тиками – положительным и отрицательным, то к коммунизму – только отрицательным. Лик этот стал для коммунизма ликом Горгоны с ее окаменяющим взглядом. Можно сказать иначе: присоединившись в 40-е годы к гонке ядерных вооружений, производство которых и было начальной, примитивной фазой НТР, коммунизм «плюхнулся» в котел НТР, чтобы, так сказать, в нем омолодиться. Но в долгосрочной перспективе вышло как с царем из «Конька-Горбунка»: «Бух в котел – и там сварился». У капитализма шкура толще, он может вариться дольше, но тоже не вечно.

Таким образом, остается только одна эпоха, в которой исторически существовал (и мог существовать) коммунизм, – индустриальная. И то не вся, а только ее зрелая фаза, что ограничивает коммунизм во времени, в истории определенным этапом капитализма. Но дело здесь, разумеется, не в технике, а в более глубоких и серьезных вещах.

Итак, коммунизм исторически возник как антикапитализм, причем как негатив, отрицание капитализма не вообще, а его определенной стадии. Но это значит, что в самом капитализме как явлении, как мировой системе отношений производства есть нечто, наделяющее его очень специфической, присущей только ему одному, а потому – загадочной и таинственной способностью выступать, реализовывать себя в двух различных социальных формах: положительной и отрицательной; иметь два социальных лица – положительное и отрицательное. Почему?

IV

Капитализм вообще самая загадочная из социальных систем, намного более загадочная, чем Античность или традиционно считающиеся загадочными цивилизации Азии, Африки и доколумбовой Америки. Пожалуй, лишь средневековый Запад, феодализм (естественно – западноевропейский, других не было) по своей загадочности приближается к капитализму. Но только приближается. К тому же загадки капитализма – на порядок сложнее. На первый взгляд может показаться: да какие тут вообще загадки, тайны? Все предельно просто. Что может быть проще рынка, разрушения докапиталистических структур (укладов), «товар – деньги – товар», наемный труд, возникновение промышленности, ситуация, где все или почти все может быть выражено в цифрах. Не случайно же то, что потом стало политической экономией капитализма, Уильям Петти назвал «политической арифметикой». Это, помимо прочего, вроде бы значит: при капитализме все, все частные явления можно посчитать, т. е. свести к количественному выражению и измерению. Короче, говоря о капитализме, можно свести любое качество к количеству, устраняя его тем самым как качество или, как минимум, позволяя абстрагироваться от качества как такового, а следовательно, от любых загадок и тайн, ибо последние связаны только с качеством. Количественные загадки – это не загадки.

Все хорошо, да что-то нехорошо, как говорилось в известной сказке Гайдара I. Все ли в капитализме, все ли его частности можно свести к количеству? Все и всё, кроме одного. Кроме самого капитализма, капитализма в целом. По разным причинам. Но прежде всего – по причине неуловимости. Нет такого одного-единственного капиталистического качества, в котором «капитализм предстает как капитализм, и другому – не бывать». В котором капитализм как сивка-бурка – верный конь – отвечал бы на призыв: «Встань передо мной, как лист перед травой». Проблема в том, что появляется сразу несколько коней, друг на друга не похожих. А кроме коней возникают еще какие-то звери и существа и утверждают, что, дескать, они тоже капитализм, не смотри, что кривобоки и колченоги, все равно капитализм, уж извиняйте.

«Они приходят как тысяча масок без лиц», – говорится о саламандрах в романе Карела Чапека. В «романе» о капитализме можно сказать: он приходит во множестве масок и лиц одновременно, и часто трудно понять, где маски, а где лица; более того, что вчера было маской, сегодня оказалось лицом – и наоборот. Капитализм, словно злой дух из «Шахнаме», играет с изучающим его по принципу: «Я здесь и не здесь». Это – главное качество капитализма, которое невозможно выразить цифрами количественно.

Капиталистический Сфинкс загадал XX в. несколько загадок. XX в. их не отгадал и вынужден был – таково условие – отдать свою жизнь капитализму. Капитализм, как мы знаем, пережил XX в. Теперь загадки предложены веку XXI. Речь пойдет об одной из них.

Если сравнить капитализм с докапиталистическими обществами, то возникает следующая картина. До греко-римской античности рабовладельческого общества, т. е. рабовладельческой эксплуатации как системообразующего элемента социума, не существовало. Аналогичным образом дело обстоит с феодализмом. С другой стороны, античное рабовладение не воспроизводило в своих системных рамках стадиально (т. е. логически) и исторически предшествующие ему формы доклассового общества. А феодализм не воспроизводил в своих рамках ни предшествующие ему логически антично-рабовладельческие формы, ни предшествующие ему исторически доклассовые формы.

Капитализм демонстрирует диаметрально противоположное. Во-первых, – и это составляет одну из трудностей его изучения и понимания как особой системы – то, что называют «элементами капитализма», существовало практически во всех докапиталистических системах. Нет ничего такого в капитализме, чего бы экономически до него не существовало, – рынок, товарные отношения, свободный найм. Во-вторых, что еще более важно, капитализм в собственных системных рамках воспроизводил те формы,

которые предшествовали ему как логически, так и исторически, – рабство, крепостничество, докапиталистические формы мелкой собственности на землю. Капитализм либо сам от себя создает эти некапиталистические (докапиталистические по своей сути) формы как собственные функциональные органы, либо превращается в них там, где не находит себе в качестве контрагента наемный труд. Это – поразительная черта капитализма, резко отличающая его от всех других социальных систем: оставаясь по сути капитализмом, он может принимать форму, которая не является капиталистической. Капитализм способен легко расставаться со своей субстанцией, превращать ее в некапиталистическую, сохраняя лишь капиталистическую функцию, дематериализуясь до нее.

Что конкретно означает несовпадение субстанции и функции капитала? В каких формах и почему именно в них оно реализуется? Что вообще и откуда мы знаем об этом? Ответ на эти вопросы предполагает в качестве своего условия хотя бы краткий экскурс в то, что раньше называлось «политэкономией капитализма». Мне больше по душе термин «философия капитализма», тем более что она по сути до сих пор не создана. Или даже «метафизика капитализма». Не в названии дело. Экскурс этот должен быть и историко-проблемным, и проблемно-теоретическим. Кому-то он может показаться сложным. Кому-то – скучным и ненужным. А кому-то – неуместным в силу обращения к гегелевско-марксистской традиции (сейчас больше в чести критик этой традиции К.Поппер).

По поводу сложности. Собственно, почему серьезные вещи должны быть легким? Кто сказал, что понимание серьезных проблем не требует медленного чтения и труда ума и души? Не случайно Гегель в ответ на просьбу Конта изложить суть своих сочинений популярно, в одном томе и по-французски, ответил: «Моя система не излагается ни популярно, ни кратко, ни по-французски». Иными словами, есть вещи, о которых можно сказать только на определенном языке («субстанция», «функция» и т. д.).

Если говорить об увлекательности, о том, что особенно введение и работу, «затравка» не должны быть скучными, а должны завлекать и «вести, но не уводить», то на это я отвечу словами писателя и ученого Умберто Эко из его маргиналий к «Имени Розы»: «Тот, кому предстоит читать книгу, должен сначала войти в ее ритм. Если ему это не под силу – значит, ему не под силу и прочесть книгу. Такова очистительно-испытательная функция первых ста страниц. А кому не нравится – тем хуже для него, значит, ему на гору не влезть. Входить в книгу – это вырабатывать дыхание, наладить шаг, настроиться на заданный ритм. Первые сто страниц играют решающую роль в сотворении читателя» (16).

Я согласен с У. Эко. Правда, в отличие от его книги здесь «чистилище» занимает меньше места. Это – не самая высокая гора. Так, холмик.

Наконец, об уместности обращения к Марксу. Так что же поделаешь, если больше всех о противоречиях капитализма писал этот человек, и написанное им уже давно стало западной или даже буржуазной интеллектуальной традицией? И если именно эта традиция дала сильные антикапиталистические результаты не только на практике, но и в теории? Мне вспоминается выступление Теодора Шанина на международной конференции по аграрно-крестьянским проблемам в июне 1990 г. Он сказал (цитирую по памяти) следующее: «10 лет назад вы, советские ученые, говорили: «Маркс – гений, а Чаянов – дурак». Тогда западные ученые не отдали вам Чаянова. Теперь советские ученые говорят: «Чаянов – гений, Маркс – дурак». И теперь мы, западные ученые, не отдадим вам Маркса».

Шанин, защищая Маркса, совершенно прав: он защищает свою, кровную, западную интеллектуальную традицию от варваров, которым все равно, кто – враг, кого приносить в ритуальную жертву, главное – приносить; главное – образ врага, ритуал. Суть – дело десятое. Смена вех.

Марксизм – составная часть идейной и интеллектуальной традиции Запада, капиталистического общества. Он – элемент треугольника «консерватизм – либерализм – социализм (марксизм)». До тех пор пока будут существовать западная цивилизация и капитализм, будет существовать и марксизм, если не как идеология, то как интеллектуальная традиция. Большинство интеллектуальных прорывов в социальной мысли XX в. так или

иначе связано с марксизмом. От этого никуда не уйти, даже если очень хочется. Дав в свое время неплохие (для того времени) результаты в анализе капитализма, марксизм как антикапиталистическая теория, методологически – по части анализа некапиталистических форм – не только не уступает иным интеллектуальным традициям, но и превосходит их. Более того, анализ с помощью марксистской интеллектуальной традиции антикапиталистических и вообще некапиталистических форм, включая сам марксизм как идеологию и практику, позволяет понять в этих формах то, что либеральные схемы неспособны объяснить в силу своей капиталоцентричности. Помимо прочего, эти процедуры способствуют вытеснению идеологического содержания из марксистской традиции. Я думаю, это вообще единственно возможный путь борьбы с марксизмом в частности и с идеологией вообще. Только либеральная интеллектуальная традиция способна окончательно подорвать либерализм как идеологию; только консервативная – консерватизм. Таким образом, окончательная, положительная деидеологизация современного знания и мира требует, во-первых, обособления интеллектуальных традиций от идеологии; во-вторых, объединения этих традиций на единой основе, которая будет лежать вне каждой из указанных идеологий и в то же время не будет чуждой их традициям мысли, напротив, будет общей и объединит их. Создание такой идеологии, которое и есть задача «номер один» Севера в противостоянии Югу, биосфере и самому себе, становится необходимым условием побед в XXI в. Для Севера я называю такую «идеологию» (или «комплекс практических идей», хорош и термин А.Зиновьева «практическая идеология» – см. 4) оксидентализмом. Структура ее мне в целом ясна, но это не тема данной работы.

Пожалуй, первым, кто обратил внимание на несовпадение субстанции и функции капитала, был Гегель. Как заметил В.Крылов, Гегель исследовал эту проблему социальной ткани капитализма как сугубо логическую. Маркс перевел анализ на уровень социально-экономических процессов. Однако, поскольку его самого интересовал прежде всего капитал-субстанция, почти все, связанное с функцией и ее несовпадением с субстанцией, стало либо побочным в основных текстах, либо осталось в черновиках, в получерновиках, в подготовительных работах. Хотя все это опубликовано и логика Маркса совершенно ясна.

Макс Вебер, в противоположность Марксу, интересовался прежде всего функцией капитала (государство, бюрократия), а не ее соотношением с субстанцией (производство, собственность). Значительно ближе к сути подошел его брат – Альфред Вебер, но его интересовал только философский аспект проблемы. В самой марксистской традиции рубежа XIX–XX вв. анализ несовпадения субстанции и функции капитала пресекся. Сциентист и по сути позитивист Энгельс, похоже, эту проблематику вообще не улавливал. Плеханов и Каутский – мыслители жестко заданных одноплоскостных координат – тем более.

Отчасти к проблеме несовпадения субстанции и функции капитала вышла Роза Люксембург. Отчасти – Ленин. Но Ленин к этой проблеме обратился интуитивно, как практик, как политик: сначала порвав с меньшевиками (и в их лице – с социал-демократической традицией), а затем создав «партию нового типа» и заложив после большевистского переворота фундамент властной организации коммунизма (практическое руководство по овладению функциями и формами капитала, оторванными от субстанции и содержания, – «Государство и революция»). И у Сталина можно найти мысли по сути об интересующем нас несовпадении, но на уровне фрейдовских приговорок о практике «строительства коммунизма». Однако в целом и Сталин, и коммунисты, и социал-демократы, и либералы не желали видеть несовпадение субстанции и функции в качестве системообразующего противоречия капитализма. Они чувствовали (и правильно), что признание этого ставит под сомнение линейно-универсалистские выводы относительно будущего и вытекающие из них политические рекомендации относительно настоящего. Ведь несовпадение субстанции и функции придавало самой универсальности истории и мира имманентно неоднородный, как минимум «двухсоставный», характер. Ну а с линейным прогрессом признание несовпадения делало то же, что с традиционной геометрией

геометрия Лобачевского.

Аналогичное положение складывалось и в либеральной традиции. Неудивительно поэтому, что если проблема соотношения субстанции и функции капитала и появлялась, то происходило это случайно, по ходу решения других проблем (как у Й.Шумпетера, К.Поланьи, Х.Зедльмайера) или чисто эмпирически (И.Валлерстайн).

Косвенным путем и не осознавая этого, к проблеме несовпадения функции и субстанции капитала на своем материале и под углом своих интересов вышли некоторые представители, условно говоря, либерально-консервативной и консервативной традиций; А.Хомяков, А.Герцен, К.Леонтьев, Н.Данилевский, О.Шпенглер, в меньшей степени А.Тойнби. Но у них не было языка, адекватного современному им капитализму, на котором можно было бы сформулировать эту проблему и даже узнать о ее существовании.

В советской науке проблема несовпадения субстанции и функции капитала мелькнула в методологических спорах в ходе дискуссий об «азиатском» способе производства. В период позднего коммунизма, точнее в 70–80-е годы, над несовпадением субстанции и функции капитала как теоретической проблемой много и плодотворно работал В.Крылов. Однако его верная теоретическая позиция находила выражение в таких формах, которые иногда внешне совпадали с официальной пропагандой. А потому казались малопривлекательными, особенно для вульгарно-либерального сегмента советской науки, смыкавшегося в своем восприятии проблемы с вульгарными марксистами. Неудивительно: abyssus abyssum invocat («бездна бездну призывает»). Конкретным проявлением несовпадения субстанции и функции на периферии капиталистического мира – многоукладностью – много и плодотворно занимался В.Растянников.

Ныне, когда не только марксистская теория, но и теоретическая мысль вообще не в почете и под подозрением, когда нашу элиту все больше захлестывает философия «субъективного материализма» (выражение, услышанное от Н.Разумовича), которому не личит ни объективное, ни идеальное, когда капитализм становится социокультурным фетишем, а рыночная экономика – ценностью, едва ли приходится ожидать интереса к противоречиям капитализма. Ведь анализ противоречий любой системы – это по сути исследование ее «воли к смерти». Не похоже, что мейнстрим нынешней российской науки может заинтересовать вопрос о смерти капитализма или даже о его противоречиях. Похоже, главное «противоречие» капитализма усматривается лишь в одном: он еще не пришел в Россию. А что если он уже приходил и ушел неузнанным? Не хочется верить? Ну тогда давайте поразмышляем о функции и субстанции.

VI

У каждой общественной системы есть ее социальное тело, субстанция, обладающая некими функциями. У каждой такой системы есть некое социальное содержание, проявляющееся в неких формах. Все это очевидно и довольно тривиально, как и факт противоречий между субстанцией и функцией, содержанием и формой. Чем примитивнее социальная система, тем более простыми и менее острыми являются ее противоречия. В любой социальной системе субстанция – это производство в узком (действительный процесс производства, т. е. присвоение природы) смысле. Отношения, складывающиеся в процессе производства и по поводу его, суть производственные функции.

Таким образом, противоречие между субстанцией и функцией – это, если пользоваться языком Маркса, прежде всего противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Когда первые перерастают уровень вторых, считал Маркс, происходит революция и смена социальной системы (формации). Последний вывод, по-видимому, – заблуждение. В истории не было ни одного общества, стартовавшего с уровня производительных сил, более высокого, чем в предшествующей системе. Уровень развития производства раннефеодального общества был ниже такового поздней античности; раннекапиталистическая мануфактура уступала по производительности цехам позднего

средневековья. Так ведь и первые автомобили уступали в скорости лошадям. Это – закономерно. Прогрессивное развитие систем (разумеется, прогресс – не единственная и не доминирующая форма развития) идет прежде всего не по линии «субстанции», вещества, а по линии функции (их дифференциации, индивидуализации, усложнения), по линии повышения энергоинформационного потенциала при той же или уменьшившейся массе вещества. Чем реально первый автомобиль превосходит лошадь, а первая капиталистическая мануфактура – цех мастеров? Конструкцией, в которой помимо прочего заложен значительно больший потенциал развития, чем у блестящего оппонента, принципом организации, в случае с обществом – организации социальной.

Речь, таким образом, идет либо о социальной организации вообще, либо о социальной организации производства. Следовательно, скорее производственные отношения перерастают производительные силы. Здесь есть нюанс, который я до поры оставлю без внимания. На данный момент главное в том, что производственные отношения суть социальная функция производства, на которую последнее, однако, может в зависимости от своей специфики накладывать мощный субстанциональный отпечаток, а также в том, что не обострение противоречия между субстанцией и функцией, производительными силами и производственными отношениями приводит социальные системы к гибели, а, напротив, притупление, затухание, выработанность этого противоречия. Вопреки Марксу, отождествившему внутриформационные сдвиги с межформационными и судившему о вторых по первым, система старится и умирает тогда, когда реализует свою социогенетическую программу, когда решает свое центральное, системообразующее противоречие, когда приходит к социальному пату. Или цугцвангу. При этом пат возникает не только потому, что противоречие снято, решено, но и потому, что средства и способ решения соответствуют данной системе и не могут вывести общество за ее рамки.

В этом смысле решение, снятие своего системообразующего противоречия любой системой всегда негативно. К тому же на это решение у системы уходят все ее потенции, после чего она просто обездвижена, хотя событийно ее развитие может выглядеть очень бурно. Новая система, чтобы состояться, возникнуть, должна решить центральное противоречие старой системы между субстанцией и функцией, но иначе, по-новому, т. е. сделать его исходным, несистемным пунктом своего системного развития. Поскольку материальных ресурсов у новой системы всегда меньше, чем у старой (по принципу: «сын донашивает за отцом» – по крайней мере пока сам не заработает), ее решения выглядят внешне примитивными, она начинает с низкого старта. У нее только одно преимущество: новая конструкция социальной организации, в которой функциональные аспекты играют большую роль, чем в организации прежней системы. Проявляется она всегда в более жестком, чем прежде, социальном контроле.

Все, о чем шла речь, характерно и для капитализма. Но здесь противоречие между субстанцией и функцией на несколько порядков в геометрической профессии выше, чем в «докапитализмах». Острота эта такова, что субстанция и функция не совпадают друг с другом, взаимообособлены и автономны. Субстанция, как и функция, выступает не в одной, а в некоторых формах, и формы эти, типы организации тоже не совпадают друг с другом. Причина этого – сам капитал, его природа. Это несовпадение субстанции и функции есть единственно возможный принцип самовыдвижения капитала, способ саморазвития капитализма. Несовпадение субстанции и функции создавало принципиальную возможность их отрыва друг от друга. Возможность эта многократно усилена тем, что несовпадение субстанции и функции, их обособление друг от друга фиксируются при капитализме институционно.

Можно было бы начать объяснение причин несовпадения с экскурса в докапиталистическое прошлое. Но такой экскурс, интересный и важный сам по себе, увел бы нас далеко от главной темы (подр. см. 15). Поэтому примем то, о чем я сказал, как данность и обратимся к самому капиталу в таком виде, в каком он логически возник, «отрекшись от старого мира».

Капитал есть овеществленный труд. Иными словами – переделанная трудом природа, нечто такое, в чем трудовой субстрат господствует над природным. В качестве общественного отношения капитал возникает по поводу неких объектов, в которых трудовой, искусственный субстрат господствует над природным (земельная собственность в капиталистическом обществе становится капиталистическим отношением, поскольку основана на капитале как господствующей форме данного общества).

Системообразующие производственные отношения капиталистического общества носят экономический характер. Разумеется, и сам капитализм, и эти отношения возникают внеэкономически, из внеэкономических производственных отношений, – капиталистическому накоплению, экономическому по своей сути, предшествует внеэкономическое первоначальное накопление. Иначе и быть не может: ни одна система не возникает в соответствии с законами собственного функционирования; ее основа – всегда несистемна, антисистемна; порядок возникает из хаоса. Генезис системы всегда нтисистемен и потому – загадка для возникшей системы. Ни одна система не может понять своего рождения. Гёдель как-то заметил, что ни одна система не может себя понять полностью. В немалой степени – из-за проблем с пониманием собственного рождения. Вообще возникновение качественно новых систем – будь то Вселенная, жизнь, человек, капитализм – это камень преткновения для современной науки, аналитико-редукционистской и системно-, а не субъекто-центричной.

Однако, возникнув, капитализм функционирует как система экономических производственных отношений, где владелец капитала, в отличие от феодала и рабовладельца, не принуждает людей к труду, а покупает рабочую силу. Это значит, что при капитализме обмен не только становится формой производственного отношения, но и входит в его ткань. Если, например, при феодализме и производство, и эксплуатация противостоят обмену, то капитал – это единство производства, эксплуатации и обмена. Причем обмен при капитализме есть и элемент совокупного процесса общественного производства, и форма, в которой реализуется эксплуатация.

Не случайно именно обмен, мировой рынок становится основой капиталистического производства. Это – не торжество обмена над производством – подобный вывод был бы справедлив при взгляде на капитализм только с позиции «докапитализма». Если же подходить к капитализму с его собственной мерой, то обмен и производство противостоят друг другу лишь в определенной фазе общественного процесса, в целом же капитализм снимает противоречие между ними. Обмен при капитализме – это не просто и не только обмен, но и производственное отношение, функционально, превращающее в стоимость то, что субстанционально в качестве стоимости создается лишь производительным капиталом. Короче, обмен выступает одновременно и основой производства, чего не было ни в одной докапиталистической системе, и ее специфическим функциональным органом, чего до капитализма тоже не было. При этом происходит максимальная функционализация и производственных отношений.

С капитализмом социальная функция становится таковой в строгом смысле этого слова, порывая с субстанцией, «выныривая» из нее и утрачивая субстанциональные, материальные, природные характеристики, а потому не только функционализируется, но и социализируется. Процесс производства становится социальным не только по содержанию, но и по форме. Чем функциональнее и социальнее производственные отношения, тем мощнее они подстегивают развитие производительных сил, тем быстрее его темп.

Капитализм, благодаря функциональности своих производственных отношений, в этом отношении побил все рекорды. Например, производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, т. е. превращение его полностью или частично в «говорящее орудие», в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциональный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природы. В этом смысле

докапиталистические общества (и чем древнее, тем в большей степени) «сконструированы» и функционирует так, чтобы свести к минимуму какую-либо функцию, кроме той, что растворена, погружена в субстанции и если и «выныривает» из нее, то редко, невысоко и ненадолго. Капитализм, напротив, стартует с полной функционализации производственных отношений. Это – его начало. Логическим концом капитализма должна быть (и может быть) только полная функционализация производительных сил. Это соответствует функционализации как макрозакону развития капитализма.

Обмен при капитализме становится полем деятельности производственных отношений, а потому эти последние – вместе с обменом – могут существовать обособленно от собственного капиталистического производства (индустриального), от капитала как субстанции, капитала как особого исторического содержания, т. е. от действительного процесса производства (индустриального) и от капитала как собственности на овеществленный труд. В таком своем виде производственные отношения капитализма охватывают весь мир. Или, как писал В.Крылов, капитализм является мировой системой как система производственных отношений; но как особая историческая система производства – индустриальная – капитализм выступает как локальная западноевропейская, а затем – региональная североатлантическая система.

Это так – по целому ряду причин: во-первых, капитализм возникает как рекомбинация продуктов разложения феодализма в Западной Европе, т. е. только в этой исторической зоне; во-вторых, длительное время полномасштабная и полноценная индустриализация сознательно ограничивалась в центре капиталистической системы в соответствии с монопольными интересами самого центра, хотя сам этот центр пространственно расширялся, индустриализация на полупериферии и периферии долго была следствием упадка гегемонии, войн и т. д.; в-третьих, далеко не везде можно разместить промышленность и тем более создать экономическую и социальную инфраструктуру.

Короче, то, что капитализм как совокупный процесс общественного производства есть мировое явление, а как действительный процесс производства – по преимуществу явление локальное, региональное, представляет собой одно из проявлений несовпадения субстанции и функции капитала. И реализуется это несовпадение здесь двояко – как в социальном времени (по линиям: производительные силы – производственные отношения, производство – обмен), так и в социальном пространстве (мировой уровень, мир в целом как поле действия производственных отношений – локально-региональный уровень как поле действия индустриального производства).

Способность капиталистических производственных отношений действовать за рамками «своего» производства, вне их – ситуация невозможная ни для феодализма, ни для рабовладения. В последних случаях были возможны лишь чисто внешние, даннические формы отношений и эксплуатации, не превращавшие объект эксплуатации функционально ни в рабовладельчески, ни в феодально эксплуатируемый. Способность, о которой идет речь позволяла капиталистическим производственным отношениям как мировому, универсальному обмену, поле которого – мировой рынок, превращать – функционально – в товар (придавая капиталистический характер) любые объекты, попадающие на этот рынок, независимо от того, произведены они индустриальным или ручным способом, в капиталистическом обществе или где-нибудь на племенной периферии арабского или африканского мира. Что еще более важно, систематическая эксплуатация капиталом таких некапиталистических форм автоматически становится капиталистической по функции. Возникающая капиталистическая эксплуатация без капиталистического способа производства есть еще одно проявление несовпадения субстанции и функции капитала, способность последней как «энергии» существовать автономно от «материи», «вещества».

Но функциональная капитализация мира не останавливается на уровне эксплуатации, а потому несовпадение субстанции и функции капитала обретает и другие формы. Она идет глубже – на уровень отношений собственности и социально-экономических систем. Парадокс в том, что к концу XIX в. Капиталистическая Система пришла с большим

количеством некапиталистических (докапиталистических) укладов, чем их было, например, в конце XVI или в конце XVII в.! По идее капитализм должен был уничтожать докапиталистические формы, а вышло наоборот, он их умножил. Иными словами, капитализм не реализовал, не смог реализовать себя в качестве глобальной, единой социально однородной мировой капиталистической системы (формации, если пользоваться марксистским термином). Ну а в начале XX в. эту неоднородность усугубил коммунизм. Глобальной качественно однородной капиталистической формации не получилось.

Разумеется, сохранение каких-то не- и докапиталистических структур можно отчасти списать на сопротивление местных обществ, на неспособность капитала проглотить и переварить огромные пространственные и демографические массивы. Но это так только отчасти. Потому что целый ряд структур капитализм мог уничтожить, но не уничтожил. Исторически капитализм, как правило, уничтожал только те докапиталистические формы, которые, будучи доклассовыми, не могли обеспечить минимально необходимого (для старта капиталистического типа эксплуатации) уровня прибавочного продукта. Персонификаторы таких форм либо сгонялись с их земель, либо уничтожались. Но – внимание! – на их месте капитал уже от себя создает опять же докапиталистические по своему социальному содержанию уклады – плантационное рабство, латифундии, мелкую собственность в белых поселенческих колониях XVII–XVIII вв., еще не ставшую буржуазной, но такую, которой в данной местности до капитализма не было.

Перед нами – воспроизводство некапиталистических форм на капиталистической основе в целях самого капитала там, где он не может производить стоимость, выступая в качестве производительного капитала, а способен лишь присваивать ее. Заметим это: капитализм в своих интересах может создавать некапиталистические формы или даже превращаться в них. Это – принцип его существования. Это «буржуазное происхождение небуржуазных форм» (Маркс), «капиталистическая отсебятина», и есть реализация несовпадения субстанции и функции не только по линии производства, но и по линии собственности.

Лишь в действительном процессе труда как главной фазе совокупного процесса производства капиталу, который функционирует в виде производительного, принадлежат непосредственно все прочие факторы труда, а не только овеществленный труд. Как только процесс труда кончается, «вне активно осуществляющегося процесса производства капитал уже не покрывает собой все элементы и факторы совокупного процесса производства» (6, с. 3). Действительно, природные факторы принадлежат землевладельцам (частным или государству), рабочая сила – наемным работникам, социальные факторы производства – тем, кто организует разделение и комбинацию труда, а именно государству в лице бюрократии; духовные факторы производства принадлежат особым корпорациям в виде институтов, университетов. Таким образом, вне действительного процесса труда, т. е. как совокупный процесс производства, система отношений капиталистической собственности оказывается шире, чем капитал сам по себе, хотя он и конституирует всю эту систему элементов (6, с. 4).

Ясно, что в капиталистической системе (взятой как мировой) именно на периферии и полупериферии, в зоне концентрации доиндустриальных и раннеиндустриальных форм производства будут концентрироваться и приобретать автономию – вплоть до внешне полного отсутствия связей с капиталом – те отношения капиталистической собственности, которые не суть непосредственно капитал: государственная собственность, земельная рента (что, разумеется, не означает отсутствия этих форм собственности в центре). Перед нами – авторедукция капитала по субстанции, по содержанию в докапиталистические формы, во внеэкономические отношения в колониальных и полуколониальных странах при сохранении им капиталистической функции.

Наличие в мировой капиталистической системе созданных или законсервированных капиталом некапиталистических укладов как проявление несовпадения субстанции и функции капитала очень; важно для темы «капитализм и коммунизм». Особенно важно подчеркнуть сохранение некапиталистического содержания целостностям, которым – из-за

их территориально-демографической массы – капитал не может предложить положительных решений (и которые ему бы обходить по принципу «не буди лиха, пока оно тихо», будь то начало или конец XX в.), и это усиливается наличие определенных форм организации власти, противостоящих капиталу и капиталистической системе в той или иной форме.

Здесь мы подходим к самому важному с точки зрения нашей темы аспекту несовпадения субстанции и функции в капиталистической системе – несовпадению власти (государство) и собственности (капитал), форм их управления, организации. То, что управление политической администрацией, с одной стороны, и бизнесом, с другой стороны, – разные и в истории капитализма удаляющиеся друг от друга сферы, очевидно. В западной науке эта управленческая дивергенция называется «законом Лэйна». Однако это – эмпирическая констанция, фиксирующая реальность как «черный ящик», но не объясняющая ее. Почему в принципе при капитализме власть и собственность обособлены друг от друга, причем власть (государство) обретает такую автономию, что создает «параллельный» капиталистам класс или слой – бюрократию, а параллельно международной экономике, т. е. международной организации капиталов, – международную организацию государств? Рождение последней в 1648 г. (Вестфальский мир), завершившее «Великую капиталистическую революцию» 1517–1648 гг., можно смело считать моментом окончательного появления капитализма на свет, концом его генезиса, моментом перерезания исторической пуповины. Подрыв международной («вестфальской») организации государств неизбежно станет началом конца капитализма.

Так почему же капитал «бьет с обеих ног»? Почему феодал и рабовладелец воплощают единство власти и собственности, а капиталист выносит свое властное измерение за рамки производства и собственности и воплощает его в бюрократе, в государстве, да так, что государство, бюрократия начинают противостоять обществу в целом? Резонно возникает и следующий вопрос: что же, до капитализма не было ни государства, ни бюрократии, ни политики? Здесь нет места на историко-теоретический экскурс в науку о власти, которую я предпочитаю называть не политологией, а кратологией. Это особая тема. Ограничусь лишь несколькими замечаниями. Разумеется, аппараты управления существуют во всех мало-мальски сложных системах власти, иногда разрастаясь до империи. Но аппарат – это позвоночник. По нему нельзя сказать ни о социальной природе власти, ни об историческом типе ее организации. Чиновник – везде и всегда чиновник. Но чиновник – далеко не везде и не всегда бюрократ. Рыба, крокодил и тигр – позвоночные, но они принадлежат к различным классам. То, что мы называем «государством» при капитализме, выполняло принципиально иные функции в докапиталистических обществах. В свою очередь, аппарат власти при капитализме начал выполнять такие функции, которые не существовали и в которых не было нужды до капитализма. Не случайно сам термин «государство» в том смысле, в котором мы употребляем его ныне, вошел в обиход в XVI в., а запущен был, по-видимому, Макиавелли («lo stato») в конце XV в. Почему же не раньше?

VII

В докапиталистических системах социальное насилие встроено в производственные отношения – внеэкономические. Отчуждение воли раба, крепостного, низведение из до природных объектов дано в самих отношениях производства, которые, следовательно, субстанциональны, как и само производство. Эксплуататор выступает по отношению к эксплуатируемому как носитель власти и собственности одновременно, в их нерасчлененном виде или в таком виде, когда наметившаяся расчлененность не зафиксирована институционально и ценностно. Следовательно, в докапиталистических системах эксплуататор выступает прежде всего как угнетатель, и угнетение гарантируется на уровне организации самого производства. Поэтому здесь нет необходимости обособления социального насилия от сферы отношений производства и превращения его в особый институт, противостоящий обществу.

Производственные отношения капитализма носят экономический характер обмена одного товара – овеществленного труда, на другой – рабочую силу и как таковые охватываются рынком. Но остается целый пласт отношений – неэкономических и непроизводственных, которые рынком не охватываются и не регулируются. В результате перед капитализмом – и вообще впервые и истории – возникла проблема систематической регуляции неэкономических и непроизводственных отношений индивидов, которые в процессе производства выступали лишь в качестве экономических агентов. Для этого-то и понадобился особый орган социального насилия (или, более мягко, принуждения), вынесенный за рамки производственных отношений. Органом этим стало государство. Его появление отразило тот факт, что выделение экономических отношений из производственных, сжатие производственных отношений до экономических означало по сути разделение единого комплекса на экономические и политические отношения. Homo politicus родился одновременно с Homo oeconomicus. Исторически государство как «lo stato» «новых монархий», которые стали появляться в Западной Европе во второй половине XV в. и которые современники сразу же противопоставили традиционным средневековым монархиям, было таким же результатом разложения феодализма, как и капитал. Они были как бы параллельны друг другу. Со временем эти два продукта социального разложения установили между собой тесную связь. Государство логически явилось социальной (т. е. политической) функцией капитала, хотя исторически вовсе не было порождено им.

Государство становится внутренней логической, а не просто внешней, выполняемой в силу исторических обстоятельств функцией капитала. Все это говорит о том, что с термином «государство», как и со многими другими терминами, следует обращаться аккуратнее. «Определяйте значение слов», – говорил Декарт. Один и тот же термин не может определять диаметрально противоположные явления. К тому же расширительное употребление термина «государство» методологически означает: государство везде и государство всегда. Но это методологически же означает: нигде и никогда. Термин ломается и становится бесполезным.

По сути единственное логическое, историко-системное основание государства в строгом смысле этого слова – бытие качестве функции капитала. Именно это качество придает государству устойчивость и автономию. Эти черты отличают его от властных организаций докапиталистического типа, империй прошлого. Как только экономика этих империй рушилась или вступала в кризис, рушились и сами империи. За 500 лет истории капиталистического мира никакие экономические кризисы и катастрофы – упадки экономической мощи – не привели к падению, исчезновению какого-либо капиталистического государства. Последнее, будучи функцией, оказывается малоуязвимым для потрясений на уровне субстанции. В отличие от этого, властные организации докапиталистических эпох, даже такие сложные и разветвленные, как Римская империя, были погружены в субстанцию производства, его социальной организации. Гибель таких организаций производства становилась гибелью организаций власти. Это – характерная черта не только «докапитализма», но и любых некапиталистических структур. Пример коммунизма – подтверждение тому.

С XVIII в. политические формы и функции капитала начали распространяться в мире. Ими начали пользоваться и овладевать, создавая определенные структуры и там, где капиталистическая субстанция была слабой или почти нулевой. Короче, в капиталистической системе возникают такие формы организации власти (политика, государство), которые в принципе функционируют относительно независимо от капиталистического содержания, которые можно создавать автономно от этого содержания – достаточно стать участником межгосударственной системы. Значит, такие структуры, как современное государство, армия, полиция, управление коммуникациями и финансами, можно создавать по образу и подобию капиталистических. И они будут функционировать, имея в качестве своей основы не национальное капиталистическое производство, а на основе мировой государственной, политической, военной, финансовой, и т. д. структуры, как их элемент, опирающийся посредством этих структур на капиталистическое производство центра системы, на нее в

целом. Иными словами, в отличие от докапиталистических систем, формы организации власти в системе – мировой – капитализма стали универсальными и автономными, зажили собственной, автономной от – капиталистического – производства жизнью.

Капитализм, таким образом, существует как одна субстанция со многими функциями – энергетическими и информационными, социальными и духовными, автономными от нее вплоть до институционального оформления. Капитализм стремится все в себе оформить институционально, это его закон как функции. Капитализм – не только социальное тело, но и дух этого тела, существующий отдельно от него. Это – нечто вроде Троицы, где субстанция – это Бог-Отец, функция – Бог-Сын, а Святой Дух – это их единство; причем Дух этот – капиталистичность – исходит и от Бога-Отца (субстанции), и от Бога-Сына (функции). И от Бога-Сына даже более, чем от Бога-Отца. То есть не просто filioque, а главным образом – filioque. Короче, капитализм – это явно не православная тринитарность. Тринитарность по-православному означала бы для капитализма смерть, точнее, она просто не выпустила бы Запад из феодального, средневекового состояния. Быть может, русский дух действительно несовместим с капитализмом? Совместим. Но специфически – негативно.

Нематериальные функции и организации непроизводственной сферы, существующие обособленно от капитализма и обладающие собственной логикой и динамикой, которая характеризует их уже не только и не столько как социальные логические функции капитала, но и как самостоятельное, социально самообслуживающее содержание, не ограничиваются государством и политикой. Сюда же относятся наука и идеология. Мировой (а не локально-региональный) масштаб деятельности либерализма и особенно марксизма в период между 1850-ми – 1970-ми годами, мировой (а не локально-региональный) характер современной науки лишний раз свидетельствуют об автономии социальной и духовной функций капитала и институтов этих функций по отношению к капиталу и его «субстанциональным» институтам.

Степень этой автономии, как мы увидим, различна – вплоть до отрыва функции от субстанции и ее борьбы с последующим уничтожением субстанции в «одной, отдельно взятой стране» и построением там «развитого функционализма». Когда-то К.Леонтьев сказал, что чехи – это орудие, которое славяне отбили у немцев и против немцев же обратили. Значит, коммунизм похож на чехов (хотя им такое сравнение вряд ли понравится, они очень «субстанциональный» народ). Коммунизм – функция капитала, которую прежде всего славяне, точнее – русские, а за ними китайцы и т. д. отбили у капитала и против него же обратили. Но главное заключается в том, что у капитала есть такая функция, которую можно отбить, оторвав от него. Причем оторвать может почти кто угодно, почти независимо от уровня социального развития. Как там у Н.Заболоцкого, «людоед у джентльмена неприличное отгрыз»! Вот эта возможность оторвать, «отгрызть» функцию у капитала в мировой системе капитализма и есть одновременно источник коммунизма и ключ к нему: коммунизм – как «неприличное» (но крайне важное – жизнетворное), «отгрызенное» у капитала. Ясно, однако, что дело не в самом коммунизме, а в капитализме. Поди попробуй, «отгрызи» у рабовладения (или феодализма). Не получится. В лучшем случае сам станешь рабовладельцем. В худшем – рудники Лавриона или арена цирка и опущенные вниз большие пальцы зрителей. С капитализмом – по-другому. Что же он такой слабый, хилый, добренький, что у него можно отнимать функцию в виде государства, идеологии, науки, а потом ими же шарашить его как кистенем Истории? Отнюдь нет. На определенной стадии развития капитализму для его нормального функционирования становится нужен негативный противовес, который не из чего создать, кроме как из ребра-функции самого капитала. Так что джентльмен испытывает потребность в людоеде. Конечно, это опасная игра: людоед может быть «ласковым и нежным зверем» Пятницей; а может и таким, как император Бокасса. Но игра эта вытекает из логики, законов и потребностей капитализма, из несовпадения его субстанции и функции. К тому же капитализм – это вообще самая опасная (в также самая увлекательная, скоростная и прибыльная) за всю историю игра западного общества с Природой и другими обществами. Коммунизм – один из результатов этой игры:

какой счет; сколько до финального свистка?

VIII

Подведем некоторые итоги. Капитализм стал властелином мира потому, что, обладая особым типом производительных сил и их организации (как технической, так и социальной), смог вынести производственные отношения за рамки системно-адекватного ему производства, функционально превратив их в обмен. Иными словами, впервые за всю человеческую историю некая социальная система обособила свои субстанциональный и функциональный аспекты, сделав это несовпадение центральным системообразующим противоречием. В результате капитализм обрел способность капиталистической эксплуатации даже некапиталистических форм, что резко ускорило темпы его развития и накопления им богатств. Более того, капитализм получил возможность создавать некапиталистические формы там, где их прежде не было, или самому трансформироваться в такие формы, утрачивая капиталистическую субстанцию, но полностью сохраняя капиталистическую функцию. Для подчинения мира капитализму не надо было везде создавать промышленность и плодить пролетариев. Достаточно было подключения местных структур к мировому рынку, который одновременно был и мировым полем производственных отношений.

Капитализм не реализовывал себя как одна глобальная формация или как один всеохватывающий глобальный способ производства. Он реализовывал себя как множество различных укладов, группирующихся вокруг капиталистического уклада и развивающихся по его законам. Такая самореализация таила в себе как плюсы, так и минусы. Например, позволяла увеличивать прибыль за счет перепада уровня эксплуатации и оплаты труда в различных укладах. Но из этого следует: полная глобализация капитализма, т. е. охват им мира не только по линии обмена, производственных отношений, но и по линии производства, будет автоматически означать конец капитализма в его нынешнем виде, его «тепловую смерть», ибо он станет невыгоден как способ бесконечного накопления капиталов. Но это должно означать и конец единой мировой системы: «миров» будет столько, сколько государств, регионов и т. д. Поэтому вместо глобального капитализма и существует многоукладная мировая система.

Поскольку несовпадение субстанции и функции, данное в самом капитале, т. е. локально (регионально), реализуется внелокально и внерегионально, в мировом масштабе и требует для себя мира в качестве поля действия, капитализм как система может быть только мировым. Пока налицо противоречие между субстанцией и функцией капитала, капитализм не может существовать иначе, как мировая система. Ослабление этого системообразующего противоречия ставит капитализм под угрозу, угрожает ему как системе распадом – социальным и пространственным. Но имеется и обратная связь. Мировой масштаб действия, «мир-системность» – это условие бытия капитализма. Распад мировой системы капитализма или хотя бы поначалу макрорегионализация мира (которая уже просматривается довольно отчетливо), решая краткосрочные задачи капиталистического накопления, в среднесрочной перспективе пространственно ограничивает поле реализации главного противоречия – и главного мотора – капитализма, а следовательно, ставит под угрозу его существование.

Создавая, консервируя или просто эксплуатируя некапиталистические уклады, капитал далеко не всегда способен контролировать их политически и нейтрализовать нежелательные для него социальные и политические эффекты из развития как функций капитала, реакцию местных структур на капитал как субстанцию и функцию. Неспособность эта является как военно-политической, так и финансово-экономической по характеру. Например, установление политического контроля над Индией, превращение ее в колонию к середине XIX в. легло столь тяжелым бременем на Великобританию, что она уже не могла позволить себе колониальный захват Китая – ни в одиночку, ни в компании с другими западными державами. Все свелось к полуколониальному статусу Китая и контролю Запада над

«договорными портами» и узкой прибрежной полосой. Разумеется, установлению контроля препятствовало, помимо размеров страны и ее демографической массы, наличие власти – имперской организации. Что же тогда говорить о такой стране, как, например, Россия XVIII – первой половины XIX в., с ее самодержавно-некапиталистическим строем и сильной современной армией?

Таким образом, экономически эксплуатируя весь мир, капитализм оставляет при этом вне своего политического контроля целые зоны, где он не может ни направлять как следует развитие вызванных им же к жизни или просто используемых для эксплуатации форм, ни противостоять реакциям на эти процессы местного населения. Чем большую территорию охватывает экономически капитализм, тем острее для него эта проблема, тем тяжелее для него это бремя. От бремени можно было бы избавиться путем производственной капитализации включенных в мировой рынок регионов и областей, но этого капитализм сделать и не может, и не хочет. Иными словами, положительного, содержательного капиталистического решения капитал предложить в данном случае не способен.

Но в то же время он не может себе позволить оставить эти области и без всякого контроля. Если в начале XIX в. данная проблема не была столь острой для капитализма, то в начале XX в., когда мир функционально полностью охвачен капиталом, основой которого был уже зрелый промышленный строй, она резко обострилась. Это была оборотная сторона всепроникновения функции капитала, счет, предъявленный капитализму миром (и капитализмом – самому себе) за обладание этим ценным качеством.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в рамках мировой капиталистической системы обозначилась целая зона, проблемы которой мировая капиталистическая система, их и породившая, не могла решить положительно и безболезненно. Формы организации власти в этой зоне не справлялись ни с внутренними проблемами, ни с теми, что были порождены воздействием капитализма, т. е. были неэффективны с точки зрения как включения в мировую систему, так и выключения из нее.

Для капитализма логическим решением проблемы утилизации/неутилизации определенных зон могло бы стать выпадение их из его мировой системы, организация и наведение там порядка на новых, современных, пусть и некапиталистических основах. Но таковые в мировой системе капитализма могли быть только антикапиталистическими. Иными словами, на определенном этапе развития капиталистической системы в ней объективно возникает не просто возможность возникновения антикапиталистической зоны, но даже спрос на нее, потребность в ней, в том, чтобы она непроизводственным и пусть некапиталистическим путем решила для капитала проблемы, которые он сам не мог решить при данной форме организации самого капиталистического производства.

Если несовпадение субстанции и функции капитала по линии производительных сил и производственных отношений породило возможность существования антикапиталистической зоны, потребность в ней и даже примерно очертило ее контуры, то другое проявление этого несовпадения – между властью и собственностью – предоставило социосистемные средства для реального возникновения такой зоны.

IX

Автономно-обособленное существование властных государственно-политических форм, создание или овладение которыми не требовало капитала-субстанции в качестве необходимого условия, означало возможность использования их как форм организации любыми социальными группами в мире, Эти группы могли применить их против кого угодно – против других групп, всего народа, против самого капитализма. Этот капитал-субстанцию можно использовать только положительно по отношению к капитализму. Капитал-функцию, будь то государственно-политическая или идеологическая (например, марксизм), ее формы, можно использовать и положительно, и отрицательно. Следовательно, капитализм как мировая система, расплачиваясь за неспособность положительно производственно и

политически освоить мир, который он на рубеже XIX–XX вв. охватил как система производственных отношений и обмена, не только выработал потребность в некапиталистической/антикапиталистической зоне, но и выковал средства удовлетворения этой потребности. И потребность, и средства возникли как формы существования и воспроизводства основного противоречия капитала – между субстанцией и функцией.

В соответствии с внутренней логикой развития капиталистической системы функциональная капитализация мира опережала субстанциональную. Мир становился сетью производственных отношений капитализма, иными словами, комплексом функций капитала, безотносительно к социальной природе конкретных социальных систем, включавшихся в мировой рынок, независимо от того, имелось там индустриальное капиталистическое производство, т. е. произошла субстанциональная капитализация или нет. Адаптация к этой функциональной капитализации и включение в мировую систему новых («незападных») районов были тоже прежде всего функциональными, часто с очень слабой или просто отсутствующей капиталистической субстанцией, представленной капиталом. Происходило это посредством или торговли, или (а иногда – и) создания современных институтов во властной и нематериальной сферах. Чтобы быть включенными в мировую систему, и не в ущерб себе, а на своих или хотя бы частично своих условиях, и уж тем более чтобы конкурировать с «субстанциональным ядром» – если не в экономике, то хотя бы в мировой политике, – господствующие группы той или иной страны должны были создать, заимствовать некие организационные формы. Последние не могли быть не чем иным, как функциональными формами капитала, формами, воспроизводящими его властные, социальные функции: государство современного типа, бюрократия, финансовая система и, конечно же, прежде всего армия, военная организация, откристаллизовавшаяся в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648). Думаю, правы те историки, которые именуют западноевропейскую армию XVII в. первой по-настоящему капиталистической организацией, «социальной фабрикой». Но ведь создание, функциональная и формальная имитация таких «фабрик» были возможны и там, где капитал как субстанция был слаб или где его не было вовсе. Достаточно было наличия некой структуры, определенного субъекта и его воли к власти.

Усвоение и использование капиталистических форм и функций становятся особенно важными для тех, кто сопротивляется капиталу как субстанции, не имея таковой в достатке. Без овладения социофункциональным «универсальным лексиконом» капитализма диалог с ним, включение в его систему были невозможны. Для того чтобы включиться, нужно сделать включатели. Так, Петр I, для того чтобы не оказаться битым в борьбе за Место в мировой системе, чтобы войти в нее на своих условиях или хотя бы достойно, вынужден был создать современную армию, современное государство и другие институты – современные в том смысле, что они должны были быть воспроизведением тех институтов на Западе, которые там выполняли капиталистическую функцию. Разумеется, внешний фактор – не единственный и, возможно, даже не главный среди причин петровских преобразований, но в данном случае сути дела это не меняет. Главное в том, что в России создание таких форм не имело под собой фундамента капиталистической субстанции. Позднее, во второй половине XVIII в., в самодержавной системе эта субстанция начала возникать. Но она вплоть до коммунистической революции оставалась слабой как сама по себе, так и по сравнению с функцией, воплощенной в определенных неэкономических институтах. Ее слабость по сравнению с переразвитой (по отношению к ней) функцией и обусловила возможность революции.

Ясно, что чем больше удаляешься от ядра капиталистической системы, тем сильнее функциональные аспекты, тем сильнее функция капитала по отношению к субстанции, тем сильнее властные, репрессивные институты капиталистического типа в соотношении с буржуазной собственностью, гражданским обществом (если последние вообще существуют).

Все это означает: соотношение и отношения субстанции и функции капитала, формы их организации могут быть различными, меняться в пространстве и времени

капиталистической системы. Соотношение это всегда имеет властно-собственническое (социально-политическое) выражение, формы которого тоже могут меняться.

X

Господство субстанции над функцией выражается политически и парламентской демократии, т. е. в доминировании гражданского общества над государством (в различных вариантах – Нидерланды, Великобритания, США и вообще многие белые поселенческие колонии, «где государство, в отличие от всех прежних национальных образований, с самого начала было подчинено буржуазному обществу, буржуазному производству» (7, с. 4), короче говоря, где оно возникло как функция капитала, а не взяло на себя выполнение этой функции исторически).

Верховенство функции над субстанцией имеет две политические формы. Если государство господствует над гражданским обществом лишь в одной общественной сфере – политической, то мы имеем дело с авторитаризмом. Исторически первая, ранняя форма его – бонапартизм. Авторитаризм, таким образом, невозможен там, где нет частной собственности и гражданского общества, у которого он похищает только политику или волю которого он ограничивает – более-менее – лить в сфере политики.

Когда господство функции над субстанцией реализуется как доминирование государства над гражданским обществом не только в политике, но и в идеологии, когда государство отбирает у гражданского общества такую его форму, как партия, и делает ее своей монополией, что невозможно без жестокого идеологического контроля, то это – тоталитаризм в его различных вариантах. Наиболее известный из них – нацистский режим.

Тоталитаризм не отменяет ни частную собственность, ни капиталистическую эксплуатацию. Сохраняя последнюю, он сохраняет и капиталистическую субстанцию, стремясь ограничить ее проявления преимущественно экономической сферой. В то же время, подчиняя гражданское общество, делая пунктирной границу между ним и государством, тоталитаризм эту границу (как и гражданское общество, право) никогда не уничтожает. Естественно, не уничтожает он и капитал, т. е. субстанцию. Тоталитаризм, как и авторитаризм, не выходит за рамки капитализма. Они лишь временно, в долгосрочных интересах капитала меняют соотношение между функцией и субстанцией, их субординацию, предлагая капиталу политико-идеологическое решение тех вопросов, там и тогда, которые не могут быть решены на уровне самого производства в рамках данного конкретного общества, с его историческим прошлым, социальным фоном развития капитала и т. д.

Ни авторитаризм, ни тоталитаризм не отрывают полностью функцию капитала от его субстанции, не противопоставляют, не антагонизируют их. Но теоретически возможность такого разрыва как третьего типа отношений между субстанцией и функцией в капиталистической системе существует. Более того, капитализм – единственная социальная система, в которой наличествует логическая возможность полного, тотального взаимообособления социальной субстанции и социальной функции, возможность «окончательного решения» их отношений.

Историческая реализация такого полного отрыва функции от субстанции, ее господства над субстанцией с последующим уничтожением последней и превращением самой функции в единственную существующую субстанцию, замыкание функции в субстанцию для самой себя и есть коммунизм.

Он – абсолютная, чисто функциональная форма власти, не только устраняющая капиталистическую эксплуатацию и гражданское общество, но и стирающая грань, во-первых, между государством и гражданским обществом, с одной стороны, и между государственностью (власть) и классовостью (собственность) – с другой, а потому уничтожающая все это и растворяющая в некоем новом типе социальной организации – властесобственности, однородном присвоении. Во-вторых, устраняются различия между экономической, социальной и духовной сферами общества. Они превращаются в

разновидности самой власти – просто общественной; не дифференцированной, не специализированной, а единой и гомогенной. Так и должно быть: функция капитала, полностью оторванная от субстанции, не может быть не чем иным, кроме как чистой властью, функциональной властью – не политической, не государственной и не религиозной, а властью вообще. Власть становится системной сутью, качеством общества. Разные сферы общества начинают выступать как разные сферы власти, а потому различие между ними теперь сугубо функциональное.

Коммунизм возникает так: функция полностью отрывается от субстанции и полностью отрицает последнюю, уничтожая, пожирая ее. Способ появления систем накладывает свой отпечаток на их дальнейшее функционирование. Коммунизм, например, самим способом своего рождения предопределен как антисубстанциональная система, т. е. система, враждебная любой субстанции – производству, собственности. История экономик коммунистических обществ – наглядная иллюстрация, «первородного греха» коммунизма, его антисубстанциональной природы. И это не злой умысел, не отрицательное качество коммунизма. Это – его позитив. Позитив отрицания. Логически коммунизм есть взбесившаяся функция капитала, воспроизводящая себя и только себя за счет субстанции – любой: как капиталистической, так и некапиталистической. Ограничения носят только исторический характер.

Крайняя (полная) форма взаимообособления социальной функции и субстанции капитала создает для капитализма логическую и историческую возможность существовать в двух не просто различны: (таких – больше, чем две), но и диаметрально противоположных и по содержанию взаимоисключающих формах: положительно-субстанциональной и отрицательно-функциональной. Наличие одновременно положительного и отрицательного качества гарантируется несовпадением субстанции и функции и своеобразным «позитивно-негативным» разделением труда между ними. В капитализме исходно запрограммирована возможность существования в его рамках системы, отрицающей его субстанцию с позиций его же функции, т. е. возможность антикапиталистической подсистемы. В мировой капиталистической системе на определенном этапе ее развития закономерно возникает ниша для антикапиталистической зоны. Эта ниша и была занята Россией в форме Советского Союза. Почему Россией – это особый вопрос, лежащий за пределами данной статьи (ограничусь лишь замечанием, что только Россия по целому ряду причин могла заполнить антикапиталистическую зону мировой системы капитализма).

Капитализм – особая, уникальная социальная система, которая на своей зрелой стадии, в фазе максимального могущества существует как единство двух социальных зарядов – положительного и отрицательного. Зрелая мировая капиталистическая система – это, если использовать астрофизическую аналогию, двойная звезда, двойная масса: капитализм плюс системный антикапитализм. Именно на этот аспект капиталистической системы мало обращали внимания, как и на отрицательный тип взаимодействия капитализма с иными историческими системами, полагая этот тип отклонением от нормы и рисуя капитализм как обязательное светлое будущее всех стран и народов.

Разумеется, отрицательный тип взаимодействия, о котором идет речь, намного более труден для исследования, чем положительный. С точки зрения изолированно взятых капитализма и коммунизма его как бы и не существует. Потому-то и двойная масса не фиксируется. А если и фиксируется, то негативно, как непонятное отклонение планеты «капитализм» от той орбиты, которую он должен иметь при мономассе, как своеобразный социальный «парадокс Ольберса», указывающий на некую неравномерность и на скрытую массу. В результате – много отклонений, и в теории капитализма приходится вводить эпициклы и деференты, нарушая правило «бритвы Оккама». Аналогичным образом обстоит дело и с теорией коммунизма, взятого как «одинокий атом». Но как только мы поднимаем Занавес Теории и на сцене появляется скрытая масса, Двойная Масса, многое в развитии как капитализма, так и коммунизма, Запада и СССР становится понятным. На многое становится легко ответить. Какие-то вопросы отпадают как ложные. Но возникают новые проблемы и

теоретические соблазны.

XI

Противоречие и взаимообособление субстанции и функции в социальной ткани капитала, его общественной системе, не существовавшее и невозможное в докапиталистические времена, объясняет тот факт, почему были невозможны в качестве особых социальных систем антирабовладение – в античности и антифеодализм – в средневековье. Тем не менее, некоторые ученые не устояли перед соблазном записать коммунизм в разряд докапиталистических обществ и представить его в качестве возрождения того или иного докапиталистического строя. Например, феодализма или «азиатского» способа производства – в марксистской традиции либо «традиционного общества» – в традиции либеральной.

Внешне коммунизм действительно может напоминать докапиталистические системы. Более того, он как бы воспроизводит некоторые черты многих докапиталистических систем: неорабство (ГУЛАГ); нсокрепостничество (колхоз); неополис – КПСС/КГБ, противостоящий атомизированной толпе полусвободных и неполноправных советских метеков и периэков. Однако на самом деле во всех этих формах, как и в коммунизме в целом, заключено еще менее докапиталистического, чем в «докапиталистических» функциональных органах капиталистической системы. Во-первых, коммунизм – это промышленное и массовое общество, что несовместимо с «докапитализмом». Во-вторых, будучи отрицанием капитализма на основе и посредством функции капитала же, коммунизм – явление капиталистического порядка. Поэтому, в-третьих, хотя стадиально коммунизм и не дальше от докапиталистического мира, чем капитализм, функционально он – по другую сторону капитализма, т. е. дальше, чем «естественные докапиталистические общества». Он – не посткапитализм, но «паракапитализм».

Если в докапиталистических обществах сращенность, необособленность власти и собственности, которые противостоят труду не порознь, а как единое однородно-целое присвоение, есть исходный пункт, предпосылка положительного развития, то в коммунистическом порядке это – исторический результат социального отрицания капитализма.

Коммунизм есть осуществление властесобственности антикапиталистическим путем, но в мировой капиталистической системе. Это сочетание и способ его реализации антиномичны: 1) коммунизм – это отрицание капитализма; 2) коммунизм, будучи отрицанием капитализма, невозможен без капитализма. Коммунизм должен одновременно быть и не быть, присутствовать и отсутствовать в капитализме как мировой системе.

Дилемма решается как выпадение некой зоны из капиталистических процессов, из капиталистического времени. Капиталистическое время в этой зоне исчезает, происходит его детемпорализация, оно приспосабливается к пространству этой зоны. Плата – отсутствие реального развития, т. е. такого, которое имеет перспективы выхода за рамки данного качества. Парадоксальным образом субстанционально-функциональная дивергенция капиталистического мира оборачивается и пространственно-временной. Одна часть этого мира движется вперед, меняя плоскости, сбрасывая в оставленные плоскости весь балласт: время – вперед! Другая развивается только в одной плоскости. Действительно, коммунистическая зона становится негативным слепком лишь с одной плоскости, с одного исторического состояния капитализма.

Короче, коммунизм оказывается чем-то похожим на Старый Порядок, только со знаком минус. Но есть и более серьезное сходство. Коммунизм – это антикапиталистическая диктатура. Старый Порядок – диктатура антифеодальная. Но не капиталистическая! Правда, и не антикапиталистическая. Можно сказать, что Старый Порядок – это Великая капиталистическая революция, которая, окончательно застыв, должна была быть в XIX в. отброшена Историей. Но ведь в XX в. так произошло и с коммунизмом – застывшей

антикапиталистической революцией, тоже отброшенной Историей.

Единство власти и собственности, а также экстенсивный, т. е. в большей степени пространственный, чем временной, тип развития коммунизма, казалось бы, все же роднят его с «докапитализмами». Это обманчивое впечатление и легковесная аналогия. Разумеется, коммунизм обладает такой чертой, как единство власти и собственности, которая делает его похожим на «докапитализм». Но это сходство поверхностное. Повторю: если в докапиталистических обществах сращенность, необособленность власти и собственности, которые противостоят труду не порознь, а как единое однородно-целое присвоение, есть исходный пункт, предпосылка положительного развития, то в коммунистическом порядке это – исторический результат социального отрицания капитализма.

Да и между Старым Порядком и Коммунистическим Порядком много различий. Первый существовал внутри капитализма, а второй – вне его, в качестве особой внешней зоны. Старый Порядок, в отличие от коммунизма, не был отрицанием капитализма. Более того, коммунизм был отрицанием самого Старого Порядка. И, кстати, победил там, где этот порядок был долгое время силен, – в России. Оба были спутниками капитализма. Оба, как мавр, сделали свое дело и ушли. Точнее, их ушли.

XII

Коммунизм использует в качестве производственной основы на местном, т. е. страновом, уровне власть, ее (вос)производство посредством особого типа организации. Местной производственной основой становится производство определенного типа власти, причем это производство и отправление власти осуществляются как процесс институционального и ценностного отрицания капитализма. Но сама эта местная нематериальная, функциональная основа в качестве особой производственной базы может существовать только потому, что в других «местностях» мира существует мощное материальное производство, индустриально организованная капиталистическая субстанция. Речь не о том, что у коммунизма не было своей промышленности. Была. И не о том, что долгосрочным законом развития этой промышленности, как и всего субстанционального при коммунизме, является упадок, системная деградация. Речь о другом – о том, что реальной материальной базой коммунизма был капиталистический способ производства, его материя, от которой коммунизм и отталкивался с помощью капиталистической же функции.

Иными словами, коммунизм – это не сам магнит как некий предмет, некое вещество, а его поле, его энергия. Но энергия, обращенная и против индуцирующего ее вещества, и, в конечном счете, против самой себя – это энтропия. Отсюда антисубстанциональный потенциал коммунизма. В этом смысле коммунизм не есть некий особый исторический способ производства; это – антикапитализм, имеющий положительную материальную основу только в той степени, в какой он выступает как историческое проявление некоего типа социальной системы, для которой капитализм как фаза развития чужд, деструктивен, а потому должен быть преодолен отрицательно. Коммунизм – отрицательный мутант Капиталистической Системы, ее негативное творение, превращение.

Но отрицательно он соотносится не только с капитализмом. Негативна и его преемственность по отношению к той системе, которая с его помощью перемалывает и переламывает капитализм. Преодолевает и отрицает его. Этот перемолот капитализма Русской Системой является и не может быть не чем иным, как переламыванием и самой этой системы посредством функций капитала. Коммунизм, чтобы стать логическим продолжением русской системы, должен был выступать как полный исторический разрыв с предшествующим ему системным состоянием.

Таким образом, коммунизм оказывается не только отрицанием капитализма как мирового явления, «зацепившегося» на своей периферии в виде функции, но и отрицанием субстанции местной, «локальной» системы, всей предыдущей «местной» истории. Коммунизм есть процесс и результат социальной аннигиляции, «застывший» (перманентный

– Троцкий и Сталин были правы в своем понимании коммунизма) социальный взрыв. В этом взрыве взаимно аннигилируют капитализм в виде своей функции и местная (локальная, региональная) система. При этом функция капитала используется для уничтожения субстанции – как капиталистической, так и местной некапиталистической (крестьянство и его «трудовая» собственность, например), а местные формы мобилизуются для перемалывания и капиталистической субстанции, и тех функций капитала, которые противостоят революционерам и которые нужно сломать, уничтожить.

Более того, со временем уничтожается и «первое поколение» самих революционеров. И дело здесь не только в политической борьбе, а прежде всего в том, что они непосредственно принадлежат к старому строю, являются его интегральным элементом, его субстанцией и в то же время непосредственно связаны с функциональным миром капитализма («мировое социалистическое движение»). Короче, они выступают «свидетелями старого мира», который должен быть уничтожен до основания, максимально, без следов. Поэтому-то докоммунистические формы принципиально невосстановимы. Разумеется, в истории восстановить, реставрировать вообще ничего нельзя. Когда Людовик XVIII сказал, что его правление будет реставрацией монархии, но не Старого Порядка, он тем самым лишний раз подчеркнул невозможность восстановления и монархии, поскольку монархия без и вне Старого Порядка – это уже не монархия, а по сути нечто другое, сохраняющее лишь название. Иначе говоря, в истории можно попытаться восстанавливать только формы. Но в случае с коммунизмом и это невозможно (остается восстанавливать лишь названия и макромакеты, вроде Храма Христа-Спасителя).

Коммунизм – это не некий нарост на здоровом теле, который можно сковырнуть, отсечь скальпелем, выбросить и забыть. Это вообще не нарост. Это – превращение, взаимодействие неких форм, причем в процессе взаимодействия формы эти уничтожаются и возникает нечто невиданное, совершенно новое по сравнению и с прежней местной системой, и с капитализмом, который вызвал реакцию этой системы и взрыв. Собственно, остается лишь функция капитала, оформляющая этот взрыв, а потом умирающая и как функция. Выпотрошенная кишка, от которой осталась пленка, и кровь, выдавленная из субстанции и в эту пленку залитая. И замороженная. Вот и вышел коммунизм. Кровяная колбаса. Социальный взрыв – вот «материальная» основа коммунизма, в которой на самом деле почти нет ничего материального.

И это еще одна причина, почему столь короток век коммунизма, почему фазы его развития смещены, почему расцвет приходится на умирание (70–80-е годы), зрелость – на раннюю фазу и т. д. У коммунизма не было особой, его собственной субстанциональной подушки, подпитки, почвы. Коммунизм – дитя двойного раскола: во-первых, капитализма на субстанцию и функцию, а с помощью этого, во-вторых, русской истории на докоммунистическую и коммунистическую. Коммунизм беспочвен в материальном, вещественном смысле этого слова. Будучи отрицанием и капитализма, и самодержавия, сталкивая их лбами с помощью функции капитала, которая становится оболочкой социального взрыва, формой его дальнейшего существования (затухания взрывной силы, тления), коммунизм не имеет имманентной лишь ему вещественной субстанциональной основы. Как естественной ее нет и вне его. У коммунизма нет положительной основы, кроме самого себя, но эта положительная основа – отрицание капитала-субстанции. Поэтому коммунизм вынужден расширяться, расползаться и (или) пожирать самого себя, свое будущее, лишать себя будущего, транжиря людской потенциал, здоровье, «мозги», природу.

Это нормальный способ функционирования коммунизма, обусловленный как фактом, так и способом его возникновения. Почвой неестественной и отрицательной остается для коммунизма капитализм, точнее его определенное историческое состояние. Поэтому коммунизм так быстро сжигает себя, питается собой. Его жизни хватило ровно настолько, сколько просуществовала, во-первых, конкретная форма капитализма, которую он отрицал, и во-вторых, субстанциональное наследие докоммунистических времен. Пытаясь «подморозить» СССР в 1946–1953 гг., Сталин действовал на основе абсолютно верного

понимания природы коммунизма. Однако переспать с Историей против ее воли нельзя.

Все это не означает, что кроме коммунизма в русской истории начала XX в. ничего не было. Было. Но реализация коммунизма уничтожила все остальные формы в качестве значимых альтернатив. Отсюда не следует, что коммунизм перемолол абсолютно все и в равной степени. Нет, ни одна целостность не исчерпывается системными характеристиками. Даже столь функциональная, как коммунизм, представлявший собой некий способ эксплуатации без адекватного ему исторического (т. е. характерного только для него по уровню развития производительных сил) «материального» способа производства.

XIII

Коммунизм рождался и рос в очень запутанной и сложной обстановке, которая была в то время характерна для мира. Существование функции автономно от субстанции, дробление одного уклада на несколько субукладных форм, каждая из которых приобретала самостоятельное значение, – это еще цветочки. На полупериферии и периферии капиталистической системы – в этих колыбелях коммунизма – на одном и том же пространстве (географическом, экономическом, социальном) сосуществовали такие формы, которые в центре системы – на Западе, были возможны только диахронно, как сменяющие друг друга стадии. Например, первоначальное накопление капитала в «нормальном! (происходящем в центре) развитии предшествует накоплению капиталов, капиталистическому накоплению. На полупериферии и периферии они нередко сосуществуют в пространстве, ведут борьбу за одни и те же ниши. При этом первоначальное накопление капитала, как показывают исследования по колониальной истории Юго-Восточной Азии, Индии, Африки, теснит капиталистическое накопление или даже блокирует его. А соответственно социальные и политические силы, которые воплощают первое или стоят за ним, теснят и блокируют те, что связаны со вторым.

Но что значит «первоначальное накопление капитала»? Это ведь по сути генезис капитализма. Получается, что за пределами центра капиталистической системы в определенных условиях воспроизводится генезис капитализма! Представьте, вам в кино с помощью обратного хода пленки показывают, как ребенок появляется из материнской утробы, а затем возвращается туда – и так много раз: туда – сюда, туда – сюда. Нереально? А вот с капитализмом на периферии – это реально. Разумеется, «повторяющийся генезис» – это уже не генезис, это особая форма особого деформированного развития. Но вот что важно: искривление социального пространства и времени в мировой капиталистической системе создавало ситуации, когда отрицание капитализма оказывалось возможным и изнутри (борьба одних расщепленных субукладных форм против других), и извне – из прошлого, но так, как будто из будущего, с позиций генезиса, пожиравшего, подобно Хроносу, своих «социальных детей». Фантастическая ситуация: воспроизводящийся генезис капитализма как средство борьбы с капитализмом и оплот его отрицания. Фантастический реализм.

Результат – запутанность экономических, социальных и политических отношений; превращение целых групп в социальные невидимки с точки зрения марксистской или либеральной теорий; непредсказуемость социальной борьбы, когда «все смешалось в буйном танце» – небуржуазные, некапиталистические группы выполняют роль буржуазии и персонифицируют функцию капитала, а капиталист скрывается под маской мандарина, землевладельца-абсентеиста или даже вождя племени; общество – не капиталистическое (по крайней мере, еще), а какие-то группы уже считаются буржуями и пролетариями. Более того, одна и та же группа – крестьянство – вдруг оказывается разделенной на буржуазию и «трудовое крестьянство» примерно в равной пропорции и независимо от использования найма. И все это на глазок. Политическая проекция подобных ситуаций становится кошмаром для «заинтересованных сторон».

При этом, повторю, внешне ситуация может стать фантастически запутанной, а реальность – невидимой. Не случайно в 20-е годы Коминтерн голову себе сломал, стараясь

соотнести расклад политических сил, например в Китае, в соответствии с их классовой, укладной основой. Выходила сюрреалистическая картина, похожая на «Человека-невидимку» Дали: основные классовые субъекты не просматривались. Ну а компартия Индонезии уже не голову, а шею себе сломала, попытавшись в первой половине 60-х годов провести аграрное переустройство на Яве. В соответствии с «линейными» классовыми принципами трудно было понять, кто эксплуатируемый, а кто – эксплуататор в этой не эволюционно и не революционно, а инволюционно приспосабливающейся к капитализму местной системе.

То, что отрицание капитала там, где он слаб как субстанция, создает путаницу, связано со следующим. Прежде всего, отрицается капитал-субстанция в его низших формах. Однако, и это самое главное, основной удар объективно оказывается направленным, с одной стороны, на такие субстанциональные формы, которые капиталом не являются, но функционируют как его органы (например, частная собственность на землю); с другой – на функциональные формы капитала, осуществляющие интеграцию данного общества в мировую систему (государство, армия, банки, почта, телеграф, телефон). Но что самое интересное, борьба против этих форм ведется, во-первых, с целью их захвата, во-вторых, с помощью капиталистических же функциональных форм организации: партии, идеологии. Внешне все это может выглядеть как борьба, имеющая минимальное отношение к проблемам капитала, схваток пролетариата и буржуазии. В стихотворении «Русская революция» Волошин писал:

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани:
Наш «пролетарий» – голытьба,
А наши «буржуа» – мещане.
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.

Я оставляю в стороне проблему, почему русский сон так часто грезится под чужими именами, будь то имена татарские, немецкие или еврейские. Это – проблема Русской Системы, русской судьбы. Меня сейчас интересует другое – то, что подпадает под волошинское «судьба». Ведь Волошин очень четко уловил то, что на русских подмостках разыгрывается какая-то не только русская драма. И в том же стихотворении ниже он прямо говорит об этом:

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Её погибельные тропы.

Это – отличная иллюстрация логики «двойной массы» капитализма: европейская судьба – капитализм – изживается на русской почве. Но не в самой Европе. Для изживания (отрицания) капитализма не надо иметь перед собой сам капитал, достаточно, чтобы была функция, которую у него можно отнять, оставив субстанцию Европе, центру. Ведь невозможно оторвать функцию от крепкой субстанции центра системы там, где сильны капитал и частная собственность в их институтах, ценностях, быте, вообще в структурах повседневности. Не случайно на собственно капиталистической, субстанционально-капиталистической почве коммунистические революции не происходят. Коммунизм не проходит там, где сильна частная собственность – капитал-субстанция («германский выкидыш» 1918 и 1923 гг. это очень хорошо показал).

Коммунистическая революция – это отрыв функции и форм капитала от его субстанции и содержания. И она возможна только как такой отрыв. Ленин (а затем Мао и т. д.) понял то, чего не понял, а точнее не мог понять Маркс. Умерший за 20 лет до начала «календарного»

XX в. и не доживший до эпохи резкого обострения противоречия между функцией и субстанцией капитала, Маркс помещал социалистическую революцию внутрь самой субстанции, а потому и получился у него главным агентом революции рабочий класс. Но у этого класса, как известно, с революцией ничего не вышло.

По-видимому, conditio sine qua поп «революции, о необходимости которой все время говорили большевики», заключается именно в том, чтобы в качестве пролетариев действовала «голытьба», а в качестве буржуазии – «мещане». Ай да Волошин, «ай да сукин сын». В своем стихотворении он точно зафиксировал и функциональный для русской реальности характер капиталистичности – как буржуазной, так и пролетарской, – а следовательно, и антикапиталистичности. И то, что на русской почве снималось «судьбоносное» противоречие европейской буржуазной системы. Ленин, повторю, это тоже понимал. Как и Горький, который был не пролетарским, а антикапиталистическим писателем. Только наполнение антикапитализма у него было не дворянское, как у Толстого, и не разночинское, как у Достоевского, а босяцкое, голытьбинское («голутвенное»), в лучшем случае – босяцко-мещанское. И в этом смысле Горький действительно и буревестник, и певец русской революции, челкашей, ставших со временем «хозяевами корабля, с которого сбежали все, даже крысы» (Г.Уэллс).

Реализация коммунизма как борьбы за функцию и ее отрыв от субстанции объясняют, почему, казалось бы, внешне столь близкий коммунизму по формам фашизм на самом деле – его главный враг, почему они несовместимы. Разумеется, я имею в виду не геополитику, а социальную, «классовую» «войну миров». Понятно, что это две разные альтернативы, два альтернативных проекта овладения функцией и ее использования. В одном случае – для контроля над субстанцией как над богатой бюргерской невестой, а в другом – для ее уничтожения на разинско-пугачевский манер после захвата и овладения: «И за борт ее бросает в набежавшую волну». Понятно также и то, что именно фашизм («тоталитаризм») был призван предотвратить полную функционализацию капитализма там, где возникла такая опасность (например, опасность коммунизма в Германии 20–30-х годов). В этом (но только в этом!) смысле тоталитаризм есть, если пользоваться шпенглеровским термином, «псевдоморфоза» коммунизма (и, кстати, как всякое «псевдо», при прочих равных условиях, в схватке с аутентичным шансов не имеет).

XIV

Итак, для коммунистической революции не нужен высокий уровень развития капитализма. Такой уровень блокирует революцию, равно как блокирует ее и отсутствие всякого уровня. Иначе говоря, необходима середина, и Ленин правильно понимал это. Однако как только коммунистическая революция произошла и получила свой оплот (исторически – в виде СССР), дальнейшие коммунистические революции, которых без этого оплота никогда бы не было, не требуют уже даже и среднего уровня. Достаточен – любой. Уже неважно – ГДР или Кампучия. Все может быть вобрано в мировую антикапиталистическую систему. Достаточно зафиксировать, провозгласить властно-идейный изоморфизм: марксизм-ленинизм, авангардная партия трудящихся, поддержка действий СССР на мировой арене.

Эту черту коммунизма очень хорошо уловил русский юрист, специалист по международному праву Н.Гронский. Он отказывал СССР в статусе государства вот по какой причине: «…Советская Республика гостеприимно открывает двери перед всеми народами и государствами, приглашая их ко вступлению в Союз при одном лишь непременном условии – провозглашении советской формы правления и осуществлении коммунистического переворота. Стоит жителям Борнео, Мадагаскара или Зулуланда установить советский строй и объявить коммунистические порядки, и лишь в силу их заявления, эти новые, могущие возникнуть советские республики принимаются в Союз Советских Коммунистических Республик. Если бы Германия захотела перейти к благам коммунистического строя или же

Бавария, или Венгрия захотели бы повторить опыты Курта Эйснера и Бэла Куна, то и эти страны могли бы войти в Советскую Федерацию… Не обладая устойчивостью современного государства и определенностью границ, СССР не обладает и полноправной международно-правовой личностью. Трудно признать нормальным членом международного общения организм, который в силу своего основоположного акта – конституции может в любой момент прекратить свое существование или же изменять кардинально внутреннее свое содержание» (2, с. 180–181).

Другими словами, разрыв с субстанцией – любой, уже даже не обязательно с капиталистической, но обязательно с помощью капиталистической функции, взятой либо в натуральном, либо в персработанно-советском виде, – вот путь в Мир Коммунизма, в Функциональное Зазеркалье капиталистической системы.

В самом общем смысле для коммунизма необходим определенный уровень развития функциональных форм: либо достигнутый в результате включения в капиталистическую систему, либо – в послевоенный период – обеспеченный подключением уже к «лагерю мирового социализма». Такие факторы, как колониальный гнет, война, интервенция, лишь дополняют необходимое условие, усиливают коммунизм как процесс отрицания субстанции капитала и его функциональных органов с помощью его же функций. Главное – в этом отрицании, а не в субстанции – капиталистической или местной. Именно поэтому в столь разных странах, как СССР и Куба, Румыния и ГДР, Монголия и Чехословакия, суть, природа коммунизма идентична. Ошибочно выводить коммунизм непосредственно, линейно из исторического прошлого, местных традиций. Традиции и прошлое названных выше стран были очень разными, коммунизм был один и тот же везде. (Что не означает, однако, полного уничтожения этих традиций – подобное в истории вообще невозможно.)

Будучи повсюду одним и тем же – функциональным негативом капитализма, коммунизм тем не менее не везде одинаков по прочности и потенциям собственно коммунистического развития. В одних случаях он может оказаться неким особым строем, в других – чем-то вроде очередной кочевой династии, властвующей над земледельцами, т. е. чисто внешним явлением. Все это зависит от уровня развития общества, вступающего в коммунистический «перемолот». Например, в России коммунизм был отрицанием такой социальной системы, в которой, несмотря на слабое развитие капитала-субстанции, уже как минимум в течение двух столетий существовала частная собственность, в течение столетия – гражданское общество, в течение нескольких десятилетий – капиталистический уклад, а в самом обществе уже возникли границы между властью и собственностью, с одной стороны, экономической, социально-политической и духовной сферами – с другой. Я уж не говорю о более чем столетней мощной культуре современного, а не традиционного типа. Россия – единственная страна XIX в., породившая современную (modern) и в то же время антикапиталистическую по направленности культуру, особенно литературу. Советский коммунизм уничтожил границы, о которых идет речь. Но он не мог стереть следы ни их, ни великой культуры, которая есть сфера духовного производства. Это вносило напряжение в функционирование коммунистической системы и внутренне ослабляло, подтачивало ее. «Следы» начинали опасно для коммунизма фосфоресцировать при малейшей экономизации жизни, развитии рынка. И не в рынке, собственно, дело. А в том, что экономизация требовала либерализации власти, ее «разгосударствления» еще до денационализации собственности. Рынок оказывался ларцем, из которого вместо рыночной экономики выскакивали «двое из ларца» – люмпен (или, мягче, эрзац) – политик и гангстер. Потому что приватизировалось прежде всего главное богатство системы – власть.

Иная ситуация, например, в Китае. Там к моменту «коммунистической революции» не было ни гражданского общества, ни сколько-нибудь заметного обособления друг от друга различных сфер общества. «Коммунистическая революция» органически легла здесь на некий социально-монолитный, гомогенный тип, который исторически не подрывается ни рынком, ни экономизацией. Поэтому восторги наших как «патриотов», так и «демократов» по поводу успехов экономической реформы в КНР, «китайского пути к рынку» напрасны.

Это – не для нас и не про нас. Не про СССР-Россию. У нас так не выйдет. Экономизация жизни, рынок не подрывают основ китайского общества, они в течение тысячелетий были органично вплетены в его ткань, и «китайский коммунизм» лишь на краткий исторический миг, какие уже случались и раньше, приглушил их. А ныне «усилил звук» без ущерба для себя, напротив – с пользой. В этом смысле Китай, закаленный отрицанием капитализма, вступает в XXI в. чем-то вроде социального киборга, которого извне уже едва ли чем проймешь. Поэтому Китай отличается от всех коммунистических обществ настолько, что у меня есть сомнения в правомерности применения самого термина «коммунизм» к Китаю, КНР. Не имеем ли мы здесь дело с каким-то иным явлением, которое мы недальновидно и самоуверенно, коммунизмоцентрично заталкиваем в коммунизм? «Российско-советский коммунизм» сомнений не вызывает, «танковый» (Восточная Европа), «сахарно-банановый» (Куба, Никарагуа), «пальмово-веточный» (Мозамбик) – тоже. А вот «конфуцианский коммунизм» – это уже сложнее. Нам всерьез предстоит думать над проблемой «китайской системы». Нам – это и миру в целом, и особенно России. Это – наша экзистенциально-геополитическая проблема, которая не только не помещается в рамки «капитализм-коммунизм», но и существует главным образом не в их плоскости. В отличие от этого Россия, русская система всегда была тесно связана с Западом, с капиталистической системой. Наличие в русской истории петербургской фазы и обусловило возникновение русского коммунизма в XX в.: именно в течение этой фазы возник, сформировался «западноподобный», функционально-капиталистический объект отрицания. Именно петербургское самодержавие «сработало общество», на костях которого коммунизм должен был устроить самого себя и свой пир.

XV

Пир коммунизма – на костях старой России, на костях того нового, что возникло в России после 1861 г., того, что предстояло перемолоть в новой России и ее окрестностях, – был пиром победителей. Эти люди победили потому, что предложили оказавшееся в наибольшем соответствии с практикой и логикой развития Русской Системы решение противоречия между субстанцией и функцией, содержанием и формой капитала. Коммунизм стал таким решением, которое превращало функциональные аспекты капитала (социальные, духовные) в системообразующие объекты собственности. Точнее – «властесобственности», а еще точнее – однородного присвоения, которое не породило и не обособило в качестве своих особых форм власть и собственность. Внешне же это больше походило на власть, чем на собственность.

Коммунизм разрешал главное противоречие Капиталистической Системы не на уровне непосредственно материального производства, не в предметно-вещественной сфере, а за ее пределами, на уровне социально-политических и духовно-идеологических форм. Но системно отрицая капитализм, коммунизм уничтожал политику и идеологию как таковые и превращал их в отношения по поводу социальных и духовных факторов производства, т. е. в производственные отношения специфического типа. С этой точки зрения, коммунизм социогенетически есть опроизводствление, «материализация», «овеществление» политики и идеологии.

Здесь с особой очевидностью проявляется не просто отличие, а диаметральная противоположность коммунизма любым формам тоталитаризма. Эти формы использовали политический и идеологический контроль для регуляции капиталистической эксплуатации и т. д., но не превращали этот контроль в комплекс производственных отношений по поводу социальных и духовных факторов производства. Коммунизм же превращал контроль в своеобразные производственные отношения, тем самым делал ненужными и уничтожал капитал, частную собственность, политику, государство, гражданское общество, идеологию. Причина сверхакцентирования социальных и духовных факторов производства при коммунизме заключалась не в том, что был достигнут высокий уровень развития

материального производства и общество шагнуло на следующие, более высокие и сложные ступени производственной пирамиды. Напротив, опроизводствление непроизводственных, нематериальных и внеэкономических факторов было результатом и следствием относительно низкого уровня развития материального производства (при его быстрых темпах) и еще меньшей развитости капитала-субстанции, с одной стороны, при вовлеченности, тесной включенности в мировую капиталистическую систему и быстром развитии функциональных органов и форм капитала, разрушавших социальную ткань общества, но не предлагавших взамен никакой другой субстанции – с другой.

Монополия на социальные и духовные факторы производства при коммунизме позволила его господствующим группам создать новую субстанцию (построить промышленность, например), но уже как некапитал, антикапитал. Правда, значительно более низкого качества, а потому быстро разрушающуюся, приходящую в упадок, нуждающуюся в постоянном ремонте, ремонте, иногда выполняемом самостоятельно. Но часто – с помощью капитализма. Не случайно в брежневские времена бытовал анекдот, в котором Никсон говорит Брежневу: «А если хорошо нам заплатите, то мы вам и коммунизм построим». Сказка – ложь, да в ней намек.

С точки зрения интересов мировой капиталистической системы, самым главным в возникновении коммунизма было то, что он организовал некое огромное пространство, которое не удалось интегрировать в капиталистическую систему посредством субстанциональной капитализации, которое сопротивлялось интеграции и по линии функциональной капитализации, которое в то же время нельзя было оставить вообще без какой-либо организации, без какого бы то ни было соотнесенного с капитализмом статуса. Коммунизм пришел как негативное решение этих проблем, как антикапитализм. И хотя на стадии генезиса и в ранний период, по крайней мере до 1941 г., а затем в 1946–1955 гг., коммунизм, казалось, нес капиталистической системе проблем больше, чем их решал самим своим существованием, не следует забывать две вещи.

Прежде всего, именно коммунизм своим пространством и своей демографической массой перетер нацистскую Германию – главную угрозу status quo в самой капиталистической системе, внутри нее. Кроме того, с середины 50-х и по конец 60-х годов коммунизм (СССР) и гегемон капитализма (США) придали особую эффективность механизму сосуществования и взаимодействия как «холодная война». Правда, опять же механизм этот был более выгоден коммунизму: в рамках «холодной войны» СССР постоянно одерживал победу за победой с кульминацией в Хельсинки-75. Кто-то скажет: все это хорошо, но в конце-то концов СССР проиграл «холодную войну», а коммунизм потерпел поражение и канул в Лету. На это я отвечу: не надо торопиться с выводами. «Поспешишь – людей насмешишь», – говорит русская пословица. Здесь не место рассматривать проблему «холодной войны», отмечу лишь следующее. Она не была проиграна Советским Союзом. Ее вообще нельзя было проиграть. Эта война и соответствующая ей «холодновоенная» стратегия были по своей природе беспроигрышными. От них можно отказаться, что и сделал М.Горбачёв. СССР проиграл не в ходе «холодной войны», а отказавшись от нее. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Коммунизм потерпел поражение и ушел в небытие? Да. Но и здесь есть нюансы. Например, означает ли поражение коммунизма победу капитализма?

Во-первых, если коммунизм – это одна из исторических структур Русской Системы, возникшая как отрицание и капитализма, и старой структуры самой этой системы («отречемся от старого мира»), то это вовсе не значит, что на его месте обязательно возникнет капитализм. Самодержавие не было капиталистической структурой. Из чего, собственно, должно вытекать, что следующая структура Русской Системы будет капиталистической? Из того, что капитализм – светлое будущее человечества? Увольте. Это в коренящихся в Просвещении либерально-марксистских схемах феодализм и капитализм – прогрессивные стадии всего человечества. Ныне все более ясно, что это не так. Точнее, это так, но только для Запада. Да и с прогрессом много проблем. Феодализм и капитализм суть

фазы, стадии в развитии Европейской цивилизации, Западной Системы. Новая структура Русской Системы, притом что эта система всегда была если не антикапиталистичной, то по крайней мере внекапиталистичной, имеет существенно больше шансов сохранить родовые качества, просто отказавшись от системных антикапиталистических крайностей (что, кстати, отнюдь не исключает ни неприязни к Западу, ни неприятия его ценностей и институтов). Как говорил в XV в. один из основателей Русской Системы Иван III: «Так мы и просим Бога, чтобы нам и детям нашим всегда дал так и быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления (на трон. – А.Ф.), как прежде, мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим». Никто не даст нам поставления – и избавления – ни Бог, ни царь и не герой; всего этого мы добьемся собственной рукой. И по-своему. Хотя если надо, то с помощью чужих форм – были ваши, станут наши. Или еще резче: ты меня породил, а я тебя убью.

Во-вторых, если посмотреть на коммунизм с точки зрения не Русской, а Капиталистической Системы, то и в этом случае ситуация далека от однозначности. Ведь если коммунизм был негативной реализацией функции самого капитала и таким образом, существуя, выполнял некую важную для капитализма функцию (хотя и заставлял капитализм дорого платить за работу, а в самом своем существовании обрел автономию; правда, это было связано в значительной степени не только с капитализмом, но и с логикой развития Русской Системы), то его исчезновение может, среди прочего, означать две вещи. Либо опять возникает та самая – опасная для капитализма – пустота, которую он не терпит и угроза которой и привела к тому, что капитализм «сделал заказ» на антикапитализм. Это – проигрыш капитализма. Все возвращается на круги своя, в начало XX в.? Либо капитализму как социально-экономической системе это не по силам: он просто не может позволить себе ни содержать такую зону, ни решать такую проблему. Но это значит: прогнило что-то в королевстве капитала. Современный мир един. И если вдруг «из него выпадает» целый блок, целый подмир – Второй, – то, значит, какие-то нелады с самим этим миром. Целое определяет элемент, а не наоборот.

Так что же все-таки означает падение коммунизма для капитализма – реально, а не в смысле пропаганды и риторики, не в смысле того, что на Западе емко называют «wishful thinking» («мышление, подчиненное желанию», «принятие желаемого за действительное»). Что это – начало блестящего бесконечного и беспроблемного будущего? Превращение капитализма в последнюю, вечную стадию развития человечества, в Царство Божье на Земле (огромная часть населения планеты воспринимает его как Вечный Кайф), в котором нет места поверженному или мертвому врагу? Начало мира, процветания и стабильности? Или же что-то другое, нечто менее оптимистическое, а может, и просто страшное?

XVI

Ответ на этот вопрос требует предварительно осветить другой вопрос – о времени появления коммунизма в мировой системе капитализма. Коммунизм не возник в XVIII в., на доиндустриальной и раннеиндустриальной стадиях развития капитализма. Хотя пытался – в обличии якобинства в годы Великой французской революции – пробиться сквозь плотную субстанциональную пленку Старого Порядка. Но революция эта действительно оказалась великой и раздавила якобинство. Вместо коллективного субъекта в историю властно вступил субъект индивидуальный – последний герой европейской истории с антигероическим именем, в котором есть и «прыщ на носу», и просто «лучшая часть».

Коммунизм не прорвался и в XIX в., когда средний класс Франции и две армии – французская и немецкая – раздавили Парижскую коммуну, которая, однако, успела напугать даже Карла Маркса – не меньше, чем когда-то восставшие под коммунистическими лозунгами низы города и деревни ужаснули Лютера. Он-то был вправе спросить себя: разве за это ты боролся, старик Мартин?

Коммунизм материализовался в начале XX в., когда промышленная революция на Западе завершилась и функционально капитализм завершил охват мира как целого, когда

мир стал для капитализма одновременно его волей и представлением. А вот капитализм не стал для мира волей и представлением. По крайней мере – для всего мира. Из этого противоречия, помимо прочего, и возник коммунизм.

В последней трети XIX в. индустриальные производительные силы не только оформились как система, но и потребовали такой развитости и автономности функциональных аспектов капитала, которые выходили за рамки организации материального производства, превышали возможности существующих организационных форм как производства, так и политики, потребовали изменений в отношениях между ними. Ни в то конкретное время, ни даже в рамках индустриального производства как исторического типа эти проблемы на уровне организации самого производства решить было невозможно. Для этого нужен был прорыв в постиндустриальный мир, но до этого был еще целый век. К тому же индустриальная система материального производства далеко еще не исчерпала свои технико-производственные возможности – у нее тоже был еще век в запасе.

Исчерпано было другое: прежде всего – формы социальной организации и регуляции производственных и, что не менее, а быть может, и более важно, – внепроизводственных процессов, возникшие в раннеиндустриальную эпоху и не соответствовавшие ситуации конца XIX в. Например, «опасные классы», описанные Эженом Сю и в меньшей степени Оноре де Бальзаком, к середине XIX в. стали «трудящимися классами». Но к концу того же века «трудящиеся классы» превратились в массу, и это уже само по себе было опасно. XIX век – век классов сменялся XX – веком масс с их фобиями, иррациональным поведением, коллективным подсознанием. Еще в первой половине XIX в. тонко чувствующий Эдгар По уловил дуновение ветра будущего и написал блестящий рассказ – «Человек толпы».

В конце прошлого века три человека прозрели социальную суть грядущего столетия. Это были Фрейд, Тард и Ле Бон. Из них только Фрейд по ряду причин (включая и то, что связал массовую психологию с проблемами пола) приобрел известность. Тард и Ле Бон оказались почти забытыми. Правда, их хорошо знал и внимательно читал тот, кому положено было читать и знать работы о поведении толпы и кого, напротив, вопросы пола интересовали меньше, – Ленин. И если в «длинные двадцатые» (1914–1934) Тарда и Ле Бона вспомнили: европейцы – столкнувшись на улицах своих городов с коммунистами и фашистами, американцы – оказавшись лицом к лицу с гангстерами и мобстерами, то позднее о них опять забыли и – надолго. А зря. Эти двое поняли многое, в частности то, как хрупка прежняя, оставшаяся от раннеиндустриальной («опасно-классовой») эпохи институционально-организационная и идейно-ценностная форма организации производства и общества.

Бурно развивавшаяся на рубеже XIX–XX вв. промышленность создавала новые формы организации производства скорее путем рекомбинации, чем качественных прорывов (последние, повторю, возможны лишь при условии революции в самом производстве, что и произошло впоследствии в НТР). Но и этого вполне хватало для того, чтобы потребовать иной, новой формы организации функции капитала, коли уж нельзя революционно-производственным путем изменить субстанцию. Этого же требовали и сдвиги в непроизводственной сфере, вне сферы материального производства. Возникла кризисная ситуация. По сути это был кризис субстанционального капитализма, того, что К.Поланьи красиво, но неточно назвал «цивилизацией XIX в.». В чем он проявился? Прежде всего, в кризисе «саморегулирующего рынка», в мировом экономическом кризисе 1893–1896 гг., ставшем «последним поклоном» мирового экономического спада 1873–1896 гг., в начале упадка гегемонии Великобритании в мировой экономике.

И первыми это почувствовали – и испугались – сами англичане. Уже с 1870–1880-х годов (!) они начинают опасаться германского вторжения, создают новые спецслужбы. Все это порождает атмосферу тревоги и неуверенности. И такое состояние характерно не только для Великобритании (хотя особенно для нее – было что терять), но и для всей Европы. Что-то меняется в настроении. Среди бодрых мелодий оркестра XIX в. сначала щемяще, а потом все тревожнее звучит виолончель. К концу XIX в. чувство тревоги совершенно

очевидно. А ведь всего лишь за 20–25 лет до конца XIX в. уверенность, оптимизм и вера в прогресс казались непоколебимыми. Достаточно сравнить четыре самых известных романа Жюля Верна, написанные в середине 1870-х годов, и четыре самых известных романа Герберта Уэллса, относящихся к середине 1890-х годов, чтобы в полной мере ощутить разницу социальной и культурно-психологической атмосферы. Перефразируя Маркса и Энгельса, можно сказать: к концу XIX в. стало ясно – Функция бродит по Европе и миру, Функция капитала.

Социальные системы отреагировали на вызов функции капитала по-разному, но во всех случаях – в сфере функциональных форм. Промышленная стадия развития материального производства максимально ограничивала возможности решения противоречия на уровне субстанции. Первой реакцией социальных систем было резкое – трех-четырехкратное – увеличение численности бюрократии. Именно бюрократический взрыв на рубеже XIX–XX вв., представлявший собой самое настоящее наступление государства на общество, привлек внимание братьев Альфреда и Макса Веберов к проблеме этого социального слоя. За какие-то 20–30 межвековых рубежных лет численность бюрократии на Западе увеличилась в 3–5 раз!

Другой формой ответа на вызов социальной функции капитала стало формирование различных тайных организаций, «серых сообществ» (термин А.Мэнка), как легальных, так и нелегальных. С одной стороны, это бурный рост в последней трети XIX в. тайных полиций, спецслужб; с другой – зеркальный и синхронный процесс формирования тайных революционных групп и организованной преступности. Именно нелегальные и полулегальные организации стали формой развития большевизма, фашизма и национал-либерационизма, т. е. тех движений и структур, которые и воплотили впоследствии организацию и/или господство функциональных аспектов капитала над субстанциональными в сфере власти, политики, т. е. вне сферы материального производства в строгом смысле этого слова. Это были острые и крайние способы решения крайне острой проблемы. Агент спецслужб, гангстер и революционер сделаны из одного теста, которое замесили в последней трети XIX в., а выпекли в самый канун XX. И катятся с тех пор эти «колобки» по XX в. в темных очках, кожаных куртках, с автоматами в руках. Революционно-агентурно-криминальный трилистник, разработка социальной антропологии которого стоит на повестке дня, – фантастически интересная тема, но в данном случае нас она интересует как иллюстрация к одной из форм выхода функции капитала из-под контроля субстанции и возникновения в связи с этим проблемы контроля над этой функцией ее укрощения.

В острой и открытой форме, требующей острого и открытого решения, противоречие между функцией и субстанцией капитала и соответственно формами их организации проявляется только в зрелой фазе развития капитализма – индустриальной, т. е. в период между 1870/1880 – 1960/1970 годами. В доиндустриальную и раннеин-дустриальную эпоху развития капитализма значительная роль функции может быть лишь результатом слабого развития самого капитала, которому недостает функциональной силы, собственных форм и он вынужден привлекать внешние, еще непревращенные им в свои собственные формы управления. Например, абсолютистское государство при Старом Порядке, которое в качестве функции выступает как бы извне капитала и является для него прошлым, которое необходимо преодолеть, подчинив капиталу-субстанции, гражданскому обществу (сначала – как совокупности частных собственников, а затем полю их взаимодействия, куда постепенно допускаются, хотя бы частично, и несобственники).

В раннеиндустриальную эпоху господство государства как функции капитала над субстанцией и ее организацией – гражданским обществом (или как органа, осуществляющего для капитала функцию господства) могло реализоваться в специфических условиях, отклоняющихся от «капиталистической магистрали» благодаря высокому удельному весу небуржуазных групп (например, крестьянства). Это позволяло государству в течение какого-то времени не выражать и даже не отражать, а представлять интересы

буржуазии наряду с другими классами и группами, хотя и в разной пропорции выгод и потерь в каждом случае. Это – ситуация бонапартизма во Франции в XIX в., зафиксированная одинаково столь разными как по содержанию, так и по направленности мысли людьми, как Токвиль, Прудон и Маркс.

Однако и при Старом Порядке, и при бонапартизме господство функции капитала над субстанцией ограничивалось сферой политики, не распространяясь сколько-нибудь значительно ни на экономику, ни тем более на идеологию. Попытки расширить зону «функционального контроля» (например, якобинцами) не имели под собой реальной базы в раннеиндустриальной системе производства: внутри нее противоречие между субстанцией и функцией еще было далеко от остроты, и функциональный аспект был более или менее внешним для самого капитала. Именно по этой причине провалился якобинский опыт, который логически остался в истории как генетически нерасчлсненная форма тоталитаризма и коммунизма, а в самой Франции исторически оказался переходной формой от Старого Порядка к бонапартизму французской государственности, традиционно сильной и потому способной осуществлять функцию капитала и господствовать над его субстанцией, оставаясь по своему происхождению в значительной мере внешней по отношению к капиталу силой. Силой, в большей степени используемой им ввиду исторических обстоятельств, чем вырастающей из него. Переплетение произойдет позже.

Нет острых противоречий между субстанцией и функцией капитала (производство – организация, капитал – система капиталистической собственности в целом, государство – гражданское общество) в период промышленной революции (грубо говоря: 1750–1850 гг., т. е. от ее начала до того момента, когда результаты производственных изменений дошли до уровня быта) и какое-то время после этого. И хотя противоречия постепенно обострялись, в целом период 1815–1914 гг. можно смело именовать эпохой «субстанционального капитализма». Когда собственники были важнее организатора, а их (точнее: прежде всего их) организация – гражданское общество, его партии – сильнее администрации, т. е. «организации организаторов», государства. Разумеется, определение и капитализма, и эпохи дается по модельной стране, по стране-гегемону, лидеру мировой системы – Великобритании. Вплоть до конца XIX в. она была по сути ядром (или большей его частью) мировой капиталистической системы, ее центром, системообразующим элементом. Периодизации развития систем, их содержательные характеристики всегда даются по господствующему элементу. И не случайно субстанциональный капитализм начал клониться к упадку вместе с гегемонией Великобритании с 70-х годов XIX в., в период бурного промышленного развития мира, когда индустриальная система производства обрела зрелость, а в ядре мировой системы Великобританию потеснили Франция и особенно США с Германией. Причем во многом – за счет организационных, функциональных факторов – реакция на резкое обострение противоречия между функцией и субстанцией капитала. Можно сказать, что США и «рванули» в XX в. на основе и по пути успешного решения того противоречия капитала, о котором у нас идет речь (по сути – основного, центрального). Причем в значительной степени, максимально, насколько это было возможно сто лет назад, в сфере самого материального производства. Именно это и сделало США лидером XX в. Умные люди в самые первые его годы заговорили об «американизации XX столетия»! Я бы сказал: американизация – это функционализация. Точнее: ее наиболее успешная конкретная положительная производственно-социальная форма. В этом смысле США стали провозвестником не только XX в., но и функционального капитализма. Это был их путь и их вклад. Но путей в XX в. было несколько. Функционализация могла быть и не производственной, а социально-политической, и вообще антикапиталистической. Помимо американизации были и другие пути и в XIX в., и XX в. Они-то и определили этот век – быть может, потому, что не были так заземлены на производство и быт, как американский вариант? Речь идет о непосредственном, чистом, т. е. вне производства, триумфе социальной функции капитала. Функционализация по-американски была, с точки зрения функции, наименее чистой, самой овеществленной. Суть века выражают и выразили чистые формы:

коммунизация (интернационал-социализация), фашизация (национал-социализация) и национал-либерационизация («капитал»-социализация).

XVII

По иронии судьбы почти все лидеры, персонификаторы господствующих – функциональных – тенденций XX в. явили свой лик под самый занавес «календарность» (1789/1815 – 1914) XIX в. Причем сделали это в Великобритании, устроив своего рода демонстрацию или, если угодно, показ мод XX в.

Сначала (1912) в Великобританию приехал дягилевский балет. Дж. Б.Пристли, известный не только своими романами и пьесами, но также тонкими и проницательными исследованиями различных эпох английской и мировой истории, их духа, писал, что балет Дягилева был «бомбой Времени» (time-bomb) – он пришел как взрыв из будущего, из 1920-х годов, словно война уже прогремела и стала прошлым. Русские пробудили Диониса, дионисийское начало от долгого сна; то, что в легкой форме и скрыто присутствовало в легкомысленных венских «девятнадцатовековых» оперетках, в русском балете прорвалось в тяжелую поступь XX в. И многие это поняли (29, с. 238, 244–245).

Вслед за «русской делегацией» Дягилева, показавшей кое-что из русского пути в XX в., перед англичанами предстали американцы, рекламировавшие свой путь в будущее и исполнившие «песнь американского гостя». Песня, а точнее – шоу, называлась «Hullo, Rag-time». В ночь перед рождеством 1912 г. ревю под таким названием – поющие и танцующие девушки во главе со звездой Этель Леви – начало свои выступления на лондонском ипподроме. Если успех русского балета был обусловлен завораживающей комбинацией скорости, насилия и оргии, то американский триумф был обеспечен духом всепобеждающего оптимизма, энтузиазма, воли к жизни. Показательно, пишет Пристли, что ритмы регтайма были восприняты не столько простыми англичанами, сколько представителями молодого поколения среднего и высшего класса.

Я думаю, это естественно: слабеющие господствующие классы слабеющего гегемона мировой системы ощутили в «Hullo, Rag-time» сконденсированную энергию, мощь нового гегемона мировой системы. Кроме того, в отличие от русского балета, регтайм был прост и непугающ. В нем не было устрашающей силы, дававшей понять, откуда придут перемены. Даже такой далекий от политики писатель, как Конан Дойл, вложил в уста еще более далекого от политики Шерлока Холмса фразу: да, Уотсон, скоро подует холодный ветер с востока, и многое будет сметено этим ветром («Его прощальный поклон»).

За «Hullo, Rag-time» последовало «Hullo, Tango» – привет от будущего Третьего мира. Танго было встречено прохладно – как нескромный или даже неприличный танец низкого южноамериканского происхождения (ничего, танго возьмет реванш в послевоенные «длинные 20-е годы» (1914–1934), когда самоуверенность европейцев пойдет на убыль, а национал-либерационизм будет на марше).

Не было показа от «Дома мод фашистского движения». Здесь – своя специфика. Показ был, но не в 1912 г. В конце концов не все обязаны возвещать о своем приходе в мир. Россия, Америка и Третий мир возвестили, поставив в известность самого гегемона.

Кстати, в 80-е годы можно найти сходные аналогии демонстрации социокультурной моды от XXI в. Ламбада, например, «метит» на место танго. Но сейчас о другом. Общим для всех трех «гостей из будущего» были: скоростное движение, энергия, коллективизм и энтузиазм – бодрый или мрачный; во всех присутствовали, так или иначе, массовость, секс, насилие – привет XIX в. от «колоссов паники» функционального мира. Или, иначе: Зов Функции. Последним же приветом XIX в грядущему миру торжества социальной функции и одновременно прощанием с ним стала, как и должно было быть, трагедия.

В том же 1912 г., еще до начала мировой войны, произошло событие, ставшее символом крушения эпохи субстанционального капитализма и его флагмана – Великобритании. Гибель «Титаника» 15 апреля 1912 г. «Титаник» олицетворял мощь и

комфорт, достигнутые XIX в. и Великобританией. Мощь оказалась хрупкой, комфорт – смертельным. Не впадая в мистику, можно сказать, что такие катастрофы – случайные и закономерные одновременно – часто знаменуют надвигающийся конец эпох, систем, империй. Так, у коммунизма был свой «Титаник», возвестивший наступление – в обоих случаях в апреле – «мартовских ид» коммунистической системы. Да еще какой – Чернобыль. Несопоставимо по масштабу и внешней форме? Сопоставима – разные эпохи и разные системы продуцируют и разные символические катастрофы – знаки беды.

XVIII

У Гойи есть великолепная и страшная картина – «Колосс паники». На ней в профиль изображен обнаженный гигант. Его левая рука сжата в кулак. Правую не видно, но можно предположить, что она тоже сжата в кулак – вся поза выдает готовность к схватке. Гигант возвышается над долиной, по которой в панике, объятые страхом, бегут люди и несутся лошади. Паника-Колосс, Колосс-Паника. То есть Масса Паники, Паника Массы. Эта масса в начале XX столетия и породила трех «колоссов паники» – коммунизм, фашизм, национал-либерационизм. Подобно персонажу с картины другого великого испанского художника, Дали – «геополитическому ребенку», с кровью прорывающего пленку земного шара, «колоссы паники» XX в. – великие функционалы, ворвались в мир с кровью – своей и главным образом чужой.

Разумеется, «колоссы паники» смогли стать колоссами и победить там, где сопротивление было слабым, где формы организации субстанции капитала были пигмейскими по своему уровню развития. Однако, когда Англия и США вступили в противоборство с коммунизмом, испытали потрясение «великой депрессии», завершавшей «длинные 20-е», а затем начали смертельную схватку с фашизмом в лице прежде всего нацистской Германии, им пришлось тоже социализироваться и функционализироваться. Чтобы сокрушить фашистские диктатуры и противостоять коммунизму, «западным демократиям» тоже пришлось стать диктатурами – «либеральными диктатурами» среднего класса. Так, США обрели черты «либеральной диктатуры» благодаря «новому курсу» Рузвельта и Второй мировой войне.

Если вынести за скобки коммунизм и борьбу за гегемонию в мировой системе между США и Германией, то мировая война 1939–1945 гг. оказывается схваткой двух типов диктатур среднего класса. С одной стороны, это средний класс с сильной субстанциональной основой и не столь сильный в функциональном отношении (речь идет о роли государства); критерий допуска в диктатуру и принцип ее строения – классовый, либерально-универсалистский. С другой стороны, диктатуры среднего класса со значительными добавками других социальных групп, вследствие чего легитимация происходила не по классово-универсалистскому, а по расово-партикуляристскому принципу. Поэтому же здесь – торжество социальной функции, но в национальном облике; «нация как социальная функция капитала». Социальная функция капитала выражена внешне как «нация», а потому ее форма не столько государство, сколько партия как ядро нации; вот почему нацисты – в резком отличии от советских коммунистов – постоянно подчеркивали различие между государством и партией и фиксировали его в правовом и институциональном отношениях. Не случайно и различие формулировок: в сталинской России – «враг народа»; в нацистской Германии – «враг государства и народа» (а ядро народа – партия). Отсюда – национал-социализм, акцентирование народа, почвы и крови.

Победа над фашизмом и борьба с коммунизмом потребовали даже от наиболее развитых, субстанционально наиболее сильных форм капитализма их социализации. Жесткая диктатура среднего класса уступила место мягкой – welfare state.[1] Welfare state стало

[1] Предпочитаю не переводить этот термин, так как его традиционный перевод – «государство всеобщего благоденствия» – неточен, а наиболее точный, на мой взгляд, перевод, предложенный А.С.Донде, –

альтернативой фашизму на Западе, но в чем-то – и его преемником. Главным отличием был тип идеологической легитимации – не партикуляристский, национал-социалистический, а универсалистский, либерально-социалистический. Субъектом welfare stale стал широкий слой, который я предпочитаю называть «социалистической буржуазией». Речь идет о большом сегменте населения Запада, включая средний класс, часть рабочего класса и часть бюрократии, т. е. в него входила не только буржуазия, но и те социальные группы, которые, не будучи буржуазией по сути, не имея капитала, достигали уровня жизни среднего класса за счет перераспределительной социальной (т. е. функционально-социалистической) политики государства, за счет частного сектора. Welfare state – это и есть либеральная диктатура «социалистической буржуазии», одного из самых отвратительных типов западных элит, всех этих сытых политиков и профессоров, которые, имея буржуазный доход, любят порассуждать о пороках реального социализма, о тяжелой жизни трудящихся и о борьбе в Третьем мире. Это – «социализм сытых».

Однако, конечно же, не welfare state, а коммунизм был центральным и самым мощным из «колоссов паники». И само время возникновения коммунизма – годы, когда в Европе рушились последние несущие конструкции некапиталистического Старого Порядка, когда центр капитализма уходил из Европы, а следовательно, новая некапиталистическая крепость тоже должна была стать прежде всего мировой, а не только локально-европейской. Тот факт, что коммунизм просуществовал дольше других «колоссов», подтверждает уже высказанный мною тезис: капитализм, чтобы нормально функционировать, должен был иметь двойную массу. Антикапиталистический колосс был объективно необходим капитализму; он для капиталистической матери-истории был наиболее ценен. Фашистские диктатуры средних классов оказались для Запада и для капитализма бракованными формами (по ряду причин – экономических, исторических, цивилизационных). Национал-либерационизм только и мог оформиться в «колосса паники» тогда, когда такой колосс, как коммунизм, уже навел панику, т. е. на его фундаменте и с его помощью. В пропасть истории оба эти «колосса», принявшие форму Второго и Третьего миров, полетели вместе не случайно.

XIX

Я уже говорил о некапиталистических формах, которые либо консервируются, либо воссоздаются самим капиталом вне ядра мировой экономики. Но капитал в своей истории активно использовал и некапиталистические (докапиталистические) формы, имевшиеся в самом ядре. Здесь-то мы и встречаемся со Старым Порядком, с тем временем, когда капитализм, не имея собственных форм, использовал те, что сложились в период Великой капиталистической революции 1517–1648 гг. как отрицание феодализма и законсервировались лет эдак на 150–200. Будучи антифеодальной диктатурой, Старый Порядок по своему содержанию не был капиталистическим, но стал выполнять для капитала целый ряд функций, предоставил ему свои институты. Капитализм использовал эти формы, но одновременно и боролся против них, стремясь сбросить «старопорядковую» скорлупу. Постепенно эти институты наполнялись капиталистическим содержанием.

Союзником капитала в борьбе против Старого Порядка выступали социальные низы, носители народно-социалистических идеалов. На рубеже XVIII–XIX вв. под буржуазно-социалистическими ударами Старый Порядок пал. Старый Порядок был сломлен внутрисистемными (т. е. уже не великими капиталистическими) революциями капиталистической эпохи. Я предпочитаю этот термин термину «буржуазная революция» по ряду причин. В том числе и потому, что эти революции как революции буржуазные – миф. Его создала либеральная традиция, а Маркс некритически заимствовал. Поскольку капитал – это единство несовпадающих субстанций и функций, поскольку социальная функция капитала автономна, любая революция капиталистической эпохи является теоретически в

«государство всеобщего собеса», вызывает не относящиеся к нему ассоциации.

той же степени социалистической (не путать с коммунистической), что и буржуазной. И чем более социалистической, тем более великой. Не случайно самой великой из капиталистических революций была французская, в которой решающую роль играла вовсе не буржуазия и в краткосрочной перспективе выиграла вовсе не буржуазия, в результате чего развитие капитализма во Франции затормозилось на 70 лет. Но, разумеется, были и буржуазные революции. И чем буржуазнее – тем мельче. История революций капиталистической эпохи еще не написана, как и история Старого Порядка, который предстоит переосмыслить, по крайней мере, в качестве технологии власти. Как знать, не придется ли Европе и России обратиться к этому «технологическому опыту» в XXI в.?

Отступая и уступая, Старый Порядок просуществовал в Европе до войны 1914–1918 гг. Разрушение некапиталистических («раннекапиталистических») форм Старого Порядка в ходе развития капитала и под натиском социальных низов внанесло удар и по самому капитализму. Й.Шумпетер писал, что, разрушая докапиталистический (сам Шумпстер ошибочно называл Старый Порядок феодальным, но в данном случае это не имеет значения) каркас общества XIX в., разрушая институциональные устройства, оставшиеся от предыдущей эпохи, «капитализм разрушал не только барьеры, которые мешали его прогрессу, но также и те несущие конструкции, которые не давали ему обрушиться» (31, с. 135, 139).

Речь по сути идет о том, что благодаря Старому Порядку капитализм получал от «некапитализма» некую двойную или, по крайней мере, полуторную массу и тем самым компенсировал свою неспособность до поры охватить социально даже само ядро мировой капиталистической системы. Как только Старый Порядок был изжит и перемолот в войне 1914–1918 гг. и ткань ядра стала целиком буржуазной, понадобился некапиталистический «пузырь-балансир» вне его, на мировом уровне. Думаю, поэтому некапиталистическая константа, некапиталистическая компонента двойной массы капитализма и откристаллизовалась вне ядра именно тогда, когда Старый Порядок в ядре превратился в пепел и уже не мог обеспечивать двойную массу, обеспечивать пространство развития функциональных элементов капитализма.

И хотя, повторю, в нокдаун Старый Порядок – и политически и морально – послала Великая французская революция, он тем не менее продолжал сопротивляться еще в течение столетия. Окончательно разделалась с ним мировая война 1914–1918 гг. В ее логике просматривается много разных линий; одна из них – окончательное решение «старопорядкового» вопроса, ликвидация остатков Старого Порядка и его вялогероическое сопротивление. После Великой войны (а именно так называли войну 1914–1918 гг. люди XIX в., воевавшие в ней; война 1939–1945 гг. воспринималась уже людьми, выросшими в XX в., а потому не казалась великой; страшной – да, и нормальной – тоже; но не великой) от Старого Порядка остаются лишь останки, он сводится до камерных форм.

Кстати, значительная доля шарма романов и повестей Агаты Кристи заключается в том, что их действие происходит на островках и оазисах Старого Порядка, будь то «Восточный экспресс», провинциальный городок в Англии или судно, совершающее экскурсии по Нилу, наконец, старый замок – посреди пепла и пустыни Времени XX в. Показательно и то, что в «длинные 20-е», как отмечают специалисты, по сути умирает детективный роман и его место занимает роман полицейско-криминальный, где главный герой – человек толпы, будь то полицейский или преступник (32, с. 25, 153). Детектив – это, как правило, в своем роде, аристократ. Это – субстанция, а не функция.

Но смена детектива криминально-полицейским романом, конечно же, далеко не самая яркая манифестация «нового прекрасного функционального мира». Значительно более яркий симптом – рождение теории относительности. С ее появлением совпала разработка учения о партии нового типа, для которой все относительно, кроме власти. Согласно этому учению, власть есть функция настолько более важная, чем все субстанции, что вполне оправданно говорить о Власти как об Абсолюте, как о Великой Абстракции. И, разумеется, большевики

были «великими абстракционистами» власти. В этом смысле учение о партии нового типа[2] одновременно и властная теория относительности, и абстрактное искусство власти. Торжество функции – вот общий знаменатель для Относительности и Абстракции.

Если Ульянов-Ленин разработал и воплотил в жизнь концепцию организации, обособленной от любого содержательного типа деятельности, а потому способной овладеть любой формой, то его товарищ по партии – А.Богданов стал основоположником теории такого рода. Именно он заложил основы «всеобщей организационной науки», названной им «тектологией», предвосхитив тем самым Л. фон Берталанфи с его теорией систем и Н.Винера с его кибернетикой. Кстати, все эти дисциплины – символ Века Функционализма, эпохи автономии и отрыва функции от субстанции. В искусстве указанным примерам соответствует абстракционизм. В этом смысле очень символично, что у Врат Века Великой Функции стоят трое русских – Ленин, Богданов и Кандинский. Их имена будут написаны на обломках самовластья функции и ее мира. И это неудивительно: ведь именно Россия, русско-советский коммунизм с максимальной силой воплотили торжество функции капитала над субстанцией – и капиталистической, и вообще любой.

«Западная команда» – Эйнштейн, Кафка, Чаплин – зафиксировала торжество этой функции, так сказать, в ограниченном масштабе, в рамках капитализма, не покидая его пределы. Точнее, это трио отразило тот факт, что Западная Система, Европейская цивилизация не допустили отрыва функции капитала от субстанции, ее освобождения и выхода за рамки капиталистического общества как западного. Они суть символ одновременно и мощи функции капитала, и силы Европейской цивилизации – и вообще, и по отношению к этой функции в частности. На Западе, в ядре Капиталистической Системы, субстанция капитала оказалась сильнее не только как таковая, но и как субстанция европейской цивилизации, как элемент последней. Субстанция вырастает из прошлого, из времени, функция пребывает прежде всего в настоящем, оно – ее поле: функция действует в большей степени в пространстве, чем во времени. Ей нужно пространство. Поле. (Кстати, Пушкин любил называть полем историю России.)

Европейско-капиталистическая субстанция с ее «буйством вещности» (т. е. накопленного труда, накопленного времени, накопленной собственности) особенно поражала русский глаз и русский ум. Дорогого стоит свидетельство М.Н.Тихомирова – бывшего народовольца, а затем – монархиста. Он попал в Западную Европу (Франция, Швейцария) в 1880-е годы. Вот его впечатления: «Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь деревенские дома. Каменные, многосотлетнис. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме деда, потому что он при самом деде два–три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное… И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут как моллюски в коралловом рифе» (13, с. 148–149).

Тихомиров точно и тонко уловил суть: наличие субстанции, накопленной европейской цивилизацией и капиталом, как преграда на пути революции, как тот груз, который поднять

---

[2] Мое внимание на это совпадение обратил Ю.С.Пивоваров, который, однако, считает, что разрыв Ленина с предшествующей политической традицией был намного сильнее, чем разрыв Эйнштейна – с предшествующей научной традицией. С этим нельзя не согласиться: русская реальность, в отличие от западной, и исторически вела к такому проходящему точку возврата разрыву, и логически требовала его.

и от которого оторваться функция капитала не может.

Субстанционально капитализм – тоже «двойная масса». Он многого требует: двойной массы в пространстве капиталистической системы (капитализм – антикапитализм), двойной массы во времени (капитализм – Европейская цивилизация). Функцию капитала способна укротить лишь двойная субстанция. И она делает это. Но потому-то западное «функциональное трио» и уступает русскому. Последнее воплощает одновременно силу функции капитала и слабость-силу Русской Системы (о Русской Системе – понятии и реальности – подр. см. 8). Слабость как вещественной субстанции. Силу как власти-субстанции. Встреча России с капитализмом вышла как встреча двух властей: власти-как-субстанции (самой по себе) и власти-как-функции капитала. Результат – супервласть. Власть – черная дыра, качающая энергию из обозримой (капиталистической) Вселенной. Коммунистическая революция – это властно-техническая революция (ВТР). Между ВТР и НТР уместился XX в.

Коммунистическая зона возникла, во-первых, на месте (и вместо) самодержавной России, считавшейся вместе с Австро-Венгрией последним оплотом Старого Порядка. Во-вторых, на месте единственной по-настоящему мировой и некапиталистической империи; в-третьих, империи, не сокрушенной ни немцем, ни капиталом. Возможна и другая постановка проблемы: капитализм не мог по целому ряду причин предложить положительное решение проблем, стоявших перед Россией, и она выбрала отрицательный вариант взаимодействия с ним. Но для того, чтобы реализовать этот вариант, нужно было заполнить вакантную некапиталистическую зону в самой Капиталистической Системе, стать компонентом его двойной массы, его отрицательным зарядом и поддерживать капитализм сопротивлением ему.

Конкретно эта поддержка заключалась в том, что СССР организовал, причем на основе универсалистской легитимации, приятно пахнущей Просвещением, Жюль Верном и XIX в., огромное пространство, которое индустриальный капитализм не мог не только переварить, но и проглотить, не мог ни использовать на капиталистический лад, ни контролировать. И в то же время не мог оставить в бесконтрольном и беспорядочном состоянии. Наличие СССР, пусть антикапиталистической зоны, но члена международной межгосударственной («вестфальской») системы, а потому – государства, потому – носителя капиталистической функции, хоть и негативного, решало эту задачу. Разумеется, СССР стал центром притяжения для всех антикапиталистических сил, он их упорядочил. Но тем самым он сделал их более предсказуемыми для капитализма, в целом подпадающими под логику «государственных интересов СССР». А потому – манипулируемыми посредством СССР. Договариваясь и контактируя с Коммунистической Системой как с «государством СССР», капитализм мог косвенно, опосредованно если не контролировать, то политически воздействовать на те регионы, которые он не контролировал экономически.

Наконец, в той зоне мира, которую капитал контролировал экономически, само существование коммунизма, СССР придавало дополнительную политическую и идеологическую легитимность капитализму, западному образу жизни. Гегемону этой системы эпохи функционального капитализма (1914/1917–1991) – США при всех его жандармских акциях существование СССР позволяло сохранять облик «оплота свободы» в мире, противостоящего «коммунистической тирании», обеспечивало его врагом (или образом врага), способствующим консолидации вокруг США «всех друзей свободы и демократии» (а кто не с нами – тот против нас, значит – коммунист; а подать сюда, например, Патриса Лумумбу!). Если бы даже СССР не возник, то капитализм должен был бы его выдумать. Или выделить из своей среды, выбрать. Сказал же Бисмарк в свое время, что социалистический эксперимент провести, конечно, надо, но для этого следует выбрать страну, которую не жалко. Выбирать, однако, не пришлось. Доброволец нашелся – страна, которая вошла в «горящую избу» мировых войн Россией, а вышла Союзом и дважды на скаку останавливала Германию.

Но и России ее превращение в нечто типа «антикапиталистического лагеря СССР»

логически было необходимо не менее, чем капитализму. Ей тоже нужна была новая организация (прежняя устарела), пусть на антикапиталистический лад, огромного евразийского пространства, евразийского Heartland'a, на котором в истории не то что феодализма и капитализма, но и просто чистых, неразмытых социальных форм, спрессованного социального времени отродясь не было. Чистые социальные формы – будь то «азиатский» способ производства, античное рабовладение, феодализм или капитализм – могут возникать и возникали в Евразии только на ограниченном пространстве Прибрежного Пояса – от побережья Японского и Желтого морей до побережья Бискайского залива и пролива Ламанш. Логика и содержание развития двух этих зон Евразии совершенно различны, и это различие значительно глубже, чем таковое между капитализмом и некапиталистическими формами.

Перед нами – принципиально разные варианты освоения земного пространства – времени (времени – пространства), требующие принципиально разных методов, теорий и форм организации знания. Это – особая проблема, мы не будем в нее углубляться. Отмечу лишь то, что необходимо с точки зрения нашей темы. Только отталкиваясь от капитализма с опорой на него, используя его функцию, Русская Система могла перейти в новое структурно-историческое состояние. Выкупавшись в котле мировой войны Капиталистической Системы, революции и гражданской войны, умытая кровью Россия обернулась «добрым молодцем» СССР о пятнадцати головах.

В известном смысле функция капитала для Русской Системы стала в начале XX в. одновременно и спасением, и проклятием. Обе эти характеристики тогда оказались выраженными неизмеримо сильнее, чем в начале XVIII в., и потому Антихрист-2 Русской Истории (Ленин) оказался неизмеримо мощнее Антихриста-1 (Петра I). Неудивительно: Петр опирался и отталкивался от варварского североевропейского капитализма, Ленин – от глобального мирового; во времена Петра функция капитала еще не была столь мощной и интериоризованно-автономной; Ленин использовал и укрощал уже мощную и автономную социальную функцию капитала.

Но использовал и укрощал не в центре Капиталистической Системы, не в ядре Европейской цивилизации. В последнем субстанция, накопленная Европейской цивилизацией и капитализмом как стадией развития этой цивилизации (и одновременно ее отрицанием) и сконцентрированная на ограниченном пространстве, спрессованная во времени (субстанция и есть спрессованное время), оказалась действенным оружием против отрыва функции, «разгуляя» последней. «Прессовать», овеществлять время возможно только на ограниченном пространстве. Для «разгуляя» функции, ее побед в качестве первичного необходимого условия требуется, напротив, значительное («неограниченное») пространство.

Евразийское пространство России, способное истончить любую материальную субстанцию, как нельзя лучше подходило для этого. Более того, функция капитала (оторванная от него в виде власти и слившаяся в историческом экстазе любви-самоуничтожения – «брак паукообразных», Totliebe – с властью-субстанцией Русской Системы) вообще оказалась исторически наиболее плотной и эффективной формой организации евразийского пространства России. Негативная функциональная капитализация – коммунизм – предоставил этому пространству и угнездившимся на нем Власти и Популяции (населении) такую форму организации, какая до, без и помимо капитализма здесь никогда не возникла бы.

Разумеется, на евразийских просторах и до XX в., до эпохи функционал-капитализма, существовали различные формы организации. Но если поставить их рядом с теми, что были выработаны тысячелетней эволюцией зоны Прибрежного Пояса Евразии – зоны «ограниченных пространств», то последние приобретают черты «порядка», а первые – «хаоса». Конечно, «порядок» и «хаос» – явления относительные, взаимопревращающиеся. И все же. Огромная часть глубинной Евразии в течение многих столетий была организована как минимум на порядок, на уровень ниже, чем цивилизации Востока, Юга и Запада евразийского побережья. Последнее противостояло глубинным зонам как Порядок – Хаосу.

И не случайно желание китайских и римских императоров отгородиться от Глубинного Хаоса и Хаотической Глубины великими стенами и валами. Это был первобытный хаос, давно уже преодоленный на ограниченных пространствах Побережья.

В эпоху до капитализма глубинная зона Евразии постоянно создавала проблемы для Побережья: оттуда приходили кочевники и вообще катились волны переселяющихся народов, там внезапно возникали великие империи – например, Монгольская, которая как бы нависала над Прибрежным миром. Империи эти не отличались ни стабильностью, ни высоким уровнем или сложностью организации. Тем не менее докапиталистический мир, неспособный контролировать Зону Хаоса, не испытывал в этом производственной потребности. Это не было его экзистенциальной проблемой. Для капитализма, возникшего на Дальнем Западе Евразии и к середине XIX в. не только охватившего весь Прибрежный пояс, докатившись до Дальнего Востока, но и окольцевавшего своей властью почти весь мир, русская Евразия стала экзистенциально-производственной проблемой.

Эту зону, повторю, нельзя было ни включить в капиталистическое время, в мир капиталистической собственности, т. е. субстанциализировать, ни оставить без контроля. Голая функция капитала решила эту проблему. Но Русской Системе, превратившей эту функцию в коммунизм (можно и иначе: функция капитала исторически превратила Русскую Систему в коммунизм), функция капитала предоставила такие организационные формы, которых ни та, ни характерная для нее власть сами по себе выработать не могли. Таким образом, по крайней мере, пока коммунизм исторически оказался высшей и наиболее эффективной формой организации глубинной зоны Евразии, зоны «первобытного хаоса»; иными словами, коммунизм, коммунистический порядок – это не порядок и не хаос, это результат их взаимодействия. Упорядоченный хаос, хаотический порядок – в таких потоках и проблема развития стоит иначе, чем обычно.

Но «высшей», «наиболее эффективной» – не значит ни «хорошей», ни «прогрессивной». К тому же: хорошей – для кого? Прогресс – что это? Как говорил Ежи Лец, если людоеды начали пользоваться вилками и ножами – это прогресс? Речь о другом: о чисто «кибернетическом», социосистемном аспекте.

И если ныне коммунизм пал, то это может означать несколько вещей. Если проблема русской Евразии перестает быть для мировой капиталистической системы экзистенциально-производственной, то, следовательно, система эта перестает быть либо мировой, превращаясь в совокупность макрорегионов, либо капиталистической. Если капитализму не нужен коммунизм, если его меньше волнует проблема традиционной зоны «неограниченных пространств», то, боюсь, вскоре Западу не будет нужен капитализм.

В свое время, чтобы выжить, чтобы продолжать развиваться по логике Европейской цивилизации (революция есть имманентная форма развития европейской цивилизации, ее субъекта), феодалы вступили на путь логического превращения во что-то иное, диаметрально противоположное. Исторически вышло – в капиталистов. В соответствии с этой же логикой (разумеется, если не считать капитализм концом и венцом истории) настанет момент (и, думаю, он недалек), когда субъекты капитализма, чтобы остаться, во-первых, господствующей группой, во-вторых, в рамках логики развития Европейской цивилизации, должны будут вступить на путь социальной самотрансформации в нечто иное, скорее всего – в диаметрально противоположное. Не скажу: в антикапиталистов, хотя и такая возможность не исключена. Но, скажем так: из по преимуществу экономически господствующей группы в группу, реализующую свое господство главным образом внеэкономически. Такие превращения – не новость в истории. Ведь начала же советская номенклатура, чтобы выжить, превращаться из группы внеэкономического господства в группу, которая господствует в обществе экономически. Это превращение и символично, и симптоматично.

Коммунизм был негативно-функциональным Зазеркальем капитализма, где все наоборот. Не случайно в перестроечном СССР «правыми» называли тех, кого во всем мире именуют «левыми», – и наоборот. Создается впечатление, что экономизация советской

номенклатуры, составляющая главную суть социальной революции, новой русской Смуты, начавшейся в середине 80-х годов и окончившейся, если верить В.С.Черномырдину, 29 апреля сего года (заявление о том, что хватит революций, т. е. революция окончена, забудьте), представляет собой две вещи. Во-первых, очень возможно, что это – зеркальное предвосхищение-отражение внеэкономизации (революционной или эволюционной) господствующих групп капиталистической системы: Россия и в начале XX в. – разумеется, по-своему, в крайней и чистой форме, умывшись кровью, знай наших, бей своих – чужие будут бояться, – показала миру кое-что из его будущего. Во-вторых, это – составной элемент, российский аспект глобальной трансформации капиталистической системы, проявляющейся в резком сокращении объема «общественного пирога», в уменьшении численности и качества господствующих групп, в увеличении численности низов, размывании среднего класса. Но такая трансформация «больших чисел» не может остаться количественной, она потребует качественного изменения. Естественно, Субстанциональная и Функциональная (по происхождению подсистемы) будут входить в мир, устраняющий само противоречие, породившее эти подсистемы, диаметрально противоположным образом.

Так что же получается? Антикапиталистическая революция или антикапиталистическая эволюция мира предполагает устранение, уничтожение коммунизма? Или, иначе, падение коммунизма есть первый шаг в антикапиталистическом повороте Запада (и мира)? Разрушение коммунизма – первый приступ антикапитализма, и русские опять впереди планеты всей, как и в начале XX в., и Россия – опять та страна, которую не жалко использовать для эксперимента? «Антикапитализация» мировой системы предполагает реанимацию «зон хаоса»? Но не грозит ли тогда этот процесс, по крайней мере для этих зон, уже просто асоциализацией? На эти вопросы я попытаюсь ответить позже. Сейчас я хочу еще развернуться к русскому трио великих функционалов XX в. Они подвели многие итоги XIX в., развеяли пепел выгоревшей и отработанной субстанции и овладели функцией, вцепившись в нее мертвой хваткой. Эту хватку смогла расцепить только НТР.

Россия – наследница европейского XIX в.? Похоже. Но упаси Бог – не от наследия, от такого типа наследования. Бог не упас. Может, потому что русский бог, как писал П.А.Вяземский, это:

«Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог».

Для «патриотического сознания», конечно, соблазнительно лишний раз свалить все на иноземцев – татар и латышей, немцев и евреев, но такой подход и есть самый русофобский. Ведь если «малый народ» все время командует «большим народом», то значит никакого «большого народа» нет, а есть большой воск. Или что-то похуже. Нет, дело не в иноземцах, а в том, что было некое пустое место, которое и заняла Функция Капитала (свято – как и несвято – место пусто не бывает), ставшая в XX в. русской истории Русским Богом.

Но штука-то в том, что место для этой функции готовили и подготовили вся эволюция Русской Системы и особенно XIX в. русской истории. Ведь не случайно гоголевская птица-тройка (Россия) была пустой, в ней никого не было, она неслась сама по себе, не давая ответа, куда несется «по-над пропастью». Субстанционального ответа во властецентричном, властно, а не материально-собственнически ориентированном развитии Русской Системы и быть не могло. Это отсутствие, помимо прочего, и свело Гоголя с ума – он не хотел видеть ответ в тех типах-функциях, которые изобразил в «Мертвых душах». А они-то и были предтечами функционального ответа XX в. Гоголю. Ответил Ленин. Поэтому Розанов, умирая, имел все основания выдавить из себя нечто вроде: «Ты победил, проклятый хохол». Но хохол не победил, он был побежден – тем, чего всю жизнь боялся. И это что-то явилось в виде функции капитала, самый законченный облик которой оказался русским ликом. И если

русским богом XX в. стала функция капитала, то богом самой этой функции в XX в. стал русский коммунизм.

В конце XIX в. Ницше возвестил: «Бог умер». Да, умер субстанциональный Бог. В конце XX в. умер функциональный Бог (или, если угодно, Антибог, но в данном контексте это различие значения не имеет). И если коммунизм (марксизм) для Капиталистической Системы выполнял ту же функцию, которую для Европейской цивилизации в целом выполняло христианство, то падение коммунизма (и марксизма) как последнего прибежища «христианства освобождения» («бородатый Чарли» лишь сместил фокус освобождения с сердца, как это было у Христа, на желудок; марксизм и есть «ожелудочивание» христианства), как последней надежды низов и части средних классов на их прогресс, означает: кончилось или заканчивается на наших глазах нечто очень важное. Но провалилась Великая Мечта не только низов, но и верхов – либерализм. Круг замкнулся, сражавшиеся друг с другом скелеты рухнули в пропасть. Их нет. Пропасть – осталась. Спастись не удалось – ни по «линии Христа» (сердце), ни по «линии Маркса» (желудок), ни по «линии Фрейда» (детородные органы; «сексуальная революция» оказалась самой короткой из всех – как оргазм). Остается спасаться и утешаться по «линии Эйнштейна» – все относительно. Но такое спасение смертельно для европейца.

Кризис рубежа XX–XXI вв. и двух тысячелетий по «принципу конструкции» оказывается похожим на матрешку или даже на секрет «Кощеевой смерти»: за коммунизмом скрывается капитализм, за капитализмом – христианство и христианский исторический субъект, Европейская цивилизация в целом – наиболее субстанциональная из исторически известных. В этом смысле капитализм – и высшая стадия, и зияющие высоты европейской цивилизации, ее «воля к смерти», игла ее смерти. Ну а коммунизм – игла смерти капитализма.

Ах, как недальновидны аплодирующие смерти коммунизма и полагающие, что вслед за этим открывается дверь в светлое капиталистическое будущее – нужно только дернуть за веревочку. Дверь-то открывается, но куда? И кто там, за этой дверью? Героиня одной сказки, словно по иронии судьбы носившая шапочку красного цвета, дернула. «Гамлетовским» – и последним – вопросом этой героини был: «Бабушка, а почему у тебя такие большие зубы?» А счастливый конец вопреки всему – это только в сказках.

Так что же, учение о «партии нового типа» (и «всеобщая организационная наука»), теория относительности и абстрактное искусство – это «знаки на стене» не только капитализма, но и Европейской цивилизации? Символы того, что время не только капитализма, не только Современности, но и Европейской цивилизации изогнулось, сплющилось и потекло, подобно часам на картине Дали? Похоже. Но это совершенно особая тема. В любом случае: кризис капитализма – вызов, брошенный Историей Европейской цивилизации, господствующим группам современного Запада. Да и не только Запада, но и России. Здесь мы и они «скованные одной цепью». Но об этом позже.

Таким образом, коммунизм помимо прочего есть компромисс между Капиталистической Системой и Русской Системой по поводу евразийского пространства, которое капитализм в начале XX в. не мог освоить и взять, но и не мог оставить и отбросить. А самодержавие в начале того же века достигло предела в структуризации этого пространства и уперлось в комплекс неразрешимых для него вопросов. В этом смысле коммунизм стал результатом стихийного совместного творчества двух систем – Капиталистической и Русской – в поисках решения очень русской – но не России, а капитализма – проблемы: «пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Коммунизм и стал этим «туда и что».

Но если копнуть глубже, то коммунизм – это результат творческого компромисса на костях населения не только между двумя названными системами, но и между теми, что лежат под ними, служат фундаментом. Речь идет о компромиссе между Глубинной Евразией (Heartland) и Прибрежным Поясом, между социальным пространством и социальным временем Старого Света. Скуластый, с азиатским прищуром гениальный русский европеец

Ленин – одновременно субъект, символ и памятник этому творческому компромиссу, который свел воедино две системы. Но сами эти системы суть лишь верхушки двух исторических айсбергов Евразии, о самом существовании которых как исторически значимых, как обладающих особыми и различными пространственно-временными характеристиками и организациями, мы начинаем узнавать лишь сейчас, когда, похоже, стаивают верхушки айсбергов (потому-то исчез результат компромисса между ними) и становятся более различимыми те семь восьмых, что скрываются под водой истории.

XX

Итак, коммунизм прямо, а фашизм и *welfare state* косвенно, помимо всего прочего (поскольку их суть и действия не сводятся лишь к этому), выполняли для капитализма ту функцию, которую в XVIIXVIII вв. выполнял Старый Порядок. Функцию, в которой в течение счастливого (18151871) периода жизни субстанционального капитализма (18151914/1917) не было столь острой нужды. Можно сказать что, по крайней мере, логически, коммунизм это Старый Порядок, вынесенный за рамки исторического ядра капитализма и обращенный против самого капитализма. Но с использованием той идеологии, которая в самой Европе была направлена именно против Старого Порядка! То есть нечто вроде антикапиталистической изнанки Старого Порядка. А раз изнанка, значит все логично: низы господствуют над буржуазией; да и раннеиндустриальность коммунизма как нельзя лучше соответствует Старому Порядку.

В течение 5070 лет коммунизм, фашизм (затем welfare state) и национал-либерационизм каждый по-своему, прямо или косвенно решали в мировой системе капитализма на уровне власти, политики, государства, в социальной и духовной сферах ту проблему, которую капитализм не мог решить на уровне материального производства, до тех пор пока оно было промышленным, индустриальным; пока функциональные аспекты капиталистического производства не имели адекватной формы, носителя в самом материальном пространстве, а потому их полем была прежде всего внепроизводственная сфера, социальные и духовные производительные силы. В течение указанного срока они в целом хорошо справлялись со своей задачей. Ну а время с середины 40-х годов и почти до середины 70-х годов стало периодом полного расцвета социал-функционалов и их соответственных «измов». В этом смысле XX в. был веком не только массового общества, но и «глобального социализма». Впрочем, это две стороны одной медали.

Однако ничто не вечно. «Славное 30-летие (19451975) сменилось» «грустным 20-летием» (19751995), за время которого структуры, воплощавшие триумф социальной функции капитала, стали трещать, ломаться, приходить в упадок, а затем к удивлению и внезапно для наблюдателей умерли или почти умерли. Welfare state, придя в упадок, засыпает если не вечным, то летаргическим сном без видимых шансов на пробуждение. Национал-либерационизм задохнулся под тяжелой плитой Третьего мира. Ну а в 1991 г. подошел к концу и жизненный путь патриарха функционалов, умер их Pater familia коммунизм, 70-80-е годы стали осенью этого патриарха. Сначала золотой, а затем склеротично-мапазматической, что и нашло символическое воплощение в трех генсеках, уходивших в мир иной словно по графику – чуть ли не ровно с годовым интервалом. Словно головы отваливались у одряхлевшего Змея-Горыныча.

Почему последние «колоссы паники» ушли одновременно? Что случилось? Есть ли какая-то одна-единственная причина? Думаю есть. Эта причина называется научно-технической революцией. Именно НТР, как порождение капитализма, обусловленное как его внутренним развитием, так и противостоянием коммунизму в рамках двойной массы («борьба нанайского мальчика с медведем», но по правилам «русской рулетки»), последовавшие за ней экономические, социальные и политические изменения сначала нагнали панику на «колоссов паники», создали им «нелетную погоду», а затем свели в могилу и заказали реквием. Ну и по ком ззонят Колокола Истории? Кто звонарь? По

коммунизму?

Для кого сочинял свой реквием Моцарт? Сочинял для человека в черном, который, как известно, прескверный гость. А вышло-то для себя.

XXI

Индустриальная система производительных сил представляет собой вещественную базу субстанционального и функционального капитализмов, этих двух сторон – светлой и темной Современности. Она основана на господстве материальных факторов производства «ад социальными и духовными, предметно-вещественных над энергетическими и информационными и отражает господство субстанции над функцией на уровне действительного процесса производства. Энтээровская система производительных сил, напротив, предполагает господство функциональных элементов в процессе действительного производства. Энергия и информация становятся важнее их вещественных носителей. Вокруг двух этих «цариц XXI в.», а не их носителей, строится система производства – ia господстве социальных и духовных факторов над материальными. Получается: mens agitat molem (ум двигает вещество) в буквальном смысле. Нематериальная функция капитала обретает, наконец, адекватную себе форму внутри самого производства. Происходит функционализация производства. Падает последний бастион, последняя монополия субстанции капитала. По крайней мере в самом производстве.

По сути НТР на уровне действительного процесса производства, на уровне самого материального производства решила главное, осевое противоречие капитализма – между субстанциональными и функциональными аспектами (элементами, сторонами) системы. Основная, системообразующая субстанция системы становится функциональной, невещественной, несубстанциональной. Становится функцией. В известном смысле НТР производит на свет тот же результат, что и коммунизм. Но реализует это не как попытку компенсировать установлением контроля над социальными и духовными факторами производства недостаточный уровень развития материальных факторов производства (обесценивавший собственность на эти факторы и не позволивший ей стать системообразующим фактором) и не как неспособность организовать контроль над материальными факторами производства в данных условиях. НТР реализовалась не на негативной основе, не из-за недоразвитости и слаборазвитости специфической формы материального производства, а на позитивной основе исключительно высокого уровня его развития, эволюционным путем достигшего своего предела. Причем сделано это без выхода за рамки организации производства, не вторгаясь в сферу организации общества в целом. Предметно-вещественные, субстанциональные факторы производства становятся вторичными по отношению к функциональным. Все эти сдвиги происходят внутри самого материального производства, в рамках его собственной, а не социально-политической и идейной организации. Сдвиги в последней приходят как следствия. Устанавливается примат энергоинформационных элементов производства над предметно-вещественными.

С точки зрения отношений собственности это означает, что главным становится контроль над социальными и духовными факторами производства, над их единством организацией как таковой, как процессом. В свою очередь это означает: то, что раньше достигалось с помощью социально-политической организации, на уровне власти и идей, теперь может быть реализовано посредством производственной организации, на уровне собственности правда на особые факторы производства, которые ранее могли быть объектами лишь власти. И потому для такого перехода не нужны насилие и «колоссы паники». Точнее пока не нужны. Пока хватило тэтчеризма и рейганомики, подорвавших welfare state и основы благосостояния старого среднего класса «социалистической буржуазии». Я подчеркнул пока, поскольку в XXI в. могут явиться новые «колоссы паники». Разумеется, не те, что в XX в. История дама творческая.

НТР в 70-80-е годы производственно укротила функцию капитала, взорвавшуюся в

1020-е годы коммунизмом и фашизмом. Производственным образом решила то, что до нее непроизводственным образом решали welfare state и особенно коммунизм. НТР это производственно-технический аналог коммунизма. Только без насилия и без самого коммунизма. Короче, НТР это «коммунизм по-капиталистически». А потому в мире НТР нет места коммунизму. Научно-техническая революция последней трети XX в., НТР, социально резко уценила, а затем помножила на ноль результаты происшедшей в начале века в России властно-технической революции, ВТР. Компьютер, повторю, значительно более эффективен в устранении грани между публичной и частной жизнью, в. их гомогенизации, чем разбирательство на партсобрании («давай подробности», кто и как «с племянницей гулял тети Пашиной»). Компьютер, электронные средства слежения дают такие возможности скрытого и незаметного проникновения в частную жизнь человека, какие коммунизму и не снились. В определенном смысле ВТР низшая форма НТР.

Сверхакцентируя, рекомбинируя и трансформируя социальные и духовные формы производства как типы производственной организации (поэтому Ленин в своих работах, особенно в «Государстве и революции» постоянно подчеркивал, что коммунисты должны овладеть и уметь пользоваться всеми формами, созданными капитализмом), коммунизм мог в какой-то степени конкурировать в сфере материального производства с индустриальным капитализмом. Однако он не способен конкурировать с капитализмом постиндустриальным, основанным на господстве тех же самых факторов производства, что и коммунизм, но внедренным не внеэкономически и искусственно по отношению к непосредственному производству, а именно экономически, в предметно-производственной форме. Здесь не КПСС-КГБ, а само материальное производство, его развитие становятся решающей гарантией господства энергии и информации над веществом, социального и духовного над материальным, функции над субстанцией. С таким конкурентом коммунизм соперничать уже не может. Здесь не только разрыв и отставание становятся вечными, навсегда, но сами эти «вечно» и «навсегда» превращаются в невозможность существования коммунизма в энтээровском, постиндустриальном мире, в который вступает капитализм. Уто не значит, конечно, что мир этот станет новым раем для капитализма. Но он туда вошел, а коммунизм – нет, рассыпался в прах, как только прикоснулся к волшебной кнопке' с надписью «НТР». Для коммунизма, все 70-е годы прогулявшего на нефтяных пирах Бел-шар-уцура (в Библии проходит по делу как Валтасар), «НТР» зазвучало как тепе тепе tekel uparsin.

Можно стегать лошадей и заставить тачанку мчаться, не отставая от автомобиля, собранного на рубеже 1020-х годов. Но хоть забей коней до смерти, а они все равно не догонят автомобиль выпуска 60-70-х годов. Плохо оснащенные техникой, подгоняемые и контролируемые устрашающими «органами» десятки тысяч человек могут построить «днепрогэсовскую пирамиду» примерно в те же сроки, что и несколько сотен человек, оснащенных более совершенной техникой и организованные лучше, а не по принципу «давай-давай», «бери больше, кидай дальше». А вот с компьютером десяток тысяч человек не посостязается. Да и страх невечен. Особенно когда люди из коммуналок перебираются в отдельные квартиры плохие, «хрущобские», но отдельные; в собственные автомобили, в собственные шесть соток. Правильно понимал Хрущев, что нельзя этого допустить, что нельзя в коммунистическом обществе разрешать иметь индивидуальные участки, дачи, автомобили. Все это для коммунизма отложенная сладкая смерть. Когда люди, таким образом самоприватизируясь, отложились от совкомимперии, то тут уж «колосс паники» съеживается до «тролля паники» из табакерки. Русский же человек, как известно, табакерками вообще не пользуется. Они ему без надобности. Разве что когда императора «замочить»: табакеркой и в висок.

Момент наступления логического, «микрокапиталистического» уровня невозможности существования коммунизма совпал с моментом его общесистемного внутреннего кризиса. Отсюда столь неожиданная и странная по быстроте смерть коммунизма. Суммация в одной точке двух тенденций развития мировой капиталистической и внутрикоммунистической (о

последней здесь нет места говорить[3]*)) стала тем «двойным ударом», который привел коммунизм к исторически почти мгновенной смерти. Ну что ж, как когда-то желалось в одной комсомольско-коммунистической песне; «Если смерти то мгновенной, если раны небольшой». По части рай коммунизму не везло. Раны всегда были большими, страшными, рваными и кровоточащими. Со смертью вышло лучше: заказывали мгновенную получите.

XXII

Является ли положительный постфункциональный, «постсоциалистический капитализм» капитализмом? Да, это все еще капитализм. Но, думаю, умирающий. Умирающий не потому, что загнивающий и т. д. А потому, что реализовал, исчерпал свою социогенетическую программу, решил основное противоречие, поддерживавшее его ось. Антично-рабовладельческая система без рабов и рабовладельцев, но с массой колонов и свободной бедноты – это, безусловно, решение основного противоречия антично-рабовладельческого общества. Но это уже общество почти не рабовладельческое. Это, в лучшем случае, умирающее рабовладельческое общество. То же самое можно сказать и о феодализме без крепостных XIVXV вв. То же о капитализме на рубеже XXXXI вв.

В течение четырех столетий развитие капиталистической системы определялось противоречием между субстанцией и функцией, из которого вытекали все остальные противоречия: класс против класса; класс против государства; государство против гражданского общества внутри страны и против других государств в мире; капитализм против коммунизма; ядро (центр) против периферии и т. д. Вся история и все развитие капитализма есть история попыток найти решение своего главного противоречия, укротить его. Эти попытки и были стимулами развития капитализма. Настойчивость этих попыток возрастала по мере роста остроты самого противоречия, время от времени приводя к кризисам, войнам и революциям кризису Старого Порядка в последней трети XVIII в., кризису «субстанционального капитализма» («цивилизации XIX в.») в конце XIX начале XX в. и кризису «функционального капитализма» в последней четверти XX (и, по-видимому, самого начала XXI) в.

Вся история капитализма по сути есть история его десубстанциализации, функционализации, истончения, утончения. За Кольцо Всевластия над миром надо платить. Как платили за обладание Кольцом Всевластия истончением, исчезновением плоти назгулы из толкиеновского «Властелина колец». Но в определенный момент процесс функционализации производства достигает точки возврата (она же точка невозвращения). Я думаю, НТР именно такая точка. После нее возвращаться уже некуда и незачем. Да и невозможно поэтому хронологическая черта НТР представляется мне чем-то похожим на линию шварцшильдовского радиуса «черных дыр», после пересечения которой вернуться в «свою» Вселенную уже невозможно. Можно лишь вынырнуть в чужую, новую Вселенную будущего. Или сгинуть в «черной дыре» времени, провалиться в ничто. Если иметь в виду историю то в историческое ничто, в бездонный Колодец Времени.

Уже говорилось о том, что максимальной остроты, своего наивысшего уровня противоречие между субстанцией и функцией достигает в период зрелого промышленного капитализма, при субстанциональном капитализме. Тогда рушится его тело. Чрезвычайные обстоятельства порождают чрезвычайные решения и их побочные продукты: диктатуры разной степени жесткости коммунизм, фашизм, организованная преступность, основанные на примате функции, т. е. духа и воли в непроизводственной сфере. Сила духа и воля поддерживают тело. И эта «властно-организационная йога» длится 70 лет. А затем тело находит другое решение истончается до духа, устраняет свое противоречие с духом,

---

[3] *) Об этим подробнее см.: Фурсов А.И. Кратократия // Социум, М… 1991, № 812; 1992, № 18; его же: Взлет и падение Перестройки // Социум, М… 1992, № 912; 1993; 1994. № 32(1).

который, в свою очередь, становится телесным. Именно НТР стала звонарем Истории XX в. Именно она и ударила в колокола.

Так по ком же они звонят? По коммунизму? Или по I капитализму? Или по обоим измам, скованным одной цепью, по обоим, если вспомним метафору Юрия Трифонова, скелетам, вступившим в схватку над пропастью и сорвавшимся в нее? Да, по обоим. Крушение коммунизма это поражение капитализма. Это симптом его старости. Если прав генерал де Голль, говоривший, что старость это крушение, то логически выходит, что крушение коммунизма это начало крушения капитализма, как социального, так и морально-интеллектуального. Кто знает, быть может, падение коммунизма окажется значительно более сильным ударом по капитализму и Западной Системе, чем по России, по Русской Системе. Не в абсолютном смысле в относительном. Например, когда Сизиф и камень срываются и летят вниз, камень летит быстрее и бьется сильнее. Но он камень. Ему не больно. Сизифу, хотя его полет медленнее, а удар мягче, намного больнее. Он чувствительнее. Запад, как Сизиф: один убитый американец в Сомали вызывает бурю в стране. Больно! Россия в этом отношении как камень: тысячи убитых в Афганистане и сотни в Чечне вызовут протест разве что их матерей. И пройдет он почти незамеченным, И не будет сочувствующих толп и скорбящих очередей. Что же это за общество такое, где смерть шоумена, горе одной семьи могут затмить и забить горе многих? Это наше общество, наше все. Это мы, Господи. Конечно, соприкоснуться хоть и в трауре, но с шоу (тем более если сам траур ставят как шоу) приятнее и интереснее, чем взять на себя чужую боль, просто боль, не отрежиссированную по заказу определенной тусовки. Вот потому-то, не давая никаких моральных оценок (это не дело исследователя, да они и неуместны: История и ее системы не хороши и не плохи, они такие, какие есть), я констатирую: Сизифу больнее, чем камню, Система-Камень (об которую сначала семь королей, а потом «Сорок Царей да Сорок Королей бились, бились, да только сами разбились») прочнее Системы-Сизифа. Первая выдюжит там, где не выдюжит вторая. Эта вторая оценивает победы по индивидуальным человеческим жизням. Первой же нужна победа одна на всех и любой ценой: «Мы за ценой не постоим». «Мы», «все» вот реальный или по крайней мере значимый социальный индивид этой системы. И то, что не какой-нибудь заядлый сталинист, а шестидесятник Окуджава сформулировал это «социально-индивидуальное» «мы за ценой не постоим», дорогого стоит. Это фрейдовская проговорка системы устами Окуджавы. «Просто индивид» лишь разменная монета, которой платят за победы. Да ведь и платить больше нечем. В несубстанциональной, антисубстанциональной системе единственная субстанция человек как мясо. Мы как мясо. Мы как пространство. Почем тонна? Мы за ценой не постоим. Заплатим за победы. За такие, которые прямо по Пастернаку невозможно отличить от поражений. Да и само различие, похоже, иррелевантно для системы. Она вообще «по ту сторону побед и поражений». В этом смысле поражение коммунизма это в большей степени поражение капитализма, чем Русской Системы.

Коммунизм умер. А Мавзолей остался. И Власть на нем. И Победа при этой власти, а не при той, которая Победу одержала. И не при той, которая заложила фундамент Системы-Победителя. Имя того, кто фундамент строил, завесили зеленью во время парада: «Следствие окончено, забудьте». Да, следствие ведут Знатоки. Они знают, что победы приходят и уходят, а Власть остается. Меняются формы, структуры. А ну, Сизиф-Запад, марш снова в гору!

Повторю: поражение коммунизма не есть историческая победа капитализма и не может ею быть. Разумеется, если не смотреть на историю сквозь капиталоцентричную призму. Если учитывать все те парадоксы, которые преподносят нам как капитализм, так и коммунизм, особенно в социовременном измерении.

XXIII

Выше я говорил о том, что коммунизм не посткапитализм, а паракапитализм. Но это

так в мировом масштабе и в мировое контексте. В России же, если вспомнить о том, что в 1860-е 1910-е годы в стране, помимо прочего, развивался капиталистический уклад, коммунизм это бесспорна посткапитализм. А властно-техническая революция (ВТР)| революция в технологии власти это НТР Русской Системы. Русская Система пережила свою «НТР» на полвека раньше, чел Капиталистическая Система. Коммунизм не был русским капитализмом; напротив, он был его Терминатором, уничтожил его а затем питался оставшейся субстанцией («я пил из черепа отца»). коммунизм был русской капиталистической эпохой. Или: капиталистической эпохой Русской Системы. Русский капитализм был в этой системе не эпохой, неким явлением в эпохе: в эпоху позднего самодержавия, в эпоху позднего Старого Порядка. Коммунизм же был капиталистической эпохой для России. А следовательно, для нее он посткапитализм, пришедший после субстанционального капитализма в России. Но что еще более интересно, этот посткапитализм был средством, с помощью которого Россия (в виде СССР) сделала то, что логически составляет задачу именно капитализма создала промышленность, индустрию. Будучи функционально по принципам организации власти и социального контроля постиндустриализмом, коммунизм по субстанции, субстанционально был индустриализмом! Аналогичным образом: будучи логически постсовременностью, постмодерном, коммунизм оказался средством создания современного (modern) общества.

Таким образом, под определенным углом зрения коммунизм оказывается неадекватным самому себе, противоречит самому себе, не совпадает сам с собой на такт, будучи для Русской Системы и в Русской Системе одним, а для Капиталистической Системы и в ней другим. Более того, не совсем совпадают его качества, с одной стороны, для Русской Системы, с другой в ней. Коммунизм гиперфункционален, и в этой гиперфункциональности многолик. К тому же выходит так, что здесь и качества, относящиеся к будущему (постиндустриализм), используются в качестве средства для создания настоящего, т. е. для выполнения тех задач, с которыми не справилось прошлое. Порвалась связь времен? Время искривилось, и будущее захлестнулось за настоящее? Нечто вроде «жизни после смерти». Возможно ли это? Невозможно для всех систем, кроме одной капитализма с характерными для него несовпадением и взаимообособлением субстанции и функции.

Капитал(изм) великий социальный маг и трюкач. Коммунизм с его внутренне противоречивыми временными характеристиками лишь отражает и выражает нелинейный характер развития Капиталистической Системы, тот факт, что Субстанция и Функция существуют не только в разных пространствах, но и в разных временах. Функциональное Зазеркалье капитализма помещается не только в настоящем, но в какой-то степени и в будущем. При этом Зазеркалье порой демонстрирует некоторые тенденции развития капиталистической эпохи в столь чистой форме, в какой они никогда не проявляются в перегруженном субстанцией ядре Капиталистической Системы, в ее настоящем «настоящем времени». В Капиталистической Системе искривляется не только пространство, когда техника сближает удаленные друг от друга точки земного шара, но и время. Время Капиталистической Системы, особенно начиная с эпохи функционального капитализма, не только искривляется, но и расщепляется, дробится. И эта проблема капиталистического времени по сути еще не разработана. Собственно, как это и бывает, мы начнем говорить о нем тогда, когда его уже почти нет, когда оно почти истекло. На старости лет капитализма. Юрий Трифонов однажды заметил, что старость это когда нет времени. Капитализм вступил в старость. В свою позднюю осень, и было бы очень интересно и осень и другие его сезоны изобразить в духе итальянского художника Арчимбольдо. Увлекательная задача.

XXIV

Одно из поразительных изменений в капиталистическом времени, свидетельствующих если не о полном исчерпании социовременных потенций капитализма, то о существеннейшем их ограничении, можно увидеть, обратясь к феномену буржуазии.

Широко распространено понятие «пролетаризация», пишет американский ученый И.Валлерстайн (34, с.92); однако симметричное, зеркальное ему понятие «буржуазификация» распространено вовсе не так широко. Валлерстайн связывает это с тем, что в течение нескольких сотен лет буржуазия стремилась аристократизироваться. Социальным идеалом капитализирующейся Англии был джентльмен, сельский сквайр, а не капиталист. Поразительно, но факт: почти за тысячелетие существования буржуазии и за несколько столетий ее господства в мире социальным идеалом, в том числе и самой буржуазии, остается аристократ, т. е. фигура логико-исторически предшествующая буржуа, его исторический оппонент!

Буржуазия постоянно вкладывала средства в землю и стремилась получать по крайней мере часть прибыли со своего капитала не как от капитала, а как от ренты. Рента это по сути получение капиталистической прибыли в такой ситуации, когда конкуренция минимальна. Рента это прибыль, связанная с монополией. Я согласен с Валлерстайном в том, что одна из главных особенностей классической буржуазии это стремление и возможность к аристократизации, к превращению прибыли в ренту. Таким образом, помимо прочего, классическая буржуазия гарантировала будущее своим детям, страхуя их прошлым и монополией от капризов настояще-будущего и конкуренции, рынка.

XX в., век Функционального Капитализма, породил слой, который я называю «социалистической буржуазией» (соцбуржуазией). Как уже говорилось выше, это группа, которая не будучи буржуазией по источникам дохода и собственности, благодаря перераспределительной политике государства вела (и ведет) буржуазный образ жизни, т. е была буржуазией по стилю жизни, потреблению. Расцвет этой группы в 5060-е годы означал, что происходила буржуазификация ранее небуржуазных групп благодаря социальной и социалистической политике государства. Буржуазия посредством социализма. Валлерстайн недалек от истины, когда пишет, что, помимо прочего, одно из главных отличий этой буржуазии («новых средних классов») от классической («среднего класса») заключается в отсутствии возможности, в неспособности превратить прибыль в ренту, аристократизироваться. «Они (те, кого я назвал соцбуржуазией. А.Ф.) проживают преимущества, полученные ими в настоящем. Следовательно, они не могут перевести сегодняшний доход (прибыль) в завтрашний доход (рента). То есть они не могут обеспечить такое прошлое, которое будут проживать их дети. Не только они сами живут в настоящем, но также будут жить – их дети и дети их детей. Вот в чем заключается суть буржуазификации в том, что наступает конец возможностям аристократизации (глубочайшая мечта классической собственнической буржуазии), конец конструированию прошлого во имя будущего, приговор и обреченность жить в настоящем» (34, с.105). Не совпадая с пролетаризацией, буржуазификация похожа на нее, параллельна ей. Ведь пролетарий и живет только тем, что зарабатывает в настоящем. Буржуазификация для буржуа оказывается тем же, чем пролетаризация для пролетария, лишением времени в целом, сведением его к одной форме настоящему, клеткой настоящего.

Если перевести то, о чем пишет Валлерстайн, в несколько иную плоскость, то получается, что буржуазификация это презентизация, сведение буржуа только к одному из внутривременных измерений к настоящему. Если классическая буржуазия, соответствующая эпохе субстанционального капитализма, присваивала посредством настоящего прошлое, посредством прошлого будущее, а с помощью будущего настоящее (в результате круг замыкался, цикл начинался заново и само замыкание было гарантией и условием продолжения цикла), то соцбуржуазия массовая, «потребленческая» буржуазия обладает только настоящим. Сам но себе капитал обеспечивает настоящее. Прошлое и будущее обеспечивает некапитал. Но в отличие от капиталов, стадиально предшествующих «капиталу капитализма», последний способен превращаться в некапитал и таким образом и в такой форме обеспечивать себе то, что он не может обеспечить как собственно капитал, капитал в узком смысле слова.

Если классическая буржуазия обладала «двойной массой» «капитал + некапитал»

(прибыль + рента), то соцбуржуазия это буржуазия «одинарной массы». Но в той же мере, в какой неполноценен и невозможен в долгосрочной перспективе капитализм «одинарной массы», так неполноценна и невозможна в долгосрочной перспективе и буржуазия «одинарной массы», буржуазия настоящего. Как капитализм, лишенный «двойной массы», есть умирающий капитализм, так и буржуазия, лишенная «двойной массы», есть умирающая буржуазия. Короткий век соцбуржуазии (еще более короткий, чем век функционального капитализма) не случаен. Стирание грани между значительной массой буржуазии и рабочего класса, их «социальное породнение» через презентизацию, через утрату прошлого и будущего, через разорванный круг времени серьезный симптом.

Парадоксально, но коммунизм был настоящим временем капитализма, оторванным от прошлого и будущего времен и вынесенным за рамки самого капитализма. Так сказать (негативный) капитализм без будущего. И без прошлого. Аналогичным образом обстоит дело и с приходящей ныне в упадок одномерной соцбуржуазией: буржуазия без будущего и без прошлого. Только не вынесенная за рамки самого капитализма, а существующая внутри него, но лишь в одной строго ограниченной плоскости в настоящем. Получается, что по мере развития (т. е. движения из прошлого в будущее) капитализма буржуазия все больше оседает в настоящем, ведя к его разбуханию, буржуазификации. В свою очередь буржуазификация настоящего оборачивается презентизацией самой буржуазии. Это для буржуазии нечто сравнимое с социальной кастрацией. Ведь исчезает или резко убывает возможность социально проецировать себя в будущее в качестве буржуа. В результате возникает альтернатива: либо закупорка в camera obscura настоящего, либо автопроекция в будущее не как буржуа. Понятно, почему идеалом буржуа был и остается аристократ. Дело не только и не столько в самом аристократе и аристократизме, во внешней привлекательности, в том, что граф де Ла Фер приятнее господина Журдена. Дело в том, что, только реализуя себя в качестве аристократа (и таким образом обеспечивая себе дополнительную массу субстанции; аристократы, феодалы, рабовладельцы это все персонажи из Прекрасного Мира Субстанции, исторически предшествующего капитализму с неизъяснимой функциональной легкостью бытия последнего), буржуа имеет гарантию самовоспроизводства в качестве буржуа. Буржуазия шла, перетекала в будущее через прошлое, отталкиваясь от него, искривляя время. Рента, природное доиндустриальное производство, досовременные и «донастоящие» формы власти и собственности вот те средства, с помощью которых буржуа переносил себя из настоящего в будущее в качестве буржуа.

Так же как и капитализм не может воспроизвести себя в качестве капитализма, ограничиваясь только действительным процессом производства, т. е. в настоящем (нужны рента, Старый Порядок, коммунизм), точно так же и буржуа не может воспроизвести себя в одном настоящем и посредством одного настоящего. Чистый, хороший капитализм мертвый капитализм. То же можно сказать и о буржуа. Капитализм, по определению, сфокусирован на настоящем, текущем. Поэтому ему необходима подпитка из прошлого и будущего. Как только подпитка исчерпывается или исчезает, капитализм обречен, В таком случае его господствующие группы в целях самосохранения должны трансформировать его в иную социальную систему, либо позволяющую вернуть и обеспечить контроль над всеми внутривременными измерениями над Временем; либо делающую такой контроль ненужным для самовоспроизводства системы. Капиталистическая Система, напомню, в отличие, например, от Русской Системы, была хроноцентричной. А ядро этой системы капитал было ориентировано только на настоящее. Совпадение капитализма (капитала) с мировой системой в целом лишает его времени и жизни, обездвиживает. Капитализм без некапиталистического прошлого, без некапиталистической пространственной зоны это капитализм без будущего. Капитализм, потерпевший неудачу в поисках утраченного времени. Старость, в том числе и социальных систем, это, повторю вслед за Трифоновым, когда нет времени, когда, если говорить о социальных системах, наиближайшее будущее несколько десятков лет совпадает с будущим как таковым.

XXV

Данная работа не о ближайшем будущем капитализма. Это особая тема. Однако логика повествования требует указать на некоторые тенденции развития капитализма в следующем веке. Во-первых, с ним тесно связано развитие посткоммунистической России, и интересно посмотреть, что готовят эти тенденции нашей стране в грядущем веке. Во-вторых, похоже, что по-своему поздний СССР (нынешняя Россия) первым реализовал некоторые тенденции развития мира в будущем веке. Представляется, что мы, как это уже бывало в истории, проиграли (в обоих смыслах) в своем развитии целый ряд черт будущего еще до того, как это будущее наступило в мире. СССР был миром в миниатюре и на ограниченном (одна шестая) пространстве продемонстрировал миру «остальных» пяти шестых кое-что из его будущего. Поэтому нам следует внимательно приглядываться к самим себе не только исходя из разумного эгоизма, но и для того, чтобы лучше понять некоторые общемировые тенденции, которые раньше, чем в других местах, проявились в России. Ну что же, как идолопоклонники страдают от язв христианства нередко раньше самих христиан, так и коммунизм пострадал от язв капитализма раньше самого капитализма оказавшись во второй раз в XX в. слабым звеном в его цепи. Но. всматриваясь в самих себя, ни в коем случае нельзя забывать, что тенденции развития, своеобразные «воспоминания о будущем», которые демонстрировал СССР и ныне демонстрирует Россия, не только «русское дело», но и специфически упреждающее проявление определенных мировых тенденций.

В течение 400500 последних лет менявшийся мир всякий раз принимал форму треугольника. Сначала это был треугольник «Запад Восток Россия». В 1945 г. возник ялтинский мир, предельно функциональные элементы которого и фиксировались функционально: Первый мир (капитализм), Второй (коммунизм), Третий (развивающиеся читай: слаборазвитые страны). Этот триумвират был порожден капиталистическо-коммунистическим дуализмом XX в. Между 1991 и 1994 гг. оформился новый который, пожалуй, можно назвать мальтийским. Он представлен Севером, Югом и… Россией. Внешне мальтийский мир выглядит как первый «треугольник». Один элемент остался прежним Россия (но это так только внешне, по названию). Восток и Запад получили новые имена. Но эта перемена имен дорогого стоит. Север это не Запад. И не только потому, что частью Севера является Япония. Юг это не Восток. И не только потому, что в его состав входят Африка и Латинская Америка. Проблема и сложнее, и серьезнее. Дело в том, что в зоне Юга немало «северных точек», а в зоне Севера «южных точек». Социопространственная конструкция Севера и Юга принципиально отличается от таковой Запада и Востока. Запад и Восток противостояли друг другу как цивилизационные целостности, между которыми трудно было навести мосты. Редьярд Киплинг не случайно писал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Правда, в своем романе «Ким» он сам же показал возможный культурно-психологический синтез. И все же в целом Киплинг был прав: возможности взаимопроникновения Запада и Востока были невелики, ограничены. Классический пример договорные порты в Китае.

Третий и Первый миры ялтинской эпохи стали значительно ближе друг к другу, чем Восток и Запад. Ну а Север и Юг еще более сблизились, демонстрируя тенденцию к точечно-очаговому взаимопроникновению. Мы видим целый ряд точек северного типа на Юге (Сан-Пауло в Бразилии, Буэнос-Айрес в Аргентине, Гонконг в Китае, Сингапур в Юго-Восточной Азии) и точки Юга на Севере (юг Италии, южная часть района Бронкс в Нью-Йорке, заселенный турками центр Берлина и т. д.). Разумеется, гомогенный Североюг (или Югосевер) едва ли когда-нибудь возникнет, но Северо-Южный мир XXI в, будет точечным, пуантилистским. Он станет напоминать картины Сёра. Между «южными» и «северными» зонами, не совпадающими с государственными границами, будут существовать свои пропускные пункты, своеобразные Check points Charhe. Разумеется, сохранится некая относительно монолитная зона Севера в Северном полушарии. Но опять же с вкраплениями Юга. Таких вкраплений будет все больше из-за миграции с Юга. По прогнозам, к 2025 г.

3050 % жителей крупнейших городов Севера будут составлять «южане». Но и зона Юга будет иметь немало точек Севера. То есть зоны будут как бы негативными друг по отношению к другу, чем-то вроде картины «День и ночь» М.Эшера. В постсовременном мире какие-то точки Севера будут «центровее» других, но единого центра не будет. Почему?

Единство мира индустриальной («доэнтээровской») эпохи обусловливалось локальным (региональным) характером индустриальных производительных сил. Почти полтора столетия основной, доминирующий и лидирующий массив промышленности был сосредоточен лишь по обе стороны Северной Атлантики. И эта зона автоматически становилась и центром, и верхом («крышей») мира. Обладание развитой промышленностью автоматически гарантировало военно-политическое превосходство. Начиная с Семилетней войны и стопроцентно с наполеоновских, экономическое лидерство в мире совпадало с военно-политическим, экономический центр совпал с военно-политическим и это гарантировало миру единство: в центре было то, чего не было нигде. Разумеется, можно было построить военный завод, перенять выучку и т. д. Но далеко не всегда можно было создать адекватную инфраструктуру (Россия почувствовала все следствия этого во время Крымской войны). И хотя постепенно ядро Капиталистической Системы расширилось, включив в себя еще несколько государств, некий предел социально-экономических возможностей индустриализации сохранялся всегда. И не только потому, что страны ядра сознательно не хотят плодить конкурентов. Представим захотели. И что? Промышленность, заводы, тем более адекватную им инфраструктуру можно разместить далеко не везде.

Ареал распространения компактных (small is beautiful «малое красиво») и наукоемких энтээровских производительных сил неизмеримо шире. Они могут быть размещены небольшими очагами, точками (сами себе инфраструктура) почти где угодно, в том числе и там, «где индустрия не пройдет и бронепоезд не промчится». Показательно и то, что, в отличие от промышленной революции, НТР произошла не в одной стране, а сразу в нескольких. НТР с самого начала создала не моноцентричную, а полицентричную структуру капиталистического мира. Моноядро растроилось в ходе и посредством НТР. Необходимым условием НТР был полицентризм системы и, по-видимоу, он будет прогрессировать, создавая отдельные макрорегиональные миры с их ядрами, полупериферияими и периферияими. Формирование Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), договор о НАФТА, которая с 2005 г. должна охватить обе Америки (т. е. полная «нафталинизация» Америк), ЕС все это свидетельствует как минимум о наличии сильной тенденции к деглобализации Капиталистической Системы. Да, указанные макрорегионы это целые миры. Но не мир в целом. И не мир с единым центром. Энтээровсий мир должен быть по определению децентрализованным и децентрованным. Ясно, что такой нецельный мир без единого мирового контролера-Губернатора или пары дежурных мировых полицейских США и СССР, выскакивающих каждый из своей дверцы и стреляющих каждый по спою сторону джипа, будет значительно менее предсказуемым. Насилие будет играть в нем значительно большую роль; в нем будет больше войн. И действительно, не успели еще убрать остатки Берлинской стены, как начали падать стены домов в Югославии, Ираке, Чечне. Насилие приватизируется как на мировом, так и на внутристрановом уровнях Причем насилие это, в случае успеха и захвата какой-либо «северной точки» в зоне Юга, да еще подкрепленное наличием ядерного оружия, принципиально меняет мировую реальность, расстыковывая лидерство экономическое и военно-политическое. Саддам Хусейн это лишь первая ласточка, и не надо обольщаться легкостью военной победы американцев. Что будет через 1015 лет, когда таких «Саддамов» окажется несколько хотя бы по одному на Азию, Африку и Латинскую Америку, а США станут еще слабее, чем сейчас? События в Сомали осенью 1993 г. показали всю уязвимость и неспособность развитой страны (конкретно США) сначала решить проблему по сути нескольких вооруженных кланов, а затем выбраться из «гуманитарной ловушки» (выражение Ж.-К.Рюфэна). В качестве эквивалентно-сравнимых ситуаций можно привести Югославию и (хотя мы до конца не знаем причин образования чеченского узла: где, как и зачем его завязывали) Чечню. Таджикистан тоже хороший пример, хотя и с этим узлом, как и

с афганской войной, не все ясно и не все так просто, как, например, в Сомали.

В любом случае Северу контролировать Юг значительно труднее, чем Западу Восток, а Первому миру Третий. Само наличие СССР облегчало Западу политическое решение в тех случаях, когда он не имел непосредственного экономического контроля часто (хотя и не всегда) можно было договориться с СССР. Как знать, возможно в XXI в. стать Севером и войти в «Северный клуб» можно будет и самому Дальнему Югу достаточно будет захватить и поставить под контроль некую «северную точку» или точку, жизненно важную для Севера, продемонстрировав готовность выхватить из-за пояса ядерный кольт. Причем не обязательно на государственном уровне. Племя, клан, воинственная эзотерическая секта, преступная организация это вполне может пройти. Хотя, разумеется, шансы государства пока выше. В любом случае, Мир-без-границ XXI в., по-видимому, принесет немало сюрпризов-новообразований. О несовпадении экономического и военно-политического лидерства государств мы еще поговорим, а пока вернемся к тенденции макрорегионализации и тому, что это несет нашей стране.

Россия, к сожалению, не вписывается ни в один из трех формирующихся макрорегионов «позднеосеннего», энтээровского капитализма. Поднимающийся Китай, способный создать собственный регион если не размером, то с экономическим и демографическим весом с мир, еще более усугубляет тяжесть и опасность ситуации. Россия и АТР объективно становятся зонами экспансии Китая, который, таким образом, выходит из своего двухсотлетнего периода «смирного времени» (такие периоды несколько раз случались в его истории) и возвращается к своей традиционной имперской модели. Разумеется, в энгээровском мире Китаю нелегко будет сохранит»- целостность. И все же не худо помнить, что исторически почти каждая новая структура Китайской Системы территориально превосходила предыдущую.

По линии экономики мы не успеваем в энтээровский мир. Зато успеваем по линии нарастания насилия как войн, так и роста преступности. Мы быстрее включаемся в мировую преступную систему, чем в мировую экономическую. Впрочем, грань между двумя этими системами становится все более пунктирной. Да и как иначе может быть в мире, экономика которого стоит на трех китах: оружие, наркотики, нефть. Однако в любом случае, в настоящее время мы интегрируемся в «цивилизацию XXI в.» по минусам быстрее, чем по плюсам. И это знак на стене, который гласит: пока что посткоммунистической России нет места под солнцем XXI в., по крайней мере «по плюсам», место есть в лучшем случае в тени, не на светлой, а на темной стороне, в мире «теневых структур» и «серых сообществ». России никак не удается выбраться из социального пространства и социального времени эсэсэровской зоны. Ей это создает угрозу затонуть вместе с Атлантидой функционального капитализма. «Континент» Третий мир уже ушел под воду. От Второго остается архипелаг. Слава Богу не ГУЛАГ. Не будучи интегрирована полностью ни в один из новых регионов, Россия оказывается словно растягиваемой на части между ними, попадая будто на дыбу, прежде всего между АТР и ЕС со всеми вытекающими политическими последствиями. Россия не является таким центром для своей зоны мира, каким был СССР. Но и мира, в котором был СССР, более нет. СССР не просто умер. Он умер с целым миром. То есть сама эта смерть, помимо прочего, есть реализация некой мировой тенденции.

Второй момент. Государство как институт становится все менее адекватным энтээровскому миру. Здесь две стороны дела. Одна из них такова. Исторически государство возникло вместе с капиталом в качестве одного из продуктов разложения феодализма в Европе; логически оно стало функцией капитала. И это была главная функция государства, его raison d'être в мировой капиталистической системе. Но теперь социальная функция капитала, его функциональный аспект все это встроено в структуру и организацию на уровне самого производства! Функциональная интеграция в крупномасштабные структуры различных зон мира и в различных зонах мира ныне происходит на уровне самого производства. Транснациональные корпорации один из примеров этого. Макрорегиональные объединения (ЕС, АТР, ЦАФТА) другой пример. Единица производственной организации

выходит за рамки государства как единицы политической организации.

Другая сторона дела заключается в том, что государство, помимо прочего, было средством снятия на политическом уровне одной из форм противоречия между субстанцией и функцией противоречия между локально-региональным характером индустриальных производительных сил капитализма и мировым (сначала по тенденциям, по locus operandi, а позднее по реальности) характером его производственных отношений, системой обмена. Короче, государство было способом и формой интеграции индустриального производства в мировую систему. Или: интеграцией неких территорий в мир, господа которого контролеры индустриального производства. Государства образовывали системы туннелей под миром мировой экономики. Ныне, когда производительные силы и производственные отношения гомогенизированы в том смысле, что первые стали теперь в большей степени функциональными, чем субстанциональными (т. е. стали похожими на вторые), государство в этой прежней своей роли, которую оно особенно активно выполняло с рубежа XVIIIXIX вв., становится все менее и менее нужным. Таким образом, государство подрывается не только сверху, но и снизу локальными целостностями. Компактный характер знтээровских производительных сил, их наукоемкость, не требующая значительного по численности персонала, позволяет концентрировать их локально, причем локальности эти могут быть миниатюрны, могут представлять одну провинцию или несколько районов (а то и несколько небоскребов) в той или иной стране. Благодаря энтээровской структуре производства, в мировые или макрорегиональные процессы можно включаться без государства, без опосредования им, т. е. не с двух оборотов, а с одного. Если базовая единица ЕС, то имеет ли смысл, особенно для наиболее развитых областей, сохранять себя в качестве элемента такого целого, как государство? Можно быть непосредственно, в качестве области частью ЕС, АТР, НАФТА, избавляясь при этом от остальных и неперспективных областей. В этом смысле государственность в XXI в. может остаться уделом лишь наиболее отсталых в промышленном отношении целостностей. Появление таких движений, как Лига Севера (Ломбардская лига), это лишь первая ласточка процесса «трибализации» Европы, превращения ее в «Европу герцогств». Аналогичные процессы будут развиваться по всему Северу. Я бы даже говорил не о новом сепаратизме, а о «лигазме», который может стать одним из главных политических движений XXI в., использующих коллективистско-этнические (а следовательно, антихристианские, неоязыческие) средства и формы обеспечения коллективной идентичности. Если в Европе трибализация будет означать распад государств и объединение областей в макрорегиональное целое («каролингизация Европы»), то, например, в Африке и в арабском мире тот процесс станет логическим высвобождением прежних племенных общностей из неадекватной, чуждой и навязанной им европейцами в XIXXX вв. государственной скорлупы. Для локальных общностей в афро-азиатском мире стимулом к сецессии вовсе не обязательно должен быть высокий уровень производства достаточно контроля над нефтью, высоких урожаев зерна, финансовой специализации. Достаточно, что этот высокий уровень достигнут где-то и стал господствующей мировой тенденцией, на которую можно опираться или от которой можно отталкиваться. Наконец, достаточно ослабления мирового гегемона и усиления конкуренции внутри самого Севера в результате децентрации и децентрализации мира. Тем самым многолетняя традиционная борьба сепаратистских сил в Азии и Африке против современного государства обретает постсовременную, энтээровскую производственную основу. Макрорегионы и ТНК, с одной стороны, и локальные общности с другой, берут государство в клещи. Парадокс: в энтээровскую эпоху племена берут реванш над государствами «о, сколько нам событий чудных готовит Просвещенья век». Правда в нашем случае это век постпросвещения, если не антипросвещения. Разумеется, возможно и объединение различных территорий и общностей в империи догосударственного типа. Особенно вероятным представляется возрождение систем «торгово-имперского типа» вроде африканских Мали, Ганы, Сонгаи, Киевской Руси, ряда образований Юго-Восточной Азии.

Вообще, необходимо особо подчеркнуть: НТР поменяла местами ударные и безударные

уровни организации индустриального мира. Таких уровней четыре:

1) глобальный (мировой); 2) макрорегиональный; 3) государственный; 4) локально-региональный. Индустриальная система производительных сил делала ударным мировой и государственный уровни. Первый воплощал прежде всего функциональные аспекты капитала, обмен и отношения производства, капиталистическую собственность; второй прежде всего субстанциональные, само производство, капитал как собственность. НТР сделала два эти уровни безударными, переместив ударение на макрорегиональный и локально-региональный. Причем если между двумя доминирующими уровнями индустриальной системы существовало определенное субстанционально-функциональное разделение форм деятельности, то два доминирующих уровня энтээровской системы изоморфны, соотносятся друг с другом как матрешки. Ведь они стали ударными как результат и процесс снятия противоречия между функцией и субстанцией капитала, устранения в принципе специализации первого (мирового) уровня на функции, а второго (государственного) на субстанции. Это делает отношения между локусами внутри макрорегионов, с одной стороны, и между локусами и центрами макрорегионов с другой, значительно более подвижными, изменчивыми, конкурентными и силовыми, чем отношения ядра и периферии в индустриальной мировой капиталистической системе. Повторю: здесь, в отличие от индустриальной эпохи, у стран, имеющих демографическую массу и обширную территорию, т. е. представляющих собой военно-политическую силу, будет значительно больше шансов тянуть на себя одеяло от экономически более развитых соседей. Короче, в энтээровскую эпоху шансы лидеров имперского типа, способных превратить макрорегион в империю, лидеров типа Гитлера, Наполеона, Фридриха II, Карла V, повышаются. И опять же как не вспомнить Саддама Хусейна. Короче, тенденция ослабления и упадка государства как института тоже как бы возвращает мир в докапиталистическую эпоху или в лучшем случае; раннекапиталистическую эпоху в XVXVII вв., во времена великих империй Евразии. Объектом притязаний со стороны новых: возможных «империй», конечно же, будут точки Севера на Юге, Север-на-Юге, анклавы Севера. Возможно повторение с точностью до наоборот ситуации колониальной эпохи: не анклавные точки контролируют соседние империи Юга, а эти последние контролируют северные точки, а с помощью их (и «южного» пролетариата, южных точек на Севере) косвенно и Север.

России тенденция упадка государства готовит мало приятного. Одна из задач России ныне создать государство. При коммунизме государства не было. Коммунизм отрицание государственности. Далеко не всякий аппарат власти есть государство. Аппарат это позвоночник. Акула, крокодил и тигр все позвоночные. Но они относятся к разным классам существ, «живых систем».

Ныне перед задачей создания государственности Россия оказалась тогда, когда государство становится все менее адекватным инструментом управления и средства интеграции в современный мир! Когда его подрывают как локальные, так и макрорегиональные формы и структуры, сама НТР. Но с другой стороны, СССР как специфическая империя никогда не был государством, это била зона, макрорегион. Для того чтобы Россия вошла в мир, необходимо устранить оставшиеся в наследство структуру, принцип организации и число регионов, проведя перестройку таким образом, чтобы исключить возможность создания локусов на основе этнической идентичности. Губернизация России conditio sine qua поп ее интеграции как целостности в энтээровский мир. Но это вовсе не решает ни всех, ни большинства серьезных проблем, встающих перед Россией и другими государствами в эпоху НТР. Если бы государство в современном мире подрывалось только смещением акцентов на макрорегиональный и локальный уровни, разрывающим государство между этими полюсами, это было бы еще полбеды, У государства ныне появляется очень серьезный оппонент и конкурент неожиданный и из неожиданной плоскости, Кто же этот «черный человек» и «прескверный гость», который становится все более опасным агентом мировой реальности на рубеже двух веков и тысячелетий?

XXVI

Неожиданный конкурент государства, его «Черный человек» не что иное, как структуры насилия, и легальные, и в еще большей степени нелегальные. Обычно легальные репрессивные структуры армия (особенно элитные части), полиция, спецслужбы находятся как бы в тени государства. Однако в условиях ослабления государства как института, как агента политико-экономических отношений они де-факто выходят на первый план (роль армии в некоторые периоды истории Римской империи). Ну а там, где государство как институт Современности традиционно не было сильным (значительная часть Юга), эти структуры всегда в большей или меньшей степени представляли государственную власть. Интереснейший случай в этом отношении многие африканские страны, например Заир. Большую роль «репрессивные структуры» играют и в генезисе социальных систем и тем большую, чем репрессивнее генезис. Кстати, если взглянуть на историю СССР в 304О-е годы, то, что именуют «тайной полицией», было у нас намного сильнее того, что именуют «государством».

Но в условиях ослабления государства усиливаются не только легальные репрессивные структуры. Становятся все сильнее, приватизируя насилие, нелегальные и полулегальные структуры организованная преступность, субкриминальные формы, воинственные религиозные секты и объединения. Короче, «Mafia Incorporated», или, как более интересно назвал такие структуры французский журналист Ален Мэнк, «серые общества», «серые сообщества». Они есть везде: в США и Закавказье, в Бразилии и Европе (Марсель и Неаполь, заметил А.Мэнк, управляются далеко не так, как Страсбург или Ганновер), на Востоке Ближнем и на Дальнем, в Китае и Японии. Их вертикаль от «блошиного рынка» до торговли оружием и наркотиками. Целые сегменты населения и занимаемые ими территории не контролируются государством. Вспоминается поразившая меня картина после землетрясения в Кобэ. По Си-эн-эн было показано; что, в то время как легальные местные власти не справились с ситуацией (растерялись, не имели достаточно средств и т. д.), японская мафия якудза смогла организовать доставку и распределение продовольствия, медикаментов. И ведь не в Колумбии было дело. И не на Сицилии. А во второй стране капиталистического мира. Правда, в Японии мафия больше, чем мафия. А.Мэнк пишет, что если в Италии мафия заняла периферию общественно-политической жизни, то в Японии она находится в самом ее центре (25, с. 8384).

Всех, однако, считает он, переплюнула русская мафия, которая, по его мнению, возможно, становится спинным хребтом власти. Но, быть может, Мэнк из своего «французского далека» сгущает краски? Послушаем человека из «российского вблизи», профессионально знающего ситуацию: «Мои наблюдения привели меня к выводу, что борьба с организованной преступностью превратилась, по существу, в прикрытие истинной борьбы с конкурентами в криминальном мире и преследует политические цели. Преступность уже сегодня являет прямую угрозу правительству. В истории найти подобные примеры невозможно. Были режимы и диктаторы, которые использовали в своих интересах мафию. Но попытки со стороны мафии подменить государство не случалось. Здесь мы оригинальны» (11, с.5). Даже если это преувеличение, над ним стоит поразмышлять.

Подъем «серых сообществ» и расползание «серых зон» прямо пропорциональны ослаблению государства и среднего класса, нарастанию нестабильности жизни. Это тоже результат НТР, только негативный. И путь в энтээровскую эпоху. Но опять же по линии социальных минусов, негатива. «Серые общества» становятся средством выживания в условиях «социальной инфернализации»: никто не хочет оказаться в социальном аду, а оказавшись, все стремятся из него выскочить. Любой ценой. «Можно ли вырваться из ада?» поставил вопрос известный французский историк Фернан Бродель. имея в виду под адом хаос и борьбу всех в эпоху, которую принято называть переходной от феодализма к капитализму. И сам же ответил на него: «Иногда да, но никогда в одиночку, собственными силами: никогда без согласия на плотную зависимость одного человека от другого.

Необходимо вернуться к берегу социальной организации какой бы то ни было. Или создать такую организацию с ее собственными законами внутри какого-то контробщества. Организованные банды, занимающиеся незаконной торговлей солью, контрабандисты, фальшивомонетчики, разбойники, пираты или такие особые группы и категории, как армия и многочисленная прислуга, вот почти единственное прибежище для тех, кто спасся, кто отвергает ад. Мошенничество, контрабанда… восстанавливают порядок, дисциплину и бесчисленные формы солидарности. У бандитизма есть свои вожди, свои договорные отношения, свои кадры, столь часто напоминающие феодальную иерархию. Что касается морского разбоя и пиратства, то за каждой группой стоял по крайней мере один город… Ну а армия, пополняющаяся постоянно, несмотря на характерные дли нее жесткую дисциплину и презрение к человеку, предлагает себя в качестве убежища с упорядоченным образом жизни; посредством! дезертирства она соединяется с адом» (18, с. 615).

Бродель с присущей ему красочностью, теряющей многие оттенки при переводе с французского, написал эти строки о Европе XVXVIII вв. О том времени, когда она вышла из феодализма, но не вошла еще полностью в капитализм, т. е. когда она была «на выходе». Когда переживала флуктуацию, хаос, обернувшийся для многих социальным адом. В XIXXX вв. ад сменился раем, но не для всех. Всегда оставалась темная сторона. Ее хорошо чувствовали в самом начале Современности маркиз де Сад и Гойя. Когда в

XX в. эта темная сторона высветилась и ее персонификаторы начали победно кривляться в свете прожекторов функционального капитализма и вообще Функциональной Эпохи, ее зафиксировали Дали и ретроспективно Фуко. На выходе из капитализма, стало быть, опять ад. Выход как переход, как хаос и есть во многих отношениях социальный ад, из которого не спастись в одиночку. И вот вместо пиратства торговля оружием, вместо разбоя наркобизнес, вместо армии «солдаты удачи» или «псы войны». Одним словом, «серые сообщества» как коллективные формы спасения и выживания в позднекапиталистическую эпоху.

Разумеется, «серые сообщества» возникли задолго до XX в. Но укрепились они именно в XX в. Его вторая половина стала временем триумфа этих форм. Ну а НТР и связанные с ней процессы, подрывающие государство и средний класс, в еще большей мере укрепляют властную, социальную и экономическую базу «серых». Получается двойной эффект. Во-первых, нелегальные структуры насилия, асоциальные, криминальные формы переживают бум всякий раз, когда рушатся или. приходят в упадок социальные системы цивилизации, формации, империи. Во-вторых, ныне НТР предоставляет «серым сообществам» возможности, невиданные в доэнтээровскне эпохи. Прогресс! Во всяком случае НТР создала ситуацию, в которой криминальная мировая система может успешно соперничать с мировой экономический системой, постепенно пожирая ее, входя в ее плоть. Это нечто новенькое. И это очень серьезная проблема для-посткоммунистической зоны, которая не то что лишь страдает от язв капитализма она сама во многих отношениях есть социальная язва. То есть нечто асоциальное.

«Серые зоны» и «серые сообщества» суть адские места и адские средства спасения из и от ада. Зоны эти включают огромные территории и массы людей. 7 и 25 % активного населения соответственно в Перу и Боливии заняты в «кокаиновой системе». Целые слои «живут с этого». Да что слои страны. В 1987 г. доходы от торговли наркотиками составили 75 % экспорта Боливии по 15 % Перу и Колумбии. О Колумбии и говорить нечего. Медельин центр наркобизнеса чуть ли не единственный нестоличный город Латинской Америки, имеющий метро.[4] По данным ООН, в самом начале 90-х годов мировой доход наркобизнеса составил около 300 млрд. долл. (24, с.252 и след.). Это меньше, чем дает торговля оружием, но сопоставимо с торговлей нефтью. О чем это говорит? О том, что официальный, легальный контроль «белых зон» над «серыми» слабеет.

---

[4] * Я благодарен Л.А.Сосновскому, обратившему мое внимание на этот факт.

Зона, архипелаг наркобизнеса это громадная «серая зона» со своими «бермудскими треугольниками» в Южной Америке, в Азии. Здесь сразу три зоны на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В одну из них попадает наш бывший (в смысле бывший наш, но не совсем чужой и ныне) Таджикистан, районы Памира «Крыши Мира». Кто преуспел в том, чтобы стать «крышей» этой Крыши и наркобизнеса в этом регионе, тот «два пирога съел». Ах, какое раздолье представляет незакрытая, незакупоренная граница (война все равно с кем). Как же отказаться от такого лакомого «туннеля под миром»? Точнее над миром.

«Серые зоны» не обязательно связаны с наркобизнесом. Это могут быть и другие источники, которые криминальные и субкриминальные группы контролируют в большей степени, чем государства. Такие зоны есть в Африке, на Ближнем Востоке, у нас. Такой зоной, например, была Чечня, по крайней мере с 1991 г. Похоже, такая зона, судя по сообщениям печати, формируется у нас на Дальнем Востоке. Наконец, «серые зоны» это «зоны» таких сект, как «Аум Синрикё». Да имя им легион. «Серая зона» это Руанда, где два племени, хуту и тутси, режут друг друга в групповой гладиаторской схватке, демонстрируемой мировым телевидением. И никто ничего не может сделать. Как и в Сомали. Как и в Югославии, до которой шесть часов езды на хорошем автомобиле из Мюнхена, где смакуют пиво сытые бундесбюргеры. Шесть часов и ты в «серой зоне». Билетик до Инферно? Получите.

К сожалению, логика развития энтээровского мира множит Инферно «серых зон» и создает для них питательную социальную среду, котел возможностей. Причем не только там, где проходит НТР, но во всем мире, в котором от язв НТР страдают те, кто до самой НТР еще по сути и не добрался, в котором отрицательные последствия НТР распространяются быстрее, чем положительные. Но об этом чуть позже. Сейчас о социальной основе разрастания «серых зон» в мире, включая и нас, грешных суеверных православных атеистов бывшей одной шестой.

XXVII

Энтээровский мир, в отличие от индустриального, не нуждается ни в многочисленном рабочем классе, ни в многочисленном среднем классе, т. е. в «социалистической буржуазии». Научно-техническая революция прикончила XX в, как век глобального социализма, как век торжества социальной функции капитала. Она упрятала последнюю глубоко в производство, создав ситуацию, эквивалентно сравнимую с состоянием дел при Старом Порядке. Рабочий класс и средний класс как таковые постепенно отмирают в энтээровском мире. Сторонники тэтчеризма и рейганомики приветствуют этот процесс, полагая, что это приведет к формированию массового, глобального среднего класса. Конечно же, это социальное или политическое лукавство. Массовый средний класс уже не может быть социалистической буржуазией не только по источнику дохода, но и по уровню, качеству жизни. Большая часть бывших «новых средних классов», из рядов которых в тэтчеристско-рейгановские 7080-е годы выделилась и поднялась вверх относительно небольшая группа «новейшего среднего класса», пошла вниз (Тэтчер и Рейган «опустили» средние классы). По своему реальному положению она, эта большая часть, приблизилась к рабочему классу.

Из сегментов постепенно разлагающихся рабочего и среднего классов формируется слой, который условно можно назвать «социально организованным населением». Его главная характеристика, которая со временем будет усиливаться, заключается в том, что оно существует в рамках социальной организации, т. е. регулируемой государственными, легальными институтами, правом и т. д. Социально организованное население остается средним слоем в том смысле, что занимает положение между господствующими группами, с одной стороны, и социально неорганизованным населением с другой. При относительно невысоком материальном уровне жизни социально организованное население все равно заинтересовано в поддержании *status quo* . Главная задача и главный интерес их жизни

заключаются в том, чтобы ни им, ни их детям не выпасть из своей среды в социально неорганизованное население.

Речь идет о сегменте населения, жизнь и социальное поведение которого регулируются не государством, не капиталом, не их институтами, не правом, а различными неформальными структурами и группами, прежде всего криминальными и; квазикриминальными, агрессивными военизированными сектами и т. д. Это по выражению Ж.-К. Рюфэна мир «социальных джунглей» и «экономика джунглей». Или, если воспользоваться одной из метафор Стивена Кинга, «червоточина мира». Это мир аномия. Мир усиливающейся асоциализации. Криминализация, нарастающая ныне во многих странах, это лишь видимая привычным к реальностям XX в. глазом верхушка айсберга. Рядом с Социумом начинает формироваться его Тень, его энтропия Асоциум. Не та ли это новая «двойная масса», которая позволит капитализму докоротать свой век (кстати, и укоротив его)? Не упускаем ли мы из виду новую общественную революцию революцию тихую и нового типа: асоциальную, которая может оказаться великой социальной революцией рубежа XXXXI вв.? Асоциал вот кто может оказаться новым варваром, новым «революционером» и новым и последним разрушителем Капиталистической Системы, ее Суперлуддитом. Ведь асоциал отрицает одновременно капитализм и некапиталнзм как социально организованные формы. Став на какое-то время «двойной массой» капитализма (но по тому же принципу, по которому раковая опухоль «двойная масса» здорового тела), он может полностью «снять» капитализм.

Если это произойдет, то парадоксальным образом сбудется прогноз Маркса и Энгельса о том, что на руинах капитализма, венчающего предысторию человечества, начнется настоящая История, у которой не будет противоречий с Природой. Асоциал и есть одно из воплощений, причем очень вероятное, снятия, устранения противоречия между Обществом и Природой, Историей и Природой, Культурой и Натурой. Окончательное решение этого вопроса. Парадоксальным (парадоксальным ли?) образом этот персонаж может по-своему стать реализацией всех чаяний представителей радикальных движений «новых меньшинств»: феминисток и «голубых», экологистов и лесбиянок и еще черт знает кого.

Асоциал это очень серьезно. Намного серьезнее, чем Грядущий Хам начала

XX в., отчасти воплотившийся в коммунисте и фашисте. Но коммунизм и фашизм в то же время были и формой обуздания хама им же самим и другими. Да-да, коммунизм и фашизм были одновременно и самовыражением хама, Массового Человека и его обузданием, извне и изнутри. Но в XX в. капитализм еще был силен. Было кому, чем и как обуздывать. Сейчас ситуация иная. Взрыв (вполне допускаю, что тихий, подземный) асоциальной энергии может стать последней революцией в истории человечества. И окончательным решением человеческого вопроса, после чего на смену Homo Sapiens придет Homo Robustus («человек сильный» или, выражаясь по-современному, «человек кругой»). И это тоже одна из тенденций позднекапиталистического мира, один из путей выхода из него в такой посткапитализм, по отношению к которому вся предыдущая история действительно может показаться предысторией.

Быть может, я сгущаю краски? Может быть. Но боюсь, у нас небольшой выбор принципов отношения к реальности: принцип Сидония Аполлинария и принцип капитана Блада. Сидоний Аполлинарий богатый и известный римлянин, живший накануне крушения Рима. Найдены его письма. Буквально за несколько лет до захвата Рима варварами, он писал друзьям, как прекрасен и спокоен мир, как хорошо сидеть у бассейна и наблюдать игру стрекоз над чуть тронутой ветром гладью воды: впереди только прекрасное. Конечно, не все римляне эпохи упадка империи страдали синдромом Сидония Аполлинария. Но многие. К ним очень подходит фраза, сказанная имамом Хомейни о современных ему «римлянах» европейцах и американцах: «Теперь пусть наслаждаются, потом они узнают». Они римляне У в. н. э., включая, наверное Сидония Аполлинария, узнали.

Другой принцип капитана Блада, одного из любимых книжных героев моего детства, пирата поневоле, бунтаря и благородного человека. Этот принцип прост: «Кто

предупрежден, тот вооружен». И такая вооруженность дорогого стоит. Она важней вооруженности технической. Есть два принципа в отношениях с распоясавшимся асоциалом. Хамом, как сказали бы в начале века. Один я предпочитаю называть «принципом Сорокина» (Питирима), другой «принципом Людендорфа» (известного немецкого военачальника начала XX в.). Оба, имея оружие, оказались в сходной ситуации перед лицом разнузданного «человека толпы». У Сорокина, хотя перед ним был всего лишь один пьяный матрос-громила, не хватило духа выстрелить. У Людендорфа целей оказалось больше. Тем не менее этот пожилой человек сам лег за пулемет и открыл огонь. Конечно, здесь многое объясняется национальными традициями и характерами в 1968 г. «освободители» Чехословакии из ГДР вели себя совершенно иначе, чем «освободители» из СССР. И все же. Речь ведь о другом. О готовности смотреть в лицо реальности в ее наихудших, наибрутальнейших вариантах. Быть внутренне предупрежденным о таких возможностях.

Русская элита начала XX в. не была ни предупреждена, ни готова и проиграла асоциалу. А вот средние слои русского общества в начале XVII в., в эпоху той русской Смуты, оказались в большей готовности и сломали хребет своим оппонентам, а заодно и Россию отстояли. Конечно, в начале XVII в. мы имели дело с восходящими господствующими группами, а триста лет спустя с нисходящими, прогнившими. Это все так. И тем не менее. Не надо приветствовать того, кто пришел на твою душу. Да здравствует «принцип Людендорфа». Особенно когда имеешь дело с «серой зоной».

Бывший премьер-министр Франции Э.Баладюр назвал это явление применительно к Франции «зоной неправа» (la zone du nondroit). «Зона неправа» это не люмпены и беднота, которые хотят при случае зацепиться за государство. Нет, это слой людей, вечных маргиналов, который воспроизводит себя вне государственного и правового пространства и не желает иметь с ним ничего общего. Неформальный сектор на грани, а чаще за гранью закона. Новый мир в самой Капиталистической Системе, внутри нее. Это похоже на ситуацию Старого Порядка. Но там «некапиталистический мир» антифеодальной диктатуры как бы надстраивался над юным капитализмом, был его superworld, а ныне «исключенные» из системы государства и капитала; существуют под ней, образуя ее underworld в прямом и переносном смысле. И эта историческая зеркальность поразительна, но логична: поздний капитализм как негативное воспроизведение многих черт Старого Порядка.

Итак, новое Зазеркалье. Как знать, не это ли функционально логический наследник коммунизма в позднекапиталистическом мире, настоящий, в отличие от пролетариата, могильщик капитализма. Похоже, что так.

«Зона неправа» ширится во всем мире, будь то Франция или Бразилия, США или Индия, Мексика или Россия. Так и вспоминается из Толкиена: «Завеса Мрака встает над миром». Само наличие «зоны неправа» свидетельствует, помимо прочего, о принципиальном упрощении социальной структуры позднекалиталистического общества. Такое упрощение черта всех поздних эпох, достаточно взглянуть на Рим III IV вв. н. э. с почти исчезнувшим средним классом, горсткой господствующих групп и многочисленным социально неорганизованным населением.

Упрощение социальной структуры и изменение принципа ее строения в значительной степени меняют природу и направление социальных конфликтов. Все чаще проявляется линия «социально организованное население» против «социально неорганизованного». Это принципиально иной расклад сил: не «эксплуатируемые против эксплуататоров», а эксплуатируемые и эксплуататоры как организованное население, с одной стороны, и те, кого исключили из зоны организации и эксплуатации, с другой. Если учесть, что в мире есть целый ряд «отработанных и выброшенных» зон, которые легче бросить, чем восстанавливать и реактивировать, то противоречие, о котором идет речь, обретает и социопространственный аспект.

Кто будет контролировать брошенные зоны? Государство? С учетом его ослабления и самого факта использованности и брошенности едва ли. Или в минимальной степени. Реальный претендент на роль Суперинтенданта Брошенных Зон опять же криминальные и

субкриминальные «серые» сообщества, которые способны превратить названные выше зоны в «серые». «Серые сообщества». «Серые зоны». «Серые кардиналы» постсовременности. У таких зон хорошие шансы быть включенными в криминальную мировую систему, стать одним из туннелей в сети криминальных «туннелей под миром». Ясно, что «серые зоны» будут противостоять «нормальным зонам», выступая в качестве «коллективного грабителя», «коллективного гангстера». В ответ на это на «социально организованной» стороне в условиях упадка государственности будет расти роль субгосударственных структур насилия (полиция, спецслужбы, структуры типа бразильских «эскадронов смерти»), с одной стороны, и частных организаций насилия частных армий, групп самообороны с другой.

Тем самым один из серьезнейших социальных конфликтов XXI в. тоже обретает пуантилистскую, частную, партикуляристскую форму. Ее элементы уже сейчас можно наблюдать и в Заире, и в России, и в Мексике, и в Юго-Восточной Азии. Таким образом, по всей видимости, мир XXI в. будет раздираем не каким-то одним типом конфликта, а несколькими. Взаимопереплетаясь, они будут создавать страшно запутанную и хаотичную картину с огромным числом комбинаций, в которой не только внешнему наблюдателю (ученому, журналисту или работнику спецслужб), но и самим участникам будет трудно разобраться.

При этом, полагаю, общий фон будет создаваться тенденцией несовпадению экономического и военно-политического лидерства. Она как бы перемещает мир во времени в докапитиалистическую эпоху, где это несовпадение было почти что нормой. Лидер в экономике, как правило, не был военно-политическим лидером. Во всех макрорегиональных и региональных системах (а докапиталистический мир был миром тайих систем) гегемоном чаще всего был социум, уступавший соседям в экономическом развитии: Аккад в Древнем Двуречье, Македония в Древней Греции, Цинь в Древнем Китае, Австразия в державе франков, кочевые державы Центральной Азии. Сейчас рано делать окончательные выводы относительно макрорегионов XXI в., но, по-видимому, силовые, военно-политические факторы сами по себе будут играть в них большую роль, чем в единой мировой системе XIXXX вв., а принципы геополитической организации будут напоминать докапиталистическую эпоху, особенно в периоды после крушения крупных империй Александра Македонского (с последующей борьбой диадохов и эпигонов), Римской, а также после макрорегионального кризиса Средиземноморья в XII в. до н. э. Далеко? Давно? Нереально? Время имеет особенность сворачиваться подобно листу Мебиуса. Особенно капиталистическое.

Кто, например, мог предположить, что СПИД, возникший в эпоху резкого усиления тотального давления Капиталистической Системы на Биосферу, вернет нас к середине XIV в., в ситуацию, сравнимую с Черной Смертью? Последние 400500 лет всю историю капитализма социум чувствовал себя все более и более уверенным по отношению к болезням. Сердечные и онкологические заболевания оказывались как бы дополнительной платой за рост благосостояния. И вот СПИД, который сломал эту восходящую тенденцию и поставил современный мир перед пандемией, с которой этот мир не может справиться. Время искривилось к удивлению подавляющего большинства. А ведь в конце 60-х годов Станислав Лем в «Сумме технологии» писал о возможности новых эпидемических заболеваний, новых смертельных пандемий, которыми Биосфера, Природа может отреагировать на социально-демографический пресс Капиталистической Системы.

XXVIII

Капитализм вообще во многих аспектах и результатах своей деятельности пришел и привел в глобальном масштабе к тому, к чему в локальных масштабах приходил и приводил неевропейские цивилизации «азиатский» способ производства (АСП). Можно даже сказать, что капитализм высшая (до сих пор) и мировая стадия развития европейской цивилизации в чем-то очень существенном оказался «глобальным АСП», который начал сгибать

«христианскую линейку» (линейное время, Стрелу Времени христианского исторического субъекта) да так, что, похоже, концы и начала могут встретиться, как это происходило в азиатских цивилизациях с их циклическим временем. Откуда и почему такой неожиданный эффект? Ведь трудно представить себе что-либо более динамичное в истории, чем капитализм. Так в чем же дело?

В системах АСП исходно не существовало противоречия между производством и обменом (товарно-денежные отношения и торгово-ростовщический капитал не подрывали социумы АСП, как они это делали с системами европейского ряда), между формационностью и цивилизационностью, между логикой и историей, между эволюцией и революцией (не было таких революционных сдвигов, которые не были бы растворены в эволюции). Подчеркну: это отсутствие указанных противоречий было исходной, стартовой чертой АСП. Чертой, данной на входе всего этого потока исторического развития.

Но ведь и капитализм характеризуется отсутствием противоречий: между производством и обменом (обмен выступает как отношение производства, а производство как момент обмена); между логикой и историей (наличие некапиталистических форм в капиталистической системе, явление глобальной многоукладности есть реализация логической модели капитализма, а не историческое отклонение от нее; исторический капитализм это логический капитализм); между капиталом и некапиталистическими формами; между формационностью и цивилизационностью (об этом я скажу чуть позже); между экономической и политической гегемонией; между революцией и эволюцией (вся насквозь эволюция капитализма революционна; революции происходят во всех сферах и постоянно; революция и есть эволюция капитализма, этого Mobile in mobile, словно постоянно восклицающего, подобно гауфовскому Халифу-Аисту: mutabor).

Таким образом, капитализм совершает фантастическую вещь в истории Европейской цивилизации. Все то, что в социальных системах этой цивилизации до появления капитализма выступает как внешние друг по отношению к другу оппозиции, как более или менее внешние противоречия, капитализм превращает в свои внутренние противоречия. Такая сверхперегруженность противоречиями придает капитализму фантастическую, невиданную, взрывную динамику, бешеные темпы развития (а следовательно, и относительно короткую жизнь).

Капитализм это мегабомба противоречий. Ни одна социальная система не способна сдержать такой сверхкомплекс противоречий в локально-региональных рамках; такие внутренние противоречия, которые возникли как превращенная и интериоризированная форма внешних оппозиций, можно решать только вне субстанциональных рамок системы, постоянно расширяя ее. Экспансия капитализма, таким образом, обретает тройной источник: мировая интенция и потенция самого капитализма; универсалистская тенденция христианского исторического субъекта; экстенсивно-экспансионистский способ решения проблем «общество природа», характерный для всех систем Европейской цивилизации. Только на мировом уровне, на уровне мира в целом можно превратить оппозиции и внешние, противоречия антично-феодальной европейской старины во внутренние противоречия капитализма; это должно делаться одновременно внутри и вовне капитализма.

Данная, на первый взгляд неразрешимая, задача решается на основе взаимообособления субстанциональных и функциональных аспектов Капиталистической Системы, противоречия между ними. Противоречие между субстанцией и функцией капитала, их несовпадение друг с другом главное и центральное внутреннее логическое (и историческое) макропротиворечие капитализма, в которое отливаются и сливаются все остальные противоречия и бинарные оппозиции, превращаясь в одно-единственное, всеохватывающее и всепроникающее противоречие. А уж оно, это противоречие, перенесенное или вынесенное на мировой уровень (ведь мировая система и есть машина для постоянной трансформации внешних оппозиций, вошедших в капитализм, в его внутренние противоречия и вынесение их в качестве таковых вовне), принимает различные формы. Например, капитализм коммунизм. «Сломался» коммунизм? Это значит, что капитализм

стал чем-то похожим на одноногого Сильвера с попугаем на плече. «Пиастры, пиастры». Ну что же, деньги всегда были актуальной проблемой для капитализма.

В отличие от капитализма, у АСП не было своей «коммунистической», т. е. внутренне-внешней, зоны. Была просто внешняя. Но была и внутренняя. Если понимать коммунизм как социальность неклассового типа (что шире антикапитализма), то такой «коммунизм» был всегда «встроен» в качестве интегрального элемента в системы АСП, будь то инки или древние египтяне. Потому-то под одним углом зрения указанные общества видятся как миры «деспотии» и «поголовного рабства, а под другим как царства равенства.

Вообще необходимо отметить, что общества АСП значительно эффективнее решили проблему первобытности, неклассовой, негативной социальности они превратили ее в форму своих систем угнетения, закупорив таким образом выход и сотворив нечто вроде социальной «черной дыры».

Европейская цивилизация решала эту проблему иначе, постоянно надстраивая, возводя этажи классовой социальности над неклассовой. Как только верхний этаж приходил в негодность, его перестраивали. За рабовладением пришел феодализм, за феодализмом капитализм. Капитализм, казалось, надолго накрыл тяжелой и мощной «классовой крышкой» котел неклассовой социальности. Однако в XX в. в измененном виде, опосредованно она вырвалась и проявилась в целом ряде аспектов «массового общества». Тем не менее и здесь капитализм нашел решения-полукомпромиссы; коммунизм и фашизм. Но каждое приобретение есть потеря: «отсистемив» «массового человека», выламывающегося посредством капитализма из европейской цивилизации, фашизм и особенно коммунизм в силу его ангисубстанциональности и некоторых других причин стали великой школой воспитания и шлифовки существа под названием Асоциал.

Но вернемся к подобиям между АСП и капитализмом – они хорошо иллюстрируют «колокольный эффект».

XXIX

Так же как капитализм не способен реализовать себя в качестве одной-единой «глобальной формации», АСП не может реализовать себя в качестве одной-единственной цивилизации. АСП представлен несколькими цивилизациями (в отличие от Европы в целом, где одна цивилизация представлена несколькими формациями). С этой точки зрения, логику развития АСП и восточных цивилизаций имеет смысл изучать не только саму по себе. Это им пример, исторический case study того, как ведут себя социальные системы, которые уперлись в барьер своих локальных (региональных) природных производственных сил. Ныне капитализм, а в его лице христианский исторический субъект и Европейская цивилизация уперлись в свой природный барьер, но не локальный, а глобальный – в биосферу в целом. У азиатских цивилизации был отлаженный (хотя, конечно же, жесткий и брутально-натуральный) механизм приведения в соответствие людской массы и природных ресурсов, субъективной и объективной форм натуральных (природных) производительных сил: социальный конфликт (чаще всего восстание низов), разрастающийся в гражданскую войну; физическое вырезание части господствующих и угнетенных групп; приход кочевников (если имеется степной хинтерланд), которые довершают дело. А если степного хинтерланда нет, то просто каких-то пограничных полуварварских племен. И социальная машина азиатского типа как бы возвращалась в прошлое.

Во всех крупнейших цивилизационных ареалах Востока – мусульманском, индуистском и конфуцианском – были мыслители, которые четко фиксировали это циклическое или, скажем мягче, одноплоскостное развитие. У арабов, например, это был Ибн-Халдун. В либеральную и марксистскую «прогрессистские линейки» циклизм не помещался. Особенно неприемлем он был для вульгарно-марксистских форм советского образца. Но против реальности истории не попрешь: азиатские общества выработали свой «нелинейный» механизм отношений с Природой, правила игры своих социумов с «их»

локальной формой Биосферы.

Европейские структуры, будь то античное общество или феодальное, принципиально иначе выходили из кризиса в отношениях Социум – Природа. Кризис разрешался каждый раз путем резкого расширения обитаемого пространства. История Европейской цивилизации – это история пульсаций, расширяющихся концентрических кругов в пространстве – европейском, евразийском, мировом. Ни одна другая цивилизация такой широкомасштабной пульсации не знает. Что еще важнее, европейцы как бы накрывали это пространство своим временем, включая чужое время в европейское. Это был специфически европейский способ присвоения пространства и контроля над ним с помощью европейского времени, воплощенного в Собственности.

Кризис феодализма привел к мировой экспансии европейского исторического субъекта, который теперь – посредством капитализма – охватил весь мир, всю планету, всю Биосферу. Это означает несколько вещей. во-первых, миссия европейского исторического субъекта как христианского выполнена. Универсализм совпал с планетарностью. Во-вторых, это значит, что экстенсивный, пульсирующий европейский механизм снятия противоречий между Обществом и Природой больше работать не может – он уперся в Биосферу, и именно Биосфера ныне сигнализирует об ограниченности и ущербности этого механизма. Впервые капитализм и европейский исторический субъект, христианство уперлись в такую природную стену, в такой природный барьер, который они не могут взять, ибо это будет прыжок в ничто. Сломать эту стену можно – но только с жизнью вообще.

Так капитализм, Европейская цивилизация, кстати с помощью и посредством НТР, впервые в своей истории оказались в отношениях с природой (а опосредованно – с самими собой) в положении цивилизаций Востока, АСП, т. е. таких обществ, в которых субъект социально не фиксируется, где мысль, как привило, не знает дихотомии «субъект – объект», где субъектность растворена непосредственно в природе (зооморфные боги) или в ее сконденсированной изоморфе – безличных мировых законах типа ме, кармы, дао. А ведь само рождение европейского исторического субъекта было идейно зафиксировано как победа антропоморфных богов над зооморфными и титанами, как победа Зевса над Ананке-Необходимостью (греческим аналогом безличных мировых законов), наконец, как окончательная победа людей (героев), не связанных, в отличие от богов, клятвой Стикса, над титанами и их потомками.

Короче, капитализм подвел европейского субъекта в отношениях с Природой к такой ситуации, в которой ему трудно быть субъектом. Это получает и идейное отражение, с одной стороны, в распространении восточных культурно-религиозных форм, с другой – в экологическом движении. Это уже серьезнее, чем поздняя осень капитализма. Это – осень Европейской цивилизации и христианства. Осень Белого Человека (только не надо упрекать меня в расизме; а впрочем – как угодно).

В этом смысле падение коммунизма и симптоматично, и символично. Природоборчество коммунизма было высшим в XX (и для XX) в. проявлением вне-, над- и антиприродности и Капиталистической Эпохи, и Христианского субъекта (атеизм возможен только в христианстве; это – христианство, доведенное до логического, хотя быть может и негативного завершения; но опять же, такой негатив возможен только в христианстве), и Европейской цивилизации. В коммунизме природоборчество капитализма и христианства обрело свою мощнейшую и чистейшую форму, не ограниченную или почти неограниченную никакой субстанцией. Решение повернуть вспять реки Сибири было не только и не просто проявлением старческой дури нескольких маразматиков. Это решение опиралось на 70 лет покорения природы. Думаю, правы те, кто считает Лысенко (сюда можно добавить и Мичурина) не обскурантом и шарлатаном (это в данном случае скорее его личные характеристики), а чистейшим проявлением социального типа Победителя Природы, у которого «вместо сердца пламенный мотор». А ведь помимо поворота рек и Лысенко было многое другое. Например, институт (в 20-е годы), который под пристальным вниманием ЦК ВКП(б) и лично т. Троцкого разрабатывал проблему выведения нового человека – Homo

Communisticus – путем скрещивания человека и обезьяны. Что тут скажешь? Нам нет преград. В этом, помимо прочего, проявляется постмодерн или, по крайней мере, мощная постмодернистская тенденция в коммунизме.

Ф.Джемисон, сравнивая Современность (Modernity) с постмодернизмом, писал: модернизм, Современность означают, что в индустриальном мире существуют «остаточные зоны» природы, что природа как-то сосуществует с индустрией. Постмодернистский, постсовременный мир – это мир, из которого природа вытеснена; это – денатурализованный, постприродный и одновременно постиндустриальный мир (23, с. VIII). Говоря другими словами, НТР устраняет противоречие между Индустрией и Природой, делая искусственной саму Природу. Тем самым НТР закладывает фундамент для устранения, снятия противоречия между Обществом (Историей, Культурой) и Природой. Однако конкретная форма снятия – социальная или асоциальная – будет зависеть от ряда обстоятельств, в том числе и от хода общественной борьбы.

Возвращаясь с проблеме «Коммунизм и Природа», еще раз отмечу этот постмодернистский крен коммунистического общества. Природа вообще играла специфическую роль в воспроизводстве коммунизма и его господствующих групп, будучи дополнительным резервом сверхпотребления (и это еще один источник нашего «постмодернизма», но уже совершенно коммунистическо-социосистемный). Показательно и то, что в крушение коммунизма внесли свой вклад и исчерпание трудовых ресурсов, т. е. экстенсивного, «природно-физического» фактора, и экологический кризис, и вообще крах в рамках треугольника «Человек – Техника – Природа». Символ – Чернобыль. Показательно, что обладатель этого символа, этой «награды» – именно коммунизм (причем коммунизм умирающий), а не технически более развитый капитализм: «С прибытием в НТР по-коммунистически».

И вот еще что очень показательно. Не успел рухнуть коммунизм с его строгим и оптимистичным рационально-универсалистским подходом («Нам нет преград на море и на суше»), место этого подхода заняли астрологи, ворожеи, экстрасенсы, прорицатели, «исихотэрапэуты», знахари, заряжатели воды, с которыми взялась конкурировать церковь, иноземные проповедники-шоумены и т. д. и т. п. Заняли быстро и разом. Как будто и всегда здесь были. Аналогичный процесс развивается на Западе, но там он внешне выглядит благопристойнее (это неудивительно, хотя шарлатан – везде шарлатан) и развивается медленнее. Мы опять напялили сапоги-скороходы сорок пятого, растоптанного. Но и то же время продемонстрировали завершение постмодерна в его логически чистой, свободной от субстанциональных искажений форме. И это – одна из примет и тенденций грядущего века.

XXX

Среди этих примет и тенденций есть немало и других малоприятных вещей, о которых уже говорилось. Это и серьезное снижение уровня жизни значительных масс населения, прежде всего средних слоев (и тем в большей степени, чем дальше от Центра Капиталистической Системы, в котором есть социальные «жирок» и амортизаторы). Это выталкивание огромных масс – от Индии до Бразилии – в «новый низший класс» (underclass). Это – асоциализация и криминализация общества. Это разрастание «серых зон» и «серых сообществ», приватизация насилия. Нарастание нестабильности и уменьшение предсказуемости как «внутри» обществ, так и вне их – на международной арене. Это появление новых агентов истории и уход Старых – рабочего и среднего классов, государства в том виде, в котором оно существовало в последние 200 лет.

У всех этих примет и тенденций, которые наметились в последней четверти XX в., есть общий знаменатель – исключение и отсечение. Отсечение большого числа людей от общественного пирога и исключение этого же числа из политического процесса, лишение его целого комплекса прав, завоеванных за последние 150–200 лет. Это, в свою очередь, требует кардинальных идеологических изменений, которые, однако, представляют собой

особую тему и выходят за рамки данной работы.

Если с точки зрения тенденций грядущего взглянуть на нашу страну последних 15–20 лет, то можно заметить: во многих отношениях Коммунистическая Система, будучи значительно более функциональной, чем «функциональный капитализм» либеральных диктатур Запада, испытала многие проблемы и трудности капитализма раньше и острее, чем сам капитализм, который обладает целым рядом амортизаторов: политические институты, богатство, разделяемые ценности и особенно «маленькие радости» и «маленькая роскошь» повседневной жизни, которые скрашивают последнюю и утрата которых часто значительно более болезненна, чем утрата чего-либо другого. Массовый человек – повседневный человек.

Человек повседневности. Здесь мы подходам к одной из важнейших проблем функционирования Капиталистической Системы – к проблеме повседневности. Вопрос можно развернуть и иначе. Когда мы говорим о субстанции капитала, то верно указываем на структуры производства, собственность. Однако в буржуазном обществе далеко не все – собственники. Далеко не все заняты в материальном производстве и охвачены его структурами. Тем не менее есть некая субстанция, которая охватывает общество в целом, обеспечивая ему фантастическую устойчивость и сопротивляемость даже в эпоху разгула функции капитала. Это – структуры повседневности буржуазного общества, буржуазный быт. Тот самый, одна из форм которого так поразила Льва Тихомирова. И эта структура играет огромную роль в воспроизводстве Капиталистической Системы, придавая ей такие качества, каких нет и не могло быть у коммунизма, хромого на быт, на повседневность. Эта структура, эта форма организации субстанции держат капитализм тогда, когда слабеют (и вообще, и относительно функции) другие формы организации субстанции.

XXXI

Повседневная жизнь – everyday life, la vie quotidienne – это и есть реальное поле жизни человека. Или скажем так: подавляющего большинства людей – везде и всегда. Люди рождаются, взрослеют, работают, едят, пьют, любят, болеют, умирают, встречают праздники и т. д. и т. п. Так это и при капитализме. С одним существенным отличием: при капитализме, в буржуазном обществе повседневная жизнь приобретает некое измерение и некие качества, которых у нее не было в иных социальных системах. Мишель де Серто даже говорит об «изобретении повседневности» в Западной Европе в капиталистическую эпоху. Точнее, где-то между 1750 и 1850 гг. Разумеется, де Серто (см. 19) и другие специалисты по «структурам повседневности» не считают и не хотят сказать, что обыденная, бытовая жизнь возникает лишь в капиталистическую эпоху, а до того люди не пили, не ели, не одевались и т. д. Речь о другом. О том, то с середины XVIII в. (а в чем-то еще раньше, с рубежа XVI–XVII вв., – голландская и фламандская живопись это хорошо и точно зафиксировала) в Западной Европе быт, повседневная жизнь становятся самостоятельными, автономными сферами в том смысле, что обособляются от религии и труда («работы»), освобождаются от жесткой вплетенности в отношения господства-подчинения и социальной иерархии.

В целом ряде «докапиталистических» обществ, как неевропейских, так, например, и феодальном в Европе (хотя здесь в меньшей степени, чем, например, в Индии или в Китае), быт, повседневная жизнь, потребности были предписаны в соответствии с принадлежностью к определенной социальной группе – касте, рангу, сословию, к определенной ступени социальной лестницы. Разложение феодализма в Западной Европе сломало ранжирование повседневной жизни как принцип и положило начало обретения ею автономии – параллельно, шаг в шаг с индивидуализацией общества. Капитализм еще более усилил эту тенденцию, стремясь превратить каждого индивида в потребителя, а повседневную жизнь – и даже традицию – в сферу и объект потребления. Не случайно в одном из проспектов «Steinberger Reservation service», рекламирующем отели нескольких западных гостиничных объединений, говорится: «Традиция – до сих пор самая потребляемая роскошь». Я еще вернусь к этому вопросу, а пока запомним: традиция как форма повседневно потребляемой

роскоши. Роскошь повседневности. Повседневность роскоши.

Между 1750 и 1850 гг. Запад пережил Великую Бытовую Революцию, которая и создала специфически историческую Повседневность как аналог капитализма, как Буржуазный Быт. До этого (1750–1850) столетия или даже до 1800 г. повседневная жизнь масс людей внешне не менялась. Как заметил американский специалист по экономической истории Д.Норт, если бы древний грек попал в Европу 1800 г., то в целом культурно-географический ландшафт не был бы для него чужим и чуждым: господство сельской жизни и крестьянского труда, лошадь как главное средство транспорта и т. д. Конечно, другая одежда, другое оружие. Но одежда и у варваров была другой. А вот окажись древний грек в 1850 г., то это уже был бы совсем незнакомый мир – мир железных дорог, телеграфа, дагерротипа и многого другое. Незнакомый – от культурно-географического ландшафта до быта.

Можно сказать, что в первой половине XIX в. субстанция (капитала) охватила и повседневную жизнь очень большого – неслыханного до тех пор – числа людей, масс. Произошла субстанциализация быта. Повседневность в современном (modern) западном (или буржуазном) смысле слова и есть, на мой взгляд, субстанциализированный быт; быт, переставший – в целом, в принципе существования и организации – быть функцией каких-то иных сфер и форм – социального ранга, положения и т. д. Причем произошла эта (капиталистическая) субстанциализация быта очень быстро. Скорость, с которой осуществились технико-экономические и бытовые изменения (по сути в течение жизни одного поколения), поражает. Поражала она и современников – от Мальтуса до Маркса.

Если вдуматься, Маркс начинал жить в одной Европе, а жил в зрелом возрасте и оканчивал свои дни совсем в другой. Не только изменения, но сама их скорость, ощущаемая именно и прежде всего на уровне повседневной жизни, бытования, короче – меняющийся быт – вот что в значительной степени обусловило многие смелые теории и прогнозы первой половины XIX в., как пессимистические (Мальтус), так и оптимистические (Маркс). Отсюда, от этой завороженности и изумленности темпом всех изменений – многие ошибки, неточности и перегибы. Так сказать, головокружение от успехов субстанционального капитализма на уровне повседневности. Но без этих успехов субстанциональный капитализм и не состоялся бы. Мало было сокрушить Старый Порядок в дыму боев и сражений Великой французской революции и наполеоновских войн. Мало. Была необходима победа, на уровне повседневной жизни. Если пользоваться марксистскими терминами (хотя в таком контексте и в таком смысле сами марксисты ими никогда не пользовались): уклад становится формацией только тогда, когда охватывает повседневную жизнь масс. Массовую повседневную жизнь. Можно сказать иначе: система в максимальной степени приближается к целостности тогда, когда имманентные ей принципы и законы охватывают быт, повседневность. Кстати, в этом отношении капитализм – Суперстар и Супертерминатор одновременно. Сельская по сути повседневная жизнь феодализма не столь уже существенно отличалась от таковой античности или развитых азиатских цивилизаций. Более того, и греки с римлянами, и европейцы заимствовали многое из «азиатского быта». Капитализм диаметрально изменил ситуацию: бытовые заимствования пошли в другую сторону: импорт сменился экспортом. Капитализм во многих отношениях сломал и изменил не только старый европейский быт, но и старый быт вообще, будь то Азия, Африка или доколумбова Америка. Изменил не только по субстанции, но и по принципам конструкции, организации.

Верно, что массовое скоростное изменение повседневной жизни произошло на Западе в первой половине XIX в. Но дело не только в изменении, но и в отношении к нему на различных уровнях, включая бытовой. А здесь серьезные качественные изменения в Западной Европе произошли задолго до XIX в. – в XV–XVII вв. Французский историк Фернан Бродель в своей работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв.» приводит такой случай. В XVII в. голландцы начали торговать с Японией, их торговые миссии начали приезжать в эту страну. Так вышло, что одна и та же или почти одна и та же по составу миссия встречалась с одними и теми же японскими даймё (князьями) и

самураями с перерывом в несколько лет. Японцев вторая встреча шокировала: на голландцах было другое платье, чем в первый раз, – другого фасона, других цветов. Естественно, в Голландии успела смениться мода. Обновление моды, изменение внешнего облика – вот принцип европейской жизни с XV–XVII вв. Для японца, равно как китайца и представителей других азиатских цивилизаций того времени, такое изменение облика было немыслимо. Нарушение традиции – плохой тон. Потому что это – нарушение социального порядка, иерархии. На Западе же – со всей очевидностью с Великой капиталистической революции (1517–1,1648), – напротив, социальный порядок и социальная иерархия поддерживались за счет более быстрых изменений, более быстрого темпа жизни господствующих групп, верхов по сравнению с низами.

Господствующие группы Капиталистической Эпохи – это социальные хронофаги, пожирающие чужое время – время иных социальных групп в самой Европе, время неевропейских цивилизаций и с помощью этого присваивающие их пространство. Пространство – это структура, в том числе структура потребления, потребностей, быта. Ее изменение, ее постоянное изменение как принцип – это и есть внедрение капиталистического принципа временной организации, Капиталистического Времени в зоны некапиталистических социального пространства и времен. Быт, мода, технизация быта – мощнейшие орудия капитализма, посильнее пушек и митрайез.

Итак, повседневность капитализма – это массовая повседневность индивидуальных потребителей. Причем – постоянно (по тенденции и потенциалу) меняющаяся повседневность. Массовая и меняющаяся – значит демократическая? Да. Но не только. Точнее, этим специфика западной повседневности последних 200 лет не исчерпывается. Далеко не исчерпывается.

XXXII

Что обычно противостоит повседневности? Что есть ее антипод? Роскошь. Разумеется, для социальной верхушки роскошь – это ее повседневность, ее быт. Тем не менее, когда говорят о повседневности, как правило, имеется в виду быт средних и рабочих социальных слоев. В этом смысле повседневность – это минимум вещественных и поведенческих форм, необходимый для сохранения социального бытия как бытия социального. Ниже уровня такой повседневности – только зоологическая социальность.

Конечно же, в любом обществе средний класс и часть рабочего класса, т. е. те сегменты общества, для которых повседневное существование не сводится к борьбе за обеспечение физического выживания, стремятся жить лучше, имитируя в быту тех, кто выше их на социальной лестнице. Однако в обществах «докапиталистических», т. е. логически (хотя и не всегда исторически) предшествующих капитализму, возможности такой имитации ограничены как материально, так и социально (кастами, рангами и т. д.). Повседневность в таких случаях неавтономна и неиндивидуальна, она представляет собой более или менее жестко фиксированную функцию предписанно-групповой принадлежности, является ранжированно-групповой. Социальная единица («агент») Такой повседневности, как правило, группа.

Повседневность Капиталистической Эпохи носит индивидуальный (или индивидуализированно-массовый) характер. А потому не имеет тех «теоретических» преград на пути стремления к роскоши, которые характерны для «докапиталистической» Повседневности. Различие между двумя уровнями бытия – Повседневностью и роскошью – сохраняется и при капитализме. Продолжают существовать замки и бриллианты, парфюмерия и одежда от Сен-Лорана, дорогие автомобили и яхты. И многое другое, Но возникает и иная, сниженная – повседневная – форма роскоши для среднего класса. Это явление – результат того, что уже в течение 200 лет западная повседневность стремится подтянуться к роскоши, развиваться по ее законам, стремится выйти за собственные рамки, т. е. за рамки минимума бытовых удобств и потребностей, за рамки того, что на Западе

называют subsistence minimum. Например, для среднего (и очень экономного) француза такой «роскошью повседневности» становится обед в ресторане за 70–90 франков. Дома это стоило бы в 3–4 раза дешевле, но здесь это в «официальной чистоте», где его обслуживает официант – и так, что можно почувствовать себя господином, а не бедным посетителем перед лицом очередного хама из обслуги; где еда не только вкусна, но и красиво подана. Роскошь повседневности как буржуазный быт – это магазины и улицы, где пахнет духами и вкусной едой (а не потом, тухлыми овощами и перегаром от фиолетовощекой продавщицы – этакого сивушного Змея-Горыныча).

«Повседневная роскошь» – это цветы на подоконниках, чистый подъезд с ковром и вежливая речь. Нынешняя западная повседневность стремится походить на роскошь, имитировать ее, пусть в ограниченной и миниатюрной форме. Короче, роскошь – как повседневность – это когда достоинство, по крайней мере внешнее, жизни, будь то внешняя воспитанность или внешний вид, становится нормой и ценностью поведения. Это когда повседневная жизнь обретает собственное и самостоятельное чувство достоинства, когда человек, как это ни покажется смешным на первый взгляд, начинает уважать себя в качестве бытового существа – едока, носителя одежды, хорошо пахнущего существа и т. д.

Кто-то скажет: ага, а как же насчет уважения личности, индивидуальности. Ведь главное – внутренняя жизнь, духовность, внешнее – не имеет значения, это – мещанство, шмотки. Такое противопоставление – ошибочно и появилось как результат самооправдания безбытности определенной, социально наиболее уродливой части русской интеллигенции и ее богемных аналогов на Западе. На самом деле одно не противоречит другому («быть можно дельным человеком, и думать о красе ногтей» – это написал Пушкин, которому психологически было трудно общаться с людьми, под ногтями которых чернела грязь), хотя в реальной жизни далеко не всегда совпадает. Я говорю здесь исключительно о повседневности буржуазного быта, вынося за скобки интеллектуальные и нравственные искания.

Разумеется, современная западная повседневность – это не Божий дар и не только эманация неких особых качеств западного или буржуазного человека. Нет, перед нами результат двухсот-, а то и трехсотлетней политики «кнута и пряника».

«Кнут» – это система репрессивных институтов повседневности, которые так хорошо описал Мишель Фуко: полиция, суд, тюрьма, клиника, сумасшедший дом – и которые как системообразующие элементы повседневности появляются именно в капиталистическую эпоху. Надзирающие и карающие институты репрессивного воспитания. Всю вторую половину XVII, весь XVIII и всю первую половину XIX в. они отсекали тот человеческий материал, который социокультурно, психофизиологически и поведенчески не вписывался в систему «Капитал плюс Государство». Результаты? Например, уже с 1800 г. кривая преступности в Западной Европе поползла вниз. И – с небольшими отклонениями и всплесками – так и движется до сих пор. Главный результат – создание бытового человека, у которого контроль со стороны внешних репрессивных структур повседневности интериоризирован и который контролирует свои психофизиологические импульсы.

Широк человек, сузить бы его, мечтал Достоевский (устами Мити Карамазова). Капиталистическая Система, по крайней мере в своем историческом, цивилизационном ядре, реализовала мечту великого русского писателя, создав определенный тип человека. Или хотя бы модальной личности, задающей тон и код поведения в современном западном обществе: рационально действующий, законопослушный, минимально агрессивный. Во всяком случае пока он находится в «гравитационном» поле своей системы и ее институтов. Произошла интериоризация социального контроля. Он превратился в самоконтроль. «Человек самоконтролирующий» – это и есть зауженный человек»…

Но каждое приобретение есть потеря. Оборотная сторона самоконтроля – невроз. Распространение нервных заболеваний в Западной Европе в последней трети XIX в., формирование нескольких «тихих омутов» традиционных зон самоубийств, возникновение психоанализа – все это оборотная сторона триумфа самоконтроля, зауживания человека.

Впрочем, как и любой триумф, этот тоже не был полным. «Фашистский взрыв» первой трети XX в. с разгулом иррационального (правда, очень часто направляемого рационально и рациональным) показал, насколько тонка пленка культуры повседневности.

Современное государство и капитал с их репрессивными институтами повседневности заузили человека на ограниченных пространствах североатлантического побережья. И эта пространственная ограниченность в немалой степени способствовала успеху. В России, например, с ее огромным пространством репрессивно-повседневное воспитание преуспеть не могло. В XVIII в. созданная Петром I тайная полиция (Бог и тайная полиция – вот что, по мнению Петра, было необходимо для «государственного счастья») тоже взялась за социальное воспитание. Время действия – то же, что и на Западе. Но цель воспитания – одновременно и шире и уже, чем на Западе. Не отсечение негодного для Капитала и Государства человеческого материала, а борьба, но не с преступными действиями, а с оскорбительными для властей словами («Мать гребу царское величество»; «Я на него насерю» – слова вятского посадского канцеляриста о рублевике с изображением Анны Иоанновны) или, наоборот, с умолчанием (I, с. 313, 351, 357). Цель воспитания – заставить бояться Власть, т. е. сузить себя только в отношениях с Властью, но не с другими «сочленами» по социуму.

Тем не менее деятельность любой «тайной полиции» по репрессивно-повседневному воспитанию в докоммунистической России не могла быть успешной. Необходима была тайно-явная и явно-тайная массовая служба репрессивно-бытового воспитания – ЧК/ГБ, которая, однако, довольно быстро пришла в противоречие с интересами господствующей группы коммунистического режима. (Таким образом, только в сталинское время в виде системы ЧК/ГБ плюс концлагеря в Русской Системе была, помимо прочего, сделана попытка репрессивного воспитания с целью создания человека определенного типа.

Достигнув успеха в ряде побочных и непредусмотренных «воспитателями» направлений, эта попытка провалилась. Она способствовала воспитанию могильщика коммунизма. Каким образом? По-разному. Быть может, прежде всего тем, что в Русской Системе, будь то самодержавие или коммунизм. Власть как единственная субстанция – в отличие от тандема капитал – государство в Капиталистической Системе – практически ограничивалась в своих действиях «кнутом», редко прибегая к «прянику». Может быть, «кнут» и есть специфический «русский пряник»? По жизни, по русской жизни, так оно и выходит. А вот Капиталистическая Система – и чем ближе к цивилизационному ядру, тем больше, хитрее и тоньше – использовала «пряник». Часто он оказывался эффективнее «кнута».

Репрессивно-повседневное воспитание XVII–XIX вв. можно рассматривать и как очередную попытку обществ европейской цивилизации решить проблему ограничения и подавления того, что можно назвать «естественной социальностью», или, попросту говоря, первобытной, доклассовой человеческой натуры, сопротивляющейся системным (в данном случае – классовым) рамкам и ограничениям.[5] В азиатских цивилизациях это было сделано раз и навсегда – там «естественная социальность» была вывернута наизнанку, интегрирована в господствующую систему социальных отношений и поставлена ей на службу. Она как бы разлилась в обществе в целом. В Европе же, будь то античность или феодализм, естественная социальность подавлялась как бы извне, новая классовая (антагонистическая) форма напластовывалась сверху, придавливая естественную социальность тяжелой плитой власти и собственности. Однако во время социальных революций (а они суть имманентная форма эволюции европейской цивилизации, и на них приходится 20–25 % ее исторического

---

[5] * Подр. см.: Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: Опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. – М.: Наука, 1993. – С. 56–112.

времени)[6] – естественная социальность (точнее, те формы, в которые она превращается посредством сопротивления системной, классовой социальности) вырывалась наружу, срывая крышку старых институтов с общественного котла. Новая система, грубо и упрощенно говоря, создавала новую крышку. Капитализм преуспел в укрощении европейской «первобытности», комбинируя репрессии и соблазняющую повседневность. Правда, возникшее в XX в. массовое общество в своем поведении, в своих вкусах и фобиях воспроизвело кое-что из прошлого (хотя и с модификациями, с поправками на Современность). И все же Капиталистическая Система, будучи эффективной во многих отношениях, оказалась эффективной также в подавлении и утилизации таких явлений, как реликты естественной социальности, антисоциальность, негативная классовость (классовость минус основные историко-культурные достижения цивилизации; характерна для наиболее жестоких систем угнетения, связанных с включенностью в мировой рынок, отсутствием прочных социокультурных связей между господствующими и угнетенными группами).

В России, похоже, вышло иначе. Господствующие группы не смогли навязать угнетенному классу свои ценности и свою культуру (как это произошло, например, во Франции и в Англии в XVI–XVIII вв.). Результат – не единая нация, а ситуация, когда господствующие группы оформились в квазинацию (со своим языком – французским, своей культурой – европейской), а угнетенные слои остались «народом» в докапиталистическом смысле слова. XVIII в.: классовая эксплуатация налицо, а классовость крепостного крестьянства – в лучшем случае негативная.[7] Поэтому неудивительна консервация если не доклассовых (это невозможно), то неклассовых черт у значительной массы населения Российской империи. Для нее коммунизм стал оформлением этой неклассовости как положительного качества, он оформил отрицание не только капитализма, но и классовости (как принципа социальной организации) таким общественным типом, чья историческая «первобытность» не была ни перемолота, ни подавлена «как следует» (то есть «как в Европах»). Речь, разумеется, идет не о первобытно-общинном строе, а о совершенно ином явлении, параллельном классовости, и с точки зрения последней представляющем «негативную классовость», неклассовость. Но с точки зрения Русской Системы это, бесспорно, не так. Ставя, однако, здесь точку, повторю: для значительной части населения России в начале XX в. коммунизм как негативная функция капитала, как антикапитализм, как отрицание капитала положительно оформил неклассовость, превратил негативную классовость в позитивную бесклассовость. Поэтому, несмотря на стратификацию, неравенство, неэгалитарный характер и т. д. и т. п., коммунизм действительно был бесклассовым обществом, что существенно отличает его и от Капиталистической Системы, и от самодержавия, особенно петербургского. Помимо прочего, существеннейшее различие между капитализмом и коммунизмом заключается и в способе решения проблемы примитивных социальных форм (исторически превращенных форм «естественной социальности»), их организации и утилизации. В известном смысле, коммунизм создал более чистое массовое общество, чем капитализм. В том числе и потому, что Капиталистическая Система, созидая общество массового потребления (коммунистическая массовость была иной), вносила в него существенную модификацию с помощью структур повседневности буржуазного быта, воплощавшего «капиталистическое вещество». Это и был «социальный пряник». Организованный быт – вот что оказалось, если не окончательным, то наиболее эффективным решением проблемы интеграции примитивных форм социальности и их персонификаторов в классовое общество, их замирения. Структура буржуазного быта есть,

---

[6] ** Подр. см. Фурсов А.И. Великая тайна Запада: Формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта. – Европа: Новые судьбы старого континента. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 13–70.

[7] * Справедливости ради надо признать, что и классовость дворянства в России имела целый ряд негативных черт, но это – особая тема.

помимо прочего, несобственническая (или ограничено собственническая) форма включения индивида в капиталистическое время, т. е. темпорализации (примитивной) социальности. Собственности на всех хватить не может. Зато быта хватает на большее число людей. Капиталистическое время, таким образом, растягивается. Оно материализуется двояко – в виде собственности и в виде «роскошеподобной» повседневности, которая представляет собой первую линию обороны капитализма, его Великую стену.

XXXIII

«Пряник» – это возможность имитировать роскошь верхов в повседневной жизни. Это – возможность роскошизации повседневности, обуржуазивание быта небуржуазных групп без их буржуазификации. Это и есть «пряник», «морковка» капитализма. И хотя многие сегменты населения получали эту «морковку» не целиком, а лишь частично и в протертом виде, все равно, в отличие от монашек из анекдота, они были рады и протертой «социальной морковке». Стремящаяся к роскоши повседневность становилась для одних компенсаций тяжелого труда и эксплуатации, для других – средством реального отделения себя от низов и создания фиктивной картины близости верхам. При этом новые формы роскоши относительно быстро переходили на уровень повседневности или имитировались им. Более того, возник и оформился механизм «роскошизации повседневности», т. е. более или менее внешней имитации прежде всего средними слоями образа жизни верхов. Главным транслятором этого стала мода.

Например, с середины XVIII в. люди на Западе, в первую очередь элита, перестали терпеть миазмы, которыми были заполнены разраставшиеся города. Чистота воздуха стала ценностью, а затем нормой повседневной жизни. Именно с этого времени начинается самая настоящая экспансия духов. Запахи становятся той стеной, которая отделяет господствующие группы от угнетенных, богатых – от бедных. Но постепенно формируется мода, т. е. меняющаяся во времени имитация сначала буржуазно-аристократических форм (а потом – любых форм; мода на белье черного цвета, как известно, идет от парижских проституток начала XIX в.). И духи превращаются в культуру запахов, ласкающих обоняние, которая начинает развиваться по собственным законам, превращаясь к тому же в средство вложения капитала. В капитал. В субстанцию.

Еще пример. Со второй половины XVIII в. в Европе широкое распространение получил специфический морской пейзаж: человек или небольшая группа людей сидят на берегу и смотрят в морскую даль – с белеющими вдали парусами кораблей или без них. Незаполненность пространства, дальняя морская перспектива, воспринимаемая ограниченным числом людей. Морской пляж на этих картинах интегрирован в морскую даль. Типичный пример – морские пейзажи такого рода Каспара Давида Фридриха. Как заметил Ален Корбэн, картины этого жанра представляют собой первую культурно-психологическую реакцию городской элиты на «социальное уплотнение» городов, выражают желание изолироваться от социально неприятной скученности городских низов, оборванцев. Но постепенно мода на морской пейзаж захватывает и неэлиту.

С середины XVIII в. начинает развиваться еще одна форма социопространственного обособления богатых и состоятельных людей от «социальной фауны» к низу от них – туризм. Туризм (включая поездки «на воды», «на источники», «на море») – европейско-буржуазный по происхождению феномен, особая форма досуга богатых в буржуазном обществе. В XX в., однако, туризм становится массовой, а не элитарной формой досуга. То же самое – с питанием, одеждой и модой на нее, с жильем. Мода позволяет закамуфлировать социальные противоречия, утопив их во внешне одной и той же субстанции, придав им внешне специфическую форму: не роскошь и не повседневность, а аристократическая в своей демократичности роскошь повседневности, повседневность-как-роскошь. Социальная циркуляция вслед за модой лишь способствует воспроизводству этого процесса. Кен Фоллет рассказывал, как за последние 20–30 лет

несколько раз менялся социальный состав значительной части района Челси в Лондоне. В какой-то момент район относительно обеднел, цены на жилье упали и тогда в него стали переезжать представители богемы. Со временем это сделало район модным. В него потянулись богатые. Цены на жилье выросли. Район стал еще и престижным, а следовательно, дорогим. В результате богема начала покидать его, а вместе с ней Челси стал терять репутацию модного. После этого часть богатых уехала из него, район утратил значительную долю престижности, цены на жилье вновь упали, вновь появилась беднота. А за ней – опять богема. Все повторилось.

Это говорит о том, что структуры повседневности буржуазного быта – мощнейший социальный регулятор, причем по линии субстанции. Именно они придают дополнительную устойчивость Капиталистической Системе всякий раз, когда возникают проблемы с субстанцией или связанными с ней формами организации (производство, собственность, гражданское общество). Именно образ жизни, структуры повседневности стали последним доводом в выборе рабочих и средних классов Запада против коммунизма в XX в. По крайней мере, так считает (и я с ним согласен) «вечный диссидент» Рудольф Баро. Он прямо говорит о том, что даже рабочие и низы среднего класса Запада опасались, что коммунизм разрушит привычный для них образ жизни, их повседневность, в которой есть хотя бы блестки роскоши. Эти блестки – доля, пай этих социальных групп в богатстве и роскоши Капиталистической Системы. Их ваучер, но настоящий, реальный, а не сконструированный по-чубайсовски.

То, что повседневность значительной массы населения тяготеет к роскоши, нарастило на современном (modern) Западе, точнее – на его повседневности, над ней толстый слой роскоши, т. е. чего-то на первый взгляд лишнего, ненужного, избыточного. Но это только на первый взгляд. В случае социальных потрясений избыточная субстанция становится и дополнительным креплением, еще одним социальным амортизатором, тем социальным жирком, который можно проедать в трудные времена.

Но все это требует, чтобы повседневность исходно стремилась оторваться от бытовых форм, сохраняющих минимум социальности, и развивалась по законам роскоши. Это далеко не везде так. Например, это не так было в России с безбытностью огромной массы ее населения, не только угнетенных классов, но также низшего и среднего дворянства, разночинцев, а затем и интеллигенции. Здесь 'главной тенденцией было торжество повседневности как бытового минимума социального воспроизводства. И если на Западе с XIX в. повседневность тянется к роскоши, то в России заметнее был противоположный процесс.

Возникнув, роскошь здесь чаще всего недолго держалась «на уровне», постепенно сползая к повседневности и начиная жить по ее законам. Проявлялось это по-разному: в оскудении и опрощении дворянских усадеб, в том, как спивались разночинцы, в безбытности российской интеллигенции, ее бытовом неустройстве, за которым вскрывалось неустройство культурно-психологическое – в головах, в поведении. Роскошь, опускающаяся или опущенная до повседневности, стремящаяся к ней, – вот, пожалуй, главная тенденция в отношениях между роскошью и повседневностью в России.

Впрочем, в конце XIX–начале XX в. Россия в первый раз в своей истории на какой-то части своего социального пространства смогла накопить энный объем вещественной субстанции, организовать ее и создать, пусть для ограниченного социального контингента – адвокатов, профессоров, чиновников средней руки и т. п., – структуру повседневности буржуазного быта. Однако все это – эти люди, этот быт, эта субстанция, – просуществовал исторически краткий миг («есть только миг, за него и держись»), было не просто унесено ветром русской революции, в форме которой выступила очередная русская смута. Все это было со сладострастным ожесточением и злобой уничтожено. Как знать, быть может накопленная к тому времени субстанция превысила тот объект, который допускает Русская Система, который она требует для своего нормального функционирования. Иными словами, роскошь непозволительно, не по-русски поднялась над повседневностью. И ей – «под игом

ущербной Луны» – «было указано». Серпом (по детородным органам) и молотом (по черепам).[8]

Думаю, что суть непереводимого на другие языки и трудно объяснимого русского слова «пошлость», того явления, которое за ним стоит (или, по крайней мере, существенно важный аспект этого явления), тесно связана с соотношением роскоши и повседневности. Пошлость – это триумф повседневности. Пошлость – это и есть повседневность в самом широком смысле, ставшая для себя единственной роскошью и ценностью, осознавшая себя в качестве единственно возможной в данных условиях формы жизни и, следовательно, намертво закупорившая возможность выхода за собственные рамки. Пошлость – это закупоренная повседневность. Это повседневность как единственный смысл жизни и единственная истина. Это – повседневность, переставшая испытывать потребность в роскоши, не только лишенная надежд на нее, но даже не имеющая никаких иллюзий подобного рода, забывшая или уже не знающая о ее существовании. Пошлость – это воронка, Мальстрем повседневности.

Пошлость – не автономная повседневность буржуазного общества, входящая в соприкосновение с другими автономными структурами и отделяющая себя от них. Это повседневность, стремящаяся охватить и поглотить, уподобив себе все (следовательно, и ненавидящая все – разумеется, кроме Власти, которая ей не по зубам). В этом смысле пошлость – неавтономная повседневность, млеющая перед Властью, боготворящая и одновременно ненавидящая Власть, стремящаяся стать изоморфой (хотя бы в форме властной, т. е. репрессивной, культуры повседневности, в частности – хамства, ибо хам – это и есть ситуационный господин, угнетатель, репрессор).

Автономная повседневность, стремящаяся к роскоши, представляет собой уникальное достижение капитализма. И в то же время – одну из его главных несущих конструкций. В этом воплощается суперсубстанциональность капитализма, позволявшая ему оставаться капитализмом даже в Великую функциональную эпоху XX в. Разумеется, фундаментом этого качества капитализма является субстанция, накопленная еще европейской цивилизацией. Надо сказать, что Европейская цивилизация как главное творение христианского исторического субъекта, который есть не что иное, как природоборческий дух (природоборческий не в смысле уничтожения природы, а в смысле покорения, переделывания ее, превращения в искусственную, исторически созданную субстанцию), – вообще одна из самых материально-вещественных по своей социальной сути. Иными словами важнейшим вектором социального развития европейской цивилизации как в феодальной, так и в капиталистической ее фазах было производство и накопление искусственной материальной субстанции в ходе постоянного наступления на природу.

Мир до сих пор считает чудом света египетские пирамиды. Но как заметил Ж.Гимпель, лишь за период 1050–1350 гг. н. э. одна только Франция перевезла камня больше, чем Древний Египет за любые, даже самые интенсивные по строительству 300 лет своей истории. Во Франции за этот период было добыто несколько миллионов тонн камня для 300 кафедральных соборов, 500 крупных церквей и нескольких десятков тысяч церквей поменьше – приходских. В Средние Века в Западной Европе одна церковь приходилась в среднем на 200 человек (21, с. 1–2; 22, с. 59). Огромное число монастырей и мельниц, замков и шахт – вот таким был старт европейской цивилизации в XI–XIII вв.! Постоянная вещественная денатурализация Природы реализовывалась европейской цивилизацией во имя духовного – Божественного. Постоянная и повседневная субстанциализация реальности диктовалась определенным религиозным, духовным отношением к этой реальности. Материя как бы тянулась, устремлялась к Духу (ср.: повседневность, стремящаяся к роскоши). Апофеоз этой массы вещества, устремленной ввысь, к Абсолюту, к Идеалу, –

---

[8] * Сталин, разбивающий ударом ноги зеркала в Кремле в 1918 г., – символ этого «было указано» в не меньшей степени, чем крестьяне, разорившие и загадившие усадьбу Блока.

готика. В этом смысле Европейская цивилизация – готическая; в готике дан ее субстанциональный код, шифр.

И тем не менее, вырастая из Европейской цивилизации, капитализм произвел такой объем субстанции, который неизмеримо превосходит тот субстанциональный потенциал, созданный до него – как в Европе, так и в мире в целом. Субстанция капитализма обрела массово-повседневное измерение, войдя в быт и став им. Вспомним еще раз изумление Льва Тихомирова при виде швейцарских и французских деревень; о городах и говорить не приходится. Субстанция!

Не потому ли русские, а потом и советские люди любили так ездить на Запад, что помимо чувств свободы и комфорта, помимо чисто практических – шкурно-шмоточных, материально-физических задач – они, осознанно, или неосознанно, достигали еще одной цели, метафизической: попадали в Море Субстанции. Купались в том и подписывались тем – не только физически, но и метафизически – в чем и чего всегда не хватало в Русской Системе. А именно – материальной, предметно-вещественной субстанции. Именно западная Субстанция заняла место русского бога субъективных материалистов Коммунистической Системы, готовых на все – на поношение Запада в прессе, на шпионаж против него, на ложь о нем – ради одного: ради путешествий в Субстанцию из страны (для них) «немытой функции». Служа этой функции и вредя Миру Субстанции, чтобы прикасаться к нему, они разрушали ту единственную субстанцию, которой реально обладали, – самих себя. Диалектика – субъективно-материалистическая.

XXXIV

Субстанциализированный быт современного Запада, проявляющийся постоянно и разнообразно (от камня и железа – до запаха вкусной еды и духов в магазинах и на улицах, сгущающего даже воздух до субстанции), такая – стремящаяся к роскоши – повседневность, повторю, есть одна из несущих конструкций и исторических опор капитализма, его уникальный и оригинальный «цивилизационный» вклад в историю.

Я не случайно взял в кавычки слово цивилизационный. Капитализм не создал своей особой, капиталистической цивилизации. Конечно, метафорически, в нестрогом, максимально широком смысле можно говорить о некой «капиталистической цивилизации». Но это явление принципиально, сущностно отлично от того, что понимается под «цнвилизационностью», когда речь идет, например, о китайской, индийской, мусульманской или европейской цивилизациях. И не только потому, что капитализм – это часть Европейской цивилизации, ее фаза. А потому – подробно здесь нет места говорить об этом, – что капитализм устраняет противоречие между такими двумя качествами, измерениями исторического субъекта как формационность (неприемлющие марксистскую лексику могут подобрать любой эквивалент из либеральной интеллектуальной традиции) и цивилизационность. В этом смысле капитализму цивилизационность как внутреннее качество не нужна – он питается не только от иных формаций, но и от цивилизаций, включая Европейскую. Это – положительное, а не отрицательное качество капитализма», Не случайно, как справедливо заметил Х.Зедльмайер, капитализм не создал своей особой цивилизации, довольствуясь либо повторением прошлого, либо эклектикой, либо отрицанием цивилизационных форм (модерн Великой Функциональной эпохи).

И действительно, вершина Европейской цивилизации – барокко – пришлась именно на тот период, когда феодализм уже умер, а капитализм не встал на ноги. В (меж)формационное безвременье цивилизационность вышла на первый план почти что в чистом виде. Как знать, не был ли это последний парад Европейской цивилизации, которая затем, уже со второй половины XVIII в., начала мельчать, приобретать камерный характер, уходить в себя – «ококоизироваться, а затем, уже в начале XIX в., плавно перетекать (как верно заметил все тот же Зедльмайер) из монументальности в простоту и удобство буржуазного уюта, т. е. буржуазной повседневности. Повседневность сменила высокую цивилизацию.

Но не только уютная повседневность заняла в Капиталистической Системе нишу, эквивалентную цивилизационности. Капитализм создал себе еще две уникальные опоры, не имеющие аналогов за его пределами: политику и идеологию.

Идеология – явление капиталистической эпохи, причем эпохи зрелого капитализма. Это – та необходимая роскошь, которую должно было позволить себе буржуазное общество после устранения Старого Порядка, окончания Великой французской революции и ухода с исторической сцены великого могильщика обоих этих явлений – Наполеона. Протоидеологией было Просвещение, Но «прото», как и «почти» или «чуть-чуть», не считается. Не случайно, например, во французском языке первое употребление слова «идеология» датируется 1796 г., не раньше.

«Политика – европейская роскошь?» – так афористически назвал свою статью П.Вебер-Шефер (см. 36). Да – роскошь. Да – европейская, если, конечно же, не отождествлять политику с властью и управлением вообще, а определять ее как взаимодействие лиц, не связанных друг с другом отношениями господства-подчинения, т. е. формально равных лиц, субъектов, агентов гражданского общества, общества, которое не обусловлено той или иной формой коллективной собственности, коллективного присвоения природы. С точки зрения любого небуржуазного общества, будь то «восточный деспотизм» или «советский коммунизм», политика – это роскошь, это то, что (как минимум) не является необходимым.

Зачем это?

В таком вопросе с позиций небуржуазных социумов и воплощающих их общественное содержание индивидов, не знающих ни гражданского общества, ни политики, есть своя социальная правда: зачем это, если общественная регуляция возможна без политики? Например, с помощью янычаров или «телефонного права». Это – непозволительная роскошь. Для капитализма же эта роскошь необходима – как и роскошь идеологии.

Политика, повседневность и идеология образуют некий узел или треугольник (пронизанный правом), который, заменяя для капитализма цивилизацию или будучи «капиталистической цивилизацией», должен придавать историко-культурную устойчивость капитализму как социально-экономической системе. Политизированная и идеологизированная («западный образ жизни») повседневность; повседневная политическая жизнь, ставшая благодаря газетам и телевидению частью быта – все это сцеплено в некую форму, которая на капиталистическом Западе заняла «нишу», в других обществах принадлежащую цивилизации. Так оно и было в течение последних двухсот с небольшим лет. А что же ныне?

Ныне Капиталистическая Система действительно вступает в постидеологический век, как бы (но только как бы) оказываясь в эпохе до Великой французской революции или, в лучшем случае, в хронологической зоне между 1789 и 1848 гг. Но, подчеркиваю, это – в лучшем случае. Что касается политики, которая есть святая святых публичной жизни буржуазного общества, то и здесь не все так просто и не все так гладко. Нет, политика, в отличие от идеологии, еще не отмерла. У нее более сильный пульс, чем у государства. И все же есть ряд тенденций и явлений, которые в перспективе могут угрожать политике как искусству самоуправления, основанному на рациональных принципах.

Это отступление рациональных теорий и ценностей, универсалистских схем и принципов, вытеснение их этнокультурными, фундаменталистскими формами. Это и активный выход на политическую арену различных меньшинств, от сексуальных до этнических, воспринимающих политику просто как власть. Показателен термин, который Ференц Фехер и Агнес Хеллер употребили для характеристики политики в США, – «биополитика». Центральными вопросами политической жизни США стали раса, гендерные отношения и здоровье. Иными словами, происходит «биологизация» политической борьбы, ее объектами становятся не столько социальные, сколько биологические характеристики. А если добавить сюда экологистов – то и природные. Ясно, что уже наличие и хотя бы какой-то успех, не говоря о победе, движений меньшинств разрушает структуры повседневности, т. е.

объективно работает на «серые зоны», на «зону неправа». На асоциала.

Пока все эти явления кажутся, особенно из России, из «вне-Запада», случайными, маргинальными, преходящими. Но ведь именно так характеризовали ослабление государства как института в начале 70-х годов. А сейчас некоторые уже пишут об упадке этого института. Так, может, довольно смеяться над Марксом, каким бы лично неприятным ни оказался и ни был на самом деле этот Бородач из Трира? Ведь он оказался прав – во многом. В том числе и насчет отмирания государства. Вообще смеяться над великими мыслителями – дело неблагодарное. Они, как правило, редко ошибаются. Сказал, например, Шпенглер: «Закат Европы». И ведь оказался прав. Та Европа – закатилась. Но это – к слову.

Конечно, при всех потрясениях устойчивой остается повседневность, буржуазный быт, тяготеющий к роскоши. Эта субстанция. Но сохранится ли этот быт в таком своем виде в случае ухудшения положения значительной части среднего класса? Едва ли. Есть ли у буржуазной, имитирующей роскошь повседневности смертельный, заклятый враг, ее потенциальный могильщик? Есть. Это – асоциал, о котором уже говорилось. То, что Э.Баладюр назвал «зоной неправа», можно назвать также «зоной неполитики» (а просто – власти, силы, насилия), «зоной неидеологии» и, главное, «зоной не повседневности» – в смысле безбытности, В асоциальной зоне повседневная жизнь сведена к минимуму существования. Ничего, кроме этого, нет. Нет буржуазного, социально организующего быта как слоя роскоши над повседневностью. Зона неправа – это повседневность без роскоши, без политики, без идеальных ценностей.

А потому пленка, которая отделяет человека от зверя, социальность – от антисоциальности или. даже зоосоциальности, здесь весьма и весьма тонкая и непрочная. И законом становится то, что с социальной точки зрения есть беззаконие – делинквентность и коррупция. Единственная «политика» таких зон – это, как верно заметил Ж.Ф.Байяр, «политика живота»; само наполнение живота становится делом жизни и смерти (а, например, не элементарного заработка). Отсюда – вытеснение политики организованным насилием и клиентелизмом. Примеров – сколько угодно: от Бразилии и Заира до Таджикистана и Явы. То, что Э.Бэнфилд в свое время на примере Сицилии назвал «аморальном фамильизмом» «посткрестьянских обществ», то, что составляет мир самовоспроизводящегося насилия – «Виоленсии» – в Латинской Америке (описано социологами, а также в романе и рассказах Х.Рульфо), – все это цветочки по сравнению с «культурой» и «структурой» повседневности асоциала. Колумбия медельинского картеля, с одной стороны, полпотовская Кампучия – с другой. Вот два капиталистический и антикапиталистический – варианта реализации и институциализации власти асоциала. Они наглядно демонстрируют, что «асоциализм» снимает противоречия между капитализмом и коммунизмом. Вот как оборачивается в реальности розовая мечта о конвергенции. А если еще учесть, что в асоциале снимается противоречие между Историей и Природой. о чем мечтали Маркс и Энгельс, то картина становится еще более интересной (и страшной).

Экономисты ныне много пишут о неформальном секторе, особенно в крупнейших городах мира, как о «параллельной экономике», «контрэкономике». Но это лишь экономический аспект более широкого общественного целого – параллельного социума, контробщества с «повседневностью на грани социальных и зоологических форм – с терпимостью ко многим проявлениям психопатологического поведения, с «культурой бедности» (О.Льюис) и, что не менее важно, с отсутствием устойчивого минимума «вещественной роскоши», в которой воплощены труд, собственность (а следовательно, время), организация и ценности и которая заставляет изо всех сил сопротивляться выпадению в параллельный мир асоциальности.

Как это ни парадоксально, но именно структуры буржуазной повседневности, особенно в условиях упадка идеологии, ослабления государства и политических институтов, способны стать дополнительным балансиром капиталистического общества. Те самые структуры и формы, которые многие мыслители, ученые и писатели – прежде всего на самом Западе – бичевали как филистерские, мещанские, мелкобуржуазные. Правильно бичевали. Все это

так. Тупой и сытый бюргер, тщательно поливающий цветочки на балконе на какой-нибудь Блюменштрассе в каком-нибудь маленьком городке на Рейне, – это малопривлекательно. Но асоциал из Байшада Флуминенсе в Рио-де-Жанейро, трущоб Мехико, Нью-Йорка или Марселя, «плавающих бараков» Гонконга – это намного хуже и опаснее. Что еще важнее, нудный, высмеянный Дюренматтом, Фришем, Гессе, Апдайком и другими среднестатистический европеец или американец – «ограниченный», «занудный», «бездуховный», «заземленный на буржуазную повседневность», ее персонификатор – это барьер на пути асоциала. Именно повседневность, организованный быт оказывается – и с упадком идеологии, политики и государства окажется в еще большей степени – валом на пути новых варваров, последней преградой на пути асоциала с его безбытностью. Последним рубежом не только буржуазной, но и европейской субстанции.

То, что говорилось выше об асоциале, демонстрировалось главным образом на примере мегаполисов периферии и полупериферии Капиталистической Системы – Калькутты и Мехико, Лагоса и Манилы. Можно почитать, например, Гарсиа Маркеса и Салмана Рушди и увидеть те же явления и в небольших городах Латинской Америки, Азии. Да и Африки тоже. Но те же явления социологи и журналисты фиксируют и в городах Европы и Северной Америки, особенно там, откуда уходит промышленность, где идет деиндустриализация.

Конечно, в цивилизационном, «белом» ядре мощь и плотность капиталистической субстанции многократно усилены наличием всей субстанции, накопленной западной цивилизацией; здесь у капиталистической субстанции глубокие, разветвленные и прочные корни. Но и в этом ядре растет численность выходцев с Юга, несущих с собой код иных этнокультурных форм, иную повседневность и часто пополняющих неформальный сектор и «зону неправа», а потому самой логикой бытия выталкиваемых в асоциум, в противостояние социально организованному населению. Конечно, по крайней мере на ближайшие два поколения у европейско-буржуазной субстанции хватит и сил, и социального иммунитета. И все же лучше знать об опасности: кто предупрежден, тот вооружен.

XXXV

Но, может, безбытность, безбытная, бессемейная повседневность, неорганизованный или принципиально, дезорганизованный быт – не такое уж опасное явление? К сожалению, это не так. История России конца XIX – начала XX в. – красноречивое тому свидетельство. А.С.Изгоев в блестящей статье «Об интеллигентной молодежи», опубликованной в сборнике «Вехи», на примере значительной части русской интеллигенции, прежде всего студенчества, показал общественную опасность социально неустроенных слоев населения, вся жизнь которых есть не что иное, как сознательное воспроизводство этого неустройства – будь то быт, работа, семья, воспитание детей и т. д. «Выходя из… своеобразной младенческой культуры, – пишет Изгоева, – русский интеллигент ни в какую другую культуру не попадает и остается в пустом пространстве» (5, с. 109). Буржуазную сферу он презирает, для народа он чужой; его сфера – безбытность, «невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т д.» (5, с. 107). Результат – отсутствие любви к жизни. Я бы сказал: к нормальной, организованной жизни. Изгоев очень уместно вспоминает мысль В.В.Розанова, сравнившего русское студенчество с казачеством, бесспорным носителем многих асоциальных черт. Другое дело, что находившаяся на подъеме самодержавная Россия в XVII–XVIII вв. смогла сломать хребет асоциалу тех времен и переварить его, а Россия эпохи Смуты конца XIX – начала XX в. этого сделать не смогла, подавилась; новый асоциал взял верх. Это было тем более легко, что, с одной стороны, вещественная субстанция вообще и тем более буржуазная были слишком слабы в России и не могли служить барьером на пути асоциальной лавины, а с другой – были слишком очевидны, чтобы возбудить социальную зависть и жажду черного передела. Но передела посредством захвата главной для Русской Системы субстанции. Таковой была Власть, и поэтому прежде всего именно ее, а не «вещественные факторы производства» и

собственность стремились захватить те, кто победил в Русской Смуте 1861–1929 гг.

С этой точки зрения коммунизм смог прорваться там, где была слаба буржуазная повседневность, где не было организованных бытовых структур буржуазного типа; где слабой буржуазной повседневности, хороню и смачно описанной, например, Алексеем Толстым в «Сестрах», противостояли три враждебных мира – посадско-артельский, революционный и асоциальный, миры детства Алеши Пешкова, а также буревестников и челкашей Максима Горького. Купеческое варварство, головной футуризм и российское хулиганство – во всем этом Ф.Степун не случайно находил «скрытый большевизм» (13, с. 475).

Повседневность, стремящаяся не к роскоши, а от нее, не к умножению субстанции, а к ее растранжириванию, проеданию – будь то русскими купцами конца XIX в. или «новыми русскими» конца века XX, уничтожающими больше субстанции, чем создающими ее, – вот что мы постоянно встречаем в Русской истории. Да был ли вообще в истории России период организованной повседневности, максимально (для Русской Системы) приближенной к буржуазному, западному и, самое главное, массовой или приближающейся к массовой, охватывающей значительное, а по русским масштабам – огромное по численности население? Такой период был. И кончился он совсем недавно. Это период между 1955/60 и 1980/85 гг. Великолепная четверть века. Именно за эти 25 лет впервые (и, возможно, в последний раз) значительной части населения страны, а не узкому слою, как на рубеже XIX–XX вв., был обеспечен массово высокий, а для Русской Системы, возможно, максимальный уровень жизни.

Отдельные квартиры. Пусть в хрущобах, пусть потолки – 2,50, пусть ванна и санузел совмещены (на Западе это, кстати, тоже бывает), а свои, персональные.

Личные автомобили. «Не фонтан», конечно, по международным стандартам, но для наших условий вполне – «Москвичи», «Запорожцы», потом – «Жигули».

Дачные участки. Пусть шесть соток, а яблоньку-смородинку-клубничку посадить можно, да и отдохнуть есть где.

Поездки на Юг или Прибалтику. Пусть в санатории-пансионате семь рыл на четыре койки – ничего, в тесноте, да не в обиде; зато море, дюны, солнце, шашлык, павлин-мавлин. И так далее. Как поется в песне группы «Любэ», «кто сказал, что мы плохо жили?» Достаточно взглянуть на 50, 60 и 70-е годы и сравнить эти десятилетия между собой. Кто-то скажет: будущее свое и своих детей проедали. Правильно. Но на это я отвечу: коммунизм, по определению, был помимо прочего, системой проедания будущего. Это – данность. Кто-то скажет: жили за счет нефти. Да. Но не мы одни. Часть Третьего мира тоже. Да и Великобритания.

Короче, в 1950/55–1970/75 гг. неплохо было всем в мире. XX в. был веком нарастания массового благосостояния. Потому-то он и стал веком масс, социалистическим веком – будь то в форме коммунизма как интернационал-социализма, национал-социализма или welfare state. Разумеется, на «демократическом Западе» век стал «социал-демократическим» не просто так, а во многом как реакция на коммунизм и фашизм, на этих «первопроходцев XX в.». Но это дела не меняет – важен результат. По-видимому, за всю историю человечества не было (и скорее всего – больше не будет) отрезка времени, подобного XX столетию, особенно послевоенного его периода, по такому показателю, как доля мирового населения, испытывающая благосостояние. Ну а если говорить о том, какие надежды и иллюзии породило это благосостояние, то XX в. не знает равных. Тем горше разочарование и отрезвление. Бесплатных пирожных не бывает. За все надо платить. Сейчас по счетам своих дедов и отцов придется платить очень большой части населения земного шара, которую логика развития современного мира отталкивает от общественного пирога, выталкивает за рамки среднего класса – в социальный низ. Это происходило и происходит повсюду, начиная с 80-х годов: в Индии и СССР/России, в Югославии и США, в Мексике и даже в тихой Голландии, где, как заметил один историк из Амстердама, молодежи 90-х годов будет значительно труднее в борьбе за место под солнцем, чем их отцам, а ее детям – еще труднее,

чем ей самой. Потому что и солнца, и места под ним становится меньше. Один и тот же процесс идет в разной форме, по-разному, с разной степенью социально-экономической брутальности. У кого-то есть «социальный жир», кто-то накопил за последние 100–150 лет больше богатств, чем другие, – у них, следовательно, больший запас для проедания и больше времени – проедания и жизни. Они могут хорошо провести последние дни недели – «субботу и воскресенье истории», так сказать «исторический уик-энд» нынешней социальной системы. Ну а дураки и бедняки умирают по пятницам. Уик-энды – не для них.

XXXVI

Кстати, об уик-эндах. На наших глазах утрачивает свое массовое социальное и культурно-психологическое значение то, что заполняло в течение короткого (1917–1991) XX в уик-энды для широких масс населения. Что было наградой конца недели массовому человеку эпохи функционального капитализма? Что было важнейшими элементами структур повседневности досуга, расслабления, отдыха? Кино и коллективный игровой спорт (прежде всего – футбол и хоккей). Они были квинтэссенцией массовости, ее отражением и выражением. Разумеется, XX в. дал несколько «политико-идеологических» моделей спорта, несколько форм «социальной антропологии тела»: либеральную, фашистскую, коммунистическую. Но при всем различии у них было существенно важное общее: ориентация на массового человека и функционирование в качестве одной из важнейших структур досуга.

С середины 70-х годов кино и футбол (а за ним и хоккей), по мнению одних, вступают в полосу кризиса, по мнению других, – и вовсе приходят в упадок. И дело не просто в исчерпанности жанров в кино или форм и техники в спорте, не просто в том, например, что именно на рубеже 60–70-х годов возникла наиболее адекватная массовому обществу тактика «тотального футбола», по видимости, исчерпывающая тактико-организационные возможности футбольной игры – неважно, в англо-голландской или советской(«система Лобановского») форме. Дело в том, что сломалась – и в кино, и в футболе – «система звезд». И это – самое главное.

«Звезда», как и вождь – будь то дуче, фюрер или «учитель всех трудящихся» (хотя между Сталиным, с одной стороны, и дуче и фюрером – с другой, есть качественное различие в содержании организации и реализации роли вождя), возможна только в массовом обществе, в эпоху масс. Ни до, ни после они не нужны. Звезда – это квинтэссенция массового человека; это – усредненный маленький человек, выросший до огромных размеров. Или накачанный до таких размеров насосом рекламы и пропаганды, этих двух функциональных сестер Великой функциональной эпохи. Не случайно век родился с маленьким человеком Чарли Чаплина. (Вообще почти вся Современность прошла под знаком двух Чарли – большого, бородатого – из Трира и маленького, с усиками – с киноэкрана).

«Звезда» – это массовое общество, сжатое до индивида. Индивид-масса – вот что такое «звезда». Человек толпы, выросший до огромных размеров и высящийся над толпой, оставаясь в то же время человеком толпы. Или – иначе: «звезда» есть массовое общество, количественно сведенное к единице и в таком виде вынесенное за собственные рамки. Система «звезд» есть нарциссизм массового общества; «звездность» – единственная форма, в которой индивидуальность может существовать в массовом обществе. Как социально значимая для последнего.

И вот в 70-е годы система «звезд» – блестящий французский социолог Эдгар Морэн показал это в специальном исследовании «Звезды» на примере Голливуда (см. 26) начала ломаться и сломалась. Первые симптомы надлома, однако, проявились уже в 60-е годы, когда из кинофильмов стал постепенно уходить happy end и произошла смена центрального «мифологического героя». На смену малорефлексирующим рубахам-парням без проблем пришли «нервные», с надломом герои Пола Ньюмена и Марлона Брандо» (Э.Морэн). Кстати, и в советском кино в 60-е годы произошла аналогичная смена героев. На место Л.Харитонова

(«Солдат Иван Бровкин») и Н.Рыбникова («Высота») и нескольких других актеров такого типа, занявших в послевоенный период возрастную нишу, которую в довоенный период занимали герои П.Алейникова и Н.Крючкова, казалось бы, внезапно пришли их нервные рефлексирующие герои А.Баталова и И.Смоктуновского. Пришли великие крупные актеры. Но «звезды» – в смысле 40–50-х годов – кончились, погасли, Л.Харитонов и Н.Рыбников попали под колесо истории. Похожие примеры можно найти и в Америке. В частности, Э.Морэн пишет о Джейн Фонда, которая явно шла на роль новой «звезды» массового кино, но – не повезло со временем. «Кино звезд» к тому времени кончилось. Отсюда – поиски других форм (аэробика – не от хорошей жизни – у Джейн Фонда и т. д.). Система «звезд» лишь отразила изменения в обществе или даже в чем-то упредила их. Даже количественно «звезды кино» и по их роли в обществе как символа резко отличаются в периоды, скажем, 55–75 и 75–95 гг.

Но ведь аналогичным образом обстоит дело и в футболе! Сколько настоящих футбольных «звезд» зажглось между 1975 и 1995 гг.? Марадона, Платини. Кто еще? С натяжкой можно добавить голландца Крёйфа (у нас его фамилию часто произносят как Круифф), хотя в 1974 г. он в последний раз выступал на чемпионате мира. Но не будем жадничать. В 1955–1975. гг. «звезд» того уровня, которому соответствуют Марадона, Платини, Крёйф, можно насчитать около двадцати. То же самое с хоккеем, как энхаэловским, канадо-американским, так и советским.

Короче, на примере системы массовых зрелищ, которые суть не только плоть от плоти, но квинтэссенция массового общества, структур его досуга, видно, как это общество в 70-е–80-е годы начинает умирать. Как и его атрибуты. Думаю, правы те специалисты, которые не видят значительных социальных перспектив у кино и футбола.[9]

По-видимому, эти формы уже никогда не будут играть той роли, какую они играли прежде. Это и не значит, что завтра они исчезнут. Нет. Но их вытесняют немассовые зрелищные формы, кстати, тесно связанные с НТР, Таким образом, НТР стала Терминатором не только функционального капитализма и коммунизма, но и их любимых чад – кино и футбола. Расцвет последних совпадает с расцветом функционального капитализма и коммунизма, массового общества в 50–70-е годы. Именно тогда окончательно оформились понятия и концепции «советского образа жизни» и «западного», или «американского образа жизни». И хотя их противопоставляли друг другу – и справедливо, между ними было и некое сходство. Два массовых идеала двух массовых обществ. Но обществ – с разными знаками. К тому же одно из них было функционально-субстанциональным, а второе – функциональным, а потому оказалось более хрупким. Кино и коллективный игровой спорт были двумя проекциями, измерениями этих обществ. Более того, прав П.Вайль, который пишет, что весь XX в. прошел под знаком кино. И уходят они вместе. На смену массовому досугу идут камерные приватизирующе-приватизированные формы. Видеомагнитофоны с ориентированной на них кинопродукцией, с одной стороны, персональные компьютеры и «видеошлемы», способные создать то, что называют «виртуальным миром» (или киберпространством), в котором актер как таковой, его мастерство не требуются, не говоря уже о «звезде», – с другой. Все это – индивидуализированные или, точнее, приватные формы, рассчитанные на индивидуальное, а не массовое (хотя и максимально широкое) потребление.

Все активнее заявляют о себе более «камерные» виды спорта. И даже шоу-бизнес, если не индивидуализируется, то приватизируется, дробится, сегментируется на много разных, почти камерных ниш, на микроаудитории, исключающие возможность общенациональных массовых кумиров, «возлюбленных всей Америки» и т. д. Равно как и возможность массовой мечты всей нации – американской или советской. Все мечты остались в XX в. Это XX в. был

---

[9] Например, в ответ на вопрос о будущем кино, председатель жюри последнего (июль 1995 г.) Московского международного кинофестиваля, голливудский актер. Р.Гир сказал: по-видимому, в XXI в. появятся иные формы развлечений.

веком мечтателей – из Кремля, Рейхсканцелярии, Белого дома и других мест.

Нужно признать: в это тридцатилетие расцвета XX в. советский образ жизни тянулся к западному – причем тянулся, повторю, в массовом порядке. И казалось, разрыв, по крайней мере материальный, сокращается. И чем дальше, тем будет лучше и больше. Вместо шести соток – двенадцать, вместо «Москвича» – «Жигули»; вместо хрущобы – что-то получше; вместо дома отдыха в Мисхоре – пансионат в Дагомысе. Знай наших. Наших – не узнали. По крайней мере в большинстве случаев. Счастья, в том числе и социального, не бывает ни слишком много, ни слишком долго.

На рубеже 70–80-х годов и тем более к середине 80-х стало ясно: коммунизм как система не может сохранить уровень благополучия и социальных гарантий и связанную с ними повседневность в таком объеме и в такой массе. Или иначе: «сделочная позиция» господствующих групп коммунистического режима по отношению к населению будет ухудшаться при сохранении тех массовых структур повседневности, которые оформились за позднехрущевское и главным образом брежневское время, когда казалось, что субстанция безбрежна.

Но это была иллюзия. Субстанции было не так много. Коммунизм – функциональная система, перераспределяющая субстанцию, оставшуюся от прошлого, в том числе и раннекоммунистического, и поступающую извне. В 60–80-е годы проедалось, во-первых, то, что было накоплено на народной крови в 30–50-е годы и «экспроприировано» в захваченной части Европы во второй половине 40-х – начале 50-х годов; во-вторых, то, что можно было выкачать сначала из мира, переживающего экономический подъем (кондратьевская фаза «А» – 1945–1968/73 гг.), а затем уже на фазе «Б» – за счет продажи нефти. Но на рубеже 70–80-х годов «А упало. Б пропало». На трубе остался голый коммунизм, согнувшийся от «чувства глубокого удовлетворения».

Субстанция начала сжиматься. И господствующим группам понадобился черный передел Субстанции. И провели они это под лозунгами почти что «земля и воля». С волей более или менее получилось (хотя нередко «я пришел дать вам волю» оборачивалось «я пришел дать вам вволю» – Баку, Тбилиси, далее почти везде). С землей вышло хуже – субстанция. Это не демократия, не перестройка и не гласность. Это – вещественное и конкретное.

По-видимому, одно из существенных различий между капитализмом и коммунизмом (а также Капиталистической Системой и Русской Системой) заключается в том, что субстанция как вещественность, как накопленный труд, как социальное время, как собственность играет принципиально различную роль в этих системах. Если Капиталистическую Систему накопление вещественной субстанции укрепляет, упрочивает, то при коммунизме (и в Русской Системе в целом) дело обстоит иначе. Создается впечатление – по крайней мере об этом свидетельствует исторический опыт, – что, упрочивая систему в краткосрочной перспективе (одного поколения), в среднесрочной перспективе накопление субстанции свыше некоего социального передела или подрывает систему, точнее, ее конкретную историческую структуру, или грозит ей и ее господствующим группам социальной смертью. Начинается передел субстанции, в ходе которой ломаются структуры повседневности, и наступает Смута.

И это неудивительно. Господствующая субстанция Русской Системы – Власть. Повышение удельного веса другой субстанции – вещественной, даже если она и не отливается в собственность, а принимает форму организованного быта (именно последний был в коммунистическом порядке эквивалентом частной собственности и защищал индивида от хаоса этого порядка, становясь контрпорядком,[10] бросал вызов господствующей субстанции, а с какого-то момента – начинал угрожать ей. Собственник – всегда угроза для Власти и ее персонификатор. Реагируя на угрозу, система наносит ответный удар – по

[10] Подр. см.: Фурсов А.И. Кратократия // Социум. – М., 1992. – № 8. – С. 117–121.

вещественной субстанции. При отсутствии или слабом распространении частной собственности такой субстанцией может быть только организованная повседневность. В Русской Системе может быть только одна Субстанция – Власть. Иная (вещественная) субстанция могла быть субстанцией только с маленькой буквы и существовать в определенных границах. Как только она их перерастала и достигала такого уровня, который угрожал двоевластием субстанций (собственность – власть, вещество – энергия), начинался передел. Сверху ли, снизу ли; с кровью ли, в виде жульничества ли, но. – начинался. Наступал великий час субъективных материалистов. Ну а их сменяли терминаторы в пыльных шлемах и кожанках, которые вообще по ту сторону материализма и идеализма, объективного и субъективного. Они разрешали ситуации Русской Смуты, т. е. ситуации двух относительно разнозначимых субстанций. Русская Смута: смущение, замутнение. Норма – это ясность одного субъекта, одной Субстанции – Власти. Эту ясность и осуществляли терминаторы Русской истории – опричники, гвардейцы Петра, большевики, «новые русские» (бандиты + бизнесмены, т. е. бандмены или биздиты). Но за всеми ними – Власть, централизованная или приватизированная.

Иными словами, если Капиталистическую Систему в средне- и долгосрочной перспективе накопление субстанции как вещества и времени укрепляет, то с коммунизмом и, по-видимому, с Русской Системой дело обстоит диаметрально противоположно. Здесь хорошо идет накопление субстанции только в форме Власти и Пространства. Получается совсем как в поговорке: что русскому хорошо, то немцу смерть; что немцу хорошо, то русскому смерть. Короче, избыточная, сверх некой меры материальная субстанция, избыточная, а потому могущая быть более или менее широко распределенной, массовой (а следовательно, угрожающей Власти) – это Кощеева смерть Русской Системы.

Но это же делает Русскую Систему и значительно более уязвимой, чем Капиталистическая. В последней субстанция на уровне структур повседневности может стать дополнительным резервом сопротивления. Русская Система на такую субстанциональную повседневность рассчитывать не может, у нее такой нет. И это – одна из причин того, почему падение политического гегемона, т. е. «главного властителя» капиталистической Системы не ведет к упадку системы, а вот в Русской Системе упадок Власти означает и падение конкретной исторической структуры. Ведь иной Субстанции – ни в форме собственности, ни в форме повседневности нет. Более того, поскольку избыточная массовая субстанция в виде организованных структур повседневности способна и подорвать Систему, то ситуация еще более осложняется.

Десятилетие 1985–1995 г. подорвало структуры повседневности, структуры максимально для России отлаженного быта, сломало их как явление массовое. Выталкивание в underclass, отсечение от общественного пирога прежде всего реализуется и ощущается на уровне повседневности, в быту, в том, что человек себе может позволить – купить, подарить, съесть; куда поехать. Структуры быта сжались до сингулярной точки ваучера. Возьми его, мальчик, и ни в чем себе не отказывай. Ваучер – это тот самый чудный колпачок, который, как внушили постсоветскому Буратино нововластные лисы Алисы и коты Базилио, он может продать за четыре золотых. Ищи дурака. Дурака – нашли, и в этом – победа «перестройки: кто кричал «ура», а кто – «дурак!»». Но победа эта может оказаться пирровой, поскольку ваучер очень смахивает на «черную метку» асоциала. Да, сломана повседневность, единственная массовая западно- или даже буржуазно-подобная повседневность в истории Русской Системы. Сломан забор, вал, стена. Из нее несут «по кирпичику» – на особняки – вон их сколько заторчало под Москвой, по всей России. А кто – там, за забором, за стеной?

А вот об этом раньше надо было думать.

За забором-то асоциал, новый варвар из бандформирований, бригад, а то и просто неорганизованный. Или прячущийся под маской госслужащего. Который очень просто может, подобно герою одной из песен Галича, «как в подъезде кирпичом». Не надо смеяться над Жириновским. Это в таком виде корчится, лицедействует и юродствует от социальной боли, от самого себя и своей жизни – как бесконечного тупика – асоциал. Так часто бывает:

разрушают то, что считают опасным или злом, а приходит нечто еще более злое. Рухнула Римская империя и оказалось: варварские королевства-то хуже, они более жестокие, дикие, кровавые, менее предсказуемы. Рухнуло самодержавие – и погребло под своими обломками не только своих защитников, но и своих критиков и оппонентов. Свержение самодержавия и финальная – кровавая – фаза Русской Смуты оказались той самой «славной охотой», битвой серых волков и рыжих собак, о которой старый мудрый Каа сказал бы, что по ее окончании не останется ни человека, ни детеныша волка, ни старого удава, а будут валяться только голые кости. Так и вышло. Остались хозяева «корабля, с которого сбежали все, даже крысы» (Г.Уэллс).

Рухнули коммунизм и СССР – и что теперь? Какие уроки можно извлечь из этого – извлечь не только России, но, может быть, и всему миру в целом, Капиталистической Системе. Ведь умные должны учиться на чужих ошибках. И никогда не спрашивать, по ком звонит колокол.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов К. Россия без Петра. – СПб.: Лениздат, 1994. – 496 с.
2. Гронский Н. Юридическая природа СССР. // Сборник, посвященный памяти П.Б.Струве. – Прага, 1925. – С. 175–183.
3. Зедльмайер Г. Утрата середины / Реферат Бибихина В.В. // Общество. Культура. Философия; Реф. сб. – М: ИНИОН, 1983. – С. 56–102.
4. Зиновьев А. Желтый дом. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. – Т. 1–2.
5. Изгоев А. Об интеллигентной молодежи (Заметки о ее быте и настроениях) // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 97–121.
6. Крылов В.В. О логическом развертывании понятия «капитал» в понятие «многоукладной структуры капиталистической системы». – М., 1972. – 8 с. – Не опубл. рукопись.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. – М.: Изд-во полит, лит., 1970. – Ч. 1. – XXVI,546с.
8. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система // Рубежи. – М., 1995. – № 1–5 и след.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из Хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
10. Пригожий И., Стенгерс И. Время, Хаос, Квант. – М.: Прогресс, 1994. – 431 с.
11. Совершенно секретно. – М., 1994. – № 10. – С. 4–5.
12. Тихомиров Л. Воспоминания Льва Тихомирова, – М; Л., 1927. – XL,516 с.
13. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – М.: Прогресс-литера; СПб.: Алетейя, 1995. – 651с.
14. Фуко М. Слова и вещи. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
15. Фурсов А.И. Капитализм в рамках антиномии «Восток – Запад»: Проблемы теории // Капитализм и Восток во второй половине XX в. – М., Наука, 1995. – С. 16–133; 597–599.
16. Эко У. Заметки на полях «Имя Розы» // Иностр. лит. – М., 1988. – N 10. – С. 97–106.
17. Bahro R. From red to green: Interviews with «New left rev». – L.: Verso, 1984. – 239 p.
18. Braudel F. Civilization materielle, economique el capitalisme, XV–XVIII siecles. – P.: Colin, 1979. – Vol. 2: Les jeux de I'echange. – 855 p.
19. Certeau, M.de. L'invention du quotidien. – P.: Gallimard, 1990. – Vol. 1: Arts de faire. – 350p.
20. Furet F. La Revolution francaise. – P.: Hachetle, 1988. – Vol. 1: De Turgot a Napoleon. – 544 p.
21. Gimpel J. Cathedral builders. – L.: Russel, 1980, – 236 p.
22. Gimpel J. The medieval machine: The industrial revolution of the Middle Ages. – Aldershot: Wildwood house, 1988. – 294 p.
23. Jameson F. Postmodernism, or, cultural logic of late capitalism. – Durham, Duke Univ. press, 1991. – XXII.,438 p.

24. Laulan I.-M. La planète balcanizée. – P.: Hachette, 1993. – 365 p.
25. Minc A. Le nouveau Moyen Age. – P.: Gallimard, 1993. – 251 p.
26. Morin E. Les stars. – P.: Seuil, 1972. – 190 p.
27. Nandy A. The shadow state // Illustrated weekly of India. – Bombay, 1985, Febr.24 – March 2. – P. 20–23.
28. Pocock J.G.A. Modernity and antimordemity in the anglophone political tradition // Patterns of modernity. – N.Y., 1987. – Vol. 1 – P. 44–59.
29. Priestly J.B. The Edvardians. – N.Y. etc.: Harper a. Row, 1970. – 302 p.
30. Rufin J.-C. L'empire et les nouveaux barbares: Rupture Nord. – Sud. – P.: Lattes, 1991. – 255 p.
31. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, Democracy. – N.Y. etc.: Harper a. Row. 19. – XIV,431 p.
32. Symons J. Bloody murder: The classic crime fiction reference fully revised and uptaded. – L. etc.: Pan Books, 1992. – 365 p.
33. Tolkien J.R.R. The Lord of the rings. – L.: Harper Collins, 1992. – Vol. 1: The fellowship of the ring. – 427 p.
34. Wallerstein I. The bourgeois(ie) as concept and reality // New left rev. – L., 1988. – N 167. – P. 91–105.
35. Wallerstein I. The Cold War and the Third world: The good Old Days / Fernand Braudel Center for the study of economies, historical systems, a. civilizations. – N.Y., 1990. – 20 p
36. Weber-Shafer P. Politics: A European luxury // Culture and politics / Ed. by Crauston M., Barlevi L.S. – Boston; N.Y.: De Gruyter, 1988. – P. 120–129.
37. Wiener M.J. English culture and the decline of industrial spirit, 1850–1980. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1981. – XI,217 p.
38. Jantsch E. The self-organizing Universe: Sci. a. human implications of the emerging paradigm of evolution. – Oxford etc.: Pergamon press, 1980. – XVI,343 p.

Часть II[11]

Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол:
он звонит по Тебе.
Джон Донн.

XXXVII

Падение коммунистического Центра, точнее – Центроверха, его – по видимости – ликвидация тремя «обкомовцами», представителями регионов и выходцами из них, ухудшение жизни значительной части населения, рост насилия (войны, этнические чистки, криминализация, асоциализация) – реализовались не только как результат распада коммунизма, хотя как и это тоже. Все это, помимо автодинамических причин – логики разложения коммунистического порядка, было следствием хотя и негативного, но вступления СССР/России в энтээровский мир и век. Это и есть пока Русский Путь в XXI в.: «Ино побредем еще». Впору кричать: «Симсим, открой, я хочу выйти!» Симсим Истории только впускает, но не выпускает, так же как машина времени Истории, которая катит только в одну сторону. И чтобы не оказаться похожим на персонажа детской страшилки: «Мальчик едет на машине, весь размазанный по шине», – русским людям предстоит приложить немало усилий и истребить многое в своей душе.

Лютер был совершенно прав, объявив истребление каждым человеком попа в своей

11 Часть I содержит главы I–XXXVI и стр. 1–181.

душе пропуском в будущее. Аналогичным образом обстоит дело и с нами. Только вопрос о внутреннем объекте истребления для нас значительно сложнее, чем в Германии на рубеже Нового времени. Причин тому много. И потому что мы – на выходе из этого времени, а не на входе; и потому что мир за почти 500 лет стал неимоверно сложнее; и потому что исторически мы, русские люди – любители рубки леса и полета щепок, – привыкли больше истреблять объекты не внутри, а вовне себя. Так ведь рубёж – это и есть наш способ расширения рубежей.

Нынешняя российская ситуация, Русский Путь в XXI в., по крайней мере в одном отношении, напоминает ситуацию конца XIX – начала XX в., Русский Путь в XX в. С 60-х годов XIX столетия в России нарастали процессы социального распада, разложения, социальной дезорганизации. Они были более интенсивными, чем процессы формирования новой социальной структуры, обгоняли темпы ее складывания. Практически все правительства Русской Смуты в 1860-е – 1920-е годы пытались противопоставить социальной дезорганизации – этому историческому закону распада социальных систем – ту или иную форму организации. И проиграли. Потому что вал стихии был слишком силен и высок, чтобы его можно было обуздать теми средствами, которыми располагала докоммунистическая власть в Русской Системе, и теми методами, которые она была готова применить. Потому проиграли все правительства. Кроме одного – большевистского.

Большевики, в отличие от своих предшественников, не стали сдерживать ни вал насилия, которое все более приватизировалось, ни социальную дезорганизацию. Они национализировали насилие и организовали дезорганизацию, оседлав ее как закон истории распадающегося самодержавия, как одну из тенденций его распада. И победили, завершив Смуту в 20-е годы. Контролировать дезорганизацию на порядок, если не на порядки, сложнее, чем организацию. Для этого нужны сверхорганизация и сверхконтроль. Большевики это обеспечили. Точнее, не большевики и даже не необольшевики Ленина – «партия нового типа» для этих задач не годилась и потому должна была исчезнуть, – а организация, созданная Сталиным, главным технологом Русской Власти XX в. Технолог, который переиграл и главного конструктора, и главного инженера, и все конструкторское бюро, отправив его работников кого на тот свет, кого в «шарашки».

Победили те, кто понял, что Русский Путь в XX в. – это контроль над процессами социального распада с помощью его институциализации и дехаотизации. А затем уничтожения или поглощения всех «частных» и неорганизованных форм насилия. Всего того, что ни укладывалось в прокрустово ложе новой структуры Русской Системы. Того, что мы знаем из истории, по книгам, по фильмам – всякие батьки ангелы, леньки пантелеевы, бандиты костылевы.

«Все сметено могучим ураганом,
И нам с тобой осталось кочевать», –

пелось в шлягере времен нэпа. Большевики поставили под контроль и одновременно под ураган все – и тех, кому осталось кочевать, и пространство для кочевания, и самих себя. Потому-то многие, включая многих бывших, и были готовы добровольно пойти на службу к большевикам. Как заметила Н. Мандельштам, большевики спасли их от народной стихии, освободили от испуга, страха и ужаса перед этой стихией, впрочем, заменив вскоре этот и ужас фобосом и деймосом «организованно-послушных масс», «организованно-послушного не-демоса».

Проиграли же в схватке начала века те, кто не нашел новую технологию власти, кто не понял ситуацию. Могли ли победить те, кто проиграл? Вопрос риторический. Впрочем, история – не фатальный процесс и не закрытая система. Победить большевиков можно было путем отсечения их от контроля над социальной дезорганизацией. Те силы, которые им противостояли, оказались на это неспособны и их выбросили, исключили – если не из жизни, то из Истории. Это – «добрым молодцам урок» для конца XX в., когда негативный,

дезорганизационный аспект изменений в большей степени, чем позитивный, становится русским путем в XXI в., результатом русского столкновения с НТР.

И надо признать: до сих пор получалось так, что мировые революции в производстве оказывались врагом России и Русской Системы. Неужели Лейбниц был прав, утверждая, что русский народ и культура несовместны?

Перестройка и постперестройка, короче, последние 10 лет – вот результат столкновения Русской Системы в лице такой ее исторической структуры, как коммунизм, с НТР. Последние десять лет, которые в той же мере потрясли мир, в какой были одним из первых результатов его потрясения, часто называют «второй русской революцией», или даже «капиталистической революцией», противопоставляя ее революции 1917–1929/33 гг. как коммунистической, антикапиталистической. Верно ли это? Вопрос – не праздный и не только теоретический. К тому же выше речь шла и о том, что век грядущий нам готовит? А может быть, в нашем российском настоящем есть нечто полезное для всех, кто собирается в XXI в.? Может, есть что-то важное в звоне колоколов Русской Истории, предвосхищающее нечто из XXI в., как балет Дягилева в самом начале века XX был предвосхищением духа «длинных 20-х годов»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к событиям 1985–1995 гг.[12]

XXXVIII

«Перестройка», независимо от того, что думали и чего хотели ее «отцы-основатели», исторически оказалась прежде всего средством исключения, отсечения господствующими группами от сокращающегося общественного пирога целых сегментов населения – рабочего класса, ИТР как нишевого эквивалента среднего класса, значительной части номенклатуры – в основном низшей, но также и части «архаической» («силовой») высшей. И резкого повышения за их счет уровня жизни меньшей по численности части населения. При всех перипетиях борьбы за власть «постперестройщики» логически должны выполнять программу перестройки и «позднего застоя» – программу Истории конца XX в. – по выталкиванию значительных групп населения из сферы социальных гарантий жизни.

Процесс этот идет во всем мире, принимая различные формы в зависимости от того, какие средства используются в социальной борьбе за отсечение от «пирога» и как это отсечение рационализируется (или социомифологизируется) в массовом сознании. В Индии это борьба высших и средних каст «индуистского сектора» с мусульманами, чтобы вытолкнуть их зажиточную часть за пределы среднего класса. Для этих целей используются низшие касты, это их представители разрушили мечеть в Айодхье в начале 1993 г. В Югославии это уже религиозно-этническая борьба; в Руанде – чисто этническая; в США – социально-политические конфликты по поводу системы здравоохранения и образования; в СССР – «перестройка», создание «рыночной экономики», т. е. лишение огромной массы людей социальных гарантий во имя и под знаменем «освобождения от тоталитаризма»; в очередной раз людям всучили «чудный колпачок» – дурацкий и шутовской, изъяв у них четыре и более золотых. Иными словами, во всем мире идет перестройка социальной структуры, форм эксплуатации и их оправдания, мифологизации. Во всем мире идет процесс формирования нового низшего класса (underclass'a), нового среднего класса, новых элит.

Советско-русская перестройка – интегральная часть мировой перестройки последней четверти XX в., перестройки, которая есть не что иное, как начало конца капитализма и начало новой социальной революции, как минимум – пролог к ней. Начало системного, а не структурного кризиса капитализма, а вместе с ним и многого другого. По иронии истории, первым этот кризис испытал антикапитализм в лице коммунизма. В любом случае у

---

[12] Речь пойдет в большей степени об историческом и общесоциальном аспектах. Социально-экономический – в более узком смысле – аспект рассмотрен в публикациях: Фурсов А.И. Взлет и падение перестройки // Социум. – М., 1992. – № 9–12; 1993. – № 25, 26/27, 28/39, 30/31; 1994. – № 32, 33.

советской перестройки есть мировой (мир-системный, капиталистическо-системный) аспект, его историю, равно как и историю 1985–1995 гг. в сравнительно-исторической перспективе еще предстоит написать. Перестройка в СССР – это один из важнейших аспектов системного кризиса капитализма, причем такой, который качественно изменил мировую ситуацию в целом. Без десяти (1985–1995) советско-русских лет, которые потрясли мир, невозможно понять современный кризис. Это десятилетие обусловлено им в той же степени, в какой и обусловило его.

В ситуациях обострения конкуренции по энтээровским правилам, требующей дополнительных расходов, при постоянно растущем населении и т. д. и т. п. оказалось, что в конце XX в. «Боливару капитализма не нести двоих». Кто-то должен вылететь из седла. Хотя процесс этот идет неравномерно, нелинейно, вкривь и вкось – колесом дорога. К тому же у нас, в России, помимо дорог есть еще одна всегдашняя беда. Как бы то ни было, но и здесь тенденция отсечения от общественного пирога значительной части населения налицо. Смысл этого – в лишении населения тех гарантий и благ, которые оно получило особенно в послевоенный период за счет разрастания негативной социальной функции капитала, именуемой коммунистической властью, и связанного с этим процессом накопления вещественной субстанции. На рубеже 70–80-х годов выяснилось, что «Боливару коммунизма» двух этих субстанций – властной и вещественной – в достигнутом ими объеме не снести.

Если взглянуть на Россию под углом «отсечения от благ», то она развивается в соответствии с социальными тенденциями развития энтээровских форм общества. В этом (но **только** в этом!) смысле «горбачевизм-ельцинизм» есть приблизительный нишевый аналог тэтчеризма-рейганомики. С тем лишь различием, что Тэтчер и Рейган действовали в большей мере сознательно, а два наших последних лидера скорее как «слепые агенты» Истории. Ну что же, кто не знает куда идет, пойдет дальше всех. «Куда идем мы с Пятачком? Большой-большой секрет». Сходство же и в направленности на создание «нового» – ужатого – среднего класса (у нас – неономенклатура и «новые русские»,[13] и в ухудшении жизни целых слоев населения, и резкий подрыв уровня жизни того слоя, который называют «советской интеллигенцией». В этом (но опять же **только** в этом) смысле Горбачёв и Ельцин – «верные тэтчеровцы». Разница, повторю, в том, что антиинтеллектуализм Тэтчер был личный и сознательный, а в нашем случае, как и многое в России, он системный и бессознательный. Отечественная интеллигенция, точнее ее советский эквивалент, так же много пьющий чая, так же много говорящий, как и его дореволюционный эквивалент, очередной раз призывая революцию (не буди лиха, пока оно тихо – «нельзя в России никого будить»), еще раз доказала, что принадлежит к клубу социальных самоубийц и мазохистов, а ее второй любимый вид спорта после философии русской истории – харакири или, будем по-интеллигентному изящными, – сэппуку.

Если взглянуть на развитие нашей страны в последние 15–20 лет, то мы увидим многие из перечисленных выше тенденций и пример энтээровской эпохи. Но – в негативе и почти без позитива. О формировании нового «низшего класса» уже сказано. Формирование «новейшего среднего класса» можно наблюдать по строительству особняков. Приватизация насилия и власти произошла, причем раньше приватизации собственности, точнее – имущества. И правильно: власть – здесь главное. Власть – это половые органы любой структуры Русской Системы. А как любил говаривать Колсон, помощник президента Никсона, «если вы взяли их за яйца, остальные части тела придут сами». Вот они и пришли.

Создается впечатление, что насилие, объем насилия – это некая константа в Русской

---

[13] Как поразительно чуток и точен русский язык! Не «русские капиталисты» и не «новые русские капиталисты». А – «новые русские». Иными словами, новое явление, новый элемент в Русской Системе: полубизнесмен, полубандит, полулюпмен, полуполитик. Короче, «полу». Полуподлец, «но есть надежда, что станет полным наконец». Вот эту потенциальную полноту, по-видимому, и фиксирует словосочетание «новый русский», некий, как сказал бы И.Бродский, «гражданин, достающий из штанин».

Истории, в истории Русской Системы. Бывают периоды сверхконцентрации и централизации насилия, бывают периоды его распыления и приватизации. Но объем, похоже, остается прежним. Хорошо, когда Центроверх (то, что обычно у нас называют «государством» – самодержавным или коммунистическим) не швыряет пачками население в лагеря. Но нередко оборотная сторона таких периодов, их hidden transcript – это распыление, сегментация насилия, его оповседневнивание. Внешне это может выглядеть криминализацией и даже отчасти быть ею. Но на самом деле это значительно более глубокий и серьезный с социосистемной точки зрения процесс.

Приватизация насилия сопровождается его сегментацией. Раньше был КГБ, теперь же – несколько спецслужб. И стреляют они не только в преступников, но и друг в друга – приватизация. Приватизация насилия, его «разгосударствление», децентрализация происходят в виде формирования личных армий отдельных политиков – с самого верха и вниз; в образовании сети частных («независимых») силовых структур – «легальных» и «криминальных». В «приватизированных» структурах насилия трудятся те, кто раньше работал в централизованной структуре; она исчезла, а число работников и объем насилия сохранился. 50 % руководителей «независимых» служб безопасности составляют бывшие сотрудники КГБ, 25 – МВД, еще 25 % – ГРУ и Вооруженных сил. 100 % – комплект. В частные силовые структуры пришли генералы, заместители министров и начальники управлений силовых ведомств.[14] Солидняк, как говорят теперь.

Грань между легальным и нелегальным насилием становится все более пунктирной. И газеты все чаще пишут о том, что грань между теми, кто должен защищать закон, и теми, кто его игнорирует, становится почти невидимой. Метопы – те же, формы – те же, техническая оснащенность – как минимум та же. Результат – профессионализация того, что называют мафией, т. е. создание мира зеркального, параллельного, симметричного легальному. Создание антимира, который вытесняет мир, поглощает его.

Но какие законные формы и методы защиты общества могут быть у репрессивных органов, если нет законов? Если привычный Центроверх исчез и только пытается возродиться из пепла Русской Системы, кристаллизоваться – и ее кристаллизовать? В такой форме, как «крыша», грань между «законной» и «преступной» сферами, зонами «права» и «неправа» и вовсе стирается. «Крыша» может быть как легальной, так и нелегальной. Да это и неважно. Процесс «крышевания» находится «по ту сторону» легального и нелегального. А если учесть, что в России/СССР право никогда не было ни сильным, ни значимым, ни в чести, то у нас возможности для расширения «зоны неправа», особенно в условиях, когда прежние формы социального контроля сломаны, безбрежны и безграничны.

«Граница» может возникнуть двумя способами. Либо посредством самоорганизации общества, что не представляется уж очень вероятным. Либо путем ренационализации насилия Центроверхом Русской Системы, как это уже бывало. Теоретически лучше всего «золотая середина», равновесие, и такие периоды бывали в Русской Истории – они-то и есть лучшее время в ее истории. Но время это длилось исторически краткий миг, соскальзывая либо в смуту, либо в железный обруч центральной власти. «А в конце дороги той – плаха с топорами». Мораль? Она проста: русские люди, цените эпохи застоя, источник краткого счастья в Русской Системе.

В любом случае, на данный момент нет общепринятого социального критерия для отделения нормы от криминала, общества – от контробщества. Социума – от Асоциума, бизнесмена (в просторечии – «бизмисмена») – от бандита. По данным МВД, криминальные структуры контролируют свыше 50 % всех хозяйственных субъектов; в криминальные отношения вовлечено 40 % предприятий и 66 % коммерческих структур; до 50 % криминального капитала тратится на подкуп чиновников. 50 % – это тот рубеж, когда правила и исключения уравниваются и свободно меняются местами. Где грань? Ее нет.

---

[14] Крыштановская О. Мафиозный пейзаж России // Известия. – М., 1995. – 21 сент.

Повторю: внешне это выглядит как криминализация. В лучшем случае отмечается размах, так сказать, количественный аспект. И здесь я еще раз хочу напомнить мысль А. Мэнка о том, что в России мафия, возможно, превратилась в становой хребет власти, и мнение некоего анонима о том, что в России ныне мафия стремится подменить собой государство. В строгом смысле, термин «мафия» здесь, конечно, неприменим. Скорее следует говорить об оформлении некой группы, которая не обособила легальный и нелегальный аспекты своего функционирования, не дифференцировала легальную и криминальную функции своей деятельности. Кстати, это частый способ возникновения новых социальных групп. Генезис капитализма – один из примеров. Не говоря уже о генезисе коммунизма – с эксами, гражданской войной, «отмыванием» во времена нэпа награбленного ранее, террором 30-х годов.

Если мафия – центр власти, то это уже не мафия, а власть. Или контрвласть, контробщество. Кстати, Ашиш Нанди, известный индийский специалист по политической науке, в свое время предпринял очень интересную попытку рассмотреть сверхкор-румпированное, как он пишет, индийское государство конца 70-х – начала 80-х годов в качестве контробщества, «общества-тени», в котором грань между чиновниками и политиками, с одной стороны, и гангстерами, бандитами, ворами, взяточниками – с другой, практически исчезла. В результате, как замечает Нанди, возникает интереснейшее явление: «государство» становится значительно более жестким и угнетающим, чем те господствующие классы, интересы которых оно представляет и защищает. Аналогичные примеры можно найти и в других странах Азии, Латинской Америки и Африки. «Государство-бандит» – так некоторые исследователи называют мобутовский Заир, и этим, думаю, список «государств-бандитов» на рубеже двух тысячелетий и двух веков не исчерпывается.

Термин «контробщество» в качестве описательного для нынешней русской реальности кажется мне более адекватным реальности, чем «мафизация» государства или общества. «Мафизация общества» – это в действительности его асоциализация, ситуация и процесс, при котором исчезает граница между нормой и аномией, между повседневным поведением и преступлением. Таким образом, по части асоциализации, являющейся следствием разложения коммунизма как структуры негативной функции капитала, мы, как когда-то в области балета и ракет, опять, похоже, «впереди планеты всей». Причем, если в зоне разложения функционального капитализма асоциализация развивается в большей степени снизу, то у нас она идет и снизу и сверху, демонстрируя разнообразие комбинаций и позиций, стхал и парачхед в отношениях с обществом. Асоциал занял важнейшие места во власти и бизнесе. Не все, конечно, но много. В значительной мере можно говорить и об асоциализации власти. Асоциал прорвался даже в Думу и, сделав ее своим театром, кривляется и паясничает там, позоря страну на весь мир: «Тупой разгул на Запад и Восток позорит нас среди других народов». Однако все это связано не только с коммунизмом (хотя и с ним тоже), но и с развитием Русской Системы.

Если говорить о нашей оригинальности, то необходимо вспомнить, что режимы Ивана Грозного, Петра I и большевистский возникали как контробщество. Опричнина, гвардия Петра и большевистский режим рождались и выступали как контрвласть, контробщество, сообщество асоциалов, «новых русских». При каждом новом пришествии «новых русских», их масса, масса контробщества превышала предшествующую: в начале XX в. их было больше, чем в начале XVIII, в начале XVIII больше, чем в середине XVI в. Ныне достигнут абсолютный рекорд в Русской Истории. Именно массовость, тотальность пока что не позволяют найти фигуру-символ, аналогичную Басманову-младшему или Меншикову или Радеку. Ну что же, как говорили об английской футбольной сборной образца 1966 г., – «не команда звезд, а звезда-команда».

И вот что поразительно: победителями асоциал, криминал оказались в той революции, которая начиналась под лозунгами борьбы за «демократию» и «правовое государство». Какая горькая ирония истории! Получается прямо-таки сталинская диалектика: пойдешь

налево – придешь направо; пойдешь направо – придешь налево. Диалектика Русской Системы? Дьяволектика? Дьяволиада. Не будем демонизировать и инфернализировать реальность (тем более что реальность нередко страшнее дьяволиады). Перед нами логичный результат комбинации двух процессов: распада коммунизма и негативной энтээризации России. Нет противоречия между терминами А.Солженицына «великая преображенская революция» и С.Говорухина «великая криминальная революция». Как заметил Ю.Пивоваров, речь должна идти о «великой криминальной преображенской революции». Тут тебе и преображение – на криминальный лад, и криминализация преображения, и «преображенский приказ» – силовые структуры легальные и нелегальные. В общем, еще одна властно-техническая революция – асоциальная. Антикоммунистическая революция и могла у нас быть только асоциальной. Коммунизм задал коридор и параметры самоотрицания. По-видимому, нам еще долго придется жить в его тени, энтропии, негативе.

Асоциал – это тот, кто творит насилие, нарушает законы, играет в свою игру по одному ему понятным и им же устанавливаемым и нарушаемым правилам. Игра, правда, очень русская – крокей. Это слово изобрел Владимир Высоцкий, использовавший его в мюзикле «Алиса в стране чудес». Крокей происходит от «хоккей», с одной стороны, и от «круши» и «кроши» – с другой. Крокей – любимая игра асоциала и Русской Власти в период ее становления. Это – игра в генезис исторических структур Русской Системы. В набор входят: дыба, топор, застенок и т. д. Крокей – это «Монополия» Русской Системы.

Если далее говорить о нашей оригинальности, то следует признать, что в Русской Истории, в создании Русской Власти асоциал играл и сыграл огромную роль, которой нет близких аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Но тогда может и беспокоиться нечего? Все устроится? За опричниной и Смутой пришли первые тишайшие Романовы. Бла-а-лепие. За страшным 25-летием первого Русского Антихриста (и в то же время одного из апостолов Русской Власти и Русской Системы), правда, последовала чехарда самцов-гвардейцев и их венценосных любовниц, но затем наступили великолепие и расцвет. А хмурое утро ленинизма-сталинизма сменила Оттепель и еще более оттепельный, чем сама Оттепель, Застой, брежневская эпоха – одна из самых лучших – в смысле стабильных, сытых и спокойных («На свете счастья нет, но лишь покой и воля») не только в истории СССР, но, под определенным углом зрения, и в Русской Истории.

Так может, не надо беспокоиться? Асоциалы приходят и уходят, истребляя друг друга, сделав свое дело, а Власть и Система остаются. Мочиловград превращается чуть ли не в Град Небесный (по русским, разумеется, представлениям). Так было всегда. Но в том-то и проблема: сейчас нет гарантии, что так будет и на этот раз. Все явления асоциала Русской Истории и в ней все его визиты в Русскую Систему до сих пор имели место тогда, когда эта Система была на подъеме. На подъеме – параллельным курсом – вместе с Капиталистической Системой.

Ныне ситуация иная. Асоциализация, формирование «зон неправа» идет и на Западе, в Капиталистической Системе, которая едет с ярмарки – «едет всадник прямо в осень, не замедлит свой бег». Ее бывшие коммунистическое Зазеркалье лишь повторяет, воспроизводит этот процесс, двукратно усиленный – и тем, что у нас функция капитала была негативной, и тем наследием, которое мы имеем от Русской Системы. В данной конкретной ситуации такая «двукратность», суммированная с мировыми процессами, способна стать сверхдетерминантой, и в этом случае Россия опять преподнесет миру невиданный урок и невиданную доселе революцию.

Как знать, не окажется ли единственным положительным содержанием посткоммунистического строя в России, по крайней мере на первых порах, асоциальность. «Рынок», «частная собственность», «капитализм» и т. д. – все это может стать лишь внешней, мало связанной с содержанием формой той негативной неклассовой социальности, которая есть продукт одновременно разложения и отрицания коммунизма как неклассовой (антиклассовой, антикапиталистической) социальности. И получается логично: от антиклассовости, негативной классовости, антиклассовой социальности коммунизма – к

асоциальности; от одной стадии негативной социальности и классовости – к другой; от одной формы отрицания – к другой.

Асоциальность – завершенный функционализм, и в этом смысле – аналог НТР. Негативный аналог. Она может принимать любые формы – от «парламентской демократии» до «монархии», от «капитала» до «государства». Капитализация оборачивается криминализацией. И тот факт, что одним из наиболее мощных и развитых направлений преступной деятельности в России, по оценке МВД, являются финансовые преступления с использованием компьютерных средств и скупка акций наиболее рентабельных и передовых предприятий, лишний раз свидетельствует: энтээровский век идет в Россию по пути криминализации, асоциализации. Это и есть пока Русский Путь в НТР, в XXI в.

Асоциальность всепроникающа. В этом смысле успех и размах «новых русских» и «русской мафии» на Западе очень показательны. Это – торжество асоциала. Это – триумф такого социального вируса, к которому у Запада нет иммунитета. Впрочем, это – особая тема, и сейчас имеет смысл поставить здесь точку и взглянуть на тот процесс, который именуют «второй русской революцией XX в.». Строго говоря, эта революция, конечно же, третья, первой была революция 1905–1907 гг., значение которой до сих пор, даже в год ее 90-летия, недооценивается. Будем надеяться, что оценят к столетию. Но есть резон и в определении именно октябрьского переворота 1917 г. и последовавших за ним событий как первой русской революции XX в. Во-первых, революция 1905–1907 гг. принадлежит по сути XIX в., она подводила его итоги, разрубала его противоречия. Во-вторых, именно с октябрьским переворотом Россия вошла не только в XX в. но и новую структуру Русской Системы – коммунизм.

XXXIX

Итак, что же это была за революция, которую мы пережили недавно, революция, сменившая власть, строй, границы, гимн, герб? Революция, прошедшая сначала антикоммунистическую фазу (июль 1991 г. – апрель 1992 г., т. е. с указа № 14 Б.Н.Ельцина о департизации, до VI съезда народных депутатов России), а затем – антисоветскую (с апреля 1992 г. и до октября 1993 г.). Революция в узком смысле слова уместилась между двумя указами президента России: указом № 14 и указом № 1400. Так сказать, 14 плюс два нуля; правда, значок «два нуля» имеет еще одно значение, но об этом не будем. Что же касается революции в более широком смысле, то она пролегла между двумя апрелями – 1985 и 1995 гг. Разумеется, последняя Русская Смута – сложное и многомерное явление. Его можно рассматривать под разными углами зрения. Вот один из них.

Мы привыкли говорить о «капитализации России», о «переходе к рынку», другими словами о том, что антикоммунистическая революция автоматически ведет к капитализму, что это революция буржуазная или даже буржуазно-демократическая. И конечно же, это сдвиг в сторону капитализма, он считается главным и при этом желательным вектором развития. Думаю, это не так. Вернее, далеко не совсем так, не в этом главное. Если коммунизм – это функциональный негатив капитализма, то нынешняя русская революция – антикапиталистическая. И другой быть не может. Не только потому, что Россия – глубоко некапиталистическая, имманентно антикапиталистическая страна, а, как известно, из (капиталистического) ничего-ничего (капиталистического) не бывает. Но и потому, что коммунизм был реализацией негативной функции капитала, и отрицание этой функции есть тоже антикапитализм, только специфический.

В 1917–1921 гг. антикапитализм формировался и развивался как отрицание капиталистической субстанции ее функцией, с опорой на эту функцию. Ныне же, когда сам капитализм стал энтээровским и коммунизм уже не способен обеспечить реальный социальный контроль над населением, он не может в нынешнем мире служить формой организации Русской Системы – обладание голой функцией капитала не решает проблем устойчивости существования и даже не приносит чувства глубокого удовлетворения,

отрицается уже сама функция. Лозунгом первой русской революции была «экспроприация экспроприаторов». На знаменах второй можно написать «дефункционализация функционалов». Именно это и произошло.

Если коммунистическая революция в России начала века была антикапиталистической по линии содержания, субстанции капитала, отрицанием этой последней, то антикоммунистическая революция конца века стала антикапиталистической по другой линии. Она отрицала ту организацию власти, специфическим содержанием которой стало отрицание капиталистического содержания с помощью капиталистической же функции. Первая антикапиталистическая революция покончила с капитализмом, так сказать, частично, породив систему, функционирующую как самовоспроизводящийся процесс отрицания капитала. Вторая антикапиталистическая революция покончила в России с капитализмом полностью, уничтожив то, что было даже его негативным слепком (а потому теперь и капитал допустить можно, он – не страшен).

Иными словами, если с помощью первой антикапиталистической революции Россия вошла в XX в. как век функционального капитализма и, по крайней мере функционально, подключилась к самому капитализму, то посредством второй антикапиталистической революции Россия вышла и из XX в., и из «своего» негативно-функционального «капитализма» – коммунизма. С октябрем 1917 г. Россия вступила в Ночь Современности, с апрелем 1985 (разумеется, никто, в том числе Горбачёв, не знал, что начинается революция – стремились-то к другому; но человек предполагает, а Крот Истории – располагает) встречает рассвет Постсовременности.

Некоторые обстоятельства входа и выхода настолько совпадают, что поневоле начинаешь верить в мистику исторической симметрии. Ограничусь одним примером. За вход коммунисты уплатили Брестом, т. е. тем, за что Ленина многие обвиняли в предательстве национальных интересов, сдаче территории и т. д. За выход коммунистами было уплачено сдачей сначала Восточной Европы, а затем – частью территории бывшей Российской, а потом и Советской империи. И опять последовали – и до сих пор звучат – обвинения в предательстве национальных интересов и т. д. Ясно, что в обоих случаях власть, наднациональная и надтерриториальная по своей природе (ее завоевание или удержание приоритетны по отношению к национальным интересам и территориальной целостности), действовала рационально и в соответствии со своим содержанием и логикой. Территория, пространство – та самая лапа, которую отгрызают, попав в капкан. Это – не метафора, по крайней мере, что касается выхода, антикапиталистической революции конца века. Ведь если СССР – это антикапиталистическая зона, которую заняла когда-то Россия, то упадок этой зоны, исчезновение raison d'être существования ее в Капиталистической Системе означает: чтобы выжить, Россия должна покинуть эту зону, разломать и сбросить зональную скорлупу как реликт ушедшей эпохи.

СССР стал зоной мирового бедствия, которую необходимо было покинуть, хотя, быть может, не в той форме и не так, как это было сделано. Правда – вышли, как и вошли, – не хуже. Оставим споры о необходимости восстановления СССР людям ушедшего XX в., так и оставшимся в нем, словно экипаж затонувшей подлодки. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Речь не должна идти о восстановлении ни СССР, соответствовавшего эпохе функционального капитализма, ни Российской империи, соответствовавшей эпохам Старого Порядка и Субстанционального капитализма. Восстановить в истории вообще ничего нельзя. История нереставрационна по своей природе. Говорить нужно о другом – о создании заново, о конструировании некой новой геополитической, геоэкономической и геокультурной формы, панциря для той новой структуры, которая возникает в Русской Истории и которая, конечно, не будет уже в прежнем смысле ни Россией, ни империей. А может, и вообще не будет Россией – нам не дано знать будущее.

Точно можно сказать одно: приступая к конструированию, необходимо отсечь от России все, что не вписывается в энтээровский XXI в., оставить прошлому всю экзотику – она вышла из моды. Распад СССР, воплощавшего в своих рамках единство (прото)Севера и

(прото)Юга, теоретически позволяет нам безболезненно сделать то, что отняло столько сил и средств у колониальных империй. Другой вопрос – практическое воплощение. Для этого нужны люди.

Но вернемся к антикоммунистической революции конца века. Может быть, она все-таки не антикапиталистическая? Об этом, казалось бы, говорят и лозунги и логика. С лозунгами все ясно: на то они и лозунги. Логика же, например, «говорит»: если «вторая русская революция» (1991–1993) есть отрицание антикапитализма, то, следовательно, она есть революция буржуазная – минус на минус дает плюс. Отсюда и лозунги. К тому же отрицание коммунистической власти как института взбесившейся функции капитала происходило ведь с опорой на какую-то субстанцию как внутри страны, так и вне ее (одобрение и поддержки капиталистического Запада). Короче, реванш субстанции. Так, может, я поторопился записать «вторую русскую революцию» в антикапиталистические? Думаю, не поторопился.

XL

Итак, предвижу вопросы: разве не появились у нас частные банки и частные магазины? Разве не возникают акционерные общества, разве не приватизируются предприятия? Ответ на оба вопроса – да. Кто не слеп, тот видит: появилась. Но ведь это не есть капитализация и буржуазификация. Я не стану в данном случае приводить аргументы типа: «криминальный капитал – это не капитал», «номенклатурный капитал – это не капитал». Об этом уже много сказано. Или типа: «непроизводительный капитал не есть капитал», а у нас почти весь капитал финансовый, нажит на экспорте, перепродажах, спекуляции. По крайней мере, он не есть системообразующий капитал, ведущий к капитализму, т. е. не есть капитал в формационном смысле. Такой – денежный, спекулятивный – капитал существовал до капитализма, будет существовать после него и капиталистическим такой капитал делает только его функциональное подключение к мировому капиталистическому рынку. Без и вне последнего такой капитал есть всего лишь деньги, особенно если ему, как в России, противостоит не капиталистически эксплуатируемый работник, а наемный работник иного типа.

Оба типа аргументов, о которых шла речь, справедливы. Но это аргументация от конкретного, индуктивная, в ней есть существенный элемент «к случаю». Мы же имеем перед собой проблему теоретическую, а потому и необходимо рассмотреть ее как таковую с соответствующей аргументацией «от абстрактного к конкретному». Только такой путь является реально доказательным, исчерпывающим, а не просто иллюстративным.

Во-первых, частная собственность становится в данном обществе и для него буржуазной только в том случае, если общество в целом является уже буржуазным, если отношения собственности охвачены капиталистической собственностью. Это элементарный вывод на основе принципа системности. Ничего подобного у нас нет. Что там капитал – даже частная собственность объявлена только в Конституции без разъяснения механизма функционирования в соответствующих кодексах. Похожа на зафиксированное в Конституции СССР право союзных республик на выход из Союза. Ну и что? «Остановите самолет, я слезу»? Это не говоря о том, что в нынешней реальности первоначальное накопление капитала нередко подрывает капиталистическое накопление, т. е. оказывается самовоспроизводящимся («вечный генезис» без реального возникновения); что капитал должен быть социальной формой, а не асоциальной и т. д.

Во-вторых, нынешняя «собственность» «новых русских», будь то бандиты или эксбандиты, отмывающие и приумножающие преступные деньги, банкиры или экскомбоссы, отмывающие и приумножающие деньги КПСС, не есть до сих пор нечто самостоятельное, некая целостность. Это лишь экономическая сторона, экономическая часть распавшейся коммунистической властесобственности, гомогенного коммунистического присвоения общественной воли и общественного продукта.

Исчезновение КПСС как гаранта отчуждения социальных и духовных факторов производства привело к двум параллельным процессам, протекавшим, однако, с разной скоростью – по крайней мере, сначала с разной. Эти процессы фиксируют две стороны распада присвоения как властесобственности на власть и на «собственность», а точнее – имущество, которое не обрело еще адекватной ему формы собственности, а потому его легко расхищать. Имущество, с одной стороны, не оформленное как следует в качестве собственности, с другой – отсутствие реального контроля над этим имуществом со стороны всеохватывающей власти, ситуация приватизации власти, стирающая грань между легальной и нелегальной сферами – все это словно приглашает на криминал («воруют все»).

Неоформленное как собственность имущество представляет собой, так сказать, девственную субстанцию, особо легкую для /по/хищения в особо крупных размерах. В такой ситуации те, кто распоряжается имуществом и кого нередко называют «капиталистами» и «собственниками», заинтересованы именно в том, чтобы имущество не обрело статус собственности или капитала, а находилось в расплывчато-промежуточном, неопределенном состоянии не-капитала, не-собственности, «девственной субстанции», честь которой берегут так, как берегли бы свою, если бы она у них была. И опять: «призрачная собственность» внешне напоминает модификации собственности на Западе в эпоху НТР. Только на Западе это происходит на производственно-экономической основе.

У нас много писали и говорили о приватизации имущества. На самом деле, значительно более важным, первичным был процесс приватизации власти, приватизации насилия как различными легальными, так и нелегальными, криминальными структурами. Он и создал основу для бесконтрольного распоряжения имуществом при отсутствии прав собственности (собственность, кстати, автоматически означает юридический контроль). Директор завода или института, не являющийся собственником помещений, может сдавать их в аренду по сути бесконтрольно. Нет законов. Нет инструкций. Как говаривал приватизировавший часть власти бывшей Российской империи бандит Абдулла из «Белого солнца пустыни», «так некому платить». Другими словами, нет контролера. И «таможня» уже давно дает «добро» на «ввоз» и «вывоз» добра, на его расхищение.

То, что у нас ныне называют собственностью или даже капиталом, часто не есть ни то, ни другое, но всего лишь продукт распада, экономическая часть распавшегося присвоения, которая не обрела еще собственной особой социальной, а по сути – и реальной, правовой формы и, следовательно, не есть самостоятельное или тем более системообразующее явление. Более того, логика социальных процессов часто действует против приобретения имуществом формы собственности или качеств самостоятельного явления. Часто, только покинув русское пространство, это имущество превращается в капитал, чтобы потом вернуться в страну в виде иностранных инвестиций. Благодаря этому легализуется (да еще на иностранный манер) деятельность криминальных структур. Круг замыкается. Имущество так и остается частью, продуктом, стороной распавшегося целого. Все это, разумеется, не значит, что в России вообще нет капитала. Русский капитал есть. Но капиталом является далеко не все, что именуется им. Всякий капитал есть имущество, деньги. Но не всякие деньги и имущество суть капитал.

Аналогичным образом обстояло дело с крестьянской собственностью в ходе или после разложения феодализма. Как заметил В.Крылов, частная собственность землевладельца, с одной стороны, и трудовая собственность крестьянина – с другой, были лишь различными сторонами прежней феодальной собственности, но ни в коем случае ни самостоятельными формами, ни капиталом в формационном смысле слова. Способом их происхождения был не генезис, а разложение; они возникли не как «плюс», а как «минус», и понадобились столетия капиталистической эволюции вне поля жизни этих форм, чтобы последние окрасились в капиталистические тона (причем происходило это, когда капитализм был на подъеме, был восходящим обществом, а не ехал с «ярмарки Истории»).

Поэтому придавать самостоятельное значение некоей исторической «крестьянской собственности» – логическая ошибка, искусственно отрывающая трудовую сторону,

трудовой – частный и частичный – аспект господствующей в обществе качественно определенной антагонистической формы собственности от этой собственности как целого. Это то же самое, что в один логический ряд с химическим соединением поставить элементы, на которые оно распадается в результате реакции. Что же касается имущества как одной из распавшихся сторон коммунистического присвоения, то в отличие от крестьянской трудовой собственности, это во многих случаях даже не собственность и не фактор трудового происхождения.

Именуемое капиталом скорее импрессионистически, по остаточному, вычитательному принципу (если не коммунизм, а «собственность», то – капитал: иного – не дано) имущество, оставшееся от коммунизма, не только не есть самостоятельная экономическая форма, способная стать ядром новой системы, но и вообще не есть самостоятельная качественно определенная форма. Ее качество определит новая структура власти, новый социум. Еще раз напомню, что в свое время Маркс, соблюдая принцип системности, верно заметил: мелкий собственник становится мелким буржуа только тогда, когда общество в целом становится буржуазным, когда капиталистический уклад становится господствующим, т. е. когда общество в целом изнутри начинает развиваться по законам капитала. Но аналогичным образом обстоит дело и с крупными собственниками, и с распорядителями имуществом.

Как обладание экономическим богатством еще не делало землевладельцев и владельцев мануфактур капиталистами в XV–XVI вв. при разложении феодализма, так и обладание экономическими продуктами разложения коммунистической властесобственности не делает их обладателя капиталистом. Обладание неким имуществом, оставшимся «после номенклатуры», не делает их распорядителя собственником. Директор завода или института, сдающий помещения фирмам и получающий за это деньги, – не капиталист и не собственник. Кто-то скажет: вор. Но поскольку соответствующего закона нет, такая характеристика (вне эмоционального контекста) неверна. Перед нами некапиталистическое экономическое отношение, не основанное на частной собственности. По сути это – «размагниченная собственность», имущество, оказавшееся неподконтрольным власти.

Чтобы имущество стало собственностью, а собственность – капиталом, необходимо время и благоприятные условия. Остановлюсь только на «благоприятных» условиях. Что подпирает нынешнюю «собственность» с обеих сторон? Новые властные легальные структуры и различные нелегальные структуры. Они-то совместно и блокируют превращение собственности – имущества в собственность без кавычек, в капитал. В лучшем случае это некапитал. Или «асоциальный капитал». Или призрачная собственность.

Прежний собственник либо утратил свои права, либо они носят формальный характер и не соотносятся значимо с реальностью. Новые обладатели чаще всего либо только распоряжаются, манипулируют имуществом, либо, имея юридическое право собственности, не могут реализовать его законным путем. Реальный собственник оказывается призраком, а собственность – призрачной: «призрачно все в этом мире бушующем», включая собственность, и таким останется, пока мир будет бушевать.

Оставим пока в стороне высший уровень, на котором высшие чиновники распоряжаются государственной собственностью, манипулируют ею и т. д. и т. п. Оставим в стороне также крупнейшие и крупные банки, возникшие в процессе так называемого «разгосударствления», здесь все более или менее ясно. Взглянем на массовый уровень, на то, что на Западе называют «penny capitalism», т. е. «грошовый капитализм» – уровень небольших фабрик, средних магазинов и кафе, коммерческих палаток и т. д. Короче, массовый уровень, который, по идее, и должен стать «базисом строительства капитализма», основой рынка и частной собственности, широкой дорогой в Капиталград и его светлое будущее.

Формально есть собственник и его собственность, но легально, законным путем эту собственность реализовать по сути невозможно, приходится платить, во-первых, чиновникам и милиции, т. е. легальным структурам; во-вторых, бандитам, структурам нелегальным. Впрочем, по отношению к объектам мзды разницы в действиях и тех, и других нет: поборы,

взятки, несанкционированные штрафы – все это беззаконно, нелегально. Легальная власть, систематически функционирующая нелегально, по криминальному образцу, есть власть асоциальная. Но в данном контексте важно другое: не то что капитал, просто экономическую собственность человек не может реализовать экономически – как собственность и как социальное отношение. Только на внеэкономической основе и как отношение в значительной степени асоциальное. В такой ситуации собственник превращается скорее в частичного, призрачного, в большей степени даже – совладельца. Другими совладельцами выступают структуры приватизированной власти, легальные и нелегальные: муниципальные чиновники, местная милиция, криминальные группы. Только все они вместе, коллективно, включая «юридического собственника», оказываются реальным собственником и хозяином, «капиталистом». Перед нами внешне – суммарно – коллективная по сути собственность; нелегальная, асоциальная по способу реализации. Эта «групповуха» фактически устраняет юридическую (а иной не бывает) собственность как таковую, превращая ее в общее имущество, с которого все имеют доход, а «юридическому собственнику» остается чуть менее или чуть более 50 %. Половинная экономическая собственность, к тому же не работающая ни экономически, ни легально, – явление, не имеющее непосредственного, содержательного отношения ни к экономике, ни к собственности. Есть имущество и есть люди, вступающие между собой в комплекс различных отношений, в котором экономические отношения суть третьестепенный (после асоциальных и социальных внеэкономических) элемент. И это не есть некое отклонение от нормы. Это – вектор нормального для данного социума в нынешнем его состоянии развития. Другой вопрос, сколь долгосрочна перспектива этого вектора.

Капитализм? Частная собственность? Рынок? Эти «три карты» российских реформаторов, похоже, могут сыграть с ними злую шутку, вроде той, что была сыграна с бедным Германном. И как же не сыграть, когда люди делают ставку на экономику, выдергивая ее из целого, напрочь забывая о социальной сфере, о внешнеэкономических факторах, – и это в стране, где экономика, не говоря уже о частной собственности, традиционно не была на первых ролях. Безумный Германн.

При попытке взглянуть (с натяжкой) на ситуацию с точки зрения собственности получается такая картина: люди превращаются в призрачных собственников, а имущество – в собственность, тоже призрачную. Собственность как бы складывается в таковую из многих точек (пуантилистскому миру – пуантилистскую собственность) и как таковую ее в этом качестве можно увидеть только издалека и лишь при большом желании. И вряд ли стоит удивляться, как это делают многие западные наблюдатели: как же так, в России произошла радикальнейшая приватизация, а рынка и результатов экономической реформы не видно? Да, страшно далеки эти наблюдатели от народа – русского – и от России. Как это Ленин называл симпатизирующих русскому коммунизму на Западе политиков, профсоюзных деятелей и интеллигентов, которые сами коммунистами не являлись? Вспомнил: «полезные идиоты». Справедливости ради надо отметить: свои тоже есть. Но это – к слову.

Не становясь капиталом, высвободившееся в ходе разложения коммунизма имущество начинает выполнять принципиально иную функцию, чем капитал или собственность на экономические факторы производства. Будучи объектом борьбы легальных и полулегальных, теневых и «светлых» структур, которые, как бабочки в известной рекламе, «из тени в свет перелетают» и наоборот, оно становится фокусом и предметом их взаимодействия, фактором их интеграции, объединения – объединения продуктов распада коммунистического порядка, но иным, чем при коммунизме (да и при капитализме тоже) способом, асоциальным, и не в «правовом государстве», а в «зоне неправа».

Имущество, «абстрактная» или «призрачная» собственность соединяют, объединяют легальные и нелегальные формы, становясь фокусом их единства, обеспечивая их целостность. Вещественная субстанция становится объектом, по поводу которого кусочки разбитого строя складываются в некий новый социальный орнамент. В нем каждый из «призраков» самим фактом своего существования и образом действия блокирует

возможности других «призраков» стать собственниками, т. е. способствует их воспроизводству как призраков. Ранее единое гомогенное присвоение здесь как бы раздробилось на кусочки и застыло в раздробленном состоянии. Единая операция разделена между несколькими агентами. Мануфактура! Мануфактурный асоциализм. Я не ерничаю. Тот строй, та новая структура Русской Системы (или система – наследник последней), которая возникает, должна будет пройти несколько стадий. Более того, даже генезис ее состоит из нескольких фаз, и пройдет еще немало времени, прежде чем будет изобретен новый способ присвоения имущества, контроля над ним со стороны Власти. Едва ли это возможно без ренационализации власти-насилия, хотя у истории часто заготовлены сюрпризы.

В истории не бывает повторений: террор 20–30-х годов был властным, нынешний – в большей степени криминально-экономический, хотя, посмотрим, какой будет новая Дума[15] – при определенном раскладе у террора может возникнуть и «политический» аспект. Чтобы быть средством снятия общественных противоречий, служить интересам ныне господствующих групп и, следовательно, выполнять функцию социального интегратора, имущество должно как можно дольше оставаться не-собственностью, негативной, «неопределенной» собственностью, собственностью «с неопределенным артиклем». Или, скажем так: собственностью вообще, абстрактной собственностью, собственностью в потенции. Завершение интеграции скорее всего «съест» имущество и создаст новую форму не столько собственности, сколько власти, социальный мир «темного солнца» и «багровых туч». Не окажется ли тогда: то, что называли капиталом, было лишь продуктом разложения «некапитализма» старого и средством перехода к «некапитализму» новому, например, от одной формы организации Русской Системы – к другой. Не то чтобы антикапиталистической, но – внекапиталистической. А историки-альтернативисты будущего станут говорить о еще одной упущенной возможности перехода к капитализму. Которой как практической (теоретически возможно все) на самом деле для Русской Системы не существовало ни в конце XV, ни в конце XIX, ни в конце XX в.

Похоже, что Россия в очередной раз делает неожиданный вираж, вступает на непроторенную тропу очередного социального эксперимента. Похоже, ее новая организация будет располагаться не в ряду «феодализм, капитализм…», а «самодержавие, коммунизм…». Короче, ныне уравнение Русской Истории – X, Y,? И то, что возникнет на месте вопросительного знака – Z или Й, чем обернется Русская История – математической формулой или любимым русским заборным словом, во многом зависит от того, правильно ли мы понимаем X и особенно Y, т. е. коммунизм.

Грубо говоря, конец коммунизма, его разложение на «негативную экономическую собственность» со слабыми качественными характеристиками, с одной стороны, и децентрализованное, разжиженное и разбавленное – чтобы на всех хватило – насилие (т. е. на «негативную власть») – с другой, и есть распад «капитализма Русской Системы». Коммунизм и был единственно возможным «капитализмом» этой системы – капитализмом без капитала. Он был массовым обществом этой системы. А теперь он умер, раньше своего западного собрата, который, будучи потолще, сможет еще лет 50–60 проедать вещественную субстанцию и наслаждаться своей поздней осенью. Что поделаешь, в России средняя продолжительность жизни, как индивидуальная, так и социальная, меньше, чем на Западе.

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Россия уже вошла однажды в капиталистическую реку, приняв коммунистическую организацию. Выйти из коммунизма посредством капитализма и на пути к нему в конце XX в. еще труднее, чем выйти таким образом из самодержавия в конце XIX в. Это то же, что гоняться за собственным хвостом. В «теоретической» основе такой погони лежит интерпретация коммунистической фазы Русской Истории как чего-то случайного, отклоняющегося, чего-то, что можно забыть, от

---

[15] Эти строки писались в октябре 1995.

чего можно абстрагироваться. Нет, в развитии таких крупных стран, как Россия, 70-летних отклонений и случайных вывертов не бывает. Коммунизм логически вырос из самодержавия как структура преодоления его противоречий; подобно этому и новая структура Русской Истории должна будет снять противоречия коммунизма. Капиталистический выбор как возможный путь в будущее мог **теоретически** стоять перед Россией на рубеже XIX–XX вв. Столетие спустя это едва ли реально.

Капитал не смог предложить положительного решения проблем России в начале XX в., оставив за социальным бортом огромную массу населения. Она-то и выступила под антикапиталистическими лозунгами. Ныне, в эпоху НТР, в эпоху наукоемкого производства положительные возможности капитализма по отношению к России еще меньше – еще большая масса останется за бортом. Для огромной части населения падение коммунизма может стать потерей старого мира без обретения нового. Столкнувшись с такой угрозой в конце XIX – начале XX в., Русская Система трансформировалась из самодержавия в коммунизм как в некий «капитализм без капитала». Теперь возникает иная ситуация, диаметрально противоположная: капитал без капитализма. Ведь подключенная к мировому рынку «абстрактная собственность», имущество становятся капиталом. Результат – точки капитализма на некапиталистическом поле. Капиталистический пуантилизм России. Капитализм в отдельно взятом офисе, доме, магазине. Но ведь это соответствует общей логике развития постсовременного пуантилистского мира, великолепно вписывается в нее!

Одна и та же форма выступает как капитал в мировой системе и как некапитал в России. Наличие капитала в некапиталистической системе очень напоминает социальную модель Старого Порядка. С той лишь разницей, что там, на входе в капиталистическую эпоху, капитал в большей степени использовал некапиталистические формы, а в посткоммунистической России, на выходе из капиталистической эпохи, некапиталистическая власть и асоциал с его организациями используют капитал для реализации экономических функций своего бытия, для передела и утилизации экономических продуктов распада коммунизма.

Сегодня часто задают вопросы: что мы строим, какой строй мы создаем, какое общество возводим. От президента, лиц, наделенных властью, требуют ответа на этот вопрос, полагая, что, только получив ответ, можно двигаться дальше. Не стану говорить о том, что это типично коммунистический подход, неприложимый ни к какой реальности. Нельзя построить общество по плану. Никакое. Даже коммунистическое, которое на самом деле возникло и развивалось в большей степени стихийно, чем планово, как и капитализм. Нельзя планомерно строить капитализм, хотя если в истории и было когда-нибудь что-нибудь похожее на планомерный социум, то это «Функциональный капитализм» XX в. Но вообще-то общество, задумавшееся о том, что же оно строит, рискует остаться без движения, как сороконожка из известной истории.

Даже если капитализм и можно было бы строить, его нельзя строить в одной, отдельно взятой стране тогда, когда он «едет с ярмарки» во всем мире в целом, когда Капиталистическая Система начинает слабеть – социально, политически, идеологически, демографически, экологически. Когда ясен надвигающийся кризис, а посткоммунистический Емеля мечтает о том, как бы получить капиталистическую печку, которая вместо коммунистической будет возить его за просто так вперед и вверх. По щучьему веленью.

XLI

Кто-то спросит: а как же российские демократы, которые, как, например, Гайдар III, хотят построить капитализм, призывают к созданию настоящей рыночной экономики, либерального парламентского строя и т. д.? Неужто так и не будет построен капитализм? Ну почему же не будет? Будет. В отдельно взятом банке или казино. Но каждый такой n-капитализм предполагает развитие п2 антикапитализма или некапитализма или асоциальности. А то и п4. Тем более в такой стране, как Россия – не просто

антикапиталистической, но антисобственнической.

Вообще тезис о «строительстве капитализма» есть не что иное, как фрейдовская проговорка бывших коммунистов. Ставится так вопрос – это то же самое, что планировать построить Античность, Ренессанс, Просвещение. Что из этого выходит? О.Мандельштам так писал об этом: «Если бы граждане задумали построить Ренессанс, что бы у них вышло? В лучшем случае кафе «Ренессанс». **Так** оно ныне и выходит. Капитализм построен в одном, отдельно взятом кафе, казино, офисе (сколько у нас появилось – рекламы и объявлений по продаже офисной мебели!). Капитализм построен в виде отдельно взятого кафе, казино, офиса, а также различных фондов, новых институтов (учебно-исследовательских), ассоциаций. Точки капитализма, «там, где чисто и светло». И окна на помойку не выходят. Она – дальше. Но она есть, и ее много. Больше, чем было раньше. Это умножение – результат возникновения «капитализмов» в виде отдельно взятых кафе, ресторанов, банков. Социальный процесс, особенно в России, где и так мало вещественной субстанции, а за последнее десятилетие стало еще меньше, это игра с нулевой суммой: если кому-то прибавится, то у кого-то убавится. «Кафейный», «пуантилистский» капитализм с бандитско-эксноменклатурным лицом, т. е. капитализм асоциальный, – это один вариант, одна возможность

Мандельштам, однако, упустил другую возможность развития событий строительства Ренессанса – превращение строительства в Репрессанс. И это уже есть. Но репрессанс не централизованный, а приватизированный. Генезис новых структур Русской Власти и Русской Системы, как правило, протекал в форме «гражданской войны» и централизованно-организованного террора. Коммунисты 30-х годов могли смело протянуть руку опричникам 1560-х годов: «А и скликнул бы нас Малюта Скуратов, и мы не оплошали бы». Конечно, не оплошали. Кто спорит?

Нынешняя ситуация, как бы нас ни пугали «предчувствием гражданской войны», отличается и от генезиса самодержавия, и от генезиса коммунизма как раз отсутствием и гражданской войны, и централизованного террора. Кто-то скажет: еще не вечер. Похоже, не только вечер, но и ночь миновали, и мы встречаем хмурое утро, а оно встречает нас. Но вот некие компоненты гражданской войны, так сказать, в распыленном, миниатюризированном, локально-симптомальном виде мы имеем. В еще большей степени мы имеем террор, но только не централизованный, не сконденсированный, а опять же распыленно-приватизированный. Асоциализация и специфическая среда, создающая ее и ею создаваемая, порождают и специфический террор в специфической среде: отстрел бизнесменов, криминальных авторитетов, просто бандитов. Это и есть важный аспект генезиса новой системы, рождающейся как передел Субстанции и субстанции. И опять в глаза бросается точечный, пуантилистский характер процесса, который соответствует возникающему миру.

В нем и конфликты, и гражданские войны (точнее, то, что так называлось раньше), и террор, похоже, будут носить точечный характер. Вот в этой точке – террор, гражданская война. А рядом – на другой улице или за 200 километров – все тихо. Не зоны войны и зоны мира, но – точки того и другого.

Пуантилизация, камерализация конфликтов да и вообще социальных процессов, сегментация ранее единых классовых «кубов» на этнокультурные, религиозные и т. п. «кубики» – знамение эпохи. Small is beautiful – вот лозунг НТР и ее мира. Сейчас в России – энтээровской без НТР – социогенетический террор, затрагивая многих, охватывает в целом небольшой сегмент общества, протекает главным образом только в нем. Но ведь и энтээровское производство благодаря своей наукоемкости способно включить в себя очень небольшой процент населения. Так в эпоху НТР в ее шеренги становятся даже те, кто непосредственно к ней не имеет отношения. Она задает коридор – довольно узкий, ведь НТР, по определению, средство «исключения из прогресса».

Если НТР была западным аналогом русской ВТР – властно-технической революции – 1917–1929 гг., то похоже, ныне в России «великая криминальная» или просто асоциальная

революция во многих отношениях является нишевым аналогом НТР. Можно сказать и так: чем дальше от экономического ядра Капиталистической Системы, тем сильнее асоциальный аспект энтээровской эпохи, тем больше «идолопоклонники» страдают от язв «христианства», то бишь «энтээрства».

Камерный, кафейно-ресторанно-офисный характер как террора, так и «строительства капитализма» в сегодняшней России очевиден. Некамерной может оказаться реакция на эти камерные процессы, «антиренессансный» репрессанс, но это отдельная тема.

Неужели только в том и заключалась миссия российских посткоммунистических капитализаторов-реформаторов, чтобы обеспечить какой-то части экспоменклатуры, бывших теневых дельцов (и себе, разумеется) построение капитализма в «одном, отдельно взятом кафе, банке, фонде», чтобы добиться триумфа капитализма в наиболее подготовленных для этого точках русского пространства? Это и есть программа-максимум нынешней фазы Русской Истории? Думаю, нет. Человек предполагает, а Бог – Русский Бог – и История располагают.

«Построение капитализма» у нас может быть программой-максимум в краткосрочной перспективе, в неких точках и для отдельных групп. С точки зрения долгосрочной перспективы и русского пространства в целом это, пожалуй, даже не столько программа-минимум, сколько некое средство. Средство разрушения одной (некапиталистической) структуры этой системы. А что может быть лучшим средством разрушения некапиталистической структуры как не капитал, не рынок, не товарно-денежные отношения? Ничего. Это прекрасно понимал еще Аристотель, противопоставлявший экономику и хрематистику. Его знаменитое: «Физика, бойся метафизики!» – можно перефразировать: «Экономика, бойся хрематистики!» (и наоборот).

И не случайно слабеющие некапиталистические структуры вообще и Русской Системы в частности подрываются, добиваются капиталистическими или капиталоподобными формами; последние подводят старую структуру к пропасти, ну а смута (революция) уже сталкивает в нее эту структуру, причем – внимание – вместе со всеми теми новыми капиталистическими, рыночными формами, которые успели развиться. Мавр сделал свое дело. Правда, сам мавр не понимал, что он слепой, вторичный агент, полагая себя агентом самостоятельным. Но иначе и быть не может – иначе мавр не взялся бы за дело. И еще одно: в ограниченной временной перспективе иллюзии мавра не были иллюзиями, это была реальность. Иллюзорной, ошибочной была экстраполяция этой реальности за рамки указанной перспективы. Грубо говоря: в одном, более узком измерении мавр работал на себя и на капитал, в другом, более широком, как оказалось, – на Русскую Систему и против себя. Классический, крайний, самоубийственный пример – люди типа Саввы Морозова.

Смертельная схватка реформаторов (революционеров), с одной стороны, и наиболее реакционных, охранительных элементов данной структуры – с другой – вот что добивает ее окончательно. И те, и другие – каждые по-своему – главные враги умирающей структуры. Они расчищают пространство. А занимает его «третья сила». Не социалисты и не Колчак. Не националисты и не интернационалисты. Не революционеры и не контрреволюционеры. Не демократы и не патриоты. Третья сила. Но самое главное – не слепые агенты, а зрячие.

Полагаю, по иронии истории в долгосрочной (а может, даже и в среднесрочной) перспективе, российские демократы–реформаторы–капитализаторы конца XX в., независимо от их воли и представления, суть худшие враги капитализма и демократии. Впору писать книгу «Друзья реформ и как они воюют против капитализма и демократии».

Это – странный вывод? Нет, это – странный мир, в котором мы живем, мир нелинейный и неодномерный, мир социального сквоша, где никогда не знаешь, куда отлетит мяч. Нам не дано предугадать.

Похоже, наши реформаторы конца XX в., как и реформаторы конца XIX в., объективно выполняют в Русской Системе и для нее роль ледокола. Они устраняют препятствия на пути в «будущее в прошлом». Их задача – вести в будущее, не раскрывая того, где оно находится. Да они и сами этого не знают: самый эффективный обман – это тот, что основан на

самообмане, субъективном или объективном. Конечно, в самом общем плане «будущее России» в моменты исторических разломов как бы известно – это универсальное будущее всего «передового человечества». В начале XX в. этим «передовым человечеством» считался пролетариат, хотя именно тогда он им уже переставал быть как раз в том смысле, в каком это имелось в виду – ведь он буржуазифицировался. 100 лет спустя «передовым человечеством» кому-то в России видится буржуазия – как раз тогда, когда капитализм вступил в осень, когда буржуазия все буржуазия все более дебуржуазифицируется. Что за дела? Создается впечатление бега по льдинам, причем каждая новая льдина оказывается треснувшей и разъезжается, обнажая страшную темную воду. Вместо взлета – падение, провал. Льдины – разные; принцип прыжков реформаторов и революционеров (это две разные стратегии слома, имеющие одну цель – уничтожение старой системы) – одинаковый: не туда.

XLII

Итак, Октябрьский переворот-2 (1993) замкнул пространство капиталистической эпохи Русской Истории, которое когда-то отомкнул Октябрьский переворот-1 (1917). Между двумя октябрями и пролегла в России капиталистическая эпоха, но без капитализма. В пореформленное время в России был капитализм, но сама эпоха не была капиталистической. Язык не повернется так ее назвать. Нет таких определений, как «капиталистическая Россия», «Россия капиталистической эпохи» и т. д. И не только потому, что уровень тогдашнего развития капитализма в России был существенно завышен историками – как либералами, так и марксистами; что развивался гигантский госсектор, который не был капиталистическим в строгом смысле этого слова, уж самодержавное-то государство капиталистическим точно не было. Наличие некапиталистического государственного сектора впоследствии существенно облегчило жизнь большевистскому режиму.

Пореформенная – т. е. после реформы, постреформенная – эпоха, посткоммунистическая эпоха – названия не случайные. Они точно указывают на то, что у этих эпох нет какого-то одного всеопределяющего, всеохватывающего собственного качества: например, капитализм, наличие капитала не исчерпывают качественную характеристику русского общества после реформ, имеются и иные характеристики и качества. Но даже в совокупности они не создают некоего единого качества. Повторю: нет термина «капиталистическая Россия», или «буржуазная Россия». Потому и приходит на помощь спасительное «пост», иными словами, эпоха определяется не сама по себе, не из самой себя, не из своего содержания, а относительно иной эпохи, по иному качеству, которых уже нет.

Но такое по линии отсутствия самостоятельного качества сходство – не единственное, что объединяет пореформенную и посткоммунистическую эпохи. Как тогда, так и ныне капитал существовал в России, но не для России, не для Русской Системы. Или скажем так: отрицательный аспект его деятельности намного превосходил положительный. Конечно, положительный момент тоже наличествует, он заключается в том, что капитал довольно быстро создает для системы вещественную субстанцию, которой в ней всегда мало и которая ей необходима, особенно в критические, переходно-перестроечные времена, когда требуется материальная база для будущего, «жирок» на время потрясений. Вот тогда-то и раздается: «Господин буржуй, пожалуйте! Чего изволите-с? Водочки, икорки, конституции, проституции, парламентаризма, либерализма?» Пока пусть наслаждаются – потом, когда им споют песенку «Подойди буржуй, глазик выколю», – они узнают.

Здесь четко просматривается логика Русской Системы. Ленинский шаг к нэпу целиком находится в рамках этой логики. Во всех случаях, однако, капитал не включил, не мог и не сможет включить в свои процессы огромную массу населения. К тому же он в такой массе и не нуждается. А следовательно, подавляющая часть населения, притом воспитанная в антикапиталистическом духе, остается вне его, вне его социального контроля. Капитал(изм) не может обеспечить решение центральной, системообразующей задачи Русской Системы –

двоякой задачи социального контроля над популяцией и темпорализации пространства. А потому: Adieu, Capitalisme!

Нет, не случайно эпохи, когда в России развивался капитализм, не именуются капиталистическими: капитал не мог обеспечить именно целостный социальный контроль в обществе и над обществом. А потому требовалось усиление некапиталистических организаций, репрессивных структур.

Не случайно также и то, что капитал, формы, связанные с капиталом-субстанцией – частная собственность, гражданское общество, представительные органы власти, партии и т. д., – оказывались сильны в России в значительно большей степени отрицательно: как деструкторы, разрушители отживающей структуры.

Вообще, если посмотреть на всю историю Русской Системы России/СССР, то становится очевидно: капитал и представительные органы (или то, что эквивалентно им, похоже на них) возникали всякий раз в период системного или структурного надлома, или даже ослабления Власти, независимо от того, самодержавие это или коммунизм; возникали в периоды смут, будь то Смута, разразившаяся со смертью Ивана Грозного, или начавшаяся в 1861 г., или заявившая о себе в середине 1980-х. А затем они отмирали, рассасывались. В лучшем случае сохранялась форма, но уже с иным содержанием, не имеющими никакого отношения к прошлому – цирк уехал, осталась только афиша: «Куда уехал цирк, он был еще вчера»? В никуда.

Возникновение капиталистических или паракапиталистических форм в России есть признак упадка существующей структуры и явление объективно, для системы выполняющее роль социального терминатора прежней, уходящей структуры. Но как только новая некапиталистическая структура встает на ноги, праздник капитала, партий, парламентов заканчивается – более («Караул устал») или менее вежливо.

То, что воспитанное на идеях и представлениях XIX в. либерально-марксистское, универсалистско-прогрессистское сознание воспринимает в Русской Системе и Русской Истории как ростки нового *à la* капитализм, есть не что иное, как очередной побочный продукт очередного ослабления и разложения еще существующей, но уже отходящей структуры Русской Системы, ее власти, размагничивания магнитного поля ее социального контроля. Не потому ли у капиталистических форм в России всегда есть душок социального разложения, упадка, социального нездоровья, надрыва, политического канкана, криминальности?

Ограничение Русской Власти, Центроверха, будь то в форме боярской олигархии или конституционно-парламентского строя, происходившее в периоды ослабления власти и как ослабление, приводило к нескольким последствиям. Во-первых, власть обрастала дополнительными полуорганами-полуформами, что делало систему управления более громоздкой, но не более эффективной, напротив. Во-вторых, в обществе усиливалась эксплуатация (как в отношениях между господствующими и угнетенными группами, так и внутри самих групп) – у власти не было средств, как следует контролировать и ограничивать этот процесс в своих интересах, которые, однако, в данном случае совпадали с интересами населения. В-третьих, недостаток контроля объективно вел к росту преступности, криминализации, приобретавшей тем более крупные размеры, что целые сегменты ослабленной власти выпадали в нелегальную зону как структуры неконтролируемого более насилия.

Таким образом, рост классовых форм и эксплуатации, с одной стороны, и рост криминализации – с другой, в Русской Системе суть два социально-экономических лика одного и того же явления, два аспекта одного и того же процесса – ослабления Русской Власти, ее энтропии. Ограничение центральной власти (регионализация, парламентаризм) и рост квазиклассовой или просто классовой эксплуатации/криминализации, таким образом, наносят удар не только по самой Власти, но и по неклассовой (негативно-классовой) ткани общества, рвут ее – со всеми вытекающими последствиями. Создается впечатление, нуждающееся, разумеется, в проверке, что в отличие от капитализма и от Запада в целом, в

Русской Системе развитие классовости и освобождение ее от привластности является с точки зрения этой системы, ее собственной меры, показателем упадка, а не прогресса, пути не вверх, а вниз (а если и вверх, но на «социальную Голгофу»). Пути, за который приходится дорого платить формирующемуся классу – Сизифу и системе в целом, отсекающей этот класс с обилием собственных мяса и крови.

Принципиально неклассовый, поздневарварский характер русской социальности, «законсервированный» не **эволюционным** образом, как в обществах АСП, а **исторически** (причем не один раз), имеет несколько ярких проявлений. В частности, это именно европейские облик и социальная форма дворянства в тот период, когда оно максимально приблизилось к положению класса; европейско-буржуазное оформление русской господствующей классовости, против которого и которой начиная с Павла I активно выступила сама Власть, успешно завершившая свой курс Великими реформами, решившими для нее ряд проблем и отсрочившими на полвека революцию.

«Русские революции» суть выступления не против феодализма или капитализма, а против классовости вообще и ее атрибутов с позиций воспроизводящейся неклассовости, неклассовой (или поздневарварской) социальности, оказывающейся под угрозой роста классовой эксплуатации и классовых форм социальности. В условиях такого роста «криминализация» – это на самом деле причудливое переплетение уродливого развития новых эксплуататорских форм и не менее уродливое средство сопротивления как этим формам, так и эксплуатации вообще, как прямой, так и косвенной, опосредованной (рост цен, исчезновение сбережений и т. д.). То, что ныне именуют у нас «криминализацией», есть сложный процесс социальной, квазиклассовой борьбы, обусловленный ослаблением и трансформацией Власти и реакцией принципиально неклассовых форм социальности на эти процессы и их последствия. «Криминализация», с одной стороны, классовость, буржуазификация – как экономическая, так и политическая, с другой – суть две стороны распада Власти насилия и ее приватизации.

Однако поскольку Власть при коммунизме выступала как Властепопуляция,[16] ее упадок, распад, приватизация не могли обернуться ни чем иным, как массовой криминализацией, точнее – иллегализацией, поскольку ни масштаб, ни состояние общества («нет теперь закона») не позволяют пользоваться термином криминализация без кавычек. По сути же произошло следующее: неклассовая форма социальности утратила свою положительную организацию. Результат – не дикий капитализм, а экономизи-рованное позднее (предклассовое) варварство, при котором средство решения властных и собственнических проблем только одно – сила, а способ (чаше всего) тоже один – физическое уничтожение. Внешне – капитализм, парламентский строй. Нет «малости» – правового государства, т. е. права и государства, без которых собственность может быть только силой, насилием. Либерализм с помощью кулака – «как таково». Символично и симптоматично: партия с каким названием по иронии судьбы (а может, по логике судьбы – русской?) имеет чуть ли не самую активную поддержку «криминального капитала»?

Речь не о том, что парламентский строй и частная собственность – плохо. Напротив – они хороши. Но только там, где они хороши и развиваются органично в течение столетий. Не имплантация чужого, а поиск или разработка собственных аналогов и эквивалентов – вот реальный путь. Там, где бывшие номенклатурщики, теневики и мэнээсы пытаются вырастить характерные для западного общества и его эволюции формы из ничего или из почти ничего, in vitro, ничего хорошего ждать не проходится. Социум утилизует эти социальные **изобретения** так, что **нововведения** будут разительно отличаться от замысла и чертежа. Между «новыми русскими», будь то «предприниматель» или «политик», и западным капиталистом не меньше разницы, чем различие в начале XX в. между западным социал-демократом, с одной стороны, и российским социал-демократом ленинского толка – с

---

[16] Подр. см.: Пивоваров Ю., Фурсов Л. Русская Система // Рубежи. – М., 1996 – № 1. – С. 45–69.

другой. Этот последний хотя бы фиксировал свою особость с помощью маленькой, в скобочках буковки «б». Может, и нам так: «новый русский (б)» или «новая русская (б)»? Полагаю, следует не рассуждать о том, что сулят России капиталистические формы в экономике и политике в будущем, а прежде всего для начала понять: как, из чего и почему они возникали в нашей истории. Остальные разговоры – после этого.

Капиталистические и паракапиталистические формы возникали в порах и из пор Русской Системы тогда, когда начинала всерьез портиться ее кожа, и кожу надо было менять, сбрасывать. Ее потом и сбрасывали – вместе с формами, которые выросли в порах, много потрудились над разрушением социальной ткани и которые в основном **таким образом** работали на будущее. Получается, что капиталистические формы – нечто вроде злокачественной опухоли на теле Русской Системы; возникают они тогда, когда ослабевает ее иммунитет, когда ломается характерный для нее механизм самовоспроизводства как особого, принципиально некапиталистического целостного многоклеточного социального организма. Однако возможности роста капиталистической зоны-опухоли ограничены.

Не набрав ни достаточную массу, ни нужное пространство для собственного развития, эти формы в то же время окончательно подрывают старую структуру и безжалостно выбрасываются вместе с ней.

Пока одна структура Русской Системы мутирует в другую, пока ослаблен ее иммунитет, пока нужны чужеродные средства для социального отрицания, до тех пор капиталистические формы получают и пространство, и возможность для маневра. Однако после исторически недолговечного существования они быстро оттесняются или уничтожаются. И так происходило во всех сферах – от экономики до литературы. На смену, например, футуристам, топтавшим классику и реализм, опять приходит классика: новая, с новым, более суровым реализмом. А футуристов – за борт истории. Как гниль, декаданс, упадническое искусство. Но ведь так оно и есть. И не умерить ли наши безграничные восторги по поводу Серебряного века?

Значит ли исторически зафиксированная слабость, неприживаемость форм капитала-субстанции, возникавших в России, что они – плохие? Или, наоборот, что система – плохая? Нет, не значит. «Плохой», «хороший» – это не исторические оценки, не говоря уж о том: «плохой» – для кого? «Хороший» – для кого? Скорее это свидетельствует о том, что формы, связанные с капиталом-субстанцией, не были адекватны тем задачам, которые ставились перед Россией внутренними и внешними императивами ее развития. Напротив, адекватны были формы иные, соответствовавшие такой субстанции, которая имела иную, чем капитал, природу. Часто такая констатация вызывает наивно-хитрый вопрос: так что же, значит, Россия обречена на отсутствие или в лучшем случае эпифеноменальность капитала-субстанции (а следовательно, и капитализма) и адекватных ему (как явлению цивилизационного ядра капиталистической системы) представительных форм? Значит, если эти формы и будут существовать в России, то – подобно очагу из сказки о золотом ключике – как нарисованные на холсте?

На этот наивный вопрос можно и ответить наивно: а почему должно быть иначе? Только потому, что «в Европах» по-другому? Так и в «африках» – по-другому, чего ж не как в Африке? Контраргументы очевидны: мы христиане, европейцы, белые люди, наконец. Ну и что? Эфиопы тоже христиане, лопари – тоже европейцы, а албанцы – белые люди. Что из того?

Но есть и два серьезных ответа, противоречащих один другому и тем самым фиксирующих реальное противоречие – противоречие самой реальности.

Ответ первый – утвердительный. Его мог бы дать А.А.Зиновьев: эволюция крупных систем необратима. Иными словами: не видать вам, «ребята-демократы», капитализма как своих ушей.

Ответ второй – отрицательный: история – не закрытая система и не фатальный процесс. Тот факт, что нечто не возникало в течение столетий, не означает: так фатально и автоматически будет всегда. История – процесс вероятностный, в ней возможны мутации

социальных форм. Так что «вся жизнь впереди, надейся и жди»: приплывет золотая рыбка Истории и исполнит три твои желания. Или пошлет на три буквы.

Оба ответа по сути верны. Но между ними лежит не истина, а проблема: что же реально меняется в ходе истории? И меняется ли? Может ли измениться? Путь к ответу – тезис о вероятностном характере истории. Это значит, что есть явления более вероятные, менее вероятные, минимально вероятные и совсем невероятные.

Вероятность возникновения и, главное, сохранения того или иного явления, а следовательно, изменения в соответствии с этим системы, в которой происходит этот процесс, как правило, определяется степенью эффективности данного явления для данной системы: насколько эффективно оно решает проблемы системы, соответствует ли основным принципам ее конструкции и логике развития, больше создает или больше разрешает проблем в среднесрочной и долгосрочной перспективе и т. д.

Экономические и политические формы капитала-субстанции в российской реальности, в Русской Системе постоянно оказывались неэффективными. И это в эпоху восхождения и расцвета капитализма в мире, в ядре мировой системы. Ныне же ожидать эффективности капиталистических форм, особенно вне капиталистического ядра, вряд ли приходится. Напротив, капитал сам постоянно примеривает некапиталистические одежды. Неужели России так и суждено, по словам Н.Михайловского, донашивать за Европой старые шляпки, как служанке за госпожой? Правда, и в собственных, исконно-посконных шляпках и одеждах не очень-то получается. Но опять же по сравнению с чем и кем? Когда? При каком выборе?

Подобные вопросы можно множить. Суть, однако, неизменно в том, что в России субстанционально-капиталистические формы намного больше порождали острых, эволюционно неразрешимых проблем, чем решали или даже предлагали решить. Да, эти формы возникали в Русской Системе, но иначе, чем на Западе, и выполняли для Системы в целом иную функцию, чем там. Так дело обстоит и сейчас. Достаточно посмотреть на русский бизнес и хотя бы на нынешнюю (конца 1995 г.) предвыборную кампанию с ее «партиями», «движениями» и «блоками» («Эк их, дряней, привалило», как сказал бы Иван из «Конька-Горбунка»).

Формы, о которых идет речь, играли в нашей истории исключительно важную роль, с одной стороны, в качестве разрушителей отжившего, а с другой (хотя, как я уже отметил, эта функция была менее значительной) – созидателя вещественной субстанции, такой, в таком количестве и в таком темпе, в каких Русская Система ее создать не может, ибо она – по другой части: «ГПУ справку не давало, срок давало».

Здесь возможен еще один хитро-наивный вопрос: если согласиться с тем, что в России слабы реальные перспективы капитализма и политических форм, его ядра (именно они всегда подразумеваются, а не политические формы полупериферии и периферии капитализма – мечтают ведь о том, чтобы было как в Англии и Франции, а не как на Гаити и в Колумбии, в Заире и Либерии, в Таиланде и на Филиппинах), если, более того, в среднесрочной перспективе по логике отторжения ее системой «капитализация» ведет к социальному распаду и серьезнейшим потрясениям, что же, значит, нынешние коммунисты правы и следует выбрать коммунизм, а не капитализм?

Конечно, нет. Коммунизм – отжившая уже на рубеже 70–80-х годов структура Русской Власти и Русской Системы, оживить его невозможно, но сама попытка реанимации может отбросить Россию назад и резко ухудшить наши позиции в мире, прежде всего – в нашем противостоянии Западу. Отсечение значительных сегментов населения от «общественного пирога», – к сожалению, императив эпохи. Любая власть в России будет делать это в той или иной форме, так или иначе – никуда не денется. Решающий вопрос, таким образом, – форма, проблема метода. Стерилизацию можно проводить при помощи лекарств, пусть горьких, а можно и – как в анекдоте – кирпичом по гениталиям. Как могут проводить отсечение от пирога коммунисты – ясно, мы это знаем из истории, кто не слеп, то видит, как говорил один крупный коммунистический деятель. Но дело даже не в этом. Значительно более важна не конъюнктурная, а историческая проблема выбора. Выбор по принципу «или – или» не всегда

правилен. Возможен и такой подход: не выбор между капитализмом и коммунизмом, а отрицание их обоих в пользу новой структуры Русской Системы (или вообще новой системы), соответствующей нынешнему этапу и ближайшей перспективе мирового развития. Другой ответ: капитализм versus коммунизм – такая постановка вопроса некорректна в нынешней ситуации и в принципе, и практически. Где капитализм? Какой капитализм? Полукомсомольский-полубандитский? Какой коммунизм? Есть и другие ответы. Но сейчас я хочу перевести проблему в другую плоскость. Человек, полагаю, не обязан становиться на сторону даже того, что является «прогрессом для данной системы»; как говорил поэт, «ко всем чертям с матерями катись» все прогрессы. Кому-то может нравиться и регресс. Но главное – не в этом. Выбор человека, моральный выбор вообще не лежит в плоскости социальных систем: капитализм или коммунизм, феодализм или рабовладение. Хороших и моральных систем нет. Хороший капитализм? Для кого? Когда? В XIX в.? Нет, феодализм XIII в. был лучше для значительной части населения. Но опять же, «лучше» – это шаткий, «импрессионистический» аргумент. Моральной может быть только личность как субъект, и, хотя субъект создает социальные системы и живет в них, его моральный выбор «откладывается» не в социосистемной плоскости, т. е. в плоскости не системной (классовой социальности), а универсальной. Другое дело – политический выбор. Но даже в этом случае автоматической и априорной увязки с социальными системами нет. Разумеется, если это выбор не между такими системами, в одной из которых политический и моральный выбор возможен, а в другой – нет. Но **такой** выбор тоже не является социосистемным, это уже выбор с позиции субъекта, универсальной социальности, возможности или невозможности ее реализации. К этому вопросу, равно как и к проблеме выбора под звон «колоколов Истории», мы еще вернемся.

Противоречивый и в то же время взаимодополняющий (разрушение старой некапиталистической структуры, ее субстанции и одновременно создание вещественной субстанции, «социального жирка», которым будет питаться новая структура, отрицающая старую) характер деятельности и результативности капитала-субстанции в России хорошо уловил В.И.Ленин. Сначала он выступил против народников, доказывая (и правильно), что они недооценивают уровень развития капиталистического уклада в России (правда, сам Ленин этот уровень переоценивал). Он исходил из того, что капитализм должен создать материальную базу для революции, – эту вещественную субстанцию и поделили впоследствии большевики: «экспроприация экспроприаторов».

Однако при всем том Ленин не цеплялся за буржуазно-демократическую революцию, а говорил о возможности в России революции социалистической, т. е. об отрицании капитализма. Он хорошо видел тот общесоциальный разрушительный эффект, который продуцировали капиталистические формы, и интуитивно понял, что это разрушение само по себе сможет стать основой революции. Главное – захватить власть, овладеть формами капитала-субстанции (например, почтой, телеграфом, телефоном). И ленинская стратегия увенчалась успехом. Конечно, была мировая война, был «случай», но он помог подготовленному.

При всех ошибках ленинская стратегия строилась на верном понимании и противоречивой деятельности капитала в Русской Системе (Ленин вообще хорошо чувствовал Русскую Систему и Русскую Власть), и различия между капиталом-субстанцией и капиталом-функцией. Он терминов таких не употреблял, но его практические действия точно отражали реальность, вытекали из нее. И если сам Ленин сказал о Марксе, что тот не написал «Логику», но оставил нам логику «Капитала», то о Ленине можно сказать: он не написал ни теорию капитализма или его политических форм («Империализм как высшая стадия…» – полупримитив, полуплагиат; «Государство и революция» – это значительно ближе к делу, но не теория, а руководство к практике), ни теорию Русской Власти. Но он создал новую структуру Русской Власти – с помощью форм капитала-функции, оттолкнувшись от капитала-субстанции и на полную мощь использовав его разрушительный потенциал, его способность создавать социальный динамит антикапиталистической

революции.

Действительно, лучших разрушителей некапиталистических структур, чем капитал-субстанция и соответствующие ему политические формы, найти трудно. Да и зачем искать – от добра добра не ищут, Тем более если поиск – вернемся к нашим дням – задан; требуются формы, противостоящие коммунизму, исторически отрицаемые им. Ясно, что это формы капитала-субстанции. Их-то и использовали – косвенно, а затем и прямо – те, кто сознательно, полусознательно и бессознательно разрушал коммунизм.

XLIII

Интересно и показательно: для разрушения коммунистических структур (т. е. структур негативной функции капитала) в 90-е годы XX в. использовались формы, в которые, как правило, отливался капитал-субстанция: «рынок» (рыночная экономика), «право» (правовое государство), «многопартийность»; дальше – больше: «частная собственность», «капитал». Ради создания (или построения) всего этого и разрушали дряхлый коммунизм, добивали его, умирающего, со всех сторон и чем попало – как первобытные люди добивали камнями и копьями попавшего в западню и издыхающего мамонта или шерстистого носорога. Формы капитала-субстанции, перечисленные выше, использовались в качестве знамени и провозглашались целью и реформ, и антикоммунистической революции. Вот, оказывается, ради торжества чего было нужно разрушить коммунизм; слов нет, он плох и сам по себе, но цель разрушения – не разрушение так таковое, а комфорт жизни в рынке, в частной собственности и праве.

Формы, воплощающие положительную субстанцию капитала, вступили в схватку с формами, в которых воплощена отрицательная функция капитала. И победили, взяли реванш. По крайней мере **так было представлено** падение коммунизма, а сам он был представлен как тоталитаризм. Пал коммунизм – значит, будет капитализм. Нет? Как так? А тогда что будет? И за что боролись?

Схватку форм, о которых идет речь, можно рассматривать и иначе: одни (субстанциональные) формы капитала уничтожили другие, но и сами оказались подорванными и скомпрометированными. Так произошла взаимная аннигиляция всех возможных форм и аспектов капитала. Реванш субстанции – ложный, на самом деле Россия окончательно покидает зону капитализма, и капиталистический круг ее истории замыкается. В этот круг нельзя вернуться.

Антикапиталистические русские революции XX в., повторю, отличаются друг от друга тем, что в одном случае функция капитала была использована как знамя и средство для уничтожения субстанции, а в другом – формы, олицетворяющие субстанцию, были использованы для уничтожения негативной функции капитала, ее структур. Последние стали приходить в негодность и уже не обеспечивали социальный контроль в системе и, что не менее, а, быть может, и более важно, уже не выполняли вещественно-десубстанциализирующую задачу – а они ведь и родились как средство выполнения этой задачи!

В послесталинское, а в полную силу – в послехрущевское время развернулся процесс накопления вещественной субстанции в коммунистической системе. Процесс этот был массовым и мощным, охватывая все (хотя, конечно же, в разной степени) слои общества – сверху донизу. Реакционный романтик Хрущёв, пытавшийся встать на пути этого процесса своими реформами, был сметен самой логикой истории коммунизма. 60–80-е годы прошли словно под лозунгом Бухарина – «обогащайтесь». За эти годы под зонтиком коммунистических структур был накоплен такой объем предметно-вещественной субстанции (правда, не оформленный как собственность), а процесс обладания этой субстанцией стал столь массовым, что структура коммунистического порядка уже не могла обеспечивать эффективный социальный контроль. Отсюда – судорожные попытки начиная с 70-х годов усилить органы госбезопасности, сверхреакция на диссидентов – это то, с чем

КГБ мог справиться, тем более что диссидентов была кучка. Но вот с чем тот режим справиться не мог, так это с вещественной субстанциализацией общества в ее различных формах. Прежде всего с процессами наверху социальной пирамиды – от так называемой коррупции, которая на самом деле была единственной внутрикоммунистической социальной революцией (какой строй, такая и революция) и произошла в брежневское время (если кто и прикончил коммунизм, то, конечно же, не диссиденты, а «брежневские коррупционеры»), – до роста благосостояния широких слоев населения в 60–70-е годы.

На рубеже 70–80-х стало ясно: либо благосостояние населения, либо благосостояние Власти. Игра с нулевой суммой. А внеэкономические структуры работают плохо, размякли. К тому же они – двуликий Янус: не только надзирают и карают, но и худо-бедно обеспечивают социальные гарантии массам населений, а следовательно, гарантируют (как могут) и охраняют вещественную субстанциализацию их жизни. И времени все меньше. Цейтнот и цугцванг – ходов полезных нет. Одни вредные. Логически вернуть системе жизнь можно было только экономическим путем, только такая дорога вела к новому храму Русской Власти, к ее новой структуре.

Ах, как наивны были реакционеры от коммунизма, охранители-консерваторы. Они-то как раз и гробили то, что защищали. И чем больше защищали, тем больше гробили. И не потому что действовали неумело и топорно. Напротив, сама топорность была обусловлена тем, что они бежали против хода Русской Системы, старались сохранить именно то, что гарантировало крышу подрывавшему коммунизм процессу предметной субстанциализации общества. Они бились за пораженный орган, считая его единственной формой системы. Они не понимали, что у системы нет единственной и вечной формы, у системы есть единственное и вечное содержание, с которым они и спутали форму, к тому же переродившуюся. Да, страшно далеки были они от понимания и Русской Системы, и коммунизма как ее исторической структуры.

Косвенно, против своей воли те, кто выступал в конце 80-х – начале 90-х с охранительно-реакционных прокоммунистических позиций, способствовали и тому, чтобы процесс не только «пошел», но и шел все дальше и дальше – до «так победим». Они обеспечили образ врага, придали антикоммунистической революции дополнительный импульс, а в глазах большей части общества – еще более справедливый, привлекательный и даже социально-эстетичный характер. Ну кому в 1990–1991 гг. хотелось бы оказаться в одном лагере с Полозковым и Лигачевым, Янаевым и Крючковым?! Короче, без охранителей-консерваторов, без их деятельности антикоммунистическая революция едва ли была возможна в том виде, в каком произошла. Революциям нужны враги, так же как народу – реликвии (чтобы либо молиться на них, либо уничтожать, точнее – чередовать первое и второе). На то он и народ. То взорвет храм Христа-Спасителя, то построит – как джинн из «Рассказа про Ала ад-Дина и волшебный светильник»: хочешь я разрушу город или построю дворец? Все равно. «Что воля, что неволя – все одно».

Один лишь намек на сопротивление со стороны Старого Режима придавал дополнительную энергию разрушения тем, кто стремился к его устранению, обеспечил широкое участие в этом устранении масс населения на стороне «демократов» и «реформаторов». Участие это было главным образом «от противного», не случайно так быстро и так много людей, которые поддерживали демократов, теперь произносят это слово как «дерьмократ». Но это уже неважно. Как говорил слепой Пью из «Острова сокровищ»: «Дело сделано, Билли». Метка вручена. Коммунизм разрушен. «Привет родителям». Этот коммунизм строившим.

Но, разумеется, вся эта комбинация получилась стихийно, в силу логики исторического развития вообще и Русской Системы и коммунизма в частности. Она не была неким заговором неких сил, которые в результате ее пришли к власти. Но комбинация эта существенно облегчила демократам, реформаторам от КПСС их борьбу и на каком-то этапе – победу. Одно дело просто что-то строить и перестраивать. Это скучно. Я – ленюсь, как говаривал Емеля. Другое – делать это в борьбе с ультракоммунистами, да еще в обществе,

уставшем от коммунизма и полагающем, что с избавлением от этого строя счастье привалит автоматически, только авоськи подставляй.

Разумеется, реформаторы по-горбачевски не ставили сознательно задачу демонтажа органов, выступавших в качестве зонта процесса вещественной субстанциализации жизни в позднекоммунистическом обществе. Они думали о более частных и конкретных вещах и целях и о средствах достижения этих целей. А как заметил Махатма Ганди, на самом деле противоречия между целью и средством нет; то, что избирается средством, тут же становится целью. В нашем случае – целью в борьбе за власть, тем более в коммунистической системе, где власть – это одновременно цель, и средство, и высшая ценность.

Реформаторы конкретно боролись за власть в рамках осуществления неких изменений, которые были направлены на экономизацию системы и которые объективно эту систему разрушали. Но стремились-то реформаторы субъективно к противоположному – к спасению, укреплению коммунизма. Только не на «реакционно-консервативных», а на «реформистско-революционных» рельсах. И верили в такую возможность. В триумф рыночной экономики и правового государства при сохранении коммунизма. И при сохранении себя у власти. Когда в одной из телепередач, посвященных десятилетию перестройки, М.С.Горбачёва спросили, почему же он не способствовал переходу собственности в руки номенклатуры, он ответил, что вовсе не к этому стремился. Ответил искренне. И действительно, Горбачёв не к этому стремился. А вышло – то, к чему не стремился. Если бы было иначе, то ни Горбачёву, ни тем, кто был с ним, ни тем, кто пришел после, – правящим группам позднекоммунистического СССР и посткоммунистической России – никогда не удалось бы так относительно легко заставить людей принять активное участие в специфической антикапиталистической революции. Кто не знает, куда идет, пойдет дальше всех. Более того, сможет повести за собой: неопределенность и расплывчатость целей есть лучшая карта поисков социальных сокровищ. Или – так: лучшая дудочка для гаммельнского крысолова (социального, властного, разумеется).

Я говорю «специфической антикапиталистической», потому что происходила она под квазибуржуазными, затем – буржуазными лозунгами, а еще позже – под знаменем капитала, рынка и частной собственности; потому что в ходе этой революции трудящиеся собственными руками разрушали те формы, которые в известной степени обеспечивали им «зонтик» социальных гарантий. И проводилось разрушение во имя борьбы с «тоталитаризмом», т. е. коммунизмом, «сталинизмом-брежневизмом», со «сталинско-брежневским агрессивно-послушным большинством».

Действительно ли реформаторы сознательно стремились ликвидировать систему социальных гарантий, подорвать материальное благосостояние людей, чтобы поставить их под социальный контроль? Нет, ни в коем случае, они думали о другом. Вообще – о другом. И в то же время выполняли часть операции, предписанную логикой развития системы – Русской Системы. Но реформаторы, как, впрочем, и коммунистическая власть, и антикоммунист, и диссиденты, ни эту логику, ни Русскую Систему не видели. Они видели только коммунизм и ничего за ним. О том, что за ним может что-то стоять, им не сообщили. А сами они не подумали. Реализм восприятия реальности всегда имеет социальные ограничения. Ну разве могли какой-нибудь Булганин, Кириленко или Трапезников, а с другой стороны, даже такие люди, как Сахаров или Солженицын, подумать, что за коммунизмом скрывается что-то еще – что-то более крупное. Не могли. Только коммунизм и только капитализм. Иного не дано. Оказывается – дано. На самом деле за капитализмом, например, вырисовывается нечто иное, и А.Зиновьев говорит уже (не очень удачно, правда, но в «верном направлении») о «западнизме»; и за коммунизмом вырисовывается нечто иное, более крупное.

Но едва ли можно винить коммунистов и антикоммунистов XX в. за то, что они не углядели hidden transcript, некий шифр, скрывающийся за коммунизмом, – Русскую Систему. (Менее простителен просмотр генетической и функциональной связи между

Капиталистической Системой и Коммунизмом, но сейчас – не об этом.) Для того чтобы увидеть, для осознания необходим был Момент Истины. Нужно было, чтобы рухнул коммунизм, чтобы пришел день, когда одна эпоха умерла, а другая не наступила и, следовательно, когда можно заглянуть в Колодец Истории. Искривленное Время выпрямилось и сжалось, Зеркало Истории треснуло, и можно уже увидеть не собственное отражение, а то, что было скрыто за зеркалом. Умерла старая структура и еще не оформилась новая, а потому системность, сама система предстала в своей наготе. Как и субъект этой системы.

Пройдет немного времени, и пленка затянется, колодец станет непроницаемым, зеркало восстановится. Но пока – пока длится краткий миг-вечность, когда можно подсмотреть за переодевающейся, сбрасывающей, иногда с кожей, одежду Историей, Системой. Замечательно сказала об этом Н.Мандельштам: «В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревавшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого».[17] Остановиться на миг, на весах Истории почти что равный вечности, остановиться, чтобы заглянуть в Колодец Времени, – вот в чем задача. Императив. Для тех, разумеется, кто хочет не просто знать, но понять.

Пока существовал коммунизм, неосознание, о котором идет речь, было простительно, но в момент тектонического разлома истории оно, как и действия по принципу слепого агента, едва ли простительно. Впрочем, Бог простит. Не Русский Бог, разумеется. Просто Бог.

Так что же, все действия реформаторов от коммунизма и посткоммунизма – обман и самообман одновременно? Конечно. Причем, и со стороны власти, и со стороны населения. Как такое может быть? За иллюстрациями и объяснениями можно отослать и к рассказу Роберта Шекли «Поколение, достигшее цели», и к Марксу с Энгельсом. Пойдем по непопулярному пути – к Марксу и Энгельсу.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали, что класс, совершающий революцию и противостоящий другому классу, с самого начала действует как представитель общества в целом, как выразитель всеобщих интересов. Есть несколько причин этой всеобщности. Среди них, прежде всего, – наличие иллюзии общих интересов, которая в самом начале (я бы сказал – краткосрочно и ограниченно) есть не иллюзия, а правда социальной реальности. Вторая причина – самообман идеологов группы, идущей к власти. Без этого самообмана ни сами идеологи, ни восходящая группа не могли бы играть правдиво и убедительно и не смогли бы обеспечить себе широкую поддержку. Еще раз напомню: дальше всех пойдет тот, кто не знает, куда идет. Или, опять же словами Маркса, Крот Истории роет медленно. Человек предполагает, а История располагает. Горбачёв стремился к одному, а вышло другое. Но без того, **что** делал Горбачёв и к **чему** он стремился, это другое – наша нынешняя реальность – никогда не возникло бы. Привет от Крота Истории.

Не случайно во всех революциях одни группы революционеров довольно быстро сменяются другими, часто кроваво; разыгрывают историю на своих головах и шеях в буквальном смысле слова. Революция есть разделение труда во времени, Мануфактура Времени, где каждая новая группа операций, как правило, выполняется новым агентом, новой силой, часто – на костях предыдущей. Революция – хитроумно-коварный и постоянно изменчивый процесс, когда надо то прибавлять скорость, то сбрасывать ее, резко поворачивать то в одну, то в другую сторону. Как правило, нет ни одной группы, способной воплотить и реализовать все задачи революционного времени: необходимо разделение труда. И организация.

---

[17] Мандельштам Н. Вторая книга. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 424.

Революция как серьезный гешефт объективно потребовала профессионалов – профессиональных революционеров и их организацию. Не случайно Современность родилась вместе и одновременно с профессиональным революционером, которого создали якобинцы. Профессиональный революционер – это универсальный бюрократ-антибюрократ, предельно, до негатива воплощающий автономию функции капитала. Слепив профессионального революционера, якобинцы, однако, не смогли создать адекватной ему организации. В этом заключалось одно из главных противоречий якобинства и одна из причин поражения якобинцев. Организацию профессиональных революционеров создали большевики, точнее – необольшевики, и этот сдвиг в эволюции революционаризма стал качественной вехой в истории Современности. Большевистский функционер по негативу и в абстрактном виде предвосхитил многие черты управленцев-менеджеров эпохи функционального капитализма, супербюрократов. Хотя сам большевизм привел к становлению антибюрократического по социальному содержанию и «принципам конструкции», т. е. отрицающего политику и государственность (подр. см. ниже) строю.

Изменения в организации революционеров (а также преступников) на шаг, на полшага опережали изменения в организации социальных и духовных производительных сил общества, поскольку не были связаны материальными формами и институтами в той степени, как она. Аналогичным образом, левая мысль, как правило, развивалась быстрее, интенсивнее и была на порядок более сложной и интеллектуальной (хотя тоже во многих отношениях зашоренной,[18] чем правая или центристская (последняя представляла собой, как правило, интеллектуально наиболее убогий, заземленный вариант, интеллектуальную жвачку). На историю Современности можно и должно взглянуть и под негативно-организационным, революционно-криминальным углом. Настоящую такую историю еще предстоит написать. В известном смысле Современность создали, «испекли» революционеры (а тесто замесили в Старом Порядке), и качественные сдвиги в истории Современности фиксируются как сдвиги в деятельности и организации революционеров (хотя, конечно же, не сводятся к последним). Революционеры – пионеры капитализма? Капитала? В долгосрочной социосистемной перспективе – да.

Революции действительно суть локомотивы Истории – европейской, субъектной и особенно капиталистической, современной ее частей. В революциях, как и в войнах, выковывались и обкатывались, часто в негативном, но потому и в предельно обостренном, чистом виде, многие новые формы, которые только впоследствии (и посредством этого обкатывания) обретали материальную или институциональную форму. Война (а революция есть социальная война) – отец всего? В Европе – почти всего.

Можно уверенно говорить не только о революционной истории Современности, но и о том, что эпоха капитала – это эпоха революций. Капитал сам революционен. Еще и поэтому он социоэкзистенциально нуждается в некапиталистических (докапиталистических, а впоследствии антикапиталистических) формах, используя их разным образом. Докапиталистические (паракапиталистические), старопорядковые формы используются и как балансир, противовес собственной избыточной субстанциональной революционности капитала; и как проводник этой революционности, направленной против масс; и как средство борьбы с функциональной (социалистической) революционностью самого же капитала. Антикапиталистические формы, функциональная (социалистическая, коммунистическая) революционность используются и как союзники в борьбе против Старого Порядка; к тому же очень удобно направить борьбу против некоей структуры, используемой капиталом, но скорее внешней по отношению к нему; и как объективный союзник в борьбе против масс

[18] Незашоренность, ясность и глубину мысли и понимания реальности чаще всего демонстрировали те, кто прорывался на стыках идеологических и политических традиций. Но именно их-то, как правило, не слышали, не хотели слышать; именно они, раздражавшие своим движением не по течению, а то и против него, оказывались невостребованными и забытыми. На первый план выходили пустышки научно-идеологического и политического мейнстрима.

непосредственно (когда речь идет, например, о крестьянстве) или опосредованно (когда рабочее движение посредством социалистических организаций не только борется с капиталом, но и интегрируется в его систему). Таким образом, капитализм использует некапиталистические формы и друг против друга, нейтрализуя их и таким образом расширяя поле для накопления капитала. При этом активно используется дихотомия «мировое» – «национально-государственное». Хотя, разумеется, вся эта игра не лишена риска и многих опасностей. Но именно поэтому революции и разбиваются на совокупность временных операций, у каждой из которых есть свой персонификатор.

Итак, революция – это не труд ремесленника, в одиночку выполняющего все операции. Это – мануфактура, где на место одной группы обманщиков-самообманщиков, убийц-самоубийц, гуманистов-злодеев, мудрецов-глупцов приходит другая, где сменяют друг друга различные технологии власти и мифы. Революция – это цепь самообманов, постепенно переходящих в обман. При этом склонные к самообману постепенно уничтожаются или, в гуманных случаях, вытесняются обманщиками, которые – как крайний трехчетвертной в регби, добежавший до углового флажка, приземляет мяч в зачетном поле команды-соперника – и побеждают. Побеждают последние. Тот, кто приходит и смеется последним. Вот эти «приземлившие» революцию и суть победители, а приземление есть ее конец. Последняя волна социальной бури, после которой самообманываться уже не надо. Надо только обманывать и создавать институты или органы обмана и его силового обеспечения. Таков циничный бизнес революций – с его дантонами и робеспьерами, парвусами и лениными, сталиными и ждановыми, бериями и фуше.

В ходе последнего десятилетия первыми с дистанции сошли самые реакционные и самые романтичные самообманщики-циники – коммунисты-охранители, которые своими действиями спасали отжившую структуру, но подрывали Русскую Систему и принципы ее функционирования.

В фильме «Служили два товарища», одном из самых сильных советских фильмов о гражданской войне, сильных, потому что там показано, что в гражданской войне с обеих сторон погибают лучшие, есть такой эпизод. Разжалованный за самосуд красный боец, которого играет Ролан Быков, кричит (цитирую по памяти): «Пусть белые гады не радуются. Мы умрем севодни. Они умрут завтри». Реакционеры-охранители коммунизма вполне могли бы сказать подобное демократам-коммунистам. Последние действительно умерли – с властной точки зрения – «завтри», почти что на следующий день. Августовский (1991 г.) путч оказался «двумя шарами в лузу»: «реакционеры-коммунисты» и «демократы-коммунисты» притиснули и по сути уничтожили друг друга, и их засунули на покой в темный ящик Истории.

В следующей схватке (сентябрь–декабрь 1993 г.) взаимно нейтрализовали друг друга «посткоммунисты-демократы» и «посткоммунисты-реакционеры», расчистив дорогу третьей силе – новой Русской Власти, которая, будто слезши с печи, начинает лепить новую структуру Русской Системы. Этой власти словно Русский Бог послал успех Жириновского в декабре 1993 г.: опять одним ударом – два шара в лузу: и Запад, который после октябрьских событий начал было возмущаться, притих, устрашенный ВВЖ; и Гайдар слетел – да как! «Посредством честной демократической процедуры парламентских выборов» – смотри Запад и дивись – с демонстрацией убийственных результатов по телевидению во время демократического пира несостоявшихся победителей.

Русская История, как правило, отсекает края. Как говорил К.Победоносцев, Россия – тяжелая страна, ни революция, ни контрреволюция здесь не проходят. Более того, часто уничтожают друг друга. Кто добил Учредительное собрание, разогнал социалистов? Большевики? Нет. Колчак. А уж его кончили большевики, которые, под определенным углом зрения, выступили как «третья сила» в борьбе революционеров-социалистов и контрреволюционеров-реакционеров. Большевики выступили как одновременно и революция, и реакция. Но «и-и» в данном контексте означает «ни-ни», а следовательно, некое иное качество.

В России, как правило, проходит третья сила – Русская Власть, которая интуитивно избегает крайностей и пожинает плоды сделанного революционерами и контрреволюционерами, демократами и реакционерами, интернационалистами и патриотами, сваливает на них вину за все и **начинает исправлять ошибки и восстанавливать разоренное** и перераспределять оставшееся. Восстановление, исправление и перераспределение – лучший повод и лучшее средство установления социального контроля и самоупрочения Власти. Русская Власть – это всегда исправитель ошибок (а следовательно, Учитель), восстановитель (а следовательно, Организатор) и перераспределитель (следовательно, Хозяин). Общий знаменатель для этих функций – Контролер. Контроль и учет – вот суть и принцип Русской Системы и Русской Власти. И побеждает в борьбе тот, кто независимо от бытности в прошлом революционером или реакционером, реформатором или охранителем, становится Русской Властью, которая не есть ни политическая сила того или иного блока, ни некое движение «левое» или «правое». Русская Власть – это всегда центр (но не в смысле центризма), это середина, стремящаяся охватить не только Русскую Систему, но и Русскую Историю. Капитализм – это всегда пикник на обочине Русской Истории, не более того. Этот пикник допускается Системой, чтобы потом столкнуть его участников в кювет, использовать толчок как энергию движения да оставшейся на обочине вещественной субстанцией подпитаться, зипунишками разжиться. Принцип «контроль и учет» не Ленин выдумал, а Русская Власть. Выдумала, а затем реализовала в виде Системы. В **этом** смысле Владимир Ильич – наследник и верный ученик московских Даниловичей.

XLIV

И это не плохо и не хорошо. Власть, как и Капитал, не есть ни добро, ни зло. Она просто есть. И у нее есть своя логика. Горе тем политикам, которые этой логики не понимают.

А как же тогда призывы к «правовому государству» и «рыночной экономике», «частной собственности» и «капиталу»? Я уже сказал о самообмане. Теперь несколько слов о его основе. На рубеже 70–80-х годов не было практически ни одной группы в советском обществе, включая верхушку, властвующий слой, которая не понимала бы необходимости изменения, модификации коммунистических структур. С этой точки зрения различий между теми, кого стали называть «реакционерами», «охранителями», и теми, кто вошел в историю как «демократы» и «реформаторы», не было. Не случайно планы перестройки начали разрабатываться по указанию Ю.В.Андропова. Другое дело, что одни стремились к модификации (укреплению) внешнеэкономических, властных архаичных структур (и были правы – Русская Система может быть основана только на внеэкономической власти), а другие – к устранению последних, отрицали ведущую роль этих структур (и тоже были правы, поскольку **эти структуры в конкретном их виде** в силу своей дряхлости и несоответствия состоянию общества ведущими быть не могли).

Но одновременно и те и другие по-своему: «Егор, ты не прав»; «Михаил, ты не прав», – были не правы: реформаторы-экономизаторы были не правы, потому что считали: новую структуру можно построить на экономизированной основе, создав экономизированный коммунизм. Охранители-консерваторы были не правы, полагая, что сохранение системы – это сохранение тех внеэкономических структур (КПСС, СССР), которые конкретно имелись в наличии: но эти-то структуры и пришли в противоречие с логикой развития системы в целом.

Главное противоречие охранителей-реакционеров периода перестройки заключалось, таким образом, в правильном – **в целом** – акцентировании внеэкономических, властных основ и ошибочным – **в частности** – упором на сохранение их внеэкономическими же методами. Главное противоречие реформаторов было другим: верное – **в частности** – понимание неадекватности данной внеэкономической структуры, невозможности сохранить

ее внеэкономическим путем, при ошибочном – **общем** – представлении, что новая структура и система в целом могут основываться не на власти, а на экономических отношениях, на собственности, на вещественные факторы производства.

Иными словами, одни ошибались в том, что касается статики, другие – динамики; одни не понимали сути Системы (правда, при этом отождествляли структуру с системой), другие – сути перехода от одного системного состояния к другому; и никто, похоже, не понимал, что кризис «застойной структуры» есть кризис коммунизма как одной из исторических структур Русской Системы.

Противоречие в рамках господствующей группы советского общества пролегло по линии: целое – часть, цель – средства, система – метод, динамика – статика, и каждая из этих оппозиций обрела своих исключительных и непримиримых носителей, вступивших в борьбу друг с другом как с оппозиционерами. Ясно, что, например, «разделение труда» и борьба между «динамистами» и «статистами» обездвиживает систему; борьба между «системниками» и «методологами» лишает систему и содержания, и средств развития. И т. д. Эти непримиримость, антагонизм, раскол внутри самой господствующей группы **культурно-психологически** означают ее неспособность отличить структурный кризис от системного, структуру – от системы; **социально** означает сегментацию этой группы, утрату целостности, а следовательно, жизнеспособности. В совокупности же все эти противоречия суть показатели глубокого системного кризиса, всеохватывающий характер которого испытывает каждый элемент – при отсутствии реальных средств его разрешения или при нейтрализации их теми, кто усматривает в этих средствах нечто чуждое природе данной системы или структуры.

Но логика генезиса новых систем и структур в том-то и состоит, что они не могут возникнуть адекватным им системным или структурным способом – «когда вещь начинается, ее еще нет» (Гегель). Поэтому генезис любой системы или структуры антисистемен и антиструктурен. Возникнуть можно, опираясь только на то, что сопротивляется, на противоположность. Потому-то столь велика в возникновении систем роль таких факторов, социальная природа которых чужда данной системе в ее нормальном функционировании. Например, роль внеэкономических факторов в возникновении управляемой экономическими законами системы капитализма, отсюда: сначала первоначальное – некапиталистическое (генезис) – накопление капитала, а затем уже – капиталистическое накопление, накопление капиталов.

Перестройщики-реформаторы («горбачевцы») боролись, во-первых, против своих оппонентов, перестройщиков-реакционеров; во-вторых, за то, что они понимали как создание новой коммунистической структуры. Поскольку они не понимали, что коммунистическая система себя исчерпала, что кризис носит системный, а не структурный характер (судя по словам, произнесенным у трапа самолета сразу же в августе по возвращении из Фороса, М.Горбачёв не понял этого даже в августе 1991 г., после путча), постольку даже сами их успехи подрывали коммунизм, гробили его так, как не могли подорвать и дробить неудачи. Это был бег вверх по лестнице, ведущей вниз. Или так (словами Н.Коржавина):

Но их бедой была победа,
За ней открылась пустота.

Борьба за спасение и экономизацию коммунизма окончилась его демонтажом, после чего логически встала следующая задача – демонтажа советской системы. Но прежде чем ушел в небытие коммунистический порядок, в своей борьбе «за» и «против» реформаторы должны были найти опору для отрицания, то, от чего и чем отталкиваться. Требовалось социальное оружие. Им-то и стали формы, производные от капитала-субстанции. Сначала, еще в перестройку, заговорили о «правовом государстве», «рыночной экономике» и «многопартийности». Разумеется, и то, и другое, и третье – социалистические, никакого

капитализма. Но слово было сказано. А дальше, хотя и не как по маслу, пошло по логике сказки «Лисичка со скалочкой». Осенью 1991 г. резко активизировались разговоры о частной собственности, о просто рыночной экономике, о переходе к рынку и демократии (от тоталитаризме), о капитале. Так сказать, от триумфа «Капитала» Маркса к триумфу капитала. От идей к материи.

Выбор всех этих связанных с капиталом-субстанцией форм и лозунгов не был случаен. Более того, он был правильным и единственно верным для логики развития Русской Системы, которая отработала и исчерпала коммунизм как свою историческую структуру (как когда-то коммунизм отработал, например, хрущевизм как **свою** историческую структуру). Часть позднекоммунистических и посткоммунистических лидеров инстинктивно, интуитивно поняла: единственное реальное оружие против негативной функции капитала и ее структур, отработавших свое, выработавших свой ресурс, – это формы капитала-субстанции. Иного не дано. Точнее, даже не столько формы, сколько лозунги, «чистые идеи», эйдосы этих форм, потому что, во-первых, самих форм в России не было, их надо создавать; создание этих форм и провозгласили главной целью, главным средством передвижения по дороге, которая ведет к Храму Светлого Будущего (кстати, Светлое Будущее в одном, отдельно взятом храме, для ограниченного контингента постсоветской элиты построено. Храм Христа Спасителя – лучшее средство помещения капитала, а следовательно, путь в Светлое Будущее, для себя, для детей, для внуков – «ино побредем еще»). Другими словами, реальным структурам, их идеям и лозунгам, правда, во многом истончившимся почти до фикций, были противопоставлены скорее фикции форм, чем сами формы. И ради фикций, в который раз в России, свершилась революция. Ну что ж, не случайно наша литература дала Чичикова и Бендера.

Во-вторых, субстанциональный капитализм уже почти 80 лет как мертв, его прах развеян на полях мировой войны 1914–1918 гг. И еще: помимо того, что в СССР на рубеже 80–90-х годов по сути не было никакой субстанции, соответствовавшей капиталу-как-субстанции, факт смерти субстанционального капитализма был большим плюсом: капиталистические лозунги можно было использовать, не опасаясь последствий. Мертвецов нельзя воскресить. Ну а воскресший мертвец – это зомби, им легко манипулировать. Сможем ли мы сейчас вспомнить фамилии наших «капиталистов» конца 80-х годов, людей, которые «создавали» клубы миллионеров? Где они? Где их «Рога и копыта»? Не сможем – фамилии марионеток и зицзаседателей плохо запоминаются. Разве что одно–два имени.

Короче, любые капиталистические и паракапиталистические лозунги, цели и ценности как символы капитала-субстанции были обречены на существование в социальном вакууме, на то, чтобы раньше или позже быть скомпрометированными и стать ненавидимыми. В процессе антикапиталистической революции, протекавшей и представленной как капиталистическая, идеи и институты, связанные с капиталистической субстанцией, действительно оказались скомпрометированы. Как теперь звучат слова «рыночник», «реформатор», «демократ»? То-то. Слово «демократ» стало для многих столь же позорным, как слово «интеллигент» в 20-е годы. А ведь и те и другие готовили революции, боролись. За что боролись, на то и напоролись.

Чаадаев говорил, что Россия, возможно, и существует для того, чтобы на своем примере преподнести миру урок. В 1917–1929 (и шире – в 1917–1991) гг. его слова подтвердились. Триумф асоциала, если он окончательно состоится, может стать еще одним уроком. Но вот урок, который, похоже, уже состоялся, заключается в следующем. Россия в лице большевиков была первой страной, вошедшей в XX в. посредством властно-технической революции. В конце календарного XX в. Россия опять оказывается в авангарде в том смысле, что показывает господствующим в мире группам, правящим элитам Капиталистической Системы не только путь к выходу из XX в., но и методы: переход к некапитализму под капиталистическими лозунгами и знаменами. Если посткоммунизм и посткапитализм совпадают, то путь к антикапитализму под антикоммунистическими и

капиталистическими лозунгами – это ловкий ход, в котором словно сливаются в экстазе обман, самообман и наивная вера в «светлое капиталистическое будущее».

Поразительно, но наши сторонники капитализации России (а подавляющее большинство из них бывали на Западе не раз и не два или даже живали там) акцентируют в качестве модели экономические и политические формы субстанционального капитализма у нас в стране, когда он уже давно почил в капиталистической системе, когда он уже приказал долго жить! Использование дедовской формы в эпоху внуков – это путь от капитализма. Парадокс, но в реальности всякое непосредственное, вещественно-субстанциональное приближение России к капитализму на самом деле отдаляет ее от него. Но это парадокс только внешне. Он может существовать лишь как материализация действий, основанных на убеждении: есть только один бог – капитал(изм), Запад – пророк его, и все остальные должны следовать этим путем. На самом деле это не так. Богов по крайней мере два: Капитал и Власть, и пророков тоже два – Запад и Россия; и есть два варианта развития христианского исторического субъекта. И как только делается попытка подогнать одно развитие под другое, происходит контрреакция удаления: эффект наступления на грабли. Система восстанавливает равновесие, отсекая крайности.

Коммунизм значительно ближе к энтээровскому капитализму, чем субстанциональный капитализм. Отказ от коммунизма ради такого капитализма был бы социальным регрессом, отказом от всего нашего опыта XX в. Без этого опыта невозможно вступить в XXI в. Более того, мы до сих пор еще не начали как следует изучать этот опыт – историю СССР, КПСС, идейное наследие большевизма (прежде всего – Ленина). Что же касается периода, определившего XX в. вообще и наш XX в. в частности – «длинные 20-е» (1914–1934), то о них вообще почти не вспоминают. А ведь мы, по-видимому, въезжаем, если уже не въехали, в сравнимо-эквивалентный отрезок Истории, борьба и расклад сил в котором определят XXI в.

Еще один вопрос: как создавать субстанциональный капитализм в одной, отдельно взятой стране, когда уже почти закончил свой путь функциональный капитализм и когда возникает новое явление, по форме еще позднекапиталистическое, но суть которого – производственное снятие противоречия между субстанцией и функцией капитала, т. е. устранение стержня капитала, а следовательно, и его самого. Но к такому состоянию покойный коммунизм был опять же значительно ближе, чем капитализм! Получается, мы кричим: «Симсим, откройся», – именно тогда, когда другие говорят: «Симсим, я хочу выйти». Конечно, у кого-то может теплиться надежда подобрать оставшееся на пиршественном столе. Но, во-первых, похоже, к моменту, когда мы сядем за стол, там уже ничего не останется, и сам пиршественный стол капитализма окажется разбитым корытом. Во-вторых, крошки подбирать унизительно. В-третьих, почему сторонники панкапитализации России полагают, что ее пригласят к пиршественному столу, легко допустят на мировой рынок, создадут благоприятные условия? Капитализм, Запад – не филантропы и не русофилы, конкуренты им не нужны. Улыбки Запада времен перестройки и антисоветской (1991–1993) революции не должны вводить в заблуждение. Улыбка обнажает острые зубы. Да и сама она часто похожа на улыбку Чеширского кота – улыбка есть, а кота, т. е. реального содержания за ней, нет. Точнее, нет такого содержания, на которое многие наивно рассчитывали как на благодарность за освобождение от страха ядерного уничтожения за демонтаж коммунизма. Тем, кто верил в бескорыстно-корыстную помощь Запада, можно сказать: «Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»

Ляхи в переносном смысле – Запад – не помогли, ляхи в прямом смысле просятся в НАТО. Да и Россия даже по своим очертаниям ныне оказалась не в том положении, которое обеспечивает хороший старт и выгодные условия конкуренции в brave new world позднеосеннего капитализма.

XLV

Так где же она оказалась по окончании самой динамичной, грандиозной (по крайней мере, внешне) и насыщенной фазы Русский Истории – коммунизма? На первый взгляд, кажется логичным предположить, что, «покинув» коммунизм, сбросив его «красные одежды», Россия уже в «белых одеждах» как бы вернулась в 1913 г. Будто и не было 74 лет, а был сплошной кошмар, нелепое отклонение, а ныне вот все возвратилось «на круги своя». Мы словно стартуем заново с 1913 г., как если бы существовала непосредственная преемственность между 1913 и 1993 гг.

Такой ход мысли довольно распространен. Ведь называют же, например, нынешнюю Думу шестой – отсчитывая от четырех дум начала века. Верховный Совет СССР? Верховный Совет России? Не было. Следствие Истории окончено, забудьте. После 1913 г. следует не 1914, 1915, 1916, 1917 и т. д., а 1993 г. Уже не Советы без коммунистов, а Россия без Советов, но – с Думой, словно символизирующей восстановленную историческую девственность.

Но если допустить, что в Истории возможны возвращения, то Россия вернулась скорее не в начало XX в. («возвращение» XX в. не исчерпывается), а в значительно более далекое прошлое.

Например, с военно-стратегической точки зрения нынешнее положение России напоминает конец 1850-х – 1860-е годы. Ныне, как и тогда, Россию вытеснили из Европы – в «благодарность» за победу над Гитлером и вывод войск из Германии. На тебе, Иванушка-дурачок, домики для военных. Не рад? Неблагодарный. И в 1850-е годы Европа «отблагодарила» Россию за победу над Наполеоном, Австро-Венгрия – за помощь в подавлении венгерской революции, Турция – за активные действия России против непокорного египетского паши Мухаммеда Али. Впрочем, сами виноваты. Однако, в отличие от 1850–1860-х годов, в наши дни у России нет возможностей экспансии на восток и на юг. Более того, ей приходится оборонять свои южные рубежи или по крайней мере ощущать давление на них. Что же касается рубежей восточных, то сотни тысяч, если не миллионы китайцев при попустительстве местных властей и близоруком благодушии Москвы явочным порядком, по традиционному двухтысячелетнему китайскому принципу проникновения на Север – «цань ши» («пожирать медленно, как шелковичный червь пожирает лист») – проникают на русские земли, занимают их. Почему же мы такие беспамятные?! Почему не учимся на ошибках?! Почему не заглянем в русские военные журналы конца XIX – начала XX в., в том числе и посвященные Дальнему Востоку, не посмотрим, что там написано об отношениях с Японией, Китаем. Полезное чтение.

Короче, на южном и восточном направлениях ситуация ныне хуже, чем в 1860-е годы. Ну а «на западном фронте без перемен» – по сравнению с периодом после Крымской войны. Поражение, вытеснение из Европы, международная изоляция. И не видно ни пруссий, готовых (даже из своекорыстных интересов, небезвозмездно, разумеется) помочь России, ни бисмарков с горчаковыми. Нынешние западные политики не тянут на Бисмарка – мелковаты. У нас же не видно не только горчаковых, но и даже Громыко, у которого было все-таки одно несомненное достоинство: он отчетливо и решительно произносил слово «нет». А это умеют далеко не все.

Однако возвращение в середину XIX в. получается только в военно-стратегическом отношении. Территориально, геополитически мы откатились еще дальше в прошлое, и не в XVIII, а середину XVII столетия. Нынешние очертания России – это почти один к одному ее территория к 1650 г. Россия без Украины, без Закавказья, без Средней Азии. Правда, освоена Сибирь до Дальнего Востока. Но «сделочная позиция» России по отношению к Китаю, мягко говоря, не из лучших.

Но и серединой XVII в. нырок в прошлое-в-будущем не исчерпывается. По ряду параметров Россия оказалась в XV в., в удельной эпохе, когда Москва резко активизировала собирание русских земель, подминая их под себя. Объективно перед нынешним российским Центроверхом стоит задача преодоления удельности русских «земель». Удельность эта начала возникать в брежневское время, когда реальная власть из Центроверха ушла на

средний уровень – уровень обкомов и ведомств. Объективно одной из задач перестройки, помимо легализации накопленного «коррупционерами» в 60–70-е годы, было возвращение власти Центроверху.[19] Не вышло. Более того, Союз распался. И это еще раз подтверждает, коммунизм как историческая структура социального контроля над русским пространством и населением, как механизм перемолота вещественной субстанции и пространства себя полностью исчерпал уже к концу 70-х. Новая власть должна создавать новый механизм.

Но и удельная эпоха – не конечный пункт. Существует поразительное сходство между нынешним состоянием России и военно-торговой жизнью Киевской Руси, ситуацией X–XII вв. Мы попадаем во времена торговли всех со всеми, принятия Русью христианства. Кстати, и нынешнее время – это как бы вторичное (спасительное ли?) «принятие» христианства после 74 лет антихристианской власти. Но о церковно-православной параллели чуть позже.

Таким образом, если представить Русскую Историю в виде настольной игры с кубиком, то попадание фишки на бело-сине-красный кружок «октябрь-93» (см. «Правила игры»: «конец антикоммунистической и антисоветской революции») означает для нее возвращение на несколько ходов назад сразу в несколько точек **одновременно** . Излом времени. Тут тебя катапультируют и в начало XX в., и в середину XIX, и в середину XVII, и в XV в., и в эпоху Киевской Руси. Фишке хорошо – она не разорвется на части. А вот общество может. Правда, имеется и иной исход – реализация обществом сразу нескольких вариантов развития-возвращения в различных частях России, для различных слоев при наличии одного, доминирующего в центре. Трудно сказать, какой вариант окажется доминирующим, но среди точек возврата в прошлое наиболее «намагниченной» кажется середина XVII в. Здесь к социопространственному аспекту добавляется еще и властный. Но разумеется, для реализации нескольких вариантов требуется не одна фишка, а несколько. Впрочем, История и тут способна преподнести сюрпризы.

Есть еще одна черта, сближающая Россию середины XVII и конца XX в. – отношения Власти с Церковью. Ни один император Петербургского самодержавия не демонстрировал такой симфонии Власти с Церковью, как нынешнее российское руководство. Такое считалось не комильфо в века Разума. И естественно, ни один коммунистический лидер не стал бы лобызаться с патриархом или пускать его в Кремль как резиденцию. С этой точки зрения, коммунизм и Петербургское самодержавие оказываются в одной «лиге», а Московское самодержавие и нынешняя власть – в другой.

В известном смысле получается, что коммунизм покинул Историю не один; его не удалось вырвать из Русской Истории в одиночку, обособленно. С ним отодралось и отдирается многое из Петербургского самодержавия, из эпохи XVIII–XIX вв. И это вовсе не так уже неестественно, как может показаться на первый взгляд (хотя, быть может, не так приятно, как оказаться в Петербургском самодержавии). Будучи **историческим** разрывом с самодержавием, коммунизм был его **логическим** продолжением (что не исключало в коммунизме ни некоторых черт Московского царства, ни переклички с ним, но это особый вопрос).

Коммунизм логически наследовал не только петербургскому самодержавию, решая те проблемы социального контроля внутри страны и отношений вовне, которые самодержавие не решило и не могло решить. Коммунизм был наследником и европейского XIX в., доведя до логического конца, т. е. до противоположности, до негатива, ряд тенденций социального и идейного развития эпохи Субстанционального Капитализма. И даже раньше – эпохи, которая началась Просвещением. Коммунизм тесно связан и с европейской, и с русской историей XVIII–XIX вв., правда, чаще – посредством негативной преемственности. Многие формы, идеи, ценности, ориентации и т. д. шагнули в советский коммунизм из европейского и русского развития второй половины XVIII–XIX вв. Поэтому, боюсь, падение коммунизма

---

[19] Подр. см.: Фурсов А.И. Взлет и падение перестройки // Социум. – М., 1992. – № 9–12.

«освобождает» Русскую Историю не только от последних 74 лет, но во многом и от более длительной эпохи, от чего-то важного в ней. Причем эта эпоха, по крайней мере для господствующих групп (как элит, так и контрэлит – революционных), была временем наиболее тесных контактов с капитализмом, Западом, с Европейской цивилизацией.

«Негативы» и «позитивы» в социальной истории тесно связаны – намного более тесно, чем это принято думать. По сути, «негатив» и «позитив», некая система и ее система-отрицание суть элементы одной целостности. Или, если угодно, одного цикла. И они не могут так вот просто уйти из Истории по отдельности, сепаратно. Например, упадок функционального капитала на Западе затронет и затрагивает не только собственную его историческую ткань, но и ткань капитализма вообще и всего того, что вошло в плоть западного общества вместе с капитализмом. Иными словами – затрагивает Современность (Modernity) в целом.

Выход из Современности, из «капиталистического блока» истории может оказаться похожим на вход. Вход – это эпоха революций: от 1789 до 1848 г. Но был еще и связанный со входом пролог, исторический коридор, ведущий к двери в Современность – период, непосредственно предшествовавший Великой французской революции, когда вырабатывался идейный динамит будущих социальных битв. Одновременно происходило общее социальное разложение правящей элиты Старого Порядка – от потери уверенности и упадка духа до такого явления, которое один из французских писателей назвал «эротизацией воли».

Вообще «эротизация воли» верхних слоев, как правило, возникает в преддверии резких социальных изменений – будь то Франция второй половины XVIII в., Россия на рубеже XIX–XX вв. или СССР в 70–80-е годы.[20] И словно по контрасту с «высшим светом как белые вороны среди него – верные мужья, преданные своим женам, последние представители своих династий (или «должностей»): Людовик XVI, Николай П, Борис Годунов, Горбачёв. Что это – культурно-психологическая случайность или закономерность? Скорее второе.

В более широком смысле, считая и пролог, вход – это столетие между 1750-ми и 1850-ми годами. Упадок функционального капитализма, таким образом, как бы возвращает Запад в его героическую эпоху, эпоху борьбы со Старым Порядком, борьбы разных вариантов выхода из Старого Порядка и входа в Современность. Варианты эти, по сути, были различными формами компромисса Капитала со Старым Порядком, с некапиталистическими формами, с одной стороны, и с «опасными классами», с трудящимися – с другой. При этом компромиссы первого типа объективно были направлены против трудящихся. Логично предположить, что в приходящей в упадок Капиталистической Системе более частыми станут компромиссы между капиталом и некапиталистическими формами, все чаще капитал будет выступать как не-капитал. Причем, как и при Старом Порядке, этот компромисс будет направлен против трудящихся. Более того, форма не-капитала может оказаться значительно более эффективной, чем капитал, в борьбе господствующих групп с трудящимися. По мере того, как некапиталистические формы будут играть все более заметную роль в обеспечении социального послушания масс, по мере того, как Запад будет становиться все менее капиталистическим, Капиталистическая Система, чтобы обеспечить будущее нынешних своих элит, внешне как бы двинется назад, отбирая у «буржуазного демоса» (средний класс + значительная часть рабочего класса) все большую часть того, чего он добился в XIX–XX вв. А добился он благосостояния и участия, по крайней мере формального, в политической власти, т. е. демократии.

Логика борьбы нынешних господствующих классов Капиталистической Системы, борьбы за самосохранение ведет их к снижению нынешнего массового уровня благосостояния, к демонтажу многих демократических институтов. Очень показателен термин бывшего кандидата в президенты США Рос Перо «виртуальная демократия» (т. е.

---

[20] После революции аморальность и вседозволенность Старого Порядка сменяются аморальностью и вседозволенностью генетической фазы революционного порядка, а затем приходят новая мораль и «новая аскеза» – по крайней мере, внешне.

«по сути», «в принципе», «так сказать», «вообще-то», «ну если вам очень хочется» – «да, демократия, подавитесь, а на деле…»), который должен сменить нынешний просто «демократия».

Будучи запущен, процесс демонтажа задает свои правила игры. В нем побеждает наиболее эффективный ликвидатор. Перспектива? Капитал сохранится, но не в капиталистическом смысле, а в том, в каком он существовал задолго до капитализма, – в качестве одной из социальных форм денег, богатства. Можно, далее, предположить и наличие капиталистических зон, вкраплений, характерных для наиболее отсталых районов и отличающихся наиболее жестокой эксплуатацией. Как знать, не уготована ли капитализму в XXI столетии роль, которую в XVII–XVIII вв. играло плантационное рабство? Не суждено ли капитализму в следующем веке стать судьбой наиболее отсталых народов, самых отсталых точек мира?

Если взглянуть на Россию с точки зрения возможных социальных компромиссов, то здесь ситуация иная, чем на Западе. При отсутствии в Русской Истории фазы капитализма в собственном смысле слова, при некапиталистическом или даже внекапиталистическом характере этой истории капитал не может быть сколько-нибудь равноправным участником компромисса с неким Старым Порядком. Если и может, то в лучшем случае третьеразрядным. У нас даже на выборы «капитал» идет в одном блоке с «трудом». Диво-баня! Но только с западной точки зрения. С русской точки зрения все правильно: союз двух некапитализмов. У нас скорее возможен компромисс между народной и властной формами некапитализма, вариант неклассовой социальности, не исключающей, однако, ни неравенства, ни эксплуатации. Это – с одной стороны.

С другой стороны, в истории России было два «старых – докоммунистических – порядка: московский, который провалился, просуществовав по сути меньше столетия, и петербургский, квазиевропейский, который в разных вариантах протянул более двухсот лет. Да и коммунизм по отношению к нынешнему состоянию тоже несет в себе ряд черт Старого Порядка. Весьма вероятно, что социальная борьба (и социальные компромиссы) в России XXI в. будут развиваться по оси «московская – петербургская (квазиевропейская) модель Старого Порядка». А эту ось будет пересекать другая: «некапитализм власти – некапитализм трудящихся» (более того, возможно противостояние «антикапитализмов» – власти и населения, при этом противостоящие стороны будут обвинять друг друга в капитализме). Это резко усложняет картину, которая к тому же окрашивается еще и в асоциальные тона. Такая пестрота, соответствующая русскому национальному характеру, по крайней мере так, как его понимал Иван Бунин (понявший очень многое), есть фактор, работающий в пользу поливариантности. И пуантилизма.

XLVI

В обоих случаях – русском и европейском – получается, что два социума, шагая в XXI в., на самом деле как бы совершают прыжок в прошлое. Вперед, в прошлое. Или: назад, в будущее.

К возможной встрече прошлого и будущего я вернусь чуть позже. Сейчас – о другом. История любит обманывать и редко предлагает в будущем линейно-количественное решение проблем настоящего. XIX – «жюльверновский» – век полагал, что следующий за ним будет «супердевятнадцатым». Век оказался двадцатым. XX в., особенно в самом начале НТР (в этом смысле интересно взглянуть на картины будущего, представленные нарративно и визуально как в советских, так и в американских научно-технических и научно-фантастических журналах конца 60-х годов; листать, например, нашу «Технику – молодежи» первой половины 60-х – это сладкая боль), полагал, что следующий век будет «супердвадцатым», суперсовременным. А он выходит двадцать первым. И не сверхсоврсменным или постсовременным, а просто – несовременным, или даже антисовременным, как об этом возвестила еще иранская революция 1979 г. Кто бы мог

подумать, что XXI – энтээровский век создаст ситуацию, типологически напоминающую Старый Порядок или направленную в его сторону?

Конечно, речь не идет о реальном возвращении куда-то XVIII или XVII в. Речь не идет также и о том, что падение коммунизма в России и упадок функционального капитализма на Западе сотрут всю или почти всю социальную информацию о них предшествующих им фазах (и объектах) отрицания. Это невозможно. Речь – о другом.

Для того чтобы стать по-настоящему господствующими, чтобы ухватить козыри в игре начала XXI в., новым господствующим группам как России, так и Запада необходимо отрезать, отсечь от общественного пирога значительный сегмент населения, который ранее – при функциональном капитализме и коммунизме – имел к нему доступ. Однако чтобы это сделать, потребны сдвиги в ценностях, ориентациях, установках. Не говоря уж о существеннейших изменениях в институтах и системах идей. И коммунизм, и welfare state выросли из идей и институтов, коренящихся в Просвещении и прочно вошедших в идейный лексикон и политическую практику в ходе и посредством социальных битв и классовых конфликтов прежде всего эпохи 1789–1848 гг. Следовательно, декоммунизация российского общества и dewelfarization – западного предполагают отказ от ряда идей, ценностей и институтов Современности, их демонтаж – более или менее закамуфлированный. В свою очередь, НТР не только ставит такую задачу, но и предоставляет средства ее решения – иногда положительного, иногда отрицательного, нередко того и другого вместе.

Идейные факторы, материализация которых привела к welfare state и коммунизму, – это рационализм, универсализм, гуманизм, права человека и т. д.; соответствующие институты и формы политической практики – это всеобщее избирательное право, разделение властей, национальное государство, различные свободы и т. д. Демонтаж или ослабление всего этого комплекса будет означать «большой скачок» в «будущее-в-прошлом», способный вызвать серьезнейшие социальные потрясения, исторически симметричные взрыву 1789–1848 гг. Только если на заре Современности социальные конфликты приобретали идеологическую форму, то в XXI в. – постидеологическом – эта форма скорее всего будет внешне напоминать явления докапиталистической или ранней капиталистической эпох, иными словами, будет этнокультурной, этнолингвистической, религиозной, расовой. Похоже, что социальные битвы закатной, позднекапиталистической (и как знать – раннепосткапиталистической?) эпох будут разыгрываться в костюмах далекого прошлого. Более того, сама внешняя форма будущего-в-прошлом, соотношение сил в социальных компромиссах может быть объектом острейшей борьбы. Например, необонапартизм versus неороялизм для части Запада. Для России, если прибегнуть к тому, что Чарлз Райт-Миллс назвал «социологическим воображением» (я бы предпочел термин «метафизическое воображение»), это может быть – по видимости, по внешности, за неимением других форм – борьба между двумя футуристическими вариантами, типами русского «Старого Порядка» – московский versus петербургский, схватка двух «консерватизмов» – «западного» и «московского», «либерального» и «социалистического».

Кстати, если взглянуть на идейный аспект нынешних властных баталий в России, то поиск опоры в прошлом для прыжка в будущее (хорошо бы – не в ничто) очевиден. Заговорили о соборности, о монархии, о русском народе. «Западникам» после провала того, что в России считают «либеральными моделями», пока что крыть нечем и нечего предложить. Но все впереди, и, надо думать, нынешние «идеологи» из бывших научных коммунистов и научных атеистов что-нибудь, какую-нибудь зацепку в Петербургском самодержавии да обнаружат и, глядишь, начнут стричь бороды и создавать третьи отделения. Скорее всего дело кончится компромиссом – по типу и принципу конструирования новой формы российской армии: на фуражке – двуглавый орел, под ним – красная звезда, сама фуражка выгнута по образцу вермахта времен второй мировой войны, ну а цвет и покрой самой формы – полунатовский-полуколчаковский. Синтез? Нет, эклектика. Пуантилизм. И похоже, начало XXI в. (а может, и не только начало) и у нас, и в мире будет эпохой эклектики. Впрочем, все закатные, поздние эпохи таковы.

Для такой огромной страны, как Россия, эклектизм развития, похоже, должен означать опять-таки отсутствие одного-единственного варианта. Вариантов может быть несколько – разных и сразу; предположительно, острота властных коллизий станет, помимо прочего, определяться разнонаправленности реализующихся вариантов, борьбой между ними, борьбой центровластного варианта со всеми остальными. И спять же: эти эклектизм и поливариантность соответствуют логике неизбежного и странного пуантилистского мира, возникающего под вечерний звон Колоколов Истории.

Этот звон наводит на ряд вопросов, от ответа на которые зависит то, как мы будем жить в XXI в. Вопросы эти разнообразны. Какой тип знанья необходим нам для анализа как новой, так и старой реальности? Ограничен ли своими собственными рамками системный кризис капитализма или же он является «спусковым крючком» еще нескольких кризисов более крупных и масштабных, чем капитализм, систем? Если второе допущение верно, если перед нами мегакризис, то каким может быть выбор в такой ситуации? Выбор человека. Выбор России. Выбор Запада. Кем в такой ситуации являются Россия и Запад – союзниками или соперниками? Или сама такая постановка вопроса ошибочна, некорректна, неадекватна реальности? Что можно противопоставить социальному распаду, асоциализации? И можно ли? А если можно, то на что опираться, откуда черпать модели? После того как исчезла вера в прогресс, после конца прогресса, в эпоху после прогресса, какое время заменит Будущее? Или вообще последовательности времен больше нет разбит «калейдоскоп Времени»? Как быть в таком мире – в мире, где не ясен ответ на вопрос: «По ком звонит колокол?»

XLVII

Есть такой анекдот о коммунизме. Выпивают мужики «на троих». Один, который не только выпил, но уже осадил водку огурчиком и замолодел изрядно, спрашивает: «Мужики, помните водку по 2.87?» Второй, который уже принял и занюхивает хлебушком, отвечает: «А как же. А помните пиво по 37 копеек бутылка? 22 копейки кружка?» «А колбаска по 2.30?» – мечтательно тянет третий, только что энергично выдохнувший и собирающийся закусить. Наступает элегическое молчание, и наконец кто-то из троих раздумчиво произносит: «Да-а-а, мужики, прошелестел над нами коммунизм, а мы и не заметили».

Это «прошелестел, а мы и не заметила» можно отнести не только к коммунизму, но и к его аналогу – функциональному капитализму, ко всему XX в., к Современности, к капитализму в целом. И прошелестит капитализм тем незаметнее, чем искуснее господствующие группы смогут закамуфлировать его качественную социальную трансформацию под борьбу за сохранение существующей системы, за ее усовершенствование, за создание «более высокой и развитой формы» в виде, скажем, «виртуального капитализма» и «виртуальной демократии».

Где умный человек прячет камешек? Среди камешков на морском берегу. А лист? Среди листьев в лесу. А настоящие бриллианты лучше всего прятать в коробке с бижутерией.

Отшелестит капитализм и станет ясно, что это был и блестящий и ужасный, но исторически краткий и в целом очень нетипичный, исключительный, уникальный период в истории населения планеты Земля.

Блестящий – потому что достижения человека (прежде всего – европейского) за последние 400–500 лет в науке, технике и искусстве превосходят практически все, что было сделано до этого. Поражает не только объем и уровень достижений, но и их плотность. Ни одна другая система не позволяла такого накопления капиталов, такого увеличения вещественной субстанции. Никогда ранее человек не вмешивался в природные процессы до такой степени господства над ними.

Ужасным этот период был потому, что никогда до капиталистической эпохи не совершались массовые преступления, массовые уничтожения людей, геноцид в таком масштабе. Но дело даже не в количественной стороне. В конце концов, крестьянские

восстания в Китае, великие переселения народов и завоевания кочевников приводили к гибели огромных масс людей. Однако, как верно заметил Ф.Фехер, все это происходило в те эпохи, когда отсутствовало такое понятие и такая ценность, как «универсальный гуманизм». Да и вообще, когда отсутствовали универсальные к универсалистские ценности. Но что еще серьезнее, массовые репрессии XX в. часто реализовывались именем универсального гуманизма. Капитализм продемонстрировал верх социальной свободы. Со свободой – понятно. Сложнее, на первый взгляд, с угнетением. Разве плантационное рабство, ГУЛАГ и Аушвиц нельзя сравнить с рудниками Лавриона, строительством пирамид или Великой Китайской стены? В последних трех случаях – неужели угнетения, несвободы было меньше? В известном смысле – меньше. Поскольку не было универсальных идеалов «свободы, равенства, братства» и того же гуманизма. Древним грекам, египтянам и китайцам еще не сообщили о правах личности, о гуманизме и свободе как универсальных ценностях. А вот мир XVIII–XX вв. о них уже точно знал. А потому мерки и оценки здесь другие, намного более строгие.

Нетипичным и уникальным капитализм был потому, что никогда в человеческой истории индивидуализация социальных отношений не достигала такого уровня, как в этом обществе. Это апофеоз личностного индивидуализма. Когда возникла потребность подавления личности и свободы, индивидуальной субъективности – произошло это главным образом не в сфере производства (капиталистическое производство и так десубъективирует человека), а в сфере политики, власти, – то понадобились такие репрессивные структуры, которых не знали докапиталистические общества и эпохи. Не знали и, самое главное, не переживали как ужас и трагедию, поскольку были нехристианскими (а многие из них) и дотрагическими.

Историческая скоротечность капитализма, даже если ему суждено просуществовать еще 80–100 лет (это, на мой взгляд, самое большее, реальнее говорить о 50–60 годах), т. е. всего пять столетий, тоже понятна. Система, основанная на необратимой эксплуатации природных и человеческих ресурсов, может повышать уровень своей энергии и информации только за счет снижения уровня таковых «окружающей» – природной и социальной – среды, за счет вытеснения к нее социальной энтропии. Здесь одна из причин экспансии Капиталистической Системы.

Типологически эту экспансию чем-то напоминает расползание Античной Системы. Диктовалось оно не логикой накопления капиталов. Сходство здесь – более широкое: обе системы решали свои противоречия, вынося их вовне и таким образом саморасширяясь – от греческой колонизации до эдикта Каракаллы. Не будучи ни капиталистической, ни подкрепленной техникой, ни природоборческой, античная экспансия была не планетарной, не мировой, а региональной или даже локально-средиземноморской ввиду природного, локального характера производительных сил и, следовательно, отсутствия автономной социальной функции, способной положить к ногам Античности весь мир. И, естественно, экспансия эта была намного более медленной, чем капиталистическая. А потому и просуществовала Античная Система в 2,5–3 раза дольше, имела больше времени, чтобы решить, изжить свое системообразующее противоречие. Кончились возможности экспансии, «кончилось» противоречие, кончилась жизнь.

Капитализм еще в большей степени, чем Античность, – экспансия. И сжигает капитализм свою жизнь в 2,5–3 раза быстрее. Вот если мы противопоставим Античной Системе Западную (в данном случае системность совпадает с цивилизационностью), добавив к полутысячелетию капитализма полутысячелетие феодализма и гипотетический ренатурализованный посткапитализм, то продолжительность социальной жизни может сравняться. Но здесь мы вступаем уже в сферу гипотез, «социологического воображения».

Охват земного шара, биосферы в целом ставит капитализму естественный предел. Полная капитализация биосферы сулит и капитализму, и биосфере смерть. Биосферизация капитала, иными словами, его адаптация к биосфере, к природе, невозможна: процесс накопления капиталов адаптирует природу к капитализму, а не наоборот. Капитализм,

прекративший необратимую эксплуатацию природы, прекращает быть капитализмом. Земля уже вскрикнула напора капитала, а биосфера уже начала отвечать ему и на его воздействие: на давление массы населения, на загрязнения и т. д. – СПИДом, озоновыми дырами, различными мутациями и многим другим, о чем мы только начинаем догадываться или о чем нам еще только предстоит узнать, испытать на собственной шкуре.

Превращение «капиталистической мир-экономики» или «современной мир-системы», если пользоваться терминами Ф.Броделя и И.Валлерстайна, в по-настоящему глобальную не может быть ни чем иным, как глобальным и многослойным кризисом: экологическим, экономическим, политическим, идеологическим, моральным, за которым, по-видимому, последует демондиализадия, макрорегионализация.

Капитализм хроноцентричен, он основан на присвоении Времени. Но потому он так и скоротечен. «И вот финал: он не трагичен, но досаден». Досален, поскольку кончается самая героическая, самая субъектная эпоха в истории населения планеты Земля. Эпоха не только великих достижений, но и великих иллюзий и идеалов. Эпоха Великого Порядка. Капиталистическая Система сумела – а в XX в. ей в этом активно помог коммунизм – установить в мире такой порядок, какого никогда не было. А та степень безопасности и стабильности в мире, которая была достигнута в периоды 1815–1855 и в еще большей степени в 1945–1990 гг., вообще не имеет аналогов и параллелей. Последний из этих периодов «отшелестел» вместе с XX в., став его «прощальным поклоном». С этим периодом окончательно ушли, развеялись, отшелестели Большие Надежды и Великие Иллюзии – не только XX в. и не только Европы, но и всего человечества последних 100–200 лет. Ибо если когда-нибудь и возникало, хотя бы в интенции, нечто конкретное, отвечающее понятию «человечество», т. е. все население Земли, усвоившее (по крайней мере, внешне) единые, универсальные ценности и цели, охваченное единой системой, то это было только в последние 100–200 лет.

Как ни парадоксально, но по-настоящему население планеты в человечество объединили три Колосса Паники – борьбой друг с другом. А сами они родились из Больших Надежд и Великих Иллюзий XIX столетия, которое как бы вызвало их из Тартара Истории музыкой иллюзий, подобно факиру, вызывающему змею. Музыка кончилась, змеи исчезли, факир словно испарился. А может, все это произошло в обратном порядке. Или же музыка и факир исчезли, а змеи остались. В любом случае, завораживающая и очаровывающая музыка надежд и иллюзий кончилась. Пройдет время и, возможно, Современность останется в исторической памяти только этой сладкой музыкой, родившейся под звук падающей гильотины и затихающей под стрекотанье компьютеров.

Каких надежд и каких иллюзий? Надежд на коллективистскую утопию. Иллюзий успеха на пути индивидуалистической «буржуазной цивилизации» и ее институтов. Крах марксизма и либерализма как идеологий, упадок идеологии вообще – это и есть конец иллюзий и надежд практически всех значимых групп и Капиталистической Системе на Светлое Будущее. И потому кто-то говорит не о свете, а о тьме в конце туннеля. Ни Будущего, ни тем более Светлого. По крайней мере – для всех. Для отдельно взятых зон пуантилистского мира XXI в. – да. Селективный прогресс. Селективная демократия. Селективный Свет Будущего. Короче, ни свободы, ни равенства, ни братства, о которых так много говорилось в XIX–XX столетиях и на которых был построен Мир Модерна. Мир Постмодерна, похоже, отрицает эту триаду.

И действительно: равенство – с кем, как и почему? Равенства никогда не было. Это – миф. Как и демократия. Просто «демократии», «демократии вообще» никогда не существовало. Говорят (в самом общем плане) об антично-рабовладельческой демократии, либеральной, тоталитарной или даже коммунистической. Здесь необходимо уяснить следующее.

Словосочетание «коммунистическая демократия» метафорично. Перечисленные «демократии» могут находиться в одном ряду лишь в самом общем смысле. Содержательно-терминологическая спецификация, однако, ломает этот ряд. Демос – это не

просто народ. Это та часть народа, которая обладает собственностью, выступает как собственник вещественной субстанции. В этом смысле демократия, во-первых, есть защита собственности; во-вторых, не есть народовластие. Демократия и народовластие – вещи разные. С этой точки зрения в России никогда не было и не могло быть демократии как общего, внесословного политического строя: демократия едва ли возможна в социуме, где собственность на вещественные факторы производства играет незначительную роль, где не собственность, а Власть есть главное, системообразующее средство темпорализации пространства и социального контроля. Исторически демократия в России существовала для и внутри одного сословия – дворянства, и то не всегда, не для всех его представителей и в лучшем случае в слабой, пунктирной институциональной форме, с определенного момента еще более ослабляемой самим самодержавием. Последнее неоднократно производило «демократизации» господствующих групп (как только они в своем состоянии приближались к чему-то похожему на классовость), замораживая общество в целом на предклассовом уровне, консервируя его «социальную молодость» как вечную, как утраченное время (и как вечную социальную юность с ее склонностью к насилию, к самозванству, с ее завороженностью смертью, готовностью к ней, неумением ценить жизнь – вообще и упорядоченную, постварварскую, основанную на Времени и Собственности в частности), воспроизводя социогенез в ущерб другим фазам, тренируя поздневарварские мышцы социума, готовые в принципе сбросить любые классовые формы – государственность, политику, демократию, классовость, частную собственность, культуру, буржуазные структуры повседневности, быта и т. д. – как имманентно чуждые, противостоять им, деформировать их. (Так же как, например, позднеантичное государство в Византии в своих фискальных целях «натренировало» и усилило общину до такой степени, что она впоследствии не пропустила, деформировала феодализм на общинно-античный лад.) В этом смысле, замечу еще раз, коммунизм на какое-то время стал положительной социальной формой поздневарварской неклассовости, бесклассовости, «вторичного позднего варварства».[21] Именно коммунизм оказался и массовым обществом, и обществом массового потребления, и «массовой цивилизацией», и современной «цивилизацией» Русской Системы.

Рухнул коммунизм, связанный (пусть негативно) с петербургской «цивилизацией», – и исчезла цивилизация вообще: разгул насилия, расхристанность в быту и в работе, демонстративное нарушение «норм поведения и общежития», апофеоз безделья – сознательного и вынужденного («ничегонеделание есть роскошь варвара» – Маркс), опрощение целых социальных слоев, включая так называемую «советскую интеллигенцию», общая брутализация жизни, почти распад структур повседневности и образования и т. д. и т. п. Наступила реварваризация, крайней, но вовсе не единственной формой которой оказывается криминалитет. «Русская Система минус коммунизм равняется асоциал(изм)у» – так выходит. Так вышло – пока. Что будет дальше – посмотрим. Но ясно одно: коммунизм выполнил в истории Русской Системы роль эквивалентную welfare state и «массовой культуре», он был массовой современной (modern) «цивилизацией» – единственной в Русской Истории. Народовластие, «популократия» без железного обруча, с одной стороны, и без привычек, сохранившихся от докоммунистического прошлого, – с другой, оборачиваются новым поздним варварством – не «новым средневековьем» даже, а новым предсредневековьем. Ведь что такое поздний варвар? Асоциал, находящийся в процессе перехода из одного социального состояния и другое, Маргинал Времени. Темпорализация и

---

[21] Руководители советского обществ «сталинского призыва», устроившие свой пир победителей на костях «ленинской гвардии», – это народ, воплотители народовластия, это выходцы из нарда, «русские джинны», уничтожившие выпустившего их из «народной бутылки» интеллигента («не буди лиха, пока оно тихо»). Брежнев, Хрущев, Подгорный, руководители уровней пониже – это и социокультурно и даже физико-антропологически народ, популяция. Разумеется, эти черты входили в противоречие с их властным статусом, но это было реальное противоречие, снятое в поколении (и поколением) горбачевых – впрочем, не до конца; что же касается нынешней «правящей элиты», то это во многом шаг в противоположном направлении.

есть социализм превращающая народ или часть его в одном случае в демос, в другом – в популяцию. Следовательно, исторически это процесс замены народовластия чем-то иным, в том числе и демократией.

Итак, народовластие возможно лишь в поздневарварских обществах, на поздневарварской исторической стадии развития, логически являющейся пред классовым состоянием, между доклассовостью и классовостью. Позднее варварство – особая эпоха и особый строй в истории.

С его точки зрения частная собственность, демократия, либерализм и т. д. – это всегда разложение, гниль. «Гнилой либерализм» – не случайное для России сочетание как по указанной выше причине, так и по тому, что сами капиталистические явления в Русской Истории суть во многом продукты разложения очередной структуры Русской Системы. Не случайны и некоторые термины, которые вызывали и вызывают снисходительные насмешки и осуждение со стороны просвещенной части общества, например «народная демократия» (для стран прежде всего Восточной Европы сразу после войны) и «дерьмократия» в наши дни. Я готов, как это ни неприятно, реабилитировать эти термины, в них свои рацио и резон.

Термин «народная демократия» – не тавтологичен; напротив, вопреки воле тех, кто его запустил, он указывает на реально недемократический и даже неполитический характер этого типа организации: «народовластная демократия», «додемократическая», «внедемократическая» демократия; не их, европейская, хоть и восточная, демократия, а наша, народная (демо)кратия. Популократия, сказал бы я, если бы не некоторые ассоциации.

«Дерьмократия» – это, грубо говоря, власть «социальных экскрементов», власть продуктов разложения. У нас в 1994–95 гг. «дерьмократией» критики существующего режима называли так режим в целом, что неверно в строгом смысле слова. Но в определенной степени для низового и среднего уровней нынешней системы власти (а частично и для высшего уровня) и собственности в той степени, в которой она контролируется, утилизуется криминальными и (или) нелегальными структурами, – а они и суть продукт социального разложения, – термин «дерьмократия» вполне подходит, несмотря на неблагозвучность и некоторую ненормативность. Что называется, не в бровь, а в глаз: власть социального дерьма, продуктов разложения – общественного строя вообще и прежнего нашего общественного строя в частности, конкретно. Причем смена нынешних персонификаторов власти, так сказать, «элит» другими не означает автоматического установления «ароматократии». Увы.

Итак, демократия, это всегда нечто частичное, нечто селективное – как и демос; каков демос, такова и кратия, конкретное качество селективности очерчивается определением. Демократия – это власть (кратос) демоса. Но демос – это далеко не все население, а его часть, как правило, – меньшая. Борьба за демократию – это прежде всего, если отшелушить внешнее, и борьба за права одной части общества угнетать и эксплуатировать другую часть; и борьба за то, кто будет считаться демосом, за его очертания и границы; и борьба за то, чтобы оказаться внутри, а не вне этих границ. Все не могут быть демосом. Когда в Римской империи формально все получили права гражданства (эдикт Каракаллы), т. е. стали «демосом», она рухнула. С конца XVIII в. в западном мире растут численность и удельный вес демоса. Ныне формально огромная часть западного населения – демос. Но тогда кто (значительная масса) должен стать недемосом, особенно в энтээровский век?

Тем самым демократия – это, помимо прочего, один из способов исключения какой-то части населения из процесса принятия решений. Из благосостояния. Из свободы, равенства и братства. Кстати, о братстве. С кем – братство? Всех со всеми? Братство с Хомейни и Саддамом Хусейном? С движениями сексуальных меньшинств? Увольте. Все это – социальная энтропия. Брататься надо далеко не со всеми. Не пей из лужицы (братства) – козленочком станешь!

Конечно, болезненно и страшно расставаться с идеалами Современности, эпохи, начавшейся в 1789 г. и окончившейся в 1991 г., следовательно, длившейся 200 лет и 2 года. Но еще страшнее продолжать верить в идеалы мертвой эпохи, остановившегося времени. Да,

страшно оказаться без ориентиров в мире, в вывихнутом веке. Болезненно и неприятно ощутить, что ценности и идеалы, которые полагались в качестве универсальных и универсалистских, – Капитализм и Коммунизм в XX в. немало потрудились, чтобы доказать это, – оказываются ограниченными в пространстве и времени идеалами и ценностями только Европейской цивилизации. Точнее даже, определенной фазы ее развития. Осознание этого факта может повергнуть в не меньшее отчаяние, чем неверующего осознание своей смертности или верующего осознание того, что Бог умер. И что теперь?

XLVIII

На вопрос о том, как верующим реагировать на смерть Бога, ответ дал Д.Бонхофер, теолог-протестант, участник заговора против Гитлера, казненный весной 1945 г..[22] Бонхофер много размышлял над ситуацией человека середины XX в. о том, как ему жить после коммунизма и фашизма, после ужасов войны и концлагерей. Суть ответа Бонхофера в следующем. Христианский Бог умер. Теперь христианин должен учиться и уметь жить в мире без Бога. И оставаться при этом христианином. Помнить, что, хотя Бог умер, верующий остается человеком и христианином, знающим, что Бог – был.

На мой взгляд, это одна из самых мужественных позиций по отношению к жизни, выработанных в XX столетии. Быть может, я несколько снижаю тему, но мне приходит на ум фраза одного из героев книги о Швейке: «Помните, скоты, что вы люди». Отталкиваясь от нее, можно сказать: помните люди, что Бог был, а ныне, если он и есть, то он – внутри вас; и если вы – скоты, то ваш бог – скотина. Ваш бог таков, каковы вы сами. На это могут возразить: Бог вечен, а человек конечен. Но если человек, все его Бытие, все его знание, его вопросы и ответы конечны, то откуда же мы знаем о вечности? Это – такая же абстракция, как пустота и ничто. Нет ничего вечного, кроме вечности, человек – вне ее, а потому – не отказаться ли от этой проблемы? Ведь заметил как-то Станислав Лем: зрелость человечества измеряется тем, что оно отказывается от некоторых вопросов как ложных.

Я не готов дать ответ на вопрос о ложности или истинности проблемы вечности, вечного. Но я готов «поразмышлять в направлении» ответа, утверждающего ложность, иллюзорность, компенсаторность проблемы Вечного. Мне нравится отношение О.Мандельштама к вечности как «вечности во времени», т. е. внутри времени; вечность – как «вечное сейчас», как «вечный миг» – не столько между прошлым и будущим, сколько и в них тоже. Все – со-временно. Все – в настоящем. Хаммурапи и Христос, Хуфу и Гитлер, Ленин и Цезарь. Вот такой выверт Времени происходит, как только вечность помещается внутрь времени. И ведь конец прогресса очень способствует такому помещению «капитала Вечности» в «Банк Времени». Конец прогресса влетел в ворота христианства словно подкрученный мяч – «сухим листом». И христианское время вернулось листом Мёбиуса и полетело как лист – как один из многих падающих листьев Осени Капитализма.

Возможно, отказ от проблемы вечности будет расставанием с историческим инфантилизмом. Взрослость – это и есть осознание конечности Бытия и в Бытии, каким бы болезненным это осознание ни было; осознание того, что Вечность – всего лишь кривая, асимптотического насыщения Времени.

Дети живут в свободе от причин и следствий, этих главных индикаторов и стражей Конечности Существования, живут вне Времени. И в этом смысле дети бессмертны. Наличие Бога как причины и следствия замыкает мир и дает человеку веру в бессмертие. Бессмертие в Боге. Но одно дело – жить и совершать добрые дела в надежде на бессмертие души и воздаяние «по ту сторону жизни». И совсем другое – делать то же самое без таких надежд, сочетая языческую страсть жизни с христианским самопожертвованием без всякой надежды на воскрешение, на вознаграждение, зная, как Бонхофер, что христианский Бог умер, сколь

---

[22] Я благодарен Ю.С.Пивоварову, обратившему мое внимание на этот факт.

бы метафоричным ни было это его «знание».

Христианство подготовило человека к зрелости. В этом смысле оно есть юношеское мировоззрение, призванное (но только в Европейской цивилизации – единственной, реально обладающей потенцией и интенцией линейного времени) морально подготовить индивидуального субъекта к принятию того, что он конечен и смертен без надежды на Страшный Суд и загробную жизнь. В обществах, где субъект либо не фиксируется как индивидуальный, либо не фиксируется вообще, проблема конечности индивидуального бытия так остро не стоит или так не фиксируется. Отсюда – мудрое спокойствие Конфуция и Будды. Но такое спокойствие не для европейцев, не для носителей христианской традиции. Между последними, с одной стороны, и Буддой и Конфуцием – с другой, находятся крест и распятый на нем Христос. В китайской и индийской цивилизациях (системах), где субъект не противопоставляется объекту, где они суть единство, нет такой остроты, такой напряженности отношения к Смерти, к конечности существования.

Конечность существования – расплата за индивидуальную субъектность, равно как смерть – это расплата за многоклеточность. Одноклеточные бессмертны. Христианство, помимо прочего, было средством смягчить расплату, подготовить индивидуального субъекта к ней морально. Подготовить к взрослой жизни, т. е. жизни, основанной на свободе выбора и несении полной ответственности за него – без иллюзий и надежд на вознаграждение, без надежд на Вечность, на переход в нее из Времени. Свобода и ответственность – сами по себе вознаграждение, за них приходится платить.

Быть может, вопрос о соотношении человеческого и божественного следует поставить так: нет Бога, кроме человека, и Мухаммед, а также Моисей, Иисус и другие суть лишь пророки его. Они учили скоточеловеков быть людьми. Божественное нейтрализует скотское – получается человек: вот и вышел человечек. А Бог – это просто планка, поднятая высоко-высоко, для тренировки, чтобы в высоком прыжке скотское, тяжелое отвалилось. К тому же на соревновании трудно показать результат выше, чем на тренировке. Обычно – наоборот. Вот и приходится прыгать тем, кто хочет быть человеками: смертельный номер, нервных просим покинуть помещение. Христос и приходил, чтобы принести планку (сын плотника), установить ее и показать, как ее брать – фюсберри флоп на кресте. Смертельный прыжок. Христианство и было системой тренировок, подготовки к таким прыжкам, к «соревнованиям» по ним.

Я думаю, ныне христианство сделало свое дело и уходит. С ним можно попрощаться, его можно поблагодарить. Но нельзя вернуть. Теперь – без Бога, только с Христом. Как с человеком. Сильным человеком, который осознал, что его Бог умер, и потому пошел на крест.

В XX в. умер Бог европейского человечества. Верить в Бога после этого – не удел ли слабых и страшащихся взглянуть реальности в лицо? Не являются ли внеположенные человеку Бог и Вечность ложными проблемами? Не есть ли Вечность, как и Бог, – сам человек, Homo Universalis христианской (а может, и послехристианской) эпохи? А противостоит ему, этому носителю универсальной социальности, выкованной Капиталистической и Русской Системами (а следовательно, в какой-то степени и христианством тоже), асоциал, Homo Robustus. Культурно-антропологическое противоречие двух этих типов Homo sapiens, скрывавшееся религией и классовыми различиями в течение двух тысячелетий, отныне обнажается в качестве центрального социального или даже «производственного» противоречия. Маски сброшены. Неужели традиционная проблема Русской Системы – проблема «лишнего человека» – становится социоантропологической проблемой Европейской цивилизации, «европейского человечества» (человечество бывает только в универсалистских культурах, в локальных оно невозможно и ненужно; в них человечество – это все равно что «хлопок одной ладонью»)? Человечество – как изоморфа христианского Бога? Это – далеко не единственный вопрос, который требует ответа. Причем в такую эпоху, как наша, трудно давать ответы и готовые рецепты. Наша эпоха во многих отношениях финальная. Мы живем в конце эпохи или даже в конце нескольких эпох сразу. И

– одновременно – в конце Ночи Современности. Ночь эта прошла в значительной степени при свете факелов фашизма и пожаров революций, устроенных коммунистами, и под запах то ли дыма пожаров, то ли пороха от разрывов. Именно эти Колоссы Паники задали Современность XX в. «Нравится нам это или нет, – писал Г.Иванов, – мы должны признать, что современность – не столько английский парламент, сколько германский хаос, не Ватикан, а фашизм, не новые мировые демократические республики, а огромное, доведенное до предела страданий и унижений планетарное «перекати-поле», где, как клеймо на лбу, горят буквы – СССР. Ватикан, английский король, демократия, вековая культура, правовой порядок, совестливость, уважение к личности – все это скорее «обломки прошлого», существующие лишь постольку-поскольку. Настоящее – Рим, Москва, гитлеровский Берлин. Хозяева жизни – Сталин, Муссолини, Гитлер. Объединяет этих хозяев, при некотором разнообразии форм, в которых ведут они свое «хозяйство», – совершенно одинаковое мироощущение: презрение к человеку».[23] Либеральные диктатуры среднего класса послевоенной эпохи отвечали – вынуждены были отвечать, иногда в панике – на вопросы, поставленные Колоссами, двигались по коридору, заданному ими, эдакие «странники в ночи, обменивающиеся взглядами».

XX век был Ночью Современности – как XIX был ее Днем. Ночь вместе с Современностью кончилась. Всю эту Ночь человек, по крайней мере христианский, сражался с бесами, с «черными людьми» под красными знаменами, причем на одних знаменах были звезды, на других – свастика. Но с ними ли или только ли с ними сражался европейский бунтующий человек?

…Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один…
И разбитое зеркало…

Всю Ночь Современности не столько капитализм боролся с коммунизмом (и наоборот), сколько европейский человек, христианский субъект, как Сергей Есенин, которого я процитировал, сражался с самим собой. Победил капитализм? Победил. В том смысле, что «Я один… И разбитое зеркало». Люди ждали конца Ночи Современности с ее ужасами, фашизмом и коммунизмом. Она окончилась. Вместе с Современностью, Прогрессом, Светлым Будущим. Наступают рассвет и хмурое утро какой-то иной эпохи. Сейчас рано и трудно говорить о новой эпохе, но о ее содержании и контурах можно немного порассуждать. Причем – не с позиций капитализма и коммунизма. Колокола звонят не только и не столько по ним.

Речь Истории, собственно, идет уже не об этих двух системах: vixerunt, – прожили. Или отживают – вместе с мировым средним классом. Ведь кто конкретно испытывает кризис капитализма в наибольшей степени? По кому он больнее бьет, или, точнее, кто острее ощущает боль? Например, страдают ли от него австралийский абориген, бушмен из пустыни Калахари, индеец, живущий в лесах Амазонки, кочевник из Мавритании? Нет. Они о кризисе и кризисах не слыхали. Их жизнь мало меняется. «Давно сидим». Ощущает ли кризис беднота, самые низы Калькутты и Марселя, Рио-де-Жанейро и Лагоса, Мехико и Манилы? Нет, не ощущают. Разумеется, они живут очень тяжело – на грани выживания. Но так они

---

[23] Иванов Г. Страх перед жизнью // К.Н.Леонтьев: Pro et contra. – СПб.: Изд-во Христианского гуманитарного ин-та, 1995. – Кн. 2. – С. 191.

существуют в течение многих поколений. К тому же, как показывают исследования, социальные низы живут данным моментом. Не они предпринимают что-то, а нечто происходит, случается с ними. Они – дети случая и находятся на таком минимуме, на такой глубине существования, которых практически не достигают бури и кризисы. Вся их жизнь – замороженные буря и кризис.

Произошли изменения в жизни значительных групп населения, скажем, в Перу и Афганистане, Руанде и Таиланде. Причем изменения эти связаны с мировой тектоникой, с мировыми кризисными явлениями. Но для этих групп и племен рост населения, межплеменные бойни, миграции – часть их многовековой истории. Бывало лучше, бывало хуже.

Явно не ощущает кризиса, хотя и знает о нем, мировая верхушка. Ее богатство – это волнорез, способный пока что гасить волны почти любого экономического шторма.

Так кто же главный объект и жертва изменений последней четверти XX в.? Это – мировой средний класс и мировой рабочий класс в их разнообразных региональных и страновых вариациях и эквивалентах. Средние слои и рабочие. Вот они-то и суть главный объект кризиса, они-то и ощущают его и знают о нем. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но средние и рабочие слои (классы) – становой хребет Капиталистической Системы, современного общества. И здесь перед нами еще одно свидетельство системного кризиса.

Мировой средний класс был тем социальным мясом, которое наросло на костяке Капиталистической Системы – на ее центральном противоречии. Противоречие выработано, костяк ослаб, он не может удержать прежнюю социальную массу, да еще в среднем – с точки зрения благосостояния – положении. Тогда и начинает История отсекать кусочки массы-мяса, словно повар-турок с вращающегося на огне донер-кебаба. Вот только кто едоками будет?

Исчерпанность системообразующего противоречия капитализма говорит о конце олицетворяемой им системы. Но только ли этой системы? Или еще какой-то или каких-то. Не является ли кризис Капиталистической Системы тем ключом, который отпирает «кладезь бездны» исторической? Не выводит ли капитализм своим финишем и другие системы на последний или предпоследний рубеж, так сказать, к последней черте, к барьеру? Не имеем ли мы дело с кризисом, «сконструированным» по принципу матрешки или Кощеевой смерти (на мой вкус предпочтительнее название «Кощеев вариант»).

Маркс писал, что быть радикальным – значит доходить, докапываться до сути вещей, не останавливаясь до тех пор, пока качество (в нашем случае – социосистемное) не исчерпано. Вот и заглянем за фасад кризиса коммунизма и функционального капитализма, приподнимем холст и отопрем потайную дверцу. Быть может, так мы узнаем, по ком звонят Колокола Истории? Что же за холстом и дверцей?

XLIX

Там – Современность (Modernity) в целом. Другими словами, блок «субстанциональный капитализм + функциональный капитализм» – две формы капитализма, две эпохи капиталистической истории. За ними, в будущее, устремлен постмодерн, а в прошлое уходит еще одна эпоха (1648–1789) капиталистической истории – Старый Порядок. Таким образом, перед нами предстает Капиталистическая Система в целом. Но капитализм как система, как eine Formation – лишь фаза, вторая после феодализма, в истории Европейской цивилизации, Западной Системы. С этой точки зрения системный кризис капитализма – это, как минимум, структурный кризис Европейской цивилизации. Последняя – не самая большая социальная «матрешка» (матрица) в наборе, есть и крупнее – христианский исторический субъект. Он охватывает не только Европейскую цивилизацию, но также и хроноклазм V–IX или V–X вв., включая, с одной стороны, сеньориальную революцию (т. е. «феодальную революцию»), с другой – позднюю (имперскую) Античность.

Капитализм на экономической основе и экономически, материально реализовал социальную и духовную универсалистскую задачу, возникшую с христианским историческим субъектом, как результат его возникновения. Именно посредством капитализма христианский исторический субъект придал своему универсализму адекватную ему – мировую, земшарную, истинно и единственно универсальную с точки зрения конкретных условий планеты Земля форму, выполнил свою миссию. Именно посредством капитализма линейное христианское время распространилось (по крайней мере, на какой-то срок) на земное пространство – и как мировое, и как совокупность локальных пространств, подчинило его. Функция капитала, таким образом, есть одновременно меч и крест христианского исторического субъекта. В своем негативе – по отношению как к капитализму, так и христианству – меч и крест превращаются в серп и молот коммунизма. Антихристианство коммунизма сопоставимо с его антикапиталистичностью как негативная функция.

Вне Европы в капиталистическую эпоху христианство в лице миссионеров, иезуитов и т. д. (что бы они сами ни думали о целях своей деятельности) объективно играло роль функции капитала, решало его задачи. Но и капитализм выполнял задачу христианского исторического субъекта. Как и коммунизм, объективно обеспечивавший распространение европейских универсалистских ценностей в революционной и антикапиталистической форме в тех зонах мировой системы, где они не могли утвердиться эволюционно и капиталистическим путем. В этом смысле коммунизм и – шире – марксизм занимают в Капиталистической Системе ту нишу, которую в Европейской цивилизации занимает христианство. Наложение двух систем создает некую зеркальность, которая проявляется во многом: от антиевропейской, антизападной направленности коммунизма до неблагостного люциферовского облика основателя и главного святого марксизма – тоже еврея, но не из Галилеи, а из Трира, и сына не плотника, а адвоката. Капитализм и коммунизм, либерализм и марксизм – вот те клещи, в которые христианский исторический субъект взял мир. Кому-то был дан и показан крест, а кому-то – меч, кому-то – молот, а кому-то – серп. Крестом и мечом, серпом и молотом – вперед, к победе христианского исторического субъекта. С этой точки зрения, падение коммунизма и упадок марксизма как идеологии – это стук Судьбы в дверь не только капитализма, но и христианского исторического субъекта.

Исчерпан ли список этим субъектом? Нет. Системный кризис капитализма подвел к определенному рубежу весь субъектный поток исторического развития, куда входят Античная и Европейская цивилизации и, соответственно, античный и христианский исторические субъекты. Только в двух этих цивилизациях – в отличие, например, от китайской, индийской, исламской и других – субъект фиксируется социально, в самом обществе, что находит институциональное выражение.

Но и это не все. Капитализм охватил, включил в орбиту – свою, Европейской цивилизации и христианского исторического субъекта – общества и цивилизации неевропейские, весь системный («несубъектный») поток исторического развития, весь мир. Более того, насаждая свои экономические, политические и интеллектуальные институты в неевропейском мире (а этот мир в свою очередь перенимал их, чтобы приспособиться к Западу, сопротивляться ему), капитализм создал поразительные формы – своеобразных социальных киборгов, субъектных и западных по форме, но незападных, несубъектных или антисубъектных по содержанию. Партии, под маской которых скрываются племена, возглавляемые людоедами; аристократические кланы, уже 100–200 лет контролирующие свои провинции; политические ассоциации, за которыми на самом деле скрываются касты; фирмы, в одеждах которых выступают традиционные торговые дома с характерными для них коллективизмом и монополией; государства, под вывеской которых прячутся преступные группировки, бывшие эмираты и султанаты или даже империи. Ныне, по мере ослабления политической хватки капитализма и коммунизма в мире, эти киборги, оборотни, похожие на странных существ с полотен Босха, эти джинны выпускаются или сами выходят из распечатанной бутылки Истории. Они начинают вести себя все в большей степени как action

man – и это в то время, когда активность европейцев в мире, похоже, снижается, будь то «буржуи-космополиты» или «коммунисты-интернационалисты», когда они не могут решить те проблемы, которые 20–25 лет назад, в эпоху Холодной войны были бы разрешимы или просто не возникли.

Началось, пожалуй, американскими заложниками в Тегеране в 1980 г., затем – уязвимость американцев в Сомали в 1993 г. Были аналогичные ситуации и у СССР/России в последнее десятилетие. Показателен недавний случай с захватом в Афганистане российского самолета с экипажем и американского самолета – тоже с экипажем. Кто захватил? Талибы, некое движение Талибан. Американцев отпустили, русских удерживают (на момент написания этих строк) в Кандагаре. Но дело даже не в этом, а в самом факте задержания самолетов двух могущественных мировых держав неким сугубо местным движением.

И в принципе никто ничего не может сделать. Почему? Почему, например, невозможна совместная русско-американская показательная полицейская акция – по типу тех, что проводил последний великий римский полководец Аэций по отношению к варварам – гуннам, готам и другим, если они захватывали римских граждан (подданных Римской империи)? Конечно, акции подобного рода нужно уметь осуществить. До сих пор только израильтяне в Энтеббе продемонстрировали филигранное исполнение и показали, как надо наказывать бандитов. Но умение – вопрос второй. Прежде всего, нужна политическая воля и чувство солидарности в противостоянии надвигающемуся хаосу. А вот этого, увы, нет. За державу обидно.

Конечно, наказания без вины не бывает. Турбулентный поток, который охватил Афганистан, в меньшей степени Иран, еще в меньшей степени Пакистан, т. е. тот регион, который иногда (хотя и не все) именуют «Средним Востоком», противопоставляя Востоку Ближнему («левантийскому») и Средней Азии (экс-советской), – в значительной степени дело рук СССР и США. «Не буди лиха, пока оно тихо», «не выпускай джинна из бутылки». Разбудили и выпустили. США поддерживали шаха Ирана в его политику модернизации и вестернизации страны. Получили исламскую революцию 1979 г. со всеми вытекающими последствиями. СССР в том же году (какое совпадение!) ввел войска в Афганистан. Официальная реальная цель – стимулировать там модернизацию в виде коммунизации, советизации (о других возможных реальных целях, но уже не государства, а «групп интересов» можно лишь гадать и размышлять). Результат – «семилетняя война», которая, как заметил О.Руа, была не последней басмаческой войной, а первой войной Север – Юг в рамках Советской империи или советской зоны влияния в мире. Итог – уход из Афганистана, который из некогда стабильного и дружественного по отношению к СССР (России) превратился в нестабильный и недружественный – одна из худших комбинаций. А кто помогал моджахедам? США и Пакистан. Тот самый Пакистан, который, согласно жалобам афганских дипломатов, стремится ныне дестабилизировать обстановку в этой стране, поддерживает Талибан, появившийся будто из ничего, словно «человек ниоткуда».

Ну что, поработали на славу. СССР. США. Съемка окончена. Всем спасибо. Так кризисные явления мировой системы XX в. и ее подсистем – капиталистической и коммунистической – перерастают прямо или косвенно в мировой кризис.

Нынешний кризис капитализма становится мировым кризисом, кризисом планеты и по другой линии – по линии отношений с природой. По этой линии кризис могут ощутить и бушмен, и индеец с Амазонки, и кочевник из Мавритании. Вот уж действительно – без вины виноватые. И здесь мы доходим до конца социального качества и переходим к качеству природному или, точнее, социоприродному, поскольку оно связано с общим динамическим равновесием в природе, между природой и обществом, с экологией человека, демографией и т. д.

Системный кризис капитализма включает его отношения с природой, биосферой. Это кризис Капиталистической Системы как элемента Биосферы. Капитализм основан на необратимой эксплуатации природы, как и коммунизм (только у коммунизма больше экономических потерь, чем приобретений). Это конкретное проявление природоборчества

христианского исторического субъекта, Европейской цивилизации. Кризис мировой системы – планетарный кризис. СПИД, озоновые дыры, «пули Дьявола» (результат мутации сине-зеленых водорослей), прионы, угроза исчезновения мужского гена – все это может оказаться лишь цветочками по сравнению с биологическими мутациями в XXI в., так же как конфликты XX в. – всего лишь прелюдией к жесточайшей борьбе за ресурсы (еда, вода), воздух, биологические органы человека, пространство, борьбе за сознание и подсознание – и в них; в киберпространстве – и за него.

Эти аспекты борьбы могут достичь необычайной остроты, особенно если нынешние убаюкивающие прогнозы относительно того, сколько населения может выдержать Земля, лживы или просто ошибочны и если правы в своих оценках Н.Тимофеев-Ресовский и Н.Моисеев. Они, каждый используя свои принципы подсчета, пришли к выводу, что максимальная численность населения, которую Земля способна выдержать и которой может обеспечить достойную жизнь, – это 600 млн. – 1 млрд. человек. На это, казалось бы, можно возразить: да уже сейчас население Земли в 6–10 раз больше. Но речь-то идет о достойном существовании, а не по принцип «сельди в бочке» или «лемминги накануне массового самоубийства». Распихав людей по концлагерям и резервациям, покрыв последними земной шар, можно, наверное, расселить на планете и 100 млрд. Но нужно ли это кому-нибудь? И что за мир это будет? По собачьей конуре на рыло населения в 2100 г.?

Согласно прогнозам, производство продовольствия в начале XXI в. сконцентрируется в ядре Капиталистической Системы, и оттуда продовольствие будет экспортироваться в мир. Опустошение сельских районов Юга, его неспособность прокормить себя, накопление населения в мегаполисах как разбухающих «зонах неправа» – все это максимально обострит противоречия между Севером и Югом, между «точками» Севера и окружающими их зонами Юга. В такой ситуации не исключены локальные или даже региональные призывы «сарынь накичку», идейным обоснованием которых могут стать новые религиозные или экологические культы.

Мы начали с капитализма, а кончили Биосферой. Но внутри капитализма, рядом с функциональным капитализмом находился его негативный близнец – коммунизм. И умер он раньше функционального капитализма, который по-осеннему отходит, но еще не отошел. Таким образом, коммунизм, его падение, а не упадок капитализма оказывается самой маленькой «матрешкой», иглой Кощеевой смерти, находящейся в яйце (а яйцо – в щуке, а щука – в утке, а утка – в волке и т. д.). Коммунизм держал (на взаимных началах) функциональный капитализм и, таким образом, капитализм, его мир в целом. Теперь все – finita. Кончился коммунизм – и мир зашатался, оказавшись у некой черты, перед лицом нескольких кризисов, вырвавшихся из «кладезя бездны» Истории, а точнее – с многоголовым и многослойным социальным кризисом, у которого к тому же есть сильнейшее социоприродное и природное измерения.

Заказывали кризис? Кушать подано. «Игла смерти» сломана, кладезь бездны отперли. Коммунизм и капитализм – ключ к ней. Стуцали – и отверзлось.

Разумеется, дело не обстоит так, что рухнул коммунизм и поэтому – по «принципу домино» – посыпалось все остальное. Ситуаций иная: надломился капитализм, в котором «сконденсировались» и Европейская цивилизация, и христианская субъектность, и субъектный поток исторического развития. И первым от надлома рухнул коммунизм. Но по закону обратной связи это еще более подрывает капитализм как мировую политико-экономическую систему, подталкивая ее к последней черте, а вместе с ней и другие системы, из которых он вырос и в которые он пророс.

Графически то, о чем идет речь, можно изобразить так.
1991 г. точка бифуркации
функциональный капитализм
субстанциональный капитализм
«Старый Порядок»
феодализм

Поздняя Античность
Античность
1991 г.

Из схемы видно, как капитализм стержнем проходит сквозь остальные целостности, подводя их вместе с собой к определенной черте. Что же находится за этой чертой? Каким должен быть постсовременный мир, посткапиталистическая фаза Европейской цивилизации – логически, исходя из тенденций прошлого и нынешнего развития? Историческая картина, конечно же, будет разнообразнее и богаче содержанием и формами по сравнению с логическим типом.

L

Мир, который рождается под звон Колоколов Истории и который должен будет остановить этот звон, будет некапиталистическим. В нем могут быть и более или менее антикапиталистические зоны или точки (это зависит от способа и обстоятельств их возникновения), но, естественно, не на коммунистической основе. Коммунизм – это параллельный капитализму и, так сказать, внутрисистемный антикапитализм; значительно более страшным может оказаться антикапитализм посткапиталистический и вне(или пост)системный. Все это, впрочем, не исключает наличия капитала как социальной формы – капитал в неформационном смысле существовал в докапиталистических обществах, он может существовать и в посткапиталистическом.

Капитализм реализовал, завершил универсалистскую программу христианского субъекта, и этим он вызвал в XX в. партикуляристские антисовременные реакции (антикапиталистические реакции XIX и значительной части XX в. – до иранский революции 1979 г. – были универсалистскими). Ныне мы можем наблюдать упадок универсалистских идеологий – либерализма и марксизма, и потому логично предположить неуниверсалистский, партикуляристский характер новых систем идей. Деуниверсализация европейских ценностей и христианского субъекта способна привести к острейшей социокультурной коллизии. Христианство, христианский субъект всегда претендовали на универсальность; последние 200 лет марксизм и либерализм, коммунизм (1917–1991 гг.) и капитализм – каждый по-своему – пропагандировали и распространяли европейско-христианские ценности во всем мире, стремясь представить их в качестве универсальных, общечеловеческих. Не случайно падение коммунизма и осень капитализма сопровождаются аккомпанементом различных партикуляристских, неоязыческих форм.

Кто знает, может быть, не так уж далек от истины П.Бурдье, полагающий, что XXI в. станет временем триумфа неоязычества. В любом случае в следующем столетии перед Европейской цивилизацией, по-видимому, встанет выбор: либо «изобретение» новой религии откровения (это кажется маловероятным), либо партикуляризация европейских ценностей, признание принадлежностью только Европейской цивилизации, что неизбежно усилит неоконсервативные элементы, тяготеющие к неоязычеству.

Партикуляристский, неуниверсалистский субъект – возможно ли это? В принципе – да. Такой субъект был характерен для Античности. Правда, в Античности он был прежде всего коллективным. Реальным социальным индивидом и субъектом выступал полис. Попытка отдельного человека стать социальным индивидом, что возможно лишь в форме личности, как правило, приводила либо к изгнанию, либо к его гибели (как в случае с Сократом). И даже кризис, упадок полиса и возникновение имперских форм привели не столько к общественной фиксации личности (это – достижение христианства), сколько к приватизации коллективного бытия социального индивида.

После двух тысяч лет существования христианства партикуляризация и хотя бы частичная коллективизация европейского христианского субъекта, например, на этнической, локалистской или экодвиженческой основе, на основе того или иного меньшинства – сексуального, религиозного – представляется социоинженерной задачей не из легких.

Впрочем, национал-социализм и коммунизм уже продемонстрировали попытку подобной социальной инженерии на узконациональной и узкоклассовой основах.

Вообще опыт большевиков и национал-социалистов интересен, помимо прочего, с точки зрения экспериментов по выходу из капитализма и из современного общества, Модерна. Коммунизм был попыткой построить антикапитализм («посткапитализм») на универсалистской основе, иными словами, покинуть капитализм по универсалистским рельсам. Национал-социалисты играли не только по другим правилам, но и на другом поле. Они хотели уйти не из капитализма (он сохранялся), а из современного (modern) общества и создать капиталистический социум и райх на партикуляристской, антиуниверсалистской основе. Отсюда – неприятие как христианства, так и либерализма и, естественно, либеральной (буржуазой) демократии.

Аналогичное неприятие было характерно и для советского коммунизма – с существенным, однако, нюансом. Коммунизм отрицал христианство и либерализм как частные формы универсализма с позиций другой частной (для коммунистов, естественно, единственной верной) формы универсализма же. Таким образом, по линии «универсализм – партикуляризм» советский коммунизм парадоксальным образом оказался ближе к западным демократиям, чем к национал-социалистическому рейху. Однако, конечно же, не это определило то, что СССР и западные демократии оказались союзниками по антигитлеровской коалиции, а прежде всего два других фактора. Во-первых, чисто геополитические и военно-стратегические соображения, о чем говорили прямо Уинстон Черчилль и иносказательно Иосиф Сталин. Во-вторых, тот факт, что СССР не был положительным элементом Капиталистической Системы, был вне ее, представляя антикапиталистическую мировую систему. Внутри самой Капиталистической Системы континентальная Германия представлялась для Великобритании и США большей угрозой, чем СССР, который был частью Капиталистической Системы лишь функционально-негативно. СССР не был участником борьбы за гегемонию внутри Капиталистической Системы, «капиталистической мир-экономики». В такой ситуации универсализм коммунизма стал лишь дополнительной идейной гирькой на чаше весов выбора.

Однако по линии «антикапитализм-некапитализм» для СССР были неприемлемы как союзники, так и «осевики» вместе взятые. Не вдаваясь в фактографию, отмечу принципиальную логическую справедливость изображения ситуации в хулимом ныне многими у нас и на Западе «Ледоколе» В.Суворова. Другое дело, что война, которая могла задумываться одной из сторон как мировая классовая, межсистемная, реально в истории оказалась внутрикапиталистической, внутрисистемной. Антикапитализм выступил на стороне одного капиталистического сегмента против другого, обеспечив своей демографической массой, пространством и готовностью ради победы пожертвовать огромной частью населения победу США в борьбе за гегемонию в «капиталистической мир-экономике». То, что война получилась именно такой, свидетельствует не столько о торжестве случая (Сталин «опоздал» на две недели, и Гитлер будто бы упредил его), сколько о мощи Капиталистической Системы и железной хватке ее законов в первой половине XX в.: логика внутрикапиталистической борьбы оказалась сильнее, подмяла, подчинила себе, интериоризировала и раздробила логику борьбы коммунизма с Капиталистической Системой. Это – лучшая иллюстрация функциональности и негативизма, т. е. вторичности коммунизма по отношению к капитализму. Впрочем, военный, военно-стратегический аспект взаимодействия Русской и Капиталистической Систем, коммунизма и капитализма – особая тема для отдельного разговора.

В обеих попытках (коммунистической и нацистской) экспериментирования с выходом за пределы капитализма и Современности были заключены свои внутренние противоречия – разной силы и разной степени соответствия XX в. В одном случае капитализм – универсально-планетарная и универсалистская система – отрицался на универсалистской же основе, с ее использованием, но со знаком минус. В другом случае капитализм

использовался для отрицания универсализма; антиуниверсализм становился идейной основой капиталистического общества германского рейха. Это внутреннее противоречие было в случае национал-социализма значительно более острым и опасным для него, чем в случае коммунизма.

Во-первых, сам коммунизм как система был в качестве особой зоны вынесен за рамки капитализма, находился вне ее, а национал-социализм занял место в самом ядре, в самом сердце капиталистической мир-экономики. Это была внутренняя для нее угроза, намного более опасная. Коммунизм не угрожал экономике капитализма непосредственно.

Во-вторых, универсализм в значительно большей степени соответствовал функциональному капитализму XX в., самому этому веку как Великой Функциональной Эпохе. Национал-социалистская идеология XX в. в целом не соответствовала. Она пришла слишком поздно (или слишком рано). Капитализм – универсальная система, у нее не может быть партикуляристской основы. Национал-социализм – это капиталистический колосс на глиняных идейных ногах; капитализм, в который пускают по расово-этническому принципу – только арийцев, не мог устоять. Ясно, что при прочих равных условиях такая система в XX в. более уязвима, чем те, чья идеология носит универсалистский характер. Помимо чисто военно-экономических факторов это стало одной из причин поражения Германии. Для людей на Западе коммунизм – антидемократический универсализм – оказался более приемлемым, чем национал-социализм, антидемократический партикуляризм, а Сталин более приемлемым, чем Гитлер. Разумеется, при этом не следует забывать и о том, что Гитлер был под боком, а Сталин – далеко, а потому казался менее опасным, т. е. о чистой геополитике, которая играла решающую роль в выборе союзников.

Формально-логически партикуляристским должен был быть антикапитализм (т. е. коммунизм), а универсалистским – капитализм. Но история – не учебник формальной логики. Кроме того, коммунизм, будучи полным функциональным отрицанием капитализма, мог быть только универсализмом. Но с противоположным знаком. Национал-социализм такую роскошь себе позволить не мог. Национал-социалистский режим не выходил за рамки капитализма, капиталистической организации общества. Поэтому он мог выступать только как иной капитализм – не универсалистский, а антиуниверсалистский, партикуляристский. Отсюда – ловушка, угол, в который он себя и загнал.

Это, однако, не значит, что «этносоциализмы» (точнее «этнокоммунизмы») в принципе невозможны. Они возможны – на антикапиталистической основе. Или, скажем, в посткапиталистическом и постсовременном мире. «Беда» коммунистов и нацистов заключалась в том, что, живя в обществе, которое одновременно было современным и капиталистическим, они отрицали один из его важнейших интегральных аспектов с помощью другого: либо капитализма с помощью универсализма как формы Modernity, либо саму Современность на основе капитализма.

Коммунистическая стратегия отрицания, «коммунистическая отрицаловка», разумеется, в определенном геоэкономическом и геополитическом контексте, оказалась более успешной. Некапиталистический партикуляризм (или партикуляристский некапитализм) – вот по-настоящему логичная формула общества XXI в., практический идейно-политический путь в XXI в. Учитывая экологический кризис, это общество, помимо прочего, должно перестать быть природоборческим, что опять же ослабляет позиции христианского исторического субъекта.

Разумеется, все это – упражнения в логике истории. Но существует «история истории», она-то и есть история. В любом случае, однако, посткалиталистический социум, чтобы состояться, должен будет решить противоречия не только капитализма, но и остальных систем, чей кризис вызвал капитализм, чьей иглой Кощеевой смерти он оказался. Вполне возможно – и скорее всего так и будет – не найдется одной-единственной системы, модели, формы, способной решить, устранить противоречия всех потоков и систем, оказавшихся у одной черты. Наиболее вероятно наличие нескольких вариантов «постистории», «постразвития» (посткапиталистического, постсовременного и т. д.) как способов отрицания

старого, как форм преодоления нескольких кризисов, кризисов нескольких целостностей. Едва ли всех, но, скажем, трех-четырех в одном случае, двух-трех в другом и т. д. Хотя в большей или меньшей степени новые системы должны будут реагировать на проблемы всех исторических целостностей, указанных в схеме. В любом случае разнообразный, пуантилистский и в то же время целостный в многообразии мир – как цельными кажутся издалека картины, выполненные в пуантилистской манере, – вот, скорее всего, облик XXI в.

LI

Основоположники марксизма-ленинизма любили повторять, что марксизм – не догма, а руководство к действию. Деятельностный характер марксизма был сформулирован Марксом еще до оформления марксизма – в одиннадцатом тезисе о Фейербахе. Активизм марксизма – это лишь одно из проявлений активизма Европейской цивилизации, христианского исторического субъекта. В их традициях знание, даже теоретическое, всегда имеет мощный практический аспект. Не случайно в Европе изобретения, как свои так и чужие, быстро превращались в нововведения, т. е. социально утилизовались. Знание – сила. Чтобы действовать, надо знать. Чтобы действовать в конце эпох, в часы на закате и на рассвете эпох, а также между этими фазами, когда рушатся или дают трещины социальные системы, у конца эпох, когда падает дух их идеологических и властных защитников, надо обладать новым знанием. Не знанием новых фактов, а знанием, имеющим новую структуру, новые методы, новый угол зрения, новые базовые объекты исследования и единицы анализа; надо иметь не новые ответы, а новые вопросы. Новое понимание. Речь сейчас пойдет не о таком новом знании в целом, не о его принципах и формах организации – это самостоятельная тема, а лишь о двух его сферах, тематически связанных с данной работой, – об анализе социального упадка и революций.

Прежде всего, необходимо знать, как кончаются, умирают, рушатся исторические системы – будь то империи, формации или цивилизации. Современное социальное знание носит в известном смысле ювенильный или, по крайней мере ювенильно ориентированный характер. Науку об обществе интересуют главным образом ранние стадии и периоды расцвета. Значительно меньше внимания уделяется закатным эпохам, эпохам конца. Им не везет еще и в том отношении, что если к ним и обращаются, то чаще всего под определенным углом: стараются найти и подчеркнуть ростки нового. А когда последних не видно, интерес исчезает почти полностью. Это как в жизни, где молодые и дети вызывают больше интереса, чем старые. Понятно, но несправедливо и неправильно, напоминает логику Буратино, изгоняющего сверчка из каморки Папы Карло. «Осень Средневековья» Й.Хёйзинги так и не стала исходным пунктом некоего мощного направления исследований «социальной осени».

Пример ювенильно-ориентированной науки – изучение Древних Афин. Мы знаем историю Солона, Фемистокла, Перикла войн с персами; в меньшей степени – Пелопоннесской войны, Демосфена и… все. Античные Афины как бы оканчиваются IV в. до н. э., внимание и интерес смещаются к Македонии, затем – к Риму. А что же Афины, они, что, исчезли? Их смыло потопом, как когда-то, по версии саисских жрецов и Платона, легендарные Афины, противостоявшие атлантам, вместе с этими последними и страдой – Атлантидой? Нет, не смыло. Поздние Афины (261 г. до н. э. – 80 г. до н. э.; первая дата – утрата Афинами права чеканки собственной монеты; вторая – разгром Суллой демократов-террористов) – это очень интересная и поучительная страница в истории. Поздние Афины – это Афины, отказавшиеся от богини Афины как символа величия города и заменившие ее Афродитой: не мудрость, а любовь; не ум, а тело. Это Афины, объятые восточными культами, боготворящие царей (Птолемеев). Это город богатых и знатных; город демоса, который не любит демократию. Ж.-Ф. Ревелю, написавшему книгу «Как гибнут демократии», следовало бы использовать Афины в качестве классического случая. Но для подавляющего большинства Афины – это Перикл и демократия.

Повезло ли больше финалу европейского Средневековья, второй половины XIV–XV вв.? Нет. Написано-то много, но в основном в ракурсе выявления «ростков нового».

Ныне смещение фокуса на «темные эпохи» – закатные и органически вытекающие из них раннерассветные – не только теоретический, но и практический императив. Анализ поздних фаз и упадка социальных систем, сравнение нисходящих фаз в исторической перспективе – важнейшая актуальная практически-теоретическая задача. Нам необходима новая «дисциплина», нечто вроде «социальной эсхатологии» (или «историко-системной финалистики»,[24] чтобы не нарваться на социальный апокалипсис. Нынче модно говорить о кризисе и о кризисах. О кризисах экологическом и демографическом, экономическом и политическом. Слово – затаскано. Порой кажется, что употреблением его – впопад и невпопад – говорящие пытаются то ли заслониться от пугающей реальности, то ли спрятать реальный кризис от других и самих себя, то ли заставить себя и других привыкнуть к тому, что отстраненно. остраненно и туманно именуют «кризисом».

Имеет смысл – и вообще, и в рамках социальной эсхатологии – присмотреться к крупным или, как теперь любят выражаться, «глобальным», злоупотребляя этим словом, кризисам (хотя, по-видимому, глобальный кризис – впереди, и он, похоже, будет единственным в истории человечества, если, разумеется, «забыть» о кризисе верхнего палеолита). Или, скажем скромнее, к системным кризисам. Например, к европейскому кризису второй половины XIV – первой половины XV в. (закат Средневековья, ранний-ранний рассвет Нового времени). Социальные революции конца XIV столетия, которые историки XIX–XX вв., как либералы, так и марксисты, снисходительно-высокомерно называют «крестьянскими войнами», надломили и так уже гнувшийся хребет феодального общества. Тем самым они открыли путь «новым монархиям», странному и страшному миру Макиавелли, Босха и Шекспира. Не менее интересен кризис Римской империи III в. н. э. Для нас он особенно важен тем, что, в отличие от позднесредневекового кризиса, включает разлом по линии центр – периферия, метрополия – варвары. Ну и, наконец, великий кризис Средиземноморской системы XII в. до н. э., когда переселялись народы, рушились царства и возникали страшные, державшиеся только на военной силе державы.

Разумеется, в истории не бывает повторений, и, скажем, в том кризисе, в который въезжает Капиталистическая Система, видны черты всех трех кризисов, которые я упомянул. Плюс кризис в отношениях с природой. Одна из немногих оппозиций, которую капитализм не может интериоризировать, превратить в свое внутреннее противоречие и решить в качестве такого, – это противоречие Общество – Природа (Капиталистическая Система – Планетарная Биосфера). Кстати, аналогичная ситуация имела место в обществах «азиатского» способа производства, где социум не может решить в собственных рамках свои противоречия с «локальной биосферой» и они «решаются» с «помощью» либо антисистемных восстаний, либо кочевых завоеваний – в ходе и тех и других вырезается «избыточная» часть населения; и те и другие представляют собой механизм восстановления равновесия общества с природой и равновесия внутри общества. Но для этого приходится выходить, хоть и негативно, за рамки самого общества.

Аналогичным образом НТР может предложить решение противоречия Общество – Природа путем создания искусственной природы. Многие специалисты считают, что завершением НТР должна быть биотехнологическая фаза. И логически так оно и должно быть. Но это означает выход за рамки капитализма (с непредсказуемыми для него последствиями: логически в случае капиталистической гомогенизации мира энергия капитализма уравнивается с его энтропией, исчезает разность потенциалов) и может произойти только за его социальными пределами. Более того, все это предполагает

---

[24] Финал бывает только у систем. История людей, что бы ни писал Ф.Фукуяма, не кончается – не вообще, а в том смысле, что она не кончается вместе с историей системы.

пересмотр идейных и ценностных основ не только капитализма, но и христианства.

В этом смысле НТР в самом своем начале, уже самим фактом своего бытия снимает не только главное, системообразующее противоречие капитализма – между субстанцией и функцией. Устраняя последнее, она социопроизводственным образом снимает и центральное, осевое противоречие христианства – между духом и материей. Таким образом, НТР оказывается Терминатором не только капитализма, но и христианства. В этом нет ничего удивительного. Ведь капитализм создал ту систему производства, которая являлась наиболее адекватной христианству: великая мировая, внелокальная, универсалистская природоборческая система. Капитализм есть, кроме всего прочего, опроизводствление христианства. Не случайно «Великая Капиталистическая революция» 1517–1648 гг. начиналась как фундаменталистская, как возвращение к раннему христианству, к основам.

НТР подводит черту под историко-культурной и социогенетической программой не только капитализма, но и христианства. С капитализмом умирает христианский Бог. Мир НТР, мир Постмодерна и есть Страшный Суд – христианства и над христианством. Как знать, быть может, сохранение европейских ценностей, Европейской цивилизации возможно лишь вне христианской оболочки, с признанием локального характера Европейской цивилизации при универсалистском характере христианско-европейской личности. Но в таком случае христианство становится сугубо индивидуальным выбором без надежды на воздаяние и прогресс, чем-то, похожим на стоицизм Поздней Античности с его светлым пессимизмом разума, но оптимизмом воли – как это продемонстрировал Марк Аврелий, упорно творивший свой limes. Христианство без христианского Бога, христианство, сведенное только к личностному измерению, «сжимающееся христианство» только внешне напоминает христианство первоначальное. И дело не только в том, что между ними – две тысячи лет. Дело в том, что христианство XXI в. не может не быть пессимистично-разумным. Это христианство руин. Провалились и рухнули все проекты, обусловленные им. Политические проекты XVIII в. XIX в. хотел добиться того же экономическим путем – неудача. XX в. пытался реализовать социальный проект. Результаты – те же, что и у предшественников. Остается личность, да и она – не крепость, уязвима для наркотических и психотропных средств. Но если личность начала христианства завоевывала мир, весь мир лежал перед ней, то ныне эта личность отступает, оставляя целые зоны «бесхристианскому капитализму», который есть триумф капитала, но не капитализма, который в тенденции есть возвращение к капиталу докапиталистических обществ. Христианство оформилось одновременно с правом – римским правом, они тесно связаны друг с другом. Поэтому возникновение «зон неправа» – это и удар па христианству.

Нынешние успехи некоторых азиатских обществ – это успехи, особенно в перспективе, по пути не капитализма, а декапитализации Капиталистической Системы, возникновения (возрождения) докапиталистических (некапиталистических) макрорегионов-зон производства и обмена, возникновения мира, где капитализм из господствующего, системообразующего элемента становится одним из элементов иной системы, мира без господства христианского субъекта и универсалистских ценностей.

Очень показательны в этом отношении идейные сдвиги, происходящие в азиатско-тихоокеанском регионе. Как заметил А.Дирлик, возрождение конфуцианства в этой зоне есть попытка создать восточноазиатскую идеологию, направленную против гегемонии США и Европы в капиталистической мир-экономике. Однако это «новое» антиевропейское конфуцианство резко отличается от традиционного. Его задача – встроить конфуцианство в «менеджерский капитализм», а самому этому капитализму, в котором акцентируются организация и солидарность всех работников фирмы, их беспрекословное подчинение старшим, привить азиатскую (неуниверсалистскую!) идентичность. Перед нами попытка укрепления капитализма на партикуляристский манер, социометодологически чем-то похожая на национал-социалистский опыт, но, в иной, регионально-цивилизационной, а не национально-расовой (по крайней мере реализуемая пока) форме. Поэтому ныне эта региональная форма привлекает даже американских менеджеров, но в будущем вовсе не

исключен расовый партикуляризм, смешанный с конфуцианством. В мусульманских странах азиатско-тихоокеанского региона упор делается на ислам.

В новой системе разнообразных «капитализмов» на место капитала заступает Организация, в которой капитал и капитализм будут выполнять скорее функциональную, служебную роль. Главным же будет сохранение, самовоспроизводство Организации в региональных рамках. Организация-регион. На этнокультурной, цивилизационной основе. Цель, характерная для докапиталистических обществ: самовоспроизводство в региональных рамках. Средство наряду с другими: капитал. Внешне – докапиталистический динозавр. По сути – неодинозавр. Организации такого рода – не ТНК, не государство, а нечто совершенно новое, для чего еще нет термина. Они скорее всего будут олицетворять единство политики и экономики (похоже на «докапитализмы»), контролировать социальные и духовные факторы производства (как при коммунистическом порядке), акцентировать коллективистские ценности («докапитализмы», коммунизм) на партикуляристской основе (национал-социализм в модифицированном виде этносоциализма, этнокоммунизма, этноколлективизма), накапливать капитал (капитализм), используя для этого современнейшую технику (поздний капитализм, НТР).

И речь необязательно во всех случаях идет о смешении; иногда возможно и более или менее органическое единство с иерархией подуровней, причем иерархия эта может быть гибкой и меняющейся – tangled hierarchy, как на картинах М.Эшера. Чем-то подобные Организации, их иерархии могут напоминать Венецию самого конца Средневековья, Ост-Индские компании, чей расцвет приходится на генезис и самую раннюю фазу капитализма, на вход в капиталистическую эпоху. Показательно, что и «Военно-торговый дом Венеция», и Ост-Индские компании пришли в упадок по мере развития капитализма. Появление сходных организаций на «выходе из капитализма», т. е. располагающихся симметрично во времени, кажется мне и симптоматичным, и индикативным – указывающим на развитие в сторону некоего нового мира.

В таком мире, внешне напоминающем военно-торговые зоны арабского мира, ал-Хинда, Юго-Восточной Азии или Восточной Европы той эпохи, которую для Западной Европы называют Средневековьем, – даже если его агенты-Организации не провозгласят официально свой не(или анти)капиталистический характер, – капитализму (и даже капиталу) вовсе не гарантированы передовые позиции. Напротив, «капитализм» и «государственность» могут оказаться уделом наиболее отсталых и архаичных зон, полурабских гетто постсовременного мира, его «рудников Лавриона», составляющих в совокупности «нижний мир», «туннель» под постсовременным миром, в котором путь в капитализм означает путь в отсталость и аномию бидонвилей, трущоб и плантаций. Разумеется, это – гипотеза или даже воображение. Но, как в свое время показал Ч.Райт Миллс, социологическое воображение в определенных ситуациях – полезный метод.

У вступающей в такой мир личности христианского типа, независимо от того, идет ли речь о верующем или атеисте (атеизм возможен только в христианстве), по сути, нет ничего, кроме нее самой, кроме мыслящей точки. Нет надежд ни на социальные, ни на экономические, ни на политические проекты. Все они пошли прахом. Думаю, этот личностный пуантилизм соответствует грядущему пуантилистскому миру. Единственная незыбкая субстанция, которой обладает человек, – это личностность, универсальная социальность как таковая. Это единственный материал, из которого можно строить новую структуру (постсовременную, посткапиталистическую, «христианско-постхристианскую», партикуляристскую) Европейской цивилизации. Или, точнее, начинать строительство Европейской цивилизации как локальной после двухтысячелетнего блестящего универсалистского ее периода.

Выше уже шла речь о том, что капитализм по сути не создал своей цивилизации – он положительно антицивилизационен, а также о том, что капитализм как формация адекватен христианству, производственно-технически выполняет его историко-культурную программу. Есть еще одно существенное сходство между христианством и капитализмом: христианство

в известном смысле не менее антицивилизационно, чем капитализм. Только у капитализма это качество имеет производственную основу, материальную, а у христианства – культурно-историческую, духовную. Но здесь мы должны прежде всего договориться о терминах, точнее – о термине, о том, что подразумевается под «цивилизацией». Согласимся с Декартом – Il faut définir le sens des mots.

LII

Термин «цивилизация» затаскан. Его еще более обесценивает то, что нередко в различных контекстах, а иногда даже именно в одном и том же в него вкладывают принципиально различное содержание. В результате «цивилизация» становится столь широким и всеобъемлющим понятием, что лишается научного и практического смысла, – всё цивилизация. Говорят о «мировой цивилизации» и о «цивилизации бушменов», о «капиталистической» и «китайской» цивилизациях, о цивилизации «верхнего палеолита» и «американской», о «христианской» и «буддийской». Естественно, что в такой ситуации цивилизационность как качество, с одной стороны, конкретизируется до предметов быта, обихода, с другой – становится максимально – абстрактным. Эта комбинация и создает ложное впечатление простоты и ясности того, что скрывается за термином «цивилизация», и, упрощая, ошибочно сводит к одному понятию несколько совершенно различных явлений, различных по принципу конструкции исторических систем, а не просто неких культур. Я не имею в виду различия, зафиксированные в свое время, например, Энгельсом и Шпенглером.

«Капиталистическая цивилизация», «христианская цивилизация», «китайская цивилизация» – в каждом из этих трех случаев качество «цивилизационности» и принцип, критерий определения цивилизации различны и как минимум ставят под сомнение друг друга. Разумеется, повторю, это в том случае, если цивилизация есть для нас некое ограниченное понятие, а не концептуальный надувной мешок, в который с чувством глубокого удовлетворения можно запихнуть почти все, что угодно.

Например, если мы говорим о «китайской», «индийской» или даже «античной цивилизации», то речь идет о локальных партикуляристских исторических формах. «Христианская цивилизация» – это уже нечто иное, универсалистская система, отрицающая именно те качества цивилизации, которые характерны для китайской, античной или майяской цивилизаций, отрицающая их цивилизационность, то, что лежит в основе последней и определяет ее. «Европейская цивилизация» – еще одно новое качество. В отличие от всех других целостностей, именуемых цивилизациями, эта последняя на несколько порядков сложнее по конструкции: она многосоставна, многоклеточна, представляет собой органическое (хотя и напряженное) единство нескольких традиций – античной, иудео-христианской и германской. Такой сложности, комплектности нет вне Европы (хотя, разумеется, за сложность, как за многоклеточность, надо платить; одноклеточные, например, бессмертны, а эволюция – это не выживание наиболее сложного, a survival of the fittest).

Наконец, «капиталистическая цивилизация». Что это такое? Европейская цивилизация эпохи капитализма? Если да, то термин «капиталистическая цивилизация» не имеет смысла, он – лишний. Если нет, то суть явления, скрывающегося за этим термином, непонятна: чем тогда «капиталистическая цивилизация» отличается от «капиталистической формации»? Ну а с «мировой цивилизацией» и того хуже. Что это: совокупность всех цивилизаций, сваленных в одну кучу, или некая целостность? «Цивилизация по совокупности» невозможна, это ясно. Целостность? Кто субъект этой целостности? Человечество? Тогда речь должна идти о «земной цивилизации» как цивилизации, созданной Homo sapiens и не имеющей никаких частных особенностей. Но это уже такое измерение «цивилизационности», которое имеет мало отношения к исходному и воспринимается скорее как метафора.

Мы постоянно смешиваем метафорическое и понятийное определения

цивилизационности. Причем, когда речь идет о «земной цивилизации», мы помним о большей или меньшей метафоричности этого словосочетания, когда же о «мировой» и «капиталистической» – начисто об этом забываем и пользуемся ими как собственно научными понятиями.

Если с мировой и капиталистической «цивилизациями» ситуация закавыченности в общих чертах еще прояснима, то с тем, что именуют Христианской и Европейской цивилизациями, дело обстоит сложнее. Как только мы ставим их в один ряд с индийской, китайской, древнеегипетской или инкской, да и друг с другом тоже, гармония и логичность ряда исчезают. Уж очень разные целостности оказываются под одной крышей. Каким из них отдать предпочтение в качестве цивилизации в строгом смысле слова? Это зависит от критерия – с чего начинать. Если начинать с капитализма, то все остальное – недоцивилизации. Если же руководствоваться принципом историзма, подходить историко-генетически, то базовые, исходные понятия и определения цивилизации следует давать по более ранним, первым цивилизациям, т. е. по локалистским формам. Именно они суть базовые, исходные единицы, те качественные исторические состояния, по которым и из которых определяется, что такое цивилизационность, цивилизация. И тогда последняя – явление по определению локальное. Ни Европейская, ни Христианская к таким не относятся.

Что же такое цивилизация? Шпенглеровское различение культуры и цивилизации здесь не поможет. У Шпенглера речь шла о различиях в рамках одной социокультурной целостности, меня же в данном случае интересуют различные целостности, принципы и исходные состояния для определения их качества как особых целостностей.

Ныне цивилизации нередко противопоставляют формациям, «хороший» и «правильный» цивилизационный подход – «плохому» и «неправильному» формационному. И то и другое – крайности. Цивилизационность и формационность суть два различных аспекта, два различных лица исторической субъектности, исторического субъекта. Они тесно и зачастую хитро связаны друг с другом, но не сводятся друг к другу. Например, то, что именуют Европейской цивилизацией, существует в трех (или двух – в зависимости от включения или невключения античности в Европейскую цивилизацию) различных формационных вариантах. Напротив, неевропейские цивилизации так или иначе не выходят за рамки того, что именуют «азиатским» способом производства, представляя его локальные варианты, связанные с местными комплексами природных производительных сил.

Цивилизационность исходно есть качество локальное, локалистское. С этой точки зрения христианство не просто нецивилизационно, оно – антицивилизационно. Можно, конечно, провозгласить наличие различных уровней цивилизационности. Но что взять в качестве критерия? Есть ли такой? Формации еще как-то можно сравнивать между собой по уровням: они соотносятся во времени и образуют временной, стадиальный ряд – если не исторически, то логически. АСП – рабовладение – феодализм – капитализм. И если соотношение антично-рабовладельческого и феодального социумов – вопрос сложный, то трансформация феодализма в капитализм посредством социальной революции очевидна, превращение налицо, но – в рамках одной цивилизации.

Однако никогда не было прямого превращения одной цивилизации в другую: китайской цивилизации в индийскую, древнеегипетской – в шумерскую и т. д. Цивилизации соотносятся друг с другом не во времени, а в пространстве. Если формационные типы можно сравнивать друг с другом по тому вещественному и энерго-информационному потенциалу, которым они обладают, – абстрагируясь от противостоящей им «локальной биосферы», от геолокуса, от того, что евразийцы называли «месторазвитием», – то с цивилизациями так не выйдет. Они представляют собой единство социума со «своей» «местной», «частной» природой, со своим пространством. Цивилизации суть социоприродные комплексы. Поэтому такой критерий, как степень свободы социума от природы, не решает в данном случае проблем дефиниции. От какой природы? Каждой цивилизации противостоит ее локальная природа, к которой она адаптирована, с которой она составляет целостность. Как измерить «локальные» степени свободы общества от природы? Пока что у меня нет ответа на этот

вопрос. И я не уверен, что сам вопрос корректен: когда природные факторы производства суть интегральные элементы социального процесса (и наоборот), как противопоставлять общество – природе?

Капитализм создает искусственную природу, но это уже другая «лига» и другая степень свободы, принципиально иной тип свободы (и зависимости). Докапиталистические формы с христианской «начинкой» – феодализм, с одной стороны, Европейская цивилизация – с другой, занимают как бы промежуточное место между цивилизациями, с одной стороны, и капитализмом – с другой. Вот такой «неправильный» ряд.

Итак, цивилизационность тесно связана с пространством, тогда как формационность – со временем. Точнее: связана в большей степени. Цивилизационность – это преимущественно социопространственное, локалистское (с эпохи капитализма – партикуляристское) измерение субъекта, здесь время как бы упрятано, закатано в пространство. Формационность – единовременное измерение, а следовательно, в нем теоретически заложена (но не гарантирована) возможность развертывания циклического, одноплоскостного («пространственного») времени в универсалистскую линию, стрелу времени. Формационность определяет, задает только общие социосистемные характеристики общества. Цивилизационность же – это более сложное и в то же время более конкретное историческое качество, в котором фиксируется конкретный способ фиксации или нефиксации субъекта в системе, конкретная для данного геолокуса форма соотношения субъектности и системности, отношений общества – с природой, индивида – с коллективом. Если формации суть социальные типы, то цивилизации – это скорее социальные индивиды, монады.

Социальная фиксация в обществе индивидуального субъекта, иначе говоря, субъекта внелокального, универсального завершает цивилизационность как качество, как бы закрывает его и переводит развитие в иную (надцивилизационную, суперцивилизационную) сферу. Отсюда – одна цивилизация в нескольких формациях, бег во времени и с помощью этого – охват огромного, внелокального пространства. Собственно цивилизационное развитие здесь возможно главным образом как превращенно формационное, как усложнение и увеличение разнообразия исходного цивилизационного качества за счет включения в его органику – на каждой из новых социовременных стадий – иных культурных традиций, соответствующих этим стадиям. Разумеется, таких традиций, которые вписываются в исходное качество, соответствуют ему, сочленяются с ним. Но это – по принципу обратной связи – и означает исходную открытость данного качества. Последнее возможно только в том случае, если субъект не совпадает с системой, не растворяется в ней, социально фиксируется в ней, что размыкает ее, устраняет замкнутость, делает систему асимметричной и открытой. Но это, подчеркиваю, формационный источник развития цивилизационности, более или менее внешний по отношению к ней. Пример – Европейская цивилизация, на каждом новом витке своего формационного развития включавшая и усваивавшая органически новые цивилизационные, этнокультурные традиции.

Нефиксация субъекта в обществе запирает развитие в локальных, пространственно-цивилизационных рамках, множа разнообразие пространственных, цивилизационных форм, но не выходя за рамки одного социовременного типа (одна формация в виде разнообразия нескольких цивилизаций).

LIII

Создав индивидуального субъекта с мощным универсалистским потенциалом, христианство сломало цивилизационность в ее исходном соционатуральном, природно-локалистском качестве и предложило иной, нецивилизационный алгоритм и вектор развития. На место цивилизации заступил Универсум – Христианский Универсум.

Однако этот Универсум не мог не занимать некое пространство, не обладать некими пространством и характеристиками – локальными, средиземноморско-европейскими. Имея

свой геолокус и будучи универсалистским, Универсум начал расширяться и довольно быстро включил в себя те локальные традиции, которые обладали индивидуалистским потенциалом (античная, германская). В этом смысле Европейская цивилизация не относится исключительно ни к исторически «чистому» ряду (локальных) цивилизаций, ни к Христианскому Универсуму. Она есть процесс и результат снятия противоречий между христианским универсализмом и цивилизационным локализмом, исторический компромисс между ними. Это противоречие было интериоризировано в том, что именуется «Европейская цивилизация», придав ей фантастическую, невиданную в истории динамичность.

Европейская цивилизация стала уникальной исторической машиной, цивилизацнонные детали которой оказались самыми приспособленными к универсалистскому потенциалу,[25] а внелокальный индивидуальный субъект – мотор – обрел единственно возможную для себя цивилизационную форму. Не случайно Европейская цивилизация – цивилизация с «христианским мотором» оказалась единственной постоянно расширяющейся, ломающей свои естественные пределы. Причем этот процесс резко активизировался тогда, когда неевропейские цивилизации освоили все свое «естественное» локальное пространство и в XI–XII вв. в основном застыли у его границ. Именно в XII в. Европа взорвалась, и к XVI в. достигла «естественного» максимума, что резко обострило противоречие между цивилизационно-пространственной и универсально-временной компонентами Европейской цивилизации.

Капитализм устранил это противоречие, снял его в себе как в мирового масштаба Капиталистической Системе. Последняя, таким образом, функционально заняла место Европейской цивилизации в субъектном потоке исторического развития, став новой, подлинно и единственно универсальной (в смысле: мировой) формой универсалистского внелокального христианского субъекта.

Капитализм находится еще дальше от цивилизационности, чем христианство и Европейская цивилизация. Он – нецивилизационное решение противоречия между европейским пространством и христианским временем, между цивилизационностью и христианским универсализмом. Он – альтернатива решению, предложенному Европейской цивилизацией, и в то же время ее функциональный наследник, призванный выполнить ту же, что и она, задачу, но другими средствами и в другом масштабе.

На мой взгляд, здесь проявляется еще один срез неоднородности и сложности субъектного потока исторического развития, оказывающегося своеобразным «историческим кубиком Рубика», стороны которого можно выложить по-разному. Например, можно представить субъектный поток так, как это делают чаще всего, – состоящим из двух цивилизаций: Античной или Европейской; можно предложить модификации: одна – Западная – цивилизация, представленная двумя формами – локальной (Античной) и универсалистской (Европейско-христианской). Другая картина – ряд из трех формаций: рабовладение, феодализм, капитализм. Но возможен и еще один ряд:

Христианский Универсум
Античная цивилизация
Европейская цивилизация
Капиталистическая система

На первый взгляд этот ряд может покажется алогичным, ведь в нем смешаны цивилизационное и формационное. Однако такое впечатление обусловлено нестрогим определением понятия «цивилизация» и еще некоторыми обстоятельствами, о которых здесь нет места говорить. Главное же заключается в том, что перед нами три логически и

[25] Исламские «детали», например, не годились, равно как и буддийские, хотя и буддизм, и в еще большей степени ислам возникли как попытки преодолеть локализм. Но «внелокальность» еще не значит «универсализм».

исторически стадиальные, сменяющие друг друга системы субъектного потока. Первая – Античная цивилизация – это как бы одномерная система. Европейская цивилизация – система второго порядка, двумерная, возможна лишь как «опространствливание», ограничение в пространстве универсального по потенции и интенции христианского исторического субъекта. Наконец, капитализм – система третьего порядка, трехмерная. В ней и с ней христианский исторический субъект овеществляется и реально завершается как универсальный – мировой, планетарный: мир-система, мир(планета) – капитализм, мир-Христос (правда, в XX в. возник антимир, но это, как говорится, Бог в помощь).

Пока не знаю, какими терминами определить то, что я гипотетически назвал системами первого, второго и третьего порядков, выстроив некий ряд. Ясно, что ряд этот не совпадает ни с формационным, ни с цивилизационным. Оба последних характерны как для субъектного, так и для системного потоков развития. Здесь же речь идет скорее о различных формах, стадиях, системах, имманентных только субъектному потоку развития, хотя это предположение нуждается в разработке и проверке. Однако в любом случае, Европейская цивилизация и капитализм существуют в качественно иных по содержанию и конструкции сферах, чем цивилизации. Со всеми вытекающими отсюда последствиями столкновений этих систем с (неевропейскими) цивилизациями. Успех Запада в краткосрочной и среднесрочной перспективе не означает автоматически успеха в долгосрочной, например поздне- и посткапиталистической, перспективе, поживем – увидим.

Благодаря функции капитала, автономной от любой субстанции, от любой локальности, Капиталистическая система становится универсалистской и экономически. Функция капитала – вот реальное социопроизводственное воплощение христианского Бога. Ныне капитализм исчерпал (или почти исчерпал) то земное пространство, которое ему «по зубам», т. е. пространство «чистых форм», поддающееся темпорализации с помощью собственности, вещественной субстанции. Ныне капитализм оказался в том положении, в котором обнаружили себя наиболее развитые азиатские общества к XII в. или феодализм и Европейская цивилизация в XIV–XV вв. В мире больше нет америк, африк и австралий. Экспансия окончена. Для универсалистской компоненты Европейской цивилизации, капитализма нет больше адекватного пространства, а тенденция к макрорегионализации мира грозит сократить, демондиализировать имеющееся и уже освоенное пространство. Объективно это ослабляет универсалистскую компоненту, регионализирует ее, придает, ей цивилизационные черты.

Ну что же, в этом нет ничего удивительного. Ослабление универсалистской компоненты христианства не означает конца европейского исторического субъекта, Европейской цивилизации. Когда-то с Античностью и Средневековьем окончились их локально-региональные фазы. Ныне подходит к концу – универсальная. Однако европейский субъект остается внелокальным. По-видимому, новой формой внелокальности и должен стать макрорегион «Единая Европа», хотя трудностей на том пути значительно больше, чем это можно себе представить ныне. Вообще, намного более трудным станет бытие универсалистского субъекта, который не может в прежней мере рассчитывать на такую опору, как универсалистская и универсальная система, каковой и была Капиталистическая Система в эпоху Современности (1789–1991), когда она выступала как «современная мир-система» в строгом смысле слова. Как знать, может быть, центральным противоречием Европейской цивилизации XXI в., мотором ее развития (но в перспективе – и иглой «Кощеевой смерти») станет противоречие между универсальным характером исторического субъекта и партикуляризмом самой системы, в которой ему суждено жить или даже которую ему суждено строить. Внешне, абстрактно-типологически это выглядит как историческая инверсия: не от Античности к христианству, как две тысячи лет назад, а наоборот, как бы от христианства к «Античности» с как бы превращением христианства в ядро последней. Сюрреализм. Но в истории может случиться если не всякое, то многое.

Итак, социально-исторический финал (финиш) капитализма в то же время объективно оказывается, по-видимому, преддверием социально-исторического финиша и христианства,

вновь низводит последнее до положения лишь одного из элементов Европейской цивилизации, сводит к личностному измерению с пессимистическим привкусом. Христианство с Маркаврелиевым или Экклезиастовым привкусом. Надо ли печалиться по этому поводу? Думаю – нет. Христианство как религия выполнило свою культурно-историческую миссию. Теперь, если говорить всерьез, оно может быть лишь внутренней позицией индивидуального субъекта, трезво, без иллюзий и надежд смотрящего в глаза реальности. Точнее, одна надежда есть – на то, что удастся достойно прожить в качестве индивидуального субъекта во все более коллективистском и все менее субъектном мире. Быть может, это и есть счастье – настолько, насколько оно возможно для конечного существа в бесконечном мире? В любом случае, индивидуальная субъектность, выкованная христианством, должна остаться главной ценностью посткапиталистичсской, создаваемой заново Европейской цивилизации. Этого отдавать нельзя.

Аналогичный процесс оживления, а точнее, воссоздания и реконструкции цивилизации после господства Модерна происходит и в неевропейском мире. Но здесь, как ни парадоксально, поздний, энтээровский капитализм – это «путь вверх», а не «вниз», как в европейско-христианском случае. Здесь макрорегионализация имеет тенденцию совпадать с этноцивилизационными зонами, ареалами, которые эпоха НТР помогает структурировать как новые цивилизационные (и в то же время геоэкономические) блоки. Получается, капитализм) играет различные роли в разные исторические эпохи. В одном случае он способствует созданию мировой, планетарной системы, мир-экономики, в другом – действует в диаметрально противоположном направлении, оформляя несколько геоэкономик с цивилизационным «дном». Или иначе: логика развития капитализма (самовозрастания стоимости капитала) длительное время стремится к мировому уровню, преодолевая локальные и макрорегиональные различия, а затем с какого-то момента начинает двигаться в противоположном направлении. По-видимому, здесь возможны расстыковка, развод между логикой развития капитализма и современной мировой (мир-)системой. Да, у закатных эпох своя логика. Тем более необходима разработка такой сферы знания, как социальная эсхатология.

LIV

Конструирование социальной эсхатологии (историко-системной финалистики) ставит под сомнение, если не ломает, привычную структуру дисциплин наук об обществе. Она оформилась в XIX в. и является капиталоцентричной в том смысле, что сама сетка дисциплин, их терминология отражали и отражают структуру буржуазного общества. Аналогичным образом ставит под сомнение привычную структуру дисциплин еще одна сфера знания, которую необходимо создавать и которая должна быть тесно связана с социальной эсхатологией – наука (знание) о социальных революциях, об общественных разломах, не об эпохах стабильности, а о периодах резких качественных изменений.

Нынешнее знание об обществе ориентировано на изучение устойчивых, равновесных состояний. Это естественно. Оно оформилось в ядре Капиталистической Системы в то время, когда основные социальные потрясения в нем (1789–1848) остались позади. Более того, сами социальные науки в соответствии с социальным заказом были (понятийно, методологически и содержательно) ориентированы на исследование устойчивых положений, стабильных ситуаций, эволюционного развития. То, что не помещалось в такой фокус, объявлялось отклонением, причем чаще всего не социальным, а психологическим, следовательно, подлежащим коррекции. Таким образом, из социальной науки выталкивалось все тревожное и опасное для Капиталистической Системы.

Лишь в марксистской традиции социальным революциям уделялось особое внимание. Однако, во-первых, делалось это в заидеологизированной догматической манере; во-вторых, и в марксизме не были выработаны ни методология, ни особый понятийный аппарат для анализа неравновесных состояний, ситуаций общественного разлома, разрыва социального

времени. Марксистская теория XX в. системоцентрична, тогда как революции суть взрыв субъектной энергии, они не сводятся целиком ни к логике предшествующей им эпохи, ни к логике последующей. Если бы дело обстояло иначе и революции складывались только по сумме неких «объективных факторов», то их легко было бы предсказывать на структуралистский манер в духе представителей так называемого «третьего поколения теорий революции» (Дж. Пэйдж, Т.Скочпол и др.): такая-то социальная структура, такая-то экономическая и внешнеполитическая конъюнктура – получите революцию такого-то типа, «исторический бифштекс с кровью». Но на самом деле революции приходят и происходят неожиданно, возникая и вырастая как бы из ничего, «когда б вы знали, из какого сора». Это общая черта всех революций. Поэтому их следует изучать в сравнении друг с другом в большей степени, чем в традиционной связке с развитием предшествующего им местного периода (хотя и это важно).

У революционного времени различных эпох значительно больше сходства между собой, чем с эпохами, с которыми они связаны, и чем у этих эпох между собой. Адекватный такому материалу анализ требует особой «дисциплины» («революциологии») или как минимум новых подходов. Марксизм при всей своей практической и теоретической ориентации на революции таких подходов не дал. Впрочем, повторю, это неудивительно. Все революции XIX–XX вв. были внутрикапиталистическими, они не потрясали саму основу капитализма как системы. Фундаментальной социальной революцией был генезис капитализма, Великая капиталистическая революция 1517–1648 гг. Не случайно именно та эпоха дала ряд людей, заложивших (каждый по-своему) основы изучения революционных процессов самих по себе – Макиавелли, Шекспир, Гоббс. Все они обращались к человеку как субъекту, действующему в условиях ослабленного поля социосистемной гравитации, в ситуации, когда «век вывихнут». В марксизме же с присущим ему теоретическим потенциалом для анализа социальных флуктуаций и бифуркаций, потенциалом, объективно усиливаемым определенным типом властной практики, проблема революций, по крайней мере в теории, была сведена к вопросу о перерастании производительными силами (предметно-вещественными) производственных отношений (социальных) и возникновении в результате острейшего социального противоречия, ведущего к революции. На самом деле ситуация значительно сложнее, хотя и «перерастание», и «революция» имеют место, но иначе.

Что мы видим на поздних, финальных стадиях развития систем? Революции в производстве, которые ломают систему и обостряют ее внутренние противоречия, делая их неразрешимыми? Нет. Мы видим такие сдвиги, которые решают (снимают, а не обостряют) основное противоречие системы, оно затухает, притупляется. Оно – снято. Вот после этого-то и возникают самые серьезные для системы трудности. А для историков – самые серьезные проблемы в понимании (или непонимании) эпох социальных революций.

Есть несколько стандартных ходов в описании и объяснении революций, которые позволяют подойти к революционной проблематике «от противного» и таким образом лучше понять ее специфику. Я не стану делать экскурс в сферу теорий социальных революций в целом, приведу лишь несколько типичных примеров.

Часто историки объясняют само возникновение революции (т. е. «материализацию» неких противоречий в революцию), причины перерастания кризиса в революцию внешними факторами: война (мировая), военная авантюра. Если говорить о нашей истории, то это мировая война 1914–1918 гг. и две локальные – русско-японская начала века и советско-афганская его конца.

Еще один подход – это «теория заговоров», суть которой объяснять не надо.

Наконец, нередко акцентируется значение мелочей, случая, которые выступают либо в виде какого-то незначительного на первый взгляд события: «Ленину удалось добраться до Смольного». Либо в виде какой-то личности: «Если бы не Распутин, империю удалось бы спасти»; «если бы Николай II не дрогнул и не подписал отречение, революции не произошло бы»; «если бы не Хомейни, не его личность, то иранская революция никогда бы не

произошла».

Подобные объяснения не удовлетворяют меня не своим сослагательным наклонением. История – не закрытая система и не фатально-мистический процесс. Всегда существует несколько более или менее вероятных вариантов, реализация одного из которых ведет к свертыванию других. Поэтому частица «бы» меня не пугает. Не сомневаюсь я и в значении того, что обычно именуют «субъективным фактором». Мои претензии иного рода – методологические.

Уязвимое место объяснений с позиций «заговоров», «случайностей» и действий отдельных лиц заключается не столько в подчеркивании значимости этих факторов, сколько в их концептуализации и терминологизации. С точки зрения конвенциональной социальной науки, ни случай (единичное явление), ни отдельное лицо, ни «субъективный» или «внешний» фактор не могут играть решающую роль. И это правильно с точки зрения конвенциональной науки и тех явлений, которые она изучает в качестве базовых – массовые, объективные процессы, устойчивые стабильные структуры, государство (отсюда – акцент на внутренние факторы). В такой реальности и в картине мира, которая ее отражает, ни случай, ни внешние факторы не могут играть решающую роль, в лучшем случае – дополнительную.

Однако в эпохи кризисов и революций ситуация меняется. И дело не в том, что резко вырастает роль «субъективных» и «внешних» факторов, случайностей и отдельных лиц по отношению к факторам объективным и внутренним. Суть – в ином. Привычная реальность, в которой сосуществуют все названные выше факторы, в эпохи резких изменений исчезает, а потому грань между «закономерным» и «случайным», «объективным» и «субъективным», «личностью» и «массой», «внешним» и «внутренним» стирается. Это – ситуация, когда случай перестает быть случаем, а личность (или несколько личностей, вступивших в сговор и организацию) приобретает вес, равный или почти равный массе системы. Такие ситуации невозможны и необъяснимы с точки зрения конвенциональной социальной науки. И с этой точки зрения неправы представители последней, отбрасывающие в качестве «случая» или «заговора» то, что «случаем» или «заговором» по своему содержанию и последствиям применительно к неконвенциональной ситуации не является.

Когда снято, выработано главное противоречие системы, когда устраняется ее системообразующая ось, более нет системных средств и возможностей решать даже небольшие проблемы, возникающие в процессе функционирования общества. А потому даже небольшие проблемы, с которыми нельзя управиться системными средствами, заставляют систему напрягаться, прибегать к внесистемным средствам, к непропорциональной затрате усилий, что еще более подрывает ее, помимо прочего усиливая эти внесистемные средства и факторы. Сняв главное противоречие, система уже не может решать «имманентными» средствами никакие другие противоречия и связанные с ними проблемы. Она вообще покидает то поле, где решаются, оказываются разрешимыми противоречия и вступает в «зону неразрешимости», в зону, где любая малость оказывается миной, где система превращается в сапера-смертника.

Малые проблемы ведут к большим и разрушительным последствиям? Нет, в эпохи системных кризисов и упадков меняется прежний масштаб и ломается привычная масштабная линейка. Самая серьезная проблема здесь даже не в том, что ранее бывшее малым стало великим и наоборот, а в том, что становится трудно, часто невозможно, определить масштаб и значение события: ломается прежняя системная связь причин и следствий, и за мелкой (ранее) причиной вдруг возникает не привычное или ожидаемое следствие, а кошмарная конфигурация. Как в игре в сквош – не знаешь куда отскочит мяч. Вступление в системный кризис – это переход от «социального тенниса» к «социальному сквошу». Тогда-то и возникает соблазн заключить: если бы не то или иное событие, то история пошла бы иначе, могла бы пойти.

Не могла. В том-то и дело, что катастрофические последствия «мелочей» и есть нормальный способ функционирования механизма системного кризиса, нормальная жизнь революционных эпох, в которые уценяется и уравнивается то, что раньше было разноценным

и разновесным. Мелочи остаются мелочами на ранней и особенно зрелой стадиях. На социальном финише различие масштаба событий и явлений исчезает, любая мелочь может стать фактором огромного значения – ей ничто не противостоит, не способно противостоять. Отсюда – последствия. Внешне получается, что ошибка Керенского оказывается погибелью России. Конечно же, дело не в ошибке Керенского и не в Распутине. Системный кризис – это кризис социального иммунитета, это возможность летального исхода от легкой «социальной простуды», это невозможность и неспособность выхода из сложившейся ситуации путем структурного изменения, социосистемная импотенция, устранить которую можно только созданием новой системы. А для этого нужны энергия, субъектный взрыв, социальная революция; в ходе последней «субъективный фактор» превращается в субъектный. Субъект, даже отдельная личность в момент кризиса начинает «весить» столько же, сколько исчезающая структура. Или порой даже перевешивать ее, вступая в союз с Историей.

LV

Есть еще одна причина, почему под звон Колоколов Истории кардинально меняется соотношение социальных весов и масс. Это – резкое ускорение в периоды системных кризисов социального времени, его сжатие, концентрация – в такой степени, что адекватным ему персонификатором становятся не столько система или подсистема, сколько отдельный человек с сильным субъектным потенциалом. В этом смысле борьба лиц и групп в кризисные эпохи – это борьба различных концентраций (и концентратов) времени. Причем борьба эта происходит в иной, чем в восходящие и зрелые («нормальные») периоды развития, сетке причинно-следственных связей, в рамках иного типа этих связей.

Тривиальная констатация, но тем не менее: причинно-следственные связи в общественных процессах – вещь непростая. Даже если свести общество, как в ортодоксальном марксизме, к трем измерениям и сферам – экономической, социально-политической и духовной, к базису и надстройке, то и в такой схеме есть нюансы, которые вносят существенные изменения в жесткий детерминизм и определяемое им поле возможностей.

Размышлявший над этим вопросом В.В.Крылов рисовал такую схему:

$Т^1$	$Т^2$	$Т^3$	
$Н^1$	$Н^2$	$Н^3$	
$С^1$	$С^2$	$С^3$	
$Э^1$	$Э^2$	$Э^3$	

Э – экономика; С – социальный строй; Н – надстройка; Т – время.

«Поскольку причина действует раньше, чем проявляется следствие, при прочих равных условиях состояние Э1 есть причина не С1, а С2, а это состояние, в свою очередь, – причина Н3, так как на реализацию процесса нужно время (Т1, Т2, Т3). В свою очередь обратное воздействие надстройки на социально-политическую сферу и экономику предполагает состояние С4 и С5. Таким образом, даже в марксистской схеме, будь то классическая или ортодоксальная, определяющая роль одного элемента системы (экономика) по отношению к другим элементам системы (социальному строю и надстройке) проявляется не в КАЖДЫЙ ДАННЫЙ МОМЕНТ, НО В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ ОДНОГО МОМЕНТА ДРУГИМ, Т.Е. НА ПРОТЯЖЕНИИ ВРЕМЕНИ».[26]

Кто-то скажет: опять «базис», «надстройка» и прочая марксистская муть. Не надо торопиться, господа. Во-первых, муть бывает и немарксистской – последние десять лет можно наблюдать этот поток с близкого расстояния. Удивительно, но факт: поток этот тем мутнее, чем громче кричат о прощании с Марксом и марксизмом. Может быть, потому, что активнее всех прощаются бывшие неистовые ревнители марксизма? Во-вторых, разделение общества на «экономику», «политику» и «культуру» характерно для всей социальной науки, а не только марксистской. Будучи в какой-то степени условным, такое членение в целом верно отражает реальность зрелого капиталистического общества в его ядре, реальность субстанционального капитализма. Другое дело, что в ортодоксальных марксистских интерпретациях экономика определяет все остальное. И опять же это в значительной степени так для ядра Капиталистической Системы в его зрелом состоянии.

Однако помимо капитализма есть и иные типы общества. Да и в самом капитализме, в различных его «зональных вариантах» и, самое главное, в различные периоды его истории степень обособленности друг от друга и соотношения друг с другом различных сфер была разной. Следовательно, не только возможны, но и должны существовать иные типы причинно-следственных связей, даже если исходить из марксистской или либеральной схем; только при этом нужно брать их на излом, на «болевой прием». Об этих нелинейных вариантах и написал В.Крылов, противопоставив их им же зафиксированному линейному порядку.

Из приведенной схемы В.В.Крылова вытекает возможность двух различных типов причинно-следственной связи: «протяженного» (линейного) и «моментального» (нелинейного). В нормальном эволюционном течении общества, на который ориентирована нынешняя социальная наука и которому она понятийно-методологически соответствует, доминирует «протяженный», линейный тип, при котором все происходит чинно: у Э1, С2, Н3 – свои времена Т1, Т2, Т3, и они чинно следуют друг за другом. В такой ситуации ясно – что́ есть причина, что́ есть следствие, что после чего. Но это все так, если мы берем диахронный срез (Т1, Т2…). Взятые синхронно, одновременно, т. е. либо в Т1, либо в Т2 и т. д. экономика, социальный строй и надстройка (духовная сфера) не могут быть причиной развития друг друга (для этого необходимо Т1 + Т2 + Т3 и т. д.). Поэтому при синхронном срезе детерминирующим факторов является совокупный общественный процесс, иными словам» общество в целом, господствующее как система над каждым своим элементом.

Короче говоря, по В.В.Крылову, в каждый отдельный (отдельно взятый) момент господствует целостный, моментальный тип причинно-следственных связей. При нормальном, без серьезных потрясений эволюционном течении такая синхронизация может носить главным образом абстрактно-теоретический характер, рассматриваться в качестве теоретически возможного варианта. Ситуация резко меняется в периоды упадка, когда

---

[26] Крылов В.В. О причинно-следственных и корреляционных зависимостях экономики, социального строя и надстройки; Неопубликованная рукопись. – М., 1974. – С. 2–3 (предоставлена мне автором).

общество стремительно – все быстрее – катится под гору, в эпохи социальных революций, когда синхрон, краткосрочная перспектива становятся доминирующими.

Если взглянуть с точки зрения различных типов причинно-следственной связи на социальную борьбу в разные периоды, то вырисовывается такая картина. Доминируют и побеждают обычно те силы, которые в наибольшей степени воплощают целостные аспекты развития общества. В «диахронии» это чаще всего блоки, союзы различных групп, контролирующие свои сферы и свои «отрезки» времени. Они адекватны совокупности, цепи событий. В «протяженной» временной ситуации едва ли можно найти одну силу, которая контролирует все. Подобное возможно лишь в «моментальных» ситуациях, когда время сжато – несется, но одновременно как бы застыло в «синхроне», когда краткосрочная перспектива вместила в себя все остальные и какое-то время удерживает их в себе. В такой ситуации целостный аспект общественного развития может быть выражен, с одной стороны, и небольшой группой людей или даже одним лицом, окрашивающим развитие в свои личностные тона, а с другой – не цепью событий, а одним-единственным событием, которое оказывается бифуркацией.

То, что в кризисно-революционные времена законы развития целостности или даже совокупности всех сфер общества, сжатых в Т1, подавляют воздействие векторов отдельных сфер или оказывают параллельное влияние, резко усиливает значение и роль «случайных», точнее – событийных факторов. В таких социальных ситуациях случай превращается в Событие. Точнее, событие обретает такое качество и такой масштаб, в котором снимается противоречие между случайностью и закономерностью; и то и другое растворяется в событийности. В контексте революционных эпох мысль Ф.Броделя «событие – это пыль» ошибочна, и мы в таком контексте вправе сказать: «Фернан, ты неправ».

Иными словами, в эпохи великих социальных революций – и чем более великих, тем в большей степени, – событийность, словно вдруг взбесившись, делает прыжок и выскакивает по ту сторону закона и случая, в такую социальную вселенную, где различие между ними практически иррелевантно. Событие, таким образом, превращается в бытие. Событие – бытие революционных эпох. По крайней мере, единственно значимое бытие. Событие и человек, отдельный человек с его поступками – вот что значимо в революциях. Революции сингулярны, они суть социальные сингулярные точки, все в них сведено в одну точку: общество, пространство, время.

Когда у всех сфер – одно время Т, одно на всех, уплотненное, сжатое и ускоренное, тогда решение политического лидера или один законодательный акт или одно лицо и его «ндрав» может перевесить значение «объективных» экономических факторов, которые на самом деле утрачивают объективность – в кризисные эпохи все субъективно и объективно одновременно; упадки и особенно революции находятся по ту сторону объективного и субъективного. Раздерганная, ослабленная, распадающаяся система – не более, а скорее менее объективна, чем индивидуальный субъект или малая группа, вокруг которых как центра притяжения возникает новый социум. Внешне кажется, что свобода воли ломает необходимость, а исторический субъект торжествует над социальной системой Короче – праздник Истории. Или наоборот: тризна, поминки. В любом случае в ситуациях системного кризиса, в состоянии «социосистемной невесомости» уравниваются веса «властных» личностей и «властных» подсистем. Непонимание этого ведет к тому, что даже очень умные люди начинают наивно рассуждать, например, о падении коммунизма и распаде СССР в терминах «предательства Горбачева», «заговора трех обкомовцев». По-видимому, действительно бывают ситуации, когда можно «предать» систему. Они возникают тогда, когда на самом деле предавать уже нечего. А следовательно, термин этот не годится, и вопрос должен ставиться иначе.

Еще один немаловажный вариант причинно-следственных связей в обществе – горизонтальное воздействие одних подсистем друг на друга в различные отрезки времени, не

Э1 С2 Н3, а Э1 Э2 и т. д.; С1 С2 и т. д.; Н1 Н2 и т. д..[27] Ясно, что каждая отдельная подсистема внутри данного общества будет выступать как автономная и саморазвивающаяся тем более, чем менее интегрированный характер имеет система. Последнее особенно типично именно для периодов системных кризисов, так называемых «переходных» эпох. Они характеризуются не только тем, что повышается роль нелинейных форм причинно-следственных связей, но и тем, что возникает система «многоукладности», сосуществования всех этих типов, сочетания причины и следствия: вертикальных и горизонтальных, одновременных и разновременных, целостных и частных, моментальных и протяженных. Все это запутывает социальный процесс, повышает роль событийности, делает развитие малопредсказуемым. Время как бы сжимается в сингулярную точку момент-эпохи, и это сжатие ломает и крушит хребет нормальных, диахронных причинно-следственных связей, плодя на свет иные – необычные и даже уродливые формы этих связей. Формы-уродцы словно мстят человеку и истории за свое уродство, создавая безумный мир революционной эпохи, в котором почти невозможно ориентироваться. Мир, в котором побеждают рациональные безумцы с железной волей.

Быстрый темп изменений в период системного кризиса, общественных трансформаций диктует, казалось бы, быструю реализацию в социальной сфере тех сдвигов, которые произошли в экономике (Э1 – С2). Однако период, о котором идет речь, характеризуется расстыковкой различных сфер, усилением их автономии, поэтому результат может проявиться не в социальной сфере, а сразу – в политико-идеологической и уже «оттуда» оказать влияние на социальную (инверсия сфер и типов воздействия). Горизонтальный тип причинно-следственных связей ломает обычный, вертикальный.

Другой пример: воздействие целостных факторов на социальную сферу и от нее – на экономику (инверсия вертикальных связей). Привычные причины и следствия как бы меняются местами и следствие может оказаться причиной того, что само принято считать причиной! Наконец, дисфункция общественных подсистем в периоды упадка и кризиса может вести и к тому, что воздействие не выходит за рамки отдельной сферы, и причина становится собственным саморазрушительным следствием. Тогда в силу вступают уже законы социального регресса, распада, деградации, инволюции. Становится трудно разобраться: прогресс ли выступает форме реакции или реакция в форме прогресса. В подобной ситуации то, что для одного общества в один период его развития (например, в его нормальном функционировании) принято считать «путем вверх», конструктивной формой, в другом обществе и в период упадка может стать формой распада, «путем вниз». Или в лучшем случае – средством камуфляжа для приходящих в состояние распада, упадка и гибели социальных групп, стремящихся подать себя в нетрадиционном, непривычном, а потому – обманчивом и обманывающем виде: «рынок», «капитал», «правовое государство». Как там у Чехова? «А заглянешь в душу – крокодил».

«…Раздавить гадину тоталитаризма» во имя правового государства, рынка (капитала) и демократии – трех источников, трех составных частей посткоммунизма – вот лозунги почти недавнего прошлого. Десять лет прошло, и не осталось ничего от лозунгов, не говоря уже о том, что не построено правовое государство, что не создан рынок, что демократия стала бранным словом. Осталась дырка от бублика, почти в буквальном смысле – в том смысле, что значительная часть общества лишилась вещественной субстанции, того, без чего невозможно существование частной собственности, правового государства, демократии, того, что ныне разрушено. Как заметил в своем дневнике И.Дедков, это «разрушение вломилось в каждый по сути дом. Эти дома только-только – усилиями нескольких поколений – стали походить на человеческие жилища. Только-только в этих домах стали возрождаться или складываться свои традиции, преемственность поколений. И хотя эта медленная жизнь, медленно строящиеся дома еще не вобрали в себя многих полубездомных, но она все-таки их

[27] Там же. – С. 5.

вбирала и расширялась».[28]

Здесь необходимо сделать два замечания, которые корректируют мысль И.Дедкова, но от которых тем не менее не легче. Во-первых, «вбирать и расширяться» медленная жизнь перестала на рубеже 70–80-х годов, когда для огромной массы населения она замедлилась совсем. Во-вторых (правда, от этого не легче), все это уже было в Русской Истории – не в первой: много вещественной субстанции было унесено Ветром Русской Истории, Ветром «Северовостока» (М.Волошин).

В этом ветре вся судьба России –
Страшная безумная судьба.
В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.
Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.
Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей,
Бред разведок, ужас Чрезвычаек.[29]

---

[28] «Меняются седоки, а скачка прежняя» (И.Дедков: Из дневниковой записи и набросков последних лет) // Лит. газета. – М., 1994, № 52. – С. 6.

[29] Наше время породило свой тип «чрезвычайки», причем оформленный в виде особого ведомства, – Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС). Разумеется, это иной тип чрезвычайки, чем те, что занимают места в ряду «Преображенский приказ – ЧК/ГБ». Его задача – реагировать на чрезвычайные обстоятельства природного и антропогенного (социального) характера. И сам факт создания такого министерства, и время создания (момент падения коммунизма) очень показательны. Это значит, что черзвычайные обстоятельства в нашей жизни не только получили официальное признание, но и стали повседневной реальностью, заслуживающей создания особого ведомства. Все учащающиеся катастрофы свидетельствуют и о своевременности этого шага, и о том, что он вытекает из логики разложения коммунизма, лишний раз демонстрируя наше негативное вступление в энтээровскую эпоху. Раньше коммунистический порядок скрывал катастрофы, делал вид, что их нет (и отчасти их действительно было меньше, но только отчасти), а в какой-то степени и сдерживал чрезвычайные происшествия, поскольку по своей природе, по определению был чрезвычайной системой, призванной решить чрезвычайную микросоциальную ситуацию, сдержать ее. Он и возник как система такого рода. Рухнул коммунизм, и тут же пришлось создать чрезвычайное ведомство – гора родила мышь? Рухнул коммунизм, и словно вырвались на волю бесконтрольные силы общества и даже природы. В любом случае МЧС фиксирует новую ступень в развитии чрезвычайных органов Русской Системы, «русского чекизма», о котором мы с Ю.С.Пивоваровым писали в «Русской Системе» (см. «Рубежи». – М., 1995, № 5. – С. 35–39). И как знать, не предвосхищаем ли мы в данном случае мировое развитие чрезвычайных органон, оказываясь опять «впереди планеты всей» по любимому виду «спорта» – чрезвычайке.

Опричники, гвардейцы Петра, большевики – все эти хирурги и мастера Чрезвычайки не только давили человеческий фактор, но и сметали, разрушали (перераспределяя остатки) вещественную субстанцию, накопленную «медленной жизнью». Вместе с самой жизнью разрушали то, что было сделано несколькими поколениями до них: четырьмя – до опричников, тремя-четырьмя – до Петра и его команды, семью-восемью – до большевиков. Нынешнее разрушение (слава Богу – без централизованного террора, а, так сказать, экономическими методами, по крайней мере до сих пор, до начала 1996 г., когда пишутся эти строки) пришло через два-три (три – если считать с 1917 г., два – если с 1945 г.) поколения, самый короткий промежуток между вещественной десубстанциализацией. Так ведь было же нам сказано: ускорение – «грядут перемены, и они коснутся каждого» (М.Горбачев). Коснулись и ускорились с очередным северовосточным «ветром перемен» (Т.Кибиров):

Ускорение, брат, ускоренье…
Свищет ветер в прижатых ушах,
Тройка мчит по пути обновленья.
Но безлюдно на этих путях.

Нет, не тройка, не дедовский посвист,
Конь железный глотает простор,
Не ямщик подгулявший и косный –
Трактор пламенный, умный мотор.

Мчится, мчится запущенный трактор.
Но кабина пуста – погляди!
Где же ты, человеческий фактор?
Ну, куда же запрятался ты?

Так что менялось? Собачья голова и метла – на щит и меч? Тройка – на трактор? Но этот птица-трактор, как и гоголевская (метафизическая) птица-тройка, – пуст. «Куда подевалась материя, вещественная субстанция?» – вот третий (после «Кто виноват?» и «Что делать?») великий русский вопрос (без ответа; впрочем – вру, Карамзин ответил). Однако это лирико-метафизическое отступление – к слову. Вернемся к системным кризисам.

LVI

Системный кризис, эпоха упадка и социальной революции, разрыва времен (хроноклазма) оказывается ситуацией многочисленных возможностей, котлом возможностей, когда связи между причинами и следствиями носят нелинейный, «искривленный» или пунктирный характер. И когда субъектное действие или просто событие может по сути изменить или деформировать историю. В таких условиях, когда необходимость как бы дает свободе воли передышку и время порезвиться (что не отменяет ни социальных циклов, ни логики социального развития), когда быстро меняются ориентации личностей и фракций, быстро возникают и столь быстро распадаются политические группы, оппоненты быстро перехватывают друг у друга аргументацию и программы (как говаривал Ленин, надо уметь и украсть, когда нужно), надевают несвойственные себе идейные наряды. Вот в такой-то кутерьме рождаются новые эпохи, которые приходят (сначала) в виде Истины Слова, открываясь не многим и не сразу и отсекая, подобно социальной бритве Оккама, все исторически лишнее, а затем опять вводят человека в мир более жестких, социально-аскетических причинно-следственных связей.

Нынешнее социальное знание оперирует одним временем и отражает только его. На самом деле времен и соответствующих ему реальностей несколько: линейное эволюционное, линейное революционное, линейное регрессивное, циклическое. Каждому из них должен

соответствовать свой тип знания. Можно ли будет создать из нескольких типов один, найти общий знаменатель в каком-то одном времени и в какой-то одной реальности – на вопрос у меня пока нет ответа, его даст только практика конструирования новых типов знания: чтобы понять вещь, нужно ее сделать. В любом случае межсистемность, социальная революция – это нечто особое, не укладывающееся полностью ни в логику предшествующей системы, ни в логику будущей.

«Переходные», а точнее – промежуточные периоды можно сравнивать только друг с другом, а потому рядом с социальной эсхатологией необходима сфера знания, изучающая революции, социальные разрывы, – революциология, клазмология (от греч. «клазмос» – разрыв). Возникает, правда, вопрос, в какой степени это науки, а в какой – описание, точнее: в какой степени описательная сторона может быть в данном случае концептуализована? Ведь социальная наука системоцентрична, а мы попадаем в субъектоцентричную ситуацию, которая, как правило, возникает на грани эпох и систем.

Системы не рождаются путем превращения одной в другую, путем филиации одной из другой. Их разъединяет и соединяет исторический субъект, точнее – периоды, эпохи взрывов субъектной активности, сметающей остатки одной системы и закладывающей фундамент другой. Это эпохи социальных революций. Великие социальные революции, будь то антично-полисная, христианская или великая капиталистическая 1517–1648 гг., всегда суть хроноклазмы, взрывы времен, «вывихи века». Шекспир устами Гамлета впервые сформулировал: «The time is out of joint». Этот-то вывих и есть историческое поле деятельности субъекта, творящего новую систему. Результат великих социальных революций – не обязательно приход к власти неких новых социальных сил. И не становление (т. е. ранняя стадия) новой системы. Это – генезис новой системы. И, самое главное, в ходе великой социальной революции выковывается тот новый исторический субъект, который способен создать, установить и упрочить новую социальную систему. Потому революции всегда и начинаются в мозгу – то монаха, то философа, то сквайра, то помощника присяжного поверенного.

Новые системы как бы наращиваются на нового субъекта, он разрастается ими. Новый субъект Русской Истории В.И.Ленин был Властью и Системой в одном лице. Вокруг него сложилась новая система – «партия нового типа», из мутаций и трансформаций которой впоследствии вырос коммунистический порядок. До Сталина Ленин и Партия были равновесны – и почти тождественны.

Партия и Ленин –
близнецы-братья –
Кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем
партия,
Мы говорим
партия,
подразумеваем – Ленин.

В этих строках четко зафиксировано не просто и не только тождество, но и относительное равновесие «исторических гирек» под названием «Ленин» и «Партия», То же можно сказать о Петре I (с его гвардией) и «остальной России». Ситуация субъектно-системного равновесия вообще характерна для эпох революций и смут.

Если говорить о нашей истории в XX в., то Сталин, движимый логикой Русской Системы и Русской Власти, помимо прочего, должен был покончить с фазой субъектного взрыва Русской Истории. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что он был последним субъектом этой фазы, уничтожавшим, отменявшим ее и тем самым

упрочивавшим новую систему. Сталин закрыл Крышкой Истории котел исторических возможностей, и персонификатору этого котла – ленинской партии пришла «крышка». Но последним, по иронии истории, под крышку угодил сам Сосо Первый (и последний). Устранение его «хрущёвцами» (название условно) означало окончательный финал субъектной фазы. Теперь были возможны лишь отголоски субъектности в виде «волюнтаризма», впрочем, тоже вскоре заглушенные в эпоху (и эпохой) безбрежного реализма брежневского «реального социализма», в позднезрелой и поздней стадиях коммунистического порядка.

Вот что интересно. Подавление в системе (и системой) «волюнтаризма», субъектного начала свидетельствует о ее зрелости, точнее, о расцвете-конце зрелости. Но в то же время это и начало конца, наступление поздней фазы, когда с «волюнтаризмом» система теряет жизненные силы, витальность. Подавление субъектности означает устранение важнейшего для любого социума, пребывающего в субъектном потоке исторического развития, противоречия между субъектом и системой. Как только это противоречие устранено, возникает потребность в новом субъекте (который может быть только антисистемным; просистемные же субъекты закатных эпох – фигуры трагические, обреченные, будь то Дмитрий Шемяка, Александр II, Столыпин или Горбачёв, терпящие поражение вместе с системой) и в новой системе, которую этот субъект будет создавать.

Поздние фазы, точнее их начало – самые тихие и спокойные. Их любят вдвойне – и сами по себе, и по контрасту с тем, что за ними следует. Так, и пореформенная Россия конца XIX в., несмотря на постепенно усиливающееся общественное гниение и упадок и социальную болезнь, и брежневская эпоха, по крайней мере до ввода войск в Афганистан и Олимпийских игр 1980 г., останутся в памяти как два «бабьих лета» – самодержавия и коммунизма. Но при этом необходима и другая память: под покровом желтых опавших листьев в обоих названных случаях совершалась более или менее тихая социальная революция. В тихом омуте черти водятся. Из обеих «тихих» (но не бархатных, ой, не бархатных) революций вылезли черти, бесы:

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек,
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.

(М.Волошин)

«Явление бесов народу» – такая картина еще не написана русскими живописцами, а ведь исторически она для нас актуальна, архиважна, как любил говорить один великий деятель выстуженного (им же в том числе) северо-востока. Кому Христос является, кому – бесы: по трудам их. И ведь не только являются, но и становятся вожатыми в буране, средь неведомых равнин, сбивая в пути:

В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

В поле Русской Истории бесы, похоже, покружили много и зло. Но, как известно, в русской традиции – зло не абсолютно, с ним можно договариваться, между ним и добром нет четкой жирной черты. И соблазн договора с бесами особенно силен в эпохи упадка и революций, когда новые системы как бы конденсируются вокруг людей с мощным субъектным потенциалом, зарядом.

Конденсация новых систем вокруг отдельных людей огромным субъектным потенциалом, вокруг индивидуальных субъектов – черта не только Русской Истории или Нового времени. Так было и в эпоху упадка Античности. «В период между 200 и 400 гг. н. э., – пишет Р.Браун, автор одной из интереснейших книг о конце Античности, – люди

Средиземноморья пришли к принятию (с энтузиазмом) того, что божественная сила не столько является простым смертным прямо или посредством давно установленных институтов, сколько представлена на земле ограниченным числом исключительных человеческих существ (human agents). Эти существа уполномочены нести ее (божественную силу. – А.Ф.), распространяя среди последователей с помощью разума или того сверхъестественного, которое было их личным качеством… Отсюда важность этого периода, подъема христианской церкви. Христианская церковь выступала как импрессарио более крупных изменений… Радикально новые и устойчивые институты вырастали вокруг людей, в которых, считалось, божественное величие существовало как необратимое[30] (подч. мной. – А.Ф.).

Таким образом, центральная роль в качественном социальном изменении принадлежит субъекту, но он-то, как правило, в отличие от системы и ее элементов, трудно уловим и вообще, и методами и понятиями конвенциональной социальной науки в частности. С социосистемной точки зрения качественный сдвиг практически неуловим, не дает себя прочитать. И возникает соблазн, в том числе у Брауна, свести все к постепенным количественным изменениям: «…на изменения, которые происходят в Поздней Античности, лучше всего смотреть как на перераспределение и переоркестрацию компонентов, которые существовали в течение многих столетий в средиземноморском мире… Позднеантичный мир – это очень старый мир. Изменения в нем происходили не как тревожные неожиданности извне; в основном они случались – все более насильственно – путем сложения из кусочков старого и знакомого материала».[31]

С системной точки зрения Браун прав: новое возникает постепенно, как рекомбинация кусочков старого. Но новое – это не столько старое вещество или его «кусочки», сколько новые связи, новые функции, новая энергия и информация, меняющие социальное вещество и структуру. Причем носителями новой социальной энергии и информации первоначально становятся не структуры и институты, а индивиды, в лучшем случае – группы, к которым постепенно притягиваются, переоркестрируясь, «кусочки старого». В этом смысле – субъектном – Браун неточен; более того, отчасти нарушает собственную же логику акцентирования индивидуально-субъектного начала.

Разумеется, ни мелодраматизировать, ни демонизировать эпохи упадка (и социальных резолюций) не надо, но качественные изменения общества, которые прежде всего выражаются в появлении нового исторического субъекта, не сводятся только к рекомбинации элементов старого. Для этого процесса необходим субъект; «кусочки» могут быть старыми, субъект – только новым, будь то христианский проповедник, сеньор, капиталист или чекист в кожаной куртке со «спешащим ему на смену молодым человеком». Изменения в системе накапливаются постепенно, и нередко по своему содержанию элементы двух состояний общества, разделенных эпохой революции или так называемым «переходным периодом», мало отличаются друг от друга. Так, А. де Токвиль верно заметил сходство между многими чертами предреволюционного Старого Порядка и режима 1820–1830 годов во Франции. Внешне изменилось не так много. Только люди другие – и то не все, не всегда и не сразу. В этом смысле о Франции 1788 г., о России 1916 и 1986 гг., с одной стороны, и о Франции 1808 г., о России 1926 и 1996 гг. – с другой, можно, сталкивая Парменида с Гераклитом, сказать одновременно: «Ничего не изменилось» и «Все изменилось». Оценка зависит от того, под каким углом зрения смотреть, на что смотреть (каков объект) и каким угломером пользоваться.

Действительно, изменения в системе количественно накапливаются, но для системного изменения необходимы разрыв старых связей и установление новых – функция определяет

---

[30] 1) Brown P. The making of late Antiquity. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 1977. – P. 15.

[31] 2) Там же. – P. 11.

элемент. Выполнить задачу «разрыв – установление» может только новый исторический субъект, который и возникает, выковывается в ходе великих социальных революций. С этой точки зрения, эпохи упадка, переходящие в революции, – это не мелодрама, а трагедия. Под углом зрения нарастания количественных изменений трагедия может быть малозаметной и даже непонятной, как и само возникновение нового. А.Фейерверкер заметил, что специалисты изучили экономическую историю Западной Европы буквально по минутам, но до сих пор не ясно, как возник капитализм.

Из тысяч количественных изменений и фиксаций их историками не складывается одно качественное изменение – из тысячи джонок нельзя сделать один броненосец, как любил говорить некий «любимец партии». И когда броненосец все же появляется на горизонте, наблюдателям остается только удивляться. Однако под субъектным углом зрения ситуация проясняется. Исторический субъект, соединяющий и разъединяющий системы посредством революции, – вот ключ к загадкам качественных изменений в Истории.

В субъекте в момент-эпоху его социального взрыва, т. е. революции, снимается противоречие между «объективным» и «субъективным», между «структурой» и «волевым усилением». Отсюда ясно, что (и почему) ни «структуралистские», ни «волюнтаристские» концепции революции не объясняют свой объект исследования. Здесь уместна аналогия с мыслью одного античного философа о смерти: «Когда мы есть, смерти нет. Когда смерть есть, нас нет». То же самое, по крайней мере внешне, со структурализмом и волюнтаризмом в объяснении революции: когда структуры есть, «волюнтаризма» как социально значимого практически нет; когда торжествует «волюнтаризм», структур практически нет. Я не случайно сделал оговорку, внешне, ибо дело не обстоит так, что «структура» и «воля» поочередно господствуют друг с другом: То одна сверху, то другая. В социальной революции, как в субъектном взрыве, вообще устраняется противоречие между «необходимостью» и «волей», структурой (системой) и субъектом. Революция – это момент относительного единства и (или) тождества субъекта и системы; она – по ту сторону «структурализма» и «волюнтаризма». Даже если принять «структуралистские» и «волюнтаристские» теории революции, модифицировав их, – представив первые как теории вызревания предпосылок, а вторые как теории самого взрыва, – остается необъяснимым и даже невидимым переход от предпосылок к их реализации. Точка (миг-эпоха) перехода оказывается невидимкой, и только когда революция в своих процессах и героях умирает, когда стекленеет ее кровь, то становятся видны очертания, но уже не революции, а ее трупа и новой структуры господства, кристаллизующейся на основе затухающей, овеществляющейся энергии.

В целом революция как процесс перехода от одного системного состояния к другому может быть неплохо описана в терминологии теории И.Пригожина. Кстати, теория диссипативных структур И.Пригожина – первая, сместившая фокус с равновесия на флуктуацию. В ней, упрощенно говоря, не изменение – промежуток между двумя стабильными, равновесными состояниями, а равновесие – промежуток между двумя флуктуациями. Несмотря на то что И.Пригожин – биохимик, методологически его теория важна тем, что создает новую картину мира, как в свое время это сделали теория относительности и квантовая механика. И хотя наше время – в значительно большей степени ключ к теории И.Пригожина, чем последняя – к нашему времени, она, тем не менее, имеет важное методологическое значение.

Если пользоваться терминами И.Пригожина, то революция как кризис системы означает, что она достигла точки бифуркации, т. е. того пункта, за которым кончается порог устойчивости системы. За этим порогом она уже не может отделаться от Истории созданием новой структуры, за ним наступают неустойчивость, неравновесие, неопределенность. Короче, возникает ситуация, когда система получает свободу выбора. Но реализовать эту свободу может только новый субъект в острой борьбе с другими субъектами. Эта борьба – «отец всего» в европейском потоке развития – и есть социальная революция, знаменующая одновременно конец и начало, сводящая вместе концы и начала, закат и рассвет, иначе

говоря, искривляющая время. Субъект, помимо прочего, и есть Великий Деформатор Времени. И одновременно его дефлоратор.

LVII

Что еще происходит в финале развития различных социальных систем? Помимо прочего – резкое уменьшение «общественного пирога». Обычно господствующие группы стремятся компенсировать нехватку «субстанции» внутри общества и таким образом избежать взрыва действиями вовне, за счет внешних акций. Но поскольку общество уже ослаблено, попытки подобного рода, как правило, терпят крах – система перенапрягается, перегревается, за чем нередко следует революция. Это-то и вводит в соблазн объяснять революции поражением или просто военным либо внешнеполитическим перенапряжением. На самом деле налицо не просто комбинация внутренних и внешних факторов, а по сути исчезновение если не различия, то значимой границы между ними. Это – черта всех революционных эпох.

Различием между внешними и внутренними факторами не исчерпывается список граней, исчезающих или становящихся почти неразличимо пунктирными линиями в эпохи системных трансформаций. Есть и другие, что тоже вытекает из логики и специфики развития фаз исторических систем. Если же говорить о Капиталистической Системе, то есть такое размывание, истончение граней, которое связано уже не просто с упадком этой системы, с кризисом капитализма, а с конкретной особенностью, которую нашей эпохе придают НТР и внедрение компьютеров. Речь идет об исчезновении грани между реальным и воображаемым миром.

Известный французский социолог Э.Морэн однажды выразил несогласие с теми, кто упрекает Маркса в недооценке силы идей. Силу идей, считает Морэн, Маркс оценивал высоко; чтó он недооценивал, так это силу воображаемой реальности, воображаемых миров. Думаю, в целом Э.Морэн прав. Например, коммунизм как идея – это одно, как воображаемая реальность – это другое. Ныне воображаемая реальность становится практически – виртуально, virtually – чем-то настоящим, подлинным. Виртуальной реальностью, киберпространством человека, подключенного к компьютеру.

Виртуальная реальность киберпространства – не просто реальность, в известном смысле – сверхреальность, сюрреальный мир. В этом смысле компьютеры и видеошлемы завершают то, что начали, но о чем и помыслить не могли сюрреалисты в «длинные 20-е». Сюрреалисты – такая же предтеча НТР, как и большевики с их ВТР – властно-технической революцией. Кстати, большевики ведь тоже создали сюрреальный мир.

Силу воображаемой реальности демонстрируют и литературные миры – Толкина и Джойса, «1001 ночи» и Бальзака, Дюма и Голсуорси, Жюля Верна и Кафки. Однако есть огромная разница между воображаемой реальностью и виртореальностью. Между воображаемой реальностью и реальностью физической есть грань, в наличии которой человек отдает себе отчет. «Находясь» в воображаемой реальности, человек пассивен, активны лишь его интеллект, воображение, но не тело. В случае с виртореальностью, в которой человек находится уже без кавычек, происходит инверсия: активно тело, тогда как интеллект в большей степени пассивен. Индивид растворяется в киберпространстве, оно – реальный субъект, а он, если и субъект, то в лучшем случае – виртуальный. Виртуальны интеллект, эмоции; реально тело. Киберпространство выступает средством (и одновременно социально-внесоциальным пространством) отчуждения человека – античное рабство наоборот, главное не тело, не вещественные факторы, а социальные и духовные, человек в целом. Может быть, в этом и заключен эксплуататорский смысл и потенциал НТР, создающий орудия некапиталистических (посткапиталистических) форм эксплуатации и угнетения и одновременно, что не менее, а быть может, и более важно, небывалые, невиданные до сих пор средства их социальной культурной маскировки? Подобные средства в принципе могут создать невидимую, анонимную власть, за одно упоминание

существовании которой грозит смертная казнь – ситуация, описания С.Лемом в «Эдеме».. А что нам «Эдем»? С 1572 г. на Руси употребление слова «опричнина» велено было бить кнутом. Не было никакой опричнины. Забудьте. Короче, слово и дело. Слово скрывает дело. В случае с виртореальностью – не слово даже, а образ. И не с помощью кнута, а эффективнее – посредством киберпространства.

Киберпространство, виртореальность выполняют в совокупности, в их неразрывности целый комплекс функций. Это развлечение, с ним не нужны никакие гладиаторские бои – можешь стать гладиатором, а то и просто убийцей, а также чемпионом мира по шахматам, динозавром, бедуином – кем угодно; на то и виртореальность! С ней не нужна пропаганда – все в одном: видеошлем, подключенный к компьютеру. И реклама не требуется – киберпространство может представить ее в сгущенном, супердоходчивом виде. В этом смысле киберпространство – триумф техники и технологии потребления. Потребление и досуг сливаются, у человека отчуждается не рабочее время, а свободное, да и сама грань между ними стирается – как при коммунизме. Вот как сбываются мечты Маркса, на могиле которого следовало бы водрузить видеошлем.

Виртореальность может стать самым любимым объектом потребления, любая свобода выбора которого (и в котором) оборачивается зависимостью, причем внутренней. Когда-то Маркс писал, что единственное пространство человека – время, а единственное настоящее богатство человека – свободное время, досуг, в котором он и реализует себя в качестве человека. Отчуждение свободного времени, таким образом, похищает у человека самого человека, его главное богатство, его время и пространство одновременно. И в то же время резко усиливает социальный контроль: объект социального контроля превращается в точку потребления – специфического, к которому потребитель привязан тонко, но прочно, как «Раб» Микеланджело. У последнего руки связаны тонкой веревкой, почти ниткой. Но она – сверхпрочна, это обеспечивается внутренними рабством и обезволенностью. В такой ситуации цепи не нужны.

С виртореальностью происходит пуантилизация социального контроля: каждому – по персональному «колпаку». Виртореальность – это единство социального контроля и социальной терапии. Она. может создать ощущение полного счастья (что, несомненно, породит киберкульт). Виртуализация реальности – это дереализация мира, т. е. тот же самый эффект, который обеспечивают наркотики. Не случайно П.Вирилио пишет об электронной наркомании и «наркокапитализме электроники».

Становясь не только средством потребления, но и вожделенной целью, виртореальность объективно вытесняет другие цели и таким образом становится средством отчуждения у человека его фундаментальной функции – целеполагания. Уже коммунизм продемонстрировал систему отчуждения целеполагания, но на неадекватной выполнению этой задачи производственной основе. Виртореальность решает указанную задачу на производственной основе, апеллируя не к страху, а к удовольствию, не к светлому будущему, а к светлому настоящему. А потому она значительно более эффективна, чем, например, коммунизм (а может, даже и АСП) в отчуждении целеполагания. Остается надеяться лишь на силу сопротивления западного общества, на его полисубъектность, на традиции и ценности эпохи Великой капиталистической революции, Спедневековья и раннего христианства, способные противостоять посягательствам на человека. Хотя, разумеется, не следует ни преувеличивать чрезмерно силу этих традиций и ценностей, ни забывать о тех тенденциях развития самого буржуазного общества вообще и позднекапиталистического общества в частности, которые работают против этих традиций и против человека, будь то Homo sapiens или Homo sapiens occidentalis.

Конечно, не надо сгущать краски. Но и без этого ясно, что киберпространство может стать мощнейшим социальным оружием сильных против слабых в позднекапиталистическую и посткапиталистическую эпохи. Оно способно скрыть, замаскировать любой кризис, любую новую систему господства, новую систему контроля. Оно и само-то есть не что иное, как средство социального контроля, которое контролируемый с радостью принимает.

Виртуальная реальность – это великолепный туннель под реальным миром для перехода господствующих групп капитализма в посткапиталистический мир – в виде его новых невиртуальных, а реальных господ. Господ нового мира, в котором контроль: навязывается не извне, как об этом писали Дж. Оруэлл и Е.Замятин и как это было отчасти в коммунистическом порядке, интериоризирован в качестве «электронного наркотика» и как бы вырастает изнутри. Сам же переход в посткапиталистический мир виртуально может быть представлен как достижение конечного пункта развития, «конца истории» (разумеется, либерального), обретения «новой Аркадии»; живущие люди – как «по**коле** ние, достигшее цели», а тревожный звон Колоколов Истории – как нежно успокаивающие звуки клавесина. Сиди и слушай. Да и сам переход к новому, все менее единому, менее универсальному и еще более неэгалитарному миру может быть виртуально («уж не сумлевайтесь») представлен как движение к единому глобальному и разумно устроенному миру, где выравниваются различия между странами и классами, где царит стремление к справедливости. Нарастание партикуляризма можно представить опять же под углом зрения справедливости – мультикультурализм, борьба с культурным империализмом. Это – сознательная и полусознательная мистификация реальности, в которой заинтересованы многие группы, стремящиеся закамуфлировать перестройку Капиталистической Системы в иную систему, мир-экономики – в мир-коммуникацию.

О том, что в нынешнем мире, особенно в тех его частях, которые, не будучи энтээровскими, страдают от язв энтээрства, объективно присутствует и даже усиливается тенденция к выпадению из мировых процессов, к замыканию, к деглобализации, на примере Африки интересно рассказывает Ж.-К.Рюфэн. В одной из своих книг он приводит две карты Африки – 1932 и 1991 гг. На первой карте черным цветом были изображены хорошо изученные районы, серым – не очень хорошо изученные, белым – неизученные. На карте 1991 г. черным помечены районы, контролируемые государством, центральной властью, серым – зоны небезопасности, а белым – «новые терра инкогнита», т. е. зоны, куда лучше не соваться, где в течение многих лет идут партизанские или межплеменные войны, где ситуацию контролируют вооруженные кланы и т. д.; зоны, которые объективно выпали из мира, отложились от него. Так вот, черной краски в 1991 г. стало больше, но существенно больше стало и белой краски; белые пятна-32 слились в белые массивы-91. Да и разница есть: «еще не изученные» в первом случае и «уже не изученные» во втором. Произошла дежюльвернизация Африки – и не только Африки.

Не надо сгущать краски, но имеет смысл трезво оценить ситуацию и поставить вопрос: не присутствуем ли мы при очередном, третьем, «закрытии мира» (точнее миров), аналогичному тем, что произошли в IV и XIV вв. н. э. – с упадком в одном случае Римской и Ханьской, в другом – Великой Монгольской империй? Отрицательный ответ на этот вопрос вовсе не очевиден. Глобализация, как уже говорилось, может оказаться виртуальной или, как минимум, не единственной тенденцией развития, очевидна и диаметрально противоположная. Информационное (мир-коммуникация) единство мира может оказаться фиктивным или, по крайней мере, селективным, частичным, имеющим и оборотную сторону – разъединение. У последнего могут быть самые разные причины: политические, экологические, финансовые (как богатство, так и особенно бедность), эпидемические (пандемические).

Деструктивные, разъединительные возможности человека увеличиваются вместе с конструктивными, объединительными, равны им – как минимум. Мир-коммуникация – это не столько единая мировая система, сколько сеть неравномерно и не жестко связанных анклавов, точек Севера в земном (и, как знать, околоземном) пространстве.

Термин «мир-коммуникация» и связанный с ним подход к нынешней реальности позволяет, по мнению А.Матляра, «понять логики мондиализации, не мистифицируя их. В противоположность преподносимой нам глобалистской и эгалитаристской картине планеты эти логики напоминают: мондиализация экономик и систем коммуникации неразрывно связана с созданием новых форм неравенства между различными странами или регионами и

между различными социальными группами. Иными словами, это источник новых исключений (из процесса обладания общественными благами. – А.Ф.), Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на принципы, которые лежат в основе создания особых рынков или региональных зон свободной торговли, этих опосредующих региональных пространств между мировым пространством и пространством национального государства. Глобализация сопрягается с фрагментацией и сегментацией. В этом – два лика одной и той же реальности, находящейся в процессе распада и нового соединения.

80-е годы были временем стремления к объединяющей и унифицирующей глобальной культуре, носителями которого выступали крупные транснациональные компании, изгонявшие «культурные универсумы», чтобы обеспечить распространение своих товаров, услуг и сетей на мировом рынке, но они же (80-е. – А.Ф.) стали также временем реванша уникальных, единственных в своем роде культур».[32] Культур, противостоящих универсальной культуре и ее ценностям и соответствующим неким культурно-(этно-)пространственным локусам, зонам или даже точкам. Мировое («глобальное») качество «мир-коммуникации» имеет не столько реальный, сколько виртуальный характер. Точечный, пуантилистский мир, строго говоря, в единой мировой системе и не нуждается. Любая точка этого мира может быть виртуально представлена как «мировая система» – достаточно провалиться в «черную дыру» киберпространства. Вселенная или точка – иррелевантно. Релевантно то, что целые группы могут творить свой мир на основе этой иррелевантности, эксплуатируя ее и с ее помощью эксплуатируя (но уже в другом смысле) других, подключая сюда фрейдизм, генную инженерию и многое другое, о чем мы и не догадываемся. А какие возможности новым господам предоставляет вытеснение социальных конфликтов в киберпространство? Существа из альбома «Человек после человека» Д.Диксона и ситуации типа Фредди Крюгера, преследующего и убивающего свои жертвы в их снах, могут оказаться цветочками, что, однако, не должно ни пугать (пугаться – поздно и бессмысленно), ни лишать воли к сопротивлению. Другой вопрос, сколько времени понадобится людям, чтобы выработать средства сопротивления, адекватные посткапиталистическим формам угнетения и эксплуатации. Над этим нужно думать уже сейчас.

LVIII

В прежние эпохи сначала возникала система эксплуатации и ее господа, затем формировались угнетенно-эксплуатируемые группы, затем, с еще большим опозданием – адекватные новой системе формы борьбы, сопротивления ей. Нынешняя эпоха, по-видимому, иная. Ее информационный характер позволяет (теоретически, по крайней мере) новым формам сопротивления и борьбы возникать по сути одновременно с новыми формами отчуждения. Дело – за «малым»: превратить: теоретическую возможность в практическую; социальную борьбу позднекапиталистической эпохи за «козыри истории» посткапиталистического мира – в сопротивление формирующимся господам этого мира; так сказать, сработать на упреждение. Ясно, что такую задачу легче провозгласить, чем осуществить. Во-первых, воля к борьбе и ясность мысли – это не самые распространенные из качеств. Во-вторых, социальные конфликты позднекапиталистической эпохи заслоняют, затеняют или просто делают невидимыми конфликтные точки, контуры и объекты борьбы будущей эпохи; конфликты последней как бы свернуты и спрятаны в конфликты сегодняшнего дня и трудно отделить одни от других. В-третьих, что еще более осложняет ситуацию, потенциальные господа посткапиталистического (и посткоммунистического) ныне реально борются с экономическими, социально-политическими и идейными формами

---

[32] 1) Mattelart A. Les nouveaux scenarios dc la communication mondiale // Monde diplomatique. – P., 1995. – Aout. – P. 25.

Капиталистической Системы, выступая против нее и характерных для нее эксплуатации, угнетения, отчуждения. В такой ситуации сопротивление должно стать особым искусством. Более того, оно должно стать наукой, точнее, опираться на особую науку сопротивления (любым формам господства), которую еще предстоит разработать – как и соответствующую ее идейно-нравственную основу.

Именно в азарте борьбы переходных эпох, направленной против старых господствующих и эксплуататорских групп, выковываются новые, формы господства и его персонификаторы. Поднявшееся на борьбу общество, трудящиеся сами выдвигают и выковывают их – закон самообмана. Эпоха революций – это эпоха создания новых господ, превращения тибулов и просперо в новых толстяков. Или, по крайней мере, подготовка плацдарма для такого превращения, сервировка нового социального стола.

В борьбе революционных эпох все помнят о плохом старом и мечтают о хорошем новом, забывая, что хороших социальных порядков – ни новых, ни старых – не бывает; бывают – выносимые и невыносимые; борются со старым и не думают о борьбе с новым в новой эпохе – зачем, это будет прекрасный новый мир. Именно в момент борьбы с господами старого мира, отрекаясь от них и от этого мира, люди сажают себе на шею новых эксплуататоров – как Синдбад-мореход, наивно подставивший шею старику-«шейху моря», которого потом долго носил на себе.

Главная задача, стоящая перед человеком в революционные, «переходные», вывихнутые эпохи, – не дать обмануть себя и, что еще важнее, не обманывать себя, избежать соблазна самообмана, питаемого и усиливаемого нежеланием нести ответственность, делать самостоятельный выбор и участвовать в длительной психологически изнуряющей борьбе. Говорят, генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Аналогичным образом дело обстоит в революциях: люди воюют с прошлым, они готовы к прошлому врагу, но не готовы, не видят нового субъекта с хлыстом, или в котелке, или во френче, или в свитере. Другой вопрос, что задача определения Грядущего Господина трудна сама по себе и что, даже вычислив его, нелегко превратить теоретическое знание в практику в ходе социальной борьбы – ведь в таком случае оказываешься между двух огней. Но, с другой стороны, и «огни» можно направить друг на друга, как это делал капитал в течение последних 200–250 лет. Это та ситуация, где практика действительно оказывается критерием истины.

Опыт прошлого показывает, что в любой социальной схватке необходимо трезво смотреть не только назад, но и вперед, с упреждением вырабатывая интеллектуальные и властные «антитела», способные исходно ограничить новых хозяев. Искусство сопротивления не только прошлому, но и будущему – вот что должно шлифоваться и отрабатываться. И, соответственно, знание, необходимое для этих целей. Это знание должно вырабатываться и совершенствоваться спокойно, но неуклонно – как йоги и мастера кун-фу оттачивали свое умение в монастырях в ходе длительной истории своих цивилизаций. Посткапитализм, похоже, окажется длительным, «асимптоматическим» периодом, так что время будет. И начинать нужно с нового типа понимания и знания. Знание – не просто сила, а власть.

В эпоху, когда информационные факторы производства – знание, наука, идеи, образы – становятся решающими и отчуждаются у человека (а вместе с ними и он в целом – иначе быть не может), когда они становятся полем реальной социальной борьбы, последняя (равно как господство и сопротивление) не может не иметь научно-информационной основы; более того, эта основа становится объективно самой важной сферой знания, которую новые господствующие группы, должны будут секретить, табуизировать, виртуализировать. А для этого – скрывать реальность, мистифицировать, виртуализировать ее. Здесь сопротивление – это сражение за реальное представление о реальности. Но это – максимально общая («методологическая») характеристика.

Точечный, пуантилистский характер грядущей эпохи подсказывает: массовой, зональной, годной для всех и *в* этом смысле универсальной «науки сопротивления» быть не может. В каждой точке она может быть различной. Универсальность ее будет носить иной

характер: не наука сопротивления кому (феодалу, капиталисту, номенклатурщику), а прежде всего кого. Если главной антиэксплуататорской задачей человека станет остаться человеком вообще, то объект сопротивления имеет куда меньше значения, чем субъект. Новая «наука сопротивления» должна и может быть только субъектной, все остальное – методы, приемы, средства – относительно. В этом смысле мы как бы возвращаемся к истокам христианства, уже на рациональной основе: «Иисус, дай нам руку, помоги в немой борьбе».

Разумеется, наука сопротивления не гарантирована от превращения в науку нового господства, эдакую «социальную прокрустику», как это произошло, например, с марксизмом на рубеже XIX–XX вв. Но марксизм – такова была эпоха – представлял собой объектную, объектоцентричную «науку сопротивления», отсюда и метаморфозы. Субъектный характер новой «науки сопротивления», нового «сопротивляющегося знания» в значительной степени является иммунитетом против перерождения. Впрочем, все это определяется и логикой самой социальной борьбы. Поэтому в нынешних конфликтах необходимо обладать двойным, стереоскопическим и инфракрасным (помимо нормального) зрением, двойным видением – дневным и ночным (и его приборами). Необходимо внимательно приглядываться ко всем агентам текущего мира и его конфликтам, прикидывая на будущее. Сегодняшний друг или нейтрал может оказаться завтрашним врагом – и наоборот. Сегодняшний вроде бы безобидный пес завтра может превратиться в Шарикова. Так, может, лучше сразу его пристрелить или, по крайней мере, не прикармливать? А то выйдет как с «ленинской гвардией»:

И свято веря в правду Класса,
Они, не зная правд других,
Давали сами нюхать мясо
Тем псам, что позже рвали их.

(Н.Коржавин)

Псам-людям, собакоголовым Шариковым, что разорвали Швондеров и попутно, к сожалению, многих других.

Разумеется, двойное, перекрестное видение, разработка действий на его основе (не говоря уже о реализации) – задача исключительно сложная, требующая создания принципиально новой формы организации знания, методы которого позволят рассекать нынешнюю реальность и вскрывать в ней семена, эмбрионы и формы будущего в их взаимодействии, то, что день грядущий нам готовит. Иначе – беда. В любом случае важно понять: в современные социальные конфликты ввиду специфики эпохи, вплетены, уже присутствуют чаще всего в скрытом, искаженном, нечистом виде формы противоборства грядущего «странного мира». Они проявляются по-разному и в разных сферах: в росте преступности и этнических чистках, в росте значения иррационального знания и отступлении универсализма, в новых научных концепциях и формах досуга, наконец, в приходе той виртуальной реальности, о которой шла речь. Между прочим, возможность виртуальности была предсказана несколько десятилетий назад.

Ст. Лем в «Сумме технологии» размышлял о неких фантоматических машинах, о фантоматике, позволяющей человеку «как бы» чувствовать себя акулой или крокодилом, посетителем публичного дома или героем на поле битвы. Он говорил о передаче ощущений, цереброматике и прочих штуках, которые в конце 60-х годов казались фантастикой. 30 лет спустя сказка стала былью. Хотите почувствовать, как вы распиливаете бензопилой соседа? Получите видеошлем. Секс через компьютер? И об этом уже пишут – читайте журнал «Пентхаус». Вот вам и передача ощущений.

С киберпространством не нужна собственность в прежнем смысле слова. Здесь другие средства контроля: киберпространство отчуждает у человека информацию, духовные факторы производства. Киберпространство – это сладкий концлагерь, значительно более эффективный, чем лагеря коммунистов и нацистов. Вот когда производственно сбывается

афоризм Ежи Леца «В смутные времена не уходи в себя – там тебя легче всего найти».

Человек эпохи НТР – Homo informaticus, в массе своей, социологически, т. е. по логике возникающего социума, должен быть, Homo disinformaticus. Это только на прямолинейно-просвещенческий взгляд кажется, что в эпоху господства информационных технологий, духовных факторов производства все должны быть умниками и творцами. Совсем наоборот! Если духовные факторы производства, информация являются решающими, то это значит, что господствующие группы будут отчуждать именно их, именно на них будут устанавливать свою монополию, лишая этих факторов основную массу населения. У пролетария не было капитала, у арендатора – земли, у раба – собственного тела. У Homo (dis)informaticus не должно быть реальной картины мира, рационального взгляда на мир; этот homo не должен быть духовным. В логическом завершении – он не должен быть Homo. И не должен знать, мыслить. Знать, мыслить – значит быть. Cogito ergo sum. Homo disinformaticus – жилец (или скорее нежилец, нежить) антидекартовского мира. Современность прошла под знаком Декарта. Постсовременность, похоже, будет диаметрально противоположной. Или, по крайней мере, может быть, если не противостоять этой тенденции (но для этого человек сам должен стать Точкой-Вселенной, Homo universalis). Ныне астрологи, экстрасенсы и иже с ними не просто очередной раз явились в Смутное время мира, но и (на этот раз) активно работают на будущее антидекартовского мира и его господ, мостят им путь к власти, создают удобный объект новой «властесобственности». Удел этого объекта – фантомат, дезинформированность или неинформированность, вера в НЛО и «психотэрапэутов», в экстрасенсов и в сглаз, в астрологов и «жизнь после смерти». Неважно во что. Важно, чтобы он привык верить в иррациональное, чтобы не знал и не понимал, что происходит в мире – для этого не надо перекрывать информацию; наоборот, утопить его в ней, и он сам заорет нечто вроде: «Не хочу политики, чернухи, эпидемий, катастроф; хочу покоя и развлечений». Вот тут-то ему на блюдечке – виртуальная реальность, в которой живут счастливые Homo virtualis. По ту сторону счастья и несчастья, свободы и достоинства. Как несколько десятилетий назад набросились на Б.Скиннера за его книгу «За пределами свободы и достоинства» («Beyond Freedom and Dignity»). А ведь он всего лишь предвосхитил некоторые реальные тенденции (другой вопрос – его пораженческое отношение к ним).

Нынешнее все усиливающееся мировое пристрастие к оккультному и иррациональному имеет два источника. Один – характерное для всех закатных эпох, фаз упадка, чувство страха и неуверенности. Второй – объективная заинтересованность господствующих групп идущего на гребне НТР «виртуального капитализма» (а за ним – посткапитализма) в дерационализации и деинтеллектуализации широких масс и сознания в целом. Можно сказать, что нынешний бум интереса к магии и т. д. и т. п. есть, помимо прочего, процесс экспроприации у людей духовных факторов производства, политика нового «огораживания» – огораживания информационных полей определенными рамками, первоначальное накопление средств интеллектуального производства.

В свое время, играя словами, Р.Дебре писал: «L’ère de l’intelligentsia sera celle de la plus grande inintelligence» («Эра интеллигенции будет эрой самой большой неинтеллектуальности»).[33] Я бы только дополнил и поправил: эры интеллигенции не будет, эра интеллекта не будет эрой интеллигенции, энтээровская эпоха не требует интеллигенции, она требует господ и контролеров интеллектуального и эмоционального труда. С другой же стороны она требует массы Homo virtualis, homo, который является человеком лишь виртуально. А заглянешь в душу – крокодил, совокупляющийся с крокодилихой (мазохистам можно предложить богомола, паука или еще кого-нибудь из членистоногих). Или лев, рвущий на части только что задранную антилопу гну. Короче, есть где разгуляться нашему рептильному мозгу! И действительно, у Homo virtualis мозг должен быть сведен в основном

---

[33] Debray R. Le pouvoir intellectuel en France. – P.: Ramsay, 1979. – P. 273.

к Р-комплексу (подсоединенному к дереализованному миру) и функционировать как бикамеральный.

Психолог Дж. Джеймс заметил, что такое явление, как целостность личности (как целостная личность), возникло в истории человеческого рода на удивление недавно, в Европе – не ранее трех–двух с половиной тысяч лет назад. Связано это было с появлением и развитием письменности, точнее – с буквенным письмом соответствующим ему общим усложнением культуры. До этого полушария мозга – левое и правое – в определении социального поведения действовали относительно независимо друг от друга: речь могла генерироваться правым полушарием, а восприниматься левым. Это и есть бикамеральность мозга и, по сути, раздвоенность, расщепленность личности (как индивидуальности). Сигналы, передающиеся из правого полушария, выступали средством социальной регуляции поведения коллективистского типа («культура стыда») и действий, в которых не предполагалось самоанализа. Например, герои «Илиады» не размышляли и не анализировали, за них это делали боги.[34]

Исторически конец бикамеральному мышлению и связанному с ним поведению, считает Джеймс, пришел примерно в VII в. до н. э., что нашло отражение в изменениях значения слов «псюхэ» и «сома». Если первоначально их значением было «жизнь», «живое состояние» и «труп», «неживое состояние», то с Пифагора значение этих слов изменилось: «душа» и «тело». Это было отражением изменения в поведении, обусловленным возникновением самосознания и потенциала «культуры совести».

Знаковая, письменная культура; которая с XV в. в Европе превратилась в «галактику Гуттенберга», создает цельность личности и фиксирует оппозицию «душа – тело». Компьютерные виртореальность и киберпространство заставляют человека покинуть «галактику Гуттенберга», поскольку оперируют не знаками, а образами и именно к ним адаптируют человека. Последний в таком случае оказывается отброшен не только в догуттенберговскую эпоху, в XIV в., но проваливается в Колодце Времени значительно глубже – в эпоху до VII в. до н. э., не в допечатную, а вообще в дописьменную эпоху. Виртореальность, таким образом, воспроизводит ситуацию трехтысячелетней давности, стирает различие между телом и душой (результат – живой труп), на место «культуры совести» опять водружает «культуру стыда» и разрушает цельность личности. Псевдоцельность виртореальной личности обретается только электроннонаркотически – в киберпространстве, придатком к которому становится человек (человек ли?). Однако три тысячелетия человеческой истории, крышку над которыми открывает виртуальная реальность, – это еще далеко не самое дно, сулимое этой реальностью. Самое дно – за пределами человеческой истории, человеческой социальности вообще, ближе к рептилиям, динозаврам.

LIX

Р-комплекс (или «рептильный мозг»), который упоминался выше, – это, согласно П.Маклину,[35] морфологически самая древняя часть мозга, доставшаяся нам в наследство от рептилий (первых существ, у которых количество информации в мозгу превышало, таковое в генах). Следующая эволюционная система, наслоившаяся на Р-комплекс, – это лимбический

---

[34] 1) Подр. см.: Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. – М: Мир, 1988. – С. 192. Связь между буквенным письмом, с одной стороны, и бикамеральностью мозга и обусловленным ею культурно-психологическим типом – с другой, неожиданным и интересным образом ставит проблему социальной психологии народов с иероглифическим письмом. Возможны ли превращение социального индивида в личность и переход от «культуры стыда» к «культуре совести» на, так сказать, иероглифической основе?

[35] 1) Подр. см.: Саган К. Драконы Эдема. – М.: Знание, 1986.

мозг, достижение млекопитающих, а на этот последний уже наслоился неокортекс – штука человеческая, слишком человеческая.

Между тремя мозгами существует некое разделение труда. Неокортекс («новая кора») «отвечает» за специфически человеческие (волевые, целеполагающие) познавательные усилия, включая использование знаков, предвидение событий, сопереживание, и ряд других функций. Лимбическая система, в глубине которой находится гипофиз, генерирует яркие эмоции, связанные с радостью открытия нового, с эстетическим восприятием мира, с альтруистическим поведением, восприятием вкуса, творчества. Наконец, «рептильный мозг» играет важную роль в агрессивном, ритуальном и территориальном поведении, в установлении социальной иерархии, в том числе через половое поведение (контроль над самками) и контроль над территорией. Здесь нет эмоций и обратной связи, но бесстрастное осуществление любого поведения, диктуемое одним из полушарий мозга или просто генами.

Как заметил К.Саган, эпилептический припадок, отключающий, обеспечивающий значительную часть неокортекса и лимбического мозга, отбрасывает человека на сотни миллионов лет назад.

Ясно, что виртореальность тоже отключает неокортекс и лимбический мозг, сохраняя (и многократно усиливая) значение самой древней части мозга, ведающей «агрессивно-послушным» поведением,[36] и таким образом на время перемещает человека в далекое (дочеловеческое) прошлое в качестве в значительной степени дочеловеческого существа, не меняя при этом его морфологию, физическую организацию.

Разумеется, такие путешествия не могут быть бесследными, тая в себе возможность регрессивной эволюции, социальной деградации человека до Homo saurus, до гомозавра. Если хотя бы отчасти прав Ю.Плюснин,[37] полагающий, что социальные формы существуют независимо (я бы сказал: относительно независимо) от биологических («правило Эспинаса»: нет несоциальных животных, т. е. биологическое и социальное суть два аспекта – вещественный и информационно-энергетический – одного и того же явления, причем соотношение их эволюционно подвижно в обе стороны) и обладают своей эволюцией или даже не столько эволюцией, сколько историей, то воспроизведение в человеческом обществе социальных черт и отношений не (или до-) человеческого типа («бабуинизация», «муравьезация» и т. д.) при физической неизменности носителей социальности, регресс последней – явление вполне реальное объяснимое. И это – не биологизация, а именно регресс человеческой социальности в дочеловеческие формы социальности же. И хотя XX в., а отчасти и XIX дали тому немало примеров, мы до сих пор не только не осмыслили, но и, похоже, не осознали их.

Итак, виртуальная реальность – это широко и соблазнительно распахнутые ворота и одновременно позолоченный мост на пути в регресс человеческой социальности, который она же и скрывает, искажает, представляя дочеловеческое как человеческое. У нее для этого много возможностей.

LX

---

[36] 2) Агрессивные действия составляют один из доминирующих, если не доминирующий, аспект виртуальной реальности, мира киберпространства компъютерно-приставочных игр. «У московских детей развивается «инстинкт убийцы»», – радостно пишет «Вечерняя Москва» от 24.IX.95, рекламируя игры серии «Инстинкт убийцы», – в рубрике «Дайте прочитать детям и внукам». Газета представляет шестерых убийц-бойцов (рост, вес, киллерские способности). Например, Спинайд; «Забывший все о своей прошлой жизни, он одержим лишь одной мыслью – убивать». И тут же газета обещает: «В следующем выпуске рубрики мы расскажем об остальных персонажах этой замечательной игры». Итак, будущие социорептилии, вперед, в киберпространство.

[37] 1) См.: Плюснин Ю. Проблемы биосоциальной эволюции. – Новосибирск: Наука, 1990. – 239 с.

Конкретный пример возможностей дереализации мира, сокрытия или искажения современных процессов приводит А.Матляр, известный специалист по мировым коммуникациям. Ныне постоянно приходится слышать – от сладкоголосых политиков, ооновских чиновников и обслуживающих их журналистов – глобализации мира, о его «мондиализации», о создании единого мирового информационного пространства и т. д. и т. п. Как правило, именно такого рода рассуждения противопоставляют идеям и прогнозам о распаде единой мировой экономической системы на несколько регионов-геоэкономик, о деуниверсализации мира, о том, что целые блоки будут выпадать (или стремиться выпасть и обособиться) из некогда единого мирового процесса индустриальной и особенно позднеиндустриальной – американо-советской, «холодновойновой» эпохи.

На самом деле, логика развития энтээровской эпохи ведет именно к утрате миром единства и целостности; не хочется внешних аналогий, но так и вертится на языке что-то вроде «неофеодальной неораздробленности» («новое средневековье» уже дважды занято, в этом «теремке» поселились Н.Бердяев и А.Мэнк). Однако современные средства массовой информации стремятся убедить в противоположном, в том, что мир становится все более единым и тесным, что его «накрывает единая мировая информационная сетка» (это, кстати, хорошая фрейдовская проговорка: в сети и сетями-сетками ловят рыбу, бабочек и вообще слишком доверчивых). Соответствует ли реальности «глобализация» и «мондиализация» мира? Или – нарисовано на холсте? По логике развития позднего капитализма и НТР должно быть верно второе.

Упоминавшийся П.Вирилио подтвержает это. Нет никакой мондиализации мира, говорит он, есть виртуализация этого процесса, т. е. создание иллюзии становящегося все более единым мира. Реально мондиализируется текущее мгновение, настоящее время, миг; точка во времени (опять пуантилизация!) становится уникальным в истории – мировым – временем. Но это время, подчеркивает Вирилио, виртуальное, создаваемое средствами коммуникации. Если Ф.Бродель говорит о «мир-экономике», а И.Валлерстайн – о «мир-системе», то, как считает А.Матляр, наступает время «мир-коммуникации». При этом, добавляю уже я, «мир-экономика» распадается на макрорегионы геоэкономики. И это естественно: если решающую роль играют «информационные факторы производства», то (виртуально-) реальное единство мира осуществляется на их, а не на индустриально-вещественном, уровне. Энтээровский «мир-коммуникация» вообще снимает противоречие «глобальный – локальный». И это уже нашло отражение в появлении неологизма «глокальный» (глобальный + локальный). Глобальное и локальное сжимается в точку, которая есть и локус, и мир одновременно. Пуантилистский мир – это глокальный мир. «Глокус» – вот главный враг и мир-системы, и национального государства, и универсалистской культуры. «Глокусу», этому дитя НТР, адекватен партикуляризм, способный узаконить новые формы эксплуатации и неравенства.

Затухание системообразующего противоречия имеет еще одно следствие. Социальная борьба утрачивает адекватную ей социальную (социосистемную) форму и начинает примерять иные одежды; этнические, этнокультурные, этнолингвистические, религиозные или даже расовые. Короче, социальная система уже не может обеспечить своим конфликтам социосистемную же форму, придать им характерную для нее социальную форму. У нее нет для этого ни сил, ни возможностей, и она начинает поиск в себе – за пределами социального, а также за пределами самой себя. Это негативный способ выхода системы за собственные рамки, на чем она, как правило, и ломается, поскольку в ходе борьбы внесистемных (и внесоциальных для данной социальной системы) форм появляются новые социальные формы, из которых, как из процесса конфликта, из процесса борьбы, и возникает новый системосоциум.

В этом смысле генезис систем и их упадок внешне похожи. Так, в первые столетия истории капитализма его социальные конфликты идейно не принимали чисто классовую форму. Для их идейного оформления хватало старых средств – христианской религии. И Великая капиталистическая революция началась как религиозная. С конца XVIII и по

последнюю четверть XX в. конфликт Капиталистической Системы обрели адекватную им форму, классовую, которая получала и свое особое, новое и чистое идейное оформление – идеологию. Соответственно именно зрелые фазы развития Феодальной Системы и Античной Системы демонстрировали формы, сходные с классово-идейными или эквивалентные им.

Правда, в наши дни имеется существенное отличие. Античность, феодализм и капитализм суть элементы субъектного потока исторического развития, для которого революция есть имманентная форма социального движения. Революции здесь, как и социальные конфликты, со времен христианства происходили в поле и под знаменем универсалистских форм. Ныне в Капиталистической Системе, в которую капитал насильственно включил общества несубъектного потока развития, конфликты, возникающие в период затухания системообразующего противоречия, все более обретают неуниверсалистскую или даже антиуниверсалистскую форму, будь то религия или этнокультура. В этом – резкий контраст между «входом» в капитализм и «выходом» из него. Но это естественно: выйти так же, как войти, – нельзя. Вход – противоположность выходу. И это – еще одна причина, заставляющая переосмыслить суть этнорелигиозных движений позднекапиталистической эпохи и не вешать на них ярлык национализма. Эпоха национализма и национализмов закончилась. Этнорелигиозные и расово-культурные конфликты необходимо изучать по-новому. Возможно, и для этого понадобится создать новую сферу знания.

Итак, многослойный кризис, о котором шла речь, кризис-бутерброд, «биг мак», которым не подавиться бы; осенний характер нынешней эпохи – все это подталкивает к разработке новых сфер знания, к переосмыслению нынешней его структуры, к созданию новой системы рационального знания. Это императив и для нас, и для Запада – как для Русской Системы, так и для Западной, если она не хочет уйти в прошлое вместе с капитализмом.

Разумеется, говоря о киберпространстве, о Homo disinformaticus, я отмечаю некие тенденции, возможные варианты – преимущественно негативные. Во-первых, потому что негативы чисто статистически чаще побеждают в истории. Во-вторых, лучше быть предупрежденным о худшем и быть готовым к нему. Осознать необходимость такой готовности важно и для Запада, и для нас. Мы входим в пуантилистский энтээровский мир по негативу, именно мы по принципу «язычники, страдающие от язв христианства», можем быстрее и сильнее подорваться на «минах» виртореалъности и киберпространства без НТР и ее позитивов (эффект ситуации индейцы и «огненная вода»). Конечно, русская реальность всегда отчасти (и часто от части большой) была как бы виртуальной Иначе не возник бы у нас фантастический реализм Гоголя и особый русский юмор, смеховая культура, в которой может быть и смешно, и страшно одновременно. Конечно, западная виртуальность может поломаться при столкновении с доэнтээровской российской – как «ломаются» об российских тараканов самые что ни на есть сильные западные инсектициды. Хуже другое, а именно: русская «виртуальность», усиленная западными формами. Большевики уже провели один эксперимент. Поэтому, повторю, над проблемам последствий виртуализации мира стоит размышлять и нам, и Западу.

LXI

«И нам, и Западу». Написал эти строки и подумал: не совершаю ли я логическую ошибку, когда говорю: «нас», «мы», рассуждая о судьбах капитализма и особенно Европейской цивилизации? Причем здесь мы, русские, Русская Система? Что нам Запад? Что мы ему? Связь здесь, однако, есть, но не непосредственная, а более тонкая, не столько физическая, сколько метафизическая. То, что Запад нам не поможем выбраться из наших трудностей, – это ясно. Во-первых, не может, даже если очень захотел бы. Россия – неподъемная ноша как для Капитала, так и для Запада вообще. Конец XIX в. уже продемонстрировал ситуацию «Бедненький бес под кобылу подлез». Помочь можно Чехии,

Шри Ланке, Коста-Рике, короче – «жеребятам», в крайнем случае – Мексике. Но не России. Во-вторых, Запад не хочет по-настоящему нам помогать. И это естественно. Кому нужны сильные конкуренты, новая сильная структура Русской Системы? «Помощь» предусмотрена ровно настолько, чтобы ситуация в России не превратилась в хаос. Не более того. Когда Запад может и хочет, он помогает. Реакция США на финансовый кризис в Мексике в начале 1994 г., с одной стороны, и на советско-российский кризис – с другой, красноречивее многих доводов. В-третьих, у Запада хватает своих проблем, и чем дальше, тем больше.

Понятно, что отсутствие надежд на помощь Запада, которые у нас почему-то особенно питали в течение последних лет, может многих напугать не меньше, чем книга Шпенглера «Закат Европы» напугала некоторых русских людей в начале 20-х годов. «Неужели, – спрашивал я себя, – Шпенглер действительно прав, неужели к Европе и впрямь приближается смертный час? Но если так, то кто спасет Россию?» – писал Федор Степун.[38]«Привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья», – отвечу я ему словами Чацкого, а точнее – Грибоедова. Поэтому строки из пролетарского гимна «Никто не даст нам избавленья» оказываются очень актуальными. Свобода от иллюзий – один из источников силы. Лозунг гимна «пролетариев», которые сажали в лагеря, логично дополнить лозунгом непролетариев и пролетариев, которых в эти лагеря сажали: «Не верь, не бойся, не проси». В частности, помимо прочих: не верь Западу, не бойся его и не проси у него. Почему? Да потому, что у Запада свои интересы, и исходя из этих интересов, по крайней мере краткосрочных и среднесрочных, он будет действовать так, как он действует. Политики и бизнесмены, как правило, живут в краткосрочной перспективе, в перспективе краткосрочной выгоды. Именно этим объясняется политическая близорукость Запада в 20–30-е годы по отношению к Германии и СССР, в послевоенный период – по отношению к СССР, в последние годы – по отношению как к кризису в бывшей Югославии, так и к России (но уже иначе, чем в отношении СССР).

Учет долгосрочной перспективы в политике или бизнесе – вещь настолько редкая, что от нее можно абстрагироваться. Полагаю, именно в долгосрочной общеисторической перспективе сильная Россия нужна Западу не меньше, чем он ей. Но, повторю, в даль истории мало кто смотрит. Синица в руках – это реально. Отсюда – конкретные, действия. Поэтому ясно, например, что Запад заинтересован в топливно-сырьевом развитии России (а нам нужен и ВПК) в сохранении некоторой напряженности между Россией и Украиной (а нам здесь нужно совсем другое). Запад будет поддерживать в России те политические силы, которые смотрят на Запад снизу вверх. Или поощрять тех ученых-обществоведов, предоставлять гранты тем, кто говорит на языке конвенциональной западной социальной науки, меря Россию в ее настоящем, прошлом и будущем западной меркой, используя западную терминологию и методику, набрасывая на незападную реальность западную дисциплинарную сеть. Запад будет поддерживать тех экономистов (и те правительства), которые станут слушать Международный валютный фонд (МВФ). Показательно, что, когда в начале 1994 г. МВФ попытался учить несколько крупнейших американских корпораций и правительство США, жестко-насмешливая отповедь последовала незамедлительно. Смысл ее был таков: играйте, но не заигрывайтесь – не путайте Запад со странами Восточной Европы, СНГ и Третьего мира, им и советуйте.

О том, что Запад не сможет и не захочет реально помочь (в чем есть свой резон; резон этот не плох и не хорош, он реальность; плохи, т. е. вредны были надежды на помощь) можно было догадаться еще на рубеже 80–90-х годов, понять это сквозь рукоплескания Запада («давай-давай, рус-Иван, карашо!»), сквозь белозубые улыбки его лидеров. Ведь тогда, в конце 80-х – начале 90-х годов, Запад рукоплескал не СССР и не России, а их ослаблению, демонтажу – тому, что (и чего) уже можно больше не бояться, – элементарное геополитическое соображение, за которое едва ли можно предъявить Западу счет. Счет

---

[38] 1) Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя. 1995. – С. 513.

следует предъявлять тем, кто, подобно Буратино, думал, что их ведут и пускают на Поле Чудес (забыв при этом, что Поле Чудес – это свалка в Стране Дураков) растить золотые. Впрочем, предъявлять счет и поздно, и глупо. Падение коммунизма и распад СССР – объективный процесс, но вот формы его, особенно те, что связаны с геополитикой, могли быть намного более достойными или хотя бы менее болезненными. Могли бы – теоретически, но не практически. Причин тому – несколько. Остановлюсь на одной, быть может, не самой главной, но часто упускаемой из виду.

Думаю, Хрущевым заканчивается то поколение советских руководителей, которые не имели комплекса неполноценности по отношению к Западу.[39] У Ленина и его «гвардии» такого комплекса быть не могло, потому что они не отделяли себя от Запада, а в качестве персонификаторов антикапиталистической мировой революции ощущали свое превосходство над своими западными союзниками и противниками. Сталин и сталинцы, последним из которых был Хрущев, ощущали зловещее и циничное властно-интеллектуальное превосходство над западными лидерами. Вся история контактов Сталина с Черчиллем и Эттли, Рузвельтом и Трумэном показывает, что чувство превосходства имело реальную основу, Сталин практически все время переигрывал своих западных оппонентов. В этом смысле он был не так уж далек от истины, говоря младшим соратникам, что после его смерти «империалисты обманут вас как котят».

Вышло несколько иначе и не сразу так. Переломным стал Карибский кризис, когда Хрущеву (он полагал, что «молокосос-президент» будет собирать «ихний конгресс» так долго, что советские автоматчики уже будут где надо, чуть ли не у Белого дома) «было строго указано» тем самым «молокососом». Соотношение сил оказалось в пользу США. Когда же в начале 70-х силы выровнялись и был достигнут примерный паритет, не только чувства превосходства уже не было, но начал возникать комплекс неполноценности, психологической зависимости.[40]

Во второй половине 80-х годов этот комплекс проявился со всей очевидностью. Тому есть несколько причин, немаловажной среди которых была нарастающая провинциализация советского руководства начиная с брежневского времени (хотя предтечей в некоторых отношениях был Хрущев).

Под провинциализацией, провинциальностью здесь имеется в виду не место происхождения – в этом смысле все советские лидеры, начиная с Ленина и Сталина и кончая Горбачевым и Ельциным, были провинциалами, выходцами из провинции. Речь о другом. Под провинциальностью имеется в виду отсутствие широкого взгляда на мир, адекватного этому миру, умение мыслить глобально, а не воспринимать мир как лишь увеличенную область, край. Было бы ошибкой полагать, что Запад свободен от таких лидеров. Не свободен и, по-видимому, чем дальше, тем больше будет несвободен. Но в отличие от СССР, где практически все определял генсек, на Западе всегда существовали политические и особенно экономические институты и формы, требовавшие глобального, я бы сказал, антипровинциального подхода к реальности. Они так или иначе, лучше или хуже, но корректировали лидера, особенно когда он нуждался в этом, как, например, Форд или Картер.

В СССР же корректировать было некому и нечему. Адекватен был его лидер современному миру – хорошо; более того, он получал преимущество перед своими западными контрагентами, поскольку не был ограничен и связан институциональными «корректировками». А вот если не адекватен, если провинциален, то дело плохо, помощи

---

[39] 2) Хотя Хрущев уже стремился производить хорошее впечатление на Запад, его импульсивность вкупе с памятью о военной победе гасили и нейтрализовали это стремление; прорывалось естество: «мы вас похороним», «кузькина мать» и т. д. Отсюда – Карибский казус.

[40] 1) В частности мемуары Г.Киссинджера дают несколько отличных иллюстраций этого комплекса, его развития.

ждать неоткуда и, более того, следует ожидать провинциализации окружения и роста комплекса неполноценности по отношению к Западу – комплекса «деревни по отношению к городу». Это – закономерный результат отсутствия реальных институтов в русской (и советской) истории, отсутствия, приводившего к тому, что специфика чрезвычайки или личность Властителя определяет ход событий напрямую. А.Белинков заметил, что современником Павла I, которого многие считали безумным и этим объясняли ход русской жизни в последние годы XVIII в., был английский король Георг III. Его тоже считали если не безумным, то «не вполне». Повлияло ли это «не вполне» на ход английской истории? Ни в коем случае. А в России повлияло. И это – не роль личности в истории, не субъективный фактор, а объективная логика функционирования системы, где власть – дистанционный моносубъект, а место институтов занимают чрезвычайные органы. Такая система если уж «коротит», то как следует. Полисубъектному обществу социальные «короткие замыкания» не страшны.

Итак, Сталин и, пожалуй, Хрущев (хотя, повторю, здесь есть нюансы) были последними лидерами, у которых комплекса перед Западом не было, они в целом соответствовали миру, в котором жили. Короче, в 20–60-е годы с обеих сторон, нашей и западной, борьбу вели люди Центра, люди метрополии. С 70-х людям и структурам Центра на Западе все более противостояли люди нашей Провинции, Периферии с соответствующим кругозором и отсутствием мировидения, адекватного последней трети XX в. И это не просто психологическая, субъективная черта – с 60–70-х годов коммунистическая система именно такой тип выдвигала на первый план – так ей было спокойнее. Иными словами, перед нами социосистемная, объективная закономерность и причина (разумеется, не единственная).

Но каждое приобретение есть потеря, за спокойствие, тишь и благодать надо платить: коммунистическая система в 60-е годы не выдвинула лидера, который был бы положительно адекватен наступающей энтээровской эпохе. Точнее, не только не выдвинула, не воспитала, но не пропустила бы, не дала бы ходу, задавила, если бы возник. Как не пропускала и тех, кто мог в какой-то степени «реставрировать» какие-то черты сталинизма или хотя бы обещал это сделать.

И на Западе лидеры, соответствующие НТР, появились не сразу, Тэтчер и Рейган пришли в 70–80-е годы. Тех же Форда и Картера, если говорить о США, нередко обвиняли в провинциализме, но, как я уже говорил, во-первых, он лучше или хуже корректировался (рядом с Фордом был Киссинджер, рядом с Картером – Бжезинский). Во-вторых, одно дело – провинции и провинциалы энтээровского Запада, которые если чего еще не знали, то многое чувствовали, поскольку ощущали дуновение ветерка новой эпохи. Другое дело – провинциалы доэнтээровского СССР. В этом смысле советские лидеры ничего чувствовать не могли, все было тихо: «Речка движется и не движется, вся из лунного серебра».

Итак, на рубеже 60–70-х годов произошла расстыковка между развитием СССР и Запада. Те, кто с точки зрения мировых императивов объективно должен был бы явиться в 60-е, пришли в СССР к власти в 80-е, с двадцатилетним запозданием (в отличие от Ленина и Сталина, явившихся в срок и нашедших свое время в той же степени, в какой время нашло их – но упаси Бог от таких находок) и, естественно, во многом оказались архаикой, провинцией по отношению к миру 80-х и центрам его развития. Но, повторю, это так с точки зрения мировых императивов, мирового развития, НТР.

С точки же зрения императивов развития коммунизма – и как системы, и как процесса развертывания и следствия ВТР (властно-технической революции), происшедшей в России в «длинные 20-е» и увенчавшей Русскую Смуту 1861–1929/33 гг., приход к власти руководства типа брежневского («провинциального») был закономерным, более того, необходимым и, так сказать, прогрессивным для данной системы на данной стадии ее развития.

Уже говорилось о том, что одним из последствий НТР на Западе, которое ныне дало себя знать, и, по-видимому, будет набирать силу, стало ослабление национального государства, грубо говоря – центра. Хотя этот процесс уже ощутим, он только начинается. Т. е. должно пройти несколько десятилетий, чтобы он набрал инерцию.

Русский аналог НТР – коммунистическая ВТР, тоже поставившая во главу угла социальные и духовные факторы производства (но не на предметно-производственной основе), через несколько десятилетий закономерно, с необходимостью привела к ослаблению центра, к усилению среднего уровня власти – ведомств и обкомов в противовес тому, что у нас называли «государством». Реакционно-романтические попытки Хрущева укрепить это «государство» (реформы 1957 и 1962 гг.) в ущерб ведомствам, усилить территориальный («государственный») принцип в противовес производственному, ведомственному провалились. Брежневское время стало периодом торжества ведомств и обкомов, именно тогда по сути начинался распад СССР и подрыв коммунизма посредством явления, которое именуют «коррупция».

Брежневская, позднекоммунистическая, ведомственно-обкомовская эпоха в истории коммунизма выдвигала и воспитывала соответствующих лидеров, которые решали задачи, поставленные перед ними системой, решали так, как это надо было системе, в соответствии с ее логикой и принципами самосохранения. Соответствуя объективным задачам и логике развития коммунистической системы, антикапиталистической зоны Капиталистической Системы, они в то же время не соответствовали, перестали соответствовать объективным задачам и логике мирового развития Капиталистической Системы в целом.

Таким образом, в 60-е – первой половине 70-х годов произошла определенная расстыковка в мировом развитии между Первым и Вторым мирами, несовпадение фаз: Запад «уехал» в НТР при еще сильном национальном государстве, а СССР остался в индустриально-аграрной эпохе, забуксовал в ней, исчерпав экстенсивные ресурсы роста и возможности внеэкономической, вэтээровской организации (НТР обесценили последнюю полностью и испытывая все большее ослабление «коммунистического государства» – Центра).

Это несовпадение фаз (или совпадение противоположных, восходящей и нисходящей, фаз) сыграло с СССР злую шутку. Аналогичное несовпадение фаз имело место в 20–50/60-е годы, но тогда проигрывал Запад. Русская ВТР создала властную организацию (и соответствующих ей лидеров), которая в рамках индустриальной системы производительных сил и особенно в 50–60-е годы («повышательная волна» кондратьевского цикла, «Кондратьев-А») обеспечивала СССР целый ряд преимуществ развития – экономического, геополитического. Это был период, когда советские лидеры колпачили Запад, переигрывая его лидеров, многие из которых будто бы задержались в XIX столетии. Кстати, наступление понижательной волны кондратьевского цикла совпало с НТР – двойной капкан, двойной удар по коммунизму. Все это означает, что если в 20–50/60-е годы векторы развития коммунизма и капитализма совпадали или. скажем так, прочерчивались в одном пространстве, если в тот период логика и задачи капитализма и его негативно-функционального двойника стыковались, то на рубеже 60–70-х годов совпадение кончилось, векторы пошли в разные стороны и с разными скоростями, произошли расстыковка, несовпадение фаз развития – стыковка в космосе «Союза» и «Аполлона» оказывается символом расстыковки СССР и США и вообще двух систем на земле.

Точнее, совпали диаметрально противоположные фазы, причем вдвойне: технико-экономический рывок Запада при сохранении пока еще сильного центра (национального государства) и технико-экономические пробуксовка, отставание, инволюция (а., затем и регрессивная эволюция) СССР при ослаблении центра и подрыве социосистемных основ («коррупция» и т. д.). Двойной капкан. Со всеми последствиями международно-геополитического (Хельсинки-75 были, по сути, последним триумфом, подводившим итог ушедшему или уходящему периоду истории) и культурно-психологического характера, в том числе и для советского руководства.

Последнее, особенно в 80-е годы, загонялось во все большую провинциализацию как положительно – логикой развития коммунистического порядка, необходимостью соответствовать ему, так и отрицательно – все большим несоответствием мировому развитию, раннеэнтээровской эпохе. Отсюда – психологический надлом и комплекс

неполноценности, который проявился в действиях советского, а затем российского руководства на рубеже 80–90-х годов, когда это руководство вышло в «открытый мир» без реального знания об этом мире и без соответствующей такому выходу идеологии. Эта ситуация закономерна. На основе комплекса неполноценности, несоответствия миру невозможно выковать новое научно-идейное оружие, приходится цепляться за старые идеологические догмы, повторять их, словно заклинания, или выворачивать наизнанку. Дореволюционное большевистское и советское руководство 20–50-х годов обладало и знанием (пусть односторонним), адекватным той эпохе, и действенной идеологией мирового уровня и масштаба.[41] В 60–80-е годы нормальное развитие коммунистической системы исключало, табуизировало возможность реального изучения мира, капитализма и коммунистического общества. Вино 20–50-х перебродило и стало уксусом шестидесятничества, а за ним пошло «по слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары» (или под звон гитары авторской песни бардов 70-х).

Хотя начало психологического надлома советского руководства в отношении Запада произошло на рубеже 60–70-х годов, инерционно СССР продолжал брать верх в Холодной войне в течение всех 70-х. Связано это было с детантом, но об этом чуть позже. Сейчас – о том, что называют «поражением СССР в «Холодной войне»». Поражение было. Но не в Холодной войне. Холодную войну СССР не проиграл, он ее «покинул», сдал – как покидают корабль или сдают крепость. Поражение было результатом отказа от Холодной войны, той формы, в которой это было сделано. Именно отказ от Холодной войны означал глаза, опущенные долу. Как известно, в бою первыми терпят поражение глаза.

LXII

Холодная война – очень интересное и полностью до сих пор не осмысленное явление истории XX в. К нему привыкли как к чему-то, что долго было повседневностью, а потом умерло. Холодная война воспринимается как метафора, что скрывает реальный смысл уникального явления, которое стоит за этим термином и не имеет аналогов в истории.

Холодная война – не просто некий особый внешнеполитический курс. Точнее, это не столько внешнеполитический курс. «Политика», «внешняя» – здесь только формы. Холодная война есть нормальный способ противостояния коммунизма Капиталистической Системе в целом. Причем если буржуазные государства в истории международных отношений XX в. далеко не всегда противостояли коммунизму как система – системе (Советскому Союзу противостояли определенные капиталистические государства и их блоки), то СССР всегда исходил из своего противостояния Капиталистической Системе в целом и руководствовался этим, используя одни государства против других. Межгосударственные отношения были для СССР средством и элементом социосистемного противостояния, борьбы двух лагерей. И именно это новшество в подходе к международным отношениям привело СССР к ряду побед на международной арене. Можно прямо сказать: «внешнеполитически» «исторический» (некалендарный) XX в. остался за СССР. Это – констатация, безотносительно к оценке.

В противостоянии Западу СССР воспринимал его как социальную систему, как качественно иной «лагерь»; Запад же воспринимал СССР скорее как некое государство, которое постоянно нарушает межгосударственный кодекс поведения Капиталистической Системы. В соответствии с логикой межгосударственной: системы капитализма так оно и было. Однако в соответствии с логикой коммунистической системы, которая есть отрицание только капитализма, но и государственности, СССР ничего не нарушал.

---

[41] 1) Следует помнить и то, что советские руководители 60–80-х не могли получить – негде было – такое образование, как лидеры большевиков и советские вожди 20–30-х, создавшие определенную интеллектуальную традицию и инерцию, которые действовали, затухая, вплоть до 50-х. Хотя, разумеется, интеллектуальный и образовательный уровень большевиков не стоит преувеличивать, но разница, скажем, между Сталиным и Брежневым была существенной.

Эта работа посвящена не социальной природе коммунизма – не только неклассовой и антиклассовой, но также негосударственной и антигосударственной, однако несколько слов сказать необходимо, иначе не будут ясны некоторые выводы. То, что называют «государством» в СССР, не являлось таковым в строгом, научном смысле слова. Это «государство» было не просто главным собственником, но вообще единственным (о колхозной «собственности» как особой могли говорить лишь «идеологи режима»). Собственность совпадала с властью, растворялась в ней. Перед нами – властесобственность, точнее – такая форма присвоения общественного продукта, в которой властная и собственническая функции не обособились из единого присваивающего целого, из единого, социально однородного процесса присвоения.

Государство есть форма социального насилия, обособленного от производственных отношений и вынесенного за их рамки. Государство возникает на основе взаимообособления власти и собственности (государственности и классовости). Государство и класс (и, естественно, государство и капитал) суть две стороны одной реальности. Отрицание классовости и капитализма автоматически означает отрицание государственности, государства как формы организации власти и требует принципиально иной (негосударственной, антигосударственной) властной организации.

Аналогичным образом, при коммунизме невозможна бюрократия. Бюрократ есть персонификатор политико-административной власти, обособившейся от собственности и от прочих форм власти – экономической, идеологической. Если перед нами такой социальный агент, который обладает, во-первых, не только государственно-политической, но также экономической и идеологической властью; во-вторых, обладает ими не как суммой, а как социально-однородным, гомогенным властным целым, как властью-насилием, то это кто угодно, но не бюрократ. Бюрократия (как классы, государство и политика) при коммунизме исключается по определению. Нормальное функционирование коммунистической системы есть, помимо прочего, воспроизводство отрицания государственности в качестве принципа организации власти и ценности – как внутри, так и вне этой системы. Антикапитализм, короче, есть не только антиклассовость, но и антигосударственность. Стряхнув «классовые привески» с государства в 1917 г., коммунизм уничтожил и само государство, которое без классов превращается в иную форму властной (присваивающей) организации.

Постоянное давление СССР (коммунизма) на Запад (капитализм) было естественным для СССР способом существования, а не какой-то внешней политикой.

Коммунизм как система, содержательно отрицая государственность,[42] вообще устраняет различие между внутренней и внешней сферами. Внешняя политика СССР, точнее, внешний аспект функционирования коммунистического порядка, – это качественно иное явление, чем внешняя политика буржуазных государств, как по содержанию, так и по целям. Международные отношения для коммунизма, для СССР – не просто внешняя политика. Это – внешний аспект процесса отрицания капитализма. Ведь даже в Конституции СССР 1977 г. говорилось о том, что главная задача советского правительства заключается в укреплении позиций мирового социализма посредством поддержки «борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс». Короче, в перспективе – за торжество коммунистического строя. Даже последняя по счету Конституция вменяла правительству СССР борьбу за коммунизм во всем мире – так, будто бы советское правительство было мировым, надгосударственным. То, что именуют «коммунистическим экспансионизмом», по своим целям существенно отличается от экспансий и докапиталистических империй (дань, контроль над торговыми путями), и капиталистических стран XIX в. (колонии, вывоз капитала, усиление неравномерности развития), и нацистского рейха XX в. (господство

---

42 1) Подр. об этом см.: Фурсов А.И. Кратократия // Социум. – М., 1991. – № 8, 9. Социального агента, о котором идет речь, я называю «кратократом». «Кратократия» («власть власти») – термин, концептуально введенный и используемый мной для определения социальной природы коммунистического порядка и его господствующих групп.

немецкой нации и немецкого капитала над миром). Целью коммунистической экспансии была коммунизация мира, т. е. «выравнивание» мира по линии организации власти и собственности: весь мир должен был стать качественно однородным в социальном отношении. И это – не злой умысел лениных-троцких-сталиных, а логика развития системы, отрицающей капитализм, единственно нормальный для нее способ функционирования.

По сути, поведение СССР на внешнеполитической арене было поведением не столько государства, сколько качественно иного типа властной организации, лихо комбинирующего в своей деятельности как государственные (внешне), так и антигосударственные шаги, проводя антигосударственные меры в государственной форме – и наоборот. Это систематическое нарушение правил часто ставило в тупик западных политиков, привыкших к определенным правилам, ставило в тупик и в мелочах, и в серьезных ситуациях.

Вот как рассказывал о «мелочах» Н.Бухарин: «Сижу я частенько в кабинете Чичерина… Пугнем, говорю, Францию… Пусти-ка по прямому ноту в Варшаву!.. И Чичерин пугает… Мы-то с Чичериным хохочем, а из Варшавы, устами французских империалистов летит к нам по радио встревоженный и серьезный ответ… Мы, значит, в шутку, а они всерьез!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пупы у них дрожат!.. А что наш Красин в Лондоне выделывает! – заливался Бухарин, – Чудеса да и только!.. Англичане и во сне видят наши леса, нашу нефть, нашу руду и наш Урал… Международные политики, товарищи, – перешел на серьезный тон Бухарин, – в годы большого исторического сдвига, проделанного Российской Коммунистической Партией, оказались неподготовленными к тем формам дипломатии, которые выдвинул наш Ильич и которые так исчерпывающе полно и тонко схватил и понял наш Чичерин, хотя тоже старый царский дипломат… Вся ошибка и самое страшное для мировых дипломатов это то, что мы говорим определенным языком, и слово «да» на языке нашей коммунистической дипломатии означает исключительно положительную сторону дела, т. е. чистое утверждающее событие «да»; они же, выжившие из ума мировые дипломаты, в нашем открытом «да» ищут каких-то несуществующих в нем оттенков уклончивости, отрицания, и до глупого, до смешного бродят меж трех сосен… Вся, товарищи, суть дипломатии заключается в том, что кто кого околпачит!.. Сейчас, товарищи, мы колпачим!.. Может быть, настанет час, когда и нас будут колпачить, но сейчас, товарищи, повторяю, мы колпачим всю Европу!.. весь мир!., и на седой голове Ллойд Джорджа красуется невидимый для мира, но видимый нам, большой остроконечный колпак, возложенный нашими славными товарищами, Красиным, Литвиновым и Чичериным…».[43]

Бухарин не скрывает, что Советская Россия ведет себя не как государство и не в соответствии с межгосударственным кодексом поведения. Более того, Англия, Франция и т. д. для большевиков – не государства, а другая – наднациональная и внегосударственная – социальная система. Система-враг, которую нужно колпачить всегда. Колпачили и в более серьезных делах, вызывая удивление, например после ялтинской конференции, когда Запад ожидал одно, а получал совсем другое. Аналогичной неожиданностью были действия СССР в Анголе, а затем в Афганистане, подорвавшие детант. Примеры можно множить.

В течение всей истории отношений с СССР Запад постоянно приспосабливался к СССР, к его «правилам» поведения на международной арене. Это приспособление было единственным мирным способом иметь дело с СССР. С этой точки зрения история отношений между Западом и СССР с 20-х до середины 80-х годов может рассматриваться как постоянные уступки, отступление Запада, принятие им советских условий, постоянный проигрыш в Холодной войне. Шаг влево, шаг вправо от Холодной войны – либо к угрозе войны «горячей», либо к миру без Холодной войны – были чреваты для СССР поражением. Карибский кризис, с одной стороны, и последнее десятилетие – с другой, наглядно об этом свидетельствуют. Похоже, многие на Западе так и не поняли, что имели дело не с «плохим

---

[43] 1) Арбатов З.Ю. Екатеринослав в 1917–1922 гг. // Русский Архив / Архив Русской революции. – Т. XII. – Берлин, 1923. – С. 136–137.

государством», а с социальной системой, для которой государственность и связанные с ней нормы и правила суть черты и ограничения, чуждые природе этой системы. Поэтому каждый договор с СССР, соглашение, даже сам факт переговоров того или иного капиталистического государства с ним, направленный на создание более безопасного мира, с одной стороны, объективно вел к усилению коммунистического порядка в мире, а с другой – создавал серьезные политические и идеологические проблемы для буржуазных государств.

Движения на Западе за мир, против ядерного оружия, направленные против собственных правительств, были важным фактором для СССР в Холодной войне. В Советском Союзе во время афганской войны не было антивоенного движения, хотя бы отдаленно напоминавшего движение в США против войны во Вьетнаме. И дело не только в безразличии и апатии населения в одном случае, и его активности – в другом (хотя и в этом тоже). Главное, полагаю, в другом – в том, что внешняя политика традиционно воспринималась в СССР как «противостояние империализму» со всеми вытекающими отсюда последствиями. В коммунистической системе не было никаких иных ценностей, кроме власти, кроме самой системы, ее самовоспроизводства. Любая политика, тем более проводившаяся «во враждебном окружении», направленная на укрепление системы и означавшая ее выигрыш, принималась. Многие вещи поэтому не надо было скрывать, они не вызывали осуждения. Все рассматривалось сквозь классовую призму, и никаких общечеловеческих, абстрактных ценностей, «абстрактного гуманизма».

На Западе же в господствующей либеральной идеологии имелся целый ряд постулатов, принципов и официально провозглашенных ценностей (свобода, права человека, ценность личности и т. д.), которые объявлялись общечеловеческими, универсальными и в соответствии с которыми официально оценивались внутренняя и внешняя деятельность системы. В результате многое приходилось скрывать (но нет ничего тайного, что не стало бы явным), прибегать к общественной лжи (которую можно разоблачить по причине идеалов или из-за денег).

Вот как говорит об этом в одном из своих последних романов «Тайный пилигрим» писатель Джон Ле Карре устами своего героя Смайли: «…самое вульгарное в Холодной войне – это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду… Я не хочу заниматься дидактикой, и конечно же мы делали это (глотали собственную пропаганду. – А.Ф.) в течение всей нашей истории. Но когда в ходе Холодной войны лгали наши враги, они лгали, чтобы скрыть гнусный характер их системы. Тогда как, когда мы лгали, мы лгали, чтобы скрыть наши добродетели. Даже от самих себя. Мы скрывали как раз то, что создавало нашу правоту. Наше уважение к личности, нашу любовь к разнообразию и спорам… В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных уважения реформаторов и друзей – из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько еще мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать».[44]

Разумеется, Ле Карре идеализирует западную ситуацию. Но он прав в том смысле, что для буржуазных государств противостояние СССР, Холодная война представляли, под определенным углом зрения, значительно более серьезную проблему, чем противостояние Западу – для СССР. Здесь не было общечеловеческих ценностей и морали, к которым, пусть нередко фальшиво и в пропагандистских целях, вынуждены были прибегать либеральные диктатуры (они же – демократии) среднего класса на Западе. Любое нарушение Западом своих же принципов вело к пропагандистским ударам со стороны СССР по слабым или обнажившимся точкам.

А вот коммунистическая система так подставиться не могла. Какие-такие

---

[44] 1) Le Carré. Secret pilgrim. – N.Y.: Knopf, 1991. – P. 116.

общечеловеческие ценности? Гуманизм бывает только классовый. Буржуазные государства? Нет, «сообщество международных бандитов» – империалистов, эксплуататоров и угнетателей, мы им покажем «кузькину мать». Поэтому повороты во внешней политике и объяснять не надо. Повороты – естественны: «С волками жить – по-волчьи выть». Вот это и есть классовая ценность. Поэтому: вчера – «мутная волна фашизма захлестывает Европу», а сегодня – «доблестная германская авиация бомбит Варшаву». Вчера: Тито – злодей, «фашистская собака». Сегодня: Тито – друг, извини, что собакой рисовали. «Злодей в том виноват, чтоб ему, поганцу, в ад!» Вчера: Сиад Барре – лучший друг СССР. А сегодня уже нет: страшно далек он от СССР и от трудящихся собственной страны, зато нам близок и дорог Менгисту Хайле Мариам, который поведет эфиопский народ к высотам коммунизма прямо от гноища, минуя все другие «измы». Подобные повороты и развороты не вызвали в коммунистическом социуме тех идейно-политических проблем, которые могли возникнуть в таких случаях на Западе. И это лишнее свидетельство тому, что Холодная война была особым явлением в мире XX в.

Не следует упускать из виду и то, какие возможности для укрепления власти и социального контроля предоставляла Холодная война господствующим группам коммунистического порядка. Я далек от мысли, что СССР только выиграл от Холодной войны (все зависит от угла зрения) и что только СССР выиграл от нее. Капитализму, особенно в США, как показывают Д.Дедни и Дж. Айкенбери, Холодная война очень помогла в модернизации многих социально-экономических структур, развитию региональной интеграции, выработке социального компромисса, усилению исполнительной власти и многому другому, что ныне, после окончания Холодной войны, утратило прежнюю основу.[45] И все же Холодная война была триумфом СССР и коммунизма. По самому принципу организации Холодная война была сконструирована так, что преимущество в ней – по определению – имел СССР, коммунистический порядок.

LXIII

Холодная война – это единственно возможная форма мирной взаимоадаптации, мирных отношений не просто между разнокачественными, но диаметрально противоположными по содержанию системами, системами-антагонистами, одна из которых ведет себя как буржуазное государство в межгосударственной системе, а другая – и как государство – формальный член этой системы, и как некая целостность, отрицающая и эту систему, и государственность одновременно.

В отсутствие мировой пролетарской революции и в условиях строительства социализма в одной стране СССР должен был вести дела с капиталистическими государствами, участвовать в системе межгосударственных отношений. Полная автаркия была невозможна, в результате Капиталистическая Система навязывала коммунизму, по крайней мере во внешнем его функционировании, принятие такой формы – государственной, – которая была ему чуждой, ограничивала извне нормальные проявления его социальной природы. Не случайно, что если и были у коммунистического порядка черты, внешне напоминавшие государственность, то это результат необходимости приспосабливаться к такому миру, базовой единицей организации которого является государство как функция капитала. Холодная война была, помимо прочего, снятием противоречия между негосударственным, кратократическим характером коммунистического строя и необходимостью иметь государствоподобные органы для участия в мировой системе. Поворачиваясь лицом к последней, Центроверх СССР принимал облик государства.

Посредством Холодной войны коммунизм снимал противоречие между социосистемным аспектом своего бытия, бытия в качестве антикапиталистической системы,

---

[45] 2) Dedney D. Ikenberry J. After the long war // Foreign policy. – N.Y., 1994. – N 94. – P. 21–35.

антимира Капиталистической Системы, с одной стороны, и государственно-геополитическим аспектом своего бытия, функционирования в качестве государственно-геополитического элемента Капиталистической Системы (международной системы государств) – с другой. В этом смысле Холодная война началась не в 1946 г. действиями СССР в Иране и фултонской речью Черчилля в ответ, а в 1917 г. Только вот на Западе, за довольно редкими исключениями трезвых и проницательных наблюдателей, это заметили как следует с 29-летним опозданием и то по контрасту с периодом 1941–1943 гг. В тот период СССР был вынужден в значительно большей степени, чем обычно, вести себя в соответствии с государственно-геополитической логикой. Однако уже в 1944–1945 гг. СССР опять показывает «социосистемные зубы», и «дядя Джо» сразу превращается в кого-то, похожего на Фредди Крюгера. Однако, несмотря на демонстрацию оскала (впрочем, Запад тоже не улыбался, отнюдь нет), СССР с 1945 по 1985 г. шел от победы к победе в международных отношениях. Ну а 1975 г. – так это просто триумф внешнеполитической деятельности КПСС, триумф, победа Холодной войны. Нашей Холодной войны. Да-да, Холодной войны. Хельсинкского соглашения можно было добиться только на ее основе, а детант – лишь мягкая и временная (уже 1976–1979 гг. это хорошо показали) форма самой Холодной войны.

Холодная война была мягким, точнее, внешне смягченным отрицанием коммунизма и капитализма, и государственности, и международной формы организации последней с ее принципами. Вроде не мир, но вроде и не война, а так… Зато власть коммунистическая. Ныне принято иронизировать над «брестской формулой» Троцкого «ни мира, ни войны, а правительство рабочее». А зря. Троцкий ad hoc, к случаю сформулировал суть того, что впоследствии в качестве общего явления назвали Холодной войной. Причем если до 1945 г. Холодная война рассматривалась у нас как подготовка к «горячей войне» и коммунизации мира, к созданию «Земшарной Республики», то с окончанием мировой войны 1939–1945 гг., развеявшей Великую Мировую Коммунистическую Мечту (победа СССР стала поражением коммунизма, геополитическая победа – социосистемным поражением), Холодная война стала повседневно-прагматической, центр тяжести сместился на настоящее.

Холодная война – так и больше никак нельзя было добиться сосуществования между системой капитала и системой его негативной функции, между двумя зарядами и двумя массами – положительной и отрицательной. При этом в рамках «мягкого отрицания» не только шла борьба, но и развивалось сотрудничество, особенно скрытое, например, по линии спецслужб, одной рукой душивших друг друга, а другой – помогавших друг другу. С этой точки зрения, Холодная война – единство борьбы и кооперации коммунистической и капиталистической систем. В рамках этого единства, однако, формула «ни мира, ни войны» позволяла легко переходить от мира к войне и наоборот, не называя ни то, ни другое по имени или даже называя «войну – миром», а «мир – войной». Различие снималось в понятиях «классовая борьба в мире», «борьба за социализм во всем мире», «классовый принцип в международных отношениях». Задолго до того, как на Западе придумали поэтический, «снежнокоролевный» образ «Холодная война», большевики, по сути, уже вовсю пользовались им, но не дословно и не как метафорой, а в качестве тех понятий, которые названы выше («классовая борьба в мировом масштабе» и пр.).

«А правительство – рабочее», т. е. «а власть – коммунистическая» – вот что позволяло «ни мира» превращаться в «ни войны» и наоборот. У вас мир? Извиняйте, а мы воюем. Ну-ка, Чичерин, отбей им телеграмму. Воюем за социальный прогресс и справедливость, за прекращение эксплуатации человека человеком, «за то, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Потом, конечно, крестьян надо будет раскулачить и к стенке поставить, но это потом. «Морды будем бить потом, я вина хочу». Упоенья вином классовых битв и побед.

Вы воюете? А мы – нет. Караул. Империалистическая агрессия. А мы мирные люди (с бронепоездом на запасном пути). Мы – за мирное сосуществование. Буржуины наступают! Да здравствует международная солидарность трудящихся! Люди доброй воли, братья и сестры! Помогите! «На бой кровавый, святой и правый».

Холодная война была такой властной технологией, которая позволяла коммунизму в

межгосударственных отношениях вести себя как антигосударству, как антикапиталистической социальной системе, в то время как контрагенты вели себя как прежде всего государства. Более того, она позволяла СССР требовать от них такого поведения, апеллируя к провозглашаемым самим же Западом целям и ценностям и противопоставляя им его реальное поведение на мировой арене. Все это не значит, что те, кто противостоял СССР на международной арене, были агнцами, а СССР – «империей зла». Pas du tout. Советскому Союзу – советская пропаганда в данном случае была права – 74 года противостояли «империалистические волки», стремившиеся к господству над миром, рвавшие – с волчьей жестокостью – слабых и нарушавшие правила всякий раз, когда это было возможно: закон силы – вот, если смотреть в корень, закон международных отношений, которые суть прежде всего борьба.

Но, во-первых, «империалисты» нарушали правила в значительно более узком – государственном – «коридоре», чем СССР. К такой ограниченности вынуждала их сама природа капитализма, особенности и логика функционирования его политической и международной организаций. СССР же, не связанный жестко принципами государственности, обладал значительно большим пространством для маневра в «околпачивании» противника. Во-вторых, зона нарушения «государственных правил» Западом ограничивалась наличием внеположенных государству как институту других институтов, ценностей и идеологии. Государство на Западе должно было скрывать и от населения, и от других государств, и часто от самого себя, что оно нарушает правила, а коммунизм не должен был.[46] Он эти правила принимал, и то формально, лишь на международной арене, но не внутри страны, где социально однородной власти (кратократин) не противостояли никакие внеположенные ей формы (институты, ценности) или субъекты. Коммунизм довел моносубъектность Русской Системы до логического завершения, и это наряду с другим стало одной из основ успехов СССР в борьбе с Западом. Скажем так: исторически брать систематически верх над Западом Россия смогла только в форме коммунизма, посредством Холодной войны. За многовековую историю отношений с Западом Россия не знала столь длительного победоносного периода. Холодная война – это стратегия двойного захвата там, где разрешены лишь просто захваты. Эта игра в двух лицах или в двух масках, там, где приняты только одни лица без масок. Запад не имел никаких шансов победить коммунизм в Холодной войне ввиду беспроигрышности этой стратегии. (Коммунистический) Ноздрев не может в принципе проиграть (капиталистическому) Чичикову.

Но отметим и другую сторону: успехи СССР в «околпачивании», выражаясь языком любимца партии Н.Бухарина, достигались в результате действий СССР в рамках межгосударственной системы капитализма. И если в Холодной войне главным образом буржуазные государства вынуждены были приспосабливаться к СССР, то сама Холодная война была формой приспособления, адаптации прежде всего СССР к государственным принципам международной организации капитализма. Это значит, что если исторически, как процесс, Холодная война была победой коммунизма, то метаисторически, как само явление, Холодная война означала победу принципов капиталистической организации мировой системы в мировом масштабе. Капиталистическая Система была сильна, а коммунизм был столь органичным ее антиэлементом, что она смогла навязать ему

---

46 1) Великолепный пример приводит В.Буковскнй. Финансирование радио «Свобода» долго было секретным – сенат США (другой институт) не пропустил бы ассигнования, поскольку это «недружественный акт по отношению к СССР» (т. е. надо все же соблюдать некие правила межгосударственного поведения. – А.Ф.). «Ну а где секреты в Америке, там и разоблачения. Разоблачения же всегда дают привкус чего-то незаконного, почти преступного… миролюбцы типа сенатора… Фулбрайта не преминули использовать этот привкус, чтобы настойчиво требовать закрытия станции как мешающей установлению более дружеских отношений с советским партнером» (Буковский В. И возвращается ветер. Письма русского путешественника. – М: АО – НИИО «Демократическая Россия», 1990. – С. 445).

государственно-геополитическую логику поведения. Да, в рамках этой логики СССР «колпачил» Запад, но он был вынужден подчиниться этой логике, принять ее рамки, действовать внутри них.

И еще в одном наглядно проявилась вся принудительная мощь государственно-геополитических законов и логики Капиталистической Системы, заставивших СССР в мировой войне 1939–1945 гг. руководствоваться тем же выбором, которым руководствовалась Россия в XVIII–XIX вв., участвуя в мировых войнах: после двух лет (1939–1941) косвенного участия в войне на стороне Германии, в 1941 г. СССР оказался по другую сторону «мировых баррикад». И это вовсе не стечение обстоятельств, не случайность – «если бы Гитлер не напал». В 1941 г. государственно-геополитическая 250-летняя инерция и логика Капиталистической Системы, по которой Германия и Россия независимо от их строя в войнах за гегемонию в мировой экономике, в мировой системе не могут находиться в одном лагере, переломили 25-летнюю социосистемную, антисистемную логику поведения СССР.

LXIV

Исторически Россия играла особую роль в мировой, межгосударственной системе, в мировых войнах Капиталистической Системы – по крайней мере с середины XVIII в. Я не оговорился, связав мировые войны и XVIII в. Называя войны 1914–1918 и 1939–1945 гг. первой и второй мировой, т. е. подчеркивая тем самым, что до XX столетия мировых войн будто бы не было, мы, люди XX в., проявляем и близорукость, и излишнюю самоуверенность. На самом деле, первой мировой войной капиталистической эпохи, капиталистической мир-экономики, или по крайней мере войной на заре этой эпохи и этой мир-экономики, была Тридцатилетняя воина. С ней и в ней появилась на свет Капиталистическая Система. «Четырехступенчатая» Тридцатилетняя война (1618–1648) была финальным аккордом Великой капиталистической революции (1517–1648), а Вестфальский мир (1648) в сфере политики специфическим образом реализовал то, за что в 1517 г. начинал бороться «старик Мартин», за что он готов был греметь кандалами.

Если Тридцатилетняя война была первой мировой войной скорее по содержанию, а по форме «европейской», то Семилетняя война (1756–1763) была уже и по форме мировой, глобальной (Европа, Индия, Америка), охватив огромную территорию от форта Тикандероги и Квебека в Северной Америке и Кунерсдорфа – в Европе до Плесси и Манилы – в Азии. Да и долгосрочные последствия ее носили мировой характер (революции в Америке и во Франции, изменения в политике англичан в Индии). Мировой войной были и «тридцатилетние» наполеоновские войны (1792–1815).

Из тех пяти (пяти, если не считать мировую Холодную войну, которая велась почти на каждом квадратном сантиметре земного шара) мировых войн, которые сотрясали Капиталистическую Систему в течение четырех с половиной столетий ее существования, сотрясали и стимулировали – фантастически – ее развитие (в войнах обкатывались многие формы будущего мирного развития социального, экономического, политического), Россия косвенно участвовала только в одной, самой ранней, генетической, а потому во многих отношениях нетипичной – Тридцатилетней (Смоленская война 1630–1632 гг., окончившаяся для России поражением от поляков под Смоленском). Зато в остальных четырех Россия участвовала прямо, непосредственно, а в трех последних к тому же и главный театр военных действий находился на ее территории. Как часто об этом забывают историки – и отечественные, и западные!

Многие ученые, представители различных подходов к изучению международных отношений, циклов политического и военного лидерства, циклов гегемонии в современной мир-системе рисуют следующую – разными красками, с разными деталями, но в целом одну и ту же – картину. В борьбе за гегемонию в Капиталистической Системе морская держава (sea power) всегда побеждала континентальную державу (land power). Так, Великобритания

дважды победила Францию, США – дважды победили Германию. Часто, прежде всего в работах представителей мир-системного анализа, особо подчеркивается роль бывшего гегемона, который каждый раз, как исторически оказывалось, выступает на стороне будущего гегемона, помогая склонить чашу весов гегемонии на его сторону. Так, Голландия выступала на стороне Великобритании против Франции, а Великобритания – на стороне США в борьбе против Германии. Короче, союз морских держав побеждает континентальную державу или союз континентальных держав. Не будем сейчас цепляться к деталям и фактам (США – в той же мере морская держава, что и континентальная, а Япония, например, – морская). В данном контексте значительно важнее логика. И логика эта напоминает мне один анекдот.

Муж приходит домой и сообщает жене, что его, еще утром простого инженера, днем назначили министром и с завтрашнего дня он приступает к исполнению обязанностей. Перед сном жена говорит мужу: «Слушай, тебе фантастически везет! Ты, простой инженер, спишь с женой министра». Схема «морская держава», которая побивает континентальную и становится Новым гегемоном, напоминает мне логику «жены министра». Дело в том, что никогда никакая морская держава сама по себе не наносила поражение сухопутному, континентальному претенденту на гегемонию. Такие победы – иллюзия и вымысел. Их не было. Что, это англичане и голландцы нанесли поражение Наполеону? Что это англичане и американцы в 1914–1915 гг. так врезали Австро-Венгрии и Германии, что первая по сути была выбита из войны и из Истории – фактически с одного удара, словно по принципу каратэ, а вторая вынуждена была стянуть все силы на Восточный фронт, оставив перманентно ситуацию на Западном фронте без перемен? Что, это американцы и англичане разгромили Гитлера? Даже ослабленные, подорванные немецкие армии – две танковые и одна обычная – хорошо показали в 1944 г. в Арденнах американцам, кто и как умеет воевать.

Сухопутного претендента на господство в Капиталистической Системе, в капиталистической мир-экономике побеждал не союз двух морских держав, здоровой и инвалида, а всегда союз морской державы и сухопутной, континентальной. И этой сухопутной державой в мировых войнах всегда бывала Россия. Именно ее масса – людская, физическая, пространственная – и решала исход войн. Для России выбор в качестве союзника морского, а не сухопутного претендента на роль гегемона был логичен. Поскольку она не была столь плотно интегрирована в капиталистическую мир-экономику и сама была сухопутным государством, то для нее сухопутный претендент представлял большую угрозу, чем морской, с которым она не входила в непосредственное соприкосновение.

Поразительно, но факт: в войнах за то, кто будет гегемоном в Капиталистической Системе, в ее экономике именно Россия/СССР – некапиталистическая или даже антикапиталистическая страна – становилась определяющим победу фактором, а сами войны велись на ее территории, на ее пространстве – внекапиталистическом! Выходит, у капитализма нет или не хватает своего пространства для своих мировых войн? В любом случае опять получается, что антикапиталисты страдают от «язв капитала» больше, чем сами капиталисты.

И вдруг в 1939 г. ломается почти 200-летняя геополитическая логика, геополитическая привычка. Глупость? Ошибка Сталина, якобы поверившего Гитлеру? Конечно же, нет. Смена выбора понятна и по-своему логична. СССР начинает руководствоваться не великодержавной евразийской геополитической логикой, а логикой мировой, социосистемной, логикой мирового противостояния двух систем. И с точки зрения этой логики – антикапиталистической, антисистемной, надо способствовать тому, чтобы Германия начала войну и ослабила Капиталистическую Систему в целом (и себя, и противников), чтобы стала слепым агентом (или ледоколом) коммунистической экспансии. Конечно же прав в главном В.Суворов, находящийся сейчас под огнем критики как западных советологов, так и ряда историков в России, прав в том, что Сталин собирался нанести удар по Германии – должен был это сделать по логике развитии Антикапиталистической (мир-)системы.

Здесь не место обсуждать «Ледокол» В.Суворова, его концепцию, но, полагаю, критикам этого автора следовало бы ознакомиться с работой Клайна Бёртона. «Общая картина немецкой военной экономики… – пишет он, – не похожа на экономику страны, нацеленной на тотальную войну. Это скорее экономика, мобилизованная для ведения сравнительно малых и локализованных войн и впоследствии реагировавшая на военные события только после того, как они становились непреложными фактами… Для войны с Россией подготовка была более тщательной, но и она прошла почти без напряжения экономики… Вскоре после нападения выпуск некоторых важных типов снаряжения был сокращен в предвидении того, что война скоро окончится… Руководство немецкой военной экономикой было далеко не безупречным. Великобритания и Соединенные Штаты действовали гораздо быстрее…».[47]

Дж. Гэлбрейт, по работе которого я процитировал Клайна Бёртона, согласен с выводами последнего и подчеркивает, что вопреки распространенному мнению именно Великобритания была в 1940–1941 гг. натянутой военной струной, а не Германия, где даже в 1941–1944 гг. не видели необходимости и в жертвах в области гражданского потребления. В 1940 г. при экономике с общим объемом производства примерно на 30 % меньшим, чем у Германии, англичане выпускали больше самолетов, почти столько же танков и гораздо больше других бронированных машин. В 1941 г. английское военное производство далеко превосходило производство Германии почти по всем показателям.[48] Это – серьезная информация к размышлению об истоках войны в Европе, о причинах и корнях ее превращения в мировую.

Даже если бы не было никаких фактов, к «ледокольному» выводу можно было бы прийти дедуктивно, исходя из логики функционирования, логики нормального развития коммунистического порядка как системы с универсалистскими претензиями.

Два года континентальная держава СССР косвенно участвует в мировой войне на стороне другой континентальной державы – Германии. И вдруг в 1941 г. социосистемная логика исчезает. В данном случае – по результату – значения не имеет, почему это произошло, то ли Гитлер решил упредить Сталина, то ли надумал обеспечить тыл (впрочем, вне краткосрочной перспективы это одно и то же). 1941 г. был переломным в последней мировой войне: он выправил ее в соответствии с традиционной для мировой Капиталистической Системы геополитической логикой, по которой Германия и Россия, независимо от социально-экономического строя, не могут находиться в одном лагере. Я бы сказал, 1941 г. в значительной степени изменил природу последней мировой войны, устранив из нее, по крайней мере на 1941–1943 гг., социосистемный аспект, аспект противостояния двух систем.

Подчеркну то, что мне кажется самым важным, диалектичным в переломе: мобилизовать государственно-геополитические силы, напрячь их и заставить коммунизм играть по геополитическим законам Капиталистической Системы, а не по его социосистемным законам, капитализм – был принужден самим коммунизмом, его социосистемным давлением. Причем в этом принуждении, в своих социосистемных планах коммунизм использовал капиталистические законы геополитики и борьбы за гегемонию в мир-экономике! Получилось так, что социосистемная логика коммунизма, которая вела его к глобальной войне за мировую коммунизацию, заставила его геополитически использовать одни капиталистические государства против других. Вступив на этот путь, СССР как коммунистический лагерь вскоре оказался вовлеченным в некую игру и был поставлен перед выбором между одной коалицией государств и другой. Независимо от выбора, это был

---

[47] 1) Klein Burton H. Germany's economic preparation for war. – Cambridge: Harvard Univ. press, 1959. – P. 235–236.

[48] 2) Гэлбрейт Дж. К. Жизнь в наше время. – М.: Прогресс, 1986. – С. 139–140.

императив (меж) государственного, а не социосистемного поведения. По крайней мере – в краткосрочной перспективе. Вышел чет – нечет: антикапиталистический социосистемный вызов – капиталистический межгосударственный ответ – антикапиталистический межгосударственный контрответ. Empire strikes back, и воистину все смешалось в капиталистическо-коммунистическом доме. По крайней мере в 1941–1943/45 гг.

Таким образом, социосистемный натиск коммунизма был отражен капитализмом и на какой-то миг – но очень важный, решающий для капитализма – трансформирован в государственно-геополитический импульс коммунизма. Нападение Гитлера, спровоцированное угрозой ли коммунистического нашествия, страхом ли перед ним – в данном случае, повторю, значения не имеет, – заставило СССР отказаться от замысла глобальной войны миров и систем и удовольствоваться участием в более скромном, внутримир-экономическом пожаре в качестве одного из государств. Великий перелом совершился. Ирония исторической судьбы: упреждая своим нападением занесенный над ним кулак Сталина, всего антикапиталистического исполина СССР (а удар был бы нокаутирующим), Гитлер заставил СССР вернуться к российской (евразийской, мировой) геополитической логике XIX–XX вв. – к противостоянию России самой сильной континентальной державе Европы, которой с 1870 г. была Германии. Руками Гитлера капитализм заставил СССР на несколько лет стать Квазироссией и подчиниться межгосударственной военно-стратегической логике. Так обернулась сталинская мировая антикапиталистическая политика 30-х годов. Контртуш в угол! Какая изощренная «политическая (она же капиталистическая, мир-системная) эротичность»!

В результате последней мировой войны в краткосрочной перспективе на Западе непосредственно выиграла прежде всего не столько система – капитализм, сколько конкретное государство – США, ставшее гегемоном капиталистической мировой экономики. Косвенно же в средне- и долгосрочной перспективе от этой гегемонии выиграл капитализм как система в целом, добившаяся колоссальных результатов и фантастического благосостояния. На Востоке ситуация оказалась более сложной. В краткосрочной перспективе победили СССР и коммунизм. В среднесрочной – коммунизм победил в региональном масштабе. В мировом же масштабе военная победа СССР и военно-политическая региональная («зонально-лагерная») победа коммунизма были поражением последнего. В том смысле, что мировой коммунизации в результате войны не произошло. Доктрина мирного сосуществования, впервые выдвинутая Маленковым в 1953 г. и подхваченная Хрущевым в 1956 г., означала признание поражения коммунизма в мировом масштабе. А во «внешней политике СССР», в Холодной войне это поражение, напротив, обернулось почти 40-летием побед – диалектика капиталистической эпохи, двухзарядного капитализма. Установив между собой связь – «железный занавес» (good fences make good neighbours) и Холодную войну, – СССР (коммунизм) и США (капитализм) установили на 40 лет контроль над миром, поделив его.

Разумеется, это так вышло объективно, исторически, но обе стороны понимали выгоду ситуации (реакция Запада на события в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., а также различие в реакциях США на Суэцкий и Карибский кризисы сверхпоказательны). Логика мировой войны в Капиталистической Системе заставила коммунистический режим действовать а соответствии с геополитической логикой Капиталистической Системы. Но как только окончилась мировая война, СССР (с Ялты) опять начинает действовать по социосистемному принципу. Запад понял это только в 1946 г. и кричит: «Холодная война». Восток же ничего не кричит. Он уже почти 30 лет ведет Холодную войну, приглушив ее на время в 1941–1943 гг.

Последняя мировая война наглядно продемонстрировала, как капитализм, его «суммарно-партикуляристская» межгосударственная система, логика ее развития, ее конкуренции и конфликтов не позволили универсалистскому по своим претензиям и направленности действий коммунизму не только обрести планетарную форму, но и учинить мировой конфликт социосистемного (межсистемного) типа. Подобную попытку

Капиталистическая Система интериоризировала, направив в русло борьбы за гегемонию по старинным внутрисистемным и евроазиатским геополитическим правилам, «оставив» коммунизму для социосистемного конфликта поле Холодной войны. Но – обратная связь – СССР посредством Холодной войны придал государственно-геополитическому противостоянию мировой характер, заставляя США влезать туда, куда их непосредственно вовсе не толкала экономическая или геополитическая логика (например, Вьетнам). Для СССР же естественно было внедряться и в те регионы, которые не входили непосредственно в зону традиционных экономических и геополитических интересов России (например, Куба, Ангола).

Стремление противодействовать друг другу везде-везде-везде привело к тому, что СССР и США от геополитических шахмат перешли к миростратегическому эго, максимально растянув силы, что, помимо прочего, и подрывало мощь обеих сверхдержав, заставив перенапрячься. Конечно, СССР, коммунизм пали первыми. Но коммунизм – это не вся Русская Система, это одна из ее исторических структур. Падение коммунизма объективно, по логике расчищает место новой структуре Русской Системы или просто некой новой Евразийской системе. Что же касается упадка гегемонии США, то, как признают даже западные политологи и просто умные люди, нового гегемона, следующего за США, на Западе не видно. Гегемон – это то государство, которое воплощает и обеспечивает реальное единство Капиталистической Системы как мировой; капитализм может быть только мировой системой. Мировая система без гегемона невозможна. С этой точки зрения в долгосрочной перспективе упадок гегемонии США и закат функционального капитализма могут оказаться для Капиталистической Системы значительно более серьезной проблемой, чем падение коммунизма и распад СССР – для Русской.

Коммунизм не стал универсально-планетарной системой в XX в. Не мог стать. И в этой неспособности и невозможности коммунизма сформировать адекватную своей негосударственной и неклассовой природе международную форму организации (смерть Коминтерна в 1943 г. показательна и символична) со всей очевидностью проявляется вторичность коммунизма по отношению к капитализму, метаисторическая заданность капитализмом, негативный функционализм по отношению к Капиталистической Системе. Как интересно получается: в XX в. коммунизм не позволил капитализму положительно охватить весь мир, мир в целом. Коммунизм навязал себя в попутчики, в подельщики. Но вот кончился коммунизм – весь мир в кармане у капитализма? Весь мир на его ладони? Капитализм «счастлив и нем»? Ан нет. Оказывается, та зона, где был коммунизм, несмотря на попытки реинтегрироваться в систему, остается если уже и не антикапиталистической, то некапиталистической, – как и то, что находится за рамками Прибрежного Пояса в Китае. Да и мир трещит по макрорегиональным швам.

Капитализму впору было скандировать с коммунизмом нечто вроде: «Вместе весело шагать по просторам» (земного шара) или «Пока мы едины, мы непобедимы!» «Да здравствует Холодная война и милитаризация – залог светлого будущего двух систем». Вышло – История распорядилась – иначе. Неужели получается, что мир достиг реального единства, реально стал мир-системой лишь на краткий исторический миг 60–80-х годов, когда США и СССР контролировали «шарик» и обеспечивали порядок и когда позднеиндустриальная система производства стала превращаться в энтээровскую, т. е. в этот момент контроля и превращения? Что же получается, мир-система – это мир только на грани, на лезвии бритвы, мир в прыжке, над пропастью? Я не готов сейчас дать аргументированно утвердительный ответ на этот вопрос, но, по-видимому, это так.

Капиталистическая Система не была в XX в. мировой, универсально планетарной положительно. Она охватывала мир в целом только вместе с коммунизмом, только как двойная масса положительного и отрицательного зарядов, взаимопритягивающихся и одновременно взаимоотталкивающихся посредством Холодной войны, постоянной милитаризации и т. д.

LXV

Милитаризацию России/СССР при ее неполной интеграции в мировую экономику Капиталистической Системы, противостояние и параллельное развитие, коэволюцию Русской и Капиталистической Систем следует рассматривать не только как русско-советскую черту, но и как особую функцию Русской Системы (а также самодержавия и коммунизма в качестве ее исторических структур), выполняемую ею (ими) в мировой системе и для капиталистической мир-экономики. Конечно, Россия могла оставаться великой державой только в качестве военного гиганта – это и в XIX в. было ясно столь разным людям, как С.Степняк-Кравчинский и Д.Милютин. И все же была в этом военном гигантизме и мировая, не собственно и не только русская функция. Война – «горячая» ли, «холодная» ли – была формой реализации этой функции. И если ныне Россия, по крайней мере по видимости, реинтегрируется (пусть уродливо и неравномерно) в мировую систему (или пытается это сделать), если она частично демилитаризуется и не выступает, не может выступать в качестве мирового балансира, в качестве Антисистемы, Антимира – как показала история, подлинно великой мировой державой Россия может быть только как Антисистема (но время такой исторической возможности похоже уходит безвозвратно), – то это означает: что-то серьезное происходит с Капиталистической Системой, в ней. Что-то случилось. Что-то сломалось или ломается. Если Россия более не нужна как балансир, как пространственно-кроваво-мясной регулятор механизма борьбы за гегемонию, то скорее всего это значит: разлаживается механизм борьбы за гегемонию, расстраивается единство мира. Парадокс: реинтеграция России в мировую систему происходит, похоже, по мере утраты этой системой характера целостно-мировой, по крайней мере, по ряду показателей.

В любом случае, тот факт, что Капиталистической Системе больше не нужен такой балансир и регулятор, как Россия/СССР (как эта целостность не была ему нужна в XVII в. и не так уж была нужна в XVIII в.), наводит на вопрос: а может, и регулировать ничего больше не надо? Может, и борьба за гегемонию будет протекать теперь не так, как это было в XIX–XX вв., т. е. не с помощью некапиталистического континентального балансира-регулятора, а иначе, как в докапиталистическую и раннекапиталистическую эпохи. Ведь Тридцатилетняя война, возвестившая начало Капиталистической Эры, была мировой генетически, в интенции, суммарно (совокупность четырех европейских региональных конфликтов, объединенных, однако, некоей логикой). Капитализм вошел в Историю с мировой войной такого типа, с войной такого же типа он может из нее и выйти. А для войны типа Тридцатилетней балансир не нужен, поскольку в ней не было двух равносильных и равноценных претендентов на гегемонию, ситуация была намного более сложной.

Мир XVI–XVII вв. во многих отношениях напоминает возникающий пуантилистский мир XXI в. Этому миру – не зональному, не двухлагерному, в котором нет и не может быть двух претендентов на гегемонию, – для выяснения отношений внутри себя не нужны ни балансиры, ни Холодная война. Похоже, перестают они быть нужны и сейчас. Vixerunt.

Вердикт «СССР проиграл Холодную войну» стал уже стандартным, и люди даже не задумываются о том, какие тому есть доказательства. А доказательств-то нет. Король-то голый. СССР ушел из Восточной Европы? В ней, а затем в СССР рухнул коммунизм? Да. Когда? На рубеже 80–90-х годов. Но ведь в это время уже никакой Холодной войны не было. Она уже окончилась. Поражение СССР на международной арене произошло, во-первых, после окончания Холодной войны, во-вторых, вследствие этого – вследствие отказа от курса Холодной войны, исторически оказавшегося оптимальной стратегией для России в ее борьбе или, скажем так, в ее отношениях с Западом. Об этом – по негативу – свидетельствует следующее.

В XX в. глобальные («мир-системные») геополитические перестройки имели место трижды: в 1917–1918, 1944–1945, 1991–1994 гг. Две первые перестройки произошли в результате «горячих» войн, в результате победы одной стороны и поражения другой. Третья глобальная геополитическая «перестройка» произошла без войны. Более того, она

осуществлялась в результате отказа одной из сторон от войны – Холодной – и как «внешнее» продолжение внутренней перестройки этой стороны. При этом нынешняя глобальная перестройка международной системы не ограничивается геополитикой, а имеет к тому же геоэкономический и, как сказал И.Валлерстайн, геокультурный характер, что сближает ее с перестройкой 1917–1918 гг. и делает в чем-то более важной, чем сдвиги 1944–1945 гг. Короче говоря, отказ от Холодной войны по своим последствиям превосходит результаты мировых войн 1939–1945, и, по-видимому, даже 1914–1918 гг. В связи с этим ясно, какое значение для мира в целом и для СССР имела Холодная война.

Сказанное – не ода Холодной войне и даже не ее оценка со знаком «плюс» или «минус». Не дело историка, не дело изучающего социальные системы и их отношения давать оценки такого рода. Может ли система быть злой? На этот вопрос трудно дать как утвердительный, так и отрицательный ответы; по-видимому, вопрос поставлен некорректно[49]). Аналогичным или почти аналогичным образом обстоит дело и с Холодной войной. Она была нормальной и по сути единственно возможной (с точки зрения сохранения капитализма и коммунизма как таковых) формой взаимодействия обеих систем. Если сам коммунизм был, помимо прочего, компромиссом между Русской Системой и Капиталистической Системой, то Холодная война была практическим компромиссом между капитализмом и коммунизмом. Таким компромиссом, в котором коммунизм, конечно же, не мог победить капитализм, но не мог и проиграть, при этом, однако, постоянно набирая очки. Нельзя проиграть игру, которая ведется не только на грани фола, но и за гранью, которая обеспечена комбинацией, всепобеждающим и всеобманывающим взаимопереплетением социосистемности и государственности. Нет, проиграть Холодную войну было невозможно. И СССР ее не проиграл. СССР отказался от Холодной войны, демонтировал ее. И после этого – проиграл, потерпел поражение с переходом от курса Холодной войны к курсу внешней политики.

Провозгласив примат общечеловеческих ценностей над классовыми, СССР «Горбачева и его команды», оставаясь коммунистическим порядком внутри, на международной арене повел себя как государство, повел в соответствии с государственно-геополитической логикой. И вот в этом-то качестве СССР немедленно потерпел поражение на мировой арене. Так, как терпел поражение Запад в 70-е, когда проводил политику детанта, т. е. когда Запад изменил внешнюю политику, а СССР лишь видоизменил холодную войну.

О том, что это было лишь видоизменение, что понимание Советским Союзом детанта принципиально отличалось от понимания его Западом, свидетельствует тот факт, что даже в самый разгар разрядки никто в СССР не отменял идеологическую войну – эвфемизм, адекватный по сути Холодной войне. Идеологическая война была у нас больше, чем просто идеологическая. Это хорошая русская традиция. У нас почти все явления меньше или больше (а иногда то и другое одновременно), чем означает их название («Поэт в России больше, чем поэт».[50] Понимание детанта как продолжения Холодной войны в новых условиях и иными средствами стало очевидным после Анголы и особенно Афганистана. Эти акции привели Запад к отказу от детанта. В известном смысле победа Запада на рубеже 80–90-х годов стала

---

[49] 1) Зло – категория этическая, она распространяется только на деятельность субъекта, преимущественно индивидуального (хотя ситуации в моносубъектном обществе, с одной стороны, и в полисубъектном – с другой, существенно отличаются друг от друга). С такой, персоналистско-этической точки зрения, например, коммунизм – абсолютное ало как во внутренних, так и во внешних своих проявлениях. Мы же, однако, рассуждаем о социальных системах, а не в персоналистско-этической плоскости.

[50] 1) Фразой: «Моя жизнь – это моя жизнь, а не судьба русской литературной традиции», И.Бродский, «последний поэт империи», подводит некую черту, и это тоже символ и знак окончания целой эпохи, русской Modernity, которой в русской литературе соответствует период «литературных учительных старцев» от Гоголя до Солженицына. Русский поэт (творец) как только частное лицо – это действительно нечто новое, это уже из эпохи социального пуантилизма.

своеобразным реваншем Запада за поражение в детанте. Но вернемся к Горбачеву.

Он полагал, что можно сохранить коммунизм и позиции СССР как великой державы, отказавшись от Холодной войны и отдав Восточную Европу. Он не понял, что «холодновойновость» есть важнейший интегральный элемент, а может, и условие сохранения статуса СССР как великой мировой (а, например, не региональной) державы. Горбачев, стремясь сохранить коммунизм как систему внутри страны, заставил его функционировать на международной арене только как государство. Двухмоторный самолет, который и выигрывал за счет своей двухмоторности, он заставил летать на одном моторе. Результат всем известен. И нечего здесь ссылаться на то, что Холодную войну следовало прекратить потому, что мы проигрывали гонку вооружений. Хрен с ними, с вооружениями. Холодную войну можно продолжать даже в том случае, если противник может уничтожить тебя 100 раз, а ты его – только один. 99 раз можно подарить противнику по широте душевной – по русской широте. Дело не в гонке вооружений, а в лихорадочных попытках спасти коммунизм внутри страны, жертвуя «окраинами империи» и стремясь заручиться капиталистической помощью.

Можно ли было реформировать коммунизм, сохранив Холодную войну хотя бы в смятенном виде, или, точнее ее элементы – таким образом, чтобы посткоммунистическая Россия смогла воспользоваться хоть чем-то из «внешнего» наследия коммунизма, чтобы у посткоммунистической России оказалось значительно меньше утрат и проколов? Сохранить в «отдельно взятом Зазеркалье» капитализма элементы Холодной войны – без коммунизма – как улыбку Чеширского кота без самого кота? Понятно, что Холодная война неотделима от коммунизма, но нельзя ли было продлить ее уход, растянуть улыбку? «Продлись мгновенье», ты хоть и не прекрасно, но нужно нам.

Во-первых, коммунизм реформировать нельзя – и потому что он не реформируем по природе (его можно только сломать), и потому что система уже умирала. Как проводить реформы в умирающей системе? Это все равно что давать отходящему аспирин и радоваться, что тот потеет. Реформы умирающих систем (и в них) лишь ускоряют конец этих систем вопреки стремлению реформаторов. Горбачев в гибель коммунизма не верил, не хотел верить, боялся этого, а потому готов был демонтировать все, что казалось ему второстепенным и внешним, например внешнюю политику. Это было ошибкой. В коммунизме нет второстепенного и нет внешней политики. Есть единство властно-производственной системы, интегральная внешняя функция этого единства – Холодная война. Можно сказать, что Холодная война в коммунистической системе занимает ту нишу, которую в иных системах занимает внешняя политика, и война эта как средство всегда сильнее такого средства, как внешняя политика.

Для того чтобы попытаться использовать наследие Холодной войны, для того чтобы не утратить международные позиции в период общественной трансформации, задача должна была ставиться иначе, чем она была поставлена: не улучшать отношения с Западом для спасения коммунизма, не утеплять их сразу, а медленно, очень медленно повышать температуру, перестраивая коммунизм в новую структуру Русской Власти и Русской Системы. Но для такой постановки как даже задачи теоретической необходимы понимание ситуации, социальный ум и политическая воля. В СССР персонификаторов этих качеств не нашлось.

В посткоммунистической России могла быть поставлена практическая задача медленного, отвечающего интересам России демонтажа Холодной войны – так, чтобы получить за этот процесс дороже, не уронить престиж и хотя бы частично компенсировать негативные эффекты ее прекращения. Иными словами, плавно и неспешно, с достоинством перевести Холодную войну если не в Холодный, то в Прохладный мир, сохраняющий дистанцию между нами и Западом и не позволяющий Западу, у которого пропал страх, уж слишком откровенно расслабляться и демонстрировать снисходительно-неуважительное отношение к России. Разумеется, такой курс требовал виртуозно тонкой и одновременно жесткой политики, проводников которой, как и мастеров геополитического дирижирования,

не нашлось. К тому же в постперестроечной России, как и в перестроечном СССР, главные протагонисты властной драмы слишком спешили заручиться поддержкой Запада и, похоже, не успели подумать о возможности плавного перевода войны в мир, не покидая «умеренных широт» мировой политики. В любом случае, Холодный мир, особенно учитывая нынешнюю позицию Запада по ряду важнейших вопросов, может оказаться оптимальным вариантом внешней политики России. Впрочем, так часто бывало в периоды Русских Смут. Однако в ходе нынешней Смуты следует особо учитывать и еще один момент. Коммунизм был компромиссом между Русской и Капиталистической Системами. До него таких – системных – компромиссов и таких – «холодновойновых» – форм не было. Была внешнеполитическая борьба. Но с исчезновением и самого 74-летнего компромисса (коммунизм скончался в том же возрасте, что и К.У.Черненко; лучшего символа для позднего коммунизма не найти) и его формы, логично предположить, что отношения между Россией и Западом должны стать менее компромиссными, особенно со стороны Запада, тем более что Запад, избавившись от страха, уже широко шагает. Как это там А.В.Суворов говорил о широко шагающих молодцах? Россия вступает в новый период противостояния Западу, противостояния в чем-то намного более сложного, тонкого и психологически изнурительного, чем предшествующее. Оно и людей потребует сложных и тонких, которые должны будут сочетать в себе актера, иллюзиониста и борца-бойца мировой политики, способных с улыбкой действовать по принципу каратэ.

LXVI

Ныне весьма современны и своевременны слова Пушкина, сказанные им об отношении Европы к России после войны 1812 г.: Европа столь же невежественна, сколь и неблагодарна в отношении России. Только в наши дни «Европа» надо заменить на «Запад», За что Запад нас должен благодарить? Да за то, что его избавили от ядерного страха, за то, что вывели войска из Восточной Европы быстро, по-корчагински, намного быстрее, чем можно и нужно. Но благодарности нет. Как и понимания. Это видно, в частности, по тому, как складывалась ситуация на Балканах, в бывшей Югославии.

Само давление на сербов в 19941995 гг., часто иррациональное, не признающее в них субъекта, не имеет ли оно антироссийский и антирусский характер, по крайней мере косвенно, опосредованно? Порой создавалось впечатление, что западная зацикленность на сербах, притом, конечно, что сербы не ангелы (а хорваты не боснийцы ангелы?), есть отчасти результат эффекта замещения: для Запада в мире после окончания Холодной войны сербы, Сербия ситуационно как бы заняли место русских, место СССР. Это те, над кем можно непосредственно торжествовать так, будто бы Запад победил (СССР) в настоящей войне. К тому же раньше сербов трогать не моги: Югославия была картой, которую Запад разыгрывал против СССР, и потому на Западе не вспоминали о хорватах-католиках, ни о мусульманах в Югославии. Кто такие? Без надобности.

Не показало ли поведение Запада по отношению к сербам, помимо прочего, то, как мог бы в принципе повести себя Запад по отношению к России и русским, если бы Россия не имела ядерного оружия и т. д.? Похоже, на сербов многие на Западе проецировали отношение к России и русским. Отношение, которое к самой России к самим русским продемонстрировано быть не могло. Не получили ли сербы оплеухи, предназначаемые в воображении тех, кто раздавал, русским? Сербы это «русские понарошку»? Вот убивали только по-настоящему.

На Балканах Запад в 1994–1995 гг. показал зубы не арабам, не сомалийцам, не латиноамериканцам. Европейцам же, причем тем, которым когда-то сладко улыбался, которых когда-то «гладил по шерстке», чтобы использовать против СССР. Теперь смена вех. Теперь зубы видны не в улыбке, а в оскале. Что нужно делать, когда кто-то со всей очевидностью, демонстративно показывает зубы? Вообще-то бить по зубам, причем необязательно своими силами и средствами, можно чужими внешняя политика такое

позволяет. Но не всегда нужно бить по зубам. И не всем. Дело не в том, что Запад сейчас силен, а мы нет. И не в том, что, быть может, все стороны в экс-Югославии разыгрывали спектакль, замешанный на краткосрочной конъюнктуре (выборы у нас и в США), нефти, крови и, как часто это бывает, глупости сильных (сила есть, ума не надо). и не в том дело, что, как еще в XIX в. говорили умные люди, Великая Сербия вовсе не в интересах России. Дело в долгосрочной целесообразности.

Да, нужен Холодный мир с Западом, иногда очень холодный. И мир этот должен гарантироваться крепко сжатым русским кулаком – в мире слабых не любят и тем более не уважают, и это проецируется даже на отношение к советским/россиянам за рубежом, как сознательно, так и подсознательно.[51] Но политика России под звон Колоколов Истории не должна быть антизападнической. Она должна быть это тривиально, но факт пророссийской. Разумеется, когда Запад ведет себя по отношению к России так, как он ведет себя в экс-югославской ситуации, у кого-то в России может возникнуть соблазн повернуться спиной к варягам, лицом к «обдорам», к Востоку, возобновить игры с Ираком, Ираном, Китаем. В качестве краткосрочной меры (и то реализуемой крайне осторожно) это возможно. Но в качестве даже среднесрочного курса это едва ли приемлемо. И не только по чисто геополитическим соображениям, чтобы избежать превращения России в местность, которая нам знакома «как окраина Китая» (хотя и это тоже). И не только потому, что голодные, с многочисленным населением, среди которого много молодежи, страны Юга значительно опаснее для нас (и чем дальше, тем больше будут опасны), чем сытые, с большим процентом пожилого населения страны Севера, которые не претендуют на нашу территорию.

Главное заключается в том, что при всей политической, исторической или даже этнокультурной неприязни, недоверии многих на Западе к России (и в России к Западу), при стремлении не допустить Россию на мировой рынок (а кто себе враг? Политико-экономическая игра это игра с нулевой суммой; уважать себя можно только заставить, и надо это сделать) Русская Система заинтересована в существовании Запада, в нормальном функционировании Западной Системы. Это объективный интерес, и требуется виртуозная политика с исполнителями-виртуозами, чтобы конкурировать с Западом (Севером) исторически, не усиливая при этом то, что поднимается на Востоке (Юге), и не подрывая Запад (и себя) **метаисторически** . Разумеется, такой курс крайне затруднителен без аналогичного подхода и понимания со стороны Запада, понимания того, что в нынешнем деуниверсализующемся мире, только Запад и Россия являются носителями универсалистских черт, только они созданы христианским историческим субъектом, представляя реализацию его двух альтернативных проектов собственнического и временного в одном случае, властного пространственного в другом. Других проектов не было. В мире, где физическое и социальное пространство христианского (и белого) человека сужается, где социальные конфликты все более принимают религиозно-этническо-расовую форму, ни Запад, ни Россия сами по себе не устоят.

Дом, разделившийся в самом себе, не устоит.

Речь, таким образом, идет о метафизическом союзе между Западом и Россией пусть в виде холодного и жесткого мира без любви и приязни. К сожалению, мало кто на Западе, да и в России тоже осознает необходимость такого союза, который является основой других союзов при всех политических, экономических культурных различиях и напряженностях.

Основа союза, о котором идет речь, заключается не в том, чтобы нам с Западом

---

[51] 1) Далекий от политики и далеко не просоветский по чувствам и мыслям вовсе не имперский писатель Ю.Нагибин так писал о своем пребывании в Норвегии, о дружественном отношении к нему норвежцев: «А все-таки человек слаб без родины… Я это понял по отношению местных людей ко мне, «Пока есть такие люди, как вы, Россия не погибла». Конечно, тут было личное отношение, я им пришелся по душе, что редко бывает, но мое обаяние хорошо подкреплялось бесстрашной пехотой, мощной артиллерией, танками, авиацией, очень окрепшим флотом и «сей термоядерной мощью самого вооруженного в мире государства» (Нагибин К). Дневник. М.: Книжный сад, 1995. С. 275).

целоваться-обниматься. Хватит: Нацеловались при Брежневе, наобнимались за последние десять лет. Хорошего понемножку. И не в том, чтобы, задрав штаны бежать за Западом. Метафизический союз одновременно и проще, и сложнее. Он заключается в осознании того факта, что христианский или постхристианский исторический субъект в своей одной-единственной частной историко-системной «версии» не устоит. А это значит, что самая главная из главных границ, limes, как сказал бы Марк Аврелий, проходит не между нами и Западом, а между Западом и нами, с одной стороны, и большей частью остального мира с другой. Между остальным миром, с одной стороны, и Западом и Россией как двумя частями, северо-западной и северо-восточной, Севера с другой. Осознание этого без любви, а на основе долгосрочного исторического расчета является императивом выживания и самосохранения: нас в качестве России, Запада в виде Запада.

При этом, однако, нельзя закрывать глаза на то, что и Запад, и мы сами себя подрываем. Отчасти в основе этого лежит недальновидность, слабость метаисторического инстинкта, отчасти интерес военно-промышленных и определенных бюрократических комплексов. Уже идущая «нафталинизация» (от НАФТА) Америки и постоянно предлагаемая («подбрасываемая») идея «евразиезации» России суть бомбы замедленного действия цивилизационного, историко-культурного и расово-этнического. Разыгрывая различные карты друг против друга, Россия (которая готова по конъюнктурным соображениям опять повернуться к Ираку) и Запад (готовый впервые за много лет допустить существование мусульманского государства в Европе) по отдельности и вместе (игры в «геостратегические бирюльки» с Китаем) рискуют проиграть все и вдрызг. После чего нам, обнявшись с Западом, придется начать громко декларировать стихи Тимура Кибирова:

Пойдем, пойдем. Побойся Бога.
Довольно мы поблатовали.
Мы с понтом дела слишком много
Взрывали, воровали, врали.
Мы все баклуши перебили,
Мы все в бирюльки проиграли…

Но пока что не видно того общего знаменателя, который мог бы стать основой хотя бы для пунктирной реализации метафизического союза, хотя бы обозначить его. Да и есть ли такой?

Действительно, что могло бы стать таким знаменателем? По крайней мере, теоретико-гипотетически. Ведь и перед нами, и перед Западом стоит одна и та же проблема самосохранения в качестве христианского по происхождению, универсалистского субъекта в постхристианском, все более партикуляризирующемся мире.

LXVII

На что же в принципе можно опереться в создании новой формы Европейской цивилизации, формы, в которой универсалистская личность должна быть уравновешена и примирена с признанием локального, а не универсального характера Европейской цивилизации или по крайней мере с тем фактом, что универсалистско-мировая (христиансхо-капиталистическая) ее фаза окончена? Где секрет формы, ключ к ней. Этот ключ равновесие. Равновесие между техникой и природой, обществом и индивидом и т. д. подвижное равновесие, но равновесие, только за него можно зацепиться в эпоху флуктуации, только им можно амортизировать социальную революцию. Равновесие как макросоциальный и всеобщий принцип.

Нет ли в европейской истории периода и состояния, в котором подвижное, динамичное равновесие было наиболее ярко выражено? Я думаю, есть. Это Старый Порядок, его эпоха, XVIIXVIII вв. Динамично-равновесная модель, развитие-как-равновесие,

флуктуация-как-равновесие эти уникальные черты обусловлены взаимодействием двух сторон активности исторического субъекта: Европейской цивилизации и капиталистической формации. Их равновесие и вызвало к жизни этот бурный и великолепный период истории европейскою человека. И еще одно следует помнить: старым Старый Порядок был по отношению к субстанциональному капитализму, к Modernity. Исторически же он был Новым Порядком. Это была молодая «антифеодальная диктатура», «барочное государство» (более предпочтительный, чем «абсолютизм» термин абсолютизм не был абсолютной властью ни монарха в государстве, ни государства в обществе). Новым Порядком, который дал Европе и человечеству великую философию, великое искусство и великую науку. Не говоря уже о великих целях. Гиганты эпохи Старого Порядка (Барочного Порядка) последние гиганты в истории Европейской цивилизации. «Не то, что нынешнее племя: Богатыри».

Старый Порядок вот та модель, которую можно противопоставить асоциалу, затормозить, если не остановить, сползание в «новое предсредневековье», в царство рептильной социальности Homo robustus. Новый «Старый Порядок» вот та форма, та модель, в которой Россия и Запад окажутся максимально приближены друг к другу, обретя дополнительную устойчивость во все более чуждом для них деунивесализующемся постхристианском мире; модель, в которой зримым станет метафизическое родство и метафизический союз (при сохранении в определенных метафизикой пределах «физической» борьбы и конкуренции) между Россией и Западом, Западом и Россией, разумеется если вообще останутся: Запад Западом, а Россия Россией.

Какой период в истории Запада и России был временем максимальной сближенности? Это почти весь XVIII и начало XIX в.: 17251825 гг. вот столетие непревзойденной близости России и Запада, господствующих групп обеих стран. Близости политической («просвещенный абсолютизм»), геополитической (Россия входит в Европу, обосновывается в ней благодаря Семилетней и наполеоновским войнам), экономической (Россия и Европа доиндустриальные общества), культурной (17621825 гг. расцвет в России того класса, который был носителем европейской культуры).

В основе этой близости или даже определенного единства лежал Старый Порядок. Он царил в Европе в XVIII в., многие его черты сохранились в значительной степени и в первой четверти XIX столетия.

В истории Русской Системы, если пользоваться понятием «Старый Порядок» метафорически, относя его к самодержавию в целом, было два «Старых Порядка»: первый московский, старорусский, XVII в.; второй квазиевропейский, XVIII в. Второй «Старый Порядок», петровский, возник потому, что «московский старпор» не мог ни обеспечить контроля над пространством и населением (популяцией) внутри страны, ни решать геополитические задачи. Рухнув на четверть века в пропасть в результате и после четверти века петровских реформ, (обескровивших и обессиливших социум и таким образом лишив его возможности подняться на новую смуту, как бы упредив и купировав ее), Россия пришла в себя в середине «осьмнадцатого столетия» и укрепилась в значительной мере благодаря Семилетней войне. То был экзамен на вхождение в Европу. С тех пор и до николаевского (I) правления Россия находилась в максимальной близости к Европе, была (по крайней мере, внешне) максимально похожа на Европу. Это сходство обеспечивалось прежде всего наличием дворянства, единственного сословия в России, продуцировавшего «частных лиц». Не случайно, что именно расцвет русского дворянства (17621825) был периодом максимальной социокультурной близости России и Запада.

Ко времени правления Николая I в Европе появляется новый гегемон Великобритания, которая становится индустриальной державой. Начинает индустриализироваться и Западная Европа. А Россия по сравнению с ними нет. В Европе возникает идеология в трех формах консерватизм, либерализм, социализм. В России делается попытка (неудачная) создать антизападную идеологию, единую (триединую) идеологию Русской Системы: самодержавие, православие, народность. На Западе единство трех идеологий, у нас триединство одной. Обреченность на неудачу очевидна. В России начинает утрачивать позиции и значение

социальная группа – персонификатор «общеевропейского дома XVIII в.», дворянство. Причем если в Европе эквивалентные группы теснятся буржуазией «снизу» и «сбоку», то в России инициатор стеснения сама Русская Власть, начиная с Павла I. Наконец, с середины 1820-х годов Россию постепенно выдавливают из Европы. В середине 1850-х эта цель достигнута. В это же время, кстати, окончательно подрываются и исторические позиции дворянства.

Россия терпит поражение в Крымской (Восточной) войне, и после этого ее экспансия направляется на Восток. Она **там** тягается с Западом. 18251855 гг. время «дероссиизации Европы». Экономической основой этого процесса была индустриализация Великобритании и утверждение ее гегемонии.

В XVIII в. признанного гегемона не было; кстати, именно в тот период Россия и шагнула в Европу и мир. Но это был и период ослабления Старого Порядка в Европе.

После 1848 г., когда Россия подавила буржуазно-социалистическую революцию в части Европы и на блюдечке преподнесла эту победу европейской буржуазии XIX в., несовместимость Русской Системы и постстаропорядковой капиталистической Европы стала для Запада очевидной. Повторю, с внешнеполитической точки зрения 19451995 гг. очень похожи на 18151855 гг. К середине 90-х СССР/Россия, победитель Гитлера, как когда-то Россия победитель Наполеона, вытеснена из Европы, включая значительную часть Восточной, причем вытеснение началось сразу же после того, как СССР подорвал восточноевропейский коммунизм. Думаю, именно крушение восточноевропейского коммунизма, «преподнесенное» на блюдечке европейской и мировой буржуазии, наряду с русской революцией 19851995 гг. стало тем фоном, на котором выявилась несовместимость Русской и Капиталистической Систем в XX в.

Так что же, все кончено? Не все. Выше уже шла речь о возможных вариантах трансформации капитализма в некапиталистическом направлении, говорилось о возможности конструирования модели Старого Порядка как, по крайней мере, упорядоченной «переходной» формы. Говорилось также и о том, что российская перспектива первой трети XXI в. может быть окрашена в старопорядковые тона. «Старопорядковые модели» и их эволюция вот что может стать основой диалога и метафизического союза Запада и России, как ни фантастично это может показаться на первый взгляд. Правда, в России, как я уже говорил, было два «Старых Порядка» московский и петербургский (а ныне уже можно говорить и еще шире: о самодержавии в целом и коммунизме как двух «Старых порядках» по отношению к нынешней реальности). Новая российская модель, если она состоится, станет компромиссной. Но вот соотношение элементов будет зависеть от многого, в том числе и от политики Запада по отношению к России. Пока что она такова, что толкает к «московскому» варианту в большей степени, чем к «петербургскому».

В идеале (ах, как он редок и маловероятен в истории) совместная работа по созданию модели Старого Порядка может устранить много неприятных вещей. Разумеется, конкретные предложения дело политиков. Я только констатирую. Как говаривал Герцен, мы не доктора, мы боль. И я отдаю себе отчет в том, что в самом стремлении к модели Старого Порядка желания избавиться от боли больше, чем практических медицинских предписаний, как это реально сделать. Но, полагаю, вектор выбран правильно. И ключевое слово равновесие определено верно.

Думаю, основа достижений эпохи Старого Порядка именно, удерживаемое равновесие. Между капиталом и докапиталистическими формами, между Природой и Индустрией (Мануфактурой), между Человеком и Богом. Не случайно любимой фигурой барокко цивилизационной формы Старого Порядка был эллипс, т. е. окружность с двумя центрами. Короче, модель Старого Порядка была основана на равновесии. Ее суть найденная золотая середина. Середина, которая на рубеже. XVIIIXIX вв. была утрачена или даже уничтожена, устранена Великой французской революцией, Наполеоном и Субстанциональным Капитализмом. Устранена окончательно, поскольку началось это устранение раньше, в середине XVIII в. с Просвещением и рядом других явлений. «Утраченная середина» («Veriust

der Mittes») так и называется одна из самых важных книг XX в., написанная австрийским искусствоведом и философом культуры Хансом Зедльмайером, которого я уже упоминал. Вспомним еще раз и мысль Й.Шумпетера; уничтожь и то, что мешало «современному экономическому росту» (а именно, институты, уходящие в феодальное и старопорядковое прошлое), капитал в то, же время разрушал, свои несущие конструкции, в том числе цивилизацнонные, не им самим созданные.

Говоря об утрате и разрушении, я не свожу вес к моральной критике капитализма или обвинению его во всех грехах. Во-первых, «нецивилизационность» капитализма есть его положительное качество. Во-вторых, согласно одному из определений морали, данных Марксом, это (с социосистемной точки зрения) состояние бездеятельной активности тех, у кого отняли силу (социальную); в этом смысле моральная критика удел нисходящих социальных групп, неудачников Истории. Речь также не идет о том, чтобы оживить или реставрировать Субстанциональный Капитализм или Старый Порядок это не только не нужно, но и невозможно. Однако важно изучить и лучше понять **модель** Старого Порядка, уникальную по своей равновесности; модель, в рамках и благодаря которой Европа прожила относительно стабильно в течение 150 лет. Ведь войны XVIIXVIII вв. нечто качественно иное по сравнению с войнами, в которые ввергли мир Великая французская революция и Наполеон; хотя, конечно же, это и не игрушечные войны Средневековья с их принципом Treuga Dei.

Особого внимания заслуживает вопрос о месте некапиталистических по содержанию явлений и их взаимодействии с капиталом. Я думаю, нам предстоит переосмыслить и переоценить Старый Порядок. До сих пор его рассматривали с позиций сначала XIX в., а затем Современности в целом. Но этот подход себя исчерпал. XX в. и его конец, равно как и конец Современности, заставляет иначе взглянуть на XIX и XX вв., а также на них вместе как на Современность и переосмыслить их оценки, данные ими как самим себе, так и другим, их высокомерные пристрастия в искусстве, их интеллектуальные достижения. В частности, переосмыслить их отношение к прошлому и особенно к Старому Порядку. Ведь господствующий вкус второй половины XX в. это в вкус социалистической буржуазии, авангарда буржуазии XX столетия, не случайно тянущейся к авангардизму и высокомерно рассматривающей все, что предшествовало ей, XVIIXIX вв. как лишь свою предпосылку, пролог к себе самой, любимой, как венцу капиталистического творения. Социалистическая буржуазия все эти сытые профсоюзные активисты и политики, адвокаты и профессора, экономисты и философы, рассуждавшие об истинной и ложной революционности, певшие Мао или Че Гевару (а до этого Сталина или Троцкого),[52] предпочитают видеть себя в розовем (в прямом и переносном смысле этого слова) цвете, как нечто антибуржуазное. Но это иллюзия. Буржуазная изнанка не становится антибуржуазной оттого, что она изнанка. Ни выворачивать старую одежду на изнанку, ни латать ее не надо. На свалку, к старьевщикам.

Вообще любовь, части западных левых интеллектуалов к массовикам-затейникам широкомасштабного террора из незападного мира напоминает мне желание дам высшего петербургского света отдаться мужику Распутину или совокупиться с догом (была такая высшесветская мода накануне революции). Эта любовь может быть объяснена на основе комбинации изучения побочных эффектов сытости и социального разложения (соцбуржуазия, бесспорно, есть разлагающаяся, загнивающая буржуазия отсюда и сбои в системе социального иммунитета) с фрейдистскими подходами. Российская революционная интеллигенция в конце XIX начале XX в. тоже «совокупилась» с мужиком, а то и с «псами» шариковыми, которых сама же кормила и обожала, которых пела. Потом пришлось плясать не по своей воле и под чужую дудку. За псами пришли еще менее развитые

---

[52] 1) В свое время хорошую характеристику восторгам Сартра по поводу Мао и «культурной революции» дал А.Солженицын. Но характеристика эта распространяется на значительную часть «розовых» интеллектуалов Запада. Розовый и голубой вот, похоже, любимые цвета западных левых. Еще только феминисткам свой цвет надо придумать и будет «триколор».

социобиологические существа во главе с Тараканищем. Результат известен, он противоположен концу истории Распутина. Но это к слову.

Мы должны перестать смотреть на историю революционным, либерально-марксистским, просвещенчески-прогрессистским взглядом взглядом, по сути дела, капиталоцентричным. Ведь возможно и правомерно взглянуть и иначе: на Современность с позиций Старого Порядка. Де Сад и Гойя взглянули и испугались, так что со страха чуть не сошли с ума. Или даже сошли с него. Но мы с ума не сойдём. Мы пойдём другим путём – правильным. Мы – русские европейцы – не из пугливых.

LXVIII

Так ли уж обоснован взгляд с позиций XX или XIX вв. на Старый Порядок как взгляд сверху вниз, характерный и для либералов, и для марксистов, и даже для многих консерваторов? Есть ли иные точки зрения? Конечно, есть. Вот что писал А. Герар, известный американский историк, специалист по Франции: «Если мы сравним Францию середины XIX в. с Францией середины XVIII в., то не сможем подавить чувства утраты, потери. Вроде бы так не должно быть: материальный прогресс очевиден; знание и комфорт получили более широкое распространение, чем когда-либо прежде; открылись такие источники поэзии, которые долго находились за семью печатями; наука получила огромное значение. Однако, несмотря на все это, мы видим вульгаризацию, упрощение, реварваризацию. Мы не хотим идеализировать Старый Порядок, но в своих лучших проявлениях он предложил сочетание изящества и серьезности, ума и щедрости, бодрую и активную веру в человеческую природу, в разум, в прогресс, которую мы не находим в духовно усохших элитах следующего века. Мудрость предрассудка, святость не знающей ограничений мысли, красота притворства, поклонение материальному богатству, легитимность силы все эти идеи устарели для «философов» уже задолго до 1789 г.; и сама знать быстро усваивала «философию». В той реальности, которую Леон Доде не совсем удачно назвал «глупым XIX в.», всякая глупая и грубая оплошность получала новую жизнь, новый стимул, не становясь менее глупой и грубой от того, что обрела романтический ореол или псевдонаучный ригоризм. Этот регресс правящих классов хорошо виден не только во Франции, но и во всей Европе: Екатерина II, Фридрих II и даже Иосиф II были несравненно более просвещенными, чем их наследники; Испания, Португалия и Неаполь демонстрируют то же».[53]

Кто-то скажет: ясное дело, Герар консерватор, а то и реакционер, тем более что считает причиной регресса XIX в. Великую французскую революцию (называя ее, кстати, реакционным явлением). Здесь Герара можно упрекнуть, но не за то, что он увидел упадок в XIX в., а за то, что выдвинул в качестве причины французскую революцию. Последняя сама была, прежде всего, следствием ряда процессов и тенденций, которые, по логике Герара, следует назвать упадочными. Эти тенденции вытекали из логики развития, саморазвертывания Старого Порядка,[54] что не делало, однако, революцию автоматически неизбежной. Но здесь я не стану ни спорить с Гераром, не упрекать его, а переведу проблему в другую плоскость: а почему, собственно, мы должны в принципе принимать упреки типа: «Это реакционер (и потому это плохо и, предполагается, ошибочно)»? Что, революционеры лучше реакционеров, а революция лучше реакции? Почему возможен аргумент: «А-а, реакционер, все ясно». Аналогичным образом возможно: «А-а, революционер, все ясно». Т. е. спорить не о чем. Почему революция это абсолютно лучшее? Материальная и духовная

---

[53] 1) Guerard A. France in the classical Age: The life a. death of an ideal. N.Y.: Harper a. Row, 1956. P. 329330.

[54] 2) Суперсимволичным в этом отношении представляются мне факты изобретения гильотины врачом, я ее изготовления настройщиком клавесинов.

история тех стран, где происходили революции, этого не подтверждает.

В целом революции суть лишь нормальные не хорошие и не плохие явления для определенного потока исторического развития и для определенной эпохи мирового развития. Не менее нормальные, чем контрреволюция и реакция, которые тоже не плохи и не хороши (к тому же всегда остаются вопросы: для кого; в какой степени; в какой перспективе). Но дело в данном контексте не в этом, а в том, что Герар увидел упадок, регресс и деградацию (или, по крайней мере, их элементы) там, где обычно видят только всепобеждающий прогресс, «эпоху оптимизма».

Герар не одинок в своей оценке. Уже упоминавшийся Х.Зедльмайер тоже, как и американский историк, пишет об **утрате** , которая произошла на рубеже XVIII

XIX вв., об утрате середины, равновесия, что нашло отражение в развитии (упадке упадок и регресс суть такие же равноправные формы развития, как прогресс) общества, культуры, искусства, литературы. «Вырождение» так назвал М.Нордау свою книгу о культурно-психологической ситуации в Европе, в европейском искусстве последней четверти XIX в. Много десятилетий спустя к аналогичным мыслям в книге «Против искусства и художников» пришел Ж. Гимпель. Можно было бы привести длинный ряд имен и книг, в которых речь идет именно об «объективном упадке» (П.Шоню) Европы Х1ХХХ вв., т. е. **современной** эпохи, эпохи капитализма, однако это увело бы нас далеко от темы. Ограничусь констатацией того, что в подобной (decline and fall) точке зрения нет ничего необычного и алогичного, напротив, она и логична, и исторична.

Нет и не может быть единой всеохватывающей формы развития, скажем прогресса. Он всегда осуществляется за чей-то счет; следовательно, рядом с ним, как смерть подле рыцаря на картине Дюрера, должен быть регресс, упрощение, упадок (каких-то групп, идей, форм). И чем больше и ярче прогресс, тем больше и темнее должна быть его оборотная сторона. Вся история и XIX («жюльверновского»), и XX вв. служит подтверждением этой мысли. Не случайно XIX в. стал Днем Современности, а XX Ночью. И это притом, что прогресс в тех измерениях, о которых писал Герар, налицо не только между XIX и XVIII вв., но и в еще большей степени между XX и XIX вв. Но и регресс, показатели которого привел Герар, совершенно очевиден в сравнении не только между XIX и XVIII вв., но и XX и XIX вв.

Если взглянуть на более длительный исторический период, то аналогичные соотношения фиксируются, например, в античной истории. Римская империя эпохи Антонинов (96192 гг. н. э.) переживала экономический расцвет; с материально-вещественной точки зрения это было лучшее время в истории римского народа, его акте, нечто вроде Х1ХХХ вв. в истории Капиталистической Системы. Но эта эпоха материального прогресса вовсе не была пиком в развитии ни римской культуры, ни Античной цивилизации. То же с Древней Грецией. Пик материального, технико-экономического развития это эпоха эллинизма III начало П. в. до н. э., но именно этот период характеризуют как эпоху упадка античного общества, противопоставляя V началу IV в. до н. э.

Расцвета чего спрошу я? Упадка чего?

Думаю, здесь совершается логическая ошибка расцвет цивилизации отождествляется с формационным расцветом и результате получается, что (грубо говоря) после Перикла в античном мире наступает упадок. Напротив, наступила эпоха относительно массового благосостояния, массового общества. По-видимому, такое несовпадение – закономерность в развитии социальных систем: пик (плато) экономического развития и благосостояния, сытость, не способствуют развитию культуры и (в меньшей степени) мысли, оно имеет место либо до, либо после указанного плато (в последнем случае это всегда декаданс, эстетизация, «утрата середины» и утрате цельности). Капитализм подтверждает это правило, в нем и при нем оно проявляется со всей очевидностью, нагляднее, чем в других случаях. Причина – индустриальный характер производства в период экономического, материально-вещественного расцвета и качественные изменения в быту, в структурах повседневности XIX–XX вв., позволяющие резко внешне отделить эту эпоху от предшествующей. Показательно, что именно с XIX–XX вв. связывают расцвет капитализма,

хотя «великий культурный взрыв» к этому времени окончился и становился прошлым, уходя в таких людях, как Гёте, Гегель, Бетховен, Пушкин. Это не значит, что XIX в. не дал достижений культуры и мысли. Речь о другом: эпоха гигантов, эпоха расцвета великой культуры окончилась. По логике выделения периодов расцвета и упадка, применяемой к древности, в «капиталистическую эпоху именно XVI–XVIII вв. должны быть признаны в качестве расцвета, за которым последовал упадок. Напротив, если к древности применить логику членения капитализма, то именно эпохи эллинизма в Греции и Антонинов в Риме должны занять место расцвета. Одна логика опровергает, исключает другую. В каждом случае под «расцветом» имеются в виду, разные вещи, и происходит логическая ошибка и подмена: для Античности расцвет измеряется культурой (и в ней), для капитализма – материально-техническими, технико-экономическими факторами. И в обоих случаях смешивается цивилизационное и формационное. В реальности же перед нами одновременно две линии, две разные плоскости, принципиально не совпадающие. Поэтому Герар и прав, и не прав. На самом деле мы **одновременно** сталкиваемся с векторами и тенденциями – равноправными – прогресса и регресса, подъема и упадка, только вот привыкли мы видеть лишь одну линию, восходящую и светлую, и с ее позиций читать историю Современности. Историю темной стороны Современности еще предстоит изучать и писать, в результате мы получим более сложную и правдивую картину развития Европы и мира за последние 200 (300, 400) лет, получим более полное представление о капиталистической реальности XIX–XX вв., которая была взлетом, горними высями формационного развития Европы и одновременно упадком, зияющими высотами развития цивилизационного. Одно и то же явление может быть социально-экономическим прогрессом и цивилиэационной реварваризацией.

Наконец, есть и еще одна возможность взглянуть и на последние века истории Запада, и на развитие Европейской цивилизации в целом, возможность, ставшая особо актуальной ныне – с наступлением эпохи «конца прогресса» (Ж.Гимпель) или «будущего без прогресса» (П.Шоню). Речь идет о рассмотрении европейской истории сквозь спирально-циклическую призму; линейного времени – как развернутого участка цикла или, скажем, спирали, снимающей противоречие между линейностью и цикличностью – как Лист Мёбиуса снимает противоречие между конечностью и бесконечностью.

LXIX

Обычно о цикличности (разумеется, не означающей ни абсолютного повторения, ни отсутствия количественно-поступательного развития) говорят применительно к развитию азиатских цивилизаций. Для Европы же существует только «линейка». Таков наш интеллектуальный багаж. Однако при сохранении в целом такого подхода вполне можно увидеть прогресс **в рамках** циклов на Востоке (только этот «прогресс» будет, как заметил В.В.Крылов, мерилом упадка и застойности для самих циклов); цикличность или, по крайней мере, периодичность в линейном развитии Запада, самообновляющуюся фазовость истории России (Русской Системы) – при немалом числе отклонений и «поломок» во всех трех случаях.

Есть ли циклы в истории Европы, европейских стран?! Конечно, определенные циклы есть. Например, с середины XI до начала XIV в. Франция, Западная Европа испытали экономический и демографический подъем. Затем наступил спад, а после «Черной смерти» (эпидемия чумы в середине XIV в.) – провал. И хотя между 1320 и 1720 гг. во Франции произошли значительные изменения – прежде всего политические, Э. ле Руа Ладюри в ряде своих работ показал, что основные экономические, социальные и экологические параметры остались без изменений, и только к 1720 г. Франция оправилась от катастроф первой половины XIV в. и вернулась к уровню 1320 г. Аналогичную картину рисуют и другие исследователи.

Заглянув еще глубже в историю, мы увидим, что Западная Европа достигла

позднеантичного (II–IV вв.) уровня развития лишь в IX–XI вв., т. е. перед нами уже не четырехсотлетний, семисотлетний провал, хроноклазм. Но можно забраться еще глубже и вместе специалистами по истории Древней Греции отметить регрессивную эволюцию, хроноклазм, между крито-микенским миром XV–XIII до н. э. и греческим VII–VI вв. до н. э.

Но вот что интересно в циклах (периодах) европейской истории. В отличие от более или менее повторяющихся, хотя вовсе не идентичных, а разных циклов развития азиатских цивилизаций, скажем, смены в Китае периодов «шэн» (расцвет) и «шуай» (упадок), «чжи» (порядок) и «луань» (хаос), каждый новый подъем в Европе сопровождался установлением качественно новой социальной организации, основанной на принципиально иных принципах господства и эксплуатации, чем прежняя (хотя и связанной с ней негативной или позитивной преемственностью),[55] разработкой принципиально, качественно нового комплекса идей. При этом, достигая в определенный момент уровня развития прежней социальной системы (VII–VI вв. до н. э., XI–XI1 вв. н. э., XVIII в. н. э.), новая система затем в течение 200–300 лет делала колоссальный рывок, резко превосходя по предметно-вещественным и, самое главное, энерго-информационным объемам, потенциалам и достижениям предшествующую систему. Кроме того, каждая новая система европейского ряда охватывала большее пространство, чем предыдущая, но во времени существовала несколько меньше. Однако, несмотря на эти различия, определенная цикличность спиралевидного типа налицо.

Таким образом, излишне жесткое противопоставление циклического и линейного развития некорректно и ошибочно. Циклы пронизывают все, однако природа их может быть принципиально, качественно разной. Бывают циклы одноплоскостные, двумерные, а бывают объемные, трехмерные, с непосредственным выходом во Время и способностью манипулировать им, «менять на пространство» и наоборот. По-видимому, есть внутрициклический прогресс без прогресса между циклами, а есть и вовсе без прогресса, без эволюции, а так сказать с изменениями и историей. Но со всей очевидностью есть целый поток исторического развития – субъектный, где налицо прогресс между циклами, точнее, между пиками, фазами расцвета в их развитии. Здесь субъект ломает обычную циклическую логику, выпрямляя спираль и выстраивая циклы в линейку. Но для такого выпрямления необходим фиксируемый в обществе субъект. Ведь прежде всего **его** развитие носит линейный характер, это оно подтягивает к себе традиционную системную цикличость.

Субъект – вот кто прочерчивает линию, простреливает Стрелой Времени циклы истории. Но и плата высока: линейное время, как и субъект – конечно, т. е. имеет конец; циклическое, – **практически** (в антропологическом смысле) бесконечно. Прочерчивая свою линию, субъект, однако, рано или поздно натыкается на объективный предел. Предел социальный – в смысле как данной социальной **системы** , так и **социальности** вообще. И предел биологический, природный – речь идет о степени независимости от природы, «внутренней» и «внешней», контроле над ней. В результате максимума остроты достигает внутреннее противоречие субъекта – между субъектностью как **принципом** господства целого над частями и его **конкретной материальной и социальной** (материально-социальной) **формой** ; между субъектностью и субъектом, между принципом (качеством) и его носителем, не позволяющим с определенного момента дальнейшее развитие субъекта по восходящей. С какого-то момента носитель целостности Универсума лишается возможности наращивать целостный потенциал, становиться все более сложной целостной моделью мира – для этого необходимо устранить форму, истончить ее до принципа, слить с Универсумом, – что логически должно означать конец Субъекта. Здесь, на пороге фантастики (впрочем, фантастики ли?), нам следует остановиться, зафиксировав лишь еще раз, во-первых, то, что субъект и субъектное развитие принципиально ограничены, предельны; во-вторых, то, что с какого-то момента у субъекта остается только внутренний

---

[55] 1) Подр. см.: Фурсов А.И. Великая тайма Запада: Формационное цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа. Новые судьбы старого континента. – М.: ИНИО11,1992. – Ч. 1. – С. 13–70.

Универсум, тоже, впрочем, не безграничный. И хотя поворот к себе, обращение внутрь себя может дать европейскому субъекту еще несколько столетий или даже тысячелетий инволюционного развития, сам такой сдвиг не может не принять форму острейшего культурно-психологического кризиса, поскольку означает кардинальное изменение традиций европейской (христианской) субъектности. Сложность нынешней ситуации усугубляется тем, что своего предела – социального и планетарно-биосферного – достигли одновременно Христианский Субъект и Капиталистическая Система. Их приход к этому финишу одновременен.

Теперь – о другом аспекте проблемы. В Европе за тридцать пять веков сменились не только цивилизации – Крито-микенская, Античная, Европейская, но и три формации: рабовладение, феодализм, капитализм. Причем одна цивилизация – Европейская – была представлена двумя формами (фазами): феодальной и капиталистической, которые с точки зрения экономического, технического и экологического развития могут быть соотнесены друг с другом как «натуральная» и «торгово-промышленная» (индустриальная) фазы. Но и две другие цивилизации тоже демонстрируют наличие двух различных (хотя различие это не носит столь острого, индустриального характера) фаз. Натурализацией характеризовались генезис, ранняя стадия и, естественно, упадок, который оказывался ренатурализацией. Эпохами ренатурализации, реварваризации были также «провалы» XII–VIII вв. до н. э., IV–IX вв. н. э., нач. XIV – нач. XVII в. Разумеется, «провалами» эти периоды можно именовать только с точки зрения того, что им предшествовало, а не сами по себе. Сами по себе это были нормальные фазы развития Европейской цивилизации как социоприродной, социопространственной системы.

Наличие указанной цикличности, спиральной периодичности в истории Европы не означает автоматически, что так будет всегда, включая «после капитализма». Отнюдь нет. Но это означает: в большей степени вероятно, чем нет, что цикл повторится и после капитализма, и потому логично ожидать относительного спада технического развития, «экологизацию» экономического развития, т. е. того, что по отношению к «буре и натиску» XIX–XX вв. будет казаться ренатурализацией (и будет ею).[56]

Нужны очень существенные причины, чтобы тридцатипятивековой ритм кардинально изменился. Вопрос о таких причинах можно обсуждать, но это особая тема. Отмечу лишь то, что показателей «ренатурализации» ныне хватает и появились они, как это на первый взгляд ни парадоксально, вместе с НТР. Кстати и кинизм, «ренатурализационная контркультура» Древней Греции явился на пике ее технико-экономического развития. К показателям, которые я упомянул, относятся и экологическое движение, и движение сексуальных меньшинств – все это в Европе всегда приходилось на фазы упадка, ренатурализации («назад, к природе»); это и волна оккультизма, мистицизма, тяги к иррациональному. Можно привести некоторые конкретные даты, фиксирующие поворотные пункты, хронолинии

---

[56] В технически высокоразвитом обществе XXI в. у относительной «ренатурализации» может быть еще одна причина, помимо ограниченности пространства и ресурсов (природных и финансовых). Это – избыточная для психофизиологической (разум, эмоции) и культурно-психологической организации человека сложность социотехнических и управленческих систем и избыточный (для нее же) объем информации. Можно, конечно, радостно заявить: а все будут делать компьютеры, контролируемые ограниченным числом специально подготовленных людей. Однако такая ситуация, во-первых, ведет к установлению новой и страшноватой системы господства «электронного жречества»; во-вторых, делает общество крайне уязвимым в случае выхода из строя систем управления, финансов и т. д. В какой-то момент развития инволюция «ренатурализационного» типа может оказаться чуть ли не единственным спасением от катастрофы или вырождения. Проблема, однако, заключается в том, что инволюция не может быть длительным состоянием. Общество развивается либо вперед, либо назад. Как знать, не станет ли в будущем верхом социальной инженерии (и действительно «реальным светлым будущим») перевод развития в заданный «одноплоскостной режим». Здесь, однако, возникают проблемы – о смысле развития, истории, жизни. В одноплоскостном варианте они ставятся и решаются заведомо иначе, чем при линейном или спирально-циклическом типе, в котором «европейское человечество» развивается последние три с половиной тысячелетия и который определил цели, ценности и дух Европейской цивилизации

водораздела, который проходит по рубежу 60–70-х: 1969 г. – «Первый доклад Римскому клубу», изменивший моральную атмосферу («концепция нулевого роста»); 1971 г. – отказ конгресса США выделить средства на разработку проекта сверхзвукового транспорта, что означало существенное изменение психологического отношения к техническому прогрессу. И все это парадоксально-закономерным образом совпало с НТР. Так, может, НТР и знаменует конец одного и начало другого цикла в развитии Европейской цивилизации (и Мира), цикла, который будет существенно отличаться от своей начальной стадии, по инерции несущей технический облик?

LXX

Европейская спиральная (или восходящая) циклистика, в которой к тому же каждый цикл имеет, используя геометрический язык, форму не круга, а различных по длине и ширине эллипсов, отчасти похожа на ту картину истории, которую рисовал Джанбатиста Вико – историк XVIII в., т. е. допросвещенческий, а потому отброшенный Современностью и прогрессистской мыслью, которая линейный прогресс, характерный прежде всего для субъекта определенного типа, перенесла, во-первых, на развитие социальных систем; во-вторых, на развитие всех социальных систем.

Задача переосмысления европейской мысли ныне заключается не только в том, чтобы преодолеть марксистскую и либеральную традиции (сюда необходимо добавить и консервативную), коренящиеся в XIX в., не только в том, чтобы переосмыслить наследие XIX в. Речь идет прежде всего обо всей просвещенческой парадигме. И следует не переосмысливать ее (хотя и это необходимо, особенно с историческо-научной точки зрения), а строить заново – пользуясь выражением И.Валлерстайна не rethink, а unthink, так сказать, «осмыслить вспять». Речь идет о том, чтобы, стартовав с великой «барочной мысли» XVII – начала XVIII в., встав на плечи ее гигантов, попытаться выработать непросвещенческую (ясно, что она будет если не антикапиталистической, то некапиталистической) современную (modern) мысль – мысль, альтернативную просвещенческой. Короче, сделать то, что совершила русская литература XIX в., ставшая одновременно современной (modern) и антикапиталистической, антибуржуазной, в чем и заключается ее уникальность.

Однако «вспятьосмысление» не может ограничиваться эпохой капитализма, двойным критическим анализом – опыта капитализма и опыта его осмысления. Это лишь первая, начальная стадия, так сказать, плавание в мелких водах. И если мы остановимся на этом, то едва ли можно говорить о полноценной реализации проекта переосмысления и «осмысления вспять». Суть дела в том, что нынешний кризис – многослойный, матрешечный, и поскольку к некой критической черте подошли не только Современность и капитализм, но также Европейская цивилизация, христианский исторический субъект, субъектный поток исторического развития, то мы должны двигаться дальше в прошлое, к истокам. Двигаться с обязательными остановками в пунктах, узловых для развития европейской мысли, ее интеллектуальных споров. Это и XIV в. н. э. (схоластика, споры номиналистов и реалистов), и начало н. э., христианские споры, и наконец, середина I-го тысячелетия до н. э. – та эпоха, которую; К.Ясперс назвал «осевым временем». Короче, необходимо переосмыслить, а если необходимо, то и осмыслить вспять многое: и то, что Magister dixit, и то, что говорил другой Учитель, из Галилеи. Время свернулось, Аристотель и Христос стали нашими современниками, а, например, Милль и Энгельс ушли в прошлое. Надо ли переосмысливать Христа? Надо – есть проблемы с Вечностью и Временем. Надо ли переосмысливать Аристотеля? Конечно, надо. Часть того, что Magister dixit, например, в «Метафизике» годится в качестве основы метафизики и методологии изучения Запада. К России это относится в значительно меньшей степени. К Востоку – тоже в меньшей. Часть того, что Аристотель сказал в «Политике», может быть основой изучения власти в западном обществе, полисубъектном. К России и Востоку это имеет мало отношения. Указанная триада – не дань традиции, и не случайность. Три названные исторические целостности – Запад, Россия,

Восток – качественно отличаются друг от друга типом и способом реализации субъектности, ее соотношения с системностью. Типов рационального социально-исторического знания должно быть столько, сколько исторически существует качественно особых форм организации, состояния субъектности, типов субъекта (полисубъектность, моносубъектность, системность).. Пока же мы пользуемся для всех случаев рациональным знанием, выработанным в полисубъектном обществе, для его познания – для понимания Запада.

Да и с Западом, западной традицией не все так уж просто. Далеко не все из концепций и представлений, выработанных античными и западными мыслителями, вошли в западную интеллектуальную традицию или были отобраны в нее и усвоены ею. Ныне имеет смысл вернуться к отброшенному или просмотренному, т. е. осмыслить западную интеллектуальную традицию вспять и посмотреть, какие это дает результаты.

Например, у Аристотеля отсутствует важнейшая для западной традиции концепция «законов природы». Magister dixit, что живые существа развиваются по собственным автономным причинам, не подчиняясь никаким законам. Такой подход, естественно, не вошел в западную интеллектуальную традицию, поскольку в течение последнего тысячелетия Запад социально был на подъеме, развивался по восходящей, и это воспринималось как закон и было законом. Отсюда – детерминизм и многое другое, от Фомы Аквинского и Оккама до Эйнштейна и Бора (с Декартом и Лейбницем посередине). Но нет вечных законов, и ныне, когда христианский субъект, по-видимому, завершает свою «социоантропологическую» миссию, когда наметился многослойный кризис, не просто возможна, но необходима замена деталей в западной интеллектуальной традиции. Ударным может (а может, и должно) стать то, что было безударным. Однако скорее всего этого окажется мало. Необходима существенная переоркестровка и создание, изобретение новой традиции и в Европе, и в России.

Последнее вовсе не означает ни отказа от прошлого, ни разрыва с ним. Напротив, многие принципы нашего кровного европейского рационального знания, бесспорно, сохранятся и будут выполнять роль путеводной звезды. Это и принцип Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю» (он особенно важен для создания новой системы знания, осмысливающей традицию вспять); это и «бритва Оккама»; это и принцип Декарта: «Определяйте значение слов»; это и принцип интеллектуального радикализма Маркса – идти до самой глубины, до самого конца в познании вещей; это и правило А.Швейцера: «В споре побеждает тот, кто может вскрыть корни, основу позиции противоположной стороны». Ну, и, конечно же, это «правило Лютера»: «Дух Истины болезнетворен». Почему? Вот как отвечал на этот вопрос человек, в мозгу которого родилась великая социальная революция, исторически оказавшаяся капиталистической. «Дух Истины болезнетворен, – писал Лютер, – ибо Истина нелестна. И он повергает в болезнь не просто того или этого человека, но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы все озлить, онедужить, осложнить, а не оберечь, опосредовать и оправдать, как если бы посреди чистого поля свободной, ясной и готовенькой стояла Истина».

Хорошо сказано – годится в качестве эпиграфа для разработки новой, постнаучной и постидеологической системы рационального знания о мире. Хорошо как теоретически, так и – особенно – практически. Дух Истины действительно болезнетворен. Поэтому ее поиск происходит в лучшем случае в равнодушно-безразличном мире, а в худшем – во враждебно-завистливом и стремящемся к фрасибуловой нивелировке, в мире, в котором великие труды в науке и искусстве, вознаграждаются, как заметил Леонардо да Винчи, голодом и жаждой, тяготами, ударами и уколами, ругательствами и великими подлостями. Но другого мира нет. Нет у меня для тебя другого мира, человек, как сказал бы товарищ Сталин. И Истина, истины действительно нелестны – особенно социальные истины, потому что они многих лишают надежды – на будущее, на улучшение, на освобождение. Чаще всего социальные истины приговаривают людей быть сизифами. А потому в лучшем случае многим, если не большинству, они неинтересны: зачем это? Спокойнее жить с мифами и в

них. Вне мифов – выбор, ответственность и расплата как за счастье, так и за несчастье. «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, тот умножает скорбь». Это было известно еще во времена Экклезиаста. Мир – в этом отношении не изменился. И едва ли изменится в XXI в, и вообще когда-нибудь.

Кто знает, не суждена ли новому рациональному знанию о мире судьба тайного знания – ведь говорил же Платон: даже если мы откроем, кто Творец этого мира, имя его не следует сообщать всякому. Особенно если новое знание станет новым оружием, одновременно орудием и предметом как труда, так и борьбы, их locus standi и field of employment.

В любом случае новое рациональное знание будет развиваться в неблагоприятных (по крайней мере, по сравнению с предшествующими тремя-четырьмя столетиями) условиях, в ситуации острой социальной борьбы, в том числе и в сфере самого знания. При этом необходимо помнить: у европейского исторического субъекта нет вечных истин и теорий, у него есть вечный интерес – самосохранение и самовоспроизводство в качестве индивидуального субъекта, личности, вступающей в самостоятельные отношения с Абсолютом. Все остальное – теории, средства, методы – относительно и преходяще.

Короче, необходима Великая Ревизия всей европейской мысли, ее переоркестровка, переосмысление и осмысление вспять. Все или почти все стало со-временным. По-видимому, этот Вывих Времени не будет длительным, скорее, это будет исторический миг, но «есть только миг, за него и держись». Надо держаться крепко. И крепко думать, использовав редкую, выпадающую раз в несколько столетий, а то и тысячелетий возможность преломления времени, когда со-временным и рядоположенным на какой-то период становится то, что разделено веками.

Кончилась Современность, и все, что существовало до нее, оказывается со-временным, своевременным. А вот она сама и ее идейные системы – похоже, нет. Мы же получили возможность свободы маневра в конструировании новых идейных систем и новых теорий на «поле» двадцати пяти веков европейской истории. Это – увлекательная, ответственная и опасная игра., но она необходима, иначе нам суждено все время наступать на грабли. Не надо полагать европейское досовременное знание мертвым. Оно – живое. Более того, оно во многих отношениях не завершено, его нужно развивать, осмысливать вспять, использовать как кирпичики для строительства нового знания.

К этой ситуации как нельзя лучше подходит мысль А.А. Любищева о том, что «прошлое науки (и мысли вообще, добавлю я. – А.Ф.) – не кладбище с могильными плитами с навеки похороненными заблуждениями, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей, многие из которых были не закончены не из-за порочности замысла, а из-за несвоевременного рождения проекта или из-за чрезмерной самоуверенности строителей».[57]

Изменение угла зрения, подхода часто делает актуальным то, что казалось забытой архаикой и, наоборот, ведет к быстрому моральному устареванию то, что казалось современным. Все зависит от эпохи. Когда капитализм был молод или на подъеме, действительно, могло создаться впечатление, что он на века, вечен, впереди лишь высоты, а вся предыдущая история – лишь предыстория, подготовка к вечному капитализму. Впрочем, и римляне считали свой город вечным – Roma perpetua, Roma aeterna, Roma la città eterna. Правда, Полибий рассказывает, что Сципион Эмилиан на руинах разрушенного его же войском Карфагена заплакал, осознав вдруг, что когда-нибудь и Рим постигнет такая же участь. Однако вряд ли в 146 г. до н. э. в Риме, который отмотал шесть веков своей истории, а суждено было еще столько же, нашлось много людей, готовых разделить или хотя бы понять эти слезы. Так же и в капиталистическую эпоху, много ли в середине XIX в. было людей, размышлявших о конце капитализма? Бородатый юрист из Трира, мизантроп из Франкфурта-на-Майне, еще один немец, сошедший с ума и умерший в Веймаре в 1900 г.

---

[57] 1) Любищев А.А. Уроки самостоятельного мышлении // Изобретатель-рационализатор. – М.,1975. – № 8. – С. 36.

Едва ли этот список можно сильно расширить. Это неудивительно. Удивляет то, что в конце XX в. так много людей говорят о конце истории, увенчавшейся победой либерализма и демократии, о светлом капиталистическом будущем.

Итак, одни и те же идеи, мысли, по-разному смотрятся в разные эпохи. Расцвет некой социальной системы позволяет взирать на прошлое как прелюдию к настоящему, а на будущее – как на продленное настоящее; вся история видится сквозь призму данной социальной системы, как ее «предпосылочная часть». Закат, упадок той или иной системы заставляют взглянуть на нее саму как на часть исторического процесса, сквозь призму истории в целом и других эпох и задуматься: вечерний звон колоколов наводит много дум.

Мы смотрим на историю Европейской цивилизации сквозь призму капитализма: будто он и ее венец, и ее конец. Чтобы капитализм действительно не стал концом (но уже не в том смысле, который вкладывают в это слово фукуямы) Европейской цивилизации необходимо отказаться от подхода к нему как венцу европейской истории и не смотреть сквозь него на всю европейскую и неевропейскую историю. Будто это верхушка конуса или пирамиды, к которой все стремится и которой, выходит, все кончается. С которой – только прыжок в ничто. Разумеется, дело обстоит не так. Да и логически ошибочно смотреть на три с половиной тысячелетия истории Европы, на историю ее цивилизации сквозь призму пятисот лет истории одной из ее эпох, одной из ее фаз; постигать целое сквозь призму части – уникальной, великолепной, страшной и прекрасной, но только части. Это не просто логическая ошибка, это также нарушение принципов системности и историзма. А следовательно, и практическая ошибка.

Если говорить о практическом аспекте, то с самого начала следует признать: конструкция социума по типу Старого Порядка есть вовсе не героическая, а совершенно прагматическая задача. Ее цель и суть создание социальной конструкции, которая позволит максимально продолжить существование Европейской цивилизации, обеспечив ей «бабье лето», «Indian Summer».

LXXI

А собственно, что такое Старый Порядок, «ансьен режим»? Откуда мы знаем о нем? Кто сообщил об этом? Кто придумал? Придумали – революционеры и идеологи Великой французской революции: «Французская революция окрестила то, что она отменила. Она назвала это «старым порядком»[58] Под этим порядком подразумевались неравенство и абсолютная монархия. За Старым Порядком и придумавшей его революцией – с ее ужасами, террором и бесчинством черни – последовали, однако, власть и роскошь еще более абсолютные, чем у Бурбонов, и рост экономического неравенства, которое превзошло таковое Старого Порядка. Выходит, что за Старым Порядком последовал Суперстарый Порядок. Так ведь об этом и писал Токвиль. Что же, все изменилось и ничего не изменилось? Что исчезло? Это зависит от того, под каким углом зрения мы взглянем на Старый Порядок.

С точки зрения критериев определения Старого Порядка XVII–XVIII вв. революционерами – неравенство, абсолютная монархия (как высокоцентрализованная власть) и т. д., – все или почти все эпохи в истории человечества суть эпохи Старого Порядка. Если же определять Старый Порядок как период уникального равновесия между капиталом и докапиталистическими формами, между формационностью и «остаточной» цивилизационностью, между европейским человеком (христианским историческим субъектом) и европейской природой, между Западной Европой и миром; наконец, как период, когда все основные противоречия капитализма (включая таковое между субстанцией и функцией) заявлены, присутствуют, но далеки от остроты, от края, а следовательно, и от острых, крайних форм решения этих противоречий (которые предложила Современность), то

---

58 1) Furet F. La révolution française. – P.: Hachette, 1988. – Vol. 1: De Turgol à Napoléon. – P. 15.

тогда мы действительно кмеем дело с уникальной (и великолепной!) эпохой в истории Европы, Европейской цивилизации.

«Ныряние» в Прошлое – с тем чтобы строить Будущее, чтобы не рухнуть в пропасть вместе с капитализмом, – уж не слишком ли это? Не слишком ли это – искать в прошлом рецепты, формы, элементы, модели для выживания в Будущем, для строительства модели наиболее жизнеспособной и в то же время в наибольшей степени сохраняющей суть, качество Европейской цивилизации? Нет ли в такой постановке вопроса чего-то странного или преждевременного?

К вопросу о преждевременности. В 1956 г. человек по имени Жан Гимпель отправился из Франции в США, чтобы прочесть лекцию в Йейльском университете, втором в США после Гарварда по престижности и «возрасту». Лекция называлась «Как помочь Америке состариться достойно». В своем выступлении Гимпель предсказал начало технико-экономического упадка США в конце 60-х – 70-е годы и предложил ряд контрмер. Выводы Гимпеля вызвали снисходительные улыбки. В середине 50-х США были на подъеме, которому, казалось, не будет конца. 1956 г. для Америки – это последний год первого президентства Дуайта Эйзенхауэра, это чувство процветания и покоя, ощущение своей гегемонии в мире. Тогда Америка была уверена в себе, как никогда, танцевала рок-н-ролл вместе с Элвисом Пресли и слушала саксофониста Луиса Джордана с его «Let the good times roll» («Пусть мчатся славные времена»).

Славные времена мчатся и грохочут, а тут появляется некий француз и говорит, что так будет не всегда. Улыбки снисхождения у американцев по поводу тезисов Гимпеля стали еще шире после того, как он объяснил, на основе чего пришел к своим выводам. Основа эта, на первый взгляд, действительно могла показаться странной сравнение технико-экономической динамики США конца XIX – первой половины XX в. с таковой средневековой Западной Европы, точнее Франции 1050–1350 гг. Гимпель вернулся в Европу по сути ни с чем, но когда в начале 70-х его прогнозы стали сбываться, «Пари-матч» назвал его «Нострадамусом нашего времени», а в 80-е годы Луис Галамбос уже назвал Америку «бегуном трусцой средних лет». Для нашей темы важно следующее: некто установил параллелизм в технико-экономическом развитии Европы, Запада в их средневековой (феодальной) и новой (капиталистической) фазах и взглянул на настоящее из прошлого, «нырнул» в него, чтобы найти аналоги и поискать средства и модели избежать упадка или затормозить его.

Но, быть может, Гимпель – всего лишь эксцентричный фантазер-одиночка? В чем-то, может быть, и да. Но не в своих работах и их выводах. И потому он не одинок. Вот что, например, пишет уж совсем не склонный к эксцентризму, напротив, трезвый и прагматичный человек – Умберто Эко, итальянский писатель и специалист по знаковым системам: «Все проблемы современной Европы сформированы в нынешнем своем виде всем опытом Средневековья: демократическое общество, банковская экономика, национальные монархии, самостоятельные города, техническое обновление, восстания бедных слоев. Средние века – это наше детство, к которому надо постоянно возвращаться за анализом».[59]

Если Гимпель и Эко ограничиваются Средневековьем, то Ив-Мари Лолан углубляется еще дальше в прошлое. Он говорит о Древнем Риме и Византии. По его мнению, Запад ныне оказался положении, сравнимом с положением Римской империи III века н. э. эпохи кризиса империи, от последнего Севера до Диоклетиана. Тогда оформились две стратегии выхода из кризиса – стратегии Рима (Западной части империи) и Византии (Восточной части). Западная стратегия оказалась ошибочно-пораженческой, Запад пал в V веке н. э. Византия дожила до XV в. И хотя в момент падения Константинополя у императора было всего лишь 15 тыс. человек на стенах против 150 тыс. Мехмеда II, а византийские схоласты во время турецкого штурма были заняты спорами о том, какого пола ангелы, Византия тем не менее просуществовала десять веков – тысячу лет, почти столько же, сколько и Рим (республика

---

[59] 1) Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностр. лит. – М., 1988. – № 10. – С. 103.

плюс империя), при этом – в более сложном и опасном окружении, чем Рим.

Византийская стратегия выживания, основанная на военно-техническом преимуществе, выгодных политических союзах, умелом использовании наемников и обеспечении политической стабильности – вот возможная модель для современного Запада, считает Лолан.[60] А ведь Лолан – человек сугубо практический, он не просто специалист по экономике и геополитике (хотя и это тоже) – он работал и в Международном валютном фонде, и во Всемирном банке, и в структурах НАТО. И если такой практически ориентированный человек заговорил о необходимости обратиться к моделям развития далекого прошлого – конца Античности и начала Средневековья, это о чем-то говорит.

Но не означают ли призывы типа «Вперед, в прошлое» полного изменения историко-культурной или культурно-психологической ориентации европейского исторического субъекта, европейского человека последних двух столетий – Homo modernis? Не свидетельствуют ли они о его отказе от направленности вектора развития в будущее, от христианской Стрелы Времени? Отказом от прогресса сейчас уже мало кого удивишь, об этом и так немало говорят. Здесь же речь идет о значительно более существенном развороте – из будущего в прошлое. Не разрыв ли это с христианской, европейской традицией? В том-то и дело, что нет. Напротив. Это доведение указанной традиции до логического конца. Суть в том, что именно Прошлое, а не Будущее и есть реальный финал, последняя фаза эволюции христианского исторического субъекта. Это – не парадокс, а логика развития определенной реальности.

LXXII

Это особая тема, и потому здесь о ней – кратко. Мы привыкли интерпретировать идею прогресса как футуристическую, как идею, имеющую отношение к будущему и только к будущему. В значительной степени это психологическая ошибка или, по меньшей мерс, историко-культурный самообман. По-настоящему, так сказать, качественно футуристическим всегда, устремленным только в будущее было христианство. Футуристическим было Средневековье, которое стремилось к Будущему и в Будущее-само-по-себе; в Будущем должно было произойти второе пришествие Христа, завершавшее Время, ломавшее христианскую «линейку» и отпиравшее Врата Вечности. Будущее – это то, после чего приходит Вечность, вслед за чем начинается Вечность. И потому Будущее – ценность. Оно ценно своей связью с Вечностью, тем, что оно является мостом в Нее.

Идея прогресса, выдвинутая в ядре капитализма в определенный период его истории, – это не просто секуляризованная версия христианской «линейки», но нечто более сложное и многомерное. Она возникла как результат существенного смещения – временного и ценностного. Прогресс представлял будущее как улучшенное, усовершенствованное настоящее. Будущее, таким образом, «виртуализировалось»: да, в общем-то, будущее, но по сути – модифицированное настоящее, помещенное в одно из измерений Времени – в будущее. Речь идет не о Будущем как субстанции, о чем-то самостоятельном, а как о хронотаре, которую можно наполнять чем угодно. Будущее в этом случае – не мост в Вечность. Вечности вообще нет: настоящее заполнит будущее, и так будет вечно, Время, точнее – настоящее заполнит Вечность.

Идея прогресса, таким образом, означает помещение в будущее, распространение на него модифицированного, улучшенного настоящего – настоящего современной (modern) Европы, современного настоящего. Прогресс – это презентизация будущего, это будущее как улучшенное, «жюльвернизированное» настоящее, а не некое Будущее, качественно несравнимое с настоящим. Модернизация мира есть по сути его презентизация в будущем «à

---

60 1) Laulan Y.-M. La planète balkanisée. – P.: Hachette, 1993. – P. 341.

1а Европа». С этой точки зрения Будущее – уже просто будущее (мира), построенное по типу Настоящего (господствующих групп Европы); это – функциональное продолжение настоящего. Прогресс – это настояшее-в-будущем, present-in-future, настоящее, продленное в будущее и слитое с ним. Прогресс есть снятие различий между настоящим и будущим посредством лишения времени качества. Прогресс – это по сути уничтожение Будущего как особого качества, превращение его в настоящее, низведение Будущего до будущего. Это разрушение моста из Времени в Вечность. Прогресс – это историческая и метафизическая диверсия, взрыв единственного моста в Вечность. Уничтожение Великой Христианской Мечты. Но не только. Прогресс – это и Вечность во Времени, Вечность, перенесенная во время посредством вечности настоящего-в-будущем.

В упрощенческой интерпретации идеи прогресса как лишь секуляризации христианских представлений о Будущем упускается из виду и сама уценка Будущего, и поворот от него к Настоящему (в Прошлое), которые имманентны идее прогресса, встроены в нее, и разрыв связи между Будущим и Вечностью, Временем и Вечностью, и подмена будущим (в виде усовершенствованного настоящего) Вечности, т. е. Временем – Вечности, а следовательно, полное вынесение Вечности за пределы социального времени. Идея прогресса – это прощание Запада с Вечностью и начало пути из Будущего-будущего в Настоящее-будущее, а затем – и в Прошлое как настоящее. Но обо всем – по порядку.

Выдвинув в XIX в. идею прогресса, капитализм впервые в истории Европейской цивилизации перенаправил время из будущего в настоящее, иными словами, перевел стрелки назад, по направлению в прошлое и создал present-in-future. Было ли это нарушением логики развития Европейской цивилизации, христианского исторического субъекта? И да, и нет. Да – при поверхностном взгляде. Нет – при более глубоком. Античность как «дозападное бытие Запада» демонстрировала наличие как циклического, так и линейного времени; последнее, однако, не было значимым. В раннем христианстве Поздней Античности и христианстве Средневековья акцентировалось линейное время, обращенное в Будущее. Капитализм, сохранив «линейку», Стрелу Времени, презентизировал, «онастоящил» ее.

Линейное время не есть синоним времени футуристического, т. е. обращенного в будущее: всякое футуристическое время есть линейное, но не всякое линейное время есть футуристическое. Физически, исторически объекты, системы, отношения развиваются из прошлого в будущее. Однако культурно-историческое, социокультурное направление развития, направление исторического, а не «физического» («физикалистского») времени зависит от историко-культурной интерпретации его нахождения в момент старта, в момент социокультурного «Большого Взрыва».

«Большим взрывом» христиан(ства) было рождение Христа. Единственным настоящим, положительно окрашенным ценностно, было Будущее, приближавшее к Божественному, к Вечному, будущее как Будущее, а не как хронотара, куда можно загрузить подновленное настоящее. Настоящее – это вообще миг; главное – Вечность, а Будущее – порог к нему. Будущее качественно отличалось от настоящего тем, что исчерпывало Время, уничтожало его, позволяло выйти за его пределы – в Вечность. Два пришествия Христа, т. е. по сути он сам, замыкали Время, сворачивали христианскую «линейку» в «рулон», с которым подмышкой Христос, как Терминатор Времени, отправлялся в Вечность. Будущее подводило итог историческому времени и в то же время оказывалось Истинным Началом пути в Вечность. И концом Времени. Главное в Будущем то, что это конец Времени, конец Царства Кесаря и начало царства Божия, «Начало Вечности». Причем конец этот – не «рай на земле», как в идее прогресса, а катастрофа, конец света, гибель мира по «сценарию» Иоанна Богослова и Страшный Суд. Так сказать, сквозь тернии к звездам, сквозь терновый венец – к святости. В этом смысле Будущее не является носителем положительных субстанциональных характеристик, таковые – отрицательны. Положительные характеристики Будущего – функциональны, поскольку приближают Царство Божие.

Историко-культурно заявив свое линейное время как **исходно** футуристическое (**главное** время – в Будущем, это **время конца**) и ограничив его далее Вечностью, т. е.

без-временьем (не Будущее вечно, а за ним, по его окончании – вечность; Будущее – не протяженное вперед время, а конец времени), Христианский исторический субъект, а с ним и Европейская цивилизация – в дальнейшем своем развитии, при переходе от средневекового типа общества к новоевропейскому – был вынужден осуществлять историко-культурные и социомифологичекие манипуляции со временем, разворачивая, выламывая его из Будущего: в настоящее как прошлое, в прошлое – по направлению к настоящему. Выламывая будущее из Будущего, и это естественно, ибо за Будущим не было времени – была Вечность. Или Ничто.

В результате историко-культурное, социорелигиозное направление течения линейного времени христианского исторического субъекта и Европейской цивилизации оказывалось диаметрально противоположным течению линейного «реально-исторического» времени. Это были как бы два необратимых разнонаправленных процесса, два времени – футуристическое и пассеистическое (от фр. passé – прошлое), у истоков каждого из которых стоял некто Один – Христос и в то же время два разных Христа – реально существовавший и вторично явившийся всем. Между двумя этими Христами-Антиподами (Антихристами?) и развернулась христианская историческая драма, приближающаяся, по-видимому, к концу – концу более прозаическому, чем явлен в откровении Иоанну Богослову, хотя не менее страшному: как говорил А.Хичкок, скрип настоящей двери может быть страшнее любого выдуманного монстра.

Итак, феодализм и Средневековье живут предвечным Будущим, ждут и призывают его – как очищающую катастрофу. Капитализм делает шаг из будущего по направлению в прошлое – в настоящее, точнее, в прошлое-как-настоящее, в прошлое-в-настоящем, в past-in-present. Логично, что следующая за капитализмом фаза Европейской цивилизации должна историко-культурно сместить линейное время еще дальше в прошлое, из настоящего – в прошлое, создав «будущее-в-прошлом» (или «прошлое-как-будущее»). В этом нет ничего удивительного: если старт находится в будущем (т. е. в конце), то «впереди» может быть только настоящее, ибо впереди – это только сзади. Здесь историческое («физическое») и социокультурное время христианства, Европейской цивилизации встречаются, совпадают, накладываются друг на друга: это их контрапункт. Место встречи изменить нельзя – Современность. Вот Узел Времени Европейской цивилизации и ее субъекта. Постсовременность, как и Средневековье, – это расстыковка, расставание исторического и социокультурного времени – без надежд на их новую встречу. Рассчитывать можно лишь на их **совмещение** по принципу двух точек, двух независимых организующих центров (историко-культурного) эллипса, как в Барочном Порядке.

Если, стартовав из будущего вы попали в настоящее, следующая остановка – прошлое. Посткапиталистическая фаза Европейской цивилизации логически выходит пассеистической. Уже прогресс носит пассеистический по направленности характер; по содержанию он презентичен. Следующая за ним социальная идея (и реальность) должна устранить противоречие между направлением и содержанием. Футуризм должен превратиться в свою высшую (и последнюю) стадию – пассеизм. С этой точки зрения переизобретение, реконструирование будущего от модели Старого Порядка, обращение к прошлому – это единственный вариант для такого линейного развития, где физическое (историческое) и историко-культурное, социорелигиозное время текут в диаметрально противоположных направлениях.

Вперед, в Прошлое! Назад, в Будущее!

Таким образом, обращение к Старому Порядку как к некоей модели соответствует социокультурному направлению времени христианского исторического субъекта. Прошлое и будущее встречаются. Европейско-христианское время, казавшееся линейкой, сворачивается листом Мёбиуса. Модель Старого Порядка способна оттянуть циклизацию, встречу будущего и прошлого – ведь это замыкание грозит Европейской цивилизации как

европейской . А за время «оттяжки» можно что-то придумать. По крайней мере – попытаться.

Современность (Modernity) – эти двести лет и два года, стали временем, когда европейский исторический субъект исчерпал Пространство, охватив посредством капитализма и коммунизма земной шар. Собственно, поворот капитализма от Будущего к Настоящему начался одновременно с экспансией капитала в пространстве. Христианский исторический субъект исходно возникает как временной, исчерпавший историко-культурное время, хроноцентричный. Отсюда – экспансия в пространстве. Капиталистическая и Русская Системы обеспечили этой экспансии социотехнологическую базу (производство и обмен – в одном случае, власть – в другом).

Экспансия в пространстве позволяет удерживать Время в Настоящем (бежать, чтобы оставаться на месте, подобно королеве из «Алисы в стране чудес»), в то же время затушевывая ту манипуляцию с футуристическим временем, которую произвел капитализм. Не случайно окончание глобальной экспансии капитализма середине XX в. социоморфически резко усилило внимание к проблеме Времени как в естественных, так и социальных науках (призывы «bring time back in», создание «исторической социологии», проекты интеграции социальных наук и истории, «стрела Времени», работы И.Пригожина и многое другое).

LXXIII

Итак, исчерпано пространство, и остается только время. Как любил говорить Маркс, единственное пространство человека – это время. Но объективно это время оказывается повернутым к европейскому человеку прошлым, у европейского человека неосвоенным осталось **только одно** временное «измерение» или состояние – прошлое. Будущее он когда-то перенес в настоящее, а настоящее уже освоено. Это ставит европейского исторического субъекта в тяжелое положение, поскольку в европейской традиции прошлое всегда имело знак «минус».

Прошлое – это тот старый мир, от которого необходимо отречься, чтобы бежать в будущее – то ли к вынесенной за рамки Социума Вечности, то ли к внесенному в настоящее виртуальному будущему. Таково характерное для западного человека отношение к прошлому, ограничивающее возможности манипуляций со Временем, «игры» с ним и в него. Но и здесь у европейского субъекта есть контригра, есть ходы. И они тоже обусловлены логикой, историей и содержанием Европейской цивилизации. Благодаря обладанию линейным трехмерным временем, европеец любой трюк со временем, любой поворот может объявить торжеством **современности** как настоящего, и какой бы хроноисторический наперсток ни был поднят, Европейская система всегда может подложить шарик «современности», настоящего именно под него, объявив остальное архаикой, отсталой традицией. В основе этого хроноисторического наперсточничества лежит тот факт, что линейное время не только носит сегментарно-футуристический характер, не только неоднородно, но и этически определено и определенно, причем – неравномерно.

В Европейской цивилизации как творении христианского и христианизирующего исторического субъекта всегда существовали элементы, которые, в зависимости от угла зрения, могли трактоваться как качественно более древний и как качественно более современный, что определялось наличием и взаимодействием античного и христианского (христианско-германского) начал. В христианской мысли понятие «современный» имеет то значение, что по отношению к нему первым его носителем, т. е. носителем современности, оказывается Иисус Христос. Жизнь Иисуса была принята в качестве даты вытеснения одновременно в священной и светской истории и Античности с ее политикой и философией, и «старого божьего промысла» – иудейских законов и Ветхого Завета.[61]

---

[61] 1) Pocock J.G.F. Modernity and antimodernity in anglophone political tradition // Patterns of modernity. – N.Y..

Различение между античной древностью и христианской современностью стало важным элементом средневековой культуры. «Современное» в данной ситуации выступало как царство Божьей благодати и воли, а древнее – как царство закона и философии. Ни в одной из цивилизаций прошлое и настоящее (настоящее–будущее) не являются столь дихотомически противопоставленными, как в Европейской. Напряжение между элементами этой дихотомии, усиливающееся их противоречием как светского и религиозного, и породило в рамках христианской схемы мира понятие настоящего, в котором динамика благодати, как заметил Дж. Покок, в принципе может быть продолжена в будущее (что и было в определенных условиях реализовано в идее прогресса). Поскольку принципиально возможно такое продолжение, «современный» и «древний» элементы могут поменяться местами. Так и произошло в XV–XVI вв., когда было изобретено «Средневековье» как прошлое с целью дистанцировать от него настоящее в качестве светского, нерелигиозного. В этом смысле европейское Настоящее – это прежде всего Антипрошлое, т. е. среди его характеристик главная является негативно-функциональной, а потому в принципе и в него можно поместить будущее, да и его можно перенести в это будущее, слить с ним. Инструментальный, оперативный, функциональной характер настоящего в Европейской цивилизации (даже в Средневековье настоящее было функцией Будущего и Вечности) и хронотрадиции позволяет заявлять в качестве него практически любое состояние, измерение времени. Настоящим может стать будущее или типологически прошлое. Прошлым – настоящее. И так уже бывало.

Как писал все тот же Дж. Покок, мыслители Возрождения задолго до Гиббона связали «триумф варварства» с «религией» и начали считать себя «современными» в том смысле и по той же причине, что подражали древним или даже превосходили их. Гуманисты, таким образом, произвели инверсию: если для ранних христиан их эпоха была «современной» в силу ее особой религиозности по отношению к античной древности, то гуманисты возрождение светской античности и сам Ренессанс представили как возникновение современности, противостоящей варварскому прошлому и господству религии. В результате Средневековье приобрело вид мрачного «слаборазвитого» прошлого, и мы до сих пор, к сожалению, смотрим на этот динамичнейший отрезок истории близоруким ренессансно-просвещенческим взглядом как на статичный. При этом забывается, что деятели Реформации могли использовать ту же дихотомию и определять «антикизированное» христианство (или христианизированную античность) как прошлое. Собственно, Мартин Лютер и отсек это прошлое своими тезисами как социальной бритвой Оккама, не предполагая, что ввергает европейского субъекта, Европу и мир в самое большое, жестокое и захватывающее социальное приключение – капитализм с его мировой, планетарной экспансией.

Кто сказал, что невозможно «идеологически» объявить мир постмодерна и посткапитализма началом истинной истории, истинной современности по отношению к ложной Modernity 1789–1991 гг.? Истинным возрождением Средневековья, Старого порядка – в противовес Античности и Капитализму. У Европейской цивилизации всегда есть несколько парных исторических колод, которые она может менять или в крайнем случае даже комбинировать.

Поворот к прошлому, самоограничение во Времени, деуниверсализация могут заставить европейского человека обратиться к самому себе, внутрь себя. И в этом смысле системный кризис капитализма отбрасывает представителей субъектного потока развития не ко времени зарождения христианства, а еще глубже – в ту эпоху, которую Ясперс назвал «осевым временем», т. е. в VII–VI в. до н. э., к моменту возникновения субъектного потока развития и вообще зарождения и великих религий (Востока), и великой философии (Греции).

Не случайно еще в 1942 г. немецкий историк философии Х.Циммер писал о том, что западные люди, похоже, оказались близ того перекрестка, которого индийцы достигли в

1987. – Vol.1. – P.49.

VII в. до н. э. Но, подчеркнул он, это не значит, что европеец должен отказаться от своей традиции и принять буддизм. Напротив, из своих затруднений он должен выбираться своим же – европейским – путем, «выбраться своей колеей». Я бы уточнил: путем создания новой европейской традиции и новых европейских социальных мифов. Линия Истории, повторю, свернулась в клубок. Концы оказываются началами, а носители Европейской цивилизации – чем-то вроде Сизифа, которому предстоит карабкаться с камнем на гору, иными словами, разворачивать Время, делать из обода новую линейку. Ну что же, Сизиф, марш снова в гору.

До сих пор сутью европейскости были индивидуальная субъектность, возможность самореализации в отношениях с природой к другими людьми, счастье постоянного саморасширения, экспансии индивидуального субъекта. Но европейскость – это и трагедия внутренней незавершенности и недостижимой цельности. Трагедия незавершенности и, следовательно, невозможности понять себя до конца: постоянно переделывая внешний мир, европейский человек меняет и свою внутреннюю суть, а тем самым и процесс самопознания. Эта вечная погоня за самим собой, за недостижимой удаляющейся целью порождает трагические ситуации решения проблемы любой ценой, вплоть до самоуничтожения, т. е. обретения целостности в ничто, в не-бытийной форме (в отличие от Азии, где счастье самопознания и внутренней цельности есть обратная сторона неспособности внешнесоциальной реализации субъекта). Трагедия недостижимой цельности – потому что, в отличие от азиатских цивилизаций, не знающих острого противоречия ни между человеком и природой, ни между субъектом и объектом, ни между коллективом и индивидом (так как в них в целом акцентируется не борьба, которая в Европе – «отец всего», а единство противоположностей), составляющих целое и не испытывающих внутренней раздвоенности типа «язычество-христианство» в Европе, европейский субъект раздвоен сразу по нескольким линиям, представляя систему интериоризированных раздвоенных, бинарных оппозиций, состоя из них (субъект – объект, коллектив – индивид, христианин – язычник и др.). Причем каждая из этих оппозиций имеет субъектную форму. Полисубъектность характеризует не только европейское общество, это есть и внутренняя характеристика европейской личности как типа.

Другой вопрос – останется ли самоуглубляющийся европейский человек европейским? Великая тайна Запада, Европейской цивилизации заключается не в христианстве как таковом, не в наличии трех антагонистических формаций и трех социальных и духовных революций – социальное и духовное вообще неразрывно связано как позитивно, так и негативно: ограничение свободы социальных действий, как заметил Кант, автоматически означает ограничение свободы мысли, и наоборот; и не в институционально оформившемся («изобретенном») в XVIII в. «частном человеке» (М.Фуко), своеобразном «оциальном Робинзоне Крузо». Все это – лишь элементы целостности, элементы тайны. Тайна же Запада, по моему мнению, заключается в таком особом несовпадении исторического субъекта и социальной системы, при котором субъект, реализуя себя как универсально-социальное существо, постоянно ломает рамки системы, но в то же время создает социо-пространственно более широкую систему, имеющую к тому же более высокий уровень организации и больший энергоинформационный потенциал, чем прежняя организация. Негэнтропия систем европейского субъекта повышалась, помимо прочего, за счет вытеснения энтропии во внешний для этих систем мир.

Таким образом, динамика европейского исторического субъекта и полагаемой им цивилизации в значительной степени обусловлена тем, что его имманентные противоречия разрешались посредством создания новой системы, но так, что эта новая система была и расширением прежней не только количественным, но и качественным. Здесь качественное изменение влекло социопространственную экспансию, в ходе которой создавалась более широкая система, стимулировавшая качественное усложнение очага экспансии, институциональное оформление происшедших сдвигов. Как только исчерпывались «внутренние Америки и Азии» (И.Валлерстайн), европейский субъект реорганизовывался и начинал открывать внешние, создавая в ходе и на основе этих поисков качественно новые

системы (в XVI–XVII вв. – капитализм).

Однако процесс пульсирующего расширения, развивающийся в течение 2,5 тыс. лет, ныне завершен. Европейский субъект охватил, по крайней мере функционально, весь земной шар. Поэтому имманентный ему механизм снятия противоречий между ним и системой посредством расширяющихся социопространственых пульсаций (социальные революции, т. е. формационные сдвиги, изменения в социальном времени в Европе всегда были связаны с пространственной экспансией европейских исторических систем и наоборот – при всем различии между романским и германским восприятием пространства) перестает нормально функционировать. Кризис капитализма в этой ситуации есть лишь проявление кризиса европейского исторического субъекта. Прекращение экспансии в социальном пространстве (и социальном времени?) и, что не менее важно, осознание этого факта как собственного предела может оказаться если не катастрофой, то колоссальной травмой для европейского исторического субъекта и его универсальной духовной системы – христианства, теряющей в такой ситуации ràison d'être..

Капитализм есть мировая, (мирового, предельного масштаба) пульсация европейского исторического субъекта, реализующего универсальную социальность как практически не имеющую границ свободу в отношениях субъект – при да, субъект – субъект, субъект – дух. Конкретное осуществление этого процесса в 1517–1815–2050 гг., по сути представляющее собой высокую трагедию европейского субъекта, – особая тема, выходящая за рамки настоящей работы. Однако, замечу, что единый мировой субъект едва ли возможен. Нет такого конкретного субъекта, который мог бы взвалить на себя мировое бремя; ведь человечество – это абстрактный субъект, т. е. такой, который соотносится с природой вообще. Мировой может быть только система формационного типа – капитализм, система третьего порядка в субъектном потоке развития.

Капитализм словно цепью приковал мир к европейскому историческому субъекту, вступившему во все более усложняющиеся и напряженные отношения с созданной им мировой капиталистической системой. Переживет ли он ее вызов в XXI в.? В любом случае ясно, что ныне логика развития и Капиталистической Системы, и Европейской цивилизации создает ситуацию, в которой европейский исторический субъект вынужден будет обратиться к прошлому, а в чем-то и оказаться в нем, подобно тому как Россия ныне оказалась одновременно – по разным параметрам – в XIX, XVII и XV вв. своей истории. Аналогичным образом и нынешний Запад, как уже говорилось, оказывается как бы и на рубеже XVIII–XIX вв., и в XIV в., и в «Европе герцогств».

Таким образом, и Россия, и Запад логикой исторических судеб оказываются развернутыми в Прошлое в качестве вектора своего развития в будущем. Думаю, в европейском случае, как и в русском, за «старопорядковую модель» придется побороться с другими моделями, отражающими формы иных срезов прошлого. Сошла лавина Времени, и обнажились, став современными и современными, различные стадиальные пласты. И в западной части пуантилистского мира вряд ли реализуется какая-то одна модель, а скорее всего – несколько разных, хотя, быть может, и под одной «шапкой». Похоже, Европа, разрываясь, катапультируется сразу в несколько разных исторических эпох – как и Россия. Возможно, в этом разрыве времен и сосуществовании различных временных моделей развития и заключается историческая специфика грядущей эпохи, эпохи «вывихнутого» – во всех отношениях века.

LXXIV

Хорошо, скажет читатель. Пусть модель типа Старого Порядка, пусть прошлое-в-будущем или будущее-в-прошлом, раз в Европейскую цивилизацию – на счастье или на горе – встроена способность манипуляций со Временем, «путешествий» в нем. Но ведь Старый Порядок был миром неравенства, эксплуатации и угнетения, несправедливости – все это стало вопиющим к концу существования этого строя! Так к чему же нас

призывают? К созданию нового эксплуататорского строя? На это я отвечу: неэксплуататорских 'социальных систем не бывает. Эксплуатация и неравенство родились вместе с обществом, а неравенство, иерархия – так вообще вместе с социальностью. Различия лишь в форме и уровне. Новый строй все равно будет неэгалитарным и эксплуататорским. Весь вопрос – в какой степени. И насколько индивид будет защищен от крайностей неравенства и эксплуатации; какими средствами социальной защиты, каким полем для маневра он будет обладать. Поэтому поворот от утопических планов к реалистическим, принимающим социальную несправедливость, неравенство и эксплуатацию как данное, отказ от первых как от ложных – необходим. Более того, он – показатель социальной зрелости.

Последние 200 лет многие мыслители разрабатывали планы построения счастливого «царства будущего» – эгалитарного, без эксплуатации и угнетения, царства свободы и братства. Вокруг и на основе этого строились главные идеологические и политические проекты Современности. Но приводили они – при их реализации – к новому, как минимум не меньшему неравенству, к еще более жесткому социальному контролю, к более интенсивной эксплуатации: благими намерениями дорога в ад вымощена. Так, может не стоит больше повторять ошибки, а попробовать руководствоваться неблагими или не совсем благими намерениями? Не революционно или реакционно утопическими и мечтательными, а реалистическими?

Думаю, по иронии Истории, если нам и придется сознательно «строить» – насколько в истории вообще возможно что-либо сознательно строить – мир XXI в., то это должно быть строительство эксплуататорского (минимально), антагонистического (минимально), неэгалитарного (минимально), несправедливого (минимально) социума, в котором различные формы и отношения эксплуатации и неравенства уравновешивают (максимально или, скажем так: насколько это возможно) и нейтрализуют друг друга (опять же, насколько это возможно), позволяя индивиду использовать их противоречия, выбирать из многообразия ситуаций, увертываться от Власти, созидать свой мир. Для меня реально «строительство» чего-либо в истории – это создание таких условий, которые гарантируют некое общественное пространство, в котором индивиды в постоянной конкуренции друг с другом могут обеспечить себе достойную жизнь. Создание условий «достойной жизни» (при всей расплывчатости и неопределенности этого словосочетания) означает отсечение неких крайностей, это не «борьба за», а «борьба против». Это согласие по поводу того, что недопустимо и неприемлемо, а потому исключаются по определению те или иные средства достижения неких целей, какими бы благими эти цели ни были. Лучший способ отсечения крайностей – их уравновешивание, создание «социального эллипса», общества с двумя центрами. Разумеется, осуществить такую программу намного труднее, чем заявить. И все же: вначале было Слово.

Приведет ли такой путь в «социальный рай»? Конечно, нет. Но он с наибольшей вероятностью не приведет в социальный ад. Не приведет в «социальный рай» – потому что так не задумано, да и «социальный рай» невозможен. Как невозможно «Царство Добра». Такое царство – опиум дураков и миф тех, кто под видом революционных вождей масс более или менее осознанно метит на место и роль новых господ, властителей и эксплуататоров. Царство Добра вообще, невозможно, ибо мир, как и человек, несовершенен и несправедлив. Зло нельзя победить. Но его можно и должно сдерживать, ограничивать и сводить к минимуму.

Проект создания минимально, т. е. ограниченно эксплуататорского, несправедливого и неэгалитарного мира основан на идее сдерживания и ограничения Зла. Это и есть реализм, противостоящий утопизму и одному из самых страшных (так оказалось на практике, хотя многое проглядывало уже и в теории) созданий европейской мыслительной традиции – Утопии.

Утопия по сути есть мир, где внешние – объектные и объективные условия существования человека приведены в такой порядок, в такую систему, что в субъекте уже

нет нужды. Идеальное общество Утопии – это общество без субъекта, общество вытесненного субъекта, общество без исторической необходимости в субъекте. Управляющие в таком обществе (и таким обществом) должны быть, по определению, антисубъектно ориентированными. Стремление к утопии – это прежде всего воля европейского исторического субъекта к смерти, к без-временью; воля, оправдываемая идеалами всеобщей социальной справедливости и добра.

Утопия – это мир по ту сторону добра и зла; различие между ними в Утопии иррелевантно. Поэтому не случайно реализация утопий в истории приводила к самым кошмарным последствиям и предельно угнетательским системам. Иначе и быть не могло. Утопизм есть крайнее самоотрицание европейского субъекта. А вот борьба с Природой и Обществом за обеспечение условий достойной жизни индивида – при одновременном признании как данности неравенства и несправедливости на основе их ограничения – имела своим результатом иные, нормальные и живые социумы, где жизнь – не сахар, где борьба – отец всего (но зато нет Отца и Учителя всех), где было и есть самое главное бремя – свобода и связанный с ней индивидуальный выбор, всю ответственность за который несет сам человек.

Все это, конечно, не исключало и не могло исключить ни насилия, ни жестокости. Дело, однако, в том, что как жестокость, так и насилие в этих случаях имели спонтанный характер. Вот когда по алану строят рай на земле, в отдельно взятой стране, для отдельно взятого класса или отдельно избранной расы, то система насилия и уничтожения приобретает массово организованный и плановый характер и оказывается наиболее организованной подсистемой общества. Однако есть и другая сторона дела: «строить» некие социумы по планам, создавать нечто, обращенное в будущее, – как правило, на костях настоящего и прошлого – начинают там, где нет нормальной спокойной жизни, аутопоэза, где общество постоянно ищет вход в будущее и никак не может его найти. Более того, там, где общество тщетно ищет вход во Время.

Отказаться от Светлого Будущего в пользу Минимально Темного Настоящего (и Будущего) – вот в нем заключается одно из **практических** переосмыслений и преодолений Современности с ее мифами, проектами-капканами и революционными теориями-ловушками.

Вперед, в Прошлое! Или: назад, в Будущее. Полагаю, что мир в любом случае двинется в такое Будущее, которое по многим своим чертам, характеристикам и тенденциям развития будет выглядеть как Прошлое – XVIII, XVI, XIV вв. или еще дальше, – и тому уже есть много свидетельств. Ничего удивительного: «постсовременность» и «досовременность» сходятся как несовременность, а в чем-то и антисовременность; христианско-европейская «линейка Истории» сворачивается, концы и начала сходятся.

Модель типа Старого Порядка – вот что реально может приостановить падение общества в асоциализм, в «новое средневековье», состояние, комбинирующее многие худшие черты феодализма, рабства и первобытности, падение вообще на дно Колодца Времени. Будем реалистами: не светлое будущее без эксплуатации, а скромная – неэгалитарная, эксплуататорская, несправедливая – модель типа Старого Порядка с рациональной Системой идей, не достигшей, однако, состояния Просвещения, которое в тенденции есть идеология рациональной гильотины, – вот что реально осуществимо.

Начала и концы сходятся, и возникает новый – странный, а порой и страшный, непредсказуемый – мир. Мир, где оживают силы и явления, про которые уже почти забыли, про которые думали, что они навечно, в прошлом. Мир, в котором около 30 миллионов беженцев, бредущих из страны в страну. И то ли еще будет. Мир, в котором все больше конфликтов и террористов, над которым зарево пожаров и Завеса Мрака, если вспомнить метафору из толкиновского «Властелина Колец».

«Множились слухи о том, что странные вещи стали происходить в мире. Поскольку Гэндальф исчез и уже несколько лет не подавал о себе вестей, Фродо сам старался разузнать как можно больше. Эльфы, которые раньше редко забредали в Шир, теперь шли и шли по

вечерам через леса на запад – шли и не возвращались. Они покидали Среднеземье, и его беды уже не тревожили их. На дорогах появилось необычно много гномов. Старинный Восточно-западный тракт протянулся через весь Шир, оканчиваясь у Серой гавани, и гномы всегда пользовались им как путем в свои копи в Голубых горах. Гномы были для хоббитов главным источником новостей из отдаленных мест, – разумеется, если хоббиты хотели что-то узнать; как правило, гномы были малоразговорчивы, и хоббиты не спрашивали их ни о чём. Но теперь Фродо все чаще встречал странных гномов из дальних стран. Озабоченные и напуганные, они искали убежища на западе. Шепотом некоторые из них рассказывали о Враге и о стране Мордор.

Это название хоббиты знали лишь из легенд далекого прошлого; оно темнело словно тень из тайников памяти. Но оно было зловещим и лишало покоя. Казалось, что злая сила, которую изгнал из Темнолесья Белый Совет, объявилась снова и обрела еще большую силу в своем старом логове – в Мордоре. Говорили, что Черная башня отстроена заново, и оттуда сила зла расползается все дальше, все шире; что далеко на востоке, далеко на юге полыхают войны, растет и множится страх. В горах развелось видимо-невидимо орков. Появились тролли, но не тупые, как раньше, а хитрые, коварные и вооруженные страшным оружием. А еще – но только шепотом и намеками – передавали вести о существах еще более ужасных, чем тролли и орки, и не имеющих имени»[62] (перевод мой. – А.Ф.).

Не правда ли, это описание напоминает наш мир? Точнее, то состояние, в которое он все больше и больше вползает. Мир искривленного Времени. Мир сужающегося пространства и сокращающихся ресурсов. Неизбежность этого странного мира очевидна. Вопрос лишь в том, потащит ли нас стихия разрушающегося капитализма, энергия этого разрушения в царство-логово а-социала, в «руандизированный» или «лос-анджелесизированный» социум, в мир борьбы всех против всех за ресурсы, пространство и биомассу или же мы будем регулировать этот процесс, максимально отсекая негатив, максимально ограничивая Зло и достойно встречая старость Европейской цивилизации, ее Новую Эпоху.

LXXV

События одной из самых важных книг XX в. – «Властелина Колец» Дж. Р.Р.Толкина – происходят в конце Третьей Эпохи. Эта метафора очень подходит к нашей нынешней ситуации, представляется ее символом. Причем не в одном отношении, а сразу в нескольких мы оказались у конца Третьей Эпохи.

Античность, Средневековье, Современность. Рабовладение, Феодализм, Капитализм. В рамках Капиталистической Системы это: Старый Порядок, Субстанциональный Капитализм, Функциональный Капитализм. Если говорить о капиталистической мир-экономике, то это конец третьей гегемонии – США, которой, предшествовали Великобритания и Голландия. Если взглянуть на двойника Капиталистической Системы – Русскую Систему, то и здесь окончилась Третья Эпоха, ушла в прошлое третья Структура – коммунизм. Московское самодержавие, Петербургское самодержавие, Коммунизм. У конца Третьей Эпохи.

А что дальше? Толкину, как писателю, было легче – он мог поставить точку, перевернуть последнюю страницу и закрыть книгу. Жизнь, История – не книга. Закрытая историком книга – это не ответ. Или – плохой ответ. Но трудно давать ответы в конце эпох – и по интеллектуальным, и по эмоциональным, и по моральным причинам. Везет тем, кто живет во время рождения, взлета, подъема систем. Они могут ставить серьезные вопросы и давать убедительные ответы. Убедительные – в среднесрочной перспективе: для самих себя, для современников, для потомков. Достаточно взглянуть на новоевропейскую философию и науку XVII–XVIIl вв., так называемого периода «раннего Нового времени». Бэкон и

---

[62] 1) Tolkien J.R.R. The lord of the rings. – L.: Harper Collins, 1992. – Vol.1: The fellowship of the ring. – P. 56.

Лейбниц, Спиноза и Декарт, Ньютон и Локк. Какой уверенностью в возможностях разума, в успехе на путях поиска Истины дышат их тексты! Сколь изящны доказательства Ньютона! Еще бы, у него беспроигрышная аксиома – Бог. Неудивительно, что Эйнштейн, не имевший такой аксиомы (XX век!), так завидовал своему коллеге из эпохи Барочного Порядка.

Аналогичная картина возникает при взгляде на ранний этап развития античной философии, когда античное общество было на подъеме, переживало эпоху бури и натиска. И какой контраст с поздней античной философией и европейской философией конца XIX – начала XX в.! Конечно, приятнее ориентироваться на мысль восходящих систем и эпох, заимствовать и учиться у них. Но есть резон и в том, чтобы повнимательнее присмотреться к нисходящим эпохам, к мысли умирающих классов – тех самых, над которыми, по выражению Б-Мура, вот-вот должны сомкнуться «волны прогресса». Ведь у умирающих классов, точнее – у их мыслящих представителей тот же выбор, что и у человека перед лицом смерти: сойти с ума или стать мудрым.

Стать мудрым – это легче провозгласить, чем осуществить. Что значит стать мудрым и как это делать? Об одном из героев исландских саг, Снорри Стурлуссоне говорили: он был умен, но не мудр, ибо не умел предвидеть будущее. А как предвидеть будущее, если его нет – по крайней мере, у данной системы? Можно ли быть социосистемно мудрым в эпоху упадка? Социосистемно мудрым – скорее всего нет. Можно быть субъектно мудрым. Но с точки зрения «трезвомыслящего большинства» такая мудрость, такой ум – безумие и глупость. «Безумие мудреца», «Горе от ума» – названия не случайные. Многим ли захочется выглядеть безумцами в глазах большинства? Сомневаюсь.

«Субъектная» или «социосистемная» форма ума – не единственный горький выбор закатных и предрассветных эпох. Есть и другие. Ограничусь двумя.

LXXVI

Наступление зрелости социальных систем, прохождение пика развития, как правило, приводит к возникновению империй: социум сталкивается с целым рядом новых, более сложных задач. Империи чаще всего эти задачи решают, и общество переживает свой второй, повторный расцвет, свое «бабье лето», часто превосходя технико-экономические, материальные достижения первого, «доимперского» расцвета, но не дотягивая до его уровня мысли и искусства. Под этим углом зрения два расцвета можно противопоставить и по-шпенглеровски: культура versus цивилизация. Вторичный, имперский расцвет – это раннеэллинистические империи III в. до н. э., это Рим Антонинов, это США в 1945–1991 гг. и т. д.

Однако проходит какое-то время, и само существование империи порождает проблемы, Которые она не может решить и которые серьезнее тех, что привели к ее возникновению. Начинается настоящий упадок. И вот тогда либо старая империя мутирует, либо возникают новые – жестокие, милитаризованные, которые военно-полицейской силой обеспечивают на какое-то время порядок, ранее гарантированный религией, моралью или идеологией в большей степени, чем насилием. Подобные империи возникали на руинах Средиземноморского мира после кризиса XII в. до н. э.; в конце эллинистической эпохи греческого мира; в Риме после кризиса III в. н. э. Подобные образования вызывали у современников и историков чаще всего отрицательные чувства, что вполне заслуженно и справедливо… Однако когда эти военно-полицейские монстры с бронзовым или железным панцирем приходили в упадок, их место занимал более или (чаще) менее контролируемый хаос. Таким оказался ближневосточный мир в середине I тысячелетия до н. э., мир варварских королевств в Западной Европе V–VIII вв. н. э., мир европейских «новых монархий» XV–XVI вв. Великие империи, обуздывавшие кризис силой и не желавшие знать никакой «идеологии» (естественно, они возникали в эпоху сумерек «идеологий»), исторически оказывались меньшим злом, чем то, что за ними последовало; а их потентат – меньшим злом, чем те, кто пришел после. После – смотрите, кто пришел: Аттила и Аларих,

король-горбун Ричард и Чезаре Борджа. И многие другие. А что, Нерон и Калигула, Камбиз и Адад-нерари II лучше? Возможен ли выбор в такой ситуации?

Еще один трагический выбор, трагический особенно для периода, сменяющего эпоху, когда акцентировалось освобождение масс и т. д. и т. п., это выбор между верхами и низами, точнее – отношения к ним. Ясно, что и власть, и новые господствующие группы позднекапиталистической эпохи, будь то Россия или Мексика, США или Китай, Ирак или Румыния, – более эксплуататорские, менее ориентированные на силу идей: эпоха Великой Идеи и Великой Мечты безвозвратно ушла в прошлое – мечтают на подъеме; на спуске же напрягают оставшиеся силы – чтобы не упасть («силовые структуры» – не случайный неологизм нашего времени). Ясно, что «прогресс» такой власти и таких групп возможен только за счет низов общества при все более размывающемся и вымывающемся в социальный низ средней классе. Да и сами власть и господа пуантилистского мира XXI в. едва ли вызовут большую симпатию.

Но ведь и низы ее не вызывают. Эпоха массовых действий проходит вместе с массовым обществом. Массы – резервуар асоциализации. Трудящиеся классы XXI в. скорее будут похожи на «опасные классы» («dangerous classes») XVII–XVIII, чем на рабочие классы XIX–XX столетий. Единственное, что может амортизировать «данжеризацию» рабочих и низших классов – это социальная апатия, оформляемая новыми господами в «виртуальную активность» масс. Но виртуализация таит свои опасности и для господствующих групп тоже, открывая дверцу в мир Безбрежного Гедонизма (следующие остановки: Вырождение, Социальное Небытие).

Энтээровскому «прогрессу» низы действительно не нужны: их использовали в предыдущую эпоху, а на стыке эпох выбрасывают из Времени, и, похоже, в XXI в. их нельзя социально утилизировать. Зачем такая масса, если, например, фирма «Майкрософт» обходится персоналом всего в 16400 человек в 49 странах! В пуантилистском мире Время будет присутствовать только в точках Севера, разбросанных по всему миру, будто стрелка социально-экономического компаса Истории взбесилась. Население вне этих точек объективно обречено ходом истории этого мира. «Историческая правда» пуантилистского мира (исторической правды вообще, без кавычек, не бывает, точнее – у миров и систем не бывает, она бывает только у человека как субъекта, но тогда это уже скорее метаисторическая, метафизическая правда) не на стороне низов: перспективы их самоорганизации и выхода за рамки «мира темного солнца» невелики и скорее всего чреваты новым варварством.

«Обреченные, несчастные обреченные, – размышляет о людях некой местности Кандид, герой «Улитки на склоне» Стругацких, – они не знают, что обречены, что сильные их мира… уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов, стенами леса, что все для них уже предопределено и – самое страшное – что историческая правда… не на их стороне, они – реликты, осужденные на гибель объективными законами, и помогать им – значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке фронта».

Кандид, однако, наплевал на такой прогресс: «Это не мой прогресс», – фраза, отражающая субъектизацию прогресса, т. е. попытку выхода за рамки «исторической правды» как исторической необходимости. Закономерности не бывают плохими и хорошими, они вне морали, но я-то не вне морали, рассуждает дальше Кандид. Он вытаскивает скальпель и идет к окраине леса. Таким образом, предполагается, что он предложит решение «хирургическое, только хирургическое».

Прекрасно, Кандид не вне морали. Но вне морали находится система: «прогресс» которой он готов поломать, и несчастные люди, хотят они того или нет, являются ее элементами. Возникает проблема языка, лексикона. И предвидения последствий. Об империях и вообще подобных «хитиновых» властных структурах предзакатных и закатных эпох можно сказать то же, что Черчилль сказал о демократии, нечто вроде: демократия – это очень плохо, это зло, но ничего лучше люди до сих пор не придумали. В эту фразу

«товарища Черчилля», как его однажды под смех Сталина и других советских вождей назвал маршал Жуков, следует внести историческую поправку, ограничив во времени: ничего лучше не придумали в эпохи расцвета и зрелости. Относительно поздних фаз, эпох заката фразу Черчилля следует читать так: империи – это зло, это плохо, очень плохо, но ничего лучшего для поддержания порядка, ограничения и торможения упадка и распада люди до сих пор не придумали. А.Пареди заметил: «Как и любое человеческое установление, Римская империя не была абсолютным благом. Иногда она казалась гнетущей тоталитарной машиной. Однако ничего лучшего в те времена существовать не могло».[63] И, добавлю я, то, что пришло на смену ей, в течение полутысячелетия было еще более гнетущим, варварским и жестоким. Так следует ли торопиться подкладывать камешки, чтобы споткнулся «прогресс» – пусть даже плохой?

Чтобы не оказаться снорри стурлуссонами, следует попытаться предвидеть будущее – кто там, за «хитиновым» прогрессом пуантилистского мира? А если там – асоциал, Homo robustus, носитель дочеловеческой социальности, гомозавр? Кто знает, эксплуататорски-жестокий порядок в «северных точках» пуантилистского мира вообще может оказаться единственным порядком, а его граница – лимесом цивилизации. Так что же выбрать? Когда выбор трансформируется в «социальность против асоциальности», он ясен. Но это уже по сути не выбор, а императив, торжество необходимости. Необходимость тем более горькая, что не приходится обольщаться сутью порядка, о котором идет речь. Пуантилистский «новый порядок» будет включать тесное взаимодействие – не только негативное (т. е. борьбу), но и позитивное (т. е. сотрудничество) – легальных и криминальных верхушек. Более того, по-видимому, «южные» зоны, будь то на Юге или на Севере, в большей или меньшей степени будут контролироваться «серыми сообществами», обеспечивая таким образом «белый фасад» Севера – как ныне кастовая система в Индии, выполняя черную работу социального исключения, отсечения и пресечения, обеспечивает внешне демократический фасад. И тем не менее даже такой порядок лучше, чем хаос и отсутствие безопасности в широком масштабе.

Одна из трагедий закатных эпох – это отсутствие выбора; в лучшем случае выбор между большим злом и очень большим при осознаний неизбежности выбора и полной ответственности за него, прежде всего – перед собой (если речь идет о христианской зоне, независимо от того, кто субъект выбора – верующий или атеист). Трагично и то, что человек обязан выбирать (и расплачиваться за это) даже при отсутствии выбора – в этом смысле выбор есть всегда, только нужно обладать социальной и интеллектуальной спермой, чтобы его сделать.

В свое время Антонио Грамши говорил о «пессимизме разума и оптимизме воли». Я думаю, пессимизм разума не означает ни бессилия разума вообще, ни пессимизма в оценке его возможностей. Речь скорее должна идти о понимании разумом своих исторических пределов, ограничений и ограничителей: социосистемных вообще и тех, что связаны с финальными фазами существования конкретной системы, когда большинство социосистемных истин ограничены рамками существования данной умирающей системы, – и чем дальше вперед «по пути прогресса», тем больше они оказываются ограничены.

Значит ли все это, что ныне следует отказаться от поисков правильных постановок вопросов и ответов на них? Конечно, нет. Во-первых, следует помнить и об оптимизме воли, и об исторической природе, обусловленности и ограниченности самого пессимизма разума. Во-вторых, в поисках истины необходимо стремиться выйти за данные конкретные социосистемные рамки, расширяя поле поиска в Пространстве и особенно во Времени. Только не нужно ожидать вознаграждения или даже поощрения за интеллектуальные поиски – особенно в закатные эпохи, когда все больше и больше людей все меньше и меньше интересуются истиной. Этот интерес с необходимостью вытесняется многим: борьбой за

---

[63] 1) Париди А. Святой Амвросий Медиоланский и его время. – Милан: Христианская Россия, 1995. – С. 3.

место под солнцем – у одних нарастающим гедонизмом – у других. И – у многих – все более усиливающимися социальными фобиями (при этом часто за социальным фобосом приходит социальный деймос).

Поиск вопросов и ответов – это вознаграждение само по себе, за которое часто приходится платить. Быть готовым платить, не иметь иллюзий и жалости к себе, короче – быть настолько счастливым, насколько это возможно для конечного существа в практически бесконечном мире, – вот, пожалуй, единственная стратегия достойной жизни в конце Третьей Эпохи, под звон Колоколов Историй, жизни, в которой не должно быть места пораженческим настроениям. Системы и эпохи приходят и уходят, а люди остаются. Жизнь – социальная, жизнь вообще не прекращается вместе со смертью систем. Она может быть лучше или хуже, но она не исчезает – не исчезает как антиэнтропийный процесс. Мы не знаем, что будет, когда погаснет Солнце и доминирующим во Вселенной станет ультрафиолетовое излучение – это будет, но будет не скоро, Однако мы знаем, что люди не исчезнут, когда закатится солнце капитализма. Солнце новой системы может быть более темным, но оно не отменяет людей, их жизнь и их ответственность. While there is a life, there is a hope. Отчаяние, как и суеверие, – худший грех. Христиане правы.

И здесь опять уместно вспомнить принцип «капитана Блада» – «кто предупрежден, тот вооружен». Это принцип стремления к лучшему при готовности к худшему, к тому, чтобы дать худшему отпор, чтобы «принять его в лоб», не отвести взгляд, не сморгнуть. Это – надежда без иллюзий, готовность пристально смотреть в глаза реальности даже если эта реальность – Ничто. Чем-то напоминает принцип капитана Блада призыв французского историка П.Шоню: «Да – страху, нет – панике». Призыв этот, в свою очередь, напоминает одну из мыслей Паскаля: «Надо бояться опасности, когда ее нет, и не бояться, когда она пришла». Короче, принцип капитана Блада оказывается в хорошей компании и в русле определенной традиции европейской мысли, которую можно характеризовать по-разному, в том числе и как традицию трагического мужества, трагического бесстрашия, необходимого для ситуации, когда поражение означает провал и конец, а победа обещает лишь продолжение борьбы, сталкивая с новой, еще более сложной задачей: «If we fail, we fall. If we succeed we will face the next task».

Принцип капитана Блада – это предупрежденность о худшем без страха перед ним; это – концентрация внимания на опасностях, обращение к ним. А следовательно – воля к их преодолению. Принцип капитана Блада позволяет оставаться по эту сторону лучшего и худшего (но не добра и зла), не поддаваясь скорым соблазнам, и подводит под сдержанный оптимизм фундамент из трех китов: личный выбор, личная активность, личная ответственность. Принцип Блада, будучи conditio sine qua non победы, не является ее достаточным условием. Выбор, активность, ответственность – все это предполагает свободу. И личностность. Собственно, в качестве того, что человек может противопоставить социальному упадку, распаду, социальной энтропии, у него и есть ныне только его свобода и его личность, т. е. он сам как человек. Вера в идеологию, Надежда на прогресс и христианская Любовь уходят, если уже не ушли из нынешнего мира. В пуантилистском мире они в лучшем случае окажутся внеположенными ему точками – подобно Богу Николая Кузанского.

Социальной энтропии подвержены системы. Субъект – как носитель универсальной социальности – смерти и уничтожению – подвержен. А энтропии – нет. Он не просто антиэнтропиен – он внеэнтропиен. Системы приходят и уходят. Субъект остается. И именно он берет на себя всю тяжесть социальности в эпоху крушения социальной системы, он оказывается единственным Атлантом, поддерживающим «небесный свод» человеческого общества как человеческого.

Иными словами, с одной стороны, принцип Блада – принцип субъектный, его носителем может быть только субъект – свободный человек, активно относящийся к жизни; с другой стороны, это принцип фронтира, фронтирной жизни, жизни постоянного выбора под бременем личной ответственности за выбор и его последствия. Субъектность всегда

связана со свободным выбором и в этом смысле социально – всегда фронтирна. А ныне – особенно. Один польский пастор сказал на рубеже 70–80-х годов: именно тогда, когда кажется, что ничего не зависит от человека, все зависит именно от него, от свободного выбора и силы этого слабого существа. Свобода оказывается самым тяжким бременем. Крайности встречаются в одной точке – сингулярной социальной точке, которая и есть человек. Встреча крайностей означает новый Большой Взрыв, новое развитие новой системы. Какой она будет – зависит от усилий человека на рубеже XX–XXI вв., от его возможностей. Выше говорилось о целом ряде логико-исторических тенденций, которые несут человеку, по крайней мере европейскому, мало хорошего. Однако следует помнить: это – тенденции. Их реализация – вообще или в максимально отрицательном виде – не является автоматически гарантированной (хотя именно негатив чаще всего имеет место в Истории). Будущее, однако, не дано в настоящем, оно лишь намечено в нем, а потому носит вероятностный характер. Субъект есть главная мера этой вероятности – и тем в большей степени, чем слабее системность (генезис, упадок).

Научиться жить без оптимизма с его иллюзиями и без пессимизма с его страхами, жить, не пугаясь звона Колоколов Истории и не впадая ни в отчаяние, ни в исторический мазохизм, – вот, пожалуй, задача, которая остро стоит в конце Третьей Эпохи. В XXI в. победит «идеология», она же – «религия»; в кавычках – потому что это не будет ни идеология, ни религия, ни наука, а какая-то иная форма организации знания, для которой у меня нет термина, способная решить эту задачу. Здесь возникает проблема формы нового знания, выражающей некое **положительное** содержание, а не работающей по негативу: не то и не это. Сами попытки размышлять о нынешнем мире в адекватной ему форме остро ставят проблему научной дисциплины и жанра, которую я остро ощутил, работая над данной книгой. И дело здесь не в популярности изложения, хотя я и стремился писать по возможности просто (правда, как говорил мой покойный учитель В.В.Крылов, «есть вещи, о которых можно сказать только одним способом – сложно; по мере привыкания люди назовут это простым»). Но повторю, дело не в простоте, хотя опять же я готов подписаться и под словами, сказанными У.У.Ростоу по поводу самой знаменитой и читаемой из его книг: «Взгляды, выраженные здесь, могли бы быть разработаны в обычной форме научного трактата большого объема с большим числом подробностей и большой академической изысканностью. Но должна быть некоторая польза и в кратком и простом изложении новых идей».[64]

И тем не менее вопрос не в простоте или сложности, а в жанре и «дисциплинарной принадлежности». Точнее, в том, что внешне кажется вопросом жанра, но по сути представляет собой более широкую, глубокую и сложную проблему. Сам по себе вопрос: к какому жанру относятся «Колокола Истории» может быть интересен для самого автора, читателю до этого нет дела. Однако за спецификой жанра в данном случае скрывается специфика знания. Эта книга не есть ни научная монография в строгом смысле слова, ни эссе, ни трактат, ни публицистический очерк. В самом широком смысле это размышления, в которых автор чувствовал себя свободным выбирать и анализировать такие темы, которые кажутся ему интересными, важными и тесно, системно связанными друг с другом, нередко вытекюшими одна из другой. Речь идет о некоей форме, в которой выразилось **то** , что хотел сказать автор и **как** он это хотел сказать, т. е. о форме, в которой исходно, сознательно нарушены определенные границы, правила и принципы конструкции. Я думаю, это соответствует русской традиции, точнее продолжает в сфере рационального знания традицию, выработанную великой русской литературой XIX в.

Говоря о жанровом своеобразии «Войны и мира» – произведения, которое как только не называют: и романом, и эпопеей, и романом-эпопеей, Л.Толстой заметил: «Что такое

---

64 1) Ростоу У.У. Стадии экономического роста. – Нью Йорк: Изд-во Фредерик А.Прегер, 1961. – С.8. Ростоу впоследствии действительно превратил отдельные главы «Стадий роста» в научные трактаты, монографии для специалистов.

«Война и мир»»? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то. что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось (подч. мной. – А.Ф.). Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Путина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает ни одного примера противного»[65]1) (подч. мной. – А.Ф.). И действительно: «Евгений Онегин» – роман в стихах. «Мертвые души» – поэма. А произведения Достоевского – что это? Литература? Философия? Дневник? То, что великая русская литература XIX в. постоянно нарушала европейские **формы** – не случайно. Напомню, что она – единственная современная (modern), но антикапиталистическая или даже «внекапиталистическая» литература. В этом (но только в этом!) смысле она типологически соответствует коммунизму (кстати, как и коммунизм, она была и отрицанием самодержавия).

Русская реальность XIX в. не вписывалась, как мировая (включая и русскую) реальность ныне, в сетку западных литературных и научных форм.

В который раз мы сталкиваемся с ситуацией: то, что в XIX – начале XX в. было проблемой России, в конце XX – начале XXI в. становится мировой проблемой. В XIX в. Россия должна была создать форму художественного изображения русской реальности, адекватную этой последней. «Любой опыт, исходящий из России, – писал И.Бродский, даже отраженный с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхности. Безусловно, память одной цивилизации не может и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести отрицательные реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий». Так дело обстоит, естественно, не только с английским, но и с немецким, французским и другими языками – Бродский вообще имел в виду не язык как таковой, а западную форму понимания и знания. Речь, разумеется, не об этно- или культуроцентризме Бродского и автора этих строк. Речь – о другом: о рациональном самопознании в понятиях, имманентных собственному историческому опыту, а не привнесенных извне.

Задача создания формы научной рефлексии и саморефлексии, рационального познания и самопознания, адекватного реальности, стоит не только перед нами в России и перед теми, кто изучает Россию, но и перед миром в целом, включая капитализм, Запад (Север), который не может более правильно понимать самого себя сквозь капиталоцентричную же призму, который не видит самого себя в привычном зеркале – зеркало треснуло и замутилось, вместо ясного отражения – дымка.

У великой русской литературы, у Пушкинского Дома, созданного несколькими десятками «лишних людей», есть чему поучиться: прежде всего подходу к реальности и методу ее фиксации, свободным от заданных капитализмом, западными традициями форм. Свободе по отношению к жестким сеткам знания, отражающим структуру капиталистического общества и несущим в себе и на себе, бремя опыта развития Европы и **его** (само)осмысления. С точки зрения изучения нынешнего мира, не старая Европа, полураздавленная этим бременем, привлекает меня, а та Европа,

«… где малыш
В пахучих сумерках перед канавкой сточной,
Невольно загрустив и вслушиваясь в тишь,
За лодочкой следит, как мотылек непрочной».
(А.Рембо «Пьяный корабль», перевод Д.Самойлова)

---

[65] 1) Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Поли. собр. соч. – М., 1955. – Т.16. – С.7.

Только субъектное и свободное рациональное знание об обществе научит людей не бояться звона Колоколов Истории. Научит жить без надежд на вознаграждение, потому что быть человеком – это и есть самая большая награда. Жить без иллюзий, потому что жизнь и есть лучшая из иллюзий. Жить, не идеализируя прошлого, не ропща на настоящее и не пугаясь будущего. Научит мужеству быть и мужеству знать. Знать и **быть** человеком, человеком, свободным от пораженчества. Быть и **знать** , что все зависит от Человека, тем более тогда, когда рушатся Социальные Миры и звонят Колокола Истории.

“БИГ ЧАРЛИ”, ИЛИ О МАРКСЕ И МАРКСИЗМЕ:

ЭПОХА, ИДЕОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ

(К 180-летию со дня рождения К. Маркса)

Русский исторический журнал. – М., 1998. – Т.I, № 2. – С. 335-429

1. “Биг Чарли” – непобедитель, получивший все?

Карл Маркс. Марксизм. Марксизм-ленинизм. Еще пятнадцать лет назад без этих слов невозможно было представить нашу жизнь. Они пронизывали ее, врываясь со страниц газет, книг, учебников, названий улиц, портретов, транспарантов, лозунгов. Они были фоном нашей жизни – как красный цвет. Но вот минуло полтора десятилетия – и будто не было. Произошло очередное в нашей истории отречение от старого мира, причем первыми от этого “марксистско-ленинского мира” отреклись, как и положено, его апостолы – кто отрекся, а кто и продал, как Иуда.

В любом случае Маркс и марксизм (о Ленине разговор особый) – ныне это для большевиков прошлое. Sic transit gloria mundi. По крайней мере, так gloria transit в России, где одно из основных качеств народа, популяции – забывать. Забывать события и структуры нашей истории, прежних героев и злодеев – не только давних, но и буквально вчерашних. Так произошло и с Марксом. Ну что же, может, оно и к лучшему. По крайней мере, в том смысле, что теперь, когда утихла брань, перекрывшая прежний восторг, можно в условиях относительного спокойствия, на дистанции – пока еще довольно короткой, но все же дистанции, а следовательно, дистанцированно, отстраненно начать разбираться, что такое марксизм как социальная теория и идеология, что такое “марксизм-ленинизм”, “марксистско-ленинская идеология” и т.д.? Каково место, роль и значение этих явлений и самого Маркса в XX в., в Современности (Modernity – 1789-1991 гг.), в Капиталистической Системе, в Европейской цивилизации.

Кто-то может сказать: а не слишком ли широкомасштабно, высоко и круто? Не слишком. Кого можно поставить рядом с Марксом – по значимости, по степени влияния на события, на ход истории? Начнем с XX в.

Обычно в книгах и альбомах, посвященных XIX в., портрет Маркса – в первой пятерке. Пятерка чаще всего выглядит так: Наполеон, королева Виктория, Дарвин, Маркс, Бисмарк. Люди, конечно, знаковые и в этом смысле очень достойные. И все же. Наполеон – это не столько сам XIX в., сколько вход в него (1789-1815 гг.). Значение Наполеона, хотя он увенчал Великую французскую революцию и придал ей экспортную форму, хотя он и попытался, как заметил Ф.Фехер, провести социальный эксперимент – создать гражданское общество без демократии, т.е. первый авторитарный режим в строгом смысле слова, все же в целом не выходит за рамки XIX в., ограничивается им. Сама форма авторитарности – бонапартизм – была очевидно девятнадцативековой. Более того, будучи обращен к XIX в. и в XIX в. как бонапартист и “экспортер революции”, в других важных отношениях Наполеон был обращен в сторону XVIII в., спиной к XIX. Одно из ключевых слов XIX в. – “идеология”. Но именно идеологию и идеологов не жаловал Наполеон. Нет, скорее он венчал предшествующую XIX в. эпоху – как Гегель, Гёте, Бетховен и наш Пушкин, чем начинал новую, скорее писал эпилог к XVIII в. и пролог к XIX в.

Еще более ограничено значение королевы Виктории. Это ультрадевятнадцатый век. И хотя правила она с 1837 аж до 1901 г., т.е. захватив почти всю эпоху пика британской гегемонии (1815-1871) и значительную часть преимущественного доминирования “туманного Альбиона” (1871-1914), “въехала” в первый год XX столетия; викторианская эпоха – это 1840-е – 1860-е годы. С 1870-х годов начинается новая эпоха, если не отрицающая “викторианский век”, то, по крайней мере, существенно отличающаяся от него. Это – эпоха Бисмарка. Вот этот

человек, безусловно, пережил свое время – последнюю треть XIX в. И хотя незадолго до смерти, осматривая гамбургские верфи, он несколько раз проговорил, что перед ним другой, совершенно другой мир, через “длинные двадцатые” (1914-1934 гг.), он тянется к “третьему райху”, хотя, конечно, второсортным политикам из “Веймар и К°” и закомплексованным вождям райха далеко до “железного канцлера”.

Чарлз Дарвин. Человек, которому Маркс хотел посвятить “Капитал”. Он тоже немного “вылезает” из “короба” XIX в. Но, на мой взгляд, очень немного.

Что касается Карла Маркса, то, оказавшись во многих отношениях квинтэссенциальной фигурой XIX в., он не только протянулся в XX в. дальше всех своих “коллег по великости” – по сути, до 1960-1970-х годов (“молодежная революция” в 1968-1970 гг. в Первом мире, иранская революция 1979-1980 гг. в Третьем мире). Более того, в XX в. его “знаковое присутствие” на десяток лет больше, чем в XIX (1848-1950)!

Дело, однако, не только в количестве, но и в качестве, в многогранности. Я имею в виду следующее: Дарвин – это сфера биологии, научного мировоззрения в целом, некоторое влияние на социальные идеи (общественная жизнь как борьба за существование). Наполеон и Бисмарк – политика и война, хотя Наполеон – революционер и универсалист, а Бисмарк – контрреволюционер и националист. Виктория – это тоже политика, хотя скорее символически, чем реально. Реальную политику делали другие – Дизраэли, Гладстон.

Маркс… это почти все. Это идеология, это политика, это социальное движение, бунт, это наука и научное мировоззрение, это революция. И, конечно же, символ, знак, который в своих знаковости и символичности оказался намного сильнее Виктории, а также Наполеона, Дарвина и Бисмарка, возможно даже вместе взятых: никто из них так не попал в XX в.; никто из них не стал так известен за пределами Европы. Все люди, о которых шла речь, были европейцами, и их историческое значение не вышло за рамки Европы. Маркс был первым европейцем современной (modern) эпохи (1789-1991 гг.), чье значение имело не только общеевропейский, но и общемировой или, как любят говорить теперь, глобальный характер. Правда, мне больше нравится слово “всемирный”, оно менее специфично, чем “глобальный”, а потому в данном контексте более уместно. Можно сказать, что Маркс как фигура и “знак” родился одновременно с всемирной историей. Всемирная история, писал сам Маркс, существовала не всегда, она возникла в самой середине XIX в. Точнее, это было начало ее рождения. Само рождение заняло двадцать бурных лет – “длинные пятидесятые”, 1848-1867 гг. Это двадцатилетие, начавшись “Манифестом Коммунистической партии” и революцией 1848 г. в Европе и окончившись реставрацией Мэйдзи в Японии и “Капиталом”, вместило в себя.

В XX в. с Марксом по глобальности, всемирности значения и значимости, может конкурировать только Ленин. Но Ленин – это, как, например, Фрейд или Эйнштейн, XX в., и только XX в. Маркс же – это и XX в., и век XIX. Это Современность в целом. Или, по крайней мере, бóльшая ее часть.

Конечно, помимо известного за пределами Европы и России во всем мире, Ленина можно вспомнить еще двух русских – Толстого и Достоевского. К тому же, начав в XIX в., они, в отличие, например, от Бальзака и Диккенса, шагнули в XX в. и во многих отношениях обусловили его, а следовательно, и Современность в целом. Но обусловили в гораздо более узкой, чем Ленин и тем более Маркс, сфере – литературе. Можно вспомнить и Ницше, оказавшего большое влияние на XX век, но влияние это оканчивается европейской зоной. Нет, Маркс все же суперчемпион. И не только по линии двух последних веков по отдельности и вместе взятых.

Маркс – отец-основатель научного антикапитализма и в этом смысле – ключевая фигура всей капиталистической эпохи, всей истории Капиталистической Системы. В капиталистической системе марксизм как идеология занимает нишу, эквивалентную той, которую сначала в Римской империи, а затем в Европейской цивилизации, в субъектном потоке исторического развития[1] занимало христианство. Думаю, что в последние полтора века в христианском мире Маркс – вторая по значению и известности фигура после Христа. Если же говорить о нехристианском мире, то, думаю, здесь известность и значение Маркса как фигуры и знака не уступает или почти не уступает в XX в. Христу (подчеркиваю: сравниваю не личности – фигуры и “знаки”). В пользу подобного сопоставления и сравнения высказывается и Б. де Жувенель. Отличая решающую роль Маркса в развитии

европейского массового сознания последних трехсот лет, он пишет, что аналогом мощнейшему посмертному существованию Маркса являются только основатели великих религий[2].

Несколько снижая планку, установленную для Маркса де Жувенелем, Д'Амико пишет, что именно Маркс находится у истоков современных представлений о том, что такое общество, именно он задал новые направления для социальных исследований[3].

Как знать, не замыкает ли Карл из Трира линию универсалистских пророков, чертить которую начал Иисус из Назарета. "Бородатый Чарли" с его мефистофелевской копной волос и почти демонической внешностью[4] как последний пророк – не слишком ли это? Но ведь даже антихрист – это Христос со знаком минус. К тому же под определенным углом зрения Маркса отделяют от Христа всего лишь несколько сантиметров: Христос указывал на сердце и говорил, что все там и все оттуда. Маркс переместил перст на десяток сантиметров и возразил: нет, все здесь и отсюда – из желудка. Не является ли марксизм в этом смысле ожелудочиванием христианства и человека? Это далеко не худший вариант, поскольку Фрейд сместил "центр тяжести" еще на сколько-то сантиметров вниз, генитализировав человека. Шутки шутками, но Маркс, кажется, действительно самый известный европеец. Или, по крайней мере, был им в течение почти ста пятидесяти лет. Хотя в какой-то миг XX в. с серьезным "Большим бородатым Чарли" по известности мог соперничать смешной "Маленький Чарли" с усиками (вплоть до того, что вьетнамская секта, "религиозно-политическая машина" Као Дай ввела Чаплина в пантеон своих святых). Забавная пара. Почти по Галичу:

Покойник пел, а я играю,

Могли б составить с ним дуэт.

Конечно, Маркс, этот бородатый витальный еврей-выкрест из Трира, стремящийся изжить, преодолеть свое еврейство как социокультурную характеристику, был неприятным субъектом: конфликтный, злобноругучий, тщеславный, интриган (впрочем, не очень успешный). Все так. Однако – гений, гении часто неприятны, каждое приобретение есть потеря. Одна из центральных фигур XIX в., Современности, Капиталистической эпохи (и мировой капиталистической системы), Европейской цивилизации как христианской.

Но почему? Ведь Маркс не преуспел во многих своих ипостасях, в каких-то просто проиграл, провалился, не вышел победителем. Непобедитель получает все? Как так?

Действительно, в качестве политика Маркс провалился. "Интернационал" не сработал, и выходец из Трира так и не стал Карлом Великим международного рабочего движения. А ведь хотелось. И как хотелось.

Не сбылось.

К тому же и репутация Маркса по ходу борьбы за власть в "интернационалке" оказалась подмоченной. Это была работа главным образом русских – Бакунина, Герцена, которых Маркс ненавидел и в борьбе с которыми средств не выбирал. Марксу мало было игры – интеллектуальной, игры, приносящей удовлетворение интеллектуалу. Ему хотелось – Власти. Похоже, она завораживала его, подобно тому, как Кольцо – "Precious" – завораживало толкиеновского Голлума. Во многих отношениях Маркс был завороженным странником власти, и это рикошетом ударило по его идеям, теориям, их качеству. Г.Манн писал, что Маркс – это первоклассный автор, который втиснул свой ум в одну узкую колею и всю мировую историю хотел запихнуть в эту колею, которой следовал его ум[5]. А ум следовал за желанием.

…Хочу быть вождем – пророком мировой революции, мессией пролетариата. Поэтому великая пролетарская революция, которая радикально изменит мир, должна произойти. Я хочу изменить мир, прежние философы только описывали его, теперь пришла пора изменить. Революция не может не произойти. И не только потому, что Я хочу этого, а по объективным Законам Истории, открытым мной. Логика капитализма и наличие феномена буржуазных революций – вот два фактора, единство и противоречие которых гарантирует искру пролетарской

революции, ее победу и создание мирового правительства. Во главе с лидером мирового пролетариата…

Так или примерно так, сознательно и (или) подсознательно (привет от еще одного еврейского пророка и научного мифотворца, не очень уж сильно разминувшегося с Марксом хроноисторически) мог рассуждать доктор Маркс, вступивший в союз с Дьяволом Истории – Разрушением, Раздором, поставившим на него[6].

Личностная (для Маркса), а не только логическая (теоретико-историческая) необходимость революции, придававшая смысл жизни трирца и, по-видимому, многое компенсировавшая в этой личности, требовала научного обоснования мифа, порожденного Великой французской революцией, требовала научного мифа. По иронии истории научный революционно-капиталистический миф Маркса появился тогда, когда условия, породившие социальный миф, исчезли. Наука, сциентизм у Маркса заменили реальность и функционально стали мифом.

Разумеется, всякий миф, даже научный, искажает реальность. Или заставляет искажать, что еще хуже. Он заставляет нарушать логику собственной теории, принося ее в жертву "человеческому, слишком человеческому", – ведь писал же Маркс, что ничто человеческое ему не чуждо. Результат? Например, появление в работах Маркса концепции "буржуазной революции" (как предшественницы, предтечи революции пролетарской), которая, как убедительно показал Дж.Комнинел[7], нарушает логику Маркса в подходе к буржуазной реальности, не вписывается в эту логику, по сути – концепция некритически заимствована им по политическим причинам у либеральной мысли.

Примеры нарушения собственной логики как возмездия за погоню за мифом – социальным и личным – можно множить, однако здесь в этом нет нужды. Ясно одно: обуживание, зауживание мысли приводит к плохим результатам – и тем худшим, чем мощнее мысль. А ведь Марксу приходилось зауживать себя не только по политическим причинам, но и, так сказать, по интеллектуально-коммуникативным.

Итак, революция, о необходимости которой все время после 1848 г. говорил Маркс, не произошла, а ведь на 1849 г. он предрекал – ни много, ни мало – восстание французских пролетариев и мировую войну! Wishful thinking. Та революция, что произошла, – Парижская коммуна, удручила и испугала: парижские пролетарии и люмпен-пролетарии улыбнулись смертельной улыбкой, и доктор Маркс напугался[8].

Рабочий класс Европы обманул герра доктора, оказавшись не столь революционным и вполне успешно интегрировавшимся, вписывающимся в буржуазное общество – то самое, могильщиком которого предписали ему быть своим "Манифестом" "ученые товарищи Маркс и Энгельс". Пророчества Маркса не сбылись. В XIX в. не сбылись. А в XX –сбылись. Или, точнее, показалось сбылись – спасибо ученым товарищам Ленину и Троцкому – в России в 1917 г. После этого Маркс-пророк начал триумфальное шествие как сам по себе, так и на советских танках по дорогам Европы, пешком по долинам и взгорьям Китая, джунглям Вьетнама и т.д., пока не "налетел" на французских студентов, Че Гевару и аятоллу Хомейни.

И все же репутация пророка не была тесно связана с самими пророчествами Маркса. Ленины и троцкие побеждали не в соответствии с логикой и пророчествами Маркса, а во многом вопреки им. А выглядело, будто в соответствии с ними. На таком фоне забывались, казались неважными и многие ошибочные прогнозы и суждения Маркса. Как тут не вспомнить замечание Г.Манна о том, что Маркс был эффективен и до сих пор остается таким, хотя его работа принесла не те результаты, которые он обещал[9].

Маркс-философ? У Маркса, безусловно, была некая философия. Но можно ли назвать его философом? Спорный вопрос. Думаю, в целом удачно ответил на него Р.Хейлброунер, отметивший, что хотя марксизм – не философия, Маркс – не философ, но у его системы, бесспорно, есть философские основания[10]. Осмысление социальной действительности с философских позиций – так охарактеризовал подход Маркса Э.Гулднер в своей книге "Два марксизма" (1980). Обо всем этом можно спорить. Однако, бесспорно, что Маркс не создал новой философии. Правда, после Гегеля философия в строгом смысле слова, пожалуй, действительно могла развиваться лишь по пути Шопенгауэра и Ницше – подобно тому, как, например, действительным развитием живописи после

изобретения дагерротипа мог быть, пожалуй, лишь импрессионизм. Наследники философии (включая гегелевскую) по прямой оказались эпигонами и имитаторами. Маркс избежал этого. И все же он не стал философом. Точнее: избежал, потому что не стал.

Как экономист Маркс во многом устарел уже к концу XIX в., что неудивительно: экономически “мир Маркса” перестал существовать к концу XIX в. И уже Бем-Баверк, этот “австрийский Маркс”, убедительно критиковал различные аспекты теории Маркса. Критиковали и другие. Критиковали по-разному и за разное. В том числе и за трудовую теорию стоимости. Необходимо признать, что, несмотря на эрудированность прежде всего в экономической (политико-экономической) области, Маркс оказался наиболее уязвим (и наименее интересен) именно как профессиональный экономист. Прав Ж.Бодрийяр, считающий, что Маркс так и не смог довести до конца критику классической политэкономии[11], хотя связано это не только с экономической теорией Маркса. Впрочем, в слабости Маркса как экономиста я готов усмотреть и его силу, или, скажем так, эта слабость в качестве профессионального экономиста есть проявление силы Маркса, того главного в нем, в его теории, что делает его интересным и перспективным и в наши дни.

Я рад, что не один так думаю, а в хорошей компании, например, с Й.Шумпетером, чью точку зрения по причине ее афористичности имеет смысл привести на языке оригинала. Назвав Маркса гением и пророком, Шумпетер заметил: “Geniuses and prophets do not usually excel in professional learning, and their originality, if any, is often clue precisely to the fact that they do not”[12].

В другой работе Шумпетер прямо говорит о том, что для него самое важное не качество экономических исследований Маркса как узкого специалиста, а его общая проницательность как человека, мыслителя; не столько сам экономический анализ и его результаты, сколько преданалитический познавательный акт[13].

Преданалитический акт – это, прежде всего, общий метод, теоретический подход, общая, а не специализированно-экономическая, а социально-историческая теория – разумеется, у кого она есть. У Маркса была, и уже это хороший ответ тем, кто обвиняет его в экономцентризме и экономдетерминизме. Маркс довольно рано понял, что экономическая теория сама по себе не может объяснить долгосрочного экономического развития, как сказали бы теперь, экономического развития в longue duree; long run economics должна обладать историческим измерением, т.е. должна быть элементом более широкой и качественно более сложной и многомерной теории, чем экономика с ее одномерным homo oeconomicus. Как заметил все тот же Шумпетер, среди первоклассных экономистов Маркс был первым, кто понял, как можно превратить экономическую теорию в исторический анализ “и как исторический нарратив можно превратить в histoire raisonnée… Это также отвечает на вопрос… насколько экономическая теория Маркса увенчалась успехом в реализации его социологической системы (set-up). Она не увенчалась успехом; в этой неудаче (и этой неудачей) она формирует (establishes) цель и метод”[14].

Шумпетер, конечно же, прав в том, что сила Маркса – в его методе, в его научной программе, основанной на принципах историзма и системности, в его социально-исторической теории. Но прежде чем говорить о программе, теории и методе Маркса, необходимо начать с проблемы идеологии вообще и марксизма в частности, поскольку теория Маркса тесно связана с определенной идеологией. В свою очередь, проблема идеологии (и связанной с ней теории) влечет за собой проблему эпохи. Итак, теория (научная программа), идеология и эпоха. Начнем с эпохи.

2. Эпоха: концы и начала

Эпохи часто являются в большей степени ключом к системам идей и теориям, которые в эти эпохи возникают и которые, помимо прочего, призваны их объяснить, чем эти теории и идеи – ключом к самим эпохам, “ибо не знает человек времени своего” (Экклезиаст).

Гераклитовское “борьба – отец всего” в большей степени отражает реальность малоазийских греческих городов, чем объясняет ее; равновесные модели Т.Парсонса и неравновесные модели И.Пригожина прежде всего

социоморфически отражают свое время, а уж затем “объясняют” его. Понять мыслителя, его теорию – это, прежде всего, понять время, эпоху, а еще лучше, если возможно, почувствовать их.

Развитие Маркса как человека, мыслителя, ученого пришлось на две тесно связанные, но очень разные эпохи европейской и мировой истории. Фундамент был заложен в двадцатилетие 1830-1840-х годов (а внутри него – особенно в 1840-е), венчавшее “эпоху революций” (1789-1848), или, как выразился А.Токвиль, “шестидесятилетнюю революцию”. Как человек и мыслитель Маркс, а следовательно, и его представления, взгляды, ценности – все, что входит в “преданалитическую деятельность”, хотя и не исчерпывает ее, все, что обусловливает “первый метафизический шаг”, сформировался в основном в 1830-1840-е годы. В этом смысле можно сказать, что Маркс сформирован революционной эпохой, эпохой рождения, генезиса, зари Современности; он – “революционно-утренний” человек Современности. И хотя у Маркса, в отличие от его старших современников, например Гейне, не было непосредственного опыта наполеоновской эпохи – в лучшем случае Маркс лишь мальчиком мог уловить ее уходящий аромат, тем не менее, наследуя эпоху в целом, он наследовал и этот ее героико-романтический, индивидуалистический (“наполеоновско-байронический”) “сегмент” помимо революционно-массового.

Доформировывался Маркс в “длинные пятидесятые” (1848-1867), трудясь над рукописями, которые в 1867 г. отлились в “Das Kapital”. Это была уже другая эпоха, по-своему более острая и насыщенная, чем 1830-1840-е годы. Выражаясь языком Маркса, 1850-1860-е годы представляли собой эпоху уже формационного капитализма, т.е. собственно капиталистическую эпоху, ее довольно бурное начало. И все же повторю: фундамент в развитии Маркса был заложен на входе в (формационный) капитализм, на его пороге, а не самим капитализмом, или, по крайней мере, далеко не только им, что обусловило как сильные, так и слабые стороны социально-исторической теории Маркса.

Что же это было за время – время Маркса? Чем и какими были два двадцатилетия, сформировавшие его самого и, хронологически вместившие две трети его жизни, его теорию? Оба двадцатилетия, безусловно переломные, особенно 1830-1840-е, с которых я и начну. 30-40-е годы XIX в. стали временем великого перелома (не в сталинском, разумеется, смысле), многостороннего и многоуровневого кризиса западноевропейского общества, который изменил жизнь не только Европы, создав, выковав из нее “Запад”, но и “земной цивилизации” в целом, породив всемирную историю, а вместе с ней надежды и мечты, оказавшиеся в большинстве своем иллюзиями. Но в то время об этом еще не знали. Маркс был сыном того времени, крайне противоречивого. И Маркс своей личностью, идеями и трудами он отразил и выразил эту противоречивость. Он и сам – как мыслитель, политик – был очень красноречив, этот Антихрист буржуазии и Христос пролетариата, что, по-видимому, во многом и является залогом его интеллектуального бессмертия. Или, скажем так, практического, виртуального бессмертия, которое, по-видимому, прямо пропорционально “плотности” противоречий, воплотившихся, сконцентрировавшихся в том или ином человеке и тем более мыслителе.

Прежде всего, 1830-1840-е годы венчали внутриформационный, как сказал бы Маркс, т.е. структурный, а не системный кризис капиталистической системы. Это был кризис, экономически связанный с переходом от ранней, мануфактурной стадии к зрелой, промышленной, когда формируется адекватная капитализму как исторической системе (формации) индустриальная система производительных сил, когда происходит становление капиталистического общества в строгом системно-историческом (формационном) смысле этого слова.

Политически кризис был связан с переходом от структур, институтов Старого Порядка (Ancien Regime) к тому, что К.Поланьи назовет “цивилизацией XIX в.”. И хотя А. де Токвиль отметил многие черты преемственности между дореволюционной и послереволюционной Францией, а А.Майер[15] показал, что Старый Порядок сопротивлялся вплоть до 1914 г., тем не менее различие между Европой до 1789 г. и после 1848 г. неоспоримо и очевидно. Как очевидной стала в середине XIX в. задача создания принципиально новых институтов социально-политического контроля вместо “старопорядковых”, оказавшихся неадекватными формирующемуся индустриально-массовому обществу. Отсюда в конечном счете легализация политической оппозиции в капиталистическом обществе – черта, принципиально отличающая это общество от всех прочих[16].

Социально кризис был обусловлен сдвигом от аграрного, “группового” общества к урбанистическому, массовому.

Во-вторых, 1830-1840-е стали кризисом не только с формационной, но и с общесоциальной точки зрения, т.е. кризисом в развитии западноевропейского общества в целом. Если революционная эпоха 1790-1840-х годов была переходной от одной структуры капиталистической системы к другой, то “хвостик” самóй этой эпохи – 1830-1840-е годы – стал, в свою очередь, переходом от революционной, “межструктурной”, промежуточной эпохи к новому структурному состоянию, или, как сказал бы Э.Хобсбаум, transition from “the age of revolution” to “the age of capital”. Этот переход, помимо прочего, предполагал превращение “опасных классов” (dangerous classes, classes dangereux) Великобритании и Франции, которыми тогда ограничивался “авангард прогресса”, в “рабочие классы” (laboring classes, classes laboreux). На повестку дня была поставлена задача их “деданжеризации”, превращения в формационно-капиталистический рабочий класс, относительного социально-политического замирения. Маркс ошибочно принял за “рабочий класс” именно “опасные классы”; за агента капитализма – агента революционной эпохи, предшествующей формационному капитализму, агента, который уходил в прошлое вместе с революционно-романтической эпохой, таял, подобно силуэтам с романтических полотен Каспара Давида Фридриха, оказываясь исчезающей натурой европейского общества той поры[17].

В-третьих, 1830-1840-50-е годы оказались водоразделом, переломным, кризисным временем в истории европейского исторического субъекта, европейской цивилизации. За этот отрезок времени локальная Европа стала феноменом мирового уровня – Западом, Западом Все-мира, европейский meum превратился в мировой универсальный verum, а европейский универсалистский, исторический субъект обрел универсум, мир в целом как locus operandi и field of employment, что впервые в истории обеспечило адекватную ему производственно-географическую форму, превратив саму историю во всемирную.

Превращение, о котором идет речь в данном случае, является настолько важным и глубоким, что о нем следует сказать несколько подробнее. Дело в том, что цивилизационность как качество исходно, генетически ограничено некими пространственными рамками; цивилизационность – качество локальное и, что еще важнее, локалистское. Европейская (западная, “франкская”) цивилизация, которая начала возникать с христианством во времена поздней античности и оформилась с рождением готики (хотя это, разумеется, спорная датировка), исходно была универсалистской. В этом смысле она никогда не была локалистской и существенно отличалась от локальных цивилизаций, будь то китайская или индийская, в которых субъект социально вообще не фиксировался, или античная, где субъект был коллективным и локальным (полис). Можно говорить о локальной ограниченности, но не о локальном характере (локализме) Европейской цивилизации.

Несмотря на то что с XII в. Европейская цивилизация начинает расширение, пульсирующую экспансию – и это тогда, когда другие цивилизации в целом прекратили территориальный рост, приведя в соответствие свои локальные границы и характер, – до первой трети/середины XIX в. Европа качественно остается локально ограниченной системой. Только капитализм на его промышленной стадии позволил ей производственно, социально-экономически устранить локальные ограничения или сделать их незначимыми, охватить весь мир, сделать мир своим locus operandi. Только промышленный (“формационный”) капитализм позволил европейскому историческому субъекту обрести адекватную ему форму – Универсум, сняв противоречие между универсалистским содержанием и локально-ограниченной формой, между универсалистской субъектностью и цивилизационностью как качеством, как локалистской системностью или даже структурностью. Не случайно капитализм не создал своей особой цивилизации (прав Х.Зедльмайр, согласно которому последним оригинальным цивилизационным движением Европы было барокко, пришедшееся на “пересменку” формаций, на промежуточную историческую эпоху): он в ней не нуждается. Капитализм располагается на ином, чем цивилизационность, уровне, хотя имеет вполне очевидные цивилизационные корни. Это не есть провал или негативная характеристика капитализма, но его положительное качество[18]. Можно сказать и так: капитализм – это преодоление цивилизационности, это ответ универсалистского исторического субъекта и всем цивилизациям, включая родную европейскую, и цивилизационности как явлению; это социально-экономическое, производственное освобождение универсалистского субъекта от локально-цивилизационных наростов – большинства, или почти всех, как это произошло в США.

Ответ, о котором идет речь, в 1830-1840-е становился все очевиднее, а в 1850-1860-е годы он уже просто проявился в сферах экономики, рынка; европейская мир-экономика вышла на финишный круг превращения в мировую капиталистическую экономику.

Суть в том, что, в-четвертых, кризисная, переломная эпоха в развитии универсалистского исторического субъекта Европы, в развитии Европейской цивилизации, европейского общества в целом была тесно связана с качественными сдвигами в развитии мирового рынка и европейской мир-экономики. Эти сдвиги стали средством и реализации, и преодоления кризиса, о котором идет речь. 1830-40/50-е годы – явились как время превращения европейской мир-экономики в капиталистическую мировую экономику; мировой рынок расширился до глобальных пределов, фактически охватив весь мир. Маркс и Энгельс писали, что в середине XIX в. Европа заново переживает свой XVI в. – в смысле географических открытий, резкого и качественного расширения ойкумены. Количество и масштаб географических открытий конца 1840-1850-х годов превзошли все, что было достигнуто с XVI в., со времен Колумба и Магеллана, мир оказался распахнутым настежь Европой и Европе. Запад (капитализм) взял его в оперативную разработку.

Расширение мира до планетарных размеров, совпадение “мирового” и “глобального” – процесс, который мне хочется назвать “жюльвернизацией мира”, – были достигнуты прежде всего за счет и посредством включения в уже освоенный мир, в мировой рынок той части мира, которую мы теперь называем Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). Последнее произошло путем “открытия” Китая в ходе “опиумных войн”, а также открытия золота в Калифорнии (1849) и в Австралии (1851). Особенно серьезные последствия для мира имело калифорнийское золото – именно оно заставило американцев строить трансконтинентальные железные дороги, выходить на Тихий океан, а затем “открывать” Японию и “замыкать шарик” с запада на восток, надевая на него капиталистический обруч и возвещая начало подлинно всемирной истории. Последняя, как совершенно верно отмечали Маркс и Энгельс, существовала не всегда, а возникла в середине XIX в. То есть тогда, когда мир совпал с “глобусом”, став Все-миром. Заметим: в этом смысле Маркс с его теорией оказывается на грани эпох, в хроноисторическом пограничье – между региональной эпохой и всемирной, между эпохой локусов и регионов, с одной стороны, и мировой (всемирной) системы – с другой.

За превращение во всемирную Истории пришлось заплатить. В течение двадцати лет после 1848 г. (1848-1867 гг., “длинные пятидесятые”) она впервые испытала синхронное всемирное потрясение, одновременный (или даже одномоментный – в исторических масштабах) шок как реакцию на объединение, сжатие. Капитализм надавил, и мир – теперь единый, жюльвернизированный, засопротивлялся – сразу и почти во всех своих частях. За революцией 1848 г. последовали установление Второй империи во Франции (1851), Крымская война (1853-1855), отмена крепостничества в России (1861), польское восстание (1863), начало объединения Италии и Германии (1860-е годы), гражданская война, победа промышленного Севера над аграрным Югом и отмена рабства в США (1861-1865-е годы), сипайское восстание в Индии (1857), тайпинское восстание в Китае (1850-1864), начало реставрации Мэйдзи (1867) – последняя, конечно же, не была буржуазной революцией, что пытались доказывать ретивые сторонники “пятичленки”, но открыла путь в эпоху, в которой буржуазные преобразования стали возможны.

В том же 1867 г. исключительно важные изменения произошли в Англии, но мы вернемся к ним чуть позже, а сейчас отметим, что включение в контролируемый Европой мировой порядок Восточной Азии (главным образом Китая; Япония сначала была включена лишь политически) и открытие золота в Америке и Австралии стали тем средством, с помощью которого европейская экономика, ее наиболее промышленно развитая часть вышла из кризиса и таким образом смогла довольно быстро преодолеть потрясения революции 1848–1849 гг. В этом смысле можно сказать, что начало формирования того, что теперь называют АТР, как финальная фаза становления системы капитализма как мировой, а истории – как всемирной, было результатом поисков выхода европейского капитализма из кризиса и обнаружения этого выхода за пределами Европы. Кризис был вытеснен, вынесен за европейские пределы. И последствия не замедлили явиться. Наступившие “длинные пятидесятые” стали поистине мировым потрясением, синхронизацией (при определенной внутренней связи) целого ряда кардинальных изменений. Они прокатились с запада на восток и, обогнув земной шар, вернулись с востока на запад, причем экономически – уже в 1857 г. Вытеснив кризис за свои пределы, сделав его полем мир в целом и историю как

всемирную, “изобретя” планетарный мир и всемирность истории как средство разрешения своего внутреннего кризиса, европейское капиталистическое ядро спровоцировало двадцатилетний мировой политический кризис, а ровно в его хронологической середине – 1857-1858 гг. – произошел экономический кризис. Реакция пораженных современников была следующей: “Мир – единое целое (unit), промышленность и торговля сделали его таким”.

Можно сказать, что в “длинные пятидесятые” История впервые испытала миргазм[19], точнее, они стали этим миргазмом. Как правило, миргазмы совпадают с мировыми войнами, но не всегда, “длинные пятидесятые” XIX в. – одно из исключений.

Если экономически потрясения, прокатившиеся по миру, вернулись в Европу, в Англию в 1857 г., то “политический оборот” завершился в 1867 г. Примерно в то же время, когда представители японских княжеств Сацума, Тоса, Тёсю активизировали переговоры о необходимости восстановления власти императора (в ноябре 1867 г. отрекся последний сегун из дома Токугава – Есинобу и фактически реставрация, о необходимости которой говорили даймё и самураи нескольких княжеств, свершилась; формально это произошло в начале января 1868 г.), в Англии один закон исключительной важности был принят и один закон отменен. Принят был “The second reform act” – августовский закон об избирательной реформе, впервые предоставивший избирательные права рабочим, точнее их части; но и этого современникам мало не показалось, не случайно они назвали акт “прыжком в темноту” (“a leap in dark”).

Отменен был “Закон о хозяевах и слугах”, что формально уравняло в правах перед судом предпринимателей и рабочих. Второй системообразующий класс капиталистического общества получил хотя и частичное, но политико-юридическое признание. “Капиталистическая эстафета”, начав свой бег экономическим кризисом в Англии 1848 г., сделала полный оборот вокруг земного шара, достигнув далекой Японии, и развернув даже эту закрытую страну к Западу (“избушка-избушка, повернись ко мне…”), вернулась в Европу, в Англию. Мир стал единым и капиталистическим. Тут-то и подоспел Маркс со своим “Капиталом”. Капиталистический мир? Мир капитала? Извольте – “Das Kapital”. Но мир этого не заметил, по крайней мере сначала – несмотря на все старания и ухищрения “Фреда” Энгельса, писавшего под разными именами разные, диаметрально противоположные по оценке, рецензии на “Капитал”. Цель – привлечь внимание, вызвать дискуссии, пробудить интерес. Не вышло. Но это уже другая тема. Для нас здесь главное, что 1867 г. замыкает некую эпоху, начавшуюся в 1848 г. и превратившую мир в капиталистический. Справедливости ради необходимо отметить, что существуют и другие датировки окончания эпохи превращения Европы в “мир капитализма”, не совпадающие с 1867 г. – “длинных пятидесятых”. Эти даты имеет смысл привести не только с точки зрения интеллектуальной частности и научной пунктуальности, но и потому, что они косвенно проливают дополнительный свет на эпоху Маркса, на ее излет, закат.

3. Возможность других дат конца эпохи – шлейф Истории?

Британский юрист А.В.Дайси считал концом эпохи, начавшейся в 1848 г., год 1870. Он писал, что в 1870 г. в Англии закончилась эпоха индивидуализма и началась эпоха коллективизма[20]. Ясно, что коллективизм связывается и с выходом на политическую арену рабочего класса, и с первыми шагами “деиндивидуализации”, монополизации капитала.

Более сильной и значимой, чем 1870 г. (но не 1867 г.) в качестве даты, замыкающей эпоху, представляется 1871 г. Этот год знаменателен сразу в нескольких отношениях. Начать с того, что это год Парижской коммуны – первого самостоятельного (без буржуазии, антибуржуазного) выступления рабочих и низов в Европе и во Франции в частности. Во Франции, правда, такое выступление пролетариев стало первым и последним, после 1871 г. Париж навсегда выпадает из списков пролетарской или традиционной “старолевой” революционности (но не революционности вообще – был ведь и 1968 г., впрочем, студенческое движение было революционным в той же

степени, что и реакционным, и у нас еще будет возможность поговорить об этом на страницах “Русского исторического журнала”). И хотя французы в 1875 г. провозгласили 14 июля национальным праздником, а “Марсельезу” – национальным гимном[21], это не меняет ни ситуацию в целом, ни ее оценку. Разумеется, этот акт французских властей следует воспринимать прежде всего в событийно-конъюнктурном контексте борьбы республиканцев и роялистов в первой половине 1870-х годов, как символический удар по роялистам. Но был и другой контекст. Факт, что вскоре после кровавых событий Парижской коммуны, когда счет трупов шел на десятки тысяч, буржуазия не побоялась принять в качестве национального гимн со словами:

Allons, allons,

Que sangue impure

Epreuve nos sillons!,

очень красноречив. Помимо прочего, он показывает и убеждает, что эпоха революций со всей очевидностью ушла в прошлое настолько, что буржуазия и ее государство могли присвоить, апроприировать ее символы, сделать их своими. Но это также значит, что к середине 1870-х годов во Франции, да и в других странах Европы господствующий строй, Система в значительной степени интегрировали в себя тот слой, который готов был выходить на баррикады, “дисциплинировали” его (в фукоистском смысле слова, проведя то, что Ф.Карон, правда, для другой эпохи, назвал “l’encadrement de masses”[22].).

1871 год принес французской столице еще одно знаковое и эпохальное “выпадение”. Как заметил А.Хорн, после двух взятий города – Бисмарком и Тьером – Париж утратил роль и качество одного из главных (если не главного со времен Людовика XIV) центров державной имперской мощи Европы[23]. События 1789 г. и особенно 1848 г. дополнили имперско-державный Париж революционными чертами и обликом – до такой степени, что революция и империя переплелись тесным и странным образом, причем не только в национально-ограниченном французском плане, но и общеевропейском.

Так, в 1848 г. “на следующий день после 24 февраля ни один государственный деятель не сомневался в том, что Европа будет потрясена в близком будущем отголоском событий, театром которых только что стал Париж”[24]. Так оно и вышло – революция 1848 г., перешагнув французские границы, стала общеевропейской, а Э.Хобсбаум, хотя и с некоторым эмоциональным перебором, назвал ее потенциально первой глобальной революцией.

В действительности 1789 год не привел к общеевропейскому взрыву (хотя его и опасались, но, в отличие от 1848 г., мало кто ждал его всерьез). Французскую революцию в другие страны принес Наполеон, войны которого, помимо прочего, стали экспортным вариантом французской революции, таким образом загасив ее разрушительный потенциал в самой Франции и использовав его для строительства империи. Спустя десятилетия по похожему пути пойдет Бисмарк, который вступит в союз с германской революцией, чтобы усмирить ее[25] и, “откачав” ее энергию, направить против самой революции и на строительство империи, райха, а также во вне (против той же Франции – исторический ответ “михелей” Людовику XIV и Наполеону).

Бисмарк пошел по иному, чем Наполеон пути – не по имперско-революционному, а реакционно-революционному, по пути удушения революции в объятиях (после того, как в 1848 г. провалилась его попытка организовать реакционный переворот, т.е. достичь своих цепей чисто реакционным путем). Г.Манн в своей “Истории Германии после 1789 г.” противопоставляет Бисмарка и Маркса: первый стремился к подавлению революции, второй – к ее радикализации. У обоих, пишет Г.Манн, ничего не вышло, они были людьми будущего[26], в 1848 г. их время еще не пришло. И это естественно, 1848 год замыкал старую эпоху; для новой “чистые” решения “или – или” не годились, и Бисмарк – практический политик, прагматик, хорошо понял это и поставил революцию на службу нации и государству (империи). Другое дело, что ему пришлось выполнить кое-что из того, что должна была сделать, но не сделала революция, но это уже относится к проблеме соотношения средств и целей.

Бисмарк своих политических целей достиг. А вот Маркс, продолживший прямолинейный революционно-

интернациональный путь и после 1848 г., проиграл, не поняв роли национализма в новой капиталистической эпохе, не связал капитализм и экономические процессы 1850-1860-х годов с национализмом и государством, продолжая судить о национализме с узкоклассовых позиций. Или, по крайней мере, судить на уровне теории. Что касается эмпирических, конкретных на политическую злобу дня, то здесь Маркс оказывается шире своей теории. Например, как заметил У.Коннор, в "Гражданской войне во Франции" Маркс значительное внимание уделил вопросу о роли национального сознания французов[27].

Нужно сказать, что "Гражданская война во Франции" и "18 брюмера Луи Бонапарта" вообще стоят особняком от других рабов Маркса. В них он дал не только экономический, классовый, но и политический анализ ситуации. Более того, характеризуя политику, политическую власть и государство во Франции, Маркс по сути признавал автономный характер развития этих сфер общества, его несводимость напрямую к экономике. В результате его анализ государства во Франции оказывается сходным с таковыми Токвиля и Прудона. Проблема однако заключается в том, что выводы обеих работ, о которых идет речь, остались на уровне ad hoc и не вошли в плоть и кровь теории Маркса.

Возвращаясь к проблеме национализма и пролетариата, отмечу, что это до 1848 г. у предпролетариев не было ничего кроме цепей; это у представителей "опасных классов" не было родины. У пролетариев после 1848 г. появляется родина, т.е. национальное государство. Как показали 1850-1860-е годы, и прежде всего в Англии, к опыту которой главным образом обращался Маркс, борьба пролетариев за экономические и политические права объективно оказалась борьбой и за обретение родины. Классовая и национальная идентичности пролетариев ковались и завоевывались одновременно; более того, они суть две стороны одного и того же процесса. Пролетариат второй половины XIX в., в отличие от предпролетариата XVIII – первой половины XIX в., оформляется как агент национального государства, как национальный отряд – в чем-то в значительно большей степени национальный, чем буржуазия, что и привело впоследствии к краху всех интернационалов, от "марксинтерна" до коминтерна. Бисмарк эту национальную компоненту рабочего класса, возможности ее использования в деле реакции и против революции почувствовал очень хорошо, а Маркс и Энгельс этого не поняли. При том, что конкретно по поводу прежде всего Бисмарка они поняли нечто очень важное, эмпирически зафиксировав принцип "реакция выполняет программу революции" и проиллюстрировав его примерами Бисмарка, Наполеона III и Дизраэли. Зафиксировать-то зафиксировали, а буквально напрашивающихся выводов, которые почти автоматически связали бы "реакционно-революционные" государства-нации-империи с "глобальным капитализмом", родившимся после 1848 г., продемонстрировав их единство как "формы" и "содержания", не сделали. И это лишний раз говорит о том, что Маркс многого не понял в том капитализме, который оформился в промежутке между его "Манифестом" и "Капиталом", продолжая проецировать прошлое на настоящее. Впрочем, в такую ловушку попадают многие мыслители, руководствующиеся мифами и горящие тайными желаниями (власти, например, или привласти, под которые подгоняется интеллект, ratio, оборачивающееся в таком случае в irratio).

Итак, в 1871 г. Париж перестал быть общеевропейским символом революции и имперскости вообще и, что важно для нашей темы, специфической революционности, связанной с 1848 г., и специфической имперскости (Вторая империя), связанной с тем же годом. Однако это не единственная европейская утрата 1871 г. Была и еще одна, не менее, а пожалуй и более, серьезная.

В апреле 1871 г. полковник Джордж Чесни опубликовал в журнале "Блэквудз мэгэзин" полурассказ-полуразмышление "Битва при Доркинге". Речь шла о возможностях успеха немецкого вторжения в Англию. "Битва при Доркинге" и поднятые в ней вопросы обсуждались даже в Парламенте, не говоря уже о более широкой публике. И хотя в следующий раз тема германского нашествия была поднята четверть века спустя в 1895 г. (публикация в 1895 г. "Осады Портсмута")[28], первый удар колокола по гегемонии Великобритании прозвучал. С 1815 г. Британии, хотя и приходившей в себя три десятилетия после наполеоновских войн, никто не мог бросить вызов, тем более подумать о вторжении на ее территорию. Сам факт обсуждения возможности нападения, покушения на территорию своей страны свидетельствует об исчезновении у жителей этой страны психологической уверенности в своей неуязвимости, начало психологического отступления (хотя еще вовсе и далеко не поражения). С Англией это произошло в 1871 г. Таким образом, в 1871 г. мир изменился не только по

революционно-массовой и политической линии (хотя значение Парижской коммуны не стоит переоценивать), но и по международно-государственной. Пик британской гегемонии был пройден, межгосударственная система вступала в очередной период соперничества (1871-1914 гг.), увенчавшийся новой “тридцатилетней” мировой войной (1914-1945 гг.).

А вот другая дата – 1873 г. Дата тоже серьезная, стóящая, ведь в том году произошел крах лондонской фондовой биржи, который Э.Хобсбоум назвал “великобританским эквивалентом краха Уолл-стрит”[29]. Звучит красиво, но не точно: кризис 1873 г., давший старт “великой депрессии” 1873-1896 гг.[30], стал началом конца британской мировой экономической гегемонии, т.е. ступенью по лестнице, ведущей вниз, тогда как кризис 1929 г. был вехой в восходящей гегемонии США, т.е. ступенью на лестнице, ведущей вверх. Несомненно, однако, то, что кризис 1873 г. экономически закрывает эпоху, начавшуюся с окончанием кризиса 1848 г. И уж в чем Хобсбоум прав бесспорно, так это в том, что кризис 1873 г. – первый в строгом смысле слова капиталистический кризис, кризис эпохи “формационного” капитализма. В отличие от него, кризис 1848 г. был последним и крупнейшим кризисом старого типа, принадлежащим миру, зависимому от урожаев и сезонных изменений[31], т.е. миру по сути докапиталистическому или, в лучшем случае, предкапиталистическому. Это был последний кризис экономики Старого Порядка, тогда как в 1873 г. разразился первый кризис экономики капиталистического порядка. Поэтому-то Хобсбоум и настаивает, что мир стал капиталистическим именно между 1848 и 1873 гг., и в такой аргументации есть большой резон.

Однако, соглашаясь с Хобсбоумом в целом, надо отметить и тот факт, что кризис 1848 г. имел и некоторые внеаграрные и вообще внепроизводственные черты, связанные с торговлей (в частности, британско-индийской) и с финансовой ситуацией в Европе и США. В частности, необходимо вспомнить “финансовую манию” вложений в железные дороги, которая привела к росту цен на зерно со всеми вытекающими кризисными последствиями[32]. Хотя, повторю, общей оценки экономического кризиса 1848 г. (1847-1848 гг.) это не меняет.

Можно привести еще одну дату – претендующую на “занавес эпохи”, начавшейся в 1848 г. – 1876 год. За четверть века до этого, в 1851 г., в Лондоне была проведена первая Всемирная (Мировая) выставка, которая, закрыв английские 1840-е, по-своему стала вершиной XIX в., волшебными воротами в Эпоху Оптимизма, прошедшую под лозунгом “Производство. Изобретение. Достижение”[33] и длившуюся аж до 1914 г. Впрочем, оптимизм, особенно после середины 1870-х годов, начал постепенно убывать. Это очень хорошо видно по массовой литературе того времени. Достаточно сравнить романы известной трилогии Жюля Верна, написанные к середине 1870-х (1867-1874 гг.), с четырьмя наиболее известными романами Г.Уэллса, написанными во второй половине 1890-х (1895-1898 гг.). В первом случае – гимн эпохе, полной уверенности в возможностях человека, в его силах, его будущем; во втором – пронизывающее все четыре произведения чувство тревоги, враждебности окружающего мира. А ведь всего двадцать лет прошло, и до 1914 г. еще почти столько же. “Как мир меняется...”.

Следующая после 1851 г. выставка была проведена в Париже в 1855 г., затем Лондон – 1862 г., Париж – 1867 г., а в 1870-е выставка поехала за океан, в первую столицу США – Филадельфию. Произошло это в 1876 г. – том самом, который ознаменовался полным провалом правительства Гранта (и в этом смысле подвел черту под послевоенной эпохой в истории США), самыми грязными в истории США президентскими выборами и первым знакомством американцев с бананом (в обертке из фольги, за 10 центов)[34]. Конечно, формальной причиной проведения выставки на западном побережье Северной Атлантики было столетие США. Но была и реальная причина – резко выраженный экономический и технический потенциал США, их удельный вес в мировой экономике – уже в 1870 г. на долю США приходилась почти четверть – 23% – мирового промышленного производства[35] (для сравнения: на долю Германии – 13%).

Еще на лондонской выставке 1851 г. американцы удивили Европу своей техникой, в частности, револьвером Кольта и жатвенной машиной МакКормика[36]. К 1876 г. США накопили уже такой технический потенциал, что во многом благодаря их экспонатам филадельфийская “Выставка достижений мирового капиталистического хозяйства” стала одним из грандиознейших в XIX в. показов технических достижений[37]. Американцы продемонстрировали телефон Белла, воздушный тормоз Вестингауза, усовершенствованную крупнейшую в мире паровую машину Эдисона, пишущую машинку и многое другое. Разумеется, американцы еще не могли

соперничать с англичанами в экономике (в отличие, например, от бокса – здесь уже в 1860 г. наметились сдвиги), однако проведение выставки в “стране янки” было знаком новой эпохи и заслуженным авансом будущему гегемону капиталистической мировой экономики. По иронии истории открывалась выставка под музыку Вагнера – композитора той страны, которая вскоре станет главным конкурентом США в борьбе за мировую экономическую гегемонию.

1876 год ознаменовался еще одним событием, причем тесно связанным с деятельностью Маркса. Речь идет о роспуске его детища – I Интернационала. Он не вписывался в наступавшую эпоху – эпоху империализма/национализма и обострения межгосударственной борьбы. I Интернационал оказался беспомощным перед лицом новой эпохи вообще и франко-прусской войной в частности – так же оказался беспомощным II Интернационал перед лицом II мировой войны.

В связи с мировой политикой – еще одна дата: 1878 год, год Берлинского конгресса. Этот конгресс завершил, оформил окончание политического переустройства Европы, адекватного экономическим изменениям 1850-1860-х годов. Или иначе: этот конгресс привел международно-государственную форму в соответствие с экономическим содержанием системы “глобального капитализма”, осуществившего свое триумфальное шествие по миру в 1850-1860 гг.; в 1879 г. с заключением Бисмарком тайного союза с Австро-Венгрией, направленного на нейтрализацию России, которая была недовольна результатами Берлинского трактата[38], началась новая политика (и новая политическая эпоха), завершившаяся в 1914 г. или даже в 1945 г.

Итак, несколько дат, каждая из которых по-своему привлекательна и резонна, особенно 1871 год – он более насыщен, чем другие, и отражает не один аспект изменений, а как минимум два. И все же я выбираю 1867 г., который отражает не просто несколько аспектов изменений, но, во-первых, некую целостность изменений; во-вторых, смену общесоциального настроения, исчезновение уверенности средних классов – внутрисоциальной, внутриполитической, за которой в 1871 г. логически пришла неуверенность внешнеполитическая.

Как заметил крупный английский историк А.Бригз, в 1867 г. многие люди с уверенностью смотрели в прошлое и со все большей неуверенностью в будущее[39]. И было почему. “Second Reform Bill” закрыл не только ту эпоху, которая началась в 1848 г., когда в борьбе с рабочим классом средние слои, т.е. значительная часть буржуазии, подтвердили свою монополию на политическую власть (их континентальные “братья по классу” в том же году в большей или меньшей степени решили главный для себя вопрос – об участии в правительстве, об активной роли в политической жизни[40], причем тоже за счет рабочих и нередко в союзе с силами Старого Порядка). Он закрыл и другую эпоху, начавшуюся в 1783 г., когда средние классы начали доминировать в жизни Англии, а жизнь их самих стала постоянно улучшаться. 1783 год – начало не только новой социальной, но и новой экономической эпохи в Англии, когда после нескольких технических прорывов 1760-1770-х годов и превращения этих изобретений в нововведения стартовало то, что У.Ростоу назвал “устойчивым ростом” или “экономическим ростом современного” типа (3,4% в год между 1783 и 1802 гг. по сравнению с 1% в 1700-1783 гг.)[41]. Средние классы и экономический рост стартовали в Англии на редкость синхронно. При этом, однако, надо помнить, что англичане с 1795 г. (“Закон Спинхемленда”) сознательно тормозили или даже блокировали формирование рынка рабочей силы вплоть до начала 1830-х годов, создавая странную и уродливую ситуацию, когда экономический рост современного типа и развитие рынков капитала и земли не сопровождались развитием рынка рабочей силы, т.е. параллельным курсом шли два процесса: капиталистический и антикапиталистический[42].

Допущение в политическую жизнь рабочих, а значит и возможность как самой политической борьбы, так и борьбы политическими (т.е. легальными) средствами за экономические блага, подвели черту под тем, что А.Бригз назвал “эпохой улучшения”, 1783-1867 гг.

В 1867 г. “пролы” вышли на политическую арену, и это вызвало растерянность: “Я раззудил плечо, трибуны замерли”. Ах, как символично, как вовремя подоспел Маркс со своим “Капиталом”. Бывают же совпадения в истории (впрочем – совпадения, если “забыть”, что Маркс “поджимал” себя со сроками и в связи с борьбой за лидерство в I Интернационале). Английский 1867 год “перевешивает” все другие альтернативные даты конца эпохи. События 1868-1878 гг. (1870, 1871, 1873, 1875, 1876, 1878) при всей их важности были лишь шлейфом

ушедшей эпохи, реакцией на то, что уже произошло. Мирный, без революции, без шума (чисто английская манера не шуметь; так, уже Тэрнер был во многом первым импрессионистом, но предпочитал находиться в русле традиции, хотя бы формально, а не рвать с ней на французский манер, в результате которого традиция сохраняется – парадоксальным, революционным способом – пожалуй, крепче, чем при эволюционном переходе) “выход в политический свет” части английского рабочего класса принципиально менял общесоциальную европейскую сцену с вытекающими из этого экономическими и политическими последствиями для мира, Европы в целом и отдельных стран. К этому “островному” событию 1867 г. на Дальнем Западе Евразии, напомню, надо добавить, во-первых, “островное” событие на Дальнем Востоке – в Японии (“реставрация” Мэйдзи) и, во-вторых, международную выставку в Париже 1867 г.

Дело, конечно, не в самой выставке, а в тенденции, которая стала очевидной, была замечена именно во время ее проведения. Если психологический надлом в политической британской гегемонии в мире произошел в 1871 г., то серьезные сомнения по поводу экономического, промышленного господства Великобритании появились во время проведения именно парижской выставки 1867 г. За викторианским самодовольством стала просматриваться экономическая слабость “мастерской мира”[43]. Ну и наконец, last but not least, по крайней мере, с символической точки зрения, появление в 1867 г. “Капитала” Маркса. Другой вопрос, – в какой степени “Капитал” отражал и осмысливал значимые сдвиги “длинных пятидесятых”. Но выход “Капитала” именно тогда, когда мир стал капиталистическим “по позитиву” (в 1873 г. он ощутит это и “по негативу”) и когда “герои Маркса” вышли на политическую арену, хотя и не тем манером, которым хотел бы герр доктор и который он приветствовал бы (хотя “марксистский манер” 1871 г. самого Маркса не только порадовал, но и напугал, и огорчил – если и не “до невозможности”, то сильно. Ну что же, “the world is not always as we want it to be. It is as it is”), очень символичен во многих отношениях. В том числе и в том, что “Сова Минервы вылетает в полночь”. Маркс пытался рассказать об эпохе, которая уже закончилась и ускользала от этого Карабаса Барабаса (для буржуазии, а, впрочем, может, и для пролетариата тоже?) подобно трем куклам – героям “Золотого ключика”, ускользавшим от сказочного Карабаса Барабаса (как жаль, что Энгельс не похож на Дуремара, вот была бы парочка! Но это к слову).

4. Макроэкономические циклы и структуры повседневности: на переломе

Мы начали анализировать пограничность, переломность эпох, разделивших сознательную жизнь, формирование личности и творчество Маркса на две части, с капитализма по линии формации (“во-первых”), затем перешли на уровень общества в целом, “включив” различие между “промежуточными”, (революционными) и устойчивыми (“ставшими”) эпохами и стадиями (“во-вторых”); затем поднялись на максимально общий и абстрактный уровень исторического субъекта и цивилизации (“в-третьих”), после чего двинулись вниз, к более конкретным вещам – мировая капиталистическая экономика, классы, политика (“в-четвертых”). Ну а закончить я хочу еще более конкретным, характеризующим один из аспектов, хотя и очень важный, функционирования мировой капиталистической экономики. Речь, в-пятых, пойдет о “кондратьевских циклах”, поскольку по рубежу 1840-1850-х годов проходит граница между первым (1780-е – 1851) и вторым (1844-1896) “кондратьевскими циклами”; граница между двумя двадцатилетиями в формировании и творчестве Маркса прошла в аккурат по границе между двумя “кондратьевскими циклами”, совпала с ней.

Экономическая наука знает несколько различных моделей циклов: Дж.Китчина (2-3 года), К.Жюглара (6-10 лет), С.Кузнеца (15-20 лет), Н.Кондратьева (45-60 лет), вековые тренды (тенденции, “логические циклы”), Р.Камерона (150-200 лет).

Среди них особое место занимают кондратьевские циклы по причинам как экономического, так и неэкономического характера: их среднесрочность позволяет – при желании и умении – активно использовать их историкам, социологам, политологам. 45-60 лет – это как раз такой срок, когда суть исторических событий проясняется, а собственно экономических объяснений уже не хватает, не достаточно для понимания даже

экономических явлений.

Идеи “больших циклов экономической конъюнктуры” были сформулированы Н.Д.Кондратьевым в 1920-е годы. Экономист зафиксировал наличие крупных отрезков экономической истории (45-60 лет), которые делятся примерно на две равные части. Во время первой из них, грубо говоря, экономика развивается по восходящей (“повышательная волна”), во время второй – по нисходящей (“понижательная волна”).

Сам Кондратьев вел отсчет циклам (и составляющим их “волнам”) с начала 1780-х годов. Первый цикл длился до 1844/1851 гг. (“повышательная волна” – 1780-1810/1817; “понижательная волна” – 1810/1817-1844/1851); второй цикл: 1844/1851-1890/1896 (1844/1851-1870/1875); третий цикл: 1890/1896-?[44]. Позднее исследователи “закрыли” третий цикл 1945/1950 гг. и этим же отрезком открыли четвертый (повышательная волна – до 1967/1973); мы, таким образом, находимся в “хвосте” четвертого цикла; “цикл бежал, хвостиком вильнул” – и нет ни СССР, ни коммунизма, т.е. Второго мира, “посыпался” Третий мир, да и Первому миру не сладко.

В ходе развития идей Кондратьева на Западе характеристики повышательной (подъем экономики) и понижательной (спад экономики) волн (фаз) цикла уточнялись (хотя те исследователи, которые приняли идею, по-разному объясняли причины и природу “волн” – ср. Й.Шумпетера, У.Ростоу, Э.Манделя, И.Валлерстайна). Так, выяснилось, что во время повышательной волны подъем происходит не во всех секторах экономики, а во время волны понижательной не везде происходит спад, поэтому некоторые предпочитают вместо терминов “повышательная” и “понижательная” волны использовать более нейтральные – “А-фаза” и “Б-фаза”. Выяснилось также, что “Б-фаза” имеет не меньшее значение для мировой экономики, чем “А-фаза”, представляя собой нечто вроде выдоха, выброса углекислого газа. В целом “А-фаза” – это момент, когда в мировой экономике много монопольных секторов, следовательно, норма накопления выше, отсюда – экономический рост, подъем. “Б-фаза” – это момент “насыщения” рынков избыточной конкуренцией, следовательно, норма накопления ниже, экономика “сжимается”, отсюда – экономический спад[45].

На рубеже 1840-1850-х годов, когда в жизни Маркса не просто завершился один период и начался другой, а произошел крутой поворот, связанный с переездом в Англию, крутой поворот произошел и в “жизни” мировой экономики – не просто от одного кондратьевского цикла к другому, а от понижательной волны, Б-фазы, первого цикла, к повышательной волне, А-фазе, второго, от спада к подъему. Можно сказать, что в Лондон в 1849 г. герра доктора вынесли кондратьевская повышательная волна и революция 1848 г., и он оказался на острове, да не один, а с Пятницей-Фредом.

Переход от спада к подъему, от цикла к циклу и от фазы к фазе был стремительным. Экономический бум 1850-х, а точнее 1850-1860-х – первый капиталистический бум, в основе которого лежали открытие золота, рост банков в Великобритании, Франции, Германии, США привел к индустриализации мировой экономики и беспрецедентному накоплению капитала в мировом масштабе[46].

В определенном смысле “длинные пятидесятые” XIX в. напоминают “славное тридцатилетие” (1945-1975 гг.) XX в. – оба периода являются “А-фазами”, оба отмечены беспрецедентной “глобализацией”. Правда, “длинные пятидесятые” начались революцией, а “славное тридцатилетие” окончилось революцией (1968), да такой, которая по-своему закрыла эпоху, начавшуюся не только 1945 г., но и 1848 г.

По сути, “длинные пятидесятые” были капиталистическим “большим скачком”, завершившимся “Капиталом” Маркса. Понимал ли эту скачковость периода Маркс? Трудно сказать. Скорее, нет – и потому, что трудно понять время, в котором живешь; и потому, что Маркс был занят подготовкой к “Капиталу”, а потом – “Капитала”, анализируя в основном работы экономистов, писавших до 1850 г.; и потому, что в реальности 1850-1860-х годов он искал и видел теоретическим взглядом то, что хотел найти и увидеть; и наконец, потому, что целый букет событий, политический взрыв своей пылевой завесой должен был осложнить восприятие этой реальности. А “взрыв” был действительно мощным. Мы уже говорили о политическом “миргазме” “длинных пятидесятых”. Сейчас имеет смысл вернуться к этому вопросу, поскольку он тесно связан с проблемой кондратьевских циклов, являясь, под определенным углом зрения, ее аспектом.

Н.Д.Кондратьев подчеркивал, что “периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн”[47]. Кондратьев не стал давать (или не смог дать) теоретического объяснения этого явления, или, как он сам выразился, устанавливать причинную зависимость, но лишь зафиксировал некую эмпирическую закономерность или, опять же, по его выражению, “вторую эмпирическую правильность” (первая – изменение техники, обмена, финансов накануне повышательной волны; третья – депрессия сельского хозяйства во время понижательной волны; четвертая – наличие средних циклов в больших циклах)[48].

Иллюстрация “второй эмпирической правильности” Кондратьевым очень впечатляет, а нам показывает, в каком международно-политически насыщенном мире жил зрелый Маркс, “изготавливая”, как любили говорить в КГБ, свой opus magnum. Итак, политические события повышательной волны второго большого цикла: 1) февральская революция во Франции 1848 г.; 2) революционное движение в Италии и вмешательство иностранных сил – 1848-1849 гг.; 3) революционное движение в Германии – 1848-1849 гг.; 4) революционное движение в Австрии и Венгрии, подавление его в последней иностранным вмешательством – 1848-1849 гг.; 5) бонапартистский переворот во Франции 1851 г.; 6) Крымская война 1853-1856 гг.; 7) образование Румынии – 1859 г.; 8) война Австрии с Италией и Францией –1858-1859 гг.; 9) национальное движение в Италии за ее объединение – 1859-1870 гг.; 10) национальное движение в Германии за ее объединение – 1862-1870 гг.; 11) гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки – 1861-1865 гг.; 12) восстание Герцеговины – 1861 г.; 13) война Пруссии и Австрии против Дании – 1864 г.; 14) война Австрии и южно-германских государств с Пруссией и Италией – 1866 г.; 15) освобождение Сербии – 1867 г.; 16) франко-прусская война 1870-1871 гг.; 17) революция в Париже, Парижская коммуна и ее подавление – 1870-1871 гг.; 18) образование Германской империи – 1870-1871 гг.[49].

А вот периоды понижательных волн, будь то первого цикла или второго, намного беднее событиями. Во втором таких событий четыре: восстание в Герцеговине против Турции 1875 г.; русско-турецкая война 1877-1878 гг.; начало раздела Африки; образование единой Болгарии в 1885 г. В первом – пять: революционные движения в Испании 1812-1820 гг. и в Италии 1820-1823 гг.; война с Турцией 1828-1829 гг.; польская революция во Франции 1830 г. и ее рецидивы в Париже и Лионе в 1830-1834 гг. и движение чартистов в Англии в 1838-1848 гг. И все. Получается, что две понижательных волны в два раза менее насыщены событиями, чем одна повышательная волна, будь то второго цикла (18 событий по Кондратьеву) или первого цикла (тоже 18 событий). Таким образом, “длинные пятидесятые”, “капиталистые” годы Маркса – это не только экономический, но и международно-политический бум. Конец 1840-х – это переход от “спячки” в международных делах к буму.

Опять перелом и водораздел.

Переломный характер эпохи формирования идей Маркса не ограничивается и “кондратьевским измерением”. Есть еще одно, которым я хочу закончить анализ эпохи Маркса. Речь – о самом конкретном и приземленном: о быте, повседневной жизни, структурах повседневности. И с этой точки зрения 1830-1840-е или даже просто 1840-е годы оказываются хронозоной, разделяющей целые эпохи.

Д.Норт однажды заметил, что если бы древний грек оказался “перенесенным” в 1750 г., то в целом, за исключением огнестрельного оружия и нескольких “мелочей”, мир показался бы ему знакомым: аграрный ландшафт, ручной труд, спокойный ритм жизни, лошадь – как основное средство передвижения по суше и т.д.[50]. Если вспомнить, что Западная Европа лишь в 1720-1730-е годы восстановила уровень продуктивности сельского хозяйства, достигнутый в XII-XIII вв., а этот последний, в свою очередь, лишь повторял достижения I-II вв. н.э., утраченные на целое тысячелетие, то мнение Норта покажется еще более обоснованным.

А вот если бы древний грек появился в Европе в 1850 г., продолжает свою мысль Норт, то он столкнулся бы с “ирреальным”, незнакомым и чужим ему миром. Промышленная революция, считает экономист, заложила фундамент для радикального изменения производства, производственного ландшафта и быта между 1750 и 1830 гг. Сами изменения произошли в 1840-1850-е годы, “материализовались” в росте населения и городов, утрате сельским хозяйством и ручным трудом доминирующих позиций, в превращении постоянных технических

изменений в норму, наконец, в достижении Западом, точнее, значительной и все более расширяющейся частью его населения, такого уровня жизни, материального ("предметно-вещественного") благосостояния, которое в других обществах было недоступно даже самым богатым[51].

Иными словами, бытовой компонент промышленной революции, запоздавший, как это всегда бывает с бытовыми компонентами, на несколько десятилетий по сравнению с производственным, реализовался в середине XIX в. Причем внешне это произошло стремительно, в течение одного десятилетия или даже меньше, произошло прежде всего в Англии, а затем, тоже довольно быстро, на "континенте".

Еще в 1842 г., как это видно из подшивок "Illustrated London news" – журнала тех времен, Англия была сельской страной, страной сельского быта. Номера журнала конца 1840-х, показывают нам совсем другую страну – Англию машин и железных дорог. Последние, и вообще революция в транспорте и коммуникациях, сыграли особенно большую роль. Если в начале 1840-х годов Англия была страной, части (графства) которой были плохо и трудно связаны друг с другом, то в 1848 г. в ней было 2 тысячи миль общественного электрического телеграфа, отделения которого были открыты круглосуточно. "Penny Post", организованная Р.Хиллом в 1840 г., привела к тому, что объем доставки писем в 1843 г. составил 4 млн. (1840 г. – 1,5 млн.). Переписка из занятия состоятельных людей превратилась в массовое достояние, а страна оказалась намного лучше и плотнее связана внутренне. Революционные изменения в средствах коммуникации (в широком смысле слова) видны и по прессе: в 1815 г."Times" выходила тиражом в 5 тыс. экз., в 1850 – 70 тыс.[52]. Неудивительно, что хотя еще в 1840 г. для Англии было характерно провинциальное мировоззрение, к 1850 г. мировоззрение стало национальным[53], и это совпало с обретением Британией мировой роли. Вообще нужно сказать, что в современном мире национальный и мировой уровни тесно связаны, противостоя уровню локальному и (макро)региональному. Великобритания рубежа 1840-1850-х годов подтверждает эту связь, корреляцию. Да и другие страны тоже.

Итак, транспорт, телеграф, современная почта, технические новинки в быту – вот что разделяет и отличает друг от друга эпохи "молодого Маркса" (не путать с "ранним Марксом" – это другое) и "зрелого Маркса". Приехав в Лондон в августе 1849 г., Маркс попал в Англию в канун новой эпохи – викторианской, с корабля – на бал Истории. Как заметил Дж.Додс, строго говоря, 1840-е годы не были еще "викторианской Англией", они представляли собой смесь анахронизмов и нового; это было довольно трудное время, которое так и называли: "голодные сороковые", "тревожные сороковые"[54] (несмотря на все тревоги, однако, Англия не скатилась в революцию, а вот Франция, демонстрировавшая в 1840-1847 гг. исключительную политическую стабильность[55], "рванула" в начале 1848 г. своей "февральской" революцией).

1850-е, резко отличаясь от 1840-х в лучшую сторону, пришли как "delayed gratitude" и получили название "сказочных", "начала Золотого века". Воротами в "Золотой век" и одновременно символом его наступления, разделившим не только десятилетия, но и целые эпохи, стала Всемирная выставка 1851 г. в Лондоне, точнее открытие 1 мая 1851 г. Chrystal Palace королевой Викторией. По сути это и было началом "викторианской эпохи", Лондон превратился если не в центр мироздания, то в центр мира, а индивидуальное и общественное благосостояние стало быстро расти, и даже сторонник республиканцев в 1848 г. Тэкерей стал петь оды существующему строю[56]. Уже к 1852 г. в Банке Англии было так много денег, как никогда (США и Австралия благодаря вновь открытому золоту резко увеличили закупки английских товаров)[57]. И это еще более толкало вперед и бытовые изменения, и благосостояние. Но Маркс словно не замечал этого, он ждал другого, а потому и перереагировал на кризис 1857 г., придав ему такое значение и такие масштабы, которых тот не имел, и, напротив, недооценил кризис 1873 г.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Теория Маркса, "марксизм" возникли на водоразделе, переломе сразу нескольких эпох, перехода: от предкапиталистического – к капиталистическому, от традиционного – к современному (как в хозяйстве, так и в логике), от революционной эпохи – к эпохе стабильности; от периода экономического спада – к периоду экономического подъема; наконец, от локально-региональной Европы – к мировому Западу; от истории, в лучшем случае, макрорегиональной – к истории всемирной. С этой точки зрения теория Маркса в рамках каждой дихотомии принадлежит отчасти обоим ее элементам, находится по обе стороны перелома, водораздела, кризиса.

В этом смысле социально-историческая теория Маркса – кризисная, она не принадлежит полностью ни одной эпохе по отдельности, но – перелому, разрыву-соединению между ними, вывихнутому времени, тому самому, которое is out of joint.

Хорошо это или плохо? Не хорошо и ни плохо – это так есть, и в этом, как и во всем, свои плюсы и минусы: every acquisition is a loss, and every loss is an acquisition. Но как все же в таких обстоятельствах характеризовать теорию Маркса? Что это? Локальная европейская теория, отразившая выход европейского общества за европейские рамки и наступление мировой капиталистической эпохи? Или мировая теория капиталистического общества, в которой преломились проблемы локального опыта западноевропейского развития? Теория революционной эпохи, "опрокинутая" на послереволюционный мир ("революционный марксизм"), или теория стабильного капиталистического развития, лишь развернутая под революционным углом ("научный марксизм")? Однако прежде чем отвечать на эти и подобные вопросы, надо взглянуть на марксизм как на идеологию, ведь теория Маркса при всей ее научности была элементом некоего идеологического дискурса. Ее характеристика невозможна без понимания того, чем был этот идеологический дискурс, чем отличался от других идеологий, тем более что все современные идеологии порождены и пропитаны эпохой, о которой мы только что закончили говорить.

5. Феномен идеологии и европейская реальность революционной (1789-1848) эпохи

Современность (Modernity) была насквозь идеологизированной эпохой. Она такой уродилась. Идеология – "фирменный знак", изоморфа Современности. До такой степени, что мы себе не можем представить без- и внеидеологического сознания и бытия. До такой степени, что любую систему идей, любую "идейно-политическую форму", будь то светская или религиозная, отождествляем с идеологией, квалифицируем как ту или иную идеологию. Поэтому в один ряд попадают "либеральная идеология" и "идеология национализма", "христианская идеология" и "идеология ислама", "идеология империалистического разбоя" и "шовинистическая идеология", "марксистско-ленинская идеология" и "идеология великодержавности", "идеология национально-освободительного движения" и "идеология апартеида" и т.д.

Ясно, однако, что во всех этих случаях термин "идеология" употребляется в различных, порой несопоставимых смыслах; в этот термин вкладывается принципиально различное содержание. В результате термин "идеология" становится столь широким и всеобъемлющим, что лишается не только специфически научного, но и практического смысла: под "исламской идеологией", "шовинистической идеологией" и "либеральной идеологией" скрываются столь разные, качественно несопоставимые сущности, что употребление по отношению к ним одного и того же термина "идеология" превращает последний в поверхностную метафору. Все оказывается идеологией: бытовые представления – "идеология", и светские идеи – "идеология", и религиозные представления – "идеология". Но в таком случае, зачем термин "идеология" – есть "здравый смысл", есть "религия", есть… Нет термина для светских идей, выходящих за узкие рамки здравого смысла и тесно связанных с некими политическими целями. Последние не только предполагают наличие политики, отсутствующей как явление в докапиталистических обществах, и принятие обществом идеи развития как поступательного, прогрессивного развития, что опять-таки характерно только для капитализма.

Действительно, в докапиталистические эпохи и в докапиталистических обществах ни о какой идеологии не слышали, в ней не было нужды: и угнетатели и угнетенные артикулировали свои проблемы на религиозном языке в разных его вариантах ("господская религия – народная религия", "большая традиция – малая традиция"). "Цель" угнетенных была естественной: как правило – возвращение в прошлое, в "Золотой век", когда господа уважали "моральную экономику" крестьянина. Несколько сложнее обстояло дело в христианском средневековом социуме с его футуристичным катастрофизмом, но и там цели социальных движений формировались на языке религии, обходились ею, поворачивая ее против сильных мира сего. А когда и почему возникла нужда в идеологии? Когда

появилось слово “идеология”?

Французский словарь “Робер” датирует первое употребление слова “идеология” 1796 г., а слова “идеолог” – 1800 г. “Запустил” термин “идеология” граф А.Л.К.Дестют де Траси. Он разъяснил его 20 июня 1796 г. в докладе “Проект идеологии”, прочитанном в Национальном институте наук и искусства, а затем в книге “Элементы идеологии” (1801). Для изобретателя термина идеология означала философскую систему, объектом которой были идеи и законы их формирования. Однако со временем, в 1820-1830-е годы, этот термин стал означать комплекс идей и ценностей, связанных не только и даже не столько с идеями, с “идеальным”, а с реальным обществом, с социальными процессами. Интересно, что резко отрицательно к “идеологам”, лидером которых был Дестют де Траси, отнеслись Наполеон, а позднее Маркс.

То, что некий термин, некое слово фиксируется определенной датой, не означает, что реальность, отражаемая этим термином, вообще не существовала. Но это также означает, что она возникла сравнительно недавно. И все же – “вначале было Слово”. Только терминологическая фиксация некой реальности превращает ее в социальный факт, в факт общественной жизни, творит ее как таковой. Это ученые не всегда следуют декартовскому правилу: “Определяйте значение слов”. Общество, как правило, придерживается его и фиксирует новинку – иногда устами ученых мужей, иногда просто с помощью “vox populi”.

Стремились ли Дестют де Траси и его коллеги “идеологи” к созданию некой единой и цельной идеологической схемы? Возможно, да. Собственно, контуры некой “единой и неделимой” протоидеологии западного (“раннекапиталистического”) общества как противостоящей религии проглядывали в Просвещении. В этом смысле “идеология” “идеологов” была, по-видимому, крайней точкой, последней попыткой такую идеологию создать. Не вышло. Через несколько десятилетий вместо одной идеологии возникли целых три: консерватизм, либерализм и социализм. Иными словами, Идеология западного общества капиталистической эпохи оформилась как тримодальное явление. По-видимому, было в сущности и логике капитализма, его развития в начале XIX в. нечто такое, что вызывало в качестве реакции возникновение идеологии/идеологий. Думаю, И.Валлерстайн правильно указал на это почти магическое нечто: изменение.

По мнению Валлерстайна, всемирно-историческое значение Великой французской революции заключалось в том, что после нее и в результате нее изменение (изменения) стало восприниматься как нормальное и неизбежное. Различия касались отношения к этой норме, ее конкретной форме, стремления затормозить или ускорить изменения, однако сам процесс изменений как структурная реальность стал признанным нормальным фактом социальной реальности. “Это широко распространенное признание и принятие нормальности изменения представляло фундаментальную культурную трансформацию капиталистической мир-экономики”[58].

Я бы добавил к тезису Валлерстайна о значении Французской политической революции английскую промышленную революцию, подкрепившую идею нормальности (политических) изменений экономически, производственно. Однако сам тезис представляется мне верным. Проследим за его развитием. Валлерстайн рассматривает идеологию/идеологии, во-первых, как институт, во-вторых, не изолированно, а в единстве с двумя другими институтами – социальными науками и движениями. Вся эта институциональная триада была результатом Французской революции (включая наполеоновские войны) и реакцией на нее. Нельзя не согласиться с отцом – основателем мир-системного анализа и в том, что идеология – это не просто мировоззрение, не просто Weltanschauung, не просто некая интерпретация мира и человека – все это характеризует и религию, и мифологию. Идеология – это такое особое мировоззрение, пишет И.Валлерстайн, которое “сознательно и коллективно формулируется с сознательными политическими целями… этот особый вид Weltanschauung может быть сконструирован только в ситуации, когда общественный дискурс признал нормальность изменения. Потребность в сознательной формулировке идеологии появляется только тогда, когда верят, что изменение нормально и поэтому полезно сформулировать сознательные среднесрочные политические цели”[59]. Здесь, однако, следует кое-что добавить.

Во-первых, возможность ставить политические цели есть только там, где существует политическая среда, где сфера политики обособилась, выделилась из социального целого. В Европе (а политика и существовала только в

Европе, став “роскошью Европейской цивилизации”[60]) политика предшествует идеологии, возникает раньше ее. Хотя, безусловно, пожалуй, именно идеология окончательно формирует политическое как феномен и институт.

Во-вторых, представляется, Валлерстайн не вполне точен, когда увязывает идеологию с политическими целями. Те цели, о которых он говорит, на самом деле являются социальными (социально-экономическими) или, в лучшем случае, социально-политическими. Политическими же являются средства достижения этих целей, которые, будучи долгосрочными или среднесрочными, сами могут стать целями или целесредствами для достижения неких целей. Говорил же Ганди, что на самом деле противоречия между целями и средствами нет: средства достижения целей становятся целями – на какое-то время, а то и навсегда, по крайней мере, в политике. Полагаю, что, отождествляя социальные цели с политическими, И.Валлерстайн излишне политизирует проблему идеологии, недооценивая ее социальный аспект. Впрочем, и работы Валлерстайна, и мир-системный анализ – очень политизированы, в чем имеются как свои плюсы, так и минусы. Тем не менее различение социального и политического – при тесной связи этих измерений – в “системоопределяющих” целях идеологий представляется важным, в том числе и потому, что позволяет увидеть всю сложность явления идеологии; политизация в определении идеологии может примитивизировать последнюю до роли политической дубинки. Разумеется, идеологию можно использовать в качестве такой дубинки, но это не значит, что она является таковой. Равно как и не исчерпывается полностью теми характеристиками, которые предложил Валлерстайн, во многом упростивший, “спрямивший” в своих работах понятие идеологии.

Итак, согласно Валлерстайну, три возникшие в начале XIX в. идеологии – консерватизм, либерализм и марксизм – в самом общем плане отличались друг от друга отношением к изменению и конституировали себя как три различных ответа (и соответствующие им комплексы задач) на проблему изменения, развития. Три возможных ответа на вопрос о неизбежных изменениях таковы:

1) отрицательное отношение к изменениям, отсюда стремление затормозить их, подморозить;

2) положительное отношение к изменению, но принятие только постепенных изменений, основанных на преемственности;

3) положительное отношение к изменению, но неприятие постепенных изменений, а акцентирование революционных изменений, основанных на разрыве преемственности[61].

Первый ответ – консерватизм, второй – либерализм, третий – марксизм. Валлерстайн подчеркивает, что третья идеология – именно марксизм, а не социализм, поскольку “со временем единственным видом социалистической мысли, действительно качественно отличавшейся от либерализма как идеологии, был марксизм”[62]. Повторю еще раз: определение идеологии и трех идеологий на основе их отношения к феномену изменения, развития – это самое общее и грубое приближение к проблеме. Но, говоря о том, что возможны и другие подходы к идеологии – от К.Мангейма и К.Поппера до М.Фуко, Ж.Бодрийяра, Ю.Хабермаса и А.Зиновьева[63] – отмечу, что консерватизм, либерализм и марксизм имеют много существеннейших отличий, не связанных непосредственно с проблемой развития, а имеющих отношение, например, к разным способам идейного, ценностного отношения к религии, власти, к традициям исторического развития и т.д.

Если не учитывать все эти различия, нюансы и тонкости и сводить все к проблеме развития, то при определенном подходе, как это, кстати и произошло у Валлерстайна, можно получить Вудро Вильсона и Ленина в качестве представителей глобального либерализма – только потому, что оба ставили задачу самоопределения наций и обеспечения национального развития[64]. Но по такой логике к “глобальным либералам” надо добавить Гитлера , разве он был против названных выше задач? Ясно, что гиперэкономизация определения идеологии, будь то консерватизм или либерализм, ведет, в конечном счете, к карикатуре, вульгаризации[65]. Другое дело – учет экономической “переменной” и анализ того, интересы преимущественно каких социально-экономических групп отражает и выражает данная идеология.

Под таким – в большей степени внешним – углом, а также с общеоперациональной точки зрения типология

идеологии Валлерстайна вполне может быть использована.

Три идеологических ответа, на феномен изменения/развития, по-видимому, исчерпали число возможных идеологий, институционализируемых в капиталистической мир-экономике XIX в. Действительно: качественно, принципиально различных и несводимых типов отношения к изменению может быть три – отсюда исходно три и только три идеологии. Как тут не поверить, что число правит миром? Да здравствует Пифагор! Однако "три" как число возможных базовых идеологий Современности и тримодальность идеологии как явления вытекают не только из предложенной Валлерстайном перспективы, но и из самой логики развертывания капитализма как системы, капиталистической собственности, о чем будет сказано ниже. Равно как и характеристики идеологий не исчерпываются лишь их отношением к изменению – это было бы слишком прямолинейно и одномерно, too simple to be true. На самом деле, идеология и идеологии – далеко не одномерные явления. Западная система сконструирована таким образом, что индивиды, группы (корпорации) и государство выступают как субъекты. Западное общество – полисубъектное, полисубъектный треугольник, между "углами" которого постоянно идет борьба.

Любые социальные цели, политические средства и их идейные обоснования самым непосредственным образом затрагивают отношения в треугольнике, соотношение сил в нем. Поэтому та или иная идеология должна быть и интерпретацией отношений между субъектными "базовыми единицами" современного общества, особенно между группой (коллективом) и индивидом – пусть по поводу изменений или сквозь призму отношения к этим последним. Ясно, что три идеологии дают (должны давать) разный ответ на этот вопрос. Кроме того, каждая идеология вступала в свои отношения с религией и наукой – двумя другими европейскими формами организации знания, "духовного производства", двумя другими элементами духовной сферы. Но прежде чем говорить об этих отношениях, а они были различными в трех рассматриваемых случаях, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на вопросе о соотношении идеологии, с одной стороны, религии и науки – с другой.

6. Религия, наука, идеология

В феодальной Европе, религия (христианство) обладала практически полной монополией на духовную сферу. В связи с этим именно она опосредовала и выражала отношение человека к истине (как божественной, трансцендентной – Вера, так и рациональной – Разум) и представляла (интерпретировала) в духовной сфере в качестве общей истины интересы особых (господствующих) групп. Поэтому, во-первых, социальные конфликты, борьба угнетенных и господствующих групп (а также внутри этих последних) вплоть до середины XVII в. идейно оформлялись как религиозные; во-вторых, в этом смысле противоборствующие стороны говорили на одном языке, использовали одно и то же идейное оружие, а именно религию, христианство. Пусть с модификациями: ересь – ортодоксия, католицизм – народный католицизм (так, в народном католицизме история рождения Христа была принята, а идея первородного греха, в которой угадывается обоснование неравенства и эксплуатации, – нет)[66], но тем не менее идейная система была одной и той же. В этом, помимо прочего, находило отражение то, что под определенным углом зрения социальная структура и "композиция" господствующего класса были относительно просты. Господами были землевладельцы, организованные в иерархию. Если принципом раннего средневековья, раннего, незрелого феодализма был лозунгом "Nulle seigneur sans homme", то принципом зрелого и позднего феодализма, феодализма как такового было "Nulle terre sans seigneur". И все было ясно. При неполном совпадении богатства и знатности, при обилии локальных и промежуточных групп и подгрупп, особых статусов и т.д и т.п., делавших картину социальной структуры средневекового общества внешне очень сложной и мозаичной, все же в целом она была ясной, и это облегчало "социальный разговор" на одном языке, хотя и на различных социально-религиозных диалектах. Иными словами, в докапиталистическом западном обществе, на ранней (феодальной) стадии Европейской цивилизации религия выступала как идейная система, выражавшая Истину и Интерес (а до конца XIII в. Веру и Разум) в качестве единого и слабо дифференцированного комплекса (ситуацию в религиозных неевропейских системах я оставляю в стороне – в силу специфики это особый разговор, для которого здесь и сейчас нет места).

Реформация, генезис капитализма (Великая капиталистическая революция 1517-1648 гг. и особенно ее финальная фаза – Тридцатилетняя война) привел (в ходе и посредством раскола как господствующего, так и угнетенного класса при все более активной и самостоятельной роли бюргерства в качестве третьего элемента, ломающего "бинарную оппозицию") к тому, что идейное выражение Веры (истины божественной), Разума (истины рациональной) и Интереса стало постепенно принимать идейно и институционально различные и дифференцированные формы. И хотя социальные и политические конфликты XVI – первой половины XVII в. выяснялись, а интересы артикулировались на языке религии, тенденция к взаимообособлению и обособленному представлению Веры, Разума и Интереса наметилась. Эпоха религиозных войн более или менее плавно перетекла в эпоху войн национальных государств, к формированию которых объективно и привели – прав К.Шмитт – религиозные войны. "Национализация" религии, т.е. обуживание, парциализация последней, обособление политики от религии, и морали от политики – вот одна из линий раскола прежней идейной целостности, и без этого, кстати, тоже не понять многое в идеологиях XIX в.

Научную революцию XVII в. следует рассматривать не столько как узконаучное событие (конкретные открытия), сколько как идейно-мировоззренческое (новые методы как следствие нового взгляда на мир, нового подхода к нему) и макросоциальное (превращение науки из "двумерной" – стиль мышления, тип деятельности – в трехмерную, в социальный институт, т.е. рождение науки как таковой, как особой, наряду с философией, схоластикой и т.д. формой организации позитивного и рационального знания). Хотя явное и фиксированное противостояние Веры и Разума началось с 1277 г. (запрет 219 "вредных доктрин", пытавшихся примирить Веру и Разум), институционально это противостояние было оформлено в ходе и посредством научной революции.

Если наука как институт оформилась в XVII-XVIII вв., то возникновение и оформление идеологии произошло позже. Даже если признать Просвещение несостоявшейся единой светской рациональной протоидеологией ("единая" идеология, в отличие от "единых" религии и науки, невозможна), то придется констатировать 100-150-летнее запаздывание. Ну а если говорить об идеологии как тримодальном явлении, то здесь "срок" увеличиваются до 200-250 лет.

В любом случае, в так называемую "раннекапиталистическую" ("раннесовременную" – early modern, как не очень удачно выражаются на Западе) эпоху наметился раскол единого идейно-институционального христианского комплекса на три отдельные сферы, каждая из которых стала особой формой отношения к реальности и представления истины как "сгущенной", "сконденсированной" реальности. Любая идейная система есть отношение к реальности, представленной в идейно-упорядоченном виде, т.е как истина и ценность. В этом смысле любое отношение к реальности есть отношение к истине (реальности – как – истине) и ценностям или ценностное отношение (либо на рациональной, либо на иррациональной основе), по крайней мере, в Капиталистической системе. Эти сферы суть: 1) собственно религии (отношение "субъект – Бог", "субъект – абсолют", "субъект – дух как божественная, трансцендентная истина"; это комплекс отношения, основанный на Вере); 2) наука (отношение "субъект – истина", освобождение от веры и, строящееся на рациональной основе, как самодостаточной теоретически – "субъект – понятие"); 3) идеология (отношение "субъект – истина", выраженное секулярно и пропущенное сквозь призму особых социальных интересов; отношение "субъект – интерес" особой группы, в котором интерес данной группы представлен как универсальная истина и всеобщее благо).

Религия и наука, будучи диаметрально противоположны по принципам, целям и основам знания (вера и разум), схожи друг с другом как всеобщие (универсальные) и содержательные системы знания. И религия, и наука стремятся к Истине в качестве субстанции, противостоящей обществу в целом. Другое дело, что использоваться религия и наука могут в интересах отдельных классов, групп, корпораций, могут выполнять и такую функцию, однако, в данном случае, во-первых, вступает в противоречие с субстанцией; во-вторых, может быть направлена против тех, кто таким образом использует религию и науку. С точки зрения функционально-частного, а не содержательно-общего использования наука и религия суть опасные и обоюдоострые средства.

Идеология, в отличие от религии и науки, есть частное и функциональное знание: частное – поскольку оно ищет и отражает истину, противостоящую не обществу в целом, не человеку вообще, но особой группе; функциональное – поскольку само содержание знания определяется интересами и в интересах особой социальной группы, т.е.

является их социальной функцией. Повторю: религия и наука как всеобщие (универсальные) и содержательные формы знания могут использоваться и интерпретироваться в особых, групповых социальных интересах, однако это есть акт, нарушающий имманентные цели и суть религии и науки. Идеология же по своей социальной природе и целям есть форма идей, исходно ориентированная на специфическое, обусловленное особыми интересами отношение к реальности-как-истине, на искажение и отрицание этого отношения как универсального и содержательного, на ограничение истины, т.е. на ее функционализацию, прав Л.Фойер, который считает, что для идеологии, в отличие от науки, нет объективной истины, поскольку идеология связана с интересами[67]. Правда марксизм всегда претендовал на знание объективной истины, но марксизм в отличие от консерватизма и либерализма, провозгласил себя научной идеологией, что, как мы увидим, стало его силой и слабостью одновременно.

Будучи отрицанием одновременно и религии, и науки и стремясь объективно вытеснить их, подменив собой, идеология никогда не может и не сможет этого сделать ввиду тех имманентных ограничений, которые налагает на нее ее социальная и гносеологическая природа и которые проявляются в неразрешимом противоречии между исходной социопознавательной специфичностью и функциональностью, с одной стороны, и стремлением представить их как социальную всеобщность и содержательность – с другой, между претензией на представление классово ограниченной реальности как социально всеобщей истины и отсутствием содержательной и универсальной основы для этого.

Снять это противоречие, функционально компенсировать имманентно незавершенный характер идеологии относительно реальности и истины призвано использование идеологией элементов как науки, так и религии. Секулярные, рациональные, научные элементы компенсируют незавершеннось идеологии с рациональной точки зрения, религиозные же дополняют идеологию там, где она “незавершена” религиозно/иррационально. Поэтому, хотя своим функциональным характером идеология адекватна промышленному капитализму с несовпадением функциональных и субстанциональных аспектов его бытия, в результате чего резко усиливается автономия идеологии; хотя именно идеология выражает социальные конфликты мировой капиталистической системы в ее зрелом (1848-1968) состоянии и сменяет в этом качестве религию как идейную форму социальных конфликтов периода генезиса и ранней стадии капитализма (XVI-XVIII вв.); хотя именно идеология выступает как средство критики религии, несмотря на все это, идеология, будучи частичным секулярным знанием, не только никогда не может избавиться от религиозных, иррациональных элементов, но даже сама изобретает и внедряет их, чтобы избежать самоубийственной для нее, чистой секулярности и рациональности (культ Высшего Существа у якобинцев, языческие элементы культа Вождя и культа мертвых у большевиков и т.п.). В ситуации полной чистоты и ясности идеология оказывается в положении “голого короля” – становятся видны все или почти все ее, скажем так, неадекватности; частичная и функциональная рациональность оборачивается целостной субстанциональной нерациональностью или даже иррациональностью, бесстрастный лик Общей Истины превращается в хищный оскал Группового Интереса; и идеология выталкивается в неблагоприятную позицию по отношению к содержательным в своей всеобщности и всеобщим в своей содержательности формам знания. В то же время в той или иной степени (в разных идеологиях – разной и по-разному) идеология, по определению, являясь светской формой, должна акцентировать рациональность, научность и потому, что частично-функциональное представление реальности, “частично-функциональная” истина либо таит в себе опасность иррационального, либо даже может выглядеть иррационально.

В своем реальном функционировании идеология выступает как рациональное отношение к реальности, ограниченной как истина отдельной социальной группы; выступает она в более или менее ограниченном единстве с элементами религии (веры, всеобще-иррационального знания) и науки (разума, всеобще-рационального знания), а потому идеология – это социально (или классово) ограниченное рациональное знание или функциональное знание. Знание, в котором социальная функция доминирует над реальным содержанием и искажает его в определенных интересах. Идеология – это ни в коем случае не просто комбинация науки и религии, их элементов – это такое идейное единство, в котором частное, социально ограниченное, а потому функциональное знание воспроизводит себя посредством использования всеобщих содержательных форм и господства над ними. Поэтому даже в самой “научной” идеологии идеология, т.е. конденсированный особый социальный интерес, всегда будет господствовать над универсальным рациональным знанием, направлять и определять его; социальная функция

будет всегда определять понятийное содержание, “разжижать” или даже подменять его; господство частного рационального (интереса, знания) над всеобщим рациональным будет ограничивать само рациональное и ставить предел на пути рационального и реального понимания мира. При этом чем больше и сильнее научные претензии идеологии, тем внешне она респектабельнее, современнее, но тем более она уязвима внутренне, тем легче противопоставить ей ее же научный “сегмент”.

7. Система идеологий и капитализм как система

Как известно и как уже говорилось выше, идеология (Идеология) возникла как тримодальное явление, как три идеологии, в отличие, например, от христианства, которое изначально было моносистемой и лишь в ходе дальнейшей длительной эволюции дробилось и ветвилось. И.Валлерстайн убедительно показал, как и почему идеологий могло и должно было быть именно три, – в соответствии с отношением к изменению, с возможными позициями по поводу изменения-развития. Таких позиций действительно может быть только три. Но не только по логически-цифровой, “пифагорейской” причине, которую привел Валлерстайн и которая определяется феноменом изменения, а еще и по другой, более глубокой причине. Последняя связана не с объектом реагирования, а с субъектом, и задача ее понимания требует продолжить аналитический путь с того места, где Валлерстайн, к сожалению, остановился.

Идеология как особая форма выражения социальных интересов зрелого (промышленного, формационного) капиталистического общества не может существовать в единственном числе в соответствии с сутью, законами развития капиталистической собственности, а не только по логике реакции на ставший неизбежным факт изменения – последнее носит в большей степени внешний характер, а потому очевиднее и легче фиксируется эмпирически, тем более что мир-системный анализ фиксирует прежде всего более или менее внешние пласты бытия капиталистической системы.

Как писал В.В.Крылов, лишь в действительном процессе производства капиталу, который функционирует в качестве производительного, принадлежат непосредственно все прочие факторы труда, а не только овеществленный труд. Как только процесс труда кончается, “вне активно осуществляющегося процесса производства капитал уже не покрывает собой все элементы и факторы совокупного процесса производства”[68]. Действительно, природные факторы принадлежат землевладельцам (частным или государству), рабочая сила – наемным работникам, социальные факторы производства – тем, кто организует разделение и комбинацию труда, а именно государству в лице бюрократии; духовные формы производства принадлежат особым корпорациям в виде институтов, университетов. Таким образом, делает вывод Крылов, вне действительного процесса труда, т.е. как совокупный процесс производства, система отношений капиталистической собственности оказывается шире, чем капитал сам по себе, хотя он и конституирует всю эту систему элементов[69]. Исходя из своего анализа капитала, капиталистической собственности, В.В.Крылов показал, почему и как капитал развертывается в многоукладную систему, почему и как капитал не является и не может являться одной-единственной формой капиталистической собственности, отсюда – мировая капиталистическая система как многоукладная, включая “некапитализм(ы)” и антикапитализм.

Но тот же анализ В.В.Крылова показывает, почему и как при капитализме невозможен один-единственный господствующий класс или одна-единственная господствующая группа, как, например, феодалы при феодализме или рабовладельцы при антично-рабовладельческом строе. Если оставить в стороне бюрократию как персонификатора функции капитала, то, по субстанциональной линии, господствующих групп в зрелом капиталистическом обществе должно быть как минимум две: те, чьей основой являются действительный процесс труда (производства) и прибыль, и те, чьей основой являются природные факторы производства и рента, являющиеся, однако, не пережитком докапиталистического строя, а выступающие интегральным элементом самого капитализма. Я уже не говорю о представителях торгового, а позднее – финансового капитала.

Несводимость капиталистической собственности к капиталу объясняет целый ряд “странностей” капитализма и буржуазии. Например, тот факт, что буржуазия всегда стремилась не столько буржуазифицироваться, сколько аристократизироваться. И дело здесь не в том, что граф де Ла Фер привлекательнее господина Журдена. Дело в том, что только вкладывая средства в землю и стремясь таким образом получать часть прибыли от своего капитала, как от ренты, т.е. прибыли, связанной с монополией, исключающей или минимизирующей капиталистическую конкуренцию, капиталист может относительно обезопасить свое будущее и будущее своих детей от колебаний рынка, от взлетов и падений прибыли, от рынка и в этом смысле – от капитализма[70].

Сам по себе капитал обеспечивает только настоящее, поскольку именно в нем протекает действительный процесс производства, в нем куется прибыль, тесно связанная с конкуренцией. Будущее обеспечивается вложением в прошлое – в землю, в недвижимость, владение которыми монопольно и подрывает конкуренцию. В этом, помимо прочего, заключается и причина того, что буржуазия (даже) в ядре капиталистической системы не создала собственного социального и культурного идеала, а заимствовала таковой у аристократии, т.е. подчинилась социокультурному идеалу того слоя, с которым по идее должна была бороться или, скажем мягче, сталкиваться во всех сферах, включая культуру и ценности. Даже в Англии, на родине промышленной революции, социальным идеалом в XIX в. (да и в XX тоже) был не буржуа-фабрикант-капиталист, а джентльмен, сельский сквайр. Как заметил М.Дж.Винер, идеалом британского образа жизни являются спокойствие, стабильность, традиции, тесная связь с прошлым, преемственность с ним[71]. Не случайно в Англии говорят о “джентрификации буржуазии”. Не все просто и с социальным идеалом в континентальной Европе: ни во Франции, ни в Германии буржуа им не является.

Крыловский анализ показывает, что капитализм, будучи единством капитала и некапиталистических форм собственности, есть “борьба и единство противоположностей” монополии и рынка, ренты и прибыли. Это, в свою очередь, раскрывает смысл броделевской фразы: “Капитализм – враг рынка”, – которая вне анализа капиталистической собственности остается лишь красивым французским парадоксом, mot, еще одним артефактом французской интеллектуальной культуры.

Разумеется, нельзя излишне жестко противопоставлять господствующие интересы, группы и классы капиталистической системы по линии “прибыль – рента”, реальность сложнее, чистых типов нет, большинство обладателей прибыли стремятся подстраховаться рентально. И все же. Поскольку это получается не у всех и не у всех в равной степени, поскольку различные виды деятельности тяготеют в большей степени либо к рынку (прибыль), либо к монополии (рента), наконец, поскольку с ростом “капиталистической мир-экономики” росло, расширялось ее европейское ядро, что особенно на первых порах усиливало его социальную и экономическую (укладную) неоднородность, выделяются два основных типа деятельности и отвечающие им комплексы интересов – с соответствующим отношением к изменению, за которым скрывается и сутью которого является действительный процесс труда в рамках совокупного процесса производства капиталистического общества.

С этой (но только с этой, поскольку идеология есть явление тонкое и многомерное) точки зрения либерализм есть утверждение и выражение социального процесса производства по отношению к другим фазам совокупного процесса производства; капитала как собственности – по отношению к другим формам собственности в рамках капиталистической собственности; прибыли – по отношению к другим формам извлечения дохода.

С этой же точки зрения консерватизм есть отрицание капитала как бы извне собственно капиталистического производства. Точнее, грубо говоря и отвлекаясь от цивилизационных (“социокультурных”) и индивидуальных составляющих, которые очень важны, это наступление на капитал как собственность (и соответствующие ему социально-политические формы) с позиции прежде всего тех форм капиталистической собственности, которые связаны с землей (рента), монополией (в том числе на рынке, ибо часто связаны с заморской торговлей). Иными словами, консерватизм – это отрицание – в рамках капиталистической собственности – капитала как субстанции овеществленного труда с позиций другой же субстанции – природы, не переделанной трудом, но уже включенной в капиталистическую систему и “вращающуюся” по законам ее “кругооборота”.

Еще раз хочу подчеркнуть, что речь идет о социальных и экономических интересах, лежащих в основе идеологий,

а не о том, почему и как те или иные люди становятся либералами, консерваторами или марксистами. В этом сверх-жестокой классовой привязки нет: отпрыск буржуазной семьи может стать марксистом, обедневший землевладелец – либералом, а капиталист – консерватором или, как Энгельс, марксистом. Люди из разных социальных групп могут прийти к одним и тем же идеологическим убеждениям, а представители одной и той же группы – оказаться по разные стороны идеологических баррикад. Я уже не говорю об индивидуально-биографических особенностях, окрашивающих в неповторимые цвета одну и ту же идеологию в “исполнении” разных людей. Так, консерватизм Ж. де Местра, Токвиля, Шатобриана и Л. де Бональда был разным, оставаясь в то же время консерватизмом Наконец, многие люди из разных социальных групп вообще не разделяют никакой идеологии – плевать на идеологию, по крайней мере, осознанно. Неосознанно, подсознательно, правда, дело может обстоять иначе, но это уже скорее сфера социальных инстинктов.

И тем не менее в целом связь между социальной группой, местом в системе капиталистической собственности и идеологическими пристрастиями, при всей автономии идеологии по отношению к сфере материального производства, экономики (и чем более развито капиталистическое общество, тем эта автономия больше) просматривается.

Итак, о консерватизме и либерализме сказано, и из сказанного понятно, почему сначала возникает консерватизм, а затем либерализм. Последним из трех великих идеологий возникает марксизм. А что же он? Ясно, что марксизм – это отрицание капитала и капитализма. Но какое? С каких позиций, на какой основе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшой экскурс в сферы знания, которые ныне непопулярны, но по мере продвижения мира в XXI в. будут приобретать все большее значение, – политическая экономия и философия капитализма как системы.

8. Субстанция и функция

У каждой общественной системы есть ее социальное “тело”, субстанция, обладающая некими функциями, атрибутами. Все это, как и факт противоречия между субстанцией и функцией, – довольно тривиально. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы, чем больше природные факторы производства господствуют над искусственными, а живой труд – над овеществленным, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция “утоплена” в субстанции, тем меньше ее автономия.

Субстанция – это, прежде всего, материальное производство, отношения, складывающиеся в ходе него и по его поводу, т.е. в ходе распределения факторов производства (собственности). Функция (или функции) – это уже те отношения, которые складываются вокруг субстанции, по ее поводу, выступают в качестве ее атрибутов, и чем сложнее и развитее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее их несовпадение с ней, тем они автономнее; функции – это управление (“государство”), регуляция социального поведения (“политика”), коммуникации. У функции – свои структуры и формы организации, как и у субстанции.

Максимальной остроты противоречие между субстанцией и функцией (а также между содержанием и формой) обретает при капитализме[72], когда экономические отношения становятся системообразующими производственными, социальное насилие содержательно обособляется из сферы производственных отношений и возникают формы, регулирующие (в)неэкономические отношения индивидов и групп. Кроме того, при капитализме функционально снимается противоречие между отношениями производства и обмена – эксплуатация осуществляется как обмен рабочей силы на овеществленный труд (“капитал”), входит в ткань производства, в результате обмен приобретает значительную автономию, а внешне вообще может показаться, что он диктует свою волю производству. Ведь капитализм – это, помимо прочего, товарное производство с целью получения прибыли, т.е. увеличения (меновой) стоимости. Любой продукт, попадающий на товарный рынок, становится товаром, независимо от того, в какой социальной системе, при каких социальных порядках он произведен и как соотносятся в нем естественный и искусственный субстраты. Функционально обмен при капитализме превращает

в стоимость то, что не является ею и не создается производительным капиталом. Иными словами, обмен выступает одновременно и основой производства, чего не было ни в одной докапиталистической системе, и ее специфическим функциональным органом, чего до капитализма тоже не было. При этом происходит максимальная функционализация производственных отношений.

С капитализмом социальная функция становится таковой в строгом смысле этого слова, порывая с субстанцией, "выныривая" из нее и утрачивая субстанциональные, материальные, природные характеристики, а потому не только функционализируется, но и социализируется. Процесс производства становится социальным не только по содержанию, но и по форме. Чем функциональнее и социальнее производственные отношения, тем мощнее они подстегивают развитие производительных сил, тем быстрее его темп.

Капитализм, благодаря функциональному характеру своих производственных отношений, в этом плане побил все рекорды. Например, производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, т.е. превращение его полностью или частично в "говорящее орудие", в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциональный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природы. В этом смысле докапиталистические общества (и чем древнее, тем в большей степени) "сконструированы" и действуют так, чтобы свести к минимуму какую-либо функцию, кроме той, что растворена в субстанции, погружена в нее и если и "выныривает" из нее, то редко, невысоко и ненадолго. Капитализм, напротив, стартует с высокого уровня функционализации производственных отношений. Это – его начало. Логическим концом капитализма должна быть (и может быть) только полная функционализация производительных сил. Это соответствует функционализации как макрозакону развития производительных сил капитализма.

Благодаря именно автономии функций капитала, их способности приобретать некапиталистические формы (например, плантационное рабство), превращаясь просто в богатство в тех случаях, когда им не противостоит наемный труд, рынок становится по-настоящему мировым. Однако мировой аспект характеризует не только рынок, но и другие формы бытия функций. Причем в индустриальную, доэнтээровскую эпоху мондиализация, глобализация мира, охват его капитализмом развивались прежде всего по функциональной линии. Еще раз сошлюсь на В.В.Крылова, который подчеркивал, что до НТР капитализм был мировым явлением только как совокупный процесс общественного производства, тогда как в качестве действительного процесса производства он был по преимуществу явлением локальным, региональным ("североатлантическим"). Это несовпадение – одно из конкретных проявлений более общего несовпадения субстанции и функции капитала. И реализуется это несовпадение здесь двояко – как в социальном времени (по линиям: производительные силы – производственные отношения, производство – обмен), так и в социальном пространстве (мировой уровень, мир в целом как поле действия производственных отношений – локально-региональный уровень как поле действия индустриального производства).

Способность производственных отношений при капитализме действовать за рамками "своего" производства, вне их – ситуация невозможная ни для феодализма, ни для рабовладения. В последних случаях были возможны лишь чисто внешние, даннические формы отношений и эксплуатации, не превращавшие объект эксплуатации функционально ни в рабовладельчески, ни в феодально эксплуатируемый. Способность, о которой идет речь, позволяла капиталистическим производственным отношениям как мировому, универсальному обмену, поле которого – мировой рынок, превращать – функционально – в товар (придавая капиталистический характер) любые объекты, попадающие на этот рынок, независимо от того, произведены они индустриальным или ручным способом, в капиталистическом обществе или где-нибудь на племенной периферии арабского или африканского мира. Что еще более важно, систематическая эксплуатация капиталом таких некапиталистических форм автоматически становится капиталистической по функции. Возникающая капиталистическая эксплуатация без капиталистического способа производства есть еще одно проявление несовпадения субстанции и функции капитала, способность последней как "энергии" существовать автономно от "материи", "вещества".

Но функциональная капитализация мира не останавливается на уровне эксплуатации, а потому несовпадение

субстанции и функции капитала обретает и другие формы. Она идет глубже – на уровень отношений собственности и социально-экономических систем. Парадокс в том, что к концу XIX в. Капиталистическая Система пришла с большим количеством некапиталистических (докапиталистичеких) укладов, чем их было, например, в конце XVI или в конце XVII в.! По идее капитализм должен был уничтожать докапиталистические формы, а вышло наоборот, он их умножил. Иными словами, капитализм не реализовал, не смог реализовать себя в качестве глобальной, единой социально однородной мировой капиталистической системы (формации, если пользоваться марксистским термином). Ну а в начале XX в. эту неоднородность усугубил коммунизм. Глобальной качественно однородной капиталистической формации не получилось.

Разумеется, сохранение каких-то некапиталистических и докапиталистических структур можно отчасти списать на сопротивление местных обществ, на неспособность капитала проглотить и переварить огромные пространственные и демографические массивы. Но это так только отчасти. Потому что целый ряд структур капитализм мог уничтожить, но не уничтожил. Исторически капитализм, как правило, уничтожал только те докапиталистические формы, которые, будучи доклассовыми, не могли обеспечить минимально необходимого (для старта капиталистического типа эксплуатации) уровня прибавочного продукта. Персонификаторы таких форм либо сгонялись с их земель, либо уничтожались. Но, внимание! – на их месте капитал уже от себя создает опять же докапиталистические по своему социальному содержанию уклады – плантационное рабство, латифундии, мелкую собственность в белых поселенческих колониях XVII-XVIII вв., еще не ставшую буржуазной, но такую, которой в данной местности до капитализма не было.

Перед нами – воспроизводство некапиталистических форм на капиталистической основе в целях самого капитала там, где он не может производить стоимость, выступая в качестве производительного капитала, а способен лишь присваивать ее. Заметим это: капитализм в своих интересах может создавать некапиталистические формы или даже превращаться в них. Это – принцип его существования. Это “буржуазное происхождение небуржуазных форм” (Маркс), эта “капиталистическая отсебятина” и есть реализация несовпадения субстанции и функции не только по линии производства, но и по линии собственности.

Трудно перенести на некапиталистическую почву капитал-субстанцию, субстанциональные аспекты капитализма; значительно проще обстоит дело с функциональными аспектами. Их структуры – администрацию (“государство”), армию современного типа, коммуникации, организацию знания, идей – заимствовать значительно легче. Для этого не нужно быть обладателем капитала-субстанции “у себя дома”, достаточно стать функциональным элементом мировой капиталистической системы, причем опять же необязательно по линии экономики, достаточно политики, межгосударственных отношений, как это и произошло в России при Петре I. При этом функциональная капитализация совершалась и происходила за счет субстанциональной капитализации и в ущерб ей, когда уничтожалось все или почти все имеющееся субстанционально “предкапиталистическое” и блокировалось развитие нового. Это опять же Россия Петра I и его преемников. Но далеко не только Россия. Например, функциональная капитализация Индокитая (да и Юго-Восточной Азии в целом) привела к тому, что диахронные в истории Западной Европы, т.е. в ядре капиталистической системы, процессы первоначального накопления капитала (генезис капитализма) и капиталистического накопления на индокитайской периферии (и многих других частях периферии и даже на полупериферии) становятся синхронными. Более того, вступают в борьбу друг с другом, и первоначальное накопление постоянно блокирует накопление капиталистическое, т.е. развитие капитализма[73], ведя к самовоспроизводству долго- или даже “вечноиграние” фазы создания предпосылок. Таким образом, при капитализме в капиталистической системе мы имеем максимальное несовпадение, противоречие между субстанцией и функцией капитала и – соответственно – структур и групп, воплощающих их в социальной реальности. При капитализме (и только при капитализме) принципиально возможно отрицание субстанции капитала посредством и на основе его же функций – вплоть до полного отрыва. Более того, тотальное, полномасштабное отрицание капитала и капитализма возможно только на функциональной основе и как функциональное; субстанциональное отрицание всегда будет частичным, непоследовательным и компромиссным. “Оторвавшаяся”, “взбесившаяся” функция, уничтожающая субстанцию, – это и есть коммунизм[74]. Но это уже другая тема, вернемся к марксизму, к вопросу о том, что есть марксизм как идейно-политическая позиция по отношению к капитализму.

9. Марксизм как идеология и “марксизм-ленинизм” как антиидеология (“власть-знание”)

В свете того, о чем сказано выше, марксизм выступает как отрицание капитализма внутри совокупного общественного процесса, но не на основе субстанции, не в рамках действительного процесса производства, а на основе функций капитала, с их помощью. Здесь функциональные аспекты совокупного процесса общественного производства в целом как бы обрушиваются на один из его элементов (или на несколько элементов).

Марксизм – идеология целостного функционального отрицания капитала.

Получается, что марксизм объективно есть идеология тех социальных групп, которые воплощают в своем бытии функциональные аспекты капитализма как противостоящие субстанциональным, и отрицают вторые с позиций первых. Маркс ошибочно посчитал персонификатором функционального отрицания капитализма пролетариат, с которым ошибочно же отождествил европейские, прежде всего английские, низы первой трети XIX в. Капиталистический же, формационный пролетариат на самом деле является персонификатором субстанции, агентом капитала как содержания и действует внутри него. Поэтому-то социал-демократическое движение лишь первоначально выступало против капиталистических порядков, а затем постепенно интегрировалось в них, поскольку противоречие, отрицание здесь имеет место в рамках одного качества – субстанции, а потому не может быть полным: это означало бы самоотрицание, социальное самоубийство рабочего класса.

Борьба рабочих ядра капиталистической системы против капитала под знаменем марксизма была не столько адекватным марксизму политическим движением, сколько результатом врéменного, обусловленного неразвитостью самого капитализма совпадением еще не полной обособленности, расчлененности двух принципиально различных форм социального отрицания – внутрикапиталистического, в рамках самого капитала (овеществленного труда) как субстанции, с одной стороны, и антикапиталистического – отрицания капитала как субстанции его социальной функцией – с другой. Можно сказать, что длительное время функциональное отрицание капитала внутри самого капитализма проявлялось в неадекватной ему содержательной форме и (или) совпадало с неадекватной формой. Однако по мере развития капитализма база для этого истончалась и исчезала. Вехи этого процесса – идеологический и организационный кризис социал-демократии и марксизма на рубеже XIX-XX вв. (ревизионизм против ортодоксии на Западе, меньшевизм против большевизма, особенно в его крайней, необольшевистской – ленинской – форме в России), крах II Интернационала во время первой мировой войны, австромарксизм и, наконец, Бад Годесберг (1959), который формально зафиксировал фактически уже наступившую смерть “ортодоксального марксизма” и антикапитализма “рабочих партий”. И.Валлерстайн “с подачи” Н.Элиаса верно называет эту разновидность “марксизмом партий”, но ошибочно смешивает в одну кучу Каутского, Ленина и Сталина, социал-демократические и коммунистические партии[75], демонстрируя непонимание непартийной природы коммунистической партии, их властного содержания и принимая форму за содержание.

В ядре, в центре капиталистической системы, где капитал силен прежде всего как субстанция, его функциональное отрицание вообще имеет крайне мало шансов на успех (Франция – 1871 г., Германия – 1918, 1923 гг.) и может существовать лишь до поры как элемент внутрикапиталистических “стадиальных отрицаний”. Иное дело – полупериферия и периферия, где сильны функциональные аспекты капитала, а субстанционально он слаб; где капитал выступает, прежде всего, как функция, нередко – в некапиталистической или раннекапиталистической форме – и где сама капиталистическая эксплуатация носит функциональный характер и развивается на основе не столько местных доиндустриальных производительных сил, сколько мирового рынка и индустриальных производительных сил центра. В результате чего, несмотря на слабость или даже отсутствие местной капиталистической субстанции, противоречие между субстанцией и функцией капитала носит острый характер, а функция значительно более сильна и автономна, чем в центре. В такой ситуации принципиально возможен полный отрыв функции от субстанции, приобретение ею самостоятельности и создание адекватной ей структуры, отрицающей капитализм. Поскольку отрицание носит функциональный характер, исходное

социальное содержание агента отрицания значения не имеет.

В результате марксизм как идеология находит адекватную себе социальную ситуацию на полупериферии мировой капиталистической системы, не зависит жестко и непосредственно от социальной природы персонификатора отрицания и от уровня развития производительных сил данного общества (вспомним Ленина, Мао, Кастро и т.п.). Генетически марксизм становится идеологией захвата власти (государства), а функционально (или негативно содержательно) – идеологией обеспечения индустриального развития на антикапиталистической основе в национально ограниченных рамках (отрыв функции от субстанции в мировом масштабе в условиях промышленного капитализма, – а именно его противоречия и выражает исходно марксизм как идеология, – невозможен). При этом идеология утрачивает свои идеологические характеристики и превращается в отрицающую идеологию как явление власть-знание, универсалистские претензии которого становятся фактором легитимности существования этой власти в национально-ограниченном пространстве. Это и есть марксизм-ленинизм, т.е. идеология марксизма, превратившаяся во власть-знание, утратившая черты идеологии и борющаяся с немарксистскими идеологиями уже не только как с немарксистскими, но и как с идеологиями, точнее как с Идеологией.

“Марксизм-ленинизм” отрицает либерализм, консерватизм и “неленинские формы марксизма” не по отдельности, не как рядоположенные, а в целом, как целое, как Идеологию. Будучи коррелятом коммунистического строя, т.е. всевластия власти, “власти власти” (кратократии), снявшим в себе, выражаясь марксистским же языком, “противоречие между базисом и надстройкой” и оказавшимся по ту сторону их дихотомии, “марксизм-ленинизм” не может терпеть и отрицает любую идеологическую форму, поскольку она автоматически, самим фактом своего существования подрывает основы его бытия. В то же время внешне, по форме “марксизм-ленинизм” должен был оставаться и остаться идеологией – так же, как негосударственная, отрицающая государственность структура СССР должна была внешне, по форме выступать как государство со всеми внешними атрибутами. Таковы правила игры – Большой игры – мировой капиталистической системы: любая суверенная политическая структура, чтобы быть допущенной в игру, должна выступать элементом межгосударственной системы, т.е. государством, по крайней мере, внешне. Аналогичным образом любая идейная система Современности – “доидеологическая”, “антиидеологическая” или “неидеологическая” – должна выступать как идеология.

Это касается не только “марксизма-ленинизма”, но, например, таких форм, как национализм или исламизм. Сам по себе национализм идеологией не является. Однако в идеологизированном поле Современности он автоматически превращается в идеологию. Точнее, приобретает ее внешние атрибуты и претендует на идеологический статус.

Если национализм исторически возник на Западе в современную эпоху, т.е. в том месте и в том времени, с которыми исторически тесно связана идеология, и которые суть социокультурное “магнитное поле”, породившее идеологию как явление, то исламизм к этому всему не имеет никакого отношения. Его религиозный, интегралистский и антизападный характер не содержит в себе ничего идеологического. Однако поскольку исламизм возник как реакция на идеологическое и социокультурное давление Запада, капитализма, поскольку он выступает как идейно-политическое средство борьбы в современной мировой капиталистической системе, функционально, негативно и формально он приобретает идеологические черты. Западной универсалистской идеологии – будь то либерализм или марксизм, исламизм противостоит как идеология. Правда, по мере ухода Современности в прошлое и в связи если не с упадком, то с ослаблением универсалистских идеологий либерализма и марксизма антизападные идейные течения, по-видимому, все меньше будут примерять идеологические одежды и станут выступать в адекватной им этноцивилизационной или религиозной форме – этот процесс уже вполне различим. Иранская революция 1979 г. – тому пример и иллюстация.

Повторю главное: в идеологизированном мире Современности идеологическую форму приобретали даже такие идейно-политические явления, структуры и институты, которые содержательно возникали как отрицание идеологии, как антиидеология. И это несовпадение было внутренним системообразующим противоречием указанных явлений, структур и институтов. Нетрудно заметить, что несовпадение и противоречие, о которых идет речь, повторно-зеркально воспроизводят внутри форм, возникших на основе несовпадения субстанции и функции

капитала, на основе противоречия между субстанцией и функцией, эти самые несовпадение и противоречие, интериоризируют их, превращая во внутреннее противоречие негативно-функциональных форм. Но противоречие это уже выступает как таковое между содержанием (антикапиталистическим) и формой (капиталистической, буржуазной), которую они вынуждены принимать в соответствии с логикой функционирования мирового капиталистического целого, в которое они вписаны, хотя и со знаком "минус". Это относится и к "марксизму-ленинизму".

Именно в форме "марксизма-ленинизма", трансформирующегося затем в "маоизм", "чучхе" и т.п., марксизм успешно распространялся на полупериферии и периферии. Особенно в тех странах Азии, где идейные ("религиозно-этические") системы фиксировали жесткое закрепление групповых социальных ролей и полномасштабную регуляцию их властью, т.е. были "власть-знанием" генетически, на "докапиталистической" основе, а не как отрицание капитализма и его идеологий. "Недоидеология", если можно так выразиться, и "постидеология", "гиперидеология" совпали по негативу – как "азиатские способы производства" и "реальный коммунизм". Но это – далеко не единственная причина успеха "марксизма" ("марксизма-ленинизма") в неевропейском мире.

Дело еще и в следующем. Будучи такой критической социальной теорией и идеологией, которая возникла на пересечении нескольких линий социального, экономического и идейно-политического развития и отразила взаимодействие (позитивное и негативное) между различными типами исторических систем (и между системами одного типа) – Европейской цивилизацией, буржуазным обществом и мировой капиталистической системой, марксизм объективно мог быть использован как средство идеологического отрицания и в его рамках – социального теоретического анализа любой из этих систем. Будучи антикапиталистическим, он мог стать основой и орудием критики европейского капитализма (капитализма "ядра") и "изнутри", и "извне", с позиций мировой системы – как в целом, так и с "точки зрения" ее периферийных и полупериферийных элементов (докапиталистических и некапиталистических). В то же время без серьезного нарушения его внутренней логики марксизм может быть использован как средство критики мировой системы и капитализма с позиций как европейской цивилизации, так и неевропейских цивилизаций. Наконец, он мог быть использован для критики европейской цивилизации с позиций капиталистической системы в целом.

Иными словами, благодаря функциональному антикапитализму марксизм приобрел черты содержательного антизападничества ("антиимпериализма"), реализуемого посредством западной же по происхождению системы идей. Перефразируя К.Леонтьева, который охарактеризовал чехов как оружие, которое славяне отбили у немцев и против них же направили, можно сказать, что марксизм – это оружие, которое Не-Запад (прежде всего Россия, а затем Восток) отбил у Запада и против него же направил; это оружие, которое не-капитализм отбил у капитализма и против него же направил: "Ступай, отравленная сталь, по назначенью". Но дело в том, что в ходе "отбития" и изменения направления удара серьезнейшие качественные перемены происходят с марксизмом и как с марксизмом, и как с идеологией. Во-первых, он перестает быть марксизмом, т.е. специфической, одной из трех идеологий Большого Идеологического Треугольника Современности, перестает быть чисто западной идейно-политической формой. Во-вторых, он, как уже говорилось, вообще перестает быть идеологией по содержанию, а в значительной степени и по функции; только форма осталась, да и то не во всем.

В то же время необходимо отметить, что такие трансформации оказались (были) возможны только с марксизмом, у марксизма. Создается впечатление, что только в ходе этих трансформаций, посредством их и на их основе и смогло реализоваться на практике полное тотальное отрицание капитализма, характерное для марксизма, смогло реализоваться заложенное в нем, его "генетическая" программа. Только так могла реализоваться на практике идеология марксизма, т.е. путем самоотрицания. Похоже, было нечто в марксизме, что для полной реализации его на практике в качестве марксизма требовало преодоления его идеологичности, что бы по этому поводу ни думал сам Маркс. По-видимому, в самом марксизме неидеологическое было очень важным, но непроявленным компонентом, представляло собой hidden transcript. Некоторые исследователи именно в этом видят идеологичность марксизма и ленинизма и противопоставляют его идеологию, в строгом смысле слова, либерализму и консерватизму. На мой взгляд, дело обстоит с точностью до наоборот. Именно либерализм и консерватизм были идеологиями, по крайней мере, с точки зрения их реализации на практике.

Либерализм и консерватизм реализовывали себя на практике, не переставая быть идеологиями, не исчезая как специфические качественные определенности. Это говорит не только об их специфике, но и о специфике самого марксизма и его места в Западной Системе или, более узко, в “цивилизации XIX в.”, и о специфике его роли в мировой капиталистической системе. Точнее говорить о спецификах. Одна из них заключается в том, что марксизм возник позже двух других идеологий. Ненамного позже, но в условиях бурного и динамичного XIX в. это “ненамного” – два десятка лет – дорогого стоит. Консерватизм и либерализм возникли “вглуби” революционной эпохи 1789-1848 гг., на них (даже на либерализме) лежит еще сильный отпечаток локального европеизма, они еще не так близки к краю, за которым начинается превращение, исторически почти моментальное, “локальной Европы” в “мировой Запад”, они сравнительно далеки от “точки бифуркации”, пройдя которую “европейский локус” превратился в центр “мирового глобуса”. Марксизм же находится не просто близко к этой точке, а по сути в ней. Или почти в ней. В этом (но только в этом!) смысле марксизм – это самая современная и мировая из современных идеологий, во многом – самая квинтэссенциальная, не говоря уже о том, что самая революционная идеология. Обладание таким количеством качеств сделало марксизм исключительно плотным, насыщенным, внутренне противоречивым – вплоть до возможности самоотрицания (в качестве идеологии) и придало ему исключительно динамичный характер, причем не только как идеологии, но и в еще большей степени как социальной теории и научной программе. Но прежде чем перейти к ним – последнее замечание, точнее, предположение о марксизме как идеологии.

По-видимому, именно “мировые” и “переломные” качества, помимо прочего, способствовали усилению неидеологического (гиперидеологического – марксизм исторически оказался не просто идеологией, но преодолением идеологии и идеологичности) компонента и потенциала в марксизме. Это лишний раз свидетельствует о том, что идеология – явление европейское; это такая же “европейская роскошь”, как политика. Можно сказать и так: буржуазная роскошь. И чем больше буржуазное европейское общество становилось капиталистической мировой системой, точнее – ядром этой системы, тем большее напряжение испытывала идеология, связанная с европейскими буржуазными ценностями. Принципиальных ответов на рост напряжения могло быть два.

Первый – самоконсервация на уровне и в качестве идеологии, что и продемонстрировали либерализм и консерватизм, оказавшиеся с этой точки зрения в “одной лиге”. Второй – преодоление идеологии, трансидеологичнось, гиперидеологичность, “идеологический сюрреализм”. Это путь марксизма, превращающегося в “марксизм-ленинизм”, коммунизм. Но был еще и промежуточный вариант – социализм. Это та “часть” марксизма, которая, опершись на определенные структуры субстанции в ядре капиталистической системы и “зацепившись” за идеологию (главным образом – за либерализм), сохранила себя в качестве идеологии и начала свое историческое “болтание в проруби”. Но к марксизму это уже имеет лишь косвенное отношение.

10. Теория и научная программа Маркса: пересекая шварцшильдовский радиус

К чему стремился Маркс с точки зрения разработки социально-исторической теории, какова была его научная программа? Что он хотел, что (и почему) получилось, что можно извлечь из его опыта конструирования социально-исторической теории?

В свое время Ленин писал о трех источниках, трех составных частях марксизма, называя в качестве источников английскую (точнее было бы – шотландскую) политическую экономию, французский социализм (т.е., по сути, социально-политическую теорию) и немецкую философию, элементы которых Маркс активно использовал в собственной теории. Задержимся немного на этой ставшей уже тривиальной констатации.

Конструируя свою теорию, Маркс использовал, во-первых, три качественно различные социальные дисциплины,

которые в совокупности охватывали все основные сферы человеческого бытия, – экономическую, социальную, политическую, духовную. Во-вторых, в каждой отдельной дисциплине было отобрано последнее слово – новейшее и на то время обладавшее наибольшим эвристическим потенциалом теории (при всем критическом отношении к ним Маркса), за которыми стояли Смит, Рикардо, Фурье, Сен-Симон, Гегель. Иными словами, Маркс находился на переднем крае социальной мысли своего времени. Но дело не только в этом. Каждая из дисциплин-источников была национально окрашена и на своем научном (т.е. универсальном) языке отражала специфический национально-исторический опыт. Отражала и фиксировала посредством той дисциплины, которая была наиболее адекватна этому опыту, – в том плане, что была осмыслением наиболее развитой, продвинутой в данном обществе социальной сферы. Для Англии это была экономика (следовательно – экономическая теория); для Франции – социальная и политическая сфера; наконец, для Германии – философская. Так, таким образом, в такой научно-дисциплинарной форме эти три страны, три главных национальных потока европейского развития реагировали на проблемы, которые ставили перед ними Капитализм и Современность. Ведь было же замечено: то, что в Англии есть дело экономической теории, во Франции становится проблемой политики и, следовательно, социально-политической теории, а в Германии – философии. Но это значит, что три дисциплины, три научных дискурса, о которых идет речь, по-своему отражали, выражали и обобщали трехсотлетний опыт развития Англии, Франции и Германии. Под этим углом зрения теория Маркса оказывается попыткой синтеза, попыткой разработки общеевропейской (макроевропейской) теории социального развития, причем не только и не столько пространственно-исторически, сколько методологически, со стремлением найти общий наднациональный язык-знаменатель, которым и должен был стать понятийный аппарат Маркса.

Синтетический (перекрестно-объединяющий) характер марксистской теории проявился и в другом. Для развития европейской мысли была характерна дифференциация – то, что В.Соловьев назвал традицией гипостазирования частностей в западной мысли: диалектика – метафизика, материализм – идеализм и т.д. с дальнейшим дроблением. Маркс нарушил эту традицию, более того – повернул вспять: конструируя свою теорию, он пошел по пути объединения частностей, причем таких, которые нередко выступали элементами разных оппозиций (например: диалектика, но материалистическая; именно так, а не диалектический материализм[76]). Тем самым теория Маркса и марксизм в научном аспекте этой идеологии опять, но уже иначе и в другой плоскости оказывались на пересечении нескольких основных направлений развития европейской теоретической мысли. И опять выходит, что Маркс стремился к созданию квинтэссенциальной или общей европейской теории, квинтэссенциального, общего европейского метода познания социальных явлений, которым и стала для него комбинация материализма и диалектики.

Возможно, именно эта тенденция к разработке “гомогенезированной”, квинтэссенциальной, целостной теории европейского развития, европейского исторического субъекта была одним из первых признаков упадка или, по крайней мере, кризиса европейской “локальной” цивилизации, показателем тройного перелома, о котором говорилось в начале настоящей работы. Превращение “европейской мир-экономики” в мировую капиталистическую экономику, выход Европы (Запада) в мир в качестве некой целостности – ядра этого мира, в которой, насколько это можно, устраняются различия и снимаются противоречия между локально-национальными “частностями”, включая традиции мысли, – по-видимому, все это и нашло отражение в Марксовом опыте концентрации, синтезирования, объединения “гипостазированных” частностей в целостность. Трансформирующаяся в Запад, в ядро мировой капиталистической системы Западная Европа (а не просто Великобритания) превращалась в нового субъекта этой системы – субъекта мирового качества, который в противостоянии системе в целом и отдельным ее элементам (зонам) в частности выступал как единый, цельный. По отношению к этой целостности различные локально-национальные традиции выступали в качестве лишь ее аспектов, оставаясь внутри самой этой целостности, взятой не как мировой субъект, а как цивилизационный локус в качестве элементов, составляющих целое и неперемолотых им. Перед нами нетождественность Запада (Европы) самому себе как целого – целому, взятому в разных ипостасях, и как целого – совокупности элементов. Маркс своей теорией и в ней самой зафиксировал, помимо прочего, эту нетождественность.

Таким образом, с самого начала теория Маркса конструировалась как теория западного субъекта. Но субъект этот был, во-первых, системообразующим элементом капиталистической системы, а потому, во-вторых, не был социально единым, однородным, а распадался как минимум на два класса – буржуазию и пролетариат. Сам этот

факт вел к существенной модификации теории Маркса, ее субъектных качеств. Но обо всем по порядку.

Уже в “Тезисах о Фейербахе”, в одиннадцатом из них (“Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его”), Маркс заявил активный субъектный характер своей теории – как руководства к действию некоего субъекта. Теория Маркса планировалась как теория определенного субъекта для организации определенного субъектного действия. В соответствии с этой задачей вырабатывались определенные принципы, закладывался методологический фундамент, но построил на этом фундаменте доктор Маркс совсем другое, чем планировал. Ему не удалось создать то, к чему он стремился, хотя путем, который он планировал, но не прошел, можно пройти – речь об этом пойдет ниже. Однако логика идеологии и политических установок Маркса, а также общий дух эпохи обусловили деформацию и сужение теории Маркса, а также качественное изменение ее содержания.

Поскольку социальная теория Маркса развивалась в русле его идеологии, в тесной связи с ней, в центре внимания Маркса оказался определенный исторический субъект – класс пролетариев, отрицавший, по мнению герра доктора, буржуазное общество и его ценности – буржуазные, национальные, общечеловеческие. Так как главным было освобождение пролетариата именно как класса, т.е. коллективно, то сама логика идеологического дискурса и политической борьбы вела Маркса к максимальному вниманию к коллективному субъекту, а индивидуальная субъектность вытеснялась на задний план – и как менее важная и интересная, и как помеха общему делу. Эта же логика вела Маркса ко все большему пренебрежению индивидуальным субъектом, т.е. личностью, что неоднократно отмечалось исследователями[77], хотя далеко не всегда объяснялось адекватным образом. Трирец свел личность к совокупности общественных явлений, точке их пересечения. Но личность и жизнь самого Маркса опровергают подобную интерпретацию.

Далее. Поскольку Маркса интересовали коллективные действия угнетенного класса, Sein Kampf, системное в субъекте, то в самой деятельности субъекта на первый план выходили системные черты, и именно к ним, на них разворачивалась теория, теоретическая система – чтобы ни обещал метод. Кроме того, поскольку в центре внимания Маркса была классовая борьба пролетариата и буржуазии как двух коллективных субъектов, а также борьба пролетариата против буржуазии и буржуазного общества в целом, сама субъектная тематика приобрела в его теории в значительной мере негативный характер, а теория субъекта оказывалась в большей степени теорией отрицания субъектности (буржуазного) общества, одним из его элементов. Главный субъект капиталистического общества – капитал в лице его персонификатора, буржуазии, становился объектом отрицания; антикапитализм, антибуржуазность принимали форму антисубъектности, отрицания любых ценностей, кроме пролетарских. Но поскольку в обществе доминируют идеи и ценности господствующего класса, ценности пролетариата – это тоже ценности буржуазного общества, буржуазные ценности, но модифицированные, вывернутые на изнанку, чаще всего заземленные на материальном. Это не плохо и не хорошо – это реальность. Как заметил Дж.Оруэл, если для американского социалиста-интеллигента социализм – это вопросы теории и ценностей, то для социалиста-рабочего – лишняя бутылка молока для ребенка. Именно материальные ценности Маркс сделал центральными в своей идеологии (и теории), придав им статус коммунистических и проинтерпретировав таким образом. Получилось, что коммунистические, пролетарские ценности – это в значительной степени буржуазные ценности со знаком минус, сфокусированные на материальной сфере в самом узком смысле слова. В этом смысле есть резон в мысли, которую высказала автор очень женской и в целом слабой (но не такой слабой как “Марксова религия революции”, Г.Норта, Екатеринбург, 1994) книги о Марксе Ф.Леви. Она считает, что в теории Маркса пролетариат оказывается отраженным, зеркальным образом буржуазии[78].

В центре исследования Маркса находилось капиталистическое общество, капиталистическое производство, в котором отдельный человек (рабочий, индивидуальный субъект труда) превращается функционально в элемент техники, объективных условий, становится орудием машины: не индивидуальный рабочий применяет условия труда, а, как писал Маркс, машинная система, “условия труда применяют рабочего”. Реальным субъектом производства выступал совокупный рабочий (опять же коллективный, а не индивидуальный субъект). Кроме того, поскольку при капитализме овеществленный труд господствует над живым, все внимание было сконцентрировано прежде всего на предметно-вещественных (“объективных”) факторах и условиях производства. В результате в рамках и на языке своей политэкономии Маркс часто ставил и решал вопросы экономической теории

капитализма, в которых он нередко бывал слабее профессиональных экономистов; к тому же иногда Маркс некритически заимствовал у либеральной социальной теории то, что не имело права на существование в его теории, противоречило ее логике (например, как показал Дж.Комнинел, понятие “буржуазной революции”). В тех случаях, когда Маркс от политэкономического измерения переходил к узкоэкономическому, смешивая их, он порой превращался в заурядного экономиста XIX в., для которого, как и для либеральных экономистов, главное заключалось в изучении объективных условий развития процессов капиталистического производства и накопления. Субъектная тематика в такой ситуации (и это было правилом для XIX в.) могла исследоваться преимущественно в идейных конструкциях консерватизма, где она, однако, получала в основном интерпретацию некой иррациональной силы (например, в философии Шопенгауэра и особенно Ницше).

Если с проблемой личности Маркс сумел справиться по-марксистски, запрятав ее глубоко в совокупность социальных отношений, то со свободой воли (субъектность) и ее соотношением с детерминизмом (системность) так – по-марксистски не получилось. Данная проблема так и осталась у Маркса в оголенно-нерешенном виде, и в этом тоже проявляется промежуточно-переломный, кризисный характер теории (и личности) Маркса. Маркса, как мы помним, формировался в революционную эпоху, эпоху субъектного действия, тождества свободы воли над законами (детерминизмом) Старого Порядка, уходящего в прошлое. Это обусловило формирование теории Маркса исходно с самого начала как активистской, субъективной, волевой. Однако была и другая сторона.

На смену революционной эпохе пришла системно-капиталистическая – с ее детерминизмом, с ее законами, анализ которых считал своей главной задачей доктор Маркс. Именно из системных законов капитализма выводил он теперь революцию, ее неизбежность. Субъектное, волевое действие приобрело системный, детерминистский характер. Однако то, что нормально звучало на уровне социально-экономической теории, оборачивалось несостыковкой и концептуальным напряжением на уровне философии вообще и социальной философии в частности. Здесь Маркс так и не смог аналитически связать и примирить свободу воли и детерминизм и, попав в заколдованный круг, бросался то в одну сторону, то в другую, что не могло не породить множество противоречий в его текстах.

Итак, логика исторического развития (смена эпох и их принципиальное различие), научные (политико-экономические) и практические (политические) установки Маркса, с одной стороны, характер эпохи его формирования и его общая социальная установка – с другой, породили острую и неразрешенную в его работах проблему соотношения детерминизма и свободы воли. Маркс явно склонялся ко второй (недаром он часто возвращался к теме освобождения от “цепей экономического детерминизма”[79] – почти фрейдовская поговорка), но логика эпохи и теория заставляли его концептуализироваться на первом. В этом смысле эпоха, в которую мы вступаем, системный кризис капитализма, системны кризис капитализма, значительно более благоприятствует свободе воли, субъектному действию. И это позволяет нам, помимо прочего, сместить акценты в теории Маркса. Речь не идет о возвращении к “раннему Марксу” – это вообще во многом надуманная проблема[80]. Речь идет о реконструкции/деконструкции марксизма, о субъектном действии по отношению к марксизму как объекту, о применении к нему самому одиннадцатого тезиса – не как формы, как руководства к действию.

Далее. Если вещественные стороны капитализма изучались Марксом положительно, то личностные, субъектные, как уже говорилось, – отрицательно. Что касается функциональных аспектов капитализма, то объективно они интересовали Маркса исключительно в качестве фактора, который можно использовать для отрицания капитала как субстанции. Это во многом лишало смысла проблему социального содержания субъекта, отрицавшего капитал. Маркс полагал, что этим субъектом будет пролетариат, однако, поскольку отрицание носит функциональный характер, то в дальнейшем развитии марксизма оказалось, что ни содержание, ни субъектность носителя отрицания значения не имеют. Это может быть и пролетариат, и господствующий класс докапиталистического общества, и кто угодно – в любом случае он растворяется в функции, определяется и подавляется ею. Таким образом, негативный и геперфункциональный характер марксизма в сфере идеологии объективно вел к признанию самодовления, самоценности отрицающей функции и ее носителей, ее примата по отношению как к субъекту, так и к ее специфическому содержанию, а в сфере социальной теории устранял рассмотрение отрицания как субъектного действия, а его носителя – как субъекта. Это отрицание становилось не только центральным, концентрирующим в себе весь активизм теории Маркса, монопольно воплощающим в себе

его одиннадцатые тезис, но и по сути автоматическим бессубъектным – “объективным” – социальным законом, роком. К тому же реализация Утопии (на основе отрицания капитализма) по сути означает создание такого мира, где все проблемы решаются приведением в порядок внешних, объективных условий как объективных обстоятельств, в результате чего потребность в субъекте отпадает. Реализованная Утопия – это мир без Субъекта, мир, в котором существует только система, где единственный субъект – самодовлеющая Система.

Все это многократно усиливало несубъектный характер марксизма и максимально облегчало его восприятие в качестве идеологии за пределами Европы и превращение его там во власть-знание. Марксизм привлекал тем, что был западной теорией с антизападной направленностью; особенно выросла его популярность на Востоке после того, как большевики с его помощью сохранили империю и создали крепкую власть. Что касается идейного развития марксизма после Маркса в самой Европе – Энгельс, Каутский, Бернштейн, Плеханов, Ленин, Бухарин, Сталин, “советский официальный марксизм”, – то по целому ряду причин (от начала господства позитивизма и все большей позитивации марксизма на Западе и в России до превращения его во власть-знание в СССР) субъектная тематика была загнана в самые потаенные уголки марксизма, а во многих случаях ей вообще было отказано в праве на существование. Особый случай – Грамши, но здесь нет места говорить о нем[81], равно как о Д.Лукаче, К.Корше, Т.Адорно, Э.Фромме, и других, сгруппированных Э.Гулднером в качестве “критических марксистов”, и Л.Альтюссере, Т.Годельере, А.Глюксмане, Г.Терборне, представленных им как “научных марксистов”.

Упор Маркса как идеолога и ученого XIX в. на предметно-вещественные факторы развития производства, его сциентизм (хотя далеко не столь сильный, как у Энгельса), проявившийся во внимании к социальным законам развития капитализма как общественной системы (формации), из которых Маркс выводил неизбежность пролетарской революции, – все это вело трирца к смещению интереса с общества как субъекта к обществу как социальной системе (соблазн выведения революции из автоматического и независящего от воли человека закона был велик!). Поэтому то, что задумывалось как теория субъекта, стало теорией социальных систем (формаций), а еще точнее – теорией одной формации, именно капитализма. В целом Маркс стремился выдержать принцип историзма и избежать капиталоцентризма в анализе докапиталистических форм; часто это ему удавалось. Однако в центре внимания все равно оставался капитализм, что не могло не перекосить в его сторону систему в целом, создав противоречие между системой и методом. Маркс этого противоречия, по-видимому, не заметил. И потому, что идеология мешала, и потому, что он был во многом сыном своего времени, XIX в., сконцентрировавшегося на “овеществленном мире”. А вот в XX в., особенно по мере развертывания НТР, по мере развеществления самого производства, роста значения информационно-энергетических (невещественных) факторов, это противоречие стало очевидным, что, помимо прочего, позволяет иное, чем “марксистское” и тем более чем “девятнадцативековое”, прочтение Маркса, его теории и метафизики.

Из своего общего замысла относительно капитализма – разработка исторической теории капитализма как мирового явления – Маркс реализовал лишь часть, создав логическую модель капитализма в том виде, в каком он возник и развивался в суперъядре капиталистической системы – в Англии в первой половине XIX в. Многие изменения 1850-1870-х годов прошли мимо Маркса. При этом, как и либеральные экономисты и социологи (нередко в нарушение собственных же методологических принципов и отдельных мыслей), он представлял дальнейшее развитие капитализма чисто количественного, как повторение всем миром пути, пройденного Англией в XVIII-XIX вв. На это и на многие другие факты злорадно указывают сегодня те неистовые хулители Маркса, которые еще вчера были его неистовыми ревнителями. Для них теория Маркса – это нечто из кладбищенской тематики, тем более что разжевывание Маркса уже не является признаком лояльности по отношению к власти и не сулит материальных дивидендов. Однако, как заметил В.В.Любищев, прошлое научной мысли – “не кладбище с могильными плитами с навеки похороненными заблуждениями, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей, многие из которых были не закончены не из-за порочности замысла, а из-за несвоевременного рождения проекта или из-за чрезмерной самоуверенности строителей”. Это определение с достаточной точностью отражает ситуацию марксизма. Конструктивный критический подход к нему должен, на мой взгляд, не останавливаться на очевидно ошибочных и уже мертвых положениях (необходимо объяснить причины ошибочности и понять, кому, как и почему была выгодна реализация именно этого в марксизме), а искать то, что может быть использовано нами в наши дни, to write down right things. Взять из прошлого не пепел, а

огонь, как говорил Жорес. Тем более что этого огня в теории Маркса, на мой взгляд, намного больше, чем в либеральных и консервативных теориях.

Использовано может быть много – замысел, метод, принципы конструкции (хотя далеко не всегда конкретные способы реализации, воплощения всего этого). Маркс замыслил создать теорию европейского культурно-исторического субъекта и показал путь и метод ее конструирования – синтезирование различных элементов европейского идейного наследия в единую и, что самое главное, открытую теоретическую систему. Другое дело, что он взял не все и не всегда лучшее из европейского наследия; даже из взятого он не все использовал адекватно, а что-то заимствовал чисто внешне, механистически. Однако Маркс указал направление: превращение нескольких европейских философских традиций в единую социальную теорию, а уж конкретно реализовать эту программу можно, отбирая иные элементы, чем Маркс (тем более что за время, прошедшее после его смерти, появилось много чего интересного и эвристически насыщенного), в иной комбинации, иначе соединяя – не вижу препятствий.

Не менее, а быть может и более важным является то, что Маркс разрабатывал свою теорию не как политическую экономию или тем более экономическую теорию, альтернативную буржуазной, но как альтернативную целостную социальную теорию, которая позднее получила название “исторический материализм”. Или, как писал Л.Колаковский, функционирование капитализма показано Марксом не в изоляции от философии истории, а в ее рамках, теория Маркса охватывает человеческую деятельность в целом[82]. То, что исторический материализм стал элементом официального советского марксизма, “марксистско-ленинской идеологии” и в качестве такового, естественно, не смог да и не мог по-настоящему реализовать холистский потенциал социальной теории Маркса, силу его принципов, это очевидно, причины этого понятны. Хотя необходимо заметить, что в рамках “исторического материализма”, на языке его понятий ставились и по-своему решались важнейшие теоретические проблемы, велись дискуссии, эквивалентно-нишевые тем, что велись на Западе в либеральной науке: экономике, социологии, политологии, социальной антропологии и др. – соответственно, на их языке. Причем результаты истматческих дискуссий, особенно по неевропейским обществам, несмотря на известный схоластизм, были далеко не безынтересными, а порой эвристически более насыщенными, чем западные[83]. Ныне, когда в прошлое ушла “марксистско-ленинская идеология” с ее “ежовыми рукавицами”, “тростью фрасибула” и догматизмом, исходный холистский принцип конструкции и потенциал теории Маркса могут быть использованы и способны привести совсем к другим результатам, чем советских истматчиков, и самого “Биг Чарли”.

Но не только падение “марксистской церкви” позволяет вернуться к “Марксову писанию” и противопоставить его традиции – как марксистской, так и буржуазной. Этому способствует и характер нынешней эпохи, типо-логически напоминающей эпоху формирования марксизма как идеологии и теории.

11. 1848 и 1998: перекличка эпох, или пересекая “шварцшильдовский радиус” эпохи

О кризисе капитализма как мировой системы пишут уже не только левые интеллектуалы, но и такие люди, как Дж.Сорос[84]. НТР сняла системообразующее противоречие капитализма между субстанцией и функцией, по сути, лишив эту систему возможности качественного содержательного развития[85]. В результате структурный кризис функционального капитализма XX в. становится системным кризисом капитализма вообще. Точнее, происходит совпадение структурного и системного кризисов, причем попытки преодолеть структурный кризис углубляют кризис системный, и чем они успешнее, тем в большей степени. Парадокс? Отнюдь нет.

Оказываясь сегодня, как и мир в конце 1840-х годов, на пороге новой кондратьевской А-фазы, новой повышательной волны кондратьевского цикла, нынешний мир движется в противоположном направлении, чем 150 лет назад: тот капиталистический мир был на пути вверх, нынешний – на пути вниз, комбинация на ближайшие 25-30 лет среднесрочного, конъюнктурного подъема (А-фаза) с долгосрочным упадком, точнее,

конъюнктурный подъем в рамках долгосрочного упадка, способна породить фантастические явления – и по содержанию и особенно по форме; нас ждет много социальных сюрпризов.

Системный (формационный, сказал бы Маркс) кризис капитализма проявляется по-разному – и в утрате гегемонии США, за которыми не видно нового мирового лидера, и в крушении коммунизма, и в восточно-азиатском финансовом кризисе, и во многом другом. Рушатся экономические и политические институты и "несущие конструкции" капитализма вообще и "функционального капитализма" в частности. По сути, отмирает государство как институт. Fading away of the state – так называют этот процесс на Западе. Последний балканский кризис демонстрирует несостоятельность ООН, ее неадекватность в качестве международной межгосударственной организации нынешнему миру. Растет разрыв между богатыми и бедными странами, а также между богатыми и бедными внутри отдельных стран, включая ядро капиталистической системы. А ведь последние 150 лет и особенно в "славное тридцатилетие" 1945-1974 гг. активно развивалась противоположная тенденция: средний класс и рабочий класс, по крайней мере, его верхняя часть или даже половина, постепенно улучшали свое благосостояние. Этот "путь вверх" начался на рубеже 1840-1850-х годов, с расширением индустриальной системы производства. Энтээровская система производства не нуждается ни в массовом рабочем, ни в массовом среднем классе. Вот и заработал с 1970-х годов "социальный отсев", механизм отсечения от "общественного продукта". Уменьшается нужда в эксплуатируемых. Если с капитализмом на смену угнетению пришла эксплуатация, то, похоже, с посткапитализмом грядет депривация – выталкивание из эксплуатации, а с ней – из социального времени вообще.

"Смена вех", поворот вспять затрагивает не только экономическое положение среднего и рабочего классов, но и их политические позиции в обществе. Отношения "труд – капитал" все больше приобретает расовый, "двуцветный" (белые – "небелые") характер: стремление к максимальной прибыли за счет более низкой зарплаты "небелого" сегмента трудящихся; миграция с Юга на Север – по прогнозам к 2025 г. население крупнейших городов Юга на 30-50% будет состоять из выходцев с Юга – из Азии, Африки и Латинской Америки ("пуэрториканизация" Нью-Йорка и "медитерранизация" Парижа очевидны). Ясно, что такие носители "труда" оказываются вне профсоюзов, без социальных и политических прав. Ситуация, когда отношения "труд – капитал" приобретают расово-этнический и этнокультурный характер, чревата демонтажем многих демократических политических институтов и ценностей, которые рабочий класс ядра завоевал за последние 150 лет. И это тем более что в подобной ситуации значительная часть белого рабочего класса, "труда" окажется на стороне капитала и в той или иной степени поддержит антидемократический демонтаж, приняв участие в контратаке господствующих групп капиталистической системы. Эти действия способны отбросить трудящееся население за пределы революционной эпохи 1789-1848 гг. и ее достижений, типологически – в XVIII в., только "располагаться" он будет в XXI: лента времени скручивается листом Мёбиуса. Контратаку, которая уже началась, И.Валлерстайн называет "крупным поворотом вспять (reversal) стратегии привилегированных классов или, скорее, ее возвращением к репрессивной стратегии, характерной для периода до 1848 г."[86].

Мир, как и на рубеже 1840-1850-х годов, оказался, выражаясь пригожинским языком, не просто в состоянии флуктуации, но в точке бифуркации – или где-то возле нее. И хотя нынешний кризис намного серьезнее по сравнению с тем, что происходило в середине XIX в., поскольку он подводит капиталистическую формацию к последней черте, тогда как 150 лет назад пересекалась внутриформационная черта, ситуации типологически сходны – в обоих случаях промежуточно-переходные эпохи, только в одном случае: вход – и вверх (налево), в другом: выход – и вниз (направо).

В такие эпохи удивительно много можно заметить и понять, причем не только в этой эпохе и о ней, но также об (и в) уходящей и об (и в) наступающей. Когда умирает старая система (или структура) и возникает новая, когда искривляется и сжимается Время, когда век вывихнут – "the time is out of joint", и распадающуюся связь времен держит только субъект, пока длится этот исторически краткий миг-вечность, можно много чего понять. Н.Мандельштам заметила: "В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно поясняется, потому что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав

прошлого”[87].

Нынешняя эпоха, как и та, в которую формировались Маркс и его теория, – время брожения и распада; они симметричны, если не зеркальны, они точечно-бифуркационны. Это роднит теории и вообще интеллектуальные системы, которые создаются в такие эпохи, придает таким теориям и системам эквивалентно-нишевый характер, резко увеличивает их познавательные и объяснительные возможности: из промежуточных (переходных) эпох лучше видно и уходящую систему, и ту, что идет ей на смену. Ситуация исследователя, оказавшегося в такой “стыковой” эпохе, в том числе Маркса, – вот уж поистине “блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые”, – напоминает ситуацию внешнего наблюдателя, пересекающего шварцшильдовский радиус черной дыры. На мой взгляд, это лучшая аналогия-иллюстрация ситуации формирования теории Маркса, ведь последняя возникла именно в момент пересечения обществом некой критической линии, его шварцшильдовского радиуса, что и обусловило особые – “шварцшильдовские”, пограничные, рубежные – качества самой теории. Что такое шварцшильдовский радиус?

В соответствии с общей теорией относительности и решением уравнений Эйнштейна, найденном Карлом Шварцшильдом, получалось, что невращающиеся черные дыры должны быть правильной сферической формы; ныне представления несколько изменились, но термины, естественно, остались[88]: “шварцшильдовская сфера” (отсюда “шварцшильдовский радиус”).

Согласно современным космическим теориям, при пересечении шварцшильдовского радиуса по часам гипотетического внешнего наблюдателя для этого пересечения потребовалось бы бесконечно большое время. “Но для наблюдателя (или эквивалентного кибернетического устройства), находящегося на движущемся по направлению к черной дыре космическом корабле, для того, чтобы “окунуться” внутрь шварцшильдовского радиуса, потребуется конечное и, может случиться, даже короткое время. Такой “сопутствующий” наблюдатель уже после пересечения шваршильдовского радиуса будет продолжать “видеть” внешнюю Вселенную, откуда он прибыл.

В рамках простой модели любая масса, в которой произошел гравитационный коллапс, будет неограниченно сжиматься в точку. Однако в реальных условиях положение может сильно отличаться от идеальной схемы. Например, коллапсирующее тело может обладать электрическим зарядом и находиться в состоянии вращения. Скорость вращения будет быстро увеличиваться по мере сжатия тела. Качественно можно понять, что развивающиеся при этом центробежные силы в принципе могут остановить неограниченное сжатие тела. Это означает, что “сопутствующий” наблюдатель, “нырнув” под шварцшильдовский радиус, где-то там остановится. Все это время, как указывалось выше, “сопутствующий” наблюдатель может наблюдать внешнюю Вселенную. Незадолго до остановки он будет видеть внешнюю Вселенную при сильном красном смещении. Затем красное смещение уменьшится, станет равным нулю, после чего “сопутствующий” наблюдатель начнет наблюдать Вселенную со все растущим фиолетовым смещением. Расчеты показывают, что при этом количество падающей на “сопутствующего” наблюдателя лучистой энергии будет конечно. Это означает, что никакой катастрофы ни с наблюдателем, ни с его космическим кораблем не произойдет. Но – и это самое важное – “сопутствующий” наблюдатель за короткое время (по его часам) увидит, находясь внутри шварцшильдовой сферы, все будущее Вселенной!

Что будет потом? В момент остановки внутри шварцшильдовой сферы наблюдатель перестанет видеть ту Вселенную (в ее далеком будущем!), из которой он “выскочил”. После этого “сопутствующий” наблюдатель начнет двигаться наружу и через некоторое время (по его часам) опять пересечет шварцшильдовскую сферу. И тогда он увидит какую-то совершенно другую Вселенную… “Выскочив” в “новую” Вселенную, наблюдатель… увидит всю прошлую историю новой Вселенной, где он таким удивительным способом оказался. Внешний наблюдатель в этой новой Вселенной увидит это явление как нечто противоположное “черной дыре”. Это явление (“вылупление” материального тела из-под гравитационного радиуса) по справедливости может быть названо “белой дырой” [89].

Исследователь, живущий в переходные эпохи, существует в черно-белом мире, т.е. в мире противоположностей и

контрастов, обостряющих зрение. Если рассматривать Современность как некую целостность, хроноисторическую сферу, то Маркс и его теория оказываются на пересечении шварцшильдовского радиуса эпохи. Входя в эпоху капитализма с характерной для него дифференциацией на экономическую, социальную и политическую сферы из эпохи, в строгом смысле слова, некапиталистической (в лучшем случае – предкапиталистической – наличие капитализма в качестве ведущего экономического уклада еще не делает капиталистической эпоху в целом), где это обособление наметилось лишь пунктиром, Маркс сумел сохранить адекватный этой некапиталистической (предкапиталистической) эпохе целостный взгляд на социальные явления, что и обусловило холизм и историзм его теории. Разумеется, этому в немалой степени способствовали немецкая социокультурная среда, гегелевская философия, а также сам факт отрицания Марксом буржуазной экономической теории – отрицания "частичной" теории на основе и посредством целостной. Но целостная теория (будущий "исторический материализм"), с одной стороны, уходила корнями в предкапиталистическое прошлое, с другой – развивалась на контрастном черно-белом фоне двух эпох, который позволил увидеть и преодолеть многое из буржуазной ограниченности в познании социальных явлений и в то же время – это следует признать – способствовал в дальнейшем восприятию многоцветной реальности на черно-белый манер. Позднее, в анализе экономической сути наступившей эпохи, т.е. как профессиональный экономист, Маркс во многом окажется неточен и слаб. Но в этом – обратная сторона его силы как социального мыслителя, на что, как мы видели, и обратил внимание Шумпетер. Маркс-теоретик оказывается намного сильнее в долгосрочной перспективе, чем в средне- и тем более краткосрочной.

Ныне, на пересечении еще одного шварцшильдовского радиуса в истории Капиталистической Системы, именно эти качества Маркса – как социального мыслителя и теоретика, именно целостный антикапиталистический (некапиталистический) по принципу конструкции характер теории Маркса становится удивительно созвучен новой эпохе: предкапиталистическое и посткапиталистическое, раннекапиталистическое и позднекапиталистическое сходятся; Маркс с его теорией оказывается нашим современником, перепрыгивая целую эпоху – ту, в которой он был важен как идеолог, в которую идеология марксизма была главной антисистемной идеологией.

На выходе из XX в., из Современности, из Капитализма (из христианской эры?) Маркс стал архиважен, и из всех "идейно-политических" искусств для нас, похоже, важнейшим оказывается марксизм. Но не как идеология – век идеологии и идеологий прошел: vixerunt, а как социальная теория и научная программа. В этом смысле марксизм представляется намного более интересным и выигрышным по сравнению с либерализмом и консерватизмом. И не только потому, что марксистская традиция намного теоретичнее и интеллектуальнее (недаром в XX в. все крупные интеллектуалы были "левыми") двух других идеологических традиций. Не менее, а быть может и более важно то, что марксизм претендовал на статус научной идеологии, опирающейся на верное понимание исторических законов, исторической необходимости. Марксизм – идеология, но – научная. И это одно из главных, если не самое главное противоречие марксизма.

Наука и идеология суть принципиально разные сущности (подр. см. выше); попытавшись объединить их в некую целостность, которая позднее приобрела характер квазирелигии[90] (в этом в очередной раз проявляется синтетически-перекрестный характер марксизма до такой степени, что порой кажется: помимо религии, науки и идеологии есть четвертая форма организации духа – марксизм), Маркс придал своей идеотеории (или теоридеологии) небывалую динамику и гибкость. Но этим же он зафиксировал и точку "кощеевой смерти" (или "ахиллесову пяту" – это на вкус) своего детища: марксизм как научная идеология должен соответствовать требованиям и регулятивам, предъявленным научной теории. И хотя А.А.Зиновьев прав, подчеркивая, что наука бессильна против идеологии, что идеология побивается фактами жизни, которые она объясняет, прячет или выпячивает, научная идеология (или идеология, претендующая на научность) попадает в сложную ситуацию, под огонь научной критики; она, таким образом, оказывается на изломе. С этой точки зрения, марксизм, по сравнению с другими идеологиями, оказывается наиболее податливым к деидеологизации на научной основе, к превращению в теорию. В марксизме легче, чем в других идеологиях, обособить научный элемент от идеологического и противопоставить последнему, направив против него, и, помножив этот последний "на ноль", объединить если нужно научный элемент с ценностными элементами других традиций Европейской цивилизации – спасибо синтетически-перекрестным качествам марксистской теории, о которых следует сказать несколько

дополнительных слов.

Качества эти сформированы переходной революционной эпохой 1789-1848 гг. А поскольку переходные эпохи суть такие, которые определяются взаимодействием противоположных, а исторически – так просто взаимоисключающих систем, то их, как верно заметил К.Поланьи по частному поводу эпохи 1790-1830-х годов, невозможно объяснить в рамках одной-единственной (unitary) теоретической схемы[91], моносхемы; нужно несколько тесно связанных и взаимотрансформируемых теорий, хотя бы две. Это полностью соответствует призыву И.Пригожина, разработавшего свою биохимическую теорию и ее общую методологию как раз для ситуаций неравновесия, колебания, перехода: “Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке. Мы должны использовать ряд описаний, не сводимых друг к другу, хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформациями”.

Это холистский подход? Да, холистский, но сложный холистский подход, модифицированный по сотовому принципу или принципу сообщающихся вселенных в соответствии со сложным, нелинейным характером предмета (и объекта) изучения. Холистский подход, модифицированный в конце XX в. на основе его научных достижений и его социальной сложности. Маркс разрабатывал свою теорию в середине XIX в., и в то же время он хотел создать целостную теорию, на основе и с помощью холистского подхода. Тогда такой подход мог быть только простым, а в чем-то порой даже и механистичным (ср. критику Шопенгауэром точки зрения Гегеля по вопросам биологии; см. также работы Ницше).

Повинуясь холистским принципам и инстинктам и столкнувшись со сложной предкапиталистической реальностью, Маркс нашел самый правильный, гениальный в той ситуации и в тех обстоятельствах ход: синтез, объединение разнородных традиций и элементов (материализм – диалектика; наука – идеология; политэкономия – социализм; политическая теория – философия и т.д.) в единое, интенционально однородное целое и объяснение на этой основе разнородных социальных процессов, снимая их разнородную множественность в рамках единоцельной теории. Сложному, разнородно-взаимоисключающему содержанию эпохи Маркс противопоставил единую, цельную, но внутренне сложную и разнородную теорию. Когда по мере капиталистической эволюции разнородность переходной эпохи исчезла, социально теория Маркса оказалась в чем-то намного сложнее этой реальности (ср. раннюю и позднюю версии “Капитала”), тогда как экономически она выглядела проще, примитивнее ее. И это тоже следствие синтетически-перекрестного содержания марксизма, с одной стороны, и простой формы холизма Марксовой теории – с другой. Но иным холизм Маркса тогда быть не мог.

Это сейчас, в конце XX в. ясно, что примитивный холизм, как и примитивный материализм, как почти все примитивные схемы, ограничен и часто не срабатывает, несмотря на красоту замысла. Это сейчас можно разрабатывать методологии “познания сложного”[92] и “сложной мысли”[93], экспериментировать с “сотовым” холизмом. И именно в этом направлении модифицировать-деконструировать-реконструировать теорию Маркса, научно-теоретический элемент марксизма. Другое дело, что и с научно-теоретическим элементом марксизма, точнее, с социально-исторической теорией Маркса далеко не все просто, здесь тоже необходим деструктивно-конструктивный подход, здесь тоже надо оперировать “теоретический организм” и разбираться. Разберемся.

12. Деконструкция – Реконструкция. Теории Маркса и другие задачи

Начнем с метода, использованного Марксом. Мне он представляется практически безукоризненным – метод восхождения от абстрактного к конкретному, в основе которого лежит представление о конкретном как синтезе многих определений, т.е. абстракций; представление о том, что конкретизация знаний о мире представляет все большую их теоретизацию. Здесь проблем, по крайней мере, на данный момент, я не вижу. Они возникают при обосновании Марксовой теории. Первый и важнейший шаг в конструировании теории на основе избранного метода – ее обоснование. Существуют три типа обоснования научной теории: аксиоматический, эмпирический и

интуитивный. Маркс и Энгельс, заявив в “Немецкой идеологии”, что они начинают с реальных предпосылок – реально существующих и действующих людей, по сути, объединили все три типа: человек существует реально (эмпирически) и в то же время может быть избран в качестве основы теории как аксиоматически, так и интуитивно. В целом такой способ обоснования является бесспорным достижением как с методологической, так и с эвристической точек зрения. Однако с его конкретной реализацией не все гладко.

Во-первых, Маркс и Энгельс изначально не пояснили, в какой степени (и в какой форме) абстракции взяты в данном случае: человек, люди, индивид? Такой вариант опровергается самим содержанием социальной теории Маркса. Общество? Да, но в каком именно измерении? Как родовой человек? Как человечество? В данном случае логически верным было бы определение человека максимально абстрактно – как культурно-исторического субъекта, безотносительно его конкретной формы противостоящего Природе. Однако здесь это потребовало бы четкого указания на основное противоречие природы (сущности) человека, источник этого противоречия, на особенность нетождественности человека как рода (общества) самому себе.

Тут возникает еще одна проблема: Маркс и Энгельс не сформулировали, ослабив тем самым фундамент своей теории, основное противоречие человека и не указали на источник его (само)развития, (само)движения и на основу существования: тождественность любой вещи самой себе означает фактически ее несуществование. Подобная погрешность носит общий методологический и теоретический характер; среди ее причин и в ней самой можно усмотреть механистическое восприятие Марксом и Энгельсом целого ряда элементов философии Гегеля и стихийный крен в сторону фейербахианства. Будучи допущена в самом начале, на первых метафизических шагах, эта погрешность позднее дала знать о себе в постановке и решении более или менее частных вопросов становления человека и общества.

Нетождественность человека самому себе связана с его отношением к Природе, Мирозданию, существующему и как целостность и как сумма составляющих его элементов. Человек, как напомнил В.В.Крылов, есть такой особый элемент Природы, который воплощает в себе ее целостные характеристики и поэтому способен господствовать над другими элементами (и над собой в качестве элемента) по закону господства целого над элементом. Это и есть субъектность, т.е. способность человека выступать субъектом, реализуемая посредством воли-разума, или разума-воли.

Здесь, очевидно, еще одно уязвимое место в обосновании Марксом и Энгельсом их теории – не указано не только внутреннее противоречие человека, но не указан и его источник, а следовательно, источник происхождения человека, т.е. пропущен первый метафизический шаг, а началом является второй. Логично было начинать с Природы – и человека как особого элемента Природы, что предполагает предварительное (аксиоматическое) постулирование понятий “целое” и “элемент” как атрибутов Природы, из взаимодействия которых возникает родовой человек (общество), субъект. Иными словами, субъектность (и общество, человек как ее носитель) есть мера и форма (одна из мер и форм) нетождественности Природы самой себе, реализующаяся как присвоение, присваивающее отношение человека к природе и к другому человеку. Это отношение принимает различные формы: труд, производство, власть, собственность и др., которые носят вторичный функциональный атрибутивный характер по отношению к субъекту и субъектности. С этой точки зрения, например, становится бессмысленной или, в лучшем случае, алогичной формулировка “труд создал человека” – как будто часть может создать целое.

Центральное место среди форм и типов присвоения обоснованно занимает у Маркса и Энгельса производство, его силы и факторы. Социум и есть совокупный процесс общественного (вос)производства, представленный такими фазами, как распределение факторов производства, процесс действительного производства (труда), распределение продуктов труда, обмен и потребление. С производством мы подходим к основным принципам социальной теории Маркса. Сам Маркс их не сформулировал, но они выводятся из его работ, реконструируются по ним, что и сделал В.В.Крылов. По его мнению, к которому я присоединяюсь, суть социальной теории Маркса как научной программы состоит в том, что Маркс:

– во-первых, характером производительных сил (т.е. структурой всего общества, обусловленной его отношением

к природе) объясняет структуру производственных отношений (т.е. структуру всего общества, обусловленную отношением людей друг к другу);

– во-вторых, отношениями распределения факторов производства объясняет отношения распределения продуктов труда;

– в-третьих, в пределах собственности на факторы труда из отношений по поводу средств труда выводит отношения по поводу рабочей силы;

– в-четвертых, характером присваиваемого объекта обусловливает и определяет характеристику самого присваивающего и неприсваивающего субъекта[94].

Ясно, что центральное место в научной программе Маркса занимает производство – его силы и структуры. Однако элементарная логика системы этих принципов показывает, что, во-первых, производительные силы – это суть не предметы, а процессы; во-вторых, как показал все тот же В.В.Крылов, они не могут быть сведены к набору элементов процесса труда (субъект, орудие, предмет, продукт). “Простой абстрактный труд” невоспроизводим в собственных “конкретных” пределах, поскольку в его процессе воспроизводятся либо личные, либо вещественные факторы труда, потому, грубо говоря, рядом с сапожником должен существовать булочник[95] (т.е. не просто труд или работа, а “система работ”), и они должны обмениваться, иначе процесс общественного (вос)производства, т.е. действия производительных сил, невозможен. В таком контексте становится понятной и обоснованной кощунственная и немарксистская на первый взгляд мысль Маркса о том, что общественный характер производства дан, гарантирован обменом – ведь именно обмен устраняет различия между продуктами труда, обусловленными конкретными – вещественными, либо личностными – характеристиками процесса труда, превращая последние в однокачественные социальные.

Исходя из сказанного ясно и то, что в теории Маркса производительные силы – это не элемент общества, а общество в целом, совокупный процесс общественного (вос)производства, сотканный из различных частных производительно-силовых процессов: вещественных (естественных и искусственных), социальных и духовных. В определении качественной социальной специфичности этого процесса, производства в целом, как показывают приведенные принципы, решающую роль играет предшествующий процессу действительного производства процесс распределения факторов производства, т.е. производственные отношения (присвоение воли или вещественного труда) или, иначе, социальные производительные силы (социальная структура производительных сил). Другими словами, социальное определяет экономическое, а не наоборот; тип флуктуации определяет тип равновесия; генезис определяет развитие системы; наконец, социальная борьба, “социальная война” (а распределение факторов производства исходно возникает в процессе борьбы и как этот процесс) определяет социальный мир, а ее специфика – специфику этого мира. Маркс в своей социально-исторической теории, по крайней мере, по методу был кем угодно, но только не экономдетерминистом. И это вычитывается не только из его логики. Замечания подобного рода содержатся и в “Экономических рукописях” 1857-1861 гг., и в “Экономических рукописях” 1861-1863 гг., и во II томе “Капитала”, и во французском издании I тома “Капитала”[96]. И это естественно.

Повторю: пересекая шварцшильдовский радиус Современности, Маркс имел возможность (и в целом не упустил ее) целостным (некапиталистическим) социально-историческим взглядом взглянуть на капитализм. На капитализм в целом. Взгляд на отдельные сферы капиталистического социума, будь то рынок, гражданское общество, государство и т.п., возможен изнутри; взгляд на капитализм в целом, на капитализм как на мировую систему возможен только извне, только для внешнего наблюдателя – внешнего, но не слишком удаленного или, что еще лучше, сочетающего почти несочетаемое: здесь и не здесь, in and out at the same time. Маркс оказался именно в такой уникальной позиции, возможности занятия которой исчезали и исчезли надолго с его временем, когда пришла новая эпоха, когда был пересечен ее “шварцшильдовский радиус”.

Показательно, что следующие попытки всерьез разработать целостную теорию капитализма, что-то вроде “капитализмоведения” – например, работы В.В.Крылова у нас и “мир-системный анализ” И.Валлерстайна в США

– были сделаны на закате этой эпохи, почти на выходе из нее, когда появилась возможность взглянуть на нынешнюю мировую систему по принципу “я здесь и не здесь”, подобно злому духу из “Шах-намэ” Фирдоуси или монаху со средневековой миниатюры, пробившему головой небесный свод и изумленно наблюдающему мир планет и звезд.

Ну что же: “Сова Минервы” вылетает в полночь. “Сове” Маркса не повезло: она вылетела, а оказалось – утро. Ныне мы, похоже, значительно ближе к полночи – этот “закатно-ночной” вектор развития Запада в свое время хорошо уловили М.Вебер и Шпенглер, но день только начал въезжать в предвечерье, и им не очень-то поверили. Да и в наши дни находятся простаки вроде Ф.Фукуямы, словно родившиеся для того, чтобы оживить в памяти синдром Сидония Аполлинария. Однако кто не слеп, тот видит: капиталистический мир, мировая система вступает в период системного кризиса, и происходит это, по иронии истории, именно тогда, когда экс-коммунисты, в свое время долго твердившие об общем кризисе капитализма, взялись “строить капитализм”, рыночную экономику. Но опять же: для того чтобы увидеть целостный, системный кризис капитализма, необходим взгляд хотя бы отчасти извне. И в этом смысле, с одной стороны, нам в интеллектуальном отношении хроноисторически повезло по сравнению с Марксом; иное дело – в социальном отношении: едва ли жизнь в эпоху заката, кризиса и упадка может показаться комфортной, по крайней мере, психологически. Однако, с другой стороны, и у нас есть серьезные проблемы и трудности в разработке целостной теории капиталистической системы, правда иные, чем те, что были у Маркса. Да, капитализм “едет с ярмарки”, но он едет – трудно концептуализировать рушащуюся систему, трудно фиксировать ускользающую натуру.

Далее. Ныне речь идет не просто о том, чтобы создать “капитализмоведение” и взглянуть на капитализм извне. Необходимо при этом вписать капитализм в более широкие и крупные целостности, историческим элементом которых он является: Европейская цивилизация (“Западная Система”), история христианского исторического субъекта, субъектный поток исторического развития (Античная Система + Западная Система)[97]. В течение 150-200 лет эти целостности рассматривались сквозь призму капитализма, как его предпосылки и предшествующие ему стадии. Ныне пришло время, вооружившись принципами системности и историзма, взглянуть на капитализм сквозь призму этих целостностей, соотносящихся по “принципу матрешки”, капитализм – самая маленькая из “матрешек” в этом ряду[98], поэтому ныне целостную теорию капитализма трудно представить себе завершенной без и вне теорий Западной Системы (Европейской цивилизации), христианского исторического субъекта, субъектного потока развития. Теория капитализма, как минимум, есть в такой же мере шаг в направлении подобных теорий, как и эти теории – шаг в направлении теории капитализма. Неудача в решении одной из задач подрывает решение других, тогда как успех сталкивает лишь с новой задачей. Получается по Шекспиру (и Толкину): “It we fail, we fall, if succeed we will face another task”.

Проблема разработки теории Западной Системы, христианского исторического субъекта и субъектного потока исторического развития, помимо имманентной трудности и сложности, затрудняется и осложняется еще и тем, что капитализм – мировая система, и его кризис – это кризис и Западной Системы, и христианского исторического субъекта, и всего субъектного потока развития и мира в целом. Трудно разрабатывать теорию если и не ускользающей вовсе, то, по крайней мере, скользящей натуры, к тому же такой, в которой по “матрешечному” принципу совмещено несколько “поднатур” со своими собственными “скольжениями”, причем не всегда с одной и той же скоростью, а порой и не всегда в одном и том же направлении. Капитализм в силу своей специфики втягивает в свой кризис и надкапиталистические целостности, отчасти окрашивая их в свои цвета, отчасти окрашиваясь ими, что создает сложную, мозаичную и запутанную картину, где причина может показаться следствием и наоборот. Здесь нужен очень трезвый и острый – бритвооккамовский – теоретический взгляд. Но опять же и здесь можно обратиться к Марксу, который к своей теории капитализма пришел от теории европейского исторического субъекта.

Разумеется, для Маркса не существовало проблемы ни христианского исторического субъекта, ни Западной Системы (для него все, что было до капитализма, оказывалось “формами, предшествующими капиталу” – так система вступала в противоречие с методом), ни тем более Европейской цивилизации. Он мыслил другими категориями. И все же принцип движения от субъекта к системе присутствует у него, хотя, как уже говорилось выше, он не был реализован. Однако ничто, по крайней мере, интеллектуально не мешает нам реализовать этот

принцип, пройти непройденным путем. Конечно, это значительно легче продекларировать, чем сделать. В марксизме теории европейского субъекта и капиталистической системы обернулись антикапиталистической и даже антизападной идеологией. Как такую идеологию превратить в теории социальных (некапиталистических, главным образом) систем, по отношению к которым капиталистическая система будет частным случаем? Как саму теорию социальных систем сделать элементом теории исторического субъекта (или исторической субъектности)? Ведь есть еще одна проблема, о которой мы пока еще не говорили. И хотя она названа последней, по значению и сложности она, думаю, среди первых, если не просто первая. Суть в следующем.

Любая теория, теоретическая схема опирается на внеположенную ей более широкую интеллектуальную (духовную) основу, систему, с которой вступает в сложные отношения отталкивания-притяжения. Античная философия опиралась как положительно и отрицательно (опираться можно только на то, что сопротивляется) на мифологию; средневековая схоластика – на христианство, европейская наука XIX-XX вв. – на (универсалистскую) идеологию, будь то либерализм или марксизм. Марксова теория капитализма была элементом некой идеологии – идеологии освобождения, и именно это, помимо прочего, придавало ей силу, делало ее не только социальной теорией, но и социальной философией, социальной мыслью. Новая эпоха требует не только нового рационального (хотя и постнаучного) знания о мире и человеке, знания, формирующегося вокруг и по поводу иных объектов, чем "рынок", "гражданское общество" и т.п., но и некой идейной (хотя и постидеологической) системы, которая придает социальный смысл новому рациональному знанию о мире. Социальный смысл теории Маркса придавала идея освобождения масс от эксплуатации и угнетения. Ныне это едва ли сработает. Эпоха массового общества подошла к концу, что же касается эксплуатации, то, думаю, правы те, кто полагает: в XXI в. основным будет противоречие не столько между эксплуататорами и эксплуатируемыми, сколько между этими последними вместе – с одной стороны, и остальной, ненужной частью населения, с другой. Энтээровская наукоемкая система производства, как уже говорилось, не требует массового эксплуатируемого класса, а потому бороться будут скорее не против эксплуатации (хотя в каких-то сегментах социума и эта борьба сохранится), а за право быть эксплуатируемыми, впущенными в "социальное время", не быть подвергнутыми депривации.

Для "докапитализмов" было характерно главным образом угнетение, т.е. отчуждение воли; для капитализма – главным образом эксплуатация, т.е. отчуждение экономического продукта на основе покупки рабочей силы; поздний "закатный" капитализм и посткапитализм, по-видимому, выдвинут на первый план депривацию. В результате социальный смысл, питавший теорию Маркса, в значительной степени будет подорван и исчезнет. "Долой эксплуатацию!" – вполне может стать лозунгом верхов, перестраивающих капитализм в некапиталистическое, неэгалитарное и деприваторское общество. Ведь стал же в "перестроечном" СССР и "сразу-после-перестроечной" России лозунг "Долой коммунизм!" лозунгом бывшей коммунистической номенклатуры, решившей справить свой "паракапиталистический" пикничок на обочине капиталистической системы.

Таким образом, смысл "освобождения от эксплуатации" уходит. Остается ли смысл "освобождения" и если да, то чего?

Депривация означает отсечение от "общественного пирога" даже в виде эксплуатируемых (формы могут быть разнообразными: от невыплаты зарплат до оставления и забрасывания целых зон – от российского крайнего севера, до тех районов Южной Америки, которые навеяли Гарсиа Маркесу название "Сто лет одиночества") целых групп, стран, регионов. Неучастие в мировом или макрорегиональном социальном процессе, вытеснение из него, помимо прочего, ставит проблему смысла и как проблему идентичности. Недаром вытеснение России из мировых процессов в 1990-е годы привело к появлению заказа, в том числе официального, на "русскую идею": кто мы? за что нас так? В известной степени заказ соответствует эпохе, в которой на смену универсализму и национализмам идут этноцивилизационные формы, – недаром робкие и простоватые умы пришли к выводу о "столкновении цивилизаций" и т.д. Внешне – похоже и даже красиво, но по сути слишком просто, чтобы быть правдой. Поэтому соответствие это на самом деле носит поверхностный характер.

Универсалистские идеологии ушли или уходят, "идеология освобождения" неадекватна обстоятельствам: людей целыми регионами выталкивают из зоны эксплуатации, они борются за нее (как в анекдоте: "Поднесите к выхлопной трубе, дайте подышать"). В такой социально новой ситуации, порождающей растерянность,

этноцивилизационная идея (русская ли, китайская ли, исламская ли) оказывается чем-то единственно прочным во все более непрочном мире. Но за каждой из подобных идей лежит реальность вполне социальная – страх и растерянность тех, кого не берут в энтээровский “brave new world” XXI в., туда, “где чисто и светло”, кому указывают: ваше место у “исторической параши” и будьте счастливы, если “вами” пользуются как местом складирования отходов, как “фоном” для туризма и живым мясом – либо для удовольствия, либо в виде органов для пересадки; возьми пять центов и ни в чем себе не отказывай.

Не сводя все именно к этому, поскольку реальная жизнь сложнее теоретических положений, можно сказать: нынешний этноцивилизационный бум, помимо прочего, есть первая постуниверсалистская и постидеологическая идейная реакция на социальный передел мира (геополитический передел, включая “войну за советское наследство”, – это лишь его элемент), создающий угрозу депривации, а следовательно, физическому существованию целых групп, стран, регионов. Поскольку “идеологически” это преподносят в виде сулящей всем выгоду “глобализации”, то ответ часто приобретает антиглобалистскую этноцивилизационную форму (“русская идея”, “исламские ценности” и т.п.).

Ныне одни группы утрачивают смысл существования и идентиченость, поскольку их выталкивают из социального, из истории. Другие, наоборот, утрачивают эти качества, поскольку общество (потребления) реализовало их цели. Разным образом, по разным причинам, от голода и от сытости, но мир начала XXI в. – это мир, в значительной степени лишившийся смысла. Пока попытки обрести новый смысл – 1968, 1989 гг. – оказались не состоятельными и провалились. Думаю, что помимо прочего в XXI в. окажутся “на коне” и “со щитом” те, кто сможет найти и предложить новый смысл, новую идейную систему (точнее, идейные системы), в основе которой (которых), какой бы ни была ее (их) форма, должна лежать социальная идея, отражающая основные противоречия эпохи и несущая в себе ответ на то, как их устранить или хотя бы смягчить. Или снять. В социальных конфликтах XXI в. победит тот, кто сформулирует новую социальную идею. Идею-смыл. Идеосмысл. Сформулирует и представит свои частные групповые интересы на “языке” этой идеи-смысла.

Может ли помочь здесь наш знакомый бородач из Трира? Скорее да, чем нет. Хотя созданная им в XIX в. “наука сопротивления и освобождения” превратилась в XX в. на значительной части земного шара в нечто вроде “социальной прокрустики”; произошло это не только потому, что от субъекта Маркс “ушел” к системе, но и потому, что эпоха была “объектоцентричной” и “материалистической”. Ныне – иное, а потому чисто теоретически субъектный посыл Маркса имеет больше шансов, хотя человек полагает, а Бог (История) располагает, а потому практически место “социальной прокрустики” может занять этнокультурная или этноцивилизационная. Но “скорее да, чем нет” не связано со всем этим непосредственно. Речь о другом.

Выше уже говорилось, что Маркс создавал свою теорию и идеологию на основе комбинации элементов европейского наследия. Этот подход можно использовать в строительстве новой идейной системы. Например: субъектность, но индивидуальная, а не квазиколлективная, как в античном полисе; индивидуальная субъектность, но не христианская и вообще не религиозная и т.п. Разумеется, все это легче предложить, чем осуществить, но ведь и речь у нас идет не об осуществлении, а о принципах конструирования неких интеллектуальных систем и об уроках Маркса. А они во многих случаях дорого стоят; например, превращение идеологии освобождения во властно-идейную систему угнетения, во властную прокрустику. Добрым молодцам урок.

Еще один, last but not least, связан со следующим. Не все золото, что блестит, не все счастье, что в будущем: прогресс – штука обоюдоострая, и ныне выходит, что прогресс капитализма – это регресс огромной части населения планеты, ее биосферы. Пока не ясно, что и как можно противопоставить этому в долгосрочной перспективе. Но когда катишься в пропасть, сначала надо затормозить, остановить падение, а потом уже думать. Иначе думать будет нечем и некому. Короче – среднесрочная (но только среднесрочная) задача – затормозить, подморозить, законсервировать ситуацию. Ясно, что это не революционное действие, а консервативное или скорее даже реакционное. Я не стану здесь утверждать, хотя это очень интересный ход, что Маркса вполне можно, а быть может и нужно интерпретировать на консервативный лад и представить в качестве вполне консервативного мыслителя, как это сделал Шумпетер[99]. Важнее другое или, точнее, другой аспект возможной консервативности Маркса, его идей и теорий – не субъективный, а объективный. Поскольку консервация

объективно далеко не всегда работает на господ и хозяев современного мира, она нишево, функционально оказывается тем, чем в эпоху Современности были революции. Революционность и консервативность совпадают. Так уже не раз бывало в истории, когда общество достигало переломного предела, порога в своем развитии. Вот тут-то и появлялись движения и идеи, которые одни историки квалифицировали как революционные, а другие как консервативные, реакционные. Ограничусь двумя примерами.

В конце II в. до н.э. прогрессивное развитие антично-рабовладельческого строя в Риме поставило под угрозу существование свободного римского крестьянства, которое утрачивало свои земли, раскрестьянивалось. Братья Тиберий и Гай Гракхи пытались провести реформы, тормозящие или даже поворачивающие этот процесс вспять и возвращавшие ситуацию к тому, какой она была лет за сто до этого. В какой-то момент Гракхи перешли к насильственным "революционным" действиям, потерпели поражение и погибли

Что это – революция или реакция? Впоследствии, пройдя через диктатуры Мария, Суллы и Цезаря, Рим "вышел" к империи, которая как минимум на двести лет "подморозила" то противоречие, которое с известной долей модернизации можно назвать "революция-реакция", стала его снятием. Ну а потом все посыпалось окончательно. Но это было очень потом.

Другой пример – Мартин Лютер, с его обращением к истокам христианства, к Писанию. Это реакция или революция? И то и другое. А точнее, ни то ни другое, а нечто третье, в чем снимается противоречие между реакцией и революцией. И это не ситуация, в которой, как писали Маркс и Энгельс, реакция выполняет программу революции, а нечто качественно иное. Когда возможности реального исторического развития данной системы исчерпываются и начинается передел, "пересдача Карт Истории", консервация становится архиреволюционным делом, а революция – консервативным актом. В такие периоды иначе, по-новому, прочитываются идеи мыслителей прошлого. Вот и теперь, похоже, необходима полная и тщательная ревизия европейской мысли, и начиная не с Просвещения – мелко плавают те, кто предлагает лишь это, – а намного раньше. Христианство и античная философия – вот "дно", достигнув которого и от которого оттолкнувшись, нужно не просто переосмысливать, а, зная исторический результат 25 веков развития европейского, 20 веков христианского и 5 веков капиталистического исторических субъектов, осмысливать заново проделанный путь и создавать новую интеллектуально-смысловую систему, отбирая то, что годится из различных европейских традиций, включая марксистскую. Пожалуй, так можно выйти из социокультурного тупика, только так можно не позволить поглотить себя водовороту уходящего капитализма и не сгинуть вместе с ним. Используя в качестве аналогии рассказ Э.По "Низвержение в Мальстрём", М.Маклюэн еще в самом начале 1960-х годов писал, что выжить в современном мире сможет только тот, кто сможет изучить ритмы и воздействие водоворота старых культур[100]. Лучшего проводника, чем Маркс, на пути такого изучения (или, по крайней мере, для значительной его части) найти трудно, ведь именно трирец со своим синтезно-перекрестным подходом полтора века назад попытался осуществить нечто подобное, но не преуспел. Вторая попытка. Пусть поработает. Смена вех: от революции к консервации. Диалектика.

Захотел ли бы Маркс пойти этим путем. Скорее всего да, ведь он был великим интеллектуальным авантюристом. Перефразируя Блока, можно сказать: "Маркс, дай нам руку, помоги в немой борьбе". Ну, а если не захотел бы, что же делать? Руку на излом и вперед. Революционное насилие. Этому нас научил тоже он. Спасибо, Папа Карло, похожий на Карабаса-Барабаса. Спасибо, "Биг-Чарли", пророк, который показал, как надо пересекать шварцшильдовский радиус эпох и быть радикальным, доходя до сути вещей.

Примечания:

i[1] См.: Фурсов А.И.Капитализм в рамках антиномии "Восток – Запад": проблемы теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М.: Изд. фирма "Вост. литература", 1995. – С.82-104.

ii[2] Jouvenel B. de. Marx et Engels: La longue marche. – P.: Julliard, 1983. – P.12.

iii[3] D'Amico R. Marx a. philosophy of culture. – Gainsville: Univ. press of Florida, 1981. – P.16.

iv[4] На демоническое во внешности и личности Маркса указывают многие. См. напр.: Levenstein I.J. Marx against marxsism. – L. etc.: Routledge a. Kegan Paul, 1980. – P.96-97.

v[5] Mann G. The history of Germany since 1789. – N.Y. etc.: Praeger, 1968. – P.82.
vi[6] Как заметил Д.Феликс, Маркс стал революционером “еще до того, написал определение своей революции и обнаружил соратников-революционеров” (Felix D. Marx as politician. – Carbon dale etc.: Southern Illinois Univ. press, 1983. – P.18.).
vii[7] Comninel J. Rethinking the French revolution: Marxism a. the revisionist challenge. – L., N.Y.: Verso, 1987. – XIV, 225.
viii[8] Т.Шанин даже полагает, что опыт Парижской коммуны, наряду с некоторыми другими факторами, включая изучение России, привел Маркса к существенному пересмотру, реконструкции его теории. Подр. см.: Late Marx a. the Russian road: Marx a. the peripheries of capitalism / A case prepared by T.Shanin (ed.). – L. etc.: RKP, 1983. – X, 286 p.
ix[9] Mann G. Op.cit. – P.82.
x[10] Heilbroner R. Marxism: for and against. – N.Y., L.: Norton, 1980. – P.36.
xi[11] Подр. см.: Baudrillard J. Pour une critique de l’économie politique du signe. – P.: Gallimard, 1972.
xii[12] Schumpeter J.A. Capitalism, socialism, and democracy. – N.Y.: Harper a. Row, 1976. – P.21.
xiii[13] Schumpeter J.A. History of economic analysis. – N.Y., 1954. – P.42.
xiv[14] Schumpeter J.A. Capitalism, socialism, and democracy. – N.Y. Harper a. Row, 1976. – P.44.
xv[15] См.: Mayer A.J. The persistence of the old order: Europe to the Great War. – L.: Croom Helm, 1981. – 368 p.
xvi[16] См.: Wallerstein I. Historical capitalism. – L.a. N.Y.: Verso, 1983. – P.47-72.
xvii[17] Подр. о причинах отождествления Марксом капитализма с социально-экономической ситуацией Англии первой трети XIX в., а рабочего класса – с “опасными классами” см.: Фурсов А.И. “Манифест Коммунистической партии”, или 150 лет спустя // РИЖ. – М., 1998. – Т.1., № 1. – С.275-279.
xviii[18] Подр. см.: Фурсов А.И. Колокола Истории. – М.: ИНИОН, 1996. – С.301-312.
xix[19] Этим “игрословом” я обязан Герману Кану, поскольку сконструировал его по аналогии с кановским “wargasm” – ситуация, когда нажаты все ядерные кнопки. От “wargasm” – всего лишь шаг до “worldgasm of History” – термина, употребленного мной в одной из моих англоязычных статей; “миргазм” – перевод с английского.
xx[20] Hobsbawm E.J. The age of capital, 1848-1875. – L.: Weidenfeld a. Nicolson, 1975. – P.303.
xxi[21] Furet F. Terminer la révolution: de Louis XVIII à Jules Ferry (1814-1880). – P.: Hachette, 1988. – P.466-467.
xxii[22] Caron F. La France des patriotes de 1851 à 1918. – P.: Fayard, 1985. – P.94.
xxiii[23] Horn A. The fall of Paris. The siege and the commune, 1870-1871. – Garden City, N.Y.: Anchor books, 1965. – P.VIII.
xxiv[24] Дебидур А. Дипломатическая история Европы от венского до берлинского конгресса. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1947. – Т.II. Революция. – С.7.
xxv[25] Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе, 1848-1978. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1988. – С.300.
xxvi[26] Mann G. The history of Germany since 1789. – N.Y. etc.: Praeger, 1968. – P.121.
xxvii[27] Connor W. The national question in Marxism-Leninism theory a. strategy. – Prinston: Prinston univ. press, 1984. – P.17-18.
xxviii[28] Royle T. Le Carré and the idea of espionage // The quest for le Carré / Ed. a. Bold. – L.: Vision press; N.Y.: St. Martin’s press. – 1988. – P.90-92.
xxix[29] Hobsbawm E. – The age of capital… – P.5.
xxx[30] Подр.см.: Hobsbawm E. The age of empire, 1875-1914. – L.: Abacus, 1997. – P.34-55.
xxxi[31] Hobsbawm E. – The age of capital… – P.30.
xxxii[32] Kindleberger Ch. A financial history of Western Europe. – L. etc: J. Allen a. Unwin, 1984. – P.272.
xxxiii[33] Dodds W. The age of paradox: a biography of England, 1841-1851. – L.: Victor Gollancz, 1953. – P.487.
xxxiv[34] Американа. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – С.456.
xxxv[35] Kennedy P. The rise and the fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. – L.: Fontana press (an imprint from Harper Collins), 1989. – P.247.
xxxvi[36] Kindleberger Ch. World economic primacy, 1500-1990. – N.Y., Oxford: Oxford univ. press, 1996. – P.133.
xxxvii[37] Pierce N., Hagstrom J. The book of America: Inside 50 states today. – N.Y. a. L.: W.W.Norton, 1983. – P.105.
xxxviii[38] Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С.135; Дебидур А. Дипломатическая история Европы. – М.: Госиздат. иностр. лит., 1947. – Т.II. – С.497-501; А.Дж.П.Тэйлор Борьба за господство в Европе, 1848-1918. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – С.274-277.

xxxix[39] Briggs A. The age of improvement, 1783-1867. – L. a. N.Y.: Longman, 1979. – P.3.
xl[40] Laver J. The age of optimism, 1848-1914. – N.Y.: Harper a. Row, 1966. – P.18.
xli[41] Rostow W.W. How it all began: origins of the modern economy. – N.Y. etc.: McGraw Hill book company, 1985. – P.190; его же: The world economy: history and prospect. – Austin a. L.: University of Texas press, 1975. – P.272.
xlii[42] Подр. см.: Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of time. – Boston: Beacon press, 1944. – P.77-102.
xliii[43] Kindeleberger Ch. World economic primacy… – P.133.
xliv[44] Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989. – С.197.
xlv[45] См.: Hopkins T., Wallerstein I. Cyclical rhythms and secular trends of capitalist world-economy: some premises, hypotheses, and questions. – Binghampton (N.Y.): Fernand Braudel Center for the study of economies, historical systems, and civilizations, 1978.
xlvi[46] Gamble A. Britain in decline: economic policy, political strategy and the British state. – Boston: Beacon press,1981. – P.52.
xlvii[47] Кондратьев Н.Д. Указ. соч. – С.203.
xlviii[48] Там же. – С.203, 199, 205, 207.
xlix[49] Там же. – С.203.
l[50] North D.C. Structure and change in economic history. – N.Y.: W.W.Norton, 1981. – P.158.
li[51] North D.C. Op.cit. – P.159.
lii[52] Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire economique et sociale du monde du XVIe siecle à nos jours. – P.: Gallimard, 1997. – Vol. II. – P.35.
liii[53] Bryant A. English saga (1840-1940). – L.: Albatros, 1947. – P. 79, 82-83.
liv[54] Dodds W. The age of paradox: a biography of England, 1841-1851. – L.: Victor Gollancz, 1953. – P.5, 486.
lv[55] Tulard T. Les révolutions: de 1789 à 1851. – P.: Fayard, 1985. – P.447.
lvi[56] Thompson P. England in the nineteenth century, 1815-1914. – L.: Penguin books, 1977. – P.100.
lvii[57] Bryant A. Op.cit. – P.103.
lviii[58] Wallerstein I. The French revolution as a world-historical event // Wallerstein I. Unthinking social science: the limits of nineteenth century paradigms. – Cambridge: Polity press, 1991. – P.15.
lix[59] Wallerstein I. Op.cit. – P.16.
lx[60] Выражение Вебер-Шефер.
lxi[61] Wallerstein I. The French revolution as a world-historical event… – P.16-17.
lxii[62] Ibid.
lxiii[63] Различные интерпретации идеологии и анализ возможных подходов к ее изучению см.: Ansart P. Les idéologies politiques. – P.: PUF, 1974. – 213 p.; Brown L.B. Ideology. – Harmondsworth, 1973. – 208 p.; Dumont F. Les idéologies. – P.: PUF, 1974 – 183 p.; Halle L. The ideological imagination. Ideological conflict in our time and its roots in Hobbes, Rousseay and Marx. – L.: Chatto a. Windus, 1972. – XIV, 174 p.; Larrain J. The concept of ideology. – L.: Hutchinson, 1979. – 256; Seliger M. Ideology a. politics. – L.: Allen a. unwin, 1976. – 352 p.
lxiv[64] См.: Wallerstein I. Who excludes whom? Or the collapse of liberalism and dilemmas of antisystemic strategy. – Binghampton (N.Y.): Fernand Braudel Center, 1991. – 24 p.
lxv[65] В качестве примера невульгаризаторской интеграции либерализма см.: Arblaster A. The rise a. the decline of Western liberalism. – Oxford: Blackwell, 1984. – XII, 394 p.
lxvi[66] Scott J. Protest and profanation: agrarian revolt and little tradition // Theory a. society. – Amsterdam, 1977. – Vol.4, № 1. – P.26.
lxvii[67] Feyer L. Ideology a. the ideologist. – Oxford: Blackwell, 1975. – P.181.
lxviii[68] Крылов В.В. О логическом развертывании понятия “капитал” в понятие многоукладной структуры капиталистической системы отношений // Крылов В.В. Теория формаций. – М.: Изд. фирма “Вост. лит.”, 1997. – С.58.
lxix[69] Там же. – С.58-59.
lxx[70] Подр. см.: Wallerstein I. The bourgeois(ie) as concept and reality // New Left Review. – L., 1988, № 167. – P.91-105.
lxxi[71] Wiener M.J. English culture and the decline of industrial spirit, 1850-1980. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1981. – P. 3-4.

lxxii[72] См.: Фурсов А.И. Колокола Истории. – М.: ИНИОН, 1996. – С.14-47.
lxxiii[73] Подр. см.: Murray M.J. The development of capitalism in colonial Indochina (1870-1940). – Berkeley etc.: Univ. of California press, 1980. – XII, 685 p.
lxxiv[74] Подр. см.: Фурсов А.И. Колокола Истории… – С.47-67.
lxxv[75] Wallerstein I. Marxisms as Utopias // Wallerstein I. Unthinking social science: the limits of nineteenth century paradigms. – Cambridge: Polity press, 1991. – P.177-178.
lxxvi[76] См.: Parekh B. Marx's theory a. ideology. – L.: Croom Helm, 1982. – P. 135.
lxxvii[77] Например: Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С.330.
lxxviii[78] Levy F. Karl Marx. Histoire d'un bourgeois allemand. – P.: Grasset, 1976. – P. 326.
lxxix[79] См. об этом: McMurtry J. The structure of Marx's world-view. – Princeton: Princeton univ. press, 1978. – P.187 и след.
lxxx[80] Несколько иную точку зрения см. например: Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1969. – С.73-144.
lxxxi[81] Подр. см.: Boggs C. The two revolutions: Antonio Gramsci and the dilemmas of Western Marxism. – Boston: South end press, 1984. – XII, 311 p.
lxxxii[82] Kolakowski L. Main currents of marxism. – Oxford: Clarendon press, 1978. – Vol.I. The founders. – P.626.
lxxxiii[83] Подр. см.: Foursov A. Social times, social spaces, and their dilemmas: ideology "in one country" // Review. – Binghamton (N.Y.) – Vol. XX, № 3-4. – P.345-420.
lxxxiv[84] См.: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М.: Изд. дом ИНФРА, 1999. – 261 с.
lxxxv[85] Подр. см.: Фурсов А.И. Колокола Истории. – М.: ИНИОН, 1996. – С.95-100.
lxxxvi[86] Wallerstein I. Response: Declining states, declining rights // International labor a. working-class history. – 1995, № 47. – P.26.
lxxxvii[87] Мандельштам Н. Вторая книга. – М.: Московский рабочий, 1990. – С.424.
lxxxviii[88] Хокинг С. От большого взрыва до черных дыр: краткая история времени. – М.: Мир, 1990. – С.83.
lxxxix[89] Шкловский И.С. Вселенная. Жизнь. Разум. – М.: Наука, 1973. – С.314-315.
xc[90] Э.Гулднер идет настолько далеко, что признает марксизм "великим современным синтезом науки и религии" (Gouldner A. The two marxisms: contradictions a. anomalies in the development of theory. – N.Y.: Seabury press, 1980. – P.117.).
xci[91] Polanyi K. The great transformation: the political a. economic origins of our time. – Boston: Beacon press, 1944. – P.78.
xcii[92] См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса – М.: Мир, 1986; их же: Время. Хаос. Квант. – М.: Прогресс, 1994; Пригожин И., Николис Г. Познание сложного. – М.: Мир, 1990; Kontopulos K. The logics of social structure. – Cambridge: Cambr. univ. press, 1993; Jantsch E. The self- organizing universe: social a. human implications of the emerging paradigm of evolution. – Oxford: Pergamon press, 1980.
xciii[93] См.: Morin E. Introduction à la pensée complexe. – P.: ESF éditeur, 1990; см. также четырехтомник Э.Морэна "Метод": Morin E. La méthode. – P.: Seuil. – Vol. I-IV (1977, 1980, 1986, 1991).
xciv[94] Крылов В.В. Собственность в традиционных обществах // Крылов В.В. Теория формаций. – М.: Изд. фирма "Вост. литература" РАН, 1997. – С.15.
xcv[95] Этот вопрос разработан в: Крылов В.В. О внутреннем неразрешимом противоречии категории "простой абстрактный труд" (неопубликованная рукопись, предоставлена мне автором) – М., 1972.
xcvi[96] Подр., помимо указанных работ Маркса, см. например: Агг А. Мир человека как субъект производства. – М.: Прогресс, 1984. – 199 с.; Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плиман Е.Г. Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. – М.: Политиздат, 1974. – 309 с.; Тёкин Ф. К теории общественных формаций. – М.: Прогресс, 1975. – 271 с.
xcvii[97] Подр. см.: Фурсов А.И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта: размышления о формационных 200 лет Великой Французской Революции // Французский ежегодник-1987. – М.: Наука, 1989. – С.278-330; его же: Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. – М.: ИНИОН, 1992. – Ч.I. – С.13-70.
xcviii[98] Подр. см.: Фурсов А.И. Колокола Истории. – М.: ИНИОН, 1996. – С.272-287.
xcix[99] Schumpeter J. Capitalism, socialism, and democracy… – P.58.
c[100] McLuhan M. The guttenberg galaxy. The making of typographic man. – Toronto, 1962. – P.76-77.

СРЕДИННОСТЬ СРЕДИННОЙ АЗИИ: долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света

Пять бывших республик СССР (ныне независимые государства) и Монголия - это пустынно-степной пояс, который лежит между Россией, с одной стороны, и Китаем, Афганистаном и Ираном - с другой. Но дело не только в этом. Есть значительно более серьезный резон присмотреться к региону Центральной Азии. Последние 300-400 лет он был объектом экспансии, сжимался, соседи (и через некоторых из них - капитал, мировой рынок) диктовали ему свою волю. В XVII в. Центральная Азия, точнее, ее восточная часть оказалась сдавленной между молотом и наковальней Российской и Цинской империй, этот пресс продолжал сжиматься до начала XX столетия. Западную ее часть в XIX в. подперли с севера все та же Россия, с юга - Великобритания. Последовало замирение Центральной Азии. Но так было не всегда: те триста лет, о которых идет речь, - всего лишь миг по сравнению с тремя тысячами лет (XV в. до н. э. - XV в. н.э.), когда Центральная Азия играла центральную роль в судьбах Старого Света, когда изменения в ней запускали механизм изменений в ойкумене в целом, когда не только никто не контролировал Центральную Азию, но, напротив, возникавшие в ней образования либо контролировали значительную часть Евразии, либо диктовали ей свою волю; я уж не говорю о контроле над Шелковым путем.

Ныне ситуация как бы возвращается в эпоху, предшествующую XVI-XVII вв., т.е. к тому времени, когда произошел перелом в отношениях Центральной Азии и других регионов Старого Света, в соотношении сил кочевых и земледельческих обществ. Речь, конечно же, не идет о том, что возникнут некие экспансионистские структуры, которые понесут угрозу соседям. Я имею в виду другое: восстановление в принципе ситуации, когда регион Центральной Азии не контролируется никем извне, тогда как изменения и процессы в нем могут существенно, причем негативно, влиять на жизнь соседей (например, России или Китая); когда Центральная Азия превращается в самовоспроизводящуюся флуктуацию, "серую зону", дестабилизирующую соседей, а возможно, и мир в целом. И это не преувеличение.

В "Колоколах Истории" мне уже приходилось писать о том, чти мир по многим своим характеристикам и тенденциям развития как бы возвращается в докапиталистическую эпоху. "Возвращение" Центральной Азии - одна из важнейших примет времени.

При взгляде на историю Старого Света с середины II тысячелетия до н.э. бросаются в глаза три великих переселения народов, три кризиса, потрясшие ойкумену, приведшие к ее перестройке, исчезновению целых царств, возникновению новых империй и т.д. Это кризис XII в. до н.э., эпоха переселения-народов III-IV вв. н.э. и время монгольских завоеваний, возникновения, а затем распада Великой монгольской державы в XIII в. Спусковым крючком всех этих макросдвигов становились события в евразийских степях, причем процесс начинался на Дальнем Востоке, у истоков Селенги и Керулена, а затем по "принципу домино" докатывался до Дальнего Запада Евразии - степного (нынешний венгерский Альфельд) и самого крайнего (Каталаунские поля в Шампани).

Кризис XII в. до н.э. был вызван тем, что в результате борьбы племен и народов на Восточно-Европейскую равнину, в Северное Причерноморье ворвались (были выброшены) индоевропейцы на своих колесницах. Затем они двинулись на юг, добив Микенский мир и напав на Египет ("вторжение народов моря"). Старый средиземноморский мир оказался взорван. Но бикфордов шнур Истории был подожжен в глубинах Центральной Азии.

В IV-V вв. н.э. гунны вторглись в Европу, став во многих (хотя далеко не во всех) отношениях могильщиками античного мира и перевернув его периферию. Но свой путь тот конгломерат народов, который известен в Европе как гунны, начал в Центральной Азии, и первым толчком стал распад державы Хунну.

Ну а про зловещий XIII в., "когда поднялся от Востока народ безвестный и чужой" (В.Соловьев), и говорить не приходится. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что наряду с мощным движением с Востока на Запад Старого Света в XII-XIII вв. происходило и противоположное движение - с Запада на Восток: крестовые походы. Однако это последнее было и слабее монгольско-тюркского Drang nach Westen, и затронуло лишь Средиземноморье. В связи с этим необходимо вспомнить еще один европейский натиск на Восток - IV в. до н.э., Александр Македонский.

Получается интересная закономерность в развитии Старого Света. Раз примерно в восемьсот пет происходил сход человеческих лавин, меняющих облик, а часто и суть старосветских систем: XII в. до н.э , IV в. до н.э., IV-V вв. н.э., XII-XIII вв н.э. При этом - перед нами не просто Большие Циклы Евразии, а некий маятник, который привели в движение воинственные племена Центральной Азии, выбросив на европейские равнины индоевропейцев. Те, в свою очередь, через восемьсот лет нанесли ответный удар, за которым последовали очередные колебания Маятника Старого Света: восток - запад - восток - запад/восток. Наиболее могучим источником энергии для колебательного движения была Центральная Азия, Запад скорее отвечал, реагировал, используя энергию отката, возвратного движения.

Если отмерить еще восемьсот лет с XII-XIII вв., мы получаем XX-XXI вв. И тут же сталкиваемся с массовой миграцией Юга на Север. Разумеется, это уже не орды Аттилы или Чингис-хана, однако воздействие нынешних мигрантов на общественную ткань Севера (Запада), на социокультурный код его жизни по катастрофичности своих последствий может превзойти события восьмисот - и тысячешестисотлетней давности.

Иными словами, цикличность сохранилась и в капиталистическую эпоху, несколько изменилось лишь направление движения, соответствующее изменению оси отношений "Запад - Восток" на "Север - Юг".

И последнее, что необходимо отметить в связи с Маятником и Большим Циклом Евразии, с их эпицентром в Центральной Азии. Движение маятника вызывало волну изменений в Старом Свете: гибли старые империи и возникали новые, уходили старые учения и пророки и приходили новые, а в Европе, в Средиземноморье адаптация к каждому новому циклу вообще принимала характер качественной социальной перестройки, или, выражаясь марксистским языком, формационного сдвига. В любом случае каждый раз происходила великая социальная революция, порождавшая нового исторического субъекта, новый тип человека, который затем и создавал новую Систему. И вот что интересно, эти революции приходились на середину Большого Цикла. Речь идет о полисной революции VII-VI вв. до н.э. (цикл XII-IV вв. до н.э.); христианской революции (век "зеро" цикла IV в. до н.э. - IV в. н.э.): феодальной ("аграрно-сеньориальной") революции IX-X вв (цикл IV-XII вв. н.э.); Великой капиталистической революции 1517-1648 гг. (цикл XII-XX/XXI! вв.).

Подчеркну: изменения происходили не только в Европе - в ней они были качественными, - но и в Старом Свете в целом. Например, "осевое время" пережил весь Старый Свет - от Китая до Греции; Великая капиталистическая (1517-1648) и Великая самодержавная (1517-1649) революции, завершившиеся возникновением полигосударственной

Вестфальской системы и "моногосударственной" Русской - Российской Империи, протекали синхронно. В ту же эпоху (XVI-XVII) возникают (или намечаются) сразу несколько новых империй - Великих Моголов, Сефевидов, Цин, Токугава. И, повторю, все эти сдвиги - циклы и революции, возникновение и крушение империй -так или иначе связаны с Центральной (Срединной, Степной) Азией. Например, Бабур, основатель династии Моголов, пришел из Средней Азии; династию Цин основали маньчжуры. Но в то же время XVI-XVII вв. стали рубежом в истории Центральной Азии, после которого геополитически она превратилась в "кладбище кочевой государственности" (Б.Ф.Поршнев). И хотя последний оплот этой "государственности" - Джунгарское ханство - сопротивлялся Цинам до середины XVIII в., это были уже арьергардные бои. Что касается экономики, то торговая революция, осуществленная в Азии в XVII в. двумя ост-индскими компаниями, голландской и английской, привела если не к закату караванной торговли через Центральную Азию, то к существенному падению ее роли и значения. Качественные изменения в организации торговли, внедренные компаниями, резко уменьшили их издержки производства, и против такого организационного оружия у Центральной Азии не оказалось ответа - ни симметричного, ни асимметричного. В этом смысле можно сказать, что XIV-XV вв. были исторической золотой осенью, "бабьим летом" Центральной Азии как в политическом, так и экономическом смысле. Похоже, ныне она опять оказывается во внешне сходном или сравнимом состоянии, но уже не в осеннем, а в весеннем - наступает новая эпоха. Впрочем, если забыть о цвете листвы, май и сентябрь часто бывают похожими. Это комфортные месяцы. Поэтому имеет смысл чуть внимательнее взглянуть на то место, которое занимала Центральная Азия в "региональной сетке" Старого Света, да и на саму сетку, контуры которой все более отчетливо проступают в нынешнем, покидающем Современность мире.

Можно уверенно сказать, что хотя фундамент региональной системы Старого Света был заложен в I тысячелетии до н.э., окончательно он оформился в первой половине II тысячелетия н.э., и капитализму оставалось лишь объединить макрорегионы в единое целое, мир-экономики в одну единую и единственную мировую экономику. Зарей этой мировой экономики, как ни парадоксально, стали крестовые походы, монгольские завоевания и тот мир, который оформился в результате их воздействия.

Что это был за мир? В Западной Европе уже очертился тот треугольник, которому суждено было сделать капиталистический рывок: юг Англии, Фландрия, север Франции и Германии, Шампань с ее ярмарками, Труа, Брюгге, Гент - вот наиболее яркие центры этого региона. Разумеется, в Европе были еще Венеция и Генуя, и впереди у них много "жирных лет", но История пойдет не через них. Кстати, и сейчас в Европейском союзе ядро "Европы первой скорости" составляет упомянутый треугольник.

Далее - Левант с центром в Константинополе: запад малой Азии, Балканы и северное побережье Африки примерно до нынешней Эль-Джезиры (Алжира).

К югу от Леванта - макрорегион, предствленный Египтом и половиной Аравийского полуострова. Центр напряжения - Каир. К востоку (юго-востоку) от левантийского мира располагался территориально небольшой, но, пожалуй, самый богатый и важный из тогдашних макрорегионов - Багдадский. Ныне, в конце II тысячелетия н.э., этот регион тоже имеет огромное политико-экономическое значение, в основе которого лежит магическое слово "нефть". В начале тысячелетия базой могущества багдадского мира были, естественно, не нефть шейхов и армия Саддама Хусейна, а высокий уровень развития производства и торговли, богатство правящей династии и купцов, многочисленных синдбадов-мореходов.

Левантийский, Багдадский и Египетский макрорегионы лежали на пути с запада на восток, из Средиземноморья - в Индийский океан. У каждого из регионов был свой "коридор" на восток. Самый северный, левантийский:

Эгейское море - Черное море - "хазарские пути" - Средняя Азия (Шелковый путь); средний: Сирия - Месопотамия - Персидский залив. Отсюда можно было плыть по морю аж до Китая, а можно было по "багдадской ветке" Шелкового пути через Хамадан, Нишапур, Мерв попасть в Центральную Азию -Бухару, Фергану, Кашгар - и двигаться в Китай посуху. Наконец, южный коридор: Нил - Красное море и - "ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет" (в сторону Индии)

Тот, кто владел "коридором" или, тем более, "коридорами", контролировал поток товаров и людей и почти автоматически получал впасть над макрорегионом. И наоборот, любой претендент на власть прежде всего стремился захватить контроль над "коридорами".

Таким образом, относительно небольшая территория (квадрат, углы которого образовали Южное побережье Черного моря и северные побережья Персидского залива и Каспийского и Красного морей) оказывалась золотой в прямом смысле слова, Золотым Квадратом, а иногда - Золотым Ромбом. И не случайно эта зона "коридоров" была постоянным местом и возникновения систем имперского типа, и борьбы между ними. Причем борьба шла за то, чтобы захватить все три "коридора", стать Властелином коридоров или, по крайней мере, среднего и южного.

Борьба за пути-коридоры развернулась намного раньше, чем исторические области, которые они связывали, превратились в устойчивые региональные системы обмена (и производства). Ни одной державе не удавалось установить сколько-нибудь эффективный и длительный контроль над тремя коридорами сразу, над всем Золотым Квадратом. Кое-кому удавалось контролировать два коридора из трех. Но чаще работал принцип "один коридор -одна держава".

Трудно сказать, была ли вызвана знаменитая война древних египтян и хеттов конца XIV в. до н.э. с не менее знаменитой битвой при Кадеше (1312 г. до н.э.), в которой сошлись фараон Рамзес II и царь Муваталли, борьбой именно за "коридоры", но по крайней мере один "Коридор" был объектом борьбы.

На рубеже VIII-VII вв. до н.э. Ассирия попыталась поставить под контроль средний и южный "коридоры", но всерьез не преуспела. Большего успеха добились персы, сменившие ассирийцев в качестве гегемонов ближневосточного мира. Они не только захватили средний и южный "коридоры", но и пытались контролировать северный, разбив, однако, лоб о скифско-гре-ческую "стену". И все же именно персы первыми сделали заявку на "трехкоридорную гегемонию". Еще дальше пошел Александр Македонский. Он не только включил все три пути в одну имперскую структуру, но также попытался захватить долину Инда. Однако все это продлилось один исторический миг и рухнуло. Эллинистические монархии, возникшие в результате войн диадохов, почти точно совпали с тремя "коридорами", а развернувшаяся борьба между Птолемеями (Лагидами) и Селевкидами велась, по сути, за контроль над путями соединявшими две части Старого Света, две части Евразии.

Даже Римская империя не смогла установить длительную и эффективную "трехкоридорную гегемонию" - Парфия, а затем Сасаниды лишили их среднего (месопотамско-персидского) "коридора". Арабский халифат тоже какое-то время контролировал два из трех "коридоров". Однако с утратой единства окончилась и

"двухкоридорная гегемония". Что интересно, раскол опять же произошел по "коридорной линии", противопоставив друг другу Багдад и Каир как двух "контролеров" различных путей.

Таким образом, осью "войны миров" на стыке Европы и Азии, у "горла Азии" была борьба за "коридоры". И если мы взглянем на XIX-XX вв., то увидим, что даже в капиталистическую эпоху, от египетского похода Наполеона и восточного вопроса с Крымской войной до Суэцкого кризиса и войны в Заливе, очень важная ось мировой политики проходит там, где ее увидели персы два с половиной тысячелетия назад. Региональные конструкции и геометрические фигуры очень прочны, и даже если золото Золотого Квадрата не желтое, а черное, сам квадрат продолжает существовать.

Но вернемся в прошлое, в нашу хронозону "воспоминаний о будущем". Три "коридора", о которых идет речь, открывали путь к двум другим макроре-гнонам - Индоокеанскому, ал-Хинду (по "пряностному пути" через Оман и Маскат) и Центральноазиатскому (через Хамадан), а за ними лежал Дальневосточный регион, или, как сказал бы Ф.Бродель, "китайская мир-экономика" - огромный, вытянутый с севера на юг эллипс, охватывающий Восточный и Южный Китай с Желтым и Южно-Китайским морями, весь Индокитай, острова Суматра, Ява и Калимантан.

Будучи одним из нескольких макрорегионов, Центральная Азия в то же время отличалась от всех остальных вместе взятых (у них было больше общего между собой, чем с этой Азией) и противостояла им в прямом и переносном смысле слова. Все названные выше макрорегионы были морскими или приморскими и располагались в Прибрежном Поясе Евразии и Африки. Центральная Азия была континентальной зоной, Heartland'ом Если перевернуть карту и посмотреть на нее не под привычным углом зрения - с юга на север, а наоборот, с севера на юг, так, чтобы Китай Индия, мусульманский мир и Европа оказались удаленными от наблюдателя краями, центральность и сердцевинность макрорегиона Срединной Азии, а также то, что, во-первых, она была единственным сухопутным путем, соединявшим Дальний Восток и Дальний Запад континента, и то, что, во-вторых, она регулярно выбрасывала на периферию избыток своей демографической "спермы". -все это станет исторически ясным и очевидным.

Еще одно отличие - размеры, площади. Территориально Срединная Азия превосходит любой из названных выше макрорегионов. С запада на восток она протянулась от Черного моря до Желтого; ее северная граница шла, то поднимаясь, то опускаясь, примерно между 50-й и 45-й параллелями, несколько выше истоков Амура поворачивала на юг, к Желтому морю. Южная граница шла от этого же моря, колеблясь между 30-й и 35-й параллелями и включая Северный Китай, Тибет, Среднюю Азию, часть Северного Афганистана, Северный Иран и кусочек северо-востока Малой Азии. Эллипс, по которому и проходил знаменитый Шелковый путь, замыкался у Константинополя.

Еще одна особенность макрорегмона по сравнению с таковыми Прибрежного Пояса - наличие кочевого населения мира степей и полупустынь, готового к набегам, к созданию "кочевых империй", живущих за счет "дистанционной эксплуатации" оседлых соседей и контроля над караванной торговлей (т.е. за счет того, что Р.Лейн назвал бы protection land).

Сочетание огромных пространств с воинственным и одновременно "текучим" населением делало Центральную Азию исключительно трудным для контроля регионом. Великие кочевые империи редко контролировали всю Центральную Азию, хотя тенденция к расширению подвластного пространства по ходу исторического процесса

просматривается. Если сравнивать веховые, наиболее известные кочевые державы в момент их наивысшей силы (Хунну в III - начале II в. до н.э., Тюркский каганат в VI в. н.э. и Их Монгол Улус в XIII в.), налицо рост. Однако продолжительность эффективного контроля над Центральной Азией, ее реальной властной темпорализации кочевыми империями была невелика. Исторически наиболее длительные (50-60 лет) сроки контроля над максимально большой частью этого региона ойкумены продемонстрировали: Великая Монгольская империя в XIII в. (говорили, что в середине XIII в. девушка с золотым блюдом может пройти от Желтого моря до Черного, не опасаясь ни за блюдо, ни за свою честь, - такова была прочность порядка, установленного монголами, - с помощью страха, конечно);

Россия во второй половине XIX - начале XX в.; СССР в XX в. Если взять вместе Россию и СССР, то получится около 120 лет - мировой рекорд контроля над таким турбулентным регионом.

Эта турбулентность, появляющаяся после длительного перерыва теперь уже в наши дни, заслуживает особого внимания, однако к ней я вернусь чуть позже, сейчас - о Великой монгольской державе XIII в. - Их Монгол Улс (Ихэ Монгол Улус), которая стала своеобразным хронологическим водоразделом в истории Евразии. После нее история большинства макрорегионов Евразии потекла иначе, а если говорить о Руси, то здесь просто произошло качественное изменение, дальним, но логическим следствием которого стало возникновение того, что мы с Ю.С.Пивоваровым назвали Русской Системой. Впрочем, по аналогии с Золотым Дворцом (Алтын Ордон - Золотая Орда) можно было бы говорить и о Русском Дворце (Орос Ордон), но это уже вопрос вкуса.

Правда, не все исследователи, по крайней мере, в последние годы, склонны придавать столь большое значение роли Великой монгольской державы в истории Центральной Азии, Азии и Евразии. Например, Ф.Табак (США) считает, что существование и экспансия Монгольской империи сами по себе не были конституирующим фактором регионального и надрегионального порядка. На самом деле они были лишь элементом, причем не первичным, широкомасштабного комплекса изменений, который начался с подъема Pax Islamica и был обусловлен им.

Подходя к оценке вековых трендов развития Евразии с точки зрения экологии и экономики (прежде всего сельского хозяйства), Табак подчеркивает, что пути распространения ислама совпадали с распространением за пределы тропиков и субтропиков новых культур (сахарного тростника, хлопчатника, цитрусовых), производственных навыков и форм экономической деятельности. В этом смысле, считает он, Pax Islamica в период 1000-1250 гг. подготовил почву для Pax Mongolica и связанных с ним изменений 1250-1450-х годов.

Монгольское нашествие, как его видит Ф.Табак, способствовало тому, что население стало активно осваивать возвышенности и горы. потоки населения и экономической деятельности двинулись к границам водоразделов, произошло смещение центров экономической активности повсюду - от "китайского Востока" до "франкского Запада". Так, европейский центр экономической тяжести в результате существования Pax Mongolica и его роли в качестве продолжателя экономической миссии Pax Islamica к Западу от Эльбы сместился на внутренние равнины Шампани, Кастилии и Средней Англии, а к востоку от нее - в районы возвышенностей; в Китае этот центр сместился к югу. Сдвиги, о которых идет речь, подорвали политическое равновесие, установившееся до "монгольского эпизода", и в конечном счете ударили по самим монголам (и кочевникам в целом), приведя к их политико-экономической маргинализации в Евразии.

Рассуждения Табака представляют интерес, однако, на мой взгляд, едва ли верно сводить все историческое значение возникновения Великой монгольской державы и функционирование Pax Mongolica к экономике или, еще уже, к сельскому хозяйству и распространению сельхозкультур. Даже если ограничиться экономикой, то помимо сельского хозяйства можно увидеть существенные сдвиги в торговой системе Евразии, обусловленные "монгольским эпизодом". Речь идет о караванной торговле по Шелковому пути.

Возникнув в конце II тыс. до н.э., в принципе евразийская торговля по Шелковому пути существовала, так или иначе, почти всегда. Были, однако, периоды ее большей интенсивности и организованности и меньшей. Например, четыре сотни лет между II в. до н.э. и II в. н.э., когда на дальних западном и восточном концах Евразии существовали мощные образования - Римская Республика (а затем империя) и Империя Хань, торговля была интенсивной и более или менее упорядоченной. Путь шел из Китая по южной зоне кочевания хунну и подчиненных им племен в сторону Турфанской впадины через Усунь и Кангюй, а далее огибал Каспий либо с севера, либо с юга, где относительную безопасность гарантировало существование Парфии.

Рухнули Рим и Хань, началось переселение народов, и торговля по Шелковому пути (вместе с самим путем) стала как бы пунктирной, по крайней мере, по сравнению с предыдущим периодом. Затем возникновение Тюркского каганата и Танского Китая на двести, а то и на триста лет оживили Шелковый путь с его караванной торговлей. Хотя и не настолько, чтобы, например, не процветал морской путь из арабской зоны индоокеанской макроре-гиональной системы в индийскую и зондскую (ал-Хинд).

А вот создание единой всестепной империи монгольских ханов впервые включило огромную часть Шелкового пути в рамки одной-единственной державы (или - с ее распадом - в систему взаимодействия улусов-наследников). В результате Шелковый путь стал едва ли не "торговым автоматом", да таким, что впервые с VIII-XII вв. значение морской торговли между Западом и Востоком снизилось. Это не значит, что морская торговля по маршрутам Ас-Синдибада Морского (он же: Синбад-Мореход) абсолютно затихла, отнюдь нет. Однако объединение Чингис-ханом евразийских степей, обеспечив безопасный сухопутный путь от Черного моря до Желтого, привело к существенному относительному уменьшению значения индоокеанской морской торговли.

И наоборот, когда крушение улусов-наследников в Иране и Китае (можно сказать, в середине XIV в.), а затем общеевразийские потрясения (Черная Смерть, войны Тамерлана с Золотой Ордой) подорвали трансконтинентальный "монгольский путь" сухопутной торговли, ойкуменическая торговля (примерно с 1400 г.) на дальние расстояния опять стала преимущественно морской, и XV в. стал пиком (вторым, но уже не столько арабским, сколько индийским) в развитии морской индоокеанской торговли. Ну а чтобы завершить тему, напомню: следующий удар по евразийской сухопутной торговле нанесли Ост-индские компании за счет лучшей организации торговли и уменьшения в связи с этим издержек и цен на товары (Н.Стеенсгард даже говорит об упадке караванной торговли в результате торговой революции в Азии в XVII в.).

В отличие от Ф.Табака, И.Валлерстайн и Дж.Абу-Лугод придают "монгольскому эпизоду" в истории Евразии центральное значение. В схеме Абу-Лугод Pax Mongolica в виде Великой монгольской империи занимает центральное место. Согласно Абу-Лугод, в Евразии между 1250 и 1350 гг. существовала мир-система, состоявшая из взаимозависимых макрорегионов, ее центром (сердцем) был Багдад, кровеносной

системой - Шелковый путь, а хребтом - Монгольская империя. Рухнула империя - сломался хребет, исчезла мир-система, и именно это якобы расчистило путь для возникновения европейской капиталистической мир-системы. Так от крушения Великой монгольской державы прочерчивается линия к генезису капитализма в Западной Европе. Причем если у Абу-Лугод эта линия не обладает непосредственно каузальными качествами (здесь нет места разбирать концепцию Абу-Лугод, в ней немало неточностей и натяжек, обусловленных политически нагруженным стремлением авторессы противопоставить неэгалитарную и неэксплуататорскую мир-систему мир-системе с центром в Багдаде - читай: арабскую -европейской капиталистической, хотя на самом деле европейский капитализм вполне объясним и без крушения Монгольской империи, здесь Абу-Лугод нарушает правило "бритвы Оккама"), то И.Валлерстайн в своем объяснении генезиса капитализма в Западной Европе стремится наделить эту линию именно каузальными качествами. Сравнивая (впрочем, довольно поверхно-. стно и механистически) упадок Римской империи III-IV вв. н.э. и средневековой Европы XIV-XV вв., он приводит следующие составляющие для обоих случаев: упадок господствующего класса (рабовладельцев и сеньеров), упадок государства,-упадок организованной религии. Все один к одному, кроме одного: упадок средневекового Запада, в отличие от такового античности, сопровождался, считает Валлерстайн, упадком международной торговли, т.е. торговли по Шелковому пути, обусловленному (об упадке) распадом Великой монгольской державы. Это, по мнению Валлерстайна, с одной стороны, ослабило Европу, с другой - заставило ее сконцентрироваться на себе -"Европа сосредотачивается", и результатом концентрации-сосредоточения стал генезис капитализма. Иными словами, капитализм возникает как результат изменения среднесрочной экономической конъюнктуры (conjoncture), обусловленной упадком евразийской торговли, который в свою очередь был вызван крушением Монгольской империи в Центральной Азии.

Здесь не место разбирать схему Валлерстайна, в ней многое, к сожалению, что называется, "притянуто за уши", чтобы решить неразрешимую задачу: доказать, с одной стороны, что капитализм ("капиталистическая мир-экономика") возник именно в XVI в., не ранее; с другой - избежать долгосрочного объяснения этого процесса (что потребовало бы теоретических подходов, по части которых мир-системная перспектива слаба), ограничившись конъюнктурным. Тут-то и приходят на помощь спасители-монголы, "отцы" (так выходит по логике Валлерстайна) экономической конъюнктуры XIV-XV вв. Повторю: здесь не место разбирать аргументацию основателя мир-системного подхода, ограничусь лишь одним замечанием исторического порядка, ставящим, на мой взгляд, под сомнение всю его схему.

Дело в том, что упадок евразийской сухопутной торговли имел место не только в XVI в.. но и в III-IV вв. н.э. (да еще какой! Л.Н.Гумилев по простоте своих построений даже отвел этому упадку, якобы обусловленному болезнью шелковичного червя в Китае, роль социоисторического терминатора Римской империи; кстати, его логика очень напоминает валлерстайновскую), однако никакой капитализм в то время на Западе, на руинах ангично-рабов-ладельческого строя не возник, хотя, по Валлерстайну, должен был бы. Так может дело не в торговле, а в различиях между антично рабовладельческим и феодальным строем? Впрочем, это уже другая тема

Хотя концепции Абу-Лугод и Валлерстайна (в чем-то они очень похожи) меня не привлекают, я упомянул о них по двум причинам. Во-первых, чтобы показать интерес к Центральной Азии представителей даже исторической глобалистики, то значение, которое они придают региону в своих схемах (я сознательно не касаюсь здесь евразийцев, это отдельный и совершенно особый разговор); во-вторых, чтобы продемонстрировать иные, чем схема Табака, концепции, контрастирующие с его узкохозяйственным и

узкоэкологическим подходом. Табак рассуждает интересно, но так, что, во-первых, будто экспансиями Pax Islamica и Pax Mongolica исчерпывается "докапиталистическая" история Старого Света: что, во-вторых, будто Pax Islamica возник на "чистом листе", а не был одним из последних результатов глубокой перестройки Евразии VII-VIII вв., вызванной, помимо прочего, изменениями в Центральной Азии; в-третьих, будто до Великой монгольской державы в Великой степи не было великих кочевых империй. На самом деле и империи были (Их Монгол Улс был последней, самой известной и, конечно же, самой великой в их полуторатысячелетней череде), и Pax Islamica был лишь элементом и следствием, но никак не первопричиной широкомасштабных и долгосрочных сдвигов в Евразии (если только не смотреть на эти последние сквозь призму распространения сельскохозяйственных культур).

Действительно, держава Чингис-хана замкнула, завершила исторический ряд великих степных империй Центральной Азии: Хунну, Сяньби, Жу-жаньский, Тюркский и Уйгурский каганаты, государство киданей и, наконец, монголы. При том что во всех этих образованиях присутствовали тюркский и монгольский элементы, в одних, как позволяют предположить исследования, господствовал (по крайней мере, в правящей верхушке) тюркский элемент (Хунну, Тюркский и Уйгурский каганаты), в других - монгольский (Сяньби. Жужаньский каганат и держава киданей). В функционировании этих кочевых образований обращают на себя внимание, по меньшей мере, несколько хотелось бы сказать, закономерностей, но ограничусь более скромным термином, которым пользовался Н.Д.Кондратьев, - регулярностей.

Первая. Хотя нельзя говорить о жестком разграничении, с некоторой долей спрямления, огрубления ситуации можно сказать, что в то время как образования с "монгольским ядром" чаще всего стремились к непосредственному завоеванию территорий, "тюркоядерные" кочевые структуры стремились к дистанционной модели эксплуатации (дань) и систематическому контролю-дойке Шелкового пути.

Вторая регулярность. Державы с тюркским системообразующим элементом (кланом, союзом кланов) возникали так: сильный род приводил к власти своего человека, и он становился основателем кочевой политии. Державы с монгольским системообразующим элементом создавались сильным человеком (Таншихай у сяньби, Мугулюй у жуаней, Элюй Амбагянь у киданей и, конечно же, Тэмучжин - Чингис-хан - у монголов), который сам брал власть и уже в свою очередь приводил к власти свой род, вовсе не отличавшийся до этого особой силой.

Обе эти регулярности взаимосвязаны и, конечно же, обусловлены не этно-лингво-расовой принадлежностью того или иного кочевого образования или особенностями этнического характера. Дело, думаю, в другом - в исторических обстоятельствах борьбы за господство в Центральной Азии в IV-III вв. до н.э., в столкновении между тюркоязычными и монголоязычными кланами (родами) в борьбе за лидерство. Согласно китайским летописям (переведенным Н.Д.Бичуриным, которого уже в советское время поправил С.В.Тас-кин), во-первых, в этой борьбе монголоязычные группы (предки сяньби) потерпели поражение от тюркоязычных, ставших ядром державы Хунну, и вынуждены были откочевать в гористую местность и спасаться там; во-вторых, удар был столь силен, что в какой-то степени привел в расстройство их социальную организацию. В летописях говорится о том, что откочевавшие перестали выбирать вождей. По-видимому, речь идет о племенных вождях, по-видимому, перед нами фрагментация племен на кланы, ослабление последних. Рискну предположить, что именно этот эпизод стал своеобразной точкой бифуркации, определившей векторы дальнейшего развития "монгольской" и "тюркской" моделей формирования кочевых держав и различия между ними. Как знать, не

обусловлена ли "монгольская стратегия" (захват) стремлением компенсировать слабость рода, получить дополнительные опору и легитимность, которых не вполне хватало из-за некоторой "разболтанности" родовой организации, обусловленной поражением. Впрочем, это - рабочая гипотеза, нуждающаяся в проверке, верификации/фальсификации.

Что касается Великой монгольской державы, возникшей в результате завоеваний ("монгольская стратегия") и уже на этой основе обеспечившей контроль и взимание "protection rent" в виде дани, в том числе и с торговли по Шелковому пути ("тюркская стратегия"), то ее улусы-наследники поделили "стратегическое наследие". Монгольская династия Юань и Ильханы в Иране сели непосредственно (стратегия прямого захвата), а Золотая Орда, расположившаяся в степной зоне, реализовала по отношению к Руси модель дистанционного господства и эксплуатации. Рискну предположить, что и улус Чагатая, если бы у него был объект, скорее всего, реализовал бы дистанционную модель. Впоследствии Тамерлан, создавший свою эфемерную и краткосрочную державу (прощальный поклон Центральной Азии миру), своими походами реализовал обе стратегии, о которых шла речь, комбинируя их элементы. Тамерлан совершал систематические завоевательные походы во все стороны света (пожалуй, лишь "бросок на Север" его не привлекал), грабил, но после этого возвращался восвояси - "дистанция - захват - дистанция".

Хотя гурхан Тамерлан своими походами содействовал разрушению и утрате единства того, что создавал великий хан Чингис, "монгольский эпизод", как сам по себе, так и инерционно, стал одним из факторов, объективно работавших на усиление единства Евразии, Старого Света. Да, конечно, кочевые завоевания уничтожали население и разрушали хозяйство, города, порой - безвозвратно. Но безвозвратно - редко, да и не стоит сильно преувеличивать разрушительный демографический и экономический эффект завоеваний. Исследования показывают, что население восстанавливалось в течение жизни двух поколений (40-50 лет); аналогичным образом обстояло дело и с экономикой. К тому же надо помнить, что, помимо прочего, кочевые завоевания были следствием уже происшедшего ослабления земледельческих государств Прибрежного Пояса и зоны, промежуточной между ним и Срединной Евразией, Хартлендом.

Косвенно (а в чем-то и более, чем косвенно) Pax Mongolica как высшая стадия в самостоянии Центральной Азии сыграл свою роль в последующей синхронизации кризисных явлений XVI и особенно XVII в., охвативших все регионы Старого Света. Выходом из кризиса стало - в разных частях Евразии - возникновение либо качественно новых систем (Капиталистической и Русской) в зоне христианского исторического субъекта, либо великих империй (Сефевиды в Иране, Моголы в Индии, Цин в Китае. Токугава в Японии) в "нехристианской зоне".

Именно Российская и Цинская империи - "дети" кризиса XVI-XVII вв. -зажали кочевников и Центральную Азию в тиски, постепенно сжимая их, усиливая давление. Это давление привело не только к тому, что Центральная Азия превратилась в "кладбище кочевой государственности", она вообще перестала быть военной угрозой для земледельческих соседей. Это не могло не иметь серьезных, далеко идущих последствий. В ситуации, когда кочевники-впервые за много веков оказались в военно-техническом и организационно-политическом отношении слабее земледельцев и не могли более господствовать над ними, перед кочевыми обществами Центральной Азии остро встал вопрос: куда девать 40-50% мужского населения? В самом кочевом скотоводстве, учитывая его специфику и эластичность межполового разделения труда (значительную часть трудовых функций выполняют женщины и дети, мужчины главным образом перегоняют и охраняют скот, охотятся, совершают набеги на соседей), эта рабочая сила не нужна. Раньше, в

многовековую эпоху господства кочевников над земледельцами, указанные 40-50% мужского населения реализовывали свое свободное рабочее (именно так) время в виде военной деятельности. В XVI-XVII вв. такая возможность исчезла. Монголия нашла решение проблемы "занятий" для лишнего с хозяйственной, производственной точки зрения населения, проблемы, грозившей в случае ее неразрешения кровавыми конфликтами. Им стал ламаизм; ламаистские монастыри "изъяли" около 40% мужского населения, обеспечив их непроизводительной, но социокультурно (по крайней мере, официально) высоко ценимой формой бездеятельной активности. Именно этим и именно так - на макросоциальном уровне объяснятся "загадка ламаизма", внезапный и по-своему спасительный бросок в состояние бездеятельной активности значительной части кочевников, лишенных возможности реализовывать "свободное рабочее время" в виде внешней экспансии и господства над земледельцами.

Монголы были знакомы с ламаизмом еще во времена Чингис-хана, но тогда он им был не нужен. Как заметил Б.Я.Владимирцов, ламаизм - религия побежденных. В чингисхановы времена монголы были победителями, они были источником кризиса для мира Старого Света, а не наоборот, и тогда ламаизм им был не нужен. В XVI-XVII вв. ситуация изменилась.

Ныне. в ситуации нашего (конца XX в.) кризиса, исторически, по-видимому, симметричного кризису на "входе" (XVI-XVII) в капиталистическую эпоху, давление на Центральную Азию ослабло, особенно с Севера. Pax Mongolica - в далеком пошлом, и попытка возродить его (и Евразию на его основе) посредством "стратегии Унгерна" была, по-видимому, последним - фарсовым - всплеском.

В своей истории Центральная Азия не раз испытывала метаморфозы. В течение почти трех тысячелетий она объективно была источником-эпицентром наиболее масштабных изменений в Старом Свете. При этом, однако, сама по себе в домонгольскую эпоху она была фактором региональным, ее максимальным "достижением" был Тюркский каганат. Формально его естественной "границей" на Западе было Черное море, однако в реальности это было совсем не то, что в Великой монгольской державе. К тому же в IX-XII вв , по крайней мере, юг и запад Центральной Азии были скорее социокультурной периферией Pax Islamica, а восток - таковой Pax Sinica. На месте Табака я бы обязательно отметил, что появление Pax Islamica впервые нарушило социокультурную целостность Срединной Азии, приведя к исламизации значительной ее части и, таким образом, к образованию социокультурной трещины между частями.

Возникновение державы Чингис-хана отчасти изменило эту ситуацию на два с небольшим столетия. В социокультурном отношении великим монгольским ханам лишь на несколько десятилетий удалось "заклеить" социокультурную трещину: принятие ислама ильханами и ханами Золотой Орды подтвердило идейное господство ислама в западной и южной частях Хартленда. Под определенным углом зрения, лишившись советского имперского наследия, нынешние страны Центральной Азии - экс-республики СССР - лишаются и воспоминаний о монгольском имперском наследии, словно возвращаются в IX-XII вв. Юг Центральной Азии - Тибет - принадлежит Китаю: в подвешенном состоянии после распада СССР оказался восток - Монголия. Перестав быть Контролером Евразии и лишившись Контролера над собой, Центральная Азия превращается в турбулентную периферию, "серую зону" позднекапиталистического мира. Sic transit gloria mundi.

III

Неприятная для соседей потенциальная и реальная турбулентность центральноазиатской

зоны стала особенно очевидна ныне, с распадом Советского Союза, когда словно "поехала крыша" на Крыше Мира, т. е. на Памире, в Таджикистане; когда после вывода советских войск из Афганистана война там словно получила новую подпитку. Когда много чего произошло в Центральной Азии. При всей поверхностности исторических аналогий не могу не отметить, что, пусть и внешне, нынешняя, после распада СССР, ситуация в Центральной Азии напоминает ту, что возникла через несколько десятилетий после распада Великой монгольской державы, когда одни государства-наследники (Юаньский Китай, Иран ильханов) ослабли, другие (Золотая Орда, Улус Чагатая) практически распались на несколько десятков княжеств, племенных союзов, султанатов и ханств, между которыми шла борьба. В конце XIV в. Тамерлан, сумев опереться на часть населения бывшего улуса Чагатая, сделает последнюю успешную, но очень непродолжительную попытку создания сильной центральноазиатской державы, а затем наступит мозаичный мир, который досуществует до XIX в. - пока русские, китайцы и англичане не приберут "мозаику" к рукам и не выложат ее в подходящий для них узор.

Придет срок, и с востока уйдут англичане. Пройдет еще какое-то время, и распадется СССР. Бывшие республики Средней Азии станут независимыми государствами, причем некоторые из них История сразу "возьмет на болевой прием", на излом, и они распадутся на зоны влияния кланов или даже криминальных структур.

За что боролся, старик Сухов? Восток действительно оказался делом тонким. А где тонко - там и рвется.

Ситуация в различных частях "оторвавшейся" Средней Азии разная - похоже на мозаику XIV-XV вв. Есть зоны и оазисы относительной стабильности, где можно ожидать относительного (по местным, в основном, меркам) процветания. Особенно если районы, о которых идет речь, восстановят исторические связи хотя бы с (бывшими) левантийским и багдадским регионами.

На другом краю спектра - зоны самовоспроизводящейся нестабильности вроде Таджикистана, превращающейся в часть афганской "серой зоны". Да и сам Афганистан, похоже, возвращается на "круги своя" - к той ситуации кланово-племенной фрагментарности, которая была характерна для него в течение тысячелетий и которую на время заморозили русско-английское соперничество и затем логика Холодной войны. В зонах нестабильности правят бал кланы и их (суб)криминальные группы, легальная власть по сути отсутствует, включение таких районов в мировую криминальную систему (торговля оружием, наркотиками) происходит значительно быстрее, чем местных "экономик" - в мировую экономическую. К тому же, во-первых, в самой мировой экономике грань между легальным и нелегальным, криминальным - особенно в зоне высоких уровней прибыли - стирается. А как же иначе, если "китами" экономики, наряду с нефтью, выступает торговля оружием, наркотиками и порнобизнес?

Во-вторых, нужны ли "оторвавшиеся" части мировой экономике? Что по позитиву они могут предложить ей? По сути ничего. Если правы (а я думаю, правы) те, кто считает, что основным социальным противоречием XXI в. будет, выражаясь марксистским языком, противоречие не между эксплуататорами и эксплуатируемыми, а между ними вместе взятыми как социально организованным населением, с одной стороны, и теми, кому нет места в системе развитой, наукоемкой позднекапиталистической эксплуатации (за место в ней, за право быть эксплуатируемым придется еще побороться), нет места в социальном времени, - с другой, то логично предположить, что в XXI в. произойдет сброс целых слоев и зон, которые невозможно социально и экономически утилизовать, а легче и дешевле выбросить. И этот процесс уже начался, поставив перед целыми регионами задачу

адаптивного спасения.

Похоже, значительной части Центральной Азии (не только эсэнгэшной, но и китайской - Синцзянь) уготована незавидная судьба "использованных и выброшенных". И процесс адаптации уже пошел. У нас под боком, в "подбрюшье", формируются свои "золотые треугольники" вроде индокитайского, свои наркоэкономики вроде боливийской или перуанской. Огромные пространства, по сообщениям МВД, такие, как Южная Киргизия, превращаются в наркоплантации. Здесь народ выживает так. В других местах - иначе.

К примеру, недавно в прессе прошел ряд материалов, посвященных Северной Киргизии и Казахстану в их нынешнем состоянии. Сталкерство, да такое, что и братьям Стругацким не снилось, - вот способ выживания и существования, "живая политэкономия" для значительной части населения этих краев. Дело в том. что в Киргизии от эсэсэровских времен остались заброшенные урановые шахты, а в Казахстане - несколько предприятий ВПК, медеплавильный завод, десятки ложных станций управления пуском ракет (СУПР). Эти СУПРы строились для обмана главного супротивника - американцев;

строились по-настоящему, с электротехническими коммуникациями. Главное в нашем деле что? Правильно. Реализм. Рухнул Союз, и место реализма занял сюрреализм. Как пишет журналист А.Иванов, в 90-е годы началось великое копание казахстанских степей - бригадным методом, экскаваторами, с погрузкой на КамАЗы и переправкой в Китай, где были очень рады драгметаллам, радиоактивной меди и многому другому. Потом настала очередь проводов высоковольтных линий - их срезали пролетами. Да мало ли что можно вынести. "Вынесет все", - говорил поэт Некрасов. И действительно, народ в "серых" (и не очень) зонах постсоветского пространства понес все. По-видимому, это модель выживания для многих "брошенных зон", было бы что взять и кому продать. Аналогичные вышеназванному киргиз-кайсацкому варианты адаптации можно найти в Африке, в Южной Америке и даже в деиндустриализующихся районах Северной Америки.

Еще один способ приспособления - миграция. В современном мире около 30 млн. беженцев. Более того, есть уже целые зоны, выступающие как "регионы беженства", регионы этносоциальной неустроенности, которая иногда принимает устойчиво-воспроизводящийся характер. Например, зона конфликта хуту и тутси, распространяющаяся ныне на территорию Заира и грозящая подорвать там государственность, какой бы хрупкой и бандитской та ни была. Это уже принципиально иной, новый тип региона и региональности, чем те, о которых говорилось в начале этой статьи. Ну что же, мир меняется, обновляется и явление региональности вместе с ним. Известный под прозвищем "мистер Стратегия" японский бизнесмен, политик и публицист К.Омаэ говорит о появлении нового типа региона - "региона-государства". В книге "Упадок национального государства: подъем региональных экономик" он показывает, как структуры макрорегионального уровня все громче заявляют о себе в качестве главных агентов постсовременного мира, новых моторов процветания и единиц деловой организации, расталкивая в стороны и глобальные структуры, и национальные государства, границы которых они нередко безжалостно рассекают. "Регион-государство" - это, например, зона Сан-Диего - Гихуана в Северной Америке, треугольник Сингапур - Джохор - Батан в Юго-Восточной Азии. район Сан-Пауло в Бразилии и даже Тайвань с экономически связанной с ним частью Южного Китая. Все это - новый тип региона, заслуживающий более подробного разговора.

Короче, на рубеже XX-XXI вв. привычная картина мира вдруг стала стремительно меняться. Многое, казавшееся реальным, становится картографической иллюзией. Сквозь политико-экономические контуры капиталистического (современного) мира вдруг

проступают очертания предшествовавших этому миру историко-культурных и торгово-экономических регионов. Рядом с ними, а часто и внутри них, еще более усложняя картину, возникают регионы нового, уже не докапиталистического, а поздно- (и, как знать, быть может, пост-) капиталистического типа: "процветающие регионы-государства" (я бы сказал: "регионы-оазисы"), с одной стороны, и "серые зоны" скудости, сталкерства, аномии, постоянной борьбы за выживание и жизни чуть ли не на грани зоосоциальности - с другой. Неизбежность этого странного мира очевидна. Похоже, "глобальная деревня" уходит в прошлое как неосуществившаяся до конца мечта, а на смену ей идут региональные и глокальные реалии. Иногда мне кажется, что ученый или журналист, задумавший дать картину нынешнего мира, должен будет написать нечто похожее на пятый том "Истории Рима" Т.Моммзена - том, посвященный римским провинциям, т.е. "регионам", на которые впоследствии распадется первая мировая держава человеческой истории. По крайней мере, угол зрения, подход - при всей поверхностности аналогии - может быть таким.

http://asiapacific.narod.ru/countries/apr/central_asia.htm

Опубликовано в: Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 4. – С. 349-490.

А.И. Фурсов

Еще один «очарованный странник»
(О Владимире Васильевиче Крылове на фоне позднекоммунистического общества и в интерьере социопрофессиональной организации советской науки)

Я родом оттуда, где серп опирался на молот,
А разум на чудо, а вождь на бездушие стад,
Где старых и малых по селам выкашивал голод,
Где стала евангелием «Как закалялася сталь».
[…]
Я вмерз в твою шкуру дыханьем и сердцем,
И мне в этой жизни не будет защит,
И я не уйду в за границы, как Герцен,
Судьба Аввакумова в лоб мой стучит.

Б.Чичибабин

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

С.Есенин

Он верил в свой череп.
Верил.
Ему кричали: «Нелепо!» –
но падали стены. Череп,
оказывается, был крепок.

И.Бродский

I

Десять лет назад, в конце слякотного и промозглого декабря 1989 г., не стало Владимира Васильевича Крылова (р. 1934), замечательного советского ученого-обществоведа, теоретика, специалиста по теории Маркса, не только хорошо знавшего, но и развивавшего ее в 70-е годы на неофициальный и неидеологический лад. Так вышло, что Крылов очень мало – почти ничего по сравнению с написанным «в стол» и проговоренным – опубликовал. Впрочем, и опубликованного при жизни, сказанного на конференциях и семинарах более чем хватило для того, чтобы Крылов «заработал» репутацию одного из сильнейших советских теоретиков по проблемам развития «третьего мира» – и не только «третьего». Малое (относительно написанного и сказанного) количество публикаций есть следствие как объективных – социосистемных и социогрупповых, так и субъективных причин. А написал, наговорил и, главное, надумал Крылов много. По сути это был институт в одном лице: блестящий ум, эрудиция, организованная память, широкий размах научного поиска и разнонаправленность научных интересов – все это усиливало и без того немалый потенциал. Крылов помимо своих профессиональных областей – истории, политической экономии, социологии, интересовался биологией и физикой, современной математикой и психологией, химией и астрономией. Интересовался и неплохо разбирался, любил. Еще одна любовь – литература, прежде всего русская. Вообще, нужно сказать, что Крылов был очень русским человеком, со всеми сильными и слабыми качествами, слишком русским.

В своем ремесле Крылов умел все: он в равной степени легко писал философские трактаты и аналитические записки для ЦК КПСС, работы по конкретной истории и текстологические штудии по Марксу (на полях черновиков – рисунки, карикатуры, стихи). Но главным все-таки было не это умение, не эрудиция и даже не размах интересов и замыслов, а о ч а р о в а н н о с т ь Истиной, ее поисками. Крылов был «очарованным странником» – еще одним. Таких в науке немало, но далеко не большинство – напротив. Здесь та же ситуация, как и с теми, кто занят поисками истины, для кого научное познание – главное. *(«Лишь для ничтожной части… профессионалов научное познание есть самоцель»*, – пишет А.А.Зиновьев, более того, *«препятствие на пути научного познания – гигантская армия людей, профессионально*

занятых в сфере науки и добывающих себе с ее помощью блага и жизненный успех»[1], – поясняет далее философ.)

Любознательность и многосторонность Крылова были проявлением, функцией, элементом этой очарованности Истиной, ее поисков, что и придавало им такую мощь и такую чистоту. Крылов, бесспорно, был мыслителем, а не просто большим мастером своего дела (хотя и это немало, особенно в условиях переизбытка подмастерьев). На основе оригинального и творческого прочтения Маркса, путем переработки наследия Маркса – «Биг Чарли» – и отталкиваясь от него, Крылову удалось – случай уникальный для советской (а может, и не только для советской) науки – разработать целостную послемарксову марксистскую теорию общественного развития. Разумеется, какие-то части этой теории были разработаны, продуманы, прописаны в большей, какие-то – в меньшей степени, и тем не менее теория была, состоялась. Причем в некоторых своих «зонах» состоялась как неомарксистская не только по отношению к официальному «советскому марксизму», но и к марксизму Маркса.

В известном смысле Крылов, сам того сначала не подозревая, выступал как советский неомарксист. Однако он существенно отличался от современных ему (60-70-е годы) западных неомарксистов по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, он разрабатывал не какой-то отдельный аспект марксистской теории, а теорию в целом, взвалив (типологически) тот же груз, что и Маркс, сделав аналогичный замах. Во-вторых, в центре крыловского подхода, в основе его исследований и штудий были не отношения обмена, не политика и государство и даже не сами по себе производственные отношения, как у большинства западных неомарксистов, а ПРОИЗВОДСТВО, его СИЛЫ, т.е. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ, социальной формой которых выступали производственные отношения (= социальные производительные силы). Производительные силы трактовались Крыловым (вслед за Марксом) не как предметы, не как «железки», а как процессы, причем вовсе не только материально-вещественные (включая природные), но так же социальные и духовные. Впрочем, об этом мы поговорим чуть позже. Сейчас лишь отмечу, что «целостно-производственные» характеристики теории Крылова отличают его от западных неомарксистов настолько, что по сути он оказывается за пределами «неомарксистского качества», и я не случайно написал: «в извест-ном смысле» (русский эквивалент неопределенного артикля), «выступал как» (но «не был»). Крылов скорее занял в советской науке нишу, аналогичную той, что в западной науке занимали нео-

марксисты. То, насколько он отличался от них не нишево, а содержательно, становится очевидным при сравнении работ и подходов (ср., например, Крылов versus Валлерстайн). И это опять же делает научный, интеллектуальный опыт Крылова уникальным.

Данной сферой, однако, уникальность или почти уникальность Крылова не ограничивается, он интересен не только своим теоретическим и – шире – интеллектуальным наследием. Его жизнь – незаурядного ученого, творческого человека в позднекоммунистическом (середина 60-х – конец 80-х годов) мире – интересна и с социальной точки зрения как своего рода стихийный, незапланированный эксперимент жития-бытия одиночки, неклановогo социального индивида в преимущественно кланово организованной советской науке 60-80-х годов. Этот эксперимент позволяет многое понять как в личности В.В.Крылова и его творчестве, так и в таком явлении, как «советское обществоведение». Но прежде чем говорить о теории и практике Крылова – немного о его биографии, основные вехи.

II

Если считать реальным началом коммунистического порядка в СССР 1929 г. (1917-1929 гг. – генезис, а как говаривал Гегель, когда вещь начинается, ее еще нет), а концом – 1991 г., то жизнь В.В.Крылова почти совпадает с коммунистической фазой русской истории. В его жизни многое было как у большинства советских людей, по крайней мере людей, принадлежащих к одному с В.В.Крыловым поколению. Но было и характерное лишь для некоторых, немногих, а то и только для одного человека по имени Владимир Крылов.

Что было? Простая советская семья. Отец, умерший в один день со Сталиным. Мать, пережившая и похоронившая и Володю, и его старшего брата. Скудость, если не бедность, быта. Впрочем, так жило большинство. Было военное детство с нехитрыми играми во дворе в «наших» и «немцев» с казнью крыс вместо эсэсовцев (а иногда – наоборот: игра-отождествление с чужим – в эсэсовцев, и повешение крысы с дощечкой «Partisanen»; после этого «в штатском» два вечера расспрашивал детей, кто это сделал), с игрой в «прятки» (с отправлением естественной нужды) в пустых головах статуй Маркса, Энгельса и др., заготовленных для так и непостроенного Дворца Советов. Тех самых Маркса и Энгельса, по теоретическому наследию которых В.В.Крылов в 60-70-е

годы станет одним из лучших, если не лучшим (по крайней мере, в СССР) специалистом.

Детство Крылова было не только и не столько военным, сколько уличным, хотя часть его была, бесспорно, военной. Он жил на Усачёвке, одном из шпанистых в 40-е годы районов столицы. Москва послевоенных 40-х – мир горя и надежд, полуголода и снижающихся цен (*«было время, и цены снижали»*), лежалого американского яичного порошка и трофейных вещей (хорошо помню, правда, уже в середине 50-х, немецкий радиоприемник, чайную ложечку с надписью «Reichsbank» и орлом и отцовскую опасную бритву «Solingen», которой до сих пор хорошо точить карандаши), мир расхристанных агрессивных мужиков (психология еще настроена на военное время) и инвалидов *«без обоих ног оторватых»*, темных личностей в белых кашне, малокозырках и хромовых сапогах, людей в кожанках и галифе. Детские радости того времени были нехитрыми – прежде всего не чувствовать голода. Далее – гильзы, разбитый компас, дореволюционные монеты, фильмы («Подвиг разведчика» с великолепным Кадочниковым и «Пятнадцатилетний капитан» со зловещим Астанговым в роли «Негоро, компаньона великого Альвеса») и, конечно же, футбол – великий ЦДКА и британский триумф усиленного цэдэковским Бобровым «Динамо». И этого было з а г л а з а для полного мальчи-шеского счастья. Как заметил И.Бродский, *«если кто и извлек выгоду из войны, то это мы – ее дети. Помимо того, что мы выжили, мы приобрели богатый материал для романтических фантазий. В придачу к обычному детскому рациону, состоящему из Дюма и Жюль-Верна, в нашем распоряжении оказалась всяческая военная бранзулетка – что всегда пользуется большим успехом у мальчишек. В нашем случае успех был тем более велик, что это наша страна выиграла войну»*[2].

Дворовое послевоенное детство, однако, таило немало неприятностей, угроз и опасностей: раннее пьянство, «портвешок» в подворотне, «толковища до кровянки». Действительно, драки, недоедание, поножовщина, угроза «перышка в бок» в темном подъезде или подвале постоянно присутствовали в повседневной уличной жизни тех лет. В рассказах Крылова о «корешах детства» часто следовали ремарки: *«зарезали в начале 50-х», «сгинул в лагерях», «попал под поезд по пьянке»*. А кликухи чего стоят: «Толя-мертвец», «братья-помои». *«Да, были люди в наше время»…*

Это был мир коммунальных квартир и коридоров, которые – пелось в песне В.Высоцкого именно о военной и «сразупослевоенной» жизни, – *«как известно,*

кончаются стенкой, а туннели выводят на свет». Туннелем к свету Крылова стали увлечение математикой и, как это ни странно звучит, работа школьным комсоргом.

Он блестяще окончил школу – с золотой медалью, но с медалью – теоретически (словно специально – как будущий теоретик), практически же медаль, которая была на школу одна, отдали другому, «более равному». Это был один из первых уроков «социальной справедливости», полученный Крыловым. Их много будет в последствии, этих уроков. Тут будут зависть, и «друзей предательский привет», и плагиат – крали идеи, концепции, куски текста. Старая история. К сожалению, В.В.Крылов был слишком ранимым человеком, хорошо «державшим удар» в научной жизни, но часто оказывавшимся беспомощным в жизни повседневной. Да и в научных баталиях он никогда не добивал поверженных противников. А ведь именно это никогда не прощается.

Словно в отместку жизни, системе за неполученную золотую медаль (а может, и не словно) В.В.Крылов поступает на факультет, диаметрально противоположный профилю оконченной им математической школы, – на истфак МГУ. Здесь, как сказано в некрологе, опубликованном в журнале «Народы Азии и Африки», Крылов *«обращает внимание своих сокурсников и преподавателей неординарностью мышления, незаурядной памятью и склонностью к изучению теоретических проблем исторической науки»*. Эти качества материализовались в блестящие курсовые и дипломную работы.

Крылов занимался на истфаке не только наукой. Он проходил и другие «университеты», за которые Система строго (хотя могла и строже, как в анекдоте: *«А мог и бритвой по глазам»*) спросила с него.

В январе 1958 г. его исключают из комсомола с формулировкой за *«сокрытие существования нелегальной, антисоветской организации, за неискренность перед комсомолом и партией, за потерю политической бдительности»*. Конкретно за этим стояло участие Крылова в спорах о некоторых вопросах политэкономии СССР, в частности о том, является ли рабочая сила при социализме товаром, участие-и-недонесение о самом факте подобных споров. А в дискуссиях этих активное участие принимали те, кто позднее пошел по делу «кружка Краснопевцева».

Помимо официальной формулировки была, однако, и другая. Ее после разбирательства дела в райкоме озвучил в разговоре с Крыловым тогдашний секретарь комсомола истфака. *«Ты – честный дурак»,* – сказал он. Дурак, потому что не заложил, не стукнул, не продал. Результат? Он прост. Вместо научной карьеры обладатель

«красного диплома», автор блестящей дипломной работы по теоретическим проблемам аграрной истории Франции в Новое время (и от нее тоже отщипнули – один старший товарищ поста-рался) пошел токарем на завод «Красный пролетарий».

Обращения в ЦК ВЛКСМ о восстановлении в комсомоле не помогли. Реабилитация де-факто (но не де-юре) произошла уже в 60-е годы, когда «оттепель» по сути уже была позади, и этот частный случай лишний раз свидетельствует: реальной «оттепелью» коммунизма мог быть и был только «застой», ибо единственное тепло, которое способна выделять коммунистическая система, – это тепло гниения. Реабилитация де-юре, официальная (а, как известно, в России существует только то, что существует официально) произошла… в декабре 1989 г.! За несколько дней до смерти Крылова. Он об этом так и не узнал. Да и едва ли это его тронуло бы – отгорело и отболело.

«Шестидесятые – гордые, пузатые» привели В.В.Крылова в Институт Африки АН СССР, где он проработал несколько лет, а затем перешел, тоже неспроста и непросто, в ИМЭМО. Пожалуй, именно здесь и именно в эпоху «застоя», в 70-е, расцвел талант Крылова-ученого, Крылова-теоретика. И дело не только в том, что в это время он, наконец, защитил кандидатскую и что в это время была подготовлена знаменитая «коричневая книга» (Развивающиеся страны: Закономерности, тенденции, перспективы. М.: Мысль, 1974), в основе которой лежали его идеи, его, как он любил говорить, «бумаги». Это – важно. Но это внешнее. Главное и сущностное в том, что в самом начале 70-х Крылов сформулировал основные положения своей теории социального развития. Или, скажем так: своей версии марксистской теории формационного развития. Эта версия отражена (и выражена) в многочисленных выступлениях Крылова, в его постоянных монологах в курилке и в коридорах – Крылов, как Сократ, больше сказал, чем написал; она – в статьях и рукописях.

Защищенная в ИМЭМО кандидатская диссертация, пожалуй, принесла Крылову личное удовлетворение, но не обеспечила столь необходимого советскому разночинцу, задавленному нехваткой денег и бытом, материального достатка и социального статуса, измерявшихся должностью старшего научного сотрудника и тремястами рублей оклада (ах, это замечательное и сладкое русское слово «оклад», с XVI в. согревавшее сердца служилых людей). По разным причинам путь к «старшему» в ИМЭМО был заблокирован, и Крылов возвращается в Институт Африки (в «Африку», как он говорил).

Надысь я, горемыка для Громыки[3]*,*
Был выбрат из большой толпы босых.
Теперь с Громыкою, я горе мыкаю
И получаю в месяц три косых.

Так с грустной иронией Крылов напишет о своем вынужденном – за статусом и деньгами («за зипунами»!) – возвращении в «Африку» в «Сонете старшего научного сотрудника Института Африки».

В «Африке» Крылов проработал до самой смерти, хотя последние три года рабочими назвать уже трудно: участившиеся запои, прогулы, годовые планы «по нулям». Нельзя сказать, что, «мотая» свой второй «африканский срок», Крылов не сделал ничего примечательного. Отнюдь нет. Были статьи, глава в коллективной монографии и книга «Политические режимы развивающихся стран: социальная природа, эволюция, типология» (вышла в 1985 г. с грифом «Для служебного пользования»).

Крылов писал эту книгу – свою последнюю, «закатную» – долго и трудно, несколько лет, переписывал вариант за вариантом. И дело не только в том, что в 80-е годы он писал медленнее, чем в 70-е. Дело и в том, что книга эта была по сути стрельбой по воробьям. Соколу не вогнать себя в воробьиные рамки – из этого ничего не вышло, а время потрачено. Книга была опубликована, получилась интересной, но тема, которой она посвящена, была явно не крыловского масштаба. Она была задумана для другого. Но это, другое, окончилось с концом 70-х, и конец этот вышел не временным, не предварительным, а окончательным и обжалованию не подлежащим. Крылов периода «Политического режима…» – это Крылов в тупике, на излете в ситуации исчерпанности сюжетов – не только творческих, но и жизненных, Крылов, позволивший жизни загнать себя в угол. «Имэмовский период» оказался пиком в судьбе и мысли Крылова, временем максимальной реализации его творческого потенциала и его объективных жизненных, экзистенциальных задач. Того, с чем и зачем Крылов «посетил сей мир».

Разумеется, чтобы представить полную, целостную картину, надо писать книгу о крыловских исследованиях в контексте споров, дискуссий и смены парадигм в советской общественно-исторической науки (а у науки этой, несмотря на догматизм, узость и многое другое, было немало реальных достижений, по крайней мере, для

своего времени), и я надеюсь со временем это сделать. Здесь же и сейчас прочерчу (а то и просто намечу) несколько важных линий.

III

Теоретические разработки В.В.Крылова велись в рамках марксистской традиции. Это была принципиальная разработка теории в рамках марксистской парадигмы. Я не стану сейчас ни спорить с теми, кто полагает, что марксизм мертв и его следует отбросить, а потому радостно пинает его и использует определение «марксист» как бранное, – жизнь коротка, а глупостей и дряни много, так сказать, vita brevis, fecalia longa; ни доказывать важное историческое значение марксизма – оно очевидно, кто не слеп, тот видит; ни защищать Маркса как мыслителя – он в этом не нуждается. Ограничусь лишь констатацией очевидного факта: марксизм есть одна из трех великих идеологических и социально-теоретических систем современного (modern) Запада наряду с консерватизмом и либерализмом. Системы эти – как идеологии и как научные программы – дополняют друг друга.

В.В.Крылов – как ни избито звучит подобная формулировка – творчески развивал марксизм, точнее – научно-теоретическую систему, интеллектуальную традицию. Причем развитие это шло не только по линии объекта, когда из самой теории Маркса выбирается наиболее интересное и разрабатывается то, что имелось в потенции и т.д. (хотя и по этой линии тоже). Развитие это определялось и спецификой субъекта. То, что сделал В.В.Крылов с теоретическими разработками Маркса, то, что он вытащил из его дискурса, то, что выжал из текстов, то, что (и как) прочел, мог сделать только определенный субъект познания. Такой субъект, который является человеком XX в. и знает о теории относительности и квантовой механике, т.е. «помещает» себя как образ в картину мира постклассической науки; который живет не просто в XX в., а в СССР, в обществе «реального социализма» (читай: коммунизма); который мальчиком пережил самую страшную войну в истории человечества, причем пережил ее в той стране и с той страной, где победа – *«одна на всех, мы за ценой не постоим»* – покупалась по обменному «курсу» 5-6 : 1 не в русскую пользу, где минные поля разминировали живыми людьми, которых по этим полям гнали в «атаку сходу». Короче (этим словом любил начинать предложения сам В.В.Крылов), теоретические конструкции Маркса развивал такой субъект познания и действия, который вобрал в себя многое из опыта волкодавского XX в.

Есть и еще одна особенность теоретических исследований В.В.Крылова. Говорят, Лейбниц был последним философом и социальным мыслителем, стоявшим на уровне научных достижений своего времени во всех основных областях, будь то математика, физика или химия. Действительно, в XIX и тем более в XX в. философам и социологам стало сложно быть на уровне всех наук (не случайно Гегель уступил Шопенгауэру в споре по биологии). Развитие знания и его дифференциация в наши дни, по-видимому, вообще исключают саму возможность «казуса Лейбница». Однако философ, социальный теоретик должен иметь адекватное представление о теоретических проблемах, сдвигах и спорах, происходящих в современной ему науке; он должен вписывать себя в современную ему научную картину мира, представлять ее. Нелегко выработать и поддерживать это качество. А вот у Крылова получилось. Этот человек был начитан в таких областях, как математика и химия, биология и физика, кибернетика и литературоведение, не говоря об истории и философии. В.В.Крылов был в курсе тех теоретических дискуссий (разумеется, как дилетант, но дилетант в строгом смысле этого слова, на котором так настаивал А.А.Любищев), что велись в различных областях знания. Это существенно увеличивало потенциал и масштаб его обществоведческих исследований, в которых он выступал как человек-оркестр.

В.В.Крылов писал по проблемам политэкономии докапиталистических обществ и марксологии, о производительных силах и теории государства, по аграрному и продовольственному вопросам. Он занимался аграрной историей Франции и типологией политических режимов «третьего мира», природой некапиталистических форм наемного труда и НТР. Что еще более важно, у него практически нет проходных работ. По сути, по всем вопросам, которые затрагивал В.В.Крылов, он создавал новые оригинальные теоретические конструкции или, по крайней мере, закладывал их основы; его работы и публичные выступления (это надо было слушать и слышать) – будь то с кафедры или в курилке, полны инсайтов и эвристически плодотворных замечаний.

В полифоничности творчества В.В.Крылова отчетливо проявляется русский склад мысли, для которого – от Михаила Ломоносова до Александра Зиновьева – характерно стремление охватить как можно большую часть мира и отразить ее в понятиях и образах. Разумеется, у этого склада мышления есть и другая, слабая сторона – некоторая незавершенность (впрочем, ни один претендующий на целостность и системность комплекс идей не может быть до конца завершенным – полностью интегрированных живых систем нет, только мертвые, но это уже не системы),

некоторая, по крайней мере внешне, разбросанность и неоформленность, отражающая социальный и духовный код российской жизни. В творчестве В.В.Крылова, однако, эти недостатки суть продолжение достоинств. Кроме того, большей частью они компенсируются четко структурированной и организованной мыслью, которая находила выражение и в ясной структуре и логике его работ, и в отшлифованной аргументации, и в прекрасно организованных конспектах, на которые, судя по их подробности, потрачено много времени (как и А.А.Любищевым на его конспекты). Создается впечатление, что В.В.Крылов полагал: впереди у него – вечность, а не 56 неполных лет, большую часть которых он провел, как это не редко случалось с русскими талантами, *«в сетях мелочных нужд и неизвестности»*. А нужда – мелочная нужда – действительно имела место быть.

Материально Крылов жил трудно, несмотря на скромные потребности. Разумеется, во многом нехватка средств была связана с тем, что во время загулов спускалось все, но не только с этим. А потому, что просто не хватало. Прав Д.Е.Галковский, заметивший, что трагический быт – русская черта. Трагичность русского быта заключается в его почти открытости внешним обстоятельствам, бардаку и метафизическому ужасу русской жизни, в которой очень многие не столько живут, сколько выживают, борются с «тысячью мелочей», отравляющих, съедающих жизнь. Если к этому добавить, что советское общество было массовым обществом мелких начальников, мелких администраторов, которые как тип тяготеют (верно заметил Ю.Нагибин) *«к террору и мелким переделкам, именуемым “переустройством”»*, то становится ясно, что к противостоящим человеку мелочам «системным» следует добавить мелочи «волюнтаристские», еще более хаотизирующие и без этого бардачно-бессмысленную ситуацию. Отсюда: повседневная борьба в советском обществе часто велась не за что-то, а против – например, нехватки многого. В том числе нехватки денег. Неудивительно, что поля рукописей Крылова исчирканы записями о расходах (*«купить зонт –27 или 40 р. … купить костюм расхожий – 85-110 р. … купить дрель – 65 р.»*) или о долгах, ко-торые надо отдать (*«Кукушке – 5 р.(+5) = 10 р. … Мар.Фед. – 3 р. (+5) = 8 р. … Итого 66 р.»*). А рядом серьезные и глубочайшие теоретические построения. Научная поэзия и проза жизни: теория производительных сил и капиталистической системы, а рядом – постоянно присутствующие мысли о нестрогом костюме на каждый день и трехрублевом долге. Что можно противопоставить такой бедности и ее неизбежным спутникам – необязательности, разболтанности, несобранности, в конечном счете – непрофессионализму. Скрепами западного

общества являются частная собственность, право и социальный контроль, личностно интериоризированный несколькими столетиями работы репрессивных структур повседневности. В русской жизни ничего этого нет.

В обществе, где нет частной собственности, где право – объект насмешек, а трезвый образ жизни вызывает подозрение, только регулярный, планомерно устроенный, организованный быт может стать нишевым эквивалентом частной собственности, а следовательно, крепостью, чем-то твердым в текущебесформенной русской жизни, защитой от нее. Крылов это чувствовал и понимал, стремился к жесткой организации повседневности, жизни по распорядку. Среди бумаг – планы на месяц, детальные – на день: *«6.30-7.00 – умывание, зарядка, пробежка, собаки, зарядка; 7.00-7.30 – еда, уборка, подготовка к работе; 7.30-10.30 – работа»* и т.д. Однако схема нарушалась. Работать «по плану» днем часто не удавалось – дела, гости, телефонные звонки (Крылов не умел избавляться от болтунов, пожиравших его время, от хронофагов, которых всегда много в научно-околонаучной среде). К тому же Володя был «ночным человеком», и это ломало дневные планы, а следовательно, план в целом, который оставался неким идеалом, любовно и аккуратно выписанным на листочках из тетради «в клеточку». В значительной степени это была психотерапия, впрочем, не очень эффективная. Намного более эффективной терапией оказывалось творчество, например разработки по проблемам «третьего мира».

Впрочем, значение В.В.Крылова для отечественной науки и марксистской традиции вовсе не ограничивается сферой исследований «третьего мира». Это – лишь верхушка айсберга, элемент широкой, сложной, внутренне насыщенной, хотя и не во всем завершенной теоретической конструкции, которую можно смело назвать социальной теорией Владимира Крылова. Ведь у теоретических разработок В.В.Крылова, помимо масштабности и полифоничности, есть еще одна важная особенность. Разработки эти суть не отдельные фрагменты, это – не арабески и не мозаика, это элементы единой системы; и даже в тех редких случаях, когда между ними нет непосредственной видимой связи, они все равно части более широкого целого, подчиняющиеся методологическим посылкам, логике и принципам конструкции этого целого.

Настоящие заметки – не панегирик, и, конечно же, теория Крылова не свободна от ошибок и ограничений, которые обусловлены и спецификой той идейно-интеллектуальной традиции, в которой он работал, и спецификой того общества, в котором он жил, той эпохи, которая его сформировала (*«Большую эпоху*

затеял нам Маркс»). Так, разработав марксистский дискурс и во многих отношениях достроив его до упора, дойдя до грани, достижение которой логически требовало выхода за рамки марксистской теории, В.В.Крылов в некоторых направлениях остановился не столько из-за страха нарушить «идеологические» табу, сколько потому, что, видимо, не мыслил такого выхода. Думаю, были здесь и соображения научной эстетики: такой выход грозил нарушить и разрушить внутренне стройный и красивый теоретический мир, который создал В.В.Крылов. Хотя на самом деле выход за рамки марксизма всего лишь снимал (в философском смысле слова) теорию В.В.Крылова – и Маркса – в рамках более широкой теоретической системы. В этом отношении В.В.Крылов отчасти повторил путь Маркса, который, стремясь разработать теорию субъекта, пришел на деле к теории одной социальной системы – капитализма (причем специфически понятой), в этой теории он растворил и субъекта, и всю субъектную тематику[4]. В каждом из случаев – у Маркса и у Крылова – это произошло по разным причинам, но со сходными результатами – социальное место и время обусловили такой сциентистски-системный поворот. В большей степени – у Маркса, в меньшей степени – у В.В.Крылова, у которого системность отчасти уравновешивается исследованием воли, личностных отношений и т.д.

IV

Крылов работал как небольшой институт в одном лице: широкий фронт работ и впереди вечность. **Исторически**, а точнее **хронологически** путь Крылова-исследователя таков: вторая половина 60-х – начало разработки теоретических проблем докапиталистических обществ (в это же время – масса плановых работ, аналитических записок и справок по сельскому хозяйству и аграрному вопросу в Африке).

С конца 60-х по середину 70-х – разработки (сюда входят подробные конспекты работ Маркса и в меньшей степени Энгельса, комментарии к ним и собственные тексты) по теории производительных сил и укладов (способов производства). Первую фазу (или «первую атаку», как он сам говорил) Крылов датировал 1968-1970 гг. В первой половине 70-х Крылов активнейшим образом работает над проблемами многоукладности как конкретной формы существования («развертывания») «реального капитализма». Летом 1972 г. он пишет «плотную» работу (более ста страниц) под названием «Теория многоукладности – марксистско-ленинский метод анализа

социально-экономической неоднородности развивающихся обществ». Идеи именно этой работы стали методологической и теоретической основой как диссертации Крылова («Производительные силы развивающихся стран и формирование их социальной структуры», 1974), так и знаменитой «коричневой книги» («Развивающиеся страны: Закономерности, тенденции, перспективы». М., 1974).

Во второй половине 70-х Крылов развивает свои идеи, а в первой половине 80-х надолго концентрируется на проблематике политических режимов «третьего мира».

Логически В.В.Крылов начал с того, что в самом начале 70-х годов сделал то, чего формально не сделали Маркс и многие его интерпретаторы: он формализовал основные методологические принципы социальной теории К.Маркса и представил их в сжатом виде научной программы. Более того, он показал конкретно, как эти принципы работают у самого Маркса и как их можно использовать, будь то в рамках марксистской традиции или – объективно – для ее критического анализа извне. Эти принципы, по Крылову, следующие:

1) характер и структура производительных сил определяют характер и структуру производственных отношений;

2) распределение факторов производства определяет и объясняет распределение продуктов труда;

3) в рамках собственности на факторы труда отношения по поводу средств труда определяют отношения по поводу рабочей силы;

4) характер присваиваемого объекта определяет характер как присвоения, так и присваивающего (или неприсваивающего) субъекта[5].

Исходя из принципов научной программы Маркса, В.В.Крылов и разрабатывал, конструировал свою теорию в рамках марксистской традиции. Он либо заполнял те лакуны, пустоты, которые Маркс по тем или иным причинам оставлял в качестве таковых, либо применял эпистемологические принципы Маркса для такой реальности, которой сам Маркс не занимался или которой в XIX в. еще не существовало. В.В.Крылов объективно подчас выходил за рамки теории собственно Маркса и начинал разрабатывать **свою** марксистскую теорию, точнее, надстраивал новые этажи над старыми. В теории В.В.Крылова в целом это соответствие, бесспорно, выдерживается, а также четко соблюдаются общие принципы (регулятивы) конструирования научных теорий: правило «бритвы Оккама», принципиальная проверяемость, системность, максимальная общность.

Логично, что в соответствии со сформулированными принципами В.В.Крылов начал с производства (а, например, не с труда) и прежде всего с производительных сил. Он был решительным сторонником процессуальной, а не предметно-вещественной интерпретации производительных сил. Для него производительные силы – это, прежде всего, процессы – материальные, социальные, духовные; процессы, в которых и посредством которых исторический субъект себя реализует – опредмечивает, социализует, одуховляет. В зависимости от объекта приложения общественный процесс, социальная деятельность превращается либо в материальные (в узком смысле этого слова, т.е. – в предметно-вещественные), либо в социальные, либо в духовные производительные силы.

В рамках материальных производительных сил В.Крылов выделял (и противопоставлял) натуральные (естественные) и исторически созданные (искусственные) производительные силы. Ясно, что в ходе и по мере развития человечества соотношение этих двух видов производительных сил менялось, при этом господствовал, выступал в качестве системообразующего, либо один вид, либо другой. В соответствии с тем, чту играло роль системообразующего фактора – искусственные или природные факторы производства, – производительные силы выступали в той или иной форме организации, в виде той или иной системы. Такую форму организации (системы) производительных сил, в которой господствовали искусственные факторы, В.В.Крылов называл индустриальной, а ту, что характеризуется господством природных факторов, – натуральной.

Разработка теории естественных производительных сил, теории натуральной системы производительных сил – крупнейший вклад В.Крылова в теорию производительных сил, в социальную теорию. Иногда В.В.Крылов говорил о натуральном способе производства, имея в виду не некий особый строй собственности наряду с «азиатским», антично-рабовладельческим и феодальным, а способ производства материальных благ, вырастающий на основе натуральной системы производительных сил и с социально-экономической точки зрения общий для всех докапиталистических структур.

Естественные производительные силы, их систему нельзя путать, смешивать с географическими и природно-климатическими факторами, которые в лучшем случае выступают в качестве всеобщих условий производства, его conditio sine qua non, т.е. относятся к процессу производства негативно, не входя в него непосредственно – т.е. в качестве орудий, средств. Силы природы, включенные в социальный процесс в

качестве средств, орудий, превращаются в естественные производительные силы человеческого труда, т.е. приобретают социальную функцию. Социализации природы, подчеркивал В.В.Крылов, соответствует натурализация общества или, по крайней мере, его части. Специфика натуральных производительных сил обусловливает специфику производственных отношений докапиталистических обществ таким образом, что одна часть общества превращается в «неорганическое условие» (К.Маркс) воспроизводства другой части: как мы помним, специфика присваиваемого объекта определяет специфику присваивающего субъекта и неприсваивающего (вплоть до десубъективации последнего).

Когда речь заходит не о практически-деятельном (т.е. в процессе труда) присвоении предмета субъектом, а об отношениях субъектов по поводу этого предмета труда (т.е. на фазе распределения факторов труда), имеется существенное различие между присвоением естественных и искусственных факторов производства. В самих физических объектах, писал В.Крылов, например в земле, нет ничего такого, что могло бы ограничить волю других людей распоряжаться ими как своими, кроме другой воли. Присвоение природных объектов, т.е. либо не созданных трудом, либо таких, в которых природный субстрат доминирует над искусственным, означает ограничение чьей-либо воли (или просто ее присвоение). Поэтому, в отличие от индустриальной системы производительных сил, от капитализма, в обществах, основанных на натуральной системе производительных сил, *«присвоение результатов труда в сфере распределения продуктов труда… не ведет автоматически как при капитализме к присвоению решающих в натуральном хозяйстве факторов труда... каковые здесь природны, а не трудом созданы»*[6]. И далее: *«Собственность на объекты, представляющие собою не предмет практического труда* (речь идет о переделанной трудом природе, об овеществленном труде. – А.Ф.), *но объект воли, не есть экономическое отношение, а есть отношение чисто волевое… когда предмет создан не трудом, а дан от природы, то собственность на него есть только вне-экономическое присвоение, только волевое отношение собственности»*[7].

Такой вывод В.В.Крылова означал не просто интеллектуальный прорыв, не просто переворот в политэкономии, но создание в рамках марксистской традиции принципиально новой политэкономии – докапиталистических (и некапиталистических) обществ. Благодаря такому подходу исследователь, подобно человеку с любимой

В.В.Крыловым средневековой миниатюры, пробивал небесный свод и заглядывал в совершенно незнакомый мир.

Приведу длинную цитату из работы В.В.Крылова, которая представляет собой формулировку нового направления в политэкономии в сжатом виде: *«...Вся система традиционных отношений собственности начинает разворачиваться с внеэкономической собственности на естественные факторы труда, так что даже само присвоение живого труда (рабочей силы) принимает здесь вид присвоения обычной природной силы (т.е. осуществляется посредством отчуждения воли работника распоряжаться жизнепроявлениями своего тела, своей внутренней и внешней природы). Во всяком случае, присвоение рабочей силы (экономическая собственность на один из факторов труда) и продуктов труда (экономические отношения собственности во вторичной сфере производства, в сфере распределения продукта) обусловлены здесь и опричинены внеэкономической собственностью на природные факторы труда. Исходным производственным отношением дока-питалистической собственности является ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЛЕВОЕ отношение собственности, а производным – экономическое отношение»*[8].

Исследования в сфере теории производительных сил, разработка теории натуральных производительных сил позволили В.В.Крылову найти простой, верный и в то же время изящный, я бы сказал, элегантный выход из тупика в дискуссии 60-х годов о господствующих в докапиталистических обществах факторах, типах социальных отношений.

Как известно, в этой дискуссии столкнулись две точки зрения. Согласно одной из них, представленной А.Я.Гуревичем, Л.В.Даниловой и рядом других исследователей, решающую роль в докапиталистических обществах играли внеэкономические, надстроечные (будь то политика или культура) факторы. Их оппоненты, например А.И.Данилов, полагали, что в докапиталистическую эпоху, как и при капитализме, определяющую роль играют экономические отношения, которые полностью отождествлялись ими с производственными, базисными. Обе спорящие стороны апеллировали к Марксу, приводя соответствующие цитаты из его работ. При первом взгляде казалось, что представленные точки зрения не имеют ничего общего друг с другом. На самом деле, различны были лишь выводы, тогда как посылки, основания были одними и теми же – капиталоцентричными и догматическими. Представители обеих спорящих сторон отождествляли личностные отношения с

надстроечными, а экономические – с производственными, и не случайно, что и те, и другие оказались в догматическом тупике, различаясь лишь формами и стадиями догматизма – палео и нео: «схватка скелетов над пропастью» – «палеодогматизм» (догматизм посылок) против «неодогматизма» (догматизм выводов).

В рецензии на сборник «Проблемы истории докапиталистических обществ» (М., I968. Кн. I), микроскопическая часть которой с добавкой материала М.А.Чешкова была опубликована в журнале «Народы Азии и Африки» (1971. № 4), В.В.Крылов показал, что в докапиталистических обществах действительно господствуют личностные внеэкономические отношения, но они являются не надстроечными, а производственными, представляя собой волевые отношения собственности.

По Крылову, социальные отношения в процессе производства складываются в зависимости от их объекта, от того, как этот объект определяет специфику присваивающего субъекта. Учитывая в анализе социальных отношений – как реальности, так и категории – дихотомию «субъект – объект» и исходя из того, что специфика присваиваемого объекта определяет особенности присваивающего субъекта, В.Крылов выстроил четкую систему классификации общественных отношений в соответствии с характером их объекта. Особое место он уделил, естественно, производственным отношениям, которые сгруппировал в два блока: 1) экономические производственные отношения*;* 2) внеэкономические производственные отношения, или, как он подчеркивал, *«личностные внеэкономические производственные отношения»*. Под этими последними подразумеваются такие производственные отношения, объектом которых является сама личность производителя, будь то во внутренне- или во внешневолевом проявлении.

Экономические производственные отношения В.В.Крылов разделил на две группы: 1) личностные экономические производственные отношения суть такие, которые имеют своим объектом личные, субъективные предпосылки и факторы труда, – рабочая сила как потенциальная способность к труду и функционирующая рабочая сила, т.е. живой груд; 2) вещные экономические отношения суть такие, объект которых – предметы и продукты труда, а также всеобщие условия производства.

Особенно важным вкладом В.В.Крылова в разработку марксистской традиции представляется обоснование различия между личностными внеэкономическими производственными отношениями и надстроечными отношениям, с одной стороны, и между личностными внеэкономическими производственными отношениями и личностными экономическими производственными отношениями (а следовательно –

между эксплуатацией и господством) – с другой. Крылов много наработал в области аналитического и функционального исследования марксистской категории «социальные отношения».

Одной из центральных проблем в работах В.В.Крылова была проблема воли, ее отчуждения, волевых производственных отношений, тесно связанная с проблемой субъекта и десубъективации. Сам субъект определялся через понятие воли. Субъект есть *«такая часть природы, которая к тому же является носителем целостных субстанциональных сторон природы... господство субъекта как носителя всеобщей субстанциональной сущности природы над каждой особой частью природы (т.е. и над самим собой как всего лишь частью природы) и можно определить как содержание понятия ВОЛЯ»*[9]. Ясно, что лишение индивида (или группы) воли означает функциональное превращение данного субъекта в часть природы.

В.В.Крылов выделял внутреннюю волю (т.е. стремления, желания, потребности человека, его отношение к самому себе) и внешнюю волю (отношение человека к внешним для него объектам). В отчуждении именно внутренней воли видел В.В.Крылов специфику «азиатского» способа производства (АСП) как «поголовного рабства». При этом под «поголовным рабством» он, как и Маркс, имел в виду не то, что все или, по крайней мере, большинство являются рабами, и не то, что воля индивида отчуждается у него как у трудящегося, т.е. лишь в сфере производства. Речь идет об отчуждении человека в целом; в обществах АСП отчуждается не какая-то сторона человеческой деятельности как в антично-рабовладельческом или феодальном обществе, а совокупный общественный процесс, общество и его внутренняя воля в целом.

Вообще различие в типах и формах отчуждения воли (личности) человека, в соотношениях между присвоением воли (личности) и экономического продукта трудящегося, в свою очередь отражающее соотношение между искусственными и естественными производительными силами, фиксирует в работах В.В.Крылова стадиальные различия между докапиталистическими способами производства.

Так, для АСП с максимальным господством естественных производительных сил над исторически созданными характерно коллективное отчуждение экономического продукта и коллективное же отчуждение воли (каста, ранг, клан). Наличие экономической эксплуатации происходит при отсутствии *«зафиксированности этого господства в сфере волевых, правовых, личностных*

отношений. Господа и деспоты древнего мира – такие же рабы, не личности, не свободные, как и эксплуатируемые»[10]. Воля общества здесь отчуждена совокупно. Поэтому, как заметил В.В.Крылов, трудящиеся могут бороться только против реальной экономической эксплуатации, но не против строя общества. А это значит, что он неуничтожим изнутри, лишен возможности, как говорил Маркс, реального разложения. Социальные конфликты не превращаются в обществе АСП в классовую борьбу в строгом смысле слова, а потому не могут привести к реальному разложению общества или способствовать развитию его производительных сил (по афористическому определению В.Крылова, классовая борьба есть форма развития производительных сил вне сферы непосредственного производства).

Основным противоречием антично-рабовладельческого строя В.В.Крылов считал таковое между коллективной, совокупной формой присвоения воли раба полисом и индивидуальной формой присвоения экономического продукта отдельным рабовладельцем.

Наконец, при феодализме, где индивидуальному отчуждению экономического продукта соответствует индивидуальное же присвоение воли (личности), собственность в рамках природных факторов труда смещается с «субъективных» (тело человека) на «объективные», внешние по отношению к нему природные факторы (земля). Вот сюда, в отношения поземельной собственности, и смещается основное противоречие феодального строя, которое В.В.Крылов формулирует как противоречие между индивидуальным характером экономических отношений поземельной собственности (т.е. собственность на землю как материальный фактор будущего труда) и коллективным характером неэкономических отношений поземельной собственности на землю как не-результат прошлого труда (иерархичность земельной собственности). Таким образом, заключает В.В.Крылов, *«собственность на личность каждого производителя, на его внутреннюю волю здесь индивидуальна, а собственность на его рабочую силу коллективна (т.е. вся иерархия господ имеет свою долю в продукте каждого крестьянина)»*[11].

Крыловская система определений основного социального содержания, основных социальных противоречий докапиталистических способов производства имеет много достоинств. Не говоря о том, что она упорядочивает представления о «докапитализме», эта система дает целый ряд дефиниций и тем самым решает многие споры. Например, о том, кого считать феодалом, а кого – рабовладельцем; где грань и в чем различие

между крепостным и рабом. Так, по схеме В.В.Крылова, раб – это индивид, воля которого отчуждается коллективно, а экономический продукт – индивидуально, что требует наличия такой организации, как полис, который вовсе не есть просто город-государство. Феодально зависимый – это трудящийся, и воля, и экономический продукт которого отчуждаются индивидуально.

Как показал Крылов, и в «докапиталистических» обществах, и при капитализме распределение предпосылок действительного процесса производства определяло формы социальных отношений в совокупном процессе производства. Но поскольку предпосылки эти были качественно различными, различными были и господствующие производственные отношения. В одних случаях рабочая сила становилась собственностью господина посредством присвоения внутренней воли индивида, в других – ограничивалась внешняя воля. «Азиатская» форма эксплуатации, как заметил в одном из своих выступлений Крылов, представляла собой отчуждение ЧЕЛОВЕКА во всех его проявлениях; антично-рабовладельческая форма означала отчуждение духовных потенций ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ОТ ЕГО МАТЕРИАЛЬНЫХ потенций; при феодализме отчуждался ТРУД как нераздельное единство живого и овеществленного труда, от которого отчуждена его природная реальность (в виде земли, воды). Феодализм, таким образом, исчерпывает возможности развития общества по линии отчуждения природных факторов труда. Дальнейшее поступательное развитие возможно только на основе отчуждения у человека внешних для него неприродных объектов, накопленного труда. Это означает переход от внеэкономических производственных отношений к экономическим, прежде всего – вещным производственным отношениям и – логически – к капитализму. Хотя капитализм вовсе не сводится ни к найму, ни к обмену живого труда на овеществленный, и В.В.Крылов, разрабатывая идеи Маркса, хорошо показал это в своих работах.

Феодализм в концепции В.В.Крылова логически оказывается наименее «докапиталистичным» и наиболее экономизированным и вещным среди «докапиталистических» способов производства. Для него характерны «расщепленная» собственность на индивида, на землю, максимальный для докапиталистического общества распад не только совокупного процесса общественного производства на духовную и материальную сферу, но и распад целостности самого материального процесса производства на составляющие его факторы. В этом смысле феодализм – самый материальный, предметно-вещественный среди «докапиталистических» способов производства. Исходя из этого, В.В.Крылов особо подчеркивал качественное,

стадиальное различие между феодализмом и «азиатским» способом производства, между феодальной рентой и тем, что называют рентой на Востоке.

При внешнем, а еще точнее, поверхностном, сходстве земельной ренты, например, во Франции XIV в. и в современном ей Китае (историки любят такие сравнения, сводя различия к формам аренды и т.п., т.е. к несистемообразущим, вторичным признакам) рента применительно к каждому из этих случаев выражает реализацию собственности на совершенно разные вещи. Феодальная рента, как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях В.В.Крылов, есть реализация собственности на такой природный процесс, который не только функционально, но и по своей физической сути является противостоящей человеку природой – землей. Феодал, в отличие от рабовладельца, отчуждает не столько духовные потенции труда от реального процесса труда, сколько природные факторы труда от самого труда. «Рента» на Востоке, согласно В.Крылову, есть реализация собственности на такой «природный процесс», в котором не только различные материальные факторы сращены между собой, но не обособились духовное и материальное, внутренняя и внешняя воля; здесь «рента» реализует собственность на совокупный общественный процесс, на «общество» и «личность» во всех их проявлениях. Результат такой «ренты» – поголовная обезволенность общества.

Типология докапиталистических исторических систем, разработанная В.В.Крыловым, внутренне логична. Она демонстрирует, что каждый последующий способ производства был логическим снятием противоречий стадиально предшествующего ему. Однако, как и у любой теории систем (будь то формаций или цивилизаций), у данной теории есть одно ограничение: она не объясняет, как и почему **исторически** происходит переход от одной системы к другой. И это неудивительно, ведь непосредственной филиации одной исторической системы в другую не бывает. Переход осуществляется в результате деятельности субъекта, ломающего систему; для него-то и не было до сих пор места в теории социальных систем.

Крылов выстроил логически безукоризненный и обоснованный ряд: АСП – антично-рабовладельческий строй – феодализм. Однако мы знаем, что в азиатских обществах АСП не превратился в антично-рабовладельческий строй, а этому последнему в Древней Греции вовсе не предшествовал АСП. Попытка найти последний на Крите и особенно в Микенах успехом не увенчалась, скорее, речь должна идти о развитом поздневарварском обществе, «поздность» которого, впрочем, имела вполне обратимый характер. Аналогичным образом обстоит дело для афро-азиатского мира и

со спонтанным возникновением (**до** прихода европейцев и **без** их влияния) феодализма или капитализма.

По схеме Крылова же получается, что одновременно с АСП на Востоке, «параллельно» с ним в историческом времени на Западе существовали сначала антично-рабовладельческий, затем феодальный, а после – капиталистический социумы, составляющие некую историческую «троичную» (не случайна схема: Древность, Средние века, Новое время) модель-целостность. Последняя и АСП противостоят друг другу как параллельные и альтернативные ряды, потоки исторического развития, а не как стадиальные формы. Логическое не совпадает с историческим. Более того, капитализм, в основе которого лежит индустриальная система производительных сил, оказывается «в одной лиге» с двумя обществами, основа которых – натуральная система производительных сил. Несовпадение систем производства с историческими комплексами производственных отношений (отчуждение воли и экономического продукта)? У Крылова ответа нет.

А нет ли чего-то более фундаментального, чем системы производства, по крайней мере, для классификации и периодизации конкретно-исторического развития в целом? Чего-то, что снимает противоречие, несоответствие между помещением в один исторический ряд двух доиндустриальных («докапиталистических») и индустриального обществ, а в другой – только одного доиндустриального («докапиталистического») и наличием стадиальной лестницы, где эти ряды оказываются не историческими альтернативами, а логическими ступеньками? Противоречия между, выражаясь марксистским языком, наличием одной формации (социальное время) в нескольких цивилизационных вариантах в афро-азиатском мире и одной цивилизации (социальное пространство) в нескольких формационных (т.е. стадиальных вариантах) в Европе? Убежден в наличии положительного ответа на этот вопрос[12]. Более того, возможность такого ответа заложена в работах Крылова, точнее, в его **методе**; а вот его **система** такого рода ответ, как минимум, сильно затрудняла. Он требовал перестройки системы, ее расширения и одновременно превращения в элемент более широкой теории – исторического субъекта и качественно различных потоков исторического развития и социальных систем, к чему марксистско-универсалистский ум Крылова не был готов. Кроме того, это – на первый взгляд (но только на первый!) – грозило утратой внешней стройности, законченности, что, по-видимому, если и не пугало, то настораживало

Крылова. Все это, однако, не отменяет и не подрывает базовых положений, методологических принципов теории Крылова.

V

Проблема соотношения общества и личности интересовала В.Крылова не только в контексте «докапиталистических» обществ или вообще в том или ином конкретном типе общества, но как общетеоретическая или социоантропологическая проблема. Будь то исследование общества или исследование личности, писал В.Крылов, *«в обоих случаях объектом исследования будет не что иное, как одна и та же система общественных связей между индивидами. Разница состоит лишь в том, что в первом случае этот комплекс отношений исследуется с точки зрения множества индивидов, а во втором – под углом зрения единичного индивида»*[13].

Повторю: в настоящей статье не ставится задача всестороннего критического анализа и оценки творчества В.В.Крылова, для этого потребовалось бы написать книгу. Однако необходимо отметить, что В.В.Крылов не всегда проводил четкое различие между «личностью» и «социальным индивидом», понимая под личностью скорее социального индивида. У этого отождествления вполне понятные причины, поскольку, во-первых, оно имеет прочные корни в марксистской традиции, где личность рассматривается исключительно как совокупность общественных отношений; во-вторых, сама официальная практика социальных отношений советского общества была ориентирована на развитие в большей степени не столько личностей, сколько социальных индивидов, т.е. микровариантов, уменьшенных единично-субъективных форм господствующей совокупности социальных отношений.

Подход В.В.Крылова к анализу личности отражает трагический парадокс целого поколения советских интеллектуалов, которые, став личностями вопреки логике бытия советской системы, продолжали концептуализировать и воспринимать личность (и самих себя в этом качестве) скорее как социального индивида, т.е. в соответствии с логикой познания, характерной для советской системы. Иными словами, перед нами пример неполной эмансипации личности в условиях практики советской системы и по отношению к ней. И дело здесь не только в поколенческих характеристиках и особенностях, но также и в специфике той идейно-интеллектуальной системы, в рамках которой работает человек, в ограничениях, налагаемых этой системой.

Марксизм – при многих его плюсах и достижениях – не ориентирован на анализ личности, сводит ее к «субъективному слепку» с «объективных общественных отношений», к их микровариванту, отчего и получается, что в марксизме разница между обществом и личностью оказывается преимущественно количественной, конфликт между ними оказывается обусловленным преимущественно количественным различием содержания (личность – уже, чем общество), а человек, как особое существо, лишается внутренней тайны, становится благодатным объектом для манипуляции со стороны тех, кто контролирует «совокупность общественных отношений». При этом, однако, то, что в советской (и вообще марксистской) практике и «идеологии» (**практеории**) трактовалось как личность, на самом деле было всего лишь социальным индивидом; конфликт личности и общества – таковой между обществом и социальным индивидом как его макровариантом, т.е. чисто количественный, между социальными индивидами первого и второго уровня (сорта). Ну а в «количественных» конфликтах, ясно, – правда всегда будет на стороне более крупных целостностей (*«семеро одного не ждут»* и т.д.), как в теории, так и на практике советского социума: общественное, взятое как множественное, всегда выше личного взятого как единичного (т.е., на самом деле, социоиндивидуального), типическое важнее индивидуального. Настоящий конфликт настоящей личности с обществом – это совсем другое дело, и поразительно, что Крылов, будучи личностью и вступая в противоречие с совсистемой (конкретно, с одним из ее сегментов), не мог концептуализировать это противоречие адекватно его сути, а следовательно – правильно понять. Именно в этом коренились многие проблемы Крылова и таких, как он.

Мне уже приходилось писать о том, что личность как явление (и личность как качество) есть преодоление социального индивида; личность предполагает выход за рамки социального индивида путем установления таких отношений с Абсолютом (будь то Бог или совесть), которые не опосредованы социальным коллективом, личность есть снятие противоречия между социальным индивидом и коллективом. Не случайно социальный индивид может быть представлен и одним человеком, и коллективом, а вот личность всегда индивидуальна. Личность разобрать на «части», по составляющим ее связям, нельзя, она есть целое; социального индивида – можно, что и делала советская система, да и не только она, но и другие. Например античная. Другой вопрос, какими возможностями, средствами и резервами сопротивления обладает индивид.

Далее. В разработках В.В.Крылова, с одной стороны, – объективированное существование комплекса общественных связей, с другой – их субъективное бытие; с

одной стороны, – объективное существование общественных связей и контактов, их материальное бытие вне самих индивидов; с другой – субъективированная, интимно-внутренняя для каждого индивида форма бытия этих связей. При этом усвоенный и внутренне переработанный индивидом комплекс социальных отношений становится, наряду с природными потребностями и стремлениями, источником формирования внутренней воли. То есть получается, что разница между индивидом и обществом – это исключительно разница между субъективным и объективным. Но возникает вопрос: как, благодаря чему происходит интериоризация общественных связей; ведь личность так же объективна, как общество: общество и личность суть субъекты, качественно равнопорядковые, как минимум (не случайно, коллективом управлять легче, чем одним человеком)? На этот вопрос в работах В.Крылова ответа нет. Помимо прочего и потому, что в большей степени его интересовали макроструктуры и макропроцессы. Оговорюсь, однако, что методология и теория, разработанные В.В.Крыловым, значительно больше дают для анализа личности и культуры, чем многое из того, что было сделано теми, кто специально занимался этими проблемами.

Интересно, в работе «Общество и личность» В.В.Крылов пишет об угрозе, которую несет личности тот факт, что через 20-30 лет трудящийся будет вынужден менять за свою жизнь 6-8 профессий; это может привести к разрушению личности в результате частой смены ее структур и потери устойчивой определенности личности[14].

На самом деле та угроза, которую В.В.Крылов относил в будущее и усматривал в профессионально-экономической сфере, в советском обществе, по крайней мере в 30-х – конце 60-х годов, т.е. до начала разложения «реального социализма», присутствовала всегда. Только обусловлена она была не экономическими, а социальными причинами и факторами. Человека «растаскивали» между собой, как бы натягивая его на себя, различные организации; в 30-60-е годы в течение своей жизни советский человек должен был несколько раз, по крайней мере внешне, официально резко менять свое поведение, свое отношение к событиям и людям. Короче, группы и организации отнимали у человека качество, давя социального индивида; группы и организации были реальными, социально значимыми социальными индивидами, человек – в лучшем случае – вторичным социальным индивидом. В такой ситуации только личность оказывалась гарантией сохранения человеком первичной социальной индивидуальности. К сожалению, В.В.Крылов этих нюансов не зафиксировал. Не потому ли, что подобная фиксация предполагает как определенную позицию по

отношению к обществу, в котором живешь, так и некую произвольную позицию по отношению к марксистской традиции, по крайней мере – внутренне?

VI

В.В.Крылова интересовали не только докапиталистические структуры, но и капитализм – в различных его проявлениях, капитализм как мировая система и особенно такой элемент этой системы, как так называемые развивающиеся страны, или «третий мир».

Это нашло отражение в блестящей кандидатской диссертации В.В.Крылова («Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры». М., 1974); в написанных им на основе разработок для диссертации центральных, системообразующих глав упоминавшейся выше книги «Развивающиеся страны: Закономерности, тенденции, перспективы», в крупной неопубликованной рукописи «Теория многоукладности – марксистско-ленинский метод анализа социально-экономической неоднородности развивающихся обществ» (1972); в целом ряде статей, сделавших эпоху – это можно смело утверждать, – в советском обществоведении и продемонстрировавших, что не только на Западе такие ученые, как Г.Мюрдаль, И.Валлерстайн и другие, занимаются проблемами неравномерности исторического развития и неоднородности капиталистической системы, но и в СССР тоже *«не лаптем щи хлебают»*. Есть мастера, и даже заслуженные, этой разновидности научного спорта.

Крылов решительно отказался видеть в докапиталистических (по социальному содержанию и облику) укладах современного мира пережиток «докапиталистической» эпохи, нечто такое, что капитализм не успел переделать, нечто вроде недоработки, брака капитализма. Уклады типа плантационного рабства, частно-земельной собственности в Индии, латифундий в Латинской Америке он, опираясь на некоторые мысли Маркса, рассматривал как результат деятельности капитализма, как функциональные органы капиталистической системы. Именно этот функционализм объясняет тот парадокс, что в начале XX в. в современном мире было больше некапиталистических (по внешнему виду – «докапиталистических») укладов, чем в начале Нового времени.

В.В.Крылов подчеркивал, что сам капитал как мировая система развертывался в виде многоукладности; в теории, разрабатывавшейся Крыловым, этому

соответствовало логическое развертывание понятия «капитал» в понятийный блок «многоукладная структура капиталистической системы отношений». Наличие в современном (в смысле modern) мире некапиталистических укладов связано далеко не только с тем (хотя отчасти и с этим тоже), что местные «докапиталистические» уклады успешно сопротивлялись капитализму – ведь «докапиталистические» антагонистические уклады в капиталистическую эпоху возникли и там, где их до капитализма не было, капитализм создавал «от себя» эти «неодокапиталистические» (я бы сказал, «паракапиталистические докапитализмы»), эти неотрадиционные уклады («буржуазное происхождение традиционных укладов»). К тому же само сохранение местных традиционных укладов еще не есть свидетельство того, что они остались благодаря успешному сопротивлению капитализму. На самом деле капитализм в силу своей специфики может придать функционально капиталистические характеристики любой некапиталистической форме. Уничтожает он их лишь в том случае, если это увеличивает прибыль. Или по политическим причинам. Короче, некапиталистические уклады суть обратная, «темная» сторона уклада капиталистического, который консервирует их в этом состоянии.

Таким образом, капитализм (капиталистическая система) двулик, дуален (не путать с концепцией дуальной экономики Ю.Буке). В связи с этим, заключает В.В.Крылов, *«сохранение укладов, отличных от капитализма, в мировых границах капиталистического строя (а поэтому и страновых) может быть понято не только как неполное осуществление ПРОГРЕССИВНЫХ тенденций капитализма (упор на них был методом "легального марксизма"), но и как проявление КОНСЕРВАТИВНЫХ тенденций того же самого капиталистического строя… Наличие в конце капиталистической эпохи отсталых в экономическом и многоукладных в социальном отношении стран... есть особое периферийное проявление самих универсальных законов капитала»*[15]. Отсюда вывод: в рамках ставшей на ноги мировой капиталистической системы устранение отсталых форм производства, борьба с воспроизводством докапиталистических форм суть задачи уже не буржуазные или буржуазно-демократические, а антибуржуазные.

Опираясь на те размышления Гегеля и Маркса о капитализме, на которые раньше мало обращали внимания, В.В.Крылов сумел зафиксировать такие противоречия капитализма, такие формы нетождественности капитала самому себе, которые до его работ почти не попадали в фокус исследования, – либо вообще, либо

как значимые. Речь идет о специфических противоречиях капитализма, которые В.В.Крылов формулировал следующим образом. Капитализм есть мировое явление как совокупный процесс производства (т.е. процесс, в который входят распределение факторов производства, действительный процесс производства, обмен и потребление). Как действительный процесс производства, представленный индустриальной системой производительных сил, капитализм «локален», точнее регионален: в этом смысле он – региональное североатлантическое явление. Потому капитализм, подчеркивал В.В.Крылов, в своей окраинной зоне не только сохранял от доколониальных времен преимущественно доиндустриальные, домашние формы труда, не только сам от себя воспроизводил их на своей периферии, но подавлял там всякие попытки перейти к более прогрессивным методам экономической деятельности. Такое воспроизводимое самим капитализмом в его периферийной зоне доиндустриальное состояние труда явилось тем материальным основанием, на котором протекало специфическое развитие социальных отношений, зависимых от всемирной власти капитала обществ[16].

Указанная форма не является единственной, в которой проявляется формой несовпадение капитала с самим собой, нетождественность самому себе. Есть и еще одна. Только в действительном процессе труда, как главной фазе совокупного процесса производства, капиталу, который функционирует в виде производительного, принадлежат непосредственно все прочие факторы труда, а не только овеществленный труд. Как только процесс труда кончается, *«то вне активно осуществляющегося процесса производства капитал уже не покрывает собой все элементы и факторы совокупного процесса производства»*[17]. Действительно, природные факторы принадлежат землевладельцам (частным или государству), рабочая сила – наемным работникам, социальные факторы производства – тем, кто организует разделение и комбинацию труда, т.е. государству в лица бюрократии, духовные факторы производства принадлежат особым корпорациям в виде институтов, университетов. Все это, пишет В.В.Крылов, капитал приобретает посредством ренты, заработной платы, налога. Вывод: *«Вне действительного процесса труда система отношений капиталистической собственности оказывается ШИРЕ, нежели только капитал сам по себе, хотя капитал в собственном смысле этого термина и есть конституирующий всю эту разнородную систему элементов ее момент»*[18].

Ясно, что в капиталистической системе, взятой как мировой, именно на периферии, в зоне доиндустриальных и раннеиндустриальных форм производства

будут концентрироваться те отношения капиталистической собственности, которые не суть непосредственно капитал: государственная собственность, земельная рента (что, разумеется, не означает отсутствия этих форм собственности в центре). Отсюда – авторедукция капитала в докапиталистические формы, во внеэкономические отношения в колониальных и полуколониальных странах, а следовательно, – многоукладность.

Все эти мысли В.В.Крылова подводят к заключению: многоукладность капиталистической системы не есть историческое отклонение от теоретической модели, а, напротив, ее жесткая реализация. Многоукладность, т.е. система, в которой капитал сосуществует с некапиталистическими способами производства, в которых он обретает свое второе «я» и которые суть его функциональное инобытие, есть формационная черта капитализма; именно на основе капитала происходит воспроизводство докапиталистических способов производства и форм собственности.

Возможность регрессивного превращения капитала в докапиталистические укладные формы обусловлена, с одной стороны, негомогенной структурой капиталистических производственных отношений (куда помимо капитала входят земельная собственность, государственная собственность); с другой – самой структурой функциональных форм с совершающего свой оборот капитала. Эта возможность превращается в действительность на периферии Капиталистической системы, где некапиталистические функциональные формы оборачивающегося капитала встречаются не с наемным трудом, а с иными формами, и по своему содержанию превращаются в **не-капитал**[19].

В.В.Крылов дает очень интересное определение колониализма – *«насилие с целью превращения резервов накопленного свободного общественного времени из его варварской формы “ничегонеделания” в процесс производства прибавочного продукта»*, *«своеобразная форма капитализма без капиталистического способа производства»*, когда совокупный капитал метрополии получает прибавочную стоимость в виде докапиталистической ренты. Так диаметрально противоположно («прогрессивно» и «консервативно») проявляются одни и те же универсальные законы капитализма в центре и на периферии.

В.В.Крылову принадлежит еще один важный и интересный вывод о результатах действия универсальных законов капитализма в центре и на периферии. В центре на смену разрушавшимся укладной и социальной структурам шли новые, успевавшие

утилизировать и организовывать результаты социального распада. Как следствие этого, верх брала тенденция к господству укладно организованного населения над укладно неорганизованным (или дезорганизованным). Деклассация быстро оборачивалась реклассацией. На периферии, напротив, процесс укладной дезорганизации не столь отставал от процесса реорганизации или даже опережал его. Усиление социальной дискретности периферийных обществ, увеличение числа укладов, их дробление, расщепление на субуклады таким образом, что субукладные формы приобретают самостоятельное значение, протекание одновременно целого ряда процессов, которые в Европе были стадиально различными (например, первоначальное накопление капитала и собственно капиталистическое накопление), – все это вело к появлению огромного слоя социально и укладно неорганизованного населения. В.В.Крылов называет это негативной формой распада классовых форм организации общественного организма. Это – ситуация, когда индивид не имеет классовой определенности и выступает не в роли агента особых укладных и классовых форм, а в качестве члена общества вообще, но не позитивно, а негативно, в результате невозникновения новой классовой целостности. Отсюда – следствия социально-политического и духовного порядка. *«Настроения именно этих деклассированных групп населения,* – писал В.В.Крылов, – *составляют важный компонент как ультралевых, так и ультраправых экстремистских политических течений. Противоречие между сбросившими с себя всякую укладно-классовую определенность слоями и классово организованными группами общества иногда может отодвинуть на второй план все иные коллизии, что особенно заметно в перенаселенных зонах Дальнего Востока»*[20].

В.В.Крылов не успел разработать эту тематику, но его выводы эвристически крайне важны и плодотворны. По сути они закладывают основу целого направления. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть следующее. О центре и периферии много писали ученые Латинской Америки, США, Европы, Африки и Азии. Однако большинство из них ставили в центр отношения обмена. Кардинальное отличие подхода В.В.Крылова к проблемам мировой капиталистической системы, к отношениям центр – периферия заключается в том, что для него главный вопрос – производство, система его организации. Центр превосходит периферию прежде всего в организации производительных сил, в их уровне; он на такт, на стадию обгоняет периферию: индустриальным производительным силам центра соответствует доиндустриальное состояние периферии; с формированием энтээровских

производительных сил в центре активизируется индустриализация периферии. Сдвиги в отношениях центра и периферии обусловлены сдвигами в развитии производительных сил центра. Поэтому рассматривать концепцию В.В.Крылова по данному вопросу в русле неомарксистских сфер неверно, его подход противостоит этим схемам.

VII

В теоретическом наследии В.Крылова важное место занимает разработка не только «базисных», социально-экономических проблем, но и проблем, связанных с тем, что в ортодоксальном марксизме называлось «надстройкой», хотя на самом деле, даже по логике теории Маркса, было далеко не только надстройкой. Речь идет о политике, политическом режиме, классовой природе власти (вообще и в «третьем мире» в частности), о правящих слоях, о государстве, о формах знания (последнему вопросу был посвящен ряд выступлений В.В.Крылова). Здесь я вынужден ограничиться краткой характеристикой крыловских разработок по проблеме государства, отношений между государством и классами.

В.В.Крылов считал, что термин «государство», которым мы характеризуем формы организации и институты власти, на самом деле отражает совершенно разные институты и типы власти в «докапиталистических» обществах, с одной стороны, и в буржуазном обществе – с другой. В «докапиталистических» обществах государство (точнее было бы сказать то, что именуется «государством», т.е. система социального насилия, выделившаяся из сферы отношений производственных) не вычленилось из отношений производства, встроено в них, а сами они носят внеэкономический характер. В такой ситуации «государство» выступает прежде всего как форма организации господствующих групп, регулятор отношений внутри них.

Становление с капитализмом экономических производственных отношений способствует выделению и институциональному обособлению социального насилия от сферы производственных отношений. Это и есть государство в строгом смысле. Исторически (и логически) вместе с государством оформляется и гражданское общество. Одна из линий политической борьбы капиталистической эпохи – это борьба между государством и гражданским обществом. При этом наличие докапиталистических укладов, значительный удельный вес крестьянства способствуют

доминированию государства. Так, В.Крылов считал, что бонапартизм – это выражение господства государства над гражданским обществом.

В капиталистическом обществе государство выступает и как агент надстроечных отношений (отсюда – функция «вторичной собственности» государства), и как субъект первичных отношений собственности. «Вторичные отношения собственности» (или отношения вторичной собственности), реализующиеся посредством налогов и т.д., суть не что иное, как экономическое бытие государства в качестве надстроечного – неэкономического, политического – института. Первичные отношения собственности есть реализация того, что государство выступает в качестве собственника. И если в рамках «экономического бытия» государства господствующий класс (слой) есть агент надстройки, то в рамках госсобственности он – агент особой подсистемы производственных отношений.

Различая эти стороны и функции государства, В.В.Крылов сумел показать ошибочность или, по крайней мере, ограниченность тезиса о том, что в 60-70-е годы во всех развивающихся странах, будь то капиталистически или социалистически ориентированное развитие, государство везде в равной степени играет доминирующую роль. Роль, которую играл физически один и тот же агент, была, как показал в ряде выступлений В.Крылов, функционально различна. При капиталистически ориентированном развитии на первый план выходила роль государства именно как надстроечного, политического института, который, конечно же, стремился подчинить экономическую сферу, доить ее, но ни в коем случае не растворить в себе (что, разумеется, не исключало в этом варианте в 60-70-е годы наличия госсобственности как таковой).

В социалистически ориентированном варианте, напротив, государство функционирует прежде всего как собственник, его «надстроечная» функция играет меньшую, а то и крайне незначительную роль. Должен заметить, что наделение «социалистически ориентированного государства» базисными характеристиками указывало путь к пониманию не только этого «государства», но и «социалистического государства», властных структур советского типа, поскольку переводило анализ из политической сферы, несуществующей как таковой в строгом смысле слова при коммунистическом порядке, на реальные отношения присвоения и перераспределения общественного продукта. При таком подходе советская номенклатура оказывалась бы уже не чиновничеством, а принципиально иным слоем. Неудивительно, что материалы конференции по элитам, государству и бюрократии в «третьем мире», прошедшей в ИВ

АН СССР в 1974 г., были опубликованы под грифом «для служебного пользования». В этом двухтомнике была и статья (ударная) В.В.Крылова.

В.Крылов считал ложным, по крайней мере, применительно к развивающимся странам, противопоставление государства как особого собственника государству как политическому институту. Прежде всего, потому, что перед нами две формы реализации господства определенных социальных групп, определенных собственников. В.Крылов писал: *«Государство как политический институт общества выражает внеэкономическую правовую сторону негосударственной (т.е. непосредственно принадлежащей господствующему классу) собственности. Государство как собственник выражает внеэкономическую правовую сторону самой государственной собственности. Противопоставление государства как политического института общества государству как собственнику вообще, сначала кажущееся столь перспективным, оказывается ложной аналогией, которую иначе можно выразить так: государство как политический институт общества охраняет юридические права и неприкосновенность не только другой, негосударственной, собственности, но и права своей собственности, т.е. в обоих случаях оно выступает как один и тот же политический институт общества»*[21]. Но ведь возможно столкновение интересов. В.В.Крылов задумался и над этим вопросом, а также над тем, что может взять верх в этом случае: право, охраняющее интересы негосударственных собственников, или право, охраняющее интересы самого государственного собственника? Право есть сила, и победить должно то право, которое сильнее. Но сила права выражается органами самого государства поэтому одолеть должно право государственное. Однако против негосударственной собственности государство может пойти только тогда, когда оно перестает быть силой в руках негосударственных собственников, т.е. тогда, когда оно становится силой либо несобственников, либо из своих собственных интересов выступает против частных собственников, не выражая интересов угнетенного класса[22].

Последняя фраза, как догадывается читатель, – это уже о реальном социализме. В.Крылов немало говорил о природе обществ реального социализма, но, к сожалению, по сути ничего не написал о нем – даже «в стол». И сам этот факт достоин размышления в качестве научной и социальной проблемы, но к сожалению здесь для этого нет места.

VIII

Как уже говорилось, Крылов интересен не только в плане идейно-теоретического наследия, но и социально. Действительно, его жизнь неклановой индивида в кланово организованной науке позволяет лучше понять не только Крылова, но многое в содержании и механизме функционирования советской науки как одной из подсистем коммунистического порядка на поздней стадии его развития.

Однако – обо всем по порядку.

Почти всю его жизнь в науке, все годы его научного жития-бытия за В.Крыловым, подобно шлейфу, тянулась определенная репутация: пьющий. Да что пьющий – просто алкоголик. Психически неустойчивый тип. Невозможный, тяжелый человек. Короче:

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

И ведь действительно, в Володе Крылове было нечто есенинское – в самых разных смыслах и измерениях.

Репутация, о которой идет речь, не просто тянулась-создавалась, подпитывалась, шлифовалась. Репутации, надо сказать, редко возникают сами по себе, спонтанно – они с о з д а ю т с я. Заинтересованными лицами в определенных интересах, с определенными целями. Ведь далеко не все пьющие люди имеют репутацию алкоголиков («жизнелюб и все тут»), не все воры – репутацию воров, плагиаторов (в науке это часто квалифицируется как «синтезатор идей» или «организатор науки» – именно такой люд часто и проходит в членкоры и академики, порой толком ничего не написав или написав в основном «в соавторстве») и т.д. Кто же выигрывал от **такой** репутации Крылова? **Cui bono**? Кому она была выгодна? Мнения – и при жизни Крылова, и после его смерти – высказывались разные. И объекты обвинения назывались разные.

Одни кивали на «начальство». И в этом, по-видимому, был свой резон, по крайней мере, что касается имэмовского периода научной деятельности Крылова. Однако не стоит торопиться «вешать всех собак» на начальство, как это обычно

делается в России. Не все так просто. Только ли индивидуальные получатели интеллектуальной ренты существовали в науке? Занимали ли индивидуальная рента и индивидуальная интеллектуальная эксплуатация большую часть «объема» эксплуатации, присвоение чужого труда, чужой воли в коммунистической системе вообще и в ее научной подсистеме в частности? Ответ на эти вопросы отрицательный. «Начальники» – «подчиненные» в коллективах советского типа – это поверхность, то, что сразу бросается в глаза, лезет в них или даже подсовывается специально: «начальники» во всем виноваты. Во всем ли? *«Есть зло, которое я видел под солнцем, и оно часто бывает между людьми»* (Экклезиаст. 6.I.), и зло это вовсе не ограничивается «начальством», которое само является частью системы.

Другие виноватили во всем непосредственное окружение. И в этом был свой резон. Крылов, как большинство людей, жил в нескольких социальных микросферах. Некоторые из них, бесспорно, представляли собой вязкую, липко-тягучую среду полудрузей-полупредателей, полупочитателей таланта-полузавистников, полуконфидентов-полустукачей обоего пола. Используя не самую лучшую приспособленность Крылова к практической повседневной жизни, его – часто – неумение разбираться в людях, а порой и желание обмануться, эти человечки действительно подпитывались его интеллектуальной энергией и в то же время компенсировали свою социальную и интеллектуальную мизерабельность тем, что могли («из лучших побуждений») поучать, советовать, как творить и жить (особенно – как жить), как представлять свои идеи. Причем делать это, занимать эту «позицию сверху» в *манере «ты понимаешь, старик, мы с тобой; мы как лучше хотим. Ты не знаешь, как надо. Они – эти наверху, били бы тебя сильнее. Лучше мы сами. Мы тебя спасаем. Ты чего, старик».* О таких «друзьях-товарищах» Игорь Тальков, еще один русский талант с трагической судьбой, спел так:

Ох, уж эти мне «друзья-товарищи»,
Все-все-все на свете знающие!
С камушком за пазухой и с фигой за спиной
И с одной на всех извилиной.

Да, было это в жизни Крылова: скрыто-полускрытая неприязнь со стороны немалого числа коллег, постоянное или почти постоянное присутствие в его жизни околонаучной публики – интеллектуального полулюмпенства-полубогемы, интеллектуального мусора, принадлежавшего к разным эпохам и самовыражавшегося в околонаучном «чириканьи» – необязательной, но зато эмоционально насыщенной, а потому приятно массирующей Я-концепцию и особенно Я-образ: *«Я говорю, следовательно, я существую»*, – причем не просто так, а как интеллект. К сожалению, около Володи было много таких, и к еще большему сожалению он, зная им цену, понимая, что им место – у социальной и интеллектуальной параши, не гнал их пинком.

Однако проблемы Крылова заключались вовсе не в этом. Это – следствия, не причины. В равной степени ошибочно было бы сводить все проблемы жизни Крылова, во-первых, к отношениям либо с «начальством», либо с «подчиненными» (в обоих случаях можно привести контрфактуальные примеры), во-вторых, к личному моменту, к личным отношениям вообще, как бы эти отношения ни были важны. Особенно в советской жизни, где из-за слабости и «неразвитости» институционального аспекта социальной организации фактор человеческий, личностных отношений всегда был важен. Дело не в каком-то одном, частном аспекте и не в их сумме, а в системе жизни в целом – в той системе, в которую был погружен Крылов и в которой «изготавливалась» его репутация. Изготавливалась не столько по законам человеческой подлости (хотя и это тоже), сколько по законам социальной системы, в которой жил Крылов, так сказать, персонально-имперсонально (впрочем, законы эти в виду их коммунального, как сказал бы А.А.Зиновьев, характера, могли и совпадать, по крайней мере внешне).

Нельзя сказать, что репутация, с которой жил В.Крылов, вообще не имела под собой никаких оснований. Напротив. Он действительно пил, попадал в вытрезвители и наркологические больницы.

В некрологе говорилось о его обаятельном характере, об иронии, добродушии, отзывчивости на чужие проблемы. Все так. Все это правда. Но не вся. Наши некрологи пишутся по принципу «о мертвых либо хорошо, либо ничего». Но это не единственный принцип древних римлян, есть и другой: «О мертвых – правду». И правда эта заключается в том, что Крылов, этот интеллектуально сверхорганизованный и дисциплинированный человек, мог (вовсе не по причинам творческого свойства) подвести. Обаятельный и отзывчивый Крылов временами мог быть отчужденным и даже черствым. Он был легким и очень тяжелым человеком одновременно, распахнутым и закрытым одновременно. Это был эгоцентричный человек (творческий

человек едва ли может быть неэгоцентричным, вопрос – в какой степени и насколько он это осознает и контролирует). По-видимому, с ним было нелегко находиться рядом – три неудачных брака свидетельствуют об этом. Ну что же, по-видимому, мизантроп Шопенгауэр был прав, говоря, что человек – как дикобраз: колет тех, кто ближе, и чем ближе – тем сильнее.

Да, Крылов бывал неприятен и тяжел. Бывал ли он мал и мерзок? Не стану отвечать на такой вопрос; на него – по поводу творческих личностей – ответил Пушкин: *«Толпа,* – писал он, – *жадно читает исповеди, записки etc… потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он мал и мерзок – не так, как вы, – иначе»*[23]. Иначе, потому что у «могущего», выражаясь языком Пушкина, кроме малости и мерзости было ТВОРЧЕСТВО. И это меняет все и полностью.

Разве все те, кто окружал Крылова, были трезвенниками? Отнюдь нет. Более того, их «аморалка» и нечистоплотность обладали такими измерениями, которые и не снились внутренне чистому Володе Крылову. Не за пьянство и дерзость доставалось Крылову. То есть формально – за них. По сути же – нет, а за то, что был талантом, творцом, «очарованным странником».

По своему характеру, стилю жизни, отношению к самой жизни Крылов – не во всем, конечно, но во многом, включая нечто очень важное, архетипическое, напоминает мне главного героя лесковского «Очарованного странника». Поразительная живучесть, выживаемость при всех ударах судьбы; вера в истину, добро и справедливость, несмотря на окружавшие его зло, ложь и несправедливость. Ну и, наконец, очарованность. Очарованность научной истиной и стремлением, путем к ней. Эта очарованность долгое время позволяла Володе жить или, по крайней мере, творить, паря над повседневностью, словно не замечая пошлости окружающего мира, того метафизического ужаса русской жизни, от которого сошло с ума немало людей – начиная с пушкинского Евгения и гоголевского Поприщина и самого Гоголя. Ведь что такое пошлость, как, помимо прочего, не *«повседневность, стремящаяся охватить и поглотить, уподобив себе все»*[24], стремящаяся низвести все до своего уровня (у н а с е к о м и т ь, как сказал бы А.А.Зиновьев) и лишить автономности, нетождественности себе? Пошлости повседневного социального Крылов противопоставил роскошь личного творчества. И тот вымышленный мир, который ему удалось построить на этом

фундаменте. Эта роскошь стала, пожалуй, самым страшным вызовом многим из тех, кто окружал Крылова. *«Жить мешает»,* – сказала о нем одна из его коллег-докторесс. И ее можно понять: как жить, если рядом такой человек, если понимаешь, что его уровня не достичь никогда. Как ни пыжься, как ни надувай щеки, все равно придется проползать под планкой, а не перелетать через нее. А кто планку установил? А-а-а, Крылов, опять этот Крылов. Ну, ладно. И чем больше интеллектуальное самомнение и связанные с ним социальные притязания, тем сильнее и болезненнее рессантимент, тем злее «ну, ладно».

Одна из самых страшных социальных сил – сила серых и убогих, борющихся за место под солнцем. За бутерброд, за копейку, за должность, за загранкомандировку. В их жизни нет очарования и очарованности. И никогда не будет. И борются они не за роскошь, а за пошлость. Это – их приз, приз в их *«жизни мышьей беготне»*, их чемпионские лавры. Более высокие цели девальвируют этот приз, ничтоизируют (дезавуируют – слишком слабо передает ситуацию) его и его обладателей и показывают им их реальное лицо и место. Стремящегося к таким целям надо во что бы то ни стало уничтожить, унизить, скомпрометировать. Если не как ученого, то как человека. Сбить дыхание, «столкнуть» в запой. И поставить социальный штамп в виде официальной репутации. А что еще может противопоставить амбициозная бездарь человеку, который, подобно Крылову, стремился к подлинной научности, то есть к тому, чтобы сделать туманное ясным, просто объяснить сложный мир, причем сделать все это на точном терминологическом языке (*«Определяйте значение слов»,* – любил говорить Декарт), по строгим правилам и получить результат, поддающийся проверке. Тексты Крылова – ясные, четкие, логичные – означали интеллектуальный смертный приговор работам, полным тумана, манерного наукообразия, словоблудия и ложного глубокомыслия. Он резал их без ножа, всех этих псевдоученых-пустословов, годами с важным видом занимавшихся, а точнее блудивших словами по поводу роли военных в развивающихся странах, НТР в «третьем мире», национально-освободительных революций и многого другого.

Крылов стремился к точным и твердым определениям, работая в такой профессиональной среде, в которой подобный подход, переведенный в социальную плоскость, противоречил строю ее жизни, деланию карьеры, повседневному надуванию щек в качестве «персонификаторов интеллектуального труда», «мозга нации». Ясно, что т а к и е должны были защищаться от Крылова, прибегая к различным мерам той социальной защиты, на которую способны. Он нарушал их социальный покой и тем

самым нарушал некие социальные законы, жить мешал, был неудобен. И в то же время... необходим как генератор идей и объект эксплуатации.

В этом заключалось главное противоречие той «системы жизни», в которую был «вписан» Крылов, и той социальной подсистемы, которая возникла на (и при) пересечении науки как деятельности и оргформы, советского обществоведения и советского коллектива, взятого в качестве социальной молекулы (или в качестве социального индивида).

Проблема и случай Крылова – это проблема более общего социального целого, противоречий этого целого, ярко проявившихся в жизни Крылова, в его личности. И понять эту ситуацию лучше всего можно на основе любимого Крыловым метода: от абстрактного – к конкретному, от общего – к частному, особенному.

IX

Владимир Крылов работал в науке. Не просто в науке – в советском обществоведении, где он выступал в качестве теоретика. Кроме того, как любой советский человек он был членом советского производственного (властно-производственного) коллектива. Со всеми вытекающими конкретными последствиями из трех этих линий бытия, скрещение которых оказалось и скрещением судеб (или Судьбы) Володи Крылова.

В науке, как и в искусстве, профессиональная оценка и самооценка исходит из таких качеств, которые являются природными, – интеллект и талант. Эти качества официально провозглашались и ценились во всех современных (modern) обществах, будь то капитализм или коммунизм. В науке и в искусстве профессиональные успехи и достижения обретают характер цельно-личностных качеств, показателей личностной полноценности, состоятельности. Неудивительно, что такое совпадение профессиональной и социальной шкал с природной делает области этого совпадения (наука, искусство) зонами функционирования обостренных амбиций и человеческих чувств, а следовательно, резко усиливает распространение, роль и значение таких качеств, как ревность, зависть (см., например, «Театральный роман» М.Булгакова), такого явления, как рессантимент.

Не умеет человек быстро класть кирпичи – это одно. Это навык. А вот слабый или посредственный интеллект, интеллектуальная неспособность или, попросту говоря, **умственная** глупость (выделяю определение, поскольку умственная глупость может

оказаться социальным умом или даже счастьем) – это уже не навык, не профессиональное (не только и не столько профессиональное) качество, а человеческое, природное. В дураках ходить никому не охота. А приходится. Ясно, что более умные и талантливые в таких сферах, где именно эти качества суть основа профессиональной оценки и (теоретически) профессионального и социального роста, не говоря уже о формировании Я-концепции и Я-образа, как правило, являются объектом зависти и ненависти со стороны как просто бездарных, так и (особенно) менее способных и талантливых, т.е. тех, кто может оценить высокий результат, но не способен дотянуться до него, вообще не способен давать результаты выше некоего среднего уровня.

Разумеется, были, есть и будут люди, способные трезво и без эмоций оценивать себя и также трезво и без эмоций сопоставлять с другими. И такие люди есть. Однако есть и другие, и их много – слаб человек. Говорил же Леонардо да Винчи на заре современной эпохи, что великие труды (да и просто труды, но чем более великие, тем больше, добавлю я) в науке и в искусстве вознаграждаются голодом и жаждой, тяготами, ударами и уколами, ругательствами и великими подлостями. Так было и будет всегда и везде. Люди за две тысячи лет не изменились, заметил претерпевший много подлостей Мастер Михаил Булгаков устами Воланда. Тем более они не изменились за чуть менее полтысячелетия, отделяющих нас от Леонардо. Ему, который ныне является символом и чуть ли не образом-синонимом Ренессанса, «друзья-доброжелатели» тоже создавали репутацию: не эстет, не интеллектуал (греческого не знает, латынь – едва), мужик, ремесленник. Да. Великие подлости.

Люди мало меняются. Меняются системы, а вместе с ними и подлости, которые могут приобретать особый характер и играть особую роль, выполняя некие производственные функции. Все зависит от систем, таких, например, в которых человек испорчен квартирным вопросом, а также тем, что власть становится важнейшим видом производства.

Одна из особенностей коммунистического порядка – совпадение властной и производственной организации общества[25]. Ядром каждого социальнозначимого производственного коллектива СССР в соответствии с реальной конституцией СССР – Уставом КПСС была партъячейка, группа членов КПСС. Единство властной и производственной структур, примат производственного принципа властной, социальной организации над территориальным были conditio sine qua non

существования коммунистического порядка. И, конечно же, не случайно хрущевская реформа 1962 г. привела к снятию «дорогого Никиты Сергеевича», а указ Б.Н.Ельцина № 14 о департизации (июль 1991 г.) спровоцировал (вместе с некоторыми другими обстоятельствами) августовский путч: внедрение территориального принципа властной организации или его элементов, оттеснение производственного, угрожало системе, базовым принципам ее существования. Поэтому для понимания советской системы, в отличие от западной, достаточно знать, как функционирует любая властно-производственная ячейка (например, колхоз), чтобы понять, как действуют другие (поликлиника, завод, институт, спортивное общество). Система определяется системообразующим элементом, ядром – парторганизацией: как говорил помощник президента Никсона Колсон, если вы взяли их за яйца, остальные части тела придут сами. Вот они и приходили.

Базовые единицы социальной организации коммунистического порядка продолжали существовать на протяжении всей его истории. При том что коммунизм не имеет ничего содержательно общего с «докапиталистическими» социумами, главной задачей этих единиц, коллективов было, подобно «докапиталистическим» общинам (Gemeinwesen) любого типа, будь то азиатский, античный или германский, самовоспроизводство. Все, что угрожало реализации этой задачи, подлежало уничтожению. Поэтому, подобно, например, античному полису, в советских производственных коллективах глушилось то, что могло ослабить, подорвать коллектив и сам по себе, и из-за деятельности его же отдельных индивидов. Именно индивидуальная инициатива, индивидуальный успех, индивидуальная деятельность и мощь были опасными для коллектива советского типа факторами. Превышение среднеколлективных для данной группы показателей (во всем или почти во всем) отдельными лицами грозило коллективу как единому целому, как базовой ячейке социальной организации, как средству и объекту господства-подчинения и эксплуатации, короче, всему коллективистскому социальному строю. В данном случае, точнее, под данным углом зрения интересы системы в целом, ее системообразующего элемента – чиноначальства – и большинства социальных атомов (индивидов) совпадали. Но были и другие, несовпадающие «атомы», «выпиравшие углом», вносившие в систему противоречия и разрывавшие на части коллективы (а психологически и индивидов), через которые они «прочерчивались». Но об этом чуть позже.

В результате всего этого в коммунистическом порядке традиционное русское **бытовое** *«пусть у соседа сдохнет корова»* стало **властно-производственным** со всеми вытекавшими из этого последствиями: поведенческими, установочными, общепсихологическими, наконец, производственно-функциональными: контроль членов коллектива, коллег за достижениями друг друга, сдерживание их, недопущение их выше определенного средне-профессионального уровня (отсюда – постепенная профессиональная деградация во всех сферах). Подобный сдерживающий контроль, лишь внешне похожий на конкуренцию, А.А.Зиновьев метко назвал превентацией (от англ. *prevent* – предотвращать). Совпадение в советской системе «производственных» отношений с властными превращало личные отношения, причем не только вертикальные, но и горизонтальные, в сплошную «микрофизику власти», да такую, что и Мишелю Фуко и не снилась. Все это лишь внешне абсурд, сюр; на самом деле – жесткая логика социальных законов общества определенного типа.

Превентация, однако, была не единственной особенностью коллективов советского (властно-производственного) типа. Не меньшее значение играло то, что, поскольку отношения господства-подчинения и тем более эксплуатации нигде не были официально зафиксированы и определены, значительная часть индивидов в советском обществе ситуационно и, естественно, без институционально-правовой фиксации (т.е. «нелегально»), обретала возможность эксплуатации (как правило, коллективной) другой части индивидов. Речь, следовательно, идет о таком явлении коммунистического порядка и советской жизни, как соэксплуатация или инфраэксплуатация, которая, будучи ситуационной и неофициальной, тем не менее становилась способом не просто жизни и выживания, но нормального функционирования целых групп, коллективов, первичных производственно-властных организаций коммунистического строя.

Это явление можно назвать по-разному: вторичная эксплуатация, инфраэксплуатация, со- (или даже само-) эксплуатация. Суть – одна и та же: в системе коллективного отчуждения господствующими группами социальных и духовных факторов производства, где эти отношения отчуждения, или присвоения воли (т.е. отношения господства – подчинения), носят системообразующий характер и являются первичными по отношению к эксплуатации, предшествуют ей, обусловливают ее, последняя выступает как вторичное производственное отношение. В силу этой своей вторичности, своего несистемообразующего характера эксплуатация допускается и даже (до определенного уровня) поощряется системой как один из типов социальных

отношений внутри подчиненных слоев населения. Здесь, в нижней половине социальной пирамиды, инфраэксплуатация становится постоянным фактором социальных отношений – так же, как в крепостнической России наряду с крепостнической эксплуатацией существовала и развивалась эксплуатация внутридеревенская, внутри общины – как коллективная, так и индивидуальная («мироедская»). Нередко складывалось так, особенно в позднекрепостническую эпоху, что вторичная эксплуатация, инфраэксплуатация оказывалась более тяжелыми и жестокими, чем первичная, чем «эксплуатация-экстра», т.е. со знаком качества – исторического, системообразующего. Часто выходило, что свой же брат и сосед крестьянин хуже для крестьянина, чем помещик. Глеб Успенский, Иван Бунин и особенно Николай Лесков прекрасно показали это (не случайно в советские времена власть так не любила произведения о деревне именно двух последних авторов, ломавших жесткий и прямолинейный классовый подход).

Поскольку (со)эксплуатация является вторичным, а не первичным и несистемообразующим комплексом отношений, она не отличается четкостью очертаний, часто носит довольно размытый характер, не исключает отношений взаимопомощи, квазидружбы (в которой, кстати, стиралась грань между производственными и внепроизводственными характеристиками – «дружба по-советски») и т.п. Эти последние, и н т и м и з и р у я вторичную эксплуатацию, одновременно скрывают, маскируют, смягчают и облегчают ее, делают более или менее приемлемой для индивидов, в значительной степени (по крайней мере, внешне) переводя из разряда производственных отношений в разряд личных. И чем более развита социальная группа, тем в большей степени. Отсюда то явление, которое кто-то метафорически метко назвал «тоталитарной задушевностью». В равной степени его можно было бы, особенно учитывая слабую формализацию социальных и профессиональных отношений в советском обществе, назвать или «душевной репрессивностью», или «душевным тоталитаризмом». Здесь очень хорошо в одном слове сочетаются «душа» и «душить». Вот только слово «тоталитаризм» не подходит для обозначения коммунистического порядка, но это уже другой вопрос.

Многолетняя практика контроля вышестоящих коллективов над нижестоящими, а в самих коллективах – контроль со стороны коллектива в целом над своими членами, комбинация первичной и вторичной форм эксплуатации, существование (суб)культуры «задушевной репрессивности» («репрессивной задушевности») – все это вело к интериоризации контроля. В значительной степени он превращался в самоконтроль,

необходимый для реализации целей индивида как такового и особенно в качестве элемента коллектива как реального, значимого социального индивида. Это придавало большинству поступков внешне добровольный (по сути – «добровольно-принудительный») характер. Подавляющее большинство «все понимало» и действовало в соответствии с этим пониманием.

X

Сказанное выше распространялось и на научные коллективы советского обществоведения: институты, отделы, секторы. Как любой советский коллектив, независимо от личных качеств составляющих его людей, он стремился к самовоспроизводству (в идеале – к расширенному), должен был сохранять внутреннее равновесие и не допускать проявления избыточной (определялось «идеологическими» нормами, среднепрофессиональным уровнем коллектива, включая начальника, и уровнем карьерных притязаний последнего) интеллектуальной свободы со стороны своих членов. Прежде всего, речь шла о таких проявлениях этой свободы, которые угрожают конфликтом с вышестоящим начальством (академическим, партийным), могут привлечь внимание КГБ или наглядно продемонстрировать значительной части коллектива ее реальный интеллектуальный и профессиональный уровень, поставив под сомнение иерархию и автомифологию данной малой группы.

Подобная организация интеллектуального производства, ориентированная на ограничение творчества определенными интеллектуальными и **социальными** рамками, бесспорно, развращала большую, если не большую часть научных сотрудников. По сути она узаконивала, санкционировала лень, халтуру, серость, непрофессиональность, позволяла не работать. Не работать не могут и в погонялке не нуждаются лишь совестливые и талантливые, которых, как это все знают, увы, не большинство. Следовательно, в научном коллективе советского типа работающие люди, неважно талантливые или нет, главное – работающие, энергичные объективно и автоматически становились объектом эксплуатации или, как минимум, интеллектуального и социального паразитизма, который есть более или менее пассивная (хотя иногда смертоносная) форма эксплуатации, объектом контроля. Всему этому способствовал и все это многократно усиливал примат коллективных работ над индивидуальными (в некоторых институтах официально провозглашался курс на коллективные монографии как основную форму деятельности; право на индивидуальную монографию надо было

заслужить, что не означало автоматическую его реализацию). Естественно, все это развращало людей, отбивало трудовую мотивацию, порождало иждивенчество, цинизм. И зависть к тем, кто может – творить, выдумывать, пробовать.

Разумеется, это – модель, идеальный (в веберовском смысле) тип, который в **своих модельных рамках** мог меняться в зависимости от личных черт членов коллектива, его начальства. Однако эти черты не могли изменить коллектив качественно как социальную молекулу, ячейку определенного типа; меняя выражение его «лица», степень благообразия или уродливости, они не меняли само лицо, точнее, его видовую принадлежность, поскольку это определялось фактом включенности в иерархию однотипных коллективов. Изменение типа привело бы просто к уничтожению коллектива, его роспуску, что и происходило, хотя довольно редко. Чтобы функционировать в системе коллективов советского общества, научный коллектив должен был более или менее плотно контролировать своих членов. На практике это означало многое, в том числе эксплуатацию коллективом наиболее способных и продуктивных сотрудников. А это, в свою очередь, по логике любых производственно-организационных процессов, предполагало выработку как формальных, так и особенно – поскольку речь идет о советской системе – неформальных средств и механизмов эксплуатации, присвоения продуктов труда.

Я не склонен **абсолютно** противопоставлять эту ситуацию той, что сложилась в западной науке об обществе, где тоже существует эксплуатация одних индивидов другими (как правило, начальниками подчиненных). В западных научных коллективах таланту тоже не поют осанну и не дают радостно «зеленый свет». Процент ничтожеств и серости примерно одинаков везде, психология и поступки представителей этого процента – тоже. Различие заключается в том, что на Западе в силу официальной провозглашенности индивидуализма и прав человека в качестве ценностей, в силу признания за индивидом права быть субъектом (т.е. базовой единицей считается индивид, а не коллектив) человек имеет больше **формальных** средств защиты (что вовсе не всегда значит: **реальных**). Правда, это не только заслуга капитализма, но результат компромисса капитализма с Европейской цивилизацией (и – шире – Западной Системой), породившей его, со всем вещественным, субстанциональным, ценностным и организационным, что ею накоплено и должно учитываться капитализмом; это результат взаимной адаптации и исторической борьбы капитализма с европейским «докапиталистическим» наследием: «неадаптированный» полностью функциональный, т.е. «взбесившийся капитализм» – это (логически) коммунизм. Кроме того, сама

капиталистическая система построена на конкуренции индивидов (и групп). Отсюда – иные формы эксплуатации (достаточно формализованные и главным образом индивидуальные и вертикальные, а не коллективные и горизонтальные) и иные стратегии сопротивления им. Хотя в подобной ситуации столь характерные для любой области творческой деятельности чувства, как зависть и амбиции, могли подвергаться большей или меньшей трансформации в функцию социального контроля (скорее в меньшей, поскольку этот контроль осуществлялся системой в целом и реализовывался как определенный образ жизни общества – западный, интегрально), он никогда не превращался ни в «идеологический контроль», ни в «репрессивную задушевность», ни тем более в производственное отношение.

Напротив, в советском научном коллективе (думаю, аналогичной была ситуация в кино, театре, музыке и т.д.) индивидуальная зависть или, скажем так, рессантимент становились одним из элементов социального контроля и, самое главное, перемещались из личностно-бытового измерения в социопроизводственное, усиливали его, придавали ему более отчетливую, часто идеологизированную форму: «Сальери» с партбилетом – это очень серьезно.

Стремясь сознательно и подсознательно, формально и неформально осуществлять контроль над своими членами, научный коллектив советского типа не только материализовывал логику и законы социального бытия коммунистического порядка, но и позволял многим реализовывать свои фобии и комплексы по отношению к более талантливым. Несколько упрощая и огрубляя ситуацию, можно оказать, что посредством советского научного коллектива был осуществлен исторический реванш научных и околонаучных бездарей предшествующих эпох над талантливыми коллегами. Благодаря ситуации, о которой идет речь, человеческая природа в сфере науки получила значительно большие, чем прежде, возможности и к тому же подкрепленные коллективом и всем строем жизни, представленным иерархией коллективов, для реализации таких фобий, комплексов и слабостей, оценка которых (зависть, подлость) практически во всех этических системах носит отрицательный характер.

Особо хочу подчеркнуть следующее. **Первое**. Характеризуя социально-научный коллектив, я не даю ему оценки: плохой (или хороший). Я – не об этом, а о социальном типе коллектива, о принципах его конструкции в качестве элемента властно-производственной иерархии советского общества. Я также не обсуждаю вопрос, плохие или хорошие люди работали в научных коллективах, – разные. Меня интересуют

социосистемные характеристики индивидов, **законы** их поведения (а не личные интенции последнего). Эти характеристики существенно модифицируют личность, ее поведение. Как заметил А.Белинков о ком-то из писателей (кажется, об Олеше), он был хороший писатель, хороший человек – в том смысле, что в хорошем обществе, в хороших обстоятельствах вел себя хорошо. Ну а в плохих, среди плохих людей вел себя как большинство, т.е. опять же хорошо с социосистемной точки зрения. Конечно же, не все вели или ведут себя подобным образом. Всегда есть некий процент людей, минимально зависимых от окружения и готовых оставаться собой в любых или почти любых обстоятельствах, отстаивать свою правоту, свое «я». (Это опять же не означает, что они – «хорошие»; хорошие – для кого? В каком плане? Мы, повторю, рассуждаем в социосистемном, социальном плане.) Но много ли их было, таких людей, готовых нарушать или, тем более, систематически нарушавших правила советского властно-производственного общежития? Много? То-то. Повторю, я не касаюсь личных качеств людей, работавших в советских коллективах, а пишу о социальном поведении индивидов как элементов определенной социальной ячейки, функционирующей по определенным – как ею, так главным образом и не ею – правилам.

Второе. Я вовсе не хочу сказать, что в жизни советских научных коллективов все было плохо, что жить было невыносимо, тяжело. Отнюдь нет. Или, скажем так: где – как. В основном – сносно, а в чем-то и комфортно, даже очень, по крайней мере, для многих. А что? Рабочая нагрузка – невелика. Присутственных дней – 2-3, а при либеральном (или безалаберном, что, впрочем, в России часто одно и то же) начальнике и того меньше, некоторые сотрудники ухитрялись годами ничего не писать и являться только за зарплатой; другие расплачивались с родным коллективом поездками в колхоз, выездами на овощебазы и выходами в ДНД. Ну что же, от каждого по способностям.

Эксплуатация? Работа на начальство и на коллектив, особенно наиболее толковых сотрудников? Да. Но эмоционально это отчасти, в большей или меньшей степени (в зависимости от массы объективных обстоятельств и субъективной готовности к самообману и другим автокомпенсаторным реакциям) компенсировалось тем, что в разных коллективах называли по-разному: «атмосфера», «дух», «человеческие отношения», «отдельская (кафедральная и т.д.) традиция». Речь идет о групповых ритуально-мифологических формах, практиках. Реализовывались они по-разному: от неформальных совместимых чаепитий в рабочее время, сопровождавшихся различной степени интеллектуальности трепом на научные, околонаучные,

спортивные, бытовые и вообще околовсяческие темы до формально-неформальных заседаний, демонстрирующих единство и сплоченность коллектива, высокоталантливость всех (или почти всех) членов и мудрость руководства. Надо сказать, что психологически это позволяло лучше адаптироваться к системе вообще и системе жизни в научных коллективах в частности, смягчало их жизнебыт(ие), позволяло представить систему и суть случайностью и формой, главное – неглавным и т.п. Короче, облегчало индивиду жизнь, становилось, как сказал бы Дж.Скотт, «оружием слабых».

Надо, однако, помнить, что в то же время формы и практики, о которых идет речь, эффективно встраивали индивида в иерархию, в отношения неравенства и эксплуатации, одновременно камуфлируя, но тем эффективнее навязывая их: сопротивление им автоматически оборачивалось вызовом сложившимся в коллективе неформальным («человеческим») отношениям, угрожало «атмосфере»; социальный (пусть в индивидуальной форме) протест превращался в неуважение к коллегам, в нарушение традиций, в пренебрежение отдельской (кафедральной) солидарностью и т.д. и т.п. Иными словами, будучи обоюдоострой, но формально незафиксированной, ритуально-мифологическая практика советских (научных, хотя, естественно, не только их) коллективов работала в целом на начальство в ущерб подчиненным, на коллектив в ущерб личности, на посредственность в ущерб таланту или профессионалу. Все это суть результаты действия определенных социальных законов (или законов определенной социальности), а не результат неких «хороших» или «плохих» качеств людей, о которых у нас в данном контексте речь, повторю, не идет.

Ситуация в советских научных коллективах, тип отношений, характерный для них, нравились далеко не всем. Однако, как заметил еще Маркс, люди не вольны в выборе тех отношений, которые застают готовыми и в которые включаются. Есть готовая система, правила ее игры. **Систематическая** сущностная борьба с ними – это системное (читай: государственное) преступление. Это – для единиц. **Частичный**, ограниченный в пространстве и времени протест мог принимать различные формы, однако он не столько подрывал систему, сколько выпускал пар. Ну а на рубеже 50-60-х годов произошли структурные изменения как в самой Системе, так и в ее научно-обществоведческой подсистеме. Переплетение, наложение и сочетание этих изменений породили целый комплекс противоречий, своеобразным узлом, пересечением которых становились работники и люди типа Крылова.

XI

Теория при всех коллективных формах, организациях и т.д. и т.п. – занятие штучное. Не такое штучное, как искусство, но тем не менее индивидуально-штучное. Хором теорию не выдумаешь, не сочинишь. Теоретическое творчество, как и поэтическое – дело одиночек, требующее определенного склада ума (*«поворота мозгов».* – А.А.Зиновьев), типа личности и определенных условий, причем далеко не всегда благоприятных в повседневном смысле слова: это зависит от обстоятельств социальной направленности теории, личных особенностей ее автора и многого другого. И тем не менее одно **благоприятное** условие необходимо: терпимое (как минимум) отношение общества, коллектива к поиску индивидом теоретических истин, уважение прав личности вообще и права на индивидуальный поиск истины в частности. Иными словами, речь идет об определенной (и довольно значительной) степени интеллектуальной и социальной свободы индивида от общества, коллектива, малой группы.

До середины 50-х годов в советской обществоведческой системе индивидуальный поиск творческих истин, по крайней мере официально, открыто, был по сути невозможен: все уже было открыто, известно и сформулировано в положениях диамата, истмата, научного коммунизма, которые надо было лишь развивать, совершенствовать и т.д., обильно цитируя классиков. С середины 50-х годов ситуация начала меняться: пошли дискуссии, оживилась теоретическая мысль, оживилась конкуренция (точнее, ее советское подобие) между исследовательскими институтами со смежной тематикой и т.д. Все это создавало более благоприятный климат для интеллектуальных разысканий в области теории и, естественно, для их персонификаторов.

Пришло время Крылова и «крыловых». Лень, серость, халтура, отсутствие элементарного любопытства, элементарная необразованность, групповой эгоизм значительной части научных сотрудников – все это осталось; изменились обстоятельства. «Оттепель» породила спрос и моду на интеллектуальный шарм и лоск, хотя бы минимальные (даже образ начальника стал меняться; многих, как заметил Ю.Нагибин, *«в пятидесятые годы почти насильно втянули в ум»*). Время «огурцовых» (см. «Карнавальная ночь») – в науке и вне ее – уходило. Менялся общественный образ ученого, даже у обществоведов – разумеется, не так, как у физиков и математиков, презиравших советское обществоведение и основную массу его «носителей», не так, но

все же… Оживление творческой атмосферы, некое подобие конкуренции сделали работу научно-обществоведческих коллективов, ее успех и оценку (читай: благодарности, денежные премии, поездки отдельных сотрудников, прежде всего начальства, за границу и т.д. и т.п.) во многом зависимыми от индивидуального творчества. От людей типа Крылова. От людей, способных генерировать новые идеи и оплодотворять ими целые коллективы, придавая **подлинно научный** смысл писаниям и существованию целой группы и, таким образом, оправдывая ее профессиональный статус и raison d'être. Источником коллективной работы в изменившихся обстоятельствах в какой-то степени становится некий индивид, его творчество.

При этом в те же 60-70-е годы в системе АН СССР, особенно в социально-гуманитарной ее части, основной акцент делался на коллективные работы. Им, будь то монографии, аналитические записки или справки для «директивных органов», отдавалось предпочтение. По сути, как уже говорилось, это был официальный курс. На поверхностный, хотя отчасти верный взгляд, главным бенефициантом такого курса было начальство, начальник как социальный тип, организация, иерархия начальников разных уровней в целом. Действительно, подобную ситуацию руководители научных подразделений могли использовать (а многие использовали) в личных целях, реализовывали посредством коллективных работ свои собственные интересы, которые приобретали форму коллективных. Практическое, в силу организационно-властной логики, право контролировать процесс интеллектуального производства обеспечивало возможность присваивать продукты интеллектуального труда, социальные и духовные факторы производства: от вкрадчиво-подлого *«Вы позволите мне подписать написанное Вами предисловие?»* (слова, услышанные мной от одного из многих за мою научную жизнь начальников, и ведь не покраснел – ни задавая вопрос, ни нарвавшись на едкий по форме отказ) до жесткого, откровенного и открытого плагиата и неприкрытой эксплуатации «интеллектуальных негров», пишущих за начальника по его прямому заданию. Иногда «за просто так», иногда за подачку в виде загранкомандировки или снятых с руки и подаренных в приступе начальственной благодарности часов – так обычно дают чаевые прислуге.

Руководитель научного коллектива часто был заинтересован в создании именно у наиболее работоспособного и талантливого сотрудника комплекса вины и зависимости – комплекса, который и выступал эффективным механизмом эксплуатации, узаконенного похищения мыслей и рукописей, интеллектуального обдирания. Комплекс закреплялся созданием определенной репутации, фиксировавшей

слабые стороны характера, «пятнышки», подчеркивавшей и высвечивавшей их. Во многом это и есть ситуация Крылова.

Ситуация эта, однако, не была однозначной, в ней заключалось серьезное противоречие. С одной стороны, хорошо было иметь человека, блестяще знающего Маркса, живой цитатник (часто большее начальству и не было нужно): всегда можно было продемонстрировать глубину знания классиков и использовать это знание для идеологических подзатыльников конкурентам и подчиненным, указать им их место.

С другой стороны, сотрудник, стремившийся упорядочить марксистскую теорию, развить ее, а в марксистских научно-идеологических схемах усилить научное и теоретическое начало, что автоматически ослабляло и обнажало идеологические реалии, был хронически неудобен и опасен. С ним начальнику можно было погореть. Конечно же, научно-идеологическая бдительность коллег, не желавших подставляться из-за такого сотрудника (например, из-за Крылова), пропадать с ним, различные обсуждения, редакционная работа, ученые советы – все это должно было отфильтровать опасное. Однако страх, который гнездится, как это объяснял мне один мой бывший начальник, не в головном, а в спинном мозге, в позвоночнике (поэтому, наверное, он так часто и прогибался), заставлял бояться научных разысканий Крылова, делал их неудобными и нежелательными. Для начальства какой-нибудь склонный к ревизионизму более или менее тайный симпатизант капиталистического пути развития освободившихся стран в известном смысле и под определенным углом зрения оказывался более безопасным, чем творческий марксист: с либерал-симпатизантом можно было под настроение и перемигнуться: *«Ну, мы-то с вами умные люди, все понимаем»*. С Крыловым (и ему подобными) **так** было нельзя. Крылов н е п о н и м а л. Он верил в истинность того, о чем говорил. Он всерьез, как к своему, относился к теории Маркса. У него не было двойного дна. Все это и определило специфические и странные отношения Крылова с академическими чиноначальниками: потепления быстро сменялись похолоданиями, внешний фавор – безразличием (в лучшем случае). И наоборот.

К сожалению, Крылов слишком близко к сердцу принимал такие повороты и хотя на словах признавал, что «барской любви» нужно бояться пуще «барского гнева», на деле нередко нарушал принцип «подальше от начальства, поближе к кухне». Впрочем, надо помнить, что в ряде случаев только начальство объективно могло защитить Крылова от его «первичного» производственного коллектива. Другое дело, что Крылов слишком верил в такую возможность и излишне субъективизировал

объективное, персонализировал социальное. И тем не менее действительно бывали ситуации, когда начальство ситуационно бросало Крылову «спасательный круг» и сдерживало «друзей-доброжелателей» и коллективных социальных индивидов различного типа. Равно как и индивидуальных паразитов.

Неизбежная странность отношений, о которой идет речь, усиливалась тем, что начальник в большинстве случаев нуждался в психологической и социальной компенсации за вынужденно ослабленный им контроль над сотрудником и фактическое признание своей интеллектуально-научной, а следовательно, социопрофессиональной зависимости от него. За то, что подчиненный умнее. У Крылова есть стихи по этому поводу:

Скорей бы что ли одурачиться
Начальник – умный, я – дурак
И тихо, тихо очервячиться
Ты – червячиха, я – червяк.
Что б в упоеньи пресмыкательством
Без рук, без ног
На животе за их сиятельством
Я б ползать мог.

Откуда какаю, чем лопаю,
Не разберусь никак.
Где голова моя, где – попа!
Я человек-червяк.

Ясно, что Крылов здесь юродствует, у него по отношению к начальству бывали и совсем другие интонации:

В возможность правды на земле уже не веря,
Лопатою квадрат я сам на ней отмерю,
Потом начну работать вглубь уже траншею.
Воздену сам своей рукой петлю на шею…

Не на свою, а на его,
На выю шефа своего,

И первый в яму брошу ком,
Умри ты первым, я – потом!

(стихотворение «Мрачное», написано в 1978 г. и посвящено одному из тогдашних Володиных начальников).

Нестихотворно это могло выразиться в резкости, в дерзости. Так, одного большого начальника, спросившего, почему у Крылова желтые зубы, Володя тут же «срезал» – *«потому, что, в отличие от Вас, в войну не ел хлеб с маслом и болел цингой и потому, что в отличие от Вашего папы, у меня нет денег, чтобы вставить золотые зубы!»* И поперхнулся большой начальник, впрочем, далеко не злодей. Не из худших. Так, никакой. Чудак на букву «м».

Интеллектуальная свобода доминирующего («модального типа») научного сотрудника требовала ослабления хватки со стороны не только начальства, но и коллектива, ослабления контроля внутри коллектива. Нередко это в большей или меньшей степени порождало у коллектива, как и у начальника, аналогичную проблему психологической компенсации и усиления социального контроля опять же в духе «задушевной репрессивности», где соотношения определяемого и определения могли существенно варьироваться. И чем больше индивид освобождался от контроля в интеллектуальной (т.е. профессионально системообразующей!) сфере, чем больше профессиональной свободы индивида вынужден был допускать коллектив, тем большим было стремление коллектива как **социального индивида** усилить контроль в социальной сфере, сфере производственно-личностных отношений «задушевной репрессивности».

Соотношение определения и определяемого в каждом конкретном случае варьировалось в зависимости от личных качеств физических индивидов, степени их симпатии к уходящему в профессиональный отрыв коллеге. Однако у коллектива как целого – свои интересы, своя логика, свои законы поведения, не совпадающие ни с таковыми его членов, ни с суммарно-индивидуальными. И чем больше эта социальная единица чувствовала свою слабость и уязвимость в конкуренции с единицей физической, чем более напрягалась коллективная извилина в процессе позитивного и негативного взаимодействия с комплексом извилин одной, отдельно взятой личности, тем объективно меньше личные симпатии определяли личные отношения

(перефразируя высказывание Валлерстайна о ценностях, скажу, что чувства очень часто эластичны, когда речь заходит об интересах или выгоде), а на первый план выходило личное отношение тех, у кого оно было антипатичным. Кто-то скажет: *«Ах, какой цинизм? Все было по-другому. Мы жили по соседству, дружили просто так. Какая эксплуатация? Какие зависть и плагиат! Фи!»*. Простим подобную фразу тем, кто никогда не работал в советской науке, в ее коллективах или, работая в ней, приложил максимум умственных и эмоциональных усилий *«ничего не видеть, ничего не слышать, ничего никому не сказать»*. Короче, применял швейковскую форму сопротивления: *«Осмелюсь доложить, идиот (или идиотка). Ничего не понимаю»*. А потому мир вокруг них прекрасен, чист и свеж, подобно лужайке с майскими ландышами. В таких случаях маска часто прирастала к лицу, и это тоже была форма адаптации, защиты, которая ныне продуцирует фальшивую розово-благостную картину советской науки, усиливаемую контрастом с нынешней ситуацией. Ну что же, у людей чаще всего короткая и селективная память.

Тем же, кто работал и помнит, но не хочет вспоминать, отвечу: это не циничный вывод, а циничный мир. Тем более что эксплуатация и власть всегда циничны. И отвратительны – «как руки брадобрея». Не менее, а, может быть, и более отвратителен групповой, коллективный эгоизм. А ведь **официальный** советский научный коллектив был не единственным коллективным субъектом, коллективным социальным индивидом, с которым пришлось столкнуться В.В.Крылову и людям его типа. Был и другой, не менее, а, пожалуй, более жесткий, агрессивный и хищный.

XII

На рубеже 50-60-х годов произошло не только оживление общественной и духовной жизни общества. Те же причины, которые привели к этому процессу, способствовали развитию в советской системе структур нового – кланового – типа практически на всех этажах властно-производственной пирамиды. Эти структуры тяготели в целом к середине, к среднему уровню иерархии во всех сферах, включая науку.

Существенное ослабление репрессий после смерти Сталина, обретение господствующими группами гарантий физической безопасности (1953); активизация борьбы за более четкую фиксацию в той или иной форме социального и экономического благосостояния и, главное, гарантий передачи привилегий по наследству, борьбы, которая и стала сутью периода 1953-1964 гг.; усиление ведомств,

отбивших хрущевские атаки, – все это создавало возможность и даже необходимость оформления внутри господствующих групп и части общества неформальных объединений, целью которых стала защита определенных интересов определенных групп. Интересов, которые были жизненно важными, но для защиты которых не существовало либо институциональных, либо просто легальных форм. Ясно, что в отсутствие легальных институциональных форм любая устойчивая структура может строиться лишь по «кланово-мафиозному» (кавычки, поскольку в данном случае это метафора) принципу, как система (или сеть) отношений «патрон – клиент».

В сталинские времена за попытку создать такие социальные новообразования просто поставили бы к стенке по обвинению в организации антипартийной группировки, в фракционности, националистическом уклоне (если клан сформирован преимущественно на этнической основе) и т.п. В 30-40-е годы подобные структуры были характерны главным образом для Закавказья и Средней Азии, где они имели прочные корни, длительную традицию и готовые кланово-племенные формы, – ничего не надо было изобретать, там с ними вели упорную борьбу. Но – *«бились-бились, да только сами разбились»*. Как только террор ослаб, структуры кланового типа стали возникать практически по всей стране, но уже не на кланово-племенной, а на советско-управленческой основе. Да иначе и быть не может, когда формальные и легальные каналы развития господствующих и средних групп и средства упрочения их положения отсутствуют, когда единственной формальной «организацией высшего типа» является КПСС, и любые оргманевры внутри нее и по поводу перераспределения власти и продукта кончаются очень плохо. В такой ситуации верным путем для товарищей мог быть и стал не формально-государственный, а неформально-клановый.

Причины возникновения и задачи кланов были полифункциональными. По сути же это было сопротивление центральной власти, Центроверху, но не в целях свержения – упаси Бог (Маркс, Ленин), а для того, чтобы добиться ослабления контроля внутри системы со стороны Центроверха над группами среднего уровня, над «группами интересов», формирующихся в тех или иных сферах. Клановая структура стремилась установить монополию или квазимонополию на определенную часть «потока» власти, товаров или информации, чтобы распоряжаться им самостоятельно, обменивать на другие виды власти, товаров и услуг. По сути это было начало приватизации власти (логический конец этого процесса мы наблюдали в первой половине 90-х годов), перераспределение контроля в рамках властно-производственных ячеек и над ними.

Нога в ногу с этим процессом шла так называемая «коррупция». «Так называемая» – поскольку на самом деле никакой коррупции в коммунистическом порядке быть не может по определению. Коррупция есть использование общественной сферы в частных интересах. Коммунистический строй принципиально исключает, отвергает разделение социума на общественную и частную сферы. Поэтому то, что называют «коррупцией», в коммунистическом порядке на самом деле есть перераспределение произведенного продукта, процесс обмена власти на вещественную субстанцию, на услуги, не соответствующие официально провозглашаемым принципам и минующие официальные каналы. Такое перераспределение, усилившееся и участившееся в 60-е годы, требовало структур меньшего уровня, чем «государство» (а часто и чем ведомство), причем структуры эти должны были носить скрытый, неформальный характер.

Формирование кланов, а затем их расцвет (вместе с «коррупцией») в 60-70-е годы означали, что коммунизм вступил в свою зрело-позднюю стадию (*«Большая черепаха – ползучая эпоха»*. – Б.Чичибабин). Это явление было показателем одновременно поступательного развития коммунистического порядка (краткосрочная перспектива) и начала его разложения (средне- и долгосрочная перспектива).

Клановизация определенных уровней советского общества – это, бесспорно, проявление и реализация человеческого начала, стремящегося к нормальной жизни, к амортизации воздействия системы, к защите от нее и т.д.; в рамках и посредством клана люди стремились увеличить объем своих благ, количество и качество вознаграждения, положенного им в соответствии с их местом в иерархии советского общества. Это была попытка выйти за рамки ранжированного потребления, ранжированного (сверху «государством») объема властных полномочий и расширения зоны реализации этих полномочий, увеличения своей доли общественного пирога, но попытка уродливая, с душком разложения. Повторю: единственным теплом, которое мог выделять коммунизм, было тепло гниения; именно «застой» был настоящей «оттепелью»; во времена «оттепели» было слишком много заморозков.

Кланы не только защищались от Системы, но и эксплуатировали ее. Точнее так: они защищались от нее в ее же рамках путем перераспределения продукта и эксплуатации других ее сегментов – как уже кланово организованных, так и особенно не организованных в структуры кланового типа. Кланы, возникавшие на различной основе и использовавшие множество средств самоидентификации и определения своих и чужих, не отменяли ни советскую систему, ни «государственные» органы, они либо

наслаивались на них, либо подслаивались под них, стремясь заставить работать их в своих интересах, т.е. не на «общеколлективные», а на «частноколлективные» цели. Сказал бы – корпоративные, только вот настоящих корпораций в СССР никогда не было. С самого начала в кланах проскальзывал жестокий эксплуататорский оскал, полностью обнаружившийся и проявившийся в поведении целых групп после 1991 г.

Да, в клановизации сквозь коммунистическую скорлупу, призванную ограничить человеческую природу, пробивалась эта самая природа и, в соответствии со своей сутью, естественно, не просто так – а за счет кого-то, в ущерб кому-то. Кто-то должен был стать жертвой этого процесса. Общественный пирог не безразмерен, а общественный процесс – это, как правило, игра с нулевой суммой: если кому-то что-то прибавится, то у кого-то что-то убавится. Кланы обеспечивали своим членам относительно более высокий стандарт существования, более высокую степень социальной защиты, возможности карьерного роста, больший социальный (и экономический) комфорт. Все это – за счет перераспределения общественного пирога, отсечения от него индивидов и целых групп. Это была попытка в рамках каких-то ячеек отдельной сферы (торговля, наука, медицина и т.д.) превратить вторичную эксплуатацию – в первичную, соэксплуатацию – в эксплуатацию, попытка поставить эксплуатацию, т.е. отчуждение продуктов труда, на место отчуждения социальных и духовных факторов труда. Клановизация автоматически означала рост неравенства и социальной несправедливости.

Возникли структуры кланового типа и в науке. Произошло это одновременно с оживлением творческой мысли в советском обществоведении и по тем же причинам. И то и другое было показателем поступательного развития коммунистического порядка и одновременно (но в разносрочных перспективах) его разложения.

Внутри себя кланы не были ни миром эгалитаризма, ни миром справедливости. В чем-то их иерархия, правила поведения, санкции были более жесткими, чем официальные. Строились кланы как обычные неформальные группировки, «мафии». Там были «крестные отцы» и паханы («микрофюреры»); бригадиры и «быки», шестерки и свои, выражаясь поэтическим языком (непоэтически будет нецензурно), обольстительницы. Свои зондер-команды «по уборке трупов» и свои «адвокаты Теразини». И свои же разини; последние выполняли важную функцию. Имея репутацию разинь, эдаких незаинтересованных блаженных, живущих «чистой наукой» («наука» эта, как правило, представляла собой ту или иную форму безопасной для всех «игры в бисер»), они широко раскрытыми (кто искренне, кто – удачно вжившись в роль

блаженных от науки, а кто просто используя свои психические или неврологические дефекты в качестве мощного социального оружия, социальной дубины) глазами должны были убедить очередного доверчивого Буратино, что Лиса Алиса и Кот Базилио – его наипервейшие друзья, а золотые нужно зарывать на «территории» именно этого клана, на его «поле чудес», которое, как известно, на самом деле представляет собой свалку в Стране Дураков. Правда, далеко не все горели желанием нести свои золотые и играть предписанную роль в кукольном театре. Тогда за дело брались «быки» – «доктора кукольных наук», и начиналась «охота на волков». Впрочем, порой на слишком свободолюбивых натравливали «разинь» – якобы паганелей. Поди, ответь такому – «больного бьешь». А не ответил, показал, что и с таким справиться не можешь, – какой же ты спец?

Научные кланы боролись друг с другом или заключали союзы, и тогда возникали суперкланы, целые «научные племена»; они проводили своих людей в Ученые советы и дирекции институтов (своих и чужих), в ВАК, в член-корреспонденты и академики, а когда удавалось – во властные и полувластные структуры в качестве консультантов, экспертов, советников, оттирая представителей других кланов или, тем более, неклановых индивидов, одиночек. Кланы не только защищали своих членов, не давая их в обиду (вплоть до выдавливания обидчика из академической среды), но и провозглашали кого-то талантом, кого-то – гением (этот механизм хорошо описан П.Палиевским[26]), и начиналась соответствующая реклама, отработка общественного мнения. А стояло за этим простое: *«Он наш. Он с нами. И* ***поэтому*** *он гений»*. Функция «гения» заключалась в прославлении клана, члены которого, подобно бандерлогам из киплинговской «Книги джунглей», карабкались вверх, цепляясь за хвосты друг друга и крича на все лады*: «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим – значит, это правда!».* И часто такая самореклама оказывалась действенной. «Гений» был функцией клана, поднятой над ним и материализованный в какой-то конкретной личности, чаще всего талантом не отличающейся, а то и просто ничтожной – *«невсамделишной и безмускульной»*, как сказал бы Ю.Нагибин. Это была сознательная установка планки не выше определенного уровня, по возможности, наоборот, – *«низэнько-низэнько»*, ведь развивались научные кланы все равно в соответствии с общей логикой советского общества, по его социальным законам. В них, как и в официальных советских

коллективах, некий средний уровень не должен был быть превышен. Вот если дозволят превысить, и на эту роль будет выдвинут некто, тогда другое дело.

Научные кланы не отменяли и не подменяли традиционных советских научных коллективов. Они существовали рядом, охватывая часть такого коллектива или части нескольких коллективов, становились своеобразной надстройкой над ними, занимая социальное пространство между коллективом и вышестоящим официальным начальством. Иногда у научного коллектива по сути оказывалось два руководителя: официальный, «государственный», и клановый. Порой две эти роли совпадали, хотя несовпадение, по ряду причин, заслуживающих особого разговора, встречалось чаще.

Кланы, при всей общности интересов их членов как элементов надиндивидуального целого, вовсе не были свободны от внутренних противоречий, от столкновений группировок и группок, от повседневной грызни «по текущим вопросам», от борьбы за лидерство – реальное и мнимое, за символические статус и богатство: все «как у людей» – любовь, ненависть, зависть, дружба по обстоятельствам, сплетни. В случае необходимости, особенно если это было в групповых интересах, каких-то представителей клана могли сдать. Сдавали, жертвовали или демонстративно расправлялись, решая тем самым различные задачи (например, долгосрочные в пользу краткосрочных или *«бей своих, чужие бояться будут»* и т.д.). Жертвы – естественно, пешки, клановые смутьяны или, наоборот, тихони, а то и просто балласт, который нередко именно для подобного рода публичных экзекуций и брали в клан.

И тем не менее, когда речь заходила о сущностных, долгосрочных («а вот здесь у них логово») интересах клана, он выступал как единое целое, как монолит – безжалостный и беспощадный.

Разумеется, кланы существовали не везде и не охватывали обществоведческую науку полностью или равномерно. Более того, далеко не все члены научного подразделения входили в клан. Однако так или иначе **понимали** ситуацию практически все.

Как правило, кланы возникали и проявлялись наиболее активно и агрессивно там, где было что делить, где специфика науки и престиж институтов позволяли выход на властные структуры, обеспечивали поездки за границу, хорошие возможности быстрой защиты диссертаций и престижных публикаций. Разумеется, не безвозмездно. Это надо было отрабатывать. В институтах, считавшихся второсортными, клановые структуры развития почти не получили, в лучшем случае, намечались пунктирно, а то и вообще не были самостоятельными, представляя рыхлый «филиал», ответвление клана

из другого – «первосортного института». Это существенно облегчало жизнь людям, не входившим в кланы – они и вытеснялись в такие институты, становясь рецессивной мутацией советской обществоведческой науки. Однако учитывались клановые принципы везде – в большей или меньшей мере. Это как община в Азии: в одних случаях она прочная, в других – loose structure, но принципы общинной организации присутствуют и учитываются повсюду.

Научные кланы стремились присвоить и утилизовать, поставить на службу себе и своим лидерам все, попадавшее в ту зону знания, научной деятельности, которую они контролировали или стремились контролировать. Не вписывавшиеся в клан и сопротивлявшиеся ему подлежали периферизации, маргинализации, вытеснению и т.д. вплоть до морального и интеллектуального уничтожения. Крылов относился к числу не вписавшихся – «сам боярин» – и объективно, самой своей деятельностью, сопротивлявшихся. Так он оказался перед лицом еще одного, мягко говоря, недружественного коллективного социального индивида – клана. Как это ни парадоксально, но в данном случае в столкновение пришли две формы сопротивления системе и защиты от нее: коллективная и индивидуальная, социальная и интеллектуальная, эксплуататорская и творчески-нестяжательская. Крыловская форма адаптивного сопротивления (или сопротивляющейся адаптации) подрывала клановую, снижала ее значимость и ценность в глазах как членов кланов, так и «неклановых людей». Крылов оказался между нескольких огней: начальство, официальный советский коллектив, клан. Ему впору было прорычать:

Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять как вчера:
Обложили меня, обложили –
Гонят весело на номера!

(В.Высоцкий)

Да, порой Крылова и обкладывали красными флажками; и топили, вешая, как камень на шею, соавторов, часть которых, если и могла что-либо писать, то только доносы; и хоронили в «братской могиле» коллективной работы, лукаво указывая не авторство глав, а участие в написании, например, разделов; и гнали. Гнали, потому что Крылов был яркой и самостоятельной звездой, обесценивавшей и затмевавшей клановых выдвиженцев, делал жалкими их научные потуги. Естественно, что и

спускали на Крылова чаще всего эту мелкую бездарь, шавок. Мэтры-бездари вступали в дело, когда ситуация осложнялась. А так, в рабочем порядке – мелкие укусы мелких людей, отравляющие жизнь и сами по себе, и особенно сознанием того факта, что донимают тебя ничтожества.

Добро бы вошь –
Нас гниды точат,
Такие нынче, брат дела.
Хошь, репутацию подмочат,
Хошь, в пасть проденут удила.
Как ни крути башкой дурною,
Но от обиды, хошь не хошь,
Взовьешься бесом, волком взвоешь,
Коль точат гниды, а не вошь.
Молися нощно, маятно и денно,
Однако, в завтра не спеши.
Исчезнут гниды непременно...
Из них повылупятся вши.

Вот так характеризовал свою ситуацию сам Крылов. Он, конечно же, мог подписаться под следующими словами А.А.Зиновьева: *«Общество проявляло свое враждебное отношение ко мне не какими-то грандиозными действиями, а мелкими укусами со стороны моего ближайшего окружения».*

XIII

Кроме укусов, конечно же, был прессинг: прессингуемого легче эксплуатировать. Как осуществлялся механизм эксплуатации? Просто. Сам Крылов оставил описание одного эпизода, очень важного для его биографии как в творческо-интеллектуальном, так и в социальном плане, а в чем-то просто решающего. С какого-то момента Крылов начал писать для самого себя записки – памятные, аналитические, в которых пытался восстановить ход событий, уяснить их и их скрытый смысл, механизм и структуру. Думаю, помимо практической интеллектуальной задачи, записки эти решали и задачу другого рода – эмоционально-психотерапевтическую: таким образом

Крылов пропускал ситуацию через себя, адаптировал себя к ней, приучал: прекрасно осознавая, с кем имеет дело, до конца он так и не смог привыкнуть, что коллеги, т.е. ближние по работе могут так себя вести. В этой непривычке очевидна слабость Крылова – так же как из записок самому себе зияет одиночество: только с самим собой он мог поделиться случившимся.

Как конкретно происходила эксплуатация, присвоение чужих идей, текстов? Передо мной записка В.В.Крылова, написанная им самому себе – для уяснения ситуации и, по-видимому, психологического вытеснения – в конце июня 1973 г., и названная им «Конец 1972 – 1973 год. Структура шантажа». Я привожу ее полностью, заменив, однако, фамилии и имена буквами русского алфавита. Конечно, хотелось бы, действуя по принципу «Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку», назвать имена. Но я не хочу чтобы имена гонителей Крылова появились на страницах «Русского исторического журнала». Много чести. Для мрази и одной буквы более, чем достаточно. Alors, voyons.

«Конец 1972 – 1973 год. Структура шантажа»

Декабрь 1972 год. *Подходит* ***А*** *и передает просьбу* ***Б*** *добровольно и без шума выйти из редколлегии. Я еще пошутил, не лишат ли нас и авторских прав. Ответ: ваше п р о ш л о е не мешает Вам быть авторами, но мешает быть редакторами.*

Конец января. *Без всякого предупреждения, после полугодовых восхвалений статьи и сборника о "Средних слоях",* ***В*** *за день до сдачи книги в печать устраняет мою работу.* ***В*** *– член Ученого совета нашего института (ИМЭМО) от Института народов Азии* (ныне Институт востоковедения РАН. – А.Ф.) *Это было указание ему* ***Б****.*

Февраль 1973 г. *Обсуждение монографии на секторе. Упор на критику первой главы монографии* (написана В.В.Крыловым. –А.Ф.). *Охаивание ее за "детерминизм" –* ***Г*** *(потом после статьи в "Коммунисте" № 11 она скажет о необходимости вернуть в книгу все места о детерминизме),* ***Д****,* ***Е****. "Странная позиция"* ***Ж****, как бы "невольно" создающая основу для такой критики.* ***Б*** *хвалит* ***Ж****! Впервые!*

Февраль 1973 г. *"Тройственная статья". Впервые ясно обнаруживается, отчего воют все прочие и три года "хлопал дверью"* ***Б*** *во время наших выступлений: спор не о сущности наших взглядов, но о том, чьи фамилии будут поставлены над текстом.* ***Д*** *в открытую в секторе распространяется об «извращении» мною Маркса.*

Впервые из догматика меня пытаются представить ревизионистом! Мой первый с нею «крупный разговор» о подлости такой линии.

***Март 1973 г. З** и **Б** отказывают подписать мою заявку в редакцию на основании "он напишет контру". Сказано намеренно при мне, якобы меня не видя стоящим рядом.*

***Март 1973 г.** Срыв публикации двух статей в "Народах Азии" стараниями **И**, который первые три дня был от них в восторге и сказал, что это будет украшение журнала. На четвертый день после встречи **Ж**, **К** и **Л** статья отвергнута. Откровенное ограбление. Текст в шестьдесят страниц был возвращен с пометками "разных почерков", т.е. был пущен по рукам без моего разрешения. Другой текст разрезан в клочья, и вернули огрызки, ампутированные куски бог знает где! Неожиданно от «ветерана» нашего движения слышу знакомый мотив: я боюсь вылететь с работы за твои выдумки и извращения.*

***Апрель.** Шумное обсуждение монографии на дирекции. Много хвалят (неожиданно для меня мою главу, но я не знал, что она уже не вполне моя). **Б** явно делает весь труд "анонимным". Это усиление того мотива, который в качестве пробы в марте выдвинул **М**: Крылов подал не главу, но "материал". Восхвалялось таким образом участие **Н**, и ни что более. **Б** окончательно становится ясным, что наш подход спас дело, и он в открытую идет на ампутацию моих авторских прав. **Ж** в качестве подачки и "приручения" дается звание "старшего". Меня попрекает неблагодарностью за отваленный куш в 180 рублей.*

***Май. Н** и **Г** очень ласковы со мною и выражают великую озабоченность якобы враждебной позицией **О** и **П**. Дают понять, что под моей фамилией этот "бесценный для науки" материал потеряет свое значение, что надо больше думать не о себе, но о "деле". **Ж** (что-то унюхав, а что, не сказал) сообщает о том, что он уже говорил с **Р** о моем переходе в Институт народов Азии, что мне вряд ли здесь работать и жить. Прямо дает понять о "патологии" ко мне **Б**.*

***Июнь 25 дня. М** уклончиво говорит о невозможности "формально" обсуждать диссертацию без первой главы. В феврале ему и **А** наряду с главой о производственных силах я дал еще и 1-ю главу своей диссертации, оговорив, что в книге они могут тасовать ее как угодно, но чтобы они не лишали меня авторских прав, я бы мог использовать главу в монографии как свою публикацию по диссертации. Как-то уклончиво в телефонном разговоре проскользнуло мнение о том, что вряд ли возможно говорить о первой главе как вполне крыловской. Все уезжают отдыхать. Я в панике,*

растерянности и понял, что меня провели и в авторских правах. Жду, как поймать с поличным, неоспоримых фактов. 5 августа они у меня на руках: ***Н*** *показывает свое соавторство».*

В такой ситуации нужно было наносить удар – *«из всех орудий»,* как сказал бы Солженицын, много раз «бодавшийся с дубом», планировавший, рассчитывавший как стратег свою борьбу как с системой, так и с профессиональной средой, и в отличие от Крылова, в конечном счете победивший. «Бодался теленок с дубом» – это, помимо прочего, сводка с театра боевых действий. Один язык чего стоит. Например: *«Уж новей моего известия у них и не может быть: выходит "Корпус" на Западе! И не о том надо волноваться, что выходит, а как там его примут. И обдумывать надо – не чего там переполошился "Новый мир", а: не пришло ли время моего удара? Ведь томятся перележалые документы, бородинского боя нашего никто не знает, – не пора ль его показать? Хотелось покоя – а надо действовать! Не ожидать пока соберутся к атаке, – вот сейчас атаковать их».* И далее: *«Не объемный расчет ведет меня – тоннельная интуиция. ...Я еще осторожничаю, я гнанный в дверь... сейчас лишь сопроводиловку допечатать быстро, связку бомбы, чтобы разрозненные части детонизировали все рядом и к понятному теперь сроку*[27]*».* Однако, Крылов – не Солженицын, нервы не выдерживают. Написав записку *«Забирайте все. Я ухожу»*, он запивает, а затем – обычное дело – попадает в больницу. Но тут в дело вмешались мать и друзья. Они явились на работу («в присутствие») и пригрозили разоблачением и возможностью суда, сказав, что есть черновики-рукописи. Как рассказала мне позднее Елена Петровна (мать Крылова), по крайней мере, отчасти это был блеф. Отчасти потому, что полного рукописного варианта первой – концептуальной, а потому системообразующей главы (называлась «Основные черты зависимого развития общественного типа») – главы будущей «коричневой книги» («Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы»; вышла в издательстве «Мысль» в 1974 г.) у Крылова на тот момент не осталось. Были только резано-клеенные куски, много, но не текст целиком. Текст давным-давно был отдан на машинку, в таком-то виде его и «с к о г т и л и». Однако, «охотникам за черновиками» (а точнее, за «черепами» и их содержимым) не повезло: дома у Крылова хранился полный текст уже подготовленной первой главы его диссертации, который и стал основой первой (и не только первой) главы коллективной монографии. Запахло скандалом. В результате фамилию «Крылов»

вернули в список соавторов, но сам список изменили – не по авторству глав (тогда все становилось совсем ясно), а по авторству частей.

В 1974 г. Крылов защитил кандидатскую, которая исходно легла в основу сданной в набор в октябре 1973 г. коллективной книги. В результате Крылову, выступая на защите диссертации, пришлось ссылаться на «коричневую книгу», основные теоретические положения которой были сформулированы им в черновиках, рукописных вариантах диссертации! Сюр!

Я помню осень 1973 г. Помню наши с Крыловым разговоры, о разных разностях – о перевороте в Чили, и о вышедшем на экраны «17 мгновений весны» (первая реакция Крылова – «любование эсэсовщиной», потом помягчел), о войне Судного дня (война Йом Кипур) и книге «Архипелаг ГУЛАГ». И, естественно, о «коричневой книге» и обстоятельствах финальной стадии ее подготовки. Ситуация для Крылова могла бы оказаться и хуже. И тем не менее, он был подавлен тем – что случилось и как случилось. Именно тогда он написал вот это стихотворение:

Наш принцип – коллективный труд,
Однако, присвоенье частное!
Как ловкость рук полезна тут!
Как совесть неуместна и напрасна!
Здесь совесть что-то вроде пут,
Здесь просто стыдно, коль ты не плут.
Приятно коллективом дружным
Научные труды творить!
И голову ломать не нужно!
И можно автором прослыть!
Ведь коли коллективный труд,
Возможности у всех растут
Но если присвоенье частное,
Ты обижаешься напрасно!
Не прогорело наше дело,
Как много будет общих дел!
В карман друг к другу лезьте смело!
Ведь кто смелее, тот и съел!
И если автор не спесивый,

И если ясно – промолчит,
То грабь его! Как грабит К...[28]
Учись у К...: коль мир осудит – Бог простит.
А не простит!? Мы ж атеисты!
И нам не страшен Дантов ад.
Слыхал, что пишут про «экстремистов».
Опять улов. Мне черт не брат.

Этот «моральный кодекс» «охотников за черепами», написанный как бы от их имени, Крылов завершает призывом:

Пусть будет коллективным труд,
Но в виде опыта, в порядке исключения
Попробуем хоть раз осуществить
Хотя б отчасти честное распределение.

Верил ли он в такую возможность? Конечно, нет. Об этом свидетельствуют его же строки, вынесенные в качестве эпиграфа к его стихотворению:

Стремимся к цели, нас ею сплотили,
Кто босиком, а кто в автомобиле.

Эксплуатация чужого труда, помимо прочего, действительно, позволяла клану, его боссам чувствовать себя настоящими авторами (иные искренне входили в эту роль), а то и научными звездами, коими по законам делания советской карьеры и в групповых интересах объявлялись («назначались») те или иные индивиды. Психологически меня это, как и плагиат, всегда удивляло и даже забавляло. Ведь сам факт плагиата автоматически означает признание плагиатором своей научной, профессиональной и социальной несостоятельности, импотенции. О моральной стороне дела я уже и не говорю, но знать про себя, что ты не только вор, но и никчемный специалист, непрофессионал, знать и жить с этим – кошмар. Вести себя как научный авторитет, зная, что на самом деле неспособен и строчку написать – кошмар. Как можно ставить себя в такое положение: ведь все всё понимают. И, главное, сам человек про себя все

понимает, какой, на хрен, академик (член-корреспондент, доктор, профессор и т.д.), когда слова в предложения складывать не научился, когда IQ – минимальный, а то и отрицательный?

Да, группы, кланы, (впрочем, как с одной стороны, толпа, с другой – официальные структуры) видят только те звезды, существование которых сами позволяют и которые сами «зажигают» – *«если звезды зажигают, то это кому-нибудь нужно»*. Конечно, нужно. И не бескорыстно. А что делать с бескорыстными и внеплановыми звездами? Ясно, что. *«Он жил в отвратительном обществе, которое его и убило»,* – сказал на похоронах В.В.Крылова нынешний директор Института Африки РАН А.Васильев. В значительной степени это так. К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас отмечу вот что. Описанную ситуацию не надо демонизировать. Это – повседневная реальность определенного среза советской жизни 60-70-х годов. Все очень обыденно:

Холуй трясется. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.
Се вид Отечества, гравюра.

(И.Бродский)

То, о чем идет речь – обычный и характерный для позднеком-мунистического общества процесс положительного и (чаще) отрицательного взаимодействия, т.е. борьбы (конкуренции и превентации) социальных индивидов различного типа – индивидуальных и коллективных, формальных и неформальных. Борьбы – кого за выживание, кого – за хорошую жизнь:

Траву ел жук, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы
И страхом перекошенные лица
Лесных существ смотрели из травы.

(Н.Заболоцкий)

XIV

Ситуация, в которой жил Крылов, – это ситуация разложения позднекоммунистического общества и попыток эмансипации от него различных социальных индивидов, различными способами, в различных сферах. При этом линии эмансипации оказались направлены, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, не столько против Системы, сколько друг против друга. Те, кто стремился вырваться из ада пытались сделать это за счет других пытающихся, использовать энергию их попыток (я вернусь к этой теме позже). Проблема нашего героя заключалась в том, что в 60-70-е годы он эмансипировался в одиночку, как индивидуальный социальный индивид, и прежде всего в интеллектуальной сфере и посредством нее, войдя при этом и из-за этого в противоречие с формальными и неформальными структурами советского общества. Он оказался в зоне передела, перераспределения, не захотел быть перераспределяемым и начал защищать свое человеческое достоинство доступными ему средствами, прежде всего – интеллектуальными, творческими. Вот и все. А дальше срабатывал простой механизм. Чем больше позволялось Крылову интеллектуально высунуться, тем сильнее давил на него социальный пресс «задушевно-репрессивных» производственно-личных и неформально-формальных отношений, тем сильнее был социальный прессинг, тем больше стремление «опустить» его с помощью той или иной репутации, указать место в «социальной иерархии», а то *«подумаешь, новый Карл Маркс нашелся».*

Репутация, активно создававшаяся Крылову на основе и путем акцентирования, преувеличения его слабых сторон, уязвимых мест должна была ограничить его персонификацию как индивида интеллектуальной сферой и не просто блокировать персонификацию в сфере социальной, но добиться в этой сфере деперсонализации: «алкоголик», «агрессивный тип», а то и просто ненормальный («циклотимик», «параноик»). Вся эта подлость позволяла и н ф а н т и л и з и р о в а т ь Крылова, предоставляла желающим такой угол зрения, который психологически-компенсаторно давал возможность хотя бы косвенно, через социальное, личностное принизить его творчество, порыв и результаты, взять социальный реванш над ним. И тем не менее, интеллектуальная схватка «одной коллективной извилины» и индивидуальных извилин «одной, отдельно взятой головы» оканчивалась победами последней.

В сфере интеллектуального творчества Крылова его нельзя было сдвинуть с выбранного (и что важно – **в конечном счете** почти всегда оказывавшегося правильным) пути. Вопреки крикам и причитаниям, он верил в свой череп, и происходило так, как в стихах великого русского поэта И.Бродского, вынесенных в качестве эпиграфа настоящей статьи: стены падали, потому, что череп был прочен, его интеллектуальная броня – крепка, а мысли – легкие танки, – быстры. С душой дело обстояло иначе. Она не была ни крепкой, ни прочной – ранимой. Еще раз слово Талькову:

Пусть говорят тебе доброжелатели,
Что все твои стремленья нежелательны.
Ты их не слушай, успокойся и дерзай
И всех доброжелателей подальше посылай.

В социальной и микросоциальной сфере активности Крылова дело обстояло иначе, чем в интеллектуальной. Оказываясь по отношению к «доброжелателям» независимым интеллектуально, Крылов чаще всего не добивался такого результата (но крайней мере, значимо) в сфере социальных, межличностных отношений. Тому было много причин, как социальных, так и индивидуальных. Например, природная деликатность, доброта, отходчивость.

Был у Крылова и «синдром Чацкого» – одно из его страшных внутриличностных противоречий: не ставя ни во что «научную толпу» или, перефразируя Пушкина, «научную чернь», презирая ее, Крылов хотел, жаждал одобрения, признания – именно от нее! Так он оказывался в прочном психологическом круге, вырывался из которого он чаще всего в виде скандала («бунта») или ухода в запой. Да, его подталкивали к этому, всовывали в руку револьвер и прижимали палец к курку. Но нажимал-то на курок он сам! Короче, для нормального функционирования как личности, Крылову нужны были искреннее одобрение, признание своей профессиональной среды (она же социальная), но именно этого данная среда не делала и не должна была делать по самой своей природе. Трудно бросить камень в человека, жаждущего «позитивных санкций», как сказали бы социологи; многим, большинству, это действительно нужно. А вот ждать такого одобрения и быть готовым получить его от презираемых свиных рыл, «винтиков клана» – вот это психологически и социально едва ли простительно. Впрочем, не судите…

Не получая в своей среде того признания, на которое рассчитывал, Володя стремился компенсировать это. Не случайно он так любил публичные выступления на конференциях, семинарах. И именно поэтому, а не только ради заработка, ездил читать лекции по линии общества «Знание». Да, не хватило Крылову силы насмешливо, встав во весь свой интеллектуальный рост, сказать: *«Кому вы нужны?! Вы всего лишь колода карт»*. То бишь: социальных ролей, функций, за которыми часто нет или почти нет никакого профессионального (а значит и социального) содержания и которые могут существовать лишь за счет чужого содержания. Крылов не умел, не мог бороться с социальными тенями, социальными вирусами. Слабость? Внутренняя непоследовательность? Конечно, они. Но в их основе лежат не только индивидуальные черты. «Горе от ума» Крылова (как и Чацкого) имеет социальные причины. На призыв: *«Ты, царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум»,* – Крылов мог откликнуться лишь частично – в интеллектуальной сфере. Здесь он мог быть самодостаточным. Социально-поведенчески же это оказалось для него невыполнимым. И уж конечно он не мог принять и реализовать «подход», сформулированный Игорем Северянином так:

За что любить их, таких мне чуждых? За что убить их?!
Они так жалки, так примитивны, и так бесцветны.
Идите мимо в своих событьях –
Я безвопросен: вы безответны.

Или так:

Но даровав толпе холопов
Значенье собственного «Я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор – стезя моя.

Дело в том, что в личности Крылова затейливо переплетались, усиливая и одновременно подрывая друг друга, индивидуализм и коллективизм. Оба – специфические, возможно даже неполные, «незавершенные», становящиеся, а потому особенно часто и остро вступающие в конфликт и раздирающие личность.

XV

Суть в том, что Крылов относился к поколению, которое со смертью Сталина и ранней «оттепелью» почувствовало вкус свободы, но еще не воспринимало ее как индивидуальную. Если было в советской истории поколение, которое можно охарактеризовать как коллективистское **положительно**, то это те, кто родился в 1935-1945 гг. (плюс-минус два-три года). В их юности и молодости произошло потрясающее событие: отвалилась чугунная плита страха, давление которой они ощущали в детстве и которая загоняла их в коллективизм. С «плитой» «отрицательный коллективизм» (не весь, конечно) ушел – не столько реально, сколько в бурном потоке надежд, мечтаний и иллюзий, которые стали опиумом целого поколения. Зелья хватило на десятилетие, но его эффект сохранился на всю жизнь.

Место «отрицательного коллективизма» занял положительный, последним выражением которого был массовый восторг по поводу полета Гагарина в космос. Апрельский день 1961 г., когда толпы народа сами спонтанно хлынули на Красную (властную и привластную) площадь, был по сути последней в истории СССР неказенной манифестацией, во-первых, единства людей друг с другом, переживания ими некоего события как общей радости, ощущения себя как коллективного целого, во-вторых, единства населения и власти («народа и партии»).

Через несколько лет «июльские дожди» середины 60-х смоют остатки положительного коллективизма, сделав его прошлым; героями времени станут персонажи рассказов и повестей Юрия Трифонова (а затем Владимира Маканина). «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» Булата Окуджавы обернется «Масками» Владимира Высоцкого, и выяснится, что среди взявшихся за руки соседей «по цепочке» *«сосед мой справа – грустный Арлекин, другой – палач, а каждый третий – дурень».* Потом окажется, что и маски приросли к лицам. А «грустный Арлекин» – так тот вообще предатель: *«Ты мил-человек, не стукачком ли будешь?»* Конечно, стукачком.

Пройдет еще немного времени, и Арлекин обернется вульгарным «Арлекино» из песни в исполнении вульгарной певицы – своеобразного зеркала брежневско-ельцинской эпохи, правдиво отражающего-воплощающего эту эпоху со всей ее похабенью.

Перефразируя Ю.Тынянова: винное брожение 60-х Окуджавы сменится уксусным брожением Высоцкого в 70-е, а там – с эпигонами, пойдет *«по слову и крови гнилостное брожение»* восьмидерастов.

Многим в поколении Крылова и ему самому мир, пришедший на смену эпохе «Верных друзей», «Карнавальной ночи», эпохе несбывшихся надежд, мог и должен был показаться страшным. Распадающемуся – на индивидуализм и группизм, на клановость – макроколлективизму можно было противопоставить либо мощный социальный (социально-ориентированный) индивидуализм, но без квиетизма, без полного ухода в себя (там, как говаривал блестящий польский афорист Станислав Ежи Лец, тебя легче всего найдут), либо «групповую солидарность» кланового типа. На социальный индивидуализм Крылов «рассчитан» не был – только на интеллектуальный, творческий. На клановость – тоже: он не был клановым, групповым человеком. Иными словами, социально ему не за что было схватиться, и это делало его по сути социально беззащитным, уязвимым.

В силу личностных особенностей, характера, обстоятельств воспитания, установок и даже научных позиций Крылова, ни малая группа, ни клан не могли быть коллективом, соответствующим **его** коллективизму, **его** коллективному инстинкту. Таким коллективом могло быть либо государство – он был макроколлективистом, государственным человеком, либо народ, хотя никаких иллюзий по поводу народа у Крылова не было. Вместе с В.Астафьевым на вопрос *«Любите ли Вы свой народ?»* он мог бы, сделав, как и В.Астафьев, паузу, ответить: *«Я – знаю свой народ»*. Однако и того государства, с которым идентифицировал себя Крылов, в 60-70-е годы уже не было. Это была психологическая фикция, воображаемый объект, хрупкий несуществующий идеал (как многие тогда же строили для себя в качестве подобного идеала некий свободный и счастливый Запад, новую версию остапбендеровского Рио-де-Жанейро), и Крылов догадывался об этом. Однако больше ему не за что было ухватиться, не за что было держаться, а он хватался за форму, за фикцию, хотя, повторю, интуитивно чувствовал, что имеет дело с несуществующим, ложным, с метафизической утопией. *«Возможно, обманчив мой хрупкий идеал, но это свойство всех идеалов»*, – так пел в известном мюзикле Остап Бендер о своем «Рио». Бендеру такой подход простителен, а Крылову – интеллектуалу и мыслителю? В итоге всех этих психологических движений коллективизм Крылова оказывался безъякорным, идеально-романтическим, без средств и форм соотнесения и идентификации, чем-то похожим на воздушный замок.

Непросто обстояло дело и с индивидуализмом. Володя Крылов, бесспорно, был яркой, интеллектуально одаренной, талантливой личностью, индивидуальностью. Но самодостаточным он был лишь интеллектуально, социально – нет. И свободным, по крайней мере, положительно, Крылов был главным образом в интеллектуальной сфере. В этом смысле Володя оказался очень похожим на монаха с любимой им средневековой миниатюры: монах пробил головой небесный свод и увидел движение миров, ему открылась их тайна. Но туловище его так и осталось в пределах свода.

Положительный индивидуализм в сфере интеллекта был необходимым, но недостаточным условием положительного социального индивидуализма; последний у Крылова был становящимся, но так и не стал ставшим, впрочем, имевшегося хватало, чтобы нагнать страха на тех, кому положительный социоиндивидуализм в сфере социального поведения грозил бедой.

Если положительную свободу в области интеллекта Крылову обеспечивало творчество, то свободу социальную, свободу от обременительных и психологически изнуряющих личностно-производственных отношений «репрессивной задушевности», он, как правило, обретал по негативу: в виде вспышек неконтролируемого гнева или, напротив, приступов апатии или уходов в запой. Пьянство людей типа Крылова было **их** сатурналиями против ситуационных господ. Но сатурналии оканчивались, и начинался прессинг с использованием загула как компрометирующего факта и средства усиления зависимости: *«Тебя прикрывают, а ты...».* Вот тут-то и выскакивало чувство обязанности, зависимости, неловкости, чувство, которое надо было отрабатывать.

Индивидуализм Крылова не обрел «третьего измерения», а следовательно, во-первых, был отчасти фиктивным, как и его коллективизм, во-вторых, был не только внешне уязвимым, но и представлял собой постоянный внутренний источник социальной неудовлетворенности, который, в свою очередь, помимо давления начальства и коллектива (как социального индивида), подталкивал к негативным проявлениям свободы и делал Крылова еще более уязвимым, еще более удобным объектом для эксплуатации в духе «задушевней репрессивности».

Эта специфическая форма насилия, эксплуатации была, к сожалению, интериоризирована Крыловым – и как социальная позиция, роль жертвы, которую он иногда готов был принять (и действовать на основе этого принятия), и как специфическое («оружие слабых») средство защиты от коллектива, хорошо наложившееся на некоторые традиции русской культуры.

Интериоризация «задушевного насилия», о которой идет речь, сыграла трагическую роль в судьбе Крылова. Цитируя слова А.Васильева о том, что Володю убило отвратительное общество, в котором он жил, я не случайно заметил: *«В значительной степени это так»*. У отвратительного общества был косвенный соучастник – Крылов В.В. Он принимал роль жертвы, на которую и выталкивала его среда.

XVI

Роль гонимого была, однако, не единственная, на которую в соответствии с логикой социальных законов советской жизни был вытолкнут Крылов. Была и другая. На нее его выталкивали те же люди, но уже в качестве членов не клана, а общества в целом. Речь идет о роли персонификатора того, что А.А.Зиновьев назвал романтически-страдательным самосознанием общества, тоски по неосуществимым идеалам, по невозможности реализовать возвышенное начало.

В «Желтом Доме» Зиновьева один из персонажей рассуждает о другом персонаже – МНС – таким образом. *«В нашем обществе такие люди, как МНС, суть очень редкое исключение. Даже в учреждении профессиональных думателей и говорунов, в котором работал МНС. Он был одиночка. В его окружении было много людей похожих на него. Но они суть явления иной породы. Они суть среда для таких, как он, но он не есть элемент среды для них. Кроме того, тут действует социальный закон резонанса, по которому обычные люди начинают думать и говорить подобно МНС лишь в присутствии таких существ, как МНС, что создает иллюзию, будто их много. Эти исключительные существа играют для своего окружения роль генератора идей, роль катализатора думательного и говорильного процесса. Даже молчание этих существ провоцирует окружающих на мысли и слова такого рода, какие описаны в этой книге.*

Конечно, МНС не типичен: для нашего общества. Но он более, чем типичен: он характерен. В таких индивидах концентрируется то, что малыми дозами, фрагментарно и случайно распределено по многим другим людям. И в этой своей концентрированности они выглядят как исключения, хотя концентрируют в себе лишь то, что свойственно в той или иной мере их окружению. Быть таким индивидом – значит, выполнять определенную характерную роль в обществе. Общество само выталкивает отдельных индивидов на эту роль. Но происходит это не часто –

обществу и не требуется их много. И не всегда общество в них нуждается. Даже тогда, когда оно в них нуждается, ему не всегда удается выделить на эту роль подходящего индивида, и потребность удовлетворяется иными средствами или глохнет неудовлетворенной. Такой индивид должен выделится из массы людей за счет своих личных качеств, которые в требуемом сочетании встречаются не так уж часто: он должен быть достаточно образованным, умным, остроумным, способным, непутевым, бескорыстным, некарьеристичным. Добрым, находчивым, нетрусливым и даже чуточку аристократичным. Посмотрите вокруг себя: много ли таких людей вы заметите в поле своего внимания? В реальности такой индивид бывает далеко не ангелом. Он обладает и отрицательными качествами. Вы видели, что МНС обладает в изобилии таковыми. Но они не влияют на характер исполняемой им роли[29]*».*

Появляясь, персонификаторы «распыленных идеалов», распыленного, грубо говоря, желания «скотов» быть «людьми» (фраза из «...Швейка»: *«Помните, скоты, что вы люди»*, – была одной из любимых у Крылова). Продолжу цитату из «Желтого дома». Такие индивиды, как МНС *«воплощают в себе некое романтически-страдательное самосознание общества, тоску по невозможности некоего просветленного, возвышенного начала в обществе и многое другое в том же духе, чему нет еще подходящего научного наименования и определения. И, проявляясь, они самим своим существованием проявляют общество с этой точки зрения – обнажают некое общественное подсознание, образующее скрытую основу всей прочей духовно-интеллектуальной сферы общества. Отчасти этим определяется и отношение к ним общества: оно готово мириться даже с резкой критикой своих язв, но оно не хочет обнажать подноготную своего здоровья.*

Роль таких индивидов не следует смешивать с ролью беспристрастного познания общественных явлений (хотя такой элемент тут есть) и с ролью критиков язв общества (и такой элемент тут есть). Людей, которые более или менее верно понимают окружающее общество, довольно много даже у нас, несмотря на то, что научно правильное понимание общества считается преступлением или является привилегией секретных организаций. Что касается критиков язв, то почти каждый гражданин нашего общества способен на это в подходящем настроении. А в нетрезвом состоянии он ни на что другое вообще не способен, кроме разоблачения.

Не надо, далее, смешивать роль таких индивидов с ролью циников и шутов. Цинически-шутовское отношение к обществу распространено очень широко. Циники и

шуты есть повсюду. В правящих слоях общества их не меньше, чем в подвластных. Общество относится к ним довольно терпимо. Хотя оно и не выпускает их на первые роли (для этого нужна хотя бы видимость веры и серьезности), оно позволяет им многое. Носителям же и выразителям романтически-страдательного отношения к обществу никогда не позволяют подняться даже на первую ступень социальной иерархии. Их стремятся низвести до уровня цинически-шутовского или познавательно-критического, а если это не удается, исключить из себя и уничтожить. Общество производит их как свой продукт, но такой продукт, который является чужеродным для него и подлежит выбросу в качестве экскремента. Это – отходы духовной жизнедеятельности общества, оно стремится избавиться от страдательного элемента своего подсознания, собрав и спрессовав кусочки его в особое тело. ***Индивид такого типа, как МНС, аккумулирует в себе болезненную часть подсознания общества для того, чтобы очистить от него общество*** (выделено мной. – А.Ф.). *Последнее не становится от этого здоровее. Но формальная операция выброса должна состояться.*

Индивид такого типа, как МНС, опасен обществу не столько тем, что он аккумулирует в себе болезненные явления подсознания общества, сколько тем, что он способен осуществить эту аккумуляцию лишь благодаря своему особому социальному качеству: он – индивидуалист. Вы сами видели, что он готов был примириться с существующим строем жизни, но у него ничего из этого не вышло. Думаете, не успел? Вряд ли это так. Ну, пронесло бы на этот раз, а где гарантии, что не погорел бы в другой? Дело тут в том, что общество само не захотело с ним примириться, ибо оно разглядело в нем эту самую странную для себя опасность – индивидуалиста. Именно поэтому общество позволило и даже помогло отобрать его в качестве марионетки в задуманном свыше представлении и таким необычным способом избавиться от него[30]*».*

Наибольшую опасность как для позднекоммунистического социума в целом, так и для клана, был потенциал превращения в положительного индивидуалиста (другое дело, что потенциал этот существовал теоретически, Крылов его реализовать не мог, но они об этом не знали). Для клана, коллектива как социального индивида именно положительный индивидуализм личности является самой страшной угрозой. Отсюда – реакция не только на него, но даже на его возможность, зародыш, намек.

Убежден, почти все сказанное Зиновьевым (устами одного из своих персонажей) о социальном типе МНС (Крылов, кстати, очень долго ходил в «мэнээсах»), о его социальной функции, так или иначе верно для Крылова. Он не только профессионально оттенял слабый профессионализм коллег как работников определенного типа, не только не вписывался в клановое жизнеустройство и вступал в противоречие с теми же коллегами как членами – более или менее активными, а то и пассивными – клана, но и выявлял их социальную суть как «нормальных» индивидов «ненормального социума». Быть нормальным человеком ненормального общества можно только в качестве (его, для него) ненормального индивида. И наоборот. Следовательно, нормальный – способный, умный и в то же время некарьерный (например, не рвущийся в партию, к должностям, к защите «диссера» как-можно-раньше-и-быстрее) человек – это ненормальный (социальный) индивид данного общества. Так индивидуальное человеческое здоровье становится показателем социального нездоровья общества, его членов, – показателем вполне очевидным для этих последних. Отсюда – реакция в широком спектре, о котором писал Зиновьев: от стремления успокоить себя, представив «девианта» шутом, чудаком, неудачником, до (если объект слишком серьезен, слишком «крепкий орешек») социального уничтожения (в 1930-е – донос, 1950-е и далее – блокирование карьеры, создание социального и психологического вакуума, просто травля). Воплощение, персонификация Крыловым тех социальных качеств-функций, которые отметил Зиновьев, делали его социальную и жизненную ситуацию еще более запутанной, болезненной и сложной – но, как ни парадоксально, не более трудной, в чем-то это переплетение разно-уровневых противоречий облегчало положение. То, что Крылов «жить мешал» не только как профессионал высокого класса и обладатель великолепных мозгов («аппарата»), не только как нечто настоящее, но и как особое, другого, чужого вида социальное существо, как социально чужой и чуждый, делало его еще более раздражающей мишенью, помещало в самый центр оптического прицела «социальной винтовки».

И тем не менее ситуация была далека от «дважды два – четыре». Как официально-институтско-отдельская, так и кланово-групповая нужда в профессионале заставляла мириться с его социальной чужеродностью. Социально чужой (*«с нами, но не наш»*, как сказал бы Ленин) – такое восприятие, как это ни парадоксально, отчасти компенсировало в глазах иных коллег интеллектуальные достижения и реальный профессиональный статус Крылова. Кроме того, он никому не был карьерным конкурентом. Противоречия разных уровней ситуационно «как бы» нейтрализовали

друг друга. В то же время Крылов понимал и ощущал свою чужесть по всем линиям – экзистенциальную, социальную, групповую, профессиональную. Абсолютный аутсайдер – социально. А психологически – «инсайдер», которому хотелось быть с людьми, среди людей, для которого очень важен был «Я-образ», т.е. то, какими нас видят другие. И не просто инсайдер, а очень одинокий человек. Как знать, не оказывалось ли в такой ситуации роль гонимого, жертвы единственным, пусть и негативным, средством социального и группового включения? Не было ли включение в такой форме средством перебить, преодолеть исключения в других его формах – экзистенциальное, например? Не идет ли речь о выборе меньшего зла, о попытке схитрить, обмануть социальные законы?

XVII

Была ли у Крылова какая-либо иная стратегия, кроме косвенного принятия роли гонимого, иное продолжение партии в такие «социальные шахматы», в которых выигрывают чаще всего не черные и белые, а серые, и не индивиды, а коллективы, кланы? **Теоретически** – да. Но он ее не нашел, поскольку, к сожалению, не умел делать некоторые вещи. Например, он не мог удерживать праведную злость и наказать обидчика или просто подлеца либо здесь и сейчас, либо отложив наказание на год, на два, на десять, на сколько нужно – в соответствии с «принципом графа Монте-Кристо». Он не понимал, что ничего нельзя прощать в той социопрофессиональной среде, в которой работал и жил, и выдавать – в той или иной форме – за каждый «проступок». Он не понимал, что наказывать обидчиков можно и нужно без злобы, бесстрастно, функционально – по принципу «nothing personal», помня об обиде без эмоций и нанося удар тогда, когда удобно. Как это делают профессиональные хоккеисты в конце последнего периода: игра сыграна, уже сделана и можно посчитаться без ущерба для главного дела – **победы, нашей победы** – резко, клюшкой по зубам, с широкой улыбкой: *«Извини, что мало».*

Крылов, к сожалению, не был готов к длительной, затяжной психологически изнуряющей позиционной борьбе-войне, аналог которой не шашки и даже не шахматы, а японское «го». Он не был готов постоянно находиться, выражаясь высокопарно, на Тропе Войны, вступить на Путь Воина в противодействии клану и его членам-функциям. В этой «войне с саламандрами», которые *«приходят как тысяча масок без лиц»* (К.Чапек) следовало руководствоваться простыми правилами проведения

спецопераций в прифронтовой полосе: выполнение боевой задачи при минимуме собственных потерь и (желательно) среди мирного населения. Tout simplement. Чтобы побеждать (или пытаться побеждать), нужно было превращаться в социального снайпера, подолгу и не проявляя видимой активности ожидающего момента нажатия на курок наверняка: один выстрел – один труп. А еще лучше два и – перевод оптического прицела на центр лба следующего объекта.

На словах Крылов так мог, достаточно вспомнить обращенное к начальнику – *«умри ты первым, я – потом»* – из его стихотворения. Но это на словах. На деле он мог лишь взорваться, швырнуть обидчика мордой в зеркало или заехать по зубам очередному плагиатору кружкой, полной пива. И все. Пар вышел. С ним психологические силы для борьбы. Кто выиграл? Cui bono?

Чтобы хотя бы не проигрывать, не говоря уже о победе, надо было отвечать тремя ударами на один, и двадцатью семью на три – в геометрической, а не арифметической прогрессии. И чтобы противная сторона знала об этой «любви к геометрии». О том, что возмездие неотвратимо, что встречи с гражданкой Немезидой не избежать. Да и бить надо было так, чтобы, как говаривал Вилли Старк из «Всей королевской рати» Роберта Пена Уорена, *«в будущем их внуки писались, сами не зная, почему»*.

Жестокие советы? Нет, жестокий мир, отвечу я. Реакция на жестокость. Разве не жестоко грабить человека, отнимая при этом его единственное богатство – идеи, сталкивать в запой – «падающего подтолкни», вырабатывать у него чувство вины? Чтобы потом опять эксплуатировать – коллективно. Чем групповое психологическое и интеллектуальное насилие лучше физического? В ситуации, когда на кону честь, достоинство, профессиональная (она же социальная) жизнь, когда имеешь дело с людьми, для которых характерна *«волшебная необремененность совестью»* (Ю.Нагибин), когда один на один со стаей – какие могут быть сантименты? Штык в горло, два поворота (разумеется, выражаясь фигурально) и – «кто следующий», *«кто на новенького»*?

На вопрос: зачем так жестоко, отвечу: действие равно противодействию и, как говорит А.А.Зиновьев, мир приходит к людям таким, каким исходит от них. *«Ступай, отравленная сталь, по назначенью»*. Это Гамлет сказал. Он был жесток? Нет, конечно. Просто на войне, в том числе социальной, как на войне. А Крылову даже войну не объявляли – открыли охоту: *«Тот, которому я предназначен, / улыбнулся – и поднял ружье»* (В.Высоцкий). И как прикажете поступать? Лоб подставить, предварительно

зеленкой помазав? Превратиться в дичь, в жертву? Нет, надо стать охотником на охотника: *«Хитри, отступай, кружи, сживая врага со света»* (так, кажется, пелось в шлягере из нашего мюзикла о мушкетерах), с лекгостью переходя от активного выжидания к активному противодействию и наоборот.

На подобном пути несколько императивов. Первый – настрой на стайерский режим, на то, чтобы пересидеть, перестоять, перетомить противника. А у Володи получалась череда спринтов, к концу каждого из которых (*«я на тысячу рванул, как на пятьсот, и спекся»*), он приходил нервно и морально измотанным и валился без сил, не добежав нескольких метров до финиша – срывался в прогулы, в скандалы, которые с предсказуемой регулярностью оканчивались запоями. А потом – *«А ну, Сизиф, марш снова в гору».*

Второй императив – ни в коем случае не драматизировать ситуацию, относиться к ней как к рутине; не только не демонизировать контрагентов, но и не персонализировать их, воспринимая и относясь к ним как к социальным типам и явлениям, как к маскам. Или – мягче – минимум реакции на среду и меняющиеся обстоятельства, не надо играть в чужие игры – оно и для творчества лучше. Послушаем Солженицына – доку в таких делах: *«У них (у нас) – всегда “никогда”, всегда “особый момент, так важно!”. Только уши развешивай. Подождут. Не надо всякий раз “волки!” кричать, когда волков нет, тогда и будут вам верить. Не могу я каждый раз дергаться, как только дернутся внешние условия. Вот поеду через три дня, переживет Твардовский. Бесчеловечно к ним? – но они ко мне не заботливей: за эти годы на все их вызовы являться – я б и писателем перестал быть»*[31]. Это Солженицын – не о врагах, не о некоем литературном клане, а о колеблющихся симпатизантах, не всегда верных и заботливых союзниках. Какой же должна была быть реакция на противника? Ясно какой.

Я назвал два императива, следование которым, при прочих равных условиях есть conditio sine qua non если не победы, то непроигрыша. Однако Крылов не мог следовать ни одному из них. Он был **слишком** теплый, **слишком** искренний человек – и при этом очень одинокий и стремящийся к общению, испытывавший дефицит доброго открытого общения и готовый поэтому принимать его за нечто большее, особенно если оно исходило от женщины (*«как часто доброе участие мы принимаем за любовь»*, – это его строки). Впрочем легко говорить: «надо было так», «надо было эдак» и перечислять императивы. Во-первых, говорить и предлагать легче, чем делать и

осуществлять. Во-вторых, «надо было» – кому? Каждый действует как может и умеет. А как надо?

Рационально? Но дело в том, что рациональность – абстракция, в реальности поступки людей носят интенциональный характер, стремящийся к рациональности или даже к нескольким сразу, что снижает рациональность поступка как целостного акта.

Объективно? Но индивиды-то действуют на основе субъективных чувств, представлений и выбора. Крылов поступал так, как мог – в соответствии с личностными и психофизическими особенностями, на которые давило прошлое («волчий билет» – пятно на всю жизнь), среда и все усиливавшаяся уже даже не только психологическая, но биохимическая зависимость от алкоголя.

Можно ли от такого человека требовать борьбы в режиме активного противодействия тем, кто охотился за его идеями («черепом»), нанесения резких и точных ударов, причем не по сявкам и шестеркам, а по паханам («по фюрерам», как он сам говорил), причем желательно на чужой – их, а не своей «территории», врываясь в стан врага «на его плечах» и завершая каждый бросок болевым приемом: *«Начал делать, так уж делай, чтоб не встал»* (А.Галич). **Теоретически** – можно. **На практике** – зависит от того, от кого требуют. Крылов так не умел, не хотел, в том числе из-за своей жалостливости, упуская из виду, что его противник – это прежде всего не отдельные люди, а коллективный социальный индивид, социальный киборг, «нечто», «чужой», которого не то что персонализовать, но даже антропоморфизировать нельзя, иначе придется расплачиваться. Но поди объясни это Крылову, подбиравшему бездомных собак и подкармливавшему жившего в его ванной паука «Карла Карловича».

Крылов порой пытался рисовать себе своих противников несчастными, слабыми, неспособными к интеллектуальному труду, творчеству, а потому обиженными судьбой и заслуживающие сочувствия. *«Андрюша, ты представь только, как страшно быть тупым, бездарным, ведь это кошмар, удавиться можно».* Конечно же, так он оправдывал отсутствие в своем поведении по отношению к этим людям активно-долгосрочного волевого действия; отчасти это был способ отрицательной адаптации, обоснования для самого себя худого социального мира, чего-то вроде «водяного перемирия», которое противная сторона, впрочем, не соблюдала. Но даже если Крылов хотя бы отчасти был прав (люди, устроившиеся как-то в науке и при ней и реально не способные к научному труду, объективно, действительно, несчастны, как могут быть несчастны нищие, побирушки, погорельцы и т.п.), значит ли это, что нужно жалеть

таких «слабых и убогих», потрафляя их **личному** и **видовому** эгоизму? Ведь сказано же, что нет страшнее эгоизма слабых, их типа борьбы за выживание. И здесь нужно заметить, что адаптируя себя по негативу к профессиональной среде, Крылов сознательно, а в еще большей степени подсознательно опирался на распространенный в русской литературе XIX, а от части и XX в. и, естественно, в русском сознании, миф о «маленьком человеке», о «простом человеке». Миф этот очень не безобиден, это наглядно продемонстрировано опытом русских революций и «холодной» гражданской войны в коммуналках («коммунальная гражданская война») в 30-40-е годы. И хотя уже в XIX – начале XX в. – прав Б.Парамонов – было сделано немало для изживания этого мифа – см. М.Булгакова (особенно «Собачье сердце»), Бунина, Чехова, Достоевского (Б.Парамонов в одной из своих статей приводит очень интересную трактовку Л.Шестовым мифа о «маленьком человеке» при полном понимании им, что по сути это свинья), советская «идеология» придала ему новые импульсы и формы. К сожалению, Крылов в определенной степени попал в эту ловушку, более того, попытался использовать ее, хотя бы отчасти, для решения своих личностных и социальных проблем, для приведения в соответствие Я-концепции и Я-образа.

Но вернемся к теории и практике.

Теоретически «защита Крылова» должна была представлять собой нечто вроде мелового круга, которым, защищаясь от нечисти, очертил себя Хома Брут из гоголевского «Вия». Собственно, такой круг у Крылова был – **интеллектуальное** творчество, где действовала интеллектуальная воля. Володе, однако, как и Хоме, не хватило **социальной**, **нравственной** воли заставить себя не поднять глаза, т.е. не смотреть на окружающих как на социально значимых, «в упор не видеть в таком качестве». Он постоянно поднимал глаза в надежде на добрый взгляд и получал. Потому, что обнаруживал свою слабость, незащищенность, уязвимое место. И проигрывал: *«И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха».* Грянулся – потому что принял роль жертвы, и это, помимо прочего, есть проекция марксистского теоретического непонимания Крыловым отличия личности от индивида, а, может быть, и наоборот: некая практика породила и определенный тип понимания личности (и самопонимания), а следовательно и определенный тип поведения.

Далее. Дело не только в том, что быть гонимым – одна из традиций русской поведенческой культуры. Быть жертвой, гонимым – это создает не только некий уродливый комфорт, который сам же Крылов ломал вспышками гнева, пьянкой, но и

представляет собой явный упрек гонителям, протест, пассивное сопротивление. Это был способ публичным, хотя и косвенным образом зафиксировать вину тех, кто гнал. И это же как бы узаконивало дальнейший срыв и средства его осуществления: **вы** этого хотели? Вы этого **хотели**? Получите.

Конечно же, пассивное сопротивление – штука малопродуктивная, тупиковая и психологически небезобидная. Она меняет само-восприятие и самооценку, замыкая человека в порочный, безвыходный круг, когда бытие в качестве жертвы становится одним из условий и средств оправдания и объяснения своих слабостей. В такой ситуации гонители оказывались чуть ли не таким же важным средством психологической регуляции личности, как алкоголь средством регуляции биохимической. Принятие травли позволяло списать на нее слабость, нежелание бороться. А ведь сказано же Максудовым (в «Театральном романе»): *«Ничего нет хуже, товарищи, чем малодушие и неуверенность в себе»*. Но, естественно, такая психологическая регуляция ущербна, и в свою очередь вызывает фрустрацию и бунт. Круг замыкается. Потому все сказанное выше – не индивидуальный рецепт для Крылова, а рассуждения, что надо было бы, чтобы... Нечто вроде пособия для молодого (и не очень) бойца по действиям в неблагоприятной обстановке противостояния групповому хищнику.

Кто-то может сказать: если руководствоваться этим пособием, то когда же наукой заниматься, откуда взять время и психологические силы, ведь трудно совмещать повседневную борьбу с повседневными поисками истины; труд ученого (жреца, монаха) и труд воина – разные вещи. Правильно. Разные вещи. Совмещать трудно. Все так. Но это значит только одно: надо совмещать и становиться «институтом» («кланом», а еще лучше «государством» или, на худой конец, «чрезвычайной комиссией») в одном лице. Успех, победа не гарантированы. Но другого пути нет. Точнее, есть – либо сдача, поднятие рук вверх, присоединение к клану (кстати, берут не всех, а только полезных и послушных, пропуская этих последних через различные, в том числе малоприятные, а то и просто унизительные, обряды инициации), либо *«бунт бессмысленный и беспощадный»,* как у Крылова, который тоже есть сдача. И саморазрушение. (Разумеется, членство в клане есть тоже, хотя и иначе, саморазрушение, если есть, конечно, чему разрушаться, но это другой вопрос.) Главное, однако, в том, что выбор есть всегда. Даже оказавшись среди волков, не обязательно выть как они, подражая стае. Можно, например, начать их отстреливать. А можно стать волком-одиночкой: *«Одинокий волк – это круто, / но это так, сынок,*

тяжело: / ты владеешь миром, как-будто, / и не стоишь в нем ничего» (А.Розенбаум). Последний вариант был, опять же, не для Крылова и не по нему: он не хотел быть одиночкой, стал им стихийно, и еще и поэтому был особенно уязвим.

XVIII

Немалую, хотя и не единственную роль в том, как вел себя Володя в своей профессионально-социальной среде, сыграл его страх перед самим собой. Действительно, похоже, больше всего Крылов боялся самого себя, своих комплексов и фобий, своего срывания в запои (страшноватый рисунок среди рукописей: заполненный на две трети граненый стакан, справа от него – искаженное лицо, в котором угадывается Володя. Надпись: «Вовка-морковка, бросай пить»). По-видимому, во многом именно эти страхи заставляли его «опускать глаза» и искать эмоционального убежища от страха у тех, от кого этот страх надо было прятать; заставляло его искать социального сострадания там, где его невозможно было найти. Индивидуальные сострадание и жалость далеко не всегда трансформируются в социальные. Главным контрагентом Крылова был коллективный социальный индивид, который, в отличие от составляющих его физических индивидов, не плох и не хорош. Он н о р м а л е н по меркам системы, в которой действует, и ведет себя в соответствии с ее логикой и законами. Он вообще не человек, а киборг, под оболочкой которого пряталось, однако, немало «друзей-доброжелателей».

Разумеется, далеко не все из тех, кто окружал Крылова, были «друзьями-доброжелателями». Были просто равнодушные. Но были и настоящие друзья и доброжелатели, которые любили, понимали, спасали, отводили угрозы – от увольнения с работы до помещения в психушку. Однако, как это ни прискорбно и как ни неприятно это признавать, далеко не всегда Крылов был справедлив по отношению к этим людям. Нередко то, что должно было обрушиваться на «доброжелателей» – гнев, ярость, подозрения – все это выплескивалось на тех, кто искренне хотел оберечь. И это еще более сужало круг бытия, усиливало одиночество. Парадокс: Крылов это понимал, но сделать ничего не мог – ни с собой, ни с ситуацией. Трагическое ощущение – *«чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю!»* (В.Высоцкий) – вообще характерно для Крылова, у которого **объективно** оставался лишь внутренний мир и два варианта ухода в него: творчество или «сладкая парочка» – «зеленый змей» и «огненная вода». Побеждало то одно, то другое, причем в этой чересполосице черные полосы со

временем становились все шире и шире, сливаясь в одно черное поле: *«Лишь немного еще постою на краю».*

Самые последние годы жизни Крылов по сути вел социально невменяемый образ жизни. Невменяемый. Но – **социально**. Он словно реализовывал некую программу отчаяния. Это не новость в русской жизни, напротив, хорошая наша традиция, основоположником которой можно считать Петра Яковлевича Чаадаева. По замечанию А.А.Лебедева, чаадаевский *«флигель на Басманной отложился от Российской империи».*

Как любил эту фразу Крылов, безусловно, ощущавший родство социальной невменяемости! Он часто повторял ее, она казалась ему вкусной. Конечно же, это была, как он говорил, *«мечта идиота, который утешает себя тем, что он не один такой».* Ясно, что не один. Неудивительно и то, что (и чем!) нравилось Крылову четверостишие из песни к фильму «Земля Санникова»:

Пусть этот мир в даль летит сквозь столетия,
Но не всегда по дороге мне с ним.
Чем дорожу, чем рискую на свете я?
Мигом одним, только мигом одним.

Весь текст песни Крылов перепечатал на машинке и держал под рукой. Тем, кто помнит песню, едва ли нужно что-то объяснять. Другое дело, что далеко не всегда у В.В.Крылова хватало сил и желания послать «этот мир» – его мир – куда подальше.

Крылов мечтал о том, чтобы отложиться от окружавшей его реальности, п о с л а т ь ее. И не мог.

Поразительно, что попадая на лечение в наркологическую больницу, он через три-четыре дня приходил в себя, успокаивался, лицо его разглаживалось, округлялось, и он начинал работать. Вырванный из привычных (нездоровых!) социальных и профессиональных связей, он обретал себя, словно подтверждая тезис Ю.Нагибина: *«Выключенность из житейской нервотрепки укрепляет организм и делает его маловосприимчивым к мышьей суете жизни»*. И наоборот, выйдя из больницы, уже через три-четыре дня становился раздражительным, дерганым, нервным.

Вся жизнь Крылова была попыткой решить противоречия, многие из которых были неразрешимы, по крайней мере для него. Само его творчество, ориентированное на создание в идеальной сфере, в сфере понятий и образов гармоничного и стройного

мира, было во многом попыткой обрести то, чего он не смог добиться в общественной и личной жизни, отчасти по вине общества, отчасти по своей собственной. И, надо сказать, попытка эта, которая и есть **судьба**, оказалась успешной, много более успешной, чем **жизнь**. Это лишний раз демонстрирует, что в России судьба часто складывается более удачно, чем жизнь, что логику и гармонию в этой стране, в этом типе социума можно обрести не в материальной, а лишь в идеальной сфере. По сути, единственным благодарным объектом самоидентификации В.Крылова было его творчество, отлитое в социальную теорию, в поиск истины.

Творчество было социальной роскошью Крылова, тем миром грез, в котором он жил и который противопоставил «реальному миру». Но прав был поэт, ушедший «на заслуженный», но нежелательный покой почти по тем же причинам (как личным, так и социальным), что и его тезка Крылов:

Только в грезы нельзя насовсем убежать,
Краткий мир у забав, столько боли вокруг!

Боль была не только вокруг, но и внутри, и от этой, нутряной боли позитивно можно было спастись только посредством творчества. И в нем.

Творчество было для Крылова защитой не только от общества, но в значительной степени и от самого себя; иногда проскакивавший в его работах надрыв или, как сейчас говорят, «напряг» не случаен: *«Каждый пишет, как он дышит»*. В известном смысле, в личности Крылова максимально полно реализовался один из типов советского «лишнего человека». Социально он действительно был лишним: для начальства, для многих коллег, вообще для многих. Единственное, что у него было и в чем (и где) он не был лишним – это творчество. Нелишним он был за письменным (точнее – кухонным, поскольку любил писать на кухне и ночью) столом.

XIX

Крылов был именно **советским** лишним человеком, и не случайно этот тип появился в хрущевско-брежневское время, а не раньше. В 30-40-е годы социально лишним было то, что оставалось от дореволюционной России – то, что не добили, не дотоптали, не доперемололи. В 50-е годы появляется собственно советский лишний человек, отпавший как от власти, так и от народа – в значительной степени потому, что

власть и народ «отпали» друг от друга после и в ходе изгнания из того «социального рая», «Эдема», которым был расстрельно-эгалитарный сталинский ад. Вот мы и вернулись к теме социального ада.

«Можно ли вырваться из ада», – поставил в свое время вопрос Фернан Бродель, имея в виду социальный ад, и сам же ответил: *«Иногда, да, но никогда – в одиночку, собственными силами; никогда без согласия на плотную зависимость одного человека от другого. Необходимо вернуться к берегу социальной организации – какой бы то ни было. Или создать такую организацию с ее собственными законами внутри какого-то контрсообщества»*[32].

Крылов пытался вырваться в одиночку. Точнее так: пытался вырваться в одиночку с конца 50-х годов, после того, как провалилась попытка «коллективного спасения» в рамках и посредством организации, за несообщение о которой его исключили из комсомола. Разумеется, члены организации истфаковской молодежи, которую называют по-разному (например, «группа Л.Н.Краснопевцева»), никогда не ставили задачу личного спасения из «сталинского ада». У них были другие термины, цели; упрощая – спасение общества, хотя и здесь можно было бы поспорить и кое-что добавить, но в данном случае это не важно. Однако создавая свою организацию, эти мальчики послевоенных лет таким образом, помимо прочего, вырывались из сталинского адорая, раскрепощая себя и врываясь в человеческое измерение, в мир надежд. Чем это кончилось для них в целом – известно. Индивидуальные результаты были разными: кто окреп, заматерел, а кто сломался; кто очистился, а кто превратился в «проваренного в чистках предателя». Обычная история. Больше в групповых попытках «вырваться из ада» Крылов не участвовал. И не из-за провала организации и психологической травмы от того, что за этим воспоследовало. По другим причинам.

В 1960-е годы Крылов становится научным сотрудником академического института, и очень быстро выявляется его противоречие с академическим срезом советской жизни – противоречие не только экзистенциальное, по линии «творчество – бездарность», «истина – ложь» «коллектив (клан) – личность», но и социально-организационное, по линии социально-профессиональной самоидентификации.

Крылов никогда не относил себя к интеллигенции, не идентифицировал себя с тем слоем, который именуется «советской интеллигенцией». Я оставляю в стороне вопрос, возможно ли существование интеллигенции как социального слоя (речь не идет об интеллигентности как личностном качестве) при коммунистическом порядке; думаю

– нет. Однако обсуждение этой проблемы увело бы нас далеко от темы, и потому в данной статье «советская интеллигенция» присутствует (не столько как термин, сколько как метафора), но, естественно, в кавычках.

Крылов считал себя наемным работником умственного труда. Соотносил себя с производством (духовным, интеллектуальным, но – производством), или, выражаясь официальным марксистским языком, с базисом, а не с надстройкой. Это по сути исключало для него возможность принятия «шестидесятническо-оттепельных», «интеллигентских» социальных мифов и идеологем и многого другого из идейно-поведенческих комплексов и императивов «советской интеллигенции», короче, всего того, что определяло «советскую интеллигенцию», во-первых, в рамках «надстройки» – культуры, политики (но ни в коем случае производства), во-вторых, как элиту, как часть элиты (но ни в коем случае как наемных работников специфического производства), отсюда – способы и средства самоидентификации, мифы и т.д.

На рубеже 50-60-х годов численный рост, разбухание «советской интеллигенции», «образованщины», как именует ее А.И.Солженицын, наряду с вытекающими из логики развития коммунизма метаморфозами правящих групп, привели к девальвации социального значения и социальной значимости «советской интеллигенции». Массовой не может быть даже «советская интеллигенция». Начался упадок этого слоя и в то же время процесс его интеграции в позднекоммунистический (1964-1991) режим, процесс адаптации к его структурам. Попытки эти далеко не всегда были безуспешными, напротив, в таком случае они часто вели к кризису идентичности. (Компенсировать такую травму и были призваны миф об «оттепели» и «идеология» шестидесятничества, выгодные как некоторым сегментам «советской интеллигенции», так и власти, но это особая тема.) Процесс этот мало исследован в нашей науке по различным причинам, в первую очередь, по культурно-психологическим, поскольку есть угроза разрушения компенсаторных мифов, и лишь во вторую очередь по научным и «идеологическим». Однако он неплохо описан Ю.Трифоновым и В.Маканиным, которые показали как в 60-80-е годы «советская интеллигенция» из элитарной группы превратилась в квазиэлитарную, а затем частично растворилась в массовом слое служащих, частично – люмпенизировалась.

В любом случае кризис идентичности, о котором идет речь, был кризисом элитарного сознания и кризисом бывшей квазиэлитарной группы. Крылов же рассматривал текущие общественные процессы не с позиций слоя социально деградирующих **элитариев**, а с позиций **пролетария** (умственного труда),

трудящегося. Возможность нахождения «универсального лексикона» для двух этих агентов, состояний была минимальной: бытие определяет сознание.

XX

В 60-70-е годы оппозиционная режиму мысль выдвинула несколько проектов общественного развития. В центре внимания оказались два из них – А.Сахарова («либеральный») и А.Солженицына («почвеннический»). Их и противопоставляли друг другу по идейной направленности (научно-теоретическое качество обоих было примерно одинаковым и отражало весьма провинциальный с точки зрения современной социальной теории уровень и наивные, а то и просто нелепые представления как о современном мире, так и о русской истории, но это отдельный вопрос). Но был и третий проект, различие между ним и двумя вышеназванными было глубже, чем таковое между последними. Речь идет о проекте А.Зиновьева, который не призывал к общественному переустройству. Он стремился сформулировать принципы жизни индивида в конкретном, «данном нам в ощущениях», как сказал бы Ленин, режиме, принципы социального, а не только интеллектуального ухода в себя. Хотя с точки зрения стратегии жизни и выживания при коммунистическом порядке вообще и одиночки особенно «программа Зиновьева» исключительно важна, я хочу обратить внимание на другое. Желали они того или нет, но Сахаров и Солженицын объективно рассуждали с перспективы новых, в советское время еще не сформировавшихся и лишь намечающихся пунктиром господствующих, элитарных групп, новой, посткоммунистической власти, по сути разрабатывая – *«крот истории роет медленно»* и *«дальше всех пойдет тот, кто не знает куда идет»* – стратегии посткоммунистических элит, для того периода, когда коммунизм рухнет, и ему на смену придет новая система, в которой, как окажется, места для Сахарова, Солженицына и им подобным уже не будет. Иными словами, в определенном смысле Солженицын, Сахаров и другие посильно выполняли за советскую верхушку ту проектнотеоретическую работу, на которую она, испытывая «чувство глубокого удовлетворения», сама не была способна, а именно трансляции себя и своих детей в качестве верхов, привилегированных групп в ту эпоху, когда система рухнет.

Зиновьев, и в этом его родство с В.Крыловым, смотрел и продолжает смотреть на социальные процессы с позиций не элитария, а трудящегося (конкретно – наемного работника умственного труда). Конечно же, ни Сахаров, ни Солженицын не собирались

сознательно работать на хозяев посткоммунистической жизни и никогда этого не делали. Они стремились продумать и предложить такую модель общественного устройства, которая **в идеале** устраняла бы, снимала противоречия коммунистического строя. Посткоммунистический ельцинский режим снял эти противоречия **реально** (идеально противоречия антично-рабовладельческого строя сняло христианство, реально – феодализм: германцы в одной из пьес Дюренматта входят в Рим с транстпарантами «Долой рабство! Да здравствует свобода и крепостное право!»). То, что получилось **в целом**, естественно, очень далеко от замыслов Сахарова и Солженицына (хотя по-своему **отчасти** реализовались оба проекта – и ни один полностью и до конца), но ведь и гильотина французской революции была далека от замыслов и идей Вольтера и Руссо. В то же время гильотино-революция и строй, оформившийся в результате и после нее в 1815-1830 гг., реально сняли противоречия того общества, которое после его крушения стали называть Ancien Rйgime – Старым Порядком.

Критика существующего порядка, его господствующих групп и идей, его форм неравенства и эксплуатации **объективно** хотя бы отчасти есть разработка новой модели устройства, более эффективной, причем такой – что бы там себе ни думали борцы за свободу и проектировщики альтернативного, лучшего и более справедливого социума – которая предполагает более жесткий социальный контроль и **объективно** чревата большим неравенством – человек предполагает, а История располагает.

В работе, посвященной интеллектуалам Модерна и Постмодерна, З.Бауман следующим образом описывает ситуацию во Франции, породившую просвещенческий идейно-политический проект социального переустройства. Во-первых, система (абсолютистская монархия) достигла своей зрелости, а следовательно очевидными стали не только ее сила, но и слабость. Во-вторых, ослабление, упадок правящего класса создавали трудности в воспроизводстве общественного порядка, *«требовалась новая концепция социального контроля, а также новая формула легитимации политической власти»*[33]. В-третьих, господствующие группы утратили свое значение в качестве политического класса и одежды последнего были, так сказать, выставлены на аукцион; по логике развития системы покупателем мог стать лишь носитель радикальных идей и в то же время те, кто не имел признанного статуса и стремился к его обретению. Во Франции, в-четвертых, это были философы-интеллектуалы,

выступавшие, в-пятых, не как совокупность индивидов, а как сплоченная группа с плотной сетью коммуникаций (клубы, салоны, la république des lettres и т.д.)[34].

Одна из главных мыслей Баумана, если переплавить ее в чистую логику, заключается в том, что в ситуации ослабления господствующих групп системы, вошедшей в зрелое или поздне-зрелое состояние (как, например, СССР в середине 60-х) их неспособности поддерживать социальный контроль, разработать новый проект последнего, эту задачу берут на себя и выполняют радикальные критики режима. Выступая с абстрактных и «общечеловеческих» позиций (например, «свобода, равенство, братство»), объективно они готовят идейное обоснование нового, более эффективного в социосистемном плане и с необходимостью более жестко контролирующего своих членов порядка. Радикализм и эгалитаризм политического языка не должен вводить в заблуждение – Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» называли это «иллюзией (вначале правдивой) общих интересов» и «самообманом идеологов», полагающих, что работают не на новых господ и хозяев, а на общее благо. Субъективно это так, объективно – нет.

С учетом всего этого, а также того факта, что Современность как Modernity, похоже, закончилась в 1991 г. крушением системного антикапиталистического проекта, у истоков которого – якобинцы, крушением современной (modern) альтернативы-отрицания капитализма, не просто имеет смысл, а совершенно необходимо переосмыслить феномен революций, революционеров, «борцов с режимами» и т.п., иначе взглянуть на них. Необходима ревизия революционно-позитивной исторической и моральной интерпретации Современности, ревизия господствующего радикально-критического нарратива истории Современности, включая ее русскую и советскую «части» (в том числе, если говорить о последней трети XX в., и роль диссидентов, их места в истории советской системы как формы и результата ее разложения – а разложение редко хорошо пахнет, вспомним «Наследство» Кормера, где неплохо показано диссидентское движение как интегральный, хотя и изнаночный элемент коммунистического порядка, воспроизводивший в миниатюре, будь то СССР или эмиграция, все черты этого порядка).

Ревизионистскую задачу, о которой идет речь, легче декларировать, чем решить, поскольку основные интеллектуальные достижения Современности принадлежат левым, именно левые создали доминирующие интеллектуальные нарративы Модерна. Как это ни парадоксально, левый нарратив, как и правый, хотя и иначе, чем этот

последний, маскировал отношения эксплуатации и неравенства, прятал многие реальные процессы от наблюдателя и исследователя, отвлекал внимание, конструировал псевдопроблемы. Необходимо преодоление левого прочтения истории, но, естественно, не на правой основе, а за пределами лево-правого (т.е. политического), такой основе, которая шире рамок политического, деполитизирует исторические (политико-исторические) интерпретации социальной истории и позволяет увидеть суть вещей там, где она находится на самом деле, а не там, куда тычет политическая указка. Помимо прочего, это позволит не видеть героев там, где их нет («А король-то голый»). В эпоху Модерна это было трудно сделать, однако нынешняя ситуация и облегчает такой подход, и требует его, равно как прочтения заново на его основе истории Модерна и ее социальных конфликтов и переосмысления многих традиций мысли.

В русской/советской/постсоветской интеллигентской традиции борцы с властью, будь то декабристы, народовольцы, большевики, а затем диссиденты проходили со знаком «плюс», автоматически получали высокую моральную оценку. Одни в большей степени, другие в меньшей оказывались героями. Советская интеллигенция симпатизировала декабристам, в меньшей степени – народовольцам, которые были героическими фигурами для значительной части русской интеллигенции конца XIX в., и дореволюционным, якобы чистым, большевикам. В постсоветское время большевиков, естественно, вычеркнули из списка, в котором, однако, остались народовольцы и особенно декабристы) «культурными героями» стали диссиденты.

А, собственно говоря, почему? Почему чуть ли не императив – сочувствие диссидентам, народовольцам, декабристам? Почему не симпатизировать им, не полагать их дело правым – плохой тон? Только потому что они выступали против власти, которую интеллигенция боялась, провозглашала плохой? Однако если власть отвратительна или просто плоха (кстати, это надо доказывать, ведь говорил же Пушкин, что правительство у нас единственный европеец), это еще не значит, что хороши и правы те, кто в оппозиции, кто борется с ней. Нередко они суть лишь изнанка власти, адекватная степени разложения последней. А поэтому порой противостояние происходило по принципу *«игра была равна, играли два г...»*, только симпатизировать принято именно «борцам», а власти – ни-ни. Отсюда: «Николай-Палкин», «столыпинский галстук» и пр. Не смущает и то, что «борцы», будь то, например, большевики или диссиденты, активно сотрудничают с внешними противниками страны, финансируются ими, нередко выступая в роли более или менее слепого агента и работая на подрыв и развал не только системы, но и страны. Такого, кстати, не

потерпит ни одна демократия, даже самая демократичная власть не станет гладить по головке людей типа народовольцев или декабристов.

Что, Николай I хуже декабристов? Тем, что отправил пятерых на виселицу? Так ведь по закону, а не по беззаконию. И за дело, защищая себя и свою семью, от тех, кто готовил убийство царя и всей царской фамилии (как это сделали большевики летом 1918). Я уже не говорю о декабристских планах (у Пестеля) резкого и многократного увеличения численности полицейского аппарата, запрета свободы печати и создания частных обществ – открытых и тайных и т.п. Ну а идея блюстительной власти, контролирующей три основных ветви – это просто блеск, это то самое установление более жесткой формы социального контроля, о котором писал Бауман. Или, иными словами, создание более сильной и чистой формы Русской Власти взамен той, на которую уже налипло много чуждых ей «ракушек». Но ведь и большевистская революция, как заметил Крылов, была очищением власти от классовых привесков, возникших в эпоху самодержавия. Под таким – системным – углом зрения декабристы и большевики смотрятся иначе, чем обычно. Под аналогичным углом зрения необходимо взглянуть и на диссидентское движение, как элемент определенной системы (и продукт ее разложения) и как составную часть процесса «холодной войны», однако это выходит за рамки данной статьи. Так почему же наши исторические симпатии должны быть на стороне декабристов, народовольцев, большевиков, диссидентов? Последние, правда, никого не убивали, отстаивали права человека в неправовом обществе – неправовом не по прихоти властей, а по сути и типу исторического развития. Ну что же, за что боролись, на то и напоролись в 90-е, не случайно порой так нелепо выглядят многие из досуществовавших до наших дней бывших диссидентов, даже те, кто прошел тюрьму и не сломался там.

Кстати, о тюрьмах – казнях – страданиях. Именно готовность идти до конца – в тюрьму, на каторгу, на плаху – ради дела, которое считаешь правым обычно (особенно в отечественной интеллигентской традиции) рассматривается как качество, превращающее радикально-критический (революционный) тип в культовую фигуру, в культурного героя. Да, это качество свидетельствует о силе духа, воли. Но почему же мы не восторгаемся фанатиками-камикадзе – мусульманскими, индуистскими, японскими, христианскими? Слышу ответ: цели-то иные. Отвечаю в свою очередь: цели формально у всех разные, но по сути – одни и те же, а именно: светлое будущее, справедливый социум. И каков результат? Понятно, что соотношение результатов, особенно среднесрочных, и намерений – сложный вопрос. И все же вспомним Баумана

и Маркса: Крот Истории роет медленно, и слишком часто тибулы и просперо превращаются в новых толстяков, а радикальные проектанты активно способствуют этому – такова объективно их историческая задача. Что касается страданий за дело, которое считают правым, готовности умереть за него, то это заслуживает **личного** уважения, а то и восхищения. Но всегда ли и автоматически ли это заслуживает **социального** уважения? К тому же люди и движения суть вещи разные. **Есть личный** выбор людей, которые не могут жить иначе и таким образом решают **свои** проблемы. Можно снять шляпу перед их мужеством и силой духа, и волей в борьбе за лучшее общество. Но хороших общественных систем не бывает, а потому... Святые, еретики и сумасшедшие существовали во все века, но означает ли это что они заслуживают **социального** одобрения и восхищения? Не уверен. Предпочитаю, как Иван Бунин, тех, кто любит конкретных людей, а не общество в целом или человечество, даже если ради них этот человек готов идти на костер. Я уже не говорю о том, что благими намерениями дорога в ад вымощена – в социальный ад, как это показал опыт якобинцев, большевиков и других «переустроителей».

Право, свобода слова и рынок, за которые боролись диссиденты, в их конкретной реализации в России принесли много бед большому количеству «дорогих россиян». Кто-то скажет: да диссиденты вовсе не за это боролись. Не за это. Но в этом направлении, а потому – за это. И Руссо не хотел гильотины, а большевики вообще хотели осчастливить человеков – разрушить мир насилия и построить новый. А что вышло? Объективно, по логике социальных законов, которые не самообманываются?

И еще одно необходимо помнить: радикально-критические движения, будь то киллеры-народовольцы или правозащитники-диссиденты, всегда суть результат разложения общественного порядка и стихийного поиска системой новых форм социального контроля, эксплуатации и неравенства. Идеологи склонны к обману и самообману – но должны ли мы обманываться вместе с ними и аплодировать готовности страдать в процессе самообмана и ради него?

Это – о честных и психически здоровых людях. А сколько в радикально-критических движениях мерзавцев, неудавшихся карьеристов существующей системы, людей просто неспособных к нормальной жизни, социопатов и психопатов?! Кто не слеп, тот видит. Теперь мы знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи ее используют, – так или примерно так писали Маркс и Энгельс о революции 1848 г. В любом случае революционеры должны перестать быть культурными героями. Думаю, что во многих случаях правильным отношением к революционерам и

радикалам эпохи Модерна, в том числе русским – от декабристов до диссидентов, – может быть лишь здоровый скептицизм. Основоположник такого отношения в русской истории – Александр Сергеевич Грибоедов с его знаменитой фразой о декабристах, в организацию которых он отказался вступить: *«100 человек прапорщиков хотят изменить весь правительственный быт России»*

Возвращаясь к диссидентским проектам, повторю: объективно они работали на новых, постсоветских хозяев, разрабатывали программу новой власти, ее идейных основ, форм социального контроля – с **этой** (но только с этой) точки зрения разницы между Сахаровым и Солженицыным нет. Многие их идеи посткоммунистический режим мог и должен был утилизовать, разумеется, по-своему (так же, как Николай I использовал некоторые идеи декабристов, а Бисмарк, Наполеон III и даже Дизраэли – своих социалистических оппонентов). А вот зиновьевский проект или хотя бы его элементы этот режим утилизовать не мог, даже если бы захотел. Но он не захотел! Не мог захотеть, поскольку проект Зиновьева не элитарный, он не для тех, кто выше социальной середины, а для тех, кто от середины – и вниз (хотя в принципе воспользоваться им может каждый). Проект этот – для трудяги, для наемного работника (в энтээровских условиях – наемного работника умственного труда, «постиндустриального пролетария»). И это одна из причин, почему Зиновьев никогда не смог бы договориться с диссидентами и был неудобен как для них, так и для властей, как для советского, так и для постсоветского режимов, а ему самому неуютно в обоих. Думаю, неуютно чувствовал бы себя сейчас и Володя Крылов, доживи он до наших дней. Кстати, Крылов, не любил диссидентов, настороженно относился к ним как в личном плане («подставят»), так и в социальном, чувствуя свою **чужесть** и угадывая в них и в их основных проектах социоэлитарную направленность, ориентацию.

Альтернативные (но в рамках одного качества) проекты Солженицына и особенно Сахарова, сами их позиции, углы зрения получили наибольшее распространение в среде «советской интеллигенции». Позиция А.Зиновьева (и В.Крылова) для сознания квазиэлитарной группы, ложного по своей сути, не могла быть приемлемой. Но понятна и та настороженность, часто переходящая в не- приятие и неприязнь, которые испытывали Крылов и люди его типа как к шестидесятничеству, так и к диссидентскому движению.

Однако позиция Крылова объективно также таила в себе серьезнейшие противоречия и ущербности. Дело в том, что формирование группы наемных

работников умственного труда, характерное для энтээровской эпохи, в советском обществе протекало в уродливо-незавершенной форме – оно не имело под собой прочной материальной базы. Кроме того, если коммунистический порядок определенным образом и отражал (с постоянным, выражаясь позощенковски, убыванием этого отражения) как-то интересы трудящихся, то трудящихся доиндустриального и раннеиндустриального типа. Интересы же наемных работников умственного труда, объективно соответствовавших постиндустриальной фазе и в СССР возникавших преимущественно по логике общемировых закономерностей развития, противоречили интересам различных групп коммунистического общества. Среди этих групп были те, которые сохраняли свое привилегированное положение, и те, которые, подобно «советской интеллигенции», с 60-х годов начали утрачивать его, постепенно утрачивая статус, маргинализируясь и отвечая на эту утрату реакционной романтикой поисков «социализма с человеческим лицом» (шестидесятничество).

В такой ситуации объектом самоидентификации для людей типа Крылова оказывался сам режим, точнее его консервативные или даже архаичные аспекты и формы, именно то в нем, что было характерно для ранней – сталинской стадии – когда в русской истории народ и власть, как это ни парадоксально и ни страшно прозвучит, но это так, максимально сблизились: власть стала на какое-то время народной, а народ – властным, кратическим. Другое дело – что из этого вышло. Показательно и то, что именно на ранней стадии коммунистического порядка социальные гарантии положения представителей господствующих групп не были закреплены, и это создавало картину равенства перед произволом (*«Скажи “чайник”». – «Чайник». – «Твой отец начальник»*), когда царил расстрельный эгалитаризм. Внешне получается, что реакционному романтизму элитариев противопоставлялся реакционный же романтизм доиндустриальных и раннеиндустриальных пролетариев. По сути же это было проявлением трагедии народного (точнее – властенародного) типа в такой ситуации, когда «народная» (точнее – властенародная) фаза коммунистической истории окончилась и опереться представителям этого типа было уже не на что. Впрочем, у старшего поколения этого типа людей всего лишь на 10-15 лет старше Крылова, такой естественной опорой и средством автолегитимации перед лицом новой реальности были – война и наша победа. Но это поколение, может и полупоколение – исключение, единственное поколение настоящих победителей в советской истории.

У младшего, «крыловского» поколения такой опоры не было, и не случайно у его наиболее думающих и творческих представителей так трагически сложилась

судьба, многие рано ушли из жизни, исходно ощущая свою обреченность – социальную и личную.

Мы сваливать не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет тот и правит,
Поехал, так держись!
Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы и правил,
Да мне дороги нет...

Так писал о себе Николай Рубцов, душевное, экзистенциальное родство с которым ощущал Крылов. Они действительно относились к одному – послевоенному – поколению одного и того же социально-исторического типа. Сюда же можно отнести отчасти Шукшина, отчасти Вампилова и много других лиц – известных и не очень.

Это очень странный тип. Он не является стопроцентно ни советским, ни антисоветским, ни коммунистическим, ни антикоммунистическим. Он – несколько иной, в иной плоскости, а потому был обречен (в разных формах – от непонимания до смерти) логикой коммунистического режима, независимо от того, какой стороной – положительной или отрицательной – этот режим к нему поворачивался. Властенародный тип, логически (но не всегда исторически) соответствующий генетической и ранней, архаической стадии коммунизма, никогда не был в социальной и принципиальной оппозиции режиму, хотя для режима он менее понятен и удобен, чем оппозиционеры, – как формальные (шестидесятники), так и содержательные (диссиденты). У истоков этого типа и его мироощущения можно обнаружить Андрея Платонова. Старшее, военное поколение символизируют фигуры Виктора Астафьева и Александра Зиновьева. У этого поколения, в отличие от следующего, была своя дорога. Точнее – дороги – *«эх, дороги, пыль да туман, / холода, тревоги, да степной бурьян».* Это были дороги войны, определившие алгоритм жизни на будущее и прочертившие такой идеальный (в обоих смыслах) автобан, который другим и не снился.

У людей типа Шукшина, Рубцова, Крылова и многих других дороги не было. Было чувство обреченности:

Не купить мне избы над оврагом
И цветов не выращивать мне
(Н.Рубцов)

У обреченного исторического типа, который вот-вот должна накрыть волна прогресса – небольшой выбор. Как и у человека перед лицом смерти: либо сойти с ума (спиться, забыться и т.д.), либо стать мудрым (понять и объяснить, по крайней мере, себе, социальную реальность). Иногда происходит совмещение двух выборов: одного – по интеллектуальной линии, другого – по социальной. У интеллектуалов того социального типа, к которому (с поправкой на разницу в возрасте, а следовательно и социальной судьбы – «полет их юности» пришелся на разное время, определив жизнь и судьбу) относились А.Зиновьев и В.Крылов было одно существенное преимущество: не находясь в оппозиции режиму, идентифицируя себя с какими-то сторонами или аспектами его развития, они, будучи цельными натурами (что представляло не только их личную, но во многом и социально-поколенческую черту), относились к коммунистическому порядку как одна целостность – к другой, причем как более старая социальная целостность – к более молодой, а потому нередко с некоторым отстранением.

Используя грекомифологическую аналогию, можно сказать, что властенародный тип – это титаны эпохи крушения, заката старого мира и зари мира нового, генезиса, одинаково чужие и чуждые богам и героям обоих миров с их мифами, эдакие социальные кентавры, обреченные ходом истории. Боги, герои и люди могут договориться между собой, с кентаврами и титанами ни первые, ни вторые, ни третьи не договорятся, а следовательно… Это – цельный консервативно-революционный, революционно-замороженный тип. Сам ход жизни советского общества, логика его развития выталкивала их в такую личную и социальную ситуацию, с точки зрения которой возможен был трезвый, без иллюзий (но и без оппозиции) взгляд на коммунистический порядок не только изнутри, но и извне. Неудивительно, что представители именно того типа, о котором идет речь, сказали о коммунизме намного больше правильного и интересного, чем другие. Или показали это. Но это – по интеллектуальной линии, с точки зрения социальной мысли.

Подчеркну: интеллектуалы в 60-70-е годы были и наемными работниками умственного труда, объективно соответствующего энтээровскому, постиндустриальному производству. Здесь плюсы позиции оборачивались минусами.

Тупик и трагедия заключались в том, что в позднекоммунистическом СССР социальный идеал и социальная позиция наемного работника умственного труда не имели адекватных или официальных (легальных) форм и способов выражения. А потому – так получалось по социальной логике системы – «автомеханически» оказывались в одной плоскости с идеалами и позициями доиндустриального или раннеиндустриального работника! Круг замыкался и коммунизм оборачивался «черной дырой», социальный выход из которой по сути мог быть лишь асоциальной революцией, свидетелями которой мы и стали.

«Стратегия Зиновьева» представляется мне более продуманной, перспективной и привлекательной, чем крыловская. Она не реакционна и не романтична, а вечнопрактична. В ее основе – стремление не к социальному, а к **индивидуальному** идеалу, в основе которого простая и ясная (личная и одновременно социальная) позиция: хороших обществ, систем не бывает, надо учиться жить в любом обществе так, чтобы оставаться самим собой. Этот проект Зиновьева, почти свободный от внутренних противоречий, до сих пор не оценен по достоинству. А ведь он надежно защищает творческого человека от тех ударов и уколов «окружающей среды», которые свели в могилу Крылова, – при его соучастии: *«Судьба ли виновата, я ли / Понять я в состоянии едва ли»,* – эти строки Володя написал на полях странички одной из своих рукописей. И судьба, и сам Крылов. Дуэт.

Можно сказать и так: Володя Крылов личностно, социокультурно не выдержал растяжения на хроноисторический разрыв. По различным показателям и шкалам, по элементам структуры личности он объективно соответствовал не какой-то одной стадии, фазе коммунистического порядка, советского общества, а сразу нескольким.

С точки зрения историко-типологической он относился к первой, ранней, архаической (1929-1945/53) стадии развития коммунистической системы. По социокультурной шкале – как советский «лишний человек» он, бесспорно, принадлежит второй, зрелой фазе советского общества (1945/53-1964). Наконец, с точки зрения политико-экономической, производственной, как наемный работник умственного труда он соответствовал третьей и последней, поздней (1964-1991) стадии коммунистического порядка.

При этом каждая из характеристик личности Крылова – историческая, социокультурная и производственно-экономическая – не только относилась к иному, по сравнению с другими, временно́му пласту, но и вступала в острейшее противоречие с остальными характеристиками, плохо стыковалась с ними. В такой

«сложносочиненной» ситуации трудно сохранить целостность личности, ее буквально рвет на части разница уровней давления, соответствующая и различным эпохам, и различным характеристикам, – происходит как с глубоководным существом, которое достали на поверхность. Крылов оказался перенапичкан внутриличностными противоречиями, противоречиями между различными структурами личностной системы, которые отражали различные отрезки советской истории и тяжелым бременем давили на саму личность. Крылов жил с «тяжким грузом на горбу» – социальным грузом. Разными сторонами личности он оказался повернут в разные эпохи советской истории с их проблемами – и ни к одной полностью; историческое, социокультурное и экономическое измерения его личности тянули в разные стороны, взаимопротивореча и отрицая друг друга. Пожалуй, только на уровне интеллекта, в сфере творчества, на высоком накале последнего можно было сохранить личностную целостность, самосохраниться, естественно пока интеллект и творчество работают – *«пока горит свеча»*. И не случайно за реальным окончанием творчества довольно быстро последовал личностный и физический конец – смерть. Но вернемся к социальным проектам и мифам позднего коммунизма.

XXI

Различные проекты и реакционно-романтические мифы, бытовавшие в позднекоммунистическом обществе, отражали глубинные, системообразующие противоречия коммунизма как строя, внутренние противоречия его господствующих групп. Суть в следующем.

Одним из системообразующих противоречий коммунизма как системы властенасилия, **кратократии**[35] (и ее персонификаторов – кратократов) было таковое между **коллективным** характером присвоения господствующими группами социальных и духовных факторов производства, общественно-интеллектуальной воли, с одной стороны, и **индивидуально-ранжированным** потреблением общественного продукта (или просто вещественных факторов производства, которые, таким образом, **социально значимо** как бы не включались в процесс распределения факторов производства, не поступали в него), с другой.

Присвоение социальных и духовных производительных сил осуществлялось посредством установления монополии одной организации (КПСС) на определение и

регулирование создания общественных объединений. КПСС, согласно ее Уставу, который и был реальной конституцией СССР, объявлялась организацией высшего типа. Она к тому же отчуждала у людей и сферу целеполагания, объявляя строительство коммунизма под знаменами марксизма-ленинизма основной целью развития общества.

Гарантом монополии-отчуждения невещественных, но решающих в коммунистической системе факторов производства выступали организации, воплощающие и реализующие социальное насилие в его непосредственном или «разжиженно-аэрозольном» (страх) виде – КПСС, КГБ, в меньшей степени армия. Именно блок этих организаций при доминирующей (со всей очевидностью – с 1953 г.) роли партаппарата составлял Центроверх – то, что ошибочно именуют государством в коммунистическом обществе (на самом деле, коммунизм есть отрицание государственности)[36].

При отсутствии частной собственности единственным средством фиксации социальных различий, места в иерархии господствующих групп были количество (объем) и качество потребления. Иерархия кратократии есть, помимо прочего, вещественно-потребленческая пирамида. Этот факт обусловлен системообразующей ролью невещественных факторов производства, их присвоением. Центроверх следил не только за функционированием системы в целом, но и за соблюдением иерархически-потребленческого порядка в рамках самих господствующих групп. Его нарушение компрометировало эти группы в глазах населения, бросало вызов ведомствам, воплощавшим внеэкономическую, властную суть системы.

Однако человек есть человек, и каждый индивидуальный кратократ стремился увеличить объем потребления, что требовало ослабления хватки режима и вообще его ослабления как внеэкономического монстра, что и означало «либерализацию» по-советски. Во внутренней политике это проявлялось в допущении большего развития легкой промышленности, в послаблениях населению, во внешней политике – в курсе на разрядку; в литературе – чуть в большей терпимости к инакомыслию, в науке – в оживлении марксистских дискуссий и в чуть большей толерантности к немарксистским теориям,

Центроверх, государство, «силовые» (говоря нынешним языком) структуры воплощали функцию кратократии как коллектива, присваивающего общественный продукт в целом, в ее кратократии, противостоянии функции индивидуально-ранжированного потребления. История кратократии, господствующих групп

коммунистического общества – это прежде всего борьба между группами, блоками, воплощающими две эти функции-тенденции. Сначала во главе со сталинцем Хрущёвым кратократия в 1953 г. обеспечивает себе физические гарантии существования, а затем, в 1964 г. во главе с хрущевцем Брежневым – экономические и социальные[37]. Нет, номенклатура не превратилась в слой капиталистов или хотя бы в частных собственников; началась ее «экономизация» (или консумптизация). Этот процесс вкупе с перемещением реальной власти с уровня Центроверха на средний – республиканско-обкомовско-ведомственный уровень – уже на рубеже 70-80-х годов сделал единство СССР формальным, а в 1991 г., ликвидировал СССР и уничтожил коммунизм как антинекапиталистическую структуру русской истории.

«Раскол» кратократии по линии «производственников – потребленцев», «сталинистов – либералов», «силовиков»/идеологов – экономистов» рассек и «советскую интеллигенцию», «научный истеблишмент» на две части. Ясно, что симпатии большей части «советской интеллигенции» располагались ближе к «либерально-экономическо-потребленческому» краю. С лично-групповой точки зрения это понятно: улучшение материального благосостояния, поездки за границу и т.д. и т.п.

Однако «экономизация» коммунистической системы как и любой некапиталистической системы неизбежно означала усиление эксплуатации населения (недаром все крупные мыслители Античности и Средневековья были против развития товарно-денежных отношений, торгового капитала, недаром Аристотель противопоставлял «хрематистику» «экономии»). В том, что такое усиление неизбежно, мы убедились за первые пять посткоммунистических лет. Крылов относился к тем, кто понимал, что может произойти в случае реализации «либеральных чаяний», точнее, элементом каких макроизменений она будет; на микроуровне он многое прочувствовал на собственной шкуре, имея дело с кланами, «практическая идеология» представителей которых была вполне либеральной, хотя, разумеется, это не выпячивалось (и это добавляло еще одно измерение в отношения Крылова с кланом – идейное), причем внешне Крылов выступал как представитель режима, да еще в его архаичной (=радикальной) форме. Не случайно кто-то из оппонентов Крылова попытался наклеить на него ярлык «пекинец», намекая на идейную близость его работ к маоизму и западным леворадикальным теориям. 90-е продемонстрировали: «пекинец»-то оказался прав – и во многом. Он не испытывал восторга перед «либерально-потребленческими» сдвигами, его симпатии как человека и как интеллектуала-работяги были на стороне

Центроверха – при некоторой идеализации последнего. Он понимал, что изнанка всегда хуже лицевой части. Повторю: это был еще один важный пункт его расхождения со многими «либеральными» коллегами, которые в душе, тайно полагали, что именно капитализм – светлое будущее человечества и их самих. Так и хочется спросить: *«Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»*

Антикапиталистическая **теоретическая** интеллектуальная позиция Крылова автоматически ориентировала его **идейно** на Центроверх, а **социально** противопоставляла «либералам a la совок»[38].

При этом, однако, творческие штудии В.Крылова в марксистской теории не всем и не всегда нравились и идеологическим надзирателям за наукой и начальству, вызывали опасения и раздражение. С их точки зрения, часто социально менее опасными были заигрывания «квазилибералов» с немарксистскими теориями. Так Крылов оказывался между двух берегов, ни к одному из которых он не мог пристать.

«Куда ж нам плыть?»

XXII

Будучи трудящимся такого типа, который несовместим в принципе с коммунистическим порядком, Крылов оказался несовместим и с той реальной формой организации людей и интересов, которая была характерна для советского академического мира в 60-80-е годы, т.е. на позднекоммунистической стадии – загнивания и разложения, очевидного с самого конца 70-х годов. Советское общество было в значительной степени социально атомизированным. Официально в нем не существовало и не могло существовать никаких «вторично-социальных» корпораций. Господствовала организация КПСС, членом которой Крылов, кстати, никогда не был. Однако жизнь брала свое, и то, что на Западе реализовывалось в адекватных формах «вторичной социальности», в СССР проявлялось посредством форм и организаций «первично-социального» типа, т.е. в кланово-семейной форме, в виде отношений «патрон – клиент».

Перестав быть традиционным и превратившись в массовое, советское общество так никогда и не стало современным (modern) в строгом и полном смысле слова. В 70-80-е годы оно представляло собой сеть кланово-патронажных организаций, и это были не пережитки дореволюционного прошлого, а «вторичная», «искусственная» архаика,

обусловленная логикой развития коммунистического порядка, точнее, отчасти его развития-разложения, отчасти – сопротивления ему (в нем самом, без взламывания его структур, а потому речь должна идти не только о сопротивлении, но и адаптации) «живой жизни». Такое «адаптивное сопротивление» было выгодно и режиму, поскольку раз (и на разных основах) возникнув, патронажно-клановые структуры блокировали развитие социальной борьбы на общесоциальной или широкопрофессиональной основах. В обществе измельчавших социально-групповых потенций клан оказывался значимой социальной единицей, по сути – единственной, отличающейся от «режима» по типу организации. Крылов не был клановым человеком ни по воспитанию, ни по типу сознания, ни по характеру, ни по содержанию и качеству труда.

Не поленюсь повторить: само наличие таких, как Крылов, бросало вызов клановой структуре, клановости, кланам, в которых, как в любой малой группе вообще и коммунистического порядка – особенно, интеллектуальный «потолок», фиксировался, как верно заметил А.Зиновьев, по нижней или, в лучшем случае, средней линии, чаще всего отражающий уровень начальника. Но дело не только в начальниках, но и в подчиненных, в их общем единстве как целостности – коллектива, клана. Если оказывается, что одиночка качественно и даже количественно может тягаться с группой, с профессиональной средой и вполне успешно, то как можно допустить его существование? Или – или. Кто – кого. В такой ситуации среда (как правило) жалости не знает, последняя исключается социальными законами, по которым протекает жизнь в коллективах и которым подчиняются индивиды – какие бы чувства, включая симпатию, они не испытывали лично: nothing personal. *«Принимая решение пробиваться за счет науки,* – пишет А.А.Зиновьев, – *я не думал о том, что тем самым я вынуждаюсь на конфликт с самым сильным, самым неуязвимым, самым замаскированным под благородство и самым беспощадным для меня врагом, – с моей профессиональной средой… Одиночка, идущий в наше время против многих тысяч своих коллег, организованных в группы… не имеет никаких шансов на признание».* Речь, разумеется, идет о санкционированном, официальном признании – неофициально Крылов был признан, практически все понимали его значение и уровень в качестве генератора идей.

XXIII

Но, может, Зиновьев сгустил краски? Или, например, это исключительная особенность советской ситуации, советской профессиональной среды интеллектуального труда? Особенность – да, но не исключительная. Вот что писал в начале века А.С.Изгоев: *«Средний массовый интеллигент в России большей частью не любит своего дела и не знает его. Он – плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения. Если он увлечется своей профессией, всецело отдастся ей – его ждут самые жестокие сарказмы со стороны товарищей, как настоящих революционеров, так и фразерствующих бездельников»*[39]. А вот еще Изгоев о нравах русской «интеллектухи»: *«Того, кто является выразителем самостоятельной мысли, окружает и теснит глухая злоба. Непроверенных слухов, клеветнических обвинений достаточно бывает тогда для того, чтобы заклеймить человека, повинного в неугождении толпе»*[40]. Или коллективу, группе, клану, «научному племени» – если брать советское время.

Д.Е.Галковский добавляет к процитированному: *«Интеллигенты, сознавая свою второсортность, подсознательно завидовали людям, имеющим, по их мнению, серьезную профессию»*[41].

Иными словами, ситуация в советской «профессиональной среде», тенденции ее развития своими корнями уходят в досоветское, дореволюционное русское прошлое, в пореформенную эпоху, т.е. в эпоху разложения русского Старого (самодержавного) порядка, его петербургской формы. Собственно, русская интеллигенция и есть один из продуктов разложения этого порядка и печать разложения на этом слое очевидна – А.С.Изгоев в своей статье в «Вехах» показал это сверхубедительно.

Опубликованная в 1989 г. книга замечательного английского историка Х.Паркина о социальной истории Великобритании 1870-1970-х годов называется «The rise of professional society» – «Подъем профессионального общества» (можно перевести и «профессионально-организованного»). Действительно, одной из главных, ведущих тенденций развития западных обществ в конце XIX-XX вв. была профессионализация, повышение профессиональной компетенции общества и институциализация этого процесса. В России в конце XIX – начале XX в. ни указанный процесс, ни тем более, его институциализация доминирующими и ведущими не стали. Нишу профессионала в России занял интеллигент, т.е. представитель того слоя, уровень профессиональной подготовки которого таков, что не позволяет использовать профессионализм в качестве

формообразующего критерия и качества; в результате требуются иные, например, «критическое отношение к реальности», «оппозиция режиму», «высокие моральные качества» и тому подобные эрзац-определения и симуляторы-компенсаторы. Все это не значит, что в России и СССР не было профессионалов – были и еще какие; вопрос не в этом, а в том, как они формировались, в каком режиме отношений со своей социальной и профессиональной, т.е. частно-специализированной средой.

Вообще нужно сказать, что проблема профессионализма как явления и качества в Русской Системе с характерными для последней дефицитом вещественной субстанции, моносубъектностью Власти и скорее универсально-однородным строем жизни (а не специфически-однородным – именно последний есть основа и условие профессионализма) сложна и неоднозначна. Профессионализм по сути своей требует определенного уровня вещественной субстанции – накопленных многими поколениями овеществленного труда и «социального времени»; его существование и развитие конечно же противоречит как феномену Власти-моносубъекта (поэтому «взрывы» профессионализма в русской истории как правило приходятся на фазы генезиса новых властных структур, с одной стороны, новой, возникающе-формирующейся власти нужны профессионалы, с другой – она еще недостаточно сильна в своих родовых качествах), так и универсально-однородному неспециализированно-незатейливому, «многопрофильному» строю, образу русской жизни в целом. Можно сказать, что Русская Система, а во многом и русская жизнь структурирована таким образом, что повышение массой профессионалов некоего уровня угрожает как основам системы, так и жизнеустройству, а следовательно…

Отсюда неудивительны некоторые размышления о России Блока и вопрос к России поэта Чичибабина, *«почто не добра еси к чадам своим?»* Как отвечать – не ясно. Можно опоэтизировать ситуацию на манер Г.Иванова (*«Россия – счастие, Россия – свет / А может быть России вовсе нет / […] Веревка, пуля, каторжный рассвет, / Над тем, чему названья в мире нет»*). А можно с сюрреалистической прямотой врезать правду-матку по Т.Кибирову:

Какая скверная земля –
Все недороды да уроды,
Капризы власти и погоды
И вместо точки слово «бля».

Если к традиционной, нормальной, так сказать, «специфике» положения профессионала в русской жизни добавить то, что с середины XIX в. разложение самодержавного порядка, уклада этой жизни и формирования нового пошло не столько по «профессиональной», сколько по «интеллигентской» линии, то досоветская основа советской ситуации профессионала в «профессиональной» среде становится понятной. Однако советское время принесло целый ряд новых черт: люди, действительно, не меняются, или почти не меняются, а вот обстоятельства (например, квартирный вопрос) и системы меняются, хотя далеко не всегда в лучшую сторону или для всех.

Во-первых, ввиду специфики советской системы, прежде всего – совпадения властной и производственной ячеек, проблемы профессионалов, профессионализма помимо **обще**социального, общесистемного измерения приобрели измерение **специфически** социальное, **специфически** системное. Профессиональные отношения совпали с производственными, слой именуемый «интеллигенцией», переместился, выражаясь марксистским языком, из надстройки в базис (в этом коренное, качественное по социальному местоположению отличие «совинтеллигенции» от русской интеллигенции). В результате отношения в профессиональной среде стали одновременно и большим, чем просто профессиональные отношения, и меньшим.

Большим, поскольку они становились едва ли не главной социальной характеристикой: социальная структура совпала с производственно-профессиональной (рабочие, колхозники, «прослойка»). Меньшим – потому что главным были «идейно-политические» и «моральные» качества, участие в общественной работе, общественное, а не профессиональное лицо, по профессиональному лицу всегда можно было врезать «общественным». Более того, профессиональное вступало в противоречие с непрофессиональным уже не просто на социально-коммунальном уровне, а на производственно-властноидейном. Это резко расширяло возможности коллектива.

Во-вторых, представители «прослойки» были **обязаны** работать – так же, как рабочие и крестьяне, а точнее, обязаны служить. Это означало быть приписанными к тому или иному властно-производственному коллективу – со всеми последствиями.

Так, в-третьих, представитель «интеллигентной профессии» становился объектом отчуждения у него духовных и социальных факторов производства, обладание которыми, помимо прочего, и делало дореволюционного интеллигента интеллигентом.

В-четвертых, «совинтеллигент» становился объектом эксплуатации. Наконец, в-пятых, «совинтеллигенция» превратилась, особенно в 50-60-е годы в массовый слой,

что еще более усилило долю, процент полупрофессионалов, «четверть профессионалов», вообще непрофессионалов, их социальное и производственное давление на профессионалов, с одной стороны, и имитацию (читай: профанацию) профессионализма – с другой. Вообще об имитации как тотальном явлении 60-70-х годов необходимо сказать особо.

Если советская интеллигенция 30-50-х годов была имитацией интеллигенции дореволюционной, то «массовая интеллигенция» 60-70-х годов во многом была уже имитацией этой имитации. С Брежневым вообще наступило время всесторонней, универсальной имитации. Имитировали всё: профессионализм и интеллигентность, преданность партии и антисоветскую фронду, ум, честь, совесть, чувства (в том числе религиозные – я знаю немало, например, православных имитаторов). Имитировали все: трудящиеся – что они трудятся, верят в строй, его цели, едины с партией. Власть – что она верит трудящимся, заботится о них, ведет. *«В семидесятые годы,* – пишет Ю.Дружников, – *никто уже не требовал веры в догмы, но нужно было недюжинное умение приспосабливаться, дар соблюдать правила идеологического поведения обеими сторонами»*[42]. Имитаторы как социальный тип (в худлите показан и исследован с разных сторон и разными авторами, например, С.Есиным и Ю.Поляковым) позднекоммунистического времени, особенно их молодая, комсомольская часть, стали поставщиком значительной массы «героев перестроечного времени», его повседневности.

Крылов не был имитатором – ни в своей профессии, ни вообще – «по жизни». И это еще более усложняло его личную и социально-типовую ситуацию. Противоречие, конфликт со средой как таковой между настоящим и ненастоящим, социальной фальшивкой развивались сразу по нескольким направлениям, очерчивая жизнь в целом линиями социальных фронтов. А воевать Крылов не хотел. И в прифронтовой полосе жить не хотел. Но жизнь, логика социальных законов, профессионализм, структура личности загоняли его именно туда. И из противоречия этого Крылов выходил, **реагируя** на обстоятельства, а не упреждая и не направляя их; там, где надо было обострять ситуацию, он ее смягчал, создавая видимость мира.

Солженицын: *«Чем резче со стукачами, тем безопаснее. Не надо создавать видимость согласия. Если промолчу – они меня через несколько месяцев тихо проглотят… по ничтожному поводу. А если нагреметь – их позиция слабеет»*[43].

Как большинство советских людей, ВВ не любил **всерьез** конфликтовать – т.е. сознательно, принципиально и долгосрочно. Отчасти это черта русской жизнекультуры, отчасти – черта, воспитанная советской реальностью, как официальной, так и неофициальной. В этом стремлении избегать **принципиальных** конфликтов, требующих постоянного психологического напряжения, в о л е н и я как труда (куда легче врезать по морде, разбить об пол подаренные начальством часы или запить) проявляется **реальный** социальный инфантилизм (а не тот, что приписывали Крылову и тем более не та детскость, которая сопровождает настоящее творчество). «Взрослым советским» как социальным типом можно было стать только в личной, индивидуальной борьбе по принципу я – «суверенное государство» (примеры – Зиновьев, Солженицын; проблему дореволюционной «русской взрослости» я оставляю в стороне). «Снять» коллектив в себе, стать институтом (группой, государством) в одном лице, да еще и постараться институциализировать результат – это, по-видимому, единственный путь настоящего социального взросления в Совке и Постсовке. Такое взросление, как преодоление Совка, требует прежде всего – с этого надо начинать – разрушения мифов советской интеллигенции и о советской интеллигенции, о ее роли в советской истории, мифов, связанных с имитацией и имитаторами и замешанных на социокультурном нарциссизме. Разумеется, это должно стать элементом переосмысления (unthinking) всей интеллигентской линии, как реальной, так и мифологической нашей истории с середины XIX в. необходима критическая деконструкция/реконструкция интеллигентского дискурса (по поводу) русской истории вообще и советской в частности. Но это особая тема, сейчас не об этом. Главное сейчас – зафиксировать еще одну линию, по которой Крылов выламывался из своей среды, мешая ей – по линии «настоящее – имитативное». Причем профессиональное измерение в данном контексте было лишь верхушкой айсберга, элементом более широкомасштабной, глубокой, экзистенциальной, антропологической оппозиции «настоящее» (а следовательно – состоявшееся) – «ненастоящее» (соответственно – несостоявшееся и несостоятельное).

XXIV

У одиночки, зажатого между «государством» (режимом, ведомством) и кланом («идет охота на волков, идет охота»), – небольшой выбор объектов ориентации и самоидентификации, выбор наименьшего зла. Правда, выбор этот существовал скорее

теоретически: в позднекоммунистической реальности – и Крылов так до конца этого и не понял – грани между «государственностью» и «клановостью» оказались размытыми, сам «режим» превратился в совокупность кланов, которым уже не нужна была «скорлупа» ЦКГБ, и они от нее избавились в 1991 г.

Антиклановый индивид Крылов чаще выбирал «режим», он был государственником, и едва ли стоит его осуждать за это: у каждого свои идеалы, ценности и мифы. Разумеется, был выбор, о котором уже шла речь, «пушкинско-зиновьевский»: *«Ты, царь: живи один»*, но он Крылову был заказан социоэкзистенциально, как и поведение по принципу «советского Штирлица» (т.е. с большой фигой в кармане). Все это еще более обострило противоречия Крылова с представителями «советской интеллигенции», делало его ситуацию социально практически безвыходной.

Пожалуй, одно существенно сближало В.Крылова с «советской интеллигенцией» (а также и с русской) – известная безбытность, отмеченная еще в начале века А.Изгоевым в «Вехах». Речь идет о характерном для разночинной – как русской, так и советской интеллигенции неумении организовать нормальную повседневную жизнь, выстроить нормальные структуры повседневности, создать семью. А ведь в отсутствии частной собственности только налаженный быт может функционально, нишево стать ее эквивалентом и обеспечить хотя бы минимум privacy, столь необходимой для свободного личного существования.

Жизнь социально неустроенных слоев населения – это более или менее сознательное воспроизводство неустройства, будь то быт или семья, это опасная близость к границе между социальным и асоциальным. Не случайно А.Изгоев вспоминает В.Розанова, который сравнивал некоторые «отряды» интеллигенции с казачеством – бесспорным носителем многих асоциальных черт. Асоциальное внутри уже организованного общества чаще всего выступает, проявляется либо как полубогемное, либо как полулюмпенское. И здесь коренится еще одно важное и страшное – «на разрыв» – противоречие всей жизни Крылова: между высокоорганизованным и дисциплинированным интеллектуальным трудом, интеллектуальным бытованием, с одной стороны, и плохо организованным социальным, повседневным бытом и поведением – на грани полубогемы или, скорее, полулюмпенства, которое Крылов ненавидел (и вообще, и в себе) с другой. Это было еще одной его раздвоенностью, разрушительный потенциал которой нарастал с годами. Подозреваю, что в какой-то момент, наряду с другими причинами, это привело к тому,

что Крылов стал абсолютно «лишним человеком» – лишним и для самого себя. Иногда мне кажется, что последний год своей жизни Крылов почти сознательно шел, вел себя к смерти. Однако это лишь догадка; так это или нет – мы скорее всего никогда не узнаем. Ясно одно: хроноисторически смерть Крылова символична, он умер почти одновременно с СССР и коммунизмом.

XXV

Эпохи умирают в людях: с Пушкиным умерла дворянская эпоха, со Львом Толстым и Столыпиным – самодержавная (и одновременно-пореформенная), с Ницше и О.Уайлдом (в 1900 г.) – XIX век; в середине 1990-х, со смертью десятка деятелей советской культуры, умер коммунистический порядок.

В том же месяце 1989 г., что и В.Крылов, умер А.Сахаров: я не сравниваю имена, речь не о социальной **значимости** (хотя для меня Крылов социально и интеллектуально более значим и важен, чем Сахаров), а о социальных **знаках**: т.е. умер человек, идейно диаметрально противоположный Крылову, но тоже отрицавший коммунистический порядок. Коммунизм умирал вместе со своими отрицаниями. Или так: отрицания системы умирали вместе с ним – чуть раньше (например, В.Высоцкий) или чуть позже (И.Бродский).

При этом надо помнить, что социосистемные отрицания – это не некие особые, обособленно-вынесенные сущности. Это одна и та же отрицаемая сущность, но только с противоположным, «минусовым» знаком. Кроме того, сам «минус» никогда не бывает абсолютным – у него есть и своя мера «плюсовости» Отрицания, надолго пережившие свой объект, – это, чаще всего, смешно и грустно одновременно. Такие люди, как правило, либо повторяют старую жвачку, либо вдруг проникаются любовью к бывшему объекту критики, либо теряются и замолкают – последнее порой выглядит наиболее пристойно. Как повел бы себя Крылов, доживи он до наших дней? Трудно сказать. С «демократами» он точно не был бы, с коммунистами – тоже. Честно говоря, я не очень хорошо представляю его в нынешней реальности. В стихотворении начала 70-х годов Крылов писал:

Русь – это бомба, которая
Ржавеет в земле много лет.

Ни ей, ни Лубянке не ведомо
Взорвется она или нет.
Взорвется! Ах, как это надо!
Иль совесть дешевле «сотенной»?
Будет запалом к заряду
Жизни нашей блевотина.

Бомба взорвалась – не так и не для того, как хотелось бы Крылову. *«Жизни нашей блевотина»* не только стала запалом к заряду; похоже, пушка-СССР ею и выстрелила во все стороны, и наступило «время шудр» – так Вивекананда называл революционные времена. Времена выхода на первый план изнанки, тени общества, продуктов социального разложения. Да, Крылов хотел взрыва, но едва ли ему понравились бы нынешние результаты. Социальная блевотина оказалась не только запалом, но и зарядом, рванувшим во все стороны. Дай Бог отмыться.

XXVI

При всей блестящей интеллектуальной, в н у т р е н н е й (в н е ш н е Крылов был советским разночинцем-неудачником) карьере, Крылову не повезло. В 70-80-е годы он обогнал свое время. Ныне, во второй половине 90-х, та традиция, которую он развивал – марксистская – крайне непопулярна и, по-видимому, какое-то время такой и останется по ряду причин, включая нарастающий провинциализм мысли (да и провинциализацию общества тоже). Поэтому я не склонен обольщаться, что у Крылова будет много читателей – и немодно (это ведь не Флоренский или, как произносят ныне особо «посвященные», «Флорээнский»), и сложно, и требует дисциплины ума. В моде скорее фарисействующие «православные», кликуши и фарцовщики от науки, а также те, кто с наивностью первого поцелуя «открывает» смысл позавчерашних западных теорий, на поливании которых грязью делал научную и социальную карьеру в советские времена.

И все же Крылов возвращается вовремя – не только потому что это дань к десятилетию со дня смерти ученого и мыслителя. Ныне, когда мы сомневаемся во всем, что касается прошлого страны под названием СССР (и правильно делаем – во-первых, потому, что сомневаться вообще полезно; во-вторых, потому, что нас слишком долго и много обманывали, а во многом мы и сами обманывали себя), работы Крылова

показывают, что оригинальная мысль никогда, даже в так называемые «застойные времена» не замирала. Люди думали, обсуждали на кухнях и в курилках, писали в стол, публиковали за рубежом. Те, кто, как А.Зиновьев, публиковался за рубежом, пришли к читателю раньше других. Но постепенно подтягиваются и те, кто мало публиковался при жизни или не публиковался вовсе. Например, М.Петров. Теперь – В.Крылов.

Интеллектуальную историю СССР, сложную историю взаимодействия интеллектуала с коммунистическим порядком еще предстоит написать. Но для этого сначала надо издать и прочитать работы советских интеллектуалов, прежде всего тех, кто выламывался из системы ритуальной имитации познания, ломал, подрывал ее. Без этого мы не только рискуем остаться в полной уверенности, что та мутная волна всякой всячины, которая с конца 80-х – как только «начальство ушло» – выплеснулась на страницы газет и журналов, и есть единственное советское наследие, за которое, на самом деле, еще более стыдно, чем за догматизм и вульгарный марксизм совдепии. Впрочем, одно **вытекло** из другого: бывшие атеисты стали православными, марксисты – либералами; те, кто писал о Марксе и Ленине, теперь признаются, что потаенно имели в виду Канта и Гегеля (а завтра окажется – Платона и Аристотеля – в зависимости от конъюнктуры; люди-трава, как сказал бы Герцен). **Вытекло** и растворилось, и всему этому недвусмысленно указано на дверь.

Мы сами напрудили лужу
со страху, сдуру и с устатку.
И в этой жиже, в этой стуже
Мы растворились без остатка.
Мы сами заблевали тамбур.
И вот нас гонят, нас выводят.

(Т.Кибиров)

Однако, думаю, быть выведенными и забытыми суждено не всем. Это не относится к тем, кто искал истину, к тем, у кого, как у героев того же стихотворения Т.Кибирова,

...под габардином, все же,
Там, под бостоном и ватином,
Сердца у нас, скажи, Сережа,
Хранили преданность Святыням!

Ведь мы же как-никак питомцы
С тобой не только Общепита,
Мы ж, ексель-моксель, дети солнца,
Ведь с нами музы и хариты...

Да, в рамках советского «научного общепита» были и свои островки, точки изысканной интеллектуальной кухни, и у них были реальные достижения.

Творчество Владимира Васильевича Крылова – одно из таких достижений, причем не только интеллектуальных, научно-теоретических, но и духовных, гражданских, ведь само это творчество было сопротивлением. Сопротивлением как Системе, так и системе-среде, которая в рамках Системы претендовала на монопольное обладание интеллектом, интеллигентностью и научным познанием, но на самом деле в лучшем случае имитировала все это и, как положено любой имитации, фикции, ненавидела Настоящее, Подлинное. Крылов был Настоящим; он был свежим дуновением в затхлости, в удушливой атмосфере. Будучи, как почти всякий русский человек, склонен к юродству и смирению (тому самому, которое паче гордости), он мог бы сказать о себе словами Бродского:

Гражданин второсортной эпохи, гордо
признаю я товаром второго сорта
свои лучшие мысли и дням грядущим
я дарю их как опыт борьбы с удушьем.

Думаю, это прекрасная эпитафия Крылову. По крайней мере, ему, склонному к тому смирению, что паче гордости, она бы понравилась.

XXVII

Десять лет назад, в конце слякотного, промозглого декабря 1989 г., хоронили Крылова. Тело забирали из морга на Пироговке. Опять Усачевка. После жизни, Крылов оказался там, где эта жизнь начиналась.

Гроб был сбит из мерзлых досок, они оттаяли, набухли, отяжелели, и потому гроб оказался очень тяжелым – его с напрягом тащили шесть мужиков, да еще два страховали по бокам (лестница была узкая).

Вышли на улицу. Поставили ношу. В гробу лежал человек с удивительно спокойным – немертвым – лицом, словно не знающим еще (не сообщили?), что он умер всерьез. Не потому ли, что человек этот много раз испытывал судьбу и чудом, когда, казалось бы, его очередь, упорно не отправлялся на тот свет.

Долго ехали в Митино (чуть ли не через весь город). Там долго пришлось ждать – наложилось несколько похорон. Потом зал прощания. Сказаны последние слова. Вбит последний гвоздь. Гроб двинулся вниз, в предбанник небытия. А перед глазами стоит немертвое лицо Володи Крылова, лицо, которое не знает, что кончена жизнь, что жизненный путь кончен. Но, может, оно знает, что не кончен **Путь**?

«Твой путь не имеет принципиального конца. Он может оборваться по не зависящим от тебя причинам. Это будет конец твоей жизни, но не конец твоего пути», – эти слова А.А.Зиновьева, которыми он закончил свои воспоминания, обращены прежде всего к самому себе, но так обстоит дело с любым творческим человеком, ибо творчество по своей природе д е ф и з и к а л и з и р у е т время. Поэтому я говорю: **Путь** Крылова в науке, в мысли – продолжается. Он продолжается работами – теми, что уже были опубликованы после смерти, и теми, что будут опубликованы. Он продолжается этим очерком и в нем. Ars longa, vita brevis? Конечно. Sed via infinita est.

Примечания

[1] *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 28

[2] *Бродский И.* Трофейное // Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 2000. Т.VI. С.12.

[3] Имеется в виду Анатолий Андреевич Громыко – тогдашний директор Института Африки АН СССР.

[4] Подр. см.: *Фурсов А.И.* «Биг Чарли», Или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория (к 180-летию со дня рождения К.Маркса) // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. I, № 2. С. 398 и след.

[5] *Крылов В.В.* Собственность в традиционных обществах // *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: Изд. фирма «Вост. литература» РАН, 1997. С. 15.

[6] *Крылов В.В.* Натуральная система производительных сил // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 10.

[7] Там же. С. 11.

[8] *Крылов В.В.* Собственность в традиционных обществах // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 14-15.

[9] *Крылов В.В.* Воля и ее отчуждение как средство превращения работающего субъекта в «неорганическое условие производства» других людей // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 53-54.

[10] *Крылов В.В.* Азиатский, античный и феодальный строй как прогрессивные стадии натурального хозяйства и традиционного общества // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 22. Думаю, точнее было бы сказать, что здесь нет и господства, фиксируется только подчинение (император – сын Неба); нет иерархии господ, есть иерархия подчинения, несвободы как положительного качества.

[11] Там же. С. 24.

[12] Подробную разработку этого вопроса см.: *Фурсов А.И.* Капитализм в рамках антиномии «Восток – Запад»: проблемы теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Изд. фирма «Вост. литература» РАН, 1995. С. 16-133.

[13] *Крылов В.В.* Общество и личность // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 80.

[14] Там же. С. 85.

[15] *Крылов В.В.* О логическом развертывании понятия «капитал» в понятие «многоукладной структуры капиталистической системы отношений» // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 60-61.

[16] Мысль о «дуальной» природе капитализма со времени подготовки своей кандидатской В.В.Крылов изложил в ряде своих работ. См., например: *Крылов В.В.* Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран (о методологии марксистского исследования) // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 127-148; его же: Закономерности и особенности аграрной эволюции стран Африки: проблемы методологии // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 167-178.

[17] *Крылов В.В.* О логическом развертывании… // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 58.

[18] Там же.

[19] Подр. об этом см.: *Крылов В.В.* Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран // *Крылов В.В.* Теория формаций... С. 127-148.

[20] *Крылов В.В.* Специфика природы наемных трудящихся в развивающихся странах и особенности их классовой борьбы // Исследования социологических проблем развивающихся стран. М.: Наука, 1978. С. 116

[21] Эта фраза приведена мной по записи мысли Крылова, которую он высказал в беседе.

[22] То же самое.

[23] Цит по: Пушкин-критик. М.: ГИХЛ, 1950. С. 107.

[24] *Фурсов А.И.* Колокола Истории. М., 1996. С. 159.

[25] О причинах см.: *Фурсов А.И.* Кратократия // Социум. М., 1991. № 9.

[26] *Палиевский П.В.* К понятию гения // Пути реализма: литература и теория. М.: Современник, 1974. С. 104-116.

[27] *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 201.

[28] Фамилия человека, чье имя я «обрубил» после первой буквы «К», на блатном жаргоне означает одну из воровских «специальностей». Бывают же символические совпадения.

[29] *Зиновьев А.А.* Желтый дом. М.: Центрполиграф. С. Соч. Т. 4. 2000. С. 501-502.

[30] Там же. С. 502-503.

[31] *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом... С. 201.

[32] *Braudel F.* Civilization materielle, йconomie et capitalisme, XV-XVII siucles. P.: Arman Colin, 1979. V. 2. Les Jeux de l'йchange. P. 615.

[33] *Bauman Z.* Legislators and interpreters: on Modernity and intellectuals. Oxford: Polity press, 1995. P. 25

[34] Op. cit. P. 25-26.

[35] Подробнее см.: *Фурсов А.И.* Кратократия // Социум. М., 1991. № 8-12; 1992, № 1-8; см. также: *Фурсов А.И.* Излом коммунизма (Размышления над книгой А.А.Зиновьева «Гибель русского коммунизма»: Вопросы, сомнения, альтернативные интерпретации) // Русский исторический журнал. М., 1999. Т. 2, № 2. С. 334-365.

[36] Подр. см.: *Фурсов А.И.* Коммунизм как понятие и реальность // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. I, № 2. С. 42-47.

[37] *Фурсов А.И.* Взлет и падение перестройки // Социум. М., 1992. № 9. С. 113.

[38] Наиболее отчетливо проявилось в дискуссиях о том, может ли развивающаяся страна со временем войти в клуб развитых капиталистических стран.

[39] *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодежи (заметки о ее быте и нравственности) // Вехи. Из глубины. Л.: Правда, 1991. С. 119-120.

[40] Там же. С. 111.

[41] *Галковский Д.Е.* Бесконечный тупик. М.: Самиздат, 1997. С. 482.

[42] *Дружников Ю.* Судьба Трифонова, или Хороший писатель в плохое время // *Дружников Ю.* Русские мифы. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 1999. С. 314.

[43] *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом... С. 250.

На закате Современности: Терроризм или всемирная война?

Определяйте значение слов.
Р.Декарт

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь.
Н.Заболоцкий

Мир приходит к тебе таким,
каким он исходит от тебя.
А.А.Зиновьев

Террор? Терроризм?

…Догоним и перегоним Запад – об этом мечтали все поколения советских вождей, ждали этого. Дождались. Только не советские, а уже постсоветские руководители, так сказать *"поколение, достигшее цели"* (Р.Шекли). Дождались – жизни при коммунизме, правда, приватизированном, не для всех; при этом приватизированным оказалось не только имущество, но, прежде всего власть, насилие.

Дождались – догнали и, похоже, перегнали Запад по террору. Не вообще по террору – этого у нас всегда хватало: от Ивана Грозного до Иосифа Ужасного. По террору напоминающему, тот, что потряс Запад, да и мир в целом последней трети XX в.: "Красные бригады", убившие Альдо Моро и не только его; "Фракция Красной Армии" (группа Баадер-Майнхоф); баскские, ирландские, сикхские, арабские и многие другие террористы – от Колумбии до Японии. Разумеется, террор террору и терроризм терроризму – рознь, и та вспышка насилия, которую мы переживаем, имеет свои особенности, коренящиеся как в специфике русской истории, так и в конкретных обстоятельствах разложения коммунистического порядка. Однако в то же время терроризм как явление имеет целый ряд общих черт. Более того, это явление ныне мировое, глобальное. Это прямая и явная угроза миру в целом и каждому по отдельности, в том числе в России – взрывы в Москве и Волгодонске продемонстрировали это лишний раз и со всей "сюрреалистической прямотой". Терроризм становится – стал за последние 25-30 лет – чуть ли не структурой повседневности во многих странах. Теперь и у нас. А потому явление терроризма заслуживает внимания.

В сущности, что мы знаем о терроризме? Что имеем в виду под терроризмом? Нередко за этим термином скрываются очень разные вещи и события. Кроме того, есть разные формы терроризма и террора – государственный и политический, социальный и этнорелигиозный. В последней четверти XX в. мир, включая Россию, столкнулся с целым букетом различных форм терроризма. Однако если поместить их в контекст эпохи как некой целостности, то становится ясно, что терроризм – элемент исторической драмы, перелома, который мир и мы вместе с ним переживаем последние 25-30 лет. И чтобы понять суть нынешнего терроризма, нужно понять его место в эпохе 1970-1990-х гг. в частности и в Современности (1789-1991) вообще – *"кто предупрежден, тот вооружен"*.

Родимое пятно Современности

Терроризм тесно связан с Современностью (Modernity, 1789-1991), он родился вместе с ней, а еще точнее, она родилась вместе с ним, при его посредстве. Современность как эпоха, как социальный тип возникала с террором и в терроре, а затем в войнах, а, как известно, генезис системы определяет ее функционирование. Не поэтому ли терроризм стал одним из родимых пятен Современности? Речь идет, прежде всего, о якобинском терроре Великой французской революции. Разумеется, террор и терроризм существовали задолго до французской революции. У.Лакер одной из первых террористических организаций в истории считает секту сикариев (сика – короткий меч), уничтожавшей в I в. н.э. тех представителей еврейской знати, которые сотрудничали с римлянами. Профессиональных убийц готовила мусульманская организация исмаилитов-асассинов, индийская тхагов. Это – одна сторона дела. Другая сторона – систематический террор со стороны власти, включая завоевателей, по отношению к подчиненному или завоевываемому населению. Примеры можно приводить бесконечно – от Египта фараонов и сулланского террора в Риме до монгольских завоеваний и от инквизиторов до фанатиков-мусульман или индуистов. И, тем не менее, именно Великая французская революция породила терроризм как особое явление – как террор в качестве систематического средства идейно-политической борьбы и в то же время идейно-политического устранения-воспитания населения; в качестве рационального средства достижения "светлого будущего", свободы, равенства, братства.

Я хочу особо подчеркнуть рационально-просвещенческую, революционную, "гуманистическую" и "демократическую" природу современного (modern) терроризма, творимого в большинстве случаев от имени и на основе ratio, гуманизма и социальных идеалов, короче – революционный "красный" террор. Такого до французской революции и до Просвещения не было и быть не могло. В этом смысле можно сказать, что террор якобинцев был "карающим мечом" Просвещения. Символично, что гильотину изобрел врач, а изготовил настройщик клавесинов – квинтэссенциальные профессии Века Просвещения и его высокой культуры. Не хватает только философа-прогрессиста. Хотя и он есть, но – в качестве жертвы (Кондорсе). Все это не значит, что невозможен террор консервативный, реакционный, "белый", что его не было – еще как возможен. И еще как был. Примеры, которые сходу приходят в голову – Индонезия 1965 г., когда мусульмане резали коммунистов; Чили 1973 г. Но возникал он нередко в качестве реакции на революционное насилие (та же Индонезия 1965 г., Россия в гражданскую войну). Можно сказать, что политический террор(изм) был **институциализирован** Великой Французской революцией, стал ее политическим институтом, ее структурой повседневности.

Не случайно, что сам термин “терроризм” впервые появляется за год до реального окончания Великой французской революции – в 1798 г. (в “Дополнении к Словарю Французской Академии”). В нем в качестве террористического определялся режим, существовавший во Франции между сентябрем 1793 г. (“закон о подозрительных”) и июлем 1794 г. (падение I Республики). Французская революция с ее якобинской диктатурой создала революционно-террористическую машину, которая уничтожала не столько представителей враждебных ей классов (хотя и их тоже), сколько население в целом, включая революционеров – “Боги жаждут”. По “закону о подозрительных” было арестовано 500 тыс. чел., из них меньшинство относилось к аристократии и духовенству (среди казненных – 15%). Трудно не согласиться с Б.Муром, заметившим, что характерной чертой всех революционных диктатур Современности было использование террора против народа, против маленького человека, который раньше был жертвой Старого порядка, а теперь – нового, революционного. Обосновывалось и оправдывалось все это целями Просвещения и идеалами свободы, liberté (здесь по части оправдания насилия свободой сходятся либертин де Сад и революционеры Робеспьер и Сен Жюст).

Субъектом террора во французской революции выступали революционеры, левая власть, “государство якобинцев”. Иными словами, это был терроризм революционно-государственый, т.е. антигосударственный и государственный одновременно, в одной “упаковке”. Такая комбинация возможна лишь в генетической форме Модерна, в дальнейшем Современность развела терроризм революционный и терроризм государственный. Развела в целом, типо-логически, хотя в реальности – особенно в XX в. с его революциями – возникавшие революционные режимы нередко практиковали то, что именуют “государственным терроризмом”. Этот вид терроризма, впрочем, прекращался по мере укрепления, оформления и “институциализации” революционной власти и, строго говоря, представляет собой не столько “государственный терроризм”, сколько “холодную гражданскую войну” (или “холодную фазу” гражданской войны, например, в СССР – с 1917 по 1939 г.) или “институциализированный революционный терроризм”, со временем превращавшийся в государственную (властную) политику или государственный, но уже не революционно-военный институт, который впоследствии тоже становился объектом деятельности террористов, причем, едва ли не главным.

Не менее, а быть может и более важно то, что именно французская революция связала достижение “свободы, равенства, братства” с террором, с физическим уничтожением индивидов и масс по социально-политическому принципу, т.е. на основе социальной (“классовой”) принадлежности и политических убеждений. Тем самым была сформулирована модель: к рационально понимаемому благу, счастью народа (групп, классов) – через физическое уничтожение того или тех, кто стоит на пути. В то время, как террор служит средством достижения неких целей и ценностей – гуманных, демократических, эти цели именно в силу своего гуманно-демократического, универсального (и универсалистского) характера оправдывают террор. В результате он становится, во-первых, средством и фактором исторического развития; во-вторых, средством и фактором развития прогрессивного, подталкивающим его. С этой точки зрения, такой террор – интегральный элемент Современности, эпохи и общества Модерна”.

Современность как эпоха пережила несколько мощных волн и вспышек систематического политического террора и терроризма. Если оставить в стороне некоторые организации во Франции и Италии (карбонарии) первой четверти XIX в. – это было своеобразное политическое “реликтовое излучение” эпохи Великой французской революции и наполеоновских войн, т.е. эпохи, которой соответствовала первая волна современного терроризма, то всерьез о политическом терроризме, точнее о его второй волне, можно (с некоторой долей упрощения) говорить со второй половины или, точнее, даже последней трети XIX в. Это:

– радикально-националистический терроризм в Ирландии, Македонии, Сербии, с конца XIX в. – в Индии и ряде других стран;

– анархистский терроризм во Франции (1890-е), Италии и Испании;

– революционно-демократический терроризм партий “Народная воля” и “Социалисты-революционеры” в России.

Первый террор был средством создания своего национального государства; второй – разрушения этого института; третий – средством подталкивания революции и захвата власти.

Между 1910 и 1920-м гг. вторая волна современного терроризма спала. Причина очевидна: война. Начались “длинные двадцатые” (1914-1934), плавно перетекшие во Вторую мировую войну, за которой пришло то время, которое французы называют “славным тридцатилетием” (1945-1975), и которое было славным не только для Франции, но и для большей части мира (хотя кое-где это были не 30, а 20-25 лет) – послевоенный подъем мировой экономики, совпавший с “повышательной волной” (А-фазой) “кондратьевского цикла”, ростом доходов населения, надеждами на непрекращающийся рост благосостояния. Популярные в США середины 1950-х годов “Пусть мчатся прекрасные времена” в исполнении саксофониста Луиса Джордана хорошо символизируют это время, так же как Элвис Пресли и ранние “Битлз”.

Нельзя сказать, что в полвека между 1915 и 1965 гг. терроризм полностью исчез, но речь скорее должна идти о более или менее частых террористических акциях – у терроризма были грозные соперники в лице мощных аппаратов власти, организованных массовых движений и войн. Аппараты власти в большинстве случаев, особенно в диктаторских режимах были способны задавить любой терроризм в зародыше. Относительно успешные массовые движения в значительной степени обесценивали любые малогрупповые действия, включая терроризм. Наконец, войны с их обстановкой усиленного контроля и отмобилизованности затрудняли террор, и одновременно давали выход агрессии.

Что касается “славного тридцатилетия”, то это была эпоха Большого Восстановления (экономического) и Больших Надежд (социально-политических). На рубеже 1960-1970-х гг. стало ясно: восстановление удалось. Не менее ясно также стало и то, что надежды не сбылись – и не сбудутся. Вот тут-то и рванул терроризм. Да где! В странах ядра, самой сердцевины капиталистической системы, чьи названия стали ассоциироваться с чудом – немецким, итальянским и японским. В Европе именно Италия и ФРГ стали центром европейского терроризма XX в. Но прежде чем говорить об этом – общая картина.

Третья волна

Третья – послевоенная – волна терроризма покатилась с конца 1960-х. Она распадается на несколько потоков. Во-первых, это латиноамериканская городская партизанская борьба ("тупамарос" в Уругвае, "монтонерос" в Аргентине, повстанческие группы в Бразилии, отчасти "Сендеро Луминосо" в Перу и т.д.). Во-вторых, сепаратистски-националистический терроризм, внешне – второе издание ирландского терроризма конца XIX в. Только теперь, помимо североирландцев с их ИРА, это были еще и баскская ЭТА в Испании, Организация Освобождения Палестины, южномоллукские террористы в Нидерландах и ряд других. В-третьих, городской терроризм в ядре капиталистической системы в Северной Америке, Западной Европе (Италия и ФРГ) и Японии. Позже к перечисленным добавились и другие формы терроризма, но о них потом.

Хотя эта схема, как и любая, упрощает, спрямляет реальность, в целом она отражает реальное положение дел (но повторю: кое-что в нее не вписывается, требуя уточнения и усложнения – например, ОАС во Франции, "Серые волки" в Турции, некоторые другие примеры).

В той или иной степени террористические организации, главным образом, левоэкстремистские, возникли в 1970е гг. во многих наиболее развитых капиталистических странах (например, США: "Симбионистская освободительная армия", "Черные пантеры", "везермены" – те самые, что в 1968 г. угрожали отравить всех участников съезда Демократической партии в Чикаго, неонацисты "Ордена Восходящего Солнца"; Великобритания – "Сердитая бригада"), своего наибольшего развития и размаха они достигли в Германии. Италии и Японии. (Кстати, о левом терроризме в Западной Европе и Латинской Америке в 1987 г. В.В.Витюком и С.А.Эфировым была написана очень интересная книга "Левый" терроризм на Западе: история и современность", которая хорошо читается до сих пор).

Чемпионом по терроризму, если не мира, то Европы (хотя, пожалуй, и мира) в 1970-е была Италия. В этой стране в это время политическое насилие стало элементом повседневной жизни. Пик терроризма в этой стране пришелся на 1976-1978 гг. – более 6 тыс. терактов, половина из них пришлась на 1978 г. Необходимо отметить, что политическое "мочилово" устраивали не только левые, но и правые экстремисты, хотя организаций последних было в четыре раза меньше, чем левых.

Самой известной (хотя далеко не единственной, имелись были и другие – "Автономия", "Первая линия", "Вооруженное пролетарское ядро") левоэкстремистской организацией были "Красные бригады", созданная в конце 1960-х гг. в основном выпускниками социологического факультета Ун-та г.Тренто, вышедшими из вполне обеспеченных семей. "Бригадисты" взяли на вооружение тактику латиноамериканских городских партизан – *"жги и беги"*, *"наказать одного, чтобы проучить сто"* (Ах, как это напоминает Льва Троцкого с его *"террор уничтожает единицы, а устрашает тысячи"*; история распорядилась так, что Троцкий сам стал жертвой теракта – *"ступай, отравленная сталь, по назначенью"*). С 1975 г. "Красные бригады" переходят к систематическому вооруженному насилию, похищению и убийству людей (так, в 1976 г. в Генуе был убит генеральный прокурор Италии Ф.Коко; в 1978 г. – похищен и убит председатель христианско-демократической партии Альдо Моро, примеры можно продолжить).

В ФРГ наиболее известной левотеррористической организацией была "Фракция Красной Армии" ("Роте Армее Фракцион" – РАФ), возглавлявшаяся Андреасом Баадером и Ульрикой Майнхоф. Организация была создана в конце 1960-х гг. "Боевой путь" этих "партизан" больших городов похож на бригадистский: теракты (нападение на посольство ФРГ в Стокгольме в апреле 1975 г. – три убитых и три десятка раненых), убийства, похищения людей (в частности, Шляйера, Лоренца). Хотя численность западногерманских террористов была невелика и вообще, и по сравнению с таковой итальянских, размах их деятельности и ее влияние на сытое немецкое общество были таковы, что во второй половине 1970-х гг. заговорили о возрождении в Германии 1920-х, т.е. веймарских времен.

В Японии левоэкстремистский терроризм тоже возник в конце 1960-х. Уже в начале 1970-х гг. в этой стране оформилось около десятка левоэкстремистских организаций, использовавших террористические методы борьбы: "Фракция центра" ("Тюкакуха"), "Фракция революционных марксистов" ("Какумаруха"), "Фракция Красной Армии" ("Сёкигунха") и др. Именно последняя (в окончательном варианте – "Японская Красная армия") приобрела наибольшую известность и наибольший пространственный размах деятельности (страны Европы, Ирак, Индия, Малайзия и даже Израиль, где в 1972 г. в аэропорту Лод трое японских террористов убили 26 и ранили 72 человека), т.е., как и РАФ, и "Красные бригады", это была транснациональная террористическая организация. Японские террористы руководствовались маоистской идеологией и делали то же, что их "коллеги в Европе".

К началу 1980-х волна левого терроризма в Италии была сбита, в ФРГ его просто придавили, ну а в Японии на смену террористам со временем пришли ребята типа "Аум Синрикё".

Тем не менее остались вопросы. Действительно, терроризм, скажем, в Бразилии или Индии понятен. Но в двух динамично и успешно ("чудесно") развивающихся странах? В Японии? Размышления о причинах вспышки "социального" терроризма 1970-х, хотя он и отличается от нынешнего –"этнорелигиозного", небесполезны.

Политический терроризм 1970-х: некоторые причины

Многие ученые и журналисты подчеркивали национально-кризисные различия между основными страновыми вариантами политического терроризма 1970-х. В Японии левый терроризм 1970-х связывали с самурайским духом, в Германии – с тевтонским и нацистским; действительно, как писал Беккер в книге "Дети Гитлера" о РАФ, некоторые ее члены верили в "совершенное решение". Но совершенное – не значит ли окончательное. Endlösung. Привет от Адольфа Алоизовича?

Террор в Италии связывали с большим количеством безработной молодежи, особенно той ее части, что имела высшее образование (300 тыс. безработных выпускников университетов между 1972 и 1977 г.). Сюда добавляли маргинализацию и люмпенизацию части населения как "темную сторону" "итальянского чуда". В Германии ситуация в этом отношении была иной: там отсутствовал эквивалент итальянского юга, а, следовательно, не было такого количества маргиналов.

Но есть и нечто общее во всех трех случаях. При этом я имею в виду не общее социально-психологического характера: мода, бегство от общества потребления, стремление к комбинации психологических ролей героя и жертвы (садомазохизм), стремление быть частью элиты и неспособность (социальная и личностная) реализовать его, стремление к театрализации своей жизни, патологический артистизм, попытка вырваться из субкультурного подполья и т.д. и т.п.

Все это, наверное, так. Но это мы оставим психологам, как и факт сверхпредставленности в террористических группах женщин. (Интересно, как бы прокомментировала это Камилла Лапалья?) Меня сейчас больше интересует другое – социально-экономический и социально-политический аспекты проблемы.

Все три страны, которые в 1970-е произошла вспышка "политического террора", и которые захлестнула "третья волна" террора эпохи Модерна, были странами потерпевшими поражение во II мировой войне. Но я вовсе не веду к некоему комплексу побежденных. Речь о другом: о том, что всем этим странам пришлось заново строить, создавать промышленность, реструктуризовать экономику, тогда как промышленность Великобритании и Франции и тем более США почти или совсем не была разрушена войной. В 1940-е – первой половине 1960-х гг. это было преимуществом.

В 1970-1980-е гг. бывшим победителям пришлось за это расплачиваться (everyacquisitionisalossandeverylossisanacquisition): те, кто был вынужден перестраивать свою экономику, сделал рывок и стал (особенно Япония) пионером НТР. Не случайно наиболее проницательные люди замечают, что реальный победитель в холодной войне – не США, а Япония и Германия, добившиеся экономическими методами в 1980-е – первой половине 1990-х того, чего не смогли добиться военно-политическими в 1930-е – первой половине 1940-х гг.

Разумеется, ни немецкий, ни особенно японский рывок не были бы возможны, если бы США не стимулировали развитие экономик этих стран по политическим причинам – обе страны играли решающую роль в противостоянии США, западного мира СССР, коммунизму, обе страны находились на передней линии фронта этого противостояния. Отсюда чудеса намного более "чудесные", чем итальянское. Однако за экономические чудеса эти, точнее – за их теневую сторону, за то, что экономика развивалась так быстро, что социальные структуры и институты не поспевали за ней, пришлось платить социальную и политическую цену, пришлось расплачиваться.

Одна из "расплат" – левоэкстремистский террор тех, кто на собственной шкуре почувствовал, что становление новых энтээровских структур производства подрывает их экономические и социальные (статусные) позиции. Это, с одной стороны, нижняя часть рабочего и среднего классов, которая при малейших социальных и экономических толчках оказывается под угрозой маргинализации и(или) даже "вылетает" за черту. С другой – значительная часть среднего и даже высшего среднего класса, особенно молодое поколение; НТР и ее общественные последствия сократили жизненное социальное пространство этой группы, поставили под угрозу статус, элитарную самоидентификацию. Так общая социальная угроза создала эквивалентно-нишевую, сходную ситуацию для совершенно разных по имущественному положению групп, которые и стали питательной средой терроризма. Например, в Италии 1970-х, социальной базой левого политического насилия были переселенцы с юга страны, маргиналы, а так же студенты из вполне обеспеченных и даже богатых семей*. Отметим, что речь идет о социальных группах, оказавшихся под ударом научно-технического и экономического прогресса, который никогда не происходит просто так – всегда за счет кого-то. И прав был Б.Мур, который писал, что источники социального радикализма находятся не только и даже не столько там, где видел их Маркс, т.е. в стремлении восходящих классов захватить власть. В значительно большей степени радикальные (включая экстремистские) движения – это предсмертный рев классов, которые должна накрыть волна прогресса. Итало-германский терроризм 1970-х гг. – хорошая тому иллюстрация.

Переход от натуральной системы производства к индустриальной ознаменовался эпохой насилия – целой революционной эпохой (1789-1848). Следующий качественный сдвиг – переход от индустриальной к энтээровской системе производства тоже ознаменовался эпохой насилия и революций – от 1968 г. ("студенческая революция") до 1991 г. (крушение коммунизма в России и Восточной Европе), эпохой, которая, однако, с точки зрения эпохи 1789-1848 гг., "входа в Модерн", является контрреволюционной (историческая симметрия).

Левоэкстремистский (да и правоэкстремистский тоже) террор 1970-х – один из аспектов этой революции-контрреволюции, которая начинается появлениями хиппи, студенческим волнениями 1968, продолжается тэтчеризмом, рейганомикой, появлением юппи и завершается падением коммунизма, распадом СССР и уничтожением (в 1998 г., с Косовским кризисом – окончательным) "ялтинской системы". По-видимому, это была революция-контрреволюция, завершившая Современность, Мир-Модерн. С этой сточки зрения, СССР парадоксальным образом оказывается последним оплотом Модерна в демодернизирующемся, постмодернизирующемся мире, последним препятствием на пути безбрежной глобализации, все "прелести" которой и нам, и многим в мире еще предстоит испытать на себе. Но это к слову, вернемся к терроризму 1970-х, который оказывается элементом революционно-контрреволюционной реакции на качественный сдвиг в структурах производства и повседневности, противоречивым феноменом – бунтом одновременно и против Модерна, и против грядущего Постмодерна.

Партийный склероз и роль спецслужб

Этот бунт имел не только производственно-экономические и социальные причины, но и чисто политические (психологические я упомянул выше). Уже к середине 1970-х гг. многие западные политологи указывали на окостенение, склероз партийно-политической системы (теперь, ретроспективно, ясно, что это было начало отмирания партии как особого института на Западе); стал отмечаться отрыв партий от классов и групп, чьи интересы они представляли и выражали, о превращении партий в самостоятельный и во многом самодостаточный, функционирующий и самовоспроизводящийся почти автономно от общества механизм, или, как писали, "гигантский картель". Причем элементами этого картеля стали противостоящие друг другу партии – буржуазные и социалистические, а если говорить, например, об Италии – буржуазная (ХДП) и коммунистическая (ИКП). Помимо прочего, политический терроризм стал крайней формой борьбы и с картелизацией партийно-политической жизни. Показательно, что труп убитого одиннадцатью пулями Моро бригадисты оставили в машине на улице Микельанжело-Каэтано, расположенной на полпути между "штаб-квартирами" ИКП и ХДП – символ нанесения удара по обеим партиям, достигшим незадолго до этого "исторического компромисса".

Я сознательно оставляю в стороне возможную роль спецслужб, включая ЦРУ, как факт и фактор деятельности террористов или даже, как их *"руководящую и направляющую силу"*. Любая спецслужба заинтересована в проникновении в террористическую в частности и революционную вообще среду, чтобы использовать эту среду в своих интересах и, как минимум, получать информацию. Вполне возможно, что, например, ЦРУ, сыграло такую роль в деятельности "бригад", в похищении Моро в Италии, в убийстве ЭТА генерала Карреро Бланко в Испании. Ну и что из этого? Никакие ЦРУ и КГБ вместе взятые не могли **создать** экстремистское движение, будь то левое или правое, не могли организовать массовый террористический бум 1970-х. Использовать – да. Но ведь возникает и обратная связь, "обратное использование", при этом результаты зависят от конкретной исторической ситуации. Кто кого использовал и употреблял в 1917-1918 гг.: немецкий генеральный штаб – большевиков или наоборот? Исторически вышло – наоборот.

Вообще борьба полиции, спецслужб с террористами имеет неожиданные последствия. Как заметил А.Жейсмар, террористы (и вообще революционеры) в такой борьбе усваивают самые худшие и порочные стороны системы, против которой борются, а антитеррористические действия государства приводят к перенятию спецслужбами методов террористов. В результате, добавлю я, возникает сумеречная полицейско-криминально-революционно-террористическая зона с характерными для нее "провокаторской субкультурой" и крайним цинизмом (на русском примере она прекрасно показана в романе Ю.Давыдова "Глухая игра листопада"). В любом случае роль спецслужб в деятельности террористов и революционеров преувеличивать не стоит – все они элементы целого, и именно целое определяет элементы, а не наоборот. Но вернемся к политическим основам и корням европейского терроризма 1970-х гг.

Выше отмечено, что терроризм 1970-х был реакцией на "картелизацию" политических партий, на их "административизацию" и в этом смысле – деполитизацию, он "образовался" в зоне разрыва между партиями и обществом, классами, был реакцией на этот разрыв. В свою очередь сам разрыв, о котором идет речь, был одним из первых социальных следствий совпадения начала качественного сдвига в развитии структур производства (НТР) и повседневности, с одной стороны, и начала "понижательной волны" (экономического спада, Б-фазы) "кондратьевского цикла", с другой.

Пять-шесть лет, прошедшие между студенческими волнениями 1968 г. и повышением цен на нефть ОПЕК в 1973 г. стали водоразделом эпох. Окончилась послевоенная эпоха, время надежд и иллюзий и наступила другая – более конфликтная, жестокая, агрессивная. Это очень хорошо видно и по изменениям в молодежной музыке: в конце 1960-х распадаются "Битлз", "выработав" свою музыку конца послевоенной эпохи и послав прощальное "Letitbe"; вместо них приходят "тяжелый рок" и "хэви".

Спадет революционно-студенческая волна, и в средине 1970-х на смену "LedZeppelin" и "BluesMagoos" с их тяжестью и бешеным ритмом, придут мелодичная "АББА" и "диско", чей ритм аккурат совпадает с сердечной нормой 72 удара в минуту. Это станет масскультовым изживанием "студенческой революции". Ее индивидуально-политическим или политически-групповым изживанием и брожением – не винным, вином она перебродила в конце 1960-х, а уксусным, переходящим в гнилостное, которое пойдет *"по слову и крови"* (Ю.Тынянов) в прямом и переносном смысле слова – станет терроризм 1970-х. Психологически это будет облегчаться для части молодежи тем, что ее детство и юность пришлись на антиколониальную борьбу в афро-азиатском и латино-американском мире, кубинскую революцию и войну во Вьетнаме.

Терроризм и проблемы буржуазной демократии

Однако терроризм 1970-х нельзя свести только к уксусному брожению и гниению "студенческой революции" – pasdutout, это лишь одно из измерений. Еще одно фундаментальное измерение связано с кризисом буржуазной демократии, поскольку терроризм 1970-х был одновременно и проявлением этого кризиса и реакцией на него. Кому-то формулировки типа "кризис буржуазной демократии" или, тем более, "кризис буржуазного общества" покажутся пропагандистскими клише. Они и были таким в советской прессе и советском обществоведении. Но только отчасти – от одной части. От "другой" части это была точная констатация реальных процессов, тем более, что принадлежит она не только советским "обществоведам" (включая тех, что были в штатском), но и западным.

Слабость буржуазной демократии и ее институтов вытекает из ее силы, обусловлена ею. В равной степени кризис этой демократии есть следствие ее триумфа – everyacquisitionisalossandeverylossisanacquisition. 1950-1960-е гг. стали триумфом буржуазной демократии и welfarestate. Но были некоторые "детали", в которых, как известно, прячется дьявол, и на которые в свое время обратил внимание еще Карл Шмитт. Он писал, что власть демократического государства устраняет само понятие права на сопротивление; практика правления большинства, якобы выражающая волю народа, ведет к тому, что большинство превращает все свои предпочтения и действия в закон. Поскольку метаюридических ценностей, способных опровергнуть или хотя бы поставить под сомнение ту или иную юридическую позицию (именем Бога или Разума) нет, любое сопротивление законодательной власти может быть только нарушением закона!

Поскольку за самим современным (modern) демократическим законом ничего нет, подхватывает мысль Шмитта Ф.Фюре, то повиновение закону зависит не от содержания закона, а от чисто формальных процедур. Если при этом учесть, что любая демократическая оппозиция начинает с признания демократического большинства, то возникает тупик – логический, юридический и политический. Вот этот порожденный юридическим формализмом тупик и стремится преодолеть террорист. Фюре считает, что отбрасывая идею фундаментального закона и формальных процедур, террорист, сам того не зная, открывает заново общий взгляд **досовременной** представительности, отбрасывает **абстрактную** идею современного государства и восстанавливает **конкретную** антропоморфическую фигуру демократического суверенитета (в лице политиков и функционеров). Таким образом, институт и абстракции редуцируются к физическим лицам, происходит возврат к архаике – но с помощью современных средств (деюридизация государства), и закону противопоставляется право на сопротивление и вооруженная борьба. В этом смысле цель немецких, итальянский и японских террористов – не захват государства, как это было, например, у Ленина, а его разрушение как института, трактуемого вполне в ленинском духе – в качестве инструмента насилия. Этим указанный терроризм отличается от баскского, ирландского, палестинского, корсиканского и т.п., терроризмов, стремящихся к созданию государства, т.е. от "терроризмов" вполне модерновых, "национально-государственных" и, если так можно выразиться, модернистских, с одной стороны, и исламско-фундаменталистских – с другой.

Будучи реакцией на формирование энтээровских (постсовременных) структур производства и повседневности, открывая архаическое в современном и направляя его против современного же (против государства), итало-германский терроризм 1970-х объективно выступал в качестве одного из факторов постмодернизации общества, разрушения характерных для Модерна форм коллективной идентичности и поиска новых форм. С этой точки зрения, политический терроризм "бригадистов" и "рафиков" 1970-х гг. имеет нечто общее с терроризмом этническим и религиозным терроризмом 1980-1990-х гг. По сути, это *"два источника, две составные части"* и два этапа в разрушении современного государства и общества Модерна в ходе и посредством НТР и глобализации. Оба типа терроризма представляют собой характерные черты "великого перелома" 1970-1990-х гг.

Другой терроризм?

На первый взгляд может показаться, что ирландский, баскский корсиканский и др. разновидности сепаратистско-этнического терроризма 1980-1990-х годов – это прямое продолжение и(или) возрождение радикального националистического терроризма 1870-1900-х гг., цель которого была вполне модерновой – создание собственного национального государства. Однако на самом деле перед нами – явление с принципиально новым содержанием (пожалуй, исключение составляют палестинцы и курды, это иной, уходящий корнями глубоко в прошлое случай).

По форме баски и корсиканцы в конце ХХв. стремятся к тому же, к чему стремились ирландцы и сербы в конце XIX в. – к обособлению от "чужого" государства и к созданию "своего". По сути же здесь первично, главное – именно обособление, отрицание. Собственные государственные структуры в эпоху, когда национальное государство (nation-state) постепенно приходит в упадок, или, как говорят в англоязычных странах, "растворяется" (isfadingaway) и становится картографической иллюзией, когда его подрывают сверху (образования типа Европейского союза и транснациональные корпорации) и снизу (перемещение многих экономических и властных полномочий на муниципальный, локальный уровень), строго говоря не нужны. Зачем быть частью Испании, Франции или Италии, если речь и так идет о единой Европе?

Формирование энтээровской системы производства, "информатизация" финансовых потоков – все это систематически оставляет государство как институт в "историческом офсайде" и в перспективе ведет к удалению с "поля истории", по крайней мере, содержательно. *"Если нечто движется со скоростью, приближающейся к скорости электронного сигнала, то оно практически свободно от ограничений, связанных с территорией его происхождения"* – заметил З.Бауман. "Территориальное" государство эпохи Модерна во многом утрачивает те функции, которые придавали ему легитимность.

С этой точки зрения, борьба ирландцев, баскских, корсиканских и других террористов такого типа, имеющая длительную **историческую формальную** традицию противостояния своим центрам начиная с 1980-х гг. **логически** обретает иное содержание, получает иную основу. По сути эта борьба – отрицание государства как института, стремление включиться на иной, чем государство (испанское, французское и т.д.) политической основе в современный мир. Этим сепаратистский терроризм 1980-1990-х гг. отличается и от аналогичного терроризма конца XIX в. и 1960-70-х гг., с одной стороны, и от итало-германо-японского терроризма 1970-х. Во всех этих случаях за одной и той же вооруженно-насильственной формой – терроризмом – скрывается разное содержание: и государственное и глобально-локальное (глокальное); модерновое и постмодернистское; современное по форме, но устремленное в пошлое и внешне-архаическое, но нацеленное в будущее. Так получилось, что НТР объединила в этно-сепаратистском терроризме 1980-1990-х годов "футуризм" и "архаизм" – это при том, что между ними и так есть общее. Как заметил А.Тойнби, *"футуризм и архаизм – это попытки разорвать путы настоящего через обращение к другим временны ' м периодам, не покидая, однако, земную сферу человеческого бытия"*. Нередко примиряющим началом, общим знаменателем для футуризма и архаизма становится фундаментализм.

Террор исламистов

Если этносепаратистский терроризм двух последних десятилетий в Европе внешне кажется возвращением в конец XIX в., то терроризм исламских фундаменталистов, старт которому по сути дала Иранская революция 1979 г., может показаться провалом в еще большие глубины истории, триумфом консерватизма и традиции. Однако это ошибочное впечатление. Начать с того, что традиционализм и фундаментализм – явления не просто различные, но противоположные. Если традиционализм направлен на "подморожение" общества, то фундаментализм ориентирован на возвращение к истокам, искаженным традицией, поэтому фундаментализм динамичен и многообразен. Не случайно исламский фундаментализм возник не как движение безграмотных мулл и не в традиционной среде, а как движение образованной молодежи, социальное положение и статус которой оказались под угрозой в результате различных "модернизаций сверху", проводимыми "просвещенными лидерами" – как правыми, так и левыми (Иран, Египет, Алжир). Теоретики исламизма ставят задачу преодоления "глобального модернизма", национальное государство – один из главных его элементов и одна из главных ценностей, отсюда – против Запада, с одной стороны, и государства в своих собственных странах, с другой.

Ясно, что такая форма отрицания государства как института и фокуса коллективной идентичности возможна лишь в эпоху глобализации и формирования постиндустриального, постсовременного, информационного общества и выступает в качестве реакции на него. Если национально-освободительная борьба в мусульманском (и афро-азиатском в целом) мире, происходившая под знаменем универсалистских идеологий либерализма и марксизма была направлена на обретение суверенитета национального государства и была формой интеграции ведущих ее обществ в мир Модерна, то исламский фундаментализм, ни в коем случае не являясь пережитком прошлого и следствием слаборазвитости, направлен, помимо прочего, против современного государства и объективно выступает как средство интеграции своих обществ в мир Постмодерна. А поскольку это мир, в котором государство не играет столь существенной роли, как прежде (это современная **мировая система** была системой государств, постсовременная **глобальная система**, "мир-коммуникация" – система супер- и субгосударственных локусов), то фундаментализм с SeinKampfоказывается удивительно созвучен постмодернистскому миру. Кстати, это признают критики как исламизма, так и постмодернизма, говоря о фундаментализме как "третьемирской форме фундаментализма".

Здесь уместно вспомнить и то, что не кто иной, как Мишель Фуко приветствовал хомейнистскую революцию в Иране в качестве первой постмодернистской революции нашего времени. В принципе, с Фуко можно было бы и поспорить: в

известном смысле первой постмодернистской и постиндустриальной, по крайней мере, по направленности, революцией нашего времени началом “великого перелома” конца XX в. была так называемая “студенческая революция” 1968 г., и связанный с ней всплеск вооруженного насилия в ядре капиталистической системы. Тем не менее, Фуко прав в том, что иранская революция носила “постмодернистский” характер; она действительно стала “мартовским идами” Модерна в Третьем мире – первая антиимпериалистическая периферийная революция не просто, не под универсалистскими, марксистскими лозунгами, но и вообще не под светскими.

В то же время, иранская революция была именно городской, а не сельской, как афроазиатские (и латиноамериканские) революции трех “волн” (1917-1920, 1944-1962, 1974-1978) революций XX в. Это естественно: город есть узел современных коммуникаций, и прав Э.Хобсбоум, когда пишет: революции в конце XX в., чтобы победить, должны быть городскими. Эпоха *“окружения городов деревнями кончилась”,* как это ни парадоксально, вместе с индустриальным миром. В любом случае иранская революция стимулировала развитие исламского и международного терроризма.

Другим фактором-стимулом, но несколько иначе, стали события в Афганистане – как ввод туда советских войск, так и вывод, возникновение политического вакуума, а затем гражданская, точнее – племенная война. Уже в 1992 г. серьезные люди, в том числе и в афганском руководстве, начали высказывать опасения в том, что с точки зрения терроризма и наркоторговли Афганистан может превратиться в супер-Ливан. Несбывшиеся надежды на суннитскую революцию в самом Афганистане, невозможность найти работу в разрушенной войной стране, анархия – все это подтолкнуло моджахедов к продолжению боевых действий за пределами страны. Одни делали это по идейным соображениям, другие – по материальным.

Можно сказать, что к сегодняшнему дню отыскался след афганский во всех “горячих точках” мира. Бывшие моджахеды – как афганцы, так и арабы, прошедшие Афганистан – воевали в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Кашмире, Боснии; они приняли участие в восстаниях мусульман в Барене (Западный Синьцзян, Китай) и на о.Минданао (Филиппины), в гражданской войне в Алжире; их присутствие ощущается в бывшей советской Средней Азии, в Египте и даже в США (в 1987 г. один из афганских лидеров, Хекматияр, принял решение о создании на Западе и, в частности, в США сети центров “спящих агентов”).

Исламизм, исламский фундаментализм – это, помимо прочего, ответ мусульманского мира на упадок Модерна и формирование Постмодерна. Это исламский ответ на НТР, и, по-видимому, исламский путь в эпоху “информационного постиндустриального общества”. Не важно, что сами эти общества страдали от отсутствия индустрии, а ныне не могут похвастаться развитым постиндустриальным сектором – Ленин назвал бы это логикой “слабого звена”, а Маркс откликнулся бы афористически – *“язычники, страдающие от язв христианства”.* Похоже, в своих обществах исламисты быстрее других становятся людьми XXI в., как в России, Италии и Германии, в начале XX в. первыми людьми этого века, пусть и по “негативу” оказались большевики, фашисты, нацисты, но это уже другая тема. Здесь ограничусь лишь замечанием, что Будущее, как правило, приходит как негатив, как “ощущение зловещего превосходства” (К.Поланьи) одних над другими, и проявляется только со временем – получите 10x15.

Борьба террористов **против** государства как фокуса коллективной идентичности и **за** иной фокус (например, умма, – сообщество верующих) – далеко не худший по своим результатам вариант “постмодернистского” отрицания государства на практике. Бывают случаи и хуже, когда нового надгруппового фактора идентичности нет. Например, крушение государства в центре Африки, торжество этноплеменного футуроархаизма (или архаифутуризма) уже стоило жизни миллиону хуту и тутси в войне, которую нельзя назвать иначе, чем анархическая бойня-мятеж.

“Серые зоны”

Другой случай “обретения” постгосударственной, коллективной идентичности – “серые зоны”. Этот термин предложил французский журналист Ж.-К.Рюфэн для обозначения зон, которые находятся по сути вне реального контроля легальной власти и о ситуации в которых мало что известно. “Серых зон” много и становится все больше по мере глобализации, отступления и ослабления национального государства. Такие зоны есть в Африке, Южной Америке, в Азии и даже в некоторых промышленно развитых странах (США, Италия, Испания, Франция и др.).

“Серозональность” ядра капиталистической системы от таковой полупериферии и периферии отличается тем, что носит не столько геотерриториальный, физическо-пространственный характер (хотя и это есть – например, Южный Бронкс в Нью Йорке), сколько социопространственный. “Серой зоной” (а надо помнить, что сам термин пришел из аэронавтики, где он обозначает участки местности, недоступные контролю радаров) здесь оказываются некоторые “этажи” или части некоторых “этажей” социального небоскреба; например, с 1-го по 16-й “этаж” – все нормально, а вот 17-й и часть 18-го серые зоны; а с 19-го – все опять нормально. Пожалуй, именно “социопространственные” “серые зоны” бывший премьер-министр Франции Э.Баладюр называл “зонами неправа”, т.е. социальными участками, принципиально нерегулируемыми правом, а значит и государством. Удачная метафора.

Геопространственные “серые зоны”, как правило, контролируются либо криминальными сообществами (например, зона Медельина в Колумбии, целые районы Боливии и Перу, “золотой треугольник” в Юго-Восточной Азии на стыке границ Таиланда, Бирмы и Лаоса), либо “приватизировавшими” государственную власть племенами и кланами (зона в Африке, расположенная вдоль “минеральной дуги” от северных границ ЮАР почти до экватора, Афганистан, отчасти Таджикистан), повстанческим движениями (Перу). Наркобизнес, торговля оружием, терроризм – вот тройственный лик “серых зон”. 7% активного населения Перу и до 25% активного населения Боливии занято в производстве и транспортировке наркотиков.

“Серые зоны” ныне – такая же реальность, как “государство”, вот только натренированный Модерном государствоцентричные глаз и ум (даже “статистика” происходит от слова “государство” – staat, state) отказываются их замечать, видя в них и понимая их как временное отклонение, криминализацию, полагая их не социальной, а полицейской проблемой, делом “закона и порядка”. Это ошибка: новому миру нужны новые карты, новая социальная география, которая должна занять место геополитики. Агентами (субъектами) того передела мира (или пересдачи Карт Истории, как сказал бы Ф.Бродель), который происходит на наших глазах и, продлившись еще 15-20 лет, определит значительную часть XXI в., выступают далеко не только

государства. Ах, как прост и по-своему уютен З.Бжезинский – эдакий андерсоновский Оле Лукойе, если бы не недобрые, антирусские глаза – с его “Великой шахматной доской”. В переделе ведь участвуют далеко не только государства. Здесь и международные организации, и транснациональные корпорации, и “силовые” ведомства, и просто ведомства (например, сырьевые), вышедшие из-под контроля государства и “взбесившиеся”, словно раковые клетки; здесь племена и кланы, “серые зоны”, криминальные сообщества различных типов (мафия, ндрангета, каморра и т.д. и т.п.), этнические диаспоры, принципиально новые группы буржуазии (“гипербуржуазия”, “космократия” по терминологии Д.Дюкло) и даже постбуржуазии. Для такой ситуации “шахматы”, пожалуй, неточная и старомодная ассоциация и аналогия, требуется нечто более архаифутуристичное. Например, “го”. “Большое мировое го”. Это будет точнее. И в духе времени – японское, восточноазиатское, неевропейское – гулять по постмодерну, так гулять! Ну а тем, кто все же больше склоняется к ассоциациям с евроамериканским опытом можно предложить “DungeonsandDragons”. Эта ролевая игра фантастически точно отражает суть нынешнего мира.

Интересы агентов современного (и в этом смысле постмодернистского) передела и перелома взаимопереплетены, сплетаются и расплетаются, превращая “друзей” во “врагов” и, наоборот, в зависимости от краткосрочных и среднесрочных интересов. Все это запутывает картину, делает ее трудной для адекватного ей социального и политического анализа. “Новый мировой беспорядок”, “хаос”, “мир у точки бифуркации” – эти пригожинские или навеянные его теориями термины хорошо фиксируют суть глобализации, ведь “серые зоны” – это один из ее закономерных результатов.

Есть “серые зоны” и на территории России. Крайний и экспериментально наиболее чистый вариант – Чечня с ее бандформированиями, терроризмом и террористами. Чечня, что бы не говорили “идеологи Ичкерии”, – не государство, как не являются государством “серые зоны”. Это не мафия. И не кланово-племенной союз, сходство внешнее, а отчасти даже сущностное есть, но не оно главное. Мы уже привыкли говорить о чеченском терроризме, привыкли к ярлыку и, похоже, даже не интересуемся социальным содержанием, которое за ним скрывается или, точнее, которое он искажает. Терроризм басаевых, радуевых – только по форме терроризм. Содержание здесь иное, чем у обычного терроризма. В чем же суть?

“Коллективные хищники”, “асоциальные острова” и “банднаселения”

В свое время исследователи преступности в крупных американских городах, например в Лос-Анжелесе, предложили формулировку “банда как коллективный хищник”, “банда как малое общество” и заговорили даже о “населении банд” как “островов улицы” (кстати, “остров на улице” – это близко к “серым зонам”), т.е. эдакие асоциальные таинственные (и не очень) острова. Городской бандитизм – устойчивый феномен, по определению специалистов это *“сгусток, структура вызывающего индивидуализма”*. Я бы добавил: индивидуализма, коллективно организованного и опирающегося на определенную социальную среду, на определенную популяцию, являющегося лишь ее крайним, асоциальным выражением.

В условиях “разделяемой бедности”, скудости ресурсов, нередко сопровождающихся социальной инволюцией и аномией, коллективное социальное хищничество становится нормальным способом существования части “улицы”, да и улице в целом кое-что перепадет. Целые районы в мегаполисах, таких как Лос Анджелес, Рио де Жанейро, Мехико, Манила, Лима, Киншаса и др. – это царство “коллективных хищников”, “банднаселений” (а не просто бандформирований). И социализация здесь с 6-8 лет приобретает асоциальный характер жизни в юношеских бандах “генералов песчаных карьеров”. И все же внутри городов ситуация более или менее (хотя чаще менее, чем более), контролируется. Хуже обстоит дело в сельской местностях, особенно лесистого или горного типа, более или менее изолированных от мира. В XIX-XX вв. целый ряд таких местностей во всем мире (Мексика, Центральная и Южная Америка, Сицилия, Ирландия в Европе и др.) оказался в тяжелом экономическом и социальном положении. Оставаясь сельскими эти местности перестали быть крестьянскими – это еще аграрный, но уже посткрестьянский мир, где основная масса населения – бесправные и едва способные прокормить себя затерроризированные арендаторы или мельчайшие “призрачные” собственники, чья жизнь – борьба за выживание, перманентная виоленсия. (Эта реальность хорошо отражена в латино-американской литературе, причем не у Г.Гарсия-Маркеса, чьи романы похоже изначально спланированы-скроены под успех у европейского читателя, а у менее известных авторов, таких как Х.Рудольфо с его “Педро Парамо”, А.Роа-Бастоса, М.А.Астуриаса).

Традиционные ценности, формы социальной организации идентичности в таких районах, как правило, в той или иной степени ослабляются и их место занимает то, что Э.Бэнфилд назвал “аморальным фамильизмом”. Однако если такие сельские сообщества смогут организоваться в качестве коллективного грабителя или эксплуататора по отношению к более или менее развитым соседям, то они не только получают экономически-внеэкономическую основу существования, но эта основа становится дополнительным фактором как сохранения или даже усиления коллективного (этнического, социального или территориального) единства, так и ослабления “аморального фамильизма”. Хотя последний, благодаря “социальному хищничеству”, присущему всем формам бандитизма (“вызывающего индивидуализма”) все равно развивается и так или иначе подтачивает кланово-племенную структуру. Еще один фактор ослабления последней и ее иерархии (в банды чаще всего сбиваются бедные и незнатные) – само наличие банд и функционирование бандитского промысла. Иными словами, взаимодействие коллективно-асоциальной и клановоплеменной структур носит противоречивый характер, в него встроен потенциальный конфликт, который и надо в определенных ситуациях (стратегия “святого Амвросия”) использовать.

В любом случае, “социальный бандитизм” становится коллективным средством для того, что чтобы вырваться из социального ада, причем средством, безусловно, адским. Ф.Бродель когда-то писал по этому поводу: *“Можно ли выбраться из ада? Иногда – да, но никогда самому по себе, никогда без того, чтобы безоговорочно пойти на тесную зависимость от других людей. Нужно присоединиться к той или иной социальной организации, какой бы она ни была или нужно из всевозможных кусочков создать новую – с ее собственными законами внутри какого-нибудь контрообщества. Организованные банды торговцев солью, контрабандистов, фальшивомонетчиков, разбойников, пиратов… – вот, пожалуй, почти все прибежища для спасения тех, кто не хочет оказаться в (социальном) аду. Как бы то ни было, но мошенничество и контрабанда восстанавливали порядок, дисциплину и различные формы солидарности и единства. У бандитизма есть свои вожди, свой порядок, свои кадры, организованные по принципу сеньерии”.*

Одним из главных средств воздействия “бандитских сеньерий” на соседей, особенно более богатых, чем они, является террор, терроризм, главная задача которого – запугать жертву, сделать ее объектом коллективной асоциальной эксплуатации. И

единственный адекватный краткосрочный ответ здесь сила, устрашение, чтобы, как сказал бы Вилли Старк из “Всей королевской рати” Роберта Пенна Уоррена, *“их внуки писались, сами не зная, почему они это делают”.*

В XIX-XXвв. развившееся по восходящей национальное государство такую силу имело и теснило “банднаселения” городов и сел, загоняло их в углы в прямом и переносном смысле этого слова, множило на “социальный ноль”. Однако после того как в последней трети XX в. начался процесс ослабления и отступления государства, “коллективная внеэкономическая эксплуатация” как средство существования бедных районов и(или) районов с традициями “социального бандитизма” стала все более частым явлением. Более того, в глобализирующеся-локализирующемся мире Постмодерна эта эксплуатация нашла, обрела, создала себе адекватную форму “серой зоны” и уже в этом качестве вступила в борьбу со слабеющим государством как его грабитель, конкурент, как альтернативная форма организации власти, как эксплуататор, комбинирующий черты хищника и паразита.

Мы словно вернулись в XIII-XIV вв., когда в Европе возникающее государство боролось с конкурентными и альтернативными ему формами организации власти – папством, епископством, торговыми союзами (типа Ганзы), городами, рыцарскими орденами, рыцарскими бандами. В ходе Великой Капиталистической Революции (1517-1648) государство устрашило всех конкурентов во внеэкономической (а капитал – в экономической) сфере и отпраздновало свой триумф созданием международной государственной системы (сначала – Вестфальской, затем Венской, Версальской, Ялтинской). Ныне эта система рушится вместе с государством как институтом. И рушат его как отдельные государства, так и надгосударственные структуры – НАТО. Устанавливая свой порядок в одной части мира и на одном уровне, США и НАТО ослабляют его в других частях, и на других уровнях, создавая благоприятные условия для “серых зон” и, возможно, наивно полагая использовать их против отдельных государств (например, против России; например, в кавказско-прикаспийской зоне). Так порядок порождает хаос. Думаю, расплачиваться рано или поздно придется и тем, кто его порождает. Как говорил Блаженный Августин, наказания без вины не бывает.

В формировании “серых зон” и их укреплении как правило соучаствуют и коррумпированные чиновники различных государственных структур. Так оформляется социальный союз продуктов и агентов разложения, гниения государства, да и просто легальной власти, с одной стороны, с агентами процессов внелегализации и ассоциализации, приватизации власти – с другой. Социопространственные “серые зоны” объединяются с геопространственными в целях дальнейшего разрушения государства, бесконтрольного проедания “общественного пирога” и отсечения от него населения, которое становится объектом социального хищничества, паразитизма, “вызывающего индивидуализма” и аморального фамильизма.

Банднаселение живет за счет населения.

Ну а главная форма устрашения населения и легальных структур, борьбы с последними, а равно с криминальными и “серозональными” конкурентами, у банднаселений, как уже говорилось – террор. Однако это уже нечто другое по содержанию и целям, чем “Красные бригады” и РАФ. И дело не только в том, что “бригадисты” и “рафики” – просто чайлд-гарольды по сравнению с чеченскими и другими террористами подобного типа. Дело в том, что это не терроризм, а война асоциально ориентированного населения (банднаселения) против социально организованного. Это столкновение двух принципов социальной организации.

Дни шакалов

Недавно я где-то прочел, что чеченские боевики – это в основном выходцы из незнатных, занимающих низкое место в социальной иерархии тейпов “собака” и “шакал”. Это кажется мне очень символичным. У Фредерика Форсайта есть роман “День шакала” о попытке покушения нанятого ОАС профессионального киллера по кличке “Шакал” на генерала де Голля.

“Шакал” – очень удачное прозвище для террориста. Символично, кличка одного из самых известных террористов второй половине XX в., – Ильича Рамиреса Санчеса, арестованного пять лет назад в Хартуме, – “Шакал”. У нас, похоже, наступили “дни шакалов”. Одни “шакалы” взрывают мирных людей, другие борются за власть, используя в своих “играх непатриотов” шакалов-террористов – прямо или опосредованно, как “слепых агентов”, как марионеток. Впрочем, в нынешней Смуте порой трудно сказать кто – хозяин, а кто – марионетка: “кукла” вдруг оказывается “кукловодом” и наоборот. Ситуации меняются, и непросто решить, кто кого использует: чеченские бандиты своих покровителей в Москве или наоборот. Да и так ли уж это важно в общем смысле? Россию рвут на части и те, и другие, используя друг друга. И уничтожая друг друга. Почти по Киплингу: схватка волков и рыжих псов – Большая Охота, после которой, как сказал старый мудрый Каа, *“не останется больше ни человечка, ни волченка, останутся одни голые кости”.* Почти – потому что не в сказке, а на самом деле, часто кто-то все же остается. И очень часто это худшие и наиболее алчные из людей-псов в союзе с несчастными и задавленными нуждой, которых используют в качестве “пушечного мяса”. “Серые зоны” – это, бесспорно, игровая площадка людей-псов, людей-шакалов, людей-гиен. Зоологизация и энтомологизация социальной жизни, торжество дочеловеческих форм социальности, право силы и бессилие права – вот черты серозональности.

Повторю: в связи с тем, о чем сказано выше, представляется очевидным: “чеченский терроризм” (и прочие терроризмы этого типа) – терроризм лишь по форме. По сути же это характерная для глобализирующегося/локализирующегося мира постмодерновая война, с одной стороны “серой зоны” – сильного, сплоченного и хорошо организованного коллективного хищника, коллективного бандита, бандсоциума, сумевшего подмять под себя все или, по крайней мере, многое некриминальное в своем, этносоциальном организме или заручиться его нейтралитетом, а то и пассивной поддержкой, хищника, стремящегося стать коллективным эксплуататором и выступающего в таком качестве, с другой – слабеющей, разрушающейся под ударами извне и изнутри, неповоротливой и кадрово бездарной, продажной квазицентрализованной, квазигосударственной властью (поверхностная аналогия – Югуртинская война, которую разлагавшийся республиканский Рим бездарно и позорно проигрывал до появления лидеров диктаторского типа – Мария и Суллы).

Речь идет о схватке двух структур, представляющих собой различные формы, продукты и варианты разложения мира и общества Модерна (как когда-то противостояние Московии, Крыма и Казани представляло собой борьбу принципиально различных форм, продуктов и вариантов разложения двухсотлетнего мира Золотой Орды с той лишь разницей, что

противостояние России и Чечни – это противостояние легальной и внелегальной структур). Схватка, о которой идет речь, не уникальна – аналогичные процессы идут везде в мире, где “серые зоны” и другие негосударственные структуры бросают вызов слабеющему национальному государству. Чаще всего (и успешнее) это происходит на периферии и полупериферии нынешней глобализирующейся мировой системы. Однако по мере ослабления и разрушения государства вне ядра капиталистической системы, по мере усиления политического влияния хозяев “серых зон”, по мере усиления массовой и практически неконтролируемой миграции с Юга на Север (и в Россию!), “серозональность” становится проблемой Севера, проблемой куда более серьезной, чем та, что виделась А.Тойнби-младшему как союз внутреннего и внешнего “пролетариата”. Вопрос в том сможет ли (и если да, то как и как скоро) население противопоставить “серым зонам” и банднаселению постгосударственную форму легальной властной организации. Ну и, естественно, сохраняющиеся государственные формы необходимо задействовать на полную мощь.

Война – мировая или всемирная?

Когда-то, в эпоху Холодной Войны, мир пугали (и он сам себя пугал) Третьей мировой войной – всеобщей, охватывающей весь земной шар схваткой блоков и государств. На самом деле период Холодной Войны оказался беспредельным по своей стабильности временем в истории человечества (единственный аналог, который приходит на память, – период 1815-1853 гг.). А вот окончание Холодной Войны ознаменовало вступление мира в эпоху нестабильности. И если уж говорить о новой мировой войне, то она должна быть по счету уже не третьей, а шестой или пятой, в зависимости от того, включаем мы в список мировых войн вместе с наполеоновскими и Семилетней Тридцатилетнюю или нет (думаю, нет). Однако на самом деле, полагаю, говорить нужно не о третьей мировой и вообще не о **мировой**, а о принципиально новой – **всемирной**.

Мировые войны в капиталистической системе были выяснением отношений между претендентами на гегемонию – Великобританией и Францией, США и Германией. При этом одни претендент был державой континентальной а другой – морской, он-то и становился победителем. Правда победа эта бывала обусловлена, и я подробно описал этот механизм в “Колоколах Истории”, союзом морской державы с такой континентальной державой как Россия/СССР. Россия/СССР не боролась за гегемонию в капиталистической системе (СССР вообще сам был антикапиталистической мировой системой), а решала в мировых войнах свои задачи перетирая своим пространством и(или) людской массой армии континентальных государств, унимая “широко шагающих молодцов” – Фридриха, Наполеона, Гитлера: *“Едут-едут по Берлину* (Парижу) *наши казаки”*.

Мировые войны охватывали мир в целом, как целостность. **Всемирная** война – это война, которая может идти повсеместно в мире, во многих точках, между многими агентами, но, не охватывая мир в целом, не затрагивая как систему, вопрос общемировой гегемонии и не между двумя агентами (или блоками).

Такая – всемирная, точечная, “пуантилистская” война уже идет. Это не война-целостность, а война-совокупность локальных конфликтов, точнее, мятежей неких зон, районов против центральной власти. Направлена она на то, чтобы, помимо прочего, либо отобрать у этой центральной власти право распоряжаться местными ресурсами, либо чтобы насильственным, чаще всего, террористическим путем заставить эту центральную власть согласиться с тем, что локальный хищник будет в той или иной форме эксплуатировать подконтрольные ей ресурсы и население. Это, на мой взгляд, и есть **всемирная война XXI в.**, война эпохи позднего капитализма (и, как знать, возможно, и посткапитализма, со всей очевидностью возникающего на наших глазах в качестве намного более жестокого, “эксплуататорского” и неэгалитарного общество, чем буржуазное).

Так же как война на “входе” в капитализм – Тридцатилетняя – представляла собой череду, диахронную цепь локальных войн в европейской **мир-системе**, война на “выходе” из капитализма может представлять собой (историческая симметрия) совокупность локальных войн на всем пространстве **глобализирующейся мировой системы**. Субъектами в этой войне – и это тоже ее отличие от мировых – выступают не только государства, но и другие агенты – “серые зоны”,корпорации, спецслужбы, племена и т.д. К сожалению, о вероятности такой войны по сути ничего не сказал О.Тоффлер в своей книге “Война и антивойна: выживание на заре XXI столетия”, логически подобный вывод из его материала вполне возможен. Хороший термин для всемирно-пуантилистской войны – “мятежевойна” – предложил Е.Э.Месснер (см.: “Независимое военное обозрение”, 1999, № 43). К сожалению, Месснер, автор великолепных работ, ошибочно отождествляет “мировой” и “всемирный” тип войн.

Это, однако, не умаляет значения предложенного термина. Всемирные войны приходят после мировых, они – явление постмодерновое, т.е глобально/локальной эпохи.

Мятежевойна как явление эпохи НТР, глобализации и локализации (глокализации) мировой системы неизбежно приведет к существенным изменениям в военном деле, в организации армии. Более того, она уже ведет к ним, как показала, например, война в Персидском заливе (подр см.: Фурсов А.И. Залив // Арабо-мусульманский мир на пороге XXI в. – М., 1999. – С.155-195).

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но НТР и Постмодерн, продуцируя всемирную мятежевойну, как бы возвращают организацию армии в конец поздней античности и начало средневековья (IV-VIIвв. н.э.), с одной стороны, и в эпоху, предшествующую “железной революции” (X-VIII вв. до н.э.), с другой. Речь идет о ведении боевых действий не массовыми армиями, а небольшими мобильными соединениями “дружинного” типа. Мы теперь называем это “коммандос”.

Мятежевойна – это война с меньшинствами, пытающимися диктовать свои условия, установить свое господство. Пророческими оказываются слова Дж.Рестона: *“Мы находимся … в начале* (эпохи. – А.Ф.) *тирании воинствующих меньшинств. Чем больше людей скапливается в городах по всему миру, тем уязвимее эти города перед лицом безответственных политических организаций”*. Мораль? Она проста. Не надо допускать представителей таких организаций и меньшинств в городские зоны – бить (если нужно) противника на его территории.

В такой ситуации, “если завтра мятежевойна, если завтра в поход”, резко возрастает роль и значение физической (и психологической) подготовки. Как заметил Ф.Форсайт, *“к концу войны* (в Персидском заливе. – А.Ф.) *стало ясно, что для решения некоторых задач в определенных регионах земного шара пока не существует равноценной замены… человеческому глазу и человеческому разуму”*.

Война в Заливе, а также войны во Вьетнаме, Афганистане, Чечне, антинаркомафиозные операции США в Центральной и Южной Америке и т.д. показали, что приборы, техника далеко не так всемогущи, как полагают многие, в частности, те же американцы. На мировом Юге (а именно он главная арена мятежевойн) в борьбе с терроризмом техника хороша и работает только до определенного предела, за которым решающую роль играют профессиональные, морально волевые (*“В бою терпит поражение тот, кто первым опускает глаза”*. – Тацит), психологические, физические.

Это – добрым молодцам урок и информация к размышлению о том, какой должна быть будущая армия, которой, как и нам всем, скорее всего, предстоит жить в состоянии перманентной мятежевойны; какой должна быть реформа, направленная на создание такой армии. Для России все это важно вдвойне или даже втройне потому, что все великие реформы в русской истории удавались в той степени, в какой удавалось создать принципиально новую армию (и флот). Кто-то из русских царей XIX в. заметил, что в России у власти только два союзника – армия и флот. В ситуации мятежевойны, которую мы до сих пор продолжаем воспринимать как “терроризм бандформирований” это замечание имеет крайне важное значение. Армия, флот, спецвойска, спецслужбы – вот военные средства активного противодействия таким явлением как мятежевойна, возрождение архаических форм социального хищничества, нововарваризация экономики и общества, причем не только у нас, но и во всемирном масштабе.

А каковы средства невоенные? Есть ли они?

Уже упоминавшийся Ж.-К.Рюфэн считает, что у “неоимперии” (так он называет Запад и Россию) есть только три стратегии по отношению к “неоварварам” (термин тоже его): “стратегия Клебера” (попытка привить неевропейцам европейские, т.е. буржуазные ценности, но она уже провалилась и ее добивает Постмодерн с его партикуляризмом и мультикультурализмом, в которых политически заинтересованы формирующиеся группы новых хозяев мира – гипербуржуазии и постбуржуазии); “стратегия барона Унгерна”, ведущая в конечном счете к захвату Севера союзом сил Юга и отчасти Севера и Юга; “стратегия Марка Аврелия” – “лимес”. Именно этому последнему отдает предпочтение Рюфэн. Речь идет о проведении черты – лимеса, создания вдоль нее буферных государств (“государств-тампонов”), которые заблокируют распространение “мятежевойны” (“терроризма”) на Север. У этой стратегии однако, свои, минусы. Сокращение (или прекращение) миграции, даже если забыть, что, с одной стороны, оно противоречит многим краткосрочным экономическим интересам, а с другой скорее всего вызовет истерику со стороны некоторых политических сил – социал-демократов, всяких “зеленых”, “голубых”, “розовых” и т.п., в той или иной степени потребует демонтажа ряда демократических институтов, завоеванных трудящимися в эпоху после революции 1848 г., что, безусловно, изменит сам Север на небуржуазный лад. Но большее ли это из зол? Думаю, нет, когда речь идет о цивилизационной идентичности и физической безопасности. Иначе рано или поздно Север и Россия будут зоной такой мятежевойны, по сравнению с которой, то, что мы ныне называем “терроризмом” и “криминализацией” может показаться играми бойскаутов. Ну и, разумеется, речь должна идти не только о сдерживании терроризма, но и его отбрасывании, включая обязательное физическое уничтожение террористов везде и всегда, пусть двадцать лет спустя, как это делают израильтяне. “Хороший террорист – мертвый террорист”. Надо улучшать жизнь.

Это – **теория** и большая политика. А как лучше всего **конкретно** бороться с терроризмом? На этот же вопрос должны ответить специалисты, профессионалы. На мой взгляд, действовать надо так, как это делал генерал Верлинов из трилогии моего любимого Д.Корецкого. По крайней мере, это может принести моральное и профессиональное удовлетворение: штык в горло и два поворота – чтобы не мучался. Но, к сожалению, это не решит проблему. Суть дела в том, что у нынешнего терроризма – глубокие нетеррористические корни, что сам терроризм – не столько причина, сколько следствие. За одним и тем же явлением – терроризмом – в 1970-1990 гг. скрываются разные сущности и, следовательно, разные причины. А раз так – нужны разные стратегии борьбы и предупреждения

He who is alarmed is armed.

Нынешний терроризм сам по себе не есть проблема, он элемент новой **проблематичной реальности**, которую можно сформулировать как триаду “Глобализация. Постмодерн. Безопасность”. Терроризм – лишь один из ее ликов, лишь один из элементов (и одно из средств) нынешнего Большого Передела, Великого перелома, Всемирной Смуты, Мирового Булгачного Времени. До тех пор, пока мы не научились понимать это время в целом, мы не сможем ни противостоять этому времени и его “героям”, ни справиться с частностями. Как говорил В.И.Ленин, тот, *“…кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натыкаться” на эти общие вопросы”*. Главными общими вопросами сегодняшнего дня мне представляются развитие (умирание?) нынешней капиталистической системы и место России в этом процессе. Но это уже другая тема.

---

* Вообще дети состоятельных родителей нередки среди террористов. Классический пример такого рода – знаменитый “Карлос”; он же – “Шакал”; он же – Ильич Рамирес Санчес; он же – сын венесуэльского миллионера-маоиста Хосе Антаграшла Рамиреса Навахи.

Андрей Ильич Фурсов
Опубликовано в: Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 2. – С. 193-231

По ком звонят Колокола Истории?

Беседу вел Сергей СУМЛЕННЫЙ

Происходящее на наших глазах в России заслуживает самого пристального внимания - мы живем на экспериментальной площадке, на полигоне "строительства посткапитализма". О строительстве и развитии капитализма в ельцинской России, о "капиталистической революции" говорят либо глупцы, либо слепцы, либо заведомые обманщики.

От какого наследства мы отказываемся? Советского

ДОСЬЕ

Андрей ФУРСОВ (1951) - историк, кандидат исторических наук, директор Института Русской Истории РГГУ, заведующий отделом ИНИОН РАН. Автор книг и статей "Великая тайна Запада", "Проблемы социальной истории крестьянства Азии", "Европейская цивилизация и капитализм", "Капитализм в рамках антиномии "Восток - Запад": проблемы теории", "Кратократия: социальная природа обществ советского типа", "Взлет и падение перестройки", "Колокола истории", "Русская Система" (совместно с Ю.Пивоваровым) и ряда других.

- Андрей Ильич, в одной из своих статей вы писали, что косовский кризис весны - лета 1999 года и вообще ситуация вокруг экс-Югославии - это, по сути, война за советское наследство. Теперь, когда кризис вроде бы позади, не изменилась ли ваша точка зрения.

- Нет, не изменилась. К тому же я не рискнул бы утверждать, что кризис закончился. Закончились бомбежки. А насчет кризиса - это будущее покажет.

- Многие говорят о победе НАТО, США, о том, что события лишний раз продемонстрировали монополярный характер современного мира, роль в нем США как гегемона. Какова ваша точка зрения?

- Я думаю, что война, а точнее, акт международного разбоя, которому подверглись сербы, не столько свидетельствует о гегемонии США, хотя и о ней тоже, сколько представляет собой попытку американцев укрепить эту гегемонию. А укрепляют когда? Когда нечто слабеет. Гегемония США, бесспорно, слабеет. Кому-то такое заключение может показаться экстравагантным, особенно на фоне крушения коммунизма и распада СССР, но это действительно так.

С 1970-х годов США медленно, но неуклонно утрачивали свои позиции экономического (включая финансы) и политического гегемона, голоса Японии, и особенно Европы, в мире становились все слышнее.

В середине 1980-х годов П.Кеннеди, автор научного бестселлера "Подъем и падение великих держав", заметил, что мощь Запада всегда воплощала какая-то одна, чаще всего морская держава, на смену которой после ее упадка приходила другая; теперь, писал Кеннеди, очередь за США, за которыми, однако, не видно никакой другой страны западного мира - претендента на гегемонию.

Десятью годами раньше аналогичные мысли в еще более категоричной форме высказал Жан Гимпель. В 1956 году в Йейльском университете он прочел лекцию, в которой предсказал начало экономического упадка США через 15 - 20 лет. Это вызвало у американцев снисходительные улыбки. Во-первых, США были на подъеме. Во-вторых, Гимпель формулировал свои выводы на основе сравнения США середины XX века и Франции XIV века. Естественно, идеи Гимпеля были отвергнуты в США, да и в Европе, как

эксцентричные. А в 1970-е годы его прогнозы начали сбываться, вот тут-то "Пари-матч" и определила Гимпеля как "Нострадамуса XX века".

- Что может быть общего у Франции XIV века и США века XX?

- Это особая тема, вкратце Гимпель ответил бы так: утрата финансовой стабильности и лидерства в некоторых областях техники и промышленности, развитие общего антитехнологического и антииндустриального духа, рост интереса к мистицизму, к оккультному, формирование контркультуры и т.п. Кстати, аналогичные явления были характерны и для Великобритании 1860 - 1880 годов, по-видимому, мы имеем дело с общей закономерностью: упадок гегемонии развивается и как процесс определенных сдвигов в общественном сознании, в распространении "природоцентричных" (экологизм) и "женоцентричных" (феминизм) движений и идей.

Но, повторю, упадок может длиться довольно долго, это зависит еще и от того, сколько "социального жира" накопила страна и в течение какого времени она может его проедать. Кроме того, упадок гегемонии не означает автоматически социального краха. Просто страна перестает быть гегемоном и лидером, как это произошло с Голландией в XVIII и Великобританией в XX веке.

- И именно так это должно произойти с США в XXI веке?

- Что именно так, в этом я не уверен по целому ряду причин. С гегемонией США не все так просто. Гимпель, Кеннеди и другие справедливо указывают на упадок гегемонии, связывая его с экономикой. Однако в чем-то правы и их оппоненты, например известный социолог А.Гидденс. Он считает, что возможно США и вступили в полосу экономического упадка по сравнению с другими государствами - государства Европы, Япония, - однако после 1945 года (прежде всего противостоя коммунизму в глобальном масштабе, чего не было ранее ни у одного гегемона, добавлю я), США выковали систему глобальных военных союзов, не имеющих аналогов в прошлом.

Таким образом, в гегемонии США военно-политический, военно- стратегический аспекты играют такую сильную и автономную роль, которая существенно ослабляет показатели экономического развития в качестве единственного индикатора состояния гегемонии. Иными словами, достижение определенного уровня военно-политической гегемонии позволяет, используя военно-политические средства и вес, по крайней мере, затормозить упадок гегемонии. Что США и делают. Оставаться гегемоном мировой системы, особенно с учетом мощной экономической конкуренции со стороны Европы и Японии, США могут лишь военно-политически. А это требует определенной - острой - военно-политической ситуации. И потребность эта с крушением коммунизма и распадом СССР возросла многократно, поскольку исчез "враг N 1", исчезла "Империя зла"; нужны новые "образы врага", точнее, образы новых врагов.

- И нашли Милошевича?

- Да, сначала Саддама, потом Милошевича.

- Но ведь Милошевич действительно несет ответственность за многое, что произошло в экс-Югославии.

- Несет. Так же, как Клинтон за гибель мирного населения - сербов и албанцев - во время натовских бомбежек. Но представьте себе, если бы Милошевич вел проамериканскую политику. Вспомнил бы кто-нибудь об албанцах?

Но разумеется, Милошевич и проблема поиска нового врага - далеко не единственная причина косовского кризиса. Имеются и другие. Например, задача окончательного вытеснения России с Балкан и, следовательно, из Средиземноморья, задача ликвидации последнего исторического союзника России на Балканах; ради этого, оказалось, можно пойти на создание в Европе - впервые за многие годы - мусульманских государств, на использование и поощрение албанской наркомафии и на многое другое.

Далее. Косовский кризис весьма кстати случился накануне введения в Европе евро. Введение евро - об этом много писали - создает серьезные проблемы для США. Теперь, отбомбившись по Югославии, американцы хотят взвалить - и взвалят - восстановление югославской экономики на европейцев, что далеко не способствует укреплению европейской экономики в ее конкуренции с США. Если вспомнить, что до этого был финансовый кризис Восточной Азии, спровоцированный, помимо прочего, международными финансовыми спекулянтами, то выходит, что в течение двух-трех лет главные конкуренты США в мировой экономике и политике получили по удару - экономическому и политическому.

- То есть конец американской гегемонии придет извне?

- Я думаю, у США хватает и внутренних проблем, которые могут подорвать это общество. В комбинации с внешними проблемами, а также с целым рядом факторов развития энтээровского - то есть позднего, закатного капитализма это, бесспорно, может сломать Америку.

Закат капитализма?

- Вы говорите о позднем, закатном капитализме. Как-то напоминает ленинский тезис об империализме как загнивающем капитализме. Не опасаетесь ли получить обвинение в марксизме?

- В самом по себе предположении о закате капитализма нет ничего от марксизма; нет вечных социальных систем - это элементарно, это здравый смысл. Это - во-первых. Во-вторых, хотя я не считаю себя марксистом в традиционном смысле этого слова, должен заметить, что марксизм - величайшая антикапиталистическая идеология Современности (1789 - 1991 годы); у марксистской и вообще левой интеллектуальной традиции много достижений в области социальной теории, побольше, чем у либеральной, например, хотя ныне обе эти традиции и обе эти идеологии переживают кризис. Без Маркса и марксизма мы не поймем Современность и капитализм, так же, как без Ленина и коммунизма мы не поймем XX век. Но, с другой стороны, коммунизм - я имею в виду "исторический коммунизм", то есть социальную систему, - мы не поймем без и вне капитализма. Вот такие "круги Эйлера". Поэтому обвинений в марксизме не боюсь. Кроме того, чтобы предъявлять их, нужно хорошо знать и понимать марксизм.

Что касается - в-третьих - ленинского тезиса, то он был ошибочен лишь наполовину: капитализм в начале XX века действительно переживал кризис. Другое дело, что кризис был структурным, то есть внутрисистемным, а не системным, на что и указывал Ленину Каутский, говоря о возможностях ультраимпериализма. В "ультраимпериализме" Каутский угадал то, что позднее стали именовать государственно-монополистическим капитализмом и транснациональными корпорациями. Но, в свою очередь, Каутский ошибочно не допускал мысли о возможности возникновения и существования в мире антикапиталистической системы - "антиультраимпериализма". Ленин - допускал, но тоже ошибался, полагая, что эта система охватит весь мир. Система действительно стала мировой, но охватила только часть мира, просуществовав семь десятков лет - очень немало по масштабам XX века.

Во времена Ленина капитализм далеко еще не исчерпал свой потенциал; в лице своих универсалистских идеологий - либерализма и марксизма - он вселял уверенность и давал надежду на прогресс, на сокращение разрыва между бедными и богатыми, на многое другое; численно росли массовые слои - рабочий класс, средний класс, росло (особенно в 1945 - 1975 годы, на "повышательной волне" кондратьевского цикла) их благосостояние.

От научно-технической революции (НТР), стремительно развернувшейся на рубеже 1960 - 1970 годов ожидали, что она усилит тенденции мирового развития 1945 - 1975 годов ("славное тридцатилетие",

когда вверх по ступеням экономического роста и социального благосостояния шли все или почти все - от Африки до США и СССР). Вышло иначе. НТР их затормозила, а в чем-то важном повернула вспять. Энтээровская система производства носит наукоемкий характер и не нуждается ни в многочисленном рабочем классе, ни в многочисленном среднем классе. Последние важны в индустриальной системе производства, и это их значение, помноженное на политические позиции, завоеванные в 1850 - 1950 годы, позволило среднему и рабочему классу в 1945 - 1975 годы не только вырасти численно, но и улучшить - прежде всего с помощью "welfare state" - свое положение, увеличить свою долю в "общественном пироге". Не случайно начало интенсивной фазы НТР совпало с тэтчеризмом и рейганомикой, которые означали отсечение от "общественного пирога" значительных групп населения.

Энтээровское производство не нуждается в государстве как институте так и в такой степени, как это было необходимо индустриальному производству. Ослабление или даже исчезновение государства - вот о чем заговорили политологи на Западе. Даже формулировка появилась: "fading away of the state" - "растаивание государства". И действительно, социальное пространство государства съедают наднациональные структуры (например Европейский Союз), транснациональные корпорации, местные муниципальные власти.

Далее. НТР навсегда похоронила надежды на то, что бедные страны могут догнать богатые, а крах коммунизма добил эти надежды окончательно. Но вместе с этим был похоронен системообразующий идеологический миф либерализма и марксизма - миф о прогрессе как главной форме развития, миф о прогрессе как о возможности для всех. НТР показала: прогресс отныне не для всех, а лишь для немногих; для большинства же теперь - регресс, ведь это на Западе за деиндустриализацией следует энтээризация, и место общества модерна занимает социум постмодерна. В неохваченных непосредственно НТР зонах деиндустриализация оборачивается натурализацией, архаизацией и варваризацией экономики и общества. Зона бывшего СССР - один из примеров, но такие зоны есть и на самом Западе. Я уже не говорю о тех кардинальных изменениях, которые привносит НТР в отношения власти и собственности, в право, в традиционную дифференциацию публичной и частной сфер.

Капитализм - это не просто рынок или капитал. Это сложная социальная конфигурация, интегральными элементами которой являются капитал, государство, универсалистская идеология, право и т.п. Сам по себе капитал не конституирует капитализм как систему - капитал существовал задолго до капитализма и будет существовать после смерти этой социальной системы; капитализм без капитала невозможен, капитал (то есть овеществленный труд) после капитализма возможен вполне. Но уже не как системообразующий, а как подчиненный элемент в принципиально иной, некапиталистической (хотя и "эксплуататорской") системе власти и собственности.

"Уход" государства, универсалистских идеологий, ослабление среднего класса - все это означает и "уход" капитализма как исторической системы. Не Запада - именно капитализма. Да и зачем нужна господствующим группам Запада система, основанная на монополии на овеществленный труд, на материальные факторы производства, если НТР главными, системообразующими факторами сделала нематериальные - информацию, которая не может функционировать в качестве капитала в рамках капиталистической собственности? Последняя должна быть разрушена самими господствующими группами Запада, если они хотят сохраниться у власти, как это произошло с господствующими группами феодальной Европы. В 1650 году в целом в Европе находились у власти те же фамилии, что и в 1450-м, а система за 200 лет изменилась. Огрубляя, можно сказать, что феодалы, вопреки распространенному мифу о так называемых буржуазных революциях, трансформировались в буржуазию.

Аналогичный "процесс пошел" и на современном Западе: капитал начал превращаться в некапиталистические формы эксплуатации, депривации и т.д. Западные исследователи уже пишут о новой группе, именуемой ими "гипербуржуазия", основа существования которой - хищническо-паразитическое уничтожение, поедание и проедание капитализма. Он станет той питательной средой, той куколкой, из которой "вылезет" социальная группа новых хозяев мира, и очертания этой группы уже просматриваются. Посткапиталистический мир (а трансформация, думаю, займет лет 50 - 75) в целом будет скорее всего намного более эксплуататорским, менее эгалитарным и демократичным, чем поздний капитализм второй половины XX века. Впрочем, все будет зависеть от конкретного исхода

социальных конфликтов первой половины XXI века. Разные исходы - разные модели общественного развития в рамках одного и того же социального качества.

Например, в XVI - XVII веках, когда рождался капитализм, главная борьба развернулась между феодалами и крестьянами. Там, где победили феодалы (Восточная Европа), мы получили "второе издание крепостничества" и минимальное (только с XVIII века) развитие капитализма; победа крестьянства и короны над феодалами (Франция) привела к торжеству абсолютизма в его классической форме, тоже существенно затормозившего развитие капитализма. И, наконец, только там, где борьба окончилась вничью (Англия), стартовал капитализм. Короче, конкретный облик посткапитализма будет зависеть от действий людей, от "свободы воли" в значительно большей степени, чем от необходимости, от борьбы - "борьба - отец всего".

В этом смысле происходящее на наших глазах в России заслуживает самого пристального внимания - мы живем на экспериментальной площадке, на полигоне "строительства посткапитализма", который, на самом деле, возводят все противоборствующие стороны - как сами по себе, так и своей борьбой друг с другом: "Крот Истории" роет медленно. О строительстве и развитии капитализма в ельцинской России, о "капиталистической революции" говорят либо глупцы, либо слепцы, либо заведомые обманщики. Коммунизм как антикапитализм был интегральным элементом капиталистической системы, вне и без нее он невозможен. Технико-экономически, однако, это был относительно слабый элемент, слабое звено; его-то первым и выбила НТР. Крушение коммунизма - это начало конца капитализма, элемент системного кризиса капитализма, решившего свои проблемы и противоречия и в связи с этим умирающего от социальной старости. Вопрос в том, дадут ли ему умереть спокойно или нанесут смертельный удар, как это произошло с коммунизмом. Поэтому у меня есть все основания говорить о "закатном капитализме". Да и не только у меня. Как говаривал один деятель советской истории, "кто не слеп, тот видит".

Уроки прошлого: Второй Рим - Третьему

- Если картина мировой ситуации и Америки, которую вы нарисовали, верна, то какова должна быть политика и позиция России?

- Это очень сложный и многоуровневый вопрос. На первый взгляд кажется, что в нашем новом противостоянии с Западом (а оно очевидно, думаю, косовский кризис подвел черту) имеет смысл подтолкнуть некие процессы, вернувшись к советской внешнеполитической доктрине 1920 - 1933 годов: "чем хуже, тем лучше". Однако такой подход был бы ошибкой.

Вспомним, как радовались многие на Западе, когда слабел и распадался СССР, надеясь, что это сделает мир более стабильным и безопасным. Вышло с точностью до наоборот. И нужно отдавать себе отчет, что окончательный упадок американской гегемонии приведет к еще большей мировой нестабильности и небезопасности. И поползут-поскачут из разных углов такие саддамы, что клинтоны и блэйры по сравнению с ними покажутся бой-скаутами.

Плохая была Римская империя? Плохая, жестокая, никак не абсолютное благо. Но вот она ослабела, почти рухнула и - смотрите, кто пришел: Аттила, Одоакр и многие другие товарищи с периферии, представители "ранее угнетенных народов". Мало никому не показалось.

Вообще не надо демонизировать Америку. Нормальный хищник: на мировой арене крупная держава - это, как правило, всегда хищник. Из этого и нужно исходить в своих оценках. Realpolitic, всегда балансирующая между реализмом и цинизмом (то есть реализмом без моральных принципов). Надо действовать так, чтобы хищник не смог бы тебя съесть или ему это было бы невыгодно и накладно (как говаривал Илья Муромец, "подавишься, Идолище"). Но в то же время наличие крупной державы (гегемона, полугегемона и т.д.) делает мир более предсказуемым и стабильным, пусть и на хищнически-несправедливый лад. А когда было иначе? Поэтому следует очень осторожно действовать в мире, где все взаимосвязано, где остается все меньше зон стабильности, где нарастают хаосогенные процессы. Да,

конечно, Запад (Север), включая Америку, нам не друг, но и Восток (Юг) тоже не друг. И не только потому, что в мировой политике нет друзей, а только интересы и союзничество - более (как у России и Австрии с 1720-х по 1840-е годы) или менее (СССР - США в 1941 - 1945 годах) длительное. Надо помнить, что огромная масса сравнительно молодого населения, нехватка территории, бедность - это характеристики не Севера, а Юга. Призывы наших "политиков" повернуться к Востоку для стратегического партнерства и "дружбы против Запада" (французский публицист Ж.-К.Рюфэн назвал бы это "стратегией Унгерна") могут привести к плачевным для нас результатам; хорошо еще, что ни Индия, ни Китай в таком союзе не заинтересованы. Надо помнить также, что Запад не претендует на нашу территорию. У него другие претензии, которые, безусловно, надо "сдерживать и отбрасывать", и, как показали недавние события в Югославии, надо иметь бронепоезд на запасном пути. Балансирование - вот ключевое слово. И не худо бы изучить опыт Византийской империи, тысячу лет просуществовавшей без друзей во враждебном окружении - рекорд!

- Иными словами, можно, перефразируя Черчилля, сказать: "У России нет вечных друзей, у нее есть вечные интересы".

- У меня есть некоторые сомнения, что в нынешней ситуации мы можем с уверенностью говорить о некой целостности "Россия". И дело не только и даже не столько в том, что, как писал Н.Заболоцкий:

Как мир меняется!

И как я сам меняюсь!

Лишь именем одним

я называюсь...

Дело в другом. Существует ли нынешняя Россия действительно как целостность, а не как совокупность, суммарная мозаика территорий, ведомств, криминальных группировок, финансово-промышленных групп? Что такое ныне "государственные интересы России", кто их выражает и защищает? В ситуации ослабления государства как института во всем мире (одно из следствий НТР), с одной стороны, и резкого ослабления центральной власти в России (следствие очередной русской смуты) - с другой, региональные интересы начинают доминировать над национальными, клановые - над региональными, семейные (в том числе и Семейные) - над клановыми. Когда-то американский антрополог Э.Бэнфилд назвал такое явление "аморальным фамильизмом", отметив, что оно возникает в обществах, где на смену разложению не приходит нечто новое и где процесс разложения становится самовоспроизводящимся. Разумеется, так не может длиться вечно, но если учесть, что в состоянии мутации-разложения- изменения оказался весь мир, то, как знать, не обречены ли мы на многие десятилетия такого "пикника на обочине".

Хорошо, что велика Россия и в ней невозможно, чтобы одна семья или один клан подобрали под себя все и подмяли всех. Но много кланов, встраивающихся по-разному и в разные сегменты современного мира, - такая ситуация не способствует формированию единой России с единым комплексом интересов.

- Вы пессимист?

- Ну что вы. "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые". Я реалист. Помню, у писателя Виктора Астафьева в одном из телеинтервью после какой-то нелестной фразы в адрес русских спросили: "Вы не любите свой народ?" Астафьев ответил: "Я знаю свой народ". Перефразируя Астафьева я скажу: "Я знаю свою систему". Ведь мы живем в процессе и среди продуктов ее разложения. Мы имеем то, что можем иметь. Неоткуда нам взять другую "политическую элиту", другой бизнес, других "олигархов", другого президента. Это - наше все. Родное. И надеяться не на кого. Если мы хотим выжить и остаться русскими (я вкладываю в это определение не этнический, а прежде всего культурно-исторический смысл), то у нас нет теперь иного принципа поведения, кроме: "Не верь. Не

бойся. Не проси". И ни в коем случае не замыкаться в себе. Россия - по-своему, по-русски, в соответствии со своей историей - переживает вместе со всем миром острейший период его истории. Хотя отчасти справедливо и обратное, то, о чем М.Волошин мог сказать: "Мы все же грезим русский сон // Под чуждыми нам именами".

Умирают надежды - на Прогресс и Изобилие, рушатся целые социальные миры - Третий, Второй, трещит по швам Первый, звонят Колокола Истории. В такой ситуации можно рассчитывать только на себя, на свое мужество быть и мужество знать. При этом прежде всего знать правду о самих себе, какой бы горькой и неприятной она ни была. Ведь ныне в спорах о том, кто виноват, одни винят во всем власть, политиков (кто коммунистов, кто "демократов" - будто демократы это не вчерашние коммунисты), другие - народ. Это напоминает мне ситуацию начала XVI века в Германии. Тамошне-тогдашние споры о том, кто виноват в сложившейся ситуации, тоже выявили две основные позиции. Одна - во всем виноваты попы, убрать их - и все будет хорошо. Другая - во всем виновата паства, убрать попов, и из ее среды выйдут такие же.

Выход из этого тупика был найден монахом по имени Мартин Лютер, провозгласившим: "Mea Culpa" - "Моя вина". Истреби попа в себе, обратись к самому себе, переделай самого себя - вот необходимое, хотя и недостаточное условие выхода из кризиса, из исторического тупика. "Революция родилась в мозгу монаха", - скажет позднее Маркс. Разумеется, великая социальная революция 1517 - 1648 годов, которая началась как Реформация, а окончилась становлением капиталистического общества, включая его международно- государственную систему, не сделала людей счастливыми - "на свете счастья нет, но есть покой и воля"; не устранила неравенство, иерархию и эксплуатацию - в той или иной форме они будут существовать до тех пор, пока существует человеческое общество. Но она создала новую жизнеспособную, "фаустовскую" социальную систему, которая эффективно функционировала несколько столетий. Можно ли требовать большего от революции? Нет. Вопрос в другом - есть ли мозги для рождения новой революции?

Текст печатается в сокращении

Фурсов А.И. «По ком звонят Колокола Истории? Капитализм и коммунизм в XX в.» // Русский исторический журнал.— 1999. — Т. 2. — № 1.

Юрий Пивоваров, Андрей Фурсов. Русская система и реформы

Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги

http://pubs.carnegie.ru/p&c/Vol4-1999/4/default.asp?n=10piv-fur.asp

В "коротком" XX веке (1917-1991) [1] Россия-СССР достигла наивысшего могущества в своей истории. Экономически, по показателям ВНП, она какое-то время была мировой державой номер два (лучший результат дореволюционной, "доэсэсэровской" России - пятое место в 1913 году). Что же касается военно-политического и военно-стратегического положения, то с 1945 по конец 80-х годов она делила со США первое место, конституируя биполярный "ялтинский мир". Кроме того, сегодня, глядя в календарный XX век из его последнего, двухтысячного года, можно сказать, что в уходящем столетии был такой период - 50-70-е годы, - который не имеет в русской истории аналогов с точки зрения уровня массового благосостояния и его постепенного повышения. В данном контексте мы не говорим о цене, заплаченной за тридцать лет благоденствия. Огромное большинство современников об этом не думали: ведь люди живут обыденной, повседневной жизнью, и в целом, как заметил Лев Толстой, это правильно. Мы и смотрим на этот период с точки зрения "повседневного человека".

В то же время "исторический", то есть некалендарный, XX век стал для России периодом провалов и поражений. Он начался и закончился социальными, идейными и геополитическими катастрофами, сменой власти, строя, утратой огромных территорий и нескольких десятков миллионов человек. С той лишь разницей, что в 1917-1918 годах это была плата за выход из "горячей" войны, а в 1991-м - из "холодной".

Следует особо подчеркнуть, что и в 1917, и в 1991 годах не просто рухнули две исторические структуры Русской Власти - самодержавие и коммунизм. Провалились два различных варианта общественного развития, два различных типа "модернизации": самодержавно-буржуазный и коммунистический. Если же вспомнить, что к 1998 году потерпел неудачу и "либерально"-антикоммунистический проект, то, выходит, в нынешнем столетии у России не получилось ничего из того, за что она бралась. Не получилось в конечном счете. Но этот счет и есть главный, единственный. Причем результатом последнего эксперимента стала во многом демодернизация страны, ряда важнейших секторов экономики и общества [2]. Россия словно заскользила в прошлое. Наша родина проваливается в Колодец Времени, Колодец Истории. Как глубоко? Вернувшись (с "модификациями") к дореволюционным флагу и гербу, присвоив посткоммунистическим Думам номера пять и шесть, мы вроде бы оказались в начале 1910-х. Геополитически же - изоляция, отсутствие союзников - сегодняшняя Россия как бы попала в ситуацию после Крымской войны: победительницу Наполеона выставили из Европы, так же, как в начале 1990-х победительницу Гитлера. Только если в 1860-е годы у России были относительно спокойные границы на юге и востоке, то теперь они уже спокойствием не дышат - нас теснят и оттуда.

Резко сузилось и пространство, в котором протекает русская история. Как будто мы опрокинулись в середину XVII века - в первые годы царствования Алексея Михайловича (до присоединения Малороссии). С точки зрения отношений Центр - регионы мы оказались в середине XV века, на рубеже княжений Василия II Тёмного и Ивана III Грозного: землица вроде бы едина, но Москве еще далеко до полного контроля над ней. Рязань, Тверь, Новгород находятся в полусвободном плавании, как наши субъекты Федерации в конце 90-х. Более того, ныне в полусвободном плавании по отношению к центральной власти оказалась и Москва. До сих пор она никогда не играла самостоятельной роли: это был город, где сидела Власть. В посткоммунистической России Москва приобрела ряд субъектно-властных характеристик, оттянув, откачав их у Центра (Власти).

Но и середина XV века не предел. По степени влияния внешних сил на нашу жизнь Россия

словно вернулась в ордынскую эпоху. Только диктует или пытается диктовать нам не Орда, а Запад, так сказать, не Алтын Ордон, а Баруун Ордон. Однако и это еще не дно. По многим показателям РФ похожа на Киевскую Русь. И хотя в последние годы немало писали о "веймарской России", сравнивая нашу сегодняшнюю ситуацию с германской конца 20-х-начала 30-х годов, более уместно говорить именно о "киевской России".
Но что такое Киевская Русь? В определенном отношении совокупность более или менее (чаще менее) связанных друг с другом военно-торговых "домов", ассоциаций, каждая из которых стремилась самостоятельно выйти на "мировой" рынок, торгуя в основном сырьем, лошадьми и рабами (ну чем не наши ведомства и субъекты Федерации?). Киевская Русь - это постоянные выяснения отношений, "разборки" между "региональными княжескими элитами", борьба военных группировок и князей за право быть "крышей" того или иного племени; это причудливая комбинация всеохватывающих рынка и торговли (вспомним и наших "челноков") с поздневарварскими, "раннеклассовыми" отношениями ("дань", protection rent - чем не рэкет?); это - парадоксальное сочетание: мало производят, но много торгуют.
Итак, Россию, словно в фантастическом триллере, вынесло, выбросило одновременно и сразу в несколько разных эпох, у каждой из которых своя жизнь и в каждой из которых у России своя жизнь. Историческое Зеркало-Время разбилось на куски, в каждом из которых отразился тот или иной эон, из каждого осколка глядят разные лица.
Разумеется, дело не обстоит так, что Россия вернулась в прошлое. Вернуться в прошлое, как и реставрировать его, невозможно - у Истории только one way ticket. Речь о другом: "коммунистический оползень" 1991-го и "советский оползень" 1993 года обнажили сразу несколько пластов докоммунистического, дореволюционного прошлого, которые продолжали подспудно полусуществовать "под глыбами" коммунизма. Его крушение привело к тому, что сразу несколько эпох оказались на поверхности, как будто зажив собственной жизнью. Чаще всего не образуя единства, взаимно противостоя и противореча, они в то же время если и не дополняют органически, то, по крайней мере, поддерживают или даже удерживают друг друга, подобно боксерам в клинче. Только этих боксеров не два, а больше, и далеко не всегда понятно, кто с кем ведет бой.
Да, не за это боролись герои перестройки. А вышло, как вышло, то есть мордой - и в грязь. Но ведь не впервые, вот в чем дело. Не раз уже в нашей истории, от Ивана IV и до "Бориса II", реформы оказывались контрпродуктивными, во многом, если не в главном приводили к результатам, диаметрально противоположным задуманным, да и страну при этом разрушали "до основанья", но без "затем". "Затем" наступало через десятилетия. За преобразованиями Ивана Грозного и "правительства Избранной рады" последовали опричнина и разорение, Смута. Петр I создал гвардию, армию и флот - в результате же разорил экономику, угробил страну, которая на несколько десятилетий погрузилась в вялотекущую смуту. Столыпин хотел спасти самодержавие и избежать революции. Вышло с точностью до наоборот, а Гражданская война полыхала "от темна до темна" наиболее жестоко именно там, где преуспели столыпинские реформы, - на Юге и в Поволжье. Горбачёв вознамерился спасти СССР и коммунизм - и потерял все. Не удались и затеи "молодых реформаторов". Все это дает основание говорить о некой трагико-нормальной тенденции русской истории, которая внешне проявляет себя как несоответствие результатов задуманному, как уничтожение, полное или частичное, чаще всего самой Властью, а иногда и поднявшимся против нее населением того, чту она принималась делать, реформировать. Даже термин такой появился - "контрреформа", который в паре с "реформой" образует почти магическую формулу русской истории, этакое модифицированное "шаг вперед, два шага назад".
Классический пример применения схемы реформа-контрреформа, уже вошедшей даже в некоторые школьные учебники, - Россия второй половины XIX века. В ней реформаторскому царствованию Александра II (1855-1881) противопоставляют правление Александра III (1881-1894). Самодержавие Александра III обвиняют в том, что оно

свернуло с курса реформ, повернуло их вспять, выступило контрреформатором. Правильно ли это? Контрреформа, контрреформаторы - с какой, с чьей точки зрения? С точки зрения каких задач, каких интересов, каких групп?

Этот вопрос значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В пореформенной России впервые в отечественной истории появилось множество социальных групп с различными интересами и векторами развития. Более того, эти группы обрели собственную динамику. И в определенном смысле пореформенный общественный процесс развивался как равнодействующая этих групп. Однако в целом и по-прежнему определяло этот смысл самодержавие. Оно же и корректировало его в зависимости от ситуации: "лево руля", "право руля". И сами эти повороты, помимо прочего, отражали усложнившуюся ситуацию, были реакцией на нее.

Если же предположить на миг, что самодержавие проводило реформы 1860-х-первой половины 1870-х только ради гражданского общества и демократических свобод, и рассуждать исходя из этого, то курс позднего Александра II и Александра III - это, конечно, контрреформа. Но предположить такое можно действительно лишь на миг, поскольку ясно, что самодержавие преследовало свои собственные интересы. Проводя "реформы", оно прежде всего решало свои проблемы, продлевало - и продлило на 50-60 лет - свое существование. Что же до "контрреформ", то тут, на наш взгляд, все достаточно очевидно, если только не смотреть на русскую историю, и на действия самодержавия в частности, сквозь призму обязательной "демократизации", демократизации как некоего императива. Поставив и решив определенным способом в 1860-1870 годы одни проблемы, власть в следующее десятилетие решала другие и по-другому, в том числе и те, что были порождены "реформами". Речь должна идти о едином и исторически цельном комплексе мероприятий, первую часть которого упрощенно можно представить ударом "слева направо", а вторую - "справа налево". Внешне это кажется реформой и контрреформой, реформой и реакцией - в зависимости от политической позиции наблюдателя и оттого, кто для него Власть - друг или враг.

Что касается самодержавия, то, во-первых, у него не было друзей (единственный союзник власти в стране, говорил один из русских императоров, - это армия и флот, то есть органы самой власти); во-вторых, у Русской Власти не было никакой специфической политической позиции по причине ее принципиально неполитического характера. К тому же Власть в России не была ни реакционной, ни революционной. Она была просто Властью, а потому выступала одновременно как главный революционер (реформы Александра II - это "революция сверху", как и действия Ивана IV или Петра I) и как главный вешатель, как главный реформатор и как главный охранитель, консерватор. (Не тогда ли Русская Власть начала переставать быть Властью, когда лишилась монополии на революционность, допустив возможность появления профессиональных революционеров, то есть профессиональной Антивласти?) Оттого-то и прав был мудрый, хотя и прямолинейный Победоносцев, говоря, что Россия - тяжелая страна: ни революция, ни реакция в ней до конца не проходят. Русская жизнь - это единство реакции и революции. А определяет это единство системообразующий элемент, ядро этой системы - Русская Власть, называется ли она самодержавием или коммунизмом.

На наш взгляд, одна из главных причин ложных постановок вопросов насчет русской истории и соответственно ложных ответов на них - либо в неверно найденной базовой единице анализа, базовом системообразующем элементе, либо в ошибочной, неадекватной его содержанию интерпретации. Так, к примеру, советские историки в соответствии с марксистской доктриной рассматривали русскую историю как историю классов - феодальных, капиталистических; при таком подходе власть в качестве самостоятельного субъекта вообще не попадала в "объектив". Дореволюционная наука в целом понимала значение власти в русской истории, но упорно квалифицировала ее как "государство", тем самым уподобляя ее the state. Но так же, как "классы" русского общества были далеки от классовости в точном смысле этого слова, так и "государство" далеко отстоит от the state.

Не случайно в последнее время, когда речь идет о русской истории, "государство" все чаще переводят на английский как patrimony или domination, а не state.
Мы привыкли жить в интеллектуальном комфорте, отождествляя почти любую систему власти и управления с государством и почти любую крупную социальную группу - с классом. Тем самым, кстати, впадая в стихийный капиталоцентризм, то есть воспринимая реальность в терминах и понятиях капиталистического общества. В результате государство появляется там, где его не было. Или, напротив, получается так, что Россия - это то, чему нет адекватных терминов, "чему названья в мире нет". Если мы действительно хотим понять историю различных обществ и на этой основе прогнозировать их будущее, то нужно не навязывать обществам внешнюю и чуждую им меру и сетку понятий, а найти их собственную меру, собственную субстанцию, определить их особое системное качество и их системообразующий элемент. В русской истории, на наш взгляд, такой элемент - Власть, но не политическая, государственная или экономическая, а Власть в ее метафизическом облике. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя всякий раз, как начинала преобразовывать русскую реальность на не соответствующий ей западный манер - буржуазный или антибуржуазный - и воспринимать самое себя на такой же манер. Помимо всего прочего, в этом причина и контрпродуктивности русских реформ. Хотя, разумеется, не только в этом.
Приняв тезис о Русской Власти как системообразующем элементе русской истории, проследим ее генезис. Конечно, Власть и родина, как верно заметил Владимир Набоков, разные вещи; история власти и история родины по имени Россия - не одно и то же. Тем не менее, когда в 1917 году рухнула власть, то исчезла, "слиняла", по слову Василия Розанова, за два-три дня и родина, Россия. Следовательно, если мы поймем природу Власти, придет понимание и многого другого.
Однако прежде чем рассмотреть развитие Русской Власти с ее принципами и динамикой, бросим по возможности трезвый взгляд на последние 400-500 лет русской истории, и прежде всего на некие регулярности (слово "закономерность" пока употреблять не хочется), повторяемости.
В принципе такой взгляд мог бы отлиться в строгое научное исследование, нагруженное специальной терминологией, изобилующее фактами, цифрами, эмпирическими иллюстрациями. Однако мы здесь пойдем по другому пути. Уолт Ростоу в предисловии к самой знаменитой и читаемой из его книг заметил: "Взгляды, изложенные здесь, могли бы быть разработаны в обычной форме научного трактата большого объема с большим числом подробностей и большой академической изысканностью. Но должна быть также некоторая польза в кратком и простом изложении новых идей". Более того, изложение идей, теоретического вЕдения, перенасыщенное конкретикой, часто затушевывает идею, отвлекает от нее. Особенно когда речь идет о макроисторическом, долгосрочном взгляде на русскую историю. По нашему мнению, подобный подход, учитывающий долгосрочные тенденции развития, способен прояснить картину. Смысл события редко бывает понятен из него самого; только анализ события в среднесрочной (до 50 лет) и долгосрочной (50-100 и более лет) перспективе позволяет понять его. Это тем более так, когда речь идет об эволюции социально-исторических систем, особенно таких крупных, как Россия.
Мы до сих пор плохо понимаем, чту произошло с нами за последние 10-15 лет, поскольку смотрим на события глазами их современника и участника. Но в том-то и дело, что в 1991-м окончились не одни лишь некалендарные восьмидесятые, или коммунистическая эпоха, - завершились и несколько других периодов русской истории.
Когда ведешь линию из настоящего в прошлое, чтобы понять настоящее и прогнозировать будущее, главное - не уйти в "дурную бесконечность", где-то остановиться, определив, развитие какой субстанции, какого субъекта сделать объектом исследования. Как мы уже сказали, для нас такой объект - Власть. Русская Власть как особый субъект исторического

развития наряду с античным полисом, индийской кастой, китайским кланом, германской формой Gemeinwesen (будь то в форме сельской общины или цеха), капиталом. Поэтому наш анализ мы начнем с эпохи ордынского владычества над Русью.

* * *

О влиянии татаро-монгольского нашествия, ордынского господства на Русь и русскую историю написано много, многое эмпирически зафиксировано верно. Однако главное все же ускользнуло: ордынское иго не просто радикально изменило властные отношения на Руси - оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта.

Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь-вече-боярство-церковь. При этом мы имеем цельную конструкцию, хотя в одних землях сильнее было боярство (Юг - Галицкая Русь), в других - вече (Новгород, Псков, Вятка), в третьих - князь (Северо-Восток - Владимирская Русь). Различным было и реальное влияние церкви (так, в Новгороде она была наряду с вече важнейшей опорой социального устройства). Однако ни в одном из случаев князь не был единственной властью - Властью с большой буквы, и ситуация в целом была похожа на европейскую. Как только Андрей Боголюбский, словно действуя по принципу "власть - всё", решил подмять под себя бояр и народ, его отправили на тот свет: не было у князя той "массы насилия", которая позволила бы ему сломать "четырехугольник", превратив его в сингулярную точку Власти.

Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому орднунгу - Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, - ту "массу насилия", которая обесценивала властный потенциал боярства и веча. В начале XIV века слово "вечник" уже означало "бунтовщик", а бояре в рамках ордынской системы не столько боролись с князем, сколько выступали вместе с ним против других "князебоярств", а перед самим князем "окарачь ползли" (как он перед ханом и мурзами), превращаясь в холопов.

Опершись на Орду, Александр Невский конкретизировал принцип "власть - всё": "власть - всё, население - ничто". Теперь людей можно было давить, резать им носы, уши, так как за будущим святым князем стояла Орда.

Следующий вклад в конкретизацию принципа "власть - всё" внес Дмитрий Донской. Его обычно рассматривают в череде великих собирателей и объединителей русской земли. Собиратель - да. Объединитель - нет. Стратегия собирания русских земель Дмитрием Ивановичем заключалась не в объединении, а, напротив, в углублении раскола между ними - прямо по-ленински: прежде чем объединяться, надо разъединиться. Поэтому-то Дмитрий и отказался принять митрополита Киприана, направленного из Константинополя стать общерусским митрополитом, то есть таким, которому подчинялись бы и епархии на территории Великого княжества Литовского. Дмитрию нужен был митрополит только для территории, подвластной ему, его власти, ему как Власти. Не территория важна, а подвластная, "уезженная" территория. Иными словами: "власть - всё, территория - ничто" (или: "власть первична, территория вторична").

Своим принципом князь Дмитрий достроил триединый комплекс принципов Русской Власти: "Власть первична"; "Власть первична, население вторично"; "Власть первична, территория вторична". Представители всех структур Русской Власти будут руководствоваться этим триединым принципом, жертвуя, когда возникала необходимость, населением и территорией (Ленин, Сталин, Горбачёв, Ельцин, если брать только коммунистический период). Население и тем более пространство - объект. Власть - субъект. Субъект вообще один. И это поразительно.

Христианский мир носит полисубъектный характер по определению. Субъектность вообще предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды, корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще

церковь - по поручению Власти. Парадокс можно сформулировать так: моносубъект в христианском обществе. Или так: христианская Власть, стремящаяся к моносубъектности и отрицающая субъектность других социальных агентов. Но это парадокс лишь на первый взгляд. Субъектность такого моносубъекта иная, чем в полисубъектном мире. Русская Власть есть в известном смысле "преодоление", а не только редукция "нормальной" христианской полисубъектности. Результат этого преодоления - метафизический характер (природа) Русской Власти.

Однако в ордынском орднунге этот властный мутант был все же ограничен. Извне - Ордой, изнутри - самим фактом единства князя и боярства. Причем внутреннее ограничение опять-таки было обусловлено внешним - сплочением перед лицом Орды. Как только она пала, мутант прыгнул на Русь и стал для нее новой Ордой. Захватив русские земли и раздав их в виде поместий дворянам (раздача земель боярам, по сути, поставила бы их вровень с князем), князь, и в его лице Власть-моносубъект, получил слой, опираясь на который можно было избавиться от властного союза с боярством, а моносубъект мог отбросить многие коллективные черты. Этот процесс протекал мирно по нарастающей до середины 1560-х, пока не уперся в некую преграду, взять которую эволюционным, ненасильственным путем было невозможно. Власть оказалась перед дилеммой: либо менять-ломать себя, превращая во власть и допуская субъектность других социальных агентов, либо менять-ломать общество, поставив над ним репрессивно-карательный орган, установив диктатуру этого органа, этого аппарата и "перебрав людишек". Иван Грозный выбрал второй путь, который резко ускорил ход Великой самодержавной революции. Уже в начале 1570-х годов царский аппарат настолько подчинил себе все остальное, что потребность в опричнине отпала: чрезвычайка стала повседневной организацией, царским двором; опричные земли начали именоваться дворовыми. Главный результат опричнины в том, что государев двор превратился в единственно значимый аппарат, а воля царя - в единственный источник внутренней и внешней политики. Людовику XIV приписывают формулу "Государство - это я". Однако во Франции XVII века было еще кое-что, кроме этого "я", - например, общество. Иван Грозный и его наследники по Русской Власти могли бы сказать: "Власть - это я".

Формирование самодержавия, превращавшего бояр и дворян в однородную служилую массу, логически вело к закрепощению крестьян (и населения вообще). Самодержавие же было условием реализации этого процесса. Возникнув, оно подтолкнуло социум именно в этом направлении. К 1649 году дело было сделано: крестьян закрепостили службой дворянам. Но это закрепощение было элементом более широкой системы самодержавного контроля над обществом, включая дворян и посадских (то есть горожан), по отношению к которым, как писал Сергей Князьков, закрепощение было проведено наиболее последовательно и полно (указ от 1658 года). Тягло несли все, кроме Власти. Так Русская Власть создала и оформила систему, которую мы назвали Русской Системой. Ее элементы:

- Власть;
- Популяция, то есть население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики; население, субъектность которого при нормальном функционировании Власти отрицается по определению;
- Лишний Человек. Он может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенция в XIX-начале XX веков), так и коллективным (казачество в XVII веке). Лишний Человек - это те индивиды или группы, которые не "перемолоты" Властью и поэтому не стали ни ее органом, ни частью Популяции. Или же это люди, "выломившиеся" из Популяции и Власти, нередко в результате ее же, Власти, деятельности, целенаправленной или побочной.

Русская Система - это такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть - единственный социально значимый субъект. Если Русская Система есть способ контроля Русской Власти над русской жизнью, то Лишний Человек - это мера

незавершенности системы, индикатор степени неперемолотости русской жизни Русской Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Власти, а с другой - Русской Системы и русской жизни (в которой Система далеко не все исчерпывает и охватывает, а в Системе не всё Власть) и есть Русская История.

Разумеется, теоретическая схема, предложенная нами, не более чем рабочая гипотеза, нуждающаяся в проверке, разработке, уточнении. На наш взгляд, она полезна, поскольку позволяет увидеть в русской истории то, что в ней не видели или на что не обращали внимания. Например, как мы уже говорили, в Русской Системе все реализуется через Власть, даже протест против нее (о чем, помимо прочего, свидетельствует феномен самозванства). Система функционирует так, что Власть препятствует полному или даже сколько-нибудь существенному оформлению различных групп, прежде всего привластных. Но это означает, что Русская Власть и Система в целом блокируют то, что на Западе стало классовым оформлением общества и социальных отношений. Ни одна из привластных групп, не говоря уже о группах угнетенных, о низах, не превратилась в класс. Ближе всего к этому состоянию, по крайней мере внешне, подошло дворянство, но и оно не стало классом - Власть не допустила.

Если учесть, что развитие социального неравенства и эксплуатации на Руси запаздывало по сравнению с Западом, что даже в XI-XII веках, как убедительно показал Игорь Фроянов, мы имеем дело с обществом, которое Александр Неусыхин назвал бы "дофеодальным", то есть поздневарварским, неклассовым (но только не в отрицательном, а в положительном смысле, фиксирующем некое имманентное качество), то можно заключить, что накануне татаро-монгольского нашествия и установления ордынского ига Русь, выражаясь марксистским языком, не была классовым обществом.

Ордынская система, как мы уже отметили, сформировала основы Русской Власти как моносубъекта, функционирование которого требует не наличия, а отсутствия четко оформившихся классов - ему нужны турбулентные группы и рыхлые структуры. К тому же феномен Власти делает собственность функциональной, эпифеноменом, тогда как именно по поводу собственности и возникают классы.

Созданная Русской Властью Система тоже, естественно, не предполагала не только классов, но и четко оформленных групп по любому принципу, кроме властного. Таким образом, имманентная, положительная, эволюционная неклассовость (доклассовость) Руси оказалась дополнена и усилена исторической, системной неклассовостью (антиклассовостью) как отрицанием. В Русской Системе процессу превращения привластных органов в классы противостояла не только Власть, но и Популяция. В этом (но только в этом) смысле, как это ни неприятно и парадоксально, приходится признать: в России коммунизм как антикапитализм, то есть как отрицание частной формы классовости, лег на благодатную неклассово-антиклассовую почву и с этой точки зрения стал ее наиболее адекватным историко-системным выражением. Не потому ли столь болезненными оказались для нас кризис и крушение коммунизма?

Теперь, после того как мы зафиксировали некую систему и ее структуру - связь элементов преимущественно в пространстве, обратимся ко времени, к динамике и к тому, что, развиваясь, в значительной мере определило нынешнюю ситуацию.

* * *

За последние четыреста-пятьсот лет в русской истории четырежды происходил Великий Передел - передел власти и вещественной субстанции: опричнина, реформы Петра I, большевистская революция, нынешняя Смута.

Каждому переделу предшествовал период относительного общественно-властного спокойствия и экономического благополучия (разумеется, по скудным русским меркам, по меркам социума, имманентно бедного вещественной субстанцией). Так, первые 30-40 лет XVI века были отмечены экономическим ростом. 1670-1690 годы, несмотря на некоторые проблемы, никак нельзя назвать временем экономического неустроя. Хотя

оценка периода 1890-1913 годов обычно завышена, тем не менее экономический подъем налицо. Этот русский подъем был элементом мирового подъема: капиталистическая экономика взлетела на "повышательной волне" (1891/1896-1914/1920) третьего кондратьевского цикла (1891/1896-1945). Ну и, наконец, 1950-1970 годы. За эти тридцать лет, которые на Западе называют "славным тридцатилетием" (les trentes glorieuses) и которые пришлись на "повышательную волну" (1945-1968/1973) четвертого кондратьевского цикла (1945-?), реально улучшилась жизнь советского общества - правильно говорилось в документах партийных съездов и выступлениях первого секретаря, а затем генсека ЦК КПСС.

Итак, очередной исторический передел власти и собственности - властеимущества (имущество, собственность в России тесно связаны со службой, недаром Белинский называл русскую власть "корпорацией служилых воров") следовал за тридцати-сорокалетним периодом накопления вещественной субстанции, периодом "медленной жизни", как сказал бы литературный критик Игорь Дедков, которую и сметали передельщики, все эти хирурги и мастера Чрезвычайки: опричники, гвардейцы Петра, большевики, перестройщики-постперестройщики. А потом сметало и их.

Переделы сопровождались террором. В трех первых случаях террор был "государственный", шел сверху - Власть обладала монополией на террор. Последний передел тоже сопровождается террором, но не столько "вертикальным" и централизованным, сколько "горизонтальным" и децентрализованным, "приватизированным", так сказать, демократическим, то есть соответствующим духу эпохи. Иными словами, если объем передельного насилия, прямого и косвенного, возможно, и не изменился, остался константой, то его характеристики претерпели изменение. Нынешняя власть утратила монополию на насилие, на террор, которые оказались приватизированы, причем приватизация власти-насилия произошла раньше приватизации имущества ("собственности") и стала необходимым условием, фундаментом последней. В этом кардинальное отличие нынешней русской власти от ее предшествующих форм, и это изменение может свидетельствовать о многом.

Далее. В течение последних пятисот лет русской истории Власть несколько раз создавала некие привластные органы, становившиеся в ее руках орудием контроля над населением и пространством. Эти "органы" суть боярство, дворянство, чиновничество XIX века и, хочется сказать, номенклатура, но здесь ситуация сложнее, и о ней мы скажем особо.

Боярство и дворянство, будучи привластными органами, не были носителями только метафизической Власти. Они обладали и вещественной субстанцией, собственностью, то есть неким материально-имущественным бытием, совпадавшим с властным бытием по принципу "кругов Эйлера". Наличие у этих групп вещественно-субстанциальной массы позволяло им выступать в качестве, во-первых, своего рода переходника между "метафизической" Властью и "физическими" населением и пространством и тем самым выполнять контролирующие функции, несмотря на их незначительную (относительно населения) численность, и, во-вторых, своеобразного "Адрианова вала" между населением и Властью. При этом в развитии (при)властных групп в России четко прослеживается тенденция: каждая новая группа была многочисленнее предыдущей, могильщиком которой она объективно становилась, и в то же время беднее, обладала меньшей вещественной субстанцией, вещественно-субстанциальный вал между Властью и Популяцией постепенно истончался, и когда в начале XX века он почти исчез, Власть и Популяция слились в кровавых исторических объятиях, в которых, как оказалось, Власть уничтожает себя же под видом Популяции, а Популяция наносит удары по самой себе под видом Власти. И так до 1945 года.

Власть обходилась со своими органами-группами по "принципу Тараса Бульбы": "я тебя породила, я тебя и убью". По крайней мере, так произошло с боярством и дворянством. Разумеется, у этих слоев была и своя логика развития, которая тоже приводила их к упадку. Но мы подчеркиваем тоже, поскольку роль Власти в подрыве властных,

общесоциальных позиций этих двух групп была активной и в решающие моменты главной. Мы подчеркиваем именно властное, общесоциальное как направление главного удара Власти. Так, меры опричнины, а затем, после ее формально-фиктивной отмены в 1572 году, государева двора - прежде всего "земельный террор", земельные конфискации - не привели (и это хорошо показал Александр Зимин) к значительному переделу землевладения в пользу дворянства: число княжеско-боярских земельных владений в XVII веке было не меньше, чем в XVI. А вот во властном отношении боярство вступало в XVII век, в правление первого Романова, "зяблым упадшим деревом", как заметил современник. Ну а при втором Романове это уже "был разбитый класс со спутавшимися политическими понятиями, с разорванным правительственным преданием" (В.О.Ключевский).
Опричнина, прав Даниил Альшиц, подорвала властные позиции боярства, причем настолько, что его ответный удар по Власти в Смуту, выразившийся и в самом факте Смуты, и в восшествии на престол двух боярских царей - Лжедмитрия I и Василия Шуйского, лишь затормозил, оттянул до середины XVII века (Соборное уложение 1649 года) окончательное решение боярского вопроса и окончательное оформление Власти в моносубъекта, но не более того. И решающую роль в этом сыграла опричнина - одновременно и эмбрион московского самодержавия и Русской Власти вообще, и модель, руководство к действию последующих структур Русской Власти.
Георгий Федотов назвал опричнину демократизацией господствующего класса. Мы бы сказали, господствующих групп, а слово "демократизация" поставили бы в кавычки. Опричнина была "демократизацией" в том смысле, что расшатала властные позиции боярства, утопила боярство в более широкой группе, как бы "опустила" его в эту группу, чему в немалой степени способствовала также конвергенция вотчинного и поместного землевладения.
Следующим "демократизатором" выступил Петр I. В его курс логически вписываются действия противников "затейки" верховников. После 1825 года "демократизация" господствующих групп вообще вышла за их рамки, подключив к этим группам мещан-разночинцев (в этом смысле Николай I по-своему реализовывал программу Павла Пестеля). Ну а большевики довели линию "демократизации" господствующих групп до логического конца, распространив ее на общество в целом и тем самым завершили процесс, начатый опричниной. Причем приход большевиков и наступление "России черного года" начинают просматриваться уже тогда, когда самодержавие, Русская Власть, действуя в соответствии со своей логикой и проводя "демократизации" господствующего "класса", выходит при Николае I за рамки этого класса и получает в результате перспективу уже не "внутриклассовой", а "межклассовой" революции. Что и реализовалось в 1917 году.
Еще одна регулярность. Каждый новый этап, цикл русской истории начинался как процесс вызревания новой структуры Власти в ходе Смуты, а затем закрепощения этой Властью населения, причем не только низов, но и верхов.
По верному замечанию Бориса Чичерина, в России власть (он пользовался термином "государство") создает сословия, закрепощая их, кристаллизуя, замораживая текучие элементы русской истории. Так, в 1649 году были созданы-закрепощены сословия крепостных, посадских, дворян. Все они были тягловыми; это если и не окончило Смуту (она окончилась раньше), то подвело под ней историческую черту. Однако московскому самодержавию недоставало своих средств для подмораживания-закрепощения, не хватало объема и мощи насилия и репрессивной организации: раскол, Стенька Разин и стрельцы демонстрировали это со все большей властной прямотой и наглядностью. Объем и мощь насилия дал Петр I. Однако против его "партии" со временем выступил вновь сотворенный привластный, служебно-служилый орган власти - дворянство. К тому же Власть должна была избавиться от хватки на своем горле очередной русской Чрезвычайки - гвардии, а потому решила опереться на дворянство в целом, отпустив его 18 февраля 1762 года манифестом о вольности дворянской, позволив ему не служить и сделав его

привилегированным сословием.
На следующий день, 19 февраля, но через 99 лет, в 1861 году, Власть отпустила крестьян. И уже в 1860-1870 годы журналисты, писатели, просто внимательные наблюдатели заговорили о новой Смуте, как мы полагаем, вполне оправданно. Смута окончилась в 1929-м новым закрепощением, причем не только крестьян, но и всего общества, включая номенклатуру. Затем, в 1953-1956 годах, была раскрепощена номенклатура; в середине 1980-х отпустили население. И вот она, новая Смута!
Иными словами и несколько (осознанно) упрощая, Русская Власть и Русская Система развиваются в циклическом ритме: замораживание-потепление, сжатие-расширение, закрепощение-освобождение. Каждый новый цикл начинается со сжатия-закрепощения Властью общества, а заканчивается освобождением и Смутой, что мы сейчас и переживаем. Значит ли это, что логически Россию ожидает новое закрепощение? Над ответом на этот вопрос мы поразмышляем в конце статьи, а сейчас вернемся в 1762 год и рассмотрим некоторые другие сюжеты.
С издания "Манифеста о вольности дворянства" прошло всего лишь тридцать пять лет, и Павел I, повинуясь инстинкту Русской Власти, начал выправлять ситуацию. Слишком сильный и независимый привластный орган, к тому же все более приближающийся по своим очертаниям к классовости (и тем самым, помимо прочего, косвенно подталкивающий самодержавие к государственности) не нужен Русской Власти. Дворянству была суждена судьба боярства, и могильщик нашелся - разночинный чиновник.
Попытка Павла I наскоком вернуть дворянство в служилое стойло окончилась удавкой на шее императора: ему противостояло уже привилегированное сословие, вкусившее свободы не служить, а не запуганные дворянчики, из которых Петр I лепил табелеранговых индивидов. Тем не менее направление было указано: властное ослабление дворянства при поддержке его экономических позиций, но в то же время решение крестьянского вопроса.
После декабря 1825 года самодержавие еще более ужесточает властный прессинг по отношению к дворянству, широко открывая двери во властные органы перед разночинцами. К середине XIX века и экономические позиции дворянства оказались ослабленными настолько, что стало возможно освободить крепостных (в 1859 году 66 проц. частновладельческих крепостных были заложены помещиками государству). Новой привластной группой во второй половине XIX века становится чиновничество ("чернильное дворянство", по Герцену) [3], мало и слабо связанное с собственностью на "вещественные факторы производства", на вещественную субстанцию. Так сказать, привластный салариат. В этом его сила в глазах Власти. Но в этом и его слабость для Власти: ему нечего или почти нечего защищать в плане вещественной субстанции - только позиции, статус и образ жизни. Конечно, и это немало, и за это можно не только кому-то "пасть порвать", но и жизнь свою положить. И все же. Отделенность (или почти отделенность) или преимущественно косвенная связь с вещественной субстанцией делали позицию пореформенного чиновничества специфической, придавали ей неизъяснимую легкость социального бытия, тем более что чиновников было много, а вещественной субстанции мало. В то же время профессия, служба еще не до конца оторвались от субстанции, порождая некое двойственное состояние. Налицо было противоречие, которое, однако, из-за своей слабости, нечеткости не могло разрешиться, так сказать, эволюционным путем.
А рядом тем временем формировалась, "тихомолком расцветая", профессиональная служебно-служилая, но уже не привластная, а антивластная (то есть властная со знаком "минус", альтернативно-властная) группа профессиональных революционеров. И когда Власть вконец ослабла, к власти пришли они, та самая необольшевистская "ленинская гвардия", выпестованная по рецептам ленинской "Что делать?". И хотя двадцать лет спустя гвардейцев Владимира III русской истории уничтожили - аккурат к двадцатилетию

Октября, а прах развеяли над полями, если память не изменяет, совхозов имени Ленина и 20-летия Октября, дело было сделано: старый режим отправили на свалку истории, а новые антисобственнические чиновники заложили фундамент новой системы. Произошло это между декабрем 1917 года, когда были введены первые пайки, и апрелем 1923-го, когда на XII съезде РКП(б) было принято решение распространить деятельность созданных в 1920 году при ЦК и губкомах РКП(б) учетно-распределительных отделов на все отрасли управления - советскую и хозяйственную. О необходимости этого шага сказал Сталин. Так возникла номенклатура. Так при Сталине и со Сталиным реализовалась многовековая заветная мечта Русской Власти - то, о чем мечтали в середине XVI века Ермолай-Еразм и Иван Грозный.

Как известно, псковский монах Ермолай-Еразм предлагал жесткую централизацию вплоть до полной этатизации, "огосударствления" дворянства: жизнь в городах, получение в централизованном порядке продуктов (паёк!). И хотя в России середины XVI века это сделать не удалось (удалось несколько десятилетий спустя в Японии сёгунам Токугава и поддерживавшим их даймё, посадившим самураев на рисовый паек), мечта оставалась. И была некая тенденция, соответствовавшая этой мечте, а именно долгосрочное и постепенное истончение слоя, субстрата вещественной субстанции, "собственности" у господствующих групп русского общества.

Кстати, здесь вполне уместно сказать несколько слов о проблеме вещественной субстанции в Русской Системе. Причем связать эту проблему с темой "Судьба реформ в России". На наш взгляд, скудость вещественной субстанции - необходимое качество Русской Системы. Ее "избыток" всегда ведет к кризису, к опасности для системной жизнедеятельности. Время от времени, особенно ощутимо это было в пореформенный период нашей истории (после 1861 года), такой избыток возникал. В начале XX столетия он даже поставил под вопрос дальнейшее существование Русской Системы. В таком контексте вступление России в мировую войну было чуть ли не единственным способом сохранения и самосохранения Русской Системы.

Сейчас многие с горечью вздыхают: если бы не эта несчастная война, Россия построила бы у себя нормальное современное общество! И подтверждают это многочисленными авторитетными расчетами. Но тогда, в прологе века, пробил час гибели не Русской Системы, а лишь одной из ее исторических структур - Самодержавия. На сцену собирались выйти новые актеры (те самые профессиональные революционеры), вскормленные в недрах Русской Системы и готовые ради ее сохранения ("объективно" готовые, "субъективно" они думали о другом) поступиться и пространством, и временем. И они спасли Русскую Систему, посадив ее на диету. Ведь Россия, как заметил выдающийся реакционер граф Дмитрий Толстой, объелась реформами - либеральными, капиталистическими, способствующими увеличению вещественной субстанции.

С этой точки зрения мировая война; русский "военный коммунизм", выросший из нее и призванный перераспределять скудную вещественную субстанцию; русская революция, выступившая под марксистскими знаменами и всей своей сутью враждебная Марксову учению, были не неким странным вывертом истории ("умом Россию не понять"), а тем историческим шансом, который - не исключено, в последний раз - выпал Русской Системе. И она, внешне разбившись в пух и прах, внутренне преобразилась и через пару десятков лет явилась urbi et orbi в сиянии брони своих быстрых танков.

Таким образом, условием нормального существования Русской Системы необходимо признать наличие точной пропорции, равновесия между объемом вещественной субстанции и способностью самой Системы к ее перемолоту-переделу. Преодоление скудости вещественной субстанции, создание некоторого ее избытка, с одной стороны, и возникновение дефицита этой субстанции в особо крупных размерах, с другой - подрывают основы Системы. То есть и в скудости необходима мера - мера Русской Системы. Cum grano salis - это такой же "закон" Русской Системы, как у марксистов закон о соответствии производственных отношений уровню производительных сил.

Столыпин, исторически продолжая дело людей эпохи "великих реформ", дело Витте, нарушил эту пропорцию, это равновесие. Точнее, его политика способствовала усилению тех процессов в русском обществе, которые работали против фундаментального "закона" Русской Системы. И она завалилась. А вместе с ней рухнула Россия. Так, видимо, крепко они срослись друг с другом (кстати, "Русская Система" и есть сокращенное "Россия"; в "Русской Системе" нет только буквы "о"; не случайно, наверное, после падения "Русской Системы" от "России" остается лишь "о" - "ноль"). Здесь-то и лежит главный болевой нерв: как проводить реформы в России, если преодоление Русской Системы ведет к развалу страны, смуте, хаосу?

Пока в России удавались реформы, которые были направлены на укрепление, совершенствование Системы, Власти. Иначе говоря, внутрисистемные реформы. Но подобные реформы обрекают Россию на хождение по кругу и, если можно так сказать, нерешение кардинальных проблем ее социоисторического развития. Тех проблем, решение которых блокирует Русская Система.

Однако вернемся к теме истончения в ходе эволюции Русской Системы субстрата вещественной субстанции у господствующих групп. В номенклатуре эта тенденция находит свое логическое завершение и торжествует победу. Метафизическое и физическое Власти пришли в соответствие. Однако эта победа сразу же создала для Власти серьезнейшие проблемы. Власть стала массовой. Во-первых, потому что революция 1917 года произошла в эпоху массового общества. Во-вторых, потому что большевики возглавили, а точнее, оседлали (очень правилен и правдив памятник Ленину на Октябрьской, а ныне Калужской площади в Москве) массовый процесс, говорили от имени масс и должны были так или иначе задействовать их в управлении. В-третьих, поскольку, возникнув, партаппарат стал развиваться по собственной логике разрастания, он требовал массовой партии, что, в свою очередь, стимулировало рост партаппарата, попутно вызывая разбухание других аппаратов - "государственного" (советского) и хозяйственного. Наконец, в-четвертых, отсутствие "овеществленной власти", привластного органа, то есть группы, контролирующей вещественный, "материальный мир" на основе не только Власти, но и привластной "собственности", требовало чисто количественной компенсации - огромного числа людей, вовлеченных во Власть. В обществе, где нет частной собственности и где Власть - всё, даже паспортистка или участковый, не говоря уже о начальнике ЖЭКа или школьном директоре, выступают как представители властной группы. 40-50 проц. населения в СССР были так или иначе, прямо или косвенно, постоянно или ситуационно вовлечены во Власть, отправляли властные функции. Пусть в миниатюрной форме, но эти функции имели все те качества, которыми обладала Власть.

Коммунистический порядок - самая массовая форма Власти в истории России. С коммунизмом Власть оказалась как бы размазанной по России, Россия была умыта Властью (а потому - и кровью). Во Власть впервые было включено население, популяция, народ, продемонстрировавший невиданную жестокость по отношению к самому себе. Коммунизм модифицировал Власть как главного субъекта русской истории, превратив его во Властепопуляцию - субъекта крайне противоречивого, а потому не рассчитанного на длительное существование (портрет этого субъекта в его довоенном состоянии и даже особый язык, выражающий его суть, создан великим русским писателем XX века Андреем Платоновым). Номенклатура как ядро Властепопуляции (в очевидной форме - по меньшей мере, до конца 40-х годов) отразила эти противоречия. Коллективно отчуждая социальные и духовные факторы производства у населения, экономический продукт номенклатура потребляла (то есть присваивала) индивидуально в соответствии с рангом. Поскольку же человеку всегда хочется больше, а при коммунизме привилегированное положение, статус, власть материально проявлялись только в качестве и количестве потребления, то стремление выйти за рамки потребления, предписанные рангом, было очень сильным. Сделать это можно было только нелегально, "в тени", "обменяв" власть на "продукты

потребления".
В обществах, где публичная сфера отделена от частной, такой обмен называют коррупцией. В коммунистическом режиме, отрицающем разделение публичной и частной сфер, гомогенизирующем их, это не коррупция - exclu par dйfinition, а перераспределение продукта. Пока действовал страх, пока "репрессивные органы" были над партией, этот процесс удерживался в определенных рамках. Однако после того как номенклатура обеспечила себе гарантии физического существования (решение ЦК от марта 1953 года; роспуск "троек" в том же году, о чем народу объявили только в 1956-м), процесс пошел и в брежневскую эпоху - "золотой век" номенклатуры - достиг апогея, превратившись в безбрежный реализм Системы. "Теневой бизнес" сращивался с хозяйственными органами, хозяйственные - с партийными, и вместе они делили-перераспределяли, преодолевая тем самым ранговые барьеры.
Однако перераспределением занималась не только номенклатура. Так или иначе в этом процессе (благо были нефтедоллары, позволявшие проедать собственное будущее) участвовали значительные по численности сегменты населения. Уровень его жизни в 1960-1970-е годы повысился, водоразделом стали Олимпийские игры 1980 года, когда с "ласковым Мишкой", запущенным со стадиона им. Ленина, словно отлетела душа коммунизма. Правда, в это время в Политбюро появился другой Миша - невольный могильщик, как окажется потом, и коммунизма, и СССР.
Перераспределение, "теневой передел" не решили, однако, главную проблему номенклатуры - как зафиксировать, материализовать свои привилегии, передать их детям. В обществе без частной собственности или, по меньшей мере, с жестким контролем над распределением это невозможно. Жизнь даже господствующих групп протекает в нем лишь в одном временнум измерении - настоящем. Шагнуть из "одномерного", "точечного" времени в "трехмерное", то есть обрести полноту социального существования, группа без собственности на вещественную субстанцию не может. И не смогла [4].
Проблема трансляции привилегий во времени стала очевидной во всей своей остроте на рубеже 70-80-х годов, равно как и исчерпание возможностей экстенсивного экономического роста вкупе с серьезным ослаблением - в условиях размягчения Власти и тотального воровства - механизмов эксплуатации населения. Все это, а также другие проблемы и имманентные, системообразующие противоречия "исторического коммунизма" привели к его крушению, распаду СССР и криминализации (точнее, асоциализации) общества и экономики. У этого последнего процесса есть два источника, две составные части. Во-первых, к концу 80-х Власть (Властепопуляция) типологически охватила все легальное социальное пространство и начала прорастать во внелегальное, криминальное. Это была единственно возможная, качественно новая зона экспансии Власти. Во-вторых, выработав, "стесав" коммунистические "легальные" формы, способы и механизмы эксплуатации, господствующие группы, тем более в ситуации их рушащегося, крошащегося и приватизируемого мира, могли рассчитывать только на внелегальные, криминальные, асоциальные формы и механизмы.
А-социализм как высшая стадия коммунизма?
Любые события можно трактовать двояко: как краткосрочный результат краткосрочных действий неких лиц и как результат действия долгосрочных исторических тенденций. Так, крушение коммунизма и распад СССР можно считать следствием того, что собрались в Пуще "три мудреца в одном тазу" и пустились в нем в "историческую грозу". Все просто. Но слишком просто, чтобы быть правдой.
С долгосрочной точки зрения - не с броделевского longue durйe, а с точки зрения вековых трендов - и сам коммунизм, и его конец были логичным и закономерным результатом процесса развития, саморазвертывания Русской Власти, двоякого по своей сути, то есть соединяющего две тенденции - увеличение численности ее носителей (привластных групп), или количественное увеличение биологической субстанции, с одной стороны, и уменьшение, истончение ее вещественной субстанции (той субстанции, которую

номенклатура "потребляла"), с другой. В коммунизме обе эти тенденции достигли социального и вещественного предела, за которым начинаются как асоциализация и раздробление (приватизация) Власти (результат: большое число легально-внелегальных кусков и кусочков Власти), так и "сгущение" вещественной субстанции на одном краю общественного спектра и полное истончение - на другом.

Оба этих процесса, обе тенденции, не имеющие отношения к возникновению капитализма, а представляющие собой продукт разложения структуры Русской Власти, тесно связаны друг с другом и в этом единстве выступают как зеркальные, разрывно-преемственные по отношению к четырехсотлетним тенденциям (трещинам) Русской Власти, о которых мы сказали выше. Это не заговор, не случайность, не исторический кульбит (эволюция крупных систем действительно необратима), а жесткая логика развития Русской Системы, ее системообразующего ядра - Русской Власти, стремящейся в идеале охватить всю систему, но гибнущей, как только перейден определенный рубеж.

Аналогичным образом обстоит дело с капиталом, охват которым всей мировой системы будет равносилен гибели капитализма. Капитал и Русская Власть, вообще, суть две формы - преимущественно временнбя и преимущественно пространственная - одного и того же христианского исторического субъекта, который начал свой разбег Великой Революцией - капиталистической (1517-1648) и самодержавной (1517-1649) - и, похоже, заканчивает его на наших глазах.

Так что же дальше с Россией, с Русской Системой, с Русской Властью?

На один вопрос - о перспективах нового закрепощения - можно дать скорее отрицательный, чем утвердительный ответ. Дело в том, что современное наукоемкое энтээровское производство не требует массовых эксплуатируемых групп, многочисленного эксплуатируемого населения. Поэтому речь идет не столько об эксплуатации и контроле (а следовательно, той или иной форме "закрепощения"), а о депривации, то есть не о включении в систему, а об исключении из нее, отсечении от общественного пирога. Массовое закрепощение не нужно. Это одна сторона. Другая сторона заключается в том, что в ходе мирового и российского процесса приватизации власти широкомасштабный всеохватывающий контроль над населением (его образом мысли, его виртуальными путешествиями, человеческими контактами), особенно с учетом мировой компьютерной сети, едва ли возможен. Возможны "точечный" - в той или иной отдельно взятой области - контроль, "точечное" закрепощение, но это иное.

Возникает мир, отчасти напоминающий Русскую Систему, особенно в ее коммунистической фазе; но этот мир возникает не на чисто властной, а на сугубо производственной основе - причем не вещественной, а энерго-информационной. Ведь компьютеризация меняет власть и собственность, стирает грань между ними, равно как и между частной и публичной сферами.

Что касается дальнейших перспектив развития Русской Власти и Русской Системы, то здесь трудно прогнозировать. Русская Система развивалась параллельно с Капиталистической Системой. Каждому гегемону Капиталистической Системы и создаваемой им мировой структуре соответствовала определенная структура Русской Системы и Власти: гегемонии Голландии - московское самодержавие; Великобритании - петербургское; США - коммунистический режим СССР. Россия-СССР сыграла решающую роль в "тридцатилетних" войнах за гегемонию в мировой экономике и политике: между Великобританией и Францией (1792-1815), между США и Германией (1914-1945); именно на ее территории располагались решающие театры военных действий, именно она своей людской массой и своим пространством "перетерла" Наполеона и Гитлера. Иными словами, Русская Система была четко вписана в мировую, а в XX веке к тому же выступала как антикапиталистическая система, как антисистема.

Коммунистические идеи существовали много веков, но в качестве социальной системы коммунизм возник и развивался как антикапитализм (во многом и, разумеется, с определенной точки зрения) или капитализм со знаком "минус".

Дальнейшие судьбы России неразрывно связаны с судьбами мировой (капиталистической) системы. Проблема, однако, в том, что капитализм сам переживает системный кризис, находится - в терминах Ильи Пригожина - в точке бифуркации, то есть такой точке, когда он имеет максимальную свободу выбора дальнейшего развития. Ныне вполне ясно проявилась тенденция трансформации системы в новую, гораздо менее эгалитарную и демократичную, более эксплуататорскую и депривирующую, чем сегодняшняя. И в самой России есть силы, работающие на эту тенденцию. Никто не может сейчас сказать, в каком направлении пойдет равнодействующая всех противоборствующих сторон позднего, зрелого капитализма, какой мир возникнет из него через 60-70 лет. В контексте темы этой статьи главный вопрос заключается в следующем: возможна ли в России Система с иным, чем Власть, субъектом, системообразующим элементом? И если да, то с каким?

Примечания

[1] "Короткие" и "длинные" века - принятые в современной социальной науке понятия, означающие не хронологическое измерение эпохи, а содержательное.

[2] Впрочем, такое бывало уже не раз. С этого, к примеру, началась коммунистическая фаза нашей истории. Быть может, это вообще ее "закон", "норма"?

[3] В этой статье мы сознательно не затрагиваем проблему "просвещенной бюрократии", сыгравшей большую роль в пореформенный период русской истории.

[4] Мы намеренно не обсуждаем ситуацию, сложившуюся в последние годы, когда в России возникла группа (или группы), обладающая собственностью. Посмотрим, что произойдет с нею (ними) в обозримом будущем.

Saeculum vicesimum: In memoriam (Памяти XX века) Часть 1

Памяти поколения советских победителей, не получивших ничего, – тех, кто сломал хребет Гитлеру, не прогнулся перед Сталиным и никогда бы не лег под дядю Сэма.

Двадцатый век… еще бездомней,

Еще страшнее жизни мгла,

Еще чернее и огромней

Тень Люциферова крыла.

А.Блок

Наше потомство увидит век наш красивее, изящнее, величественнее, чем он нам кажется, – ужасы его забудутся, а вспоминать будут – как и мы о средних веках – лишь красоту и энергию нашего столетия.

М.Меньшиков

Век шествует путем своим железным.

В сердцах корысть, и общая мечта

Час от часу насущным и полезным

Отчетливей, бесстыдней занята.

Исчезнули при свете просвещенья

Поэзии ребяческие сны,

И не о ней хлопочут поколенья,

Промышленным заботам преданы.

[…]

Блестит зима дряхлеющего мира,

Блестит! Суров и бледен человек.

Е.Баратынский

«Хотел бы я, чтобы это происходило не в мое время», – сказал Фродо. «Я тоже, – ответил Гэндальф. – Но это не нам решать.

Мы можем решить только одно – что де лать со временем, которое отпущено нам».

Дж.Р.Р.Толкин «Властелинколец»

«Right or wrong – my country»

(поговорка англосаксов, во многом определившая их победу в борьбе за мировую гегемонию и с трудом воспринимаемая «прогрессивной» русской/советской общественностью).

Fin de siècle

(вместо предисловия)

Вот он и кончается, уже почти кончился – **календарный** XX век, а вместе с ним двухтысячелетие – bimillenium – со дня рождения Христа. Пройдет две-три недели, и осыпающаяся новогодняя елка, купленная в прошлом веке и в прошлом тысячелетии, будет выброшена – уже в новом тысячелетии и в новом календарном веке.

Исторический же XX век кончился девять лет назад, в 1991 г. – спорить, думаю, можно лишь о конкретных датах – 23 августа в 17 час. 09 мин. (фактический запрет КПСС) или 25 декабря в 10 час. 45 мин. (фактическое прекращение существования СССР). Век окончился по русскому времени. Да и начался по нему. Это не этноцентризм, а фиксация реальности исторического века, который – так вышло – своим рождением и смертью оказался тесно связан с Россией, с СССР, с советским коммунизмом.

В то, что XX в. заканчивается, трудно поверить. В 1961 г., когда в космос полетел Гагарин, мне было десять лет. Я с восторгом читал эйфорические прогнозы: 1971 г. – полет на Марс, 1981 г. – полет на Венеру, 1991 г. – обитаемые орбитальные станции, 2001 г. – начало XXI в. – строительство первых городов на Луне. Дух захватывало и – верилось. По многим причинам. В том числе и потому, что XXI век и 2001 г. были так далеко, что за это долгое-предолгое время, казалось, можно успеть освоить космос, по крайней мере, ближний, так называемый Пояс Жизни между Марсом и Венерой.

Сорок лет, опрокинутые в прошлое, а не в будущее, кажутся не веком, а мигом (*«Есть только миг, за него и держись»*). Еще сорок лет, но только в будущее, – и от поколения, родившегося в 1950-е годы, останется, по крайней мере в нашей стране (если останется наша страна, наша планета, мир – всякое может случиться: человек лишь предполагает), ничтожно мало; к тому же о большинстве из этих людей можно будет сказать так, как сказал о себе Арамис в эпилоге к «Виконту де Бражелону» (*«Je suis vieux, je suis éteint, je suis mort» – «Я стар, я – прах, я мертв»*).

Парадокс, но ныне, при более высоком уровне развития техники, в том числе аэрокосмической, едва ли кто решится прогнозировать сколько-нибудь значительное освоение Пояса Жизни, по крайней мере, так же щедро, как в 1961 г. «Конец прогресса», – так назвал свою книгу о конце XX в. Жан Гимпель; впрочем, в переводе с французского это звучит и как «Конец будущего». Мрачно? Возможно. Однако сомнений не вызывает следующее. XX век был Веком Величайших Надежд, Веком Великой Мечты (в советском и американском вариантах). Между 1945 и 1975 гг. (французы называют этот период «славным тридцатилетием») казалось, что надежды вот-вот сбудутся (почти сбылись!), а Мечта вот-вот реализуется.

Мировой оркестр звучал оптимистично, и хотя время от времени в этом бравурном звучании порой нет-нет да и проскакивали тревожно-щемящие звуки виолончели (*«все хорошо, да что-то нехорошо»*), до начала 1970-х годов верилось и мечталось (правда, с средины 1960-х – все более устало, скорее по инерции).

Последняя четверть XX в. обманула надежды и развеяла мечты – да так, что из сегодня, из последних декабрьских дней уходящего века они кажутся не то что наивными – невозможными.

Нет. Возможно. Было. Мечталось. Верилось. Свидетельствую, как очевидец, причем очевидец, не склонный ни к мечтам, ни к надеждам, ни к иллюзиям, выросший в стране, где одним из принципов, если не императивов жизни, как повседневной, так и метафизической, было *«не верь, не бойся, не проси»*.

Век-обманщик? Как же оценить его? Да и обманщик ли? Может, это люди себя обманывают? Не желают видеть правды – века, эпохи, времени? Да, люди в большинстве своем не любят, не желают знать правды, чаще всего отгораживаясь от нее стеной из банальностей, цинизма (т.е. реализма без моральных принципов), группового эгоизма. И тут же возникает еще вопрос: а есть ли она – эта правда времени и о времени, века, о веке? Вообще, правда о жизни. В.Шкловский как-то заметил: *«Нет правды о цветах, есть наука ботаника»*. Иными словами, из недифференцированного целого (для кого-то – потока, для кого-то – месива) мы вычленяем некую сферу в соответствии с некими правилами, т.е. конструируем ее и изучаем ее как научную правду. А точнее, получается, конструируем ее как научную правду. Но это – по определению частичная, сконструированная по заданным правилам и на определенном языке правда. А как быть с целостной правдой – века, времени?

Можно ли понять время, если ты «внутри»?

Можно ли понять время, если ты «снаружи»?

Разумеется, лучший способ – одновременно изнутри и снаружи, in and out the same time. Но такие моменты – моменты «вывиха времени», когда «the time is out of joint», крайне редки. К несчастью (или к счастью? *«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»*) мы находимся именно в такой точке – in and out at the same time, когда *«век вывихнут»*.

Перефразируя первые строки «Старого Порядка и революции» Алексиса Токвиля, хочу сказать: моя книга – вовсе не история XX века, это – исследование XX века и размышления о том, чем и каким был век, о том, что его определило, о том, как он в целом определил свои хронологические и содержательные отрезки, части, к сумме которых он, естественно, не сводится. При этом объекты размышления – это прежде всего *«большие структуры, крупные процессы, широкие сравнения»* (название знаменитой книги Ч.Тилли).

Мои размышления, неизбежно являясь исследованием, одновременно выступают и в качестве введения к нему («един в двух лицах»), тем более что данный текст – журнальный вариант большой по объему, содержанию и проблематике книги. Ясно, что журнальный вариант – это не просто механическое сокращение, но сокращение содержательное, упрощение композиции, отсечение каких-то сюжетных линий, т.е. ожурналивание. При том что в публикуемом в «РИЖ» тексте я предпочитаю жертвовать событийно-историческим (ведь у меня не учебник истории XX века) и что даже в большом варианте я не ставил задачу охватить **все** главные или сколько-нибудь значимые тенденции развития, процессы, структуры и события века, – это невозможно, да и не нужно для **данного** исследования, совсем без истории, без событийного обойтись нельзя. Более того, первая часть моего «XX века» – «XX век: время, или сквозь пыль событий (панорама века)», публикуемая в настоящем томе, – посвящена именно событиям, уложенным в несколько отрезков, на которые я «рассек» век.

Разумеется, любая периодизация есть более или менее насильственный, волевой акт. И тем не менее без периодизации как организующего средства-властелина времени и событий не обойтись. Я поделил «исторический» XX век (1914/17–1991) на

четыре периода: «длинные двадцатые» (1914/17–1934); война (1934–1945); «славное тридцатилетие» (1945–1975) и «сумерки века» (1975–1991). «Календарным обручем» сжимают «исторический» XX век «прелюдия» (1901–1914/17) и «последние листки календаря» (1992–2000).

В такой хронологической конфигурации, с ее помощью я представлю основные события века. Я прекрасно помню броделевское *«событие – это пыль»*, т.е. суть, явный и скрытый смысл того или иного события (той или иной одномерности, воспринимаемой и/или конструируемой нами в качестве события) внеположены ему; их можно понять лишь в более широких (conjoncture, la longue durée) контекстах. Именно этому будут посвящены остальные части моей работы. Однако прежде чем играть в карты, надо выложить их на стол и раздать, что и будет сделано в первой части. Позднее, в других частях мы будем возвращаться к этим событиям – часто не раз, под разными углами зрения, в различных контекстах, как к элементам процессов различной длительности и совмещающихся друг с другом в лучшем случае по принципу «кругов Эйлера». В результате одно и то же событие может присутствовать и анализироваться в различных частях книги, связываться в зависимости от контекста с совершенно различными событиями, выступать в качестве элемента (и исследуемого объекта) совершенно разных процессов, т.е. быть нетождественным самому себе. (Собственно, любой серьезный исторический анализ есть, прежде всего, исследование нетождественности, асимметричности социальных феноменов самим себе.) В то же время некоторые важные события в событийной части вообще не появятся, а возникнут как case study той или иной теоретической или макроисторической проблемы в других частях работы.

В результате при таком подходе внешне работа о XX веке оказывается похожа не то на сеть, не то на вышивку гладью (только стежки идут не только вперед-назад, но и вбок – со множеством взаимосвязанных петель), не то на сложносоединенные цепи «камней» из военно-стратегической игры «го». Ну что же, век, его сложность определяют метод и формы исследования – так, чтобы в конечном счете не только адекватно отразить saeculum XX, но и *«представить сложное и запутанное как простое и ясное»* (А.А.Зиновьев).

Правда, как говорил другой мой учитель, В.В.Крылов, иногда вещь настолько проста, что объяснить ее можно лишь сложным образом. И только поняв ее так, люди начинают воспринимать ее, а вместе с ней и ее объяснение как простое.

В последние 15–20 лет все чаще и больше говорят об «изучении сложного», «изучении хаоса» и т.п. как об одном из главных современных методологических направлений изучения сложных систем. Время – в значительно большей степени ключ к теориям, которые создают для его объяснения, чем эти теории – ключ ко времени.

Это касается не только общественных наук, но и наук о природе. Например, термодинамика (1811) – наука о корреляции между изменениями объема, температуры и физико-химических параметров. По сути, став первой наукой о сложном, – именно в ней было впервые введено понятие необратимого процесса, т.е. «стрелы времени» – она не случайно возникла в 1811 г., после того как в результате Великой французской революции, во-первых, изменение стало восприниматься как нормальное, неизбежное и, по сути, необратимое; во-вторых, на политическую арену вышли массы, что резко усложнило социальную ситуацию. Идеи необратимости изменения и сложности витали в воздухе. Во многом именно дух эпохи, некое ощущение истории, времени, а не только чисто научная логика развития самой физики привели к появлению термодинамики.

В начале XX в. теория мобилизма Вегенера в геологии, т.е. тектонического движения вообще и материков в частности не только по вертикали, но и по горизонтали тоже соответствовала духу времени социальных катаклизмов – войн и революций.

Наконец, в конце XX в. пригожинские «диссипативные структуры» в химии, исследования хаоса и сложного («chaos and complexity studies»), фрактальная геометрия и многое другое обусловлены прежде всего нарастающей хаотизацией, непредсказуемостью мира неолиберальной глобализации. Это в относительно спокойные времена в центре исследования оказываются состояния равновесия, структуры (например, расцвет социологической школы Т.Парсонса в 1950-е – начале 1960-х годов); в смутно-тревожные времена фокус интересов смещается к колебаниям, флуктуации, бифуркации, неопределенности, от системы – к субъекту. Эволюция теории социальных и естественных наук подтверждает такую корреляцию.

Разумеется, связь в таких случаях носит не прямой, а опосредованный, тонкий характер влияния духа времени на мировоззрение и затем – не теории (цепочка Zeitgeist – Weltanschauung – Theorien). Неудивительно, что часто анализ эпохи может дать больше для понимания созданных в ней теорий, чем эти теории – о ней. Поэтому знание той или иной эпохи и адекватное понимание ее позволяют лучше понять теории эпохи, а это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию эпохи. Онтология и гносеология (эпистемология) становятся не элементами даже, а различными сторонами цельного исследовательского комплекса. Именно такими соображениями продиктовано содержание введения к части I монографического цикла и ее содержание.

Вторая часть книги посвящена тому, чем, каким и чьим был век, его основным противоречиям и крайностям. Третья – проблеме капитализма и коммунизма как социальных систем XX в., их взаимодействию, прежде всего – борьбе. Речь идет о глобальной «холодной войне», побочным и неожиданным для большинства продуктом которой стала глобализация. Вот уж воистину прав Гераклит: *«Борьба (война) – отец всего»*.

Значительное место в работе в целом уделено теории (или истории) социальных систем, в которой, как в особом виде научного исследования, грань между теорией и историей оперативно стирается, и мы получаем макроисторию как теоретическую историю капитализма и коммунизма, особенно, в XX в., их противостоянию.

Глобальная «холодная война» была центральным – и до сих пор не только адекватно не понятым, но и толком не исследованным – событием второй половины XX в. как сама по себе, так и по своим побочным последствиям, главное из которых, как я уже сказал, – глобализация.

За этим последуют части о капитализме в XX в., о мировой экономике этой системы, об историческом коммунизме как системе, о глобальной и психоисторической «холодной войне» и ее сходно-побочном, но оказавшимся главным следствием – глобализации, о западной цивилизации в XX в., т.е. в «рамках» функционального капитализма. Завершают работу части, посвященные зональным (центр, периферия, полупериферия) и страновым урокам XX в. (США, Великобритания, Франция, Германия, СССР, Индия, Китай, Япония, Бразилия в сравнительном контексте Латинской Америки, ЮАР и Нигерия в сравнительном африканском контексте, арабо-мусульманский страновый мир), XX в. в сравнительной перспективе, судьбе западной цивилизации в XX в., концу календарного века (1992–2000) и той форме рационального знания о мире, которое необходимо для выживания и побед в нем.

Кроме того, поскольку, во-первых, в последние два столетия вообще и в XX в. в частности и в особенности теория социального знания и социальная теория вообще встроены в идеологию, точнее – в одну из трех великих идеологий Модерна – консерватизм, либерализм и марксизм, и поскольку, во-вторых, XX век был par excellence веком идеологической борьбы, в которой пали в изнеможении **все** участники, в исследовании (часть II) неизбежно пришлось обратиться к проблемам идеологии и идеологической борьбы. Если поменять слово «философия» на слово «идеология», то нельзя не признать, что Ницше и здесь оказался провидцем, предсказав, что в XX в. великие войны за господство над миром станут схваткой противоборствующих идеологий («философий»). Разумеется, за идеологиями стояли интересы, которые артикулировались на идеологическом языке, так же как интересы различных сил в Великой капиталистической революции 1517–1648 гг. артикулировались на религиозном языке. Одна из важнейших проблем XX в. (и XIX в.) заключается в том, что практически все общественные конфликты приобретали идеологическую форму; более того, идеологическую форму были вынуждены принять даже такие идейные системы, которые по своему содержанию идеологиями не являются. Поэтому идеология, идеологии и их борьба станут одной из сквозных тем работы.

Это позволит нам лучше понять, с одной стороны, острейшие противоречия XX века и сам этот век как век крайностей, с другой стороны – интеллектуальные задачи, стоящие перед теми, кто работает в области социально-исторической науки, мысли, пытается понять, что происходит в России как части «текущего мира» и с миром в целом, при этом отождествляя себя именно с Россией как особой культурно-исторической и идеально-реальной целостностью и соотнося себя с такой сферой общественного (вос)производства, как «субъект – понятие».

В виду имеются задачи тех, кто чувствует и считает себя представителем совершенно определенного исторического, культурного типа – русского и мыслит себя в качестве представителя совершенно определенной социально-профессиональной группы («класса») – наемных работников умственного труда. Речь идет ни много ни мало о выборе самоопределения, о выборе позиции – того, с кем ты, против чего (а следовательно, и против кого). В этом не может быть двусмысленности. Это – conditio sine qua non любого серьезного социального акта, в том числе и социального исследования. Много лет назад в одной из своих статей Р.Арон писал: *«Для личности выбор не есть внешняя форма деятельности. Совершая этот решающий акт, я встаю на ту или иную сторону и выношу суждение об общественной среде* (а также о социально-культурном типе и стране, – добавлю я. – *А.Ф.*), *которую принимаю как свою. Выбор по поводу истории в реальности совпадает с решением, которое я принимаю касательно самого себя, поскольку и его источник, и его объект – мое собственное существование»*.

В этом смысле можно сказать, что познание социального есть в такой же степени процесс самопознания, как это последнее – элемент познания социальной реальности и истории (привет Сократу). В любом случае реально и значимо интеллектуальные задачи, которые по определению суть и задачи интеллектуальной (а следовательно, социальной) борьбы, могут быть верно поставлены и сформулированы только на основе четкой личностной, социальной (политико-экономической, классовой, как сказал бы марксист), профессиональной и историко-культурной идентичности.

Отсюда – столь значительное внимание в работе к интеллектуальной истории (и борьбе) в XX в., к задачам конструирования нового социально-исторического знания, которые поставлены глобальной мировой перестройкой, глобальным кризисом и новым мировым переделом, с одной стороны, и кризисом социально-исторического знания, методологий Модерна, лежащих в их основе универсалистских идеологий – с другой. Кроме того… А впрочем, не буду говорить обо всем – надо что-то оставить для сюрпризов.

Что касается первой части, с которой читатель знакомится в этом томе журнала, то, повторю, она носит главным образом событийно-исторический характер взгляда с высоты, как сказал бы А.Азимов, на XX в. Разумеется, любой отбор конкретных событий более или менее субъективен. Менее – когда речь идет о политике, экономике и науке (хотя и здесь хватает нюансов и различных интерпретаций), более, когда речь идет о литературе, музыке, живописи, архитектуре и т.д.

В «Панораме века» я совершенно сознательно уделил внимание не только les grandes evenements из мира политики и экономики, но также, во-первых, науке и технике, поскольку XX в., помимо прочего, был веком науки и техники, и, во-вторых, искусству. Правда, здесь я основное внимание уделил литературе, так как музыка – это то, что нужно слушать, а живопись и архитектура, которые могут служить великолепной иллюстрацией социальных процессов, – видеть. Хотя, разумеется, композиторов, художников и архитекторов я упоминаю наряду с литераторами.

Далее. Одно из главных мест в событийно-исторической части я уделил массовой культуре (прежде всего, кино, хотя произведения последнего далеко не всегда относятся к масскульту), спорту, который в XX в. играл огромную общественную и идеологическую роль, и структурам повседневности – быту, поскольку XX в. был, помимо прочего, веком бытового прогресса вообще и связанного с ним «прогресса досуга» в частности.

Под определенным углом зрения история XX в. – это история массового потребления, борьбы за него; устойчивость капитализма в ядре его системы в XX в., несмотря на все потрясения, была в значительной степени обусловлена тем, что он смог обеспечить растущее массовое потребление. Как заметил Дж.Оруэлл, Англии в 1930-е годы не удалось бы избежать социальной революции, если бы не три вещи: радио, футбол и пабы, т.е. средства и объекты массового потребления.

Позднее, уже после Второй мировой войны, в капсистеме, точнее, в ее ядре, социальное напряжение в значительной степени снималось за счет распространения форм потребления богатых на средние и рабочие классы, т.е. путем распределения и

удешевления массового потребления. А вот исторический коммунизм (т.е. строй, существовавший в Советской России/СССР с 1917 по 1991 г.), который тоже был массовым обществом, решить проблему массового потребления не смог. Более того, одна из главных причин крушения исторического коммунизма как раз и заключалась в том, что, будучи массовым обществом, он так и не смог (и по своей природе не мог) решить проблему массового потребления:

Скука. Зависть. Одиночество.

Липкость вялого растления.

Потребительское общество

Без продуктов потребления.

(И.Губерман)

А ведь КПСС в своей программе провозгласила главным для себя «удовлетворение растущих потребностей». Провозгласила – и не выполнила, по крайней мере, для народа.

История повседневного потребления в XX в. интересна еще и тем, что иллюстрирует одну из главных (если не самую главную) тенденций века, – победу времени над пространством, сжатия времени и пространства таким образом, что пространство, сколь велико бы оно ни было (поверхность земного шара), к концу века благодаря НТР оказалось сжатым, замкнутым не просто временем, но временем как мигом.

Именно поэтому предметы быта, технические достижения в быту, как и научно-технические достижения, фиксируются в настоящей работе, хотя, разумеется, я не претендую на полный список и не ставил составление такового своей задачей.

В истории капитализма материальный быт, повседневные структуры вещественной субстанции вообще играют огромную роль, и XX в. выявил это со всей очевидностью. Субстанциональный быт современного Запада, проявляющийся постоянно и разнообразно (от камня и железа – до запаха вкусной еды и духов в магазинах и на улицах, сгущающего даже воздух до состояния субстанции), **такая** – стремящаяся к роскоши – повседневность, есть одна из несущих конструкций и исторических опор капитализма, его уникальный и оригинальный «цивилизационный» вклад в историю.

Я не случайно взял в кавычки слово «цивилизационный». Капитализм не создал своей особой, капиталистической цивилизации. Конечно, метафорически, в нестрогом, максимально широком смысле можно говорить о некой «капиталистической цивилизации». Но это явление принципиально, сущностно отлично от того, что понимается под «цивилизационностью», когда речь идет, например, о китайской, индийской, мусульманской или европейской цивилизациях. И не только потому, что капитализм – это часть Европейской цивилизации, ее фаза. А потому – здесь нет места подробно говорить об этом, – что капитализм устраняет противоречие между такими двумя качествами, измерениями исторического субъекта, как формационность (неприемлющие марксистскую лексику могут подобрать любой эквивалент из либеральной интеллектуальной традиции) и цивилизационность. **В этом смысле** капитализму цивилизационность как особое внутреннее качество не нужна, он питается не только от иных формаций, но и от иных цивилизаций, включая Европейскую. Это – положительное, а не отрицательное качество капитализма. Не случайно, как справедливо заметил Х.Зедльмайр, капитализм не создал своей особой цивилизации, довольствуясь либо повторением прошлого, либо эклектикой, либо отрицанием цивилизационных форм (модерн XX в., Великой Функциональной эпохи).

И действительно, вершина европейской цивилизации – барокко – пришлась именно на тот период, когда феодализм уже умер, а капитализм еще не встал на ноги и царил до сих пор не понятый как следует так называемый Старый Порядок – фантастически интересная и важная фаза в истории Европы, пик ее развития, миновав который и она «упала» и превратилась в Запад. В «(меж)формационное безвременье» цивилизационность вышла на первый план почти что в чистом виде. Как знать, не было ли это последним парадом Европейской цивилизации, которая затем, уже со второй половины XVIII в., начала мельчать, приобретать камерный характер, уходить в себя – рококоизироваться, а затем, уже в начале XIX в., плавно перетекать (как верно заметил все тот же Зедльмайр) из монументальности в простоту и удобство буржуазного уюта, т.е. буржуазной повседневности. Повседневность сменила высокую цивилизацию. Не случайно Ф.Бродель назвал главный труд своей жизни «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.».

Но не только уютная повседневность заняла в капиталистической системе нишу, эквивалентную цивилизационности. Капитализм создал себе еще две уникальные опоры, не имеющие аналогов за его пределами: политику и идеологию.

Идеология – явление капиталистческой эпохи, причем эпохи зрелого капитализма. Это – та необходимая роскошь, которую должно было позволить себе буржуазное общество после устранения Старого Порядка, окончания Великой французской революции и ухода с исторической сцены могильщика обоих этих явлений – великого карлика Наполеона. Протоидеологией было Просвещение. Но «прото», как и «почти» или «чуть-чуть», не считается. Не случайно, например, во французском языке первое употребление слова «идеология» датируется 1796 г., не раньше.

«“Политика” – европейская роскошь?» – так афористически названа статья П.Вебер-Шефер. Да – роскошь. Да – европейская, если, конечно же, не отождествлять политику с властью и управлением вообще, а определять ее как взаимодействие лиц, не связанных друг с другом отношениями господства-подчинения, т.е. формально равных лиц, субъектов, агентов гражданского общества, т.е. общества, которое не обусловлено той или иной формой коллективной собственности, коллективного присвоения природы. С точки зрения любого небуржуазного общества, будь то «восточный деспотизм» или «советский

коммунизм», политика – это роскошь, это то, что (как минимум) не является необходимым. Тот факт, что в последней четверти XX в. в ядре капсистемы по нарастающей развивается процесс деполитизации, отмирания политического, партий, свидетельствует о вполне определенных тенденциях развития позднего капитализма.

Политика, повседневность и идеология образуют некий узел или треугольник (пронизанный правом), который, заменяя для капитализма цивилизацию или будучи капиталистической «цивилизацией», должен был придавать **историко-культурную** устойчивость капитализму как **социально-экономической** системе. Политизированная и идеологизированная («западный образ жизни») повседневность; повседневная политическая жизнь, ставшая благодаря газетам и телевидению частью быта, – все это сцеплено в некую форму, которая на капиталистическом Западе заняла «нишу», в других обществах принадлежащую цивилизации.

«Отдельной строкой» в «постраничном бюджете» работы идет перечень по каждому периоду XX в. наиболее важных работ в области философии, социальных и гуманитарных наук, «умных книг столетия». Это позволяет, во-первых, представить, хотя бы внешне, век как интеллектуальный блок; во-вторых, продемонстрировать динамику и тенденции его интеллектуального развития в плане осмысления социальных процессов вообще и социального самоосмысления в частности. Наконец, «интеллектуальная карта» века облегчит нам ориентирование во многих общих и частных вопросах.

И последнее. О XX веке написано много – не я первый, не я последний. Более того, писали и о других веках – большие книги и небольшие статьи. Для меня в интеллектуальном, общекультурном и отчасти в эмоциональном плане очень важна, значима и значительна статья «Кончина века», принадлежащая перу замечательного и блестящего русского публициста и мыслителя Михаила Осиповича Меньшикова (1858–1918), расстрелянного ненавидевшими его большевиками по сути на глазах жены и детей. Сто лет назад, в декабре 1900 г. М.О.Меньшиков дал свой набросок того, чем был XIX век, что в нем было главным, набросок острый, честный, без иллюзий по поводу России, несмотря на всю любовь к ней.

Работая над **своим** «XX веком», мысленно я не раз обращался к размышлениям Михаила Осиповича, независимо от того, согласен я с ним или нет (намного чаще да, чем – нет). Читатель заметит эти обращения по цитатам. Главное в очерке Меньшикова – честность, боль за Россию, за тех, кого грозит захлестнуть «волна прогресса» (капиталистического) и сильное этическое чувство, не позволяющее становиться на сторону победителей – социальных хищников. И конечно же то, что в своей жизненной и писательской практике Меньшиков реализовал редкий для России и многих русских, победительно-плодотворный принцип «right or wrong, my country». Именно этот принцип лежит в основе побед глобального племени англосаксов (англо-американцев) в XIX–XX вв., триумфа их геоисторического проекта. И уж если у них что и перенимать, то именно этот принцип – разумеется, творчески, с учетом исторических обстоятельств и конкретной ситуации, т.е. в соответствии, как сказал бы Ленин, с диалектикой исторического момента. Пока мы это не поймем, мы будем слабыми. А слабых, как говорил Сталин, бьют, и кому как не русским конца XX в., пережившим в 1990-е годы макроисторический погром, в котором, правда, они же и поучаствовали, сначала радостно, а потом пассивно, об этом не знать? Ну что же, как говорится, за одного битого двух небитых дают. Надо копить силу. А сила – в знании, в том числе о XX веке и о нас в нем, – каким бы неприятным для русских в целом и отдельных социальных групп, существовавших в нашей истории, оно ни было. Необходимо абсолютно ясное, честное до безжалостности к себе, до онедуживания, как сказал бы Лютер, знание о XX в., о России/СССР/РФ в нем. Только на такой основе выковывается необходимое (хотя и недостаточное) условие исторических побед – интеллектуальное превосходство над противником в широте, глубине и пронзительности знания и, что еще важнее, в понимании мира как целого, как поля борьбы, как представления (в обоих смыслах) и воли.

XX век – крайне насыщенный событиями и идеями век – уходит, за ним уже почти закрылась, скрипнув, Дверь Истории, и надо с ним попрощаться. Лучшее прощание (но не прощение) – понимание. Да, лучшее прощание – понимание. Или, по крайней мере, попытка понять. Для этого сейчас в стране и в мире существуют благоприятные условия. Не в тютчевском смысле *«Блажен, кто посетил…»,* а в мандельштамовском. В «Книге второй» Н.Мандельштам писала: *«В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревавшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого»*.

Мы действительно живем между двух эпох. Например, у нас в России кончилась советская эпоха, а новая по сути еще не началась – мы все еще живем в тени исторического (реального) коммунизма, в процессе его разложения, и все «герои» времени несут на себе печать, клеймо разложения – и чем больше преуспели, тем в большей степени. 1990-е годы – это главным образом выход на первый план того, что в советской системе было изнанкой, а то и просто экскрементов этой системы, заживших своей собственной жизнью и решивших представить себя роскошными кушаньями.

Ну-ну. А запах куда деть?

Правда, уже появилось и кое-что новое. А кое-что уже зачеркнуто Карандашом Истории и даже стерто ее Ластиком между августом 1998 г. и декабрем 1999 г. И все же по-настоящему новая эпоха начнется тогда, когда новые тенденции и явления станут персонифицировать те, кому сейчас между десятью и двадцатью. Мы, нынешние, даже те, кто всего лишь на четвертом десятке, несем в себе много, порой даже слишком много из ушедшей в прошлое системы, эпохи, из растворяющегося в небытии века. *«Старый, родной нам век, известный, как все родное, до мелочей, он отходит, и жаль его. Каков он ни был, – он был **нашим** временем, **нашей** молодостью… Жаль его, как колыбель, как родину, как уходящую жизнь»,* – так писал об уходящем XIX в. замечательный русский публицист М.О.Меньшиков. Но то же можно сказать и об уходящем XX. Да что уходящем – ушедшем. Век – наш век (век, как сказали бы демографы, когорт от тридцати до шестидесяти лет) – ушел, а мы остались. Мы – своеобразная улыбка Чеширского кота: кот исчез, а улыбка осталась. И пока на смену старой системе не придет новая, не встанет на ноги и не начнет вешать на уши **свою** лапшу, творить **свои** мифы и представлять в качестве всеобщей правды **свой** частный системный интерес, можно продолжать улыбаться и, поторапливаясь медленно, стараться понять ушедший век, подвести, в меру сил, его итоги.

Мы живем не только меж двух русских эпох, но и мировых: эпоха Модерна уже кончилась, а качественно иная, новая, т.е. такая, в определении которой можно будет обойтись без приставки «пост», еще не наступила, меж двух исторических веков. Это между календарными веками щелок нет, все плотно – не проскользнешь, не просочишься, не инфильтрируешься. А вот между веками историческим, как правило, не щели – зазорища, а то и пропасти, да какие! Между XIX и XX в. это водораздел 1873–1914/17; между XVIII и XIX в. это 1789–1815 гг. – революционно-наполеоновская эпоха, вызревание Современности, Модерна. Именно вызревание, но не рождение. По-настоящему Современность родилась (прав П.Джонсон) между 1815 и 1830 г. в относительно спокойное время, вошедшее в историю под названием «Реставрация». Революцию делали люди, титаны Старого Порядка, они расчищали место для новой эпохи и ее героев, которые и заняли свои места в 1815–1830 гг., а уж после этого заложили **свой** исторический, уже вполне модерновый фундамент 1830–1848 гг., завершив эпоху революций 1789–1848 гг. и открыв путь в историю посредственностям и карликам буржуазной – Comedie Humaine – эпохи. Выходит, Робеспьер и К°, а затем Наполеон, сработали на Людовика XVIII, Растиньяков, различного рода и сорта гешефтмахеров, появившихся из невесть каких щелей европейского общества эпохи Старого Порядка и набежавших, наехавших на это общество рынком и капитализмом? Выходит – так. В этом и есть Ирония и Коварство Истории. Но то – век XIX, а у нас речь – о XX, образ которого становится одним из объектов интеллектуальной (читай: идейно-политической) борьбы в XXI в. и за XXI в. Поучаствуем по силе скромных возможностей наших. Впрочем, не в силе Бог, а в правде.

Часть I

XX век: время, или сквозь пыль событий (панорама века)

I. XX век: календарная прелюдия

Исторический XX век родился в 1917 г. в траншеях великой войны 1914–1918 гг. на неприветливых осенних улицах Петрограда 1917 г. Календарный – на похоронах века XIX. В первый же месяц первого года календарного XX века хоронили королеву Викторию. По сути, то были первые похороны XIX в. – кто более этой единственной дамы в «Великолепной пятерке» XIX в. (Наполеон, Виктория, Дарвин, Маркс, Бисмарк) квинтэссенциально выражает этот век, век английской промышленной революции и промышленности, британской мировой гегемонии и мировой империи, британской версии англосаксонского проекта?

Вторые похороны XIX в. – это похороны Льва Толстого, гиганта XIX в., который, впрочем, своим «Хаджи Муратом» выскочил в век XX и, рассказывая о далеких событиях Кавказской войны, как по содержанию, так и по форме, сказал нечто важное о веке XX (привет Фолкнеру, да и многим другим).

Третьи символические похороны XIX в. и того, что К.Поланьи назвал в своей великой книге «Великая трансформация» (1944) «цивилизацией XIX века», состоялись в апреле 1912 г. – затонул «Титаник», олицетворение британских мощи, комфорта и самоуверенности. И в той же мере мощи, комфорта и самоуверенности XIX в. Часть пассажиров «Титаника» была спасена с помощью сигнала «SOS», принятого в 1908 г. (по другим данным – несколькими годами раньше) и словно символизирующего тщетную мольбу о спасении «цивилизации XIX века». А разве не символичен, особенно если знать исторические результаты XX в. для Британской империи, выигрыш англичанами в 1912 г. крикетной «Урны праха»? Пройдет всего несколько десятилетий, и в «горстку праха» превратится сама Британская империя.

Да что империя – весь старый мир. В 1913 г. двое русских предупредили об этом: одна – прямо, другой – символически. *«Будет скоро тот мир погублен, / Погляди на него тайком»*. Это Марина Цветаева. А Казимир Малевич выставил «Черный квадрат», «Черный круг» и «Черный крест» – прощание с XIX в. и пророчество на XX?

Но это – «за упокой». Было и за здравие. В год похорон Виктории «пролетарский» (на самом деле босяцко-мещанский) писатель и интеллигентская предтеча Григория Распутина Максим Горький в «Песне о буревестнике» предупредил: *«Буря, скоро грянет буря»*. На следующий год его соотечественник, по сути мало еще кому известный В.И.Ульянов (Н.Ленин) опубликует одну из главных практических книг века с весьма практическим названием «Что делать?» и объяснит, как плавать в такую бурю, как использовать ее и как победить в ней – и ее. Книга «Что делать–2» («Что делать–1» написал Н.Г.Чернышевский) в известном смысле была политическим аналогом теории относительности и art nouveau (jugendstil).

От теории – к практике. На основе «Что делать?» была создана партия нового типа – большевиков, профессиональных революционеров, «чиновников революции», главная задача которых – захват власти. Всей, а не только политической. При этом, однако, большевики проморгали первую русскую революцию 1905–1907 гг. – не ожидали ее. Правда, не ожидали и все остальные политические силы, не говоря о власти. Так всегда и бывает с революциями (будь то Великая французская или русская февральская), которые внезапно врываются в Историю, со злобно-веселым смаком показывая ей единственный оттопыренный средний палец сжатой в кулак ладони и победительно харкая ей в лицо.

Нет, конечно, революции ждут, предсказывают. Но приходят они всегда неожиданно. Власть, как правило, долго приходит в себя и иногда успевает собраться, а иногда нет. Так, в 1905 г. царская власть долго раскачивалась, и только когда стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля, подавила революцию, которую Ленин позднее в нехарактерной для него пафосной (он не был позером) манере назовет *«генеральной репетицией Октября»*.

Вслед за Российской империей грохнуло в Иране (революция 1905–1911 гг.), в Османской империи (революция 1908–1909 гг.) и в Цинской (Китай) империи (Синьхайская революция 1911–1912 гг.). Всё вместе это назовут «пробуждением Азии». Жестокая революция – одна из мощнейших в XX в. – бушевала с 1910 по 1917 г. в Мексике.

В первые годы XX в. продемонстрировал себя и своих главных персонификаторов – русских и американцев, а заодно и нечто из своего духа – XX век. И где! По Иронии Истории – на поле гегемона XIX в. – Великобритании. Сначала туда приехал дягилевский балет. Дж.Б.Пристли, известный не только своими романами и пьесами, но также тонкими и проницательными исследованиями различных эпох английской и мировой истории, их духа, Zeitgeist, писал, что балет Дягилева был «бомбой времени», «бомбой замедленного действия» (time-bomb), – он пришел как взрыв из будущего, из 1920-х годов, словно война уже прогремела и стала прошлым. Русские пробудили Диониса, дионисийское начало от долгого сна; то, что в легкой форме и скрыто присутствовало в легкомысленных венских «девятнадцатовековых» оперетках, в русском балете прорвалось в тяжелую поступь XX в. И многие это поняли.

Вслед за «русской делегацией» Дягилева, показавшей кое-что из русского пути в XX в., перед англичанами предстали американцы, рекламировавшие свой путь в будущее и исполнившие «песнь американского гостя». Песня, а точнее – шоу, называлась «Hullo, Ragtime». В ночь перед рождеством 1912 г. ревю под таким названием – поющие и танцующие девушки во главе со звездой Этель Леви – открыло свои выступления на лондонском ипподроме. Если успех русского балета был обусловлен завораживающей комбинацией скорости, насилия и оргии, то в основе американского ревю лежал дух довольно примитивного и (потому?) всепобеждающего оптимизма, энтузиазма, воли к жизни. Показательно, пишет Дж.Б.Пристли, что ритмы регтайма были восприняты не столько простыми англичанами, сколько представителями молодого поколения среднего и высшего классов.

Я думаю, это естественно: слабеющие господствующие классы слабеющего гегемона мировой системы ощутили в «Hullo, Ragtime» сконденсированную социальную энергию, мощь нового гегемона мировой системы. Кроме того, в отличие от русского балета, регтайм был прост и непугающ (более пугающим выглядело другое американское изобретение – конвейер). В «Hullo, Ragtime» не было устрашающей силы, дававшей понять, откуда придут перемены – *«и от ветра с востока пригнулись стога»*. Даже такой далекий от политики писатель, как Конан Дойл, в 1917 г. вложил в уста еще более далекого от политики Шерлока Холмса фразу: да, Уотсон, скоро подует холодный ветер с востока, и многое будет унесено этим ветром («Его прощальный поклон»).

Почти одновременно с «Hullo, Ragtime» «пошло» «Hullo, Tango» – привет от будущего «третьего мира». Поначалу танго встретили прохладно – как нескромный или даже неприличный танец низкого южноамериканского происхождения, вплоть до того, что парижский епископ в 1907 г. предал его анафеме (ох уж эти парижские епископы-запретители: в 1277 г. Этьен Тампье запретил 219 доктрин, пытавшихся примирить веру и разум, после чего пути религии и науки в Европе разошлись, 730 лет спустя – танго). Ничего, танго станет популярным уже в 1910-е годы, а в послевоенные 20-е годы, когда самоуверенность европейцев пойдет на убыль, а национально-освободительное движение, национал-либерационизм будет на марше, возьмет реванш, и Карлос Гардель станет популярным не только в Аргентине и Латинской Америке, но и в Европе.

Не было показа от «Дома мод фашистского движения». Здесь – своя специфика. Показ был, но не в 1912 г. В конце концов, не все обязаны возвещать о своем приходе в мир – жизнь тем и хороша, что полна неожиданностей. А вот Россия, Америка и «третий мир» возвестили, поставив в известность самого гегемона. Общим для всех трех гостей из будущего были: скоростное движение, энергия, сексуальность, коллективизм, чреватый насилием, и энтузиазм – бодрый или мрачный.

И наконец, еще три события-символа 1912 г., словно проговаривавшие будущее, проговаривающиеся о нем, предсказывающие его: начало первой Балканской войны (через год на Балканах жахнет вторая Балканская, через два – первая Мировая, а в 1990-е годы через новую балканскую войну век выйдет вон – из Истории), фильмы «Голый человек» и «Голос миллионов». Чем не символы XX в.? Так же, как и первый вестерн «Большое ограбление» Э.Портера (1903) и «персонификатор» безликого зла Фантомас П.Сувестра и М.Аллена (1911).

Пройдет еще несколько лет, и прелюдия к XX в. закончится, «водораздел» (Я.Ромейн) между XIX и XX вв. будет преодолен, начнется исторический XX в., и мир, как это виделось современникам, вступит в «ледяную полярную ночь» (М.Вебер), его накроет «люциферово крыло» (А.Блок), в нем будут дуть холодные восточные ветры (Конан-Дойл), которые унесут так много, включая и самых главных агентов этого века – советский коммунизм (интернационал-социализм), немецкий фашизм (национал-социализм) и национально-освободительное движение (национал-либерационизм).

Исторический век начнется русской катастрофой, русской революцией и триумфом США, вступивших в войну уже почти победителем. Тем же он и кончается – триумфом США (правда, не тех, что шиковали в 1917 г. и в 1940–1960-е годы, а тех, что рухнули в 1975 г. и возродились 15 лет спустя, в том числе и на руинах СССР в виде Глобамерики, отчасти уже не столько западного, сколько постзападного общества), русской революцией (антикоммунистической) и русской (в советской форме) катастрофой. Начала и концы сошлись. И не только в этом.

XX в. начинается и заканчивается триумфом рынка и торговли. Если с 1914 г. по конец 1970-х годов в капиталистической части мира (о коммунистической и говорить нечего) значительную роль играло государственное регулирование, показатели доли международной торговли в мировом валовом продукте первого десятилетия XX в. были достигнуты миром только в два последних десятилетия. В 1910–1970 гг. эта доля была существенно ниже.

Сходятся края века и по линии экономической поляризации между социальными слоями и странами, богатыми и бедными. В начале века она была весьма велика. Затем, к середине начала медленно сокращаться, по крайней мере, в ядре капсистемы. Здесь после Второй мировой войны «государство всеобщего благоденствия» («всеобщего собеса») и кейнсианская (как правило, военно-кейнсианская) политика – вынужденные шаги буржуазии Запада в ситуации роста рабочего движения в условиях противостояния советскому коммунизму – способствовали уменьшению экономической поляризации, а часть рабочего класса, интеллектуалов вообще превратили в «социалистическую буржуазию» различного типа («культур-буржуазию», «интеллект-буржуазию» и т.д.), резко увеличив средний класс, расширив его границы. Однако ничто не вечно. Смена на рубеже 1970–1980-х годов кейнсианства неолиберализмом, глобализация, резко усилившая позиции капитала по отношению к труду, и, last but not least, крушение коммунизма и распад СССР изменили ситуацию и повернули вспять тенденции развития и периода 1945–1975 гг., и периода 1848–1968 гг.

Поляризация в странах ядра капсистемы стала нарастать, стремительно увеличивалось число людей, живущих за чертой бедности. Так, если в конце 1970-х годов зарплата руководящих кадров корпораций превышала зарплату среднего рабочего в 35 раз, то в конце 1990-х годов – в 120 раз. Средняя еженедельная зарплата 80% простых работающих американцев за период между 1973 и 1995 гг. упала (с учетом инфляции) на 80%. В Германии и Франции ситуация лучше, однако тенденция налицо.

Не удивительно, что в конце века социологи, концептуализируя современный Запад, выдвинули теорию «общество 20:80»: 20% богатых, 80% – бедных и по сути никакого среднего класса. Ясно, что речь идет о тенденции, о процессе размывания среднего класса, но она существует.

Если Запад считать «обществом 20:80», то нынешняя Россия будет «обществом 10:90» или «5:95», т.е. в плане поляризации РФ преодолела «советский барьер» и не просто вернулась в начало века, но и побила его рекорды, которые, помнится, привели к кровавой революции и уничтожению господствующих классов. К тому же теперь Россия не пятая страна в мире, как в 1901 г., а между 10 и 20 местами. Логику капсистемы, историю и XX век не удалось обмануть. Для бывшего «третьего мира» цифры будут от 5:95 до 1:99.

Не менее важно то, что ухудшилось – в плане мировой поляризации – положение большинства стран бывшего «третьего мира», т.е. периферии капсистемы в целом. Она тоже оказалась будто в начала века, а то и хуже. Если в 1945–1975 гг. казалось, что немало стран Азии, Африки и Латинской Америки пусть и не догонят Запад, то, по крайней мере, сократят разрыв, и показатели роста свидетельствовали именно об этом, то с середины 1970-х годов все переменилось и периферия «поехала» в направлении 1901 г. – привет от НТР, глобализации и неолибералов. Не буду утомлять цифрами (их можно найти в справочниках), ограничусь одним примером: за последние тридцать лет XX в. доля мирового богатства, принадлежащая 20 беднейшим странам мира, уменьшилась с 2,3 до 1,4%. На первый взгляд, 0,9% могут показаться незначительной величиной. Это обманчивое впечатление. За десятыми процента – миллиарды долларов, с одной стороны, и миллионы бедных и голодающих людей, которые живут не более чем на 1 доллар в день, – с другой. И их число растет. Так, если в 1970 г. в Нигерии треть населения жила меньше чем на 1 доллар в день, то в 2000 г. – уже две трети. А ведь речь идет об одной из наиболее развитых стран Африки, продавце нефти.

Иными словами, надежды большей части мира на то, что он сможет сократить разрыв по отношению к богатым промышленно развитым странам, обмануть век и логику развития капсистемы, не оправдались. Хотя в послевоенный период (1945–1975) разрыв какое-то время сокращался, и казалось, еще немного и надежды сбудутся. Увы – НТР и глобализация похоронили все эти надежды – причем и тех, кто надеялся на капиталистический путь, и тех, кто рассчитывал на социалистический. Практически все вернулись туда, где были перед (напрасным?) рывком. Один из поразительных по своей показательности примеров – Куба. В стране, представлявшей собой огромный сексодром для американских туристов и один из узлов наркоторговли, в самом начале «длинных шестидесятых» (1958–1973) произошла замечательная романтическая революция, молодые и красивые герои которой (Фидель, Че, Камило) стали культовыми фигурами левой молодежи во всем мире. Сама Куба на какое-то время стала культовой страной этой молодежи, страной-символом, страной-надеждой (*«Куба – любовь моя, остров зари багровой»*). И вот Куба конца века (вспоминается Высоцкий: *«И вот конец, он не трагичен, но досаден»*). Страна – опять сексодром для западных туристов, как и прежде, если не больше и не дешевле, поскольку в секторе сексуслуг занята очень большая часть женщин (от школьниц старших классов до их учительниц) – иначе не выжить. Края века железным обручем сомкнулись над «слабыми мира сего».

Обидно, что среди тех, кто, казалось, успешно делал заказы Золотой Рыбке Истории, но в конечном счете уселся у разбитого корыта, оказался и СССР. Слишком на многое претендовал? Порешив царя с царицей и столбовых дворян, новые хозяева решили стать «владычицей морскою», владыками морскими, жить в Окияне-море, и чтобы Золотая Рыбка была у них на посылках?

Ничего не сказала рыбка,

Лишь хвостом по воде плеснула

И ушла в глубокое море.

Sic transit gloria mundi. Прежде всего «gloria» тех, кто, все меньше зная и понимая этот самый mundus, пытается навязать ему свои правила. Подробнее мы поговорим об этом в части IV.

И последнее о совпадении, схождении начал и концов. В 1989 г. американский социолог Ф.Фукуяма опубликовал статью «Конец истории». Речь в ней шла о том, что крушение коммунизма означает победу либерализма – навсегда, и в этом смысле – конец истории. Бедный Фукуяма. Ему бы почитать Арнольда Тойнби-младшего. В нескольких местах своего двенадцатитомного «Исследования Истории» и в самом начале «Цивилизации перед судом истории» он приводит одну и ту же мысль – о том, что с точки зрения представителей английского среднего класса 1897 г. история завершилась. *«Она закончилась на международной арене битвой при Ватерлоо, во внутренних делах – Биллем о реформе 1832 г., а в отношении империи – подавлением Индийского мятежа в 1859 г., и они с полным правом могли радоваться тому перманентному чувству блаженства и благосостояния, что даровало им окончание истории»*.

Как похоже! В конце XIX в. – чувство конца истории у среднего класса тогдашнего гегемона капсистемы, в конце XX в. – то же чувство у среднего класса (а Фукуяма, несомненно, представитель среднего класса) нынешнего гегемона капсистемы. Начала и концы века сходятся. История повторяется? Да. Но повторяется и то, что из нее редко извлекают уроки. Читаем Тойнби дальше : *«С позиций исторической перспективы 1947 г. эта иллюзия английского среднего класса конца прошлого века кажется нам чистым помешательством»*. Почему? История Великобритании с 1897 по 1947 г. дает ясный ответ на этот вопрос, и я вполне согласен с С.Хантингтоном, который заметил: *«...Государства* (а также классы, слои, структуры. – *А.Ф.*), *предполагающие, будто для них история закончилась, обычно суть те государства, история которых начинает клониться к закату»*.

А как и почему это происходит, как это произошло с англичанами и как наверное произойдет с американцами, – об этом опять почитаем у Тойнби: *«…Несмотря на то, что в 1897 г. английский, американский и германский средние классы были фактически политическими и экономическими хозяевами мира, в количественном отношении они составляли лишь малую толику общего населения Земли, и было достаточно людей в других странах, имевших иную точку зрения, хотя, может быть, и неспособных внятно ее выразить или бессильных что-либо изменить»*. Это было ощущение *«законченности, которое грело сердце победителя, никак не могло утешить сердце побежденного народа. Для него все происходившее было настоящим кошмаром»* по всему миру, *«хотя тогда еще подспудно, среди различных народов и классов существовала такая же, как у французов и конфедератов, неудовлетворенность тем, как легли карты истории, и в то же время нарастало нежелание признать, что игра проиграна. Подумать только, сколько миллионов людей насчитывали все эти порабощенные народы, угнетенные классы! Все огромное население Российской империи того времени, от Варшавы до Владивостока: поляки и финны, полные решимости отстоять свою национальную независимость; русские крестьяне, стремившиеся овладеть той землей, от которой им достались лишь крошечные клочки после реформы 60-х годов; российские интеллектуалы и деловые люди, мечтавшие в один прекрасный день управлять своей страной через парламентские институты, уже давно доступные людям их уровня в Соединенных Штатах, Великобритании и во Франции, и молодой, еще немногочисленный российский пролетариат, революционное сознание которого подогревалось достаточно мрачными условиями жизни, хотя, возможно, и не столь мрачными, как в Манчестере в начале XIX в.… Не вызывает удивления это глубокое стремление к переменам и решимость добиться их тем или иным способом, возникающие в ряде угнетенных классов и побежденных или порабощенных народов. Однако довольно странно, что заварили кашу, а случилось это в 1914 г., прусские милитаристы – которым на самом-то деле было от этого куда меньше проку, чем утрат, как, впрочем, и германскому, английскому или американскому среднему классу, – именно правящие круги Пруссии намеренным рывком сорвали слишком неплотно прикрытый клапан с котла истории.*

Подспудные движения, которые социальный сейсмолог мог уловить еще в 1897 г., если потрудился бы "приложить ухо к земле", вполне объясняют те сдвиги и выбросы энергии, которые сигнализировали о том, что колесница истории снова сдвинулась с места в последние полвека».

Жаль, что ни Франция, ни те, чьи интересы она выражает, не хотят потрудиться «приложить ухо к земле», а точнее – к Истории. Остается лишь ждать событий, которые, оглушив грохотом, сделают ненужным вслушивание и заставят забыть о конце истории.

В начале XX в. таким событием стал выстрел Гаврило Принсипа в Сараево. Где, кто и по чьей наводке выстрелит (в прямом и переносном смысле) в начале XXI в., чтобы спровоцировать новую пересдачу Карт Истории – либо в пользу тех, кто чувствует себя обделенным, обездоленным и отвергнутым в «дивном прекрасном мире» неолиберальной глобализации, либо в пользу тех, кто имея все, хочет еще больше?

Да, есть интригующая симметрия между началом и концом века: в обоих случаях война на Балканах, о чем уже говорилось; в обоих случаях – совместные акции Запада на Востоке (в начале века – против ихэтуаней в Китае, в конце – против Саддама Хусейна в Ираке). В обоих случаях – революции в России (антисамодержавная и антикоммунистическая). Россия, ее революции, словно закольцовывают этот век, сводят вместе начала и концы, «вход» и «выход».

II. Пространство и время в XX веке: взгляд с высоты

Естественно, далеко не все начала и концы XX в. сходятся. В начале и в конце XX в. мы видим совершенно различное, по сути – диаметрально противоположное соотношение основных параметров жизни вообще и общества в частности – пространства и времени. Начало века – это триумф пространства в виде империй, мощных аграрно-индустриальных комплексов, стремления поставить под контроль как можно большие территории. Пространство – это средство контроля, это богатство, это ценность.

Конец века – победа времени в войне с пространством, или, как заметил П.Вирилио, «конец географии». Научно-техническая революция (НТР) обеспечила решающую роль в самом производстве невещественных («нематериальных») факторов – информации и энергии – по отношению к вещественным («материальным»), а информационных – по отношению к энергетическим. Информационные технологии играют в энтээровском производстве (иногда не совсем точно именуемом «постиндустриальном», но как метафора сойдет) определяющую роль в любом виде производства, а ее доля определяет наибольшую часть стоимости товара (так в цене микропроцессора доля стоимости сырья – 2–3%, все остальное – информация).

В индустриальную и, естественно, в еще большей степени, в доиндустриальную эпохи местные пространственно-географические и природные условия играли огромную роль, ограничивая возможности как натурального, так и индустриального производства с доминирующими в них (над энергетическими и информационными) вещественными факторами, будь то природными или искусственными. «Нематериальные» (невещественные) факторы снимают, устраняют, преодолевают, оставляют в стороне эти ограничения и связанные с ними социальные слои, структуры и институты. Капитал (т.е. в своей основе овеществленный труд), превращенный в сигнал, в информационную корпускулу, волной распространяется без препятствий по всему миру. Это и есть conditio sine qua non глобализации.

Глобализация – вот что резко и качественно отличает конец XX столетия от его начала. Самому слову «глобальный» – около четырехсот лет, однако как научный термин «глобализация» впервые был употреблен в 1983 г. Робертсоном (позднее он стал пользоваться более точным термином «глокализация», однако закрепился – и не случайно – первый); в 1985 г. появилась первая концепция глобализации, а в 1987 г. – первая монография, посвященная этому явлению. В течение следующих тринадцати лет по глобализации были написаны горы литературы, бóльшая часть которой представляет собой если не мусор, то уж точно информационный шум, отчасти стихийный, отчасти искусственно и целенаправленно создаваемый в целях манипуляции общественным сознанием, которая ныне приобрела глобальный характер и главная задача которой скрыть реальное социальное содержание процесса, именуемого глобализацией, и стоящие за ним интересы.

Существуют десятки определений «глобализации», причем подавляющее большинство сконструировано либо с нарушением логики содержательного определения, либо так, что фиксируются форма и следствия.

Определения первого рода демонстрирует известнейший современный специалист по глобализации М.Кастельс, которого, несмотря на то, что его работы не носят теоретического характера, почему-то называют *«Адамом Смитом и Карлом Марксом в одном лице»*. Он предваряет свой очень интересный, хотя и компилятивный трехтомник «Информационная эпоха» следующим определением глобализации. Это:

– революция в области информационных технологий;

– кризис капитализма и «реального социализма»;

– подъем новых социальных движений.

Мало того, что в одном дефиниционном ряду в качестве равнопорядковых оказались причины и следствия, здесь еще и совершена грубейшая логическая ошибка: подмена определения сути набором внешних признаков (*«заяц – это его уши, лапы, хвост и т.д.»*).

Определение второго рода мы находим у автора целого ряда работ по глобализации Уотерса: глобализация – это социальный процесс, в котором географические ограничения социального и культурного развития слабеют и люди понимают, что они слабеют.

А если не понимают – то это не глобализация? Всего лишь слабеют, т.е. претерпевают количественное изменение? Не качественное? Я уже не говорю о том, что определение должно фиксировать содержание явления, его главную характеристику и, желательно, причины возникновения в снятом виде. Поэтому мне значительно больше нравится пусть метафоричное, но более точное определение глобализации З.Бауманом: великая война за мир без границ, по окончании которой капитал получил невиданную свободу от социальных, политических и культурных ограничений. Здесь очень важны ключевые слова-указатели, фиксирующие социальное содержание, суть процесса (конфликт), выигравших (капитал) и, соответственно, проигравших. Мне в этом определении не хватает указания, хотя бы намека, на причины общепроизводственного характера, что позволило бы более точно определить глобализацию не столько как количественный процесс войны за мир без границ, сколько как качественный результат этого процесса.

Я предпочитаю определять глобализацию как такой процесс производства и обмена, в котором, благодаря господству информационных факторов над вещественными, капитал превращающийся в электронный сигнал, т.е. сжимающийся в (пространственно-)временну́ю «точку», освобождается практически от всех сколько-нибудь значимых ограничений локального и государственного уровня и потому превращает любое пространство, в котором оперирует, в глобальное.

По сути именно это освобождение как результатопроцесс и есть глобализация, т.е. возможность капитала благодаря дематериализации находиться одновременно во многих точках – и нигде, как злой дух из «Шах-Намэ» Фирдоуси: *«Я здесь и не здесь»*. «Пространство» глобализации – это, строго говоря, не площадь планеты, не двумерность, а совокупность одномерностей, точек «заземления» капитала в виде собственности, власти и информации и связи между этими точками в реальном и виртуальном пространстве, оставляющие навечно в социальном и информационном офсайде все и всех, что находится вне точек и их «точечного мира». Глобализация – это пуантилистский мир, точки которого связаны между собой огромной нематериальной («виртуальной») паутиной. Весьма символично, что термин «виртуальная реальность» появился в том же 1983 г., что и «глобализация».

Итак, «пространство» глобализации – это пространство, сжатое в точку или совокупность точечных миров. Но и время глобализации тоже есть время, сжатое во временну́ю точку, в некий хроноквант. Резкое ускорение темпа жизни (до такой степени, что П.Вирилио предложил новую науку – дромологию, посвященную изучению скорости и ускорению времени) дробит цельное время на фрагменты. Это соответствует и фрагментарному характеру информации. Дробно-фрагментарным, точечным является время СМИ, ТВ, управления (менеджмента) большинством современных видов производства. В результате ориентации на момент, как пишет Х.Т.Эриксен, один момент деятельности и жизни поглощается другим, чтобы тут же быть поглощенным следующим и т.д.; причинные связи в восприятии ломаются, вместо них – простая последовательность и превращение человека в функцию момента, точки во времени. Эдакий хронопуантилистский мир. Как следствие, мы получаем совокупность пульсирующих временных точек, а не линию из множества точек, устраняющую одномерность, точечность в «двумерности».

Таким образом, и пространство и время глобализируемого мира носят одномерный, пуантилизированный характер, а весь этот мир, по меткому выражению того же Эриксена, превращается в огромный «Леголенд» со всеми, добавляю я, вытекающими из этого социальными последствиями. Главное из них – резкое качественное усиление позиций глобальной верхушки («глобалы» – З.Бауман, «космократия» – Д.Дюкло, «глобократии» – А.Фурсов) по отношению к массе остального населения, усиление невиданное в истории, поскольку мировые верхи, став глобальными, оперируют и существуют в пространстве, принципиально недоступном низам и средним слоям (которые постепенно вливаются в низы), а часто и невидимом ими. В этом плане глобализация есть социальная, а точнее гражданская «холодная» война особого рода, в которой военные по сути цели достигаются главным образом внешне мирными, невоенными средствами (информационная психологическая война, манипуляция с помощью СМИ, «медийных интеллектуалов», квазинауки и т.п.). О глобализации самой по себе мы еще поговорим, здесь же лишь отметим несовпадение, асимметрию начал и концов века: триумф пространства, двумерности в начале и – времени, одномерности (точечности) в конце; соответственно, подъем, восстания, революции низов в начале века и подъем, революция (или контрреволюция) верхов в конце.

Тенденция к ускорению времени и «сжатию» пространства, которая, сделав качественный скачок, приведет в конце века к победе времени над пространством (в виде глобализации), вполне была очевидна уже в начале века, уже в зазоре между

началом исторического XX века и календарного. Эта тенденция, пронизывающая буквально все – производство, быт, досуг, – реализуется двояко.

Во-первых, «сжимается» пространство. С одной стороны, становится все меньше белых пятен. В 1909 г. Р.Пири достигает Северного Полюса; примерно в то же время в Северном Ледовитом океане и на его островах много и активно работают русские исследователи. В 1912 г. Амундсен и Скотт достигают Южного Полюса. С другой стороны, за счет развития технических средств – транспорта и коммуникации – люди значительно быстрее преодолевают расстояния. В 1902 г. появляется первый мотороллер. В 1903 г. – первый мотоцикл с бензиновым двигателем внутреннего сгорания; в 1904 г. начинается производство автомобилей «роллсройс». В 1908 г. организован автопробег Нью-Йорк – Париж (через Владивосток), он занял всего лишь 169 дней. В 1901 г. Маркони испытывает радиотелеграф, а в 1903 г. принимает радиосигналы через Атлантику из Англии; примерно в то же время наш Попов активно работает в аналогичном направлении.

Во-вторых, резко ускоряются время, темп производства, ритм повседневной жизни. В 1913 г. на заводах Форда появляется конвейер. Впрочем, люди не только работают, но и живут быстрее, а поэтому в 1901 г. появляются быстрорастворимый кофе и безопасная бритва «Жилет», превратившая бритье из длительного и размеренного мужского ритуала (правка опасной бритвы, аккуратные движения – кто пробовал, тот знает) в относительно быстрый акт. В 1904 г. – еще новшество: пакетики с чаем для быстрой заварки; 1906 г. – массовая продажа термосов; 1907 г. – электрическая стиральная машина. В 1908 г. появился (в Англии) «быстрый магазин» – универсам, организованный (американцем) Селфриджем; в том же году в быт вошли одноразовый стаканчик, электрический утюг и домашний пылесос, в 1910 г. – кофеварка А.Конома и электропосудомоечная машина (усовершенствованный вариант – в 1916 г.). В 1912 г. начала работать первая фабрика по производству консервов. Жизнь ускоряется, и современники фиксируют это: *«Изменился и сам ритм жизни. Год – чего только не случалось теперь на протяжении одного года! Одно изобретение, открытие сменялось другим, тут же становившемся в свою очередь всеобщим достоянием»*, – писал С.Цвейг о начале XX в.

Вообще, даже в повседневных «мелочах» в быту мы обязаны «входу» в XX в. значительно большим, чем привыкли думать. Кукурузные хлопья и мороженое в вафельном стаканчике, целлофан и бытовая электролампа, наручные часы для женщин, внутриматочная спираль (1905), бюстгальтер (1914 г., придумала М.Джейкоб), граммофонная пластинка, цветные фотографии (1912), мультипликационные фильмы; с 1907 г. начинается массовая продажа игрушечного конструктора Ф.Хорнби (изобретенного в 1900 г.), а в 1913 г. появляется первый небоскреб (в США) – «Woolworth Building». Все это из первых семнадцати лет календарного XX в. Оттуда же сигареты «Кэмел » (1913), слово «ген» (1909), слово «джаз» (1913 г.; в 1915 г. джазовым назовет себя оркестр Брауна), мода на блюз (1914 г. – «Сент Луи Блюз» У.Хэнди), плавленый сыр (1915); противогаз и парашют, первая киностудия Голливуда (1912), игровое кино, прежде всего, комедии – фильмы с Мак Сеннетом, Максом Линдером и Чарли Чаплином с его «избыточным физиологизмом» (С.Добротворский); первая регулярная кинохроника текущих событий (Франция – «Pathe Gazette»), первые комиксы, бум «желтой прессы».

Ну а про автобум и говорить нечего. В 1908 г. Форд ставит на поток автомобиль «форд–Т» (с 1913 г. его будут производить на сборном конвейере). Авто становятся все более удобными: в 1905 г. у них появляется безопасное переднее стекло, в 1906 г. – зеркало заднего вида, в 1908 г. – «дворники» (ручные; в 1921 г. их сменят «дворники» на вакуумном приводе). Начинается производство первых «роллс-ройсов».

В самом начале века появились первые ростки потребительства как стиля жизни («консьюмеризм»). Вместе с ним «пришли» реклама, рекламные каталоги.

Хотя наиболее бурным развитие науки и техники было не в начале века, тем не менее и «на входе» есть чем похвастать. В 1903 г. И.П.Пав-лов открывает условные рефлексы (получит за это Нобелевскую премию – учреждена-родилась вместе с XX в. – в 1901 г.); Эйнштейн формулирует специальную (1905) и общую (1913 г., в другой интерпретации – 1916 г.) теорию относительности (и тоже получит «нобеля», но вовсе не за эти теории, которые ныне, на изломе века вызывают все больше сомнений у физиков, математиков, астрономов, впрочем, и с самого начала вызывали, но пришлись ко времени, его духу – релятивизма, относительности). В 1905 г. будет открыта спирохета, вызывающая сифилис, в 1907 г. – создана сыворотка против менингита, в 1915 г. японцы идентифицируют первый канцероген. В 1906 г. русский инженер Б.Розинг проводит первую в мире телепередачу с помощью электронно-лучевой трубки (запатентована в 1907 г.).

В 1911 г. великий физик (и «по совместительству» вратарь сборной Дании по футболу) Нильс Бор «выдает» планетарную модель (первую теорию) строения атома. В том же году другой великий физик Резерфорд откроет атомное ядро. 1916 г. – открытие «радиуса Шварцшильда».

Рост международной напряженности и мировая война «диктовали» свои технические заказы. В 1911 г. появляется первый ранцевый парашют русского Г.Е.Котельникова, а в 1912 г. американец А.Берри совершит первый парашютный прыжок. В 1914 г. итальянец Б.Равели создает первую удачную модель пистолета-пулемета; в 1917 г. немец Г.Шмайсер представит свою, очень хорошую по тем временам версию автомата, ну а уже в «длинные двадцатые» (1920) американцы (в лице Томпсона) «ответят» своим будущим противникам из «оси» автоматом «Томми» (калибр – 0,45 дюйма; с 1925 г. на вооружении морпехов США). В 1916 г. англичанин Свинтон изобрел боевой танк, а француз Ланжевен – гидролокатор для обнаружения айсбергов и подлодок.

Новое появилось в музыке (Барток, Сибелиус, Шонберг, Скрябин, Гранадос, Хольст, Ивс, Стравинский), архитектуре (один «Роби-Хауз» Фр.Ллойд-Райта в Чикаго чего стоит, но кроме Ллойд-Райта были Гропиус, Ле Корбюзье и другие) и особенно в живописи. Писали новые полотна импрессионисты, поздний Климт, но это все уже принадлежало в большей степени XIX в. XX век шел с кубистами и абстракционистами «наперевес». В 1910 г. состоялась первая выставка «кубистов», а в 1912 г. вышли работы, концептуально обосновавшие новые течения: «О духовности в живописи» В.Кандинского и «Кубизм» А.Глеза и Ж.Метценже.

По числу веховых философских, социально-гуманитарных и литературных произведений преддверие «исторического» XX в. в целом почти не уступает «длинным двадцатым»: «О законах пространственного роста хозяйства» Ф.Ратцеля (1901),

«Логические исследования» (1901) и «Идеи. Общее введение в чистую феноменологию» (1913) Гуссерля, «Империализм» Дж.Э.Гобсона (1902), «Что делать» Ленина (1902), «Современные французы» М.Нордау (1902), «Лекции по прагматизму» Ч.Пирса (1902), «Современный капитализм» В.Зомбарта (1902), «Географическая ось истории» Х.Макиндера (1904), «Философия» (1904–1915) и «Общая теория духа как чистого акта» (1916) Джентиле, «Протестантская этика и дух капитализма» М.Вебера (1905), «Размышления о насилии» Ж.Сореля (1908), «Вехи» (1908), «Время и свобода воли, материя и память» А.Бергсона (1909), «Теория экономического развития» Й.Шумпетера (1911), «Тотем и табу» З.Фрейда (1913), «Метаморфозы и символы либидо» (1912) и «Психология подсознания» К.-Г.Юнга (1913), «Дай Никон» К.Хаусхофера (1913), «Срединная Европа» Ф.Наумана (1915), «Трактат по общей социологии» В.Парето (1916), «Государство как форма жизни» автора термина «геополитика» Р.Челлена (1916), «Теория и история историографии» Б.Кроче (1917). Прямо скажем: сильно. И это далеко не все.

Литература «календарной прелюдии» к «историческому XX веку» это, прежде всего, «Будденброки» (1901) и «Смерть в Венеции» Т.Манна (1913), «Ким» Киплинга (1901), «Сердце тьмы» Конрада (1902), «Им-моралист» А.Жида (1902), «Человек, который был четвергом» Честертона (1908), «В направлении к Свану» М.Пруста (1913 г.; первый роман из цикла «В поисках утраченного времени», законченного в 1922 г.), «Жан Кристоф» Роллана (1904–1912), «Туннель» Келлермана (1913), «Финансист» Драйзера (1913 г., первый роман из трилогии о магнате Кауперфильде; далее – «Стоик», 1914 г. и «Титан», 1947 г.), «Бремя страстей человеческих» Моэма (1915), «Сроки земли» Гамсуна (1917), поэзия У.Б.Йитса, Р.Фроста, Э.Паунда, Г.Аполлинера, Л.Пиранделло, Р.М.Рильке и немало другого. Все эти произведения дышали эпохой: воля, время, подсознательное, падение морали, массы. Именно соединение в начале века этих пяти «ингредиентов», составивших пентаграмму, стало гремучей смесью «длинных двадцатых» (1914/17–1934).

Впрочем, все могло сложиться и иначе: «вход» в XX в. представляет наблюдателю хороший материал для размышлений о роли случайности в истории. 30 (17) июня 1908 г. над Сибирью пронесся некий объект, взорвался на высоте 6 км (мощность взрыва – 12,5 мегатонн) и рухнул в тайгу в районе р.Подкаменная Тунгуска. На площадке 1885 кв.км были повалены деревья. Объект назвали тунгусским метеоритом. (В 1906 г. Уэллс опубликовал фантастическую повесть «В дни кометы» – об угрозе столкновения Земли с кометой. Как в воду глядел.) Если это был действительно метеорит (или любое другое тело) и если бы он столкнулся с Землей на четыре часа позже, то, утверждают астрономы, наиболее вероятным «местом встречи» стал бы Санкт-Петербург со всеми вытекающими последствиями. Едва ли можно сомневаться, что в таком случае история XX в. пошла бы иначе. (Только не надо высокомерных рассуждений, что история не знает сослагательного наклонения, – знает, она не автомат. Знает, но держит в секрете. Задача историка социальных систем расшифровать его.) В 1909 г. был обнаружен (почти заново открыт) еще один «подарок» из космоса – комета Галлея.

Выше говорилось о том, что для большинства стран мира история XX в. окончилась возвращением на «круги своя», к их «корыту» начала столетия. Оказалось, историю, ее законы, век нельзя обмануть. Но, может, кому-то удалось, и он нарушил хроносимметрию, «устроил» несовпадение и, стартовав с полупериферийного уровня, заняв место в ядре, стал его частью? Ведь в XX в. несколько раз говорили о «чудесах» – японском, немецком, итальянском, бразильском, а Китай в последней четверти XX в. вообще продемонстрировал бурный экономический рост.

Что касается Германии, то она стала частью ядра уже в конце XIX в. В XX в. она лишь упрочила свое положение, причем послевоенное «чудо» связано с американской помощью, укрепившей западную границу зоны своего мирового контроля. Япония тоже заложила фундамент своих успехов в конце XIX в., хотя место в ядре заняла в послевоенный период. Здесь тот же случай, что и с ФРГ, – помощь со стороны американцев, укреплявших свой дальневосточный бастион против СССР и Китая. Бразилия и Индия, несмотря на впечатляющие экономические показатели, остаются классическими полупериферийными странами. В них небольшой (относительно населения; в Индии – это 10 млн. человек) господствующий класс купается в роскоши; есть средний класс (в Индии – около 150 млн. человек), живущий сносно. Однако 90% (или около того) населения влачат жалкое существование (хотя и здесь есть различия – «веселая бедность» в Латинской Америке и беспросветная, безнадежная – в Индии, связанная с демографическим сверхпрессом, кастовой системой, исторической старостью общества и т.п., – читай «Печальные тропики» К.Леви-Стросса).

Китай в своем успехе никого не обманул – ни век, ни логику капсистемы. Он и не собирался. У Китая – своя трехтысячелетняя логика исторического развития (алгоритм – «Книга Перемен»), он развивается в известном смысле параллельно «остальному» человечеству, проходя определенный цикл, в котором периоды порядка и процветания чередуются с периодами хаоса, распада, бедности. Приход в 1949 г. к власти коммунистов положил конец именно такому распадно-хаотическому периоду, начавшемуся в 1840-е годы первой опиумной войной.

Когда кончится фаза подъема, начавшаяся в 1949 г.? Не прервут ли ее США, в главного конкурента которых превращается Китай? Ответить на эти вопросы трудно. В любом случае «китайское чудо» не принадлежит XX в. – оно шире и древнее его.

Пожалуй, только одна страна смогла обмануть XX в. Это Италия. Однако обман – исключение, подтверждающее правило, – прошел по логике развития капсистемы, макроэкономическая игра которой – игра с нулевой суммой. После того, как Восточная Европа стала частью социалистической системы, произошел относительный упадок промышленности в Богемии, Венгрии и Словении, и я согласен с теми исследователями, кто считает, что в 1950-е годы Италия рывком заняла сумму этих освободившихся трех «мест» и таким образом стала элементом ядра системы, правда, и здесь не все просто: в ядро вошел север Италии, юг остается внутренней периферией, «внутренним югом». Иными словами, социальные законы века и его системы обмануть нельзя, только в исключительных случаях и то – отчасти, ненадолго и с неизбежной расплатой.

Исторический фатализм? Ни в коем случае. Закон необратимости развития крупных и сложных систем. Впрочем, не только сложных и крупных. Разумеется, история не фатальный процесс, всегда существует больший или меньший набор альтернатив, выбор которых совершается в ходе и результате борьбы исторических субъектов – классов, государств, корпораций, этносов и т.д. Но эти альтернативы ограничены неким коридором возможностей – системным. Он исчезает только при системных кризисах, в точках бифуркации, когда субъект(ы) ломает(ют) старую систему и создают новую. Но тут исторические чудеса исчезают – в том смысле, что становятся реальностью, а точнее, грань между чудом и реальностью стирается, и история «выскакивает» по ту сторону сказки и были, сказку делают былью и наоборот. Как правило – с большой кровью.

Ну а в чем еще концы и начала XX в. не сходятся?

III. XX век: начала и концы

Помимо изменения «соотношения сил» между временем и пространством и информационного бума (это отдельная тема, которую я специально не затрагиваю в данной главе, оставляя ее отчасти для раздела о науке в XX в., отчасти для раздела о пропаганде и манипуляции общественным мнением) в глаза прежде всего бросается рост численности населения.

XX век – это взрыв «демографической борьбы». Население с 1,6 млрд. в 1901 г. увеличилось до 6 млрд. в 2000 г.! (1930 г. – 2 млрд., 1960 г. – 3 млрд., 1976 г. – 4 млрд., 1985 г. – 5 млрд.). Ясно, что такое количество населения – слишком большой груз для биосферы. XX век стал веком экологического кризиса. Сто лет назад М.О.Меньшиков писал, что в XIX в. мир низших существ – животных и растений – испытал на себе «бич Божий», шел крупномасштабный «погром природы». То, что произошло в этом плане в XX в. можно назвать суперпогромом. Уже в 1960-е годы, сложилась такая ситуация, что в докладах Римскому клубу (как бы к ним ни относиться) зазвучали темы пределов роста и необходимости нулевого роста, т.е. такого, когда 50% тратится на нейтрализацию негативного экологического эффекта и на природосохранение. И все это на фоне небывалого прогресса науки и техники и – внешне – невиданного господства человека над природой, которое, однако, оборачивается угрозой гибели человечества в результате разрушения биосферы. Эпидемии новых неизлечимых болезней, наступление пустынь, угроза исчерпания ресурсов питьевой воды и источников энергии и многое другое – все это свидетельствует о том, что земля (биосфера) действительно вскрикнула, а точнее – кричит, предупреждая.

Мир начала XX в. – это, несмотря на наличие промышленности и крупных городов, в целом аграрно-индустриальный мир, бóльшая часть населения которого крестьяне, и это аграрное население худо-бедно способно себя прокормить. Мир конца XX в. – это мир городов, индустриально- (а то и «постиндустриально») аграрный мир; при этом аграрное население – это большей частью неспособные прокормить себя посткрестьяне (т.е. несобственники возделываемой земли). Производство мирового продовольствия, «мировой жратвы», по сути, концентрируется в ядре капсистемы.

Согласно данным ООН и Мирового Банка Развития, только за тридцатилетие 1960–1992 гг. доля городского населения выросла в Латинской Америке с 49 до 73%, в Арабском мире – с 34 до 55, в Африке – с 14 до 73, в Китае – с 18 до 27 и в Индии с 19 до 26%. Таким образом, Латинская Америка, Африка и Арабский мир – это урбанизированные зоны, зоны городской жизни.

Один из главных процессов XX в. – деруралиация. Сельское население миллионами уходит в город (в деревне невозможно прокормиться, утрачена земля, в результате чего во многих местах аграрное общество сохраняется, но становится посткрестьянским). Далеко не все «приземлившиеся» в городе становятся горожанами в производственном и социокультурном плане (поэтому деруралиация шире и урбанизации, и пролетаризации), тем не менее мир XX в. завершается как мир городов со всеми политическими последствиями. Прав Э.Хобсбоум, который считает, что если в течение трех первых четвертей XX в. победы в революциях приходили чаще всего из деревни или в связке «деревня – город», то в последней четверти XX в. только победа в городах и установление контроля в них и над ними гарантируют победу революции (и – добавлю я – контрреволюции). Мир XX в. финиширует как Pax Urbana, и это представляет собой логическое развитие одной из главных тенденций XIX в., нарастание некоего количества, которое во второй половине XX в. перешло в качество, и лик этого качества часто столь ужасен, что задаешься вопросом: человеческое ли это? К сожалению, *«человеческое, слишком человеческое»*.

Еще в одном отношении XX век продолжил XIX, выйдя, однако, на качественно иной уровень. М.О.Меньшиков назвал это «богоотступничеством белой расы» в XIX в., ее все большим впадением в скептицизм и нигилизм. XX век стал временем расцвета крайнего морального релятивизма. В XIX в., как заметил М.Харрингтон, Ницше и Достоевский задавались вопросом: может ли общество выжить, если уверует в ложную теорию; XX век поставил намного более страшный вопрос: может ли выжить общество, которое не верит ни во что, поскольку все относительно?

Похоже, вера во что-либо в XX в. заменена Массовым Хлебом (потребление) и Массовым Зрелищем (развлечения). И именно на это направлено массовое производство, на то, чтобы заставить людей потреблять как можно больше. Жить, чтобы потреблять, а не потреблять, чтобы жить – вот девиз «общества потребления», сложившегося в XX в. в ядре капсистемы. Жить, чтобы голодать и страдать – вот «девиз» огромной периферии капсистемы, девиз, многократно и почти безнадежно усиленный глобализацией.

Потребление, т.е. расширение рынка, должно стимулировать расширение производства, которое обеспечивает увеличение нормы прибыли (или удерживает ее), т.е. главную задачу капитализма как системы – бесконечное накопление. Таким образом, «общество потребления» («золотой миллиард»), возникшее в XX в. в ядре капсистемы, – это общество проедания биосферы, состояние которой в 2000 г. много хуже, чем в 1901 г. И это тоже такой итог XX в., в котором начала и концы не сходятся.

Пожалуй, одна из главных точек несхождения концов и начал XX в. – Европа. В XX в. мир вступал под ее главенством; в пятерке политически и экономически ведущих держав мира первая, третья и четвертая – европейские державы, а пятая – евразийская Россия. В 1918 г. Шпенглер провозгласил закат, сумерки Европы (правда, за несколько десятилетий до него об этом написал наш К.Леонтьев). Так оно и вышло. XX век стал веком отступления и поражения Европы как полноценного макроисторического субъекта сразу после Второй мировой войны.

Любые исторические аналогии рискованны и поверхностны, особенно если в их основе не лежит теория. Тем не менее отчасти правы те, кто, как А.Тойнби, видел сходство между англо-германскими войнами XX в. и Пелопонесской войной (435–407 гг. до н.э.). В ней сошлись Спарта с союзниками и Афины с союзниками. Формально победила Спарта, однако по сути греческий мир измотал себя, надломился и стал относительно легкой добычей Македонии. В будущем судьбы греческого мира решались в

борьбе двух внегреческих держав – Македонии и Рима, как и судьба Европы в послевоенный период решалась не ею, а СССР и США, которые сдавили Европу, поделили на части и пристегнули эти части в качестве элементов своих систем и зон.

В 1900 г. население Запада составляло 30% мирового населения, в 1993 – только 13%, и этот процент постепенно уменьшается (а в нем самом быстро растет доля пожилого населения). Если в начале века подавляющая часть миграции была представлена европейцами (белыми), то в последней четверти века это огромные массы выходцев из Азии, Африки и Латинской Америки. Если за столетие между 1820 и 1920 г. число мигрантов достигало 55 млн., то в последней четверти XX в. их стало 100 млн. человек (легальных) плюс 20 млн. беженцев, плюс 10–20 млн. нелегальных мигрантов. Мир перевернулся, причем в расово-демографическом и религиозном плане не в пользу белых, европейцев и христиан.

Впечатляют, бросаются в глаза различия на политических картах мира 1901 и 2000 гг. XIX век был, помимо прочего, веком великих империй. Пусть некоторые из них клонились к упадку, но они были и играли свою роль. XX век стал временем их крушения. Первыми в результате Младотурецкой и Синьхайской революций рухнули две азиатские империи – Османская и Цинская. Азия пробудилась. Это произошло после того, как в 1905 г. революцией проснулась Россия и, вопреки словам из появившегося в том же 1905 г. романса Я.Фельдмана и Н.Риттера *«ямщик не гони лошадей, мне некуда больше спешить»* погнала вперед, заспешив к революции 1917 г.

Всего четыре года пройдет после празднования трехсотлетия Дома Романовых, оказавшегося генеральной репетицией похорон династии, и Дом этот, а с ним империя, разделившись в самих себе, не устоят и рухнут. За великой евразийской трансконтинентальной империей последуют две европейские – великая Германия Второго Райха и дряхлая Австро-Венгрия. Ну а после Второй мировой войны подойдет очередь четырех колониальных империй. Правда, великой колониальной империей в XX в. из этих четырех осталась по сути лишь одна – Британская. Французскую, Голландскую и Португальскую, рухнувшую в середине 1970-х годов, едва ли можно с ней сравнить. В 1991 г. развалился СССР, возникший на месте империи Романовых, и последний генсек по иронии истории носил то же имя, что первый и последний из Романовых на троне – Михаил (еще одна «симметрия» – Ипатьевский монастырь и Дом купца Ипатьева).

Таким образом, в течение календарного XX в. прошлым стал десяток крупных политико-географических образований (девять империй и одно – СССР – постимперское протоглобальное общество). Большинство этих империй возникло в «длинном XVI веке» (1453–1648): в Европе – на руинах Средневековья, на русских просторах – на руинах удельной Руси, Золотой Орды и ее наследников, в Малой Азии и Северной Африке – на руинах Византии и арабских государств мамлюков, зийянидов, хафсидов и др.

Во многом XX век подвел итог той эпохе в истории человечества, которая началась в «длинном XVI веке» с капитализмом, колониальными империями, континентальными империями Европы, русской властью и великой евразийской империей. Более того, похоже, XX век решил проблемы, поставленные веком XVI и в этом смысле выполнил программу и исчерпал «повестку дня» Нового времени, Модерна. История русской власти от Ивана IV Грозного до Иосифа I Грозного – яркая иллюстрация этого.

XX век – терминатор Модерна? Можно и так. Причем терминатор макросоциальный: в начале XX в. были сметены упорно сопротивлявшиеся веку XIX режимы Старого Порядка со слоем аристократии; в середине века «Ластик Истории» основательно прошелся по крестьянству; в конце века стало сокращаться социальное пространство рабочего класса и среднего класса, пробил их час. XX в., как и предсказывал в 1906 г. В.В.Розанов, стал для мира великим «дарвиновским испытанием»: *«Для всех вещей, статуй, идолов, классов, положений, для всякого счастья и высоты наступила длительная минута “борьбы за существование”, где они должны “отстоять себя”, показав свою “правду” и “жизненность” и “благодетельность”, – не на словах, не риторическую, а деловую. Пришла смерть для всего “ненужного”* (как хозяевам мира, так и тем, кто претендует на их место. – *А.Ф.*). – ***“Ну, кто выживет? Кто подлинно нужен?”*** *Вопрос слишком страшный для слишком многого. Недаром у многого и многих поджилки трясутся... “Вынеси бурю – и останешься жив”»*.

Теперь главный кандидат на поступление на «факультет ненужных вещей», объект социального дарвинизма – средние классы. Теперь именно их грозит поглотить волна позднекапиталистического «прогресса», т.е. под ударом те самые слои, которые стали его главными бенефикторами в 1945–1975 гг. Век, начинавшийся политико-экономическим восхождением этих классов и развивавшийся как таковое, заканчивается их нисхождением. Sic transit gloria mundi. *«Мы снимаем людей слоями»*, – любил говорить Каганович. Я снимаю людей классами, мог бы сказать XX век. Классами, массами, империями. Все они – унесенные Ветром Истории XX в.

Среди унесенных и уносимых самую серьезную проблему представляет средний класс. В 1947 г. – в тот исторический момент, когда средний класс ядра капсистемы находился на взлете и у него впереди было несколько десятилетий счастливой социальной жизни, Тойнби прозорливо писал, что средний класс Великобритании и Запада вообще находится в том же положении, что и рабочий класс Англии за 150 лет до этого – тогда, *«когда по нему проехалось колесо истории... Будущее среднего класса,* – замечает далее Тойнби, – *это насущный вопрос для всех стран Запада, однако его решение заденет не только ту небольшую часть человечества, к которой оно непосредственно относится, ибо именно средний класс Запада – это незначительное меньшинство – является тем самым ферментом, закваской, которая взрыхлила массу, и таким образом, создала сегодняшний мир. Может ли создание пережить создателя? Если средний класс Запада потерпит крушение, не потянет ли он с собой в своем падении все здание человечества? каким бы ни был ответ на этот судьбоносный вопрос, несомненно одно: кризис определяющего меньшинства неизбежно станет кризисом всего остального мира»*.

Тойнби прав, и я могу внести только два уточнения. Первое – «мир» имеет смысл заменить на «капиталистическую систему», и второе – отметить: исчезновение среднего класса – это, действительно, конец капитализма (и не только его: маргинализация «средних классов» приводит к крушению любую систему, будь то античные Афины, Римская республика или Римская империя). Но и превращение капитализма в общество среднего класса тоже означает его конец; социальный рост среднего класса – это социализм (именно социализм, а не «исторический коммунизм»). В направлении именно такого «рая» и развивалось ядро капсистемы в 1945–1975 гг., именно это развитие прервали на рубеже 1970–1980-х годов хозяева

капсистемы, начав крушить, «опускать» средний класс с помощью неолиберальной политики, рынка без социальных ограничений и глобализации. Капитализм опять же двинулся к своему концу, но в ином, антисоциалистическом, антисреднеклассовом, олигархическом варианте, выигрышном для верхушки – «мировой железной пяты».

В известном смысле нынешний мировой средний класс, по крайней мере его стремительно увеличивающийся в ходе и посредством глобализации низ, действительно постепенно занимает нишу, эквивалентную индустриальному пролетариату. Значительная его часть превращается в наемных работников умственного или управленческого труда. Мировой средний класс действительно становится тем социальным полем, на котором разыгрывается нынешняя макроисторическая драма, отрезая от этого поля все новые и новые куски, на которых вместо культурных «социальных растений» начинает плодиться сорняк. Мировой средний класс становится наиболее слабым, наиболее уязвимым и чувствительным по отношению к кризису звеном современного мира. Мировые верхи находятся слишком высоко, чтобы реально ощущать кризис; их богатство и власть – тот волнорез, о который длительное время (хотя и не вечно) будут разбиваться волны кризиса. Мировые низы и так находятся столь низко, что их можно выкорчевать только с почвой (т.е. с самой жизнью; любая попытка такого рода может привести к сметающему все бунту), так глубоко в Заднице Истории, что у них в плане вещественной субстанции и взять-то нечего. Что остается для передела? Правильно – средний класс. Именно он – главный объект отсечения, передела, поле, на котором разыгрывается финал позднекапиталистической драмы. Собственно, драмы всех поздних систем, будь то античная римская или феодальная, разыгрываются в конечном счете на «поле» средних классов, их маргинализация означала конец системы. К таковому капитализму мы еще не раз вернемся.

В конце XX в. действительно сходятся начала и концы не только этого века, но и целой эпохи, которую затеяли Лютер, Иван IV, Макиавелли и многие другие, возможно, не всегда достойные, но, как правило, весьма масштабные господа, Гиганты Истории.

При сравнении года 2000 с годом 1901 в глаза бросается многое. Например, сто лет назад единственными агентами мировой системы были национальные государства («нации-государства»). Теперь это не так. Государство, так пугавшее мыслителей второй половины XIX – первой половины XX в. (Ницше о государстве: «холодный монстр»; Оруэлл: «Большой Брат»), оказалось не столь страшным и не столь сильным, оно слабеет. Англосаксы даже говорят *«nation-state is fading away»* (тает, растворяется), его власть приватизируется, и люди оказываются беззащитными перед лицом бездушных и самодовольных наднациональных бюрократий (типа евросоюзской), корпораций и криминала. Впору кричать: *«Большой Брат, вернись, я все прощу»* (название статьи А.С.Донде).

В любом случае, теперь помимо наций-государств в качестве агентов мировой системы выступают наднациональные сообщества типа Евросоюза, транснациональные корпорации, неправительственные организации (NGO), наркокартели и другие криминальные сообщества, партизанские или сепаратистские движения. Если в конце XIX в. Большая Игра в Центральной Азии (и за нее как приз) велась двумя государствами, двумя империями – Российской и Британской, то в Большой Иг-ре-2, разворачивающейся с конца календарного XX в., почти на равных участвуют государства и ТНК, движение «талибан» и их противники, таджикские кланы и пуштунские племена.

Более того, в послевоенный период в количественном измерении бóльшая часть войн ведется вовсе не государствами. По подсчетам М. ван Кревельда, с 1945 по 2000 г. 75% (!) войн велись такими политическими целостностями или против таких политических целостностей, которые не являются государствами; в начале 1992 г. **ни одна** из более чем двадцати идущих в мире войн не велась регулярными (государственными) армиями. Иными словами, перед нами процесс, приватизации централизованного насилия, отступление государства. То, что в начале XX в. казалось отклонением от нормы, объяснялось, например, китайской, иранской, мексиканской и т.п. спецификой, становится чуть ли не мировой нормой. Государство превращается в одну из (пусть часто и сильнейшую) корпораций власти и ведет борьбу с повстанцами, медиа-империями, наркокартелями, ТНК и т.д. как одна корпорация – с другой. Можно ли было представить нечто подобное в Имперском начале XX в.? Pas du tout.

Что еще можно назвать такого, что пышно цвело в начале XX в. и увяло к его концу? Ну конечно же идеологии прогресса, универсалистские идеологии – об этом мы поговорим позже. Конечно же великая литература, которая в XX в. постепенно сходит на нет – в массовом обществе ее теснят кино, ТВ, СМИ; именно они начинают выполнять ту социальную функцию, которую в XIX в. выполняла литература. Пожалуй, дольше всего – до конца 1980-х годов – литература сохраняла свои социальные и культурные позиции в СССР, который в известном смысле, оставался в послевоенный период последним прибежищем многого из культуры и искусства XIX в. Однако «антикоммунистическая революция», похоже, добила ее и на русских просторах. В России контраст между состоянием литературы в конце XIX и в конце XX вв. – одно из наиболее поразительных свидетельств нарастания упадка.

Еще раньше или почти одновременно с великой литературой ушла в XX в. великая философия. Хайдеггер, похоже, оказался не только последним великим немецким, но и последним великим европейским философом. То, что пришло позже, например фарсово-крикливые «новые философы» во Франции 1970-х годов, лишь подчеркивает конец философской мысли Модерна. Если Хайдеггер всерьез ответил Гегелю и Лютеру, то «les philosophes nouveau» – это карикатурный, кривляющийся ответ французскому Просвещению. История повторяется дважды?

Итак, мы сверили начала и концы века, взглянули на «вход» и «выход». Что внутри?

IV. Длинные двадцатые, 1914/17–1934 гг.

Если выбирать только одну из двух дат начала «длинных двадцатых», то это все же не 1914 г., а 1917 г. – начало главной русской революции XX в., т.е. вступление большевиков в Историю как претендентов на мировое господство посредством мировой революции и вступление в мировую войну США тоже как претендента на мировое господство. В предпоследний год «длинных двадцатых» на сцену всерьез выйдет еще один претендент – германский национал-социализм, и ревущие двадцатые перекроет рев надвигающейся войны, в которой три претендента разыграют сложную историческую партию (с

активным, но не решающим участием Британской империи и Японии; от прочих с их «zone de sabotage» и т.п. можно абстрагироваться). Партии, о которой идет речь, должна была предшествовать «пересдача Карт Истории» (Ф.Бродель). Она и произошла в «длинные двадцатые» – в один из самых насыщенных и креативных, если не самый – аж дух захватывает, – периодов в европейской и мировой истории (сравниться с ним, и то отчасти, могут лишь «длинные пятидесятые» (1848–1867) в XIX в. Все те (или почти все те), кто ухватил козыри в «длинные двадцатые», стали победителями XX в.

«Длинные двадцатые» – это прежде всего русская революция 1917–1929/1933 гг., завершившая русскую смуту и в то же время сконцентрировавшая в себе всю или почти всю мировую революционную энергию. Эта энергия в определенной степени связана и с мировой войной 1914–1918 гг. (хотя формально из европейской/евразийской она превратилась в мировую в 1917 г. с вступлением в нее в апреле США, в августе – Китая и в октябре – Бразилии). Начинали русскую революцию в 1917 г. одни силы, а заканчивали и побеждали в ней другие, причем на костях зачинателей – необольшевиков Ленина, его гвардии. Прах этих людей, пошедших в распыл по приговору московских процессов, развеяли (сталинский черный юмор) в год двадцатилетия Октября над полями совхозов «Октябрьской революции» и «Имени Ленина» – «ashes to ashes».

Те в России и особенно за рубежом, кто ставил на ослабление (или даже на расчленение) России путем уничтожения самодержавия, просчитались и получили намного более сильную державу, чем послекрымская Россия, державу-флуктуацию, которая, родившись в 1917–1922 гг. давила на капиталистический мир, пускала в него судорогу, выстраивая антикапиталистический порядок. Кстати, в 1917 г. родился Илья Пригожин, совершивший в последней трети XX в. поворот от изучения равновесия и порядка к изучению флуктуаций и хаоса и написавший (в соавторстве с И.Стенгерс) научный бестселлер «Порядок из Хаоса», а в 1922 г. – Александр Зиновьев, который своими работами первым вскроет социальные секреты советского общества и получит за это наивысшее признание – фразу Суслова: *«Боролись с диссидентами, а главную сволочь просмотрели»* и высылку из страны. В 1917 г. возникло или, по крайней мере, получило свое название течение в живописи, как нельзя лучше отражавшее суть эпохи, – сюрреализм. «Сюрреалистическими» в 1917 г. поэт Г.Аполлинер назвал декорации Пикассо к балету Дягилева «Парад». В 1918 г. Аполлинер умрет, став одной из жертв «испанки», которая унесет 22–23 млн. жизней, – больше, чем Первая мировая война.

За русской революцией последуют кровавые, но провалившиеся революции в Венгрии и Баварии.

В США календарные двадцатые назвали «ревущими» (roaring), но они были такими и во всем мире: революция в Китае, кровавая борьба коммунистов и Гоминьдана, японская интервенция в Китае и захват Маньчжурии, тяжелый поход армии Мао Цзэдуна из Жуйцзина на запад, а затем – петлей – на север и северо-восток к Яньани, поближе к СССР и его «военному кулаку»; приход к власти в Афганистане эмира Амануллы (1919), февральский переворот в Иране 1921 г. (Реза-шах), национально-освободительное движение в Индии, греко-турецкая война 1920–1922 гг. и образование кемалистской Турции, борьба между ибн Саудом и династией хашимитов за Аравию (1919–1925), Кубинская революция 1933–1934 гг., война Чако между Парагваем и Боливией, начавшаяся в 1932 г. (окончилась 1935 г.).

Это – что касается периферии мировой системы Азии, Африки и Латинской Америки, единственным мировым успехом, которой можно считать победу Уругвая на чемпионате мира по футболу в 1930 г. В том же году состоялся и первый чемпионат мира по хоккею с шайбой, в котором победила полупериферийная Канада. Но ревело и в других странах мира. На территории бывшей великой евразийской империи шла гражданская война, завершившаяся победой большевиков и созданием СССР. Затем большевики, чтобы укрепиться, ввели нэп, ну а укрепившись, сами же его и прикончили, начав в 1929 г. коллективизацию и индустриализацию.

Именно с помощью коллективизации большевики довели до конца **свою** революцию – «революцию комиссаров» и сломали социальный хребет русскому крестьянству. Уничтожение крестьянства было обусловлено не только властной и идейной логикой большевистского режима, исторического коммунизма. Решая свои проблемы, большевики решали (вынуждены были решать) и те проблемы, которые достались им в наследство от предыдущей формы русской власти – самодержавия, заложником которых они в известном смысле оказались. Речь идет об аграрном вопросе и о вопросе социального контроля над сельским населением, усугублявшемся тем, что власть, принципиально отрицавшая собственность, должна была найти средство эксплуатации и контроля по отношению к огромной массе крестьян-собственников, обладающих своей, крестьянской социальной организацией.

Уничтожая крестьянство и приводя сельское население в соответствие с «бессобственнической» властью, большевики решали (плохо, жестоко, но решали) предельно острый с конца XIX в. аграрный вопрос в стране с относительным сельским перенаселением и вопрос социального контроля над деревней и ее населением, остававшийся открытым с 1861 г. Короче, большевики оказались заложниками ситуации, которую Т.Кибиров определил так:

Какая скверная земля –

Все недороды, да уроды,

Капризы власти и погоды

И вместо точки слово «бля»,

и которую они еще более усугубили, придав ей специфически большевистский характер.

В 1929 г. режим отпраздновал 50-летие Сталина, совпавшее с его победой над «правой оппозицией» и созданием – словно в ее ознаменование – советскими учеными металлокерамического сплава «победит»; что могла противопоставить этому побежденная русская эмиграция? Только первый конкурс русских красавиц в Париже. В 1934 г. состоялся XVII съезд ВКП(б), съезд победителей, который, однако, не стал окончательной победой Сталина. Окончательная наступит в 1939 г., когда,

нейтрализовав всех противников и разгромив все плетущиеся против него заговоры и прежде всего самый опасный – военный, Сталин зафиксирует ее на XVIII съезде ВКП(б) и на тринадцать лет вообще перестанет собирать съезды партии – не нужны.

В Италии в 1922 г. возник первый в истории фашистский режим во главе с дуче – бывшим социалистом Бенито Муссолини, который установил хорошие отношения с СССР.

Германия к фашизму в «длинные двадцатые» прошла долгий путь – от революции 1918 г. к приходу к власти нацистов и выходу из Лиги Наций в 1933 г. и «ночи длинных ножей» в 1934 г.; внутри «пути» – рурский инцидент и «пивной путч» 1923 г., «веймарская республика», отказ в 1927 г. Гинденбурга от ответственности Германии за Первую мировую войну и от большей части положений версальского договора.

Макс Вебер писал, что с 1890-х годов немецкий средний класс мечтал о новом Цезаре. В 1933 г. он его получил, Цезарь с усиками и во френче вместо тоги явился. И хотя Гитлер пришел к власти в результате победы на выборах, позднее и пропагандисты, и ученые назовут это революцией – гитлеровской, национал-социалистической. Как заметил немецкий историк Голо Манн (сын Т.Манна), гитлеровская революция была стопроцентно немецким явлением, в отличие, например, от немецкой революции 1848 г., явившейся имитацией западноевропейской революции 1848 г. С Гитлером в жизнь Германии вошел «Третий Райх». Правда, строго говоря, он появился за десять лет до победы наци на выборах – в 1923 г. в виде книги М. ван дер Брука «Третий Райх». В 1933 г. название книги материализовалось.

«Длинные двадцатые» заканчивались в Германии «ночью длинных ножей» (убийство Рема и К°) в реальной жизни и «Триумфом воли» (1934) Лени Рифеншталь в кино. СССР «ответил» на это. В реальной жизни – убийством Кирова и триумфом «Челюскина». В кино – непревзойденным мифом Васильевых и Бабочкина о Чапаеве (героика) и «Веселыми ребятами» – жизнеутверждающей комедией в американском духе, в которой Леонид Утёсов всем объяснил: *«И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет»*. И хотя развеселые одесские ребята уравновешивались вышедшей в 1934 г. книгой «Как закалялась сталь», становилось очевидно: Павка сражался, гнил и страдал ради будущего «веселых ребят» на всех уровнях пирамиды советского общества.

США в «длинные двадцатые» не пережили таких серьезных и масштабных социальных потрясений, которые можно было бы сравнить с русскими и немецкими. Вместо этого Америка 20-х годов стала свидетельницей кровавых войн гангстеров (или, как тогда говорили, мобстеров – от «mob», т.е. толпа). Необходимо, однако, заметить, что эти войны отчасти купировали, а отчасти направили в криминальное, а-социальное русло острые социальные конфликты, и вместо общественной революции Америка пережила свою криминальную революцию. Эта революция смотрелась естественно на фоне послевоенного расслабления-разгула, коротких стрижек и не менее коротких юбок, начала массового пользования женщин косметикой (в 1920-е годы это перестали считать проявлением разврата).

Самое парадоксальное десятилетие в истории Америки XX в. – так назвал 1920-е годы Ч.Р.Гейсст, автор книги «История Уолл-Стрита»: многие в начале 1920-х годов давали мрачные прогнозы на десятилетие. Однако реальность опрокинула их, 1920-е обернулись финансовым (спекулятивным) бумом. Казалось, ему не будет конца. Но реальность опять перечеркнула прогнозы: между «черным четвергом» 24 октября и «черным вторником» 29 октября рынок акций рухнул (29-го 16 млн. акций перешли из рук в руки), и началась «великая депрессия». А с ее окончанием (формально – в 1933 г., по сути – в 1934 г.) закончатся «длинные двадцатые» – самая лихая, переполненная, бьющая фонтаном социальной, интеллектуальной и вообще любой спермы часть XX в.

«Длинные» двадцатые годы в Америке – это введение в 1919 г. «сухого закона» и нобелевская премия мира Вудро Вилсону (1920); начало карьеры Эдгара Гувера и Аль Капоне; первая джазовая пластинка (1917) и первый полнометражный фильм «Певец джаза» (1927); «Коттон-клуб» (1923) с его негритянским мюзик-холлом и зажигательным «степом», клуб, о котором шесть десятилетий спустя Коппола снимет очень вкусный фильм; бум радио (только между 1920 и 1922 г. 570 радиостанций получили лицензию) и первый супермаркет (Сан-Франциско, 1923 г.), первый диснеевский мультфильм («Алиса в стране чудес», 1924 г.) и перелет германофила и первой звезды массовой культуры Чарлза (Карла) Линдберга через Атлантику (1927); демонстрация американской публике в 1927 г. телевидения (правда, англичане сделали то же самое еще в 1925 г.); Мэй Уэст в «Бриллиантовой лилии» и романы Э.Хемин-гуэя, У.Фолкнера, Ф.-С.Фицджеральда; танец «чарльстон» и первый мотель (1925), Чарли Чаплин с «Золотой лихорадкой», «Малышом» и «Огнями большого города» и Луи Армстронг (1927); первые бумажные доллары и жевательная резинка «Bubble Gum»; первый «Оскар» (1929) и «Empire State Building» (1931).

В мировой политике «длинные двадцатые» – это переплетение тайной и явной борьбы за господство в мире. США – главный победитель в Первой мировой войне (в том смысле, что им все оказались должны), с середины 1920-х годов, по крайней мере, внешне, сознательно отходят на второй план мировой политики (сокращение военных расходов, распространение настроений пацифизма, изоляционизма), **как бы** пропуская вперед Британскую империю. Активен Коминтерн, создавший, по сути, мировую разведку. Активны крупнейшие спецслужбы, прежде всего британская, и это понятно: фасад империи покрывается трещинами. Крепнут Германия в самой Европе и СССР в Евразии. На международных конференциях вообще и морских в частности идет борьба за размеры военно-морских флотов. Здесь веха – денонсация в 1934 г. Японией Вашингтонского и Лондонского морских договоров. Еще раньше Япония приняла два важных документа, разворачивавших возможную агрессию в советском направлении: меморандум Танаки (1927) и план генштаба «Оцу» (1930).

Мир менялся: он становился, несмотря на романтику и легкость, более жестким, быстрым и агрессивным. Это находило отражение в самых разных сферах, даже в шахматах. В 1921 г. чемпиона мира Эммануила Ласкера победил Рауль Хосе Капабланка. Он стал чемпионом мира, доведя позиционную игру (шахматный аналог позиционной войны, характерной для 1914–1918 гг.) до такого совершенства, что начали всерьез опасаться «ничейной смерти» шахмат. И напрасно. Прошло всего лишь шесть лет, и в 1927 г. великий русский Александр Алехин, демонстрируя наступательно-интуитивный стиль, напоминающий одновременно энергию дягилевского балета и большевистский напор и как бы предвосхищающий характер военных действий Второй мировой войны, своей победой развеет эти опасения. С Алехина, который говорил, что для него шахматы – это не столько спорт или искусство, сколько борьба (ключевое слово эпохи, достаточно вспомнить «Мою борьбу»

Гитлера, появившуюся в год смерти Ленина и создания ФИДЕ), начинается русское господство (с короткими перерывами) в самой умной игре XX в. Показательно и символично, что господство это началось как победа шахматного человека XX в. над человеком, доведшим до совершенства шахматное искусство века XIX. В этом смысле 1927 г. и победа Алехина в Буэнос-Айресе – важные вехи. И все же самое главное в истории «длинных двадцатых», по крайней мере, экономической, произошло не в Южной, а в Северной Америке, в США.

В конце октября 1929 г. крахом нью-йоркской биржи, когда стоимость акций на ней упала на 90%, начался экономический кризис 1929–1933 гг., который быстро стал мировым и подвел черту под «длинными» и «ревущими» двадцатыми, уже в 1930 г. впервые в истории США уровень эмиграции превысил таковой иммиграции. Ну а под самим кризисом в Штатах черту подвел своим «новым курсом» («New Deal») ФДР с его знаменитой фразой: *«Единственное чего мы должны страшиться, – это сам страх»*. Речь конечно же идет о Франклине Делано Рузвельте – одном из сильнейших президентов Америки и лидеров эпохи.

Рузвельт начал борьбу с монополией крупного капитала – то был один из элементов «Нового курса», который стал персональным брэндом ФДР, почти неотделимым от его личности. На самом деле «Новый курс» – я согласен с тем, кто так считает, – был навеян американской экономической традицией, идущей от Александра Хэмилтона, определенными тенденциями американской жизни конца XIX – начала XX вв. и зарубежным опытом государственного регулирования 1920-х годов. Опыт этот был внушительным как по масштабам, так и по результатам: советские пятилетки, «корпоративное государство» Муссолини, практика и теория (О.Шпанн) «корпоративного государства» в Третьем Райхе, экономическая политика Японии и кемалистской Турции, отказ Великобритании от золотого стандарта. «Новый курс» в общем и целом решил те проблемы, на которые был нацелен, и «вытащил» Штаты из кризиса, однако реально успех пришел во время и благодаря войне (подр. см. ниже).

«Длинные двадцатые» были эпохой сильных лидеров и диктаторов: Ленин и Сталин, Муссолини и Гитлер, Мао Цзэдун и Махатма Ганди, Ататюрк и Рузвельт. Квинтэссенциальным диктатором стал Гитлер, особенно по форме, внешне. Он до такой степени вошел в историческую память европейцев, что, как заметил кинокритик С.Добротворский, спустя десятилетия в феллиниевском фильме-аллегории «И корабль плывет», подводящем итоги творчества режиссера и **его** XX в., появляется дирижер-диктатор, говорящий по-немецки.

Да, в двадцатые на политическую сцену властно вступила фигура вождя-диктатора. В соединении с бурным развитием техники это породило ожидание диктатур, основанных на монополии на новейшее чудо-вищное оружие (в СССР это нашло отражение в романах «Гипербол-лоид инженера Гарина» А.Толстого и «Властелин мира» А.Беляева). Диктатуры явились. Но в их основе лежало прежде всего не техническое оружие, а намного более мощное – социальное. Называлось это оружие «массы», и «длинные двадцатые» расчистили площади для XX в. как, прежде всего, для «века масс», для века коллективного (массового) бессознательного и иррационального, когда «человек толпы» действует словно робот; слово придумал то ли К.Чапек, то ли его брат-инженер в 1920 г. – пьеса «R.U.R» (премьера – 1921 г.).

В год великого для Советской России перелома – 1929 (да и для мира – начало экономического спада) в Европе выходит книга-символ, книга-сертификат исторического XX в. – «Восстание масс» испанского философа Х.Ортеги-и-Гассет. В течение нескольких лет после этого француз Селин, англичанин Оруэлл и американец Миллер, словно сговорившись, почти одновременно публикуют книги о жизни масс: соответственно «Путешествие на край ночи» (1932), «Собачья жизнь в Лондоне и Париже» (1933), «Тропик Рака» (1934). Но еще раньше массу на страницы художественной литературы вывели русские: в литературе – Андрей Платонов, устами которого и заговорила эта масса, а также Бабель, Замятин и ряд других, а в кино – Эйзенштейн с его «Броненосцем Потёмкиным» – так сказать, from Russia with no love.

На рубеже 1920–1930-х годов произошло еще одно событие в литературе, отразившее массовизацию общества – на смену детективному роману пришел криминальный. Нет, детектив не исчез, о чем свидетельствует хотя бы творчество Агаты Кристи, написавшей в 1919 г. свой первый роман. Однако его существенно потеснил другой жанр – криминальный роман (классика – Д. Хэммет, М.Спиллейн, Р.Чандлер), принципиально отличающийся от детектива. Детектив, как верно заметил Дж.Саймонс, адресован представителю средних классов, его главная социальная функция – убедить читателя в неотвратимости наказания преступника, а следовательно – в гарантированности безопасности; его герой – сыщик. Героями криминального романа (пришедшего, кстати, из США) может быть как полицейский, так и преступник (при этом часто сыщик действует на грани или за гранью фола); фабула – часто не расследование, а криминальная жизнь вообще; социальный адресат – низы, рабочий класс, средний класс как масса в целом.

«Длинные двадцатые» – эпоха романтики и фобий. И чем ближе к концу, тем меньше романтики и тем больше фобий. Не случайно в 1931 г. режиссер Т.Браунинг экранизирует «Дракулу» Брэма Стокера с Б.Карлоффом в главной роли, а Дж.Уэйл – «Франкенштейна, или современного Прометея» Мэри Шелли с Б.Лугоши, а в 1933 г. на экраны выходит «Кинг-Конг».

«Длинные двадцатые» определили не только экономические и политические судьбы века, но и духовные, художественные. По насыщенности художественными и философскими произведениями, по концентрации имен аналог этому отрезку трудно найти в XX в., да, пожалуй, и во всей современной эпохе. Это самый настоящий взрыв. Мир, словно зная будущее, пытался запастись на сотню лет вперед. И запасся.

«Улисс» Джойса (опубликован в 1918–1920 гг.; книгой – в 1922 г.), «Замок» Кафки (написан к 1923 г., опубликован в 1926 г.), «Волшебная гора» Т.Манна (1924), «Обретенное время» Пруста (публикация в 1927 г.), романы Андрея Платонова – вот вершины. Но кроме них произведения Гамсуна, Сент-Экзюпери, Набокова, Горького (один из лучших романов о пореформенной России – «Жизнь Клима Самгина»), «Тихий Дон» (независимо от авторства), Голсуорси (трилогия «Сага о Форсайтах», включая «Собственника», 1922 г. и продолжение «Саги...» – четырехтомник «Современная комедия», 1929 г.), Ремарка («На западном фронте без перемен», 1929 г.), Брехта («Трехгрошовая опера», 1928 г.), Гессе («Степной волк», 1927 г.), Музиля («Человек без свойств», 1930–1933 гг.), Ф.-С.Фицджеральда («Великий Гэтсби», 1925 г.), С.Льюиса («Главная улица», 1920 г.), Фолкнера («Шум и ярость», 1929 г. и «Свет в августе», 1932 г.), Хемингуэя («Прощай, оружие», 1929 г.), Т.Вулфа (Wolfe) («Взгляни на дом свой, ангел», 1926 г.; опубликован в 1929 г.), Дос Пассоса («Манхэттен», 1925 г.; «1919», 1932 г.), Во

(«Мерзкая плоть», 1930 г. и «Пригоршня праха», 1934 г.), Фейхтвангера (два романа из трилогии «Зал ожидания»: «Успех», 1930 г. и «Семья Оппенгеймер», 1933 г.; третий роман – «Изгнание» – выйдет в 1940 г.); Арагона («Базельские колокола», 1934 г. – первый роман из цикла «Реальный мир», 1934–1951 гг.), Акутагавы («В стране водяных», 1927 г.).

Порой кажется, что великая литература XX в. – это прежде всего литература «длинных двадцатых». Кстати, именно тогда появились три из четырех крупнейших антиутопий XX в.: «Мы» Замятина (1924), «О, дивный новый мир» Хаксли и «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ (обе – в 1932 г.). Свой литературный подарок получили и дети – «Винни Пуха» Милна (1925).

Говоря о живописи этого периода, достаточно напомнить об экспрессионизме (прежде всего немецком – потрясающий Дикс), сюрреализме, о любимце левых Пикассо, о Леже и Матиссе. Архитектура – «Баухауз» (1919), достижения Ле Корбюзье, Татлина и многих других. Музыка – Прокофьев, Стравинский, Шостакович, Равель, Яначек, Глиэр, Барток; из другой «оперы» – Гершвин.

Очень много, возможно, большинство важнейших идей XX в. в науках, как о природе, так и об обществе, было выдвинуто и сформулировано именно в «длинные двадцатые», – пусть порой в грубой и упрощенной форме, требующей развития, уточнения и более утонченной формы. Однако важен первый шаг, принцип, заход; главное – пробить стену. Осколки и мусор подбирать может каждый.

В «длинные двадцатые» опубликовали многие важные работы крупнейшие философы, историки, экономисты, социологи и даже политики: Шпенглер («Закат Европы», 1918 г.), де ла Бланш («Восточная Франция», 1919 г.; «Человек и география», 1921 г.), Х.Макиндер («Демократические идеалы и реальность», 1919 г.), Н.Трубецкой («Европа и человечество», 1920 г.), Витгенштейн («Логико-философский трактат», 1918 г., опубликован в 1921 г.), К.Корш («Марксизм и философия», 1923 г.), Д.Лукач («История и классовое сознание», 1923 г.), Кейнс («Экономические последствия мира», 1919 г.; «Трактат о деньгах», 1930 г.), Ростовцев («Общество и хозяйство Римской империи», 1925 г.), Тревельян («История Англии в XIX в.», 1922 г.), Гуссерль («Формальная и трансцендентальная логика», 1929 г.), Хайдеггер («Бытие и время», 1927 г.), К.Хаусхофер («Границы в их графическом и политическом значении», 1927 г.), Ж.Бенда («Предательство интеллектуалов», 1927 г.), У.Черчилль «Мировой кризис» (4 т., 1923–1929 гг.), Шелер («Положение человека в космосе», 1928 г.), Манхгейм («Идеология и утопия», 1929 г.), Сорокин («Система социологии», 1920 г.), Ортега-и-Гассет («Восстание масс», 1929 г.), К.Шмитт («Понятие политического», 1932 г.), Уайтхед («Наука и современный мир», 1925 г.), Карнап («Логическое построение мира», 1928 г.), Фрейд («Я и оно», 1923 г.; «Недовольство культурой», 1930 г.), Ч.Бирд («Подъем американской цивилизации», 1927 г.), Тойнби (три первые тома двенадцатитомника «Исследование истории», 1934 г.) Н.Д.Кондратьев («Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны», 1922 г. и «Большие циклы конъюнктуры», 1926 г.), А.В.Чаянов («Организация крестьянского хозяйства», 1925 г.) и многие другие.

Необходимо особо выделить исследования, которые велись на рубеже 1920–1930-х годов в Германии по теории пропаганды (манипулирование общественным мнением) и прессы. Немецкие ученые, чьи исследования позднее успешно используют нацисты, развили идеи Э.Дофифата (двухтомник «Газетная наука»), О.Грота (четырехтомник-солидняк «Газета»). Во второй половине 1930-х годов при Берлинском университете создается Институт Дофифата, сотрудники которого будут изучать общественное мнение в Германии и мире (прежде всего в США) и разрабатывать – на немецко-систематизирующий лад – законы публицистики (законы умственного упрощения, вдалбливающего повторения, эмоционального нагнетания и т.д.). Трудно сказать, к какой конкретно науке все это относится, но то, что сделали немцы в 1920–1930-е годы в области теории и практики пропаганды, безусловно, имеет серьезное научное и практическое значение.

В 1934 г., словно подводя под эпохой черту как содержательно, так и символически, увидели свет три работы: главная книга Ю.Эволы «Восстание против современного мира», «Немецкий социализм» В.Зомбарта и «Психология масс в фашистском обществе» В.Райха.

В науке о природе и в технике «длинные двадцатые» продемонстрировали немало открытий и изобретений. Это исследования Джинса по эволюции звезд, открытие протона и проведение первой ядерной реакции Резерфордом (1919), гипотеза Луи де Бройля о волновой природе света (1924 г., легла в основу квантовой механики), открытие ионосферы Эплтоном, метода электрокардиографии (1924), нестационарные решения А.Фридманом уравнений тяготения Эйнштейна, заложившие основы космологии (1922–1924); теория «Большого Взрыва» (Леметр, 1927 г.; в 1946–1948 гг. будет переработана Гамовым), «принцип неопределенности» Гейзенберга (у элементарной частицы нельзя одновременно точно определить и импульс, и координаты – 1927 г.), открытие Плутона (1930) и структуры нашей галактики (1925), «закон Хаббла» (1929), кругосветное путешествие жесткого дирижабля «Граф Цепеллин» под управлением немецкого аэронавта Г.Экнера, «счетчик Гейгера» в его современном виде (Гейгер и Мюллер, 1929 г.), батисфера Бартона и Биба (1930), открытие радиоволн, идущих из космоса, К.Янским (т.е. начало радиоастрономии – 1932 г.), исследования Дирака (Нобелевская премия, 1933 г.), Шредингера, М.Планка, Вавилова, публикация доказательства Геделя (1931), аппарат искусственного дыхания Дринкера (1927), открытие пенициллина Флемингом (1931), создание синтетической резины (1931), изобретение УКВ-передатчика (1933).

Выше уже говорилось о том, что «длинные двадцатые», особенно после окончания войны, стали временем расслабления, релаксации; многое из того, что до войны считалось низким (танго) или даже развратным (женская косметика), перестало считаться таковым. Мир, главным образом, молодежь и особенно та ее часть, за которой с легкой руки Гертруды Стайн и благодаря таланту Хемингуэя закрепилось название «потерянного поколения» (как заметил Дж.Фэдимэн, одна из причин успеха рассказов и романов Хемингуэя заключается в их компенсаторно-психологической функции для «потерянного поколения»: Хемингуэй дал своим сверстникам возможность сентиментально переживать их ситуацию, сохраняя при этом мужественность, благородство и трагическое ощущение жизни), словно стремился наверстать и компенсировать упущенное. В результате для значительного сегмента населения Западной Европы и Северной Америки 1920-е годы превращались в ongoing never ending party, причем в вечеринку с явно сексуальным оттенком.

В «длинные двадцатые» на фоне социальных катаклизмов и во многом благодаря им (ломалась традиционная мораль, требовалась компенсаторная разрядка – сравни обычай «уку хлобонгу» – т.е. «обтереть топор» у зулусов, когда после военных

действий мужчина вправе потре-бовать у женщины сексуального удовлетворения, чтобы снять напряжение) изменилось отношение к сексу.

Двадцатые стали годами первой сексуальной революции XX в. (вторая, тотальная, связанная с рокмузыкой и наркотиками, придет в 1960-е годы). Не то чтобы секс стал доступнее. Уже в конце XIX в. проституция в крупных городах Запада, особенно Европы, достигла такого размаха и предложения, что, как пишет в своих воспоминаниях С.Цвейг, *«женский товар в ту пору открыто предлагался по любой цене и в любой час, и, чтобы купить себе женщину на четверть часа, на час или ночь, мужчина тратил не больше времени и труда, чем на пачку сигарет или газету»*. Однако этот доступный секс считался постыдным. После войны секс, по крайней мере для молодого поколения, перестал восприниматься как нечто постыдное, как то, чем ради удовольствия можно заниматься с проститутками. Он стал элементом повседневного молодежного поведения. Этому способствовало и увеличение экономической самостоятельности женщин среднего класса, которые во время и после войны стали работать.

Соответственно, менялись мода женской одежды, стиль женского (прежде всего) поведения и женские типы. Юбки поползли вверх, исчезли корсеты, появились два противоположных типа женской привлекательности: женственная роковая «вамп», с одной стороны, и угловатая, коротко стриженая женщина-мальчик – с другой. Правда, в конце «длинных двадцатых», когда «рев» уменьшится, женственность возьмет свое, и в 1930-е годы даже в среде среднего класса начнут входить в моду длинные вечерние платья. Но это произойдет позже, когда молодежь «длинных двадцатых» повзрослеет. Впрочем, изменится мода, но не восприятие молодости и новизны как ценностей, характерных для XX в. и составляющих одну из его особенностей.

XX век во многом был веком молодежи. Именно молодежь шла в первых рядах коммунистов, фашистов, националистов, штурмовала дворцы и жгла хижины, проводила коллективизации, прорывала линии фронта во время войны. Но даже в «молодежном» веке было два десятилетия, которые можно смело назвать молодежными взрывами – 1920-е и 1960-е годы (помимо прочего, в послевоенные эпохи всегда резко увеличивается «спрос» на юность и свежесть во всем). Первые заложили фундамент, а вторые оформили моду XX в. как молодежную, расставили над веком молодежные акценты – секс, досуг, музыка, спорт.

Хотя спорт начал быстро приобретать популярность до войны, тогда он еще оставался главным образом развлечением, досугом. В «длинные двадцатые» спорт из развлечения превращается в Зрелище, бизнес и профессию. С 1920 г. (Антверпен) возобновляются Олимпийские игры; с 1930 г. стартуют чемпионаты мира по футболу и хоккею с шайбой. Спорт, тесно связанный с молодостью и определенными политическими движениями (прежде всего, с коммунизмом и особенно национал-социализмом, с языческими – культ здорового тела – обертонами последнего), начал формировать представления о том, каким должно быть тело (молодым, здоровым, тренированным). Именно такими должны быть тела «звезд».

Если в 1920-е годы родился «культ звезд» (кино, спорта, моды и т.д.), то в 1960-е годы начнется его постепенный закат (подр. см. ниже). «Звезда» – это не просто киноактер, спортсмен или модель, а такие индивиды, которые задают, формируют собой стереотипы поведения, внешний облик, вкусы. В этом плане «звезда» становится не только доходной статьей бизнеса, но и мощным средством манипуляции общественного сознания, особенно молодежи и женщин.

«Звезда», как и вождь, – будь то дуче или фюрер или «учитель всех трудящихся» (хотя между Сталиным, с одной стороны, и дуче и фюрером – с другой, есть качественное различие в содержании организации и реализации роли вождя; в одном случае – полубог Власти, в двух других, как верно заметил А.Силади, – политические шоумены, подающие себя по законам рынка), – возможна только в массовом обществе, в эпоху масс. Ни до, ни после она не нужна. «Звезда» – это квинтэссенция массового человека; это усредненный маленький человек, выросший до огромных размеров или накачанный до огромных размеров насосом рекламы и пропаганды, этих двух функциональных сестер Великой французской эпохи. Не случайно XX в. родился с маленьким человеком Чарли Чаплина. (Вообще, почти вся Современность прошла под знаком двух Чарли: большого, бородатого – из Трира и маленького, с усиками – с киноэкрана.)

«Звезда» – это массовое общество, сжатое до индивида. Индивид-масса – вот что такое «звезда». Человек толпы, выросший до огромных размеров и возвышающийся над толпой, оставаясь в то же время человеком толпы. Или – иначе: «звезда» есть массовое общество, количественно сведенное к единице и в таком виде вынесенное за собственные рамки. Система «звезд» есть нарциссизм массового общества; «звездность» – единственная форма, в которой индивидуальность может существовать в массовом обществе. Как социально значимая для последнего.

Две мощнейшие массово-мировые киностудии «длинных двадцатых» – Голливуд и немецкая УФА, поначалу не уступавшая американскому конкуренту, создавали именно таких звезд. Связь власти, социального контроля и кино была прямой. Впрочем, отношения массового искусства и власти не были стопроцентно «игрой в одни ворота»: успех джаза и танго в 1920-е годы свидетельствует о том, что «низовое» искусство может передвигать и преодолевать классовые, вкусовые и даже расовые барьеры. Правда, при этом оно, во-первых, «одомашнивается» в виде моды (прибыль); во-вторых, все же приспосабливается в чем-то к принятым стандартам (отчасти именно это проделали Армстронг с джазом и Гардель с танго – every acquisition is a loss).

Из «длинных двадцатых» – множество бытовых, в основном, массовых (труд и досуг) «полезных вещей»: первый препарат от мигрени – эрготамин (К.Спиро, 1920 г.), бактерицидный лейкопластырь (1921), звуковое кино (изобрел немец Ганс Фогт в 1922 г.), «шанель» № 5 (1922), цветное кино (1922), наручные часы с автоподзаводом американца Хартвуда (1922), детектор лжи американца Дж.Ларсона (1922), первый сборник кроссвордов (1923), фотоаппарат «Лейка» немца О.Барнака (1925), первые водонепроницаемые часы – модель «Oyster» фирмы «Rolex» (1925); первые комплексные минеральные удобрения (Англия, 1926 г.), электротостер (1927), склеивающая лента «скотч» У.Семона (1930), полная система телевещания в США (1930), «вспышка» для фотоаппарата (1931), нейлон У.Каротерса (1931 г., запатентован в 1937 г.), счетчик времени парковки автомобилей (американский журналист К.Мейджи, 1935 г.), баночное пиво американской фирмы «Krueger Brewing» (1935), регулярное радиовещание (1922) и регулярное телевещание «Би-Би-Си» (1936), зажигалка «Zippo» (1932).

Не такой ли зажигалкой и запалили новую войну? Войну в предчувствии которой «длинные двадцатые», точнее, их время, стекли в историю подобно знаменитым «стекающим» часам с картины «Постоянство памяти» Дали (1931). Мир двинулся к большой войне. Просто война, строго говоря, и не прекращалась (в «длинные двадцатые» можно вспомнить такие конфликты, как советско-польская война 1921 г., греко-турецкая война 1920–1923 гг., испано-риффская война 1924 г., советско-китайский конфликт 1929 г. и др.). Думаю, что под определенным углом зрения правы те, кто объединяют две мировые войны XX в. в одну 30-летнюю. Но подчеркну, лишь под определенным углом зрения. Под другими «углами», которые представляются мне более важными, Вторая мировая война принципиально, качественно, отличается и от Первой мировой войны, и от англо-французских мировых войн 1756–1763 и 1792–1815 гг.

Saeculum vicesimum: In memoriam (Памяти XX века) Часть 2

V. Война, 1934–1945 гг.

Войны, к которой с 1934 г. стремительно покатился мир (впрочем, умным людям сразу же после подписания Версальского мира было ясно, что новой войны не избежать. В 1919 г. маршал Фош назвал Версальский мир *«перемирием на двадцать лет»*), хотели почти все крупные страны, точнее, их верхушки, господствующие группы. Но хотели по-разному, с разными целями и, самое главное, хотели разных войн. Но сначала – не о войнах, а о последствиях мирового кризиса 1929–1933 гг.

Думаю, правы те, кто считает беспрецедентной для истории капитализма особенностью стабилизации мировой экономики в 1934–1935 гг. тот факт, что эта стабилизация не сопровождалась, как прежде, ростом интенсивности мировой торговли. Преодоление кризиса 1929–1933 гг., по мнению ряда экономистов, стало результатом триумфа «военного кейнсианства», т.е. производства такого вида некоммерческой продукции как вооружения, средств разрушения. Только так в ситуации исчерпанности рынков можно было не допустить падения нормы прибыли. Развитие «рынка средств разрушения» в ситуации соперничества за корону гегемона капсистемы, с одной стороны, и противостояния двух систем – с другой, ни к чему иному, как к новой войне привести не могло. В 1936–1937 гг. два великих европейских художника, сюрреалист Сальвадор Дали и экспрессионист Макс Эрнст, словно обменялись посланиями-полотнами по этому поводу: соответственно «Предчувствие гражданской войны» (1936) и «Огненный ангел» (1937). Картины впечатляют.

Неясно было, кто конкретно и как сцепится в смертельной схватке, кого «назначат» «главными бойцами», а следовательно, со значительной долей вероятности, и главными виновниками, по крайней мере, это точно касалось проигравшего. «Морской» Запад (прежде всего, Великобритания, гегемония и империя которой «сыпались», а также США, Франция) хотели бы, чтобы «бойцами» были Германия и СССР, как в 1914 г., в результате чего рухнули две европейские и одна евроазиатская империи: последняя, правда, возродилась в виде сверхимперской, протоглобальной целостности – интернационал-социалистического СССР, а вторая обернулась национал-социалистическим Третьим Райхом. На всемирной выставке в Париже павильоны СССР и Райха были поставлены друг против друга. Нечто вроде фрейдовской политической проговорки желаемого в действительности. Впрочем, косвенно реальное противостояние СССР и фашистских диктатур имело место – в гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг., у которой кроме внутристранового было несколько общеевропейских и мировых измерений, включая ситуацию в международном левом движении и Гибралтар и которая как событие исторического масштаба до сих пор как следует не оценена.

В 1937 г. в Париже друг против друга оказались два мощных, внешне похожих павильона. Ах, сколь часто используется эта фотография для демонстрации якобы сходства двух режимов – сталинского и гитлеровского – как «тоталитарных», как двух разновидностей одного и того же. И это при том, что в одном случае перед нами капиталистическое общество с частной собственностью, правом, партией как корпорацией публичного права (закон 1 декабря 1933 г. об НСДАП), в другом – антикапиталистическое общество, теория и практика которого отрицают частную собственность, право, партию как явление. То есть сходство носит чисто внешний характер и затрагивает в лучшем случае второстепенные, если не третьестепенные сферы. (Даже кино и музыка различны, и все попытки продемонстрировать сущностное сходство советского и немецкого кино 1930-х годов как тоталитарного, оказались неубедительными, не способными зафиксировать содержательное отличие.)

Национал-социализм (фашизм), именуемый тоталитаризмом, – явление сугубо западное и внутрикапиталистическое. Объективные (например, американский профессор К.Дж.Х.Хейес) исследователи писали об этом уже в конце 1930-х годов. В середине 1950-х годов, реагируя на заказ «холодной войны», З.Бжезинский и К.Фридрих запустили концептуальную фальшивку – схему-вирус «тоталитаризма» как строя главным образом с двумя разновидностями: гитлеровской и сталинской. На Западе от этой схемы как от научной постепенно отказались, а вот наша диссида, а за ней «либеральная» совинтеллигенция запали на эту схему и приняли ее как родную, как истину в последней инстанции. Пример двух павильонов, повторю, часто используется для демонстрации якобы сходства. На самом деле он подчеркивает сходство чисто внешнее.

Вся вторая половина 1930-х годов – это борьба крупных держав за войну (под видом борьбы за мир) – за то, кто ее начнет, против кого, когда, в союзе с кем; за то, какой будет эта война. В том или ином виде войны в своих целях хотели все. В зависимости от этого и к войне готовились и были готовы по-разному.

Хотел ли войны Сталин? Да, причем, войны мировой – между Германией и западными «демократиями». Хотел – в исторической перспективе, исходя, во-первых, из мировой логики борьбы СССР с «империалистическими государствами» и за победу социализма в мировом масштабе; во-вторых, из геополитической логики трехвековой борьбы за господство в Европе. Иными словами, СССР играл «между» англосаксонскими и германскими хищниками. Слишком сильно? Но это не сталинские слова и не оборот из советской пропаганды 1930-х годов. Вот что писал в 1900 г. М.О.Меньшиков: *«Германия и Англия – вот на рубеже XX века торжествующие народности, не только вожди, но и истребители человечества. Наш славянский мир, как и латинский, позади этих хищных рас… Мы неудержимо отстаем в развитии народной энергии и постепенно втягиваемся в сеть англо-германского захвата. Россия еще страшна своей государственной силой… но видимо на всех мировых поприщах уступает белокурому соседу»*. И далее: *«Вдумываясь в тихий погром, который вносит англо-*

германская раса в остальное человечество, невольно сочтешь грезу современного антихриста – Ницше, грезу о "белокуром смеющемся льве" – не мечтой безумца, а пророчеством грозным и уже осуществляющемся… Среди самих англичан и немцев идет… структурная перестрой-ка, борьба человеческих типов. Один какой-то сильный и хищный тип, по-видимому, поедает все остальные».

По-своему, на своем языке Меньшиков очень точно отразил англо-германскую борьбу за господство в капсистеме в 1870–1910-е годы, борьбу, которая предполагала определенный отбор определенных социальных, человеческих особей и стай (в виде организаций, партий и т.п.). Ну а формулировка «тихий погром» – просто блеск. Правда, дважды в XX в. погром становился громким, и Сталин, естественно, стремился к тому, чтобы не допустить натравливания Гитлера на СССР, чтобы англосаксы и германцы сцепились между собой и чтобы СССР вступил в этот погром, когда главные противники – Райх и англосаксы будут ослаблены. Нормальная «Realpolitik», где нет друзей, а только интересы, или, как сказал бы Р.Арон, есть намерения и есть детерминизм причин (т.е. логика истории).

Мировая война, бесспорно, была в интересах правящей верхушки Великобритании. Цели: упрочение шатающейся империи, максимальное ослабление или – программа минимум – уничтожение СССР, разгром или максимальное ослабление Германии, а еще лучше обоих государств, для чего нужно стравить их, используя реальные, но вовсе не ведущие непосредственно к войне противоречия, – так же как в 1914 г. Отсюда – британская игра в 1930-е годы.

В мировой войне были заинтересованы США. Наиболее дальновидные представители правящего класса Америки понимали, что в сложившейся в мире ситуации США – объективно претендент № 1 на роль нового гегемона. Путь к этой роли лежал прежде всего через ослабление и распад Британской империи в мире и недопущение гегемонии Германии в Европе и Японии – в Восточной Азии (т.е. в Западной Пацифике). У.Черчилль в своей истории Америки («Великая республика») откровенно пишет о том, что США, как и Великобритания, имели очень большие материальные и торговые интересы на Дальнем Востоке и особенно в Китае, и интересы эти формировались в течение нескольких поколений. И вот теперь этим интересам угрожала Япония. Англо-германский конфликт с втягиванием в него СССР, особенно затяжной, или германо-советский конфликт с участием Великобритании в целом облегчал американцам решение своей тихоокеанской задачи. Как отмечает Д.Рейнолдс, Рузвельт заговорил об опасности всемирной войны с мая 1940 г., а 27 мая 1941 г. назвал идущую в Европе войну «второй мировой», хотя она таковой еще не стала. Как подчеркнул Рейнолдс, американцы квалифицировали войну 1914–1918 гг. как мировую уже после своего вступления в нее, а войну 1939–1945 гг. – еще до вступления. И он прав, указывая, что сам термин «мировая война» использовался Рузвельтом в качестве тарана, которым он пробивал психологическую стену американского изоляционизма и подогревал воинственность нации.

Итак, путь США к мировому лидерству лежал через войну – с Германией в Атлантике и Японией в Пацифике; так сказать «война двух океанов». Однако 80% американцев были против участия США в войне, за изоляционистский по сути курс. Все косвенные свидетельства, а также исследования Ч.Бирда, Дж.Толанда, Б.Стиннета (не свободные от частных ошибок, но убедительные в главном тезисе) говорят о том, что президент Ф.Рузвельт (де-факто диктатор «имперской республики») знал о готовящейся атаке японцев на Перл-Харбор. Знал и не предотвратил, поскольку только так можно было пробить изоляционизм, сломать его. Война с Японией логически вела к войне с Германией. Так оно и вышло. Утром 4 декабря японская авиация, стартовав в две «волны» с шести авианосцев, нанесла сокрушительный удар по американским военным кораблям и самолетам в Перл-Харбор.

8 декабря США объявили войну Японии (Сенат проголосовал единогласно, в Конгрессе – один голос против, Джэнет Рэнкин, голосовавшая когда-то против вступления США в Первую мировую войну). 11 декабря 1941 г. Гитлер объявил войну США. Комплект. И даже если Перл-Харбор случился неожиданно, то это тот случай, который помог подготовленному и словно давно ждавшему его президенту.

Япония, почувствовавшая на рубеже XIX–XX вв. вкус побед над сильными (по крайней мере, внешне) противниками (Китай, Россия), нацелилась на советский Дальний Восток и британские колониальные владения. Советско-германский договор 1939 г. направил вектор ее возможной агрессии в сторону от СССР – на британскую и американскую зоны. И хотя Япония в конце 1930-х годов не обладала очень сильными армией и флотом, внезапность вкупе со скованностью англосаксов на европейском и иных возможных театрах военных действий могли принести (и принесли) свои плоды. Отсюда – стремление Японии к тихоокеанской (макрорегиональной) войне как части мировой. Но для реализации этого стремления нужна была война в Европе.

Итак, мы вернулись в Европу. От Франции и Италии 1930-х годов в данном контексте можно абстрагироваться, остается Райх Гитлера. Хотели ли войны Гитлер и немецкая верхушка, стремились ли они к ней? О да. Но к какой войне? К мировой? В средне- и, тем более, долгосрочной перспективе – да. В краткосрочной – сомнительно. Говорить, как это делал Гитлер, о мировом господстве, «Тысячелетнем Райхе» и т.п. можно сколько угодно. Однако есть реальность. Разумеется, в перспективе, создав могучую экономику и мощную армию, Германия Гитлера (или его преемников), подталкиваемая политико-экономическими регулярностями («законами») капсистемы, должна была начать большую войну. Однако в реальности 1930-х годов Германия, Гитлер к такой войне готовы не были. Да и к войне менее масштабной тоже. Потому-то «западные демократии» и преподнесли фюреру в Мюнхене, подталкивая его к войне на востоке, Чехословакию – ее военно-экономический потенциал резко усилил Райх. Но не для мировой войны. Что касается риторики Гитлера о новом мировом порядке, то она была главным образом пропагандой для внутреннего потребления, рассчитанной на немцев с их специфической психологией («мобилизация нации») и выдавала желаемое за действительное.

В принципе, Гитлер как любой серьезный и собиравшийся состояться послеверсальский и послевеймарский политик должен был, прежде всего, стремиться к ликвидации унизительных последствий Версальского мирного договора, и в середине 1930-х годов он в целом эту проблему решил. Тем не менее, во второй половине 1930-х годов Гитлер был способен захватывать в Европе лишь то, что было слабым, то, что плохо лежало, причем только в том случае, если «демократии» подталкивали к этому и закрывали глаза; классика – Мюнхен, т.е. приглашение к агрессии, в конечном счете вышло – приглашение на казнь, точнее – к самоубийству в апреле 1945 г. (разумеется, если Гитлер действительно покончил самоубийством). Гитлер собирался присоединить к Райху Польшу и готовиться к дальнейшей экспансии. А готовиться, если учесть состояние немецкой

экономики и мощь тех, с кем теперь мог столкнуться Гитлер (слабаки кончились), пришлось бы довольно долго. Однако к Польше Гитлер получил «в нагрузку» мировую войну.

В 1950-е годы американские экономисты исследовали вопрос о том, насколько Германия была готова к мировой войне. Ошеломляющий успех немцев в 1939–1941 гг. создал у многих впечатление сверхготовности Райха именно к мировой войне. Реальность была иной, и американ-ские исследования 1950-х показали это (об этом, кстати, свидетельствуют и мемуары Шпеера и других экономических деятелей Райха). *«Общая картина немецкой военной экономики,* – писал о Германии 1930-х годов Клайн Бертон, – *не похожа на экономику страны, нацеленной на тотальную войну. Это скорее экономика, мобилизованная для ведения сравнительно малых и локализованных войн и впоследствии реагировавшая на военные события только после того, как они становились непреложными фактами… Для войны с Россией подготовка была более тщательной, но и она прошла почти без напряжения экономики… Вскоре после нападения выпуск некоторых важных типов снаряжения был сокращен в предвидении того, что война скоро окончится… Руководство немецкой военной экономикой было далеко не безупречным. Великобритания и Соединенные Штаты действовали гораздо быстрее…».*

Известный американский экономист Дж.Гэлбрейт подчеркивал, что вопреки распространенному мнению, именно Великобритания была в 1940–1941 гг. натянутой военной струной, а не Германия, где даже в 1941–1944 гг. не видели необходимости в жертвах в области гражданского потребления. В 1940 г. при экономике с общим объемом производства примерно на 30% меньшим, чем у Германии, англичане выпускали больше самолетов, почти столько же танков и гораздо больше других бронированных машин. В 1941 г. английское военное производство далеко превосходило производство Германии почти по всем показателям.

Аналогичная картина возникает при сравнении Германии и СССР военного времени. Даже в 1943 г., году сталинградско-курского перелома, Германия обладала бóльшими, как показывают исследования, материальными возможностями, чем СССР, для производства оружия и боевой техники. В 1943 г. Германия получила больше, чем СССР, угля в 3 раза, стали – в 24, электроэнергии – в 2 раза. И тем не менее, за годы войны СССР произвел техники и вооружений в два раза больше, чем Германия. Когда-то меня поразил вывод, который я встретил в одной из работ по истории Великой Отечественной войны: каждая тонна металла, цемента, угля, каждый киловатт электроэнергии, каждый станок и агрегат использовались в советской экономике интенсивнее, чем в германской. В расчете на тысячу тонн выплавленной стали советская промышленность производила в пять раз больше танков и орудий; на тысячу выпущенных металлорежущих станков – в восемь раз больше самолетов по сравнению с германской промышленностью.

Все это – очень серьезная информация к размышлениям об истоках войны в Европе, о причинах и механизме ее превращения в мировую.

Германия намного лучше, серьезнее и сильнее была готова к Первой мировой войне (правда, это вовсе не значит, что именно Германия была **наиболее** заинтересованной в войне страной – она и на мирных, экономических парах летела «будь здоров», тесня Англию и вызывая опасения США). И эта готовность была неожиданностью для ее противников. Вот что писал в 1923 г. по свежим следам М.Павлович. *«В войне 1914–1916 гг. Германия обнаружила поразительную мощь. Ни один военный специалист Франции или России не предугадал заранее, даже приблизительно, численность армии, которую Германия с первых же дней войны будет в состоянии поставить под оружие, ни один не предвидел, до каких чудовищных размеров в процессе войны будет доведена эта армия с ее резервами и запасными батальонами для непрерывного пополнения колоссальной убыли в действующих на боевых фронтах войсках. Ни один специалист по финансовым вопросам не предвидел, какую силу обнаружит Германия в финансовом отношении, ибо в литературе Двойственного Союза и Англии считалось чуть ли не аксиомой положение о неизбежности полного банкроства Германии прежде других стран в случае длительной финансовой войны ввиду "финансовой бедности" Германии и ее финансовой неподготовленности к продолжительной кампании, особенно по сравнению с такой богатой золотом и накопленным капиталом страной, как Франция. Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом враждебных армий… будет в состоянии выдержать четыре года войны, технически в поразительном изобилии и с большей роскошью, чем все ее враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии ее союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец, Болгарии, что она будет в состоянии поставить в момент страшнейшей и невиданной во всемирной истории по напряжению и кровавым жертвам войны все народное хозяйство на рельсы и спасти страну от экономических и финансовых потрясений, которые могли бы парализовать работу ее образцового военного аппарата в первый же год кампании. Можно сказать без преувеличения, что эта неожиданно проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и явилась для них большей неожиданностью, чем пресловутые немецкие победы в войнах 1866 и 1872 гг.».*

Немцы имели к началу Первой мировой войны 9388 орудий (из них тяжелые – 3260). Для сравнения: Россия – 7088 (из них тяжелые – 240); Австро-Венгрия – 4088 (из них тяжелые – 1000); Франция – 4300 (из них тяжелые – 200). Немецкая промышленность производила 250 тыс. снарядов в день, англичане – 10 тыс. снарядов в месяц. Поэтому, например, в боях на линии Дунаец-Горлице немцы всего за четыре часа выпустили по русской третьей армии 700 тыс. снарядов (за всю франко-прусскую войну они выпустили 817 тыс. снарядов). Даже в 1917–1918 гг. потрепанная, уступая в численности вооруженным силам Антанты (10 млн. человек в 331 дивизии против 20 млн. в 425 дивизиях) и перейдя к стратегической обороне, Германия действовала эффективно. Ну а после Брестского мира вообще развернула (21 марта) наступление в Пикардии и вела его до середины 1918 г., пока в Марнском сражении Антанта не добилась перелома.

В середине 1930-х годов, при всем внешнем блеске, внешней военной мощи, положение Германии было иным, чем за 20 лет до этого, и в серьезной войне (и то вынужденно) ставить на успех немцы могли только на основе блицкрига. И им это почти удалось. Но сделать шаг от почти до совсем, как это часто случалось с немцами в их истории, не удалось (причины отчасти объяснил задолго до мировых войн XX в. Николай Лесков в гениальном рассказе «Железная воля»).

Германия (правда, с Австро-Венгрией, но это незначительная добавка) в 1914 г. превосходила как Россию и Францию вместе взятые, так и Великобританию в отдельности по доле в мировом промышленном производстве, по общему промышленному потенциалу и по потреблению энергии; по производству стали она превосходила все три страны вместе взятые. В своей

знаменитой книге «Взлет и падение великих держав» П.Кеннеди приводит следующие цифры. По военным расходам и общим затратам на мобилизацию Германия превзошла США (19,9 млн. долл. против 17,1 млн. долл.) и лишь немного уступила Великобритании (23 млн. долл.) (для сравнения: Россия – 5,4 млн. долл., Франция – 9,3 млн., Австро-Венгрия – 4,7 млн.).

В 1930-е годы ситуация изменилась. С 1929 по 1938 г. доля Великобритании в мировом промышленном производстве снизилась с 9,4 до 9,2%, Германии – увеличилась с 11,1 до 13,2%, СССР – увеличилась с 5 до 17,6%, США – снизилась с 43,3 до 28,7%. При этом в 1937 г. США из национального дохода в 68 млн. долл. тратили на оборону 1,5%, Великобритания из 22 млн. долл. – 5,7, Германия из 17 млн. долл. – 23,5, СССР из 19 млн. долл. – 26,4%. Относительный военный потенциал держав в том же 1937 г. оценивался так: США – 41,7%, Германия – 14,4, СССР – 14, Великобритания – 10,2, Франция – 4,2%.

Все это говорит о том, что за период с 1913 по 1939 г. Германия существенно отстала от своего главного соперника в борьбе за гегемонию в капиталистической системе, и новая мировая война **теоретически** могла быть крайним средством не допустить увеличения разрыва – по крайней мере, к такому выводу приходят многие западные исследователи в объяснении конкретного механизма возникновения последней мировой войны. Однако, как я уже говорил, исследования показывают: именно к мировой войне в 1930-е годы Германия не была готова и воевать всерьез после захвата Польши не собиралась.

Чтобы тягаться с англосаксами за мировое господство, немцам нужен был тыл – так же, как Наполеону в начале XIX в. И так же, как в начале XIX в. Наполеон, Гитлер в конце 1930-х годов не был уверен в прочности все того же тыла под названием «Россия». При этом положение Гитлера было хуже положения Наполеона: захват русскими нефтеносной Южной Буковины (ее вхождение в состав СССР выдвигалось Сталиным в качестве одного из условий присоединения СССР к антикоминтерновскому пакту; в декабре 1940 г. во время визита в Берлин Молотов еще раз настойчиво поднял вопрос о Южной Буковине) обездвижило бы немецкую армию.

Советский удар был вполне возможен, а воевать на два фронта Гитлер не был готов. Единственным решением этой дилеммы был блицкриг. Поэтому-то Гитлер вполне рационально и ставил на него, понимая, что другого шанса в войне на два фронта по сути нет и что можно в любой момент получить удар в спину от Сталина. И сам же, кстати, эту рациональность нарушил, потеряв темп во время последовавшего за Смоленским сражением наступления на юг. Плюс, конечно, низкий русский поклон сербам, восстание которых заставило Гитлера перенести срок нападения на СССР с 15 мая на 22 июня; эти 38 дней, «спроецированные» на осень-зиму 1941 г., дорогого стоят.

Я не буду вдаваться здесь в споры о том, готовил ли Сталин войну против Германии и собирался ли первым нанести удар – это отдельная тема и особый разговор. Ограничусь следующим. Как трезвый политик Сталин должен был не только думать о войне с Германией и готовиться к ней, но думать именно об упреждающем, превентивном ударе, о том, чтобы нанести удар первым. Как трезвый политик Сталин также не мог не понимать, что в случае победы над Англией следующей жертвой (в Евразии) усилившегося Райха будет СССР и не надо ждать, когда Германия добавит к своему английский экономический потенциал. В такой ситуации нельзя было не думать о первом ударе. Но дело здесь не только в тактике и стратегии. СССР и Германия рано или поздно (и уж тем более в случае победы Германии над Англией) должны были столкнуться в соответствии не только с геоисторической (геополитической) логикой, но и в соответствии с логикой борьбы социальных систем – капиталистической и антикапиталистической (коммунистической). Столкновение произошло в 1941 г., и это существенно изменило социальное качество последней мировой войны, придало ей доселе невиданные черты и особенности.

Поскольку Германия не была достаточно готова не только к мировой войне, но и к войне с серьезным противником класса СССР, Британской империи или США, те, кто либо хотел такой войны, пока Райх еще слаб, либо стремился подтолкнуть Гитлера к войне на западе или на востоке, должны были создать у него впечатление об успешной возможности такой войны, подтолкнуть к ней, завлечь в нее. В этом смысле так называемая политика «умиротворения» («appeasement»), которую проводили по отношению к Гитлеру «западные демократии» и символом которой стал Мюнхен, отнюдь не во всем была проявлением абсолютной слабости и недальновидности. Вместе с этим, то был и в определенной степени рассчитанный курс на создание у Гитлера впечатления, что возможна легкая победа при невмешательстве западных демократий (к тому же, как уже говорилось, с Чехословакией ему передавался в дополнение к немецкому мощный военный потенциал, в котором так нуждался Райх), впечатление, что Запад все проглотит. Но когда Гитлер проглотил англосаксонскую наживку, оказалось, Англия заняла неожиданно жесткую позицию по Польше, и локальное мероприятие Адольфа Алоизовича обернулось не еще одной маленькой победной войной, а мировым конфликтом. По-видимому, так и было задумано. Собственно, так же было задумано и исполнено в случае с мировой войной 1914–1918 гг., когда Англия создала у немцев впечатление, что не вмешается в войну на стороне Франции и России. Ай да англосаксы, ай да сукины дети, заставили Германию дважды наступить на одни и те же грабли.

Разумеется, все не так просто и не все так просто. Помимо планов и расчетов хватало ошибок, глупости, трусости, равнодушия, которые очень часто упускаются из виду историками и аналитиками. *«Роль ошибки, легкомыслия и просто глупости,* – пишет Л.В.Шебаршин, – *никогда не учитывается в анализе политических ситуаций. В материалах расследований, отчетах, публицистических статьях, научных трудах логика и разум вносятся туда, где господствовали неразбериха и некомпетентность, отметается элемент случайного, все события нанизываются на железный стержень рациональной, злой или доброй, воли. В жизни так не бывает».* Иными словами, как гласит один из законов Мерфи, не ищи злого умысла там, где достаточно глупости. Впрочем, в жизни не бывает и так, чтобы всё или бóльшая часть объяснялось глупостью и просчетами. Более того, умысел очень неплохо упрятывается в глупость, халатность, чрезмерное усердие. И это еще более усложняет задачу историка. Вот пример роли непоследовательности и просчета.

Г.Манн пишет, что как только Гитлер пришел к власти, польский полудиктатор Пилсудский обратился к французам с предложением раздавить возникающую опасность в зародыше (как раздавить – ясно), и нужно сказать, что это было вполне выполнимо. Французы сначала колебались, однако после первой же «мирной речи» Гитлера отказались от силового решения. В результате, заключает Манн, уже в 1933 г. оформилась модель поведения европейских держав во всех дипломатических кризисах 1933–1939 гг.: если одна держава (Франция, Польша, Британия и Россия) были готовы действовать, то остальные – нет, а инициатор не хотел браться за решительное дело в одиночку; результат – готовность всех европейских держав к односторонним соглашениям с Германией.

Такая обстановка, естественно, была благоприятной для действий Гитлера, но она же и убаюкивала его, создавала уверенность в безнаказанности, а это лучшая западня – здесь и играть специально не надо, все играется как бы само. В конце концов, Гитлер начал локальную войну, которая, благодаря поразительному, но столь часто встречающемуся в истории взаимоналожению глупости, ошибок, долгосрочных планов и хитрых комбинаций серьезных игроков, стала прологом мировой. А такую войну Германия объективно не могла выиграть – не было ни ресурсов, ни экономического, ни военного потенциала. Иными словами, Гитлера подтолкнули к войне, к которой он не был готов и потому не мог выиграть.

О том, что Гитлер не готовился не то что к мировой, но просто к серьезной войне, не думал об этом, свидетельствует его поведение летом 1939 г. Альберт Шпеер вспоминает, что Гитлер был убежден: после мюнхенской капитуляции Запад проявит уступчивость и в случае немецкой оккупации Польши, английский генштаб убедит свое правительство не ввязываться в бесперспективную войну с Германией.

Объявление Англией и Францией войны застало Гитлера, который, как отмечают исследователи, в 1939–1941 гг. практически не использовал в выступлениях термин «мировая война», врасплох, и он растерялся. Правда, он пытался утешать себя и свое окружение тем, что «демократии» объявили войну для сохранения лица, не всерьез, а потому приказал вермахту держаться оборонительной тактики (отсюда, например, запрет немецким подлодкам атаковать французский корабль «Дюнкерк» и ряд подобных распоряжений). Все изменилось, однако, после бомбежки британцами Вильгельмсхафена и гибели «Атении» – Гитлер понял, что это война, война серьезная и с серьезным противником. Пос-ле этого, пишет Шпеер, Гитлер *«на время… явно утратил успокоительный облик никогда не ошибающегося фюрера»*. Только теперь до Гитлера дошло, что он начал **мировую** войну. Так к мировым войнам не готовятся и так их не начинают. Ну а решение полностью подчинить экономику Германии военным целям, Гитлер (как показывают исследования) принял в конце 1941 г., после неудачи блицкрига, после того, как в России *«немецкая военная организация не выдержала суровой зимы»* (А.Шпеер).

В случае с Польшей Гитлер, похоже, заглотнул не только западную наживку, но и советскую. Грязный трюк? Нет, грязный мир большой политики, где нет морали, но только сила, хитрость и интерес. Августовский договор между Германией и СССР, конечно, развязывал Гитлеру руки в отношении Польши. Сталин, однако, сделал ход, который навсегда похоронил возможность в будущем обвинить его в развязывании мировой войны: советские войска были введены на польскую землю только тогда, когда Польша перестала существовать как государство. **Вся** вина теперь ложилась на Гитлера.

По иронии истории, единственный в ту эпоху руководитель крупного государства, не готовый по-настоящему к мировой войне – Гитлер, начал ее. По иронии истории, единственный крупный государственный деятель эпохи, который **на данный момент** не хотел (естественно, не по причине миролюбия) **мировой** войны, начал ее – и оказался единственным виновником, тогда как желавшие (по разным причинам, с разными целями и в разной временной перспективе) именно мировой войны Черчилль, Рузвельт, Сталин стали борцами с агрессором, с угрозой нового мирового порядка, мирового Райха, союзниками. И произошло это не столько потому, что историю пишут победители, сколько потому, что именно вышеназванное трио оказались политиками мирового масштаба, виртуозами мировой шахматной, карточной и т.д. игры, а неудавшийся художник из Вены (с кем за один стол играть сел, босóта?) так и остался, пусть талантливым, но провинциальным по сути политиком, политиком в лучшем случае странового уровня. Именно этим уровнем и ограничились его реальные успехи. Ненавидевший Гитлера как француз, еврей и либерал Раймон Арон написал, тем не менее, в своих «Мемуарах», что если бы Гитлер умер в сентябре 1938 г., то он остался бы одним из величайших деятелей немецкой истории, поскольку сделанное им (ликвидация безработицы, перевооружение, создание Великого Райха, мирное присоединение Австрии и Судет, дипломатическая победа над западными демократиями в Мюнхене – и все это через какие-то 20 лет после тяжелого и позорного для Германии Версальского мирного договора) явно превосходило достижения Бисмарка.

Первая «пятилетка» национал-социализма у власти продемонстрировала немцам, пережившим поражение в войне и веймарский полухаос, его практическую эффективность. Причем настолько, что Ф.Нойман, автор «Бегемота» – одной из лучших книг XX в. о национал-социализме, рассуждая о возможности победы над ним, отметил следующее. Национал-социализм можно победить либо военным путем, либо на идейно-политическом, психологическом поле боя. В последнем случае, однако, писал Нойман, потребуется такая система политических идей, которая, будучи столь же эффективной (я бы добавил: в Германии, поскольку национал-социализм как конкретная система теории и практики была адекватна поствеймарской Германии, но едва ли кому-то еще в Европе 1930-х годов), как и национал-социализм, не приносила бы в жертву права и свободы человека.

В любом случае, успех Гитлера был успехом национал-социализма и наоборот, и 1938 г. был пиком успеха. Но Гитлер не умер, у него началось «головокружение от успехов», что называется «Остапа понесло». И поскольку с 1938 г. Гитлер, не доверявший генералам-аристократам, возложил на себя верховное командование вооруженными силами, понесло его в военном направлении, он утратил осторожность. Этому способствовало то, что Homo Hitler, в отличие от полных прагматиков Сталина, Черчилля, Рузвельта, был странной смесью романтизма и цинизма, склонной верить в собственные реакционно-романтические мифы (начитался в детстве романов Карла Мая), стереотипы и представления.

В «Mein Kampf» Гитлер писал: *«Если национал-социалистическому движению удастся полностью освободиться от всех иллюзий и взять себе в руководители одни только доводы разума, то дело может еще обернуться так, что катастрофа, постигшая нас в 1918 г., в последнем счете станет поворотным пунктом к новому возрождению нашего народа»*. От иллюзий не удалось освободиться ни движению, ни его фюреру, результат – катастрофа, худшая, чем в 1918 г.

О том, какую роль иллюзии играли в мировоззрении Гитлера, свидетельствует, в частности, его отношение к Великобритании, к Британской империи, с которой он по сути всегда готов был заключить мир. И дело не только в том, что в свое время британцы поспособствовали Адольфу Алоизовичу на его пути к власти, чтобы использовать его потом, как в XVIII в. использовали Фридриха II (почему-то названного великим) Прусского. Дело и в неверной оценке Гитлером мирового развития и места в ней Британской империи – рушащуюся империю он считал фактором, придающим устойчивость миру (т.е. проецировал на середину XX в. ситуацию XIX в.); в неумении адекватно оценить подъем США (т.е. узкоевропейский взгляд на мир в эпоху, когда Европа уже по сути закатилась).

Наконец, Гитлер не понимал, что захватывая и объединяя под эгидой Германии Европу в некое целое, он материализует вековые кошмары правящего класса Великобритании (Европа, находящаяся под властью континентального гегемона, а не разделенная на два лагеря) и бросает этому классу такой вызов, с которым тот никогда не примирится. А потому мир и тем более дружба в данной ситуации исключены по определению. Уже в 1940 г. Черчилль выразил серьезнейшие опасения по поводу того, что немцы могут создать единое европейское экономическое сообщество. Министр экономики Райха Вальтер Функ прямо заявлял о необходимости создания экономически единой Европы (об этом пишет в своей книге «Сумерки Запада» К.Коукер), в чем его активно поддерживали бельгийцы, голландцы, французы. Гитлер в самом начале войны охарактеризовал ее не как просто германо-английский конфликт, а вопрос выражения общеевропейских интересов, т.е. создания Пан-Европы – это высказывание фюрера приводит историк Дж.Лукач в книге с красноречивым названием «Последняя европейская война, 1939–1941».

События 1939–1941 гг. не стали вообще последней войной в Европе – агрессия НАТО против Югославии (а точнее – против сербов) не позволяет сделать таковой вывод, но она действительно стала последней попыткой объединить Западную и Центральную Европу в единое целое военно-политическим образом. Этот аспект Второй мировой войны, которая стала действительно мировой лишь в 1941 г., как правило упускается из виду. И то, что европейская война сначала превратилась в евразийскую, а затем – в мировую, т.е. обе эти войны стали реакцией на попытку создания Пан-Европы Германией, лишний раз свидетельствует и о «матрешечной» композиции и сложности последней мировой войны, и о том, что военно-политическое объединение Западной и Центральной Европы Гитлером (а вообще – кем угодно) не соответсвовало интересам англосаксов по обе стороны Северной Атлантики, да и СССР тоже. В Европе в очередной раз скрестили оружие несколько различных иерархий мирового уровня.

«Я был последней надеждой Европы», – скажет Гитлер незадолго до смерти. На вопрос, надеждой какой Европы был Гитлер, дает Дж.Стейнберг: надеждой определенной части финансово-олигархической Европы, точнее, немецких Варбургов (банковское семейство с венецианскими корнями), кругов, которые представляли директор Банка Англии лорд Монтэгю Норман и Ялмар Шахт. Оба стояли у истока Банка международных расчетов (1930), целью которого, как считает К.Куигли, была мировая финансовая диктатура неофеодального стиля. Им-то и нужны были единая имперская Европа как поле деятельности. Отсюда – интерес к Гитлеру деятелей созданного в 1922 г. Пан-Европейского союза. Стейнберг приводит следующую фразу Шахта, сказанную им в октябре 1932 г. своим «коллегам» по Союзу: *«Через три месяца у власти будет Гитлер. Он создаст Пан-Европу… Только Гитлер может создать Пан-Европу»*.

С учетом всего сказанного выше, можно сказать: гитлеровский Райх, помимо прочего, оказался и равнодействующей нескольких очень разных сил создать единую Европу – империю типа Карла Великого или Карла V Габсбурга, но на антиуниверсалистской (антихристианской), квазиязыческой основе (и это в христианско-просвещенческую эпоху) и таким образом не только сохранить, но и максимально усилить свои позиции в мире.

Время Гитлера, однако, ушло. Попытка создать общеевропейскую «империю» оказалась таковой с негодными средствами, «бежала против времени» (слишком поздно и слишком рано одновременно), поскольку, во-первых, Европа политически слабела и сходила с исторической сцены (в этом плане Гитлер опоздал). Во-вторых, Гитлер предлагал языческий и партикуляристский проект объединения христианскому и универсалистскому миру (в этом плане Гитлер, возможно, пришел слишком рано, время неоварварства, основанного на передовой технике, т.е. «политико-фэнтэзийное» время тогда еще не пришло). Кстати, это хорошо понимали даже те, кто симпатизировал Гитлеру. П.Дриё Ла Рошель в августе 1944 г. записывает в дневнике: *«Гитлер глуп, как Наполеон. Но надо признать, что ему приходится действовать в куда более трудной ситуации: англосаксонский мир сейчас многократно могущественней, русский мир тоже многократно могущественней. Слишком поздно пришел он в изрядно постаревшую и чудовищно сузившуюся Европу… Поражение Гитлера после поражения Наполеона, Людовика XIV, Карла Пятого, Карла Великого, похоже, доказывает нежизне-способность Европы. Она будет разграблена и отодвинута на задворки, как коллекция греческих полисов. Аминь»*. Иными словами, по иронии истории, Гитлер сработал на англосаксов и русских, приблизив и оформив закат Европы не в шпенглеровском смысле, а в смысле игры в гольф – закат в лунку Истории, выступив ее Терминатором. И «ледоколом» для СССР и США.

Я уже не говорю о наивной вере фюрера в то, что он и его Германия смогут договориться с англичанами и дружить с ними, точнее, быть допущенными в дружбу. Трудно сказать, чего больше было в этой вере – стремления плебея дружить с аристократом или немецкого исторического комплекса перед британским львом. В любом случае Гитлер не знал и не понимал геополитического правила Едрихина-Вандама: *«Хуже вражды с англосаксом, может быть только одно – дружба с ним»*. С тем самым англосаксом, который исходит из того, что у Англии нет веч-ных друзей, а есть вечные интересы, а для этих интересов всегда были нужны слепые агенты, пешки в британской игре на континенте: Пруссия, Испания, Германия, Россия. Сталин это понимал. Гитлер понимать не хотел.

Я уже не говорю о таких «мелочах» как внешнеполитическое поведение: Гитлер часто забывал различия в национальных характерах и адресовался к миру так, как он это делал в отношении немцев: много говорил, демонстрируя железную волю и воинственный дух и апеллируя к мрачной романтике, крови и почве, орднунгу, к в общем-то провинциальному по своему типу сознанию. Однако то, что способно позитивно воздействовать на немца, может вызвать совсем иные чувства у других – от иронии до праведного гнева. К тому же в середине XX в., века универсалистского, оптимистичного и циничного, идеология, замешанная на мифологии в духе «гибели богов» и партикуляризме расы и крови, мрачная риторика Vernichtung'а и Weltfeind'а едва ли могли быть эффективными за пределами Райха (время фэнтэзи, жанра который займет место научной фантастики, наступит в конце века). Помимо прочего, Гитлер слишком много говорил в таких ситуациях, когда политик, претендующий на мировой уровень, должен был скорее больше молчать, или взвешивать каждое слово в выверенной риторике представителя сил Добра, как это уже умело делали игроки «тегеранской тройки нападения», легко и убедительно отождествлявшие своего противника с силами Антипросвещения, Мрака и Зла.

Речь не о том, чтобы снять с Гитлера историческую вину – здесь все очевидно. Не может быть прощения индивиду, считавшему возможным уничтожение целых групп по этническому принципу. Я уже не говорю о том, что как русский никогда не прощу того, что Гитлер готовил уничтожение огромной части моего народа, моей истории и моего будущего. Здесь отношение может быть только одно: *«Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям… Надо их казнить… Не*

брать пленных, а убивать и идти на смерть». Это – Андрей Болконский о французах накануне Бородина (хотя, напомню, французы, в отличие от Гитлера, не ставили задачу физического истребления славян).

Императив науки, теории – выяснение объективных обстоятельств, причин и следствий. Важно узнать не только кто исполнитель, но и кто заказчик, какова вся сеть заказчиков-исполнителей, важно знать не только, кто замкнул цепь, последнее звено, но и цепь в целом. И того, кто ее выковал. Важно понимать, что Гитлер лишь замкнул некую цепь, не им выкованную, а возникшую объективно, по логике функционирования капсистемы и борьбы за господство в ней. О Германии 1939 г. можно сказать то же, что Гюстав Ле Бон сказал о Германии 1914 г. Да, писал он, именно Германия бросила в наполненную до краев чашу ту каплю, из-за которой все пролилось; однако для объективного исследователя главный вопрос не в том, кто влил последнюю каплю, а кто наполнил чашу до краев, сделав войну неизбежной.

Объективных исследований последней мировой войны, адекватно отражающих все ее уровни в целом – тактический, оперативный, стратегический, политический, геоэкономический, системно-мировой – до сих пор нет. Как нет до сих пор и объективной картины того, что действительно происходило в советском обществе с 1934 по 1945 г. Объективной, а не фальсифицированной в интересах тех или иных политических или социальных групп. С объективной научной точки зрения по степени искажения реальности разницы между сталинской схемой «борьбы с врагами народа» и антисталинской схемой зрелой номенклатуры «преступлений культа личности» нет. Как между этими двумя и различными западными пустышками с фальшивым душком вроде «Большого террора» Р.Конквеста и подобного рода интерпретациями.

К сожалению, изучая период 1930–1940-х годов в СССР, мы до сих пор, во-первых, вырываем его из контекста более длительного исторического периода, который он завершил, и таким образом лишаем себя возможности не только широкого, целостного взгляда, но и понимания многих причинно-следственных связей; во-вторых, всю сложность эпохи 1920–1930-х годов, ее массовых процессов, сводим к одному из аспектов, пусть очень важному или даже важнейшему и рассматриваем сквозь него, т.е. сквозь призму «сталинизма», «сталинских преступлений», «властного театра» Иосифа Сталина; в-третьих, даже на эти последние мы спустя почти полвека со смерти Сталина и почти десятилетие после смерти номенклатурного строя, продолжаем смотреть глазами сытой советской номенклатуры, хозяев советского общества, свалivших свои системные преступления на Хозяина и попытавшихся таким образом отмежеваться от кровавого рождения своего слоя, выпустить пар и спрятать системное – в личном, общее – в частном.

Все 30-е годы в советской верхушке шла острейшая борьба за место под солнцем на всех уровнях социальной пирамиды, и вплоть до конца десятилетия ее исход (при наличии более или менее вероятных вариантов) не был гарантирован. В борьбе в данной системе в данном ее состоянии должен был победить самый безжалостный и самый умный во властном плане человек, опережающий противников как минимум на полшага; т.е. тот, кто успевает ударить, упреждая удар. *«Он бил, чтобы не быть битым»*, – говорил В.О.Ключевский об Иване Грозном. То же можно сказать о Сталине. В течение всех 1920-х он боролся против «соратников» за власть и в течение всех 1930-х он боролся против «соратников» за сохранение и упрочение этой власти, действуя практически без ошибок. Ошибись он хоть раз, и – *«Акела промахнулся»* – стая порвала бы его и нашла себе нового вожака. И он прекрасно это знал и действовал в соответствии с этим знанием, с пониманием системы, которую он создал в той же степени, в какой был создан ею.

Историческая, научная оценка Сталина (именно оценка, а не обвинение или оправдание – ни наука вообще, ни наука истории социальных систем обвинениями/оправданиями не занимается, что, разумеется, вовсе не исключает моральную оценку, но последняя всегда носит личностный характер, как и все в христианском ареале культуры – независимо от того, верит человек или является атеистом) должна и может быть дана только в контексте той системы, элементом которой он был и эпохи, в которую эта система существовала. Принципы системности и историзма – фундамент научности в изучении общества, его различных систем. Впрочем, они, к сожалению, не помогают и не могут помочь в сравнительной оценке различных систем. Хороших и (или) плохих систем не бывает – в том смысле, что такая постановка проблемы находится за пределами науки (о вопросе: для кого хорошая или плохая – я уже и не говорю, общество – не огромное одноклеточное), у которой свои возможности и свои задачи. Я уже цитировал В.Шкловского: *«Нет правды о цветах, есть наука ботаника»*. Иными словами, в рамках науки мы можем ставить вопросы (и получать на них ответы) только определенного рода. Плохой, хороший, злой, добрый о системах – это для моралистов, под личиной которых, как правило, скрываются циничные идеологи и пропагандисты, цель которых – представить частный (групповой) интерес как общее благо и истину. И сделать свою личную карьеру, свой гешефт.

Для морализирующей внеисторической и внесистемной критики, которая, как правило, используется как средство идейной борьбы и пропаганды, целостный, системный анализ, историзм опасны и неприемлемы. Так, именно подобного подхода к феноменам Сталина и сталинизма – целостного, системно-исторического – подхода к эпохе, из которой и росла советская номенклатура со своим благосостоянием, она всегда боялась и потому стремилась обвинить во всех грехах Сталина, чекистов – кого угодно, но только не себя, как слой. В 1956 г. устами Хрущёва номенклатура объявила об индивидуальных (Сталин, Ежов, Берия и т.д.) преступлениях наверху, чтобы не получить обвинения в коллективных, «классовых», системных преступлениях. В результате террором, главным преступлением сталинизма оказался 1937 г., когда борьба в верхушке вступила в свою острую фазу, и счет жертв шел на тысячи, а не 1932 г., когда верхушка ломала хребет крестьянству, и счет жертв шел на сотни тысяч, а то и на миллионы.

Надо прекратить смотреть на советскую систему и на 1930-е годы блудливыми номенклатурно-шестидесятническими глазами, подменяя понимание целого моральным возмущением по поводу одних отдельных элементов с позиций и в интересах других, подсовывая интересы новых стадиальных хозяев, будь то хрущевцы, брежневцы, горбачевцы (далее везде) в качестве объективного системного взгляда на историческое прошлое и текущую реальность, в том числе и сегодняшнего дня. Ведь если называть вещи своими именами, то это либо глупость, либо жульничество. Как когда-то сказал тот же Сталин (давно, но звучит внезапно актуально): *«Соединить Ленина с Абрамовичем? Нет уж, товарищи! Пора бросить эту жульническую игру»*.

Ключ к пониманию «террора 1930-х» – в разработке социально-исторической теории советского общества, советской системы, адекватной не интересам очередных хозяев и обслуживающей их «интеллектухи», а социальной сути изучаемого объекта.

Теории, сконструированной и построенной на основе принципов историзма и системности и встроенной в качестве элемента в теории русской истории и истории капиталистической системы.

Войны – войнами, террор – террором, производственные сроки – сроками, а повседневная жизнь – повседневной жизнью, она продолжалась. *«Жизнь между тем, настоящая жизнь людей со своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте, и вне всех возможных преобразований»* (Л.Толстой). Вместо Бонапарте можно поставить Сталина, Гитлера, Рузвельта, Цезаря и т.д. – вывод будет тем же. В 1934–1945 гг. люди работали, изобретали, ходили в кино, читали, слушали музыку – серьезную и не очень. В 1934–1945 гг. к тем, кто **ярко** творил в «длинные двадцатые», добавились Бриттен, Орф («Кармина Бурана», 1937 г.), Вилла Лобас, Крестон, Бернстайн. Народ слушал нехитрую (что не значит: плохую) эстрадную музыку. С войной в ней усиливаются сентиментальные и даже китчевые черты (ср. Галла, Юрьева, Шульженко у нас, Кюнике, Леандер, Андерсон – у немцев).

В предвоенные годы советские люди будут смотреть «Цирк», «Александра Невского» и другие фильмы, слушать Козина, Юрьеву, Виноградова, Утёсова.

В жизнь американцев в предвоенные и военные годы войдут «Унесенные ветром» – книга М.Митчелл (1936, Пулитцеровская премия) и ее экранизация Виктором Флемингом с Кларком Гейблом и Вивьен Ли в главных ролях (1936, шесть «Оскаров»), «Ребекка» Хичкока, «Касабланка» Кертица; боксер Джо Луис, певица Элла Фицджеральд и оркестр (второй ансамбль) Глена Миллера, который прославится музыкой из кинофильма «Серенада солнечной долины» – 1941 г. В том же году на экраны выйдут «Леди Гамильтон» А.Корды и «Гражданин Кейн» О.Уэллса. Того самого Уэллса, который в 1938 г. в радиопередаче по «Войне миров» Герберта Уэллса столь натурально и творчески представил высадку марсиан, что в стране началась самая настоящая паника.

В быт англичан и американцев «плотно» входит регулярное телевещание (соответственно 1936 и 1939–1941 гг.); появляются первая авторучка, нейлон и фотопленка «Kodak» (США, 1942 г.), полиэтиленовые пакеты (1939), первые «paperback pocketbooks» издательства «Penguin» (1935), что позволило «массовому человеку» легко читать вне дома.

К большим писателям (и произведениям) «длинных двадцатых» в предвоенно-военные годы всерьез добавятся Чапек, Канетти, Мальро, Г.Грин, Оден, Юнгер, Гессе и некоторые другие. В 1943 г. Гессе напишет «Игру в бисер»; главная мысль романа – искать совершенство можно только в игре, уходя в нее из реальности. Это отчаяние. Столь сильное, что в 1942 г. Стефан Цвейг и его жена, не желая жить в мире, где (как им казалось) побеждает фашизм, покончили самоубийством. Однако именно «тихий» 1942 г. подготовил перелом 1943 г., в котором Черчилль в восторге от русских побед «изобретет» знаменитую конфигурацию указательного и среднего пальцев руки – V («victory»), победа.

Философия, общественные науки, по сравнению с «длинными двадцатыми», несколько сдали. Впрочем, каждый новый период XX в. в этой сфере будет слабее предыдущего, потому речь не столько об именах, сколько о работах прекрасных авторов, но, как правило, не гигантов. Итак: К.Хорни «Невротическая личность» (1937), Т.Парсонс «Структура социального действия» (1937), Й.Хейзинга «Осень Средневековья» (1938), Ж.-П.Сартр «Тошнота» (1938), О.Розеншток-Хюсси «Великие революции. Автобиография западного человека» (1938), Г.Маркузе «Разум и революция» (1941), Дж.Бернхэм «Управленческая революция» (1941), Й.Шумпетер «Капитализм, социализм, демократия» (1942), М.Бубер «Проблема человека» (1943), К.Поланьи «Великое изменение» (1944), Ф.Нойман «Бегемот» (1944). Не густо. Но, во-первых, – время густое, неспособствующее; во-вторых, в интеллектуальном плане период 1934–1945 гг. образует определенное единство с «длинными двадцатыми», точнее выступает эпилогом к ним, а потому его следует рассматривать не столько как самостоятельный период, сколько как финальную фазу тридцатилетия 1915–1945 гг. Это искусство способно предвосхищать время, интеллектуальные работы, как правило, запаздывают – *«Сова Минервы вылетает в сумерки»*.

В развитии науки и техники в 1934–1945 гг. очень сильный военный акцент: первый радар (1935), полуавтоматическая винтовка «М–1» М.Джонсона, сразу же принятая на вооружение армией США (1936); «табун» – первый газ нервнопаралитического действия (1936); начало массового производства одновинтовых вертолетов И.Сикорского (США, 1939 г.); акваланг (Кусто и Ганьян, 1942 г.); первый реактивный самолет Мессершмидта «Ме–163» (1942); «катапультирующееся кресло» Хейнкеля (1942), немецкие «ФАУ–1» и «ФАУ–2»; американский манхэттенский проект (начался в 1941 г.; 1942 г. – под руководством Э.Ферми создается первый ядерный реактор и проводится первая ядерная реакция; 1945 г. – атомная бомба, сброшенная на Хиросиму и Нагасаки).

Бурно развивалась военная техника в СССР: истребитель «ЯК–1», как считают специалисты, превосходил немецкие, английские и американские аналоги; пикирующий бомбардировщик «ПЕ–2» превосходил немецкие «Юнкерс–87» и «Юнкерс–88»; 37-миллиметровые и особенно 85-миллиметровые зенитки 1937 г. были лучшими в мире; средний танк «Т–34», при всех его недостатках в целом вполне соответствовал репутации лучшего танка. Тяжелый танк «ИС» превосходил тяжелые немецкие «тигры» по бронезащите в полтора раза, «пантеры» – в два раза плюс превосходство в вооружении. Наконец, пистолет-пулемет Дегтярёва – 71 патрон в круглом диске, 800 выстрелов в минуту (ср. с немецкими «МП–40» и «МП–41»: 32 патрона в рожке, 500 выстрелов в минуту).

Велись в СССР и работы над атомной бомбой, велись и увенчались успехом благодаря атомному «ведомству» Л.Л.Берия и советской разведке.

Важным направлением научно-технического развития в военные годы стали работы в области электронно-вычислительной техники, создания ЭВМ. Еще в 1939 г. американец Дж.Атанасоф предложил создать электронный вычислитель для решения линейных уравнений. В 1941 г. немец К.Цусе строит компьютер, использующий электрическое реле и перфокарту. Но англо-американцы работают быстрее и эффективнее. В 1943 г. для дешифровки военных кодов противника под руководством знаменитого английского математика А.Тьюринга была создана первая ЭВМ (примитивная на электронных лампах). Но уже в 1944 г. американец Г.Эйкен создает второй в мире электронный компьютер «Mark I» (на перфолентах и электронных лампах), а в 1945 г. все тот же Тьюринг завершает ЭВМ «Pilot ACE» с программой, сохраняющейся в специальном блоке памяти.

В 1945 г. Джон фон Нейман сформулировал основы конструкции компьютера современного типа. С атомной бомбы и компьютера, по сути, начинается предыстория научно-технической революции, НТР. Той самой, которая в немалой степени поспособствует крушению коммунизма и распаду СССР. Причем решающую роль в этом сыграет не бомба, а компьютер, основы конструкции которого в год советской победы над Германией сформулировал человек с немецкой фамилией.

Итак, 1945 г. – сверхсимволичный. Конец одной эпохи и одновременно начало другой. Ялтинская конференция, заложившая основы «ялтинского» биполярного мира, который горбачевская верхушка СССР профукает и сдаст в конце 1990-х годов. Но в 1945 г. в сталинском СССР об этом никто даже подумать не может, потому как только что одержана **наша** победа над Германией, навсегда вычеркнувшая ее из претендентов на мировое лидерство и прекратившая третью и последнюю (первые – Лютер и романтики XIX в.) попытку немецкого бунта, сверхосмысленного, а потому особо беспощадного, против универсализма. **Наш** парад Победы 24 июля. **Наша** победа над Японией, на которую американцы сбросили атомную бомбу – нам в устрашение. А мы не из пугливых. По крайней мере, были во времена побед.

В год великой победы над Германией СССР успел одержать две символические победы над англо-американскими союзниками: над Великобританией, точнее, над именитыми английскими клубами в футболе (ноябрьский триумф «Динамо», усиленного цэдэковцем Бобровым – две победы, две ничьи, ни одного поражения, соотношение забитых и пропущенных мячей – 19:9) и над США в шахматах (радиоматч сборных СССР-США – 15,5:4,5). Так сказать, спортивная разминка перед «холодной войной» и «славным тридцатилетием».

VI. СССР во Второй мировой войне: историческая ретроспектива, особенности войны и ее результаты

СССР вместе с США и союзниками вышел победителем во Второй мировой войне, которая является **очень особой** мировой войной, очень сложной по содержанию и фантастически важной по своим последствиям для мира в целом и СССР. Но чтобы это лучше понять, сначала – о феномене мировых войн.

Мы, люди XX в. высокомерно считаем мировыми войнами те, что происходили только в нашем веке, поэтому мировых войн насчитываем только две – Первую (1914–1918) и Вторую (1939–1945). С эмоциональной точки зрения это понятно. В количественном измерении катаклизмы и потери мировых войн 1914–1918 гг. (более 10 млн. убитых) и 1939–1945 гг. (более 50 млн. убитых), действительно, не имеют аналогов в прошлом. Да и сам термин «мировая война» появился только в XX в. Некоторые исследователи считают, что в 1915 г. его «запустили» англичане (другая предлагаемая дата – 1917 г.). Американцы говорили о мировой войне с 1917 г. Бетман Гольвег в 1919 г. выпустил мемуары «Размышления о мировой войне»; во Франции с 1923 г. выходит «Revue d'Histoire de la gnerre mondiale» (информацию об этом я почерпнул из очень интересных работ Д.Рейнолдса); пятая глава «Mein Kampf» (публиковалась в 1925–1926 гг.) Гитлера называется «Мировая война». И тем не менее немного более распространенным был термин «великая война» – вплоть до того, что английская пресса в 1939 г. обозначила начавшуюся войну как «вторую великую войну». Правда, тут же появился и термин «вторая мировая война», который окончательно победил лишь во второй половине 1940-х годов, когда стал очевиден мировой масштаб разрушений (впрочем огромные разрушения и потери могут иметь место и в немировых войнах. Так, в Корейской войне погибло около 10 млн. человек, столько же, сколько в войне 1914–1918 гг.; а японо-китайская война, начавшаяся в 1931 г. с оккупации японцами Маньчжурии и которая с 1939 г. формально считается частью Второй мировой войны, унесла 15 млн. жизней). И все же дело не в количестве, а в качестве. Если взглянуть на проблему с качественной системно-исторической точки зрения, то обе эти войны оказываются лишь наиболее мощным примером феномена, впервые обозначившегося в XVII в. и вступавшего в мир вместе с капитализмом.

Капитализм – система мировая по определению и, естественно, борьба за гегемонию в этой системе с необходимостью является мировой, а войны за эту гегемонию – мировыми. В последние десятилетия в западных исследованиях по исторической глобалистике и геостратегии верно отмечается и сам факт борьбы за гегемонию в мировой системе, и то, что разворачивалась эта борьба между морскими и континентальными державами, и то, что «окончательным решением» этой борьбы становились мировые войны, которые, как правило, длились 30 лет (беспрерывно или с перерывом). Среди таких войн называют Тридцатилетнюю (1618–1648), Семилетнюю (1756–1763) плюс революционные и Наполеоновские (1792–1815) и две великие войны XX в. (1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.), объединяемые иногда в одну – «тридцатилетнюю войну XX века» (1914–1945). Некоторые исследователи приравнивают к мировым войну за австрийское наследство (1739–1748), а У.Черчилль в исследовании, посвященном одному из своих предков – герцогу Мальборо, прямо говорит о борьбе «Великого Союза» против Людовика XIV как о мировой борьбе. Если в количественном плане войну за австрийское наследство и союзников «Короля-Солнца» можно сравнить с Семилетней и отчасти с Наполеоновскими войнами, в качественном плане это разные вещи. Призом в Семилетней и Наполеоновской войнах была политико-экономическая гегемония в мировой (раннекапиталистической) системе, а не выяснение отношений между европейским государствами.

В Тридцатилетней войне, которую, на мой взгляд, если и можно считать мировой, то эмбрионально-мировой, сошлись Габсбурги с их континентальными владениями, и антигабсбургская коалиция. Важнейшую роль в последней объективно играли интересы Голландии – морской державы. Итог войны известен: Габсбургам не удалось создать мировую империю, а Голландия стала гегемоном формирующейся мировой системы.

Пик экономической гегемонии Голландии пришелся на 1620–1672 гг., затем мощь Голландии идет на спад, и за «корону» нового гегемона начинают бороться сухопутная держава Франция и морская – Великобритания. Они выясняют отношения в два раунда: Семилетняя война и революционные и Наполеоновские войны, т.е. в целом получается еще одна тридцатилетняя, на этот раз – англо-французская – мировая война. Войны 1618–1648 гг. и 1756–1763 гг. плюс 1792–1815 гг. в большей или меньшей степени носили мировой характер. Тридцатилетняя – в меньшей, англо-французские – в большей.

Хотя война велась в Европе, оперативным экономическим пространством Голландии был тогдашний мир, а за Испанией стояли ее южноамериканские владения с их богатствами. В этом смысле Тридцатилетняя война XVII в. является столь же эмбрионально мировой, сколь Голландия была эмбриональным, а не полноценным гегемоном капсистемы: держава-гегемон

– это превосходство в военной, политической, технической и торгово-экономической сферах. Голландия доминирова-ла только в экономике, тогда как политическим гегемоном Европы с 1630-х годов была Франция. Настоящие и полноценные гегемоны капсистемы – Великобритания и США, поскольку в обоих случаях мы имеем экономическое и военно-политическое превосходство вместе.

Семилетняя и наполеоновские войны были мировыми уже совсем реально, в «физически»-пространственном смысле слова – велись на трех континентах и четырех частях света – от форта Тикандероги до Москвы и от Каира до Пондишери.

Пик британской гегемонии – 1815–1873 гг. По его прошествии начался новый тур борьбы за гегемонию, на этот раз – между континентальной Германией и морской державой США. Правда, довольно длительное время это объективно главное противостояние скрывалось англо-германской борьбой, которая ослабляла обоих конкурентов США. В двух войнах (1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.) США вышли главными победителями и стали новым гегемоном капиталистической системы; при этом многие историки склонны считать 1914–1945 гг. единым военным периодом, по сути непрекращающейся или почти непрекращающейся мировой войной, в которой морская держава в очередной раз взяла верх над континентальной, причем, как подчеркивают западные специалисты в таких победах небольшую роль играл тот факт, что на стороне морской державы – претендента на гегемонию выступал старый гегемон, старый «морской волк», два этих «волка» в конечном счете загоняли в угол свирепого континентального «кабана».

В этой схеме, предложенной рядом западных исследователей, многое правильно, но что-то явно не учтено, что-то пропущено, забыто. Словом, как говорилось в одной советской сказке, *«все хорошо, да что-то нехорошо»*. Вспоминается еврейский анекдот. Муж приходит домой и сообщает жене, что его, еще утром простого инженера, днем назначили министром и с завтрашнего дня он приступает к исполнению обязанностей. Перед сном жена говорит мужу: *«Таки слушай: тебе фантастически везет! Ты, простой инженер, спишь с женой министра»*.

Схема «морская держава», которая побивает континентальную и становится новым гегемоном, напоминает логику «жены министра». Дело в том, что никогда, никакая морская держава само по себе не наносила поражение сухопутному, континентальному претенденту на гегемонию. Такие победы – иллюзия и вымысел. Их не было. Что, это англичане и голландцы нанесли поражение Наполеону? Что, это англичане и американцы в 1914–1915 гг. так врезали Австро-Венгрии и Германии, что первая утихла, а вторая вынуждена была стянуть все силы на Восточный фронт? Что, это американцы и англичане разгромили Гитлера, съели его время своим пространством?

В схемах, о которых идет речь, «забыта» Россия – она из них просто выпала. А ведь Россия не только участвовала во всех мировых войнах («боком» даже успела повоевать в Тридцатилетней – Смоленская война 1632–1634 гг.), но в четырех из пяти сыграла решающую роль. Именно Россия нанесла поражение Фридриху II, русские войска взяли Берлин – *«едут, едут по Берлину наши казаки»*, – да так, что город долго приходил в себя. Именно Россия силами *«Барклая, зимы и русского Бога»*, т.е. народа и пространства, сокрушила Наполеона. Именно Россия с одного удара – по принципу каратэ – вырубила в 1915 г. Австро-Венгрию из войны (и из Истории) и в течение всей войны спасала западных союзников, оттягивая силы немцев на восток и позволяя ситуации на западе стабилизироваться по принципу *«на западном фронте без перемен»*. Наконец, именно Россия сломала хребет Гитлеру, перетерев своей людской массой и своим пространством вермахт. О том, **как** могло прийтись союзникам в двух последних войнах без России, свидетельствуют немецкая наступательная операция в Пикардии в марте – апреле 1918 г., когда немецкий молот обрушился прежде всего на 5-ю британскую и 3-ю французскую армии, и немецкое наступление в декабре 1944 г. в Арденнах силами трех потрепанных немецких армий (5-й и 6-й танковых армий СС и 7-й армии), показавшее американцам, что война – это, прежде всего, плоть и кровь, а не техника.

Иными словами, в англо-французских и американо-германских «тридцатилетних войнах» морская держава побеждала не потому, что на ее стороне выступал прежний морской гегемон, а, прежде всего, потому, что ее союзником каждый раз была одна и та же держава – Россия (СССР), которую в западных геополитических схемах именуют континентальной. Более того, решающий театр военных действий в мировых войнах, начиная с Наполеоновских, находился на территории России. Судьба этих войн решалась на русском пространстве и русской кровью.

Парадоксально, но факт: войны за гегемонию в **капиталистической** мировой системе XIX–XX вв. разыгрывались на территории и на крови страны, которая либо не претендовала на такую гегемонию, так как не была достаточно плотно включена в эту систему (Россия XIX – начала XX вв.), либо вообще содержательно не была частью капиталистической системы, противостояла последней как система антикапиталистическая (СССР середины XX в.).

Почему же Россия/СССР в мировых войнах за гегемонию в капиталистической системе постоянно оказывалась на стороне морской державы (морских держав) против континентального претендента, будь то Франция или Германия, на стороне англосаксов (англо-американцев) против французов и немцев? А после мировых войн, внеся решающий вклад в их результат, сразу же вступала в длительный геостратегический конфликт с бывшим союзником – «моряком-англосаксом»: борьба с Англией с 1840-х годов по 1900-е (некоторые даже говорят об англо-русской войне второй половины XIX – начала XX вв.) и США (вторая половина XX в.). Почему?

Почему сухопутному претенденту, будь то французы Наполеона или немцы Гитлера не объединиться с Россией в «континентальный блок» (мечта великого Карла Хаусхофера, который добавлял к этому блоку Японию, и многих других, рассуждавших: а вот если бы Гитлер договорился со Сталиным, а вот если бы Наполеон объединился с Александром)? Почему России/СССР было не объединиться с европейскими «континенталами» (или им с нею) и не всыпать англосаксам «по первое число», раз и навсегда устранив морскую угрозу? И ведь делались попытки с обоих «концов»: французского и немецкого, с одной стороны, и русского – с другой. Я имею в виду сближение Наполеона и Павла I с планами совместных действий против Англии (не получилось из-за смерти Павла, в заговоре против которого активную роль играли англичане); русско-французский союз Наполеона и Александра I с присоединением России к континентальной блокаде; контакты советских и германских высокопоставленных военных в конце 1930-х годов (окончились «стенкой» для первых и отставкой – для вторых); наконец, почти двухлетний (август 1939 г. – июнь 1941 г.) союз Сталина и Гитлера, когда СССР – это надо признать – косвенно участвовал в войне Третьего Райха против Англии и Франции.

И, тем не менее, счастливый геополитический брак оказывался коротким, браком (в другом смысле), и континентальная европейская держава начинала войну против России (почти сумасшествие?), открывая тем самым второй фронт, терпела поражение на российских просторах и – автоматически – в войне, и англосакс, будь то UK или US, становился хозяином капиталистической системы.

На первый взгляд – объяснение довольно простое и в принципе адекватное реальности. Будучи континентальной державой, а потому зависимой от торговли с державой морской, Россия экономически должна была разворачиваться в морскуюсторону. Будучи континентальной державой, не претендующей на гегемонию в капиталистической системе, Россия, как правило, не имела с морскими державами непосредственных, сверхострых военных противоречий мирового уровня (локальные противоречия были, достаточно вспомнить русско-английское соперничество в Средней Азии во второй половине XIX в.). Напротив, будучи континентальной державой, на региональном и евразийском уровнях Россия почти автоматически вступала в противоречия с другими континентальными державами, особенно если те были соседями (Германия) или оказывались соседями (почти соседями) в ходе экспансии (Франция). Все правильно. Но правильно лишь отчасти и характеризует русскую сторону. Войны, однако, начинала не Россия, а Франция и Германия. Здесь-то мы и подходим к очень серьезной проблеме, а точнее, характеристике России, которую регулярно упускали из виду большинство геополитиков, рассуждавших о возможности (или о желательности) антианглосаксонского союза континентальных держав.

Да, это было бы возможно и, возможно, неплохо, если бы Россия/СССР была континентальной державой как Франция или Германия. Дело, однако, в том, что Россия таковой не является.

Россия – единственная в мире **трансконтинетальная** держава с выходом к трем океанам (с этой точки зрения выход к четвертому, Индийскому, был бы вполне логичен, и именно этого всегда боялись англосаксы); правда, выходом не очень удобным – через своеобразные природные «шлюзы», коридоры нескольких морей, но все же. «Количество» (трансконтинентальное) пространства превращалось в геоисторическое качество: ни одна континентальная держава не могла соперничать с транс- (т.е. сверх-, гипер-, над-) континентальной Россией. Что еще хуже, при огромной разности пространственно-ресурсно-военно-демографических потенциалов даже союз европейской континентальной державы с евразийской трансконтинентальной Россией (не говоря о соперничестве) оказывался довольно опасным: при прочих равных, огромная Россия могла раздавить, «проглотить», «съесть» любого «соседа». Это хорошо понимали и Наполеон, и Гитлер. Последний в «Mein Kamf», имея в виду Россию, прямо писал: *«Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию»*. Вот так. Ну а уж «сосед», занятый войной на западе, ослабленный, с оголенным тылом, и вовсе не мог, имея в тылу Россию, чувствовать себя спокойно и рано или поздно срывался и начинал войну. Логично (вполне) и катастрофично (вполне).

Реально и в течение длительного времени противостоять России могли только морские (океанические – и в этом смысле тоже сверх-, а точнее, надконтинентальные) державы – Великобритания и США. И то не очень успешно. Противостояние России и Англии во второй половине XIX – начале XX вв., хотя Россия и потерпела в нем несколько ощутимых поражений (Крымская война – первая в истории по-настоящему обще-западная война против России, русско-японская война), в конечном счете окончилось в 1920-е годы в пользу России, но уже в виде СССР, который вышиб англичан из Закавказья и Средней Азии и создал им немало проблем в других местах (правда, в 1930-е годы Англия добилась определенных успехов в тайной борьбе против СССР, но это другая история).

Если говорить о советско-американском противостоянии, то здесь, как будет показано в части V настоящей работы, в 1975 г. как система СССР одержал победу над США как государством, и понадобилась совокупная мощь глобализирующегося Запада в целом, включая «морские» и «континентальные» (ФРГ, Франция) державы, а также Японию (плюс «китайская карта») и превращение США в Глобамерику, чтобы сокрушить трансконтинентальный СССР. В 1975–1991 гг. только мир-целое (причем качественно новый – глобальный) оказался сильнее трансконтинента, мир-Евразии, находившейся к тому же в состоянии системного кризиса. Вот что значит сверхдетерминизм сверх(транс)континентальности, не вписывающийся ни в континентальные, ни, естественно, в морские характеристики.

Россия постоянно оказывается шире предлагаемых ей западными схемами рамок и категорий, будь то «континентальная держава» геополитиков или «полупериферия» мир-системников, не помещается в их схемы, теории. На практике же это проявляется во внешней алогичности участия России/СССР на стороне «моряков», англосаксов в «горячих» мировых войнах и в борьбе против англосаксов в холодных мировых войнах (вторые половины XIX и XX вв.). Если учесть, что Россия, ее история ни в феодализм, ни в капитализм, т.е. в рамки систем из «европейского набора» (у нас сначала было самодержавие, а после него – коммунизм) не укладывается, то Россия оказывается очень неудобной для Запада страной, как в научно-теоретическом, так и в практико-историческом плане, прогибает под себя мир и его войны.

Так, если говорить о Второй (она же Пятая) мировой войне, то она не помещается в рамки категории «мировая война», по крайней мере, что касается отрезка с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. Иными словами, Великая отечественная война советского народа «ломает» Вторую мировую войну как мировую и придает ей совершенно особый характер. Впрочем налицо и обратная связь.

У последней мировой войны есть несколько особенностей, существенно и сущностно отличающих эту мировую войну от предыдущих. Одна бросается в глаза сразу: массовая жестокость в основе которой лежит, как заметил Б. де Жувенель, крайнее презрение к человеку. И это понятно. Будучи по-настоящему первой войной масс, а не просто наро-дов, государств или наций (по-настоящему войной наций была война 1914–1918 гг.), последняя мировая война едва ли могла быть иной. И дело не сводится к тому, что поскольку в ней разрушению подлежали не только военные объекты, но и производственные вместе с инфраструктурой, то доставалось и мирному населению. Последнему в той или иной степени, особенно в случаях оккупации, доставалось всегда. Тем не менее, гитлеровская оккупация Европы существенно отличается, например, от наполеоновской (как массовая от дворянской, контрреволюционная от революционной, антипросвещенческая/квазиязыческая от просвещенческой, квазиплеменная от национальной и т.д.). Речь об ином – о принципиальном изменении отношения к

человеку в массовом обществе, о формировании отношения к Homo Sapiens и Homo Christianis не как к личности и даже не как к индивиду, а как к проявлению демо-, антропо- или даже биомассы.

Ст.Лем заметил, что если инквизиция перед тем, как отправить человека на костер, стремилась добиться признания и покаяния – личностного акта, то в концлагерях шло уничтожение не личностей и даже не людей, а человеко-массы. Одна человеко-масса (*«они приходят как тысяча масок без лиц»*. – К.Чапек о саламандрах) уничтожала другую.

Войны наемных армий XVII в. были страшней войн дружин; войны наций XIX – начала XX вв. – страшнее войн наемников. Вторая мировая война стала войной масс, в которой очень трудно было сохранить не только личностное, но и человеческое. Поразительно, насколько большому числу людей, словно помнивших фразу гашековских «Похождений бравого солдата Швейка» *«помните, скоты, что вы люди»*, это удалось. Пожалуй, именно сохранение многими людьми человеческого следует считать самым мощным гуманитарным результатом войны, которая рассекла между собой и противопоставила не только государства и системы, но рассекла и сами эти системы и государства изнутри противопоставив человека и массу, Homo Sapiens и Homo Saurus, Homo salamander.

Но это – что касается социоантропологического, гуманитарно-экзистенционального аспекта Второй мировой войны. Еще большей ее исторической особенностью был социосистемный аспект. В этой войне к противостоянию главных претендентов на роль гегемона внутри капиталистической системы, добавились, во-первых, открытая борьба одного из капиталистических претендентов (Германии) с антикапиталистическим (СССР), т.е. таким социумом, который пространственно и содержательно находится вне капиталистической системы; во-вторых, скрытое противостояние этого антикапиталистического социума своим капиталистическим союзникам по антигитлеровской коалиции в ходе войны с Германией, и чем ближе к концу войны, тем более острым и менее скрытым становилось это противостояние.

Перелом в войне стал и переломом в отношениях СССР с союзниками (важная черта в этом плане была проведена осенью 1943 г. на тегеранской конференции); союзники поняли, что СССР и в одиночку может разделаться с Райхом и заторопились со вторым фронтом. С зимы 1945 г. противостояние внутри антигитлеровской коалиции по системной и геополитической линиям становится совершенно очевидным. Если 1941 г. внес в войну социосистемное измерение по советско-германской линии, то 1943 г. пунктиром наметил его по советско-англо-американской линии, а 1945 г. заменил пунктир непрерывной линией.

Подчеркну то, что мне кажется самым важным, диалектичным в участии СССР во Второй мировой войне: мобилизовать государственно-политические силы, напрячь их и заставить коммунизм играть по геополитическим законам капиталистической системы, а не по его социосистемным законам, капитализм был принужден самим коммунизмом, его социосистемным давлением. Причем в этом принуждении, в своих социосистемных планах коммунизм использовал капиталистические законы геополитики и борьбы за гегемонию в мировой экономике! Получилось так, что социосистемная логика коммунизма, которая вела его к **глобальной** войне за мировую коммунизацию, заставила его геополитически использовать одни капиталистические государства в **мировой** войне против других. Вступив на этот путь, СССР как коммунистический лагерь вскоре оказался вовлеченным в некую игру и был поставлен перед выбором между одной коалицией капиталистических государств и другой. Независимо от выбора, это был императив (меж)государственного, а не социосистемного поведения. По крайней мере – в краткосрочной перспективе. Вышел чет – нечет: антикапиталистический социосистемный вызов – капиталистический межгосударственный ответ – антикапиталистический межгосударственный контрответ. Empire strikes back, и воистину все смешалось в капиталистическо-коммунистическом доме. По крайней мере, в 1941–1943/45 гг.

Таким образом, социосистемный натиск коммунизма был отражен капитализмом и на какой-то миг – но очень важный, решающий для капитализма – трансформирован в «государственно»-геополитический импульс коммунизма. Нападение Гитлера, спровоцированное угрозой ли удара со стороны СССР, страхом ли перед ним (в данном случае значения не имеет), заставили СССР отказаться от замысла глобальной войны миров и систем и удовольствоваться участием в более скромном, внутрикапсистемном межгосударственном пожаре в качестве одной из держав, а не социальной системы. Великий перелом совершился. Ирония исторической судьбы: упреждая своим нападением объективно занесенные над ним серп и молот, кулак всего антикапиталистического исполина СССР (а удар был бы нокаутирующим), Гитлер заставил СССР вернуться к российской (евразийской, мировой) геополитической логике XIX–XX вв. – к противостоянию России самой сильной континентальной державе Европы, которой с 1870 г. была Германия. Руками Гитлера капитализм заставил СССР на несколько лет стать Квазироссией и подчиниться межгосударственной военно-стратегической логике. **Вот чем и как** обернулась сталинская мировая антикапиталистическая политика 30-х годов. Контртуш в угол!

Таким образом, последняя мировая война по-своему социальному содержанию на порядок, если не на порядки сложнее предыдущих мировых войн, выходит за рамки выяснения вопроса о гегемонии в капиталистическом мире. Другое дело, что в ходе этой войны логика антикапиталистическо-капиталистического противостояния не стала главной по отношению к логике борьбы за гегемонию в капиталистической системе, не подчинила ее, скорее наоборот. Однако как только война закончилась, именно эта логика вышла на первый план.

Повторю: социосистемное противостояние, помимо государственно-гегемонического, антикапиталистическо-(коммунистическо-)-капиталистическое, помимо внутрикапиталистического – серьезнейшее качественное отличие последней мировой войны от предыдущих. Но было еще и другое отличие.

У мировой войны (1939–1945) впервые появилось глобальное измерение. Она еще не была глобальной на все 100% – такой могла быть только война систем, что и произошло в период «холодной войны». Но глобальное измерение, по крайней мере, с 1941 г. уже присутствовало. И дело не в том, что война физически охватила весь мир, и в ней было больше государств-участников, чем в войне 1914–1918 гг., т.е. дело не в количественном аспекте, а в качественном; мир, как любил говорить Эйнштейн, вообще понятие качественное. Глобальное измерение войны 1939–1945 гг., которая является главным образом мировой, но уже отчасти, пунктиром и глобальной, обусловлено прежде всего тем, что участвовавшие в ней социумы не просто стремились к гегемонии в мировой системе, к очередному мировому переделу, но выступали либо с глобальным проектом

целенаправленного системного переустройства мира (большевики, т.е. интернационал-социалисты), либо с программой кардинального изменения некоторых правил игры, в том числе и идеологической в современном мире (национал-социалисты), либо с проектом Pax Americana (англичане видели этот проект как Pax Anglosaxona). Интересно сравнить коммунистический и национал-социалистический социофутуристические подходы.

Первым в истории капиталистической системы **практическим** социосистемным глобальным проектом целенаправленного мирового переустройства – на основе отрицания капитализма (*«отречемся от старого мира»*) – был русский. Русский (советский) большевистский проект. Цель – мировая революция и торжество коммунизма во всем мире. Капитализм был мировым явлением, но он стихийно и постепенно охватывал весь мир, у большевиков же речь шла о плановой (целерациональной, как сказал бы Макс Вебер) социосистемной перестройке мира в целом и на антикапиталистической основе. При этом проект был просвещенческим, универсалистским, он основывался на признании разума, всемирно-исторических законов и на вере в прогресс. В этом смысле, несмотря на противостояние капиталистическому миру с господствующей в его ядре идеологией либерализма, у коммунизма был универсальный (в прямом и переносном смысле слова) лексикон для общения с западными демократиями. Марксизм, как и либерализм, – идеология универсалистская.

Программа нацистской Германии не посягала на капитализм, не предполагала его разрушения. Она должна была изменить правила игры в капиталистической системе – с универсалистских на партикуляристские. Иерархия и месторасположение в капиталистической системе, согласно нацистскому подходу, должны были определяться расово-этническим критерием – да здравствуют циркуль (но не масонский, а обычный) и линейка!

Коммунизм был попыткой построить антикапитализм («посткапитализм») на универсалистской основе, иными словами, покинуть капитализм по универсалистским рельсам – так сказать, просвещенческий антикапитализм. Национал-социалисты играли не только по другим правилам, но и на другом поле. Они хотели уйти не из капитализма (он сохранялся), а из современного (modern) общества и создать капиталистический социум и Райх на партикуляристской, антиуниверсалистской основе – так сказать, антипросвещенческий и антихристианский капитализм (привет от тысячелетнего германского язычества и варварства). Отсюда – неприятие как христианства, так и либерализма и, естественно, либеральной (буржуазной) демократии.

Аналогичное неприятие было характерно и для советского коммунизма – с существенным, однако, нюансом. Коммунизм отрицал христианство и либерализм как частные формы универсализма с позиций другой частной (для коммунистов, естественно, единственной верной) формы универсализма же. Таким образом, по линии «универсализм – партикуляризм» советский коммунизм, интернационал-социализм парадоксальным образом оказался ближе к западным демократиям с их интернационал-либерационизмом, чем к национал-социалистическому Райху.

Избрав партикуляристскую, антиуниверсалистскую идеологию в качестве идейного средства борьбы за мировую гегемонию вообще и гегемонию в капиталистической системе в частности, нацисты социокультурно противопоставили себя доминирующей просвещенческой (либерально-марксистской) геокультуре Современности (1789–1991) в целом – геокультуре, коренящейся в Просвещении, бросили ей вызов. И не только ей, а Модерну, как социокультурному типу. С этой точки зрения, в известном смысле правы те, кто квалифицировал нацистский проект как бунт темных сил прошлого против Просвещения и Великой французской революции (а еще точнее – Великой европейской революции 1789–1848 гг.), как контрреволюцию в самом широком смысле этого слова. На знамени этой контрреволюции было начертано: Государство, Раса, Воля. Так Воля была противопоставлена Разуму, Раса – Человечеству, Государство – Индивиду и **его** обществу, т.е. гражданскому.

Если Наполеон, по меткому замечанию Ф.Фехера, стремился создать гражданское общество без демократии, то Гитлер хотел свести к минимуму само гражданское общество, сделав его границы пунктирными, а само общество превратить в совокупность корпораций (о демократии речь, естественно, вообще не идет). Поскольку все это еще и сопровождалось планом создания расово-этнической иерархии капиталистической системы, то ясно, что **идейно-**политически нацисты загоняли себя в угол, противопоставив как остальной части капиталистического мира, так и СССР.

Разумеется, во внешней политике ценности и принципы – штука эластичная, особенно по сравнению с интересами: решающую роль играют геополитические и военно-стратегические резоны, что и было доказано лишний раз сначала советско-германским сближением 1939–1941 гг., затем советско-англо-американским сближением в 1941 г. и попыткой осторожного наведения мостов нашими западными союзниками с Германией в 1944 г. – когда ее поражение стало очевидным. И все же определенную роль в раскладе сил в войне сыграло идейное содержание партикуляристского «проекта» (кавычки, так как он не был проектом в строгом смысле слова) нацистов. Проект большевиков, советский антикапиталистический проект был предложен извне капиталистической системы и, по крайней мере, пока вопрос о гегемонии в самой капиталистической системе не был решен, казался ее главным участникам менее значимым, представлял меньшую угрозу в **практическом** смысле, с **практической** точки зрения. Как только после войны у капиталистического мира появился гегемон, выражающий долгосрочные целостные интересы этого мира, то борьба с «антимиром» и его проектом вышла на первый план. В результате в 1945 г. заканчивается последняя мировая (мироглобальная) война и начинается первая чисто глобальная – «холодная». Впрочем, строго говоря, глобальная стала, едва наметившись в 1941 г., зримо проступать сквозь мировую еще до окончания последней – где-то в 1943–1944 гг.

Если идейные составляющие нацистского проекта и либеральной идеологии разводили Германию и ее западных противников, то культурно-исторические, напротив, соединяли и противопоставляли их России. Именно этим объясняется тот факт, что в последней мировой войне немцы по-разному воевали с англичанами, американцами, французами, с одной стороны, и с русскими – с другой. Известный немецкий философ и политолог Карл Шмитт писал, что во Второй мировой войне Германия вела две войны: обычную – на Западном фронте и совсем другую, тотальную – на Восточном. Первая война имела обычные военные цели; целью второй было физическое истребление представителей другой этнической группы, уничтожение противника как Абсолютного Чужого. Справедливости ради надо признать: европейцы вообще, как правило, воевали с русскими не так как между собой, и тем не менее, немцы в 1941–1945 гг. и здесь побили все рекорды.

С учетом всего сказанного выше вывод ясен: последняя наша война с немцами выходит за рамки всех прежних войн России с Западом: никогда еще до этого ни одно западное государство не ставило задачу физического истребления, т.е. геноцида значительной части русского (и вообще славянского) населения и превращения остальной части в рабов. Никогда ранее культурно-историческое, цивилизационное противостояние не принимало столь брутальной «физико-демографической», «жизненно-пространственной формы».

Все это еще более усложняет социальное содержание последней мировой войны, добавляя к внутрикапиталистическому и социосистемному аспектам цивилизационный, этнокультурный. А поскольку главным и решающим фронтом в войне был Восточный, а театром действий – русский, то, по крайней мере, для СССР (России) культурно-исторический и этнический компоненты последней мировой войны практически выходят на первый план: нас хотели уничтожить, причем не столько как коммунистов, сколько как враждебный-не-Запад, как русских, как славян. Борьба народа за выживание, помноженная на мощь социальной системы, и потенциал этой системы, помноженный на ярость народа, которому чужие подписали историко-антропологический приговор – вот что обеспечило Победу. Или, точнее, было решающим фактором Победы.

Действительно, в чем же причины победы СССР и каковы основные результаты для него последней мировой войны? Что и как выиграли в этой войне США? Что и как выиграл Запад, капитализм, а что и как – исторический коммунизм? Это два взаимосвязанных больших вопроса, по которым уже написаны горы книг и статей и много еще будет написано.

Для США война стала временем экономического процветания. К концу 1942 г. ВНП увеличился со 124 до 158 млрд. долл., безработица сократилась с 9,9 до 4,7%; в 1943–1944 гг. рост ВНП продолжался, в 1945 г. Штаты производили так много товаров и услуг, как никогда в своей истории.

Вторая мировая война, считал Л.Галамбос, довела до конца все начинания «нового курса» и, более того, выполнила все то, чего не смог «новый курс». Именно во время войны в Америке окончательно сложилась система, которую Л.Галамбос называет триократией (запомним этот термин) и которая заняла место демократии. Триократия – это тройственный социально-политический союз законодателей, соответствующих групп интересов (лобби) и бюрократов. Институциализировавшись, триократия подвела черту под американской демократией, но в то же время обеспечила правительству США невиданную прежде стабильность; только на рубеже 1960–1970-х годов триократические правительства с их кейнсианством вступят в полосу кризиса. Разумеется, доминировали в новой системе, которую можно считать продуктом войны, как и прежде, выходцы с восточного побережья, восточно-побережный правящий класс.

С победой в войне США («имперская республика», как назвал их Р.Арон) стали гегемоном капсистемы и лидером Запада, который они начали американизировать в экономическом и, что не менее важно, масскультурном, т.е. психоисторическом плане. Америка победила в войне потому, что пользуясь экономической мощью (почти половина мирового валового продукта) смогла (вместе с англичанами) найти в Евразии державу, бросившую на чашу весов истории миллионы жизней и пространство, державу, образующий народ которой сражался с захватчиком за право жить и жить как русский.

В результате последней мировой войны в краткосрочной перспективе на Западе непосредственно выиграла прежде всего не система – капитализм, а конкретное государство – США, ставшее гегемоном капиталистической мир-экономики. Косвенно же, в среднесрочной перспективе от этой гегемонии выиграл капитализм как система в целом, добившаяся колоссальных результатов и фантастического благосостояния. На Востоке же ситуация оказалась более сложной. В краткосрочной перспективе победили СССР и коммунизм. В среднесрочной – коммунизм победил в региональном масштабе. В мировом же масштабе военная победа СССР и военно-политическая региональная («зонально-лагерная») победа коммунизма стали поражением последнего – в том смысле, что коммунизации мира в результате войны не произошло. Доктрина мирного сосуществования, впервые выдвинутая Маленковым в 1953 г. и подхваченная Хрущёвым в 1956 г. означала признание правящим слоем исторического коммунизма невозможности победы коммунизма в мировом масштабе военным путем. По меркам системно-исторических целей 1920–1930-х годов это означало поражение, а во «внешней политике СССР», как государства-члена межгосударственной мировой системы, участника «холодной войны», это поражение, напротив, обернулось почти 40-летием побед – диалектика капиталистической эпохи, «двухзарядного» (капсистема – антикапсистема) капитализма. Установив между собой связь – «железный занавес» (good fences make good neighbours) и «холодную войну», – СССР (коммунизм) и США (капитализм) установили на 40 лет контроль над миром, поделив его.

Разумеется, это так вышло объективно, исторически, но **обе** страны понимали выгоду ситуации (реакция США на события в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., а также различие в реакциях США на Суэцкий и Карибский кризисы сверхпоказательны). Логика мировой войны в капиталистической системе заставила коммунистический режим действовать в соответствии с геополитической логикой капиталистической системы. Но как только окончилась мировая война, СССР (с Ялты) опять начинает действовать по социосистемному принципу. Правда, в отличие от предыдущего периода и особенно с середины 1950-х годов этот принцип со стороны СССР подвергся определенной модификации. Официальный курс на мирное сосуществование заставлял СССР все больше вести себя на международной арене не столько в качестве антикапиталистической, «институциализированно-революционной» системы, сколько в качестве великой державы, т.е. государства. Горбачевская перестройка означала полный переход на «государственную» линию и, наряду с другими причинами, стала фактором краха, исторического поражения СССР под руководством бездарных провинциальных партаппаратчиков.

Но вернемся к нашей победе 1945 г.

Что касается ее причин, то этот вопрос запутан и фальсифицирован. До 1953 г. победу в войне приписывали сталинскому гению и гению руководимой им партии. После смерти Сталина центр тяжести стал смещаться в сторону партии, к которой холуи очередного вождя пытались примазать своего патрона. В результате мы получали то «хрущевскую», то «брежневскую» истории войны.

В перестроечное время заговорили о том, что победили не партия и система, а народ, причем победили не благодаря Сталину, а вопреки ему, поскольку защищали не Сталина и его систему, а Родину. Такой вывод на самом деле является всего лишь

оборотной стороной, изнанкой официального советского подхода и до боли напоминает традиционные пропагандистские оценки большевиков: поражение потерпел не народ, а царизм (в русско-японской войне 1904–1905 гг.). Врете, ребята, поражение потерпела самодержавная система и народ как ее элемент. А вот в русско-японской войне 1945 г. (почти блицкриге) победил советский народ как элемент советской (на тот момент – сталинской, никуда не денешься) системы.

Плохо даже не только то, что подход, разделяющий социальную систему и народ, фальшив. Он ничего не прибавляет к нашему пониманию причин Победы, искажает их по-новому, в соответствии с новой политической конъюнктурой. Плохо то, что он ненаучен, строится на основе элементарного нарушения логики. Как дифференцировать народ и (сталинскую) систему? Какими средствами? Народ, что, жил в другой системе? Народ был частью этой системы и, защищая ее, защищал себя. Она была организационным средством – и очень мощным, как оказалось – его самозащиты.

Нисколько не умаляя героизма русского воина и самоотверженности тех, кто работал на Победу в тылу (как нашем, так и вражеском), приходится констатировать: созданная в СССР в 1930-е годы система (сталинская) оказалась в целом, по совокупности намного мощнее и гибче нацистской по своим мобилизационным возможностям, как в прямом, так и в переносном смысле.

Под мобилизацией в переносном смысле я имею в виду следующее. Военная катастрофа социально была первым историческим структурным кризисом реального социализма, кризисом его ранней – сталинской – структуры, кризисом «довоенного сталинизма». *«Вдруг обнаружилось,* – писал А.А.Зиновьев, – *что вся система организации больших масс людей, казавшаяся строгой и послушной, является на самом деле фиктивной и не поддающейся управлению»*. Однако несмотря на это, на многомиллионные потери, режим собрался, создал по сути новую армию, материально обеспечил ее, почти весь 1942 г. учился на поражениях, ну а в 1943 г. врезал супостату. С целью «врезать» режим довольно легко, просто, и я бы даже сказал органично – поставил на службу себе патриотизм, русские и имперские традиции и даже православие. Это свидетельствует о гибкости режима, о способности работать на победу в широком диапазоне социальных и культурных возможностей.

Если говорить о мобилизации в прямом смысле слова, то это мобилизация усилий всего народа на фронте и в тылу. Да, режим был сверхжесток (а что еще ждать от народного режима по отношению к народу?), и мы всегда будем помнить и бездарные поражения первых месяцев войны, и огромные потери (абсолютные и относительные), и то, что солдата не жалели (Эйзенхауэр в мемуарах не может сдержать удивление по поводу следующего объяснения Жукова: когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, будто этого минного поля нет), и то, что в массовом порядке бросали людей на смерть (ведь победа нам была нужна *«одна на всех, мы за ценой не постоим»* – это не сталинская система пропела, а Окуджава, выражая принцип системы), и то что ГУЛАГ во время войны работал не переставая, и многое другое.

И тем не менее народ, организованный системой, воевал за нее как за свою – жестокую, но свою.

Народ назвал маршала Жукова великим полководцем и героем войны. Народ в лице В.Астафьева назвал Жукова, если не ошибаюсь, *«браконьером русского народа»*.

Обе точки зрения справедливы (я бы только уточнил: *«великим полководцем системы, позволявшей не считать людские потери и не мерить ими победы и поражения»* системы, которая *«не постоит за ценой»*), и в этом смысле памятник Жукову в центре Москвы оправдан. Но если быть последовательными, то с **системной** точки зрения, вполне оправдан был бы и памятник Берия – организатору тыла, а после войны – атомной бомбы. Я уже не говорю о Сталине, элементом системы которого был Жуков.

Таким образом, в схватке двух массовых обществ – советского и немецкого – при прочих равных условиях побеждало то, которое могло эффективнее мобилизовать ресурсы, массы и их энтузиазм – воинский и трудовой. Сталинский режим в этом плане оказался сильнее. Умение «затянуть потуже пояса» позволяло высвободить дополнительные, хотя и очень средние возможности аграрно-индустриального общества, которому, как точно заметил Ю.Журавлёв, противостояла армия индустриального пролетариата Германии. Высвободить и суммировать, в результате чего – сумма средних показателей давала огромные преимущества в борьбе с лучше обученным противником. В этом плане хороший символ механизма нашей победы – танк «Т–34», как заметил журналист О.Горелов, по отдельным параметрам уступал немецким (обзорность, эргономика, орудие, скорость). Однако сумма средних показателей делала машину универсальной, неприхотливой и простой. И, добавлю я, адекватной природе и нашему «человеческому материалу».

Последнее тоже очень важно. И это кстати неплохо понимали некоторые немцы. Шпеер вспоминает, как в самом начале войны в СССР его хороший знакомый доктор Тодт, вернувшись из ознакомительной поездки на восточный фронт, где наблюдал *«застрявшие санитарные поезда, в которых до смерти замерзали раненые,.. страдания гарнизонов в отрезанных холодом и снегом деревнях и городках, равно как отчаяние и недовольство немецких солдат. В самом мрачном настроении он заверил, что мы не только физически не готовы к подобным тяготам, но и духовно можем погибнуть в России. Это борьба,* – продолжил он, – *в которой одержат верх примитивные люди, способные выдержать все, даже неблагоприятные погодные условия. А мы слишком чувствительны и неизбежно потерпим поражение и в конечном счете победителями окажутся русские и японцы»*.

С японцами доктор Тодт ошибся, и это свидетельствует о том, что дело не в примитивизме, не в возможностях физической мобилизации и способности терпеть непогоду, а прежде всего в возможностях социальной мобилизации, способной выжать из людей физический и духовный максимум. А это уже обусловлено социальной системой, ее природой.

Для жителей гитлеровской Германии было невозможно низвести потребности, потребление и бытовой комфорт до того уровня, на который оказались способны советские люди (и не надо говорить о рабстве, страхе и т.п. – рабы и на страхе войны не выигрывают. Речь идет о самоотверженности, которая носит не только человеческий, но и социосистемный характер. Применительно к победителям-русским в Великую отечественную надо говорить не о рабах, а о свободных скифах,

измотавших и разбивших Дария.). Я уже не говорю про питание, электричество и теплую воду; лишь в немногих отраслях промышленности Германии во время войны существовала ночная смена; практически не было мобилизаций женщин для работы на заводах. Еще только один пример, который приводит Дж.Гэлбрэйт: в сентябре 1944 г. в Германии насчитывалось 1,3 млн. домашней прислуги, в мае 1939 г. – 1,6 млн., т.е. число прислуги за время войны сократилось всего лишь на 0,3 млн. (менее 20%).

Дифференцированность западного (буржуазного) общества на различные сферы (в СССР – **все** власть, поскольку КПСС выступала ядром **всех** общественных организаций, поэтому здесь и «экономика», и «социальные отношения» – все недифференцированная власть, кратократия); обособленность власти и собственности и развитость бытовых форм не позволяли очень важную вещь – сосредоточение всех сил на обществе как целостности на решении одной задачи и действие как целостности, как монолита, в решении такой задачи. Мирное время редко ставит подобные задачи, но война сама является как такая задача, требующая наведенной в одну точку сверхконцентрации. В этом плане у раннего и зрелого (т.е. до середины 1970-х годов) СССР, «исторического коммунизма» было абсолютное преимущество над Западом, над капитализмом, что и оставляло ему единственный шанс в борьбе с СССР – психоисторическая война, направленная на подрыв системы изнутри (под видом демократизации и реформ a la Запад).

Для этого Западу, естественно, было необходимо создание в наиболее важных и активных сегментах советского общества слоя социальных коллаборационистов. Но мы забежали вперед.

Все это лишний раз иллюстрирует две вещи. Первое, сталинский и гитлеровский режимы были принципиально различными типами, а не двумя вариантами одного типа – это видно из сравнения даже структур повседневности. Второе, у каждой системы есть свой предел, порог уподобления другой системе. Вызванная логикой и императивами войны на русском пространстве попытка нацистского режима уподобиться советскому привела этот режим к краху (как и попытка советской системы во второй половине 1980-х годов уподобиться – под видом «реформ» «демократизации социализма» – Западу). Оставшись комфортно-буржуазным по социальному строю, Райх, при прочих равных, не мог тягаться с антибуржуазным СССР 1940-х годов, в котором вещественная субстанция и комфорт не были массовой сверхценностью.

Я не рассматриваю вопрос, хорошо это или плохо. Речь о другом – о способности систем мобилизовать массовую поддержку *«все для фронта, вся для победы»* и о социосистемных характеристиках населения как факторе победы.

Одним из показателей эффективности и жизнеспособности советской системы, сформировавшейся в 1930-е годы, является следующий факт. В 1941 г. в первые месяцы войны был выбита огромная часть офицерского (по крайней мере, если говорить о младшем и среднем звене) корпуса. После того, как подобное произошло с русской армией в 1915–1916 гг., армия рухнула, а вслед за ней и вместе с ней – (царская) Россия, самодержавный строй. Иными словами, наступил социосистемный крах. Ничего подобного ни в 1941, ни в 1942 г. не произошло: места выбитых офицеров заняли новые, они-то и выиграли войну. Новый офицерский корпус стал возможен потому, что в 1930-е годы система подготовила значительный слой – массу – лиц с высшим и средним образованием. В социологии это называется «модальный тип личности»; дореволюционная Россия проблему создания «модального типа личности» не решила, проиграла войну и вылетела из Истории – vae victis.

Победа советского народа в социосистемном смысле была победой сталинской системы, способной к гибкой модификации – по принципу дзюдо: согнуться, чтобы не сломаться, а затем распрямиться и провести захват, бросок и болевой – до смерти – прием. Трагичность этого обстоятельства очень хорошо показана В.Гроссманом в «Жизни и судьбе». Другое дело, что по иронии Истории, именно победители в войне, спасители (в краткосрочной перспективе) сталинского режима стали если не его могильщиками, то той силой, которая этот режим (в среднесрочной перспективе) ослабила, если не подорвала, и стала массовой базой перехода к иной, чем сталинская, исторической форме коммунистического порядка. У поколения победителей в Отечественной войне – единственного советского поколения победителей – на всю жизнь сохранилось чувство победительности и социальной правоты, в том числе и по отношению к режиму, а, следовательно, – ощущение собственной силы. Это чувство существенно отличало их от «шестидесятников» и околошестидесятников, но это уже другая тема. В любом случае война, помимо прочего, выковала специфический тип советского человека – антисталинского, но не антисоветского и не антикоммунистического.

Победа в войне, безусловно, упрочила режим (или систему), по крайней мере, в трех отношениях. Во-первых, она превратила СССР в подлинно мировую державу, а затем и глобальную, – одну из двух, и это не могло не укрепить систему. Во-вторых, победа придала коммунистической системе легитимность национального, русского, российско-имперского типа; помимо интернациональной идейно-политической составляющей активно заработала национальная; теперь режим мог «бить с обеих ног». В-третьих, системообразующий элемент советского общества – его господствующие группы, номенклатура – в результате и ходе войны получили не только новую, дополнительную легитимность, но и, так сказать, «пространство для вдоха»: во время войны (плюс два предвоенных года т.е. целых шесть лет) «партийный» и «государственный» аппараты не были объектом широкомасштабных репрессий, террор перестал быть средством административной вертикальной мобильности. Это позволило номенклатуре, различным аппаратным комплексам отстояться, откристаллизоваться, переплестись и упрочиться, стать структурой не только в себе, но и для себя; стать самодостаточным социальным агентом, не нуждающимся более в «харизматическом лидере».

Все эти три «укрепления» системы в то же время ослабляли ее сталинскую структуру, конкретный режим, объективно требуя его замены новым и выпуска социального пара.

После 1945 г. Сталин столкнулся почти с монолитом и по сути не смог провести сколько-нибудь серьезной широкомасштабной чистки партаппарата. Исключение – «ленинградское дело», в котором не Сталин использовал кого-то, а его использовали. Борьба в верхушке в начале 1950-х годов окончилась смертью Сталина. Мощная сплоченная аппаратная номенклатура, ощущающая свою силу, единство интересов и корпоративную солидарность – это тоже результат Победы.

Еще один результат войны заключался в том, что после нее уже невозможна была война гражданская, которая в вялотекущей («мягкой», «холодной») форме продолжалась после того, как в 1921 г. окончилась «горячая» Гражданская война. В «холодной

гражданке» выходила накапливавшаяся в течение многих десятилетий несколькими поколениями социальная ненависть, которую высвободил из «Кладезя Бездны» слом старой системы.

Новая система, находившаяся в процессе становления, использовала эту ненависть в городе и деревне, в коммуналке и на заводе. Более того, массовые процессы «холодной гражданской войны», битвы за место под солнцем (должностишка, комнатенка, а то и квартирка с освободившейся от старых хозяев мебелишкой и т.п.) в новой системе в значительной степени влияли и на ситуацию вверху, создавая смертельный водоворот прямых и обратных связей. После Отечественной вялотекущая «холодная гражданская война» могла проявляться лишь в борьбе против космополитов и уже совсем фарсово – в преследовании стиляг. В целом Великая Отечественная подвела черту под «холодной гражданкой», растворила ее в себе, смыла собой, объединила ее участников в некую целостность, дала им возможность остро почувствовать общность, направляя ненависть против внешнего врага. В Великой Отечественной сталинская структура советской системы начала бить преимущественно внешнего врага, ее репрессивный потенциал обрушился на Райх, и это безусловно способствовало ее укреплению – в краткосрочной перспективе – и победе. В этом (но не только в этом) смысле победа в войне – последний подвиг сталинской структуры, исчерпавший ее возможности и ставший началом ее конца. В среднесрочной перспективе такое укрепление работало против сталинского режима как ранней фазы исторического коммунизма, обусловливало необходимость его изменения. На пути последнего было несколько вариантов, которые можно было свести в два альтернативных направления:

1) резкое ослабление роли партаппарата, партноменклатуры, как полупаразитического дублера исполнительной власти, превращение ЦК КПСС в одно из ведомств («идеология», пропаганда); есть много косвенных свидетельств тому, что реализацию именно такого варианта готовил Сталин в самые последние годы и месяцы своей жизни (это решало как социосистемные, так и его личные задачи сохранения у власти);

2) резкое усиление роли партаппарата, трансформация его в «коллективного Сталина» без Сталина (с соответствующим «развенчанием» вождя, списанием на него, на его «культ» всех грехов и пороков системы), селективной реабилитацией, которая, помимо прочего, прятала концы в войну и представляла вчерашних палачей борцами с «культом»; выталкивания на третий (по возможности) план органов безопасности, армии, исполнительной власти, превращение партноменклатуры в господствующий квазикласс с соответствующим закреплением экономических и социальных гарантий.

Именно этот вариант победил после смерти Сталина и благодаря ей.

При обоих вариантах в советском обществе должен был появиться господствующий квазикласс, однако, таковой в качестве партноменклатуры означал, во-первых, торжество «людей слова», «руководителей всем» над «людьми дела», конкретными специалистами и закладывал тем самым механизм неизбежной деловой деградации системы. Во-вторых, он означал наличие двойной массы верхушки (дублирование отделами ЦК соответствующих министерств и ведомств) – тем самым «сверху» на систему, на и так небогатую ресурсами страну, ложилась двойная нагрузка; о двойном чиновном бардаке, волоките и замедленных темпах принятия решений и работы я уже и не говорю.

Наконец, еще один результат войны и победы: они раскрепостили советского человека; война потребовала инициативности и самостоятельности, и система должна была терпеть, использовать и поощрять их, присваивая их, делая своими. Победившие в войне почувствовали себя победителями и «по жизни». Объективно это означало социальное и психологическое наступление на сталинский режим, первой реакцией которого стала репрессивная защита. Режим защищался от тех, кто своим практическим антисталинизмом и самостоянием сделали возможным десталинизацию, так называемую «оттепель» (хотя, конечно же, настоящей «оттепелью» был «застой», ибо единственное тепло, которое мог выделять коммунизм как система, – это тепло гниения) и «шестидесятничество».

Сделали возможным – и были забыты. Нередко сознательно, но чаще – по ходу вещей, так как не успели, да и не могли по суровости окружающей жизни и по серьезности своей жизненной сути заниматься саморекламой в духе «шестидесятничества». Но именно победители в войне заложили между 1945 и 1955 гг. фундамент десталинизации, став гарантией ее необратимости. Именно они были первым советским, т.е. выросшим на основе советских, а не дореволюционных или революционных форм жизни и отрицания коммунистического порядка, сопротивлением – сопротивлением не крикливым, не апеллирующим к Западу (победителям это ни к чему), а неспешным, уверенным в своей социальной правоте по отношению к сталинскому режиму и внутри него одновременно, а потому действительно опасным, страшным для режима – уже не только для сталинского, но и для последующих. По сути это было первое **советское** сопротивление сталинскому режиму, его историческими опорами были Война и Победа – главное дело жизни целого поколения, о мироощущении которого Б.Слуцкий писал:

Война? Она запомнилась по дням

Все прочее? Оно по пятилеткам.

Замалчивание «бесшумного сопротивления» 1945–1955 гг., в котором невозможно было прогреметь героем и попасть на страницы западных газет и журналов, – все происходило обыденно и тихо – и последующее выдвижение на первый план «шестидесятничества» и диссидентства как главных форм «борьбы против системы» – явление неслучайное, но это отдельный разговор.

Раскрепощение населения совпало с оформлением партноменклатуры в слой для себя. В результате в 1950-е годы сталинская форма комстроя уходит в прошлое и ее место (после окончания переходного периода) занимает иная структура советской системы – брежневская. Это – тоже долгосрочный результат последней мировой войны, окончившейся в 1945 г. Кстати, до середины 1980-х годов верхние этажи власти занимали люди так или иначе прошедшие войну, военное поколение.

Saeculum vicesimum: In memoriam (Памяти XX века) Часть 3

VII. «Славное тридцатилетие», 1945–1975 гг.

Прежде чем говорить о «славном тридцатилетии», необходимо сделать два замечания по поводу того, как будет представлен ниже весь послевоенный период (1945–1991).

Во-первых, поскольку в дальнейшем планируются специальные части (тома) по капитализму и «историческому коммунизму» в XX в., по «холодной войне» и развитию мировой экономики во второй половине XX в., политическая и экономическая история в двух разделах, посвященных послевоенному периоду, дана схематично, по сути, лишь намечена в самом общем плане. Подробно и в системе все это будет разобрано в других частях книги. Именно в них появится начало «холодной войны», берлинский, суэцкий, венгерский, карибский кризисы, детант и многое другое.

Во-вторых, в «послевоенной части» значительно меньше места, чем в ранних «хронологических» главах «Панорамы XX века», уделено литературе, живописи, музыке. И значительно больше – кино. Это естественно. Пространство литературы, живописи, музыки во второй половине XX в. сжимается; каждое последующее десятилетие второй половины календарного XX в. давало все меньше значительных произведений – и это очень четко зафиксировано и в общих хронологиях, и в специальных монографиях по музыке, живописи, литературе. Место последней к концу XX в. заняло кино (хотя и в его развитии на рубеже 1980–1990-х годов произошли серьезные изменения, из-за которых кино из искусства стало превращаться в зрелище), а режиссер стал постепенно занимать место писателя. Все это необходимо было отразить и на материале двух последних глав этой части книги.

Итак, 1945–1975 гг. Это – акмэ, сердцевина, хроноядро XX в. и, самое главное, его «золотой век», уместившийся в тридцатилетие, которое французы называют «славным» – «les trentes glorieuses». И есть почему. «Славное тридцатилетие» совпало с «повышательной волной» (А–фазой) кондратьевского цикла, бурным экономическим ростом почти всех зон мировой экономики. У.Ростоу в своей знаменитой «Мировой экономике» (1978) назвал экономический рост 1950–1960-х годов беспрецедентным в со-временной экономической истории (т.е. с 1780-х годов). И это настолько заворожило живших тогда людей, что циклический, т.е. пусть среднесрочный, но все же временный подъем большинство из них восприняли как постоянную тенденцию, спроецировав ее в будущее.

Этот факт, усиленный послевоенными расслаблением и эйфорией, породил множество мечтаний, оптимистических прогнозов и надежд – надежд на то, что мир станет более справедливым и эгалитарным, менее бедным и жестоким, что разрыв между бедными и богатыми сократится. И такие надежды, казалось, подтверждались экономическими успехами. Причем не только «первого мира» во главе с США, который пережил немецкое, итальянское и японское «чудеса», но также «второго мира» (при всех проблемах и трудностях – первая в мире атомная электростанция в Обнинске, атомный ледокол «Ленин», спутник, Гагарин и многое другое) и даже «третьего».

На Западе – прежде всего в Западной Европе и, в несколько меньшей степени, в США, экономический подъем и улучшение жизни огромного числа людей были связаны с welfare state. У нас этот термин обычно переводят как «государство всеобщего благосостояния», хотя точнее было бы так, как предложил А.С.Донде: «государство всеобщего социального обеспечения»; короче, государство всеобщего собеса (ниже welfare state либо так и будет переводиться, либо будет даваться без перевода английский термин).

Welfare state обеспечивало социально-экономическое развитие главным образом по двум направлениям. Первое – экономическое планирование. Сразу же после окончания Второй мировой войны западноевропейцы (и не кто-нибудь, а англичане – как ученые, так и политики) заговорили о необходимости планирования, ограничения рынка и частного предпринимательства, что и было сделано. Экономические и особенно военно-технические успехи СССР конца 1950-х годов, которые открыто и с большими опасениями признавали Дж.Кеннеди, Вильсон, Макмиллан и др. еще более подхлестнули и «планификацию» и второе направление деятельности welfare state – всеобщий собес.

Речь идет о политике перераспределения национального дохода путем налогообложения середины и низа общества, в результате чего произошло увеличение, а в каких-то случаях разбухание среднего класса. В результате такого «общественного выбора» доля, изымавшаяся из национального дохода и подлежавшая перераспределению, увеличилась в странах западного ядра капсистемы в течение «славного тридцатилетия» в пять раз и в начале 1970-х годов приблизилась к 50%. По сути это социализм или, как минимум, торжество социалистической политики на Западе. Если учесть рост населения, ограниченный характер ресурсов и наличие СССР, то сохранение указанной тенденции означало уже в недалекой перспективе ухудшение положения господствующих групп ядра капсистемы (Запада), создание институтов, подрывающих их позиции и, возможно, резкое усиление социалистических элит и даже смену правящего класса. Вот почему уже с конца 1960-х годов заработал «Римский клуб», с начала 1970-х – «Трехсторонняя комиссия» и «Фонд Наследия», а в 1980-е началась неолиберальная революция элит (или контрреволюция) по отношению ко всему, чего достигли трудящиеся и средние классы и представляющие их политические силы не только в 1945–1975 гг., но также начиная с 1789 и особенно с 1848 г.; репетицией этой контрреволюции оказался организованный с американской помощью пиночетовский переворот в Чили в сентябре 1973 г. Его значение, как и значение эксперимента Альенде, стремившегося использовать в строительстве социализма начинавшуюся НТР, до сих пор не оценено по достоинству. Впрочем, как и другое веховое событие в истории XX в. – гражданская война в Испании 1936–1939 гг.) Но о неолиберализме позже, сейчас вернемся к государству всеобщего собеса и результатам его деятельности.

Главный социальный результат – формирование значительного слоя, который я называю «социалистической буржуазией». Речь идет о слое, который не будучи субстанционально буржуазией, по характеру собственности, по источнику дохода

(качество), функционально является ею по размеру (количество) дохода за счет налогового перераспределения. А потому благодаря этим социалистическим мероприятиям может вести скромно-буржуазно-обаятельный образ жизни, т.е. функционировать как буржуазия (не будучи ею) благодаря социализму как политике правительств и как мировой системе, которая в значительной степени (уже самим фактом своего существования) заставляет хозяев ядра капсистемы откупаться от значительной части населения, «впуская» в буржуазию – *«там, где чисто и светло»*, расширяя средний класс за пределы, допускаемые капиталом как собственностью. Я уже не говорю о низах, которые посадили на пособия. (Разумеется, все это компенсировалось усилением эксплуатации ядром как совокупным ее капиталистом – периферии, что, однако тоже наталкивалось на сопротивление, и у этого сопротивления был могучий спонсор – все тот же СССР.)

Оформление в странах Запада «социалистического комплекса», развитие практики планирования, с одной стороны, и отход СССР от ранней, сталинской модели «исторического коммунизма» – с другой, создали впечатление сближения, взаимоуподобления капитализма и коммунизма как всего лишь двух вариантов индустриального общества. Это впечатление, в основе которого лежали номенклатурная либерализация СССР и развитие социалистической практики на Западе, стало основой теории конвергенции социальных систем, – теории сколь идеологически окрашенной и нагруженной, столь поверхностной и ложной, демонстрирующей со всей очевидностью, что ее авторы и агенты не понимали социальной природы ни капитализма, ни коммунизма и не отдавали себе отчет в наличии жесткого предела взаимоуподобления качественно различных социальных систем, по достижении которого начинается разрушение их обеих или одной из них. Хозяева ядра капсистемы очень хорошо осознали опасность этого факта на рубеже 1960–1970-х годов и приостановили, а затем развернули взаимоуподобительный процесс вспять. Советская верхушка во второй половине 1980-х годов, напротив, решила спасаться по пути уподобления Западу, прошла точку (не)возврата, и система, и так находившаяся в кризисе, рухнула с шумом и окончательно. Как говорилось в «Коньке-Горбунке» о незадачливом царе (чем не Горбачёв?), *«бух в котел – и там сварился»*. Кондратьевская Б–фаза («понижательная волна» цикла) оказалась смертельной для СССР и его незадачливого, болтливого руководства.

Но мы забежали вперед.

Кондратьевская А–фаза в мировой экономике была периодом послевоенного восстановления, которое в целом завершилось к концу 1960-х годов. Восстановление это развивалось в рамках противостояния: в системном плане – капитализма и коммунизма; в геополитическом – СССР и США (Запада в целом); в военно-стратегическом – ОВД и НАТО. Война подвела черту под 75-летней эпохой соперничества в мировой капсистеме в борьбе за трон ее гегемона, начавшейся франко-прусской войной 1870–1871 гг. и подъемом Германии, и вывела США в положение сверхдержавы № 1 и гегемона **капиталистической** системы, устранив угрозы со стороны Германии (руками русских и англичан) и Японии (руками русских, своими собственными и англичан), а также подорвав Британскую империю (руками немцев, японцев и русских). При этом, однако, новый – второй – англосаксонский гегемон не стал гегемоном **мировой** системы, в которой, помимо капиталистического сегмента, был еще и антикапиталистический, коммунистический. Это делало мир биполярным, исключало единоличную мировую гегемонию и превращало США и СССР в «полюса» ялтинского мира. В этом смысле война поставила крест не только на американских планах полного мирового господства, но и на советском, сталинско-коминтерновском проекте создания глобальной коммунистической системы, «земшарной» антикапиталистической республики «мира и труда».

Биполярность означала противостояние не просто двух держав, а двух систем, обладавших ядерным оружием. Следовательно, во-первых, оно было обречено стать глобальным, планетарным; во-вторых, будучи военно-политическим, оно не должно было становиться «горячим» из-за угрозы взаимного уничтожения; в результате глобальное противостояние систем превратилось в «холодную» глобальную войну, которая окрасила в свои тона и определила не только «славное тридцатилетие», но и всю вторую половину XX в., а потому об этой войне, началом которой традиционно считается фултонская речь Черчилля (март 1946 г.), мы поговорим позже и отдельно.

На политической карте мира в «славное тридцатилетие» появлялись одно за другим новые государства, большие и малые, многим из которых суждено было сыграть значительную роль в XX в. Это ДРВ и Индонезия (1945), Индия и Пакистан (1947), Израиль (1948), КНР и ФРГ (1949), Куба (1959). В 1960 г. на карте Африки появилось сразу 17 новых государств. В афроазиатском мире рушились колониальные империи, одни относительно спокойно (Британская), другие – с треском и позором (Французская – Вьетнам, Алжир). Новый гегемон капсистемы спокойно взирал на разрушение этих империй, в том числе, Британской, деловито подбирая, что *«с воза упало»*. Считая своим главным долгосрочным противником СССР, многие в США (включая Аллена Даллеса) полагали, что главная краткосрочная задача – устранение Британской империи. Отсюда поведение США во многих ситуациях, например, во время Суэцкого кризиса (1956). Вообще порой создается впечатление, что США в игре против Британской империи с удовольствием использовали СССР в функции ледокола. Впрочем, они заигрались, и когда поняли это и поспешили в 1957 г. «доктриной Эйзенхауэра» поставить предел распространению советского влияния в арабском мире, было поздно – в конце 1950-х – 1970-е годы СССР занял прочные позиции в регионе, грозно нависая над жизненно важными для США нефтеносными районами.

В середине 1970-х рухнула последняя – уже дряхлая – колониальная империя, Португальская. После португальской «революции гвоздик» в апреле 1974 г. освободились ее колонии в Африке, прежде всего такие крупные как Ангола и Мозамбик.

«Славное тридцатилетие» было перенасыщено событиями как в мировой политике и экономике, так и во внутренней жизни крупнейших государств мира. «Славное тридцатилетие» – это три «экономических чуда» капсистемы: итальянское, немецкое и японское. Еще во многом деревенская (это видно по киносюжетам) Италия начала 1950-х к середине 1960-х годов становится промышленно развитой. В начале 1960-х Япония станет кредитором США; на рубеже 1960–1970-х годов ФРГ и Япония (с ее 11% роста в 1969 г.) уже бросят экономический вызов США. Если во второй половине 1940-х, в 1950-е и (пусть с некоторым скрипом) в начале 1960-х годов США в экономическом плане успешно двигались вперед, с середины 1960-х ситуация начинает меняться. К этому времени положение американской валюты ухудшилось, впереди замаячила угроза обвала фондового рынка. В начале 1970-х годов США переживают жестокий финансовый кризис, который стал эпилогом Бреттонвудской системы и прологом финансово-экономических кризисов 1970–1980-х годов.

15 августа 1971 г. (впервые с 1894 г.) США фиксируют торговый дефицит, президент Никсон объявляет об отказе Америки от Бреттонвудских соглашений и о прекращении обмена доллара на золото. На следующий день закрываются все европейские рынки валюты. В 1973 г. США – владельцы почти 70% мировых запасов золота, девальвируют доллар еще на 10%, нанося таким образом удар по золотовалютным резервам центробанков тех стран мира, которые держали валюту преимущественно в долларах.

В это же время рост политической напряженности на Ближнем Востоке вызвал очередную арабо-израильскую войну, в результате которой через десять дней после начала наступления египтян израильская армия форсировала Суэцкий канал и вступила на египетскую территорию. Эти события вкупе с мировой экономической ситуацией привели к тому, что 17 октября 1973 г. арабские государства-производители нефти предъявляли Западу (прежде всего США) ультиматум: пока ближневосточный кризис не будет урегулирован, добыча нефти ежемесячно будет сокращаться на 5%. Начался нефтяной кризис, а вместе с ним – «понижательная волна» кондратьевского цикла (Б–фаза), мировая рецессия, во многом (но не во всем) аналогичная рецессии 1873–1898 гг.

«Входом» в рецессию стал кризис 1974–1975 гг. В аналитической записке для ЦК КПСС В.В.Крылов уже тогда, в ходе разворачивающегося кризиса, отмечал его особенность по сравнению с предыдущими.

«До тех пор, пока в рамках индустриальных производительных сил, – писал он, – *основную роль играл постоянный капитал, десятилетние циклы его обновления обеспечивали соответствующую десятилетнюю периодичность кризисов перепроизводства с последующей фазой оживления экономической активности. После войны и вплоть до кризиса 1974–1975 гг. эта десятилетняя цикличность действовала в ослабленном виде. Трудности, переживаемые капитализмом в 1947–1948 гг., в 1955 г. и в 1968 г. вернее было бы назвать не кризисами в их классическом виде, но скорее "заминками", "сбоями" на фоне в общем и целом "бескризисного" развития экономики развитых капиталистических стран.*

С развитием НТР и главной роли обновления уже не основного капитала, но научно-технических факторов (главным носителем которых являются сами живые мыслящие люди) прежняя "подекадная" цикличность капиталистического производства нарушилась. Наступала новая периодичность спада капиталистической экономики, соответствующая законченному воспроизводственному циклу на этот раз уже научно-технических факторов и совпадающая поэтому в общем и целом со сменой одного поколения людей (20–25 лет). Техноструктурная модернизация и обновление капиталистической экономики стали протекать быстрее, нежели подготовка соответствующих этим новым отраслевым структурам профессиональных групп населения (ученых, научных сотрудников, инженерно-технического персонала, рабочих широкого профессионального диапазона и т.п.). Вот почему на Западе при невиданной со времен великого кризиса 30-х годов безработице одновременно испытывают острый недостаток в работниках такой профессиональной подготовки, которая соответствовала бы новым техно-отраслевым структурам экономики.

Кризис 1974–1975 гг. был "кризисом особого рода" именно потому, что впервые в истории капитализма в противоречия с его системой производственных отношений пришли не адекватные их природе индустриальные производительные силы, но производительные силы нового типа, полное развитие которых не осуществимо в границах самого капитализма».

То, что понял Крылов, поняли и серьезные люди на Западе. Поняли, пришли к важным выводам и, сделав их «руководством к действию», добились в конечном счете победы над оказавшимся в состоянии системного кризиса советским коммунизмом – эту драму я планирую рассмотреть в V части книги (в пятой монографии цикла).

От нефтяного кризиса 1973 г. выиграли производители нефти, западные банки (в результате мировой кредитный рынок оказался зависимым от цен на мировом нефтяном рынке, а сама нефть стала мощнейшим фактором мировой политики) и СССР (по крайней мере, в краткосрочной перспективе).

В 1966 г. нефтяные месторождения были открыты не только в Иране и Саудовской Аравии, но и в СССР – на севере Тюменской области (Уренгой). В кризисной ситуации СССР резко увеличивает производство нефти и начинает активно продавать ее и газ. С 1970 по 1985 гг. доля нефти и газа в советском экспорте выросла с 15 до 53%. Однако краткосрочный выигрыш обернулся слабостью (зависимостью от мировых цен на нефть, что для державы, участвующей в гонке вооружений, непозволительно, – у СССР появилось дополнительное «окно уязвимости»), внутренними структурными изменениями не лучшего образца (усиление сырьевых ведомств, а также структур и групп, выражающих их интересы и противостоящих ВПК и наиболее передовым экономическим отраслям) и проигрышем (тот десяток лет, который объективно мог быть использован на реальные реформы, модификацию строя, верхушка проедала нефтедоллары, т.е. настоящее и будущее страны, жирела, тупела, становилась все более трусливой).

Уже в начале 1970-х годов американцы поняли, что в одиночку не смогут выбраться из той трудной ситуации, в которую попали, и в июне 1973 г., по инициативе Д.Рокфеллера и идее З.Бжезинского, создается новая международная организация – «Трехсторонняя комиссия» (Trilateral comission). Комиссия должна была объединить элиты трех центров капсистемы – США, Японии и Западной Европы – в решении острых экономических и политических задач национального и мирового уровня, справиться с которыми на национальном уровне было крайне затруднительно (проблемы США) или не представлялось возможным (острые проблемы мировой экономики, противостояние СССР). Из множества проблем, стоявших перед «трилатералами», наиболее безотлагательной была ситуация в США, которые переживали не только острый экономический, но не менее острые социальный, политический и культурный кризисы. В самом начале своего президентства Р.Никсон будет вынужден констатировать, что в преддверии 200-летия с момента образования США оказались в ситуации наиболее крупного раскола со времен Гражданской войны 1861–1865 гг. У этого раскола было несколько измерений и составляющих.

Кризис американского правящего слоя, истеблишмента постепенно нарастал в 1960-е годы. Его корни – как в развитии институтов, так и в обстоятельствах прихода к власти президента Кеннеди. Затем – убийство Джона Кеннеди (1963), Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди (1968).

1968 г. – самый турбулентный в мире год со времен окончания Второй мировой войны – вообще стал серьезнейшим испытанием для американской верхушки. Шла вьетнамская война, в которую американцы влезли, организовав в 1964 г. провокацию в Тонкинском заливе. Уже к концу 1968 г. США потеряли во Вьетнаме 30,5 тыс. убитыми; в год Штаты тратили на войну 30 млн. долл., а их контингент во Вьетнаме в конце 1968 г. составил 550 тыс. военнослужащих. Не помогло – именно 1968 г. стал переломным в войне. Произошло это следующим образом. Как правило, вьетнамцы прекращали боевые действия на время празднования Нового года, и наступало затишье. Американцы полагали, что и в 1968 г. все будет как прежде, и по обыкновению расслабились. Однако вьетнамские коммунисты решили огорчить противника до невозможности, и в январе 1968 г. во время праздника Нового года «Тет» по всей территории Южного Вьетнама началось наступление сил Национального фронта освобождения Вьетнама (НФОЮВ).

Коммунисты нанесли удары по крупнейшим городам и базам. Более того, столица – Сайгон – по сути оказалась в осаде, в самом городе вьетконговцы напали на американское посольство, дворец президента и здание Генерального штаба. Через 15 минут после начала атаки информагентство Ассошиэйтед Пресс сообщило о случившемся всему миру. И хотя вьетконговских диверсантов либо уничтожили, либо выбили из Сайгона, а затем началось трехмесячное контрнаступление американцев, «Тет» стал поворотным пунктом во Вьетнамской войне. Не став военной победой вьетнамских коммунистов, это наступление стало их политической победой, лишило президента Джонсона шансов на второй срок, а Америку привело в 1975 г. к поражению.

Огромную роль в этом сыграли американские средства массовой информации, прежде всего телевидение. В 1967 г., благодаря электронной революции в средствах связи (спутники), война во Вьетнаме пришла на телеэкраны в каждый американский дом. Американцы увидели наступление «Тет» у себя дома, и это был серьезный удар по американскому послевоенному истеблишменту. Так, электронная революция в области связи как элемент начинающейся НТР стала противником и в известном смысле могильщиком послевоенного «восточнопобережного» истеблишмента США – стала наряду с Вьетнамом, стоявшим за ним СССР и маячившей вдали КНР. Правда, в 1970-е годы американцы сделают нужные выводы из поражения во Вьетнаме, произойдет болезненная ломка, и в 1980-е оформится новый истеблишмент (в немалой степени этому поспособствуют процессы в СССР, прежде всего, в его верхушке, которая станет жертвой собственной системной импотенции и начинающейся глобализации). Однако это произойдет лишь в 1980-е годы, а 1970-е для американского истеблишмента начнутся импичментом Никсона и серым президентством Форда.

Еще более серьезные и острые процессы шли в самом американском обществе. Ширилось и усиливалось движение черных американцев. Процесс этот начался давно, шел по нарастающей и правящий класс Америки – WASP (white, anglosaxon, protestant) вынужден был идти на уступки. Это очень хорошо видно по кино. Если в первой трети века негр в фильме был как правило злодеем, то в 1930-е годы он уже мог быть другом главного (белого) героя, правда, недалеким и хвастливым, но все же. Ситуацию изменила война, и на экране появились положительные черные герои. В 1945 г. начинает выходить ежемесячный журнал для чернокожих американцев – «Ebong». В 1949 г. на экранах появляется телесериал с актерами-неграми. В 1950-е годы, как пишет Дж.Винер, рок сломал часть расовых барьеров в американском обществе, а в 1960-е годы доломал большую часть остатков, и черные исполнители завоевали белую аудиторию, которая сходила с ума от Джимми Хендрикса.

История борьбы черных американцев (или как теперь в соответствии с политкорректностью принято говорить «афроамериканцев») хорошо описана, и я не буду здесь тратить на это время и место. Напомню лишь боевиков из «Черных пантер», организацию «Black power» и поднятые сжатые кулаки в черных перчатках атлетов Смита и Карлоса в знак поддержки лозунга «Black power» на церемонии награждения победителей на Олимпиаде в Мехико (1972). И хотя коалиция между «пантерами» и везерменами, столь пугавшая американский истеблишмент, провалилась, судорогу в него они пустили изрядную.

Однако самым серьезным испытаниям американское общество подверглось в конце 1960-х годов в связи с бунтом молодежи, главным образом студенческой, который кое-кто даже называет студенческой, а то и мировой революцией, указывая на связь волнений молодежи в США, Франции, Мексике и других странах, переживших плохо организованные демонстрации, вспышки насилия, кровавые столкновения студентов с полицией на баррикадах и беспорядки. При том, что серьезные студенческие волнения охватили несколько стран, я в большей степени согласен с Р.Ароном, который видит в каждом случае свои причины, чем с И.Валлерстайном, трактующим события 1968 г. как единое целое, мировую студенческую революцию. На мой взгляд, последнее заключение – c'est un peu trop.

Непосредственной социальной причиной волнений во Франции и США был протест против образовательных структур, которые остались по сути неизменными, несмотря на произошедшие за два десятилетия после окончания войны экономические и социальные изменения. Собственно, устранение этого разрыва и было непосредственной практической целью протеста студентов, в чем они, главным образом, преуспели, расколов при этом общественное мнение «за» и «против». Это нашло отражение прежде всего в кино. Так, в США в 1969 г. выходит «Беспечный ездок» Дэниса Хоппера – идеологический манифест бунтующей молодежи с дорогой в качестве де-факто главного героя и фразой спившегося адвоката (в исполнении Джека Николсона): *«Это была чертовски хорошая страна. Не понимаю, что с ней случилось»*. В 1970 г. – появляется документальный трехчасовой фильм Майкла Уодли «Вуд-сток» и «Забриски пойнт» Антониони, авторы обоих фильмов солидарны с молодежью. И хотя в 1968–1971 гг. на американских экранах трудно было представить фильм, прямо направленный против молодежного движения и его контркультуры, в образе Алекса – главного героя «Заводного апельсина» (1971) С.Кубрика по одноименному роману Энтони Берджеса можно увидеть негативное отражение студенческого бунта.

Однако значение и последствия молодежно-студенческих волнений выходят за рамки решения вполне конкретной институционально-образовательной задачи. Если говорить о Франции, в которой накал студенческого движения был наивысшим (прежде всего, потому что – прав Р.Арон – социальная дистанция между профессорами и студентами во французских университетах была намного больше и оформлена жестче, чем в англосаксонских), поэтому Франция с ее майскими событиями стала «центром» прокатившихся по миру (молодежных волнений). Здесь, во-первых, впервые после 1871 г. в Париже появились баррикады; во-вторых, впервые после революции 1848 г. на баррикады вышел не просто иной слой, класс, чем рабочие, но такой, определяющей чертой которого было не столько его социальное положение в системе (хотя и это тоже), сколько возраст. С этой точки зрения, 1968 г. в определенном смысле закрывает эпоху, начатую 1848 г. И даже

если помнить, что, например, во Франции, студенческие волнения, возникнув отчасти стихийно, затем активно использовались и были элементом международной и внутриполитической игры, целью которой, помимо прочего, было скомпрометировать и свалить создателя V республики (1958) президента де Голля и заменить его Помпиду, в истории социальной борьбы Современности (1789–1991) «май–68» во Франции и студенческие волнения в других местах занимают специфическое место. Разумеется, это не значит, что можно валить в одну кучу, как это делает И.Валлерстайн, события в Нью-Йорке, Мехико, Дакаре, Париже и Токио, с одной стороны, и в Пекине («культурная революция»), Праге («пражская весна») и Калькутте (наксалиты) – с другой.

Более того, события во Франции хорошо показывают, что, будучи наиболее ярким проявлением социальных конфликтов конца 1960-х годов, студенческие волнения были элементом некоего более широкого и масштабного процесса. Во Франции за ними последовали массовые забастовки рабочих и, по сути, оставался один шаг до попытки революционного переворота, если бы компартия Франции приняла такое решение. Точнее, если бы были на то желание и воля КПСС. Однако их не было, и улице не удалось опрокинуть власть a la 1830 или 1848 г. Опрокинули де Голля, которым были недовольны в Белом Доме и Кремле.

Думаю, не стоит не только интерпретировать молодежные волнения конца 1960-х годов как единое и целостное мировое движение (на самом деле это почти классический случай каскадно-демонстрационного события) и уж тем более видеть в нем «мировую революцию» типа 1848 г. (в известном смысле, это скорее фарс по отношению к 1848 г.), но и сверхконцентрировать внимание именно на 1968–1970 гг., рассматривая не вне контекста «длинных шестидесятых» (1958–1974).

В 1958 г., считает А.Марвик, автор замечательной книги «Шестидесятые», в жизнь стало входить поколение родившееся в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Это совпало с массовым материальным улучшением жизни, что позволило большой части населения присоединиться к обществу потребления. Необходимо учесть, что если старшее поколение исходно не имело стандартов потребления 1960-х, создавало их, боролось за них, знало, чего это стоит, и помнило иную жизнь, то молодежь получила высокие стандарты потребления 1960-х годов «на блюдечке» и воспринимала не просто как данное, а как должное. С соответствующими результатами для мироощущения, мировоззрения и восприятия старших и «их» общества, институтов и т.д. А институты эти, прежде всего в тех сферах, в которых действовала и с которыми сталкивалась наиболее активная, склонная к рефлексии молодежь, т.е. в образовании и культуре, действительно отражали реалии прошлого. В результате все неприятие, отрицание прошлого сконцентрировалось в (и на) сферах образования и культуры. Не случайно с мая 1967 по май 1969 г. в США в 211 колледжах произошло 471 волнение (6158 арестов). Разумеется, волнение волнению рознь. Были относительно спокойные выступления, но были разгуланархии в Университете Сан-Франциско, стычки в Корнелле и других престижных университетах.

Студенческое движение совпало с революцией в популярной музыке (рок-н-ролл, «Битлз», «Роллинг стоунз»; я согласен с теми, кто считает, что в известном смысле 1960-е годы – это бунт «поколения Пресли», против «поколения Синатры»), широким распространением противозачаточных средств, наркотиков и, конечно, культа молодости.

Культовыми фигурами для молодежи, символами молодости и изменений стали Фидель, Кастро, Че Гевара и Джон Кеннеди. «Шестидесятые» начались с «молодежных» побед Кастро и Че над Батистой и молодого плейбоя Джона Кеннеди, словно реализующего хефнеровскую философию «Плейбоя», сломавшего 171-летнюю монополию протестантов на президентскую власть в США и одержавшего победу над «правильным» и будто «родившимся сорокасемилетним» Никсоном. Убийство Кеннеди стало первым ударом по оптимизму и надеждам эпохи (последним – нефтяной кризис 1973 г.).

Среди идейных «руководств к действию» студентов были работы Маркузе, прежде всего, «Одномерный человек». В США к этому следует добавить «Создание контркультуры» Роззака и «Америка зеленеет» Рейха, во Франции – «Наследников» Бурдье и Пассерона, статьи Сартра и Кон-Бендита. Впрочем, как отмечают исследователи, помимо влияния Мао и Маркузе, американские новые левые, точнее их вожаки, испытали также влияние Ницше и Хайдеггера.

В целом, однако, нужно признать, что сколько-нибудь серьезных интеллектуальных работ бунтовавшие студенты и их идеологи на свет не произвели, не выдвинули из своей среды сколько-нибудь значительных теоретиков. Да это и понятно: упор делался не столько на ratio, сколько на emotio – *«будьте реалистами, требуйте невозможного», «запрещается запрещать»* и т.п.

Как во Франции, так и в США в результате студенческих выступлений произошла демократизация образования – это бесспорное достижение. Но – каждое приобретение есть потеря. Например, одним из среднесрочных последствий студенческого бунта в США специалисты (в частности, А.Блум) считают снижение уровня университетского образования и, как результат, серьезное сокращение различия между образованными и необразованными, переводу протеста в «субкультуру удовольствий», опасность которой уже в 1970 г. разглядел Дж.Леннон (альбом «Джон Леннон/Пластик Оно бэнд» и интервью «Леннон вспоминает», опубликованное в журнале «Rolling Stone»).

Поскольку в самой контркультуре было много от моды и от бизнеса, то после того, как политический вызов системе был подавлен, деполитизированная, а потому уже безопасная контркультура стала превращаться просто в моду (длинные волосы, наркотики, музыка, секс), в бизнес (торговля аудиозаписями, шоубизнес), способствуя таким образом выпуску оставшегося пара.

Впрочем, под другим углом зрения музыкально-наркотическо-сексуальный характер движения исходно позволил выпустить весь пар целого поколения, направить в относительно не опасное для системы русло потенциальный социально-политический бунт или даже революцию, ограничить последнюю определенными возрастными рамками, превратить болезнь в прививку. А ведь ситуация была серьезная – в 1960-е годы, впервые с начала кризисных 1930-х годов большое число американцев, как отмечает Ч.Кейзер, задавалась тревожным вопросом: устоит ли страна, не распадется ли?

Я далек от демографического или тем более ювенологического детерминизма. И все же не могу не согласиться с тезисом об эмпирической корреляции между процентом молодого населения в обществе и революционным потенциалом. Эта корреляция хорошо показана Дж.Голдстоуном в работе «Революция и восстание в раннесовременном мире» (1991). На примере Реформации, которую он определил как одно из наиболее выдающихся молодежных движений в истории, Голдстоун показал: как только доля молодежи (15–25 лет) приближается к 20%, то при прочих равных, начинаются социальные потрясения. Писал же еще в XIX в. Дж.Мадзини: *«Ставьте молодежь во главе восставших масс. Вы не представляете, какая громадная сила молодежь, какую могучую власть имеет голос молодежи над толпой»*. И действительно, роль молодежи особенно женской ее части в насильственно-толповых процессах XX в., например, будь то коллективизация в СССР, Китае или действия «красных кхмеров» в городах Кампучии, была велика.

В модель Голдстоуна вписываются и Великая французская революция, и важнейшие революции XX в.; именно молодежь пошла под знамена коммунистов и фашистов в 1920-е годы; именно «избыточная» молодежь «устроила» 1968 г. (Кстати, одной из основ иранской революции 1979 г. и исламского фундаментализма являются «20%-ая и более» молодежь.) Год этот мог бы быть намного более серьезным. Перефразируя Оруэлла, который заметил, что если бы не радио, футбол и пабы, то в Англии в 1930-е годы обязательно произошла бы социальная революция, можно сказать: если бы не рок-музыка, наркотики и секс, в Штатах в 1960-е годы произошла бы социальная революция. Иными словами, молодежная форма движения в известном смысле оказалась контрреволюционной. Все обошлось формированием молодежной субкультуры (контркультуры), которая к тому же стала частью истеблишмента, оказалась интегрирована в него. Отчасти это была капитуляция истеблишмента, но в еще большей степени – капитуляция молодежной субкультуры, получившей место под солнцем. В молодежном направлении изменились общая мода, стиль повседневной жизни. Если смотреть на ситуацию под этим углом зрения, то молодежь приобрела большее значение в обществе, а вместе – с ней рок-музыка и ТВ.

Именно молодежный бунт с его презрением к романтике, ориентацией на функциональный секс и права меньшинств – сексуальных, национально-религиозных, женщин – положил начало изменению на Западе (и в мире) идеала мужской и особенно женской красоты. Феминистки, юнцы подсевшие на наркоту и мужчины-гомосексуалисты немало способствовали развитию моды на, мягко говоря, нестандартную, неправильную женскую внешность. Первые ростки этой моды стали пробиваться в конце 1950-х годов (Брижит Бардо), однако им было очень далеко до «образцов», выдвинутых студенческим бунтом и контркультурой, и тем более до стандартов 1980–1990-х годов, которые один журналист метко назвал моделью «капитан баскетбольной команды из концлагеря», было далеко. Тенденция, однако, налицо, и триумф в 1980–1990-е годы мускулистого андрогина в жесткой (Мадонна) или мягкой (Шарон Стоун, Кетлин Тёрнер, Джоди Фостер и ряд других) форме во многом уходит корнями в студенческий бунт конца 1960-х и его последующую коммерциализацию, в теорию и практику феминизма. Напомню, что вырождение видов начинается с самок, и что в развитии живых форм стирание физических и поведенческих различий между представителями разных полов и рост гомосексуализации сверх некоего уровня суть показатели, если не вырождения, то предшествующего ему упадка. Но это отдельная тема.

Весьма показательно, что во второй половине 1960-х годов в ходе и в результате молодежного бунта сменилась, если не сломалась старая система звезд и вообще прежнее кино, по крайней мере, американское (в европейском кино эти изменения начались раньше и по ряду причин прошли мягче). В начале 1970-х годов в книге с англо-французским названием – «Les stars» – это уже подметил знаменитый французский социолог и философ Э.Морэн. В главе «Сумерки системы звезд» он писал, что до начала 1960-х годов – звезды (например, Джеймс Дин, Элвис Пресли, Мерилин Монро) были взрослыми людьми, которым молодежь подражала. Старая система звезд – это система взрослой культуры, к которой тянутся молодые и в которую они хотят попасть. В 1960-е годы все изменилось: молодежная культура отделила себя от взрослой (устроила сецессию) и стала контркультурой. «Звезды» (и старая система звезд) перестали играть роль средства культурной интеграции, молодежь перестала подражать взрослым, скорее наоборот. Я уже не говорю о том, что характер и функция «звезд» в 1980–1990-е годы существенно изменились, и в соответствующих хронологических главах мы поговорим об этом.

Верно и то, что в той же Америке студенческий бунт 1968–1970 гг. нанес серьезный удар слева и снизу по леволиберальным ценностям американского рабочего и особенно среднего класса, расчищая путь Рейгану и его «неоконсерваторам», которые добивали эти ценности справа и сверху. Ну что же, борьба и единство противоположностей, как учил Гегель. Или пойдешь направо, придешь налево, или пойдешь налево, придешь направо, как говорил Сталин. Иными словами, студенческий бунт конца 1960-х, по крайней мере, в США, объективно оказался началом, первой атакой, первой волной наступления новых социальных сил на позиции тех социальных сил (и их политических организаций) – рабочего и среднего классов, которые были главным массовым социальным бенефиктором 1940–1960-х годов. Интуитивно молодое поколение среднего класса почувствовало конец эпохи и тот факт, что, в отличие от старших, им место под солнцем найти будет трудно.

Волнения 1968–1970 гг. – попытка обеспечить это место, добившись изменения правил социальной игры прежде всего в сфере образования. В **этом** смысле в **широкой** исторической перспективе студенческое движение было реакционным в такой же или почти такой же степени, как и революционным. *«Взрыв революции и контрреволюции вместе»*, как сказал бы Ленин (его фраза о событиях 3–5 июля 1917 г. в Петрограде). И в этом нет противоречия: как заметил Б.Мур, революции совершают, как правило, не восходящие классы, а как раз те, над которыми должны сомкнуться волны прогресса. И определенной части угрожаемых удалось оседлать эту волну и взлететь вместе с ней на хорошие места 15 лет спустя в рейгановской Америке. И это лишний раз подтверждает: Крот Истории роет медленно, а сама история коварна, и дальше всех пойдет тот, кто не знает, куда идет. В этом плане со многими западными «шестидесятниками» произошло то же, что с советскими шестидесятниками в 1980–1990-е годы.

Но, быть может, я сгущаю краски и напрасно провожу линию от левых бунтарей, левых радикалов 1968 г. к конфликтам и правым радикалам 1980-х годов? Послушаем западных аналитиков, с симпатией относящихся и к «длинным шестидесятым», и к 1968 г., и к его героям. *«Постоянное кастрирование недовольства* (социального. – *А.Ф.*) *с помощью культуры* (контркультуры. – *А.Ф.*), *эклектизм, трактующий все идеи как недолговечный товар, усилили триумф мотива прибыли и поклонение в качестве идолов рыночным силам в эру Рейгана и Тэтчер»*. Это – Д.Кот, автор великолепной книги «1968».

Напомню также, что молодежное движение 1960-х годов было проникнуто духом индивидуализма (*«Я – поколение», «Я верю лишь в себя»* – слова из песни Леннона), неприятия государства и «старого левого» движения, т.е. движения, выражающего интересы эксплуатируемых слоев индустриального капитализма. (В этом смысле 1968 г. стал социально-политическим

прологом экономического кризиса 1974–1975 гг., который, помимо прочего, был первым серьезным кризисом капитализма как индустриальной системы, индустриальной структуры капсистемы.) Но ведь это и есть позиция рейгановского «неолиберализма» (по сути – правого радикализма).

В Европе эпилогом молодежного бунта конца 1960-х стал левый террор «Красных бригад» в Италии и «Роте Арми Фракцион» в Германии. Конечно, помимо левого существовал правый террор (например, Индонезия – 1964 г. и Чили – 1973 г.) и просто террор (например, в гражданской войне в Нигерии). Однако мы говорим о том, что непосредственно связано с молодежным бунтом (от связей левого террора со спецслужбами в данном контексте я абстрагируюсь).

Далее. 1960-е годы вообще и 1968 г. в частности, были глубоко проникнуты духом не только индивидуализма, но и, как подчеркивает Марвик, предпринимательства, ориентированного на прибыль. Главным образом в сфере музыки, шоу-бизнеса, распространения аудиотехники и аудиозаписей. В этом плане 1960-е годы были не только студенческим бунтом, но также грандиозным шоу и бизнесом, основанным на частной инициативе. Здесь опять же слышатся приближающиеся шаги «неолиберального командора». Если к этому добавить гедонизм молодежи 1960-х годов, их принципиальную установку на потребление и удовольствие, то можно констатировать: в 1960-е годы целое поколение в наиболее привлекательной для себя форме (кайф, безответственность, отвязанность инстинктов и т.д.) прошла школу консьюмеризма, общества потребления, вошла в это общество по линии музыки, секса, наркотиков, с помощью подсознания – а потому глубоко и навсегда. Теперь негативную форму, негатив оставалось лишь «проявить», что и было сделано. Результат – рейгановская Америка, яппи, сознательный правый радикализм бывших стихийных левых.

Разумеется, далеко не все слева полностью перешли направо, скорее меньшинство. Но меньшинство активное, социально (а не искейпистски-наркотически) ориентированное, и этого хватило – историю вообще делают активные меньшинства. В известном смысле, левый 1968 г. стал – по негативу (а так оно и бывает в истории) – матрицей американского правого (нео)либерализма 1980-х годов. Более того, я утверждаю, что именно 1968 г. породил ту возрастную когорту, тех ребят, которые, начитавшись когда-то Грамши, Адорно, Хоркхаймера, Арендт, Маркузе и других, повзрослев и прийдя в истеблишмент, сыграли большую роль в обеспечении победы над советским коммунизмом – «*нам не дано предугадать как наше слово отзовется*». Маркс и Энгельс сказали бы: реакция выполнила программу революции. Но, добавлю я, в интересах не революционеров и трудящихся, а хозяев системы, ее самосохранения в обновленном виде. Да, главное значение 1968 г. заключается в том, что это был острый и внешне революционный способ самообновления системы в духе фильма «Матрица–2». Я вернусь к этому в части, посвященной «холодной войне».

Итак, война во Вьетнаме, кризис правящего слоя, экономические проблемы, движение черных американцев, молодежное движение, рост преступности (как заметил в своей «Истории насилия» К.Шенэ, до середины 1960-х годов преступность в Америке развивалась в целом так же, как в Европе – так сказать, по общим североатлантическим образцам; однако с середины 1960-х доминирующими стали формы и «пэттерны», как характерные для преступности и ее форм организации в «третьем мире»; иными словами, «тьермондиализация» или, как теперь чаще говорят, «бразилианизация» Америки социально началась с преступности, с андеркласса) – все это вместе взятое вымотало Америку, привело к моральному и духовному кризису, одной из главных составляющих которого было чувство опустошенности, бессилия – часто несмотря на внешние успехи в повседневной жизни (семья, дом, карьера). Как считает Л.Галамбос, очень четко это настроение отразил в нескольких ролях в своих фильмах 1970-х годов американский актер Джек Николсон – пианист из «Пяти легких пьес», моряк в «Последней детали», детектив в «Чайнатауне» или его герои в «Познании плоти» и «Поезжай, сказал он».

Американское общество начала 1970-х годов устало, после потрясений 1960-х ему хотелось стабильности, уверенности в прочном бытии, семейных ценностях. По сути это был заказ. В идейно-политической сфере его начнут выполнять неоконсерваторы со второй половины 1970-х годов. Однако в 1972 г. режиссер Фрэнсис Форд Коппола первой частью «Крестного отца» (по роману Марио Пьюзо) выполнил этот заказ в кино. И не важно, что речь шла о мафии, главным было другое: иерархия, порядок, семья. Так кинорежиссер, отвечая на спонтанно возникший запрос, по сути зафиксировал путь к выходу из морального и духовного кризиса. Еще одна идейная линия фильма (ее точно отметил А.Плахов) заключается в следующем: абсолютной свободы (идеал 1968 г.) нет, есть степени независимости.

В те же 70-е в моральный и духовный кризис – по другим причинам, на другой основе и иным образом – «въехало» советское общество. И если американцы свой кризис со временем во многом преодолели, то СССР – нет. Этот кризис в измененной форме продолжающийся до сих пор, является одной из причин как крушения коммунизма и распада СССР, так и нашей нынешней ситуации.

Для СССР 1945–1975 гг. – это период экономического подъема, «либерализации» режима, главным образом, для номенклатуры (и ее интеллектуально-художественной обслуги) и в ее интересах, но и населению кое-что досталось; это переход от сталинской к брежневской модели исторического коммунизма, занявший примерно полтора десятилетия (1953–1968); переходный период получил название «оттепели», ассоциирующейся обычно с Хрущёвым.

В конце 1960-х СССР достигает примерного паритета в вооружении с переживающими не лучшие времена США. Основа – экономический рост 1950–1960-х годов. В 1950 г. соцсистема давала 20% мировой валовой продукции (16% – СССР и соцстраны Восточной Европы и 4% – Китай); капсистема давала 80% МВП (12% – слаборазвитые страны, 68% – 24 наиболее развитые капстраны). В 1975 г. соцстраны (включая 5% КНР) обеспечивали 33% МВП, а из 67% приходившихся на капсистему, 56% давала «двадцатьчетверка». То есть, «чистое» соотношение экономических сил Запад-Восток было 56:28% (2:1). При росте МВП с 1950 по 1975 г. в 3,5 раза темпы роста соцстран в два раза превышали таковые развитых капстран. Именно рост военной мощи СССР, с одной стороны, и нарастающие трудности США – с другой, заставили их пойти на «разрядку напряженности», на детант и в 1975 г. в Хельсинки признать реалии послевоенного мира на советских условиях. Однако при всей внешней военной державной мощи уже с конца 1960-х годов в СССР постепенно вызревал идейно-властный и социально-экономический кризис, тикали часики социального взрывного устройства.

Менялся Китай. Возникновение в 1949 г. КНР под руководством Мао Цзэдуна подвело черту под тем периодом, который начался в 1840-е годы первой опиумной войной и который, с китайской точки зрения, был очередным междинастическим

периодом хаоса (*луань*) и упадка (*шуай*) в многовековой китайской истории. В 1949 г. Китай, ведомый Мао, которого нередко сравнивали с Цинь Шихуанди, двинулся если не к расцвету (*шэн*), то уж точно к порядку (*чжи*). В «тридцатилетие», ставшее славным для значительной части мира, Китай пережил жестокую коллективизацию, в которой (так называют исследования), как и в коллективизации других стран, наиболее активную и жестокую роль играли женщины и юноши; «большой скачок» (1957), «культурную революцию» (началась в 1966 г.), разрыв с СССР (по сути – с 1962 г.) и вооруженный конфликт с ним (1969), борьбу в верхушке при старящемся Мао (начало 1970-х). На рубеже 1960–1970-х годов Китай все активнее участвует в мировой политике, играя свою игру в «холодной войне», а точнее, стремясь превратить эту войну в элемент своей игры. Как? Чтобы лучше понять это, имеет смысл прочесть «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, а также посмотреть правила «китайских шахмат» «*сян ци*» в которые играют трое, и игры «*вэй ци*» (больше известную под ее японским названием «*го*»), в которой побеждают на основе не столько анализа, сколько интуиции и эстетического чувства.

«Славное тридцатилетие» – эпоха прогресса науки и техники. Что ни год, то рывок во многих областях. Прежде всего – о военной технике.

Американская атомная бомба вместе с победой союзников над державами «оси» закрыла военную эпоху и открыла эпоху послевоенную. В 1946 г. американцы в лаборатории Лос Аламос запустили первый скоростной ядерный реактор. В 1949 г. атомная бомба появляется у СССР, спустя четыре года СССР создает водородную бомбу, а в 1957 г. – межконтинентальную баллистическую ракету, получив в свои руки оружие массированного возмездия. Теперь с Америкой можно (и нужно) было разговаривать совсем по-другому. С этого момента гонка вооружений интенсифицируется (подробно об этом мы поговорим в разделе о глобальной «холодной» войне).

Побочным результатом создания межконтинентальных ракет стал запуск СССР первого искусственного спутника (С.П.Королёв) в 1957 г. На американцев это произвело впечатление разорвавшейся бомбы, и с этого момента начинается борьба за космос (подробнее об этом – все в том же разделе, о глобальной «холодной» войне).

В 1961 г. в космосе побывали первые люди – сначала наш Юрий Гагарин, затем американец Джон Гленн. Полеты в космос становятся все чаще и, наконец, в 1969 г. полет американских «Аполлон–11» и «Аполлон–12» завершается высадкой на Луну, по поводу которой у многих специалистов и журналистов до сих пор есть вопросы. СССР на следующий год ответил беспилотной посадкой «Луны–16» (взяты образцы грунта), «Луны–17» (оставлен «Луноход») на Луне и «Венеры–7» на Венере. В 1971 г. американцы (из состава экипажей «Аполлона–14» и «Аполлона–15») опять высаживаются на Луне. Советский ответ – «Венера–8» садится на Венере, а «Марс–1» и «Марс–2» следуют на Марс, как и американский «Маринер–9». С 1971 г. на орбите работает советская станция «Салют–1» (американская «Скайлэб» появится там в 1973 г., но в 1979 г. ее вернут на Землю). В 1972 г. американцы еще раз высаживаются на Луне («Аполлон–16» и «Аполлон–17», на Землю привезены образцы лунных пород), а СССР отвечает посадкой «Венеры–9» и «Венеры–10». В 1975 г. происходит знаменательная советско-американская встреча на орбите «Союз–19» – «Аполлон–18», символизирующая детант.

В «славное тридцатилетие» развивалась не только ядерная и космическая техника, но и обычные вооружения: совершенствовались старые, создавались новые модели танков, гаубиц, подлодок, автоматического оружия. Так, в 1947 г. появился автомат Калашникова (калибр – 7,62 мм, магазин – 30 патронов, дальность – до 500 м) – главное автоматическое оружие второй половины XX в. В 1949 г. появился пистолет-пулемет «Узи» (лейтенант израильской армии Узиель Галю создал его на основе чехословацкого пистолета-пулемета «23» конструкции Холека), комбинирующий малогабаритность с крупным калибром (9х19 мм).

По сравнению с интенсивным освоением космоса, подстегиваемым советско-американским противостоянием и гонкой вооружений, находки и открытия астрономов выглядят скромнее. Разумеется, в течение 30 лет в ближнем и дальнем космосе было открыто много чего нового – от радиоизлучения Юпитера, предсказанного не астрономом И.Великовским на основе своей теории о космических и земных катастрофах, и вулканической активности на Луне до новых спутников планет-гигантов и рентгеновского излучения из созвездия Скорпион. И тем не менее по-настоящему крупных теоретических и практических открытий не так много. Прежде всего, это разработка двух альтернативных теорий возникновения и развития Вселенной. К 1948 г. Дж.Гамов существенно модифицировал теорию Большого взрыва, а Бонди, Гоулд и Хойл предложили теорию стационарной Вселенной. Необходимо также сказать об открытии спиральных рукавов нашей галактики У.Морганом (1951), открытие «солнечного ветра» (1958), квазаров (1960) и пульсаров (1967).

В 1969 г. Дж.Уилер вводит термин «черная дыра» (возможность существования таких объектов еще в конце XVIII в. предвидели Мичел и Лаплас); в 1973 г. английские физики-теоретики Хокинг и Эллис в работе по математическим вопросам структуры пространства и времени, зафиксировали – на новом уровне – возможность существования «черных дыр».

В самом начале «славного тридцатилетия» мир познакомился с кибернетикой и теорией информации. В 1948 г. Н.Винер опубликовал книгу «Кибернетика и связь в животном и машине», где представил идеи, которые начал разрабатывать еще в конце 1930-х годах вместе с кардиологом А.Розенблюмом. В 1950-е годы свет увидят еще три очень важные кибернетические исследования: «Может ли машина мыслить» А.Тьюринга, а также «Введение в кибернетику» (1956) и «Конструкция мозга» У.Росса Эшби.

В 1949 г. К.Шеннон публикует работу «Математическая теория коммуникации» – первую работу по теории информации. В 1968 г. Л. фон Берталанфди опубликует работу «Общая теория систем. Основы. Развитие. Применения». В ней он суммирует и систематизирует свои идеи по теории систем, которые начал высказывать еще в 1930-е годы.

Необходимо отметить, что с конца 1960-х годов кибернетика, теория систем будут активно использоваться в разработках «Римского клуба» – организации, которой в качестве официального «нейтрально-научного» фасада суждено будет сыграть важную роль в борьбе Запада (и США – Глобамерики) против СССР.

Если от названных выше дисциплин перейти к биологии, медицине и антропологии, то необходимо указать на обнаружение останков дриопитека (М.Лики, 1948 г.) и австралопитека (Д.Джохансон, 1974 г.), расшифровку в 1953 г. англичанином Криком и американцем Уотсоном структуры ДНК («Двойная спираль»), открытие интерферона (1957).

В разгар «славного тридцатилетия» медики добились серьезных успехов в трансплантации органов: 1956 г. – пересадка костного мозга, 1962 г. – почки, 1963 г. – печени, 1967 г. – сердца. И хотя пациент доктора Барнарда, осуществившего пересадку сердца, проживет всего лишь 17 дней, мир будет рукоплескать. К сожалению, мир не знает (да и не хочет знать), что советский врач Н.П.Синицын опередил Барнарда на 22 года (впрочем и в СССР об этом почти забыли – нет пророка в своем отечестве, тем более в таком, как наше).

Наука и техника в 1945–1975 гг. продолжали «сжимать» пространство и время. В 1947 г. капитан Чак Йигер на самолете «Bell X–1» преодолевает со скоростью 1078 км/час звуковой барьер; в 1953 г. в США появляется судно на воздушной подушке; в 1955 г. американцы строят первую атомную подлодку «Nautilus», которая в 1958 г. совершит плавание под ледяной арктической «шапкой»; в 1956 г. между Шотландией и Ньюфаундлендом прокладывают трансатлантический телефонный кабель; в 1959 г. СССР и США спускают на воду первые атомные суда – соответственно «Ленин» и авианосец «Enterprise»; в 1964 г. японский скоростной поезд «Пуля» развивает скорость 210 км/час; в 1968 г. СССР, Англия и Франция начинают эксплуатацию пассажирских сверхзвуковых авиалайнеров – «Ту–144» и «Конкорд»; в 1970 г. свои полеты начинает реактивный самолет «Боинг–747» («Jumbo»).

1945–1975 гг. – это время интересных морских и сухопутных экспедиций, многие организаторы и участники которых стали культовыми фигурами. Речь идет прежде всего о плавании Тура Хейердала через Тихий океан на «Кон Тики» (1947 г., в 1950 г. появилась книга «Кон Тики»; пройдет чуть более 20 лет, и Хейердал переплывает Атлантику на «Ра»), о первой экспедиции Жака-Ива Кусто на «Калипсо» (1952), о пересечении А.Бомбаром Атлантики на резиновой лодке за 65 дней (см.его: «За бортом по своей воле») и о подъеме новозеландца Э.Хиллари и шерпа Н.Тенцинга на Джомолунгму (Эверест) (1953).

В 1957 г. мы запустили первый искусственный спутник Земли; в 1960 г. американская атомная подлодка «Тритон» повторила путь Магеллана, но за 84 суток. В том же году О.Пикар и Д.Уолш на батискафе «Триест» опустились на глубину более 11 км (впадина Челленджер в районе Марианского желоба у о.Гуам). В 1967 г. Ф.Чичестер в одиночку совершил кругосветное плавание на яхте «Джипси-Мот IV», пройдя 29 630 миль за девять месяцев и один день, причем шел он вдоль «ревущих» сороковых широт, повторяя маршрут английских клиперов XIX в. «Британия – Австралия – Британия».

В 1945–1975 гг. благодаря развитию науки и техники стремительно менялся быт, жизнь становилась более комфортной, более быстрой и более безопасной. В жизнь входило все больше удобных вещей: первые микроволновки (1947), транзистор и общедоступный стиральный порошок «Tide», фотоаппарат «Polaroid» (1947) и долгоиграющая граммофонная пластинка (1948 г.; в том же году открывается первое кафе «Макдональдс», в продаже появилась электрогитара, а вот застежке-липучке Ж.де Мистра, изобретенной в 1948 г., не повезло – до 1956 г. она практи-чески не применялась), пульт дистанционного управления телевизором и первая пластиковая карточка «Diners club» (1950), медицинские резиновые перчатки (1952), регулярное цветное телевещание в США (1953), телесеть «Евровидение» (1954), транзисторный радиоприемник «Sony» (1954), видеомагнитофон (американец А.Понятофр, 1956 г.), гибкий эндоскоп (1957), игра «Лего» О.и К.Кристиансенов (1955 г., широкое распространение получила с 1958 г.), ксерокс, открывалка для консервов Э.Фрейза и японский телевизор на транзисторах (1959), фломастер (1960), аудиокассетный магнитофон (изобретен в 1958 г., в продаже – с 1963 г.), карманный калькулятор на жидких кристаллах (1966).

В 1967 г. появляются наручные кварцевые часы (Япония), а на заводах «Дженерал моторз» – промышленные роботы, управляемые компьютерами (первые промышленные роботы появились в США еще в 1959 г.). В 1968 г. появилась джакузи, в 1970 г. – виндсерфер, видеомагнитофон «Philips» для дома и штрихкод для обозначения продуктов (широкое распространение получил с 1974 г.), первая компьютерная игра «Pong» (1972). В 1970-е годы начинается распространение игровых автоматов (изобрел англичанин Дж.Шефферд-Баррон).

Пожалуй, наиболее крупные научно-технические достижения в «славное тридцатилетие» продемонстрировала область сложной компьютерной техники. Достижения именно этого периода подготовили техническую сторону «неолиберального» великого перелома 1975–1980-х годов.

В 1946 г. Экерт и Маучли создали первый действующий компьютер с хранящейся в памяти программой – электронно-цифровой интегратор со встроенным блоком памяти. В 1949 г. появляется компьютер EDSAC; в 1950 г. японец Й.Накамата патентует флоппидиск для компьютера; в 1956 г. появляется жесткий диск для компьютера IBM; в том же году мир знакомится с первым языком программирования – FORTRAN, в 1965 г. появится BASIC; 1955 г. – первый транзисторный компьютер фирмы «TRADIC» (США); 1961 г. – запатентован первый кремниевый чип («кремниевую революцию» в 1958 г. начали Дж.Килби и Р.Нойс, независимо друг от друга изобретя микрочип); 1963 г. – первый миникомпьютер; 1964 г. – первый текстовый редактор IBM; 1968 г. – компьютерная мышь Д.Энгелбарта; 1970 г. – лепестковый принтер и IBM-овские флоппидиски для хранения информации (20 см диаметр, объем памяти – 210 Кб) и первый микропроцессор INTEL 4004. Наконец в 1975 г. под занавес «славного тридцатилетия» в США начинают продавать (в виде отдельных комплектующих) первый персональный компьютер «Altair 8800».

Внешне, повторю, научно-технические успехи «славного тридцатилетия» выглядели очень солидно. Тем не менее, нашелся человек, который за техническими успехами Запада (и США) первой половины XX в. разглядел подкрадывающийся спад в технико-экономическом развитии. Звали этого человека Жан Гимпель. Еще в 1956 г. выступая в Йельском университете, он удивил американцев предсказанием начала технико-экономического упадка их страны на рубеже 1960–1970-х годов. Выступление француза, живущего в Англии, вызвало снисходительные улыбки, тем более, что в качестве одного из важнейших аргументов Гимпель использовал сравнение технико-экономического развития США XIX–XX вв. с Францией XIII–XIV вв. Впрочем, причина улыбаться была и без этого: Америка в середине 1950-х годов была на подъеме, наслаждалась своим могуществом, отплясывала рок с Элвисом Пресли и слушала саксофониста Луиса Джордана с его «Let the good times

roll» («Пусть мчатся славные времена»). Времена для Америки были, действительно, славными, и она не желала слушать Гимпеля, продолжавшего твердить свое.

В 1971 г. конгресс США отказался финансировать проект создания сверхзвукового транспорта. Эту дату – 1971 г. – Гимпель избрал в качестве начала технико-экономического старения США. На рубеже 1960–1970-х годов Гимпель вступил в косвенную (а порой и в прямую) полемику с экологистами, феминистками и т.д. На книгу «Америка зеленеет» Рейха он ответил статьей «Америка стареет». Кризис 1974–1975 гг. и последовавший за ним экономический спад подтвердили многое из того, о чем писал Гимпель, и «Пари Матч» назвал его «Нострадамусом нашего времени», к которому имеет смысл прислушаться, если мы хотим понять, что происходило с Западом (особенно с США) в 1960–1980-е годы, на краю какой пропасти он (они) оказались. И потому мы еще вернемся к Жану Гимпелю.

Переходя из области техники и естественных наук в сферу наук об обществе, следует отметить, что «славное тридцатилетие» представлено большим количеством серьезных или, как минимум, знаковых, социально резонансных книг. При этом, однако, надо помнить, что в большинстве своем они представляют собой развитие, доработку, доводку, утончение (sophistication) идей, высказанных философами и социальными мыслителями «неславного», но брызжущего интеллектуальной спермой, тридцатилетия (1915–1945). 1945–1975 гг. – это работа на поле, расчищенном и расчерченном предшественниками.

Список довольно длинный, но я не поленюсь и приведу его – он того заслуживает (помимо прочего, и контрастом с последней четвертью календарного XX в.). Итак.

1945 г. Поппер «Открытое общество и его враги» (слабая и идеологически крайне тенденциозная работа, искажающая историческую реальность, особенно античную; стала настольной книгой неолибералов, большинство из которых не знает, что в статье 1989 г. Поппер внес коррективы в свои выводы).

1946 г. Коллингвуд «Идея истории»; Сартр «Экзистенциализм и гуманизм».

1947 г. Адорно и Хоркхаймер «Диалектика Просвещения».

1948 г. Изданы «Тюремные тетради» Грамши; Зедльмайр «Утрата середины: изобразительное искусство XIX и XX столетий как символ эпохи»; Кинси и др. «Сексуальное поведение мужчин».

1949 г. Де Бовуар «Второй пол»; Бродель «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (3 т.); Молер «Консервативная революция в Германии 1918–1932 гг.».

1950 г. Изданы «Письма и статьи из тюрьмы» Бонхофера; Гомбрич «История искусства»; Карр «История советской России» (первый том двенадцатитомника, оконченного в 1979 г.).

1951 г. Тиллих «Систематическая теология» (первый том трехтомника, оконченного в 1963 г.); Рисмэн «Одинокая Толпа»; Дюверже «Политические партии»; Леонтьев «Структура американской экономики, 1919–1939»; Парсонс «Социальная система».

1952 г. Тальмон «Происхождение тоталитарной демократии».

1953 г. А.Вебер «Третий или четвертый человек».

1954 г. А.Дж.П.Тэйлор «Борьба за господство в Европе, 1848–1914 гг.»; Маслоу «мотивация и личность»; Нидэм «Наука и цивилизация в Китае» (первый том семитомника); Черчилль «История Второй мировой войны» (окончание работы над шеститомником); К.Типпельскирх «История II мировой войны».

1955 г. Маркузе «Эрос и цивилизация»; Арон «Опиум интеллектуалов» и «Общая теория действия»; Ясперс «Философия» (трехтомник).

1956 г. Миллс «Властвующая элита».

1957 г. Джилас «Новый класс».

1958 г. Леви-Стросс «Структурная антропология»; Янг «Возвышение меритократии»; Паркинсон «Законы Паркинсона»; Гэлбрейт «Общество изобилия»; Бурстин «Американцы: Колониальный опыт» (трехтомник); Черчилль «История англоговорящих народов» (окончание работы над четырехтомником).

1959 г. Тейяр де Шарден «Феномен человека».

1960 г. Канетти «Масса и власть»; Ширер «Взлет и падение Третьего Райха»; Белл «Конец идеологии»; Ростоу «Теория стадий роста. Некоммунистический манифест».

1961 г. Гадамер «Правда и методология»; Самуэльсон «Экономика»; Найджел «Структура науки»; Мамфорд «Город в истории»; Джейкобс «Жизнь и смерть больших американских городов»; Фуко «История безумия в классическую эпоху».

1962 г. Арон «18 лекций об индустриальном обществе» и «Мир и война между нациями»; Маклюэн «Галактика Гутенберга»; Фридмэн «Капитализм и свобода»; Хобсбоум «Эпоха революций» (в 1975 г. выйдет «Эпоха капитала», в 1987 г. – «Эпоха империй», в 1994 г. – «Эпоха крайностей», которая завершит четырехтомник европейской истории 1789–1991 гг.).

1963 г. Хабермас «Теория и практика»; Арендт «О революции»; фон Грюнебаум «Классический ислам»; Томпсон «Создание английского рабочего класса».

1964 г. Берн «Игры, в которые играют люди» (в 1972 г. посмертно будет издана его работа «Люди, которые играют в игры»); Бернхэм «Самоубийство Запада».

1965 г. Лоренц «Об агрессии».

1966 г. Куигли «Трагедия и мечта. История мира в наше время»; Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарного знания»; Мур «Социальное происхождение диктатуры и демократии».

1967 г. Адорно «Негативная диалектика»; Деррида «О грамматологии»; Бродель «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (первый том трехтомника); Дюверже «Политическая социология»; Лем «Сумма технологий»; Фонтэн «История холодной войны» (т. 1; т. 2. – 1969 г.).

1968 г. Хабермас «Познание и человеческие интересы»; Мюрдаль «Азиатская драма. Исследования бедности наций»; Бодрийяр «Система вещей»; Роззак «Создание контркультуры».

1970 г. Куайн «Философия науки»; Тоффлер «Футуршок»; Пуланцас «Политическая власть и общественные классы в капиталистическом государстве»; Флехтхайм «Футурология»; Кун «Структура научных революций»; Рейх «Америка зеленеет».

1971 г. Гулднер «Надвигающийся кризис западной социологии»; Кузнец «Экономический рост наций»; Б.Скиннер «По ту сторону свободы и достоинства».

1972 г. Де Жувенель «О власти».

1973 г. Роулз «Теория справедливости»; Шумахер «Малое – прекрасно»; Зелдин «Франция, 1848–1945»; Герц «Интерпретация культур»; Ноузик «Анархия, государственность и утопия»; Солженицын «Архипелаг ГУЛаг» (мощное оружие Запада в «холодной войне» против СССР; историческая достоверность явно нуждается в проверке; концептуально крайне слабо).

1974 г. Бодрийяр «Потребительское общество. Его мифы. Его структуры»; Валлерстайн «Современная мир-система» (т. I), между 1960 и 1974 гг. А.Зиновьев опубликовал десяток работ по различным аспектам логики (в 2002 г. в сжатом виде представлены в работе «Очерки комплексной логики).

И, наконец, **1975 г.** Две работы с весьма символичными названиями.

Фурастье «Великая мечта» (о той мечте двух прошлых десятилетий, которая к 1975 г. превратилась в иллюзию).

Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (словно предвосхищая усиление репрессивных структур повседневности на Западе и особенно в США в 1980–1990-е годы).

Впечатляет. И тем не менее повторю: по насыщенности идеями, по широте подхода и обобщений работы «славного тридцатилетия» (чаще всего, а также в целом, как блок-эпоха) уступают работам 1915–1945 гг.

«Славное тридцатилетие» пестрит большим количеством сильных и важных имен в искусстве. Правда, не так много композиторов. К тем, кто активно творил в 1930-е – первой половине 1940-х годов, добавились Булц, Пуленк, Хенце, Барбер, Картер, Блэквуд, Лигети, Пендерецкий, Лютославский, Горецкий.

Литературная палитра богаче. Сартр, Камю, Кальвино, Мориак, Казантзакис, Оруэлл, Грэм Грин, Л.Даррел, Голдинг, Мёрдок, Во, Фаулз, Оден, Дюренматт, Фаллада, Фриш, Целан, Белль, Грасс, Фолкнер, Пенн-Уоррен, Драйзер, Стейнбек, Уильямс, Кэпот, О'Нил, Беллоу, Видал, Неруда, Астуриас, Карпентьер, Борхес, Маркес, Роа Бастос, Мисима, Кавабата, Ачебе. Именно в «славное тридцатилетие» увидели свет «Вся королевская рать» Пенна-Уоррена (1946), «Чума» Камю, «Доктор Фаустус» Т.Манна и «Каждый умирает в одиночку» Фаллады (все – в 1947 г.), «1984» Дж.Оруэлла (1949 г., написан в 1948 г.), «Старик и море» Э.Хемингуэя (1952), «Тихий американец» Грэма Грина (1954), «Властелин колец» Дж.Р.Р.Толкина (1954–1955), «Город» (1957) и «Особняк» Фолкнера (1959), «На дороге» Керуака (1957), «Один день Ивана Денисовича» Солженицына (1962), «Сто лет одиночества» Г.Гарсиа Маркеса и посмертная публикация культового романа совинтеллигенции «Мастер и Маргарита» М.Булгакова (1967). Плюс великолепная научная фантастика, science fiction – прежде всего, американская и советская и, конечно же, великий Станислав Лем.

Немало. Но даже если увеличить список поэтами и драматургами, по сравнению с предшествующим тридцатилетием, будет маловато, особенно в плане качества. Высокая культура идет на спад. На подъеме – массовая культура с ее жанрами: кино, рок- и поп-музыка. И, конечно, спорт.

Разумеется, далеко не всякое кино автоматически относится к массовой культуре. Кино по техническому определению вид искусства намного более массовый, чем литература (к тому же есть массовое кино и массовая литература), тем не менее, оно вполне может ставить и решать серьезные художественные, духовные задачи, что и продемонстрировало высокое кино в «славное тридцатилетие», когда великие режиссеры эпохи по сути встали вровень с великими писателями этой эпохи, а в чем-то и потеснили, заняв их нишу. И хотя высокое кино составило лишь небольшой процент кинопродукции 1945–1975 гг. (высокого много не бывает, да и не надо), дело не в количестве, а в качестве. Но обо всем по порядку.

В 1946 г. состоялся первый Каннский кинофестиваль. Киноевропа бросилась догонять киноамерику. Настроение после войны было романтически-сентиментальным, что нашло отражение в фильмах самых разных стран, даже тех, которые по сути не воевали, например Индия, где в 1951 г. вышел на экраны «Бродяга» с Раджем Капуром (здесь, правда, надо учитывать народную психологию). Из той же романтической серии – «Фанфан-тюльпан» (1951) с Жераром Филипом, «Римские каникулы» (1953) с великолепным Грегори Пеком и Одри Хепберн. В Америке романтический стиль – это героини Мерилин Монро, с 1953 г. прочно занявшей место не только «America's sweetheart», но и «America's superstar». Романтика пробивается даже сквозь брутальные формы «Семи самураев» (1954) А.Куросавы (в 1960 г. американец Старджес сделает американскую версию «самураев» – «Великолепную семерку» с «нашим» Юлом Бриннером в главной роли).

Романтическое кино, отступая, приобретая все более горький привкус, продержалось все 1950-е и первую половину 1960-х годов. Героями этого кино были нормальные мужественные мужчины (Грегори Пек, Ив Монтан, Юл Бриннер, и даже гомосексуалисты подчеркивали свою мужественность – Жан Марэ) и нормальные женственные женщины – Джина Лоллобриджида, Николь Курсель, Даниэль Дарье, Мерилин Монро, Ким Новак, Энджи Диккинсон и другие – короче, условно, «вкус Джона Кеннеди»). Приговор этому типу подпишут студенческий бунт 1968–1970 гг. и его контркультура.

В советском кино романтическая тенденция какое-то время была тесно связана с героикой главным образом революции или гражданской войны. Романтическое начало существенно отличает советские фильмы о революции и гражданской войне 1950-х годов от таковых 1930-х – например, «Сорок первый» Чухрая, «Тревожная молодость» (1955) и «Павел Корчагин» (1957) Алова и Наумова. Лирико-романтическое начало пришло даже в «производственно-коллективистские» фильмы – «Дело Румянцева» (1956) Хейфеца и «Весна на Заречной улице» Хуциева (1956). Ну а пика стилистической чистоты в советском кино романтика достигает в «Алых парусах» (1961) Птушко и «Человеке-амфибии» (1962) Казанского и Чеботарёва, где она уже полностью будет очищена от революционно-системной героики, но для этого режиссерам придется вынести действие за пределы родной страны. (Не могу удержаться от аналогии: полная реализация актера с внешностью В.Тихонова тоже оказалась возможна при перенесении действия за пределы советского общества – Андрей Болконский или вообще России – Штирлиц).

Самое начало 1960-х годов, как заметил С.Добротворский, было у нас (и, добавлю я, в мире) редким периодом горения романтикой настоящего (это отличает романтику 1960-х от романтики 1920-х). Но вскоре он пройдет – вместе с надеждами и иллюзиями эпохи. На Западе по иронии истории их **внешне** перечеркнет молодежный бунт (**по сути** он – одно из проявлений разочарования, но здесь мы сталкиваемся со сложным переплетением прямых и обратных связей, содержаний и форм, причин и следствий). В СССР эпоху мечтаний и надежд окончат те самые «оттепельные мальчики», которые с помощью и на волне так называемой «оттепели» станут респектабельными «застойными дяденьками», осуществившими свою реальную социальную мечту и программу, которую раньше прятали (в том числе и от самих себя) в «лирику и физику», и потому теперь ни в каких мечтах и надеждах не нуждавшиеся. Но вернемся к кино.

С середины 1950-х годов кино, по крайней мере европейское, становится более сложным, более социальным, я бы сказал, более литературным. Итальянский неореализм, советское и польское кино в лучших своих работах, французская новая волна, целый ряд фильмов США, – вот, собственно, зеркало эпохи. В нем отражены «итальянское чудо» и нарастающий бунт молодежи, и скрытое противостояние социальному контролю, будь то капиталистический или коммунистический, так называемая «оттепель» с ее надеждами, иллюзиями и разочарованиями (см., например, «Заставу Ильича», 1964 г. и «Июльский дождь» Хуциева, 1966 г.), ожидания 1960-х годов и их крах в начале 1970-х (не только у нас, но и везде в мире).

1945–1975 гг. – не меньший взрыв в кинорежиссуре, чем в науке об обществе (на самом деле – две стороны одной медали). Висконти, Антониони, Феллини, П.П.Пазолини, Бергман, Фабри, А.Рене, Карне, Р.Вадим, Годар, Трюффо, Лелуш, Креймер, Кубрик, Коппола, А.Пенн, Куросава, неувядаемые Казан, Хичхок, О.Уэллс. Нельзя забыть и о советских режиссерах того времени – Пырьев, Герасимов, Хуциев, молодой Тарковский. Это далеко не полный список мэтров «высокого кино».

1975 г. – конец «славного тридцатилетия» и начало «сумерек XX века» оказался весьма символичным в «киношном плане». В тот год на экраны вышли два фильма: «Кто-то пролетел над гнездом кукушки» Милоша Формана по роману Кена Кизи и «Челюсти» Стивена Спилберга по роману Питера Бенчли. Первый фильм – на остросоциальную тему противостояния личности обществу, жестокому социальному контролю (аллегория – психбольница с «железной медсестрой» и суперсукой Рэдчед в качестве главной репрессивной силы) – отголосок утихшей социальной бури. Второй – развлекательная страшилка, главная задача которой заработать «бабки» (именно с «Челюстей» пошел термин «блок-бастер»).

В одном случае – кино с игрой актеров, в другом – не кино, а зрелище, шоу, в чем так преуспеет и на чем сделает себе имя Спилберг в последней четверти XX в. И хотя фильм Формана получил пять «Оскаров», а Спилберга – три, будущее, к сожалению, было за кино типа «Челюсти», и в этом смысле формановский фильм оказался «прощальным поклоном» киноэпохи, а спилберговский – буревестником посткино.

Развитие кино отражало, помимо прочего, изменения в повседневном поведении – раскрепощение, причем не столько духа, сколько тела. В 1946 г. появляется купальник «бикини», а в 1951 г. – первый конкурс красоты «Мисс мира» в бикини (первый конкурс красоты «Мисс Америка» женщин в купальниках был проведен в 1921 г.). В том же 1951 г. состоялось первое представление стрип-шоу «Crazy horse» в Париже, а в 1953 г. вышел первый номер издаваемого Хью Хефнером журнала «Плейбой». В середине 1960-х грянет сексуальная революция. Своеобразным предисловием к ней станут похождения и оргии Джона Кеннеди, а послесловием – кажущаяся сегодня почти целомудренной «Эммануэль» с угловатой и почему-то

взволновавшей многих Сильвией Кристель, еще одной «вехой» в начатом в 1967 г. худышкой Твигги повороте к новому идеалу женской красоты.

Огромную роль в раскрепощении (или, если угодно, в высвобождении) животно-толпового начала из-под контроля рацио и социо сыграла музыка – рок и поп. Именно под ее аккомпанемент молодежь становилась все более свободной, точнее – все более развязной, разрушительной, асоциальной (криминал, наркотики). Символично, что электрогитара была изобретена в тот год (1947), когда в Америке (Калифорния) байкеры-мотоциклисты впервые устроили беспорядки (в тот же год по иронии истории были открыты кумранские свитки). В музыкальной культуре все большую роль стали играть не голос, а сексуальность (отсюда мода на хрипотцу), не мелодия, а ритм.

В Европе сразу после войны это продемонстрировала Эдит Пиаф. Однако революция в музыкальной масскультуре произошла в Штатах – Элвис Пресли (1954 г., годом раньше вышел первый роман Я.Флеминга об агенте 007 Джеймсе Бонде, а годом позже откроют «Диснейленд» – Mass culture on the march). Затем наступила эпоха ливерпульской четверки «Битлз», первое выступление которых состоялось в Гамбурге в 1960 г. (в том же году появился «твист»), вскоре у «Битлз» появились конкуренты – «Роллинг стоунз» Мика Джаггера, половину неживого, маскоподобного лица которого занимал рот; уже в 1964 г. «роллинги» продали два миллиона синглов. Ну а 1965 г. специалисты считают первым годом эры рок-музыки, когда молодежная культура послевоенного поколения взяла верх над романтической традицией Запада и кардинальным образом изменила моду, поведение, мировоззрение и – политику; именно «битлы» и «роллинги» первыми увязали поп-музыку с культурой наркотиков (в 1974 г. придет «крэк» и пойдет потеха). В 1965 г. с «No satisfaction» «роллингов» и «Help!», «Rubber Soul» «битлов» *«литература,* – пишет С.Дэйвис, – *умерла, а кино безнадежно отстало от жизни. Музыка, мода и поп-арт несли в себе дух современности»*. Сказано сильно, но в целом точно. Большая литература к концу «славного тридцатилетия» действительно скисла, писателей и поэтов вытеснили ансамбли поп-музыки (по крайней мере, в жизни молодых).

Что касается кино, то, хотя свежие послевоенные волны схлынули, у него еще был десяток лет впереди – речь, разумеется, идет о кино как искусстве, а не о зрелище, не о том, что вообще показывают на киноэкране. Впрочем, через десять лет выдохнется и тот рок, в котором «трудились» «Жуки» и «Камни», но это произойдет позже, в середине 1970-х.

В 1971 г. рок обручится с оперой – их «благословит» Эндрю Ллойд Уэббер своим бессмертным «Jesus Superstar» и в известном смысле подведет этим музыкальный итог молодежному бунту 1968–1971 гг. Уже два года спустя в моду войдет более спокойная музыка «диско», ритм которой аккурат совпадает с нормой сердечных ударов в минуту – 72. Именно на этом обретет свой триумф АББА (название появилось в 1973 г.); за ней придут итальянцы, латиноамериканцы, но это уже будет в 1980-е.

Тридцатилетие 1945–1975 гг. было славным не только для кино, масс-музыки и их звезд, но также для спорта и его звезд. Прежде всего это футбол – великая бразильская сборная с Пеле и его 1000-м голом в 1969 г., испанский «Реал» с Ди Стефано, Пушкашем и Копа и другими, пять раз подряд выигрывавший Кубок европейских чемпионов (1956–1960), и англо-голландский тотальный футбол (1966–1974), наиболее сильными в котором оказались немцы. Это великий хоккей – советский и канадский. Они встретятся дважды: в первой же встрече с любителями в 1954 г. наши «сделают» их 7:2 и с первого раза станут чемпионами мира; а в 1972 г. в первой же встрече с профессионалами (о, великая тройка Михайлов – Петров – Харламов, подготовленная великим тренером Тарасовым) наши «сделают» канадцев – 7:3.

Это американский бокс с Джо Луисом, Роки Марчиано и Мухаммедом Али, который в 1971 г., наконец, проиграет Джо Фрезеру, хотя и превратит его лицо в котлету. О триумфе советских шахмат и говорить не приходится. Все чемпионы мира в этот период – наши; ложка дегтя: в организованной в 1971 г. встрече шахматных сборных СССР и мира, прозванной журналистами «Второй иудейской войной», победить удалось с минимальным перевесом. В целом, однако, на мировой шахматной доске все было хорошо.

Разумеется, массовыми видами спорта, прежде всего футболом и хоккеем (правда, настоящий расцвет хоккея придется на 1970–1980-е годы), с одной стороны, боксом и шахматами – с другой, спорт XX в. не исчерпывается. Здесь и обе атлетики – легкая и тяжелая – с их феноменальными достижениями второй половины века, и теннис, и «Формула–1» (первый чемпионат – в 1950 г.), великий американский и могучий советский баскетбол («трехсекундный» пас Едешко – бросок Белова, обеспечившие победу в мюнхенской олимпиаде 1972 г. над американцами), регби и крикет, американский футбол и многое другое. Но, думаю, футбол, хоккей, бокс, шахматы и баскетбол наиболее адекватно отражают массовый, жесткий, хитрый и скоростной XX в., который усилит эти свои качества с наступлением «сумерек», т.е. в 1975–1991 гг.

Еще раз вспомним ключевые события последнего года «славного тридцатилетия» – 1975-го, символически закрывавшие один период истории XX в. и открывавшие другой, последний, редкий по комбинации трагедии и комедии, драмы и фарса. Их пять: мировая инфляция (*«много, много непокоя принесет она с собою»*), Хельсинкские соглашения, Билл Гейтс с его «Майкрософт», встреча на орбите «Союза–19» и «Аполлона–18» и два американских фильма – «Someone flew over the coocoo's nest» и «Jaws».

VIII. Сумерки века, 1975–1991 гг.

«Восьмидесятые годы будут играть решающую роль во всей второй половине XX в., будут самым критическим десятилетием современной эпохи», – писал в самом начале 1980-х годов В.В.Крылов. Он объяснял это тем, что к концу 1980-х годов капсистема для продолжения своего нормального функционирования, а США – для сохранения в качестве ее гегемона должны так или иначе решить проблему СССР. Либо на пути *«политической разрядки с материальным разоружением»*. Либо на пути военного (термоядерного) конфликта. Отсюда трактовка 1980-х годов как «момента истины» послевоенного периода, а по сути – всего XX в.

В общей оценке 1980-х Крылов был прав. Ошибся он в определении способа решения Западом советской проблемы – не разоружение и не «горячая» война, а разрушение СССР, переживавшего острейший системный кризис (без такого кризиса

никакое разрушение было бы невозможно; в то же время кризис был необходимым, но не достаточным условием крушения коммунизма как системы, СССР) посредством психоисторической (информационно-психологической, социально-политической) и геоэкономической войны. Элементом системного кризиса был и кризис лидерства. Помноженный на шкурный интерес и неадекватность современному миру советской верхушки, господствующего слоя, он позволил американскому руководству почти без труда заставить поверить «советских вождей», советскую верхушку в то, что они проиграли, запугать блефом «звездных войн».

Последний период исторического XX в. и начался весьма символично – с кинофильма «Звездные войны» (1977) режиссера Лукаса. Кино предвосхитило реальность – «звездные войны» президента и бывшего киноактера Рейгана. В 1980 г. выйдет вторая серия «…войн» – «Империя наносит ответный удар», словно предваряя рейгановскую формулу «империя зла», которой он заярлычит СССР. Блеф рейгановских «звездных войн», действительно, стал одним из психоисторических «политтехнологических» средств, с помощью которых был разрушен СССР, и это разрушение в качестве одного из процессов разворачивающейся глобализации стало центральным макрособытием конца XX в.

В плане мировой политики особенно важным, как символически, так и по сути, был 1983 г. Он и без политики-то был насыщенным – появились слово «глобализация» и словосочетание «виртуальная реальность», появился вирус СПИДа и вошел в моду сотовый телефон фирмы «Motorola»; Майкл Джексон впервые продемонстрировал свою «лунную походку». Но главное, конечно, было в другом.

В 1983 г. президент Рейган, который пришел в политику и въехал в Белый Дом в полной уверенности, что США проигрывают «холодную войну» и нужно изменить ситуацию и победить любой ценой, объявил о начале работ по «стратегической оборонной инициативе» (СОИ). Речь шла о размещении на околоземной орбите военно-технического комплекса, способного уничтожать запускаемые с земли ракеты (конкретно речь шла, естественно, о советских ракетах) в начальной стадии запуска. Программу СОИ, которая на самом деле была блефом, рассчитанным на то, чтобы запугать советские верхи, сломить их волю к борьбе и заставить поверить, что они проиграли, окрестили программой «звездных войн» – по названию лукасовского фильма. «Запущенный» в 1983 г. Рейганом в адрес СССР термин «империя зла» тоже вызывал ассоциации с лукасовским фантастическим фильмом – вторым.

В любом случае 1983 г. стал годом начала прямого и явного контрнаступления США на СССР в «холодной войне». Парадокс и ирония истории заключаются в том, что это наступление, начатое с благославления папы Иоанна Павла II, **внешне** одним человеком – бывшим голливудским актером, т.е. опытным игроком-лицедеем (**по сути** за ним стояли мощные мировые и внутриамериканские силы), было, пожалуй, последним и единственным отчаянным средством, на которое могли рассчитывать США в противостоянии с СССР (разумеется, если не считать ядерную войну) и в исправлении своего ахового положения в первой половине 1980-х годов. Всего лишь через шесть лет это контрнаступление привело Запад к победе, что и оформила встреча Буша-старшего и Горбачёва близ Мальты в декабре 1989 г. За этим последовали крайне символичное разрушение Берлинской стены и антикоммунистические революции в Восточной Европе, везде (за исключением темной истории с Румынией) прошедшие бескровно, а то и бархатно.

Разумеется, надо учитывать, что успех Запада был достигнут по отношению к такой «цели», которая в течение трех десятилетий, с одной стороны, находилась в состоянии нарастающего кризиса, с другой – была объектом интенсивной информационно-психологической (психо-исторической) войны и была ослаблена как этой войной, так и особенно внутренними проблемами.

Положение самой Америки было далеко не простым. Как мы помним, в 1975–1976 гг. мир охватила инфляция. В 1978 г. президент Картер был вынужден объявить о необходимости поддержки доллара, и тем не менее трудно сказать, как развивались бы события, если бы федеральная резервная система (ФРС) США не повысила процентные ставки. Это было рискованным решением с точки зрения удержания инфляции, но американцы рискнули и выиграли. Однако «недолго музыка играла»: в 1979 г. рванула иранская (хомейнистская) революция. Американцев давно раздражал шах Ирана Реза-Пехлеви II, и поэтому они ничего не сделали, чтобы помочь ему. Более того, они (как минимум – косвенно) способствовали «функционированию» Хомейни (по-видимому, для давления на шаха). Однако, как это часто происходит в истории, «элитарные» подсчеты не принимают во внимание массовые процессы, в результате «побочные программы» начинают жить своей собственной жизнью, порой наказывая «программиста». Так произошло с русской революцией 1917 г., с гитлеровским райхом, со многим – в том числе и с хомейнистской революцией. Экономический результат падения шаха – увеличение цен на нефть к концу 1979 г. почти на 90%, т.е. второй за десятилетие нефтяной кризис, который в сочетании с рядом других факторов привел к кризису финансов США.

Американским ответом стала «рейганомика», т.е. снижение всех государственных расходов кроме военных (в военной сфере торжествовало кейнсианство); снижение налогов, от которого выигрывали богатые; предоставление льгот крупным корпорациям; ограничительный денежно-кредитный курс ФРС.

Либерализация американской экономики внутри страны по рецептам чикагской школы монетаристов (плюс некоторые «добавки» из экономических теорий XIX в.) сопровождалась мощными протекционистскими мерами на «внешней арене». Однако дела шли все хуже: в 1982 г. падение прибыли составило 26,5%! Такого Штаты не знали уже много десятилетий. (Красноречивый пример: в 1980 г. компания «Дженерал электрик» впервые с 1921 г. начала нести убытки.)

В социальной сфере «рейганомика» развертывалась как наступление господствующих классов Америки на средние, рабочие и низшие классы. Это наступление было внутренним аспектом общего отчаянного («ва-банк») макросоциального и макрополитического наступления Америки в первой половине 1980-х годов. На внешней арене у наступления было два направления. Первое – против СССР, причем началось оно еще при Картере и до ввода советских войск в Афганистан: решения – о размещении ракет в Европе и переходу к переговорам с СССР с позиций силы; о создании «исламистского кулака» против СССР; о 3%-ом увеличении бюджета НАТО, принимались до начала войны в Афганистане. Рейган добавит к этому «второму витку» «холодной войны» «звездные войны», конфликт в Ливане и такое обострение международной обстановки на Ближнем Востоке, что в мире заговорят об угрозе третьей мировой войны.

Второе направление – активные действия в «третьем мире», направленные как на упрочение своих позиций после фиаско во Вьетнаме и Иране, так и на преодоление «вьетнамского комплекса» и антивоенных настроений в самих США. При Рейгане США, критиковавшие СССР за войну в Афганистане, беспардонно вводили войска в Сальвадор и Гондурас, на Гренаду; вмешивались во внутренние дела Никарагуа и Боливии, бомбили Ливию и сбивали ливийские и иранские самолеты.

Но вернемся к социальному наступлению рейгановской администрации внутри страны. Разумеется, оно велось не по причине крайнего социального злодейства Рейгана и его команды, просто в тяжелой ситуации в соответствии с системной, классовой логикой из кризиса выходили за счет средней и нижней части общества, перекладывая все бремя на них, т.е. на те социальные слои, которые получили значительную долю «социального пирога» в 1945–1975 гг. и которые составляли основу массового общества. Теперь их от этого «социального пирога» отсекали.

Объективно это било по массовому обществу, по обществу массового социального собеса (welfare state). Именно с конца 1970-х – начала 1980-х в США и Великобритании начинает расти число людей, живущих за чертой бедности, постепенно ухудшается положение многих сегментов среднего и рабочего классов. Именно тогда начинается расслоение среднего класса на старый, чье положение ухудшается, и немногочисленный очень богатый «новый» средний класс. И это соответствовало сути и логике новой эпохи. Ведь это индустриальное, ненаукоемкое производство нуждается в многочисленном рабочем и среднем классе. В наукоемком производстве ситуация иная. Так, в начале 1990-х годов в фирме «Microsoft» (включая 49 филиалов) работало 16 400 человек. И больше не надо. Поэтому деиндустриализация Запада вообще и США в частности, связанная, во-первых, со становлением новых, энтээровских («постиндустриальный» – не очень удачный термин, годится, скорее, как метафора, в качестве которой я его и использую) структур производства; во-вторых, с переводом промышленных предприятий в зоны с дешевой рабочей силой (именно в этом корни чуда «азиатских тигров») для значительной части работающего населения обернулась незанятостью. Уже в 1981 г. Б.Блустоун и Б.Харрисон опубликовали книгу «Деиндустриализация Америки», в которой с тревогой писали о разворачивающемся процессе.

Нельзя не согласиться с теми, кто считает, что не позднее 1982 г. «рыночный фундаментализм» американского правительства провалился. Начался рост инфляции, которую, правда, США в 1983–1985 гг. смогли «вытеснить» в другие страны. К середине 1980-х рейганомика пришла с «блестящим» результатом: торговый дефицит, дефицит бюджета, рост государственного долга. Финансы США – а вместе с ними американская экономика – зависли на краю пропасти.

В 1986 г. произошел обвал на нью-йоркской бирже, в сентябре 1987 г. английский «Economist» известил мир: если в 1981 г. мир должен был США 141 млрд. долл., то в 1986 г. уже США должны были миру почти вдвое больше – 246 млрд. долл. и стали крупнейшим в мире должником. То была цена рейганомики и в еще большей степени – при всей неолиберальной риторике – «военного кейнсианства» Штатов (как верно в самом начале 1980-х годов заметил В.В.Крылов, капитализм уже не сможет одновременно «гнать вооружение» и умиротворять своих трудящихся), призванного подорвать, «сварить» СССР в гонке вооружений, или обеспечить такое военное превосходство, которое позволит решить «русский вопрос» военным путем и окончательно.

Америка пошла ва-банк, – ее могло спасти только максимальное ослабление/разрушение СССР тем или иным способом, извне (война) или изнутри, explosion or (or and) implosion. Но это должно было произойти очень быстро. Счет (для США) шел на месяцы. Во второй половине 1987 г. крупнейшие американские банки впервые с начала 1930-х годов объявили о квартальных убытках. 19 октября 1987 г. рухнул Уолл-стрит, дав старт новому мировому экономическому кризису; индекс Доу-Джонса упал на 508 пунктов (т.е. на 23,4%) – самое крупное в истории падение за один день. Через несколько недель после этого «Wall Street Journal» сообщил, что рынок США был на грани крушения. Краха удалось избежать только потому, что Алан Гринспен, новый глава Федерального банка, реализовал рекомендации секретного исследования о том, как избежать катастрофы, проведенного им еще во время своего назначения.

Однако Гринспен был способен только отсрочить катастрофу, но не отвести ее вообще. Последнее могло быть результатом изменений надстранового, надамериканского, глобального масштаба. И они произошли.

В 1987 г. выходит книга генсека Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (своей страны ему было мало, весь мир подавай; жаль, что Горбачёв перестраивал СССР, лучше бы – США, но там *«вверх таких не берут… и про таких не поют»*). По сути это была доктрина полной внешнеполитической капитуляции СССР и отказ от поддержки союзников в соцлагере и «третьем мире». Представленная тезисно в журнале «Коммунист» (№ 7 за 1988 г.) доктрина начала реализовываться, и уже через три года эта реализация закончилась развалом СССР.

Можно привести такое сравнение: разворачивающаяся глобализация потащила США в свою воронку, словно готовя им роль своей первой жертвы. Однако Штатам удалось зацепиться за еще одного пловца, испытывающего серьезнейшие проблемы, столкнуть его в водоворот, и использовав энергию толчка, не только выскочить из водоворота, но остаться сверхдержавой № 1 и резко улучшить в 1990-е свое экономическое положение. Незадачливым пловцом, ставшим первой крупной жертвой глобализации (а также Запада в целом и, конечно, системной логики своего развития) был Советский Союз, который уже настолько ослаб, что в декабре 1991 г. хватило решения «трех мудрецов в одном тазу» в Беловежской Пуще, и он рассыпался (*«Стена – да гнилая, ткни – и развалится»* – слова молодого Ленина, якобы сказанные им царскому жандарму).

В том самом 1985 г., когда история потащила США в воронку глобализации, генсеком КПСС, а следовательно верховным правителем СССР и всего соцлагеря стал Михаил Горбачёв. Через шесть лет СССР прекратил свое существование, а США вступили в эру «клинтоновского процветания», что служит подтверждением простого правила: Большая Мировая Игра – это «игра с нулевой суммой», т.е. если у кого-то что-то убавится, то кому-то прибавится. И наоборот. Короче, прогресс – это всегда за счет кого-то и в ущерб кому-то. Как это происходило конкретно, мы рассмотрим ниже, в частях о советском коммунизме и о «холодной войне».

По контрасту с СССР, другая крупная страна соцлагеря – Китай, в 1970-е начала путь наверх мировой пирамиды. В 1976 г. в Китае произошло два землетрясения. Первое – физическое, в результате которого погибло от 300 до 600 тыс. человек. Второе – политическое: умер Мао Цзэдун. Его наследников во главе с женой Цзян Цин арестовали и заклеймили как «банду

четырех», а Китай с 1977 г. двинулся под руководством Дэн Сяопина по пути реформ, активно используя противоречия между США и СССР.

Распад СССР – знаковое событие – произошел в последнем месяце 1991 г. А в первом месяце того года произошло тоже весьма знаковое событие – американо-иракский (или иракско-американский) конфликт, который был первой по-настоящему межгосударственной войной Север – Юг (Юг – Север). В августе 1990 г. Ирак захватил Кувейт, косвенно это было нападение на США. В январе 1991 г. американцы начали ответные действия – операцию «Буря в пустыне». Обе стороны в конфликте преследовали свои цели. Саддам Хусейн захватом кувейтской нефти стремился решить свои экономические проблемы и провести «разведку боем» на предмет, как американцы будут реагировать на иракскую экспансию.

Американцы не могли допустить угрозу своим нефтяным и геополитическим интересам на Ближнем Востоке. Кроме того, правы те исследователи, которые отмечают: Белый Дом, независимо чей он – демократический или республиканский, обостряет внешнеполитическую ситуацию (не всегда, но часто) как только возникает угроза военному бюджету, особенно в условиях экономического спада (война в Корее после спада 1949 г., вторжение в Ливан после спада 1957–1958 гг., обострение «холодной войны» после спада 1979 г.). В 1990 г. возникла угроза военному бюджету «Буша – Чейни – Пентагона» и – какая удача – «подставился» Саддам, словно по заказу.

В январе 1991 г., создав на Ближнем Востоке мощный военный кулак, США одержали победу в войне, которая представляла собой 42 дня бомбардировок (американские генералы будто решили материализовать и проиллюстрировать строки из седьмой суры «Корана»: *«И сколько селений мы погубили! Приходила к ним наша ярость ночью или когда они покоились»*) и 100 часов наземных действий. Штаты не стали свергать Саддама (нежелание брать на себя в 1991 г. всю ответственность за ситуацию в регионе, страх перед хаосом в нефтеносном районе, необходимость иметь буфер по отношению к Ираку и «пугало» для Саудовской Аравии и монархий Персидского залива). Генерал Шварцкопф так и не получил приказ «На Багдад», а политические результаты поэтому, в отличие от военных, оказались крайне скромными. И, главное, Саддам показал всему Югу: противостоять США – дело пусть опасное и рискованное, но не невозможное. И это был праздник сердца для всех антизападных, антиамериканских сил в мусульманском мире. Не случайно в том же 1991 г. к власти в Алжире – стране с длительной традицией не просто светского, но левого правления, осуществляемого военными или выходцами из военно-революционной среды – пришли исламисты. Военным пришлось применить силу, и страну уже десятилетие рвет на части кровавый религиозный конфликт.

Алжир – далеко не единственная страна, где в «сумерки XX» вместо «сов Минервы» «вылетели» исламисты – они «вылетели» практически по всему мусульманскому миру, демонстрируя активность и вне его. Социально-экономическая основа подъема исламизма – неспособность светских, чаще всего левых режимов, придерживающихся как правило той или иной формы «националистической идеологии» решить реальные проблемы исламских обществ Северной Африки и Юго-Западной Азии. Иными словами, крах Модерна на исламской почве, и в этом плане исламский фундаментализм есть нечто вроде исламского постмодерна, не случайно М.Фуко назвал хомейнистскую революцию 1979 г. постмодернистской.

Помимо социально-экономической основы у движения исламистов было несколько конкретных политических и геополитических причин разной силы. Это иранская революция, война в Афганистане, вызванная вводом советских войск и действия США (прежде всего в лице ЦРУ) и Саудовской Аравии по созданию исламистского фронта против СССР (а затем, более или менее косвенно, против Западной Европы); ну и, наконец, арабо-израильский конфликт.

Необходимо обратить самое пристальное внимание на иранскую революцию. Это – поворотный пункт в истории мусульманского мира не только в XX в., но и в современной (1789–1991) эпохе в целом. По сути, это – «мартовские иды» Модерна на мусульманской периферии капсистемы, ведь иранская революция, которая к тому же произошла в одной из самых просвещенных монархий Ближнего Востока, развивалась не только не под марксистскими или левыми лозунгами, но и вообще не под светскими, а под религиозными, фундаменталистскими.

Если арабский социализм (или национализм) или, скажем, пантюркизм были схемами, не противоречившими геокультуре Просвещения – их цели и ценности были понятны европейцу и не вызывали у него отчуждения, то цели, ценности и программа хомейнистской революции и исламского фундаментализма суть тотальное отрицание западной культуры как таковой, политической жизни западной цивилизации и буржуазного общества, всей парадигмы Просвещения. Это в отличие от национализма не игра на одном поле с Западом; это – стремление организовать другую игру на другом поле и по другим – незападным – правилам.

Символично, что в год, предшествующий хомейнистской революции, – 1978, лондонское издательство «Henley» выпустило книгу Э.Саида «Ориентализм», которая сразу же стала интеллектуальным и политическим бестселлером. Ее главная мысль заключалась в том, что ориентализм, созданный Западом, представляет собой не столько науку, сколько средство идейно-политического контроля Запада над Востоком путем научного навязывания последнему его образа как отсталого, статичного и пассивного (здесь очевидно влияние М.Фуко, его концепции «власти-знания»). Запад, писал Саид, ориентализировал Восток (т.е. представил его исходно статичным и отсталым, годным только для европейского завоевания, с которого якобы и началась динамика); для реального научного понимания и познания Востока нужны дезориентализация Востока, устранение научных мифов и т.д., т.е. создание новых правил «научной игры», организация «новой игры» – такой, которая не будет функциональным элементом системы «идейно-политического контроля».

Как и у Хомейни, у Саида речь шла о создании новых правил игры, только применительно прежде всего к интеллектуальной сфере, конкретно – к области востоковедения. И это совпадение не случайно, в нем выразился дух эпохи, ее историческая психоэнергетика, и Саид вовремя откликнулся на это. В результате его (довольно слабая если говорить в целом) работа стала культурно-политическим манифестом и событием, которое воспринималось в качестве своеобразного водораздела в изучении Востока; отсюда термины postsaid historiography, postsaid discourse и так далее. О том, что Восток нужно изучать «из него самого», а не на западный манер, изучать с использованием минимума нагруженных западными реалиями и ценностями терминов, о необходимости «восточноцентричного» подхода писали и до Саида (например, китаист Ч.Скиннер в середине 1960-х), и после него. Однако в точку попал именно Саид, поскольку «выдал» свою книгу в «нужное», кризисное время,

породившее и иранский кризис, и кризис в отношениях Север – Юг (не случайно в 1980 г., В.Брандт публикует доклад «Север – Юг: проблемы выживания»), и хомейнистскую революцию, и исламский фундаментализм.

Будучи антипросвещенческим, антизападным, исламский фундаментализм, бесспорно, революционное явление (точнее, одновременно реакционное, в смысле – антимодерновое, и революционное). В любом случае, думаю, правы те, кто, как, например, О.Руа, считают: в отличие от традиционализма, направленного на сохранение существующего положения, его консервацию, а то и явное подморожение, фундаментализм стремится к корням, к чистым и незамутненным традицией истокам, т.е. к тому, чтобы преодолеть традицию, или даже смести ее. Фундаментализм – «штука» весьма революционная, и не случайно ядро исламистских организаций, их активисты суть прежде всего более или менее образованная городская молодежь, которая в условиях господства модели модерна в той или иной степени не получала «место под солнцем». Под **этим** (но только под этим) углом зрения исламский фундаментализм похож на молодежно-студенческие волнения на Западе в 1968–1970 гг., а точнее занимает в истории мусульманского мира XX в. эквивалентную им нишу. Более того, я бы назвал исламский фундаментализм, его революционный порыв не только мусульманским постмодерном, но и в **известном** смысле мусульманским социальным, властно-производственным аналогом научно-технической революции в западном (северном) ядре капсистемы.

Вообще следует отметить, что обращение к религиозному, иррациональному, усиление религиозной, фундаменталистской компоненты в «сумерки XX в.» происходят не только в исламе, но также и в христианстве (в США), и в иудаизме.

Более того, фундаментализм – рыночный – оживляется и побеждает в социально-экономической политике, в политико-экономической практике. В 1979 г. фундаменталисты победили и начали свои революции в двух странах – религиозную в Иране и рыночно-экономическую в Великобритании. В 1979 г. в этой англосаксонской стране победила Тэтчер – сторонница неолиберализма (рыночного фундаментализма), начавшая наступление на многие аспекты welfare state. После победы на выборах в США Рейгана к «фундаменталистской революции в экономике» подключилась еще одна англосаксонская страна, и контрнаступление неолибералов (по форме – англосаксонский рыночноиндиви-дуалистический реванш по отношению к советскому коммунистическому и германо-французскому этатистскому порыву 1914–1975 гг.) приобрело мировой характер. Это контрнаступление, эта революция (контрреволюция), продолжающаяся до сих пор и чем-то напоминающая исторический отрезок 1871–1914 гг., были обусловлены как логикой развития капитализма (см. мои «Колокола Истории») вообще и динамикой развития мировой экономики в частности, так и логикой противостояния капитализма и коммунизма, «холодной войны». Подробно рассмотрим эти вопросы в III и V томах цикла, а сейчас вернемся к религиозно-иррациональной проблематике.

В последней четверти XX в. в условиях нарастания непредсказуемости, хаотичности мира, подрывающей веру не только в прогресс, но и просто в рациональное, получают все большее распространение религиозные, мистические и прочие иррациональные течения мысли. Поразительно, но происходит иррационализация и религиозная синкретизация даже светских и марксистских идейных систем, движений. Так, перуанская «Сендеро луминосо» («Светлый путь») – марксистская организация с маоистским уклоном, созданная университетским профессором А.Гусманом, в какой-то момент начала «модифицироваться» с помощью индейского милленаризма, а лидер организации стал рассматриваться в качестве реинкарнации последнего Великого Инки, убитого испанцами в 1572 г. Исследователи также отмечают использование мифов об Ангкоре «красными кхмерами». Можно привести и иные примеры, но и этих достаточно для иллюстрации общей тенденции.

В массовом бытовом сознании Запада указанной тенденции соответствует серьезный сдвиг от научной фантастики (science fiction) фэнтэзи (fantasy). В самой научной фантастике собственно научный, просвещенческо-рациональный элемент уменьшился и ослабился, а фэнтэзийный (т.е. по сути сказочный) усилился. Достаточно взглянуть на эволюцию Пола Андерсона, Гарри Гаррисона и многих других авторов, начинавших в 1950–1960-е годы в качестве классических научных фантастов.

Фэнтэзи – это не просто ненаучная фантастика. Если science fiction – это будущее в будущем, «будущее – как будущее», то фэнтези – это прошлое в будущем и как будущее. Это сказочная версия мира средневековья и древности, населенная драконами, гоблинами, эльфами, гномами, ликантропами и т.д., опрокинутая в будущее и часто лишь дополненная сверхсовременной техникой. И суть дела не меняется от того, что местом действия фэнтэзи может быть и космос, в котором летают фотонные звездолеты и совершаются «прыжки» через гиперпространство, и параллельные миры. Остается главное — сказочно-мистический ход происходящих событий. Именно в пользу этого склонилась чаша весов в 1980–1990-е годы. Отсюда – фантастический рост популярности с 1980-х «Властелина колец» Дж.Р.Р.Толкина, «поттеромания» 1990-х, огромная популярность ролевых игр (прежде всего в США) типа «Башен и драконов» («Dungeons and Dragons») и различных «Quests», а также мистических триллеров Стивена Кинга, Дина Кунца и др., вот уже почти четверть века сохраняющих свою популярность.

Поворот от науки к сказке и от Современности – к Средневековью и Древности (повторю, независимо от того, помещены ли они теперь в будущее, в космос или находятся в вымышленном мире, вроде Mystara World или Hallow world «Башен и Драконов») захватил не только массовую литературу и игры, но, естественно, и кино, чему в немалой степени способствовали возможности, предоставленные компьютером.

Компьютерная техника за последние двадцать пять лет совершила революцию (или контрреволюцию – кому как угодно) в кино, резко усилив тенденцию к потрясающей воображение зрелищности и существенно ослабив то, что связано с искусством, с творчеством режиссера и актера. Конечно, во второй половине 1970-х – 1980-е годы снимали свои фильмы Анно, Бенекс, Бунюэль, Вендерс, Годар, Гринуэй, Кубрик, Линч, Паркер, Рене, Скорсезе, Стоун, Фассбиндер, фон Триер и другие. Однако их фильмы – это для гурманов, которых становится все меньше.

Если взглянуть на наиболее известные голливудские фильмы «сумеречной зоны» XX в. (1975–1991), то наиболее известные блокбастеры и «высокое кино» разделятся примерно поровну, хотя «примерно» – все же в пользу блокбастеров. На их стороне будут: «Рокки–1» (1976 г., «Оскар», за ним последуют –2, –3, –4, –5) со Сталлоне, «Кинг-Конг» (1976), «Звездные войны»

(1977), «Супермен» (1978), «Чу-жой–1» (1979 г., за ним последуют –2, –3, –4) с Сигурни Уивер, «Империя наносит ответный удар» (1980), цикл (три фильма) об Индиане Джонсе с Харисоном Фордом, «Первая кровь» («Рэмбо–1», 1982 г.) со Сталлоне, «Возвращение Джедая» (1983), «Терминатор–1» (1984) со Шварцнеггером («Терминатор–2», 1991 г.), «Хищник–1» (1987) со Шварц-неггером, «Робокоп»–1, «Крепкий орешек–1» (1988 г., последуют –2, –3) с Уиллисом, «Бэтмен» (1989).

С другой стороны оказываются: «Таксист» Скорсезе (1976), «Охотник на оленей» Чимино (1978 г., «Оскар»), «Апокалипсис сегодня» (1979) и «Бойцовая рыбка» (1983) Копполы, «Амадей» Формана (1984 г., «Оскар»), «Однажды в Америке» Леоне (1984), «Взвод» (1986) и «Уолл-стрит» (1987) Стоуна, «Человек дождя» Б.Левинсона (1988 г., «Оскар»), «Молчание ягнят» Дж.Демми (1991 г., «Оскар»).

Однако этот внешне «примерный паритет» не должен вводить в заблуждение. В 1998 г. «The Hollywood Reporter» опубликовал список 500 крупнейших режиссеров. Первые три места занимают Спилберг, Кэмерон, Лукас, на четвертом – Скорсезе, на пятом – Кубрик, на шестом – Коппола, на четырнадцатом – Стоун, на двадцать седьмом – Поллак. Без комментариев.

В кинематографе, типичном для Спилберга, Лукаса, Кэмерона и т.п. актер как таковой, актерская игра, режиссер в старом смысле слова практически не нужны. Нужны специалист по спецэффектам, компьютерщик, композитор. Остальное приложится. Так кино превращается в иной жанр, из него уходят литература и театр и остается шоу, гладиаторские бои конца XX в. и битвы с чудовищами.

Кино чудовищ, страшных инопланетян и борцов с ними потребовало героев и героинь (а следовательно, актеров и актрис) с иной, чем прежде, фактурой и внешностью. Герои и героини становились брутальнее. «*Кому,* – ехидно замечает О.Рейзен, – *могло… прийти в голову, что по мере развития цивилизации уровень популярности киноидола окажется в пропорциональной (прямой, а не обратной) зависимости от его близости к палеолиту? Покуда ученые жизнь кладут, чтобы опровергнуть теорию Дарвина, кинематографисты осуществляют ее в обратном направлении: чем ближе физиономические данные актера к мохнатому предку, тем больше его шансы на успех. Узкие проваленные или скошенные лбы, сросшиеся брови, крошечные глазки, выпирающие челюсти – где вы, доктор Ломброзо?.. Полное отсутствие интеллекта*». Шварцнеггер, Сталлоне (не худший вариант), Бред Питт, Том Хэнкс, Чак Норрис, Ник Нолти, Джон Траволта (в Европе – Депардье) заняли место Грегори Пека, Хэмфри Богарта, Марлона Брандо, Ива Монтана. Что осталось от прежнего типа? Де Ниро, Майкл Дуглас, Дастин Хофман, Аль Пачино. Все?

Еще более серьезные изменения «fight the monster» кино привнесло во внешний облик героинь, чему также немало поспособствовал феминизм (тоже бизнес, кстати). «Сумеречная зона» XX в. стала, похоже, и сумерками нормальной женской внешности в кино (и модельном бизнесе). Два последних десятилетия календарного XX в., пишет уже упоминавшаяся Рейзен, привели на киноэкран обилие *«сомнительных с точки зрения определения пола фигур»*: Сигурни Уивер, Джоди Фостер, Кэтлин Тёрнер, Линда Хэмилтон, Мариса Паредес, Кармен Маура, Франческа Нери и др. Сомнения в плане половой принадлежности возникают здесь по поводу не только внешности, но и поведения: бабцы-андрогины лихо расправляются с чудовищами, мордуют мужиков и друг друга. Одна сцена мордобоя с использованием приемов кун-фу и каратэ между героинями Рейчел Тикотин и Шарон Стоун в фильме «Вспомнить все» («Total recall», 1990 г., в заглавной мужской роли – Шварцнеггер) чего стоит.

Конечно, и раньше кино как бизнес, кино как ремесло занимало больше места, чем киноискусство. Так, в 1950-е и 1960-е годы неореализм в Италии и «новая волна» во Франции вовсе не доминировали, большинство предпочитало совсем другое. И тем не менее компьютерная техника не просто подвела материально-техническую базу для господства зрелищно-ремесленного кино, но и создала условия для вытеснения другого кино, – того, в котором есть актерская игра, но нет планетарных катаклизмов, столкновений с астероидами, колдунов, магов и чудовищ. Именно эти последние, если говорить о фантастике, начали на рубеже 1970–1980-х годов активно теснить с экрана «просто» астронавтов, навигаторов, инженеров, таких как герои снятой в 1968 г. по роману А.Кларка «Космической одиссеи».

Техника стала превращаться лишь в фон, вроде джунглей, саванн, прерий или буша в романах Майн Рида, Хаггарда, Буссенара или Сальгари. Реальными главными героями, вокруг и «по поводу» которых все крутится и с которыми сражаются, стали «чужие» (первый фильм – 1979 г.), чудовища из фильмов типа «Левиафан», «Хищник», «Нечто» и т.п. Помимо прочего, в «сумерки XX в.» произошла дерационализация научной фантастики с устранением из нее не только большей части научного элемента, но и такого идейного комплекса, как вера в прогресс, будь то научно-технический или социальный, в рациональную природу человека, в рациональное устройство мира. Таким образом, массовая литература и кино Запада последней четверти XX в. справили свои «поминки по Просвещению» (название замечательной книги Дж.Грэя). Однако эти поминки были частью более масштабных поминок, связанных с утратой в 1970-1980-е годы веры в прогресс и торжество рационального. И не случайно в 1992 г. выйдет книга Жана Гимпеля «Конец прогресса: технический упадок и кризис Запада». Но, возможно, Гимпель сгустил краски? Возможно. В любом случае имеет смысл взглянуть на развитие науки и техники в «сумеречные» годы XX в.

Развитие техники в 1975–1991 гг. – это, прежде всего, компьютеры и средства связи. В 1976 г. появляется струйный принтер IBM. В 1977 г. – первый серийный домашний компьютер С.Джобса и М.Возняка «Apple–2»; 1978 г. – Apple создает винчестер (жесткие диски) для персональных компьютеров. В 1980 г. «Microsoft» создает операционную систему MS-DOS, которую принимает IBM. В 1981 г. появляется первый персональный компьютер (ПК) IBM с операционной системой (MS-DOS), а в 1983 г. – первый ПК со встроенным жестким магнитным диском. В том же году японцы приступают к созданию компьютера «пятого поколения» (около 1 млрд. операций в секунду.) В 1984 г. появляется ПК «Mackintosh» и начинает действовать INTERNET. С 1985 г. созданием операционной системы «Windows» начинается настоящее восхождение Билла Гейтса и его компании «Microsoft»; в том же году создана программа электронных таблиц «Excel», а «Sony» и «Philips» начали производство CD-ROM. В 1986 г. появляется первый портативный («laptop») ПК. В 1989 г. завершается процесс укладки через Атлантику первого волоконно-оптического кабеля. Уже в следующем году – году создания Windows–3 – мировые компьютерные сети подвергаются атаке «вирусов», организованной хакерами. В последний год исторического XX в. – 1991 – происходит коммерциализация Интернета, и он делает важный шаг к приобретению нынешнего вида.

1978 г. – первые мобильные телефоны, настолько дорогущие, что позволить себе их могут только «богатенькие Буратино» – шейхи из Объединенных Арабских Эмиратов; в 1979 г. «мобильники» начнут распространяться в Японии и только в 1982 г. – в США. В 1976 г. японцы выпускают кассетный видеомагнитофон, а в 1979 г. появляются ТВ «Matsusita» с плоским жидкокристаллическим экраном и аудиоплейер «Walk-mann» с наушниками, теперь фанаты могли слушать своих кумиров где угодно. В 1980 г. по миру «покатился» кубик Рубика, был выпущен компакт-диск «Philips», а с 1982 г. начинается массовая продаже компакт-дисков.

В 1979 г. в Японии появился поезд на магнитной подвеске (скорость 517 км/час), а в 1981 г. были пущены высокоскоростные поезда (TGV) на французских железных дорогах (сначала Париж – Лион).

Продолжалось, хотя и скорее инерционное и количественное, чем качественное исследование космоса. В 1976 г. американские «Vicking»–1 и –2 сели на Марсе. В 1977 г. американцы запустили «Voyager»–1 и –2, которые устремились в сторону границ Солнечной системы. 1978 г. – советские «Венера–11» и «Венера–12» садятся на Венеру. В 1981 г. состоялся первый полет челнока «Колумбия». С 1984 г. американцы регулярно запускают челноки «Challenger», вокруг Земли продолжает крутиться советская станция «Мир».

В 1978 г. появляется первый ребенок «из пробирки» – англичанка Луиза Браун. Вообще, в 1975–1991 гг. биологи и медики достигли значительных успехов в научных исследованиях по многим направлениям (изучение ДНК, генная инженерия, трансплантация органов), создание искусственного сердца. В то же время, во второй половине 1970-х –1980-е годы появились первые серьезные симптомы торможения развития науки и техники. Так, в начале 1980-х годов выяснилось, что дальние полеты в космос или длительное пребывание людей в ближайшем космосе имеют биологические ограничения, да и финансов на планировавшиеся в эйфории 1960-х – первой половине 1970-х годов программы освоения космоса не хватает. Снижение интереса к освоению космоса – очевидный факт: если в 1985 г. 17% населения США считали исследование космоса величайшим достижением послевоенной эпохи, то в 1989 г. – только 3% населения были согласны с этим.

Сердечные болезни не исчезли в 1990 г. – как это прогнозировалось в 1967 г.; смертность от рака в США с 1962 по 1982 гг. увеличилась на 7%, а онкологический истеблишмент предпочитает тратить деньги не на профилактику, а на лечение, поскольку это гарантирует профессиональный престиж и приток средств. Исследования показали, что ряд опасных микробов (например, Plasmodium falciparum – переносчик малярии) обрели устойчивость к антибиотикам. В «сумерки» века возвращаются старые болезни и появляются новые (о чем предупреждал еще в 1967 г. в «Сумме технологии» Лем).

Пожалуй, только в одной области прогресс бесспорен – компьютеры, однако и здесь есть проблемы. Да, компьютеры сделали жизнь более комфортной, но более ли удобной? Я не говорю уже ни о снижении с 1987 г. производительности труда в некоторых сегментах сферы услуг из-за применения компьютеров и психологическом упрощении пользователей Интернет и многом другом – every acquisition is a loss and every loss is an acquisition.

В 1983 г. в мир пришла новая болезнь СПИД (AIDS) (точнее, был открыт ее вирус), словно вернувшая наш мир в страшные 1350-е годы («черная смерть»). И произошло это всего лишь через четыре года после объявления об окончательном уничтожении вируса черной оспы.

В середине 1980-х заговорили об озоновых дырах и проблемах озонового слоя, однако очень скоро, в 1986 г., внимание от «озоновых дыр» и спекуляций на эту тему на какое-то время отвлекла страшная катастрофа в Чернобыле в 1986 г.

Эта катастрофа стала дополнительным аргументом для тех, кто говорил либо о «конце прогресса» (Гимпель и др.), либо о «конце науки» (Хорган и др.). Речь, разумеется, не идет о конце научных исследований или о конце каких бы то ни было качественных изменений вообще. Речь о другом – о достижении в развитии науки некоего порога, когда вложение средств – денег и интеллекта – дает все меньшую отдачу; о таком изменении психологического и интеллектуального климата, когда рациональные поиски истины перестают быть ценностью; о том, что развитие техники упирается в социальные и финансовые барьеры и что наука и техника, будучи элементом общества, не могут решить его проблемы, как это ожидалось в 1920–1940-е годы и как это отчасти происходило в 1950–1970-е; напротив, они создают проблемы.

Повторю: подробнее мы проговорим об этом ниже, во втором томе (II части) в главе «Век надежд и иллюзий», а затем сравним нынешнюю мировую ситуацию с фазами технического старения европейской цивилизации XIV–XV вв. и других цивилизаций – очень поучительно. Сейчас еще раз хочу обратить внимание на словно усталый, инерционно-затухающий характер научно-технических достижений последней четверти календарного XX века, их в большей степени количественный, узкоспециализированный, чем качественный и широкий характер. Изобретений, открытий, исследований – много. Но все большая и большая их часть – по все более мелкой и узкой тематике, что разрывает общенаучную ткань, а вместе с тем и науку в целом, которая превращается в экспертный анализ и подменяется им, а как известно, эксперт – это тот, кто знает все больше и больше о все меньшем и меньшем.

Достижения в области общественных наук – резкий контраст по сравнению со «славным тридцатилетием» как по количеству, так и по качеству. Дюжина работ, не больше. Это «Истоки английского индивидуализма» А.Макфарлейна (1978), «Культурные противоречия капитализма» Д.Белла (1976), «История II мировой войны» Б.Лиддел Гарта (1976), «Доказательства и опровержения» И.Лакатоша (1976), «Размышления о войне» Арона (1976), «Период постмодернизма» Лиотара (1979), «Взлет и падение политической прессы» С.Косса (т. 1–2, 1981), «Коммунизм как реальность» (1981), «Горбачевизм» (1988), «Кризис коммунизма» А.А.Зиновьева, «Последствия прагматизма» Р.Рорти, «Диктатура над потребностями» Фехера, Хеллер и Маркуша (1983), «Философский дискурс о Модерне» Ю.Хабермаса (1985), «Циклы американской истории» А.Шлезингера–мл. (1986), «Американский ум замыкается» А.Блума (1987), «Взлет и падение великих держав» П.Кеннеди (1988), «Сознательная наука» («Science avec conscience») Э.Морэна (1990), «Конец Современности» Дж.Ваттимо (1991).

В «сумерки XX в.» появилось несколько книг по теории и методологии естественных наук и математики, которые имеют общеметодологическое значение. Это «Фракталы и геометрия природы» Б.Мандельбро (1981), «Порядок из Хаоса»

И.Пригожина и И.Стенгерс (1984), «Хаос. Создание новой науки» Дж.Глейка (1987), «Краткая история времени» С.Хокинга (1988), «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» Р.Пенроуза (1989).

В социальной и гуманитарной науке шел тот же процесс сегментации-парцеллизации знания, утраты им целостного характера, что и в науках о природе. Только, пожалуй, ярче и быстрее, поскольку здесь значительно отчетливее выражался социальный интерес. Здесь теория, целостный анализ – это автоматически социальная критика. В гуманитарных и общественных науках детеоретизация и дробление знания нашли свое идейное и «методологическое» обоснование/оформление в постмодернизме (культурно-научный коррелят «неолиберализма») с его принципиальной атеоретичностью и установкой на мелко- и узкотемье, на субъективное, на восприятие, а не на реальность, на память, а не на историю, на части и частички, а не на целое, на третьестепенное, на эпифеномены. В результате наука утрачивает целостные черты и превращается в сумму, совокупность, мозаику все более мелких и узких проблемотем, тогда как целостность этих научных парцелл обеспечивается уже не научными или даже не рациональными сущностями. А как известно, целое определяет элемент(ы), а не наоборот. В результате мы получаем парадоксальную ситуацию: все менее научный характер того, что как сумма мелких и мельчайших элементов представляется все более научным, точнее – информационно насыщенным. Субъекты этого процесса суть те, кто знает все больше и больше о все меньшем и меньшем и не соотносят свое «меньшее» с «меньшим» других.

Как это ни парадоксально, указанные тенденции не только развиваются на фоне и в условиях НТР, но и являются одним из побочных результатов ее самой и ее социальных последствий. Я уже не говорю еще об одном факторе, который объективно выступает в качестве тормоза, если не препятствия на пути развития науки, и этот фактор тоже обусловлен НТР и тем, что называют «информационное общество». Речь идет о переизбытке информации, о мощном потоке информационного шума, информ-мусора. В нынешних условиях научный работник («ученый») все больше работает с «шумами». Теперь задачей, предшествующей собственно научному исследованию и требующей все больше и больше профессионального времени, становится «отделение зерен от плевел», что вдвойне сложно. Во-первых, растет объем мусора (плюс сознательный запуск «концептуальных вирусов»); во-вторых, детеоретизация рационального знания лишает исследователя адекватных средств «селекции шумов». Так «информационное общество» топит науку – упорядоченную форму информации – в информационном потоке. Мегабитовая бомба, о которой еще тридцать с лишним лет назад писал Ст.Лем, взорвалась.

Во многом «устало-инерционным» характером отличается и развитие искусства – живописи, музыки, литературы в 1975–1991 гг. В «сумеречной» живописи практически нет сколько-нибудь значительных имен. В музыке – Шнитке, Кирхнер, Типпет, еще два-три имени. Не многим лучше ситуация в литературе. Зиновьев («интеллектуальные романы», «Зияющие высоты», 1976 г. и «Желтый дом», 1980 г.), Бродский, Апдайк, Мура-ками, Варгас Льоса, Кундера. Вспоминается также скандал вокруг «Сатанинских стихов» Салмана Рушди, «Красное колесо» Солженицына как политико-культурный элемент «холодной войны» и роман Умберто Эко «Имя розы» (1980). Нобелевские премии по литературе, которые в той или иной степени часто были элементом политической игры (не в такой, как Нобелевские премии мира, но тем не менее), в конце XX в. стали еще и политкорректными. Ну а в художественном плане ни качественно, ни количественно литература 1975–2000 гг. (впрочем, как и музыка) не идет в сравнение с литературой «славного тридцатилетия» и уж тем более «длинных двадцатых» – налицо «затухание колебаний». Ну что же, большая литература – роман, возникла вместе с Модерном. С ним она, по-видимому, и уйдет. По крайне мере, календарный эпилог XX в. – 1992–2002 гг. – подтверждает это. Однако с последними девятью годами уходящего века, как и положено эпилогу, мы встретимся в самом конце книги (и цикла). Этот краткий отрезок – громогласный и хитро-подлый одновременно – заслуживает подробного разговора. А теперь нас ждет вторая часть книги (второй том цикла) – «XX век – чей и какой?»

Андрей Ильич Фурсов
Русский исторический журнал. – М., 2000. –Т.III, № 1–4. – С. 17–156.

Русская власть, Россия и Евразия в больших циклах истории

1. Гибель евразийских богов?

Десять лет назад в три дня в августе и два дня в декабре «слинял», пользуясь выражением В.В.Розанова, коммунистический строй и развалился СССР – великая «евразийская империя», у которой только один неполный аналог в истории – Великая монгольская. Неполный аналог и – предтеча. И если говорить серьезно, то Москва – это не третий Рим, а второй – Каракорум: первый находился на Дальнем Востоке великой евразийской степи, второй – на Дальнем Западе.

С Советским Союзом в прошлое ушли не только проект земшарной республики, не только системный антикапитализм – замороженные в одном флаконе русская смута и перманентная мировая революция, но и Евразия как некая геоисторическая целостность, нависавшая с наполеоновских войн над Западной Европой, а с гитлеровских – над миром. Та самая русская Евразия, которая успешно противостояла англосаксам в течение последних двух веков. СССР, помимо всего прочего воплощенного в нем, стал пиком, высшей точкой властной организации Евразии, развитием в модернизированном, усовершенствованном виде того, что возникло задолго до появления СССР и чему СССР пытался придать глобальное измерение (что и стало одним из серьезнейших противоречий его жизнедеятельности, но в то же время уроком «добрым молодцам» принцип которых – *«при всякой неудаче давать умейте сдачи, иначе вам удачи не видать»*).

Что будет с Евразией и прежде всего с Россией-Евразией в эпоху научно-технической революции (НТР) и глобализации? Ведь что такое глобализация? Это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных («нематериальных») факторов производства над вещественными («материальными») капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня – пространственных, социальных, политических. Это победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время и его «организацию» над ними, кто контролирует пространство и его «структуры». Как заметил З.Бауман, глобализация – это Великая война за мир без границ, 25-летняя война времени за свою независимость от пространства, завершившаяся полной победой времени, а потому говорить следует не о «конце истории», а о «конце географии». Теперь, продолжает Бауман, когда пространство лишили всех физических характеристик-ограничителей, оно оказалось встроено, вдавлено в сингулярную темпоральность времени-мига; мы живём в постпространственном мире, свободном от детерминированности пространством.

Даже если Бауман сгущает краски, его в целом верная оценка подводит к вопросу: что будет с Россией-Евразией в ситуации, когда НТР и глобализация ведут к уценке её главного богатства, её главного геоисторического капитала – пространства, которое она в нужные моменты бросала в качестве сверхтяжелой гири на Весы Истории? Это пространство можно было контролировать посредством такого типа власти, который как субъект не имеет аналогов в мире и в то же время представляет процесс и результат активного, экспансивного приспособления Руси-России-русских к окружающему миру, прогибания под ним и в не меньшей степени прогибании его под себя.

В течение двух последних столетий Россия/СССР противопоставляла англосаксам (англичанам и американцам) и их капитализму (капитал – овеществленный труд, материализованное время) пространство и адекватные ему тип власти и тип развития, главным образом экстенсивный. Теперь эта геоисторическая карта оказалась битой. Что остается у России-Евразии, редуцированной до РФ? Вода – богатство XXI в.? Плохо связанное пространство, которое сами не можем заселить и которое все больше растягивается, включаясь в различные подсистемы и макрорегионы мировой экономики? Ресурсы, которые сами не может освоить? Что можно противопоставить геоисторическому оппоненту теперь? Какую власть? Какое развитие? Какую революцию? Ведь русские революции были успешными, помимо прочего, и потому, что им в России противостояла весьма незначительная и слабо организованная масса «овеществленного времени» – собственности, капитала.

Это очень хорошо понимал Лев Тихомиров, записавший во время путешествия по Западной Европе следующее.

«Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной,склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне всё это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме дела, потому что он при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное… И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе».

Если предположить, что шансы на успех революций против капитала (т.е. против «материального времени», используемого для эксплуатации и самовоспроизводящегося накопления) тем ниже, чем больший объем этого времени надо сокрушить, то шансы новой русской антикапиталистической революции и оформления новой русской государственности (власти), её освобождения от (и из) административно-криминальной матрицы, возникшей в конце 1980-х и сложившейся в 1990-е (эти две задачи совпадают на нынешнем этапе развития России), невелики. Однако это одна сторона дела. Есть и другая, более жизнеутверждающая: НТР и глобализация дематериализуют и капитал, превращают его в электромагнитный импульс, а его время – в миг, и это вселяет определённую надежду: новая борьба потребует новых форм, но прежде всего – новой мысли, ибо *«вначале было Слово»*.

Что будет с Евразией и с Россией в эпоху глобализации – это зависит и от того, состоится ли эта глобализация вообще (не исключен процесс фактической деглобализации), если да, то как – будет ли это глобализация по-американски или как-то иначе? Будущее не является линейным, количественным продолжением настоящего, так же как настоящее – это не просто продленное прошлое, а структурно более сложная протяженность. Тем не менее, чтобы прогнозировать **тенденции** развития данной зоны,

системы, страны в будущем необходимо представлять себе логику и динамику тенденций развития прошлого. И чем глубже в прошлое, тем предпочтительнее, поскольку именно крупные временны́е (и пространственные) параметры позволят максимально отразить и учесть фактор качественных изменений, включить в анализ бифуркации и скачки, разрывы времен, избежать «дурной количественности» (или количественной дурной бесконечности), сконцентрироваться на необходимом и закономерном, которые наиболее отчетливо выявляют себя именно в долгосрочной перспективе и, last but not least, избежать «деформирующего эффекта» случайности – эволюция крупных и сложных систем, как резонно отмечает А.А. Зиновьев, необратима. В связи с этим именно широкомасштабный и долгосрочный анализ позволяет, с одной стороны, указать случаю его место, с другой – дать адекватную интерпретацию «философии случая» (Ст. Лем), феномена, без которого история имела бы *«вполне мистический вид»* (К. Маркс).

Хочу оговориться заранее и в случае необходимости вернуться к этому вопросу: для меня Евразия – это прежде всего географическое понятие. Любая попытка придать ему социокультурное значение и в качестве такового подменить им Россию представляется мне методологически ошибочной и идейно вредной: при таком подходе Россия как особая целостность и объект исследования исчезает, а все споры о специфике русского типа развития сводятся к выяснению соотношения европейскости и азиатчины – чего больше. В зависимости от «подсчета» получается либо Евразия, либо – Азиопа. Ну а на практике все сводится к борьбе за развитие по европейскому или азиатскому направлению, тогда как собственно русское, северное, а не западное или восточное, исчезают. Мне все равно, на какой лад кастрируют Россию – европейский, азиатский или евразийский; важно, что при всех этих подходах от России ничего не остается и она превращается в восковую фигуру.

О евразийскости России и СССР много писали евразийцы, причем написали они и много интересного и важного. Однако, во-первых, по сути они были людьми XIX в., реагирующими на век XX; во-вторых, путали научную методологию с политической и научной мифологией, мистикой, идеологией и религией; в-третьих, они жили в начале XX в. и, естественно, не могли знать его исторических результатов. Любая попытка **всерьез** (я не имею в виду относящиеся по большей части к разряду фольк-науки работы популярного у определенной части читающей публики Л.Н. Гумилёва) возродить евразийство обречена на провал – время и эпоха «евразийцев» ушли, причем произошло это во многом еще при их жизни.

Вообще с распадом СССР и уходом в прошлое коммунизма как системы русской истории (и антикапиталистической системы истории капитализма), свернулись «листом Мебиуса», а то и просто сжались в нечто вроде сингулярной точки многие споры XIX–XX вв. по поводу русской истории. Исторический пресс сжал, сдавил, сплющил в некую целостность большинство (оказавшихся в известном смысле ложными) дилемм и оппозиций русской мысли, равно как и западной мысли о России: славянофилы против западников, народники против марксистов, консерваторы против либералов, большевики против меньшинств, архаисты против футуристов, евразийцы против Ильина, «физики» против «лириков», «перестройщики» против «антиперестройщиков» и т.д. и т.п. Vixerunt. Прожили.

Но именно эта относительная «прожитость» позволяет относительно спокойно и отстраненно читать тексты прошлого – *«let us write down right things»*, как говорит мой уважаемый коллега И.Валлерстайн. При этом, однако, следует помнить, что, во-первых, время, в которое создаются те или иные теории, в значительно большей степени является ключом к этим теориям, чем они к нему; во-вторых, новая эпоха, в которую мы вступаем,

требует принципиально новых теорий, а возможно, и новых форм организации знания. Я уже не говорю о том, что эта эпоха требует осмысления исторического опыта развития Евразии как огромного пространства в очень-очень долгосрочной перспективе. Ф. Бродель мог бы сказать – *«très-très grand espace dans une très-très longue durée»*.

2. О пользе «взгляда с высоты»

В детстве я очень любил книгу знаменитого американского фантаста и биохимика Айзека Азимова «Взгляд с высоты» («View from a height»). Это – общий обзор состояния астрономии, физики, химии и биологии на конец 1950-х годов. Согласно Азимову, есть два способа смотреть на реальность, будь то «сад науки» или некая эмпирическая данность: один – взгляд вблизи от себя, «снизу», или, максимум, с небольшого возвышенья. В этом случае мы видим много деталей, вплоть до мельчайших, но со временем оказываемся в положении человека, который знает все больше и больше о все меньшем и меньшем. Второй подход – это взгляд с высоты, он позволяет увидеть сад в целом. Разумеется, теряются некоторые детали, однако, общий выигрыш очевиден – мы видим целое и лучше понимаем его отдельные элементы, поскольку целое определяет элементы, а не наоборот.

В принципе два взгляда, о которых идет речь, дополняют друг друга. Однако в последние десятилетия значительное распространение, по крайней мере, в социально-исторических науках, получил первый. Эта тенденция, усиленная постмодернизмом, не могла не привести к фрагментации многих объектов исследования на все более мелкие и мелкие парцеллы, кусочки, теряющие связь друг с другом, уход исследователя от «grand narrative», от триады Чарлза Тилли «Big structures, large processes, huge comparisons», от исследования крупных пространственных ареалов и долгосрочного развития сложных систем.

Сегодня – с глобализацией, с крушением целых систем и множащимися «войнами миров», с наступлением новой эпохи, с приближением капитализма к историческому «выходу» – необходима (как когда-то на «входе» в капиталистическую эпоху) разработка новых широкомасштабных теорий; этого требует не только наука, но и практика, не случайно Альберт Эйнштейн любил повторять: *«Что может быть практичнее хорошей теории?»*.

Однако невозможно сложить одну теорию из сотни эмпирических обобщений, как невозможно сделать кошку из сотни мышей. Необходимы некие предварительные шаги, настраивающие на теорию, обеспечивающие «поворот мозгов» в ее сторону. Один из таких шагов – целостный взгляд с высоты на изучаемый объект, при этом последний берется в долгосрочной перспективе, большой нарратив по поводу обширного пространства и длительного времени. «Место» (пространство) которое интересует меня – Евразия, время – последние 30–35 веков.

Когда мы говорим «Евразия», то в геоисторическом плане подразумевается не весь континент и не просто обширная территория в одной из двух составляющих его частей света – Европе или Азии, а целостный «пространственный массив», расположенный в Европе и Азии одновременно.

В истории было только два исторических массива, охватывавших бóльшую часть евразийского хартленда. Это Великая Монгольская держава (Их Монгол улус), просуществовавшая как единая евразийская чуть больше полувека – с 1243 по 1289 гг., и Россия/СССР, срок «жизни» этого образования – четыре столетия. Кстати, евразийской державой, несмотря на значительные потери в Европе и Азии, остается РФ, хотя ее геополитическое, а следовательно и геоисторическое «качество», во многом соответствующее состоянию России в правление первого Романова (1613–1646) намного ниже таковых самодержавной России и коммунистического СССР.

Итак, Монгольская империя и Россия/СССР суть великие евразийские державы. Есть соблазн отнести к Евразии Османскую империю, однако, это было бы неверно как с формальной, так и с сущностной точек зрения. Во-первых, если быть точным, то Османская империя – не евразийская, а евразийско-африканская, т.е. старосветская. Причем ее европейская часть не была значительной, а африканская, протянувшаяся от Алжира почти от Гибралтара до Египта, территориально лишь немного уступала (мало) азиатскому ядру. Во-вторых, если говорить о европейском измерении по сути, то дело не только в том, что европейские владения Османов не были велики и постепенно уменьшались. Главное в том, что Османская империя, несмотря на две осады Вены, никогда, даже в период между двумя этими осадами (1529 г. и 1683 г.) не была, в отличие от России, **европейской** державой и совершенно правильно рассматривалась как исключительно азиатская и была таковой. Что касается Римской империи, то её азиатская часть была столь невелика, особенно по сравнению с европейской и африканской, что эту империю в лучшем случае можно назвать средиземноморской. То же можно сказать об Умайядах, владевших в Европе (и то очень недолго) лишь Пиренейским полуостровом – остальное Азия и Африка. Держава Александра Македонского по сути так и не стала империей, быстро развалившись. Все это оставляет Россию в блестящем евразийском одиночестве.

В настоящей работе меня интересуют следующие вопросы.

– Членение Евразии и роль в ней Центральной (срединной, сердцевинной) (Евр)Азии;

– великие исторические циклы истории Евразии («маятник Старого Света»);

– центрально-евроазиатская модель власти, ее исторические модификации и влияние;

– возникновение и развитие в Восточной Европе особого евроазиатского исторического субъекта – русской власти;

– советский коммунизм как чистая власть (власть, в основе которой власть – «кратократия»), как возвращение русской власти к исходной (кратофундаментализм) центральноевроазиатской модели, **НО**: посредством коммунистической (антикапиталистической) революции, на основе системного антикапитализма (негативного коммунизма);

– роль России как персонификатора евразийского хартленда, противостоящего англосаксонскому (североатлантическому) миру; роль России/СССР в мировых войнах; «холодная война» как глобальная; значение крушения советского коммунизма и распада СССР для Евразии и мира.

Ясно, что в небольшой по объему работе невозможно дать исчерпывающие ответы на все из указанной «великолепной семерки» вопросов. Я ставлю иную задачу – поставить

эти вопросы, очертить поле поиска ответов на них и высказать свою точку зрения на направление поиска ответов.

3. Прибрежный Пояс, Хартленд, Центральная Евразия

Евразия делится на две отчетливо выраженные части, или зоны. Первую, меньшую по размерам, обычно называют Прибрежным Поясом (*Littoral Belt*), или евразийской каймой (*Eurasian Rim*). На территории именно этой полосы, протянувшейся ломаной линией от Японского моря до Северного и кольцующей по пути Средиземное море, возникли величайшие цивилизации Старого Света. Прибрежный Пояс – побережье длинной индийско-средиземноморской морской дороги, которая *«объединяет все средиземные межматериковые моря старого Света»: европейское Средиземное море, Красное море, море муссонов* (север Индийского океана. – *А.Ф.*) *и экваториальное Австрало-азиатское средиземное море»* (К.Валю) и плавно «перетекает» в восточно-азиатскую морскую дорогу (Южно-китайское и Жёлтое моря). Цивилизации прибрежного Пояса (за исключением Китайской с XVI в.) были тесно связаны с морем и нередко выступали в качестве талассократии. Однако полностью реализовать эту форму можно было лишь на океанских просторах, путем контроля на ними, а не над «средиземными морями», что и сделали англичане в XIX в. (этому предшествовали две архаичные о сути и потому неудавшиеся попытки португальцев в XVI в. и голландцев в первой половине XVII в.).

Вторая зона – огромный континентальный хинтерланд, который обычно называют Хартлендом (*Heartland*). В то время, как Пояс был почти полностью земледельческим и обильно «сдобрен» городами, для Хартленда были характерны как земледелие, так и кочевое скотоводство. Хартленд, естественно, удален от моря, что ставит его в невыгодное положение, особенно по сравнению с теми, кто контролирует побережье и устья рек.

Весьма показательны различия между побережьем и Хартлендом в Европе, т.е. между ее Западной («франкской») и Восточной («русской») частями. Если на западноевропейском полуострове 51% территории расположен менее чем в 250 км от моря, то в «русской» Европе таких территорий всего 15%; если в Западной Европе наиболее удаленная от моря точка находится в 600 км, то в Восточной Европе есть точки, от которых до моря – около 1 тыс. км. Как говорил Гоголь, три года в любую сторону скачи и не доскачешь. Аналогичная картина при сравнении южноазиатского (Индостан) полуострова, где наиболее удаленная от побережья точка находится в 750 км, и расположенной за пределами Прибрежного Пояса частью Китая, континентальной Восточной Азией; помимо прочего, именно этот факт не позволил Западу превратить Китай в колонию. В то же время, китайцы, несмотря на их плавание в XV в. на «океанских джонках» аж по Индийскому океану (Чжэн Хэ), никогда не были хозяевами Индоокеанской торговли, в отличие от индийцев в XV в. или арабов – до того.

У Хартленда было свое ядро – нечто вроде суперхартленда – горы, степь, полупустыни и пустыни. Это ядро – сердце Евразии, Центральная Евразия. Речь идет о территории, которую в настоящее время занимают Монголия, Южная Сибирь, китайские провинции Синьцзян и Тибетский автономный район, части провинций Ганьсу и Цинхай, пять государств–«станов» Центральной Азии, север Афганистана (особо важная часть, не случайно великий поэт Икбал называл эту страну «сердцем Азии», а великий империалист

Керзон – «капитанским мостиком Азии») и, наконец, степная зона от северного Прикаспия (Южный Урал) и Северного Причерноморья до Оки, которую в старину называли Берегом – между Степью и Лесом.

Грубо говоря, Центральная Евразия – это неправильный с извилистыми очертаниями эллипс; его северная граница проходит примерно по 60° СШ, «ныряя» от Урала на юго-запад в сторону Москвы и на юго-восток по Хингану до Цинхай Нур; южная идет примерно по 35° СШ (широта Кабула) от Цинхай Нур до Каспия, а затем вверх на северо-запад, к Москве. И хотя западной границей Центральной Евразии (далее – ЦЕ) можно считать линию январской изотермы – 6°, крайняя западная точка этого «пространного массива» – Москва (а крайняя восточная – Улан-Батор/Каракорум).

Неправильность эллипса обусловлена тем, что границы ЦЕ определяются не только широтами и долготами, но и «качеством» природной среды, например, степенью труднодоступности, «транспортной сопротивляемости». Так, Лхаса находится примерно в 900 км от Бенгальского залива, однако, она так закрыта Гималаями от Прибрежного Пояса, что ее вполне можно отнести не просто к Хартленду, а к ЦЕ. Есть еще несколько аналогичных точек и районов.

В течение многих столетий ЦЕ была «царством» номадов, живущих кочевым скотоводством, крупными набегами, мелким грабежом и торговлей на дальние расстояния, точнее, ее «рэкет-охраной». Если Хартленд – периферия по отношению к Прибрежному Поясу, то ЦЕ – периферия периферии, или периферия **в** периферии, глубинная периферия. Так она и трактовалась историками – как периферия Китая, мусульманского мира (главным образом персидских империй), России. Фиксировалось, что главные исторические импульсы возникали в Прибрежном Поясе, а оттуда распространялись на периферию и вглубь нее.

И, действительно, так было в течение последних трех–четырех столетий, в XVII–XX вв., – исторические импульсы действительно шли из Прибрежного Пояса в Хартленд. Однако было бы серьезной ошибкой проецировать эту ситуацию на эпоху, грубо говоря, между XV в. до н.э. и XV в. н.э. (или, как минимум, между XII в. до н.э. и XIII в. н.э.): тогда ситуация была иной, противоположной. Разумеется, со времен так называемой «неолитической революции» именно Прибрежный Пояс был и остался лидером в экономике и культуре; именно здесь возникали цивилизации и новые социальные системы, именно здесь изобретены колесо, порох и кулачковый вал, именно здесь возводились пагоды, фаллосоподобные индуистские храмы, пирамиды, мечети и готические соборы.

Тем не менее, в политическом, а следовательно, и в историческом (геоисторическом) плане доминирующей стороной, ядром, центром Евразии, вплоть до военной революции XVI–XVII вв. был Хартленд, а еще точнее – ЦЕ и ее номады. Их широкомасштабные миграции, великие нашествия, «степные империи» играли решающую, центральную роль в Евразии и Старом Свете в целом.

В течение двух с половиной–трех тысячелетий события, сдвиги в ЦЕ можно назвать, пользуясь «пригожинским» языком, чем-то вроде бифуркаций, которые вызывали флуктуации в Хартленде, а те, в свою очередь, нарушали равновесие во всей Евразии.

Сердцевинный район (Срединная Евразия) был центром или, точнее, эпицентром крупнейших социальных и демографических потрясений, почти всех крупнейших изменений в Евразии и Старом Свете в целом. Народы ЦЕ и их лидеры действовали как

настоящие геоисторические конструкторы и инженеры. Каскадные события их жизни – прежде всего образование и распад степных племенных держав, которые по сути дела были военными мегамашинами, «перманентными» «подмороженными» кочевыми нашествиями, – играли роль спусковых крючков. Они вызывали сходы людских лавин, которые несясь с Дальнего Востока на Дальний Запад Евразии сметали если не все, то очень многое на своем пути, резко меняя исторический ландшафт, способствуя крушению старых и подъему новых империй, а на Дальнем Западе Евразии – возникновению новых социальных систем.

В течение «длинного» XVI в. (1453–1648), Срединная Евразия утратила свою (эпи)центральную роль, роль социогенератора изменений Старого Света. Сегодня, после распада СССР, с образованием на месте бывших среднеазиатских республик СССР государств в Центральной Азии – пяти «станов», как их называют на Западе, – с подъемом исламизма, с нацеленностью США на этот регион как «зону своих интересов» (ресурсы, близость к источникам сырья, транспортно-транзитные качества, геостратегическое положение, особенно по отношению к Китаю, который постепенно занимает место главного противника США), ЦЕ или, как минимум, азиатско-кавказская ее часть опять оказывается в центре событий. Конечно же, эта «центральность–2» существенно отличается от центральности–1 по качеству, масштабу и происхождению, и я не случайно заключил ее в кавычки. Нынешняя «центральность» не есть возрождение старой, она носит не столько субъектный, сколько объектный характер: сегодня регион – в центре интересов различных государственных и негосударственных, легальных и нелегальных сил и структур и связано это с глобализацией, с ее нынешним, «американским» этапом, с новым мировым переделом.

Тем не менее, пусть и объектная, но нынешняя «центральность» значительной части ЦЕ отличается от той ситуации, в которой регион находился в XVII–XX вв., сдавленный, а затем разобранный на части.

4. Центральная Евразия: география, метафизика, власть

Однако – парадокс! – именно в XVII–XX вв. **косвенное** мировое влияние ЦЕ, а точнее – центрально-европейской модели власти (ЦЕМВ), выкованной номадами и модифицированной русскими в эпохи самодержавия и коммунизма, достигло своего пика.

Как географическая реальность физически ЦЕ существует только в пределах своих естественных границ, она не может покинуть их. Однако ЦЕ существует также и как метафизическая реальность, материализующаяся в определенных принципах, формах, структурах/организациях. В таком или же более или менее модифицированном виде, в виде некоего наследия (например, организации власти) она может существовать и развиваться в пространстве и времени вне своих физико-географических рамок.

Обычно в данном контексте говорят о монгольском наследии; однако, во-первых, основы этого властного наследия были созданы в державе хунну за полторы тысячи лет до монголов; во-вторых, монгольская форма ЦЕМВ была лишь первой, архаичной и локальной, основанной исключительно на кочевом скотоводстве формой данного типа, который вовсе не был статичным и, подобно королеве из «Алисы в стране чудес», должен был постоянно бежать, чтобы оставаться на месте; в нашем контексте это значит:

оставаться самим собой. Получается по Заболоцкому: *«Как мир меняется! И как я сам меняюсь! // Лишь именем одним я называюсь…»*

Эта модель, созданная в ее законченном виде монголами в XIII в., распространяясь по Хартленду, приобрела свою автономную динамику и логику (в Прибрежном Поясе ее инкапсулировали и даже более или менее переварили существовавшие там в течение многих веков формы властной организации). Позднее, по мере того как мир становился более сложным, ЦЕМВ трансформировалась или мутировала в новые формы, в основе которых лежали соответственно земледелие и промышленностью. Речь идет о русском самодержавии (хартленд) и советском коммунизме (Евразия, после 1945 г. – мир).

Хочу сразу, с самого начала, подчеркнуть: ни русское самодержавие, ни тем более советский коммунизм не выводятся **непосредственно**, напрямую из монгольского властно-организационного наследия, из формы ЦЕМВ. Они суть результаты синтеза, симбиоза, иными словами, взаимодействия исходной формы с новыми условиями, в которые переживающая **перманентную экспансию** ЦЕМВ попадала и к которым **активно** адаптировалась, чтобы сохранить базовые черты. Это позволяет нам говорить не только о некой модели, но и об исторической линии развития – евразийской, обусловленной этой моделью, которая в ходе указанного развития определенным образом организует пространство. Как показала многовековая историческая практика, только ЦЕМВ в своих формах и модификациях могла реально охватить пространство евразийского Хартленда и обеспечить эффективный контроль над ним. А вот попытка выйти существенным образом за евразийские рамки в виде коммунистической земшарной республики окончилась крушением, но мы забежали вперед.

5. Большие циклы Евразии, Маятник Старого Света и Колодец Истории

В прошлом Евразии мы видим миграции и нашествия, движения огромных масс людей. Это, например, монгольские завоевания, крестовые походы, *Volkwanderung* IV–VI вв. н.э., *«Drang nach Osten»* Александра Македонского. До сих пор, однако, странным образом три особенности движения этих великих людских волн не замечаются. Странным – поскольку они лежат на поверхности.

Первое. Исходный импульс великих миграций зарождался в ЦЕ, точнее в ее восточной, азиатской кочевой части, и распространялся оттуда в западном направлении.

Второе. Эти экспансии в западном направлении вызывали реакции в виде контрэкспансий с запада в восточном направлении, т.е. последние носили реактивный характер. Чередующиеся движения с востока на запад и с запада на восток напоминают действие маятника, и я так и называю этот феномен – Маятник Старого Света (МСС).

Третье, наиболее интригующее. Колебания МСС носили циклический характер – 700–800 лет; в результате возникало то, что я называю Большими циклами Евразии. Приглядимся к ним повнимательней.

В XIII–XII вв. до н.э. в Северное Причерноморье, на Дальний Запад великой евразийской степи, ворвались на своих колесницах индоевропейские племена. По-видимому, это была миграционная волна, зародившаяся на 100–200 лет раньше в

Центральной Азии в результате острой межплеменной борьбы. С юга Восточноевропейской равнины индоевропейцы двинулись на Балканы, дав старт процессу, именуемого историками «кризис XII в. до н.э.». По сути это было первое крупное переселение народов, древний *Volkwanderung*. Оно разрушило старый средиземноморский мир, открыв эпоху «темных веков» в ранней Античности – так же, как переселение народов IV–VI вв. открыло эпоху «темных веков» раннего Средневековья. Даже Египет – североафриканская, а не евразийская часть Старого Света – подвергся нападению и разрушениям «народов моря». Аргонавты, подвиги Геракла, Троянская война – все это происходило в период затухающей фазы кризиса XII в., было его элементом. Кризис XII в. ударил по восточному Средиземноморью, однако бикфордов шнур подожгли на востоке ЦЕ.

Прошло 800 лет, и маятник двинулся на Восток: Александр Великий начал свой *Drang nach Osten*; за ним последовали римляне. Греко-римская (западная того времени) экспансия достигла предела при императоре Траяне (98–117 гг. н.э.). В течение почти столетия римляне пытались удерживать *limes*, однако после смерти Марка Аврелия стало ясно: сил не хватит, и хотя до захвата Рима Аларихом оставалось 230 лет, а до падения Рима – 286 лет, тенденция, пусть пунктиром, уже наметилась, а на Дальнем Востоке Евразии «Аннушка макроистории» уже пролила масло.

Марк Аврелий умер в 180 г., а в следующем году в монгольских степях умер Таньшихай, великий хан квазиимперии Сяньби. Именно Сяньби сокрушили, а затем нанесли смертельный удар великой державе Хунну (конец III в. до н.э. – II в. н.э.), современнице китайской династии Хань. Держава Сяньби по сути не пережила смерти своего великого хана, в степи начался очередной виток борьбы – и очередная миграция на запад. В III–IV вв. н.э. Хунну смерчем пронеслись по евразийской степи, превратившись в гуннов – конгломерат разных народов и племен различного этнического происхождения. Столица, Гуннигард, находилась где-то в районе нынешнего Киева.

В IV в. н.э. – 800 лет спустя восточного похода Александра – Европа ощутила новый страшный удар с востока. Переведя свои войска через Дон и разбив и обратив в бегство готов, вождь гуннов Баламир (славянское имя?) начал второе, на этот раз по-настоящему, великое переселение народов. Держава гуннов распалась в 453 г. после смерти великого Аттилы, однако великое переселение народов на этом не закончилось – оно только начиналось. К концу V в. западная часть Римской империи была разрушена, и в VI–VII вв. на ее руинах возник *«brave new world»* Барбарикума – жестокий и кровавый. Картину довершили своими завоеваниями арабы в VII – начале VIII вв. и викинги в IX в. На запад Евразии опустилась вторая эпоха «темных веков» или, если пользоваться толкиновской метафорой, «завеса мрака» (впрочем, опустилась она не только на запад, но и на восток).

Прошло еще 800 лет, времена Баламира, Аттилы, Одоакра Теодориха и первых Меровингов не только уже стали легендами, но и легенды успели превратиться в мифы, и маятник качнулся на запад – с крестовыми походами. Однако в истории не бывает буквальных повторений – мир начала II тысячелетия н.э. стал на порядок сложнее и многомернее, чем мир I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э.; мир менялся, в нем появлялось нечто новое. Речь идет о том, что во время и после шестого крестового похода на Западе (1228–1229) новая волна покатилась с востока; словно пройдя лишь половину пути, маятник Старого Света начал возвратное движение. Я имею в виду великие монгольские завоевания. Если до монголов нашествия на запад с востока Евразии носили стихийный характер «снежного кома», то монголы – отражение более сложного и плотно населенного мира – были первыми (и последними) «имперскими», «державными» номадами, чьи нашествия носили не стихийный, а плановый, систематический характер,

характер запланированного завоевания всего известного монголам мира («до последнего моря») и создания мировой державы. Отсюда – некоторый сбой в «работе» маятника.

По сравнению с великими монгольскими завоеваниями два последних крестовых похода, ассоциирующиеся с Людовиком Святым, выглядят хлипко – не только потому что провалились, но прежде всего из-за различий в масштабе и, главное, в исторических последствиях. В нахлесте двух волн более мощной по геоисторическим последствиям оказалась восточная, кочевая. В известном смысле, с некоторым упрощением, можно сказать, что ситуация XIII в. – это антипод ситуации второй половины I тысячелетия до н.э., когда скифская, а затем сарматская «восточные» волны натолкнулись на превосходящие их силы греческую, а затем и римскую стену. Монголы будто распространили ЦЕ на весь Хартленд, создав нечто вроде Великой (Большой) ЦЕ далеко за ее пределами собственно ЦЕ.

Прошло 700–800 лет со времен крестоносцев и великих «имперских» монголов, и мы видим новое движение маятника. Но мир за время четвертого евразийского цикла (XII/XIII–XIX/XX) стал еще на несколько порядков сложнее, и в колебаниях маятника, естественно, появились новые черты: он опять двинулся на восток, но уже из Европы – эмиграция из Старого Света в Новый в XIX в. (сюда, по данным П. Бэрока с 1851 г. по 1915 г. прибыли около 41 млн. европейцев, с 1915 г. по 1951 г. к ним добавились еще 12–13 млн., а затем поток резко сократился); в XX в. к этому добавилась массовая миграция Юг–Север (тот же Бэрок дает цифру 27 млн. иммигрантов из «третьего мира» в «первый» между 1950 и 1989 гг., но это только легальная миграция; в 1990-е годы и в новом веке процесс продолжается; за полтора столетия с начала XIX в. и до начала II мировой войны в Европу и в меньшей степени в Америку мигрировали всего 1–2 млн. человек, главным образом китайцы). Обе эти миграции, однако, выходят за рамки Евразии, они разворачиваются в мировом масштабе, логика евроазиатского развития начинает подчиняться мировой. Причина проста: в середине четвертого евразийского цикла на Дальнем Западе Евразии возник капитализм, который сформировал внеевразийский – североатлантический – мир и начал интегрировать в этот мир Евразию, прежде всего с юга азиатской части ее Прибрежного Пояса (Индия). То была первая не континентальная, а морская экспансия Европы в восточном направлении.

Довольно быстро в XVI в. «из двух океанов» (Атлантического и Индийского) возникла европейская мир-система, в середине XIX в., когда, как заметили Маркс и Энгельс, мировой рынок заново переживал свой XVI в., превратившаяся в (капиталистическую) мировую систему. Ее ритмы, тренды и циклы начали взаимодействовать с евразийскими, стремясь подчинить их. Поэтому с середины четвертого евразийского цикла, с «длинного XVI в.» (1453–1648), возникает качественно более сложная чем прежде, включая усложнившуюся ситуацию взаимоналожения западной и восточной евразийских волн в XIII в., картина. Она была обусловлена взаимодействием двух миров, двух систем, капиталистической и «докапиталистической» («паракапиталистической»), океанической и континентальной (впрочем, как это будет показано чуть ниже, XVI «мировой век» обусловлен XIII «евразийским веком»). С момента своего возникновения североатлантический мир, лицо и суть которого почти с самого начала были англосаксонскими, начал борьбу с гигантами на континенте.

Сначала это были западноевропейско-полуостровные государства – Испания, Франция, Германия, а затем – евразийско-континентальная Россия/СССР, которая в течение двух веков была самым серьезным противником англосаксов (Россия – Великобритания, СССР – Великобритания и США). Сегодня на роль противника англосаксов объективно выталкивается азиатский гигант Китай, но это отдельная тема. В то же время и сама

североатлантическо-евразийская борьба, и подъем в середине четвертого цикла капитализма как качественно новой социальной системы с североатлантическим (англосаксонским–англо-американским) ядром хорошо вписываются во внутреннюю логику Больших Циклов Евразии, суть ее проявления, воплощающие в себе одновременно преемственность и разрыв с евразийскими циклами.

Преемственность видна в следующем. Самая интересная особенность самих геоисторических циклов Евразии заключается в том, что с точностью часового механизма в середине циклов происходили крупные, макроисторические изменения, часто менявшие ход истории. Они выражались в появлении новых крупных держав («империй»), а в Европе, на Дальнем Западе Евразии – в великих социальных революциях, в появлении новых исторических субъектов, создававших качественно новые социальные системы.

В VIII–VI вв. н.э., посреди первого цикла, в Древней Греции произошла полисная революция, обеспечившая социальную основу для новой системы, основанной на рабстве. Несколько раньше произошла «железная революция» – тоже косвенное последствие великого переселения народов рубежа II–I тысячелетий до н.э. Именно «железная революция» во многом обеспечила материально-техническую базу полисной революции в Греции. На Ближнем Востоке она стала основой появления новых военных («марширующих» –*“march states”)* держав все в той же середине первого цикла. Во второй половине VIII в. до н.э. при Тиглатпаласаре III резко усиливается Ассирия, а в Иудее появляются пророки; в начале VII в. до н.э. наступает расцвет Нововавилонского царства при Набопалосаре; в VI в. до н.э. возникает персидская держава; в VII в. до н.э. в Китае на руинах Чжоу оформляется система, именуемая в традиционной китайской истории “Уба” (“Пять гегемонов”) – государства Ци, Сун, Цзинь, Чу и У.

В I–II вв. н.э., в середине второго евразийского цикла, в Средиземноморье происходит величайшая духовная и социальная революция в истории человечества – возникает христианство. Эта революция не привела к оформлению новой социальной системы, однако ее результат был серьезнее, масштабнее и долговечнее любой социальной системы – индивидуальный субъект, вступавший в индивидуальные, а не коллективно предписанные отношения с Абсолютом (именно то, за что афинский полис обрек на смерть Сократа), а следовательно с людьми, т.е. личность как снятие в одном отдельно взятом человеке противоречия «коллектив – индивид».

Одновременно с христианством в Евразии возникли две мощные державы – Римская империя, которую в V в. н.э. сметет, пользуясь термином А.Тойнби, «внешний пролетариат» – варвары, и Младшая (Поздняя) Хань в Китае, которую в начале III в. н.э. сметет «внутренний пролетариат» – крестьянские восстания «Жёлтых повязок» и «Армии Чёрной горы». Показателен и хронологический параллелизм кризисов: кризис Рима начала III в. н.э. при Северах (193–233 гг. н.э.) и Китая в эпоху Троецарствия (220–265 гг. н.э.). Такое впечатление, что словно по «принципу домино» с запада на восток Евразии распространялся кризис великих держав того времени, ведь помимо кризиса III в. н.э., после которого Рим уже так и не стал прежним, и крушения Поздней Хань в 220 г., в начале III в. н.э. рухнула еще одна великая империя – парфянская, главный противник Рима на Ближнем Востоке: в 226 г. в Персиде поднял восстание Ардашир, будущий основатель государства Сасанидов, которое заложило институциональный фундамент ближневосточной государственности на тысячу лет.

В VII–VIII вв. н.э., в середине третьего цикла – генезис феодализма, Каролинги, подъем ислама (халифат Умайядов), взлет Второго тюркского каганата, расцвет Танского Китая.

Наконец, в XV–XVII, в середине четвертого цикла по всей Евразии почти одновременно возникли и (или) расцвели великие империи – Карла V Габсбурга, Ивана IV Рюриковича – Мамаевича – Палеолога (после присоединения Казани и Астрахани), Османская империя, Сефевиды в Иране, Моголы (Тимуриды) в Индии, Цин в Китае, сегунат Токугава в Японии. Кроме того, в «Европейской Евразии» возникли две принципиально новые социальные системы: на Западе, в «атлантикизированной» Европе – капиталистическая (англосаксонская), на Востоке – самодержавная (русская).

Изменения середины циклов были результатом и конкретной региональной формой перестройки той или иной части Евразии, обусловленные новым раскладом сил, новой *«пересдачи Карт Истории»* (Ф. Бродель), состоявшейся в самом начале цикла. Эти изменения определяли и выражали суть и качество цикла, спусковой крючок которого находится в ЦЕ, в кочевом сердце Хартленда. Циклы, о которых идет речь, отражают центральность ЦЕ в течение 2,5–3 тыс. лет. Именно она была настоящим геоисторическим ядром континента и Старого Света, именно из этого ядра вылетали полчища всадников, менявшие ход истории; именно здесь была создана величайшая степная и первая евразийская держава – Монгольская, которая открыла четвертый цикл и во многом определила развитие мира аж до 1991 г. до крушения СССР, – как прямо, непосредственно, так и косвенно, опосредованно.

6. Четвертый цикл: взлеты и падения геоисторических конструкций

Четвертый евразийский цикл (XII–XX) – крайне важен и драматичен по своему содержанию. По сути он начался триумфом ЦЕМВ в форме Великой Монгольской империи, само существование которой изменило судьбы Евразии, включая ее западную часть. Конец цикла – распад СССР (второй евразийской «империи») и крушение советского коммунизма, «внучатой», антикапиталистической модификации ЦЕМВ.

Я не утверждаю, что мир четвертого цикла – это мир, который создали монголы, это было бы слишком сильно. Однако, используя броделевскую метафору, я говорю: во-первых, монголы раздали и ухватили наиболее важные козыри при той пересдаче Карт Истории, которая имела место в XIII в., воистину монгольском веке истории Старого Света. Во-вторых, монголы непосредственно определили многие важные траектории развития Евразии, которые вывели ее к «длинному XVI в.», а опосредованно и то, что за этим веком последовало – в «короткие» XVII (1648–1713), XVIII (1714–1789) и XX (1914/17–1991) и «длинный» XIX (1789–1914) века.

В связи с этим, на мой взгляд, вполне резонно утверждать: фундамент четвертого евразийского цикла спланировали и заложили монгольские геоисторические конструкторы и инженеры. Косвенным, побочным и незапланированным результатом их деятельности, представляющей собой сложное переплетение причинно-следственных рядов, стало и то, что четвертый евразийский цикл на самой своей середине начал трансформироваться в мировой, его пик стал началом мирового этапа (или цикла?) исторического развития. Точнее, часть Евразии, ее Дальний Запад, физически оставаясь евразийской, начала свое особое, внеевразийское, внеконтинентальное развитие. С превращением Дальнего Запада Евразии в Североатлантический регион и превращением его в ядро, в центр (принципиально новый тип ядра и центра, воплотивший одновременно экономическое **и** военно-политическое превосходство над миром) на историческую сцену

впервые вышел новый тип геоисторических инженеров – оксиденталы, или западоиды (*westerners*), новый агент истории – *Homo Occidentalis* он же *Homo oeconomicus*.

Этот «геоисторический вид» действительно был побочным результатом возникновения *Pax Mongolica*. В течение нескольких десятилетий XIII в. Чингис-хан и его преемники (Угэдэй, Гуюк, Монгкэ, Хубилай) объединили огромную часть Евразии, почти весь Хартленд, впервые в истории связав его в единое целое в политическом, торгово-экономическом и культурном отношениях. И даже после распада Великой монгольской империи на четыре державы (юаньский Китай, улус Чагатая, Иран иль-ханов и Золотую Орду) по всей Евразии контакты самого разного рода были облегчены и ускорены. Речь идет о свободной циркуляции товаров, идей, вообще информации. В Великой Монгольской державе благодаря четко организованной почтовой – ямской – службе, гонцы, меняя на станциях скакунов, делали 335 км в день (хотя и это не рекорд – 380 км в сутки делали гонцы в персидской державе Дария в V в. до н.э.). Таким образом, 4500 км, разделявшие Дальний Восток Их Монгол Улус – столицу Каракорум и Дальний Запад – Сарай (Бату, а позднее Бэркэ), столицу улуса Джучи (позднее – Золотой Орды) весть пролетала примерно за две недели. Не телеграф, конечно, но сильно. Однако с носителями товаров и информации приходили микробы – возбудители страшных болезней – *every acquisition is a loss*.

Одним из результатов евразийского объединения стала панъевразийская эпидемия чумы – «черная смерть». Она унесла 20 млн. жизней – треть тогдашнего европейского населения и, совпав с началом упадка феодализма, открыла эпоху (середина XIV – середина XVII вв.), которую, несмотря на Ренессанс и многие другие блестящие вещи можно считать, по крайней мере, под определенным углом зрения, очередными «темными вехами», столь контрастирующими с блестящим, светлым периодом XI–XIII вв.

«Черная смерть» изменила сделочную экономическую и социальную позицию крестьян по отношению к сеньорам. Взрыв «народных революций» (М.Молла, Ф.Вольф) конца XIV в. (восстание Уота Тайлера, «белых колпаков» во Франции и чомпи во Флоренции) не только надломил хребет феодализму и весьма напугал сеньоров, заставив их искать средства против эволюции аграрной Европы в сторону крестьянско-кулацкого рая.

Социальная инженерия («новые монархии» середины XV в.) вкупе с открытием Америки, притоком американского серебра, формированием нового международного разделения труда и военной революцией XVI–XVII вв. господствующих групп изменила ситуацию в их пользу. Одним из результирующих побочных следствий названных выше процессов, старт которым дали поиски сохранения социальных («классовых») позиций и привилегий господствующих групп позднефеодального общества, стали возникновение мирового рынка и генезис капитализма.

Возникновение капитализма и приход оксиденталов (западноевропейцев) как нового типа геоисторических инженеров был косвенным, но логически обусловленным (закономерным, хотя и не необходимым) результатом монгольского объединения Евразии, точнее, реакции господствующих групп позднефеодального «франкского» Запада на угрозу утраты своих социальных позиций из-за «черной смерти» – монгольского «привета» Европе, своеобразного «чингисхановского обмена» (по аналогии с «колумбовым обменом», выкосившим в XVI–XVII вв. значительную часть Центральной и Южной Америки и Океании). Генезис капитализма стал одним из возможных следствий сложного каскадного события, чем-то вроде социальной рецессивной мутации, сначала вытесненной на периферию, а затем подчинившей почти весь мир, но иным, более эффективным образом, чем это пытались делать монголы.

К этому времени не только великие имперские монголы, но и их прямые наследники уже давно сошли со сцены, а ЦЕ стала кладбищем кочевой державности, царством мертвой славы. Нельзя, однако, сказать, что монголы сошли со сцены, не оставив евразийского наследия и евразийских наследников. Наследием был особый тип власти, способный к модификации и саморазвитию в новых условиях, эдакий вирус, ядро без клетки, которое либо проникало в чужую клетку либо наращивало ее вокруг себя.

Одновременно с началом капиталистической мутации Западной Европы в Запад, а европейцев – в оксиденталов, западоидов, в руках которых оказалось столь мощное социальное оружие, как капитал и «монархическое» («барочное») государство (часто его неточно именуют «абсолютистским» – этот термин, как показал Н.Хеншел, на самом деле не имеет адекватной ему реальности, так как во многом является мифом историков XIX в.), параллельная мутация происходила в Восточной, Русской Европе.

Здесь тоже появились новый исторический субъект, новое социальное оружие – русская власть, самодержавие. Они были такой же новацией по отношению и к удельной (княжеско-боярской) Руси и к Золотой Орде, как «монархическое государство» и капитал – по отношению к «новым монархиям» второй половины XV в. и, тем более, к феодализму.

Сначала русское самодержавие устранило других наследников Золотой Орды (Казань, Астрахань, позднее Крым), затем – конкурентов в Северной Европе (Польша, Швеция). В войнах XVIII в. Россия взяла верх над Османской империей. Что не менее важно, с момента своего возникновения, русская власть, империя Ивана Грозного, русские начали мощную экспансию на восток – в Сибирь и Приморье. Уже в XVII в. они вышли на восточное побережье Тихого Океана. В это же время англосаксы, начавшие мощную экспансию на запад, оказались на восточном побережье Атлантического океана. Прошло еще немного времени, и два новых «вида» геоисторических инженеров – оксиденталы и имперские русские, западная и восточная волны их экспансий встретились на северо-восточной оконечности Северной Америки, на Аляске – русской Аляске. И эта встреча была не менее символичной, чем встреча на Эльбе в 1945 г., своеобразной репетицией, «воспоминанием о будущем».

Уже в начале XVIII в. наметилось будущее соперничество между русскими и англосаксами (Великобританией) в Европе, однако, «вторая Столетняя война» (Дж.Сили) между Англией и Францией (1689–1815) отодвинула его на добрую сотню лет. После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом – с другой. Дальновидные люди (Гиббон, Токвиль, Наполеон и др.) предвидели этот конфликт уже в конце XVIII – начале XIX вв.

Весьма символично, что прологом к началу эпохи революций в Европе, стартовавшей в 1789 г. во Франции и совпавшей с началом экономического роста современного типа и первого кондратьевского цикла, стали социальные потрясения именно в России и Америке. Они произошли синхронно, в один и тот же год – 1773 – в своих странах и в то же время были связаны, хотя и по-разному, с логикой развития мирового рынка, т.е. имели не только местные корни.

В России включение в мировой рынок привело к расширению крепостничества и ужесточению эксплуатации крепостных в третьей четверти XVIII в. и как следствие к казацко-крестьянской войне под руководством Пугачёва (первый манифест и начало движения к Яицкому городку – в сентябре 1773 г.).

В Америке в Бостоне в декабре 1773 г. (т.е. когда Пугачёв застрял под Оренбургом) колонисты проникли на английские корабли и сбросили в море привезенный на них чай. Причина проста: в 1773 г. английский парламент принял *Tea Act* (Акт о чае), согласно которому Ост-Индская компания получила право ввозить чай в северо-американские колонии, что очень не понравилось местным купцам, ввозившим чай контрабандой. Этот параллелизм – не единственный в истории России/СССР/РФ и США – за последние 200–250 лет, есть и другие «эквиваленты», например, неолиберальная революция 1990-х, но это тема отдельного разговора.

В качестве второй евразийской империи (как в ее чисто евразийском, так и в евразийско-мировом вариантах) Россия/СССР стала камнем преткновения для экспансии капсистемы и двух ее англосаксонских гегемонов. Вызов, который бросил антикапиталистический СССР североатлантическому миру и прежде всего США после 1945 г. в рамках и посредством ялтинского мироустройства, был самым серьезным за всю его историю. Упадок и крушение СССР в 1991 г. завершило Большой евразийский цикл, стартовавший в 1211 г. походом Чингис-хана на Северный Китай.

7. Центральная Азия между падениями «второго» и «третьего» Рима

В период между началом «длинного XVI в.» (1453) и концом «короткого XX в.» (1991), между физическим падением Константинополя («Второго Рима») и метафизическим Москвы («Третьего Рима»), геоисторические роль и значение ЦЕ постоянно уменьшались. Три главных изменения совершенно очевидны в истории евразийской сердцевины в XVI–XX вв.

Первое: не определяя более судьбы евразийского хинтерланда, ЦЕ в своем развитии все более подчинялась импульсами и движениями, исходящими из окружающего ее мира. **Второе:** культурно-историческое пространство, *Lebensraum* Центральной Евразии стало сжиматься, скукоживаться: сначала до Центральной Азии, затем – до Средней (среднеазиатские республики СССР) или вовсе автономных районов (КНР). **Третье:** более мощные и находящиеся в состоянии экспансии соседи – самодержавная Россия и Цинский (маньчжурский) Китай – не только сдавили ЦЕ в исторических клещах но и начали постепенно включать ее части в свои «политико-административные рамки», т.е. подвели геополитическую черту под историей старой ЦЕ.

Сначала Иван IV в середине XVI в. в двух скоротечных, почти блицкрижных войнах за золотоордынское наследство (с Казанью и Астраханью) присоединил значительный кусман ЦЕ к России, превратив последнюю по формальным характеристикам в империю. Затем Цины в XVII в. включили западную часть Монголии в состав Китая, а центральную – Халху – поставили под полный контроль; в XVIII в. цинский каток прокатился по западно-монгольскому Джунгарскому ханству (1758). Еще до этого, спасаясь от джунгарской угрозы, в российское подданство в 1726 г. запросилась и в 1731 г. была принята большая часть Малого жуза (Западный Казахстан), а в 1740 г. – Средний Жуз

(Центральный Казахстан). В 1760-е годы, оказавшись под угрозой поглощения Цинским Китаем, уже проглотившим Джунгарское ханство, в состав России запросился и был принят Старший жуз (Восточный Казахстан).

Во второй половине XIX в. азиатская часть Центральной Евразии стала ареной русско-британской борьбы, известной под названием «Большая Игра» (термин ввел еще в конце 1830-х годов английский военный разведчик капитан Артур Конолли, нашедший свою смерть в Бухаре, а обессмертил Киплинг, в том числе и романом «Ким»). К середине 1880-х годов две империи оказались на волосок от войны, которой, однако, удалось избежать – договорились. В 1907 г., после того как Россия и Великобритания стали союзниками, Большая Игра закончилась, но уже через 11 лет возобновилась в Закавказье и Центральной Азии как советско-британская. К концу 1920-х годов СССР нанес поражение Англии и в Закавказье, и в Центральной Азии, активно поддержал Иран и особенно Афганистан. В течение почти семидесяти лет СССР неплохо, хотя нередко и поверхностно контролировал Среднюю Азию. Если добавить к этому 150–200 лет истории самодержавной России, то мы получаем абсолютный рекорд столь длительного контроля над чрезвычайно турбулентным регионом Евразии.

По иронии истории, хронологически (а отчасти и не только хронологически) прологом к крушению соцлагеря и распаду СССР стало его поражение в войне в «сердце Азии» – в Афганистане. Вывод советских войск из Афганистана произошел в этот же год, что и восточноевропейские «антикоммунистические революции», а еще через два года не стало СССР, и русско-советская страница в истории Центральной Азии была закрыта. На месте СССР возникли 15 государств, 5 из которых были центрально-азиатскими странами.

8. Глобализация, или пришествие геоисторического терминатора

Помня о том, что с историческими аналогиями следует быть осторожным – как предупреждал еще Гегель, бóльшая часть аналогий носит поверхностный характер, – рискну сравнить нынешнюю ситуацию азиатской части ЦЕ **под определенным углом зрения** с ситуацией после крушения Великих империй – Монгольской и особенно Тамерлана, с ситуацией XV–XVIII вв. Правда, теперь, вместо султанатов, ханств и эмиратов, раздираемых меж- и внутриплеменной и клановой борьбой, перед нами – суверенные государства с современным республиканско-демократическим фасадом. Однако как отмечают многие исследователи и журналисты, этот фасад скрывает реальность клановой и этноплеменной организации власти, которую новым западным «друзьям» центрально-азиатских государств не удастся преодолеть, как когда-то это не удалось КПСС.

Постсоветские государства Центральной Азии сталкиваются с намного более серьезными, опасными или даже зловещими проблемами, чем те, с которыми сталкивались азиатские и африканские государства, возникшие в результате распада колониальной системы в 1950–1960-е годы. В отличие от периода 1945–1975 гг., который совпал с повышательной волной кондратьевского цикла, с послевоенным подъемом мировой экономики (французы не случайно называют это тридцатилетие «славным» – *«les trentes glorieuses»*), сегодня мы живем в эпоху глобализации по-американски – внешне прекрасной и многообещающей, но жестокой по сути, по крайней мере для 80% мирового населения. Будучи побочным и непредвиденным продуктом глобальной «холодной

войны», глобализация одним из первых похоронила одного из двух своих родителей-участников этой войны – СССР. В результате впервые пространство евразийского хинтерланда (за относительным исключением Китая) оказалось уязвимым со стороны и зависимым от глобального мира, в котором доминируют англосаксы.

Глобализация вообще изменила все, а многое просто прикончила, выступив геоисторическим терминатором. Если в конкретной социальной истории сначала жертвами глобализации стали средние классы в огромной части «третьего мира» – в Латинской Америке и Африке (почти уничтожены посредством реализации экономических «Программ структурной стабилизации» – «Structural adjustment programmes» – МВФ в 1980-е годы), а затем «коллективный» средний класс мировой системы – социалистический лагерь и прежде всего СССР, т.е. «второй мир» (в первой половине 1990-х годов количество людей живущих за чертой бедности в Восточной Европе увеличилось с 14 млн. в 1989 г. до 168 млн. в 1995 г.) и, наконец, *«welfare state»* в «первом мире», то с институциональной точки зрения первой и главной жертвой глобализации стало национальное государство (*nation-state*).

Национальное государство оказалось под давлением как «сверху» – глобальный финансовый рынок, наднациональные структуры типа Евросоюза, неправительственные организации, транснациональные корпорации, так и «снизу» – более динамичные регионы внутри отдельных государств (например, Силиконовая долина в США, Ломбардия в Италии, Сан-Паулу в Бразилии и т.д.) и пересекающие их границы и формирующие то, что К.Омаэ назвал «регион-экономиками» *(region-economies)* (Лангедок – Русийон – Каталония, Пенаг – Медан – Пхукет и т.д.). Кроме того, государство испытывает давление со стороны мегасити (города с населением более 8 млн. человек) и международных криминальных структур. О могуществе глобальных финансовых рынков я уже не говорю: объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых трансакций в 1990-е годы в среднем достигал 1 трлн. 300 млрд. долл. в день, т.е. в 5 раз больше, чем объем мировых торговых обменов и почти столько же, сколько составляли в то время резервы всех национальных банков мира (1 трлн. 500 млрд. долл.). Ни одно национальное государство (за исключением США, и то, за счет политических мускулов) не продержится и нескольких дней против глобального спекулятивного давления, достаточно вспомнить, как в начале 1990-х годов Сорос и К^{o} обвалили английский фунт. Разумеется, государство ядра капсистемы остается достаточно сильным, чтобы сопротивляться негативным последствиям глобализации. Совершенно иначе обстоит дело с полутора сотней государств мировой периферии и полупериферии, особенно недавно возникшими, к которым и относятся 5 центрально-азиатских «станов».

В условиях глобализации национальное государство перестает быть единственным агентом на мировой арене, а международные (интернациональные отношения, т.е. отношения между нациями-государствами) составляют все меньшую часть мировых отношений, а эти последние становятся менее значимыми.

Глобализация ослабляет государство. Если же говорить о совсем молодых государствах, тем более о южных осколках СССР, она (в лице ТНК, западных государств и т.д.) деформирует, а то и просто блокирует процесс их образования, тормозя развитие необходимых для нормального государства функций и структур и стимулируя гипертрофированное, а подчас и уродливое развитие структур и функций, обслуживающих внешние для данного государств интересы. В своих интересах ТНК и государства ядра стремятся редуцировать «национальную», общесоциальную «часть» государственности периферийных государств (и это тем легче, чем в меньшей степени в данном государстве присутствуют нации и гражданское общество, чем сильнее его

этнополитические, кланово-племенные характеристики) к функциям, необходимым для обслуживания глобальных интересов. В результате социологи и политологи уже заговорили о «денационализации» государства – и чем дальше от ядра капсистемы, тем в большей степени; разворачивается процесс приватизации государственной власти-насилия (по-разному этот процесс в 1990-е годы шел в столь разных странах как Колумбия, Заир, Россия), и на месте нации-государства (или чаще под его скорлупой) возникают «государства»-функции: «рынок-государство», «полиция-государство», «корпорация-государство», «мафия-государство» или даже «бандит-государство» (именно так назвал государство в Заире 1980-х годов М. Шатцберг в своей книге «The dialectics of oppression in Zaire», 1988).

В условиях глобализации, заметил З.Бауман, многие государства вообще не могут выполнять те функции, которые всегда считались **raison d'être** самого существования государства (определение долгосрочного развития, поддержание равновесия между производством и предложением, обеспечение социальных гарантий хотя бы нижней половине населения страны). Один из лидеров восставших в Чьяпасе (Мексика) крестьян заметил (его фразу приводит все тот же Бауман в своей книге «Globalization», 1998):

«В "кабаре глобализации" государство начинает заниматься стриптизом и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью – репрессивная мощь… У новых хозяев мира нет потребности непосредственно править миром. От их имени административная задача возложена теперь на плечи национальных правительств», которые служат уже не столько своему населению (напротив, от этой службы в виде обеспечения социальных гарантий они отказываются), а новой – глобальной – "железной пяте"».

По сути во многих частях «третьего» и бывшего «второго» миров государство постепенно «ржавеет» (Г.Х. фон Райт) или тает – даже термин появился: *fading away of the state*, оставаясь лишь картографической реальностью. Такое функциональное (одномерное) государство становится лишь одной из сил, действующих в рамках «политических границ», которые приобретают иллюзорный характер.

Ясно, что глобализация усиливает экономическую и социальную поляризацию (ее правильно называют «свободой без равенства), усиливая социально сильных и обогащая богатых. Результат – социальные волнения, конфликты, которые еще более ослабляют государство, а тот факт, что оно не может с ними справиться, еще более подрывает его легитимность, как следствие на первый план, пробиваясь сквозь и так довольно тонкую пленку современного государства периферии в качестве формы организации и фокуса идентичности выходят досовременные (*premodern*) социальные и религиозные формы организации и верования. Это – своеобразный периферийный политэкономический постмодернизм. Парадоксальным образом кланы, племена, религиозные общины и секты, их борьба и сотрудничество в постсовременном (*postmodern*) мире обретают (позитивно или негативно) адекватную им базу в виде глобальных финансовых рынков, глобальной экономики в единстве ее легальной и особенно внелегальной составляющих. Именно это в значительной степени происходит в Центральной Азии, хотя и по-разному в каждом из отдельно взятых «станов». Наиболее рельефно это проявляется в отличиях новой Большой Игры (Большой Игры–2), разворачивающейся в Центральной Азии и Закавказье, от Большой Игры-1 (вторая половина XIX в.).

9. Большие Игры больших империй на больших пространствах

Во-первых, в XIX в. было только два участника – оба легальные, оба – государства, оба – империи. В Большой Игре–2 участников намного больше, не все они – государства (есть и ТНК) и не все они легальные (есть и криминальные сообщества).

Если говорить о государствах, то теперь (не говоря уже о государствах – местных наследниках СССР) это Россия, США, Турция, Иран, Пакистан, Китай, отчасти Индия; Великобритания на этот раз представлена главным образом спецслужбами (неясно, в какой степени они выступают в качестве самостоятельного агента), пытающимися контролировать наркотрафик из Афганистана, и ТНК. Разумеется, здесь хватает спецслужб и других стран, а также, естественно, ТНК – хищники и стервятники почуяли добычу.

Во-вторых, Большая Игра–1 была связана практически лишь с евразийской геополитикой. Сегодня, помимо геополитики, а в чем-то возможно и в большей степени, чем она, геоэкономика определяет цели и ход Игры. Нефть, газ, уран, линии коммуникаций, проходящие по Центральной Азии и связывающие евразийское пространство в единое целое – вот факторы, многое определяющие в Большой Игре–2 и резко усиливающие геополитическое значение региона. К тому же к легальной экономике мы должны добавить нелегальную – наркотрафик и торговлю оружием. Интенсифицировавшийся наркотрафик становится не менее важным экономическим и политическим нервом региона, чем газ и нефть, чем-то вроде пути, но не Шелкового, а наркотического, наркокоридора из Афганистана в Европу.

В-третьих, впервые в истории Евразии неевразийская держава – США – становится активным и по сути главным участником Большой Игры в Центральной Азии, важным фактором в евразийской (гео)политике. США имеют интересы в регионе и как государство, и как кластер ТНК, и как матрица глобального финансового капитала. Степень вовлеченности США в дела Центральной Азии уже такова, что аналитики говорят о воплощении в жизнь мечты американской геополитики – от теоретиков Мэхэна и Макиндера до геополиттехнолога Бжезинского.

Все они считали: тот, кто контролирует Евразию, ее Хартленд, контролирует мир. А ключ к Хартленду – его центральная часть и особенно Афганистан. Правда, это очень хитрый и опасный «ключ», ведь исторически Афганистан не раз играл роль «кладбища империй» – последние два случая это Великобритания и СССР.

ЦЕ вообще и Центральная Азия в частности занимают уникальное геостратегическое положение. «Отсель» грозить можно крупнейшим евразийским державам и регионам – России, Ближнему Востоку, Ирану, Индии, Китаю; отсюда удобно наблюдать за их наземным и воздушным пространствами, прослушивать. К тому же, Центральная Азия не только соединяет эти части Евразии, но и разделяет их, как – это уже дело техники и технологии (геополитической и геоэкономической).

Необходимо отметить, что с распадом СССР и включением Центральной Азии в глобализацию, центрально-евразийской модели власти брошен вызов на ее территории (то же самое, но, естественно, иначе, происходит в России): теперь здесь тоже каким-то

образом, хотя бы внешне, формально должны практиковаться свобода и демократия либерального образца – «права человека», «примат индивида над коллективом», «многопартийность», «свободный рынок» и т.д. Однако история политической модернизации Азии, Африки и Латинской Америки показывает, что, как правило, формальная демократия остается поверхностным явлением, тонким покрывалом и одновременно средством функционирования кланово-племенной организации в различных ее формах. Повторюсь, но либеральную демократию в Центральной Азии скорее всего ждет та же судьба, что советскую и партийную демократию.

Представляется, что в начале XX в. и на заре третьего тысячелетия во многих частях мира сквозь контуры сверх- и постсовременного мира проступают черты архаичного, досовременного мира, которые становятся постмодерном Юга. Центральная Азия относится к этим частям. И как в досовременную, «докапиталистическую» эпоху она начинает обретать «центральность» – новую, уже не геоисторическую и не столько геополитическую, сколько геоэкономическую и геостратегическую. Мы не знаем, что это – начало нового евразийского цикла, середина мирового, стартовавшего в XVI–XVII вв., или начало глобальной эпохи со своими собственными циклами, как общими, так и особыми для различных частей мира, включающихся в глобализацию в разном качестве. В любом случае, возвращение «центральности» азиатской части ЦЕ, «центральности» нового, иного чем до XV в., качества и масштаба (теперь как функции глобализации, глобальной, а не чисто евразийской основе) – значительное и знаковое явление и по сути, и по возможным последствиям.

Монгольско-имперская («панмонгольская») центральность Центральной (Евр)Азии («центральность–1») объединила континент, и одним из ее результатов стало распространение эпидемии чумы. Американизированная глобализация объединила мир, открыв небывалые возможности обогащения для 10–20% населения планеты и торжества капитала. Но она же сделала близкими соседями западных миллиардеров, президентов и премьер-министров террористов-исламистов.

Нынешняя «центральность» Центральной Азии («центральность–2») существенно отличается от прежней. Начать с того, что первая носила субъектный, активный характер, тогда как вторая – в большей степени объектный: Центральная Азия, лишенная русско-советского «евразийского щита и меча», оказалась объектом интересов многих конкурирующих структур, которые вовсе не собираются ее развивать, как это делал СССР, а стремятся выкачать из нее максимально возможные прибыли. В первом случае главными были геоистория и геополитика континентального масштаба, во втором – геоэкономика и геостратегия глобального масштаба. Основой прежней центральности были Евразия, ее Хартленд, контроль над сушей, основа второй – глобализация, аэрокосмическое и океаническое пространство, контроль над ними, в рамках которого ЦЕ не захватывает внешний мир, а притягивает его силы к себе. Наконец, «центральность»–2 длится всего лишь 10 лет, тогда как «центральность–1» – почти триста раз по десять лет.

И все же, несмотря на различия и масштаб, две «центральности» (они же – две «турбулентности») отличаются – и в этом их сходство – от периода, который с некоторыми допущениями можно обозначить как «1453–1991», периода, когда ЦЕ перестала оказывать прямое, непосредственное влияние на судьбы континента. А что в это время происходило с влиянием косвенным, опосредованным, сложно-причинным?

У меня нет сомнений, что здесь мы подходим к одной из наиболее интересных и поразительных проблем истории ЦЕ – ее косвенному влиянию на Евразию и мир в целом в то время, когда ее прямое влияние стремилось к нулю. Суть в том, что именно в это

время косвенное влияние ЦЕ было огромным, достигло своего максимума. Более того, трудно сказать, какое влияние ЦЕ на Евразию и мир по своим результатам было больше – прямое или косвенное, в виде ЦЕМВ.

На первый взгляд такая постановка вопроса кажется странной, почти невозможной. Тем не менее, я рискну высказать парадоксальную, на первый взгляд, мысль: наибольшим влиянием, оказанным ЦЕ на мир, было косвенное – посредством возникшей в ней и модернизированной для условий Хартленда на экстенсивной аграрной (русское самодержавие) и экстенсивной индустриальной (советский коммунизм) основах форм ЦЕМВ. Повторю: хотя между различными формами ЦЕМВ имеются важные сущностные различия, ядро этих форм оставалось неизменным. Более того: *la plus ça change la plus ça reste la même chose*. Эта неявная, косвенная центральность ЦЕ или, как минимум, ее скрытый шифр заслуживает, на мой взгляд, самого пристального внимания. Чтобы лучше понять и оценить это, нам придется вернуться в прошлое Евразии.

10. ЦЕМВ: *mobilis in mobile*

Базовые, сущностные черты ЦЕМВ в самом общем виде впервые оформились в державе («степной империи») хунну (конец III – I вв. до н.э.), т.е. одновременно с формированием циньско-ханьских основ китайской системы. После этого в течение почти полутора тысячелетия различные степные державы макрорегиона воспроизводили и в какой-то степени шлифовали исходную модель. Свой завершенный вид она приняла в Великой монгольской империи; именно это обычно имеется в виду под “монгольским наследием”.

Хозяйственной основой исходной, первой формой ЦЕМВ было кочевое скотоводство, которое практиковалось на обширных пространствах и в котором, в отличие от земледелия, земля выступает не в качестве природного орудия труда, поля, а в качестве естественного всеобщего условия этого специфического вида труда, пастбища. Как сказал бы Маркс, в качестве *locus standi* и *field of employment*. Кочевники легко снимаются с места и уходят от того, кто слишком их прижимает. Все это обусловило тот факт, что, во-первых, контроль над людьми в ЦЕМВ важнее контроля над землей, а, следовательно, во-вторых, власть важнее собственности (племенная собственность растворяется в племенной власти); в-третьих, социальная организация по сути совпадает с военной – социальная единица выступает в качестве производственно-боевого блока.

Монголы создали крупнейшую и последнюю из великих “степных империй”, которая в то же время была первой евроазиатской, а не просто азиатской или центрально-азиатской “степной империей”. Монголы установили контроль над территорией, намного превосходившей (и просуществовавшей миг – несколько лет) империю Александра Македонского, и “средиземноморскую” империю Рима, и афро-азиатский халифат Аббасидов. Такие размеры Могольской империи были вполне закономерны с точки зрения логики развития степных держав. Хунну доходила на западе до озера Байкал. Граница следующей крупной державы, Тюркского каганата, передвинулась западнее – к Каспийскому морю. И, наконец, монголы отодвинули границу степных держав максимально далеко на запад степной, а точнее – равнинной зоны, почти на самый край восточно-европейской (русской) равнины. Несколько спрямляя и огрубляя, можно сказать, что в климатическом плане граница прошла по январской изотерме -6°, которая

в то же время исторически была границей расселения русских. Последний исторический вал “степных имперских” волн, таким образом, накрыл русских и в течение почти 250 лет население русской равнины было зависимой (даннической) частью, улусником сначала Великой Монгольской империи, а затем ее наследника – Золотой Орды.

В Азии монголы поставили под контроль Китай, Центральную Азию и Иран. Завоеванное земледельческое население Евразии стало объектом монгольской власти, ЦЕМВ. Однако стало – в различной степени и по-разному. Это зависело от демографического потенциала, исторической глубины и мощи культурных и властных традиций, наличия или отсутствия опыта централизованной власти, исторического опыта отношений с кочевниками.

К моменту монгольского нашествия Китай и Иран насчитывали соответственно три и два тысячелетия социальной эволюции, в ходе которой были отточены устойчивые модели централизованной власти и высокоразвитой культуры. В течение веков кочевники Центральной Азии заимствовали многие компоненты этих моделей. Кроме того, в течение тысячелетий китайцы и персы выработали довольно эффективный опыт ассимиляции или даже растворения завоевателей-номадов в своей среде – культурно, демографически, политически. В результате в азиатской части континента влияние номадов на социальную и властно-административную ткань завоевываемых обществ не было сильным.

Совершенно иной была ситуация в восточно-европейской части континента, в русских землях. Русские княжества на рубеже XII–XIII вв. были в основе своей поздневарварскими обществами, в которых не только феодализмом не пахло (и это естественно: феодализм – первая, ранняя, аграрная стадия развития западной системы), но и антагонистические отношения «докапиталистического» типа не сформировались окончательно. Разумеется, эти отношения постепенно развивались, однако развитие это тормозилось несколькими факторами.

Во-первых, почти до конца XI в. торговля, а следовательно, движимое имущество, получаемое в виде дани и грабежа, а не земля и эксплуатируемое живущее на ней население, была доминирующим источником богатства верхушки. Во-вторых, верхушка эта выступала не как феодальная иерархия в Западной Европе, организованная на основе и посредством политико-правового вассалитета, а как патриархальная семья, в которой политический вассалитет не обособился от генеалогического, и где все князья были членами одной фамилии. В-третьих, имелся значительный массив свободных земель, куда можно было бежать не только от степняков, но и от эксплуатации.

В то же время верхушке в условиях обилия земли не надо было отнимать землю и на **такой** основе строить отношения отчуждения воли и экономического продукта; поэтому, как отмечают исследователи, развитие крупного землевладения на Руси, в отличие от Западной Европы с ее малоземельем, а следовательно, важнейшей ролью земельной собственности, шло не по линии захвата общинных земель, наступления на них, а по линии освоения новых земель, распашки нови, вкладов, пожалований; в любом случае сначала с помощью торговли накапливалось богатство, а затем разворачивалось наступление на общину – медленно, осторожно и не всегда удачно. Потому что, в-четвертых, в домонгольской Руси так и не произошло окончательного разделения труда между мирными и военными функциями. Не случайно герои западноевропейского эпоса – короли и рыцари, а русских былин – богатыри, представители вооруженного народа. Как подчеркивает И. Фроянов, даже в XII в. мы имеем вооруженный народ, который, как известно, плохой объект для эксплуатации.

Наличие вооруженного народа обусловливалось не только вечевыми традициями, присутствовавшими помимо трех северных народоправств во всех русских городах, но и наличием постоянной – от хазар до половцев – степной угрозы, справиться с которой силами одной дружины было практически невозможно, нужно было городское ополчение. В связи с этим в домонгольскую эпоху ни один русский князь не имел массы насилия достаточной для такого уровня контроля над населением и его эксплуатации, который превращает социум в антагонистическую структуру «докапиталистического» типа в ее азиатских (Китай, Индия) античном или западном вариантах.

Домонгольские русские не имели сколько-нибудь развитой традиции централизованной власти: Киевская Русь была *«ассоциацией военно-торговых домов»* (М. Покровский), а ничего другого не было. Поэтому если монголы многое в формах своей державно-кочевой централизации заимствовали у китайцев и персов, то русские, напротив, сами заимствовали ее у монголов. Золотоордынская система была первым опытом русской централизации. И конечно же, у русских не было исторического опыта взаимодействия с «имперскими номадами». Хазары, печенеги, половцы совершали сезонные набеги, но не превращали русские княжества в постоянный внутренний улусный элемент властной структуры, который они модифицировали в своих интересах и который сам должен был модифицироваться в целях самосохранения. (Это – не говоря о том, что Золотая Орда просуществовала на сто с лишним лет дольше, чем монгольские династии иль-ханов в Иране и Юань в Китае, т.е. и времени для влияния было больше. К тому же Золотая Орда осуществляла дистанционные контроль и эксплуатацию Руси, в результате она могла влиять на Русь, а Русь – практически нет.)

Однако дело не только в модификации русских княжеств и прежде всего – Московского *à la Horde* в целях самосохранения, хотя и это очень важно. Более существенными представляются те изменения содержательного и системного характера, которые обусловлены **целостным** долгосрочным воздействием Ордынской системы на ее русский элемент.

11. Золотая Орда и Москва: метаморфозы и бифуркации

Начать с того, что включение в Ордынскую систему изменило соотношение сил во властном «треугольнике», характерном для домонгольской Руси: «князь – бояре – вече». За исключением трех северных народоправств (Новгород, Псков, Вятка) практически везде в Ордынской Руси доминирующим «углом» стал княжеский. Орда обеспечивала послушным князьям ту массу насилия, которой тем, даже в Северо-восточной Руси, не говоря уже о других русских землях, не доставало для эффективного контроля над населением. Перед лицом «двойной массы» «Орда – князь» даже союз боярства и населения не представлял значительной силы.

Такой союз, однако, не материализовался не только по причине трезвого расчета боярами и населением своих перспектив противостояния князю. Была и другая причина, более веская. В рамках Ордынской системы шла конкуренция княжеств за ярлык, за благосклонность, за место под солнцем. Наилучшие шансы были, естественно, у тех княжеств, в которых, во-первых, князь и боярство не противостояли друг другу, а выступали как единое целое, в идеале – в виде княжеско-боярского комбайна (наиболее в этом преуспела Москва); во-вторых, в которых население поддерживало свои верхи.

Таким образом, поскольку положение населения княжества в Ордынской системе зависело не столько от «социальной конкуренции» внутри него, сколько от конкуренции с другими княжествами, вектор общественной борьбы существенно сместился, по сравнению, например, с Западной Европой. Это не значит, что прекратились бунты и столкновения между князем и боярством, отнюдь нет. Однако у них появился внешний (для Ордынской системы в целом он был внутренним) ограничитель и, в известном смысле, регулятор.

В рамках такой регуляции князь, особенно тот, в чьих руках находился ярлык на великое княжение, *volens nolens* становился, по крайней мере функционально, по поручению «ханом» (квазиханом, миниханом) – как по отношению к боярам (с первой половины XV в. русские бояре, воспроизводя отношение князя к хану, начинают именовать себя холопами великого князя, ситуация невозможная не только в домонгольской Руси, но даже в XIV в.), так и по отношению к населению.

Ордынизация Руси привела к тому, что, во-первых, центральная власть (по ханскому поручению) стала единственно значимой, реальной. Во-вторых, власть, сила, насилие стали главным фактором жизни – не случайно В.О. Ключевский писал об ордынско-удельной эпохе как о времени измельчания общих интересов, падения морали, ориентации только на силу – Орды или ее московского наместника. В-третьих, эта власть оказывалась, по крайней мере по исходному импульсу, по генетической тенденции развития, по воле единственным субъектом, стоявшим в качестве наместнической власти над русской землей так же, как Орда стояла над ней, или стоявшим вместе с Ордой в качестве ее нижнего, улусно-служилого элемента над русским обществом. Так возник – не с необходимостью, но закономерно – мутант и одновременно новая форма ЦЕМВ, ордынско-московская власть.

Эта власть, ордынско-московская (или ордынская власть в «ордынской системе» по отношению к Руси) обрела новые качества, которых исходно не было в ЦЕМВ и которые возникли в процессе и в результате взаимодействия Орды, ханской власти, с одной стороны, и русских порядков, христианского общества, – с другой.

Оказавшись в иных по сравнению с исходными природно-хозяйственных, социально-экономических и исторических условиях, ЦЕМВ модифицировалась применительно к конкретным обстоятельствам, можно даже сказать мутировала; и эта мутация, частная, ad hoc модификация привела к неожиданным общим последствиям евразийского и мирового масштаба, став самой настоящей макросоциальной точкой бифуркации. В то же время и русская княжеско-боярская власть должна была мутировать адекватным образом. Результат, как уже говорилось, – появление своеобразного мутанта, гибрида, во многом – чужого, alien обеим властным формам, а именно ордынско-московской (московско-ордынской власти).

Как уже говорилось выше, внутри ордынской Руси власть московского князя-наместника, опиравшаяся на «двойную массу» насилия, стала главным, единственно значимым властным фактором. Поскольку эта власть существовала в христианском (православном) обществе, в котором субъектность фиксируется вплоть до уровня индивида, власть эта автоматически оказывалась субъектом. И в этом заключалась первая из качественных модификаций.

Монгольские и ордынские ханы, как и любые верховные владыки азиатского типа, не выступал в качестве субъекта. В азиатских обществах субъектность растворена в системности, институциализируется именно системность или, в лучшем случае,

«несубъектность» (например, китайский император – Сын Неба) (не случайно, в различных восточных философских системах нет оппозиции субъект – объект, субъект-объектной проблематики). Поэтому русская власть, возникшая как ордынско-московская, ни в коем случае не есть ни простое заимствование, ни просто перенос на русскую почву степного азиатского типа. Она представляет собой субъектизацию несубъектной формы власти, превращение типа в субъект; московско-ордынская власть построена на внутреннем отрицании, снятии системного начала.

В этом коренится одно из ее противоречий, которое, однако, заключается не в том, что внутри этой власти существует скрытый конфликт между системным степным азиатским и субъектным европейским (христианским) началами. Суть в другом – в наличии в ней по сути двух субъектов: один из них существовал исходно, имеет положительный заряд, а второй возник в ходе и в результате отрицания – снятия несубъектной субстанции и обладает отрицательным зарядом. Точнее, конечно же, будет сказать не о бисубъектности русской власти, а о двух аспектах, – положительном и отрицательном – ее автосубъектности, внутреннее противоречие между которыми отчасти компенсирует отсутствие полисубъектных противоречий, характерных для христианского общества. Впрочем, у этого властного раздвоения-расщепления властной шизофрении есть своя цена, и немалая.

Итак, русский персонификатор московско-ордынской власти с необходимостью выступает как субект. Однако поскольку на него проецировалась власть хана, порученцем и ревизором которой он был, то объективно князь оказывался единственным субъектом, так как его власть по сути была единственно значимой. Так единственная по ордынской **басурманской** логике власть приобретала тенденцию к функционированию в качестве единственного **христианского** субъекта. Но в христианском обществе это есть нонсенс, поскольку оно является полисубъектным, в нем фиксируется субъектность различных и разноуровневых (индивид, группа, институт) социальных агентов, а сам социальный процесс развивается как положительное (сотрудничество) и отрицательное (борьба) взаимодействие субъектов. Именно межсубъектное взаимодействие делает социальных агентов субъектами. Но так – в христианском социуме. В симбиотическом, двусоставном ордынско-христианском – иначе. В нем получался еще один парадокс, что власть-субъект существует как таковая, т.е. как власть, а следовательно, и как субъект по поизволению-поручению высшей, вынесенной куда-то далеко вверх, к Их Тэнгри (Великому Небу), за рамки русского социума несубъектной ханско-царской властью.

Как известно, христианин выступал (индивидуальным) субъектом, поскольку вступал в индивидуальные отношения с Богом, Абсолютом. Именно последний посредством этих отношений наделял субъектностью социальных агентов христианского мира.

Субъект ордынской власти по поручению наделялся субъектностью не Абсолютом, а вполне земной, хотя далекой и внушающей страх и ужас властью ордынского царя-чингисида.

Последнее очень важно: Дмитрий Донской вышел против Мамая прежде всего потому, что будучи узурпатором, тот не принадлежал к «цаган ясун», т.е. к «белой кости» – роду Чингисову; от Чингисида Тохтамыша Дмитрий бежал, и летопись точно зафиксировала причину: *«То слышав, что сам царь идет на него со всей силой соею, не ста на бои противу него, ни подня руку противу царя, но поеха в свои град Кострому».* То есть убоялся законного государя. И тем не менее: земная власть Орды оказалась чем-то сравнимым эквивалентно-нишевым, по крайней мере **функционально** и во властной сфере, с властью Абсолюта. На Руси по сути не Пётр I вывел службу государеву из

разряда Божьего дела, а Орда. По крайней мере, она сделала чертежи, Москва скопировала, а Петр лишь реализовал с европейским размахом. Творцом власти-субъекта на Руси был не Бог, а ордынский хан-царь. Позднее ордынская квазиэквивалентность Богу перейдет на самодержавную власть (ср. русскую поговорку, сводящую вместе – в равноудаленности – Бога и царя: *«До Бога высоко, до царя далеко»*).

Поскольку московско-ордынская (будущая русская) власть оказывалась субъектом не в результате взаимодействия с другими субъектами, а по воле верховной власти, которая сама субъектом не являлась, а выступала в виде некой почти безличной силы, то реализовать свою субъектность русская власть могла лишь по отношению к самой себе – она, эта власть – субъект-чужой орган, была исходно сконструирована как автосубъект, т.е. субъект-сам-для-себя, субъект, реализующий свою субъектность в отношении к самому себе. Такой субъект не только не нуждается в другом субъекте, но и стремится не допустить его появления/существования, это субъект – терминатор субъектов, негативный субъект, стремящийся к единственности, к моносубъектности.

Русская власть – это не моносубъект, как кажется на первый взгляд и как я склонен был считать шесть лет назад (что и нашло отражение в «Русской системе» и было повторено три года назад на страницах «Русского исторического журнала» (М., 1999. – т. I, № 3. – С.13-95) в статье «Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы). Это прежде всего автосубъект, который по своей сам-по-себе субъектности должен стремиться и стремится к моносубъектности, но по сути, за исключением нескольких исторических мгновений, связанных с демонархиями трех апостолов русской власти – Ивана, Петра и Иосифа, в которых персонификатором моносубъектности становится человекомасса с ее энергией (и эта масса нарастает от Ивана к Иосифу), ее не достигающий (асимптота, только асимптота, нередко удаляющаяся от цели) и в результате превращающийся в гиперсубъектность. Гиперсубъектность, которой оборачивается тенденция к множественности персонификаторов моносубъектности («полимоносубъектность»? – «хлопок одной ладонью») – все это реакция христианского, множественно-субъектного по социогенотипу общества на собственную же форму, возникшей из взаимодействия с не (и вне) субъектным ордынским началом, «ответ Бога отца, сына и святого духа» ордынскому хану, «царю Калину». И этот ответ обрекает автосубъекта русской власти на вечное внутреннее борение, превращает его самого в поле (само)разрушительной борьбы, которая и есть его развитие. Но это тема отдельной работы по философии истории – не России, автосубъекта русской власти.

Если автосубъектность – это субстанция, то моносубъектность есть ее атрибут. Это тенденция, которую стремится реализовать автосубъект. Моносубъект в полисубъектном обществе? Аномалия.

В дальнейшем развитии такого аномального сочетания **теоретически** либо автосубъектность с ее тенденцией к моносубъектности должна была исчезнуть, либо общество должно было перестать быть полисубъектным. В **реальности** ни то, ни другое не получило своего полного логического завершения. Однако первая тенденция победила со значительным перевесом и окрасила в свои тона проявление субъектности в русской истории и жизни, деформировав полисубъектность.

Полный и всеохватывающий триумф моносубъектности в христианском обществе невозможен. Точнее: возможен на краткий миг, в редкие и исключительные моменты, как правило, в период генезиса новых структур власти, на основе террора-насилия. Так, моносубъектность «побеждала нокаутом» при Иване Грозном, Петре I, Сталине, (когда возникали структуры, которые я именую «демонархиями» – демократическая монархия,

демоническая власть, якобы монархия, поскольку строй этот по содержанию много сложнее и «плотнее» монархии). Моносубъектность всегда может (по сути – должна) быть оспорена в христианском по социокультурному генотипу обществе. И как показывает русская история XVI–XX вв., постоянно оспаривалась; полисубъектность все равно пробивала себе путь в виде превращенной, порой негативной или даже уродливой форме борьбы за моносубъектность, за лишение других субъектов субъектности или за предотвращение приобретения теми или иными социальными единицами субъектных качеств.

Повторю: князь (или даже «княжебоярский комбайн») является субъектом, поскольку он – социальный агент христианского общества, «существующего по воле Абсолюта», субъектного Бога. Однако властью-автосубъектом он является по воле вне(над)субъектной земной силы – Орды и **этим** своим качеством обязан ей и только ей: автосубъектность оказывается важнее субъектности.

Поскольку полностью реализовать моносубъектность, существующую как тенденция (атрибут, акциденция), и полностью устранить полисубъектность власть-автосубъект-субстанция не может, результаты ее усилий носят в основном асимптотический характер, особая – и вообще, и по отношению к обществу – природа этой власти реализуется и посредством иной, чем моносубъектность тенденции-стратегии. Речь идет о гиперсубъектности, сверхсубъектности: власть стремится быть одновременно и единственным субъектом, и субъектом высшего, недостижимого для других качества, субъектом-гулливером среди субъектов-лиллипутов. Это со всей очевидностью проявляется в периоды, когда власть допускает субъектность тех или иных социальных агентов во второстепенных и третьестепенных для функционирования общества сферах и комплексах отношений (подр. см. ниже). Гиперсубъектность – это компромисс власти-автосубъекта с христианским обществом, пряник, а мсоносубъектность – кнут.

Таким образом, русская власть как автосубъектная субстанция выступает в (три)единстве (и противоречии) со своими атрибутами (функциями) – моносубъектностью и гиперсубъектностью. Последние могут воплощаться в реальности: первая – крайне редко и на крайне короткие отрезки времени, вторая – значительно чаще. Моносубъектность – это вообще максимально редкое и краткое состояние автосубъектности; пользуясь физическими аналогиями, её можно считать корпускулой, тогда как гиперсубъектность – волной, состоянием значительно более частым и длительным.

Реализация как моносубъектности, так и гиперсубъектности в христианском обществе – явлений поразительных, экстраординарных и аномальных – требовала адекватных качеств и характеристик власти не менее экстраординарных и аномальных. И они тоже возникли в ордынско-московской власти, а затем укрепились в русской власти. Речь идет о таком качестве, о такой характеристике как надзаконный, экстралегальный характер власти, который и позволил ей реализовать себя как субстанцию с обеими акциденциями – моно- и гиперсубъектностью. Суть в следующем.

Власть в Золотой Орде, как и в великих «степных империях», как в Китае, Индии и других странах регулировалась и ограничивалась определенными, уходящими в далекое прошлое, правилами, обычаями и законами, ритуалом и т.п., т.е. носила легальный характер. В симбиотической структуре «Золотая Орда **cum** Русь» власть ордынского хана по отношению к русским княжествам носила по сути надзаконный характер; хан, его воля, милость и т.п. сам был законом для русских князей, его власть была внеположена Руси.

Русь не имела ни возможностей, ни средств регулировать эту власть (взятки и бунты в счет не идут, это из другой области).

Ни в юаньском Китае, ни в Иране иль-ханов власть монгольских династий не была надзаконной, экстралегальной. Она встраивалась в существующие системы – конфуцианскую и мусульманскую и регулировалась ими в большей или меньшей степени. Так же была законной и власть русских князей по отношению к своему населению. А вот власть ордынских ханов по отношению к русскому населению была надзаконной, экстралегальной, в этом ее уникальный исторический характер, обусловленный уникальными системно-историческими обстоятельствами – не завоевание и растворение в завоеванном населении, а дистанционный контроль в течение почти двух с половиной столетий; другой симбиотической структуры типа «Орда – Русь» история не знает.

Таким образом, в ходе 250-летнего взаимодействия Орды и Руси был выкован принципиально новый тип власти, которого до этого не существовало ни в «степных империях», ни на Руси, ни на Востоке, ни на Западе. Эта власть представляла собой мутацию-модификацию ЦЕМВ в новых – не кочевых, а земледельческих хозяйственных условиях. Но дело не только в специфически восточноевропейской хозяйственной базе, хотя и она очень важна – без нее не было бы дистанционного симбиоза. Важно и то, что одним из элементов симбиоза было христианское общество, т.е. общество, в котором социально фиксируется субъектность и которое признает субъектом индивида. В нехристианской зоне, например на Востоке, экстралегальная власть не имела никаких шансов укрепиться, здесь она была бы поставлена под контроль системной социальности, системного порядка, подавлена ими. На христианском Западе против попытки ее самоосуществления тут же восстали бы другие субъекты. Экстралегальная власть теоретически имела возможность стать на ноги и укрепиться только там, где было христианство и где она могла (или имела тенденцию и волю, пусть сначала слабые) стать замкнутым на себя субъектом (автосубъектом), стремящимся к единственности (моносубъектности), там где власть сильнее общества. Это и была русская периферия Орды. Она же периферия Византии, сущностные роль и значение наследия которой в русской истории постоянно и неправомерно преувеличиваются. Говорить можно лишь о форме. Византийские формы власти и церковности в России, помимо прочего, были необходимы для того, чтобы придать христианскую форму странной для христианства власти – недо- и сверххристианской одновременно. Сверхакцент русской власти на ее священный характер – вплоть до монополизации священства и превращения церкви в одно из «ведомств» отражает одновременно как специфически христианский, так и отчасти нехристианский/сверххристианский характер русской власти. При этом теоретическое наличие возможности вовсе не гарантировало автоматически ее реализацию; последняя была весьма вероятной, однако самоосуществиться она могла лишь в ходе и посредством жестокой социальной борьбы. В то же время без ордынского влияния и вне ордынско-русского асимметричного и неравного взаимодействия такая власть никогда не появилась бы вообще.

Наконец, есть еще один момент, связанный с надзаконным характером русской власти. Будучи унаследован от ордынско-московской мутации ЦЕМВ, он оказался весьма адекватен социуму с небогатой сельскохозяйственной, а затем и индустриально-аграрной базой. Юридическое оформление этого типа централизованной власти ограничивало его и давало населению определенные свободы. Однако в то же время юридизация русской власти в социальной реальности освобождала из-под ее контроля чиновников среднего уровня, на местах, что немедленно оборачивалось их произволом, как властным, так и экономическим, по отношению к населению, сводившему на нет обретенные свободы, и

тотальным расхищением всего, что можно расхитить, не опасаясь кнута, выдранья ноздрей, ссылки в Сибирь, лагеря или, на худой конец, конфискации имущества.

Парадоксальным образом либерализация и юридизация власти в России оборачиваются произволом, ужесточением эксплуатации населения, расхищением ресурсов. Надзаконный характер власти был единственным средством держать в узде особенно низшие и средние, а также во многом и высшие ее сегменты в условиях «скудного экстенсива» – огромных пространств с незначительной хозяйственной продуктивностью, с производственными комплексами, не создающими значительного прибавочного продукта, что заставляет многие сегменты власти зариться на продукт необходимый. По закону в русских условиях контролировать это было невозможно, со всеми вытекающими положительными и отрицательными последствиями. Отсюда – блюстительная (так назвал ее П.Пестель) функция русской власти как главная, *«контроль и учет»* (Ленин). Но мы забежали вперед. А сейчас хочу повторить: только на просторах восточноевропейской равнины, объединенных в единое целое Ордой, могла возникнуть русская власть.

12. О пользе сомнений

И здесь возникают важные и очень интересные вопросы и сомнения: так что же, если бы не Орда, то феномен русской власти (в форме самодержавия) никогда не возник бы? Значит, это не закономерное, а случайное явление, плод игры, случая? Значит, решающую роль сыграл внешний фактор? Нет, не значит.

Зададимся вопросом: случайностью ли были появление в XVI в. испанцев в Центральной и Южной Америке, разрушение отрядами Кортеса и Писарро держав и цивилизаций астеков и инков? Для астеков и инков – случайностью. Для испанцев – конечно, нет. С точки зрения возникающего с конца XV в. нового международного разделения труда в Европе, возникновения мирового рынка или, как сказал бы И.Валлерстайн, “европейской мир-экономики”, т.е. с точки зрения более крупного целого, элементом которого становились прибрежные регионы Центральной и Южной Америки, появление испанцев там было закономерным. То, что является случайным на одном уровне, в рамках ограниченного пространства, оказывается закономерным или даже необходимым явлением на другом уровне, в рамках более широкого геополитического пространства, в другом масштабе.

С точки зрения русских княжеств, относительно ограниченного пространства киевской и посткиевской истории, монгольское нашествие (хотя из 90–120 тыс. войска, пришедшие в 1237 г. с Бату и Субудаем, только четверть были собственно монголами; остальные – “интербригады” хартленда, главным образом тюрки, хотя, конечно, не только они) было случайностью. С точки зрения евразийской истории, в которую монголы включили Русь, это нашествие было закономерным явлением, подчинявшимся логике вековых (7–8-вековых) евразийских циклов и трендов количественного (территориального) роста “степных империй”: рано или поздно степная евразийская держава по логике экспансии должна была “зацепить” русскую равнину. Другое дело – конкретные исторические последствия и их формы, это зависит от исторических обстоятельств, условий взаимодействия и характера эпохи. Таким образом, именно с евразийской, а не “киевско-русской” точки зрения возникновение феномена русской власти в форме самодержавия и

превращение Москвы во Второй Сарай, Второй Каракорум, Второй Константинополь и Третий Рим было закономерным явлением.

Теперь о роли внешнего фактора. Привыкнув за последние полтора столетия мыслить категориями “национального государства” (nation-state), мы переносим, проецируем его «реалии и универсалии» на прошлое – то прошлое, когда nation-state не существовало и когда “внутреннее” и “внешнее” определялось не политико-административными границами, а иными. Доордынская Русь была интегральным элементом более широкой экономической целостности, макрорегиональной системы производства и обмена, осью которого исходно был путь “из варяг в греки”. Орда расширила эту систему, политически оформив экономическую включенность в нее русских земель. Эта система охватывала значительную часть евразийского Хартленда. Таким образом и здесь мы имеем общеевразийскую логику развития, противопоставлять которой и обособлять от которой домонгольско-русское развитие было бы ошибкой, перенесением на XIII в. реалий XIX–XX вв.

В середине XV в. полукочевая Золотая Орда стала анахронизмом для предсовременной Европы, историческое время работало против нее. В 1480 г., выстояв на Угре, Русь освободилась от распадающегося Ордынского ханства, чтобы тут же оказаться под властью своего, «православного ханства» – Москвы. Впрочем, несмотря на освобождение, генетическая память и генетический страх перед Ордой были живы еще сотню лет. Похоже, Рюриковичи так и не избавились от него, навсегда запомнив свое положение в качестве улусников чингисидов.

– согласно «докончанию» (договору), заключенному Иваном III со своими братьями Борисом и Андреем в 1486 г., только он имел право вести отношения с Ордой, если ее власть (или власть кого-то из ее государств-наследников) над Русью восстановится;

– в 1521 г. сын Ивана III Василий II дал подступившему к Москве крымскому хану Менгли-гирею грамоту, в которой объявлял себя *“вечным данником царя* (!; крымского. – *А.Ф.*) *так же, как были его отец и предки”*; только находчивость рязанского воеводы И.В.Хабара спасла ситуацию;

– в 1572 г., накануне битвы при Молодех, завершившейся победой земско-опричного войска под командованием Воротынского и Хворостинина над крымцами, Иван IV в переговорах с послами Девлет-Гирея, отряды которого второй год подряд опустошали русские земли, готов был не только отдать Казань и Астрахань, но и возобновить дань. Иными словами, почти весь XVI в. Россия прожила под тенью “исчезнувших предков” (по власти) – Орды, пока с конца XVI в. над страной не нависла другая тень – Запада, заставившая русскую власть еще раз мутировать – теперь уже при Петре I.

13. Русское Кольцо Всевластия

С уходом Золотой Орды Русь не вернулась к домонгольским формам организации власти. Напротив, она консолидировала ордынское наследие, нарядив его в пышные византийские одежды, что до сих пор смущает иные умы и заставляет их говорить о византийском наследии. На самом деле новая, постмонгольская Русь (Г.Федотов назвал ее “православным ханством”) унаследовала основные черты ЦЕМВ.

Примат контроля над людьми над контролем над землёй;

примат власти (службы) по отношению к собственности;

военная форма социальной организации господствующих групп.

Все это на Руси XIV–XVI вв. (т.е. на Руси Ордынско-удельной, 1252–1480 и Руси "православного ханства", 1480–1565) обусловливалось не только ордынским фактором, привнесенной на Русь ЦЕМВ, но и местными русскими условиями – географическими, хозяйственными, историческими и даже геостратегическими: если и была на территории евразийского Хартленда **земледельческая** зона, максимально близкая по своим природно-историческим условиям таковым кочевой сердцевины Евразии, то это Русь.

Огромные пространства, возможности перманентной колонизации, "кочевой" характер земледелия, экстенсивный характер хозяйственного развития (за счет пространства – как у кочевников!) – все это делало контроль над людьми более важным, чем контроль над землей, а следовательно, власть, службу – более важными, чем собственность, владение. Для огромного числа представителей господствующих групп (чем дальше к низу, тем больше; чем на меньшие части дробились уделы, тем тоже больше, особенно если учесть невысокий – урожайность сам-треть, сам-четверть – потенциал продуктивности русского земледелия) именно служба обуславливала доступ к "вещественной субстанции", а не наоборот. Показательно, что при появлении врага бояре защищали не свои родовые гнезда, как европейские сеньоры, а стекались в град-столицу. Не менее показательно и то, что лишь меньшая часть (как правило, это были представители титулованной верхушки, Рюриковичи) русской знати носила фамилии по земельной собственности: Шуйские, Стародубские, Одоевские. Бóльшая часть фамилий носила патронимический характер, т.е. образована от имен или прозвищ тех представителей рода, которые преуспели на службе. Отсюда нередкая смена фамилии представителей одного и того же рода. Классический пример – Романовы. Прежде чем стать царствующей династией, они несколько раз меняли фамилию: Кошкины, Захарьины, Захарьины-Юрьевы и, наконец, Романовы.

С точки зрения соотношения власти/службы-собственности, важно было и то, что, например, в Москву как главного (с конца 1320-х годов) представителя Золотой Орды, хлынули бояре из других княжеств. Многочисленное, текучее боярство – это, во-первых, зависимое от князя боярство; во-вторых, небогатое боярство. Как добыть богатство? Службой и войной, для которых нужны тесная спайка и организация – военная.

Уже в 1446 г. в Москве под руководством Ф.Басёнка проводится перестройка Двора – по-видимому, первая перестройка в русской истории. Из него выделяются Дворец (по-монгольски – Ордон, т.е. Орда) – хозяйственно-административная организация и Новый Двор – военно-административная корпорация служилых людей, военная машина, единственным условием и способом существования которой могла быть только экспансия. "Новый двор" Басёнка/Василия II может стать в один ряд с такими шедеврами русской технологии власти как опричнина Ивана IV и "партия профессиональных революционеров" Ленина. По сути это была организация нового типа – организация таких господствующих групп, для которых власть значила больше, чем собственность. Такая власть должна была быть сильной и воинственной, или, по крайней мере, экспансивной, а следовательно, постоянно увеличивать свой военный потенциал, прежде всего людской – эффект снежного кома. И призом этого "кома" могла быть только Русь, но уже не ордынская, а свободная от нее.

“Только сильная и воинственная власть, – писал А.А. Зимин в замечательной книге “Витязь на распутье”, – могла обеспечить своим служилым людям и землю, необходимую для того, чтобы с нее получать хлеб насущный, и челядь, которая должна была ее обрабатывать и пополнять кадры военных и административных слуг, и деньги, которые можно было тратить на заморские вина и ткани и отечественное вооружение. Но землю надо было захватить у соседа, деньги отнять у него же, а в холопа в виде благодарности можно было обратить того же простака”.

Военный (опять же как у кочевников Центральной Азии) характер социальной организации позднеордынской и особенно постордынской Руси усиливался в XIV–XVI вв. еще двумя факторами. Первый – геостратегическая открытость русских земель с севера (Швеция), запада (Литва, Польша), юга (Крым, ногаи), востока. Постоянные войны по обороне своих рубежей, до XVI в. – исключительно оборонительные, требовали столь значительного войска, что само количество становилось фактором качества и типа социальной организации в целом. Второй – нарастание с конца XV в. напряжения внутри автосубъектной власти между князем и боярством, нарастающая борьба между “индивидуальной” и “коллективной”, “единодержавной” и “олигархической” формами ордынско-послеордынской власти. Создание массового среднего и нижнего слоев господствующего “класса” как средства в борьбе с бояро-олигархиями могло происходить только в военно-служилой форме посредством поместной системы. Так усиление военно-служилого характера общин в целом, увеличение войска как совокупности представителей низа и середины господствующих групп оказалось следствием, функцией развития, развертывания того внутреннего конфликта, который был встроен в русскую власть генетически и который разрешился посредством опричнины в виде самодержавия. Наконец, как уже говорилось выше, власть в послеордынской Руси сохранила, пожалуй, главное, то, что гарантировало сохранение трех основных черт ЦЕМВ в новых условиях – ордынско-московский принцип надзаконности, так сказать, ордынско-московское (русское) Кольцо Всевластия. Но его мало было выковать в течение двух с половиной столетий. За него надо было побороться. Хозяин – Орда – ушел, и теперь князь остался один на один с боярством и ленинским вопросом: *«Кто – кого?»* (Или вместо: *«Удержат ли большевики власть?»; «обретет ли ордынско-московская власть самодержавную форму?»*)

14. Самодержавие: метаморфозы и чужие лики

Самодержавие возникло и оформилось в ходе и посредством революционного социального процесса, стартовавшего опричниной в 1565 г. и завершившегося принятием Соборного Уложения в 1649 г. Почти посередине между двумя этими датами «лежит» Смута 1584/98–1613/19 гг. – фаза, в которой генезис самодержавия принял крайне острую форму гражданской, а точнее социальной войны всех против всех. Попытка верхов (боярство) и низов (казачество, крестьянство, боевые холопы) свернуть развитие системы с самодержавно-крепостнического пути, «указанного» Иваном IV и Борисом Годуновым, провалилась, и к концу 1640-х годов общество вырулило к законодательному оформлению «проекта Ивана Грозного»: самодержавие из опричного эмбриона оформилось в военно-служилую систему. В этой системе закрепощенным (т.е. прикрепленным к военно-служилому человеку, несущему службу, а следовательно и к определенному месту)

оказалось не только крестьянство. Как заметил С.Князьков, уложение Алексея Михайловича закрепостило на обязательную службу государству все слои московского населения, причем наиболее полно и последовательно это было проведено по отношению к жителям не деревень, а городов и слобод: согласно указу 1658 г. житель посада, самовольно покинувший его, подлежал смертной казни.

По сути закрепощены тяглом центральной власти были и господствующие группы: они должны были нести военную службу, и именно это оправдывало крепостную службу им крестьян (не случайно, что после того, как 18 февраля 1762 г. Пётр III разрешил дворянству на европейский манер не служить, крестьяне посчитали, что их должны освободить на следующий день. Так и произошло, заметил с горькой иронией В.Ключевский, но только через 99 лет – 19 февраля 1861 г.). У военно-служилых людей, помимо военного тягла, было еще одно: сбор налогов в государеву казну со своих крестьян. Дело в том, что в отличие от некоторых стран Восточной Европы, в России ставшие частновладельческими, т.е. закрепощенные, крестьяне остались тяглецами по отношению к центральной власти, должны были платить налог, а их помещики должны были это обеспечить.

Таким образом, закрепощение крестьян, увенчавшее в 1649 г. длительный процесс, начатый Андреем Щелкаловым и Борисом Годуновым в 1590-е годы, было элементом более крупного целого – системы самодержавно-дворянского контроля над крестьянством и посадским людом в рамках самодержавного контроля над всем обществом, включая дворянство. А главным контролером выступала надзаконная – русская – самодержавная власть. В XVII в. у нее еще были пусть слабые, но ограничители: церковь, тот факт, что крепостное состояние еще не пустило глубокие корни – люди помнили «волю времен Грозного царя», к тому же была социальная группа ниже крепостных – холопы, наконец, один и тот же по принципам социокультурной конструкции быт, бытовой уклад жизни. Иными словами, московское самодержавие было слишком патриархальным, а потому патримониальным, незавершенным, не стопроцентным, самодержавием; московская форма не вполне годилась для самодержавия, поскольку в ней сохранялась связь власти и господствующих групп, с одной стороны, и населения, – с другой: одна религия, одна культура, одна традиция, один быт. Все эти русские формы сковывали, связывали и сверхсубъектность, и надзаконность. Эти качества **русской** власти требовали для ее самореализации, как это ни парадоксально, нерусских форм. Впрочем, почему парадоксально? Ведь и родилась эта власть из ордынско-московско-византийского замеса, т.е. как евразийская, а потому вполне могла (и, более того, должна была) использовать для своего развития евразийские формы. Местные в силу ее **над**законности и **сверх**субъектности не годились. У русской (евразийской) власти должен был быть нерусский (евразийский) облик (по крайней мере так должно было быть до сих пор).

Логика развития самодержавия, его природа требовали разрыва связи с московскими формами, что и было осуществлено Петром: церковь поставлена под контроль власти; служба государства перестала быть Божьим делом; над дворянством был установлен жесточайший военно-служебный контроль; центральная власть (самодержавие) превратилась в автономную от населения (общества) и существующую для себя систему (идеал автосубъектности); между дворянством и народом произошел социо-культурный раскол – логическое завершение религиозного раскола между властью и частью народа; крестьяне низведены до положения холопов (слиты с ними); в стране введен по сути оккупационный режим (размещение армейских полков по стране; армия следила за сбором подушной подати, выполняла полицейские функции) – второе издание «батыевщины», теперь на -голландско-шведско-прусский лад, но с сопоставимыми результатами для потерь народонаселения и экономики. Самодержавие переехало в

Петербург в прямом и переносном смысле. Не будучи революцией в марксистском, системном понимании этого феномена (смена социально-экономического строя), мероприятия Петра I были, безусловно, революцией, в субъектном плане: они обеспечили субъект русской власти той единственной формой, в которой он мог реализовать свою субъектность, и форма эта была не русской (так уже бывало – Орда, и так будет – коммунизм).

Петровское самодержавие – идеально-типическое, модельное, абсолютное, и ясно, что чистая, «стопроцентная» модель автосубъектности-моносубъектности долго существовать не может. Она постепенно уступает части субъектности, превращаясь в сверхсубъекта, в гулливера сверхсубъектности среди лилипутов и микропутов субъектности. Сразу же после Петра начинается эрозия его модели. Конкретно, физически этот метафизический процесс проявляется в том, что самодержавная власть мелкими порциями дает послабления господствующим группам, позволяет им вообще не служить (1762), т.е. признает их субъектность вне службы, вне системообразующего общественного отношения; затем дает им внеслужебную социальную организацию (1785), затем начинает законодательно ограничивать самое себя – в 1797 г. (и – пунктиром – в 1830-е).

История автосубъектной власти не может быть ничем иным как ее постепенной коллективизацией, разложением, отходом от идеала: единственная форма развития социального абсолюта – это утрата его качества, деабсолютизация. Однако поскольку любой абсолют не есть нормальное состояние, разложение абсолюта становится нормализацией общественной жизни. С точки зрения нормальной жизни лучшие периоды в истории социумов русской власти суть периоды между абсолютом власти и абсолютом безвластия (хаоса, распада, смерти) – периоды *«оттепелезастоя»* («оттепель» нормализует жизнь, а «застой» оформляет это организационно и материально). То же произошло с советским коммунизмом, который в ускоренном темпе – за 70 лет – «проиграл» схему «развитие как разложение». Но это отдельная тема, выходящая за рамки данной работы, и потому мы возвращаемся к самому феномену самодержавия – заквашенного в Орде и испеченного в русской печке (*«русский и монгол – братья навек»?*), к феномену надзаконной автосубъектной власти.

15. Самодержавие – *«сколь много в этом слове для сердца русского…»*

Одни приравнивают самодержавие к западному абсолютизму, другие – к восточному деспотизму. Обе эти интерпретации представляются ошибочными. На самом деле, самодержавие – исключительно русский феномен. Хотя «западный абсолютизм» (как и русское самодержавие) – власть субъектная, а «восточный деспотизм» – системная, не предполагающая субъекта, растворяющая его в себе, по линии ограниченности законом, подзаконности, высокоинституциализированного характера; у них больше общего друг с другом, чем с самодержавием.

На Востоке, будь то Япония, Китай или Индия, власть тэнно/сёгуна, хуанди или султана была ограничена – традицией, ритуалом, обычаями, наконец, законом. Если говорить о Западе, то там власть абсолютных монархов ограничивалась правом, на котором строился весь оксидентальный порядок: король, даже если речь идет о Франции XVII–XVIII вв., считающейся модельной абсолютной монархией, мог менять законы (хотя и это было вовсе не так просто), но он должен был им подчиняться. Последние два года

своей жизни Людовик XIV (тот самый, которому приписывают фразу *“l’État c’est moi”* – *«государство – это я»*) провел в слезах. Дело в том, что регентом при наследнике должен был стать ненавидимый Людовиком Филипп Орлеанский. И Людовик ничего не мог с этим поделать – все было по закону. Можно ли представить в такой ситуации русского самодержца от Ивана IV, готового передать престол хоть принцу датскому (моя воля), до Екатерины II, собиравшейся возвести на престол внука вместо сына? Конечно нет. В “натуральном” самодержавии по самой его природе такая ситуация невозможна. Ведь самодержавие предполагает, что государева воля – единственный источник власти и закона, внутренней и внешней политики, что, кстати, и было зафиксировано Петром I в 1722 г. Самодержавный царь – это вам не король, император и не падишах какой-нибудь. Это царь-самодержец. Аналогов не имеет. По сути это замороженная революционная власть. Не случайно самодержавие возникло революционным путём (опричнина), посредством и в результате сверхсубъектного, волюнтаристского акта. Волюнтаризм – имманентная черта русской власти.

Первое самоограничение самодержавной власти произошло 5 апреля 1797 г., когда Павел указом о престолонаследии установил порядок передачи престола; по сути и логике самодержавия такого порядка быть не должно – все определяется волей монарха. Следующий крупный шаг в самоограничении – октябрьский (1905) манифест Николая II. Третьим – летальным для самодержавия – «ограничением» стала февральская революция 1917 г. Так сказать, мат в три хода. За ней, однако, последовала октябрьская революция и установление коммунистического режима, сутью которого была надзаконная и автосубъектная власть, но уже не в виде монарха, а в виде партии, точнее – ее ЦК, а еще точнее – генсека. Налицо торжество ЦЕВМ, правда опять в модифицированном, мутировавшем виде. Выходит, самодержавная власть **логически** шла к советскому коммунизму, который был ее историческим отрицанием? И это при том, что, казалось, Россия в XVIII–XIX вв. все более европеизируется и уходит, удаляется от ЦЕВМ, от ордынского наследия. Вот именно, что казалось. И то на первый взгляд.

Один из парадоксов русской истории 1649–1917 гг. заключался в следующем: в то время как на поверхности, внешне власть, общество и страна выглядели все более и более по западному, в содержании развития, в его сути модифицированный в виде русской власти принцип ЦЕМВ, разумеется, в субъектно-модифицированном виде, уже воплощенный в особом виде субъектности становился все более выраженным (хотя и под тенденциозным углом зрения, в своё время это уловил де Кюстин), требуя для себя в перспективе новую, несамодержавную форму.

Этот парадокс (тенденция, противоречие) наиболее полно проявился в изменении соотношения власти и собственности, в уменьшении собственнического потенциала господствующих групп, в логике десобственнизации власти в самодержавной России. Процесс этот на самом деле неудивителен. Если служба – главный фактор, определяющий бытие и быт господствующих групп, то неизбежен постоянный рост численности служилого люда, что и имеет место быть на Руси со времен Ивана Калиты до времен Владимира Путина (любая попытка ограничить или повернуть вспять этот рост до сих пор приводила к диаметрально противоположным, контрпродуктивным результатам).

Поскольку ресурсы в России всегда были ограничены, а следовательно, возможности значительного увеличения отчуждаемого «прибавочного продукта» были невелики, то ценой количественного роста господствующих групп было сохранение в руках их представителей все меньше и меньше собственности. Любое резкое увеличение собственности в руках некоего меньшинства в рамках господствующих групп, его обогащение, вело (как это и произошло в 1861–1917 гг. и как во многом происходит

сейчас в РФ) к резкому уменьшению собственности в руках подавляющего большинства представителей господствующих групп, не говоря уже о населении в целом, их обеднению и, как следствие, становилось стимулом для разгула мздоимства для одной, большей части (семью кормить надо) и для перехода в оппозицию существующему строю, а то и в революционный лагерь, в лагерь *«потрясователей»*, как сказал бы Н.Лесков, меньшей – более идеалистической, социально озлобленной или просто неудачливой части.

Посмотрим конкретно. В истории дореволюционной России было три исторических структуры власти: Московское самодержавие (1560–1690-е), Петербургское самодержавие (1700–1850-е) и так называемая пореформенная Россия (1860-е – 1905/1917). Хотя пореформенная Россия представляет собой процесс и результат разложения Петербургского самодержавия и с этой точки зрения ее не до́лжно ставить в один ряд с «двумя самодержавиями», она, в то же время, обладает неким собственным содержательным потенциалом, связанным с развитием капитализма.

Точнее будет сказать так: постепенное усиление с XVIII в. включенности России в мировую капиталистическую систему привело к внешне бурному и внутренне уродливому развитию капитализма в России во второй половине XIX – начале XX в. Этот процесс часто называют “капиталистической модернизацией”, которая вела к определенным социальным, политическим и культурным сдвигам (например, уже в 1870-е годы, как заметил М. Покровский, «Петербург Чернышевского» превратился в «Петербург кафешантанов и танцклассов», оффенбаховщины).

Обусловленная включением в мировую капсистему краткая фаза “капиталистического подъема” России совпала с пореформенным разложением самодержавия, и это создало некую остро противоречивую структуру, которая несводима ни к разложению самодержавия, ни к подъему капитализма (даже с оговоркой: русского образца). Именно эта больная сложность, которая в сфере культуры получила наиболее адекватное выражение в Серебряном Веке, соединившим в себе (воспользуемся тыняновскими метафорами из «Вазир-Мухтара») винное, уксусное и гнилостное брожение, тонкие запахи с вонью разложения, и позволяет говорить о пореформенной России как особой структуре власти в русской истории.

Каждой структуре власти соответствовала своя господствующая группа – функциональный орган создавшей ее русской власти. Соответственно это были бояре, дворяне и чиновники. Если сравнивать эти привластные группы по их численности, то каждая последующая группа превосходит предыдущую: дворяне – бояр, чиновники – дворян. Иными словами, власть в виде своих функциональных органов росла, охватывала все большую и большую часть населения, как бы прорастала в него.

Если сравнивать господствующие группы по линии собственности, то здесь картина иная: каждая последующая группа (речь идет о среднем представителе) обладала меньшей собственностью: у дворян ее было меньше, чем у бояр; у чиновников, которые по сути были салариатом, ее было меньше, чем у дворян. Разумеется, в жизни встречались немало конкретных случаев-отклонений от указанной регулярности, однако на уровне массовых процессов и крупных структур картина была именно такова. И на этой картине даже дворянство, которое ближе других господствующих групп в истории России подошло к состоянию классовости, выглядит с точки зрения собственности далеко не блестяще.

Чтобы вести социально приемлемый дворянский образ жизни, в период между 1779 и 1861 г., нужно было иметь не менее 100 душ или денежный эквивалент. Только 20% дворян имели 100 и более душ, остальные 80% - это, следовательно, “дубровские” и еще

беднее. К тому же из верхних 20% по-дворянски значительная часть жила в долг, закладывая и перезакладывая крепостных, была, так сказать, виртуальным дворянством. Неудивительно, что к 1861 г. 66% помещичьих крестьян были заложены их владельцами государству. Это и позволило Александру II сделать то, о чем мечтал его отец – освободить крепостных.

Если учесть долгосрочную тенденцию к истончению слоя собственности, принадлежащего привластным группам, то под этим углом зрения Октябрьская революция и возникновение большевистского режима представляют собой, как верно заметил В.В. Крылов, финальный и революционный акт очищения власти («государства») от оставшихся привесков собственности. В связи с этим ясно, что исторический коммунизм и советская эпоха русской истории ни в коем случае не являются ни случайностью, ни отклонением.

Будучи **историческим** разрывом, они представляют собой совершенно закономерную с точки зрения **логики** русской истории фазу развития, развертывания типа власти и субъекта, выкованных взаимодействием Орды и Руси. Интересно, что новая, коммунистическая форма данных типа власти и субъекта была обретена посредством механизма «логическая преемственность через исторический разрыв», что лишний раз свидетельствует о социогенетически революционном характере этой власти. Но главное не в этом. Главное в том, что сделано это было посредством антикапиталистической революции. Новая трансформация-мутация ЦЕМВ произошла посредством антикапиталистической революции и системного антикапитализма.

16. Русская власть, антикапитализм, коммунизм

С одной стороны, или, скажем так, на первый взгляд, победа большевиков и установление коммунистического строя в России очень сильно удалили Россию от Европы, приблизив к исходной ЦЕМВ. Не случайно критики большевиков называли их «новыми монголами», «новой Ордой». Однако если вспомнить, что большевистская революция была не только антисамодержавной, что она не только положила конец русской смуте, распаду русской власти (и страны на части), но и антикапиталистической, реализацией Большого Левого Проекта европейского Модерна, лозунгов Великой французской революции, то напрашивается диаметрально противоположный вывод: Октябрьская революция превратила Россию в сверхъевропу – в левую сверхъевропу, более того, в мировую социалистическую систему, в современное массовое индустриальное антикапиталистическое общество.

А может верны оба вывода: антикапитализм посредством «неоорды» и «неоорда» посредством капитализма? Но прежде чем отвечать на этот вопрос, поставим другой: резонно ли связывать СССР, советский (исторический) коммунизм с самодержавием, ордынско-московской властью, Золотой Ордой или ЦЕМВ? Можно ли фиксировать в одном причинно-следственном ряду феномены XV–XVI вв. и XX в.?

На эти вопросы у меня два контрвопроса – один от здравого смысла, другой – научный. Первый: резонно ли связывать 50-летнего человека с ним же самим 10–15-летним? По-моему, вполне. Второй вопрос: резонно ли связывать сегодняшний глобальный «информационный капитализм» или хотя бы индустриальный капитализм XIX в. с

доиндустриальным капитализмом XVI–XVII вв.? Конечно, капитализм изменился, но его суть, цели, принципы конструкции не изменились – мы имеем дело лишь с иной, новой структурой господства капитала. Так же обстоит дело с русской властью.

Говоря о связи советского коммунизма с исходной матрицей – ЦЕМВ, отмечу следующее.

– Только ЦЕМВ в ее модифицированной форме самодержавной русской власти могла превратиться в системный антикапитализм;

– только капитализм в своей революционно-негативной форме (антикапитализм) мог стать средством выживания русской власти в индустриальную эпоху, средством обретения ею завершенной, чистой, свободной от собственности власти.

В XIV–XV вв. ЦЕМВ Золотой Орды должна была адаптироваться к иным, чем исходные, природным, историческим и экономическим условиям. В результате возникла ордынско-московская модификация. Позднее, в ходе острой социальной борьбы, она превратилась в русскую власть – самодержавие. Ее экономической основой было уже не кочевое скотоводство, а земледелие, аграрное хозяйство.

В конце XIX – начале XX вв. русская власть оказалась в принципиально новых исторических (включение Евразии в мировую экономику с ее североатлантическим англосаксонским ядром), социосистемных (развитие капитализма) и экономических (развитие промышленности, индустриальной базы) условиях. Включение в мировую капсистему сделало Россию ее элементом и стимулировало развитие частной собственности. И это в то время, когда собственнический слой, нарост слабеющей русской власти и ее функциональных органов становился все тоньше, налицо была тенденция к исчезновению этого собственнического нароста. Речь идет не о частной собственности, а о собственности вообще, включая частную, которую указанная тенденция должна была смести. Альтернатива – гибель русской власти. (Забегая вперед отмечу, что история пошла как бы по «среднему пути»: конкретная историческая **структура** русской власти – самодержавная – рухнула, однако новая, более совершенная структура, советский коммунизм, **системную** проблему решила. Какой **человеческой** ценой – другой вопрос. Необходимо, однако, заметить, что все новые системы в истории возникают крайне дорогой ценой, как чудовища, пожирающие массы людей, будь то капитализм, самодержавие или коммунизм.)

Таким образом, в начале XX в. русский общественный организм, чтобы выжить, должен был решить двойную и внутренне противоречивую, дилеммматическую задачу: во-первых, довести многовековую линию очищения власти от собственности до логического конца (альтернатива – олигархизация власти, капитализация общества, пауперизация, иностранный контроль и де-факто, а то и де-юре гибель страны – многое из этого мы увидели в самом конце XX в., в 1990-е годы); во-вторых, сохранить, продолжить развитие России в мировой капиталистической системе, которая построена на частной собственности и накоплении капитала и выйти из которой по сути уже невозможно.

Единственным решением могли быть и стали антикапиталистическая (социалистическая) революция как отрицание капитала, частной собственности (и самодержавия) и советский коммунистический режим как антикапиталистический сегмент мировой системы, как антикапитал в рамках мировой капиталистической собственности. Это решение – создание революционно-антикапиталистического строя – было осуществлено в два хода двумя людьми – Лениным и Сталиным (самодержавно-

крепостнический строй тоже был создан в два хода двумя людьми – Иваном Грозным и Борисом Годуновым).

Естественно, люди, совершавшие революцию, не думали ни об указанной выше дилемме, ни в системных терминах. Одни из них думали о власти, причем в мировом масштабе; другие – о деньгах и удовольствиях; третьи – о реализации высоких идеалов и принципов, четвертые – о куске хлеба, а многие вообще ни о чем, их несло Ветром Истории. Тем не менее, у социальных систем своя железная логика, своя рациональность и она пробивает себе путь посредством интенций, воль и желаний людей, решающих, как им кажется, только свои проблемы. Как говорил Маркс, *«Крот Истории роет медленно»*.

Большевистская революция стала историческим средством создания новой, полностью очищенной от собственности, русской власти и решения проблемы: как обеспечить существование бессобственнической власти в мировой системе, основанной на частной собственности? Но это – русская сторона дела. Была и мировая, капиталистическая, и она не менее, а быть может, как знать, и более важна: большевистская революция была тем способом, по-видимому, вообще единственным, с помощью которого мировой антикапитализм, Большой Левый Проект мог реализовать себя в качестве социума – внутри и одновременно вне капсистемы, *in and out at the same time*.

Русская (евразийская) власть нашла в западном (североатлантическом, мировом) капитализме, точнее в его негативной, «отрицательно-институциональной» (антисистемной, социалистической) форме средство самоочищения от собственности, включая капитал; это, в то же время, предполагало смену персонификатора русской власти, очищения ее от прогнившего, зараженного буржуазной (или парабуржуазной) собственностью, «капитализированного», олигархического самодержавия.

В свою очередь **мировой** антикапитализм нашел в русской власти, в ее чистой форме средство самореализации и возник как **евразийский** (Россия, Восточная Европа, Китай) феномен с глобальными устремлениями; эти энергетические устремления, однако, так и не реализовались в полной мере, а вещество антикапитализма осталось ограничено Евразией, за небольшими исключениями, подтверждающими «евразийское» правило. Триумфом ненавидевшего Россию Маркса и марксизма стали, по иронии истории, русская революция и ленинизм. Степной калмыцкий прищур скуластого Ильича – евразийца со смешанной (немецко-еврейско-русско-калмыцкой – воистину евразиец!) кровью стал историческим ответом Евразии и ЦЕВМ мировому капиталу. За потомком поволжских степняков пришел потомок кавказцев – чудно.

С историческим коммунизмом связан некий парадокс, который до сих пор не только не объяснили как следует, но даже не замечают. Это капиталистический парадокс русской истории. Несколько лет назад, в «Колоколах Истории», я уделил ему немало места, поэтому здесь о нем – в самом сжатом виде. Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия, по крайней мере, со времен киников. Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм реализовался только в капиталистическую эпоху, как отрицание капитализма – отрицание, ставшее основой и средством отрицания, свержения самодержавия, т.е. решения русского вопроса («что делать?»). «Исторический коммунизм» – это антикапитализм и только антикапитализм. В истории не было таких социальных систем как «антирабовладение» или «антифеодализм», а антикапитализм был. В равной степени, в истории не было иного субъекта, кроме русской власти, причем тоже в негативной форме антивласти – партии профессиональных революционеров, чиновников антисамодержавия и бюрократов

антикапитализма одновременно, способного реализовать антикапитал как высшую (в смысле: законченную и чистую) форму русской власти.

Русская антикапиталистическая революция, планировавшаяся ее организаторами как начало мирового погрома капитализма, буйствовала и бесновалась и под знаменами идеологии марксизма, и под лозунгами Великой Французской революции реализовывала ее политическую программу. Эта программа была элементом геокультуры Просвещения, представляя собой революционную, «французскую» версию прогрессизма; другой, эволюционной версией был англосаксонский либерализм (не путать с «неолиберализмом» англо-американских «неоконов» наших дней, представляющим по сути правый радикализм, цель которого – глобальный погром в интересах капитала, государств ядра капсистемы и ТНК). Французская революционность иссякла в 1871 г. с Парижской коммуной. Революционный (континентальный!) проект пошел на восток и был подхвачен Россией, которая и реализовала его в виде системного коммунизма, интернационал-социализма; ответом на него родины крещеного еврея доктора Маркса стал национал-социализм антисемита Гитлера.

Исторический коммунизм – советская система – был решением одновременно противоречий и самодержавного строя, выходом из его тупика или, если угодно, разрубанием гордиева узла русской истории, и капиталистической системы, правда, не на уровне непосредственно материального производства, а в сфере власти и идей.

Итак, только русская власть с ее автосубъектным, неограниченным, надзаконным характером, с ее гиперволюнтаризмом и свободой от населения (общества), превратившаяся в исторический (советский) коммунизм, могла реализовать на практике левый европейский проект и попытаться создать на евразийской основе мировой антикапитализм. Постоянно демонстрируя триумф субъекта, каковым является автосубъектная власть, над системой, которая в виду этого лишь условно, теоретически может быть названа системой, на практике же часто мы имеем дело лишь с объединением, порой деградирующим до множества, русская власть очень часто выступала в качестве сверхсубъекта, суперъевропейского субъекта, не ограниченного практически ничем.

В Европе субъект, будь то монарх, nation-state или капитал был ограничен другими социально или институционально оформленными субъектами; в России же, если и появлялась иная, чем властная, субъектность, то часто она либо не фиксировалась институционально, либо прямо стремилась к антиинституциональной авто/моносубъектности. Субъект-русская власть имел полную свободу быть сверхреволюционным независимо от конкретной властной формы (Пётр I, большевики) или политического направления (левые радикалы – большевики 1917 г., правые радикалы 1990-х). Историческая природа позволяла русской власти быть суперъевропейцем как в революции, так и в реакции; впрочем, точнее будет сказать, что автосубъектный и надзаконный характер позволял русской власти метафизически существовать вообще по ту сторону революции и реакции, добра и зла – автосубъект находится вне морали и вне политики. Это – «плата» за единственность в качестве и европейца (вспомним Пушкина с его *«правительство у нас единственный европеец»*), и субъекта.

В любом случае внешняя европеизация и модернизация России имела тенденцию усиливать, а не ослаблять ее автосубъектную суть, ослаблялась лишь конкретная структура власти, которая вступала в острое противоречие с общей логикой развития.

Еще раз напомню, что исходно власть, восторжествовавшую в XVI–XX вв. в России, начали ковать в виде ЦЕМВ кочевые народы на востоке Евразии. Однако свой настоящий

дом, *locus standi* и *field of employment* она нашла не на кочевом востоке евразийского Хартленда, а на земледельческом западе. Правда, чтобы поселиться в этом доме, ей пришлось модифицироваться, *«бросаться в котел с кипящей водой, чтобы омолодиться»*, менять кожу. Первый раз это произошло в XV и особенно в XVI в. на русской аграрной основе, второй – в XX в. на западной индустриально-капиталистической. Не так ли уж не прав был «любимец партии» Н. Бухарин, назвавший Сталина *«Чингис-ханом с телеграфом»*? С евразийской точки зрения совершенно прав или, как сказали бы монголы, наши братья во Власти, **туйлын зöв.**

17. Кратократия

Советский коммунизм не только продемонстрировал все принципиальные черты ЦЕМВ, русской власти, но и довел их до логического завершения, до предела. Он создал господствующий слой полностью лишенный собственности, осуществив мечту Ермолая Еразма и Ивана IV. В 1550-е годы монах Ермолай Еразм подал Ивану IV, тогда еще не Грозному, «сказку», т.е. аналитическую записку, где предложил не раздавать больше дворянам земли в поместья, а посадить дворян на продовольственный паек (кстати, именно так в XVII в. поступили в сегунате Токугава по отношению к самураям). Ивану Грозному идея очень понравилась, но он не посмел ее реализовать. Номенклатура, т.е. господствующая группа, где каждый ранг отличается от другого только объемом потребления, пайком, это и есть реализация мечты Ермолая Еразма и Ивана IV.

Различные ранги господствующих групп советского общества отличались уровнем и объемом властных полномочий, а материально это выражалось в объеме потребления («паек» и т.п.). Коммунистическая власть – высшая стадия русской власти – была принципиально ничем не ограничена. Ленин писал, что это – *«ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть».* Привет Ивану IV.

Иными словами, речь идет о такой власти, основой которой является власть-насилие, осуществляемая в масштабах всего общества, в массовом порядке; ее осуществляют массы под руководством «партии». Коммунизм есть русская власть эпохи массового общества, когда массовая организация власти-насилия становится стержнем данного социума. Ясно, что снижение уровня массового насилия, ослабления его организации должно было стать и стало началом конца такого типа общества.

В конце 1980-х годов я определил советское общество, общество «власти власти» как «кратократию» (анализ ее социальной природы представлен в моих работах «Кратократия» и «Взлет и падение перестройки», опубликованных в 1991–1993 гг. журналом «Социум», главным редактором которого в то время был Александр Золотарёв).

В 1929–1933 гг. советские крестьяне были прикреплены к земле, а точнее – к новой служебной организации, колхозам. С 1940 г. к месту службы были де-факто прикреплены рабочие – без разрешения администрации они не могли перейти на другую работу. Партийная организация жестко прикрепила к себе (как роду службы) руководящих работников, кадры – т.е. господствующие группы. И чем выше был статус, тем вероятнее (по крайней мере, до 1953 г.) было жестокое, вплоть до смертной казни, наказание. Только с 1953 г. номенклатура перестала бояться за свое физическое существование (с

хрущевского времени высокий статус стал гарантией мягкости наказания, с «расстрельным эгалитаризмом» было покончено, теперь если кого и стреляли, то, как правило, простой люд, «винтиков»). В 1956 г. рабочим вернули право свободно менять работу. С середины 1970-х годов колхозники стали получать паспорта, и это было одним из признаков надвигающегося разложения строя, новой смуты.

Однако наиболее поразительной была над- (а следовательно и непод-, вне-) законность коммунистической формы русской власти, ее воплощение – КПСС, которая была над(вне)законна в полном соответствии с советским гражданским правом. Согласно последнему, любая организация могла существовать (т.е. быть юридическим лицом, владеть имуществом и т.п.) в разрешительном порядке – государство должно было ее разрешить. Советское государство разрешило существование всех организаций в СССР, за исключением одной – КПСС. Более того, это КПСС (ВКП(б), РКП(б)) когда-то «разрешила» существование СССР – создала его. Не закон определял в СССР существование КПСС, а решения КПСС были источником закона.

Разумеется, в качестве контраргумента можно попытаться привести статью 6 Конституции СССР 1977 г., где о КПСС заявлялось как о руководящей и направляющей силе советского общества. Проблема, однако, в том, что «сила», «руководящая», «направляющая» не юридические термины. Это метафоры, не конкретизированные юридическими формулировками. Легальность, право – это не общие заявления, а юридические формулировки и четко прописанный правовой механизм. Причем сами коммунистические руководители прекрасно ощущали и понимали надзаконность и внезаконность своей власти. Два примера.

Первый – из «оттепели», 1960 г. Когда Хрущёв узнал, что находящимся под судом Рокотову, Файбишенко и Яковлеву – королям советского «черного рынка», возглавлявших сеть нелегального оборота золота и иностранной валюты, светят всего лишь пять-шесть лет тюрьмы, он потребовал расстрела, поскольку речь шла об огромных для того времени суммах. Генеральный прокурор попытался возразить, что такое наказание не соответствует закону. Хрущёв пришел в ярость и заорал: *«Закон над нами, над коммунистической партией или мы над законом?!»*. Ответ был очевиден, в результате за время суда законы менялись трижды и обвиняемых подвели под расстрельную статью.

Второй пример – из времен перестройки, 1990 г. Перед нами секретный документ «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии». Он датирован 23 августа 1990 г., имеет № 15703 и направлен за подписью заместителя Горбачёва по ЦК КПСС Ивашко Горбачёву (впервые этот документ – в выдержках – опубликован мной в работе «Кратократия. Взлет и падение перестройки» // Социум. М. 1992. № 10. С.117). Документ констатирует:

«как свидетельствуют уроки Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению (речь, понятно, идет о юридическом оформлении. – А.Ф.) партийного имущества применительно к требованиям коммунистической работы и включение его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии» (с. 2 документа).

Далее идут конкретные рекомендации, как избежать тяжелых последствий:

«Потребуется соблюдение разумной конфиденциальности и использование в ряде случаев анонимных форм (подставных фирм. – А.Ф.), маскирующих выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с «коммерциализацией», имеющейся в наличии партийной собственности, планомерно создавать структуры «невидимой» партийной экономики, к работе с которой будет допущен очень узкий круг лиц, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его секретарем» (с.2–3 документа).

Не этот ли «узкий круг» начал осенью 1991 г. полеты из окон – не во сне, а наяву, и стал в массовом порядке кончать жизнь самоубийством?

«Невидимую» сеть партийной экономики в документе предлагалось создавать неотложным образом по следующим направлениям.

«– Подготовить предложения о создании каких-то новых «промежуточных» хозяйственных структур (фонды, ассоциации и т.п.) (не знаю почему, но когда я прочел эти строки, у меня в памяти тут же возникли связки: «фонд» – фонд Горбачёва, «ассоциация» – ассоциация Шеварднадзе. – *А.Ф.*)*, которые при минимальных «видимых» связях с ЦК КПСС могли бы стать центрами формирования «невидимой» партийной экономики* (нет, что ни говори: большевики все-таки даже экзистенциально – партия «нового типа». Даже 70 лет пребывания у власти не истребили духа нелегальщины. Впрочем, удивительно ли? Ведь все 70 лет их власть была нелегальной, хотя здесь можно и спорить. – *А.Ф.*);

– безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в развёртывании коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии (какой язык, а! – *А.Ф.*)*;*

– рассмотреть вопросы о создании контролируемого ЦК КПСС банка с правом ведения валютных операций, об участии партии своими валютными ресурсами в капитале оперирующих в международном масштабе фирм, контролируемых хозяйственными ***организациями друзей*** (выделено мной; кратократический новояз – *А.Ф.*)*. Для обеспечения внешнеэкономической деятельности следовало бы также безотлагательно начать аккумуляцию на отдельном счёте КПСС партийных взносов загранучреждений;*

– провести консультации с Госснабом СССР по вопросу об использовании для внешнеэкономического сотрудничества партии советского имущества, остающегося после вывода советских войск из Чехословакии, Венгрии и ГДР» (указанный документ с. 4–5).

Что же получается? КПСС – у власти, а коммунист № 2 пишет коммунисту № 1 о необходимости создания «невидимой» (т.е. внелегальной) структуры партийной экономики. Почему? Да потому что власть – надзаконна, внезаконна, а следовательно, и ее

«экономика» (т.е. пущенное в дело имущество, не являющееся собственностью, так как нет собственника, собственность есть не кража, а юридическое отношение, предполагающее наличие юридического лица, разрешенного государством) должна быть внелегальной, нелегальной. Отсюда – в силу природы власти – всего один шаг до использования в указанном процессе внелегальных, т.е. криминальных методов, средств и групп создания такой «экономики» как наиболее адекватных по своей, потусторонней закону природе.

У криминализации позднесоветского и постсоветского общества не один источник, но главный – это, безусловно, вне-, над-, неподзаконная природа власти и контролируемого ею имущества, которое в новых условиях можно было сохранить, поделить, присвоить только вне-, над- и неподзаконными методами. А криминал обеспечил адекватные средства и формы. Другие средства и формы обеспечил мировой рынок, но это отдельная тема.

В «сухом остатке»: в советской пирамиде власти, чем выше статус организации, тем юридически менее определен ее статус, тем менее она подзаконна. На вершине пирамиды – вообще над- и внезаконная КПСС. Однако пришла перестройка, началось правовое оформление и вот тут-то *«стали последние первыми, а первые – последними»*, и КПСС оказалась перед лицом *«неминуемых тяжелых последствий»*, о которых предупреждал Ивашко. Единственным выходом стало превращение внелегальной власти во внелегальную экономику и превращение этой последней в законную собственность. Обе операции – с активным использованием внезаконных, а то и просто криминальных методов, средств и структур. Криминализация, таким образом, стала формой и способом не только разложения старого советского строя, но и возникновения нового постсоветского, который, точнее, его господствующие группы исходно формировались как административно-криминальная матрица в неолиберальном (свобода без равенства, т.е. свобода сильного по отношению к слабому) «идеологическом» обрамлении. А как известно, генезис явления определяет его содержание и дальнейшее функционирование.

Надзаконность власти, по крайней мере, самой верхней ее части сохраняется и в постсоветском обществе, в нынешней РФ. Де-факто главной, решающей структурой власти в РФ является Администрация президента. Об этом «органе» нет ни слова в конституции, однако именно он формально технический, как когда-то «собственная Его Величества канцелярия» Николая I с ее шестью (на 1842 г., после создания шестого отделения, управлявшего Закавказьем) отделениями, является главной властной структурой страны. И пытается выполнять эта структура функции вовсе не технические, а те, которые в советское время выполнял ЦК КПСС, правда, делает это намного хуже – ресурсы не те, кадры не те и школа не та; да и страха нет, а русский/советский чиновник хорошо работает (точнее: работает настолько хорошо, насколько может) только со страхом, когда его на цугундер могут, а то и подалее. В этом плане русский либерализм на практике есть не что иное, как практически полная, преступающая мораль и закон вседозволенность чиновника, поэтому 1990-е годы в РФ во многом похожи на 1890-е в России, хотя, конечно же многократно превосходят их по масштабу лихоимства и безнаказанности – глобализация, понимаешь, как мог бы сказать один из творцов этих девяностых.

18. Еще раз о евразийскости России

И здесь уместно обратиться к одному из аспектов евразийскости России: о спорах, чего больше в России – европейскости или азиатскости, о том, чем она является – Евразией или Азиопой. Я убежден: постановка вопроса о России-Евразии как о сочетании и борьбе двух начал, европейского и азиатского, глубоко ошибочна и бесплодна, она вообще ликвидирует Россию как целостность и как предмет исследования, подменяя ее двумя склеенными половинками, к России не имеющими никакого отношения.

В России нет никакой азиатчины («китайщины») в том смысле, который имели в виду многие русские и западные мыслители, т.е. в смысле неких восточных цивилизационных начал. Очень многие трактовали и трактуют «не-западность» (России) как «восточность» (привычка мыслить примитивными бинарными оппозициями и следствие практического незнания и непонимания того, что такое Восток в положительном смысле) и отождествляют Европу с Западом. Это неверно. Была античная Европа, была и есть Западная («франкская», «каролингская») Европа, была и есть русская (северо-восточная) Европа.

У них разные природно-хозяйственные основы, разные векторы развития, разный потенциал формирования антагонистических социумов, разные типы соотношения власти и собственности и, что очень важно, разная степень непосредственной включенности в развитие евразийского хартленда. Последний не имеет исторически значительного и значимого отношения к азиатским цивилизациям, которые порождены Прибрежным Поясом и по сути ограничены им. И античная, и особенно Западная Европа развивались относительно автономно от Евразии-хартленда; автономное развитие от него Северной (скандинавской) Европы, исходно во многом похожей в своей поздневарварскости на северо-восточную, сделало ее развитие в большей степени похожим на Запад, чем на Россию.

Но дело не только во включенности русской Европы в евразийский хартленд, в степени этой включенности и не в том, что евразийский хартленд не относится ни к одной из великих азиатских цивилизаций. Намного более важно то, что русская власть, будь то самодержавие или коммунизм, являясь субъектом, есть отрицание любой «азиатчины», о которой писали Белинский, Ленин и многие другие; и если путешественникам XVI–XVII вв. поверхностно уподобляющим Московию Османской империи или Китаю это было простительно, то уж высоколобым интеллектуалам ни в коем случае. Более того, уже в ордынско-московской власти с ее надзаконностью, **вне**законностью присутствовало отрицание азиатскости – оставалось к надзаконности «добавить» субъектность. О коммунистическом строе я уже и не говорю.

Если русская власть как особый субъект и Россия-Евразия как особый исторический тип есть отрицание азиатскости, то по отношению к европейскости, понятой как западность, они выступают как преодоление или, точнее, как гипертрофированная форма европейской субъектности. Русская власть – гиперсубъект, субъект-экстремист. Забегая вперед отмечу, что коммунистический строй в этом плане есть не только завершенная форма русской власти, очищенная от всех привесков собственности, но и завершенная форма европейской субъектности, очищенная практически от всех привесков – ограничений – системности. Это – триумф субъектности над системностью. *«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»* – и «сказку» Ермолая Еразма, и «сказку» («свобода – равенство – братство») Великой французской революции. В связи с этим можно сказать: Россия-Евразия есть распространение сформировавшегося в русской Европе как части евразийского хартленда особого субъекта на этот хартленд, это – субъектизация евразийского хартленда посредством власти. И в этом нет ничего азиатского, только гипертрофированно-европейское, а потому и не европейское, а

русское. История не любит бинарных оппозиций, ей милее триады-троицы. Например, Восток (Азия) – Россия (Евразия) – Запад (Европа).

17. Блюстители русского пространства и западного времени

Факт устойчивости, самовоспроизводства надзаконной власти в России, несмотря на смену ее структур, говорит о глубоких, многовековых корнях этого феномена. Администрацию президента РФ «придумали» не нынешние клерки – за несколько столетий до них это сделали многочисленные творцы русской власти из Орды и Московии. А Санкт-Петербургская эпоха подтвердила, причем здесь особенно важен и интересен пример не столько самодержца Петра, сколько борца с самодержавием Павла Пестеля.

По его проекту – «Русской Правде» – в России после свержения самодержавия вводились республиканский строй и разделение властей: законодательная (Народное вече), исполнительная (Державная дума), судебная. Все как, например, в Америке после 1776 г.

Однако!

Над тремя ветвями власти должна была возвышаться еще одна – четвертая, а точнее, первая. Называлась она «блюстительная власть». На самом деле, то была сверхвласть, власть надзаконная. Ее задача – контроль над тем, чтобы три ветви не выходили за рамки конституции. Центральный орган «блюстительной власти» – Верховный собор, который состоял из 120 (по-видимому, по числу активных декабристов) **избиравшихся пожизненно** членов, именуемых **боярами** (кстати, именно Верховный собор назначал главнокомандующего во время войны).

Перед нами по сути – нечто вроде ЦК КПСС или олигархическое, коллективное самодержавие, которое, впрочем, довольно легко превращается в индивидуальное: диктатор де-факто превращается в монарха (в виде чего-то похожего на протектора, отца нации и т.п.) или даже де-юре провозглашает себя таковым. О том, насколько легко и, самое главное, логично русская власть переходит от коллективной формы к индивидуальной, свидетельствует история советского коммунизма – вовсе немонархического строя: правление каждого нового генсека начиналось с «коллективного руководства» («возвращение к ленинским нормам»), а заканчивалось тем, что партийным новоязом обозначалось как «культ личности» или «волюнтаризм».

Таким образом, надзаконность (надконституционность) Администрации президента РФ не есть ни злой умысел, ни выверт истории – это системно-историческая черта, воспроизводство которой лишний раз доказывает «правило А.А.Зиновьева»: *«Эволюция крупных сложных систем необратима»*. В ходе эволюции системы могут менять структуры, структурно меняться, но *“la plus ça change la plus ça rêste la même chose”*, по крайней мере, по своей сути, по базовым принципам. Более того, структурные кризисы и изменения (часто осуществляемые с помощью противников системы – «принцип «Матрицы-2», наиболее ярко проявляющийся в истории капсистемы) как раз и обеспечивают сохранение системы, постоянно жертвующей своими конкретными историческими структурами, отбрасывающей их, как ящерица хвост.

Что касается ЦЕМВ, мы даже можем сказать: чтобы сохранять свои базовые, сущностные характеристики, распространяясь в новые, меняющиеся условия и адаптируя себя к земледельческому, а затем индустриальному окружению, к христианскому миру, ЦЕМВ принимала различные формы – ордынско-московскую, самодержавную, коммунистическую. В ходе этого она вырабатывала такие адаптивно-адаптирующие функции и черты, которых у нее исходно не было – субъектность (которая по логике исходной ЦЕМВ превратилась в автосубъектность), надзаконность ордынско-московской власти, ставшая одной из главных особенностей русской власти. В новых условиях эти черты должны были обеспечить сохранение базовых черт – примата власти над собственностью (исторически оказалось – вплоть до полного уничтожения последней как характеристики господствующих групп) и военно-служилого характера социальной организации. В свою очередь воспроизводство этих черт в новых условиях работало на новоприобретенные черты, на «властный неокортекс» – авто(моно)субъектность и надзаконность.

Подобно королеве из «Алисы в стране чудес», ЦЕМВ и ее «наследники» должны были постоянно бежать, чтобы оставаться на месте – в нашем контексте читай: чтобы оставаться самими собой. В связи с этим необходимо отметить еще одну важную общую черту как ЦЕМВ, так и сохранивших ее в качестве ядра переходной ордынско-московской и русской власти (в самодержавной и коммунистической вариантах последней), – экстенсивный характер развития, т.е. развития в большей степени «вширь», в пространстве, чем «вглубь», во времени.

Показательно, что в советских учебниках по истории, историческому материализму, политэкономии постоянно подчеркивалось: феодализм и капитализм в России (т.е. на евразийском пространстве) развивались не столько «вглубь», сколько «вширь». По сути это значит, что указанные формы, определяемые по типу собственности, не обретали в России глубоких и прочных корней. А потому важна здесь не собственность, а власть. Перед нами – «кочевой феодализм» и «кочевой капитализм» или, как минимум, «бегущие» по поверхности «-измы». Экспансия, расползание в пространстве, использование пространства как мощного геоисторического оружия, обмен пространства на время – вот что характеризует русский (евразийский) тип развития. *«Старик менял пространство на время»* – это слова Николая Рубашова, героя «Слепящей тьмы» Артура Кёстлера, о Ленине. Те же слова можно сказать о Кутузове; в 1941 г. тоже вышел обмен пространства на время. А вот у немцев в 1945 г. такого «товара» на «обмен» не оказалось; как заметил Б. Лиддел Гарт, в 1945 г. у немцев уже не было пространства, которое можно было защищать.

Экстенсивное, "кочевое" развитие – черта ЦЕМВ, причем в ее исходной, архаично-номадической форме, не раз проявляла себя физически, конкретно в русской истории даже XX в., словно выстрел из прошлого. Это и создание Белой армии и особенно Красной армии в 1918 г. будто из ничего. Это и эвакуация 1941 г., которая по сути представляет собой скифскую откочевку индустриальной эпохи – поставили на "повозки" (в вагоны) заводы и фабрики и "откочевали" на восток: адью, Дарий-гитлер.

И как "откочевали"! За 5 месяцев Совет по эвакуации (председатель – Н.М. Шверник), заместители – М.Г. Первухин и А.Н. Косыгин) **демонтировал** и **переместил**, часто буквально за часы до прихода врага, на Урал, в Сибирь и Казахстан 1524 предприятия, в том числе крупных, в основном военных заводов типа "Запарожстали", "Днепроспецстали", Ленинградского кировского завода и др. плюс 30–40% рабочих с каждого предприятия. Вот что значит монгольско-ордынская закваска, но размах уже русско-индустриальный. В любом случае, Homo mobilis, будь то nomadicus или soveticus,

– исторический агент, адекватный хартленду, извечный обменщик пространства на время, текучий элемент евразийской истории, постоянно уносимый ее ветром. И направляемый железной волей ее правителей – от Чингис-хана до Сталина.

Экстенсивный характер русского развития, связанный с наличием свободных пространств и невысокой продуктивностью почв, оказал существенное влияние на развитие не только собственности, но на революционные процессы и характер развития армии. С наибольшей очевидностью это влияние проявляется в периоды демографического роста. Здесь особенно интересно и показательно сравнение России с Западной Европой XVIII–XIX вв., которое проводит У.Макнил.

В Западной Европе главным фактором нарушения социального и политического равновесия в конце XVIII – начале XIX в., считает американский ученый, стал ускорившийся после 1750 г. демографический рост. Именно он стал если не причиной, то основой Великой французской революции и наполеоновских войн (следующий демографический скачок в Центральной и Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. обеспечил людской массой революции и мировые войны первой половины XX в.).

В Восточной Европе и особенно в России рост населения проблем подобного рода не создавал. Во-первых, огромные пространства сами по себе (экстенсивное развитие) могли поглощать демографический «избыток»; во-вторых, эти пространства требовали огромной армии, в которую и вливалась часть нарастающей людской массы. Результат – рост численности армий Пруссии, Австрии и особенно России с ее миллионной к середине XIX в. армией.

Русская ситуация, однако, изменилась во второй половине XIX в.: комбинация исчерпанности к концу века пространств, которые можно освоить, с бьющим все рекорды демографическим ростом стала «мальтузианской» основой двух русских революций XX в., гражданской «горячей» (1918–1922) и «холодной» (1920–1930-е годы) войн: если в 1812 г. численность населения России составляла 41 млн. человек, то в 1851 г. – 69 млн. человек, в 1897 г. – 125,6 млн., а в 1914 г. – 165 млн. человек. Фактического удвоения населения за 75 лет самодержавная система, ее структуры вынести не могли. Они не были способны обеспечить «интенсив», а возможности «экстенсива» исчерпались.

Аналогичная ситуация сложилась в позднебрежневском СССР, на рубеже 1970–1980-х годов – система оказалась неспособна обеспечить «интенсив», адекватный разворачивающейся в ядре капиталистической системы научно-технической революции, а экстенсивные факторы роста были исчерпаны. Вот некоторые показатели: если в восьмой пятилетке (1966–1970) объем производства в промышленности (официальная советская статистика) вырос на 50%, в сельском хозяйстве – на 21%, а производительность труда – на 39%, то в десятой пятилетке (1976–1980) – соответственно на 24%, 9% и 17%, а в одиннадцатой пятилетке – на 20%, 6% и 16%. Тенденция очевидна.

В 1975–1982 гг. темпы вытеснения физического труда машинным составили в СССР 0,7% в год; рост трудоспособного населения во второй половине 1970-х годов – 0,25% в год, а стоимость незанятых рабочих мест в народном хозяйстве страны составила 12% от общей стоимости основных производственных фондов. Реагируя на эту ситуацию СССР, опять изменил свое положение в мировой системе, но не так, как в 1917 г., а диаметрально противоположным образом, на пути отказа от левого проекта, от державы-империи, от развития на основе передовых технологий. Вместо этого – запишите нас в свое буржуинство: господствующие группы СССР отказались от антисистемности; уже поздний СССР, а затем РФ стали элементом (сырьевым, зависимым) капсистемы,

вернулись в полупериферийное экономическое состояние в духе начала XX в., только с относительно худшими показателями – уже не пятое место, а ниже.

Сам переход, поскольку осуществлялся по сути сверху, а не снизу, как в 1917 г., и его относительная мирность во многом (хотя я далек от монокаузального объяснения) обусловлены, помимо прочего, и отсутствием демографического пресса. Но – нет революции, нет и интенсива. Впрочем, есть нечто сравнимое с гражданской войной и ее последствиями – это конфликты по периметру границ бывшего СССР и, самое главное, убыль населения со скоростью почти 1 млн. человек в год, потери военного масштаба без войны. Впрочем, можно считать это социально-экономической войной «верхов» против «низов», или, как говорит К. Лэш, «революцией элит», поворачивающей вспять во всем мире процессы эпохи 1789/1848 – 1968 гг. Россия в этом плане, как и в 1917 г. – крайний, почти чистый случай некой общемировой тенденции.

Экспансия имперских структур русской власти развивалась главным образом на восток. Правда, самодержавие кое-что добрало в XVIII в. на западе, однако после наполеоновских войн территориальный прирост обеспечивался на востоке. В этом плане Евразия русских проделала путь, противоположный Евразии тюрко-монгольских кочевников, объединявших евразийский хартленд с востока на запад. Геоисторически русская власть стала ответом аграрно-индустриального запада хартленда его востоку. Перед нами две фазы и два типа объединения хартленда: условно говоря, монгольский (доиндустриально-кочевой) и русский (аграрно-индустриальный). Политическая утопия (или утопическая политика) барона Унгерна фон Штернберга была попыткой объединить оба типа. Однако она была реакционной, бежала против времени (в чем-то она кажется политическим коррелятом некоторых идей евразийцев), хотя внешне была весьма захватывающей и эстетичной на варварский манер. Адекватную времени, революционную попытку успешно осуществили большевики, именно поэтому они так серьезно отнеслись к Унгерну и его затее, верно уловив его направленность, принцип конструкции.

В своей сухопутной экспансии русская власть не могла избежать контактов, главным образом негативных, с капиталистической системой, воплощающей торжество собственности овеществленного труда (капитала) и времени, с системой, персонификаторами и блюстителями которой выступали англосаксы (англо-американцы). Речь идет о контакте/конфликте/противостоянии между двумя различными моделями организации социального пространства и времени: североатлантической (капиталистической, англосаксонской) и евразийской (самодержавно-коммунистической, русской).

Как уже говорилось выше, наметившееся пунктиром уже к концу Северной войны (с Гангутского боя в 1714 г.) противостояние Великобритании и России было отложено на сотню лет, до Венского конгресса в 1814 г. «Между» Утрехтом (1713) и Веной англосаксы были заняты французами. С Вены (1814) и до Мальты (1989) противостояние России и англосаксонских держав становится осью мировой политики, а после 1917 г. и со всей очевидностью после 1945 г. превращается в глобальную схватку двух систем – капитализма и коммунизма, двух крайних вариантов европейской просвещенческой, западной идеологии – либерализма и марксизма. При этом, правда, за одним вариантом стоял Запад, Северная Атлантика, а за другим – Восток, Евразия. Помимо прочего, то было противостояние двух геоисторических зон – Евразии и Северной Атлантики, континентальной, ЦЕМВ и островной (морской), западно-евразийской.

В этом противостоянии обе стороны влияли друг на друга, «встраивая» в оппонента свои черты. Точнее так: каждый пытался продемонстрировать, что может лучше, чем

главный противник решить некие задачи, забывая, что некоторые задачи противостоящей системы принципиально разрешимы только в ее рамках и на ее «поле», что попытка решить их у себя или даже поставить в «повестку дня», приняв язык противника, может иметь катастрофические последствия (подр. об этом – ниже).

Капиталистическое, североатлантическое влияние на Россию/СССР наиболее очевидно просматривается в пореформенном квазикапитализме, в нынешнем криминально-либеральном («олигархическом») капитализме и в ряде менее заметных, но весьма важных по сути и последствиям моментах, о которых я скажу ниже. Однако и влияние России и особенно СССР на мир, на капиталистическую систему было огромным, всеохватывающим и глубоко проникающим – по крайней мере до рубежа 1960–1970-х годов. Об СССР, который самим фактом своего существования трансформировал капсистему (и тем самым выполнил для нее очень важную, хотя и грозившую ей в случае советского успеха летальным исходом работу), вообще можно сказать, что это пик влияния Евразии, ЦЕМВ на мир. Здесь мы имеем непрямую, косвенную, опосредованную Россией и СССР центральность ЦЕ. Эта центральность «непрямого действия», как мог сказать бы Б. Лиддел-Гарт, четко проявляется в: а) мировых войнах за гегемонию в капсистеме; б) «холодной войне; в) подъеме «национально-освободительного» движения на периферии капсистемы – от «пробуждения Азии» в первой четверти XX в. до краха колониальной системы, до кубинской революции и победы Вьетнама над США в третьей четверти XX в.; г) в формировании “welfare state” в ядре капсистемы; д) в послевоенном подъеме Германии и Японии («немецкое чудо» и «японское чудо») и превращении этих побежденных во II мировой войне стран в новые «центры силы» мировой капиталистической системы.

Есть кое-что еще, но здесь можно ограничиться и этим. Итак, по порядку.

20. Россия в мировых войнах

Существует несколько, по крайней мере, в западной науке, схем мировых войн в капсистеме. Их можно суммировать следующим образом. Вопрос, кто станет гегемоном капсистемы, решается в тридцатилетних мировых войнах. Первой нередко называют войну 1618–1648 гг., однако, на мой взгляд, в лучшем случае это была «эмбриональная» мировая война; мировой аспект здесь только намечался, присутствовал пунктирно как подчиненный и лишь постепенно набирающий силу элемент в противостоянии Франции и Габсбургов, стартовавшим в 1477 г. и завершившимся в 1750 г. франко-австрийским Версальским договором (еще в 1725 г. Австрия и Франция заключили Венский союз, однако, в войне за австрийское наследство, 1740–1748 гг., Франция и Габсбурги опять сцепились, словно пытаясь в последний раз выяснить вопрос бургундского наследства почти трехсотлетней давности).

С середины XVIII в. этот внутриконтинентальный и династический конфликт уступил место европейскому и мировому соперничеству Англии и Франции как двух торговых империй, настоящим мировым войнам за гегемонию в капиталистической системе (*«англосаксы не начинают и выигрывают»*, подталкивая других и чужими руками). Первым настоящим капиталистическим гегемоном, т.е. и политическим, и экономическим (именно такое сочетание характеризует феномен гегемонии в капсистеме) была Великобритания, одержавшая победу над Францией в два раунда: Семилетняя война

(1756–1763) и революционные и наполеоновские войны (1792–1815), в сумме тоже тридцать лет.

Наконец, в мировых войнах 1914–1918 и 1939–1945 гг. (некоторые историки объединяют их в одну тридцатилетнюю войну XX в.) сошлись два претендента на “корону” уходящего гегемона Великобритании – Германия и США, и победили Штаты. Центральным конфликтом в схеме “тридцатилетних войн” считается столкновение между морской и сухопутной (континентальной) державами, верх в которых берет морская держава в союзе с уходящим морским гегемоном (Великобритания и Голландия, США и Великобритания).

Указанная схема верно отражает некоторые важные и интересные черты борьбы за гегемонию **внутри** капиталистической системы. Однако она полностью игнорирует то, что находилось вне этой системы, некий фактор, который был внешним (по крайней мере, по сравнению с главными претендентами на гегемонию) по отношению к капсистеме, и тем не менее оказывало решающее влияние на исход войн. Этим фактором была Россия/СССР.

Именно Россия разгромила считавшегося непобедимым прусского Фридриха II в Семилетней войне; именно она нанесла поражение Наполеону; именно Россия августовским наступлением 1914 г. спасла Париж, не позволив осуществиться шлиффеновскому плану «блицкрига» (возьми немцы Париж и – права Б. Такмэн – исход войны мог быть другим); именно Россия по «принципу каратэ» – с одного удара – уже в 1915 г. вырубила Австро-Венгрию из войны, а по сути и из истории, заставив немцев перебрасывать силы с западного фронта; именно Россия/СССР перетерла своим пространством и людской массой вермахт, сломав хребет военной машине Гитлера. Без России/СССР ни Великобритании в 1814 г., ни США в 1945 г. таких побед (а может и побед вообще) не видать. О том, как даже вымотанные, на последнем пределе немцы могут воевать не на два, а на одном фронте или в период относительного затишья на втором, восточном фронте, они показали англосаксам своими мощными наступлениями в первой половине 1918 г. и в декабре 1944 – январе 1945 гг. в Арденнах (по мнению военных историков, последнее могло окончиться полной победой Гитлера, если бы он не отказался перенести основную силу удара на фланги).

В войнах за гегемонию в капиталистической системе есть тройной парадокс, который большинство исследователей словно не желают видеть. Это русский парадокс капиталистической истории. Во-первых, с наполеоновских войн главным и решающим театром этих европейских (по основному составу участников), североатлантических войн было русское, западно-евразийское пространство, как будто нерусской Европе не хватало своего пространства для выяснения вопроса, кто будет главным мировым буржуином, как будто главный экзамен один из претендентов на гегемонию сдавал России (и всегда этот экзамен проваливал). Во-вторых, победа морской (островной) державы над континентальной (полуостровной) определялась тем, что на стороне морской державы выступала континентальная (трансконтинентальная) – Россия/СССР. В-третьих, не будучи интегральным, по крайней мере сущностно, по субстанции, элементом капиталистической системы Россия/СССР играла решающую роль в определении гегемона этой системы; не будучи частью североатлантического мира евразийский Хартленд по сути определял его судьбу. Выходит, судьба ядра капсистемы в огромной степени определялась некапиталистической или антикапиталистической державой, а судьба мира – евразийским Хартлендом (не случайно англичанин Макиндер в конце XIX в. заметил: кто контролирует Хартленд, Евразию, тот так или иначе контролирует мир).

Но почему же в мировых войнах Россия постоянно оказывалась на стороне англосаксов, морских, а не континентальных (Франция, Германия) держав? При этом, как только мировые войны заканчивались, начиналось сближение России с бывшим противником на континенте (Франция в XIX в.; сотрудничество с Веймарской Германией в 1920-е годы; да и в послевоенный период СССР сначала в 1970 г. заключил договор с ФРГ о неприменении силы и признании границы по Одеру – Нейсе, а уже после этого, в 1972–1973 гг. начал разворачиваться детант в отношениях с США), и в то же время стартовал затяжной геостратегический конфликт с бывшим англосаксонским союзником. И это не только советско-американская «холодная война» 1943/45–1989/91 гг., но и русско-британская борьба 1850-х – 1907 гг. Она началась Крымской войной (1853–1856), в 1880-е годы едва не вылилась в вооруженный конфликт в Средней Азии; в 1905 г. англичане руками японцев нанесли поражение России на Тихом океане (в августе 1939 г. Сталин рассчитается с англичанами договором с Германией, развернув им главное направление удара японцев в Азии на британские колонии, а в августе 1945 г. поквитается и с «Дай Нипон» – remember 1905 г.!).

Почему континентальные державы – Франция и Россия в XIX в. и Второй Райх и Россия, а затем Третий Райх и СССР – не объединили свои усилия, не создали континентальный блок, о котором мечтал великий Карл Хаусхофер, чтобы обеспечить геополитическое «окончательное решение» англосаксонско-державного вопроса? Ведь предпринималось несколько попыток, оказавшихся неудачными. Речь идет о недолгом (1800–1801) союзе Павла I с Наполеоном, о сближении с Наполеоном Александра I и участии России в континентальной блокаде о попытках навести мосты между Вильгельмом II и Николаем II незадолго до “первой германской” и между немецкими и советскими высокопоставленными военными незадолго до второй; я уже не говорю о союзе между Гитлером и Сталиным (август 1939 г. – июнь 1941 г.). И тем не менее эти сближения и союзы оказывались нежизнеспособными и краткосрочными. Почему?

21. Трансконтинент

На первый взгляд, причины очевидны и просты: являясь континентальной державой и потому заинтересованной в торговле с морской державой Россия именно с ней вступала в союз; как и Великобритания, Россия не была в объединении континентальной Европы. К тому же, не будучи вовлеченной в борьбу за гегемонию в ядре капсистемы, Россия не соприкасалась **непосредственно** с морскими державами, они, в отличие от западных соседей по континенту, не были для нее **прямой** угрозой, между нею и ими не было территориальных проблем; споры о сферах влияния вне Европы – это другой вопрос, он выходил на первый план в межвоенные периоды, когда в самой Европе, в ядре капсистемы все было относительно спокойно. Прямой угрозой для СССР англосаксы, точнее американцы, стали после окончания эпохи мировых войн, с началом глобального – “холодная война” – противостояния миров и систем, капитализма и коммунизма. Наконец, острыми были экономические трения между континентальными державами, особенно между Германией и Россией; о значении в последнем случае пространственного фактора, Lebensraum’а я уже и не говорю.

Все эти объяснения в значительной степени верны, однако они явно недостаточны, поскольку во всех мировых войнах не Россия, а ее континентальные соседи начинали

войны. Именно они вторгались в русские пределы, а не наоборот, обрекая себя по сути на самоубийственную войну на два фронта. Почему?

На мой взгляд, есть один аспект проблемы континентальности, на который не обращают внимания – по-видимому, он находится слишком на поверхности, чтобы быть замеченным, – и который игнорировали особенно геополитики, мечтавшие о континентальном блоке, о блоке континентальных держав. Суть в том, что континентально-державное качество России существенно отличается от такового и Франции, и Германии; они находятся в разных весовых категориях, в разных лигах.

Разумеется, географически и Франция, и Германия суть континентальные страны; однако с геополитической точки зрения полноценными континенталами они перестали быть с появлением в XVIII в. сокрушившей шведов Российской империи. С появлением такого **евразийского** гиганта, за плечами и на плечах которого лежал континент, континентально-имперская интеграция Европы стала невозможной: *«С появлением России* (петровской. – *А.Ф.*) *Карл Великий стал уже невозможен»* – так афористически сформулировал эту мысль Ф. Тютчев. Действительно, после Петра Великого Фридрих, Наполеон, Вильгельм, Адольф могли быть великими только на относительно короткие исторические промежутки времени, халифами на час. С появлением империи-континента России стало ясно: сухопутные европейские державы суть всего лишь полуостровные – полуостровной характер Европы на фоне имперской России стал вполне очевиден. Или, если эти державы считать континентальными, то Россию в силу ее евразийскости следует считать гиперконтинентальной. В любом случае разнопорядковость в «массе пространства» очевидна. Именно она не позволяет создание устойчивого союза, поскольку это был бы изначально (со всеми вытекающими последствиями) неравный союз континента и полуострова (или иначе, гиперконтинента, омываемого тремя океанами, и просто континента).

Гиперконтинентальное евразийское «количество» превращалось в геоисторическое качество: ни одна «континентальная» держава принадлежащего Евразии полуострова (части света) «Европа» не могла реально соперничать с гиперконтинентальной державой евразийского масштаба, будь то Россия или СССР. Союз между полуостровным континенталом и континенталом евразийским был рискованным и опасным предприятием для первого: при прочих равных Россия легко могла превзойти или поглотить его. Это очень хорошо понимали Наполеон в начале XIX в. и немцы (Т.Бетман-Гольвег, а затем Гитлер) в начале XX в. Так 7 июля 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег заявил: *«Будущее за Россией, она растет и надвигается на нас как кошмар»*. В *"Mein Kampf"* Гитлер писал: *«Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию»*. Под «второй военной державой» Гитлер, конечно же, имел в виду Россию/СССР. Но он опоздал: к моменту его прихода к власти СССР уже был крупной военной державой, потенциально более сильной, чем Третий Райх в 1933 г.

Показательно, что похожие на гитлеровские слова, только не о Европе, а о Евразии в целом скажет в конце XX в. Зб. Бжезинский. США, заметил Long Zbig, имея в виду, как и Гитлер, Россию, не должны терпеть в Евразии никакого государства, способного установить господство на значительной части континента и таким образом бросить вызов США. Ну что же, совпадение симптоматичное. На основу подобных совпадений еще в последнем году уходящего XIX в. указал замечательный русский публицист М.О. Меньшиков. Немцы и англосаксы, писал он, *«вот на рубеже XX века торжествующие*

народности, не только вожди, но и истребители человечества. Наш славянский мир, как и латинский, позади этих хищных рас». М.О. Меньшиков полагал, что Россия уступит «белокурому соседу». Царская Россия – уступила, а советская сломала ему хребет.

Итак, любой континентальный сосед или полусосед России, особенно занятый противостоянием или, тем более, войной на западе с англосаксами, не мог чувствовать себя комфортно на востоке – сверхдетерминизм «массы» евразийского пространства. И рано или поздно срывался на войну, которую проигрывал на заснеженных русских равнинах, и она заканчивалась для агрессоров в Фонтенбло или берлинском бункере.

Гиперконтинентальный характер России–Евразии с выходом к трем океанам (выход к четвертому, Индийскому, не случайно был постоянным кошмаром для англичан и американцев) превращал Россию в квазиморскую, квазиокеаническую державу. Это качество еще более усилилось после того как в конце XIX в. в России была построена трансконтинентальная железная дорога, соединившая Питер с Владивостоком и превратившая гиперконтинентальность в трансконтинентальность. Это была уже совсем прямая и явная угроза господству англосаксов на морях – как и немецкая железная дорога «Берлин – Багдад», которая, кстати, легко соединялась с русской евразийской магистралью.

Не удивительно, что в течение многих десятилетий реально противостоять России могли не европейские полуостровные карлики, а только морские имперские гиганты, и то после того, как устанавливали свою гегемонию в капсистеме. До этого им приходилось мириться с русским/советским фактором и ограничиваться лишь мелкими уколами и натравливанием неразумных соседей. Но уж после установления гегемонии борьба против России начиналась по-крупному. Однако даже в этом случае в противостоянии «государство против государства» Россия/СССР брала верх над своими «морскими» противниками. Так, в 1920-е годы поражение потерпела Великобритания, а в 1975 г. классическая фаза советско-американской «холодной войны» окончилась победой СССР (Вьетнам, Хельсинки), и, как следствие, утратой восточно-побережным сегментом политического класса США своих позиций. Только объединение и концентрация всей системной (а не одногосударственной, пусть даже это гегемон) политико-экономической мощи Запада, ядра капсистемы и наиболее развитых полупериферийных государств способно было склонить чашу весов в пользу англосаксонской Северной Атлантики, и русская Евразия терпела поражение.

Это произошло дважды – в результате Крымской войны (1853–1856) и «холодной войны» (1945–1991). «Крымская война» 1853–1856 гг. и «холодная война», особенно в ее постклассической, глобальной-для-себя, а не только в себе фазе 1975–1989/91 гг., могут рассматриваться как особый тип войн – русско-западный, евразийско-северо-атлантический (не говоря о такой их компоненте, как социосистемное – капитализм versus антикапитализм – противостояние 1917/1945–1991 гг.).

Первая панъевропейская победа, победа ядра капсистемы над Россией была одержана в Крымской войне (1853–1856). По сути это была первая общезападная война против России, к которой призывали на Западе как реакционеры (архиепископ парижский), так и революционеры (Маркс), как консерваторы, так и либералы. Тогда война и победа Запада совпали с начинающимся системным кризисом самодержавия, который реформами Александра II удалось отсрочить на несколько десятилетий. Однако несмотря на победу, Западу не удалось тогда сокрушить Россию – она, как заметил У. Макнил, ушла внутрь своих огромных просторов и осталась отдельным миром, в который Запад, несмотря на свое военное и промышленно-экономическое превосходство, не мог проникнуть.

Вторая победа была одержана единым уже глобализирующимся Западом, единым ядром капсистемы, где военно-экономическая мощь США была многократно усилена технико-экономической и финансовой мощью их бывших протекторатов – Японии и ФРГ, превратившихся к началу 1970-х годов в самостоятельные центры силы мировой капсистемы. Сама Америка в 1980-е годы была центром иного по своему качеству, чем в первые тридцать послевоенных лет, Запада/Севера, ядра глобализирующейся капиталистической системы – Глобамерикой, кластером, матрицей ТНК (прежде всего англо-американских) в не меньшей степени, чем государством; возглавляли Глобамерику агрессивные южный и западный сегменты ее политического класса, тесно связанные с военно-промышленным комплексом, ТНК и глобальными финансами (*«военно-промышленно-интеллектуальный комплекс»* – Ч. Джонсон). Такой противник оказался не по зубам СССР, переживавшему к тому же острый системный кризис, включая кризис руководства (США свой структурный кризис 1980-х преодолели благодаря богатству, поднявшейся на более высокий уровень эксплуатации полупериферии и периферии, прежде всего Латинской Америки и Африки, в рамках начинающейся глобализации).

Комбинация, «волновой резонанс» в коротком временно́м промежутке нескольких факторов – внутреннего системного кризиса, некомпетентности господствующих групп советского общества, их психоисторической неадекватности современному миру, глубокого провинциализма «мы́шления», которое было преподнесено *urbi et orbi* в качестве нового, готовности «на́чать» сдавать мировые позиции, лишь бы сохранить власть, а также личное и групповое потребление на «нефтедолларовом» уровне 1973–1983 гг., прямое предательство и сговор с западными лидерами части советского руководства, превращение Запада в Север – финансово-экономический глобальный «Франкенштейн» (М. Уокер), с которым не могло тягаться ни одно государство, даже евразийское, наконец, использование Западом в 1970–1980-е годы против евразийского СССР «китайской карты» континентального азиатского гиганта Китая, который в пунктирно-уменьшенном и не военном, а политико-стратегическом варианте сыграл по отношению к России/СССР ту роль, которую она играла по отношению к Германии в первой половине XX в. (теперь англосаксы попытаются разыгрывать «русскую карту» против Китая) – все это привело к одностороннему выходу СССР из «холодной войны», «мальтийской сдаче» (1989) и поражению: как говорил Тацит, поражение в битве терпит тот, кто первым опускает глаза.

22. «Правило Тацита», или об опасностях системного взаимоуподобления: гитлеровская военная мобилизация и западный велфэр

А глаза советская верхушка и особенно ее интеллектуальная обслуга – работники пропагандистского фронта, почему-то считавшие себя интеллигенцией, – опустили уже в 1960-е годы. Суть в том, что в борьбе систем каждая из них, как правило, стремится одержать победу над противником на всем пространстве конфликта, продемонстрировать превосходство над ним по всем параметрам, решить лучше оппонента те проблемы, которые решает он. Именно в этом, однако, и кроется огромная чреватая катастрофическими последствиями, погибелью опасность для обеих участвующих в противостоянии систем; ведь при качественном различии систем далеко не все проблемы одной из них могут быть решены в другой или, более того, даже поставлены в ней без угрозы ее нормальному функционированию и существованию. Попытка уподобления или даже квазиуподобления противнику в борьбе с ним, означающая, помимо прочего, принятие **его** способа постановки и решения проблем, **его** социального и научно-

концептуального языка, **его** ценностей, есть не что иное как игра с «троянским конем», который способен ослабить, разложить изнутри, взломать, разрушить, приютившую-применившую его систему, изменить ее, наконец. Принятие чужого системного языка уже само по себе есть акт духовно-интеллектуальной капитуляции, опускания глаз долу еще до битвы.

Тому, насколько опасны системные имитации-уподобления в ходе конфликтов, много свидетельств. Я ограничусь тремя. **Первый** и самый простой – попытка гитлеровского райха в конце войны отмобилизоваться *à la* СССР. Не вышло. Степень мобилизации, на которую было способно массовое антикапиталистическое общество, отрицающее частную собственность и буржуазный быт и управляемое надзаконной властью, оказалась не по силам капиталистическому обществу, тремя китами которого были частная собственность, право и по-немецки выстроенный буржуазный комфортный быт. Центрально-евроазитское («скифское») содержание в коммунистическом обрамлении, которое, впрочем, во многом проникло в это содержание и стало им (диалектика содержания и формы в русской жизни, в русской власти вообще и ее коммунистическом варианте в частности – это очень сложная проблема, постановка и решение которой требуют особой философии), сделало возможным преодоление таких лишений, о которых немцы и помыслить не могли.

Так, даже численность прислуги в Германии с 1939 по 1944 г. сократилась незначительно – с 1,3 млн. человек до 0,9 млн. человек. Всерьез проблемы с электричеством, водоснабжением, продовольствием немцы начали испытывать лишь с конца 1944 г. Советские нормы – 400–500 г хлеба в день на работающего и 300–400 г на иждивенца, а также падение потребления населения на 30–40 % (официальные данные) – немцам и привидеться не могли. Неудивительно, что обладая даже в 1943 г. бóльшими по сравнению с СССР материальными (о немецкой организации я уже и не говорю) возможностями, Германия на войну работала менее интенсивно; немецкая военно-промышленная машина заработала всерьез лишь в 1943–1945 гг. В год сталинградско-курского перелома Германия получила меньше, чем СССР: угля – в 3 раза, стали – в 2,4 раза, электроэнергии – в 2,3 раза. По подсчетам исследователей, за годы войны СССР произвел в 2 раза больше техники и вооружений, чем Германия. В расчете на тысячу тонн выплавленной стали СССР производил в 5 раз больше танков и орудий, чем Райх; на тысячу металлорежущих станков – в 8 раз больше самолетов. И это при немецкой организации и дисциплине, при немецком потенциале, на который работала почти вся континентальная Европа – заводы Австрии, Франции и, пожалуй, самое главное, Чехословакии.

К этому следует добавить оказавшиеся в распоряжении немцев 30% советского промышленного производства в целом, а по частностям – 70% выплавки чугуна, 63% угля, 60% выплавки стали; более 40% электроэнергии плюс посевные площади, скот, сахар и около 40% населения. Другое дело, что захваченные советская промышленность и советский человеческий фактор никогда так усердно не работал на Райх, как пролетарии западноевропейских стран, соединившиеся с немецким пролетариатом, но возглавлявшимся не «сыном немецкого народа» Тельманом, а фюрером этого народа Гитлером. Если негерманская часть «гитлеровского Евросоюза», а точнее «райхосоюза» за время войны выдала Райху товаров и услуг на 26 млрд. долл., то оккупированная часть СССР – всего на 1 млрд. Например, от металлургических предприятий Донбасса и Приднепровья немцы рассчитывали получить в 1943 г. 1 млн. т продукции (правда, немецкий железный ум, в основе которого лежала железная воля, делал такие расчеты, отталкиваясь от немецкого рабочего), а получил 35 тыс. тонн. Вот это и есть *ab gemacht* по-русски; читайте, берлинские мечтатели, русского писателя Николая Лескова.

Таким образом, попытка создать на западно-цивилизационной, буржуазной основе мобилизационное общество, эквивалентное советскому и таким образом победить его в «горячей» войне продемонстрировала свою несостоятельность. Во многом она напоминает попытки бесенка из «Сказки о попе и работнике его Балде» поднять и пронести кобылу. Финал известен: *«Поднатужился, // Поднапружился, // Приподнял кобылу, два шага шагнул, //* На третьем упал, ножки протянул».

Провал Гитлера стал хорошим уроком для англосаксов: в послевоенный период, особенно после того, как был достигнут примерный паритет в вооружениях, они сделали ставку не на конфликт, который способствует мобилизации русско-коммунистического («скифско-антикапиталистического») социума и в котором его по сути нельзя победить, а можно лишь – в лучшем случае – уничтожить с огромным риском быть уничтоженными самим, а на мягкое противостояние, на «удушение в объятьях».

Мягко-удушающее противостояние было рассчитано на демобилизацию общества, на его разложение, прежде всего, разложение верхушки и ее идеопрактической пропагандистской обслуги, которую всячески надо было поощрять в ее убеждении, что она – интеллигенция, находящаяся под гнетом «тоталитарного молоха», на то, чтобы оно перестало быть антикапиталистическим и русско-скифским. Этот «мягкий» проект и стал **активно** реализовываться с конца 1960-х годов. Однако Запад двинулся по этому пути не от хорошей жизни, и дело здесь не только и даже не столько в Карибском кризисе, когда запахло жареным, но прежде всего во внутренней ситуации в ядре капсистемы, сложившейся в послевоенный период в результате вынужденного социалистического уподобления капитализма коммунизму. Здесь мы подходим ко **второму примеру**.

Сразу же после окончания II мировой войны и с началом войны «холодной» на Западе стало довольно быстро развиваться *“welfare state”*, которое еще называют “социально-военным государством” и “государством национальной безопасноти”. Именно противостояние историческому коммунизму с его эгалитаризмом, акцентом на социальную справедливость заставило *“master class”* ядра капсистемы пойти на уступки значительной части своего населения, отклонить капитализм от его сути в сторону социализма, включить государственный (по сути – социалистический) перераспределитель, т.е. в каких-то важных, обеспечивающих самосохранение капитализма в противостоянии антикапитализму, соцлагерю уподобиться этому последнему (подр. см. ниже). Именно это уподобление вместе с «экономизацией» брежневского социализма стало основой развития теорий конвергенции.

Однако довольно скоро, уже к середине 1960-х годов стало ясно, что цена, которую придется заплатить системе и ее хозяевам за социалистическое уподобление при всех его кратко- и среднесрочных выгодах в долгосрочной перспективе может быть непомерно высокой. Улучшив свои экономические позиции, значительные по численности сегменты рабочего и среднего классов начали претендовать на большее – на позиции социальные и политические, используя политические механизмы демократии западного образца. И чем дальше, тем эта перспектива становилась реальнее. Возникла угроза смены элит, прихода к власти социалистов – где-то самих по себе, где-то в блоке с левыми силами, включая коммунистов (именно 1960– 1970-е годы были периодом наибольшего могущества и влияния компартий в Италии, Франции, Испании.

Демократия в ядре капсистемы в условиях частичного системного уподобления «реальному социализму» становилась опасным для хозяев капсистемы инструментом, способным вывести средние классы на один уровень с высшими, а низшие – на уровень положения средних. Естественно, за счет и в ущерб верху, эдакая ползучая перманентная

социалистическая революция. Я уже не говорю о том, что у капитализма как мировой системы есть предел прочности относительно среднего класса: массовый, постоянно растущий средний класс – это «кощеева смерть» капитализма; достижение средним классом критической для системы массы обрушивает ее вместе с ее хозяевами.

К тому же в условиях противостояни двух систем численно росли и средние классы «третьего мира», особенно в Латинской Америке, в южном подбрюшье США.

На рубеже 1960–1970-х годов проблема снижения численности мирового среднего класса стала *conditio sine qua non* нормального функционирования капсистемы и сохранения привилегированных политико-экономических позиций их хозяев. Ослабление и резкое сокращение средних классов ядра, полуперифперии и периферии капсистемы, ослабление позиций рабочего класса в самом ядре упиралось, помимо прочего, в существование СССР, объективно мешавшего резким движениям правящих классов капсистемы по отношению к нижним и средним «мира сего». Все это требовало от хозяев капсистемы, которые и верно и вовремя поняли не то что опасность, катастрофичность частично-сегментарного уподобления системе-антагонисту, изменения стратегического курса во всех трех «мирах» – «первом», «втором» и «третьем». В 1960–1970-е годы хозяева позднекапиталистического общества оказались в положении, сходным с таковым хозяев позднефеодального общества в 1360–1370-е годы. И так же как они, развернули социальное контрнаступление.

23. Empire strikes back

Сначала в ситуации нарастающих для Запада трудностей была проведена интеллектуальная подготовка силами уже существующих и вновь созданных (например, Римский клуб, 1968 г.) структур. В это же время начали делать имя и репутацию «мыслителям» типа Ф. Хайека и К. Поппера – пригодятся. Затем пришла пора создавать новые политические структуры мирового уровня («Трехсторонняя комиссия», 1973 г.). В 1975 г. – году внешнеполитических побед СССР (Вьетнам, Хельсинки) по заказу «Трехсторонней комиссии» С. Хантингтон, М. Крозье и Дз. Ватануки написали большой доклад «Кризис демократии».

Оспаривая тезис Адама Смита о том, что единственным лекарством от зол демократии является еще большая демократия, тройка авторов констатировала, что многие проблемы на Западе и в США обусловлены избытком демократии. Выводы: *«Необходима… более высокая степень умеренности демократии»*; эффективное (т.е. в интересах мирового «трехстороннего» и иного истеблишмента) функционирование демократической политической системы *«обычно требует определенной степени апатии и невовлеченности со стороны некоторых индивидов и групп»*. Каких групп? И на это есть ответ: тех, что претендуют на возможности, позиции, вознаграждения и привилегии, на которые раньше не претендовали, т.е. на ту часть «общественного пирога», которая раньше принадлежала верхам. Отсюда еще один вывод: необходимость ограничения общественного влияния *(public influence)* на политический процесс, заниматься которым должны эксперты правящего класса. Речь прямо, откровенно и цинично идет о политической изоляции и маргинализации значительной части общества с целью избежать «социалистического рая».

В 1970-е же был намечен и ряд экономических мер по ликвидации последствий уподобления. После «картеровской передышки» (1976–1980) и после того, как США удалось заманить СССР в афганскую ловушку (1979), планы стали воплощаться в жизнь. Рейган резко обострил течение «холодной войны», начав ее новую, неклассическую (постклассическую – система против «одной, отдельно взятой страны») фазу, закончившуюся односторонним выходом СССР из «холодной войны» и его поражением. Во внутренней политике рейганомика и тэтчеризм были направлены если не на демонтаж, то на серьезное ослабление *welfare state*, этого внутризападного «щита и меча» значительной части среднего и рабочего классов, а следовательно против них и их организаций (профсоюзов и т.п.). Но хуже всего пришлось средним классам наиболее развитой части «третьего мира» – Латинской Америки – их просто «умножили на ноль».

Средством «умножения» стало брутальное оружие, неолиберальный кистень – «программы структурной стабилизации» («structural adjustment programmes») Международного Валютного Фонда. Результатом их реализации стало резкое, до десятков раз, увеличение разрыва между богатыми и бедными, дестабилизация экономики, стремительный рост бедности, неформального сектора экономики с его неоматриархатом, и, самое главное, был сметен средний класс (прежде всего госслужащие). Правда 5–10% старого среднего класса сохранились и упрочили свое положение в качестве нового среднего класса – за счет тех, кто опустился на дно, в пучину «неформальной экономики», в борьбу за физическое выживание, в инфраполитику «живота». Ластиком Истории «властелины капиталистических колец» прошлись по средним классам не только Латинской Америки, но и Африки, досталось и североатлантическому ядру. Впрочем здесь ситуация была смягчена крушением СССР, тем, что на социальное дно полетели миллионы представителей средних классов позднего социализма, «второго мира», который в мировом масштабе выступал как коллективный средний класс – между «коллективным верхом» («первый мир») и «коллективным низом» («третий мир»).

В результате крушения исторического коммунизма в Восточной Европе всего за 5–6 лет, к середине 1990-х годов число крайне бедных увеличилось с 14 млн. человек до 168 млн. человек – беспрецедентная пауперизация бывших представителей средних классов. Так, в течение тридцати лет было произведено «исправление стиля» – господствующие группы Запада сумели ликвидировать негативные последствия квазиуподобления их системы историческому коммунизму и повернуть этот процесс вспять. При этом в исторический Тартар сбрасывались целые слои и страны, их просто отрезали от развития. В этом плане капитализм очень похож на жестокий картель хронохирургов из цикла романов В. Головачёва, которые в своей Игре отрезают от метагалактического Ствола жизни целые ветви-миры, ветви-цивилизации, разрушая их до атомов. И ведь капитализм всегда, с момента рождения делал это: там, где он сталкивался с социумом, который по тем или иным причинам не мог быть объектом эксплуатации, его представители (индейцы Америки, аборигены Австралии) уничтожались, а на их место завозился иной человеческий материал (африканские рабы) и конструировался иной социум, иной социально-экономический указ. Если Китай, по замечанию П.В. Чернова есть этнопоглощающая система, то капитализм – это социопоглощающая система, лишающая целые цивилизации права на существования, окончательно решающая их вопрос или, как минимум, права на их самостоятельное, самобытное существование (примеров – тьма: от индейцев Северной Америки до нынешней Югославии). Лишающая всегда, когда для этого есть силы и возможности. Россия многие столетия была таким чужим для капиталистической системы, особенно для его англосаксонского ядра, который, во-первых, является не очень выгодным объектом для эксплуатации (большие пространства, высокая стоимость производства, делающая местные товары неконкурентно-способными на мировом рынке); во-вторых, объектом опасным для силового давления (численность

населения, военный потенциал, те же пространства); в-третьих, объективно, в силу самого существования ограничивающий возможности мировой экспансии и мировой эксплуатации. В результате процесса, начатого горбачевским односторонним разоружением, распадом СССР и ельцинским выводом войск из Германии (пятилетка ударной сдачи позиций), у хозяев капсистемы – глообохирургов – появилась наконец возможность отрезать мощную когда-то, до сих пор чуждую и ненавистную огромную русскую ветвь от Ствола Мирового Дерева Истории. Югославия – это только начало, первый раунд, война за советское наследство, в которой удары – дуплетом – наносились и по РФ, и по Европе. Сейчас – передышка, но скоро подует «западный» ветер (в кавычках – поскольку не обязательно с запада, скорее всего даже с юга), и начнется новый раунд, война за «российское наследство», в которой будет сделана попытка по-настоящему загнать Россию в границы эпохи правления первого Романова, т.е. осуществить то, что планировалось еще в Крымской войне – общезападной полицейской акции в Крыму и на Кавказе. И как знать, не начнется ли новая полицейская акция там, где она происходила почти полтора столетия назад?

Итак, Западу удалось устранить негативные последствия квазиуподобления «реальному социализму». Это произошло по многим причинам – из-за наличия огромной финансово-экономической мощи, соответствующих политических структур, из-за нарастающей некомпетентности и неадекватности Современному миру советского руководства и его «идеолого-научно-информационного комплекса».

Но самым главным была выработка правящим классом Запада на рубеже 1960–1970-х годов *«зловещего интеллектуального превосходства»* (К. Поланьи) – того, благодаря чему в начале века большевики и нацисты взяли верх над своими противниками. Знание – сила, и западной верхушке именно в тот момент (1965–1975), когда СССР теснил ее во всем мире, удалось создать новую организацию «власть-знания» (М. Фуко), адекватную новой эпохе, и успешно реализовать ее на практике, опрокинув исторический коммунизм. Задачу ликвидации последствий уподобления социализму хозяева капсистемы решили, уничтожив при этом сам мировой социализм, СССР, причем в значительной степени его собственными руками. Это – высший класс геоисторической борьбы, победа даже не по очкам, а нокаутом. В том числе и в ядре капсистемы, где даже социал-демократы и левая интеллигенция поставлены на колени, «сдали» социализм, отказались от каких бы то ни было преобразований системы и готовы, как заметил главный редактор “Le Monde Diplomatique” Игнасио Рамонэ, лишь к одному: приспосабливаться к глобальному капитализму, к неолиберальному порядку.

Хозяева капсистемы победили после 150 лет социального отступления, в том числе и там, где их раньше часто били – России-Евразии. А вот советская верхушка позорно провалилась, поставив себя под удар чужого психоментального оружия – комплекса представлений, оценок и понятий чужой системы, которые она приняла как свои, из-за чего частичное уподобление капсистеме и закончилось крахом.

Тридцатилетний опыт борьбы Запада с процессом и результатами частичного («зеркального») уподобления соцсистеме заслуживает самого внимательного изучения, ведь объективно перед нынешней Россией-Евразией, если ей суждено сохраниться в качестве культурно-исторической целостности, перед русскими, если они хотят не только выжить, но и сохраниться в качестве державообразующего народа, а не раствориться среди «россиян» и превратиться в них, стоит аналогичная задача ликвидации последствий уподобления Западу, капсистеме. Для этого нужно изучать чужие успехи и свои поражения: за одного битого двух небитых дают.

24. Еще раз о «правиле Тацита»: советский пример

А потому – **третий пример** – СССР. «Холодная война» была, помимо прочего, в значительной степени психоисторической, психоментальной войной, о чем с самого начала заявил, например, Аллен Даллес, культурно-психологической войной двух систем. На волне экономических успехов послевоенного восстановления, освоения космоса и обеспечения примерного паритета в вооружениях, советское руководство уверилось в возможности переиграть Запад, капитализм «на его поле», т.е. в сфере экономики. Тем более, что в решениях XX съезда КПСС (1956) заявлялось о смещении мировой борьбы классов и систем в область экономики и идеологии. Да что советское руководство с его «мы вам похороним», многие западные политики и интеллектуалы в 1950-х – начале 1960-х годов были убеждены, что СССР выигрывает экономическое соревнование. И не только экономическое. Л. Дехийо – автор работы «Хрупкий баланс: Четыре столетия борьбы за власть в Европе» (1962) с тревогой писал, что в середине XX в. техника, ранее всегда улыбавшаяся морским державам, теперь оказалась на стороне державы континентальной – СССР: *«В то время, как Россия все крепче сжимала меч, англоязычные народы выпустили свой из рук»*. Разумеется, это не так: меч как был в руках англосаксов, так и остался. Другое дело, что не менее мощный меч выковал и СССР. Достижение Советским Союзом на рубеже 1960–1970-х годов примерного паритета вооружений с США настолько встревожили руководство этой страны, что оно вынуждено было пойти на детант. И было от чего встревожиться уже в 1957 г. С момента запуска советского спутника – подобного продукта создания межконтинентальных баллистических ракет, США впервые в своей истории утратили чувство безопасности: их территория (два океана, отделяющие ее от Евразии) перестала играть роль эффективной преграды для нанесения удара. С этим страхом Америка прожила три десятилетия, и ясно, как должен быть благодарен Западу вообще и Штаты в особенности Горбачёву, который своим односторонним разоружением (как сказал бы П. Милюков, *«глупость или измена?»*), сломавшим меч, а затем и щит СССР, избавил Запад от страха перед возможностью массированного ядерного возмездия и навечно вошел в историю как спаситель Запада, его потаковник.

В 1957–1972 гг. СССР лидировал в космической гонке (612 запусков против 537 американских за этот период), сокращал разрыв в показателях по самым убойным видам вооружений. Так, по данным SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute) в 1970 г. у США было 512 бомбардировщиков дальнего действия, у СССР – 156; у США – 656 ракет, запускаемых с подводных лодок, у СССР – 248, у США – 4000 ядерных боеголовок, у СССР – 1800. Ясно, что количественно перевес на стороне США, однако качественно советского потенциала хватало заподлицо, чтобы стереть США с лица земли. Тем более, что у СССР было 1487 межконтинентальных баллистических ракет против 1054 американских – советский ответ бомбардировщикам и подлодкам.

СССР стремительно нагонял США и по военным расходам. Вот данные из ежегодника 1981 г., опубликованного SIPRI.

Военные расходы в постоянных ценах

(в млрд. долл., 1978 г.)

	1960	1965	1970	1975
США	100,0	107,2	130,9	101,2
НАТО в целом	150,3	168,1	194,0	184,9
СССР	48,0	65,9	92,5	99,8
Варшавский договор	51,3	71,3	100,8	110,3

Эта таблица красноречиво свидетельствует о нескольких вещах. Во-первых, с 1965 по 1975 гг. СССР практически сравнялся по военным расходам с США, догнал их; во-вторых, разрыв между Варшавским договором и НАТО тоже сократился, но не так значительно – с 3 раз до примерно 1,8 раза; в-третьих, разрыв этот сокращался за счет рывка СССР; страны Варшавского договора (без СССР) вносили значительно меньший вклад в общую копилку, чем союзники США по НАТО – в их (на 1965 г. 60,9 млрд. долл. против 5,4 млрд; на 1970 г. – 63,1 млрд. долл. против 8,3 млрд; на 1975 г. – 83,7 млрд. долл. против 10,5 млрд.).

Экономические и военные достижения СССР на рубеже 1960–1970-х годов способствовали тому, что советское руководство и его референтура (“красненькие” и “зелененькие” по терминологии Э.Неизвестного) поверили в близость общей победы над Западом по его собственным показателям. В результате с 1960-х годов в анализе и оценке развития страны (и мира) советские администраторы и экономисты начали делать все больший акцент на экономические методы и проблемы, начали применять к советской (антикапиталистической) системе терминологию, научный аппарат, отражающие реалии капиталистической системы, ее экономики, заведомо неадекватные для понимания и планирования экономики СССР. Так постепенно советские правящие группы и слой их советников, *consigliori* начали принимать язык главного противника, что объективно создавало предпосылки самой серьезной капитуляции – духовной, ценностной, интеллектуальной. Это была первая серьезная и, как оказалось впоследствии, главная, определяющая победа Запада в «холодной войне».

В значительной степени это было обусловлено процессами, происходившими в советском обществе, прежде всего в его господствующих группах, которые все больше превращались в слой-для-себя, чьи материально-экономические интересы стремительно росли, обгоняя возможности системы работ исторического коммунизма удовлетворять их. Появление в новой Программе партии (принята в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС) тезиса о том, что одна из главных задач КПСС – удовлетворение растущих материальных потребностей советских людей отражала прежде всего экономизацию-материализацию господствующих групп советского общества и в то же время была своеобразным «троянским конем». Теперь успехи системы, успехи власти, КПСС, а следовательно, оценка их деятельности ставились в зависимость от экономических факторов, что противоречило самой природе системного антикапитализма и представляло собой ловушку – системную, политэкономическую и в то же время психоисторическую, идеологическую.

Коммунизм начинал оценивать себя, свое развитие, свои успехи по капиталистической шкале. Если учесть, что за коммунизмом стоял евразийский, экстенсивно-пространственный по преимуществу тип развития, а за капитализмом – североатлантический интенсивно-временно́й, то указанный выше сдвиг означал, помимо прочего, переход к измерению и оценке преимущественно пространственного развития по временно́й шкале. Ясно, что ничего хорошего в перспективе это не сулило.

С.В. Попов, автор замечательной книги об организации хозяйства в России совершенно прав, когда пишет, что замещение своих реалий чуждыми этим реалиям понятиями – катастрофа. *"А начала эта катастрофа готовиться с того момента, когда на всех заводах и учреждениях были введены должности экономистов"*. Для этого, развивает свои мысли С.В. Попов, преподаватели, ученые степени, академические институты и ученые советы, которые начали плодить специалистов по "социалистической экономике" (которая на самом деле носит неэкономический характер), не знающие ни западного общества, ни своего и строящие понимание этого последнего на основе неадекватных ему понятий и теорий; именно эти люди – "экономисты" из "коммунистов" – и оказались "теоретиками" и "практиками" реформ, полагая, что прочитав три-четыре западные книжки, обладают монополией на знание об экономике и обществе, как западном, так и советском. *"И с их легкой и нечистой руки,* – подытоживает С.В. Попов, – *поехало тотальное понятийное замещение, в результате которого ни одну вещь своим именем назвать уже невозможно, а следовательно, нельзя ни адекватно обращаться с ней, ни, тем более, изменять ее"*. А началось все в 1960-е годы, в общей атмосфере утраты у значительной части советской интеллигенции чувства социальной реальности и перехода к восприятию своего общества сквозь призму неадекватных ему схем и образов ("тоталитаризм", "социальные институты", оруэловский "1984", мир Кафки и многое другое). Была создана западоподобная виртуальная реальность, которая подменила советскую. Впрочем официальная пропаганда тоже создавала виртуальную реальность, но иного типа. Результат – практически полное вытеснение в СССР как властью, так и фрондирующей интеллигенцией реальной реальности как объекта рефлексии и предмета научного исследования. С одной стороны была советская пропаганда, с другой – антисоветская, в основе которой лежало некритическое принятие западной науки об обществе и бездумное применение ее к советским реалиям, прежде всего – в экономике.

Первым практическим результатом концептуальной «капитализации коммунизма» стала так называемая «косыгинская реформа» с ее набором «прибыль, хозрасчет, материальное стимулирование». Речь не о том, что исторический коммунизм не нуждался в изменениях, еще как нуждался. Однако изменения в любой системе должны быть по своему содержанию и методам адекватны этой системе, иначе они проваливаются сами и начинают топить систему, расшатывая ее своей чужестью. Всего один пример, который я почерпнул из интервью С.В. Коробенкова, опытного работника (1970–1991) Совмина. «Косыгинская реформа» в качестве критерия эффективности производственной деятельности избрала заимствованное у капитализма увеличение денежной прибыли, заметил С.В. Коробенков, тогда как социалистической экономике адекватен другой критерий – снижение себестоимости продукции, которой сопутствует снижение цены товара.

«Монетарно-капиталистический» поворот середины 1960-х годов привел к тому, что директора заводов и фабрик начали думать не о снижении себестоимости, а о повышении цен на продукцию и зарплаты, которая оказалась важнее производства – по ней стали оценивать эффективность работы. Отсюда – выводиловка, премии ради премий, разбазаривание ресурсов в гигантских масштабах. Логическим финалом стали перестройка с ее законами об индивидуальной трудовой деятельности (вступил в силу с 1 мая 1987 г.) и о государственном предприятии (для всех предприятий вступил в силу с 1 января 1989 г.), окончательно разрушившими советскую экономику (*«глупость или измена?»*).

Примеры неправомерного перенесения в 1960–1970-е годы универсалий и реалий капиталистической экономики, ее концепций и целей на социалистическую, можно множить.

Не удивительно, что уже в начале 1970-х годов, ни к чему не приведя и вступив в противоречие с законами системы, «косыгинская реформа» выдохлась и была спущена на тормозах. Однако остались капиталоподобная риторика и мысль, которые интеллектуально запутывали ситуацию, странным образом комбинируя истмат и научный коммунизм со скроенной по буржуазному лекалу «политэкономией социализма» и все более «косящим» под социологию истматом. Результат – каша в головах, нарастающая неспособность понимать и знать собственное общество. Андропов был совершенно прав, заявив в самом начале 1980-х годов, что мы не знаем общества, в котором живем.

В 1980-е годы, особенно с началом перестройки, мы ушли еще дальше от понимания и знания позднесоветского общества, все более полагаясь на «уцененку» от западных «экономикс», социологии и политологии, на идеи третьестепенных и третьесортных западных «мыслителей», что и привело к дальнейшей кашеизации и разрухе в головах совинтеллигенции эпохи позднего коммунизма, к интеллектуальному и моральному краху, сделав ее легкой добычей манипуляторов сознанием. «Рынок», «экономические реформы», «прибыль» – все это очень легко было представить сначала в качестве чего-то положительного, уже присутствовавшего в «хорошем», «нэповско-оттепельном» социализме, но не реализовавшегося во время нэпа и Хрущева по злой воле сталиных-брежневых, в качестве не противоречащих гарантиям социализма феноменах, которые надо только освободить от контроля и гнета «тоталитарного государства».

Так «разруха в головах» обернулась экономической разрухой, политическим развалом страны и маргинализацией общества (включая верхи). Но началась эта разруха за 2,5–3 десятилетия до горбачевских фокусов и ельцинских эскапад – с изменений в Программе КПСС, активного перехода к экономическим капиталоподобным реформам и принятия значительной части концептуального языка системы-противника. Здесь не место анализировать проблему, в какой степени вообще возможно существование антикапиталистической подсистемы в мировой капиталистической системе – шансы, скорее, невелики. Однако «принятие внутрь» даже каких-то элементов системы-антагониста, даже частичное уподобление, активно поощряемое, как это имело место в 1960–1970-е годы, в «мягкой», ненавязчиво-разлагающей форме этим антагонистом, ведет к психоисторическому, а следовательно и к геоисторическому поражению, что и произошло фактически в 1991 г., а по сути еще раньше, в разгар «холодной войны».

25. Глобальная «холодная война»

«Холодная война», временно́й отрезок «от Ялты до Мальты», вообще занимает особое место в истории. Она подарила миру пусть и основанный на страхе, но тем не менее такой стабильный период в истории международных отношений, неполными аналогами которого являются лишь отрезки между окончательной победой над Наполеоном и началом Крымской войны (1815–1853), между увенчавшим войну за испанское наследство Утрехтским миром и началом Семилетней войны (1713–1753) и, возможно, эпоха Антонинов в Риме (96–180 гг. н.э.)

Иногда противостояние СССР и США именуют «второй холодной войной», подразумевая под первой англо-русское противостояние второй половины XIX в.: она началась в Крыму, а окончилась на сопках Маньчжурии, правда эпилогом стала полная победа СССР силами ГПУ и «сознательных трудящихся Востока» над англичанами в

Закавказье и Средней Азии в 1920-е годы. Однако между двумя «холодными» русско-англосаксонскими войнами существует глубокое различие.

Первая англосаксонско-русская «холодная война» представляла собой борьбу двух различным образом устроенных империй главным образом за стратегически важный, особенно для англичан, регион Центральной Азии – чистая геополитика, читайте Терентьева, Хопкирка и др. Вторая англосаксонско-русская (американо-советская) «холодная война» была намного более масштабным, сложным и серьезным феноменом.

Прежде всего, даже когда на первом этапе этой войны (1945–1975) главные союзники США и тем более СССР были экономически слишком слабы и борьба развивалась как таковая одного государства (США) с другим (СССР – вспомним цифры таблицы военных расходов из ежегодника SIPRI – см. с. …), государства эти воплощали принципиально различные, диаметрально противоположные социально-экономические системы (капитализм и антикапитализм), принципы социальной организации (в одном случае основанные на собственности и присвоении времени в виде овеществленного труда-капитала, в другом – основанные на власти, присвоении пространства, так сказать, «интенсив» и «экстенсив»), идеологии, системы ценностей, различные проекты будущего. Кроме того, это была не борьба за тот или иной отдельный регион планеты, а за планету, за мир в целом; борьба **в принципе** велась (впрочем, с советской стороны – инерционно, по затухающей) не просто за господство над миром, а за превращение своей системы в глобальную, т.е. единственную.

Не только социосистемное противостояние, само существование СССР создавало проблемы для североатлантического ядра капсистемы, для капитализма в целом. СССР выступал чем-то вроде щита для Евразии и евразийского щита – для значительной части мира, прежде всего для афро-азиатской. Само существование СССР, усиленное его военной, политической и экономической мощью, создавало объективные условия для освобождения многих колониальных и полуколониальных народов. Я имею в виду не только социалистические революции в Китае и Вьетнаме, но и национально-освободительное движение в «третьем мире» в целом. СССР не только непосредственно ограничивал возможности империализма подавлять это движение (достаточно вспомнить Суэцкий кризис, когда СССР готов был оказать военную помощь Египту в виде «добровольцев», поддержку СССР Кастро, почти неизвестную операцию «Кавказ» на Синае и много другое – известное и необнародованное до сих пор), но и смог обеспечить победу Давида-Вьетнама над Голиафом-США (правда, за Вьетнамом стоял Голиаф-СССР).

Головной танк (советского производства) 2-го армейского корпуса Вьетнамской народной армии, въехавший рано утром 30 апреля 1975 г. по бульвару Тхонгнют на лужайку перед Дворцом Независимости в Сайгоне, впопыхах покинутого американцами и их вьетнамскими союзниками на вертолетах за несколько часов до этого – великий символ победы СССР (руками Вьетнама) и Вьетнама (с помощью СССР) над США в главной «горячей» схватке «холодной войны». Правда, со временем американцы возьмут реванш в Афганистане, заманив советское руководство в афганскую ловушку – об этом прямо скажет в своих мемуарах в 1996 г. бывший шеф ЦРУ Роберт Гейтс, а в 1998 г. в интервью “Le nouvele observateur” Збигнев Бжезинский. То, какую роль объективно играл советский евразийский щит для «слабых мира сего», стало ясно, когда СССР не стало, и когда никто не мог помешать агрессии США против Югославии, американским бомбежкам Ирака и многому другому, когда ограниченный (Советским Союзом) бандитизм капитала превратился в неограниченный капитальный бандитизм 1990-х – начала XX в. новых крестоносцев и новых глобал-кочевников.

Существование СССР работало на пользу значительных масс населения не только «третьего мира», но и «первого». Речь идет о рабочем и среднем классах ядра капсистемы. Вовлеченные в противостояние «мировому социализму», который к демонстрации достижений в области социальной справедливости, в 1950–1960-е годы добавил весьма впечатляющие и напугавшие Запад технико-экономические достижения, хозяева «первого мира» вынуждены были материально замирять-умиротворять значительные сегменты рабочего и среднего класса в ядре капсистемы. Цель была простой – чтобы рабочий класс и нижняя половина среднего не превратились в «опасные классы», не стали «пятой колонной» социалистического лагеря (достаточно вспомнить успехи и позиции коммунистических партий Италии, Франции, Испании, рабочих партий Европы в 1950–1960-е годы). Средство – *welfare state*, «государство всеобщего социального обеспечения», государственное (по сути – социалистическое) перераспределение общественного богатства посредством налоговой системы, в результате чего возник значительный и политически активный слой «социалистической буржуазии» (или «потребленческой буржуазии»), т.е. слой, который может вести буржуазный образ жизни, не имея буржуазных по своей природе источников дохода.

Правительства и буржуазия на Западе уже с середины XIX в. приступили к решению вопроса, как превратить «опасные классы» в трудящиеся и замирить эти последние с помощью определенных государственных мер? То была реакция на эпоху революций 1789–1848 гг. и особенно на ее финальный аккорд – европейскую революцию 1848 г. Последняя потерпела поражение, но правящие классы вынуждены были решать проблемы, которые привели к революции. Маркс и Энгельс называли такие ситуации «реакция выполняет программу революции».

В 1860-е годы во Франции Наполеона III появляется термин *l'etat providence*, Третья империя пытается демонстрировать патернализм. Значительно больших успехов, однако, добились на этом пути немцы. В 1880-е годы в Германии Бисмарка появляется термин *Wohlfahrsstaat*, калькой с которого стало в середине XX в. (с реализацией "плана Бевериджа") *"welfare state"*.

Несмотря на почти вековую историю общественной реальностью *"welfare state"* стало только после II мировой войны, когда "холодная война" заставила капитализм социализироваться в виде "социально-военного государства", или "государства национальной безопасности", перераспределявшего значительную часть богатства сверху вниз, разбавляя таким образом "олигархическое богатство" "демократическим богатством". Именно государство национальной безопасности своими регулирующими экономику мерами, как отмечают специалисты, смогло существенно повысить эффективность Запада в социально-экономическом противостоянии коммунизму. В параллелограмме сил "правительство – монополии – олигополии – корпорации" цены определялись не столько рыночной конкуренцией, сколько правительственно-корпоративной "дипломатией". Благодаря всему этому в какой-то момент полная занятость типа той, что достигнута в соцсистеме, не является реальностью и для капитализма.

Буржуазификация значительной части населения ядра капсистемы по линии потребления (т.е. функционирование ее в качестве буржуазии по крайней мере в одной из фаз совокупного процесса общественного производства, но такой, которая формирует потребности) стала сильным ответным ходом хозяев «первого мира» «миру второму». Однако сам этот ход, означавший весьма серьезное и сильное отклонение капитализма от логики и законов своего функционирования, уподоблением социализму, был следствием самого факта существования мировой антикапсистемы, мировой антисистемы

капитализма. Модификация капитализма «историческим коммунизмом», заставившая «железную пяту» надеть мягкие кроссовки, а саму капсистему, по крайней мере, в ядре, спрятать клыки – такое не могло прийти в голову ни Марксу с Энгельсом, ни Ленину со Сталиным.

Показательно, что ослабление мировых позиций СССР в 1980-е годы совпало с наступлением на *welfare state* и позиций рабочего и нижнего сегмента среднего класса прежде всего в англосаксонской части ядра (тэтчеризм, рэйганомика), ну а после крушения СССР этот развивающийся по нарастающей процесс охватил ядро в целом – в области отношений капитала и труда мир словно вернулся в самое начало XX в., в эпоху до возникновения системного антикапитализма. Теперь у капитализма, у его *master class'*а нет причины умиротворять трудящихся, играть «в социализм», и со «стеклянной ясностью», как сказал бы Набоков, выявилось. *"Почему у вас такие большие зубы? – А это чтобы скорее съесть тебя"*.

Социалистический, «второй» мир в планетарном масштабе выполнял роль нишево-эквивалентную мировому рабочему и среднему (по крайней мере, его нижней половине) классам, занимая место между мировой буржуазией («первый мир») и мировой беднотой, мировыми низами («третий мир»). Парадоксальным образом сам факт существования «второго мира» был некой социально-экономической гарантией благосостояния на социалистическо-буржуазный манер части рабочего и значительной части среднего класса ядра капсистемы. Так, социалистическая Евразия вмешивалась в сферу жизнедеятельности капиталистической Северной Атлантики и модифицировала ее.

Сегодня положение тех слоев на Западе, которые, независимо от своего отношения к СССР и коммунизму, выигрывали от их существования и от «холодной войны», ухудшаются. О том, что так оно и произойдет, еще в первой половине 1990-х годов предупреждали многие серьезные исследователи, в частности, американцы Д. Дедни и Дж. Айкенбери.

Отметив, что «холодная война» очень помогла модернизации многих социально-экономических структур Запада, развитию региональной интеграции, выработке социального компромисса, усилению исполнительной власти и многому другому, они подчеркивают: окончание «холодной войны» не только устраняет фундамент этих социальных достижений, но и делает их иррелевантными.

От существования СССР и «холодной войны» экономически выигрывали не только отдельные слои, но и целые страны капсистемы, прежде всего Япония и ФРГ, которые потерпев в 1945 г. поражение, уже через четверть века бросили экономический вызов США и добились от него политического признания в столь высокой степени как создание Трёхсторонней комиссии в 1973 г.

Рост мощи Японии и ФРГ как косвенное следствие советского фактора имеет общий и частный аспекты. Частный заключается в следующем. В 1958 г. СССР удивил Запад – начал выбрасывать на мировой рынок большое количество нефти по низким ценам. Это экономически нерациональное поведение имело вполне рациональную политическую цель – уменьшение доходов, а следовательно, подрыв позиций «реакционных арабских режимов», два из которых, Ирак в 1958 г. и Ливия в 1969 г., действительно стали жертвами продолжавшегося до 1973 г. снижения цен на нефть.

Однако непредусмотренным советским руководством образом советская нефть, призванная ослабить ближневосточные прозападные режимы, резко усилила прозападные

форпосты в Европе и на Дальнем Востоке – ФРГ и Японию. «Экономическое чудо» обеих стран стало возможно, помимо прочего, благодаря подешевевшей нефти. По данным, которые приводит В. Гусейнов, в 1955 г. Япония удовлетворяла за счет нефти только 7% своих потребностей в электроэнергии, а в 1969 г. – уже 70%. Даже в таких традиционно «угольных странах» как Германия и Великобритания многие электростанции сменили уголь на постоянно дешевеющую нефть – спасибо СССР.

Однако еще более важным был общий аспект косвенного вклада СССР и «холодной войны» в небывалый экономический подъем ФРГ и Японии. С «холодной войной» судьба двух американских протекторатов – Западной Германии и Японии резко изменилась (последней – после начала Корейской войны). Западная Германия стала форпостом *Pax Americana* в Центральной Европе, Япония – на Дальнем Востоке. Западная Германия – это то, что непосредственно граничило с соцлагерем, противостояло в нем прежде всего Восточной Германии, и нужно было особенно убедительно продемонстрировать преимущество капитализма над коммунизмом на примере «одного народа, двух систем». Аналогичной была ситуация в Азии, где Японию нужно было всячески укреплять и развивать перед лицом СССР и Китая. В течение двух десятилетий американцы способствовали развитию ФРГ и Японии, которые к тому же не несли бремени гонки вооружений. В результате на рубеже 1960–1970-х годов в капсистеме, помимо США, появились еще два центра экономической (но не военно-политической) силы, что резко обострило конкуренцию между ними и объективно ослабило США.

В то же время именно мощный японо-германский «экономический кулак» выручил, а возможно, и просто спас США после 1975 г. и в период экономических трудностей 1980-х годов. Взаимодействие трех центров силы мировой капсистемы способствовало развитию глобализации – побочного продукта глобальной «холодной войны». Первой крупной жертвой этого «продукта» стал СССР, вступивший в свой системный кризис как раз в канун старта глобализации. Прав М. Уокер, который считает, что не США победили в «холодной войне», а «глобальный Франкенштейн», глобальная финансовая экономика, покоившаяся на трех «китах» – США, Япония, Германия – и направлявшаяся наднациональными, глобальными политико-экономическими структурами, куда лучше понимавшими современный мир, чем тупое, жадное и по провинциальному трусливое советское руководство второй половины 1980-х годов.

Правда, среди трех «китов» основной выигрыш пришелся на Японию и Германию. Обе эти страны мирным, экономическим путем добились в начале 1990-х годов того, к чему стремились военным путем в начале 1940-х годов. И США, естественно, не могли с этим смириться. Вся политика США второй половины 1990-х годов была направлена на ревизию результатов «холодной войны», т.е. на подрыв позиций Японии и Европы (Германии).

Сначала Штаты решили японский вопрос. Это было сделано в три хода: восточно-азиатский финансовый кризис, удар по японской автомобильной промышленности и, наконец, удар по финансовой системе самой Японии. Придет ли в себя Япония, пережившая к тому же кризис в начале 1990-х годов, сказать трудно. В любом случае, ее конкурентные позиции в качестве «центра силы» серьезно подорваны.

С Европой дело обстоит сложнее, хотя и здесь США нанесли мощный удар по евро своей агрессией против Югославии. Есть у американцев и еще одно, как показали Р. Лабевьер, А. дель Валь и другие, мощное оружие против Европы – исламистские организации, получившие к тому же свой анклав в Европе – Косово. Горючая смесь исламизма, терроризма и наркоторговли, внедряемая, как показывает в работе «Исламизм

и США: союз против Европы» (1999) А. дель Валь, в Европу спецслужбами США и связанными с ними частными фирмами, представляет серьезную угрозу для европейской государственности, культуры и идентичности. Борьба с европейским упадком, американизацией и исламизмом, пишет дель Валь, суть три аспекта одной и той же проблемы, поскольку, развивает эту мысль директор французского радио Р. Лабевьер, исламисты объективно выступают как «сторожевые псы глобализации» по-американски. В любом случае, в XXI в. США вступают серьезно уменьшив те выгоды, которые Япония и Западная Европа получили в результате победы «глобального Франкенштейна» в «холодной войне». Америка осуществила передел и это, по-видимому, лишь начало; похоже, нас ждут сюрпризы.

Еще весной 1997 г. американские крайне правые создали организацию «Проект для нового американского столетия» (“Project for the New American century”), которые, как отметили обозреватели, сразу же начали критиковать Клинтона за его мягкую политику по отношению к России и лоббировать в пользу агрессии против Ирака, свержения Саддама и перекройки Ближнего Востока в геополитических интересах США и нефтяных интересах ряда крупных компаний. Речь идет о целой когорте правых радикалов. Среди них – «знакомые все лица»: Д. Рамсфелд (в администрации Буша-младшего стал министром обороны), У. Кристол (редактор правого журнала “Weekly Standard”), Э. Абрамз (проходил по делу «Иран – контрас»), П. Вулфовиц (ныне – заместитель Рамсфелда), Дж.Болтон (при Буше-младшем – заместитель секретаря по национальной безопасности по контролю над вооружением), Р.Перл, У.Дж. Беннет, Р. Армитидж (заместитель госсекретаря Пауэлла в администрации Буша-младшего), З. Халилзаде (консультант фирмы UNOCAL, связан с семьей Бушей), Д. Чейни (вице-президент в администрации Буша-младшего), Льисо Либби (руководитель штаба Чейни), С. Камбон и ряд других.

26 января 1998 г. они направили президенту Клинтону и республиканцам-лидерам Конгресса письмо, в котором прямо призвали к свержению Саддама, однако Клинтон их не послушал.

В сентябре 2000 г. PNAC подготовил доклад «Перестройка обороны Америки: стратегия, силы и ресурсы для нового столетия» (“Rebuilding America’s Defence: Strategy, Forces, and Resources for a New American Century”) и издал (под редакцией Р.Кагана и У.Кристола) книгу «Нынешние опасности: кризис и шанс в американской внешней и оборонной политике» (“Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defence Policy”). Содержание доклада и книги не оставляет сомнений в грядущем повороте политики США по отношению к миру вообще, к России и Ближнему Востоку в частности.

Правые радикалы-неоимперцы, если им представится малейший случай, своего не упустят. Случай, как известно, помогает подготовленному, а они уже несколько лет готовятся – не к «труду и обороне», а к труду на ниве нападения, агрессии и даже не скрывают этого. Я не демонизирую Америку, а стараюсь трезво оценивать действия тех, кто, пользуясь ослаблением России (международные отношения, так же, как и природа, не терпят пустоты и слабости), собирается воспользоваться случаем и утвердить господство Америки – точнее своих корпораций под видом господства Америки, в том числе и над Россией. Если новой гегемонии США суждено будет состояться в XXI в., то, в отличие от XX в., это будет гегемония не государства, а кластера, матрицы ТНК и финансового капитала посредством «государства США» или того каркаса, который от него останется. В известном смысле это постамериканское и даже постзападное государство, как по содержанию, так и по функции, но это отдельный вопрос.

26. Россия как фактор евразийской интеграции

С поражением нацистской Германии исчез последний шанс на объединение «континентальной» Европы как геополитической единицы, противостоящей и англосаксам, и России. Говорят, за несколько месяцев до смерти Гитлер сказал: *«Я был последней надеждой Европы»*, по крайней мере, тех европейских финансистов и промышленников (например, Варбургов), которым нужна была наднациональная неофеодальная («венецианский проект») Европа. Гитлеровская Европа не могла противостоять комбинации времени/капитала и пространства/власти англосаксонского и евразийского миров. После войны эти два мира разделили Европу, как об этом предупреждали еще с конца XVIII в. умные люди.

В 1991 г. рухнул СССР, и есть соблазн сказать: *«Советский Союз был последней надеждой Евразии»*. Но что-то останавливает меня. СССР был «последней надеждой» в смысле структур имперского типа, геополитических монолитов. Является ли создание централизованной («имперской») Евразии единственным способом обеспечить достойную жизнь народов континента, сохранить их вековые традиции и идентичности, не позволить растворить их в глобализирующемся и космополитизирующемся под англо-американским карающе-надзирающем контролем мире? Думаю, что в **нынешних условиях** ответ на последний вопрос скорее отрицательный. Есть ли альтернативные стратегии? Думаю, есть. На мой взгляд, одна из них заключается не в создании неоимперии (по этому пути в глобальном масштабе двинулись после 1991 г. американцы – флаг и томик Леопольда Кора им в руки), а в создании союза, основанного на сотрудничестве и взаимных интересах.

Как это ни парадоксально, нынешнее состояние РФ, не вызывающей у соседей, особенно западных, такого страха как Россия Николая I или СССР Брежнева, благоприятствует созданию такого союза, который вовсе не должен включать всю Евразию или даже всю Европу. Однако именно России суждено объективно играть центральную роль в таком союзе, если он оформится. Во-первых, будучи намного слабее СССР в военном и экономическом отношении, она все равно – пока – остается второй ядерной державой мира, способной нанести первой державе «непоправимый ущерб». Во-вторых, занимая огромную часть Евразии, ее хартленд, Россия выступает в качестве геоисторического тыла евразийского Прибрежного Пояса. Наконец, в-третьих, будучи экономически намного слабее Евросоюза и Китая, Россия по самому своему положению объединяет их и всю Евразию в свя́зное целое.

Ясно, что экономическая интеграция Западной Европы и Восточной Азии создаст могущественнейший политико-экономический евразийский блок, территориальным ядром, а во многом и военным гарантом которого объективно оказывается Россия. Не менее ясно и то, что такой блок стал бы реализацией геоисторических кошмаров англосаксов и потому они сделают все, чтобы не допустить этого. Главной среднесрочной задачей США и как государства, и как Глобамерики – кластера ТНК и матрицы мирового финансового капитала – не допустить оформления такого политико-экономического блока, разорвать евразийское пространство, установить контроль прежде всего над тем, что соединяет, а следовательно и разъединяет Дальний («франкский») Запад и Дальний («китайский») Восток Евразии.

Таким образом, и в эпоху глобализации, в ситуации после распада СССР, окончания «холодной войны», сведéния России к состоянию «эрэфскости», она по-прежнему остается главным геоисторическим противником США. Более того, благодаря росту экономической мощи Евросоюза и Китая, противостояние США и РФ обретает новое измерение, поскольку Россия оказывается главным звеном евразийской цепи, способной сковать США и их хозяев.

В такой ситуации Штаты не могут не ставить задачу максимального ослабления (вплоть до ликвидации) ядерного потенциала РФ и максимального ослабления самой РФ вплоть до раздробления ее на несколько (а то и несколько десятков) государств, возглавляемых проамериканскими верхушками. Контроль над этой экс-российской мозаикой позволит разъединить Западную Европу и Восточную Азию. Подобного рода «новая Россия» будет выполнять роль санитарного кордона, аналогичную той, что выполняет теперь Восточная Европа – бывшие страны соцлагеря и «кусочки» бывшей Югославии, разделяющая франко-германскую («каролингскую») Европу и Россию.

Некоторые у нас и в Штатах говорят: Америка заинтересована в сильной России как союзнике против Китая, мусульманского мира и т.д. На мой взгляд, говорить так могут люди либо недалекие, либо лукавые и хорошо проплаченные, верить которым нужно так же, как Гамлет верил Гилденстерну и Розенкранцу: *“Whom I will trust as I will adders fang’d” («Которым я, как двум гадюкам, верю»).* США заинтересованы не в сильном союзнике РФ, а в слабом и зависимом младшем партнере РФ. При всей нынешней тяжести и трудности внутреннего и внешнего своего положения сегодня Россия еще не обладает требуемыми от нее качествами в объеме, полностью удовлетворяющем Америку, особенно Америку как кластер и матрицу ТНК и мирового финансового капитала («глобальный Карфаген»). И «работа» США в обеспечении этих качеств будет ускоряться прямо пропорционально нарастанию экономических трудностей США, с одной стороны, и росту экономического могущества Евросоюза и экономического и военно-политического – Китая, с другой. «Параллелограмм сил» «США – ЕС – Россия – Китай» Америка постарается превратить в треугольник, убрав Россию, причем, повторю, не только из-за России, но из-за Китая и Европы, т.е. из-за Евразии.

Конечно же, США постараются добиться своего по возможности мирным путем, как это было сделано в периоды правления Горбачева и Ельцина, влияя на верхушку, используя ее некомпетентность, жадность «вчерашних» босяков, продажность, провинциальную самоуверенность, окружая ее проамериканскими агентами влияния, т.е. задействуя «пятую колонну». В свое время многие из этих факторов откровенно назвал президент Клинтон – «друг Билл» президента Ельцина.

Выступая 24 октября на совещании в Объединенном комитете начальников штабов он сказал следующее:

«Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачёва и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумен с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это миллиарды долларов, а они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд. долл., сотни тонн золота, драгоценных камней и т.д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 г. работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 млн. долл., а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно – планы наши начали реализовываться.

Однако это еще не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще не достаточно сильно влияние США, необходимо решить одновременно несколько задач:

- всячески стараться не допустить к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий;

- особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы.

Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное «полевение» нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

- расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;

- окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;

- установление режимов в оторвавшихся от России республиках нужных нам.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США» (текст приведен по: Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М: Олма-пресс, 1999. С. 394–395).

27. Россия и интеграция/дезинтеграция Евразии: Евразийский союз, глобальный Карфаген и Мировой Баланс

За прошедшие с момента выступления Клинтона 6 лет многое изменилось: экономическая ситуация США ухудшилась; производство находится в состоянии депрессии; с прошлого года началось падение фондового рынка; растет дефицит бюджета; положение доллара катастрофически ухудшается, и трудно сказать, что может изменить эту тенденцию. В США – новый президент – республиканец Буш, а с ним пришли люди, которые, в отличие от Клинтона, не только не желают позволить России быть державой, но и не желают вообще позволить ей быть. Речь идет о крайне правых, о «ястребах» из «Проекта Нового американского столетия», речь о которых шла выше. Все это конечно же изменит американскую политику по отношению к России. Америка действительно решила стать единственной империей – это единственный для них способ сохранить контроль над миром. Если с 1918 по 1973 г. господство США основывалось на экономическом лидерстве, то теперь они могут обеспечить лидерство только на основе военного господства квазиимперского типа. И на этом пути рано или поздно хозяева капсистемы должны будут решать «русский вопрос», и у меня нет сомнений, что они попытаются найти его окончательное решение (в геоисторическом смысле, впрочем, и в физическом тоже – разговоры о том, что русских слишком много в России, что хватит и 40–50 млн. человек, ведутся не просто так, и не исключено повторение гитлеровского плана «Ост», только уже не военным, а экономическим путем).

Итак, наиболее вероятен вариант попыток Америки решить проблему России мирным, экономическим и геополиттехнологическим путем (это не значит, что он сработает). Однако вовсе не исключена и попытка силового варианта. Она возможна в трех случаях. Во-первых, если не сработает вариант «мирного» разложения, и РФ начнет относительно быстро подниматься с колен, наращивая военную и экономическую мощь. Тем, кто сомневается в вероятности такого варианта развития событий, рекомендую один из докладов комитета начальников штабов США, подготовленный в 1945 г. В нем содержится рекомендация первыми нанести ядерный удар по СССР в том случае, если экономические и научные успехи СССР указывали на создание возможностей *«в конечном счете напасть на США или создать оборону против нашего нападения»*. При этом главной целью атомной бомбардировки назывались не советские вооруженные силы, а наиболее крупные промышленные города, двум десяткам которых была уготована судьба Хиросимы и Нагасаки. Только успех советского атомного проекта под руководством Л.Берия, создание ядерной, а затем водородной бомбы охладил уже в конце 1940-х годов пыл потенциального агрессора. Сегодня мы будто возвращаемся во времена, когда у СССР/России не было ядерного щита.

Во-вторых, попытка американской силовой акции возможна в том случае, если экономическая ситуация США в конкуренции с Евросоюзом (особенно если в последнем обособится, избавившись от балласта, каролингское ядро – Франция, Бенелюкс, Германия, Австрия и Северная Италия) и противостоянии с Китаем начнет стремительно ухудшаться, здесь возможен нервный срыв на русском направлении. Наконец, в-третьих, если резко ухудшится ситуация в России, если страна окажется в состоянии смуторевлюции или, тем более, хаоса гражданской войны и неконтролируемого распада,

и тогда Америке (Западу, НАТО) придется вмешиваться, чтобы сохранить позиции, завоеванные в России с конца 1980-х годов.

Смуты и революции в России, как правило, всегда провоцировали интервенции Запада (достаточно вспомнить начало XVII в. и начало XX в.). В такой ситуации начало XXI в. не станет исключением. Другое дело, чем может обернуться такая интервенция для США, которые, естественно, будут стараться использовать НАТО, что может привести к его расколу и Америке придется рассчитывать прежде всего на Восточную Европу – наших бывших «собратьев» по соцлагерю, которые со всех ног бросятся доказывать лояльность новому патрону. А обернуться она может катастрофой из-за перенапряжения сил. Россия слишком крупная страна, чтобы дать себя оккупировать, проглотить. *«Подавишься, Идолище»*, – как говаривал Илья Муромец. Россия стала геоисторическим кладбищем для наполеоновской Франции и гитлеровской Германии. В случае попытки установления непосредственного контроля то же грозит США.

Вообще любое сколько-нибудь серьезное военное вовлечение морской (сегодня – аэроморской) державы в континентальные дела, в действия на суше ведут к ее крушению. Я согласен с теми, кто считает фатальной ошибкой вступление Великобритании в сухопутную войну во время I мировой войны. Американцы эту ошибку не повторили. Они вступили во II мировую войну в самом ее конце, когда исход войны был очевиден. Да и СССР в 1944–1945 гг. был намного сильнее России 1914–1917 гг., что не позволило немцам преподнести англо-американцам такой «подарок», какой они преподнесли своему противнику на западном фронте в 1918 г. (после того, как Россия вышла из войны) – мощнейшее наступление в течение шести месяцев. Погружение США в русскую континентальную стихию скорее всего обернулось бы досрочным крушением Америки **вместе** с Россией, и это могло бы стать символом уходящей эпохи русско-американского и – шире – русско-англосаксонского соперничества, стартовавшего сразу же после окончания войн Наполеона, *«когда умолк Перун его побед»* (Ф.Тютчев). В XX в. похожим символом стало одновременное крушение в смертельной схватке трех империй – Австро-Венгерской, Германской и Российской. Россия, однако, не погибла. Она вынырнула из «котла» кипящей крови мировой войны «добрым молодцом» СССР вопреки надеждам всех русофобов того времени, как «правых», так и «левых». Будем надеяться, что и в XXI в., не приведи *«случай – Бог-изобретатель»*, повториться ситуации с «котлами», Россия вынырнет. Хотя случай помогает подготовленному. Значит надо готовиться – *«хочешь мира, готовься к войне»*, говорили древние римляне. А они знали толк в войне и мире.

Готовиться можно по-разному, в том числе и по линии коллективной евразийской безопасности, на основе создания взаимовыгодного разноуровневого союза («каролингской») Европы, России, Китая, всех заинтересованных лиц. У такого союза больше шансов провалиться, чем состояться, но он – единственный шанс Евразии. Кто-то может сказать: «Зачем такой алармизм? Зачем рисовать такие мрачные перспективы? Мы дружим с Америкой». На последнее я отвечу словами русского геополитика Е.А. Едрихина-Вандама: *«Хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним»*. История отношений СССР и РФ с США последних пятнадцати лет полностью подтверждает правоту этого тезиса, красочно иллюстрирует его.

Если же по существу, то во-первых, кто предупрежден, тот вооружен. Во-вторых, готовиться нужно всегда к худшему варианту. В-третьих, разве не оправдались алармистские сомнения 1980–1990-х годов по поводу Запада? Разве не обманул Запад и прежде всего США Россию по поводу вступления в НАТО бывших соцстран и республик СССР? Обманул – нагло и цинично, по принципу *vae victis («горе побежденным»)*, что откровенно признают многие американцы, например, их бывший посол в РФ Мэтлок.

Последние полтора десятка лет не дали ни одного повода верить США. Я уже не говорю о том, что основа доверия в мировой политике только одна – собственная сила: *«Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог»*. От двухлетней давности участи Югославии Россию спасает прежде всего наличие ядерного оружия. У меня в этом нет никаких сомнений.

Мы живем в жестоком мире неолиберальной глобализации, в мире «свободы без равенства», т.е. свободы сильного. А слабых в глобализирующемся мире не просто бьют и эксплуатируют, как раньше, а просто стирают Ластиком Истории. Навсегда. И потому нам нужен евразийский политико-экономический союз. Причем не только в качестве щита (и меча) от американской, но и, как показывают работы ряда западноевропейских исследователей, от тесно связанной с ней позитивно и негативно угрозой воинствующего исламизма. Я уже цитировал Р.Лабевьера, назвавшего исламистов *«сторожевыми псами глобализации по-американски»*.

Одна из главных опасностей перехода нынешней русской смуты в острую фазу с распадом страны и т.д. заключается в том, что русское пространство может стать, во-первых, полем борьбы между основными политико-экономическими силами современного мира; журналисты окрестили их «глобальными племенами» *(“global tribes”)* и отнесли к ним англосаксов (англо-американцев), евреев (мировой финансовый капитал), арабов (диванийя – общеарабское квазиправительство), китайцев (Большой Китай с его «поднебесной» геополитикой). К основным «племенам» добавятся мелкие хищники, оргпреступность и т.д. и т.п. (читай работы о 1605–1612 и 1918–1920 гг.).

Под «глобальными племенами» подразумеваются этнополитические кластеры с мощным наднациональным (целостным или дисперсно-диаспорального типа) потенциалом. Реальность, однако, сложнее, чем схватка племен-монолитов. За исключением китайцев, в других «глобальных племенах» «кланы» заключают между собой сложные союзы – один англосаксонско-еврейско-арабский блок против другого. В борьбу этих союзов активно вмешиваются ТНК, криминал, спецслужбы, что еще более усложняет ситуацию и затрудняет контроль над миром из одного центра, как это часто изображается в вульгарных версиях конспирологии.

Во-вторых, в случае хаосогенных процессов, территория РФ (на которой начнется зачистка прежде всего русского населения) станет опытной площадкой, макролабораторией (и в то же время питательной средой) для:

- разработки технологии создания новых (позднекапиталистических и посткапиталистических) политико-экономических и социальных конфликтов управления ими;

- для испытания новых видов вооружений, включая психотронные;

- для испытания новых широкомасштабных средств психоментальной (психоисторической) манипуляции огромными массами населения;

- наконец, для формирования основных агентов мировой борьбы исторического XXI в. (а не хронологического и тем более не водораздела между ним и XX в. – периода 1975–2025 гг.).

Территория России уже несколько раз становилась пространством, театром военных действий мировых войн. Наша задача – не допустить превращения ее в пространство

«всемирной войны» эпохи глобализации (глокализации), не допустить полного сталкивания России в позицию "больного человека Евразии", у смертного одра которого толпятся жадные претенденты на наследство, их прихвостни – геополитические шакалы и гиены – и их лакеи внутри самой РФ.

Превращение России в зону конфликта, ее хаотизация разрушит Срединную, Базовую Евразию и нанесет удар по обоим флангам – западному и восточному. Потому евразийский союз объективно направлен на стабилизацию не только России, но и Евразии в целом во все менее стабильном мире.

Станет ли евразийский союз, будь он создан, жизнеспособным? Англичане на такого рода вопросы отвечают: *"The proof of the pudding is in the eating"*. Но прежде чем есть, нужно приготовить, нужен рецепт-знание; щита и меча мало, нужны мудрая сова и высокочувствительная летучая мышь: нужна разработка социально-исторического знания, которое воспроизводит историю Евразии адекватным ей образом, на основе адекватных ее истории методов и в терминах, адекватных ее исторической сути, а не отражающих исторический опыт англосаксонского капитализма и либерализма – вот необходимое условие разработки рецептов дальнейшего развития Евразии.

Историю пишут победители, и в XX в. бóльшая часть истории почти всех времен и народов писалась англосаксами на основе их интересов, ценностей и понятийного аппарата, и это представлялось как нечто универсальное, образцом и идеалом которого был, естественно, *Pax Anglosaxonica*. Как заметил английский же историк Д. Ливен, в современных исследованиях политической науки (я бы добавил: и вообще в социально-исторической науке) господствует превращенная в догму и ставшая мейнстримом *«странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления (self-congratulation)»*.

Нам необходим иной взгляд на историю: необходимо переписать историю последних пятисот лет на русский, немецкий, французский и др. манер, чтобы эти версии, отражающие опыт крупнейших евразийских народов и государств адекватным их социальной ткани и историческому развитию образом заняли место наряду с англосаксонской версией, естественно, потеснив ее при этом: *«Широко шагает, пора и унять молодца»*.

То же – в исторической практике. Я не выступаю с каких-то завоевательных, экспансионистских позиций, напротив, с сугубо оборонительных. Это Америка сейчас развернула глобальную экспансию, которая, кстати, угрожает самой Америке, ее демократическому, либеральному наследию, превращая страну в придаток неоимперского военно-промышленно-интеллектуального комплекса, и это понимают многие в самих США. Но еще больше Америка, превращающаяся в «гипердержаву-изгоя», угрожает остальному миру и особенно Евразии, поскольку главный приз этой экспансии, как и считали почти все англосаксонские империалисты от Макиндера до Бжезинского, – Евразия, Россия. А меня, как, по-видимому, и большинство евразийцев вообще и русских в частности, это не устраивает. Как не понравилось бы мне и господство Евразии (России) над миром.

Мир существует нормально лишь в состоянии Равновесия, Баланса, которых сегодня можно достичь только поставив предел англо-американской экспансии – в исторической практике и в теории, прежде всего – в науке об обществе, ведь *«что может быть практичнее хорошей теории»* (А.Эйнштейн), к тому же *«знание – сила»* (Ф.Бэкон). Боюсь, кроме борьбы за Баланс в практике и теории, в жизни и науке у евразийских народов,

государств и культур нет иного выбора, если они хотят сохранить свои идентичности и традиции, если они хотят жить в том, что немцы называют *Die Sicherheit*, если они хотят остаться евразийцами, русскими, европейцами, арабами, иранцами, индийцами, китайцами и др., а не безликими жителями глобального не то Вавилона, не то Карфагена, который все равно будет разрушен – и погибнет – «Аннушка» глобальной истории *«уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила»*.

Опубликовано в: Русский исторический журнал. – М., 2001. – Т.IV, № 1-4. – С. 15-114. Некоторые положения настоящей работы не разделяются редакцией «Золотого льва». Заголовок дан редакцией «Золотого льва».

http://rikmosgu.ru/publications/3559/4156/

Выступление на юбилее А. А. Зиновьева (2002 г.)

А. И. Фурсов
директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, кандидат исторических наук, член Русского интеллектуального клуба МГСА

Уважаемые коллеги! В названии своего выступления я постарался отразить двойную тематику нашей конференции, которая означена: это 80-летие А.А. Зиновьева и итоги XX века. Для этого пришлось пойти на некий плагиат по отношению к одной из статей Ленина, и я назвал свое выступление "Зиновьев как зеркало века".

XX век начинался в России, да и не только в России, с мрачных предчувствий. Например, А. Блок писал: "XX век еще бездомней, еще страшнее жизни мгла, еще чернее и огромнее тень люциферова крыла".

Но на самом деле XX век прошел не только под тенью "люциферова крыла". Было очень много и надежд, и разочарований. Это был век великих надежд, и почти все они не сбылись. Надежды можно перечислять на десятки, на пятерки. Я ограничусь тремя.

Одна из главных надежд XX века заключалась в том, что, если весь мир воспримет либо капиталистическую модель, либо антикапиталистическую, советскую, коммунистическую, то весь мир, так или иначе, обретет счастье. На самом деле из этого ничего не получилось. Вадим Михайлович говорил о том, что к кризису пришло общество, которое поставило деньги и капитал во главу угла. Но в 1991 году пришло общество, которое поставило антиденьги и антикапитал во главу угла. Этот вариант тоже не осуществился.

Еще одна надежда, которая не реализовалась в XX веке. Это надежда на то, что возможно социосистемное воплощение социальной справедливости в виде коммунистического, антикапиталистического порядка. Она тоже не осуществилась.

Наконец, еще одна надежда. Это надежда на то, что техника решит все проблемы. Она тоже не осуществилась. Парадоксальным образом именно научно-техническая революция поставила крест на этих несбывшихся надеждах. Обратите внимание, что в канун научно-технической революции в 50-60-е гг. очень модным жанром была научная фантастика. Прошла научно-техническая революция и мода пошла на совершенно другую вещь, на "фэнтази", на Толкиена, на Гарри Поттера и т.д. То есть НТР удивительным образом переключила интерес с научной фантастики на ненаучную.

XX век - это век мегапроектов. Мега проектов в XX веке было несколько. Один проект - это англосаксонский, либеральный проект, капиталистический. Второй - антикапиталистический или такой интернационал-социалистический. И, наконец, проект, который выдвинула нацистская Германия - национал-социалистический проект. Почти все проекты по сути рухнули. сейчас говорят о том, что победил либеральный проект. каким образом победил? В том, что он сумел охватить примерно 20% населения. Здесь говорили о том, что умер марксизм. В каком смысле умер? В известном смысле умер и либерализм. На самом деле мы сталкиваемся с кризисом универсалистского проекта в целом.

Почти незамеченным прошло такое событие как иранская революция, потому что это далеко, где-то в афро-азиатском мире (1979 год). В чем смысл иранской революции? Это первая революция на периферии мировой системы, которая прошла не только не под марксистскими левыми лозунгами, а вообще не под светскими лозунгами, а под религиозными. После этого произошла масса мелких событий, которые очень красноречиво говорят о кризисе универсалистских ценностей как западных.

Маленький пример, который очень красноречив, на мой взгляд. В 1994 году в Сингапуре арестовали студента, который портил краской машины. Сингапур - это совершенно кон. Его арестовали и приговорили к шести ударам по заду бамбуковой палкой и месяцу тюрьмы. Клинтон возмутился, позвонил президенту Сингапура и сказал, что ладно, месяц

тюрьмы - это нормально, но вот насчет телесных наказаний - это не годится. На что президент Сингапура ответил, что это ваши западные ценности, а у нас свои ценности. Этот ответ был бы совершенно невозможен в 60-70-е годы. Это говорит о том, что на самом деле мы имеем дело в конце XX века не с кризисом марксизма или либерализма. Кризис более глубок. Это кризис универсалистских моделей. За этим кризисом скрывается очень простая вещь. В течение 200 лет нам говорили: есть универсализм. На самом деле под видом универсализма нам продавали модель развития уникальной цивилизации, которую эксплуатировал весь мир, в том числе и на основе этого мифа об универсализме, который говорил: делайте как мы и тогда у вас будет все в порядке. В конце XX века получается, что "делайте как мы", а на самом деле ничего не получается. В результате на Западе возникают социологические теории типа общества "20 + 80": 20% богатых и 80% бедных и никакого среднего класса.

Чьим веком был XX век? Есть несколько точек зрения. Два года назад на семинаре в Люксембурге, посвященном первым пятидесяти годам XXI века, была специальная панель, чьим веком был XX век. Очень многие сказали, что он был американским. Кто-то говорил о том, что это был век афро-азиатских народов, которые в виде третьего мира шагнули на международную арену. И очень мало, кто говорил, что на самом деле это был век советский, век коммунистический. Я думаю, что XX век был веком советско-американским и веком противостояния двух моделей.

В 1943 году в разгар мировой войны после Ялты началась глобальная "холодная" война. Эта война в отличие от мировых была глобальной, потому что речь шла о борьбе двух планетарных проектов. Побочным продуктом этой войны стала глобализация, которая выросла из этой глобальной войны, потому что, действительно, правы были античные философы, говорившие о том, что борьба - это отец всего.

XX век был веком острейших противоречий. Их тоже можно считать десятками, пятерками. Я остановлюсь на пяти основных противоречиях.

XX век был веком острейших противоречий между верхами и низами. Марксисты называют это классовой борьбой, либералы говорят о социальной борьбе. Причем XX век был веком не только борьбы труда и капитала, рабочих и капиталистов, XX век был веком великих крестьянских войн. Причем великие крестьянские войны произошли там, где их вообще в истории никогда не было, например, в Индии, где кастовая система блокировала возможности крестьянских восстаний. С 1946 по 1951 год было великое крестьянское восстание в Теленгране, то, чего не было никогда до этого.

Наконец, начало XX века ознаменовалось победой великой крестьянской войны в России. Строго говоря, до этого крестьянских войн в России не было. Были казацкие войны, у которых был крестьянский привес. С 1905 по 1920 год в России бушевала великая крестьянская война, которая победила. Победила в том смысле, что к 1920 году в общинной собственности 99% земли, т.е. была повернута вспять столыпинская реформа. В 1921 году крестьянские восстания заставили большевиков пойти на НЭП, т.е. крестьянская война в России в начале XX века увенчалась успехом. Это был один из результатов XX века.

Второе крупное противоречие XX века. Острейшее противоречие: общество - личность. XX век довел это противоречие до максимальной остроты. Это не только для тех стран, которые называются тоталитарными. Благополучная демократическая Швейцария, там противоречие "общество - личность" настолько остро. Достаточно почитать Дюрренматта, чтобы понять насколько остро это даже в такой благополучной внешне стране.

Еще одно очень острое противоречие - это противоречие Запад-Россия, которое в XX веке реализовалось как противоречие капитализм-коммунизм. Весь XX век это противоречие реализовывало себя как противоречие двух систем. Но на самом деле это противоречие возникло не в XX веке. Оно возникло раньше. Это редко было противостояние Россия-Запад в целом. В XIX веке Россия противостояла Западу в целом только один раз в период

Крымской войны, которая недооценена как некое воспоминание о будущем. А вот XX век позволил разыграть эту драму в социосистемном плане.
Еще одно противоречие. По-русски оно звучит не очень хорошо. Зигмунд Бауман, польский социолог, который работает сейчас в Великобритании, выдвинул два понятия: глобалы и локалы. 20% люди, которые живут в глобальном мире и 80% - в мире локальном. У нас часто говорят о глобализации. Этот термин "запустил" социолог Робертсон. Но через три года он отказался от этого термина. Об этом мало кто знает. С тех пор он пользуется термином " глоколизация", т.е. глобализация - это для одних глобализация, для других - это локализация. Это люди, которые никогда не двинутся со своих мест. Кстати для России: в советское время можно было приехать с Урала в Москву, поступить в МГУ учиться. Трудно, тяжело, но учиться. Сейчас люди, живущие вне Москвы и Московской области, у них шансы приехать поступить в Московский университет и учиться очень невелики. То же самое и во всем мире.
Наконец, последнее противоречие, о котором я хочу сказать, это противоречие между западноцентричной, капиталоцентричной наукой и той реальностью, которая существует. Дело в том, что хотим мы этого или не хотим, но будь то марксистская или либеральная наука, наука эта сформирована таким обществом, в котором собственность отделена от власти, которая очень отчетливо делится на экономическую, политическую и социальную сферы. Это прекрасно работает для объяснения буржуазного общества. Но как быть с таким аппаратом и с таким инструментарием для общества, например, где религия и политика, как в исламе, не расчленены, для анализа коммунистического общества, где власть и собственность не расчленены. То есть очень многие проблемы познания научного понимания, о которых говорил Игорь Михайлович, связаны с тем, что мы до сих пор смотрим на мир западноцентричным взглядом даже тогда, когда в сфере науки бунтуем против Запада.
Вот обо всех тех противоречиях, о которых я сказал, практически обо всех о них написал Александр Александрович Зиновьев. Он практически все их отразил, более того зафиксировал некие практические позиции по этим вопросам. Например, государство в одном лице. Это, безусловно, теоретическое и практическое снятие противоречия "общество-личность". Для того чтобы противостоять обществу, любому, будь то западному, советскому или постсоветскому, нужно действительно становиться государством в одном лице или социальным институтом в одном лице. Почитайте "Зияющие высоты", "Желтый дом" и т.д. Я думаю, что "Желтый дом" в этом отношении лучшая работа, наверное, потому что это моя любимая работа Александра Александровича. Есть это и в других работах.
Проблема конфликта противостояния "верхи-низы". Здесь очень интересная вещь есть у Александра Александровича. Дело в том, что в 60-70-е годы оппозиционная мысль в Советском Союзе выдвинула несколько проектов. Обычно противопоставляется проект неопочвенический Солженицына проекту либерально-западническому Сахарова. Это действительно так. Но был еще один проект, который противостоит этим двум проектам вместе взятым. Это проект Зиновьева. Это проект с одной стороны "Я государство в одном лице" и проект, в основе которого лежит убеждение, что хороших социальных систем не бывает. Кроме того, как оказалось, и Сахаров, и Солженицын рассматривали социальный процесс как бы с позиций будущих господствующих групп. Это не потому, что они так специально придумали. Философы просвещения тоже не думали, что они работают на те социальные группы, которые победят в послереволюционной Франции, но объективно сработали на них. Дантон в этом смысле все видел. Молодому тогда еще не Людовику XVIII он говорил: "На Вас, молодой человек, работаем, на вас". В этом смысле Солженицын и Сахаров работали, безусловно, на те социальные группы, которые победили в России и то, что мы видим сейчас, это отчасти реализация проектов и того, и другого. Проект Зиновьева был совсем о другом. Он с той стороны, где нет сверху социальной пирамиды.

Проблема "Россия-Запад" и "коммунизм-западнизм", как она формулируется в работах Александра Александровича, это отражение третьего противоречия, о котором я говорил. И, наконец, никто так много не писал о проблеме понятийного аппарата и необходимости формирования мировоззрения, которое поможет преодолеть фальсифицированность советской, и не только советской, истории, никто так много не писал, как Александр Александрович.

Последнее, о чем я хочу сказать. Хотя мы говорим о XX веке, я думаю, что линия, которую развивает, а в чем-то и завершает Зиновьев, на самом деле очень давняя линия русской истории. В русской истории существовало три исторические структуры власти: московское самодержавие, петербургское самодержавие и коммунистический порядок. Как только эти системы начинали клониться под бременем противоречий, в каждой из них возникал индивид, возникала личность, которая противостояла системе как система в одном лице. В конце XVII века, в конце московского самодержавия это был Аввакум, в конце петербургского самодержавия был Лев Толстой, в конце коммунистического порядка это был Зиновьев.

Зиновьев оказался в самом сложном положении, потому что Аввакум был верующий человек. Он мог опереться на веру в Боге. Зиновьев - атеист, у него этой опоры не было. За Аввакумом стояло некое движение, за Зиновьевым никакое движение не стояло. Он государство в одном лице.

Лев Толстой мог опереться на свое происхождение. Он мог обращаться к Николаю II издевательски: "Брат мой". То есть мы с тобой одной социальной крови. Кроме того, за Львом Толстым было, хотя и переписанное на жену, тем не менее, поместье, имение. У Зиновьева ничего этого не было. То есть линия Зиновьева в противостоянии любой власти - это линия Аввакума, доведенная до своего предела. Поэтому свою статью о Зиновьеве я назвал "Великий вопрекист". Он осуществился вопреки всему: вопреки советской власти, вопреки шестидесятничеству, вопреки западу, вопреки постсоветской системе. Это и есть тот главный урок, который помимо вывода: хороших систем не бывает, это и есть главный урок, который отражает опыт XX века, рассмотренный сквозь призму личности и трудов Зиновьева.

http://rikmosgu.ru/publications/3559/4499/

Мир на рубеже столетий

Беседу вел Иван КРЫЛОВ

Г.Доре. "Ангел Господень поражает воинов Сеннахирима"

Люди, которым довелось жить в эпоху перемен, далеко не всегда догадываются о механизмах тех тектонических исторических сдвигов, современниками которых они были. Не догадываются порой и о том, что стали свидетелями исторического перелома. Они просто живут - и после крушения великих империй, и после великих войн. Собственно, если и есть оптимизм в нашей истории, то он именно в этом. Но мы хотим больше знать об окружающем нас мире. И хотя знания, как и положено, умножают печали, они же дают определенную степень свободы от фатальной неизбежности грядущих событий. Или иллюзию свободы. В августе 91-го говорили, что мы проснулись в другой стране - пять лет спустя никто с этим не спорил. 11 сентября 2001 года утверждали, что мы начинаем жить в другом мире - малопонятном, неспокойном и враждебном. Известный московский историк Андрей ФУРСОВ предложил нам свои размышления о том, в какую историческую эпоху мы вступаем в XXI веке. У этой эпохи есть точка отсчета... Возможно, кто-то согласится с автором, а кто-то пожелает вступить с ним в полемику: мы приглашаем всех читателей к открытому обсуждению.

Беспорядок наций

ДОСЬЕ

Андрей ФУРСОВ - кандидат исторических наук, директор Института Русской Истории РГГУ, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, автор статей и книг: "Великая тайна Запада", "Европейская цивилизация и капитализм", "Капитализм в рамках антиномии Восток - Запад: проблемы теории", "Русская система" (в соавторстве), "Излом коммунизма", "Колокола истории", "Кратократия", "Взлет и падение перестройки" и др.

- Первый год нового века ознаменовался страшной трагедией в Нью-Йорке. Мир действительно качественно изменился после 11 сентября, как об этом писали осенью 2001 года?

- Думаю, нет. Качественно мир изменился меж двух декабрей - 1989 и 1991 годов, между Мальтой и Беловежской Пущей. А то, что произошло с тех пор, включая взрыв 11 сентября, - результат этого изменения. Именно крушение коммунизма, распад СССР и оформление монополярного "мальтийского" мира вместо биполярного "ялтинского" создали условия, в которых и стал возможным теракт 11 сентября.

- Вы хотите сказать, что окончание "холодной войны", которому все рукоплескали, создало предпосылки для еще более сложных проблем. Почему?

- Биполярный "ялтинский" мир, мир глобальной - "холодной" - войны, был миром в целом контролируемым. СССР и США внимательно следили как друг за другом, так и за союзниками и "клиентами", будь то государства, партии, движения или просто некие группы. Сверхдержавы несли ответственность за своих "младших партнеров", и угроза применения ядерного оружия в широком масштабе, безусловно, была серьезным сдерживающим фактором. Показательно, как только этот фактор исчез, "клиенты" почувствовали себя свободными, не опасаясь получить ядерный удар. Пример - Саддам Хусейн, напавший в 1990 году на Кувейт. Правы те, кто считает, что Саддам рискнул именно потому, что ядерного противостояния держав уже не было.

Теперь, когда сверхдержава одна, она, как это ни парадоксально на первый взгляд, в известном смысле оказывается более уязвимой, чем раньше.

- Только потому, что раньше другая сверхдержава - СССР - держала под контролем, в узде тех, кто считал Америку своим врагом и готов был свести с ней счеты?

- Нет, не только поэтому, хотя и поэтому тоже. Нынешняя эпоха - энтээровская, постиндустриальная, жертвой которой стал СССР, характеризуется тем, что на мировой арене в качестве активных игроков, активных участников глобального передела выступают не только государства, но также наднациональные структуры (например, Евросоюз), транснациональные корпорации, структуры регионального уровня (то, что называется "регион-экономики"); на периферии капиталистической системы в качестве конкурентов государства выступают племена, кланы, секты различного рода. Это все легальные образования. Но есть и нелегальные - наркокартели, различные организации мафиозного типа, "серые зоны", повстанческие (сепаратистские) движения и т.п.

Ясно, что в таком мире все большую и все более автономную роль играют и будут играть секретные службы, в частности, и спецслужбы вообще, нередко выражающие не только (а порой и не столько) общегосударственные, сколько корпоративные интересы. Последние могут в большей или меньшей степени совпадать с интересами тех или иных сегментов господствующих классов различных стран, тех или иных транснациональных корпораций (ТНК), тех или иных элементов формирующегося глобального слоя новых (позднекапиталистических и, кто знает, возможно, посткапиталистических) хозяев планеты, который французский исследователь Д.Дюкло именует "гипербуржуазией" и "космократией".

Таким образом, сегодняшний мир на порядок (если не на порядки) более сложен и непредсказуем, чем позднеиндустриальный биполярный мир "холодной войны" (1945 - 1989). Он намного более хаотичен, чем "ялтинский". Не случайно о мире 1990-х говорят как о "беспорядке наций", а о глобализации - как о разупорядочивании мира.

Так же не случайно появление на рубеже восьмидесятых - девяностых принципиально новых подходов в изучении как природы, так и общества, в которых центральное место занимают состояния неравновесия, нестабильности, хаоса, а равновесие и порядок рассматриваются лишь в качестве промежуточных состояний между двумя

неравновесными фазами. Я имею в виду "диссипативные структуры" нобелевского лауреата биохимика И.Пригожина, "изучение хаоса" и т.п. Время, эпоха в значительно большей степени ключ к теориям, которые возникают в нем, чем эти теории - к времени своего возникновения; появление теорий, о которых идет речь, показательно и символично - они отражают наш разупорядочивающийся мир.

В этом мире национальное государство слабеет в качестве гаранта стабильности, надежности и безопасности - всего того, что объединяет труднопереводимое немецкое слово Sicherheit. Разумеется, на периферии капиталистической системы процесс ослабления государства идет намного быстрее, чем в центре, однако общая тенденция очевидна. Государству все чаще бросают вызов сепаратистские движения, наркокартели, транснациональные корпорации, террористические организации и т.д.

- И вот одна из таких организаций - бинладеновская "Аль-каида" - бросила вызов США?

- Возможно. Но с окончательными выводами я бы не торопился. По крайней мере, пока не будут представлены серьезные доказательства. Кроме того, даже если будет установлено, что непосредственно теракт осуществили члены "Аль-каиды", это еще не значит, что операцию в целом не готовил кто-то другой, оставшийся в тени (или, скажем так: кто-то другой направил и использовал готовившуюся акцию в качестве либо элемента более масштабной операции, либо акции прикрытия для подобной операции), а террористы оказались лишь слепыми агентами, пешками в чужой игре. В мире спецслужб, террористов, революционеров, преступных организаций и т.п., которые борются друг с другом и в то же время используют друг друга в своих интересах, возможны различные комбинации и конфигурации, вплоть до ситуационного совпадения интересов. Так, охранка в России не только использовала революционеров, но в определенные моменты направляла их деятельность через своих агентов - руководителей революционных организаций (Дегаев в "Народной воле", Азеф у эсеров).

Представьте себе такую ситуацию. Спецслужба Х ведет борьбу с радикальной (революционной, террористической и т.п.) группировкой У. Но Х в то же время - элемент государственной машины, и у нее есть свои интересы. Один из них - наличие объекта, оправдывающего ее деятельность, статус, финансовую подпитку - короче, все, связанное с функционированием бюрократической организации (читай работы Паркинсона). И это уже, по крайней мере по негативу, создает некое подобие совпадения интересов. Необходимо также, чтобы У время от времени проявляла себя, а чтобы это происходило, далеко не всегда надо ей мешать. В такой игре есть целый ряд акций, от которых по-своему выигрывают обе стороны: одни демонстрируют героизм и жертвенность, другие - свою необходимость и бдение. Разумеется, в такой игре можно и заиграться (как это произошло в истории жандармского офицера Судейкина и Дегаева), но это извечный риск и издержки производства. А если за этими издержками стоят (причем с обеих сторон) интересы не только организаций Х и У, но и каких-то иных сил, то ситуация становится еще более запутанной, опасной и чреватой неожиданностями.

Главное, что заставляет усомниться в официально принятой американской версии, - это простой вопрос: cui prodest? cui bono? - кому выгодно? Кто выиграл в результате происшедшего? Рассмотрим несколько факторов, которые мне представляются наиболее важными.

Cui prodest? - Кому выгодно?

Первое. Весной - летом 2001 года экономисты, экономические обозреватели, журналисты отмечали, что США стоят на пороге серьезнейших финансово-экономических потрясений - гиперинфляции, экономического кризиса. Уже в апреле рецессия в американской экономике была такова, что федеральная резервная система (институт поважнее президента) была вынуждена снизить базовую процентную ставку до 1,75 процента. Такого США за последние четыре десятка лет не знали. Взрыв в Нью-Йорке непосредственную угрозу экономических неприятностей в значительной степени устранил или как минимум отдалил на какое-то время. Впрочем, здесь не стоит торопиться с обвинениями в адрес каких-то заинтересованных групп только в США. Американская экономика - ядро мировой, глобальной (например, в снижении процентных ставок за банками США автоматически последовали банки Европы и Японии), следовательно, здесь автоматически затрагиваются интересы мировых финансовых структур, мировой экономики в целом, темп роста которой весной прошлого года замедлился до 3,2 процента. Решение задачи обеспечения безопасности страны и войны с террористами путем резкого увеличения военных заказов, военного производства - традиционное для капиталистической экономики средство выхода из кризиса.

В этом году американцы отвалили огромную, беспрецедентную сумму на обеспечение безопасности - почти 380 миллиардов долларов - это самое крупное увеличение бюджета за последние 20 лет. И это при том, что нет СССР, нет борьбы за мировое господство, "холодная война" окончена. А военные расходы США растут. И поводом-оправданием тому оказался взрыв 11 сентября. Какое совпадение. Как говорил Деточкин, а воблу только что поймали - к только что привезенному пиву.

Второе. Ситуация после взрыва позволила резко повысить низкий рейтинг президента Буша, сейчас многие уже забыли всю, мягко говоря, неосновательность и сомнительность его победы. Напротив, у президента поддержка всего общества и у очень большой части политического истеблишмента.

Третье. Последние выборы в США показали, что предотвратить приход к власти демократов, за которых традиционно голосуют нижние слои американского общества, прежде всего не WASP (white anglo-saxon protestant), то есть не белые англосаксы протестанты, а афроамериканцы (это те, кого раньше называли "неграми", но теперь это не политкорректно), арабоязычный и испаноязычный люд, выходцы из Восточной Азии и т.д., в сложившейся социальной и политико-правовой ситуации можно только так, как этого добились республиканцы и стоящие за ними силы, - игрой на грани и за гранью фола. Но такое возможно лишь раз - "на дурака", врасплох, как это произошло на последних выборах. В следующий раз так не получится. Значит, нужны не просто новые ходы, а новая стратегия. Изменение политико-правового в США порядка в нормальных условиях - дело длительное, на него как на успешное средство едва ли приходится рассчитывать. Значит, нужны другие средства, а для их реализации - другие условия, например, чрезвычайные, которые можно создать.

Четвертое. Отношения труда и капитала на Западе все более приобретают расово-этнический характер, и это объективно ставит перед господствующими группами задачу если не демонтажа многих демократических институтов и прав, то их ослабления и ужесточения социального контроля. Готовность населения поступиться целым рядом прав и свобод ради безопасности - благоприятная ситуация для того, чтобы приногтить

социальные низы и оставить в политическом офсайде те партии и движения, за которые они традиционно голосуют.

Пятое. Хотя Штатам в сентябре 2001 года противостояло не мощное (по третьемирским меркам) государство типа Ирака, а всего-то движение, представляющее вес лишь в афганских масштабах - в сравнении с такими силами, как Ахмад-шах Масуд и генерал Дустум, тем не менее против талибов, объявленных союзниками бин Ладена (а следовательно, тоже назначенных виновными), Америка создала мощнейший военный кулак, авиационная "составляющая" которого намного превышает ту, что была брошена против Ирака за десять лет до этого. Почему? Что, бен Ладен страшнее и опаснее Саддама? Нет. Тогда почему? Зачем формировать общезападный блок против не самого сильного движения, которое к тому же американцы хорошо знают, поскольку сами его и создавали для решения своих проблем в этой части мира (борьба с СССР, обеспечение контроля над нефтерайонами)?

Ответ на этот вопрос со временем дал президент США, заявивший, что антитеррористическая операция, во-первых, не окончится скоро, она может продлиться до десяти лет; во-вторых, операция не ограничится Афганистаном, то есть бен Ладен и талибы - не единственный ее объект, есть и другие. Журналисты, ссылаясь на "утечки информации", дружно указали на Ирак, Иран, Сомали и Йемен в качестве возможных новых мишеней. Таким образом, взрыв в Нью-Йорке утилизуется как повод и для наращивания военной мощи вообще, и для ее наращивания в определенном, жизненно важном для США регионе, и для оправдания (акцией возмездия) ударов по тому, по кому решено будет эти удары нанести.

Я уже не говорю о том - а это, на мой взгляд, самое главное, - что американцы расширяют зону своего присутствия в Старом Свете не только театром возможных боевых действий - от Сомали до Афганистана, но в еще большей степени зоной обеспечения, поддержки боевых действий и контроля над ситуацией. Впервые США и их союзники по

НАТО обосновываются на территории бывшего СССР - в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии. На территории бывшего СССР впервые появляются натовские (читай - американские) базы. Формально - с благой целью (а как иначе?) - борьба с терроризмом. Однако поскольку эта борьба всерьез и надолго, то и американское присутствие в Центральной Азии тоже всерьез и надолго, но этот вопрос заслуживает отдельного разговора.

Шестое. Не секрет, что, постепенно сдавая экономические позиции по отношению к другим центрам Севера - Европейскому союзу, Японии (ВНП США снизился с почти 50 процентов мирового в середине 1940-х годов до 25 процентов в 1970-е), США могут оставаться мировым лидером, лишь сохраняя свое военное лидерство, поддерживая созданную ими во время "холодной войны" и не имеющую аналогов глобальную военную систему союзов. Но для этого нужен враг. После распада СССР с врагом возникла, как говорят в народе, "напряженка": "империя зла" рухнула вместе с коммунизмом; посткоммунистическая Россия, бюджет которой меньше такового ЦРУ, не способна на глобальное противостояние.

В поисках утраченного Абсолютного Зла

- Понятно, что наличие врага, недоброжелателя, оппонента - обязательная часть любой идеологической конструкции и испытанный способ отвлечения от внутренних проблем. Но почему в качестве врага не остановиться на конкретных террористических организациях?

- Нужно новое "Абсолютное Зло", "Червоточина Мира", как сказал бы Стивен Кинг. До сих пор попытки создать его успехом не увенчались. Индивидуальные террористы и наркобароны были неплохими кандидатами (и мишенями), но мелкими и, как правило, краткосрочными. С Саддамом Хусейном и Милошевичем справились довольно быстро; еще раньше и быстрее разделались с Норьегой, а "русская мафия", как ни пытались это изобразить, до масштабов "империи Зла" не дотягивала. И тут "отвязываются" талибы и бен Ладен. Их, стало быть, и назначили на роль нового Зла, с которым "свободные народы Запада" должны вести борьбу - ну прямо Саурон с его орками из толкиновского "Властелина колец". Правда, наказывая талибов, Америка дает урок всем созданным ею (или при ее участии или просто зависимым от нее) силам: вот что бывает с теми, кто отвязывается, срывается с привязи и начинает играть в свои игры. Талибы не оправдали доверия, начали играть свою роль в той Большой Игре, для участия в которой их и "вырастили". Теперь они уже не борцы за свободный от шурави, от коммунистов Афганистан, а пособники террориста № 1. Аввакум мог бы сказать по этому поводу: ишо вчера был батюшко, а топерво блядин сын.

Разумеется, не надо преуменьшать опасности терроризма вообще и талибов в частности; более того, надо говорить уже не о терроризме, а о "всемирной", "пуантилистской" войне (см. мою статью "Дни шакалов" в "Культуре", № 47, 1999). Но надо также помнить, что многие агенты этой войны испечены в "американской печке", а теперь в той же печке "изготавливается" их образ как нового Мирового Зла. Жидковаты талибы для таких масштабов. Но на безрыбье и рак рыба. Ничего не поделаешь: чтобы оставаться лидером "свободных народов Запада" (пропагандистское клише), Америка должна быть "глобальным Рэмбо", повергающим врага. И чем более незападным, чужим и чуждым (ислам здесь очень подходит) он будет, тем лучше. Взрыв 11 сентября такого врага обеспечил. Даже если допустить, что для американцев и их спецслужб это неожиданность, так сказать, случай, то случай помогает подготовленному. И нужно сказать, что Штаты оказались очень хорошо подготовленными к безотходной утилизации взрыва. В том числе и эмоционально.

- Не уверена, что к этому можно подготовиться эмоционально...

- Я имею в виду следующее. Давайте вспомним начало 2001 года. В киножизни США событие - блокбастер "Перл-Харбор". Американцам напомнили о нападении японцев, после которого США выступили на тропу войны - вступили в мировую войну. Фильм "Перл-Харбор", помимо прочего, оживил в коллективной памяти порядком забытые ощущения уязвимости перед внешним врагом, незащищенности.

И фильм, и чувство это стали великолепным фундаментом для тех чувств и ощущений американцев, которые возникли у них 11 сентября, когда им показали уничтожение башен-близнецов. Показали неоднократно и по-киношному: самолеты террористов заходили, а здания рушились, как в кино, будь то реалистический "Перл-Харбор" или

фантастический "День Независимости" (телевизионизация трагедии по всем законам голливудского "киноискусства" и шоу-бизнеса отмечена многими, в том числе в США).

Когда 7 октября США ударили по талибам, СМИ тут же откликнулись: "America strikes back" (от "Empire strikes back" - название второй серии лукасовских "Звездных войн").

Наконец, в декабре 2001 года состоялась всемирная премьера первой серии ("Fellowship of the Ring") толкиновского "Властелина колец". В посвященной этому событию статье в одном из декабрьских номеров журнала "Time" прямо говорилось, что этот фильм о борьбе "свободолюбивых народов Запада" вымышленной страны Среднеземья против Абсолютного Зла, воплощенного в Сауроне, Властелине колец власти, прямо перекликается с нынешней борьбой Запада против Усамы бен Ладена. Вот так. Триптих завершен: "Перл-Харбор" - 11 сентября - "Властелин колец". Его боковые части стали полезным обрамлением центральной, реально-документальной, усилив ее эмоциональное восприятие.

Как вовремя подоспела экранизация Толкина! Если учесть, что уже снятую вторую серию, "The two towers", собираются показать в декабре 2003 года, а третью, "The return of the King" - аж в декабре 2004 года, то становится ясно: хватит на все время проведения "антитеррористической операции". Кстати, по поводу термина "ограниченный контингент советских войск в Афганистане" зубоскалили, и справедливо, многие, а вот по поводу "антитеррористической операции", в которой против организации, а не против борющегося за свободу страны народа, задействована международная армада, словно реализующая в Афгане седьмую суру Корана: "И сколько селений Мы погубили! Приходила к ним Наша ярость ночью или когда они покоились", иронических замечаний я что-то не слышал.

Вопросы и сомнения

- Но даже если мы правильно ответили на вопрос "cui prodest", значит ли, что те, кому выгодно, и осуществили это?

- Ну конечно же нет. В жизни возможны случайности, совпадения. Я в них не очень верю, но иногда они случаются. Например, в 1242 году монгольские войска вышли "к последнему морю" - Адриатическому. Европа затрепетала. Но ожидаемого вторжения не произошло: монголы "повернули морды коней на восток", поскольку получили сообщение, что в ноябре 1241 года в монгольских степях умер великий хан Удэгей. Cui prodest? Европа. Но значит ли это, что европейцы причастны к смерти Удэгея? Конечно, нет.

Еще случай. В 1395 году в битве на Тереке Тамерлан разгромил золотоордынского хана Тохтамыша, а в 1399 году ханы Эдигей и Кутлуг-Тимур разбили на Ворскле великого князя Витовта. Cui prodest? Оба раза - Московское княжество, великий князь Василий I. И что? Причастности нет.

А вот два других случая - восшествие на русский престол Елизаветы Петровны и устранение Павла I. Кто был заинтересован вне России? В первом случае - французы, во втором - англичане. И связь интересов и событий не случайная: в одном случае - очевидный французский след, в другом - английский. Чем системнее и единее мир, чем

больше в нем связей всего со всем, тем они теснее, тем ближе вопрос "cui prodest?" подводит нас к реальности.

Действительно, вопрос "cui prodest?" сам по себе не решает проблемы. Но он четче обозначает ее, фиксирует внимание на реальных интересах. Не будучи достаточным условием правильного ответа, он является необходимым для него условием. Поэтому я **согласен** с теми, кто сомневается в официальной американской версии, задается вопросом "кому выгодно?" и отказывается видеть в бен Ладене мифического злодея. В жизни настоящие злодеи, как правило, находятся в тени.

Конечно, есть вопросы, на которые почти невозможно ответить однозначно. Я поясню примером. В 1974 году, если не ошибаюсь, мир облетела новость, что баскским террористам из ЭТА, долгое время охотившимся за премьер-министром Карреро Бланко, удалось осуществить свой замысел и уничтожить свою "мишень". Пресса заговорила о провале испанских спецслужб и т.п. Прошло, однако, несколько лет, и были обнародованы факты о том, что Карреро Бланко очень мешал тем силам на Западе (прежде всего в США), которые запланировали в своих, разумеется, интересах "демократизацию" Испании. Отсюда задача: способствовать успеху "охоты" баскских боевиков.

Думаю, при том, что мы догадываемся, кому выгодно (cui bono, cui prodest?) (спецслужбам США? Испании? баскам? наемникам?), на вопрос, кто стоит за устранением испанского премьера, нельзя дать окончательный ответ. В движение был запущен механизм интересов, целей и средств, конечным результатом действия которого стал взрыв. На каждом этапе, по-видимому, свою роль играли различные структуры, группы, лица, многие из которых использовались вообще вслепую.

- Но ведь вроде бы нашли учебник по самолетовождению на арабском в машине, идентифицировали каких-то людей "арабской национальности", как сказали бы у нас, и "мусульманского вероисповедания", работала комиссия, которая добыла какие-то факты...

- Что касается комиссии и вообще комиссий такого рода, то достаточно вспомнить комиссию Уоррена, "расследовавшую" убийство президента Кеннеди. Она "обнаружила" много фактов и "убедительно" доказала, что убийца - Ли Харви Освальд. Находка учебника в машине на следующий день после взрыва - это тоже не слабо. Акция, значит, готовилась так, чтобы никакие спецслужбы не пронюхали, и вот такой ляп, подарок полиции. Как говаривал Станиславский, "не верю".

Кроме того, по учебнику можно, конечно, научиться летать, но ведь для акции типа 11 сентября этого мало. Ведь уже писалось о том, что террористам надо было знать авиационные коды, коридоры и многое другое на национальном (федеральном) уровне.

Нет, это все не доказательства. Равно жалко выглядит и информация о том, что якобы в Афганистане найдены убедительные свидетельства причастности бин Ладена к теракту. Где они? Убедительные для кого? Но даже если доказательства и будут найдены, то, пока этого не произошло, мы имеем право сомневаться, а не глотать пропаганду, которую усердно впихивают в нас Си-эн-эн и прочие.

Я очень сомневаюсь, не верю, что инфильтрированные людьми из секретных служб (а то и контролируемые этими последними) террористические организации могут **в течение**

нескольких месяцев готовить **широкомасштабную** акцию, и об этом не узнают заинтересованные лица. Мировая подпольная (или теневая) система, функционирующая как позитивное и негативное взаимодействие криминальных группировок, спецслужб, теневого бизнеса и т.п., - это, конечно, не аквариум, просматриваемый со всех сторон, а паутина. И все же эта паутина сплетена так, что если в какой-то ее части пробежит паучок (а то и паучара) или группа "восьминогих", то колебания тонкой ткани так или иначе будут зафиксированы. Ну а далее вступает в силу логика оперативных мероприятий. Поэтому в незнание секретных служб не верю. А вот в молчание этих неягнят верю.

- Андрей Ильич, а вы не допускаете мысли, что у этого молчания могут быть иные, чем злой умысел, причины - связанная с этим осторожность или, например, бюрократическая неповоротливость? Все это могло обусловить элементарный прокол спецслужб.

- Ну что же, и это возможно, теоретически ничего нельзя исключить. Я только хочу напомнить, что "проколами" спецслужб объясняли убийства Карреро Бланко, Джона Кеннеди и многих других.

Что касается недоверия к информации, восприятия каких-то сведений как дезинформации - возможно, но маловероятно. Особенно если вспомнить, что в 1993 году уже была попытка взрыва в Центре мировой торговли, что был взрыв в Оклахоме, были угрозы бен Ладена устроить теракт во время последней встречи в верхах в Генуе. Даже если учесть тот факт, что деятельность секретных служб США в последние годы была затруднена острой критикой в их адрес со стороны американской общественности (на это, в частности, сразу же указал Т.Клэнси, автор множества политических детективов - от "Охоты за "Красным Октябрем" до "Слова президента"), сокращением бюджета и т.д., все равно трудно поверить в полное бездействие этих служб - особенно на фоне той активности, которую они развернули после 11 сентября.

Кстати, под углом зрения узковедомственных, корпоративных интересов спецслужб взрыв, безусловно, встраивается в определенную схему: как можно после него критиковать урезание бюджета спецслужбам, наоборот. О том, насколько велика роль узковедомственных интересов в определении как внутренней, так и внешней политики США, написано много. Достаточно вспомнить, например, малознакомую нашему читателю, но известную на Западе книгу "Игра во власть" (или "Властная игра" - "Power game") известного американского журналиста Хедрика Смита - того самого, который написал книги "Русские", "Новые русские". А если к ведомственным интересам добавить интересы мощных американских компаний (например, нефтяных - а с ними связаны и сын Буш, и "папа Буш", как его назвал Черномырдин, и К.Райс, и многие другие персоны в нынешней администрации), то получается интересная комбинация.

Короче, не только бюрократическая неповоротливость может стоять за тем, что именуется "провалом спецслужб США". То есть возможны варианты: может, это был чистый провал. Но ведь возможен и провал нечистый. Убийство братьев Кеннеди - чистый провал спецслужб? Исключить ничего нельзя, поскольку, повторю, прямых доказательств нет. Есть, однако, вещи более вероятные и менее вероятные. И есть интересы и неприятный вопрос "кому выгодно"? И если допустить, что знали и не предотвратили, значит, за этим стоят очень серьезные интересы и цели. Очень. Особенно если учесть количество жертв.

- Но именно количество жертв и масштаб разрушений часто приводят в качестве аргумента против возможной причастности каких-то официальных структур к событиям 11 сентября.

- Таким образом рассуждать могут очень наивные люди. Вспомним Вторую мировую войну. Уинстон Черчилль совершенно определенно знал, что немцы собираются бомбить Ковентри - знал, потому что англичане взломали немецкие секретные коды и читали сообщения. Черчилль, однако, и пальцем не пошевельнул, чтобы предотвратить гибель многих людей - в таком случае немцы поняли бы, что их "читают", и канал информации исчез бы. Черчилль сознательно пожертвовал жизнями соотечественников в государственных, политических целях. То же может быть сделано в экономических (политико-экономических) интересах. Вопрос лишь в том, что, сколько и "почем" на весах, кто и сколько выигрывает.

Масштаб жертв в сентябрьском случае таков, что "прибыль" - политико-экономическая - должна быть наднационального, глобального порядка. Не исключаю, что, решая сверхсерьезную самостоятельную задачу, взрыв башен, особенно в контексте нынешнего мирового передела, является и своеобразной акцией прикрытия, операцией, отвлекающей внимание от основной.

- Какой?

- А вот это нужно смотреть, сопоставлять, анализировать. И хотя фраза "нет ничего тайного, что не стало бы явным" далеко не всегда верна, тем не менее многое можно обнаружить при внимательном анализе событий даже на основе открытых источников. Нужно только время. Давайте понаблюдаем, что будет происходить в этом году в разных точках земного шара. Как говорил один деятель русской истории, кто не слеп, тот видит.

http://www.kultura-portal.ru/search.php?search=%2B%D1%84%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2&pub_id=191858

Последнее время в центре общественного внимания вновь оказались наши взаимоотношения с внешним миром. Конечно, нельзя сказать, что эта тема не занимала нас и раньше, а вопрос, кто мы - еще Европа или уже Азия, - терзал нас просто с незапамятных времен. Но сегодня эта проблема приобрела новые очертания: если мир меняется, то какое место в нем будем занимать мы?

Наш собеседник, известный московский историк Андрей ФУРСОВ, предлагает свое видение этой проблемы во втором интервью из цикла "Мир на рубеже столетий" (первое см. в № 8 *). Будем рады представить и другие точки зрения.*

Г.Доре. "Наказание за непочитание Господа"

"Война за русское наследство"

- Что, по вашему мнению, стало главным в мировой политике за последнее десятилетие и особенно в последние полгода?

- Я затрудняюсь сказать, что было **самым** главным. Это зависит от угла зрения, от временной перспективы (например, из 2001 года главным в 1990-е кажется одно, а из 2011 или 2021 годов это будет совсем другое). И все же рискну сказать, что главным с точки зрения мировой (гео) политики в 1990 годы была "война" за советское наследство. Она началась "воссоединением Германии", продолжилась выводом из этой страны наших войск, а завершилась на Балканах, откуда Россию вытеснили в ходе и посредством югославского кризиса 1999 года. На наших глазах начинается "война" за русское наследство - выдавливание России из Центральной Азии. Причем непосредственным поводом (разумеется, не причиной) стала "война с мировым терроризмом" как ответ на взрыв 11 сентября в Нью-Йорке.

Ранее Западу, даже Великобритании, никогда не удавалось не только контролировать Центральную (Среднюю) Азию, но даже сколько-нибудь эффективно проникнуть в нее. То, что происходит сейчас в Центральной Азии, - это впервые в истории, как мировой, так и русской. Думаю, мы имеем дело с первым случаем принципиально новой, соответствующей энтээровской (постиндустриальной) эпохе экспансии Запада (прежде всего - США), которой некому противостоять - ни Российской империи, ни СССР. С таким вызовом Россия еще не сталкивалась. Более того, она не может дать силового ответа на него. Нынешняя ситуация для России осложняется и тем, что на стороне "оппонента" не только военное, но и финансово-экономическое превосходство.

- Получается, что все-таки теракт 11 сентября обозначил начало принципиально новой - и не очень выгодной для нас - геополитической ситуации в мире?

- Да, но имеет смысл вспомнить события, произошедшие до 11 сентября. Когда-то З.Бжезинский, который, по-видимому, зоологически ненавидит Россию, писал о "дуге нестабильности", протянувшейся через Ближний и Средний Восток от Балкан до Памира. Позднее в "Великой шахматной доске" Бжезинский назвал эту зону "евразийскими Балканами" и уделил ей особое внимание. Он подчеркнул огромное значение восточной, неевропейской части этой зоны: экономическое (транспортный узел, энергетические ресурсы), политико-географическое (контроль над коммуникациями, близость к ближневосточной нефти), геостратегическое. При этом бывший советник президента Картера по национальной безопасности особо подчеркивает, что численность азиатского населения России резко упала, что теперь оказался открытым "интересам других государств" регион, ранее доступный лишь России, и что, наконец, Россия слишком сдала политически, чтобы закрыть этот регион для внешних сил.

Более того, Бжезинский с большевистской прямотой говорит о том, что если Россия попытается восстановить монополию на контроль в утраченном ею регионе, то такие действия должны вызвать отпор.

- Именно в таких выражениях?

- Именно. "Великая шахматная доска", страница 178. Бжезинский называет это "геополитическим плюрализмом", который должен обеспечить мировому сообществу (читай: западному капиталу) беспрепятственный доступ к региону.

- Вполне откровенно.

- А они вообще весьма откровенны - Бжезинский, Кондолиза Райс, которая теперь сидит в "его кресле". Очень откровенной была Олбрайт.

Так вот, если в последние годы XX века Россию выбили с европейских Балкан - или из европейской части Евразийских Балкан (дуги нестабильности), то в первый год нового века и тысячелетия начинают создаваться условия, для того чтобы выбить Россию с Балкан "азиатских", вывести оттуда и превратить "дугу нестабильности" в некое подобие санитарного кордона. Линия, прочерчивающаяся от Турции через Грузию, Узбекистан, Таджикистан и Киргизию, отрезает Россию от того, что находится к югу - нефтеносного и турбулентного арабо-мусульманского мира, над которым в течение почти всего XX века нависала тень СССР, мотавшего нервы Западу и прежде всего США. Это советское "нависание", уязвимость нефтеносных районов с севера, возможность СССР вмешиваться в дела региона через союзников (как минимум) - все это создавало определенный "климат" в регионе и влияло на мировую ситуацию в целом. Вытеснение России из бывших советских среднеазиатских республик, куда она пришла в 1860 - 1870 годах, - это тихая, ползучая политико-экономическая война за русское наследство, и так называемая "антитеррористическая операция", по сути, служит если не началом ее, то прологом к ней, и главный противник в этой войне - Россия.

- Мы так преуспели за минувшую эпоху в создании "образа врага", реального или мнимого, что запустить этот идеологический механизм очень легко. Но наличие "внешнего врага" в нашей стране нередко использовалось для оправдания любых внутренних проблем...

- Вы полагаете, я создаю образ внешнего врага? Это неожиданный поворот. Ну что же, отвечу. Во-первых, я этого не делаю. Я фиксирую некую реальность. Достаточно посмотреть, что происходит, и послушать хозяев нового мира. Во-вторых, тот факт, что наличие внешнего врага использовалось для решения внутренних проблем и их оправдания (кстати, так поступают все), не отменяет наличия внешнего врага. Поэтому не надо пугать самих себя. Кстати, а что, мы прожили весь

XX век среди друзей? Нам никто не угрожал, никто на нас не нападал? И нападали, и угрожали, и боялись. И как это внешне ни парадоксально, именно сейчас, когда мы уже десять лет как "разоружились перед Западом", так сказать, открыли "демократические объятия", именно теперь нам и говорят: "Ребята, вы того, на ядерной мушке". Вместе с членами "оси зла" - Ираком, Северной Кореей. Это, по-видимому, друзья наши говорят, с которыми мы так хотели сблизиться, как Буратино с лисой Алисой и котом Базилио, друзья, которые готовы о нас позаботиться **окончательно** . Правильно говорят: "слабых бьют".

Только в контексте подготовки США к возможным силовым акциям - вопреки мнению ООН и даже НАТО - следует рассматривать выход США из ПРО, ряд других шагов, например, фактический отказ от уничтожения ядерного оружия. Вместо этого его будут складировать, то есть, по сути, лишь снимать с боевого дежурства, и в случае необходимости относительно быстро приведут в состояние боеготовности.

Причем делается это именно тогда, когда Россия поддержала антитеррористическую акцию США, то есть выступила в качестве союзника. Поступают так по отношению к союзнику? Нет. Так поступают только по отношению к противнику, от которого опасаются получить удар или по которому собираются нанести удар. Поскольку первое (то есть удар со стороны России) крайне маловероятно, то остается предполагать второе - подготовка к силовому давлению или реализации целей посредством военной угрозы.

Это означает, помимо прочего, что Россия, несмотря на демонтаж коммунизма, вывод войск из Германии и Восточной Европы, демократизацию и так называемые рыночные реформы, готовность к уступкам и т.д., все равно рассматривается США как главный противник. Собственно, такой вывод и сделала несколько недель назад газета "Financial Times", после того как стало известно, что США будут складировать, а не уничтожать ядерные ракеты. Ясно, что это обостряет общую ситуацию. Но именно такая - острая - ситуация позволяет еще более ослабить Россию, которая только начинает подниматься, выходить из Смуты. Если это так, то момент выбран не случайно. С уходом Ельцина и приходом Путина Россия начинает все активнее руководствоваться собственными интересами, разгибается. Пройдет какое-то время - лет десять, и она может разогнуться полностью. Тогда загнать Россию в угол будет труднее. Положение человека, встающего с колен, более уязвимо и менее устойчиво, чем того, кто либо еще стоит на коленях, либо уже встал. Здесь-то и возникает соблазн силового решения (другое дело: возьмет ли соблазн верх, если да, то получится ли и т.д.). Силовое решение может осуществляться по-разному, необязательно по югославскому сценарию, это крайний случай, который к тому же возможен, когда ракетно-ядерного щита либо нет, либо он ослаблен, а ядерный меч выбит. Можно для начала попытаться измотать противника в новом витке "холодной войны": не случайно в окружении Буша-младшего немало ветеранов "холодной войны" конца 80-х годов, знающих свое дело.

- А вы не сгущаете краски? Ведь пока все это в значительной степени предположения?

- Реальность, думаю, окрашена гуще, чем я об этом говорю. У меня нет **прямых** доказательств, скорее косвенные плюс ощущение, основа которого - долгие годы внимательного наблюдения за мировой политикой, "борьбой миров и систем". Думаю, где-то в середине 1999 года (возможно, как только стало известно, кто будет преемником Ельцина, и просчитан его вероятный курс) определенными кругами был взят курс на ужесточение политики США по отношению к России. Ее позиция по Ираку и особенно по Югославии показала, что Россия вовсе не собирается безропотно одобрять все действия Запада, что у нее возможна своя игра, то есть ситуация отличается от первой половины 1990-х годов и едва ли станет иной. Отсюда - изменение тактики и стратегии по сравнению с клинтоновской администрацией. Я думаю, что и срок поставлен - 10 лет.

Косвенно эта догадка подтверждается выступлением Буша перед нацией по поводу окончания первого года его президентства. Буш заявил, что впереди - решающее десятилетие в истории свободы. Свободе, как считает Буш, мешает "Ось зла". Это новый образ врага Америки, комбинация "Оси Рим - Берлин - Токио" и "Империи зла". В эту ось входят Ирак, Иран, Северная Корея, которые, получается, угрожают свободе США (и всего мира?), а следовательно, эту проблему нужно решать. Ясно, что на пути решения этой проблемы с помощью новой, глобальной "дипломатии канонерок" США, которые, по-видимому, наплевали на позицию союзников по НАТО, объективно сталкиваются с позицией и интересами прежде всего России, ну и Китая. И ясно, что с этими интересами США считаться не будут. Пассивная позиция России будет автоматически означать ее проигрыш, а следовательно - полное превращение во внутриконтинентальную полуизолированную страну, в маргинала мировой политики.

- Вы думаете, что Россия может оказаться в положении Югославии?

- В положении сербов, курдов и т.д. может в современном (однополярном) мире оказаться любая страна по тем или иным причинам, представляющая интерес (ресурсы, стратегическое положение, возможный конкурент) и в то же время недостаточно мощная, чтобы защитить себя, недостаточно сильная, чтобы сделать крайне дорогостоящей любую попытку покуситься на свой суверенитет. Поводов можно найти предостаточно: от "гуманитарного вмешательства" (мол, нарушаются права меньшинств, каких угодно - от национальных до "голубых") до наказания за "поддержку террористов" (или недостаточное обеспечение борьбы против них). За всеми этими поводами, однако, одна и та же причина: "Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать". Поэтому, чтобы не быть съеденным, надо крепить боевую мощь - "броня крепка и танки наши быстры" - и жить по принципу: "Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути". Это не призыв к милитаризму, а фиксация необходимых условий, которые никому не позволят выбросить нас из истории.

Что будет, если действия России будут активными, предсказать трудно, но, думаю, и к такому варианту Америка готова и именно поэтому отвела на решение проблемы оси зла 10 лет. Боюсь, дело не в оси, а в том и в тех, кого на решении этой проблемы можно подсечь.

Впрочем, предыдущего президента США тоже не надо идеализировать. Не кто иной, как Клинтон, выступая в октябре 1995 года в Объединенном комитете начальников штабов, с сюрреалистической прямотой заявил, что теперь, когда, использовав самонадеянность Горбачева и проамериканскую позицию ряда лиц из его окружения, США "добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы",

Клинтон подчеркнул, что из войны за мировое господство выведен главный конкурент Америки и что на повестке дня - расчленение России на мелкие государства и разрушение ее армии и ВПК.

И все же внешнеполитический курс Клинтона был иным, чем нынешнего президента. Не потому что он был "хороший", просто для такого курса существовала благоприятная основа: здоровая экономическая конъюнктура, иные по сравнению с республиканцами, политические силы и социальные слои в качестве массовой опоры, а также уверенность в полной лояльности возглавляемой "другом Борисом" России, в которую вбрасывались солидные (главным образом, для "подкорма" госчиновников) средства.

Однако ситуация в экономической и политической жизни США и России изменилась и "клинтоновский подход" к России больше не работает, понадобился более радикальный.

Ну что же, нужно искать варианты. Например, по принципу дзюдо или айкидо, где против "оппонента" используются его же сила, энергия, порыв. Как это сделать конкретно? Пусть специалисты думают, да побыстрее. Иначе финал, досадный и трагический одновременно, может выйти по Кибирову:

И мы уходим, мы уходим

неловко как-то, несуразно,

скуля и огрызаясь грозно,

бессмысленно и безобразно...

- Но американцы оказываются не только в "подбрюшье" России, но одновременно в "подбочье" Китая (от Манаса до китайской границы всего лишь несколько сот километров), "нависают" над Индией и Ираном - то, чего раньше никогда не было. И вы полагаете, что Китай и Индия спокойно к этому отнесутся?

- Есть ли у Китая и Индии реальные возможности воздействия на ситуацию? Теоретически, казалось бы, да. А что на практике? На практике именно в момент американской (объединенно-западной) антитеррористической операции Индия оказывается на грани войны с Пакистаном, ей не до ситуации в Центральной Азии. Если учесть, что мирить Индию и Пакистан, то есть стягивать в свою руку все нити конфликта, будут скорее всего те же США, то ясно, что реакция Индии на ситуацию в регионе может быть лишь очень осторожной - кто станет ссориться с миротворцем? К тому же нынешняя напряженность обстановки на индо-пакистанской границе вызвана (в качестве повода) терактами неких групп, и в такой ситуации Индия не может выступать против того, что официально провозглашено "антитеррористической операцией", против главного организатора последней. Кроме того, следует помнить, что Кашмир - мозоль, на которую внешние силы всегда могут надавить, - это болезненный вопрос для Индии: нельзя не согласиться с теми, кто полагает, что до тех пор, пока Пакистан оспаривает статус Джамму и Кашмира, эта проблема рассматривается сквозь призму сохранения целостности государства, и на ней можно играть; насколько успешно - другой вопрос.

Что касается Китая, то при всех успехах он остается региональной державой, у которой к тому же есть свои уязвимые места и "любимые" мозоли - прежде всего Синьцзян и

Тайвань. И все же для Индии и Китая присутствие США на территории бывших советских республик менее тревожная проблема, чем для России.

- А вы уверены, что американское (натовское) присутствие в республиках Средней Азии, их базы - надолго? Ведь еще в сентябре Буш говорил о временном характере баз. Недавно американцы сделали еще одно заявление о том, что не собираются закрепляться в бывшей советской части Центральной Азии.

- Но в то же самое время другие высоко- (и не очень) поставленные чиновники США говорят совершенно противоположное. Да и судить нужно не по словам, а по делам. И уж если мы заговорили об обещаниях, то нелишне вспомнить - очень показательный пример, - какие обещания США, НАТО давали России в начале 1990-х годов (до вывода российских войск из Германии) по поводу расширения НАТО на Восток. Где эти обещания? Обещания в мировой политике чего-либо стоят, и их держат тогда, когда противоположная сторона (та, которой обещано) может всерьез наказать нарушителя обещаний.

Как соотнести нынешние американские обещания с тем, что в последние годы представители США, не скрывая, говорили и говорят о том, что Центральная Азия и Кавказ - это зона американских интересов и восстановление позиций России в ней недопустимо, что нужно наращивать там американское присутствие. Все четко и ясно.

Претензий к этим людям у нас быть не может - они на то и поставлены, чтобы защищать определенные национально-государственные, транснациональные, классово-корпоративные интересы, которые реализуются за счет России и в ущерб ей. Акула нападает не потому что она плохая, а потому, что она акула. Хищник есть хищник, за это ему претензий не предъявишь, здесь нужны другие аргументы, другой ответ. А для начала вторую щеку не надо подставлять. Центральная Азия - слишком важный, а во многих отношениях ключевой регион, чтобы в ситуации, когда СССР рухнул, а Россия слаба, его не попытались бы поставить под контроль те, кто силен. На наших глазах начинается процесс установления контроля над Центральной Азией США (НАТО, Западом). И вот это, а вовсе не взрыв 11 сентября - главное событие 2001 года. А ведь это действительно ключевой район - не только сейчас, но и прежде - эдак с середины II тысячелетия до н.э.

Золотой Квадрат

- Дело в том, что из Средиземноморья на Восток, в сторону Восточной Азии и к Индийскому океану, то есть в Южную Азию, вели три главных пути или "коридора". Один, северный, или левантийский, шел по "линии" Эгейское море - Черное море - степная зона (в конце I тысячелетия н.э. это назовут "хазарскими путями") - Средняя Азия. По сути, это Шелковый путь, заканчивавшийся, а точнее, начинавшийся в г. Сиань - столице 13 китайских династий, а ныне - провинции Шэньси. Средний путь шел через Сирию, Месопотамию и Персидский залив. Южный "коридор": Нил - Красное море - Индийский океан.

Ясно, что тот, кто владел "коридором" ("коридорами") или контролировал его (их), автоматически получал власть не только над макрорегионом, но и над его "окрестностями".

Таким образом, относительно небольшая территория, "квадрат", углы которого образовывали Малая Азия, Нил, Персидский залив и Памир, оказывалась золотой в прямом смысле слова - Золотым Квадратом (иногда - ромбом). Именно этот "квадрат", по которому шли "коридоры", был одновременно и постоянным местом возникновения крупных держав, и локусом борьбы между ними за то, кто будет Властелином Коридоров (Египет против хеттов, Ассирия, а затем Персия против соседей, Александр Македонский, римляне). Ни одной державе не удалось установить сколько-нибудь эффективный долгосрочный контроль над всем "квадратом" в целом, чаще работал принцип "один коридор - одна держава". Таким образом, осью "войны миров" на стыке Европы и Азии была война за "коридоры".

Если мы взглянем на XIX - XX века, то увидим, что и в капиталистическую эпоху - от египетского похода Наполеона и Крымской войны до Суэцкого кризиса и войны в Заливе 1991 года, очень важная ось мировой геополитики и геоэкономики проходит там, где ее увидели фараон Рамзес II и хеттский царь Муваталли в 1312 году до н.э. (битва при Кадеше). Макрорегиональные конструкции и политико-геометрические конфигурации очень прочны, и даже если золото Золотого Квадрата теперь уже не желтое и твердое, а черное, жидкое и обеспечивает Запад энергоресурсами, сам квадрат продолжает существовать. Более того, его транспортно-экономическое, политико-географическое и военно-стратегическое значение еще более усилилось: во-первых, нефть важнее золота; во-вторых, макрорегион оказывается "подбрюшьем", "подбочьем", "навесом" по отношению соответственно к России, Китаю, Индии и Ирану. О его значении в качестве "серой зоны" торговли оружием и наркотиками я уже не говорю. Именно этот квадрат (с добавкой европейских Балкан) Бжезинский и назвал "евразийскими Балканами".

Впрочем, "квадрат", о котором мы говорим, делится не только на три части, соответственно "коридорам", но и на две. И это деление кажется мне не менее, если не более важным, чем "коридорное".

Большая Игра-1

- Что лежит в основе этого деления?

- Основа проста - центрально-азиатская, северная часть квадрата и все остальное. Зона кочевой вольницы, с одной стороны, и оседло-земледельческая часть - с другой. Форпостом оседло-земледельческой части был Иран, и не случайно противостояние кочевников и оседлого мира воспето Фирдоуси в "Шах-наме" как противостояние "Ирана и Турана".

Хотя по "Турану" шел лишь один из коридоров, значение этой зоны было крайне велико: вплоть до XV века кочевники в Евразии доминировали над земледельцами: то в одной части Центральной Азии, то в другой возникали кочевые или полукочевые державы, обрушивавшиеся на южную часть Квадрата (Ромба), да и не только на нее. И даже если учесть, что за редкими исключениями (например, империя Тамерлана) кочевые и полукочевые державы между III в. до н.э. и XIII в. н.э. возникали, как правило, за пределами Золотого Квадрата, как это было в случае с Хунну, Сяньби, Жужаньским и Тюркским каганатами, Великой монгольской державой XIII века, все они незамедлительно ставили север Квадрата под свой контроль: в этой зоне пролегал Шелковый путь, она была естественным плацдармом для экспансии на запад и на юг.

Будь то Центральная Азия в целом или же только северная часть Золотого Квадрата, редко кому удавалось владеть длительное время этим турбулентным макрорегионом, контроль над которым позволял активнейшим образом влиять на ситуацию вокруг, прежде всего - к югу (нынешние нефтеносные районы).

- И все-таки кому-то удавалось. Кому и когда?

- Во-первых - Великая монгольская империя, это 40 - 50 лет в XIII веке. Во-вторых - Россия/СССР, это около 120 лет с 1860-х по 1980-е годы. Последнее - абсолютный мировой рекорд контроля над таким турбулентным, пестрым в этническом отношении и остроконфликтным районом.

Свой контроль над севером Золотого Квадрата Россия установила в ходе и результате борьбы с Великобританией, борьбы, которая получила название "Большая Игра". Автор этого термина - английский военный, капитан Конолли, обезглавленный афганцами во время первой англо-афганской войны. Большая Игра, которую некоторые историки называют "викторианским прологом "холодной войны" и которая прошла свою острую фазу в 1860-70-е годы, окончилась в 1895 году разделом сфер влияния. С 1920-х годов влияние Великобритании в этой зоне идет на убыль; последний всплеск британской активности в регионе - деятельность секретных служб в Баку и Ташкенте во время Гражданской войны и в первой половине 1920-х годов. Потом - кирдык, как говорил главный герой фильма "Брат". Влияние СССР, напротив, усиливается. Пока у нового лидера капиталистической системы - США - дошли руки до Ближнего Востока, СССР, имея среднеазиатский и кавказский плацдармы и левые арабские режимы в качестве союзников, уже грозно нависал над Квадратом, который из-за богатства энергоресурсами стал суперзолотым.

Постоянное присутствие СССР в ближневосточных делах, которые приобрели мировое значение, стало серьезнейшей проблемой для американцев (и Запада в целом). Советское присутствие на Балканах - прямое (Болгария и Румыния - члены организации Варшавского договора) и косвенное (Югославия), по сути, превращало "евразийские Балканы" в зону мощного советского влияния. И было сделано все, чтобы Россию из этой зоны выдавить, выбить.

У меня нет сомнений, что сегодня на территории бывших среднеазиатских республик СССР и вокруг них, то есть на территории Золотого Квадрата, начинается - уже началась - новая Большая Игра.

Большая Игра-2

- Но, естественно, она должна отличаться от той, что была в XIX веке?

- Естественно. Во-первых, Большая Игра-1 была явлением самостоятельным и шла по поводу того, какие очертания примут Российская империя и Британская колониальная империя, какова будет конфигурация зон их интересов. Нынешняя "Игра" - очень важный, возможно - ситуационно - центральный, но все же элемент Глобальной Игры, которая ведется на нескольких "досках" сразу.

Во-вторых, агентами Большой Игры-1 были национальные государства, и только они. В Большой Игре-2, помимо государств, участвуют транснациональные корпорации, криминальные сообщества, повстанческие движения, террористические организации. То есть перед нами более сложная, более пестрая картина, ситуация с бЧльшим числом комбинаций, чем во второй половине XIX века, и с большей ролью негосударственных и нелегальных структур. Ясно, что главная задача Большой Игры-2 - не допустить восстановления позиций России в Центральной Азии (и на Кавказе), обеспечить "геополитический плюрализм", то есть монополию Запада на регион. Монополия эта, однако, по определению, неоднородна, многосоставна: несколько государств, несколько транснациональных корпораций. Поле взаимодействия всех этих агентов создает благоприятные условия для формирования "серой зоны", в которой, помимо легальных структур, будут вольготно чувствовать себя структуры нелегальные: торговцы оружием, наркотиками. Более того, именно такие структуры активно используются в играх такого типа. Пример - Косово, где результатом торжества "геополитического плюрализма" стало создание "серой зоны", криминального анклава, более или менее (а со временем - скорее менее, чем более) контролируемого спецслужбами.

И сам процесс Большой Игры-2 и тем более проигрыш России, если он произойдет, приведет к формированию у наших границ "специализированной" "серой зоны", откуда в нашу страну польется поток наркотиков.

- Но ведь он и сейчас льется из тех краев.

- Да, но в случае "институциализации" на основе "геополитического плюрализма" "серой зоны" криминалитет получит такую базу, которой у него раньше не было. Ясно также, что наркоторговля станет дополнительным каналом для работающих против России спецслужб. Короче, Косово-2, только шире масштабом, ближе к наркотрафику, районам нефти и в центре Центральной Азии. Я уже не говорю о том, что наличие такой "серой зоны", в которой переплетается деятельность как легальных структур (в том числе внелегальная), так и нелегальных, будет усиливать "серые зоны" в других частях Евразии и внутри России.

- Я слышал другое мнение: американское присутствие в Центральной Азии позволит прекратить или, по крайней мере, резко сократить наркопотоки и нелегальную торговлю оружием, короче, наведет порядок в регионе. - В январе один из корреспондентов Би-би-си в регионе специально отметил, что за время американской операции против талибов не произошло сокращения потоков ни наркотиков, ни оружия. Еще более убедительный пример, как я уже говорил, - Косово. Там вроде бы контроль осуществляют и американцы, и западноевропейцы, а зона, по сути, стала каналом переброски наркотиков в Западную Европу.

В-третьих, Большая Игра-1, которую в нескольких книгах (их просто необходимо перевести на русский язык) прекрасно описал Т.Хопкирк, велась главным образом за наследство индийских Моголов и иранских Сефевидов. В новой на кону уже даже не советское, а русское наследство. В семидесятые годы XIX века французский историк (и первый президент Французской Республики) Тьер спросил у немецкого историка Ранке, против кого после свержения Наполеона III ведет войну Германия? Ранке ответил: против

Людовика XVI. И это была правда. Война за русское наследство - это война против Александра II и в той степени, в какой она касается Кавказа, Николая I.

Цель нынешней Игры - отсечение России от Золотого Квадрата, лишение ее возможностей влияния в регионе (и - посредством этого влияния в мире), создания коалиций или союзов (с Китаем, Ираном, Индией), объективно направленных против монополярного мира вообще и присутствия США в сердце Евразии, в частности. Достижение такой цели должно быть подкреплено военной силой (авиабазы для чего?), и у меня нет сомнений, что для решения поставленной в борьбе за русское наследство задачи Штаты, если посчитают это необходимым, пустят эту силу в ход.

Независимо от того, кто и почему взорвал "башни-близнецы", теракт стал удобным поводом для решения Америкой трех задач разной временнЧй длительности: краткосрочной (решение чисто экономических проблем США и мировой экономики); среднесрочной (социально-политическая ситуация в США); долгосрочной (резкое усиление присутствия США в Центральной Азии, имеющее целью обеспечение контроля над зоной энергоресурсов и их транспортировки, активное сдерживание Китая, победа в "войне за русское наследство", окончательное, при необходимости - с использованием силового давления (или его угрозы) ослабление России и, наконец, недопущение формирования антиамериканского союза (в разных комбинациях) между Китаем - Россией - Индией - Ираном (база в Манасе - это, помимо прочего, первый "камень", выражаясь терминологией стратегической игры "го" в цепочке, призванной обеспечить подрыв такого союза, если он начнет формироваться).

Возможно, я ошибаюсь, но пусть представят убедительные доказательства противоположного. Буду рад выслушать серьезные аргументы. И буду рад ошибиться. Но чудес, к сожалению, не бывает. Особенно в такой жесткой штуке, как мировая борьба за власть, информацию и ресурсы.

http://www.kultura-portal.ru/search.php?search=%2B%D1%84%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2&pub_id=215781

Терроризм: от политического террора к войне нового типа?

I

Мы все реже успеваем за изменениями в мире. Отчасти в этом "виноват" мир, меняясь быстрее, чем мы способны это почувствовать, осознать и, тем более, зафиксировать в понятиях; отчасти в этом "виноваты" мы, не желая покидать зону привычного и менять интеллектуальный комфорт на неясное, на поиски выхода к порядку из хаоса. В результате реальность меняется, а мы продолжаем находится в плену устаревших представлений, отлитых в форму терминов.

Именно так, в частности, обстоит дело с терминами "террор", "терроризм".

Последнее время, особенно после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке о терроризме говорят очень много. Правда, при этом значительно больше говорят о "терроризме террористов", чем о "государственном терроризме" США. Последние "отутюжили" бомбами Афганистан, как весной 1999 г. они "отутюжили" ни в чем не повинную Югославию, наплевав не только на мораль, с позиций которой они поучали мир и нас по поводу "прав человека", но и на международные права.

Действительно, с 1970-х годов политический террор (терроризм) становится в мире чуть ли не одной из структур повседневности. Впрочем, не в первый раз в истории Современности (Modernity). По крайней мере, термины "террор", "терроризм" используются для характеристики довольно широкого спектра событий и явлений. Однако нередко за этими терминами скрывается различное содержание. Разумеется, при разнообразии частных, конкретных форм, террор - при разнообразии в самом общем плане - есть систематическое насилие для достижения политических целей (это стандартное определение). Но ведь и война есть систематическое насилие для достижения политических целей. Значит, необходимо введение правового измерения, где террор(изм) окажется связанным с нарушением закона., права, будет представлять собой неправовое насилие. Хорошо? Хорошо. Но что-то нехорошо. А именно: как быть с партизанским движением, революционной борьбой. Например, Колумбия. Убийства правительственных чиновников боевиками медельинского или калийского наркокартелей, приватизировавших власть на большей части территории страны - это террор. А аналогичные убийства, совершаемые левыми партизанами? По-видимому, многое зависит от целей, средств и их соотношения, хотя и здесь все очень не просто. Ну а события и явления последних 15-25 лет (террор исламских фундаменталистов, появление "серых зон", ослабление "национального государства", действия "монополярника" США и многое другое) вообще заставляют в содержательном плане осторожно подходить к проблеме терроризма. В связи с этим план необходимо дополнить системным и историческим, а точнее - системно-историческим.

II

Термин "терроризм" в его современном значении вошел в употребление в 1793-1794 гг., а в "Дополнении к Словарю Французской Академии" впервые он появляется в 1798 г. для определения режима существовавшего во Франции между сентябрем 1793 г. и июлем 1794 г. И тем не менее, именно Великая французская революция породила терроризм как особое явление - как террор в качестве систематического средства идейно-политической борьбы и в то же время идейно-политического устранения-воспитания населения; в качестве рационального средства достижения "светлого будущего", свободы, равенства, братства.

Необходимо отметить рационально-просвещенческую, революционную, "гуманистическую" и "демократическую" природу современного (modern) терроризма, творимого в большинстве случаев от имени и на основе ratio, гуманизма и социальных идеалов, короче - революционный "красный" террор. Такого до французской революции и до Просвещения не было и быть не могло. В этом смысле можно сказать, что террор якобинцев был "карающим мечом" Просвещения. Символично, что гильотину изобрел врач, а изготовил настройщик клавесинов - квинтэссенциальные профессии Века Просвещения и его высокой культуры. Не хватает только философа-прогрессиста. Хотя и он есть, но - в качестве жертвы (Кондорсе). Все это не значит, что невозможен террор консервативный, реакционный, "белый", что его не было - еще как возможен. И еще как был. Примеры, которые сходу приходят в голову - Индонезия 1965 г., когда мусульмане резали коммунистов; Чили 1973 г. Но возникал он нередко в качестве реакции на революционное насилие (та же Индонезия 1965 г., Россия в Гражданскую войну). Можно сказать, что политический террор(изм) был **институциализирован** Великой французской революцией, стал ее политическим институтом. Причем институт этот "работал" не столько по аристократии и духовенству, как программировалось, сколько по низам; по закону "о подозрительных" было арестовано 500 тыс. чел., из них меньшинство относилось к аристократии и духовенству (среди казненных - 15%). Трудно не согласиться с Б. Муром, заметившим, что характерной чертой всех революционных диктатур Современности было использование террора против народа, против маленького человека, который раньше был жертвой Старого порядка, а теперь - нового, революционного.

Хочу особо подчеркнуть: Великая французская революция связала достижение "свободы, равенства, братства" с террором, с физическим уничтожением индивидов и масс по социально-политическому принципу, т.е. на основе социальной ("классовой") принадлежности и политических убеждений. Тем самым была сформулирована модель: к рационально понимаемому благу, счастью народа (групп, классов) - через физическое уничтожение того или тех, кто стоит на пути. В то время как террор служит средством достижения неких целей и ценностей - гуманных, демократических, эти цели именно в силу своего гуманно-демократического, универсального (и универсалистского) характера оправдывают террор. В результате он становится, во-первых, средством и фактором исторического развития; во-вторых, средством и фактором развития прогрессивного, подталкивающим его. Обосновывалось и оправдывалось все это целями Просвещения и идеалами свободы, libert? (здесь по части оправдания насилия свободой сходятся либертин де Сад и революционеры Робеспьер и Сен Жюст).

Иными словами, политический террор стал "темной стороной" родившегося с французской революцией Модерна; он стал "закулисным", теневым средством как обеспечения или ускорения реализации неких социальных проектов (будь то создание национальных государств, борьба с эксплуатацией, колониализмом), так и противостояния им.

III

Современность как эпоха пережила несколько мощных волн систематического политического террора. Если оставить в стороне некоторые организации во Франции и Италии первой четверти XIX в., то всерьез о политическом терроре, точнее, о его второй волне, можно говорить применительно к последней трети XIX в. Речь идет о радикальном националистическом терроре в Ирландии, Македонии и Сербии, а с конца XIX века - в Индии и ряде других стран. Далее необходимо отметить анархистский терроризм во Франции, Италии и Испании. И, наконец, это революционно-демократический терроризм партии Народная воля и эсеров (социалистов-революционеров) в России.

Затем, примерно с 1915 по 1965 г., терроризм не то что полностью исчезает, но затихает, потому что у него появились грозные соперники в лице либо мощных аппаратов власти (Германия, Италия, СССР), либо организованные массовые движения, либо мощное гангстерское (мобстерское) движение (США). Ну, и, естественно, во время войн было не до терроризма. Затем началась эпоха "славного тридцатилетия", с 1945 по 1975 г., когда мир стал приходит в себя после войны. Между 1968 ("студенческая революция") и 1973 г. (девальвация доллара, энергетический кризис) послевоенная эпоха с ее надеждами и иллюзиями закончилась, а тут же покатилась новая, третья волна политического террора. У нее, так сказать, "три источника", "три составные части".

Во-первых, это латиноамериканская городская партизанская борьба ("тупамарос" в Уругвае, "монтонерос" в Аргентине, повстанческие группы в Бразилии, отчасти "Сендеро Луминосо" в Перу и т.д.). Во-вторых, сепаратистски-националистический терроризм, внешне - второе издание ирландского терроризма конца XIX в. Только теперь, помимо североирландцев с их ИРА, это были еще и баскская ЭТА в Испании, Организация Освобождения Палестины, южномоллукские террористы в Нидерландах и ряд других. В-третьих, городской терроризм в ядре капиталистической системы в Северной Америке, Западной Европе (Италия и ФРГ) и Японии. Позже к перечисленным добавились и другие формы терроризма, но о них потом.

Хотя эта схема, как и любая, упрощает, спрямляет реальность, в целом она отражает реальное положение дел (но повторю: кое-что в нее не вписывается, требуя уточнения и усложнения - например, ОАС во Франции, "Серые волки" в Турции, некоторые другие примеры).

Обращаю внимание на то, что третья волна террора эпохи Модерна представлена, в основном ядром капиталистической системы. Причем, с одной стороны, это англосаксонские страны - США и Великобритания, где, в общем, эта волна была не слишком сильной, с другой - Италия, Германия и Япония.

Почему вдруг вспышка в центре капиталистической системы? Многие ученые и журналисты подчеркивали национально-кризисные различия между основными страновыми вариантами политического терроризма. Скажем, для Японии говорили о самурайском духе, для Германии говорили о тевтонском и нацистском духе. Но на самом деле есть нечто общее во всех трех случаях. При этом я имею в виду не общий социально-психологический характер, хотя и это было - мода, бегство от общества потребления, стремление к комбинации психологических ролей героя и жертвы, такой политический

садомазохизм, стремление быть частью элиты и неспособность реализовать себя, элементарная социопатия, которая очень часто встречается в революционных движениях, - все это так. Но на самом деле самым важным, на мой взгляд, для этих трех стран и вспышки этого терроризма, заключается в том, что, в принципе, все страны, в которых произошла вспышка терроризма, это страны, которые проиграли, потерпели поражение во Второй мировой войне. И я имею в виду не социально-психологическую реакцию на поражение в войне, а тот простой факт, что экономика, промышленность в этих странах была разрушена, ее пришлось создавать заново. В результате мы имеем итальянское чудо, японское чудо и немецкое чудо. Но за все чудеса нужно расплачиваться, потому что все экономические чудеса приводят к тому, что экономика сильно вырывается вперед по сравнению с социально-политической сферой, рушится институциональная структура, адекватная прежней эпохе, а новая оформляется довольно медленно, в результате чего и образуется опасный разрыв. Левоэкстремистский террор - это одна из форм заполнения этого разрыва. Я думаю, прав был уже цитированный мной Баррингтон Мур, который писал, что источники социального радикализма находятся не только и даже не столько там, где видел их Маркс, т.е. в стремлении восходящих классов захватить власть, сколько в значительной степени это предсмертный рев классов, которые должна накрыть волна прогресса. И итало-германский терроризм 70-х годов в значительной степени иллюстрация этого.

У итальянского и немецкого левого террора 1970-х, помимо социально-экономической, была еще одна важная основа - политико-юридическая. Думаю, не ошиблись те западные ученые, которые связали итало-немецкий левый террор 1970-х с началом отмирания партий как особого института на Западе. Речь идет об отрыве партий от классов и групп, чьи интересы они представляли и выражали. Партии начали превращаться в некий самовоспроизводящийся гигантский картель, причем элементами этого картеля стали противостоящие друг другу партии - и буржуазные, и социалистические. Например, если говорить об Италии, то это ХДП и коммунистическая партия. И политический терроризм стал, помимо прочего, крайней формой борьбы с картелизацией партийно-политической жизни.

Я сознательно оставляю в стороне возможную роль спецслужб, включая ЦРУ, как факт и фактор деятельности террористов или даже, как их 'руководящую и направляющую силу'. Любая спецслужба заинтересована в проникновении в террористическую в частности и революционную вообще среду, чтобы использовать эту среду в своих интересах и, как минимум, получать информацию. Вполне возможно, что, например, ЦРУ, сыграло такую роль в деятельности 'бригад', в похищении Моро в Италии, в убийстве ЭТА генерала Карреро Бланко в Испании. Ну и что из этого? Никакие ЦРУ и КГБ вместе взятые не могли создать экстремистское движение, будь то левое или правое, не могли организовать массовый террористический бум 1970-х. Использовать - да. Но ведь возникает и обратная связь, 'обратное использование', при этом результаты зависят от конкретной исторической ситуации.

Поскольку картелизация политических партий, их превращение в административные структуры по сути своей было ни чем иным как началом деполитизации общества, проявлением кризиса буржуазной демократии, левый террор 1970-х был направлен и против этих тенденций, что существенно отличает его от революционного террора начала XIX в., на 'входе' в Современность.

В свое время Карл Шмитт заметил, что власть демократического государства устраняет само понятие права на сопротивление. Практика правления большинства, якобы выражающая волю народа, ведет к тому, что большинство превращает все свои

предпочтения и действия в закон. Поскольку метаюридических ценностей, способных опровергнуть или хотя бы поставить под сомнение ту или иную юридическую позицию именем Бога или Разума, нет, то любое сопротивление законодательной власти может быть только нарушением закона. Поскольку за самим современным демократическим законом ничего нет, подхватывает мысль Шмитта историк Франсуа Фюрэ, то повиновение закону зависит не от содержания закона, а от чисто формальных процедур. Если при этом учесть, что любая демократическая позиция начинается с признания демократического большинства, то возникает тупик - логический, юридический и политический. Вот этот, порожденный юридическим формализмом тупик, и стремится преодолеть террорист.

Фюрэ высказал очень интересную мысль. По его мнению, отбрасывая идею фундаментального закона и формальных процедур, террорист, сам того не ведая, открывает заново общий взгляд досовременной представительности, отбрасывает абстрактную идею современного государства и восстанавливает конкретную антропоморфическую фигуру демократического суверенитета в лице политиков и функционеров, за которыми он и охотится. То есть, будучи реакцией на формирование иных, чем индустриально-производственные, структур, реакцией на картелизацию партийно-политической жизни и на вот этот формально юридический тупик, терроризм 70-х годов объективно выступал в качестве одного из факторов постмодернизации общества, разрушения характерных для модерна форм коллективной идентичности и поиска новых форм.

От левого, 'классового' итало-немецкого терроризма 1970-х отличается его 'современник' - национально(этнически)-сепаратистский терроризм ирландцев, басков и корсиканцев. Внешне кажется, что все это просто второе издание ирландского терроризма конца XIX в. На самом деле перед нами нечто иное. Если ирландцы конца XIX - начала XX в. боролись за создание самостоятельного государства, то ИРА 70-х годов XX века имела целью другое. Формально они говорили, что хотят освободиться от Великобритании, но по сути речь здесь шла об отрицании государства как такового: зачем входить в состав объединяющейся Европы в качестве элемента какой-то страны? Можно войти в него непосредственно. Та же логика движет и басками. То есть эта 'часть' политического террора и, соответственно, экстремистских движений связана уже не столько со стремлением создать свое государство, а скорее - объективно - освободиться от национального государства как неадекватного новой исторической эпохе. Получается, научно-техническая революция объединила в этно-сепаратистском терроризме 70-80-х годов (исключения в этом плане - палестинцы и курды) футуризм и архаизм. Как заметил Тойнби: футуризм и архаизм - это попытки разорвать путы настоящего через обращение к другим временным периодам, не покидая, однако, земную сферу человеческого бытия. Нередко примиряющим началом и общим знаменателем для футуризма и архаизма становится фундаментализм. Здесь мы подходим к проблеме исламского фундаментализма и того террора и терроризма, с которым мы сталкиваемся последние 15 или 20 лет, а особенно после хомейнистской революции в Иране.

IV

Если терроризм двух последних десятилетий в Европе, а особенно в исполнении басков и ирландцев, внешне (я подчеркиваю - внешне) напоминал то, что было в конце XIX в., то иранская революция и исламский фундаментализм могут показаться провалом еще глубже

в 'колодец истории', триумфом консерватизма, традиции. Однако, это ошибочное впечатление. Начать с того, что традиционализм и фундаментализм суть явления не просто различные, но противоположные. Если традиционализм направлен на подморожение общества, то фундаментализм ориентирован на возвращение к истокам, искаженным этой самой традицией. То есть он динамичен, многообразен и, по сути, революционен. И не случайно исламский фундаментализм возник как движение не безграмотных мулл, а образованной арабской молодежи, социальное положение и статус которой оказались под угрозой в результате различных 'модернизаций сверху'. Исламский фундаментализм в его экстремистских и неэкстремистских формах есть реакция на провал светских мусульманских государств и на провал стратегии национально-освободительного движения уже после того, как был обретен суверенитет, на провал попыток достойного включения в мировую систему. И поскольку светское государство провалилось, то естественно, что после таких людей, как Насер приходят такие люди, как Хомейни.

Подчеркну: исламский фундаментализм не имеет значимого отношения к архаике, прошлому; это явление обусловлено глобализацией, и не случайно многие исследователи видят в нем современную мусульманскую версию постмодернизма. За примерами далеко ходить не надо: никто иной как Мишель Фуко определил хомейнистскую революцию в Иране как первую постмодернистскую революцию нашего времени, т.е. революцию, направленную против современного государства как института. Похоже, действительно, в своих обществах исламисты быстрее других становятся людьми XXI в., - так как в России, Италии и Германии в начале XX в. первыми людьми этого века, пусть по негативу, оказались большевики, нацисты и фашисты, потому и победили.

Борьба терроризма, в том числе исламских террористов против государства как фокуса коллективной идентичности и за иной фокус, например, вместо государства - умма - мировое глобальное сообщество верующих, - по-видимому, не худший по своим возможным результатам вариант среди альтернативных nation-state форм. Нередко структуры криминалитета или террористов (на различной оргоснове) занимают место государства. И именно их конфликт как с государством, так и с негосударственными структурами называют то 'криминализацией', то 'террором'. На самом деле перед нами совершенно новая борьба эпохи глобализации за передел, приватизацию власти и ресурсов, в которой, помимо государства, участвуют иные субъекты, иные коллективные хищники, как легальные, так и внелегальные.

V

Не буду много и подробно останавливаться на том, что государство (nation-state) в условиях НТР и глобализации слабеет (даже термин такой появился - "fading away of the state", т.е. растаивание, исчезновение государства); подрывается сверху структурами типа Евросоюза; снизу - регионами, интегрирующимися в мировую экономику непосредственно; "сбоку" - ТНК.

Естественно, у государства в ядре капиталистической системы (США, Япония, ФРГ т.д.) значительно больше сил и средств противостоять этому процессу (хотя "государство США" и США-кластер ТНК суть разные вещи, и противоречий между ними хватает). На полупериферии и тем более на периферии мировой системы у государства значительно

меньше сил противостоять структурам, воплощающим глобализацию с ее триумфом времени над пространством - государствам ядра, ТНК, а также тому, что именуют "серыми зонами".

"Серая зона" (или иначе: stateless zone) - это территория, над которой государство частично или полностью утратило контроль, и последний перешел в руки кланов, племен, партизанских или сепаратистских движений, наркогруппировок и т.д. и т.п. Все эти структуры приватизировали власть, т.е. в той или иной степени денационализировали государство, противостоят ему, часто - очень успешно. Значительная часть периферии и полупериферии - это "серые зоны", и на самом деле нынешние карты не соответствуют политико-географической реальности.

VI

В такой ситуации нынешний мировой (международный) терроризм смотрелся иначе, чем терроризм 1970-1980-х годов. За тем, что мы до сих пор по привычке именуем терроризмом и что внешне действительно выглядит как терроризм, в эпоху глобализации скрывается иное содержание. Террор(изм) здесь главным образом есть более или менее политизированная форма экономической по своей сути борьбы за ресурсы и власть между государственными структурами, с одной стороны, и надгосударственными (ТНК, умма, "мафия" и т.д.) - с другой. Так, кланово-племенная и партизанская борьба партизанских движений и племен, поддерживаемых ТНК, против государств в Африке к югу от экватора прочерчивается точно по дуге "пролегания" драгоценных камней и редких металлов.

Аналогичные процессы развиваются в ряде регионов Южной Америки и Азии - там, где производят наркосырье, во всех этих "золотых" "квадратах", "треугольниках".

Ныне многие террористические организации по сути трансформировались в коммерческие предприятия, которые, благодаря массе "приватизированного насилия" выступают в качестве самостоятельного агента глобальной или макрорегиональной игры.

Пример - нынешняя ситуация в Центральной Азии. С 1860-х (по сути) до 1920-е годы в Центральной Азии шла борьба между двумя империями Российской и Британской, в которой Россия, правда уже в виде СССР, победила. Эту борьбу называли "Большой Игрой". Сегодня в Центральной Азии (и Закавказье) разворачивается Большая Игра-2, однако ее субъекты, равноправные участники - не только государства, но также ТНК, этноплеменные сообщества, кланы, криминальные структуры.

Поскольку у нас любое несанкционированное насилие, а уж тем более то, что направлено против государства, воспринимается как террор, мы и фиксируем по всему миру "вспышку терроризма (и сепаратизма)". А на самом деле перед нами конфликт государственной власти (государственно организованного конкурента в борьбе за власть и ресурсы; примеры: РФ - Чечня; Косово (читай: Албанская мафия в союзе с ЦРУ) - Югославия). Перед нами новый тип войны, войны которую я именую "пуантилистской", т.е. точечной. Неплох, по крайней мере, в качестве метафоры, и термин Месснера "мятежевойна".

VII

Современный мир прошел несколько этапов в развитии широкомасштабной войны. Первый этап - мировые войны за гегемонию внутри капиталистической системы (Англия против Франции, США против Германии). В 1993 г. по сути началась новая - глобальная - война между СССР и Западом во главе с США. То была война не просто за гегемонию в масштабах планеты, а за то, чей строй, чей социальный проект будет единственным на ней. Эта война де-факто закончилась в 1991 г. "де-юре" - в 1994, в пятидесятилетний юбилей открытия "второго фронта" выводом российских войск из Германии.

Теперь, по-видимому, мир вступает в эпоху новой - всемирной войны, ведущейся повсюду на планете за контроль над конкретными "точками роста", имеющими вес и значение в глобальной сети точек роста, в глобальном пуантилистском мире (отсюда термин - "пуантилистская война"). Для нее не нужны крупные соединения, достаточно небольших с обеих (если их две, а не более) сторон. Против небольшой, хорошо вооруженной страшным оружием группы может оказаться бессильной целая армия, государство - это примета эпохи НТР, глобализации. А потом прав ветеран американской журналистики Дж.Рестон, заметивший что 'Мы находимся... в начале (эпохи. - А.Ф.) тирании воинствующих меньшинств. Чем больше людей скапливается в городах по всему миру, тем уязвимее эти города перед лицом безответственных политических организаций'.

Пуантилистская война, внешне протекающая в виде террора, приведет к важным изменениям в организации вооруженных сил. В истории последней, в связи с техническими и социальными изменениями, чередуются природы массовых армий и небольших, типа дружин или коммандос, военных соединений. Так, в эпоху до железной революции войны, например, троянская, велись очень ограниченными контингентами. Затем, в "железную эпоху" с империями появляется массовая армия (македонская фаланга, римские легионы). Рушится римская империя, и после эпохи "великих переселений" место массовой армии занимают небольшие рыцарские отряды. С XIV в. опять начинается массовизация армии; затем военная революция XVI-XVII вв., Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. и, наконец, наполеоновские войны формируют адекватную Современности массовую армию, которая в течение двухсот столетий индустриальной эпохи и Модерна ведет боевые действия.

Но вот приходит НТР, глобализация-постиндустриализация, и мы как бы возвращаемся в эпоху до железной революции - в эпоху борьбы небольших мобильных групп, которые мы называем "команды", "спецназ" и т.п. Кстати, как и в эпоху до железной революции, в эпоху глобализации и всемирной "пуантилистской войны" в значительной степени стирается социопространственная грань между миром и войной: война идет точечно в радиусе 50-100-200 км, а за пределами "окружности" - мир (примеры: Иран, Югославия, Чечня, Заир, Колумбия и т.д.). Если учесть, что, как показывает история последних четырех столетий, именно из принципиально новых, веховых, так сказать, войн, рождается новый мир, новые структуры ("Старый Порядок" родился из "Тридцатилетней войны"; массовое общество, или общество - толпа - из наполеоновских войн; well fare state - из мировой войны 1914-1945), то логично предположить, что именно в ходе всемирной "пуантилистской войны" ("война - отец всего") возникнет то общество, которое сменит поздний, гипербуржуазный капитализм. И до тех пор, пока мы будем воспринимать эту войну как "террор(изм)", "криминализацию", т.е. некое отклонение, мы будем упускать из

виду основные конфликты уходящей эпохи и способы становления новой. Иными словами: есть терроризм и терроризм, и форма далеко не всегда совпадает с содержанием.

Выступление подготовлено на основе следующих работ А.И.Фурсова: "На закате Современности: Терроризм или всемирная война?" // Русский исторический журнал. М., 1999. Т.2, с. 3. С. 193-232; "Дни шакалов, или размышления о терроризме в контексте эпохи" // Культура. 1999. с. 47; Залив: американо-иракский конфликт 1990-1991 гг. // Арабо-мусульманский мир на пороге XXI в. М.: ИНИОН РАН, 1999. С.155-195; "Мир на рубеже столетий" // Культура, 2002. с. 8, 11; "Колокола Истории". М.: ИНИОН РАН, 1996.

ДЕМОНТАЖ КАПИТАЛИЗМА

Правящие элиты Запада уже осознают, что сохранить свои позиции в мире они могут, только покончив с капитализмом. Первой жертвой этих революционных изменений в глобальном мире станет западный средний класс

В сентябре на греческом острове Родосе прошел мировой форум «Диалог цивилизаций», организованный российским Фондом Святого апостола Андрея Первозванного, Центром национальной славы России, греческой Titan Capital Corporation и индийской Kapur Surya Foundation. Форум, на который прилетели интеллектуалы более чем из тридцати стран мира, получился сумбурным, но на редкость единодушным мероприятием. Проигнорированный американскими и британскими учеными и общественными деятелями, форум, целью которого декларировался «конструктивный диалог представителей мировых элит», превратился в монолог о губительном воздействии на мировую систему процессов глобализации и односторонних действий США, которые директор люксембургского Института международных исследований **Арман Клесс** назвал в своем эмоциональном выступлении «империей Зла». Как заявил индийский интеллектуал, бизнесмен и меценат **Джагдиш Капур**, «в настоящее время все мы находимся в плену парадигмы 'вооруженного и защищенного потребительства', одним из прочих качеств которого является оболванивание масс и маргинализация интеллектуалов».

Случайно или нет, но на форуме собрались единомышленники, которые — в отсутствие диалога с англосаксонскими исследователями — оказались в положении маргиналов и даже радикалов.

Заметим, что маргинализация научного мира становится возможной уже хотя бы в силу того, что наиболее серьезные ученые работают на стыке различных дисциплин. Ведь только находясь в подобном «пограничном состоянии», сегодня можно создать новую теорию — старыми выкладками нынешние политические, культурные, экономические и социальные процессы не объяснить. Директор Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) **Андрей Фурсов**, с которым мы познакомились на родосском форуме, работает на стыке нескольких дисциплин. Он занимается историей России и кочевых империй Евразии, философией истории и историей идеологий, прежде всего капиталистической, глобалистикой и проблемами «серых зон». Кроме того, в российской академической науке Фурсов является одним из наиболее интересных и глубоких исследователей марксизма. В результате формируется целостный комплекс, на основе которого он и разрабатывает собственную теорию и дисциплину — историю социальных систем. «Эксперт» обратился к ученому с вопросами, суть которых можно свести к одному: в каком мире нам придется жить в ближайшие двадцать-тридцать лет? Чтобы представить себе его образ, как и картину более отдаленного будущего, нам неизбежно пришлось заглянуть в прошлое.

— Будем констатировать, что прежняя мировая политическая и экономическая система если еще не сломалась, то уже находится на сломе. Маркс создавал свою теорию на похожем — переходном — этапе?

— Маркс попытался создать не альтернативную экономическую, политологическую или социальную теорию, а целостную дисциплину — общеевропейскую теорию развития системы. Он попытался преодолеть капиталоцентризм в социальной науке девятнадцатого века с ее очень четким делением на три дисциплины — экономику, социологию,

политологию. Маркс работал на входе в эпоху индустриального капитализма и уже в силу этого актуален для нас. Сейчас любой исследователь оказывается в похожей ситуации, но только на выходе из этой эпохи и на входе в новую. Скажем, у политологии для объяснения многих новых явлений нет аппарата, нет языка, которым можно было бы концептуализировать их. Политология, как и социология, отражает партийно-политическую структуру мира, которая либо отмирает, либо вообще во многих странах не существует. Это объективно сужает ее оперативное поле и возможности изучения и понимания современной истории. Социология и политология фиксируют главным образом исчезающую натуру. Поэтому не случайно на Западе сейчас начинается ренессанс Маркса. Вместе с ним начнется ренессанс социальной теории. Уйдет мода на эмпирические англосаксонские исследования. Мир уже изменился, а мы отвечаем на проблемы вчерашнего дня. На наших глазах умирает политика, а мы по-прежнему смотрим на мир сквозь ее призму.

— Кстати, об этом говорят многие философы и историки, но все же до конца не ясно, что вы имеете в виду?

— Чтобы объяснить, что такое смерть политики, надо объяснить, зачем она появилась. Политика появилась чуть позже рынка, потому что в феодализме производственные отношения были внеэкономическими. Потом возник рынок, и производственные отношения стали экономическими. Возникла проблема, как регулировать неэкономические непроизводственные отношения. Для этого и появилась политика, если понимать под ней не только борьбу за власть, а властные отношения между субъектами. Политика появляется только тогда, когда появляется индивидуальный субъект, частное лицо. Между рабом и рабовладельцем не может быть политических отношений.

Что такое частная собственность в Древнем Риме? Есть pater familias — и он распоряжается всей семейной собственностью. А нам говорят: вот в Риме была частная собственность и была государственная. Не было там частной собственности, и не было политики в нашем понимании этого слова.

Вот возьмем середину четвертого века. Черная смерть выкосила население Европы. Изменилась сделочная позиция крестьян по отношению к сеньорам. В такой ситуации сеньор постепенно превращался бы в лучшем случае в богатого крестьянина. И тогда знать поняла, что нужно усиливать центральную власть. Возникли «новые монархии», в это время Европа открывает Америку и возникает новое международное разделение труда. Идет борьба в самой Европе, религиозные войны. Капитализм и стал сначала побочным, а потом главным следствием этих процессов. Он решил проблему «сохранения элит» — девяносто процентов тех фамилий, которые были у власти в Европе в 1448 году, остались у власти в 1648 году. Между античными элитами и элитами феодального общества нет никакой преемственности — там великое переселение народов все смело. Феодализм же плавно трансформировался в капитализм. Не было никаких буржуазных революций — феодалы постепенно превратились в буржуазию. Иными словами, капитализм оказался средством отсечения от общественного пирога тех групп, которые к нему рвались. Это можно назвать мутацией. Разумеется, в реальности феномен политики сложнее, чем та схема, которую я нарисовал. Но я сознательно изобразил скелет, идею. В любом случае homo politicus возникает одновременно с homo economicus. Так вот сегодня голосование, выборы не меняют социально-экономическую ситуацию, а, следовательно, политика перестает быть регулятором социальных и экономических процессов, полем борьбы. Политика отмирает еще и потому, что уходят в прошлое государство и гражданское общество. И верхушка Запада хорошо осознала: чтобы

сохраниться у власти, нужно заканчивать с капитализмом. Должен состояться его демонтаж.

— Интересно, что в ощущении именно этих процессов на Западе вдруг заговорили о «конце истории», о «столкновении цивилизаций». В какой мере эти идеи имеют отношение к реальности в глобальном мире?

— Я считаю, что тезис о столкновении цивилизаций ложен. Цивилизации не могут сталкиваться. Книги Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» и Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» — это типичные интеллектуальные вирусы, которые отвлекают внимание от серьезных и реальных проблем. Хантингтон, безусловно, очень интересный человек. Он был еще известен во время вьетнамской войны как специалист по антипартизанской тактике. То, что именно такой специалист-практик написал внешне философскую и геополитическую книгу, означает, что на нее появился запрос времени. Но он ничего нового не придумал. Он взял тезис Хомейни о столкновении цивилизаций ислама и Запада и развернул его в другую сторону. Но тот факт, что интересы сейчас артикулируются на языке цивилизаций — это очень интересно. Почему это произошло? Потому что национальное государство слабеет. Глобализация и научно-техническая революция создали такую ситуацию, когда нажимаешь на кнопку — и капитал в виде электронного сигнала летит через пространство. Государство не контролирует рынки капиталов. В известном смысле схема Хантингтона — это попытка скрыть реальные конфликты эпохи или просто их закамуфлировать. На самом деле конфликты идут совершенно другие и касаются глобального мира. Я думаю, что более близки к истине другие исследователи.

Например, известный японский менеджер Кенити Омаэ, которого назвали Мистер Стратегия, написал две знаменитые книги — «Мир без границ» и «Упадок национального государства». Регион-экономика — это антитеза «миру-экономике» Броделя и Валлерстайна. Речь идет о феномене, когда, скажем, три города в разных странах — Пенанг (Малайзия), Медан (Индонезия) и Пхукет (Таиланд) — связаны между собой: торговые потоки идут между ними, и это своего рода островок процветания. В регион-экономике должно быть не менее пяти миллионов человек населения, иначе ее эффективность не обеспечить. Но не больше тридцати миллионов, потому что будет много бедных. Глобализация — это и есть двести-триста очень продвинутых узлов, где концентрируются современные информационные технологии, капитал. Эти узлы связаны друг с другом материально и виртуально. Все остальное исключено — отсечено.

— А вот интересно, какое вы бы дали определение глобализации?

— Глобализация — это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных (то есть «нематериальных») факторов над вещественными («материальными») капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня — пространственных, материальных, социальных. Это победа времени над пространством. И, естественно, тех, кто контролирует время и капитал, над теми, кто контролирует пространство и государственную власть. Глобализация — это еще и процесс исключения из экономических процессов восьмидесяти процентов мирового населения. Глобальный (он же «пуантилистский», точечный) мир — это система связи двадцати процентов населения планеты. Для объяснения этого явления польский социолог Зигмунд Бауман изобрел два термина — глобалы (globales) и локалы (locales). Глобалы живут в глобальном надстрановом мире, перемещаясь, например, по сети отелей Hilton в качестве бизнесменов, политиков, медиаинтеллектуалов, на худой конец, туристов.

Локалы покидают свое местожительство либо в качестве беженцев, либо в качестве мигрантов, законных (около ста миллионов) или незаконных, но в любом случае попадают из одного локуса в другой. Локализация становится обратной, темной стороной глобализации. Локальный человек останется локальным навсегда.

Еще одно следствие новой эпохи — «серые зоны». Этот термин пришел из радиоэлектроники, он обозначает часть пространства, не «просматриваемую» радиолокаторами. В «серых зонах» государство почти полностью утратило контроль, власть там приватизирована либо племенами и кланами (огромные пространства в Африке), либо преступными сообществами — чаще всего наркокартелями («золотой треугольник» на стыке Бирмы, Таиланда, Лаоса; Афганистан, Колумбия), сепаратистскими и партизанскими движениями, правыми «отрядами самообороны». «Серыми зонами» могут быть отдельные районы городов (Байшада Флуминенсе в Рио-де-Жанейро, Южный Бронкс в Нью-Йорке) — все это делает глобализирующийся мир еще менее однородным. Это не тот однородный и рационально-либеральный мир, который рисуют Жак Аттали в «Он придет» и Фрэнсис Фукуяма в «Конце истории».

— Но не возникает ли вместе с глобализацией капиталов такой феномен, как глобализация рабочей силы?

— Глобализация рабочей силы идет совсем другими темпами. Капитализм в свое время решил проблемы ее переизбытка в своем ядре, вытеснив лишних на полупериферию. Обратите внимание — волны колониальной экспансии в развитии капитализма появлялись не постоянно, а после серьезных кризисов внутри него самого. Капитализм открывал новые рынки, где можно было сбывать товары. В чем особенность первой и второй мировых войн? Это войны, в которых впервые совершенно сознательно уничтожалась инфраструктура — чтобы ее потом восстанавливать и делать на этом деньги. Если индустриализация требовала большого по численности рабочего и среднего класса, то наукоемкое постиндустриальное производство не требует этого. В начале девяностых годов у фирмы Microsoft было сорок девять филиалов, и во всех них работало шестнадцать тысяч четыреста человек. Им больше не нужно.

Капитализм сегодня стал планетарным — и кризис ему просто некуда вытеснять. Так что проблемы придется решать изнутри. Совершенно ясно, кто будет первыми жертвами: это средний класс и верхняя часть рабочего класса, то есть те социальные группы, которые были в главном выигрыше с 1945−го по 1975 год. Ситуация осложнена, как утверждает Патрик Бьюкенен, еще и борьбой внутри самой западной цивилизации между Западом и Постзападом. Речь идет о том, что в самом западном мире формируются анклавы (в США это «мексиканский» анклав, в Центральной Европе — турки, во Франции — арабы и африканцы, которые там живут уже в течение нескольких поколений). Об этом писал и Тойнби — над ним смеялись либералы и марксисты в шестидесятых-семидесятых годах. Он говорил о так называемом внутреннем пролетариате, который подрывает систему. Вот этот внутренний пролетариат есть сейчас в ядре всего западного мира. Это выходцы из Азии, Африки и Латинской Америки. Этот пролетариат не имеет тех прав, что белое население, но у него есть своя форма организации в виде религии, например ислама. Лет через пятьдесят вопрос станет очень остро: будет масса старого белого населения, а с другой стороны — масса молодого, экс-мексиканского, экс-африканского, экс-арабского населения, которое останется бедным и низкооплачиваемым. Как в такой ситуации англосаксонской, французской, немецкой верхушке сохранить свои позиции? И ведь сделать с миграцией ничего нельзя — если ее остановить сейчас, экономические последствия будут тоже катастрофическими. Тут возникает худшая из ситуаций: на социально-экономическую поляризацию накладываются не просто этнические

противоречия, а расово-этнические. Это динамит. Почему взорвалась в 1640−е годы Украина? Потому что там к экономическому гнету шляхты добавился религиозный гнет католиков. В этом смысле Европа уже прошла точку возврата — тут уже ничего не поделаешь. Белая элита правила в мире два века, и время ее уходит.

— Говоря о западном среднем классе, который больше всего пострадает, вы назвали «точкой отключения» его от «пирога» 1975 год. Почему именно это время?

— Процессы, которые пошли в то время, многие называют великим эволюционным переломом. В двадцатом веке был совершенно потрясающий период, который всех ввел в заблуждение. Это период с 1945−го по 1975 год, когда было благоприятным экономическое положение, когда Запад должен был замирять свой рабочий и средний класс, чтобы они, не дай бог, не голосовали за социалистов и коммунистов. Нужно было откупаться от них. Был СССР, который маячил рядом. Результатом социальных уступок стало так называемое wellfare state — это можно перевести как «государство всеобщего собеса». До тридцати-пятидесяти процентов доходов изымалось в виде налогов и перераспределялось. В результате возник слой, который я называю «социалистической буржуазией», и костяк среднего класса расширился за счет людей, которые не были буржуазией по источникам дохода, но могли позволить себе буржуазное потребление. Но в начале семидесятых годов все сломалось. Грянул нефтяной кризис, США отказались от золотого стандарта (девальвация), началась научно-техническая революция.
В 1975 году СССР одержал сокрушительную победу над США — на той фазе холодной войны. Америка проиграла войну во Вьетнаме, состоялось Хельсинкское совещание, на котором Запад юридически признал то, что произошло в Европе в 1945 году. Тогда же рухнул традиционный правящий слой США, который формировался на их Восточном побережье и правил сто семьдесят лет. После 1975 года все президенты США были выходцами либо с запада страны, либо с юга. А что это значит? К власти пришли те группы, которые тесно связаны с глобальной системой. Восточное побережье — это традиционно правящий класс Америки как государства. Америка после 1975 года стала «глобальной Америкой». Используя достижения НТР, Запад раскрутил процессы глобализации, одной из жертв которой стал Советский Союз. Мы привыкли говорить, что СССР потерпел поражение в холодной войне, а Америка выиграла. Но от того, что Советский Союз проиграл, строго говоря, выиграли не Соединенные Штаты, а прежде всего Япония и Германия. Америка выиграла тоже, но возникает вопрос: какая Америка? Это была уже другая страна — культурная революция изменила ее лицо до неузнаваемости.

— И вот тут интересно, как культурная революция вообще стала возможна — кто ее инициировал?

— Такой марксистский мыслитель двадцатого века, как Антонио Грамши, в тридцатых годах понял, что Запад нельзя сокрушить политическими способами, и выдвинул концепцию «культурной гегемонии». Он доказал, что буржуазия занимает свои позиции не только потому, что у нее есть дубинка в лице государства, но и с помощью культуры, которая способна навязывать культурные стереотипы другим. Поэтому Грамши заговорил о том, что победу над буржуазией нужно одержать в сфере культуры. Его идеи потом развивала франкфуртская школа в лице Маркузе, Хоркхаймера, Адорно и других. После прихода к власти Гитлера многие из них переехали в Америку. В течение пятидесятых годов они вбивали американской молодежи в голову то, что западная культура — это плохо, государство — это плохо. Индивидуализм — хорошо. Нужна контркультура.

В 1968 году все рвануло. Возникла контркультура, в которой критиковалось старое левое движение, роль государства и утверждалось, что рабочий класс свое отжил. В тех событиях очень важен был мотив индивидуальной прибыли — он реализовался в шоу-бизнесе, продаже травки, наркотиков. Прибыль эта нужна была для того, чтобы больше потреблять. Это был революционный радикальный путь для молодежи в потребительское общество. Десять лет спустя пришел Рейган с идеями неолиберализма, и они все скопом проголосовали за него. Это молодое поколение, вскормленное левой культурой, заняло политические высоты и впоследствии одержало победу над Советским Союзом, но не в классической холодной войне. Победила Америка — но не как государство, а как глобальный монстр. Это как тот самый добрый молодец, который нырнул в котел с кипящей водой и вдруг вынырнул еще лучшим. Советский Союз в лице Михаила Горбачева решил нырнуть в тот же котел — и там сварился.

— Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада» говорит, что именно это поколение губит современную Америку, губит ее христианские ценности…

— Он фиксирует то, что я называю «Глобамерика». Речь идет о поколении, которое относится к Америке не как к государству, а как к постзападному постхристианскому образованию. Мы имеем дело с Америкой как наиболее развитой частью глобального мира, где христианские ценности вовсе не доминируют, где царит мультикультурализм, где либеральные ценности доведены до предела — до самоотрицания. Какая же эта свобода, если ты не можешь высказывать свое мнение о гомосексуальности, о женском движении, о расовых проблемах? С помощью всякого рода меньшинств была сломлена традиционная мораль. То же самое происходит и с «рыночным фундаментализмом». Он доводит рынок до такой ситуации, когда тот превращается в монополию — то есть в свою противоположность.

— Из ваших слов складывается впечатление о каком-то глобальном революционном заговоре в духе конспирологии.

— Мы, безусловно, рационализируем сейчас то, что осуществляется не совсем рациональными способами. Но вы посмотрите, как рухнул Древний Рим. Были богатые, были бедные, были германцы, которым позволяли селиться на границах. Они стали заниматься земледелием, произошел демографический взрыв. Они стали давить — сначала в Риме изменилась мода и культура, Рим начал гнить изнутри, а потом эта масса его смела — начался массовый грабеж в пределах Римской империи. А элите бежать некуда. Нет такого места, где она могла бы себя чувствовать safe and secret. Это означает, что либо элите придется делиться, чего она никогда не любит делать, либо грянет серьезнейший катаклизм. Это как появление замков в поздней античности и раннем Средневековье. Но за стенами тоже не отсидишься. Иммануил Валлерстайн как-то сказал мне: «Америку где-нибудь в 2020−е годы ждет своя перестройка, но в отличие от советской она будет значительно более кровавой, потому что в ней будут замешаны расовые и этнические проблемы, которые находятся не на периферии системы, а внутри нее».

— И все-таки, что может произойти в эпоху, скажем так, «пика глобализации» с опорой любого государства — средним классом?

— Недавно на Западе появилась теория «20:80», то есть двадцать процентов богатых, восемьдесят — бедных. Никакого среднего класса. Но для Индии это будет, скажем, пять-девяносто пять, для Бразилии — три-девяносто семь. Для России это будет максимум десять-девяносто. Речь идет о тенденции к вымыванию среднего класса. А ведь еще

Тойнби в 1947 году написал: «Будущее Запада в значительной степени обусловлено судьбой его среднего класса». Его крушение приведет к крушению западных обществ. Ведь глобализация отсекает не только одни страны от других. Она рассекает целые страны, потому что можно быть частью глобального сообщества, живя в Москве, Питере или в Нижнем Новгороде. И можно жить в этом же городе, но никогда не быть частью глобального сообщества и не иметь возможности получить к нему доступ — ни в виде информации, ни в виде лекарств, ни в виде пособий. Границы между глобалами и локалами могут проходить по одной и той же лестничной клетке. Но рано или поздно эти миры столкнутся. К тому же, поскольку главными становятся информационные факторы, борьба идет именно за интеллектуальные факторы производства, а это значит, что часть интеллектуалов уйдет к «эксплуататорам», а часть — в никуда, потому что не требуется столько народа для эксплуатации. Одно из главных противоречий нового века, по-видимому, будет заключаться не во взаимоотношениях эксплуататоров и эксплуатируемых, а во взаимоотношениях эксплуататоров и эксплуатируемых с одной стороны и всеми остальными — с другой. Последние будут проситься: возьмите нас в эксплуатацию! И будут бороться за то, чтобы их эксплуатировали.

— Какие политические события новейшего времени стали или станут ключевыми в определении будущего двадцать первого века?

— Двадцатый век завершился на переломе семидесятых и восьмидесятых годов. До сих пор не оценено по достоинству значение иранской революции 1979 года. Это была первая революция, которая проходила не только не под левыми и не под марксистскими лозунгами, а вообще не под светскими. Это мартовские иды современности, иды модерна на мусульманской периферии. В 1979 году победил еще один, теперь уже рыночный фундаменталист — Маргарет Тэтчер в Великобритании.

— А еще в 1979 году СССР ввел свои войска в Афганистан, а в Саудовской Аравии восстали ваххабиты.

— Совершено верно. Есть такой термин — «каскадное событие», то есть ряд событий, которые на самом деле — единое целое. В истории было два таких периода. Я их называю «длинные двадцатые» — это 1914−1934 годы, когда была решена судьба двадцатого века. Тогда, сказал бы Фернанд Бродель, состоялась «пересдача карт истории», то есть кто ухватил козыри, тот выиграл. Менее судьбоносный, но очень насыщенный период — это «длинные пятидесятые» в девятнадцатом веке: 1848−1868 годы. Во время оформления марксизма — между «Манифестом коммунистической партии» (1848) и первым томом «Капитала» (1867) — уложилась целая эпоха, начавшаяся европейской революцией 1848 года на Дальнем Западе Евразии и окончившаяся реставрацией Мэйдзи на Дальнем Востоке. За эти двадцать лет мир изменился неузнаваемо. Возможно, такой же период — и это будет ясно лет через десять — был в 1979−2001 годах. У Юрия Трифонова есть такая фраза: «Трудно понять время, когда ты внутри него». Но я бы добавил: «Лучше всего понимать время, когда ты и вне, и внутри него». Мы сейчас оказались в очень интересной ситуации: старый мир, безусловно, рухнул. Он рухнул окончательно в 1991 году. Ушла эпоха. Новая — еще не началась. Мы еще живем в постсоветской системе — новое начнется, когда будет отброшена приставка «пост». Запад тоже живет в переходной системе — ранняя форма глобализации закончилась 11 сентября 2001 года. Сейчас формируется новая эпоха, которая еще только наполняется реальным содержанием.

— И сколько, по вашему мнению, будет длиться этот переходный этап?

— Эти процессы будут длиться еще лет десять-пятнадцать — и возникнет новый мир. Новые эпохи побеждают, когда приходят новые люди. Даже те, кому сейчас от тридцати до сорока, несут отпечаток старого времени. Это как улыбка Чеширского кота на эпохе. Когда эта улыбка исчезнет — тогда родится новый мир. Это как те ребятишки, которые бунтовали в шестидесятых и пришли к власти в конце восьмидесятых — через двадцать лет. Может, к власти пришли не те, кто курил травку, но уж точно те люди, которые были пропитаны идеями контркультуры. Мы живем в такое время, когда видим прошлое и в принципе видны некие контуры будущего. Такие периоды, выражаясь терминологией Ильи Пригожина, называются «точками бифуркации» — когда одна система подходит к кризису и у нее появляется максимум вариантов выбора в некоем широком коридоре.

— Как вы думаете, кто те главные игроки, которые попытаются «ухватить козыри при раздаче карт истории»?

— По сути в ближайшие тридцать лет будет идти схватка в основном трех корпораций: между англосаксонами, арабами и китайской верхушкой как единой с китайской диаспорой корпорацией — они и разыграют между собой будущий мир. Причем арабы выступают здесь в лице представителей так называемой диванийи, то есть глобальной корпорации, которая активно спекулирует на нуждах арабских локалов и рекрутирует их на глобальную борьбу. Схватка между верхушками может закончиться и вничью, но на них будет сильно давить местное население. Сейчас мы переживаем фантастический период в истории. Такого опасного, такого напряженного, такого интересного периода, как сейчас, — я имею в виду период 1975−2025 годов, — никогда не было. Если двадцатый век начинался под лозунгом книги Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1929), то закончился под лозунгом книги Кристофера Лэша «Восстание элит» (1996). Сейчас решается судьба западного среднего класса, капсистемы и, возможно, земной цивилизации.

ОПЕРАЦИЯ «ПРОГРЕСС»

«Последуем Христу, “прямому пути”,
и отвратимся от суетного
круговорота нечестивцев».

Бл. Августин.

«Если людоеды начинают
пользоваться ножами и вилками,
то это прогресс?»

Е. Лец.

Прогресс — это проблема, при рассуждении о которой вспоминаешь Сократа с его «я знаю, что я ничего не знаю», Лютера с тезисом о болезнетворности истины, Декарта с императивом терминологической определенности, Маркса, призывавшего во всем сомневаться, и Любищева, заметившего, что прошлое науки — это не кладбище, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей.

К вопросу о прогрессе можно подойти с разных сторон, при анализе этого явления — выбрать различные проблемы. Мой набор проблем таков: поворот от прогрессизма, произошедший в 1980–1990-е годы; прогресс как феномен (и проблема), по поводу которого конституировались великие идеологии Модерна и который обусловил само возникновение этой идеологии; соотношение прогресса с христианской «стрелой времени»; критерии (общественные) прогресса в развитии живой природы; принципы и возможности сравнения различных обществ и исторических систем по «шкале прогресса»; степень прогрессивности капитализма как системы в целом, а не только его отдельно взятого «ядра». И, наконец, марксистско-либеральная схема прогрессивного перехода (буржуазной революции) от феодализма к капитализму — этот своеобразный «момент истины» и «царь доказательств» тезиса об универсальном прогрессе в истории. Эти проблемы представляются мне логически тесно связанными друг с другом, вытекающими одна из другой и формирующими интегральное целое.

Настоящая статья — приглашение к размышлению, к тому, чтобы прогуляться по «недостроенным ансамблям» и попытаться «расшифровать смыслы» (Фуко), выступив при необходимости археологом знания, чтобы понять, имеем ли мы дело с истиной, заблуждением или сознательной социально-концептуальной (психо-исторической) фальсификацией под названием «прогресс», и если последнее верно, то — cui bono? Ограниченный объем не позволяет пройти по всем следам, но постараемся, по крайней мере, наметить возможные пути поиска и расследования.

* * *

Прогресс — одно из центральных, кодовых слов XX в. и Модерна (1789–1991 гг.) в целом. Этим словом клялись революционеры и реформаторы, под знаменем прогресса крушили империи, реформировали экономики и уничтожали целые классы («Мы снимаем людей

слоями», — гордо заявлял Каганович). Прогрессом как идеологической дубинкой размахивали марксисты и либералы, националисты и интернационалисты.

В 1945–1975 годах, которые французы называют «les trentes glorieuses» и которые совпали с «повышательной волной» кондратьевского цикла и беспрецедентным периодом экономического роста в современной (modern) истории, казалось, что чаемый прогресс, его царство вот-вот прии'дет. Мир в целом и все его «миры» — Первый, Второй и даже Третий — были на подъеме. Перед глазами людей мелькали «чудеса»: японское, итальянское, немецкое, бразильское (репетицией и прологом последнего можно считать три победы футбольной сборной этой страны в 1958, 1962 и 1970 гг.). Не подкачал и СССР, восстановивший экономику за пять лет (вместо прогнозировавшихся на Западе 20–25 лет), удививший мир водородной бомбой, атомоходом «Ленин», спутником, Гагариным и решением жилищной проблемы с помощью не осмеянных лишь ленивым «хрущевок».

Про США и говорить нечего. Это общество изобилия («Affluent society» — название книги Дж. Гэлбрейта 1958 г.) неслось в будущее под песни Фрэнка Синатры, Элвиса Пресли и «Let the good times roll» («Пусть мчатся славные времена») саксофониста Луиса Джордана.

Мировая наука и техника демонстрировали фантастические достижения: ядерная и космическая техника, кибернетика и теория информации, расшифровка структуры ДНК, трансплантация важнейших органов, вычислительная техника, прошедшая в своем развитии путь от компьютера Экерта и Маучли 1946 г. до первого персонального компьютера «Altair 8800» и лазерного принтера IBM в 1975 г. Революционно (прогрессивно!) менялся быт: микроволновки, транзисторы, видеомагнитофоны, ксерокс, кварцевые часы, штрихкод и многое другое. Казалось, еще чуть-чуть, и если не «здесь-и-сейчас», то «за ближайшим поворотом» осуществится великая мечта человечества о всемирном — «одном на всех, мы за ценой не постоим» — прогрессе. Один из бестселлеров эпохи, принадлежащий перу Ж. Фурастье, так и назывался: «Grande espoir du XX siecle». Однако «grande espoir» не осуществилась.

Первые «знаки на стене» появились в 1968 г. Это были мировые студенческие волнения. Затем последовал отказ США от бреттон-вудских соглашений и девальвация доллара, а вслед за этим — нефтяной кризис, мировая инфляция, быстро обернувшаяся стагфляцией. В 1979 г. произошла хомейнистская революция, приведшая к власти в Иране исламских фундаменталистов. В том же году фундаменталисты, но уже рыночные, пришли к власти в Великобритании, на следующий год — в США. В 1982–1983 гг. разразился долговой кризис. В 1986 г. обвалилась нью-йоркская биржа, 19 октября 1987 г. рухнул Уолл стрит (индекс Доу-Джонса упал на 508 пунктов — рекордное падение за один день). В 1989 г. по Восточной Европе прокатились антикоммунистические революции, а в 1991 г. рухнул «исторический коммунизм» и распался СССР, то есть провалился марксистский прогрессистский проект Модерна. Противники коммунизма и СССР поспешно объявили это победой либерализма — полной и окончательной (и в этом смысле «концом истории»). На самом деле это был двойной подлог — как по линии «конца истории», так и по линии либерализма. (Думаю, правы те, кто считает, что так называемый «неолиберализм» имеет минимальное отношение к либерализму. На самом деле это неоконсерватизм, «правый радикализм», отрицающий реальный либерализм и его ценности.)

XX век завершился крушением обоих прогрессистских проектов Модерна — марксистского и либерального, обеих форм универсалистской геокультуры Просвещения, по которому (я согласен с Дж. Грэем) впору справлять поминки. Впрочем, поминки по

Просвещению справляются уже с конца 1970-х годов. Словно по принципу «язычник, страдающий от язв христианства» ими стала иранская революция — первая революция XX в. в «третьем мире», состоявшаяся под религиозными, антипросвещенческими лозунгами. Затем уже пришел «неолиберализм», с его свободой без равенства и братства, — стратегия ограничения прогресса 15–20% мирового населения и отсечения от этого прогресса «остального» человечества.

Крушение СССР и то, что произошло с Российской Федерацией в 1990-х годах, стало наглядной иллюстрацией отсечения и «конца прогресса», по крайней мере, всемирного, универсального. Ну а селективный, партикуляристский прогресс — это уже не прогресс. Не случайно в эти годы одна за другой появлялись книги с названиями «The end of progress», «La fin de l'avenir». Они хорошо вписывались в общую антипрогрессистскую атмосферу, установившуюся уже в 1980-е годы. Как-то незаметно научную фантастику вытеснил жанр фэнтэзи. В самой научной фантастике собственно научный, просвещенческо-рациональный элемент уменьшился, а фэнтэзийный, то есть по сути сказочный, усилился. Достаточно взглянуть на эволюцию Пола Андерсона, Гарри Гаррисона и многих других авторов, начинавших в 1950–1960-е годы в качестве классических научных фантастов.

Фэнтэзи — это не просто ненаучная фантастика. Если science fiction — это будущее в будущем, «будущее-как-будущее», то фэнтэзи — это прошлое в будущем и как будущее. Это сказочная версия мира средневековья и древности, населенная драконами, гоблинами, эльфами, гномами, ликантропами и т.п., опрокинутая в будущее и дополненная сверхсовременной техникой. Но суть дела не меняется от того, что местом действия фэнтэзи может быть и космос, в котором летают фотонные звездолеты и совершаются «прыжки» через гиперпространство и параллельные миры. Остается главное — сказочно-мистический ход происходящих событий. И именно в пользу такого жанра склонилась чаша весов в 1980-х годах. Отсюда — фантастический рост популярности «Властелина колец» Дж. Толкина, «поттеромания», широчайшее распространение ролевых игр (прежде всего в США) типа «Башен и Драконов» («Dungeons and Dragons») и различных «Quests», мистических триллеров Ст. Кинга, Д. Кунца и др.

В последней четверти XX в. наблюдались иррационализация и религиозная синкретизация в том числе светских и марксистских идейных систем, движений. Так, перуанская «Сендеро луминосо» («Светлый путь») — марксистская организация с маоистским уклоном, созданная университетским профессором А. Гусманом, в какой-то момент начала «модифицироваться» с помощью индейского милленаризма. Лидер организации стал рассматриваться в качестве реинкарнации последнего Великого Инки, убитого испанцами в 1572 г. Исследователи также отмечают использование мифов об Ангкоре «красными кхмерами». Можно привести и другие примеры, но и этих вполне достаточно для иллюстрации общей тенденции.

Итак, похоже, что Занавес Истории опускается не только над XX веком, но и над веком или даже эпохой прогресса, если понимать под ней эпоху надежд на всемирный, универсальный прогресс для всех. Складывается впечатление, что и хозяевам современного рынка этот «пряник» больше не нужен, им достаточно «кнута» рынка. Почему же и как возникла идея прогресса, «овладевшая массами» и ставшая материальной силой последних двух столетий умирающей на наших глазах эпохи Просвещения?

* * *

Слово «прогресс» — в смысле направленного в лучшую сторону развития — используется в западноевропейских языках с начала XVII в. При этом упор делался в основном на умственный прогресс. Ясно, что сама идея прогресса как лучшего будущего в качестве необходимого, хотя и недостаточного условия требует линейного времени, возможна только в нем, а не в циклическом. Китайцы и индийцы воспринимали ход событий циклически (классика — китайская «И-цзин»), как вечное изменение, причем цикл «разматывался» в сторону ухудшения, лучшие времена, «золотой век» — позади. Первыми, у кого появилась вера в лучшее будущее, были древние евреи, однако они не связывали это будущее с нравственным совершенствованием. Такой шаг сделали христиане. На первый взгляд, они переместили «золотой век» в будущее. На самом деле проведенная ими хроноопераций была сложнее.

В западной цивилизации как творении христианского и христианизирующего исторического субъекта всегда существовали элементы, которые, в зависимости от угла зрения, могли трактоваться как качественно более древний и качественно более современный. Такая спецификация определялась наличием и взаимодействием античного и христианского (христианско-германского) начал. В христианской мысли первым носителем современности оказывается сам Иисус Христос. Жизнь Иисуса была принята в качестве даты вытеснения одновременно в священной и светской истории и Античности с ее политикой и философией, и «старого божьего промысла» — иудейских законов и Ветхого Завета.

Разделение античной древности и христианской современности стало важным элементом средневековой культуры. «Современное» в данной ситуации выступало как царство Божьей благодати и воли, а древнее — как царство закона и философии. Ни в одной из цивилизаций прошлое и настоящее (настоящее-будущее) не противопоставляются друг другу столь дихотомически, как в европейской цивилизации. Напряжение между элементами этой дихотомии, усиливающееся их противоречием как светского и религиозного, и породило в рамках христианской схемы мира понятие настоящего. В этом понятии динамика благодати, как заметил Дж. Покок, в принципе может быть продолжена в будущее, что и было при определенных условиях реализовано в идее прогресса. Поскольку такое продолжение принципиально возможно, «современный» и «древний» элементы могут поменяться местами. Так и произошло в XV–XVI вв., когда было изобретено «Средневековье» как прошлое с целью дистанцировать от него настоящее в качестве светского, нерелигиозного. В этом смысле европейское Настоящее — это прежде всего Антипрошлое, среди характеристик которого главная является негативно-функциональной. В принципе и в него можно поместить будущее, а его самого перенести в это будущее, слить с ним. Инструментальный, оперативный, функциональный характер настоящего в европейской цивилизации (даже в Средневековье настоящее было функцией Будущего и Вечности) и хронотрадиции позволяет заявлять в качестве него практически любое состояние, измерение времени. Настоящим может стать будущее или типологически прошлое. Прошлым — настоящее. И так уже бывало.

Как писал Дж. Покок, мыслители Возрождения задолго до Гиббона связали «триумф варварства» с «религией» и начали считать себя «современными» в том смысле и по той же причине, что подражали древним или даже превосходили их. Гуманисты, таким образом, произвели инверсию: если для ранних христиан их эпоха была «современной» в силу ее особой религиозности по отношению к античной древности, то гуманисты возрождение светской Античности представили как возникновение современности, противостоящей варварскому прошлому и господству религии. В результате Средневековье приобрело вид мрачного «слаборазвитого» прошлого. Мы до сих пор, к сожалению, смотрим на этот динамичнейший отрезок истории как на статичный

заинтересованным в психо-исторической фальсификации ренессансо-просвещенческим взглядом. При этом забывается, что деятели Реформации могли использовать ту же дихотомию и определять «антикизированное» христианство (или христианизированную античность) как прошлое. Собственно, Мартин Лютер и отсек это прошлое своими тезисами как социальной бритвой Оккама, не предполагая, что ввергает христианский субъект, Европу и мир в самое большое, жестокое и захватывающее социальное приключение — капитализм с его мировой, планетарной экспансией.

Прошлое в западной (христианской) традиции — это тот старый мир, от которого часто необходимо отречься, чтобы бежать в будущее — то ли к вынесенной за рамки социума Вечности, то ли к внесенному в настоящее виртуальному будущему. Таково характерное для западного человека отношение к прошлому, ограничивающее возможности манипуляций со временем, «игры» с ним и в него. Но и здесь у европейского субъекта есть контригра, есть ходы. И они тоже обусловлены логикой истории и содержанием западной цивилизации. Благодаря обладанию линейным трехмерным (прошлое — настоящее — будущее) временем, европеец любой трюк со временем, любой поворот может объявить торжеством современности как настоящего. Какой бы хроноисторический наперсток не был поднят, европейская система всегда может подложить шарик «современности», настоящего именно под него, объявив остальное архаикой, отсталой традицией. В основе этого хроноисторического «наперсточничества» лежит тот факт, что линейное время не только носит сегментарно-футуристический характер, не только неоднородно, но и этически определено и определенно, причем неравномерно. Только на такой основе и могла возникнуть идея прогресса.

В течение длительного времени — от блаженного Августина до XVII–XVIII вв. — христианская идея совершенствования, поступательного развития нравственности и ума, духа и знаний не претерпевала качественных изменений. Более того, в XVI — первой половине XVIII вв. Возрождение и Старый Порядок как кластеры нескольких альтернативных вариантов постфеодального развития (одним из них был капитализм, который во второй половине XVIII в. уничтожил или подмял под себя все остальные, превратив их в свои функции) способствовали возрождению циклических идей, особенно в Италии (Макиавелли, Вико). Однако линия «вертикального совершенствования», которую с XVII в. все чаще называли прогрессом, набирала силу. Решающей стала вторая половина XVIII в. Тюрго, Кондорсэ, Гиббон, Гердер, Кант и многие другие заговорили о совершенстве не только духовном, но и социальном; Кант вообще связывал одно с другим в единое целое.

Великая французская революция перевела вопрос о неизбежности изменения, развития вообще и прогресса в частности в практическую сферу: революция совершалась от имени прогресса и «объясняла» всем (я согласен в этом с И. Валлерстайном), что социальные и политические изменения нормальны и неизбежны. Не случайно в 1811 г. появляется термодинамика, которая стала первой наукой о сложном. Она ввела понятие необратимых процессов, зависящих от направления времени («стрела времени»).

Необратимые общественные и политические процессы конца XVIII — начала XIX вв., которые их сторонники называли прогрессивными, прогрессом, представляли собой политическую и интеллектуальную проблему, требующую реагирования. Вставал вопрос, как относиться к так называемым «прогрессивным» изменениям?

Три великие идеологии Модерна — консерватизм, либерализм, марксизм (и идеология как тримодальный феномен) возникли и оформились в XIX в. как три различных ответа-

реакции на изменение, ставшее неизбежной реальностью благодаря Великой французской революции. Таких ответов могло быть только три:

- *отрицательный*: негативное отношение к «прогрессивным изменениям» — консерватизм, то есть стратегия на торможение;
- *положительный*, акцентирующий эволюционный, постепенный характер изменений — либерализм;
- *положительный*, акцентирующий революционный, скачкообразный характер изменений — марксизм.

Таким образом, именно необратимые изменения, ставшие реальностью лишь в конце XVIII в. (Вольтер, например, о таком и не мыслил), лишили религию возможности выполнять роль средства идейной артикуляции социальных войн, как это было в XVI — первой половине XVIII вв. Эти изменения поставили на повестку дня необходимость создания принципиально иной идейной формы организации и артикуляции социальных интересов и политической борьбы — по поводу неизбежного, необратимого будущего, причем реализуемого здесь, а не за пределами земного мира, и средств достижения/обеспечения этого будущего.

* * *

Казалось бы, внешне идея прогресса представляет собой всего лишь светскую, десакрализованную версию христианской «хронолинейки». Так, например, считал Макс Вебер и не только он. На самом деле ситуация сложнее. Идея прогресса произвела серьезные изменения в христианской «хронолинейке», перестроила ее.

Мы привыкли интерпретировать идею прогресса как футуристическую, как идею, имеющую отношение исключительно к будущему. В значительной степени это психологическая ошибка или, по меньшей мере, историко-культурный самообман. По-настоящему, так сказать качественно, футуристическим, устремленным только в будущее было христианство. Футуристическим было Средневековье, которое стремилось к Будущему и в «будущее-само-по-себе». В Будущем должно было произойти второе пришествие Христа, завершавшее Время, ломавшее христианскую «линейку» и отпиравшее Врата Вечности. Будущее — это то, после чего приходит Вечность, вслед за чем она начинается. И только потому Будущее — ценность. Оно ценно своей связью с Вечностью, тем, что оно является мостом в Нее.

Идея прогресса, выдвинутая в ядре капитализма в определенный период его истории, — это не просто секуляризованная версия христианской «линейки», но нечто более хитрое, сложное и многомерное. Она возникла как результат существенного смещения — временного и ценностного.

Идея прогресса означает помещение в будущее, распространение на него модифицированного, улучшенного настоящего — настоящего современного (modern) Запада, то есть современного настоящего. Прогресс — это презентизация будущего, это будущее как улучшенное, «жюльвернизированное» настоящее, а не некое Будущее, качественно несравнимое с настоящим. Модернизация мира есть по сути его презентизация в будущем «а ля Запад». С этой точки зрения, Будущее — это уже всего лишь будущее (мира), построенное по типу Настоящего (господствующих групп Европы); это — функциональное продолжение настоящего. Прогресс — это настоящее-в-будущем, настоящее, продленное в будущее и слитое с ним. Прогресс — это по сути уничтожение Будущего как особого качества, превращение его в настоящее, низведение Будущего до

будущего. Это разрушение моста из Времени в Вечность. Прогресс — это историческая и метафизическая диверсия, взрыв единственного моста в Вечность, уничтожение Великой Христианской Мечты. Но не только. Прогресс — это и Вечность во Времени, Вечность, перенесенная во время посредством вечности настоящего-в-будущем.

В упрощенческой интерпретации идеи прогресса — лишь как секуляризации христианских представлений о Будущем — упускается из виду и девальвация Будущего, и поворот от него к Настоящему (в Прошлое), которые имманентны идее прогресса, встроены в нее, и разрыв связи между Будущим и Вечностью, Временем и Вечностью, и подмена будущим (в виде усовершенствованного настоящего) Вечности, то есть Временем — Вечности, а следовательно, полное вынесение Вечности за пределы социального времени. Идея прогресса — это прощание Запада с Вечностью и начало пути из Будущего-будущего в Настоящее-будущее, а затем — и в прошлое-как-настоящее.

Выдвинув в XIX в. идею прогресса, капитализм по сути впервые в истории христианства и западной цивилизации перенаправил время из будущего в настоящее, иными словами, перевел стрелки назад, по направлению в прошлое и создал настоящее-в-будущем. Было ли это нарушением логики развития европейской цивилизации, христианского исторического субъекта? И да, и нет. Да — при поверхностном взгляде. Нет — при более глубоком. Античность как «дозападное бытие Запада» демонстрировала наличие как циклического, так и линейного времени; последнее, однако, не было значимым. В раннем христианстве поздней Античности и христианстве Средневековья акцентировалось линейное время, обращенное в Будущее. Капитализм, сохранив «линейку», «стрелу времени», презентизировал, «онастоящил» ее.

Линейное время не есть синоним времени футуристического, то есть обращенного в будущее: всякое футуристическое время есть линейное, но не всякое линейное время есть футуристическое. Физически, исторически объекты, системы, отношения развиваются из прошлого в будущее. Однако культурно-историческое, социокультурное направление развития, направление исторического, а не «физического» («физикалистского») времени зависит от историко-культурной интерпретации его нахождения в момент старта, в момент социокультурного «Большого взрыва».

«Большим взрывом» христиан(ства) было рождение Христа. Единственным настоящим, положительно окрашенным ценностно, было Будущее, приближавшее к Божественному, к Вечному; будущее как Будущее, а не как хронотара, куда можно загрузить подновленное настоящее. Настоящее — это вообще миг, главное — Вечность, а Будущее — порог к нему. Будущее качественно отличалось от настоящего тем, что исчерпывало Время, уничтожало его, позволяло выйти за его пределы — в Вечность. Два пришествия Христа, то есть по сути он сам, замыкали Время, сворачивали христианскую «линейку» в «рулон», с которым Христос, как Терминатор Времени, отправлялся в Вечность. Будущее подводило итог историческому времени и в то же время оказывалось Истинным Началом пути в Вечность. И концом Времени. Главное в Будущем то, что это конец Времени, конец Царства Кесаря и начало царства Божия, «Начало Вечности». Причем конец этот — не «рай на земле», как в идее прогресса, а катастрофа, конец света, гибель мира по «сценарию» Иоанна Богослова и Страшный Суд. Так сказать, сквозь тернии к звездам, сквозь терновый венец — к святости. В этом смысле Будущее не является носителем положительных субстанциональных характеристик, таковые — отрицательны. Положительные характеристики Будущего — функциональны, поскольку приближают Царство Божие. В прогрессе будущее как усовершенствованное настоящее самоценно. Эта хрономанипуляция XIX в. по-своему не менее значима, чем переход от античной хроносистемы к христианской.

В XIX в. идея прогресса как типа общественного развития довольно быстро развивалась, приобретала различные формы. Так, гегелевская философия истории стала философией истории прогрессивных форм и стадий развития духа. Маркс заменил «духовные стадии» материальными — социально-экономическими формациями, которые советский (сталинский) марксизм выстроил в пятичленку «первобытное общество — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм», с обязательным прохождением почти всеми народами почти всех стадий. Исследователи, изучавшие хозяйство, выстраивали схему «дикость — варварство — цивилизация». Либеральные историки создавали свои теории: в XX в. это была схема «племенное общество — традиционное общество — современное общество».

В начале XX в. окончательно оформились два универсалистско-прогрессистских проекта — либеральный и коммунистический, а в конце века они оба рухнули. Терминатором обоих выступил «неолиберализм» («правый радикализм»), точнее, те социальные силы, орудиями которых он был. Они обрушили как на СССР, так и на западные «welfare state», рабочий и средний классы «Франкенштейна глобализации», глобального рынка капиталов, мира свободы без равенства, похоронившего идею универсального прогресса, а вместе с ним и феномен идеологии. Ведь последняя возникла как реакция на всемирный инклюзивный прогресс. Селективный эксклюзивный «прогресс для избранных» потребует иной, чем идеология и христианская религия, формы самовыражения и самообоснования. Какой? Об этом можно только гадать. Скорее всего, это будет та или иная форма (нео)язычества, фиксирующая коллективизм, партикуляризм (исключение), иерархию и отрицающая «свободу, равенство, братство» и демократические институты и ценности. Но это отдельная тема. Вернемся к прогрессу.

Что же получается? Выходит, двести лет люди жили фикцией, которую к тому же распространили на историю общества и живую природу, выстроив целую иерархию? Нельзя сказать, что сторонники теорий прогресса, не говоря уже о критиках, не видели в них серьезных проблем и уязвимых мест. Даже представители официальной марксистской науки делали немало оговорок. Так, в пятитомной советской «Философской энциклопедии», в статье «Прогресс», подчеркивается, что прогресс тесно связан с регрессом (цитата из Энгельса); что универсальных критериев прогресса не существует, в каждой области свои критерии; что (ссылка на Маркса) к прогрессу следует подходить не абстрактно, а конкретно-исторически, со скачками как вперед, так и назад; что критерий общественного прогресса следует искать в материальной основе общества, в (ссылка на Ленина) развитии производительных сил — в совершенствовании средств и организации труда, в контроле над стихийными силами природы.

В западной (либеральной) науке в качестве критериев прогресса выдвигались накопление знаний, рационализация жизни различных сфер общества, индустриализация, урбанизация. Пиком «наивного прогрессизма» стала середина XIX в. Уже в конце XIX в. социальная и интеллектуальная атмосфера изменилась. (Достаточно сравнить четыре «главных» романа Жюля Верна, написанные им в середине 1870-х годов, с четырьмя «главными» романами Герберта Уэллса, написанными в середине 1890-х годов.) В последней четверти XIX — начале XX вв. идея прогресса начинает подвергаться критике. Теннис в Германии, Леонтьев и Данилевский в России, Сорель во Франции — вот лишь несколько имен критиков. Позднее, во второй половине мировой смуты 1871–1945 гг., им на смену придут Шпенглер, Сорокин, Эвола, Тойнби и др. Однако, как только наступило «славное тридцатилетие», критики прогресса и неоциклисты стали объектом снисходительных улыбок со стороны капиталистической и социалистической буржуазий, комбинировавших «принцип Кандида» с «принципом Сидония Аполлинария» и не

желавших знать, что даже среднесрочный экономический рост, не говоря о долгосрочной истории, носит циклический характер.

Колокол тревоги зазвонил в конце 1960-х годов — в докладах Римскому клубу и рекомендациях «нулевого роста». (Здесь я оставляю в стороне вопрос о том, в какой степени эти доклады носили действительно научный характер, а в какой были началом большой политической игры, интеллектуальной артподготовки деятельности Трехсторонней комиссии и ряда других организаций, которые резко активизировались после фактического поражения США в 1975 г. в классической фазе «холодной войны».) Ну а о том, что произошло в 1980–1990-е годы с «реальным» прогрессом и идеей прогресса, мы уже знаем.

* * *

Если в середине XIX в. представления о прогрессивном и рационально-упорядоченном развитии общества были перенесены на природу, то в конце XX в. сомнения в общественном прогрессе тоже не замедлили сказаться на представлениях о развитии живой и неживой природы, математики. Это нашло отражение в теории диссипативных структур И. Пригожина с ее акцентом не на равновесие, а на флуктуации (равновесие — лишь относительно краткий миг между двумя флуктуациями), в так называемых «chaos studies» и «complexity studies» (наука о сложном), во фрактальной геометрии Б. Мандлбро, а также в замене терминов «точные» и «неточные» науки на «жесткие» и «мягкие». Заговорили и об отсутствии прогресса в развитии живой природы, по крайней мере, его реальных критериев.

Вообще-то прогресс живой природы «а ля Дарвин» с самого начала находился под огнем критики (наиболее активными были русские — Данилевский и Кропоткин). Да и сам Дарвин в своих выводах никогда не шел столь далеко, как иные неистовые ревнители его теории (в этом смысле Дарвин, как и Маркс, заявивший, что он не марксист, мог бы сказать: «я не дарвинист»). В любом случае, создать цельную теорию прогрессивной биологической эволюции у биологов не получилось. Попытка взаимно адаптировать дарвинизм и генетику, носившая во многом механический характер, привела к компромиссу — оформлению в 1940-е годы синтетической теории эволюции (СТЭ). Эта теория до сих пор не дала ответа на вопрос, как и почему на основе принципа «survival of the fittest» (у нас распространен неточный перевод «fittest» как «сильнейший») вообще возможна эволюция, причем постоянно ускоряющаяся, то есть внешне направленная. Попытки оспорить дарвиновский прогрессистский вариант эволюции с позиций номогенеза (Л. Берг, А. Любищев и др.) не смогли стать полноценной альтернативой СТЭ.

Но, действительно, есть ли реальные критерии прогресса в живой природе или ситуация безнадежна? Думаю, все же есть. Природа вообще и живая в частности — более легкий случай для обнаружения таких критериев, чем общество, в том числе потому, что, как говорил Эйнштейн, природа коварна, но не злонамеренна, она сознательно не врет исследователю, у ней нет социального интереса, «модифицирующего» знание. Критерии прогресса живого — цефализация (усложнение нервной организации, то есть формирование все более полных и тонких моделей окружающего мира) и обусловленное ею общее и по частям усложнение организма; уменьшение зависимости от среды (адаптация к изменениям не путем изменения органов, а посредством трансформации старых и формирования новых навыков и фиксированных действий); индивидуализация; дифференциация. В основе всех этих критериев и тенденций лежит увеличение информационно-энергетического потенциала при сохранении или уменьшении вещественной массы носителя. Это что касается качественных показателей. К

количественным относятся рост численности данного вида, территориальная (ареальная) экспансия и внутривидовая дифференциация.

Одним из важнейших прогрессивных информационных сдвигов, по сути информационно-биологической революцией, стало увеличение у рептилий количества информации, содержащейся в мозгу, по отношению к информации, содержащейся в генах. У нас часто с иронией говорят о динозаврах, относящихся к рептилиям, как о чем-то гигантском, но глупом. На самом деле динозавры были самыми умными, информационно насыщенными существами своей эпохи и, к тому же, далеко не все они были гигантскими. Чтобы успешно конкурировать с рептилиями и прежде всего с динозаврами, млекопитающим понадобилось выработать три мощнейших эволюционных вида «оружия»: лимбический мозг, то есть более высокоразвитую форму организации информации и ее вещественного носителя, теплую кровь (энергию) и короткий сон. Этот «триумвират», сформировавшийся в ходе ароморфоза млекопитающих, сделал их хозяевами кайнозоя, а в перспективе позволил с помощью неокортекса, коллективного сознания / организации и речи, «выдвинуть из своей среды» Homo.

Разумеется, чисто эволюционное развитие в истории живой природы увидеть нельзя. Во-первых, в истории Земли было пять великих вымираний — геобиокатастрофы позднего ордовика (440 млн. лет назад), девона (355 млн. лет назад), перми (248 млн. лет назад — самое широкомасштабное), позднего триаса (206 млн. лет назад — динозавры сменили текодонтов) и мела (65 млн. лет назад — самое известное, связанное с вымиранием динозавров). Если бы не катастрофы и вымирания (своеобразные революции), трудно сказать, как бы протекала эволюция.

Во-вторых, у современной науки, аналитической по своей сути, нет средств для адекватного понятийно-теоретического воспроизведения генезиса, появления того или иного феномена, той или иной системы. Наука до сих пор толком не объяснила возникновение Вселенной, жизни и человека. Да и с «возникновениями» на уровень ниже тоже имеются проблемы, будь то кембрийский биологический взрыв, появление кроманьонца или генезис капитализма. Ни одна система не образуется на собственной системной основе, у нее — антисистемные предпосылки, которые невозможно не только анализировать, но и разглядеть на языке предшествующей системы. В этом плане весьма показателен провал попытки великого физика Э. Шредингера объяснить, что такое жизнь и как она возникла, не прибегая к биологии, только на основе физики и химии. Получается, что прогресс осуществляется в рамках некой целостности, и это можно объяснить, а вот переход к другой целостности как прогресс объяснить уже труднее. Однако в любом случае в развитии живой природы, в сравнении форм живого вполне можно зафиксировать определенные критерии прогрессаорм. Сложнее в этом плане обстоит дело с социальной природой, человечеством, земной цивилизацией, с обществом и его различными формами — «историческими системами», «формациями», «цивилизациями».

А нельзя ли перенести сюда, в сферу социального, земной цивилизации, различных ее исторических систем, те критерии и принципы, которые работают для живой природы? Ведь они носят общесистемный характер. В самом общем плане это действительно можно сделать. По крайней мере, информационно-энергетический потенциал активно использовался в дискуссиях о земной и внеземных цивилизациях на бюраканских конференциях, в исследованиях, посвященных проблеме CETI и т.д. Например, сравнивая уровень развития (прогрессивность) гипотетически существующих внеземных цивилизаций, Н. Кардашев четко разделил их на три типа по такому критерию, как энергетический потенциал — ежесекундное потребление энергии порядка 1020 эрг,

4·1033 эрг и 4·1044 эрг. Аналогичные мысли высказывал С. Лем в своих сочинениях «Сумма технологии», «Фантастика и футурология» и др. Именно энерго-информационный потенциал определяет возможности технического развития — вплоть до астроинженерной деятельности. Впрочем, в этих дискуссиях прозвучал и votum separatum — о возможности не технического, а биологического развития цивилизации, то есть принципиально иной, нетехнической Игры Общества с Природой. В таком случае уровни развития, равно как и степени прогрессивности, оценивать и сравнивать уже сложнее. С этим мы и переходим к проблеме прогресса в оценке различных исторических систем (структур производства/присвоения, цивилизаций, формаций).

На первый взгляд, несложно сравнивать на предмет прогрессивности земледельческие (аграрные) и доземледельческие (собиратели, высокоспециализированные охотники, рыболовы и кочевники-скотоводы в качестве особого случая), с одной стороны, и индустриальные и доиндустриальные (аграрные, кочевые и присваивающие) общества, иначе говоря, капиталистические и докапиталистические социумы, с другой. Здесь с определенным допущением можно утверждать, что все более или менее ясно. Впрочем, есть и проблемы.

* * *

Первая из этих проблем заключается в том, что техническое развитие не является ни причиной, ни основой самого себя. Напротив, оно есть следствие развития совершенно определенного класса социальных систем, определенной цивилизации — западной. Это отличает последнюю как от другой европейской цивилизации — античной, так и от наиболее развитых азиатских. Западная цивилизация уже на своей ранней стадии, в эпоху феодализма, демонстрировала такие темпы технического развития, которые не имели аналогов в тогдашнем мире. Об этом свидетельствуют сельскохозяйственная революция VII–VIII вв. и первая промышленная революция XI–XIII вв. Ну а капитализм после промышленной революции просто создал техническую цивилизацию. Однако сам он возник на доиндустриальной, аграрной основе и первые два столетия развивался как одно из доиндустриальных, аграрных обществ. Как заметил Д. Норт, если бы древний грек попал в Европу 1750 г., то за исключением огнестрельного оружия и кое-каких «мелочей» мир в целом показался бы ему знакомым. В 1850 г. перед ним предстал бы совершенно незнакомый и непонятный мир. И не только из-за фабрик и индустриализации производства, а из-за того, что индустриализация начала качественно менять быт, повседневную жизнь.

Раннекапиталистическая Европа, Европа Старого Порядка вовсе не была самым успешным обществом своей эпохи. Как заметил один известный специалист по экономической истории, если бы история остановилась в 1820 г., то единственное экономическое чудо, которое знал бы мир, было восточно-азиатским, точнее, китайским, поскольку Япония до ее «открытия» Западом никаких чудес не демонстрировала. Причем оно насчитывало бы как минимум три столетия. А если бы, добавим, история остановилась в 1750 г., то еще одним экономическим чудом в памяти остался бы аль-Хинд — индо-океанский (по дуге от Восточной Африки до Зондских островов) макрорегион обмена и производства, в который португальцы, голландцы и англичане (до битвы при Плесси в 1757 г.) встраивались в качестве одного из игроков.

Техника — элемент системы, целого, следствие определенных цивилизационных черт, даже определенной социальной структуры. Потребность ее возникновения и развития определяется этим целым, а не наоборот. Разумеется, роль, значение и степень автономии технической сферы на Западе возрастали со времен феодализма. Но только

промышленная революция, возникновение индустриальной системы производительных сил и ее инфраструктуры 150 лет назад сделали технику действительно автономной сферой, подсистемой общества. Логика и потребности западной цивилизации обусловили на определенной, причем довольно поздней стадии развития технический спурт, и потому сравнение исторических систем по техническому уровню имеет ограниченный характер: западная цивилизация — это не только техника, но и *нечто другое*. Именно это «другое» породило эту технику, с этим дотехническим «другим» и надо сравнивать неевропейские социумы.

Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что если в развитии западного социогенотипа, в его Игре с Природой развитие техники было необходимо, то в Игре других социогенотипов (цивилизаций), будь то майя или инки, древние египтяне или вавилоняне, индийцы или китайцы, оно было бесполезно. Незападные народы решали свои проблемы, воспроизводили свои социумы при минимальном техническом воздействии на природу. Или, скажем так: после железной революции IX–VIII вв. до н.э. азиатские и североафриканские общества, не говоря об иных неевропейских обществах, не пережили более никаких революций ни в производстве (технике), ни в социальном строе. В Европе же произошли полисная, сеньориальная, коммунальная, великая капиталистическая (1517–1648 гг.) революции.

Но при этом, благодаря тому соотношению искусственных и естественных производительных сил, наиболее развитые азиатские общества, такие как Индия, Китай, вплоть до конца XVIII в. выглядели более успешно, чем античная и Западная «Европы» (имеется в виду сравнение по таким показателям, как демографический потенциал, валовый продукт, торговля, роль денег и торгового капитала, уровень ремесленного мастерства, размеры городских агломераций).

В то же время доиндустриальная Европа, хотя и делала качественные рывки, неизвестные Востоку, вплоть до XVIII в. развивалась вполне циклически. Правда, этот цикл был не круговым, а линейно-возвратным (прогресс — регресс). Так, уровня сельскохозяйственного производства I–II вв. н.э. (эпоха Антонинов) Западная Европа достигла — после тысячелетнего провала — лишь в XI–XII вв. Затем был новый провал XIV–XVI вв., и уровень II и XII вв. был достигнут лишь в начале XVIII в.

Мы оказываемся в еще более сложной ситуации при сравнении наиболее развитых «докапиталистических» социумов между собой. Дело в том, что в «докапиталистических» обществах природные производительные силы играют решающую роль по отношению к искусственным, к технике, а живой труд — по отношению к овеществленному. Социумы, цивилизации встроены в свою природную среду, образуя единый социоприродный комплекс. И сравнивать надо не технические элементы комплексов, а сами комплексы. В этом случае вообще невозможна абсолютная оценка, поскольку техника, овеществленный труд не являются здесь системообразующими компонентами, как при капитализме. Возможна лишь оценка относительная, фиксирующая соотношение природных и искусственных (овеществленных) факторов труда. Последнее проявляется в соотношении коллективной и индивидуальной форм живого труда: чем больше роль искусственных факторов производства, тем большее значение имеют индивидуальные формы труда, тем свободнее индивид от коллектива в системе социальных производительных сил.

Однако, даже придя к такому выводу — об изменении соотношения искусственных и естественных факторов производства в пользу первых и отражении этих изменений в соотношении индивида и коллектива, мы можем распространять его только на Европу, на цепочку «рабовладение — феодализм» (Античность — Средневековье). А вот

использование этой схемы при сравнении европейских и азиатских (неевропейских) форм, с одной стороны, и внутриазиатских (неевропейских), с другой, крайне сомнительно. Как сравнивать между собой китайскую, индийскую и исламскую цивилизации по «шкале прогресса»? С точки зрения абсолютного вещественно-энергетического потенциала и возможностей *количественного* развития, сравнение Китая и Индии с Античностью и феодализмом будет в пользу Востока. По линии соотношения природных и искусственных сил производства, выражающемся в степени свободы индивида от коллектива (индивидуализация и дифференциация), а следовательно, по потенциалу *качественного* развития, выхода за собственные рамки, усложнения (прогресса) сравнение будет в пользу Античности и особенно феодализма. В принципе конструкции последнего была заложена возможность перехода к капитализму в качестве способа решения внутрисистемных противоречий.

Западная цивилизация решала свои проблемы, переходя от одного хрупкого равновесия с природой к другому. Из 2 800 лет европейской истории 25–35% приходится на революционно-промежуточные эпохи, эпохи флуктуаций. Но, конечно, европейская история не была столь флуктуационной, как русская, которая представляет собой практически полный антипод восточной. Поэтому Европа выступает в качестве «золотой середины» между Россией и Востоком. Азиатские цивилизации решали свои проблемы на основе сохранения одного и того же равновесия. Столь разные стратегии вообще трудно сравнивать по навязанной миру европейцами «шкале прогресса». Эталоном прогресса был провозглашен европейский meum, превращенный в универсальный verum. С XIX в. этот verum был подкреплен капитализмом, индустриальной техникой и обеспеченными ими уровнями благосостояния, образования, науки. Большая прогрессивность индустриальной капиталистической системы по сравнению со всем, что предшествовало ей в Европе, и со всем, что существовало одновременно с ней вне Европы, кажется очевидной. Здесь и накопленное материальное богатство, и фантастическая техника (станки, автомобили, ракеты, ТВ, компьютеры), расцвет науки, достижения медицины и многое-многое другое. Разве это не так?

Не так, утверждает И. Валлерстайн, отец-основатель школы мир-системного анализа. «Это просто неправда, что капитализм как историческая система представлял собой прогресс по сравнению с различными предыдущими историческими системами, которые он уничтожил или трансформировал», — пишет он в своей работе «Исторический капитализм». «Даже когда я пишу это, — продолжает автор, — я чувствую дрожь, которая связана с осознанием богохульства. Я боюсь гнева богов, так как меня выковали в той же идеологической кузнице, что и всех моих товарищей, и я поклонялся тем же святыням, что и они».

Валлерстайн считает, что критерии прогресса носят односторонний характер. Так, мы никогда не задумывались над тем, сколько знаний потеряли в ходе интеллектуальной «зачистки», проведенной идеологами универсализма. Растущее беспокойство по поводу качества социальной жизни (аномия, отчуждение, рост психических заболеваний) — это тоже «достижение капитализма». Господство над силами природы? Да, на одном уровне. На другом — угроза глобальной экологической катастрофы. Условия жизни рабочего класса? Условия жизни промышленного рабочего в ядре системы действительно улучшались вплоть до начала 1980-х годов. Но промышленные рабочие — меньшинство мировой наемной рабочей силы. Подавляющее большинство живет в сельской местности и в городских трущобах полупериферии и периферии, живет хуже, чем их предки 500 лет назад. Большая часть мирового населения работает интенсивнее и подвергается большей эксплуатации.

Все рассуждения о прогрессе, который наблюдается в эпоху капитализма, на самом деле подтверждаются только на примере 15–25% мирового населения ядра и его анклавов на периферии. 75–85% населения исключены из этого прогресса, что представляет собой имманентную черту капиталистической системы как игры с нулевой суммой: прогресс меньшинства осуществляется за счет большинства и в ущерб ему. Все это не значит, что иные чем капитализм системы были лучше. Хороших систем не бывает. Дело в другом: универсальный (для всех) прогресс при капитализме является мифом. *Прогресс капитализма — это прогресс для меньшинства*, *представляемый как материальный и духовный прогресс для всех или длябольшинства*. В зависимости от конкретного периода истории мировой экономики это меньшинство может составлять от 15% до 25%.

Все системы основаны на иерархии и привилегиях. Свои иерархии и привилегии буржуазия ядра объявила лучшими и попыталась обосновать это научно и идеологически с помощью понятия «прогресс». Научная истинность играет в этом, по существу, идеологическом обосновании огромную, если не решающую роль, поскольку в соответствии с обеими положительными прогрессистскими идеологиями наука работает с объективными, то есть находящимися вне поля социальных интересов, истинами. На самом деле это не так. Наряду с рациональным познанием объективной истины наука и научная культура выполняют социальную функцию. Наука, в том числе наука об обществе, есть функциональный элемент капиталистической системы, она работает на ее укрепление, на рационализацию и теоретическое обоснование господства привилегированных групп. Кому-то такой язык и такие формулировки покажутся марксистскими, левыми. Но это не марксизм, а реальность. Не согласны? Попробуйте оспорить. А пока — в завершение этого сюжета — цитата из Валлерстайна.

Научная культура «представляла собой нечто большее, чем простая рационализация. Она была формой социализации различных элементов, выступавших в качестве кадров всех необходимых капитализму институциональных структур. В качестве общего и единого языка кадров, но не трудящихся, она стала также средством классового сплочения высшего слоя, ограничивая перспективы или степень бунтовщической деятельности со стороны кадров, которые могли бы поддаться этому соблазну. Более того, это был гибкий механизм воспроизводства указанных кадров. Научная культура поставила себя на службу концепции, известной сегодня как “меритократия”, а раньше — как “la carriire ouverte aux talents”. Эта культура создала структуру, внутри которой индивидуальная мобильность была возможной, но так, чтобы не представляла угрозу для иерархического распределения рабочей силы. Напротив, меритократия усилила иерархию. Наконец, меритократия как процесс (operation) и научная культура как идеология создали завесу, мешающую постижению реального функционирования исторического капитализма».

Миф об универсальном прогрессе , связанном с капитализмом, о прогрессивном, революционном переходе от феодализма к капитализму, о развитии производства как предпосылке этого перехода, о буржуазных революциях как его средстве суть именно такие завесы, будь то в марксистской или либеральной формах. (В данном случае они во многом схожи, поскольку, к сожалению, Маркс некритически заимствовал у либерализма идеи эволюционного развития и буржуазной революции, встроив в свою теорию идейно-теоретического «троянского коня».) Рассмотрим этот миф подробнее, тем более, что многие его элементы используются сегодня для обоснования прогрессивности «прекрасного нового мира» глобализации.

*** * ***

Вначале несколько слов о марксовой (и марксистской) схеме прогрессивного перехода от феодализма к капитализму, от одной формации к другой. Согласно Марксу этот переход происходил тогда, когда производственные отношения перерастали старые производительные силы и требовали для своего нормального функционирования адекватных им новых производственных отношений, новой социально-экономической формации. Революция и была средством установления этого соответствия. Если бы Маркс был прав, то уровень развития производительных сил раннего капитализма должен был превосходить соответствующий уровень позднего феодализма, а уровень развития производительных сил раннего феодализма — соответствующий уровень позднего рабовладения. В исторической реальности дело обстоит прямо противоположным образом.

Раннефеодальное общество демонстрирует очевидный упадок по сравнению с позднеантичным в плане развития производительных сил, торговли. Уровень сельского хозяйства II в. н.э. был достигнут лишь спустя почти тысячу лет. То же самое — с поздним феодализмом и ранним капитализмом. Уровень сельского хозяйства XII–XIII вв., как показал Э. Леруа Ладюри, был восстановлен лишь на рубеже XVII–XVIII вв. Производительность первых мануфактур была ниже, чем у цехового ремесла. Не обострением системообразующего противоречия (у Маркса — между производительными силами и производственными отношениями) следует объяснять кризис и конец систем, а, напротив, выработанностью, затуханием такого противоречия.

Как правило, появляющиеся принципиально новые формы — социальные, биологические, технические или научно-теоретические — сначала уступают, и порой весьма серьезно, существующим. Первые автомобили уступали в скорости лошадям, первые мануфактуры — цехам, а предки людей — многим представителям животного мира. Однако в принципе конструкции автомобиля, в его идее был заключен такой потенциал развития, которого не было у лошади. Это и есть потенциал прогрессивного развития системы. Однако вначале он существует лишь как принцип конструкции, а не как вещество или уже установившаяся система. В вещественном и системном плане новая форма — это регресс. Причем, как правило, вынужденный, не от хорошей жизни, реакция на кризис.

Как заметил еще в 1970 г. А. Гуревич, причины перехода к феодализму в Западной Европе лежат не в качественных сдвигах в области производства, а в кризисе социального строя варваров, обусловленном столкновением с римским социальным строем. Феодализм стал одной из попыток, причем успешной, вырваться из социального ада. «Можно ли выйти из ада? Иногда да, но никогда в одиночку, никогда без того, чтобы принять жесткую зависимость от другого человека. Необходимо присоединиться к той или иной общественной организации… или создать таковую — с ее собственными законами, [создать как по сути] контробщество», — писал Ф. Бродель. (Речь шла о том, как в XV–XVIII вв. спасались из социального ада, из точки бифуркации кризиса позднего феодализма, из постфеодализма группы и индивиды.) Действительно, в той ветви макроисторического развития — европейской, субъектной, где происходила постоянная смена одной системы другой (социосистемная трансгрессия) в форме великой социальной революции, новое общество или его прообраз, будь то предполис, раннехристианская община, братство по оружию или ранняя мануфактура, являлось *регрессивным* по такому показателю, как развитие материальных производительных сил. *Прогрессивными* были рекомбинация элементов социальной структуры и возникновение нового исторического субъекта, нового типа человека и его организации, создававшего новую систему. Именно так — от субъекта к системе, а не наоборот: непосредственной филиации одной системы из другой не бывает.

Таким образом, любой системный сдвиг включает *регресс* (в большей степени) и *прогресс* (в меньшей степени). Прогресс и регресс суть различные аспекты *трансгресса*. Запомним этот термин, который нейтрально фиксирует факт системного сдвига, его, как сказал бы Гегель, «чистое бытие». Именно трансгресс обычно пытаются выдать за прогресс и тем самым доказать, что смена одного социального порядка на другой есть законный и оправданный переход на более высокую ступень развития и что от нее выигрывает большинство. На самом деле от изменения социального порядка выигрывает лишь определенное меньшинство.

Классический пример подобной операции — *интерпретация возникновения капитализма*. На ней следует остановиться подробнее, поскольку именно здесь сокрыты если не все, то многие секреты и тайны капитализма, в том числе и секрет его «кощеевой смерти». Итак, какую картинку эпохи XV–XVII вв. рисовали с середины XIX в. марксисты и либералы?

Жили-были злые сеньоры, ленивые монахи, угнетенные крестьяне и предприимчивые бюргеры — купцы и ремесленники. Жили они в мрачном средневековом обществе с натуральной экономикой, господством церкви, в почти полном невежестве. Но вот на их счастье какая-то продвинутая часть бюргеров (будущая буржуазия) поднялась на борьбу против существующего строя и католической церкви. Сначала она возродила античность, затем — раннее христианство. В ходе буржуазных революций она, иногда в союзе с монархией, а часто даже в борьбе с нею, одержала верх над феодалами и создала капитализм — строй намного более прогрессивный, чем феодализм.

Здесь почти все неправда и фальсификация. Феодальное общество, разумеется, не было идеальным. Однако оно вовсе не было обществом застойным. Исследования последних 30–40 лет, посвященные Средневековью, опровергают трактовку феодального общества как периода торжества натурального сектора и представляют совсем иную картину эпохи, чем та, к которой приучили нас учебники. Наиболее сжато эту альтернативную картину воспроизводит в своих работах Валлерстайн.

В начале XIV в. Западная Европа достигла экономического плато в своем развитии. «Черная смерть» еще более усугубила ситуацию, усилив сделочную позицию крестьянина и горожанина по отношению к сеньору. Попытка сеньоров повернуть эту тенденцию вспять привела к антифеодальной революции 1380–1382 гг., которую марксисты и либералы, признающие лишь буржуазные и социалистические революции, разделили на три различных восстания — Уота Тайлера, «белых колпаков» и «чомпи». В это же время стал очевиден кризис католической церкви.

В результате перед сеньорами замаячила мрачная перспектива такого социума, где им было бы уготовано положение членов многочисленного феодального (постфеодального) аграрного среднего класса, живущего в условиях нарастающей политической децентрализации. Иными словами, им грозила утрата привилегированного положения. И тут сработал классовый «зоосоциальный» инстинкт, объективно потребовавший демонтажа феодализма «сверху» раньше, чем его «демонтируют» (сметут) «снизу».

Плавно и незаметно для самих участников социальные сражения за призы позднего феодализма — кабошьены, бургундцы и корона во Франции, «алая» и «белая» розы в Англии — превратились в борьбу за выход из феодализма. Уже в середине XV в. мы видим два конкурирующих варианта-потока демонтажа феодализма — «снизу» и «сверху». Иногда, впрочем, на какое-то время они ситуационно смешивались (классический пример — так называемая Крестьянская война в Германии начала XVI в., менее очевидный — религиозные войны во Франции второй половины XVI в.). Главным

агентом варианта «сверху» были «новые монархии» типа монархий Людовика XI во Франции и Генриха VII в Англии.

В конце XV в. открывают Америку, начинает формироваться мировой рынок, складывается новое международное разделение труда. Происходит военная революция, которая вместе с «новомонархической» центральной властью и заокеанским богатством резко меняет сделочную позицию в пользу экс-сеньоров. Многие из них теперь связаны посредством торговцев с мировым рынком и могут усиливать эксплуатацию. Побочным продуктом (сначала — рецессивной мутацией) всех этих процессов стал генезис капитализма. К середине XVII в. великая социальная революция, невиданная социальная драма 1453–1648 гг., которую до сих пор сводят лишь к генезису капитализма, завершилась. Ее финальные аккорды — Тридцатилетняя война, английская революция (трагедия) и фронда во Франции (фарс).

Очевидным результатом революции стало формирование исторического субъекта, который позднее создал капиталистическую систему, а именно — «барочной монархии», мифологизированной историками XIX в. как абсолютистской. Менее очевидным, но с точки зрения общеисторической стратегии главным результатом стало сохранение в середине XVII в. у власти и «у привилегий», пусть и в обновленной форме, большинства тех же самых групп и даже семей, которые обладали властью в середине XV в. Второй тур капиталистической истории (1648–1789/1848 гг.) заключался в демонтаже постфеодального, но еще не капиталистического Старого Порядка частью аристократии, буржуазии и низов. В середине XIX в. оба тура — весьма различные по содержанию и целям — были представлены как единый процесс прогрессивного перехода от феодализма к капитализму (в результате почивший в бозе на Западе в XV в. феодализм «продлился» до XVIII в.), как «буржуазные революции», которых на самом деле нигде никогда как таковых не было.

Еще одной важной подменой стало выведение новоевропейской республиканско-демократической традиции из Античности — Греции и Рима, тогда как Средневековье было объявлено эпохой господства монархии и иерархии. На самом деле, как показывают исследования Х. Даалдера, Б. Даунинга и др., именно средневековый Запад, прежде всего его города, демонстрируют по сути такой уровень демократии, республиканизма и конституционализма, который был неизвестен в Античности. В чем же дело?

Все очень просто. Античные полисы были главным образом олигархическими структурами, за демократией и монархией часто скрывалась все та же олигархия. Не случайно, как утверждают исследователи, например Р. Спринборг, западный средневековый город вовсе не был наследником античного полиса. (В своем классическом варианте он встал на ноги в результате коммунальной революции XI–XII вв., которая явилась ответом части общества на сеньориальную революцию IX–X вв.) К последнему типологически намного ближе мусульманский город. Средневековый город, воздух которого делал человека свободным, был зачастую более демократичным, чем полис. Провозглашение именно последнего (и Античности) образцом демократии позволяло обосновать необходимость борьбы против реально существовавшей альтернативной формы организации средневекового общества — несеньориальной — как косной, недемократической.

Формирующимся постфеодальным олигархиям XVI–XVII вв. античный олигархический строй был ближе средневекового. В этом плане миф об «Античности», созданный Возрождением, во-первых, носил не столько культурный, сколько социально-политический характер, а во-вторых, выполнял в социальной борьбе XV–XVII вв. ту

функцию, которую с конца XVIII в. стал выполнять миф о прогрессе. Эти два мифа связаны друг с другом и выступают как последовательные стадии в борьбе за создание нового неэгалитарного привилегированного общества и отсечение от общественного пирога значительных сегментов населения позднесредневекового социума, которым «моральная экономика» феодализма гарантировала определенные права, в том числе и право на выживание. Капитализм заменил моралэкономию политэкономией, прочертил прямую (и фальшивую) линию к Античности (прямо как идеологи конца советской эпохи — линию от перестройки к «оттепели», минуя брежневизм, из которого эта перестройка выросла, и к НЭПу). Кстати, и петровские реформы, и НЭП, и перестройка объективно выполняли для соответствующих господствующих групп в России и СССР ту же роль, что и капитализм в Западной Европе XVI–XVIII вв.: сохранение привилегий максимально большей части верхушки, отсечение от общественного пирога расширившейся середины общества и перераспределение части «демократического богатства» путем превращения ее в «богатство олигархическое». Естественно, все это происходило под лозунгами прогресса, который должен был скрыть регресс в отношении положения огромных слоев и представить его как издержки прогресса, а не как его следствие и источник одновременно. Ту же функцию на современном Западе выполняет неолиберальная глобализация.

* * *

Подведем итоги. Прогресс — частная форма изменения, развития. Суть этой формы — качественное изменение, сопровождающееся увеличением информационно-энергетического потенциала агента прогресса и, как следствие, усилением конкурентоспособности, захватом новых ареалов и дифференциацией. Прогресс всегда осуществляется за счет и в ущерб кому-то как внутри системы, так и вне ее, и обусловлен необходимостью выживания в острокризисной ситуации. В этом плане следует говорить не о прогрессе, а о единстве прогресса и регресса, а еще точнее — о *трансгрессе*.

Если от абстрактных рассуждений переходить к конкретно-историческому развитию, то здесь необходимость применения понятия «*трансгресс*» вместо «*прогресс*» еще более очевидна. Переход от старой системы к новой, особенно в последние полтысячи лет (в западной истории: феодализм — капитализм; в русской истории: московское самодержавие — петербургское, петербургское самодержавие — коммунизм, коммунизм — посткоммунизм), осуществляется главным образом как *операция сохранения привилегий господствующих групп, подразумевающая резкое ухудшение положения основной массы населения, усиление их эксплуатации и ужесточение социального контроля*. Иногда такая попытка проваливается. Происходит революция, и к власти приходит новая господствующая группа, которая тут же наделяет себя еще большими привилегиями и выступает более жестким социальным эксплуататором и контролером, чем прежние хозяева. При этом от прежнего общественного пирога отсекаются не только старые господа, но и трудящиеся. Интерпретируется все это как прогресс.

Специфика нынешнего этапа развития — глобального позднего капитализма — заключается в том, что *идеология и понятие прогресса не могут больше выполнять функцию идейного гаранта сохранения и увеличения привилегий*. Селективный и исключающий характер прогресса глобализации очевиден — из-под «прогресса» меньшинства все сильнее торчат «уши» регресса большинства. Не удивительно, что демонтаж капитализма начинается с демократических институтов (см. доклад, написанный в 1975 г. под руководством С. Хантингтона по заказу Трехсторонней комиссии), геокультуры Просвещения (свобода без равенства), универсалистско-прогрессистских идеологий (торжество «правого радикализма»), европейских

христианских демократических ценностей (мультикультурализм, атаки на христианскую церковь и т.д.) — со всего того, что ограничивает капитал и в этом ограничивающем с ним негативном единстве-симбиозе и конституирует капитализм как особую историческую систему. В такой ситуации *реакционный прогрессизм* может стать мощным оружием низов и среднего класса, над которыми, похоже, готовы сомкнуться волны истории, против нынешних верхов. А наиболее радикальной левой стратегией может стать консервативное противостояние «правому радикализму» и неоконсерватизму. Эпоха заканчивается и в ситуации «вывихнутого века» — «the time is out of joint» возможны самые невероятные идейно-политические комбинации и конструкции. На то оно и историческое Зазеркалье. Впереди — новый *трансгресс*, и нужно внимательно следить за игрой властных «наперсточников» во всем мире, ибо «кто предупрежден, тот вооружен».

http://www.intelros.org/lib/statyi/fursov1.htm

Война, породившая XX век

Сумасшедшая неделя

Девяносто лет назад, между 28 июля и 6 августа 1914 г., началась война, вошедшая в историю как Первая мировая. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Предыстория известна: в Сараево Гаврило Принципом был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Несмотря на унизительный характер ультиматума, предъявленного Сербии Австро-Венгрией, сербы приняли все его пункты, кроме одного, уж слишком явно отрицавшего их суверенитет. Германский кайзер Вильгельм II счел сербский ответ вполне удовлетворительным, однако австро-венгры рассудили иначе и объявили войну. Россия как союзница Сербии начала мобилизацию. Реакция Германии последовала незамедлительно: России в ультимативном порядке было предложено прекратить мобилизацию к 1 августа. В ответ на отказ Германия 1 августа 1914 г. объявила ей войну. Этот день официально считается началом Первой мировой войны. 3 августа Германия объявила войну Франции, 4 августа Англия — Германии. 6 августа в войну с Россией вступила Австро-Венгрия. Так в течение одной недели заполыхала Европа, а затем и весь мир, и это продолжалось 1 568 дней. Как заметил историк Кратвелл, «одна сумасшедшая неделя разрушила мир». Со временем в военные действия были втянуты 33 страны: с одной стороны, четыре центральные державы (Цд) и их союзники Турция и Болгария, с другой — Антанта и 26 союзников. Всего за четыре с лишним года были мобилизованы около 70 млн. человек (численность армий на январь 1917 г. — 37 млн. человек); протяженность фронтов составила от 2,5 тыс. до 4 тыс. км; прямые военные расходы достигли 208 млрд. долларов (в 10 раз больше, чем стоили все войны с 1793 по 1907 гг. вместе взятые). Не удивительно, что войну 1914–1918 гг. часто называют Великой войной.

Великая война

Не удивительно? Но ведь Вторая мировая война (1939–1945) многократно превзошла масштаб Первой мировой по всем параметрам. И тем не менее Великая — не Вторая, а Первая. А слова, как заметил однажды 3. Хобсбаум, зачастую свидетельствуют лучше документов. Определение «Великая» адекватно отражает суть того, что произошло, как в объективном плане, так и, что не менее важно, с точки зрения восприятия произошедшего большими массами людей. Во-первых, Европа как единое целое уже столетие, с наполеоновских войн, не воевала. Память об этих всеевропейских наполеоновских войнах, не говоря уже о Семилетней (1756–1763) и Тридцатилетней (1618–1648), давно ушла в прошлое. Отчасти и поэтому войну 1914–1918 гг. назвали Первой мировой, хотя на самом деле она не была первой. Во-вторых, война 1914–1918 гг., которую я, однако, и далее буду называть Первой, используя привычную, хотя и неправильную, нумерацию, по своим параметрам никак не укладывалась в прежний социальный опыт живших тогда людей. Этот опыт не мог ни объяснить, ни вместить ее, что вело к психологическим потрясениям. С Первой мировой войной пришли новые вкусы, новая мораль, новый быт; с ней рухнул прежний мир и начал возникать новый. Вторая мировая война была частью, а не нарушением этого нового бравого мира, потому-то и не воспринималась как великая. В ней воевали люди XX в., готовые к ней психологически. для них она могла быть страшной, ужасной, но не великой. А в войне 1914 г. воевали люди предыдущего века или, в лучшем случае, межвекового водораздела.

Первая мировая «вывихнула век», разрушила связь времен, стала разрывом с цивилизацией, которую К. Поланьи назвал «цивилизацией XIX века», или даже ее «суицидом» (Е. Ихлов). В Первой мировой родился XX век и его человек, а человек XIX века умер. Или потерялся на всю оставшуюся жизнь, закатился. Первая мировая была закатной войной европейской цивилизации. Для людей цивилизации XIX в., воевавших в первой войне XX в. и расхлебывавших ее последствия по полной программе, она означала утрату их мира, часто без приобретения нового. Такая травма потребовала мощной компенсаторики — социальной, психологической (разгул «ревущих двадцатых») и даже литературно-художественной: как заметил один критик, романы Хемингуэя позволили представителям «потерянного поколения» «быть сентиментальными (скрытая жалость к себе. — Ант.) и в то же время ощущать себя мужественно, благородно и трагически». для людей разрыва времен, хроноклазма такое «воспитание чувств» было естественным. И обусловившая его война могла быть только великой. По крайней мере, для Запада. У нас же, в России, дело обстояло по-другому.

В СССР второй половины XX в., да и в наши дни, Первая мировая (она же «первая германская») великой не является. Причина очевидна: у нас великая война — «одна на всех» — Отечественная (она же «вторая германская»), а двум великим войнам не бывать. И психологически это вполне понятно: Первая мировая не только проигрывает Второй в масштабе, но и заслонена от нас ею. 1945 год ближе к нам, чем 1918 — до сих пор живы ветераны Великой Отечественной. Она культурно-исторически более значима для России (СССР). Во Второй мировой войне угроза для русских как славян была неизмеримо выше: немцы Вильгельма II, в отличие от немцев Гитлера, не ставили задачу порабощения русских. Наконец, «первая германская» никогда не была таким объектом официальной пропаганды и мифотворчества, как Великая Отечественная. Ведь культ последней и пропагандистские мифы о ней с конца 1960-х годов были призваны заменить ветшающие культы революции и Ленина. И тем не менее, с точки зрения мирового значения, ее роли в судьбах XX в., война 1914–1918 гг. является Великой не только по субъективным причинам массового восприятия ее людьми (впрочем, массовые субъективные чувства — фактор объективный и весьма подверженный материализации), не только по своему характеру, но и по результатам.

Именно Первая мировая война стала началом крутого мирового поворота, органичным элементом которого была Вторая мировая и который закончился в 1989–1994 гг., получив югославский кризис 1999 г. в качестве эпилога или даже post scriptum'а. Все большее число историков вообще объединяют две мировые войны XX в. в одну — «тридцатилетнюю», из которой (прав Гераклит: война — отец всего), подобно геополитическому ребенку из яйца с картины дали 1943 г., родился XX век (весьма символично: геополитический ребенок на картине появляется из Северной Америки!).

При таком подходе началом исторического, а не хронологического века и целой эпохи, историческим поворотом становится именно Первая мировая война и ее главный краткосрочный результат — русская революция. В результате Великой войны окончательно рухнули четыре империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская; еще одна империя

— Британская — вышла на финишную прямую. Возникла новая социальная система — коммунистическая, а у капиталистической системы появился, если еще не новый гегемон, то новый лидер — США, которому за время войны задолжали все промышленно развитые страны, включая Британию. Начался самый настоящий «закат Европы», анонсированный великим О. Шпенглером в 1918 г.

Первая мировая война XX в. стала поворотом в истории капиталистической системы: она изменила отношения центра и периферии, тип капиталистической экспансии, стратегию как буржуазии, так и антисистемных движений, соотношение сил между государством и господствующими классами, между капиталом и трудом. В ней со всей очевидностью выявились значение, сила и бессилие тайных межгосударственных союзов, теневых политических структур (например, Комитета имперской защиты Великобритании 1906–1914 гг. — неподконтрольной парламенту структуры) и того, что неудачно именуют «мировой закулисой» (Ленин называл это «международным переплетением клик финансового капитала»). Война 1914–1918 гг. привела к серьезнейшим изменениям в управлении экономическими и общественно-политическими процессами, способствовала социальной интеграции развитых обществ, заложила основы welfare state, фундамент развития корпораций, профсоюзов и отчасти даже организованной преступности; она резко ускорила развитие техники, прежде всего военной. Это была первая война, в которой массовая «индустриализированная» пропаганда играла важнейшую роль. Нелишне напомнить, что СМИ всех великих держав очень быстро убедили население и даже оппозиционные партии в том, что они стали жертвой агрессии; правительства представили своих противников как угрозу державности, а левые партии России и Германии — своих противников как угрозу революции.

Иными словами, Первая мировая война перенагружена как историческим содержанием, так и историческими последствиями. Увы, несмотря на это, у нас до сих пор она известна недостаточно, воспринимается скорее как некая архаика, мало относящаяся к XX в. и, уж тем более, к нашим дням. В последние годы был опубликован ряд старых русских работ о Первой мировой войне (например, А. Зайончковского), несколько старых трудов по истории русской армии (А. Керсновского), где затрагивается эта тематика, с десяток серьезных переводных работ (д. джолл, дж. Киган). Что еще отраднее, появились книги и толковые статьи, стоящие иных книг, о Первой мировой войне современных русских авторов. Хочу особо выделить А. Больных, В. Галина, С. Переслегина, А. Тараса, А. Уткина, В. Шамбарова. Все это облегчает решение той тройной задачи, которую я ставлю в этой небольшой статье.

Во-первых, я хочу предложить читателю взгляд с высоты на общий ход войны. Во-вторых, поразмышлять над несколькими крайне важными дискуссионными вопросами: о возникновении, ходе и последствиях мировой войны. Это потребует обращения к эпохе, из которой возникла Первая мировая, — «водоразделу» 1870–1914 гг., прежде всего, к отношениям в треугольнике «Великобритания — Германия — Россия». Наконец, в-третьих, меня очень интересует связь Первой мировой войны и ненадолго возникшей после нее «Версальской системы» с нашими днями. Ведь именно на наших глазах заканчивается эпоха, начавшаяся той войной и русской революцией. Время словно сворачивается «листом Мебиуса», и мы вступаем в мир, во многом похожий на «водораздельную» эпоху

1870–1914/1929 гг.

Случайность или закономерность?

Первый из дискуссионных вопросов о войне 1914–1918 гг.: это была случайность или закономерность? Случайность, отвечает, например, известный историк дж. Киган; войны никто не хотел, поэтому она не была неизбежной, к ней привела цепь трагических случайностей, которых можно было избежать. О том, что ни одна из держав не желала общеевропейской войны в духе «второго издания» наполеоновских войн, пишут также С. Фэй, Б. Такмэн и др. да, европейской затяжной войны не желали, желали быстрой, «маленькой, победоносной», типа франко-прусской, способной решить внешние проблемы и приглушить внутренние, выпустить пар. И это меняет и ситуацию, и оценку.

Никто не хотел войны? Возможно. Тем не менее многие ждали, а некоторые просто были уверены в ее неизбежности. Вильгельм II в своих мемуарах писал, что весной 1914 г. на вопрос своего гофмаршала о планах на лето Николай II ответил: «Я останусь в этом году дома, так как у нас будет война». Лидер эсеров В. Чернов вспоминал: выступая с докладом в Париже в январе 1914 г., Ю. Пилсудский утверждал, что в ближайшем будущем между Россией и Австро-Венгрией произойдет конфликт из-за Балкан, в результате чего начнется общеевропейская война, в которой сначала потерпит поражение Россия, а затем — Германия и Австро-Венгрия от объединенных сил англосаксов и Франции*. Аналогичные мысли высказывали некоторые банкиры по обе стороны Атлантики, сорвавшие впоследствии огромный экономический куш и активно воплощавшие в ходе войны свои геоинженерные планы (впрочем, как выяснилось в среднесрочной перспективе, скорее неудачно). Есть правда в словах Дж. Сороса о том, что Большие деньги делают историю, но не менее верно и то, что Большая История делает (в смысле: уделывает) Большие деньги.

Если трагические случайности выстраиваются в цепь, то это уже система; системная заинтересованность превращает выстрел в системное явление. Хотя, разумеется, чем сложнее и масштабнее историческое явление или событие, тем сложнее установление причин и реальной связи между ними и следствиями. В этом плане предпочтительнее говорить о «причинно-следственных рядах» (А. Зиновьев), их переплетениях и комбинациях, в которых следствия из одного ряда оказываются причинами в другом и образуют странное явление причинно-следствия, в анализе которого линейные подходы не срабатывают. Взаимопереплетения могут быть столь многообразными, что адекватное понимание процесса часто происходит, во-первых, лишь на уровне целого, посредством «целостного анализа», который часто подменяют многофакторным; во-вторых, в долгосрочной, временной перспективе, как сказал бы Ф. Бродель, «dans une tre-tre longue duree». Кроме того, в эпохи кризисов и революций, когда время предельно уплотнено, меняется исторический масштаб случайностей и закономерностей: то, что именуют «случайностью», «ролью личности», «значением человеческого фактора» и т.д., обретает (на короткий срок, и этого достаточно) макроисторическое измерение.

Событие есть реальное бытие кризисно-революционных эпох. движение системы, оказавшейся в точке бифуркации, может определить легкий толчок, взмах крыла бабочки, закрытие маленькой школы в аббатстве Браунау, выступление с броневика, наконец, выстрел недоучившегося студента, короче, любая ошибка, а то и просто глупость. О. фон Бисмарк, заметивший когда-то, что какая-нибудь проклятая глупость на Балканах спровоцирует новую войну, продемонстрировал качества не только провидца-практика, но и системно-исторического мыслителя-теоретика. Здесь также необходимо отметить, что условия для «глупости» и ее взрывного общеевропейского потенциала были созданы западными державами во время

Берлинского конгресса 1878 г. Отменив выгодные для России Сан-Стефанские соглашения 1877 г., этот конгресс завязал такой узел противоречий на Балканах, который уже невозможно было распутать. Узел можно было только разрубить. Чем? Например, войной.

В ситуации, сложившейся к 1914 г. в результате европейских и мировых изменений, произошедших с 1870 г., а еще точнее, с середины 1850-х годов, общую войну действительно могло вызвать любое острое событие. Европа была беременна войной, это чувствовалось в атмосфере. В 1890-е годы она была уже иной, чем в 1860-е и даже 1870-е. достаточно сравнить четыре наиболее известных романа Ж. Верна, написанные в 1870-е годы и психологически подводившие итог эпохе 1830–1860-х годов, и четыре наиболее известных романа Г. Уэллса, написанные в 1890-е годы, в которых ощущается страх перед низами-морлоками, перед войной миров и т.д. Ну а «Будет скоро тот мир погублен, / Посмотри на него тайком» (М. Цветаева) — это просто знак на стене. Разумеется, история — не фатально-автоматический, а закономерный процесс. Тем более что мировые войны за гегемонию носят регулярно-циклический характер, и так называемая «Первая мировая» — вовсе не первая.

Кто виноват?

С вопросом о «случайности — неизбежности» Великой войны тесно связан другой: кто виноват? Поскольку историю пишут победители, то уже в 1918 г. главным виновником была объявлена Германия (ст. 231 Версальского договора). Эта версия («версальская»), впрочем, была сразу же оспорена немцами. Речь идет о так называемом «письме профессоров» — о замечаниях к докладу Комиссии союзников и ассоциированных стран по вопросу ответственности за начало войны, которые были написаны М. Вебером, Г. Дельбрюком, М. Монжелой и А. Мендельсоном-Бартольди. Основную вину они возложили на Россию.

Уже после Второй мировой войны появились работы, в которых говорилось о вине Великобритании и «фининтерна», то есть некоего всемирного союза мировых финансовых воротил, которые решили распорядиться миром в соответствии со своими планами. То, что подобного рода закулисные объединения существуют, как минимум, с конца XIX в. — факт. Факт и то, что они могущественны и у них есть свои планы переустройства мира. Три континентальные европейские монархии действительно мешали «фининтернам». Все это было. А вот чего не было, так это некоего одного-единственного союза финансистов, единого мирового агента, центра, который оплел своей паутиной весь мир. Центров (агентов) несколько, и они, частично переплетаясь, ведут борьбу друг с другом. Эти центры вовсе не всемогущи, в том числе и потому, что, как заметил Т. Клэнси в романе «долг чести», мир слишком сложен, чтобы его можно было контролировать из одного центра. Хотя борьба за это постоянно ведется, и именно она, помимо прочего, не позволяет оформиться такому центру (субъекту) и превращает «геополитический теннис» в «геоисторический сквош».

Наконец, поскольку базовой единицей международной организации является национальное государство, финансисты вынуждены действовать через него, и здесь их интересы далеко не всегда совпадают с интересами политиков и государственных деятелей, а часто даже сталкиваются с ними. Первая мировая война и ее канун со всей очевидностью продемонстрировали нелинейность и неоднозначность финансово-политических связей. Например, в начале XX в. французские финансисты хотели сотрудничать с немецким капиталом, а политики были против такого сотрудничества. Финансисты Великобритании, понимавшие, что в результате войны их страна превратится из кредитора в должника США, также выступали против войны. Войны хотели избежать и немецкие промышленники. А вот многие немецкие политики и многие американские финансисты приветствовали ее. Господствующий класс мировой капиталистической системы — класс не однородный и не сводимый к буржуазии, так же как капиталистическая собственность не сводится к капиталу. У него нет единого интереса, а потому не может быть единой стратегии и единого центра. Все сложнее, и сложность эта еще более усиливается наличием национальных государств с протекающими в них массовыми процессами. И чем масштабнее и быстрее эти процессы, тем труднее не только управлять ими, но и вообще оценивать и прогнозировать.

Все это, однако, не ставит под сомнение ни различных «закулис», ни их «игр», ни их роли в развязывании войны. Ясно также, что экспансия базирующегося во Франции, США и Великобритании финансового капитала (отсюда значительное, хотя и не полное совпадение государственных и финансовых, национальных и наднациональных интересов в этих странах) требовала разрушения или ослабления тех государств, в которых его позиции были слабы.

Первая мировая война продемонстрировала еще одну очень важную черту, косвенно связанную и с вопросом о ее неизбежности, и с вопросом «кто виноват». Речь идет о несоответствии практически во всех странах «человеческого материала» на высших политических и управленческих уровнях (да и на средних тоже) происходившим в мире событиям и тем задачам, которые возникали и которые надо было решать. Итальянский историк Л. Альбертини, характеризуя события лета 1914 г., прямо пишет о несоответствии между интеллектуальными и моральными способностями тех, кто принимал решения, и сложностью и важностью возникавших проблем. Прочтя эту мысль Альбертини, я тут же вспомнил: Германия оказалась заложницей не просто архаической, но исторически обреченной Австро-Венгрии. Ведь Второму Райху пришлось расплачиваться за контрпродуктивные попытки своего все более неадекватного союзника сохраниться в этом мире. Более того, эта жесткая связь делала Германию предсказуемой и уязвимой: чтобы «уронить» Второй Райх, достаточно было «подтолкнуть» тем или иным способом Австро-Венгрию.

Накопившиеся за десятилетия результаты совокупных усилий европейских держав благодаря кумулятивному эффекту приобрели к 1914 г. новое качество и такой размах, что с трудом поддавались индивидуальной оценке теми, кто сформировался на решении задач на порядок проще. Отсюда попытки решить частные и сиюминутные внутренние и внешние проблемы таким путем, который сразу же создавал почти неразрешимую общую проблему. Иными словами, помимо интересов за августом 1914 г. стояла системно, исторически обусловленная неспособность очень многих политиков позднего XIX в. адекватно оценивать и прогнозировать качественно изменившуюся ситуацию и принимать соответствующие ей решения. Если к этому добавить внутреннюю нестабильность европейских держав и нараставшую напряженность между ними, то вероятность неадекватных решений, в том числе ведущих к войне, увеличивается на порядок. Но это, подчеркиваю, системно обусловленный факт, фиксируя который я хочу сказать следующее: в «версальской версии» содержится значительная доля правды, но далеко не вся правда. для меня, как в методологическом, так и в моральном плане, важна позиция Г. Ле Бона, заметившего, что в 1914 г. именно Германия уронила в наполненную до краев чашу ту каплю, из-за которой все пролилось. Однако, по мнению Ле Бона, объективного исследователя в первую очередь должен интересовать вопрос, не кто влил последнюю каплю, а кто наполнил

чашу до краев, сделав войну неизбежной.

Водораздел, или эпоха соперничества

XIX век был (в целом) веком английской гегемонии в капиталистической системе, пик которой пришелся на 1815–1871/1873 гг. Победа Пруссии над Францией сразу же надломила психологическую составляющую британской гегемонии. Уже в 1871 г. в Лондоне был опубликован политико-фантастический рассказ полковника Чесни «Битва при доркинге» (сюжет — высадка немецкой армии в Англии), что свидетельствовало об утрате гегемоном психологической уверенности. Война с бурами (1899–1902) подорвала веру в империю. В 1873 г. начался мировой экономический спад, во время которого Британия стала утрачивать свои экономические и стратегические позиции, а Германия и США, напротив, резко двинулись вперед. Период гегемонии сменился периодом соперничества, который завершился в 1945 г.

Мировая капиталистическая система устроена таким образом, что в ней чередуются периоды гегемонии в экономике и политике какой-либо одной страны и периоды соперничества за корону гегемона. Пик периодов соперничества — мировые «тридцатилетние» (1618–1648, 1756–1763 и 1792–1815, 1914–1945 гг.) войны. «Wargasm», как сказал бы покойный директор Гудзоновского института по предсказанию будущего Г. Кан. Антагонистами в таких войнах выступают морская держава (англосаксы — Великобритания, США), с одной стороны, и континенталы (Франция, Германия), с другой. Период соперничества, начавшийся в 1870 г. и завершившийся в 1945 г., отмечен противостоянием Германии и англосаксов. Итак, с 1870-х годов мир вступил в новую эпоху соперничества, и наиболее дальновидные представители британского истеблишмента — Родс, Стэд, Милнер — почувствовали это и уже в 1890-е годы заговорили о необходимости англо-американского союза перед лицом нараставшей германской угрозы. Обсуждался вопрос о создании союза англоговорящих народов, и Родс даже готов был разместить его столицу в Вашингтоне — подальше от «сумрачного германского гения» с лицом Бисмарка, Шлиффена и Круппа.

Германия в последней трети XIX — начале XX вв. в политическом отношении была намного активнее, по крайней мере, внешне, чем США, которые в 1914 г. заявили о своем нейтралитете (вопреки призывам бывшего президента Т. Рузвельта к активизации действий). Америка ставила на «стратегию доллара», на достижение гегемонии финансово-экономическим путем (жизнь показала: только экономическим нельзя, нужны «кровь, пот и слезы»).

Последняя треть XIX в. внесла изменения не только в мировую политическую, но и экономическую ситуацию. Старый «мирный», внутренне ориентированный (индустриализация) капитализм 1830–1860-х годов не только исчерпал свои возможности, но и породил такие потребности, удовлетворение которых потребовало от капитала (и государства) создания новой экономической структуры. На это ушло около 50 лет, и голландский историк Я. Ромейн назвал эту эпоху «водоразделом». Главной чертой «водораздельного» мира стала экспансия нового типа, получившая название «империализм».

Бурное экономическое развитие «длинных пятидесятых» (1848–1867) — с их заводами и фабриками, железными дорогами, золотыми и алмазными приисками, каучуковыми плантациями, производством зерна и многим другим — потребовало резкого увеличения капитала и расширения рынков сбыта. «Эпоха капитала» (Э. Хобсбаум) (1848–1875) обусловила «эпоху империи». Отсюда — начало нового — последнего — раунда колониальной экспансии, нового передела мира.

За последние двадцать лет XIX в. Великобритания увеличила свои колонии до 9,3 млн. кв. миль с населением 309 млн. человек, Франция — до 3,7 млн. кв. миль с населением 54 млн., а вот Германия приобрела лишь 1 млн. кв. миль колоний с населением 14,7 млн. человек. К началу XX в. раздел мира завершился. На вопрос адмирала А. фон Тирпица, не опоздала ли Германия принять участие в заканчивающемся разделе мира, можно ответить утвердительно. Помимо экономических, этот раздел подстегивали и социально-политические причины. Чтобы замирять трудящихся своих стран в условиях прогрессирующей индустриализации и роста социалистического движения, господствующим группам и правительствам европейских держав приходилось идти на социальные уступки (например, реакция Вильгельма II на рабочий конгресс 1891 г. в Берлине). Но для этого нужны были средства. Положение Германии и в этом плане было хуже: колоний у нее было мало, а население росло очень быстро. достижение мирового господства или хотя бы превосходства (и то, и другое предполагало столкновение с Англией) становилось проблемой не только внешней, но и внутренней политики Второго Райха. Немцы могли рассчитывать только на передел, и их военно-экономический потенциал позволял им надеяться на успех. Ниже приведены цифры, характеризующие соотношение потенциалов Германии и Британии, а также отставание последней.

В 1900 г. англичане произвели 5 млн. тонн стали, немцы — 6,3 млн.; в 1913 г. англичане — 7,7 млн., немцы — 17,6 млн. (правда, США произвели соответственно 10,3 млн. и 31,8 млн. тонн, а Россия — 2,2 млн. и 4,8 млн.). По количеству потребленной энергии: в 1890 г. Британия — 145 млн. метрических тонн угольного эквивалента, Германия — 7,1 млн.; в 1913 г. — 195 млн. и 187 млн. соответственно (США — 147 млн. и 541 млн., Россия — 10,9 млн. и 54 млн.). В англо-германской «дуэли» еще более впечатляют цифры совокупного промышленного потенциала (за 100% взят уровень Великобритании 1900 г.): 1880 г. — 73,3 у Великобритании и 27,4 у Германии; 1913 г. — 127,2 и 137,7 соответственно (у США — 46,9 и 298,1, у России — 24,5 и 76,6). В 1900 г. доля Британии в мировом промышленном производстве составляла 18,5%, Германии — 13,2%; в 1913 г. — 13,6% и 14,8% соответственно (США — 23,6% и 32%, Россия — 7,6% и 8,2%). Темпы роста промышленного производства в 1870–1913 гг. у Германии — 4,5%, у Великобритании — 2,1%; экспорта — 4,1% и 2,8% соответственно. При этом население Германии росло почти в два раза быстрее, чем Великобритании.

Смертельный треугольник

В 1890-е годы в Англии появились книги М. Шваба и Ю. Уильямса (последняя с красноречивым названием «Сделано в Германии»), в которых были показаны бурный экономический рост Германии и относительный упадок Британии. Из книг следовало, что мирным, экономическим путем Британии не выиграть в борьбе с Германией, стремительно превращавшейся из Grossmacht в Weltmacht. для победы требовалась предельная концентрация всех сил или, как писал в опубликованном 2 сентября 1914 г. в «Times» стихотворении Р. Киплинг, «железная жертвенность тела, воли и души». Только так можно было компенсировать постепенно нараставшее отставание в экономике. Ну и, конечно, русской кровью — как и в войне с

Наполеоном, а позднее — с Гитлером. Для англичан самым непереносимым было то, что немцы наращивали свою морскую мощь. «Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской империи», — это слова одного из руководителей английского Foreign Office. Показательно признание д. Ллойд-джорджа: «Строительство германского флота в значительной степени вызвало мировую войну». С ним согласен немецкий адмирал Шеер: из-за строительства германского флота «Англия почувствовала себя в опасности и увидела в нас соперника, которого следует уничтожить любой ценой». Действительно, гонка морских вооружений (с 1889 и особенно с 1904–1907 гг., с «дредноутной революции») привела к тому, что германский военный флот стал самой серьезной угрозой Британии со времен Трафальгара. Поэтому, как писал накануне Первой мировой войны блестящий русский военно-стратегический и геополитический мыслитель Е. Едрихин-Вандам, главная цель английской стратегии состояла в том, чтобы «уничтожить торговый и военный флот Германии, отнять у последней ее, хотя и бедные сами по себе, но являющиеся своего рода передовыми постами, колонии и нанести ей на суше такой удар, после которого, ослабленная духовно и материально, она не могла бы возобновить своих морских предприятий в течение долгого времени в размерах сколько-нибудь значительных и никогда в теперешних… главная цель Англии состоит в том, чтобы отбить наступление Германии на Океанскую Империю на Атлантическом океане, как было отбито (руками Японии. — Авт.) наступление России на Тихом».

Германский вопрос стал вопросом сохранения британской гегемонии. И решить этот вопрос, как справедливо заметил Вандам, путем схватки флотов двух стран на Северном море было невозможно. Требовалась «общеевропейская война». Но организовать такую войну? Англия, отмечал Вандам, «пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии… будет стремиться к тому, чтобы сделать из этих событий завязку общеевропейской войны, которая, еще больше, чем в начале прошлого столетия опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной Англии». Впрочем, как выяснилось, англичане сработали на заокеанского англосакса, который тоже был заинтересован в общеевропейской войне, чтобы сокрушить империи, в том числе Британскую.

Общеевропейская война, успешная для Англии, возможна, писал далее Вандам, лишь «при непременном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». Иными словами, решающую роль в англо-германской борьбе должна была сыграть Россия, причем на стороне Англии, а не Германии. Почему?

Начать с того, что кроме британскогерманских существовали русско-германские противоречия, прежде всего экономические; Россия была нужна Германии как источник сырья и рынок сбыта, наконец, как пространство. Но дело не только в них. Если Великобритания опасалась Германии, то Германию все больше охва-тывал страх перед Россией. 7 июля 1914 г. канцлер Т. Бетман-Гольвег писал: «Будущее за Россией, она растет и растет и надвигается на нас как кошмар». Немецкая правительственная комиссия, посетившая Россию во время столыпинских реформ, пришла к выводу: после их окончания, через десяток лет война с Россией будет непосильна, а еще через десяток по промышленному и демографическому потенциалу она обойдет крупнейшие европейские державы вместе взятые.

На наш взгляд, это завышенная и слишком оптимистичная оценка как сама по себе, так и по абстрагированию экономики и демографии от социальной и политической структур. Последние в России начала XX в. имели мало шансов (а с учетом международной ситуации не имели вообще) эволюционно выдержать тот экономический пресс, усиление которого предсказывали в Европе. Однако, в любом случае, в Германии нарастал страх перед Россией. В начале 1910-х годов немцы понимали: если воевать с русскими, то сейчас, ибо с каждым годом Россия становится все сильнее, и через 5–10 лет с этим колоссом уже не поспоришь. (Подчеркиваю, это вовсе не означало неизбежности немецкого нападения на Россию.) Те, кто считает, что в 1914 г. Россию и Германию стравили, во многом правы. Однако нельзя забывать, что между странами, где правили «Вилли» и «Ники», существовали острейшие экономические и (опосредованно) политические противоречия, сводившие на нет, казалось бы, естественный союз двух континентальных монархий против англосаксов. Уверен: даже если бы Россия и Германия оказались в союзе, рано или поздно между ними вспыхнула бы борьба, как это произошло в

1941 г. после почти двух лет «дружбы». Континентальной и транс(гипер)континентальной, каковой была Россия, державам договориться было практически невозможно (мечта Хаусхофера о «континентальном блоке», увы, неосуществима, по крайней мере, до сегодняшнего дня). И все же прав А.дж.П. Тэйлор: противоречия между Великобританией и Германией были намного более острыми, чем русско-немецкие. Россия не была ни гегемоном капсистемы, как Великобритания, ни основным претендентом на это положение, как Германия.

Почему же при таком раскладе России понадобилось поддерживать англичан — своего основного врага на протяжении всей второй половины XIX в.? Причина проста и называется — «экономика». Экономические разногласия с Германией, нараставшие с 1890-х годов, заставили Россию пойти на политическое и экономическое сближение с Францией, которая, в свою очередь, была прочно связана с Англией. К 1914 г. иностранному капиталу (главным образом, французскому, бельгийскому и английскому) принадлежали почти 100% нефтяной промышленности, 90% добычи полезных ископаемых, 50% химической промышленности, 40% металлургической и около 30% текстильной. В начале XX в. Россия имела самую крупную внешнюю задолженность. По логике своего положения в капиталистической системе она оказывалась в лагере противников Германии, причем именно империи царей союзники отводили главную «военно-смертельную» роль, намного превышавшую ее мобилизационные возможности. Результат — февраль 1917 г., бездарный А. Керенский и «юный октябрь впереди».

Русская сухопутная мощь была одним из двух факторов, которые, как считали англо-французы, позволят разгромить Германию. Второй фактор они видели в финансовой слабости немцев. В Лондоне и Париже полагали: ввиду финансовой неподготовленности к войне и зажатости в кольцо двух фронтов, Германия быстро обанкротится. Но вышло иначе. «Ни один специалист по финансовым вопросам не предвидел, какую силу обнаружит Германия в финансовом отношении…, — писал М. Павлович. — Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом враждебных армий… будет в состоянии выдержать четыре года войны, технически в поразительном изобилии и с большей роскошью, чем все ее враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии ее союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец, Болгарии, что она будет в состоянии поставить в момент страшнейшей и невиданной во всемирной истории по напряжению и кровавым жертвам войны все народное хозяйство на рельсы и спасти страну от экономических и финансовых потрясений, которые могли бы парализовать работу ее образцового военного аппарата в первый же год кампании. Можно сказать без преувеличения, что эта неожиданно проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и явилась для них большей неожиданностью, чем пресловутые немецкие победы в войнах 1866 и 1872 гг.». Что касается «кольца», то немцы прекрасно понимали, что оно непрочно и его можно прорвать. Так оно и вышло — с помощью гешефтмахеров вроде Парвуса и революционмахеров вроде Ленина. Все тот же русский фактор, но только революционный.

Старый порядок, демографический кризис и война

Чтобы воевать, нужны не только противоречия, причины и поводы. Нужна людская масса, которую можно выложить на геостратегический прилавок в виде пушечного мяса. И когда этой массы становится много, она превращается в необходимую, хотя и недостаточную, причину войны, особенно если социально-политические структуры и институты не способны превратить опасные массы в дисциплинированные классы. Так оно и произошло в Центральной и Восточной Европе на рубеже XIX–XX вв.

Как заметил У. Макнил, Первая мировая война стала жестоким средством решения проблемы сельской перенаселенности Европы (а Вторая, добавлю я, — средством решения проблем уже не только сельской, но и городской перенаселенности): «военные конвульсии XX в. можно рассматривать… как ответы на коллизии между ростом населения и теми ограничениями, которые налагали на него традиционные формы сельской жизни, особенно в Восточной и Центральной Европе». В конце XIX в. европейское население оказалось разбалансировано. две мировые войны решили эту проблему в Европе в первой половине XX в. (так же, как французская революция и наполеоновские войны на рубеже XVIII–XIX вв.). После 1945 г. рост местного населения перестал быть проблемой для этой части света. (В России помимо Первой мировой войны функцию снятия аграрной перенаселенности выполнили отчасти гражданская война, отчасти — коллективизация; как выполнили — это другой вопрос.)

Если Великобритания и Россия могли частично снимать социодемографическое напряжение посредством миграции (мировой — заморской и евразийской — сибирской), то зажатая между Францией и Россией Германия была лишена такой возможности. У нее не было ни лишнего пространства, ни обширных колоний, а среднегодовое превышение рождаемости над смертностью в 1900–1910 гг. составило 866 тыс. человек.

Итак, в «водораздельную эпоху» в тугой узел, а точнее, в несколько взаимосвязанных причинно-следственных узлов сплелись разнообразные и многоуровневые проблемы, адекватная оценка которых по объективным и субъективным (системно-историческим) причинам оказалась не под силу большинству политиков. (Это существенно отличает возникновение Первой мировой войны от Второй, когда несколько гроссмейстеров мировых шахмат более или менее адекватно оценивали ситуацию и просчитывали последствия, хотя не до конца и не без ошибок.) Что касается кануна 1914 г., то с определенного момента развитие событий приобрело собственную динамику и уже не зависело от действий отдельных лиц и даже правительств. 30 июля 1914 г. Т. Бетман-Гольвег мог лишь констатировать: «Руководство событиями уже утеряно, и камень покатился». Через день наступило 1 августа, и армии пошли друг на друга.

Чем победиши?

С какими силами противники вступали в войну? Величина армии, как известно, зависит, прежде всего, от численности населения. Здесь у Антанты, благодаря России, было преимущество над центральными державами. В 1914 г. 170-миллионная Россия имела 5,3 млн. под ружьем, 47-миллионная Великобритания — чуть больше полумиллиона, 40-миллионная Франция — 2,6 млн., 70-миллионная Германия — 2,4 млн., а 53-миллионная Австро-Венгрия — 2,3 млн. Всего за время войны Антанта мобилизовала около 9 млн. человек (34% от максимума, определяемого С. Переслегиным как 10% от общей численности населения), а центральные державы — 4,7 млн. (39% от максимума).

Очевидное преимущество было на стороне Антанты, к численности армий которой надо добавить 2 млн. американцев — «подарок» 97-миллионных США. Воюют, однако, не только и не столько числом, сколько уменьем, экономическим потенциалом и пространством, то есть одним из существенных факторов является территория, ее расположение и степень организованности, инфраструктурной, институциональной связности. Сначала — об умении. Лучше всего были обучены немецкая и французская армии. Причем преимущество было на стороне немцев. «Силы центральных держав, — отмечал Террейн, — располагали бесценным активом германской армии, которая состояла из 87 пехотных дивизий и половины общей кавалерии». Самым слабым местом австро-венгерской армии, которая уступала русской, но превосходила итальянскую, был ее многонациональный состав и взаимная неприязнь славян, с одной стороны, и австрийцев и венгров, с другой. К тому же во время войны эксплуатация славян австро-венграми, писал И. Черников, приняла крайне жестокий характер, часто превращаясь в прямой грабеж. Таким образом, дряхлая империя боролась не только с внешним противником, но и с внутренним, в которого она превратила часть своих подданных.

Уровень высшего командного состава, по оценкам А. Зайончковского, «в общей своей массе стоял на должной высоте только в германской и французской армиях». В целом, однако, преимущество было на стороне немцев, поскольку они играли главную роль и контролировали австро-венгров. А вот союзники по Антанте плохо координировали свои действия, уровень общего руководства был низким, единое командование было создано лишь под самый конец войны.

Весьма интересен вопрос о пространстве. Трагическое неудобство расположения Германии в Европе заключалось в том, что в борьбе за власть в этой части света она была обречена на войну на два фронта. Это заставляло распылять силы и усиливало позиции противника. Однако «every acquisition is a loss and every loss is an acquisition»: Германия в то же время разделяла своих противников, не позволяя им объединяться. Кроме того, отмечает С. Переслегин, высокая связность (железные дороги) Германии и Австро-Венгрии позволяла немцам легко и своевременно перебрасывать силы с фронта на фронт и таким образом компенсировать и «двуфронтовость», и численное превосходство противника своим преимуществом в быстроте мобилизации и развертывания. Это совершенно справедливое замечание, но связность сама по себе не устраняет проблему сжатости, пространственного стеснения. А как заметил З. Тарраш, анализируя на примере одной из партий Капабланка — Маршалл стратегию шахматной партии, «всякое же стесненное положение уже носит в себе зародыш гибели».

Нет, недаром Lebens Raum был мечтой и ночным кошмаром немецких политиков: когда нет пространства, которое можно защищать, борьба бессмысленна даже при наличии сил. Впрочем, это скорее относится к ситуации 1945 г. В 1918 г. немцы на свою территорию противника не пустили. Но Тарраш был прав — и не только для шахмат, но также для войны и жизни в целом. В отличие от ограниченного немецкого пространства (равно как и французского), пространство англичан и русских было практически неограниченным. Однако принципиальные различия этих пространств (море — в первом случае и суша — во втором) делали его в разной степени уязвимым. Удачная морская война могла свести морской пространственный

потенциал на нет, чего немцы в значительной степени и добились с помощью подводной войны, поставив весной 1917 г. Британию на грань катастрофы. А вот огромное сухопутное пространство отсечь или покорить намного сложнее, особенно если на нем мало дорог и они плохого качества. Будучи выгодным для его владельца в случае оборонительной войны и отступления, обширное пространство — большой минус во время мобилизации и развертывания армий, а также в случае наступления. Рано или поздно целый ряд проблем, в том числе трудности организации доставки грузов на огромных пространствах, блокирует любые попытки как следует «раззудить плечо», наступление выдыхается, а численное преимущество сводится на нет.

С учетом того, как развивались события на восточном фронте, русский Lebens Raum спас в 1915 г. русскую армию от разгрома (правда, в 1917 г. она сама развалилась, но это другой вопрос). Кроме того, благодаря «массе пространства» много осталось и большевикам для торговли с немцами в Брест-Литовске и обмена на столь необходимое им время. В то же время плохо организованное, «дурацкодорожное» русское пространство с самого начала подсекало Россию, делая ее армию инвалидом. Германия, писал Зайончковский, несмотря на окружение на суше и морскую блокаду, «справилась с этим делом при помощи своей твердой организации и сохранения сообщения с Малой Азией через Балканы. Но Россия, с малоразвитой индустрией, с плохой администрацией, отрезанная от своих союзников, с громадным пространством своей территории при слабо развитой сети рельсовых путей, начала справляться с этим недостатком только к концу войны». Чтобы воевать в таких условиях, надо было постоянно перенапрягаться, психологически нагружая «человеческий материал», который не был приучен к социальной дисциплине «профессионального общества» и по отношению к которому у царской власти не было таких репрессивных структур, какие были, например, в сталинском СССР.

Значение пространства, помимо его «количества», определяется его качеством, которое есть функция экономического потенциала. Вот и сравним их. Чугуна и стали Германия в 1914 г. выплавляла чуть меньше, чем вся Антанта: 32,5 млн. тонн против 35,4 млн. (из них 17,7 млн. приходились на Англию), с добавкой австровенгерской «гирьки» в 4,5 млн. тонн центральные державы выходили вперед. добыча угля центральных держав в 1914 г. составила 324 млн. тонн (из них 277 млн. — Германия); у Антанты — 368 млн. (Англия — 292 млн., Франция — 40 млн., Россия — 36 млн.); для сравнения: США — 455 млн. тонн. Англичане и немцы в 1913 г. почти сравнялись по потреблению энергии: 195 млн. метрических тонн угольного эквивалента у первых, 187 млн. — у вторых (США — 541, Франция — 62,5, Россия — 54, Австро-Венгрия — 49,4). Накануне войны Германия превосходила Великобританию в доле в мировом промышленном производстве: 14,8% против 13,6% (у США — 32%, у России — 8,2%, у Франции — 6,1%) цифры приведены по таблицам из работы П. Кеннеди: Keppedy 1988).

Экономический потенциал определил и военные расходы держав в начале XX в. Цифры и особенно динамика настолько интересны, что имеет смысл представить их в виде таблицы (данные с устранением опечаток приведены по таблицам II–I У: Тэйлор 1958: 39). Из таблицы 1 видно, что немцы, постоянно наращивая темп, выигрывали в гонке вооружений у англичан. С 1910 по 1914 гг. они (и австро-венгры) почти удвоили расходы: если в 1910 г. немцы отставали от Великобритании на 4 млн. (64 млн. против 68 млн.), то в 1914 г. опережали ее уже на 34 млн. Британская империя — гегемон XIX в. — плохо вписывалась в век XX, и британцы сами признавали это.

Таблица 1. Военные расходы ведущих мировых держав в начале XX в.
(в млн. фунтов стерлингов)

Страны	1900			1910			1914		
	Общ.	Сухо-пут. армия	ВМФ	Общ.	Сухо-пут. армия	ВМФ	Общ.	Сухо-пут. армия	ВМФ
Германия	41,0	33,6	7,4	64,0	40,8	20,6	110,8	88,4	22,4
Австро-Венгрия	13,8	12,0	1,6	17,4	14,6	2,8	36,4	28,6	7,6
Франция	42,4	27,8	14,6	52,4	37,6	14,8	57,4	39,4	18,0
Англия	50,6	21,4	29,2	68,0	27,6	40,4	76,8	29,4	47,4
Италия	15,6	10,8	4,8	24,4	16,3	8,2	28,2	18,4	9,8
Россия	40,5	32,1	8,4	62,8	53,4	9,4	88,2	64,8	23,6

«Правда заключается в том, — писал в 1903 г. премьер-министр Великобритании сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман, — что не можем обеспечить боевую (fighting) империю. Мирная империя старого типа — вот этому мы вполне соответствуем». А вот Второй Райх не просто хорошо вписывался в XX век, но творил его, определял условия для вхождения в него других, легко трансформируя экономическую мощь в военную и превращаясь в «боевую империю». Приведем лишь один пример: к началу войны немцы имели 9 388 орудий (из них тяжелые — 3 260, знаменитые 120 мм гаубицы Круппа). для сравнения: Россия — 7 088 (из них тяжелые — 240), Австро-Венгрия — 4 088 (из них тяжелые — 1 000), Франция — 4 300 (из них тяжелые — 200). Немецкая промышленность производила 250 тыс. снарядов в день, английская — 10 тыс. снарядов в месяц. Поэтому, например, в боях на линии дунаец-Горлице немцы всего за четыре часа выпустили по русской третьей армии 700 тыс. снарядов (за всю франко-прусскую войну они выпустили 817 тыс. снарядов).

Значение тяжелой артиллерии проявилось уже в самом начале войны: 60–70% потерь кампании 1914 г. — ее работа. Первая мировая была войной тяжелых артиллерий или даже, уточняет Террейн, войной бризантных снарядов. В качестве последней по счету иллюстрации можно привести следующие цифры: во время войны англичане через посредников закупили у Германии 32 тыс. биноклей — лучших в мире. Второе место по военным расходам в 1914 г. занимала Россия. В 1910 г. она отставала от Германии всего лишь на 1,2 млн. фунтов стерлингов, в 1914 г. разрыв стал огромным. Правда, Россия, чтобы держаться на уровне, вынуждена была тратить на военные нужды ббльшую часть национального дохода — 6,3% в 1914 г. Таков удел всех экономически отстающих стран (ср. СССР против США в 1970–1980-е годы). Австро-Венгрии приходилось

тратить 6,1%, тогда как Франции — 4,8%, Германии — 4,6%, Англии — 3,4%. Во время войны долю военных расходов пришлось еще больше увеличить, и, если экономика практически всех крупных держав это позволяла, то архаичные социально-политические структуры многих государств выдержать испытание тотальной (в том числе и экономической) войной просто не смогли. Именно Первая мировая война сломила историческое «сопротивление старых порядков» (А. Майер), довершив то, что начала Великая французская революция в 1789 г., и закрыв таким образом в 1914 г. «длинный XIX век».

Таблица 1 хорошо показывает контраст между морскими и сухопутными расходами Великобритании и Германии, их военные приоритеты. Не случайно еще в 1904 г. английские военные говорили: военный конфликт между Берлином и Лондоном — это нечто вроде схватки слона с китом, в котором каждому из противников будет очень трудно проявить свою сильную сторону. Решая эту проблему в реальности уже идущей войны, Германии и Великобритании пришлось взаимоуподобляться: в какой-то степени слон попытался стать китом, а кит — континентальным слоном. История показывает: как правило, такие попытки ни к чему хорошему не приводят, а часто бывают просто контрпродуктивны — немцы так и не смогли составить конкуренцию англичанам на море, а их подводный успех ускорил вмешательство США. Попытки Англии повести себя в качестве континентальной державы перенапрягли нацию и оказались, в конце концов, большущим гвоздем для гроба Британской империи. Но мы несколько забежали вперед.

Начало войны

В первые дни войны в Лондоне, Париже, Берлине, Вене и Петрограде царило радостное шапкозакидательское настроение: предполагалось, что война продлится несколько недель и быстро закончится победой. Отсюда — воодушевление, порой — экзальтация, словом, ощущение праздника. И это действительно был последний, предзакатный праздник европейской цивилизации. М. Джилберт объяснял эту наивную уверенность европейцев тем, что в течение более тридцати лет (между франко-прусской и мировой) Европа не знала войн; без войны выросли два поколения, точнее, они знали войны, но колониальные, где превосходящие силы «наших» обрушивают на далекого и слабого врага огонь пулеметов и гигантских морских орудий. Правда, была сильная травма англо-бурской войны, но, во-первых, ее испытали только англичане, во-вторых, совместная европейская акция против ихэтуаней («боксеров») в Китае относительно быстро вытеснила неприятные воспоминания. Несмотря на то, что в начале XX в. о возможности войны говорилось — и говорилось немало, публика не ощущала, что приближается нечто принципиально новое и страшное.

Не ощущало этого и большинство государственных и политических деятелей того времени (редкие исключения — В. Ратенау и Г. Китченер, предупреждавшие о том, что надвигающаяся война будет длительной), многие журналисты и ученые. Наивный З. Фрейд, узнав об австро-венгерском ультиматуме Сербии, писал, что впервые за тридцать лет чувствует себя австрийцем, и что история подарила Австрии второй шанс. История, может быть, и подарила, а Россия отобрала, вырубив, по сути, уже в 1914 г. (галицийская битва 19 августа — 21 сентября, в которой австровенгры потеряли до 45% своей военной силы), по принципу каратэ, с одного удара двойную монархию из войны и из истории. Более точным, чем Фрейд, оказался в своей оценке автор любимой работы И. Сталина «Мозг армии» будущий маршал Б. Шапошников: «Путь Австро-Венгрии был предначертан... Он вел… в нирвану!» Правда, Шапошников писал post factum.

Впрочем, проницательным людям это было ясно еще в середине XIX в. «У Австрии больше нет смысла существования», — писал Ф. Тютчев, отмечая, что после 1849 г. она сохранилась только благодаря русской поддержке (и, добавлю я, сохранялась в течение еще 69 лет по логике европейской пентархии; с 1870-х годов к этому добавилась поддержка Германии). В первые недели войны немцам казалось, что восторги первых дней оправдываются. К 20 августа они оккупировали Бельгию, а к 25 августа в «приграничном сражении» (четыре одновременные операции: Лотарингская, Арденнская, СамброМаасская и Монсская) нанесли поражение англо-французам. На первый взгляд, план А. фон Шлиффена, начальника немецкого генштаба в 1892–1906 гг., согласно которому предполагалось дать французам решающее сражение на сороковой день, выполнялся с блеском и, более того, с опережением графика — сражение дали на тридцать пятый день. Все сбылось, кроме одного, — победы.

Гладко было на бумаге…

План Шлиффена был составлен одним из крупнейших военных умов Германии. И составлен — с военной точки зрения — грамотно. Более того, с учетом соотношения сил (экономического, военного, демографического потенциала), блицкриг, навеянный, по мнению специалистов, опытом Ганнибала под Каннами и Наполеона под Ульмом, был единственным, способный обеспечить победу Райху, избежав войны на два фронта. В «двухфронтовой» войне Германия ни в 1914 г., ни в 1941 г. шансов на победу не имела. Откуда взялись сорок дней, отведенные Шлиффеном на победу над Францией? Из расчета, что столько дней понадобится России на полную мобилизацию, после чего она сможет перейти в наступление. Здесь-то и должен был ее настичь тевтонский меч, уже сразивший Францию.

Кроме планов, однако, есть реальность. Правильный, а точнее, упорядоченный немецкий ум полагал, что воевать можно только по завершении мобилизации. Русские показали, что это не так, и уже в середине августа Самсонов и Ренненкампф погнали немцев на запад. Не могу не вспомнить слова лесковского генерала о немцах: «какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтобы понять ее». В темповой игре немцы проиграли: они не успели разгромить французов до русского наступления. Неподготовленное наступление — такого не менее железный, чем воля, немецкий ум не мог предусмотреть!

«Германским войскам оставалось пройти до Парижа всего 30 миль, — писал биограф Вильгельма 11 дж. Макдоно, — и, казалось, что повторится история 1870 года». Однако 9 сентября была дана команда отойти, а 11-го объявили общее отступление: германское командование было вынуждено для переброски в Восточную Пруссию снять два корпуса и кавалерийскую дивизию с правого — ударного крыла (фланга) немецкой армии вторжения, занятой в битве на Марне. Удар генерала Монури по ослабленному правому флангу, по мнению Б. Лиддел-Гарта, дезорганизовал оборону немцев. Так русское наступление сорвало первый немецкий блицкриг, похоронив план Шлиффена и, по сути, лишив немцев возможности победить в войне (права Б. Такмэн: победи немцы, и война, скорее всего, закончилась бы быстрее и иначе). Провал блицкрига и поражение на Марне поставили крест на военной победе Германии. Теперь она уже вела войну за наиболее благоприятные

условия мира.

Овраги 1914–1918 гг.

Собственно военная история Первой мировой войны весьма интересна, однако здесь нет места ее рассматривать. Ограничусь лишь несколькими замечаниями. Первая мировая война была первой в истории с широкомасштабным применением новых видов оружия — подводных лодок, авиации, танков. Следует особо отметить подводную войну немцев, поставивших весной 1917 г. Британию, более других держав зависевшую от импорта, на грань катастрофы. О такой угрозе в самый канун войны предупреждал сэр А. Конан дойл своим рассказом «Danger! A glory of England's peril», однако его не послушали. В результате немецкой подводной войны, объектом которой были главным образом торговые суда, Британия потеряла тоннаж, равный тоннажу всего ее торгового флота в 1914 г. В то же время успехи британских у-ботов ускорили вступление в войну США. Через неделю после этого — симптоматично — в России появился Ленин. Октябрьская революция реализовала мечту германского командования о войне на один фронт, и немцы на радость навалились на измотанных англо-французов так, что мало не показалось. Однако пять немецких наступлений не привели к перелому в войне. С помощью двухмиллионной американской армии летом 1918 г. союзники начали наступление, и 30 сентября 3. Людендорф вынужден был признать: «Мы не можем сражаться против всего мира».

11 ноября немцы капитулировали. Потери убитыми составили: Германия — 1,8 млн., Австро-Венгрия — от 0,9 млн. до 1,3 млн., Россия — 1,7 млн., Франция — 1,4 млн., Британская империя — 950 тыс. (из них 750 тыс. — англичане). Война стоила Антанте 193 млрд. долларов, центральным державам — 282 млрд.

Версаль и после: судьбы европейских наций, Европы и мира

Итоги и условия Версальского мира известны, и вряд ли имеет смысл их пересказывать. Будучи поразительной смесью хитрого расчета и близорукости, цинизма и столь абстрактных принципов гуманизма и национального самоопределения, что их воплощение не могло не обернуться своей противоположностью, создав балканизированно-лоскутную, националистическую, вовсе не гуманную и недемократическую Центральную и Восточную Европу, Версаль не мог не стать прологом к новой войне, а точнее — к отложенному продолжению старой. Это было ясно многим, например, Ленину. Однако в 1920-е годы мир не хотел думать о плохом. Хотелось забыть об ужасах войны и первых двух–трех послевоенных лет, когда «испанка» выкосила людей больше, чем война (в России к этому добавилась гражданская война, унесшая от 10 до 13 млн. жизней). Хотелось — особенно молодым — просто жить и жить легко.

1920-е годы для значительного сегмента населения стали временем релаксации, временем ongoing never ending party с отчетливо сексуальным оттенком. То, что до войны считалось развратным (женская косметика, танго), перестало восприниматься как таковое. Юбки поползли вверх, исчезли корсеты. 1920-е годы — первая сексуальная революция XX в.; в 1960-е годы не она станет новостью, а ее соединение с рок-музыкой и наркотиками.

Западная молодежь 1920-х, всего на 5–7 лет моложе тех, кто отвоевал, была отделена целой эпохой от «потерянного поколения» («потерянного» отчасти и физически: война безжалостно выкосила мальчиков 1892–1898 гг. рождения, до 30% этого поколения) с его трагизмом и ощущением ненужности, принадлежала уже другой эпохе и даже другому веку — двадцатому. Отмеченное современниками и нашедшее отражение в литературе легкомыслие молодежи 1920-х, ее жажда жизни были естественной реакцией на войну, на социальные потрясения. В поствесальские двадцатые о том, что они должны или хотя бы могут закончиться крахом, никто и думать не хотел. Поэтому даже умные люди не желали верить О. Шпенглеру с его «Закатом Европы». На первый взгляд, казалось, что он ошибся, что перед победоносной Западной Европой — Британией, Францией — открывается новое будущее. Но это только казалось.

Франция была обескровлена. Потерпев поражение в 1870 г., она ухудшила свои позиции в Европе, культурно-психологически и интеллектуально надломилась (не случайно именно Францию избрал автор «Вырождения» М. Нордау в качестве объекта своих штудий) и со всей очевидностью поехала с ярмарки Большой Истории. Победив в 1918 г., она перестала быть даже тенью великой державы. Политическое ничтожество последнего двадцатилетия Третьей Республики и интеллектуальный кризис 1920–1930-х годов свидетельствуют об этом со всей очевидностью. В течение нескольких лет казалось, что гегемония Великобритании восстановлена, что звезда империи вновь сияет над миром.

На самом деле это была short happy life накануне конца — нечто похожее на угасающий блеск галактической империи эпохи Селдена из знаменитой трилогии А. Азимова. Индия — самый крупный бриллиант империи, ее стержень (но потому же — ее «кощеева смерть») — сделала мощный глоток, если не свободы, то квазиавтономии от «белых сахибов» в 1914–1918 гг. Финансовый центр мировой системы переместился из Сити на Уолл-стрит, Британия была по уши в долгах своей бывшей колонии, которая стремительно шла к мировой гегемонии. В такой ситуации постепенный отлом кусков империи, разжижение имперской воли и превращение самой империи в «пригоршню праха» — процессы, нашедшие своего летописца в лице Ивлина Во, стали вопросом времени. Убывавшие жизненные силы Великобритании словно вливались в Америку. Сконцентрировав во время войны в своих руках огромный капитал, который, как известно, есть не что иное, как накопленный труд, время, американцы стали менять его на пространство, принадлежавшее Британской империи на суше и на море. (В этом плане Америка — антипод России, всегда менявшей пространство на время, будь то 1918 г. — «старик менял пространство на время», говорит Н. Рубашов о Ленине в «Слепящей тьме», — или 1941 г.) Благодаря своему капиталу и британской задолженности, ограничивавшей действия Альбиона, Америка развернула не имеющую прецедентов в истории программу строительства флота. Именно этот флот одержит победу в 1942–1943 гг. в битве за Пацифику, а в 1943–1944 гг. — за Атлантику. «Время» обернется накоплением еще большего «времени», в том числе исторического, что, помимо прочего, позволит США взять верх над СССР.

Итак, Версаль был пиром победителей, которые кромсали «Миттельойропу» с тем, чтобы она никогда не стала конкурентом победителям в мировой политике и экономике. Австро-Венгрию расчленили так, что сырьевые и промышленно развитые области оказались разделены государственными границами. И, как знать, возможно, не так уж и далеки от истины те, кто считает: если бы Австро-Венгрия сохранилась, Гитлер едва ли пришел к власти в Германии.

Что касается Германии, то Версаль поставил ее перед выбором: либо исторический крах, либо возрождение с помощью насилия. Версаль заквасил те дрожжи, на которых вырос национал-социализм, и подвел Германию к пропасти, куда

ее столкнул мировой кризис 1929–1933 гг. Выбраться из пропасти оказалось возможным только с помощью национал-социализма. Однако, придя к власти, национал-социалисты немедленно совершили еще одну попытку превратить Германию в оплот единой антианглосаксонской, антиуниверсалистской, антилиберальной и, в то же время, антикоммунистической Европы. И тем самым полностью уничтожили политически самостоятельную Европу, сработав — по результатам — на США и СССР, которые, как и предупреждал за 130 лет до этого Наполеон, разделят между собой мир. 2 сентября 1945 г. США и СССР пришли к промежуточному финишу того геоисторического марафона, который стартовал 1 августа 1914 г., начав, по сути, уже в 1944 г. (открытие второго фронта) глобальный конфликт между собой.

1914–1994–2004, или о симметричности «версальского» и «мальтийского» миров

Десять лет назад пятидесятилетняя глобальная холодная война закончилась (черта — вывод российских войск из Германии) поражением России. Сначала — СССР, а потом России. да-да, СССР уже не существовал, и потерпевшей поражение назначили Российскую Федерацию, которая — в лице ельцинского руководства — вроде бы наоборот, даже посоучаствовала в победе Запада над прекратившим в одностороннем порядке в 1987–1989 гг. холодную войну СССР. Исторический круг замкнулся: короткий XX век — век двух войн (мировой и глобальной), военный век — завершился. Его абсолютным и неоспоримым победителем кажутся США — как в 1919–1929 гг. таким победителем Первой мировой войны казалась (ах, как опасно такое впечатление, как правило, оно — индикатор близкого неблагополучия, потрясений и тревог: «много, много непокоя принесет оно с собою») Британия, морская держава, впервые всерьез участвовавшая в войне как сухопутная, континентальная и перенапрягшаяся именно тогда, когда ее гегемония на самом деле уже шла на спад.

Сегодня «послемальтийские» США напоминают мне «послеверсальскую» Великобританию — та же уверенность в могуществе, потому что повержен главный противник (но то был противник ушедшей эпохи!), то же стремление влезать в те зоны, которые традиционно лежат вне реальных возможностей — Каспийский регион, Центральная Азия, короче, центр Евразии, Heartland; та же ситуация преддверия экономического кризиса, который, в отличие от кризиса 1929–1933 гг., окажется не структурным, а системным и, вместе с тем, гораздо более значительным по масштабу и последствиям.

Закончился XX век, советские/российские войска покинули «Миттельойропу», СССР/Россия потерпел поражение, как в 1918 г. Германия, и распался, как когда-то Австро-Венгрия; рухнул «ялтинский» мир, а пришедший ему на смену «мальтийский» оказывается очень похож на «версальский». Центр Европы занят мелкими, экономически слабыми и нестабильными государствами, правда, не с полицейскими, авторитарными или фашистскими режимами, а с «демократическими», но, несмотря на евросоюзовскую риторику, весьма почитающими национализм. Да и сам Евросоюз есть результат политического заката Европы, активной начальной фазой которого была Великая война. Конец «холодной войны» стал ее финалом — с крушением СССР Европа закатилась полностью: советская Европа закончилась, а несоветская утратила возможность играть на советско-американских противоречиях. В 1918 и 1989–1994 гг. завершились «большие» войны и сразу же в режиме non stop начались войны малые (в 1990-е годы — Ирак, Югославия).

В результате глобальной «холодной войны» Германия и Япония мирным экономическим путем наконец добились того, к чему стремились путем военным в 1914–1945 гг. Рухнул СССР, и мир словно вернулся не то в 1917 г., не то в 1914 г. — мир эпохи передела и развала (теперь, как и тогда, — именем демократических ценностей).

1990-е годы удивительно похожи одновременно на предвоенные 1900-е и на послевоенные «версальские» 1920-е, особенно на последние. Парадокс, но последние десять лет мы живем будто бы во втором издании (разумеется, с поправками на эпоху глобализации и НТР — полных повторений не бывает) версальской системы. И именно поэтому история и опыт Великой войны, предшествовавших ей событий очень важны. Это такое прошлое, которое оборачивается актуальным настоящим и (как знать?) будущим. В известном смысле 1914 г. и 1918 г. значительно ближе к нам, чем соответственно 1939–1941 и 1945гг. Следует знать об этом, ибо, кто предупрежден, тот вооружен.

http://vk.com/andrey_fursov

А.И. Фурсов[1)]

Операция «Ориентализм»

«Дух Истины болезнетворен… Ибо Истина не лестна.
И он повергает в болезнь не просто того или иного человека,
но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы все озлить,
онедужить, осложнить, а не оберечь, опосредовать, как если бы
посреди чистого поля свободной, ясной и готовенькой стояла Истина».
Мартин Лютер

I. Имеет ли востоковедение право на существование?

В этом году в Москве состоится очередной международный конгресс востоковедов, и это очень хороший повод задаться вопросом: имеет ли востоковедение право на существование в качестве особой дисциплины? Поскольку я историк, то буду говорить прежде всего об историческом востоковедении, востоковедно-исторической сфере. Имеет ли изучение социально-исторического развития Востока (Азии и Северной Африки) право на существование в качестве особой дисциплины? Если да, то к чему относятся востоковедно-исторические штудии – к востоковедению или к истории? (Я не разбираю здесь вопрос, имеет ли право история на существование в качестве особой дисциплины – это отдельная тема, и я затрону её лишь в той степени, в какой речь пойдёт о **востоковедно**-исторической науке).

На первый взгляд вопрос может показаться наивным, странным или даже абсурдным. Что значит: имеет ли право? Существуют целые институты, в них работают научные сотрудники, проводятся конференции, конгрессы, издаются журналы, пишутся статьи и монографии. В России Институт Востоковедения вообще старейший. Дело, однако, в том, что сам факт существования научных институтов по тем или иным отраслям науки не означает

автоматически научно-содержательного права существования той или иной дисциплины. В советское время был институт марксизма-ленинизма. Кто рискнёт утверждать, что марксизм-ленинизм – особая дисциплина? Разумеется, востоковедение – не марксизм-ленинизм, но мы говорим о том, является ли наличие научных учреждений доказательством существования особой дисциплины. Нет, не является. Наука вообще и институциональная организация науки в частности суть социальные явления и развиваются в соответствии с социальными законами – как общими, так и той конкретной исторической системы, элементом которой являются и интересам господствующих групп которой призваны (для того и созданы) служить.

Институциональная организация науки – не только (а порой и не столько) отражает дисциплинарную систему в её содержательности, но нередко лишь очерчивает некие границы, в рамках которых ведутся исследования представителями различных дисциплин (например, Институт мировой экономики и международных отношений). Азию, Африку, Латинскую Америку, Восточную Европу (славянские и балканские страны) изучают историки, филологи, экономисты. Так, среди востоковедов, латиноамериканистов, балканистов есть представители всех этих специальностей, а также исследователи, идентифицирующие себя в качестве социологов и политологов. Вопрос, однако, заключается в следующем: что в комбинациях «востоковед-историк», «латиноамериканист-экономист», «балканист-политолог» и т.д. есть субстанция, определяющее, а что функция, определяемое? Если определитель, субстанция – та или иная дисциплина из «конвенционального набора» (экономика, социология, политология), а местоположение (как сказали бы евразийцы) фигурирует как

простое географическое указание locus standi, то перед нами так называемые «area studies» (региональные исследования, регионоведение), в рамках которых действительно работают экономисты, социологи, политологи, специализирующиеся по Латинской Америке, Балканским странам и т.д. и исследующие эти регионы как конкретную пространственную сферу приложения их дисциплин; в таком случае сами по себе «Латинская Америка», «Балканы», «Восток» не конституируют качественно особого базового объекта исследования и должны – по идее - находиться в одном и том же классе дисциплин. Однако в реальности это долженствование почему-то не соблюдается.

По классификации дисциплин, принятой ЮНЕСКО, балканистика и латиноамериканистика действительно проходят по разряду «area studies», т.е. регионалистики – дисциплины, определяемой функционально по отношению к некоему пространству («area»), а вот востоковедение (и африканистика) проходят в одном классе дисциплин с социологией, политологией и т.д., т.е. находится в компании субстанциальных дисциплин, определяемых из самих себя, в соответствии с им и только им характерным базовым объектом исследования.

Почему? Чем востоковедение (ориентализм) отличается от изучения Латинской Америки? Почему «Латинская Америка» – не дисциплинообразующий «объект», а «Восток» – образующий? Значит, Восток здесь – не географическое понятие? А какое? Выходит, изучение Латинской Америки можно дробить на изучение экономики, социальной сферы и политики, а Восток – нет? А если да, то как соотносится востоковедение с дисциплинами «тройственного союза» социальной науки – экономики, социологии, политологии (далее сочетания «социальная наука»,

«конвенциональная социальная наука», «дисциплины «тройственного союза» – ТС, дисциплины комплекса «экономика, социология, политология» – ЭСП – употребляются как синонимы). Разве нельзя разделить востоковедение на экономику (экономическую историю) Востока, социологию (социальную историю) Востока, политологию (политическую историю) Востока, т.е. на три дисциплины, представляющие ядро современной науки об обществе, некий дисциплинарный «тройственный союз»? Если можно, то никакого востоковедения нет, последнее – *«только вымысел, мечтанье,/Сонной мысли колыханье»*[2)]. Если базовый объект изучения востоковедения можно «нарéзать» и разделить между дисциплинами ТС, то, повторю, никакого востоковедения быть не может. Если же «Восток» востоковедения понятие не географическое, а содержательное, сущностное и дисциплинообразующее, то методы и понятийные аппараты дисциплин ЭСП комплекса здесь по определению не работают и неуместны: объект востоковедения (ели оно существует) по определению не может поддаваться членению по типу конвенциональной социальной науки.

И здесь мы возвращаемся к тому, с чего я начал статью: есть ли у востоковедения право на существование – свой особый объект изучения, который конституирует особую дисциплину с характерными только для неё методологией, понятийным аппаратом, комплексом теорий и которого нет ни у одной из дисциплин «тройственного союза»? Уж у последних с таким объектом, по крайней мере **теоретически**[3)] всё в относительном порядке. Они и создавались «под» эти объекты, конструировались как отражения и для их исследования.

II. Западная социальная наука и исторический материализм[4)]

Современная наука об обществе возникла в таком социуме и как отражение такого социума, в котором существует частная собственность, в котором обособились друг от друга власть и собственность, религия и политика. Современная *(modern)* западная наука об обществе отражает реалии такого социума, который отчётливо дифференцирован на экономическую («рынок»), социальную («общество» – гражданское) и политическую («государство») сферы. И эта дифференциация зафиксирована институционально и ценностно. Отсюда – тримодальная дисциплинарная структура конвенциональной науки об обществе, которая сложилась в XIX в. в ядре капиталистической системы (прежде всего в англосаксонском её сегменте) и которая предполагает совершенно определённый взгляд на мир, подход к нему. В ходе экспансии капсистемы эта наука была распространена на весь мир (пространство) и «опрокинута» в прошлое (время) – на все «докапиталистические» общества, включая азиатские; и это прошлое разных систем стали рассматривать сквозь призму одной системы – капиталистической.

Проблема, однако, заключалась в том, что далеко не во всех социальных системах власть и собственность «обособлены» друг от друга; в большинстве систем не было ни гражданского общества, ни национального государства (nation state). Место первого занимали структуры общинного типа, иерархически организованная структура которых и образовывала данный социум. Место второго занимали различные типы политий – от полисов до патримониальных империй. Что касается рынка, то в «докапиталистических» обществах он, естественно, был иным, чем рынок буржуазного общества, выполнял иную функцию и занимал иное место в

обществе. По его поводу как объекта современная экономическая наука возникнуть не могла бы.

Западноевропейские буржуазные реалии, трансформированные в определённые дисциплины и понятия, были объявлены **универсальными**, т.е. общенормативными, а то, что не укладывалось в эту схему либо объявлялось отклонением от нормы (предполагалось: подлежащим исправлению), либо считалось состоянием, недоразвившимся до нормы. Так западноевропейский **meum** стал универсальным **verum**, а весь мир – либо Не-Западом, либо Ещё-не-Западом со всеми вытекающими отсюда идеологическими, теоретико-методологическими и понятийными последствиями. Началось концептуальное выстраивание неевропейского мира, включая Восток, с помощью и на основе понятий, отражающих европейские реалии – как универсальные. Т.е. это выстраивание было встраиванием неевропейского мира в систему понятий, отражающих европейские реалии.

В качестве строителей выступили представители обеих ветвей универсализма, обеих программ геокультуры Просвещения – марксисты и либералы. В XX в., особенно во второй его половине, они попытались на языке своих идеологий и теорий концептуализировать развитие неевропейского мира, который в послевоеннный период стал называться «третьим», его прошлое и настоящее. Разумеется, марксистская и либеральная версии «универсалистской» (т.е. европо-, западоцентричной) концептуализации развития неевропейского мира отличались друг от друга. Либеральная версия представляла собой попытку «департаментализации» неевропейских социумов на три составные части – в соответствии с набором дисциплин ТС. С марксистской

версией дело обстояло сложнее и сама эта версия по принципу конструкции (но не по принципу реализации!) была более сложной.

Исторический материализм исходно конструировался не как альтернативная экономическая или политическая теория, а как целостная системно-историческая теория, концептуально преодолевающая суммарно-частичный характер дисциплин ТС, т.е. преодолевающая их буржуазо- и капиталоцентризм. Однако поскольку в центре теории Маркса – капитализм, в котором экономические отношения выступают в качестве системообразующих производственных и поскольку последователи Маркса отождествили материализм с экономизмом, то материалистическое понимание истории, система исторического материализма стали распространением реалий и универсалий капиталистической формации на все некапиталистические общества, будь то «докапиталистические» или антикапиталистические (коммунизм). Все они концептуализировались по образу и подобию капитализма: во всех (даже в первобытном обществе) отыскивали «основной экономический закон», во всех производительные силы отождествлялись с «железками», прогрессивность всех этих способов производства определялась в соответствии с наличием или отсутствием того, что в Европе привело к возникновению капитализма.

Так исторический материализм Маркса, сконструированный для преодоления капиталоцентризма дисциплин ТС, превратился в советский капиталоцентричный истмат. Однако поскольку исходный посыл был антикапиталоцентричным, в истмат оказалось встроено острое и опасное для него противоречие, которое так или иначе, больше или меньше, но всегда проявлялось в истматческом анализе некапиталистических (неевропейских) обществ. И чем более

развитыми были эти общества, например, Китай или Индия, тем более очевидным было противоречие, тем более уродливые, алогичные формы принимали результаты попыток избавиться от него. А попытки эти были неизбежны в истмате. Это в либерализме под одной «шапкой» могут существовать разные базовые схемы и концепции. В марксизме, тем более, в его советско-истматовской версии альтернатива могла существовать только в виде самостоятельной «шапки». Иными словами, неустранённость того противоречия, о котором идёт речь, объективно грозила породить рядом с капитало- и западоцентричным истматом антикапитало- и антизападоцентричный. Это в либерализме можно теоретически представить несколько ориентализмов. В марксизме бы это означало появление рядом с «истматом для Запада» «истмата для Востока», так сказать, ориенталистского истмата, исключающего иной. В результате и в марксистской, точнее, советской истматческой мысли западноевропейский, капиталистический ***meum*** тоже был провозглашён универсальным ***verum***. (Правда, повторю, здесь всегда присутствовала теневая схема, связанная с «азиатским» способом производства, который был постоянным «дамокловым мечом», грозившим не только разрушением пятичленки, но и – потенциально – созданием такого «зазеркального» истмата, в котором географические факторы могут играть решающую роль по отношению к производству, а надстройка – по отношению к базису, в котором государство и господствующий класс совпадают (а как может быть иначе при совпадении ренты и налога?) и т.д.

Как для советского марксизма, так и для западного либерализма (а также западной марксисткой и леворадикальной исторической мысли) Восток был неудобным объектом. Его интеграция в эти схемы либо превращала его в нечто западоподобное (в лучшем

случае – в негативный слепок Запада, в Не-Запад), либо ломала эти схемы. Если интеграция всё-таки происходила, то она по сути автоматически лишала востоковедение (ориентализм) права на существование в качестве особой, субстанциальной дисциплины как в либеральной дисциплинарной сетке ТС, так и в истмате. При этом, тем не менее, как на Западе, так и в СССР востоковедение присутствовало и присутствует в конвенциональной дисциплинарной сетке.

Не сгустил ли я краски по поводу неинтегрируемости Востока, его социальной эволюции в марксистские (и леворадикальные) схемы, с одной стороны, и в либеральные, с другой? Чтобы ответить на этот вопрос, весьма полезно и интересно вкратце (очень вкратце) взглянуть на дискуссии в советской (марксистской) и западной (либеральной и леворадикальной) науке о развитии азиатских обществ, что я сделаю ниже. При этом, во-первых, чтобы дать максимальный хронологический охват от доколониальной эпохи до XX в. включительно; во-вторых, чтобы представить как попытки понять Восток, будь то на марксистский или либеральный манер, и сам по себе как таковой до прихода европейцев (Гегель назвал бы это *«в рамках учения о сущности»*), так и попытки понять Восток в качестве функционального элемента мировой системы (Гегель назвал бы это *«в рамках учения о бытии»*), я решил обратиться к двух вариантам попыток объяснения истории афро-азиатского мира. Речь пойдёт, с одной стороны, о спорах о социальной природе Востока в доколониальную эпоху, которые велись в СССР, с другой – о смене парадигм развития колониального и послеколониального Востока в мировой системе, которая происходила в западной либеральной и леворадикальной науке.

III. Приключения «восточного феодализма», АСП,

или ещё раз о квадратуре круга[5)].

Перед советской наукой проблема социальной природы доколониального Востока встала остро в 1920-е гг. в связи с китайской революцией в частности и смещением направления главного удара мировой революции с Запада на Восток, что и стимулировало первые дискуссии об особенностях восточных обществ. Среди участников этих дискуссий было немало сторонников «азиатского» способа производства (АСП), т.е. социосистемы не из европейского «универсалистского» набора.

Дискуссии обрели собственную динамику, обусловленную логикой развития как научного знания, так и советской идеологии в целом, элементом которой была советская наука. Поскольку к середине 1930-х гг. восторжествовала «пятичленка» (первобытный строй – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм) как обязательный набор формаций для всех стран и народов и в ней не оказалось место для АСП (к тому же он рисовал неприемлемую для советской идеологии картину: наличие эксплуатации и классов без частной собственности, функционирование государства в роли эксплуататора и господствующего класса – *sapienti sat*), он на три десятилетия исчез с научного горизонта.

Доколониальный Восток в качестве нормативных стадий своего развития получил восточное (патриархальное) рабовладение и восточный феодализм (ВФ), т.е. Восток затолкали в рабовладельческо-феодальное прокрустово ложе. И если с «восточным рабовладением» всё более или менее обошлось (хотя сторонникам и этой схемы пришлось *повыкручиваться*), то с ВФ дело обстояло намного сложнее. И связано это было с логикой пятичленки, конкретно – с тем способом производства, который в соответствии с ней должен был неизбежно следовать за

феодализмом, – с капитализмом. Поскольку последний нигде на Востоке в самостоятельно-спонтанном развитии до прихода европейцев, до включения в мировую капиталистическую систему не возник, это надо было объяснять из предшествующего капитализму строя – феодализма. В данном случае объяснять спецификой восточного феодализма – расплата за попытку втиснуть азиатские реалии в феодально-европейские (иных феодальных не было, феодализм – стадия развития европейской цивилизации). Получалось, что из западного феодализма капитализм возникает, а из восточного нет. Поиски решения этой проблемы и стали мучениями-приключениями ВФ, которые служат великолепной иллюстрацией невозможности концептуализировать Восток à la Запад, втиснуть Восток в набор социальных систем исторической хронолинейки Запада.

Если в 1930-е – 40-е годы в советской науке уровень укладно-формационного развития Востока с древности до XVI - XVII вв. в целом приравнивался к западноевропейскому (а по некоторым показателям – развитие торгово-ростовщического капитала, товарно-денежных отношений – иногда расценивался и как «более высокий уровень феодального развития»), то начиная с 1950-х гг. наметилась тенденция к занижению уровня развития «восточного феодализма» (ВФ), а сам этот термин стал обрастать спасительными определениями «полу-» и «патриархально-». Аномалии, приведшие к тому, что капитализм так и не возник на Востоке, объяснялись частными факторами (особая роль религии, специфика восточного города, завоевания кочевников и т.д.)[6)]; объяснявшим почему-то не приходило в голову: если **во всех** странах Азии (при спорном японском случае) капитализм не возник, то, значит, за этим – общая

системная закономерность.

К середине 1960-х гг. в условиях общего оживления общественной и интеллектуальной жизни (в рамках «шестидесятнического» «бунта на коленях») все большее осознание несостоятельности рабовладельческо-феодальной интерпретации социально-экономической истории Востока привело к возобновлению дискуссий о социально-экономическом строе доколониального Востока[7)]. Началась новая – вторая – фаза в развитии советской востоковедно-исторической мысли (и парадигмы ВФ).

Ее особенностью было, во-первых, противоречие между эмпирической фиксацией качественного укладно-формационного отличия Востока от Запада и отсутствием теоретической концептуализации этой фиксации, во-вторых. Правда, и некогда запретная концепция АСП «в исполнении» большинства ее сторонников оказалась довольно незатейливой и уязвимой. Поэтому, не имея подавляющего превосходства – conditio sine qua non для победы любой концепции[8)], – АСП не только не смог захватить и удержать «оставленные» ВФ позиции, но и сам был потеснен и по причине своего несовершенства и стал легкой мишенью для довольно слабых книг, написанных с официальных догматических позиций[9)].

Однако и ВФ уже не смог полностью оправиться от понесенного в дискуссиях урона – прополотый сорняк прежней силы не берет. Дело не только в том, что рядом с уже не господствовавшей безраздельно концепцией ВФ появились возведенные в ранг концепций эмпирические конструкции «раннеклассовое общество»[10)] и «древнее общество»[11)], ведущие к принципиальной детеоретизации исторического исследования азиатских обществ, но

и стадиальная оценка ВФ была еще более понижена: ВФ, во-первых, как ранний феодализм, во-вторых, как циклический феодализм в концепции В.И.Павлова.

Концепция В.И.Павлова знаменует конец второй фазы в осмыслении советской востоковедно-исторической наукой развития доколониальных обществ Азии и Африки. Её итогом стало низведение ВФ до самой неразвитой стадии и устранение феодальной субстанции до такой степени, что сквозь нее уже отчётливо проглядывал АСП, характерная черта которого – попятно-циклическое развитие, что имплицитно означало капитуляцию концепции ВФ[12)]. Однако этой интерпретации изначально был отпущен короткий век: определение «ранний» в качестве мостика между циклизмом и феодализмом оказалось слишком слабым. Проверка концепции на прочность должна была логически привести либо к признанию восточного общества (с его попятностью) структурой АСП, либо к сохранению феодализма при обязательном отбрасывании понятия «ранний». Именно последнее и выбрал В.И.Павлов уже на следующий год после выхода книги[13)], сменив определение «ранний» на «развитой», «зрелый».

Концепция ВФ вступила в третью фазу своего развития: стадиальная оценка феодализма на Востоке опять начала повышаться (типичный пример – работы Н.А.Иванова[14)] и И.М.Смилянской[15)], согласно которым ВФ – развитой, но не достигший позднефеодальной стадии, т.е. той, вслед за которой «приходит» капитализм). Однако такая оценка порождала свои вопросы – в частности, о причинах отсутствия «элементов капитализма» при высоком уровне развития мануфактуры, торгово-ростовщического капитала и т.д.[16)]. Уйти от этих проблем – в рамках парадигмы ВФ – можно было, только ещё более повысив

уровень развития феодализма на Востоке. Этот шаг сделан в работе «Эволюция восточных обществ»[17)], по сути определившие азиатские общества XV–XVI вв. как позднефеодальные и настолько «переразвитые» в феодальном отношении, что они не нуждались в своём функционировании в превращении в капиталистические[18)]. Подобная трактовка по сути вернула оценку уровня развития доколониального афро-азиатского мира в 1930-е – 40-е гг. Круг замкнулся, и это – логичный результат, ибо, для того чтобы существовать, концепция ВФ должна под бременем вопросов, на которые она в принципе не способна ответить, постоянно (и довольно беспринципно) менять стадиальную оценку феодализма («поздний» – «развитой» – «ранний» – «развитой» – «поздний»), обрастая при этом допущениями *ad hoc*, подобно геоцентрической системе Птолемея накануне ее крушения.

После того как восточнофеодальный формационный круг замкнулся, были сделаны две попытки разорвать его – «консервативная» (Л.Б.Алаев[19)]) и «радикальная» (В.П.Илюшечкин[20)]). Обе они по сути представляют доведение до логического завершения концепции «мирового феодализма» Ю.М.Кобищанова[21)].

При подходе Л.Б.Алаева феодализм на Востоке сохранялся, но путем изменения оценки восточного варианта в рамках «мирового феодального развития»: ВФ становится нормой, а западный феодализм благодаря античному наследию – отклонением. Несостоятельность подобной точки зрения (ранее ее высказывали индийские[22)] и китайские[23)] ученые) заключается в ее противоречии как историческим фактам, так и теоретическим положениям[24)] и фундаментальным регулятивам конструирования научных теорий[25)].

В.П.Илюшечкин в решении вопросов формационной

принадлежности пошел радикальным путем: он вообще взорвал «восточнофеодальный» круг, доводя до предела (и самоуничтожения) логику «феодалистов». Степень широты и нестрогости, которая характеризует определение и употребление понятия «феодализм» советскими востоковедами (и вообще историками), столь велика, что под него могут быть подведены почти все докапиталистические и даже поздневарварские общества, что делает излишним понятие «феодализм» в принципе. В.П.Илюшечкин очень последовательно заменил ВФ единым и универсальным докапиталистическим рентным способом производства. И хотя концепция Илюшечкина представляется мне методологически ошибочной[26)], самое главное (и в этом ее значение) – с запозданием на четверть века она уничтожила научный миф под названием ВФ[27)]. После этого любые «феодальные писания» – по поводу Востока – нечто вроде «посмертных записок феодального клуба».

Я охарактеризовал концепцию В.П.Илюшечкина как радикальную попытку выхода из заколдованного круга ВФ, однако жизнь оказалась еще более «радикальной». Социальная и идеологическая ситуация в обществе позволила значительной части историков, в том числе востоковедов, вообще отказаться от теории формаций и заменить ее. Но чем? Замена нашлась в теории (или тематике) цивилизаций. Первый шаг в этом направлении был сделан еще авторами книги «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» в 1984 г., но шаг этот был очень робким. После 1991 г., когда Начальство разрешило и одобрило, теория формаций пошла вразнос. Многие её неистовые ревнители стали не менее неистовыми ниспровергателями и сторонниками

цивилизационного подхода (перефразируя Аввакума: *«ишо вчера был блядин сын, а топерво батюшко»*).

Замена получилась неадекватной и часто выглядит просто убого. Во-первых, если говорить о марксистах, то они хоть и бывшие, но марксисты, а потому цивилизационный анализ для них чаще всего оказывался простым смещением фокуса исследований от базиса к надстройке – и это представлялось как «радикальное преодоление марксизма». На самом деле перед нами – изнанка формационного подхода, а изнанка всегда хуже лицевой стороны, даже если та обносилась и истрепалась. Я уже не говорю о том, что при «переводе» на марксистский язык цивилизация – это как надстройка, так и базис, но поскольку речь идёт о другом измерении то эти термины, во многом сомнительные даже для капитализма, не говоря об иных обществах, здесь не работают.

Во-вторых, если формационный анализ предполагал наличие некоего универсального языка, то адекватный анализ конкретной (уникальной) цивилизации возможен на языке только этой цивилизации. Как писал И.Бродский, *«безусловно, память одной цивилизации не может, и наверное, не должна, стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести отрицательные реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий»*. Изучение одной цивилизации на языке другой (причём эта другая – западная) воспроизводит всё тот же тавтологичный европоцентристский подход, который в изучении цивилизаций демонстрирует ещё более катастрофичные результаты, чем в изучении формаций. Великолепным примером такой тавтологии, тотально искажающей неевропейскую реальность на европейский манер служит интерпретация М.Вебера китайского понятия «сяо». В начале прошлого века М.Вебер пытался найти на

Востоке народ, который был бы наиболее близок «духу капитализма», протестантскому подходу к жизни. Таким народом Вебер посчитал китайцев как носителей конфуцианской культуры. Один из главных аргументов Вебера заключался в том, что у протестантов и конфуцианцев есть сходные или, по крайней мере, взаимодополняющие понятия-ценности. У протестантов это *«patria potestas»* – «власть отца», у китайцев – *«сяо»*, т.е. сыновняя почтительность.

В течение многих десятилетий, как синологи, так и веберианцы принимали эту интепретацию как факт, пока американский китаист Дж.Хэмилтон[28)] подобно андерсоновскому мальчику не указал на очевидное: *patria potestas* и *сяо* – принципиально разные вещи. Patria potestas – это власть отца как личность; сяо – функционирование индивида в качестве сына, выполнение им сыновней роли. В одном случае – личный выбор, институциализация власти, мир отцов и сыновей; во втором – мир предписанного безлично-ролевого поведения, институциализация подчинения и мир только сыновей, старший и главный из которых – Сын Неба, т.е. император. Ясно, что Вебер совершил классическую европоцентричную ошибку, интерпретировав как личностное то, что является ролевым (т.е. неличностным или даже антиличностным) и отождествив *à'la* Запад физического индивида и социального. Последние совпадают в обществах европейской (западной) цивилизации, но не в клановом Китае и не в кастовой Индии.

Если говорить о представителях либеральной социальной науки, для многих из них цивилизационный анализ стал дополнительной гирькой на весах столь милого им «многофакторного подхода», исследования которого построены на сумме эмпирических обобщений и потому принципиально просто (то, что такой

механический подход не ориентирован на анализ целостности, а потому, помимо прочего, не способен не только объяснить динамику (а следовательно, причины развития), но даже зафиксировать.

Кроме того, как марксистам, так и либералам «цивилизационный анализ» из-за отсутствия строгих определений, терминов, методов, позволяет *«ловить рыбку в мутной воде»*, создавать видимость глубокомысленного исследования при отсутствии такового и, *last but not least*, безнаказанно и безопасно как в интеллектуальном, так и политическом плане вести бессодержательные дискуссии «по Мандельштаму» – *«Давай ещё раз поговорим не о чём»*.

В 1990-е гг. цивилизационный анализ с лёгкой руки С.Хантингтона получил дополнительный стимул – с его помощью стали анализировать текущие мировые конфликты. «Столкновение цивилизаций» – это классический случай запуска «концептуального вируса», который должен отвлечь внимание от реальных проблем, скрыть политико-экономические ИНТЕРЕСЫ за религиозной проблематикой и представить их реальность как культурологическую.

Споры в СССР об «общем и особенном» в историческим развитии доколониального Востока оказались прямо или косвенно связанными с целым рядом дискуссий по другим теоретическим проблемам – о причинах отставания афро-азиатских обществ, о социальной природе послеколониального государства и новых правящих групп в «третьем мире», о том, может ли развивающаяся страна пробиться в клуб промышленно развитых государств и т.д. В этих дискуссиях проблема социальной природы доколониального Востока перетекла в проблематику социальной природы обществ послеколониального Востока. Однако постепенно интенсивность дискуссий по теоретико-исторической и социально-экономической

тематике стала слабеть, а с середины 1980-х гг., с перестройкой серьёзные, содержательные теоретические дискуссии по востоковедно-исторической тематике по сути сходят на нет. Начинается триумфальное шествие науки «экспертов» (т.е. людей, знающих всё больше и больше о всё меньшем и меньшем – и чем меньше, тем щедрее гранты западных фондов – *«Well done, Judas»*), занимающейся в основном второстепенной, если не третьестепенной тематикой и не претендующей на решение первостепенных вопросов и на создание целостной картины мира и «цивилизационного анализа». Попытки оживить в 1990-е гг. формационные дискуссии «об общем и особенном» в цивилизационной «упаковке» (*«тех же щей, да пожиже влей»*) продемонстрировали типологически тот же результат (и того же качества), что показанная на ТВ серия театрализованных концертов «Старые песни о главном».

IV. Развитие колониального и послеколониального Востока: парадигмы западной науки второй половины XX в.[29)]

А что же концептуальные востоковедно-исторические штудии на Западе? Об их развитии в послевоенный период писать одновременно легче и труднее, чем о развитии советского востоковедения. С одной стороны, обилие западных концепций и схем истории и социальной природы афро-азиатских обществ даёт весьма пёструю, мозаичную картину. К тому же, меньшая внешняя жёсткость либерализма (которая, впрочем, компенсируется на другом уровне жёсткостью западного идеологического треугольника «консерватизм – либерализм – марксизм» в целом, с его жёстким императивом плюрализма, препятствующим – в интересах господствующих групп – конструированию целостной картины мира) создавала, опять же внешне, очень подвижную ситуацию, ещё

более усиливавшуюся наличием также марксистских и вообще леворадикальных схем.

С другой стороны, всё это многообразие можно свести в несколько парадигм, анализ и оценка развития которых в целом вполне способны нейтрализовать (по крайней мере, с точки зрения целей и задач настоящей статьи) многообразие, свести его (без ущерба содержанию) в несколько репрезентативных типов. А вот здесь разнообразия, как это ни парадоксально, будет меньше, чем в советских теориях развития Востока, в которых под одной идеологической «шапкой» нередко скрывалось такое разнообразие подходов, которое далеко не всегда демонстрировал либерализм со всеми его схемами.

В послевоенном осмыслении Востока на Западе можно выделить несколько парадигм; часть из них специально разрабатывались для Востока, часть носила общий характер потому захватывала также и Восток. Речь идёт о следующем: «западный стимул –восточная реакция» (ЗС – ВР), «традиция – модернизация», «леворадикальный комплекс» (ЛРК – «развитие слаборазвитости», «теория зависимого развития», «артикуляция способов производства» и т.п.), «мир-системный анализ».

Одним из первых в послевоенный период концептуальных подходов к изучению Востока в западной науке стал ЗС – ВР. Подразумевалось, что главный импульс к изменениям шёл от Запада, а Восток реагировал – иногда медленно, иногда быстрее. Поскольку нигде на Востоке «реакция» на «вызов» не привела к появлению западоподобных институтов, в целом она была признана неудачной и неадекватной. В качестве причин указывались косность восточных обществ, их инерционность, нединамичный характер и

т.д. Классика этой парадигмы – работы Дж.Фэйрбэнка и Сыю А.Крэйга[32)].

Уже с 1960-х гг. схема ЗС – ВР начинает подвергаться критике, ну а в 1970-е оппоненты не оставили от неё камня на камне (особенно убедительны были Я. Хеестерман[33)], П. Коэн[34)], Ф. Моулдер[35)]). И было за что. Ведь в указанной схеме развитием на Востоке считалось лишь то, что было реакцией на Запад, главным образом имитативной. Вне сферы исследований оказывалась та часть азиатских обществ, которая не контактировала с Западом (не контактировала – получается: не развивалась?). Целостная социальная реальность дробилась на части, а затем на основе сравнения этих частей отыскивались и описывались различные несходства. При этом часто одни и те же факторы, выхваченные из контекста, фиксировались в качестве причин развития одних обществ и отсталость других.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. парадигму ЗС – ВР по сути вытеснила не менее жёсткая в своей бинарной оппозиционности схема «традиционное общество – модернизация» (ТОМ) (варианты: «традиционное общество – современное общество» «традиция – модернизация», «доиндустриальное общество – индустриальное общество»). Под традиционным обществом понималось аграрное (на 2/3 как минимум) общество, в котором господствуют доньютоновские наука, технология и представления о мире. Современное общество – это промышленное общество.

Значительную роль в оформлении парадигмы ТОМ сыграла работа У.Ростоу «Теория стадий роста. Некоммунистический манифест» (1962 г.). Уже из названия видно, что перед нами в большей степени идеологический документ, чем научная работа, а ещё точнее, идеологическое оружие «холодной войны», которое

автор решил противопоставить марксизму. «Стадии роста», однако, не дотянули не только до марксизма, но и до его советской догматической версии. Если в «пятичленке», во-первых, хотя бы два различных антагонистических «докапиталистических» («традиционных») общества – рабовладение и феодализм и, во-вторых, их пытались хоть в какой-то степени определять в соответствии с их собственной сутью (рабство, феодализм; другое дело как эту суть трактовали), то в схеме Ростоу (и ТОМ вообще) всё разнообразие послепервобытных «докапиталистических» обществ сведено к одному единственному типу – «традиционному обществу», которое, к тому же, определялось как негатив капитализма, как то, чего нет в последнем. В 1960-е и в меньшей степени в 1970-е гг. немало работ по Востоку было написано в рамках схемы ТОМ, однако под натиском критики последняя начала отступать и в 1970- е гг. практически сошла со сцены востоковедно-исторических штудий. Впрочем, позднее её подхватили в других «сферах» – в истории России, например.

Одна из главных проблем, которую так и не решили «традиционщики» – это проблема определения и анализа самой традиции. Последняя, как показали, например, исследования индийских каст супругов С. и Л.Рудолф[36)] и работа У.Рауи[37)] о гильдиях Ханькоу конца XIX в., вовсе не является косной, способна к развитию и выполнению «современных» функций, не переставая быть традиционными. Жёсткое противопоставление традиции и современности, за которым критики справедливо разглядели европо- и капиталоцентризм, экономический и технический детерминизм, ведёт к следующему. Когда в рамках теории модернизации современные общества исследуются сами по себе, всё чаще активно подчёркиваются выживание и сохранение традиции. Однако как

только современные общества сравниваются с традиционными, традиционные черты последних либо изображаются в качестве остаточных явлений, обречённых в силу неэффективности и неспособности соответствовать императивам модернизации, либо исчезают вообще. Этому исключению традиционных черт из современности соответствует исключение современных – из традиции. Методологический результат – аналитический разрыв между традицией и современностью. Кроме того, в объектив анализа теорий традиционного общества и модернизации попадали только те элементы азиатской реальности, которые непосредственно контактировали с Западом. Отсюда (в конечном счёте) парадокс: в рамках теории модернизации (и традиционного общества) поиск внутренних причин и факторов развития имплицитно, косвенно, с большей или меньшей долей осознания этого приводил к подчёркиванию факторов внешних.

Могильщиками «традиционалистов-модернизаторов» выступили представители теорий леворадикального комплекса (ЛРК) – «развития слаборазвитости (РСР), зависимости, артикуляции способов производства и ряда других[38)]. Главный тезис адептов РСР и «зависимщиков» (как ранних, так и поздних, как «улучшенцев», так и «производственников») заключается в следующем: слаборазвитость Латинской Америки, Африки и Азии в XIX-XX вв. обусловлена не местными («традиционными») структурами, а иностранным капиталом (мировым капитализмом), который деформирует развитие этих стран, блокирует нормальное капиталистическое развитие.

В отличие от сторонников ТОМ с их главным образом эмпирическими подходами, представители теорий РСР и зависимости сделали акцент на теории. В то же время, подчёркивая

роль внешних факторов, они в чём-то воспроизвели схемы ЗС – ВР только с иной оценкой «стимула» (антистимул) и в другой терминологии: «центр – периферия», «эксплуатация», «неэквивалентный обмен» и т.д. Специфика социальной природы «периферийных» обществ самих по себе леворадикалов (за исключением представителей подхода «артикуляции способов производства» и некоторых других) по сути не интересовала, важно что это была страна капиталистической периферии.

Неплохо объясняя относительно небольшие по территории и демографической массе или не имеющие длительной исторической традиции и не обладающие сложной и древней цивилизацией общества Латинской Америки и Африки, сторонники теорий РСР и зависимости споткнулись на «азиатском» материале, особенно на таких странах как Индия, Индонезия, Китай. Показательно, что исходно «зависимщики» и «слаборазвитые» разрабатывали свои теории на материале Латинской Америки и Африки (кстати, то же – с основателями «мир-системного» подхода). Но то, что работает на латиноамериканском и африканском материале, не срабатывает на азиатском, для которого ярлык «периферия» оказывается явно недостаточным и кургузым и который особенно требует теории, адекватно отражающей богатую внутреннюю природу объекта. «Слаборазвитость» и «зависимость» для этого не годятся.

Симптоматично, что как показали дискуссии (например, «развитие слаборазвитости в Китае»)[39)], попытки сделать понятия «зависимость» и «слаборазвитость» инструментом анализа социальной структуры включаемых в капсистему обществ, приводят к созданию «круговых» концепций, проблемы которых весьма напоминают ситуацию «восточного феодализма» в советской науке. Так же, как и модернизаторы, хотя и в меньшей степени чем они,

сторонники РСР и зависимости рассекают живую ткань афро-азиатских обществ на две неравные части и способен объяснить развитие лишь меньшей части, тем меньше он объясняет развитие второй и тем больше ускользает целостность изучаемого общества как объекта исследования. Как заметил П.Коэн, представители подходов ЗС – ВР, ТОМ и ЛРК (включая мир-системный анализ) роднит следующее. Их подходы в большинстве случаев позволяют включать в их схемы (а следовательно, способны объяснить) развитие лишь 50-100 километровой прибрежной полосы, которая так или иначе контактировала с Западом, была включена в мировую систему или хотя бы подключена к ней. Основная пространственная и демографическая «масса» – хинтерланд по отношению к прибрежной «пёстрой ленте» – остаётся принципиально вне схемы. Для анализа этой «массы» просто нет инструментария. Неудивительно, что ни один из указанных подходов не смог адекватно объяснить национально-освободительное движение на Востоке, особенно ту его часть, что возглавлялась коммунистами (например, Китай, Вьетнам). Ведь коммунистические армии пришли из «хинтерланда» и потому для представителей обозреваемых подходов во многом оказываются чем-то вроде «всадников ниоткуда».

В рамках мир-системного анализа (МСА), возникшей на пересечении теорий зависимости и слаборазвитости, с одной стороны, и методов и концепций школы «Анналов» – с другой, противоречие между поддающимися и неподдающимися изучению посредством одного и того же подхода частями общества снималось путём отказа от национального целого («общества») как базового объекта социального анализа. Новой базовой единицей становился

мир в целом – «мир-система» с тремя её зонами: ядро, полупериферия, периферия.

В этой схеме противоречия, порождённые несостыковкой анализа внутренних и внешних факторов снимались путём перевода исследования на такой уровень, где, благодаря базовой единице «мир в целом», аналитически значимость различия между внутренними и внешними факторами исчезала (или, по крайней мере, должна была исчезнуть). Отец-основатель школы МСА И.Валлерстайн ввёл термин «полупериферия», который, помимо прочего, должен был более разнообразно представить «неядровую» зону. Но представить опять-таки исходя из места, занимаемого тем или иным социумом (И.Валлерстайн отказался и от понятия «общество») в системе в целом, а не из социальных характеристик этого социума. Неудивительно, что для И.Валлерстайна, например, нет разницы между Бразилией, Россией/СССР, Индией и Китаем – это всё полупериферия.

Не буду в деталях говорить о плюсах и большом количестве минусов, уязвимых местах МСА. Отмечу лишь то, что непосредственно связано в нём с интерпретациями развития Востока, особенно таких крупных стран, *«культурных миров»* (К.Леонтьев) как Индия, Китай, Япония.

Сравнительному анализу развития Китая и Японии в XVII – начале XX вв. посвящено ставшее классическим в мир-системной традиции исследование Ф. Моулдер. Она весьма убедительно показала как различия развития двух стран связаны с их положением в мировой системе в XIX в. Однако в её работе присутствует целый пласт, не связанный с МСА и акцентирующий внутренние различия между Китаем и Японией в XVII-XVIII вв. Именно наличие двух

компонент придаёт работе Моулдер убедительность и в то же время контрфактуальность по отношению к МСА.

Немало дискуссий вызвали попытки применить МСА к Индии и ЮВА как к периферии мир-системы[40]. Противники МСА довольно убедительно показали, что сам факт торговли между Западом и той или иной азиатской страной вовсе не превращает её автоматически в периферию, в элемент иерархического разделения труда – она может оставаться внешней по отношению к капиталистической мир-экономике зоной и в качестве таковой не поддаётся анализу МСА, которые вообще не рассчитаны на исследование внутренней природы социумов в рамках мир-экономики. Мир-системники игнорируют тот факт, что различные социальная природа, цивилизационный потенциал, длительность (инерционность) исторического развития при взаимодействии с капиталом, с мир-системой дают различные результаты и векторы разных обществ в этой системе.

Мир-системники до предела снизили значение теоретического анализа внутренних факторов развития элементов современной мир-системы. Следующим логическим шагом должен был стать отказ от этой проблемы как теоретической вообще, что и сделал А.Г.Франк. В работах, написанных в 1990-е гг. (наиболее известная – «ReOrient») он принципиально отказался от поисков специфики социальной природы обществ, существовавших в истории в последние 6-8 тыс. лет. По его мнению, чуть ли не с возникновением земледелия и городов в различных обществах присутствует всё разно- и многообразие системных характеристик: рабовладение и данничество, феодализм и капитализм. Разница – в удельном весе и комбинации различных элементов[41]. Получается эдакий «кубик Рубика». Меняется комбинация – и перед нами иное общество; т.е.

по сути всё сводится к количественным комбинациям, что даёт нам энное число уникальных социумов и делает невозможным и ненужным теоретический анализ. Леворадикальная мысль в своём последовательном развитии пришла в конце XX в. к отказу от теории, к идиографизации.

V. «И вот финал – он не трагичен, но досаден».

Эти слова В.Высоцкого точно характеризуют ситуацию середины 1980-х гг., когда серьёзные дискуссии в западной науке по крупным теоретическим вопросам развития азиатских обществ вошли в стадию затухания (одной из последних была дискуссия «вокруг» концепции «моральной экономики» крестьянина Дж.Скотта[42)]). Более того, в середине 1980-х гг. появился ряд работ, авторы которых, разочаровавшись во всех теориях и теории вообще прямо призвали вернуться к «традиционному историческому методу» конкретных эмпирических исследований, ограниченным в пространстве и времени *case studies*. Именно *case studies*, считает, например, П.Смит[43)], являются «золотой серединой» между Сциллой сверхфрагментарности и сверхразнообразия аналитических инструментов, характерных для либеральных моделей ТОМ, с одной стороны, и Харибдой избыточного холизма леворадикальных теорий РСР и зависимости. Мне неясно, что значит «избыточный холизм», я также сомневаюсь в возможности преодолеть сверхфрагментарным путём концентрации на одном фрагменте, но сейчас для нас важно зафиксировать сам факт подобного подхода.

Если Смит ограничился постановкой вопроса, то китаист Р.Маркс попытался реализовать подход, о котором писал на практике. В работе «Сельская революция в Южной Китае: крестьяне творят историю в уезде Хайфэн» (1984 г.)[44)] он берёт эмпирический *case study* и использует его в качестве тестера наиболее

распространённый теорий развития Китая (и Востоке в целом) – ТОМ империализма, РСР, зависимости. По мнению Р.Маркса, для всех этих теорий характерно пренебрежение структурными результатами западного влияния на местное общество и неспособность увидеть в этом обществе субъекта социального действия. Вывод: только локальное исследование способно вывести из теоретических трудностей. Такой подход, однако, приводит Р.Маркса в конечном счёте к тому, что он не объясняет, а описывает действия, иллюстрируя их время от времени «кусочком» той или иной теории, который, по его мнению, лучше других подходит к данному *case study*. В результате получается не столько заявленный *case study*, сколько описание некоего уникального эмпирического объекта, представленного в виде мозаики из несвязанных друг с другом кусочков разных теорий. Мы имеет явную и скрытую детеоретизацию «в одном флаконе».

Краткий (не необходимости) экскурс в историю послевоенных западных исследований развития азиатских обществ XVIII-XX вв. показал, что по сути они пришли к тому же результату, что и советская наука о Востоке: исчерпанность теоретического потенциала всех парадигм, детеоретизация, смещение внимания от социально-экономической тематики к цивилизационной, всё больший упор на *case studies* – конкретные локальные исследования в ограниченных временных рамках, позволяющие скорее описание, чем объяснение. В этом нельзя не видеть возврата (на новом уровне) к идиографическому подходу, к идиографизации востоковедно-исторической науки, ориентализма, который на «выходе» из эпохи промышленного (марксист сказал бы «формационного») капитализма как бы вернулся в середину XIX в. – во времена «входа» в неё.

Несмотря на существенные различия идеологического и научно-теоретического порядка, к концу XX в. советская (официальная марксистская) и западная (либеральная и марксистская) науки о Востоке пришли с типологически сходными результатами:

1) Восточные общества не удалось сколько-нибудь убедительно встроить в схемы, в основе которых лежат западные «реалии» и «универсалии». При встраивании они превращались либо в Квазизапад, либо в Не-Запад и в таком случае определялись по негативу: особенность Востока – отсутствие частной собственности, права, свободных городов и т.д. Иными словами, змея – это то, у чего нет тёплой крови, лап и крыльев. Перед нами очевидное нарушение дефиниционного императива известного древним как *ne sit negans*.

2) Эти неудачи привели к компрометации не только конкретных теоретических схем, разочарованию в них, но и к компрометации теории вообще, разочарованию в ней; эта детеоретизация востоковедно-исторических штудий совпала с тенденцией к детеоретизации обществоведения в целом, «базой» которой стал «постмодернизм».

3) Одним из следствий этой ситуации стало распространение эмпирических *case studies*, объект которых часто носит столь незначительный и третьестепенный характер (от восприятия ароматов во Франции конца XVIII в. и т.п. до менталитета крестьян горной деревушки в Испании конца XIX в.), что вспоминаются работы поздних схоластов, с одной стороны, и классика идиографических исследований середины XIX в., в которых анализ подменяется простым описанием, причём последнее часто оказывается самоцелью, эдакой игрой в околонаучный бисер (некоторые называют это более грубо – «интеллектуальный

онанизм»). Достаточно посмотреть как менялась тематика статей в крупнейших востоковедно-исторических журналах (например, «Journal of Asian studies»), а по разделам книжных рецензий в них – динамику развития тематики монографических исследований, чтобы убедиться в экспансии мелкотемья и специфической тематики, которую (ясно почему) любят грантодатели – вроде гендерных отношений в Бангладеш в 1920-е гг. и т.п.

4) Уход от теории к «бисерным» штудиям-играм, всё более мелким «*case studies*» развивается параллельно с отходом от социально-экономической тематики к так называемой культурологической, за которой нередко скрывается филология, «увешанная» модной семиотической терминологией, часто не имеющей никакого отношения к сути дела; филологизация востоковедно-исторических штудий, как и идиографизация, суть две стороны одного процесса.

5) Нефилологической, но столь же бесплодной и к тому же политически небезобидной формой отказа от социально-экономической тематики стало смещение фокуса исследований как в либеральной, так и в марксистской науке к цивилизациям.

6) В целом востоковедение, как западное, так и в ещё большей степени советское и постсоветское оказалось неспособным к адекватному анализу собственных проблем развития, к теоретико-методологическому самоанализу, критическому взгляду на себя, логику своего развития со стороны. Результат – неспособность к сохранению научной идентичности, сдача позиций дисциплинам «тройственного союза» и культурологии и постепенная утрата, исчезновение объекта исследования. О том, что по сути идёт деконструкция востоковедного нарратива, я уже не говорю.

7) Востоковедение (имею в виду, естественно, востоковедов-историков, специалистов по всем хронозонам – от древности до современности) не смогло дать адекватный анализ своих метанаучных – идеологических (геокультурных) и гносеологических основ, точнее, того, как эти основы обусловливают и определяют развитие научного востоковедно-исторического комплекса. В результате изменение и тем более разрушение этих основ оказалось неожиданным и во многом катастрофичным. Более того, отсутствие анализа и самоанализа в качестве дисциплины не позволяет надеяться на то, что востоковеды-историки смогут найти выход из катастрофической ситуации – определить направление прорыва, его суть, силы и средства.

Говоря о результатах востоковедно-исторических штудий второй половины XX в. я не случайно подчеркнул, что речь идёт о западном и советском «ориентализмах», особенно что касается взгляда на себя со стороны – как научного, так и метанаучного. Ясно, что без такого взгляда невозможны критический анализ и аналитическая критика. Как раз в то время (рубеж 1970-х – 80-х гг.), когда в западной и советской науке о Востоке теоретические дискуссии о развитии азиатских обществ стали затухать, когда парадигмы отстоялись, превратились, выражаясь куновским языком, в «нормальную науку», для которой нет тайн, а только загадки, разрешающиеся конкретно-эмпирически, такой взгляд и основанная на нём критика востоковедения в целом появились. Их представил в 1978 г. Э.Саид – человек «out of place» (название его мемуаров), втройне маргинальный и по отношению к востоковедению (он – культуролог, преподаватель английской литературы), и по отношению к Западу (палестинец), и по отношению к Востоку и даже исламу (христианин).

VI. «Зачем ты убил Ориентализм, Саид?»

В работе «Ориентализм»[45)] он не просто подверг тотальной критике эту дисциплину, но поставил по сути её право на существование как научного комплекса. С такой – тотальной, фундаментальной – критикой до Саида западное востоковедение не сталкивалось. Саид отказался видеть в востоковедении (ориентализме) просто научную дисциплину, по его мнению это прежде всего идейно-властный комплекс, сконструированный Западом для подчинения Востока путём создания образа статичного, неспособного к развитию социума, стимул к движению которого приходят извне – с Запада. Ориентализм в качестве «дискурса власти» («власти-знания», как сказал бы М.Фуко, некоторые идеи которого воспринял Саид) произвёл операцию «ориентализации Востока», т.е. создания образа удобного для манипуляции и идейного оправдания господства Запада, которое оказывается чуть ли не естественным.

Вывод Саида – надо создавать реальный, а не фиктивный, научный, а не политико-идеологический ориентализм, т.е. проделать операцию, противоположную той, что осуществил Запад в XIX в. Восток следует изучать как Восток (а не как Не-Запад) и именно изучать, а не создавать «восковую фигуру». Нужно сказать, что в обыденном, неполитизированном тоне о необходимости в изучении Востока исходя из него самого, используя нейтральные в культурном плане понятия (такие как «экономический рост», «демографический рост»), писали и до Саида. Так, в середине 1960-х гг. об этом написал известный синолог Ч.Скиннер[46)]. Писали об этом после Саида – В.Мудимбе[47)] (об изучении Африки), П.Инден[48)] и П.Чаттерджи[49)] (изучение Индии), П.Коэн (изучение Китая). Тем не менее, именно работа Саида стала веховой, поворотным пунктом

(до такой степени, что породила термины *«postsaid historiography»*, *«postsaid orientalist discourse»*).

Саидовский ориентализм вызвал бурную полемику учёных различных областей социального и гуманитарного знания (не только востоковеды), политиков, журналистов. Саид столкнулся с острой критикой[50)]. И тем не менее, *all other things equal*, центральный тезис Саида об ориентализме как специфически сконструированной на Западе форме знания. Превращением Востока посредством ориентализации в **такой** базовый объект исследования, – статичный, неспособный без Запада к развитию – который в **таком** виде никогда не существовал, в целом верен. Востоку отказывают в собственной мере и стремятся понять его с какой-то внешней «архимедовской» точки, что исключает нейтральный и незаинтересованный взгляд. К этому выводу Саида о либеральном ориентализме я добавлю марксистский (советский) ориентализм. Схемы последнего предполагали освобождение и прогресс Востока при уподоблении его антикапиталистическому СССР. К сожалению, Саид не пошёл до конца в своих выводах (*«быть радикальным, значит идти до конца»*; в другом варианте: *«…доходить до сути вещей»* – Маркс) и не сделал вывод о принципиальной невозможности существования реального востоковедения ни в либерально-западной, ни в марксистско-советской дисциплинарной «матрице».

Сказанное Саидом об ориентализме верно и для западного дискурса о России/СССР/РФ (*«Russian studies»*, *«Soviet studies»*, *«postSoviet studies»*). Показательно (и я согласен с американским китаистом Шрекером), что создав «науку о Востоке» – ориентализм, Запад не создал науку о себе самом – оксидентализм. И, добавлю я, не создал россиеведение. Об этом мы ещё поговорим, а сейчас вернёмся к своевременности появления саидовского

«Ориентализма» (*«вчера –рано, завтра – поздно»*, а в 1978 г. – как раз), обусловившего его место и влияние в мировой социально-гуманитарной науке. Книга совпала с определённой мировой ситуацией, отразила и выразила её. И дело вовсе не сводится только к обострению арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке и далёким раскатам исламской революции в Иране (1979 г.). Последняя, как и книга Саида, стала отражением определённых тенденций мирового развития, «вывиха века» в 1970-е гг., очевидного перелома в этом развитии, который, помимо прочего, нанёс удар и по востоковедению и по другим социальным дисциплинам, разрушив их универсалистско-прогрессистский фундамент.

VII. 1970-е – “the time is out of joint”[51)]

1945-1975 гг., которые французы называют «славным тридцатилетием» были периодом бурного экономического роста во всём мире. Мир в целом и все его «миры» – Первый, Второй и Третий – были на подъёме[52)]. «Чудеса» мелькали одно за другим: итальянское, японское, немецкое, бразильское. Разрыв между богатыми и бедными странами, а в странах ядра капсистемы – между богатыми и бедными классами - сокращался. Это было временем Великих Надежд и Оптимизма. Казалось, ещё чуть –чуть, и царство Прогресса, обещанное Просвещением, установится на Земле. Пожалуй, в 1950-е – 60-е гг. как никогда полное осуществление прогресса если не *«здесь и сейчас»*, то *«за ближайшим поворотом»*, казались реальным и близким. В этом сходились как либералы, так и марксисты. Не случайны популярность и широкое распространение в 1950-е – первой половине 1960-х гг. как либеральных теорий модернизации, так и марксистких теорий некапиталистического пути.

Технический и экономический прогресс неевропейского мира в этот период, казалось, подтверждал западные (будь то либеральные или марксистские) рецепты развития, основанные на западных теориях исторического развития Запада и Востока, на западных представлениях о Востоке, которые были приняты большей частью элиты и интеллектуалов самого афро-азиатского мира.

Однако обещанный на основе западных рецептов прогресс не наступил. Первые «знаки на стене» появились на самом Западе в 1968 г. – мировые студенческие волнения. Затем последовал отказ США от бреттон-вудских соглашений и девальвации доллара, нефтяной кризис, мировая инфляция, обернувшаяся стагфляцией. Мир въехал в экономическую депрессию, по сути навсегда похоронив надежды подавляющего большинства афро-азиатских стран на билет в «мир прогресса» – там, где чисто и светло. И уже в 1979 г. в одной из внешне наиболее благополучно-модернизированных стран Востока – Иране – вспыхнула революция, причём не только не под левыми, но и вообще не под светскими лозунгами, а под исламско-фундаменталистскими, отрицающими геокультуру Просвещения в целом. Эта революция стала первой политической реакцией в афро-азиатском мире на начало крушения прогрессистских иллюзий, на неспособность светских (националистических, социалистических) режимов обеспечить социально-экономический прогресс, своеобразными «мартовскими идами» Модерна в мусульманском мире и для него.

Работа Саида, отвергавшая западный ориентализм как часть западной (просвещенческой) геокультуры, интеллектуально отразила те процессы, политическим отражением которых стала хомейнистская революция, а затем – исламский фундаментализм и то, что называют «исламским терроризмом»[53)]. В самом общем

плане эти процессы можно охарактеризовать как конец надежд на прогресс западоподобного развития для большей (около 80 %) части населения планеты и прежде всего для тех, кто находится вне ядра капсистемы – жителей Азии, Африки, Латинской Америки. Осознание этого факта с необходимостью привело к переоценке западных теорий и дисциплин, сконструированных для изучения/представления Востока, к пониманию того, что в значительной степени они суть идейно-властные комплексы, рационализирующие не просто знание, но определённые типы господства в капиталистической системе.

Научная культура Модерна, писал И.Валлерстайн, *«представляла собой нечто большее, чем простая рационализация. Она была формой социализации различных элементов, выступавших в качестве кадров всех необходимых капитализму институциональных структур. В качестве общего и единого языка кадров, но не трудящихся, она стала также средством классового сплочения высшего слоя, ограничивая перспективы или степень бунтовщической деятельности со стороны кадров, которые могли бы поддаться этому соблазну. Более того, это был гибкий механизм воспроизводства указанных кадров. Научная культура поставила себя на службу концепции, известной сегодня как «меритократия», а раньше – как «la carrière ouverte aux talents». Эта культура создала структуру, внутри которой индивидуальная мобильность была возможной, но так, чтобы не представляла угрозу для иерархического распределения рабочей силы. Напротив, меритократия усилила иерархию. Наконец, меритократия как процесс (operation) и научная культура как идеология создали завесу, мешающую постижению реального функционирования исторического капитализма»*[54)].

Под этим углом зрения понятно, почему Запад создал ориентализм, но не создал оксидентализм. Вместо цельного оксидентализма – сумма дисциплин ТС, само возникновение которых в качестве своей оборотной стороны имело превращение изучение Востока в ориентализм и оттеснение его вместе с историей на второй план в качестве менее важных и значимых сфер исследования и образования, чем экономическая теория, социология и политология. Этот сюжет заслуживает, чтобы на нём остановиться подробнее, особенно если мы хотим понять, что можно и нужно делать с востоковедением как неким историко-системным комплексом. Чтобы найти выход из сложившегося положения, необходимо понять как был осуществлён вход. Необходимо понять механизм конструирования ориентализма в XIX в. наряду с другими дисциплинами в их контексте. «Изобретение ориентализма» может быть понято только в контексте социально-интеллектуальной борьбы XIX в., результатом которой стали оформление и триумф дисциплин ТС. Как заметил по другому поводу Б.Мур, *«если людям будущего суждено когда-либо разорвать цепи настоящего, они должны понять те силы, которые выковали их»*[55)].

Современная наука, как и любая форма организации знания в исторических системах, не является социально нейтральной. Она создана («выкована») не просто как средство познания, но как средство познания, служащее определённым интересам и ограничивающее в этих интересах само познание, направляющее его в определённом направлении. Грамши называл это «культурной гегемонией» (буржуазии), но вполне можно говорить и о научной гегемонии. Речь не идёт о том, что существует некая группа «плохишей», кующих в своих интересах интеллектуальные цепи и кольца власти-знания, реализуя некий зловещий план. Речь о

другом: знание всегда встроено в определённую систему власти, социального контроля, являясь в большей или меньшей степени, явно (СССР) или более скрыто (Запад) её элементом – институционально (организационно), дисциплинарно и понятийно. Система в соответствии с собственными законами и логикой, определяемой прежде всего интересами системообразующего элемента – господствующих групп, создаёт и отбирает определённые направления, отсекая ненужное и опасное, организует («дисциплинирует») эти направления в виде научных учреждений. Получив исходный системный импульс эти последние, как любые организации, развиваются по логике самосохранения и экспансии, которая совпадает с таковыми данной системы. Капиталистическая система, анализ её и её господствующих групп, истории их формирования и борьба за власть в значительно большей степени является ключом к суммарно-частичным дисциплинам ТС, истории и ориентализму, чем эти последние – к ней в целом. Ключом к ней (и к этим дисциплинам) может быть только целостное знание о капитализма («капитализмоведение», которое в форме политэкономии капитализма, а затем и исторического капитализма пытался создать Маркс[56)]. Но попытки именно такого рода пресекает институциональная структура современной науки об обществе (в том числе и финансово) – она так скроена: защита капсистемы (секретов функционирования и особенно рождения и гибели последней) матрично встроена в неё как некий предохранитель самосохранения (аналогичным образом функционировали научный коммунизм и истмат в СССР). Поэтому, чтобы понять проблемы нынешнего востоковедения (ориентализма) и решить их, необходимо понять как была осуществлена операция «ориентализм» и для чего был «выкован» ориентализм, его место в

новоевропейской системе знания («научной гегемонии»). Сама история возникновения и развития этой системы с конца XV в. представляет собой отбор идей и проблем, который хотя и вёлся без всякого плана, становился всё более логичным и жёстким. Кульминацией этого отбора, в ходе которого политико-экономически и интеллектуально господствующие группы Европы создавали социальные мифы-фальсификации – «Ренессанс», «Просвещение», кульминировал в первой половине XIX в. возникновением феномена идеологии, оформлением трёх великих идеологий Модерна и конструированием с их помощью из рационального знания социальной «дисциплинарной» науки, иерархия которой отражала иерархии буржуазного общества.

VIII. Социальная наука, история, ориентализм[57)].

Базовые объекты изучения дисциплин ТС суть экономика («рынок»), гражданское общество и политика «европейского-пространства-в-настоящем» (настояще-современном, *present-modern*). Иными словами, по определению у этих дисциплин есть пространство и время, однако их пространство по сути типологически сведено к Европе, а время – к настоящему. Эта двойная редукция сыграла злую шутку с европейскими конвенциональными науками об обществе. Парадоксальным образом особый статус времени в этих науках – презентистский – привёл к отрицанию времени – так же, как, например, открытие Хаттоном «глубокого времени» (*deep time*) («хаттоновская революция в геологии») привела к устранению истории из времени[58)], а ньютоновская физика – к устранению времени (с его необратимости) из ньютонианской науки[59)]. Трактуя капитализм как динамичную систему, изучавшие его (да и жившие в нём) европейцы XIX в., исходили из того, что достаточно знать

настоящее этой системы, чтобы описать прошлое и будущее (простая эволюционная модель, полностью соответствующая ньютоновской физике). Таким образом, не только время как бы растворялось в пространстве, но и наоборот. Поскольку пространство мы непосредственно «видим», детемпорализация пространства более очевидна, чем «деспациализация» (*space* – пространство) времени. В результате экономика, социология и политология и по отдельности и как комплекс в качестве изучения «здесь» и «теперь» обретают тёмную сторону – изучение «нигде» (от «here» и «now here»– к «no-w-here»). В то же время, повторю, формально ЭСП комплекс остаётся структурой знания, обладающей как пространственными, так и временными координатами «здесь и сейчас». И поскольку дисциплины этого комплекса интересует развитие, то время и пространство и замыкаются на «здесь» и «сейчас», подменяя ими пространство и время вообще.

Однако, как мы знаем, до эпохи модерна, до капитализма на том же самом пространстве существовали иные, несовременные и некапиталистические «Европы» – античная и средневековая. И их тоже надо было изучать – естественно с позиций и в интересах тех групп, которые к середине XIX в. установили своё – господство в борьбе со всем тем, на что они наклеили ярлык «средневековье»[60)]. И вот здесь на сцену вступает (новая) история как прежде всего нарратив о борьбе буржуазии против феодалов и церкви, как расширение настоящего (буржуазного) в прошлое в интересах и с позиций этого настоящего.

Будучи ядром мировой капсистемы, Европа расширялась в пространстве. В связи с этим необходимым – в интересах и с позиций европейского пространства в настоящем и его «контролёров» – стало систематическое изучение (а не просто

описание) неевропейских пространств. Пространства (физические и социальные), занятые народами без письменности, становились объектами новых наук – антропологии и этнологии; там, где, как на Востоке, европейцы сталкивались с мощными цивилизационными комплексами, на сцену вступал ориентализм. В процессе отражения экспансии капитала, буржуазная мысль («наука») повторяла логику капитала. Как сам капитал создавал «докапиталистические» (паракапиталистические по функции) формы в тех частях мира, где ему не противостоял наёмный труд, так и буржуазное знание создавало новые (паракапиталистические по принципу конструкции) дисциплины для таких зон – в одних случаях почти с нуля (антропология), в других (ориентализм) – опираясь на накопленные материалы и восточные тексты.

Последнее верно и для истории как дисциплины: она могла использовать корпус исторических исследований и текстов Средневековья и Античности. Однако существует острый дисконтинуитет между старым (до первой четверти XIX в. включительно) корпусом востоковедных штудий и штудий европейского прошлого, с одной стороны, и ориентализмом и историей как научными дисциплинами эпохи Модерна, возникшими в XIX в., с другой. Этот дисконтинуитет обусловлен принципами и критериями конструирования научных дисциплин в буржуазном обществе, по его законам, в соответствии с интересами его господствующих групп и по законам их культурной гегемонии; он связан с целями и типом использования пространства и времени в определении и конструировании научных дисциплин (т.е. дисциплинирования знания в определённых интересах).

Являются ли история и востоковедение XIX-XX вв. второстепенными социальными науками, науками второго

(относительно ЭСП комплекса) ряда или представляют собой нечто иное? Каковы принципы их конструирования, использования в этом процессе времени и пространства?

Поле истории как особой дисциплины – это прошлое европейского прежде всего пространства; это – европейское время в его прошлом (измерении) без пространства (последнее в настоящем занято другими – агентами настоящего, победившими всех конкурентов и объявивших последних «прошлым», «реакционным», «старым» – для того и были созданы мифы об абсолютизме и о Старом Порядке[61]). Ориентализм, напротив, есть неевропейское пространство, лишённое его собственного времени. Единственное «оригинальное» время в востоковедных штудиях – это время, которое предшествовало европейской Античности, нечто вроде времени *past quam perfectum, past perfect*, которое началось и закончилось до начала собственно европейского времени и находится «перед ним» в таком же положении как семья Дария перед Александром Македонским на знаменитой картине Паоло Веронезе.

ЭСП комплекс, история и востоковедение были «оружием сильных», оружием тех, кто победил в XIX в., оружием, которое было направлено, во-первых, против опасных нижних классов современной Европы (социология, например, возникла, помимо прочего, из практической потребности понять, что делать с массами, когда рухнули институциональные структуры доиндустриального общества, а новые ещё не появились, как подступить к «деданжеризации» «опасных классов» эпохи революций 1789-1848 гг. и превратить их в системные трудящиеся классы?); во-вторых, против возможных конкурентов, генетически связанных со Старым Порядком; в-третьих, против неевропейских народов,

сопротивляющихся включению в капиталистическую систему на условиях её ядра. Ориентализм представлял собой отчуждение у этих народов их времени и представление его как бы и не временем, а сплошной статикой, и подмену его буржуазным временем, в котором они могли быть лишь объектом. Лишенность времени стала интегральным элементом инаковости Востока. Аналогичным образом история как дисциплина должна была лишить остатки субстанционально некапиталистических форм Европы XVII-XVIII вв., заярлыченной в качестве «Старого Порядка» их социального времени. С пространственно-временно́й точки времени история и ориентализм диаметрально противоположны друг другу. Первая представляет собой редукцию социальных процессов к одному-единственному временно́му состоянию/измерению – прошлому; второй – анализ определённых социальных процессов в неевропейском пространстве, которое лишается доступа к реальному времени, где осуществляется развитие («прогресс»). В то же время они похожи – в обоих случаях перед нами частичные одномерности (или одномерные частичности) – «частичное» время и «частичное» пространство, по сути, геттоизированное время и геттоизированное пространство, причём оба – депроцессуализированы, в них изучаются либо точки: в истории – событие (точка во времени), в ориентализме – пространство вне «реального», значимого времени, нечто вроде *nature morte* или остановившееся («не-прогресс») время, которое оказывается мёртвой хроноточкой. В «дисциплинированных» истории и востоковедении всё превращается в слова и вещи, артефакты и хроники. И даже слова становятся почти овеществлёнными символами. Всё организовано в виде «башен и драконов» (*Dungeons and Dragons*)[62)] таким образом, чтобы «восточный дракон» никогда

не смог выбраться из «временнóй башни», в которую его посадили. Если история – законный «властелин колец» прошлого времени, а дисциплины ТС – настоящего, то время ориентализма сконструировано как отрицание времени, как негативное время – ведь фиксируется только настоящее и линейное и та часть иначе организованных «времён», которую удаётся выломать из их естественного хода и насильственно выпрямить в виде «линейки» *à la* Запад. Только так – извне – «точки» связываются между собой (т.е. либо как «предпосылка»/«подготовка» к капитализму/Модерну в Европе, либо как элемент мировой капиталистической системы). Связи иных типов дисциплины ЭСП комплекса не фиксируют (вспомним «приключения» ВФ и логику развития теорий ТОМ, СРС и зависимости).

Каково соотношение между ЭСП комплексом, историей и востоковедением? Последние отличаются от ЭСП тем, что они исходно конструировались как лишённые либо пространства, либо времени. Экономика, социология и политология сработаны так, что обладают как пространством, так и временем. Однако и здесь не всё просто и благостно: время в дисциплинах ТС одномерно, сведено к настоящему в его европейском пространстве (прошлое отошло к истории). В результате парадоксальным образом с настоящим в дисциплинах ТС происходит то, что происходит с изучением прошлого в истории – оно приобретает точечный, пуантилистский характер. Развитие оказывается не столько линией (второе измерение, двумерность, «флатландия»), сколько совокупностью точек, сливающихся лишь при взгляде издалека. При приближении единство распадается на точки. Буржуазная наука об обществе, как и сама буржуазная реальность, оказывается по преимуществу **пуантилистской**. Сёра был одним из наиболее социоморфичных

художников последних двухсот лет: он сумел если не понять, то зафиксировать-изобразить секрет буржуазности как идеального типа. ЭСП комплекс представляет собой не столько фильм, сколько серию фотографий. Развитие здесь фиксируется главным образом как смена статичных состояний, а не переходом одного состояния в другое; отсюда – акцент на количественные изменения , эволюционизм и эмпирические методы. Это – цена и оборотная сторона «неравного обмена» пространством и временем между этими дисциплинами, с одной стороны, и востоковедением и историей, с другой. И тем не менее по типу конструкции ЭСП комплекс наделён качествами, которых в принципе лишены история и востоковедение – каждая из них по-своему.

Тот факт, что история и ориентализм конструировались как дисциплины обладающие только пространством или только временем не превращает их полностью пусть во второразрядные, но социальные науки. Представление о них как о «втором сорте» ЭСП комплекса было бы социально-научно-центричным подходом. Общее для истории, востоковедения и дисциплин ТС заключается в том, что все они использовали **время и пространство** в качестве критериев и форм самоопределения (что?). А вот в конкретном **использовании** (как?) времени и пространства между ними – качественное различие. В целом же дисциплинарное конструирование проведено так, чтобы у одних дисциплин было и пространство и время, а у других – либо первое, либо второе. С этой точки зрения становится ясно, что спор между номотетическими и идиографическими дисциплинами развивался не внутрь ЭСП комплекса, а на границе между ним, с одной стороны, и востоковедением и историей – с другой. Это – своего рода пограничная война, цель которой – предотвратить превращение

ориентализма и истории в полноценные социальные науки, оставив их в зоне событий, слов, текстов и вещей.

IX. Гносеополя – недостающее (пропущенное) звено системы новоевропейского знания.

Видя в знании эпохи Модерна прежде всего социальную науку, т.е. будучи соционаучно-центричными (коррелят капиталоцентризма), мы упускаем из виду очень важный элемент – действительно пропущенное звено – в современной европейской системе знания. Я называю это звено (элемент, структуру) гносеологическим полем (гносеополем). Гносеополе есть структура знания, определяемая самым общим и неспециализированным образом пространственно-временными характеристиками её содержания. В этом плане востоковедение, история и социальная наука – гносеополя. Различия между ними возникают тогда, когда оказывается, что характерная для современной (буржуазной) «ситуации» в Европе (североатлантическом ядре капсистемы) аналитическая комбинация времени и пространства является единственно возможной и институционально фиксируется в виде ЭСП комплекса. Это автоматически лишает самим фактом своего существования досовременные и неевропейские ситуации либо пространства, либо времени. Следовательно, социальная наука есть такое гносеополе, которое превращается в социальную науку (пространственно-временной комплекс) путём лишения других гносеополей такой возможности, разделяя их на «пространственные» и «временные».

Неудивительно, что именно то гносеополе, которое ориентировано на анализ современной («сейчас-здесь») Европы приобрело статус социальной **науки** – она должна была исследовать процессы, изменения, развитие. Объект исследования определил

дисциплину и создал социальную науку из одного гносеополя, дисциплинарно заморозив другие гносеополя на предшествующем социальной науке уровне (у них в качестве объектов – события и статика, не-развитие, не-процессы). Дисциплинарность скрыла, что в одном случае перед нами феномен, являющийся гносеополем и социальной наукой одновременно, т.е. нетождественный сам себе; в другом – два гносеополя, лишённые реальной возможности превращения в социальную науку. Но поскольку все эти сферы были оформлены как дисциплины, одни дисциплины оказывались главными и первичными, а другие неглавными и в лучшем случае вторичными. История и востоковедение как дисциплины отличаются от самих себя как гносеополей отличаются так же, как плантационное рабство, созданное капитализмом в качестве своей некапиталистической функции в Северной Америке и на Карибах отличается от античного рабства.

Обнаружив гносеополе как пропущенное (потерянное?) звено европейской системы знания мы не только находим ключ к социальной борьбе в интеллектуальной сфере по таким вопросам, которые не могли быть решены чисто идеологически, но и обнаруживаем реальный механизм связи между идеологиями и социальной наукой, механизм конструирования социальной науки с помощью и на основе идеологии.

В целом новоевропейское знание оказывается похожим на систему треугольников, сформированную по «матрёшечному» принципу. Первый (самый большой) треугольник – идеологии: три великие идеологии Модерна – консерватизм, либерализм, марксизм. Следующий треугольник – гносеополя: история, ориентализм, социальная наука. И наконец, внутри социальной науки – ЭСП комплекс. Показательно, что, во-первых, социальная наука является

гносеополем в потенции, реализует она себя в качестве науки (социальной); во-вторых, в качестве таковой она реализует себя не как целостность (история капиталистической системы и/или оксидентализм), а как сумма (или мозаика) экономики, социологии, политологии; в-третьих, будучи ориентированной на изучение систем, всё, связанное с субъектом, социальная наука либо вытесняет на свою периферию в качестве гуманитарного знания, либо вообще выталкивает за свои пределы, за пределы рационального знания – в сферу литературы, искусства.

В самоопределении гносеополей пространственно-временные критерии пересекаются с другим типом критерия – универсальный/уникальный. История (событий) становится структурой, изучающей событийно-уникальное, уникальные точки во времени. Ориентализм превращается в «машину» уникализации всего неевропейского (универсально только европейское). В то же время социальная наука – это «машина» универсализации всех своих объектов.

История – время без пространства (или пространства прошлого времени), а потому это время носит корпускулярный характер. Ориентализм – наиболее «хитрая» из конструкций. Он представляет неевропейское пространство, изъятое из времени. Здесь всё – реликт, а следовательно, такой уникум, в котором растворяется всё общее. Социальная наука противостоит востоковедению и истории вместе взятым. Если же говорить об этом противостоянии по отдельности, то противоречие между социальной наукой и ориентализмом носит намного более острый характер, чем таковое между ней и историей.

Что отличает ориентализм от истории и социальной науки? Есть ли какое-то особое противоречие, отличное от оппозиции

«пространство – время» и «универсальное – уникальное»? Есть. Это противоречие «субъект – объект».

Ориентализация Востока лишила его времени (его собственного времени), а следовательно «способности» – в рамках ориентализма – к самостоятельному развитию. Субъект действует прежде всего во времени. Время – это то, что объединяет историю и социальную науку. Ориентализм сконструирован как принципиальное отрицание не только времени, но и субъектности, которая существует даже в том случае, если в данной исторической системе субъект социально не фиксируется.

В либеральной науке об обществе – внешне нежёсткой, плюралистичной – взаимоисключающее состояние гносеополей долго не было серьёзной проблемой. По крайней мере, её можно было игнорировать, что и делалось до 1970-х гг. В марксизме из-за его холизма как идеологии и как организации знания это противоречие носило намного более острый характер, грозя появлением альтернативных истматов для Запада и Востока. В попытке включить все гносеополя в единую систему знаний – истмат, советский марксизм воспроизвёл в интериоризированном, а потому гораздо более опасном для себя как целостности напряжённости, характерные для либеральной науки: благими намерениями…

X. На пороге новой системы знания о мире.

Действительно, заманчиво и прекрасно было бы создать социально-ориенталистско-историческую уни- (или моно-) дисциплинарную науку. Однако на этом пути возникают непреодолимые препятствия. Социальная наука – элемент сложной новоевропейской иерархически организованной системы знания: идеологии, гносеополя, социальные науки. Эта система построена и

сбалансирована определённым образом, и из неё нельзя безнаказанно «вынуть» ни один элемент. Это – не говоря о том, что социальная наука нетождественна самой себе как суммарная (тримодальная) наука целостному гносеополю и что её функционирование в качестве науки блокирует превращение в научные конструкции два других гносеополя, «дисциплинируя» их как историю и ориентализм. Наконец, фундамент всей системы – идеология (идеологии), а потому и демонтаж нужно начинать с идеологического фундамента (в этом плане наиболее удобная идеология – марксизм; поскольку он претендует на статус научной идеологии, его можно демонтировать подвергнув тесту на научность – *«назвался груздем, полезай в кузов»*). Иными словами, нельзя просто создать новое востоковедение или новую историю при сохранении капиталоцентричной новоевропейской формы организации рационального знания в целом. Это возможно только на основе и в рамках принципиально иной формы, иной дисциплинарной сетки, и в какой степени новая история будет историей, а новое востоковедение – востоковедением – это открытый вопрос.

В нынешней форме организации научного знания история любых систем моделируется по образцу и подобию капиталистической (кстати, только так мы можем иметь **одну** «надсобытийную» историческую дисциплину). Но социальные системы бывают разные и далеко не во всех из них господствует линейное время. Я много писал о том, что противопоставление Европы и неевропейских обществ носит не вполне корректный характер, поскольку между «неевропейскими» обществами, например, Китаем и Индией много различий. Тем не менее, в двух, но очень важных отношениях, а точнее, в одном, но двуедином Европа действительно противостоит

«остальному» миру – линейное время и социально (институционально) фиксируемый субъект[63)] (субъектность существует во всех обществах, однако далеко не всегда она и её носитель фиксируются социально, часто субъектность растворена в системности, именно это облегчило Западу аналитически десубъективировать Восток в ходе и посредством операции «Ориентализм»). Система линейного времени, общество с социально фиксируемым (а с возникновения христианства – индивидуальным) субъектом требует для описания и концептуализации принципиально иных форм, чем систем циклического («одноплоскостного») времени; первые и вторые требуют принципиально различных научных языков (понятийных аппаратов) для концептуализации. И – повторю – эти языки невозможно создать в рамках существующей системы знания. Необходима иная система знания, где, например, изучение капитализма посредством ЭСП комплекса станет частным случаем дисциплины о Западе – оксидентализма.

ЭСП комплекс должен занять своё место внутри оксидентализма, но не непосредственно, а как элемент дисциплины, изучающей капитализм как целостную, а не раздробленную на отдельные сферы, систему. Разумеется, капитализмоведение с необходимостью выйдет за рамки оксидентализма, поскольку капитализм как мировая система со временем включила в себя огромный массив неевропейских обществ, превращая их в свои функциональные элементы (органы), а кое-где насаждая и капитал-субстанцию. В этом плане «капитализмоведение», будучи под одним углом зрения, частью оксидентализма, под другим углом оказывается намного шире этого последнего и вообще любой другой дисциплины подобного рода; капитализмоведение, изучающее мир последнего

двадцатипятилетия вообще превращается в историческую глобалистику, и мы получаем комплекс дисциплин, соотносящимися друг с другом по принципу «кругов Эйлера», причём круги эти – различного диаметра.

Так же как оксидентализм, необходимо и россиеведение – дисциплина изучающая социально-историческую природу России как тотальности-континуитета. Теоретически в одном ряду с россиеведением и оксидентализмом должна занять своё место дисциплина востоковедения (ориентализма). Проблема, однако, в том, что если цивилизационно (в широком смысле термина) Запад – один и Россия – одна, то одного-единственного Востока нет. «Восток» – это комплекс нескольких крупных цивилизаций, которые объединяет лишь то, что они Не-Запад и что для большинства из них характерно одноплоскостное развитие без качественных рывков с середины II тысячелетия до н.э.: вместо европейской смены одной системы другой посредством великих социальных революций, на которые приходится добрая четверть античной и европейской истории, на Востоке мы имеем переход одной и той же системы из одного состояния в другое.

Ясно, что каждую из крупных цивилизаций можно адекватно концептуализировать на основе рационализированной формы её собственного, а не чужого языка, что с необходимостью потребует различных самостоятельных дисциплин. Разумеется, речь не идёт о том, чтобы создавать отдельную науку для каждой страны – это был бы уход в эпистемологическую версию «дурной бесконечности» Гегеля. Но и некое монолитное востоковедение малопродуктивно. Речь идёт не о нескольких десятках, но и не об одной дисциплине, а о нескольких, связанных между собой такими метадисциплинами, как системно-историческая компаративистика, историческая

глобалистика и т.п. Только в виде нескольких, адекватных по понятийному аппарату, методологии и внутренней конструкции изучаемому объекту дисциплин анализ афро-азиатского мира обретёт свой законный объект (точнее – объекты) исследования, который до сих пор лишь декларируется. Только таким путём нынешнее востоковедение сможет пройти между Сциллой идиографизации (с филологическим уклоном в семиотической обёртке) и Харибдой раскассирования на экономику Востока, социологию Востока и политологию Востока.

Ну а что же собственно история? Как возможна она не в качестве гносеополя, вытесненного в изучении событий и вещей и превращённая чуть ли не в «архивную археологию», а в качестве социально-научной дисциплины? Думаю, что она возможна в качестве таковой как история социальных систем (я сознательно не использую в данном случае термин «цивилизация»: каждая цивилизация есть социально-историческая система, но не каждая историческая система есть цивилизация; например капитализм, Россия, коммунизм, глобальная система как системы цивилизациями не являются). Такая дисциплина, помимо прочего, автоматически устраняет, снимает противоречие между теорией и историей (а следовательно, раз и навсегда ставит крест на дилемме «номотетические науки – идиографические науки»). Дело в том, что у каждой системы – свои особые природа и закономерности развития, и если писать не событийную, а долгосрочную или хотя бы среднесрочную историю, то необходим предварительный теоретический анализ данной системы. Так теория встраивается в историю и наоборот и мы получаем историю системы как длящееся настоящее – о прошлом системы можно сказать только в случае (и после) её социальной смерти.

Итак, история как наука – это прежде всего история социальных систем. Системы, однако суть не единственные социальные единицы. Есть ещё такая единица как субъект, которая создаёт системы, и которая требует либо особой дисциплины, либо особого раздела социально-исторической теории[64)]. Субъект творит системы в ходе и посредством социальных революций, которые как процесс отличны и от систем, и от субъекта и для их анализа необходима особая дисциплина, которую практически невозможно создать на базе и в рамках современной конвенциональной науки.

XI. От монологического «универсализма» к универсализму диалогическому (от универсализма-субстанции к универсализму-функции)

Однако первый шаг на пути к новой дисциплинарной сетке рационального знания о человеке и мире, в рамках которого только и возможно реальное научно-дисциплинарное изучение афро-азиатского мира, должен по необходимости быть не научным, а ценностным или, если угодно «идеологическим». Речь идёт об отказе от нынешнего универсализма как ложного, от господствовавшего в течение двухсот лет монологического универсализма, универсализма-субстанции. Его суть заключалась в том, что опыт развития одной, отдельно взятой исторической системы – капитализма – был представлен в качестве **уни**версального пути всех систем, представленных в виде некоего «человечества» с европейцами в виде его «ядра» – проекция капиталистической «физики» на мировую «метафизику» и превращение, овеществление последней в капфизику. Универсализм по сути оказывался монологом одной общественной формации, в лучшем случае одной цивилизации – европейской, – стадиальной формой которой был капитализм, а все остальные

системы/цивилизации должны были заучить этот монолог и принять «как родной».

События последней трети XX в. показали иллюзорность и ложность «монологического» универсализма – это и не универсализм вовсе. Возможен ли реальный универсализм? Этот вопрос остаётся открытым. Ясно, каким должен такой универсализм быть. Реальный универсализм может быть только диалогическим, функцией диалога основных цивилизаций в виде сопоставления рациональных языков, концептуализирующих их развитие.

«Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке, – писал И.Пригожин. *Мы должны использовать ряд описаний, не сводимых друг к другу, хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформациями»*. Пригожин имел в виду богатство мира природы. Но то же можно сказать и о мире социального. «Система трансформаций» – это и есть диалогический, реальный универсализм. Его можно попытаться создать (без 100 % гарантии на успех), исследуя различные исторические системы на рационализированной (насколько это возможно) форме языка, отражающий их реалии, исследуя их на основе методов, адекватных изучаемому объекту, а не навязываемых ему извне. Ну а затем необходимо попытаться либо свести эти языки-методы в универсальный лексикон (метаязык), либо, если первое окажется невозможным, создать гибкую систему взаимодействия и взаимоперехода между ними (метадиалог). Это и будет переход от «универсализма» монолога (европейской цивилизации и буржуазного общества) к универсализму диалога.

Изучение капитализма в таком контексте должно стать частным случаем анализа европейской исторической системы, адекватное

исследование которой потребует создания новой дисциплины – оксидентализма, о чём уже говорилось. Разумеется, что это легче предложить, чем сделать. На этом пути придётся переосмыслить или осмыслить заново наследие не только XIX в. и Просвещения, но также капиталистической эпохи западной цивилизации, христианства и античности, переосмыслить, включая Аристотеля, Платона и многих других. По сути необходимо реализовать двойную задачу. Во-первых, вернуться к античным истокам европейской мысли, а оттуда, зная 2,5-тысячелетнюю историю и то, как в этой истории в соответствии с интересами хозяев различных социальных систем конструировалось знание, отправиться в обратный путь и попытаться сконструировать альтернативное. Разумеется, это есть не что иное как перенос социальной борьбы в прошлое, в сферу идейной (культурной) гегемонии. Основное внимание здесь должно быть уделено переосмыслению узловых (здесь нам очень помогут прежде всего Платон, Вико, Маркс и Ницше) моментов истории общества и мысли, исторических перекрёстков, когда в интересах определённых групп формировалась/навязывалась определённая система идей (философия, идеология, теории социальной науки), с помощью которой реинтерпретировалось и фальсифицировалось прошлое, объяснялось настоящее и прогнозировалось будущее, в результате англосаксонский провинциализм становился универсализмом, а социальное подавление трудящихся – прогрессивными буржуазными революциями. Чтобы написать новую историю – историю социальных систем, необходимо по-новому, в ином контексте прочесть историю мысли используя её как ключ к системам и транссистемной истории, а эти последние – как ключ к ней. Тот, кто первым создаст новую систему знаний о мире, её новую историю (историю систем), оформит её институционально

и создаст на её основе систему образования и анализа информационных потоков, сделает серьёзную заявку на победу в XXI в. или, по крайней мере, на разрыв интеллектуальных цепей, выкованных за последние столетия. Ориентализм (востоковедение) – это, пожалуй, самое слабое звено в цепи, а цепь, как известно, не может быть сильнее, чем её наиболее слабое звено. Пришло время основной контроперации «Ориентализм» – с соответствующими планированием, подготовкой и акциями прикрытия.

[1)] А.И.Фурсов – окончил ИСАА при МГУ в 1973 г.; к.и н.; директор Института русской истории РГГУ; содиректор Центра глобалистики и компаративистики Института филологии и истории РГГУ; зав. отделом Азии и Африки ИНИОН РАН. Специализируется по методологии социально-исторических исследований, истории и сравнительному анализу (Россия – Запад – цивилизации Востока) сложных систем, анализу информационных потоков и информборьбы в современном мире, глобалистике. Автор нескольких монографий и более 100 статей. Преподаёт в МГУ и РГГУ.

[2)] Н.Заболоцкий.

[3)] Базовый объект изучения социологии – гражданское общество, экономики – рынок, политологии – государство (в смысле – *nation-state*, т.е. та форма организации власти, которая возникла и оформилась в Западной Европе в XVI-XVIII вв. и которая представляет собой сферу социального насилия, обособившуюся из и от отношений производства). Я подчеркнул слово «теоретически» потому, что в условиях позднего капитализма (эквивалентно-нишево похожего на ранний капитализм – в том смысле, в каком выход бывает похож на вход), особенно такой его формы как глобализация, социальное пространство гражданского общества и особенно государства сжимается. Об этом написаны уже сотни работ, в которых прямо говорится об окостенении партийно-политической сферы, об отмирании политики, об асфиксии гражданского общества и упадке или даже «растаивании» (*fading away*) государства. Что касается рынка, то здесь есть две противоречащих друг другу тенденции, которые объективно сокращают “зону” и этого базового объекта исследования. Из-за превращения рынка в глобальный и доминирующий он утратил некоторые черты **специфически** частичного сектора общества: всеохватывающий рынок это уже не рынок как часть общества, скорее общество превращается в часть рынка, который, таким образом, начинает отмирать как рынок. Если же говорить о растущем «информационном» секторе рынка, то именно он легко поддаётся монополизации. В этом смысле глобальный рынок может оказаться ступенью к глобальной монополии (или совокупности монополий).

[4)] Идеи, высказанные в этом параграфе, впервые сформулированы мной весной 1994 г. в проектном исследовании «Номотетические versus идиографические дисциплины: ложная дилемма» (проводилось «Центром Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций» – Нью-Йоркский Университет, Бингемтон, США и Домом Наук о Человеке – Париж, Франция под руководством И.Валлерстайна) и опубликовано в 1997 г. в журнале Review (см. Foursov A. Social times, social spaces, and their dilemmas: Ideology “in one country” // Review. – 1997, vol.XX, № 3/ 4. – P.345-420; особенно: PP.357-358. Позднее «парижская наработка включалась мной как в выступлениях, так и в публикациях – индивидуально (например, в «Колоколах Истории», М.,1996) и соавторские (например: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. – М., 1998. – т.I, № 1. С.46-47).

[5)] Подр. содержание этого параграфа см.: Фурсов А.И. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации // Народы Азии и Африки. – М.,1987, № 4. – С.93-109.

[6)] См. очень симптоматичный сборник: О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX вв.). М., 1962.

[7)] Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. – М.: Наука, 1966. – 248 с.
[8)] Wolin S. Paradigms and political theories. – Politics and experience. Cambridge, 1968, с.151.
[9)] Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1979, с.280-281.
[10)] Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979, с.280-281.
[11)] Дьяконов И.Д. Основные черты древнего общества в странах Востока. – Проблемы истории докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с.124-146.
[12)] См.: Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с.247,256.
[13)] На обсуждении этой книги в ИВ АН СССР в 1980 г.
[14)] Иванов Н.А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма. – Народы Азии и Африки. М., 1978, № 3, с.54-66.
[15)] Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. М., 1979.
[16)] См., например: Мейер М.С. К характеристике экономической жизни городов Османской империи. – Проблемы генезиса капитализма. М., 1978, с.242-275; Смилянская И.М. Сирийский город XVIII века в системе общественного разделения труда. – Проблемы генезиса капитализма, с. 276-317; Непомнин О.Е. Цеховое ремесло, мануфактура и гильдейский кредит в Китае в конце XIX – начале XX века. – Проблемы генезиса капитализма. М., 1979, с.137-179.
[17)] Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984.
[18)] Эволюция восточных обществ, с.5-20. Более подробно критику см.: Народы Азии и Африки. М., 1989, № 1, с.166-173.
[19)] Алаев Л.Б. Формационные черты феодализма и Восток. – Народы Азии и Африки. М., 1987, № 3, с.77-92.
[20)] Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая. – М., 1986.
[21)] См. целый ряд работ Ю.М.Кобищанова, в частности: Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. – Африка. Возникновение отсталости. М., 1974, с.85-290 и др.
[22)] Banaji J.A. The peasantry in the feudal mode of produccion. – Journal of peasant studies. L., 1976, vol.3, N 3, с.299-320.
[23)] Подробнее см.: Белелюбский Ф.Б. Маоистская концепция всемирной истории и подлинная история народов Востока. – Народы Азии и Африки. М., 1972, № 5, с.61-71.
[24)] Более подробно критику см.: Фурсов А.И. Восточный феодализм и история Запада…
[25)] Кузнецов И.В. Преемственность, единство и минимизация знания – фундаментальные черты научного метода. – Материалистическая диалектика и методика естественных наук. М., 1968, с.322-366; Никитин Е.П. Природа обоснования. М., 1981, с.144 и сл.
[26)] Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в Китае…
[27)] Более подробно критику см.: Народы Азии и Африки. М., 1989, № 1, с.161-165.
[28)]Hamilton G.H. Patriarchalism in Imperial China and Western Europe: A revision of Weber's sociology of domination. – Theory and society. Amsterdam, 1984, vol.13, N 3, с.393-425.
[29)] Подр. см. об этом: Фурсов А.И. «Традиционное общество» или «мировая экономика»? Конфликтующие парадигмы развития азиатских обществ в новое и новейшее время // Традиционное общество и мировая экономика: Критика теорий модернизации. – М.: ИНИОН, 1981. – С.80-141; Фурсов А.И. Развитие азиатских обществ XVII – начала XX в.: современные западные теории. – М.: ИНИОН РАН. – Вып.1. Либеральные социально-экономические теории: поиск внутренних факторов развития. – 1990. – 71 с.; вып.2. Леворадикальные социально-экономические теории. – 1991. – 89 с.; вып.3. Мир-системный подход. – 1991. – 99 с.

Критический анализ теорий И.Валлерстайна смотри также: Фурсов А.И. Маргиналии к мир-системному анализ // Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – с.5-14; Fursov A. The world we are entering, the world we are leaving, and the world in-between (some critical remarks on Wallerstein's propositions) // The world we are entering / Eds. by Wallerstein I., Clesse A. Amsterdam: Dutch University press. – 2002. – P.224-238.
[32)] Fairbank J.K., Reischauer E.O., Craig A.M. East Asia: The modern transformation. – Boston: Houghton Miffin, 1965. – XVI, 955 p.
[33)] Heestermann J.S. Was there Indian reaction? Western expansion and reaction: Essays on European expansion and reaction in Africa and Asia. – Leiden: Leiden univ. press, 1978. – P.31-58.
[34)] Cohen P. Rediscovering history in China: Amer. Hist. writing on the recent Chin. Past. – N.Y.: Columbia Univ. press, 1984. – XIX, 237 p.

[35)] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Ч.II, с.101.
[36)] Rudolf L., Rudolf S. The modernity of tradition: Polit. development in India. – Chicago: L.; Univ. of Chicago press, 1967. – X, 306 p.
[37)] Rowe W. The guilds of Hankow: Change a. growth in Chin. Econ. Organization // Papers from research conference on rural-urban networks in Chinese society. – McJnack island, 1979. – P.1-69, 169.
[38)] В основном теории РСР и зависимого развития разрабатывали левые радикалы, острие критики которых было направлено как против либералов, так и против марксистов, при этом леворадикалы позаимствовали целый ряд марксистских идей (роль общественного разделения труда, классовый подход и др.), правда нередко существенно упростив их. В то же время свой вклад в «копилку» этих теорий внесли также Дж.Галахер и Р.Робинсон (идея «неформальной империи» «фритредерского капитализма»), Г.Мюрдаль (дуальная экономика – не путать с теорией Б.Буке), Р.Пребиш (неравный обмен, как фактор тормозящий развитие Юга) и др.
[39)] The development of underdevelopment in China: A symposium / Ed. by Huang Ph.C.C. – White plains (NY), 1980. – 132 p.; Фурсов А.И. Китай в новое и новейшее время: господство традиции или «развитие слаборазвитости»? // Критика концепции зависимого развития. – М.: ИНИОН, 1983. – С.77-143.
[40)] См. Subrahmanyam S. “World-economies” and South Asia, 1600-1750: A skeptical note // Ibid. – 1989. – Vol.12, N 1. – P.141-148; Palat R.A. A rejoinder to Subrahmanyam // Review. – new dialoge with nature. – L.: Hineman, 1984. – 512 p.; The incorporation and peripheralization of South Asia, 1600-1950 / Palat R., Barr K., Matson J. Et al. – Ibid. – 1986. – Vol.10, N 1. – P.171-208.
[41)] См. напр., Frank A.G. A theoritical introduction to 5000 years of World System history // Ibid. – P.155-248; Gills B.K., Frank A.G. The cumulation of accumulation: theses and research agenda for 5000 years of world-system history. – Dialectical anthropology. Amsterdam, 1990, vol.15, N 1, c.24. Впрочем, Франк уже работал в существенно «разреженной» теоретической атмосфере – теоретические дискуссии послевоенного времени выдыхались и уходили с этим временем. Здесь необходимо отметить, что все затронутые мной выше теории (парадигмы), разработанные на Западе для объяснения мировой системы и Востока в ней, развивались не изолированно, а в определённом политико-экономическом контексте и были, по крайней мере косвенно, связаны с определёнными политико-экономическими интересами. Так теории ТОМ были отражением экономического роста афро-азиатского мира в разгар «славного тридцатилетия» (1945-1975 гг.), совпавшего с повышательной волной (А-фазы) кондратьевского цикла. Теории ТОМ в целом соответствовали интересам Запада, хозяев ядра капсистемы и их союзникам в «третьем мире». Теории РСР возникли как реакция на ТОМ, ну а развитие теорий зависимости и МСА во всём их концептуальном многообразии был обусловлен провалом «модернизаторских» (developmentalist) моделей развития на излёте кондратьевской А-фазы, с одной стороны, и подъёмом движений социального протеста как в центре («новые левые», «студенческая революция» 1968 г.), так и на периферии. В то же время я во многом согласен с теми, кто считает, что теории РСР и зависимого развития связали левый радикализм Запада с третьемирскими национализмами и целями и задачами верхушек (новых правящих групп) в «третьем мире», которые пришли к власти революционным или квазиреволюционным путём. Сами революции (читай «Венок Майклу Удомо» П.Абрамса) стали для новых верхушек лишь средством увеличения возможностей контроля, во-первых, над теми прибылями, которые можно получить от регулирования процессов интеграции страны в мировую систему (даже в условиях делинкинга и автаркии, которая, кстати, никогда не бывает полной). С этой точки зрения «теория зависимости» оказывается идеологическим оружием и оправданием «вторичных» колониальных и полуколониальных элит, которые, придя к власти, не столько подчиняются империализму, сколько играют на его противоречиях с коммунистическим лагерем, не порывая при этом полностью связей с мировым рынком. Здесь, как верно заметили критики, уже не зеркальное отражение концепций «модернизирующих элит», а идеологическое обслуживание аналогичных групп с той лишь разницей, что их «модернизаторские» устремления реализуются иначе и с другими результатами. Ну а детеоретизация и экспансия эмпирических исследований, *case studies* в середине 1980-х – 1990-е гг. – это уже, помимо прочего, отражение ситуации крушения всех антисистемных проектов и сил, наступления правого радикализма, торжества неолиберальной модели, глобализации. Думаю, новый подъём теоретического знания будет связан с социальным протестом против глобального правого радикализма, но это уже тема отдельного разговора.
[42)] Подр. об этом см.: Фурсов А.И. Азиатское крестьянство в свете концепции «моральной экономики» // Традиционное общество и мировая экономика. – М.: ИНИОН, 1981. – С.142-224;

его же Проблемы социальной истории крестьянства Азии. – М.: ИНИОН, 1986. Вып 1. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. – 267 с.; 1988. Вып 2. «Моральный крестьянин» или «рациональный крестьянин»? – 161 с.

[43)] Smith T. Requiem or new agenda for Third world studies // World politics. – Princeton, 1985. – Vol.37, N 4. – P.532-561.

[44)] Marx R. Rural revolution in South China: Peasants in the making of history in Haifeng county, 1570-1930. – Madison: Univ. of Michigan press, 1984. – XXV, 332 p.

[45)] Said E.W. Orientalism. L.; Henley, 1978, XI; Orientalism reconsidered – Arab society: Continuity and change. L. etc., Croom Helm, 1985, c.105-122.

[46)] Skinner G.W. Marketing and social structure in Rural China // J. of Asian studies. – 1964/65 – vol.24. N 1. – P.3-43; N 2. – P.195-224; N 3. – P.363-399.

[47)] Mudimbe V. The invention of Africa: Gnosis, philosophy and the order of knowledge. – 1988 . – XII, 241 p.; его же: The idea of Africa. – Bloomington a. Indianapolis: Indiana univ. press, 1994. – XVII, 234 p.

[48)] Inden R. Orientalist constructions of India // Modern Asian Studies. – Cambridge, 198 . – Vol.20, N 3. – P.401-446.

[49)] Chatterjee P. Nationalist thought and the colonial world: A derivative discourse? – Delhi: Oxford univ. press, 1986. – VIII, 181 p.

[50)] Sivan E. Edward Said and his Arab reviewers. – Sivan E. Interpretations of Islam: Past and present. Princeton (New Yersey), 1986, c.133-154; Саида критиковали не только западные и израильские учёные, но и арабские (Х.Ханафи, М.Хусейн Али ас-Самир, Н. ал-Битар, Дж. ал-Азм; последний прямо обвинил Саида в подготовке научных боеприпасов для разочаровавшихся светских интеллектуалов, чуть ли не в подталкивании их в исламизм). Саида упрекали (и часто справедливо) в механистичности, в логических несостыковках, в сведении ориенталистской проблематики к арабо-мусульманскому миру, в упрощённой, а то и просто неверной оценке им европейской культуры, в отсутствии внятного ответа на вопрос, каким должен быть «правильный ориентализм», в политических спекуляциях (и это, к сожалению, отчасти верно) и во многом другом.

[51)] В.Шекспир: «век вывихнут» (Гамлет).

[52)] Подр. содержание этого параграфа см.: Фурсов А.И. Saeculum vecissimum: In memoriam. Часть I. XX век: время, или сквозь пыль событий // Русский исторический журнал. – М., 2000. – Vol.III, № 1-4.

[53)] Подр. о некоторых аспектах проблемы см.: Фурсов А.И. На закате Современности: Терроризм или всемирная война? // Русский исторический журнал. – М., 1999. – т.II, № 3. – С.193-232.

[54)] Wallerstein I. Historical capitalism. – L. a. N.Y.: Verso, 1983. – P.84.

[55)] Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: Lord a. peasant in the making of the modern world. – N.Y.: Penguin, 1966. – P.508.

[56)] Подр. об этом см.: Фурсов А.И. «Биг Чарли», или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория (к 130-летию со дня рождения К.Маркса) // Русский исторический журнал. – 1998. – т.II, № 2. – С.335-429. В СССР попытки создать подобного рода целостные системы делали В.В.Крылов и А.А.Зиновьев. Причём если В.В.Крылов пытался сделать это в рамках и на уровне марксизма, то А.А.Зиновьев разрабатывал собственную, альтернативную марксисткой (и всем остальным) систему – «логическую социологию» (см. Крылов В.В. Теория формаций. – М.: Вост. литература РАН, 1997. – 230 с.; Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – 638 с.; его же: Логическая социология. – М.: Социум, 2002. – 258 с.).

[57)] Основные идеи, представленные в параграфах IX-XII, были сформулированы мной весной 1994 г. в рамках проектного исследования (см. сноску) и изложена в: Foursov A. Social times… // Review. – N.Y., 1997. – Vol.XX, N 3 /4. – PP.352-365. Позднее я включил их в другие свои работы – индивидуальные (например, Фурсов А.И. О «ежах» XX века, которые поняли в нём главное // Российский обозреватель. – М., 1996, № 2. – С.160-166) и соавторские (например, Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах русской истории… // Русский исторический журнал. – М., 1998. – С.46-61).

[58)] Campbell J. The Masks of God: Creative Mythology. – N.Y.: Viking Press, 1976; Gould S. Time’s Arrow, Time’s Cycle: Myth and Metaphor in the Discovery of Geological Time. – Harvard Univ. Press, 1987.

[59)] Объективно это поставило задачу возвращения времени – bringing time back in, что и было сделано термодинамикой с её стрелой времени; см. об этом: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из Хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С.275-386.

[60] Именно поэтому, во-первых, образ Средневековья был наиболее фальсифицирован с помощью фальсификации образа Античности – это было обеспечено в период Возрождения; во-вторых, под Средневековье подверстали Старый Порядок (XVI-XVIII вв.), который на самом деле был отрицанием феодализма и Средневековья (подр. об этом см.: Фурсов А.И. Операция «Прогресс». – Космополис. – М., 2004, № 1).

[61] Хеншелл Н. Миф абсолютизма. – СПб: Алетейя, 2003. – 271 с.

[62] Известная ролевая мир-игра «Башни и драконы».

[63] Подр. об этом см.: Фурсов А.И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // 200 лет Великой французской революции // Французский ежегодник 1987. – М.: Наука, 1989. – С.278-330; его же: Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. – М.: ИНИОН, 1992. – ч.1. – С.13-70; его же: Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. – М.: Наука, 1993. – С.56-112; его же: Капитализм в рамках антиномии «Восток – Запад» : проблемы теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М.: Наука, 1995. – С.16-133, 530-540, 597-599.

Опубликовано в качестве брошюры: М.: Гуманитарий, 2004.

Последняя смута.

Владимир Путин оказался заложником вековых системных конфликтов Российского государства

«События — это пыль». Эти слова принадлежат крупнейшему французскому историку XX в. Фернану Броделю. Речь идет о том, что событие само по себе, вне исторического контекста не может быть верно понято и оценено. Однако мы не утруждаем себя изучением текущего момента как текущей истории, как части длящегося прошлого. В результате мы плохо понимаем, что с нами происходит сегодня, какие причины обусловили нынешнюю ситуацию. Отказываясь рассматривать сегодняшний день как текущую историю, мы отдаем ее на откуп полуобразованным «политологам» из вчерашних специалистов по научному коммунизму или молодцам, прочитавшим десяток западных книжек и теперь втискивающим в прокрустово ложе содержащихся в них схем российские реалии.

Эволюция сложных и крупных систем необратима, настоящее — элемент некой целостности, определяемый ею, ее прошлой историей. С этой точки зрения, весьма интересно взглянуть на последние несколько лет, на те проблемы, с которыми столкнулся второй президент РФ, сквозь призму массовых долгосрочных процессов русской истории. Особенно это касается тех ситуаций и задач, которые объективно встали бы перед любым послеельцинским правителем и с которыми уже сталкивались «властелины колец» русской власти начиная с XVI в. — времени, когда власть стала оформляться как особый субъект, не сводимый ни к государственности, ни к классовости. Век двадцатый закончился для России так же, как и начался, — катастрофой, вызванной Смутой. Здесь очевидны две основные проблемы: 1) ситуация выхода из Смуты и задача оформления результата передела власти и имущества («реформ»); 2) консолидация различных новых господствующих групп, возникших на руинах прежней системы, в некий единый класс или, по крайней мере, создание эффективного союза данных групп.

Если консолидация господствующих групп не всегда связана с проблемой выхода из Смуты, то выход из Смуты, как правило, связан с успехом или провалом такой консолидации.

С Путиным Россия пытается выйти из третьей в русской истории Смуты, начавшейся со смертью Брежнева. Первая Смута — это конец XVI — начало XVII в., вторая — конец XIX — начало XX в. (точнее, 1870—1920-е гг.). Разумеется, все три Смуты отличались друг от друга как внутренними чертами, так и внешними обстоятельствами. Однако архетип во всех случаях один и тот же: утрата властью качества и положения единственного субъекта, возникновение двоевластия (Кремль — Тушинский лагерь; Петросовет — Временное правительство, «красные» — «белые»; Горбачев — Ельцин, президент РФ — парламент РФ), а то и многовластия: передел власти и имущества («собственности»).

Первая Смута началась фактически со смерти Ивана Грозного (1584 г.) и в скрытой форме протекала до смерти его сына Федора I (1598 г.), после чего она стала явной. Смуту не удалось остановить ни на основе режима личной власти (Борис Годунов), ни на основе режима власти боярско-олигархической (Василий Шуйский). «Боярский потаковник» Шуйский был свергнут в 1610 г. в результате заговора, за которым стояли представители дворян и посада. Устранение Шуйского стало важным моментом в переходе Смуты из боярской фазы в дворянскую, а затем в национально-религиозную, во время которой она охватила широкие слои населения, боровшиеся за место под солнцем в формирующейся самодержавно-крепостной системе. В ходе этой борьбы тогдашние средние слои — дворянство и купечество — в полувраждебном союзе с казаками изгнали поляков из Москвы и выбрали в 1613 г. нового царя.

Обратим внимание на то, что остановили Смуту и воссоздали самодержавие действия широких социальных слоев, а не определенной личности (здесь интересна аналогия Годунов — Горбачев) или группы лиц (олигархов). Остановить Смуту — еще не значит выйти из нее. Для этого необходима консолидация господствующих групп, еще вчера готовых растерзать друг друга в битвах Великого Передела.

В начале XVII в. предстояло консолидировать скомпрометировавшее себя и приходящее в упадок боярство, приказных «дельцов», провинциальных «детей боярских» (дворян), выбивших поляков из Москвы и осевших в ней (аналогия — провинциализация постсоветской верхушки в 1990-е гг.), большое число родственников и клиентов клана Романовых, Семьи того времени. Заручиться поддержкой верхов и середины социума, консолидировать их можно было, только удовлетворив их материальные запросы. Что и было сделано путем широкомасштабной раздачи земли и крестьян в правление Михаила Романова.

Наличие материальных ресурсов (земля) и усиление крепостного режима (вплоть до его полного введения в 1649 г.) позволили власти обеспечить себе широкую поддержку на среднем уровне и консолидировать господствующие группы и таким образом выйти из кризиса и избежать распада страны. Выход из Смуты и консолидация были обеспечены материальными «концессиями» со стороны власти значительной части господствующих групп за счет и в ущерб основной массе населения (крестьянства), усилением его эксплуатации. Власть заключила союз прежде всего с новой верхушкой и тогдашними средними слоями, которые вышли реальными победителями в Смуте и «опустили» тогдашние низы — крестьян, холопов, казаков, кои, спасая Россию и самодержавие, боролись за упрочение социального строя, гарантировавшего им выигрышное положение.

В отличие от двух первых Романовых — Михаила и Алексея двое последних — Александр III и Николай II не смогли решить проблему консолидации господствующих групп и вывести Россию из Смуты. Эту задачу пришлось решать большевикам. Смута, начавшаяся в России в 1870-е гг., была результатом реформ. Политические изменения не

поспевали за социальными, а социальные — за экономическими. Процессы социальной дезорганизации старого общества обгоняли процессы социальной организации нового. Вторая Смута представляла собой намного более сложное и многосоставное явление, чем Смута начала XVII в. Если последняя означала «вход» в самодержавие, то Смута, стартовавшая в 1870-е гг., означала «выход». Это было разложением и упадком самодержавия со всеми вытекающими последствиями. Первая Смута протекала в молодом аграрном обществе, вторая — при перезрелом старом порядке, когда наряду с аграрным сектором бурно развивался промышленно-городской, в котором существовали бюрократия и капитал, рабочее движение и революционные партии. Все это плюс нерешенность аграрного вопроса и усиление позиций иностранного капитала приводило к формированию крайне разнородных господствующих или претендующих на господство групп.

В начале XX в. русская буржуазия сама по себе не могла успешно двигать Россию по пути «экономической модернизации». Реально это могли делать самодержавная власть и иностранный капитал (последний, естественно, в своих интересах). Власть была теснейшим образом связана с дворянством, последнее было ее важной опорой. Несмотря на то, что политическое и экономическое значение дворянства падало, в 1905 г. стоимость земель, находившихся в руках дворян 50 губерний европейской России, составляла 4 млрд. руб., что на 60% больше общей массы акционерных капиталов. Не будучи само способным к обуржуазиванию, дворянство не допустило обуржуазивания самодержавия. А полностью отказаться от дворянства самодержавие не могло. Это исключало реальную возможность консолидации господствующих групп. Кроме того, власть была слаба и не могла воспользоваться материальными ресурсами ни буржуазии, ни дворянства для разрешения конфликтов, замирения общества и выхода из Смуты. Внешние займы еще более ослабляли власть. Вкупе с нерешенным аграрным вопросом все это привело к финальной части Смуты — революции, которая смела самодержавие, дворянство и буржуазию.

Русская история знает несколько попыток консолидации господствующих групп без Смуты. Этим занимались с различным успехом Иван Грозный, Екатерина II, Хрущев и Брежнев.

Задача консолидации господствующих групп стояла перед Иваном IV с самого начала его царствования (1547 г.). В 1530—1540-е гг. в русском обществе обострились противоречия на всех уровнях: на самом верхнем — между основными княжеско-боярскими кланами; между верхушкой в целом и средними/нижними сегментами господствующих групп; между господствующими группами в целом и «остальным» населением. Наиболее опасным для власти и системы было второе, и именно поэтому оно оказалось, по сути, центральным на так называемом «Соборе примирения» 1549 г.

Консолидация господствующих групп под «зонтиком» царской власти была одной из задач реформ так называемого правительства «Избранной рады» (1550-е гг.). Однако реформы не решили эту задачу. Более того, они привели к обострению конфликта между царем и боярской верхушкой в борьбе за конкретный вариант централизации — княжеско-боярский или самодержавный. Можно ли было обеспечить победу самодержавного варианта путем консолидации большей части господствующих групп, то есть при опоре прежде всего на средние и нижние сегменты служилого слоя в целом? Теоретически — да, но, думаю, правы те, кто отмечает, во-первых, длительный и вовсе не гарантирующий успеха характер этого варианта; во-вторых, связанную с ним необходимость фиксации сословных прав дворян и бояр, что не соответствовало логике самодержавия. К тому же консолидация верхов не должна была стать угрозой для самой власти и царя лично.

Поэтому Иван IV выбрал принципиально иной, новаторский и, по сути, революционный путь — опричнину, которая в качестве властной технологии вполне достойна занять место рядом с ленинской партией нового типа.

Создание вне- и надсистемного органа власти, военно-полицейского корпуса раскалывало господствующие группы, выделяло из них особый сегмент, становившийся непосредственной опорой власти. Этот орган был сверхконсолидирован, но его задачей было разрушить консолидацию господствующих групп, потенциально направленную против самодержавной власти. Как только опричнина выполнила свою задачу, она перестала существовать как «чрезвычайка» (1572 г.) и стала Государевым двором (сравните превращение ЧК в ГПУ). Теперь, заняв стратегические высоты, можно было начинать попытку более широкой консолидации, уже не столь опасной для власти. Смерть Грозного, а затем Смута как контратака тех сил вверху и внизу общества, которые проиграли от введения самодержавно-крепостнического строя, затормозили процесс, но не повернули вспять. Соборным уложением 1649 г. самодержавие Грозного было восстановлено. Основой консолидации господствующих групп стало наличие материальной базы.

О важности такой базы в успехе консолидации господствующих групп свидетельствует опыт Екатерины II. Она решала двойную задачу — ослабить роль гвардии, игравшей огромную роль с 1725 г., и консолидировать верхние и средние слои господствующих групп, которые благодаря указу Петра III от 1762 г. получили право не служить. Дворянство из служилого сословия превратилось в привилегированное. Конечно, то был «золотой век дворянства», но его было чем обеспечить: вновь присоединенные земли и гарантии ужесточения эксплуатации крестьян. Помимо этого были задействованы внешние источники. 2 апреля 1769 г. Екатерина II сделала первый русский внешний заем (3,7 млн. руб. под 5% годовых); к концу ее правления внешний долг составлял 41,5 млн. руб. Если к этому добавить внутренние неоплаченные счета на 15,5 млн. руб. и 150 млн. руб. беспроцентного долга в ассигнациях, то мы получаем фантастическую цифру 200 млн. руб. долга. Это тоже часть той материальной основы, на которой стала возможна консолидация господствующих групп, оформившихся в ходе петровских реформ и «века дворцовых переворотов».

Золотой век дворянства при Екатерине был проеданием будущего, как и «золотой век» номенклатуры при Брежневе: «Ты все пела? Это дело. Так поди же, попляши!». Плясать пришлось сыну и внуку императрицы-стрекозы. И если Николаю I удалось заморозить процесс послеекатерининского гниения, то Александру II пришлось легализовать его в виде «реформ». Таким же путем Горбачев пытался остановить процесс разложения брежневского «реального социализма».

Брежнев успешно завершил консолидацию господствующих в советском обществе групп, превращение их в «слой для себя». Оба этих процесса начались после войны и ускорились после смерти Сталина. Первые шаги были сделаны Хрущевым, который обеспечил физические гарантии существования верхушки, «выпустил пар» (что тоже способствовало консолидации верхов по отношению к населению) и выстроил иерархию верхов, строго указав «политической полиции», совмину и армии их место по отношению к партаппарату.

Однако, будучи сталинцем по сути во всем, кроме террора, Хрущев не предоставил номенклатуре двух других гарантий ее бытия — социальных и экономических. Это стало причиной его падения. Обеспечение именно этих гарантий стало основой и брежневской власти, и брежневской консолидации господствующих групп советского общества.

Средство — так называемый «застой», то есть, по сути, прекращение ротации кадров, господство горизонтальной мобильности над вертикальной; разбухание партаппарата, его сращение с хозяйственными структурами, которые, в свою очередь, оказывались тесно связаны с теневыми. Так у брежневской консолидации появилось торгово-криминальное лицо (легальных внутренних источников для консолидации не хватало), а господствующие группы поделенного на республики, края и области СССР стали все больше превращаться в национально-республиканские (краевые, областные) властно-торговые «мафии», которым от интернационалистского («имперского») «центроверха» («государства») с конца 1960-х гг. нужно было выполнение главным образом двух функций: 1) силовые (военно-полицейские) гарантии, защита в случае необходимости от населения; 2) обеспечение притока товаров и средств из-за рубежа. Последнее стало особенно важным в 1970-е гг.: у брежневского режима, как и у екатерининского за двести лет до этого, появился мощный внешний источник, поддерживавший консолидацию верхов и подаривший власти еще десяток лет жизни.

Упали цены на нефть (что совпало с ослаблением «центроверха» и усилением давления Запада на СССР), и республиканские верхушки решили спасаться сами, оседлав центробежные националистические, часто не просто антисоветские, но антирусские движения. В этом одна из главных, хотя далеко не единственная, причина распада СССР и крушения «исторического коммунизма», обусловленная его социальной природой и логикой развития. Ни властными, ни материальными ресурсами, чтобы сплотить распадающийся правящий слой, Горбачев не обладал. Его «сумбур вместо политики» оказался контрпродуктивен и лишь ускорил развал.

Ельцин укрепление своей власти построил на раздаче государственного имущества. Консолидации новых господствующих групп не произошло. Однако, как и в случае с Михаилом Романовым и Екатериной II, власть заключала союз с верхушкой (в РФ — «олигархи» и «полуолигархи») и верхним сегментом «среднего класса» (численно небольшим, но активным, прежде всего — в медиасфере, и тесно связанным с различными олигархическими кланами) против остального населения. Последнее было отдано на откуп в эксплуатацию (ограбление, депривацию). А «медиаинтеллектуалы» (по сути — культур-буржуазия) в течение всех 1990-х гг., подобно Лисе Алисе и Коту Базилио, убеждали доверчивых буратино-россиян, что социальная помойка, на которой они оказались, — это и есть демократическое Поле Чудес.

Проблема, однако, заключается в том, что, во-первых, к концу 1990-х гг. этот процесс экспроприации и эксплуатации достиг предела. В природных и технико-экономических условиях России эксплуатация (то есть присвоение прибавочного продукта) выше определенного уровня невозможна, ее дальнейшее усиление возможно лишь за счет активного присвоения части уже необходимого продукта, то есть присвоения жизненных средств. Пассивно это в значительной степени и происходит — увеличение цен и квартплаты, сокращение реальных социальных гарантий населения.

Ельцинский режим, по сути, исчерпал базовые возможности дальнейшего усиления активной и прямой эксплуатации и влез в пассивную и косвенную эксплуатацию населения — теперь остается только природа, ресурсы. Однако такая ситуация резко скукожившегося «общественного пирога» при существенно увеличившемся (рост числа чиновников, бизнес, криминал, нелегальные формы деятельности легальных структур и т.д.) количестве претендентов на него ведет к резкому обострению всех противоречий в обществе.

Положение любого послеельцинского правителя РФ — это ситуация, в которой находился Иван IV в конце 1540-х гг. В реальности, однако, нынешнее положение тяжелее и сложнее: Иван IV «принял» страну после тридцати лет бурного экономического роста, с хорошим запасом «экономического жирка», а не после Смуты, пришедшей за периодом разложения и упадка (все вместе — тоже тридцать лет). Наконец, Иван IV не жил в эпоху глобализации. Да, он проиграл Ливонскую войну, но нынешняя внешнеполитическая ситуации РФ на порядок хуже, чем у России 1580-х гг. после Ям-Запольского мира (1582 г.): степень влияния внешних, не подконтрольных власти РФ факторов, как экономических, так и политических, на ситуацию в стране несопоставима. К тому же богатство нынешних «бояр» — не земля, а капиталы, которые они держат вне страны. Послеельцинская власть в России оказалась в ситуации послесмутного времени, «протекающего» в условиях очередного мирового передела, в котором, как сказал Збигнев Бжезинский, Евразия (прежде всего — Россия) — главный приз Америки.

В этом плане любой послеельцинский правитель оказывается в крайне противоречивом положении. С одной стороны, он должен защитить население от пресса избыточных новых «хозяев жизни», либо уменьшив этот пресс, либо сократив число «хозяев» и «позаимствовав» их средства. С другой стороны, он должен консолидировать группы «хозяев», а это, как мы видели, возможно только за счет населения.

При этом сама власть слаба как внутри страны, так и вне ее: Россия — объект глобализации, а не субъект. У власти нет внутренних материальных ресурсов, потому стратегия Михаила I и Екатерины II сегодня невозможна. Брежневская «игра с нефтедолларами» в полной мере нереализуема — нет советской военной мощи и экономическое положение много хуже. В лучшем случае сегодняшние цены на нефть могут поддержать хрупкий баланс в обществе, но никак не консолидировать его верхнюю часть. Я уже не говорю о том, что в нынешней России нет среднего класса, с которым власть и олигархические «властно-торгово-криминальные» кланы могли бы не только совершать лихие налеты на население, но и заключить долгосрочный и эффективный союз против него. Такого класса нет и не предвидится в ближайшее время — по крайней мере, в политико-экономически необходимом количестве и качестве. Причем в значительной степени это следствие логики развития ельцинской системы, которая сначала с «середняком» вместе «ела» низы, а «съев», принялась за середняка.

У нынешней власти нет не только материальной базы для консолидации господствующих групп, но и средства-инструмента для этого. В русской истории такие средства-инструменты появлялись дважды, и именно из них вырастали структуры русской власти, которые и решали задачу материального обеспечения. Речь идет об опричнине Ивана Грозного и партии профессиональных революционеров (большевистской организации) Владимира Ульянова-Ленина.

http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=34&tek=359&issue=13

ИСКАЖЕНИЕ СМЫСЛОВ

Одна из перманентных тем президентства Путина — разговоры о некой реставрации советского прошлого, точнее, тех или иных его сторон, аспектов. Им почему-то не пришло в голову, что оживление, восстановление символов прошлого и оживление, восстановление этого прошлого — не одно и то же. Более того, реставрация символики прошлого — это, как правило, наипервейший показатель того, что это прошлое ушло настолько далеко, что реально вернуть его невозможно, а потому его символы абсолютно безопасны для новой власти. Вообще реставрировать в истории на самом деле ничего нельзя. Реставрации поддается только форма, причем, как правило, тогда, когда содержание мертво и форму в принципе можно отделить от него, отслоить, снять. И использовать для нового содержания, пока у того не наросла своя форма. Использовать, потому что ничего другого нет. Эпохи так называемой реставрации суть периоды послереволюционных компромиссов, в которых рождается новая система. Это реальность. Но есть еще и разговоры о реставрации, публичные дискуссии, презентация — намеренная или от скудости ума и воображения — неких процессов в качестве реставрации. И это не менее важная проблема, чем то, что скрывается за термином в реальности.

Сталинская «реставрация»

О реставрациях применительно к советской и постсоветской истории говорилось неоднократно. Этот факт сам по себе достоин внимания. Однако на него почти не обращают внимания. А зря. Он нечто вроде холста с нарисованным очагом, за которым скрывается (или ее скрывают) потайная дверца. Точнее, как в нашем случае, потайные дверцы, поскольку за каждой из «реставраций», о которых пойдет речь, скрывались свои, особые причины и цели. За стремлением наклеить на все эти совершенно различные явления и тенденции развития советского, а затем и постсоветского общества ярлык «реставрация», смешать их в одну кучу стоит стремление избежать серьезного, содержательного анализа, сделать вид, будто все и так ясно.

Почти всех советских и постсоветских лидеров в той или иной степени обвиняли в реставрации чего-то. Сталина — в реставрации империи и многих черт царизма, Брежнева и в меньшей степени Андропова — в реставрации сталинизма, Горбачева и Ельцина — в реставрации капитализма. Только Ленину, Хрущеву и Черненко серьезных обвинений в реставрации не предъявлялось, несмотря на нэп в биографии первого и развенчание культа личности вторым. Ну и, наконец, Путина обвиняют (естественно, справа; другой вопрос — в какой степени искренни эти обвинения, а в какой — суть элементы политической игры) в возрождении элементов позднесоветского прошлого. Получается

какая-то странная матрешка: Сталин реставрировал царизм, Брежнев — сталинизм, а Путин — брежневизм (и при этом он — наследник Ельцина).

О Сталине-реставраторе говорили и его сторонники, и противники — те, кто оценивал Сталина скорее со знаком «плюс» (например, Сергей Дмитриевский) или с однозначным знаком «минус» (Лев Троцкий). Многие писали о возрождении Сталиным наследия царизма, самодержавной империи. Особенно после того, как в конце 1930-х Сталин разгромил и уничтожил «ленинскую гвардию», то есть необольшевистскую «партию нового типа», а во время войны и после нее стал подчеркивать значение национального прошлого и тему патриотизма. Внимание обращали на ордена, погоны, гвардию, кампанию против космополитов и даже на парады.

По форме вроде бы все так и есть. А по содержанию? Разве Сталин восстановил частную собственность, роль православия, самодержавную монархию? Нет. А что же в реальности означали «реставрационистские» меры Сталина? Этот вопрос не так прост. Мы привыкли к объяснению, что после первых поражений в войне Сталин, его режим вынуждены были акцентировать патриотическую тему, обратиться к русским традициям. Отчасти это действительно так. Однако погоны и новая форма были введены после Сталинградской битвы, то есть после перелома в войне, когда стало ясно: немцам не победить, система доказала свою жизнеспособность. А значит, прошлого можно не опасаться и вернуть его символы, раз для дела надо (почти одновременно с этим в армии был ликвидирован институт политруков, политически реабилитирована РПЦ, а вместо «космополитичного» «Интернационала» появился патриотический гимн).

Консервация под видом реставрации

Сталин стремился одеть максимально возможное число чиновников в мундиры, выстроить по рангам в четкую и жесткую иерархию. Именно этот факт нередко приводят в качестве главного свидетельства курса на создание во второй половине 1940-х гг. завершенной имперской структуры по образцу Российской империи. На самом деле именно он при внешнем сходстве наиболее удален от реальной реставрации и служил вполне системным целям, не имевшим никакого отношения к дореволюционному прошлому.

Сталинская система, по сути, была двойным хрупким балансом. Во-первых, это был баланс функциональных административно-силовых структур (блоков): партия (партаппарат), совмин (исполнительная власть, как бы она ни называлась), служба безопасности и армия. Над всем этим возвышалась харизматическая фигура Сталина — демиурга и жестокого координатора этой системы, который играл на противоречиях между четырьмя блоками и внутри них. Во-вторых, это был баланс соответствия объема и качества потребления функционеров различного уровня их рангу, месту в иерархии. В системе, где частная собственность отсутствует, где главное — власть, основанная на самой же власти, то есть лежащая в основе самой себя, единственным внешним показателем места в иерархии может быть только потребление, количество и качество положенных пайка и услуг.

Ясно, однако, что человек есть человек и каждый функционер с чадами и домочадцами стремился потреблять больше, чем положено по рангу. А вот это уже было опасно для системы. С одной стороны, подобное сверхпотребление нарушало иерархию властных групп, их внутренние отношения, с другой — компрометировало образ верхушки как ордена революционеров.

По мере усложнения системы и сращивания партийного и хозяйственного аппаратов контролировать иерархически ранжированное потребление становилось все труднее. А тут еще война с потоком западного ширпотреба, «демонстрационным эффектом» и массой соблазнов.

Производственной основой двойного хрупкого баланса были аграрно-индустриальный строй и его слои. Индустриализация изменила ситуацию. Однако социальные и психоисторические изменения запаздывают по сравнению с производственно-экономическими. К тому же их притормозила и война. Зато во второй половине 1940-х гг. процесс пошел с удвоенной скоростью как в низах, так и в верхах, где происходило оформление господствующих групп в слой для себя, которому харизматик Сталин уже был не нужен.

В такой ситуации стремление ввести полувоенную («имперскую») организацию на максимуме социального пространства, одеть чиновников в мундиры означало одно — регламентацию опасного для системы нарастающего избыточного потребления верхов. Это была попытка подменить, насколько это возможно, социальное деление профессиональным, по сути — подморозить развитие реального социализма его ранней (сталинской) стадией. Таким образом, «реставрация» в данном случае на самом деле была средством решить проблемы советского общества, роста социального и экономического неравенства, развития социальных групп, не предусмотренных «исходным проектом» и интересами лиц и структур, которые монополизировали власть и контроль над распределением и потреблением (потребностями) в 1930-е гг. А еще говорят о реставрации! Миф. Но еще больший миф — это реставрация сталинизма при Брежневе.

Многие всерьез говорили о сближении брежневского режима со сталинским и противопоставляли этот режим хрущевской «оттепели». Одним мифом укрепляли другой и еще больше запутывали себя.

Не буду здесь специально упоминать об «оттепели» — это отдельная тема, ограничусь лишь констатацией: единственное тепло, которое мог выделять коммунизм как система, — это тепло реакции распада, и в этом смысле единственной «оттепелью» в советской истории был брежневский застой. Главное, однако, в том, что брежневский режим находится намного дальше от сталинского, чем хрущевский. Ведь «брежневизм» — это «хрущевский космос», максимально очищенный от того, что оставалось от сталинизма. Сталин в конце 1960-х — 1970-е гг. появлялся на экране именно в силу своей неопасности для «социально внучатого» брежневского режима. Своеобразным девизом последнего можно считать фразу одного из героев гайдаевской «Операции «Ы»: «К людям надо мягше, а на вопросы смотреть ширше». То есть можно почти всё. И это реставрация сталинизма?

Миф о брежневском сталинизме

Нередко брежневскую «реставрацию» усматривают в свертывании хрущевских реформ. О каких реформах речь? Реально Хрущев провел две реформы — административно-экономическую (1957 г. — совнархозы) и властную, партийную (1962 г. — разделение парторганизации на промышленную и сельскую, то есть на городскую и деревенскую; таким образом наряду с производственным принципом организации КПСС, а отчасти вместо него вводился территориально-отраслевой). На декабрьском (1964 г.) и сентябрьском (1965 г.) пленумах ЦК КПСС все это отменили и приступили к так называемой косыгинской экономической реформе (хозрасчет, экономическая заинтересованность и т.п.), которая, хотя и провалилась, в принципе означала

существенный шаг вперед по сравнению с хрущевскими экспериментами в экономике. В любом случае как совнархозы, так и разделение партийной организации ни к либерализации, ни тем более к демократизации никакого отношения не имели. А ведь именно «свертывание либерализации» ставят в главную вину брежневскому режиму, именно в этом усматривают реставрацию сталинизма или по крайней мере его элементов.

Но возникает вопрос: свертывание какой либерализации и в пользу чего? Так называемая хрущевская «либерализация» начала дышать на ладан уже при позднем Хрущеве. А брежневский режим прекратил либерализацию в идейно-художественной сфере, поскольку перешел от теории к практике. Хрущевская «либерализация» никогда не была сознательным целенаправленным курсом. Сначала она представляла собой побочный продукт обеспечения номенклатурой своей физической безопасности (1953—1956 гг.), затем — побочный результат переходного периода от сталинской модели к брежневской и борьбы номенклатуры за социальные и экономические гарантии существования (1956—1964 гг.).

Борьба эта увенчалась успехом в 1964 г., когда с Брежневым наступил «золотой век» номенклатуры (огромные возможности расхищения, обогащения и т.п. — то есть все то, что применительно к коммунистическому режиму не совсем верно именуют коррупцией). В такой ситуации либерализация в идейно-художественной сфере уже была не нужна. Она выполнила свою задачу, объективно став идейной подготовкой «практической либерализации» режима для его хозяев.

Выполнила свою системную задачу, избавила чиновника от страха (культ личности) и произвола (волюнтаризм). А раз выполнила и для номенклатуры из «оттепели» превратилась в реальное «тепло», то с идейно-художественной либерализацией можно и закончить, а «тепло» немножко приодеть в «зимние» одежды — идеологическая выдержанность и социально-властный контроль. Ну а робкие умы и склонные к социальной истерике души немедленно заговорили о реставрации сталинизма. Пугаться надо было другого — того, что скрывалось за «реставрацией», а точнее, с одной стороны, за ее фикцией, с другой — за страхами и компенсаторными социальными мифами совинтеллигенции.

Генезис окончен, забудьте

Всплески эмоций по поводу реставрации советского прошлого при Путине возникали несколько раз. Пожалуй, самые сильные связаны с восстановлением советской символики, прежде всего музыкальной части советского гимна. Причем кричали не только представители демшизы, но и обычно вполне вменяемые люди. Другой момент — властно-олигархический передел, прежде всего события по поводу и вокруг ЮКОСа.

В феврале 1879 г. «Марсельеза», революционный гимн Франции с 1795 г. и до последних дней первой империи, стала официальным гимном Французской республики. Значит ли это, что французская буржуазия решила реставрировать революционный порядок, причем сделать это по горячим следам Парижской коммуны? Наоборот, это значит, что в 1879 г. под эпохой революций во Франции была подведена черта, эта эпоха осталась в прошлом, и теперь ее символы можно было использовать в политической борьбе между различными фракциями буржуазии и бюрократии без какой бы то ни было опасности для господствующих классов в целом и государства.

Что касается ЮКОСа, здесь нет нужды входить в детали — и так уже очень много написано. Вместо того чтобы рассуждать, является ли путинское правление реставрацией

советизма или нет, зададимся другим вопросом: что подразумевала бы в нынешних условиях реставрация советского общества, если бы она была теоретически возможна? Думаю, следующее: деприватизацию (национализацию), ликвидацию частной собственности; изменение соотношения долей зарплаты трудящихся и управленцев в общественном продукте (сокращение разрыва); перевод управленцев (номенклатуры) на советскую систему ранжированного потребления; восстановление социальных гарантий советского времени; максимально возможное изменение внешнеполитического курса.

Ничего подобного не происходит. То, что мы наблюдаем, относится к перераспределению власти и собственности среди господствующих групп. Точнее, так: перед нами сложносоставное событие, в котором сошлись несколько различных линий: конкретная «текущемоментная» борьба за власть, процесс формирования новых господствующих групп (НГГ), их состава, структуры, «социальной физиономии», отношения государства и бизнеса; отношения России с внешним миром. Текущий аспект уже обсосан прессой, к тому же он наименее интересен. Намного интереснее все остальное.

При том, что российский бизнес тесно связан с властью, он конституирует особый сегмент НГГ. Когда-то, в начале 1990-х гг., он возник как процесс разложения «исторического коммунизма», а еще чаще создавался властью для «реализации» советского имущества, то есть общенародной собственности. При всей поверхностности исторических аналогий рискну сопоставить некоторые процессы 1990-х гг. с отмыванием совноменклатурой награбленного в гражданскую войну во время нэпа и с помощью нэпманов. Ведь что такое был нэп? Эксплуатация крестьян посредством рынка (то есть рынок на 30—40% выполнял нерыночную функцию) административно-рыночной системой — «трехглавым змеем»: комноменклатура — начальники трестов — нэпманы. Нэпман в этой системе выполнял, грубо говоря, роль барыги, перелетавшего из «света» в «тень» и наоборот, а руководство трестов — связующего звена между молодой номенклатурой и нэпманами (в жизни, разумеется, были комбинации и похитрее, но меня в данном случае интересует общая схема).

На нэповских дрожжах очень быстро вырос огромный партийный и советский аппарат. К концу 1920-х гг. содержание такого аппарата на основе эксплуатации крестьянства стало практически невозможным, потребовалась экспроприация. Разумеется, это не единственная причина коллективизации, были и другие: необходимость уничтожить класс собственников, установить социальный контроль, борьба за власть в верхушке, международная обстановка и т.д. Однако фактор роста численности НГГ как причина свертывания нэпа (или — или) играл огромную роль.

Переход к экспроприации сделал ненужной фигуру нэпмана, который стал дополнительным объектом экспроприации наряду с крестьянством — два шара в лузу. Ну а часть трестовиков — те, которым повезло — влилась в аппарат.

Наше время весьма отличается от 1920-х: тогда — генезис комстроя, теперь — разложение, тогда — частичное разгосударствление, теперь — намного более полное; к тому же сегодня мы живем в эпоху глобализации. И тем не менее очень важное сходство существует. Не говоря уж о том, что между входом и выходом вообще есть некое сходство, в обоих случаях мы имеем дело с формированием НГГ на основе разгосударствления имущества (собственности). Нэп показал, что на основе одной национализации НГГ сформироваться не смогут — невозможно накопить жирок для формирования «новых толстяков», иначе — просто большая коммуна, котлован. В обоих случаях власть (государство) создавала агентов «светового» и «теневого» перераспределения. Однако если во времена нэпа благодаря жесткому властному

контролю, мощи репрессивного аппарата и специфике положения в мировой системе эти агенты не могли играть самостоятельную роль, то в 1990-е, точнее в 1996—1998 гг., они ее обрели и очень быстро — по-стахановски — довели передел до победного конца, поставив восклицательный знак в виде дефолта. Нельзя сказать, что от всего этого выиграли только ельцинский режим и олигархи. Кое-что досталось и небольшой привластной «деловой» группе, включая культурбуржуазию (то есть ту часть совинтеллигенции, которая обслуживает режим в СМИ), то есть опять мы имеем триумвират, решающий свои проблемы за счет основной массы населения и в ущерб ему.

«Но их бедой была победа — за ней открылась пустота». Эти строки Наума Коржавина о большевиках, об ударниках физического террора 1930-х гг. вполне годятся для необольшевиков, ударников рыночного террора 1990-х гг.: после дефолта 1998 г. и особенно в начале XXI в. социальный персонаж «олигарха» в том виде, в каком он сформировался в 1990-е гг., оказался ненужным, лишним и даже опасным. К тому же дураков, верящих в рыночные чудеса, резко поубавилось. Экспроприировать после десятилетия передела под названием «реформы» (1988—1998 гг.), по сути, нечего, да и опасно, поскольку дальнейшее изъятие продукта будет означать наступление на жизненные средства. Это чревато взрывом масс.

В такой ситуации сохранение самостоятельности «госагентов экономического перераспределения» и тем паче их усиление и (или) претензии на власть — косвенную и особенно прямую — грозят обвалить медленно строящееся из потрескавшихся кирпичиков разрушенного исторического коммунизма здание и тех властных агентов, которые руководят этим процессом. Им это надо? Им нужны стабильность и непосредственный или минимально опосредованный контроль над экономическими процессами (власть экономизируется). Поэтому не нужны посредники, во-первых, между властью и экономикой, а во-вторых, между Россией и внешним, глобальным миром. Кроме того, поскольку реальная социальная опора посредников — именно этот внешний мир, они опасны вдвойне: могут без ущерба для себя раскачивать ситуацию в стране, которой пытается управлять власть, и способны противостоять этой власти. Все это данную власть ослабляет и объективно может привести страну к революции. Россия это уже проходила в конце XIX — начале XX в., когда многие важнейшие экономические позиции в стране захватил иностранный капитал, а возможности сопротивления ему госсектора оказались ограниченными.

Некоторые олигархи, представляющие прямую или косвенную угрозу власти, после августа 1998 г. оказываются «крайними» в качестве потенциальных объектов экспроприации. Что касается основной массы населения, то ее «экспроприация экспроприаторов» либо — по крайней мере теоретически — не затрагивает вовсе, либо даже объективно облегчает бремя, поскольку уменьшает численность «изымателей продукта». Разумеется, едва ли населению достанется много от такой экспроприации. Тем не менее здесь в известном смысле совпадают если не интересы, то устремления власти и огромной части населения.

Впрочем, исход борьбы в «параллелограмме сил» «власть — олигархат — средний класс — население» (при лучших шансах власти) не предопределен, возможны варианты и компромиссы. И тем не менее социальная физиономия новых господствующих групп будет совершенно иной, чем у эмбриона второй половины 1990-х.

Внутриолигархический (или властно-олигархический) передел — это еще один, и чрезвычайно мощный, рывок в сторону от советского прошлого. Только очень недалекие или очень заинтересованные люди могут кричать в связи с этим о перевороте, о

национальной трагедии и т.д. Национальная трагедия — это когда в 1992 г. миллионы людей пустили по миру. Когда же одни «пускатели» берут других или своих агентов за причинные места — это не трагедия, а внутренние разборки (так же, как трагедией был не 1937-й, а 1932 г., когда крестьяне гибли сотнями тысяч) и пусть и уродливое, но проявление исторической справедливости.

Сухой остаток: перед нами вовсе не процесс реставрации советизма, а переход от стадии разложения старого строя и начала генезиса нового к началу ранней стадии нового строя. Почти десять лет назад, еще не только до падения, но и до взлета олигархата, в «Колоколах Истории» я писал, что капитал в русской системе, в русской истории, как правило, развивается (допускается властью), когда она слаба, когда наступают критические, переходно-перестроечные времена, когда требуется материальная база для будущего. По-видимому, пришло время новых песен. Это не хорошо и не плохо. Это — естественный для русской истории процесс. Это вовсе не означает ликвидацию капитала и того строя, который начал возникать из людей и руин позднего коммунизма. Это значит, что не нужны агенты первоначального накопления, герои экономического беспредела. Начинается, как сказал бы Мао, кампания исправления стиля. В нашем случае — огосударствление результатов разгосударствления. Власть, превратившись (на время и отчасти) в «рынок», «товар», опять становится самой собой, но в новой форме. Усиление силовиков — это средство обретения этой формы, устранения того, что налипло за 1990-е.

Генезис окончен, забудьте.

Андрей ФУРСОВ, директор Института русской истории РГГУ

СЛАБЫХ БЬЮТ

ПО СВОЕЙ СУТИ НАЧАВШАЯСЯ 150 ЛЕТ НАЗАД КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ БЫЛА ПЕРВОЙ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Они кричат, они грозятся:

«Вот к стенке мы славян прижмем!»

Ну, как бы им не оборваться

В задорном натиске своем.

Федор Тютчев, 1861 г.

Сто пятьдесят лет назад, в феврале 1854 г., Николай I отверг британский ультиматум вывести русские войска из дунайских княжеств к 30 апреля. Это стало началом нового этапа в Крымской (восточной) войне, а по сути — войны Запада (в лице его крупнейших держав) против России. За названием «Крымская война» скрываются две разные и разномасштабные войны — война России с Османской империей и война России с Западом.

А началось все в мае 1853 г., когда — ровно четыреста лет спустя после того, как в мае 1453 г. турки захватили Константинополь, — османское правительство отвергло русский ультиматум. В ответ Россия разорвала с османами отношения, и русский чрезвычайный посол Меншиков на корабле «Громоносец» покинул Стамбул. В июне русские войска вошли в дунайские княжества Молдавию и Валахию, а 27 октября 1853 г. султан объявил России войну, в которой османы очень быстро потерпели поражение. На помощь султану пришли Англия и Франция, действия которых с формальной точки зрения вполне можно квалифицировать как агрессию.

148 лет назад, в феврале 1856 г., в Париже начались мирные переговоры, окончившиеся заключением крайне невыгодного для России Парижского мира. Россия была готова к переговорам уже весной 1855 г., однако союзники — французы и англичане — пошли на них только после взятия Севастополя (сентябрь 1855 г.) и уничтожения русского Черноморского флота. Конечно же, англичане стремились к уничтожению русского флота вообще, то есть включая Балтийский, поскольку одной из главных задач Англии в войне было уничтожение России как морской державы, но это сделать не удалось.

Крымская война стоила России, по разным оценкам, от 300 до 500 тыс. жизней (Англии — 60 тыс., Франции — 100 тыс.), полмиллиона рублей и поражения. Более того, как заметил

английский историк А.Дж.П. Тэйлор, эта война, подорвавшая не только реальную военную мощь России, но и посленаполеоновскую легенду о ней, была самым успешным военным вторжением Запада на русскую землю от Наполеона до Гитлера. После 1856 г. самодержавная Россия никогда больше не имела такого влияния в Европе, каким она пользовалась — по нарастающей — после 1721, 1763 и 1815 гг. В 1855 г. падением Севастополя закончилось почти сорокалетие страха Запада перед Россией, так же, как в 1989 г. завершилось такое же почти сорокалетие страха Запада перед СССР — sic transit gloria mundi. В XIX в. эта «глория» закончилась в Крымской войне.

Крымская война — странная, она с трудом поддается определению. С одной стороны, это локальная война, главным театром которой стал Крым. С другой стороны, по составу участников, по сути это мировая война. Однако мировые войны характеризовались наличием двух противостоящих друг другу блоков. Крымская война с 1854 г. была противостоянием не блоков, а одной державы — России целому союзу, ядром которого были две наиболее развитые страны Запада — Англия и Франция и в который входили также Османская империя и Сардиния. На стороне союза были также Австрия, Пруссия и Швеция.

При этом действия именно Австрии и Пруссии — ультиматум императора Франца Иосифа в декабре 1855 г. (прямая угроза) и письмо короля Фридриха Вильгельма IV (подарок на новый, 1856 г.), в котором тот писал, что его страна едва ли сможет сохранять нейтралитет по отношению к России, — стали двумя ударами в спину России, загнали Александра II в угол. Не самые сильные державы — Австрия и Пруссия — играли тем не менее важную роль в общеевропейском раскладе. В 1851 г. барон Штокмар, друг принца Альберта I (мужа королевы Виктории), заметил, что Россия представляет угрозу для «остальной» Европы, лишь имея союзников по флангам — этими союзниками могли быть только Австрия и Пруссия. Не случайно англичане приложили максимум усилий, чтобы настроить австрийцев и пруссаков против России, в чем и преуспели к концу 1855 г. В результате Россия оказалась лицом к лицу с объединенным Западом и капитулировала. Правда, справедливости ради надо признать: не умри Николай I, с его выдержкой и характером, Россия, скорее всего, не поддалась бы на австро-прусский шантаж, и война могла бы закончиться вничью. Австро-прусский ход тем более важен, что к весне 1855 г. военный пыл французов начал угасать, в Париже и Петербурге стали постепенно привыкать к вероятности ничейного исхода войны. На бульварах Парижа говорили, что Севастополь никогда не взять, и этих разговоров было столько, что властям для их пресечения пришлось прибегнуть к полицейским мерам. Англичанам пришлось активно поработать (и даже после взятия Севастополя), чтобы «убедить» Вену и Берлин.

Крестовый поход против России

Чем же Россия так задевала к середине XIX в. Запад в целом, что Англии удалось свои интересы против России представить как общезападные и создать антирусскую коалицию, и представить эти интересы как цивилизационные в самых различных «одеждах» — от реакционных до революционных? Ведь действительно на англосаксонский интерес поработали французы и немцы, революционеры и реакционеры. С чем был связан страх перед Россией?

Из войны с Наполеоном Россия вышла не просто победителем и героем, но основным военным гарантом посленаполеоновского устройства Европы. Устройство называлось Священный союз. Созданный в 1815 г. четырьмя великими державами и призванный бороться с революционными движениями в Европе (дабы не повторился «казус Бонапарта», то есть защищать принцип легитимизма), уже к середине 1820-х гг. союз

сохранялся скорее на бумаге, чем в реальности. Неудивительно: Англия больше не боялась ни Франции, ни революций. Напротив, революционные националистические движения (например, в Австрийской империи — в Италии) были выгодны англичанам, поскольку ослабляли крупные континентальные империи. Монархическая Франция шла в английском фарватере. Поэтому, когда в 1833 г. Николай I решил оживить Священный союз, целям и ценностям которого он оставался верен до конца, его поддержали только Австрия и Пруссия. По сути, это был русско-германский «континентальный» монархический союз, оказавшийся непрочным (впрочем, как и все другие русско-немецкие союзы: «Трех черных орлов» — 1732 г., «Трех императоров» — 1872-го, Советской России и Веймарской республики и, наконец, менее чем двухлетний альянс Сталина и Гитлера; эта непрочность — не совпадения, а закономерность). Фундаментом и ударной силой этого союза была, естественно, Россия с ее миллионной армией.

Страх перед Россией начал развиваться в Европе вскоре после победы над Наполеоном. Из победителя тирана Россия в глазах европейцев, особенно либерально настроенных, не говоря уже о революционерах, стала превращаться в нового тирана. И это при том, что Россия не стремилась к завоеваниям в Европе. В немалой степени над созданием отрицательного образа России поработали несколько тысяч поляков, бежавших на Запад после подавления польского восстания 1830—1831 гг. и призвавших Запад к «крестовому походу» против России, к вытеснению ее из Центральной и Восточной Европы военным путем. Это стремление либералов и революционеров, как националистов, так и интернационалистов, еще более усилилось после европейских революций 1848—1849 гг. Соответствовало оно и политико-экономическим интересам Великобритании.

О столкновении английской «свободной торговли» с русским протекционизмом и говорить не стоит — все ясно. Выход России на Балканы резко усиливал ее гегемонию в Центральной Европе и означал присутствие в Средиземном море. Отсюда — обострение англо-русских отношений в 1830-е гг. Лондонская морская конвенция 1841 г. могла лишь на время снизить напряжение. Мировой экономический кризис 1848 г., революции 1848—1849 гг. и устрашающий русский поход в Венгрию, спасший австрийскую монархию, — все это вернуло ситуацию 1830-х гг. и еще более усилило желание Англии заменить гегемонию одной державы — России — в Центральной Европе европейским «концертом держав», чтобы играть на их противоречиях.

К этому же, но в целях установления своей гегемонии, стремился Наполеон III. Накануне войны он сказал: «Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели». Кроме того, у Франции были свои противоречия с Россией на Ближнем Востоке. Отсюда — англо-французский союз, направленный на ликвидацию системы Священного союза, в котором доминировала Россия. Идейно-политический климат, сложившийся в Европе после 1848 г., работал на англичан и французов. Ну а сломать старую систему можно было только путем общеевропейской войны против России, выбив ее из Центральной Европы. Собственно, к этому и призывали многие, в частности Маркс, — революция на службе буржуазии и британской гегемонии. Нельзя не согласиться с А.Дж.П. Тэйлором, который писал, что главный вопрос Крымской войны — не Османская империя (воевали не за нее), а Россия (воевали против нее), а главная ставка — Центральная Европа. Это позволяет снять с России несколько важных обвинений по поводу Крымской войны.

Разумеется, Россия — не ангел (ангелов в мировой политике не бывает по определению), но и не «империя зла»; у России в XIX в. были свои планы в отношении Османской империи, как у этой последней — в отношении Европы в XV—XVII вв. и в отношении

России в XVII—XVIII вв. Но свои планы были и у западных держав, прежде всего Англии и Франции. И эти планы были связаны с выдавливанием России из Европы.

Главной целью Крымской войны была ревизия результатов финальной фазы наполеоновских войн 1812—1815 гг., триумфатором которой была Россия. Поскольку, в свою очередь, наполеоновские войны были третьим (после Семилетней, 1756—1763 гг., и революционных — 1792—1799 гг.) этапом мировой англо-французской войны, начавшимся триумфом русских над английским орудием — Фридрихом II и продолжившимся итальянским и швейцарским походами Суворова и взятием о.Корфу Ушаковым, то это в равной степени была попытка поворота вспять результата всей этой войны. Англичанам это было необходимо потому, что, победив и став гегемоном молодой капиталистической системы, они не стали военно-политическими гегемонами ни в Евразии, ни даже в Европе. Французы нуждались в ревизии как проигравшие — они еще не понимали, что революция и ее «экспортный вариант», наполеоновские войны, выкачали из них практически всю «социальную сперму» и лишили исторической потенции, возможности выступать в качестве первостепенного субъекта истории даже в Европе. «Ревизионисты» победили и в 1856 г. косвенно взяли верх не только над Александром II, но и над целой чередой его предков.

Ревизионисты воевали с Александром I, Павлом I, Екатериной II и Петром I. Отсюда вывод: полноценное понимание места и значения Крымской войны, ее особенности (не мировая и не локальная) возможно лишь в контексте войн эпохи Модерна за мировую гегемонию.

Фриц вместо Ивана

Но, победив, добился ли Запад своих целей в результате войны? В чем-то — да, в чем-то — нет. Россию вытеснили из Европы, заблокировав возможности ее проникновения на Балканы (Средиземноморье) и на Восток (через Турцию), лишив ее влияния в Центральной Европе. Что же касается всего остального, то скорее нет. Чаемого англичанами «концерта держав» не получилось. Калифом на час стал бесталанный Наполеон III. Ну а затем Бисмарк нанес поражение Франции, и началась «эпоха Бисмарка». Побочным среднесрочным следствием Крымской войны стало то, что Англия получила на континенте нового грозного соперника, да такого, что уже в 1871 г. в Лондоне всерьез обсуждалась возможность высадки немецких войск на территорию страны. Германия станет главным конкурентом Британии в Европе, претендентом не только на европейскую, но и на мировую гегемонию. Не нравился Джону Булю Иван? Получите Фрица — природа (континентальная) не терпит пустоты. Впрочем, англосаксы, спасая свой мир, дважды стравят Фрица и Ивана, англо-американский истеблишмент решит свои проблемы немецкой и русской кровью.

Если в Европе после Крымской войны Англия в качестве соперника получила Германию, то в Азии уже в середине 1860-х гг. — Россию. Русско-английское соперничество сместилось на Восток, прежде всего в Среднюю Азию, и разгорелось с новой силой — там началась Большая игра. Расчеты англичан на полный успех в этой игре провалились, в Азии Россию не удалось прижать к стенке, как это получилось в Европе.

В Большой игре англосаксы «оборвались». В 1885 г. две империи оказались в одном шаге от войны, но все же удержались и договорами 1885 и 1895 гг. разграничили сферы влияния.

В России Крымская война подтолкнет реформы — прежде всего освобождение крепостных. Но проведены они будут так плохо, что царь-освободитель в отличие от своего сурового отца, гулявшего в одиночку, станет ходить только в сопровождении охраны, которая его не убережет. С реформами Россия вступит в очередную Смуту, которая окончится в 1929 г. новым закрепощением крестьянства. Этому будут предшествовать две революции и гражданская война, в которой последним плацдармом белых будет Крым. Да, проведя «послекрымские» реформы, самодержавие купит себе 46 лет жизни. Но в придачу-нагрузку — бомбу замедленного действия под названием «кровавая революция», жестокость которой усугубят столыпинские реформы. Но это будет уже другая эпоха, мир будет двигаться к новым войнам, новым революциям и новой русско- (теперь уже советско-) западной войне — «холодной». Крымская война, особенно при сопоставлении ее с другой русско-западной войной («холодной») и с мировыми войнами, ставит целый ряд важных вопросов о положении России/СССР в мировой системе в последние 200—250 лет, о ее роли в крупнейших войнах этого периода. Ответы на эти вопросы или, по крайней мере, размышления над ними позволяют лучше понять логику мирового развития, место в нем России, суть отношения Запада к ней.

Возвращаясь к Крымской войне, отмечу, что ей еще предстоит быть осмысленной не в узкоисторическом плане (кто? что? где? когда?), а с точки зрения уроков для государственной и культурно-исторической безопасности России.

Счет победителей

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ ВОЙН, ПРОИГРАННЫХ РОССИЕЙ

«Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляют. Они просто начинаются».
Иосиф Сталин

Между 1991 и 2001 гг. Запад добился тех целей, которые ставил как программу-максимум в ходе Крымской войны в 1853—1856 гг., — загнать Россию в границы первой половины XVII в., то есть последних годов царствования Михаила, превратить ее в изолированную, без выхода к морям континентальную державу (хотя бы отчасти таким образом ослабить трансконтинентальность), уничтожить флот, военный и научный потенциал. Прекратилась ли после этого информационная психологическая война Запада против России? Сошла ли на нет русофобия? Не прекратилась и не сошла. И это означает несколько вещей.

Во-первых, даже столь ослабленную, как сейчас, Россию Запад продолжает воспринимать как геостратегическую и культурно-историческую опасность. В списке угроз для США 1999 г. Россия до сих пор еще занимает первое место, и теперь, по логике, как это когда-то делалось с Францией и Германией, Россию будут стравливать с Китаем (а Китай — с Россией) экономически и военно-политически.

Во-вторых, восприятие России Западом как Чужого, по-видимому, сохранится до тех пор, пока Россия и Запад будут существовать в их нынешнем виде.

В-третьих, Запад в долгосрочной перспективе будет стремиться к максимальному ослаблению — вплоть до раздробления — России (об этом откровенно говорили и говорят многие на Западе, включая «друга» Билла Клинтона в октябре 1995 г.) до такой степени, при которой утрачиваются геостратегическое качество и культурно-историческая идентичность, социокультурный код, в которые в России встроены неклассовость, ориентация на социальную справедливость и эгалитаризм. И это еще одна причина того, почему, даже если убрать трансконтинентальность, Россия всегда будет нелюбезна классово-буржуазному миру, особенно его холодному англосаксонскому ядру.

Два фактора гарантируют пока относительную безопасность России в современном мире: ядерное оружие (и армия вообще) и образование. Именно по этим двум целям наносятся и будут наноситься удары.

Не надо демонизировать Запад; он стремится убрать конкурента — ничего личного, он просто делает свою работу; русофобия при том, что настоящих русофобов на Западе

немало (но и не так много), выполняет инструментальную роль. И ответ должен быть симметричным — тоже ничего личного.

Не надо винить Запад за то, что (с нашей помощью) он разрушил оказавшийся в кризисе СССР, а сейчас вытирает ноги об Россию — сам и с помощью своих «шестерок»: vae victis. На то и противник, чтобы не жалеть, а бить. При прочих равных — об этом свидетельствует опыт Югославии и Ирака, — как только появится возможность безнаказанно использовать для устранения России из истории военные средства, это будет сделано в ходе «макрополицейской войны», как это Запад уже пытался сделать посредством Крымской войны. Тем более что ныне впервые за все века Запад получил реальную, не идущую в сравнение с наполеоновским и гитлеровским вариантами, возможность стереть Россию ластиком истории, уничтожить — метафизически и навсегда.

11 августа 1984 г. Рейган, проверяя микрофон перед пресс-конференцией, и может, взаправду, а может, и желая напугать советское руководство, вместо обычных «раз-два-три» сказал следующее: «Дорогие американцы, я рад сообщить, что только что подписал закон об объявлении России вне закона на вечные времена. Бомбежка начнется через пять минут». Вот она, фрейдовская проговорка. Со стороны обезволенного советского руководства никакой реакции не последовало, а ведь отвечать надо было — вербально ли, действиями ли, асимметрично ли, но надо — ничего личного, только ответ на мысль о возможности объявить Россию вне закона и «вбомбить в каменный век». Нет никаких сомнений, что при безнаказанной возможности «объявить Россию вне закона», как только она совсем ослабеет или нужда в ней как в средстве мировых игр отпадет, это будет сделано.

По иронии истории «стирание» может начаться с конфликта, спровоцированного именно там, где 150 лет назад были основные театры Крымской войны — в Крыму и на Кавказе, но, естественно, уже с применением этнополитических новинок конца XX в., например косовского «гиперболоида». Стирание, о котором идет речь, — интегральный элемент борьбы за завершение установления господства Запада, точнее, информационно-финансового ядра «западной матрицы» над миром. В этой борьбе уже 200 лет Россия — главный ограничитель, главный камень преткновения для Запада. Поэтому не случайно, что, как только заканчивались «тридцатилетние» мировые «внутрикапиталистические» войны за гегемонию, Запад, объединенный новым гегемоном, начинал борьбу/войну против России — прежде всего психоисторическую, «холодную», ну а когда можно, то и «горячую».

То, что началось с агрессии против Югославии, продолжилось войной с «международным терроризмом» и агрессией против Афганистана и Ирака и предполагает отсечение России от Средиземноморья и Центральной Азии и «остатка» морей, есть принципиально новая форма противостояния, в которой грань между миром и войной стирается и все мирные формы воздействия выполняют, по сути, военную функцию. Перед нами новый — «постмировоенный» — тип борьбы, а не просто «третья», «пятая», «энная» мировая война. Эпоха мировых войн закончилась в 1945 г.; глобальная «холодная война» закончилась между двумя декабрями 1989 и 1991 гг. Ныне мы и 5/6 мирового населения сталкиваемся с иной стратегией устранения, иными методами, иным — функционально — противником, который хочет помножить нас на ноль, поскольку мы просто лишние на его празднике жизни, поскольку мы можем «участвовать» в его пире только в качестве костей. Но повторю еще раз: не надо ни демонизировать, ни винить противника. Его опыт надо изучать, перенимать все практически полезное. Если кого винить — то только себя, за допущенные ошибки. За то, что не следовали простым правилам:

— «права или не права — это моя страна» (Россия);

— «хочешь мира — готовься к войне» (с Западом, с чертом, с дьяволом, тогда будут уважать, опасаться — а нам любовь и не нужна);

— «не верь, не бойся, не проси» (у Запада).

И надо учиться на ошибках — лучше на чужих, но если есть свои, то на своих. Крымская война — хороший повод призадуматься об уроках истории. Еще лучший — «холодная война», которая до сих пор как следует не осмыслена. Ведь за одного битого двух небитых дают. А потому необходимо предельно беспощадно к самим себе изучать и анализировать причины наших провалов во второй половине XX в., поражения в «холодной войне».

В 1944 г. Карл Поланьи писал, что, потерпев в 1918 г. поражение, Германия сумела понять как его причины, так и то в XIX в., что привело к ним. «Нечто вроде зловещего интеллектуального превосходства (над противником. — А.Ф.) было выработано ее государственными деятелями тридцатых, поставившими задачу разрушения (существующего мирового — версальского — порядка. — А.Ф.), которая предполагала развитие новых методов финансов, торговли, войны и социальной организации». Но то же можно сказать и о большевиках в России.

Учиться у диктаторов 1930-х

Я уже слышу негодующие истеричные крики: как?! что?! Автор намекает на необходимость использовать опыт большевиков и нацистов, поставить его на службу разрушения сложившейся в мире ситуации, самого этого мира. Начать с того, что нам в нашем нынешнем положении важно теоретическое изучение любого опыта восстановления государства после унизительных поражений с последующим селективным практическим применением изученного.

Раймон Арон, ненавидевший Гитлера как еврей и либерал, тем не менее заметил в своих мемуарах: умри Гитлер в начале 1938 г., и он вошел бы в историю как величайший, более великий даже, чем Бисмарк, деятель немецкой истории, поскольку ликвидировал унизительные последствия Версальского мира, восстановил государство, армию, экономику.

Восстановился и СССР к концу 1930-х гг. Жестокой ценой? Да, конечно, жестокой и страшной. Но когда и где восстановления такого рода и в такие сроки оплачивались не страшной и не жестокой ценой? Как создавалась петровская военная империя — единственное средство сохранения России в тех условиях? Какой ценой создавались Британская империя и Pax Americana? История социальных систем вообще и империй в частности — штука жестокая. Только одним системам и их деятелям исторический и моральный счет выставляется, а другим — нет. Ясно почему: счет выставляют победители — либо внешние, либо внутренние — с позиций силы. Так что не надо морочить голову самим себе. Это циничный вывод? Нет, это циничный мир.

Большевики и нацисты переиграли своих оппонентов в собственных странах и в мире (последнее в большей степени относится к большевикам, интернационал-социалистам, чем к национал-социалистам), потому что раньше других стали людьми XX в., осознали, поняли и вычислили основные системные тенденции развития века. И уж чему точно следует поучиться у большевиков, по крайней мере в 1920—1940-е гг., так это анализу

современного мира и организации его изучения — несмотря на всю идеологизированность последнего (кстати, можно подумать, оно не было идеологизированным на Западе). Прежде всего большевистское руководство организовало изучение реалий современного мира; в позднесоветское и постсоветское время такой анализ подменили изучением работ (главным образом предельно идеологизированных) об этом мире, точек зрения на него, то есть вторичной реальности. Поразительным образом специалистами по «реформированию» советской экономики и общества a la Запад стали главным образом не те, кто анализировал западную реальность, а те, кто критиковал эту реальность и пропагандировал ее западные теории с позиций марксистско-ленинской политэкономии и истмата. Именно эти люди, не знавшие толком ни своей, ни чужой реальности, занимавшиеся тем, что побивали одни мифы с помощью других («идеологический онанизм»), жившие во вдвойне иллюзорной и мифологизированной реальности, привыкшие (как «бойцы идеологического фронта») принимать за реальность идеологизированно-мифологизированное отражение идеологических же мифов, повели страну к «рынку, капитализму и демократии». Причем повели на основе теорий, на критике которых делали диссертации, карьеры. Воистину «ценности становятся весьма эластичны, как только речь заходит о власти и выгоде» (И. Валлерстайн).

Отсутствие адекватного понимания как советской системы, так и Запада значительным числом «реформаторов» совпало с двойным кризисом, который переживает российская обществоведческая наука с 1990-х гг. Во-первых, это кризис современной (modern) науки об обществе как интеллектуальной системы, характеризующийся утратой целостной картины мира, нарастанием мозаики мелкотемья и усилением все большей неадекватности объектам исследования. Во-вторых, это кризис постсоветской (а по сути — законсервированно-советской) формы организации науки как властно-производственного организма — реликта, властно-производственной матрицы «исторического коммунизма», одной из ячеек которой она была. Только теперь нет партийной организации, финансов и мирового масштаба целей. Произошла провинциализация науки.

Эсхатология

Нынешний мир и так рушится, причем рушить его начали не мы, а Америка, и, чтобы выжить в этом мире, увернуться от летящих обломков и самим не превратиться в обломки, нам нужно злое, то есть беспощадно честное, прежде всего по отношению к себе, знание. В 1990-е гг. мы слишком рассюсюкались и стали добродушными и к себе, и к миру, который становился все менее добрым к нам, да и сам по себе — рушащиеся миры добрыми не бывают.

В 1980-е гг. начался новый передел мира, или, как сказал бы французский историк Фернан Бродель, новая пересдача карт Истории. Передел этот продлится примерно до 2020-х гг. и определит ход событий XXI в. (так же, как передел «длинных двадцатых» — 1914—1934 гг. — определил ход XX в.). Первый тайм Россия проиграла в войне за «советское наследство» — ее выбили с Балкан. Второй тайм — борьба за отсечение России уже не от Средиземноморья, а от Центральной Азии — начался 11 сентября 2001 г.

В результате американские базы возникли в Ираке, Афганистане и Центральной Азии. Штаты впервые в истории влезли, внедрились в евразийский хартленд, словно реализуя «программу» Макиндера — Бжезинского.

На руинах разрушенного «ялтинского мира» возникает-строится новый мир — «мальтийский», новый порядок. Идет процесс глобальной трансформации нынешнего мира. Во что? То ли в позднекапиталистический мир, в котором хозяйничает

«гипербуржуазия» — «космократия». То ли в посткапиталистический мир, где 20% населения живет в сегрегированном порядке и богатстве, а 80% — в хаосе и бедности, — мир, намного более жестокий и неэгалитарный и в большей степени напоминающий эпоху 1453—1648 гг., чем XX, XIX или даже XVIII в. По сути, мы живем в эпоху системного кризиса и исторического упадка капитализма. Крушение коммунизма, то есть антикапитализма, капитализма со знаком минус, — центральный симптом этого кризиса и упадка. Судьбы капитализма и России и здесь оказываются связаны теснейшим образом. Наша задача — не рухнуть в Тартар Истории вместе с капитализмом. Но именно туда нас подталкивает Запад — ему не нужны конкуренты в посткапиталистическом мире, ему нужно окончательное решение русского вопроса. И пока что у него получается. Медленно, но верно Россия ползет к пропасти, к Тартару, повторяя старые ошибки. Да, трудно не ошибаться в ситуации, когда полвека действовал неестественный отбор, когда налицо кризис «естественного лидерства» даже на среднем уровне, когда не хватает сил. Значит, надо использовать силу противника — действовать не по принципу карате, а по принципу айкидо и дзюдо, используя против «оппонента» его же силу, вес, энергию движения. «Пропустить» его в пропасть (как это, кстати, проделали с некомпетентным советским руководством американцы, оказавшиеся в 1986—1987 гг. на краю), а потом отползти и перевести дух.

Но для верного действия нужны верное знание и понимание. Знание чужого опыта выживания в тяжелых условиях (мораль: учиться у Византии, Китая различных эпох, Израиля, Московского княжества XIV в.). Знание того, как воссоздавать государственность из пепла, из руин, как это делала, например, Россия после Смут 1590—1610-х и 1870—1910-х гг. Нужно анализировать горький опыт собственных поражений, их причин. И главное, надо научиться смотреть на себя не чужими, западными, а собственными глазами, не сквозь призму чужих понятий и терминов, отражающих чужую социальную реальность и чужие интересы. Надо изучать себя, мир и особенно потенциального противника. С анализом этим надо поторапливаться — у нас мало времени, нас поставили на «геоисторический счетчик», и счет идет не на десятилетия, а на годы. «Крымская война-2» — вполне реальная вещь. Результаты ее могут быть для России намного более плачевными, чем таковые предыдущих западнорусских войн и ордынского господства. Это в XIX—XX вв. слабых били. В XXI в. — веке глобализации — слабых будут просто стирать. Из Истории. Навсегда.

Княжеско-боярский комбайн

ПРИЗРАК ОЛИГАРХИИ БРОДИТ ПО РОССИИ УЖЕ 500 ЛЕТ. С ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ УСПЕХОМ

> ***Если посмотреть на историю России последних 400—500 лет, то окажется, что, несмотря на царство, генсекство, президентство, то есть господство личной формы власти, ее постоянно преследует призрак олигархии, время от времени материализующийся и вступающий с ней в конфликт. Во всех конфликтах власть побеждала — либо «нокаутом», либо «по очкам» — при активной поддержке широких слоев населения.***

Детство и отрочество русской власти

Феномен русской власти начал складываться в ордынскую эпоху (1243/1252—1480 гг.), которая принципиально изменила конфигурацию социальных конфликтов предыдущего времени. Если в домонгольской Руси князь, бояре и население, волеизъявление которого реализовывалось посредством веча, боролись за главенство в «треугольнике власти», то в рамках ордынской системы борьба за лучшее положение развернулась уже между самими «треугольниками». Чтобы обеспечить себе лучшие позиции по сравнению с другими княжествами, бояре и население должны были поддерживать своего князя, а не бороться с ним, как это имело место в отношениях сеньоров, крестьян и горожан в Западной Европе. И чем монолитнее выступало княжество, особенно князь и боярство, тем больше шансов оно имело на успех. Именно в создании такого великокняжеско-боярского комбайна уже к началу правления Дмитрия Ивановича (будущего Донского) заключается в конечном счете причина гегемонии Москвы.

Пока Москва находилась в ордынской клетке, противоречия внутри великокнязе-боярства носили ограниченный характер. Ситуация начала меняться с исчезновением Орды (1480 г.). Импульс, приданный Ордой, двигал русскую власть в направлении единодержавия; великий князь должен был выступать в качестве «православного хана». В то же время логика и инерция двухвекового функционирования, традиции великокняжеско-боярской системы диктовали сохранение коллективного бытия и содержания властвующего субъекта, и это создавало в постордынских условиях острое и постоянно нарастающее противоречие.

Тем временем великокняжеско-боярский субъект разбухал и грозил утопить, растворить в себе великого князя (с 1547 г. — царя). Ясно, что одна из двух тенденций, составлявших основное противоречие великокнязе-боярства — либо индивидуальная, либо коллективная, — должна была победить. Эволюционное развитие, при прочих равных, вело к победе коллективной тенденции: за ней были традиции, старина и, наконец, численное превосходство.

Индивидуально-единодержавная тенденция могла победить только революционным, внелегальным путем, используя нечто невиданное. При этом освободить себя из (и от) великокняжеско-боярской «матрицы» царь мог, только уничтожив ее и себя в качестве великого князя — он должен был превратиться в самодержца, по отношению к которому бояре превращались в простые функции. Превращая себя в самодержца и разрывая прежнюю властную пуповину между собой—князем и боярством, Иван IV выталкивал боярскую верхушку на роль олигархии, творил олигархию и обозначал принципиально новый, пока еще скрытый династийной формой конфликт самодержца и олигархии,

задавая его программу на все будущее существование русской власти. А программа эта, ее особенность заключалась в том, что в России олигархия, противостоящая власти, существует не вне этой власти, не как внешняя альтернатива, а внутри самой власти — как ее коллективная тень, возможность. Поскольку власть оставалась единственным субъектом, то главным призом противостоявшей царю верхушки могла быть только сама эта власть, а потому конфликт между властью и различными олигархиями протекал внутри самой власти как центроверха — в отношении того, каким он будет: индивидуальным или коллективным.

Власть против олигархии: четыре раунда

Итак, первый конфликт между властью и (тогда боярской) олигархией в России со всей отчетливостью обозначился в марте 1553 г. За ним лежало стремление к иному, чем намечающийся самодержавный, варианту централизации Руси — к боярскому, то есть олигархическому. И у бояр были на то и права, и реальные возможности. Четыре клана Рюриковичей претендовали на власть, на то, чтобы быть коллективным субъектом (вместе с царем, которого знать продолжала воспринимать как великого князя). Родство, богатство, институты, порядки и обычаи старины — все это прочно защищало знать от легальных действий царя. Легальным, эволюционным, пассивным путем Иван IV шел бы к поражению и, по-видимому, к смерти. Он выбрал другой путь — активный, нанесения превентивного удара по княжеско-боярской системе. («Он бил, чтобы не быть битым», — скажет Ключевский.)

«Путь», на который Иван ступил в 1565 г., назывался опричниной. У него было «три источника, три составные части»: выделение царю своего (опричного) удела; создание вне- и надсистемного корпуса власти (и антивласти одновременно), военно-полицейско-террористического по своей сути; террор — физический и земельный (о последнем часто забывают). Через семь лет (в 1572 г.) на месте княжеско-боярского режима возник царский (самодержавный), и «чрезвычайку» отменили, то есть она стала нормой.

Смутное время — первый кризис самодержавия, — стартовавшее де-факто после смерти Грозного и лишь перешедшее в открытую форму со смертью Федора, началось как попытка боярского реванша. Однако попытка эта провалилась, в том числе и потому, что привела в движение силы столь массового масштаба, которые были не по зубам олигархии, а могли быть укрощены подобными же силами — массами. А те, победив, восстановили самодержавие.

Следующий раунд борьбы между олигархией и властью состоялся в XVIII в. — после смерти Петра I. Опять лидеры нескольких кланов — прежде всего Долгорукие и Голицыны — решили в 1730 г. ограничить верховную власть и ввести клановo-олигархическое правление. Речь идет о так называемой «затейке верховников» — членов Верховного Тайного Совета — пригласить на трон бездетную герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну. Приглашение было обставлено «кондициями», резко ограничивающими власть Анны. Подписав кондиции 3 февраля 1730 г., Анна заняла престол. Однако счастье «верховников» было недолгим — оно не пережило февраля. Уже 5 февраля императрице был представлен альтернативный проект кружка А.М. Черкасского, в котором олигархия ограничивалась, по сути, выборным дворянским учредительным собранием. Ну а 25 февраля толпа дворян (около 800 человек, среди которых наиболее активными были гвардейские офицеры) обратилась к Анне с просьбой принять самодержавие — «как при Петре I». Анна разорвала «кондиции» и «учинилась в суверенстве». Самодержавие опять победило.

Следующий раунд в борьбе власти и олигархии — 1820-е гг., попытка декабристов свергнуть самодержавие, физически уничтожив при этом царскую фамилию, и заменить ее либо конституционной монархией (Муравьев), либо республикой (Пестель). По плану Пестеля после свержения самодержавия в России вводилось разделение властей — три ветви: законодательная (Народное вече), исполнительная (Державная дума), судебная. Однако над «разделенными» функциональными властями возводилась главная. И название Пестель, один из гениальных теоретиков русской власти, придумал ей адекватное: блюстительная. Ее задача — контроль над другими властями, которые, таким образом, становились функцией блюстительной. Центральный орган блюстительной власти — Верховный собор. Это 120 человек, которые должны были называться боярами и избираться пожизненно. Ясно, что речь идет о декабристах. Перед нами — проект классического олигархического режима, где место индивидуального самодержца занимает коллективный, с диктатором во главе.

Ради народа? Ни в коем случае. После захвата власти вводилась временная диктатура (на 10—15 лет), опирающаяся на чиноначалие; создание частных обществ — открытых и тайных — запрещалось; полицейский корпус увеличивался с 8 тыс. до 111 (все для народа?). Крестьян собирались освободить с землей, часть которой предполагалось выкупить, а часть просто отнять у помещиков. Однако если учесть, что мелкопоместные составляли около 85%, а в России уже налицо была нехватка земли у крестьян, то ясно, что от такой реформы крестьяне мало что приобрели бы, а мелкопоместные дворяне просто получили бы смертельный социальный удар. Выиграла бы верхушка дворянства, знать — та среда, из которой и вышла основная часть заговорщиков. Однако попытка верхушки дворянства угробить самодержавие и на обломках самовластья построить олигархический режим провалилась. Не удалось дворянам стать «новыми боярами».

Особенности национальной борьбы за власть

Подведем итоги четырех раундов схваток между самодержавной властью и боярской и дворянской олигархиями. Если последний раунд — 1825 г. — власть выиграла, по сути, сама (плохая подготовка заговорщиков — болтовня, репетиловщина; наличие сложившейся и устоявшейся по сравнению с 1730 г. самодержавной системы; сложность самой конспиративно-исторической ситуации — сочетание и переплетение нескольких заговоров/контрзаговоров), то в трех первых раундах власть побеждала своих противников-олигархов только благодаря поддержке средних и отчасти низших слоев господствующих групп, в союзе с ними.

Но почему «середина» постоянно оказывалась на стороне власти? Западные наблюдатели и те в России, кто смотрел и смотрит на Россию «западным глазом», видели в провластной позиции середины и части низов господствующих групп только одно: проявление русского законопослушания и рабства, неготовность или даже неспособность к принятию свободы. Последнюю западные (и прозападные) наблюдатели и историки, как правило, связывали с олигархами той или иной социальной принадлежности — от бояр XVI в. до бизнесменов начала XXI. Получалось, что русские в большинстве своем рабы, не мыслящие существования без и вне сильной власти, которая их же, дураков, и давит.

Вот такая схема, которой нередко придерживаются не какие-нибудь записные русофобы, а вполне нормальные люди, у коих и недостатков-то всего два: незнание русской истории и благодушная сытость.

История всех схваток олигархов с властью показывает, что боролись они не за свободу вообще и даже не за свободу для верхушки как слоя в целом в противовес власти. Речь

шла о «свободе» для нескольких кланов внутри существующего типа власти. О свободе коллективно господствовать вместо царя, выступать в качестве чего-то вроде коллективного самодержца. Резкое усиление привилегий и богатства части верхушки столь же резко сокращало привилегии и благосостояние «середины» — игра с нулевой суммой. Регулятором именно этой игры выступала самодержавная власть.

С учетом пространственно-ресурсных и производственно-экономических характеристик России одной из главных задач власти здесь всегда было ограничение или сдерживание аппетитов всех социальных групп и прежде всего верхушки господствующих. Помимо прочего, в данных природно-исторических условиях это было единственной легальной, пусть далеко не всегда последовательной и эффективной, защитой интересов «середины» и низа господствующих групп, а отчасти и населения в целом. Олигархизация власти эту защиту устраняла, ориентировалась на краткосрочные цели (сверхпотребление, сверхэксплуатация, социальная безответственность) и лишала перспективы сначала значительную часть населения, а затем средние слои и систему в целом. И это прекрасно понималось или, по крайней мере, чувствовалось обществом. Именно этим, а не якобы рабским характером русского народа или его нелюбовью к свободе обусловлена поддержка широкими слоями населения, прежде всего его активной серединой, именно центральной власти, самодержавия против попыток олигархизации последнего как боярской, так и дворянской верхушками.

Русская власть (будь то самодержавие или коммунизм) всегда была по определению прежде всего механизмом учета и контроля, системного самоограничения социума, существующего в суровых природно-климатических и непростых геоисторических условиях. В таких условиях олигархизация власти с неизбежностью вела к превращению определенной части господствующих групп в нечто похожее на классы западного, будь то капиталистического или позднефеодального, типа. Последнее означало в России либо довольно быструю социальную катастрофу, либо восстание или гражданскую войну.

«Так вот где таилась погибель моя…»

До середины XIX в. для олигархизации русской власти в ее самодержавном варианте, помимо ограничения сверху и снизу, было еще одно серьезное препятствие: отсутствие реального механизма эксплуатации, который обеспечил бы для нее экономическую базу. Реформы 1860-х гг. впервые обеспечили такой механизм — капитал, прежде всего денежный, финансовый и мировой рынок. А поскольку развитие капиталистических форм в России шло главным образом сверху, это не могло не «экономизировать», а следовательно — олигархизировать саму власть. Устояв против боярско-дворянских олигархий, власть начала олигархизироваться изнутри (правда, к этому моменту, когда уже приходило в упадок дворянство, кроме самого самодержавия, олигархизироваться всерьез уже было почти некому), и это стало одной из самых главных причин его гибели. Н.Е. Врангель (отец «черного барона»), один из умнейших людей пореформенной России, прямо писал о том, что в конце XIX в. самодержавие «мало-помалу превращалось в олигархию, увы! не достойных, а только более бесстыдных» (что бы он сказал сейчас?).

Процесс этот — впервые в русской истории — привел к тому, что олигархизирующаяся власть, по сути, вступила в союз с верхушкой и значительной частью середины общества против «остального» населения, и экономический разрыв между двумя этими «зонами» стал стремительно расти. Внешне, а отчасти и по сути впервые в русской истории это воспроизвело западоподобную классовую ситуацию. Развитие капиталистических форм в России и олигархизация власти — две стороны одного процесса. Но нас в данном случае интересует олигархизация, формирование капформ и адекватных им социальных групп;

их отношения с властью — особая тема, о которой нужно говорить отдельно. Здесь же отмечу, что олигархизация противопоказана, гибельна русской власти, убивает ее как власть, что и произошло в 1917 г.

Завтра грабим короля.

Власть и олигархии в СССР и постсоветской России.

Революционные олигархии

Гнилую самодержавную олигархию (или олигархическое самодержавие) сменила молодая, агрессивная революционная… олигархия. Вот что писал об этом Ленин: «Партией руководит… ЦК из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще узкими коллегиями… Оргбюро и Политбюро… Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия».

Конечно же, большевистская — антисамодержавная, антидворянская, антикапиталистическая — олигархия отличалась от олигархий самодержавной России (как правило, представители дореволюционных олигархий были и крупными собственниками, тогда как советская олигархия была чисто властной), но олигархический принцип был один и тот же. Однако, как мы помним, олигархичность — Кощеева смерть, тень русской власти. И поскольку власть эта была молодой, в ней обязательно должны были найтись силы (и личности), готовые сказать: «Тень, знай свое место». И такие люди нашлись — «чудесный грузин» Коба «со товарищи». Опираясь на средние слои партаппарата Сталин отодвинул и уничтожил «ленинскую партию/гвардию», то есть большевистскую олигархию. (Показательно, что при всех восстановлениях олигархии в СССР не случайно говорили о «ленинских нормах», возвращении к ним. Показательно также, что все внутрисистемные, то есть структурные кризисы в советской истории приводили к власти олигархию: «коллективное руководство» становилось, помимо прочего, конкретной властной формой перехода от одной структуры к другой.)

Формой развития послереволюционной, раннекоммунистической олигархии был нэп. Он не только позволил части верхушки «отмыть» (через связку «начальник треста — нэпман») награбленное в первые полгода после Октябрьской революции и за годы гражданской войны, но и стал источником богатства или просто благосостояния для огромного по численности слоя. Нэп как уродливая рыночно-административная конструкция представлял собой нечто очень похожее на олигархически-криминальный режим с добавкой «полицейско-» между двумя этими определениями.

Будучи конечной фазой смуты 1861—1929 гг., нэп — раннекоммунистическая олигархия — под определенным углом зрения является зеркальным отражением (как выход бывает «зеркален» входу) реформ 1860-х гг. (время формирования позднесамодержавной олигархии). К концу 1920-х гг. страна была разворована не менее, а, быть может, и более, чем к концу 1990-х. Просперо и тибулы превратились в новых толстяков (иллюстрация — «Зависть» Ю. Олеши), и впереди замаячила угроза новой революционной ситуации — второе издание Тамбова—Кронштадта, только покруче.

Сходны были и некоторые тенденции развития 1890-х и 1920-х гг: олигархизирующееся самодержавие становилось все более коррумпированным, все более зависимым от Запада, превращаясь в сырьевой придаток сначала Германии, а затем союзников по Антанте. Сохранение нэпа объективно тоже вело к превращению СССР в сырьевой придаток Германии (Запада), утрате реальной независимости. О нарастающей коррупции властного аппарата и криминализации его низших и средних звеньев, сращивавшихся с нэпманами, которые, в свою очередь, были связаны с переживающим бурный рост криминальным миром (ср. переплетение партийных органов с хозяйственными, а этих последних — с

теневой экономикой в позднебрежневском СССР), я уже не говорю. Все это сломала — с большим трудом — группа во главе со Сталиным, чьи интересы не только соответствовали логике возникающего строя, но и объективно совпадали с интересами страны — сохранением ее суверенитета. Сегодня, пережив 1990-е, мы можем очень хорошо представить себе, к чему логически шел и вел нэп. Сталин и его команда на три с лишним десятилетия загнали вглубь олигархическую тенденцию развития комстроя. Однако уже на рубеже 1950—1960-х гг. она стала вполне очевидной и смела последнего сталинца — Хрущева.

Установление «коммунистического единодержавия» в течение полутора десятков лет протекало в форме борьбы различных олигархий. Эта форма, помимо прочего, скрывала борьбу принципиально различных типов властной организации: ленинской «партии профессиональных революционеров», «антивласти» и господствующих групп новой системы — социализма «в одной, отдельно взятой стране» (я называю эти группы «кратократией» — власть власти), вскормленных на нэповских дрожжах.

Авангард этих групп — партаппарат, созданный Сталиным и в такой же мере создавший его, смел в начале 1930-х гг. «ленинскую гвардию», ну а в конце 1930-х гг. Сталин разделался и со «сталинской олигархией» и установил «единодержавие». Последнее адекватно отражало реалии генетической и ранней фаз комстроя, аграрно-индустриального военизированного общества, в котором на всех уровнях — снизу доверху — идет процесс социогенеза. В СССР этот социогенез, сопровождавшийся «хождением народа во власть», принял форму «холодной» гражданской войны, пик которой пришелся на 1930-е гг. и которую ошибочно сводят к ее частному, хотя и важному, аспекту, именуемому «сталинскими репрессиями». За последними на самом деле скрывается несколько различных, разномасштабных и разнонаправленных процессов.

В любом случае сильная личная власть, коммунистическое («мужицкое») самодержавие, воплощавшееся Сталиным и в Сталине, соответствовало бурному и кровавому вертикально-мобильному процессу формирования господствующих групп советского общества. Личностный харизматический тип лидерства, характерный для революционных и послереволюционных эпох (линия капиталистической системы) совпал с «личным», «демиургическим» самодержавием грозненско-петровского типа, когда самодержец с опорой на широкие слои создает новую систему и его хозяев (попытки повторить практику системодемиурга во время структурных кризисов уже существующей системы, как правило, заканчиваются плачевно для тех, кто их предпринимает; достаточно вспомнить Павла I и Хрущева), лепя из народа новую верхушку — эдаких толкиновских монстров урук-хаев из обычных орков.

Олигархизация власти в СССР: повторение невыученных уроков?

Однако эволюция, впрочем, как и революция, — штука неблагодарная: встав на ноги (в СССР этому очень помогла передышка от террора наверху, полученная номенклатурными и околономенклатурными группами благодаря войне в 1939—1945 гг.), верхушка перестает нуждаться в харизматике. Он все больше превращается для нее — если не физически, то социально — в маразматика, в помеху. Если харизматику везет, то он успевает умереть своей смертью (Мао Цзэдун, Тито); если нет — то его смещают (Сукарно) или просто уничтожают, превращая даже смерть Вождя, Хозяина в безотходную утилизацию в интересах слоя хозяев в целом (ведь на него можно списать все преступления режима; в действиях одной личности спрятать механизм восхождения целого слоя). Мы не знаем, умер ли Сталин своей смертью, «помогли» ли ему, не оказав

вовремя помощи, или просто убили. Ясно, однако, что его смерть была выгодна целому слою, с одной стороны, и определенной части верхушки, которая и конституировала послесталинскую олигархию, — с другой.

Попытки Сталина «подморозить» комстрой на его ранней стадии были обречены (даже если бы — пофантазируем — ему удалось ликвидировать партаппарат, превратив его в одно из министерств исполнительной власти, скажем, Министерство идеологии и пропаганды). Городское промышленное общество, сформировавшиеся в нем социальные группы, особенно господствующие, требовали иной формы организации власти.

Коммунистический строй, СССР «проиграл» в ускоренном темпе ту же историю отношений власти и олигархии, что и самодержавная Россия. В ускоренном, поскольку в комсистеме у власти не было «собственнических» привластных «наростов» в виде боярства или дворянства, «метафизика» и «физика» власти совпадали, а потому олигархизироваться могла только сама власть. К тому же в XX в. социальные скорости вообще возросли. «Коммунистическая демонархия» (демос + монархия; монархия демоса; демоническая монархия, в которой Властелин и поддерживающая его часть населения исполняют кровавый оргиастический танец, сливаясь во властненародном экстазе) Сталина просуществовала около 20 лет — до 1953 г., хотя уже с 1945 г. вождю молчаливо и подковерно начала противостоять складывающаяся сталинская олигархия — верхушка превращающегося в слой для себя партаппарата. Парадоксальным образом Сталин оказался прав, считая, что по мере приближения к победе социализма классовая борьба будет обостряться (неудачен лишь термин «классовая», но суть процесса зафиксирована точно).

Хрущев прервал правление олигархического «коллективного руководства» и с 1958 г. попытался (неординарными мерами, бьющими по ведомственному и партийному аппаратам — реформа совнархоза, разделение парторганизации на промышленную и сельскохозяйственную) восстановить коммонархию на нетеррористической основе (аналогия — попытка Павла I возродить элементы петровского самодержавия после 34 лет правления «дворянской потаковницы» Екатерины). Однако олигархизация набрала инерцию, и «Аннушка уже разлила масло»: в 1964 г. Хрущева убрали (октябрьский переворот-2), и началась «безбрежная» олигархизация коммунистического режима в форме застоя — горизонтальная мобильность, означавшая, по сути, безнаказанность. «Боярство» (на этот раз партаппаратные, коммунистические «собакевичи»), в которое выродилась власть, прочно угнездилось «у корыта», а его «потаковник» в качестве принципов провозгласил «бережное отношение к кадрам» и «создание спокойной обстановки». Четкую формулу брежневского олигархического правления дал персонаж Федя из гайдаевской «Операции «Ы»: «Сейчас, студент, к людям надо мягше, а на вопросы смотреть ширше».

«Мягше и ширше» привело к сращиванию партийных структур с хозяйственными, а этих — с теневыми или просто криминальными. Ну чем не позднекоммунистический Змей Горыныч, две головы которого в 1991 г. откусят первую — партийную — и зажуют ее с ушами при активном содействии «либеральной интеллигенции», с одной стороны, и криминалитета — с другой. Такая вот амальгама.

Позднекоммунистическая власть превратилась в огромную амебообразную олигархию. Численность последней была слишком велика для социума, развивающегося главным образом экстенсивно и к тому же исчерпавшего к концу 1970-х гг. даже экстенсивные возможности развития. Тотальный дефицит отчасти компенсировался развитием теневой экономики, что придавало всей системе торгашеско-теневой облик. Торгашизация

позднекоммунистического режима ускорила его разложение, порождением которого и была. При этом если у олигархизации самодержавия было буржуазное лицо, то у таковой комстроя — вороватого хозяйственника. В олигархизации комстроя, как и в олигархизации самодержавия, огромную роль сыграл мировой рынок. Именно с его помощью номенклатура села на «нефтяную иглу», которая обеспечила ей западные стандарты потребления. (Впоследствии, уже после крушения СССР, мировой рынок обеспечит — посредством торговли сырьем — механизм эксплуатации населения РФ.)

«Ой-ля-ля, ой-ля-ля, завтра грабим короля», или Власть и олигархии в эпоху глобализации

Де-факто распад СССР на ведомственные и территориальные олигархические зоны наметился уже на рубеже 1970—1980-х гг. На рубеже 1980—1990-х гг. власть в РФ начали делить различные служебные кланы, приватизировавшие власть, с ее помощью — имущество («собственность») и на этой основе развернувшие (особенно после 1991 г.) наступление на то, что именуют «государством». При этом власть, скукожившаяся до «государства», вступила в союз с верхушкой господствующих групп, а этот победоносный властно-олигархический блок в целом — с так называемым средним классом. Речь идет о той части статистической середины общества, которая либо сумела воспользоваться переделом 1990-х гг., либо просто обслуживала блок победителей, получая весомые крохи с их пира. По сути, этот союз был направлен против основной массы населения, которое стало объектом эксплуатации, депривации и передела и на костях которого и был устроен «пир». Результат — бедность огромных слоев населения, сокращение продолжительности жизни, депопуляция, апатия, способная, впрочем, при определенных условиях превратиться в неукротимую социальную ненависть. Типологически во многом повторилась ситуация 1870—1900-х гг.: олигархизированная власть (власть плюс верхушка господствующих групп) в союзе со средними слоями (не путать со средним классом западного общества, ядра капсистемы) против «остального» населения.

Однако у нынешней ситуации есть и свои особенности. Отмечу некоторые из них. Так, нынешние олигархи в отличие от олигархий советских времен выступают, по крайней мере, внешне как собственники. И неважно, что когда-то они были поставлены, назначены «собственниками», точнее, лицами, через которых шла приватизация госимущества — легальная, полулегальная и внелегальная. Со временем они «отвязались» (во всех смыслах) и в середине 1990-х гг. начали наступление на того, кто их назначил.

«Сделочная позиция» олигархов по отношению к государству укрепляется таким фактором, как глобализация. Поскольку финансовые рынки носят глобальный характер и, по сути, не подконтрольны национальным государствам, их игроки-агенты обретают дополнительную степень свободы по отношению к власти, действующей в рамках национальных границ, тем более такой слабой, как нынешняя российская. Итог: постсоветская олигархия получила такую дополнительную базу и опору, которой предшествующие ей в русской истории олигархии не имели и о которой даже не могли мечтать, — внестрановую и не просто международную, но глобальную. Теперь в случае конфликта олигархии с властью последняя может задействовать и эту опору. К тому же, поскольку конкуренты на мировой арене заинтересованы в дальнейшем ослаблении России, они в полном соответствии со своими интересами будут поддерживать именно олигархии как фактор, разъедающий ткань власти и общества в РФ. В результате противостояние власти и олигархии в сегодняшней России приобрело новое, доселе невиданное измерение — внестрановое глобальное. В нем олигархии (и их обслуга из СМИ, «интеллектухи», различных западных фондов, подвизающихся в РФ, и т.д.) выступают как элемент нового мирового порядка — глобального — против государства

как (по крайней мере де-юре) института, призванного защищать интересы населения как внутри страны, так и вне ее. Глобализация по крайней мере части олигархии становится дополнительным фактором неизбежности ее конфликта с государством. Впрочем, к этому конфликту олигархии вела логика развития страны с 1993 г.

После октябрьского переворота-3 (1993 г.) и особенно с осени 1996 г. разграбление страны приобрело почти бесконтрольный характер и пошло стремительными темпами — такими, что понадобилось всего два года, чтобы врезаться в хорошо организованный дефолт. Последний можно считать символом торжества олигархии. Однако, как заметил (по другому поводу) Н. Коржавин, «их бедой была победа — за ней открылась пустота». Дефолт ясно показал: без минимума центральной власти стране грозит неминуемый и быстрый крах — краткосрочные интересы сожрут все остальные, а вместе с ними будущее. Кроме того, после дефолта, по сути, уже мало что было делить — только переделять между самими олигархическими кланами. Один из вариантов такого передела пусть пунктиром, но наметило-продемонстрировало правительство Примакова, и при Ельцине это, естественно, могло привести только к отставке Примакова.
Академик ушел, но проблемы и объективные задачи подчинения краткосрочных интересов олигархических кланов средне- и долгосрочным остались. Это, в свою очередь, потребовало, с одной стороны, какого-то укрепления центральной власти (прежде всего в интересах части олигархических кланов), с другой — их «равноудаления» от этой власти, развитие которой стало постепенно приобретать собственную логику и динамику. Впрочем, это до сих пор не исключает возможности олигархизации самой власти, за чем, скорее всего, последует развал страны, как это произошло в начале XVII и начале XX в.

Основной инстинкт

Инстинкт самосохранения любой послеельцинской власти толкает ее отчасти к сущностному, отчасти к показному конфликту с олигархами, и эти характеристики, взаимопереплетаясь, усложняют картину, создавая для обеих сторон «мутную воду». Сущностная сторона антагонизма обусловлена необходимостью, во-первых, «перегнуть» палку в противоположном ельцинскому направлении, чтобы «выпрямить» ее; во-вторых, ограничить краткосрочные интересы олигархий; в-третьих, логикой развития, то есть самоусиления власти.
Стремление власти (сегодня — В.В. Путина и его команды) ограничить, упорядочить олигархизацию (при том, что мы не знаем, насколько это стремление принципиально и долгосрочно и чем оно закончится — обретением властью адекватного ей содержания или ее превращением в «первый среди равных» властно-олигархический/ «олигархически-силовой» клан) подводит некий итог (мы опять же не знаем, окончательный или промежуточный — Крот Истории роет медленно) той тенденции, которая развивалась с начала 1970-х гг., начала притока нефтедолларов. Если Брежнев открыл путь тенденции олигархизации, а Горбачев устранил почти все препятствия на ее пути, то Ельцин придал ей легитимность и обеспечил бесконтрольность, что и привело РФ практически к коллапсу.

Что будет дальше — окончательный развал? укрепление центральной власти? властно-олигархический симбиоз на центральном уровне? возникновение новой формы русской власти? Над ответами на эти вопросы едва ли можно размышлять без учета истории отношений русской власти с привластными группами и населением, с одной стороны, и учета тенденций развития современного мира, прежде всего глобализации, объектом которой является РФ, — с другой.

http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=50&tek=2404&issue=72

Андрей ФУРСОВ, директор Института русской истории РГГУ

Сверхдержава — изгой

О книге: Ч. Джонсон. Отдача: цена и последствия американской империи. Johnson Ch. Blowback: The Costs and Consequences of American empire. — L.: Time Warner.

«Отдача» была написана в 1998—1999 гг., — пишет Ч. Джонсон. — Моей целью было предупредить американцев о природе и реализации внешней политики США в последние полстолетия, особенно в период после крушения Советского Союза в 1991 г. <…> В течение года после публикации «Отдачу» в основном игнорировали». Ситуация изменилась после 11 сентября 2001 г., когда многие в Америке поняли то, о чем Ч. Джонсон написал во втором издании своей книги (2002; переиздана в 2003 г.): 11 сентября — это лишь начало отдачи от той внешней политики США, которую они проводили во второй половине XX в. главным образом в «третьем мире» и особенно в Азии, и отдача эта будет длиться всю первую половину XXI в. Более того, мировая политика в XXI в. с наибольшей вероятностью станет определяться незапланированными последствиями холодной войны, с одной стороны, и принципиального решения США продолжать политику времен холодной войны после завершения последней, поскольку ни одна империя, обычная или «неформальная» типа США, не может контролировать долгосрочные результаты своей политики.

Впрочем, часто бывает трудно контролировать среднесрочные и краткосрочные результаты. В качестве примеров Джонсон приводит приход к власти «красных кхмеров» Пол Пота после американских бомбардировок Камбоджи (по инициативе Киссинджера), и проамериканского режима Лон Нола, и хомейнистскую революцию в Иране.

Чалмерс Джонсон — известный американский ученый-востоковед и эксперт ЦРУ. Его перу принадлежат книги по истории Китая, Японии, по общим проблемам. Он — автор концепции «крестьянского национализма» и одной из концепций, объясняющих «японское чудо». Этот человек всегда служил государственным интересам США, и потому его позиция ученого и практика явной и тайной внешнеполитической борьбы особенно интересна.

Джонсон анализирует политику США по отношению к Японии (особое внимание к Окинаве), Китаю, Южной и Северной Корее и Индонезии; специальная глава посвящена восточноазиатскому финансовому кризису конца 1990-х. При этом автор «Отдачи» постоянно подчеркивает параллелизм и сходство, во-первых, политики США и СССР по отношению к своим странам-клиентам, во-вторых, ряда событий в американской и советской зонах влияния.

Япония, пишет он, такой же протекторат США, как ГДР — протекторат СССР. Похожи друг на друга не только их серые однопартийные режимы, но и лидеры — Ульбрихт и Хоннекер, с одной стороны, и японские премьер-министры после 1955 г. — с другой. Берлинскому восстанию 1953 г. соответствует резня, устроенная южнокорейским режимом на о. Чэчжу (в течение 45 лет после этих событий любой кореец, заговоривший на тему Чэчжу, подлежал аресту корейским ЦРУ), подавлению восстания в Будапеште (1956 г.) — антиамериканские волнения в Японии в 1960 г., подавлению Пражской весны (1968 г.) — правый переворот в Индонезии (1965 г.), когда мусульмане вырезали около 1

млн коммунистов и сочувствующих им, и одобренное США жестокое подавление режимом Чон Ду Хвана восстания в южнокорейской провинции Кванчжу в 1980 г. Методы подавления коммунистов и левых, к которым прибегали США в Восточной Азии, были не менее жестокими по сравнению с советскими в Восточной Европе. Диктаторские проамериканские режимы в Корее, Вьетнаме, Индонезии (Сухарто), на Филиппинах (Маркос), в Камбодже были намного более жестокими и коррумпированными, чем просоветские в Восточной Европе.

При этом, однако, США представляли свои действия и действия своих союзников как борьбу за демократию, а активность СССР — как происки тоталитаризма. Джонсон прямо называет это «политикой двойных стандартов», критикуя за нее как США, так и СССР.

Но вот холодная война закончилась, и, казалось бы, внешняя политика США должна измениться соответствующим образом. Все вышло с точностью до наоборот: военные в США превратились в автономную силу, чего раньше никогда не было в американской истории. Клинтон не решился на конфликт с военным истеблишментом. Более того, Пентагон стал главной экономической структурой правительства США, его корпоративные интересы и цели очень часто берут верх над задачами внешней политики США, превращая ее в функцию военно-промышленно-интеллектуального комплекса.

Продукция ориентированного на военные нужды сектора составляет примерно четверть ВВП США; к 1995 г., по американским же данным, на США приходилось 49% мирового экспорта оружия; США поставляли оружие 140 странам, 90% которых нельзя отнести к демократиям и в которых, более того, нарушаются права человека. Согласно данным американского Агентства по контролю над разоружением (само название этой структуры Джонсон считает сконструированным по оруэлловскому принципу противоположности), в 1995 г. мир потратил 864 млрд долл. на вооруженные силы; на США пришлось 278 млрд, или 32%, что в 3,7 раза больше, чем на занимавшую второе место Россию; по данным СИПРИ, в 1997 г. мировая доля США в поставках основных обычных вооружений достигла 740 млрд долл., увеличившись на 43% (доля России выросла на 13%). Комментарии излишни.

Еще одно мощное оружие США — Международный валютный фонд. Его сотрудники — обладатели докторской степени по экономике, пишет Джонсон, ничего не знают о культуре тех обществ, которые они стремятся приспособить к «американскому образу жизни» и, более того, презирают эти культуры и их носителей как некую досадную, до сих пор путающуюся под ногами помеху для развития «западной формы рыночного капитализма» глобализации.

«Глобализация, — пишет Джонсон, — это эзотерический термин для того, что в XIX в. называли империализмом», и это тоже мощное оружие Америки, особенно финансового капитала. «Финансовый капитализм… означает производство денег путем манипуляции деньгами, а не путем создания равновесия между производителями и потребителями товаров. Напротив, финансовый капитализм ухудшает проблему равновесия внутри капиталистических экономик и между ними с тем, чтобы обеспечить прибыль на основе дисбаланса».

Финансы и финансовые кризисы тоже становятся мощным оружием в экономической борьбе. Так, восточноазиатский финансовый кризис конца 1990-х гг. был направлен на то, чтобы ослабить экономические позиции тех восточноазиатских стран, прежде всего Японии, которые США вынуждены были укреплять во время холодной войны. Во время холодной войны главным было то, что Япония — союзник в борьбе с коммунизмом, а не

потенциальный экономический конкурент. Теперь ситуация изменилась, и американцы начинают «экономическую зачистку» союзников. Однако, предупреждает Джонсон, восточноазиатский кризис тоже может обернуться отдачей и стать началом конца американской империи, спровоцировав реакцию Восточной Азии и переход мира к триполярной модели.

В интересах военного истеблишмента и финансового капитала США все больше противопоставляют себя всему миру, превращаясь в «супердержаву-изгоя» (rogue superpower), что приведет к тяжелым последствиям, к отдаче. Чтобы избежать этого, считает Джонсон, Америка должна переосмыслить свое положение в мире, ей нужен новый анализ того, что происходит с ней и с миром.

Орел совершает аварийную посадку

Соединенные Штаты находятся в упадке? Немногие сегодня готовы согласиться с таким утверждением. Только американские «ястребы» громко кричат о необходимости воспротивиться этому упадку и повернуть его вспять. Уверенность в том, что гегемонии Соединенных Штатов приходит конец, не является лишь следствием уязвимости США, которая стала очевидна всем после 11 сентября 2001 г. На самом деле, Америка начала утрачивать свое глобальное могущество с 1970-х годов, и ее ответ на атаки террористов лишь ускорил этот процесс. Чтобы понять, почему так называемый Pax Americana приходит к своему исчерпанию, нам потребуется совершить экскурс в геополитику XX столетия, в частности, его последних трех десятилетий. Это исследование приведет нас к простому и неизбежному выводу: те же самые экономические, политические и военные факторы, которые обеспечили гегемонию США, неминуемо ведут их к закату.

Становление Соединенных Штатов в качестве глобального гегемона имеет длительную историю, которая по сути началась со времени мирового экономического спада 1873 г. В этот период США и Германия начали захватывать все большие доли мирового рынка, в основном за счет переживавшей неуклонный спад британской экономики. Обе нации только что обрели политическую устойчивость: американцы — успешно завершив Гражданскую войну, немцы — добившись объединения и победы в войне с Францией. С 1873 по 1914 г. эти страны выступают основными производителями в ведущих секторах индустрии: США — в сталелитейной, а позднее в автомобильной промышленности, Германия — в химической.

В книжках по истории пишут, что Первая мировая война разразилась в 1914 г., а закончилась в 1918, и что Вторая мировая война продолжалась с 1939 по 1945 г. Однако больше оснований считать обе войны одним непрекращавшимся «тридцатилетним» столкновением между Германией и Соединенными Штатами, в ходе которого случались и перемирия, и серии локальных конфликтов. Конкуренция за гегемонистское наследие обрела своеобразную идеологическую окраску в 1933 г., когда к власти в Германии пришли нацисты, стремившиеся к гегемонии не внутри глобальной системы, а в форме мировой империи. (На память приходит нацистский лозунг: «*Тысячелетний Рейх*»). Соединенные Штаты, в свою очередь, взяли на себя роль защитника центристского общемирового либерализма (здесь вспоминаются «четыре свободы» тогдашнего президента США Франклина Д. Рузвельта — свобода слова, свобода вероисповедания, свобода от нищеты и свобода от страха) и вступили в стратегический альянс с Советским Союзом, обеспечив таким образом победу над Германией и ее союзниками.

Вторая мировая война привела к чудовищным человеческим потерям и колоссальному разрушению производственной инфраструктуры в Евразии; на всем пространстве от

Атлантического до Тихого океана не осталось страны, которая не подверглась бы опустошению. Единственной индустриально развитой державой, которую война оставила нетронутой и даже усилила в экономическом отношении, были Соединенные Штаты, и они немедленно попытались укрепить свои позиции.

Однако на практике новоявленный гегемон столкнулся с некоторыми политическими препятствиями. Во время войны союзники договорились об учреждении Организации Объединенных Наций, в которую в первую очередь вошли бы страны — участники коалиции против держав Оси. Отличительной чертой новой организации явился Совет Безопасности, единственная структура, которая могла бы оправдать применение военной силы. Устав ООН предоставлял право вето на Совете Безопасности пятерым державам, в том числе Соединенным Штатам и Советскому Союзу, что фактически делало данный институт совершенно бессильным. Поэтому геополитические ограничения второй половины XX столетия были заложены не столько образованием ООН в апреле 1945 г., сколько произошедшей за два месяца до этого ялтинской встречей Рузвельта, премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и советского лидера Иосифа Сталина.

Формальные договоренности, подписанные в Ялте, были не так важны, как неформальные, негласные соглашения, о которых можно составить представление на основании поведения Соединенных Штатов и Советского Союза в последующие годы. Когда 8 мая 1945 г. закончилась война в Европе, советские и западные (то есть американские, британские и французские) войска размещались, по существу, вдоль той самой линии, проходящей с севера на юг через центр Европы, которая впоследствии получила название линии Одер-Нейссе. Если не считать нескольких незначительных перемещений, они и потом располагались на той же линии. В исторической перспективе смысл ялтинской встречи состоял в соглашении двух сторон о том, что они могли бы оставаться там, где находятся, при отказе каждой стороны применять силу против другой для вытеснения с захваченных позиций. Этот молчаливый договор распространялся также на Азию, что подтверждает оккупация американцами Японии и раздел Кореи. Иначе говоря, ялтинские соглашения устанавливали статус-кво, согласно которому СССР контролировал приблизительно третью часть мира, а США — все остальное.

Вашингтон столкнулся и с более серьезными вызовами военного характера. Советский Союз располагал самыми крупными наземными войсками в мире, в то время как правительство США под внутренним давлением было вынуждено сократить армию и отменить обязательную воинскую повинность. Вследствие этого было решено укреплять американскую военную мощь не за счет наземных войск, а за счет монополии на ядерное оружие (в сочетании с воздушными средствами его доставки). Но эта монополия вскоре исчезла: к 1949 г. ядерное оружие смог создать и Советский Союз. С этого времени усилия Соединенных Штатов ограничивались попытками воспрепятствовать другим государствам в их стремлении овладеть ядерным, химическим и бактериологическим оружием. К XXI в. эти усилия не увенчались никаким впечатляющим результатом.

До 1991 г. Соединенные Штаты и Советский Союз сосуществовали в «равновесии страха» холодной войны. Установившийся статус-кво подвергался серьезным испытаниям лишь трижды: во время блокады Берлина в 1948–1949 гг., в Корейскую войну 1950–1953 гг. и во время кубинского ракетного кризиса 1962 г. Каждая из этих ситуаций завершалась восстановлением статус-кво. Более того, всякий раз, когда СССР сталкивался с политическим кризисом в своих режимах-саттелитах — в Восточной Германии (1953), Венгрии (1956), Чехословакии (1968), Польше (1981), — Соединенные Штаты практически не прибегали к иным мерам противодействия кроме пропаганды, предоставляя Советскому Союзу право поступать по своему усмотрению.

Разумеется, такая пассивность не распространялась на экономическую сферу. США с большой выгодой использовали атмосферу холодной войны для масштабных действий по восстановлению экономики сначала в Западной Европе, а затем в Японии, Южной Корее и на Тайване. Усилия американцев объяснялись просто: зачем было обладать столь явным превосходством в сфере производства, если остальной мир был не в состоянии обеспечить эффективное потребление? К тому же государства, принявшие американскую помощь в деле восстановления собственных экономик, оказывались в положении должников с соответствующими обязательствами, а, следовательно, охотнее вступали в военные альянсы с США и, что важнее, смирялись с политической зависимостью от них.

Наконец, нельзя недооценивать идеологический и культурный компоненты гегемонии Соединенных Штатов. Период, наступивший сразу после 1945 г., был, возможно, историческим пиком популярности коммунистической идеологии. Сегодня мы уже и не помним, как много голосов получали коммунисты на свободных выборах в Бельгии, Франции, Италии, Чехословакии и Финляндии, не говоря уже о поддержке коммунистических партий в Латинской Америке и Азии — во Вьетнаме, Индии и Японии. Компартии пользовались большой популярностью также в Китае, Греции и Иране — странах, где выборы не были свободными или проходили под давлением официальных властей. Ответом США на успех коммунистических идей в мире стала массированная наступательная операция по продвижению антикоммунистической идеологии. Сегодня можно констатировать, что эта операция в значительной степени удалась: Вашингтон играл роль лидера «свободного мира» столь же эффективно, сколь убедительно Советский Союз действовал в качестве лидера «прогрессивного» «антиимпериалистического» лагеря.

Успех Соединенных Штатов как главенствующей силы в послевоенном мире создал предпосылки для последующего упадка этой державы в качестве мирового гегемона. Постепенное падение США можно обозначить четырьмя символическими вехами: войной во Вьетнаме, революциями 1968 г., падением Берлинской стены в 1989 г. и террористической атакой 11 сентября 2001 г. Каждое из этих символических событий выстраивалось в одну линию с предыдущими, что, в конце концов, привело к парадоксальной ситуации: Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, которой недостает подлинной мощи, мировым лидером, за которым никто не следует и которого мало кто уважает, нацией, опасно дрейфующей посреди глобального хаоса, которым она не может управлять.

Что собой представляла вьетнамская война? Прежде всего и в первую очередь — попытку вьетнамского народа покончить с колониальным правлением и создать собственное государство. Вьетнамцы боролись с французами, японцами, американцами и в итоге победили, что на самом деле было огромным достижением. Однако, с геополитической точки зрения, за этой войной стоял отказ народов, объединенных под общим ярлыком «третьего мира», признавать ялтинский статус-кво. Вьетнам превратился в мощный символ, потому что Соединенные Штаты использовали здесь на полную мощность свой военный потенциал (допустив тем самым большую глупость), но при этом все равно проиграли. Действительно, американцы не пустили в ход ядерное оружие, хотя отдельные наименее трезвые представители правых еще долго упрекали правительство за отказ от принятия такого решения. Использование этого оружия могло бы пошатнуть ялтинские соглашения и привести к ядерному холокосту — на это США не были готовы пойти.

Вьетнамская война стала не просто военным поражением или ударом по престижу Соединенных Штатов; она нанесла сильнейший удар по их положению доминирующей экономической державы в мире. Военный конфликт обернулся большими расходами и в какой-то мере истощил золотой запас США, который существенно увеличился с 1945 г.

Более того, Америка была вынуждена нести финансовые издержки, связанные с войной, в тот момент, когда Западная Европа и Япония переживали сильнейший экономический подъем. Эти обстоятельства положили конец преобладанию Соединенных Штатов в мировой экономике. Вплоть до конца 1960-х годов члены этой триады были приблизительно равны в экономическом отношении, каждый в разное время опережал остальных, но далеко вперед не вырывался никто. Когда весь мир охватила революция 1968 г., ее основным девизом стала поддержка Вьетнама. «Один, два, много Вьетнамов» и «Хо, Хо, Хо-Ши-Мин» скандировали на улицах и, не в последнюю очередь, в самих Соединенных Штатах. Но деятели 1968 года осудили не только американскую гегемонию. Они осудили тайный сговор СССР и США, а также ялтинские соглашения, взяв на вооружение и адаптировав язык китайских культурных революционеров, разделивших мир на два лагеря, к одному из которых они относили обе сверхдержавы, а к другому — все остальное человечество.

Открытое обличение сговора с Советами логически вело к осуждению тех сил внутри страны, которые были тесно связаны с Советским Союзом, то есть в большинстве случаев — традиционных коммунистических партий. Но революционеры 1968-го выступили также против других сил, образующих Старый Левый блок, — национально-освободительных движений в странах «третьего мира», социал-демократических движений в Западной Европе и демократов «Нового курса» в Соединенных Штатах. Все они были обвинены в сговоре с тем, что революционеры называли общим термином «U.S. imperialism».

Атака на советское соглашение с Вашингтоном в сочетании с атакой на Старых Левых еще больше ослабила легитимность ялтинских соглашений, в соответствии с которыми Соединенные Штаты формировали мировой порядок. Эти атаки подорвали также позицию центристского либерализма как единственно легитимной глобальной идеологии. Прямые политические последствия мировых революций 1968 г. оказались минимальными, однако геополитическая и интеллектуальная отдача была колоссальной и необратимой. Центристский либерализм был свергнут с престола, занимая который со времен революций в Европе 1848 г. он мог принимать в свои ряды консерваторов и радикалов. Эти идеологии вернулись, вновь создав реальный диапазон возможностей для выбора. Консерваторы снова стали консерваторами, радикалы — радикалами. Центристские либералы не исчезли, но их число заметно уменьшилось. И по ходу дела официальная идеологическая позиция Соединенных Штатов — антифашизм, антикоммунизм, антиколониализм — стала казаться недостаточно убедительной все большей части населения земного шара.

Международная экономическая стагнация, начавшаяся в 1970-е годы, привела к двум важным последствиям для американского могущества. Во-первых, наступил крах «девелопментализма» — идеи, согласно которой любая нация может экономически преуспеть при условии избрания государством правильной стратегии. Представители Старых Левых, находившиеся тогда у власти, считали данную идею своим важнейшим идеологическим постулатом. Один за другим эти режимы столкнулись с внутренней дезорганизацией, снижением жизненных стандартов, увеличением долговой зависимости от международных финансовых институтов и подорванной кредитоспособностью. Во-вторых, в 1960-е годы США, казалось, успешно управляли процессом деколонизации «третьего мира» — посредством минимизации ее разрушительных последствий и поощрения плавного перехода рычагов власти в руки режимов, нацеленных на развитие, но все же не на революцию. Однако теперь те же методы стимулировали дезинтеграцию, недовольство, угрожавшее взрывом, и радикальную энергетику, не находившую для себя выхода. Попытки Соединенных Штатов осуществить интервенцию терпели фиаско. В

1983 г. президент США Рональд Рейган послал войска восстанавливать порядок в Ливане, и они были фактически выдворены оттуда. Рейган компенсировал этот неуспех действиями на Гренаде, в стране, лишенной собственной армии. Президент Джордж Буш-старший ввел войска в еще одну беззащитную страну — Панаму. Затем он вторгся в Сомали, чтобы восстановить порядок, откуда американцев, в конце концов, выставили, причем довольно унизительным образом. С тех пор правительство Соединенных Штатов мало что предпринимало для того, чтобы остановить эрозию своей гегемонии, предпочитая попросту игнорировать этот тренд. Такая политика преобладала со времени вывода американских войск из Вьетнама вплоть до 11 сентября 2001 г.

Тем временем Советский Союз, который США временно выпустили из поля зрения, потихоньку разваливался. Да, Рональд Рейган окрестил СССР «империей зла» и патетично призывал к разрушению Берлинской стены, но Соединенные Штаты в действительности не стремились к такому исходу, и поэтому ответственность за распад Советского Союза лежит не на них. На самом деле, СССР и его восточноевропейская имперская зона рухнули в силу общего разочарования в Старых Левых, а также попытки советского лидера Михаила Горбачева спасти свой режим посредством ликвидации ялтинских соглашений и либерализации внутри страны («*перестройка* плюс *гласность*»). Горбачев сумел дезавуировать Ялту, но не смог сохранить Советский Союз, хотя, надо признать, это ему почти удавалось.

Американцы были изумлены и озадачены случившимся, пребывая в нерешительности относительно последствий этого коллапса. Крах коммунистической идеи означал, в конечном счете, крах либерализма, поскольку исчезало единственное идеологическое обоснование гегемонии США, обоснование, которое молчаливо поддерживалось главным идеологическим оппонентом либерализма. <…>

Затем наступило 11 сентября 2001 г. — шок, а потом реакция. Отбиваясь от нападок американских законодателей, руководители Центрального разведывательного управления утверждали, что администрация Буша была предупреждена о возможных угрозах. Однако несмотря на то, что ЦРУ следит за действиями Аль-Каеды, несмотря на всю квалифицированность своих разведчиков, это ведомство не может предвидеть, а значит, и предотвратить осуществление террористических атак. Во всяком случае, так заявляет глава ЦРУ Джордж Тенет. Это признание едва ли может успокоить правительство США или американский народ. Какие бы иные выводы ни сделали историки, очевидно, что теракты 11 сентября 2001 г. нанесли серьезный удар по мощи Соединенных Штатов. Те, кто несет ответственность за эти террористические атаки, не представляли ни одну из крупных военных держав. Они входили в негосударственное военное формирование и обладали лишь большой решительностью, некоторым количеством денег, кучкой приверженцев и мощной базой в одной слабой стране. Короче говоря, с военной точки зрения, они совершенно ничего не значили, но им удалась осуществить жестокую атаку на территории Америки.

Дж. Буш-младший пришел к власти, будучи весьма критически настроен в отношении внешней политики администрации своего предшественника Б. Клинтона. Буш и его советники не признавали, хотя безусловно понимали, что Клинтон шел по тому же пути, что и все другие президенты Соединенных Штатов со времен Дж. Форда, включая Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего. Более того, до 11 сентября 2001 г. по этому же пути двигалась и нынешняя американская администрация. Чтобы убедиться в том, что Буш не был тогда готов играть с огнем, достаточно взглянуть на его поведение в апреле 2001 г., когда над Китаем был сбит американский самолет.

После террористической атаки Буш изменил политику, объявил войну терроризму, заверив американский народ в том, что «исход ее предопределен», и заявил всему миру: «кто не с нами, тот против нас». «Ястребы», остававшиеся долгое время невостребованными даже при самых консервативных администрациях, наконец, пришли к управлению американской политикой. Они исходят из того, что США обладают самым мощным военным потенциалом в мире. Бесчисленные лидеры других государств, считающие неразумным для Вашингтона заниматься разминкой собственных мускулов, все равно ничего не смогут сделать, если Америка попросту навяжет всем остальным свою волю. По убеждению «ястребов», Соединенные Штаты должны вести себя как империя, потому что, во-первых, им за это ничего не будет, а во-вторых, если они не проявят силу, то со временем окажутся на обочине истории.

Однако расчеты «ястребов» неверны, и они могут лишь внести свою лепту в усиливающееся падение Соединенных Штатов, превратив его из постепенного в головокружительное. <…>

«Шок и трепет»

Американские «ястребы» обещали, что их упреждающий удар по Ираку вызовет «шок и трепет». Достигли ли они своей цели? По их мнению, да. Но кого они должны были повергнуть в шок и трепет? В первую очередь, иракский режим и его сторонников внутри этой страны. В военном отношении Соединенные Штаты действительно одержали весьма быструю победу, и те из нас (многие военные, но также и я), кто предрекал в качестве вероятного сценария долгую и трудную войну, оказались не правы. Когда верхушка иракского командования исчезла, произошел коллапс всей военной структуры страны. В то же время сравнительно легкая победа заставила усомниться в заявлениях официального Вашингтона, произносившихся в оправдание своих действий, о том, что иракский режим представляет серьезную и непосредственную военную угрозу для соседних государств или для самих Соединенных Штатов.

Можно ли сделать вывод, что те, кто считал эту войну безумной, ошибались и во всем остальном? Не думаю. Сегодня немногие могли бы согласиться с основным тезисом настоящей статьи — о «закате американского могущества». Американских «ястребов» так и распирает от самодовольства. Они даже не стали ждать окончания военных действий, чтобы объявить кампанию против Сирии. Выбор пал именно на эту страну, в частности, потому, что ее внешняя политика вызывает недовольство США, а также потому, что она играет ключевую роль на Ближнем Востоке и в военном отношении практически беспомощна. Не обнаружив оружия массового поражения в Ираке, администрация Соединенных Штатов теперь полагает, что его следует искать в Сирии. Министр обороны США Дональд Рамсфелд уже объявил ее «государством-изгоем». Президент Буш дает сирийцам простой совет: вам следует сотрудничать с Соединенными Штатами.

Американцы двинулись в Ирак из Афганистана, где они не смогли добиться большего, чем свержения прежнего режима и передачи власти ряду местных боевых командиров, — короче говоря, США породили в Афганистане то самое явление, которое в других местах часто называют «несостоявшимся государством». Не проделают ли Соединенные Штаты то же самое и с Ираком, отправившись оттуда куда-нибудь еще? Вполне возможно. И если Сирия — следующая на очереди, то кто будет после нее? Палестина и Саудовская Аравия или же Северная Корея и Иран? Не сомневаюсь, что на закрытых совещаниях в администрации на эту тему сейчас ведутся ожесточенные дебаты. Но то, что США будут и дальше искать для себя военную угрозу, по-видимому, уже не ставится под вопрос. «Ястребы» явно убеждены в том, что они держат (и должны держать) в руках будущее

всего мира. Во всяком случае, они не проявляют ни тени сомнения в осмысленности такого образа действий. В конце концов, «сколько дивизий у папы римского?», по известному выражению Сталина.

Однако давайте взглянем на приоритеты, которые «ястребы» уже установили для своей политики. Номером один следует, видимо, считать реконструкцию Ближнего Востока, включающую три ключевых компонента: свержение режимов, враждебных Соединенным Штатам, подрыв могущества (возможно, нарушение территориальной целостности) Саудовской Аравии и навязывание палестинцам решения их проблемы в виде создания на их землях чего-то подобного южноафриканским бандустанам. Вот почему «ястребы» немедленно подняли вопрос о новой «угрозе» безопасности Соединенных Штатов, исходящей со стороны Сирии.

Пока происходит реорганизация Ближнего Востока, США, я полагаю, предпочтут заморозить ситуацию на Северо-Востоке Азии. Прямая военная операция здесь очень рискованна, и «ястребы» надеются использовать Китай для того, чтобы убедить корейцев не продвигаться дальше в их стремлении приобрести ядерное оружие. Можно считать это временным перемирием, которое даст «ястребам» возможность сначала разобраться с другими делами, а уж потом, когда руки будут посвободнее, заняться Северной Кореей. Ибо они не имеют намерения дать режиму Северной Кореи шанс на выживание.

По моему предположению, вторым приоритетом станет внутренний фронт. «Ястребы» собираются сформировать бюджет правительства США таким образом, чтобы в нем не осталось места ни для чего, кроме военных расходов. И они ведут наступление по всем фронтам, стремясь сократить прочие расходы — урезав федеральные налоги и приватизировав как можно большую часть социального обеспечения и медицинского страхования. Они также хотят ограничить действия оппозиции внутри страны, чтобы более свободно обращаться со всем остальным миром, а заодно обеспечить себе вечное пребывание у власти. В первую очередь им нужно сделать постоянным так называемый Патриотический Акт (Act), содержащий пункт, согласно которому срок действия этого документа подходит к концу через три года. До сих пор Патриотический Акт применялся прежде всего против лиц арабского происхождения и мусульман, но федеральные власти наверняка расширят сферу его приложения. Для обоих направлений выборы 2004 г. окажутся решающими.

Европа, вероятно, находится в списке приоритетов под номером три. Сломать ей хребет «ястребам» труднее, чем Ближнему Востоку или американской оппозиции. Так что они, скорее всего, переждут некоторое время, рассчитывая распространить в мире «шок и трепет» в достаточной мере для того, чтобы бесповоротно сломить волю европейцев. А в свободное время «ястребы» могут потребовать ввода войск в Колумбию или же нового вторжения США на Кубу, или каким-то другим образом потренировать свои мускулы по всему земному шару.

Надо признать, у «ястребов» грандиозные планы. Однако упадок Соединенных Штатов в мир-системе определен структурными обстоятельствами и не является лишь следствием политических ошибок, допущенных предшествующими американскими администрациями. Обратить этот процесс вспять невозможно. Конечно, им можно было разумно управлять, но это как раз совершенно не то, чему мы все являемся свидетелями.

Структурный упадок состоит из двух важнейших компонентов — экономического и политико-культурного. Экономический компонент на самом деле весьма прост. По основным факторам развития — имеющемуся в распоряжении капиталу, уровню

подготовки работников, способности к исследованию и совершенствованию — Западная Европа, Япония и Восточная Азия вполне могут конкурировать с Соединенными Штатами. Денежное преимущество США, обусловленное тем, что доллар используется другими странами в качестве резервной валюты, уже снижается и в скором времени, возможно, исчезнет совсем. Преимущество в военной сфере оборачивается долговременным ущербом в области экономики, поскольку уводит капитал и инновации в сторону от продуктивных предприятий. Когда мировая экономика начнет оправляться от затянувшейся стагнации, весьма вероятно, что японские/восточно-азиатские и западноевропейские предприятия превзойдут по своему уровню американские.

На протяжении последних тридцати лет Соединенным Штатам удавалось замедлять этот ползучий экономический спад (по сравнению с их основными конкурентами) политико-культурными средствами. Свои претензии они обосновывали сохраняющейся легитимностью в качестве лидера свободного мира и существованием Советского Союза. Распад СССР серьезно ослабил законность их притязаний и породил все возрастающую анархию мировой системы — «этнические» войны в бывшем Советском Союзе и Югославии, гражданские войны в многочисленных странах Африки, две войны в Персидском заливе, расползающийся во все стороны рак гражданской войны в Колумбии и значительный экономический регресс некоторых государств «третьего мира».

В период нахождения у власти администраций Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона Соединенные Штаты продолжали вести переговоры с Западной Европой, Японией и Восточной Азией о том, чтобы в противостоянии Севера и Юга они оставались, в большей или меньшей степени, на нашей стороне. При Буше-младшем «ястребы» отбросили прежнюю стратегию, заменив ее политикой унилатерального мачизма (unilateral machismo). Все остальные отвернулись от США, и после победы над Саддамом раздражение их действиями еще более усилится, причем не вопреки, а как раз благодаря общему для всего мира испугу.

Что касается легитимности, то обратим внимание на два обстоятельства. Первое — в марте 2003 г. Соединенным Штатам пришлось забрать из Совета Безопасности ООН резолюцию, которую они выдвинули в надежде, что атака на Ирак получит поддержку его членов при голосовании. Решение этого действительно важного для американцев вопроса потребовало мобилизации всех средств, включая постоянные телефонные переговоры Буша с лидерами самых разных государств. Впервые за последние пятьдесят лет Соединенные Штаты не смогли набрать большинство в Совете Безопасности в девять голосов. Это было унизительно.

Второе — обратите внимание на слово «имперский». Еще два года назад об империализме во всем мире говорили только левые. Неожиданно то же слово в положительном смысле стали использовать «ястребы». Вслед за этим представители Западной Европы, совсем не левые по своим взглядам, начали употреблять этот термин, выражая обеспокоенность тем, что США ведут себя как имперская держава. После падения режима Саддама Хусейна это словцо стало появляться едва ли не в каждом выпуске новостей. Но все-таки империал(изм) — понятие с подмоченной легитимностью, даже если «ястребам» кажется, что они поступают мудро, вновь вводя его в оборот.

Из истории известно, что для сохранения превосходства недостаточно военной мощи. Для этого очень важна легитимность, по крайней мере, признаваемая значительной частью человечества. Своей «упреждающей» войной американские «ястребы» существенно подорвали претензии США на легитимность. И таким образом они непоправимо ослабили положение Соединенных Штатов на геополитической арене.

А надо бы иначе!

В №27 «ЛГ» опубликована статья А. Ципко «Не могу иначе». Откликаюсь на неё по двум причинам: во-первых, автор совершенно неверно представил мою точку зрения по нескольким важным вопросам; во-вторых, в статье подняты интересующие меня проблемы. Это логика развития коммунистического строя, кризис советского общества, оценка дореволюционной и нынешней ситуации (и вытекающая отсюда оценка перестройки и Горбачёва), проблема сталинизма...

Головокружение от перестройки

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв среди жителей Тольятти. 1986 год

О ПЕРЕДЁРГИВАНИЯХ

«Историк Андрей Фурсов, – пишет А. Ципко, – видит основную заслугу советской России в том, что она способствовала демократизации Запада в XX веке, в том, что она «заставила буржуинов идти на уступки и стремиться максимально камуфлировать господство». Поэтому соответственно вина Горбачёва состоит в том, что его перестройка привела к гибели СССР как «субъекта мировой политики». Для Андрея Фурсова, как в своё время для певцов большевистской революции Р. Роллана и Ж.-П. Сартра, нет ни «красного террора», ни истребления духовенства, ни физического уничтожения коренных русских сословий, ни ужасов насильственной коллективизации, а есть только «субъектность» мировой истории, «субъектность СССР», позволяющая облагородить западное общество».

Это позволяет А. Ципко утверждать, что для меня нет «красного террора» и всего остального? Очень даже есть. Помимо прочего, именно поэтому я отказался вступить в ту партию, в которой он не только состоял, но и делал карьеру в советское время.

И где же в моей статье обнаруживается тезис об уступках буржуазии трудящимся на Западе как об «основной заслуге» СССР? У меня этого нет. Как нет и причинной связи, фиксируемой А. Ципко с помощью слова «поэтому», которое он добавляет от себя в мою аргументацию. Я нигде не писал об уступках со стороны буржуазии как главной цели существования СССР. Об уступках со стороны буржуазии средним и рабочим классам Запада благодаря существованию СССР у меня говорится совершенно в ином контексте – когда я объясняю причины существования на Западе демократических форм как отклонения от имманентной логики капитализма.

Не соответствует действительности и фраза о том, что я не затронул вопрос о системном кризисе советской модели социализма.

Хотя моя статья не о социальной природе советского общества и не о кризисе, она – о мифах перестройки и мифах о перестройке, в ней я чёрным по белому пишу о перестройке как о системном кризисе брежневской модели социализма (и коммунистического строя как системы).

НАЧАЛО «ИГРЫ В ОДНИ ВОРОТА»

При Хрущёве и Брежневе номенклатура боролась за обеспечение гарантий своего существования. В ходе борьбы кое-что перепадало не только её прилипалам (торгаши, «интеллектуха»), а и населению – от квартир в «хрущобах» и участков в шесть соток до низкой квартплаты, возможности работать, не напрягаясь...

Но на рубеже 1970–1980-х годов этот неравный, но всё же двусторонний процесс пришёл к финишу из-за исчерпания ресурсов и изменившейся не в пользу СССР ситуации в мире. Настал «момент истины» для господствующих групп СССР: сохранять и расширять привилегии, обретённые в брежневский период, поддерживать и увеличивать социально-экономический разрыв относительно подавляющей массы населения можно было лишь в одностороннем порядке, в виде «игры в одни ворота» – не только лишая население перепадавшего ранее, но ещё изымая часть принадлежавшей ему доли продукта.

Для этого номенклатуре нужно было изменить статусное положение на классовое. Объективно это требовало создания определённых социально-экономических условий: решение проблем легальной эксплуатации (её решили в криминальной форме) и экономического механизма изъятия продукта, превращение дохода в капитал (сделано подключением к мировому рынку).

Создание указанных условий необходимо было подать как важнейший шаг на пути к демократизации, гласности, в «борьбе с тоталитаризмом» за «нормальное общество» (этот шаг объективно требовал победы западной идеологии и массовой культуры, работающих на интересы Запада, над советской, коренного перелома в психоисторической войне Запада против России/СССР), как борьбу в интересах всего общества.

Маркс и Энгельс писали: класс, совершающий революцию, по объективным и субъективным причинам, какое-то время должен выставлять себя в качестве представителя общества в целом, питая этой иллюзией общество и в то же время питаясь ею. Для реализации такого курса нужны специфические деятели, способные с известной долей искренности (сложная комбинация обмана, самообмана, тщеславия, комплексов) забалтывать.

Генетическая и переходно-промежуточные фазы в истории (когда главное для господствующих групп – консолидация и концентрация сил, создание условий для последующего броска на общество, из которого предварительно надо выпустить пар) выталкивают на первый план именно лидеров-болтунов, мастеров «оральной политики»

(Горбачёв, Хрущёв).
С точки зрения объективных интересов господствующих групп, системная задача «оральных политиков» – как можно дольше скрывать групповой интерес за якобы общенародным, отвлечь внимание шараханьем из стороны в сторону, словоизвержением, прожектами и лозунгами от готовящихся или происходящих процессов передела, скомпрометировать эти лозунги и «на выходе», помимо прочего, получить массовую апатию.
Сквозь все неадекватности и глупости курса Горбачёва – а их было немало – прочерчивается железная логика, работающая на формирование нового класса социальных хищников, «тремя источниками, тремя составными частями» которого стали номенклатура, криминалитет и иностранный капитал плюс примкнувшие к ним «шудры» из совинтеллигенции, мечтавшие стать буржуазией.
Перестройка решила задачу представления групповых интересов в качестве общенародных. Под эту сурдинку уничтожили «социалистическую субъектность». Тогда и выяснилось: именно она была гарантией советского населения от эксплуатации, нищеты, депопуляции, щитом от своих и заморских хищников. Эта субъектность была жизнью. Теперь для 60–70% населения вместо жизни – выживание. Зато небольшой процент людей получил возможность «рубить бабло», ездить за границу, кривляться на ТВ...

ГЛАВНОЕ – НАЧАТЬ

Горбачёвщина – «акция прикрытия» коренного поворота от уменьшающегося сотрудничества господствующих групп СССР и населения к системно оформленному (собственность, рынок) существованию первых за счёт второго, устранение всех помех на этом пути (прежде всего «системы СССР»). Ельцинщина – полная реализация данного поворота.
Именно перестройка заблокировала возможность по-настоящему демократической, в интересах общества в целом трансформации советского социума, уже в 1987–1988 гг. направив его развитие в русло будущего криминально-номенклатурного паракапитализма (с комсомольским задором превратившегося в криминально-олигархический).
Последний предполагал неразрывную связку: 1) отсечение от «общественного пирога» огромной, подавляющей части населения, лишение его доступа к благам цивилизации (в том числе и тем, которые обеспечивала ему советская цивилизация в 1950–1970-е годы); 2) разрушение СССР, устранение мирового геополитического и экономического (космос, оборонка) конкурента, т.е. лишение субъектности в мировой политике, окончательное превращение в сырьевой придаток Запада.
Элементы связки были необходимым условием друг друга: криминально-номенклатурный (в либеральной обёртке) паракапитализм требовал интеграции в мировую капиталистическую систему в качестве политически зависимого сырьевого придатка, что предполагало предварительную капитуляцию перед Западом. Интеграция же предполагала уничтожение массового советского среднего класса, сталкивание его в бедность, а советских бедных – в нищету, в нежизнь.
Объективно начало этому «двойному удару», сделав его последствия необратимыми, положила перестройка. Она объективно стала средством и способом трансформации позднекоммунистической социальной гнили и превращения её в класс – в шестёрочный сегмент глобального класса хозяев.
Именно перестройка стала «первичным бульоном» слоя посткоммунистических хозяев и кузницей их кадров – «молодых волков», шакалов и рыжих псов приватизации, «гениальных» менеджеров, реальный потолок возможностей которых – торговля цветами и поставка девушек в зарубежные бордели, а единственная способность – не создавать что-то новое, они слишком примитивны и мелки для этого – отнять, поделить и тупо проедать наследие охаиваемого ими СССР.

ФАЛЬШИВАЯ ДИЛЕММА

Логика, предлагаемая А. Ципко и с позиций которой он критикует оппонентов, проста: те, кто не принял перестройку, – сталинисты. Либо принимать усилия Горбачёва, проявлять снисходительность к его слабостям, либо принимать сталинизм, восторгаться садизмом Сталина! Исторический коммунизм (социализм) здесь отождествляется только со сталинизмом и исчерпывается им, т.е. ранней стадией. А куда же делись переходная (хрущёвская) и зрелая (брежневская) фазы?

Генетические и ранние стадии всех систем, будь то целые социумы или империи, все молодые общества характеризуются исключительно жестоким, кровавым характером, основаны на организованном насилии.

Рабовладение, феодализм, капитализм начинались крайне жестоко. Сталинский СССР – в этом ряду, с поправкой на эпоху массового общества, в котором все процессы приобретают массовый характер.

Один из главных приёмов западной пропаганды (во второй половине 1980-х его активно использовали перестроечные СМИ, а после 1991 г. – «либеральные») был в том, что зрелому советскому обществу постоянно адресовали упрёки, связанные с ранним коммунистическим строем. Это примерно то же самое, что нынешнюю Великобританию осуждать за кровь и слёзы индийцев, африканцев, аборигенов Тасмании. Но ведь этого никто не делает. А с СССР делали, поскольку это было важным оружием в психоисторической холодной войне Запада против СССР, продолжающейся до сих пор, теперь уже прямо против России и прежде всего против русских.

Я отказываюсь делать выбор в рамках навязываемой фальшивой дилеммы «либо Горбачёв, либо Сталин». Мой ответ – принцип системности и историзма в анализе социальных явлений и сравнение систем по одним и тем же критериям и стадиям. Тогда и можно корректно рассуждать о советском коммунизме 30-х.

Оживление интереса к Сталину – это не только ностальгия по державности, которую сдали перестройщики, сформировав алгоритм–условный рефлекс прогрессирующей сдачи позиций страны горбачёвским, а затем и послегорбачёвским руководством, оказывавшемся во всё худшем и зависимом положении относительно верхушки Запада. Это прежде всего запоздалое освобождение от господствовавшего с 1956 г. подло-лживого несистемного взгляда на Сталина глазами зрелой и сытой советской номенклатуры и «шестидесятников», по сути выполнявших заказ одной из её фракций.

МИФ О «НОРМАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ» И ОТКЛОНЕНИЯХ ОТ НЕГО

Для А. Ципко перестройка – это «реставрация нормального общества, нормальной жизни». Он пишет, что со своей правдой о перестройке остаётся в одиночестве, ибо в современной России нет «подлинной… правоконсервативной интеллигенции, мечтающей вернуться к тому, что было до социализма», как к нормальному, заслуживающему восстановления состоянию (важно «стремление вернуть к жизни то, что было до большевиков»).

Это главное в позиции и мировоззрении А. Ципко, напрочь перечёркивающее его гневную финальную филиппику в адрес людей, которые ни в грош не ставят жизнь и счастье миллионов людей, отказывают своему народу в праве на свободу, собственность и т.д. Именно «нормальное» досоциалистическое общество топтало жизни миллионов людей, ввергая их в отчаяние, материализовавшееся революцией. Именно это происходит в РФ сегодня как логическое следствие системного кризиса советского общества под названием «перестройка», она же – выход из этого кризиса по пути создания «олигархического богатства», превращения номенклатуры в класс, а советского общества – в «нормальное общество» сверхбогачей и сверхнищих.

Видимо, А. Ципко полагает, что предреволюционное русское общество с чудовищной бедностью, с фантастической социально-экономической поляризацией, безответственной

верхушкой и нарциссической интеллигенцией, общество социального гниения (достаточно посмотреть земскую статистику), глубоко больное общество, превращающееся в политико-экономический придаток Запада, – это «нормальное общество».

Отклонения в историческом развитии бывают у маленьких стран. У стран-миров, стран-гигантов типа России девиаций не бывает. Коммунистический строй был абсолютно логичен и закономерен в рамках эволюции России с XVI в. как с точки зрения власти, так и с точки зрения населения.

С точки зрения власти, это было полное очищение последней от всех «классово-собственнических привесков» – эта тенденция пробивала себе путь с XVI в. С точки зрения населения, которое в России никогда не было ни частнособственническим, ни классово-эксплуатируемым (эксплуатация классового типа в России предполагает отчуждение не только прибавочного, но в значительной степени необходимого продукта, поэтому довольно быстро ведёт либо к диктатуре, либо к гнилораспаду страны, либо к революции), комстрой оказался положительной социальной формой «неклассовости». Другое дело, насколько возможен системный антикапитализм в капсистеме, но это не тема данной статьи.

Русское общество конца XIX – начала XX в. было кризисным; распад, разложение, гниение обгоняли возникновение нового, шёл процесс олигархизации самодержавия, Россия по сути переживала смуту, в которую её вверг своими непродуманными реформами Александр II и его квазилиберальное окружение.

Большевизм был логически закономерным, кризисным и хирургически-страшным выходом из кризисной и страшной ситуации, из этой смуты. Россия в начале 1900-х годов шла к кошмарному состоянию, похожему на то, в котором РФ оказалась в конце 1990-х. Хотите добольшевистскую, «нормальную» Россию? Тогда неизбежно получите и большевизм.

POST SCRIPTUM

Н. Богданов статью о перестройке назвал «Дорога в ад» («ЛГ», № 27). Тем социальным адом, которым для миллионов людей обернулась эта дорога, она не заканчивается, это промежуточная остановка. Реальный конец этого пути для России (разумеется, если он будет пройден) – небытие, ничтоизация. России как субъекту нет места в позднекапиталистическом мире. Место есть русскому пространству, ресурсам и биомассе: мозги для корпораций, женские и детские тела для борделей, здоровые органы для пересадки – место «у параши» в международном разделении труда.

Без субъектности, пусть завоёванной с огромными потерями (а когда бывало иначе?), народ превращается в биомассу – лёгкую добычу для хищников. Горбачёвы-яковлевы подтолкнули население к самому краю пропасти, гайдары-чубайсы столкнули его туда, а грефы-зурабовы пытаются добить окончательно. То, что произошло в 1990-е, – логическое и неизбежное следствие перестройки. Иного (при эволюционном развитии) после 1987–1988 гг. было не дано.

Ещё в самом начале перестройки глубоко уважаемый и высоко ценимый мной А. Зиновьев определил горбачевизм как «стремление заурядных, но тщеславных партийных чиновников перехитрить не только людей, но и объективные законы человеческого общества». Стремление обернулось катастрофой для большинства населения. И вот теперь нас пытаются убедить, что попытка обмануть законы истории удалась и что именно перестройка, освободив людей от коммунизма (того, что перестал строить Брежнев?!), принесла им блага цивилизации.

Победитель не получает ничего

Россия в мировых войнах

Мы привыкли считать, что в истории было всего две мировые войны (термин «world war» запустили англичане в 1915 г.) — одна в 1914—1918 и вторая в 1939—1945 гг. С эмоциональной точки зрения это понятно. В количественном измерении катаклизмы мировых войн 1939—1945 и 1914—1918 гг. действительно не имеют аналогов в прошлом. Однако если взглянуть на проблему с качественной системно-исторической точки зрения, то обе эти войны оказываются лишь наиболее мощными проявлениями феномена, впервые обозначившегося в XVII в. и возникшего вместе с капиталистической системой.

Капитализм — система мировая по определению, и, естественно, борьба за гегемонию в этой системе не может не быть мировой, а войны за эту гегемонию — мировыми.

Первой среди таких войн называют Тридцатилетнюю (1618—1648), в которой сошлись Габсбурги с их континентальными владениями и антигабсбургская коалиция, решающую роль в которой объективно играли интересы Голландии — морской державы. Итог войны известен: Габсбургам не удалось создать мировую империю, а Голландия стала гегемоном формирующейся мировой системы.

Пик экономической гегемонии Голландии пришелся на 1620—1672 гг., затем мощь ее идет на спад, и за «корону» нового гегемона начинают бороться сухопутная держава Франция и морская — Великобритания. Они выясняют отношения в двух раундах: Семилетняя война (1756—1763) и революционные и наполеоновские войны (1792—1815), то есть получается еще одна тридцатилетняя — на этот раз англо-французская — мировая война. Тридцатилетняя война реально была последней крупной общеевропейской войной и — потенциально — первой мировой.

Семилетняя и наполеоновские войны были мировыми уже совсем реально, в «физически»-пространственном смысле слова: велись на трех континентах и в четырех частях света — от форта Тикандероги в Северной Америке до Москвы и от Каира до Пондишери (Индия).

Период британского мирового господства приходится на 1815—1873 гг., и по его прошествии начался новый тур борьбы за гегемонию, на этот раз между континентальной Германией и морской державой США. В двух войнах (1914—1918 и 1939—1945 гг.) США взяли верх и стали новым гегемоном капиталистической системы; при этом многие историки склонны считать 1914—1945 гг. единым военным периодом, в который морская держава в очередной раз взяла верх над континентальной. Причем, как подчеркивают западные специалисты, в таких победах большую роль играл тот факт, что на стороне морской державы — претендента на гегемонию выступал старый гегемон, старый морской волк.

Миф о морских волках и континентальных кабанах

В схеме «морская держава побивает континентальную и становится новым гегемоном» есть одно очень уязвимое место: никогда никакая морская держава сама по себе не наносила поражения сухопутному, континентальному претенденту на гегемонию. Такие победы — иллюзия и вымысел. Разве англичане и голландцы нанесли поражение Наполеону? Разве англичане и американцы в 1941—1945 гг. разгромили Гитлера, съели его время своим пространством?

В схемах, о которых идет речь, «забыта» Россия. А ведь она не только участвовала во всех мировых войнах, но в четырех из пяти сыграла решающую роль. Именно Россия сломала хребет Гитлеру, перетерев своей людской массой и своим пространством вермахт.

Иными словами, в англо-французских и американо-германских «тридцатилетних войнах» морская держава побеждала не потому, что на ее стороне выступал прежний морской гегемон, а прежде всего потому, что ее союзником каждый раз была одна и та же континентальная держава — Россия/СССР, которую в западных геополитических схемах именуют континентальной. Более того, решающий театр военных действий в мировых войнах, начиная с наполеоновских, находился на территории России. Судьба этих войн решалась на русском пространстве и русской кровью. Участие России в войнах за гегемонию в капсистеме — это парадокс. К тому же тройной. Во-первых, со времени наполеоновских войн главным и решающим театром мировых войн было русское пространство; нерусской Европе как бы не хватало пространства для ведения этих войн. Во-вторых, победа морской (англосаксонской) державы над континентальной (романо-германской) определялась, по сути, тем, что на стороне первой всегда выступала Россия/СССР. В-третьих, не будучи элементом капсистемы, Россия играла решающую роль в определении того, кто будет гегемоном этой системы; не будучи частью североатлантического мира, евразийский «хартленд», занимаемый Россией/СССР, решал судьбы последнего; получается, капиталистические судьбы в конечном счете решались не капиталистическим или даже антикапиталистическим фактором.

Не в своих санях

Почему же Россия/СССР в мировых войнах за гегемонию в капиталистической системе постоянно оказывалась на стороне морских держав против континентального претендента, будь то Франция или Германия, на стороне англосаксов (англоамериканцев) против французов и немцев? А после мировых войн, внеся решающий вклад в их результат, сразу же вступала в длительный геостратегический конфликт с бывшим союзником — «моряком-англосаксом»: борьба с Англией с 1840-х гг. по 1900-е (некоторые даже говорят об англо-русской войне второй половины XIX — начала XX в.) и США (вторая половина XX в.).

Почему сухопутному претенденту, будь то французы Наполеона или немцы Гитлера, не объединиться с Россией в «континентальный блок» (мечта великого Карла Хаусхофера, который добавлял к этому блоку Японию)? Почему России/СССР было не объединиться с европейскими «континенталами» (или им с нею) и не всыпать англосаксам «по первое число», раз и навсегда устранив морскую угрозу? И ведь делались попытки с обеих «концов»: французского и немецкого, с одной стороны, и русского — с другой. Я имею в виду сближение Наполеона и Павла I, планировавших совместные действия против Англии (не получилось из-за смерти Павла, в заговоре против которого активную роль играли англичане); русско-французский союз Наполеона и Александра I с присоединением России к континентальной блокаде; контакты советских и германских высокопоставленных военных в конце 1930-х гг. (окончились «стенкой» для первых и отставкой — для вторых); наконец, почти двухлетний (август 1939 г. — июнь 1941 г.) союз Сталина и Гитлера, когда СССР косвенно участвовал в войне Третьего рейха против Англии и Франции.

И тем не менее счастливый геополитический брак оказывался коротким, и континентальная европейская держава начинала войну против России, открывая тем самым второй фронт, терпела поражение на российских просторах и — автоматически — в войне. В результате англосакс, будь то Англия или США, становился хозяином капиталистической системы.

На первый взгляд, объяснение лежит на поверхности. Будучи континентальной державой, а потому завися от торговли с державой морской, Россия экономически должна была разворачиваться в морскую сторону. Не претендуя на гегемонию в капиталистической системе, Россия, как правило, не имела особо острых военных противоречий с морскими державами на мировом уровне (локальные противоречия были, достаточно вспомнить русско-английское соперничество в Средней Азии во второй половине XIX в.). Напротив, будучи континентальной державой, на региональном и мировом уровне Россия почти автоматически вступала в противоречия с другими континентальными державами, особенно если те были соседями (Германия) или оказывались соседями в ходе экспансии (Франция).

Все это правильно. Но правильно лишь отчасти и характеризует русскую сторону. Войны, однако, начинала не Россия, а европейские континентальные державы — Франция и Германия. Здесь-то мы и подходим к очень серьезной проблеме, а точнее, характеристике России, которую регулярно упускали из виду большинство геополитиков, рассуждавших о возможности или желательности антианглосаксонского союза континентальных держав. Да, это было бы возможно и, вероятно, неплохо, если бы Россия/СССР была континентальной державой, как Франция или Германия. Дело, однако, в том, что Россия таковой не является.

Порт всех морей

Россия — единственная в мире трансконтинентальная держава с выходом к трем океанам, и с этой точки зрения выход к четвертому, Индийскому, был бы вполне логичен, и именно этого всегда боялись англосаксы. Правда, выходы эти не очень удобные — через своеобразные природные «шлюзы», коридоры нескольких морей, но все же. Трансконтинентальное «количество» пространства превращалось в геоисторическое качество: ни одна континентальная держава не могла соперничать с трансконтинентальной Россией. Для европейских «континенталов», учитывая огромную разность пространственно-ресурсно-военно-демографических потенциалов, даже союз с Россией (не говоря о соперничестве) оказывался довольно опасным: при прочих равных огромная Россия могла раздавить, «проглотить» любого «соседа». Это хорошо понимали и Наполеон, и Гитлер. Последний в Mein Kampf, имея в виду Россию, прямо писал: «Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию». Вот так. Ну а уж «сосед», занятый войной на западе, ослабленный, с оголенным тылом, и вовсе не мог, имея в тылу Россию, чувствовать себя спокойно и рано или поздно начинал войну.

Реально и в течение длительного времени противостоять России могли только морские (океанические — и в этом смысле тоже сверх-, а точнее, надконтинентальные) державы — Великобритания и США. Противостояние России и Англии во второй половине XIX — начале XX в., хотя Россия и потерпела в нем несколько ощутимых поражений (Крымская война, русско-японская война), в конечном счете окончилось в 1920-е гг. в пользу России (СССР), которая вышибла англичан из Закавказья и Средней Азии.

Если говорить о советско-американском противостоянии, то в 1975 г. (Вьетнам, Хельсинкские соглашения) СССР как система одержал победу над Соединенными Штатами как государством, и понадобилась совокупная мощь глобализирующегося Запада в целом, включая морские и континентальные (ФРГ, Франция) державы, а также Японию (плюс «китайская карта»), и превращение США в глобальную державу, чтобы сокрушить трансконтинентальный СССР.

Россия постоянно оказывается шире предлагаемых ей западными схемами рамок и категорий, будь то «континентальная держава» геополитиков или «полупериферия» мирсистемников. На практике же это проявляется во внешней алогичности участия России/СССР на стороне «моряков», англосаксов в «горячих» мировых войнах и в борьбе против англосаксов в «холодных» мировых войнах (вторая половина XIX и XX вв.). Если учесть, что Россия, ее история не вписываются ни в феодализм, ни в капитализм, то есть в рамки систем из «европейского набора» (у нас сначала было самодержавие, а после него — коммунизм), она оказывается очень неудобной, чужой для Запада страной как в научно-теоретическом, так и в практико-историческом плане, поскольку деформирует противостояние морских и сухопутных держав в борьбе за гегемонию.

После победы Запада над СССР и превращения последнего в РФ посредством деевразиации главный конкурент Запада «сместился» еще дальше на Восток — в Китай. Евразия перебрала всех конкурентов, которых последовательно «выставляла» против англосаксов, — от своего Дальнего Запада (Атлантика, Бискайский залив) до Дальнего Востока (Пацифика, Желтое море), сменив в самом конце не только культуру (европейскую) и систему (социализм), но и расу. Для того чтобы победить испанцев, англосаксам достаточно было своих сил; для победы над французами понадобились

русские; победа над немцами потребовала вдобавок англо-американского (североатлантического) союза; для победы «Северной Атлантики» над СССР-Евразией понадобились ресурсы всего капиталистического мира.

ОГОНЬ В ПАРАДНОЙ РАМЕ

НЕКОТОРЫЕ МИФЫ И СТЕРЕОТИПЫ ЭПОХИ ГОРБАЧЁВА

Продолжаем обсуждение событий, начавшихся в 1985 г. с избрания Михаила Горбачёва генсеком ЦК КПСС и радикально перевернувших жизнь в нашей стране. Дискуссия открылась статьёй А. Ципко «Головокружение от перестройки» («ЛГ»,№ 1), продолжилась выступлениями И. Фроянова «Архитектура разрушения» (№ 5), С. Кондрашова «Сколько проглотите?» (№ 11), откликами читателей.

«ТЫ ПОБЕДИЛ, ПРОКЛЯТЫЙ ХОХОЛ»-2

С марта в стране обсуждается 20-летие «перестройки», которую таким образом автоматически привязывают к избранию 11 марта 1985 г. новым генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёва – человека «неукротимой творческой энергии» (А. Громыко на заседании Политбюро 11 марта 1985 г.; далее следуют оценки его коллег, высказанные там же и тогда же), «деятеля, который обладает и знанием, и опытом, и умением работать с людьми» (Н. Тихонов), «лицо, которое отвечает самым высоким требованиям» (В. Гришин), человека, обладающего «высокой работоспособностью и эрудицией» (В. Чебриков), человека, «который пользуется большим уважением в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях, в активе нашей партии, в народе в целом» (Е. Лигачёв).

По поводу последнего сразу же вспоминается Гоголь: о Плюшкине Чичиков «хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почёл долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком».

«Мёртвые души» вспомнились не случайно. Когда я впервые увидел на ТВ Горбачёва, не вызывавшего у меня тогда никаких отрицательных эмоций (напротив, живчик, резко контрастирующий с предыдущими лидерами – только что прошла «пятилетка похорон», когда у Политбюро ЦК, словно Горыныча-перестарка, одна за другой отвалились три головы), подумалось сразу, со «стеклянной ясностью»: Чичиков.

Когда-то после крушения самодержавия В. Розанов в отчаянии написал: «Ты победил, проклятый хохол», имея в виду, что к власти пришли описанные Гоголем типы. Сегодня, из постсоветского прошлого, совершенно ясно, что и с крушением коммунизма Гоголь опять победил.

В 1985 г. ни Лигачёв, ни другие не почувствовали, «что слишком», а спохватились, когда было уже поздно, когда перестроечный процесс успели не только начать, но он уже пошёл. И это лишний раз говорит о том, что весной 1985 г. никакой перестройкой и не пахло.

Ныне весной 2005 г. о перестройке пишут чем олигархичнее и прозападнее, тем больше внимания к перестройке, тем в целом восторженнее отзывы о ней и её главном герое. И это вполне понятно: уж если где и любят Горбачёва или, как минимум, благодарны ему до земли, то это на Западе. Правильно: Горбачёв – в известном смысле спаситель Запада. На Западе его есть за что любить и там этого не скрывают, напротив, откровенно говорят, повторяя на разные лады и в разных вариантах: Горбачёв развалил сверхдержаву Советский Союз, избавил США и Запад от страха перед ядерным возмездием. Последний генсек стал терминатором коммунизма, благодаря его политике исчез главный конкурент Запада, и оказалась расчищенной геоисторическая площадка для «главного буржуинства». А потому не жалко «целую бочку варенья да целую корзину печенья», то бишь немалые гонорары за выступления, гранты, на худой конец – пиццу для рекламы.

МИФЫ, СТЕРЕОТИПЫ И ИНТЕРЕСЫ

Подлог и миф – что перестройка началась в марте 1985 г. Не началась ни по сути, ни по форме – даже слово такое тогда произнесено не было. Напротив, 23 апреля 1985 г. на пленуме Горбачёв говорил, что история подтвердила «великую правду ленинского учения». До январского пленума 1987 г. ни о какой широкомасштабной общественной перестройке речь не шла, так что если и отмечать «юбилей», то через два года.
Перестройка не случайно один из самых замифологизированных отрезков истории СССР. Именно он позволяет понять многое как в предшествующей ему советской, так и постсоветской истории. Позволяет – в силу уплотнённости, сверхсжатости времени, его насыщенности событиями, обнажённым характером острых противоречий в среде господствующих групп, ранее более или менее успешно скрываемой борьбой «за место под солнцем», за билет туда, «где чисто и светло», растерянностью, иллюзией общих интересов, позволяющих заглянуть в частные и многим другим. Перестройка относится к тем периодам истории, о которых Н. Мандельштам писала, что в них «смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что ещё нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня».
Именно поэтому такие отрезки идеологически латают – и власть, и заинтересованные группы с больным или травмированным коллективным бессознательным.
По степени замифологизированности с перестройкой может сравниться, пожалуй, лишь «оттепель». Она не менее, а может, и более, чем перестройка, важна для понимания советского общества.
Если «оттепель» (точнее, хрущевизм) – это переходный период от ранней, сталинской модели-структуры исторического коммунизма (т.е. коммунизма как системы, реально существовавшей в истории, а не того, что описывали Маркс и Энгельс и советский агитпроп) к зрело-поздней, брежневской, то перестройка и то, что последовало за ней, знаменует переход от коммунистической системы к какой-то иной (так же, как период 1905–1929 гг. объективно был переходом от самодержавной системы к коммунистической, что потребовало переформатирования субъекта «русская власть»).
Перестройка не стала у нас (и за рубежом) предметом серьёзного научного исследования, помещающего её в контекст теории и истории советской системы, с одной стороны, «холодной войны», противостояния системного антикапитализма и капсистемы, СССР и США, с другой. Вместо этого – чаще всего смесь эмпирических исследований, пропагандистских штампов и идеологических мифов, за которыми скрываются вполне определённые интересы, на которые и работают эти мифы. Поэтому прежде чем приступать к анализу перестройки, имеет смысл взглянуть на некоторые наиболее распространённые мифы и стереотипы.

«ХОРОШИЙ СОЦИАЛИЗМ» – «ПЛОХОЙ СОЦИАЛИЗМ»

Одна из линий интерпретаций перестройки – борьба «хорошего» социализма с «плохим». «Хороший» социализм – это нэповско-оттепельно-перестроечный (условно: ленинско-хрущёвско-горбачёвский), а «плохой» – это культличностно-застойный (условно: сталинско-брежневский). Эта линия была особенно популярна в 1988–1990 гг., но и сегодня слышны её отголоски, особенно у тех, кто интеллектуально законсервировался на уровне перестроечного времени, а таких, увы, не так уж и мало.
Схема «хороший» – «плохой» социализм не выдерживает ни логической, ни содержательной критики. Начать с того, что в один ряд поставлены разнопорядковые фазы, отрезки: генезис комстроя (период НЭПа; «когда вещь начинается, её ещё нет» – Гегель); структурный кризис перехода от сталинской, ранней модели комстроя, к брежневской, к «нормальному социализму»; и, наконец, системный кризис брежневской модели (и комстроя как системы), чем и является перестройка. Я уже не говорю о том, что процессы – генезис и два кризиса – оказались в одном ряду со структурами.

Даже если «забыть» об этой логической ошибке, то перестройка никоим образом не оказывается в одной «лиге» с «оттепелью», она полностью обусловлена застоем, прежде всего призвана решить по-новому (не на номенклатурной основе) задачу обеспечения социальных и экономических гарантий, привилегий господствующих групп позднесоветского общества, сохранения объёма и качества их западного потребления в изменившихся условиях (исчерпание возможностей экстенсивного роста, резкое падение цен на нефть, новый виток «холодной войны» и т.д.).
В этом плане перестройка, что бы тогда ни думал и что бы потом ни говорил её горе-прораб, объективно была переходом от брежневского «застоя», в котором позиции господствующих групп были обусловлены статусом, к ельцинскому (кто-то обязательно добавит, ельцинско-путинскому) «застою», стартовавшему в 1995 г. (именно весной того года Черномырдин заявил: «революция окончена», т.е. перестроились), в котором позиции господствующих групп обусловлены уже не статусом, а собственностью.

ОТ «ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ»

Один из устойчивых стереотипов (и мифов) по поводу перестройки – это то, что сей процесс есть «переход от тоталитаризма к демократии». Действительно, во второй половине 1980-х в СССР заговорили открыто и начали печатать то, о чём раньше говорили только на кухне, среди своих. Да, власть в своих интересах это поощряла в 1987–1988 гг., а затем процесс вышел из-под её контроля. Но вот только всё это не имеет отношения к «тоталитаризму» и «демократии» в том смысле, в котором эти термины употреблялись западной пропагандой, советской «диссидой», а «когда начальство ушло», советской и постсоветской либеральной интеллигенцией. «Тоталитаризм» и «демократия» в этом контексте – термины-пустышки, не пригодные для серьёзного анализа реальности – пропагандистские штампы.
Термин «тоталитаризм» появился в Италии в 1920-е гг. Научный статус термина определил и ограничил американский профессор Хейес (1939). Он определил как тоталитарные некоторые новые явления и тенденции в развитии Германии и Италии. При этом Хейес жёстко ограничил феномен западной цивилизацией и буржуазно-рыночным обществом.
В середине 1950-х К. Фридрих и Зб. Бжезинский, реагируя на конъюнктуру «холодной войны», распространили термин «тоталитаризм» на советское общество, чтобы представить коммунизм и национал-социализм, сталинизм и гитлеризм как два варианта одного и того же явления.
В конце 1980-х гг. «советский тоталитаризм» дотопал до СССР, найдя там много адептов – как раз тогда, когда на Западе серьёзные учёные стали отказываться от «тоталитарной» объяснительной модели. Ну что же, по-видимому, до сих пор сохраняет свою актуальность высказанная более века назад Н. Михайловским мысль о том, что в интеллектуальном плане Россия по отношению к Европе часто ведёт себя как служанка, донашивающая за госпожой выходящие из моды шляпки.
С лёгкой руки перестроечных/постперестроечных СМИ и околонаучной попсы, перенявшей терминологию западной пропаганды, СССР вместе с гитлеровской Германией стал «тоталитарным обществом». При этом не удосужились подумать о критериях. Что значит тоталитаризм? Тотальный контроль государства (власти) над обществом (населением)? Но тогда в тоталитаризм надо будет записать Египет фараонов и Египет Насера; Китай – от Цинь Шихуанди до Мао Цзэдуна, да и позже тоже; Римскую империю и державу инков и многое-многое другое.
Я вообще сомневаюсь, что при подходе к тоталитаризму в духе «Бжезинский – западная пропаганда – советская «диссида» вне тоталитаризма что-либо останется, почти всё – тоталитаризм.
Особенно очевидна несостоятельность схемы тоталитаризма при попытке впихнуть туда

СССР и «третий райх» одновременно – излюбленный психоисторический приём времён «холодной войны», направленный на то, чтобы вызвать в советском обществе дополнительный комплекс вины.

На самом деле перед нами два принципиально различных типа общества. В одном случае – антикапиталистическое, идейная система и практика которого отрицают частную собственность, гражданское общество, свободный рынок, классы, разделение публичной (общественной) и частной сфер, в котором старая социальная структура сломана, и т.д. В другом случае – капиталистическое (буржуазное) общество, основанное на частной собственности и разделении публичной и частной сфер. В связи с этим, например, по закону от 1 декабря 1933 г. НСДАП характеризовалась как «корпорация публичного права», т.е. была публично-правовым институтом, тогда как РКП(б)-ВКП(б)-КПСС таковым никогда не была.

Теперь о демократии и её идейно-пропагандистских коррелятах вроде «открытого общества» (абсолютно бессмысленный термин из убогой в теоретическом плане, но идеологически активной работы К. Поппера), «плюрализма» и т.п., якобы отражающих то, что реально существует на Западе.

То, что именуется «демократией» в паре «тоталитаризм-демократия», – не научный термин, не инструмент анализа, а идеологический ярлык, которым подменяют реальность или с помощью которого манипулируют общественным сознанием.

Демократия есть определяемое; определения – античная, буржуазная, советская и т.д. Ясно, что в каждом случае мы имеем дело с разными явлениями. Общих моментов два: первый, перед нами некие формальные институты; второй, они сконструированы так, чтобы выразить волю и интересы господствующего меньшинства и представить их в качестве всеобщих, равенства возможностей и т.п. (именно этой фикции служат выборы, реальная задача которых – создать иллюзию массового участия в политическом процессе, перевести социальное недовольство в безопасное русло, закамуфлировать реальную невыбираемую власть и мирным способом регулировать отношения внутри господствующих групп, наказывая зарвавшихся за ошибки, излишний консерватизм или радикализм).

Как правило, наиболее эффектные («модельные») демократии суть те, которые наиболее эффективно выполняют указанные функции. Те демократические формы, которые продемонстрировал Запад в XX в., возникли в значительной степени вопреки имманентным законам капитализма – во-первых, в результате классовой борьбы трудящихся; во-вторых, благодаря существованию СССР, мировой соцсистемы, заставлявшей буржуинов идти на уступки и стремиться максимально камуфлировать господство. Тем, кому такой взгляд покажется циничным, отвечу: это не взгляд, а мир циничный. Тем, кто готов броситься защищать «демократический Запад», могу предоставить список обязательной и дополнительной западной литературы по вопросу и рекомендовать обратить внимание не только на реальные процессы демонтажа западной демократии образца 1945–1975 гг., но и на теоретические разработки.

В появившемся в 1975 г. по заказу «Трёхсторонней комиссии» докладе «Кризис демократии» (авторы – С. Хантингтон, М. Крозье, Дз. Ватануки) написано: «Некоторые проблемы управления США сегодня обусловлены избытком демократии… Вместо этого необходима большая степень умеренности демократии»; эффективное функционирование демократической системы «требует определённой меры апатии и неучастия (в политической жизни. – А.Ф.) со стороны индивидов и групп». В последние 30 лет это «руководство к действию» реализуется, ну а события 11 сентября 2001 г. – это просто подарок «демократизаторам» в духе указанного доклада.

Тем же, кто станет утверждать, что в 1990-е гг. Россия перешла к демократии, задам вопрос: к демократии какого типа, для кого, в чьих интересах? В интересах тех, кого, щедро одарив ваучерами – «и ни в чём себе не отказывай», – массово превратили в бедноту, вынужденную «самым демократическим образом» бороться за физическое

выживание и убывающую на тот свет со скоростью чуть меньше миллиона душ в год, так сказать, демократия по Пастернаку: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом»?

«ГОРБАЧЁВ ТЕБЕ СВОБОДУ ДАЛ…»

С перестройкой как борьбой тоталитаризма и демократии тесно связана ещё одна линия её апологетики. Я называю её наивно-шкурно-карьерной. Выглядит она примерно так. «Да, у перестройки было много дефектов; да, развалилась страна; да, Горбачёв – такой-сякой, но, старик, Горбачёв дал тебе свободу и прежде всего свободу публиковаться, возможность защитить диссертацию, стать завсектором, ездить в Америку и т.д.».
Именно такую тираду услышал я лет десять назад от своего бывшего знакомого. В ответ, оговорившись, что никого не хочу обидеть, я сказал, что это точка зрения рабов, холуёв и карьеристов (впрочем, в данном случае оговариваться не стоило – упомянутый персонаж как раз оказался холуем, карьеристом и в придачу вором, не брезгующим ни государственным карманом, ни карманом отдельных коллег). Что касается свободы, то её не дают – она не давабельна по природе; свободу берут – иногда мирно, а чаще с плотью и кровью угнетателя. Что же касается всего остального – диссертаций, должностей и загранпоездок, то ставить их на одну доску с национальной катастрофой – развалом страны, криминализацией, депопуляцией и т.п., – действительно, могут лишь карьеристы и шкурники. Или социально очень недалёкие люди.
В связи с этим не могу не заметить, как поражает меня нередко встречающаяся постановка вопроса: «Перестройка: чего больше – плюсов или минусов, правильных решений или ошибок, достижений или провалов?» Рухнула страна. По сути, утрачена субъектность в мировой политике. На месте прежней системы бывшие хозяева последней (точнее, их средне-верхнее и среднее звено плюс криминалитет и иностранный капитал) создали новую, основанную на эксплуатации и депривации, на отчуждении не столько прибавочного, сколько уже необходимого продукта (жильё, здоровье, образование – короче, жизнь), на колоссальной социально-экономической поляризации (индекс Джинни зашкаливает), беспрецедентными темпами выросла бедность: если в 1989 г. в Восточной Европе, включая европейскую часть СССР, за порогом бедности жило 14 млн. чел., то в 1996 г. – 169 млн.
Страна лишилась армии, боевого щита – а пошёл этот процесс с односторонних уступок Горбачёва в 1987 г., когда СССР со всей очевидностью начал терять самостоятельность во внешней политике и встраиваться в кильватер курса США.
И после этого до сих пор – чего больше? Не верю – «очаг, нарисованный на холсте». Тут что-то не так. Что же упаковано, спрятано в мифы и стереотипы, о которых шла речь и которые усиленно и небезуспешно вдалбливались в головы в течение почти двадцати лет? Какая потайная дверца скрывается за фальшивым очагом?

Андрей ФУРСОВ

Глобамерика. Битвы третьей мировой войны и ее итог

На наших глазах происходит новый передел мира – реорганизация мирового политико-экономического пространства после крушения «исторического коммунизма» и распада СССР. Мы стали свидетелями глобальной перестройки-перетряски, демонтажа «ялтинской» системы и формирования новой – «мальтийской». Необходимо отметить, что «ялтинская» система демонтирована не только геополитически, но и геоэкономически, социально-экономически. Главным агентом этой системы было государство социального обеспечения (welfare state), или социально-военное государство, от которого выигрывала значительная часть прежде всего среднего и рабочего классов, которые в ситуации глобального межсистемного противостояния надо было умиротворять до тех пор, пока существует СССР. Именно поэтому, когда в середине 1980-х гг. политико-экономическое положение хозяев ядра капсистемы оказалось под угрозой, глобализирующийся Запад навалился на СССР. Середина 1980-х гг. стала моментом рождения нового – постиндустриального и глобального – Запада. До сих пор, однако, мы, завороженные своей перестройкой и постперестроечным погромом, не попытались понять реальную суть того, как успешно протекавшая для СССР холодная война обернулась поражением всего лишь через 10 лет после побед 1975 г.; выявить генеалогию нашего времени, механизм его рождения, понять, что перестройка – это ключевой момент, момент истины в двойной борьбе XX в., особенно второй его половины – труда и капитала, Евразии (русских) и Северной Атлантики (англосаксов). В этой борьбе родился и рождается XXI в.

Холодная война

История капиталистической системы знает эпохи гегемонии тех или иных держав и эпохи соперничества, которые отделяют друг от друга эпохи гегемонии и которые суть периоды острой борьбы за передел мира. Таковыми были, например, 1756–1815 и 1871–1945 гг. – англо-французский и американо-германский раунды борьбы за господство в мире. В середине американо-германского раунда, однако, ситуация изменилась. Мировая система перестала быть только капиталистической – возник исторический коммунизм, СССР. Мировая система стала единством и борьбой противоположностей – капиталистической и антикапиталистической подсистем. Это существенно осложнило мировую борьбу за господство: мировая борьба островных англосаксонских держав с полуостровными (континентальными) оказалась тесно переплетена с борьбой двух глобальных социальных проектов – капиталистического и коммунистического.

В мировой войне 1939–1945 гг., по крайней мере до открытия второго фронта, логика глобального социосистемного противостояния оказалась на короткий отрезок времени подчинена традиционной логике борьбы «островитян» и «континенталов», и СССР в очередной раз, как в 1812 и 1914 гг., оказался на стороне англосаксов, работая своей людской массой и пространством на их гегемонию в капсистеме. Уже в конце войны глобальное социосистемное противостояние вышло на первый план, что и нашло отражение в тайных англо-американских планах сепаратного мира с немцами и совместных с ними действий против Красной армии (1944 г.), а затем в феномене холодной войны, которая велась в 1945–1989/91 гг. в период гегемонии США в капсистеме. Так в середине XX в. в связи с оформлением мировой соцсистемы произошел сбой в двухвековой схеме «гегемония – соперничество». Гегемония США в капсистеме была налицо, а соперничество обрело невиданный ранее – глобальный – масштаб, став схваткой двух систем, двух глобальных проектов.

В 1991 г. рухнул СССР, закончилась эпоха соперничества, а США продолжают наращивание беспрецедентной военной мощи, то есть демонстрируют черты, характерные для эпох соперничества, а не гегемонии.

Четыре раунда

С самого начала холодной войны американцы планировали уничтожение СССР посредством ядерных ударов (1948 г.: план «Чериотир», документ «Флитвуд», план САК ЕВП 1-49, директива СНБ-58; 1949 г.: план «Дропшот» – 300 атомных бомб для уничтожения 85% промышленности и крупнейших городов СССР), однако воля и выдержка советского руководства, а затем появление у Советского Союза ядерной и водородной бомб сорвали эти планы. Военное столкновение произошло на периферии – в Корее, окончившись миром 1953 г. Этот мир увенчал первый период холодной войны (1945–1953 гг.); концом второго периода стал Карибский кризис (1962 г.), третьего – совещание в Хельсинки (1975 г.); конец четвертого наступил между декабрем 1989 г. (встреча Буша-старшего и Горбачева на Мальте) и декабрем 1991 г. (распад СССР).

Если первый период холодной войны начался ядерным преимуществом США, то окончился он вничью. Точку в развитии второго периода поставило отступление СССР во время Карибского кризиса. По сути же, это был единственный успех Запада (США), «подсластивший» целое десятилетие нараставших для Запада проблем: СССР начал укрепляться на Ближнем Востоке, наращивал военный потенциал, укреплял свою зону в Восточной Европе, активно поддерживал национально-освободительное движение и, самое главное, создав в 1957 г. межконтинентальную баллистическую ракету, обеспечил себе

возможность массированного возмездия и поставил США впервые в их истории» перед реальной угрозой удара по их территории.

Третий период окончился победой СССР и поражением США. Американцы потерпели поражение во Вьетнаме, Запад в Хельсинки был вынужден признать ялтинскую систему (тезис о нерушимости границ в Европе). США потерпели поражение как государство в борьбе с другим государством; поражение также потерпел правивший страной с конца XVIII в. политический класс восточного побережья. Власть сместилась к агрессивным южным и западным сегментам правящего класса, тесно связанного с транснациональными корпорациями и международным (глобальным) финансовым капиталом.

Четвертый раунд холодной войны окончился поражением СССР и исчезновением его с политической карты мира в 1991 г. В декабре 1991 г. Буш-старший поздравил американский народ с победой в холодной войне. В 1979 г. СССР позволил англосаксам (идея Б. Льюиса и Зб. Бжезинского) заманить себя в Афганистан. Афганская ловушка совпала с системным кризисом реального социализма. Логика борьбы за власть в господствующих группах СССР привела Горбачева и его команду к тому, что с конца 1987 г. их опорой в борьбе за сохранение у власти все больше и больше становятся правящие классы Запада, прежде всего – американский master-class. И весьма вовремя для этого класса и для Америки: в середине 1980-х гг. ее положение и самой по себе и как центра Запада было аховым. По сути, спасти Штаты могли лишь ослабление и крушение СССР и новый передел мира. Почему?

Мировой средний класс и СССР

Сразу же после окончания Второй мировой войны и с началом войны холодной на Западе быстро и широко развернулся процесс развития государства социального обеспечения, с помощью налоговой системы перераспределявшего богатство таким образом, что значительные сегменты среднего и рабочего классов, не будучи буржуазией по источнику дохода, улучшали свое благосостояние и могли вести буржуазный образ жизни. Социалистическое по сути регулирование жизни капиталистического ядра создавало слой, который можно назвать «социалистической буржуазией» или квазибуржуазией. Сам факт наличия СССР, соцсистемы, не говоря уже о соревновании с ним (которое, как считали на Западе очень многие на рубеже 1950–1960-х гг., Запад проигрывает), заставлял правящие классы замирять, умиротворять прежде всего материально те значительные по численности сегменты общества, которым по логике и социальным законам капитализма хорошо жить не положено.

Улучшив свои экономические позиции, значительные по численности сегменты рабочего и среднего классов начали претендовать на большее – на позиции социальные и политические. Возникла угроза смены элит,

прихода к власти социалистов – где-то самих по себе, где-то в блоке с коммунистами (именно 1960–1970-е гг. были периодом наибольшего могущества и влияния компартий в Италии, Франции, Испании).

В 1960–1970-е гг. хозяева позднекапиталистического общества оказались в положении, сходном с таковым хозяев позднефеодального общества в 1360–1370 гг. И так же, как они, развернули социальное контрнаступление. Прологом к нему стал мировой социальный передел, ну а уж за ним последовал геополитический, а на его основе – полномасштабный глобальный социальный передел в пользу буржуазии. И ворота им отворила советская перестройка.

Мировая Америка

Сначала в ситуации нарастающих для Запада трудностей была проведена интеллектуальная подготовка силами уже существующих и вновь созданных (например, Римский клуб, 1968 г.) структур. В это же время начали делать имя и репутацию «мыслителям» типа Ф. Хайека и К. Поппера – пригодятся. Затем пришла пора создавать новые политические структуры мирового уровня («Трехсторонняя комиссия», 1973 г.). В 1975 г. по заказу «Трехсторонней комиссии» С. Хантингтон, М. Крозье и Дз. Ватануки написали большой доклад «Кризис демократии», по сути – капиталистический вариант «Что делать?».

Оспаривая тезис Адама Смита о том, что единственным лекарством от зол демократии является еще большая демократия, тройка авторов констатировала, что многие проблемы на Западе и в США обусловлены избытком демократии. Выводы: «Необходима… более высокая степень умеренности демократии»; эффективное (то есть в интересах мирового «трехстороннего» и иного истеблишмента) функционирование демократической политической системы «обычно требует определенной степени апатии и невовлеченности со стороны некоторых индивидов и групп». Каких групп? И на это есть ответ: тех, что претендуют на возможности, позиции, вознаграждения и привилегии, на которые раньше не претендовали, то есть на ту часть «общественного пирога», которая раньше принадлежала верхам. Отсюда еще один вывод: необходимость ограничения общественного влияния (public influence) на политический процесс, заниматься которым должны эксперты правящего класса. Речь прямо, откровенно и цинично идет о политической изоляции и маргинализации значительной части общества с целью избежать «социалистического рая».

Доклад «Кризис демократии» не случайно появился в 1975 г. В этом году государство СССР нанесло поражение государству США в классической (государство против государства) холодной войне. 20 апреля в 2 часа ночи последние американцы покинули Сайгон на вертолете, война во Вьетнаме окончилась поражением США. 28 июля – 1 августа 1975 г. в Хельсинки прошла Конференция по безопасности и сотрудничеству в

Европе. Подписание ее заключительного акта стало триумфом советской дипломатии: СССР заставил Запад признать сложившийся после Второй мировой войны («ялтинский») порядок в Европе. Следствием советской победы стало серьезное переформатирование политического и экономического пространства Запада и особенно США. Здесь утратил свои позиции восточнопобережный сегмент американского правящего класса и резко интенсифицировались интеллектуальные поиски выхода из сложившейся ситуации. «Кризис демократии» занимает в этих поисках центральное место.

В 1970-е же был намечен и ряд экономических мер по ликвидации последствий уподобления. После «картеровской передышки» (1976–1980) и после того, как США удалось заманить СССР в афганскую ловушку (1979 г.), планы стали воплощаться в жизнь. Рейган резко обострил течение холодной войны, начав ее новую, неклассическую (постклассическую – система против «одной, отдельно взятой страны») фазу, закончившуюся односторонним выходом СССР из холодной войны и его поражением. Во внутренней политике рейганомика и тэтчеризм были направлены если не на демонтаж, то на серьезное ослабление welfare state, этого внутризападного «щита и меча» значительной части среднего и рабочего классов, а следовательно, против, них и их организаций (профсоюзов и т.п.). Кроме того, рейганомика сама по себе нанесла удар по США.

Число людей за чертой бедности стало расти, росли также торговый дефицит, дефицит бюджета, государственный долг. 19 октября 1987 г. рухнул Уолл-стрит, индекс Доу–Джонса за один день упал на 508 пунктов, или на 23,4% – абсолютный рекорд. В сентябре 1987 г. английский Economist возвестил urbi et orbi: если в 1981 г. мир должен был США 141 млрд долл., то в 1986 г. уже США задолжали миру 246 млрд долл. То была цена экономического курса и «военного кейнсианства» Рейгана. От немедленного краха Америку спасало только то, что она была военно-финансовым центром формирующейся новой глобальной экономики – «глобального Франкенштейна», державшегося, кроме США, еще на двух китах – Японии и Германии.

На западную чашу весов исторического противостояния была брошена вся совокупная политико-экономическая мощь Запада в целом, которая резко выросла по отношению к СССР в конце века. Япония потеснила СССР со второго места в мировом производстве, ФРГ наступала СССР на пятки. Финансово-экономическая мощь Японии и ФРГ позволяла Западу в целом компенсировать американские расходы на гонку вооружений. У СССР таких компенсаторов не было. Да и в военном плане ситуация изменилась. Западные союзники США всегда вносили в натовскую «копилку» намного больше, чем союзники СССР по Варшавскому договору. Однако с конца 1970-х гг. эта доля в абсолютном измерении стала весьма значительной. Так, в 1980 г. США тратили на оборону 111,2 млрд долл. (по стоимости доллара на 1978 г.), а СССР – 107,3 млрд долл. – почти одинаково. А вот расходы НАТО существенно превышали

расходы Варшавского договора (193,9 млрд против 119,5 млрд.). Если в 1945–1975 гг. государства СССР и США противостояли друг другу, по сути, в одиночку, то в 1980-е гг. это уже было противостояние государства СССР и принципиально иной, новой политико-экономической целостности – глобализирующегося Запада/Севера, ядром которого была глобальная аватара США – Глобамерика.

Ныне Америка, похоже, готова не позволить России быть не только державой, но и вообще быть.

Но Америка предполагает, а История располагает.

Крах центроверха

Как номенклатура стала буржуазией

Редакция «ПЖ» продолжает серию публикаций, посвященную 20-летию перестройки, открытую статьей Стивена Коэна в № 1 от 17 января 2005 г.

Без понимания социальной природы и основных противоречий коммунистического строя, его системообразующего элемента – номенклатуры серьезный разговор о перестройке невозможен. Перестройка определяется как реформы сверху. Такие реформы всегда проводятся только в интересах этого верха – власти и господствующих слоев, в целях решения их проблем, стоящих перед ними групповыми (классовыми) задачами.

Социальная природа общества определяется спецификой распределения факторов производства, то есть тем, что и как отчуждается, отчуждение каких факторов производства конституирует данную социальную систему. Что присваивала номенклатура? Собственностью на какие вещественные факторы производства обладала? Ни на какие. Земля, фабрики, заводы – все это находилось в «государственной собственности».

Однако помимо вещественных факторов производства есть и иные – социальные и духовные. Социальные факторы производства наполняют и определяют содержание действий человека в производстве и вне его (труд и досуг) и проявляются прежде всего в возможности и способности людей создавать и развивать коллективные формы. Присвоить социальные факторы производства – значит лишить группы и индивидов возможности по своей воле и в своих непосредственных интересах создавать коллективные формы (организации).

Противоречия реального коммунизма

Как конкретно отчуждаются социальные и духовные факторы? Смотрим устав КПСС, в различных редакциях которого партия выступает как ядро всех без исключения общественных организаций (будь то «государственные» или «хозяйственные»). Все общественные организации (за исключением РКП(б)-ВКП(б)-КПСС) существуют в разрешительном порядке (то есть их разрешило «государство») – за исключением КПСС. А поскольку она – ядро «государственной» организации, то именно она разрешает все остальное, при условии признания ее этими организациями «высшей формой общественно-политической организации… советского общества», то есть единственной организацией высшего уровня, которой подконтрольно все, прежде всего – процесс создания и функционирования других коллективных форм.

Чем сильнее был центроверх («государство»), воплощавший коллективное внеэкономическое бытие кратократии, тем меньше возможностей было у отдельного кратократа безнаказанно нарушать правила иерархически ранжированного потребления и таким образом подрывать систему (во-первых, избыточное потребление нарушало внутреннюю иерархию; во-вторых, «нескромная власть» – объект для компрометации в глазах населения, а следовательно, источник социальной угрозы).

Собразно элементам, «краям» противоречия в номенклатуре сформировались тенденции (и воплощающие их группы): к развитию преимущественно коллективистско-внеэкономических и централизованных форм и аспектов (часто это ошибочно именуют

«неосталинизмом», идеологизацией и т.п.), с одной стороны, и к развитию преимущественно индивидуально-потребленческих норм и аспектов, связанных с ослаблением внутрииерархического централизованного контроля – с другой (персонификаторов этой тенденции именовали «партийными либералами», «сторонниками экономических методов» и т.п.).

Ясно, что эта вторая тенденция, как правило, предполагала большую открытость Западу (преимущественно потоку импортных вещей плюс загранкомандировки и т.п.), менее антизападный курс в «идеологии» и внешней политике.

Отчуждение социальных и духовных факторов производства возможно лишь как коллективное, тогда как потребление экономического продукта носит индивидуальный характер. При этом каждый индивидуальный номенклатурщик с чадами и домочадцами стремился потреблять больше, чем ему положено по рангу. Контроль над соответствием объема и качества потребления рангу с середины 1950-х гг. стал слабеть, а в брежневскую эпоху обмен «кусочков» власти (связи, протекции и т.п.) на дополнительный (не по рангу) объем потребления, по сути, стал превращаться в норму, чему в немалой степени способствовало развитие теневой экономики.

Второе базовое противоречие «исторического коммунизма» коренится в следующем. Коммунистическая власть не была ни политической, ни экономической, ни идеологической, ни суммой подобного рода властей. Она – социально недифференцированная, однородная (гомогенная) социальная власть. Развиваться путем дифференциации она не может. Ее тип развития – сегментация, как у одноклеточных. При подобного рода сегментации-дроблении каждая «молекула» власти обладает полным набором ее качеств, только в миниатюре.

При прочих равных условиях в ситуации однокачественности различных ячеек в силу вступает логика количества, и в результате реальная власть имеет тенденцию к перемещению на средние уровни системы (ведомства, обкомы). Единственное средство сохранения социально гомогенной и подверженной сегментации власти наверху и в центре – сила центроверха, наличие репрессивного аппарата, который, однако, эффективен только в условиях относительно простой социальной организации. Достижение последней определенного уровня сложности, во-первых, делает такой репрессивный аппарат менее эффективным; во-вторых, объективно начинает смещать власть в сторону среднего (обкомовско-ведомственного) уровня.

Таким образом, в исторический коммунизм встроено еще одно противоречие – между центроверхом как представителем коллективного, общего, совокупно-долгосрочного внеэкономического интереса номенклатуры внутри и вне страны, с одной стороны, и ведомствами как конкретной формой реализации конкретных экономических краткосрочных интересов различных отдельных (отраслевых и региональных) групп номенклатуры.

Сообразно «краям» этого противоречия формируются две тенденции и, соответственно, персонифицирующие их группы: центр и «центростремительные» силовые ведомства плюс ВПК, с одной стороны, и совокупность регионально-ведомственных групп – с другой. До тех пор, пока центроверх силен внутри и, что очень важно, вне страны, это противоречие не имеет реального решения, поскольку последнее, доведенное до логического конца, может означать только одно: «демонтаж» СССР как великой державы, разрушение армии, КГБ и военно-промышленного комплекса.

Ослабление центроверха автоматически означало усиление однородных ему во властном плане сегментов среднего уровня. Несколько упрощая реальность, можно сказать, что регионально-ведомственная сторона второго базового противоречия логически коррелирует с эконом-потребительской стороной из первого противоречия, и точкой их пересечения стал сырьевой (нефтегазовый) сектор советской экономики.

История номенклатуры

История советского общества и советской номенклатуры есть процесс развертывания основных противоречий реального коммунизма. Длительное время номенклатура выступала как господствующая группа, не имевшая не только социальных и экономических гарантий, но даже гарантий физического существования.

С Хрущевым номенклатура обеспечила себе гарантии физического существования, и главной в повестке дня стала задача обеспечения социальных и экономических гарантий, на пути решения которой встал реакционный романтик Хрущев.

Брежневизм стал формой полного сущностного раскрытия базовых противоречий советского общества, причем в пользу тех элементов, которые были подчиненными в сталинской модели – ведомственно-обкомовский уровень власти (а не центроверх) и эконом-потребленческая линия (а не внеэкономическая).

Устранив почти все препятствия для полной самореализации как статусного слоя, номенклатура устремилась к концу, бесконтрольно проедая будущее (свое и страны), вступая своей «жизнебытийной» практикой во все большее противоречие с официально провозглашаемыми ценностями и идеологией и таким образом все больше подрывая свою легитимность. В результате уже на рубеже 1960–1970-х гг. базовые, системообразующие противоречия дали о себе знать нарастанием кризисных явлений. Но тут номенклатуре повезло: разрядка обеспечила доступ к западным кредитам и технике, и, самое главное, в 1973 г. подскочили цены на нефть – советская верхушка получила на целое десятилетие такой источник доходов, о котором и мечтать не могла. В начале 1980-х наступил час расплаты: цены на нефть поползли вниз, экстенсивные факторы роста были исчерпаны, интенсивные не просматривались; к тому же СССР позволил англосаксам заманить себя в афганскую ловушку. В изменившихся условиях для сохранения своего положения и тем более его улучшения позиций статусной группы номенклатуре уже не хватало, необходимы были позиции группы, источник дохода которой не статус, а собственность, то есть позиции класса.

Однако на пути такой кардинальной метаморфозы господствующих групп стояло несколько препятствий. Во-первых, идеология, отрицавшая и исключавшая эксплуатацию и частную собственность, акцентировавшая классовый подход и именно этим обосновывавшая необходимость противостояния капитализму-империализму, то есть Западу. Во-вторых, отсутствие легальных механизмов эксплуатации классового типа отчуждения. В-третьих, отсутствие экономических рычагов и механизмов рыночного типа, без которых эксплуатация невозможна. Преодоление этих препятствий автоматически требовало изменения отношений с Западом и тех структур в совсистеме и соцлагере, которые воплощали системную борьбу с ним: вооруженные силы, госбезопасность, ВПК, идеологические органы, то есть центрально-внеэкономический блок.

В создавшейся в начале 1980-х гг. ситуации у советской верхушки было два выхода – как дома, так и на мировой арене. Первый «домашний» выход – затянуть пояса и вернуться на

уровень потребления в начало–середину 1960-х и на такой основе начать преодолевать трудности вместе с народом, то есть выходить из сложного положения со страной в целом в качестве ее лидеров, настоящей властной элиты, способной ограничить прежде всего себя. Второй «домашний» выход – переложить бремя выхода из кризиса на население и «на его костях» не только сохранить, но и улучшить свои позиции.

Первый «международный» вариант заключался в следующем. Поскольку выход СССР из кризиса предполагал сохранение или даже упрочение его мировых позиций как великой державы, то данный вариант предполагал сохранение той ситуации (обострение, новый виток холодной войны по инициативе Рейгана), которая сложилась в начале 1980-х гг. У сплоченного, монолитного СССР были хорошие шансы на реализацию курса «холодная война – прохладный мир», особенно с учетом того, в каком экономическом положении оказались США к середине 1980-х гг. благодаря рейганомике (19 октября 1987 г. индекс Доу–Джонса за один день слетел на 508 пунктов, то есть 23,4 % – абсолютный рекорд). Второй международный вариант предполагал, напротив, замирение с США путем «новой разрядки», установление более тесных связей между определенными сегментами советской и американской верхушек, серьезные уступки со стороны СССР.

Ясно, что первые и вторые курсы из «домашнего» и «международного» наборов коррелируют друг с другом: первый «домашний» предполагает первый «международный» и наоборот; то же – со вторыми.

От перестройки – к катастройке

Внутренний и внешний курсы Горбачева показывают: с конца 1987 г. была выбрана вторая «пара». В основе этого выбора – странная комбинация некомпетентности, самоуверенности, властного интереса горбачевцев, социальный интерес ряда сегментов господствующих групп советского общества и правящего класса ядра капсистемы.

Сохранение Горбачева и его команды у власти объективно совпадало с двумя вторыми – внутренним и внешним – вариантами выхода номенклатуры из кризисной ситуации. Многие или даже большинство действий Горбачева представляются хаотичными, шараханьем, ведущими к развалу экономики. Однако важнейшие из них, разваливая экономику и создавая хаос, объективно устраняли те внеэкономические и экономические препятствия, которые стояли на пути превращения номенклатуры в класс, создавали условия для этого превращения.

Закон об индивидуальной трудовой деятельности, принятый 19 ноября 1986 г. и вступивший в силу 1 мая 1987 г., легализовал частную деятельность в более чем 30 видах производства товаров и услуг. Результаты: во-первых, легализация теневой экономики, во-вторых, ввиду отсутствия разработанного экономического законодательства – криминализация частного сектора, начало (1988 г.) «великой криминальной революции».

Трансформации номенклатуры и «ее функциональных органов» в класс (собственников) не было. Закон от 19 ноября 1986 г. решил проблему отсутствия легальных средств и механизмов эксплуатации – обеспечил внелегальные, то есть, по сути, криминальные, условия, средства и механизмы для «великой трансформации». Другое дело, обеспечил так, что у номенклатуры возник конкурент-подельник, а у будущего класса – «источник и составная часть» номенклатурного, криминального характера, но это уже «издержки производства».

И все же помимо внелегальных экономических средств нужны были легальные. Однако их в стране не было, они были «за бугром», на мировом рынке – «значит, нам туда дорога». Эту дорогу открыл закон о государственном предприятии, принятый 30 июня 1987 г. и вступивший в силу для всех предприятий с 1 января 1989 г. Этот закон должен был превратить предприятия в самофинансирующуюся и самоокупаемую экономическую единицу, при этом – внимание! – некоторые категории предприятий получили право самостоятельно выходить на мировой рынок.

Номенклатура (главным образом среднего уровня), вобрав в себя частично криминалитет, частично – иностранный капитал, превратилась в класс собственников. История словно вернулась в эпоху 1861–1917 гг.

ИМПЕРИАЛИЗМ ПРОСТРАНСТВ

Разговор о русском пространстве я хочу начать с формулировок из учебников, думаю, многие их помнят: "феодализм в России развивался не столько вглубь, сколько вширь"; "капитализм в России развивался не столько вглубь, сколько вширь". Но что значит "развивался преимущественно вширь"?

Развиваться вширь, а не вглубь это, значит — развиваться преимущественно экстенсивно. Два фактора обусловили такой вариант развития: относительно низкая природно-хозяйственная продуктивность, подталкивавшая к движению, и наличие огромных пространств, позволявших это движение. Разумеется, двигались не только из-за низкой продуктивности, но и от — степняков, власти. В то же время в природно-исторических условиях русского пространства главным образом власть, а не собственность, становилась средством социальной организации.

При развитии "вширь", а не "вглубь", собственность не может быть прочной, равно как и основанная на ней социальная система. Здесь овеществлённый ("прошлый") труд всегда менее значим по сравнению с землёй и живым трудом. Поэтому контроль над людьми (власть) здесь всегда важнее контроля над землёй и вещами. Поэтому капитал, который, по сути, есть овеществлённый труд, никогда не будет играть здесь системообразующую роль, как и классы. Собственно, классовое деление общества, т.е. такое, которое основано на различиях собственнического типа, всегда было в России зачаточным, а господствующие группы — бедными.

Превращение русских господствующих групп в классы, в нечто западоподобно-собственническое требует в России присвоения ими не только прибавочного, если пользоваться языком марксистов, но и значительной части необходимого продукта. И разумеется, необходима поддержка властью этого процесса. Подобное в русской истории случалось лишь дважды: в 1861-1917 гг. и в 1990-е. Классогенез a la Запад в России всегда чреват социальным взрывом и распадом страны — цена за классовый путь развития на русском пространстве. В этом плане исторический коммунизм, советская система, как бы к ним ни относиться, — это положительные формы организации имманентной русской "неклассовости", в основе которой лежит определённое соотношение пространства и времени.

Советский коммунизм не большевики выдумали, то был логический социосистемный результат многовековой русской эволюции, использовавшей в условиях капсистемы для решения своих задач Большой Левый Проект Запада. В рамках капсистемы Россия как определённый властно-пространственный тип могла сохраниться только на левых рельсах, как системный антикапитализм — добрым молодцам урок. Одна из главных задач здоровой, а не поражённой чужими смертоносными вирусами ("геоисторические инфекции" 1880-1890 и 1980-1990 гг.) русской власти — это социальная фармацевтика: тщательное взвешивание пространства и времени на исторических весах, поддержание социально обоснованной и выверенной пропорции между ними (так, чтобы время не превратилось в капитал, а пространство не сжалось в сингулярные точки Москвы и Петербурга) как внутри страны, так и на международном уровне.

Если говорить о международном аспекте русского пространства, то необходимо отметить следующее. В мировых войнах (начиная с наполеоновских) за гегемонию в капиталистической системе (между англичанами и французами, англосаксами и немцами) именно русское пространство становилось главным и решающим театром военных действий. Капиталистической системе для её внутренних войн за гегемонию не хватало

своего пространства (капитализм ведь — это Властелин колец времени), и она словно "брала его взаймы" у России/СССР. В этом плане бесспорная задача — не допустить подобных "займов" в будущем и не позволить превратить Россию, только теперь уже не европейскую, а азиатскую в поле выяснения отношений, например, между США и Китаем.

В военном противостоянии России континентальной Европе (Франция, Германия) русское пространство становилось фактором размена на время — 1812, Брест-1918, 1941 г. Остаётся лишь сожалеть, что Александр II не использовал этот фактор во время первой по-настоящему общезападной агрессии против России в 1854-1856 гг. — это могло бы изменить вектор русской и европейской истории второй половины XIX — начала XX в.

Таким образом, русское пространство (его расположение и количество, переходящее в качество) — одна из важнейших составляющих русского геостратегического и историко-цивилизационного потенциала. Не случайно враги России, начиная с конца XIX в. и заканчивая Гитлером и Бжезинским в XX в. (ну и, естественно, местными смердяковыми, ищущими какому бы "культурному" — и денежному — народу продаться) ставили и ставят задачу расчленения России, её разделения на 3, 10, 50 государств. Обосновывается это задачами борьбы против имперскости, за демократию. На самом деле речь идёт об уничтожении России как геоисторической и социокультурной целостности, ибо историческое русское пространство — необходимое условие существования этой целостности, характерных для неё культуры и власти или, как сказал бы Г. Федотов, свободы и империи.

То, что в России называют государством, властью, империей есть не политическая форма, как на Западе, а социальная. Это форма организации социальной ткани, обусловленной определённым типом пространства. Ослабление или разрушение русской власти ("государственности") якобы в целях политической демократизации всегда оборачивается социальной катастрофой, поскольку власть в России институт не частно-политический, а целостно-социальный. И — обратная связь — распад, сжатие русского пространства сверх определённого уровня означает крушение власти и общества.

Они кричат, они грозятся:

"Вот к стенке мы славян прижмем!"

Ну, как бы им не оборваться

В задорном натиске своем.

Федор Тютчев, 1861 г.

Сто пятьдесят лет назад, в феврале 1854 г., Николай I отверг британский ультиматум вывести русские войска из дунайских княжеств к 30 апреля. Это стало началом нового этапа в Крымской (восточной) войне, а по сути — войны Запада (в лице его крупнейших держав) против России. За названием "Крымская война" скрываются две разные и разномасштабные войны — война России с Османской империей и война России с Западом.

А началось все в мае 1853 г., когда — ровно четыреста лет спустя после того, как в мае 1453 г. турки захватили Константинополь, — османское правительство отвергло русский ультиматум. В ответ Россия разорвала с османами отношения, и русский чрезвычайный посол Меншиков на корабле "Громоносец" покинул Стамбул. В июне русские войска вошли в дунайские княжества Молдавию и Валахию, а 27 октября 1853 г. султан объявил России войну, в которой османы очень быстро потерпели поражение. На помощь султану пришли Англия и Франция, действия которых с формальной точки зрения вполне можно квалифицировать как агрессию.

148 лет назад, в феврале 1856 г., в Париже начались мирные переговоры, окончившиеся заключением крайне невыгодного для России Парижского мира. Россия была готова к переговорам уже весной 1855 г., однако союзники — французы и англичане — пошли на них только после взятия Севастополя (сентябрь 1855 г.) и уничтожения русского Черноморского флота. Конечно же, англичане стремились к уничтожению русского флота вообще, то есть включая Балтийский, поскольку одной из главных задач Англии в войне было уничтожение России как морской державы, но это сделать не удалось.

Крымская война стоила России, по разным оценкам, от 300 до 500 тыс. жизней (Англии — 60 тыс., Франции — 100 тыс.), полмиллиона рублей и поражения. Более того, как заметил английский историк А.Дж.П. Тэйлор, эта война, подорвавшая не только реальную военную мощь России, но и посленаполеоновскую легенду о ней, была самым успешным военным вторжением Запада на русскую землю от Наполеона до Гитлера. После 1856 г. самодержавная Россия никогда больше не имела такого влияния в Европе, каким она пользовалась — по нарастающей — после 1721, 1763 и 1815 гг. В 1855 г. падением Севастополя закончилось почти сорокалетие страха Запада перед Россией, так же, как в 1989 г. завершилось такое же почти сорокалетие страха Запада перед СССР — sic transit gloria mundi. В XIX в. эта "глория" закончилась в Крымской войне.

Крымская война — странная, она с трудом поддается определению. С одной стороны, это локальная война, главным театром которой стал Крым. С другой стороны, по составу участников, по сути — это мировая война. Однако мировые войны характеризовались наличием двух противостоящих друг другу блоков. Крымская война с 1854 г. была противостоянием не блоков, а одной державы — России — целому союзу, ядром которого были две наиболее развитые страны Запада — Англия и Франция — и в который входили также Османская империя и Сардиния. На стороне союза были также Австрия, Пруссия и Швеция.

При этом действия именно Австрии и Пруссии — ультиматум императора Франца Иосифа в декабре 1855 г. (прямая угроза) и письмо короля Фридриха Вильгельма IV (подарок на новый, 1856 г.), в котором тот писал, что его страна едва ли сможет сохранять нейтралитет по отношению к России, — стали двумя ударами в спину России, загнали Александра II в угол.

Правда, справедливости ради надо признать: не умри Николай I, с его выдержкой и характером, Россия, скорее всего, не поддалась бы на австро-прусский шантаж, и война могла бы закончиться вничью. Австро-прусский ход тем более важен, что к весне 1855 г. военный пыл французов начал угасать, в Париже и Петербурге стали постепенно привыкать к вероятности ничейного исхода войны. На бульварах Парижа говорили, что Севастополь никогда не взять, и этих разговоров было столько, что властям для их пресечения пришлось прибегнуть к полицейским мерам. Англичанам пришлось активно поработать (и даже после взятия Севастополя), чтобы "убедить" Вену и Берлин.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ РОССИИ

Чем же Россия так задевала к середине XIX в. Запад в целом, что Англии удалось свои интересы против России представить как общезападные и создать антирусскую коалицию, и представить эти интересы как цивилизационные в самых различных "одеждах" — от реакционных до революционных? Ведь действительно на англосаксонский интерес поработали французы и немцы, революционеры и реакционеры. С чем был связан страх перед Россией?

Из войны с Наполеоном Россия вышла не просто победителем и героем, но основным военным гарантом посленаполеоновского устройства Европы. Устройство называлось Священный союз. Созданный в 1815 г. четырьмя великими державами и призванный бороться с революционными движениями в Европе (дабы не повторился "казус Бонапарта", то есть защищать принцип легитимизма), уже к середине 1820-х гг. союз сохранялся скорее на бумаге, чем в реальности. Неудивительно: Англия больше не боялась ни Франции, ни революций. Напротив, революционные националистические движения (например, в Австрийской империи — в Италии) были выгодны англичанам, поскольку ослабляли крупные континентальные империи. Монархическая Франция шла в английском фарватере. Поэтому, когда в 1833 г. Николай I решил оживить Священный союз, целям и ценностям которого он оставался верен до конца, его поддержали только Австрия и Пруссия. По сути, это был русско-германский "континентальный" монархический союз, оказавшийся непрочным (впрочем, как и все другие русско-немецкие союзы: "Трех черных орлов" — 1732 г., "Трех императоров" — 1872-го, Советской России и Веймарской республики и, наконец, менее чем двухлетний альянс Сталина и Гитлера; эта непрочность — не совпадения, а закономерность). Фундаментом и ударной силой этого союза была, естественно, Россия с ее миллионной армией.

Страх перед Россией начал развиваться в Европе вскоре после победы над Наполеоном. Из победителя-тирана Россия в глазах европейцев, особенно либерально настроенных, не говоря уже о революционерах, стала превращаться в нового тирана. И это при том, что Россия не стремилась к завоеваниям в Европе. В немалой степени над созданием отрицательного образа России поработали несколько тысяч поляков, бежавших на Запад после подавления польского восстания 1830-1831 гг. и призвавших Запад к "крестовому походу" против России, к вытеснению ее из Центральной и Восточной Европы военным путем. Это стремление либералов и революционеров как националистов, так и интернационалистов, еще более усилилось после европейских революций 1848-1849 гг. Соответствовало оно и политико-экономическим интересам Великобритании.

К этому же, но в целях установления своей гегемонии, стремился Наполеон III. Накануне войны он сказал: "Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели". Кроме того, у Франции были свои противоречия с Россией на Ближнем Востоке. Отсюда — англо-французский союз, направленный на ликвидацию системы Священного союза, в котором доминировала Россия. Идейно-политический климат, сложившийся в Европе после 1848 г., работал на англичан и французов. Ну а сломать старую систему можно было только путем общеевропейской войны против России, выбив ее из Центральной Европы. Собственно, к этому и призывали многие, в частности, Маркс, — революция на службе буржуазии и британской гегемонии. Нельзя не согласиться с А.Дж.П. Тэйлором, который писал, что главный вопрос Крымской войны — не Османская империя (воевали не за нее), а Россия (воевали против нее), а главная ставка — Центральная Европа. Это позволяет снять с России несколько важных обвинений по поводу Крымской войны.

Главной целью Крымской войны была ревизия результатов финальной фазы наполеоновских войн 1812-1815 гг., триумфатором которой была Россия. Поскольку, в свою очередь, наполеоновские войны были третьим (после Семилетней, 1756-1763 гг., и революционных — 1792-1799 гг.) этапом мировой англо-французской войны, начавшимся триумфом русских над английским орудием — Фридрихом II и продолжившимся итальянским и швейцарским походами Суворова и взятием о.Корфу Ушаковым, то это в равной степени была попытка поворота вспять результата всей этой войны. Англичанам это было необходимо потому, что победив и став гегемоном молодой капиталистической системы, они не стали военно-политическими гегемонами ни в Евразии, ни даже в Европе. Французы нуждались в ревизии как проигравшие — они еще не понимали, что революция и ее "экспортный вариант", наполеоновские войны, выкачали из них практически всю "социальную сперму" и лишили исторической потенции, возможности выступать в качестве первостепенного субъекта истории даже в Европе. "Ревизионисты" победили и в 1856 г. косвенно взяли верх не только над Александром II, но и над целой чередой его предков.

Ревизионисты воевали с Александром I, Павлом I, Екатериной II и Петром I. Отсюда вывод: полноценное понимание места и значения Крымской войны, ее особенности (не мировая и не локальная) возможно лишь в контексте войн эпохи Модерна за мировую гегемонию.

ФРИЦ ВМЕСТО ИВАНА

Но, победив, добился ли Запад своих целей в результате войны? В чем-то — да, в чем-то — нет. Россию вытеснили из Европы, заблокировав возможности ее проникновения на Балканы (Средиземноморье) и на Восток (через Турцию), лишив ее влияния в Центральной Европе. Что же касается всего остального, то скорее нет. Чаемого англичанами "концерта держав" не получилось. Калифом на час стал бесталанный Наполеон III. Ну а затем Бисмарк нанес поражение Франции, и началась "эпоха Бисмарка". Побочным среднесрочным следствием Крымской войны стало то, что Англия получила на континенте нового грозного соперника, да такого, что уже в 1871 г. в Лондоне всерьез обсуждалась возможность высадки немецких войск на территорию страны. Германия станет главным конкурентом Британии в Европе, претендентом не только на европейскую, но и на мировую гегемонию. Не нравился Джону Булю Иван? Получите Фрица — природа (континентальная) не терпит пустоты. Впрочем, англосаксы, спасая свой мир, дважды стравят Фрица и Ивана, англо-американский истеблишмент решит свои проблемы немецкой и русской кровью.

Если в Европе после Крымской войны Англия в качестве соперника получила Германию, то в Азии уже в середине 1860-х гг. — Россию. Русско-английское соперничество сместилось на Восток, прежде всего в Среднюю Азию, и разгорелось с новой силой — там началась Большая игра. Расчеты англичан на полный успех в этой игре провалились, в Азии Россию не удалось прижать к стенке, как это получилось в Европе.

В Большой игре англосаксы "оборвались". В 1885 г. две империи оказались в одном шаге от войны, но все же удержались и договорами 1885 и 1895 гг. разграничили сферы влияния.

Революция "опасных классов"

Полный аналог французских событий в России невозможен. По крайней мере — в ближайшее время. У нас нет прецедентов компактного проживания мигрантов, которые находились бы на кормлении у государства, как это происходит в Западной Европе. Кроме того, наши мигранты не выдвигают никаких требований к России. Возможны лишь некоторые социальные конфликты на этой почве.

Проблема ассимиляции выходцев из стран Третьего мира неразрешима. Западное население стареет, в то время как западным обществам требуется рабочая сила. Например, в Швейцарии большинство людей проголосовали за повышение квоты на рабочую силу, которая составляла 18 %. Рабочая сила — это люди, как правило, с темным цветом кожи, которые работают официантами, медсестрами, уборщиками и т.д. Нужно понимать, что этот европейский underclass никуда не денется и ничего с ним поделать невозможно. Не станут ведь европейцы выселять 6 млн. арабов.

Я не большой любитель Тойнби, но, по-видимому, он оказался прав в одном своем предположении. Тойнби сказал, что цивилизации гибнут тогда, когда внутренний пролетариат начинает смыкаться с пролетариатом внешним. Сейчас мир как будто начинает возвращаться к концу XVIII — началу XIX в., когда вырванное из деревни население превратилось в "опасные классы". У западно-европейского общества ушло шесть десятилетий на превращение "опасных классов" в рабочие классы. Европейская революция 1848–49 г. отделила эпоху "опасных классов" от "рабочих классов" и превратила западно-европейское общество в то, что мы теперь называем Западом. Сегодня мы наблюдаем противоположный процесс — **Запад словно вернулся в эпоху "опасных классов", но только уже не своих и не белых, а мигрантских и чужих**. Абсорбировать их абсолютно невозможно.

Мой учитель Владимир Крылов еще в конце 1970-х годов прошлого века утверждал, что главный социальный конфликт первой половины XXI столетия будет не между эксплуататором и эксплуатируемым в рамках организованного мира, а между организованным и деорганизованным населением. Посмотрите: люди, которые живут в трущобах (slum-people), составляют уже 1 млрд из 6. В большинстве своем это население таких регионов, как Индия, Бразилия, Западная Африка, часть Латинской Америки. В каком-то смысле сейчас происходит повторение процесса Великого переселения народов.

В начале 1990-х годов Жан-Клод Люфен обозначил три основных стратегии отношения стран Севера к Югу.

Первая — это т.н. "**стратегия Клебера**". Клебер, как известно, фактически был наполеоновским наместником в Сирии и Египте и кровью и железом вводил там французские порядки. За что и был убит.

Вторая стратегия — это "**выбор Унгерна**". Он заключается в радикальном отказе части западной элиты от западного наследия и использовании с этой целью восточных масс.

Третья стратегия — "**выбор Марка Аврелия**". Он состоит в том, чтобы провести черту (limes), отделяющую цивилизацию от варваров.

Но проблема в том, что ни одна из стратегий не работает, а limes сломан раз и навсегда. Немногие понимают, что суть вопроса постигается не в терминах этно-религиозного

конфликта, а в терминах конфликта социального и расового. Я хочу особо подчеркнуть значение последнего. **К 2090 г. представителей белой расы на Земле будет насчитываться менее 10%.** Идет постепенное вымирание белой расы, и средств остановить этот процесс практически не видно. Христианство европейского толка уже не работает, как, впрочем, и идеология прогресса. Даже превращение пятидесятничества в самостоятельную религию бедных ala христианство Римской империи не решит проблемы. По-видимому, **только приход неоязычества может как-то повлиять на ситуацию.** Только неоязычество в состоянии снять все противоречия между идеологиями геокультуры Просвещения, между "правами человека", "свастикой" и "звездой", как масонской, так и коммунистической, а, возможно, и между крестом и полумесяцем. Но вместе с тем я совершенно не представляю, как именно европейские люди смогут реализовать этот инструментарий. Я — большой пессимист в этом вопросе. Как говорил Йозеф Лунц, "Czech people is a good people, but it is not fighting people". То же самое можно сказать и о европейцах в целом, чье поведение все больше напоминает молчание политкорректных ягнят, которых ведут, а по сути уже привели на геоисторическую бойню.

Сейчас можно говорить об определенной точке бифуркации, выражаясь языком Пригожина. Из случившегося в Европе, разумеется, будут делать выводы, но к чему именно это приведет, сложно сказать. Также сейчас сложно сказать, какая эволюция ждет правые и левые политические силы Европы. Можно отметить, что в Европе сейчас нет той социальной силы, которая смогла бы стать необходимым волнорезом для underclass'a. Тенденция развивается таким образом, что в ближайшем будущем скорее всего возникнет общество 20/80, т.е. 20% богатых и 80% бедных без среднего класса. Средний класс все больше и больше расслаивается. В Латинской Америке программа структурной стабилизации ВМФ в 1980-е годы фактически уничтожила средний класс как вид. В Восточной Европе до 1991 г. было около 14 млн. бедных людей (включая СССР). В 1996 г. это число, несмотря на пресловутый прогресс демократии, составило уже 169 млн. Можно сказать, что эпоха, начавшаяся **1789 годом, закончилась вместе с распадом СССР в 1991 году**, и все идеи в духе левого/правого противостояния ушли вместе с ней.

Какие могут быть возможные стратегии выхода из этой ситуации? Маховик прогресса (глобализация) уничтожает классы и стирает границы между социальными слоями. Партии уходят, гражданское общество отмирает, остаются лишь административные машины. То, что во Франции даже после всех известных событий продолжается политика мультикультурализма, показывает, что у французов нет политической воли, чтобы выбраться из того положения, в которое они сами себя загнали. Европейской социальной матрице требуется перезагрузка. Но решатся ли на нее сами европейцы? Я сомневаюсь в этом.

Исследования современного миропорядка

Дорогой
Игорь Михайлович!
Дорогие коллеги!

Тема моего выступления обозначена как «Исследования современного миропорядка». Это очень широкая формулировка как сочинение на свободную тему, поэтому я ограничусь несколькими вопросами.

I

Первый вопрос: соответствует ли современная дисциплинарная сетка общественных наук о мире, в центре которой «триада» «экономика — социология — политология» — современному миру? Каждая дисциплина существует в том случае, если у нее есть некий базовый объект, который не изучается другими дисциплинами. Для экономики — это рынок, для социологии — это главным образом гражданское общество, для политологии — это политика и государство. Нынешний мир демонстрирует торжество рынка, и с этой точки зрения с экономической наукой вроде бы все в порядке, хотя она едва ли способна предсказать обрушение мировой рыночной системы, но это отдельная тема. Хуже обстоит дело с базовыми объектами социологии (гражданское общество) и политологии (политика и государство). На Западе уже несколько десятилетий пишут об ослаблении, проржавении, растаивании государства. В современном мире оно перестало быть единственным агентом. Помимо него существуют мощные силы надгосударственного (глобального) уровня, сокращающие его жизненное пространство и отбирающие у него его традиционные функции. Эти силы — глобальный финансовый рынок, не контролируемый государст_вом, структуры типа Евросоюза, транснациональные корпорации, региональные объединения («регионэкономики»), структуры мировой криминальной экономики и т. д. Что касается политики, то эта сфера тоже «усыхает» в качестве публичной сферы (недаром появляются исследования с названиями типа «смерть публичного человека», «конец *homo politicus*» и т.д. Политические партии превращаются в административные машины. Анализ всех этих изменений, которые уже миновали точку возврата и являются не отклонением, а новой формирующейся нормой, требует принципиально новой науки (дисциплины) о власти. В этой науке политология станет лишь частным «случаем» для изучения политической формы организации власти, характерной для относительно короткого периода истории капитализма. Невесело обстоят дела у «гражданского общества» — как реальности и как базовой единицы исследования. Его зона сужается, оно все больше превращается в функцию административных систем на самом Западе; вне Запада, как известно, гражданского общества либо традиционно не было — эту нишу занимали общинные и клановые структуры различного масштаба, от микро до мегауровня, либо оно было слабым и сегодня, в эпоху глобализации, еще более слабеет. Аналогичным образом социология как дисциплина о *Gesellschaft* должна стать частным случаем новой науки о социальных системах, в которой *Gesellschaft* займет скромное место среди многочисленных стадиальных форм *Gemeinwesen*: докапиталистических, антикапиталистических и послекапиталистических. Надо перестать смотреть на мир в целом сквозь призму дисциплин, отражающих реальность одной единственной социальной системы, причем взятой в ее зрелом состоянии, грубо говоря — между 1840_ми и 1970_ми годами. Реальности этой эпохи в развитии капитализма тримодальная (экономика, социология, политология) сетка дисциплин отражала довольно неплохо, хотя было три прокола. Три феномена, возникшие в первой половине XX века, она не смогла ни предсказать, ни объяснить. Речь идет о трех Колоссах Паники XX века: о коммунизме (интернационал_социализме), фашизме (национал_социализме) и национальноосвободительном движении (националлиберационизме). К 1945 году капиталистическая система стабилизировалась, у нее появился гегемон — США, она вступила в период процветания и роста («повышательная волна» — 1945–1968/73 гг. — кондратьевского цикла). Неприятные и плохо объяснимые социальные проблемы социальной реальности были вытеснены в сферу психологии, иррационального и т. д. В течение четверти века тримодальная структура наслаждалась тем состоянием, которое Томас Кун назвал «нормальной наукой» и для которого нет тайн только загадки. Но прошла еще четверть века, и конвенциональная наука с ее теориями, методами и понятийным аппаратом оказалась в весьма плачевном состоянии. Три события, если не обрушили, то подорвали тримодальную конструкцию: мировые студенческие волнения 1968 года, приход в 1979 году к власти фундаменталистов в Великобритании и Иране (соответственно рыночных и исламских) и крушение советского коммунизма (антисистемного капитализма). Ко всем этим событиям сложившаяся между 1850_ми и 1950_ми годами социальная наука оказалась не готова. Результат — детеоретизация (а порой — деинтеллектуализация) мирового обществоведения с 1990_х годов, подстегиваемое постмодернизмом акцентирование эмпирических исследований *case studies*, широкое распространение схем вроде фукуямовского «конца истории» или хантингтоновского «столкновения цивилизаций», призванных отвлечь внимание от реальных проблем и противоречий современного мира.

II

Главным из трех указанных событий были конечно же крушение советского коммунизма и распад СССР. Одна из задач новой науки об обществе — и это наш **второй вопрос** — понять и советский феномен, и причины его упадка. Без объяснения этого ключевого момента мы не поймем современный миропорядок и не сможем прогнозировать его развитие. Сложность анализа гибели советского коммунизма заключается в том, что это было крайне сложное, многомерное, каскадное событие, в котором преломились и органически соединились одновременно три различных системных уровня. С точки зрения русской истории это было крушение одной третей структуры ее власти (или второй системы). С мировой точки зрения то был крах системного антикапитализма, мировой антикапиталистической системы, Большого Левого Проекта Модерна, стартовавшего с якобинской диктатурой. С точки зрения эпохи глобализации (а следовательно, и такой дисциплины, как глобалистика) крушение СССР было первой катастрофой возникающего глобального мира, а в чем_то и условием дальнейшего развития этого процесса в его нынешнем виде. СССР стал первой жертвой глобализации, «глобального финансового Франкенштейна», как назвал его М. Уокер. Во второй половине 1980_х годов две страны — США и СССР — зависли над пропастью, попав в тяжелейший социально_экономический структурный кризис. Мы были слишком заняты нашей перестройкой, критиковали свои проблемы и упустили из виду проблемы главного противника. А они были не менее серьезными, чем наши. В 1986 году произошел обвал на Нью_Йоркской бирже, в сентябре 1987 года английский *«Economist»* известил мир: если в 1981 году мир должен был США 141 млрд долл., то в 1986 году уже США должны были миру почти вдвое больше — 246 млрд долл. и стали крупнейшим в мире должником. То была цена рейганомики и в еще большей степени — при всей неолиберальной риторике — «военного кейнсианства» Штатов (как верно в самом начале 1980_х годов заметил В. В. Крылов, капитализм уже не сможет одновременно «гнать вооружение» и умиротворять своих трудящихся), призванного подорвать, «сварить» СССР в гонке вооружений или обеспечить такое военное превосходство, которое позволит решить «русский вопрос» военным путем и окончательно. Америка пошла ва‑банк — ее могло спасти только максимальное ослабление/разрушение СССР тем или иным способом, извне (война) или изнутри, *explosion or (and) implosion*. Но это должно было произойти очень быстро. Счет (для США) шел на месяцы. Во второй половине 1987 года крупнейшие американские банки впервые с начала 1930_х годов объявили о квартальных убытках. 19 октября 1987 года рухнул Уоллстрит, дав старт новому мировому экономическому кризису; индекс Доу_Джонса упал на 508 пунктов (то есть на 23,4%) — самое крупное в истории падение за один день. Через несколько недель после этого *«Wall Street Journal»* сообщил, что рынок США был на грани крушения. Краха удалось избежать только потому, что Алан Гринспен, новый глава Федерального банка, реализовал рекомендации секретного исследования о том, как избежать катастрофы, проведенного им еще во время своего назначения. Однако Гринспен был способен только отсрочить катастрофу, но не отвести ее вообще. Отвести ее могло только чудо. И оно явилось под именем «Горбачев». 8 декабря 1987 года начались беспрецедентные советские уступки Америке в области оборонной и внешней политики. 2–3 декабря 1989 года на «мальтийской встрече» Горбачев, по сути, сдал Восточную Европу (а вместе с ней — статус СССР как сверхдержавы), а в 1990 году — Германию. СССР капитули_ровал в холодной войне, США были спасены. А ведь Горбачеву не надо было даже предпринимать активных действий против США, надо было, проявив выдержку, ждать, не делая шагов навстречу, и лишь наблюдать, как ломается американский хребет под грузом «военного кейнсианства» Рейгана. Однако Горбачев и советское руководство в целом оказались неадекватны новой эпохе, феномену глобализации, который возник как в значительной степени побочный продукт холодной войны. У нас привыкли объяснять возникновение глобализации научнотехнической революцией (НТР), которая технически создала условия для освобождения капитала от любых материальных и локальных ограничений, то есть превратила его из феномена мирового уровня в глобальный. Глобализация — это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных (то есть «нематериальных») факторов над вещественными («материальными») капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня — пространственных, материальных, социальных. Это победа времени над пространством. И естественно, тех, кто контролирует время и капитал, над теми, кто контролирует пространство и государственную власть. Сама НТР была результатом острой борьбы, с одной стороны, между СССР и США, с другой — между США и другими центрами капсистемы — Японией и Западной Европой (прежде всего ФРГ), которые в 1970_е —1980_е годы уже не просто наступали США на пятки, но по многим показателям вырвались вперед. Но почему же разгромленные в 1945 году Япония и Германия спустя всего лишь 30 лет смогли сделать такой рывок? Ответ прост — холодная война. Во_первых, чтобы противостоять СССР в Европе и СССР и КНР — в Азии, американцы интенсивно вкладывали средства в свои протектораты — ФРГ и Японию, способствуя их экономическому подъему, а следовательно — конкурентной силе, которую они набрали в начале 1970_х годов (что и было зафиксировано фактом создания в 1973 году «Трех_сторонней комиссии»: США — Япония —Западная Европа). Во_вторых, во второй половине 1950_х годов СССР начал активно продавать нефть на мировом рынке по относительно низким ценам. Цель — дестабилизировать «реакционные арабские режимы», зависящие от экспорта нефти. Два режима действительно удалось дестабилизировать (Ирак, 1958 г.; Ливия, 1969 г.) и к власти там пришли антиимпериалистические силы. В то же время произошло удешевление нефти, в результате чего Япония и ФРГ всего лишь за 10–15 лет резко (почти в 10 раз) увеличили долю нефти в используемых энергоносителях. Таким образом, холодная война, действия СССР и США прямо

и косвенно привели к подъему Японии и ФРГ, что стимулировало внутрикапиаталистическую конкуренцию (отсюда: НТР — глобализация — кризисы США и СССР) и укрепило капиталистическую систему в целом, подперев экономически слабеющего гегемона США экономиками Японии и ФРГ, что во многом обусловило результат холодной войны. Во многом, но не во всем, и возможно, даже не в главном. Поскольку холодная война была главным образом войной психоисторической, то главным театром военных действий стала сфера исторической психологии — сознания и подсознания модальных групп, то есть групп, выступающих системообразующими элементами. Это прежде всего властные группы и интеллектуалы. Запад одержал победу, по сути, точечным ударом долгосрочного действия. Суть этого удара заключалась в том, что западная верхушка и ее интеллектуалы сумели навязать небольшой, но очень активной группе советских интеллектуалов, обслуживающих верхушку («советникам вождей»), а через них и самой этой верхушке, свое видение мира, свои способы постановки вопросов и проблем. Что не менее важно, Запад смог проделать это не только с «советниками вождей», но и с тем сегментом советского общества, с той сре_дой, которая поставляла «советников», или, как называл их Эрнст Неизвестный, «зелененьких». По сути, это была геокультурная или, если угодно, социосистемная перевербовка. Если внимательно почитать мемуары тех, кто писал речи и готовил доклады Брежневу, Андропову, Черненко и тем более Горбачеву, то они откровенно и с гордостью пишут о том, что с середины 1960_х годов, разочаровавшись в марксизме, начали постепенно внедрять у нас социологию, политологию, рыночные экономические теории. Суть, однако, в том, что любая дисциплина, любая наука сконструирована так, что служит определенным интересам. Если вы принимаете язык оппонента, противника, его понятийный аппарат и способ постановки проблем, то вы уже на полпути к поражению и окончательное поражение — это лишь вопрос времени. Перефразируя Ницше, который говорил, что если ты долго вглядываешься в бездну, то бездна начинает вглядываться в тебя, можно сказать: если ты смотришь на мир чужими глазами, то есть сквозь призму чужих структур, интересов и целей, то рано или поздно, сознательно или подсознательно ты начнешь работать на эти интересы как на свои, служить им. Нейтрального знания не бывает. Когда_то Тацит сказал: в сражении проигрывает тот, кто первым опускает глаза. Интеллектуальная обслуга советской верхушки опустила глаза в противостоянии Западу в середине 1960_х годов, двадцать лет спустя то же сделала сама верхушка, а еще через пять лет рухнул СССР: разруха в головах, чем бы и кем бы она ни была вызвана, приводит к разрухе экономической и социальной. Победы и поражения возникаютв мозгу.

III

Сдача интеллектуальных позиций всегда сопровождается кризисом понимания (интересно размышляет на эту тему И. М. Ильинский в работе «XX век — кризис понимания», 2002). Наша нынешняя ситуация — это конечно же кризис понимания. Мы не пони_маем нескольких очень важных вещей —и это **третий вопрос**, на котором я хочу остановиться. Во_первых, мы не понимаем или плохо понимаем собственную историю, собственное развитие, особенно советскую фазу —наиболее динамичную и интересную: коммунизм был русским социальным Модерном. Это понимание тем более необходимо, что, с одной стороны, мы должны понять причины геоисторического поражения советского коммунизма и СССР; с другой — мы до сих пор живем в процессе разложения советского общества и утилизации его достижений, поэтому понять послесоветское общество без понимания советского невозможно. Знаем ли (в смысле — понимаем ли) мы свою страну, есть ли у нас адекватный язык, понятийный аппарат для ее анализа? Сомневаюсь. В конце XX в. Ю. В. Андропов говорил, что мы не знаем страны, в которой живем. В начале XX века поэт Максимилиан Волошин писал: Но жизнь и русская судьба Смешали клички, стерли грани: Наш «пролетарий» — голытьба, А наши «буржуа» — мещане. Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами. В начале XIX века Пушкин говорил о том, что Россия нуждается в особой формуле, то есть, выражаясь современным языком, русская история нуждается в особой, адекватной своей природе теории, а не в навязываемых ей либералами и вульгарными марксистами «прокрустовых ложах». Сегодня ситуация с самопониманием еще хуже, чем раньше, потому что в нашу науку, образование, СМИ хлынул поток западного утильсырья; в науке появился мощный компрадорский сегмент. Во_вторых, мы плохо понимаем, как работает современный мир. Без такого понимания нечего думать не только о победах, но и о «ничейном» выживании. Надо как можно быстрее становиться в интеллектуальном плане людьми XXI века. Большевики и нацисты победили прежде всего потому, что в своих странах первыми стали людьми XX века, выработав то, что К. Поланьи назвал «зловещим интеллектуальным превосходством» над противником. А. А. Зиновьев называл это просто «переумнить Запад». В_третьих, мы плохо понимаем принцип, код функционирования Руси/России/СССР/РФ в мире, не соотносим логику русской и нерусских историй, русской и мировой. Наша страна в различных ее вариантах всегда была элементом более крупных систем —евразийской, а затем — мировой, функционировала в качестве их элемента. Без понимания этих систем, без сравнения России с другими элементами ее «формулу» трудно понять. А ведь есть поразительные вещи. Ограничусь тремя. Первый пример. В истории капсистемы было три гегемона: Голландия, Великобритания и США. В русской истории пикам гегемонии этих стран соответствуют Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и советский коммунизм. Случайное совпадение структур? Конечно же нет, но адекватное понимание требует нашей версии мирсистемного анализа. Второй пример. В мировых войнах за гегемонию в капсистеме борьба разворачивалась между морскими (Великобритания, США) и

континентальными (Франция, Германия) державами. Россия на «корону» гегемона капсистемы никогда не претендовала, но именно русское пространство становилось главным театром военных действий, на котором решалась судьба Наполеона, Вильгельма и Гитлера. Более того, во всех этих войнах русские сражались на стороне своего главного геоисторического соперника — англосаксов. Почему? Третий пример. Коммунистические идеи существовали со времен киников. Однако коммунизм как историческая система возник в России в качестве антикапитализма. Выражаясь марксистским языком, не было коммунизма — антирабовладения или антифеодализма. Только антикапитализм, то есть капитализм со знаком «минус». Выходит, капитализм — странная, просто уникальная система: в отличие от всех других систем он может существовать и со знаком «плюс», и со знаком «минус», причем «минусовую» зону заполнила Россия, решившая таким образом в начале XX века свои насущные проблемы — очищение власти от собственности. Таким образом, и здесь мы видим включенность России в мировой процесс (еще один пример — СССР и глобализация), которая должна получить теоретическое объяснение.

IV

В своем выступлении я остановился на нескольких вопросах развития современного миропорядка, изучению которого уделяют значительное внимание в МосГУ. Я контактирую с МосГУ в течение почти пяти лет в качестве сначала участника заседаний, а затем члена Русского интеллектуального клуба. Пригласил меня сюда Александр Александрович Зиновьев, который тогда бы президентом клуба. Меня радует, что в МосГУ занимаются теми проблемами, о важности изучения которых я говорил. Мне особенно приятно, что по этим проблемам много и плодотворно пишет ректор МосГУ, наш сегодняшний юбиляр Игорь Михайлович Ильинский. В сфере его интересов — методология социального знания и проблемы образования, глобалистика и международные отношения, феномен терроризма и многое другое. Например, две книги, которые лежат у нас на столах. Они изданы в 2006 году. Это — «Главный противник» и «Между Будущим и Прошлым». «Главный противник» — интереснейший сборник документов американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг., то есть начальной фазы холодной войны. Этой великолепной подборке документов предпослана серьезная и очень четкая и недвусмысленная по своей гражданской и патриотической позиции вступительная статья. «Между Будущим и Прошлым» — сборник социально_философских статей необычайно широкой тематики. В частности, целая глава посвящена проблемам глобалистики. В свое время великого русского шахматиста Алехина спросили: шахматы — это спорт или искусство? Единственный ушедший непобежденным чемпион мира дал очень простой и в то же время очень русский ответ: шахматы — это борьба. Сегодня одной из главных сфер мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы становится образование. Битву за XXI век выиграет тот, кто выиграет битву за новую науку, новое образование, кто создаст «фабрики мысли», адекватные новой эпохе. Кстати, эта тематика получила отражение в работе И. М. Ильинского «Образовательная революция» (2002). В МосГУ в его нынешнем состоянии уже сейчас видны многие черты «фабрики мысли», причем авторской. Это в большой степени обусловлено тем, что МосГУ возглавляет и теоретик, и практик научной мысли, который собрал коллектив единомышленников.

Уважаемый Игорь Михайлович! Хочу пожелать Вам здоровья, новых творческих успехов, а руководимому Вами МосГУ — новых высот.

ВЕЛИКИЙ ВОПРЕКИСТ

Андрей Фурсов
ВЕЛИКИЙ ВОПРЕКИСТ
Александр Зиновьев в контексте русской истории

---

10 мая с. г. не стало Александра Александровича Зиновьева — одного из крупнейших русских мыслителей XX в. Адекватная оценка личности и творчества Зиновьева, по-видимому, будет дана нескоро — большое видится на расстоянии. Однако уже сейчас можно высказать целый ряд суждений. Публикуемая ниже статья была написана мной к 80-летию Александра Александровича и опубликована в сборнике "Феномен Зиновьева" (М.: Современные тетради, 2002. — с.40-64). В юбилейной статье я воздержался от полемики с А.А. Зиновьевым. Во-первых, для этого существуют другие, неюбилейные оказии (так, в 1999 г. на страницах "Русского исторического журнала" в рубрике "Против течения", название которой как нельзя лучше подходит жизненному пути и творчеству Зиновьева, я опубликовал его работу "Гибель русского коммунизма" и ответил крайне полемичным "Изломом коммунизма", да и в личных встречах, которых, к счастью было много, нам хватало времени для яростных споров). Во-вторых, что ещё важнее, главным в статье 2002 г. был не анализ зиновьевских текстов, а определение его места в истории русской мысли и в русской истории в целом, особенно XX в. Я убеждён, что Зиновьев — из тех, кем Россия будет отчитываться за этот железный век. Я весьма признателен Александру Андреевичу Проханову за его предложение напечатать мою статью в газетной версии. Для этой версии статья сокращена; некоторые части её упрощены. Текст отчасти изменён с учётом, что он публикуется после смерти Александра Александровича — т.е. post mortem, а, следовательно, in memoriam. Я надеюсь, что это — начало большого и обстоятельного разговора о большом мыслителе.

РУССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ОДНОМ ЛИЦЕ

Об Александре Александровиче Зиновьеве надо писать большую книгу — никак не статью. Зиновьев — это не только личность, это — явление, совокупность текстов, и, что, возможно самое главное, эксперимент по реализации некоего индивидуально социального, жизнебытийного проекта. Эксперимент в эксперименте или даже в нескольких экспериментах — советском, русском (по "принципу матрёшки").

Когда-то устами одного из героев "Светлого будущего", Антона, Зиновьев сказал о марксизме, что это "штука весьма серьёзная, оказывается. Его не обойдёшь. За какую проблему не возьмись, она обязательно так или иначе рассматривалась и по-своему решалась в марксизме". Иными словами, речь идёт о том, что марксизм — интегральный и многое (если не всё) охватывающий идейный комплекс.

Аналогичным образом дело обстоит и с "зиновьевизмом". Совокупность текстов, созданных Зиновьевым, тоже образует довольно интегрированный, хотя и далеко не лишённый противоречий (впрочем, как и марксизм) и многое охватывающий идейный комплекс. Я не сравниваю здесь системы, речь идёт о сходстве принципов их конструкции. Строительство подобных целостных (или стремящихся к целостности) комплексов, систем — большая редкость для русской мысли — так же как понятийная строгость и дисциплина. Если к тому же заметить, что, во-первых, система Зиновьева — это ответ одновременно советскому марксизму (и реальному коммунизму как системе) и "западнизму", реакция на них, а, во-вторых, что на основе своей теории Зиновьев пытался предложить и практическую философию (или "идеологию") жизни индивида в советском обществе ("Живи", "Иди на Голгофу"), философию, которую я определил бы как "быть самим собой — быть человеком", то опыт этот становится почти уникальным русским

экспериментом. Наконец, если учесть, что "система Зиновьева" — это единственная за всю историю существования СССР попытка создания цельной социальной философии, теории и "практической идеологии", отражающих советский опыт развития в адекватных ему по методологии, понятийному аппарату, формам и средствам отражения ("научно-художественная проза"), то слово "почти" исчезает и мы получаем уникальный эксперимент — советский и русский, осуществлённый одним лицом.

Будучи уникальным, эксперимент Зиновьева имеет, однако, глубокие корни: как советские, так и русские, — опирается на логику развития русской истории, т.е. соотносится с этой последней так или почти так, как её советская (коммунистическая) фаза. И это одновременно затрудняет и осложняет работу, посвящённую творчеству Зиновьева, его жизнебытийного эксперимента. Во-первых, адекватным "системе Зиновьева" и его автору может быть лишь широкомасштабное и многоплановое исследование. Полноценный критический анализ работ Зиновьева должен вестись на уровне целого, на уровне зиновьевского идейного комплекса в целом. Во-вторых, "систему Зиновьева" необходимо рассматривать в широком контексте советской и русской истории, в сравнении с другими лицами, явлениями и идейными системами. Наконец, Зиновьева трудно понять и вне его дискурса о Западе.

Мы не вполне поймём творчество и жизненную программу Зиновьева (а они неразделимы) без социальной философии и социальной антропологии того общественного типа, к которому относится Зиновьев. Здесь нужна теория особого рода. Современная социальная теория, будь то марксистская или либеральная, занимается в основном социальными системами, а в них самих — системным. Она не занимается социальными группами, объективно выламывающимися в той или иной степени из любой системы (ясно: для них нужен иной понятийный аппарат, они неудобны и опасны) и тем более "системами в одном лице", т.е. теми индивидами, которые бросают вызов монополии коллективов на системность. Это и есть случай Зиновьева, который как социальное явление подталкивает к разработке принципиально иного, по сравнению с марксистско-либеральным, пласта социальной теории. А потому размышления о Зиновьеве я предварю, возможно, несколько скучными, но необходимыми размышлениями о природе универсальной социальности — того феномена, ярким персонификатором которого был Александр Александрович.

Люди живут в социальных система, которые в значительной степени определяют их. Когда-то Аристотель определил человека как "зоон политикон". Часто это ошибочно переводят как "существо политическое" — ошибочно, потому что во времена Аристотеля политики в строгом смысле не было, это новоевропейский феномен. Аристотель определял человека как "существо полисное". Т.е. вне системы полиса человека как такового нет. Здесь мы подходим к кардинально важному вопросу философии и истории: исчерпывается ли человек конкретными, частными системными характеристиками общества, в котором живёт или есть нечто, что в эти рамки не укладывается, что делает человека нетождественным самому себе? Иными словами: человек — это только совокупность всех его социальных связей (т.е. индивидуальный слепок социальной реальности, социальный индивид) или нечто большее?

По-видимому, в разных обществах по-разному. В христианском социуме, безусловно, нечто большее — личность. Сначала — благодаря индивидуальным, надколлективным отношениям с Абсолютом, т.е. Богом, а затем и в социальных отношениях, которые приобретают личностный характер. Однако приобретение это происходит не просто так, не само по себе, не автоматически. Оно возможно только как результат борьбы, сопротивления. Чему? Социальной системе, среде.

Любая система, среда — социальная, профессиональная — стремится ограничить индивида своими характеристиками, свести к ним, т.е. к системной социальности. Однако для человека или, как минимум, для части людей характерно стремление быть не только homo feodalis или homo bourgeoisies, но и просто человеком, не узкосистемным, а

универсальным социальным существом. Другое дело, что не во всех типах общества и культуры есть для этого возможности. В одних обществах индивид вообще не выделялся из коллектива, и его индивидуальное — это не личностное, а приватизированное коллективное; в других — выделился, но ограничен жёсткими пределами, выход за которые жестоко наказывается (случай Сократа). Христианская культура (неважно, религиозная или атеистическая — атеизм возможен лишь в рамках христианства и на его основе, исламский и буддийский атеизм это "хлопок одной ладонью") создаёт наибольшие возможности сопротивления индивида социальным системным характеристикам. Однако и здесь этот процесс реализуется в ходе и посредством тяжёлой и постоянной борьбы за своё "я", за право быть личностью, становление которой возможно только путём сопротивления системе-среде. Этот процесс сопротивления (и его результат) я называю универсальной социальностью.

Интересным образом обстояло дело с диалектико-системной и универсальной социальности в обществе исторического коммунизма — советском обществе. С одной стороны, его коллективизм, акцент на систему резко ограничивал возможности реализации универсальной социальности. С другой стороны, просвещенчески-универсалистская по своему характеру риторика, наследие Великой французской революции, риторика, в которой акцентировались сознательный, личностный выбор — всё это органично ложилось на анархическую составляющую традиций русского хаосмоса, так и не преодолённого до конца никакой системностью и становилось в советском обществе мощным социальным и духовным оружием в борьбе за универсальную социальность. Разумеется, тем, кто хотел и (или) кто не мог жить иначе. То есть таким, как Зиновьев.

Проблема "общество—личность" в советской системе характеризуется как минимум двумя парадоксами. Во-первых, ярко выраженному (по крайней мере, на ранней стадии сущностно, а позднее — официально идеологически) социосистемному коллективизму коммунистического типа здесь противостоял же коммунистический акцент на героику сознательно-личностного начала, которое могло быть противопоставлено системе как истинный, романтический коммунизм неистинному. Во-вторых, если в иных, чем "коммунизм как реальность" обществах между личностью и обществом (властью) имелся ряд институциональных "прослоек" (включая церковь), смягчавших остроту противоречия, то в комстрое с характерным для него совпадением ячеек производства с ячейками власти этого не было. А потому противоречие "личность — общество", если уж оно проявлялось, достигало невиданных остроты, силы и трагизма. Общество (власть) и личность схватывались напрямую, в "коротком замыкании". Это было тяжело и опасно. Зато несломавшиеся выковывались в такой тип личности, который был немыслим в иных обществах. Личности с таким потенциалом сопротивления уже не была страшна никакая система.

СУБЪЕКТ В СИСТЕМЕ

"Русский эксперимент" (1995) — так называется один из "социологических романов" А.А.Зиновьева. Под экспериментом имеется в виду опыт построения коммунистического общества. Вот в рамках этого коллективно-социального эксперимента Зиновьев и ставил свой собственный, лично-социальный, опыт реализации "государства в одном лице", описанный им подробно в "Русской судьбе, исповеди отщепенца" (1999). Если учесть, что коммунистический (он же антикапиталистический, антиклассовый), советский эксперимент XX в. был элементом, составной частью почти тысячелетнего русского эксперимента жизни-выживания на огромных пространствах в суровых, бедных субстанцией природных (к северу от 45-й, а то и 50-й, параллели) и исторических условиях, то эксперимент Зиновьева, по "матрёшечному принципу", оказывается встроен и в этом макроэксперименте, отражает целый ряд его черт, соответствуя или положительно, или отрицательно. В зиновьевской судьбе нашёл отражение и тот факт, что советский эксперимент по многим показателям стал вершиной, высшей точкой русского

эксперимента. Хотя, разумеется, не всеми высотами следует восхищаться, высоты бывают разные, в том числе и зияющие, как это объяснил нам Зиновьев в середине 1970-х гг., в самый разгар так называемого "застоя", когда проедание прошлого и будущего на полтора-два десятилетия произвели один из самых спокойных, стабильных периодов не только советской, но и русской истории.

Жизнь и творчество Зиновьева не покрываются полностью русской, советской средой. Два десятилетия философ жил и работал на Западе, продолжая свой эксперимент в условиях принципиально иных, чем советская, системы, которую он тоже не принял. Разумеется неприятие Зиновьевым советской системы рознь неприятию им системы западной или, как он предпочитал говорить, "западнистской"; тем не менее, он жил и творил вопреки законам обеих систем и в то же время нередко используя их — так, как опытный серфингист использует оседланную им морскую волну. Расшибиться можно? Конечно. Но это уже другой вопрос. Более того, Зиновьев жил-был вопреки законам не только какой-то конкретной социальной системы, но социальной системы в принципе, социальной системности вообще — как таковой, и именно это делает его Великим Вопрекистом, причём не только в социальном, но и в метафизическом смысле.

Только человек-система может создать творческую систему, только человек-оркестр (т.е. человек-организация) может оркестровать музыку социальных сфер, организовать бытие. Отмеченная корреляция — необходимое условие этого. Но недостаточное. Если человек — только система, то не создать ему никакой системы: система в систему не "отливается"; её полагает (т.е. создаёт) субъект, который к системе, к системным характеристикам не сводится, а попирает их субъектностью, в то же время именно этим актом давая им жизнь. Именно противоречие между субъектностью и системностью лежит в основе реального исторического изменения, движения вообще и творчества, в частности, будь то музыка Моцарта, теории Маркса, проза А.Платонова или интеллектуальные ("социологические") романы Зиновьева. Парадокс: новые системы возникают вопреки системности; субъектность как системный, точнее, антисистемный (у системы не может быть системных же оснований, она не может возникнуть на основе собственных же предпосылок — когда вещь начинается, её ещё нет, говаривал Гегель; основания систем всегда вне- или даже антисистемны) фактор и есть реальный двигатель развития систем. Быть субъектом — это прежде всего быть человеком вообще, универсальным социальным существом. А вот этого ни одна конкретная система, когда она, возникнув, укрепилась, когда заработали её конкретные системные законы, не любит и стремится не допустить. Зиновьев это испытал на себе, в различных системах и в различных социальных и профессиональных средах: в той или иной степени он вступал в конфликт практически с любой коллективной средой-системой, в которой жил и работал. Разумеется, не ради конфликта самого по себе, но — желая быть самим собой и жить в соответствии со своими принципами. Да что системы или среды, даже жанровая форма основных, "фирменных" зиновьевских произведений — это конфликт с устоявшимися формами, их преодоление-отрицание и создание собственной, оригинальной, доселе невиданной.

ЗИНОВЬЕВ И "ПРИНЦИП ЛЬВА ТОЛСТОГО"

Ключи к секретам социальных систем лежат на поверхности — в различных вариантах эта мысль Зиновьева встречается во многих из его работ. Не все, но многие ключи к секретам индивидуальной социальной системы "Зиновьев" тоже лежат на поверхности — в том смысле, что на многое указывает сама необычная форма произведений Зиновьева, которую называют то "интеллектуальным романом", то социологическим, то "documentary fiction". Разумеется, жанровая форма зиновьевских произведений сама по себе весьма содержательна; особая диалектика содержания и формы, заключающаяся в содержательности формы и формальность содержания — это вообще характерная черта русской истории как реальности, русского хаосмоса в противостоянии как варварскому хаосу, так и западному и восточному космосам. Тем не менее, зиновьевская форма многое открывает в его творчестве и в нём самом; впрочем, немало и скрывает, особенно от

робких умов. Поэтому вопрос о жанровой специфике произведений Зиновьева весьма важен и выходит за рамки жанровой, т.е. формальной проблематики. Повторю: в России форма всегда нечто большее, чем просто форма. Текучая содержательность русской жизни (не зря Ключевский называл русский народ текучим элементом русской истории), её неоформленность требовали столь мощных форм, которые в силу этой мощности вполне могут претендовать на статус (сверх)содержания.

Философия русской истории (и русской жизни) должна исходить из иных, чем философия западной истории соотношений между содержанием и формой, закономерностью и случайностью, пространством и временем. Русская реальность во многих отношениях устроена так, что снимает противоречия между тем, что в буржуазном, западном обществе можно было бы отчётливо развести как содержание и форму. В России и поэт, больше чем поэт, и свобода — больше, чем свобода, и тайная полиция — больше, чем тайная полиция. Под этим — жанровым — углом зрения уникальность Зиновьева-литератора очень хорошо вписывается в традиции русской литературы, по крайней мере, великой её части. Действительно, к какому литературному жанру относятся "Зияющие высоты" и мой любимый "Жёлтый дом", "Катастройка" и "Искушение", "Нашей юности полёт" и "Русская судьба", "Русский эксперимент" и "Светлое будущее"?

Однажды автору "Войны и мира" задали вопрос о жанровой принадлежности этого произведения. Лев Толстой ответил так: "Что такое "Война и мир"? Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. "Война и мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось".

В целом Толстой верно отметил некую регулярность великой русской литературы. И вправду, что такое "Евгений Онегин", "Мёртвые души", "Былое и думы"? Что такое "Путешествие…" Радищева и "История…" Карамзина? Только заметки путешественника и историческая хроника? Что такое произведения Достоевского и Розанова?

То, что великая русская литература XIX века постоянно нарушала европейские жанровые формы, занимала по отношению к ним произвольную, т.е. волевую позицию — не случайно. Изображение русской реальности, адекватное именно ей, а не какой-то другой (например, английской, французской или немецкой) требует и соответствующей формы. Как говорил Пушкин, русская история требует особой формулы. И русская жизнь тоже — добавлю я. Строго говоря, постановка вопроса о нарушении русской литературой европейских форм, об отступлении от них, не вполне корректна: она провозглашает в качестве нормы западный опыт, т.е. западноцентрична. Но ведь Запад — не единственная цивилизация на земле и не её пуп; более того, Запад — это не единственная Европа, это — западная Европа, кроме неё существуют южная, средиземноморская (в прошлом античная) и северо-восточная, русская.

По верному и, пожалуй, лишь чуть утрированному замечанию кого-то из наших философов, в то время как герои Бальзака и Диккенса решают вопросы быта и денег, герои Толстого и Достоевского (при всём их различии) решают проблемы бытия и нравственности. Это не значит, что западная литература плоха, а русская хороша, или наоборот. Речь о другом: в России литература решала и решает такие задачи общественного (само)познания, которые не стояли перед литературой на Западе.

"Романы" Зиновьева — это полифония, в которой ни одна форма (и вообще форма) не имеет самостоятельного значения, а служит реализации цели выразить то, что хотел автор в адекватной замыслу и реальности виде. В этом изысканном интеллектуальном салате работает всё: проза и стихи, философия, научные рассуждения и диалог-трёп, юмор и сатира (а я, читая, ещё вспоминаю и зиновьевскую живопись). Всё это отлито в единое целое и, как снаряд, бьёт в цель, достигая её в единстве рационального и эмоционального. То, что разделение на писателей и мыслителей условно — не новость, об этом писали Шопенгауэр, Б.Шоу, Борхес и др. Зиновьев устраняет это разделение сознательно: цель — создать такое средство отражения реальности, которое максимально адекватно последней. Если в своих "чисто научных" работах о советском обществе Зиновьев пытался найти

адекватный именно этому обществу (а не западному) научный язык, понятийный аппарат, то в своих романах он стремился найти, причём весьма успешно, форму изложения и язык, адекватные советской реальности. Я подчёркиваю: форму изложения и язык.
В лице Зиновьева советская литература в позднекоммунистическую ("подзднесоцреалистическую") эпоху, на выходе из "коммунизма как реальности" вернулась к тому, с чего начала на входе, в эпоху возникновения этой реальности. "Литературный" эксперимент Зиновьева стал ответом литературному эксперименту А. Платонова, перекличкой с ним. Начала и концы встретились, время — историческое время коммунистического строя — свернулось "лентой Мёбиуса" и кончилось. После "Зияющих высот" коммунизм (и СССР) просуществовал полтора десятка лет. Но, в известном смысле, это была жизнь после смерти. В "Зияющих высотах" (и с ними) коммунизм умер — что бы ни говорил впоследствии о гибели этого строя как случайности, результате диверсии и т.п. сам Зиновьев. "Зияющие высоты" стали чем-то вроде "Хроники объявленной смерти" коммунистической реальности. Строй, по поводу и на материале которого пишутся работы типа "Зияющих высот", не имеет перспектив — по крайней мере, при сохранении его правящего слоя, неизменности основных тенденций его развития. Так же, как и то, что было написано в 1870-е гг. Салтыковым-Щедриным, не оставляло сомнений: перед нами общество, обречённое на гниение и смерть. Кстати, именно с Щедриным нередко сравнивали Зиновьева, особенно западные рецензенты, на него часто указывают как на предшественника Зиновьева. Я бы сказал иначе: в позднесоветской ("пореформенной", если иметь в виду загнувшиеся, не успев начаться, "косыгинские" реформы) литературе Зиновьев занимает нишу, во многом сходную с той, которую в системе позднесамодержавной ("пореформенной") русской литературы занимал Салтыков-Щедрин. Что касается социосистемной позиции, то по непримиримости к основным идейно-политическим лагерям в литературе и жизни Зиновьев похож на великого Лескова. Что же до непосредственных литературных предшественников, то, думаю, их нужно искать не столько в дореволюционной русской литературе, сколько в после- (точнее: сразу после-) революционной.
В широком историческом плане предшественник Зиновьева — великий русский (советский, а ещё точнее — "реальнокоммунистический") писатель А. Платонов. Характерно, что А. Платонов практически непереводим на иностранные языки, при переводе утрачивается суть, главное.
Бродский в "Послесловии к "Котловану" А.Платонова" заметил, что если современники А. Платонова — Бабель, Пильняк, Булгаков, Олеша и другие — в большей или меньшей степени играли с языком свою игру, занимались "стилистическим гурманством" (я бы добавил сюда Джойса, "Улисс" которого написан с помощью множества разных стилей), то "Платонов сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нём такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности главным его (А.Платонова. — А.Ф.) орудием была инверсия; он писал на языке совершенно инверсионном — между понятиями язык и инверсия Платонов поставил знак равенства — версия стала играть всё более и более служебную роль".
В значительной степени сказанное Бродским о А.Платонове можно сказать и о Зиновьеве. Я бы только добавил ещё одно: в своих "романах" Зиновьев нередко если и не ставит знак равенства между понятием и образом, то использует их в одном и том же качестве, и это функциональное тождество приводит к появлению слов-кентавров — образов (в том числе и стихотворных), работающих, как понятия, и понятий, выступающих в качестве образа. (Я оставляю здесь вопрос об образах зиновьевской живописи, которая во многих отношениях является лучшим ключом к его творчеству.)
Необходимо, конечно же, сказать, что само стирание грани между понятием и образом в текстах, написанных по-русски, обусловлено в качестве необходимой, хотя и недостаточной, причины такой особенностью русского языка как его, пользуясь выражением Бродского, синтетической, не-аналитической сущностью; последняя делает

возможным "зачастую за счёт чисто фонетических аллюзий — возникновение понятий, лишённых какого бы то ни было реального содержания". И, несмотря на это, дополню я Бродского, а может — и благодаря этому: по крайней мере, в условиях специфической реальности подобного рода понятия становятся сверхсодержательными, сюрсодержательными, фиксируя, например, в гротеске самую суть дела, явления. Речь идёт о ситуации, когда социальная норма может может быть адекватно выражена лишь крайними средствами и формами, реальность — фантастикой и т.д.

Зиновьев был первым, кто использовал всю не-аналитическую мощь русского языка для решения аналитических (т.е. научных по сути, а не литературных) по своей сути задач исследования советского общества. И, что не менее важно, своей личной ситуации, места в этом обществе. Такое (внешнее) несоответствие цели и средства, содержания и формы, субстанции и функции и породило вещи (явления) типа "Зияющих высот" и "Жёлтого дома".

Зиновьева многое, если не роднит, то сближает с А.Платоновым. Как заметил всё тот же Бродский, последняя страница "Котлована" переворачивается читателем "в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время". Аналогичные чувства и желания возникают, когда перевёрнуты последние страницы "Зияющих высот". При этом надо подчеркнуть, что ни А.Платонов, ни А.Зиновьев не были врагами советского строя! Более того, оба они — сознательно или подсознательно, эксплицитно или имплицитно, — постигая свою личную ситуацию, воспринимали её не столько как индивидуально-обособленную, сколько как системную: у А. Платонова — массовую, он — часть массы, она говорит через него; у Зиновьева — системы (государства, массы, народа) в одном лице, но опять же не одиночки байронического типа, противостоящей толпе (последнее — не русский тип героя; Байрон принял бы Чацкого, а вот Пушкин над ним посмеивался, и, исходя из русских реалий, был прав).

Сила как А. Платонова, так и А.Зиновьева — в умении понять и отразить имперсональный, надиндивидуальный характер происходящего; у первого это чувствуешь, у второго — чувствуешь и понимаешь одновременно. Языковые структуры, а точнее, хаосмосы обоих писателей, подобно воронке втягивают читателя, порой против его воли, в ощущение-понимание-слышание музыки массовости, имперсональности, а потому закономерности (и, следовательно, нормальности ужаса и ужаса нормальности) идущих процессов, с чем личность примирится не может. А.Платонов и А.Зиновьев, каждый своими средствами, снимают это противоречие, выходят за его рамки на основе сюрперсонализма, гиперперсонализма, когда-либо личность, "Я" разрастается до габаритов системы, либо масса сжимается в "Я" и умещается в нём, придавая ему одновременно интерперсональный и инфраколлективный характер.

Достичь этой цели можно только путём создания новой знаковой системы, нового языка. Или перехода в иную, новую знаковую систему, например, на английский язык, с помощью которой можно было остранить себя от неё и её от себя, сделать дальними и чужими берегами не только физически, но и метафизически. Именно по такому пути снятия русской реальности и преодоления ограниченности имеющихся языковых средств пошёл Набоков, но не тупик ли это? Впрочем, не всё ясно и с тупиковостью (разумеется, метафизической) и в случае А.Платонова (а, следовательно, и Зиновьева). Тупиковость здесь, однако, приходит, на первый взгляд, с неожиданной стороны: "Пришла беда, откуда не ждали".

Как пишет Бродский, "язык прозы Андрея Платонова заводит русский язык в смысловой тупик или — что точнее — обнаруживает тупиковую философию в самом языке". И далее: "Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее — о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость".

Если заменить "язык" на "жизнь" и "историю", которые его детерминируют, а "грамматическую зависимость" — на обратную связь между культурой и реальностью, то путём этого преобразования мы фиксируем тупиковость некоего развития, одним из проявлений которой становится зависимость от фикций, созданных в этом развитии для его реализации. В такой ситуации исчезает различие между высшей стадией и тупиком (собственно, высшая стадия как конец прогресса и означает тупик), высотами и пропастями. Эта острейшая и, по сути, непреодолимая в своей двойственности ситуация и есть, помимо прочего, ситуация СССР, советского коммунизма. Будучи высшей стадией русского эксперимента, его триумфом, пиком (за счёт настоящего, прошлого и будущего), "реальный коммунизм" ("реалком") не мог в конечном счёте не оказаться русским тупиком, "зияющими высотами". Это парадоксальное название зиновьевского романа сверхреалистично и точно фиксирует ситуацию не только брежневской фазы "реалкома", но и этого последнего как явления. Теоретически только захват коммунизмом всего мира, его господство над планетой (в которое Зиновьев верил и которого опасался вплоть до середины 1980-х гг., ошибочно считая это едва ли не предрешённым делом, что указывает на серьёзные изъяны его теории "реального коммунизма", особенно в объяснении динамики и противоречий этой системы) теоретически могли вывести СССР из "своего" тупика и вырвать этот социальный тип из-под власти "грамматической зависимости" от фикций.

Если "спрямить" ситуацию, то можно сказать, что, во-первых, если через "медиума" А.Платонова высказался гениально косноязычный, рождающийся в ходе революции и гражданской войны коммунизм, ужаснувший во многом самого "медиума", то устами Зиновьева заговорил поздний, загнивающий коммунизм — с закупоренными социальными сосудами и резко ослабленным иммунитетом (кстати, претензии Зиновьева к "брежневизму" — это часто претензии не к коммунизму вообще, а именно к уставшему, гнилому коммунизму, о чём необходимо помнить в анализе текстов Зиновьева о коммунизме, в которых нередко под видом одной критики на самом деле скрываются и переплетаются два разных и несходных типа — коммунизма как системы и её поздней стадии).

Во-вторых, во многих отношениях Зиновьев, возможно, сам того не зная, пытался ответить на вопросы, поставленные А.Платоновым (а также взбаламученной, взвихрённой русской массой и большевиками), русской революцией, рационализировать и концептуализировать их опыт. В значительной степени Зиновьев ответил. Более того, он дожил до провала и поражения этого опыта, но не смирился с этим, и отчасти именно поэтому не смог, на мой взгляд, адекватно объяснить причины провала. Но это особая тема, выходящая за рамки данной работы, она — о другом.

АВВАКУМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Если "нишевого" предшественника Зиновьева в литературе следует искать в советской, а точнее, революционной эпохе, то за предшественником в русской жизни, в русской истории придётся спуститься значительно глубже в Колодец Времени — в последнюю треть XVII в.

В русской истории per se существовали три властные централизованные структуры: Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и коммунистический строй. Так получалось, что в конце существования каждой из этих структур, в период их ослабления под бременем накопившихся проблем различной исторической длительности, когда противоречие между властью как автосубъектом и "остальным" социумом достигало значительной остроты, и этот социум (или отдельные его группы) начинал претендовать на долю в автосубъектности, происходило следующее. Появлялся индивид, в котором (в силу его личных особенностей, с одной стороны, и социальных обстоятельств, с другой) властно-общественные противоречия достигли максимума остроты и накала и который

поэтому становился модельным воплощением всего антисистемного в одном лице — так сказать, антисистемой в одном лице, — и его личное противостояние власти приобретало характер противостояния двух автосубъектов, двух систем.
В конце Московского самодержавия таким индивидом был Аввакум, в конце Петербургского — Лев Толстой, в конце комстроя — таких персон оказалось две: Солженицын и Зиновьев. При этом, однако, если Солженицын вёл свою игру с советской системой, активно опираясь на Запад и на некое общественное движение, а точнее, использовал их в своих лично-системных интересах (в этом смысле Солженицын равен и рядоположен диссидентскому движению), то Зиновьев, во-первых, не играл, а жил-двигался в своём направлении, что автоматически, как бы он сам ни относился к системе, выталкивало его в противостояние. Во-вторых, в этом противостоянии Зиновьеву не на кого было опереться, кроме самого себя (и своей семьи). Это было в чистом виде противостояние Индивида-системы и Системы, без всяких путавшихся под ногами "движений" и т.п.
В этом плане ниша Зиновьева ближе к таковой гениального одиночки Льва Толстого. И всё же рискну сблизить Зиновьева не с ним, а с Аввакумом: хотя в случае с последним некое "движение" и присутствовало, тем не менее, главной опорой в противостоянии Власти-Антихристу у верующего человека Аввакума было прежде всего его отношение с Абсолютом, и этот самый Абсолют — Бог. Формальная религиозная, правда очень специфическая (сам себе Бог?), опора была и у Льва Толстого, и в этом плане атеист Зиновьев опять же оказывается наиболее чистым случаем противостояния индивида власти — ни Бога, ни общества, ни социальных иллюзий. Можно сказать, что Зиновьев венчает, доводит до логического, очищенного от всего лишнего, конца линию противостояния индивида — системе-власти, линию, которую начал чертить Аввакум. Вот уж, поистине, Зиновьев сработал прямо по "Интернационалу": для освобождения оказались не нужны ни Бог, ни царь и не герой — никакие прямые опоры — "добьёмся мы освобожденья своею собственной рукой". В этом смысле Зиновьеву не на что было опереться. Впрочем, была основа, из которой он вырастал, и потому могла быть внутренней опорой: это революция ("народный большевизм") и победа в Великой Отечественной войне, но об этом чуть позже.
Что сближает "концы и начала", Зиновьева и Аввакума? Прежде всего непримиримость в отстаивании своей позиции, бескомпромиссность. Оба — "гол как сокол": ни поместий, ни счётов в банках. Ни одному из них Запад не помог бы, не заступился: во времена Аввакума "Запада" как такового ещё не было, а если бы и был, то тогдашней русской власти на его "общественное мнение" было глубоко плевать; что касается Зиновьева, то он к моменту выхода "Зияющих высот" не был известен на Западе и не был активным участником в "холодной войне" на стороне Запада, а следовательно…
У обоих — мощный темперамент, заряженность на полемику. Оба воевали фактически "против всех", их фронт — без флангов. Обоим — Аввакуму раньше, Зиновьеву позже, пришлось стать свидетелями крушения тех социально-духовных миропорядков, с которыми они себя соотносили положительно или отрицательно. Правда, Аввакуму пришлось испытать приход "его Антихриста" один раз, а Зиновьеву — дважды. Последний сначала считал трагически неизбежным захват всего мира коммунизмом и наступление "коммунистического царства" (по поводу воплощения коммечты в реальность Зиновьев писал: "Я даже рад, что скоро сдохну, / Не встретясь наяву с мечтой"), а затем, уже в 1990-е гг., когда крушение коммунистической мечты обернулось крушением России и торжеством западных хозяев "глобального человейника". В любом случае, Аввакум и Зиновьев — люди, пережившие крушение надежд (не случайно один из сборников зиновьевской публицистики называется "Без иллюзий", другой — "Ни свободы, ни равенства, ни братства").
Как Аввакум, так и Зиновьев — не просто бессребреники. Они — из победителей, не получающих ничего. Победителей — потому что остались самими собой (в том числе как

в отношениях с властью, так и в отношениях с народом, а Зиновьев — в отношении как с советской властью, так и с западной системой, а затем ещё и с постсоветским социальным уродцем). Но не получивших ничего — потому что современное общество, по сути, не оценило их жизненного подвига ни символически, ни материально. Никто не носился с ними так, как носились в XIX в. с Толстым, а в XX в. — с Солженицыным. Кстати, оба — фигуры, социально весьма защищённые и удачливые как в общественно-символической, так и в материальной жизни. Ну ладно, Аввакум, XVII век — давно, далеко. Но Зиновьев-то — конец XX в. Одна из ключевых и наиболее известных, первоплановых, наряду с Сахаровым и Солженицыным, фигур из гонимых властью. Среди этих фигур для этой власти в известном смысле самая опасная (Суслов о Зиновьеве: "Боролись с диссидентами, а главную сволочь проглядели". Ср. с фразой Екатерины II о Радищеве и Пугачёве). И вот рухнула коммунистическая власть, и оказалось, что в "прекрасном новом" постсоветском мире Зиновьеву опять нет места; для этого мира его как бы и не было, почти не было. Проспекты и улицы Сахарова, премии Солженицына и т.п. символические награды. Про награды материальные большого числа экс-диссидентов, прислуживающих теперь тем, кто намного хуже объектов их борьбы в советское время, и "придиссиденченных", околодиссидентских шестёрок, подающих себя теперь едва ли не в качестве "тузов", я не говорю, это — предмет социальной энтомологии.

Я не о том, что Зиновьеву чего-то недодали, что он чего-то недополучил — он в этом и не нуждался: как жил своим трудом, так и жил им, а не на "проценты" ("ренту") с "общественной деятельности" или на пособие ветерану "холодной войны" на стороне Запада. Он, в соответствии с логикой и ценностями "государства в одном лице", на это не рассчитывал и не ради этого вёл себя так, как он вёл. Невозможно представить себе, что Зиновьев превратил бы свою деятельность советского времени во вполне материальный продукт (квартира-дача и т.п.), как это сделали некоторые экс-диссиденты и в ещё большей степени перестроечная и околоперестроечная шпана, умело продавшая свой антисоветизм западным, а затем и новым постсоветским хозяевам. Я вообще не о Зиновьеве, а о строе, которому Зиновьев оказывался не нужен, и в первую очередь не нужен хозяевам этого общества и их "интеллектуальной" обслуге — всем этим политологам из несостоявшихся советских журналистов и пропагандистов, преподавателей научного коммунизма, "специалистов" политпросвета и прочей бездари. Не нужен потому, что, во-первых, смотрел на мир не их глазами и не в их интересах; во-вторых, знал секреты — их и породившей их советской системы, той грязи, из которой они вылезли в князи (а следовательно, и тайну "кощеевой смерти"), и обладает аппаратом для понимания, т.е. демифологизации, демистификации, расколдовывания реальности, знает путь к социальной истине, в которой не заинтересованы не только хозяева нового строя, но и — по разным причинам — значительная часть общества.

Приемлемость для постсоветского социума и его хозяев фигур типа Сахарова и Солженицына и неприемлемость Зиновьева, о некоторых причинах которой я скажу ниже, дорогого стоит. Это — оценка. И по сути — высшая награда свободному человеку, которого миновала судьба Аввакума, но который своей жизнью доказал готовность идти на костёр и мог бы вместе с поэтом Б.Чичибабиным сказать о себе "Судьба Аввакумова в лоб мой стучит". "Свободен тот, кто может не лгать", — заметил как-то Камю. Зиновьев мог ошибаться и ошибался, нередко — по-крупному, что, кстати, соответствует масштабу дара и личности, но он не лгал, и не случайно он — один из самых свободных людей, которых я встретил в своей жизни.

В известном смысле Зиновьев — это Аввакум позднекоммунистической эпохи, сменивший религиозную рационализацию противостояния власти на научно-философскую, отказавшийся в этом противостоянии от Бога в качестве опоры ("лишняя гипотеза") и опирающийся только на самого себя. Зиновьев — это линия Аввакума, доведённая до логического конца и обогащённая достижениями XX в. как научными, так и психологическими. Хотя, думаю, в реальности Зиновьев и Аввакум, скорее всего, были

бы если не врагами, то противниками. Нет, скорее всё-таки врагами — в обоих случаях нетерпимость uber alles.
Наконец, ещё одно сближает Аввакума и Зиновьева: оба знали свой народ, знали ему цену и не имели на сей счёт никаких иллюзий.

ПРАВДА ЗИНОВЬЕВА

За последние15-20 лет о русском народе и России сказано много гадостей. Привычно слышать их от "реформаторов", "неолибералов", прозападной интеллигенции. Социальные смердяковы суть социальные смердяковы, и ничто другого от них ждать не приходится. Но, пожалуй, во второй половине 1990-х гг. самые жёсткие характеристики и самые серьёзные обвинения в адрес русского народа мне пришлось читать не в опусе какой-нибудь "шестёрки" из прозападной интеллектухи, а в работах Зиновьева. Ему уже много раз пеняли, что он не любит свой народ. Это ошибка. Начать с того, что Зиновьев — сам часть народа: в народном, русском характере этого человека и его творчестве сомнений нет, как и в его советском характере. Русское слово "правда", как и вообще русский язык и русская жизнь, — слово хитрое, неоднозначное, самому себе нетождественное. Это не просто истина в смысле "veritas", это некое иное качество, в котором veritas (по)знания, интеллектуальное, находится в органичном единстве со справедливостью, т.е. с социальным. Правда — это единство адекватностей когнитивной (духовной) и социальной, нравственной.
Слово "правда" в русском языке связано ещё с одним словом — "право". Иметь "за собой" правду, значит, помимо прочего, иметь право на некую позицию, на некие поступки. И чем увереннее тот или иной человек ощущает свою правду, тем увереннее в своих поступках, в противостоянии. "На том стою и не могу иначе," — говорил Лютер. В основе его религиозной и нравственной позиции лежала его, Лютера, правда, в которой в единое целое слились индивидуальное и социальное ("социально-множественное"), религиозное и рациональное.
В основе позиции и поступков Зиновьева тоже лежит правда — правда народа, истории, поколения, "помещённая" в одну, отдельно взятую личность, ею осмысленная рационализированная и принятая как руководство к действию. Речь идёт о правде системы в одном лице, правде "социального снаряда", которому русская жизнь и русская судьба дали приказ "иди". И эта правда, как ни парадоксально, тем сильнее, чем менее приятные вещи он говорит — об СССР и о Западе, о русском народе и других народах, о нашей стране, её прошлом и настоящем, чем больше в этих словах боли.
У Зиновьева есть и другие правды и права. Например, право победителя. Не в том смысле, что победителей не судят (еще как судят), а в том, что если и есть в советской истории "поколение победителей", то это те, кто, как и Зиновьев, победил в Великой Отечественной. Поколение (условно) Зиновьева свою страну отстояло. Поколение (условно) Горбачёва страну, ту самую, которую в 1941-1945 гг. отстояли, профукало — по-провинциальному, бездарно и самонадеянно; "словесный понос" перешел в "исторический", который и стал последним — фарсовым — аккордом крушения реального коммунизма и СССР, слитых в унитаз Истории вместе с последними руководителями.
Другой вопрос — почему и как это произошло. Вот здесь-то я с очень и очень многим в аргументации Зиновьева не согласен, не могу принять. Но сейчас не об этом. Сейчас о правде Зиновьева, которая нередко имеет место быть даже в тех случаях, когда он не прав. Именно эта правда, повторю, дает Зиновьеву право писать то, что он пишет о нынешней России, так, как он пишет, в такой форме; именно она дает ему право на ярость и бескомпромиссность, с которыми он относится к постсоветской власти, и которые он почти автоматически переносит на те события, которые привели к ее возникновению, переносит, словно забывая им же сказанные слова: "История не оставляет следов, только последствия, которые не имеют никакого отношения к породившим их причинам".
Итак, правда Зиновьева — это правда фронтовика-победителя, который честно отвоевал, "отработал" войну, защищая ту самую страну, которую — таков результат — уничтожили

перестройка и постперестройка. Я хорошо знаю немало людей этого типа (к нему относился, например, мой отец, окончивший войну майором Дальней авиации, и многие его друзья-однополчане, называвшие Сталина не иначе как "Ёськой" и демонстративно не горевавшие во время его похорон). Именно эти люди сломали хребет гитлеровской машине, став антисталинистами (но не антисоветчиками), и не только "смело входили в чужие столицы", но и без страха возвращались в свою.

Их было немало, победителей, прошедших Европу, а потому социально уверенных в себе, в своей правде. Привыкших к самостоятельному принятию решений, к инициативе, готовых — подготовленных опытом советской городской жизни, кроме которой они не знали никакой другой — к аресту, и, в отличие от жертв репрессий 1930-х, если и не понимавших, то, по крайней мере, чувствовавших, за что могут взять и уже потому не являвшихся жертвами. Их было немало настолько, что "Сталину и его команде" пришлось начать сажать этих людей, изымать из "социального (круго)оборота". В отличие от "посадок" 1930-х годов, имевших наступательный характер, это была оборона. Режим защищался. Активно, но — защищался. От тех, кто спас Родину (и этот режим) в жестокой войне, и в этой же войне выковал себя как антисталинистов.

Режим защищался от таких, как Зиновьев, от тех, кто своим антисталинизмом и самостоянием сделали возможными десталинизацию, так называемую "оттепель" (хотя, конечно же, настоящей "оттепелью" был "застой", ибо единственное тепло, которое мог выделять коммунизм как система, — это тепло гниения) и "шестидесятничество". Сделали возможным — и были забыты, нередко сознательно, но чаще бессознательно, так как не успели, да и не могли по суровости окружающей жизни и по серьезности своей жизненной сути попасть в рекламу и саморекламу "шестидесятничества". Но именно они между 1945 и 1955 гг. заложили фундамент десталинизации, став гарантией ее необратимости. Именно они были первым советским, т.е. выросшим на основе советских, а не дореволюционных или революционных форм жизни и отрицания коммунистического порядка, сопротивлением — сопротивлением не крикливым, не апеллирующим к Западу (победителям это ни к чему), неспешным, уверенным в своей социальной правоте по отношению к режиму и внутри него одновременно, а потому действительно опасным, страшным для режима — не только сталинского, но и для последующих. Замалчивание "бесшумного сопротивления" 1945-1955 гг., в котором невозможно было прогреметь героем и попасть на страницы западных газет и журналов — все происходило обыденно и тихо — и последующее выдвижение на первый план "шестидесятничества" и диссидентства как главных форм "борьбы против системы" — явление не случайное, но это отдельный разговор.

Зиновьев — оттуда, из того, что условно можно назвать "первым советским Сопротивлением" режиму. Историческими опорами этого Сопротивления стали Победа и Война — главное дело жизни этого поколения.

В послесоветской РФ правда Зиновьева — это правда миллионов советских и постсоветских людей, которых "герои" нашего — перестроечного и особенно постперестроечного — времени выпотрошили, отобрав деньги, как Лиса Алиса и Кот Базилио, у доверчивого деревянного Буратино (с той лишь разницей, что у Буратино отняли золотые, а у "дорогих россиян" — "деревянные"), заманив его на Поле Чудес в Стране Дураков. В нашем последнем случае — на Поле Чудес очередного обещанного Светлого Будущего, только уже не коммунистического, а капиталистического, либерального и демократического.

Неудивительно, что эти выпотрошенные в 1992 и 1996 гг. неудачники по постсоветской жизни голосовали за КПРФ, за коммунистов-неудачников (удачники-коммунисты уже заняли место в демократических шеренгах, хотя, разумеется, в этих шеренгах были и идеалисты, и просто честные люди — об этом тоже не надо забывать). В этом смысле правда Зиновьева — это правда тех, над кем, как сказал бы Баррингтон Мур, вот-вот сомкнутся или уже сомкнулись волны прогресса.

Правда Зиновьева — это правда несытых, или, как сказал бы Зыгмунт Бауман, локализованных — тех, кого все больше локализуют во все более глобализирующемся мире. И любой, кто пытается критиковать Зиновьева с моральных и эмоциональных позиций, должен об этом помнить. Разумеется, на это можно возразить, припомнив факт "реакционности и отсталости масс", их "ложное сознание" и т.д. и т.п., и отчасти это так. Но только отчасти; к тому же, подобный посыл в целом напоминает большевистский подход к рабочему классу и особенно к крестьянству, как якобы не сознающим своей выгоды — в будущем, ради которого надо потерпеть и пострадать, кстати, в том самом коммунистическом рае, на который пришелся "полет юности" Зиновьева, который он критиковал до начала 80-х годов и которому после его гибели слагал нечто похожее на посмертные оды — не всегда несправедливые, хотя далеко не всегда объективные.
Когда я говорю, что правда Зиновьева, позволявшая ему писать то, что он писал, и то, как он это писал, — это правда несытых, я имею в виду не только Россию, но и мир в целом, включая Запад. Социально творчество Зиновьева объективно направлено против эксплуатации, неравенства и господствующей идеологии вообще, а не только в России (об этом свидетельствуют его работы, посвящённые Западу, глобализации). В этом плане в послевоенном западном мире я вижу, пожалуй, лишь одну фигуру, отчасти сравнимую с Зиновьевым по систематичности критике любых господствующих групп, по такому "повороту мозгов". Это Джордж Оруэлл — сопоставительно-сравнительный анализ работ двух этих авторов ждёт своего исследователя.
Демократизм позиции Зиновьева, который обусловливает его неприемлемость для хозяев любой социальной системы, будь то капиталистическая или антикапиталистическая, советская или постсоветская, нашёл своё отражение и в очень специфическом социальном проекта Зиновьева, который он разработал в 1970–80-е гг. для людей советского общества и который до сих пор не оценён по достоинству, почти забыт.

ПРОЕКТ ЗИНОВЬЕВА

В 1970–1980-е гг. оппозиционная режиму мысль выдвинула несколько проектов общественного развития. В центре внимания оказались два из них — А.Сахарова ("либеральный") и А.Солженицына ("почвеннический"). Их и противопоставляли друг другу. Но был и третий проект, причём различие между ним и двумя вышеназванными было глубже, чем таковое между последними. Речь идет о проекте Зиновьева, и дело не в том, что Зиновьев не призывал к общественному перевороту, т.е. к слому советского жизнеустройства. Исходя из того, что хороших систем нет, что везде есть верхи и низы, и "пролы", используя оруэлловское словцо, всегда в проигрыше, он стремился сформулировать принципы жизни индивида в конкретном, "данном нам в ощущениях" режиме, принципы социального, а не только интеллектуального ухода в себя.
Хотя с точки зрения стратегии жизни и выживания при коммунистическом порядке вообще и для одиночки особенно "программа Зиновьева" исключительно важна, я хочу обратить внимание на другое. Желали они того или нет, но Сахаров и Солженицын объективно рассуждали с перспективы новых, в советское время ещё не сформировавшихся и лишь намечающихся пунктиром господствующих, элитарных групп, новой, посткоммунистической власти, по сути, разрабатывая — "крот истории роет медленно", и "дальше всех пойдёт тот, кто не знает, куда идёт" — стратегии посткоммунистических элит, для того периода, когда коммунизм рухнет, и ему на смену придёт новая система (в реальности которой, как окажется, места для Сахарова, Солженицына и им подобным уже не будет). Иными словами, в определённом смысле Солженицын, Сахаров и другие выполняли за советскую верхушку ту социосистемную работу, на которую эта верхушка, испытывая "чувство глубокого удовлетворения", сама не была способна, т.е. смотрели на социальный процесс с "верхних этажей" общественной пирамиды. Зиновьев же смотрел и продолжает смотреть на социальные процессы с позиций не элитария, а трудящегося, наёмного работника как физического, так и умственного труда.

Конечно же, ни Сахаров, ни Солженицын не собирались сознательно работать на хозяев посткоммунистической жизни и никогда этого не делали. Однако они стремились продумать и предложить такую модель общественного устройства, которая в идеале устраняла бы, снимала противоречия коммунистического строя. Посткоммунистический ельцинский режим снял эти противоречия реально. То, что получилось в целом, естественно, очень далеко от замыслов Сахарова и Солженицына (хотя по-своему отчасти реализовались оба проекта — и ни один полностью и до конца), но ведь и гильотина французской революции была далека от замыслов и идей Вольтера и Руссо.

Критика существующего порядка, его господствующих групп и идей, его форм неравенства и эксплуатации объективно, как правило (исключения — редки), предполагает, пусть в негативной форме, разработку новой модели устройства, более эффективной, причём такой — что бы там себе ни думали борцы за свободу и проектировщики альтернативного, лучшего и более справедливого социума — которая предполагает более жёсткий социальный контроль и объективно чревата большим или боле масштабным неравенством и как минимум более жёстким и эффективным социальным контролем: человек предполагает, а История располагает.

В ситуации ослабления господствующих групп системы, вошедшей в зрелое или позднезрелое состояние (как, например, СССР в середине 60-х) ввиду их неспособности поддерживать социальный контроль и разработать новый проект последнего, эту задачу объективно берут на себя и выполняют радикальные критики режима. Выступая с абстрактных и "общечеловеческих" позиций (например, "свобода, равенство, братство"), объективно они готовят идейное обоснование нового, более эффективного в социосистемном плане и с необходимостью более жёстко контролирующего своих членов общества. Радикализм и эгалитаризм политического языка не должен вводить в заблуждение — Марк и Энгельс в "Немецкой идеологии" называли это "иллюзией (вначале правдивой) общих интересов" и "самообманом идеологов", полагающих, что работают не на новых господ и хозяев, а на общее благо. Субъективно это так, объективно — нет.

Альтернативные (но в рамках одного качества) проекты Солженицына и особенно Сахарова, сами их позиции, углы зрения получили наибольшее распространение в среде "советской интеллигенции", той самой, по выражению Н.Климонтовича, "интеллектуальной пятой колонной околопартийного истеблишмента, которая и "сварганила поверхностную, как они сами, ни в чём серьёзном и глубоком слышать не желавшие, перестройку". Той самой советской "либеральной интеллигенции", которая наряду с номенклатурой и криминалом составила "социальный триумвират" антикоммунистической революции, стала одним из её "трёх источников, трёх составных частей". В планах как Солженицына, так и особенно Сахарова этой квазиэлитарной группе предназначалась существенная роль, а, следовательно, и привилегированные позиции после смены строя. Отсюда — отношение к ним со стороны этой группы как в советское время, так и в послесоветское, когда наиболее шустрая и не обременённая "комплексами" часть совинтеллигенции превратилась в культурбуржуазию.

Позиция А.Зиновьева, такой смены не предполагавшая и имевшая как исходной точкой, так и адресатом простого человека, а не (квази)элитария, не могла быть приемлемой для сознания квазиэлитарной группы, ложного по своей сути. Русская интеллигенция и совинтеллигенция — и чем дальше от трудовой и чем ближе к привластно-богемной её части, тем больше — считала себя элитой (противоположную точку зрения на этот слой см. например: Чехов, Ленин), которой положено занимать некие позиции далеко не внизу социальной пирамиды. У Зиновьева было не про это. Социально и политически ориентированные проекты обещали социальный и политический promotion. Проект Зиновьева был личностно ориентирован: "Ты царь: живи один". Ясно, что такой проект, адресованный "иванам в лаптях", не мог вызвать значительного социального интереса у того слоя, который видел себя в социальном авангарде и уж того намного выше "ивана"

("пошёл вон, мужик"). И можно понять настороженность, переходившую нередко в неприятие и неприязнь, которую, в свою очередь, испытывали люди типа Зиновьева по отношению как к "шестидесятникам", так и к диссидентам.
Повторю: в отличие от Сахарова и Солженицына, рассуждавших о новом, лучшем по сравнению с советским, типе общества, Зиновьев принципиально исходил из того, что хороших обществ (систем, социальных устройств) не бывает. А следовательно, центральная социально-философская (социально-антропологическая) проблема — это главным образом выработка индивидом адекватного его целям и задачам образа жизни, т.е. строительство не общества, а личности или, если угодно, общества в себе. Отсюда — разработка средств и принципов индивидуального противостояния Системе при жизни в ней.
Таким подходом Зиновьев делал сразу два радикальных и парадоксальных, хотя и различных, шага. Во-первых, если он и не выходил полностью за рамки традиции Просвещения, то подходил к самому её краю. Во-вторых, что ещё более парадоксально, в своём упоре на внутреннюю работу атеист Зиновьев очень близко подошёл к стратегиям личного самоусовершенствования спасения, характерным для религиозных традиций, прежде всего — для христианства. Подобный поворот, для подробного анализа которого в данной статье нет места, тоже заслуживает отдельного исследования. Здесь лишь отмечу, что не согласен с теми, кто сближает позицию Зиновьева с протестантизмом; это очень поверхностное заключение: протестантизм плохо совмещается с русским, как сказал бы В. Царёв, умостроем, с русским отношением к жизни. Чем с протестантом русский скорее найдёт общий язык с католиком или даже с мусульманином. Впрочем, по мнению известного французского геополитика А. дель Валя, есть нечто, что сближает протестантизм, иудаизм и ислам, с одной стороны, и православие и католицизм — с другой. В "тройке" Книга заслонила Бога, тогда как в "двойке" Бог важнее Книги. Это не значит, что нужно бросаться в объятия католицизма — вся наша история предостерегает от этого, но надо знать, с кем, о чём и в каких пределах можно договариваться.
Итак, анализируя в 1970-е гг. "реальный коммунизм" и разрабатывая проект жизни в нём, Зиновьев смотрел на социальные процессы и структуры глазами представителя не привилегированных групп, а трудящегося (и сам при этом выступал именно как трудящийся — наёмный работник умственного труда). Это вполне очевидно уже в "Зияющих высотах", хотя, пожалуй, сильнее выражено в "Светлом будущем". Благодаря такому подходу Зиновьев, сам того не зная, оказался в одном потоке с очень важным направлением в мировых социально-исторических исследованиях, которое оформилось в 1970-е гг. и которое называют по-разному: "новая социальная история", "новая история культуры".
Новым в подходе целого ряда не связанных друг с другом учёных в США, Индии, арабских и других странах было стремление взглянуть на исторический процесс не с позиций (а следовательно, не в интересах) элит — обычных или революционных (т.е. будущих господ), а с позиций угнетённых, будь то крестьяне (Дж.Скотт), чёрные рабы американского Юга (Ю.Дженовезе), социальные низы города и деревни в "третьем мире" (прежде всего в Индии — так называемые "subaltern studies" школы Р.Гухи), афро-азиатский мир в целом как угнетённая зона (Э.Саид и др.). Используя наработки Э.П.Томпсона, Дж.Рюдэ, М.Фуко и др., эти исследователи создали принципиально новый дискурс, противостоящий как либеральному, так и марксистскому.
Парадоксальным образом Зиновьев с его научной, социальной и жизненной позицией, обусловленной советским строем, совпал с очень важным, общественно и политическим острым направлением мировой социальной мысли. Правда, ему такая "позиция" обошлась значительно дороже, чем его зарубежным коллегам. Но в данном случае важно не это, а то, что Зиновьев, идя своим путём, часто оказывался в авангарде мировой теоретической мысли в области социальных наук, а нередко и обгонял этот авангард.
Я не хочу сказать, что взгляд на историю с позиций угнетённых — полноценная

альтернатива взгляду с позиций господствующих групп или революционеров, что первым нужно заменить второе. Отнюдь нет, в таком случае мы опять получим односторонний взгляд. Однако, во-первых, такой взгляд позволяет многое увидеть иначе, создаёт более полную картину. Во-вторых, это очень важно как личная и социальная позиция, особенно в эпоху глобализации, когда богатство, власть и их сила объявляются главным (ведь вся "научная" история написана — эксплицитно или имплицитно — с элитоцентричных позиций). В известном смысле мы оказываемся перед той же проблемой, которую в начале XX в. пытался разрешить К.Мангейм: возможно ли социальное знание, преодолевающее ограниченность взглядов как господствующих ("идеология"), так и угнетённых ("утопия") групп. Мангейм давал утвердительный ответ на этот вопрос и называл надклассовое социальное знание "социологией познания", но не очень преуспел в конкретной реализации последней. "Система Зиновьева" представляет, на мой взгляд, более многообещающую программу выхода за рамки классовых (как сверху, так и снизу) ограничений взгляда на реальность. В немалой степени этому способствует советская — антикапиталистическая, неклассовая — социально-историческая база его исследований, в основе которой — русский опыт и русская интеллектуальная традиция противостояния власти и эксплуатации (достаточно вспомнить М.Бакунина, П.Кропоткина и др.).

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Зиновьев выступает как последовательный критик любой системы классового господства, эксплуатации, угнетения. Он — критик неравенства, сложившегося в советской системе. Он — критик капитализма. Антикапитализм, антиклассовость Зиновьева, впрочем, очень соответствуют важным тенденциям русской истории, её глубинным течениям, отражают их — и русскую жизнь в целом. Суть в том, что Россия — принципиально неклассовая, антиклассовая страна. У нас никогда не было классов в строгом смысле этого слова. Киевская Русь никогда не была феодальной. То было поздневарварское общество, почти поголовно вооружённое население которого — плохой объект для любой эксплуатации классового типа. Это прекрасно понимали дореволюционные историки, в советское время это сверхубедительно показал в своих работах замечательный историк И.Я.Фроянов. В монгольской (удельной) Руси формирование классов (прежде всего господствующих — их оформление всегда опережает таковое угнетённых) тормозилось первоначально разрухой, а с конца XIII в. как Ордынской системой, так и возможностями развития вширь (колонизация). Впрочем, последнее деформировало и амортизировало развитие не только классовых, но и вообще социально-антагонистических отношений в течение ещё нескольких столетий, и даже капитализм в России развивался не столько "вглубь", сколько "вширь". К факторам, тормозившим, а то и блокировавшим классовый ("западоидный") вариант социально-антагонистического развития России, относятся также скудость ресурсов и вообще бедность вещественной субстанцией, а также огромная военная составляющая общественных расходов.

Ни одна из господствующих групп русской истории, будь то боярство, дворянство, пореформенное чиновничество, не говоря уже о советской номенклатуре, так и не стала классом: не было ни достаточной материальной базы, ни достаточного исторического времени для оформления в класс. Более того, как только та или иная господствующая группа начинала превращаться в нечто классоподобное, власть (в союзе с низшей и более бедной частью господствующих групп) наносила удар и проводила своеобразную демократизацию (опричнина, например).

Таким образом, общество самовоспроизводилось на "предклассовом", поздневарварском (разумеется, если пользоваться европейской шкалой) уровне, сохраняя принципиальную простоту и время от времени "срезая" накопившийся "социальный жирок". Не случайно, что господствующим группам петербургского самодержавия так и не удалось сколько-нибудь успешно навязать низам, народу свои ценности и заставить его принять их, как это произошло в XVI-XVIII вв. в Англии и во Франции. Более того, сознание самих

господствующих групп в России не оформилось до конца ни как классовое, ни тем более как буржуазное.
В этом плане необходимо признать, что исторический коммунизм (как антикапитализм) в СССР стал первой в русской истории положительной (и довольно органичной) формой организации неклассовости как положительного качества, которая в течение тысячелетия сопротивлялась всем попыткам уничтожить её. Радикальная попытка последнего рода была предпринята в пореформенной России, на что и последовал радикальный ответ 1905-1917 — 1929/33 гг. То, что произошло в 1990-е, отчасти повторяет (но уже в другую эпоху, а, следовательно, и результаты будут другими) русскую ситуацию второй половины XIX — начала XX в.
Как это ни парадоксально на первый взгляд, но большая часть дореволюционных попыток осмыслить и концептуализировать русскую историю приходится именно на вторую половину XIX-начало XX вв. и представляет собой, за незначительными исключениями, капиталоцентричное и западоцентричное (при этом Европа сводится к Западу) — в либеральной или марксистской форме — прочтение истории России сквозь призму нетипичных для неё форм (частная собственность, капитал, партии и т.п.). Об этом хорошо написал М. Волошин:
Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стёрли грани:
Наш "пролетарий" — голытьба,
А наши буржуа — мещане.
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.
После революции, в советское время, восторжествовал всё тот же западоцентричный подход — уже в марксистско-ленинском виде, в классовых терминах, непригодных для понимания ни русского исторического опыта в целом, ни коммунистического эксперимента, в частности. Для них, особенно для последнего, не было научного языка, понятийного аппарата, что, кстати, признала коммунистическая власть устами генсека Ю.В. Андропова в 1983 г.: "Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся".
Научно-историческая заслуга Александра Александровича Зиновьева заключается в том, что он был одним из первых (а в СССР — первым), кто поставил задачу разработки научного (т.е. связанного с реальностью, а не с советской или западной идеологией) метода и аппарата понятий, адекватных "реальному коммунизму". Это — первое. Второе. Зиновьев стал новатором и в разработке средств и форм изучения коммунистического общества. В этом, помимо прочего, и заключается суть его "системы".
В известном смысле, особенно если абстрагироваться от второстепенных деталей, "система Зиновьева" (именно система, поскольку она шире философии, социологии и т.д.) представляет собой грандиозную попытку теоретической и ценностной рационализации коммунистической — высшей и экспериментально наиболее чистый фазы русского исторического опыта, суть которого заключается в сохранении и воспроизводстве "поздневарварского", "неклассового" (в различных его модификациях) строя:
— в суровых ("северо-восток") природных условиях;
— на фоне классового демонстрационного эффекта западного типа, с одной стороны, и достижений цивилизации Востока, с другой;
- во враждебном окружении, которое стало максимально таковым именно в советский период русской истории (до того — постоянное противостояние степи, вплоть до конца XVIII в., а с конца XVIII в. — борьба с "континентальными" державами (Франция, Германия) во время мировых войн и противостояние "морским" державам (Великобритания, США) в межвоенные периоды.
Речь идёт о таком историческом опыте, в реализации которого контроль над пространством важнее контроля над временем, а распределение в совокупном процессе

общественного производства играет не менее, а порой и более важную роль, чем производство. Это с неизбежностью порождает принципиально простой в своих основах и базовых ячейках социум; сложность в таком типе общества "располагается" на уровне межличностных отношений и культуры, что и нашло отражение в великой русской литературе XIX в. Не случайно Дж. Ле Карре заметил, что русские до Фрейда узнали о психологии больше, чем позже, что у них больше понимания человеческой природы, чем у западного специалиста-психолога ("романы" Зиновьева — блестящее подтверждение мысли английского мастера политического детектива).

Изучение русского и советского опыта и формирующегося на их основе типа общества требует принципиально иной по типу конструкции и методологии теории, чем, например, капитализм, феодализм или наиболее развитые азиатские социумы. Даже в то время, когда Россия внешне максимально напоминала Европу, была её частью (по крайней мере, что касается русского господствующего слоя), проницательный наблюдатель (де Кюстин) писал: "С первых шагов в стране русских замечается, что такое общество, какое они устроили для себя, может служить только их потребностям; нужно быть русским, чтобы жить в России, а между тем с виду всё здесь делается так же, как и в других странах, разница только в основе явлений" (подч. мной. — А.Ф.). Работы Зиновьева, помимо прочего, направлены на разработку такого теоретического инструментария, который позволит преодолеть это "с виду" и добраться до основ явлений, причём прежде всего касательно периода, в который Россия больше отличалась от Запада, чем эпоху Николая I. Инструментарий, о котором идёт речь, должен адекватно отражать принципиальную простоту "русского (или советского) эксперимента" и в известном смысле быть простым (хотя с точки зрения созидания, нет ничего сложнее простых вещей, будь то материальные или тем более идеальные). Это — случай "системы Зиновьева", которая в её объяснении коммунизма может внешне показаться недостаточно сложной, а потому не вполне научной, особенно если сравнить её, например, с тем, что писали об этом феномене русские философы начала XX в. или западные социологи XX в.

Не буду много говорить на эту тему — для меня приоритет Зиновьева очевиден. Отмечу лишь, что не всякой сложности нужно рукоплескать. И не только потому, что следует помнить об Оккаме с его бритвой. Дело ещё и в том, что сложность сложности рознь. Бывает сложность пути, ведущего вверх, но есть и сложность перезрелости, разложения, нежизнеспособности, что хорошо понимали, например, К.Леонтьев и О.Шпенглер. Именно такой сложности, на мой взгляд, хватает в искусстве и мысли русского Серебряного века, отразившего усталость верхних слоёв общества от самих себя, оторванность от "почвы", социальную искусственность и бесперспективность, развитие в форме декаданса.

Гуманисты клонящегося, перезрелого, исторически уже тупикового, но внешне богатого и сложного в многообразии деталей и верных частностей Возрождения воспринимали Мартина Лютера и его идеи как примитив. Но будущее-то оказалось именно за "простыми" идеями этого человека с тяжёлым крестьянским лицом. Аналогичным образом Коперник предложил простой выход из перенасыщенной эпициклами и деферентами системы Птолемея, запутавшейся в собственной сложности.

Возвращаясь к Зиновьеву, отмечу две вещи. Первое. Его "система" — первая попытка на материале коммунизма разработать теорию, методологически и содержательно адекватную изучаемому обществу. Второе. Антиэксплуататорский, направленный против любых форм эксплуатации и угнетения запал зиновьевского подхода соответствует многовековому ходу русской истории, русского макросоциального эксперимента, само осуществление которого объективно требовало ограничения, блокирования классовых отношений, причём нередко в интересах не только низов, но и верхов, т.е. с точки зрения социального целого. В этом плане "система Зиновьева" есть не только научно-рационализированное отражение коммунистического эксперимента (о конкретных интерпретациях выводах можно и нужно спорить), но и идейное отражение русского

"неклассового" эксперимента, который сейчас переживает острейший кризис, а может — не хочется верить — подошёл к концу.
Зиновьев с его системой — это научно-художественная авторефлексия русского эксперимента на его коммунистической стадии, со всеми высотами и зияниями последней, с победами и поражениями, авторефлексия крайне противоречивая, несмотря на то, что её персонификатор — один из крупнейших логиков XX в. И это тоже симптоматично: столкнувшись с задачей анализа советской реальности, логик превратился в "научного художника", творчество которого полно противоречий.

ЗИНОВЬЕВ И ЗАПАД

Зиновьев, бесспорно, очень русский, хотя и очень особый русский человек. И в то же время это человек, побывавший во время войны (в которой он победил Запад) на Западе; который получил современное (т.е. западное по месту происхождения образование) и который прожил на Западе два десятилетия. Зиновьев не раз подвергал Запад и западный строй жизни ("западнизм") жестокой критике. Похоже, в 1990-е гг. западнизм занял в представлении Зиновьева то место врага, которое раньше занимал коммунизм. Но как двойственной была позиция Зиновьева по отношению к коммунизму, так и двойственной является его позиция по отношению к Западу, о котором тот же Зиновьев сказал немало хорошего, в том числе с болью за судьбу европейской цивилизации, которую пожирает "глобальное сообщество".
Думаю, в своём отношении к Западу Зиновьев оказывается меж двух Владимиров, образующих некую ось. Это Владимир Ленин и Владимир Набоков. Ленин стремился уничтожить Запад как Запад и как капитализм одновременно, т.е. как цивилизацию и формацию, заменив их мировой универсальной (поклон Просвещению) и однородной в социальном и властном отношении (поклон русской власти) коммунистической системой. Именно этого никогда не хотел Зиновьев, именно этого боялся, именно о такого рода опасности предупреждал Запад.
Набоков, если и не растворился в Западе, его культуре и остался русским писателем (впрочем, очень особым русским — впрочем, они все по-своему особые, странные русские — Ленин, Набоков, Зиновьев, со странной любовью к России — не менее странной, чем любовь его любимого поэта Лермонтова; кстати, все — системы в одном лице), то стал частью Запада, вполне органичной. Это то, к чему тоже никогда не стремился Зиновьев, — и потому что был советским русским человеком, и потому что всегда был сам по себе, будь то Запад или Россия. Зиновьев — сам себе Запад и сам себе Россия. Но именно системность в одном лице как социальное качество, кажется, рождает поразительный тип двойственности Зиновьева по отношению к Западу.
Как индивиду, лицу, противопоставляющему себя системе, Зиновьеву не мог не импонировать Запад как цивилизационный тип. Как систему в одном лице, как индивида, вынужденного жить в противостоянии русской власти (в её коммунистической форме), Запад с его полисубъектностью не мог не настораживать Зиновьева. Отсюда — двойственное отношение, меняющее окраску от спокойного, "с одной стороны, с другой стороны", до признания в На?liebe. Преодолеть эту двойственность можно с помощью либо "стратегии Ленина", либо "стратегии Набокова", что, повторяю, невозможно для Зиновьева, который остаётся сам собой и с самим собой — наедине, т.е. в позиции Марка Аврелия. Позиции, к которой в той или иной степени, как правило, приходит любой честно мыслящий и чувствующий человек, осознав, что хороших систем не бывает, и что реализовать себя можно только вопреки — людям и обстоятельствам, пространству и времени, настоящему и будущему, врагам и друзьям. Возможно ли при таком подходе счастье? Не знаю. Я знаю только русский ответ на этот вопрос: "На свете счастья нет, но есть покой и воля".

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ?

Эксперимент "система в одном лице" поставлен Зиновьевым в советской реальности XX в. Однако, на мой взгляд, он имеет большое теоретическое и практико-социальное

значение и для XXI в. — для интеллектуалов энтээровской эпохи, в которой, как известно, решающими факторами производства становятся нематериальные — информация, интеллект. В условиях НТР сама социальная грань между властью и собственностью и, естественно, их персонификаторами во многом стирается. НТР на производственной основе создаёт ситуацию, которая, например, в советском обществе, в коммунистическом порядке существовала на основе непроизводственной и была следствием большевистской властно-технической революции, ВТР. Поразительным образом результаты развития позднего, энтээровского капитализма (с их размагничивающим влиянием на собственность, во многом превращающим её в квазисобственность) и результаты разложения коммунизма (с появлением в посткоммунистической системе привластных квазисобственников) оказываются внешне сходными (сбылась мечта о конвергенции?). Если и вспомнить ещё и о росте значения интеллектуальной собственности, то получается, что власть, собственность и знание становятся элементами какой-то новой субстанции, трудноуловимой на языке политэкономии и чем-то похожей на злого духа из "Шах-Намэ" с его "я здесь и не здесь".

Выход на первый план в самом вещественном, материальном производстве "невещественных" форм труда и производства, нематериальных факторов труда принципиально меняет ситуацию интеллектуала, его отношения с капиталом и государством. НТР не просто превратила интеллектуала как агента духовного производства в наёмного работника умственного труда; он оказывается ещё собственником главного для нашей эпохи фактора материального производства — интеллектуально-производственного, понятийно-образного.

Иными словами, ныне, как и в "докапиталистические" эпохи, главным становится живой труд, но не в его физической, а интеллектуальной форме. Социальные последствия НТР, производственно-экономическая ситуация "информационного общества" в значительной степени устраняют треугольник "эксплуататоры — эксплуатируемые — интеллектуалы", "растаскивая" третий элемент, угол по двум другим, превращая треугольник в отрезок с двумя краями. Иными словами, линии "господствующие группы — интеллектуалы", "эксплуататоры — эксплуатируемые" сходятся в одной точке, в интеллектуальном труде как системообразующем виде найма. Опроизводствление интеллекта и интеллектуализация материального производства, появление социального агента, совмещающего в себе функции интеллектуала и наёмного работника материального производства, принципиально меняют ситуацию.

Во-первых, значительная часть эксплуатируемых уже просто не нужна, наукоёмкое производство может обойтись без них. Во-вторых, интеллектуалы как персонификаторы главной производственной функции и в то же время собственники условий, предмета, процесса и результата своей деятельности, неотделимые физически от этих последних начинают как группа расслаиваться: часть (меньшая) "уходит в князья", превращается в "культурбуржуазию", большая часть сливается с эксплуатируемыми или даже люмпенизируется. Нередко тот или иной вариант может быть результатом сознательного выбора. И вот тут-то интеллектуал сталкивается с серьёзнейшей проблемой. Ни верхи, ни низы позднекапиталистической эпохи, будь то центр, периферия капсистемы, социальных симпатий не вызывает. Эпоха Масс и Революций, а следовательно, Надежд и Иллюзий, закончилась в 1991 г.

Какой выбор возможен для профессионального интеллектуала в новой ситуации? В то время как в индустриальную эпоху интеллектуалы социопроизводственно были обособлены и от эксплуататоров и от эксплуатируемых, в социополитическом плане они, как правило, ассоциировали, соотносили себя либо с первыми, либо со вторыми, обосновывая свой выбор теоретически. В энтээровскую эпоху интеллектуалы социопроизводственно либо сближаются с эксплуататорами, либо превращаются в эксплуатируемых, т.е. исчезает зона соотнесения. Вместо "треугольника" возникает слой богатых (20%) и бедных (80%), часть из которых вообще выброшена из производства, из

"социального времени" — не нужны. В изменившейся глобальной социальной ситуации интеллектуалы должны прекратить ассоциировать себя социополитически с верхами или низами. Необходима выработка адекватного самостоятельного корпоративно-группового сознания. Речь не идёт об объединении в партию или политическую организацию — партийно-политическая эпоха уходит, а по сути, уже ушла в прошлое. Речь — о другом: о формировании произвольной позиции по отношению как к господствующим, так и угнетённым группам системы, а также к системе в целом. Для такой позиции ныне возникает и объективный социопроизводственный базис — глобальные информпотоки. Этот базис — необходимое, но недостаточное условие занятия интеллектуалами произвольной системно-антисистемной позиции по отношению к основным социальным группам. Достаточных условий, на мой взгляд, два. Первое — разработка социально-исторической теории, адекватной современному миру, раскрывающей его реальное содержание, механизмы управления и т.д. Вне научного анализа реальности невозможно определить своё место в ней. Однако полноценная разработка такой теории (а теория — дело штучное, ремесленно-мастеровое в высшем смысле этого определения) в условиях современного общества возможна лишь на основе реализации — и это второе достаточное условие — программы "система в одном лице". В этом плане эксперимент Зиновьева, осуществлённый в условиях советского властного контроля над сферой идей, имеет огромное значение для эпохи, в которой контроль над идеями приобретает позднекапиталистический производственный характер. Зиновьев, получается, и в практическом плане работает на будущее, его эксперимент — так получается объективно — это"добрым молодцам урок", "добрым молодцам" XXI века.

Если Маркс на "входе в Современность" звал к индивидуальной свободе посредством обретения свободы коллективной, то Зиновьев "на выходе из Современности" не просто предлагает путь к коллективной свободе через индивидуальную (хотя его можно прочесть и так), но снимает — для осуществления Рывка к Свободе и жизни в ней — противоречие между индивидом и коллективом (системой) в практико-теоретической программе "система в одном лице". Мне это напоминает то, как христианство в концепции личности сняло характерное для античного общества противоречие "индивид — коллектив". И это тоже кажется мне символическим и симптоматичным: похоже, на рубеже XX-XXI вв. мы оказались в конце не только эпохи Модерна, но и христианской эпохи: мир постмодерна — это, по-видимому, будет и постхристианский мир, в котором человек может рассчитывать только на себя, на своё мужество быть и мужество знать, причём адекватное знание (теория) обусловлено определённой социальной позицией.

Как знать, не окажется ли человек в XXI в. в такой ситуации, в которой остаться человеком можно будет только в виде "системы в одном лице"? В таком случае советский XX век уже провёл предварительную испытательную работу, причём не только по линии коллективной — социосистемного антикапиталистического эксперимента, но и по линии индивидуальной (индивидуально-системной, системно-личностной) — зиновьевского эксперимента (впрочем, они связаны между собой). Как тут не вспомнить Тютчева с его "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся". Действительно, не дано. Отозваться может по-разному. Мы можем лишь констатировать: своим опытом Зиновьев, по-видимому, предвосхитил важную форму жизнебытия интеллектуала постиндустриальной эпохи как такого агента, чья профессиональная позиция, постоянно проверяемая теоретической рефлексией (это отличает интеллектуала от эксперта), обусловлена его произвольным социальным бытием представителя "класса" "систем в одном лице" и моральной рефлексией по этому поводу. В какой степени подобный "класс" является классом и в какой степени подобная "система" является системой — на эти вопросы предстоит уже отвечать интеллектуалам XXI века. Зиновьев — среди тех, кто поставил этот вопрос не только теоретически, но и практически — своей жизнью в стране.

СУПЕРПОБЕДИТЕЛЬ

Помимо того, что Зиновьев, self-made man, создал самого себя и замечательную семью —

последнее для творческого человека очень важно, он в своей жизни одержал три крупные победы. Во-первых, он победил в страшной войне (и остался при этом человеком). Во-вторых, он победил в персональной социальной войне, оставшись самим собой, вопреки воле Системы, пересидев, перетомив её в противостоянии. Это — специфический, спокойный, некрикливый, русского типа героизм, в основе которого — не самореклама и победа любой моральной ценой, а самостояние в правде. В-третьих, он победил, создав свою Систему, свой научно-художественный Космос. Такое количество и такое сочетание побед над превосходящим противником (и в какой-то момент над самим собой) — нечто из области фантастики, сказки. Ну что же, Зиновьев, как и многие люди его поколения, может сказать: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью".

Парадокс, по крайней мере, внешне: жесточайший критик-аналитик (серьёзный анализ автоматически предполагает критику как реальности, так и различных объясняющих её теорий) советской системы воплотил в действительность то, что по аналогии с Американской Мечтой можно назвать Советской Мечтой. Но, быть может, Советскую Мечту и можно было реализовать лишь вопреки советской системе? Или точнее: одновременно и благодаря и вопреки. Подозреваю, что именно так, а не иначе. Только на такой основе Зиновьев мог стать и стал суперпобедителем, чемпионом как по различным отдельным видам социальных и интеллектуальных единоборств — и по их сумме. При этом, реализовав Советскую (системную, кстати) Мечту, он победил и её, поставив на службу себе-как-системе, своему творчеству.

Система Зиновьева важна не только сама по себе. Помимо прочего, она — великолепный материал, опровергающий научные мифы, созданные о советском обществе как на Западе, так и в СССР, а позднее — в постсоветской России. То же можно сказать и о творчестве Зиновьева в целом: исключительно ценное само по себе, оно объективно противостоит различным фальсификациям советской истории как собственно советским (официальным) и западным, так и болтающимися между этими двумя, подобно "розе" в проруби, интеллигентско-шестидесятническим ("советским либеральным"), перестроечным и постсоветским.

Наша история концептуально неоднократно и по-разному фальсифицировалась: сначала Карамзиным, затем либералами и марксистами XIX в. За ними в XX в. последовали новые концептуальные фальсификации: сталинская, зрелая номенклатурная, интеллигентская и номенклатурно-интеллигентская ("шестидесятническая"). Интенсивной фальсификации подверглась советская история как сталинского периода, так и, разумеется, хрущёвско-брежневского. Наконец, убого-подлые перестроечная и постперестроечная (постсоветская) фальсификации, отражающие интересы новых хозяев страны и очерняющие всё советское прошлое, все его достижения. Указанные фальсификации тесно переплелись друг с другом и часто, снимая один лживый слой, вскрывают не истину, а другую ложь, которую выдают (или принимают) за адекватное отражение реальности, за истину. Далеко не все фальсификации были сознательными и злонамеренными, отнюдь нет. Но сути дела, точнее, результат, это не меняет. Писать историю России, особенно её XX в. — это снимать "семь одёжек и все без застёжек" фальсификации, причём не столько фактологические, сколько концептуальные. Концептуальная информация — вот что было и остаётся главным объектом фальсификации. Единственное, что можно реально противопоставить, — это адекватная теория.

Зиновьев сыграл огромную роль в борьбе за прояснение советской истории, её сути и смысла. Я далеко не со всем согласен с его конкретными интерпретациями. Однако общий подход — честный и без иллюзий взгляд на наше прошлое и настоящее и стремление найти адекватный нашей реальности научный язык — сомнений не вызывает. Лучшее социальное средство реализации такого подхода — позиция "Я-система" в одном лице. То же предложено Зиновьевым. То же, как и он — достояние России, подарок русского XX века — веку XXI. Подарок во многом горький, но истина иной и не может быть.

Зиновьев сделал столько, сколько мог бы сделать хороший институт. Теперь — объективно — очередь следующего поколения, того, которое пользовалось плодами Великой Победы и на глазах которого, а то и при его активном или пассивном соучастии — по наивности, восторгу от свалившейся свободы и непонимания, что хороших систем не бывает (что, впрочем, не означает необходимости защищать прогнивший коммунизм), эти плоды были утрачены. Те, кто не просто застал комстрой, а кто прожил при нём половину ("плюс"-"минус") жизни, должны постараться объяснить его суть и понять причины гибели. И не только потому, что речь идёт о нашей стране, об одной из её исторических структур. Есть не менее важная причина более общего порядка: комстрой, каким бы он ни был, в истории человечества является единственным социосистемным экспериментом строительства общества на основе не эксплуатации, а солидарности. Конечно, благими намерениями дорога в ад вымощена, и сам Зиновьев писал, что наиболее чудовищные в истории социума рождаются как результат осуществления самых светлых утопических проектов. Всё так, но — ушёл Советский Союз, и что мы видим в мире? Всем стало лучше? Наступили мир и покой? Восторжествовали права человека, именем которых Запад противостоял "империи Зла"?

Комстрой в СССР был единственной в истории попыткой реализации антикапиталистического проекта, создания системы — альтернативной капитализму попыткой строительства Модерна на основе принципа равенства. Коммунистический русский эксперимент — альтернатива эксперименту капиталистическому, англосаксонскому. XX век — это борьба двух этих просвещенческих проектов как равноположенных. И ранее, и особенно теперь, делается всё, чтобы эту равноположенность затушевать, представить коммунистический эксперимент отклонением как от капиталистической нормы, так и от русской дореволюционной истории. Перед нами — ещё одна фальсификация, цель которой — по сути — лишить нас нашего XX в. На самом деле антикапитализм имеет не меньшее историческое значение, чем капитализм, и особого внимания заслуживает вопрос о том, почему именно Россия реализовала этот западный проект, наполнив его русским содержанием. Ответы на эти вопросы имеют кардинально важное значение для нашего будущего, и Зиновьев сделал очень многое, чтобы расчистить эпистемологическое поле для ответов на них.

Понять СССР — это не только понять нашу историю, но и ответить на вопрос: возможно ли системное осуществление социальной справедливости? И даже если ответ отрицательный, негативный опыт — это тоже опыт. К тому же, за одного битого двух небитых дают. Поражения — а XX в. для России кончился (и начался) поражением — жестокий, но хороший учитель. Разумеется, если хотеть учиться. К.Поланьи, автор одной из главных книг XX в. — "Великое изменение", писал, что именно анализ поражения привёл в 1930-е гг. в Германии к появлению политиков, обладавших зловещим интеллектуальным превосходством над своими оппонентами из западных стран-победителей. Но то же можно сказать и о большевистском руководстве 1920-х-1930-х гг., наученном горьким опытом России начала XX в. Путь к победам лежит в информационной сфере, в сфере психоистории. Недаром Зиновьев постоянно говорил: "Наша задача — переумнить Запад".

Исследовать и понять причины провала СССР и как антикапиталистического модерна, и как самой чистой, т.е. максимально свободной от собственности формы русской власти, сделать правильные выводы и разработать на их основе практические рекомендации труднее и неблагодарнее, чем просто присоединиться к посткоммунистическим хозяевам с их (и "неолиберального капитализма") принципом "побеждает сильный, и он прав". "Не в силе Бог, а в правде". Я, как и Зиновьев, атеист, но эта фраза, приписываемая Александру Невскому, представляется мне правильной — в метафизическом смысле. Жизнь и творчество Александра Александровича Зиновьева, активно участвовавшего и создавшего своими исследованиями в создании плацдарма для борьбы за научную истину в XXI в., служат тому подтверждением.

Государство, оно же корпорация

Андрей Фурсов

директор Института русской истории РГГУ, сотрудник Центра глобалистики и компаративистики ИФИ РГГУ, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН.

Национальное государство ржавеет. Об этом уже и не спорят. Спорят о том, что придет на смену нации-государству. Одни полагают – мировое правительство, другие – цивилизации, третьи – регион-государства. Нация-государство действительно уходит, но государство еще достаточно сильно и не позволяет никому занять его место. Оно остается, но теряет свою национальную форму. На смену нации-государству грядет корпорация-государство. Речь идет не о превращении корпорации в государство и не о корпоративном государстве вроде Италии 1920-1930 годов или Германии 1933-1945-х. Речь о принципиально новом и, вероятно, чудовищном феномене, который может показаться современникам не менее страшным, чем «новые монархии» XV века жителям позднесредневекового социума. Корпорация-государство – это не завтрашний день, а уже сегодняшний. Оно уже здесь, мы просто не видим его за треснувшим панцирем нации-государства, который оно использует.

Победа времени над пространством

Глобализация, как известно, это такой процесс производства и обмена, в котором, благодаря господству информационных факторов над вещественными, капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободным от всех ограничений локального и государственного уровня: пространственных, материальных, социальных. Это, согласно Зигмунду Бауману, победа времени над пространством, то есть тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство). С формированием глобальных денежных рынков возможности государства контролировать финансово-экономические потоки резко ослабли. Уже на заре глобализации, в середине 1990 годов, объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых трансакций достиг триллиона трехсот миллиардов долларов в день. Это в пять раз больше, чем объем мировых торговых обменов и всего лишь чуть меньше, чем суммарные резервы всех национальных банков мира на тот момент (один триллион пятьсот миллиардов). Ни одно государство мира, за исключением США (благодаря тому, что, во-первых, имеют мощные военно-политические мускулы; во-вторых, они – место прописки крупнейших транснациональных корпораций (ТНК), так сказать, Глобамерика) не продержится и нескольких дней против глобального спекулятивного давления. Уже в 1994 году (всего через одиннадцать лет после того, как появился термин «глобализация») мексиканский финансовый кризис ясно показал всю слабость государства перед лицом глобального рынка («семерке», Всемирному банку и МВФ удалось наскрести для Мексики всего лишь пятьдесят миллиардов долларов).

Глобализация поменяла ударные и безударные уровни предыдущей эпохи: государственный и локальный уровни отошли на второй план, а глобальный и региональный вышли на первый. Макрорегионализация современного мира имеет два аспекта. Во-первых, это формирование наднациональных экономических и политических структур типа Евросоюза или Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Во-вторых, что намного важнее, появление уже в начале 1990 годов феномена, который известный японский менеджер и публицист, автор нескольких экономических бестселлеров Кенити Омаэ в книге с показательным названием «Конец нации-государства: подъем региональных экономик» (1995 год) назвал «регион-государством»

(РГ) (или «регион-экономикой» (РЭ), – явный полемический вызов «мир-экономике» Фернана Броделя и Иммануила Валлерстайна.

По мнению Омаэ, именно РЭ, а не приходящее в упадок национальное государство является естественной деловой единицей глобальной информационной экономики. Причем независимо от того, находится ли РЭ внутри границ того или иного государства, где он существует как экономически автономное образование (Силиконовая долина в США, агломерация Сан-Паулу в Бразилии, Сютокэн и Кансай в Японии, Северная Италия, Баден-Вюртемберг и т.д.) или расположен по разные стороны границы или даже границ (Русийон – Лангедок – Каталония; Пенанг – Медан – Пхукет; Сингапур – Джохор – острова Риау). РЭ решает региональные проблемы путем использования глобальных ресурсов; в большей степени связан с другими РЭ, чем со своей страной. Функционирование регион-государства определяется сугубо экономическими, а не политическими или тем более социальными императивами. РГ – это единица спроса и потребления, и не более того. А потому численность его населения не должна быть более двадцати миллионов (иначе не будет обеспечено единство граждан как потребителей, все должны быть относительно богатыми), но не менее пяти миллионов (чтобы обеспечить экономию за счет услуг, особенно тех, которые важны для эффективного участия в глобальной экономике). Таким образом, глобальная экономика представляет собой не единую ткань, а сеть из ста-двухсот точек-узлов, связанных прежде всего между собой. Она как бы парит над остальным миром с его нациями-государствами, до которых ей нет дела.

То, что Омаэ назвал «регион-государством», Филипп Бобит назвал «рынком-государством» (market-state), идущим на смену нации-государству. Если императивы последнего носили политико-экономический характер, а в 1945-1975 годах еще и социальный, то императивы и смысл жизни region-state или market-state являются, прежде всего, экономическими, а уж затем политическими и в еще меньшей степени социальными. По сути, и то, и другое представляют собой десоциализацию, денационализацию, а в известном смысле и детерриториализацию государства. И если регион-государство еще сохраняет черты территориального государства, а вместе с ними в определенной степени характеристики социального и – в большей степени – политического государства, то «рынок-государство» эти характеристики, по сути, утрачивает. «Регион-государство», таким образом, – это переходная форма к структуре, действительно адекватной Pax Globalica – «рынку-государству». Однако последнее есть суть этого процесса, и поэтому правильнее говорить о рыночной государственности. Конкретную историческую форму, адекватную глобальному рынку и рыночной государственности, я называю «корпорацией-государством» (corporation-state).

Государство-клан

Корпорация-государство – такое устройство, цели, функционирование которого носят прежде всего экономический характер, то есть направлены на снижение издержек. Следовательно, они требуют минимизации политических и социальных издержек по содержанию территории прописки – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни).

Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальном масштабе, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть – государство начинает вести себя как

корпорация, в которой все определяется экономической эффективностью: «выживает сильнейший» и «ничего личного».

Нация-государство, конечно же, неадекватна миру неолиберальной глобализации. Она не только иррациональна с его точки зрения, но и слабоконкурентна, поскольку нагружена социальными обязательствами по отношению к массе населения. В индустриальную эпоху выполнение таких функций – не благотворительность, а императив. Во-первых, индустриальное производство требует наличия массового рабочего и среднего класса. Во-вторых, индустриальная эпоха – это эпоха системных мировых войн, в которых сражаются военно-промышленные комплексы, то есть нации в целом, отсюда необходимость социально-политических мер для обеспечения единства нации. В-третьих, наличие в индустриальную эпоху системного антикапитализма (СССР), логически вытекающего из природы капитализма, противостояние двух миров заставило буржуазное государство принять такой облик, который вообще не характерен его природе, противоречит ей – welfare nation state, то есть стать государством всеобщего собеса.

Дальнейшее развитие state – как nation и как welfare – должно было привести к столь радикальному перераспределению доходов и власти, что господствующие группы просто превращались в верхнюю часть среднего класса. Страх перед таким будущим и ответ на вопрос «что делать?» нашли отражение в знаменитом докладе «Кризис демократии», написанном Збигневом Бжезинским, Мишелем Крозье и Дзедзи Ватануки по заказу Трехсторонней комиссии.

Глобальная информационная постиндустриальная экономика в силу своей наукоемкости и возможности перемещения индустриального производства на Юг не требует массовых среднего и рабочего классов. Эпоха системных мировых войн за гегемонию закончилась, у капсистемы есть гегемон – США (с 1980 годов – Глобамерика). СССР прекратил свое существование. Не надо никого подкармливать и мирить. Дальновидные исследователи (например, Дедни и Айкенбери) сразу же после окончания «холодной войны» предсказали ослабление и демонтаж warfare welfare state. Однако им, по-видимому, и в голову не могло прийти, что вместе с формой будет демонтироваться-разрушаться и содержание – nation-state, поскольку nation перестает быть как формой организации производства, так и формой политической организации для мировой борьбы за гегемонию. А потому место nation-state, вместе с которым уходят политика и гражданское общество (adieu, политология и социология), занимает corporation-state. Причем быстрее этот процесс идет не в ядре, а на полупериферии и периферии капсистемы. «Язычник, страдающий от язв христианства» – так называл Карл Маркс ситуации подобного рода.

Итак, корпорация-государство – это такой административно-экономический комплекс, который, будучи хотя бы формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране; который в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сократил их). Внутренний принцип организации корпорации-государства – клан. Именно клан, а не физический индивид, как в нации-государстве, есть базовая социальная единица корпорации-государства: индивиды «здесь не ходят».

Нация-государство не сразу превращается в корпорацию-государство. Сначала оно трансформируется в государство-корпорацию, так сказать, денационализируется, приватизируется. В корпорации-государстве от государственности остаются минимальный контроль над границами и территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способных вызвать протест и массовые волнения. Как заметил один из лидеров мексиканских крестьян в Чьяпасе, «в кабаре глобализации» государство начинает заниматься стриптизом, и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью, – репрессивная мощь. Национальные правительства перестают быть и национальными, и правительствами, превращаясь во внешние административные органы корпораций.

Разумеется, последнее – удел слабых государств Юга (бывшего «третьего мира»). Более сильные государства того же Юга сами превращаются в государства-корпорации (корпорации-государства): если страна небольшая, то речь идет об одной корпорации, если побольше – о нескольких (например, в Колумбии «государством» являются два наркокартеля (Калийский и Медельинский) и отчасти Революционных вооруженных силах Колумбии (FARC). Процессы корпоратизации государства идут также в таких странах, как Россия, Индия, Индонезия, Китай, Бразилия. В этих крупных государствах ввиду их размеров, численности, мощной и высокоразвитой культуры, исторических традиций и претензий на статус если не великой, то региональной державы, процесс корпоратизации государства будет особенно острым, противоречивым, конфликтным и чреватым серьезнейшими социальными потрясениями. Корпоратизация государства происходит и на Севере. Так, США – это не только и не столько государство, сколько Глобамерика: матрица американских ТНК, с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире корпорации-государства.

Встречные планы

Террористические организации после окончания «холодной войны» тоже стали превращаться в политико-экономические корпорации нового типа, в корпорации-квазигосударства. Идет тотальная корпоратизация мира, что внешне весьма напоминает финальные века Римской империи и XIV-XV века в Западной Европе. XXI век будет веком различных корпораций («-государств») – различных по происхождению, форме, силе, но одинаковых по сути. И это станет серьезнейшим испытанием для такого христианского завоевания человечества, как личность, которой не на кого и не на что будет рассчитывать, как на саму себя, и нужно будет превращаться в корпорацию в одном лице.

У асоциализации (десоциализации) корпорации-государства есть и иной аспект. Поскольку современная глобальная экономика, по крайней мере, в главных ее сферах (торговля оружием, нефтью, драгметаллами и золотом, наркотрафик, проституция и порнобизнес) является глобальной криминальной экономикой, нормальное функционирование которой построено на нарушении государственных и международных законов, корпорация-государство есть, по сути, корпоративно-криминальное (криминально-корпоративное) государство. Вплоть до того, что в определенных зонах мира криминальные характеристики начинают доминировать. «Государство-бандит» – так называет государство в ряде африканских стран М. Шацберг в замечательной работе «Диалектика угнетения в Заире». Корпоратизация и криминализация (нации) государства – две стороны одной медали, два взаимоусиливающих и взаимоспонсирующих процесса.

Именно корпоративность (негосударственность, а то и антигосударственность) делает корпорацию-государство почти идеальной структурой и формой глобальной криминальной экономики, а точнее, просто глобальной экономики. В последней – грань между криминальной и правовой зонами принципиально стерта: «прибыль превыше всего». Криминальные средства и структуры, криминальные революции (вроде советско-российской 1988–1998 годов) – очень сильные и эффективные средства корпоратизации государства (не говоря уже о первоначальном накоплении капитала) там, где легальных экономических средств и механизмов для этого не хватает или просто нет. Нужно только слегка помочь. Помимо прочего, разгромить в виде цепи реорганизаций правоохранительные органы, превратив их в силовые (криминально-силовые). Впрочем, силовая – это уже не правовая структура, а персонификатор силового предпринимательства.

Корпорация-государство находится не только по ту сторону добра и зла, но и по ту сторону закона и преступления. Это принципиально новый (постбуржуазный и постцивилизационный одновременно) феномен не только с точки зрения государственности, но и с точки зрения экономики, права и морали. В корпорацию-государство отбирается и определенный социальный, антропологический тип, определенный человеческий материал.

На корпоратизацию-криминализацию государства тоже надвигается встречный процесс – политизация-этатизация – криминала. Криминальные картели трансформируются в корпорации-государства (контролирующие определенную территорию или хотя бы зоны трафика), и это еще больше ослабляет нацию-государство. А с точки зрения современной глобальной экономики, где криминал-корпорации – такие же экономические агенты, как нации-государства и ТНК, между криминальным и некриминальным (то есть просто корпорациями, корпорациями-государствами, нациями-государствами, регион-экономиками и так далее) разницы нет. Все это лишь точки, узлы в Мировой глобальной сети, исключающей восемьдесят процентов населения планеты из своих процессов и надстраивающейся над ними в качестве некоего сверхобщества.

Процесс ржавления или таяния государства (уже появились такие термины) идет все быстрее, особенно там, где государство сильнее общества, где общество как таковое (то есть гражданское общество) слабо или его практически никогда не было. Это так, например, вне североатлантического ядра капсистемы. И если в азиатских обществах на пути десоциализации государства оказываются местные коллективистские традиции и корпорации, то в странах Латинской Америки, неисламской Африки и особенно бывших коммунистических странах таких сдержек нет.

Камешки на морском берегу

Все сказанное, однако, не означает, что государство уже почти исчезло. Процесс маркетизации/корпоратизации государства еще не завершился, здесь возможны и попятные движения. Во-первых, у нации-государства, особенно в ядре, еще много сил, чтобы сопротивляться. Особенно если у него, как во Франции и Германии, мощная социальная традиция, уходящая корнями не только в раннее новое время, но и в Средневековье (средневековая корпоративность была принципиально иной, чем позднекапиталистическая, – социальной, а не экономической, и, чтобы не путать их, правильнее даже говорить о корпорационности). И чем мощнее эти корни, тем медленнее идет процесс отмирания nation-state и превращения его в corporation-state через state-corporation.

Во-вторых, nation-state являются той скорлупой и тем ресурсом, которые используют в борьбе друг с другом существующие внутри них корпорации-государства. И именно на население национальных государств они перекладывают свои проблемы – от выплаты своих долгов до ведения войн от имени нации-государства.

В-третьих, сохранение фасада нации-государства позволяет скрывать хищническую суть корпоративно-криминального государства, представлять корпоративно-криминальные конфликты и интересы как национально-государственные: «Где умный человек прячет камешек? Среди камешков на морском берегу». Тем более что корпорация-государство, формально располагаясь на той же территории, что и нация-государство, как совокупность составляющих его структур выступает в большей степени как сумма, чем как целое, и потому по своему потенциалу будет всегда слабее нации-государства. Остаточную, слабеющую мощь целостности, мощь синергетического действия корпорация-государство подобно осе-наезднику (читай «Жизнь насекомых» Жана Анри Фабра) может черпать только у нации-государства, у его населения или, на худой конец, из его символики, отражающей его прошлое и его победы.

Конфликты новой эпохи в течение определенного времени будут продолжаться в старой форме и под старыми знаменами, и только когда последние обветшают, а новые агенты окончательно встанут на ноги, наступит brave new world корпораций-государств и встанет задача избавления от государства вообще. Именно в этом направлении, противоположном тому, в котором развивались структуры власти в Западной Европе с «длинного XVI века» (1453–1648 годы), развивается сейчас государство, миновавшее свой пик – форму и фазу нации-государства.

У корпорации-государства есть немало признаков, которые сближают его с раннекапиталистическими (как государством, так и структурами типа английской Ост-Индской компании) и докапиталистическими властными структурами. Путь к нему – это «назад в будущее» или «вперед, в прошлое». Скорее всего, корпорация-государство пробежит свой путь от нации-государства к негосударственным (привет Марксу с его тезисом об отмирании государства в посткапиталистическом обществе) формам власти быстрее, чем княжеское государство XV–XVI веков превратилось в нацию-государство. Разумеется, если ничто не повернет вспять или не деформирует этот «прогресс». Ведь мы говорим о системах и эволюции, но есть еще субъект и революция, есть борьба, которая, как верно заметил Гераклит, «отец всего». Кто или что может унять широко шагающего «молодца» корпорацию-государство?

Когда-то Баррингтон Мур заметил, что революции, вопреки Марксу, чаще возникают не из победного клича восходящих классов, но из предсмертного рева тех слоев, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса. Старые средние и рабочие классы превращаются в локалов – тех, кто в отличие от глобалов, покидают свое местожительство либо в качестве беженцев, либо в качестве мигрантов, законных или незаконных. Это один из резервуаров сопротивления, есть и другие.

В любом случае корпорация-государство с ее денационализацией и десоциализацией не может не порождать нечто вроде социал-национализма в качестве своего социального антитезиса. В этом антитезисе стираются характерные для эпохи Модерна (1789-1991) противоречия между «левыми» и «правыми»; он способен объединить в рамках «реакционного прогрессизма» всех, кому не улыбается стать сырьем для корпораций-государств и их мира с Глобамерикой в качестве матрицы. Неолиберализму могут быть противопоставлены консерватизм и марксизм; социопатологии «героев» корпорации государства – солидарность; паракриминальному коллективизму и клановости –

индивидуализм. Гарантирован ли успех? Вовсе нет. Но это не значит, что надо радостно принимать прогресс, который тебе впихивают. «Это не мой прогресс», – говорит Кандид, главный герой «Улитки на склоне» Стругацких, – «на мне он споткнется». И, сжав скальпель, уходит в Лес. Впрочем, я уже не говорю о том, что весь ход истории ближайших тридцати-сорока лет может быть изменен вмешательством сил и стихий, куда более могущественных, чем корпорации-государства. Но это другая тема.

Источник: «Эксперт Украина» №7(58), 20 февраля 2006

Биология возвращается?

Теоретический подход к русской истории, предлагаемый Валерием Соловьем в его работе "*Русская история: новое прочтение*" (М., 2005), зиждется на трех посылках, которые, как подчеркивает сам автор, в современной науке воспринимаются как немодные или еретические:

— движущая сила истории — это именно народ, но не как масса, а как организованное целое;

— народ как целостность существует, прежде всего, в этническом качестве; этничность важнее экономики, культуры и политики; природа этничности является биологической или, в лучшем случае, биосоциальной;

— сквозная логика истории того или иного народа, проступающая сквозь событийный хаос, есть не что иное, как "развертывание этнического качества народа".

Быть этнически русским (немцем, французом и т.д.), считает Валерий Соловей, прекрасно понимая, какого рода критику может вызвать и уже вызвал данный тезис, — вопрос "крови" и "почвы" (совпадение биологического и культурно-психологического, выражающееся посредством национальных архетипов). С этих позиций в работе рассматривается положение русских в Российской империи и в СССР. Русские, при их уникальной способности не просто жить, а успешно развиваться в ситуации предельного напряжения, "*в целом не представляли собой этнический субъект имперского господства*", утверждает автор, не были привилегированной этнической группой, занимаемое ими ядро империи не являлось метрополией. Русские несли на себе имперское бремя, не получая за это даже культурно-психологической компенсации, не говоря уже о материальной. Ощущение важности русской силы, как ключевого фактора имперского порядка в стране, пришло тогда, когда, по сути, было уже поздно — на рубеже XIX–XX вв. Интуитивно к пониманию этой важности подошли Николай II и деятели "черной сотни". Впрочем, активность последних, считает Соловей, была контрпродуктивной: осуществление русского народного утопического идеала, которому оказались удивительно созвучны идеи большевизма, могло означать только одно — гибель империи. Парадоксальным образом старую империю обрушил не взрыв периферийных национализмов, а выступление русских против отчужденного от них исторического плода их усилий.

Осознание решающей роли именно русских в свержении самодержавия привело новую власть к тому, что она стала опираться на нерусские элементы в центре и на национализмы окраин, развитие которых в качестве приоритета осуществлялось за счет русского центра. Это преподносилось как проявление интернационализма, при том что, на самом деле, первые 15 лет существования коммунистической власти ее фасад носил подчеркнуто русофобский характер. Как отмечает Соловей, "*критическая зависимость коммунистической власти (пока она не окрепла) от настроения и поведения русской массы провоцировала естественную компенсаторную реакцию. Люди, обязанные приходом к власти русскому мужику, испытывали по отношению к нему не чувство благодарности, а прямо противоположные эмоции, и своей жестокостью изживали пережитую ими унизительную зависимость. Здесь к месту вспомнить афоризм античных киников*".

Советский Союз был "империей наоборот": в нем номинальная русская метрополия ущемлялась и дискриминировалась в пользу периферии. Это вело к перенапряжению сил русских как империобразующего народа и послужило одной из главных причин гибели СССР.

Валерий Соловей делает два практических вывода: 1) заниматься строительством "российской политической нации" бессмысленно, русские становятся другим народом, повернуть этот естественно-исторический процесс вспять невозможно, лучше ускорить его и по возможности ввести в цивилизованное русло; 2) нелепо ориентировать российскую политику на Запад, если главный вызов нашей способности творить историю лежит на Востоке.

Высоко оценивая исследование Соловья и принимая многие его идеи, я тем не менее не согласен с ним по целому ряду вопросов (как говаривал покойный Ф. Фехер, именно несогласие делает жизнь стоящей штукой). Остановлюсь лишь на трех пунктах, затрагивающих сферу методологии.

Первое. Автор подчеркивает наличие в этничности русских государственнического архетипа. Но почему же этот *биосоциальный* архетип присутствует только у тех русских, которые *исторически* два с лишним столетия жили в зоне и во властном поле Золотой Орды? Почему его не оказалось на юге русских земель, вошедших в русскую до конца XIV в. Литву, в Новгороде?

Второе. Народ без и вне социосистемной организации — *энтропия*, в таком состоянии ничего двигать и создавать он не может, в лучшем случае — разрушать. Народ, "как противоположность массы, как способная к волеизъявлению и обладающая общей волей группа людей", возможен лишь при наличии системообразующих элементов (элиты, государства), позиции и действия которых оформляются институционально. Именно элиту, институты и т. д. отрицает Соловей, противопоставляя их народу. На мой взгляд, налицо логическое противоречие.

Третье. Пусть дано, что этничность — феномен биосоциальный или даже биологический. Однако ее носители — люди — существуют как люди только в качестве элементов *социальных* систем. В социальных системах самих по себе уже нет не только ничего биологического, но и биосоциального, они качественно надбиологичны. Пытаться объяснять логику развития социальных систем биологическими факторами — это то же, что пытаться объяснять феномен жизни, биологического, оставаясь на физическом и химическом уровнях. Великий физик XX в. Э. Шредингер попытался проделать это в своей книге "Что такое жизнь" — и потерпел блестящее поражение.

Однако я бы не советовал никому торопиться бросать камни в Соловья за акцентирование биофакторов. За последние 100–150 и особенно 50 лет этими факторами в основном пренебрегали. Чтобы выпрямить палку, иногда нужно перегнуть ее в противоположном направлении. Думаю, именно этим и объясняются многие выводы автора. Он делает весьма важный метафизический шаг на пути выхода из геокультуры Просвещения с его акцентом на *ratio*, на социальном. При этом следует помнить: чтобы пережить надвигающийся кризис, необходимо переосмыслить (*unthink*) не только наследие XIX в. в частности и Просвещение вообще ("это службишка, не служба"), но также христианство и античную философию. *To bring biology back* в социальные науки — один из путей и способов такого переосмысления.

Наверняка найдутся те, кто воспримет исследование Соловья как расистское и начнет истерически, на манер киплинговского Табаки ("позор джунглям"), обвинять автора и его книгу. На самом деле в этой работе нет расизма. Оно вообще о другом, и, как известно, каждый воспринимает все в меру своей испорченности. Что еще важнее, данная работа — это эпистемологическая программа, в которой заложен значительный потенциал саморазвития и самокоррекции.

Полная версия этого текста опубликована в библиографическом разделе журнала "Космополис", № 4 (14), зима 2005/2006.

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ САТУРНАЛИИ

XX съезд – социальная мифология и реальность

14 февраля 1956 года. Кремлёвский Дворец съездов. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв открывает XX съезд Коммунистической партии Советского Союза

«СПАСИБО ПАРТИИ ЗА ЭТО»?

В ночь на 25 февраля на закрытом заседании съезда Хрущёв прочитал знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях». Речь шла о Сталине, на которого и повесили весь негатив предыдущей истории СССР, прежде всего массовые репрессии. На XXI съезде в 1959 г. тема Сталина почти не возникала, хотя несколько положительных ремарок в адрес Вождя Хрущёв сделал – властная конъюнктура в отличие от 1956 г. позволяла: на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК Хрущёв отправил в политическое небытие «антипартийную» группу «сталинцев» – Молотова, Маленкова, Кагановича; на октябрьском (1957 г.) Пленуме избавился от Жукова, а в марте 58-го – от Булганина, став помимо «первосека» ещё и предсовмина, оставшись, по сути, единственным сталинцем у власти – нечего других сталинцев бояться, некому в пояс кланяться, как в сталинские времена.

Но через два года ситуация изменилась, и срочно созванный XXII съезд (17–31 октября 1961 г.) стал во многом продолжением XX. Хрущёв повторил сказанное пять лет назад, ужесточив формулировки и добавив тему роли Сталина в убийстве Кирова. В результате съезд постановил вынести тело Сталина, «нарушавшего ленинские заветы», из Мавзолея и захоронить его у Кремлёвской стены (что и было сделано поздним вечером 31 октября).

Окончательный вариант антисталинской партийной версии XX и XXII съездов выглядит так. Жили-были хорошие, правильные, высокоморальные большевики-ленинцы, победившие в революции и Гражданской войне. Однако в середине 1920-х годов появился плохой Сталин, который отменил НЭП, поставил себя над партией («культ личности»), начал нарушать ленинские заветы, а затем взялся за самих ленинцев – героев революции и Гражданской войны, номенклатуру 1930-х годов. В 1937 г. он устроил этим героям кровавую баню (спусковое событие – убийство Кирова в 1934 г.). Массовый террор 1930-х годов (прежде всего 1937 г.), ошибки 1941 г., послевоенные репрессии – всё это дело рук Сталина и его ближайших подручных. В 1956 г. на XX съезде «культ личности» был разоблачён самой партией. Десталинизация – заслуга КПСС, партия выступила инициатором исправления накопившихся из-за культа одной отдельно взятой личности ошибок, вскрыла их, обнародовала, дала оценку и исправила, вернулись к ленинским нормам.

После снятия Хрущёва, а по сути, уже с 1962 г. тема культа личности, репрессий, лагерей постепенно уходит. В брежневские времена о XX съезде вспоминали мало. И хотя

осуждения культа и перегибов, допущенных при строительстве социализма, никто не отменял, Сталин в 70-е начал опять появляться на экранах кинозалов (нередко приветствуемый аплодисментами), что позволило части ЛСИ (либеральной советской интеллигенции) обвинить Брежнева в реставрации сталинизма.
С середины 1960-х годов эстафету фальсификации советской истории, произведённую XX и XXII съездами КПСС и отодвинутую на второй план после XXIII съезда, подхватила наиболее активная часть ЛСИ – шестидесятники. Критикуя и осуждая власть за отход от линии XX съезда, они автоматически воспроизводили его версию ранней фазы советской истории, сведя её к «сталинским репрессиям», «сталинскому террору» и трактуя как отклонение от истинного, ленинского, социализма.

УСТАМИ «ФРОНДЁРОВ»

Поскольку с середины 60-х темы репрессий, лагерей, сталинизма официально практически перестали подниматься, официальная партийная версия советской истории «антисталинской пятилетки», т.е. хрущёвско-оттепельная фальсификация, превращалась в запретную, а потому необычайно привлекательную и заслуживающую особого доверия правду о советском обществе, о 30-х годах (причём здесь главное место занял 1937 г.). Так ложь XX съезда стала запретной правдой, на монопольное хранение которой претендовала ЛСИ. И для официальной идеологии эта «монополия» играла важную роль дополнительного, запасного оборонительного эшелона.
Именно шестидесятники закрепили версию XX съезда, работая, таким образом, на Систему, на освящение её уже именем не Сталина, а Ленина. Провозглашение норм той эпохи идеалом и позволяет говорить о шестидесятничестве как реакционной (ретро)утопии советского общества. Советскому («сталинскому») традиционализму коллективизации, индустриализации и войны противопоставили советский же («ленинский») фундаментализм (революция, Гражданская война, НЭП).
Уход ещё дальше от традиции Система (выполняя это устами фрондёров) преподносила как возвращение к основам. А когда дело было сделано и миф о революции отработал своё, попыталась перейти к иным мифам – о войне, о Победе.
Шестидесятнический миф о XX съезде интерпретировал не только прошлое, а и настоящее – 60–70-е годы; в настоящем он трактовал не только советское общество, но и роль ЛСИ, причём тогда, когда она переставала быть элитарным слоем, превращалась в массовый, а потому переживала кризис идентичности и нуждалась в компенсаторных мифах.
В мифе о XX съезде и об «оттепели» главные герои – Хрущёв и ЛСИ, противостоящие неким консерваторам. В мифе не оставалось места для либеральной номенклатуры и нелиберально настроенной части советской интеллигенции – они элиминировались, главный конфликт изображался как борьба ЛСИ против консервативной власти за «курс XX съезда».
Этот миф был выгоден не только ЛСИ, теша её нарциссизм и компенсируя социальную ущербность, но и власти. Он позволял скрыть главные конфликты 50-х годов и главный вектор – превращение номенклатуры в квазикласс и к тому же маскировал борьбу внутри властных групп, которые внешне, пропагандистски, должны были всегда иметь облик монолита. И ещё одну задачу решал миф: он позволял скрыть ту реальную силу, которая была субъектом демократической десталинизации снизу с начала 1940-х годов и страх перед которой заставил власть пойти на десталинизацию, лавры которой присвоили себе сначала партия, а затем – ЛСИ.

ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

Поразительно, но версия XX съезда в исполнении ансамбля «Шестидесятники» просуществовала почти сорок лет в качестве якобы альтернативы официальной партийной схеме 60-х – первой половины 80-х годов. Более того, миф о XX съезде и сталинизме, который дошлифовывали в салонах ЛСИ в 60–70-е годы, стал важнейшим элементом мифов перестройки и 90-х годов, демонизирующих и очерняющих всю историю советского общества. Его элементы хорошо различимы в «московских сагах», «арбатских детях» и прочей заказной чернухе, призванной доказать: самое страшное – это не наши дни.

В результате на XX съезд, Сталина, советскую историю в целом мы смотрим глазами сытой советской номенклатуры (и её обслуги), т.е. чужими глазами. Заинтересованными в том, чтобы спрятать систему в людях, событиях, эксцессах; схоронить закономерное в случайном. Советская номенклатура как слой социально давно мертва, а мы продолжаем смотреть на прошлое широко закрытыми, мёртвыми чужими глазами, мы ловимся на фальсификацию, на ложь, на мифы, которые блокируют понимание советской истории вообще и того, чем был XX съезд, в частности. И они оказываются настолько сильны и магнетичны, что порождают антимифы. Появляются работы, где всерьёз утверждается, что именно ЛСИ – великая и ужасная, реализовав антисоветский проект, разрушила систему и страну. Так меняются местами причины и следствия.

Или курс XX съезда объявляется курсом на реставрацию буржуазного строя, начало движения СССР по капиталистическому пути, и этот бред выдаётся за реальный анализ советской системы. Фиксируемое ЛСИ как реставрацию сталинизма, нынешние левые определяют как дальнейшее углубление курса на реставрацию капитализма! Т.е. для первых Брежнев – это почти (или нео-) сталинист, для вторых – почти (или нео-) каппутист. Впрочем, в сегодняшних спорах «левые» и «правые», «антимарксисты» и «марксисты» часто сто’ят друг друга интеллектуально и социально.

«Исследователи» XX съезда рассуждают о демократизации, либерализации, десталинизации, восстановлении ленинских норм, но обходят макросоциальные основы и корни XX съезда, не пытаясь анализировать ситуацию с позиций и в терминах социальных систем и их системообразующего элемента – господствующих групп, исторической смены форм организации последних, социальных слоёв, интересов и т.д. То есть работают на поверхностном уровне, который к тому же «исследуют» на языке пропаганды и контрпропаганды, а по сути – всё той же советской мифологии.

ГЛАВНАЯ ЛОЖЬ

Главной ложью XX съезда и о нём было то, что он якобы стал началом десталинизации, что всё делалось по инициативе партии, начавшей в 1956 г. исправлять ситуацию «культа личности». Во-первых, критика «культа личности» на съезде и «антисталинский курс» после него были не причиной, а следствием стихийной десталинизации снизу, родившейся в самом начале войны, из поражений 1941–1942 гг. Во-вторых, что важнее, съезд и «курс» сделали всё, чтобы эту низовую, демократическую по своей сути десталинизацию устранить, направив в безопасное для номенклатуры русло либеральных послаблений прежде всего для верхов.

«Антисталинская пятилетка» – не начальная, а затухающая фаза десталинизации (что хорошо раскрыто А. Зиновьевым). Курс XX съезда – курс на сознательное приглушение («затухание») этого процесса сверху, на недопущение реальной демократизации, блокирование её верхушечной либерализацией в интересах господствующих групп. Именно поэтому так поют XX съезд представители ЛСИ, которые всегда были при начальстве, околономенклатурной функцией либеральной номенклатуры.

Ряд явлений эпохи борьбы номенклатуры за превращение в квазикласс для себя (1945–1964 гг., и особенно 1953–1962 гг.) в чём-то вышел за рамки либерализации, но подобного

рода вещи характерны для периодов, когда верхушка, занятая выяснением отношений, по недосмотру не контролирует ситуацию полностью и, захваченная борьбой за место под солнцем, что-то упускает из виду и недосматривает. Нередко этот недосмотр, сбой, происходивший в 50–60-е годы при «перезагрузке матрицы», ошибочно принимают за сознательный курс. А ещё чаще сознательно представляют его в качестве такового, чтобы на этой основе создать удобную версию событий, выведя за скобки ту силу, давление которой и вынудило партию на «развенчание культа». Эта сила – единственное в советской истории поколение победителей, относительно молодые мужики, прошедшие фронт и по-пластунски отмахавшие пол-Европы.

ПОБЕДИТЕЛИ БЕЗ ПРИЗОВ

Их было немало, победителей, а потому социально уверенных в себе, в своей правде, привыкших к самостоятельному принятию решений, к инициативе (иначе не выиграли бы войну), готовых – по опыту советской городской жизни, кроме которой, не знавших никакой другой, – к аресту и в отличие от жертв репрессий 30-х если и не понимавших, то по крайней мере чувствовавших, за что могут взять, и уже потому не являвшихся жертвами на все 100%.
Я хорошо знаю людей этого типа. К нему относятся мой отец, заканчивавший войну майором Дальней авиации и замкомдивизии, многие его друзья-однополчане, называвшие Сталина не иначе как «›ською» и демонстративно не горевавшие во время его похорон, немало других людей. Именно они сломали хребет гитлеровской машине, многие из них стали антисталинистами, но не антисоветчиками! Они не только «смело входили в чужие столицы», но и без страха возвращались в свою. Эти серьёзные мужики, знавшие про себя, что они – победители, что своё главное в жизни дело они сделали как надо, своей жизненной позицией, своим самостоянием поставили власть перед необходимостью выпустить пар и искать козла отпущения в лице Сталина. Именно они заложили фундамент десталинизации, став гарантией её необратимости, – заложили и были забыты, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, так как не успели, да и не могли по суровости жизни и по серьёзности своей жизненной сути заниматься саморекламой, характерной для героев более поздних времён.
Именно они были первым советским, т.е. выросшим на основе советских, а не дореволюционных или революционных форм жизни и отрицания коммунистического порядка, сопротивлением – не крикливым, не апеллирующим к Западу (победителям это ни к чему), а неспешным, уверенным в своей социальной правоте по отношению к режиму и внутри него, а потому действительно опасным для режима – не только сталинского, но и для последующих. Будучи антисталинистами, но не антисоветчиками, победители в войне объективно выступали как внутрисоветская демократическая оппозиция номенклатуре, вектору её превращения в квазикласс (т.е. либерализации). Эту оппозицию номенклатуре надо было нейтрализовать, загасив демократическую тенденцию, «официализировав» антисталинизм и присвоив как его, так и лавры истинных борцов с «культом личности», начавших эту борьбу. Что и было проделано на
XX съезде, а затем закреплено в созданном о нём мифе.

СИСТЕМА И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Противоречие между наиболее активным сегментом советского народа, сформированным войной, и номенклатурой, возникшее на рубеже 1940–1950 гг. на фоне несбывшихся надежд послевоенного времени, было основным, но далеко не единственным, обусловившим XX съезд и его решения. Значительную роль сыграли внутренние противоречия системообразующего элемента советской системы – номенклатуры, их развёртывание, достигшее остроты именно на рубеже 1940–1950 гг.
Любая система складывается как комплекс отношений по поводу присвоения

определёнными группами определённых факторов производства. Господствующие группы в советской системе присваивали не вещественные факторы, а социальные и духовные – ценности, цели, образы, понятия. Провозглашение марксизма-ленинизма единственной и единственно верной идеологией отчуждало эти факторы. Социальные факторы производства – это возможность по своей воле и в своих интересах создавать коллективные формы. Определение Уставом КПСС этой партии «высшей формой общественно-политической организации советского общества» ставило социальное поведение вообще и любые организации (и даже возможность их создания) под контроль. Отчуждение нематериальных факторов могло носить только коллективный характер, а вот присвоение на этой основе материальных факторов и их потребление было индивидуальным и носило ранжированно-иерархический характер. Но каждый номенклатурный работник хотел больше, чем это полагалось по рангу. Пока центроверх был силён, пока репрессивные структуры стояли над всем остальным, это хотение могло реализоваться разве что по щучьему велению. Однако по мере развития и укрепления номенклатуры как слоя, особенно во время войны, когда она прочно срослась с хозяйственными структурами, стремление к внеранговому потреблению становилось системной чертой.

Сообразно элементам, «краям» первого базового противоречия номенклатуры – между коллективным присвоением нематериальных факторов и индивидуальным ранжированно-иерархическим присвоением факторов материальных в номенклатуре сформировались две тенденции (и воплощающие их группы). С одной стороны – тенденция к развитию преимущественно коллективистско-внеэкономических и централизованных форм и аспектов (часто это ошибочно именуют «неосталинизмом», идеократией и т.п.). С другой стороны – к развитию преимущественно индивидуально-потребленческих норм и аспектов, связанных с ослаблением внутриierархического централизованного контроля (персонификаторов этой тенденции именовали «партийными либералами», «сторонниками экономических методов» и т.п.).

Ясно, что эта вторая тенденция, как правило, предполагала бо’льшую открытость Западу (преимущественно потоку импортных вещей плюс загранкомандировки и т.п.), менее антизападный курс в «идеологии» и внешней политике. И в любом случае вторая тенденция требовала резкого ограничения репрессий, демонтажа репрессивного аппарата в целом, отказа от сталинского наследия. В начале 50-х названное выше противоречие достигло значительной остроты и требовало своего разрешения. Центроверх должен был либо лишиться репрессивности по отношению к номенклатуре, либо, наоборот, начать очередной тур репрессий по отношению к ней.

Второе базовое противоречие «исторического коммунизма» заключалось в следующем. Коммунистическая власть не была ни политической, ни экономической, ни идеологической, ни их суммой. Будучи однородной социальной властью, она могла развиваться лишь путём сегментации, при которой каждый сегмент обладает полным набором её качеств в уменьшенном масштабе. При прочих равных условиях в ситуации однокачественности различных ячеек в силу вступает логика количества, т.е. средних величин, и в результате реальная власть имела тенденцию к перемещению на средние уровни системы (ведомства, обкомы).

Сообразно «краям» этого противоречия формируются две тенденции и соответственно персонифицирующие их группы: центр и «центростремительные» силовые ведомства плюс ВПК, с одной стороны, и совокупность регионально-ведомственных групп – с другой. Тенденция к внеранговому потреблению коррелирует со «среднестремительной» (центробежной). По сути, это двойной блок, которому в разных ипостасях противостоит центроверх. Пока он был силён и имел ярко выраженный репрессивный характер, среднестремительная тенденция не могла реализоваться полностью. Но она постоянно усиливалась, что отражалось в росте числа в ЦК руководителей ведомств, обкомов, крайкомов КПСС и республиканских партий (с 20% в 1939 г. до 50% в 1952 г.).

XX съезд должен был решить все обострившиеся противоречия. Мешал репрессивный центроверх, возникший на ранней, сталинской фазе развития исторического коммунизма. Его демонтаж в интересах номенклатуры (обеспечение физической безопасности и укрепление социальных и экономических гарантий бытия – и выпускание социального пара при нарастании социальной сложности) и стал задачей ‹ 1 XX съезда КПСС. Её решение Хрущёвым в соответствии с его интеллектом, темпераментом и биографией – это уже конкретика, определившая позицию Хрущёва после съезда и его дальнейшую властную судьбу.

Качество любой господствующей группы определяется властными, социальными и экономическими гарантиями её бытия. И физическими. Это дополнение кажется странным, но таких гарантий не имела номенклатура при Сталине. О каком превращении в слой для себя может идти речь без физических гарантий для отдельного представителя этого слоя и членов его семьи? В связи с этим первая фаза борьбы номенклатуры за превращение в квазикласс (1945–1953 гг.) развивалась как борьба за обеспечение физических гарантий. Что и было обеспечено смертью Сталина. После неё – роспуск «троек» (народу об этом сообщили только в 1956 г.), решение о том, что члена ЦК можно арестовать только по решению ЦК, ликвидация Особого совещания при МВД в сентябре 1953 г., пересмотр Ленинградского дела в 1954 г., начало реабилизации – 16 тыс. чел. в конце 1955 г. и т.д.

Чтобы сделать это обеспечение необратимым, надо было демонтировать и ослабить репрессивный аппарат в целом, который при Хозяине играл относительно автономную роль по отношению к другим силам параллелограмма, поставить его под контроль партаппарата. Ещё нужно было официально осудить репрессии. Связанная с этим селективная реабилитация живых и мёртвых, разоблачение «культа», «бериевских» и «сталинских» палачей должны были придать процессу необратимый характер. XX съезд как раз и зафиксировал это публично, став ударом по реликтам ранней стадии, они же – личные конкуренты Хрущёва.

КОНЕЦ ПАРАЛЛЕЛОГРАММА

Изменение положения репрессивных органов как необходимое условие превращения номенклатуры в слой для себя было одним из необходимых условий, но не единственным и тем более недостаточным. Должна была произойти полная иерархизация всех основных оргсегментов номенклатуры. Трансформация требовала не просто решения структурных противоречий этого слоя, но решения в чью-то пользу и за чей-то счёт. Только так, выстраивая иерархию сегментов, можно было превратиться в квазикласс.

Сталинская конфигурация власти была «параллелограммом сил»: партаппарат, госбезопасность, исполнительная власть и армия. Над всем этим возвышался Сталин, игравший на противоречиях и равновесии различных «углов». Естественным кажется предположить, что главным углом был партаппарат, и во многом это действительно было так, особенно по мере срастания его с хозяйственными органами.

Однако партаппарат «чистили» так же, как любую другую структуру, тем более что в 40-е Сталин стал переносить центр тяжести власти в наркоматы, т.е. в зону исполнительной власти. Не случайно именно должность предсовмина (сталинскую) выбрал в 53-м и Маленков, полагая её более важной, – и ошибся. Партхозаппарат набрал силу и нуждался в лидере. Таким лидером и стал Хрущёв, который в 54-м на жесточайшую критику Маленковым партаппарата в повисшей тишине произнёс: «Всё это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат – это наша опора». И бурные аплодисменты аппаратчиков.

Борьба за власть – всегда схватка личностей; но это – на поверхности. Как правило, за личностями стоят группы, слои, структуры, ведомства. Убирая личных конкурентов-противников, Хрущёв в то же время в их лице устранял социальных, системных

конкурентов партаппарата – «остальные» элементы подсталинского параллелограмма властных сил. Убрав Берию и Маленкова, Хрущёв вывел из игры такие ранее автономные оргсегменты номенклатуры, как служба безопасности (властная полиция) и исполнительная власть, которая при позднем Сталине набирала силу и которую он, по-видимому, действительно хотел вывести на первый план, оставив партаппарату пропагандистско-идеологические функции. Уже накануне XX съезда Хрущёв обеспечил партаппарату верхний этаж в иерархической пирамиде, сломав «подсталинский параллелограмм» и убрав двух из трёх конкурентов. Третий конкурент – армия – был устранён в 1957 г. со смещением Жукова.

Но, исключив всех потенциальных конкурентов партхозаппарата, Хрущёв загнал себя в ловушку: он стал заложником этого монстра, и у него не было ни фигур, ни пространства для игры на противоречиях. А не играть (т.е. не дестабилизировать ситуацию) – с учётом его психофизиологии и в ещё большей степени властно-идейной ориентации – Хрущёв не мог. Начать с того, что он всё же оставался стихийным троцкистом, леваком – не случайно именно он окончательно подорвал русскую деревню. Но не это, естественно, волновало партхозкратуру. Будучи сторонником физических гарантий этому слою, Хрущёв категорически выступал против социальных и экономических гарантий. Он оказался на пути завершения превращения номенклатуры в слой для себя, в квазикласс, выступая против номенклатурных привилегий, против строительства индивидуальных дач, широкой продажи автомашин, дорогой мебели, ковров и драгоценностей, за установление партмаксимума и госмаксимума, за народный контроль и орабочивание школы и т.п. Постоянные реорганизации с переброской кадров с насиженных мест, с разрывом налаженных социальных связей работали в том же направлении (позднее это назовут «волюнтаризмом»).

Подковёрное сопротивление антисталинской линии Хрущёва на XXII съезде было обусловлено вовсе не сталинизмом будущих брежневцев – брежневский режим типологически намного дальше от сталинского, чем хрущёвский. Сопротивление обусловливалось недовольством «волюнтаризмом» Хрущёва, стремлением к порядку, который венчает любую переходную эпоху. Парадокс, но продолжение критики культа личности Хрущёвым отдаляло наступление этого порядка, десталинизированного по сути.

РОДИНА И ВЛАСТЬ – НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

XX съезд действительно многое изменил к лучшему в советской жизни: были реабилитированы (впрочем, избирательно) тысячи людей (кстати, процесс реабилитации стартовал раньше XX съезда, хотя после него интенсифицировался).

Не став прологом к настоящей свободе, XX съезд позволил свободнее дышать. Он оказался началом либерализации общественной жизни (причём в большей степени верхов – так и задумывалось), но заблокировал возможность реальной демократизации советского общества. В 1987–93 гг. такой же трюк – либерализацией по демократизации – произведёт горбачёвско-ельцинская верхушка, разумеется, в ином масштабе и с катастрофическими последствиями, но мето’да, технология власти – как в 56-м.

Для полной квазиклассовой победы (социальные и экономические гарантии помимо физических) номенклатуре оставалось устранить Хрущёва. Главное дело – выпуск пара таким образом, что стихийная демократизация снизу была приглушена, а её потенциал был свёрнут и использован для либерализации бытия верхов и их обслуги, слоёв-прилипал, – он сделал. Превращение номенклатуры в слой для себя с ограниченной либерализацией фасада и отношений внутри номенклатуры требовало приглушения всех демократических форм. И тех, что были характерны для послереволюционной стадии, когда любого начальника можно было подвергнуть критике, спросить с него и поставить к стенке как простого работягу (такая социальная дисциплина была элементом «горячей»

(1918–1921) и «холодной» (1921–1939) гражданских войн, служила средством жестокого отбора в господствующие группы и блокировала их превращение в квазикласс; с Хрущёвым «пирамида наказаний» перевернулась: они стали тем мягче, чем выше ранг; ужесточались для рядовых граждан). И тех форм, что возникли во второй половине 40-х – первой половине 50-х годов. Номенклатуре надо было не только перехватить инициативу, но и направить процесс в безопасное и выгодное для себя как группы русло, сконцентрировать социальный гнев на одной персоне. Либерализация в духе XX съезда стала средством недопущения уже не только революционной, но и молодой, системной советской демократии, пусть и потенциальной.

Со всей отчётливостью результаты курса XX съезда проявились в брежневское время, когда переходный период (1945–1964 гг.) от ранней (сталинской) к зрелой (брежневской) модели исторического коммунизма завершился, когда «антисталинская пятилетка» была выполнена, а самого Хрущёва отправили на пенсию, а не расстреляли (прогресс среди людоедов?). В 60–70-е годы либерализация режима (брежневский режим с принципом «к людям надо мягше, а на вопросы смотреть ширше» был намного либеральнее хрущёвского, особенно по отношению к верхней половине социума) развивалась параллельно с его дедемократизацией. А ельцинский режим, окончательно раздавивший демократию в 93-м, – полная реализация брежневского «застойного» курса плюс решение качественно нового вопроса о собственности. Так прочерчивается линия от 1956 г. к 1991 г. и далее.

Курс XX съезда ни в коем случае не был буржуазным и не ставил целью реставрацию буржуазных порядков. Полагать так могут только люди, не обременённые серьёзной подготовкой в области социальной теории и полагающие – в полном соответствии с советской пропагандой, – что социалистическое общество есть общество без неравенства, иерархии, господствующих групп и эксплуатации. Таких обществ вообще не бывает.

У реального социализма – свои формы и типы неравенства, иерархии, господствующих групп и эксплуатации. Развитый социализм и должен был отличаться от раннего превращением господствующих групп в слой для себя, усилением неравенства и т.д. (но без буржуазификации и частной собственности).

На путь, приведший к 1991 г., номенклатура вступила именно на XX съезде КПСС, поэтому он останется «красным днём календаря» для властных групп постсоветского социума. Но ведь писал В. Набоков: родина и власть – не одно и то же.

Андрей ФУРСОВ, *директор Института русской истории РГГУ*

http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg072006/Polosy/3_1.htm

СИНУСОИДА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Александр Проханов — Андрей Фурсов
СИНУСОИДА РУССКОЙ ИСТОРИИ
Беседа главного редактора газеты «Завтра» с директором Института русской истории

Александр ПРОХАНОВ. Андрей Ильич, в любой истории есть загадочная феноменология, но в русской — особенно. Присутствует ощущение синусоиды, через которую проходит наше историческое время. Происходят взлёты государственности — с расцветом искусств, ремесел, экспансией вовне, а потом — провалы и истребление почти до основ всего наработанного: пространства, идеологии, даже населения. Затем — пауза, остановка, и опять восстание из праха в новом обличии, в новых, почти неузнаваемых формах… Что это за феноменология, которая заставляет русскую историю, а с ней и русскую цивилизацию пульсировать таким образом?
Андрей ФУРСОВ. Думаю, Александр Андреевич, что на самом деле таким образом развиваются практически все крупные исторические системы или цивилизации. Например, своя синусоида взлётов и подъёмов у китайской цивилизации. Практически любая крупная и сложная социальная система, которая просуществовала шесть-семь веков, испытывала два-три подъёма и столько же спадов. Только у каждой конкретной исторической системы — свой механизм подъёмов и спадов. Сегодняшняя капиталистическая система тоже развивается по синусоиде, циклически. Это и экономические циклы (например, кондратьевские), и циклы гегемонии. В истории капиталистической системы было три гегемона: Голландия (пик: 1620-е — 1670-е годы), Великобритания (1815-1873 годы), США (с 1945 года). А между периодами гегемонии — периоды соперничества, наиболее острой формой которых были мировые войны.
В русской "синусоиде", если пользоваться вашим термином, было три структурных подъёма — Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и исторический коммунизм, т.е. СССР. Структурные подъёмы отделены друг от друга провалами — смутами: конец XVI—начало XVII века.; ряду "смутных" характеристик соответствовала эпоха петровских реформ, которые купировали надвигавшуюся смуту, измотав население; это период конца XIX — начала XX века, и, естественно, наше "время негодяев", стартовавшее в 1980-е годы.
А.П. А на что похожа сегодняшняя Россия? Какие исторические параллели просматриваете? Как оцениваете новую, нарождающуюся формацию?
А.Ф. РФ напоминает пореформенную Россию 1861-1917 годов. Дело в том, что исторически в России низкий, если пользоваться марксистским термином, уровень прибавочного продукта. Он не позволяет формирование на местной основе социальных групп (классов) западоидного типа (будь то феодалы или уже тем более капиталисты). Последнее возможно лишь в том случае, если помимо прибавочного верхи начинают присваивать и часть необходимого продукта. Однако подобного рода "социальное оборзение" чревато. Во-первых, восстаниями; во-вторых, острым конфликтом внутри самих господствующих групп, поскольку в условиях "социального оборзения" объектом эксплуатации объективно оказываются не только низы, но и нижняя половина господствующих групп, в которых тоже нарастает поляризация со всеми вытекающими последствиями — борьба всех против всех, включая распад страны.
В связи с этим одной из главных функций русской власти всегда было ограничение эксплуататорских аппетитов верхов. Отсюда поддержка центральной власти, центроверха со стороны населения нижних и средних сегментов господствующих групп в борьбе с "боярством", как бы оно ни называлось. Не потому что все эти группы любили власть — часто она была "отвратительна, как руки брадобрея" (О. Мандельштам), а потому что

понимали или чувствовали, что эта власть единственное (кроме бунта) средство, способное дать укорот алчной верхушке. И власть, понимая свой интерес, соответствовала.
В нашей истории, однако, было два случая, когда власть отходила от этого "русского правила" и, вступая в союз с верхушкой господствующих групп, смешиваясь с ними (хотя и не до конца), начинала эксплуатировать, а то и просто грабить население, отнимая даже необходимое. Эти два случая — период 1861-1917 годов (по инерции некоторые его черты сохранились до 1929 года, пока не "прихлопнули" НЭП) и период, начавшийся с конца 1980-х годов законами об индивидуальной трудовой деятельности и о предприятии, которые стали основой превращения части номенклатуры из статусной группы в класс собственников. Оба периода характеризовались разбуханием чиновничьего аппарата и олигархизацией самой власти. Кстати, олигархизация русской власти в условиях капиталистической системы — это всегда ориентация на сырьевую модель включения в мировую систему. Первопроходец здесь — Александр II, линия от него чётко прочерчивается к Горбачёву и Ельцину; я не хочу оскорблять Александра II этим сравнением, а просто фиксирую типологическое сходство.
А.П. Не слишком ли вы "модернизируете" прошлое, перенося недавние реалии на ситуацию вековой давности?
А.Ф. Ни в коем случае. Разумеется, позднекоммунистическая и послекоммунистическая олигархизация власти отличается и от позднесамодержавной и раннесоветской нэповской — разные эпохи плюс глобализация. Однако типологически с точки зрения развития самой власти мы имеем один и тот же процесс. Кстати, на олигархизацию самодержавия в конце XIX века, подчёркивая бесстыдные формы этого процесса, прямо указывали в начале XX века, например, отец "чёрного барона" Врангеля Н.Е. Врангель в своих воспоминаниях. У нас говорили о первой чеченской войне, как войне в интересах нескольких олигархов. А как и почему вспыхнула русско-японская в 1904 году? В чьих интересах?
А.П. Когда мы смотрим на эту "русскую синусоиду", идущую от ослепительных взлётов к кромешности, исследуем эти роковые тенденции в нашей истории, что важнее: предощущение неизбежного взлёта или ощущение, что за этим взлётом последуют очередные ниспадение и крах? Что доминирует? Где находится нулевая, срединная ось синусоиды? Как определить, что мы наблюдаем сейчас: безнадёжный минус, завершающую точку, или же "синусоида истории" начинает свой медленный подъем? Западная цивилизация не разрушалась тотально. А Россия…
А.Ф. Почему вы называете "роковым" системное развитие? Ни одна система вообще, включая биосферу, не может постоянно развиваться по восходящей, рано или поздно она идёт вниз, и либо преодолевает его, либо погибает. Что касается западной системы, в том виде, в каком она оформилась в XVI-XVII веках, то она только сейчас подходит к роковому для неё моменту — к системному, а не структурному кризису.
А.П. Не кажется ли вам, что Россия, которая сейчас проходит фазу жёсткого кризиса, имеет больше шансов успешно его преодолеть, чем внешне благополучный Запад благодаря каким-то особенностям российского социума, обусловленным нашей историей? В чём заключаются скрытые плюсы, которые, если их раскрыть, могут быть эффективно использованы для нового подъёма?
А.Ф. О скрытых плюсах в нынешней ситуации можно рассуждать скорее теоретически и бросая ретроспективный взгляд. До сих пор из каждой русской смуты Россию вытаскивала новая форма русской власти, создаваемая народом или опиравшаяся на него — будь то в начале XVII или начале XX века. Народ, точнее, наиболее активные его слои, создавал новую форму власти, которая, откристаллизовавшись в процессе внутренней борьбы, начинала давить — в целостных интересах — и сам народ, и верхи, и внешнего врага.
Успех этой "давиловки" и "рубиловки" в значительной степени обусловлен уникальным

характером русской власти, которая, во-первых, выступает как субъект сама по себе, т.е. как автосубъект; а во-вторых, носит надзаконный, экстралегальный характер.
Де-факто главный орган нашей страны, в котором всё и решается, — Администрация Президента, её нередко сравнивают с ЦК КПСС. В Конституции что-нибудь говорится про этот орган? Вот так и проявляется специфика русской власти, неполитической по своей сути и которой избыточные политизация и юридизация несут угрозу.
Что говорилось в советской Конституции о КПСС? В Конституции 1977 года появилась статья, согласно которой КПСС — руководящая и направляющая сила советского общества. Однако это декларация, а не формулировка, фиксирующая статус юридического лица. По советскому гражданскому праву та или иная организация существовала, если её разрешило государство. Советское государство разрешило все организации, кроме одной — КПСС, которая сама "разрешила" это государство и без которой это государство рухнуло. Власть КПСС — апофеоз надзаконности, что сами коммунисты очень хорошо понимали, достаточно двух примеров — фраза Хрущёва "Мы над законом или закон над нами?", брошенная во время суда над Файбишенко и Рокотовым, и секретная записка В.И.Ивашко М.С.Горбачёву (документ №15703, август 1990 года) по поводу юридической незащищённости имущества КПСС.
Наконец, самодержавие. Если "западный абсолютизм" был ограничен законом, а "восточный деспотизм" — ритуалом и традицией, то русское самодержавие родилось как принципиально неограниченная власть — собственно, это и было условием возвращения Ивана IV из Александровой слободы на московский трон в январе 1565 года. Хотя и после этого дел хватало — перефразируя Мюллера из "Семнадцати мгновений весны", можно сказать, что у грозного царя и "группенфюрера" Скуратова (Малюты, а не Юрия) было много дел "по Москве, Новгороду и окрестностям".
Первым реальным ограничением самодержавия стал Акт о престолонаследии Павла I от 5 апреля 1797 года. До этого по логике самодержавия престолонаследие определялось волевым образом. Следующим юридическим по-настоящему ограничением самодержавия стал октябрьский Манифест 1905 года (хотя латентно кое-что происходило и при великолепном Николае I и при его бесталанном сыне), за чем последовала гибель самодержавия. Похоже, юридизированная русская власть — это мёртвая власть. Кстати, это понимали не только самодержцы вроде Ивана IV, но и борьба с самодержавием — Пестель с его "надзаконной блюстительной властью" и Ленин с его партией профессиональных революционеров, превратившейся после Октября по словам самого Ильича в "ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую… власть". В этом плане — с точки зрения логики русской истории — советский коммунизм это ни в коем случае не отклонение от некой нормы, а совершенно закономерная, и при этом высшая стадия развития русской власти — власть, очистившаяся от собственности.
С середины XVI века в русской истории было четыре долгосрочных структуры: московское царство, петербургское самодержавие, (с оговорками) пореформенная Россия и советский коммунизм. Если взглянуть на господствующие группы этих структур — соответственно боярство, дворянство, чиновничество, номенклатура и её социальная "обслуга", то с точки зрения численности этих персонификаторов власти (а группы эти главным образом создавались властью), т.е. массы власти, вырисовывается следующая регулярность: каждая последующая группа многочисленнее предыдущей, могильщиком которой она в значительной степени являлась. Т.е. власть разбухала, охватывая всё большую часть общества, и СССР в этом плане — апофеоз массовой власти.
А вот по линии собственности — диаметрально противоположная регулярность: каждая последующая господствующая группа обладала меньшей собственностью, чем предшественница. В период между 1779-1861 годами только двадцать-тридцать процентов дворянства (дай Бог, двадцать пять — тридцать пять тысяч семей), которое марксисты и либералы квалифицировали как господствующий класс, имели

собственность, позволявшую вести социально приемлемый сословный образ жизни, остальные были "дубровскими"; к тому же из этих двадцати-тридцати процентов половина жила в долг (достаточно вспомнить самого Пушкина), заложив души и имения. В руках пореформенных чиновников как слоя собственности было ещё меньше, ну а советская номенклатура — это вообще господствующий слой без собственности, статусная группа с иерархически-ранжированным потреблением.

Таким образом, логика русской истории от Ивана Грозного до Иосифа Грозного заключается в освобождении власти от собственности; 1917 год — это, как заметил мой учитель В.В. Крылов, революционный акт очищения власти от собственности. Другое дело, что подобное полное очищение могло произойти лишь в условиях капиталистической эпохи с использованием антикапиталистических средств, а применил их принципиально новый исторический субъект — контрвласть, возглавившая народ. Впрочем, с другой стороны, Запад с помощью "чистой" формы русской власти реализовал Большой Левый Проект Модерна (1789 года). В этом плане крушение коммунизма в 1991 году — проблема и "знак на стене" не только русской истории, но и истории капитализма и эпохи Модерна в частности. Но это отдельная тема.

А.П. Как долго, по-вашему, продлится состояние "межсубъектности"? Можно ли зафиксировать в период смуты, в историческом тумане, проблеск нового "субъекта"? Меня интересует именно наше время. Окончательный обвал СССР произошёл в 1991 году. Последний всплеск "советского" случился в октябре 1993-го. Последний трагический протуберанец. Но как и когда зарождается новый государственный "субъект"? Есть ощущение, что мы сейчас живём уже не в состоянии взвеси, а происходит некая кристаллизация. Взращивается новый алмаз русской государственности. Каким инструментом можно зафиксировать это взрастание? Как определить зарождение нового "субъекта" исторического действия?

А.Ф. Более или менее чётко это, как правило, фиксируется только ретроспективно, по прошествии лет. Как говорил Гегель, когда вещь начинается, её ещё нет. Поэтому с точки зрения текущего момента я отдаю предпочтение аналитической интуиции, которая "схватывает" целостно и быстрее. В отношении нынешнего периода я не считаю, что мы вступили в "период кристаллизации". Продолжается смута — третья в нашей истории. Первая началась со смертью Ивана Грозного. Вторая началась в 1870-е годы, окончившись, по сути, только в 1929-1933 годы. Сегодня мы продолжаем жить в процессе разложения исторического коммунизма, и этот процесс, похоже, обладает потенциалом самовоспроизводства. Хотя в историческом плане позднесоветская эпоха подходит к концу — и сама по себе, и как часть мировой эпохи новой "Пересдачи Карт Истории" (Ф. Бродель), начавшейся в 1973-75 годы, нового мирового, а точнее глобального передела, 2008-2012 годы, по-видимому, станут её границей. Однако новый субъект, адекватный новой эпохе, у нас, на мой взгляд, не появился. Я не вижу той социальной группы, где взращивается кристалл, о котором вы говорите. Даже "скелета субъекта" не просматриваю — того, что мог бы "вытащить" Россию из бездны.

А.П. И все-таки, кто? Какие социальные группы, элиты смогут сформировать в России "субъект" истории? Что может подтолкнуть их к этому? Какие внутренние возможности, стимулы, энергии?

А.Ф. Здесь возможны два ответа — революционный и эволюционный. При революционном "повороте" субъект возникает, усиливается и берёт власть внезапно — якобинцы во Франции, большевики в России, (с оговорками) нацисты в Германии, исламские фундаменталисты в Иране.

При эволюционном раскладе новый субъект может появиться тогда, когда трудящееся население преодолеет апатию и начнёт формироваться в новую социальную группу. Для этого нужны время, практика социальной борьбы и экономические условия. Против этого работает целый ряд факторов. Например, поощряемая властями миграция, которая объективно не позволяет откристаллизоваться новой социальной структуре. Однако,

решая некие задачи в краткосрочной перспективе, миграционная политика, подобно реформам Столыпина, в среднесрочной перспективе закладывает мощную социальную бомбу.
Некоторые говорят о потенциале среднего класса. Какого среднего класса? — спрошу я. Советский средний класс был по сути сознательно уничтожен ельциноидами в первой половине 1990-х — это была массовая экспроприация в интересах олигархической власти и их западных компаньонов. В 1989 году в Восточной Европе, включая европейскую часть России, за чертой бедности жили 14 млн. человек. А в 1996 году, всего семь лет спустя, уже 169 млн. Событие в истории небывалое: был уничтожен весь средний советский класс и "вырученные" средства были перемещены на Запад. Геоэкономическая операция, которой предшествовало массовое уничтожение среднего класса Латинской Америки в 1980-е с помощью "структурных реформ" МВФ. В 1998 году дефолт нанёс удар по новому, уже постсоветскому среднему классу; ошмётки его оставили в покое — на время, и это время, похоже, подходит к концу, и власть — по Глебу Жеглову — "огорчит его до невозможности".
Нужно сказать, что в последней четверти XX века и особенно после крушения СССР во всём мире развернулось наступление глобализирующейся верхушки (её ещё называют "глобалами", "гипербуржуазией", "космократией") прежде всего против среднего класса (с низов уже взять нечего); по сути он — заказан, дело идёт к его ничтоизации. Не случайно на Западе появилась социологическая теория "20:80" (20% — богатые, 80% — бедные и никакого среднего класса). Похоже, в этом плане Россия опять лидер "прогресса".
Но это-то и создаёт некоторую возможность социального ответа. Б.Мур когда-то заметил, что революции рождаются не из победных криков восходящих классов, как это считал Маркс, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот сомкнутся волны исторического прогресса. Как знать, не станет ли осуждённый на заклание мировой средний класс могильщиком капитализма?
Впрочем, есть ещё один источник формирования новой субъектности. Дело в том, что после средних классов — чужих и своих — гипербуржуазия ядра капсистемы примется за буржуазию и квазибуржуазию периферии и полупериферии. Рационально мыслящие верхушки этих зон в недалёкой перспективе объективно окажутся в положении средних классов, т.е. в положении объекта эксплуатации, перераспределения, экспроприации. Иными словами, теоретически новая субъектность может возникнуть как союз тех, кто не захочет покорно класть голову на плаху под топор гипербуржуазии, тем более, что альтернативой этой борьбе может оказаться смерть, по крайней мере, социальная.
Я думаю, что характерной чертой нового субъекта в России, если он возникнет, станет принципиально новое знание о мире. Его создание — необходимое, хотя и недостаточное условие победы. Я ещё раз напомню пример марксистов вообще и большевиков в частности — они создали принципиально новый тип знания, новый концептуально-исторический нарратив, новый язык, без которого не смогли бы победить. Хотя, разумеется, сегодня создать новое знание о мире намного труднее, чем в XIX — начале XX века. Нынешний мир — на порядки сложнее. И всё же создание такого знания ("переумнить противника", — как любил говорить А.А. Зиновьев) — необходимое условие появления новой субъектности.
А.П. Но "новое знание" необходимо не только "несчастной" России, но и "великой" Америке. И мы видим, что отсутствие этого "нового знания" не мешает реализовываться "американскому проекту", или "еврейскому проекту", или, допустим, "китайскому проекту".
А.Ф. Пока да. Ну, во-первых, американский проект реализуется благодаря не столько уму, сколько силе. Во-вторых, возможности накопления силы, роста гигантизма не беспредельны. Рано или поздно любая империя перенапрягается и сначала останавливается, как Рим при Траяне, прочерчивает limes, материализованный в виде валов, а затем начинает отступать.

Уже сейчас у США проблемы в Ираке и Афганистане, а с Ираном и Северной Кореей она вообще поделать ничего не может. Сила Америки не в том, что она сильна, а в слабости почти всех остальных. У властно-экономического слоя РФ — две крупные слабости с точки зрения борьбы на мировом уровне. Во-первых, его представители хранят "дукаты" в западных банках, которые враз могут превратиться в Поле Чудес в Стране Дураков. Был у Никсона помощник — Чак Колсон, который говорил: "Если вы взяли кого-то за яйца, остальные части тела придут сами". Счета в западных банках — это яйца.
Во-вторых, у правящего слоя РФ нет собственной теоретической рефлексии по поводу мира и собственной страны. Они пользуются чужими — западными — схемами, часто вчерашней "свежести", услужливо поставляемыми и адаптируемыми так называемыми "экспертами", "политологами" и прочими "детьми" западных грантов и фондов, т.е. живут в мире концептуального секонд-хенда. Вторичность в плане концептуальной рефлексии в мировой большой игре автоматически означает вторые, а то и третьи роли. Большевики в 1920-е годы были слабы, но у них был свой взгляд на мир, своя теория, стратегия на базе этой теории, поэтому СССР и стал сверхдержавой. Собственный, а не заёмный или навязанный концептуальный язык — необходимое условие победы. Нужны свои "фабрики мысли".

А.П. Много говорится о надвигающемся спаде и крахе Запада. Разве наши "глобалы" не чувствуют, что оттуда идёт чума, оттуда идёт ураган, цунами, которые пронесутся по их трубам, по линиям электропередач и шарахнут здесь, в самом центре их корпораций? Разве нет у них ощущения в необходимости "резервной" экономики, "резервной" культуры, "резервного" государства?

А.Ф. Люди, особенно политики и бизнесмены редко живу долгосрочными интересами. Кроме того, далеко не все адекватно понимают механику происходящего в России и в мире. Например, в России в конце XIX — начале XX века многие писали о грядущей революции, т.е. её ждали — кто-то со страхом, кто-то с радостью. Но она рванула. Причём почти все действия царской власти по её предотвращению оказались контрпродуктивными, даже действия таких волевых и умных людей, как Столыпин. А это значит, что в условиях системного кризиса почти невозможно действовать реформистским путём — поезд ушёл, и единственным средством оказывается революция, штука весьма страшная, неизбежность которой усугубляется интеллектуальной и волевой неадекватностью властных верхушек в периоды системных кризисов. Примеры тому — Николай I и Горбачёв.
В конце развития социальных систем на верх выталкиваются всё менее и менее адекватные руководители — в этом, помимо прочего, и проявляются кризис и обречённость системы, у неё отказывает иммунитет. Ну разве можно представить в здоровом (советском) обществе таких руководителей как Черненко или Горбачёв плюс Ельцин с их нарастающе неприличным окружением? О "резервных" экономике, государстве и т.д. способны думать люди, обладающие историко-стратегической культурой, которая в русской истории — явление довольно редкое. Пожалуй, лишь в конце XVIII и в 1925-1940-е годы у России была некая стратегия. В другие периоды с этим было плоховато; как писал тот же Н.Е.Врангель о второй половине XIX века: "ни плана, ни последовательности не было. Правительственной политики не существовало, а была лишь политика отдельных случайных людей".
Но это подходит и для значительной части XX века. А вот у "необычайно искусных в жизненной борьбе" англосаксов (Е.А.Вандам), как правило, было иначе: план и долгосрочная стратегия. Впрочем, сегодня приходится констатировать снижение в последней четверти XX века качества не только советских и постсоветских правящих слоёв, но и западных, которых поддерживают на плаву военная мощь и основанное на эксплуатации остального мира богатство. Но ничто не вечно. Запад движется к системному кризису 2030-40-х годов (а возможно и раньше) и в этих условиях долгосрочная задача — а только такими задачами должен руководствоваться настоящий,

т.е. социально и национально ориентированный политический класс — российских верхов заключается в подготовке к этому кризису. Так, чтобы он не утащил нас в воронку исторического Мальстрема, чтобы в условиях воцарившегося на несколько десятилетий хаоса нас не разорвали на части. Сегодня ситуация для нас намного более опасная, чем в феврале 1931 года, когда Сталин сказал, что СССР должен либо пробежать за десять лет то расстояние, которое развитые страны прошли за сотню лет, либо нас сомнут. А задача остаётся актуальной. Тем более, что благополучие и мощь Запада — это в значительной степени лишь видимость.

Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия накануне длительного и жестокого кризиса. В начале XX века русский кризис и русская коммунистическая революция стали прологом к длительному мировому кризису. Похоже, советский кризис конца XX века и антикоммунистическая революция номенклатуры оказываются прологом к новому кризису, который, по-видимому, будет намного более серьёзным, чем "тридцатилетие" 1914-1945 годов, и изменит все основные параметры человеческого бытия в том виде, в каком они сформировались после неолитической революции. Не дать превратить Россию в главный театр войн этого кризиса, сохранить народ, культуру, идентичность, наконец русскую историю — вот первоочередные задачи, которые должен будет решать новый субъект русской истории. Необходимое условие решения — адекватное знание о мире и сила. И, естественно, их волевой персонификатор, готовый к борьбе на смерть — без борьбы нет победы, а побеждает тот, кому нечего терять.

Третий Рим и Третий рейх

Советско-германский покер в американском преферансе

Было бы неправильно думать, что Вторая мировая война
возникла случайно или в результате ошибок тех или иных
государственных деятелей, хотя ошибки, безусловно, имели место.
На самом деле война возникла как неизбежный результат
развития мировых экономических и политических сил
на базе современного монополистического капитала.
Иосиф Сталин

Здесь играют в грандиозную, совершенно беспощадную
и пагубную карточную игру, в которой каждый использует
своего противника как возможного партнера по договору
и как бы козырную карту и одновременно роет ему яму.
Иван Ильин

Войны ждали с минуты на минуту.
А когда она началась, она разразилась
как гром среди ясного неба.
Александр Зиновьев

Журнал «Золотой Лев» № 87-88

22 июня исполнилось 65 лет с начала Великой Отечественной войны, которая занимает особое место в истории и мировых войн, и войн России вообще и с Западом, немцами ('вторая германская') в частности. Более того, из-за Великой Отечественной последняя мировая война не укладывается в традиционные рамки понятия 'мировая война'. Можно сказать, что Великая Отечественная война советского народа как персонификатора коммунистической системы деформировала, в известном смысле 'сломала' последнюю мировую войну как мировую, придала ей особый характер. Впрочем, как мы увидим, налицо и обратная связь: старая двухсотлетняя геополитическая логика мировой капиталистической системы деформировала молодую двадцатилетнюю логику.

Великий перелом

Начало Великой Отечественной кардинальным образом изменило ход идущей европейской войны, придав ей евразийское качество и по-настоящему мировой характер. По сути, это начало - первые два месяца - уже в первой декаде сентября предопределило и исход войны. Дело в том, что Гитлер мог одержать победу над СССР только посредством блицкрига, то есть в течение сорока, самое большее - пятидесяти дней. При ином раскладе СССР с его демографическим и экономическим потенциалом, с его пространством был рейху не по зубам. Тем более Гитлер оказывался в ситуации войны на два фронта.

Таким образом, отчаянное сопротивление отступавшей от границы (не уничтоженной там, как планировал Гитлер, а отступавшей с боями) Красной армии, порушившее блицкриг, лишало Гитлера возможности победить в мировой войне. Повторилась ситуация 1914 года. Тогда, согласно плану Шлиффена, Германия должна была одержать

победу над Францией с помощью блицкрига, на который отводилось сорок дней. Сорок - из расчета, что такой срок понадобится России на полную мобилизацию, после чего она сможет начать наступление. Германия к этому времени собиралась покончить с французами и таким образом избежать войны на два фронта.

Гладко было на бумаге. Но, как говорится, надо помнить про овраги, особенно когда имеешь дело с русскими. Правильный, а точнее, упорядоченный немецкий ум полагал, что воевать можно только по завершении мобилизации. Русские показали, что это не так, и уже в середине августа Александр Самсонов и Павел Ренненкампф погнали немцев на запад. Вспоминаются слова лесковского генерала о немцах: 'Какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтобы понять ее'. Провал блицкрига в сентябре 1914 года поставил крест на военной победе Германии. Аналогичным образом в начале сентября 1941 года советский солдат, несмотря на страшные поражения лета и огромное число пленных, сорвал блицкриг, спасая на этот раз, слава богу, не французов, а самого себя. Да, впереди были долгие годы войны, риск оставления Москвы в октябре, катастрофические поражения 1942 года. Но победить в мировой войне немцы уже не могли. История уже начертала рейху не 'mene, tekel, parsin', а простое немецкое слово 'kaputt'. И произошло это в конце августа - начале сентября 1941 года.

Будучи главным и определяющим событием мировой войны, Великая Отечественная не может быть понята вне контекста этой войны, вне контекста феномена мировых войн вообще.

О войнах - Великой Отечественной и последней мировой - написаны горы книг и статей; фактографически эти войны изучены очень неплохо, хотя, разумеется, остается немало белых и серых пятен. Но, как и во многих других случаях, понимание здесь отстает от знания. В истории Великой Отечественной и той войны, которую мы по привычке называем Второй мировой, есть проблемы, о которых имеет смысл поразмышлять. Это и вопрос о роли России в мировых войнах. Это и причины того, почему в них так никогда и не реализовалась мечта Карла Хаусхофера о континентальном блоке против англосаксов, а русские всегда оказывались на стороне именно англосаксов, в отношении которых наш замечательный геополитик Е.А. Вандам (Алексей Едрихин) писал, что хуже вражды с ними может быть только одно - дружба. Это и вопрос о том, кто реально начал войну. Это и особенности самой мировой войны, которой русско-германское противостояние добавило ряд черт, ранее мировым войнам неизвестных. Наконец, это вопрос о том, кто и как победил, какое влияние оказала последняя мировая (Великая Отечественная) на капиталистическую и коммунистическую систему, на США и СССР. Итак - по порядку.

Феномен мировых войн

Мировую войну 1939 - 1945 годов называют 'второй'. Что, разумеется, неверно и демонстрирует лишь самоуверенность людей XX столетия. На самом деле мировых войн, то есть войн за гегемонию в возникающей или уже оформившейся мировой капиталистической системе, было больше. Некоторые первой такой войной считают Тридцатилетнюю (1618 - 1648), когда руководимая Габсбургами католическая Европа

противостояла проплаченной голландцами протестантской части Европы и примкнувшей к ней католической Франции. Хотя в Тридцатилетней войне стороны бились за будущее устройство и Европы, и всего мира и велась она не только в Европе, но и вне ее, все же мировой аспект противостояния здесь был подчинен европейско-династическому (голландские ростовщики против испанской короны и, что не менее важно, Габсбурги с их 'бургундской обидой' против Валуа). Но в лучшем случае это была эмбрионально-мировая война.

Первой по-настоящему мировой войной (Европа, Северная Америка, Индия, короче - от форта Тикандерога до Пондишери) была Семилетняя (1756 - 1763) - первый раунд борьбы за гегемонию между Англией и Францией уже не как европейских держав, а как ядер-метрополий мировых торговых империй. В этой войне внутриевропейская 'старопорядковая' линия, тянувшаяся от войны за австрийское наследство, была уже подчиненной.

Во втором раунде англо-французского соперничества - революционных и Наполеоновских войнах - в той или иной степени присутствует почти весь 'набор' черт, с которыми мы сталкиваемся и в 1914 - 1918 годах, и (во многом) в 1939 - 1945 годах: промышленная эпоха, военно-стратегическая роль России, стремление континентальных держав поставить под контроль 'точку соединения' Африки и Азии как стратегический пункт на пути к британской Индии.

Действительно, с Наполеоновских войн Ближний Восток становится одним из театров военных действий мировых войн, то есть функциональной, вынесенной за пределы самой Европы зоной борьбы за господство в Европе. Причина проста - это Индия, которая начала играть огромную роль для Великобритании как раз в период между Семилетней и Наполеоновскими войнами. Наконец, именно со времен Наполеоновских войн решающую роль в качестве театра мировых войн и при определении их исхода начинает играть Россия, но об этом чуть позже.

В XX веке в битве за корону нового гегемона сошлись США и Германия. В двух раундах (1914/1917 - 1918, 1939/1941 - 1945 годы) американцы взяли верх, и США заняли место Британской империи. Впрочем, гегемония осталась за англосаксами - правда, их неевропейской ветвью, но все же. Тем более что с конца XIX века наиболее дальновидные англичане-имперцы (предприниматель, политик и выдающийся строитель Британской империи Сесил Родс, политический деятель, губернатор Капской колонии Альфред Милнер, известный журналист и деятель закулисы Уильям Стэд) перед лицом германского вызова готовы были пойти не только на создание англо-американского союза и истеблишмента, о чем рассказал в своих работах историк Кэролл Куигли, но и на перенос столицы союза в Вашингтон.

Таким образом, мы имеем не две мировые войны, а больше - три, четыре и пять, в зависимости от выбранной перспективы. Пять - если считать Тридцатилетнюю, Семилетнюю и Наполеоновские плюс две в XX веке; четыре - если исключить Тридцатилетнюю. Три - если наряду с первой мировой Тридцатилетней войной (грубо говоря, голландско-габсбургской) считать тридцатилетними англо-французские (1756 - 1763, 1792 - 1815 годов; то есть 7 + 23 = 30) и американо-германские, а точнее - англосаксонско-германские (многие историки предпочитают говорить о 'тридцатилетней войне XX века', объединяя две войны в одну). Хотя под определенным углом зрения и с некоторой натяжкой это возможно, я все же считаю такой подход не вполне адекватным, причем не столько из-за войны 1618 - 1648 годов, сколько из-за последней мировой, еще точнее - из-за роли и места в ней СССР.

'Моряки', 'континенталы' и русский парадокс мировых войн

Наиболее распространенной схемой, объясняющей динамику мировых войн, является следующая. В мировых войнах за гегемонию в капиталистической системе сталкиваются морские ('земноводные') державы (Голландия, Великобритания, США) и континентальные ('сухопутные') (Испания, Франция, Германия). Первые берут верх, причем делают это с помощью морской же державы - бывшего гегемона: Великобритания и Голландия против Франции, США и Великобритания против Германии (собственно, этот союз и обеспечивает победу). В этой схеме выпущено одно очень важное, в сущности, самое важное звено мировых войн - Россия/СССР.

Если в Тридцатилетней войне Россия-Московия успела поучаствовать лишь по касательной (Смоленская война 1630 - 1632 годов), то в Семилетней именно она разгромила считавшегося почему-то непобедимым прусского короля Фридриха II. Именно Россия нанесла поражение Наполеону, или, если угодно, размазала его по русской равнине ('зима, Барклай, иль русский Бог'), решив исход Наполеоновских войн. Россия августовским наступлением 1914 года спасла Париж, не позволив осуществиться шлиффеновскому плану блицкрига (возьми немцы Париж, и - права историк Барбара Такмэн - исход войны мог быть другим). Именно Россия по 'принципу карате' - с одного удара - уже в 1915 году 'вырубила' Австро-Венгрию из войны и, в общем-то, из истории, заставив немцев перебрасывать силы с Западного фронта. Именно Россия/СССР перетерла своим пространством и людской массой вермахт, сломав хребет военной машине Гитлера.

Без России/СССР ни Великобритания в 1814-м, ни США в 1945 году не одержали бы таких блистательных побед (а может, и побед вообще). То, как даже вымотанные, на последнем пределе немцы могут воевать, они показали англосаксам своими мощными наступлениями в первой половине 1918 года и в декабре 1944 - январе 1945 года в Арденнах (по мнению военных историков, последнее могло окончиться полной победой Гитлера, если бы он не отказался перенести основную силу удара на фланги).

В войнах за гегемонию в капиталистической системе есть тройной парадокс, который большинство исследователей словно не желают видеть. Это русский парадокс капиталистической истории. Во-первых, со времен Наполеоновских войн главным и решающим театром этих европейских (по основному составу участников) и североатлантических (мировых) по функции войн было русское, западно-евразийское пространство. Как будто нерусской Европе не хватало своего пространства для выяснения вопроса, кто будет главным мировым капиталистом, как будто главный экзамен один из претендентов на гегемонию сдавал России (и всегда этот экзамен проваливал). Во-вторых, победа морской державы над континентальной обусловливалась тем, что на стороне морской державы выступала континентальная (трансконтинентальная) - Россия/СССР. В-третьих, не будучи интегральным элементом капиталистической системы, Россия/СССР играла решающую роль в определении гегемона этой системы; не будучи частью североатлантического мира, евразийский Хартленд, по сути, определял его судьбу. Выходит, судьба ядра капиталистической системы в огромной степени определялась некапиталистической, или антикапиталистической, державой, а судьба мира -

евразийским Хартлендом (не случайно англичанин Хэлфорд Макиндер в конце XIX века заметил: кто контролирует Хартленд, Евразию, тот так или иначе контролирует мир).

Но почему же в мировых войнах Россия постоянно оказывалась на стороне англосаксов, морских, а не континентальных (Франция, Германия) держав? При этом, как только мировые войны заканчивались, начиналось сближение России с бывшим противником на континенте (Франция в XIX веке; сотрудничество с Веймарской Германией в 1920-е годы; да и в послевоенный период СССР сначала в 1970 году заключил договор с ФРГ о неприменении силы и признании границы по Одеру-Нейсе, а уже после этого, в 1972 - 1973 годах, началась разрядка напряженности в отношениях с США - детант) и одновременно стартовал затяжной геостратегический конфликт с бывшим англосаксонским союзником. И это не только советско-американская холодная война 1943/1945 - 1989/1991 годов, но и русско-британская борьба 1850-х - 1907 годов.

Почему континентальные державы - Франция и Россия в XIX веке и Второй рейх и Россия, а затем Третий рейх и СССР - не объединили свои усилия, не создали континентальный блок, о котором мечтал великий Карл Хаусхофер, чтобы обеспечить геополитическое 'окончательное решение' англосаксонско-державного вопроса? Ведь предпринималось несколько попыток, оказавшихся неудачными. Речь идет о недолгом (1800 - 1801 годов) союзе Павла I с Наполеоном, о сближении с Наполеоном Александра I и об участии России в континентальной блокаде, о попытках навести мосты между Вильгельмом II и Николаем II незадолго до 'первой германской' и между немецкими и советскими высокопоставленными военными незадолго до 'второй', о союзе между Гитлером и Сталиным (август 1939 - июнь 1941 годов). И тем не менее эти сближения и союзы оказывались нежизнеспособными и краткосрочными. Почему?

На первый взгляд причины очевидны и просты: являясь державой континентальной и потому заинтересованной в торговле с морской державой, Россия именно с ней вступала в союз. Как и другая 'фланговая держава' - Великобритания, - Россия не была заинтересована в объединении континентальной Европы. К тому же, не будучи вовлеченной в борьбу за гегемонию в ядре капиталистической системы, Россия не соприкасалась непосредственно с морскими державами. Они в отличие от западных соседей по континенту не были для нее прямой угрозой, у них не было взаимных территориальных претензий. Споры о сферах влияния вне Европы - это другой вопрос, он выходил на первый план в межвоенные периоды, когда в самой Европе, в ядре капиталистической системы, все было относительно спокойно. Прямой угрозой СССР англосаксы, точнее американцы, стали после окончания эпохи мировых войн, с началом глобального - холодная война - противостояния миров и систем, капитализма и коммунизма. Наконец, острыми были экономические противоречия между континентальными державами, особенно между Германией и Россией; о значении в последнем случае Lebensraum'a ('жизненного пространства', нем.) я уже и не говорю.

Все эти объяснения в значительной степени верны, однако они явно недостаточны: войны ведь начинала не Россия, а европейские континентальные державы - Франция и Германия. Именно они вторгались в русские пределы, а не наоборот, обрекая себя на самоубийственную войну на два фронта. Почему?

На мой взгляд, есть один аспект проблемы континентальности России, на который не обращают внимания - по-видимому, он слишком лежит на поверхности, чтобы быть замеченным, - и который регулярно упускали геополитики, особенно те, кто мечтал о блоке континентальных держав. Проблема, однако, в том, что Россия не являлась континентальной державой. Точнее, континентально-державное качество России

существенно отличается от такового и Франции, и Германии - они находятся в разных весовых категориях, в разных лигах.

Разумеется, географически и Франция, и Германия суть континентальные страны, однако с геополитической точки зрения полноценными континенталами они перестали быть с появлением в XVIII веке сокрушившей шведов Российской империи. С появлением такого евразийского гиганта, за плечами и на плечах которого лежал континент, континентально-имперская интеграция Европы стала неосуществимой - ':с появлением России (петровской. - А.Ф.) Карл Великий стал уже невозможен' - так афористически сформулировал эту мысль Федор Тютчев. Действительно, после Петра Великого Фридрих, Наполеон, Вильгельм, Адольф могли быть великими только в относительно короткие исторические промежутки времени, халифами на час. С появлением империи-континента России стало ясно: сухопутные европейские державы суть всего лишь полуостровные - полуостровной характер Европы на фоне имперской России стал вполне очевиден. Или если эти державы считать континентальными, то Россию в силу ее евразийскости следует считать гиперконтинентальной. В любом случае разнопорядковость в 'массе пространства' очевидна. Именно она мешала созданию устойчивого континентального союза, поскольку это изначально (со всеми вытекающими последствиями) был бы неравный союз континента и полуострова (иначе: гиперконтинента, омываемого тремя океанами, и просто континента).

Гиперконтинентальное евразийское 'количество' превращалось в геоисторическое качество: ни одна 'континентальная' держава принадлежащего Евразии полуострова (части света) 'Европа' не могла реально соперничать с гиперконтинентальной державой евразийского масштаба, будь то Россия или СССР. Союз между полуостровным континенталом и континенталом евразийским был рискованным и опасным предприятием для первого: при прочих равных условиях Россия легко могла превзойти или поглотить его. Это очень хорошо понимали Наполеон в начале XIX века и немцы (Теобальд Бетман-Гольвег, а затем Гитлер) в начале XX века. Так, 7 июля 1914 года канцлер Бетман-Гольвег заявил: 'Будущее за Россией, она растет и надвигается на нас, как кошмар'. В 'Майн кампф' Гитлер писал: 'Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию'. Под 'второй военной державой' Гитлер имел в виду, конечно же, Россию/СССР. Но он опоздал: к моменту его прихода к власти СССР уже был крупной военной державой, потенциально более сильной, чем Третий рейх в 1933 году.

Показательно, что похожие слова, только не о Европе, а о Евразии в целом, скажет в конце XX века Збигнев Бжезинский. США, заметит он, имея в виду, как и Гитлер, Россию, не должны терпеть в Евразии никакого государства, способного установить господство на значительной части континента и таким образом бросить вызов США. Ну что же, совпадение симптоматичное.

Гиперконтинентальный характер России-Евразии с выходом к трем океанам (выход к четвертому, Индийскому, не случайно был постоянным кошмаром для англичан и американцев) превращал Россию в квазиморскую, квазиокеаническую державу. Это качество еще более усилилось после того, как в конце XIX века в России была построена трансконтинентальная железная дорога, соединившая Питер с Владивостоком и превратившая гиперконтинентальность в трансконтинентальность. Это была уже совсем прямая и явная угроза господству англосаксов на морях - как и немецкая железная дорога Берлин-Багдад, которая, кстати, легко соединялась с русской евразийской магистралью.

Неудивительно, что реально в течение многих десятилетий противостоять России могли не европейские полуостровные карлики, а только морские имперские гиганты, и то после того, как устанавливали свою гегемонию в капиталистической системе. До этого им приходилось мириться с русским/советским фактором и ограничиваться лишь мелкими уколами и натравливанием неразумных соседей. Но уж после установления гегемонии борьба против России разворачивалась в полную силу. Однако даже в случае этого противостояния 'государства против государства' Россия/СССР брала верх над своими 'морскими' противниками. Так, в 1920-е годы поражение потерпела Великобритания, а в 1975 году классическая фаза советско-американской холодной войны окончилась победой СССР (Вьетнам, Хельсинки). Следствием, помимо прочего, стало изменение соотношения сил в политическом классе США: позиции представителей Восточного побережья ослабли. Только объединение и концентрация всей системной (а не одного государства, пусть даже гегемона) политико-экономической мощи Запада, ядра капиталистической системы, и наиболее развитых полупериферийных государств способны были склонить чашу весов в пользу англосаксонской Северной Атлантики, и русская Евразия терпела поражение.

Это произошло дважды - в результате Крымской войны (1853 - 1856 годов) и холодной войны (1945 - 1991 годов). Крымская война и холодная война, особенно ее постклассическая, глобальная-для-себя, а не только глобальная-в-себе фаза 1975 - 1989/1991 годов, могут рассматриваться как особый тип войн - русско-западный, евразийско-североатлантический (не говоря о такой их составляющей, как социосистемное - капитализм versus антикапитализм - противостояние 1917/1945 - 1991 годов). Ну а теперь вернемся в 1930-е годы.

1939 год - кто развязал мировую?

Конечно же, Гитлер, Третий рейх - казалось бы, это общеизвестный факт. Действительно, Гитлер вторгся в Польшу, после чего Великобритания неохотно (под давлением Америки?) объявила войну Третьему рейху и началась Вторая мировая (точнее, сначала общеевропейская) война. Когда-то вовсе не питавший симпатий к Германии известный специалист по поведению масс Гюстав Ле Бон, оценивая ситуацию лета 1914 года, заметил следующее. Да, именно Германия добавила последнюю каплю, переполнившую чашу через край. Однако для объективного исследователя главный вопрос заключается именно в том, кто наполнил чашу до краев, сделав войну неизбежной.

Речь идет не о том, чтобы снять с Гитлера историческую вину. Здесь прощения быть не может. Как русский никогда не прощу ему того, что он готовил уничтожение моего народа, его прошлого и будущего, а огромную часть этого народа уничтожил - именно славяне, и русские в частности, стали главным объектом физического уничтожения, достаточно взглянуть на цифры. Когда-то Лев Толстой устами Андрея Болконского вынес приговор вторгшимся в Россию Наполеону и французам: 'Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям'. А ведь Наполеон в отличие от Гитлера не планировал массового истребления русских.

Императив науки, теории - выяснение объективных обстоятельств, причин и следствий. Важно узнать не только кто исполнитель, но и кто заказчик, какова вся сеть заказчиков-исполнителей. Важно знать не только кто замкнул цепь, последнее звено, но и цепь в

целом. И того, кто ее выковал. Важно понимать, что Гитлер лишь замкнул некую цепь, не им выкованную, но возникшую объективно, по логике функционирования капиталистической системы и борьбы за господство в ней. О Германии 1939 года можно сказать то же, что Гюстав Ле Бон сказал о Германии 1914-го.

Итак, хотел ли Гитлер мировой войны? Конечно. Но не в 1939 году, а в более поздние сроки. В 1939 году Гитлер к мировой войне готов не был, несмотря на риторику - впрочем, рассчитанную прежде всего на внутреннее употребление, на немцев с их специфической психологией. Вне Германии она вызывала другие чувства - от иронии до праведного гнева. К тому же в середине XX века, века универсалистского, оптимистичного и циничного, идеология, замешенная на мифологии в духе 'гибели богов' и партикуляризме расы и крови, мрачная риторика Vernichtung'a ('уничтожения', нем.) и Weltfeind'a ('мирового врага', нем.) едва ли могли быть эффективными за пределами рейха. (Время фэнтези - жанра, который займет место научной фантастики, - придет в конце века.) Помимо прочего, Гитлер слишком много говорил в таких ситуациях, когда политик, претендующий на мировой масштаб, должен был, скорее, больше молчать или взвешивать каждое слово в выверенной риторике представителя 'сил Добра', как это умело делали игроки 'тегеранской тройки нападения', легко и убедительно отождествлявшие своего противника с силами Антипросвещения, Мрака и Зла.

Специалисты - прежде всего западные, в частности американские - прекрасно знали о неготовности Третьего рейха к мировой войне. 'Общая картина немецкой военной экономики, - писал о Германии 1930-х годов американский экономист Клайн Бертон, - не похожа на экономику страны, нацеленной на тотальную войну. Это, скорее, экономика, мобилизованная для ведения сравнительно малых и локализованных войн и впоследствии реагировавшая на военные события только после того, как они становились непреложными фактами: Для войны с Россией подготовка была более тщательной, но и она прошла почти без напряжения экономики: Вскоре после нападения выпуск некоторых важных типов снаряжения был сокращен в предвидении того, что война скоро окончится: Руководство немецкой военной экономикой было далеко не безупречным. Великобритания и Соединенные Штаты действовали гораздо быстрее:'

Известный американский экономист Джон Гэлбрейт подчеркивал, что вопреки распространенному мнению именно Великобритания была в 1940 - 1941 годах натянутой военной струной, а не Германия, где даже в 1941 - 1944 годах не видели необходимости в жертвах в сфере гражданского потребления. Английские власти почти с самого начала войны заставили свое население довольно туго затянуть пояса. В 1940 году при экономике с общим объемом производства, примерно на 30% меньшим, чем у Германии, англичане выпускали больше самолетов, почти столько же танков и гораздо больше других бронированных машин. В 1941 году английское военное производство намного превосходило производство Германии почти по всем показателям.

Аналогичная картина возникает при сравнении Германии и СССР военного времени. Даже в 1943 году - во время сталинградско-курского перелома в Великой Отечественной - Германия обладала большими, как показывают исследования, материальными возможностями для производства оружия и боевой техники, чем СССР. В 1943 году Германия имела больше, чем СССР, угля - в 3, стали - в 24, электроэнергии - в 2 раза. И тем не менее за годы войны СССР произвел техники и вооружений в два раза больше, чем Германия.

Германия намного лучше была готова к Первой мировой войне, накануне которой немецкая промышленность производила 250 тыс. снарядов в день, англичане - 10 тыс.

снарядов в месяц. Поэтому, например, в боях на линии Дунаец - Горлице немцы всего за четыре часа выпустили по русской Третьей армии 700 тыс. снарядов (за всю Франко-прусскую войну они выпустили 817 тыс. снарядов). Нельзя не согласиться с Иваном Солоневичем, который писал, что военный потенциал Вильгельма намного превосходил таковой Гитлера: 'Вильгельм имел за собою 43 года мирного развития. Имел военный и торговый флот. Имел огромный золотой запас - и дома, и за границей. Имел и промышленный потенциал выше тогдашнего американского'.

Знаменитый англо-американский историк Пол Кеннеди в научном бестселлере 'Взлет и падение великих держав' пишет, что в 1914 году Германия (правда, с Австро-Венгрией, но это незначительное дополнение) превосходила как Россию и Францию (в совокупности), так и отдельно Великобританию по доле в мировом промышленном производстве, по общему промышленному потенциалу и по уровню потребления энергии. По производству стали она превосходила все три страны, вместе взятые. По военным расходам и общим затратам на мобилизацию Германия превзошла США (19,9 млн долл. против 17,1 млн долл.) и лишь немного уступила Великобритании (23 млн долл.). Для сравнения: Россия - 5,4 млн долл., Франция - 9,3 млн, Австро-Венгрия - 4,7 млн. А вот в 1930-е годы ситуация изменилась. Хотя доля Германии в мировом промышленном производстве достигла 13,2%, а Великобритании снизилась до 9,2%, зато у СССР и США она составила соответственно 17,6 и 28,7%. При этом в 1937 году США из национального дохода в 68 млн долл. тратили на оборону 1,5%, Великобритания из 22 млн долл. - 5,7%, Германия из 17 млн долл. - 23,5%, СССР из 19 млн долл. - 26,4%. Относительный военный потенциал держав в том же 1937 году оценивался следующим образом: США - 41,7%, Германия - 14,4%, СССР - 14%, Великобритания - 10,2%, Франция - 4,2%.

Все это говорит о том, что за период с 1913 по 1939 год Германия существенно отстала от США - своего главного соперника в борьбе за гегемонию в капиталистической системе, и новая мировая война теоретически могла быть крайним средством для того, чтобы не допустить увеличения разрыва. По крайней мере к такому выводу приходят многие западные исследователи, объясняющие конкретный механизм возникновения последней мировой войны. Однако, как я уже говорил, исследования показывают: именно к мировой войне в 1930-е годы Германия готова не была и воевать всерьез после захвата Польши не собиралась.

Чтобы тягаться с англосаксами за мировое господство, немцам нужен был тыл - так же как Наполеону в начале XIX века. И так же, как Наполеон, Гитлер в конце 1930-х годов не был уверен в прочности все того же тыла под названием 'Россия'. При этом положение Гитлера было хуже положения Наполеона: захват русскими нефтеносной Южной Буковины (ее вхождение в состав СССР выдвигалось Сталиным в качестве одного из условий присоединения СССР к антикоминтерновскому пакту; в декабре 1940 года во время визита в Берлин Вячеслав Молотов еще раз настойчиво поднял вопрос о Южной Буковине) обездвижило бы немецкую технику.

По иронии истории, именно руководитель крупного государства, в 1939 году хуже других готового к мировой войне, начал, развязал ее, добавив последнюю каплю, - и оказался единственным виновником, агрессором, Мировым Злом. Да, Гитлер, похоже, заглотнул чужую наживку. Чью? Кто еще хотел мировой войны? Британская империя? США? СССР? Черчилль? Рузвельт? Сталин?

Хотел ли мировой войны Сталин? Теоретически - да, поскольку СССР по логике развития коммунистического строя в его противостоянии капиталистической системе должен был превратиться в земшарную республику. Это - одна сторона. С другой

стороны, мировая война в самой капиталистической системе между англосаксонскими и германскими хищниками объективно ослабляла империалистическое давление на СССР. Иван Ильин заметил: 'Советское государство хочет ускорить мировую войну, не участвуя в ней'. Отсюда - игра на противоречиях двух хищных империалистических рас. Слишком сильно? Но это не сталинские слова и не оборот из советской пропаганды 1930-х годов. Вот что писал в 1900 Михаил Меньшиков: 'Германия и Англия - вот на рубеже XX века торжествующие народности, не только вожди, но и истребители человечества. Наш славянский мир, как и латинский, позади этих хищных рас<...> Мы неудержимо отстаем в развитии народной энергии и постепенно втягиваемся в сеть англо-германского захвата. Россия еще страшна своей государственной силой<...> но видимо на всех мировых поприщах уступает белокурому соседу'. И далее: 'Вдумываясь в тихий погром, который вносит англо-германская раса в остальное человечество, невольно сочтешь грезу современного антихриста - Ницше, грезу о 'белокуром смеющемся льве' - не мечтой безумца, а пророчеством грозным и уже осуществляющимся<...> Среди самих англичан и немцев идет<...> структурная перестройка, борьба человеческих типов. Один какой-то сильный и хищный тип, по-видимому, поедает все остальные'.

По-своему Меньшиков очень точно отразил англо-германскую борьбу за господство в капиталистической системе в 1870 - 1910-е годы, борьбу, которая предполагала отбор определенных социальных, человеческих особей и стай (в виде организаций, партий и т.п.) и которая, как заметил русский геополитик Иван Дусинский, не исчерпывала всех других международных вопросов, но захватывала их и присоединяла к себе. Ну а формулировка 'тихий погром' - просто блеск. Правда, дважды в XX веке погром становился громким, и Сталин, естественно, стремился к тому, чтобы не допустить натравливания Гитлера на СССР, чтобы англосаксы и германцы сцепились между собой и чтобы СССР вступил в этот погром, когда главные противники - рейх и англосаксы будут ослаблены. Нормальная Realpolitik, где нет друзей, а есть только интересы, или, как сказал бы Раймон Арон, намерения и детерминизм причин (то есть логика истории).

Планировал ли Сталин упреждающий удар по готовящемуся к прыжку противнику? Должен был планировать. Но вот к мировой войне на рубеже 1930 - 1940-х годов СССР готов не был.

В течение всех 1930-х годов британская верхушка активно подталкивала Гитлера к войне с СССР. Вышло, как когда-то предупреждал Николай Данилевский: 'Зная проницательность Англии и упорство ее в достижении целей, можно ругаться, что ею не упустятся случаи вредить России и, при представившейся возможности, возбуждать против нее Европу'. И далее: 'Враждебная нам вообще Европа сосредоточивается собственно в чисто германскую ее половину; с нею нам в будущем придется вести свои счеты'. Кроме того, у Гитлера было много симпатизантов в английском истеблишменте, считавших, что превращение России в 'германскую Индию' будет на руку Британской империи и укрепит ее позиции в мире, прежде всего перед лицом конкуренции со стороны США, тщетно рвавшихся на рынки Британской империи. Английская сторона, пишет историк Мануэль Саркисьянц в работе 'Английские корни немецкого фашизма', ждала 'от гитлеровской Германии того, чего не могла дать Веймарская республика. Чего же? Того, чего в Англии официально не было, но что так пригодилось бы ее империи. Английская сторона ждала, скажем, более радикальной расистско-империалистической идеологии власти с выводами в духе какого-нибудь Альфреда Розенберга, идеологии, дающей санкцию на применение расовых законов против небелых, незападноевропейцев (негров, индийцев, славян, евреев и т.д.). И Гитлер готов был ей соответствовать. Вот какие заявления в 1936 году - когда состоялась берлинская Олимпиада - приводит все тот же Саркисьянц: 'Англосаксы устало бросили поводья, мы сознаем ответственность за всех

белых'. И далее: 'Неужели в Лондоне полагают, что перед лицом тяжкой угрозы позициям белых в мире англосаксы могут отказаться от нашей помощи в сопротивлении?<...> Мы хотим совместно действовать в том духе, о каком некогда мечтали Чемберлен и Сесил Родс, в тесном союзе с англичанами, самым близким нам по крови народом<...> это <...> тем более необходимо, что с 1918 г. возникла тяжелейшая угроза, когда-либо нависавшая над верховенством белой расы: большевизм'. Гитлер говорил о Великобритании и Германии как о двух великих империях, противопоставлял их антиимперским США и СССР.

Прогитлеровская политика Великобритании во второй половине 1930-х годов, курс на appeasement ('умиротворение', англ.) были не ошибкой и не глупостью. То был курс на сохранение Британской империи как мировой на основе союза с Германской империей как евразийской. Или европейской. Поэтому британцы в 1938 году (Мюнхен) сделали все, чтобы спасти Гитлера. 'Дайте мне надежную гарантию, что Англия вступит в войну в случае нападения (Германии. - А.Ф.) на Чехословакию, и я положу конец этому режиму', - говорил Людвиг Бек, за которым стояла немецкая армия, готовая свергнуть Гитлера. Однако план группы Остера - Вицлера - Гальдера, которых пассивно поддерживал главнокомандующий фон Браухич, провалился 28 сентября, как только пришло сообщение о предстоящей Мюнхенской конференции. Позиция британской правящей верхушки понятна - она стремилась любой ценой сохранить империю и свои привилегированные позиции в английском обществе, а потому готова была сдать Европу, точнее, святая святых английской политики в Европе - политическое равновесие, пожертвовав им в пользу империи.

Но все изменилось 3 сентября 1939 года, когда словно нехотя Англия объявила войну вторгшейся в Польшу Германии. Объявила, по-видимому, не в последнюю очередь под американским давлением. Джозеф Кеннеди (отец президента Кеннеди), посол США в Германии в 1937 - 1940 годах, рассказывал, что Невилл Чемберлен утверждал: 'Англию принудили воевать Америка и мировое еврейство'. Аналогичные мысли высказывал лорд Бивербрук, да и не только он.

Я не уверен, что 'мировое еврейство' могло бы втянуть Англию в войну - здесь нужна была сила помощнее. А вот Америка как раз и представляет собой такую силу (впрочем, отрицать еврейскую составляющую этой силы было бы ошибочно). Хотела ли мировой войны американская правящая верхушка второй половины 1930-х? Безусловно. Во второй половине 1930-х годов стало совершенно очевидно, что 'новый курс' пробуксовывает (результативность ему принесет именно война). Рузвельт оказался перед выбором: либо продолжение реформ - реальное ограничение власти капитала, углубление социальных конфликтов и как следствие значительная вероятность обострения отношений с правящим классом или, что еще хуже, оттеснение противником типа популиста Хьюи Лонга (губернатора Луизианы, прототипа губернатора Вилли Старка из 'Всей королевской рати' Роберта Пенна Уоррена). Либо выход из сложившейся ситуации благодаря войне в Европе, которая, во-первых, решила бы экономические проблемы (в 1940 году государственный долг США составил 50% ВВП), загрузила бы оборонную промышленность страны. Во-вторых, позволила бы снять социальное напряжение в обществе. В-третьих, как и после войны 1914 - 1918 годов, еще больше ослабила бы немцев и англичан и усилила зависимость Европы от США.

Америке нужна была именно англо-германская война, поскольку, во-первых, Германия набирала темп и становилась все более мощным технико-экономическим конкурентом. Во-вторых, Британская империя не пускала американские товары на свои рынки, что больно било по американской экономике (кризисы перепроизводства и т.п.). В-третьих,

для американцев не были секретом прогерманские, прогитлеровские симпатии значительной и, что еще важнее, наиболее влиятельной части правящей верхушки Британской империи. Союз двух империй был бы серьезной угрозой для Америки. Все эти проблемы разом решала война в Европе, которую надо было стимулировать, что и произошло 3 сентября 1939 года.

После этого для правительства США дело оставалось за малым - заставить собственную страну, в которой главенствовали (на 80%) изоляционистские настроения, вступить в войну. Эту проблему решил Перл-Харбор. Как показали в вышедшей в текущем году работе 'Перл-Харбор' Михаил Маслов и Сергей Зубков, вопрос о Перл-Харборе непрост и запутан. И тем не менее косвенные свидетельства (например то, что, осознавая опасность, Рузвельт отдал приказ Тихоокеанскому флоту зимой 1940 - 1941 и 1941 - 1942 годов не возвращаться в Сан-Франциско и 'зимовать' на Гавайях), а также исследования Чарльза Бирда, Джона Толанда, Роберта Стиннета и других показывают, что президент 'имперской республики' Рузвельт не просто знал о готовящейся акции японцев, но провоцировал ее. Только так можно было пробить изоляционизм, сломать его. Война с Японией логически вела к войне с Германией. Так оно и вышло. Утром 4 декабря японская авиация, стартовав в две 'волны' с шести авианосцев, нанесла сокрушительный удар по американским военным кораблям и самолетам в Перл-Харборе. И даже если Перл-Харбор случился неожиданно, то это тот случай, который помог подготовленному и словно давно ждавшему его президенту.

Война с Японией была необходима США и потому, что только так можно было не допустить японской гегемонии в Восточной Азии (то есть в Западной Пацифике). Уинстон Черчилль в своей истории Америки ('Великая республика') откровенно пишет о том, что США, как и Великобритания, имели очень серьезные материальные и торговые интересы на Дальнем Востоке, и особенно в Китае, и интересы эти формировались в течение нескольких поколений. И вот теперь этим интересам угрожала Япония. Англо-германский конфликт с втягиванием в него СССР, особенно затяжной, или германо-советский конфликт с участием Великобритании в целом облегчал американцам решение своей задачи на Тихом океане. Как подчеркнул Дэвид Рейнолдс, Рузвельт заговорил об опасности всемирной войны с мая 1940 года, а 27 мая 1941 года назвал идущую в Европе войну 'второй мировой', хотя она таковой еще не стала. Примечательно, что американцы квалифицировали войну 1914 - 1918 годов как мировую уже после своего вступления в нее, а войну 1939 - 1945 годов - еще до вступления. И исследователь прав, указывая, что сам термин 'мировая война' использовался Рузвельтом в качестве тарана, которым он пробивал психологическую стену американского изоляционизма и подогревал воинственность нации. Рузвельт стал пользоваться термином 'мировая война' раньше, чем Гитлер. Мелочь? Не думаю.

Таким образом, путь США к решению своих проблем посредством мировой гегемонии лежал через войну в Европе, в Северной Атлантике и в Пацифике. А для этого в один кровавый узел надо было сплести Германию, Великобританию и СССР. В этом плане само начало Второй мировой войны и - самое главное - начало Великой Отечественной стало победой Америки: она выиграла и войну, и мир послевоенный, в котором стала гегемоном.

Гитлеровский евросоюз

Гитлер и немецкая верхушка хотели войны, стремились и готовились к ней. Но к какой войне? К мировой? В средне- и тем более долгосрочной перспективе - да. В краткосрочной - сомнительно. Говорить, как это делал Гитлер, о мировом господстве, 'тысячелетнем рейхе' и т.п. можно сколько угодно. Однако есть реальность. Разумеется, в перспективе, создав могучую экономику и мощную армию, Германия Гитлера (или его преемников), подталкиваемая политико-экономическими регулярностями ('законами') капиталистической системы, должна была начать большую войну. Однако в реальности 1930-х Германия, Гитлер к такой войне готовы не были. Да и к войне менее масштабной - тоже. Потому-то 'западные демократии' и преподнесли фюреру в Мюнхене, подталкивая его к войне на востоке, Чехословакию - ее военно-промышленный потенциал резко усилил рейх. Но не для мировой войны. Захват Чехословакии, а ранее - Австрии был крайне важен для Гитлера и по причине, которую часто упускают из вида, - из-за потребности в иностранной валюте. В результате аншлюса рейх получил золота и валютных резервов на 200 млн долларов. Однако ввиду интенсивных расходов на вооружение уже в начале 1939 года положение с валютными запасами стало для рейха критическим. Мартовский захват Чехословакии решал для фюрера не только военно-промышленную, но и финансовую проблему.

Что касается риторики Гитлера о 'новом мировом порядке', то она была пропагандой, причем главным образом для внутреннего потребления, рассчитанной на немцев с их специфической психологией ('мобилизация нации'), традициями и в значительной степени выдавала желаемое за действительное.

В принципе Гитлер, как любой серьезный и собиравшийся состояться в качестве такового послеверсальский и послевеймарский политик, должен был прежде всего стремиться к ликвидации унизительных последствий Версальского мирного договора, и в середине 1930-х он в целом данную проблему решил. Тем не менее во второй половине 1930-х Гитлер был способен захватывать в Европе лишь то, что было слабым, то, что плохо лежало, причем только в том случае, если 'демократии' подталкивали к этому или по крайней мере закрывали глаза на подобного рода акции. Классика - Мюнхен, то есть приглашение к агрессии. В конечном счете вышло - приглашение на казнь, точнее - к самоубийству в апреле 1945-го (разумеется, если Гитлер действительно покончил жизнь самоубийством). Фюрер собирался присоединить к рейху Польшу и затем готовиться к дальнейшей экспансии. А готовиться, если учесть состояние немецкой экономики и мощь тех, с кем теперь мог столкнуться Гитлер (слабаки кончились), пришлось бы довольно долго. Однако к Польше Гитлер получил 'в нагрузку' мировую войну - неожиданно для самого себя.

Это стало результатом как действий Гитлера, так и игры Рузвельта, Сталина, отчасти Черчилля - больших мастеров мировой политики, по сравнению с которыми Гитлер в конечном счете оказался провинциальным политиком; романтиком (хотя и весьма циничным), который, начитавшись в детстве Карла Мая, столкнулся с прагматиками; человеком иллюзий и ошибок. Так, Гитлер явно недооценил США и их способности влиять на Великобританию. Он был слишком уверен в возможности союза с англичанами. Действительно, там имелась мощная группа деятелей, готовая пожертвовать Европой ради империи. Но были и другие, для которых разъединенная 'континентальная' Европа, политическое равновесие в ней оказывались не менее важными, чем империя, которую они рассчитывали спасти в союзе с США. Впрочем, Америка впоследствии показала англичанам всю близорукость такого подхода за пределами краткосрочной перспективы. Однако это было в 1945-м. А в 1940-м, захватывая и объединяя Европу, Гитлер материализовал вековой кошмар Великобритании - Европа под властью континентального гегемона. Уже в 1940 году Черчилль выразил серьезнейшие опасения по поводу того, что

немцы могут создать единое европейское экономическое сообщество. Министр экономики рейха Вальтер Функ прямо заявлял о необходимости создания экономически единой Европы (об этом пишет в своей книге 'Сумерки Запада' Кристофер Коукер), в чем Германию активно поддерживали бельгийцы, голландцы, французы. Гитлер в самом начале войны охарактеризовал ее не просто как германо-английский конфликт, а вопрос выражения общеевропейских интересов, то есть создания Пан-Европы. Гитлер строил свой 'евросоюз'.

Европейская война 1939 - 1941 годов, а затем и мировая война стали последней попыткой объединить Западную, Центральную (а после нее - и Восточную) Европу в единое целое военным путем. Этот аспект Второй мировой войны, которая стала действительно мировой лишь в 1941 году, как правило, упускается из виду. Европейская война сначала превратилась в евразийскую, а затем - в мировую (то есть обе эти войны стали реакцией на попытку Германии сконструировать Пан-Европу по своему замыслу). Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует и о 'матрешечной' композиции и сложности последней мировой войны, и о том, что военно-политическое объединение Западной и Центральной Европы Гитлером (а вообще - кем угодно) не соответствовало интересам англосаксов по обе стороны Северной Атлантики, да и СССР тоже. В Европе в очередной раз скрестили оружие несколько различных иерархий мирового уровня.

'Я был последней надеждой Европы', - скажет Гитлер незадолго до смерти. На вопрос, надеждой какой Европы был Гитлер, ответ дает Джон Стейнберг: надеждой определенной части финансово-олигархической Европы, точнее, немецких Варбургов (банковское семейство с венецианскими корнями), кругов, которые представляли директор Банка Англии лорд Монтэгю Норманн и Ялмар Шахт. Оба стояли у истока Банка международных расчетов (1930), целью которого, как считает Кэролл Куигли, была мировая финансовая диктатура неофеодального стиля. Им-то и нужна была единая имперская Европа как поле деятельности. Отсюда - интерес к Гитлеру деятелей созданного в 1922-м Пан-Европейского союза. Стейнберг приводит следующую фразу Шахта, сказанную им в октябре 1932 года своим 'коллегам' по союзу: 'Через три месяца у власти будет Гитлер. Он создаст Пан-Европу: Только Гитлер может создать Пан-Европу'.

С учетом всего сказанного выше можно сделать вывод: гитлеровский рейх, помимо прочего, оказался и равнодействующей нескольких очень разных сил, стремившихся создать единую Европу - империю типа державы Карла Великого или Карла V Габсбурга, но на антиуниверсалистской (антихристианской), квазиязыческой основе. Чтобы даже на мотивационно-культурном уровне окончательно отбросить хотя и неимоверно профанированные, но все-таки еще не девальвированные ценности христианского эгалитаризма, заменив их жесткой и непреодолимой дохристианской иерархичностью.

Однако Гитлер опоздал. Его общеевропейская имперская стройка шла не в унисон с ритмикой эпохи, она 'бежала против времени' (слишком поздно и слишком рано одновременно), поскольку старая Европа политически слабела и сходила с исторической сцены.

Кстати, это хорошо понимали даже те, кто симпатизировал Гитлеру. Французский писатель Пьер Дриё ла Рошель в августе 1944 года записывает в дневнике: 'Гитлер глуп, как Наполеон. Но надо признать, что ему приходится действовать в куда более трудной ситуации: англосаксонский мир сейчас многократно могущественней, русский мир тоже многократно могущественней. Слишком поздно пришел он в изрядно постаревшую и чудовищно сузившуюся Европу: Поражение Гитлера после поражения Наполеона, Людовика XIV, Карла V, Карла Великого, похоже, доказывает нежизнеспособность

Европы. Она будет разграблена и отодвинута на задворки, как коллекция греческих полисов. Аминь'. Иными словами, по иронии истории, Гитлер сработал на англосаксов и русских, приблизив и оформив закат Европы не в шпенглеровском смысле, а в смысле игры в гольф - закатив континент в лунку Истории и выступив, таким образом, его Терминатором. И 'ледоколом' для СССР и США. Они-то и вышли победителями в мировой войне, которая оказалась совершенно особой - благодаря СССР, 'русскому фактору'.

Особая мировая

Последняя мировая война была особой - она существенно отличалась от всех предыдущих мировых войн как по отдельности, так и - что еще важнее - вместе взятых. Одна ее особенность бросается в глаза сразу: массовая жестокость, в основе которой лежит, как заметил известный французский мыслитель Бертран де Жувенель, крайнее презрение к человеку. И это понятно. Будучи по-настоящему первой войной масс, а не просто народов, государств или наций (по-настоящему войной наций была война 1914 - 1918 годов), последняя мировая война едва ли могла быть иной.

Особенно жестокой - принципиально, направленно жестокой, ориентированной на уничтожение людей как представителей определенного этноса, расы, была война немцев по отношению к русским, вообще славянам, которые подлежали массовому уничтожению (отсюда такие потери среди мирного населения и военнопленных русских, белорусов, поляков и др.). 'Вторая германская' в отличие от первой была во многих отношениях расово-этнической войной. Но западная 'версия' последней мировой войны выглядела иначе. Немцы по-разному воевали с англичанами, французами и американцами, с одной стороны, и с русскими - с другой. Это бросалось в глаза. Как заметил известный немецкий философ и политический мыслитель Карл Шмитт, во Второй мировой войне Германия вела две войны: обычную - на Западном фронте и совсем другую, тотальную, - на Восточном. Первая война имела обычные военные цели; целью второй было физическое истребление представителей другой этнической группы, уничтожение противника как Враждебного Иного.

Никогда до 1941 года ни одно западное государство не ставило задачу физического истребления значительной части русского населения и превращения остальной части в рабов. Никогда еще культурно-историческое, цивилизационное противостояние не принимало столь брутальной 'физико-демографической', 'жизненно-пространственной' формы.

Все это еще более усложняет социальное содержание последней мировой войны, добавляя к внутрикапиталистическому и социосистемному аспектам цивилизационный и этнокультурный. А поскольку главным и решающим фронтом в войне был Восточный, а театром действий - русский, то, по крайней мере для СССР (России), культурно-исторический и этнический компоненты последней мировой войны практически выходят на первый план: нас хотели уничтожить, причем не столько как коммунистов, сколько как враждебный-не-Запад, как русских.

Борьба народа за выживание, помноженная на мощь социальной системы, и потенциал этой системы, помноженный на ярость народа, которому ЧУЖИЕ подписали историко-антропологический приговор, - вот что обеспечило нашу Победу, стало одним из решающих ее факторов.

Здесь также надо заметить, что 'Вторая германская' была еще и культурно-исторической войной - последним крупным столкновением немцев (германцев) и славян. В мае 1945-го - знаменитой фразой Жукова, брошенной им немецким генералам после подписания капитуляции, что они могут идти, - закончился германо-славянский тысячелетний спор. Военный Drang nach Osten немцев как таковых был снят с повестки дня. Рассчитались за все - так же, как в августе-сентябре с японцами - за 1905 год.

И все же не расово-этнический аспект выделяет последнюю мировую и противопоставляет всем другим мировым, вместе взятым, а иной - социосистемный и историко-проектный.

Война миров и систем

К характерному для мировых войн противостоянию главных - морского и континентального - претендентов на мир-капиталистическую гегемонию в последней войне с 1941 года добавились, во-первых, открытая борьба одного из капиталистических претендентов (Германии) с антикапиталистическим (СССР); во-вторых, скрытое противостояние этого антикапиталистического социума своим капиталистическим союзникам по антигитлеровской коалиции. И чем ближе война подходила к своему концу, тем более острым и менее скрытым становилось это противостояние. Таким образом, последняя мировая война по своему социальному содержанию на порядки сложнее предыдущих мировых войн и выходит за рамки выяснения вопроса о гегемонии в капиталистическом мире. Социосистемное противостояние помимо государственно-гегемонического, антикапиталистическо-коммунистическо-капиталистического, помимо, наконец, внутрикапиталистического - серьезнейшее качественное отличие последней мировой войны от предыдущих. Другое дело, что в ходе и даже в момент возникновения войны логика коммунистическо-капиталистического (или наоборот) противостояния при всем ее значении не стала полностью определяющей по отношению к внутрикапиталистической геополитической ('гегемонной') логике. И это несмотря на то, что роль подобной логики межформационной оппозиции по ходу войны постоянно нарастала - и чем ближе к концу войны, тем сильнее, а в конце войны вообще вышла на первый план.

Она начинает просматриваться уже в 1943-м в Тегеране. Открытие второго фронта в июне 1944 года - это уже главным образом логика 'войны миров и систем', а не только или даже не столько государств. В 1945-м в Ялте - уже вполне очевидное противостояние систем. Если 1941 год внес в войну социосистемное противостояние по советско-германской линии, то в 1943 - 1944 годах выходит на поверхность остававшаяся на втором плане социосистемная напряженность по советско-англо-американской линии. От Ялты эта линия прочерчивается прямо к английскому плану 'Немыслимое' (удар совместно с немцами по Красной армии в июле 1945-го) и к объявлению американцами холодной войны против СССР в январе-феврале 1946-го.

В то же время необходимо обратить внимание на очень сложную, тесно переплетающуюся диалектику геополитического и межсистемного. Капитализму в лице англосаксов удалось мобилизовать властно-экономический потенциал коммунизма, его физическое и социальное пространство и заставить его (с 22 июня 1941 года) играть по геополитической логике капиталистической системы (борьба за гегемонию) в очередной раз на стороне моряков-англосаксов против их континентальных противников. Англосаксы сумели-таки в третий раз стравить русских с континенталами, причем второй раз - с немцами. Ай да англосакс, ай да сукин сын! В то же время, хотя капитализм заставлял коммунистический строй играть по своим геополитическим правилам, он вынужден был это делать под социосистемным давлением коммунизма, таким образом направляя его социальную энергию в международно-политическое русло. Причем в этом принуждении, в своих социосистемных планах коммунизм использовал капиталистические законы геополитики и борьбы за гегемонию в мировой экономике. Получилось так, что социосистемная логика коммунизма, которая вела его к глобальной войне за мировую коммунизацию, заставила этот строй геополитически использовать одни капиталистические государства в мировой войне против других. Вступив на этот путь, СССР вскоре оказался вовлеченным в некую игру и был поставлен перед выбором между одной коалицией капиталистических государств и другой. Независимо от выбора это был императив (меж)государственного, а не социосистемного поведения. По крайней мере - в краткосрочной перспективе. Вышел чет - нечет: антикапиталистический социосистемный вызов - капиталистический межгосударственный ответ - антикапиталистический межгосударственный контрответ. Empire strikes back ('Империя наносит ответный удар', англ.), и воистину все смешалось в капиталистическо-коммунистическом доме. По крайней мере в 1941 - 1943/45 годах.

Таким образом, социосистемный натиск коммунизма был отражен капитализмом и на какой-то миг - но очень важный, решающий для капитализма - трансформирован в 'государственно'-геополитический импульс коммунизма. Нападение Гитлера заставило СССР вернуться к российской (евразийской, мировой) геополитической логике XIX - XX веков - к противостоянию самой сильной континентальной державе Европы, которой с 1871 года была Германия. Руками Гитлера капитализм заставил СССР на несколько лет стать квази-Россией и подчиниться межгосударственной военно-стратегической логике.

Схватка глобальных проектов

Будучи последней мировой, война 1939/41 - 1945 годов была первой глобальной. Или - скажем мягче - в ней уже присутствовало мощное глобальное содержание. И дело не только в том, что в этой войне участвовало намного больше государств, чем в войне 1914 - 1918 годов, что она принесла намного больше жертв и разрушений, чем Великая война, то есть дело не в количественном аспекте. Мир, как любил говорить Альберт Эйнштейн, понятие не количественное, а качественное. Глобальный аспект мировой войны был обусловлен прежде всего тем, что два участвовавших в ней социума - Германия и СССР - стремились не просто к гегемонии в существующей мировой системе, а к установлению принципиально нового, охватывающего планету в целом, то есть глобального социального и идейного порядка, единого глобального социума, новой системы, к созданию нового человека. В этом плане оба социума были революционными каждый на свой манер - левый и правый, интернационалистический и расово-националистический.

Коммунистический проект был просвещенческим, универсалистским, он основывался на признании разума, всемирно-исторических законов и на вере в прогресс. В этом смысле, несмотря на противостояние капиталистическому миру с господствующей в его ядре идеологией либерализма, у коммунизма был универсальный (в прямом и переносном смысле слова) лексикон для общения с западными олигархиями. Марксизм, как и либерализм, - идеология универсалистская.

Программа нацистской Германии не посягала на капитализм, не предполагала его разрушения. Она должна была изменить правила игры в капиталистической системе на немецкий лад - с универсалистских на партикуляристские - и уничтожить все другие правила. Иерархия и месторасположение в капиталистической системе, согласно нацистскому подходу, должны были определяться расово-этническим критерием - да здравствуют циркуль (но не масонский, а обычный) и линейка!

Коммунизм был попыткой построить антикапитализм ('посткапитализм') на универсалистской основе, иными словами, покинуть капитализм по универсалистским рельсам - так сказать, просвещенческий антикапитализм.

Национал-социалисты играли не только по другим правилам, но и на другом поле. Они хотели уйти не из капитализма (он сохранялся, хотя в значительной степени социализировался), а из современного (Modern) общества и создать капиталистический социум и рейх на партикуляристской, антиуниверсалистской основе - так сказать, антипросвещенческий и антихристианский капитализм (привет от тысячелетнего германского язычества и варварства). Отсюда - и неприятие любых универсалистских форм, будь то христианство или либерализм (и, естественно, либеральная (буржуазная) демократия) и германство как традиция, комбинирующая варварство и язычество.

Под этим углом зрения национал-социализм и гитлеровский режим - это практический ответ с запозданием на 150 - 200 лет Просвещению, Французской революции и Наполеону, специфическая материализация немецкого романтизма. Но дело не в самом Homo Hitler, а в том, что он представлял мощную традицию германского духовного развития. Не случайно именно немцы стали застрельщиками протестантской революции - религиозного националистического бунта против религиозного универсализма. Немцы почти постоянно оппонировали универсализму. В 1941 году революционные антиуниверсалисты, наследники Лютера, нарвались на революционных универсалистов, которые, к несчастью для Третьего рейха, были властелинами трансконтинента, ставшего матрицей для Третьего Интернационала.

Разумеется, объективно, самим фактом своего существования трансконтинент-революция вступал в противоречие и с капиталистическим миром в целом. Однако самым острым, плотным и насыщенным частным противоречием оказалось противоречие такого трансконтинента-революции с Третьим рейхом, Германией. Противостояние с англосаксами, по крайней мере ситуационно, в 1930 годы было, если так можно выразиться, более спокойным, эволюционным противостоянием социосистемного (антикапитализм-капитализм) и геоисторического (трансконтинент-океан) порядков. В случае с немцами к социосистемному и геоисторическому (трансконтинент-полуостров) измерениям добавлялись еще два, причем весьма острых. Во-первых, сталкивались противоположно заряженные революционные режимы - левый и правый. Во-вторых - два взаимоисключающих геокультурных комплекса: просвещенческо-прогрессистский, универсалистский и антипросвещенческий, партикуляристский (причем на расово-этнической основе). Таким образом, налицо объективные необходимые основания для схватки. Ну а достаточные основания были обеспечены англосаксонским мастерством

стравливания континентальных держав вообще и России и Германии в частности. В 1941-м в отличие от 1914-го стравить, направить друг против друга удалось не две монархии, а две социалистические революции - национальную и интернациональную, правую и левую.

Избрав партикуляристскую, антиуниверсалистскую идеологию в качестве средства борьбы за гегемонию в мире и в капиталистической системе, нацисты социокультурно противопоставили себя доминирующей просвещенческой (либерально-марксистской) геокультуре Современности (1789 - 1991), в целом - геокультуре, коренящейся в Просвещении, бросили ей вызов. И не только ей, а Модерну как социокультурному типу. С этой точки зрения в известном смысле правы те, кто квалифицировал нацистский проект как бунт темных сил прошлого против Просвещения и Великой французской революции (а еще точнее - Великой европейской революции 1789 - 1848 годов), как контрреволюцию в самом широком смысле этого слова. На знамени этой контрреволюции было начертано: Государство, Раса, Воля. Так Воля была противопоставлена Разуму, раса - Человечеству, Государство - Индивиду и его форме организации, то есть гражданскому обществу.

Победа! Кто победил и почему?

Каковы реальные результаты последней мировой? В чем причины победы СССР? Что и как выиграли в этой войне США? Что и как выиграл Запад, капитализм, а что и как - исторический коммунизм? Эти вопросы далеко не так просты, как может показаться на первый взгляд.

Абсолютным победителем в войне стали США. Для них война оказалась 'мать родна'. Для Америки годы войны - время экономического процветания. К концу 1942-го ВНП увеличился со 124 до 158 млрд долларов, безработица сократилась с 9,9 до 4,7%; в 1943 - 1944 годах рост ВНП продолжался. В 1945-м Штаты производили так много товаров и услуг, как никогда в своей истории.

С победой в войне США ('имперская республика', как назвал эту страну Раймон Арон) стали гегемоном капиталистической системы и лидером Запада, который они начали американизировать в экономическом и, что не менее важно, масскультурном, то есть психоисторическом, плане.

Америка победила в войне потому, что, пользуясь экономической мощью (почти половина мирового валового продукта), смогла (вместе с англичанами) найти в Евразии державу, бросившую на чашу весов истории миллионы жизней и пространство, державу, образующий народ которой сражался с захватчиком за право сохранить свою русскую идентичность.

В результате войны в краткосрочной перспективе на Западе выиграла не столько система (капитализм), сколько конкретное государство - США, ставшее гегемоном капиталистической системы, сверхдержавой ?1. Превращение СССР в сверхдержаву ?2, образование мировой социалистической системы, подъем коммунистического и рабочего движения в Западной Европе, крушение колониальной системы - все это свидетельствовало о том, что в краткосрочной перспективе капитализм потерпел

поражение. Точнее, так: в капиталистической системе потерпело поражение то, что устарело, стало неадекватным новой эпохе, нежизнеспособным (например, колониальные империи, прежде всего Британская, уход которой, помимо прочего, решал для США проблему рынков сбыта). Все это было унесено ветром войны, убравшей из капиталистической системы ненужное и расчистившей площадку для нового рывка - под руководством нового гегемона и на новой основе. Рывок начался во второй половине 1950-х ('германское чудо', 'японское чудо' и т.д.). В среднесрочной перспективе в результате войны и установления новой гегемонии капитализм в целом добился колоссальных результатов и фантастического благосостояния.

Наша победа

Вопрос о нашей победе и ее причинах запутан и фальсифицирован. До 1953 года победу в войне приписывали сталинскому гению и гению руководимой им партии. После смерти Сталина центр тяжести стал смещаться в сторону партии, к которой холуи очередного вождя пытались примазать своего патрона. В результате мы получали то 'хрущевскую', то 'брежневскую' истории войны.

В перестроечное время заговорили о том, что победили не партия и система, а народ, причем последний победил не благодаря Сталину, а вопреки ему, поскольку защищал не Сталина и его систему, а Родину. Такой вывод, по сути, является всего лишь оборотной стороной, изнанкой официального советского подхода и до боли напоминает традиционные пропагандистские оценки большевиков: поражение потерпел не народ, а царизм (в Русско-японской войне 1904 - 1905 годов). На самом деле поражение потерпели самодержавная система и народ как ее элемент. А вот в Русско-японской войне 1945-го (почти блицкриге) победил советский народ как элемент советской (на тот момент - сталинской, никуда не денешься) системы. Плохо даже не только то, что подход, разделяющий социальную систему и народ, фальшив. Народ вне системы - энтропия, 'одинокая толпа' (американский социолог Дэвид Рисмэн), не способная на серьезные свершения. Такой подход не прибавляет ничего нового к нашему пониманию Победы, самих себя. Более того, он искажает реальность в соответствии с новой - 'либеральной' - конъюнктурой. Как дифференцировать народ и (сталинскую) систему? Какими средствами? Разве народ жил в другой системе? Народ являлся частью этой системы и, защищая ее, защищал себя. Она была организационным средством - и очень мощным, как оказалось, - его самозащиты.

Нисколько не умаляя героизма русского воина и самоотверженности тех, кто работал на Победу в тылу (как нашем, так и вражеском), приходится констатировать: созданная в СССР в 1930-е годы система (сталинская) оказалась в целом, по совокупности намного мощнее и гибче нацистской по своим мобилизационным возможностям как в прямом, так и в переносном смыслах.

Под мобилизацией в переносном смысле я имею в виду следующее. Военная катастрофа социально была первым историческим структурным кризисом исторического коммунизма, кризисом его ранней - сталинской - формы, кризисом 'довоенного сталинизма'. 'Вдруг обнаружилось, - писал Александр Зиновьев, - что вся система организации больших масс людей, казавшаяся строгой и послушной, является на самом

деле фиктивной и не поддающейся управлению'. Однако, несмотря на это, на многомиллионные потери, режим собрался, создал, по сути, новую армию, материально обеспечил ее, почти весь 1942 год учился на поражениях, ну а в 1943-м врезал супостату. Чтобы врезать, режим довольно легко и, я бы даже сказал, органично поставил себе на службу патриотизм, русские и имперские традиции и даже православие. Это свидетельствует о гибкости режима, о способности работать на победу в широком диапазоне социальных и культурных возможностей.

Если говорить о мобилизации в прямом смысле слова, то это мобилизация усилий всего народа на фронте и в тылу. Да, режим был сверхжесток (а чего еще ждать от народного режима по отношению к народу, то есть самому себе?), и мы всегда будем помнить и бездарные поражения первых месяцев войны, и огромные потери (абсолютные и относительные), и то, что солдата не жалели. И тем не менее народ, организованный системой, воевал за нее как за свою - жестокую, но свою.

Таким образом, в схватке двух массовых обществ - советского и немецкого - при прочих равных условиях побеждало то, которое могло эффективнее мобилизовать ресурсы, массы и их энтузиазм - воинский и трудовой. Наш режим оказался сильнее.

Сталин очень четко сформулировал это 9 февраля 1946 года: 'Победил наш советский общественный строй'. Сумевший так организовать русских, как это не могло делать самодержавие. Способность 'затянуть потуже пояса' позволяла высвободить дополнительные, хотя и очень средние, возможности аграрно-индустриального общества, которому, как точно заметил Юрий Журавлев, противостояла армия индустриального пролетариата Германии. Высвободить и сложить вместе, в результате чего сумма средних показателей давала огромные преимущества в борьбе с лучше обученным противником. В этом смысле удачный символ механизма нашей победы - танк Т-34, который, как заметил журналист Олег Горелов, по отдельным параметрам уступал немецким (обзорность, эргономика, орудие, скорость). Однако сумма средних показателей делала машину универсальной, неприхотливой и простой. И, добавим, адекватной нашему 'человеческому материалу'.

Последнее тоже очень важно. И это, кстати, неплохо понимали некоторые немцы. Альберт Шпеер вспоминает, как в самом начале войны в СССР его хороший знакомый доктор Тодт, вернувшись из ознакомительной поездки на Восточный фронт, где наблюдал 'застрявшие санитарные поезда, в которых до смерти замерзали раненые'. 'Страдания гарнизонов в отрезанных холодом и снегом деревнях и городках, равно как отчаяние и недовольство немецких солдат. В самом мрачном настроении он заверил, что мы не только физически не готовы к подобным тяготам, но и духовно можем погибнуть в России. Это борьба, - продолжил он, - в которой одержат верх примитивные люди, способные выдержать все, даже неблагоприятные погодные условия. А мы слишком чувствительны и неизбежно потерпим поражение, и в конечном счете победителями окажутся русские и японцы'.

С японцами доктор Тодт ошибся. Дело ведь не в примитивизме, не в возможностях физической мобилизации и способности терпеть непогоду, а прежде всего в ресурсах социальной мобилизации, способной выжать из людей физический и духовный максимум. А это уже обусловлено социальной системой, ее природой.

Население гитлеровской Германии не смогло низвести потребление и бытовой комфорт до того уровня, на который оказались способны советские люди (и не надо говорить о рабстве, страхе и т.п. - рабы и на страхе войны не выигрывают). Речь идет о

самоотверженности, которая имеет не только человеческий, но и социосистемный характер. Применительно к победителям-русским в Великую Отечественную надо говорить не о рабах, а о свободных скифах, измотавших и разбивших Дария. Я уже не говорю про питание, электричество и теплую воду. Лишь в немногих отраслях промышленности Германии во время войны существовала ночная смена. Практически не было мобилизаций женщин для работы на заводах. Джон Гэлбрейт приводит любопытный пример: в сентябре 1944-го в Германии насчитывалось 1,3 млн домашней прислуги, в мае 1939-го - 1,6 млн, то есть число прислуги за время войны сократилось всего лишь на 0,3 млн (менее 20%).

Дифференцированность западного (буржуазного) общества на различные сферы (в СССР - всё власть, поскольку ВКП(б) выступала ядром всех общественных организаций, поэтому здесь и 'экономика', и 'социальные отношения' - всё недифференцированная власть, кратократия), обособленность власти и собственности и развитость бытовых форм не позволили немцам осуществить очень важную вещь - сосредоточить все силы на обществе как целостности, на решении одной задачи и действии как целостности, как монолита при решении такой задачи. В мирное время крайне редко возникает подобная необходимость, война же всегда требует сверхконцентрации.

Все это лишний раз подтверждает две мысли. Во-первых, сталинский и гитлеровский режимы были принципиально различными типами, а не двумя вариантами якобы одного 'тоталитарного типа' - это видно из сравнения даже структур их повседневности. Во-вторых, у каждой системы есть свой предел, порог уподобления другой системе. Вызванная логикой и императивами войны на русском пространстве попытка нацистского режима уподобиться советскому привела этот режим к краху (как и попытка советской системы во второй половине 1980-х уподобиться - под видом 'реформ', 'демократизации социализма' - Западу). Оставшись комфортно-буржуазным по социальному строю и свойственной ему стилистике, рейх при прочих равных не мог тягаться с антибуржуазным СССР 1940-х, в котором вещественная субстанция и комфорт не были массовой сверхценностью.

Я не рассматриваю вопрос, хорошо это или плохо. Речь о другом - о способности систем мобилизовать массовую поддержку ('все для фронта, все для Победы') и о социосистемных характеристиках населения как факторе Победы.

Одним из показателей эффективности и жизнеспособности советской системы, сформировавшейся в 1930-е годы, является следующий факт. В 1941-м, в первые месяцы войны, была выбита огромная часть офицерского (по крайней мере если говорить о младшем и среднем звене) корпуса. После того как подобное произошло с русской армией в 1915 - 1916 годах, армия рухнула, а вслед за ней и вместе с ней - (царская) Россия, самодержавный строй. Иными словами, наступил социосистемный крах. Ничего подобного ни в 1941-м, ни в 1942-м не произошло: места выбитых офицеров заняли новые, они-то и выиграли войну. Новый офицерский корпус стал возможен потому, что в 1930-е годы система подготовила значительный слой - массу - лиц с высшим и средним образованием. В социологии это называется 'модальный тип личности'. Дореволюционная Россия проблему создания 'модального типа личности' не решила, проиграла войну и вылетела из Истории - vae victis ('горе побежденным', лат.).

Победа советского народа в социосистемном смысле была победой сталинской системы, способной к гибкой модификации - по принципу дзюдо: согнуться, чтобы не сломаться, а затем распрямиться и провести захват, бросок и болевой - до смерти - прием. Другое дело, что по иронии Истории именно победители в войне, спасители (в

краткосрочной перспективе) сталинского режима стали если не его могильщиками, то той силой, которая этот режим (в среднесрочной перспективе) ослабила (если не подорвала), и оказались массовой базой перехода к иной, чем сталинская, исторической форме коммунистического порядка. У поколения победителей в Отечественной войне - единственного советского поколения победителей - на всю жизнь сохранилось чувство победительности и социальной правоты, в том числе и по отношению к режиму, а следовательно - ощущение собственной силы. Такое чувство существенно отличало их от 'шестидесятников' и 'околошестидесятников', но это уже другая тема. В любом случае война, помимо прочего, выковала специфический тип советского человека - антисталинского, но не антисоветского и не антикоммунистического.

Победа в войне, безусловно, упрочила режим (или систему) по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, она превратила СССР в подлинно мировую державу, а затем и глобальную - одну из двух, и это не могло не укрепить систему. Во-вторых, победа придала коммунистической системе легитимность национального, русского, российско-имперского типа; помимо интернациональной идейно-политической составляющей активно заработала национальная; теперь режим мог 'бить с обеих ног'. В-третьих, системообразующий элемент советского общества - его господствующие группы, номенклатура - в результате и ходе войны получили не только новую, дополнительную легитимность, но и, так сказать, 'пространство для вдоха': во время войны (плюс два предвоенных года, то есть целых 6 лет) 'партийный' и 'государственный' аппараты не были объектами широкомасштабных репрессий, террор перестал выполнять функцию средства административной вертикальной мобильности. Это позволило номенклатуре, различным аппаратным комплексам отстояться, откристаллизоваться, переплестись и упрочиться, стать структурой не только в себе, но и для себя. Иными словами, стать самодостаточным социальным агентом, не нуждающимся более в 'харизматическом лидере'.

Все эти три 'укрепления' системы в то же время ослабляли ее сталинскую структуру, конкретный режим, объективно требуя его замены новым и выпуска социального пара.

После 1945 года Сталин столкнулся почти с монолитом и, по сути, не смог провести сколько-нибудь серьезную широкомасштабную чистку партаппарата. Исключение - 'ленинградское дело', в котором не Сталин использовал кого-то, а его использовали. Борьба в верхушке советского руководства в начале 1950-х окончилась смертью Сталина. Мощная сплоченная аппаратная номенклатура, ощущающая свою силу, единство интересов и корпоративную солидарность, - это тоже результат Победы.

Еще один результат войны заключался в том, что после нее уже невозможна была война гражданская, которая в вялотекущей ('мягкой', 'холодной') форме продолжалась после того, как в 1921 году окончилась 'горячая' Гражданская война. В 'холодной гражданке' выходила накапливавшаяся в течение многих десятилетий несколькими поколениями социальная ненависть, которую высвободил из 'Кладезя Бездны' слом старой системы. Великая Отечественная подвела черту под 'холодной гражданской', растворила ее в себе, смыла собой, объединила ее участников в некую целостность, дала им возможность остро почувствовать общность, направляя ненависть против внешнего врага.

В Великой Отечественной сталинская структура советской системы начала бить преимущественно внешнего врага, ее репрессивный потенциал обрушился на рейх, и это, безусловно, способствовало ее укреплению - в краткосрочной перспективе - и Победе. В этом (но не только в этом) смысле Победа - последний подвиг сталинской структуры, исчерпавший ее возможности и ставший началом ее конца. В среднесрочной перспективе такое укрепление работало против сталинского режима как ранней фазы исторического

коммунизма, обусловливало необходимость его изменения. Перед ним открывалось несколько возможных вариантов дальнейшего существования. Их можно свести в два альтернативных направления.

Первое. Резкое ослабление роли партаппарата, партноменклатуры как полупаразитического дублера исполнительной власти, превращение ЦК КПСС в одно из ведомств ('идеология', пропаганда). Есть много косвенных свидетельств тому, что реализацию именно такого варианта готовил Сталин в самые последние годы и месяцы своей жизни (это решало как социосистемные, так и его личные задачи сохранения у власти).

Второе. Резкое усиление роли партаппарата, трансформация его в 'коллективного Сталина' без Сталина (с соответствующим 'развенчанием' вождя, списанием на него, на его 'культ' всех грехов и пороков системы), селективной реабилитацией, которая, помимо прочего, прятала концы в войну и представляла вчерашних палачей борцами с 'культом'; выталкивание на третий (по возможности) план органов безопасности, армии, исполнительной власти, превращение партноменклатуры в господствующий квазикласс с соответствующим закреплением экономических и социальных гарантий. Именно этот вариант победил после смерти Сталина и благодаря ей.

При обоих вариантах в советском обществе должен был появиться господствующий квазикласс. Утверждение в качестве такового партноменклатуры означало, во-первых, торжество 'людей слова', 'руководителей всем' над 'людьми дела', конкретными специалистами. Тем самым закладывался механизм неизбежной деловой деградации системы. Во-вторых, победа партноменклатуры привела к удвоению руководящей верхушки (дублирование отделами ЦК соответствующих министерств и ведомств). 'Сверху' на систему, на еще не набравшую сил после войны страну ложилась двойная нагрузка.

Наконец, война раскрепостила советского человека. Она потребовала инициативности и самостоятельности, и система должна была терпеть, использовать и поощрять их, одновременно присваивая и делая их своими. Победившие в войне почувствовали себя победителями и 'по жизни'. Объективно это означало социальное и психологическое наступление на сталинский режим, инстинктивной реакцией которого стала репрессивная защита. Власть оборонялась от тех, кто своим практическим антисталинизмом и самостоянием сделал возможными десталинизацию, так называемую оттепель и 'шестидесятничество'. Сделали возможными - и были забыты. Нередко сознательно, но чаще - по ходу вещей, так как не успели, да и не могли по суровости окружающей жизни и по серьезности своей жизненной сути заниматься саморекламой в духе 'шестидесятничества'.

Но именно победители в войне заложили между 1945 и 1955 годами фундамент десталинизации, став гарантией ее необратимости.

По сути, это было первое советское сопротивление сталинскому режиму, его историческими опорами были Война и Победа - главное дело жизни целого поколения, о мироощущении которого Борис Слуцкий писал:

Война? Она запомнилась по дням.

Все прочее? Оно по пятилеткам.

Раскрепощение населения совпало с оформлением партноменклатуры в слой для себя. В результате в 1950-е сталинская - ранняя и полувоенная - форма коммунистического строя уходит в прошлое. И Великая Отечественная ускорила это. В СССР, как в США и в мире в целом, наступала новая эпоха - эпоха, порожденная мировой войной, стержнем которой стали Великая Отечественная и Победа - наша Победа.

Post Scriptum

А могла ли история Второй мировой пойти иначе? Традиционные историки не любят этот вопрос и даже отказывают ему в праве на существование, подчеркивая (нередко с пафосом): 'История не знает сослагательного наклонения'. Это ошибка. История - знает, она не автомат. Знает, но держит в секрете. Задача исследователя прошлого, если, разумеется, он не хроникер событий (про которые знаменитый французский историк Фернан Бродель заметил, что они - пыль), а историк социальных систем par excellence, - раскрыть этот секрет.

Трудно сказать, каков источник пошловатой фразы: 'История не знает сослагательного наклонения'. То ли от лености ума, то ли от непонимания поведения человека и систем, того, как развивается общество. Ведь представление о безальтернативности, то есть запрограммированности, истории исключает и роль случая (без которого, как считал Маркс, история имела бы вполне мистический вид), и вероятностный (хотя и детерминированный) характер социально-исторического процесса как столкновения воль, и интенциональный (а не формально-рациональный) характер человеческого поведения, и многое другое.

'Антисослагательный' подход особенно порочен при размышлении о революционных и военных эпохах, когда время спрессовано и когда субъектное действие групп и даже отдельных индивидов, 'ндрав' и ошибки последних весят на весах истории столько же, сколько целые структуры.

Точка бифуркации - так исследователи именуют отрезки времени, в которые система обладает максимально свободным выбором. И чем шире этот выбор, тем больше возможностей для существенного воздействия субъекта на систему и процесс. Революции и войны - типичный случай точки бифуркации. Более того, в революциях и войнах нередко бывает по несколько таких точек, 'опасных поворотов', как выразился бы известный английский драматург Джон Бойнтон Пристли.

В истории последней мировой также было несколько точек бифуркации, когда процесс мог пойти в ином направлении. Упомяну лишь одну - 10 мая (по другим данным - 11 мая, и этот разнобой дорогого стоит) 1941 года. В тот день Рудольф Гесс - человек № 2 в НСДАП, ученик Карла Хаусхофера, перелетел в Англию, где от имени Гитлера заявил, что рейх готов заключить мир с Великобританией. Практически все материалы, связанные с перелетом Гесса, засекречены англичанами. Но из тех тоненьких ручейков информации, которые просочились, ясно, что предлагалось Альбиону: гарантии сохранения и стабильности Британской империи в обмен на свободу действий в континентальной Европе (завоевание России). Как нельзя более вовремя (какое совпадение!) 'под полет

Гесса' в Ираке 2 мая вспыхнуло антианглийское восстание, и восставшие обратились за помощью к Германии.

По официальной версии, Гесс не смог посадить самолет там, где хотел, - неподалеку от поместья лорда Гамильтона, прыгнул с парашютом и был доставлен в госпиталь Глазго, где и признался, что он - Гесс. В Германии Геббельс по приказу Гитлера объявил Гесса сумасшедшим, а англичане упрятали его в тюрьму, где он умер в 1987 году.

В официальной английской версии много нестыковок. Из их сопоставления некоторые аналитики приходят к выводу: Гесс прилетел в Англию не 10 мая, а чуть раньше. Между приземлением Гесса и его отправкой в госпиталь прошло определенное время, в течение которого, по-видимому, в английской верхушке шла борьба прогитлеровски и антигитлеровски настроенных сил. Последние, возглавляемые опиравшимся на американцев Черчиллем, победили. После этого участь Гесса была решена. Когда Гитлер узнал, что Гесс арестован и назвал свое имя, он понял, что миссия провалилась, - и неудачник был объявлен сумасшедшим. Поскольку шанс на германо-английский мир и союз был утрачен, уже 20 мая немецкий десант высадился на стратегически важный Крит и в течение недели выбил оттуда англичан.

Попытка Гитлера провалилась: ему не удалось избежать крайне рискованной (как оказалось - смертельной для рейха) будущей войны на два фронта и реализовать давнишнюю мечту об арийском имперском господстве 'кузенов' (англичане и немцы) над миром.

Но провалилась и попытка его английских высокопоставленных союзников, заинтересованных в Гитлере и его предложениях. Надо помнить, пишет историк Мануэль Саркисьянц, что даже в 1940 году, вплоть до отрезка времени от 9 апреля (начало немецких действий против англичан в Норвегии) до 10 мая (прорыв немцев на реке Маас между Намюром и Седаном), в Великобритании значительная часть не только истеблишмента, но и общественности была настроена на умиротворение Гитлера: 'Британское правительство явно не исключало возможности того, что в один прекрасный день англичане вместе с немцами объединятся для совместных действий против Советского Союза, видя в нацистах желаемый противовес политике СССР. Утверждают, что даже окружение Чемберлена еще в начале 1940 года тяготело к 'гармонизации интересов' с гитлеровской Германией и призывало ее к нападению на Россию, к которому якобы собиралась присоединиться и сама Англия. Этого желал и Роберт Мензис, премьер-министр расистской Австралии. В то время Советскую Россию принимали за 'легкую мишень' для британских военно-морских сил. С января 1940 года стала формироваться (в основном британская) экспедиционная армия против Советского Союза. Британия планировала - еще за десять дней до нападения Гитлера на Россию - с помощью авианалетов парализовать деятельность советских нефтепромыслов. Притом якобы затем, чтобы тем самым подорвать поставки горючего в Германию'.

В свою очередь, и Гитлер не стремился даже в 1940 году к разгрому Англии, полагая (история показала - он был прав), что выиграют от этого не немцы, а американцы, Япония и Россия. Показательно, что Гитлер отдал приказ генералу Рунштедту позволить британскому экспедиционному корпусу спокойно эвакуироваться из Дюнкерка 24 мая 1940 года. За несколько дней до этого, пишет Саркисьянц, Гитлер заметил: 'Мы ищем контакта с Англией на основе раздела мира'. Еще в июне 1940-го в Англии были силы, готовые к смещению 'гангстера Черчилля' (так называл его лорд Галифакс). Смещение Черчилля было и одним из условий мира, с предложением которого прилетел Гесс. Премьер-министром Великобритании фюрер хотел видеть Сэмюэля Хора. В той острой

борьбе, которая развернулась в британской верхушке по поводу предложений Гесса, Черчилль, помимо прочего, спасал и свое премьерство, и свое политическое будущее - в имперском мире Великобритании и Третьего рейха ему бы места не нашлось.

О том, насколько острой была эта борьба, свидетельствует то, что 18 июня 1940 года Черчилль пригрозил лорду Галифаксу (а в его лице целой группе) арестом, если тот не прекратит свою деятельность в пользу мирного разрешения конфликта с Германией. Однако, несмотря на прозвучавшие угрозы, в августе 1940-го в Женеве, как пишет историк Арсен Мартиросян, прошли конфиденциальные переговоры между уполномоченным Гесса профессором Альбрехтом Хаусхофером (старший сын Карла Хаусхофера) и группой влиятельных британских политиков во главе с герцогом Бедфордским. За последним стояли такие фигуры, как лорд Гамильтон, герцог Виндзорский (экс-король Эдуард VIII), лорд Ротермир (газетный король), флигель-адъютант короля капитан Рой Фейес и другие.

Таким образом, у перелета Гесса - не только немецкая, но и английская история. Заключение мира прорабатывалось всерьез, и полет Гесса должен был поставить в этой работе точку. Но, как сказал бы Штирлиц, 'что-то не сложилось', и история пошла по другому пути. В столкновении воль США и 'англо-американский истеблишмент' (Кэролл Куигли) оказались сильнее английских симпатизантов рейха, стремившихся любой ценой сохранить империю. Точка бифуркации была пройдена не по Гитлеру, а по Рузвельту. Американцы вполне могли радостно петь Everything's going my way. До нападения Гитлера на СССР оставались считанные недели. Альбиону на этот раз не удалось поживиться за чужой счет - более мощный и хитрый хищник, трансатлантический кузен, лишил его такой возможности (как выяснилось впоследствии - вместе с империей). Советскому народу, прежде всего русским, пришлось - это тоже выяснилось впоследствии - сражаться за гегемонию США в мировой системе, то есть исполнить ту роль, которую и предписали ему Рузвельт и стоявшие за ним.

В то же время игра косвенно на американский интерес была единственным средством в борьбе за непосредственное физическое и культурно-историческое выживание русских как самих по себе, так и щита и меча всех славян.

В 1941 году русские не в первый раз выступили в роли 'геоисторического спецназа' англосаксов в борьбе против их континентальных соперников. Однако впервые это была борьба за свое существование - физическое, этническое, культурно-историческое, поскольку впервые науськанный на Россию противник-континентал поставил задачу закончить русскую историю. Великая Отечественная и стала средством противостояния этому 'окончательному решению' и, в свою очередь, окончательно решила исторический спор славян и немцев. 'Заполучи, фашист, гранату', - стало нашим окончательным ответом псам-рыцарям.

В данном контексте я не разбираю подробно вопрос о роли англосаксов, о разделении труда между ними в финальном споре немцев и славян, о двойной или даже тройной игре англичан и американцев друг с другом и с миром. Ограничусь лишь тем, что напомню: англичане 'растили' Гитлера и рейх с 1920-х годов, чтобы опрокинуть его на СССР. А вот американцы, решая свои экономические (потребность в рынках сбыта) и политические (противостояние Британской империи) задачи, с тех же 1920-х активно содействовали росту Советского Союза (в 1944-м в беседе с Авереллом Гарриманом даже Сталин был вынужден признать это; впрочем, американцы помогали и Гитлеру, хотя в меньшей степени и на иных, чем Советскому Союзу, уровнях).

История показала - американский выбор оказался верным: СССР сломал хребет германо-британскому (да-да!) имперскому 'проекту'. Однако при этом - сюрприз для янки - стал новым центром мировой силы наряду с Америкой. Ну что же, как говорят англосаксы, every acquisition is a loss, and every loss is an acquisition ('каждое приобретение есть потеря, и каждая потеря есть приобретение', англ.). Далеко не все предвиденные планы американцев реализовались. Глобального Pax Americana в 1945-м не получилось - в мире возникла вторая сверхдержава, которая создала атомную (1949) и водородную (1953) бомбы, а затем средство их межконтинентальной доставки (1957) и в течение сорока лет успешно сдерживала Америку, играла с ней в игру 'Не валяй дурака, Америка'. К выгоде последней в 1941 - 1945 годах русские своими кровью, потом и слезами размазали гитлеровцев по восточноевропейскому пространству и убрали из капиталистической системы главного конкурента США. Но мы же, вытащив на себе Великую Отечественную, вопреки всем расчетам американцев - и в этом геостратегическая победа СССР над США в последней мировой войне - стали сверхдержавой.

Гитлер оказался прав: в результате войны, которая развалила Британскую империю (и похоронила рейх), выиграли Россия и Америка. Здесь, правда, необходимо одно уточнение: дождливым воскресеньем 24 июня знамена рейха бросали к стенам не Белого дома, а Кремля.

http://www.zlev.ru/87_38.htm

Июнь и июль 2006

http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg102006/Polosy/1_2.htm

ВИНОВНЫ В НЕПОНИМАНИИ

Размышляя о холодной войне

Андрей ФУРСОВ

На круглом столе семинар-клуба «Универсум», посвящённом иранской революции, мой коллега В.Ю. Царёв высказал замечательную мысль: главные проклятые русские вопросы – не «кто виноват?» и не «что делать?». Они ложные. Главный вопрос: что происходит? С Россией и в России, с миром и в мире. На него у нас постоянно нет ответа.

Вопрос этот, как правило, всерьёз и не ставится, а поскольку на него не дан ответ, то остаются псевдовопросы, которые почему-то считаются главными русскими вопросами, что лишний раз свидетельствует не просто о незрелости, но об инфантилизме тех групп, которые претендовали и претендуют на роль властной и интеллектуальной элиты.
Без постановки этого вопроса невозможна разработка стратегии геоисторического развития, а следовательно, невозможен геоисторический успех. В доиндустриальную эпоху отсутствие такой стратегии было несмертельно. Однако после того как Запад (англосаксы) сделал индустриальный рывок и мир стал зоной западной политико-экономической и культурно-идеологической экспансии, такое «наличие отсутствия» стало смерти подобно. Что и проявилось в крушении самодержавия в 1917 г. и в крушении коммунизма и бесславном конце позднекоммунистической верхушки в 1991 г. Между провалами начала и конца века – триумф середины.
1917 год стал результатом нараставшего с середины XIX века кризиса, оттянутого и в то же время усугубившегося до крайности непродуманными реформами Александра II и неудачной пораженческой – сырьевой – моделью интеграции в мировую систему. Всё это нашло отражение в том, что Н. Врангель, отец «чёрного барона», зафиксировал почти афористически:
«В русской политике последнего полстолетия (вторая половина XIX в. – А.Ф.) ни плана, ни последовательности не было. Правительственной политики не существовало, а была лишь политика отдельных случайных людей. Как уже и во всём, не царь или правительство направляли, а чаще их побочные силы и случайные люди».
Но ведь то же можно сказать и о «советской политике» 1970–1980-х годов, не говоря уже о нынешней эрэфской. Стратегия («правительственная политика») была в 1920–1940-е годы, она инерционно развивалась по затухающей в 1950–1960-е годы. 1960–1980-е годы, как и пореформенная эпоха XIX в., стали периодом неудачной, обречённой на поражение интеграции СССР в мировую капиталистическую систему, привели к поражению в холодной войне и к катастрофе. Уже едва ли не полвека мы живём без стратегии, и именно это наложило отпечаток на возникшее в качестве продукта этого поражения образование РФ.
Из холодной войны родилась не только Российская Федерация, но и многое другое, включая глобализацию. Гераклит был прав: «Борьба – отец всего», и мир, в котором мы живём, формируется как порождение холодной войны. Однако формирование «постхолодного мира» не завершилось – оно идёт полным ходом, и РФ всё больше и больше становится объектом этого процесса: генезис системы определяет её функционирование.
Нынешней власти в РФ объективно трудно изменить ситуацию – тяжёлое и позорное горбачёвско-ельцинское наследие давит к земле. Но даже если разогнуться, что дальше? «Куда нам плыть?». Начинать разговор о нашем положении, о мире с его порядком и хаосом надо именно с неё, в ней – многие ответы на вопрос «что происходит?». Март 2006 г. – хороший момент для начала такого разговора.

Но ведь то же можно сказать и о «советской политике» 1970–1980-х годов, не говоря уже о нынешней эрэфской. Стратегия («правительственная политика») была в 1920–1940-е годы, она инерционно развивалась по затухающей в 1950–1960-е годы. 1960–1980-е годы, как и пореформенная эпоха XIX в., стали периодом неудачной, обречённой на поражение интеграции СССР в мировую капиталистическую систему, привели к поражению в холодной войне и к катастрофе. Уже едва ли не полвека мы живём без стратегии, и именно это наложило отпечаток на возникшее в качестве продукта этого поражения

образование РФ.
Из холодной войны родилась не только Российская Федерация, но и многое другое, включая глобализацию. Гераклит был прав: «Борьба – отец всего», и мир, в котором мы живём, формируется как порождение холодной войны. Однако формирование «постхолодного мира» не завершилось – оно идёт полным ходом, и РФ всё больше и больше становится объектом этого процесса: генезис системы определяет её функционирование.
Нынешней власти в РФ объективно трудно изменить ситуацию – тяжёлое и позорное горбачёвско-ельцинское наследие давит к земле. Но даже если разогнуться, что дальше? «Куда нам плыть?»

ОТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ К ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Начинать разговор о нашем положении, о мире с его порядком и хаосом надо именно с неё, в ней – многие ответы на вопрос «что происходит?». Март 2006 г. – хороший момент для начала такого разговора.

60 лет назад, 5 марта 1946 г., Уинстон Черчилль, уже не премьер-министр, но по-прежнему заклятый друг России, в Вестминстер-колледже (США, Фултон, штат Миссури) произнёс свою знаменитую речь «Основания мира». Считается (огромным числом исследователей и журналистов), что эта речь дала старт холодной войне, которая продлилась более 40 лет.
Все четыре раунда – до 1953 г.; 1953–1962; 1962–1975; 1975–1989/94 – были крайне острыми. Борьба шла с переменным успехом: к середине 70-х годов СССР добился значительных успехов, а через полтора десятка лет прекратил существование. 2–3 декабря 1989 г. близ маленького средиземноморского острова, ставшего когда-то поводом для ссоры, а затем замирения Наполеона и Павла I, произошла встреча президентов Буша и Горбачёва. Здесь, на теплоходе, «лучший немец столетия» сдал Западу всё, что только можно сдать. По сути, были сданы статус великой державы, союзники повсюду в мире и «ялтинское мироустройство». На смену «ялтинскому» биполярному миру пришёл монополярный «мальтийский», в котором ныне и барахтается РФ, хлебая по полной, порой даже не сохраняя хорошую мину при плохой игре.
Холодную войну словно растопила невиданная за последние 300 лет солнечная активность трёхлетия 1989–1991 гг. (то-то раздолье для сторонников теорий Чижевского). Однако за «тёплыми» годами не наступил тёплый мир, в лучшем случае – холодный. Не успела окончиться холодная война (строго говоря, 1989 г. был лишь началом её конца: до тех пор пока существовал СССР, а затем пока войска РФ оставались на территории Германии, Запад не мог испытать чувство полного удовлетворения), как в Европе впервые за полвека заговорили пушки, и началась война.
По сути, это была «война за советское наследство» – первая в Европе война эпохи «мальтийского мира». В ходе её РФ выбили с Балкан, и наступила передышка. Следующим «туром» логически должна стать война уже за российское наследство, причём в узком смысле слова. Всё это результат холодной войны, нашего проигрыша, целостные причины которого до сих пор не осмыслены адекватным образом. Изучают детали, решают частные вопросы. Но, как писал Ленин, «кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя натыкаться на эти общие вопросы». Поскольку холодная война была борьбой двух мировых систем – капитализма и коммунизма (антикапитализма), здесь самые общие вопросы – это социальная природа капитализма и коммунизма в XX в., логика их взаимодействия. Понимание невозможно без знания, но оно не автоматически гарантирует понимание, всегда отстающее от знания. С последней трети XX в. этот разрыв стремительно и опасно нарастает. Причин несколько.
Во-первых, сверхбыстрый темп изменений. Во-вторых, резкое увеличение объёма и (нередко) качественное усложнение информационных потоков. В-третьих, неадекватность сформировавшейся в 1850–1950-е годы дисциплинарной сетки и понятийного аппарата социальной науки новому этапу развития общества. В-четвёртых, объективный процесс хаотизации, разрушения «доглобальных» социальных порядков и соответствующей им привычной картины мира, что серьёзно затрудняет новое концептуальное упорядочение. В-пятых, небывалая информационно-психологическая манипуляция сознанием на мировом и страновых уровнях, затрудняющая адекватное рациональное понимание социальных процессов, в том числе и учёными, которые всё больше превращаются в экспертов, т.е. тех, кто знает всё больше и больше об всё меньшем и меньшем, утрачивая целостное восприятие и умение слышать музыку времени; манипуляция, подталкивающая людей к взгляду на мир как на игру иррациональных сил.
Поскольку информация, духовные факторы производства становятся решающими в позднекапиталистическом обществе, контроль именно над ними становится системообразующим

отношением, и контроль этот предполагает, помимо прочего, навязывание определённых картин мира, интерпретаций. Сам факт навязывания верхами низам культурных стереотипов не нов – Грамши называл это «культурной гегемонией». Однако в эпоху НТР культурная гегемония, с одной стороны, становится системообразующим производственным отношением; с другой, приобретает невиданные до сих пор возможности посредством электронных СМИ, шоу-бизнеса и т.п. – всего, что действует не только на сознание индивида, но прежде всего на коллективное сознание, на подсознание, – именно они становятся главным объектом воздействия. Знание об обществе всё больше приобретает фрагментарный, несистематизированный характер, вид разбитой мозаики, а место понимания нередко занимают дефектные схемы и мифы. Которые работают на определённые интересы.

Последние 15–20 лет стали периодом интенсивного навязывания победителями нынешнего этапа передела мира новых мифов и представлений о самих побеждённых, об их истории, об их месте в мире. Холодная война стала одним из объектов подобного рода мифологизации.

История холодной войны фальсифицировалась и в СССР, и на Западе. Западные, американские историки довольно долго обвиняли в её развязывании Сталина и СССР. Затем новое поколение историков в США – ревизионисты – обвинило в очень многом сами США. Советские историки вплоть до перестройки виноватили во всём американский империализм. Во второй половине 80-х и тем более в 90-е годы ситуация изменилась: позднесоветские и часть постсоветских историков вдруг «прозрели» и обрушились на советский «тоталитаризм» и «экспансионизм» и лично на Сталина как главных инициаторов холодной войны против «либеральных демократий» Запада. Обществоведы-коммунисты обернулись антикоммунистами, но к адекватному пониманию сути это не привело.

У нас интерпретация холодной войны прошла несколько стадий: просоветскую, покаянно-советскую при Горбачёве и антисоветскую при Ельцине, по сути, сомкнувшуюся не просто с антисоветскими, а нередко с откровенно антирусскими западными интерпретациями. На сегодня в России у вульгарно-пропагандистских прозападных схем холодной войны, пожалуй, больше сторонников, чем на Западе, где эти схемы очень часто подвергались критике, как и сама война.

В 1991 г. устами своего героя Смайли («Тайный пилигрим») Д. Ле Карре – антикоммунист, но в целом объективный автор сказал: «Самое вульгарное в холодной войне – это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду... Я не хочу заниматься дидактикой, и конечно же мы делали это (глотали собственную пропаганду. – А.Ф.) в течение всей нашей истории… В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных уважения реформаторов и друзей – из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько ещё мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать».

СКРЫТЫЕ ШИФРЫ

В последние лет десять, и особенно с началом нового века, по мере того как Запад забывает свой страх перед гарантированным ядерным возмездием, а хилый наследник гаранта этого возмездия – РФ – становится всё слабее, о холодной войне говорят всё реже. Как правило, о ней вспоминают, когда нужно ещё раз пнуть Россию, подчеркнуть факт поражения (т.е. слабости) России (коммунизма), победы Запада (США) и лишний раз указать русским их место в истории – под дружные аплодисменты западных русофобов и российских «смердяковых», заходящихся в восторге от «победы сил демократии над тоталитаризмом».

Частичный уход холодной войны на второй план общественного внимания – процесс не только стихийный, но и сознательно организуемый по многим причинам. Ограничусь выборочно несколькими. Во-первых, противостоя СССР (соцлагерю, историческому коммунизму), западная верхушка была вынуждена пойти на беспрецедентные социальные уступки рабочему и среднему классам. Результат – государство социального обеспечения – наиболее крупное и масштабное отклонение капитализма от своей социальной природы и логики развития, обусловленное самим фактом существования соцсистемы, исторического коммунизма.

Крушение последнего позволило «железной пяте» капсистемы резко активизировать, расширить социальное наступление на рабочий и средний классы. Оно началось на рубеже 70–80-х годов и было элементом отчаянного контрнаступления западной верхушки против всех своих социальных противников, включая СССР.

Западные же исследователи пишут сегодня о свёртывании на Западе – в разных странах с разной скоростью – государства социального обеспечения: мавр сделал своё дело. Теперь имеет смысл как

можно скорее забыть неприятные времена вынужденной социализации капитализма и умиротворительного курса его верхушки по отношению к средним и низшим группам.
Во-вторых, именно в последнем, четвёртом (1975–1989/94 гг.) раунде холодной войны, когда произошла её «перекодировка» и она приобрела качественно новую форму, на что до сих пор почти не обращается внимания, в конце которого горбачёвцы выбросили на мировой ринг «белое полотенце» (немало повеселившая ушлый Запад триада «новое мЫшление», «общечеловеческие ценности», «общеевропейский дом» – традиционный набор «гуманитарной помощи» для пешек, для объектов, для тех, кого используют), заключены начала и многие секреты нового передела мира, «Пересдачи Карт Истории» (Ф. Бродель), которая, по-видимому, продлится ещё лет 20–25, после чего хронораздел 1975–2025 гг. закончится и начнётся настоящий – «реальный и конкретный» – XXI век с его кризисами и войнами.
Подготовка этого передела совершалась в рамках и недрах холодной войны со второй половины 70-х годов, и крушение и распад СССР стал её первым крупным результатом и одновременно condition sine qua non, locus standi и field of employment нового передела. Слишком много грязных секретов западной и отечественной верхушек скрыто в этом отрезке.
Мы едва ли когда-нибудь узнаем (впрочем, нам не дано предугадать) реальную роль КГБ в крушении СССР. Или какую роль в этом сыграла борьба ВПК и сырьевиков в борьбе за их (и связанных с каждым из этих сегментов их западных финансово-промышленных партнёров) вариант интеграции в мировую экономику? Почему не только сырьевой вариант победил вэпэковский, но вообще ведомственный вариант интеграции взял верх над общегосударственным?
Не потому ли, что общегосударственная интеграция на основе передовых секторов экономики автоматически оттесняла от власти партаппарат, господствующие группы и выводила на первый план представителей советского среднего класса, который и был уничтожен в конце 80-х – начале 90-х годов посредством поздней горбачёвщины и ранней ельцинщины? Какую роль в «скрытых шифрах» мировой борьбы с конца 70-х годов, и особенно в перестройку, играла интеграция различных сегментов советской номенклатуры в мировую криминальную (или нелегальную) экономику (или, точнее: интеграция в мировую экономику по криминальным каналам)?
Все эти вопросы крайне важны, поскольку крах СССР решал не столько военно-политические проблемы ядра капсистемы и «властелина его колец», сколько экономические и социальные: устранялся конкурент, появлялись источник сырья и рынок сбыта, возникал (на все 90-е годы как минимум) социальный источник накопления (т.е. изъятия) капитала: 169 млн. жителей Восточной Европы, включая европейскую часть СССР (главным образом это был социалистический средний класс), оказались за чертой бедности (в 1989 г. было 14 млн.).
Так советская (и восточноевропейская) экс-номенклатура решила свои проблемы превращения в собственников (читай: посткоммунистическое первоначальное накопление) за счёт ограбления среднего класса соцсистемы путём её демонтажа и включения того, что появилось на её месте, в мировой рынок с характерными для него формами эксплуатации (цены мирового уровня, ножницы цен). А западная верхушка благодаря этому же тоже увеличила источник накопления: экономически – на Востоке (эксплуатация экс-социалистического населения, изъятие доли прибыли новых господствующих же групп, использование размещаемых ими на Западе финансовых средств), политически – на Западе (после ухода СССР) и со своими «середняками» и «пролами» тоже можно меньше церемониться, особенно в условиях глобализации.
В-третьих, глобализация. В современных западных схемах, быстро усваиваемых компрадорской частью эрэфских обществоведов, глобализация занимает не просто автономное положение как объект исследования, она – организующий миф социальной науки после окончания холодной войны. Глобализацию используют как объяснение, причинный фактор важнейших происходящих в мире процессов.
На самом деле глобализация – хотя и мощное, но побочное и непредусмотренное сторонами следствие холодной войны. Она была бы невозможна без противостояния «первого» и «второго» миров, без советско-американской биполярной борьбы. Глобализация как феномен возникла в результате взаимодействия двух сторон: она не субстанция, а функция, результат взаимодействия двух субстанций. Холодная война была формой двустороннего управления миром. Глобализация, будучи её результатом, не могла отменить двусторонность, но она сломала или резко ослабила прежнюю систему управления миром. В тяжёлом положении оказались как США, так и СССР, но рухнул последний. Однако уже через десять лет для нормального управления миром опять понадобилась «другая сторона». Под

«нормальным» я имею в виду такую, которая выглядит достаточно грозно, но в то же время позволяет скрыть основной конфликт и держать его в «холодном» состоянии.

ИСТОРИЯ: УРОКИ, РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Этот основной конфликт: США – Евросоюз (он больше всего выиграл в результате холодной войны), который нельзя открыто признать. Поэтому понадобился «международный терроризм», тем более что он, как Евросоюз и соцлагерь (но не как Китай), является наднациональной, транснациональной структурой (о том, что террористы/исламисты и глобалисты в ходе борьбы решают свои экономические задачи, как это было в финале холодной войны, я уж и не говорю).

Все эти формы борьбы и сотрудничества и скрываются с помощью и в рамках теорий глобализации, причём главный порок большинства этих теорий – несистемный и неисторический подход к феномену глобализации как к продукту холодной войны. Понимание факта тесной связи глобализации как мифа и реальности с холодной войной при стремлении эту связь затушевать, представив глобализацию как чисто экономическое явление с чисто экономическими корнями – рынок, техника и никакой борьбы за мировые ресурсы. Сверхзадача – создать впечатление: на место политизированного и идеологизированного мира холодной войны пришёл технико-экономический по своей сути brave new world (дивный новый мир) глобализации, мир свободы. С позиций этого мира, его хозяев она должна остаться в памяти как победа демократического Запада над русским тоталитаризмом, над коммунистической Россией, причём в войне, которую эта Россия – с её извечным то белым, то красным экспансионизмом, – сама же и начала.

Нас подобная схема холодной войны не может устроить ни по научным, ни по практическим резонам. Как не может устроить и оттеснение холодной войны куда-то на периферию интеллектуальных интересов в качестве чего-то такого, с чем всё в целом ясно, а детали можно оставить узким специалистам. Целостное, системное осмысление холодной войны – особая и неотложная задача, именно она-то не решена у нас. У нас нет – и не было – целостного видения процесса холодной войны как исторического целого, как некой шахматной доски, где все фигуры взаимосвязаны. В этом – одна из причин проигрыша СССР в холодной войне. А вот у англосаксов – англичан и американцев – такое целостно-шахматное видение мировой борьбы в теории и особенно на практике последние триста лет на высоте.

Замечательный русский геополитик Е.А. Вандам (Едрихин) писал по этому поводу: «Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чём наш хвалёный инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в её целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т.е. политике, эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещрённая океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих».

Сказано о ситуации начала XX в. Но как похоже на последний четвёртый раунд холодной войны (1975–1991 гг.) и на то, что за этим последовало в 90-е годы! Неадекватность позднесоветского, а затем эрэфского руководства современному миру, отсутствие у него адекватного целостного мировидения дорого обошлись СССР 80-х и РФ 90-х годов. Верхушка оказалась совершенно не готова к новым формам мировой борьбы (прежде всего экономическим и культурно-психологическим), которые начали использовать западные лидеры. Сбылось пророчество Н.И. Бухарина, сделанное им в разгар Гражданской войны. В Екатеринославе Бухарин рассказывал красноармейцам:

«Сижу я частенько в кабинете Чичерина… Пугнём, говорю, Францию… Пусти-ка по прямому ноту в Варшаву!.. И Чичерин пугает… Мы с Чичериным хохочем, а из Варшавы устами французских империалистов летит к нам по радио встревоженный и серьёзный ответ… Мы, значит, в шутку, а они всерьёз!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пупы у них дрожат!.. А что наш Красин в Лондоне выделывает! – заливался Бухарин, – чудеса да и только!.. Англичане и во сне видят наши леса,

нашу руду и наш Урал… Международные политики, товарищи, – перешёл на серьёзный тон Бухарин, – в годы большого исторического сдвига, проделанного Российской коммунистической партией, оказались неподготовленными к тем формам дипломатии, которые выдвинул наш Ильич и которые так исчерпывающе полно и тонко схватил и понял наш Чичерин, хотя тоже старый царский дипломат… Вся ошибка и самое страшное для мировых дипломатов – это то, что мы говорим определённым языком, и слово «да» на языке нашей коммунистической дипломатии означает исключительно положительную сторону дела, т.е. чистое, утверждающее событие «да»; они же, выжившие из ума мировые дипломаты, в нашем открытом «да» ищут каких-то несуществующих в нём оттенков уклончивости, отрицания и до глупого, до смешного бродят меж трёх сосен… Вся, товарищи, суть дипломатии заключается в том, что кто кого околпачит!.. Сейчас, товарищи, мы колпачим!.. Может быть, настанет час, когда и нас будут колпачить…»

О МУДРОСТИ БИТЫХ

В 80-е годы советские лидеры оказались неподготовленными к тем формам борьбы, которые выдвинул глобализирующийся Запад, и «славные товарищи» Рейган, Тэтчер, Буш и другие возложили «остроконечные колпаки» на лысые и седые головы позднесоветских руководителей, для которых настал их «час околпачивания». СССР рухнул, а его правопреемник РФ всё больше превращается в объект, поле (приз?) в мировой борьбе XXI века. Это положение – следствие того, с каким результатом мы завершили холодную войну. Поэтому целостное, системное осмысление последней – задача не только научно-кабинетная, но и практическая, причём в двух отношениях.

«За одного битого двух небитых дают». Разумеется, если битый понимает, почему и как был бит, делает из поражений правильные выводы и использует их (и осмысленный опыт поражений) для будущих побед.

Потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия, писал К. Поланьи в «Великой трансформации» – одной из главных книг XX в. – «оказалась способной понять скрытые пороки мироустройства XIX в. и использовать это знание для того, чтобы ускорить разрушение этого устройства. Некое зловещее интеллектуальное превосходство было выработано её государственными деятелями в 1930-е. Они поставили свой ум на службу задаче разрушения – задаче, которая требовала разработки новых методов финансовой, торговой, военной и социальной организации. Эта задача была призвана реализовать цель – подчинить ход истории политическому курсу Германии».

Но ведь то же – о «зловещем интеллектуальном превосходстве» – можно сказать и о большевиках. Собственно, большевики и нацисты и смогли победить в своих странах, поскольку там раньше других стали людьми XX в. и осознали ошибки и уязвимые места XIX в., его людей, идей и организаций, причины поражений своих стран на выходе из XIX в. В XXI в. победят те, кто первыми станут людьми XXI в., т.е. помимо прочего те, кто первым сделает «работу над ошибками» по XX в., поймут причины своих поражений в нём, как это сделали – каждый по-своему и на своём языке – большевики, интернационал-социалисты в СССР и национал-социалисты в Германии.

Я уже слышу негодующие истеричные крики: как?! что?! Нас призывают учиться у большевиков и нацистов, использовать их опыт?! Позор красно-коричневым! Да, призываю учиться у всех, кто преуспел в восстановлении центральной власти (государства, «центроверха», империи) и (или) её сохранения-приумножения в тяжёлых условиях. Р. Арон, ненавидевший Гитлера как еврей и либерал, тем не менее заметил в мемуарах: умри Гитлер в начале 1938 г., и он вошёл бы в историю как величайший, более великий даже, чем Бисмарк, деятель немецкой истории, поскольку ликвидировал унизительные последствия Версальского мира, восстановил государство, армию, экономику. Что было бы с СССР без коллективизации и индустриализации, и гадать не надо, всё ясно.

СССР восстановился к концу 30-х годов. Жестокой ценой? Да. Но когда и где восстановления такого рода и в такие сроки оплачивались не страшной и не жестокой ценой? Как создавалась петровская военная империя – единственное средство сохранения России в тех условиях? Какой ценой создавались Британская империя и Pax Americana? История социальных систем вообще и империй в частности – штука жестокая. Только одним системам и их деятелям исторический и моральный счёт выставляется, а другим – нет. Ясно почему: счёт выставляют победители с позиций силы.

Так что не надо морочить голову самим себе. Это циничный вывод? Нет, это циничный мир, где слабых бьют и где обидчик с самого начала должен быть уверен: встречи с «гражданкой Немезидой не избежать».

Пока мы не поймём причин нашего поражения в холодной войне, нам не подняться. И чем скорее мы это сделаем, тем лучше – время работает против нас.

Второй практический аспект целостного анализа холодной войны связан не столько с «работой над ошибками», сколько с помехами, которые создают наши западные «друзья» и их туземные эрэфские агенты – «дети грантов и грантодателей», сотрудники различных фондов, ассоциаций и т.д. Пропагандистско-психологическая война против России не закончилась с формальным окончанием холодной войны. Напротив, она ещё более усилилась, тем паче что системное противодействие ей практически отсутствует. У этой войны – несколько целей. Среди них: не дать осмыслить прошлое России и СССР и текущую историю РФ объективно, на основе адекватных этой истории методов и понятий; максимально очернить эту историю, представив её как сплошную полосу внутренних и внешних насилий, экспансии, милитаризма, как отклонение от нормы; выработать чувство «негативной идентичности», т.е. исторической неполноценности и вины, за которую помимо прочего надо каяться, а потому принимать все тяготы 90-х как должное, как расплату за коммунизм и самодержавие.

При этом почему-то никому из наших смердяковых не приходит в голову пригласить к покаянию англичан, уничтоживших десятки миллионов коренных жителей Африки, Азии, Австралии. Или, например, американцев, уничтоживших около 10 млн. индейцев и столько же негров и оказавшихся единственными, кто применил ядерное оружие, причём против уже поверженной и неопасной Японии, чтобы напугать СССР. Говоря о русской экспансии (на Восток), почему-то забывают об экспансии Португалии, Испании, Франции, Англии, Германии, США. Им можно?

Ну что же, нам к двойному стандарту не привыкать, нельзя только позволять вешать себе лапшу на уши и навязывать чувство исторической вины – именно оно парализует волю к борьбе и победе – для того и навязывается. Холодная война – это как раз то поле, которое активнейшим образом используется для решения этой задачи.

Нам нужно беспощадно честное знание о самих себе, о причинах своего исторического поражения в конце XX века. Это необходимое, хотя и недостаточное условие не только побед, но и выживания в XXI веке в тех испытаниях, которые он несёт и которые не за горами.

ФУЛТОНСКОЕ НАЧАЛО

Размышляя о холодной войне

ВОПРОСЫ, РОЖДЁННЫЕ ПОРАЖЕНИЕМ

Вроде бы о холодной войне мы знаем очень много (правда, чем ближе к её финалу – тем меньше и меньше). И это действительно так. Но что главное в знании о ней?

– в чём суть этой войны, каково её место в истории?

– когда и почему началась холодная война, кто её начал?

– какие её основные этапы и каковы их результаты?

– какое воздействие оказывал её ход на мир в целом и соответственно на первый, второй и третий миры?

– в чём причины результата холодной войны?

– кто действительно победил в ней? США? (Есть серьёзные исследователи, сомневающиеся в этом. Да и поведение США на мировой арене в последние десять лет, например по отношению к Японии и Евросоюзу, даёт информацию совсем для других размышлений. Какие социальные группы на Западе выиграли в результате его победы в холодной войне? Те, что вынесли её на своих плечах? Или другие? Что объективно является главным, пусть и незапланированным, её итогом?)

– каковы кратко- и среднесрочные последствия холодной войны, какими могут быть долгосрочные последствия?

Вопросы непросты, а некоторые из них болезненны для нас. Например, действительно ли СССР потерпел поражение, проиграл холодную войну или же часть его верхушки сдала её, надеясь не на почётные условия капитуляции, бери выше – на принятие в мировой истеблишмент? На запись в буржуинство и получение бочки варенья да корзины печенья. На варенье-печенье Запад расщедрился, но принимать экс-советскую номенклатуру в номенклатуру мировую он не собирался: там, как и везде, не любят, во-первых, предателей и холуёв; во-вторых, проигравших; в-третьих, выскочек без роду без племени, даже сверхбогатых.

В декабре 1991 г. Буш-папа поздравил соотечественников с победой над СССР в холодной войне. СССР распадался, по сути, его уже не было, и на роль потерпевшего поражение была «назначена» РФ, руководство которой в немалой степени способствовало крушению СССР, т.е. объективно выступало союзником США.

Разумеется, верхушка РФ в 90-е пыталась делать вид, что это она вместе с американцами победила в холодной войне, а поражение потерпел народ, «терпевший коммуняк», и вела себя соответствующим образом. Однако Запад с этим не согласился и к верхушке РФ относился, по сути, как к побеждённым.

Если же СССР действительно потерпел поражение, оказался в тяжёлом положении, то почему? И насколько оно было тяжёлым? Нередко выбор, сделанный Горбачёвым и его «многомудрой» командой в 1987–1989 гг., объясняют так: положение СССР во второй половине 80-х было настолько тяжёлым, что спастись можно было, только пойдя на сближение с Западом.

Но давайте сравним положение СССР в 1985 и 1945 гг. В 45-м СССР только что вышел из тяжелейшей войны. Разрушенная экономика, предельно измотанное население. У американцев – процветающая экономика, которая даёт почти половину мирового валового продукта, и, самое главное, ядерная бомба, которой нет у нас, и готовность уже (декабрьская директива Объединённого комитета военного планирования США ‹ 432/д) обрушить 196 атомных бомб на 20 крупнейших советских городов. По логике тех, кто оправдывает горбачёвцев, Сталин должен был согласиться на все условия плана Маршалла, капитулировать перед США, а СССР вместе с остальной Европой – превратиться в американский протекторат. Но советское руководство пошло по другому пути, единственно достойному великой державы. Да и плохишей-перевёртышей в

тогдашнем советском руководстве не нашлось.
В 85-м СССР был сверхдержавой, обладал могучим ядерным потенциалом, вопреки перестроечным и постперестроечным манипуляциям с цифирью вовсе не находился в катастрофическом экономическом положении (это такая же ложь, как разговоры о грядущем в 92-м голоде, от чего якобы спас Гайдар – упаси Бог от таких спасителей). А вот США во второй половине 80-х годов из-за необходимости поддерживать гонку вооружений и одновременно сохранять жизненные стандарты среднего и рабочего классов оказались не просто перед катастрофой, а зависли над пропастью. Мы, занятые перестройкой и «оральной политикой» горбачёвцев, в очередной раз упустили из виду, что происходит в мире. Падение Ельцина с моста и т.п. для нас было важнее сдвигов в мировой экономике. А меж тем на Западе, у нашего главного противника, происходили события критической важности.
В 86-м произошёл обвал на Нью-Йоркской бирже. В сентябре 87-го английский журнал «Экономист» известил: если в 81-м мир должен был США 141 млрд. долл., то в 86-м (спустя всего 5 лет!) США задолжали миру почти вдвое больше – 246 млрд. долл. То была цена рейганомики и в ещё значительной степени – при всей неолиберальной риторике Рейгана – его «военного кейнсианства». Во второй половине 87-го крупнейшие американские банки впервые с начала 30-х годов объявили о квартальных убытках. 19 октября 1987 г. рухнул Уолл-стрит, да как! Индекс Доу – Джонса упал на 508 пунктов (23,4%) – крупнейшее в истории падение за день. Рынок США был на грани краха, которого удалось избежать только потому, что А. Гринспен, новый глава Федерального банка, реализовал рекомендации секретного исследования о том, как избежать катастрофы.
Однако «маг» Гринспен мог лишь отсрочить катастрофу. Счёт для США пошёл на месяцы. В сложившейся ситуации их могло спасти только чудо – резкое ослабление СССР, проявившееся в существенной и быстрой сдаче им военных и политических позиций на международной арене.
Чудо произошло буквально через 50 дней – 8 декабря 1987 г. В тот день Горбачёв начал систематическую и широкомасштабную сдачу советских позиций – согласился уничтожить ракеты СС-20 не только в европейской части СССР, но и в азиатской, сломав ядерный щит на востоке. Результат: СССР уничтожает 1752 ракеты, а США – 869. Так начался демонтаж паритета, так Горби боролся с «неоглобализмом» США, противодействовать которому он обязал самого себя постановлением (от 4 сентября 1986 г.) Политбюро ЦК КПСС «О мерах по усилению нашего противодействия политике неоглобализма».
В результате такого «противодействия» США были спасены, а СССР распался – по иронии истории ровно через четыре года, 8 декабря 1991 г. – «три мудреца в одном тазу» в Беловежской пуще де-факто аннулировали СССР. Всё это – к вопросу о том, в каком положении оказались США и СССР в конце 80-х годов и кто действительно висел над пропастью. Американцев не надо было даже толкать по ницшевскому принципу «падающего подтолкни». Надо было не делать шагов навстречу, а спокойно наблюдать. Хвати у Горбачёва ума, воли и выдержки, и холодная война закончилась бы иначе, и история пошла бы по-другому – так же, как если б Александр II проявил выдержку и не поторопился заключать мир в Крымской войне – позорный Парижский мир 1856 г. Тогда бы и вся наша история второй половины XIX в. тоже пошла по-другому (хотя, разумеется, с царя спрос намного больше, чем с обкомовца с кругозором агронома 50-х).
Как и почему СССР проиграл холодную войну – не единственный среди кардинально важных вопросов по её поводу. Есть и другие, на первый взгляд простейшие. Например, кто противостоял друг другу в холодной войне? СССР и США. Правильно. Но в каком качестве? Как две страны, две державы, два государства, реализующие традиционную биполярную модель?

По форме – да. Однако суть была принципиально иной, поэтому сводить анализ холодной войны к внешней политике было бы весьма ошибочным ограничением на поверхностном уровне, хотя и очень важным самим по себе.

Холодная война – это, по сути, история всей второй половины XX в. Она окрасила его в свои тона, определила его не только в военном, но и в мирном – экономическом, политическом, социальном, психологическом и культурном плане.
«Социальное военное государство» Запада – это порождение холодной войны, её институционально-политическая форма. Гонка вооружений не только требовала значительного по численности рабочего класса, занятого в промышленности, но и заставляла откупаться от него или по крайней мере от значительной его части, доказывая своё социальное превосходство над главным противником – СССР. Многочисленная армия была очень важным каналом, особенно в США, вертикальной социальной мобильности, особенно для небелых низов.
Весьма значительный по численности и материально неплохо устроенный средний класс ядра капиталистической системы (в «Колоколах Истории» я назвал его «социалистической буржуазией») есть тоже результат холодной войны. Можно сказать, что западный средний класс «славного тридцатилетия» (так на Западе с лёгкой руки французов называют период 1945–1975 гг.) – дети холодной войны.
Как она формировала послевоенный СССР, и говорить не приходится. Ну а национально-освободительное движение в третьем мире? Было бы оно возможным вне контекста биполярного мира холодной войны, «ялтинской системы»? Югославия-1999 и Ирак-2003 – красноречивый ответ на этот вопрос. Само возникновение третьего мира было обусловлено наличием первого и второго миров и ведущейся между ними холодной войны.
Два «экономических чуда» – немецкое и японское – стали возможны благодаря ей. Во-первых, американцы вкладывали в ФРГ и Японию как в свои приграничные с коммунистической системой протектораты. Во-вторых, дешёвая советская нефть, хлынувшая на рынок с 1958 г. с целью «подрыва реакционных арабских режимов», удешевила нефть и тем весьма помогла ФРГ и Японии.
В результате в начале 70-х Западная Германия и Япония превратились в два новых экономических центра силы капиталистической системы и бросили экономический вызов США, ослабив их позиции, а в 80-е годы своим удельным весом, подкрепившим переживающие далеко не лучшие экономические времена США, поддержали их в критический для них момент и обрушили глобальный финансово-экономический кулак на хребет СССР.
Арены сражений холодной войны находились везде – от «области ракет» до «области балета», включая также спорт. «Олимпийские игры» послевоенной эпохи вообще были американо-советскими схватками.
Блестящие, включая побочные (спутник), достижения науки и техники – в значительной степени результат «холодновойнового» противостояния «миров и систем».
Шпионский роман – от поделок до шедевров Д. Ле Карре и Л. Дейтона – это тоже порождение холодной войны, как и послевоенные ЦРУ и МГБ–КГБ и великие разведчики и контрразведчики с обеих сторон (М. Вольф, К. Филби, А. Даллес,
К. Мельник и многие другие, о которых мы не знаем именно потому, что их деятельность увенчалась полным успехом).

Наконец, массовая культура западного типа – мощнейшее, как оказалось, оружие холодной войны: рок-н-ролл, голливудское кино, американские сигареты, жвачка, кока- и пепси-кола и многое другое.
Холодная война – это, можно сказать, «наше всё» во второй половине XX в. Это то, что

каким-то образом задело всех – не только в Москве, Праге, Париже, Нью-Йорке и Токио, но также в Гаване, Ла-Пасе, Кейптауне, Лагосе и Маниле.
При всей широкомасштабности противостояний варваров и Рима, ислама и христианства они происходили в географически ограниченном ареале (Европа). Даже мировые войны – Семилетняя, революционно-наполеоновские и две в XX в. нельзя сравнивать с холодной войной. В них решался вопрос, кто будет гегемоном внутри капиталистической системы: Англия или Франция, США или Германия? Борьба шла между социосистемно однотипными образованиями. Хотя в двух последних мировых войнах приняли участие соответственно 33 и 72 государства, значительная часть мира вообще не была затронута войной, не была включена в неё. Совершенно иначе обстояло дело с холодной войной.

Холодная война была борьбой двух мировых систем – капиталистической и антикапиталистической за превращение в единственную, т.е. планетарную, и потому охватывала планету в целом. Вне холодной войны, по сути, не остался никто.
Коммунизм и капитализм сошлись как два взаимоисключающих глобальных проекта. Это противостояние было государственным лишь по форме; неверно определять его и как идеологическое – это частность. Речь идёт о тотальном, целостном противостоянии-взаимоотрицании социосистемного порядка. Не случайно метафорическую фразу Хрущёва «мы вас похороним» американцы восприняли буквально.
Будучи прежде всего «классово-идеологическим» и лишь во вторую-третью очередь межгосударственным противостоянием, холодная война вовлекала, всасывала в себя весь мир, разрывая надвое целые страны, слои, а то и семьи. И хотя сформировался даже целый блок – Движение неприсоединения, пытавшееся «сосать от двух маток сразу», – в целом и внутри этого блока идеологические симпатии и антипатии были вполне очевидны. В этом плане нейтралов практически не было: война носила тотальный – военно-политический, экономический, идеологический, психологический – характер и предполагала полное уничтожение проигравшего (как это и произошло с СССР).
В то же время, будучи глобальной, холодная война обеспечила глобальную стабильность в глобальных же и невиданных до сих пор (страх перед ядерным Армагеддоном) масштабах.

ТРАГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ПОРАЖЕНИЯ

В виде советского коммунизма, системно реализовавшего Большой Левый Проект европейского Модерна (старт ему дала Великая французская революция, в неменьшей степени антибуржуазная, чем буржуазная), впервые в истории неэгалитарных эксплуататорских обществ, построенных на собственности, возник социум, построенный на отрицании эксплуатации и собственности и провозгласивший равенство. Разумеется, в советской системе существовало неравенство, однако оно не шло ни в какое сравнение с таковым классовых («собственнических») обществ.
Мы это хорошо почувствовали на собственной шкуре в 90-е и сегодня, когда casual (повседневное) для меньшинства – бесстыдно выставляемое напоказ наворованное богатство, а для большинства – беспросветная бедность, отсутствие социальных перспектив и проблема физического выживания. В СССР существовала эксплуатация. Однако, во-первых, она становилась менее интенсивной по мере развития совсистемы (а неравенство в то же время росло – и это был один из смертельных парадоксов системы). Во-вторых, эксплуатация не была жёстко закреплённой (перемена мест) и, самое главное, в неизмеримо большей степени работала на социальное целое, на целостный интерес, чем в собственнических системах. Нарушение этого принципа в 70-е годы вызвало крайнее разочарование снизу в советском строе и стало одной из причин его крушения, поражения СССР в холодной войне.
Поражение это, помимо прочего, ставит две очень важные проблемы. Над первой – возможно ли построение социализма в капиталистической системе – много размышляли

европейские левые вообще и большевики в особенности.
Конкретный исторический ответ 1989–1991 гг.: невозможно, поскольку при интеграции в капсистему верхи соцсистемы начинают жить материальными потребностями верхов и средних классов капсистемы (т.е. встраиваются в её подсистему потребления), которые антикапитализм экономически удовлетворить не может.
Контроль советского центроверха над потребностями и ранжированно-иерархическим потреблением верхушки начал ломаться со второй половины 50-х годов. В условиях общества без частной собственности поляризация потребления выполняет функцию (квази)классогенеза и стимулирует довольно быстрое развитие социального неравенства, с одной стороны, и раздражения по поводу строя – с другой. Поляризация потребления становится мотором социальной поляризации (не это ли имел в виду Сталин, говоря о нарастании классовой борьбы по мере продвижения в ходе строительства социализма?). Номенклатура в СССР так и не стала классом, оставшись статусной группой, квазиклассом. Это достижение строя оборачивалось проигрышем на мировой арене не только в том плане, как сказано выше, но и неожиданным иным образом. Холодная война была противостоянием мировой буржуазии и советской номенклатуры как «положительной» преемницы несостоявшейся мировой (европейской) революции и отрицательной преемницы русского самодержавия. Постепенно утрачивая революционные характеристики (именно они придавали советской верхушке силу и мощь мирового масштаба в 1920–1940-е и даже в 50-е годы), номенклатура так и не превратилась в полноценный правящий слой со своей традицией, мировым кругозором, так и не установила (во многом идеология и строй не позволили) реальную преемственность с дореволюционным наследием.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «РОССИЯ–ЗАПАД»

В результате опытная геоисторическая база советской номенклатуры была намного у’же и слабее, чем у мировой буржуазии с её многовековым, уходящим в феодальное прошлое опытом, её связями, тайными, полутайными и закрытыми организациями, клубами, орденами и т.д. А свою мировую антикапиталистическую традицию номенклатура, тем более включившись в межгосударственную систему, создать не могла. Более того, утратила то, что получила от эпохи войн и революций 1871–1945 гг.
По-видимому, один из трагических парадоксов системного антикапитализма в том, что он не позволяет быстро и эффективно создать властную элиту мирового уровня, способную всерьёз противостоять мировому буржуинству. Исход мировой борьбы даже в эпоху масс решают схватки элит, возглавляющие эти массы. Советская верхушка оказалась в конечном счёте слабее, с середины 50-х деградировала и позволила опытной и искушённой мировой буржуазии навязать свои правила игры, потребности, ценности и, более того, к началу 80-х годов – свои взгляды на мир.
Будучи глобальным системным противостоянием ядерных блоков, холодная война всё больше превращалась в психоисторическую, психоментальную войну верхушек (и обслуживающих их интеллектуалов) двух систем. Мировая буржуазия и её интеллектуальные воины победили, а точнее, перевербовали ключевые сегменты советской номенклатуры и интеллигенции, в ряде случаев просто создав «пятые колонны», а остальные нейтрализовали. Причём результат этот пришёл вовремя, когда США зависли над пропастью.

Кто-то скажет: но ведь в 1920–1930-е годы советская верхушка успешно сражалась с мировой буржуазией, да и после войны действовала неплохо – фундамент паритета с США, которого СССР добился к концу 1960-х, был заложен в 1945–1955 гг., главным образом при Сталине.
Это важный вопрос, и он непосредственно выводит нас на ещё один важный аспект холодной войны, но уже не антикапиталистический, а сугубо русский. Когда Россия

(СССР) наиболее успешно противостояла Западу? Как правило, тогда, когда Запад был занят выяснением отношений внутри себя. Петровско-екатерининская Россия поднялась в период борьбы между Францией и Англией за гегемонию в XVIII в. Англичане уже в начале XVIII в. оценили русскую угрозу и планировали нанести удар ещё в 1714 г., после того как мы разбили шведов при Гангуте. Однако соперничество с французами не позволило, и по-настоящему англо-русская борьба развернулась после 1815 г., когда Великобритания стала мировым гегемоном и объединила весь Запад.
После сорока лет подковёрной борьбы англичане организовали первую общезападную войну – Крымскую – против России, главной задачей которой было загнать Россию в границы 1640-х годов. Сделать это, несмотря на русское поражение, не удалось (как не удалось ни в 1918-м, ни в 1941-м, но получилось – без «горячей» войны – в 1991 г.). Тем не менее на много десятилетий Россия превратилась во второразрядную великую державу, которая вынуждена была в конечном счёте (после 1907 г.) войти в союз с англосаксами и таскать своим пушечным мясом для них каштаны из огня.
В начале XX в. «цивилизация XIX в.» и мировая система, выстроенная англичанами, рухнули. Начался новый период борьбы за гегемонию – по сути, между США и Германией. В этот период поднялся сталинский СССР, вышедший из капсистемы и превратившийся в системный антикапитализм.

НАЧАЛО ВОЙНЫ – 1917-й, 1946-й или ...?

В 1945 г. США (с советской помощью и в результате войны) стали гегемоном капсистемы и объединили вокруг себя Запад (плюс Япония). Опять сорок лет борьбы – и Россия/СССР терпит поражение в холодной войне от объединённого Запада, от капсистемы.
Россия (СССР) успешно противостояла Западу, во-первых, в состоянии своей умеренной интегрированности в мировую экономику; во-вторых, в ситуации, когда Запад не был единым, когда в нём шла борьба за гегемонию. Холодная война велась между СССР и единым Западом и была выиграна последним не столько в политике и экономике, сколько в психоментальной сфере, т.е. там, где большевики побеждали нокаутом и по очкам в 1920–1930-е годы. И это тоже одна из особенностей холодной войны и один из её уроков: наш реванш должен начаться в психоментальной сфере.
История развития России в мировой системе, её отношений с капиталистическими гегемонами показывает: нынешней России (как государству, разумеется, а не как кластеру криминально-олигархических корпораций) при прочих равных (но не фатально-автоматически) выгодны закат (но не обвал) американской гегемонии и полное крушение основанного на ней мироустройства – финансового, политического, массово-культурного.
Вторая проблема, поставленная холодной войной, ещё крупнее: возможно ли в принципе создание в этом, а не потустороннем мире системы, основанной на «свободе, равенстве, братстве», т.е. без эксплуатации, собственности и т.д., социально справедливого общества? На этот вопрос история СССР, возникшего, как и все крупные и сложные социальные системы, на крови системного антикапитализма, и его холодная война с капитализмом тоже даёт отрицательный практический ответ.
Как знать, не является ли холодная война своеобразным рубежом между эпохами, началом кризисного тоннеля, выход из которого вовсе не гарантирован, по крайней мере для большинства землян?.. То, как быстро и легко – за десять лет – верхушка Запада «перекодировала» холодную войну в войну с «международным терроризмом», вводя мир в состояние перманентной войны, в состояние, где грань между войной и миром принципиально стёрта, свидетельствует в пользу такого вывода.
Если холодная война – это межсистемное глобальное противостояние, может, правы те, кто датирует её начало 1917-м? Есть ли какой-то резон в таком подходе? Отчасти есть. Сам факт возникновения и существования Советской России как антикапиталистического феномена означал социосистемную угрозу для Запада. СССР как «государство» был исходно сконструирован так, чтобы с лёгкостью превратиться в Мировую

Социалистическую Советскую Республику. В Декларации об образовании СССР говорилось: «доступ в Союз открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных ещё в октябре 1917 г. основ мирного сожительства народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Поэтому русские юристы-эмигранты с момента возникновения СССР указывали на иную, чем государственную, природу этого властного организма. «Советская Россия, – писал П. Гронский, – гостеприимно открывает двери перед всеми народами и государствами, приглашая их ко вступлению в Союз при одном лишь непременном условии – провозглашение советской формы правления и осуществление коммунистического переворота. Стоит жителям Борнео, Мадагаскара или Звулуланда установить советский строй и объявить коммунистические порядки, и, лишь в силу их заявления, эти новые, могущие возникнуть советские республики принимаются в Союз Советских Коммунистических Республик…» Вывод: он «не представляет из себя прочно установленного государственного порядка, он может в любой момент исчезнуть и в то же самое время способен к беспредельному, ограниченному лишь поверхностью нашей планеты, расширению».

Другое дело, что в 1920–1930-е годы у СССР не было сил расширяться, он мог только обороняться. Запад, прежде всего Англия и Франция, проводил тогда политику, направленную на подрыв и уничтожение СССР силами Германии (для этого Гитлера и вели к власти). Тем не менее и у Запада в межвоенный период, который, по сути, был лишь фазой передышки в мировой «тридцатилетней войне» XX в. (1914–1945), были ограниченные возможности давления на СССР. В 1920-е годы Запад приходил в себя после войны, а в 30-е обострились внутризападные противоречия, и СССР мог играть на противоречиях претендентов на гегемонию, что, помимо прочего, нашло отражение в докладе М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г.

Этот доклад означал отказ советского руководства от ультрареволюционной доктрины, которой оно руководствовалось со времён Гражданской войны и согласно которой любое обострение международной обстановки работало на СССР (даёшь революцию!), а любая стабилизация ухудшала его положение. С начала 30-х СССР начинает всё больше вести себя как государство – член межгосударственной системы (в 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций), а не только как инкубатор мировой революции, что нашло отражение и во внутренней политике, в том числе и по отношению к историческому и национальному наследию.

Итак, датировать начало холодной войны 1917-м г. было бы ошибочно. Во-первых, до 1945 г., несмотря на деятельность Коминтерна во всём мире, у СССР не было потенциала для глобального противостояния капитализму. Советская система оборонялась. Во-вторых, в довоенный период – период острой борьбы за гегемонию внутри самой капиталистической системы – советско-западное противостояние не выходило на мировой геополитический уровень в качестве главного. Главным на этом уровне было противостояние англосаксов и Германии (при наличии острых противоречий между США и Британской империей внутри англосаксонского тандема).

СССР в такой ситуации – при всех системных противоречиях с миром капитализма – вписывался в традиционные для последних двухсот – трёхсот лет расклады европейской и мировой политики, войдя в конечном счёте в состав антигитлеровской коалиции и опять оказавшись на стороне англосаксов против «континентальных» европейских держав. В 1917–1945 гг. СССР противостоял одним капиталистическим государствам в союзе с другими, используя их противоречия, а точнее – борьбу за гегемонию в капиталистической системе между двумя группами хищников – англосаксами и немцами. Это не клише коммунистической пропаганды, а формулировки замечательного русского

журналиста М. Меньшикова, отметившего «тихий погром, который вносит англо-германская раса в остальное человечество» и зафиксировавшего: «Среди самих англичан и немцев идёт… структурная перестройка, борьба человеческих типов. Один какой-то сильный и хищный тип, по-видимому, поедает остальные».
СССР в межвоенный период никогда – и в этом был успех сталинской дипломатии, которой в целом благоприятствовала эпоха внутризападного соперничества, – не противостоял Западу, капиталистической системе в целом. Прежде всего потому, что разделённый в самом себе борьбой за гегемонию Запад не был целым, не было целой политико-экономической системы. Всё изменилось 2 сентября 1945 г. Завершилась эпоха борьбы за гегемонию, стартовавшая 10 мая 1871 г. У капиталистической системы появился гегемон невиданной экономической мощи (около 50% мирового валового продукта) – США. СССР было уже намного труднее играть на противоречиях внутри капсистемы.
Выходит, холодная война началась в 1946 г., как считают многие – речью Черчилля в Фултоне? Чтобы ответить на этот вопрос, надо внимательно посмотреть, что именно сказал он, когда, почему и зачем сделал это, кому был главный посыл речи и, наконец, в каких условиях это произошло.

Андрей ФУРСОВ

http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg112006/Polosy/15_1.htm

РУКОТВОРНЫЙ КРИЗИС.

13.11.2006

Часть 1 Современная финансовая олигархия пошла по пути средневековых феодалов

На наших глазах привычный нам мир меняет свои очертания. Цивилизация глобального потребления стремительно движется к своему финалу, вползая в эпоху глубочайшего и многослойного кризиса. Какие цели в этот период должны ставить перед собой мы? Имеем ли мы право ограничиться лишь тем, что диктует инстинкт самосохранения? Очевидно, наши задачи - иного плана. Перед лицом наступающего кризиса мы должны думать не только о том, чтобы выжить, но и о том, чтобы победить. А для этого нам нужно знать этот мир в его настоящем и прошлом, видеть его реальные проблемы в системно-исторической ретроспективе.

В контексте заявленной RPMonitor темы наступления глобального кризиса мы предлагаем читателям цикл бесед с известным русским ученым и публицистом Андреем Ильичем Фурсовым, директором созданного в 1997 г. Института русской истории РГГУ. Отметим, что наш собеседник - автор известных работ о русской истории и русской власти, об истории капиталистической системы и Востока, о геополитике и глобализации, о мировых войнах и идеологии, уделяет в своих трудах особое место проблематике макроисторических кризисов.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ: ТАКОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Для начала оглянемся в прошлое. А. Фурсов выделяет три тяжелых системных кризиса, глубоко потрясших человечество: кризис " длинного" шестнадцатого века, крушение Западной Римской империи (гибель античного мира) и кризис верхнего палеолита (древнекаменного века). Каждый из них представляет свой тип кризиса.

Давайте начнем с ближайшего нам по времени - так называемого кризиса " длинного" шестнадцатого века (1453-1648 гг.) - с периода между падением Константинополя под ударами турок-османов и Вестфальским миром, завершившим Тридцатилетнюю войну. В ходе его произошел генезис капитализма.

Что произошло накануне этого кризиса? В середине четырнадцатого века по Европе пронеслась эпидемия чумы, выкосившая 20 миллионов душ из ее 60-миллионного населения. В результате " сделочная" позиция крестьянина по отношению к феодалу резко усилилась. Ведь теперь рабочих рук не хватало и власть помещика-сеньора ослабла. В течение тридцати-сорока лет сеньоры пытались силовым способом вернуть прежнее положение вещей, снова приводя " подлую чернь" к покорности. В ответ одно за другими вспыхнули восстания низов - настоящая европейская антифеодальная революция. В 1378-1382 годах прокатываются бунты " белых колпаков" во Франции, Уота Тайлера в Англии и чомпи - во Флоренции. Она надломила хребет феодализма. И после у сеньоров осталась лишь одна стратегия: сохранить свои привилегии и не оказаться ни в кулацком, ни в бюргерском " раю". Мы не можем остановить перемены? Так возглавим их и останемся при власти и богатствах! И не случайно в пятнадцатом веке появляются новые, сильные монархии и централизованно-бюрократические государства привычного нам типа. С этим процессом совпали открытие Америки, возникновение нового мирового разделения труда и революция в военном деле шестнадцатого века.

В итоге к 1648 году класс феодалов избежал уничтожения, сумев сохранить власть и привилегии. Кто-то превратился в представителей королевского двора, как во Франции. Кто-то смешался с

богатыми крестьянами, как джентри в Англии. Как показывают исследования, 90% феодальных семей, которые были у власти в 1453 году, сохранили ее и в 1648-м. Однако, борясь за сохранение своих привилегий, феодалы породили капитализм. Как некий " побочный продукт". Правда, далось все это ценой невероятных крови, насилия и страданий: мы видим раскол католической церкви, отпочкование протестантизма, ожесточенные религиозно-гражданские войны в Германии, Франции и Голландии, свирепствующую инквизицию и сотни тысяч заживо сожженных. Тридцатилетнюю войну, уничтожившую четверть населения тогдашней Германии. И еще миллионы погибших от голода, холода, болезней и нищеты - спутников войн и общественных конфликтов.

Вот первый тип тяжелого кризиса перехода между эпохами - кризис, вызванный борьбой верхов за сохранение своей власти в новой эре. Некая операция " Прогресс" управляемая революция. И сей кризис был связан с внутренним развитием Европы.

Второй тип кризиса проявился в эпоху поздней античности, во времена падения Западной Римской империи (погибла в 476 г. нашей эры). Здесь мы видим внутренний кризис великой империи (падение эффективности рабовладельческой экономики, демографические проблемы, деградация правящей элиты), к коему добавилось Великое переселение народов: волны варварских племен, накатывающих на Рим с севера и востока. Если феодалам удалось сохранить власть и войти в новую эру, то позднеантичным господствующим группам не удалось. Прежняя элита исчезла. Особенно примечателен кризис перехода между рабовладельческой античностью и феодальным средневековьем тем, что огромная масса варваров была фактически " выкормлена" римлянами на границах - для них были созданы удивительно благоприятные в демографическом плане условия! Ведь что получалось? Племена германцев селились в порубежье с разрешения Рима (таким образом он избегал войн с ними), получали статус " федератов" (союзников) - и пользовались плодами имперской культуры, переходя к более производительному сельскому хозяйству. И бурно размножались. За несколько веков такой политики варвары усилились и обрушились на Рим, уничтожив высокоразвитую культуру и на много веков погрузив нынешнюю Европу во тьму невежества и раздробленности.

Таков второй тип кризиса, где внутреннее ослабление цивилизации сочетается с нашествием " внешнего пролетариата", по терминологии А. Тойнби, - волной переселения извне менее развитых, но бурно плодящихся воинственных народов.

Но самым тяжелым, страшным и долгим из известных нам кризисов человечества выступает кризис верхнего палеолита - древнекаменного века. Он начался примерно за 25 тысяч лет до нашей эры и закончился за 10-8 тысяч лет до Рождества Христова неолитической революцией: переходом от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию. Эта революция стала выходом из кризисной ситуации. В чем ее суть? Род " человек разумный" вел присваивающее хозяйство: охотился на животных, собирал плоды и коренья. Люди настолько размножились, что попросту истребили дичь и объели огромные пространства планеты. Кормиться стало нечем. А тут еще настал ледниковый период. И 25 тысяч лет назад рухнула система, базировавшаяся на высокоспециализированной охоте. Пришла социальная деградация. Примитивизировалось искусство. Население уменьшилось почти на 75-85%. И чтобы выжить, людям пришлось переходить к производящему хозяйству, одомашнивая животных и растения, изобретая ремесла.

Вот третий тип кризиса: гибель экономики старого типа, сопряженная с климатическими и экологическими катаклизмами.

- На какой из кризисов, о которых шла речь, похож тот, чьи контуры уже различимы? Который уже надвигается на современное человечество? - рассуждает А. Фурсов. - Мой ответ, к сожалению, не самый веселый: грядущий глобальный кризис несет в себе характеристики всех

трех кризисов, но в одном пакете - " кризис-матрешка". Или " кризис-домино", если угодно. Только грядет этот кризис в условиях позднекапиталистической системы, которая охватила весь мир. То есть стала глобальной. Он наступает в условиях перенаселенности планеты, с огромной нагрузкой на экологию и близящимся дефицитом сырья, воды. Сюда нужно добавить чудовищную социально-экономическую поляризацию современного мира, невиданные запасы оружия массового уничтожения.

- Действительно. Впервые в истории кризис типа палеолитического разражается на перенаселенной планете, напичканной всеми видами оружия. Ну не было в каменном веке ни пулеметов, ни атомных бомб, ни отравляющих веществ... Не было опасных АЭС или химических производств, плотин и водохранилищ - всего, что, разрушаясь, может стать оружием массового поражения.

- Если кризис пойдет по количественной переформулировке закона Мерфи (" все плохое происходит одновременно"), а ситуация характеризуется третьим положением теоремы Гинзберга (" даже выход из игры невозможен"), то кризис XXI века будет намного круче верхнепалеолитического. И если после него что-то возникнет, то это что-то скорее всего будет отличаться от сегодняшней нашей цивилизации так же сильно, как эта цивилизация отличается от палеолита.

Разумеется, не надо себя пугать (тем более, что пугаться поздно). Но кто предупрежден, тот вооружен...

НАТИСК КОСМОКРАТИИ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СССР

- Первые признаки нового надвигающегося кризиса, - продолжает А.Фурсов, - умным наблюдателям из западного истеблишмента были видны уже на рубеже 1960-1970-х годов. Действительно, к середине 1970-х годов окончилось беспрецедентное тридцатилетие в истории капитализма, материальные достижения которого по многим показателям превышают таковые полуторавекового периода 1800-1950 годов. В это тридцатилетие казалось, что кризис (" Тридцатилетняя война" XX века - 1914-1945 гг.) преодолен и мир надолго возвращается в " золотой век" капитализма a la эпоха 1815-1914 годов. Однако в истории ничто, в том числе " золотые века", не возвращается. Славное тридцатилетие после Второй мировой оказалось всего лишь короткой вспышкой накануне кризиса, короткой передышкой внутри начавшегося в 1914 г. системного кризиса капитализма, его сладким " бабьим летом", исчерпавшим себя к середине 1970-х годов. С тех пор кризис развивается по нарастающей.

Однажды отец-основатель мир-системного анализа И. Валлерстайн заметил, что истинной причиной упадка исторических систем является падение духа тех, кто охраняет существующий строй. Сам упадок начинается тогда, когда разворачивается борьба за то, кто возглавит грядущие изменения, развернув их в свою пользу.

Феодальные сеньоры в XV веке успешно справились с этой задачей. Очевидно, мировой истеблишмент, мировая буржуазия второй половины XX века последует их примеру. Только если " сеньоры-помидоры" действовали исходя из социальных инстинктов и интуиции, то буржуины, обладая теми же инстинктами (хищник есть хищник), помимо этого имеют в своем распоряжении " фабрики мысли" и используют научные формы рефлексии (которые, впрочем, нередко вступают в противоречие с классовым интересом и сознанием).

Важная веха в осознании " железной пятой" приближения кризиса - 1975 год. Тогда на Западе появился доклад " Кризис демократии", написанный по заказу " Трехсторонней комиссии" С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки. В докладе четко фиксируются угрозы положению

правящего слоя - прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти " эксцессы демократии" являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник - " внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующемся высокой степенью (политического. - А.Ф.) участия". Вывод: необходимо способствовать невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии. Надо, мол, умерить демократию, исходя из того, что она - лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный: " Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти".

Однако ослабление демократии в интересах западной верхушки было нелегкой социальной и политической задачей. Кто был становым хребтом западной демократии, которую надо было умерить? Средний класс - главный получатель выгод " славного тридцатилетия". Перераспределение общественного продукта с помощью налоговой системы welfare state привело к тому, что значительная часть среднего и часть рабочего класса, не имея буржуазных источников дохода, смогла вести буржуазный образ жизни. После Второй мировой народилась эдакая " социалистическая буржуазия". Неслучайно послевоенный триумф средних классов в ядре капсистемы совпал с триумфом государства всеобщего собеса.

Разумеется, буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. Welfare state - это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом - в наличии системного антикапитализма (исторического коммунизма) в виде СССР. В ходе " холодной войны", глобального противостояния с СССР, в схватке двух глобальных проектов буржуины вынуждены были откупаться от средних и рабочих классов, замирять их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т.п.). Таким образом, само существование СССР, антикапиталистической системы, заставляло капсистему в самом ее ядре нарушать классовую, капиталистическую логику, рядиться в квазисоциалистические одежды. Мало того, что экономическое и социальное положение среднего и части рабочего классов упрочилось, эти группы и политически усилили свое положение в западной системе, напугав ее хозяев до " кризиса демократии".

- Почему? Что конкретно угрожало их власти и привилегиям?

- Мощные левые партии. В одних странах - социалистические, в других - коммунистические. Влиятельные профсоюзы. Все эти силы оказывали давление на буржуазию и истеблишмент, требуя дальнейших уступок. На рубеже 1960-1970-х годов буржуазия ядра капсистемы оказалась в положении аналогичном тому, в которое попали западноевропейские сеньоры на рубеже XIV-XV веков: сохранение тенденций развития вело и тех и других к постепенной утрате привилегий - в одном случае в " кулацко-бюргерском раю", в другом - в политико-экономическом раю " социалистической буржуазии".

Чтобы разрешить " кризис демократии" в интересах " железной пяты" и повернуть вспять тенденцию осереднячивания западного общества, нужно было решить несколько проблем.

Политически и экономически ослабить демократические институты было невозможно без частичного демонтажа welfare state. А как его демонтируешь, если в мире есть СССР, который объективно выступал гарантом сытой и обеспеченной жизни западного " мидла"? Отсюда - с начала 1980-х годов курс на обострение и ужесточение " холодной войны" с СССР и одновременно социальное наступление на средний и рабочий классы ядра. Впрочем, в 1980-е годы это наступление все же тормозилось фактом существования соцсистемы и возможностью грабить " третий мир", прежде всего средние классы его наиболее развитых стран. Так, в 1980-е годы с помощью " структурных реформ" МВФ был, по сути, уничтожен средний класс Латинской Америки. В это же время сильный удар получили средние классы ряда африканских стран, а состояние этих классов, естественно, перекачивалось на Запад. Можно сказать, судьба латиноамериканских средних классов - это " воспоминание о будущем" среднего класса ядра капсистемы.

- Таким образом, кризис изначально был вполне рукотворным? То есть, капиталистическая элита сознательно ввергла мир в перемены так же, как когда-то - феодальная аристократия в пятнадцатом-шестнадцатом веках?

- Да, в значительной степени так, только на новом техническом уровне и с использованием науки, прежде всего обществоведческой.

- Интересно сопоставить наши наблюдения. Программа уничтожения среднего класса и деиндустриализации Запада запускается в конце 1970-х на " пробной модели" - Нью-Йорке. Его спасает от банкротства финансовая группа во главе с банкиром Феликсом Рогатиным (Felix Rohatin). Город освобождается от промышленности и превращается в рай для богатых. Движущей силой спровоцированного кризиса становится финансовый капитал. А затем, когда СССР погибал, в 1989 году ведущие страны Запада приняли Вашингтонский консенсус, твердую линию на ультралиберализм и глобализацию - мощные средства уничтожения среднего класса и welfare state, государства всеобщего благосостояния...

- Да, с падением Союза в жизни среднего класса Запада наступает черная полоса. А вот средние классы бывшей социалистической системы уже стерли " ластиком Истории": в 1989 году в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жило 14 миллионов человек, а в 1996 году - спасибо Горбачеву и Ельцину - уже 169 миллионов! Изъятые средства либо прямо ушли на Запад, либо со временем были размещены в западных банках - фантастическая геоэкономическая операция, глобальная экспроприация. Теперь наступает очередь " мидлов" на Западе. Недаром там уже появилась социологическая теория " 20:80". Согласно ей в современном западном обществе меняется социальная структура: 20% - богатые, 80% - бедные, и никакого среднего класса - он размывается, тает вместе с нацией-государством, частной формой которого является welfare state.

Дело в том, что в условиях глобализации нация-государство слабеет, оно не может противостоять хозяевам глобальной финансовой системы. Уже на заре глобализации, в начале 1990-х объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых трансакций достиг 1 трлн 300 млрд долларов в день - в 5 раз больше, чем объем мировых торговых обменов и почти столько же, сколько составляли на тот момент резервы всех национальных банков мира (1 трлн 500 млн долл.). Какое государство сможет выдержать пресс давления глобального финансового Франкенштейна? Государство утрачивает многие социальные и политические характеристики, превращаясь в административно-рыночную структуру. Глобализация оказалась мощным социально-экономическим оружием верхов мировой системы против середины и низов: она экономически подрывает те самые демократические политические (а, следовательно, и перераспределительные) институты, которые были гарантией положения среднего класса. У среднего и рабочего классов экономически выбивается щит, который защищал их от " железной пяты".

При этом очень важно, что хозяева глобального мира - французский исследователь Дени Дюкло называет их " гипербуржуазией" и " космократией" - оперируют на глобальном уровне, а средний и рабочий класс - на национальном, государственном, что ставит их в неравное положение. Так же, как в XVI веке новое международное разделение труда и серебро Америки переместило часть сеньоров и купцов на мировой уровень, а крестьяне остались на локальном и попали в социальный и исторический офсайд. Гипербуржуазия существует безнаказанно, пожирая в условиях глобализации капитал низших групп буржуазии и доходы среднего класса. С 1980-х годов развернулось наступление верхов на середину и низы, завершив двухсотлетний цикл наступления работяг и " середняков". Показательно, что XX век начинался книгой Ортеги-и-Гассета " Восстание масс" (1929 г.), а закончился книгой К. Лэша " Восстание элит" (1996 г.). В этом плане то, что происходило в России в 1905-1917 годах и с 1987 года хорошо вписывается в общемировые тенденции. Так, горбачевщина и особенно ельцинщина - это наши аналоги тэтчеризма и рейганомики. Я уже не говорю о том, как глобализация усиливает сделочную позицию буржуазии по отношению к рабочему классу. Теперь в ответ на забастовки в Европе и США целые отрасли можно перебрасывать в Южную Корею, Китай, Таиланд. По сути, рабочий класс в ядре капиталистической системы, как и массовый средний класс, теперь не нужны.

РУКОТВОРНЫЙ КРИЗИС. Часть 2

Мы находимся на пороге нового "великого переселения народов"

"ТРУЩОБЫ" ПОРОЖДАЮТ "ВАРВАРОВ"

- Итак, глобальный кризис наших дней начинался так же, как региональный кризис позднего средневековья, как управляемый процесс в интересах старой правящей элиты. Капиталистический истеблишмент, стремясь сохранить власть и привилегии, сознательно взял курс на экономическое уничтожение среднего класса. Новая политика получила названия "ультралиберализм" и "глобализация". Они сорвали мир в спираль больших потрясений. Однако глобальный кризис явно вышел за отведенные ему рамки и стал неуправляемым...

- Да, начали, не продумав до конца такой фактор, как масштабы современного мира. Кризис позднего феодализма оказался управляемым, потому что в главном не вышел за европейские рамки. Кризис позднего капитализма - иной. Капитализм - мировая система, каждый раз преодолевавшая свои структурные кризисы за счет внешней экспансии - путем выноса проблем вовне и превращения европейской мир-системы сначала в мировую, а в конце XX века - в глобальную. Капитализм невозможен без периферии (низкооплачиваемая рабочая сила, сырье, рынки сбыта), население которой стремительно растет. Капитализм на своей периферии "выращивает" "внешний пролетариат" и полупролетариат так же, как античность "выращивала" варваров, свой "внешний пролетариат", если пользоваться терминологией А. Тойнби.

"Демографический взрыв" XX века - результат экспансии капитала. Однако сегодня включить разросшееся население в производственные процессы капитал не может. Результат - огромное количество лишних людей. А поскольку деревня Юга сама себя прокормить не в силах, являя аграрное посткрестьянское общество, быстро растущее население сбивается в города, прежде всего самого Юга и мигрирует в города Севера (города поглотили 2/3 "продукции глобального демографического взрыва" после 1950 г.). В результате помимо сегмента-аналога позднефеодального кризиса в нынешнем глобальном кризисе появляется и сегмент-аналог позднеантичного. Так сказать, "вторая матрешка".

Согласно ооновскому докладу 2003 г. "Вызов трущоб", из 6 миллиардов нынешнего населения планеты 1 миллиард - это так называемые slum people, то есть трущобные люди. Те, кто живет в убогих лачугах, землянках, пустых ящиках и т.п. Один миллиард - это мировое население той поры, когда Энгельс изучал положение рабочего класса в Манчестере. "Трущобный миллиард" - примерно треть мирового городского населения и почти 80% городского населения наименее развитых стран. Трущобные люди ничего не производят и почти ничего не потребляют. "Slumland" раскинулся от предгорий Анд и берегов Амазонки до предгорий Гималаев и устья Меконга. Это люди, вообще исключенные из жизни, так сказать, помноженные на ноль. Кстати, глобализация - это и есть прежде всего исключение всего лишнего, "нерентабельного" населения из "точек роста". Глобализация социально - не единая планета. Это две сотни связанных только между собой точек, сеть, наброшенная на остальной мир, в которой он беспомощно барахтается, ожидая последнего удара.

К 2020 г. численность трущобников составит 2 миллиарда при прогнозируемых 8 миллиардах населения планеты. Экологически (да и психологически) трущобы не выдержат такой пресс, и мировые "лишние люди" рванут за пределы трущоб, "заливая" города, причем не только на Юге, но и на Севере. По прогнозам демографов, к 2025 г. от 30% до 50% населения крупнейших городов Севера будут выходцами с Юга. Чтобы увидеть это будущее, достаточно взглянуть на Нью-Йорк, Лос-Анджелес с трущобами в центре (!) города, Париж и, конечно же, Марсель, арабская половина которого, по сути, не управляется французскими властями. Афро-арабский и турецкий сегменты в Европе живут своей жизнью. Они не принимают общество, в которое мигрировали, не принимают его ценности. Причем не принимают активно. Так, по арабским и турецким каналам кабельного телевидения в Европе "на ура" идут антиамериканские и антиизраильские фильмы. Это свидетельствует только об одном - зреют "гроздья гнева" в старой и относительно тихой Европе. А ведь кроме выходцев с Юга в Европе теперь есть - спасибо США - мощный албанский сегмент, мусульманский и криминальный одновременно.

Половина "трущобных людей" - лица моложе 20 лет. А согласно теории (точнее, эмпирической регулярности) Голдстоуна, проверенной на немецкой Реформации XVI века, Великой французской революции XVIII века и русской революции XX века, как только доля молодежи (15-25 лет) в популяции превышает 20%, происходит революция. Когда молодежи слишком много, общество не успевает социализировать и интегрировать ее. А ведь помимо slum people, которые живут ниже "социального плинтуса", есть и те, кто живет чуток выше - не на один доллар в день, а на два.

Когда-то Мао Цзэдун выдвинул доктрину "Мировая деревня окружает мировой город", где сконцентрированы эксплуататоры. Сегодня, напротив, в мегаполисах и мегасити сконцентрированы эксплуатируемые и те, кого даже не берут в эксплуатацию, - "избыточное человечество". А верхушка, будь то Лондон, Нью-Дели или Сан-Паулу, переезжает в укрепленные загородные виллы, как это делала римская знать в конце империи, бросая Рим, форум которого зарос травой, где гужевались свиньи. Переезд сытых пожилых изнеженных римлян в охраняемые виллы не помог - варварская волна и восставшие собственные варваризированные низы смели их. Ныне, похоже, мы находимся на пороге (а отчасти уже в начале) нового Великого переселения народов. И как бы североамериканцы и европейцы ни пытались регулировать процесс миграции, у них ничего не получится - нужда и беда выталкивает афро-азиатские и латиноамериканские массы в мир сытых и глупых белых людей. К тому же без притока бедноты с Юга экономика ядра, прежде всего третичный сектор не сможет функционировать - европейцы и американцы обленились и никогда не станут выполнять ту работу, за которую уцепятся выходцы с Юга.

В результате на самом Севере мы имеем противостояние: богатые, белые, христиане, пожилые - против бедных, небелых, в основном мусульман, молодых. Четыре противоречия в одном - это социальный динамит. Недавние расовые бунты во Франции - это так, цветочки, "проба пера".

- Что же получается? Западная финансовая аристократия уподобилась советской партийной номенклатуре? Та ведь тоже хотела возглавить перемены, дабы сохранить власть и привилегии, начала перестройку - и потеряла управление над неконтролируемо разросшимся кризисом. Ни дать ни взять - социальная версия Чернобыля. Финансовая элита Запада тоже пустила реактор истории вразнос. Страны уже бывшего "золотого миллиарда" опасно раскалываются изнутри, идет обнищание среднего класса, вспыхивают социальные конфликты - и тут же на это накладывается демографический натиск "неоварваров", грозящий самому существованию Запада.

- Это так. Выигрывая в краткосрочном и отчасти среднесрочном плане от ослабления и устранения среднего класса, финансовые олигархии в долгосрочном плане закладывают динамит под самих себя. Кстати, похожая ситуация складывается в РФ, где поощрение миграции объективно усложняет жизнь среднего класса и также закладывает социальный динамит. За все придется платить.

Серьезные люди в той же Европе уже давно бьют тревогу. Так, в 1991 году в Париже вышла книга Ж.-К. Рюфэна "Империя и новые варвары: разрыв Север-Юг". Автор попытался наметить стратегии империи в противостоянии неоварварам и ничего лучше, кроме "limes"'а (границы) времен римского императора Марка Аврелия так и не нашел. Лимес, как мы знаем, не спас Рим. Всего лишь через несколько десятилетий после смерти Аврелия разразился кризис III века, после которого Рим перестал быть самим собой.

- Пожалуй, можно добавить и другие факторы. Спровоцировав кризис, финансовый истеблишмент словно открыл врата ада. Наружу вырвались многие демоны. Например, кризис старой индустриальной модели развития. Мир оказывается на пороге болезненного перехода на технологии следующей эпохи, которые приведут к закрытию целых отраслей нынешней промышленности за их ненадобностью, к потере работы и места в жизни миллионами обитателей развитых стран. Многие мыслители говорят об опасной точке "технологической сингулярности", указывая на развитие нанотехнологий, биотеха, генной инженерии. Сегодня в США и Европе лишними оказываются не только рабочие, но и "белые воротнички" - менеджеры среднего звена, рядовые финансисты. При том что глобализация дробит некогда богатые страны на какую-то мозаику: в них теперь есть острова процветающих "глобалов", остатки умирающего индустриализма и зоны дикой нищеты, третий мир в недрах первого.

Приплюсуем сюда грядущий кризис мировой валютно-финансовой системы, грозящий глобальной депрессией почище 1929 года. Кризис энергетический: потребление электричества и тепла растет быстрее, чем мощности по их производству. Кризис управленческий: прежние структуры власти, институты парламентаризма и демократии, унаследованные от индустриальной эпохи, слишком медлительны и неадекватны в современном мире бешеных перемен и нарастающей сложности. Наконец, падение качества образования и оглупление граждан некогда развитых стран приводит к тому, что белые теряют научно-техническое лидерство, не могут грамотно эксплуатировать сложные технические системы. Отсюда - болезненная смена лидеров развития и нарастающий вал техногенных катастроф...

- Кризис образования - важная составляющая любого общего кризиса, это было характерно для кризиса и поздней античности, и позднего феодализма. Но сейчас масштабы фантастичны, поскольку капитализм строился как цивилизация науки и образования, а чем выше забираешься, тем больнее падать. То, что сегодня происходит с наукой и особенно с образованием, как в мире в целом, так и у нас, - это катастрофа. Неадекватность систем образования и науки современному миру, обращенность во вчерашний день, деинтеллектуализация образования, а следовательно, социальной жизни в целом - все это создает общество, в котором и верхи, и низы не способны не только справиться с проблемами эпохи, но даже увидеть их.

Да, оболваненным населением легче управлять, но по закону обратной связи это возвращается бумерангом к верхушке и их детям. Посмотрите на большинство современных политических лидеров в мире и сравните их даже не с началом XX века, а хотя бы с серединой. Можно сказать, что сегодня в глобальном масштабе мы имеем неадекватность человеческого материала текущему моменту истории. Решения с глобальными последствиями принимают люди провинциального, а то и просто местечкового уровня. И это еще один показатель кризиса - рыба гниет с головы. Ацефалы-"безголовые" с кризисом не справятся. Более того, стремясь избежать его, еще более приблизят, как это сделали, например, неадекватный Николай II и еще менее адекватный Горбачев.

КРИЗИС-"МАТРЕШКА"

- Получается какой-то кошмарный коктейль: многомерный кризис, причем один кризис вложен в другой и они вместе - в третий!

- Вы удачно упомянули третий кризис, потому что если "позднефеодальный" аналог-сегмент нынешнего кризиса влечет за собой "позднеантичный" и вложен в него как в большую матрешку, сам "позднеантичный" вложен в сегмент-аналог "верхнепалеолитического", и вот это уже совсем невесело: даже если бы теоретически удалось решить проблемы первого сегмента и второго, мы все равно наталкиваемся на третий. Как говорил толкиеновский Гэндальф, повторяя слова одного из героев "Макбета", "Если мы проиграем, мы погибли; если добъемся успеха, то придется решать следующую задачу". Но это в теории. В реальности каждый из "матрешечных" кризисов возможно решить только на следующем уровне, а следовательно - только в целом. И эта целостность упирается в реальность под названием "капитализм".

В отличие от региональных систем античности и феодализма, капитализм - мировая система, а потому его кризис автоматически является кризисом планеты в целом, причем не только социосферы, но и биосферы. Капитализм, продемонстрировав фантастические материальные и научные достижения, подвел человечество к краю исторической, биологической, природной пропасти. У А. Конан Дойла есть роман "Когда земля вскрикнула". Земля конца XX - начала XXI века не просто вскрикнула, она орет что есть сил, пытаясь привлечь внимание людей к опасной ограниченности созданной ими индустриальной цивилизации и возможном окончательном решении человеческого вопроса путем освобождения биосферы от надоедливого и алчного "человека разумного" (homo sapiens), который - особенно в капсистеме - перестает быть sapiens. Исчерпание ресурсной базы, проблемы экологии (если добыча ископаемых продолжится темпами, характерными для XX века, то, как считают специалисты, за ближайший век из недр будет изъято все, что планета накопила за четыре миллиарда лет!), демографии, продовольствия, воды - все это напоминает кризис верхнего палеолита, но только многократно усиленный, усложненный и опасный, способный не только сократить население планеты на 50-80%, но и обнулить его.

В любом случае, удастся ли человечеству преодолеть кризис с относительно минимальными потерями или это будет повторение верхнепалеолитического кризиса по полной программе, жизнь после кризиса будет принципиально, практически по всем параметрам отличаться от посленеолитической истории, от цивилизации. Это будет другой мир, другая история. Может быть, другая цивилизация. А может быть, неопалеолит или нечто третье. В любом случае - к сожалению, мало кто это понимает - мир доживает последние докризисные десятилетия.

Вы сказали, что русские приспособлены к выживанию в условиях кризисов и смут. Это так. Более того, механика русских смут может кое-что прояснить в нынешней глобальной смуте. В свое время В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов предложили свои концепции русской смуты конца XVI - начала XVII вв., которые работают не только на материале той смуты, но, во-первых, всех русских

смут (1870-х - 1929 гг. и нынешней, стартовавшей в 1987 г.); во-вторых, макроисторических кризисов - позднеантичного, позднефеодального, глобального позднекапиталистического.

Ключевский и Платонов выделили в истории Смуты три фазы: первая - "боярская" у Ключевского, "династическая" у Платонова; вторая - у обоих "дворянская"; третья - соответственно "общесоциальная" и "национально-религиозная". Наши историки точно зафиксировали, что смуты начинаются с борьбы вверху, а затем как бы спускаются вниз, охватывая сначала низы господствующих групп и средние слои, а затем общество в целом. То, что Ключевский назвал общесоциальной фазой, по форме, как правило, выступает в качестве национально-религиозной, то есть переходит на уровень борьбы за национальную и (или) религиозную идентичность, хотя содержание носит вполне социальный характер (примеры - "протестантская" революция в Европе в XVI веке, современный исламский фундаментализм).

Схема Ключевского-Платонова неплохо объясняет механику нынешнего кризиса. Глобальную смуту начинает "мировое боярство" в борьбе за свои "династические привилегии". Затем смутокризис охватывает средние слои, причем главным образом на полупериферии и периферии, которые эксплуатирует "железная пята". Этот процесс усиливает эксплуатацию и депривацию низов, перед которыми во всей остроте встает проблема социального падения, утраты идентичности и - часто - физического выживания.

В 1970-е годы мы начали "въезжать" - при всей условности и поверхности аналогий - в аналог кризиса "длинного XVI века" (борьба верхушки со средними и рабочими классами), который довольно быстро стал перетекать в аналог позднеантичного кризиса (порой даже кажется, что оба аналога развивались синхронно). И вот мы приближаемся к самой страшной фазе - национально-религиозной (то есть общесоциальной, мировой), которая, помимо прочего, совпадает с аналогом верхнепалеолитического кризиса. (Напомним, что тогда погибла большая часть человечества). Причем выход из каждого отдельного кризиса не выводит из него, а является входом в следующий. Это вовсе не "черновидение" (Ст. Лем), а реальность, в которой уже живет огромная часть мира. Достаточно указать на конфликты в Судане, войну между хуту и тутси в Руанде, которая унесла около одного миллиона жизней - и не надо успокаивать себя тем, что это далеко, - есть и поближе: Афганистан, Чечня, Косово. К тому же, как правило, кризисы начинаются на периферии. Помните, откуда пришли христианство и ислам? Нас от жестокого кризиса избавляет пока то, что мы до сих пор проедаем остатки советской системы и обладаем ядерным оружием - тоже, кстати, советское наследие, которое до сих пор гарантирует нам непревращение в сербов, пуштунов и иракцев.

- Кстати, "трущобный народ" идеально приспособлен для выживания в условиях кризиса и тотального разрушения старой цивилизации. Обратите внимание на романы-катастрофы Саймона Кларка. В них современное общество рушится из-за климатических или геологических катаклизмов, воцаряются одичание и хаос - и в таких условиях господство захватывают выходцы со "дна": бродяги-бомжи, трущобники. Жестокие, сплоченные, жаждущие отомстить тем, кто их еще вчера презирал и отвергал. И на руинах мегаполисов воцаряется ад...

- Или "Мир черного солнца" - так называется одна из многих версий игры "Dungeons and dragons", посвященная миру после глобальной катастрофы. Что касается трущобного люда, то у него, в отличие от сытых и сильных мира сего, ни во что не верящих циников-поклонников "двух Б" (бабло и бабы) есть мощное идейное оружие. Slum people в Африке и Азии исповедуют ислам, в Латинской Америке - пятидесятничество, которое почти превратилось в отдельную от христианства новую религию с сильнейшим протестным потенциалом.

Но я знаю еще одну группу, только не социальную, а этническую, которая идеально приспособлена для выживания в условиях жестокого кризиса. Это мы, русские. Хотя, боюсь, за вторую половину XX века это качество во многом утрачено.

КАТАСТРОФЫ И НОВЫЕ ОТВЕРЖЕННЫЕ

- А можно ли спрогнозировать, по кому в первую очередь врежет глобальный кризис кризисов?

- Прежде всего - по среднему классу Запада. Затем изъятие доходов ждет верхушки полупериферийных и периферийных стран: либо тех, что слабы, либо тех "богатеньких буратин", которых Запад лукаво убедил в необходимости хранить свои богатства у него.

У "буратин" в такой ситуации два выхода: встать, извините за выражение, на отсос у "железной пяты" и компенсировать утрату усилением эксплуатации своего населения. Либо во главе своего народа начать борьбу. Но для этого нужны воля, мужество и, желательно, нравственность.

Еще один кандидат на небытие - институт государства. В ходе кризиса произойдет окончательная приватизация власти-населения, хотя в качестве внешней скорлупы, формы государственности сохранятся. Приватизация как социально-экономический курс и упадок государства тесно связаны с еще одним аспектом кризиса - криминализацией глобальной экономики, а точнее - принципиальному стиранию граней между легальными ("белым") и криминальным ("черным") секторами. В результате возникает некое серое пятно, охватывающее почти всю планету.

Грубо говоря, глобальная экономика стоит на "пяти китах" (или слонах - как угодно): торговля нефтью; оружейный бизнес; наркобизнес; торговля драгметаллами и золотом; проституция и порнобизнес. Два "кита" носят практически полностью криминальный характер, три других - в огромной степени криминализованы. Современная глобальная экономика - в огромной степени криминальная экономика, и это показатель кризиса. А за этим следует криминализация и других сфер - социальной (сверху донизу, включая правящие элиты), политической. Таким образом, приватизация и криминализация - две стороны одной "кризисной" медали. Разумеется, не всякая приватизация криминальна, однако я имею в виду конкретный исторический процесс, стартовавший в конце XX века под знаменем либерализма, который к настоящему либерализму имеет такое же отношение как Гручо Маркс (комик) или Эрих Маркс (один из разработчиков плана "Барбаросса") к Карлу Марксу.

Кстати, приватизированные власть, системы жизнеобеспечения, снабжения и т.п. в мегаполисах в случае кризиса - например кризиса доллара, мировой валютно-финансовой системы - рухнут сразу. Аналогичным образом обстоит дело с технической и медицинской инфраструктурой - и чем они сложнее, тем быстрее будут рушиться. А уж в приватизированном виде и подавно. Сравните советскую электроэнергетику и чубайсовскую.

- Тем более, что опыт показывает: в период общественных потрясений происходят природные катастрофы, эпидемии.

- Да, "Черная смерть" - эпидемия чумы предшествовала кризису "длинного XVI века". Посреди великого переселения народов - в VI веке - бушевала еще одна эпидемия чумы, ослабившая Византию и косвенным образом способствовавшая мусульманским завоеваниям. Примеры из XX века - "испанка", унесшая больше жизней, чем мировая война 1914-1918 гг. и СПИД, стартовавший вместе с глобализацией - причем в буквальном смысле: слово "глобализация" появилось в том же году, когда "зафиксировали" вирус СПИДа - в 1983.

Вообще прогнозировать надвигающийся кризис и формирование послекапиталистической системы без учета природно-климатических факторов и потрясений нельзя. Естественно, я имею в виду не форс-мажорные и плохо предсказуемые явления типа удара из космоса астероидом или кометой, а вполне циклические и хорошо известные геологам и палеоклиматологам явления, сроки которых, к тому же, вот-вот должны наступить.

Во-первых, это окончание трех-четырехвекового периода относительного геологического спокойствия планеты. По мнению специалистов, с середины XXI в. начнется новый цикл геологической активности: вулканизм, землетрясения, природные катастрофы. Вулканизм, как правило, становится "спусковым крючком" похолоданий и биотических кризисов. Пик геоактивности придется на XXII в., и мы получаем неукротимую планету похлеще гаррисоновской.

Во-вторых, раз в 12-15 тысяч лет смещаются полюса и наклон земной оси, что обычно приводит к серьезным природным потрясениям. Последний раз это произошло именно около 15 тысяч лет назад.

В-третьих, геологическая история времени существования человеческого рода, "сконструирована" так, что из каждого стотысячелетия 85-90 тысяч лет приходится на ледниковый период, а 10-15 тысяч лет - на потепление. Наша постнеолитическая цивилизация полностью связана с мировой оттепелью, она продукт межледникового периода. Но период оттепели заканчивается, прогнозируется новый ледниковый период - и не малый, а великий. Разумеется, человечество ныне не то, что 10-15 тысяч лет назад, у него несопоставимо более высокий информационно-энергетический потенциал, но у этого потенциала есть и разрушительная составляющая, что создает опасности на порядок более серьезные, чем в каменном веке.

Разумеется, глобальное похолодание может стать мощным стимулом дальнейшего развития человека. А может - и терминатором. В любом случае наложение, волновой резонанс трех геоклиматических потрясений на тройной социальный кризис может стать сверхиспытанием. Собственно, "командорские шаги" надвигающегося кризиса уже слышны - по скорости вымирания животных и растений в XX веке мы уже вступили в эпоху глобальной катастрофы. Но кто будет слушать биологов.

Для России ситуация осложняется тем, что по прогнозам в случае геоклиматических изменений и катастроф ее территория окажется мало незатронутой их последствиями (в отличие от Западной Европы, Северной Америки, Африки). Если учесть, что при двух процентах мирового населения мы контролируем пусть не 1/6, но 1/7 или 1/8 часть суши - необъятные пространства и умопомрачительные ресурсы, включая пресную воду, то слабая Россия оказывается мишенью, фактором, раздражающим ближних и дальних соседей. Причем, если в XIX веке это были соседи главным образом с Запада, то сегодня это соседи со всех сторон света, кроме Севера.

Уже в конце XIX века Запад фактически прислал России "черную метку". "Акт берлинской конференции" 1884 г. зафиксировал принцип "эффективной оккупации": если страна не может как следует добывать сырье на своей территории, то она обязана допускать к эксплуатации более эффективные и развитые страны. Формально это говорилось об афро-азиатских странах, но в виду имелась и Россия, все больше попадавшая в зависимость от западных банков. На рубеже XX-XXI вв. ситуация типологически повторяется под знаменем глобализации и ТНК.

В надвигающемся кризисе наша задача - не позволить разорвать страну. Например, не допустить, чтобы сюда хлынули все полчища "трущобного люда". Да, они угнетенные и обездоленные. Но если они придут к нам, то станут обычными грабителями. И если мы будем слабыми, у нас отберут пространство и ресурсы: слабых бьют. Я глубоко убежден, что Россия может сохраниться,

только занимая свое естественноисторическое пространство. Нам не нужно лишнего (лишним оказались Польша, Прибалтика, Финляндия, Западная Украина, возможно, меньшая часть Средней Азии), но и своего нельзя отдавать ни пяди.

Возвращаясь к приватизированному миру, отмечу, что он - идеальная жертва для кризиса, тем более сочетающего социальные и природные характеристики. Если нужно "подготовить" мир для кризисного уничтожения, все в нем или большую часть нужно приватизировать. Можно сказать, что приватизация, развернувшаяся в мире с 1980-х годов и облегчающая социальный коллапс, - интегральная часть кризиса, причем ее негативные последствия "матрешечного" характера явно не просчитаны до конца теми, кто страгивал спусковой механизм. Они решали свои кратко- и среднесрочные проблемы. И решили их. Но решение среднесрочных проблем части (верхушки) усугубило долгосрочные проблемы целого, а следовательно, и самой мировой верхушки, все менее способной к геостратегическому мышлению. Мелкий лавочник может думать только о лавочке и гешефте, стратегия же предполагает, во-первых, умение слышать Музыку Сфер, Музыку Истории, во-вторых, трагическое мироощущение - необходимое условие самостояния большого государственного деятеля.

РУКОВТОРНЫЙ КРИЗИС. Часть 3

Перед лицом наступающей диктатуры "новых рабовладельцев" старые споры между левыми и правыми теряют смысл

ГЛОБОФАШИЗМ КАК ВОЗМОЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

- Не считаете ли вы, что глобальная финансовая олигархия, заварив кашу мирового кризиса, попытается выйти из него, установив нечто вроде глобального фашизма? С властью высшей касты избранных, с изощренными средствами контроля и подавления, планомерным уничтожением "лишнего населения"?

В самом деле, в XX веке часть финансовой олигархии уже делала ставку на нацистский проект. Где гарантия от того, что подобная попытка не повторится и сто лет спустя? Не говорю, что она увенчается успехом - а о том, что попробуют. Создадут нечто тоталитарное: США как военная база наднациональной власти, контролирующей природные ресурсы планеты, стаи беспилотных штурмовиков в небе, "плавучие города" для касты избранных, прикрытые ПРО и авианосцами. Непокорные народы и группировки, уничтожаемые специальными вирусами, выведенными генными инженерами...

- Давайте сначала уточним насчет фашизма. Для меня как для историка - это очень конкретное явление, связанное с Италией Муссолини. В Третьем рейхе был не фашизм, а национал-социализм, совершенно иная конструкция. Если говорить по сути вашего вопроса, то "глобофашизм" (в данном случае я использую это слово в качестве метафоры, а не понятия) как проект уже осуществляется неоконами. США уже сегодня являются базой наднациональной власти. Уже сегодня они стремятся установить контроль над мировыми ресурсами; уже сегодня микропроцессоры, "генная" инженерия и нанотехнология поставлены на службу американскому ВПК.

В 1990 г. И. Валлерстайн опубликовал статью "Америка сегодня, вчера и завтра", в которой разбирал возможные варианты будущего США. Неофашистский - подавление своих низов с помощью насилия - он посчитал маловероятным из-за американских традиций и ценностей

(правда, на это я сразу же могу возразить ему его же фразой: "Ценности становятся весьма эластичны, когда речь заходит о власти и прибыли").

Второй вариант таков: поддержание социального мира и относительной демократии внутри Америки и Севера в целом за счет эксплуатации остального мира, который окажется в полурабском состоянии. Если с 1945 по 1990 г., писал Валлерстайн, поддержание на высоком уровне дохода 50% населения США вместо 10% требовало увеличения эксплуатации других 50%, то нетрудно представить, что потребуется для поддержания 90% населения на относительно высоком уровне дохода - жесточайшая эксплуатация остального мира и систематическое оглупление, информационно-психологическое отупление своих масс.

Перед нами модель "Афины-2" или "Рим-2". То есть глобальное неорабовладение. Однако у этой модели есть уязвимое место. Это небелое население - как местное, так и мигранты. Рано или поздно верхушка "крепости Север", "Рима-2" будет вынуждена на существенное ограничение прав низов (среднего класса уже не будет) и усиление их эксплуатации. Возможный результат - гражданская война, распад США (например, на афро-мусульманский юг и восток и на протестантско-иудаистский север и запад).

Крушение "неорабовладельческого" варианта может привести к реализации варианта "неофеодального" (оба термина условны) - распад глобальной системы на множество относительно мелких и по-разному устроенных политико-экономических единиц с превращением огромной части мира в неоварварскую зону. Мне этот вариант представляется наиболее вероятным. Ставка финансовой олигархии на глобальный "фашистский" проект скорее всего провалится, как это когда-то произошло с Гитлером. Мир слишком велик и сложен, чтобы им управлять из одного центра, - эту фразу устами одного из своих героев сказал Т. Клэнси, писатель, весьма близкий к американскому истеблишменту. Хотя сама "глобототалитарная попытка" - а нынешняя глобализация и есть форма ее осуществления - может занять несколько десятилетий. Эдакий мир Глобамерики.

Но вот в чем я не согласен с Валлерстайном, так это в том, что такая Глобамерика, осуществляющая эксплуатацию мира, будет внутренне демократичной - это уже не так. Население США (а с помощью систем типа "Эшелон" и Севера в целом) находится под колпаком электронной слежки.

- Причем призывы к тотальной электронной слежке раздавались и раньше, что характерно именно со стороны неоконов. Стоит только посмотреть на проект "Новый американский век", начатый неоконами. В его рамках пошел разговор о создании генетически сконструированного биологического оружия избирательного действия, о системах тотальной электронной слежки...

- А после событий 11 сентября 2001 г., которые помогли части мировой "железной пяты" так же, как Перл Харбор 7 декабря 1941 г., тем более не так. Вдобавок, как показывает история, контроль над миром или крупным регионом, как правило, оборачивается сворачиванием демократии внутри страны-контролера. Классический пример - Рим. Как только он захватил полный контроль над Средиземноморьем, республика была обречена. Кстати, Чалмерс Джонсон в книге "Печали империи" (2004 г.) (можно перевести и как "горести", "муки", "страдания") прямо пишет о том, что республика в Америке закончилась в 1990-е годы, к власти фактически пришли военные. Они строят мировую империю, которая дорого обойдется американскому народу. У книги показательный подзаголовок: "Милитаризм, секретность и конец республики". "Имперская республика" США XX в. превращается в квазиимперию. Впрочем, мощь этой империи - как военную, так и финансовую - переоценивать не стоит.

Возвращаясь к футурологической проблематике, хочу отметить, что на смену капитализму идет намного менее демократичное общество. (Придет или нет - зависит от сопротивления людей, в том числе русских.) Поскольку решающую роль в современном производстве начинают играть духовные, информационные факторы, то именно их будут отчуждать у людей хозяева новой системы - как капиталисты отчуждают овеществленный труд. Общество, где у людей отчуждаются духовные факторы, информация, должно быть устроено принципиально иначе, чем капиталистическое - и многие его черты уже проступают в позднем, "неоварварском" (он же - "неорабовладельческий", "неофеодальный") капитализме корпораций.

Во-первых, оно будет кастово-иерархическим с резкими ограничениями доступа к образованию, сначала - с помощью рынка, который якобы расширяет образовательные возможности (привет некоторым элементам Болонской системы), затем - социально закрепленными.

Во-вторых, это должно быть общество с принципиально плохим массовым образованием - несистематическим, лоскутно-мозаичным.

В-третьих, настоящая наука, прежде всего теория и прогнозирование скорее всего превратится в кастовое занятие части верхов; "внизу" останутся безобидные эмпирические штудии, "игра в бисер" с сильным иррациональным оттенком и фольк-наука, особенно это коснется исторической науки, которая стремительно детеоретизируется и переживает кризис как на Западе, так и у нас.

В-четвертых, массам будет предложена (уже предложена) отупляющая развлекаловка в режиме "нон-стоп", превращающая людей в толпу дебилов, неспособных жить без поводырей-пастухов.

В-пятых, в связи с этим политика окончательно отомрет, ее место займет шоу-бизнес; к реальной власти, к реальному слою хозяев эта деятельность, этот фасад кривляющихся марионеток непонятного пола, иметь не будет. В крайнем случае, как в романе Ст. Лема "Эдем", правящий слой вообще превращается в полубогов-невидимок, которые живут в изолированном запретном пространстве и благодаря техническим достижениям невидимы массам, а потому внушают еще больший страх.

- Можно представить и другой вариант: господа совершенствуют себя с помощью последних достижений биотеха, генной инженерии и нанотехнологий. Вводят в организм наноботы, скрещивают свой мозг с компьютерными сетями. Применяют новейшие методы обострения своих умственных и психических возможностей. В итоге получается раса властителей... Кстати, все движется именно в этом направлении.

- Я не считаю фантастичным такой вариант развития посткапиталистического мира, когда слой господ превратится не просто в иную расу, а в иной вид - биотехнологический и будет даже внешне (рост, телосложение и т.п.) сильно отличаться от низов. Собственно, в докапиталистических обществах верхи, как правило, биологически отличались от низов, и дело не только в поведении и одежде, но и в "физическом экстерьере". Это капитализм, причем только в XX веке, а еще точнее - в послевоенный период в значительной степени нивелировал внешность верхов и низов, усреднив ее - улучшение питания, гигиена и т.д. Остальное довершила демократическая молодежная мода, восторжествовавшая после 1968 г.

Послекапиталистический мир в этом плане будет больше похож на докапиталистические общества. С этой точки зрения демократический капитализм XX века (с обязательным наличием антикапиталистического сегмента СССР), как бы мы его ни критиковали, оказывается уникальным мигом в мировой истории.

Но все это не значит, что надо покорно ждать пришествия новых хозяев. К тому же, не в силе Бог, а в правде...

СИМПТОМЫ КРИЗИСА

- И как же выходить из глобального кризиса? Кто будет думать об антикризисных мерах? Ведь сегодня мы видим, как деградируют умственные способности политиков и правящих элит. Как падает качество образования на Западе и у нас. А многочисленные кризисные явления, складываясь, порождают совершенно новые беды.

- Падение качества образования - частный симптом общего кризиса. Образование рушится с 1960-х годов, со времени того, что некоторые на Западе называют "мировой студенческой революцией". Результаты плачевны. Я сталкивался с американскими студентами из известных университетов, которые никогда не слышали таких имен, как Робеспьер, Бисмарк, Шарль де Голль. Они историю Второй мировой войны изучают по романам и художественным фильмам. Наши школьники и студенты тоже постепенно деградируют.

Образование в современном мире становится средством формирования нового общественного расслоения. Ведь именно образование в современных условиях позволяет отсекать от общественного пирога целые сегменты общества не только в настоящем, но и в будущем. Оно готовит сегодня завтрашних незнаек, "информационно бедных", сводя процесс обучения к дрессуре - тестовому оболваниванию, отучающему человека от главного - умения ставить вопросы, формулировать проблемы. Анализ образования должен занять одно из главных мест в новой дисциплине, которую предстоит создать, - кризисологии с ее практическими рекомендациями.

Пока же это происходит только в фантастических романах. Помните, как в азимовском цикле "Академия" ("Foundation") математик Селдон предсказывает, что через несколько десятилетий внешне процветающая галактическая империя сорвется в кризис, который продлится десятки тысяч лет. Кризис неотвратим, однако "темные века" можно сжать до одной тысячи лет, если реализовать на практике антикризисный "план Селдона". Для реализации плана в разных концах галактики создаются две Академии - явная и тайная, многие поколения ученых-психоисториков, которые в конечном счете выводят ситуацию из кризиса.

Когда-то Ленин сказал, для нас важнейшее из искусств - кино. Перефразируя, сегодня можно сказать: из всех наук для нас важнейшая - кризисология, которую нужно было создавать вчера.

- Накатывающий на человечество кризис настолько тяжел и опасен, что все нынешние распри между левыми и правыми политиками, между коммунистами и либералами, монархистами и демократами кажутся пустой тратой времени. Не пора ли объединяться, чтобы сообща противостоять перспективе гибели 80% землян?

- Прежде чем отвечать на этот вопрос, вспомним, когда и в связи с чем появились левые и правые, консерваторы, либералы и марксисты. Левые и правые появились в эпоху Великой французской революции. Что касается идеологий, то они оформились уже после французской революции. Одним из главных результатов последней был психоисторический - социально и политически активная часть общества поняла: изменение есть нормальный, неизбежный и необратимый факт общественной жизни, нравится кому-либо это или нет. Не случайно в 1811 г. появляется термодинамика - первая постклассическая наука; в ней, в отличие от ньютоновской физики, время необратимо (Стрела Времени). В дальнейшем социальные проекты и средства их достижения конструировались с учетом отношения к факту изменения. Те, кому изменения не нравились и кто пытался их затормозить, законсервировать - консерваторы; те, кто приветствовал постепенные,

эволюционные изменения - либералы; те, кто выступал за качественные изменения - марксисты. Так возникли три великие идеологии Модерна. Разумеется, это упрощенная картина, но она отражает главное.

Между либералами и марксистами существовало важное сходство - они положительно воспринимали сам факт изменения, разрушение традиционных структур и формирования современных, трактуя его как прогресс. Он был общим знаменателем как для либералов, так и для марксистов.

XIX век прошел под знаменем прогресса, хотя к концу его возникла вполне ощутимая тревога - достаточно сравнить написанные на рубеже 1860-1870-х годов четыре самых известных романа Жюля Верна и написанные в 1890-е четыре самых известных романа Герберта Уэллса. В предвоенный и военный периоды антипрогрессистские настроения усилились, хотя и не стали доминирующими, ну а "славное тридцатилетие" (1945-1975) стало триумфом прогрессистских идеологий и теорий. Казалось, еще чуть-чуть и весь мир войдет в царство прогресса: бедные страны существенно сократят отрыв от богатых. В самих богатых странах с бедностью будет покончено навсегда, научно-технический прогресс обеспечит бесконечный рост и социальный прогресс. Однако 1980-е и особенно 1990-е годы развеяли эти мечты и надежды.

Научно-техническая революция (НТР), плодами которой воспользовались, естественно, страны ядра капсистемы, резко увеличила и продолжает увеличивать разрыв между развитыми и слаборазвитыми странами. Основная масса последних все больше погружается в слаборазвитость и бедность - на этот раз без какой бы то ни было перспективы и надежды на то, чтобы вырваться туда, "где чисто и светло". Парадокс, но именно научно-технический прогресс последней четверти XX века похоронил надежды на прогресс социально-экономический. НТР и глобализация на рубеже XX-XXI веков в мировом социальном раскладе и соотношении сил, сыграли роль, очень похожую на ту, что сыграли в XVI веке возникновение европейской (атлантической) мир-системы с ее новым разделением труда и военная революция. Они усилили сильных и ослабили слабых, лишив их надежд на улучшение своего положение.

Уже в 1980-е начинают появляться книги с названиями типа "конец прогресса", "фэнтэзи" вытесняет научную фантастику ("science fiction"). В науке начинает акцентироваться роль вероятности, хаоса, случайности, точек бифуркации. В 1979 г. в "третьем мире" происходит революция впервые не только не под марксистскими или хотя бы левыми знаменами, но под религиозными, антипросвещенческими - хомейнистская мусульманская революция в Иране. Если на Ближнем Востоке разворачивается исламский фундаментализм, то на Западе - рыночный. В 1979 г. к власти в Великобритании приходит Тэтчер - яркая представительница рыночного фундаментализма, который по-своему является не меньшим отрицанием геокультуры Просвещения, чем исламский фундаментализм.

В 1991 г. рушится СССР, а вместе с ним - Большой Левый Прогрессистский Проект Модерна, и еще одна огромная зона вылетает из прогресса. С этого момента в мире остается только одна версия "прогресса" - капиталистическая англосаксонская, ограниченная 15-20% мирового населения и осуществляющаяся за счет остальных 80-85%. Теперь, когда СССР нет, капитализм снова может показать зубы - и своим "пролам" и "мидлам", и чужим. Особенно афроазиатским и латиноамериканским, как это делалось в XIX - начале XX века Прогресс гипербуржуазии, космократии (Д. Дюкло) - это прогресс на костях 80-85% мирового населения. Речь, таким образом, идет о массе людей, обреченных стать сырьем в топке чужого прогресса.

Значит ли это, что нужно послушно лезть в эту топку? История дает однозначно отрицательный ответ таким логике и прогрессу. Исторические факты свидетельствуют, писал знаменитый социолог Б. Мур, что источники человеческой свободы и революционной борьбы за нее "лежат не

только там, где видел их Маркс, в устремлениях классов к захвату власти, но возможно в еще большей степени в предсмертном реве класса, который вот-вот накроет волна прогресса".

Поздний капитализм движется, выталкивая из системы значительную часть промышленного пролетариата и среднего класса и создавая таким образом новые опасные классы, которые могут составить не менее 50% населения. Они противостоят верхушке не по линии "капитал - рабочая сила", а либо по линии "достойная жизнь - недостойная жизнь", либо "жизнь - нежизнь". Политика сменяется биологией, а экономика - моралью выживания. Это сеет семена такого социального гнева, по сравнению с которым пролетарские революции покажутся цветочками.

Ликвидируя средний класс и таким образом решая кратко- (в лучшем случае - средне-) срочные политические проблемы, западная верхушка создает для себя еще более серьезные долгосрочные проблемы. Во-первых, устраняется социальная стена между верхами и низами. Во-вторых, капитализм выковывает разрушительную антисистемную силу. Помимо прочего, это свидетельствует и об утрате инстинкта самосохранения значительной частью западной верхушки. Эта утрата - характерный показатель периодов деградации.

Иными словами, перед лицом волны неолиберального прогресса, который грозит пересортировкой человечества и социальной выбраковкой большей его части, многие прежние споры и разногласия между левыми и правыми уходят в прошлое.

ЧЕРТЫ НОВОЙ ОППОЗИЦИИ

- В нынешней эпохе, в ситуации "вывихнутого века", возможны принципиально новые идейно-политические комбинации и конструкции, особенно если мы не хотим, чтобы нас вывихнули вместе с веком и взяли на болевой прием. Сегодня капитал, провозглашающий свободу без равенства, мультикультурализм и права меньшинств (чтобы легче давить и отсекать от "общественного пирога" ставшее ненужным большинство) угрожает христианству и европейской цивилизации (точнее, тому, что от нее осталось), белой расе, огромной части человечества, социосфере и биосфере.

В этой ситуации идейным оружием тех, над кем вот-вот сомкнутся волны неолиберального прогресса (а это главным образом средние и низшие классы - "лишние люди" современного мира) может стать "реакционный прогрессизм". А наиболее радикальной "левой" стратегией может стать консервативное противостояние радикализму "неолибералов" и "неоконов". Речь идет о том, чтобы не позволить капиталу разрушить демократические институты, оформившиеся между 1848 и 1968 гг. и представляющие системно-институциональный каркас капиталистического общества. Обычно те, кто стоит на пути изменений, прогресса, считаются реакционерами, "правыми". Однако в нынешней ситуации "прогресс" - это оружие "правых", оружие сильных, которые стремятся заменить более не устраивающую их прежнюю эксплуататорскую систему на новую, посткапиталистическую - значительно более жестокую, эксплуататорскую и антигуманную. Союз консерваторов и марксистов, а также нормальных либералов в рамках "реакционного прогрессизма" может встать на пути демонтажа демократических институтов.

Я не случайно беру "левые" и "правые" в кавычки. Как "реакционный прогрессизм" находится по ту сторону "левых" и "правых", так и "неоконы" с их "прогрессом" - тоже по ту сторону "левизны-правизны", некий "лево-правый" симбиоз. Не случайно почти все неоконы - в прошлом "левые", причем многие из них - крайне "левые", троцкисты, прошедшие (или пропущенные) впоследствии сквозь "правое" решето-школу Лео Штрауса с его любовью к Платону, кастовым порядкам и т.д. (мне это напоминает способ "изготовления" толкиеновских урук-хаев в Изенгарде). Штрауса и неоконов, по-видимому, больше всего привлекла идея правления высшей касты, некоего закрытого ордена посвященных.

Кстати, идея о том, что миром должны руководить закрытые тайные структуры и общества, носится в воздухе, а точнее распространяется в нем целенаправленно, через книги и фильмы. Мне почему-то кажется, что тамплиеры, "коды да Винчи", "Граали", Гарри Поттеры (здесь, как считают П. Образцов и С. Батенева, за волшебно-магическим антуражем школы Хогвартса скрывается орден иоаннитов - Мальтийский орден) и т.п. - это не просто мода и не просто эксплуатация рыночного успеха. Нас постепенно приучают к тому, что нормально и правильно, когда миром правят скрытые от массового взора силы, некие посвященные. Особенно когда в мире тревожно. И в то же время - обилие фильмов-катастроф. В массовое сознание вбрасываются некие блоки-знаки-образы: катастрофы, тайные (закрытые) организации как формы управления. Это не конспирологическая схема, а нормальная картина идейно-психологической (психоментальной) пропаганды и обработки, нейролингвистического программирования с помощью кино и массовой литературы. Кстати, о важности этих форм постоянно говорят неоконы. "Реакционный прогрессизм" (название условное) - адекватный ответ этим ребятам: "Ступай, отравленная сталь, по назначенью".

- То есть, наступает "эпоха красной свастики"?

- Так и подмывает сказать: а также "черной звезды и зеленого креста". Однако при всей внешней эффектности словосочетаний "красная свастика", "черная звезда", "зеленый крест" и т.п. и даже с учетом того, что многие (но не все!) противоречия между левыми и правыми, действительно исчезают, что эпоха Модерна или, по крайней мере, Высокого Модерна (1789-1991 гг.) закончилась, я бы воздержался от таких формулировок.

Во-первых, не могу забыть, что под красными знаменами со свастикой в мою страну 65 лет назад хлынула гитлеровская нечисть, планировавшая полное уничтожение моего народа, наиболее пострадавшего во Второй мировой войне. Такое не забывается.

Во-вторых, поскольку в современном мире социальная база коммунизма и фашизма (не путать с национал-социализмом) исчезла, нужно искать другие символы, не надо цепляться за прошлое.

В-третьих, если говорить уже о кресте и полумесяце, при том, что ислам выступает сейчас как идейное знамя борьбы с англосаксонским турбокапитализмом без тормозов, что в самом христианстве одни течения (протестантизм) явно обслуживают сильных как богоизбранных, а другие самим ходом событий выталкиваются в противостояние этому, борьба в XXI в., если ей суждено состояться и увенчаться успехом, должна быть прежде всего светской по своим целям. Бог - лишняя гипотеза.

А с исламскими движениями вообще надо быть аккуратнее. Многие из них, как это очень хорошо показали в своих работах, например, Р. Лабевьер и А. дель Валь, создавались США в своих интересах для борьбы сначала против СССР, затем против Европы и Китая. Ислам - оружие не только обездоленных, но и богатых финансистов, торговцев оружием и нефтью, которые используют и ислам и свою же бедноту в качестве средства борьбы за большую долю в мировой прибыли. Одни их агенты влияния пытаются лицемерно убедить, что они-то и есть защитники обездоленных в мире, друзья России и т.п. Но, как сказано в Коране, "Аллах свидетельствует, что лицемеры - лжецы" (сура 63, аят 1). Другие откровенно говорят, что поскольку русскими всегда командовали этнически нерусские элиты - норманны, монголы, немцы, евреи, то теперь нормальный для русских выбор - это мусульманские элиты. Ну что же, большое спасибо. Не буду даже рассуждать на эту тему, рекомендую желающим проследить историческую судьбу всех тех, кто пытался править Россией как "этой" (т.е. чужой) страной.

Прежде чем объединяться в мировой игре, надо хорошо понять: с кем и на каких условиях. Как говорил один великий марксист с русской спецификой - Ленин, прежде чем объединяться, надо

разъединяться. Поэтому я предпочитаю действовать по принципу другого великого марксиста - с китайской спецификой - Мао Цзэдуна: "Идти порознь, бить вместе". Наличие общего противника еще не есть повод сливаться в экстазе. Дело надо делать. И помнить фразу Александра III о том, что друзья России - это только ее армия и флот. С учетом реалий XX-XXI вв. сюда нужно добавить спецслужбы.

У России, тем более нынешней слабой, к тому же позорно сдавшей на рубеже 1980-х - 1990-х своих союзников, действительно нет друзей в современном мире. Да и союзников нет - сами виноваты. Нам предстоит выстраивать новую систему союзов, а это предполагает четкое видение ситуации, подчинение краткосрочных целей долгосрочным, готовность верхушки идти на жертвы. Может ли кто-то из нынешних мировых центров силы быть долгосрочным союзником России? Едва ли. Значит, остается игра на противоречиях. Но здесь важна цель - ради чего? Ради краткосрочного экономического гешефта или восстановления державности?

- Мне кажется, на деле идет оформление всего двух партий. Людей творческих, сражающихся за жизнь, развитие и достойное будущее рода людского - и античеловеков, носителей духа алчности и властолюбия. Проводников политики финансового истеблишмента.

- Вы правы в том, что в условиях современного наукоемкого производства 80% населения планеты - лишние люди. Это касается в значительной степени и верхушки полупериферийных и периферийных стран. Те из них, кто полагает, что улетят от кризиса на Запад, рискуют. Во-первых, надо еще до аэродрома добраться. Во-вторых, на том же Западе, как только представится возможность, периферийных "остапов бендеров" обдерут как липку.

Что же касается двух партий "творческих людей" и "античеловеков", то я бы присовокупил к ним еще одну, самую многочисленную партию - равнодушное болото, живущее сегодняшним днем. Это первое. Второе добавляет трагическую составляющую в вашу констатацию: в реальной жизни представители двух партий, о которых вы сказали, нередко оказываются тесно переплетены. Противостояние "творческой" и "античеловеческой" "партий", к сожалению, вписано сразу в несколько других серьезных раскладов различного масштаба и различной исторической длительности.

РУКОТВОРНЫЙ КРИЗИС. Часть 4: РОССИЯ КАК НОВЫЙ "КОВЧЕГ"

Создание новой цивилизационной модели - это наш последний и единственный шанс

ФУНДАМЕНТ "ЖИЗНИ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ"

- И вот тут мы подошли к очень важному моменту. Не секрет, что многие из нас выступают за то, чтобы Россия в широком понимании этого слова стала азимовским Основанием-Академией ("Foundation") для создания нового послекризисного мира. Проханов, Громыко, Крупнов, Калашников, Кугушев - очень многие видят сегодня Россию как спасительный ковчег. Как остров "жизни-после-катастрофы", центром альтернативного развития мира. Зачатком новой цивилизации. Оплотом всех здоровых сил, борющихся с глобофашизмом и засильем финансового истеблишмента. А как считаете вы?

- В ответе на Ваш вопрос я хочу отделить должное от сущего. Мы можем изобретать любые проекты того, как должно быть. Но есть реальность. Чтобы изобретение стало нововведением, нужны следующие благоприятные факторы: психологическая атмосфера, общественная потребность (материальный интерес) и финансовая поддержка. Китайцы изобрели порох, но

нововведением он стал в Европе. В СССР делалось огромное количество изобретений, они запатентовывались, и патенты ложились на полку. Значит, будем исходить из реальности.

Во-первых, идея Академии a la Азимов не вполне соответствует идее империи. Это принципиально разные структуры. Академия - это хотя и долгосрочная, но все же "чрезвычайная комиссия", а империя - это "стационар". Из Академии при определенных условиях со временем теоретически может возникнуть новая империя, однако если говорить о создании чего-то, то либо Академия, либо империя. Причем в обоих случаях свои трудности и сложности. Но к проблеме империи я вернусь чуть позже.

Во-вторых, не думаю, что какая-то "одна, отдельно взятая страна" может стать азимовской Академией. Тут нужен универсальный опыт, и скорее это будет мировая сетевая структура. Это не значит, что не надо стремиться создавать локусы кристаллизации нового, свои сетевые структуры, "фабрики мысли", объединять их, активно внедрять свои наработки в образование и т.д. Тем не менее, будучи реалистами и стремясь к невозможному, к тому, чтобы сработать на пределе ("интеллектуальный спорт" наивысших достижений), не надо забывать о реальности вообще. Антонио Грамши называл это пессимизмом разума при оптимизме воли.

В-третьих, в чем может заключаться русская заявка на превращение в locus standi и field of employment чего-то нового? К сожалению, здесь не так уж и много, что можно предложить. Можем ли мы похвастать недеморализованным населением, готовым не то что строить новое, а вообще к чему-то новому?

Для кристаллизации нового нужны наука и образование. У нас - стремительно рушащиеся и рушимые наука и образование. Их нынешняя организация не соответствует ни состоянию современного мира, ни современному этапу развития науки. Как и во многих других областях, мы проедаем советское прошлое, добавляя плохо соотносимые с ним западные дешевки - поделки для бедных и утиль-сырье. Есть ли у нас иммунитет против этого? На рубеже 1980-1990-х годов мы не смогли спасти самих себя и проиграли находившемуся в тяжелом состоянии сопернику. Сегодня наше положение хуже? Мы живем в обществе либер-панка (В. Макаров), или либерастии (И. Смирнов). То есть, в обществе, комбинирующем худшие черты советского и буржуазного социумов и переплетающее их в немыслимых комбинациях. Я бы охарактеризовал общество либер-панка как общество самовоспроизводящегося разложения, где позднесоветские элементы подрывают и разлагают западные, буржуазные - и наоборот. В результате ничего по-настоящему нового не возникает. Это - общество-ловушка, своеобразный "туннель под миром" (Ф. Пол).

В России 1990-х - начала 2000-х годов, где некапиталистические и антикапиталистические традиции остаются весьма сильны, развитие капитализма приобретало "первоначальный", на практике - криминальный, асоциальный характер, а его героями часто становились социопаты из разных слоев - от причмокивающего мямлика из номенклатуры и комсомольского шустрика до рэкетира, у которого шевелюра "стартует" от бровей (лба не просматривается). Неудивительно, что место социалистической утопии коммунистического строя в РФ заняла социал-дарвинистская утопия, трудно представимая даже в логове капитализма. Асоциализм, пришедший на смену социализму, есть синтез местных традиций и капитализма. Не в силах ни уничтожить его, ни переварить социально, они вытесняют его в асоциальную, неоархаическую, неоварварскую зону, одна из главных характеристик которого - приватизированное насилие. В своих худших проявлениях общество либер-панка - это более или менее институциализированная социо-антропологическая деградация. С точки зрения исторической логики постсоветский строй на выходе из исторического коммунизма занимает нишу, эквивалентную НЭПу на входе.

Общество либер-панка - ни в коем случае не капиталистическое и тем более не буржуазное - как не была такой нэповская Россия. По своему содержанию экономический тип постсоветского

общества мало чем отличается от такого советского, который, в свою очередь, уходит корнями в дореволюционное прошлое. Этот тип не только принципиально некапиталистичен, но даже и не рыночен. В РФ нет рынка, основанного на конкуренции, а есть монополия, основанная на власти. Только власть эта носит приватизированный характер. Указанная монополия приобретает "рыночные" (и то часто в фарсовом виде) черты, только вне страны, на мировом рынке.

Ясно, что монополия эта была обеспечена не только не рыночным, но и не правовым способом. Поэтому у нас и не может быть крупной буржуазии - только разбойно-паразитический по происхождению слой, ряженый в либеральные одежды. Черты "протобуржуазии" просматриваются в намечающейся тощей прослойке среднего класса. Но его-то как раз постоянно и систематически уничтожают, гнобят, стремятся "унасекомить". То, что у нас нередко представляют в качестве "среднего класса" (целые издания специализируются на решения данной задачи) - это низшие группы разбойно-паразитического класса и его медиа- и арт-обслуга . Таким образом, либер-панк - это внеправовая, внелегальная надстройка над приватизированными сегментами советской экономики, связанными с экспроприированной у населения народной (государственной) собственностью на недра. Социально-экономически либер-панк - это организация проедания того, что осталось от позднесоветского общества, ограниченным небольшим процентом населения, социальное гниение.

Рано или поздно любая власть РФ должна будет решить: сливаться полностью с либер-панковской "надстройкой" или срезать ее, как это было сделано с нэпом...

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК "СВЕРХЗАДАЧА"

- Как правило, из социальных кризисов выходят не на пути имперского строительства - это может быть следствием, а на пути создания (возникновения) нового человека. Возникновение христианства, протестантизма и (во многом) советского коммунизма - наглядные примеры. В спорах, развернувшихся в начале XVI века в Германии по вопросу кто виноват, стороны разделились. Одни говорили: виноваты попы, истребить их. Другие утверждали: ничего подобного, виноваты миряне, из их среды на освободившиеся места придут новые жадные попы. Ответ, оказавшийся исторически адекватным, дал Мартин Лютер: "mea culpa" - "моя вина", "я виноват". И пока я не истреблю в своей душе зло и жадность, ничего не будет. В ходе протестантской революции родился, выковался новый человек, новый субъект, способный создавать новые системы, новые империи - что бы кто ни говорил, а по-настоящему эрой империй в строгом смысле слова было Новое время, приход которого возвестила "революция, происшедшая в мозгу монаха" (К. Маркс).

Я не за то, чтобы опустить руки - нам нужна мощная держава, но ее можно построить только с новым человеческим материалом, с новым человеком - не "хомо шкурник" (голубая мечта эрэфских реформаторов), а Homo, способный ставить надличностные неэкономические цели. Для этого нужна "перезагрузка матрицы". Со старым материалом державу не построить, в лучшем случае криминальную державку, которая, естественно, будет тормозом на пути возрождения истинной державы.

На все это можно возразить: Россия уже дважды - во время смут начала XVII и начала XX веков - попадала в ситуации, похожие на нынешнюю (с той лишь разницей, что тогда была прямая оккупация) - и ничего, вылезла. В XX веке не разлетелась на куски, как Австро-Венгерская и Османская империи, а уже в 1930-е годы обернулась "добрым молодцем" СССР, который не только сломал хребет Гитлеру, но и вопреки американским предвоенным расчетам стал сверхдержавой. Какой ценой - другой вопрос, замечу лишь, что все новые системы возникают кровавым образом, все молодые общества жестоки - к себе самим и к соседям. Иначе не бывает, и сталинская юность советского общества здесь не исключение, а правило, которым тычут в нос

почему-то только русским, требуя покаяния от них, но не от англичан за кровь Британской империи и не от американцев за миллионы индейцев, негров и других народов. В XX веке СССР показал: возможна развитая техническая цивилизация на антикапиталистической основе, антикапиталистический Модерн. А еще раньше, в XVIII веке Петр I показал, что возможен русский паракапиталистический Модерн. Все так.

- Однако ситуации начала XVII, XVIII и XX веков, будучи похожи друг на друга, существенно отличаются от нынешней...

- Действительно. Выход из разрухи и смуты и становление новых структур - Московского царства, Российской империи и СССР происходили в относительно благоприятных международных условиях: в Европе, а в XX веке - в мире шла борьба за гегемонию, Запад не был един, и сильнейшим западным державам было не до нас. Но как только на Западе заканчивались войны, все замирялись и появлялся новый гегемон-объединитель, начиналось общезападное наступление на Россию в виде "горячей" (Крымская в середине XIX в.) или "холодной" (во второй половине XX в.) войны. Как правило, мы терпели поражение.

Нынешняя ситуация такова, что СССР (Россия) не только капитулировал(а) в "холодной" войне, но и имеет перед собой противника невиданной силы. Нам противостоит глобальная система во главе с США, в которую, вдобавок, вписаны - экономически, политически, психологически - верхние слои РФ. Как когда-то русские князья были "вписаны" в золотоордынскую систему.

Поэтому успешные исторические аналогии трехкратного подъема и возрождения России на сегодняшний день не работают. Одно из необходимых (хотя и недостаточных) объективных условий подъема РФ - новый раунд мировой борьбы за гегемонию, мировая смута, крах долларовой системы - разрушение нынешнего глобального порядка.

"ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ" НЕ БЫВАЕТ

- Однако работа на слом глобальной системы упирается в проблему тех в РФ, кто обрел власть и богатство в 1990-е...

- У них двойственное положение: с одной стороны, в глобальной системе они - зависимый элемент, чаще всего - объект; с другой - они все же элемент этой системы, властно и экономически выигрывающий от ее функционирования (аналогичная дилемма, правда, несколько в ином разрезе, стоит перед Китаем).

Долгосрочные целостные интересы правящих слоев РФ (прежде всего интересы сохранения власти) требуют демонтажа нынешней мировой системы - триумф глобализации окончательно загоняет их в угол. Важным аспектом здесь является и то, что в нынешней - глобализирующейся - мировой системе послесоветские властно-экономические слои поставлены в жесткие рамки, а потому их поведение легко просчитывается, а следовательно - направляется. Ослабление, разбалансировка современной мировой системы ослабит рамки, сделает их более проницаемыми, а потому увеличит степень свободы правящих групп РФ и сделает их менее предсказуемыми, что само по себе есть мощное оружие в мировой борьбе.

В то же время, краткосрочные частные интересы верхних слоев РФ заключаются в продолжении процесса глобализации, в сохранении нынешней системы. И это реальное противоречие, которое находит отражение как во внутренней, так и во внешней политике, более того - разводит и противопоставляет их. Укрепление державности плохо совместимо с рыночной трансформацией РФ, так как такая трансформация объективно ослабляет государство и укрепляет позиции тех, кто работает против восстановления державности. Державность России и рыночная система

(капитализм) практически несовместимы как во внешнеэкономическом (сырьевая ориентация) и внешнеполитическом (слабость государства) планах, так и во внутреннем плане. Опять же - слабость государства, но в ином аспекте, ведущая к его распаду, и, что не менее важно, резкая социальная поляризация, формирующая раскол социума на два "уклада" (Ключевский), чуждых и враждебных друг другу до состояния "двух наций" (Дизраэли) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все это говорит о неизбежности выбора и, по-видимому, период 2008-2012 гг., самое большее - 2008-2016 гг. станет критическим моментом этого выбора, водоразделом.

За последние 5-6 лет немало сделано для восстановления державности, но, во-первых, мы пока что лишь отползли от края пропасти, у которого оказались после катастрофы 1991 г. Во-вторых, те сдвиги, которые налицо, еще более четко проявляют существующее противоречие между державностью и рыночностью ("либеральных империй" не бывает, это - от лукавого).

Слабая, сырьевая экономика и зависимые верхи - плохая комбинация. У СССР была намного более сильная экономика, чем у РФ, однако проблема верхов антикапиталистической системы, интегрированных в капсистему по линии потребностей (а, следовательно, и психологии) сыграла решающую роль в крушении СССР. Да, советская экономика переживала кризис; да, гонка вооружений была тяжелым бременем. Но дело здесь не столько в экономике, сколько в социальных интересах группы, системообразующей для данной системы. Объективная причина гибели (а точнее - сдачи и гибели) СССР - не в экономике, а в социальных интересах активной части его верхних слоев, тесно связанных с Западом. В эпоху массовых обществ исход борьбы, в конечном счете, определяется результатом схватки властных и интеллектуальных элит, воплощающих целостность своих обществ. СССР так и не смог сформировать антикапиталистическую целостную верхушку. С середины 1950-х годов советские верхи прочно подсели на западную иглу в удовлетворении материальных и культурных потребностей. Запад с помощью "хищных вещей века", прежде всего бытовых, которые СССР не производил - он не был ориентирован на роскошь, - аннексировал у советской верхушки главную социально-психологическую сферу - сферу потребностей. Это означало разрыв социальной целостности, целостности совокупного общественного процесса: одна из фаз этого антикапиталистического процесса у его верхов была присвоена капитализмом со всеми вытекающими последствиями.

Западная (американская) массовая культура, которую Зб. Бжезинский правильно называет одним из мощнейших видов оружия США в борьбе за мировое лидерство, западная мода (от одежды до музыки) - все это, вторгаясь в совсистему через ее верхи, подрывало ее. Интеллектуальная обслуга верхов с 1960-х годов (об этом те из них, кто дожил до наших дней, говорят и пишут не стесняясь) начала активно внедрять в свои аналитические записки и работы элементы западной социологии, политологии, экономической теории. То есть начала смотреть на мир глазами главного противника, косвенно - приняла его позицию, а следовательно - его правоту. Отсюда - неизбежное поражение. Наша нынешняя ситуация - результат поражения советской верхушки, но на этой пораженческой основе, а не на ее преодолении сформировалась верхушка постсоветская. Остается лишь надеяться на негативный опыт, на то, что за одного битого двух небитых дают.

- Действительно, правящая верхушка СССР не использовала в борьбе и четверти накопленных в стране возможностей и резервов - в виде промышленных возможностей, человеческого капитала высшего сорта, разработанных технологий всех видов, промышленных и военных возможностей, геополитических позиций. А все потому, что млела перед Западом, была очарована им. Впрочем, не так ли было и до советской эпохи, в случае с русским дворянством, с его низкопоклонством перед Европой?

- То, что советская верхушка в 1970-1980-е годы не использовала материального и научного потенциала страны в борьбе на мировой арене, это естественно. В массе своей некомпетентная, тупая и трусливая, она плохо представляла эти возможности. Будучи сытой и ленивой (а зачем

напрягаться - нефтяные деньги капают - и хорошо!), она и не хотела это делать. Более того, упор на развитие высокотехнологических областей объективно угрожал и сырьевому "сектору" (многие добавляют сюда и атомный), уже крепко повязанному с Западом и, самое страшное для номенклатуры, выводил на первые властные рубежи новые социальные группы, делая партноменклатуру если не лишней, то второстепенной. Ясно, что на такое эта группа пойти не могла.

Что касается дворянства, то во многом дело обстоит именно так, как вы сказали. Вестернизация русского дворянства, стартовавшая в XVIII веке, привела к формированию "двух укладов", представители которых противостояли друг другу как по сути представители двух различных этнических групп. Именно этим во многом объясняется крайняя жестокость гражданской войны. Революция сняла противоречие между двумя укладами. Новая система возникла как целостное противостояние Западу, капитализму, которое, однако, с середины 1950-х годов стало слабеть.

Сейчас принято высмеивать Сталина за тезис о построении социализма в одной стране. Но Сталин имел в виду не просто страну, а страну - мировую систему, обособленную от капиталистической и развивающуюся как альтернативная, антикапиталистическая система - по своим, не рыночным законам и, самое главное, не конкурирующая с капитализмом на его поле (мировой рынок) и по его правилам. СССР должен был стать и новой системой, и новой цивилизацией, и новой - протоглобальной - общностью. Так он и развивался до середины 1950-х годов, пока совноменклатура не решила интегрироваться в мировую систему. Отмечу здесь две причины этой интеграции. Во-первых, поскольку номенклатура превращалась в квазикласс, ей не нужны были мировые потрясения, тем более что капсистема стабилизировалась и в мире появилось ядерное оружие. Отсюда - курс на мирное сосуществование и интеграцию в мировую экономическую систему. Во-вторых, в середине 1950-х годов у советского руководства возникло убеждение, что оно сможет переиграть капиталистический мир на его собственном, т.е. на чужом для себя поле и по чужим правилам. С этого момента шансы СССР на системно-историческое поражение стали расти.

Справедливости ради надо признать: не только советские, но и многие западные лидеры 1950-1960-х годов считали, что СССР переиграет США, Запад в экономической борьбе. При гонке вооружений главной значимой формой интеграции СССР в мировой рынок могла быть преимущественно сырьевая, и СССР стал превращаться в военно-сырьевую державу, верхушка которой удовлетворяла свои материальные (а с какого-то момента и массовокультурные) потребности посредством западных товаров, о чем я уже говорил. В 1980-е годы совпали - и отлились в блок конкретных интересов групп, заинтересованных в развале страны - структурно-экономический кризис, усугубленный организованным по инициативе А. Хашоги - Р. Рейгана обвалом цен на нефть, кризис верхов и западное политическое давление.

Один из уроков гибели СССР и проекта Красного Модерна заключается в том, что правящая элита должна стараться жить антикапиталистически. Сталин (а впоследствии Мао в Китае) решал эту проблему, снимая целые слои номенклатуры ("Мы снимаем людей слоями" - Л. Каганович). Однако такая технология власти работает только до тех пор, пока верхушка не отстоялась, не стала особой группой. Как только это происходит, начинается сопротивление, которое заканчивается свержением или уничтожением "прочесывающего вождя". Я уже не говорю о том, что чистки - ненормальная форма функционирования общества, ослабляющая и деморализующая его, ведь они распространяются сверху вниз, вызывая мощную волну снизу, которая приобретает самостоятельную логику и динамику и начинает "метелить" верхи снизу. Эффективных "точечных", селективных "чисток" пока что еще никто не изобрел. Проблема формирования верхов, адекватно воплощающих и реализующих антикапиталистический социум как целое, по-видимому, одна из наиболее серьезных проблем Красного Проекта, его конструкторов и архитекторов. СССР эту проблему не решил.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА РУССКОГО БУДУЩЕГО

- Значит, при строительстве новой, Пятой империи нам следует, во-первых, перенести конкуренцию с противником на свое поле. Образно говоря, предлагать людям не "золотые унитазы", а нечто совершенно другое. Скоростной транспорт нового типа, связывающий материки. Новую чистую энергетику и доступное, качественное жилье. Новую, высокоэффективную и недорогую медицину. Методы развития способностей личности. Короче говоря, стиль счастливой, свободной и здоровой жизни. Будет у нас это - и унитазы нам принесут в обмен на возможность перенять у нас такую жизнь.

А во-вторых, нужно воспитывать правящую элиту высшего сорта, давая ей нечто, перед чем потребительские ценности капитализма померкнут. Покажутся дрянными дешевыми стекляшками в сравнении с алмазами. Может, то будут особые, сверхчеловеческие качества. Особый стиль жизни, опять же. Тот, что даст чувство превосходства над противником и внушит ответственность за судьбу людей своей цивилизации. Нужна элита, нацеленная не на темные стороны власти, не на уничтожение человечества, а на высокую миссию подъема своей страны.

- Я не представляю, как можно воспитать элиту нового типа в нынешних условиях. Будучи реалистом, я полагаю, рассчитывать можно только на то, что какая-то часть правящих слоев в своих интересах - то есть, в интересах борьбы за власть и ресурсы - будет вынуждена сделать державно-патриотический выбор и ликвидирует общество либер-панка. Так же, как когда-то группа Сталина ликвидировала НЭП - сверхкоррумпированную систему с сырьевой ориентацией, угрожавшую как внутренней, так и внешней безопасности СССР.

Отдельный разговор - Пятая империя. Скажу сразу: как историка, как ученого, старающегося оперировать понятиями, а не поэтическими метафорами, меня эта идея не убеждает. Когда мы произносим слово "империя", то эмоционально подразумеваем следующее: мощное централизованное государство, построенное на принципе исторической преемственности (СССР, Россия, Московия, Киевская Русь) и традиционных русских ценностях, центральное место среди которых занимает социальная справедливость (отсюда - социальная ориентация на деле, а не на словах, некапитализм). Это государство должно эффективно охранять и беречь русское пространство в его естественных границах.

Все это вовсе не характеристики только империи, это характеристики великой державы. Как правило, крупные империи - это великие державы, но не всякая великая держава - империя. Начнем по порядку. Откуда "Пятая" империя"? СССР не был империей, он был принципиально новой и намного более интересной конструкцией - протоглобальным сообществом, как и США, только антикапиталистическим. Превратиться в глобальное не получилось ни у нас, ни у них - по разным причинам. Никогда не была империей Киевская Русь. Империей в формальном смысле слова было Петербургское самодержавие. Но оно рухнуло, поскольку время классических империй ушло, и его не повернуть вспять - в истории ничего нельзя реставрировать. Это - первый момент.

Второй момент заключается в том, что империи всегда вознаграждали имперский, "метропольный" народ. Но это не ситуация Российской империи (Петербургское самодержавие), которая так допекла русских, что они - прежде всего они, а потом уже масоны, евреи, немцы, англосаксы, кто угодно - ее разрушили. СССР - если считать его "Четвертой империей" - вообще стартовал как антирусская структура, ситуация начала меняться лишь к середине 1930-х годов и то частично. В течение всей истории СССР отсталые национальные республики развивались за счет более развитых русских регионов. Только славянские республики, прежде всего РСФСР тратили меньше, чем зарабатывали, остальные тратили намного больше, живя за счет (велико-, мало- и бело-) русской помощи. И в 1960-е годы это принесло свои результаты, выразившиеся, в

частности, в подъеме экономики, культуры неславянских республик. Однако национальное возрождение республик обернулось национализмом и антирусскими настроениями, которые местные кадры раздували с 1980-х годов. Как говорится, "не делай добра...". В послевоенный период коммунистическая власть не была русофобской, как в 1920-е годы, но она стимулировала развитие прежде всего нерусских народов и весьма опасалась русского национального возрождения, "расизма".

Не могу не процитировать В.Д. Соловья: "Как "старая" империя, так и Советский Союз существовали и развивались, опираясь не только на материальные ресурсы и биологическую силу русских, но и, не в меньшей степени, на их символические, моральные, экзистенциальные ресурсы. Проще говоря, у русских брали потому, что они внутренне были готовы отдавать, а когда эта готовность иссякла, улетучился и Советский Союз".

Таким образом, русские, державообразующий, метропольный народ, и в "старой" империи и в СССР не только не грабили, не эксплуатировали окраины, как это имело место в империях Запада и Востока, но развивали их, отдавая свое, и зачастую жили хуже "меньших братьев". В российской империи поляки и финны получили конституцию, когда русские и мечтать об этом не могли; крепостное право в Прибалтике отменили раньше, чем в России; о роли немцев ("Назначьте меня немцем, государь"), кавказцев и других при дворе я уж и не говорю. И это называется "империя"? А как же тогда называть империи, в которых метрополия жила за счет колоний, периферии? Певцам "белого" и "красного" имперских проектов я бы порекомендовал задуматься о судьбе русских в этих проектах.

Третий момент. Империя есть политическая форма. То, что называют "империей", "имперскостью" в России имеет отношение прежде всего к социальной организации, к социальной ткани. Это в большей степени способ социальной организации, организации народа как "текучего элемента русской истории" (Ключевский); "имперскость у нас - это социальная ткань пространства (в этом плане отдаленный аналог Российской империи - Римская). Поэтому, в отличие от Запада, крушение русских "империй" влекло разрыв социальной ткани и восстановление "общества" было синонимом восстановления "империи", а точнее было бы сказать державы или русской власти как единственной формы организации, адекватной русскому пространству.

В русской истории пространство играет особую роль. По сути именно оно (количественно и качественно, т.е. как тип ландшафта) - одно из главных, если не главное, богатство (и оружие) русских. И уж точно главная русская субстанция, по поводу которой складываются властные и социальные отношения. С этой точки зрения, защита русского пространства есть автоматически защита властной и социальной организации - и наоборот. Тип экспансии, характерный для русских, - не завоевание, а, как верно отмечает В.Ю. Царев, обживание, что, однако, не исключает и завоеваний. Тем не менее, в отличие от англосаксов, мы не ставили задачу физического истребления местных этносов и, в отличие от китайцев (ханьцев), не поглощали и не растворяли их в себе этнодемографически.

"Империя" была формой жизни-обживания русскими евразийского хартленда, причем русские оказывались "победителем, который не получал ничего", и до определенного времени русское население готово было с этим мириться. Однако с какого-то момента империя начинала высасывать из державообразующего народа все соки, власть отчуждалась от народа и уничтожение такой власти, особенно если она и в сфере культуры воспринималась как чуждая, нарушала негласный "морально-экономический" общественный договор, становилось вопросом времени. Хрупкий баланс между "имперскостью" как способом освоения пространства и удержания его не только как территории, но и как ценности ("русская земля"), с одной стороны, и тяжестью материального и психоисторического бремени, с которым готов был мириться русский

народ, нарушался - и хребет "империи" ломался. Русские готовы были терпеть "державу" как необходимость, даже если она была жестокой, но не как несправедливое и чуждое бремя. Впрочем, хребет ломался и потому, что в глазах населения, прежде всего русского, власть оказывалась не только паразитом (т.е. чем-то несправедливым), но и слабым паразитом, не способным к противостоянию внешним силам.

Защита, сбережение не только народа, но и пространства - одна из главных задач. Решение именно ее - проверка жизнеспособности властных конструкций. Здесь РФ в ее нынешнем - рыночно-административном - состоянии не представляется жизнеспособной конструкцией. Рынок по определению разрывает русское пространство, Россия как рыночное государство невозможно. Невозможно государство Россия и как элемент мирового рынка, тем более - зависимый, сырьевой. Мы это уже проходили с пореформенной Россией - двух Александров и одного Николая. Кончилось все финансово-экономической зависимостью от Запада и революцией, разорвавшей эти путы.

У меня нет ощущения, что РФ в ее нынешнем состоянии сможет эффективно противостоять внутреннему сепаратизму и внешнему давлению (экономическому, политическому, демографическому, социокультурному), а ведь русское пространство - земля и вода - не менее, если не более ценный ресурс, чем нефть, газ или алмазы.

- Значит, задача новой русской империи - настолько подняться в качественном отношении, чтобы воевать не числом, а умением. Чтобы сохраниться и развиться, обладая даже небольшим населением!

- Желательно все-таки, чтобы население было большим, ну а бить противника надо всегда по-суворовски, тем более что русских становится меньше, причем не только за счет сокращения рождаемости, как это происходит с населением Запада, но и за счет роста смертности, в основном мужиков в возрасте от 20 до 60 лет. И это тоже системная социально-демографическая черта РФ.

- Значит, новая империя - извините за метафору - не должна больше вычерпывать жизненные силы русских. Мы не должны жить менее богато, чем соседи по империи, и платить жизненными силами за стабильность сверхдержавы. Раньше так происходило из-за несовершенства доиндустриальных и индустриальных технологий. Тогда русским приходилось рвать жилы на заводах и стройках, пока малые народы рожали детей. А технологии следующей эры эту проблему снимут начисто! Грядет эра безлюдных производств. А те блага (например, жилища), что в индустриальную эру стоили очень дорого, с помощью новых технологий станут дешевыми. И тогда русские смогут строить империю, богатея и размножаясь!

- Звучит прекрасно. Но как совместить технологический рывок с господством сырьевых элит - вот в чем вопрос. Как осуществить русский властно-технический реванш в глобальном мире, где русские - не субъект, а объект? В мире, который мы плохо знаем? Парадокс, но в начале XXI века мы плохо ведаем, как устроен и работает современный мир (на уровне теоретического осмысления, концептуальной информации - почти не знаем). Мы плохо знаем собственную страну в ее прошлом и настоящем, а следовательно, едва ли можем адекватно прогнозировать будущее. Наконец, мы плохо представляем себе логику и механизм функционирования России в мировой системе. Более того, за последние 15-20 лет, в ходе и после горбачевско-ельцинской катастрофы, мы, похоже, вообще прекратили работу по концептуальному анализу мирового развития в его трех временных ипостасях, а перешли на экспорт западного интеллектуального старья - целый сонм брокеров и компрадоров от науки делают себе на этом имя и деньги.

Необходимое условие рывка - адекватное знание о мире и о самих себе, о нашем настоящем и прошлом, его демифологизация. Нам необходим безжалостно-честный по отношению к самим

себе, принципиально новый тип социально-исторического и гуманитарного знания, отражающий русские опыт, ценности и интересы. Наши - а не чужие, обслуживаемые у нас либер-панковской "пятой колонной" экспертов-компрадоров с психологией смердяковых. Знание не создается империями, это империи создаются знанием, которое - сила. Знание создается Академиями (не путать со структурой РАН, близкой к состоянию "жизнь после смерти"). Сначала ум, а потом сила. А между ними - воля.

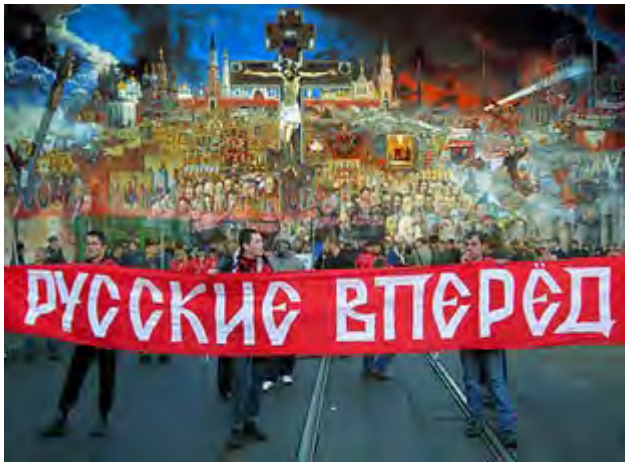
Завершая, скажу: вообще-то неважно, как будет называться новая Россия - Пятая империя, Новая держава или иначе. Главное не в этом. Это должна быть великая держава, адекватно вознаграждающая державообразующий народ, который строил ее в течение столетий и сегодня впервые за последние 400 лет составляет более 80% населения - как ханьцы в Китае. Это должен быть строй, воплощающий традиционную русскую ценность - социальную справедливость. А еще власть, обладающая крепкой броней, быстрыми танками и ядерным оружием нового поколения, а потому способная охранить и сохранить русское пространство и живущие на нем народы, обеспечить им достойную их жизнь.

Будут ли нас любить? Скорее всего - нет. Сильных не любят. Да нам и не надо. Самое главное, чтобы мы уважали сами себя, свою историю - вопреки всему очернительству. Чтобы всегда могли объяснить другим, что надо нас уважать. А руководством к действию должна стать замечательная поговорка англосаксов: "Right or wrong, my country" ("Права или неправа - но это моя страна").

Иными словами, если "Пятая империя" окажется эффективным политическим лозунгом восстановления социальной (народной) державы и позволит нам выйти из своего кризиса, преодолев национально-религиозную фазу Смуты, а затем проскочить и глобальный - пусть будет Империя. Хотя я предпочел бы Державу.

Беседовал Максим Калашников

Русский успех в исторической ретроспективе: «добрым молодцам урок»



I

Тема моего выступления — успехи России и успехи русских (это далеко не всегда совпадает) в исторической ретроспективе и уроки этой ретроспективы. Вопрос, над которым я хочу поразмышлять — какие периоды русской истории были наиболее успешными для страны и народа, как соотносились друг с другом фазы внутреннего и внешнего успеха.

В русской истории можно выделить три крупные структуры: Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и коммунистический строй («исторический коммунизм» — т.е. то, что реально было в истории, а не на страницах учебников научного коммунизма и пропагандистских изданий, где коммунизм рассматривался как высшая стадия социализма). Я в основном буду говорить о второй и третьей структурах, поскольку первая структура — Московское царство — совпала с генезисом «русского хаосмоса», а потому её фазы смазаны, тогда как в Петербургском самодержавии и комстрое фазы просматриваются чётко и между фазами обеих структур очевиден параллелизм.

Первую фазу обеих структур я называю *«демонархией»* (1). Это можно расшифровать и как «демоническую власть», и как «монархию демоса» (народа), и как «якобы монархию», а на самом деле нечто намного более крутое. В Петербургском самодержавии это режим Петра I, «реликтовое излучение» которого можно уловить вплоть до 1750-х — 60-х годов; в комстрое это, конечно же, сталинский режим, ну а в московском царстве это режим Ивана Грозного, начиная с опричнины. Последняя стала эмбрионом и одновременно средством возникновения и Московского самодержавия, и самодержавия вообще, и русской власти как уникального — автосубъектного и надзаконного — феномена. По сути, это было началом смуты по отношению к княжебоярскому режиму и одновременно демонархией, вызвавшей ответную реакцию — сначала боярскую, а затем общесоциальную смуту 1584/1598 — 1613/1619 гг. (её латентную фазу — 1584-1598 гг. можно в известном смысле считать «оттепелью»).

Демонархия реализуется как подавление опирающимся на значительную часть населения (народа) центроверхом (последний персонифицирован единодержавным правителем, как бы он ни назывался, и «спаянным» с ним чрезвычайным органом — опричнина, гвардия Петра I, ЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД) верхов и «остальной» части народа. По сути, это «холодная» гражданская война, фаза кристаллизации, торможения. Поскольку одна из главных задач демонархии — подавление основной массы населения, которая, естественно, представлена русскими, то, как правило, демонархические (или — шире — послесмутные) фазы характеризуются русофобией, а в «чрезвычайках» в связи с этим всегда обнаруживается большое количество нерусских элементов, главным образом в руководстве — немцы, латыши, евреи. Но есть и обратная связь — русофобия как

следствие значительной численности нерусских в органах репрессий и культуры. Классический случай — большевистский режим в 1917–1934/37 гг. Национальное по форме облекает социально-властное содержание и его специфические задачи на фазе демонархии.

«Оттепель» — вторая фаза структур русской истории. «Оттепели» — это выпуск пара после демонархического перенапряжения, это ослабление хватки центроверха на горле господствующих групп. (Начинаются «оттепели» с того, что эти группы обеспечивают себе гарантии физической безопасности). В петербургском самодержавии это период между (условно) 1762 г. и 1815 г., а в комстрое, который «проигрывал» все фазы в ускоренном темпе, это 1953–1962/68 гг. Главный «оттепельный» конфликт — борьба господствующих групп с центроверхом за экономические и социальные гарантии своего привилегированного существования.

Третья фаза — *«застой»*. Это период стабилизации общества, укрепления и консолидации его господствующих групп, накопление «социального жирка» (прежде всего в виде среднего класса или эквивалентно сравнимых групп). «Застой» — это торжество горизонтальной мобильности над вертикальной на верхних ступенях социальной пирамиды и значительная расслабленность на средних и нижних. Главный принцип фаз «застоя» сформулирован одним из героев гайдаевской комедии «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» пьяницей Федей. Обращаясь к пытающемуся перевоспитать его студенту Шурику, Федя говорит, что теперь другие времена: *«к людям надо относиться мягше, а на вопросы смотреть ширше»*. Фазы «застоя» в русской истории — соответственно, 1815–1855 и 1962/68–1985/87 гг.

«Застой» быстро минует свою «зрелую» подфазу и переходит в подфазу упадка и разложения, вслед за чем наступает смута. Центроверх раздваивается; иногда властей больше чем две, но **главных** властей две: Василий Шуйский против Тушинского лагеря и Второе земское ополчение против казаков; Петросовет против Временного правительства и «красные» против «белых»; РСФСР (Ельцин) против Центра (Горбачёв) и президент (Ельцин) против Верховного Совета.

Смуты — наиболее опасные фазы во всех структурах русской истории и в русской истории в целом: сопровождаясь гражданской войной, интервенцией (прямой — военной, как это было в начале XVII и в начале XX в., и косвенной — экономической и информационной культурно-психологической, или психоисторической, как это происходит со второй половины 1980-х годов), они ставят государство на грань уничтожения и (или) действительно уничтожают его, и после смуты на его месте возникает новая структура.

II

Таким образом, мы имеем следующую циклику структур русской истории: демонархия — оттепель — застой — смута. После смут, казалось, Россию легко добить извне. Но легко добить и вообще добить исторически не получилось. Почему? Что спасало Россию от последствий смуты?

Прежде всего — самоотверженность и особый — упёртого московского типа — героизм народа. Однако весьма важную роль играли и внешние условия — так складывалось, что добить Московское царство после смут оказывалось некому. После окончания Смутного времени в 1618–19 гг. Московию можно было брать «тёпленькой». Однако Европа была занята Тридцатилетней войной (1618–1648), а когда война закончилась, Московское царство уже прочно стояло на ногах и само развернуло борьбу за Малороссию с традиционным врагом — Польшей.

Аналогичным образом обстояло дело в 1920-е — 30-е годы. СССР смог не только встать на ноги, но и подготовиться к войне, потому что в мировой капиталистической системе шла борьба немцев и англосаксов, Германии и США за корону нового гегемона капсистемы, а внутри англосаксонского мира США вели борьбу за подрыв Британской

империи. И пока хищники, представляющие два западных начала, грызлись между собой, СССР ковал щит и меч.
Наибольшую силу в мировой системе Россия набирала после мировых войн, т.е. войн за гегемонию в мировой капсистеме. В мировой системе фазы наибольшего успеха России — это послевоенные периоды, периоды после окончания мировых войн, в которых Россия играла решающую роль. Хотя Россия и СССР никогда не претендовали на место Гегемона внутри капсистемы (этот приз оспаривали континентальные державы Франция и Германия у морских англосаксонских — Великобритании и США) и в войнах выступала на стороне «моряков-англосаксов» против континенталов (2), главным театром мировых войн становилась русская территория — как будто буржуинам не хватало собственного пространства для выяснения своих буржуинских отношений, и они выносили последнее во внешний для капсистемы мир — евразийский. Более того, именно Россия своей людской массой и своим пространством решала исход мировых войн и, выходя из них, становилась одной из двух сверхдержав: в 1815–1855 гг. вместе с Великобританией, в 1945–1991 гг. (пик 1962–1987 гг.) вместе с США.
Как мы видим, фазы наибольших внешних успехов России коррелируют главным образом с внутренними фазами «застоя». Россия Николая I и СССР Брежнева — вот эпохи наибольшего могущества России/СССР в мировой системе, и в то же время это — эпохи наибольшего внутреннего спокойствия, улучшения благосостояния значительной части общества: *«живи да работай — хорошая жизнь»*, как говорилось в «Сказке о военной тайне, о Мальчише-кибальчише и его твёрдом слове», а *«запахи дыма с пожаров»* или *«пороха с разрывов»* были далеко — в том «прекрасном далёко», которое, несмотря на просьбы, чаще всего оказывалось жестоким — и само по себе, и по сравнению с «застойными» временами».

III

Но были ли успехи России автоматически успехами русских?
По части усилий и решающего вклада в победу — всегда. А вот по части вознаграждения — нет.
Власть содержала империю, а затем СССР за счёт русского (т.е. русские + белорусы + малороссы) этнического ресурса. Правы те, кто называет Россию и СССР «империями наоборот», где державообразующий народ не эксплуатировал окраины и их народы, а наоборот, вкладывал в них средства, отрывая от себя, в ущерб себе.
Русские, как правило, были народом-победителем, который не получал ничего, будь то мировые англо-французские (Семилетняя и революционно-наполеоновские) войны или англосаксонско-германские (1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.). Русские выигрывали войны, вытаскивали Российскую империю, а затем СССР (протоглобальный комплекс), но по сути ничего не получали. Со «стеклянной ясностью» (В. Набоков) это проявилось в советский период русской истории, когда расходы трёх славянских республик, особенно РСФСР и Белоруссии были существенно меньше их доходов, тогда как расходы всех остальных республик намного превышали их доход — разрыв создавался путём перекачки средств (и кадров) из русского центра на нерусские окраины.
Ослабление власти в центре приводило к тому, что русские, в конечном счёте, опрокидывали существующую структуру власти, начинался распад державы, на её месте возникала новая, причём ранней, первоначальной её формой становился антирусский, русофобский режим, который через 15–20 лет функционирования устранялся мирным или насильственным способом.

IV

Какова с исторической точки зрения нынешняя ситуация?
В 1991 г. русские (с помощью Запада и окраин) обрушили СССР, началась смута, и вроде бы сегодня мы находимся на выходе из неё, в её финальной стадии, которую, комбинируя В.О. Ключевского с С.Ф. Платоновым, можно назвать *национально-религиозной*. То есть речь идёт о выходе из смуты на пути национальной консолидации, как это произошло в

первой половине XVII в. и в первой половине XX в. Началом выхода СССР из смуты стали отстрел «ленинской гвардии», «интернационалистов», а концом — Великая Отечественная война, положившая конец «холодной» гражданской, война, заставившая коммунистическую власть развернуться в сторону русских традиций и русского народа, обеспечившего комстрою победу в ней.

Как мы помним, выход из смуты осуществлялся на пути демонархии, в значительной степени русофобской, будь то преследование раскольников и привилегии немцам или подавление русских вообще. В 1990-е годы ельцинский режим был, конечно же, русофобским, но он не был демонархией — то была часть смуты, обусловленная тесным союзом правящей верхушки с иностранным капиталом. Обязательно ли новая демонархия («неоопричнина»), если она состоится, должна быть антирусской? Думаю, нет. Во-первых, значительная часть антирусского запала вышла в ходе самой смуты. Во-вторых, впервые с середины XVI в. русские в Московии — России — СССР — РФ составляют не половину населения страны, а подавляющую массу — 80%. Это столько, сколько евреев в Израиле и ханьцев в Китае; цифра 80% по ооновским стандартам позволяет говорить о мононациональном государстве — и действительно, вряд ли кто-то назовёт Китай и Израиль многонациональными государствами (много наций в **стране** ещё не делает **государство** многонациональным).

Сегодня в РФ впервые за последние 150–200 лет начинает действительно развиваться нечто похожее на русскую **нацию**. Ни в России, ни в СССР процесс превращения русского народа в нацию не получил своего завершения. Теперь, несмотря на целый ряд серьёзных трудностей на этом пути, есть хорошие шансы на завершение процесса формирования нации посредством национального возрождения. Процесс этот страшит русофобов всех мастей, отказывающих русским в праве на нацию, национализм и даже историю: русскую нацию стремятся подменить «российской», т.е. этническое заместить территориальным, содержание — пространственной функцией; русский национализм приравнивается к фашизму и ксенофобии, тогда как другие «национализмы», особенно антирусской направленности, приветствуются; наконец, русской истории, истории русского мира вообще отказывают в праве на существование, подменяя её в российской и растворяя в ней, таким образом, история растворяется в географии. Реакция русофобов понятна: если русским суждено выйти из смуты, а России — возродиться, то только на пути национальной консолидации державообразующего народа, чего, конечно же, стремятся всеми силами не допустить наши конкуренты за рубежом и их лакеи-смердяковы внутри страны.

Некоторые тенденции развития нынешней мировой ситуации способствует новому русскому успеху — на этот раз успеху одновременно русских и России. Сегодня одно невозможно без другого: господствующие группы РФ смогут реально укрепить своё положение в мире только при опоре на державообразующий народ и его ресурсы, направленные прежде всего на развитие этого народа (равно как и других коренных народов России, сплачивающихся вокруг стержневого народа и организуемых им).

Тот мир, который возник в декабре 1989 г. и который журналисты окрестили «мальтийским», расползается на наших глазах. Гегемония США, как показали поражение американцев в Ираке и их неспособность предпринять что-либо серьёзное по отношению к Ирану и КНДР, вовсе не так сильна. Подъём Китая, европейско-американские противоречия, «левый» поворот в Латинской Америке — всё это факторы, на которых можно и нужно играть. Но для того, чтобы играть успешно, нам необходимы воля (субъектность), единство и разум, т.е. знание, адекватное миру.

В своей замечательной книге «Великая трансформация» (1944 г.) Карл Поланьи характеризует лидеров Третьего Рейха как обладателей «зловещего интеллектуального превосходства» над лидерами западных демократий и о том, что они успешно применили его для разрушения «версальского мира», т.е. систему сконструированную с целью воспроизводства исторического проигрыша Германии. Но то же можно сказать и о

большевистском руководстве 1920-х — 30-х годов (3), которое тоже обладало зловещим интеллектуальным превосходством над своими западными оппонентами и тоже поставило это превосходство на службу разрушения существовавшего порядка. И это естественно: в мироустройстве 1920-х — 30-х гг. как СССР, так и Германии была уготована роль игроков если не второсортных, то второго плана, одним словом — «лузеров». Качественно улучшить своё положение в рамках существовавшей системы было невозможно. *Ergo*: нужно было ломать систему.

Нынешняя мировая ситуация во многом напоминает 1920-е — 30-е годы: РФ не удастся качественно улучшить своё положение в существующей системе, для РФ и её господствующих групп в этой системе нет долгосрочно-безопасных ниш. И потому расшатывание-разбалтывание этой системы можно только приветствовать — оно расширяет поле для нашего маневра, но игра на этом поле предполагает наличие интеллектуально-стратегического превосходства.

Разумеется, это превосходство — условие не достаточное, таковым является политическая воля, которая будет ломать хребет нашим оппонентам на мировой арене или, как минимум, продемонстрирует готовность это сделать. Однако интеллектуальное превосходство — совершенно необходимое условие, чтобы не только выигрывать на мировой арене, но просто попасть на неё в качестве игрока: чтобы ломать хребет, надо знать, где находятся наиболее уязвимые точки и соединения; как бы ни относиться к большевикам, но они хорошо знали болевые точки той системы, против которой работали, их власть была одновременно и тем, что Фуко называл «властью — знанием».

Нам необходимо принципиально новое знание о мире, с иной дисциплинарной сеткой, чем нынешняя, отражающая реалии уходящей эпохи, знания, прежде всего о главных тенденциях и трендах его развития, о его болевых точках: ни социология, ни политология об этом не расскажут. Пока что мы, отбросив зашедший в тупик советский догматический марксизм, в основном довольствуемся интеллектуально-теоретическими объедками с западного стола — убогими экономикс, социологией и политологией, которые, во-первых, отражают иную социальную реальность; а, во-вторых, реальность 25–30-летней давности. У нас сформировался целый кластер концептуальных падальщиков-компрадоров, воспроизводящих в научной сфере то, что в сфере социально-экономической вытворяет криминально-компрадорская «буржуазия». И естественно, помимо нового знания о мире, знания, практическая цель которого — победа, наша победа в Большой Мировой Игре, нам нужно абсолютно точное, честное и беспощадное знание о самих себе. Знания, в котором не будет, с одной стороны, самобичевания и самоунижения конца 1980-х — 1990-х, с другой, — сюсюканья и соплей об уникальной и загадочной русской душе — это только демобилизует, нам же нужно мобилизующее знание, знание-штык. Его создание — залог русского успеха в XXI веке.

Андрей Фурсов, *директор Института русской истории РГГУ, содиректор Центра глобалистики и компаративистики ИФИ РГГУ; зав. Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН*.

Примечания

1. Подробнее см.: Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории. М., 2001. Т. IV, № 1–4, с. 45–52.

2. Подробнее см.: Фурсов А.И. Колокола Истории. М., 1996, с. 358–402; Фурсов А.И. Европейская система государств, англосаксы и Россия // Дехийо Л. Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005, с. 27–48; Фурсов А.И Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты // Дехийо Л. Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005, с. 244–313; Фурсов А.И. Третий Рим против Третьего Рейха: третья схватка (советско-германский покер в американском преферансе) // «Политический класс», 2006, №№ 6–7.

3. Только в начале 1930-х на Западе появился руководитель, адекватный своему времени, один из величайших политиков XX в., человек, который спровоцировал и выиграл последнюю мировую войну, — Франклин Рузвельт.

Недолгое счастье среднего класса

Кандидат исторических наук и публицист Андрей Фурсов — автор 200 публикаций, включая 9 монографий. Занимается проблемами методологии социально-исторических исследований, теории общественного развития. Тематика научных интересов — история русской системы, капиталистической системы, азиатских цивилизаций. В круге его интересов закономерно оказался и феномен “среднего класса”.

“Пряник” светлого будущего

“Средний класс”. Этот термин приобрел в постсоветское время почти магическое значение, выполняя роль “пряника”, призванного подсластить шоковые удары кнутом реформ. Это то светлое будущее, которое обещают россиянам политтехнологи и идеологи прекрасного нового посткоммунистического мира. Намекается, что основная масса населения пополнит ряды среднего класса; есть даже издания — от гламурных до претендующих на аналитичность, — “позиционирующие” себя как издания для и от имени среднего класса РФ. Правда, на поверку оказывается, что класс этот, несмотря на бодрую статистику зарплат и потребления, почти не виден. Нет, конечно, в каждом обществе есть середина, определяемая по закону средних цифр, но далеко не всякая середина — средний класс. И то, что могло стать средним классом в РФ, на самом деле опускали (убивали) уже дважды — в 1992 и 1998 годах. И я согласен с теми, кто предполагает, что в ближайшие полтора-два года российский средненький, ну очень средненький класс, который, однако, правдами и неправдами поднабрал жирок за последние девять лет, могут вновь тряхнуть, хотя бы потому, что трясти больше некого. Так что перспективы среднего класса в РФ не впечатляют. Нам, правда, все время говорят, что если Россия продолжит движение по пути либеральных реформ, то у нас обязательно возникнет многочисленный и процветающий средний класс, как на Западе. Нам до сих пор очень часто изображают Запад как рай для среднего класса. Так ли это?

Триумф “славного тридцатилетия”

В ядре капиталистической системы средний класс начал формироваться во второй половине XIX века. Однако первое столетие его существования едва ли можно назвать счастливым: “общественный пирог” был относительно невелик, а капитализм — довольно брутальным. Жизнь среднего представителя среднего класса протекала в борьбе с себе подобными — чтобы не скатиться вниз, и с теми, кто давил снизу — чтобы заблокировать им путь наверх, поскольку общественная жизнь — это игра с нулевой суммой. О том, как средние классы могут биться за свое положение, столкнувшись с угрозой пролетаризации, свидетельствуют фашистская революция в Италии и национал-социалистическая революция в Германии. Постепенно положение средних классов Запада улучшалось, но очень постепенно. Качественные изменения произошли после Второй мировой войны, в 1945—1975 годах. Французы называют этот отрезок “les trentes glorieuses” — “славное тридцатилетие”, и оно действительно было таким, причем не только во Франции, но и в других странах Запада.

Послевоенное тридцатилетие стало триумфом среднего класса и того, что называют welfare state — “государство всеобщего благосостояния” (более точный перевод: “государство всеобщего социального обеспечения”). Главных причин триумфа две — экономическая и политическая.

Послевоенное тридцатилетие совпало с “повышательной волной” Кондратьевского цикла, то есть с подъемом, ростом мировой экономики с 1945-го по 1968—1973 годы. Однако эта “повышательная волна” фантастически превзошла все предыдущие периоды роста и экспансии мировой экономики (1780—1815, 1848—1873, 1896—1920 годы). “Славное тридцатилетие” продемонстрировало беспрецедентные результаты: в этот период было произведено такое же количество товаров и услуг, как за предыдущие 150 лет. Разумеется, одной из причин стали колоссальные разрушения времен Второй мировой войны.

Резко увеличившийся “общественный пирог” на послевоенном Западе обеспечил верхушке западных стран и капсистеме в целом тот “фонд”, из которого теоретически можно было отстегнуть кое-что среднему классу, повысив его благосостояние, да и экономические резоны для этого были: благосостояние увеличивает спрос и, таким образом, стимулирует развитие экономики. Однако капитализм не филантропическая организация и просто так ничье благосостояние, тем более такого относительно массового слоя, как средний класс, обеспечивать не будет. “Железная пята” вынуждена была смягчиться и пойти на существенное улучшение положения среднего (и части рабочего) класса, ее заставили это сделать некие обстоятельства, причем обстоятельства эти были внеположены капитализму. Речь идет о наличии в мире системного капитализма социалистического лагеря.

Само существование СССР, его бурное экономическое развитие, даже у западных политиков второй половины 1950—1960-х годов создававшее впечатление, что СССР обгонит США, эгалитарный социальный строй, наконец, способность материально поддерживать антикапиталистическое движение во всем мире, включая коммунистические, социалистические и рабочие партии на самом Западе (это по-сталински: бить врага на его территории), все это вынуждало буржуинов замирять свои рабочий и средний классы, откупаться от них. От рабочего класса — чтобы не бунтовал, от среднего класса — чтобы заинтересованно выполнял функцию социального буфера, тампона между буржуазией и пролетариатом.

Средством подкормки-замирения стало welfare state, которое посредством системы налогообложения перераспределяло часть средств (в абсолютном измерении весьма значительную) от буржуазии среднему и в меньшей степени рабочему классам. В результате на Западе уже к середине 1960-х годов оформился многочисленный и довольно зажиточный средний класс.

Разумеется, буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. Welfare state — это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом — в наличии системного антикапитализма (исторического коммунизма) в виде СССР. В ходе “холодной войны”, глобального противостояния СССР, в схватке двух глобальных проектов буржуины в страхе перед “тайным ходом”, “по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются” (читай сказку о Мальчише-Кибальчише), вынуждены были откупаться от средних и рабочих классов, замирять их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т. п.). Таким образом, само существование СССР, антикапиталистической системы заставляло капсистему в самом ее ядре нарушать классовую, капиталистическую логику, рядиться в квазисоциалистические одежды.

К середине 1960-х годов средний класс Запада не только обрел экономическую мощь, но стал серьезной политической силой, материализовавшейся в левых и левоцентричных партиях, что тоже не могло не беспокоить истеблишмент.

Недолго музыка играла для “государства всеобщего благоденствия”

Начало 1970-х стало переломным во многих отношениях. Во-первых, “понижательная волна” Кондратьевского цикла пошла вниз, начался мировой экономический спад, причем произошло это быстро и резко — с США. 15 августа 1971 года (впервые с 1894 года) США фиксируют торговый дефицит, Никсон объявляет об отказе Америки от Бреттонвудских соглашений и о прекращении обмена доллара на золото; на следующий день закрываются все европейские рынки валюты. В 1973 году США девальвируют доллар на 10 процентов. В том же году начинается нефтяной кризис, мир вступает в эпоху затяжной мировой рецессии. В 1975—1976 годах весь мир охватывает инфляция. Послевоенному процветанию приходит конец.

Во-вторых, на рубеже 1960—1970-х годов welfare state с его огромным бюрократическим аппаратом подошло к пределу своей административно-политической эффективности.

Наконец, в-третьих, и это самое главное, разбухший средний класс стал слишком тяжелым бременем для капиталистической системы (даже в относительно благополучном ядре), и мировой экономический спад вкупе с неэффективностью и затратностью welfare state еще более обострял эту ситуацию. Численность среднего класса, помноженная на уровень его благосостояния, вышла за рамки возможностей, которые могла обеспечить капсистема без серьезных изменений своей природы и без существенного дальнейшего перераспределения в ущерб верхушке. Не меньшую, а быть может, и большую угрозу для нее представляли и политические притязания среднего класса. В этой ситуации хозяева капсистемы прекратили отступление, перегруппировались и начали социальное контрнаступление. Идейно-теоретическим обоснованием этого контрнаступления стал крайне важный и откровенно циничный документ “Кризис демократии”, написанный в 1975 году “тремя мудрецами” — С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки — по заказу созданной в 1973 году Трехсторонней комиссии (“закулиса” нового типа, чьей задачей было в качестве “доброго следователя” душить СССР в объятиях).

В докладе четко фиксируются угрозы положению правящего слоя — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти “эксцессы демократии” являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник — “внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующемся высокой степенью (политического. — А. Ф.) участия”. Вывод: необходимо способствовать невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный: “Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти”.

“Кризис демократии” — манифест контрнаступления верхушки капсистемы

Однако ослабление демократии в интересах западной верхушки было нелегкой социальной и политической задачей. Кто был становым хребтом западной демократии, которую надо было умерить? Средний класс и активная верхняя часть рабочего класса. По ним-то и был нанесен первый удар. В 1979 году в Великобритании и в 1981 году в США приходят к власти рыночные фундаменталисты Тэтчер и Рейган. Они отражают существенное изменение социального лица самой "железной пяты": на место отрядов "старой" буржуазии и бюрократии, связанных с государственно-монополистическим капитализмом (ГМК), приходит молодая хищная фракция корпоратократии, напрямую связанная с транснациональными корпорациями, боровшаяся за место под солнцем с 1940—1950-х годов и наконец добившаяся успеха (в немалой степени этому способствовало поражение США во Вьетнаме).

Главными задачами первых президента и премьер-министра от корпоратократии были демонтаж части ГМКашного welfare state и наступление на средний и рабочий классы, чем и занимались Рейган и Тэтчер в 1980-е годы. Однако до тех пор пока существовал СССР, полностью развернуть такой курс "властелины колец" капсистемы не могли. Отсюда два следствия. Первое — курс на резкое ослабление СССР (в 1989—1990 годах он сменился курсом на расчленение и уничтожение СССР); с этой целью СССР заманили в Афганистан, за чем последовал новый резкий виток "холодной войны". Второе — стремление добрать то, что нельзя было сразу отнять у средних классов ядра, у среднего класса периферии, уничтожив его как класс. В 1980-е годы с помощью проведенных МВФ структурных экономических реформ в Латинской Америке был почти полностью уничтожен латиноамериканский средний класс; досталось и среднему классу наиболее развитых стран Африки (Нигерия). Средства от экспроприации периферийных средних классов перекачивались на Запад, и это несколько тормозило наступление верхушки на западный средний класс.

Крушение СССР устранило тот фактор, который препятствовал полномасштабному наступлению "железной пяты" на средний класс ядра — теперь уже не надо никого замирять, можно разбойничать как на международной арене (Югославия, Ирак), так и внутри страны. Да и инструмент появился замечательный — глобализация по-американски.

Впрочем, первыми жертвами этого позднекапиталистического инструмента стали средние классы бывших социалистических стран. Если в 1989 году в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жили 14 миллионов человек, то в 1996 году — 169 миллионов. "Реформы" пустили под нож экс-социалистический средний класс, став его элементарной экспроприацией. Отчасти это ослабило давление "железной пяты" на средний класс, но только отчасти — буржуины брали реванш за десятилетия вынужденной "социальной диеты" по отношению к массам. Символично, что исторический XX век начинался книгой Х. Ортеги-И-Гассета "Восстание масс" (1929 год), а закончился книгой К. Лэша "Восстание элит".

Глобализация стала мощнейшим оружием верхов против низов и середины. Наукоемкое производство, в отличие от индустриального, не требует значительных по численности рабочего и среднего классов, а, следовательно, с ними можно не церемониться не только по политическим, но и по экономическим соображениям — vae victis (лат. "горе побежденным"). Происходящее на Западе размывание, расслоение среднего класса приводит к возникновению упрощенной социальной структуры: богатое меньшинство, куда входит так называемый "новый средний класс", и бедное большинство. Это уже нашло свое отражение в социологической теории "20:80", где 20 процентов — это богатые, 80 процентов — бедные и никакого среднего класса. Разумеется, это еще не

реальность, а тенденция, но тенденция очевидная, мощная и подтверждающаяся статистикой даже таких богатых стран, как США. В 2005 году по сравнению с 1975 годом только 20 процентов американцев увеличили свои доходы, у 80 процентов они уменьшились. Ясно, что в более бедных странах это соотношение уже не 20:80, а 10:90 или даже 5:95, а сам процесс разложения/уничтожения среднего класса идет намного быстрее — экс-советский средний класс был уничтожен за 6—7 лет.

“Железная пята” корпоратократии

Здесь необходимо подчеркнуть, что разложение среднего класса, ухудшение его позиций — это общемировой процесс, характерный для позднекапиталистического общества, вступающего в системный кризис. Первыми жертвами этого кризиса становятся средний класс и нация-государство в форме welfare state. Под социальным углом зрения в мировом масштабе последние 30 лет можно представить как социальную схватку “новой буржуазии” — корпоратократии (французский социолог Д. Дюкло называет этот слой “гипербуржуазией”, или “космократией”, подчеркивая ее паразитический характер и ориентацию на изъятие прибавочного продукта прежде всего у среднего класса) и средних классов, в которой эти последние потерпели поражение.

Счастливая жизнь среднего класса Запада оказалась весьма короткой, как у героя хемингуэевского рассказа Френсиса Макомбера. У нас горбачевщина, и особенно ельцинщина, были, помимо прочего, русским проявлением мировой борьбы, где часть номенклатуры в союзе с криминалитетом и иностранным капиталом социально разгромила средний класс, предварительно (в этом и была суть горбачевщины) заблокировав путь демократизации в интересах среднего класса, подменив его либерализацией. Ельцинщина выполнила задачу экономической экспроприации.

Все разговоры сегодня о светлом будущем среднего класса у нас или на Западе — это либо непроходимая глупость, либо заведомая и циничная ложь со вполне очевидными политическими целями. Спасение утопающих — есть дело самих утопающих, а как заметил известный социолог Б. Мур, революции чаще возникают не из победного клича восходящих классов, а из предсмертного рева обреченных классов, над которыми вот-вот должны сомкнуться волны прогресса. Ergo: долой прогресс глобалитарных режимов и их “шестерок”!

http://archive.russia-today.ru/2007/no_10/10_topic_2.htm

«Время русской нации»

Размышления о книге А.Н. Савельева «Время русской нации»

М.: «Книжный мир», 2007. – 544 с.

Ну, а происки слуг преисподни

Не страшны нам с тобою сегодня –

Наше время пришло!

Да поможет нам Сила Господня!

И. Тальков

I

В центре сборника статей А.Н. Савельева «Время русской нации» – судьба русской нации в различных её аспектах: экономическом, демографическом, социальном, политическом. В небольшой статье невозможно отразить всю проблематику книги, потому я остановлюсь на том, что вызвало у меня **сходу** наибольший интерес и выскажу некоторые соображения, на которые меня навело чтение этой весьма интересной книги.

Не вызывает сомнений центральный тезис – сберечь нацию; сбережение русской нации и русской культуры (и русского пространства, добавлю я) – главная задача государства в России. Именно потому, как решается эта задача, следует оценивать качество и направленность власти в России, то, в какой мере она является русской властью.

Вердикт А.Н. Савельева прост и суров: нынешняя власть не позволяет русскому народу выживать (с. 499), отсюда выводы.

Значительное место автор уделяет проблеме русскости, выделяя здесь три параметра: самоопределение, культурная идентификация, прежде всего, основанная на языке, и антропологическая идентичность. Нельзя не согласиться с автором «Времени русской нации» и в том, что Россия – не многонациональное государство, причём это так по ооновским, международным стандартам: если та или иная этническая группа составляет в данном государстве 67% населения и более, то это – мононациональное государство. Например, ханьцев в Китае и евреев в Израиле – 80%. Кто рискнёт утверждать, что Китай и Израиль суть многонациональные государства? Русских в РФ тоже 80%, и это ставит проблему русскости в совершенно иной контекст по сравнению с тем, как это обычно делается. Можно сколь угодно пытаться заярлычить подъём русского самосознания как «национализм», «фашизм», однако такой трюк рассчитан на трусливых и слабоумных – в стране с 80% русских он не пройдёт. События в Кондопоге, которые автор трактует как укрепление русской солидарности, т.е. то, чего русским постоянно не хватает исторически и что резко затрудняет возможность противостояния даже небольшим, но этнически солидарным, сплочённым группам, подтверждают это.

Целый блок в книге посвящён политике: политика как мировоззрение, как миф, как конфликт, как столкновение идеологий. Здесь заслуживает внимания тезис о том, что нынешний национальный проект России *«обозначается только как ответ на либеральный и социалистический гуманизм и соответствующие им проекты национального расслабления – в первом случае за счёт низложения и приватизации государства, во втором – за счёт бюрократизации и разорения популистскими подачками. Консерватизм, напротив, требует самой решительной мобилизации, концентрации ресурсов для проекта национального прорыва и выхода из бесперспективного состояния. Адекватные меры для Русского прорыва, бесспорно, испугают тех, кому государство кажется анахронизмом, а нация – лишней сущностью»* (с. 86).

Прекрасно, что для А.Н. Савельева – нация и государство суть важнейшие современные сущности и что он ставит важнейший вопрос о русском прорыве как по сути единственном средстве выживания русских в современном мире, не говоря уже о победах в нём. Проблема, однако, заключается в том, что в XX в. иных стратегий развития, чем либеральная, а точнее – буржуазная, и социалистическая, а точнее – коммунистическая, продемонстрировано не было. Никакой особой консервативной социально-экономической стратегии не было (разумеется, если не считать ею неоконсерватизм *à la* Тэтчер и Рейган, не имеющий никакого отношения к реальному консерватизму).

Проблема заключается в том, что хотя принципиально, качественно различных идеологий Модерна было три – консерватизм, либерализм и марксизм1[1], принципиально, качественно различных социально-экономических систем было две – капитализм и исторический коммунизм и, соответственно, только две стратегии развития – буржуазная (в разных вариантах – либеральная, либерально-консервативная, либерально-социалистическая, национально-консервативная, национально-социалистическая, но все – буржуазные) и коммунистическая. Понятно, чем отличается идеология консерватизма от идеологий либерализма и марксизма. Непонятно, в чём **социально-экономическая** суть консервативного проекта. Впрочем, над этим можно и нужно поразмышлять.

Автор выступает за имперскую форму. Тема империи всё больше завоёвывает популярность как у нас, так и за рубежом. Империю А.Н. Савельев противопоставляет республиканскому строю, отмечая: *«Республиканский строй сегодня – это защита разрушителей системы социального обеспечения – Кудрина, Зурабова и Грефа; это оправдание и политическая поддержка шпаны Жириновского; это сотрудничество с разорителем страны Чубайсом и его шайкой. Это полная бездеятельность после трагедии Беслана, это тотальная сдача и без того ослабленных позиций России во внешней политике, это планирование заселения России десятками миллионов инородцев»* (с. 112).

Под новой империей автор понимает использование Российского Императорского Дома. Я не стану здесь и сейчас обсуждать историческое качество представителей этого дома. Поставлю вопрос: какова может быть социальная основа империи? Социальной основой «докапиталистических» (и даже аграрно-индустриальных – Второй империи во Франции, например) империй было крестьянство, аграрный сектор. Колониальные империи – отдельный случай. Какой слой в современном неколониальном (точнее, неметропольном) обществе может стать массовой социальной опорой империи? Я такого слоя не вижу – «гладко было на бумаге».

Соединение государственной пропаганды с русской традицией (о чём пишет А.Н. Савельев на с. 146) может вполне произойти и неимперским путём, а каким-то особым, что вполне в русском духе, ведь сам же автор совершенно справедливо пишет (с. 154), что русское самодержавие не есть абсолютизм (правда, на мой взгляд, не из-за подчинённости нравственной идее – это идеал, мы же

рассуждаем о реальности, – а по причине автосубъектности и экстралегальности2[2]). Кстати и советский – т.е. реальный, исторический коммунизм имел мало общего с «научным коммунизмом» «учёных товарищей» русофобов Маркса и Энгельса. Будучи **историческим** отрицанием самодержавия, исторический коммунизм был его **логическим** продолжением, доведя до логического конца тенденцию эмансипации власти от собственности. Так может быть новую формулу русской власти стоит поискать в современных условиях, ведь она может возникнуть как их **историческое** преодоление только на основе **логического** континуитета. И, разумеется, надо договариваться о терминах – что мы имеем в виду под империей. Так, империя в русской истории – это совершенно иное, чем империи в других странах. Там империя – **политическая** форма. У нас – **социальная** ткань, поэтому с крушением империи рушится общество. Русофобы это прекрасно понимают: вся их показная забота об устранении империи как препятствия для демократии направлена на уничтожение именно социальной ткани, а не политической формы.

II

С большим интересом читается раздел русская политэкономия. Здесь очень чётко поставлены вопросы и об ответственном перед нацией богатстве, и о том, что в РФ рынок выполняет главным образом нерыночную функцию, а функцию легальной и внелегальной (криминальной) эксплуатации населения (так же, кстати, как когда-то нэповский рынок). Я бы даже сказал так: рынок организует политико-экономическое бытие олигархии (точнее – плутократии), причём в первую очередь – политическое, властное. Рынок – это вообще институциональная, властная конструкция, именно так возникали и внутренние рынки, и мировой. Но рынок РФ – это даже в этом смысле минимально рынок, а максимально – власть, оформившаяся в процессе и в результате так называемой приватизации, т.е. экспроприации населения, или, как пишет А.Н. Савельев, отрыв экономики от государства и плотная привязка её к слою и произволу разного рода постсоветских чинуш. Показательно, что А.Н. Савельев выступает не за деприватизацию (национализацию), а реприватизацию – за повторное проведение приватизации по закону, на правовой основе (с. 190). Реприватизация, помимо прочего, есть средство установления законности.

Более того, это одно из средств решения русского вопроса как вопроса социально-экономического. А.Н. Савельев обращает внимание на очень важную проблему, мимо которой часто проходят. Это проблема социально-экономического выбивания русских «низов». Речь идёт о том, что готовность выходцев из Средней Азии и Закавказья терпеть любые лишения, жить в любых условиях и получать сверхмизерную плату, лишь бы только закрепиться на новом месте, действительно обрушивает русский рынок труда у самого его основания. Русские перестают трудиться. *«В результате они оказываются на обочине экономических отношений и вытесняются уже не только из непрестижных рынков труда, но и из прибыльных, быстро развивающихся секторов экономики – прежде всего из сферы торговли и обслуживания, где невысокий социальный статус легко сочетается с растущим благосостоянием»*.

При этом, резонно пишет автор, либеральная экономическая политика не восстановила «низы», выбитые при социализме, а открыла *«доступ в основание социальной иерархии со стороны инородцев, образующих собственные этнические корпорации, враждебные всей остальной социальной пирамиде, а в особенности – конкурирующим с ними русским “низам”*.

Этнокорпорация инородцев стала своего рода стартовой площадкой для инфильтрации в высокодоходные сферы деятельности за счёт согласия участников корпорации на крайне низкий уровень потребления при высоком уровне накопления. Этим обусловлены преимущества инородцев перед разобщёнными и деградированными русскими "низами"» (с. 196). В результате, во-первых, подрывается хозяйство в целом, его прошивают этнические товаропроизводящие сети – среднеазиатские, кавказские, китайские, причём чаще всего криминальные, которые и превращаются в атомизированном обществе не просто в реальных хозяев, но в скрепляющий его элемент со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, идёт подрыв элиты, верхушки. Разумеется, рыба гниёт с головы и ситуация, складывающаяся в РФ – результат гниения позднесоветской и постсоветской верхушек. Однако по закону обратной связи социокультурное состояние масс влияет на верхушку, ведь именно масса – «потребитель» их власти, их «культуры», а потребитель «заказывает» товар. В результате, например, культура верхушки постепенно превращается в шоу-бизнес, который, сращиваясь с властью, начинает обслуживать, как отмечает А.Н. Савельев, деградацию и, добавлю я, деградантов.

В этом плане активная позиция государства, верхушки по отношению к социально-экономической и этно-демографической ситуации, складывающихся на нижних (и даже низших) ступенях социальной лестницы, справедливо считает А.Н. Савельев, есть средство и путь спасения государства и самой верхушки – одна, сама по себе она не спасётся. В то же время, нет никаких оснований рассчитывать, что *«"низы" каким-то образом проявят инстинкт национального самосохранения»* (с. 214) или что они смогут противостоять этнокорпорациям в борьбе за экономическое или даже жизненное пространство (В. Высоцкий о подобного рода ситуациях: *«как школьнику драться с отборной шпаной»*). Победа высоких технологий над низкими, квалифицированных форм труда над архаической торговлей и сопутствующими ей архаическими типами социальной организации, поведения и психологии – всё это невозможно без государственной политики, причём политики мобилизационного типа – в этом у автора нет сомнения (с. 215), политики, мобилизующей в равной степени верхи и низы.

Тезис А.Н. Савельева о том, что только государство и государственнически ориентированные верхи могут решить те проблемы, о которых он говорит, не значит, что он является сторонником элитистских политологических и социологических теорий (как не свидетельствует об этом и активное цитирование одного из блестящих умов XX века Карла Шмитта). А.Н. Савельев избежал как элитоцентричной, так и народоцентричной крайностей. Так, в рецензии на книгу В.Д. Соловья «Русская история: новое прочтение» (М., 2005), он пишет: *«Не стоит спорить с положением автора, что "народ реализует своё торжество в истории спонтанно, стихийно, естественноисторическим образом". Это так. Но всё же спонтанно, безвольно в истории ничего не происходит. […] Предмет поправок к предложенной концепции здесь очевиден: автор не учитывает непременного наличия обратных связей в историческом процессе и забывает об иерархии, структурированности понятия "народ". Народ, действительно обладает общей волей и способностью к её изъявлению, но только посредством иерархии лидеров, которая в том числе воплощается в системе государства. Непосредственно народ выходит на авансцену истории лишь в виде бунтующей массы, у которой, впрочем, тоже есть свои вожди – прямые выразители коллективной воли»* (с. 387-388).

Иными словами, речь идёт о том – и я согласен с А.Н. Савельевым, – что народ является народом только в системе (вне её он толпа); система же, во-первых, есть иерархическое образование, а во-вторых, у неё есть системообразующий элемент. В социальной системе это господствующие группы, власть. В диалектике отношений «народ – власть» и реализуется специфика системы, а также народа и власти, точнее – народа через власть. Русская история – почти чистый случай такой реализации, поскольку господствующие группы здесь не только никогда не были классами типа западных феодалов и буржуазии, но никогда не были сильными и

значимо самостоятельными. Поэтому в русской истории отношения «власть – народ» осуществлялись почти без посредников, последние были либо частью власти, либо частью народа.

III

Во многом именно поэтому позорно провалились потуги российско-дореволюционной интеллигенции стать учителем (а то и «учительным старцем» власти и народа), вклиниться между ними. Двадцатилетка 1917-1937 гг. «объяснила» интеллигенции, насколько та была не права, но совинтеллигенция в конце XX в. фарсово повторила то, что произошло в его начале. Неудивительно, что А.Н. Савельев даёт весьма жёсткую (и заслуженно) оценку позднесоветской и российской интеллигенции: *«низкоквалифицированный неудачник с высшим образованием»*.

Мне нравится это определение. Я бы даже сказал так. Интеллигенцию как конкретно-исторический слой можно определить, во-первых, как группу, в деятельности которой общая, т.е. идеологическая и политическая, сторона господствует над специализированной, профессиональной. Исходя из этого становятся понятны две вещи. С одной стороны, если нередко встречающаяся не классовая, то социобиологически-видовая, групповая неприязнь интеллигенции к профессиональным интеллектуалам вообще и в своей среде особенно, здесь – без пощады. С другой – та лёгкость, с которой интеллигент уходит в политику, в бизнес, в привласть, расставаясь со своей «полезной профессией». Попробуй, выдерни из последней профессионального интеллектуала. Исключения лишь подтверждают правила.

Во-вторых, это группа, для идейно-интеллектуальной деятельности которой характерна гипертрофия социального критицизма над «полезной профессиональной» (как говорили до революции) работой – вплоть до полного отрыва от последней и превращения в самостоятельную функцию.

В-третьих, в отличие от профессиональных интеллектуалов ядра капсистемы, ориентированных на свою страну, традицию, государственность (*«Right or wrong – my country» – «Права или нет, но это моя страна»* – поговорка и одновременно принцип англосаксов) и умело подающих и продающих эту частную, особую традицию как общую, универсальную, которую все остальные должны заимствовать, имитировать и т.д. (*«делай с нами, делай как мы»*), полупериферийная интеллигенция, в том числе русская, отвёрнута от своей национальной традиции, оказывается чужда ей. Она развёрнута в сторону западной традиции, которую считает универсальной, общечеловеческой нормой. И ради этой нормы, вовсе неуниверсальной на самом деле, отвергают и критикуют национальную. Отсюда резко отрицательное отношение интеллигенции к национализму и патриотизму3[3].

«Российская интеллигенция, – пишет А.Н. Савельев, – *лишена каких-либо черт аристократизма и профессиональной этики* (по сути этого не было и у дореволюционной интеллигенции, **по-своему** не менее бездарной, чем совинтеллигенция. – А.Ф.). *Она образует субкультуру, подлежащую уничтожению (или, по крайней мере, вытеснению на социальную периферию)»* (с. 413). Собственно, это уже произошло: российская интеллигенция как особая социальная группа практически прекратила своё существование: небольшая её часть превратилась в культур-буржуазию, которая, почти слившись с шоу-бизнесом, обслуживает плутократическую власть, кривляясь с экранов ТВ и гундя в радиоэфире; ещё одна небольшая часть функционирует в

качестве наёмных работников (иногда предпринимателей) умственного труда; основная же масса живёт физической жизнью после социальной смерти в качестве социальных атомов. Что остаётся? Компенсаторный миф о противостоянии в прошлом «тоталитарному режиму». Но это не более чем миф, и А.Н. Савельев чётко фиксирует это: *«Интеллигенция в своей массе никогда не противостояла режиму, всегда обслуживала и объясняла все мерзости политического руководства»* (с. 411).

Удивительно ли, что из таких «семян» проросла постсоветская либеральная «интеллектуха» («петрушки» и «прошки» с комплексом Смердякова), ведущие себя по отношению к России как «враждебные инородцы» (с. 515)?

Отдельный раздел книги посвящён, с одной стороны, анализу работ серьёзных современных авторов – В.В. Аверьянова, В.Д. Соловья, А.С. Панарина, с другой – острому, иронично-брезгливому разбору довольно убогой (но это не значит, что на них не нужно реагировать) аргументации представителей «либеральной интеллектухи» – М. Дейча, Л. Радзиховского, А. Янова и других, чтение и цитирование которых вызывает в памяти стихи Н. Заболоцкого:

Всё смешалось в общем танце,

И летят во все концы

Гамадрилы и британцы,

Ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,

Полководец новых лет,

Разум мой! Уродцы эти –

Только вымысел и бред.

Только вымысел, мечтанье,

Сонной мысли колыханье.

Необходимо отметить, что, разбирая эти тексты, А.Н. Савельев нашёл правильный, адекватный тон – ироничный (иногда – иронично-брезгливый). В данном случае он в интеллектуальной сфере следует тому, что считает необходимым в сфере политической для русских политиков и вождей. *«Вероятнее всего*, – пишет А.Н. Савельев, – *русский вождь будет большим ироником. Он представит либеральную смуту такой, какова она есть – собранием анекдотов, в которых чванливые уродцы пытаются выдавать себя за важных персон. Вождь изобличит хлестаковщину “фитюлек”, а его глубинная идея будет знанием о русской трагедии – смердяковщине и карамазовщине, бесах большевизма и либерализма»* (с. 517). И далее: *« Это будет ирония силы, которая перевернёт ублюдочную иерархию и вновь поставит производителя над торговцем, промышленника над бухгалтером, сыщика над уголовником, политика над бюрократом, деятеля над болтуном, творца над эпигоном»* (с. 518).

IV

Книга А.Н. Савельева хороша не только тем, что в неё чётко заявлена позиция гражданина, интеллектуала и просто свободного человека. Она ставит острые вопросы, которых власть старается избегать. А зря. Власть, если у неё есть инстинкт самосохранения, не должна избегать острых вопросов. Не надо брать пример с СССР, где многие проблемы были табу – и это стало информационной причиной крушения СССР. Именно острые вопросы заслуживают обсуждения. Как сказал один датский учёный, *«В задачах тех ищи удачи, где получить рискуешь сдачи»*. Или, как говаривал мой хороший знакомый, ныне покойный Ф. Фехер, *«именно несогласия делает жизнь стоящей штукой»*.

Несколько тезисов А.Н. Савельева вызвали у меня несогласие. Ограничусь двумя.

Первое. Сомнительно, что *«русский – природный националист. Иначе откуда взялась бы великая Империя»*. Начать с того, что российская империя, в отличие от британской и многих других, была «империей наоборот». Центр здесь не грабил периферию, окраины, а наоборот, вкладывал в них средства – и немалые, перераспределяя совокупный общественный продукт «от русских к инородцам». **Такую** империю националисты построить не могли; как российская империя, так и СССР суть образования с русском точки зрения – во многом антинациональные. Мотором первой было западноориентированное дворянство, свой народ в массе своей не знавшее и не уважавшее (за что и получили 1905 и 1917 годы); мотором второго – интернационалисты, так и не допустившие появления у русских своей – русской – коммунистической партии (полозковская КПР 1990 г. – это так, гримаса природы, уходящей натуры).

Вряд ли можно согласиться с тезисом автора о *«русском экономическом чуде Николая II»*. Что же это за чудо, если страна села на западную финансовую иглу, всё больше превращаясь в сырьевой придаток Запада, так сказать в «великую энергетическую (и зерновую) державу» начала XX в. Что же это за экономическое чудо, результатом которого стали крах самодержавия и большевистская революция? На мой взгляд, А.Н. Савельев, как и ряд других авторов, несколько идеализирует дореволюционную Россию (аналогичным образом ряд авторов идеализируют СССР). Но остаётся вопрос: если такие замечательные были самодержавная Россия и коммунистический СССР, почему же они слиняли *«в два дня. Самое большее – в три»* (В. Розанов), два-три дня в феврале 1917 и в августе 1991г. Конечно, и февраль 1917 и август 1991 г. были спецоперациями англосаксонских и каких-то ещё разведок и внутреннего предательства. Всё так. Однако и массовое внутреннее предательство (тем более, его успех), и успех спецопераций западных спецслужб (и превращение их из спецопераций в геоисторические операции по ликвилизации целой державы или даже социальной системы, как в случае с СССР) возможны только в одном случае – если строй сгнил. И прежде всего его господствующий слой. Когда-то П. Палиевский заметил, что работа Воланда разрушительна только среди совершившегося уже распада, без этого её нет; булгаковский Князь Тьмы нигде не прикоснулся к тому, *«кто сознаёт честь, живёт ею и наступает»*. Западные спецслужбы в их долгосрочной, многодесятилетней (например, операция «Лиотэ») борьбе с СССР действовали как Воланд, цепляя гниль.

Все эти горбачёвы, яковлевы, шеварднадзе, ельцины и прочие - это не причина загнивания комстроя, а следствие и симптом. *«Давайте, наконец, отбросим детские сказочки о масонах и жидах, о тёмных силах или просто нечистой силе*. ***Слой сгнил***. *Это он, этот слой, подарил России и Мукден и Цусиму, создал предпосылки для революции 1905-1906 годов. Это он, этот слой, бездарно руководил великим народом в годы Первой великой войны, и он же организовал дворцовый переворот Февраля 1917 года, открыв двери для всего дальнейшего. Это он, этот слой, за весь 1917 год и пальцем не пошевельнул, чтобы спасти не только царскую власть, но*

хотя бы Царскую Семью. В белые годы тот же слой предал героических белых бойцов, поставив во главу угла вовсе не монархию и даже не Россию, а свои собственные классовые вожделения». Написанное И.Л. Солоневичем о феврале 1917 г. вполне годится и для августа 1991 г. Одно из необходимых, хотя и недостаточных условий русского возрождения – беспощадно честное знание о самих себе, о своём прошлом и настоящем. Без иллюзий.

Кстати, в целом общий настрой книги А.Н. Савельева – безиллюзорный. Он завершает её невесёлым выводом: *«Русским придётся воевать. Наш век ещё получит свою большую войну. И мы должны успеть к ней подготовиться. Мир готовится к схватке за лидерство и право владеть мировыми ископаемыми ресурсами. Россия не останется в стороне – на её территории недра хранят огромные богатства. Поэтому Россия сохранится как суверенное государство только если сможет противостоять сильнейшим державам мира во всех формах военного и невоенного столкновения с их интересами»* (с. 538). Вывод, хотя и нерадостный, но мобилизующий, ибо кто предупреждён, тот вооружён, а без борьбы нет побед, в том числе и побед за право народа жить на своей территории, своим укладом, в соответствии со своими ценностями – русскими. Мир вползает в невиданный до сих пор по масштабу и сложности кризис4[4] – Большую Охоту в планетарных масштабах. Наша задача – не стать дичью и в то же время отстрелять охотников за человечинкой – неокочевников и неокощеев. И книга А.Н. Савельева, впрочем, как и другие его работы – свидетельство русского возрождения вопреки всем «-измам».

V

И последнее. Это замечание относится скорее не столько к содержанию книги А.Н. Савельева, сколько к её фону. У книг, написанных русскими патриотами, националистами, державниками и т.д., есть одна черта, которая в современном мире объективно ослабляет их позиции, а порой оставляет их в офсайде. Дело в том, что большинство пишущих по русской тематике, по проблемам России концентрируются на самой России, либо забывая, что она – часть мировой системы, либо не принимая это в расчёт. Иногда это происходит из-за принципиального отсутствия интереса к Большому миру и сверхконцентрации на России, иногда – из-за недостаточного знания этого мира, иногда – из-за отсутствия понятийного аппарата, адекватного современному миру и соответствующих исследовательских навыков.

Слов нет, для России русский вопрос – главный вопрос во всех отношениях: историческом, социальном, демографическом, цивилизационном, если угодно. Однако сегодня его совершенно нельзя рассматривать вне мирового контекста. РФ – часть глобальной неолиберальной системы (или империи – кому как нравится, но империи, естественно, нового типа). Этой системе враждебно всё национально- (культурно-, цивилизационно- и т.д.) определённое, поскольку оно, во-первых, представляет собой конкретную форму солидарности (идеал для рынка – атомизированное общество, человек без свойств); во-вторых, несёт в себе качественную определённость (рынок – это торжество количества); в-третьих, воплощает принципиально иные, чем рынок, ценности, что чревато снижением прибыли и т.д. и т.п.

Наступление на русскость, на русскую культуру неких сил, о чём пишут все те, кому небезразлична судьба русских и России – частный случай общей ситуации неолиберальной Империи Зла, экономическая логика которой (накопление капитала посредством экспроприации тех, кто стал хотя бы минимальным собственником в 1950-1980-е годы) требует

мультикультурализма, распада крупных государств, не вписывающихся в неолиберальную модель, и социокультурного ослабления (вплоть до уничтожения) тех государств и наций (или этносов), которые в силу исторических традиций наиболее способны противостоять неолиберализму, не вписываются в его *brave new world*.

Русский вопрос трудно решаем в одной, отдельно взятой стране, поскольку эта страна, как и остальные страны мира – элемент глобальной неолиберальной системы, набравшей инерцию и – по закону господства целого над элементом – диктующей правила своим элементам и во многом определяющей их развитие. Враг русских (немцев, французов, иранцев, индийцев, латиноамериканцев и др.) – неолиберальная империя; национальные вопросы существуют сегодня не столько в государственном, сколько в глобальном контексте. Прежде всего именно в этом контексте их нужно рассматривать анализировать и решать. До сих пор «русисты» (термин Андропова) часто оставляли мировое поле кому угодно – вульгарным либералам, марксистам и т.д., уходя исключительно в русские реалии. Это серьёзная интеллектуальная и стратегическая ошибка, позволяющая оппонентам занять заведомо более высокую и широкую площадку и монополизировать определённый уровень. Я уже не говорю о том, что врага надо бить на его территории.

В современном мире – после распада СССР – русский вопрос обрёл глобальное измерение. Это один из вопросов нормального функционирования и дальнейшего развития неолиберальной империи. Русский мир плохо совместим с глобальным миром в её нынешнем неолиберально-имперском состоянии – и наоборот. До тех пор, пока существует эта система, пока РФ является её зависимой частью, нынешние тенденции развития «русского вопроса» сохранятся даже при самых благих пожеланиях власти (хотя, безусловно, в этом случае указанные тенденции были бы смягчены и заторможены, что лучше, чем ничего, но даже такая малость в нынешних условиях требует политической воли и личного мужества). Русский вопрос совершенно необходимо связать с вопросом классовой борьбы за всех уровнях глобальной системы. Естественно, у этого вопроса есть своя специфика, о которой ни в коем случае нельзя забывать – это наша история и наша культура, это наша доска геоисторических шахмат; но играть надо на нескольких досках сразу. Тем более, что именно в локальное, специфически-культурное поле стремятся загнать своих оппонентов хозяева глобальной системы.

Как заметил З. Бауман, в глобальной системе существуют два социальных типа: глобалы (*globales*) – их около 20%, и локалы (*locales*) – их около 80%. Система действует так, чтобы ограничить локалов пространственно, социокультурно, интеллектуально локальным уровнем, поставив таким образом в заведомо неконкурентоспособное положение. Именно поэтому нельзя ограничивать русский вопрос местными рамками, тем более он и объективно таковым не является. Русская цивилизация и культура всегда отличалась универсалистскими устремлениями, и именно этот альтернативный христианский же и просвещенческий же универсализм порождал на Западе неприязнь к России и русским, русофобию. Глобализация русского вопроса есть логическое развитие русского универсализма.

А.Н. Савельев пишет о русском прорыве. Думаю, необходимым условием этого прорыва является интеллектуальный сдвиг – глобализация и социализация русского дискурса и русского вопроса. Русский мир должен стать глобальным по крайней мере на уровне интеллектуального дискурса, помимо прочего только так и только на таком уровне можно найти язык с врагами Империи Зла и совместно лишить Хозяев Дискурса их монополии в этой сфере. Я не о том, что где-то и у кого-то надо искать помощи. Русские должны рассчитывать только на себя и учиться у других народов национальной солидарности – только так можно выжить в равнодушном (это в лучшем случае, а чаще – во враждебном мире). Ни Запад, ни Китай не помогут. Глобализация русского вопроса – это поиск не столько союзников (хотя и это не помешает, тем более, что русский вопрос тесно связан с вопросом справедливого мироустройства, с судьбами христианства,

европейской цивилизации, белой расы и многого другого), сколько наиболее удобного поля боя. Чтобы успешно действовать локально, надо думать глобально и фиксировать русский вопрос на глобальном уровне, демонстрируя, что это не только русский вопрос. Последний, повторю, есть вопрос социальный, а в контексте глобальной неолиберальной системы ещё и политико-экономический. Как раз последним объясняется тот факт, что именно в условиях глобализации у русских вдруг появилось так много врагов – от серьёзных до мелкой фарсовой шелупони, так много желающих растворить русских в россиянах, т.е. помножить на исторический ноль, поэтому русофобия XIX-XX вв. приобрела сегодня новое содержание, которое обусловлено спецификой неолиберальной империи и характерных для неё форм и способов накопления капитала, в которые Россия (как бы она ни называлась) и русские не вписываются, которым они мешают самим фактом существования – пространственного, временно́го (исторического) и физического (демографического). Если с доиндустриальным и индустриальным капитализмом Россия ещё худо-бедно была совместима на одной планете, то с постиндустриальным глобальным неолиберальным поздним капитализмом, превращающимся, мутирующим в посткапитализм, она, похоже, просто несовместима.

Русский вопрос – это вопрос прежде всего России. Так было и так будет. Но сегодня для понимания и решения данного вопроса русского уровня и масштаба мало. Русский вопрос сегодня – это вопрос глобальной системы, и у него появились такие аспекты и грани, которых раньше не было и анализ которых невозможен без анализа позднекапиталистической глобальной системы, неолиберальной империи, что делает его качественно более сложным, чем прежде. Помимо прочего, только на пути такого анализа появляются шансы в борьбе с Властелинами Колец неолибимперии её, сауронами и саруманами с их орками и урукхаями, готовящими миру новую Завесу Мрака. Для начала – шансы, по крайней мере, в борьбе на уровне дискурса, Слово, но ведь именно оно и есть начало.

[1] Подробнее. см. Фурсов А.И. Биг-Чарли, или о Марксе и марксизме // Русский исторический журнал. – М., 1998. – Т. I, № 2. – С. 335-429; его же «Идеология и идеология» // Кустарёв А.С. Нервные люди (Очерки об интеллигенции). – М.: КМК, 2006. – С. 7-47.

[2] Подробнее. см. Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // Русский исторический журнал. – М., 2001. – Т. IV, № 1-4. – С. 15-114 (особ. с. 42-71).

[3] Подробнее. см. Фурсов А.И. Интеллигенция и интеллектуалы // Кустарёв А.С. Нервные люди (Очерки об интеллигенции). – М.: КМК, 2006. – С. 48-86.

[4] Подробнее. см. Фурсов А.И. Накануне «бури тысячелетия» // Москва. – М., 2007, № 1. – С. 173-202; то же: www.rpmonitor.ru; опция «Заглядывая в будущее» («Рукотворный кризис» – интервью Андрея Фурсова Максиму Калашникову).

РОССИЯ В «БУРЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»

№03 (687) от 17 января 2007 г.
Выпускается с 1993 года.
Редактор — А. Проханов.
Обновляется по средам.

Андрей Фурсов
РОССИЯ В «БУРЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»

"Современная цивилизация" погибает на наших глазах. Перед русскими стоит труднейшая задача: не только сохраниться в надвигающейся буре, но и взлететь на вершины могущества, основав совершенно иную, новую цивилизацию. На эту тему размышляет известный русский учёный и публицист Андрей Фурсов, директор созданного в 1997 г. Института русской истории РГГУ.

«КРИЗИС-МАТРЁШКА»

Можно выделить три тяжелых системных кризиса, глубоко потрясших человечество. Начнем с ближайшего нам по времени — так называемого кризиса "длинного" XVI века (1453-1648 гг.). Это период генезиса капитализма — между падением Константинополя под ударами турок-османов и Вестфальским миром, завершившим Тридцатилетнюю войну.

В середине XIV века по Европе пронеслась эпидемия чумы, выкосившая 20 миллионов душ из ее 60-миллионного населения. Теперь рабочих рук не хватало и власть помещика-сеньора ослабла. В течение тридцати-сорока лет сеньоры пытались силовым способом вернуть прежнее положение вещей, снова приведя "подлую чернь" к покорности. В ответ одно за другими вспыхнули восстания низов — настоящая европейская антифеодальная революция. В 1378-1382 годах прокатываются бунты "белых колпаков" во Франции, Уота Тайлера в Англии и чомпи — во Флоренции. Она надломила хребет феодализма. И после у сеньоров осталась лишь одна стратегия: сохранить свои привилегии и не оказаться ни в кулацком, ни в бюргерском "раю". Мы не можем остановить перемены? Так возглавим их и останемся при власти и богатствах! И не случайно в XV веке появляются новые, сильные монархии, и централизованно-бюрократические государства привычного нам типа. С этим процессом совпали открытие Америки, возникновение нового мирового разделения труда и революция в военном деле XVI века.

В итоге к 1648 году класс феодалов избежал уничтожения, сумев сохранить власть и привилегии. Как показывают исследования, 90% феодальных семей, которые были у власти в 1453-м году, сохранили её и в 1648-м. Однако, борясь за сохранение своих привилегий, феодалы породили капитализм, как некий "побочный продукт" своего выживания. Но далось всё это ценой невероятных крови, насилия и страданий: мы видим раскол католической веры, отпочкование протестантизма, ожесточенные религиозно-гражданские войны в Германии, Франции и Голландии, свирепствующую инквизицию и сотни тысяч заживо сожженных. Тридцатилетнюю войну, уничтожившую четверть населения тогдашней Германии. И еще миллионы погибших от голода, холода, болезней и нищеты — спутников войн и общественных конфликтов.

Вот первый тип тяжелого кризиса перехода между эпохами — кризис, вызванный борьбой верхов за сохранение своей власти в новой эре. Некая операция "Прогресс", управляемая революция.

Второй тип кризиса — поздняя античность, времена падения Западной Римской империи (V век нашей эры). Здесь мы видим внутренний кризис великой империи (падение

эффективности рабовладельческой экономики, демографические проблемы, деградация правящей элиты), к коему добавилось Великое переселение народов: волны варварских племен, накатывающих на Рим с севера и востока. Они смели империю. Если феодалам удалось сохранить власть и войти в новую эру, то позднеантичным господствующим группам не удалось. Прежняя элита исчезла. Особенно примечателен кризис перехода между рабовладельческой античностью и феодальным средневековьем тем, что огромная масса варваров была демографически выкормлена римлянами на границах! Племена германцев селились в порубежье с разрешения Рима (таким образом он избегал войн с ними), получали статус "федератов" (союзников) — и пользовались плодами имперской культуры, переходя к более производительному сельскому хозяйству. И бурно размножались. За несколько веков такой политики варвары усилились и обрушились на Рим, уничтожив высокоразвитую культуру и на много веков погрузив нынешнюю Европу во тьму невежества и раздробленности.

Таков второй тип кризиса, где внутреннее ослабление цивилизации сочетается с нашествием "внешнего пролетариата", с волной переселения менее развитых, но бурно плодящихся воинственных народов.

Но самым тяжелым, страшным и долгим из известных нам кризисов человечества выступает кризис верхнего палеолита — древнекаменного века. Он начался примерно за 25 тысяч лет до нашей эры и закончился за 10-8 тысяч лет до рождества Христова неолитической революцией: переходом от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию. Эта революция стала выходом из кризисной ситуации. В чем ее суть? Род "человек разумный" вел присваивающее хозяйство: охотился на животных, собирал плоды и коренья. Мы настолько размножились, что попросту истребили дичь и объели огромные пространства планеты. Кормиться стало нечем. А тут еще настал ледниковый период. 25 тысяч лет назад рухнула система, стоящая на высокоспециализированной охоте. Пришла социальная деградация. Примитивизировалось искусство. Население уменьшилось почти на 75-85%. И чтобы выжить, людям пришлось переходить к производящему хозяйству, одомашнивая животных и растения, изобретая ремесла.

Вот третий тип кризиса: гибель экономики старого типа, сопряженная с климатическими и экологическими катаклизмами.

На какой из кризисов, о которых шла речь, похож тот, чьи контуры уже различимы? Который уже надвигается на современное человечество? Мой ответ, к сожалению, не самый весёлый: грядущий глобальный кризис несёт в себе характеристики всех трёх кризисов, но в одном пакете — это "кризис-матрешка". Или "кризис-домино", если угодно. Только грядёт этот кризис в условиях позднекапиталистической системы, которая охватила весь мир, то есть стала глобальной. Он наступает в условиях перенаселённой планеты, с огромной нагрузкой на экологию и близящимся дефицитом сырья, воды. Сюда нужно добавить чудовищную социально-экономическую поляризацию современного мира, невиданные запасы оружия массового уничтожения.

Если кризис пойдёт по количественной переформулировке закона Мерфи ("всё плохое происходит одновременно"), а ситуация характеризуется третьим положением теоремы Гинзберга ("даже выход из игры невозможен"), то кризис XXI века будет намного круче верхнепалеолитического. И если после него что-то возникнет, то это что-то, скорее всего, будет отличаться от сегодняшней нашей цивилизации так же сильно, как эта цивилизация отличается от палеолита.

НАТИСК КОСМОКРАТИИ

Первые признаки нового надвигающегося кризиса умным наблюдателям из западного истеблишмента были видны уже на рубеже 1960-х—70-х годов. Действительно, к середине 1970-х годов окончилось беспрецедентное тридцатилетие в истории капитализма, материальные достижения которого по многим показателям превышают таковые полуторавекового периода 1800-1950 годов. Однако славное тридцатилетие после Второй мировой оказалось всего лишь короткой передышкой внутри начавшегося в 1914

г. системного кризиса капитализма, его сладким "бабьим летом", исчерпавшим себя к середине 1970-х годов. С тех пор кризис развивается по нарастающей.
Однажды отец-основатель мир-системного анализа И.Валлерстайн заметил, что истинной причиной упадка исторических систем является падение духа тех, кто охраняет существующий строй. Сам упадок начинается тогда, когда разворачивается борьба за то, кто возглавит грядущие изменения, развернув их в свою пользу. Феодальные сеньоры в XV веке успешно справились с этой задачей. Очевидно, мировой истеблишмент, мировая буржуазия второй половины XX века последует их примеру.
Важная веха в осознании "железной пятой" приближения кризиса — 1975 год. Тогда на Западе появился доклад "Кризис демократии", написанный по заказу "Трёхсторонней комиссии" С.Хантингтоном, М.Крозье и Дз.Ватануки. В докладе чётко фиксируются угрозы положения правящему слою — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке. В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведёт к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти "эксцессы демократии" являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, её источник — "внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующимся высокой степенью (политического. — А.Ф.) участия". Вывод: необходимо способствовать невовлечённости (noninvolvement) масс в политику, развитию определённой апатии. Надо, мол, умерить демократию, исходя из того, что она — лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный:
Однако ослабление демократии в интересах западной верхушки было нелёгкой социальной и политической задачей. Кто был становым хребтом западной демократии, которую надо было умерить? Средний класс — главный получатель выгод "славного тридцатилетия". Перераспределение общественного продукта с помощью налоговой системы welfare state привело к тому, что значительная часть среднего и часть рабочего класса, не имея буржуазных источников дохода, смогла вести буржуазный образ жизни. После Второй мировой народилась эдакая "социалистическая буржуазия". Неслучайно послевоенный триумф средних классов в ядре капсистемы совпал с триумфом государства всеобщего собеса.
Разумеется, буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. В ходе "холодной войны", глобального противостояния с СССР, в схватке двух глобальных проектов буржуины вынуждены были откупаться от средних и рабочих классов, замирять их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т.п.). Таким образом, само существование СССР, антикапиталистической системы, заставляло капсистему в самом её ядре нарушать классовую, капиталистическую логику, рядиться в квазисоциалистические одежды.
На рубеже 1960-х-70-х годов буржуазия ядра капсистемы оказалась в положении, аналогичном тому, в которое попали западноевропейские сеньоры на рубеже XIV-XV веков: сохранение тенденций развития вело и тех и других к постепенной утрате привилегий — в одном случае в "кулацко-бюргерском раю", в другом — в политико-экономическом раю "социалистической буржуазии".
Чтобы разрешить "кризис демократии" в интересах "железной пяты" и повернуть вспять тенденцию "осереднячивания" западного общества, нужно было решить несколько проблем. Политически и экономически ослабить демократические институты было невозможно без частичного демонтажа welfare state. А как его демонтируешь, если в мире есть СССР, который объективно выступал гарантом сытой и обеспеченной жизни западного "миддла"? Поэтому с начала 1980-х годов был взят курс на обострение и

ужесточение "холодной войны" с СССР и одновременно социальное наступление на средний и рабочий классы ядра капсистемы.
С падением Союза в жизни среднего класса Запада наступает чёрная полоса. И вот, средние классы бывшей социалистической системы уже стёрты ластиком Истории: в 1989 году в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жило 14 миллионов человек, а в 1996 году — спасибо Горбачёву и Ельцину — уже 169 миллионов! Изъятые средства либо прямо ушли на Запад, либо со временем были размещены в западных банках — фантастическая геоэкономическая операция, глобальная экспроприация. Теперь наступает очередь "миддлов" на Западе. Недаром там уже появилась социологическая теория "20:80". Согласно ей, в современном западном обществе меняется социальная структура: 20% — богатые, 80% — бедные, и никакого среднего класса — он размывается, тает вместе с нацией-государством, частной формой которого является welfare state — государство всеобщего социального обеспечения. У среднего и рабочего классов выбивается щит, который защищал их от "железной пяты". При этом очень важно, что хозяева глобального мира — французский исследователь Дени Дюкло называет их "гипербуржуазией" и "космократией" — оперируют на глобальном уровне, а средний и рабочий класс — на национальном, государственном, что ставит их в неравное положение. Гипербуржуазия существует безнаказанно, пожирая в условиях глобализации капитал низших групп буржуазии и доходы среднего класса. С 1980-х годов развернулось наступление верхов на середину и низы, завершив двухсотлетний цикл наступления работяг и "середняков". Показательно, что XX век начинался книгой Х.Ортеги-и-Гассета "Восстание масс" (1929), а закончился книгой К.Лэша "Восстание элит" (1996). В этом плане то, что происходило в России в 1905-1917 гг. и начиная с 1987 года, хорошо вписывается в общемировые тенденции. Так, горбачёвщина и особенно ельцинщина — это наши аналоги тэтчеризма и рейганомики. Я уже не говорю о том, как глобализация усиливает сделочную позицию буржуазии по отношению к рабочему классу. Теперь в ответ на забастовки в Европе и США целые отрасли можно перебрасывать в Южную Корею, Китай, Таиланд. По сути, рабочий класс в ядре капсистемы, как и массовый средний класс, теперь не нужны.

ДЕМОНЫ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Итак, глобальный кризис наших дней начинался как управляемый процесс в интересах старой правящей элиты. Новая политика получила названия "ультралиберализм" и "глобализация". Они сорвали мир в спираль больших потрясений. Однако глобальный кризис явно вышел за отведенные ему рамки и стал неуправляемым...
"Демографический взрыв" XX века — результат экспансии капитала. Однако сегодня включить разросшееся население в производственные процессы капитал не может. Результат — огромное количество лишних людей. А поскольку деревня Юга сама себя прокормить не в силах, являя аграрное посткрестьянское общество, быстро растущее население сбивается в города, прежде всего самого Юга и мигрирует в города Севера (города поглотили 2/3 "продукции глобального демографического взрыва" после 1950 г.). В результате помимо сегмента-аналога позднефеодального кризиса в нынешнем глобальном кризисе появляется и сегмент-аналог позднеантичного. Так сказать, "вторая матрёшка".
Согласно ооновскому докладу 2003 г. "Вызов трущоб", из 6 миллиардов нынешнего населения планеты 1 миллиард — это так называемые slum people, то есть трущобные люди. Те, кто живёт в убогих лачугах, землянках, пустых ящиках и т.п. Один миллиард — это всё население мира той поры, когда Энгельс изучал положение рабочего класса в Манчестере. "Трущобный миллиард" — примерно треть мирового городского населения и почти 80% городского населения наименее развитых стран. Трущобные люди ничего не производят и почти ничего не потребляют. "Slumland" раскинулся от предгорий Анд и берегов Амазонки до предгорий Гималаев и устья Меконга. Это люди, вообще исключённые из жизни, так сказать, помноженные на ноль. Кстати, глобализация — это и

есть, прежде всего, исключение всего лишнего, "нерентабельного" населения из "точек роста". Глобализация социально — не единая планета. Это две сотни связанных только между собой точек, сеть, наброшенная на остальной мир, в которой он беспомощно барахтается, ожидая последнего удара.

К 2020 г. численность трущобников составит 2 миллиарда при прогнозируемых 8 миллиардах населения планеты. Экологически (да и психологически) трущобы не выдержат такой пресс, и мировые "лишние люди" рванут за пределы трущоб, "заливая" города, причём не только на Юге, но и на Севере. По прогнозам демографов, к 2025 г. от 30 до 50% населения крупнейших городов Севера будут выходцами с Юга. Чтобы увидеть это будущее, достаточно взглянуть на Нью-Йорк, Лос-Анджелес с трущобами в центре (!) города, Париж и, конечно же, Марсель, арабская половина которого, по сути, не управляется французскими властями. Афро-арабский и турецкий сегменты в Европе живут своей жизнью. Они не принимают общество, в которое мигрировали, не принимают его ценности. Причём не принимают активно. А ведь кроме выходцев с Юга в Европе теперь есть — спасибо США — мощный албанский сегмент, мусульманский и криминальный одновременно.

Половина "трущобных людей" — лица моложе 20 лет. А согласно теории (точнее, эмпирической регулярности) Голдстоуна, проверенной на немецкой Реформации XVI века, Великой французской революции XVIII века и русской революции XX века, как только доля молодёжи (15-25 лет) в популяции превышает 20%, происходит революция. Когда молодёжи слишком много, общество не успевает социализировать и интегрировать её. А ведь помимо slum people, которые живут ниже "социального плинтуса", есть и те, кто живёт чуток выше — не на один доллар в день, а на два.

Когда-то Мао Цзэдун выдвинул доктрину "Мировая деревня окружает мировой город", где сконцентрированы эксплуататоры. Сегодня, напротив, в мегаполисах и мегасити сконцентрированы эксплуатируемые и те, кого даже не берут в эксплуатацию, — "избыточное человечество". А верхушка, будь то Лондон, Нью-Дели или Сан-Паулу, переезжает в укреплённые загородные виллы, как это делала римская знать в конце империи, бросая Рим, форум которого зарос травой, где гужевались свиньи. Переезд сытых пожилых изнеженных римлян в охраняемые виллы не помог — варварская волна и восставшие собственные варваризированные низы смели их. Ныне, похоже, мы находимся на пороге (а отчасти уже в начале) нового Великого переселения народов. И как бы североамериканцы и европейцы ни пытались регулировать процесс миграции, у них ничего не получится — нужда и беда выталкивает афро-азиатские и латиноамериканские массы в мир сытых и глупых белых людей. К тому же без притока бедноты с Юга экономика ядра, прежде всего третичный сектор, не сможет функционировать — европейцы и американцы обленились и никогда не станут выполнять ту работу, за которую уцепятся выходцы с Юга.

В результате на самом Севере мы имеем противостояние: богатые, белые, христиане, пожилые — против бедных, небелых, в основном мусульман, молодых. Четыре противоречия в одном — это социальный динамит. Недавние расовые бунты во Франции — это так, цветочки, "проба пера".

В надвигающемся кризисе наша задача — не позволить разорвать страну. Например, не допустить, чтобы сюда хлынули полчища "трущобных людей". Да, они угнетенные, голодные и обездоленные. Но если они придут к нам, то станут обычными грабителями. И если мы будем слабыми, у нас отберут пространство и ресурсы: слабых бьют. Я, например, не могу представить себе Россию без того, что за Уралом. То не Россия, а выморочная Московия. Я глубоко убеждён, что Россия может сохраниться, только занимая своё естественно-историческое пространство. Нам не нужно лишнего (лишним оказались Польша, Прибалтика, Финляндия, Западная Украина, возможно, меньшая часть Средней Азии), но и своего нельзя отдавать ни пяди.

ГЛОБОФАШИЗМ, ИЛИ НОВОЕ РАБОВЛАДЕНИЕ

Возможно, глобальная финансовая олигархия, заварив кашу мирового кризиса, попытается выйти из него, установив нечто вроде глобального фашизма. С властью высшей касты избранных, с изощренными средствами контроля и подавления, планомерным уничтожением "лишнего населения".
Для меня, как для историка, фашизм — это очень конкретное явление, связанное с Италией Муссолини. В Третьем рейхе был не фашизм, а национал-социализм, совершенно иная конструкция. Если говорить по сути вопроса, то "глобофашизм" (в данном случае я использую это слово в качестве метафоры, а не понятия) как проект уже осуществляется американскими "неоконсерваторами". США уже сегодня является базой наднациональной власти. Уже сегодня они стремятся установить контроль над мировыми ресурсами; уже сегодня микропроцессоры, "генная" инженерия и нанотехнология поставлены на службу американскому ВПК.
В 1990 г. И.Валлерстайн опубликовал статью "Америка сегодня, вчера и завтра", в которой разбирал возможные варианты будущего США. Неофашистский — подавление своих низов с помощью насилия — он посчитал маловероятным из-за американских традиций и ценностей (правда, на это я сразу же могу возразить ему его же фразой: "Ценности становятся весьма эластичны, когда речь заходит о власти и прибыли"). Второй вариант таков: поддержание социального мира и относительной демократии внутри Америки и Севера в целом за счёт эксплуатации остального мира, который окажется в полурабском состоянии. Если с 1945 по 1990 г., писал Валлерстайн, поддержание на высоком уровне дохода 50% населения США вместо 10% требовало увеличения эксплуатации других 50%, то нетрудно представить, что потребуется для поддержания 90% населения на относительно высоком уровне дохода — жесточайшая эксплуатация остального мира и систематическое оглупление, информационно-психологическое отупление своих масс.
Перед нами модель "Афины-2" или "Рим-2". То есть глобальное неорабовладение. Однако у этой модели есть уязвимое место. Это небелое население — как местное, так и мигранты. Рано или поздно верхушка "крепости Север", "Рима-2" будет вынуждена на существенное ограничение прав низов (среднего класса уже не будет) и усиление их эксплуатации. Возможный результат — гражданская война, распад США (например, на афро-мусульманский юг и восток и на протестантско-иудаистский север и запад). Крушение "неорабовладельческого" варианта может привести к реализации варианта "неофеодального" (оба термина условны) — распад глобальной системы на множество относительно мелких и по-разному устроенных политико-экономических единиц с превращением огромной части мира в неоварварскую зону. Мне этот вариант представляется наиболее вероятным. Ставка финансовой олигархии на глобальный "фашистский" проект скорее всего, провалится, как это когда-то произошло с Гитлером. Мир слишком велик и сложен, чтобы им управлять из одного центра, — эту фразу устами одного из своих героев сказал Т.Клэнси, писатель, весьма близкий к американскому истеблишменту. Хотя сама "глобототалитарная попытка" — а нынешняя глобализация и есть форма её осуществления — может занять несколько десятилетий. Эдакий мир Глобамерики.
Но вот в чём я не согласен с Валлерстайном, так это в том, что такая Глобамерика, осуществляющая эксплуатацию мира, будет внутренне демократичной — это уже не так. Население США (а с помощью систем типа "Эшелон" и Севера в целом) находится под колпаком электронной слежки.
На смену капитализму идёт намного менее демократичное общество. (Придёт или нет — зависит от сопротивления людей, в том числе русских.) Поскольку решающую роль в современном производстве начинают играть духовные, информационные факторы, то именно их будут отчуждать у людей хозяева новой системы — как капиталисты отчуждают овеществленный труд. Общество, где у людей отчуждаются духовные факторы, информация, должно быть устроено принципиально иначе, чем

капиталистическое — и многие его черты уже проступают в позднем, "неоварварском" (он же — "неорабовладельческий", "неофеодальный") капитализме корпораций.
Во-первых, оно будет кастово-иерархическим с резкими ограничениями доступа к образованию, сначала — с помощью рынка, который якобы расширяет образовательные возможности (привет некоторым элементам Болонской системы), затем — социально закреплёнными.
Во-вторых, это должно быть общество с принципиально плохим массовым образованием — несистематическим, лоскутно-мозаичным.
В-третьих, настоящая наука, прежде всего теория и прогнозирование, скорее всего, превратится в кастовое занятие части верхов; "внизу" останутся безобидные эмпирические штудии, "игра в бисер" с сильным иррациональным оттенком и фольк-наука. Особенно это коснётся исторической науки, которая стремительно детеоретизируется и переживает кризис, как на Западе, так и у нас.
В-четвёртых, массам будет предложена (уже предложена) отупляющая развлекаловка в режиме "нон-стоп", превращающая людей в толпу дебилов, неспособных жить без поводырей-пастухов.
В-пятых, в связи с этим политика окончательно отомрёт, её место займёт шоу-бизнес. К реальной власти, к реальному слою хозяев эта деятельность, этот фасад кривляющихся марионеток непонятного пола, иметь не будет. В крайнем случае, как в романе Станислава Лема "Эдем", правящий слой вообще превращается в полубогов-невидимок, которые живут в изолированном запретном пространстве и благодаря техническим достижениям невидимы массам, а потому внушают ещё больший страх.
Я не считаю фантастичным такой вариант развития посткапиталистического мира, когда слой господ превратится не просто в иную расу, а в иной вид — биотехнологический и будет даже внешне (рост, телосложение и т.п.) от низов. Собственно, в докапиталистических обществах верхи, как правило, биологически отличались от низов, и дело не только в поведении и одежде, но и в "физическом экстерьере". Это капитализм, причём только в XX веке, а ещё точнее — в послевоенный период в значительной степени нивелировал внешность верхов и низов, усреднив её — улучшение питания, гигиена и т.д. Остальное довершила демократическая молодёжная мода, восторжествовавшая после 1968 г.
Послекапиталистический мир в этом плане будет больше похож на докапиталистические общества. С этой точки зрения демократический капитализм XX века (с обязательным наличием антикапиталистического сегмента СССР), как бы мы его ни критиковали, оказывается уникальным мигом в мировой истории.
Но всё это не значит, что надо покорно ждать пришествия новых хозяев. К тому же, не в силе Бог, а в правде...

“Империология” без теории, или “хлопок одной ладонью”

Lieven D. Empire: The Russian Empire and its Rivals. — L.: John Murray, 2000. — XLII, 486 p.

I

Империи снова в моде. Как научная проблема, как тема исследований, они опять становятся популярными. Это, однако, на уровне emotio, на уровне ratio и praxis. Одна из главных причин оживления интереса к империям — ослабление нации-государства (это более адекватный перевод термина nation state) как института Современности, как одной из несущих конструкций капиталистической системы. НТР и глобализация (глокализация) ставят под сомнение raison d’étre этого института, и чем дальше от центра, от ядра капиталистической системы, тем больше. Вплоть до того, что многие зоны современного мира именуются “безгосударственными”, или “серыми”. Все это порождает кризис национально-государственной идентичности и поиски альтернативных фокусов (и форм) коллективной идентификации.

Одни обретают новую идентичность в религии (“Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса”), особенно в ее фундаменталистских формах, речь идет прежде всего об “авраамистических религиях”, причем не только об исламе, но также о христианстве и иудаизме, хотя конечно же, именно исламский фундаментализм наиболее мощен в этом плане, а потому и наиболее интересен. Его антизападная направленность еще более подогревает этот интерес, и, думаю, именно этот факт обусловил появление и широкую популярность весьма неглубокой, поверхностной схемы (и работы) Сэмюэля Хантингтона “Столкновение цивилизаций”, в которой, помимо прочего, цивилизация отождествляется с религией.

Дело, однако, не только в том, что “пошло, то что пóшло” (хотя и в этом тоже, как показывают сочинения Фрэнсиса Фукуямы); главное — работа Хантингтона, который верит в свой подход, объективно отвлекает внимание от столкновения реальных интересов, подменяет первостепенную проблематику и переводя дискуссии в относительно безопасную в политическом и интеллектуальном плане область.

Другие обретают новую идентичность не в над- и трансгосударственных социокультурных формах, а в различных этнических и кланово-племенных идентичностях, лежащих ниже национально-государственного уровня, и это, естественно, приводит к трениям и столкновениям на фоне слабеющего, а то и приходящего в упадок феномена нации-государства. Вот тут-то и вспоминают империи с их длительным, весьма длительным, très-très longue durée существованием, с их опытом сосуществования в рамках единого целого множества этно-религиозных групп. Сосуществования далеко не бесконфликтного, но — существования. Под таким углом зрения Римская империя, Османская или даже Британская, которая распалась всего лишь несколько десятилетий назад, видятся не столь уж в мрачных тонах. Глобализация, развитие наднациональных структур типа Евросоюза, НАФТА еще более подогревают интерес к наднациональным образованиям прошлого. Отсюда — оживление в последние годы интереса к имперской проблематике, стремление переосмыслить, причем не только как rethink, но и как unthink империю как феномен.

Во второй половине 1990-х растет число фундаментальных исследований империй. Так, в 1998–1999 гг. выходит “ревизионистский” пятитомник “The Oxford history of the British Empire”. В 2001 г. появляется “The Cambridge Illustrated History of the British Empire” под редакцией одного из крупнейших специалистов по этой проблематике П.Дж. Маршалла (он же редактор II тома “Оксфордской истории…”, посвященной XVIII в.). В том же 2001 г. появляется толстенный том “Empires” под редакцией С.Ю.Олкок, Т.Н.Д’Альтруа, Л.Д.Морисон и К.М.Синополи, перекликающийся по историко-географической широте со знаменитым, почти сорокалетней давности, исследованием Ш.Эйзенштадта “Политические системы империй”.

II

В 2000 г. свет увидела монография Доминика Ливена “Империя”. Работа Ливена вполне вписывается в “империологическую” волну, которая покатилась в 1990-х. Особенность своего исследования автор видит в том, что, во-первых, оно является попыткой исследовать имперскую проблематику сквозь призму Российской империи; во-вторых, — показать развитие российской империи и СССР в международном геополитическом контексте; в-третьих, рассмотреть материал в сравнительно историческом контексте, так сказать, в рамках “сравнительной империологии” (comparative empire studies). <…>

Скажу заранее: считаю работу Ливена провалом — как саму по себе, так и с точки зрения поставленной задачи. Но я в то же время считаю, что она заслуживает рецензирования.

Во-первых, эта работа в силу ее тематики (одно название чего стоит!) будет читаться, т.е. так или иначе присутствовать на научном “рынке”, и на нее необходимо отреагировать, пусть не в виде подробного разбора, но хотя бы в форме заметок на полях, маргиналий.

Это тем более необходимо, что Ливен, во-вторых, действительно поднимает очень важные проблемы, важные не только с научной точки зрения, но и с точки зрения практической — мировой борьбы за власть, поисков идентичности и т.д.

Наконец, в-третьих, в той программе, которую наметил Ливен и которую, на мой взгляд, не выполнил, он отметил и наметил немало верного как по позитиву, так и, особенно, по негативу, точно зафиксировав те препятствия для развития науки об обществе в целом и россиеведения, в частности, которые необходимо преодолевать. <…>

Ливен акцентирует особенности исторического развития России. “Если все истории и культуры уникальны, то таковые России уникальны в большем числе отношений, чем другие” (с. X). Верным путем идет товарищ.

Не могу не согласиться и с его выводом о том, что в современных сравнительных исследованиях в области политической науки (я бы добавил: не только в них и не только в ней) господствует превращенная в догму вигистская интерпретация истории — “странная версия англо-американского самопоздравления — самовосхваления, написанная в немецкой манере” (с. VII).

Очень точно. Особенно, что касается англосаксонского самовосхваления. Действительно, практически вся история капиталистической эпохи и современности (XIX–XX вв.) и — косвенно — “докапиталистической эпохи” в Европе и история неевропейских обществ написаны по сути с англосаксонских (англо-американских) позиций, на основе англосаксонских ценностей, понятий, следовательно… и интересов, т.е. интересов двух гегемонов мировой системы (Великобритания, 1815–1873/1914 и США, 1898/1918 — по

наши дни). История современности написана победителями, они назначили героев и антигероев, и на повестке дня — ревизия этой интерпретации. Такого рода ревизия — необходимое, хотя и недостаточное условие участия на равных в Большой Мировой Игре.

К сожалению, в 1990 г. многие российские историки некритически, в качестве объективных переняли методы, понятия, оценки исследования и даже нарратив советологов для объяснения советского и досоветского прошлого и постсоветского настоящего. Это тем более ошибочно, что советологи работали в определенных целях и на определенные интересы. Ливен очень четко и без всяких иллюзий фиксирует это. В 1993 г. один мой американский коллега, очень известный и замечательный ученый, радостно говорил мне, что теперь, с распадом СССР, всей этой паранаучной шайке советологов придет конец, и останется всего несколько серьезных ученых. Время показало, что мой знакомый ошибся: "Живы курилки, переквалифицировались из советологов в специалистов либо по России, а еще чаще — по придуманной ими и их эрэфскими подельниками "транзитологии"". Работы по этой последней по своей сути напоминают представление Герцогом и Королем (из "Приключений Гекльберри Финна") "Шекспира" на сцене цирка в американской глубинке. Вот только тухлыми яйцами кидать некому. Но это — к слову.

В контексте распространения в нынешней России западной концептуальной "уцененки" (схемы модернизации, тоталитаризма и т.п.) и новодела вроде "транзитологии" я считаю важной следующую мысль Ливена: на ход мысли и работу историков неизбежно влияют идеология и ценности; основная масса (и ударная сила) исследователей советского периода — это прежде всего североамериканцы, а потому, несмотря на наличие хороших, а порой и просто отличных работ, в целом изучение СССР и России несет на себе отпечаток ценностей и представлений, существенно отличающихся от тех, что порождены русской реальностью. То же — с изучением РФ посредством политической науки (http://www.apn.ru/themes/theme215.htm). Как отмечает Ливен, поскольку в современной политической науке господствуют американцы (в меньшей степени англичане и французы), то они навязывают органичную *им* и *их* науке политкорректность и основанную на ней методологию ученым других стран в агрессивно-тигриной манере. Например, трактуя как точку отсчета и идеал нацию-государство, "демократический национализм" (с. XI) (я бы добавил сюда "права человека", "свободный рынок" и т.д.).

Если называть вещи своими именами, то **речь идет о неадекватности западных (англосаксонских) политологических, социологических, советологических и др. подходов к российской (в широком хроноисторическом смысле) реальности**, об их, мягко говоря, не вполне научности, причем не только из-за перегруженности их определенными ценностными установками, но также из-за нагруженности их определенными интересами, теми, что разрабатывались в период "холодной войны" со всеми вытекающими интеллектуальными и эмоциональными последствиями.

В связи с этим крайне важным и более чем своевременным представляется вывод-призыв Ливена: "*Настала пора для русских перехватить инициативу, вернуть лидерство (to regain the lead) в написании собственной истории. Этот процесс открывает огромные возможности и таит в себе огромные опасности*" (с. XIII).

Аплодисменты. Но, к сожалению, не переходящие в овацию, а затухающие, когда переходишь к подробному чтению книги, которая оказывается не на уровне совершенно верных программных положений и постановленных задач.

III

Начну — внешне — с пустяков.

К сожалению, в последние 10–15 лет в работах по истории все чаще просматривается тенденция к фактографическим ошибкам даже у серьезных (или претендующих на серьезность) авторов. Затрудняюсь сказать, с чем это связано — то ли с нарастающей узкой специализацией, то ли с “постмодернистской” небрежностью. Не избежал таких ошибок и Доминик Ливен. Правда, в предисловии он заранее предупреждает, что многих его книга раздражает, в частности и потому, что при ее широком охвате она неизбежно будет содержать фактические ошибки (с. XI). Однако ошибка ошибке рознь. И уж если исследователь заявляет себя в качестве специалиста по истории царской России (с. VII), если помещает в центр исследования Россию и русских (с. XI), если рассматривает имперскую проблематику под углом зрения Российской империи (с. X), если, наконец, говорит, что цель работы — посмотреть, чему история империй может научить исследователя, знающего Россию, и какой вклад россиевед может внести в изучение империй (с. X), то целый ряд ошибок, по крайней мере, по русской и советской истории, которые имеются в книге, совершенно непростительны, сколь бы частных вопросов они не касались.

Например, Ливен пишет, что с 1240-х до второй половины XV в. “Россия была сначала частью монгольской почти мировой империи, а затем находилась в зависимости от ее наследника Золотой Орды” (с. 226). Английскому “империологу” следовало бы знать, что Великая монгольская империя (Их Монгол Улс) как единое целое прекратила свое существование в конце XIII в.; к середине XIV в. было уничтожено господство монголов в Иране, в конце 1360-х годов — в Китае. Что касается русских земель, то они стали улусом Золотой Орды к середине XIII в. В середине XV в. Золотая Орда была уже крайне ослаблена.

Стрелецкое войско появилось не в период между 1470 и 1530 гг. (с. 239), а в 1550 г.

Словно переписано из школьных учебников утверждение о том, что Петр I сделал Россию немного более сильной, чем раньше, “и этот процесс продолжался при его преемниках” (с. 217). После Петра I (т.е. при его преемниках Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне) Россия оказалась в тяжелейшем экономическом и очень сложном внешнеполитическом положении. Для прояснения этого вопроса Ливену можно порекомендовать работы русских историков П.Милюкова и Е.Анисимова. Хотя бы. Есть и другие.

По сути любое акцентирование русской специфики Ливен отожествляет со славянофильством, которое к тому же находит во взглядах А.Солженицына и даже Г.Зюганова (с. 246). Здесь не место разбирать взгляды А.Солженицына (и, тем более, Г.Зюганова), тем более, что занятие это неблагодарное, к тому же при этом едва ли удастся обнаружить некий цельный объект. Ограничусь замечанием, что помимо славянофильства русская специфика акцентировалась в “официальной народности”, “почвенничестве”, “евразийстве”. <…>

Конечно же, нельзя объять необъятное — кто спорит. Но если сравнительной части предпосылается изложение конкретного материала, который в общем-то известен, то об этом известном нужно рассказать так, как до данного исследователя никто не рассказывал; взглянуть под таким углом, как до этого никто не смотрел; структурировать таким образом, каким раньше никто не структурировал.

Именно последний вариант избрал в свое время Шмуэль Эйзенштадт в работе “*Политические системы империй*” (1963).

Работа Эйзенштадта начинается с четкой постановкой проблемы, фиксации критериев, фундаментальной характеристики политических систем. За этим следует анализ экономики, социального строя, религии. Ну а затем — детальный анализ имперских реалий: политика правителей, политические ориентации крупнейших групп и стран, место бюрократии в политическом процессе и социальной структуре, типы изменений. И все это в сравнительной перспективе. Я не говорю о том, что во всем согласен с Эйзенштадтом. Речь о другом: найдя оригинальный теоретический подход и структурировав на его основе реальность, не-историк Эйзенштадт смог рассказать о многих империях так, как до него это не делали. Конечно, Эйзенштадт — это холодный еврейский ум, выросший на веберианском фундаменте. И тем не менее: без оригинального подхода, нового угла зрения рассказ об известном оказывается чем-то вроде учебника, и едва ли убедительно звучит то, на что, по-видимому, Ливен рассчитывал как на контраргумент для подобного моему упреков: "*Конечно, я не могу сказать, извлечет ли что-нибудь для себя академическое сообщество — с одним исключением, меня самого. Работая над этой книгой, я чувствую, что узнал много не просто о незнакомых странах и предметах, но также, используя их как зеркало, о России*" (с. XII). Ну, во-первых, если это не кокетство, то едва ли стоит браться за книгу, не будучи уверенным, что единственный, кто узнает что-либо нового из нее, это сам автор. Можно ограничиться рукописью, неопубликованным манускриптом. Во-вторых, пусть это не будет воспринято как придирка, но рассуждая логически: в зеркале отражается лишь то, что в него смотрит, в данном случае — различные страны. Как в *их* отражении можно узнать что-то новое о России? Понятно, что Ливен должен был сказать: сквозь призму, но это совсем другое, чем зеркальное отражение. Отражение — это чисто внешнее. Призма, поскольку меняет угол, позволяет понять нечто в сути. То есть, формулировка Ливена и фиксирует его позицию, и помогает понять, что анализируется (и сравнивается) внешнее, форма — "империя". Суть в кадр не попадает, но подробнее об этом позже.

IV

Теперь — о некоторых интерпретациях.

Хотелось бы, например, знать, откуда у Ливена сведения о том, что I мировая война разрушила Российскую империю не потому что армия потерпела поражение, а потому что тыл рухнул (с. 286). На самом деле, речь должна идти о целостном двуедином процессе, в котором военные поражения и тяготы обостряли ситуацию в тылу — и наоборот. Надо также помнить, что в 1915–1916 гг. была выбита значительная часть офицерского корпуса, что резко ослабило армию, а с крушением армии (которое, помимо прочего, проявилось в том, что не нашлось дивизии придавить большевиков осенью 1917 г.) рухнула Россия.

Ситация 1917 года резко контрастирует с поражением и разгромом советской армии в 1941 г. Страна не рухнула: на место этой армии и выбитого офицерского корпуса пришли другие, они-то и победили в войне и заложили фундамент десталинизации. В 1916–17 гг. занять место убитых офицеров оказалось некому. Использовать, как это делает Ливен, Брусиловский прорыв в качестве примера боеспособности русской армии, невозможно. При всем блеске прорыва, когда русский юго-западный фронт продвинул линию фронта на 80–120 км на запад, потеряв при этом убитыми, ранеными и пленными в три раза меньше, чем австровенгерская армия (0,5 млн. человек против 1,4 млн. человек), не надо забывать, русским противостояла полуразвалившаяся и так и не оправившаяся после галицийской битвы 1914 г. австро-венгерская армия "бравых солдатов-швейков", которые совсем не хотели воевать, сдавались, дезертировали. А вот как только немцы перебросили силы с западного фронта, и против русского встал тевтон, дойче зольдатен, так

наступление и захлебнулось. Об отсутствии боеприпасов я не говорю. И это не проблема тыла, а проблема подготовки к войне в довоенное время.

I мировая война была войной артиллерии, прежде всего — тяжелой. Роль именно этого рода вооружений недооценивалась в знаменитом русском уставе полевой службы 1912 г. К военной недооценке добавлялась слабость промышленности. В результате, Германия накануне войны имела 9388 (из них тяжелых — 3260), а Россия — 7088 орудий (из них тяжелых — 240). Что называется, отстрелялись, особенно, если учесть 4200 легких и 200 тяжелых австровенгерских орудий. Неудивительно, что в мае 1915 г. в боях на линии Дунаец–Горлице (Горлицкий прорыв) немцы за 4 часа выпустили по русской третьей армии 700 тыс. снарядов; для сравнения: за всю Франко-прусскую войну 1870–71 гг. немцы выпустили по противнику 817 тыс. снарядов. Вот это подготовка. Ну, а наряду с нашим Брусиловским прорывом 1916 г. надо вспомнить, например, Тарнопольский прорыв немцев летом 1917 г. Так что, как говорят, давайте не будем.

Серьезные возражения вызывает трактовка Ливеном модернизации России и ее периодизация. Он выделяет два цикла (с. 299–300). Первый цикл Ливен называет догнать “Людовика XIV” (почему именно его — не объясняется). Победа над Наполеоном ознаменовала успех этого цикла и, в свою очередь, привела к консервативному режиму Николая I. Поражение в Крымской войне опять пробудило дух реформ, и начался второй цикл: 1850–1970-е. Все повторилось: победа в войне над гитлеровской Германией, установление консервативного режима Брежнева — и новый цикл с Горбачёва.

Мы имеем дело с типичной западной либеральной схемой, весьма поверхностной, не затрагивающей реальное содержание и пользующейся ярлыками типа: “*консервативный режим*”. Социальная природа исследуемого общества в расчет не берется, это вообще черта не только работы Ливена, но и большинства “империологов”. По сути, они исследуют лишь форму и ее различные варианты (вся “сравнительная империология” до сих пор представляла собой “игру в формочки”), а потому не способны не только понять, но и уловить причины различий поведения и судеб империй, обусловленные социальным содержанием. А оно принципиально различное у Рима, Китая, Британской империи и Российской, не говоря уже об СССР. Если бы советское руководство, пишет Ливен, лучше понимало дилеммы имперского правления в России, то в 1980-е можно было бы предсказать многие опасности (с. 302). На самом деле, “опасности 1980-х” возникли не как следствие развития некой Советской империи, а в соответствии с логикой разложения строя, исторического коммунизма, к приватизации которого приступила номенклатура, чтобы сохранить свои привилегированные позиции. Однако такой вариант объяснений не приходит на ум Ливену. О различной социальной природе империй мы еще поговорим, а сейчас вернемся к ливеновской интерпретации русской модернизации (русских модернизаций).

Ливен совершенно ошибочно включает в один цикл (1850–1970-е, об Александре II до Брежнева) экономическое развитие России/СССР. Помимо прочего, при этом упускается из виду “консервативный режим” (если пользоваться терминологией Ливена) Александра III — Николая II и провал 1915–1917 гг., куда более страшный, чем поражение в Крымской войне. Если “доиндустриальная модернизация” России, соответствовавшая доиндустриальному и раннеиндустриальному Западу, оказалась успешной, то первая индустриальная модернизация (1850–1900-е годы), проводившаяся на самодержавно-”буржуазной” основе, полностью провалилась, Россия по сути уже в 1870-е начала постепенно вползать в новую смуту, о чем уже тогда писали журналисты. Результатом этого провала стала антикапиталистическая (коммунистическая) индустриальная модернизация. И главным ее успехом стала не столько победа над нацистской Германией

(хотя, само собой, и она), а быстрое восстановление экономики, создание ядерного оружия, превращение СССР в сверхдержаву № 2, возникновение биполярного “ялтинского” мира (1945–1989 гг.) и создание мировой социалистической системы.

При Брежневе номенклатура действительно “проспала” научно-техническую революцию, подобно тому как при “матушке” Екатерине II Россия “проспала” промышленную революцию (“золотой век” дворянства и “золотой век” номенклатуры занимают эквивалентные ниши в своих системах).

Что касается горбачевского “эксперимента”, то его по сути моментальный провал и то, что за этим последовало, вообще не позволяют говорить о начале “третьего” цикла — фальстарт. На самом деле горбачевизм–ельцинизм есть всего лишь бесславный конец брежневского “застоя”, приватизация того, что было перераспределено при Брежневе. Начнется ли новый “цикл”, особенно если учесть, что логика развития глобализации этому, как минимум, не благоприятствует, вопрос, как минимум, открытый. В любом случае, без анализа содержания советской системы, ее внутренних противоречий, логики ее разложения в контексте глобализации на этот вопрос ответить невозможно. Но именно этого и нет у Ливена. Пожалуй, единственное противоречие, которое он готов увидеть в советском обществе — это противоречие между русской (славянской) правящей элитой и элитами неславянских республик (с. 316). Мелко плавает Ливен.

Вопрос о периодизации российско-советской “модернизации”, определения ее сути Ливеном — это та частная проблема, которая выводит нас к проблемам общего характера. Речь идет прежде всего о методологии, об определении термина императив, о решении общих вопросов. “Определяющие значение слов”, — любил говорить Декарт. Словно подхватывая эту мысль, Ленин писал, что тот, кто берется за решение частных вопросов без предварительного решения вопросов общих, будет на каждом шагу спотыкаться об эти общие вопросы.

Ну а если исследователь вообще отказывается от общих вопросов? В какую ситуацию он попадает? В ту самую, в которой оказался Ливен.

V

В самом начале работы Ливен заявляет, что отказывается от четкого определения “термина “империя”. Для Ливена империя — это центральный организующий принцип и средство сравнения одних имперских политий с другими (с. XI). Напротив, он стремится показать, что “империя” — многосмысловое понятие, полное идеологических ловушек (с. X–XI).

Эта логика представляется мне довольно странной. Если термин “империя” насыщен идеологемами, то именно это и заставляет предложить некую дефиницию, так как научная точность есть “кощеева смерть” идеологии или, крайней мере, подталкивает идеологию в указанном направлении. Не ясно также, как можно сравнивать “имперские политии”? Откуда мы знаем: то, что мы сравниваем, — «империи», — если мы не решили, как определять “империю”?

Из ситуации “пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что” Ливен выбирается на англосаксонский манер, т.е. чисто эмпирическим путем: определение он подменяет набором признаков. Их совокупность он использует как нечто среднее между рабочей гипотезой и эмпирическим обобщением, согласно которому империя — это великая держава, которая оказывает серьезное влияние на международные отношения своей

эпохи, охватывает большие территории, на которых живут представители многих этносов; наконец, империя — это не демократия, т.е. такая полития, которая не управляется на основе открытого одобрения народа (not a polity ruled with the explicit concern of its peoples. — с. XIV).

Если такие признаки империи как державное качество, размеры, многонациональный (мультиэтничный) характер, сомнений не вызывают (в этом смысле Ливен прав, считая Россию империей с 1550-х годов), т.е. после завоевания казанского ханства), то с "не-демократией" Ливен попадает в уязвимое положение. Если бы он сказал: "***монархия***", то спора не было бы. Однако он говорит именно о ***не-демократии***. Иначе в имперстве нельзя было бы винить СССР.

Однако дефиниция по негативу, да еще определяемая через принципиально непроверяемое условие — "ruled with explicit concept of its people" — никуда не годится.

Во-первых, это то же самое, что определять змею как существо без ног (лап), крыльев, теплой крови и т.д. Мы узнаем, чем змея не является, но чем она является, останется секретом.

Во-вторых, что значит "управляется на основе открытого одобрения народа"? Если одобрение скрытое, то как мы о нем узнаем? Открытое одобрение — как мы узнаем, искреннее оно или нет? Или от страха? Или от отсутствия реальной альтернативы? Где взять "одобремометр"?

Значит ли факт неучастия в президентских выборах почти половины населения США, что оно не одобряет существующую власть? Означает ли поголовное участие в выборах явное одобрение? Как показывают исследования историков и политологов, в древних Афинах — "образце демократии" — реально в избирательном процессе участвовало 10% населения. Это демократия? (Тем более, что "демос" — это не весь народ, а обладатели собственности). Аналогичные сомнения возникают при отнесении к "демократии" США, разумеется, если следовать не форме и пропаганде, а сути. Не случайно ведь Я.Тальмон писал даже о "тоталитарной демократии".

Подавляющая масса населения СССР поддерживала режим (при всем недовольстве многим в повседневной жизни), лидеры которого правили с одобрения народа. Это — не демократия?

Загнав себя в угол — эпистемологически, методологически и даже формально-логически, — Ливен лишил себя возможности сильного и эвристически плодотворного хода при анализе СССР и США как принципиально новых неимперских многонациональных (многорасовых) общностей. Для этого нужно было выделить два типа многонациональных политий — монархический и республиканско-демократический. Суть дела заключается в том, что в XX в. США и СССР в разных формах и на разной основе (капиталистической и антикапиталистической) попытались создать принципиально новый идеал ("американская мечта", "советская мечта") наднациональный и, я бы сказал, протоглобальный тип общества. "Американский народ" и "советский народ" как "принципиально новые исторических общности людей" представляли собой историческую попытку создания такой формы властно-социальной организации, которая не является ни империей, ни национальным государством, а отрицает и то, и другое. Советский эксперимент, длившийся семь десятилетий по целому ряду причин, которые здесь не место обсуждать (см. мои работы "Кратократию", "Взлет и падение перестройки", "Колокола Истории"), провалился.

Американский эксперимент, которому почти четыре столетия, оказался более успешным (не в последнюю очередь по причине намного более мощной материальной основе, а с начала XX в. — эксплуатации в разных формах всего мира).

Впрочем, и он сталкивается со все более серьезными проблемами. Однако для нас в данном контексте главное другое: то, что СССР (как и США) не был империей, а представлял собой совершенно особый тип политии, теорию которого и понятийный аппарат для которого еще предстоит разрабатывать.

Ливен такую возможность упустил, записав СССР в империи (но почему-то не записав туда Индию и Индонезию, или, например, Бразилию; по-видимому, он считает, что в этих странах высокий уровень демократии), для чего ему пришлось свое определение империи сделать настолько широким, что, используя его, империи можно обнаружить там, где их не было. Что же до имперскости СССР, то, как говорил Энгельс, если щетку записать в класс млекопитающих, то от этого у нее не вырастут молочные железы. В равной степени и СССР не превратится в империю, если его записать в разряд империй.

В то же время хочу отметить, что Ливену удалось поэтически-образное, т.е. художественными средствами определение империи: “*Империя — это калейдоскоп, движущийся сквозь пространство и время. Сравнение калейдоскопов, как и сравнительная история империй, никогда не является простым делом*” (с. XVI). И, тем не менее, поэзия — это поэзия, а наука — это наука.

VI

Верно отмечая мелкотемье и описательность как черты многих западных работ по истории, Ливен в то же время не делает тот шаг, на основе которого только и можно преодолеть указанные характеристики. У Ливена нет сколько-нибудь ясно сформулированной методологической системы. Есть несколько положений, предваряющих конкретное исследование. По сути, Ливен выступает с позиций так называемого многофакторного подхода, при котором учитывается влияние различных внутренних и внешних сфер: география, природная среда, религия, геополитическое положение и т.д. (см. с. 236, 329 и др.). Проблема, однако, в том, что многофакторный подход подменяет целостный анализ — суммарным, системный — совокупно-частичным; в нем нет субординации различных факторов, а потому на основе этого подхода невозможно понять ни суть данной социальной системы, ни ее как целое.

В результате, возникают серьезные проблемы как в исследовании отдельных империй, так и в их сравнительно-историческом анализе. В объяснении развития и особенно упадка той или иной империи на первый план выходит либо какой-то один из факторов, и мы получаем монокаузальное, детерминистское объяснение, либо все сводится к отдельным ситуациям и частным событиям или блокам событий.

Так, в объяснении причин упадка СССР решающую роль Ливен отводит идеологии, ее кризису: “Упадок Советского Союза, провалом идеологии, в которой… коренилась его экономическая система вероятно, объясняется в наибольшей степени (с. 415). Или: ядром империи была идеология, и она провалилась” (с. 332). Ну что же, идея, прямо скажем, не новая, из запасников той самой советологии, которую в целом справедливо презирает Ливен. <…>

Чем объяснить, что в одних случаях идеология — фактор побед, а в других — фактор поражений? Что говорите? В нее перестали верить, и она обветшала. Допустим. Но

почему? Почему с середины 1950-х растет число людей, для которых “официальная советская идеология” утрачивает свое значение? Потому что перед нами уже не молодое аграрное или в лучшем случае аграрно-урбанистическое малограмотное общество, а вполне зрелое промышленно-городское, образованное, настроениям которого эта идеология уже не соответствовала. Однако к самой идеологии это отношения не имеет, главное здесь — изменения структуры общества, массовые процессы в нем.

Особое место в этих процессах занимает нараставшая социальная и экономическая поляризация в обществе, превращение его господствующих групп, номенклатуры к концу 1960-х в нечто похожее на класс. Это все более резко контрастировало с “официальной идеологией”, подрывало ее. Ослабление, а затем кризис “идеологии” был лишь результатом, отражением общественных процессов — социального расслоения, роста социальной несправедливости при сохранявшейся эгалитаристской риторике, системы воспитания на основе “идеалов строительства бесклассового общества и т.д.

Причем же здесь идеология, и как она могла сыграть решающую роль в упадке СССР, если ее саму подрывали социосистемные сдвиги, ею не определившиеся? Причина и следствие у Ливена меняются местами. Нет, не складывается у него этот puzzle.

VII

Еще один фактор подъема и падения Российской империи и СССР, считает Ливен, — геополитика, природа европейской, а затем глобальной системы государств, их силы и слабости России (напомню, что одной из главных целей своей книги автор считает исследование истории России в международном контексте — с. IX). Ливен подчеркивает значение именно слабости, отмечая, что в течение всей Современности русским пришлось бороться с различными западными державами, не говоря о менее крупных соседях, “вся современная история (России — РФ) в решающей степени обусловлена фактом ее относительной слабости, фактом ее географической близости к центральным районам (heartlands) Европы […], поэтому отчасти данную книгу можно рассматривать как исследование относительной слабости” (с. IX).

Меня многое удивляет в данной аргументации.

Во-первых, разве геополитика играла меньшую роль в подъеме и падении других империй? Почему-то геополитические факторы играли решающую роль в падении “империй” именно тогда, когда они приходили в упадок изнутри. Достаточно сравнить Россию 1917 и СССР 1991 г. с СССР 1941 г., когда на военные поражения молодое здоровое, полное социальной спермы общество ответило крайней мобилизацией всех сил — и укрепилось, а не развалилось как при бесталанных и, что еще хуже, бездарных Николае II Романове и Михаиле Горбачёве.

Во-вторых, разве история Османской и Цинской империй, Австро-Венгерской и Римской — не история относительной слабости? А Британской? С какого-то момента история любой империи становится историей относительной слабости, будь то Рим после Траяна или Россия после Николая I, но именно с какого-то момента, до этого как правило речь должна идти о силе. “Относительно слабые” империями не становятся. О какой слабости Российской империи или СССР может идти речь, если территориальная экспансия России продолжалась до середины 1880-х годов, а экспасния СССР (в виде расширения социалистического лагеря и числа стран социалистической ориентации) — до середины 1970-х. Только последние, упадочные фазы существования Российской империи (1850–1910-е) и СССР (1975–1991) были периодом слабости.

Более того, Россия — вообще единственная современная (modern) незападная империя, которая с XVI в. постоянно расширялась, ее история — это перманентная экспансия, которую в XX в. на другой основе продолжил СССР. Не будучи колониальной империей в западном смысле (т.е. в смысле капиталистической эксплуатации), Российская империя развивалась как альтернативная и морским, и континентальным империям Запада вместе взятым, т.е. как альтернативный политико-экономический и геополитический имперский проект, и СССР лишь придал этому проекту социосистемную антикапиталистическую форму. Будучи материально слабее Запада, особенно когда тот, как во время Крымской и "Холодной" войн, выступал консолидированно, единым целым, России и СССР приходилось напрягаться максимально, и в этом действительно была ее относительная слабость. Но это слабость не империи относительно других империй, а слабость России как некой социальной системы по отношению к Западу как социальной системе. Не случайно пики геополитического могущества России/СССР приходятся либо на периоды борьбы за гегемонию в мировой системе, когда Россия участвует в межгосударственной борьбе (1780-е–1840-е), либо когда Запад приходит в себя после войны (1945–1975). Как только Запад консолидируется под эгидой гегемона (Великобритания, США), так России приходится либо отступать, либо, как в случае с СССР, рушится система. <…>

IX

Вывод, который считаю самым важным в работе Ливена: русские должны взять на себя инициативу в написании собственной истории. И действительно, лучшие истории Франции написаны французами, Германии — немцами, Англии — англичанами, США — американцами. И это, естественно, ибо кому как не жителю своей страны, плоть от плоти и кровь от крови ее истории, культуры, социальной ткани, не только знающему, но и чувствующему ее, писать историю России и СССР?

Нельзя сказать, что историй России, написанных в России, мало. Впрочем, нельзя сказать и что много. Широкомасштабные (и уж тем более, широкомасштабные индивидуальные) попытки такого рода разной степени успешности принадлежат XIX — началу XX в. Советское время — это коллективные монографии под редакцией (чаще всего) того или иного "видного организатора исторической науки", а на самом деле "стопроцентно фальсифицированного ученого", (термин С.П.Новикова) который "сотоварищи" фальсифицировал советскую историю в вульгарно-марксистском ключе в духе последних (именно последних) решений "партии и правительства" и указаний начальства.

Дореволюционные историки были немного свободнее в подходах и выводах (им не грозили партвыговор и наказания похуже). Тем не менее, в духе эпохи русская история трактовалась — и чем ближе в концу XIX в., тем активнее — в основном в терминах более или менее либерально-прогрессистских теорий. Исключения лишь подтверждают правило: мы грезили "русский сон под чуждыми нам именами" (М.Волошин). Так длится до сих пор: "чуждые" вульгарно-марксистские имена, сменившие после 1917 г. либеральные, опять сменились либеральными, причем тоже вульгарными и примитивными, но зато хорошо подкрепляемыми грантами, "fellowships" и всем тем, что формирует компрадорскую науку.

Адекватных российской и советской истории и — сверхзадача — долгосрочной русской истории, концептуально интегрирующей Россию и СССР, нет. Перестроечные и послеперестроечные поделки не в счет. Как пелось в песне, "это… все на публику!". Главным образом, не нашу.

Иными словами, "русской Гиббон".

Но для того, чтобы он осуществился, ему должны предшествовать “русский Тойнби” и “русский Эйзенштадт”, а им, в свою очередь, — “русский Вебер” и “русский Маркс”. Речь, разумеется, не о национальной принадлежности, а о том, чтобы писать русскую историю на основе теорий и понятий, адекватных ей, как предмету исследования, отражающих ее, а не иную социальную природу. И, разумеется, в интересах и с позиций той целостности, которая именуется Россией. Ну и, конечно, исследоваться должна не форма — имперская, а содержание, которое у разных империй разное.

А для этого, в свою очередь, необходима содержательная системно-историческая теория, без которой мы обречены на ложную (если не лживую) “компаративистику” поверхностных сходств и различий и не менее ложную “империологию” — “дисциплину” ни о чем, или, если угодно — о формах, безотносительно к содержанию.

Ливен, сравнивая империи, даже не подумал не только о том, что за “империями” скрываются принципиально разные системы власти и собственности, но совершенно разные социопространственные системы, системы разного взаимодействия общества и природы или, как сказал бы Ст.Лем, разные типы. Игры Общества с Природой. В этом плане Россия вообще отличается от всех империй вместе взятых.

Когда-то Василий Розанов заметил, что из-за суровости условий и природной скудости Российская империя была приютом бедноты: здесь никогда не было *“роскошной и трудовой цивилизации, которая легко и свободно кормила бы всех”*. Об этом же писал Лев Тихомиров. Скудость, бедность вещественной субстанции при огромных пространствах, в результате чего развитие идет не вглубь, а внутрь. Иными словами, пространственные факторы и характеристики природной (географической) среды здесь оказываются как минимум не менее важными, чем ее естественные характеристики (которые много важнее пространственных во всех других империях). В связи с этим на первый план выходят проблемы не собственности (и всего связанного с временем — труда, права и т.п.), а власти, не производства (в узком смысле слова), а распределения и перераспределения в ходе и посредством учета (скудных ресурсов) и контроля (над их распределением и над растекающимся по огромным просторам населению). Когда Ленин говорил, что социализм в России — это, прежде всего, контроль и учет, он лишь фиксировал русскую специфику. В России любой строй, будь то московское или петербургское самодержавие — это учет и контроль. И — время от времени — праздник русской истории — передел, перераспределение власти и имущества.

То есть ***смуты***. Именно смуты, а не революции, поскольку речь идет не столько об изменениях в отношениях производства, их агентов, а об изменениях по поводу перераспределения. В этом плане русская история (и Российская империя) противостоит всему остальному — “докапиталистическому” и “капиталистическому” вместе взятому, а потому требует для себя совершенно иной теории, чем, например, китайские империи или британская. Несомненны также различия в империях буржуазно-колониального типа и “докапиталистических” и т.д. Да, у любых самоуправляющихся систем есть общее (на признании этого факта построена кибернетика, для которой утюг, муравейник и общество суть системы, различающиеся лишь сложностью), но это “общее” может быть таково, и чаще всего бывает таково, что ничего не говорит о сути.

В этом плане “империология” оказывается изучением “черных ящиков” или чем-то вроде “хлопка одной ладонью”.

Есть такая дзэнская притча. Учитель объясняет ученикам, что хлопок — это удар двумя ладонями. “А что такое хлопок одной ладонью?”, — спрашивает один из учеников (по

другой версии — сам учитель, чтобы загнать учеников в логический тупик). “Империология” — это из разряда “хлопков одной ладонью”.

Повторю сказанное выше: только адекватная теория сможет направить содержательное и сравнительное изучение империй в правильное русло, а не в тупик некой “***империологии***”. Разработка такой теории тем более необходима, что интерес к имперской тематике будет возрастать, и соблазн “империологии”, особенно для не обремененных солидной теоретической подготовкой умов, велик.

Работа Ливена, и в этом один из ее главных, хотя и негативных, уроков, свидетельствует: даже при благих и вполне искренних намерениях преодолеть некие стереотипы, выйти за их рамки, не оказавшись в ловушке содержательных аналогий, невозможно без теории, без того, от чего Ливен в самом начале исследования гордо отказался и в результате попал в ситуацию “пойди туда, не знаю куда”, оказавшись в плену представлений, подходов, терминов и оценок, характерных для североамериканской (и — шире — англоамериканской, англосаксонской) науки об обществе (так, вопреки тезису Ливена на с. XIV, что империя — это не демократия, выяснилось, что империя может быть намного более демократичной, чем, например, то или иное национальное государство с республиканской формой правления, скрывающей на самом деле диктатуру средних классов; нет, наш Пушкин не случайно был певцом империи и свободы одновременно). Круг замкнулся, камень сорвался, и остается лишь сказать: “Ну, что же, Сизиф, марш снова в гору”.

Впрочем, провозгласить необходимость разработки теории, будучи делом важным (как говорят арабы, благое намерение — полдела; но только пол-, остальное может так и не прийти), далеко не единственное и не самое трудное. Труднее сделать. И не только по научным причинам, последние — “службишка, не служба”. Есть значительно более серьезные препятствия.

Наука, особенно теоретическая наука, как правило, вплетена во вненаучные идейно-политические (“идеологические”, идеопрактические) дискурсы, выступает как их функциональный элемент, связанные с **интересами**, а, следовательно, — вплетенный в **борьбу**, в отношения господства–подчинения в области знания, власти–знания, о чем много писал Мишель Фуко. Поэтому разработка теории, тем более теории русской истории, тем более русскими, как к тому призывает Ливен, автоматически становится актом борьбы в области власть–знания с доминирующими в нем формами, подходами, проектами. В современной науке — это англо-американский (англосаксонский) проект, а сама эта наука в своих понятиях, теориях и оценках — самовосхваление и универсализация англосаксонского исторического опыта, то самое “Anglo-American” self-congratulation, о котором Ливен заявил в третьем абзаце своей книги, и которое по сути он так и не преодолел.

Империи оказались “хуже” нации–государства, только потому что они мешали Британской империи и ее ядру — британскому нации–государству, также как американскому нации–государству. Империи были побеждены. Но это не значит, что они хуже. Это значит, что на определенном этапе развития нация–государство оказалось более эффективным, чем империи. Однако, во-первых, это были нации-государства — ядра морских империй, и первые нельзя отделять от вторых, это будет чистой пропагандой, именно в тех структурах — морских колониальных империях, где благодаря присвоению метрополий колониального продукта можно было подкармливать низы — прежде всего рабочий класс, нации–государства преуспели. Грубо говоря, **миф о нации–государстве как венце политического творения создавали мировые грабители**. Во-вторых, в конце

XX в. нации–государства отступают, слабеют и уже в любом случае не являются более единственным актом международных отношений.

Реабилитация империи в качестве формы относительно нации–государства — не частная и не изолированная научная задача. Она может быть реализована как элемент некоего проекта, альтернативного англо-саксонскому. Речь не идет о каком-то особом русском проекте, таковой — лишь часть, подсистема более общего проекта изучения и, главное, переосмысления, а еще точнее, осмысления заново (*un*think, а не просто *re*think) истории в целом и особенно ее европейской части с позднего Средневековья и начала Нового времени. Именно здесь, в рождении капитализма и в победе основных его субъектов — капитала и нации–государства — скрыты главные социальные секреты победителей капиталистической эпохи.

Историю пишут победители, поэтому Средневековье и феодализм оказались статичными и отсталыми. Протестанты, либералы, англосаксы (англичане и американцы) получили высший балл (“хорошие”, “прогрессивные”). Католики и православные, консерваторы и марксисты, реакционеры и революционеры — всем им выставлен “неуд”, ибо нет бога кроме Прогресса, и Англосакс — пророк его. Отсюда — миф о буржуазных революциях, о том, что конституционализм и республиканизм Нового времени — прямой наследник не средневекового устройства, а античного, который и является истинным. На самом деле, правда в том, что “демократия” и “республиканизм” античности по сути были формой олигархических режимов. Неудивительно, что победители капиталистической эпохи именно эту форму признали своей (она соответствовала им, была эффективной маской). Кроме того, в ходе социальной войны, которую их идеологи впоследствии представят как “буржуазные революции”, их противниками часто оказывались носители средневекового республиканства и конституционализма, порой более демократичных, чем античные (т.е. рабовладельческие!). Все это было заярлычено как “феодализм”, “отсталость” и “империя”, которая выражала интересы реакционных верхушек. В противовес этому нация–государство изображалось как воплощение воли большинства.

И это тоже миф, над разоблачением которого основательно потрудился Пьер Бурдье, который на примере французского государства убедительно показал: нация–государство есть фиктивное целое, фиктивный субъект. Реальными субъектами являются группы, активные меньшинства, навязывающие свою волю друг другу и населению в виде обществ, общего блага, “*public* authority” и т.д. А другие группы (интеллектуалы, учителя, ученые и т.д.) обслуживают этот процесс в своих интересах. Разумеется, Бурдье полемически обострил ситуацию, однако в том, что он говорил, есть большой резон. Нация–государство, действительно, выражает волю влиятельных активных меньшинств. И она делает и одновременно скрывает это тем более эффективно, чем больший продукт может привлечь извне (войны, колонии, неэквивалентный обмен). Иными словами, **за успешными нациями–государствами скрываются империи нового типа**. Как только они приходят в упадок, нация–государство тоже катится под откос: “Good bye, my love, good bye”. О необходимости нового, общего проекта–дискурса, по отношению к которому англосаксонский станет частным пространственно-временным, случаем можно писать много, но это уже будет выход за рамки нашей нынешней — имперской — тематики. К вопросу о борьбе проектов мы еще не раз будем обращаться, а здесь я ставлю точку и возвращаюсь к проблеме империй, точнее — российской империи.

Реабилитация империи в российском прошлом, самого этого прошлого, как дореволюционного, так и советского — не только важнейшая научно-теоретическая, но и практическая задача. Речь идет о практике самопонимания, саморефлексии.

Здесь я опять согласен с Ливеном (так и хочется, используя строку Блока, сказать: Ливен, *“дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе”*): правильное прочтение имперской истории действительно способствует выработке новой коллективной идентичности (с. XIII). Я бы уточнил: способствует недопущению в постсоветскую идентичность чувств в ущербности, неполноценности и вины, которые активно навязываются заинтересованными группами как извне, так и изнутри страны. Внушается чувство стыда за советское и досоветское прошлое, чувство вины целого народа. Перед кем? Перед самими собой? Так не бывает. И почему у русских должно быть чувство вины, а у американцев перед индейцами и неграми — нет. А у англичан перед индейцами — нет. У арабов — перед евреями и у евреев — перед арабами — нет. Есть еще один народ, которым англо-американскими дулами внушили чувство вины — немцы. Но чем может быть виноват народ в целом? (Формулировки “Гитлеры приходят и уходят” намного гуманнее). Тем, что проиграл войну? Выходит, прав тот, у кого сила? Выходит. И это тоже часть англо-саксонского проекта.

Население России убеждают, что его история, будь то самодержавие или коммунизм, его история тогда, когда Россия и СССР были великими державами, — это отклонение от нормы, нужно выбираться на нормальный путь, т.е. ясно какой — западный, а еще точнее — англосаксонский, на котором нас ждут депопуляция, распад страны на 40–50 государств (по “проекту” Бжезинского и его местных подпевал), погружение в трясину отсталости и утраты культурной идентичности, короче — к катастрофе.

Но нам некого винить: англосаксонский проект — не филантропический проект, он сконструирован так, чтобы обеспечить победу англосаксам, успешную маскировку Лисе Алисе и Коту Базилио как лучшим друзьям всяких Буратин, которых ведут в “Страну Чудес”, т.е. на свалку Страны Дураков. Так не надо обманываться и не надо идти туда, куда подталкивает враг. Или, как минимум, не-друг.

Мораль: нужен свой проект, своя концепция прошлого как советского, так и имперского досоветского. Нам нечего стесняться. Как говорят, англосаксы, right or wrong, my country. И спасибо Доминику Ливену, что он дал повод об этом вспомнить.

Публикуется с небольшими сокращениями.

Полная версия статьи была напечатана в «Русском историческом журнале», 2000, Т.III, № 1–4, с.546–569.

2007-04-19
Кошмар «светлого будущего»

I

Нельзя не согласиться с тем, что «Газпром» — это не совсем корпорация, а нынешнее государство РФ — это не совсем государство, точнее, не совсем нация-государство. Тип государства, который складывается в РФ, да и вообще во многих зонах современного мира, существенно отличается от нации-государства. Я называю его **корпорация-государство** (подр. см.: Фурсов А.И. Государство, оно же корпорация // Эксперт — Украина. Киев, 2006, № 7, с. 52–57). Речь идёт не о том, что корпорация превращается в государство, а напротив, государство начинает вести себя как корпорация, поскольку ставит во главу угла экономические, прибыльно-рыночные и корпоративные интересы, а не социальные и национальные.

Этот тип ни в коем случае нельзя путать с корпоративным государством. Последнее, будь то муссолиниевское или гитлеровское, представляло собой тип нации-государства в его «вэлфэровской» форме, с мощной социальной и общенациональной ориентацией.

Нация-государство — это пик, высшая форма развития государственности, государства как института. Логика развития этого института по линии «княжеское государство» — «монархическое государство» — «меркантилистско-полицейское («территориальное») государство» — «нация-государство» заключалась во включении всё большего числа населения в государство в качестве граждан и во всё большей социализации и национализации государства. Нация-государство сделало всё население страны, всю нацию (этническую форму организации, базовой единицей которой является индивид) гражданами. Государство и нация совпали. В то же время высшая форма нации-государства — это государство всеобщего социального обеспечения (*«welfare state»*), выполняющее максимум возможных для государства социальных функций.

В конце 1970-х годов это государство, пережив 30-40 лет триумфа, начинает давать сбой за сбоем. Оно становится менее эффективным (бюрократизация), а верхушка, мировая «железная пята» в условиях мирового экономического спада не хочет делиться со средним и рабочим классом. Помимо прочего и потому, что нагулявшие за 1945-75 гг. социальный жирок средний и верхушка рабочего класса начали набирать политический вес, что истеблишмент воспринял как «прямую и явную угрозу». Со «стеклянной ясностью» (В. Набоков) это чувство угрозы нашло отражение в докладе «Кризис демократии», написанном в 1975 г. С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки по заказу «Трёхсторонней комиссии».

Отсюда неудивителен приход к власти на рубеже 1970-80-х годов в англосаксонских странах рыночных фундаменталистов (1979 г. — Тэтчер в Великобритании, 1981 г. — Рейган в США), главными классовыми задачами которых внутри их стран были частичный демонтаж *«welfare state»* и наступление на позиции среднего и рабочего классов. При этом поскольку *«welfare state»* — это форма нации-государства, то подкоп под форму оказался подкопом и под содержание, и началом постепенного формирования нового типа государства, корпорации-государства — института, с точки зрения господствующих групп намного более адекватного миру ТНК (и глобальной экономике, если не криминальной, то полукриминальной по своей сути), чем нация-государство и находящегося с ТНК и мировыми финансами в состоянии симбиоза. Конкретным персонификатором этого симбиоза является слой, который Д. Дюкло называет «гипербуржуазией», или «космократией», а Дж. Перкинс, автор нашумевшей книги «Исповедь экономического убийцы», — «**корпоратократией**».

Суть корпорации-государства в следующем. Это такое властно-собственническое устройство, цели и функционирование которого носят прежде всего экономический характер, то есть направлены на снижение издержек. Следовательно, они требуют минимизации политических и социальных издержек и по содержанию территории прописки — от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для нации-государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни).

Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальном масштабе, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть — государство начинает вести себя как корпорация, в которой всё определяется экономической эффективностью: «выживает сильнейший» и «ничего личного». Иными словами, корпорация-государство — это такой административно-экономический комплекс, **который**, будучи формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране; **который** в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпорационных) или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; **который** приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сократил их). Внутренний принцип организации корпорации-государства — клан. Именно клан, а не физический индивид, как в нации-государстве, есть базовая социальная единица корпорации-государства: индивиды «здесь не ходят».

Внешне корпорация-государство сохраняет практически все атрибуты нации-государства, однако, это главным образом форма, скорлупа, за которой скрывается иной тип, питающийся соками умирающей структуры.

Формирование корпорации-государства идёт во всём мире, однако, с разной скоростью. Там, где до сих пор сохраняются гражданское общество, формально-демократические институты (западное ядро капсистемы) или же там, где сохранились традиционные институты, где сильные позиции сохраняет религия (Китай, Индия, исламский мир), процесс формирования корпорации-государства идёт медленнее (его также тормозят такие факторы как большая территория, многочисленное население, мощная историческая традиция и идентичность). Там же где этого нет — в Латинской Америке, тропической Африке, ряде бывших соцстран, этот процесс идёт намного быстрее.

Итак, не всё золото, что блестит, не всё нация-государство, что внешне выглядит как таковое. Это по поводу государства. Теперь о «Газпроме».

II

Последний является корпорацией только по форме. По сути же это ответвление, функциональный орган корпорации-государства, созданный им в качестве некой специализированной структуры.

Причём я вижу здесь чёткую преемственность с историей русской власти. Русская власть постоянно создавала свои властно-собственнические социальные органы — боярство, дворянство, чиновничество и буржуазия пореформенной (1861 — 1905/1917 гг.) России. Всё эти группы вовсе не были самостоятельными господствующими группами или тем более классами типа западных феодалов или буржуазии. Как только эти группы начинали превращаться в нечто подобное, власть их подсекала и «демократизировала». А когда в конце XIX — начале XX в. власть этого сделать не смогла, поскольку впервые в русской истории начала широкомасштабную эксплуатацию своего население **вместе** с новыми господствующими группами, в тот момент как эти группы, так и саму власть подсекла уже сама система в виде антивласти («профессиональные революционеры») и восставшего народа — добрым (а главным образом — недобрым) молодцам урок.

Нынешние новорусские «капиталисты» («олигархи», «плутократы» и т.д.) созданы позднесоветской и постсоветской властью в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов. Они лишь на какой-то короткий миг в середине 1990-х годов отвязались и раздухарились, оказавшись на тот (но только на тот) миг сильнее рушившейся старой формы русской власти — коммунистического центроверха, занимающего в русской истории нишу, аналогичную нации-государству в форме *«welfare state»* в истории западной. Однако, во-первых, центральная власть, какой бы она ни была, не могла с этим мириться; во-вторых, интересы самих новых постсоветских господствующих групп (оформление их отношений с Западом, друг с другом, с населением) требовали новой более или менее централизованной формы, которой и стало созданное (или создаваемое) В.В. Путиным корпорация-государство.

Путин не столько восстановил старую форму, сколько начал создавать новую, и на этом пути сразу же столкнулся с теми, кто был наиболее ярким персонификатором процесса и результата разрушения старого коммунистического центроверха. Напрасно они обвиняли второго президента РФ в реставрационизме, на самом деле шёл процесс создания новой формы власти в России, которой и стало корпорация-государство, естественно, с русской спецификой. «Газпром» и т.п. структуры стали формой централизованно-экономической, властно-собственнической организации новых господствующих групп как элементов Матрицы — корпорации-государства РФ.

Отношения внутри Матрицы часто воспринимаются как хаос, и нередко так оно и есть. Тем не менее, главным образом это не хаос, а подвижная форма, которой, во-первых, выгодно и удобно представляться хаосом как Западу, так и «нерентабельному» населению; во-вторых, которая выглядит как хаос по сравнению со старыми формами. Так же как, например, капитализм, безусловно, являл собой нечто хаотическое по сравнению с феодализмом (кстати, и монархии XVI-XVII вв. ни в коем случае не были реставрацией королевской власти средневековья, как и нынешнее «вертикально-властное» и «суверенно-демократическое» корпорация-государство не есть реставрация советского центроверха).

III

В полученном мной письме-приглашении на сегодняшний «круглый стол» есть вопрос: «Насколько возможно и актуально отделение собственности?» (от власти).

Думаю, вопрос не вполне корректен и продиктован он некой исторической привычкой.

Последние триста лет мы (европейцы, включая русских, и американцы) жили в мире, где власть и собственность постепенно обособлялись друг от друга — содержательно и институционально («закон Лэйна»). Однако эти три, пусть даже четыре «североатлантических» века в истории человечества — краткий, особый и нетипичный момент, который подходит к концу. Это только в капиталистическом обществе, точнее, в буржуазном обществе ядра капсистемы власть и собственность обособлены. Этого обособления не было в азиатских обществах, где власть и собственность слиты в недифференцированное целое, которое, строго говоря, не является ни властью, ни собственностью; в лучшем случае.

В античном обществе собственность растворена в социальности полиса, античной формы *Gemeinwesen*. Только в западноевропейском феодализме (впрочем, почему «западноевропейском»? никакого другого не было), в его эволюции намечается разделение власти и собственности, векторов их развития. Если принципом раннего феодализма был *«Nulle deigneur sans homme»* (*«Нет сеньора без человека»*, т.е. зависимого от него человека), то принцип зрелого и позднего феодализма был иным: *«Nulle terre sans seigneur»* (*«Нет земли без сеньора»*). Западная система со всей очевидностью сдвигалась в сторону отделения власти от собственности и приобретения последней доминирующих роли и значения. При капитализме эта тенденция восторжествовала полностью, породив такие феномены как «государство» (*state*), гражданское общество, политика и рынок — системой этих элементов и является капитализм.

Однако ни эта система, ни взаимообособление власти и собственности не являются ни нормой, ни чем-то данным навечно. *Fortuna dat nihil mancipio* (*«Судьба ничего не даёт навечно»*), говорили древние римляне. Одна из характерных черт корпорации-государства — мы видим это эмпирически, хотя это вполне можно было вычислить теоретически, вывести дедуктивно — заключается в том, что оно принципиально и систематически стирает, устраняет границу между властью и собственностью (в равной степени оно стремится стереть или максимально истончить грань между монополией и рынком, политикой и экономикой, государством и гражданским обществом, и это понятно: корпорации-государству как рыночному монополисту или рынку-монополии в одном «лице» не нужны гражданское общество и политика, место последней занимает комбинация административной системы и шоу-бизнеса). Это стирание само по себе есть процессуальный базис существования корпорации-государства, его *raison d’être*.

При этом поскольку, во-первых, в России рынок и гражданское общество традиционно слабы, поскольку политика (в уродливой форме) возникла в первый раз в начале 1900-х годов, а черед десять лет большевики её отменили, во второй раз — в конце 1980-х годов и, не успев повзрослеть, начала гнить и отмирать; во-вторых, советские ведомства, бывшие хозяйства которых с помощью иностранного капитала и местного криминалитета «распилили» «государственную собственность СССР», были мощными и опытными монополистами, то процесс сращивания власти и собственности на постсоветском пространстве вообще и в РФ в частности идёт очень быстро.

Здесь мы, как это нередко бывало, показываем остальному миру кое-что из его будущего. Показываем, однако, в уродливой — либерпанковской, или «либерастической» форме. Стартовав позже Запада в формировании корпоратократии, РФ очень быстро догнала, и в чём-то и перегнала его на этом пути. Повторяется, пусть фарсово, ситуация с историей капитализма в России: вступив позже Запада на этот путь, Россия вошла в стадию империализма одновременно с ним (последняя треть XIX в.), а в формировании государственно-монополистического капитализма в начале XX в. обогнала его (после 1917 г. эти ГМКашные «наработки» в теории и практике используют большевики).

IV

Буквально несколько слов о теме «*корпоратократия как субъект системной коррупции*».

Во-первых, если коррупция носит системный характер, то это уже не коррупция, а системное производственное отношение данного общества. К тому же коррупция как «использование публичной сферы в частных интересах» характерна для такого порядка, где власть и собственность взаимообособлены. Там, где они исходно не обособлены или же, напротив, идёт процесс их сращения, мы либо вообще не можем пользоваться термином «коррупция» (что не устраняет омерзительности самого явления, для которого, похоже, ещё нет адекватного термина), либо должны констатировать, что «коррупция» в данных условиях выступает в качестве специфического классово- (и системно-) генерирующего фактора, а потому опять же мы имеем дело с чем-то более сложным — и как явление, и как процесс, — чем просто «коррупция».

Во-вторых, почему корпоратократия как субъект **только** системной коррупции? Корпоратократия становится субъектом вообще мировых отношений. Формирующаяся корпоратократия РФ, при всей её специфике есть не отклонение от нормы, а один из путей формирования этой нормы.

В то же время я не считаю, что эта норма — единственно возможный, безальтернативный вариант развития позднекапиталистического и, кто знает, возможно, посткапиталистического общества (разумеется, если весь этот процесс не будет прерван глобальным социобиологическим кризисом, жертвами которого могут стать не только капитализм, европейская цивилизация и белая раса, но вид *Homo*). В истории всегда есть альтернативные варианты и до определённого момента, пока система не достигает точки бифуркации, где делается выбор, они рядо- и равноположены.

Так, кризис феодализма привёл к формированию двух вариантов выхода из него — старопорядкового и буржуазного. Последний победил только в первой половине XIX в. благодаря индустриализации, подъёму финансового капитала, социально-политическим революциям, которые буржуазия смогла направить главным образом против Старого порядка, и формированию нации-государства как функции капитала (подробнее эта ситуация проанализирована мной в «Колоколах Истории», М., 1996).

Ну а во второй половине XIX — первой половине XX в. либералы и марксисты переписали историю, представив историю XV-XVIII вв. так, будто всё и должно было идти и шло только к победе капитала (и капитализма); главным героем стала буржуазия, а антифеодальный Старый порядок, в недрах которого она существовала и с которым боролась с помощью низов, был объявлен феодальным (во многом именно поэтому до сих пор не то чтобы замалчивается, но не особо вспоминается великолепная французская историческая школа, прежде всего Ж. Мишле и И. Тэн, достижения которой как минимум не слабее таковых разрекламированной школы «Анналов»).

V

Оформится ли окончательно корпорация-государство и позднекапиталистическое/посткапиталистическое развитие пойдёт по «олигархическому» пути или появится демократическая альтернатива — «слева», «справа» или с обеих сторон сразу — этот вопрос открыт. Оформление социально-ориентированных форм государства или даже восстановление чего-то похожего на нацию-государство с её демократизмом (в России это возможно только в случае позитивного решения русского вопроса, который, похоже, становится главным **социальным** вопросом, на основе русского возрождения, на основе традиционно русских ценностей — таких, например, как социальная справедливость) зависит от конкретного расклада сил, от социальной борьбы.

В конечном счёте, всё зависит от результата исторического волевого противостояния, как это, например, произошло в 1907 и 1917 гг. В первой русской революции одна часть русского народа, организованного главным образом в «чёрные сотни», нанесла поражение другой части и защитила самодержавную власть. В 1917 г. власть была (ситуационно) настолько ослаблена и дискредитирована, что защищать её, по сути, уже никто не вышел, и *«Россия слиняла в два дня, самое большое — в три»* (В.В. Розанов). К концу лета 1917 г. стало ясно, что побеждает один из двух диктаторских вариантов — крайне правый (военный, «корниловский») или крайне левый (большевистский, ленинский). Но на какой-то миг-вечность эти варианты были равноположены и равновероятны.

Аналогичным образом в перестройке до какого-то момента были равноположены два альтернативных варианта развития — массово-демократический с советским средним классом во главе и корпоративно-олигархический во главе с западно/рыночно ориентированной номенклатурой.

Иными словами, я вовсе не хочу сказать, что корпорация-государство и мировая корпоратократия — это наше абсолютно детерминированное «светлое будущее». Есть логика социальной борьбы, причём не только внизу, но и наверху. Я не исключаю такого варианта, при котором часть агентов корпорации-государства в своих интересах в соответствии с логикой борьбы на страновом и мировом уровнях будет вынуждена сделать поворот в национальном и социальном направлении. Эквивалентно-нишевый пример — ликвидация НЭПа группой Сталина и стоящими за ней силами в своих интересах; для страны это означало поворот от сырьевой модели к военно-промышленной, искоренение нэповской коррупции и постепенная переориентация с революционно-космополитической модели на державно-национальную, пусть и в революционно-коммунистической форме.

Кроме того, есть логика систем, но есть и логика субъекта, и многое зависит от морального выбора человека — часто вопреки системным обстоятельствам. У нелюбимых мной «зрелых» Стругацких в навеянной акутагавской «Стране водяных» «Улиткой на склоне» есть замечательный эпизод. Главный герой повести «Кандид» размышляет о положении, в котором оказались люди некой местности: *«Обречённые, несчастные обречённые они не знают, что обречены, что сильные их мира… уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов, стенами леса, что всё для них уже предопределено и — само е страшное — что историческая правда… не на их стороне, они — реликты, осуждённые на гибель объективными законами, и помогать им — значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке фронта»*.

Кандиду **такой** прогресс, однако, не нравится. Это не мой прогресс, говорит он; на мне, как на камушке, этот прогресс споткнётся. Данная фраза, отражающая субъектизацию системного (т.е. бесчеловечного) прогресса, представляет попытку выхода за рамки «системно-исторической правды». Закономерности не бывают плохими или хорошими, рассуждает Кандид, они вне морали, но я-то не вне морали. С этими мыслями он сжимает в руке скальпель и направляется к окраине Леса — ставить подножку неизбежному и античеловеческому прогрессу. Мораль: правда системы и правда субъекта — разные вещи; власть — и родина, как говаривал Набоков, не одно и то же; моральный выбор всегда есть, ну а история — это столкновение воль. Вот под этим углом и надо рассматривать проблемы корпорации-государство, корпоратократии и будущего России.

*Статья написана по мотивам выступления на заседании Экспертного клуба ИНС «**Газпром» и государство. Угрозы сырьевой корпоратократии в России**».*

http://www.apn.ru/publications/article16920.htm

О специфике русской истории

На вопросы "Русского Проекта" о русском прошлом, настоящем и будущем ответил Андрей Фурсов, кандидат исторических наук, директор Института русских исследований Московского Гуманитарного Университета.

- В чем заключается специфика русской истории?

Во-первых, русская история создавалась и творилась в крайне неблагоприятных природно-климатических и исторических условиях. Русские люди осваивали и обживали ту зону, которую часто называют «евразийским неудобьем». К тому же Россия была открыта и с востока, точнее, с юго-востока, и с запада отбивала удары со всех сторон.

Во-вторых, для освоения этой территории понадобилась совершенно особая социальная и, что еще важнее, особая властная организация. Державообразующий элемент – русский народ – создал такую власть, которая не имеет аналогов ни на Востоке, ни на Западе. Это – принципиально неограниченная власть. Неважно, как она называется: самодержавие или коммунистический порядок – но это единственная в истории власть, которая не ограничена ни ритуалом и религией, как это имеет место быть на Востоке, ни законом и иными субъектами, как это имеет место быть на Западе. Это власть, которая является субъектом сама по себе, то есть автосубъектом. И этот субъект стремится, чтобы других властных субъектов не было.

Ещё одна очень интересная черта – это динамика отношений народа и власти. Власть наша, безусловно, вырастает, как местная, но ведет она себя по отношению к народу очень часто как завоеватель. Вся динамика русской истории – это сложная диалектика отношений власти и народа. Причем отношения такие: народ власть не любит, власть народ тоже не любит. Но когда власть слабеет, народ либо подставляет плечо и удерживает ее, как это было во время смуты начала XVIIвека, либо крушит старую власть и создаёт новую, как это произошло в начале XX века. Причём эта новая власть оказывается намного более жестокой по отношению к народу, чем прежняя.

Третья специфическая черта русской истории – неоформленность социальных групп, их текучий характер. У нас всё подвижно, всё меняет своё положение – и ввиду этого не закрепляется, идёт вширь, а не вглубь, пространство разменивается на время, размазывает его по себе, а потому при внешней изменчивости реально мало что меняется. М. Волошин в стихотворении «Северо-восток» так писал об этом:

Что менялось? Знаки и возглавья.

Тот же ураган на всех путях:

В комиссарах – дурь самодержавья,

Взрывы революции в царях.

С этим феноменом изменений без изменений, когда бурное взаимодвижение – mobilis in mobile – как бы обездвиживает систему и лишает её ряда системных характеристик, тесно связана слабая институциализированность русской власти. Разумеется, это следствие автосубъектности, но и социальной текучести тоже. Институты здесь либо «нарисованы на холсте», либо неэффективны. Не случайно, как только перед властью вставала какая-то задача, создавались чрезвычайные комиссии, которые и решали эту задачу, а потом их либо распускали, либо из чрезвычайки превращали в некое подобие института, и они утрачивали свою эффективность, увязая в русской жизни.

- А как именно из географических и исторических особенностей вытекает наша российская политика и наша специфическая форма власти?

Наша особая власть и возникла особым образом. Иногда говорят, что мы унаследовали её от Золотой Орды. Это неверно. Ордынская власть сама по себе, по своей сути не была ни автосубъектной, ни надзаконной. Она выступала в качестве таковой функционально, обретала эти характеристики только в отношениях с русскими княжествами – своими данниками, улусниками. Позже, когда Орда ушла в небытие, московские великие князья – Иван III, ВасилийIII и Иван IV – много поработали над тем, чтобы 250-летняя внешняя форма отношений между Ордой и Русью превратилась во внутреннюю форму отношений власти и населения, Москвы и Руси, интериоризировалась, чтобы функция обрела субстанцию. Моментом истины стало введение опричнины – эмбриональной формы не только самодержавия, но и русской власти вообще. Иными словами, наследие Орды в русской власти присутствует, и ещё как, но оно носит «функционально-энергетический», а не «субстанциально-материальный» характер.

Московские князья это, кстати, хорошо это чувствовали, ощущая себя наследниками Орды. Один пример. Для контроля над пространством, приобретённым московскими князьями в ходе войн за ордынское наследство, было создано два типа управленческих учреждений – функциональные и территориальные. Территориальные часто назывались «дворцами» – Тверской, Сибирский. «Дворец» – это точный перевод монгольского слова «ордон». «Алтын Ордон» – Золотая Орда – это и есть «Золотой Дворец». То есть послеордынская Москва, как сейчас модно говорить, «позиционировала себя» по отношению к присоединённым или завоёванным территориям в качестве их орды, новой – православной Московской орды, «Москвагийн Ордон».

С учётом роли Орды в возникновении русской власти возникает вопрос: так что же, русская история последних семи с половиной столетий – случайность? Ни приди монголы и Орда, не возникли данническо-улусные отношения с ней, и не было бы никакой русской власти, никакого самодержавия? Не было бы. Но дело не в случайности.

В истории бывают разные случайности и разные необходимости. Например, инки и ацтеки были завоеваны испанцами. Это – случайность или необходимость? Для инков и ацтеков это – абсолютная случайность, а вот экспансия Испании – это вещь совершенно закономерная. То же самое и с возникновением русской власти в Евразии. Дело в том, что в евразийской степи с III века до нашей эры по XII век нашей эры постоянно возникали крупные кочевые империи. Из них наиболее крупными были держава Хунну, Тюркский каганат и Великая Монгольская держава. Каждая последующая держава была территориально больше, чем предыдущая. Граница державы Хунну прошла по Байкалу, граница Тюркского Каганата вышла к Каспийскому морю. Крупнейшая кочевая держава объективно должна была охватить весь или почти весь (исключая высокогорье) евразийский хартленд, её граница должна была пройти – условно – по январской изотерме -6° С.

Логика развития степных евразийских держав должна была рано или поздно включить в себя в том или ином виде русские земли. То, что стало случайностью для русских, было необходимостью для развития более крупной целостности – евразийской; необходимость на одном уровне проявляется как случайность на другом.

Великая Монгольская держава была последней кочевой державой Евразии, исчерпав кочевой потенциал евразийской интеграции и возможности хартлендовской экспансии с востока на запад. С XVI в. начинается аграрная – русская – фаза хартлендовской экспансии, с запада на восток, и в XVII в. мы выходим к Тихому океану.

- Такая форма власти – она являлась локомотивом русской истории или, напротив, тормозом исторических процессов?

Сходу напрашивается ответ: «притормаживающим локомотивом», но давайте поразмышляем. Когда-то Ключевский сказал: «Русский народ – это текучий элемент русской истории». А власть его все время пытается откристаллизовать. Локомотив русской истории – это взаимодействие власти и народа, причем взаимодействие почти напрямую, т.е. при слабой, в целом, роли того, что называют институтами и господствующими группами. Ведь все господствующие группы в русской истории были в той или иной мере созданы самой властью, реализовывали себя в качестве её органов. Причём, как

только эти органы начинали превращаться в нечто похожее на классы, система их подсекала; либо это делала сама власть «сверху», как при Иване IV и Петре I, либо народ «снизу», как в 1917 году, не допуская классогенеза. Ведь, строго говоря, в русской истории не было классов в западном смысле слова, будь то феодалы или буржуазия, в лучшем случае – классоподобные группы, эволюция которых в классовом направлении была мерой их регресса и упадка как групп. И это не случайно.

Дело в том, что в России традиционно небольшой избыточный продукт. В аграрную эпоху это было так из-за природно-климатических условий, в промышленную – отчасти из-за этих условий, отчасти из-за пространств, что увеличивает стоимость произведённого товара из-за издержек на транспорт, охрану и т.п., отчасти по геоэкономическим и геополитическим причинам. В связи с этим появление на Руси,в России, в СССР, то есть в любой структуре русской истории классов было возможно только в том случае, если их представители начинали отчуждать у населения не только «прибавочный» продукт, но и часть необходимого. Естественно, это вело к социальной и экономической поляризации, истощало ресурсы, редко усиливало противоречия и борьбу внутри господствующих групп.

В этом плане классогенез в России – это социальная война сразу на нескольких уровнях, на нескольких фронтах, в том числе и внутри господствующих групп, претендующих на превращение в класс – само это превращение разрывает эти группы, и это ещё одна из причин и неудачности и негативности классогенеза в русской истории.

Иными словами результат классовой трансформации в огромной, небогатой, подвижной, с размытыми социальными группами стране – это катастрофа. Поэтому русская центрально-верховная власть, центроверх, всегда стремилась ограничивать аппетиты господствующих групп в их эксплуатации населения – не потому что любила это население, а в собственных долгосрочных интересах по поводу отношений как с населением, так и с господствующими группами, чтобы те не забывали, кто батька, который породил, но может и убить.

Впервые фундаментальное правило русской власти, о котором я говорю, попыталась нарушить Екатерина II, однако «система» быстро отреагировала снизу восстанием Пугачева и скорректировала сверху посредством Павла I курс по отношению к крестьянству. Так что попытка Екатерины II оказалась фальстартом.

Всерьёз русская власть нарушила своё фундаментальное правило дважды. Первый раз в 1860-е – 1917 гг., что закончилось для неё летальным исходом как в метафизическом, так и в физическом плане – революцией как элементом новой смуты, распадом страны с реальной угрозой утраты суверенитета, гражданской войной и, в конечном счёте, возникновением новой структуры русской власти. Второй раз она начала это делать со второй половины 1980-х годов и делает это до сих пор – мы живём в процессе разложения коммунистического социума и этот процесс в то же время есть третья русская смута.

- Что же, по вашему мнению, ожидает бюрократическую номенклатуру, которая у нас появилась в советские времена и до сих пор продолжает быть

Номенклатура советского типа исчезла вместе с Советским Союзом. Номенклатура – это господствующий слой без собственности, внутренняя организация которого строится на дифференцированном ранжировано-иерархическом потреблении. Та группа, которая начала быстро формироваться во второй половине 1980-х годов и откристаллизовалась после 1991 года – это нечто иное по сравнению с совноменклатурой, это её отрицание – несмотря на генетическую связь. Те, кого называют сегодня неономенклатурой – собственники. Собственники благодаря власти, но – собственники.

Каково будущее этой группы? Как говорят французы: pas grande chose de bon, ничего хорошего, но прежде чем продолжить, хочу отметить ту трудность, которая сегодня объективно возникает при ответе на любой вопрос прогностического характера по поводу России. Дело в том, что с XVII в. Россия была тесно связана с западноевропейской, «капиталистической» системой, а с середины XIX в. со всей очевидностью стала элементом мировой капиталистической системы, развиваясь не только по своим закономерностям, но и по закономерностям этой системы. В течение длительного времени последняя

развивалась по восходящей, а теперь двинулась вниз, прочь с «ярмарки истории», сегодня капсистема находится в глобальном кризисе. Мы, подобно «язычнику, страдающему от язв христианства» Карла Маркса, переживаем этот кризис, который не можем контролировать и по отношению к которому являемся объектом; более того, наш кризис оказывается условием нормального или полунормального функционирования «золотого миллиарда». Я уже не говорю о том, что в состоянии кризиса, близ «точки бифуркации», когда система обладает максимумом выбора, прогнозировать вдвойне трудно, тем более что речь идёт не о структурном (внутрисистемном), а системном кризисе.

Возвращаясь к вопросу о перспективах постсоветской собственнической номенклатуры, скажу: на мой взгляд, её не ждёт ничего хорошего. Во-первых, в России собственнические группы плохо укореняются – мало вещественной субстанции. Поэтому западоподобные формы здесь исходно обретают карикатурно-уродливые, дегенеративные формы. «Западизация» для России – это западня разложения, сколь бы привлекательными ни были формы.

Во-вторых, в ситуации кризиса у западной верхушки остаются два источника накопления – собственный средний класс и полупериферия с периферией, включая их господствующие группы. Постсоветские верхушки с их «золотыми» в западных банках – весьма соблазнительная жертва и удобная мишень.

Ещё одна проблема постсоветских господствующих групп – рост внутренних противоречий по мере проедания советского наследия. Ведь группы эти ничего создавать не могут, они могут лишь присваивать, делить и использовать чужое, ими не созданное. Но хорошо, когда есть, что делить. А когда всё поделено, и «Боливару не снести двоих»?

Судьбоносные изменения в русской истории происходили, как правило, именно тогда, когда проедалась вещественная субстанция – наследие прошлого. Прежде всего вспоминаются даты – 1565 г.- введение опричнины и рождение русской власти и 1929 г. – начало коллективизации, конец генетической фазы исторического коммунизма. В 1929 г. совсистема проела царское наследие, старая промышленность практически не функционировала и верхушка оказалась перед выбором: **либо** дальнейшее продолжение НЭПа, расширение и углубление коррупционных процессов, олигархизация и гниение власти, сырьевая ориентация, финансовая, а в перспективе политическая зависимость от Запада с прямой и явной угрозой утраты суверенитета; **либо** свёртывание НЭПа, индустриальный рывок за счёт крестьянства, социальная война – господствующих групп и значительной части населения, внутри господствующих групп и внутри населения, но при этом национально ориентированное развитие без зависимости от Запада, превращение в великую державу. Именно этот выбор сделала группа Сталина в 1929 г. 1917 г. тоже был моментом выбора, но тогда далеко не всё было решено, он не был необратимым.

Где-то между 2010 и 2020 годами будет проедено советское наследие, и под вопросом окажется до сих пор ещё обратимый выбор 1991 года. Придётся выбирать – либо дальнейшая олигархизация власти, сырьевая ориентация, финансовая зависимость и фактический распад страны, а возможно – её раздел международными хищниками, при которых местной верхушке в лучшем случае будет отведена роль киплинговского шакала Табаки при Шерхане; либо национально-ориентированный выбор, который может оказаться весьма рискованным и опасным, но единственным, гарантирующим сохранение суверенитета, сохранение России как социокультурной целостности и русских как державообразующего народа, впрочем, в другом качестве русские едва ли сохранятся.

Сегодня национально ориентированный выбор сделать и труднее, и сложнее, чем в 1929 году. Тогда не было глобализации; Запад не был един, он был расколот – шла борьба англосаксонских и немецких хищников за гегемонию в капсистеме. Сегодня Запад един. И необходимым, хоть и недостаточным условием для того, чтобы мы как-то выскочили из той ловушки, в которой оказались в результате горбачёвщины и ельцинщины, является, как это ни парадоксально, глобальный кризис, разлом Запада, или современной мировой системы, на части и новая грызня между крупными хищниками. В этой ситуации Россия может играть на противоречиях. Против единого Запада ей не устоять. Это показала и Крымская война, это показала Холодная война. Новая биполярность, которая, похоже, начинает возникать, разделяя мир на североатлантическую и восточнотихоокеанскую зоны, создаёт поле для игры на противоречиях. Нужно только иметь мужество, хотеть и уметь играть.

- Сегодня существуют две популярные точки зрения, которые конфликтуют между собой. Одни утверждают, что нам нужно нагонять Запад, встраиваться в него, другая же точка зрения – что мы из-за своего отставания оказались в специфической ситуации, в которой можем поучиться на чужих ошибках и более успешно через кризисный этап проскочить.

Думаю, обе точки зрения ошибочны. Что значит «встраиваться в западную систему»? Как? Сегодня встраиваться мы можем только как сырьевой придаток. История последних полутора столетий показала, что у России есть только две формы (или стратегии) существования в капиталистическую эпоху. Первую стратегию я условно называю «стратегией Александра II», поскольку политические, экономические и даже идейные основы этой стратегии были заложены именно при нём, приведя Россию в тупик, выходом из которого стала революция. Эта стратегия сырьевой интеграции (только в XIX в. торговали не нефтью, а зерном – «не доедим, но продадим»), нарастающей финансовой и политической зависимости, заставившей Россию таскать каштаны из огня для англосаксов в Первой мировой. Стратегия Александра II, в соответствии с которой Россия стала вторичным, периферийным элементом капсистемы, а русская верхушка – элементом мировой, есть стратегия разложения, упадка и поражения.

Другую стратегию условно можно назвать «стратегией Сталина». В этом случае Россия не интегрируется в капсистему, а становится антисистемой или, как минимум, альтернативной мировой системой. Ясно, что реализовать такой вариант можно только на основе мощного военно-промышленного комплекса, при максимальном напряжении сил общества и жёстком контроле центроверха над верхушкой. Именно этой стратегии мы обязаны нашими успехами 1930 – 1960-х годов, победой в войне, достижениями в обороне, науке, космосе, короче, величием России в XX веке.

Реальная эрозия «стратегии Сталина» выявилась в 1970-е годы, когда СССР подсел на нефтяную иглу и началось постепенное сползание от вэпэковской ориентации к сырьевой. Горбачёвщина, а в ещё большей степени ельцинщина стали приведением в соответствие с линией на сырьевую ориентацию и интеграцию верхушки в капсистему всего остального – сырьевая интеграция и её *хозяева́* не нуждаются ни в державе, ни в суверенитете, ни в армии, ни в науке, ни в высокой морали. У меня не складывается впечатление, по крайней мере, на данный момент, что Россия сама сможет выскочить из глобально-сырьевой ловушки позднего капитализма. А вот слом, кризис глобальной системы, который, представляется не за горами, может предоставить такую возможность. Но случай, как известно, помогает подготовленному. Я уже не говорю о тех опасностях, которые несёт с собой кризис – и вообще и нам, русским в частности. К кризису надо готовиться.

В своё время я с большим интересом прочёл азимовский многотомник «Академия», в оригинале – «Foundation». Дело происходит в далеком будущем, в Галактической империи. Империя процветает, но однажды к императору приходит математик Селдон и говорит о том, что через тридцать лет империя рухнет, а затем начнутся тридцать тысяч лет войн, мрака и хаоса. Император спрашивает, нельзя ли избежать кризиса. Селдон отвечает, что нет, кризиса избежать нельзя, но можно эти тридцать тысяч лет сжать до одной тысячи, если воспользоваться его, Селдона, планом. В конечном счёте, всё происходит по Селдону. «Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок».

Сегодня ответственная русская власть должна, решая насущные повседневные задачи, загодя готовиться к неизбежному глобальному кризису, который разразится годам эдак к 2030-м, а то и раньше. Этот кризис смахнёт не только капсистему, но ввиду её глобального, перестроившего за последние столетия мир, характера, большинство тех форм жизни, которые существуют со времён «неолитической революции». Похоже, сегодня мало кто понимает, что мир доживает последние десятилетия эпохи, стартовавшей десять тысяч лет назад. Новая эпоха, если человечеству суждено пережить кризис и «тёмные века», скорее всего, будет полной «перезагрузка матрицы», изменением кода развития. Похоже, крушение СССР, будучи результатом русского развития в XIX-XX веков, в то же время являет собой один из первых симптомов глобального кризиса XXI века.

- А какова могла бы быть оптимальная стратегия России и оптимальные ее действия в рамках подготовки к кризису?

Действия предпринимают государственные деятели, они же реализуют те или иные стратегии. Я – учёный, занимаюсь теорией и историей социальных систем. Моё дело – прежде всего теоретический, ну и, естественно, конкретно-исторический анализ реальности. И я могу говорить только о том, что, на мой взгляд, должны делать учёные, профессиональные интеллектуалы в условиях надвигающегося кризиса. Нужно создавать принципиально новую науку об обществе и – на её основе – принципиально иные типы и формы образования.

Современная наука об обществе, её дисциплинарная «сетка» с триумвиратом экономики, социологии, и политической науки в центре, ее методы, теории, понятийный аппарат – адекватно отражают реалии буржуазного общества 1770 – 1970-х годов, для объяснения которых она и была создана. Она не соответствует реалиям некапиталистических обществ, будь то «докапиталистические» или «исторический коммунизм». Более того, она неадекватна современному позднекапиталистическому миру. С ослаблением или даже упадком нации-государства, гражданского общества, публичной сферы, политики исчезают те объекты, задачи, исследования которых породили современную науку об обществе. Сегодняшняя реальность уже далеко не полностью улавливается нынешним обществоведением; нужны не просто новые теории и понятия, а принципиально новые дисциплины, новая научная система, новая организация науки. И, естественно, новая система образования.

Сегодняшнее образование, будь то наше или американское, знакомит студентов с тем миром, который начал умирать на рубеже 1970 – 1980-х годов, и в настоящее время уже почти умер. К сожалению, нынешнее образование не готовит современных людей, оно готовит людей вчерашнего дня, и ублюдочная «болонская система» – творение бюрократов и торгашей от образования – лишь законсервирует эту ситуацию. Нужно новое знание о мире и новая система обучения ему. Кто первым решит эту задачу в начавшемся веке, тот – при прочих равных – имеет наилучшие шансы на победу. Знание – сила. Разумеется, если к нему добавить волю. Нужно, чтобы на место современной науки пришел другой комплекс дисциплин. Эти новые дисциплины – ключ к пониманию современного мира. Кто быстрее создаст знание о современном мире, тот и выиграет. Для политиков должны всерьез поработать ученые. Вот это – их главная задача, их «план Селдона». Но еще необходимо, чтобы пришел новый субъект и сказал: это мы воплотим. Сталин очень любил фразу «Мы оседлали законы истории». Что бы ни говорили о большевиках – и, кстати, о нацистах тоже – они победили в своих странах в начале XX века, потому что стали людьми XX века значительно раньше, чем их оппоненты. И в этом была их сила. В том, что у них была не только власть, но и знания.

http://rus-proekt.ru/idea/vlast_i_narod_v_russkoi_istorii.print

Прощальный поклон капитализма

«Мир изменился» — эти звучащие рефреном во «Властелине колец» слова как нельзя лучше характеризуют нынешнее состояние мира. Ещё тридцать лет назад он был иным — внешне и внутренне. За эти десятилетия успел закончиться великий антикапиталистический эксперимент XX в. (а вместе с ним — Большой Левый Проект европейского Модерна) — на карте больше нет СССР. Сегодня мы живём в эпоху глобализации (как научный этот термин появился в 1983 г., зафиксировав принципиально новое явление) и её уродцев-артефактов («мультикультурализм», «толерантность», «политкорректность» и др.). США, в отличие от СССР, остались на карте и провозглашены единственной сверхдержавой, хотя в 1980–1990-е годы произошла мутация и США уже не столько государство, сколько кластер ТНК, «неоимперия».

Китай воспринимается как вторая сверхдержава и возможный конкурент США в XXI в. (впрочем, в 1970–1980-е годы мы уже проходили это с Японией). На экономическом подъёме (высокой социальной ценой) Индия и Бразилия. Разрыв между богатыми и бедными странами, а также между богатыми и бедными в самих этих странах, сокращавшийся в 1945–1975 гг., стремительно растёт, побивая все рекорды. Человечество всё отчётливее делится на богатую верхушку (20%) и бедную основную массу (80%) — на «глобалов» и «локалов», по терминологии З. Баумана, а средний класс постепенно, но неуклонно, размывается и тает и, по-видимому, лет через 30–40, если не раньше, отправится в Тартар Истории вслед за крестьянством и рабочим классом. По экспоненте растёт число «трущобных людей», мирового андеркласса и андерграунда: к 2030 г. их будет 2 млрд. из 8 млрд., населяющих планету, с прямой и явной угрозой нового «переселения народов», т.е. Глобальной Большой Охоты.

Уходят — почти ушли — в прошлое прогрессистские идеологии марксизма и либерализма (показательно, что с 1980 г. «фэнтэзи» по сути вытеснила «сайнс фикшн») с их надеждами на универсалистское светлое будущее. На подъёме фундаментализмы — не только исламский, но христианский и иудаистский; западное христианство, всё более утрачивающее подлинно христианскую субстанцию, проигрывает оккультным течениям; восточное всё больше приобретает облик бывшего партработника со свечкой. Всё это было немыслимо ещё в середине 1970-х, хотя первые знаки на стене появились уже тогда.

Вообще-то мир постоянно меняется — изменение есть его неизменная характеристика, и всё же то, что произошло в последние 30–40 лет и, по-видимому, будет продолжаться в течение примерно такого же отрезка времени или чуть больше, выходит далеко за рамки нормальных изменений, а во многом носит беспрецедентный характер в истории капиталистической системы. Разумеется, в ней бывали переломные эпохи — например, «длинные пятидесятые» (1848–1867) в XIX в. или «длинные двадцатые» (1914–1933) в XX, круто менявшие траекторию развития системы. Однако изменения последних десятилетий меняют не траекторию развития системы, а систему. Более того, меняется

развитие земной цивилизации в целом — в том виде, в котором она существует со времени так называемой неолитической революции.

Нынешнее время именуют по-разному: эпоха глобализации, эпоха конца истории, эпоха перехода от Модерна к Постмодерну и т.п. Несмотря на то, что в этом потоке словоблудия отчасти тонет, отчасти сознательно топится реальный смысл происходящего, совершенно очевидно, что речь так или иначе идёт о кризисных явлениях, которые чаще всего анализируются изолированно, в результате чего суть целого исчезает. Если же говорить о целом, то мир не просто переживает кризис, а находится на таком переломе, аналогов которому в истории до сих пор не было.

Прежде всего, это **системный кризис капитализма**, доживающего, по-видимому, если не последние десятилетия, то последнее столетие. Однако в силу глобального характера капитализма с его кризисом оказались связаны — либо причинно-следственной связью, либо логикой волнового резонанса — кризисы геокультуры Просвещения, европейской цивилизации, христианства, библейского контрольно-иерархического проекта, белой расы и, как знать, рода Homo и биосферы. Перед нами — кризис-матрёшка, осуществление которого и является великим и невиданным глобальным переломом. Однако обо всём по порядку.

Крушение коммунизма — стук Судьбы в дверь капитализма

В последние годы принято писать о кризисе коммунизма и марксизма и трактовать это как триумф капитализма. При манихейском взгляде на капитализм и коммунизм как абсолютно противоположные взаимоисключающие целостности так оно и получается. Ну а если связь капитализма и коммунизма как системного антикапитализма намного тоньше и хитрее и само существование коммунизм а есть индикатор нормального состояния капсистемы? В таком случае крушение коммунизма — «знак на стене» капсистемы, сигнал о её надвигающемся упадке.

Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия. Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм материализовался только в капиталистическую эпоху. Исторический коммунизм («реальный коммунизм», «реальный социализм») — это только антикапитализм. В истории никогда не было таких систем как антирабовладение и антифеодализм. Коммунизм как социальная система никогда не существовал как антифеодализм или антирабовладение. Таким образом, остаётся только одна эпоха, в которой исторически существовал (и мог существовать) коммунизм — капиталистическая. И то не вся, а только её зрелая, индустриальная фаза, что ограничивает реализацию коммунизма во времени, в истории определённым этапом развития капитализма. Но это значит, что в самом капитализме как явлении, как мировой системе отношений производства есть нечто, наделяющее его очень специфической, присущей только ему одному, а потому — загадочной и таинственной способностью выступать, реализовывать себя в двух различных социальных формах: положительной и отрицательной. Здесь нет места детально разбирать этот вопрос (подр. см.: Фурсов А.И. Колокола Истории. — М., 1996), ограничусь констатацией: капитализм существует как некая двойная звезда, двойная масса, единство капиталистического и некапиталистического. Объективно прогресс капитализма — изживание некапиталистического, но это же путь к системной гибели: нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистического сегмента.

Сначала, в XVII–XIX вв. это был постфеодальный докапитализм Старого Порядка. Сначала капитал использовал его как скорлупу, затем в XVIII в. вступил с ним в борьбу (Просвещение, Великая французская революция), а в ходе мировой войны 1914–1918 гг. разрушил его. Й. Шумпетер заметил по этому поводу: ломая таким образом то, что препятствовало его прогрессу, капитализм рушил и несущие конструкции, предохранявшие его от коллапса. Отчасти это верно, но, думаю, объективно устранялись те некапиталистические формы, которые были неадекватны новой эпохе, а на их месте возникали иные, более адекватные. Речь идёт прежде всего о системном антикапитализме СССР, который стал следующей после Старого Порядка стадиальной формой, но уже «анти», а не «до», двойной массы для капитализма.

Выступая в качестве альтернативного глобального проекта (с середины 1950-х годов во всё уменьшающейся степени) и существенно ограничивая масштаб действий капитализма в мире, исторический коммунизм в то же время решал для капитализма — главным образом косвенно, но в данном случае это не имеет значения — ряд задач. Это участие в мировой войне на стороне англосаксов, роль внешнего стимула для внутрикапиталистических трансформаций, совместный с капитализмом контроль над миром и стабилизация последнего посредством Холодной войны и т.д.

Поддерживая левые партии в Первом мире и национально-освободительное движение в Третьем мире, СССР не позволял буржуинам раздавить их. Однако в то же время, подчиняя эти движения своей логике противостояния капитализму — системной, а со второй половины 1950-х годов во всё большей мере государственно-геополитической, исторический коммунизм ограничивал, «дисциплинировал» эти движения, делая их более предсказуемыми и управляемыми. В результате, по мере интеграции СССР и его господствующих групп в капсистему — интеграции, которая в конечном счёте привела к крушению антисистемного капитализма, СССР встраивал вместе с собой в капсистему «опасные классы», отчасти «одомашнивая» их на системный лад. Правда, эта «доместикация» в мировом масштабе XX в. часто оборачивалась для капитализма поражениями.

Однако, во-первых, поражения эти при всём их значении и резонансе (например, Вьетнам 1975 г.), как правило, носили локальный характер, а во-вторых, даже если они выходили за локальные рамки, хозяева капсистемы нередко довольно быстро извлекали уроки и использовали их для самотрансформации по принципу «Матрицы-2» или, проще, «за одного битого двух небитых дают». Так, победа СССР в Холодной войне над **государством** США в 1975 г. (Вьетнам, Хельсинки) существенно облегчила внутрикапиталистическую трансформацию и выход на первые роли в капсистеме корпоратократии («гипербуржуазии», «космократии» — Д. Дюкло) — молодой и хищной фракции мировой буржуазии, тесно связанной с ТНК. Именно корпоратократия, которая начала своё восхождение в результате и после мировой войны 1939–1945 гг. и которая впервые заявила о себе свержением правительства Мосаддыка в Иране в 1953 г., в 1980-е посадила своих президентов в Белый Дом (Рейган, Буш), а в 1989 г. нанесла поражение СССР как системе и как государству, «пообещав» включить в свой состав, по крайней мере, часть номенклатуры, а другой выдать «бочку варенья да корзину печенья».

Триумф глобализации, первой жертвой которой стали системный антикапитализм и СССР — это триумф корпоратократии. Глобализация позволила капитализму корпоратократии — «турбокапитализму» (Люттвак) относительно легко решить многие из тех задач по стабилизации системы, которые раньше решались с помощью системного антикапитализма. Или, напротив, решать те задачи, которые раньше мешало решать само существование СССР. Например, наличие ядерного оружия у СССР вообще ставило под

вопрос и крупномасштабную (мировую) войну, и как показали революционные войны в Китае, Вьетнаме, Алжире, Кубе победу капцентра над более слабой периферией даже в локальной войне. Глобализация, помимо прочего, решила и эту проблему, и не только потому что устранила СССР, а потому что создав глобальный рынок финансовых капиталов полностью гарантировала победу ядра над периферией невоенными методами — вплоть до её экономического уничтожения, как это произошло, например, с Аргентиной, и превращения в «finished country» — «конечную страну».

Однако — every acquisition is a loss and every loss is an acquisition — глобализация, решив трудноразрешимые среднесрочные проблемы капсистемы, глобализация создала неразрешимые долгосрочные, толкающие капитализм — и довольно быстро — к краю пропасти.

«Но их бедой была победа, — за ней открылась — пустота»

Нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистических зон. Каждый раз, когда происходило очередное циклическое снижение мировой прибыли, капсистема отвечала на неё экспансией и превращением внешней некапзоны в капиталистическую периферию с дешёвой рабочей силой и новыми рынками сбыта (насильственное создание колоний и полуколоний) — и так до следующего раза.

Глобализация замирила ядро, устранила системный антикапитализм и по сути подавила возможности борьбы периферийных обществ за лучшее положение в мировой системе, за лучшие сделочные позиции по отношению к ядру, т.е. глобализация победоносно решила те проблемы, над которыми весь XX в. бился капитализм. Однако за победой скрывалась пустота: every acquisition is a loss and every loss is an acquisition — решив трудноразрешимые среднесрочные проблемы капитализма, глобализация создала неразрешимые долгосрочные и в результате положение капсистемы на рубеже XX-XXI вв. оказалось намного хуже, чем на рубеже XIX-XX: цейтнот и цугцванг одновременно с перспективой новой войны — только уже социальной, верхов против низов и средних слоёв. Собственно, война эта уже началась. Почему и как? Очень просто.

Как уже говорилось, нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистических зон, за которые с которыми он борется. В конце XX в. капитализма эти зоны «победил» — глобализация устранила их, сделав весь мир капиталистическим. Но это значит, что теперь процесс снижения мировой прибыли грозит стать перманентным. Мировая «железная пята» оказалась перед выбором: либо утрата значительной части прибыли, привилегий и, возможно, власти, либо переход от экстенсива к интенсиву, т.е. главным образом к внутренним источникам извлечения прибыли и накопления, к интенсификации внутрикапиталистической эксплуатации в самом ядре и его анклавах во всём мире.

На пути такой «смены вех» стоит очень многое. Это и формально-демократические институты буржуазного ядра капсистемы, гражданское общество, нация-государство, «универсальные ценности» и многие другие завоевания низших и средних классов эпохи 1830/1840-х — 1960/1970-х годов. **По сути, на пути трансформации, о которой идёт речь, сам капитализм как система в целом, от которой, получается, и должен освободиться капитал.**

Вопреки расхожему мнению, капитализм как система не сводится к чистому и безграничному торжеству капитала. Капитал существовал до капитализма и будет существовать после него. Капитализм (ядра) — сложная система экономических,

социальных и политических институтов, ограничивающая капитал в его же собственных долгосрочных интересах, не позволяющая ему охватить, сожрать всё и сразу. Совокупный капиталист есть капитал, ограниченный нацией-государством, гражданским обществом и демократическими политическими институтами. Освобождение капитала (рынка) от этих институтов выгодно капиталу, но разрушительно для капитализма. Когда-то в интересах капитала оказалось создание капиталистической системы (а в интересах господствующих групп — превращение в буржуазию, а точнее, в «совокупного капиталиста»). Нет ничего удивительного, что в определённый момент интересы капитала потребуют (уже потребовали) демонтажа капитализма — только так господствующие группы могут сохранить свои привилегии и власть, трансформировав капитал в иные формы господства.

Внешняя экспансия капитала (а капитализм и был системой государственно-политической организации внешней, мировой экспансии капитала) окончилась: капитализм охватил планету в целом, а потому больше не нужен, в смысле — не только не может обеспечить рост прибыли, но не может остановить процесс её снижения. Поэтому широкомасштабное наступление на демократические институты, ослабление публично-правовой сферы, вырождение политики в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, «растаивание» (fading away) нации-государства при усилении (глобального) рынка финансовых капиталов есть не что иное, как отчасти стихийный, а в ещё большей степени направляемый процесс демонтажа капитализма.

Устраните все преграды на пути капитализма, дайте ему полностью реализовать себя в мировом масштабе, позвольте ему стать глобальным — и вы уничтожите его. Та часть мировой верхушки, в том числе и американские неоконы, которая устраняет всё, что ограничивает капитал и реализацию интересов США как кластера ТНК, разрушает капитализм намного быстрее и результативнее, чем левые движения XX в., которые на самом деле, тормозя самореализацию капитала, в конечном счёте в большей степени укрепляли его, отсрочивали его конец**. Глобализация — вот игла «кощеевой смерти» капитализма.** Однако «финализация» капитализма — процесс вовсе не стиихйный, демонтаж этой системы — процесс сознательный. Я готов пойти ещё дальше и утверждать: крушение коммунизма в СССР совпало с началом демонтажа капитализма как системы западной верхушкой. Более того, это две стороны одной медали — упадка и падения (привет Гиббону) капмира, борьбы, ведущейся между верхушкой и средним классом за то, кто исключит кого из будущего посткапиталистического мира, на чьих костях он будет построен.

Демонтаж капитализма

Условной датой начала демонтажа капитализма можно считать 1975 г., когда по заказу Трёхсторонней комиссии С. Хантингтон, М. Крозье и Дз. Ватануки подготовили доклад «Кризис демократии». В этом документе чётко фиксируются угрозы положения правящему слою — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведёт к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти «эксцессы демократии» являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, её источник — «внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном

обществе, характеризующемся высокой степенью (политического. — А.Ф.) участия». Вывод: необходимо способствовать невовлечённости (noninvolvement) масс в политику, развитию определённой апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный: «Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (senyority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти».

Главной социальной мишенью процесса «кризисного управления» демократией был средний класс. И это не случайно. Именно средний класс стал главным массовым бенефициантом послевоенного тридцатилетия. Перераспределение общественного продукта с помощью налоговой системы превратило значительную часть среднего класса и даже часть рабочего класса в эдакую «социалистическую буржуазию». Разумеется, «нормальная» буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. Welfare state — это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом — в наличии системного антикапитализма (исторического коммунизма) в виде СССР.

В 1960-е годы средний класс на Западе, опираясь на мощные левые партии, стал оказывать серьёзнейшее политическое давление на верхушку, требуя дальнейших уступок. К этому же времени достигло предела своей эффективности и начало давать сбои welfare state. Иными словами, средний класс и работавшее в значительной степени в его интересах welfare state стало слишком тяжёлым бременем для капсистемы даже в её богатом ядре, а противоречие между средним классом («социалистической буржуазией») и верхушкой («капиталистической буржуазией») становилось всё более острым, тем более, что мировая экономика в начале 1970-х годов вступила в полосу затяжного кризиса (нефтяной кризис, стагфляция и т.п. — короче, Б-фаза Кондратьевского цикла, сменившая А-фазу, 1945-1973 гг.), и общественный пирог начал сжиматься. А на пути реализации классовых интересов буржуазии в её действиях по отношению к среднему и рабочим классам стояли такие барьеры как демократические институты, партийно-политическая система, welfare state как форма нации-государства, некий набор ценностей и социально-экономических регулятивов. «Кризис демократии» чётко зафиксировал эти институциональные помехи и стал руководством к действию, что и нашло отражение как в теории (на свет божий вытащили Поппера и ещё более убогого Хайека), так и на практике — приход к власти рыночных фундаменталистов в Великобритании (Тэтчер, 1979 г.) и США (Рейган, 1981 г.), развернувших наступление на средний и рабочий классы (как прописали «доктора» в «Кризисе демократии»).

Суть переломной эпохи 1970-х — 2050-(?)-х годов заключается прежде всего в **ликвидации капитализма**. Три главных вопроса, на которые она должна дать ответ, таковы: 1) какой тип общества идёт на смену капитализму;
2) каким будет соотношение эволюционных и революционных факторов в ходе перелома;
3) за чей счёт и в пользу кого осуществится системный трансгресс — кто ухватит козыри при новой Пересдаче Карт Истории, как сказал бы Ф. Бродель, или над кем сомкнутся волны прогресса, как сказал бы Б. Мур. Пока что волны смыкаются над низшими и средними группами — рождение капитализма и его смерть (или вход в него и выход из него) характеризуются наступлением верхов на низы.

Хотя уже в конце XX в. появилась социологическая теория «20:80» (т.е. 20% — богатые, 80% — новые и старые бедные и практически никакого среднего класса — он рассосался: меньшинству удалось проползти-просочиться наверх, большинство пополнило ряды

низов), тем не менее средние классы ядра в 1980-1990-е годы получили некоторую отсрочку-передышку. В 1980-е годы «железная пята» давила в основном средние классы Латинской Америки и наиболее развитых стран Африки — структурные реформы МВФ в Латинской Америке уничтожили почти весь старый средний класс этого региона. Ну а в 1990-е годы пустили под нож средние классы бывших социалистических стран: если на рубеже 1980–1990-х в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жили 14 млн. человек, то в 1996 г. уже 168 млн.!

Вот это и есть социальная война верхов капсистемы против низов и середины, которая называется глобализацией! Ведь по сути глобализация во многом представляет собой эквивалент английских огораживаний XVI-XVII вв., только в глобальном масштабе; цели — одни и те же: перераспределение дохода и собственности в пользу верхних 20% населения (вне ядра капсистемы — 3-10%), создание новых богатых и новых бедных в жестокой политико-экономической игре с нулевой суммой — если у кого-то прибавится, у кого-то убавится. В этом плане символично, что в нынешней РФ имеет место пропорциональный рост миллионеров и беспризорников.

Синхронно с ослаблением среднего класса идут процессы размывания публично-правовой сферы («конец публичного человека» — статьи и книги с названиями подобного рода не новость) и ослабления гражданского общества; политика всё больше превращается в более или менее уродливую комбинацию административной системы и шоу-бизнеса; деполитизация и десивилизация (от civil society) общества грозит оставить без работы представителей и так приходящих в упадок дисциплин — социологии и политической науки.

Однако, пожалуй, наиболее серьёзной проблемой с точки зрения институционального каркаса капсистемы является ослабление (на Западе пользуются также терминами «растаивание» и «ржавение») нации-государства. Можно смело утверждать, что именно нация-государство и средний класс с его экономическими и социальными формами являются несущими конструкциями капитализма как особой исторической системы. Их ослабление и тем более уход — прощальный поклон капитализма. Нация-государство приходит в упадок сразу по нескольким взаимосвязанным причинам, а следовательно речь должна идти о системном процессе.

Кризис-матрёшка

В силу социальной природы капитализма и его глобального масштаба кризис этой системы становится своеобразным спусковым крючком, каскадным явлением, которые запускают кризисный механизм, далеко выходящий не просто за капиталистические, но вообще за социосистемные рамки. О кризисе общества Модерна, прогрессистских идеологий марксизма и либерализма и связанных с ними форм организации науки и образования — всей геокультуры Просвещения написано уже достаточно, равно как и о кризисе европейской цивилизации. В последнем случае необходимо подчеркнуть, что капитализм, особенно после того, как европейская мир-система в «длинные пятидесятые» XIX в., т.е. в 1848–1867 гг. (аккурат между европейскими революциями 1848 г. и реставрацией Мэйдзи в Японии, между «Манифестом Коммунистической партии» и первым томом «Капитала»), превратилась в мировую систему с «атлантическим Западом» в качестве ядра, начал разрушать не только неевропейские цивилизации, но и европейскую, добившись всего за несколько десятилетий значительных результатов.

Более того, капитализм максимально обострил все дремавшие до его появления противоречия этой цивилизации — как внутренние, так и с другими цивилизациями. И

хотя «Столкновение цивилизаций» Хантингтона — это типичный «концептуальный вирус», главная задача которого отвлечь внимание от реальных противоречий, у кризиса капитализма есть мощный цивилизационный аспект, причём тройной: кризис европейской цивилизации; кризис неевропейских цивилизаций, обусловленный воздействием на них капитализма, прежде всего его структур повседневности и массовой культуры; кризис земной — из-за глобального характера капитализма — цивилизации в целом.

В кризисе европейской цивилизации, помимо заката высокой культуры и изменения самого европейского человеческого материала в XX в., необходимо отметить прежде всего кризис христианства. Последнее почти мертво. Протестантизм, подменив Бога Книгой, почти превратился в неоиудаизм. У христианства нет иммунитета ни к иудаизму, ни к либерализму.

Своё квинтэссенциальное выражение комбинация кризисов капитализма, европейской цивилизации (а в ней — христианства) находит в **кризисе (или завершении) «библейского проекта».** Любая социальная система это система иерархии и контроля, т.е. решение простой проблемы: как держать в узде маленького человека и каким образом для решения этой задачи контролировать поведение верхов и их отношения с низами. В течение почти двух тысячелетий христианство как форма социально-церковной организации, использовав протестно-эмансипаторский проект Христа и одновременно приглушив его (идейно — с помощью Ветхого Завета, организационно — с помощью церкви) и трансформировав в библейский, обеспечивало идейно-религиозные основания иерархии и контроля сначала в Средиземноморье, а затем в Европе (с Россией — в Евразии) и Америке; тесно связанная с христианством ещё одна авраамитская религия — ислам — с одной стороны, выполнила функцию библейского проекта для более отсталых зон региона, а с другой — была продолжением предыдущего — древнеегипетского проекта, который успешно действовал в течение тысячелетий и пиком которого стала Римская империя.

Библейский проект начал давать сбои довольно рано — начиная с откола Рима (католицизма) от православия в политических целях; ну а частичная национализация и частичная иудаизация христианства в мутации протестантизма означали начало глубокого кризиса. В последние два столетия роль реализации библейского проекта вообще пришлось взять на себя светским идеологиям прогрессистского типа — либерализму и коммунизму, причём коммунизм оказался таким же системным ограничением марксова проекта, как библейский — христианского со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Системный кризис капитализма совпал с кризисом светских версий библейского проекта и с исчерпанием этого проекта в целом. То, что работало в поздней античности (т.е. вплоть до «империи» Карла Великого), в Средневековье, всё хуже — во времена Старого Порядка, перестало работать в Новое время. На повестке дня — создание нового контрольно-организующего проекта, только с его помощью — при прочих равных условиях — можно будет вправить «вывихнутый век», преодолеть кризис. Двойной вопрос в том, кто предложит такой проект — верхи или низы и, грубо говоря, кто «переспит» с ним, т.е. поставит на службу своим интересам.

Уже сейчас видны попытки подобного проектирования — менее сознательные и в большей степени религиозные у низов, более сознательные и в большей степени светские у верхов. Радикальный ислам в мусульманском мире и пятидесятничество в Латинской Америке, приобретающее черты если не отдельной от христианства религии, то чего-то похожего — вот очередная «утопия», если пользоваться термином К. Мангейма. Со

стороны верхов это проект американских неоконов («глобофашизм»), призванный углубить и законсервировать навечно социально-экономическую поляризацию позднекапиталистического общества («20:80») и перенести эту по сути кастеизированную форму в посткапиталистический мир.

Весьма символично, что многие неоконы — это бывшие леваки, а некоторые просто троцкисты, прошедшие «правую» школу Лео Штрауса и начитавшиеся Платона. Надо помнить, что из трёх проектов, порождённых субъектной ветвью исторического (античность — феодализм — капитализм) процесса, — два были протестно-эмансипаторскими — Христа и Маркса, а один, самый первый, Платона — консервативным, а в чём-то даже реставрационно-реакционным. Впрочем, оба эмансипаторских проекта были довольно быстро присвоены определёнными социальными силами и организациями и стали использоваться совсем в иных целях, чем те, что на которые ориентирвались их «генеральные конструкторы»; тем не менее, эмансипаторский потенциал в них сохранился, и это противоречие стало центральным и для библейского и для коммунистического проектов.

Кастово-аристократический проект Платона был реакцией на кризис и упадок полисного строя, крушение (а отчасти сознательный демонтаж) полисной демократии. Реакция Платона — остановить, подморозить социальные изменения с помощью жёсткой консервации социальной структуры, его иерархизации. Проект Платона в целом не реализовался, античный мир выходил из кризиса на основе римского проекта (модификация древнеегипетского — в конечном счёте попытка не удалась) и проекта Христа (превращённого в библейский — классическая нейтрализующая трансформация *протестно-эмансипаторского* проекта в *контрольно-иерархический*, попытка удалась); однако некоторые элементы платоновского проекта в снятом виде присутствуют как в библейском, так и в коммунистическом.

Платоновский проект, многое из него сейчас явно «в масть» занятой в мировом масштабе пересортировкой-выбраковкой человечества в условиях кризиса/демонтажа буржуазной демократии, а также политики и государственности позднекапиталистической «железной пяте», корпоратократии и её наднациональным структурам и клубам, неудачно именуемым то «мировой закулисой», то «мировым правительством». Именно корпоратократия довела до логического конца «библейский проект», глобализировав его (трагифарсовый финал проекта — американская авантюра в Ираке, на Ближнем Востоке; проект финиширует там, откуда стартовал) и превратив американскую республику в «неоимперию» (Чалмерз Джонсон).

Однако, выводя капитализм на финишную прямую, глобализация оказывается пирровой победой корпоратократии — по-видимому, исторически последней, «гипербуржуазной» фракцией буржуазии. Глобализация оказывается пирровой победой корпоратократии — молодой и наиболее хищной фракции буржуазии, которая встала на ноги благодаря последней мировой войне, впервые показала зубы, свергнув правительство Моссадыка в Иране в 1953 г., посадила в 1981 г. в Белый Дом своего первого президента — Рейгана, а в 1991 г. нанесла поражение СССР, «пообещав» включить в свой состав, по крайней мере, часть номенклатуры, а другой выдать «бочку варенья да корзину печенья». Однако триумф корпоратократии («гипербуржуазии» — Д. Дюкло) будет недолгим, скорее всего, она ненадолго переживёт класс, соками которого питается — средний.

Корпоратократия «заточена» под внешнюю экспансию, под глобальный экстенсив; глобализация была одновременно её социальной «заточкой», орудием и целью. Теперь цель достигнута, и вопрос стоит так: годится ли корпоратократия как слой для перевода

социально-экономических стрелок с внешнего контура на внутренний, с эксплуатации-экономического уничтожения Юга на внутри сверенную эксплуатацию, где, кстати, ей противостоят всё те же выходцы с Юга, только в отличие от белого социального атомизированного населения, организованные в общины и кланы и способные ответить на давление власти и, в свою очередь, давить как на власть, так и на белое население. Или же она будет всячески тормозить этот процесс? Ответ на этот вопрос или, по крайней мере, намёки на него мы получим, наблюдая прежде всего борьбу за власть в американской верхушке. И, разумеется, необходимо учитывать воздействие на этот процесс того, что Ч. Джонсон назвал «отдачей» (*«blowback»*) — т.е. реакции мира на полувековое давление на него со стороны США (ср. с ситуацией Римской империи после Траяна).

Вообще, при всей поверхностности исторических аналогий, можно заметить, что нынешняя ситуация Запада (Севера) как неоимперии (причём, и в том смысле, который вкладывают в этот термин, с одной стороны, Т. Хардт и А. Негри, с другой — Ч. Джонсон, Ж.-К. Рюфэн, Э. Тодд и др.) чем-то напоминает Римскую империю: внутренняя социальная и культурно-психологическая варваризация вкупе с экономическим упадком и внешним давлением варваров, которых сами же прикармливали в течение нескольких столетий (как писал по совсем другому поводу Н. Коржавин, *«они… давали сами нюхать мясо тем псам, что позже рвали их»* — но это же во многом ситуация Севера и Юга в последние десятилетия со всеми играми в мультикультурализмы и прочие культур-мультурализмы и политкорректности, ну а уж по части отношений «северных» спецслужб и «южных» исламских фундаменталистов с террористическим уклоном, так это просто стопроцентное попадание, так сказать, *«ступай, отравленная сталь, по назначенью»*). Схема А. Тойнби-младшего, согласно которой цивилизации гибнут в результате суммарного давления «внутреннего пролетариата» и «внешнего пролетариата» весьма близка к реализации на Западе (Севере), у хозяев, да и у населения которого, похоже, нет никакой долгосрочной стратегии для борьбы с этой угрозой.

В книге «*Империя и новые варвары: Разрыв "Север — Юг"*» (Париж, 1991) Ж.-К. Рюфэн рассматривает три стратегии (и, соответственно, три варианта будущего) Севера по отношению к Югу: 1) «стратегия Клебера» — попытка вестернизировать Юг — провал; 2) «стратегия Унгерна» — попытка неких сил на Севере поднять Юг против Севера и вернуть таким образом Север к традиции — до сих пор не реализовывалась, стратегия вполне химерична, т.к. в случае её реализации первое, что будет уничтожено — это остатки европейской традиции, а на её месте возникнет нечто вроде «Мечети Парижской богоматери»; 3) «стратегия Марка Аврелия» — проведение «лимеса», черты, отсекающей Юг от Севера; это уже невозможно, Юг уже на Севере, и согласно прогнозам в 2020-е годы от 30 до 50% населения мегаполисов Севера составят выходцы с Юга — *nous voila*!

Впрочем, между нынешней ситуацией Запада (Севера) и Римской империей есть одно существенное различие: жители Римской империи и варвары принадлежали главным образом к одной и той же расе — *белой*. **«Империя» и «варвары» на современном Западе принадлежат к различным расам.** Кризис системы, которая обусловила демографический кризис в Третьем мире и массовую миграцию с Юга на Север, меняющую не только этно-религиозный, но и расовый состав населения Евросоюза и США, оборачивается кризисом не только европейской цивилизации, но и белой расы. А это значит, что у социальных битв эпохи Великого Перелома окажутся весьма значительными не только цивилизационные и религиозные аспекты, но и расовый, чего никогда не было в прежние мегакризисы.

Сытый, пожилой, социально атомизированный буржуазный, квазихристианский отполиткультуренный и отмультикультуренный разными способами и в разных позициях

белый человек Западной Европы и Северной Америки, с одной стороны, и голодный, молодой, агрессивный, антибуржуазный, с ярко выраженными коллективными ценностями человек небелый, тёмный (часто не только в прямом, но и в переносном смысле) — вот реальное «светлое» будущее Запада. Это уже не просто «закат Европы», а закат Европы в лунку Истории без шансов выкарабкаться. Если к этому учесть, что «западники» разучились работать — утрачена трудовая этика и сражаться — утрачены боевые навыки, то перспектива выглядит ещё более мрачной.

«У наших зажравшихся европейских братьев, — пишет С.Хелемендик в весёлой и одновременно страшноватой (специфика русской смеховой культуры) книге «Мы… их» (Братислава, 2003 г.)– *нет инструментов для того, чтобы выгнать албанских пришельцев. А вот у албанцев инструментов достаточно — героин, белое мясо, рэкет. […] наши упитанные браться зажрались. Им кажется недостойным носить тарелки в ресторанах и водить трамваи. А нашим чёрно-жёлтым братьям мыть тарелки в Вене или Мюнхене кажется занятием благородным. Вот и всё, вот и обещанный закат Европы»*. И — вывод-кода: *«Наши упитанные европейские братья уже всё просрали! Это заключение я повторял много раз, куля по главному франкфуртскому бульвару под названием "Цайл". Они уже закончили своё существование в истории, их уже нет»*. Грубовато, но точно.

В наших размышлениях о кризисе, об эпохе перелома мы последовательно спустились с уровня социальной системы до уровня расы. Но и это ещё не дно Кладезя Бездны, которая может отверзнуться с кризисом капсистемы. Последний вполне может поставить на повестку дня вопрос о роде *Homo*. Поскольку кризис будет протекать в условиях борьбы растущего населения за уменьшающиеся ресурсы (в том числе продовольствие и воду), в его условиях встанет вопрос о сокращении численности населения — вопрос если не биосоциальный, то социобиологический. *Homo* уже проходил это во время верхнепалеолитического кризиса и «прошёл» (с огромными потерями) за 15–20 тыс. лет. Тогда, однако, кризис носил суммарно-локальный, а не глобальный характер — не было единого планетарного человечества. К тому же земля не была напичкана атомными станциями, предприятиями с вредным производством, ядерным, биологическим, химическим и иным оружием.

Впрочем, как показывает пример хуту и тутси региональный геноцид вполне можно устроить с помощью обычного оружия, вооружив АКМ-ами 12-14-летних детей.

Финал глобального кризиса капитализма (особенно в условиях обещаемого геологами на вторую половину XXI в. усиления геологической активности, вероятного изменения наклона земной оси, наступления нового ледникового периода, только теперь уже не малого и т.д.) вообще может оказаться схваткой *Homo* и Биосферы по принципу «кто — кого». *Homo* проигрывает при любом исходе. Для того чтобы пройти кризис, нужна принципиально новая философия отношений с Природой, мы должны заново осмыслить, а не просто переосмыслить (*unthink*, а не *rethink*) не только геокультуру Просвещения, но также христианство со средневековой теологией вкупе и античную философию, стартовав от её отцов-основателей другим интеллектуальным путём — с учётом всех или почти всех сделанных в субъектном потоке исторического развития за последние 25 веков интеллектуальных и политических ошибок. Новая философия должна быть хотя и альтернативно-европейской, но европейской, а не заимствованием у буддизма, индуизма или конфуцианства: *«Вечный покой — для седых пирамид»*, нам же нужен прометеевско-фаустовский дух горения — на том стоим и не можем иначе.

Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед кризисом-матрёшкой, аналогов которому не было и который, похоже, сметёт не только капитализм с его сторонниками и противниками, но всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5-1,0 млрд. пережить его, то новый социум скорее всего будет отличаться от Цивилизации не меньше, чем она отличалась от Палеолита. Некоторые контуры постпереломного мира уже видны, но это отдельная тема.

Знание — сила

Кризис, в который вполз позднекапиталистический мир (для нас, подобно язычникам, страдающим от язв христианства, этот позднекапиталистический кризис начался крушением советского антикапитализма), носит объективный и естественный характер. Реальная задача — пройти его с минимальными потерями и как можно быстрее, не дав ему растянуться на тысячелетия, а сократив до полутора-двух веков.

Вспоминается азимовская «Академия» (*«Foundation»*), где согласно математику Селдону, крушения галактической империи в силу его объективного характер, невозможно было избежать, но можно было сократить кризисные «тёмные века» с тридцати тысяч лет до одной. Конечно, фантастика — это фантастика, а реальность — это реальность, но в нашей жизни они тесно переплетаются — и чем дальше, тем больше.

Достаточное условие выхода из кризиса — властная воля принципиально новой мировой (для начала — хотя бы страновой, но с мировым, а не провинциально местечковым замахом) элиты, «заточенной» именно под коллективное прохождение кризиса. Кто-то скажет: появление такой элиты — фантастика. А появление сталинской элиты в 1930-е годы как единственного средства суверенного выживания России и русских в мире хищников XX в. — это не фантастика?

Однако помимо достаточного условия — воли — есть необходимое — разум, знание. Нам нужно принципиально новое по содержанию и по-новому организованное знание о современном мире как целом и как о совокупности элементов (включая Россию). Нам нужно знание о верхах и о низах современного мира, о криминальной по сути глобальной экономике, о формах манипуляции историческим процессом и о многом другом. Современная западная наука об обществе, убогая триада «экономика — социология — политическая наука», отражающая реалии уходящего мира и не способная не только объяснить, но даже адекватно описать переломный мир — это такой же импотент, каким был советский истмат, а возможно и хуже. Я уже не говорю о том, что нейтрального знания нет, что нынешняя наука об обществе (как СМИ, кино и т.д.) отражает интересы корпоратократии.

Выход из кризиса предполагает создание нового знания, принципиально новых дисциплин (или эпистемологических программ), с новыми методологиями и новыми предметами исследования. Нам предстоит в короткий срок (время не ждёт) разработать адекватную теорию капитализма как частный случай теории социальных систем, методологически построенной на отрицании прежде всего наследия буржуазного XIX в. — триады «экономика — социология — политическая наука»; это тот путь критики политической экономии, которым двинулся Маркс в работе над «Капиталом» и который он так и не прошёл до конца, а марксисты, за редчайшими и не делающими погоды исключениями, вообще с него свернули.

На основе этой теории нам предстоит переосмыслить многое в вопросе о соотношении субъекта и системы, «проектно-сознательного» и «естественного» в истории, прежде всего — в её переломные эпохи, когда проект и решения небольшой группы «весят» не меньше, чем массовый порыв. Нам предстоит ревизия всей геокультуры Просвещения и многих христианских идей, особенно всего того, что касается биологии, «природной природы» человека в различных её измерениях, о связи её с социальностью. Для этого надо будет всерьёз покопаться и в античной философии. Разумеется, всё это легче сказать, чем сделать, но другого выхода нет.

Именно создание нового знания, формирование «зловещего интеллектуального превосходства» (К. Поланьи) над противником и есть передовая линия фронта в борьбе за выход из кризиса максимального числа людей в минимальные сроки, за более эгалитарный и справедливый мир, нежели капиталистический или какое-либо новое издание неорабовладения или неофеодализма в виде глобофашистского кастового строя, освящённого неоиудаизмом (синтез, а то и просто смесь протестантизма, иудаизма и масонских идей) или оккультизмом.

И, естественно, за сохранение России и русскости в постпереломном мире, поскольку, похоже, **главным театром военных действий** (экономическая, социальная и информационная войны) опять **может стать Россия**. Только на этот раз не надо таскать каштаны из огня для чужого дяди. Надо очень чётко осознавать свои интересы в переломную эпоху и биться за них как за свою историческую правду. В этом случае всё произойдёт так, как говорил крупнейший деятель нашей истории XX в.: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»*.

http://www.apn.ru/publications/article17585.htm

Россия выбирает

Между государством-нацией и государством-корпорацией

Будущее России может состояться только как государства русских в качестве державообразующего, стержневого народа и других коренных народов России, объединённых русским народом. Будучи многонациональной страной, Россия (по ооновской классификации) является мононациональным государством, как, например, Китай или Израиль. В современном мире Россия реально может существовать только как высокоцентрализованное национальное государство (nation-state — нация-государство), как государство, характеризующееся высокой степенью институциализации (самодержавная Россия и СССР отличались низкой степенью институциализации, представляли собой в реальности совокупность «чрезвычайных комиссий», «рутинизация» которых резко уменьшала их эффективность), как государство, возглавляемое национально и стратегически (геоисторически) ориентированной властной элитой.

Централизация и укрепление «вертикали власти» — одно из средств в создании такого государства, однако эти меры в большей степени характеризуют форму, чем содержание. Содержание нового центроверха будет зависеть от того, какой тип государства и государственности он станет воплощать — нации-государства или корпорации-государства.

Одно из противоречий современной русской жизни заключается в том, что постсоветская государственность в своём развитии комбинирует черты двух принципиально различных типов — нации-государства и корпорации-государства. Если на Западе эти формы являются стадиально различными, диахронными, то в РФ они развиваются синхронно, переплетаясь друг с другом и в то же время вступая в острый конфликт, в ходе которого рано или поздно станет ленинский вопрос «кто — кого? ».

Эта синхронизация разностадиальных государственных форм отражает более глубокий процесс синхронизации в постсоветской России первоначального накопления капитала и собственно капиталистического накопления. В Западной Европе некапиталистический и даже внеэкономический, силовой, по сути, процесс первоначального накопления предшествовал капиталистическому накоплению, был его внекапиталистическим фундаментом. В РФ конца XX — начала XXI в. (как когда-то в XIX-XX вв. на периферии капсистемы) эти процессы развиваются синхронно, причём первоначальное (внеэкономическое) накопление подсекает капиталистическое, душит его, не даёт развиться, делает его источником и сред- ством своего развития — посредством перманентного передела собственности.

То же — с взаимодействием национального и корпорационного (не путать с корпоративным) аспектами развития государства. От того, какой из этих аспектов победит, зависит судьба России, а не только то, будет она державой («Пятой Империей» по терминологии А.А. Проханова) или несостоявшейся страной (failed country, как говорят англосаксы). С большим историческим запозданием весьма трудно в сегодняшней России идёт процесс превращения русского народа в русскую нацию. Как в самодержавной России, так и в СССР этому препятствовал целый ряд факторов — социальных, религиозных, идеологических, сознательно-политических (власть поощряла национальное развитие окраин и «инородцев» в большей степени, чем русских — особенно это проявилось в советское время). Кроме того, русские составляли лишь половину (или около того) населения России и СССР. Сегодня впервые (с середины XVI в.) русские

составляют 80% населения, а потому возникла возможность оформления в России не только нации, но и нации-государства. Однако на этом пути немало трудностей.

Глобализация как политико-экономический феномен позднего капитализма ослабляет национальное измерение вообще и нацию-государство, в частности. Об этом уже много написано на Западе. Иными словами, формирование нации-государства в России, если этот процесс пойдёт по-настоящему, будет происходить в неблагоприятных мировых условиях. Есть и неблагоприятные факторы внутреннего порядка, которые, впрочем, теснейшим образом связаны с внешними — с глобализацией и неолиберальной революцией, которую «властелины колец» Запада начали готовить с конца 1960-х годов, а осуществлять — с конца 1970-х, и одним из элементов которой стало крушение советского коммунизма и распад СССР.

Во всём мире — с разной скоростью — идёт процесс формирования нового типа государства, претендующего занять место нации-государства, пик развития которого приходится на период 1850–1970-х годов. Речь идёт о феномене корпорации-государства (далее — КГ).

КГ — это такое устройство, цели и функционирование которого носят прежде всего экономический характер, т. е. направлены на снижение издержек. Следовательно, они требуют минимизации политических и социальных издержек по содержанию территории прописки — от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни).

Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальном масштабе, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть — государство начинает вести себя, как корпорация, в которой всё определяется экономической эффективностью: «выживает сильнейший» и «ничего личного».

КГ — это такой административно-экономический комплекс, который, будучи хотя бы формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране; который в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сократил их). КГ в его идеально завершённой (идеально типической, как мог бы сказать М. Вебер) виде есть десоциализированное (вплоть до а-социальности) и денационализированное (приватизированное) рыночно-репрессивное государство, которое при дальнейшей эволюции через несколько десятков лет вообще может полностью сбросить государственные характеристики, перестанет быть государством и превратится в жёстко иерархизированную патримонию на клановой основе. Внутренний принцип организации КГ — клан; именно клан, а не физический индивид, как в нации-государстве, есть базовая социальная единица корпорации-государства: индивиды «здесь не ходят».

Если задачей нации-государства, адекватного индустриальной эпохи массовых обществ было включение в политико-экономический процесс на своей территории практически

всего населения, то задача КГ — включение только экономически прибыльной части населения (способной создать прибавочный продукт и обеспечить спрос, т. е. быть потребителем — объектом вторичной эксплуатации) и исключения в той или иной форме всего остального. КГ объективно есть снятие противоречия между нацией-государством и ТНК в ущерб нации (количественно и качественно) и на пользу административно (репрессивно) рыночному сегменту государства и ТНК. Это «снятие» намного более адекватно глобализации, чем нация-государство: во-первых, оно более конкурентоспособно с точки зрения капиталистов (или их функциональных эквивалентов) — не тратится на социальные и политические нужды; во-вторых, способно эффективно действовать во внелегальной, внеправовой зоне (то, что премьер-министр Франции начала 1990-х годов Эдуар Баладюр назвал la zone du nondroit). КГ в своём нормальном функционировании стирает или как минимум превращает в пунктир границу между легальным и криминальным, правовым и организованно-беспредельным. И это тоже соответствует глобальной экономике, которая в значительной степени есть криминальная экономика.

Процессы формирования КГ идут во всём мире. Там, где существует гражданское общество, мощные религиозные традиции (особенно не западные) или национальные идентичности (именно поэтому госкорпоратократия стремится загнать на периферию национальное), где государства велики в пространственном отношении, эти процессы идут медленно. Там, где КГ мало что может оказать сопротивление, оно развивается стремительно. Это страны Африки к югу от Сахары (неоархаичный вариант КГ), Латинской Америки (модерновый вариант) и некоторые экс-социалистические страны (глобалитарный вариант). Иными словами, формирование КГ идёт быстрее на периферии и полупериферии КГ. В то же время КГ — это ещё не столько структурная реальность, сколько тенденция. Как такового КГ ещё нигде не существует. Как и нации-государства уже не существует — оно, как пишут на Западе, «ржавеет», «тает», «отмирает». В структурной реальности существует некая форма государственности, в которой в разных странах в разной пропорции сочетаются национальное и корпорационное. Победа последнего — не фатальный процесс. Причём, по иронии истории, именно там, где корпорационная составляющая развивается быстрее, действуют факторы, которые не только тормозят этот процесс, но и способны повернуть его вспять.

Суть дела в следующем. Капитализм есть не селективно-одномерная (капиталист — пролетарий), а тотальная система эксплуатации, в которой капиталисты одной зоны (ядро) эксплуатируют пролетариев, полупролетариев, крестьян, а также капиталистов и землевладельческую верхушку других зон (полупериферия и периферия) ; в которой средние и даже часть рабочих классов ядра соучаствует в эксплуатации всех социальных групп полупериферии и периферии. Сегодня в условиях системного кризиса капитализма, снижения мировой прибыли главные кандидаты на социальное потрошение — средние классы ядра и верхушка полупериферии и периферии. Разумеется, какое-то время эта верхушка может перекладывать бремя «старшего капбрата» на местное население, но, во-первых, с последнего, как правило, и так уже содраны три шкуры; а во-вторых, рано или поздно и этого становится мало и бьёт час экспроприации одними экспроприаторами, с большой дубинкой, тех, кто слабее — в качестве иллюстрации см. картину Брейгеля-старшего «Большие рыбы пожирают малых».

Конечным результатом подобной экспроприации, скорее всего, будет развал/распад/расчленение «корпорациезируемого» государства. Глобальная иерархия — это иерархия корпораций, внешне (но только внешне) напоминающая иерархии сеньоров и корпораций Средневековья. Именно эта иерархия, верхушка которой объединена в кластер ТНК под названием «США» (Глобамерика) — структуру неоимперского типа,

гарантирует безопасность всех корпораций и в то же время держит в узде средние и низшие звенья, обеспечивает их эксплуатацию — главные формы последней в условиях глобализации приобретают межкорпорационную форму. Это вершина трофической пирамиды, не отменяющая эксплуатацию самими корпорациями населения и инфраэксплуатацию внутри самих угнетённых групп. И, тем не менее, главные, наиболее прибыльные формы эксплуатации, смещаются на уровень отношений между корпорациями различных видов и типов как особых социально-экономических индивидов — легальных, внелегальных и «промежуточных».

Ни государства, ни их международная организация — ООН — не гарантируют более порядка. Он обеспечивается — на данный момент («завтра» всё может измениться) — силовым образом Глобамерикой как неоимперской матрицей, суперкорпорацией, корпорацией корпораций, по крайней мере в интенции. В этом плане то, что называют «внешней политикой США», которая на самом деле в значительной мере приватизирована явными и тайными структурами, есть в значительной степени попытка реорганизации мира под иерархию корпораций, причём приватизация, о которой идёт речь, есть одновременно средство и результат этого процесса. Неизвестно, дойдёт ли он до логического конца, думаю — нет. Но он успеет изрядно помять и попотрошить многие «корпорационные» или «квазикорпорационные» верхушки полупериферийных и периферийных обществ, особенно те, которые как некто из анекдота готовы сказать: «Товарищ волк сам знает, кого первым кушать».

Выбор у полупериферийных верхушек (у периферийных его, по сути, нет) в такой ситуации невелик. Либо перейти на положение приказчиков «хозяев Матрицы», что крайне опасно — рано или поздно те пришлют своих ревизоров для проверки «мёртвых душ», и те сядут в качестве неогауляйтеров или чего-то вроде них в системе глобального апартеида. Либо начать сопротивляться «железной пяте» в союзе с другими полупериферийными обществами (в одиночку не выстоять), но прежде всего опираясь на свой народ, на державообразующую нацию. А это означает деконструкцию элементов КГ и ускоренное конструирование нации-государства. Только мощное нация-государство способно защитить верхушки полупериферийных обществ, не позволить «железной пяте» указать им место «у параши» глобального мира. Только мощное нация-государство соответствует долгосрочным интересам верхушки и может позволить им превратиться в настоящую, т. е. национальную властную элиту. Только мощное нация-государство может стать основой реализации долгосрочной стратегии внутри и вне страны.

«Перезагрузка Матрицы» — деконструкция уже набравших силу элементов КГ и их «национализация» (в широком смысле слова) — едва ли может быть безболезненной. Любое ограничение группового, классового интереса верхов в общенациональных целях, даже если, по сути, это ограничение их кратко- и среднесрочных интересов в пользу их же долгосрочных интересов, предполагает конфликт, а часто «внутриэлитную революцию» (которая в определённых условиях может стать спусковым крючком смуты, революции; в России это боярские заговоры 1598–1605 гг., февраль 1917 г.). Этот процесс предполагает борьбу внутри элит, а в каких-то случаях — внутриэлитную революцию.

В истории России было два очевидных перехода к национально ориентированной форме власти: первая — к национально-самодержавному от удельно-боярского, княжеско-боярского (опричная революция Ивана Грозного, 1564–1572 гг.) ; вторая — к национально-коммунистическому от интернационально-коммунистического (революция Иосифа Грозного, 1929–1939 гг.). Оба перехода протекали в острейшей борьбе и были вызваны крайними обстоятельствами — необходимостью срочного выбора вектора развития в условиях, во-первых, скудных ресурсов (помимо прочего к 1929 г. было

«проедено» дореволюционное наследство) ; во-вторых, острых социальных противоречий (между господствующим слоем и основной массой населения; между верхушкой и средне-нижними слоями господствующего слоя; между кланами внутри самой верхушки) ; в-третьих, в неблагоприятной или даже опасной для общества в целом (экономическая независимость, политический суверенитет, национально-религиозная идентичность). Без этих обстоятельств, без ситуации «края» острая внутриэлитная борьба вряд ли начнётся. Наша нынешняя ситуация, если ещё и не достигла «края», то к середине второго десятилетия XXI в. (к 100-летию Октябрьской революции?) достигнет (если не раньше). Вот это и будет Момент Истины для верхов и народа, момент окончательного выбора между нацией-государством и корпорацией-государством, между бытием России и небытием. Пока что корпорационное и национальное развитие государственности России протекает одновременно при доминировании первого, оно обгоняет второе и боится его (отсюда, в частности, отношение власти к «русскому вопросу»). В то же время мировые игры, «разборки глобального уровня» заставляют власть volens nolens активизировать национальную составляющую. И рано или поздно придётся делать окончательный выбор. Последний, разумеется, будет зависеть и от мировой ситуации, от того, каким будет её вектор в ближайшие 10–15 лет (сохранение монополярного мира, новая биполярность, распад глобальной системы), иными словами, от закономерного глобального случая. Но случай помогает подготовленному. Неподготовленных он стирает Ластиком Истории. Навсегда. И, конечно, создание нации-государства как щита и меча русского мира возможно только на основе русского национального возрождения, завершения формирования русской нации — процесса, которому власть (прежде всего в интересах самосохранения в глобальном мире) должна всемерно содействовать. Время не ждёт.

Исторический коммунизм - чем он не был

Прошло уже больше полутора десятилетий после того, как рухнула система советского коммунизма и распался СССР. Формально советского коммунизма нет, хотя по сути мы до сих пор живём в процессе и социальной зоне его разложения, порой самовоспроизводящегося.Тем не менее, адекватного теоретического осмысления исторического коммунизма (далее – ИК) [1]<!--[if !supportFootnotes]--> до сих пор нет (разумеется, если не принимать всерьёз писания основной массы западных советологов, а также доморощенных политологов и представителей «компрадорского обществоведения», «компрадорской науки»). Это осмысление, безусловно, является насущной научной, теоретической задачей. Без её решения нельзя понять историю нашей страны не только в XX в., но и раньше. Более того, перефразируя Фуко, можно сказать: без понимания социальной природы ИК, советского общества русская история «не даст себя прочитать». Без ИК не даст себя прочитать не только русская история, но и история XX в. и Современности (Modernity) (1789-1991 гг.) в целом. ИК был центральным явлением XX в. В нём реализовались почти все мечты, фобии и тайные желания Современности. Другое дело – как реализовались. Но ведь известно, благими намерениями…

- [1] Определение «исторический» призвано зафиксировать тот факт, что речь идёт именно о феномене, реально существовавшем в истории, а не на страницах работ основоположников марксизма-ленинизма, учебников научного коммунизма и пропагандистских текстов.

Необходимость изучения ИК не ограничивается, однако, научно-теоретической сферой. Это ещё и насущнейшая практическая задача. Каждая социальная система умирает потому, что вырабатывает свой потенциал противоречий и таким образом лишается средств решения своих имманентных проблем. Любая новая система, идущая на смену старой (и в этом смысле являющаяся её наследницей) может состояться только в том случае, если устранит – по-своему, положительно ли, отрицательно ли – эти проблемы и противоречия. Иными словами, старая система задаёт параметры самоотрицания и одновременно очерчивает «коридор возможностей» этого самоотрицания. Логика возникновения новой системы неотделима от логики разложения старой, а на практике это вообще один и тот же исторический процесс, причём новое, будь то принципиально новое или рекомбинация старого, на самом деле возникает довольно нескоро, считая с момента реального разложения старой системы. Мы до сих пор живём главным образом в «тени ИК», в процессе и зоне его разложения; наша жизнь ещё какое-то время будет определяться логикой и законами разложения ИК, его проедания новыми господствующими группами; нам ещё довольно долго жить среди продуктов гниения системы коммунизма – экономического, социального, культурного, человеческого. Чтобы понять посткоммунистическую натуру, реальность, надо понять ИК, чем он был в реальности. Начать, однако, нужно с того, чем точно не был ИК, т.е. с краткого разбора наиболее распространённых теоретических интерпретаций ИК. Речь пойдёт о теориях тоталитаризма; ИК как возрождения докапиталистического (традиционного) строя: в одних случаях это феодализм, в других – «азиатский» способ производства; ИК как господство «нового класса», этакратии, идеократии и т.д.

Коммунизм - не "тоталитаризм"

Термин «тоталитаризм» появился в Италии в 1920-е годы. В середине 1920-х годов Муссолини уже говорил об Италии как о «тоталитарном государстве» – термин указывал на всесторонний динамизм последнего. Научный статус термину «тоталитаризм» придал

американский профессор К.Дж.Х. Хейес: в конце 1939 г. в своей лекции он так охарактеризовал некоторые новые явления и тенденции в развитии западной цивилизации, связанные с Германией и Италией. Хейес ограничивал тоталитаризм как явление рамками западной цивилизации, современного западного общества – буржуазного, «рыночно-экономического».

В середине 1950-х годов К. Фридрих и Зб. Бжезинский, реагируя на конъюнктуру Холодной войны, распространили термин «тоталитаризм» на СССР, на советское общество, представив ИК и национал-социализм, сталинизм и гитлеризм в качестве двух форм одного и того же содержания, двух вариантов одного и того же явления. С этого момента началось триумфальное шествие концепции тоталитаризма, и в конце 1980-х годов «советский тоталитаризм» дотопал до Советского Союза, найдя там много адептов – как раз тогда, когда на Западе серьёзные учёные стали всё чаще отказываться от «тоталитарной» объяснительной модели. Отождествление коммунизма с тоталитаризмом, сталинского режима с гитлеровским, национал-социалистическим – традиционный приём антисоветской, а сегодня – русофобской пропаганды.

В качестве термина (концепции), отражающего одновременно коммунистический и национал-социалистический исторический опыт, советскую и третьерайховскую системы, тоталитаризм представляется совершенно несостоятельным: одним и тем же термином определяют противоположные, порой – диаметрально, сущности.

В одном случае мы имеем дело с антикапиталистическим обществом, идейная система и практика которого отрицают частную собственность, гражданское общество, рынок, классы, разделение публичной (общественной) и частной сфер, в котором старая социальная структура сломана и т.д. В другом случае перед нами – капиталистическое (буржуазное) общество, основанное на частной собственности и разделении публичной и частной сфер. Так, в соответствии с законом от 1 декабря 1933 г. НСДАП охарактеризовалась как «корпорация публичного права», т.е. была публично-правовым институтом, тогда как РКП(б)-ВКП(б)-КПСС таковым никогда не была. Ещё в 1918 г. большевики устами Ленина заявили, что не признают разделение общества на публичную и частную сферы, отрицают право как таковое и признают лишь одно «право» – диктатуру пролетариата, право его борьбы против эксплуататоров. Не будучи, в отличие от НСДАП, правовым институтом, КПСС не могла быть и юридическим лицом, т.е., помимо прочего, выступать в качестве собственника (а не просто распорядителя имущества (подр. см. статью А.И. Фурсова «Русская власть, Евразия, Россия»).

В Третьем райхе право сущностно не отрицалось, это просто было бы невозможно. Право, правовой (или неправовой) характер власти – это не пустяк, не эпифеномен и не форма. Это содержание, суть. Право с современном (modern) западном обществе есть один из ликов частной собственности, её и гражданского общества гарантов (и – наоборот). НЕ могут относиться к одному – тоталитарному – типу режимы со столь разным, диаметрально противоположным отношением к праву, «правовым бытованием». Если нацистский режим – тоталитарный, то советский – явно что-то другое, где власть имеет прежде всего внеэкономическую основу. (Сомневающихся в экономических основах власти нацистского режима можно отослать, например, к мемуарам Шпеера.)

До тех пор, пока существует право, частная собственность и гражданское общество, как бы их ни ограничивали или профанировали, незыблемы. Право – это «адианов вал» гражданского общества против мира варваров, против социального варварства. Приведу один пример отношения к праву в Третьем райхе. В 1938 г., когда Австрия уже была «аншлюссирована», Мартин Борман решил сделать приятное фюреру – подарить ему дом,

в котором родился Адольф Шикльгрубер. В 1938 г. владельцем дома был партайгеноссе камарад Поммер. Борман хотел выкупить дом. Однако Поммер запросил цену, намного превышающую реальную. Что сделал Борман? Стёр Поммера в лагерную пыль? Отправил на цугундер? Приказал «случайно» переехать автомобилем? Нет. Борман отправил к Поммеру партайгеноссе доктора Вееземайера. Последний предложил более высокую цену, чем в первый раз, однако Поммер стоял на своём. «На такие ухищрения способны только восточные евреи», – пытался устыдить товарища по партии Вееземайер. Но на Поммера это не подействовало. Понадобились вызовы Поммера в местную парторганизацию, где нацистский парторг и нацистские товарищи по партии увещевали владельца дома, объясняя ему: дом фюрера принадлежит народу. И только после этого партайгеноссе Поммер уступил. Разумеется, в цене, а не вообще.

Приведённый пример (а число таких примеров можно множить – это следствие и суд по делу участников заговора и покушения на Гитлера 20 августа 1944 г., это и отношения фюрера с налоговой инспекцией, и история с материальным обеспечением «второй семьи» Гиммлера, и многое другое) со всей очевидностью показывает: перед нами два качественно различных социальных мира, социальных режима, имеющих лишь поверхностное сходство.

Гитлеровский режим не разрушил ни старую социальную структуру, ни, повторю, гражданское общество и правовую систему. Разумеется, и гражданское общество, и право в нацистской Германии были существенно ограничены; контроль существовал как в идеологической, так и в политической сферах, но сами эти сферы сохранились, как и возможность манёвра в них, в том числе и в смысле неприятия режима – примеров тому достаточно в различных следованиях.

Итак, если сохранить термин «тоталитаризм» для объяснения ИК, то что такое нацистский режим? Авторитаризм? Но авторитаризм не предполагает идеологического контроля, он ограничивает волю гражданского общества только в сфере политики. Если сохранить термин «тоталитаризм» за нацистским режимом и таким образом признать, что он явление сугубо европейское и капиталистическое, то ИК – это нечто качественно иное. Найти научно обоснованный и не нарушающий правило «бритвы Оккама» общий объединяющий критерий, общий содержательный знаменатель для ИК и нацистского режимов, на мой взгляд, невозможно.

Иногда такой знаменатель видят в «тотальном социальном контроле». Но что это такое? Это настолько размытый и абстрактный критерий, что если быть логически последовательным и интеллектуально честным, то список тоталитарных режимов следует пополнить Египтом фараонов и державой инков, китайской империей от Цинь до Цинн и Ираком Саддам Хусейна, державой Чингисхана и даже Римской империей! Тоталитаризм везде и всегда! При такой широте само понятие «тоталитаризм» оказывается бессодержательным и неработающим.

Термин «тоталитаризм» плох и с содержательной точки зрения, он не указывает на качественную системно-историческую специфику власти и собственности, т.е. не фиксирует то, что качественно отличает одну социальную систему от другой. Эта нефиксированность, кстати, и позволяет нестрого, произвольно использовать термин «тоталитаризм» и его модификации (например, «тоталитарная бюрократия») как краплёную карту.

Коммунизм - не "азиатский способ производства"

Следующая модель-концепция ИК – это коммунизм как возрождение одного из докапиталистических способов производства, чаще всего «азиатского» способа производства (далее – АСП); коммунизм как возрождение «восточного деспотизма». Об этом писали К. Витфогель, Р. Гароди и многие другие на Западе. На это осторожно намекали некоторые советские учёные в первой половине 1960-х и во второй половине 1980-х годов. Об этом открыто заговорили у нас и на рубеже 1980-1990-х годов.

Сторонники «докапиталистической» интерпретации коммунистического строя подчёркивают значение внеэкономических факторов в советском обществе, всеохватывающую роль государства, нерасчленённость «государственных» (властных) и «классовых» (собственнических) функций господствующей социальной общности, квазитрадиционный характер социальных структур, значение «национальных» (читай: докапиталистических) традиций: русских, китайских, вьетнамских и т.п. в возникновении «реального социализма». Это в марксистской традиции.

В либеральной традиции речь идёт примерно о том же, но в других терминах: трудности перехода от традиционного общества к современному, деформированный take-off (У. Ростоу), проблемы «частичной модернизации» и догоняющего развития, возрождение (нео)традиционного общества, «неопатримониального режима» и т.д. и т.п.

Действительно, внешне ИК может напоминать докапиталистические социальные системы. Более того, внешне он даже как бы воспроизводит черты некоторых из этих систем: неорабство (ГУЛАГ); неокрепостничество (колхозы); неополис (КПСС/КГБ), противостоящий как коллектив атомизированному населению, «одинокой толпе» полусвободных и неполноправных коммунистических «метеков» и «периеков» – причём противостоящий так, что, как сказал бы В.В. Крылов, индивидуальная воля членов этой господствующей группы ограничена (от поведения до объёма и качества потребления) их совокупным бытием в качестве коллектива. Именно это противоречие, помимо прочих, было одним из главных в историческом развёртывании номенклатуры, именно оно, разрешившись, привело к перестройке, гласности и крушению ИК.

Однако на самом деле во всех этих формах – «неорабство», «неокрепостничество», «неополис», – как и в коммунизме в целом, заключено ещё меньше докапиталистического, чем в докапиталистических функциональных органах капиталистической системы – плантационном рабстве североамериканского Юга, латиноамериканской латифундии и т.п., созданных капитализмом там, где до него их не было.

Аналогии между ИК и докапиталистическими обществами представляются поверхностными и не выдерживают критики по ряду причин.

Во-первых, ИК, как уже отмечалось, – это антикапитализм. Иными словами, капитализм со знаком «минус», отрицание капитализма, негативный функциональный антикапитализм. В истории есть один парадокс, на который до сих пор почти не обращают внимание. «Идеальный коммунизм», т.е. коммунистические идеи, существовали в течение более чем двадцати веков (грубо говоря, с киников), а коммунизм как социально-экономическая система, как «реальный коммунизм» возник только в XX в., в капиталистическую эпоху – как антикапитализм. В реальность коммунистические идеи воплотились только как антикапиталистическая система. Реальный, ИК нигде не существовал как отрицание рабовладения или феодализма – как антирабовладение и антифеодализм. Только как антикапитализм. Это, помимо прочего, означает, что в самом капитализме, его социальной природе, в логике развёртывания капитала есть нечто, что позволяет ему, по крайней мере, на определённой стадии его развития, существовать

одновременно со знаком «плюс» и со знаком «минус». Более того, не просто позволяет, а в какой-то степени требует этого, в результате чего возникает некий вакуум, зона для антимира, антисистемы. Россия – в форме СССР – заняла эту зону и реализовала себя в XX в. в качестве антикапитализма.

Местные традиции, национальные особенности, докапиталистическое прошлое – всё это, конечно же, налагает отпечаток на ИК, равно как и на другие явления капиталистической эпохи. Однако ошибочно выводить ИК, его суть из этих традиций и особенностей. У России (СССР) и Кубы, ГДР и Кампучии разные исторические судьбы и несходное историческое прошлое. Однако суть ИК, организация «властесобственности» как социально однородного присвоения типологически была принципиально одинаковой во всех указанных случаях. Именно функциональный антикапитализм, функциональное отрицание капитализма и придаёт единообразие, изоморфность комстрою везде, где бы он ни существовал, – от ГДР и Кампучии, – независимо от содержания, от уровня развития материального производства, предметно-вещественных производительных сил данной страны.

Исходно, генетически ИК невозможен вне государственной системы, без определённого уровня развития «вещественной субстанции» (хотя и слишком высокий уровень не нужен, мешает коммунистической революции – в этом смысле Ленин был прав, говоря о «слабом звене»), возникает он как альтернативная капитализму форма организации индустриальных производительных сил, как принципиально иная форма организации социальных производительных сил индустриального общества. Однако дальнейшее развитие и функционирование антикапиталистической системы как мировой уже не требуют повсеместного наличия индустриальной формы вещественной субстанции промышленности, пролетариата и т.п. Достаточно функционального отрицания форм и типов буржуазной общественно-политической практики, её институтов, норм и ценностей самих по себе, в результате которого докапиталистические уклады становятся антикапиталистическими, т.е. капиталистическими в своей негативной функции. И это нем более что в качестве средства отрицания капитализма используются идейные и организационные формы, выработанные самим капиталистическим обществом и против него же обращённые (партии, марксизм и т.п.). Повторю: именно этот функциональный антикапитализм, автономный от содержания, является системообразующим фактором ИК.

Во-вторых, ИК типологически – это промышленное, индустриальное, в лучшем случае – индустриально-аграрное общество. Тот факт, что в некоторых странах Азии, Африки и Латинской Америки ИК исторически возник и развивался на аграрной, доиндустриальной основе, не меняет типо-логическую «модельную» суть дела. Без советского ИК, без СССР как военно-промышленного тыла (и центра мирового коммунистического движения и мировой коммунистической системы) аграрные, «доиндустриальные» ИК не смогли бы существовать. Мировой коммунизм мог возникнуть, развиваться и противостоять капитализму («империализму») только на индустриальной основе, только находясь с ним в одной «военно-промышленной лиге». Быть аграрной, доиндустриальной могла позволить себе лишь коммунистическая периферия – «конфуцианский», «сахарно-банановый», «пальмово-веточный» и прочие ИК. Центр, ядро должны были иметь крепкую броню, быстрые танки, а на запасном пути – бронепоезда. Именно этим обеспечивалось («дышало») спокойствие наших, и не только наших, границ.

Разумеется, индустриализация при ИК носит формированный и в известном смысле ограниченный, «вэпэкашный» характер, не ориентированный на массовое потребление. Но ведь это естественно. Главная задача и принцип существования ИК – отрицание капитализма, противостояние ему, борьба с ним. Каковы цели и задачи – такова и

индустриализация, её направленность. Для темы данной работы важно, что ИК – индустриальное общество, точнее, его вариант.

В-третьих, ИК – современное (в смысле – modern) общество. По принципам и типу социальной организации, семьи, образования и т.д. это, бесспорно, современное, а не традиционное общество. Или – точнее: одна из разновидностей современного общества, отличающаяся как целостность от любой разновидности общества традиционного.

Наконец, в-четвёртых, ИК – не просто современное, но массовое общество, что, конечно же, не является докапиталистической характеристикой. Другое дело, будучи массовым обществом, ИК (в том же СССР) так и не стал обществом массового потребления, и в этом заключается одно из серьёзных его противоречий.

Сходство ИК с докапиталистическими обществами есть сходство некапиталистических форм, т.е. негативное, сходство (родство) в рамках не-капитализма, сходство двух явлений относительно третьего, заключающееся в том, что они не являются этим третьим и этим похожи друг на друга. Однако такая, т.е. отрицательная, похожесть не ставит их положительно в ряд однокачественных явлений. Так, птицы и рептилии – не млекопитающие, но это не значит, что птицы и рептилии относятся к одному классу.

Кроме того, как уже говорилось, если в основе ИК лежат индустриальные производительные силы, то в основе «докапитализмов» – натуральные производительные силы, т.е. такие, в которых природные факторы производства доминируют над искусственными (исторически созданными), а живой труд – над овеществлённым. В докапиталистических обществах типа АСП недифференцированность («сращенность») или слабая дифференцированность власти и собственности («единство государственности и классовости»), которые противостояли труду не порознь, а как единое однородно-целостное присвоение, есть исходный пункт («ещё-невычленённость»), положительное качество, положительная предпосылка развития, положительный процесс.

«Властесобственность», т.е. однородно-целостное присвоение в ИК есть исторический результат и исторический процесс отрицания капитализма. ИК есть осуществление «властесобственности» антикапиталистическим путём, путём отрицания, а не положительного осуществления. С этой точки зрения, «докапитализмы» первичны и субстанциальны, а ИК – вторичен и функционален. «Докапитализмы» были самостоятельными социальными системами, способами производства, если пользоваться марксистским термином. ИК таким – с этой точки зрения – никогда не был. Как модель общественного развития он всегда был негативной функцией капиталистической системы, капиталистического способа производства на определённой стадии его развития. Выход капитализма за рамки этой стадии, помимо прочего, ставит исторический предел и ИК, который умирает. Таким образом, подход к ИК как одной из разновидностей «докапитализма» не выдерживает критики как в плане методологическом и понятийном, так и в плане соответствия реальности, т.е. и «номиналистически», и «реалистически».

Итак, ИК есть явление капиталистической системы и капиталистической эпохи; и если стадиально он, возможно, располагается не дальше от мира «докапиталистических» социумов, чем сам капитализм, т.е. является не столько «посткапитализмом», сколько «паракапитализмом», функционально, по «принципу конструкции», типу и хронозоне возникновения он – по другую сторону от капитализма, чем предшествующие последнему докапиталистические общества. Любая попытка трактовать ИК как «докапиталистический способ производства», как «традиционное общество» методологически несостоятельны и противоречат историческим фактам.

Неверной представляется не только «этатизация» ИК, но и его «политизация», т.е. акцентирование примата политической сферы по отношению к другим на том основании, что для этого строя власть – центральный элемент. Конечно, главное в политике – борьба за власть. Но значит ли это, что всякая власть является властью политической? Всякая ли борьба за власть относится к сфере политики? Разумеется, нет. Политика, как и частная собственность, есть не предпосылка человеческого развития, а один из его результатов, который возникает на определённой стадии и которому, естественно, в какой-то момент предстоит исчезнуть, отмереть; и то, что наблюдается сейчас в партийно-политической жизни Запада, свидетельствует: этот момент не так уж далёк.

Политическая власть, так же как и государственная, есть власть частичная (а не всеохватывающая) и специализированная; это не власть вообще, а власть, охватывающая часть общества и делающая это посредством специализированных социальных (властных) технологий. ИК, будучи властью всеобхватывающей, т.е. распространяющейся в равной степени на социальную сферу, «идеологию» и т.д., – на общество в целом, и в то же время не специализированной, а социально-гомогенной, не только качественно отличается от политической власти в содержательном отношении как некая альтернатива. Так дело обстоит с «докапиталистическими» обществами. Отличие власти в ИК носит генетический и функциональный характер: она возникает как отрицание политики, политической власти и функционирует как самовоспроизводящийся процесс такого отрицания. ИК есть строй внеполитический и одновременно вдвойне антиполитический.

Несоответствие терминов «государство» и «политика реальности ИК автоматически ставит под сомнение применение к этой реальности термина «бюрократия». Что такое «бюрократия»? Здесь, как и по вопросу о государстве, возможны два ответа. Если бюрократ – это вообще любой чиновник, любой администратор и управленец, то бюрократия возникла как минимум со времён Шумера. Ясно, что такой подход нарушает сразу два фундаментальных принципа – историзма и системности.

Бюрократ есть социальный агент, персонификатор только административной (будь то государство, политическая партия или ТНК) власти, которая содержательно отделена от собственности, носит «частичный» и высокоспециализированный («рациональный») характер.

Социальный агент, в руках которого, как при ИК, находится не просто административная, а одновременно экономическая и идеологическая власть, причём не суммарно, не как сумма «частных специализаций», а как целостная неоднородность (или однородная целостность), как социальная власть вообще, – кто угодно, но не бюрократ. Многие проблемы ИК связаны не с засилием бюрократии, а с её отсутствием, с тем что вместо «рациональных администраторов» функционировали принципиально иные социальные агенты. Запутывает ситуацию и термин «административно-командная система» (АКС), которым с лёгкой руки Г.Попова в перестроечное время стали характеризовать ИК. По сути почти все исторические системы власти (не говоря о «докапитализмах») в той или иной степени являются административно-командными. Империи инков и китайские империи, Римская империя и Пруссия XVIII в., Вторая империя во Франции и Османская империя, Российская империя и СССР. А разве Ост-Индские компании, транснациональные компании или государственные компании США – это не АКС? Ещё как, особенно если речь идёт о Франции или Германии, да и США с Великобританией не отстают. Ну а в Японии и Южной Корее и частные компании – это без вопрос АКС. Для схему АКС ИК – ускользающая натура. Как, впрочем, и другие типы обществ, поскольку схема эта скользит по поверхности.

Коммунизм - не "партократия"

Но может, термин «партократия» лучше передаёт суть дела? Или формулировки типа «партия подчинила государство»,«партия растворила в себе государство, присвоила себе его функции». О негосударственном характере власти в системе ИК уже сказано выше. Непартийный характер этой власти ещё более очевиден.

Термин «партия» происходит от слова «pars»,«part» – часть (чего-либо). Партия – это, во-первых, частичное, а не тотальное явление; во-вторых, явление политическое; в-третьих, – явление правовое. Если перед нами всепроникающее, всеохватывающее и всерегулирующее явление, то оно никак не может быть партией по определению. Дело не меняется от того, что в это всеохватывающее явление, в некое целое, превратилось то, что раньше было частью. Значит, в процессе превращения эта часть, партия («партия нового типа») отмерла и была уничтожена.

Например, в СССР, придя к власти и тем самым реализовав все свои цели, а следовательно, и самоё себя, «КПСС» (РКП(б)-ВКП(б)-КПСС) перестала и должна была перестать быть «партией», даже «нового типа», так как уже ни в каком смысле она не была частью чего-то внеположенного себе, большего, чем она сама. Напротив, завоевав власть, КПСС – в тенденции – стала целым, системообразующим началом. Разумеется, это произошло не сразу, а в ходе и по мере заполнения большевиками всех секторов, всех организационных форм российского социума. Растворяясь в них, а точнее – растворяя их в своей организации, перерабатывая их, создавая одни, убивая другие и самоуничтожаясь как «партия», «КПСС» в то же время уничтожала эти секторы и формы как качественно особые. Результатом такой социальной аннигиляции и самоаннигиляции и стал ИК как система клеток и органов социально однородной власти, в котором ячейки власти и ячейки производства совпадали. Главным же органом этого строя была КПСС, но не как партия, а некое явление «КПСС».

С понятийно-теоретической точки зрения «государство-партия» или «партия-государство» – такой же беспомощный термин, как «государство-класс». ИК, будь то СССР или другая страна, демонстрировал не просто единство «партии» и «государства» – для этого они должны существовать как таковые, без кавычек, обособленно друг от друга, я – я наличие некой целостности, гомогенизировавшей, переварившей в себе «партийность» и «государственность» и превратившей «партию» и «государство» в однородные и однокачественные функциональные органы этой однородной целостности. Во многом прав был Л.И. Брежнев, уподобивший партию сердцу в организме.

В рамках «организмической» диктатуры разница между «государством» и «партией» исчезла. Поэтому неудивительно, например, что до 1991 г. валютные средства для КПСС, как сообщил бывший главный, но, кажется, слишком разговорчивый «казначей партии» Н.Е. Кручина, ежегодно предусматривались централизованно Госпланом и Минфином – единая казна, в которой нет разницы между «партийными» и «государственными» карманами: «Я сдал все гонорары государству (выд. мной. – А.Ф.). Все деньги до копейки, до цента», – говорил М.С. Горбачёв в 1992 г., поясняя, что деньги сдавал в кассу Управления делами ЦК КПСС Н.Е. Кручине! Ясно, что в такой ситуации крах КПСС должен был повлечь за собой и распад «государства» СССР; хотя, возможно, и не в такой форме, в какой это произошло. Об этом говорят и коммунисты, например Г.А. Зюганов: «Сломав партийный стержень, державу превратили в разбегающиеся галактики». Поэтому, на мой взгляд, дата 23 августа 1991 г, 17 ч. 09 мин. по московскому времени (фактический запрет компартии) важнее даты 25 декабря 1991 г., 10 ч. 45 мин.

(прекращение существования СССР), первая определяет вторую, а не наоборот: «сердце» перестало биться и через какое-то время «тело» остыло.

Термин «идеократия», «логократия» и т.п., конечно, красивы, но совершенно бесполезны для исследования ИК. Причина проста: то, что именуют «марксистко-ленинской идеологией» или «коммунистической идеологией», при внешнем, поверхностном сходстве с идейными системами оказывается по своей сути чем-то не просто намного большим и важным, но и качественно иным. Начать с того, что когда (и если) идеология охватывает общество в целом, она перестаёт быть идеологией и превращается в некое иное явление, выполняющее главным образом иную функцию, чем чисто идеологическая. Всякая идеология есть совокупность идей, но далеко не всякая совокупность идей есть идеология. Когда власть оказывается единственной целью, средством и ценностью и когда единственной «идеологией» становится идеология власти, «властеидеология», охватывающая всё общество в целом, – это уже не идеология.

Идеология, как и государство, и политика, и партия, – явление «частичное», а не тотальное. Чтобы функционировать нормально, идеология должна занимать определённую нишу, быть частью, а не целым. Становясь всеохватывающей, идеология отмирает, превращаясь в набор повседневных правил властно-идейной корректности, в комплекс поведенческих навыков, которые, с одной стороны, выступают как внешний регулятор социального поведения, с другой – как внутреннее средство самоконтроля, самосохранения – социального и даже физического.

Есть ещё одно качественное отличие у того, что называют «идеологией» в коммунистических режимах, у «марксистско-ленинской идеологии» от идеологии. Идеология в строгом смысле этого слова, будь то консерватизм, либерализм или социализм, никогда не претендовала на монополию, на всю истину. И уж тем более она не претендовала на монопольное знание того, что есть справедливость. «Марксистско-ленинская идеология» претендовала на монопольное знание Истины и Справедливости в их нерасчленённости, хорошо передаваемой русским словом «правда». Монопольное обладание Абсолютной Истиной на основе того, что была осознана и понята Историческая Необходимость и оседланы Законы Истории, соответствовало монопольному обладанию властью, не какой-то там частной политической или экономической властью, а властью вообще, вобравшей, втянувшей в себя, подобно «чёрной дыре», прорве, истину, справедливость, идеи (власть-знание, властезнание) и многое другое. Это уже не идеология и не религия, а отрицание и той и другой в рамках такой целостности, где устраняется, исчезает различие между властью и идеями, знанием; между, выражаясь марксистско-энгельсовским языком, базисом и надстройкой, которые словно сливаются в экстазе. Да, страшно далека идеология от такого феномена. И страшно слаба по сравнению и в конфликте с ним, потому что – «далека от народа», не овладела его массами, а потому не превратилась в «материальную силу».

Тот факт, что сам ИК идентифицировал и понимал себя в терминах «государство», «идеология», «партия», «право» и т.д., а также то, что западные учёные изучали его с помощью и сквозь призму этих терминов, ничего не значит, тем более что результат налицо: для советского обществоведения, обслуживавшего «власть-знание», реальное теоретическое знание о собственном социуме осталось табу; западные советологи с их схемами и прогнозами, как это со всей очевидностью выяснилось во время перестройки, попали пальцем в небо. Помимо прочего ещё и потому, что использовали неадекватный понятийный аппарат, не слушали Картезиуса, не определяли значения слов. И странно, что им не пришла в голову простая и ясная мысль: коммунистическая форма русской власти возникла на основе и посредством отрицания капитала, капитализма, с помощью

его же функциональных форм и развивалась как процесс этого отрицания, как антикапитализм. А следовательно: антикласс, антигосударство, антиполитика, антиправо и антиидеология.

Анализ ИК требует особого понятийного аппарата, особого объяснительного и даже описательного инструментария. Использование по отношению к ИК терминов «государство», «класс», «бюрократия» и т.п. может быть только метафорическим. За пределами метафорического звучания применение указанных понятий по отношению к явлениям и капиталистического и коммунистического социумов одновременно ломает понятия и искажает реальность. Трудно ожидать других результатов от использования одних и тех же терминов для концептуализации систем, одна из которых является полным отрицанием другой: надо решить, какие термины мы оставляем за какой реальностью, а для другой начать конструировать новый комплекс понятий. Если признать термины «государство», «класс», «политика», «идеология» адекватными для исследования ИК, то необходимо разработать иные «нишевые» понятия для анализа буржуазного общества. И наоборот. Я думаю – именно наоборот.

Если мы хотим быть радикальными в Марксовом смысле, т.е. идти до сути вещей и не обманывать себя, как сказал бы Ю.В. Андропов, не морочить себе голову в понимании собственного общества, в знании о нём, мы должны найти меру ИК, определить имманентную ему субстанцию, базовую единицу и на такой основе разрабатывать методологию изучения ИК и адекватный ему понятийный аппарат. Эта задача не является изолированной. Она представляет собой необъемлемый элемент всего комплекса изучения, с одной стороны, некапиталистических и неевропейских обществ, с другой – капиталистической системы как целостности, а не как суммы рынка, гражданского общества и государства, изучаемых сепаратно экономической теорией, социологией и политической наукой.

В обоих случаях речь идёт о восстановлении принципов историзма и системности и метода восхождения от абстрактного к конкретному как основополагающих в социально-историческом исследовании и определении на их основе меры и субстанции конкретного изучаемого общества, не помещающегося в объектив тримодальной социальной науки XIX в. Сделать это значительно труднее, чем провозгласить. Действительно, где искать эту меру и субстанцию, секреты той или иной социальной системы? Впрочем, один из русских мудрецов XX в. уже дал ответ на этот вопрос: «Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности» (А.А. Зиновьев). Нужно лишь научиться видеть их, сколь бы непривычным и некомфортным ни показался мир, который явится без зелёных, как у мудреца страны Оз, очков – в нашем случае капиталоцентричных и европоцентричных очков.

Конечно, употребление таких понятий, как «государство», «политика», «партия», «бюрократия» и т.д. делает изучаемую реальность узнаваемой, комфортно знакомой и привычной. В этом, помимо прочего, заключается одна из причин того, что их до сих пор инерционно применяют в анализе субстанциально некапиталистических обществ, включая ИК, – так сказать, по внешнему подобию, по аналогии, пусть поверхностной. Понятия и термины, о которых идёт речь, настолько срослись с реальностью, что воспринимаются как реальность многими, особенно в России, которая в своей интеллектуальной истории не знала спора номиналистов и реалистов и многие интеллектуалы которой западные универсалии восприняли как реалии, как то, что можно пощупать, ощутить физически. Отсюда – частый аргумент: надо изучать реальность, а не играть в термины. Может, стоит последовать этому призыву?

Кому-то, возможно, и стоит. Однако в таком случае едва ли мы будем лучше и умнее испанцев и португальцев XVI в., называвших вождей племён Африки и Южной Америки «герцогами», «графами» и «баронами». Правда, конкистадорам, жившим в донаучную эпоху, это было простительно. Нам – нет. Поэтому лучше последуем совету Декарта. Ведь наука – это прежде всего игра в понятия. Строгая и с большой буквы игра в строгие понятия. И только потом – сквозь призму этих понятий – изучение реальности. А главный вопрос по поводу реальности любой социальной системы прост: кто присваивает решающие для функционирования этой системы факторы производства и какова природа этих факторов, поскольку именно эта природа в свою очередь обусловливает природу присваивающего субъекта, который является системообразующим элементом данной системы.

Противоречия исторического коммунизма

Социальная природа и противоречия любого общества, включая **исторический коммунизм** (далее ИК) определяются спецификой присваиваемых в данном обществе факторов производства. Последняя определяет, конституирует специфику присваивающего субъекта, т.е. господствующих групп. Земля в качестве объекта присвоения даёт нам феодала, капитал - капиталиста и т.д.

Что присваивала номенклатура, т.е. по поводу чего она выступала собственником? Землю, фабрики и заводы? Нет. Она вообще не присваивала вещественные факторы производства и в этом плане не была собственником, а точнее, была несобственником, как и все остальное население. Тем более, что исходно большевики пришли к власти на основе (и под лозунгами) отрицания частной собственности помещиков (т.е. на землю) и капиталистов (т.е. на капитал как овеществленный труд). А что ещё можно присваивать, если не землю и капитал? Этот вопрос ставил в тупик практически всех исследователей ИК.

Коммунистическая кратократия

Кто-то из советских китаистов в 1970-е годы попытался выйти из трудного положения (естественно, на примере китайской формы ИК), констатировав: ганьбу (китайская комноменклатура) не является собственником средств производства, как не является им и народ; ганьбу стоят между народом и средствами производства. Это, что называется, «теплее», однако годится как описание, но не как объяснение. Что значит «стоять между народом и средствами производства»? Для этого тоже нужно присвоить какие-то факторы производства. Какие? С вульгарно-материалистических позиций, реифицирующих любую реальность, ответить на этот вопрос невозможно. Однако помимо вещества («материи») есть энергия и информация, то бишь не только «вещественные» («материальные»), но также социальные и духовные факторы производства, которые вполне можно присваивать, хотя и не так как вещественные.

Но что значит социальные и духовные факторы производства? Социальные факторы производства суть такие, которые наполняют и определяют содержание социальных действий человека в процессе производства и вне его (труд и досуг) и проявляются прежде всего в возможности и способности людей создавать и развивать различные формы социальной организации. Отношения по поводу социальных факторов производства - это отношения по поводу социальных же процессов, опосредующих отношение человека к веществу и информации.

Если именно социальные факторы отчуждаются в качестве главных, то это означает, что именно они суть системообразующий объект отчуждения, а следовательно, системы производства в целом. Присвоить социальные факторы производства значит лишить группы индивидов возможности по своей воле и в своих непосредственных интересах создавать коллективные формы (организации), устанавливать социальные отношения и т.п., короче, распоряжаться своей способностью («социальной силой») выступать в качестве субъекта. Речь, таким образом, идет о контроле над сферой «субъект-субъект», о ее отчуждении.

Специфика социальных факторов, однако, такова, что они неразрывно связаны с духовными, на тесную связь, по сути на единство социального и духовного указывал ещё Кант. Контроль над социальными факторами производства (марксист сказал бы:

«социальными производительными силами»), предполагает контроль над духовными факторами - и наоборот. Контроль над одним есть *conditio sine que non* контроля над другим - и наоборот.

Духовные факторы производства суть идеи (представления, верования), образы, символы, ценности, посредством которых человек соотносит себя с материальным и социальным миром (т.е. с веществом и энергией). Духовные факторы производства - это то, во что верят люди, ценности, которыми они руководствуются в социальном поведении и материальном производстве и, самое главное, цели и смыслы, определяющие их поведение. Т.е. мы имеем здесь сферу целе- и смыслополагания. Контроль над этой сферой, ее отчуждение означает лишение групп и индивидов самостоятельно определять ценности и цели своего существования. Отчуждение в некоем социуме двуединой сферы «субъект-субъект» - «субъект-дух» в качестве главной (а следовательно - системообразующей производственной) означает, что антагонистические отношения производства (распределение факторов производства) складываются в данном социуме по поводу человеческой способности (силы) формировать коллективы, цели и ценности, а не по поводу вещественных факторов производства (отношения «субъект-предмет»).

Материализм, а точнее вульгарный материализм, отождествляющий производство вообще с материально-предметным, вещественным производством, редуцирующий совокупный общественный процесс к процессу вещественного производства не позволяет не только понять это, но и поставить вопрос о социальных и духовных процессах как факторах производства, а об отношениях по их поводу - как о производственных отношениях. Поэтому и получается, что историческую специфику социальной системы, возникшей и построенной на отрицании (частной) собственности на вещественные факторы производства, часто ищут в таких сферах как государство, политика, культура, идеология и т.п., в контроле над этими последними (т.е. выражаясь марксистским языком - над надстройкой). Эти поиски, ведущие к заключениям о господстве политики, идеологии и т.п. в советском (коммунистическом) обществе над экономикой, основанные на вульгарно-материалистической, вещественно-редукционистской трактовке производства, объявляются преодолением материализма и марксизма! На самом деле, ни о политике, ни о государстве, ни об идеологии здесь речи быть не может, поскольку все это непроизводственные процессы и структуры. Мы же говорим именно о производстве, только нематериальном. Но это - теория, а как на практике происходит отчуждение социальных и духовных факторов? Для ответа на этот вопрос надо обратиться к Уставу КПСС и Конституции СССР - прав А.А. Зиновьев, *«самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности»*.

В соответствии с Уставом КПСС (в различных его редакциях), партия выступает как ядро (т.е. организующий и направляющий центр) всех без исключения общественных (будь то «государственные» или «хозяйственные») организаций. Все общественные организации (за исключением РКП(б) - ВКП(б) - КПСС) существуют в разрешительном порядке (т.е. их разрешило «государство») - за исключением КПСС. А поскольку она - ядро «государственной» организации, то именно она разрешает все остальное, при условии признания ее этими организациями *«высшей формой общественно-политической организации... советского общества»*, т.е. сверхорганизацией, единственной организацией высшего уровня, которой подконтрольно все, прежде всего - процесс создания и функционирования других коллективных форм. Это и есть отчуждение социальных факторов производства.

Но это, естественно, не все. Поскольку официальной социальной целью построения развития объявлялось построение коммунизма под руководством КПСС и на основе

марксизма-ленинизма, то обязательное принятие (официальное, т.е. социально-демонстрируемое, фиксированное и санкционируемое) населением последнего в качестве комплекса идей и ценностей, необходимого, обязательного для функционирования в качестве элементов данной системы означает не что иное как отчуждение духовных факторов производства. Само наличие суперорганизации, сверхколлектива становится процессом, целью и средством (гарантией) отчуждения духовного комплекса, т.е. общества в целом.

Поскольку в основе отчуждения социальных и духовных факторов исходно лежит власть как насилие (прямое или опосредованное в виде угрозы репрессий, страха и т.п.) или, как писал Ленин, *«ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть»,* то можно говорить об абсолютной (в смысле: «чистой») власти, на власть же опирающейся. Власть власти, или кратократия[1] как высшая форма русской власти и крайняя форма негативного взаимодействия капитала-функции и капитала-субстанции[2]. Поскольку организации этой власти составляют ядро всех общественных организаций, а сама она - ядро общества, то ясно, что воспроизводство и расширение этой власти как особый вид производства есть *raison d'être*, цель и принцип существования данной системы. И это естественно - системообразующие факторы производства определяют субъекта присвоения, а цель любой социальной системы - воспроизводство и/или экспансия в интересах системообразующего присваивающего субъекта. Процесс этого воспроизводства порождает противоречия, которые суть двигатель, мотор данной системы, история последней есть развёртывание этих противоречий; исчерпание, затухание этого процесса или (что бывает намного реже) их обострение сверх меры ведёт к гибели системы. В чём заключаются главные противоречия системы, основанной на отчуждении социальных и духовных факторов производства, системы ИК - мы, естественно, будем говорить о главных, базовых противоречиях.

[1]Термин введён мной в конце 1980-х годов. Сам феномен кратократии, его подъём и упадок исследованы в: Фурсов А.И. Кратократия: социальная природа обществ советского типа // Социум. – М., 1991. - №№ 8-12; 1992, №№ 1-8; его жеВзлёт и падение перестройки // Социум. – М., 1992, №№ 9-12; 1993, №№ 25 (13); 1994, №№ 32-33.

[2] Подр. см.: Фурсов А.И. Колокола Истории. – М., 1996. – С. 21-67.

Первое противоречие ИК: потребление не по чину

Первое базовое противоречие ИК заключается в следующем. Присвоение социальных и духовных факторов производства может носить только коллективный характер - лишение населения права создавать первичные коллективные формы автоматически предполагает наличие первичной («первосортной», «высшего типа») коллективной формы, признание которой в качестве таковой обусловливает возможность создания любых других (вторичных) форм. Ясно, что воспроизводство (усиление, расширение коллективной формы «высшего типа», матрицы) есть необходимое условие функционирования системы, основанной на отчуждении невещественных факторов производства. Ясно также, что организации отчуждения социальных и духовных факторов производства - главные в обществе ИК, они воплощают коллективное бытие, целостные аспекты и сферу целеполагания господствующих групп - и общества в целом.

В то время как присвоение этих последних в ИК носит коллективный характер, присвоение вещественных факторов, экономического продукта носит индивидуальный характер. Объём этого присвоения-потребления зависит от ранга, занимаемого во властной (кратократической) иерархии. Иерархически-ранжированное потребление есть практическая форма снятия противоречия между коллективным характером присвоения социальных и духовных факторов производства и индивидуальным - вещественных. Подчеркну, что единственный способ присвоения господствующими группами вещественных факторов производства, экономического продукта в обществах ИК есть потребление. Поэтому здесь «материализация» («экономизация», «либерализация») господствующих групп может развиваться исключительно по потребленческой линии (а, например, не по линии производства). Организации, регулирующие распределение экономического продукта в соответствии с рангом воплощают частичные аспекты бытия господствующих групп и объективно занимают подчинённое и второстепенное положение в системе (хотя в реальности значение этих организаций по мере развития ИК постоянно росло).

В обществе, построенном не просто без частной собственности на вещественные факторы производства, но на отрицании такой собственности, иерархически ранжированное потребление, его объём и качество выступает в качестве единственно значимого «материального» показателя социального положения. А поскольку увеличение индивидуально-семейного благосостояния номенклатурщика-кратократа было возможно только по линии и в сфере потребления, то добиться его легальным образом можно было только в рамках иерархического коллектива присваивателей общественной воли. Отсюда - стремление к усилению и расширению этого коллектива.

В то же время, каждый человек есть человек, и каждый отдельный кратократ с чадами и домочадцами хотел потреблять больше, чем положено по рангу. Рано или поздно это приводило к противоречию между этим стремлением и наличным рангом. Поскольку количество и качество индивидуального потребления были показателем места в иерархии, а следовательно её внешним проявлением, любые потребленческие, «экономические» нарушения рассматривались как бóльшая или меньшая угроза «внеэкономической» иерархии в целом, пресекались и наказывались.

Чем сильнее был центроверх («государство»), воплощавший коллективное целостное внеэкономическое бытие кратократии, тем меньше возможностей было у отдельного кратократа безнаказанно нарушать правила иерархически-ранжированного потребления и таким образом подрывать систему (во-первых, избыточное потребление нарушало внутреннюю иерархию; во-вторых, «нескромная власть» - объект для компрометации в глазах населения, а следовательно источник социальной угрозы). После смерти Сталина, когда в 1953-1956 гг. номенклатура добилась гарантий своего физического существования, а общий контроль стал слабее, номенклатура стала выходить за рамки иерархически приписанного потребления, обменивая «кусочки» власти (связи, протекция и т.п.) на дополнительный и неположенный по рангу объём материального потребления (иногда это ошибочно называют коррупцией). Постепенно это нарушение стало превращаться в норму, чему в немалой степени способствовало развитие теневой экономики (тут же возникла обратная связь).

Зафиксировав в ИК системное, базовое противоречие между внеэкономическим коллективным характером присвоения невещественных факторов производства, с одной стороны, и индивидуальным присвоением вещественных факторов, экономического продукта, мы с необходимостью должны сделать вывод о противоречии между слоями-персонификаторами этого противоречия. Соответственно элементам, «краям»

противоречия в номенклатуре сформировались тенденции (и воплощающие их группы): к развитию преимущественно коллективистско-внеэкономических и централизованных форм и аспектов (часто это ошибочно именуют «неосталинизмом», идеологизацией и т.п.), с одной стороны, и к развитию преимущественно индивидуально-потребленческих «консумптизаторских» (*consumption* - потребление), норм и аспектов, связанных с ослаблением внутриierархического централизованного контроля, - с другой (персонификаторов этой тенденции именовали «партийными либералами», «сторонниками экономических методов» и т.п.).

Ясно, что эта вторая тенденция, как правило, предполагала более тесные контакты с Западом, большую открытость Западу (преимущественно потоку импортных вещей плюс загранкомандировки и т.п.), менее антизападный курс в «идеологии» (риторике) и внешней политике со всеми вытекающими последствиями.

«Экономизм», «либерализм», «консумпитизация» в советской верхушке ни в коем случае нельзя отождествлять с обуржуазиванием, как это нередко делается, поскольку в советском обществе отсутствовала частная собственность на овеществленный труд (капитал), а рабочие не были собственниками своей рабочей силы. Более того, «экономизация» господствующих групп ИК в виде усиления их потребленческо-паразитических функций была возможна при отсутствии частной собственности и капитализм. Речь должна идти не об обуржуазивании, а о нарастании паразитизма и загнивании кратократии.

Вся история господствующих групп ИК есть история усиления потребленческо-экономического аспекта ее бытия, связанных с ним групп, внутренней и внешней политики.

Если учесть, что, во-первых, население имело гарантированный системой минимум, на который в рамках данной системы верхи не могли покушаться как по соображениям «идеологии» и легитимности, так и из-за отсутствия адекватных легальных механизмов увеличения изъятия создаваемого населением продукта, во-вторых, в провозглашенной XXI съездом КПСС (1959 г.) программе КПСС в качестве главной задачи партии ставилось удовлетворение растущих материальных потребностей советского народа, то становится ясно: логика развертывания первого базового противоречия ИК рано или поздно должна была свести номенклатуру и население, по крайней мере, его средние слои в схватке за ресурсы.

Результатом схватки за ресурсы должно было бы стать либо возникновение принципиально новой системы или возникновение более демократической, эгалитарной («спартанской») версии (структуры) ИК за счет перераспределения общественного продукта в ущерб номенклатуре и ее слоям-прилипалам, либо перераспределение в ущерб населению на основе (и только на такой основе) слома ИК с превращением пусть ублюдочного, но «демократического богатства» в ублюдочное «олигархическое» (в виду имеется богатство материально-предметное). Именно второй вариант решения первого базового противоречия реализовался благодаря перестройке, и в немалой степени этому прямо и косвенно способствовало второе базовое противоречие ИК и необходимость его решения.

Второе противоречие ИК: «одноклеточная» власть

Второе базовое противоречие ИК обусловлено спецификой коммунистической власти. Последняя не является ни политической, ни экономической, ни идеологической, ни

суммой подобного рода властей. Она - социально недифференцированная, однородная (гомогенная) социальная власть. Развиваться путём дифференциации она не может. Её тип развития - сегментация, как у одноклеточных. При подобного рода сегментации-дроблении каждая «молекула» власти обладает полным набором её качеств, только в миниатюре.

При прочих равных условиях в ситуации однокачественности различных ячеек в силу вступает логика количества, средних чисел, и в результате реальная власть имеет тенденцию к перемещению на средние уровни системы (ведомства, обкомы). Единственное средство сохранения социально гомогенной и подверженной сегментации власти наверху и в центре - сила центроверха, наличие репрессивного аппарата, который, однако, эффективен только в условиях относительно простой социальной организации. Достижение последней определённого уровня сложности, во-первых, делает такой репрессивный аппарат менее эффективным; во-вторых, объективно начинает смещать власть в сторону среднего (обкомовско-ведомственного) уровня. Этому способствует и превращение номенклатуры в слой для себя, первый шаг на этом пути - фиксация гарантий физической безопасности для себя как представителей определённой группы, противостоящей остальному населению.

Таким образом, в ИК встроено ещё одно противоречие - между центроверхом как представителем коллективного, общего, совокупно-долгосрочного внеэкономического интереса номенклатуры внутри и вне страны, с одной стороны, и обкомами и ведомствами как конкретной формой реализации конкретных экономических кратко- и среднесрочных интересов различных отдельных (отраслевых и региональных) групп номенклатуры.

Следует напомнить, что хотя и сведённый к своей логико-теоретической модели ИК есть отрицание не только частной собственности и классовости, но и государственности, исторически он возникает как процесс и результат захвата государственной власти, и это по инерции сохраняет некоторые формальные аспекты государственности властных структур ИК, содержание которых, однако, меняется. Этим содержанием становится властный социально-однородный центроверх как средство-гарант, во-первых, отчуждения господствующими группами социальных и духовных факторов производства и распределения вещественных факторов внутри страны; во-вторых, защиты и продвижения интересов господствующих групп ИК на международной арене (как «государства СССР»). Центроверх, таким обрахом, воплощал целостно-внеэкономические, силовые, функции ИК («лицо» - ЦК КПСС, армия, безопасность, ВПК в целом и т.п.) внутри и вне ИК, объективно ограничивая власть и функции «частично-экономических» структур и слоёв. Повторю: это ограничение могло быть эффективным при сильном цертроверхе и в условиях жёсткого противостояния с Западом; ослабление этого противостояния при прочих равных объективно, хотя и косвенно, ослабляло контроль и хватку центроверха.

Соответственно второму базовому противоречию формируются две тенденции и, соответственно, персонифицирующие их группы: центр и «центростремительные» силовые ведомства плюс ВПК, с одной стороны, и совокупность регионально-ведомственных групп, с другой. До тех пор, пока центроверх силён внутри и, что очень важно, вне страны, это противоречие не имеет реального решения, поскольку последнее, доведённое до логического конца, может означать только одно: «демонтаж» СССР как великой державы, разрушение армии, КГБ и военно-промышленного комплекса.

Ослабление центроверха автоматически означало усиление однородных ему во властном плане сегментов среднего уровня. Несколько упрощая реальность, можно сказать, что регионально-ведомственная сторона второго базового противоречия логически

коррелирует с экономпотребительской стороной из первого противоречия, и точкой их соединения пересечения стал сырьевой (нефтегазовый) сектор советской экономики. Не демонизируя роль этого сегмента, рост значения которого не причина, а следствие, отмечу: с узкоэкономической точки зрения последние 30-40 лет - это неуклонный марш сырьевиков и их модели интеграции в капсистему и ослабление ВПК. И хотя реальность намного сложнее - личные и клановые связи, интенциональный характер индивидуального поведения, борьба за власть и карьеру вносят свои существенные поправки, в целом логика развития системы, ее образующего элемента и массовых процессов берут свое и указанная корреляция имеет место быть и усиливает потенциал обеих тенденции развития номенклатуры - сегментарной и потребленческой.

Третье противоречие ИК: неэффективность

Третье базовое противоречие ИК - таковое между общефункциональным и конкретно-содержательным аспектами жизнедеятельности системы. В ИК ячейки (клетки, базовые единицы организации и т.д.) производства и власти совпадали. Уже в Уставе ВКП(б), принятом на XVIII съезде (1939 г.) этот принцип был зафиксирован чётко: *«Партия является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».* По Уставу парторганизации осуществляли полный контроль над функционированием всех организаций страны, включая производственные. Не случайно принципом организации КПСС был производственно-территориальный, а не просто территориальный. Именно по этому принципу бил указ Ельцина № 14 (о департизации производственных коллективов - июль 1990 г.), согласно которому партийные организации должны были быть выведены за рамки производственных организаций и функционировать по территориальному принципу. А ещё раньше, в 1962 г., по этому принципу ударил Хрущёв своей реформой парторганов - разделением их на промышленные («городские») и сельскохозяйственные («деревенские»), не случайно эту реформу отменили в ноябре 1964 г. - сразу же после снятия Хрущёва, а вот до совнархозов, как менее важного, руки дошли только через год, в ноябре 1965 г.

Поскольку главная задача функционирования любой властно-производственной ячейки ИК, будь то завод или НИИ, колхоз или поликлиника - это прежде всего сохранение, воспроизводство и укрепление позиций господствующих групп («руководящей и направляющей роли КПСС»), т.е. данного типа властесоциальности, её общефункциональных характеристик, то её специализированное содержание, её конкретный содержательный, т.е. производственно-профессиональный аспект - при всей его материальной важности - отходит на второй план. С точки зрения системы, целей её развития первичны общефункциональные, содержательно неспециализированные аспекты её функционирования (социально однородная власть); конкретные (специализированно-содержательные) производственные аспекты вторичны. Их развитие определялось тем, в какой степени они не противоречат главной цели функционирования властно-производственной ячейки, т.е. интересам господствующих групп, которые (интересы) были завязаны на внеэкономические факторы производства и на общефункциональные аспекты функционирования всей социальной системы.

Противоречие между конкретными содержательными и общефункциональными аспектами деятельности системы в системе ИК разрешается в пользу последних. По достижении обществом определенного уровня (индустриально-аграрного) сложности это господство функционально-властных сторон системы над производственно-содержательными ведет к постепенному снижению качества содержательных аспектов деятельности системы. Это проявляется самым различным образом - в постепенном снижении темпов роста и качества продукции, уменьшении изобретений и - в ещё

большей степени - нововведений, снижению профессионального уровня. По сути речь идёт о постепенной системной деградации, обусловленной третьим базовым противоречием ИК. Особенно необходимо отметить и подчеркнуть кадровый, управленческий аспект системной деградации.

В ходе эволюции системы ИК общефункциональный и конкретно-содержательный аспекты её жизнедеятельности не просто обособлялись друг от друга, но взаимоотчуждались. Как уже говорилось, содержательный, профессиональный аспект вытеснялся на второй план и нередко превращался в имитацию - наглядное свидетельство встроенной в систему тенденции к деградации профессионально-содержательной деятельности. Опять же сдерживающим эту тенденцию фактором была мощь центроверха, его ослабление способствовало ускорению системной деградации.

Наиболее ярко тенденция, о которой идёт речь, проявлялась в отборе, подборе и расстановке кадров, где системная деградация приобретает субъектное измерение. Поскольку за исключением нескольких производственных секторов (да и то не полностью) карьера в обществе ИК строилась не по содержательно-деловой, а по функционально-властной линии, каждое новое поколение господствующих групп ИК при бóльших внешнем лоске и приемлемости физико-антропологического экстерьера было менее профессиональным и компетентным, чем предыдущее, более безликим, серым, безответственным и карьеристским - *«они приходят как тысяча масок без лиц»* (К. Чапек).

В этом плане горбачёвское руководство - фантастический и в то же время закономерный апофеоз некомпетентности, бездарности (вопрос постсоветской верхушки, её исторического «качества» мы здесь не обсуждаем - это за пределами нашей нынешней темы).

Ну а теперь посмотрим, как разворачивались три базовых противоречия ИК в конкретной истории (а разворачивались они синхронно, усиливая друг друга непосредственно и по принципу волнового резонанса), подводя систему ИК к крушению, а СССР - к распаду.

Андрей Фурсов

Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними

Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью?

У конца Третьей эпохи

События одной из самых важных книг XX в. – «Властелина колец» – Джона Роналда Ройла Толкина происходят в конце Третьей Эпохи Среднеземья. Эта метафора как нельзя лучше подходит к нашей нынешней ситуации, представляется её символом. Мы оказались у конца Третьей Эпохи не в одном отношении, а сразу в нескольких, концы нескольких эпох наложились друг на друга.

Если брать европейскую ветвь развития, то Современность (Модерн), в самом конце которой мы живём, в чём-то уже перейдя за её грань, – третья эпоха после Античности и Средневековья. Марксист может поменять эпохи на формации: рабовладение, феодализм, капитализм.

Если уменьшить масштаб до отдельно взятой капиталистической системы, то мы получим три эпохи: Старый Порядок 1600–1789 гг.; «субстанциальный капитализм» «длинного» (до 1914 г.) XIX в. и «функциональный капитализм» с буйством функции капитала в виде авторитаризма, тоталитаризма и коммунизма, а также связанных с ними движений и структур – этих Колоссов Паники «короткого» (до 1991 г., а, точнее, до хронологической черты 1979–1991 гг.) века.

В геоэкономической и геополитической плоскости мы тоже получаем три эпохи соответственно трём циклам накопления капитала – голландскому, британскому и американскому – и трём гегемониям в мировой политике – голландской (пик 1618–1652 гг.), британской (1815–1871 гг.), американской (1945 г. додамериканской (1945 г.71 политике - голландской голландскому,ти и опять получаем три эпохи: Старый Порядок 1600 - 1789 ,я - я затухания на наших глазах, причём нынешняя, «затухающая» гегемония США – это гегемония США главным образом как кластера ТНК, гегемония США как исключительно государства закончилась в 1975 г.).

Если перейти от истории капиталистической системы к русской истории, то и здесь мы увидим «три эпохи, три составные части», которые, кстати, чётко коррелируют с циклами накопления/гегемониями Голландии, Великобритании и США и представляют собой по сути альтернативные циклы накопления, но не капитала, а власти и евразийской (гиперконтинентальной) гегемонии: Московское царство (московское самодержавие), Петербургская империя (петербургское самодержавие), СССР (исторический коммунизм). Советский коммунизм, являясь системным антикапитализмом в мировой системе, был реальным русским Модерном, реальной русской Современностью, конец которой совпал (могло ли быть иначе?) с концом Современности, Модерна в целом. Но быть может, мы сгущаем краски? Действительно, о конце Модерна, о постмодерне пишут уже несколько десятилетий, но, возможно, это всего лишь пустые страхи, *«шорох, больше ничего»* (Эдгар По), особенно если учесть несерьёзность и убожество того, что претендует на роль сменщика Модерна – постмодернизма.

Тем не менее всё больше людей со всё большей остротой ощущают: в последние десятилетия с миром что-то произошло; что-то бесповоротно изменилось; знакомый мир

почти исчез; наука об обществе изучает не столько сегодняшний мир, сколько – по инерции – мир вчерашний; гуманитарное и обществоведческое образование представляют студенту в большей мере картину того мира, который уже ушёл. Мир меняется быстрее, чем наука в её нынешнем состоянии способна это уловить. У данного разрыва, кстати, нарастающего, три причины. Во-первых, мир действительно меняется с ускорением. Во-вторых, в современном мире немало влиятельных и могущественных сил, заинтересованных в сокрытии сути и направленности происходящих в нём процессов и успешно камуфлирующих реальность. В-третьих, мы до сих пор, хотя эпоха уже почти закончилась, плохо представляем себе её суть, только сейчас начиная кое-что понимать – *«Сова Минервы вылетает в сумерки»*. Чтобы понять суть новой эпохи или хотя бы приблизиться к пониманию того, что грядёт, надо прежде всего определить, что уходит и почему. В нашем контексте это означает определить базовые составляющие Модерна, эпоху его «прощального поклона», а заодно «прощального поклона» капитализма, которую мы переживаем.

Собственно, мы уже покинули старый мир, но ещё не вступили в новый – сегодня мы живём между мирами, в *«in-between-world»*, как сказали бы англосаксы, на хроноводоразделе. Наблюдателю, историку социальных систем такая ситуация предоставляет фантастические возможности: ещё не совсем ушло прошлое и уже видно будущее, их можно сочленять, фиксируя связь времён. У ситуации меж эпох есть ещё один аспект: *«В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревавшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого»* (Надежда Мандельштам. Вторая книга). Поймаем этот момент и посмотрим на будущее сквозь призму тенденций развития капсистемы в эпоху Модерна (1789–1991 гг.), ведь каждая новая система возникает как снятие противоречий прежней, как преемственность-через-разрыв – новые системы не возникают путём простой филиации из старых. Современное (*modern*) общество и капсистема не исключения, и многое в посткапиталистической, постсовременной системе можно понять из логики развития их предшественницы. Сквозь призму тенденций развития капсистемы эпохи Модерна, сошедшихся в одну точку, точку бифуркации (по-видимому, 1975–2025 гг.) – это и есть миг-вечность, мир между прошлым и будущим, *in-between-world*, попытаемся заглянуть в будущее, которое приходит как кризис-матрёшка и поразмышлять о природе этого кризиса.

Кому-то предложенный анализ может показаться тем, что Станислав Лем назвал «черновидением». По этому поводу у меня вопрос: что лучше – готовиться к худшему или существовать в соответствии с «синдромом Сидония Аполлинария» – римлянина, жившего накануне разрушения Рима варварами и тем не менее близоруко рисовавшего в своих письмах друзьям благостную картину жизни в канун гибели своей цивилизации. Думаю, что правилом должно быть римское же изречение – *praemonitus praemunitus* (кто предупреждён, тот вооружён). Я буду рад ошибиться в своих прогнозах. В то же время именно ясное, без иллюзий ви́дение мира – мужество знать – есть необходимое условие мужества быть.

Индустрия, субстанция и функция, или кое-что об игле «Кощеевой смерти» капитализма

Современное (в строгом смысле) общество сложилось в 1789–1848 гг., в «эпоху революций» (Эрик Хобсбоум), а окончательный в своих основных чертах вид Модерн

приобрёл в «длинные пятидесятые» (1848–1867 гг.), «зажатые» между «Манифестом Коммунистической партии» и европейской революцией 1848 г., с одной стороны, и первым томом «Капитала» и японской реставрацией Мэйдзи, с другой.

На этом фундаменте выросли такие его «составляющие» как индустриальная система производства, нация-государство, средний и рабочий классы (не говоря о прогрессистских идеологии и геокультуре в целом, науке об обществе, образовании – эти сюжеты находятся за пределами наших размышлений, которые сегодня приходят и уже пришли в упадок, и именно на этих руинах будет строиться будущее – если оно будет.

Индустриальная система производительных сил (далее – ИСПС) сформировалась в 1780–1840-е годы в Великобритании, а затем, во второй половине XIX оформилась в Германии, Франции, России и США. По своей сути ИСПС означает господство искусственно созданных производительных сил над природными производительными силами (не путать с географическим фактором) и, как следствие, овеществлённого труда над живым – именно последнее делает ненужным внеэкономический характер производственных отношений (отчуждение воли) и превращает последние в экономические, в обмен рабочей силы на капитал.

По сути вся эпоха Модерна – это эпоха постепенной индустриализации мировой системы, которая повлекла за собой соответствующие социальные и политические изменения и последствия.

ИСПС нуждалась не просто в многочисленном рабочем классе, но в рабочем классе, интегрированном в систему. В первой половине XIX в. низы не были интегрированы в систему, напротив, поляризация в обществе, его разъединение достигли опасной стадии, которую Бенджамин Дизраэли охарактеризовал как ситуацию «двух наций». Низы именовались не иначе как «опасными классами» (*dangerous classes, des classes dangereux*) и их интеграция в систему стала вопросом её дальнейшего развития.

«Одомашнивание» опасных классов и интеграция их в систему в качестве трудящихся развивались по нескольким линиям – предоставление права голосовать, легализация профсоюзов, улучшение материального положения (чаще всего за счёт эксплуатации колоний и полуколоний). Бесспорно, право голоса и организации усиливало позиции рабочего класса, но – внутри системы и по её правилам. Вплоть до 1970-х годов, потому что начавшаяся научно-техническая революция (НТР) создала условия для изменения положения рабочего класса к худшему и, более того, создала материальную базу для финализации капитализма как системы. Для того чтобы лучше понять суть, необходим краткий экскурс в области теории.

У каждой общественной системы есть её социальное «тело», субстанция, обладающая некими функциями, атрибутами. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы, чем больше природные факторы производства господствуют над искусственными, а живой труд – над овеществлённым, как это имеет место в «докапиталистических» обществах, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция «утоплена» в субстанции, тем меньше ее автономия.

Субстанция – это прежде всего материальное производство в узком смысле слова (действительный процесс производства), те отношения, которые возникают непосредственно внутри него или непосредственно по его поводу, например в ходе распределения факторов производства (собственность).

Функция (или функции) – это те отношения, которые складываются не внутри субстанции и не непосредственно по её поводу, а вне её и опосредованно. Так, они могут опосредовать распределение факторов производства, т.е. отношения по поводу субстанции, выступая их более или менее активным атрибутом. И чем сложнее, многосоставнее и развитее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее несовпадение с ней, тем они автономнее; функции – это управление («государство»), регуляция социального поведения («политика»), коммуникации; у функций – свои структуры и формы организации, как и у субстанции. Чем сложнее и развитее социальная система, тем менее абсолютна и непроходима грань между ее субстанциональными и функциональными аспектами. Особенно это проявляется в сфере производственных отношений (Подр. см. об этом: Фурсов А.И. Колокола Истории. – М., 1996. – С. 21–62; его же: По ком звонят Колокола Истории: капитализм и коммунизм в XX в. // Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 1. – С. 377–403).

Противоречие между социальными субстанцией и функцией (а также содержанием и формой) достигает максимальной остроты именно при капитализме, когда экономические отношения становятся системообразующими производственными, социальное насилие содержательно обособляется из сферы производственных отношений, превращаясь в государство (т.е. *state* – не путать с патримониями) и возникают формы, регулирующие (в)некономические отношения индивидов и групп (политика). Кроме того, при капитализме функционально (но только функционально) снимается противоречие между отношениями производства и обмена – эксплуатация осуществляется как обмен рабочей силы на овеществленный труд («капитал»).

Функциональные качества производственных отношений при капитализме существенным образом отличают эту систему от «докапиталистических». Производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, т.е. превращение его полностью или частично в «говорящее орудие», в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциальный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природы. Капитализм, напротив, стартует с высокого уровня функционализации производственных отношений. Это – его начало. Логическим концом капитализма должна быть (и может быть) только стремящаяся к полноте функционализация («дематериализация») производительных сил, по крайней мере, их главных сегментов. Это соответствует функционализации как макрозакону развития производительных сил капитализма.

Итак, налицо, во-первых, факт несовпадения субстанции и функции в капсистеме; во-вторых, острейшее противоречие между ними как двигатель этой системы. Противоречие это нарастало и обострялось по мере развития капитализма.

В последней трети XIX в. ИСПС не только оформилась как таковая, но благодаря этому факту, а также – в неменьшей степени *а)* подъёму и растущей автономизации финансового капитала (победоносная фаза – 1870–1920-е годы); *б)* резко обострившегося в условиях упадка британской гегемонии государственно-политического соперничества на мировой арене; *в)* подъёма социалистических движений (по сути это три «угла» одного треугольника) – потребовали такой степени развитости и автономии функциональных аспектов капитала, которые выходили за рамки организации материального производства, превышали возможности существующих организационных форм как производства, так и политики, потребовали изменений в отношениях между ними.

Ни в то конкретное время, ни даже в рамках индустриального производства как исторического типа эти проблемы на уровне **организации** самого производства решить было невозможно. Для этого нужен был прорыв в постиндустриальный мир, но до этого оставался целый век. К тому же индустриальная система **материального** производства далеко ещё не исчерпала свои технико-производственные возможности – у неё тоже был век в запасе. Исчерпано было другое: прежде всего – формы социальной организации и регуляции производственных и, что не менее, а быть может, и более важно, – внепроизводственных процессов, возникшие в раннеиндустриальную эпоху и не соответствовавшие ситуации конца XIX в.

Нужны были новые формы социальной организации, которые должны были решить двойную задачу: зафиксировать торжество функции капитала, не разрушая при этом систему, а напротив, укрепляя её и подавляя стихийные формы и движения, связанные с функцией. В реальности капсистемы это авторитаризм (господство функции над субстанцией – государства над гражданским обществом – в сфере политики) и тоталитаризм (то же господство, но уже не только в сфере политики, но также в идеологии и отчасти экономике). Впрочем, решить двойную задачу, оставаясь в рамках капитализма, не получалось – одна часть решалась иногда за счёт другой, функция укреплялась за счёт и посредством уничтожения субстанции, но это означало выход за рамки капитализма и создание коммунистического социума. В любом случае почти весь XX век функция капитала в своих положительных и отрицательных формах («Колоссы Паники») сотрясала капсистему с её «материально-субстанциальными» производительными силами, и эти потрясения, помимо прочего, выступали мощнейшим двигателем развития капитализма. Всё изменилось с НТР.

НТР – терминатор капитализма?

В чём суть НТР, её главный результат? В результате НТР «нематериальные», невещественные, т.е. информационные факторы производства стали играть господствующую роль по отношению к вещественным в рамках материального производства. Разумеется, они не отменили ни само это производство, ни ИСПС, но изменили субординацию элементов, резко увеличив значение и стоимость «нематериального» по отношению к «материальному» и надстроив над индустриальной системой новую – не постиндустриальную, а гипериндустриальную. Сами производительные силы капитализма, точнее, их главный, определяющий элемент утратил субстанциальный характер и стал «чистой функцией», «отражением материи». Произошла функционализация производительных сил, т.е. субстанции; противоречие «субстанция – функция» – базовое противоречие капитализма, его мотор, двигатель – по сути снято или, по меньшей мере, затухает, выработано. Но вместе с ним не может не затухать и сам капитализм.

Вопреки Марксу, считавшему, что система гибнет тогда, когда максимально обостряются её базовые противоречия (для него это было противоречие между производительными силами и производственными отношениями), система умирает тогда, когда затухает, вырабатывается её базовое, системообразующее противоречие, когда она в своём развитии решает, снимает это противоречие и таким образом реализует свою социогенетическую программу. Обострение системных противоречий приводит к **внутрисистемному**, т.е. структурному кризису, когда на место одной структуры революционно-военным путём приходит новая структура. К **системному** кризису приводит затухание базового противоречия, которое, как правило, сопровождается не столько взрывом, сколько всхлипом – *vixerunt*.

Внешне выработанность капитализма как системы проявляется по-разному. Это и снижение мировой нормы прибыли, и кризис глобальной финансовой системы (приобретение финансовой системой глобального характера на основе революции в сфере коммуникаций – ещё один весьма важный показатель уже производственно-технологического, а не просто политического, «внеэкономического» господства функции над субстанцией) и кризис нации-государства, речь о котором пойдёт ниже. Но есть один очевидный пример, демонстрирующий проблемы функционирования субстанции – индустриальных производительных сил, основанной на них экономики. Это кондратьевские циклы (волны).

Как известно, циклы эти стартовали в 1780-е годы. Каждый цикл длится 50–60 лет и делится на две волны – повышательную (А-Кондратьев) и понижательную (Б-Кондратьев); упрощённо говоря, первая волна – это подъём экономики, вторая – спад. Сам Николай Кондратьев в своём знаменитом докладе 1926 г. «Большие циклы конъюнктуры» зафиксировал три волны: 1780–1844/51 гг. (с переломом в 1810–1817 гг.); 1844/51–1896 гг. (с переломом в 1870–1875 гг.) и начавшуюся в 1890 г. (с переломом в 1914–1920 гг.). В 1945 г. начался новый цикл, повышательная волна которого окончилась в 1968/73 гг., после чего начался спад, т.е. понижательная волна. Её окончания ожидали в 1990-е годы, но этого не произошло; целого ряда крайне негативных для капсистемы явлений удалось избежать за счёт распада СССР, а затем в 1990-е годы путём выкачивания легальным и нелегальным путём средств из РФ. Однако даже в таких условиях кризисные явления продолжают нарастать, налицо сбой в циклах. В чём дело?

Кондратьевская схема ошибочна? Думаю, дело в другом. Старт кондратьевских циклов не случайно зафиксирован в 1780-е годы – с началом промышленной революции и становлением ИСПС. Должны ли эти циклы сохраниться в гипериндустриальной экономике? Нет, и те аномалии, которые мы наблюдаем уже в течение двадцати лет, говорят о «поломке», точнее, о завершении этих циклов как следствии завершения индустриальной эпохи, Модерна и – в силу выработанности в эпоху Модерна центрального противоречия капсистемы – близящегося конца последней. Можно сказать, что Современность стесала базовое противоречие капитализма как системы и, пожалуй, с наибольшей очевидностью это проявилось в том, что происходит в последние десятилетия с феноменом государства вообще и нацией-государством в частности.

Нация-государство – тающий снеговик?

Государство (*state*) есть прежде всего сфера социального насилия, выделившаяся из производственных отношений. В «докапиталистических» обществах в силу того, что производственные отношения носят внеэкономический характер (отчуждаются природные факторы производства – тело человека, земля, а следовательно его воля), социальное насилие встроено в производственные отношения. А следовательно, никакого особого постоянного института для реализации социального насилия не нужно.

Ситуация стала меняться с разложением феодализма (не говоря уже о генезисе капитализма), когда производственные отношения стали экономическими (главное – не отчуждение воли, а присвоение рабочей силы путём обмена её на овеществлённый труд) и сами по себе перестали гарантировать социальный контроль, т.е. социальное принуждение/насилие. В связи с этим возник запрос на орган или институт, который выполнял бы эту функцию. Потребность эта многократно усиливалась социальными конфликтами, усиливающимся давлением низов на верхи в течение последней четверти XIV в., всего XV в. и начала XVI в.

Первоначально государство и капитал были продуктами разложения феодализма и в постфеодальном, но ещё не буржуазном обществе Старого Порядка XVII – XVIII вв. развивались как бы параллельно, хотя постепенно сближались, коэволюционировали. Однако постепенно связь между ними становилась теснее и прочнее и уже в форме полицейско-меркантилистского государства конца XVII – первой половины XVIII в. оказалась весьма тесной. При этом довольно длительное время государство в его различных ранних формах (княжеское, монархическое, территориальное, полицейско-меркантилистское) и связанные с ним господствующие группы доминировали над капиталом и связанными с ним группами. Конец такому состоянию дел положила эпоха революций (1789–1848 гг.), подорвавшая силы Старого Порядка и выковавшая принципиально новый тип государства – государство-нацию, быстро превратившееся в нацию-государство.

Нация-государство должно было, помимо прочего, устранить ситуацию «двух наций», успешно (для верхов) интегрировать низы в новую социальную систему, а данную страну – в мировую систему, мировое разделение труда. Обе интеграции, о которых идёт речь, должны были, сохранив социальный мир, проводиться в интересах капитала, буржуазии. Это не значит – в сиюминутных, краткосрочных интересах. Нередко государство жертвовало краткосрочными и частичными интересами в пользу средне- и долгосрочных и целостных. Но ведь в том-то и заключается функция буржуазного государства как нации-государства – быть комитетом **общих** дел буржуазии, как писали авторы «Манифеста Коммунистической партии».

Высшей формой нации-государства было *welfare state* («государство всеобщего благоденствия», более точный перевод – «государство всеобщего социального обеспечения»). Первые признаки *welfare state* просматриваются во Франции Наполеона III и Германии Бисмарка, однако подлинный расцвет государства-велфэра наступил с окончанием Второй мировой войны.

В условиях бурного экономического роста буржуазное общество могло позволить себе способствовать росту благосостояния части среднего и рабочего классов, тем более что увеличение их доходов стимулировало рост спроса, который подстёгивал производство. Но это всего лишь одна сторона дела – экономическая. Была и более важная – социально-экономическая или даже системно-историческая, геоисторическая причина.

Военная угроза со стороны национал-социализма и в несравнимо большей степени системно-историческая угроза со стороны интернационал-социализма, т.е. коммунизма, заставили западный капитализм трансформироваться в прогрессивном направлении. Буржуазное общество вынуждено было отклоняться от капиталистической логики намного дальше, чем этого могли потребовать экономические резоны, связанные с динамикой спроса и предложения.

Глобальная холодная война заставила капитализм ядра меняться. Экономическая, социальная и политическая демократизации буржуазного общества в 1945–1975 гг. вопреки имманентным законам капитализма были обусловлены классовой борьбой, причём не столько внутрисистемной, сколько межсистемной. Сам факт существования мировой социалистической системы заставлял буржуинов идти на уступки своим среднему и рабочему классам, раскошеливаться на велфэр, прятать клыки, подобно волку из «Красной шапочки», максимально камуфлировать господство.

При этом западная верхушка смогла убедить многих в том, что демократический велфэристый капитализм 1950–1970-х годов – это и есть буржуазная норма, а не

вынужденное отступление от неё, так сказать «квазисоциалистический НЭП» капитализма. И это был важный психоисторический успех западной верхушки, продолжавшей спекулировать на тематике демократизации и *welfare state* даже тогда, когда с середины 1970-х годов она приступила к его постепенному демонтажу, целенаправленному ослаблению демократических институтов и деполитизации общества. Это совпало с начинающимся кризисом нации-государства (и *welfare state*), который форсировали демонтажные меры.

Во-первых, на рубеже 1960–1970-х годов *welfare state* достигло предела своей эффективности в существующих экономических и социально-политических условиях. Его экономические институты начали пробуксовывать, в равной степени как и демократическая партийная политика, которая постепенно превращалась в замешенную на брокерстве и лоббизме административную систему. Профсоюзы всё более интегрировались в систему и давили на неё в значительной степени в качестве особой группы интересов. Всё это совпало с экономическим и социально-политическим кризисом.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х годов спала повышательная волна кондратьевского цикла и началась понижательная. В начале 1970 г. США потряс жестокий финансовый кризис – результат войны во Вьетнаме. Наступил перелом в истории мировых финансов – возникновение впервые с 1894 г. торгового дефицита в США, их отказ от Бреттон-Вудских соглашений, девальвация доллара, нефтяной кризис 1973–1979 гг., инфляция 1975–1976 гг., спад производства. В этих условиях начинается постепенный демонтаж *welfare state* как конкретной формы нации-государства. Но и у самого нации-государства как типа в 1970–1980-е годы начинают возникать проблемы. Уже в 1980-е в мире заговорили об упадке, ослаблении, «растаивании», «проржавении» и т.п. нации-государства. Источником всех этих вполне реальных проблем стала глобализация – прямое следствие НТР и косвенное – Холодной войны, которая эту самую НТР обусловила и вызвала.

Глобализация – это такой процесс производства и обмена, в котором, благодаря господству информационных факторов над вещественными в самом материальном производстве капитал превращается в электронный сигнал и оказывается свободным от всех ограничений локального и, самое главное, государственного уровня – пространственных, материальных, социальных, институциональных. *«Всё, что движется со скоростью, приближающейся к скорости электронного сигнала*, – пишет социолог Зигмунт Бауман, – *практически свободно от ограничений, связанных с территорией, откуда он послан, в которую он послан или через которую он проходит»*. Глобализация – это победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство).

С формированием глобальных денежных рынков возможности государства контролировать финансово-экономические потоки резко ослабли. В таких условиях государство не может (хочет ли?) обеспечить благосостояние граждан. Многие государства, включая США, испытывают всё больше трудностей в обеспечении стабильности своих бюджетов. Хронический дефицит бюджета и рост государственного долга существенно уменьшают возможности государства работать даже не на увеличение, а на поддержание благосостояния общества.

В нации-государстве, которое возникло как средство недопущения социального раскола на «две нации», тем более в *welfare state*, разрыв между средними и богатыми слоями сокращался. И это было одним из достижений. В 1980-е годы эту тенденцию стали

ломать, и связано это во многом со средним классом, точнее, с теми проблемами, которые возникли с ним у верхушки капсистемы в 1970-е годы.

Недолгая счастливая жизнь среднего класса

Возникнув в XIX в., средний класс ядра капсистемы довольно долго вёл скромную жизнь. Ситуация изменилась в послевоенный период (1945–1975 гг.), который стал для среднего класса Запада «славным тридцатилетием» (Жан Фурастье), эпохой «жирных коров» и политического триумфа.

В послевоенный период (повышательная волна кондратьевского цикла, 1945–1968/73 годы) резко, на порядки, увеличился «общественный пирог». Эта «волна» не только превзошла все предыдущие периоды экспансии мировой экономики (1780–1815, 1848–1873, 1896–1920 гг.), но весь предыдущий полуторавековой период её развития: в 1945–1975 гг. было произведено (в стоимостном измерении) такое же количество товаров и услуг, как за предыдущие 150 лет. В результате верхушка Запада получила такой «фонд», из которого теоретически можно было отстегнуть кое-что среднему классу и верхушке рабочего класса (в абсолютном измерении это «кое-что» было весьма и весьма значительным). Однако теоретически – ещё не значит практически.

Практическим императивом в экономике было стремление увеличить массовый спрос, а для этого требовалось хотя бы немного увеличить благосостояние этих самых масс, точнее, середины общества. Однако благосостояние увеличилось в немалой степени. Почему? Ведь капитализм – не филантропическая организация и просто так ничьё благосостояние, тем более массовых слоёв, увеличивать не станет. К этому «железную пяту», капверхушку побуждало наличие в мировой системе наряду с капитализмом системного антикапитализма – социалистического лагеря, СССР.

Само существование СССР, его бурное экономическое развитие, даже у западных политиков второй половины 1950–1960-х годов создававшее впечатление, что СССР обгонит США, эгалитарный социальный строй, наконец, способность материально поддерживать антикапиталистическое движение во всём мире, включая коммунистические, социалистические и рабочие партии на самом Западе вынуждало капиталистов замирять свои рабочий и средний классы, откупаться от них. От рабочего класса – чтобы не бунтовал, от среднего класса – чтобы заинтересованно выполнял функцию социального буфера между буржуазией и пролетариатом.

Средством подкормки-замирения стало *welfare state*, которое посредством системы налогообложения перераспределяло часть средств (в абсолютном измерении весьма значительную) от буржуазии среднему и в меньшей степени – рабочему классам. В результате на Западе уже к середине 1960-х годов оформился многочисленный и довольно зажиточный средний класс, какого не было ни в одной другой социальной системе как в рамках западной цивилизации, так и за её пределами. Само существование среднего класса («социалистической буржуазии») капсистемы в качестве признака-символа зрелого (перезревающего?) Модерна было обусловлено такими факторами, которые характерны только для капитализма только этой эпохи.

Во-первых, только в условиях индустриального капитализма и его ядра с характерным для него городским строем жизни возможно создание такого богатства, «общественного пирога» такого размера и объёма, частью которого верхушка в принципе может поделиться.

Во-вторых, только в условиях капсистемы с её разделением на ядро (центр) и периферию, на метрополии и колонии/полуколонии, подвергающиеся жёсткой эксплуатации, в условиях невиданного в иных – **локальных** – системах **мирового** разделения труда возможно увеличение «общественного пирога» ядра не только за счёт самого ядра, а за счёт накопления капитала из внешних источников; при этом речь идёт не просто о дани, а о систематическом изъятии прибавочного продукта в мировом масштабе. Собственно, *raison d'être* капитализма существует до тех пор, пока есть внешние некапиталистические зоны, которые в случае необходимости можно превратить в капиталистическую периферию, т.е. зону изъятия прибыли.

В-третьих, капитализм – единственная социальная система, которая может существовать одновременно со знаком «плюс» («положительный капитализм») и со знаком «минус» (системный антикапитализм, «отрицательный капитализм», «реальный социализм»). Наличие системного антикапитализма, хотя он и внеположен капитализму, на определённой стадии начинает деформировать, искажать капитализм, заставляет его развиваться не только по своей, но и по антикапиталистической логике, которая – парадоксальным образом – на какое-то, исторически непродолжительное время – позволяет решить проблемы капитализма, сглаживает его противоречия.

Вот это и есть *«три источника, три составные части»* или, если угодно, три кита феномена среднего класса, его благосостояния. Причём главный из этих «китов», так сказать, «кит китыч» – третий, поскольку буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. *Welfare state* – это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом – в наличии системного антикапитализма (исторического коммунизма) в виде СССР. В ходе Холодной войны, глобального противостояния СССР, в схватке двух мировых проектов буржуины в страхе перед «тайным ходом», *«по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются»*, вынуждены были откупаться от средних и рабочих классов, замирять их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т.п.), рядиться в квазисоциалистические одежды.

«Длинные 70-е», или Как сломался XX век

Начало 1970-х стало переломным во многих отношениях, оценить значение «длинных 70-х» (1968–1983 гг.) для истории XX в., Модерна и капитализма ещё предстоит, равно как написать явную и тайную историю того отрезка. Здесь я ограничусь тем, что непосредственно касается нашей темы.

Во-первых, произошёл ряд серьёзных негативных изменений в экономике (об этом далее), и послевоенное процветание по восходящей стало заканчивается.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х годов *welfare state* с его огромным бюрократическим аппаратом подошло к пределу своей административно-политической эффективности.

В-третьих, и это самое главное, разбухший средний класс стал слишком тяжёлым бременем для капиталистической системы (даже в относительно благополучном ядре), и мировой экономический спад вкупе с неэффективностью и затратностью *welfare state* ещё более обострял эту ситуацию. Численность среднего класса, помноженная на уровень его благосостояния, вышли за рамки того, что могла обеспечить капсистема без серьёзных изменений своей природы и без дальнейшего существенного перераспределения в ущерб верхушке, без дальнейшей социализации капитализма. Не меньшую, а, быть может, и

большую угрозу для неё представляли и политические притязания среднего класса. В этой ситуации хозяева капсистемы прекратили отступление, перегруппировались и начали социальное контрнаступление. Идейно-теоретическим обоснованием этого контрнаступления стал крайне важный и откровенно циничный документ «Кризис демократии», написанный в 1975 г. «тремя мудрецами» «трилатералов» – известными социологами и политологами Сэмюэлем Хантингтоном, Мишелем Крозье и Дзёдзи Ватануки – по заказу созданной в 1973 г. Трёхсторонней комиссии («закулиса» нового типа, чьей задачей было в качестве «доброго следователя» душить СССР в объятиях).

В докладе чётко фиксировались угрозы правящему слою – прежде всего то, что против него начинают работать демократия и *welfare state* (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведёт к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти «эксцессы демократии» являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, её источник – *«внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующимся высокой степенью* (политического. – А.Ф.) *участия»*. Эксперты рекомендовали способствовать росту невовлечённости (*noninvolvement*) масс в политику, развитию определённой апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный. В частности, в докладе говорилось: *«Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти»*.

Однако ослабление демократии в интересах западной верхушки было нелёгкой социальной и политической задачей. Кто был становым хребтом западной демократии, которую надо было умерить? Средний класс и активная верхняя часть рабочего класса. По ним-то и был нанесён первый удар. В 1979 г. в Великобритании и в 1981 г. в США приходят к власти рыночные фундаменталисты Тэтчер и Рейган. На место отрядов «старой» буржуазии и бюрократии, связанных государственно-монополистическим капитализмом (ГМК), приходит молодая хищная фракция корпоратократии, напрямую связанная с ТНК, боровшаяся за место под солнцем с 1940–1950-х годов и, наконец, добившаяся успеха (в немалой степени этому способствовало поражение США во Вьетнаме).

Главными задачами Тэтчер и Райгана, этих первых политиков такого ранга от корпоратократии, были демонтаж части *welfare state* и наступление на средний и рабочий классы. Однако пока существовал СССР, «властелины колец» капсистемы не могли полностью развернуть такой курс. Отсюда – два следствия.

Первое – курс на резкое ослабление СССР (в 1989–1990 годах он сменился курсом на его расчленение и уничтожение); с этой целью СССР заманили в Афганистан, а далее последовал новый резкий виток Холодной войны.

Второе – стремление добрать то, что нельзя было сразу отнять у средних классов ядра, у среднего класса периферии, уничтожив последний как класс. В 1980-е годы с помощью проведённых МВФ структурных экономических реформ в Латинской Америке был почти

полностью уничтожен латиноамериканский средний класс, связанный с госсектором; досталось и среднему классу наиболее развитых стран Африки (например, Нигерии). Средства от экспроприации периферийных средних классов перекачивались на Запад, и это несколько тормозило наступление верхушки на западный средний класс. Когда в 1991 г. СССР развалился, место Холодной войны как формы управления миром заняла глобализация. Она полностью развязала руки «властелинам колец» капитализма и в то же время подвела сам капитализм и общество Модерна к последней черте, поскольку, как это ни парадоксально, коммунизм играл огромную стабилизирующую роль в функционировании капсистемы.

Крушение коммунизма – стук Судьбы в дверь капитализма

В последние годы принято писать о кризисе коммунизма и марксизма и трактовать это как триумф капитализма. При манихейском взгляде на капитализм и коммунизм как абсолютно противоположные взаимоисключающие целостности так оно и получается. Ну а если связь капитализма и коммунизма как системного антикапитализма намного тоньше и хитрее и само существование коммунизма есть индикатор нормального состояния капсистемы? В таком случае крушение коммунизма – «знак на стене» капсистемы, сигнал о её надвигающемся упадке.

Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия. Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм материализовался только в капиталистическую эпоху. Исторический коммунизм («реальный коммунизм», «реальный социализм») – это только антикапитализм. В истории никогда не было таких систем как антирабовладение и антифеодализм. Коммунизм как социальная система никогда не существовал как антифеодализм или антирабовладение. Таким образом, остаётся только одна эпоха, в которой исторически существовал (и мог существовать) коммунизм – капиталистическая. И то не вся, а только её зрелая, индустриальная фаза, что ограничивает реализацию коммунизма во времени, в истории определённым этапом развития капитализма.

Всё это значит, что в самом капитализме как явлении, как мировой системе отношений производства есть нечто, наделяющее его очень специфической, присущей только ему одному, а потому – загадочной и таинственной способностью выступать, реализовывать себя в двух различных социальных формах: положительной и отрицательной. Капитализм существует как некая двойная звезда, двойная масса – единство капиталистического и некапиталистического, более того, это *condition sine qua non* его существования. В то же время объективно прогресс капитализма – изживание некапиталистического, но это путь к системной гибели: нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистического сегмента. И постоянной борьбы с ним – диалектика.

Сначала, в XVII–XIX вв., таким сегментом был постфеодальный **до**капитализм Старого Порядка. Сначала капитал использовал его как скорлупу, затем в XVIII в. вступил с ним в борьбу (Просвещение, Французская революция 1789–1799 гг.), а в ходе мировой войны 1914-1918 гг. разрушил его. Й. Шумпетер заметил по этому поводу: ломая таким образом то, что препятствовало его прогрессу, капитализм рушил и несущие конструкции, предохранявшие его от коллапса. Отчасти это верно, но, думаю, объективно устранялись те **не**капиталистические формы, которые были неадекватны новой эпохе, а на их месте возникали иные, более адекватные. Речь идёт прежде всего о системном **анти**капитализме СССР, который стал следующей после Старого Порядка стадиальной формой, (но уже «анти-», а не «до-»), двойной массы для капитализма.

Выступая в качестве альтернативного глобального проекта (с середины 1950-х годов во всё уменьшающейся степени) и существенно ограничивая масштаб действий капитализма в мире, исторический коммунизм в то же время решал для капитализма – главным образом косвенно, но в данном случае это не имеет значения – ряд задач. Это участие в мировой войне на стороне англосаксов, роль внешнего стимула для внутрикапиталистических трансформаций, совместный с капитализмом контроль над миром и стабилизация последнего посредством Холодной войны и т.д.

Поддерживая левые партии в Первом мире и национально-освободительное движение в Третьем мире, СССР не позволял буржуинам раздавить их. В то же время, подчиняя эти движения своей логике противостояния капитализму – системной, а со второй половины 1950-х годов во всё большей мере государственно-геополитической, исторический коммунизм ограничивал, «дисциплинировал» эти движения, делая их более предсказуемыми и управляемыми. В результате по мере интеграции СССР и его господствующих групп в капсистему – интеграции, которая в конечном счёте привела к крушению антисистемного капитализма, СССР встраивал вместе с собой в капсистему периферийные «опасные классы», отчасти «одомашнивая» их на системный лад.

Правда, эта «доместикация» в мировом масштабе XX в. часто оборачивалась для капитализма поражениями. Однако, во-первых, эти поражения при всём их значении и резонансе (например, Вьетнам 1975 г.), как правило, носили локальный характер, а во-вторых, даже если поражения выходили за локальные рамки, хозяева капсистемы нередко довольно быстро извлекали уроки и использовали их для самотрансформации по принципу «за одного битого двух небитых дают». Так, победа СССР в Холодной войне над **государством** США в 1975 г. (Вьетнам, Хельсинки) существенно облегчила внутрикапиталистическую трансформацию и выход на первые роли в капсистеме корпоратократии («гиберпубруазии», «космократии» – Д. Дюкло) – молодой и хищной фракции мировой буржуазии, тесно связанной с ТНК.

Именно корпоратократия, которая начала своё восхождение в результате и после мировой войны 1939–1945 гг. и которая впервые заявила о себе свержением правительства Мосаддыка в Иране в 1953 г., в 1980-е посадила **своих** президентов в Белый Дом (Рейган, Буш), а в 1991 г. нанесла поражение СССР как системе и как государству, «пообещав» включить в свой состав, по крайней мере, часть номенклатуры, а другой выдать «бочку варенья да корзину печенья».

Триумф глобализации, первой жертвой которой стали системный антикапитализм и СССР, это триумф корпоратократии. Глобализация позволила капитализму корпоратократии – «турбокапитализму» (Лутвак) отчасти решить многие из тех задач по стабилизации системы, которые раньше решались с помощью системного антикапитализма. Или, напротив, решать те задачи, которые раньше мешало решать само существование СССР. Например, наличие ядерного оружия у социума – системного антикапитализма вообще ставило под вопрос и крупномасштабную (мировую) войну, и, как показали революционные войны в Китае, Вьетнаме, Алжире, Кубе, победу капцентра над более слабой периферией даже в локальной войне. Глобализация, помимо прочего, решила и эту проблему, и не только потому, что устранила СССР, а потому, что, создав глобальный рынок финансовых капиталов, полностью гарантировала победу ядра над периферией невоенными методами – вплоть до её экономического уничтожения, как это произошло, например, с Аргентиной, и превращения в *«finished country»* – «конченную страну».

Однако – *every acquisition is a loss and every loss is an acquisition* – решив трудноразрешимые среднесрочные проблемы капсистемы, глобализация создала неразрешимые долгосрочные, толкающие капитализм (именно потому что «турбо») – и довольно быстро – к краю пропасти.

Как уже говорилось, нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистических зон. Каждый раз, когда происходило очередное циклическое снижение мировой прибыли, капсистема отвечала на неё экспансией и превращением внешней некапзоны в капиталистическую периферию с дешёвой рабочей силой и новыми рынками сбыта (насильственное создание колоний и полуколоний) – и так до следующего раза. Уже в конце XIX в. весь мир оказался поделён, и в XX в. колониальная экспансия сменилась экспансией в зоне самого ядра – динамика капитализма в первой половине XX в. (точнее, в 1871-1945 гг.) приобрела главным образом военный характер. Мировые англосаксонско-германские войны за гегемонию в капсистеме (война наций 1914-1918 гг. и война масс 1939-1945 гг.), помимо прочего, уничтожили огромную массу вещественной субстанции, капитала, создавая таким образом чистый лист для развития капитала и роста прибыли в самом ядре и обусловили беспрецедентный экономический рост мировой экономики (особенно Японии, Германии и Италии) в «славное тридцатилетие» 1945-1975 гг.

К концу 1960-х произошло полное восстановление потерпевших поражение в мировой войне 1939-1945 гг. Германии и Японии, и ядро почти гомогенизировалось – без практических возможностей новых войн в нём из-за наличия нового гегемона – США и необходимости сохранения «единого фронта» («блока») перед лицом СССР; ну а войны с полупериферией и периферией, во-первых, были дорогостоящим мероприятием, в том числе и из-за наличия СССР, способного всерьёз помочь слабым мира сего; во-вторых, многого из того, что ранее обеспечивалось военным способом, теперь можно было добиться финансово-экономическими методами (то, что в СССР называли «неоколониализмом» и «неоимпериализмом»), просто экономическим терроризмом, механика которого великолепно изложена профессиональным экономическим киллером Джоном Перкинсом в книге «Исповедь экономического убийцы».

Глобализация замирила ядро, устранила системный антикапитализм и по сути подавила возможности борьбы периферийных обществ за лучшее положение в мировой системе, за лучшие сделочные позиции по отношению к ядру, т.е. глобализация победоносно решила те проблемы, над которыми весь XX в. бился капитализм. Однако за победой *«скрывалась пустота»* – решив трудноразрешимые среднесрочные проблемы капитализма, глобализация создала неразрешимые долгосрочные и в результате положение капсистемы на рубеже XX-XXI вв. оказалось намного хуже, чем на рубеже XIX-XX: цейтнот и цугцванг одновременно с перспективой новой войны – только уже социальной, верхов против низов и средних слоёв в самом ядре. Собственно, война эта уже началась. Почему и как? Очень просто.

Как уже говорилось, нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистических зон, за которые с которыми он борется. В конце XX в. капитализм эти зоны «победил» – глобализация устранила их, сделав весь мир капиталистическим. Но это значит, что теперь процесс снижения мировой прибыли грозит стать перманентным. Мировая «железная пята» оказалась перед выбором: либо утрата значительной части прибыли, привилегий и, возможно, власти, либо переход от экстенсива к интенсиву, т.е. главным образом к внутренним источникам извлечения прибыли и накопления, к интенсификации внутрикапиталистической эксплуатации в самом ядре и его анклавах во всём мире.

На пути такой «смены вех» стоит очень многое. Это формально-демократические институты буржуазного ядра капсистемы, гражданское общество, нация-государство, «универсальные ценности» и многие другие завоевания низших и средних классов эпохи 1830/1840-х – 1960/1970-х годов. По сути на пути трансформации, о которой идёт речь, сам капитализм как система в целом, от которой, получается, и должен освободиться капитал, что его верхушка и начала делать с 1980-х.

Вопреки расхожему мнению капитализм как система не сводится к чистому и безграничному торжеству капитала. Капитал существовал до капитализма и будет существовать после него. Капитализм (ядра) – сложная система экономических, социальных и политических институтов, ограничивающая капитал в его же собственных долгосрочных интересах, не позволяющая ему охватить, сожрать всё и сразу – в том числе самого себя. Совокупный капиталист есть капитал, ограниченный нацией-государством, гражданским обществом и квазидемократическими политическими институтами. Освобождение капитала (рынка) от этих институтов выгодно капиталу, но разрушительно для капитализма. Когда-то в интересах капитала оказалось создание капиталистической системы (а в интересах господствующих групп – превращение в буржуазию, а точнее, в «совокупного капиталиста», нередко против своей воли). Нет ничего удивительного, что в определённый момент интересы капитала потребуют (уже потребовали) демонтажа капитализма – только так господствующие группы могут сохранить свои привилегии и власть, трансформировав капитал в иные формы господства, а капитализм – в иную систему.

Внешняя экспансия капитала (а капитализм и был системой государственно-политической организации внешней, мировой экспансии капитала) окончилась: капитализм охватил планету в целом, а потому в этом плане больше не нужен, в смысле – не только не может обеспечить рост прибыли, но не может остановить процесс её снижения. Поэтому широкомасштабное наступление на демократические институты, ослабление публично-правовой сферы, вырождение политики в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, «растаивание» (*fading away*) нации-государства при усилении (глобального) рынка финансовых капиталов есть не что иное, как отчасти стихийный, а в ещё большей степени направляемый (хотя, возможно, до сих пор не целиком проектно-сознательный) процесс демонтажа капитализма. Устраните все преграды на пути капитализма, дайте ему полностью реализовать себя в мировом масштабе, позвольте ему стать глобальным – и вы уничтожите его.

Та часть мировой верхушки, в том числе и американские неоконы, которая устраняет всё, что ограничивает капитал и реализацию интересов США как кластера ТНК, разрушает капитализм намного быстрее и результативнее, чем левые движения XX в., которые на самом деле, тормозя самореализацию капитала, в конечном счёте в большей степени укрепляли его, отсрочивали его конец. Глобализация – вот игла «Кощеевой смерти» капитализма. Однако «финализация» капитализма – процесс вовсе не стихийный, демонтаж этой системы – процесс сознательный. Я готов пойти ещё дальше и утверждать: крушение коммунизма в СССР совпало с началом демонтажа капитализма как системы западной верхушкой. Более того, это две стороны одной медали – упадка и падения капиталистического мира, борьбы, ведущейся между верхушкой и средним классом за то, кто исключит кого из будущего посткапиталистического мира, на чьих костях он будет построен.

На первый взгляд тезис о демонтаже капитализма может показаться парадоксальным – хозяева системы, «властелины её колец» сами же её и демонтируют? А почему бы и нет, если это единственный способ сохранить привилегии и богатство перед лицом вызова со

стороны среднего класса и других сил капсистемы, сохранить власть в условиях уменьшения ресурсов планеты и увеличения её населения. История западной цивилизации знает такой системный трансгрес, который стихийно осуществили представители господствующих групп, чтобы сохранить власть, привилегии и богатство, не утратить их по отношению к низам. Речь идёт о кризисе «длинного XVI века» (1453-1648 гг.) (подр. см. ниже).

Карл Маркс и Макс Вебер ошиблись в оценке этого периода как **телеологически** раннебуржуазного, ну а многие либералы и максисты XIX-XX вв. концептуально фальсифицировали «раннюю современность» и представили её как «эпоху ранних буржуазных революций» (ещё один миф: никаких **буржуазных** революций в истории, строго говоря, вообще не было и быть не могло). В отличие от демонтажа феодализма, таковой капитализма – процесс главным образом не стихийный, и ведётся он на вполне научной основе – тысячи научных центров во всём мире работают на нынешнюю «железную пяту», являясь её интеллектуальной обслугой. Условной датой начала демонтажа капитализма можно считать 1975 г. (доклад «Кризис демократии»). По сути вся деятельность корпоратократии после 1975 г. – это в значительной степени реализация идей доклада и последовавших за ним разработок «фабрик мысли», обслуживающих «железную пяту».

Крушение СССР устранило тот фактор, который препятствовал полномасштабному наступлению «железной пяты» на средний класс ядра, – теперь уже не надо никого замирять, можно разбойничать как на международной арене (Югославия, Ирак), так и внутри страны. Да и инструмент появился соответствующий – корпорация-государство.

Гиперболоид инженеров глобализации

Корпорация-государство (далее – КГ) есть такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, т.е. направлены на снижение издержек, а следовательно, требуют сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению «территории прописки» – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни).

Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальной экономике, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть. Государство начинает вести себя как корпорация, в которой всё определяется экономической эффективностью («выживает сильнейший» и «ничего личного»), обусловленной двойной логикой: развития самой капсистемы в эпоху позднего Модерна и в ещё большей степени – противостояния соцсистеме. Уход последней подвёл черту под welfare state, как и предсказывали проницательные аналитики. Однако им, по-видимому, и в голову не могло прийти, что вместе с формой будет демонтироваться-разрушаться и содержание nation-state, поскольку nation перестаёт быть как формой организации производства, так и формой политической организации для мировой борьбы за гегемонию. А потому место nation-state, за которым уходят политика и гражданское общество (adieu, политология и социология), занимает corporation-state. Причём быстрее этот процесс идёт не в ядре, а на полупериферии и периферии капсистемы: «язычник, страдающий от язв христианства» – так ситуации подобного рода называл Маркс.

КГ ни в коем случае нельзя путать с корпоративным государством типа фашистской Италии или национал-социалистической Германии. Последние суть классические велфэровские формы государства, социальные государства, жёсткие межвоенные диктатуры средних классов – в противоположность послевоенной мягкой диктатуре средних классов. Если главной задачей нации-государства (и конкретно welfare state) было включение «в себя» всего населения, то главной задачей КГ – государства постнационального и постсоциального (в идеально-типической тенденции – асоциального) является, напротив, исключение из реальной государственности всего экономически нерентабельного, непригодного в качестве объектов первичной (производители) и вторичной (потребители) эксплуатации. КГ – это своеобразная политико-экономическая «бритва Оккама», отсекающая от «общественного пирога» всё лишнее и ненужное для гипербуржуазии/корпоратократии, которая приватизирует совокупный процесс общественного производства в целом и дробит его на энное число клановых «паек».

КГ есть такой административно-экономический комплекс, который:

- оставаясь формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране в качестве политической (властной) корпорации;

- ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпорационных) или по крайней мере рассматривает первые сквозь призму вторых;

- приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказывается от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сокращает их).

КГ есть десоциализированное (в «идеале» – вплоть до асоциальности) и денационализированное (приватизированное) рыночно-репрессивное государство, которое при дальнейшей эволюции через несколько десятков лет неизбежно должно будет полностью сбросить государственные характеристики, в результате чего перестанет быть государством и превратится в жёстко иерархизированную патримонию на клановой основе. Внутренний принцип организации КГ – клан. Именно клан, а не физический индивид, как в нации-государстве, есть базовая социальная единица КГ: индивиды «здесь не ходят».

В КГ от государственности остаются минимальный контроль над границами и территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способного вызвать протест и массовые волнения. Как заметил один из лидеров мексиканских крестьян в Чьяпасе, «в кабаре глобализации государство начинает заниматься стриптизом, и в конце представления на нём остаётся только то, что является крайней необходимостью, – репрессивная мощь. <…> У новых хозяев мира нет потребности непосредственно править миром. От их имени административная задача возложена на плечи национальных правительств». При этом последние, конечно же, по сути, перестают быть и национальными, и правительствами, превращаясь во внешние административные органы корпораций.

Разумеется, данный случай характерен для слабых государств Юга. Более сильные государства того же Юга сами превращаются в государства-корпорации (корпорации-

государства): если страна небольшая, то речь идёт об одной корпорации, если побольше, то о нескольких. Например, в Колумбии это «государство» – два наркокартеля (Калийский и Медельинский) и отчасти FARC. Процессы формирования КГ идут повсюду – в США, России, Индии, Индонезии, Китае, Бразилии и др. В этих крупных государствах ввиду их размеров, численности населения, мощной и высокоразвитой культуры, исторических традиций и претензий на статус если не великой, то региональной державы процесс «корпоратизации» государства будет особенно острым, противоречивым, конфликтным и чреватым серьёзнейшими социальными потрясениями. Корпоратизация государства происходит и на Севере. Так, США – это не только и не столько государство, сколько Глобамерика – матрица американских ТНК, с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире КГ.

Помимо магистрального пути формирования КГ (через государство) есть и побочно-встречные процессы: снизу-вверх и, так сказать, сбоку. На примере корпорации Льва Леваева это показал в работе «Алмазы Аллаха» Сергей Горяинов. Если для прежних корпораций политика была средством, то для корпораций нового типа, стремящихся к превращению в квазигосударство, она и вообще власть – это цель. «Корпорация Леваева, – считает Горяинов, – идеально вписывается в глобалистскую модель. Её можно считать даже своеобразным эталоном, одной из первых реализованных структур, на которых будет держаться новый мировой порядок».

В КГ стремятся превратиться террористические организации, криминальные синдикаты, кое-где – вышедшие из-под центрального контроля спецслужбы. В результате если международная (Вестфальская) организация государств (а в XIX–XX вв. – наций-государств) находится в легальном пространстве, в зоне права, то международная сеть КГ расположена в легально-внелегальной сфере, в «зоне неправа» (Эдуар Балладюр, премьер-министр Франции в 1993–1995 гг.). Сеть КГ – это мировая паутина с большим числом крупных, средних и мелких властно-экономических пауков, у которых одновременно два лика – легальный и внелегальный (криминальный).

В этом плане КГ намного более адекватна глобализации и её миру, чем нация-государство. Современная глобальная экономика, по крайней мере в главных её сферах (торговля оружием, нефтью, драгметаллами, наркотрафик, проституция и порнобизнес), есть, по преимуществу, глобальная криминальная экономика, нормальное функционирование которой построено на нарушении государственных и международных законов – т.е. того, на чём стоит нация-государство. Поэтому КГ есть, по сути, корпорационно-криминальное (криминально-корпорационное) государство. Вплоть до того, что в определённых зонах мира криминальные характеристики начинают доминировать. «Государство-бандит» – так называет государство в ряде африканских стран Майкл Шацберг в замечательной работе «Диалектика угнетения в Заире». Корпоратизация и криминализация нации-государства – две стороны одной медали, два взаимоусиливающих и взаимоспонсирующих процесса.

Криминальные средства и структуры, «криминальные революции» (вроде советско-российской 1988–1998 гг.) – очень сильные и эффективные средства корпоратизации государства (не говоря уже о первоначальном накоплении капитала) там, где легальных экономических средств и механизмов для этого не хватает или просто нет. Нужно только «слегка» помочь. Помимо прочего, разгромить в виде цепи реорганизаций правоохранительные органы, превратив их… правильно, в силовую (криминально-силовую) структуру. Впрочем, силовая – это уже не правовая структура, а персонификатор «силового предпринимательства».

КГ находится не только *«по ту сторону добра и зла»*, но и *«по ту сторону закона и преступления»*. Это принципиально новый (постбуржуазный и постцивилизационный одновременно?) феномен не только с точки зрения государственности, но также с точки зрения экономики, права и морали. В КГ отбирается и определённый социальный, антропологический тип, определённый человеческий материал.

В современном мире немало примеров (внелегализации) государства как одного из средств превращения его в КГ и этатизации криминала. Так, Запад создал в Косово террористическо-мафиозное государство албанцев, которое вступило в борьбу, с одной стороны, с сытыми нациями-государствами Евросоюза, с другой – с крупнейшими старыми мафиями Европы (в 2007 г. крупнейшие мафии Италии – Коза Ностра, Ндрангета и Коморра – начали переговоры о создании единого картеля по борьбе с албанской мафией, которая на самом деле не мафия, а криминальная форма КГ, для которой нации-государства и старые мафии – реликты, с которыми следует разделаться). Это криминально-корпорационное государство проникает и за океан – с 2001 г. в Нью-Йорке развивается мафиозная сеть этнических албанцев с символическим названием «Корпорация».

У криминальных структур, спецслужб и создаваемых последними «армий Нового мирового беспорядка» (Владимир Овчинский) возникает комплекс общих интересов, который антагонистичен таковым нации-государства и другим институтам эпохи Модерна – политическим, экономическим, общесоциальным (гражданское общество), культурным.

Всё сказанное не значит, что нация-государство уже исчезло, процесс формирования КГ далёк от завершения. Конфликты новой эпохи в течение определённого времени будут продолжаться в старой форме и под старыми знамёнами, и только когда последние обветшают, а новые агенты окончательно встанут на ноги, наступит *brave new world* корпораций-государств и встанет задача избавления от государства вообще. Именно в этом направлении, противоположном тому, в котором развивались структуры власти в Западной Европе с «длинного XVI века» (1453-1648 гг.), развивается сейчас государство, миновавшее свой пик – форму и фазу нации-государства.

Когда-то Б. Мур заметил, что революции, вопреки Марксу, чаще возникают не из победного клича восходящих классов, но из предсмертного рёва тех слоёв, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса. Старые средние и рабочие классы, превращающиеся в локалов, – вот один из резервуаров сопротивления. Есть и иные.

В любом случае, КГ с её денационализацией и десоциализацией не может не порождать нечто вроде социал-национализма в качестве своего социального антитезиса. В этом антитезисе стираются характерные для эпохи Модерна (1789-1991) противоречия между «левыми» и «правыми»; он способен объединить в рамках «реакционного прогрессизма» всех, кому не улыбается стать сырьём для КГ и их мира с Глобамерикой в качестве матрицы. Мир XXI в. выстраивается как иерархия корпораций нового типа, различных по происхождению, но одинаковых по сути.

Происходящее сегодня внешне весьма напоминает финальные века существования Римской империи и первые Тёмные Века Европы (V–VIII вв.), с одной стороны, и финал Средневековья (1300 – 1440-е годы) и вторые Тёмные Века Европы (1450–1640-е годы), т.е. в эпохи без государства. По сути КГ есть воля государства и смерти и средство перехода от государственных к постгосударственным, безгосударственным формам власти, к миру без государства, к миру, в котором немало «серых зон» и властвуют теневые, тайные структуры.

Тень, которая перестала знать своё место

КГ соответствует не только глобализации, но и развивавшемуся по нарастающей в XIX–XX вв. (качественный скачок – 1871–1933 гг.) процессу теневизации реальной власти в капсистеме, формирования того, что не вполне удачно назвали «мировой закулисой». Нация-государство не очень удачно сопрягалось с «закулисой», КГ – это то, что нужно последней. Но, повторю, это итог – и финал – развития властной системы капитализма в эпоху Модерна.

История капитализма и Модерна неотделима от тайных обществ, и это диктуется спецификой политэкономии капитализма. Здесь несколько аспектов и причин.

Во-первых, капитализм как экономическая система носит мировой, наднациональный характер, а формально-политическая организация капсистемы носит национально-государственный характер. Поскольку товарные потоки постоянно нарушают государственные границы, буржуазия остро нуждается в наднациональных политических (или политико-экономических) организациях, особенно по мере развития с конца XVIII в. финансового капитала. Готовых и естественных организаций такого уровня не было. Поэтому использовалось то, что было – масонские, еврейские общинные организации и т.д. В связи с этим «закулиса» в XIX в. наполняется иным, чем прежде содержанием и начинает развиваться в соответствии с законами и логикой капитализма и, в свою очередь, набрасывает свою тень на всю организацию власти капитализма в его ядре. Уже Б. Дизраэли писал, что *«Миром управляют оккультные силы и их тайные общества»*.

Во-вторых, по мере политической легализации антисистемных движений, по мере квазидемократизации общества, по мере того, как политика в буржуазном обществе становилась всё более публичной, возрастает роль тайной политики, тайной власти; реальная политика, реальная власть всё более становятся тайными, теневыми. И чем большая часть населения получала избирательные права и возможности формального участия в политической жизни, тем больше открытая политическая жизнь превращалась в театр, шоу, балаган, тем больше реальная власть приобретала конспиративный характер, превращалась в конспиро-структуру (далее – К-структуру). Параллельно развивался аналогичный процесс в экономике, где в тень всё больше уходил финансовый капитал, который в 1870–1930-е годы занял ведущие позиции не только в экономике, но и в определении политики. Союзы финансистов и политиков именно в этот период начали уже не просто создавать свои тайные структуры, но придавать им квазиинституциональный характер. Пример – К-структура, созданная Сесилом Родсом, Уильямом Стэдом и Реджиналдом Бреттом, группа Альфреда Милнера и др. Тайная власть, теневая политика, заговор – обратная, «тёмная» сторона демократии, публичности, легализации антисистемных движений, короче – «тёмная сторона» Модерна.

В-третьих, ещё более усиливал и эту власть, и тенденцию к её развитию тот факт, что социально-экономические процессы становились всё более сложными, протекали со всё большей скоростью, а эпоха 1870–1940-х годов – эпоха борьбы за гегемонию, войн и революций – предъявляла всё более жёсткие требования к быстроте и точности решений. Невероятно усилила тайный характер власти, власти-тени Холодная война.

По самой своей природе К-структуры были идеальными агентами и орудиями Холодной войны. Именно они стали инкубатором для формирования исторически новой фракции буржуазии – корпоратократии – которая набирала силу в 1950–1970-е годы, а на рубеже 1970–1980-х годов посадила своих представителей в Уайтхолл и Белый Дом. Власть корпоратократии, которая с 1980-х годов развернула наступление на СССР, средний и

рабочий классы и приступила к демонтажу квазидемократических социально-политических институтов капитализма (нация-государство, партии, гражданское общество), – это уже главным образом тайная власть, власть тайных организаций. Глобализация, выросшая из Холодной войны и занявшая её место в качестве новой формы организации управления миром, похоже, окончательно перевесила чашу весов в пользу К-структур.

КГ – это, конечно же, в большей степени К-структура, чем легальная структура. Криминализация мировой экономики, а вслед за ней – ряда сегментов социальной жизни, характерная для эпохи глобализация, есть причина и одновременно стимул дальнейшего развития К-структур, теневой власти, Заговора. На закате Современности корпоратократия в своём демонтаже капитализме имеет двойное качественное преимущество над объективно противостоящими ей социальными слоями: в отличие от них, она действует на глобальном уровне, а они – на национальном; она действует в тени, а они – на свету.

Таким образом, глобализация как торжество корпоратократии есть в то же время торжество теневых форм власти над явными, легальными, а ведь наличие именно последних отличало капитализм от других систем. Сегодня это уже в прошлом. Разумеется, существует некий фасад, сцена, на которой кривляются президенты и премьер-министры, но, как пел А. Галич, *«это, рыжий, всё на публику»*. В своём конце Модерн и капитализм пришли к таким формам организации власти, против которых они боролись в своём начале. Только сегодня эти тайные структуры ни по мощи, ни по размаху, ни по конспирологичности не сопоставимы с позднефеодальными. И, очевидно, что будущее, по крайней мере, «ближайшее будущее» станет полем игры К-структур различного уровня.

Кризис библейского проекта

В силу социальной природы капитализма и его глобального масштаба кризис этой системы становится своеобразным спусковым крючком, каскадным явлением, которые запускают кризисный механизм, далеко выходящий не просто за капиталистические, но вообще за социосистемные рамки. Капитализм максимально обострил все дремавшие до его появления противоречия этой цивилизации – как внутренние, так и с другими цивилизациями. И хотя «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона – это типичный «концептуальный вирус», главная задача которого отвлечь внимание от реальных противоречий, у кризиса капитализма есть мощный цивилизационный аспект, причём тройной: кризис европейской цивилизации; кризис неевропейских цивилизаций, обусловленный воздействием на них капитализма, пежде всего его структур повседневности и массовой культуры; кризис земной – из-за глобального характера капитализма – цивилизации в целом.

В кризисе европейской цивилизации, помимо заката высокой культуры и изменения самого европейского человеческого материала в XX в., необходимо отметить прежде всего кризис христианства. Последнее почти мертво. Протестантизм, подменив Бога Книгой, почти превратился в неоиудаизм, и у него нет иммунитета ни к иудаизму, ни к либерализму. Системный кризис капитализма совпал с кризисом светских версий библейского проекта и с исчерпанием этого проекта в целом.

Своё квинтэссенциальное выражение комбинация кризисов капитализма и европейской цивилизации (а в ней – христианства) находит в кризисе (или завершении) «библейского проекта». Любая социальная система это система иерархии и контроля, т.е. решение

простой проблемы: как держать в узде маленького человека и каким образом для решения этой задачи контролировать поведение верхов и их отношения с низами. В течение почти двух тысячелетий христианство как форма социально-церковной организации, использовав протестно-эмансипаторский проект Иисуса Христа и одновременно приглушив его (идейно – с помощью Ветхого Завета, организационно – с помощью церкви) и трансформировав в библейский обеспечивало идейно-религиозные основания иерархии и контроля сначала в Средиземноморье, а затем в Европе (с Россией – в Евразии) и Америке; тесно связанная с христианством ещё одна авраамическая религия – ислам – с одной стороны, выполнила функцию библейского проекта для более отсталых зон региона, а с другой – была продолжением предыдущего – древнеегипетского проекта, который успешно действовал в течение тысячелетий и пиком которого стала Римская империя.

Библейский проект начал давать сбои довольно рано – начиная с откола Рима (католицизма) от православия в политических целях и борьбы между папой и императором; ну а частичная национализация и частичная иудаизация христианства в мутации протестантизма означали начало глубокого кризиса. В последние два столетия роль реализации библейского проекта вообще пришлось взять на себя светским идеологиям прогрессистского типа – либерализм и коммунизм, причём коммунизм оказался таким же системным ограничением Марксова проекта, как библейский – христианского со всеми вытекающими отсюда последствиями. Системный кризис капитализма совпал с кризисом светских версий библейского проекта и с исчерпанием этого проекта в целом. То, что работало в поздней античности (т.е. вплоть до «империи» Карла Великого), в Средневековье, ещё хуже – во времена Старого Порядка, перестало работать в Новое время. На повестке дня – создание нового контрольно-организующего проекта, только с его помощью – при прочих равных условиях – можно будет вправить «вывихнутый век», преодолеть кризис. Двойной вопрос в том, кто предложит такой проект – верхи или низы и кто его использует в своих интересах.

Уже сейчас видны попытки подобного проектирования – менее сознательные и в большей степени религиозные у низов, более сознательные и в большей степени светские у верхов. Радикальный ислам в мусульманском мире и пятидесятничество в Латинской Америке, приобретающее черты если не отдельной от христианства религии, то чего-то похожего – вот очередная «утопия», если пользоваться термином Карла Мангейма. Со стороны верхов это проект американских неоконов («глобофашизм»), призванный углубить и законсервировать навечно социально-экономическую поляризацию позднекапиталистического общества («20:80») и перенести эту по сути кастеизированную форму в посткапиталистический мир.

Весьма символично, что многие неоконы – это бывшие леваки, а некоторые просто троцкисты, прошедшие «правую» школу Лео Штрауса и начитавшиеся Платона. Надо помнить, что из трёх проектов, порождённой субъектной ветвью исторического (античность – феодализм – капитализм) процесса два были протестно-эмансипаторскими – Христос и Маркс, а один, самый первый, Платона – консервативным, а в чём-то даже реставрационно-реакционным. Впрочем, оба эмансипаторских проекта были довольно быстро присвоены определёнными социальными силами и организациями и стали использоваться совсем в иных целях, чем те, что планировали их «генеральные конструкторы»; тем не менее, эмансипаторский потенциал в них сохранился, и это противоречие стало центральным и для библейского и для коммунистического проектов.

Кастово-аристократический проект Платона был реакцией на кризис и упадок полисного строя, крушение (а отчасти сознательный демонтаж) полисной демократии. Реакция

Платона – остановить, подморозить социальные изменения с помощью жёсткой консервации социальной структуры, его иерархизации. Проект Платона в целом не реализовался, античный мир выходил из кризиса на основе римского (модификация древнеегипетского – попытка не удалась) и христова (превращённого в библейский – классическая нейтрализующая трансформация протестно-эмансипаторского проекта в контрольно-иерархический, попытка удалась); однако некоторые элементы платоновского проекта в снятом виде были использованы как в библейском, так и в коммунистическом.

Многое из платоновского проекта сегодня явно ко двору позднекапиталистической «железной пяте», организующей в мировом масштабе пересортировку-выбраковку человечества в условиях кризиса/демонтажа буржуазной демократии, а также политики и государственности, чем и занималась последние десятилетия корпоратократия и её наднациональные структуры и клубы. Именно корпоратократия довела до логического конца «библейский проект», глобализировав его (трагифарсовый финал проекта – американская авантюра в Ираке, на Ближнем Востоке, проект финиширует там, откуда стартовал) и превратив американскую республику в «неоимперию» (Чалмерс Джонсон).

Однако, выводя капитализм на финишную прямую, глобализация оказывается пирровой победой корпоратократии – по-видимому, последней, «гипербуржуазной» стадиально-исторической фракцией буржуазии. Корпоратократия «заточена» под внешнюю экспансию, под глобальный экстенсив; глобализация была одновременно её социальной «заточкой», орудием и целью. Теперь цель достигнута и вопрос стоит так: годится ли корпоратократия как слой для перевода социально-экономических стрелок с внешнего контура на внутренний, с эксплуатации-экономического уничтожения Юга на «внутрисеверенную» эксплуатацию, где, кстати, ей противостоят всё те же выходцы с Юга, только в отличие от белого социального атомизированного населения, организованные в общины и кланы и способные ответить на давление власти и, в свою очередь, давить как на неё, так и на белое население. Или же она будет всячески тормозить этот процесс? Ответ на этот вопрос или, по крайней мере, намёки на него мы получим, наблюдая прежде всего борьбу за власть в американской верхушке. И, разумеется, необходимо учитывать воздействие на этот процесс того, что Ч. Джонсон назвал «отдачей» (*«blowback»*) – т.е. реакции мира на полувековое давление на него со стороны США (ср. с ситуацией Римской империи после Траяна).

Итак, что же мы видим? Благодаря функционализации/«дематериализации» (или «дереификации») наиболее важных элементов производительных сил затухает базовое метафизическое противоречие капитализма – между субстанцией и функцией, – которое определяет физические, является их матрицей. Вместе с ним затухает капитализм, охвативший весь мир и охваченный азартов самопожирания – ему бы спеть (по Владимиру Высоцкому) *«чуть помедленнее кони»*, но он мчится, подобно гоголевской тройке, только в ней не Россия, а капитализм – перемена участи.

Индустриальная система подошла к своему производственному пределу (о демографическом и экологическом аспектах я уже не говорю; кроме того, в данной статье я не затрагиваю проблему ресурсов); при этом не индустриальная, а гипериндустриальная система задаёт тон, но, парадоксальным образом, поскольку капсистема стала глобальной, у гипериндустриального производства нет рынков сбыта. В упадок приходят структуры и массовые слои, а связанные с индустриальной системой производства – нация-государство, средний и рабочий классы. Для них, а следовательно и для системы в целом, наступил конец прогресса. А это означает кризис прогрессистских идеологий либерализма и марксизма, кризис Идеологии, кризис геокультуры Просвещения, науки и особенно образования – оно разрушается отчасти стихийно, отчасти сознательно; Болонская

система ставит крест на университете как феномене Модерна. За последние полвека (Холодная война, глобализация) реальная власть из публично-легальной сферы сместилась в закулисно-внелегальную, тайную. Корпоратократия и корпорация-государство активно используют конспиро-структуры в демонтаже капитализма, отсекая от «общественного пирога» всё большую часть населения. Всё это подводит черту под эпохой Модерна и под капитализмом. Однако обещает ли эта черта светлое будущее хозяевам современного мира? Отнюдь нет. Начав демонтаж капитализма, они отворили Кладезь Бездны, разбудили такое лихо, такие силы, которые могут смести их. Как? Прежде чем отвечать на этот вопрос, имеет смысл взглянуть в прошлое – на макросоциальные кризисы прошлого, точнее, на исторические типы системных кризисов, которых (типов) было не так много – три, и похоже, все они – наше ближайшее будущее, так сказать, наше всё.

Три кризиса

Первый тип кризиса – это кризис позднего феодализма, кризис «длинного XVI века» (1453–1648 гг.). В середине XIV в. по Европе пронеслась эпидемия чумы, выкосившая 20 миллионов из ее 60-миллионного населения. В результате «сделочная» позиция крестьянина по отношению к феодалу резко усилилась – рабочих рук стало не хватать. В течение 30–40 лет сеньоры пытались силовым способом вернуть прежнее положение вещей, снова приводя «подлую чернь» к покорности. Ответ не заставил себя ждать долго. В 1378–1382 годах прокатываются восстания «белых колпаков» во Франции, Уота Тайлера в Англии и чомпи – во Флоренции. По сути это была народная антифеодальная революция, надломившая хребет феодализму и его господствующему слою. Под давлением крестьян и бюргеров сеньоры оказались в ситуации, когда впереди замаячила угроза утраты статуса, привилегий, и часть богатства и превращения в лучшем случае в верхушку крестьянского или бюргерского рая. Альтернатива – уступить часть привилегий традиционному противнику, т.е. центральной власти, королю. Это было меньшим злом, и оно-то и было выбрано.

В результате в XV в. начинают появляться централизованные структуры весьма репрессивного типа – «новые монархии» (Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии, которые начинают не только ограничивать знать, но и давить низы. Возникает государство – *state* (точнее *lo stato* – этот термин «запустил» Макиавелли), которое оказалось социальным оружием двойного назначения: королевской власти против знати и королевской власти и знати – против низов. С возникновением государства совпали открытие Америки и, как следствие, оформление нового международного разделения труда, от которого выиграли верхи, и военная революция. Всё это резко изменило социальную ситуацию – началось наступление верхов на низы. В ходе этого наступления, в основе которого лежало формирование нового международного разделения труда (североатлантическая мир-система) и военная революция экс-сеньоры превратились частично в постфеодальную знать небуржуазного типа, частично в протобуржуазию – системообразующие элементы особого строя в истории Европы – Старого Порядка, который не является ни феодальным, ни буржуазным, а потому оказался пропущен в либеральных и марксистских теориях (а точнее, мифологиях) истории.

Способом формирования этого порядка стали религиозные войны, черту под которыми подвели Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) и Вестфальский мир (1648 г.). Как показывают исследования, 80–90% семей, которые контролировали Европу в 1453 г., в 1648 г. сохранили свою власть. Таким образом, в ходе кризиса «длинного XVI века» позднефеодальная верхушка осуществила успешный системный трансгресс, транслировав, перенеся себя в будущее и сохранив привилегии и богатство посредством создания новой

системы. Естественно, это не был сознательный проект, работали социальные инстинкты, но работали они в правильном направлении. Позднефеодальная верхушка не позволила низам снести себя и обрушила на них новую систему. В последней она заняла место «капиталистической» (в смысле – связанной с мировым рынком) знати, а позднее – в первой половине XIX в. – отчасти трансформировалась в буржуазию, отчасти уступила ей место, слившись с ней.

Второй тип кризиса – позднеантичный. Если сеньорам (феодалам) удалось сохранить власть, создав новую систему и превратившись в аристократию североатлантической мир-системы и *«капиталистов против своей воли»* (Лахман), то позднеантичные господствующие группы были сметены (вместе с их системой и цивилизацией) двойным ударом того, что Арнольд Тойнби назвал бы союзом *«внутреннего и внешнего пролетариата»*. Если сеньоры, грубо говоря, поставили внешнюю среду себе на службу, то прогнившую позднеантичную верхушку смела именно внешняя среда: античная периферия затопила античный центр. Здесь налицо комбинация внутреннего (падение эффективности экономики, распад социальных связей, деградация правящей элиты, упадок её культурной гегемонии, варваризация общества, демографический кризис) и внешнего – Великое переселение народов – кризисов.

Варвары уничтожили внутренне уже варваризировавшийся мир. При этом масса варваров была фактически «выкормлена» римлянами на границах - для них были созданы удивительно благоприятные в демографическом плане условия! Племена германцев селились в порубежье с разрешения Рима (таким образом он избегал войн с ними), получали статус «федератов» (союзников) - и пользовались плодами имперской культуры, переходя к более производительному сельскому хозяйству. И бурно размножались. За несколько веков такой политики варвары усилились и обрушились на Рим, уничтожив высокоразвитую культуру и на много веков погрузив тогдашнюю Европу во тьму невежества и раздробленности. Позднеантичный кризис – это кризис без будущего, или кризис с сильно отложенным будущим: уровня развития античного общества I–II вв. н.э. Европа достигла в XI–XIII вв., а по ряду показателей – лишь в XVI–XVII вв.

Третий тип кризиса – самый страшный, наиболее продолжительный – это кризис верхнего палеолита. Он начался примерно 25 тыс. лет назад и закончился за 10–8 тыс. лет до н.э. так называемой «неолитической революцией», т.е. продолжался около 15 тыс. лет, 150 веков – это не пять первых «тёмных веков» Европы (V–IX вв.) или три века второго «темновековья» (середина XIV – середина XVII вв.). Кризис верхнего палеолита был кризисом присваивающего хозяйства – прежде всего высокоспециализированной охоты на крупного зверя, которая обеспечивала высокий уровень избыточного продукта, а следовательно, значительный демографический рост. В какой-то момент численность населения и ресурсы пришли в противоречие и начался кризис – экономический, демографический, экологический, социальный, т.е. тотальный системный кризис, который усугублялся ухудшением природно-климатических условий. Результат – уменьшение населения на 75–85%, социальная деградация, примитивизация искусства, 150 веков жесточайшей борьбы людей за выживание – с природой и другими людьми. Переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству – произошёл не от хорошей жизни, то была адаптация к условиям кризиса. В результате этой адаптации возник мир, в котором мы до сих пор живём и который, по-видимому, заканчивает своё существование на наших глазах. Я поясню свою мысль.

XXI век – «кризис-матрёшка», или Закат Запада в «лунку Истории»

Если попытаться соотнести системный кризис, в который вползает капитализм, с кризисами прошлого, то получается неутешительная картина: глобальный кризис несёт в себе характеристики всех трёх названных выше кризисов в «одном пакете», это «кризис-матрёшка», или, если угодно, «кризис-домино», где один тип кризиса автоматически тянет за собой другой, «включая» всю цепь.

Как мы помним, позднефеодальный кризис – это демонтаж существующей системы в интересах господствующих групп. Если согласиться с тем, что с середины 1970-х годов по нарастающей идёт демонтаж капитализма в интересах его господствующих групп, то мы получаем аналогию с кризисом «длинного XVI века». С той лишь разницей, что нынешнее глобальное «восстание элит», в отличие от «североатлантического» в XVI в., происходит на научной основе, его реализуют на основе разработок многочисленных «фабрик мысли» и т.д. Суть – та же. С одним существенно важным отличием: кризис XVI в. был внутренним европейским кризисом, в котором периферия – варварская, т.е. стоящая на более низком уровне периферия, – практически никак не участвовала, не угрожала обществу, и именно это отсутствие внешней угрозы во многом и обусловило успех. (По сути, этой периферии не было – Запад сам был в это время периферией.)

Нынешняя ситуация – иная. Глобальная система делится на ядро (Север, «неоимперию») и периферию (Юг, зону неоварварства). Как почти две тысячи лет назад это произошло в Римской империи, когда Рим стимулировал демографический рост варваров, селившихся по периметру его границ, Запад в XX в. спровоцировал мировой, демографический взрыв, а точнее, демографический взрыв на периферии. И бóльшую часть этой выросшей огромной социобиомассы сегодня не просто отсекают от «общественного пирога», но вообще выталкивают из социальной жизни. Я имею в виду так называемых «трущобных людей», численность которых достигла миллиарда человек.

Трущобные «города» становятся главными конурбациями во многих странах Юга. Это – зоны бедности и самовоспроизводящегося социального распада. Как заметил социолог Майкл Дэвис, *«брутальная тектоника неолиберальной глобализации после 1978 года аналогична катастрофическому процессу, впервые создавшему “третий мир” в период поздневикторианского капитализма (1870–1900 годы)»*, только сегодня ситуация намного хуже и безнадёжнее: эпоха крестьянских войн и национально-освободительных движений позади, впереди – намного более страшные конфликты социально дезорганизованного населения, трущобного люда, с социально дезорганизованным.

Согласно прогнозам, между 2030 и 2040 годами численность *Slumland'*а достигнет 2 млрд. (при численности населения планеты – 8 млрд.). По мнению специалистов, ни экологически, ни социально-экономически, ни психологически такой численности, такой концентрации, такой обездоленности и отверженности мир трущоб выдержать не сможет и его обитатели выплеснутся во внешний мир, устремившись туда, «где чисто и светло». И это будет похлеще Великого переселения народов V–VII вв. Трущобники начнут штурмовать сначала более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая «государства-буферы», – Европу, Северную Америку и, по-видимому, Россию. Здесь они пойдут уже проторенным в XX в. путём мигрантов с Юга. Более того, выходцы с Юга на Север – а согласно прогнозу, в 2020–2030 гг. они составят 30–40% населения крупнейших городов Севера, т.е. его «андеркласс», – оказываются объективными союзниками новых волн мигрантов из *Slumland'*а. Перед нами – смычка «внутреннего пролетариата» и «внешнего пролетариата», направленная против социально организованного населения Севера.

Здесь есть ещё один очень важный аспект. Основная масса населения Юга (включая мир трущоб), с одной стороны, и «южного» сегмента Севера, с другой стороны, – это молодые люди. В вышедшей недавно книге «Сыновья и мировое господство: роль терроризма в подъёме и падении наций» Гуннар Гейнсон пишет о том, что демографический провал наступает тогда, когда в популяции – менее 80 мальчиков на 100 мужчин возраста 40–44 лет. Это ситуация Западной Европы (например, в Германии – 50 на 100, т.е. демографический провал). На Юге ситуация диаметрально противоположная: в секторе Газа (Палестина) это соотношение 464 на 100, в Афганистане – 403 на 100, в Сомали – 364 на 100, в Ираке – 354 на 100. Ясно, что Юг – это демографическое будущее мира: с 1900 по 2000 г. население исламского мира выросло со 150 млн. до 1 200 млн. – 800% роста; Китая – с 400 млн. до 1 200 млн. – 300% роста; Индии – с 250 млн. до 1 000 млн. – 400% роста. И, повторю, огромную часть этой биомассы составляет молодёжь. И на Севере основная масса выходцев с Юга – молодёжь. А ведь хорошо известно, что как только численность молодёжи в обществе достигает 25–30%, происходит взрыв насилия. Джон Голдстоун хорошо показал это в своём исследовании Реформации и крестьянской войны в Германии XVI в., но сюда же относятся Французская революция 1789–1799 гг., практически все революции XX века. Миграция «южан» на Север – это миграция в первую очередь молодёжи.

Таким образом, в самом ядре капсистемы мы имеем, с одной стороны, сытое, белое, атомизированное христианское (формально, поскольку нынешний Запад – это уже во многом не только постзападное, но и постхристианское общества, которому «толерантность» и «политкорректность» не позволяют защищать свою культуру и свои ценности как от своих «меньшинств», так и от чуждых внешних сил) население главным образом пожилого и среднего возраста, с другой – голодное, чувствующее себя обделённым и отверженным, цветное, общинно- или кланово-организованное, чаще всего мусульманское, молодое, с явным вкусом к насилию и криминалу население.

Исход противостояния в целом ясен, даже без вторжения трущобников. О перспективах белых европейцев писатель Сергей Хелемендик говорит: *«Они уже закончили своё существование в истории, их уже нет. Пока они сидят в своих банках и считают хрустящие бумажки, их улицами овладели заторможенные от многовекового пещерного инцеста албанцы, счастливые от возможности разбавить наконец свою не в меру густую кровь»*. При этом нужно помнить, что мигранты с Юга часто организованы не только клановым образом, но и криминальным, что ещё более обостряет ситуацию, усиливают тенденции неоварваризации и неоархаизации.

Таким образом, уже сейчас видно, что попытка западных элит провести трансгресс по типу «длинного XVI века» не увенчается успехом – кризис позднефеодального типа плавно, но необратимо перетекает в кризис позднеантичного типа и почти одновременно с «восстанием элит» в ядре капсистемы и её периферийных анклавов начинается восстание низов, грозящее перерасти либо в глобальную социальную революцию (если найдут союзников в социально более высоких группах), либо в глобальный бунт. Это та серьёзная проблема, которую придётся решать мировой «закулисе», и уже сейчас ясно, что ни сокращение населения Юга и вообще бедноты «эволюционным» (программы планирования семьи) или «революционным» (от насильственной стерилизации до штучек вроде СПИДа) путём, ни попытки решить вопрос с помощью управляемого хаоса, натравив мусульман на Россию, Китай или – менее вероятно – Индию, результата не дадут.

Тем более что кризис позднеантичного типа тянет за собой ещё один – типа верхнепалеолитического. Капитализм, в отличие от феодализма и рабовладения, не

локальная, а мировая (сегодня – уже глобальная) система, и системный кризис такого социума может быть только глобальным и тотальным, охватывая экологию, демографию и т.д. и превращая социальный системный кризис в кризис, как это уже было в конце верхнего палеолита, отношений Общества и Природы, в кризис биосферы и рода *Homo sapiens*. Капитализм в его нынешнем состоянии несовместим с нормальным функционированием биосферы. И хотя многие экологические страшилки проплачены заинтересованными ТНК и не имеют отношения к реальности, ситуация весьма серьёзна.

«Кризиса-матрёшки» не избежать – мы уже в нём. Но надо постараться сократить его и «тёмные века», которые последуют за ним, и пройти оба периода с минимальными потерями для рода человеческого, общества и культуры, поскольку кризис, о котором идёт речь, предполагает целый ряд серьёзнейших потерь, которые несопоставимы с потерями, которыми грозили позднефеодальный и позднеантичный кризисы. Ближайшая аналогия – верхнепалеолитический кризис, но нынешняя ситуация намного опаснее: огромное по численности население; запасы страшного смертоносного оружия, которые объективно доступны небольшим группам и даже одиночкам; скопившаяся социальная ненависть, завязанная тугим узлом с расовой, национальной, конфессиональной – *«то-то сейчас рванёт!»*.

Три взрыва, три проблемы XXI века

Первый взрыв связан с численностью населения: разрушительные возможности человечества растут вместе с созидательными, заметил Станислав Лем, а иногда обгоняют их. Верхнепалеолитический кризис уничтожил 75–85% населения. Нынешний – объективно – должен снять нынешнее демографическое давление на ресурсы планеты, на биосферу, это может оказаться до 90% населения (7 млрд. из 8 млрд.). Но даже если показатель глобальной «чистки», «пересортировки» и «выбраковки» человечества окажется ниже, результаты сокращения численности с помощью тех видов оружия массового поражения, которые имеются, могут наложить на популяцию такой отпечаток, нанести такой удар по генофонду, который обусловит её психофизическое вырождение, т.е. вырождение человека как вида.

Второй взрыв – всеобщая, глобальная криминализация. Социальные кризисы, тем более системные, всегда сопровождаются ломкой социальных правил – нарастает криминализация. Как минимум это означает, что старое общество начинает умирать – его механизмы контроля не срабатывают, как максимум – начинает возникать новое общество, причём в криминальной, асоциальной форме. Значительная часть населения планеты сможет – и будет – «вырываться из социального ада» (Фернан Бродель) трансгресса, сбившись в стаи. Итак, размывание границ нормальной жизнью, асоциализация посткризисного социума – вот ещё один потенциальный взрыв XXI века.

Третий взрыв связан вот с чем. В периоды острых социальных кризисов социальное приглушается и резко возрастает роль того, что называют биологической составляющей в поведении человека. На самом деле, строго говоря, речь должна идти не столько о биологизации социальных процессов (хотя внешне дело нередко выглядит так), сколько о выходе на первый план дочеловеческих форм социальности («несоциальных животных не бывает» – «правило Эспинаса»), зоосоциальности. Кризисные эпохи – это эпохи повышенной зоосоциальности, когда в человеке, в обществе словно выстреливает дочеловеческое прошлое.

В разные эпохи в человеке по-разному соотносятся социальное и биологическое, зоосоциальное (дочеловеческая социальность) и социальность собственно человеческая. В

кризисные, революционные эпохи из закоулков человейника, как тролль из табакерки, выскакивают хищные, асоциальные особи. *«Социальная революция устраивается не “социальными низами”, а **биологическими** подонками человечества»*, – писал Иван Солоневич. Разумеется, революция – более сложный процесс, чем выброс зоосоциальности, но в целом Солоневич зафиксировал очень важную черту, которую можно заметить во всех революциях – от французской (это замечательно показал Ипполит Тэн) до русских, коммунистической 1917 года и антикоммунистической 1991 года.

Конечно же, сам выброс «биологии», зоосоциальности в кризисные эпохи происходит по социальным законам; другое дело, что реализуются эти законы по-разному в нормальные и кризисные эпохи и реализуют их особи с разным соотношением антропосоциального и зоосоциального («биологического»). Время кризисов – это время главным образом людей-рептилий, *гомозавров*. Это – не метафора, а фиксация реальности, связанная с исторической структурой человеческого мозга. В середине 1990-х годов я писал об этом в «Колоколах Истории» (М., 1996. – с. 352–353; подр. см.: Саган К. Драконы Эдема. – М., 1986), поэтому здесь повторю вкратце.

Согласно Полу Маклину, морфологически самая старая часть мозга – Р-комплекс (рептильный мозг), доставшийся нам с наследство от рептилий – первых существ, у которых количество информации в мозгу превышает количество таковой в генах. Следующая эволюционная система, наслаивающаяся на рептильный мозг и заключающая его в себя по принципу матрёшки, – лимбический мозг, он является достижением млекопитающих. И, наконец, неокортекс – новая кора, являющаяся человеческим, «слишком человеческим», вкладом. Между тремя мозговыми структурами существует некое разделение труда. Неокортекс отвечает за специфически человеческие (волевые, целеполагающие) усилия, включая использование знаков, предвидение событий, сопереживание и ряд других функций. Лимбическая система, в глубине которой находится гипофиз, генерирует яркие эмоции, связанные с радостью открытия нового (творчество), с эстетическим восприятием мира, с альтруистическим поведением, восприятием вкуса, творчеством. Наконец, рептильный мозг играет важную роль в агрессивном, ритуальном и территориальном поведении, в установлении групповой иерархии, в том числе через половое поведение (контроль над самками, управление доступом к ним) и контроль над территорией. Здесь нет обратных связей, чаще всего имеет место бесстрастное осуществление любого поведения, диктуемого либо одним из полушарий, либо генами, инстинктами.

Разумеется, нет таких людей, у которых действовал бы только один из трёх мозгов – работают все, но с разной силой, а потому соотношение мозгов, их иерархия-субординация у разных людей разная. Люди с доминированием Р-комплекса – гомозавры.

Одна из главных задач социальной системы – обеспечить «неокортексное» поведение человеческих особой и проконтролировать, чтобы в социальные отношения, особенно в производственные, не прорвалось социальное поведение рептильного типа в его чистом, непосредственно-природном виде (опосредованно оно воплощено во многих социальных институтах и практиках). В нормальные эпохи общество в целом справляется с этой задачей. Однако в эпохи кризисов и революций, когда «век вывихнут», а нормы и институты ломаются, происходит прорыв рептильного типа, его массовый выход на историческую сцену – привет из палеозоя.

Хищники разного калибра, сволочь в строгом смысле этого слова, – вот ударная сила любой революции, любого кризиса. В послекризисные эпохи значительную часть гомозавров отстреливают, им на смену приходят хищники помельче – воры (яркие

примеры – Директория во Франции, послесталинская вороватая номенклатура в СССР), социальная жизнь становится менее опасной и более системной и ограничивает рептильное поведение.

Глобальный кризис, в который вползает капсистема, вызовет глобальный выброс гомозавров с их биологией и зоосоциальностью на всех уровнях – сверху донизу – и резко увеличит их роль, а следовательно, роль биосоциальности в социальных процессах. Многие черты этого процесса уже видны по изменившемуся экстерьеру киногероев (привет из каменного века), рекламе демонстративно асоциального поведения на ТВ, агрессивным формам гомосексуализма и феминизма.

Итак, глобальный кризис вполне может поставить на повестку дня вопрос о роде *Homo*. Поскольку кризис будет протекать в условиях борьбы растущего населения за уменьшающиеся ресурсы (в том числе продовольствие и воду), в его условиях встанет вопрос о сокращении численности населения – вопрос если не биосоциальный, то социобиологический. *Homo* уже проходил это во время верхнепалеолитического кризиса и «прошёл» (с огромными потерями) за 15–20 тыс. лет. Тогда, однако, кризис носил суммарно-локальный, а не глобальный характер; не было единого планетарного человечества; Земля не была напичкана атомными станциями, предприятиями с вредным производством, ядерным, биологическим, химическим и иным оружием. Впрочем, как показывает пример хуту и тутси, региональный геноцид вполне можно устроить с помощью обычного оружия, вооружив АКМ 12–14-летних детей.

Финал глобального кризиса капитализма (особенно в условиях прогнозируемого геологами на вторую половину XXI в. усиления геологической активности, вероятности изменения наклона земной оси, наступления нового ледникового периода, только теперь уже не малого, и т.п.) вообще может оказаться схваткой *Homo* и биосферы, а внутри самого *Homo* – *Homo sapiens* и *Homo robustus* – по принципу «кто кого». Для того чтобы пройти кризис, нужна принципиально новая философия отношений с природой, мы должны заново осмыслит, а не просто переосмыслить (*unthink*, а не *rethink*) не только геокультуру Просвещения, но также христианство со средневековой теологией вкупе и античную философию, стартовав от её отцов-основателей другим интеллектуальным путём – с учётом всех или почти всех сделанных в субъектном потоке исторического развития за последние 25 веков интеллектуальных и политических ошибок. Новая философия должна быть хотя и альтернативно-европейской, но европейской, а не заимствованием у буддизма, индуизма или конфуцианства: *«вечный покой – для седых пирамид»*, нам же нужен прометеевско-фаустовский дух горения – на том стоим и не можем иначе.

Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед «кризисом-матрёшкой», аналогов которому не было и который, похоже, сметёт не только капитализм с его сторонниками и противниками, но и всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5–1,0 млрд., пережить его, то новый социум, скорее всего, будет отличаться от Цивилизации (Мира Пирамид – в том смысле, что египетские пирамиды – главный символ всей посленеолитической эпохи) не меньше, чем она отличалась от палеолита. Некоторые контуры постпереломного мира уже видны, но это выходит за рамки данной статьи.

Кризис, в который вполз позднекапиталистический мир (для нас, подобно язычникам, страдающим от язв христианства, этот позднекапиталистический кризис начался крушением советского антикапитализма) носит объективный характер. Реальная задача – пройти его с минимальными потерями и как можно быстрее, не дав ему растянуться на

тысячелетия, а сократив до полутора-двух веков. Вспоминается азимовская «Академия» (Foundation), где, согласно математику Селдону, крушения галактической империи в силу его объективного характер, нельзя было избежать, но можно было сократить кризисные «тёмные века» с тридцати тысяч лет до одной. Конечно, фантастика – это фантастика, а реальность – это реальность, но в нашей жизни они тесно переплетаются – и чем дальше, тем больше.

Новая этика и новое знание – щит и меч против «цивилизации» менял

Что можно противопоставить кризису, к которому привела этика менял и ростовщиков с их вульгарным материализмом и возведённым в ранг высшей ценности удачным гешефтом? Во-первых, новую этику – кшатрийско-брахманскую, этику воинов и священников. Во всех других социумах, кроме западноевропейского, традиционная аристократия умела выводить социальную гниль, гасила её рост. В Европе в XVII–XVIII вв. аристократия, обработанная протестантизмом, а затем Просвещением сама оказалась заражённой «новыми ценностями» и не смогла сопротивляться сначала вкрадчивой, а затем всё более наглой поступи «цивилизации ссудного процента».

Новая этика требует определённых условий. Достаточное условие – властная воля принципиально новой мировой элиты, «заточенной» именно под коллективное прохождение кризиса. Кто-то скажет: появление такой элиты – фантастика. А появление сталинской элиты как единственного средства суверенного выживания России и русских в мире XX в. – это не фантастика?

Однако помимо достаточного условия – воли – есть необходимое – разум, знание. Нам нужно принципиально новое по содержанию и по-новому организованное знание о современном мире как целом и как о совокупности элементов (включая Россию). Нам нужно знание о верхах и о низах современного мира, о криминальной по сути глобальной экономике, о формах манипуляции историческим процессом и о многом другом. Современная западная наука об обществе, триада «экономика – социология – политическая наука», отражающая реалии уходящего мира и не способная не только объяснить, но даже адекватно описать переломный мир – это такой же импотент, каким был советский истмат, а возможно и хуже. Я уже не говорю о том, что нейтрального знания нет, что нынешняя наука об обществе (как СМИ, кино и т.д.) отражает интересы корпоратократии и их «шестёрок» во всём мире и во всех сферах – от власти до науки.

Выход из кризиса предполагает создание нового знания, принципиально новых дисциплин (или эпистемологических программ), с новыми методологиями и новыми предметами исследования. Нам предстоит в короткий срок (время не ждёт) разработать адекватную теорию капитализма как частный случай теории социальных систем, методологически построенной на отрицании прежде всего наследия буржуазного XIX в. – триады «экономика – социология – политическая наука»; это тот путь критики политической экономии, которым двинулся Маркс в работе над «Капиталом» и который он так и не прошёл до конца, а марксисты, за редчайшими и не делающими погоды исключениями, вообще с него свернули.

На основе этой теории нам предстоит переосмыслить многое в вопросе о соотношении субъекта и системы, «проектно-сознательного» и «естественного» в истории, прежде всего – в её переломные эпохи, когда проект и решения небольшой группы «весят» не меньше, чем массовый порыв. Нам предстоит ревизия всей геокультуры Просвещения и многих христианских идей, особенно всего того, что касается биологии, «природной природы» человека в различных её измерениях. А для этого надо будет всерьёз покопаться в

античной философии. Разумеется, это легче сказать, чем сделать, но другого выхода нет. Именно создание нового знания, в центре которого – Великий перелом XXI в., формирование «зловещего интеллектуального превосходства» (Карл Поланьи) над противником, и есть передовая линия фронта в борьбе за выход из кризиса максимального числа людей в минимальные сроки, за более эгалитарный и справедливый мир, нежели капиталистический или какое-либо новое издание неорабовладения в виде глобофашистского кастового строя, освящённого неоиудаизмом (синтез, а то и просто смесь протестантизма, иудаизма и масонских идей) или оккультизмом.

И, естественно, за сохранение русского мира и русскости в постпереломном мире, поскольку, похоже, именно России готовят роль главного театра военных действий (экономическая, социальная и информационная войны). Надо ли в очередной раз таскать каштаны из огня для чужого дяди? Необходимо очень чётко осознавать свои интересы в переломную эпоху и биться за них как за свою историческую правду, руководствуясь принципом «Не верь. Не бойся. Не проси». В этом случае есть надежда, что мы пройдём кризис, в который погружается Мир Пирамид, пройдём – и другим поможем, тем, кто заслужил. И тогда произойдёт так, как говорил крупнейший деятель нашей истории: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»*.

Фурсов Андрей Ильич (р. 1951 г.), канд. ист. наук. Директор Института русских исследований Московского Гуманитарного Университета. Автор около 200 научных публикаций, включая 9 монографий, среди которых: «Кратократия (социальная природа обществ советского типа)», «Великая тайна Запада», «Капитализм в рамках антиномии “Восток – Запад”», «Колокола Истории», «Биг Чарли, или о Марксе и марксизме», «Излом коммунизма», «Saeculum vicesimum: In memoriam (Памяти XX века)», «Русская власть, Россия и Евразия» и др.

Опубликовано: De futuro, или История будущего. – М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. – С. 255-304.

Шабаш моральных и социальных уродов благодатью не назовешь

Уважаемые коллеги! Доклад В.Л. Цымбурского был посвящен проблеме суверенитета, и в основном именно на эту проблему реагировали выступавшие. Однако помимо главной темы в докладе Вадима Леонидовича присутствует мощное «подсобное хозяйство», весьма интересное само по себе. Вот на эту проблематику я и хочу отреагировать.

Шпенглер — наша общая любовь с Цымбурским (хотя я ни в коем случае не шпенглерианец). Я люблю Шпенглера не только с интеллектуально-содержательной точки зрения, но и с точки зрения его социально-профессиональной позиции. Шпенглер — как Маркс, Сорель, Эвола, Зиновьев и многие другие мыслители — не был частью «профессорской науки», которую он презирал и которая, действительно, кроме презрения ничего не заслуживает.

А вот что касается правомерности плотного использования схемы Шпенглера для объяснения русской истории XVI–XIX вв., а уж тем более века XX-го, то здесь у меня серьезные сомнения.

Во-первых, Шпенглер в начале XX в. подводил итог уходящей эпохе, европейской и мировой политике — «длинному XIX веку» (1815–1914 гг.). Едва ли можно с полным основанием и нацеленностью на содержательный результат экстраполировать тенденции, которые Шпенглер уловил в «длинном XIX веке» (и предшествующих ему периодах), на «короткий XX век» (1914–1991 гг.).

Во-вторых, когда мы говорим о параллелизме в развитии цивилизаций (я предпочитаю более нейтральное — социальных систем), следует быть особенно осторожным с той эпохой, когда возник и начал активно развиваться капитализм, так или иначе включавший в свою мировую систему все иные локальные цивилизации (социальные системы) в качестве либо своих внешних зон, либо периферии, либо полупериферии. Более того, саму локальную европейскую цивилизацию капитализм перелопатил, превратив к началу XX в. в мировое североатлантическое ядро мировой капсистемы, если не уничтожив, то подмяв европейскую цивилизацию под свою логику, включив, насколько это было возможно, в свою субстанцию — феномен кубизма являет собой одно из наиболее мощных выражений этого триумфа, как и интернациональная фаза (1917–1926 гг.) русской смуты (1860–1920 гг.) и антикапиталистической революции в России (1905–1933 гг.).

Превращение европейской цивилизации в ядро мировой капсистемы с утратой этим ядром большинства цивилизационных качеств — явление на порядок более сложное, чем то, что имел в виду Шпенглер под вытеснением культуры цивилизацией и что он более или менее убедительно иллюстрировал на примере локальных докапиталистических цивилизаций.

Экстраполяция логики и динамики докапиталистических эпох (и систем) на эпоху капитализма, на времена, грубо говоря, с XVIII в., представляется мне некорректной. Сравнения различных систем до этого хронораздела могут быть вполне плодотворными. Например, некую систему, существовавшую в V в. до н. э. или в V в. н. э. вполне можно сравнивать с другой системой (той же европейской) XI–XII вв. Хотя и в этом случае нужно помнить гегелевское различение аналогий поверхностных и содержательных (за последними стоит теория, позволяющая зафиксировать качественно различное содержание сравниваемых объектов).

А вот сравнение любых систем Нового времени с досовременными может оказаться своего рода эпистемологическим минным полем.

Эпоха капитализма очень хорошо подтверждает тезис Эйнштейна: «Мир — понятие не количественное, а качественное». Многие явления капиталистической эпохи только по форме, внешне, напоминают докапиталистические. На- пример, плантационное рабство в

южных штатах США и на островах Карибского моря напоминает античное рабство, а латифундии испанских колоний в Америках — феодализм. Однако в реальности и плантационное рабство, и латифундии суть продукты капитализма в таких зонах, где капиталу не противостоит наемный труд. Из-за отсутствия последнего капитал от себя, в качестве своих функциональных органов, создает такие «докапиталистические» формы, которых до него ни здесь, ни вообще не существовало (condition sine qua non античного рабства был полис, коллективно отчуждавший волю раба, а не индивидуальный рабовладелец; латифундия представляла собой частную собственность, тог- да как «при феодализме» частная собственность возможна только как продукт разложения феодализма и характерных для него коллективно-корпоративных общностей, а также отделения работника от его естественного орудия производства — земли).

Что касается самодержавия, то оно, конечно же, ни в коем случае не было аналогом Священной Римской империи XII–XIII вв. Русское самодержавие в политэкономическом плане есть аналог капитализма; это русский ответ на капитализм — так сказать, паракапитализм. В обоих случаях перед нами — европейский исторический субъект, только если в Западной, франкской Европе он реализует себя во времени и в овеществленном труде/собственности, то в Северо-восточной, русской Европе он реализует себя в пространстве и во власти, исторически (но не логически) оказываясь паракапитализмом.

Неслучайно три основные структуры русской власти — московское царство, петербургское самодержавие и советский коммунизм с их циклами накопления власти и гегемониями в Евразии — почти с точностью совпали с тремя циклами накопления капитала и морскими/мировыми гегемониями на Западе: Голландии (пик: 1618–1652 гг.), Великобритании (пик: 1815–1873 гг.), США (пик гегемонии как государства, а не кластера ТНК: 1945–1975 гг.).

Теперь о городской революции. Город — это не просто каменные здания, а социальный феномен. За каждым каменным комплексом — будь то Мемфис, Рим, Теотихуакан, Багдад халифов, Сианьхуанди, Москва, Лондон, Париж или Нью-Йорк — стоит принципиально разное историческое содержание.

Маркс был совершенно прав, когда говорил, что впервые история начинает развиваться как противоположность го- рода и деревни именно с феодализма, отсюда — небывалая для докапиталистического общества динамика и скорость системного развития: феодализм «сжег» себя за какие-то шесть сотен лет, между двумя империями — «империей» Карла Великого (первая половина IX в.) и империей по-настоящему великого Карла V (первая половина XVI в.) или, если угодно, между двумя революциями — сеньориальной и протестантской.

Азиатские, античные и русские (до конца XIX в.) города в социальном плане — это качественно нечто иное по сравнению с феодальным и, тем более, капиталистическим (буржуазным) городом. Западная Европа пережила за последнюю тысячу лет две городские революции — XI–XIII вв. и XVIII–XIX вв.; они, кстати, совпали с двумя промышленными революциями. И каждый раз происходили такие социальные изменения, возникали такие социальные феномены, которых за пределами Западной Европы не было, а потому любое сравнение в этом плане, включая шпенглеровское, будет поверхностным.

Я еще раз подчеркиваю, что результатом обеих городских — феодальной и буржуазной — революций, о которых идет речь, стал не перевес городского населения над сельским, а возникновение принципиально нового по своей социальной организации и по отношению к деревне города, т. е. результат не количественный, а качественный; шпенглерианская интерпретация городской революции, помимо прочего, смешивает количественный и качественный аспекты, подменяет второй первым.

Русский город XVIII–XIX вв. принципиально отличался и от феодального (поскольку ни на Руси, ни в России феодализма не было), и от буржуазного, который успешно поглощал

сельское население. На Руси не было и социальной цеховой организации (даже в Новгороде), а в России скорее деревня поглотила город. Например, в 1850–1860 гг. в Петербурге насчитывалось около 550 тыс. жителей, в Москве — около 470 тыс.; однако в Петербурге 52% населения составляли крестьяне, а в Москве — 58%. Крестьяне не интегрировались в городскую жизнь ни в социальном, ни в культурном плане; в городе жили обособленно, воспроизводя по сути сельскую организацию и не теряя связи с деревней, где за ними, как правило, сохранялись их земельные участки и куда они возвращались через год–два–три.

Помимо крестьян, временно живших в городе и, мягко говоря, не принимавших его, в городе было немало маргинальных и деклассированных элементов — босяков, «челка- шей», «певцом» которых и был великий босяцкий писатель Максим Горький, «интеллигентская» предтеча Распутина. Кстати, фигура последнего очень хорошо символизирует от- ношения деревни и города в докоммунистической России. Только советский коммунизм создал реальные условия для настоящей городской революции.

Когда М. Волошин писал, что наш «пролетарий» — го- лытьба, а наши «буржуа» — мещане, он был прав, замечая при этом, что «мы все же грезим русский сон под чуждыми нам именами». Именно различным социальным наполнением западноевропейского буржуазного и русского внебуржуазного/антибуржуазного города, объясняется, в частности, антикапиталистическая (коммунистическая) революция в России и фашизм/национал-социализм и их революции в Западной Европе; там грань между люмпеном и мелким буржуа была очень четкой — собственность. В России, где собственность никогда не играла решающей роли, грань между босяком и мещанином была весьма расплывчатой. А это уже совсем другой, небуржуазный город. Русские революции на- чала XX в. совершались в городе, но они не исчерпывались городским содержанием, а вот фашистская и национал-социалистическая революции были городскими феноменами. Ну, а если уж говорить об урбанистической, т. е. социально- демографической революции, т. е. таком сдвиге, благодаря которому большая часть населения начинает жить в городах, то в русской истории такая революция формально произошла при Хрущеве и Брежневе — в 1955–1975 гг.

И последнее — по поводу возможности «отсидеться» и той «благодати», которую мы якобы имеем. У меня язык не повернется назвать ситуацию разложения и упадка, в которых мы находимся, «благодатью». Если это благодать, то благодать гниения и беспредела. Ситуация, когда население страны убывает со скоростью 1 млн человек в год, когда стремительными темпами идет моральное разложение социума — верхов и низов, когда место социальной самоорганизации занимают криминализация и коррупция, когда и по телевидению, и в реальности мы видим свистопляску, шабаш моральных и социальных уродов — такую ситуацию благодатью не назовешь.

Кроме того, нынешняя «благодать», если воспользоваться определением В.Л. Цымбурского, закончится, думаю, значительно раньше, чем он полагает. Да и те внешние стены, о которых он говорит, в большей степени иллюзия, чем реальность; а в той степени, в какой они являются реальностью, они рухнут опять же значительно раньше, чем полагает докладчик — думаю, они не переживут второго десятилетия XXI в., и это — «оптимистический» прогноз, если термин «оптимизм» здесь вообще уместен.

Теперь по поводу самой возможности «отсидеться» как стратегии. У нас в истории была группа, которая хотела от- сидеться и таким образом переждать и пережить времена социального катаклизма. Это казаки. После мамантовского рейда, когда в подвалах ЧК занимаемых городов и городков казаки набрали огромный обоз добра (у генерала Май-Маевского поездка на автомобиле от начала до конца обоза заняла два с половиной часа) — золота, украшений, просто ценных вещей, они заявили примерно следующее: «Пусть русские — белые и красные — разбираются между собой. Мы, казаки, подождем, чем дело кончится, а наше дело в этом внутрирусском споре — сторона». По сути сдав таким образом белых и в значительной степени обусловив их поражение, казаки вернулись в станицы, закопали золотишко и стали ждать. Дождались: как я прочел в одной книге, в 1930-е гг.

вместе с внутренностями энкаведешники выбивали у казаков секреты схронов, и вернули золото в казну, а самих казаков расказачили. Мораль сформулирована в одном из афоризмов Станислава Ежи Леца: «В смутные времена не уходи в себя, там тебя легче всего найти». От судьбы не отсиживаются и не убегают — она все равно найдет или догонит, причем в самый неподходящий для отсидчика момент. Судьбу — личную ли, историческую — должно встречать только в лоб.

А.И. Фурсов

Российская Федерация в начале XXI века
Опыт системно-исторической оценки

1

Завершается, по крайней мере формально, срок президентства В.В. Путина, и начинается подведение итогов. Как это обычно бывает, аудитория делится на сторонников и противников, что и определяет оценку, чаще всего — в зависимости от конкретной политической ангажированности. Автор настоящей статьи, не будучи ни оппонентом, ни апологетом Путина, не являясь политически ангажированным, выступает как наблюдатель — наблюдатель определенной властной и социальной системы в определенный отрезок времени. Как системного аналитика меня интересуют не столько результаты и итоги самого по себе президентства Путина, хотя и об этом пойдет речь, сколько то, что произошло в РФ и с РФ за последние восемь лет; какие задачи объективно, с системной точки зрения стояли перед преемником Ельцина и как они были решены. Речь идет о системно-историческом подходе к современной русской реальности.

Состояние любой системы (и руководства, управления ею) оценивается прежде всего по ее системообразующему элементу (в общественных системах это господствующие группы) и его базовым противоречиям. Далее речь должна идти о системе в целом, о сохранении ее целостности, а также об отношениях системообразующего и иных элементов. Наконец, last but not least, необходима оценка отношений системы с внешним миром — с иными системами. Это что касается системного аспекта.

Если говорить об аспекте историческом, то здесь прежде всего имеется в виду следующее. Поскольку речь пойдет о РФ, которая принадлежит русской истории, то имеет смысл взглянуть на текущие процессы как элемент некой исторической целостности-континуитета и сравнить нынешнюю ситуацию (ситуацию Путина) со сходными ситуациями, в которых оказывались другие русские властители. Разумеется, большинство аналогий нередко носит поверхностный характер, а содержательная аналогия, как писал Гегель, требует теории в качестве основы; тем не менее с эвристической точки зрения, с точки зрения информации к размышлению исторические аналогии представляются мне вполне уместными в анализе и оценке событий и, самое главное, тенденций сегодняшней реальности.

2

Оценка любых властных лиц в истории базируется на простых посылках — во-первых, исходя из вопроса об исторических условиях, в которых это лицо оказалось, и вопроса cui bono — кому выгодно, то есть исходя из специфики задач, обусловленных социальными (классовыми) интересами тех групп, сил, которые выдвинули данного деятеля и чьи интересы он выражает, отражает и/или представляет. Любой другой подход будет либо наивной романтикой, либо пропагандой.

В.В. Путина к власти привели представители нескольких групп, кланов того слоя, который у нас неточно называют «олигархией», адекватное название — плутократия; этот термин и будет употребляться далее (термин «олигархия» не случайно заключен в кавычки). Произошло это в условиях острейшего властно-экономического кризиса и в преддверии социального кризиса, то есть в ситуации обострения ряда противоречий.

Первый комплекс противоречий — между главными и наиболее сильными кланами на самом верху пирамиды господствующих групп, между «Семьей» и «московскими». Здесь главной задачей преемника Ельцина должно было стать недопущение победы «московских», сохранение преемственности власти «семейного клана», обеспечение гарантий физического и политико-экономического существования его представителей.

Второй комплекс противоречий — обострение борьбы внутри господствующих групп в целом, причем на различных уровнях и между различными уровнями: между десятком кланов на самом верху, между этими кланами («миллиардеры») и остальной частью господствующих групп («миллионеры»); между представителями нижней части господствующих групп; между центром и регионами. Эти противоречия в значительной степени подстегивались дефолтом: он обескровил население, и теперь основным источником «первоначального накопления» плутократии могла быть главным образом она сама, точнее — ее более слабые и менее удачливые представители (в качестве иллюстрации см. картину Брейгеля-старшего «Большие рыбы пожирают малых»). Иными словами, дефолт мог спровоцировать классовую гражданскую войну всех против всех внутри господствующих групп. Отсюда задача, которая на языке политической науки называется «консолидацией элит».

Третий комплекс противоречий — обострение отношений между населением и новыми господствующими группами в целом, то есть «низами» и «верхами». Выразилось это в росте недовольства властью, прежде всего, как говорили в народе, «старым алкашом в Кремле», в раздражении по поводу «новых богачей» — и это понятно: к концу 90-х социально-экономическое расслоение между новыми богатыми и новыми бедными достигло того уровня, который Б.Дизраэли когда-то охарактеризовал как состояние «двух наций». Последнее впечатление усиливалось тем, что в «богатой нации», по крайней мере в ее первых рядах, было много нерусских — евреев, кавказцев, выходцев из Средней Азии.

Главной задачей ельцинского преемника в этом комплексе проблем было не допустить социального взрыва, выпустить социальный пар, выдвинуть на первый план свою роль в качестве не олигархического модератора-менеджера, которая была предписана ему верхним сегментом «олигархии», а общенационального лидера. Для этого ему, помимо прочего, нужно было и поведенчески и, желательно, внешне быть антиподом Ельцина, то есть молодым, подтянутым, трезвым, решительным, независимым как от «олигархов», так и от Запада, готовым встать на сторону сирых и убогих против богатых и сильных, социально-ориентированным борцом с ельцинским наследием, если не «потрошителем», то «укротителем олигархов» и т.п. Путин внешне (особенно его риторика) весьма соответствовал «императиву антипода».

Таким образом, преемник Ельцина должен был решить комплекс задач, связанных между собой по матрешечному принципу — решить их, естественно, прежде всего в интересах слоя и кланов, выдвинувших и поддержавших его (иначе в истории не бывает), в то же время предприняв некоторые шаги — реальные и риторические, как-то отвечающие каким-то интересам и представлениям основной массы населения. (Как говорил в таких случаях и о таких ситуациях герой романа «Вся королевская рать» Вилли Старк: «Дайте мне топор» — у нас эквивалентом стала фраза «замочить в сортире», которая произвела большое впечатление на публику.)

Кроме трех названных выше системных задач были еще две — сохранение целостности России и выстраивание отношений с внешним миром — как ближним (СНГ), так и дальним, прежде всего с США в условиях их нарастающего противостояния с Китаем.

Сохранение территориальной («горизонталь») и властной («вертикаль») целостности страны во многом (хотя и не во всем) связано с проблемой единства, консолидированности господствующих групп — раскол последних в самом конце 90-х годов XX века не случайно совпал с тем, что РФ оказалась на грани распада.

Отношения с внешним миром, особенно с Западом и его лидером США, тоже были серьезной проблемой, имевшей различные проекции и измерения, включая степень зависимости правящей верхушки РФ от «вашингтонского обкома партии», ситуацию в СНГ и в самой РФ (на предмет сохранения целостности в условиях давления извне и деятельности агентов влияния внешних сил внутри страны).

3

В решении первой задачи из пяти названных выше Путин преуспел: он стал символом победы ельцинского клана (при всех непростых отношениях с этим кланом) над «московскими»; обеспечил преемственность власти — до такой степени, что какое-то время «семейные» в той или иной степени (веха — уход Волошина) продолжали рулить. О физических, экономических и тем более юридических (специальный указ) гарантиях клану и его главе я уже и не говорю. Разумеется, со временем, создав нечто вроде собственной базы и играя на противоречиях кланов, Путин существенно ослабил хватку «Семьи» на своем горле, однако в данном случае мы говорим о выполнении в 2000 году задачи, поставленной в 1999 году.

4

Налицо, по крайней мере внешне, и позитивный результат в сохранении целостности страны. Мы отползли от пропасти распада. Чечня замирена, там сидит вроде бы лояльный наместник. Республики с сепаратистским душком — Татарстан, Башкортостан — вроде бы не своевольничают. Региональным баронам указали их место, а губернаторов теперь вообще назначают. Все хорошо? «Живи да работай — хорошая жизнь!» Да что-то не хорошо: «будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит», навевая сомнения. Сомнения эти связаны с ценой вопроса, с тем, как и какой ценой достигнуто то, что выглядит как замирение немирных сепаратистов и успокоение сепаратистов мирных.

Чечня, по сути, получила такую автономию, о которой Дудаев и Масхадов и мечтать не могли; о финансовых вливаниях, порой похожих на дань, я уже не говорю, равно как и об усилении позиций ведущих чеченских кланов за пределами республики, на Кавказе в целом (с прицелом на российские масштабы). На самом Кавказе в целом очень и очень неспокойно. Поддерживаемые Москвой коррумпированные элиты (других нет) не контролируют ситуацию, в которой экономические, социальные, политические, национальные и религиозные проблемы сплетаются в один тугой узел, развязать который уже, пожалуй, невозможно, а разрыв чреват взрывом и кровью и окончательным превращением региона в «серую зону».

Республики с сепаратистским закидоном внешне приглушили его, поскольку получили «корзину печенья да бочку варенья» в виде почти безбрежной автономии (свои символы государственной власти, практически узаконенная этнократия, местный контроль над финансовыми потоками в пределах республики и многое другое). Пока что это гарантирует лояльность местных верхушек, а вместе с ней — де-факто целостность страны. Но насколько прочны такие гарантии? История поздних эпох крупных политий — от Римской и Британской империй до Российской империи и СССР — показывает, что не очень.

Далеко не все действия центральной власти по ужесточению контроля над региональными верхушками диктовались стремлением укрепить целостность страны и вертикаль власти. Нередко за этим, по крайней мере косвенно, стояла не столько политическая, сколько экономическая или даже классовая причина — ослабление позиций региональных властей перед лицом центральной плутократии как слоя, реализующего свои интересы в процессе передела власти и собственности.

Сухой остаток: да, в настоящий момент, в краткосрочной перспективе РФ более не находится на грани распада. Однако достигнуто это такими средствами и уступками, которые, во-первых, закладывают долгосрочный фундамент для центробежных тенденций; во-вторых, предоставляют этнократиям такие привилегии, которые способствуют экспансии последних далеко за пределы своих республик и прежде всего — в традиционно русские области. И это при отсутствии до сих пор фиксации государственно-правового статуса русских. Короче, целостность государства сохранена, но не ценой ли скрытой балканизации в будущем?

5

Следующая задача на весах нашего «балансового отчета» — консолидация элиты, замирение ее верхних и средних слоев. По сравнению с ней вторая и особенно первая задачи — это, процитируем Конька-Горбунка, «службишка, не служба». Вообще, нужно сказать, что Путин — не первый русский правитель, сталкивающийся с задачей «консолидации элит». Ее должны были решать многие — Иван Грозный, Михаил Романов, Петр I, Екатерина II, Николай II, Сталин, Хрущев, Брежнев. Удачно и мирным способом решили вопрос Михаил Романов, Екатерина II и Брежнев. У них был мощный материальный ресурс, «вещественная субстанция» — люди (крепостные) и земля у Михаила и Екатерины II; сталинский фундамент, нефтедоллары и полуразрешенная, несистемная «коррупция» (не сравнимая, естественно, с нынешней, которая носит системный, если не системообразующий характер) у Брежнева. Всем трем в большей или меньшей степени благоприятствовала международная обстановка

Николай II провалился — он не смог интегрировать разлагающееся дворянство и буржуазию с печатью разложения на социальном челе; впрочем, это вряд ли было возможно как по социальным, так и по экономическим причинам, не говоря уже о международной ситуации, — что не снимает ответственности с Николая за бездарную политику. Особенно если по контрасту сравнить его с Иваном IV, Петром I и Сталиным. Эта «тройка», во-первых, оказалась в крайне тяжелой ситуации внутри страны и вне ее, во-вторых, под руками имела плохо консолидируемую элиту, да и с ресурсами было не густо. То есть попытка простой, стандартной консолидации оказалась бы провальной. «Тройка» пошла иным, нестандартным путем — погром, оттеснение, уничтожение старой элиты и создание новой, которую консолидировали огнем и мечом, вываривая и проваривая в чистках и тяжелых испытаниях. Результат — создание Московского самодержавия, Петербургского (и империи), Советского Союза как сверхдержавы.

Консолидация верхов в начале XXI века протекала в острейшей борьбе центроверха с наиболее сильными, активными и горластыми их представителями, главной целью которых было окончательное превращение государства в функцию не просто бизнеса, а бизнеса нескольких лиц. Президенту, в таком раскладе, они в своих местечковых представлениях о русской истории и головокружении от успехов при Ельцине отводили роль чего-то среднего между марионеткой и зиц-председателем — ситуация, которую не потерпит ни один персонификаторцентральной власти в России. Результат — в 2001 году ушли Гусинский и Березовский, пытавшиеся подмять под себя и для себя триаду «бизнес — власть — СМИ». В этом, кстати, они не выражали интересы плутократии как слоя — только свои, еще и поэтому были обречены.

Следующая попытка подмять центральную власть была предпринята более широкой группой «олигархов» во главе с М.Ходорковским. Здесь интересы плутократии как слоя просматриваются более отчетливо, хотя и в этом случае на первом плане были интересы главным образом четырех-пяти кланов, как это имело место в противостоянии знати царской власти во времена Ивана IV и Анны Иоанновны («затейка» — так назвали эту попытку олигархов XVIII века ограничить самодержавие, а точнее, ввести коллективное самодержавие нескольких кланов) — не классовый и даже не общесословный интерес, а

сумма нескольких частных, клановых интересов. Результат тот же — «затейка» с финалом, который, по Высоцкому, «не трагичен, но досаден» — для ее авторов.

Логика «затейников» образца 2003 года проста: президентская власть была нужна как прикрытие и гарантия приватизации. Обеспечив приватизацию до определенного уровня, то есть сыграв свою «историческую роль», она становится лишней или даже начинает мешать тотальной приватизации — последняя требует полной олигархизации власти. Отсюда — поворот «затейников» в сторону парламентской республики, которая должна была стать всего лишь фиговым листком для царства плутократии, для ЗАО «государство РФ».

Ясно, что ни одного правителя такая прямая, явная и наглая угроза не могла оставить равнодушным, надо было защищать себя — и автоматически — президентскую власть. «Он бил, чтобы не быть битым», — сказал Ключевский об Иване IV, которого спровоцировала боярская олигархия, и он стал Грозным царем. «Затейники» спровоцировали Путина, и из PR-продукта, за который они его держали, он стал превращаться не просто в президента, но в представителя русской власти, единодержавной по принципу своей конструкции. Результат прост — главари «затейников» отправились кто на цугундер, кто за границу, «в бега», а остальных построили. И оказалось: достаточно русской власти показать зубы — и вчера еще высокомерные барыги втягивают головы, как школьники на линейке. Или, по крайней мере, делают вид.

Из «затейки-2003» Путин, по-видимому, сделал два главных вывода. Политику и бизнес необходимо развести, жестко пресекать политические поползновения плутократии (чтобы даже думать об этом не смели), усиливая ее при этом экономически как слой в целом (и сам по себе и в качестве источника средств); политика же, будучи монополией центральной власти, становится средством реализации среднесрочных (в идеале — долгосрочных) интересов слоя в целом, позволяя подниматься над слоем наиболее лояльным и проверенным, готовым стать функцией власти. Это была попытка расширить социальную базу путем консолидации новых господствующих групп на экономической основе. Отсюда усиление сырьевой ориентации экономики («великая энергетическая держава»), новый виток неолиберальныхреформ (ср. с раздачей земли и крепостных Михаилом и Екатериной), активное лоббирование интересов бизнеса РФ за рубежом.

Здесь, однако, возникли проблемы. При любых попытках опоры на целый слой всегда выделяется наиболее опорная группа, которая «равнее других». Такой группой — ситуационно-исторически — стали на какой-то момент так называемые «питерские силовики», на которых президент оперся в борьбе с «плутократами-затейниками» и которые производили зачистку после победы. На этой зачистке, по сути, сформировались несколько (как минимум два) новых клана, которые стали выступать в качестве новых самостоятельных итугроков, что не только усложнило, но и обострило ситуацию и во многом повернуло даже робкую консолидацию верхов вспять. К тому же разделение бизнеса и политики так и не было доведено до конца.

Хотя разделительная линия в РФ между чиновниками и бизнесменами существует, она, во-первых, носит пунктирный, а то и виртуальный характер; во-вторых, легко преодолевается «в зоне неправа» (Э.Баладюр), во внелегальном измерении. Чиновники и бизнесмены вроде бы представляют отдельные группы, но они довольно легко меняются местами. Эта ситуация хуже и чем просто обособление функций/ролей, и чем их полное слияние; она в принципе исключает возможность консолидации — как консолидировать текучий элемент? Когда-то Ключевский назвал народ текучим элементом русской истории. Теперь таким элементом стала власть, точнее, властесобственность, и чем больше «собственнический» сегмент, тем те кучее.

Сегодня несколько иначе (причины иные, иной социальный и человеческий материал), в карикатурном виде повторяется ситуация, на которой «погорел» Николай II. Он не смог консолидировать в некое целое дворянство и буржуазию, настроив против себя и первое,

и вторую, что стало одной из главных причин крушения оказавшегося в изоляции, почти в вакууме самодержавия. Нынешнюю «элиту» тоже не удалось консолидировать, причем не только из-за ее кланово-региональных различий, но и из-за ее двойственной, «тянитолкайской» социальной природы — чтобы объединиться, надо разъединиться, Ленин был прав. Но именно такого разъединения не допускает политэкономия современного строя РФ, когда первоначальное накопление капитала блокирует капиталистическое накопление со всеми вытекающими последствиями.

Со всей очевидностью высокая степень разъединенности, неконсолидированности нынешних господствующих групп проявилась в событиях последних месяцев. О чем конкретно речь? Во-первых, о ситуации вокруг темы «преемник» — кланы не могут договориться, а институциональным, безличным способам передачи власти доверия нет. Во-вторых, неконсолидированные верхи — плохая властная база. Думаю, именно этим обусловлен вынужденный (ибо в России правитель по определению должен быть надпартийным) шаг Путина — возглавить список «Единой России» — иной опоры не нашлось. В то же время для самой партии, то есть доминирующего сегмента начальствующей элиты, главной опорой оказывается президент, власть, а не какая-то социальная группа.

То, что задача консолидации элит сверху не решена, есть не столько вина, сколько беда президента. Во-первых, в его руках нет ни «вещественной субстанции» — так, чтобы хватило на большую часть господствующих групп, ни репрессивного аппарата чрезвычайного типа. Во-вторых, глобализация объективно усиливает позиции «олигархии», разные кланы которой «подключены» к различным сегментам мирового капиталистического истеблишмента, по отношению к центральной власти, которая к тому же сама в таких условиях олигархизируется. Наконец, третья причина, обусловившая неудачу и незадачу консолидации, — социальное и психоисторическое качество объекта консолидации. Одно дело консолидировать элиты восходящих господствующих слоев. Совсем другое — попытки консолидации таких «элит», которые суть продукт политико-экономического и морального разложения, социальной деградации, «одинокая толпа» (Д.Рисмэн), лишенная коллективной психологии и коллективных представлений и ориентированная только на профит, на краткосрочный интерес. А ведь консолидация элиты в качестве conditio sine qua non требует подчинения краткосрочных интересов долгосрочным, частных и клановых — целостным и общим.

Постсоветские господствующие группы не конституируют целостного правящего слоя и не объединены коллективными ценностями, связанными со служением общему делу (пусть даже собственному «классовому», но взятому в целостной и долгосрочной перспективе), чаще всего не имеют национальной ориентации ни в экономическом, ни в социокультурном (психоисторическом) плане. Как и на какой основе консолидировать людей с принципиально антиколлективистской, индивидуально-стайной психологией маргиналов и трофейщиков-мародеров, лишенных сословной (групповой) чести, долгосрочных целей и иных мотивов и ценностей, кроме материально-экономических (гешефт и профит), формирование которых к тому же нередко происходило в более или менее тесном контакте с криминальной средой или, скажем мягче, еще раз воспользовавшись метафорой Э.Баладюра, в «зоне неправа». Такую верхушку нельзя консолидировать, ее можно только сменить в духе трех апостолов русской власти Ивана — Петра — Иосифа.

Нынешняя ситуация во многом эквивалентна таковым Ивана IV, Петра I, Сталина, с одной стороны, и Николая II, а отчасти Керенского и Горбачева — с другой: неконсолидируемые (или с трудом консолидируемые) элиты, сложная международная обстановка, жесткое внешнее давление. История показывает, что из этой ситуации есть только один реальный выход — волевое, субъектное, с опорой на ту или иную форму «чрезвычайки» и/или движение масс действие по созданию (рождению)

новой элиты на месте старой. В противном случае — гибель власти, крушение системы, распад страны.

6

Пожалуй, наиболее отчетливо социальная природа строя, сложившегося за последние годы, проявилась в решении третьей задачи — отношения верхов и низов. За последние 7–8 лет неолиберальная приватизация пришла туда, где в 90-е годы прошлого столетия ее и близко не было. Дело, однако, не обстоит так, что при Ельцине было хорошо, а при Путине стало плохо. Суть в ином: послеельцинский режим в социально-экономическом плане в целом есть развивающее продолжение ельцинского режима на достигнутом им фундаменте и в новых условиях. В свою очередь оба постсоветских режима вписываются в логику развития страны с 70-х годов (брежневская эпоха), с одной стороны, и мировой системы все с тех же 70-х (начало мировой неолиберальной революции или, если угодно, контрреволюции, восстания элит против средних, рабочих и низших классов).

Главный итог социально-экономического курса последнего восьмилетия — если не разрушение, то мощный подрыв, демонтаж социального государства (кстати, прописанного в конституции — в этом одно из явных противоречий этого курса) и связанной с ним социальной структуры. Последовательно и жестко снимая с себя социальные и национально-государственные обязательства, превращаясь из нации-государства в корпорацию-государство*, государство, подчеркну, рушит не только социальную сферу, но и структуру постсоветского общества, само это общество, атомизирует и хаотизирует последнее, блокирует возможности структуризации («социум-каша»).

В отсутствие не просто эффективных, а нормальных форм социальной организации и институтов место последних наверху занимает коррупция, а внизу — криминализация, переплетающиеся друг с другом в качестве форм самоорганизации, конституирующего типа социальной связи в атомизированном обществе, в котором к тому же легальные формы работают плохо или вовсе не работают.

Коррупция прогрессирует в течение всего постсоветского периода и уже приобрела системный характер. В начале XXI века РФ, согласно данным организации «Transparency international», занимает 127-е место по степени коррумпированности (всего в списке — 174 страны; для сравнения: Бразилия — 70-е место, Китай — 71-е, Индия — 74-е; имеется в виду, что чем ближе к первому месту, тем степень коррумпированности меньше). По данным фонда «Индем», объем коррупционных денег в России превышает бюджет в 2,5–2,7 раза; как отмечают специалисты, в последние год-два стандартный размер взятки в РФ вырос в 13 раз, объем коррупционного рынка — в 9 раз.

Власть наносит точечные удары (за время президентства Путина, по данным В.С. Овчинского, были обвинены и осуждены или привлечены в качестве свидетелей 15 губернаторов, глав республик и председателей областных правительств, 22 вице-губернатора, 15 мэров, 9 вице-мэров краевых, областных и республиканских центров, 2 спикера городских Дум), однако, разумеется, это не может системно решить проблему: «снайперы» не годятся там, где нужны «катюши».

Растет и криминализация. По данным того же В.С. Овчинского, с 1981 по 2001 год число преступлений росло на 1 млн каждые 10 лет; в 2002 году был принят новый Уголовный кодекс, и число преступлений увеличилось на 1 млн всего за три года. Это означает, что соответствующие структуры либо не способны бороться с преступностью, либо не делают этого. В 2005 году РФ вышла на первое место в мире по количеству убийств на долю населения — 21,5 на 100 тысяч. Криминализация — другая, темная сторона неолиберализации в странах с невысоким уровнем совокупного общественного продукта.

Неолиберальный экономический курс концентрирует богатство на одном краю спектра (для меньшинства) и бедность — на другом краю (для большинства), что находит отражение в стремительном и колоссальном росте экономического неравенства. Можно приводить много цифр, ограничусь децильным коэффициентом (соотношение доходов 10% наиболее богатых и наиболее бедных). В СССР он был 3,5; в РФ середины 90-х — 13, в 1999 году — 15, в 2006 году — 22 (в Москве — по разным подсчетам — от 40 до 60). Это показатель высокого уровня социальной небезопасности. Не потому ли власть так боится праздника Октябрьской революции?

Неолиберальная система больнее всего бьет слабых и бедных. Если учесть, что в РФ из 140 миллионов 60% — это пенсионеры, дети и инвалиды (данные газеты «Труд»), то совершенно ясно, что огромный социальный пласт автоматически отсекается от общественного пирога. В 2007 году зафиксирован самый низкий уровень пенсий с момента выхода Закона о государственных пенсиях. Если в РСФСР в 1990 году (то есть в советские времена) коэффициент замещения зарплаты пенсией составлял 55%, то в РФ в 2007 году — 26% — и ни в чем себе не отказывай, выживай на пенсию, которая ниже прожиточного уровня, и так искусственно заниженного до 60 руб. в день, короче — die hard.

На другом возрастном «конце» среди лиц моложе 18 лет — 4,8 миллиона больных-хроников, 4 миллиона беспризорников, 2,4 миллиона умственно отсталых, неспособных окончить школу. Неудивительно, что по индексу человеческого развития РФ съехала с 60-го места в 2000 году на 65-е в 2006 году (СССР в 1990 году занимал 32-е место); по уровню здравоохранения РФ скатилась на 125-е место; рушатся наука, образование, армия (три последние сферы имеют непосредственное отношение к формированию национально ориентированной элиты). И это на фоне стремительного роста, во-первых, числа миллиардеров — 34 в 2006 году по сравнению с 25 в 2005-м; во-вторых, запасов Стабфонда, которые обогащают верхушку РФ и целые сегменты мирового капиталистического класса. И богатство сильных мира сего будет расти.

Что касается слабых мира сего, то в РФ на ближайшей повестке дня (2008–2010 годы) — повышение тарифов на коммунальные услуги на 20% в год, стоимости электроэнергии на 14 –18%, на газ на 25–27%, на проезд по железной дороге на 12–14%, при этом обещание роста зарплаты — на 8–10% (без учета инфляции!).

Кто-то может сказать: но есть и действия властей, противоположные неолиберальной приватизации, — национализация. Но не все то золото, что блестит. Да, действительно «государственный» «Газпром» купил у Р.Абрамовича пакет акций «Сибнефти», прошло еще несколько сделок такого типа. При этом, однако, государство покупает «пакеты» по намного более высокой цене, чем та, по которой оно продавало их частным лицам (так, в 1995 году контрольный пакет акций «Сибнефти» был продан государством за 100 млн долларов, а выкуплен почти десять лет спустя за 13 млрд долл.). Разница становится государственным долгом, который дополнительным бременем ложится на население (косвенная эксплуатация), а корпорация и чиновники кладут деньги в карман. Ничего общего с реальной национализацией это не имеет, перед нами превращенная, скрытая форма неолиберальной приватизации, которую должны оплатить лохи, причем дважды.

Удивительно вот что: люди, занимающиеся бизнесом, не способны спроецировать на общество один из базовых принципов функционирования любой компании или корпорации. Как заметил в книге «Как быть крысой» Й.Сгрийверс, служащие никогда не будут лояльны компании, «существующей лишь для того, чтобы обогатить ее владельцев». То же и с обществом. Разве будут ощущать люди не то что лояльность, а просто какую-то связь с властью, которая существует для самообогащения, причем за счет обеднения основной массы населения? И социальная база у такой власти будет сужаться, чему в немалой степени способствуют процессы социальной дезинтеграции.

Идущие по нарастающей неолиберальные реформы не позволяют сформироваться среднему классу, размывают социальную середину, разрушают и разлагают нижнюю часть общества; таким образом, идет разложение не только верхов, но также середины и низов — общее разложение и деморализация социума, чему в немалой степени способствуют телевидение и «желтая пресса». Моральный кризис постсоветского общества в 2007 году выражен более отчетливо, чем, например, в 1997 году. И кризис этот, безусловно, отражает кризис социальный. Похоже, что в ходе и посредством этого кризиса формируется новый тип общества. Какой — пока сказать трудно, есть удачная метафора — «общество либер-панка». В любом случае сегодня процессы социального распада обгоняют процессы социальной организации. Так уже было в истории России в начале XX века, когда большевики сделали нестандартный ход — не стали обуздывать дезорганизацию, оседлали ее, довели, ускорив, до логического конца, а потом начали создавать свою организацию. Правда, советский социум строился не в условиях глобализации. Впрочем, и последней вечность вовсе не гарантирована.

7

Весьма противоречивую картину являют результаты отношений РФ с внешним миром за последние 7–8 лет. С одной стороны — несколько всплесков антизападной риторики, участие в ШОС, нервирующее часть американского истеблишмента, критика американской агрессии против Ирака, укрепление позиций РФ в Центральной Азии и ряд других изменений. С другой стороны — сдача баз в Лурдесе и Камрани под малоубедительным предлогом дороговизны их содержания («Челси» стоит дешевле? Можно ли оценивать стратегические интересы в деньгах — разумеется, если такие интересы есть), появление американских баз в Центральной Азии при спокойно-понимающем отношении к этому Путина. Правда, базы были бы размещены в любом случае — РФ никто бы спрашивать не стал, здесь мы скорее всего имеем дело с хорошей миной при плохой игре, по крайней мере отчасти. Отчасти — потому что возможно еще одно соображение: если американцы решили плотно влезть на Ближний Восток и в Центральную Азию и мы ничего не можем этому реально противопоставить, посторонимся — по принципу дзюдо — и позволим им влезть и увязнуть, что ослабит давление на нас. Если соображения были таковы, то в них есть резон. Тем более что коридор внешнеполитических возможностей, имеющийся у Путина благодаря деятельности Горбачева, Ельцина и шеварнадзевско-козыревской«дипломатии», той «геополитической катастрофы» (выражение нынешнего президента), в устройстве которой они сыграли огромную роль, крайне узок — не развернешься. В такой ситуации надо пользоваться тем, что есть, например, выдавливать американцев из Центральной Азии с помощью Китая. Другой вопрос, не получится ли так, что потом надо будет выдавливать Китай, а делать это будет нечем и не с кем.

И еще один вопрос по поводу успехов РФ в Центральной Азии: это успехи государства или определенных корпораций, решающих свои проблемы под маскхалатом государства, успехи ЗАО «государство»? Над этим вопросом стоит подумать, оценивая результаты политики РФ в Центральной Азии. Но даже если признать их успехом государства, то довлеющим фоном этого частичного успеха будет общее ослабление позиций РФ в постсоветской зоне по сравнению с 90-ми годами XX века. Не видно, чтобы у нынешней РФ была какая-то внятная, то есть стратегически выверенная политика в ближнем зарубежье, очевидные следствия — проблемы с Украиной, Молдавией, Грузией и даже Белоруссией. Ситуация в отношениях с Латвией, Эстонией и Туркменией (при Туркменбаши), где третируют русских, а если говорить о прибалтийских карликах, то вовсю пытаются вытирать ноги и о саму РФ, свидетельствует о примате корпорационных и плутократических интересов по отношению к государственным и

национальным, о наличии, помимо внешней политики РФ, внешних политик корпораций, ведомств, кланов и иных структур (впрочем, то же мы имеем, например, в США).

Сегодня, как и при Ельцине, у России нет союзников в дальнем зарубежье; за последние восемь лет их практически не осталось в ближнем зарубежье. Более того, РФ далеко не всегда выступает в качестве арбитра на постсоветском пространстве. Возможно, СНГ и должно было отойти в мир иной, но произошло это именно в последние годы. Можно ли признать внешнеполитический баланс последних лет положительным? Сомневаюсь. Другой вопрос — мог ли этот баланс теоретически быть положительным? Тоже сомневаюсь. Не сомневаюсь в том, что в принципе не все сделано, чтобы он стал положительным.

8

Если от конкретики и статистики перейти на уровень теории, то очевидны три результата уходящего восьмилетия:

— деполитизация общества;

— десивилизация общества (ослабление и упадок гражданского общества);

— маркетизация политики — внутренней и в какой-то степени внешней, то есть вытеснение политических и национально-государственных составляющих рыночными, бизнесом.

Вообще деполитизация и десивилизация общества начали развиваться с октября 1993 года, и к концу 90-х плутократия в значительной степени преуспела в подрыве как политической сферы, так и гражданского общества — и та и другое были приватизированы «семьями» плутократов. В последние 7–8 лет этот процесс ускорился и углубился, и многое в курсе центральной власти работало и работает на такой результат, когда политика превращается в административно-рыночно-репрессивную деятельность, а гражданское общество сжимается до «общественной палаты». И тем не менее нельзя сказать, что это на 100% результат сознательного курса на сужение гражданской и политической сфер. Во многих отношениях это системный и объективный, не зависящий от злой или доброй воли процесс, у которого сильные русские и мировые корни.

Суть в том, что и политика, и гражданское общество — феномены, нехарактерные для русской истории и русского общества. Оба эти феномена возникли на Западе (политика — в XVI–XVII веках, гражданское общество — в XIX веке). Они — роскошь и одновременно орудие западной цивилизации для решения ее проблем. Для решения русских проблем ни политика, ни гражданское общество не годятся, они у нас не работают. В отличие от западной, в истории русской они появляются как продукт и признак разложения системы, социального упадка. Очаги гражданского общества впервые появились в России в 70-е годы XIX века и исчезли в 1917 году; политика в строгом смысле слова возникла в 1905 году и кончилась в 1917–1918 годах (формально с «мятежом» левых эсеров, по сути — с разгоном «учредилки»). Подчеркну, что и гражданское общество, и политика в пореформенной России носили уродливо-ублюдочный, часто фарсово-карикатурный характер.

Второе пришествие политики и гражданского общества — еще более фарсовое и уродливое — состоялось в конце 80-х годов прошлого столетия как результат разложения советского коммунизма. На этот раз они оказались еще более слабыми и менее жизнеспособными.

Русская история показывает, что по мере формирования ее новых структур социальное пространство политики и гражданского общества сжимается. Иными словами, в русской истории гражданское общество и политика суть показатели упадка и регресса системы, а не подъема и прогресса. Русские проблемы, будь то снизу или сверху, не решаются ни политическим, ни гражданско-общественным способом. Это не хорошо и не плохо — это реальность.

Впрочем, и на современном Западе нарастает процесс если не упадка, то ослабления-отступления нации-государства, политической сферы и гражданского общества. Связано это с неолиберальной трансформацией позднего капитализма, который перестает нуждаться во многих прежних своих институтах, структурах и сферах и начинает обеспечивать проблемы капиталистического накопления иными способами. В этом плане у деполитизации и десивилизации постсоветского социума — не только русские властные корни и причины, но и мировыенеолиберальные: неолиберальному brave new world'у ни политика, ни гражданственность не нужны, и легче всего они искореняются там, где никогда не были сильны.

С неолиберальной глобализацией связан и развернувшийся особенно активно в последние годы процесс маркетизации внутренней и отчасти внешней политики РФ. Вообще-то этот процесс — процесс вытеснения политических интересов государства экономическими интересами различных групп и корпораций — идет во всем мире. Идет он и в РФ. Многие политические комбинации в РФ, политика РФ в СНГ и в «дальнем зарубежье» — все это преследует экономические цели, причем нередко вовсе не государства, а отдельных кланов, компаний или групп лиц. И это далеко не только сегодняшняя русская тенденция, а частный случай проявления общемировой тенденции деполитизациипосредством экономической приватизации и приватизации власти. Об этой тенденции немало говорят и пишут на Западе (например, Ч.Льюис — руководитель американского «Центра общественной чистоты» и многие другие).

9

В завершение хочу отметить следующее. РФ в своем развитии подходит к очень важной развилке, точке бифуркации, выражаясьпригожинским языком. Проедание советского наследия подходит к концу и, по-видимому, будет завершено к середине следующего десятилетия (аккурат к 2017 году?), а возможно и раньше. После этого дальнейшее развитие РФ может пойти одним из двух путей. Либо центральная власть будет решать общесистемные проблемы за счет усиления экспроприации и депривации населения, что чревато взрывом и распадом страны, либо за счет экспроприации огромного паразитического слоя коррумпированных чиновников и плутократов; это чревато внутриэлитнойвойной с подключением к ней криминала и этнократий внутри страны и внешних сил. То есть оба варианта опасны и чреваты серьезными последствиями. Попытка отказаться от выбора, потянуть время дает ситуацию Николая II, Керенского, Горбачева.

Вообще, судьбоносные повороты и моменты в русской истории, повороты, ведущие к формированию новых систем, происходили именно тогда, когда проедалось наследие (прежде всего материальное) предыдущей эпохи и вставала задача большого передела с ленинским вопросом «кто — кого». Таких моментов было два — в 60-е XVI века и в 20-е годы XX столетия.

В первом случае было проедено наследие удельно-ордынской Руси (прежде всего, исчерпан земельный фонд для раздачи поместий), и власть посредством опричнины создала самодержавие — новую, центрально («государственно») ориентированную форму власти, ограничивавшую аппетиты тогдашних «олигархов» из нескольких кланов Рюриковичей и Гедиминовичей.

Второй случай — это ликвидация группой Сталина уродливой рыночно-административной системы НЭПа (треугольник «комначальник — руководитель треста — нэпман в качестве барыги») в конце 20-х годов XX века, когда стало ясно, что дореволюционное наследие проедено и впереди — олигархизация комвласти на коррупционной основе, сырьевая ориентация экономики, финансовая и политическая зависимость от Запада — весь набор постсоветских прелестей. Выбор группы Иосифа Грозного, как и Ивана Грозного, совпал с общенациональными задачами страны.

Сегодня мы накануне третьего поворотного момента в русской истории — национальный versus криминально-плутократический (с распадом, криминально-гражданскими войнами, неохазариями и неоордами и т.п.) варианты развития. По сути, этот выбор обозначился уже в 1999–2000 годах, однако, при всех тенденциях к развитию во втором направлении, окончательный выбор за время президентства Путина так и не был сделан, он остался в качестве наследия преемнику. Последний (даже если им вдруг окажется сам Путин — далеко не худший вариант) уже не сможет передать его дальше — нет времени, и это, пожалуй, первый «метафизический» итог восьмилетия — упущенное время. Конечно, Путину пришлось действовать в крайне неблагоприятных внутренних и внешних условиях, резко ограничивающих возможности политическойсубъектности. Но верно и то, что президент избрал неолиберальный экономический курс как средство преодоления этих условий, а этот курс входит в острое противоречие с сохранением социальной и государственной целостности РФ. Чем-то придется жертвовать. Сам императив выбора — еще один «метафизический» результат президентства Путина.

Третий «метафизический» результат президентства Путина заключается в расставании с советизмом (даже в его постформе). За последние 7–8 лет почти окончательно ушла в прошлое эпоха, стартовавшая в середине 70-х годов и характеризовавшаяся сырьевой переориентацией советской экономики, началом превращения номенклатуры и ее явных и теневых прилипал в квазикласс и ослаблением позиций СССР на мировой арене. И дело не только в том, что за последние годы еще более ослабли позиции РФ в мировой политике, а в значительной части СНГ проведена по сути зачистка от России. Дело и в том, что за эти годы встало на ноги и вошло в жизнь поколение, либо не знавшее советской жизни, либо формировавшееся в период ее разложения, поколение, не прошедшее советскую образовательную школу, советскую армию, советские структуры повседневности, поколение, не «болевшее» за успехи советского спорта и, по сути, не получившее «объектов», которыми можно гордиться. Более того, это поколение, которое во многих отношениях вообще не имело опыта упорядоченной (хотя бы на советский лад) социальной жизни и для которого совстрой — почти такое же прошлое, как российское самодержавие. Под советской эпохой подведена черта.

Но в то же время и в мировой системе заканчивается эпоха, стартовавшая в середине 70-х годов, эпоха, главной характеристикой которой были понижательная волна Кондратьевского цикла, неолиберальная (контр)революция, «восстание элит» (против среднего класса и низов), то есть наступление верхов на низы, ужесточение эксплуатации в капсистеме, возвращение последней к ситуации «железной пяты» начала XX века (в этом плане возвращение РФ по многим социальным и экономическим показателям в Россию начала XX века — часть мирового тренда, чем, правда, едва ли можно гордиться).

В ближайшее время должен начаться демонтаж-трансформация системы мировой торговли, которая начала складываться в середине 70-х, — об этом уже говорят открыто западные политики (см., например, выступление премьер-министра Великобритании Гордона Брауна 24 ноября сего года на переговорах с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом). Этот процесс не может быть не чем иным, как стартом болезненного, конфликтного и крайне опасного демонтажа западными верхушками отжившего свое капитализма и создания на его месте нового — посткапиталистического, — но вовсе не эгалитарного и свободного от эксплуатации общества, которое в чем-то может напоминать нынешнюю РФ, по хитрой диалектике мирового развития забежавшую вперед и своим «либер-панком» в брутальной форме демонстрирующую Западу кое-что из его будущего.

В одной временной точке — первое десятилетие XXI века — сошлись концы двух эпох русской (советской) и мировой истории, сделав эту точку крайне сложной, плотной, перенасыщенной социальным динамитом, а потому готовой взорваться. Президентство Путина пришлось именно на эти годы — годы мирового великого перелома, когда «век вывихнут». В последний раз в русской истории такое

«вывихнутое»взаимоналожение концов двух эпох — русской и мировой истории — имело место в начале XX века, оно пришлось на царствование Николая II, который к концу царствования оказался почти в вакууме и был сдан ближайшим окружением, — эту ситуацию можно охарактеризовать строками из песни группы «Би-2»: «Полковнику никто не пишет, полковника никто не слышит».

Андрей Ильич Фурсов родился в 1951 году. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Кандидат исторических наук. Директор Института русских исследований Московского гуманитарного университета, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН. Специалист по русской истории, истории капиталистической системы, сравнительно-историческому анализу, геополитике. Автор около 200 научных публикаций (включая 9 монографий).

Москва, январь 2008

http://www.zlev.ru/173/173_11.htm

Капитал (замогильные записки).

18.04.2008

На первый взгляд кажется, что капитализм – это просто: рациональность, схема «товар – деньги – товар», наемный труд, промышленность, где все или почти все можно выразить в цифрах и посчитать, все свести к количеству. Недаром то, что потом стало «политической экономией», У. Петти назвал «политической арифметикой». Но все это так просто лишь на первый взгляд. Действительно ли всё при капитализме можно свести к количеству? Всё. Кроме одного – самого капитализма, капитализма в целом.

То, что называют «элементами капитализма», существовало почти во всех развитых «докапиталистических» обществах, в том числе и тех, которые капиталистическими так и не стали. Не случайно генезис капитализма – до сих пор нерешенная проблема социальной теории, будь то либеральная или марксистская. Как честно признал один известный западный специалист по экономической истории, мы буквально по минутам изучили экономическое развитие Европы, но до сих пор не понимаем, как и почему возникает капитализм.

Еще одна странность капитализма как системы заключается в том, что, функционируя, капитализм уже «от себя» порождал формы, которые, хотя и выполняли свою функцию в капиталистической системе, по содержанию являлись «докапиталистическими» (плантационное рабство, латифундии, мелкотоварное производство). Более того, сам капитал легко превращался в не-капитал, просто в богатство там, где ему не противостоял наемный труд. В результате – парадокс: к концу XIX в. капиталистическая система пришла с большим количеством «докапиталистических» укладов, чем их было в ней, скажем, в XVII в. Таким образом, мировой капитализм смог реализовать себя только в качестве мировой многоукладной (т.е. качественно неоднородной) системы, а не в виде единого качественно-однородного капиталистического общества. Капитал не мог стать и не стал единственной формой капиталистической собственности.

Более того, в капиталистическую эпоху, возникает системный антикапитализм – исторический коммунизм в лице СССР, а затем и «социалистического лагеря». В истории есть один парадокс, на который до сих пор почти не обращают внимание. Коммунистические идеи существовали в течение более чем двадцати веков, а коммунизм как социально-экономическая система, как «реальный коммунизм» возник только в XX в., в капиталистическую эпоху – как антикапитализм. В реальности коммунистические идеи воплотились только как антикапиталистическая система. «Антирабовладение» и «антифеодализм» никогда и нигде не возникали. Возник только антикапитализм. Это означает, что в самом капитализме есть нечто, что позволяет ему, по крайней мере, на определённой стадии его развития, существовать одновременно со знаком «плюс» и со знаком «минус». И даже не просто позволяет, а в какой-то степени требует этого, в результате чего возникает некий вакуум, зона для антикапиталистического мира. Россия – в форме СССР – заняла эту зону и реализовала себя в XX в. в качестве антикапитализма.

Капитализм постоянно создаёт некапиталистические уклады – сначала «докапиталистический», затем антикапиталистический, с которыми затем ведёт борьбу. При капитализме (и с ним) появляются не только новые социальные системы, но и такие феномены, которых раньше никогда не было – национальное государство, бюрократия, политика (как отдельная сфера жизни общества), наука (как институт) и многое другое. В эпоху капитализма, вместе с Великой французской и Великой промышленной революциями, на их фоне и как реакция на них, возникло принципиально новое, невиданное до тех пор явление – идеология. Причем не одна-единственная идеология, а

три разных (консерватизм, либерализм, марксизм). Религия в феодальной раннекапиталистической Европе была одна (христианство), а идеологий возникло три; более того, можно даже сказать, что идеология возникла как принципиально неединое, тримодальное явление.

Так же, как не было единого мирового («глобального») капитализма, не было единой и универсальной капиталистической идеологии. Несмотря на универсалистские претензии марксизма и либерализма, капиталистическая эпоха породила такое явление, как национализм. В эпоху капитализма появился такой фактор как возможность манипуляции историческим процессом господствующими группами с помощью «информационного оружия» (первая «марка» информоружия – Просвещение). Качественно усилилась роль властных «малых групп», которые объединились в различные организации и мощь которых росла пропорционально росту значения финансового капитала, с одной стороны, и организованных антисистемных сил, с другой. Институциализированное антисистемное движение – тоже уникальная черта зрелого капитализма, его роскошь.

В своём реальном функционировании капитализм производит одну важную операцию. Многое из того, что в докапиталистических системах выступает в качестве внешних по отношению друг к другу элементов оппозиции, как противоречия внешнего порядка, капитализм превращает в свои внутренние противоречия, снимает их, создавая таким образом мощнейший внутренний мотор развития.

Так, капитализм снимает противоречие между производством и обменом (базовое производственное отношение этой системы есть не что иное, как обмен рабочей силы на овеществлённый труд, капитал). Логическое и историческое развитие тоже становятся элементом внутреннего противоречия – наличие некапиталистических форм в капиталистической системе, явление глобальной многоукладности есть реализация логической модели капитализма, а не историческое отклонение от нее. Тем самым снимается внешнее противоречие между капиталом и некапиталистическими формами, последние становятся функциями первого, он легко превращается в них или в любую форму богатства, если ему в качестве контрагента не противостоит наёмный труд.

Капитализм – это постоянные революции, технические, экономические, социальные, политические, научные; революция становится решающей формой эволюции капитализма, тем самым противоречие между эволюционным и революционным аспектами развития снимается. Экономическая и военно-политическая гегемония в капсистеме совпадают, чего раньше, как правило, не было. Сверхперегруженность противоречиями придает капитализму фантастическую, невиданную, взрывную динамику, бешеные темпы развития (а следовательно, и относительно короткую жизнь).

Капитализм - это бомба противоречий. Ни одна социальная система не способна сдержать такой комплекс противоречий в локально-региональных рамках. Такие внутренние противоречия, которые возникли как превращенная и интериоризированная форма внешних оппозиций, можно решать только вне субстанциальных рамок системы, постоянно расширяя ее. Экспансия капитализма, таким образом, обретает тройной источник: мировая интенция и потенция самого капитализма; универсалистская тенденция христианского исторического субъекта; экстенсивно-экспансионистский способ решения проблем «общество - природа», характерный для всех систем Европейской цивилизации.

Только на мировом уровне, на уровне мира в целом можно превратить оппозиции и внешние противоречия антично-феодальной европейской старины во внутренние

противоречия капитализма; это должно делаться одновременно вовне и внутри капитализма. Капитализм, в отличие от локальных, завязанных на определённые комплексы натуральных производительных сил «докапиталистических» социумов, возникает не на страновом, а на мировом уровне, как система мирового взаимодействия.

Капитал (кесарево сечение)

25.04.2008

Существует много различных теорий генезиса капитализма. Всё это многообразие можно свести в две неравные группы. Одна группа – это теории (их очень немного), согласно которым возникновение капитализма – процесс в значительной степени случайный, конъюнктурный. Центральное место в этой группе занимает теория отца-основателя мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна. По его мнению, то из чего вырастает капитализм, существует во всех относительно развитых традиционных обществах. Однако последние успешно подавляют эти элементы и тенденции, поскольку они угрожают нормальному функционированию традиционного общества. Европа в этом плане провалилась.

Провал, результатом которого стало возникновение капитализма, был, с точки зрения Валлерстайна, обусловлен стечением конкретных исторических обстоятельств: упадком господствующего класса (сеньоров), упадком средневекового государства, упадком церкви и неблагоприятными для Европы изменения в характере международной торговли – прекращения нормального функционирования «шёлкового пути» в связи с окончательным распадом великой монгольской империи.

Однако Валлерстайну можно возразить: многие общества испытывали кумулятивный эффект упадка. Более того, Римская империя в III в. испытала аналогичные проблемы вплоть до разрыва в межрегиональной торговле из-за упадка Поздней (Младшей) династии Хань в Китае и Парфии, тем не менее, ни в Риме, ни в других местах капитализм почему-то не возник.

Вторая группа теорий представлена большим числом различных систем. Общее для них заключается в том, что возникновение капитализма в Европе – закономерный процесс. А вот факторы, которые его обусловили, в разных теориях указываются по разному.

Прежде всего, необходимо выделить социокультурные, или цивилизационные интерпретации, основоположником которых можно считать Макса Вебера, увязывавшего капитализм с протестантской этикой. Модный в своё время особенно в качестве альтернативы марксистской теории генезиса капитализма, подход Вебера постепенно сталкивался со всё более серьёзной критикой – как теоретической, так и конкретно-исторической, и в настоящее время имеет скорее проблемно-историографическое значение.

Следующее направление в группе «закономерников» представлено довольно пёстрым собранием концепций и теорий, авторы которых выводят капитализм из особого (или даже уникального) опыта развития той или иной системы (античной, феодальной) или даже страны (Италия, Англия). В страноцентричных теориях, особенно тех, что акцентируют роль и значение Англии много верных замечаний, однако проблема в том, что процесс генезиса капитализма был не страновым, а общеевропейским или даже североатлантическим (как писал Маркс, мировой рынок создал капитализм в той же мере, в какой был создан им).

В «системоцентричной» паре акцент на феодализме выглядит намного убедительнее акцента на античности, согласно которой главная причина появления капитализма в Европе – наличие в её прошлом антично-рабовладельческого строя; разложение феодализма якобы высвободило законсервированные элементы античности и они «выстрелили» капитализмом. Выходит, только обладающий античным наследием

феодализм мог породить капитализм.

Это крайне уязвимая позиция. Во-первых, по этой логике капиталистический прорыв в Европе должен был произойти в Византии и Италии, а он произошёл в Англии, где античное наследие было крайне слабым. Во-вторых, нигде в Европе нет преемственности между городами поздней античности и средневековья, с одной стороны, и феодальным городом и капиталистическим, с другой. В-третьих, никто не прояснил природу и статус «античных элементов» в феодальном обществе. Что это за элементы? Как они сохраняли античные характеристики в течение тысячи лет, будучи элементами иной, не античной системы? Как говорил Станиславский, «не верю».

Много верных замечаний и эмпирических обобщений сделали сторонники феодалоцентричного подхода к генезису капитализма. Они убедительно показали, что капитализм мог возникнуть из разложения только западноевропейского феодализма (впрочем, никакого другого не было), с которым тесно связан положительной и отрицательной преемственностью. На то, что капитализм – западноевропейское явление, указывал в своё время Маркс: «Историческая неизбежность этого (капиталистического. – А.Ф.) пути точно ограничена странами Западной Европы». Если учесть, что феодализм тоже ограничен Западной Европой и что между ним и капитализмом нет почти пятисотлетнего разрыва, хроноклазма, как между античностью и феодализмом (феодализм трансформировался в капитализм), то, очевидно, мы имеем дело с двумя последовательными стадиями одной цивилизации – западной. Вопрос только в том, почему и как в этой (и только в этой) цивилизации самостоятельно произошёл переход от традиционного и доиндустриального общества к капиталистическому и индустриальному.

Маркс объяснял возникновение капитализма так же, как и других формаций, т.е. социальных систем: производительные силы перерастают уровень развития производственных отношений, обостряются базовые социальные противоречия и система революционно взрывается под руководством передового прогрессивного класса, в случае с капитализмом этот класс – буржуазия. Здесь многое не так.

Во-первых, системы, как правило, умирают не в результате обострения противоречий – острота противоречия и есть мотор развития, – а в результате затухания, выработанности противоречия, что означает полную реализацию социогенетической программы и закономерный – летальный – исход от социальной старости.

Во-вторых, если бы Маркс был прав, то каждая последующая система стартовала бы с производительными силами, уровень которых превышал бы таковой предшественницы. На самом деле такого никогда не было. Например, феодализм достиг уровня развития производительных сил античности I-II вв. н.э. только в X-XI вв., а превзошёл в XI-XII – и то не во всём. Новоевропейское сельское хозяйство вышло на уровень позднесредневекового XIII – начала XIV в. (до эпидемии чумы – Чёрной Смерти) только в начале XVIII в.; производительность первых мануфактур была ниже производительности позднесредневековых цехов. Иными словами, в самом общем плане и Марксова версия, не говоря уже о вульгарно-марксистских советских схемах, не выдерживает критики.

А что же действительно происходило в Европе в XV-XVII вв., а ещё точнее – в «длинном XVI веке» (1453-1648 гг.) – и чуть раньше? Быть может, конкретная история позволит нам развеять либеральные и марксистские мифы о генезисе капитализма как возникновении более прогрессивного по сравнению с феодальным общества, как результата борьбы буржуазии и феодалов XVI-XVII вв. Для того чтобы лучше понять ситуацию, нам придётся обратиться к XIV в., точнее, к исследованиям последних 30-40 лет,

посвящённым этой эпохе.

В начале XIV в. Западная Европа достигла экономического плато в своём развитии. «Чёрная смерть» ещё более усугубила ситуацию, усилив сделочную позицию крестьянина и горожанина по отношению к сеньору. Попытка сеньоров повернуть эту тенденцию вспять привела к европейской антифеодальной революции 1378-1382 гг., которую марксисты и либералы, признающие лишь буржуазные и социалистические революции, раздробили на три различных региональных восстания – Уота Тайлера, «белых колпаков» и «чомпи».

И хотя восстания были подавлены, они надломили хребет феодализма и стали началом мощной волны наступления низов на верхи, которая длилась до 1520-х годов (крестьянская война в Германии), а затем отчасти пошла на убыль, отчасти стала элементом религиозных войн (1520-1640-е годы). В результате перед сеньорами замаячила мрачная перспектива такого социума, где им уготована роль членов многочисленного феодального (постфеодального) аграрного среднего класса, живущего в условиях нарастающей политической децентрализации.

Столкнувшись с выбором, по отношению к кому лучше утратить часть привилегий – к низам или к верхам, т.е. начав укреплять власть королей, превращая их в монархов, сеньоры в качестве наименьшего зла выбрали второе. Результат – появление во второй половине XV в. так называемых новых монархий (например, Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии). «Новые монархии» стали мощным орудием подавления низов и превращения феодалов в придворную знать, более или менее связанную с рынком.

Плавно и незаметно для самих участников социальные сражения за призы позднего феодализма (кабошьены, бургундцы и корона во Франции, войны Алой и Белой роз в Англии) превратились в борьбу за выход из феодализма. Уже в середине XV в. мы видим два конкурирующих варианта-потока, иногда, впрочем, ситуационно смешивающихся на какое-то время (классический случай – так называемая крестьянская война в Германии начала XVI в., менее очевидный – религиозные войны во Франции второй половины XVI в.), демонтажа феодализма – снизу и сверху. Главным агентом варианта «сверху» были «новые монархии» (типа Людовика XI во Франции и Генриха VII в Англии).

В конце XV в. открывают Америку, начинает формироваться мировой рынок и новое международное разделение труда. В Европу идёт поток американского серебра и золота. Происходит военная революция, которая вместе с «новомонархической» центральной властью и заокеанским богатством резко меняет социальную «сделочную позицию» в пользу экс-сеньоров, многие из которых посредством торговли теперь связаны и с мировым рынком и которые теперь могут усиливать эксплуатацию.

Побочным продуктом (сначала – рецессивной мутацией) всех этих процессов стал генезис капитализма. К середине XVII в. невиданная социальная драма 1453-1648 гг., которую до сих пор сводят лишь к генезису капитализма, великая социальная революция окончилась. Её финальными аккордами стали Тридцатилетняя война, английская революция (трагедия) и Фронда во Франции (фарс). Очевидным результатом этой революции стало формирование «барочной монархии» (мифологизированной историками XIX в. как абсолютистской). Менее очевидным, но с точки зрения общеисторической стратегии главным результатом оказалось сохранение в середине XVII в. у власти и «у привилегий» (пусть в обновлённой форме) большинства тех групп и даже семей, которые эту власть контролировали в середине XV в.

Второй тур капиталистической истории (1648 – 1789/1848 гг.) заключался в демонтаже постфеодального (но ещё не капиталистического) Старого порядка частью аристократии, буржуазии и низов. Оба тура – весьма различные по содержанию и целям – в середине XIX в. были заярлычены как единый процесс прогрессивного перехода от феодализма к капитализму (в результате почивший в бозе на Западе в XV в. феодализм был искусственно продлён до XVIII в.), как «буржуазные революции» (которых на самом деле нигде никогда как таковых не было). Более того, вовсе не буржуазия, а знать больше всего выиграла от изменений XV-XVII вв. и ничего буржуазного в этом выигрыше не было. Формировалось общество, где буржуазия была где-то на вторых-третьих ролях и где буржуазный уклад вовсе не был доминирующим.

Массовые движения ремесленников и крестьян, маргиналов («сволочи», как сказал бы И. Солоневич), направляемые буржуазией в своих интересах, но по своей сути столь же антибуржуазные, сколь антистаропорядковые – вот что сломало Старый Порядок и расчистило площадку для финансово-промышленного капитала, его идеологических и научных кадров, которые бросились стремительно переписывать и концептуально мифологизировать историю. В этом процессе активное участие приняли не только системные, но и антисистемные люди. Всё это либерально-марксистская схема истории, доминировавшая в том или ином виде последние 100-150 лет, представила в виде общего прогресса. Историческая реальность показывает: возникновение капитализма не было никаким общесоциальным прогрессом, для подавляющей массы это был регресс. Положение этих масс – в результате их борьбы – стало выправляться лишь с середины XIX в., достигнув пика в 1945-1975 гг. (причём за счёт усиления эксплуатации ядром «третьего мира», т.е. по поводу не только относительного, но и абсолютного обнищания пролетариев и полупролетариев Маркс был прав, если рассматривать капиталистическую систему, а не ограничиваться её ядром).

Возникновение капитализма стало побочным продуктом борьбы позднефеодальной верхушки за свои привилегии. В ходе этой социальной трансформации на месте феодализма с характерными для него отношениями личной зависимости возник Старый Порядок – строй, основанный на тесных связях землевладения, освобождённого от личной зависимости и общинного коллективизма. В значительной степени экономизировав производственные отношения и будучи тесно связан с мировым рынком, Старый Порядок по сути высвободил рынок и его агентов из социального целого, а сам из-за зависимости от мирового рынка оказался недостаточно стабильной структурой, который и смели революции эпохи Модерна.

Таким образом, генезис капитализма не есть результат качественного сдвига в развитии производительных сил. Это результат сложной цепи событий, в основе которых лежит системный кризис феодализма и систематические попытки верхов, сохранить свои привилегии перед лицом наступающих низов. Капитализм – незаконнорожденное дитя борьбы в условиях тотального кризиса; в этой борьбе 10% населения обеспечили себе прогресс, скинув остальные 90% в зону регресса. Генезис капитализма как прогрессивный сдвиг придумали буржуазные и антибуржуазные идеологи XIX в..

Капитал (субстанция и функция)

05.05.2008

Ну а теперь от генезиса капиталистической системы перейдём к её социальной сути, к её базовому противоречию, которая является основой всех остальных. У каждой общественной системы есть ее социальное «тело», субстанция, обладающая некими функциями, атрибутами. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы (как географического фактора и как от комплекса натуральных производительных сил), чем больше природные факторы производства господствуют над искусственными, а живой труд – над овеществленным, как это имеет место в «докапиталистических» обществах, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция «утоплена» в субстанции, тем меньше ее автономия.

Субстанция – это прежде всего материальное производство в узком смысле слова (действительный процесс производства), те отношения, которые возникают непосредственно внутри него или непосредственно по его поводу, например в ходе распределения факторов производства (собственность).

Функция (или функции) – это те отношения, которые складываются не внутри субстанции и не непосредственно по ее поводу, а вне ее и опосредованно. Так, они могут опосредовать распределение факторов производства, т.е. отношения по поводу субстанции, выступая их более или менее активным атрибутом. И чем сложнее, многосоставнее и развитее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее несовпадение с ней, тем они автономнее; функции – это управление («государство»), регуляция социального поведения («политика»), коммуникации; у функций – свои структуры и формы организации, как и у субстанции. Чем сложнее и развитее социальная система, тем менее абсолютна и непроходима грань между ее субстанциальными и функциональными аспектами. Особенно это проявляется в сфере производственных отношений.

Так, производственные отношения – это в принципе отношения по поводу субстанции, они носят субстанциальный характер и представляют субстанциальный аспект социальной системы. Однако в капиталистической системе, т.е. такой, в которой системообразующим элементом является капитал, накопленный общественный труд, ситуация несколько меняется. Поскольку капиталистическая собственность не сводится только к капиталу (как заметил В.В.Крылов, лишь в действительном процессе труда как главной фазе совокупного процесса производства капиталу как производительному принадлежат непосредственно все прочие факторы труда; вне действительного процесса производства у последних свои собственники – наемные работники, землевладельцы, государство, корпорации интеллектуалов) и оказывается шире его, но развивается по его законам, выступает его функцией, она обретает функциональные черты и в качестве таковой может противостоять субстанции (идеологически это нашло отражение в противостоянии, например, консерваторов и либералов, не говоря уже о марксистах). Более того, в результате сложности и специфики субстанциальной природы капитала (овеществленный труд) сам капитал как отношение приобретает значительное и сильное функциональное измерение, легко превращаясь по функции в не-капитал (просто богатство), оставаясь капиталом по субстанции. Иными словами, при капитализме, в нем самом производственные отношения утрачивают исключительно субстанциальный характер и приобретают функциональный – что до капитализма могло быть редкостью, обусловленной особыми историческими обстоятельствами. В результате при капитализме противоречие субстанция-функция становится еще и внутренним для самих производственных отношений, т.е. довольно подвижным и гибким.

Необходимо отметить, что вообще противоречие между социальными субстанцией и функцией (а также содержанием и формой) достигает максимальной остроты именно при капитализме, когда экономические отношения становятся системообразующими производственными, социальное насилие содержательно обособляется из сферы производственных отношений и возникают формы, регулирующие (в)неэкономические отношения индивидов и групп. Кроме того, при капитализме функционально (но только функционально) снимается противоречие между отношениями производства и обмена – эксплуатация осуществляется как обмен рабочей силы на овеществленный труд («капитал»), входит в ткань производства, в результате обмен приобретает значительную автономию, а внешне вообще может показаться, что он диктует свою волю производству. Ведь капитализм – это, помимо прочего, товарное производство с целью получения прибыли, т.е. увеличения (меновой) стоимости. Любой продукт, попадающий на товарный рынок, становится товаром, независимо от того, в какой социальной системе, при каких социальных порядках он произведен и как соотносятся в нем естественный и искусственный субстраты. Функционально обмен при капитализме превращает в стоимость то, что не является ею и не создается производительным капиталом. В этом смысле мировой рынок – такая же основа капитализма, как и индустриальное производство.

Функциональные качества производственных отношений при капитализме существенным образом отличают эту систему от «докапиталистических». Производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, т.е. превращение его полностью или частично в «говорящее орудие», в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциальный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природы.

В этом смысле «докапиталистические» общества (и чем древнее, тем в большей степени) «сконструированы» и действуют так, чтобы свести к минимуму какую-либо функцию, кроме той, что растворена в субстанции, погружена в нее и если и «выныривает» из нее, то редко, невысоко и ненадолго. Капитализм, напротив, стартует с высокого уровня функционализации производственных отношений. Это – его начало. Логическим концом капитализма должна быть (и может быть) только полная функционализация производительных сил, что и происходит в условиях глобализации благодаря научно-технической революции. Это соответствует функционализации как макрозакону развития производительных сил капитализма..

А.Фурсов: Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти)
12:08 08.06.2008

Андрей Фурсов. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти)

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.

Максимилиан Волошин

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани:
Наш "пролетарий" голытьба,
А наши "буржуа" – мещане,
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.

Максимилиан Волошин

Если людям будущего суждено когда-либо
разорвать цепи настоящего, они должны будут
понять те силы, которые выковали эти цепи.

Баррингтон Мур

I

Китайцы говорят: не дай бог жить в эпоху перемен. Русские (устами Тютчева) отвечают: "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые". Впрочем, китайцев этим не убедишь – для них Россия это страна постоянных и неожиданных изменений и потрясений. По-китайски Россия "э го" – "государство затягивания и мгновенных перемен"[2], а относится оно к разряду народов, обращенных в себя (к этому же разряду относятся мусульмане – "цзу").

Россия это, действительно, страна, где "затягивания" (застой) мгновенно сменяются переменами, реформами и революциями (смуты), причем реформы, как правило, ведут к результатам, которые диаметрально противоположны задуманному. Практически все русские реформы – от Избранной рады до горбачевщины – оказывались контрпродуктивны, а порой просто рушили систему и разваливали страну.

Почему? Ведь хотели как лучше. В этом-то "лучше" все дело. Под "лучше", как правило, понималось "как на Западе". Реформы проводились так, чтобы подогнать Россию к некой западной норме. В эту норму верила как власть, так и бóльшая часть интеллигенции, которая интерпретировала социальную природу и историю своей страны на какой угодно лад – на либеральный, марксистский, евразийский, но не на русский. Иными словами, они описывали русскую реальность и прогнозировали ее развитие в терминах и понятиях, отражающих чужие реалии – грезили "русский сон под чуждыми нам именами".

Экономика, социология, политология давали замечательные результаты в изучении североатлантического ядра капиталистической системы 1850–1970-х годов. И это вполне естественно: западная конвенциональная наука "заточена" под объяснение определенного типа общества – такого, где власть и собственность обособлены, где четко дифференцированы экономическая, социальная и политическая сферы, а потому базовые единицы их организации – рынок, гражданское общество и политика – легко конституируются в качестве базовых объектов анализа трех социальных дисциплин.

Ну а как быть с изучением обществ, где власть и собственность не дифференцированы – почти или совсем? Где не было ни рынка в буржуазном смысле слова, ни гражданского общества, ни политики, где само оформление классов, будь то феодалы или буржуазия, было возможно, в отличие от Запада с его высоким уровнем избыточного продукта, на основе отчуждения значительной части необходимого продукта, а следовательно означало не прогресс (при всей условности этого термина), а регресс? Как с помощью понятийного аппарата экономики и особенно социологии и политологии описывать и объяснять реалии обществ, в которых нет или не было базовых объектов, конституирующих эти дисциплины? Помещать в прокрустово ложе чуждых теоретических схем и понятий, а ведь метод и теория должны соответствовать природе изучаемого объекта, а не навязываться извне.

Еще хуже, когда в прокрустово ложе пытаются загнать не теорию, а практику, когда под чуждыми именами начинают грезить не теоретический сон, а практическую явь. Понятийная катастрофа ведет к социальной, разруха в головах – к разрухе общественной – мы это проходили не раз и, похоже, почти ничему не научились. А ведь первый шаг прост – начать смотреть на свою историю своими глазами, а не чужими. Собственно, к этому нас призывают даже западные коллеги. Так, Д. Ливен, автор книги "Империя: Российская империя и ее соперники" (Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. – L.: John Murray, 2000), отметив, что в современных сравнительных исследованиях политической науки (и не только в ней) господствует превращенная в догму вигская интерпретация истории – "странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления, написанная в немецкой манере", заключил: русские должны взять на себя инициативу в написании русской истории. Т.е. речь идет о том, чтобы в осмыслении своей истории не следовать чужим схемам, отражающим чужой – западный – опыт и подаваемым в пропагандистских целях в качестве универсальных, а разрабатывать свои, вытекающие из русской реальности, адекватные ей, "заточенные" под нее. Такой подход потребует не просто новых теорий, а новых дисциплин – например, "русских исследований". Но пока такая дисциплина не создана, остается работать в сфере социальной философии и искать такие базовые объекты исследования, которые способны конституировать "русские исследования" так же, как "гражданское общество" конституирует социологию, а "политика" – политическую науку.

Что может стать таким базовым объектом для понимания русского мира, его истории? Что является константой для русской истории, взятой в качестве системы, такой константой, какой, например, для капиталистической системы является капитал? Что есть константа, образующий элемент, который присутствует во всех структурах русской истории и, более того, усиливается в каждой последующей, достигая кульминации и исторически чистой форме в советском коммунизме, который, на мой взгляд, является ключом одновременно к русской истории и к мировой истории XX века? Что можно выделить в качестве такой базовой единицы анализа русской реальности, которая будет адекватна последней и позволит уйти от ложных "социологизации" и "политологизации" этой реальности, короче, от вестернизации, на которой строились многие из окончившихся катастрофой русских реформ.

Специфика каждой крупной/сложной социальной системы заключается в ее системообразующем элементе как базовой единице ее организации. В индийской системе это каста, в античной – полис, в капиталистической – капитал. А что является базовой единицей русской истории, взятой как система?

II

Таким элементом, на мой взгляд, в русской истории является власть. Эта власть не сводится к государственности, хотя у нее есть государственное измерение; эта власть не является политической, хотя дважды – на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. – на короткое время – у нее появлялось и политическое измерение (как результат ее разложения).

У русской власти, как мы увидим, нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен. В то же время – и в этом один из главных парадоксов русской власти, одно из ее главных противоречий – она, во-первых, никогда не возникла бы на русской почве без взаимодействия с тенденциями и феноменами общеевразийского развития и, во-вторых, не получила бы своей завершенной формы вне капиталистической системы, без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития. В связи с этим термин "русская власть", который я буду использовать, отражает весьма сложную по содержанию и строению субстанцию, сформировавшуюся как русский ответ на нерусские – евразийские и мировые – воздействия. Я буду называть эту власть "центроверхом", чтобы не прибегать к таким терминам как "государство", "патримония" и т.п. Анализируя специфику этой власти (ее главные черты – надзаконность и социально однородный характер), мы двинемся из настоящего в прошлое – от коммунизма к самодержавию.

III

Каков был юридический статус КПСС? Попросту говоря, была ли она легальной организацией? На первый взгляд, этот вопрос звучит абсурдно, ведь о КПСС говорилось в Конституции 1977 г. (ст. 6, гл. I) и в Конституции 1936 г. (ст. 126, гл. XII). В "брежневской" конституции КПСС объявлялась руководящей и направляющей силой советского общества. Однако, во-первых, все это – не юридические формулировки. Это метафоры, не конкретизированные юридическими формулировками. Легальность, право – это не общие заявления, а юридические формулировки и четко прописанный правовой механизм. Во-вторых, ст. 6 противоречила Гражданскому кодексу СССР, согласно которому любая организация существует только в том случае, если государство ее разрешило, и этот разрешительный порядок зафиксирован в соответствующем законе. Советское государство разрешило все организации, кроме одной – КПСС, которая была над законом, внелегальной. Именно она "разрешила" и советское государство, и советские законы, источником которых – так было сформулировано в советских учебниках права – были решения КПСС.

Коммунистические руководители прекрасно понимали надзаконный характер коммунистической власти, причем с самого начала. Ленин писал о том, что коммунистическая власть ("диктатура пролетариата") есть "ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть", что "юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу", т.е. партия – над законом, над конституцией.

Но, быть может, так было только в начале? Переносимся в хрущевские времена – в так называемую "оттепель". Когда в 1960 г. Н.С. Хрущев узнал, что находящимся под судом Рокотову, Файбишенко и Яковлеву – королям советского "черного рынка", возглавлявшим сеть нелегального оборота золота и иностранной валюты, светят всего лишь пять-шесть лет тюрьмы, он потребовал расстрела, поскольку речь шла об огромных для того времени суммах – около миллиона рублей. Генеральный прокурор попытался возразить, что такое наказание не соответствует закону. Хрущев пришел в ярость и заорал: "Закон над нами, над коммунистической партией или мы над законом?!". Ответ был очевиден, в результате за время суда законы менялись трижды и обвиняемых подвели под расстрельную статью.

Наконец, наиболее интересный пример – из финала горбачевщины. Летом 1990 г. генсек КПСС получил секретный документ под названием "О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии". Он датирован 23 августа 1990 г., имеет № 15703 и направлен за подписью заместителя Горбачева по ЦК КПСС Ивашко Горбачеву. Документ констатирует: "Как свидетельствуют уроки Восточной Европы, непринятие своевременных мер по оформлению (речь, понятно, идет о юридическом оформлении. – А.Ф.) партийного имущества применительно к требованиям коммунистической работы и включение его в нормальный хозяйственный оборот, особенно в условиях перехода к рынку, неминуемо грозит тяжелыми последствиями для партии" (с. 2 документа). Далее идут конкретные рекомендации, как избежать тяжелых последствий: "Потребуется соблюдение разумной конфиденциальности и использование в ряде случаев анонимных форм (подставных фирм. – А.Ф.), маскирующих выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с "коммерциализацией", имеющейся в наличии партийной собственности, планомерно создавать структуры "невидимой" партийной экономики, к работе с которой будет допущен очень узкий круг лиц, определяемый Генеральным секретарем ЦК КПСС или его секретарем" (с.2–3 документа). Не этот ли "узкий круг" начал осенью 1991 г. полеты из окон – не во сне, а наяву, и стал в массовом порядке кончать жизнь самоубийством?

"Невидимую" сеть партийной экономики в документе предлагалось создавать неотложным образом по следующим направлениям.

"– Подготовить предложения о создании каких-то новых "промежуточных" хозяйственных структур (фонды, ассоциации и т.п.) (не знаю почему, но когда я прочел эти строки, у меня в памяти тут же возникли связки: "фонд" – фонд Горбачева, "ассоциация" – ассоциация Шеварднадзе. – А.Ф.), которые при минимальных "видимых" связях с ЦК КПСС могли бы стать центрами формирования "невидимой" партийной экономики;

– безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в развертывании коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии;

– рассмотреть вопросы о создании контролируемого ЦК КПСС банка с правом ведения валютных операций, об участии партии своими валютными ресурсами в капитале оперирующих в международном масштабе фирм, контролируемых хозяйственными организациями друзей (выделено мной; кратократический новояз – А.Ф.). Для обеспечения внешнеэкономической деятельности следовало бы также безотлагательно начать аккумуляцию на отдельном счете КПСС партийных взносов загранучреждений;

– провести консультации с Госснабом СССР по вопросу об использовании для внешнеэкономического сотрудничества партии советского имущества, остающегося после

вывода советских войск из Чехословакии, Венгрии и ГДР" (указанный документ с. 4–5).

Что же получается? КПСС – у власти, а коммунист № 2 пишет коммунисту № 1 о необходимости создания "невидимой" (т.е. внелегальной) структуры партийной экономики. Почему? Да потому что власть – надзаконна, внезаконна, а следовательно, и ее "экономика" (т.е. пущенное в дело имущество, не являющееся собственностью, так как нет собственника, собственность есть не кража, а юридическое отношение, предполагающее наличие юридического лица, разрешенного государством) должна быть внелегальной, нелегальной. Отсюда – в силу природы власти – всего один шаг до использования в указанном процессе внелегальных, т.е. криминальных методов, средств и групп создания такой "экономики" как наиболее адекватных по своей, потусторонней закону природе, что и произошло в 1990-е годы.

Итак, власть в третьей структуре русской истории – советском коммунизме – носила надзаконный характер. А как обстояло дело с первой и второй структурами – Московским и Петербургским самодержавиями?

IV

Историкам так и не удалось решить вопрос о социальной природе самодержавия. Одни пытаются втолкнуть его в прокрустово ложе "восточного деспотизма", другие приравнивают к "западному абсолютизму". Мне обе эти точки зрения представляются ошибочными. На самом деле, самодержавие – исключительно русский феномен. Хотя "западный абсолютизм" (как и русское самодержавие) – власть субъектная, а "восточный деспотизм" – системная, не предполагающая субъекта, растворяющая его в себе, по линии ограниченности законом, подзаконности, высокоинституциализированного характера, у них больше общего друг с другом, чем с самодержавием.

На Востоке, будь то Япония, Китай или Индия, власть тэнно/сегуна, хуанди или султана была ограничена – традицией, ритуалом, обычаями, наконец, законом. Если говорить о Западе, то там власть абсолютных монархов ограничивалась правом, на котором строился весь оксидентальный порядок: король, даже если речь идет о Франции XVII–XVIII вв., считающейся модельной абсолютной монархией, мог менять законы (хотя и это было вовсе не так просто), но он должен был им подчиняться. Последние два года своей жизни Людовик XIV (тот самый, которому приписывают фразу "l"Йtat c"est moi" – "государство – это я") провел в слезах.

Дело в том, что регентом при наследнике должен был стать ненавидимый Людовиком Филипп Орлеанский. И Людовик ничего не мог с этим поделать – все было по закону. Можно ли представить в такой ситуации русского самодержца от Ивана IV, готового передать престол хоть принцу датскому (моя воля), до Екатерины II, собиравшейся возвести на престол внука вместо сына? Конечно нет. В "натуральном" самодержавии по самой его природе такая ситуация невозможна. Ведь самодержавие предполагает, что государева воля – единственный источник власти и закона, внутренней и внешней политики и, разумеется, определения наследника, что, кстати, и было зафиксировано Петром I в 1722 г. Самодержавный царь – это вам не король, император и не падишах какой-нибудь. Это царь-самодержец. Аналогов не имеет. По сути это замороженная революционная власть. Не случайно самодержавие возникло революционным путем (опричнина), посредством и в результате сверхсубъектного, волюнтаристского акта. Волюнтаризм – имманентная черта русской власти.

Первое самоограничение самодержавной власти произошло 5 апреля 1797 г., когда Павел

указом о престолонаследии установил порядок передачи престола; по сути и логике самодержавия такого порядка быть не должно – все определяется волей монарха. Следующий крупный шаг в самоограничении – октябрьский (1905) манифест Николая II. Третьим – летальным для самодержавия – "ограничением" стала февральская революция 1917 г. Так сказать, мат в три хода. За ней, однако, последовала октябрьская революция и установление коммунистического режима, сутью которого была надзаконная и автосубъектная власть, но уже не в виде монарха, а в виде партии, точнее – ее ЦК, а еще точнее – генсека.

Таким образом, самодержавие, как и коммунизм, было надзаконной властью. Факт устойчивости и по сути самовоспроизводства этой власти свидетельствует и о ее глубоких корнях, и о ее адекватности, если не оптимальности для русского мира и его организации.

Показательно, что даже борцы с самодержавием в своих проектах будущего "послесамодержавного" устройства воспроизводили надзаконную матрицу. Так, по проекту Павла Пестеля – "Русской Правде" – в России после свержения самодержавия вводились республиканский строй и разделение властей: законодательная (Народное вече), исполнительная (Державная дума), судебная. Все как, например, в Америке после 1776 г.

Однако над тремя ветвями власти должна была возвышаться еще одна – четвертая, а точнее, первая. Называлась она "блюстительная власть". На самом деле, то была сверхвласть, власть надзаконная. Ее задача – контроль над тем, чтобы три ветви не выходили за рамки конституции. Центральный орган "блюстительной власти" – Верховный собор, который состоял из 120 (по-видимому, по числу активных декабристов) избиравшихся пожизненно членов, именуемых боярами (кстати, именно Верховный собор назначал главнокомандующего во время войны).

Перед нами по сути – нечто напоминающее ЦК КПСС, по сути –олигархическое, коллективное самодержавие, которое, впрочем, довольно легко превращается в индивидуальное: диктатор де-факто превращается в монарха (в виде чего-то похожего на протектора, "отца нации" и т.п.) или даже де-юре провозглашает себя таковым. О том, насколько легко и, самое главное, логично русская власть переходит от коллективной формы к индивидуальной, свидетельствует история советского коммунизма – вовсе немонархического строя: правление каждого нового генсека начиналось с "коллективного руководства" ("возвращение к ленинским нормам"), а заканчивалось тем, что партийным новоязом обозначалось как "культ личности" или "волюнтаризм".

Таким образом, надзаконность (надконституционность) Администрации президента РФ не есть ни злой умысел, ни выверт истории – это системно-историческая черта, воспроизводство которой лишний раз доказывает "правило А.А.Зиновьева": "Эволюция крупных сложных систем необратима". В ходе эволюции системы могут менять структуры, структурно меняться, но "la plus ça change la plus ça rêste la même chose", по крайней мере, по своей сути, по базовым принципам. Более того, структурные кризисы и изменения (часто осуществляемые с помощью противников системы – "принцип "Матрицы-2", наиболее ярко проявляющийся в истории капсистемы) как раз и обеспечивают сохранение системы, постоянно жертвующей своими конкретными историческими структурами, отбрасывающей их, как ящерица хвост. Но как могла возникнуть столь необычная власть? По логике – только весьма необычным образом, в необычных исторических условиях.

V

Некоторые историки обусловливают специфику русской власти принятием византийского наследия. Другие говорят о переносе на русскую почву монгольских (ордынских) форм; эту версию нередко подкрепляют тем фактом – совершенно верным, – что домонгольская Русь не знала таких форм власти, которые установились на Руси во второй половине XVI – первой половине XVII в.: ни Киевская, ни Владимирская Русь не знали феномена надзаконной власти. Но, обратим внимание на два других факта: во-первых, надзаконной власти не знала и Орда (кстати, как не знала и Византия); во-вторых, эта власть – в виде самодержавия – начала формироваться почти столетие спустя избавления от Орды, а вовсе не сразу. Поэтому речь не может идти о заимствовании ордынских порядков – этого не произошло, имело место нечто более сложное и необычное, то, что Гегель называл "коварством истории". Что же это было?

Включение в ордынский орднунг резко изменило соотношение сил в традиционном русском властном треугольнике "князь – бояре – вече", причем изменило двойным воздействием. Во-первых, обретя в лице Орды и ее ратей ту "массу насилия", которой у них не было раньше, князья резко усилили свою позицию по отношению к боярству и вечу (с начала XIV в. в большинстве русских княжеств слово "вечник" стало синонимом слова "бунтовщик"). Во-вторых, поскольку в рамках ордынской системы шла конкуренция за ярлык, наилучшие шансы были у тех княжеств, где князь и боярство не противостояли друг другу, а выступали как единое целое – нечто вроде "княжебоярского комбайна"[3] (наиболее в этом преуспела Москва), где население поддерживало своего князя, свой "комбайн". Это не значит, что прекратились бунты, столкновения между князем и боярством, отнюдь нет. Однако у них появился внешний (для Ордынской системы в целом он был внутренним) ограничитель и, в известном смысле, регулятор. Все это изменило и положение княжеской власти, и вектор социальной и властной борьбы. Князь, обладавший великокняжеским ярлыком, автоматически становился и для своих подчиненных, и для князей других земель функциональным ханом ("ханом по поручению", "миниханом", "квазиханом").

Ордынизация Руси привела к тому, что, во-первых, центральная власть (по ханскому поручению) стала единственно значимой, реальной. Во-вторых, власть, сила, насилие стали главным фактором жизни – не случайно В.О.Ключевский писал об ордынско-удельной эпохе как о времени измельчания общих интересов, падения морали, ориентации только на силу – Орды или ее московского наместника. В-третьих, эта власть оказывалась, по крайней мере по исходному импульсу, по генетической тенденции развития, по воле единственным субъектом, стоявшим в качестве наместнической власти над русской землей – так же, как Орда стояла над ней, или стоявшим вместе с Ордой в качестве ее нижнего, улусно-служилого элемента над русским обществом. Так возник – не с необходимостью, но закономерно – мутант и одновременно новая форма власти, пока еще не русская – ордынско-московская власть.

Эта власть, ордынско-московская (или ордынская власть в "ордынской системе" по отношению к Руси) обрела новые качества, которых исходно не было ни в кочевых державах, ни в домонгольской Руси и которые возникли в процессе и в результате взаимодействия Орды, ханской власти, с одной стороны, и русских порядков, христианского общества, – с другой.

Я подчеркиваю процесс именно взаимодействия, а не прямого переноса неких порядков. Разумеется, Русь немало заимствовала у Орды, однако надзаконную власть она заимствовать не могла – в Орде такой не было. Надзаконным, волевым были отношения Орды и Руси, причем длились эти отношения более двухсот лет – срок вполне

достаточный, чтобы выработать устойчивые формы отношений и практики. Необходимо подчеркнуть еще один факт: монгольские династии Юань в Китае и иль-ханов (хулагидов) в Иране стали непосредственными, внутренними правителями этих стран, испытывая на себе местное влияние, их порядков, законов и т.д., тогда как Золотая Орда осуществляла внешнюю, дистанционного характера эксплуатацию, взимая дань, т.е. осуществляя волевое, надзаконное отношение. Не власть в Орде сама по себе была надзаконной, надзаконной была власть ордынских ханов над Русью, над русскими князьями, главного из которых они – функционально – наделяли этой властью. Именно это привело к совершенно фантастической мутации власти на Руси, обусловленное помимо прочего тем, что Русь была христианским обществом (в ином случае никакой особой русской власти в истории мы не имели бы). Суть дела заключается в следующем[4].

Монгольские и ордынские ханы (и, соответственно, их власть) как и любые верховные азиатские владыки не выступали в качестве субъектов. В обществах "азиатского" способа производства (или системно-исторического типа) субъектность не фиксируется[5]. Субъектность (исторический субъект) впервые оформляется в социумах античного типа, где выступает в коллективной форме (полис; отсюда – "казус Сократа"). И только в христианстве и с ним возникает индивидуальный исторический субъект. Христианское общество – общество индивидуальных субъектов, полисубъектное общество; в нем не может быть одного, самого-по-себе субъекта – как невозможен хлопок одной ладонью. Вот эту невозможность для христианского русского общества и в нем в значительной степени преодолела Орда с ее двухвековым господством.

Московский православный князь ордынско-удельной эпохи, безусловно, выступал как субъект. Однако поскольку на него проецировалась власть хана, порученцем и ревизором которой он был, то объективно князь оказывался единственным властным субъектом. А поскольку власть по сути была единственно значимым, то с точки зрения главной – властной – практики московский князь-порученец хана внутри русского мира оказывался чем-то вроде единственного субъекта. Так единственная по ордынской басурманской логике власть приобретала тенденцию к функционированию в качестве единственного христианского субъекта. Но, повторю, в христианском обществе это есть нонсенс, поскольку оно является полисубъектным, в нем фиксируется субъектность различных и разноуровневых (индивид, группа, институт) социальных агентов, а сам социальный процесс развивается как положительное (сотрудничество) и отрицательное (борьба) взаимодействие субъектов.

Именно межсубъектное взаимодействие делает социальных агентов субъектами. Но так – в христианском социуме. В симбиотическом, двусоставном ордынско-христианском – иначе. В нем возникал еще один парадокс: власть-субъект существует как таковая, т.е. как власть, а следовательно, и как субъект по поизволению-поручению высшей, вынесенной куда-то далеко вверх, к Их Тэнгри (Великому Небу), за рамки русского социума несубъектной ханско-царской властью.

Как известно, христианин выступал (индивидуальным) субъектом, поскольку вступал в индивидуальные отношения с Богом, Абсолютом. Именно последний посредством этих отношений наделял субъектностью социальных агентов христианского мира. Субъект ордынской власти по поручению наделялся властной субъектностью не Абсолютом, а вполне земной, хотя далекой и внушающей страх и ужас властью ордынского царя-чингисида.

Поскольку московско-ордынская (будущая русская) власть оказывалась единственным властным и значимым субъектом не в результате взаимодействия с другими субъектами, а

по воле верховной власти, которая сама субъектом не являлась, а выступала в виде некой почти безличной силы, то реализовать свою субъектность русская власть могла лишь по отношению к самой себе. Она, эта власть – субъект-чужой орган, была исходно сконструирована как автосубъект, т.е. субъект-сам-для-себя, субъект, реализующий свою субъектность в отношении к самому себе. Такой субъект – Властихрист – не только не нуждается в другом субъекте, но и стремится не допустить его появления/существования, это субъект – терминатор субъектов, негативный субъект, стремящийся к единственности, к моносубъектности.

Здесь необходимо подчеркнуть, что русская власть – это не моносубъект по сути, как кажется на первый взгляд и как я склонен был считать в середине 1990-х годов. По сути, как субстанция, она прежде всего автосубъект, который по своей сам-по-себе субъектности должен стремиться и стремится к моносубъектности, но по сути, за исключением нескольких исторических мгновений, связанных с демонархиями[6] трех апостолов русской власти – Ивана, Петра и Иосифа, в которых персонификатором моносубъектности становится человекомасса с ее энергией (и эта масса нарастает от Ивана к Иосифу), не достигает этого состояния (асимптота, только асимптота, нередко удаляющаяся от цели) и в результате превращающийся в гиперсубъектность. Т.е. власть вынуждена допустить субъектность некоторых других элементов системы во второстепенных сферах, присваивая в то же время себе статус сверхсубъекта, гиперсубъекта и таким образом – компромиссным образом решая проблему реализации своей природы. Гиперсубъектность, которой оборачивается тенденция к множественности персонификаторов моносубъектности ("полимоносубъектность"? – "хлопок одной ладонью") – все это реакция христианского, множественно-субъектного по социогенотипу общества на собственную же форму, возникшей из взаимодействия с не (и вне) субъектным ордынским началом, "ответ Бога отца, сына и святого духа" ордынскому хану, "царю Калину". И этот ответ обрекает автосубъекта русской власти на вечное внутреннее борение, превращает его самого в поле (само)разрушительной борьбы, которая и есть его развитие. Но это тема отдельной работы по философии истории – не России, а автосубъекта русской власти.

Если автосубъектность – это субстанция, то моносубъектность есть ее атрибут, функция. Это тенденция, которую стремится реализовать автосубъект. Моносубъект в полисубъектном обществе? Аномалия. В дальнейшем развитии такого аномального сочетания теоретически либо автосубъектность с ее тенденцией к моносубъектности должна была исчезнуть, либо общество должно было перестать быть полисубъектным. В реальности ни то, ни другое не получило своего полного логического завершения. Однако первая тенденция победила со значительным перевесом и окрасила в свои тона проявление субъектности в русской истории и жизни, деформировав полисубъектность.

Полный и всеохватывающий триумф моносубъектности в христианском обществе невозможен. Точнее: возможен на краткий миг, в редкие и исключительные моменты, как правило, в период генезиса новых структур власти, на основе террора-насилия. Так, моносубъектность "побеждала нокаутом" при демонархиях Ивана Грозного, Петра I, Сталина. Моносубъектность всегда может (по сути – должна) быть оспорена в христианском по социокультурному генотипу обществе. И как показывает русская история XVI–XX вв., постоянно оспаривалась; полисубъектность все равно пробивала себе путь в виде превращенной, порой негативной или даже уродливой форме борьбы за моносубъектность, за лишение других субъектов субъектности или за предотвращение приобретения теми или иными социальными единицами субъектных качеств.

VI

Таким образом, в ходе 250-летнего взаимодействия Орды и Руси был выкован принципиально новый тип власти, которого до этого не существовало ни в "степных империях", ни на Руси, ни на Востоке, ни на Западе. Эта власть родилась в результате длительного взаимодействия – полусимбиоза-полупаразитизма – Орды и Руси. Важно, что одним из элементов взаимодействия было христианское общество, т.е. общество, в котором социально фиксируется субъектность и которое признает субъектом индивида. В нехристианской зоне, например на Востоке, автосубъектная надзаконная власть не имела никаких шансов укрепиться, здесь она была бы поставлена под контроль системной социальности, системного порядка, подавлена ими и их законами. На христианском Западе против попытки ее самоосуществления тут же восстали бы другие субъекты. Экстралегальная власть теоретически имела возможность стать на ноги и укрепиться только там, где было христианство и где благодаря необычным историческим обстоятельствам она могла (или имела тенденцию и волю, пусть сначала слабые) стать замкнутым на себя субъектом (автосубъектом), стремящимся к единственности (моносубъектности), там где власть сильнее общества. Это и была русская периферия Орды. Она же периферия Византии, сущностные роль и значение наследия которой в русской истории постоянно и неправомерно преувеличиваются. Говорить можно лишь о форме. Византийские формы власти и церковности в России, помимо прочего, были необходимы для того, чтобы придать христианскую форму странной для христианства власти.

Формирование на Руси особого типа власти – ордынско-московской – еще не означало автоматически ее полного превращения в русскую власть – автосубъектную, надзаконную и социально однородную, как это произошло в 1565–1649 гг. Прежде всего этому препятствовала Орда, сам факт ее существования. Однако и уход Орды не гарантировал обретения властью в "православном ханстве" (Г. Федотов) 1480–1564 гг. качеств "русского кольца всевластия". Теперь, когда не стало Орды, которая создала ордынско-московскую власть, была ее гарантом и одновременно ставила жесткие рамки ее развитию, эта власть должна была либо исчезнуть, вернуться к домонгольскому состоянию, либо, во-первых, найти неордынские средства и механизмы, гарантировавшие ее бытие, и, во-вторых, навязать их. Последнее было возможно только насильственным путем в ходе социальной войны князя и боярства.

Чтобы русская власть возникла, должен был распасться княжебоярский комбайн, княжебоярское "братство кольца" Всевластия и у последнего должен был появиться властелин – либо индивидуальный, либо коллективный. Каким бы он ни был, он должен был решить проблему: как сохранить власть-автосубъект в христианском полисубхектом обществе, ведь, полисубхектность нельзя ни прогнать, ни отменить, с ней надо ужиться. И выход был найден: если нельзя превратить автосубъектную власть в моносубъектную, она должна стать сверхсубъектной, гиперсубхектной, по крайней мере в своей, главной – властной сфере. Все остальные пусть сохранят субъектность, но это будут субъекты и субъектность второго, третьего и т.д. сорта. Со "стеклянной ясностью" такой подход/дизайн зафиксировал Устав КПСС, куда там Ивану Грозному: "Она (КПСС – А.Ф.) является высшей формой общественно-политической организации… советского общества"; т.е. все остальные – низшие, субъекты низшего класса.

Но если КПСС зафиксировала надзаконность власти в документе, то Иван Грозный создал ту форму, которая – без всяких документов – реализовала эту надзаконность. Форма называлась опричнина, она и стала эмбрионом русской власти, средством превращения ордынско-московской власти в русскую. Опричнина была самой настоящей властной и экономической войной (и одновременно – актом революции сверху) и, сняв противоречие

между автосубъектностью и полисубъектностью посредством надзаконности, решила не только этот вопрос, но и другой, установив индивидуально-властную ("национальную") форму самодержавия и подавила олигархическую, коллективную: опричнина, помимо прочего, была и средством разрушения княжебоярского комбайна, если не окончательным решением этого вопроса. Так сказать, два шара в лузу.

Грозный царь настолько продвинул дело русской власти, что даже ответный удар боярства во время Смуты уже не смог достичь цели – самодержавие было восстановлено силами русского среднего класса тех времен – средних и мелких "детей боярских" (смута – это "сыны убивают отцов", во властном смысле, разумеется) и части купечества, зажиточного посадского люда, т.е. тех слоев, которые выигрывали в результате превращения ордынско-московской власти в русскую власть в форме самодержавия. И если несколько региональных групп купечества и посадского люда выиграли ситуационно, попав в свое время в опричную зону и получив в результате преимущества по отношению к конкурентам из земской зоны (купечество бывшей опричной зоны и проанонсировало войско Второго ополчения во главе с князем Пожарским, которое изгнало поляков из Москвы в 1612 г. и формально окончило Смуту), то средний и мелкий служилый люд выиграли в результате возникновения самодержавия объективно, потому-то они не только встали на его защиту, но и восстановили в 1610 г., а их дети и внуки в 1630–1640-е годы пожали плоды их победы в виде крепостного режима.

Русское крепостничество невозможно без и вне самодержавия, но и самодержавие не встало бы на ноги без учреждения крепостного состояния образца 1649 г., т.е. служилого крепостничества (не путать с таковым после 1762 г., особенно екатерининских времен). Крепостничество стало важным фактором и окончательной победы самодержавия к середине XVII в. и его дальнейшего развития, той последней "гирькой", благодаря которой на Весах Истории чаша "реальность" перевесила чашу "возможность". Но прежде чем рассмотреть достаточные причины и факторы, придавшие русской власти в XVI–XVII вв. необратимый характер и обусловившие многие важные черты и параметры ее развития, постараемся ответить на один важный вопрос.

VII

Так что же, если бы не Орда, то феномен русской власти (в форме самодержавия) никогда не возник бы? Значит, это не закономерное, а случайное явление, плод игры, случая? Значит, решающую роль сыграл внешний фактор, и вся русская история последних столетий сложилась и развивалась под воздействием внешнего случая, является "припадочной" (припадком в XVIII в. называли случайность)? Нет, не значит.

Зададимся вопросом: случайностью ли были появление в XVI в. испанцев в Центральной и Южной Америке, разрушение отрядами Кортеса и Писарро держав и цивилизаций астеков и инков? Для астеков и инков – случайностью. Для испанцев – конечно, нет. С точки зрения возникающего с конца XV в. нового международного разделения труда в Европе, т.е. с точки зрения более крупного целого, элементом которого становились прибрежные регионы Центральной и Южной Америки, появление испанцев там было закономерным. То, что является случайным на одном уровне, в рамках ограниченного пространства, оказывается закономерным или даже необходимым явлением на другом уровне, в рамках более широкого геополитического пространства, в другом масштабе.

С точки зрения русских княжеств, относительно ограниченного пространства киевской и посткиевской истории, монгольское нашествие (хотя из 90–120 тыс. войска, пришедшие в 1237 г. с Бату и Субудаем, только четверть были собственно монголами; остальные –

"интербригады" хартленда, главным образом тюрки, хотя, конечно, не только они) было случайностью. С точки зрения евразийской истории, в которую монголы жестко включили Русь, это нашествие было закономерным явлением, подчинявшимся логике вековых (7–8-вековых) евразийских циклов и трендов количественного (территориального) роста "степных империй"[7]: рано или поздно степная евразийская держава по логике экспансии должна была "зацепить" и охватить и русскую равнину. Другое дело – конкретные исторические последствия и их формы, это зависит от исторических обстоятельств, условий взаимодействия и характера эпохи. Таким образом, именно с евразийской, а не "киевско-русской" точки зрения возникновение феномена русской власти в форме самодержавия и превращение Москвы во Второй Сарай, Второй Каракорум, Второй Константинополь и Третий Рим было закономерным явлением. Русская власть есть русский православный ответ на евразийский степной вызов, его укрощение, интериоризация посредством создания принципиально новой, революционной по сути формы власти.

Теперь о роли внешнего фактора. Привыкнув за последние полтора столетия мыслить категориями "национального государства" ("нации-государства", nation-state), мы переносим, проецируем его "реалии и универсалии" на прошлое – то прошлое, когда nation-state не существовало и когда "внутреннее" и "внешнее" определялось не политико-административными границами, а иными, макрорегиональными. Докапиталистический мир – это мир не наций-государств, а макрорегионов, базовыми единицами которых были локальные общности – деревни, местные рынки и т.д. Такими макрорегионами были Средиземноморье, аль-Хинд (северная часть Индийского океана), Восточная Азия (Восточная Пацифика) и др.

Доордынская Русь была интегральным элементом более широкой экономической целостности, макрорегиональной системы производства и обмена, осью которого исходно был путь "из варяг в греки". Орда расширила эту систему, политически оформив экономическую включенность в нее русских земель. Эта система охватывала значительную часть евразийского Хартленда. Таким образом и здесь мы имеем общеевразийскую логику развития, противопоставлять которой и обособлять от которой домонгольско-русское развитие было бы ошибкой, перенесением на XIII в. реалий XIX–XX вв.

В середине XV в. полукочевая Золотая Орда стала анахронизмом для предсовременной Европы, историческое время работало против нее. В 1480 г., выстояв на Угре, Русь освободилась от распадающегося Ордынского ханства, чтобы тут же оказаться под властью своего, "православного ханства" – Москвы. Впрочем, несмотря на освобождение, генетическая память и генетический страх перед Ордой были живы еще сотню лет.

Итак, возникновение феномена русской власти – надзаконной, стремящейся к социальной однородности и господству над собственностью – было закономерным явлением в контексте истории евразийского хартленда, евразийского целого. Как генезис капитализма, "заземлившийся" в Англии XVI–XVII вв., т.е. на западно-европейском (северо-атлантическом) пятачке Прибрежного Пояса Евразии, стал результатом сложных процессов XIII–XVI вв. в Прибрежном Поясе в целом, ответом на них, так и генезис русской власти на русском "пятачке" евразийского хартленда, стал результатом сложных процессов в этой зоне в XIII–XVI вв., ответом на них.

Однако далеко не все закономерности реализуются; помимо необходимых условий должны существовать достаточные. Повторю: надзаконная русская власть в виде самодержавия возникла не в ордынскую эпоху и не сразу после выхода "из-под ига" в

1480 г., а в 1560–1640-е годы в результате тяжелой и острой социальной борьбы, для победы в которой на самодержавие должны были сработать не только необходимые, но и достаточные причины. Роль последних "исполнила" природно-производственная основа русской истории – низкий уровень избыточного продукта, который стал дополнительным (достаточным) фактором триумфа феномена русской власти.

VIII

Для русского хозяйства характерен низкий уровень избыточного продукта. Это обусловлено спецификой пространственно-ресурсных и производственных характеристик России, а также ее геоисторической ситуацией – огромная часть средств уходила на оборону. В связи с этим русские никогда не могли позволить себе иметь значительный по численности и богатый господствующий класс à la Запад и уже тем более значительную по численности властно-собственническую верхушку этого класса – "олигархию".

Коллективная, олигархическая власть наверху при низком уровне избыточного продукта представляла прямую и явную угрозу благосостояния массе средних и низших слоев господствующих групп, и они это прекрасно понимали, отдавая предпочтение индивидуальной (единодержавной) власти перед коллективной, олигархической. В столкновениях или просто противостояниях центральной власти с олигархией, будь то правление Ивана IV или история с "затейкой" – попыткой верховников ограничить самодержавную власть при приглашении Анны Иоанновны на царство, середина и низы господствующих групп безоговорочно принимали сторону центроверха, и это был вовсе не иррациональный, а вполне рациональный выбор, обусловленный политэкономией русской властно-хозяйственной системы.

Западные наблюдатели и те в России, кто смотрел и смотрит на Россию западным глазом, видели в провластной позиции середины и части низов господствующих групп проявление русского законопослушания и рабства, неготовность или даже неспособность к принятию свободы. Последнюю западные (и прозападные) наблюдатели и историками, как правило, связывали с олигархами (см., например, интерпретацию "затейки" П.Б. Струве). Выходило, что русские – в большинстве своем рабы, не мыслящие существования без и вне сильной власти, которая их же дураков и давит.

Вот такая схема, которой нередко придерживаются не какие-нибудь записные русофобы, а вполне нормальные люди, у которых и недостатков-то всего два: незнание русской истории и благодушная сытость. Соответствует ли схема реальности? Нет, не соответствует.

История всех схваток олигархов с центроверхом показывает, что боролись они не за свободу вообще и даже не за свободу для верхушки как слоя в целом в противовес власти. Речь шла о "свободе" для нескольких кланов (именно поэтому бóльшая часть верхушки, как правило, не поддерживала никакие "затейки") – свободе коллективно господствовать вместо царя, выступать в качестве чего-то вроде коллективного самодержца, не ограничиваемого никем и в то же время не несущего ответственности (в отличие от монарха-самодержца). Резкое усиление привилегий и богатства части верхушки столь же резко сокращало привилегии и благосостояние середины социума – игра с нулевой суммой. Регулятором именно этой игры выступала самодержавная власть. Это одна сторона дела.

Другая заключается в том, что в силу геоисторического положения Россия нуждалась в многочисленной армии (так, для покорения Казанского ханства понадобилось 150-

тысячное войско; дальше расходы на военную сферу только росли), а армия эта в XVI–XVII вв. состояла прежде всего из представителей средней и нижней частей господствующих групп. Т.е. центральная власть была заинтересована в их хотя минимальном благосостоянии как с внешней, военно-политической точки зрения, так и с внутренней – укрепление позиций центроверха по отношению к боярским кланам (отсюда – раздача земель и крепостных служилой середине и мелкоте, логически – развитие служебного крепостничества, которое будет сломано Петром III и Екатериной II, что переформатирует не только крепостничество, но и самодержавие, а во многом и русскую историю), а наиболее массовые слои господствующих групп – в таких качествах этой власти, которые усиливали ее автосубъектность и надзаконность, позволили им победить в 1560–1640-е годы и заложили фундамент аж на несколько столетий.

IX

С учетом сказанного выше необходимо отметить, что одной из главных задач автосубъектной и надзаконной власти в России является ограничение, сдерживание социально-экономических аппетитов всех социальных групп, прежде всего верхушки. В данных природно-исторических условиях это было единственно возможной, пусть не всегда законной и эффективной, защитой интересов средних и нижних слоев общества, а отчасти и населения в целом от верхов. Центроверх делал это не потому что любил население – он его не любил и оно платило ему тем же. Однако ограничивая верхи и их аппетиты центроверх решал тройную задачу: сохранял хрупкий – из-за низкого уровня избыточного продукта – социальный баланс (те помимо прочего обеспечение господства долгосрочных интересов самих же господствующих групп как функциональных органов центроверха над среднесрочными, а среднесрочных над краткосрочными); препятствовал олигархизации власти; сохраняя имманентные качества русской власти – только союз с серединой и низами господствующих групп и минимальная защита населения (И.Л. Солоневич не вполне удачно назвал это "народной монархией") гарантировали самосохранение, самовоспроизводство и саморазвитие русской власти со всеми ее характеристиками. Нарушение союза/контракта рушило эту власть, торжествовал курс на сверхпотребление, сверхэксплуатацию, социальную безответственность, когда в центре оказываются не просто краткосрочные, а сиюминутные цели ("после нас хоть потоп").

В результате социальной перспективы лишалась сначала часть общества, а затем и общество – система – в целом. И это прекрасно понималось или, по крайней мере, чувствовалось обществом. Именно этим социально-историческим прагматизмом, а не якобы рабским характером русского народа или его нелюбовью к свободе обусловлена поддержка широкими слоями населения, прежде всего его активной серединой, именно центральной власти, самодержавия против попыток олигархизации последнего как боярской, так и дворянской верхушками.

Русская власть (будь то самодержавие или коммунизм) всегда была по определению прежде всего механизмом учета и контроля, системного самоограничения социума, существующего в суровых природно-климатических и непростых геоисторических условиях. В таких условиях олигархизация власти с неизбежностью вела к превращению определенной части господствующих групп в нечто похожее на классы западного, будь то капиталистического или позднефеодального, типа. Последнее означало в России либо довольно быструю социальную катастрофу, либо восстание или гражданскую войну.

Возникновение и развитие в России, на основе ее "системы работ" западоподобных классов возможно только на основе отчуждения не только прибавочного продукта, но и значительной части необходимого, а следовательно любая западнизация, любое

западоподобие России означает деградацию, регресс "русской системы", ее разложение и волю к смерти. Западоподобные реформы (и формы – рынок, политика гражданское общество) – это всегда показатель упадка власти в России, существующей общественной структуры[8]. То, что в североатлантическом ядре капсистемы есть прогресс, у нас – регресс, потому-то русский европеец и может (должен) быть антизападником (не путать Европу, европейскую цивилизацию, к которой принадлежит Россия, с конкретной и хищной формой под названием "Запад", которая, впрочем, на наших глазах приходит в упадок, дехристианизируется, утрачивает белый цвет и превращается в постзападное месиво).

До середины XIX в. для олигархизации русской власти в ее самодержавном варианте, помимо ограничения сверху и снизу, было еще одно серьезное препятствие: отсутствие реального механизма эксплуатации, который обеспечил бы для нее экономическую базу. Реформы 1860-х годов впервые обеспечили такой механизм – капитал, прежде всего денежный, финансовый и мировой рынок. А поскольку развитие капиталистических форм в России шло главным образом сверху, это не могло не "экономизировать", а следовательно – олигархизировать саму власть. Устояв против боярско-дворянских олигархий, власть начала олигархизироваться-гнить изнутри (правда, к этому моменту, когда уже приходило в упадок дворянство, кроме самого самодержавия, олигархизироваться всерьез уже было почти некому), и это стало одной из самых главных причин его гибели. Н.Е. Врангель (отец "черного барона"), один из умнейших людей пореформенной России, прямо писал о том, что в конце XIX в. самодержавие "мало-помалу превращалось в олигархию, увы! не достойных, а только более бесстыдных" (что бы он сказал сейчас?).

Процесс этот – впервые в русской истории – привел к тому, что олигархизирующаяся власть, по сути, вступила в союз с верхушкой и значительной частью середины общества против "остального" населения, и экономический разрыв между двумя этими "зонами" стал стремительно расти. Внешне, а отчасти и по сути впервые в русской истории это воспроизвело западоподобную классовую ситуацию. Развитие капиталистических форм в России и олигархизация власти – две стороны одного процесса. Но нас в данном случае интересует олигархизация, формирование капформ и адекватных им социальных групп; их отношения с властью – особая тема, о которой нужно говорить отдельно. Здесь же отмечу, что олигархизация противопоказана, гибельна русской власти, убивает ее как власть, что и произошло в 1917 г.

Второй раз в русской истории центроверх нарушил "правило русской власти № 1" – учет и контроль над верхами – в 1980-е и особенно в 1990-е годы, когда номенклатура превратилась в класс собственников, когда произошла почти полная олигархизация власти, и последняя начала не просто эксплуатировать, а грабить население, отправляя на тот свет каждый год по миллиону человек. И опять олигархизация власти совпала с сырьевой и финансово-зависимой моделью включения в мировую систему ("модель Александра II") и появлением западоподобных классов в фарсово-карикатурной форме[9]. Впрочем, это отдельный вопрос, мы же еще раз констатируем: русскую власть замесили в Орде, а испекли в русской природно-исторической "печке" с ее незначительным избыточным продуктом, огромная часть которого идет на оборону.

X

Как соотносятся советский коммунизм и русское самодержавие – эти две формы русской власти и, как мы увидим, две фазы развития – евразийская и мировая? О советском коммунизме много писали как об отклонении от некоего нормального развития (под

нормой понимался буржуазно-либеральный вариант, к которому якобы шла Россия в конце XIX – начале XX в.), как о некой случайности. Постсоветизм – по этой логике – оказывается возвращением к норме (отмечу сразу: постсоветизм есть действительно возвращение к русским реалиям конца XIX – начала XX в. – в новых условиях и на новом витке истории, что же касается существования некой внеположенной русскому пути нормы, то это сомнительно).

А.А. Зиновьев как-то заметил, что эволюция крупных сложных систем необратима, т.е. в эволюции самой системы случайностям, меняющим вектор развития, нет места. Мы не ограничимся этим общим выводом, а бросим эмпирический взгляд на долгосрочную логику русской истории, истории русской власти с XVI в., а потом будем судить о закономерности или случайности/отклонении советского коммунизма от логики русской истории.

В истории дореволюционной России было три исторических структуры власти: Московское самодержавие (1560–1690-е), Петербургское самодержавие (1700–1850-е) и так называемая пореформенная Россия (1860-е – 1905/1917). Хотя пореформенная Россия представляет собой процесс и результат разложения Петербургского самодержавия и с этой точки зрения ее не до́лжно ставить в один ряд с "двумя самодержавиями", она, в то же время, обладает неким собственным содержательным потенциалом, связанным с прежде всего с развитием России в качестве элемента мировой капсистемы.

Точнее будет сказать так: постепенное усиление с XVIII в. включенности России в мировую систему привело к внешне бурному и внутренне уродливому развитию капитализма в России во второй половине XIX – начале XX в. Этот процесс часто называют "капиталистической модернизацией", которая вела к определенным социальным, политическим и культурным сдвигам (например, уже в 1870-е годы, как заметил М.Покровский, "Петербург Чернышевского" превратился в "Петербург кафешантанов и танцклассов", оффенбаховщины).

Обусловленная включением в мировую капсистему краткая фаза "капиталистического подъема" России совпала с пореформенным разложением самодержавия, и это создало некую остро противоречивую структуру, которая несводима ни к разложению самодержавия, ни к подъему капитализма (даже с оговоркой: русского образца). Именно эта больная сложность, которая в сфере культуры получила наиболее адекватное выражение в Серебряном Веке, соединившим в себе (воспользуемся тыняновскими метафорами из "Вазир-Мухтара") винное, уксусное и гнилостное брожение, тонкие запахи с вонью разложения, и позволяет говорить о пореформенной России как особой структуре власти в русской истории или, по крайней мере, об особой фазе.

Каждой структуре власти соответствовала своя господствующая группа – функциональный орган создавшей ее русской власти. Соответственно это были боярство, дворянство и чиновничество. Если сравнивать эти привластные группы по их численности, то каждая последующая группа превосходит предыдущую: дворяне – бояр, чиновники – дворян. Иными словами, власть в виде своих функциональных органов росла, охватывала все большую и большую часть населения, как бы прорастала в него.

Если же сравнивать господствующие группы по линии собственности, то здесь картина иная: каждая последующая группа (речь идет о среднем представителе) обладала меньшей собственностью: у дворян ее было меньше, чем у бояр; у чиновников, которые по сути были салариатом, ее было меньше, чем у дворян. Разумеется, в жизни встречались немало конкретных случаев-отклонений от указанной регулярности, однако на уровне массовых

процессов и крупных структур картина была именно такова. И на этой картине даже дворянство, которое ближе других господствующих групп в истории России подошло к состоянию классовости, выглядит с точки зрения собственности далеко не блестяще.

Чтобы вести социально приемлемый дворянский образ жизни, в период между 1779 и 1861 г., нужно было иметь не менее 100 душ или денежный эквивалент. Только 20% дворян имели 100 и более душ, остальные 80% – это, следовательно, "дубровские" и еще беднее. К тому же из верхних 20% по-дворянски значительная часть жила в долг, закладывая и перезакладывая крепостных, была "господствующим слоем", так сказать, виртуально. Неудивительно, что к 1859 г. 66% помещичьих крестьян были заложены их владельцами государству. Это и позволило Александру II сделать то, о чем мечтал его отец, один из лучших (несмотря на все ошибки) русских царей – освободить крепостных.

Тенденция к истончению привластной собственности и, как следствие, упадка слоев, ее персонифицирующих, не единственная регулярность русской динамики. Есть еще две, которые надо хотя бы упомянуть.

Одна – "демократизация" (Г.П. Федотов) господствующих групп. Как только та или иная господствующая группа опасно близко (для власти и системы в целом) подходила к превращению в политико-экономический класс, власть опрокидывала ее с помощью подпиравших ее снизу групп (дворянство – боярство, пореформенное чиновничество – боярство). Таким образом, решая свои проблемы, власть зачерпывала социальный материал все ниже и ниже. К концу XIX в. "зона" господствующих и "полугосподствующих" групп была исчерпана, и поэтому следующая системная "демократизация" произошла не "сверху", как это было от Ивана Грозного до Николая I, а снизу, в результате революции.

Другая черта динамики – цикл "подморожение – таяние". История всех структур русской власти начинается с закрепощения (на службу) властью всего общества. Затем власть постепенно отпускает слой за слоем сверху вниз, конечным пунктом этого процесса становится смута. Так, закрепостив в 1649 г. все слои населения (а не только крестьян) на службу, власть в 1762 г. отпустила дворян, позволив им не служить, а затем крестьян в 1861 г., и Россия вползла в новую смуту (вехи: убийство Александра II, подъем революционного движения, революции 1905 и 1917 гг., гражданская война, НЭП).

В 1929–1933 гг. закрепощением опять же всех слоев – от крестьян до номенклатуры и интеллигенции, которую "приписали" к различным "творческим" союзам, демонархическая власть вывела страну из смуты. В 1953–1956 гг. номенклатура "отпустила" саму себя, а в 1987–1988 гг. – саму себя (уже экономически) и население в целом. И началась новая смута, однако на этом цикл, по-видимому, ломается; к сожалению, здесь нет места анализировать эту проблему.

Если учесть долгосрочную тенденцию к истончению "слоя" собственности, принадлежащей привластным группам, то под этим углом зрения Октябрьская революция и возникновение большевистского режима представляют собой, как верно заметил В.В.Крылов, финальный и революционный акт очищения власти ("государства") от оставшихся привесков собственности. В связи с этим ясно, что исторический коммунизм и советская эпоха русской истории ни в коем случае не являются ни случайностью, ни отклонением. Это закономерная фаза русской истории, реализующая тенденцию освобождения власти от собственности, превращения в чистую, бессобственническую власть, а общество – в бессобственническое общество.

Один из парадоксов русской истории 1649–1917 гг. заключался в следующем: в то время как на поверхности, внешне, фасадно власть, общество и страна выглядели все более и более по-западному, в содержании развития становился все более выраженным иной тип и вектор (хотя и под тенденциозным углом зрения, в свое время это уловил де Кюстин), требуя для себя в перспективе новую, уже не самодержавную, но и не буржуазную форму.

Этот парадокс (тенденция, противоречие) наиболее полно проявился в изменении соотношения власти и собственности, в уменьшении собственнического потенциала господствующих групп, в логике десобственнизации власти в самодержавной России. Процесс этот на самом деле неудивителен. Если служба – главный фактор, определяющий бытие и быт господствующих групп, то неизбежен постоянный рост численности служилого люда, что и имеет место быть на Руси со времен Ивана Калиты до времен Владимира Путина (любая попытка ограничить или повернуть вспять этот рост до сих пор приводила к диаметрально противоположным, контрпродуктивным результатам).

Поскольку ресурсы в России всегда были ограничены, а следовательно, возможности значительного увеличения отчуждаемого "прибавочного продукта" были невелики, то ценой количественного роста господствующих групп было сохранение в руках их представителей все меньше и меньше собственности. Любое резкое увеличение собственности в руках некоего меньшинства в рамках господствующих групп, его обогащение, вело (как это и произошло в 1861–1917 гг. и как во многом происходит сейчас в РФ) к резкому уменьшению собственности в руках подавляющего большинства представителей господствующих групп, не говоря уже о населении в целом, их обеднению и, как следствие, становилось стимулом для разгула мздоимства для одной, большей части (семью кормить надо) и для перехода в оппозицию существующему строю, а то и в революционный лагерь, в лагерь "потрясователей", как сказал бы Н.Лесков, меньшей – более идеалистической, социально озлобленной или просто неудачливой части.

Будучи историческим разрывом, Октябрьская революция (а точнее, русская революция 1905–1933 гг.) представляет собой совершенно закономерную и преемственную с точки зрения логики русской истории фазу развития, развертывания типа власти и субъекта, выкованных взаимодействием Орды и Руси. Интересно, что новая, коммунистическая форма данных типа власти и субъекта была обретена посредством механизма "логическая преемственность через исторический разрыв", что лишний раз свидетельствует о социогенетически революционном характере этой власти. Но главное не в этом. Главное в том, что сделано это было посредством антикапиталистической революции и создания системного антикапитализма в мировом масштабе, т.е. как мировой формы русской власти. Только так – посредством перехода на мировой уровень и в форме антикапитализма – русская власть могла сохранить себя, сохранить и обрести завершенную форму.

XI

На первый взгляд, победа большевиков и установление коммунистического строя в России очень сильно удалили Россию от Европы. Не случайно критики большевиков называли их "новыми монголами", "новой Ордой". Однако если вспомнить, что большевистская революция была не только антисамодержавной, что она не только положила конец русской смуте, распаду русской власти (и страны на части), но и антикапиталистической, реализацией Большого Левого Проекта европейского Модерна, лозунгов Великой французской революции, то напрашивается диаметрально противоположный вывод: Октябрьская революция превратила Россию в сверхъевропу – в левую сверхъевропу, более того, в мировую социалистическую систему, в современное

массовое индустриальное антикапиталистическое общество.

А может верны оба вывода: антикапитализм посредством "неоорды" и "неоорда" посредством капитализма? Но прежде чем отвечать на этот вопрос, поставим другой: резонно ли связывать СССР, советский (исторический) коммунизм с самодержавием, ордынско-московской властью или Золотой Ордой? Можно ли фиксировать в одном причинно-следственном ряду феномены XV–XVI вв. и XX в.?

На эти вопросы у меня два контрвопроса – один от здравого смысла, другой – научный. Первый: резонно ли связывать 50-летнего человека с ним же самим 10–15-летним? По-моему, вполне. Второй вопрос: резонно ли связывать сегодняшний глобальный "информационный капитализм" или хотя бы индустриальный капитализм XIX в. с доиндустриальным капитализмом XVI–XVII вв.? Конечно, капитализм изменился, но его суть, цели, принципы конструкции не изменились – мы имеем дело лишь с иной, новой структурой господства капитала. Так же обстоит дело с русской властью.

В конце XIX – начале XX вв. русская власть оказалась в принципиально новых исторических (включение Евразии в мировую экономику с ее североатлантическим англосаксонским ядром), социосистемных (развитие капитализма) и экономических (развитие промышленности, индустриальной базы) условиях. Включение в мировую капсистему сделало Россию ее элементом и стимулировало развитие частной собственности. И это в то время, когда собственнический слой, собственнический нарост слабеющей русской власти и ее функциональных органов становился все тоньше – налицо была тенденция к исчезновению этого собственнического нароста. Речь идет не о частной собственности, а о собственности вообще, включая частную, которую указанная тенденция должна была смести. Альтернатива – гибель русской власти. (Забегая вперед отмечу, что история пошла как бы по "среднему пути": конкретная историческая структура русской власти – самодержавная – рухнула, однако новая, более совершенная структура, советский коммунизм, системную проблему решила. Какой человеческой ценой – другой вопрос. Необходимо, однако, заметить, что все новые системы в истории возникают крайне дорогой ценой, как чудовища, пожирающие массы людей, будь то капитализм, самодержавие или коммунизм.)

Таким образом, в начале XX в. русский общественный организм, чтобы выжить, должен был решить двойную и внутренне противоречивую, дилемматическую задачу: во-первых, довести многовековую линию очищения власти от собственности до логического конца (альтернатива – олигархизация власти, капитализация общества, пауперизация, иностранный контроль и де-факто, а то и де-юре гибель страны – многое из этого мы увидели в самом конце XX в., в 1990-е годы); во-вторых, сохранить, продолжить развитие России в мировой капиталистической системе, которая построена на частной собственности и накоплении капитала и выйти из которой по сути уже невозможно.

Единственным решением могли быть и стали антикапиталистическая (социалистическая) революция как отрицание капитала, частной собственности (и самодержавия) и советский коммунистический режим как антикапиталистический сегмент мировой системы, как антикапитал в рамках мировой капиталистической собственности. Это решение – создание революционно-антикапиталистического строя – было осуществлено в два хода двумя людьми – Лениным и Сталиным (самодержавно-крепостнический строй тоже был создан в два хода двумя людьми – Иваном Грозным и Борисом Годуновым).

Естественно, люди, совершавшие революцию, не думали ни об указанной выше дилемме, ни в системных терминах. Одни из них думали о власти, причем в мировом масштабе;

другие – о деньгах и удовольствиях; третьи – о реализации высоких идеалов и принципов, четвертые – о куске хлеба, а многие вообще ни о чем, их несло Ветром Истории. Тем не менее, у социальных систем своя железная логика, своя рациональность и она пробивает себе путь посредством интенций, воль и желаний людей, решающих, как им кажется, только свои проблемы. Как говорил Маркс, "Крот Истории роет медленно".

Большевистская революция стала историческим средством создания новой, полностью очищенной от собственности, русской власти и решения проблемы: как обеспечить существование бессобственнической власти в мировой системе, основанной на частной собственности? Но это – русская сторона дела. Была и мировая, капиталистическая, и она не менее, а быть может, как знать, и более важна: большевистская революция была тем способом, по-видимому, вообще единственным, с помощью которого мировой антикапитализм, Большой Левый Проект мог реализовать себя в качестве социума – внутри и одновременно вне капсистемы, in and out at the same time.

Русская (евразийская) власть нашла в западном (североатлантическом, мировом) капитализме, точнее в его негативной, "отрицательно-институциональной" (антисистемной, социалистической) форме средство самоочищения от собственности, включая капитал; это, в то же время, предполагало смену персонификатора русской власти, очищения ее от прогнившего, зараженного буржуазной (или парабуржуазной) собственностью, "капитализированного", олигархического самодержавия.

В свою очередь мировой антикапитализм нашел в русской власти, в ее чистой форме средство самореализации и возник как евразийский (Россия, Восточная Европа, Китай) феномен с глобальными устремлениями; эти энергетические устремления, однако, так и не реализовались в полной мере, а вещество антикапитализма осталось ограничено Евразией, за небольшими исключениями, подтверждающими "евразийское" правило. Триумфом ненавидевшего Россию Маркса и марксизма стали, по иронии истории, русская революция и ленинизм. Степной калмыцкий прищур скуластого Ильича – евразийца со смешанной (немецко-еврейско-русско-калмыцкой – воистину евразиец!) кровью стал историческим ответом Евразии мировому капиталу. За потомком поволжских степняков пришел потомок кавказцев – чУдно.

XII

С историческим коммунизмом связан некий парадокс, который до сих пор не только не объяснили как следует, но даже не замечают. Это капиталистический парадокс русской истории. Несколько лет назад, в "Колоколах Истории", я уделил ему немало места[10], поэтому здесь о нем – в самом сжатом виде. Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия, по крайней мере, со времен киников. Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм реализовался только в капиталистическую эпоху, как отрицание капитализма – отрицание, ставшее основой и средством отрицания, свержения самодержавия, т.е. решения русского вопроса ("что делать?"). "Исторический коммунизм" – это антикапитализм и только антикапитализм. В истории не было таких социальных систем как "антирабовладение" или "антифеодализм", а антикапитализм был. В равной степени, в истории не было иного субъекта, кроме русской власти, причем тоже в негативной форме антивласти – партии профессиональных революционеров, чиновников антисамодержавия и бюрократов антикапитализма одновременно, способного реализовать антикапитал как высшую (в смысле: законченную и чистую) форму русской власти.

Русская антикапиталистическая революция, планировавшаяся ее организаторами как

начало мирового погрома капитализма, буйствовала и бесновалась и под знаменами идеологии марксизма, и под лозунгами Великой Французской революции, реализовывала ее политическую программу. Эта программа была элементом геокультуры Просвещения, представляя собой революционную, "французскую" версию прогрессизма; другой, эволюционной версией был англосаксонский либерализм (не путать с "неолиберализмом" англо-американских "неоконов" наших дней, представляющим по сути правый радикализм, цель которого – глобальный погром в интересах капитала, государств ядра капсистемы и ТНК). Французская революционность иссякла в 1871 г. с Парижской коммуной. Революционный (континентальный!) проект пошел на восток и был подхвачен Россией, которая и реализовала его в виде системного коммунизма, интернационал-социализма; ответом на него родины крещеного еврея герра доктора Маркса стал национал-социализм антисемита Гитлера.

Исторический коммунизм – советская система – был решением одновременно противоречий и самодержавного строя, выходом из его тупика или, если угодно, разрубанием гордиева узла русской истории, и капиталистической системы, правда, не на уровне непосредственно материального производства, а в сфере власти и идей.

Только русская власть с ее автосубъектным, неограниченным, надзаконным характером, с ее гиперволюнтаризмом и свободой от населения (общества), превратившаяся в исторический (советский) коммунизм, могла реализовать на практике левый европейский проект и попытаться создать на евразийской основе мировой антикапитализм. Постоянно демонстрируя триумф субъекта, каковым является автосубъектная власть, над системой, которая в виду этого лишь условно, теоретически может быть названа системой, на практике же часто мы имеем дело лишь с объединением, порой деградирующим до множества, русская власть очень часто выступала в качестве сверхсубъекта, суперъевропейского субъекта, не ограниченного практически ничем.

В Европе субъект, будь то монарх, nation-state или капитал был ограничен другими социально или институционально оформленными субъектами; в России же, если и появлялась иная, чем властная, субъектность, то часто она либо не фиксировалась институционально, либо прямо стремилась к антиинституциональной авто/моносубъектности. Субъект-русская власть имел полную свободу быть сверхреволюционным независимо от конкретной властной формы (Петр I, большевики) или политического направления (левые радикалы – большевики 1917 г., правые радикалы 1990-х). Историческая природа позволяла русской власти быть суперъевропейцем как в революции, так и в реакции; впрочем, точнее будет сказать, что автосубъектный и надзаконный характер позволял русской власти метафизически существовать вообще по ту сторону революции и реакции, добра и зла – автосубъект находится вне морали и вне политики. Это – "плата" за единственность в качестве и европейца (вспомним Пушкина с его "правительство у нас единственный европеец"), и субъекта.

В любом случае внешняя европеизация и модернизация России имела тенденцию усиливать, а не ослаблять ее автосубъектную суть, ослаблялась лишь конкретная структура власти, которая вступала в острое противоречие с общей логикой развития, которую начинали воплощать антисистемные силы – революционеры, перехватывавшие не только власть, но и утрачиваемый ею революционный потенциал. А потому данная конкретная структура должна была уйти – и ушла, выковав себе могильщика в виде большевиков – ленинской "партии нового типа". Впрочем, то был промежуточный могильщик, чисто разрушительный, а потому обреченный породить своего могильщика, которым и стала "сталинская партия", одержавшая свою победу в 1929–1939 гг. и заложившая основы советского коммунизма как системы – и как новой структуры русской

власти.

Сняв/решив противоречия самодержавия, советский коммунизм создал свои противоречия, о которых здесь нет места говорить (коммунистический порядок – совершенно отдельная тема[11]) и развертывание которых привело к олигархизации власти уже во второй половине 1950-х – 1960-е годы[12], а в конце 1970-х – начале 1980-х годов к глубокому структурному кризису, который благодаря горбачевщине быстро превратился в системный и привел к крушению коммунизма, распаду соцлагеря, СССР, угрожая распадом РФ.

XIII

Есть ли будущее у русской власти как особого типа? Во-первых, ответ на этот вопрос труден по нескольким причинам: трудно прогнозировать развитие некоего феномена, когда он находится в стадии разложения – мы живем в процессе разложения позднекоммунистического порядка; трудно прогнозировать развитие, когда объект прогноза находится в точке бифуркации; наконец, трудно прогнозировать развитие некоего объекта, если он является элементом более крупной – глобальной – целостности, развивается по ее законам, а сама эта целостность вступает в полосу многомерного кризиса. Налицо волновой резонанс, наложение двух кризисов – русского, развивающегося в 1970-х годах, и мирового, берущего начало в те же семидесятые[13], и этот резонанс в принципе затрудняет прогнозирование.

Во-вторых, если все же искать подход, путь к ответу, то надо обратиться ко все той же логике русской истории в ее связи с евразийской и мировой – эволюция крупных систем необратима, альтернатива – смерть системы. Существует прямая корелляция между структурами русской власти и историями и фазами развития капиталистической системы, т.е. циклами накопления и гегемониями. Так, голландской фазе соответствует Московское самодержавие, британской – Петербургское и американской – советский коммунизм.

Известно также, что переходы от одной фазы к другой, от одной гегемонии к другой осуществлялся в виде мировых войн, в которых морские державы (Великобритания, США) побеждали континентальные (Франция, Германия). Однако решающим фактором этих побед выступал гиперконтинентальный гигант Россия/СССР, оказывавшийся главным внешним регулятором внутри капиталистической борьбы за гегемонию[14]. В то же время участие в мировых войнах за гегемонию, будь то косвенное и краткое, как в Тридцатилетней войне, 1618–1648 гг., или непосредственное и долгосрочное, как в наполеоновских войнах и двух мировых войнах XX в. оказывало огромное влияние на структуры русской власти и истории. Так, финальная фаза генезиса самодержавия пришлась на время протомировой Тридцатилетней войны, а советский коммунизм стал средством выхода русской власти из кризиса, финалом которой для нее стала мировая война 1914–1918 гг.

Наконец – и это самое главное – надо учитывать следующее: возникновение и самой русской власти, и качественно новых ее форм было тесно связано с тем ответом, которая давала эта власть на кризисы, связанные с низким уровнем избыточного продукта, с проеданием материальной субстанции предыдущей эпохи, с решением, кто должен стать объектом изъятия средств, социального раскурочивания, решением, какая форма богатства будет создаваться – демократическая или олигархическая, какой путь развития выбирается – соответствующий целостным ("национальным") или групповым ("олигархическим") интересам.

Со всей остротой эти вопросы перед русской властью возникали дважды – в конце 1560-х и в конце 1920-х годов. В первом случае было проедено ордынско-удельное наследие, возник дефицит земли для раздачи земли в качестве поместий (некоторые – Ермолай Еразм – вообще советовали Ивану IV отказаться от практики раздачи поместий и перейти к вознаграждению в виде продовольственных пайков – что и сделала коммунистическая власть в XX в. по отношению к номенклатуре). Перед властью – в лице Ивана IV – встал вопрос: кто должен стать объектом перераспределения – верхушка (более 250 кланов) или массовый слой средних и мелких служилых людей – опоры центроверха. Ясно, что интересы последнего объективно совпадали с целостными, "национальными" интересами, тогда как опора на верхи вела к олигархизации самой власти и превращению ее в нечто польско-литовскоподобное, с одной стороны, и усилению экономического давления на огромные слои населения, прежде всего на служилые, что подрывало армию и позиции России в целом.

Иван IV выбрал антиолигархический вариант; средством его реализации стала опричнина – эмбрион русской власти. Таким образом, само рождение русской власти и самодержавия как его конкретной формы было обусловлено жестким национально ориентированным социальным выбором. В противном случае не было бы ни русской власти, ни России.

К 1929 г. было проедено дореволюционное самодержавное наследие; более того, обострились все проблемы, которые большевики унаследовали от позднего (пореформенного) самодержавия, прежде всего – аграрно-крестьянский вопрос, финансово-экономическая зависимость от Запада и сырьевая ориентация экономики.

У большевиков, у Сталина, как и Ивана IV, было два варианта. Первый – развитие по нэповскому пути, означавшему дальнейшее развитие сырьевой ориентации экономики, ослабление центроверха, олигархизацию властив виде усиления эксклюзивного и весьма коррумпированного клуба "ленинская гвардия cum герои гражданской войны", усиление зависимости от промышленного Запада с угрозой утраты суверенитета (аналогичная угроза существовала в 1560–1570-е годы). Второй вариант – антиолигархический, национально ориентированный, резко расширяющий социальную базу власти и увеличивающий численность ее персонификаторов. Реализовать этот вариант можно было только насильственным путем – собственно, только так и возникают все качественно новые системы. Сталинское руководство выбрало второй вариант. Результат – Коба превратился в Иосифа Грозного, а СССР – в сверхдержаву, совершив прыжок от сохи к атомной бомбе и в космос. Ну и конечно же возникла новая форма (структура) русской власти – коммунизм, адекватный XX в., а точнее – американскому циклу накопления, той его фазе, где главным агентом выступает государственно-монополистический капитализм (ГМК). Заметим: каждый раз новая форма русской власти рождалась на основе национально, "государственно" ориентированного выбра, альтернативой которому были ничтоизация, небытие.

Сегодня Россия в третий раз приближается к судьбоносной развилке. В ближайшие годы будет проедено советское наследие, и аккурат к 100-летию Октябрьской революции перед русской властью (того, что от нее осталось после 1991 г.) со всей остротой встанет вопрос: кто будет главным объектом накопления и дальнейшего развития – масса населения или компрадорско-паразитическая верхушка; по какому пути пойдет Россия – "демократического богатства" или "олигархического богатства", национализации власти и экономики или полной олигархизации первой и второй, нации-государства (или даже нации-корпорации) или корпорации-государства[15] – хищника, который, отказываясь от социальных и национальных обязательств, отсекает от "общественного пирога" основную массу населения и пилит пирог между собой.

Оба выбора носят острый, конфликтный и опасный характер, оба чреваты новой смутой, гражданской войной. Олигархический вариант со всей очевидностью ведет к окончательному исчезновению русской власти, распаду страны, деградации и постепенному исчезновению русских как носителей особого культурно-исторического типа и представителей белой расы. Национально-государственный вариант, который по определению будет жестким и мобилизационным, создает условия для возникновения новой – посткоммунистической, а не западно-либеральной, т.е. неолигархической – формы русской власти, сохранения и развития русского мира. Первый вариант означает гибель без борьбы. Второй – шанс на историческую победу посредством жестокой внутренней и внешней борьбы. Это тот выбор – быть или не быть России, новой форме русской власти и самим русским – предстоит сделать в самые ближайшие годы.

[1] Директор Института русских исследований Московского Гуманитарного Университета; зав. Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН; канд. ист. наук; автор более 200 научных публикаций (включая 9 монографий). Сферы исследований: методология социально-исторических и гуманитарных исследований; русская история; теория развития крупных/сложных социальных систем, сравнительно-исторические исследования (Запад – Восток – Россия); капиталистическая система; глобалистика; мировая борьба за власть, ресурсы и информацию ("управляемый хаос").

[2] Для сравнения: Англия – "ин го" – "государство выдающегося таланта"; Франция – "фа го" – "государство логики закона"; Германия – "дэ го" – "государство нравственного закона"; США – "мэй го" – "прекрасное государство" (Девятов А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 33).

[3] Фурсов А.И. Княжеско-боярский комбайн (призрак олигархии бродит по России уже 500 лет. С одним и тем же успехом) // Политический журнал. – М., 2004, № 34. – С. 78–81.

[4] Развернутое изложение см.: Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия. Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (très-très grand espace dans une très-très longue durйe) // Русский исторический журнал. – М., 2001. – Т. IV, № 1–4. – С. 15–114.

[5] Подр. см.: Фурсов А.И. Капитализм в рамках антиномии "Восток – Запад": проблемы теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 16–133; 530–540; особенно с. 57–104.

[6] Демонархиями я именую структуры максимальной приближенности русской власти к состоянию моносубъектности; демонархия – это "демократическая монархия", "демоническая власть", "де- (якобы) монархия", поскольку строй этот по содержанию много сложнее и "плотнее" монархии. В русской истории фаза демонархии, как правило, идет за смутой, является выходом из нее. Следующая фаза – "оттепель": режим смягчается – прежде всего по отношению к себе, кое-что перепадает и населению; главное содержание этой фазы – борьба господствующих групп за ослабление хватки центроверха на их горле, за превращение из "слоя в себе" в "слой для себя". Оттепели сменялись застоями; на этой фазе происходила олигархизация власти; социум начинал гнить, но поначалу тепло гниения превращало эти фазы в наиболее сытые и спокойные в русской истории – в том числе за счет проедания будущего; на фазы застоя, как правило, приходились периоды наибольшего военного (внешнеполитического) могущества России/СССР – правления Николая I и Брежнева. Застои сменялись "перестройками", т.е. хаотическими, непродуманными реформами, которые быстрее или медленнее – ведут

страну к катастрофе, т.е. к новой смуте, и цикл завершается. В наиболее чистом виде цикл "проиграл" советский коммунизм; в наименее – Московское самодержавие, в котором совпали генезис "русской системы" и ее первая структура, что и обусловило смещение и взаимоналожение фаз. – Подр. см.: Фурсов А.И. Русский успех в ретроспективе и перспективе // Москва. – М., 2007, № 3.

[7] Подр. см.: Фурсов А.И. Срединность Срединной Азии. Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. – М., 1998. – Т. I, № 4. – С. 165–185; Fursov A. Eurasia Viewed from an Historical Height // World Affairs. – New Delhi, 2004. – Vol. 8, № 1. – P. 150–168; его же: Central Eurasia: Historical Centrality, Geostrategic Condition and Power Model Legacy // Towards Social Stability and Democratic Governance in Central Eurasia. Challenges to Regional Security. – Amsterdam: IOS Press. NATO Science Series, 2005. – P. 23–39.

[8] См. Фурсов А.И. Синусоида русской истории. Беседа с А.А. Прохановым // Завтра. – М., 2006, № 28.

[9] Фурсов А.И. Крах центроверха. Как номенклатура стала буржуазией // Политический журнал. – М., 2005, № 17. – С. 64–67. О мировом аспекте этого процесса см.: Фурсов А.И. Saeculum vicesimum: In memoriam (Памяти XX века) // Русский исторический журнал. – М., 2000. – Т. III, № 1–4. – С. 17–154. (гл. VIII Сумерки века, 1975–1991).

[10] Фурсов А.И. Колокола Истории. – М., 1996. – 462 с. (см. с. 21–96).

[11] См. Фурсов А.И. Кратократия, или социальная природа обществ советского типа // Социум. – М., 1991, №№ 8–12; 1993, №№ 1–8; его же: Взлет и падение перестройки // Социум. – М., 1992, №№ 9–12; 1993, №№ 1–4; 1994, №№ 1–2; его же: Излом коммунизма. Размышления над книгой А.А. Зиновьева "Гибель русского коммунизма". Вопросы, сомнения, альтернативные интерпретации // Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 2. – С. 274–402; его же: Завтра грабим короля. Власть и олигархи в СССР и постсоветской России // Политический журнал. – М., 2004, № 38. – С. 78–81; его же: Последняя смута (Владимир Путин оказался заложником вековых системных конфликтов российского государства) // Политический журнал. – М., 2004, № 1. – С. 2–5.

[12] См.: Фурсов А.И. Номенклатурные сатурналии: XX съезд – социальная мифология и реальность (маски-шоу XX съезда) // Литературная газета. – М., 2006, № 7; его же: Леонид Брежнев и его эпоха // Московские новости. – М., 2006, № 48.

[13] См.: Фурсов А.И. Рукотворный кризис (интервью Максиму Калашникову) http://www.rpmonitor.ru/, ч. 1–4, 13–16 ноября 2006 г.; его же: Россия в "буре тысячелетия" // Завтра, 2007, № 3; его же: Русский ковчег // Завтра, 2007, № 5; его же: Великий глобальный перелом. Как рождается новый социум // Смысл. – М., 2007, № 10. – С. 50–52; его же: Его прощальный поклон, или как уходит капитализм // http://www.apn.ru/; его же: Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью? // De futuro, или История будущего. – М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. – С. 255–304.

[14] Подр. см.: Фурсов А.И. Европейская система государств, англосаксы и Россия // Дехийо Л. Хрупкий баланс: Четыре столетия борьбы за господство в Европе. – М.: КМК, 2005. – С. 27–48; его же: Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты // там же. – С. 244–313; его же: Третий Рим против Третьего Рейха: третья схватка. Советско-германский покер в американском преферансе // Политический класс. – М.,

2006, № 6. – С. 83–91; № 7. – С. 88–97; его же: Россия в последней мировой войне. Размышления в год 55-летия победы // Культура. – М., 2000, № 17; его же: Нам есть еще за что сражаться // Российская Федерация сегодня. – М., 2000, № 9; его же: Счет победителей. Невыученные уроки войн, проигранных Россией // Политический журнал. – М., 2004, № 13. – С. 2–5; его же: Глобамерика: Битвы Третьей мировой и ее итог // Политический журнал. – М., 2005, № 16. – С. 58–61; его же: Победитель не получает ничего: Россия в мировых войнах // Политический журнал. – М., 2005, № 2. – С. 78–81.

[15] О корпорации-государстве см.: Фурсов А.И. Корпорация, она же государство // Эксперт. Украина. – Киев, 2006, № 7. – С. 52 – 57; его же: Кошмар светлого будущего // Москва. – М., 2007, № 5; его же: Россия выбирает между нацией-государством и корпорацией-государством // Завтра, 2007, № 40; его же; его же: Акционерное общество "государство" // Смысл. – М., 2007, № 18. – С. 66–69.

Капитал (государство как функция)

26.06.2008

Одним из проявлений автономии функции капитала является наличие в капиталистической системе такого неизвестного прежним социальным системам феномена, как государство в строгом смысле этого слова («lo stato» – термин, запущенный Макиавелли в конце XV в.).

В «докапиталистических» социумах с их внеэкономическими производственными отношениями социальное насилие встроено в эти самые отношения. При капитализме с превращением производственных отношений в экономические (обмен живого труда на овеществленный) остается целый пласт неэкономических отношений, нерегулируемых рынком; перед капитализмом вообще впервые в истории возникла проблема систематической непроизводственной регуляции внеэкономических отношений. Для этого-то и понадобился орган социального насилия, обособленный от производственных отношений, выделившийся из них. Новизна этого феномена была четко зафиксирована современниками в XV в. («новые монархии», «lo stato»). Возникнув исторически как результат разложения феодализма, в ходе изменений XV-XVIII вв. государство стало функцией капитала. В качестве функции же со временем оформилась и политика.

Благодаря именно автономии функций капитала, их способности приобретать некапиталистические формы (например, плантационное рабство), превращаясь просто в богатство в тех случаях, когда им не противостоит наемный труд, рынок становится по-настоящему мировым – он не ограничен никакой локальной природно-производительной субстанцией. Однако мировой аспект характеризует не только рынок, но и другие формы бытия функций. Причем в индустриальную, доэнтээровскую эпоху мондиализация мира, охват его капитализмом происходили прежде всего по функциональной линии.

Точнее так: функциональная экспансия капитала (экспансия капитала как функции) сильно опережала субстанциальную экспансию и часто становилась на ее пути. Как заметил В.В.Крылов, до НТР капитализм был мировым явлением только как совокупный процесс общественного производства, тогда как в качестве действительного процесса производства он был по преимуществу явлением региональным («североатлантическим»). Это несовпадение – одно из конкретных проявлений более общего несовпадения субстанции и функции капитала. И реализуется это несовпадение здесь двояко – как в социальном времени (по линиям: производительные силы – производственные отношения, производство – обмен), так и в социальном пространстве (мировой уровень, мир в целом как поле действия производственных отношений – локально-региональный уровень как поле действия индустриального производства).

На некапиталистическую почву капиталистическую субстанцию перенести намного труднее и сложнее, чем капиталистическую функцию, ее организационные формы – государство, армию, бюрократию, коммуникации и т.д. Для переноса функции не нужно быть обладателем капитала-субстанции «у себя дома», достаточно стать функциональным элементом мировой капиталистической системы, причем опять же необязательно по линии экономики, достаточно политики, межгосударственных отношений, как это и произошло в России при Петре I. При этом функциональная капитализация совершалась и происходила за счет субстанциальной капитализации и в ущерб ей, когда уничтожалось все или почти все имеющееся субстанционально «предкапиталистическое» и блокировалось развитие нового. Это опять же Россия Петра I и его преемников. Но далеко не только Россия.

Например, функциональная капитализация Индокитая (да и Юго-Восточной Азии в целом) привела к тому, что диахронные в истории Западной Европы, т.е. в ядре капиталистической системы, процессы первоначального накопления капитала (генезис капитализма) и капиталистического накопления на индокитайской периферии (и многих других частях периферии и даже на полупериферии) стали синхронными. Более того, вступили в борьбу друг с другом, и первоначальное накопление постоянно блокировало накопление капиталистическое, т.е. развитие капитализма, ведя к самовоспроизводству «долго-» или даже «вечноиганию» фазы создания предпосылок. Нечто подобное происходит в РФ, когда долгоиграющий передел факторов дальнейшего капиталистического развития блокирует это развитие.

Вывод: при капитализме, в капиталистической системе мы имеем максимальное несовпадение, противоречие между субстанцией и функцией капитала и – соответственно – структур и групп, воплощающих их в социальной реальности. При капитализме (и только при капитализме) принципиально возможно отрицание субстанции капитала посредством и на основе его же функций – вплоть до полного отрыва. Более того, тотальное, полномасштабное отрицание капитала и капитализма возможно только на функциональной основе и как функциональное; субстанциальное отрицание всегда будет частичным, непоследовательным и компромиссным (что наиболее отчётливо проявляется в истории и нынешнем состоянии социалистических и социал-демократических партий на Западе). «Оторвавшаяся», «взбесившаяся» функция, уничтожающая капитал-субстанцию, – это и есть коммунизм.

Сталин становится символом справедливой силы

РО: Андрей Ильич, что Вы думаете о причинах, по которым лидером голосования в проекте «Имя Россия» оказался Сталин?

Фурсов: За последние 15-20 лет, несмотря на то очернение советского прошлого, которое идет у нас на телеэкране и в газетах, те 20 лет, которые прошли под знаком демократии, под знаком негативного отношения к коммунизму, люди сравнивают постсоветскую реальность с советской, - как внутри страны, так и вне ее. Сталин становится для очень многих людей фигурой, которая воплощает, во-первых, социальное равенство, социальную справедливость, во-вторых, позицию СССР - России как сверхдержавы в мире. Первое место Сталина - это проявление тоски огромной части населения по такой социальной жизни, которая основывается хотя бы на минимальных принципах равенства и справедливости, и когда Советский Союз - Россия не выступают объектом воздействия каких-то стран, а являются самостоятельными игроками, которых можно уважать.

Мне запомнилось, как Юрий Нагибин в своем дневнике описывает поездку в Норвегию. Он пишет, что к нему норвежцы очень хорошо относятся, но тут же замечает, что помимо хорошего отношения лично к нему за отношением норвежцев стоит вся мощь военных сил и военно-морского флота Советского Союза.

Я думаю, это острая тяга постсоветских людей к нормальной жизни в нормальном, уважаемом в мире, государстве. Сталин становится символом этой нормальной жизни, и это несмотря на то, что последние 20 лет его поливают грязью так, как не поливали никогда.

РО: Это, на Ваш взгляд, нормально, что «именем» современной России становится Сталин? Ведь эта фигура, как минимум, неоднозначна...

Фурсов: А у нас в истории есть однозначные фигуры?

РО: Нет, конечно. Но настолько «неоднозначных» - тоже поискать.

Фурсов: Дело в том, что он неоднозначная фигура в результате целого ряда манипуляций общественным сознанием. Я затрудняюсь сказать, объективно это или нет. Огромное число проголосовавших - это само по себе факт объективный, но вообще-то все получается так, как предсказывал сам Сталин.

В разговоре с кем-то (кажется, это передавала Мариэтта Шагинян) Сталин сказал, что когда он умрет, на его могилу нанесут огромное количество грязи. Но подует свежий ветер истории и всю эту грязь разнесет, и потомки разберутся, в чем он был прав, а в чем он был неправ.

Но я подчеркиваю, что то место, которое занял Сталин в голосовании, это объясняется не самим Сталиным. Это нужно воспринимать как крайне негативное отношение основной массы населения к внутренней и внешней политике РФ.

В роли Русского Обозревателя (РО) выступала Екатерина Лурье

Кризис исторического коммунизма

Перед нами широкая панорама постепенного усыхания иерархически-контрольных внеэкономических функций центроверха, когда партийные органы сращиваются с хозяйственными, а эти последние - с теневой экономикой, т.е. с полукриминальным и криминальным миром и возникают партхозкриминальные кланы. Удивительным образом ИК в конце своего развития воспроизвёл, пусть с некоторыми модификациями, генетическую, нэповскую фазу своего развития.

См. предыдущие работы того же цикла:

А.И. Фурсов. **Исторический коммунизм: чем он не был**

А.И. Фурсов. **Противоречия исторического коммунизма**

***

Базовые системные противоречия любого общества наиболее отчётливо выступают как противоречия его господствующих групп - их социальной природы, их внутренних отношений, их отношений с остальными слоями. История советского общества и советской номенклатуры и есть процесс развёртывания основных противоречий ИК - и наоборот.

С системной точки зрения в истории господствующих групп советского общества можно выделить четыре периода.

1917-1929 гг. - генезис системы, её возникновение; самой системы в этот момент ещё нет (*«Когда вещь начинается, её ещё нет»*, любил говорить Гегель).

1929-1945 гг. - первая, ранняя стадия. Целостно-внеэкономические аспекты бытия номенклатуры господствуют безраздельно. Центроверх полностью господствует как над номенклатурой в целом, так и над её региональными (области, края, республики) и ведомственными «отрядами». Репрессии снимают слой за слоем, создавая наверху турбулентный социальный поток, что не позволяет господствующим группам откристаллизоваться и ещё более усиливает власть и хватку центроверха.

Номенклатура в этот период существует прежде всего как слой в себе, при этом она не имеет не только стопроцентных социальных и экономических гарантий своего существования, но и физических - 1930-е годы продемонстрировали это со «стеклянной ясностью». В самой номенклатуре и вокруг неё идёт процесс социогенеза (в виде репрессий - вертикальная мобильность молодого, агрессивного, находящегося в состоянии холодной гражданской войны общества), борьбы за место под солнцем, что ещё более ослабляет её позиции по отношению к центроверху.

Мощь последнего и относительно несложный (аграрно-индустриальный) характер социума вкупе с такими факторами как молодость общества, социальный энтузиазм и задачи мобилизации не позволяют сколько-нибудь проявиться последствиям третьего базового противоречия - системной деградации. Напротив, на данной стадии совпадение ячеек производства и ячеек власти становится мощнейшим фактором экономического и научно-технического прогресса.

В 1939-1945 гг. номенклатура получает передышку в репрессиях. К тому же после XVIII съезда ВКП(б) повышаются зарплаты номенклатурным работникам, пунктиром фиксируется определённый уровень социального неравенства, прежде всего, естественно, в потреблении (см. изданную в 1939 г. «Книгу о здоровой и вкусной пище», адресатом которой были верхи; гайдаровскую книгу «Тимур и его команда», 1940 г.). За два предвоенных и четыре военных года (во время войны массовых репрессий в среде номенклатуры не было) номенклатура оформилась в монолитный (несмотря на явное противоречие и противостояние партаппарата и аппарата исполнительной власти, разрешившееся в пользу первого к середине 1950-х годов) партийно-хозяйственный блок.

После войны центроверх, Сталин столкнулись с повзрослевшей номенклатурой, первоочередной задачей которой стала борьба за обеспечение физических, социальных и экономических гарантий существования. Эта борьба стала средством развёртывания основных противоречий ИК. В то же время, чем больших гарантий добивалась номенклатура для себя (а кое-что перепадало и народу), чем больших успехов она добивалась в отношениях с центроверхом, приглушая его внеэкономический (а следовательно и целостный) потенциал, чем сложнее становилась система ИК, тем очевиднее становилась системная деградация, тем сильнее начинало работать третье базовое противоречие ИК не на систему, а против неё.

1945-1965 гг. - вторая стадия; время обретения номенклатурой в борьбе с центроверхом властной и социальной зрелости в качестве господствующей группы. В истории господствующих групп советского общества этот период наиболее противоречивый, наиболее нетождественный самому себе, крайне сложный по композиции (он состоит из совершенно разных по социальному содержанию и типов конфликтов периодов: 1945-1953, 1953-1958 и 1958-1965 гг.), самый динамичный и богатый событиями и неожиданными поворотами, а также надеждами и иллюзиями период истории советского ИК. В этот период базовые противоречия ИК проявились со всей очевидностью, их хорошо изучать на материале именно этого периода (как раз поэтому впоследствии номенклатура и «шестидесятники» как «подручные партии» сделали всё, чтобы скрыть суть происходившего с помощью таких мифов как «борьба с культом личности», «оттепель», «волюнтаризм»).

Во-первых, поскольку период 1945-1965 гг. был переходным от ранней к зрелой модели ИК, многое обнажилось уже в силу самой переходности, в силу стремления номенклатуры публично отказаться от части советского прошлого, заклеймив его - при этом невозможно было не задать, хотя бы косвенно, систему в целом, её секреты.

Во-вторых, если на ранней, сталинской, стадии развития ИК полностью доминировал целостно-внеэкономический элемент первого базового противоречия, а на зрелой, брежневской, на первый план нередко выходил эконом-потребленческий (номенклатура превращалась в особую часть общества со своими интересами, несовпадающими с интересами основной массы населения), то в промежутке между двумя моделями на виду объективно оказываются оба элемента оппозиции. И хотя центроверх как воплощение целостно-внеэокномических аспектов бытия кратократии был, конечно же, сильнее, противоположные аспекты и тенденции набирали силу, становились очевидны, а вместе с ними - и сами базовые противоречия и связанные с ними процессы.

Впрочем, работала и противоположная тенденция, затемнявшая суть дела. Процессы 1945-1965 гг. протекали в форме разоблачения антипартийных групп, клановых схваток, кадровых перемещений, «поножовщины под одеялом», столкновения личных амбиций; тот факт, что стороны в борьбе должны были апеллировать к прошлому (Ленин, Сталин) и

внешне определяться в текущей борьбе в соответствии с этим прошлым в терминах, не имеющих непосредственного отношения к текущей реальности («культ личности», «восстановление ленинских норм» и т.д.), - всё это создавало внешне сложную и запутанную картину меняющихся социальных комбинаций, за которыми, однако, просматривается жесткая логика социальных законов ИК, в основе которых лежат ее основные противоречия. Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что оказавшееся на какой-то момент в состоянии эйфории внешнего освобождения общество, особенно молодая его часть, не обращала внимания на то, что делается наверху; к тому же, с середины 1950-х годов советская жизнь даже официально перестаёт сводиться к официальной властной сфере.

В-третьих, как и все промежуточно-переходные эпохи «двадцатилетка» (1945-1965) была периодом острейшей борьбы на всех уровнях властной пирамиды - решался вопрос о новой модели и о месте в этой модели групп, кланов и лиц. Занятая разноуровневой борьбой за власть и объемы потребления, номенклатура далеко не всегда могла или успевала обеспечить «прикрытие» (этим она займется позже), упускала из виду побочные эффекты, и все это максимально вскрывало реальность. Импульсивный Хрущев как нельзя лучше отражал это время, его суть, его конфликты, остропротиворечивый характер. Эпоха нашла героя. Выразила себя через него. Но не наградила его. Напротив. А ведь он решил для партноменклатуры (или партноменклатура в его лице и посредством его импульсивно-авантюрной личности решила) две важнейшие задачи.

Прежде всего, это гарантии физической безопасности верхушки. Борьба за эти гарантии составляла суть первой фазы (1945-1953) периода 1945-1965 гг. Своё конкретное выражение эти гарантии нашли в роспуске «троек» в 1953 г. (народу об этом сообщили в 1956 г. - чтобы не расслаблялся раньше времени); в решении о том, что члена ЦК можно арестовать только по решению ЦК, в ликвидации Особого совещания при МВД в сентябре 1953 г., в понижении властного статуса органов безопасности и т.п. Однако чтобы обеспечить необратимость физических гарантий, надо было: *а)* обнародовать сам факт «незаконных репрессий» (сведя их главным образом к 1937 г., т.е. к репрессиям против верхушки), сделать его фактом общественной жизни; *б)* официально осудить репрессии; *в)* свалить всю вину на конкретного человека - Сталина, выведя из под удара возможных обвинений номенлатуру, правящий слой - «партия не ошибается» (отсюда - «культ личности»). Всё это и было зафиксировано в 1956 г. на XX съезде КПСС, ставшем своеобразными «сатурналиями номенклатуры».

К этому времени, однако, главной задачей, стоявшей на номенклатурной повестке дня, была уже другая, и Хрущёв её тоже решил. Речь идёт об окончательной победе партаппарата, партноменклатуры над другими структурами и отрядами номенклатуры - потенциальными конкурентами партаппарата.

Переход к новой модели ИК не мог ограничиться обретением номенклатурой физических гарантий существования или изменения масштаба деятельности репрессивных органов - то были лишь элементы более широких и глубоких сдвигов. Должна была произойти иерархизация всех основных оргсегментов номенклатуры. Трансформация номенклатуры из слоя в себе в слой для себя требовала не просто решения структурных противоречий этого слоя, но решения в чью-то пользу и за чей-то счёт. Во властной войне за «сталинское наследие», как и во всякой войне, должны были быть победители и побеждённые.

Сталинская конфигурация власти была «параллелограммом сил»: партаппарат, госбезопасность, исполнительная власть и армия. Над всем этим возвышался Сталин,

игравший на противоречиях различных «углов» и стремившийся уравновесить их. Естественным кажется предположить, что главным углом был партаппарат, и во многом это действительно было так, особенно по мере срастания его с хозяйственными органами. Однако партаппарат «чистили» так же, как любую другую структуру, тем более что в 1940-е годы Сталин стал переносить центр тяжести власти в наркоматы (министерства), т.е. в зону исполнительной власти, лично заняв должность «предсовмина». Не случайно именно эту должность выбрал в 1953 г. и Маленков, полагая её более важной - и ошибся. Парт(хоз)аппарат набрал силу и нуждался в лидере. Таким лидером и стал Хрущёв, который в 1954 г. на жесточайшую критику Маленковым партаппарата, в повисшей тишине произнёс: *«Всё это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат - это наша опора»*. И бурные аплодисменты аппаратчиков.

Разумеется, борьба за власть - это всегда схватка личностей; но это - на поверхности. Как правило, за личностями стоят группы, слои, структуры, ведомства и т.д. Убирая своих личных конкурентов-противников, Хрущёв в то же время в их лице устранял социальных, системных конкурентов-противников партаппарата - «остальные» элементы сталинского параллелограмма властных сил. Так, убрав Берия (1953 г.) и Маленкова (1955 г.), Хрущёв вывел из властной игры такие ранее автономные оргсегменты номенклатуры как службу безопасности («властная полиция») и исполнительную власть, которая при позднем Сталине набирала силу и которую он, по-видимому, действительно хотел вывести на первый план, оставив партаппарату пропагандистско-идеологические функции, так сказать «оральную власть». Таким образом, уже накануне XX съезда Хрущёв обеспечил партаппарату верхний этаж в иерархической пирамиде, сломав «подсталинский параллелограмм» и устранив двух из трёх конкурентов. Третий, самый слабый, конкурент - армия - был устранён в 1957 г. со смещением Жукова.

Так в течение четырёх лет после смерти Сталина партноменклатура во главе с Хрущёвым не только гарантировала себе физическую безопасность, но и устранила основных конкурентов, зафиксировав их вторичное, подчинённое положение в системе власти. Теперь на повестке дня были обеспечение и фиксация экономических и социальных гарантий, дальнейшее ослабление хватки центроверха на горле номенклатуры - превращение его из диктатора в координатора-модератора интересов различных групп номенклатуры, ну и, конечно же, дальнейшее усиление партаппарата как коллективного органа, т.е. олигархизации власти. Во всём этом интересы партноменклатуры и Хрущёва разошлись; уже в 1957-1958 гг. стало ясно, что именно Хрущёв стоит на пути превращения номенклатуры в слой для себя, на пути развёртывания её основных противоречий. Последняя фаза (1958-1965) периода 1945-1965 гг. - это борьба номенклатуры, хрущёвцев против последнего сталинца (и, скорее всего, последнего троцкиста) Хрущёва.

***

Хрущёв действительно был последним сталинцем в своём собственном (1957/58-1964 гг.) режиме, возникшем на руинах режима «коллективного руководства» (1953-1957/58 гг.). От Сталина, помимо личных и умственных качеств, Хрущёва отличался ещё и тем, что считал: нельзя расстреливать людей, под которыми он понимал не людей вообще, не народ (последний он называл «винтиками», которые надо «закручивать»), а номенклатурных работников, старых большевиков, «своих». В остальном - роль центроверка во властном («политическом») и идейном плане, его (и лично Хрущёва) активное вмешательство в деятельность партаппарата (потом победившие антихрущёвцы

назовут это «волюнтаризмом» - очень точно, поскольку именно волюнтаризм противостоит «структурализму», в нашем случае - «олигархическому структурализму» Брежнева) коллективизм, «идеологические чистки», ранжирование потребления верхушки (и населения в целом), жёсткий курс «противостояния империализму» - от Суэцкого до Карибского кризиса (но не по отношению к поддержке национально-освободительного движения). Хрущёв в целом оставался сталинцем, что не могло не напрягать партхозноменклатуру.

В неменьшей степени её напрягали искренние и принципиально-системные антипотребленческие установки Хрущёва, его выступления против строительства индивидуальных дач, против широкой продажи частным лицам автомобилей, дорогой мебели, ковров, драгоценностей и т.п., за установление и фиксацию в Программе КПСС жесткого - внимание! - партмаксимума и госмаксимума (т.е. максимума зарплаты чиновникам), за рабочий контроль на предприятиях, за «орабочивание» школы и т.п. Я уже не говорю о любви Хрущёва к народному контролю, постоянным реорганизациям, перетряскам с переброской кадров с насиженных мест (часто - из столицы или крупных городов в глухую провинцию) с разрывом налаженных социальных связей, отношений «патрон - клиент» и т.д. Всё это явно противоречило набирающим силу тенденциям, связанным с ослаблением центроверха и усилением среднего уровня господствующих групп ИК, с одной стороны, и с усилением экономпотребленческого аспекта жизнедеятельности номенклатуры, с другой.

Тенденции эти проявились сразу же после войны и с ними пытался - безуспешно - бороться Сталин. Начать с того, что за время войны партноменклатура настолько переплелась в своей деятельности с хозяйственными органами, настолько «реифицировалась», что после войны было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) о недопустимости подмены партийными организациями хозяйственных органов.

В стремлении Сталина после войны полностью ранжировать управленческую верхушку и даже внешне зафиксировать это, одев максимальное число представителей номенклатуры в мундир, с одной стороны, и в постоянной критике слишком тесных связей между партийными и хозяйственными органами, с другой, четко просматривается понимание им источника угрозы его режиму в усложнении социально-экономической структуры и «избыточном» (сверх ранга) потреблении. Мундир, помимо прочего, выступал одним из средств внешней регламентации жизни (и потребления), как одно из средств решения более общей задачи: ограничить, сузить фактическое и формально-социальное пространство различных общественных групп; заблокировать, насколько это возможно, социальное деление общества профессиональным, выстроить социальную иерархию как иерархию социально значимых профессий, «заморозить» (или хотя бы «подморозить») развитие ИК его ранней, архаической стадией. Ясно, однако, что такой охранительно-реакционный курс противоречил логике развертывания основных противоречий кратократии, логике развития господствующих групп советского общества и этого общества в целом.

«Профессионализация» социальной организации прежде всего била по такому сегменту кратократии как партаппарат, с которым и столкнулся Сталин после войны. Многого мы, наверное, так никогда не узнаем. Скорее всего правы те, кто считает, что Сталин (а после его смерти - Берия и Маленков) действительно хотел перенести центр тяжести реальной власти в сферу исполнительной власти, в Совет Министров, а партии оставить функции «идеологии» и пропаганды, что в тенденции по сути означало превращение партаппарата ЦК в одно из министерств и существенно меняло облик кратократии.

С точки зрения борьбы Сталина - *Sein Kampf* - против аппарата, это имело смысл: после «ленинградского дела» и разгрома «ждановцев» не было такой «фракции» в партаппарате, на которую можно было бы опереться в игре на противоречиях, чтобы встать над схваткой, как это делал Сталин с 1922 г. Без такой игры, помимо прочего, утрачивалась власть над партаппаратом, а аппаратных средств для такой игры у Сталина уже не было. И он предпринял более радикальные шаги, чем заточенный соратниками в 1922-23 гг. в Горках Ленин - начал искать внепартаппаратную, контрпартаппаратную опору. Действительно, в такой ситуации единственным и в то же время радикальным ходом был перенос «центра гравитации» реальной власти с партаппарата на аппарат Совмина. Помимо прочего, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, это, во-первых, упростило бы систему управления и сделало бы её несколько более эффективной; во-вторых, уменьшило бы число потребителей экономического продукта, а следовательно, бремя потребления верхов, ложившееся на систему в целом. Речь, таким образом, по крайней мере, косвенно, идёт о шагах объективно в сторону более справедливого распределения общественного продукта, тогда как триумф партаппарат объективно означал движение в сторону меньшей социальной справедливости и большего неравенства.

В 1950-е годы проблемы, с которыми столкнулся во второй половине 1940-х Сталин, стали ещё более острыми; вопреки попытками решить или приглушить их, они окончательно сформировались и приобрели системный характер. Центроверх постепенно становился слабее, однако ослабление это сначало было не общим и не абсолютным, а носило структурный характер и выражалось в том, что в ЦК КПСС неуклонно росло число руководителей среднего уровня - обкомов, крайкомов, союзных и автономных республик. Если в 1939 г. их было 20%, но в 1952 г. - уже 50%. К середине 1960-х годов их стало ещё больше - тенденция, однако. Брежневизм станет триумфом обкомовско-ведомственного уровня.

Ещё более показательная ситуация с развёртыванием второго базового противоречия, выражавшаяся опять-таки в неуклонном росте внерангового потребления номенклатурой экономпродукта. Она нашла чёткое отражение в борьбе с экономическими преступлениями и истории такой организации как ОБХСС (УБХСС, БХСС).

БХСС была создана в 1937 г. и одновременно экономические преступления были переведены в разряд идеологических, что автоматически означало: политических, антисистемных. В 1947 г. действия против тех, кто экономически мешают восстановлению страны, ужесточают. До 1955 г., пишет А. Нилов в работе «Цеховики» (СПб., 2006), *«динамика развития и совершенствования сего ведомства* (БХСС. - А.Ф.) *поражает воображение оперативностью и своевременностью. Но после 1955 года следует симптоматичное затишье - ни много, ни мало на двадцать восемь лет! Именно за эти годы произошло становление подпольного производства товаров неродного потребления и достигли своего пика хищения государственной собственности и коррумпированности государственных чиновников»*.

Из этого А. Нилов делает два вывода. Вывод первый: если до середины 1950-х годов проблемами защиты социалистической собственности в течение десятилетий занимались профессионалы - *«экономисты и законники высочайшего класса, работавшие в тесной связи с верховным руководством* (центроверхом, чью волю они проводили и чьи интересы, совпадавшие в этом плане с интересами основной массы населения, они защищали. - А.Ф.)*, то после 1955 года специалисты, судя по всему, в стране перевелись.*

Вывод второй: после «водораздела» пятидесятых именно в интересах руководства страны (подч. мной, т.е. речь идёт об интересах господствующих групп, превращающихся в слой для себя и стремящихся ко всё большему внеранговому потреблению. - А.Ф.) *развитие системы* (борьбы с хищениями социалистической собственности. - А.Ф.) *притормозилось. Страшный вывод, но вполне в духе общей истории СССР».*

Пышным цветом всё это расцветёт на рубеже 1960-1970-х и в 1970-е годы (и в конечном счёте станет одним из источников, одной из составных частей перестройки, а в конечном счёте нынешнего либерпанковского социума, так сказать от проекта реформ Либермана - к обществу либерпанка), однако водораздел прошёл по 1950-м годам, по их середине, совпав - по иронии и правде Истории - с XX съездом КПСС.

В «водораздельной» (между двумя моделями) эпохе 1945-1965 гг. 1956-1957 гг. - это водораздел внутри водораздела. С этого момента пути партноменклатуры и Хрущёва, выполнившего (с точки зрения этого слоя) свою историческую роль, начинают расходиться.

Противостояние Хрущёва тенденциям ослабления власти центроверха и нарастания экономпотребленческой тенденции номенклатуры приняло форму противостояния с партаппаратом - как за десяток лет до этого у Сталина.

В этом противостоянии, устранив всех потенциальных конкурентов партаппарата, Хрущёв загнал себя в ловушку: он стал заложником этого монстра, и у него не было ни фигур, ни пространства для игры на противоречиях. Цугцванг. А не играть (т.е. не дестабилизировать ситуацию) - с учётом его психофизиологии и в ещё большей степени властно-идейной ориентации - Хрущёв не мог. И он нашёл нестандартный, в духе *«lateral thinking»* де Боно ход. Хрущёв действительно уже не мог опереться ни на что вне партаппарата, играя на противоречиях, как это делал Сталин - именно эта ситуация была ликвидирована самим Хрущ ёвым. И тогда, в 1962 г., он решил разделить партаппарат на два - промышленный (городской) и сельскохозяйственный (деревенский), на противоречиях между которыми можно было играть.

Этот «ход конём по голове» стал последней каплей, переполнившей чашу терпения номенклатуры в её стремлении к олигархизации и внеранговому потреблению («экономлиберализация» по-советски) и стоившей Хрущёву всех его постов. Помимо прочего, проводя реформу партаппарат, Хрущёв, во-первых, частично подменял производственный принцип территориальным (город - село), как это внешне ни противоречит только что сказанному и отчасти внедрял профессионально-отраслевой («содержательный») принцип во властно-производственную («функциональную») структуру. В результате заговора и октябрьского (дворцового) переворота 1964 г. Хрущёв был снят, а осенью 1965 г. были выкорчеваны последние результаты его реформ - ликвидированы совнархозы. Переходная эпоха закончилась.

Двадцатилетняя социальная война региональной и ведомственно-потребленческой, ориентированной на интеграцию в мировую капсистему номенклатуры против центроверха, против двух противников - Сталина и его могильщика - клеветника-«наследника» - окончилась её победой. В известном смысле в 1964-1965 гг. номенклатура не столько взяла верх над Хрущёвым, сколько одержала окончательную победу над Сталиным и его моделью ИК; поэтому-то Сталин перестал быть опасен и вновь появился на экранах, в прессе и т.д..

Сталин и Хрущёв воплощали рудиментарную «государственность» центра, осуществлявшего жестокий внеэкономический контроль над номенклатурой и подчинявшего её индивидуальное и узкогрупповое бытие - коллективному в широком смысле этого слова (объективно совпадавшему с интересами страны в целом); экономическое - внеэкономическому, кратко- и среднесрочное - долгосрочному. Этот центр(оверх) был адекватен, во-первых, аграрному и аграрно-индустриальному состоянию общества; во-вторых, доквазиклассовому, турбулентному состоянию номенклатуры; в-третьих, курсу на жёсткое системное противостояние капитализму («империализму»).

Показательно и символично, что поворот номенклатуры в экономпотребленческую и регионально-ведомственную сторону (ослабление центроверха) совпал с курсом на «мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем», провозглашённым XX съездом КПСС, т.е. курсом на интеграцию СССР, и прежде всего его правящего слоя в мировую капсистему. Старт этого курса - какая ирония судьбы - совпал с началом бурного развития деятельности цеховиков и расхищения социалистической собственности - вот они, истоки горбачёвщины и ельцинщины, от 1956 г. прямая линия прочерчивается к 1986 и 1996 г., продолжаясь и дальше. Однако прямой связи между хрущевизмом и горбачёвщиной нет, между ними - брежневская эпоха, занимающая бóльшую часть последней фазы развития номенклатуры и ИК - 1965-1989/91 гг. (косая черта обусловлена тем, что юридически номенклатура была упразднена в 1989 г.).

Что касается тенденции к системной деградации - результату совпадения социально-властных и производственных ячеек (организаций), то она развивалась крайне противоречиво, отражая крайне противоречивый характер эпохи. С одной стороны, фантастические достижения, столь напугавшие многих на Западе и заставивших поверить в скорые похороны капитализма. Речь идёт о первой в мире атомной электростанции в Обнинске (1954 г.), за которой последовали ещё более крупные; первый искусственный спутник Земли (1957 г.) - побочный продукт создания оружия массированного возмездия - межконтинентальных баллистических ракет; атомный ледоход «Ленин» (1959 г.); первый пилотируемый полёт человека в космос (1961 г.). К этому надо добавить широкомасштабное жилищное строительство (с 1956 по 1960 г. 54 млн. чел., т.е. 25% населения страны получили отдельные квартиры).

Однако, с другой стороны, при всех успехах противоположная, в сторону системной деградации, производственно-экономической энтропии тенденция набирала силу. В 1951-1955 гг. промышленное производство увеличилось на 85%, производство сельского хозяйства - на 20,5%, в 1956-1960 гг. - соответственно на 64,3% и 30%, а в следующей, седьмой пятилетке ещё меньше - на 51% и 11%. Именно при Хрущёве были окончательно угроблены советское сельское хозяйство, деревня, что в конечном счёте привело к повышению цен на сельхозпродукты (1962 г.: на 30% на мясо и на 25% на молоко), вызвав волнения и началу закупок зерна за рубежом. Наметилось отставание в научно-техническом соревновании в Западе, внешне прикрываемое успехами на «прорывных» направлениях; 50% рабочей силы было занято ручным трудом; экстенсивные аспекты экономического развития доминировали над интенсивными. Всё это скажется в 1970-1980-е годы.

***

Третья и последняя стадия в истории советской номенклатуры - 1965-1989/1991 гг., первая фаза которого, 1965-1981 гг. - может быть вполне резонно названа брежневской.

Брежневизм стал формой полного сущностного раскрытия базовых противоречий ИК. Причём если на ранней, сталинской стадии реально доминировал одни элементы противоречия, то на зрелой, брежневской, либо противоположные (обкомовско-ведомственный уровень по отношению к центроверху, эконом-потребленческая тенденция по отношению к внеэкономической), либо между элементами устанавливалось некое равновесие. Иными словами, в брежневизме и вообще на третьей стадии развития ИК акцентировались те элементы (оппозиции) первого и второго базового противоречий, которые на первой стадии по сути были безударными.

Номенклатура наконец решила проблему экономических и социальных гарантий своего квазиклассового, в качестве слоя для себя, существования. Средством решения стал застой. Когда в 1985 г. Горбачёв охарактеризовал этим термином брежневское время, многие решили, что речь идёт об экономике. Горбачёв же имел в виду совсем другое - отсутствие или почти отсутствие ротации кадров; в номенклатурной среде при Брежневе горизонтальная мобильность стала доминировать над вертикальной. «Ответработники», разумеется, если они не совершали чего-то уж совсем из ряда вон выходящего, старились на своих должностях или на эквивалентно-горизонтальных им. 20-30 лет на одной должности - это было нормально. Неудивительно, что в 1981 г. средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС составил 76 лет. Всё это было социальной гарантией им и их семьям. Ясно, что примат горизонтальной мобильности над вертикальной на всех (особенно от середины вверх) уровнях номенклатуры превращал её почти в закрытую группу - ещё одна характеристика квазикласса.

Поскольку реальная власть постепенно смещалась на средний уровень, ведомственные и региональные (республиканские и областные) интересы начинали господствовать над общегосударственными (в широком смысле слова), кланово-групповые - над областными и ведомственными (при этом нередко внелегальные - над легальными). К концу 1970-х годов страна де факто начала распадаться на ведомственные зоны. Во властной паре «обком - ведомство» последнее и его подразделения в ряде регионов становились наиболее сильными элементами. В частности, это так для структур топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Именно в 1970-е годы начали набирать силу сырьевые ведомственные монополии, сыгравшие зловещую роль в распаде СССР.

Если учесть, что даже в решениях XXIII съезда КПСС (1966 г.) подчёркивается необходимость превращения СССР в действительно единый народно-хозяйственный комплекс (т.е. он не был таковым к началу третьей фазы развития ИК) и что в 1970-е годы заработала - по логике позднего ИК - противоположная формированию такого комплекса тенденция ориентирующихся на свои интересы ведомственных монополий и местных властных структур, то становится ясно: утрата целостности и общности интересов на различных уровнях властесоциума - вот что было главной характеристикой рассматриваемого периода. Этому соответствовало нарастающее господство среднесрочных интересов над долгосрочными, краткосрочных - над среднесрочными; единственной стратегией стала тактика; отсюда - прогрессирующее нарастание проблем и ошибок не только во внутренней, но и во внешней политике (Афганистан). Избавившись в огромной степени от контроля центроверха, от его внеэкономической хватки номенклатура и её слои-прилипалы, слои-тени начали стремительно разбазаривать, проедать страну, её будущее. В огромной степени этому способствовало бесконтрольно нарастающее внеранговое («антииерархическое») потребление номенклатуры.

Последнее превращалось в норму. Этому способствовали сразу три взаимосвязанных фактора. Во-первых, ослабление центроверха, который, всё больше превращался в координатора-модератора отношений между различными уровневыми, региональными и отраслевыми фракциями (отрядами номенклатуры) - по крайней мере, с точки зрения внутреннего употребления центроверха. Именно во внешнем функционировании «государства СССР» в наибольшей степени сохранялись значение и роль всего того, что было связано с целостно-внеэкономическим «краем» первого базового противоречия и что поддерживалось главным образом великодержавным статусом и военной мощью СССР, которую необходимо было крепить в условиях Холодной войны.

Во-вторых, приток в 1970-е годы нефтедолларов, который позволил номенклатуре резко увеличить потребление западных товаров (последние, в свою очередь, стало дополнительным стимулом для развития сырьевой сферы, топливно-энергетического комплекса - ТЭК, с самого начала, обратим на это внимание, связанного с экономпотребленческим «сектором» жизнебытия номенклатуры).

В-третьих, развитие теневой экономики - 1970-е годы стали её подлинным триумфом, по разным оценкам до 40 млн. человек (т.е. 15% населения страны) были вовлечены в деятельность теневой экономики. Как отмечает уже цитировавшийся А. Нилов, «к началу семидесятых... сложились все предпосылки» для расцвета не только деятельности цеховиков, но и для появления в невероятных количествах «расхитителей социалистической собственности». Одна из причин - резкое ослабление активности контролирующих и проверяющих организаций. То есть фактически они продолжали своё существование, но скорее их существование было «фактическим» (там же).

В это же время, в начале 1970-х годов, пишет А. Нилов, деньги в СССР стали менять свою функцию - они начали играть безналичную роль, на них мало что можно было реально купить, по крайней мере, по госцене. Значительно бóльшую роль стали играть полезные услуги, т.е. возможность не «купить», а «достать» - дефицитные вещи, медицинскую помощь, квалифицированного репетитора для поступления в ВУЗ и т.п. И дело здесь было не только в дефиците, хотя во многом и в нём тоже. Общая система и атмосфера внерангового потребления людей, занимающих определённый ранг меняла и так иную чем при капитализме природу денег в ИК. Рубеж здесь - конец 1960-х начало 1970-х годов.

Итак, перед нами широкая панорама постепенного усыхания иерархически-контрольных внеэкономических функций центроверха, когда партийные органы сращиваются с хозяйственными, а эти последние - с теневой экономикой, т.е. с полукриминальным и криминальным миром и возникают партхозкриминальные кланы.

Удивительным образом ИК в конце своего развития воспроизвёл, пусть с некоторыми модификациями, генетическую, нэповскую фазу своего развития: олигархизация власти, с одной стороны, триумвират «комначальник - трестовик - нэпман (в роли барыги)», т.е. партхозкриминал, с другой. Сказано же: *«Как пёс возвращается на блевотину свою»* (Пр. 26:11), выход зеркален входу. В конце 1920-х - начале 1930-х годов формирующихся вместе с ИК его потенциальных могильщиков удалось нейтрализовать - скажем так. Новый слой потенциальных могильщиков, точнее, его второе издание, сформировался в брежневский период в виде партхозкриминальных кланов и своевольных ведомственных монополий; во время горбачёвского эпизода этот слой получил возможность выйти из тени, укрепиться и начать прибирать к рукам власть и имущество, ну а в ельцинский период - приватизировать ИК и вместе с ельциноидами отсечь от «общественного пирога»

90% населения, которое этот пирог пекло. Слой отсекателей выпестовала брежневская эпоха. Но мы забежали вперёд.

Если ещё раз вспомнить, что реальная власть уже в 1960-е годы начала перемещаться на регионально-ведомственный уровень, то можно говорить о том, что реальным содержанием многих единиц власти, будь то обкомы или ведомства, а также их составные части - более мелкие подразделения, стала партхозкриминальная клановость. Особенно ярко это проявилось в республиках Закавказья (грузинские цеховики были лидерами цехового производства) и Средней Азии («хлопковое дело» в Узбекистане); впрочем и в других республиках шли - менее ярко и массово - те же процессы (Украина, особенно Одесса; Краснодарский край - клан Медунова; Прибалтика; несколько московских кланов). Всё это ещё более ослабляло не только власть (центроверх), но и - объективно - целостность страны (так развёртывания двух противоречий ИК переплетались, наслаивались друг на друга), её мощь - а это уже вступало в силу третье противоречие, скрытым шифром которого была системная деградация.

1970-1980-е годы продемонстрировали это со всей очевидностью. Разумеется, было бы неверно все проблемы, трудности и кризисные явления этого периода связывать исключительно с развёртыванием третьего противоречия ИК. 1970-1980-е годы в большей или меньшей степени были периодом экономических трудностей для всего мира: на рубеже 1960-1970-х годов «повышательная волна» Кондратьевского цикла (А-Кондратьев), т.е. фаза подъёма мировой экономики сменилась «понижательной волной» (Б-Кондратьев), т.е. фаза (в целом) спада мировой экономики, и если в 1970-е годы СССР удалось избежать кризиса за счёт высоких цен на нефть, в 1980-е годы настал час расплаты. И всё же главные экономические проблемы ИК были связаны с накопившимся кумулятивным эффектом от развёртывания его базовых противоречий, в том числе третьего, ведущего к системной деградации.

С 1966 по 1985 гг. рост объёма производства в промышленности (по пятилеткам) снизился с 50% до 20%; объём производства в сельском хозяйстве - с 21% до 6%; рост производительности труда уменьшился с 39% до 16% - и это официальные цифры! На рубеже 1970-1980-х годов темпы вытеснения физического труда машинным составили 0,7% в год. В то время как прорыв к интенсивному макроэкономическому развитию на основе передовых наукоёмких секторов становился более призрачным, ИК, во-первых, стремительно шёл к исчерпанию экстенсивных факторов развития (так, на рубеже 1970-1980-х прирост трудоспособного населения снизился до 0,25% в год); во-вторых, экономически СССР всё ближе подходил к опасной черте превращения в сырьевой придаток Запада (подр. см. ниже).

Очень важный аспект системной деградации тесно связан с экономпотребленческой тенденцией-составляющей развития господствующих групп советского общества; именно она задала культурно-концептуально-концептуальный и культурно-психологический фон так называемых «косыгинских реформ». Стандартная интерпретация этих реформ такова: здравая идея экономизировать (хозрасчёт, материальная заинтересованность и т.п.) разбиралась о косную советскую номенклатуру.

Я согласен с С.В. Поповым, который считает данную интерпретацию ошибочной и полагает, что, во-первых, реформы исходно были обречены на провал, поскольку не учитывали ни природу системы, ни её социальный материал; во-вторых, они сыграли значительную роль в ускорении и усилении системной деградации ИК.

С.В. Попов считает саму попытку экономизировать советское общество катастрофической, в основе которой лежит понятийная катастрофа - замещение реалий чужими понятиями. Действительно, само проведение экономической реформы таким образом, как это было сделано, свидетельствует: во-первых, номенклатура не понимала общества, в котором живёт; во-вторых, психологически и концептуально она по сути приняла западный, капсистемный подход к социальной реальности, согласно которому экономика, рынок, сами по себе решают социальные, общесистемные задачи. Это было проявлением в концептуально-психологической сфере нарастания экономпотребленческой тенденции в развитии господствующих групп.

Один из конкретных результатов, к которым привели реформы, прост. В сталинской экономике, в отличие от капиталистической, пишет опытный управленец С.В. Коробенков, главным было не увеличение прибыли, а снижение себестоимости (отсюда снижение цен). Так называемая косыгинская реформа внедряла принцип капиталистической, рыночной экономики в советскую систему.

Поскольку советская система - не капиталистическая, в ней нет характерных для последней рычагов и механизмов, систем показателей и т.п. В результате прибыль предприятий стали оценивать по величине зарплаты. В результате *«в "передовиках"по росту заработной платы оказались руководители промышленных предприятий, раздувая её за счёт всевозможных премий, в том числе и не связанных с выполнением плановых показателей производства. ... В 1978 г. по обследованным (выборочно) 860 промышленным предприятиям премии их руководителей к должностному окладу составили в среднем свыше 40%, а в текстильной промышленности 62 процента. Не отставали от них и директора совхозов. По 49 выборочно проверенным совхозам доля премий к должностным окладам директоров составляла в среднем 43 процента»*.

В результате социальная система получила такую нагрузку, которую выдержать не могла, и реформа сошла на нет. Однако не прошла бесследно: она, во-первых, развратила значительную часть работавших, будь то рабочие или инженеры; во-вторых, материально укрепила, а во многом и сформировала тот слой управленцев, прежде всего директоров, которые воспользуются перестроечными новшествами для личного (группового) обогащения, окончательно развалят советскую экономику, а вместе с ней - страну и ИК.

Разумеется, далеко не все сектора материального хозяйства были затронуты системной деградацией; более того, далеко не все сектора были затронуты ею в сколько-нибудь значительной степени. Речь идёт о тех подсистемах, которые были жизненно важны для обеспечения её общесистемного, целостно-внеэкономического развития - оборонная промышленность, космос, атомная энергетика и некоторые другие. Здесь система была вынуждена приглушать, а то и нарушать третье базовое противоречие в пользу содержательного (специализированно-производственного, профессионального) элемента. Как заметил А.А. Зиновьев, на плохом космолёте до Венеры не долетишь. И неисправной ракетой по Америке не шарахнешь, добавлю я. Поэтому в ряде важнейших подсистем, обеспечивающих прогресс в сфере безопасности ИК системная деградация блокировалась. Впрочем, системная деградация постепенно проникала и сюда, прежде всего это сказывалось в качестве управленческих кадров.

Системная деградация в ряде секторов экономики сопровождалась целым рядом неблагоприятных социальных факторов. Параллельно нарастающей олигархизации власти и очевидными многим нарастающими социально-экономической поляризации и новому неравенству господствующие группы утрачивали легитимность в глазах значительной части населения, ширились «трофейные настроения» и апатия внизу как отражение

цинизма и «коррупции» наверху и т.д. Все эти процессы протекали в стране, которая именно в брежневский период, в 1970-е годы стала урбанистической с формально-статистической точки зрения. Именно в брежневский период окончательно сформировалось то, что можно назвать советским средним классом.

В отличие от номенклатуры он не успел стать слоем для себя, однако само его оформление внесло новые черты в систему ИК: в латентном виде возникло противоречие между номенклатурой (или её наиболее экономизированной частью) и средним классом (по крайней мере, его наиболее активной, чаще всего связанной с передовыми научно-техническими секторами частью). С момента своего возникновения это противоречие сразу же было приглушено, поскольку развивалось в «годы жирных коров» - высоких нефтяных цен. Однако оно развивалось и, более того, создавались предпосылки, закладывался фундамент для его разрешения в пользу номенклатуры, если и когда оно из тайного станет явным; предпосылки эти складывались на уровнях, недоступных советскому среднему классу - полукриминальном и криминальном внутри страны и на мировом вне её.

Чехословакия-68 и вокруг

Размышления историка 40 лет спустя

Сорок лет назад войска пяти стран - членов Организации Варшавского Договора (ОВД) вошли в Чехословакию (тогда ЧССР), после чего был насильственно прекращен процесс изменений, известный как 'Пражская весна'. По иронии истории произошло это в год 50-летия образования Чехословакии, 30-летия сдачи Великобританией и Францией Чехословакии Гитлеру в Мюнхене и 20-летия прихода коммунистов к власти в Чехословакии и смерти Томаша Масарика.

Все прошедшие 40 лет вводом войск ОВД (главным образом это были советские войска) Запад и его 'пятая колонна' у нас кололи глаза Советскому Союзу (а затем России), обвиняя его в тоталитаризме, империализме, антидемократизме и тому подобном и требуя покаяния перед несчастными чехами и словаками.

Стандартная западная трактовка чехословацких событий незамысловата: на волне абсолютно стихийного народного движения реформаторы из компартии Чехословакии (КПЧ) во главе с Александром Дубчеком пошли по пути строительства 'социализма с человеческим лицом'. Однако именно такой социализм был не нужен советскому руководству, и по политико-идеологическим причинам оно организовало военную интервенцию и прервало демократизацию социализма, приветствуемую и поддерживаемую Западом, который стремился эту интервенцию не допустить.

До сих пор эта схема используется в психоисторических сражениях, но только уже не в антикоммунистических, а в антирусских раскладах. Впрочем, антикоммунизм и русофобия сегодня почти полностью совпадают по принципу 'кругов Эйлера'. 'Целили в коммунизм, а попали в Россию', - заметил Александр Александрович Зиновьев. Не нравится Зиновьев? Обратимся к персонажу с 'другого берега' - Збигневу Бжезинскому, который уже после окончания холодной войны специально подчеркнул: не надо заблуждаться - борьба против СССР была на самом деле борьбой против России, как бы она ни называлась. Поэтому нам тоже не надо заблуждаться: те, кто сегодня вопит о преступлениях коммунизма и пытается стереть его из русской истории, - либо русофобы, либо 'слепые агенты' в их подлой игре.

В наши дни одно из главных направлений информационно-психологической войны против России заключается в том, чтобы выработать у русских разрушительные комплексы неполноценности и вины, нанести как можно более мощный урон коллективному сознанию и коллективному бессознательному нации, загнать ее в психологически оборонительную позицию. Отсюда постоянные призывы каяться: кающийся - виновен, причем сам это признает, то есть еще и веревку с собой приносит. Одна из вещей, за которые русским предлагают каяться, - это коммунизм и его 'преступные действия' внутри страны и вне ее. К подобным актам и относят ввод войск ОВД в Чехословакию.

Чтобы разобраться в том, что, как и почему произошло 40 лет назад, и противопоставить антисоветской и антирусской лжи по этому поводу правду, необходимо ответить на несколько вопросов и осветить несколько проблем.

Во-первых, восстановить подлинный ход событий в ЧССР в 1968 году и охарактеризовать реальную (а не вменяемую западной пропагандой) реакцию на них советского руководства.

Во-вторых, нужно взглянуть на то, как вел себя Запад, прежде всего США, во время 'Пражской весны'. Речь идет об официальной позиции.

В-третьих, следует рассмотреть чехословацкие события 1968 года в контексте тайной войны западных спецслужб против соцлагеря на таком театре действий, как Восточная Европа (операция 'Сплит', стратегия 'Лиотэ', Будапешт-56, Прага-68, Польша-80). Вне этого контекста реальный смысл 'Пражской весны' ускользает.

Рассмотрев указанную тематику, можно попытаться ответить на вопросы о том, к чему в действительности вела 'Пражская весна', какие соображения были определяющими во вводе войск ОВД в ЧССР, каковы основные результаты и последствия этих событий и как относиться к ним сегодня.

Чехословакия-68 - 'весна народов' или заговор прозападных верхов?

На январском пленуме КПЧ 1968 года был снят с должности первый секретарь Антонин Новотный, занявший эту должность в 1953 году, сразу же после смерти Клемента Готвальда. Новотного сменил Александр Дубчек. 22 марта 1968 года Новотный был освобожден и от должности президента страны, которую занимал с 1957 года. Этот пост занял Людвик Свобода, который получил награды во время Первой мировой войны, служа в царской армии, во Второй мировой командовал чешским корпусом Советской армии, брал Брно и Прагу, а в мемуарах маршала Конева назван 'настоящим героем'. Как считает известный специалист по истории Центральной и Восточной Европы Франсуа Фейте, в СССР спокойно отнеслись к смене руководства, рассматривая этот факт как продолжение процесса десталинизации, который развернулся в Чехословакии с 1962 года (XII съезд КПЧ), и реабилитации в 1963 году целого ряда политических деятелей, репрессированных в начале 1950-х годов.

Именно в 1963 году Дубчек стал первым секретарем компартии Словакии. Его избрание в 1968 году первым секретарем КПЧ было обусловлено следующими обстоятельствами. С 1967 года в чехословацком руководстве обострилась борьба между теми, кого на Западе называли 'радикалами' (сами они называли себя 'прогрессистами'), и 'консерваторами'. Обеим группам Дубчек казался нейтральной фигурой - по крайней мере так об этом писал Йиржи Пеликан - эдаким центристом, который может сидеть на двух стульях. Даже симпатизирующий Дубчеку американский автор Марк Курлански в работе '1968' замечает, что обычно было трудно понять его позицию.

Среди словаков был лидер иного типа - независимый, яркий, принципиальный, который был почти всем хорош: и за права словаков выступал, и против чешских националистов боролся, и репрессирован был. Отсидев 12 лет, он вышел из тюрьмы в 1963 году. Однако, во-первых, он считался слишком просоветским, поскольку в 1944 году предложил включить Словакию в состав СССР, во-вторых, ему навесили репутацию антисемита, поскольку он неоднократно говорил об антисоциалистическом, пробуржуазном крене евреев в КПЧ. Звали этого человека Густав Гусак. Разумеется, никаким антисемитом он не был: объектом его критики были отнюдь не евреи, а определенные взгляды части евреев в руководстве КПЧ. Он критиковал не национальное, а классовое, точнее, классовое по содержанию, национальное по форме, как сказал бы Сталин. События 1968 года показали, что во многом он был прав.

Гусаку предпочли податливого, обтекаемого и бесцветного говоруна Дубчека, приемлемого прежде всего для 'прогрессистов' (то есть либералов), имевшего репутацию нежесткого лидера, который любил витийствовать, с которым можно было договориться и которым можно было манипулировать, на что и рассчитывали обе группировки в руководстве. Показательно, что в конце августа 1968 года, во время переговоров в Москве с советским руководством, президент Людвик Свобода, который, по сути, спас Дубчека и его команду от ареста, настояв на их участии в переговорах, накинулся на Дубчека с упреками. Главным из них было то, что Дубчек много болтает ('Вам мало, что вы спровоцировали оккупацию своей болтовней?!').

Как заметил знаменитый историк Эрик Хобсбаум, чешские 'прогрессисты' исходили из того, что, поскольку словаки не вполне уютно чувствовали себя в 'двухсоставном' государстве, их компартия часто поддерживала внутрипартийную оппозицию. Дубчек, таким образом, мог стать объединителем всех реформаторов Чехии и Словакии. Как знать, не эти ли качества потенциального объединителя Чехии и Словакии, объективно мешавшие тем, кто вел страну к расколу уже после событий 1989 года, стали причиной автокатастрофы, после которой Дубчек оправиться не смог?..

30 января 1968 года, выступая на VII съезде сельскохозяйственных кооперативов, Дубчек заявил о необходимости демократизации социализма и перегруппировки всех общественных сил страны. Однако прошло более двух месяцев, прежде чем действительно началась 'Пражская весна'. Будущий 'серый кардинал' Дубчека Зденек Млынарж (кстати, не только однокашник Горбачева по МГУ, но и его сосед по общежитию) объясняет такую отсрочку просто: первые три месяца новое партийное руководство было занято одним из любимых дел партноменклатуры - делило кресла, а процессы в обществе тем временем шли сами по себе. Набирали силу те, кому мало было реформировать социализм - они стремились к его демонтажу, далеко не всегда прикрываясь социалистическими лозунгами, тем более что была ослаблена, а по сути, отменена цензура.

Уже в конце марта ЦК КПСС разослал партактиву закрытое письмо, в котором говорилось об опасности для социализма тенденций развития ЧССР. Особо подчеркивалась геополитическая и системно-историческая сторона дела: 'Происходящие события в Чехословакии стремятся использовать империалистические круги для расшатывания союза Чехословакии с СССР и другими братскими социалистическими странами'.

23 марта во время встречи ОВД в Дрездене Дубчеку пришлось объяснять Леониду Брежневу, Владиславу Гомулке, Вальтеру Ульбрихту и Тодору Живкову происходящее в стране, и в целом он смог их успокоить. Тем не менее в закрытом письме, разосланном ЦК КПСС после дрезденской встречи, прямо говорилось о том, что события в ЧССР могут привести к ее превращению в буржуазное государство со всеми вытекающими последствиями для соцсодружества. События показали, что это были не пустые слова. Так, в интервью, данном летом 1968 года, министр юстиции Богуслав Кучера сказал, что в условиях многопартийности в Чехословакии на выборах может победить вовсе не компартия.

Дубчек, как и другие 'центристы' (Йозеф Черник, Зденек Млынарж), действительно не хотел кардинально менять социализм в Чехословакии. По-видимому, его лично устроила бы модель кадаровского типа в Венгрии: некоторая либерализация СМИ и искусства при сохранении у власти номенклатуры с ее привилегиями, следование в фарватере советской политики. Дубчек, прожив 13 лет в СССР, строил свою карьеру как абсолютно

просоветский деятель. Показательна его первая реакция на ввод советских войск в ЧССР - слезы и сквозь слезы нечто вроде: 'Как они могли поступить так со мной, ведь я все делал для сотрудничества с ними'.

А вот у Брежнева в августе была другая точка зрения: 'Мы доверяли ему, а он нас подвел'. Правы были оба - рано или поздно несамостоятельный политик ('центрист') Дубчек должен был ошибиться в ту или иную сторону, в зависимости от того, кто сильнее давил. К концу марта 1968 года давление 'прогрессистов' - Отокара Шика, Франтишека Кригеля, Йозефа Смрковского, Эдуарда Гольдштюккера и других стало весьма сильным, что и нашло отражение в публикации 5 апреля 'Программы действий КПЧ'.

В этой программе говорилось о том, что у ЧССР свой путь к социализму, его строительство невозможно без открытого обмена мнениями и демократизации всей общественно-политической системы, в таких условиях партия не может навязывать свою власть, выступает не как руководящая сила, а просто служит делу свободного, прогрессивного социалистического развития.

Программа высказалась в поддержку деятельности различных общественно-политических клубов, возникших в Чехословакии, - 'Клуба 231' (среди 40 тысяч его членов было много не просто некоммунистов, но антикоммунистов, по мнению которых, 'хороший коммунист - мертвый коммунист'), 'Клуб вовлеченных нечленов партии' (Klub Angazovanych Nestraniku). Началась реорганизация социал-демократической партии, то есть на повестку дня был поставлен вопрос о настоящей многопартийности. Все активнее раздавались голоса об усилении контактов с Западом и о выходе из зоны советского влияния. Многое, связанное с СССР, а также с коммунистическим строем и русскими, стало подвергаться дискредитации и шельмоваться. На тех, кто готов был к реформам только в рамках социализма и не мыслил ЧССР вне ОВД, навешивали ярлыки 'консерваторов', 'реакционеров' и даже 'сталинистов'. Центристское руководство это не пресекало, а 'прогрессисты', напротив, поддерживали.

Уже в мае многие на Западе начали проводить параллели между 'Пражской весной' и венгерскими событиями. Однако на самом деле между ними было существенное различие. Как заметил Ричард Винен, автор солидной работы по истории Европы в XX веке, если венгерское восстание увенчало пятнадцатилетний период фашизма, а затем сталинизма в истории страны, то 'Пражская весна' была логическим результатом шести лет постепенных изменений в стране с традиционно негативным отношением к насилию.

И действительно, как заметил генсек НАТО Йозеф Лунс, 'Чехи - хороший народ, но не боевой'. 'Пражская весна' опиралась не на религию и национализм, а на демократические традиции. Наконец, в отличие от венгерских лидеров, выпустивших события из-под контроля сразу и в самом начале, чехословацкое руководство утрачивало контроль постепенно и к тому же не делало резких движений. Впрочем, ситуация развивалась как бы сама по себе.

В соцсодружестве одним из первых на ситуацию в ЧССР остро отреагировало руководство ГДР. Ульбрихт прямо сказал, что КПЧ теряет власть, а все происходящее в стране - часть глобальной американской и западногерманской стратегии, направленной на разрушение социализма. Более спокойной, по крайней мере внешне, была реакция советского руководства, которое ограничилось визитом в Прагу 17 мая Алексея Николаевича Косыгина и проведением военных маневров на юге Польши - у границы ЧССР (позже в июне на территории ЧССР будут проведены совместные советско-чехословацкие военные учения 'Шумава'). Как утверждают, симпатизировавший Дубчеку

Брежнев продолжал уверять членов Политбюро ЦК КПСС в его лояльности: 'Я верю Саше'. Однако оснований верить становилось все меньше. Дубчек и его команда постепенно теряли контроль над ситуацией, на первый план начали выходить уже даже не 'прогрессисты' из КПЧ, а внепартийные силы - антикоммунистически (и часто антирусски) настроенные члены различных 'общественных' и 'политических' клубов. Июнь стал началом новой фазы обострения ситуации в ЧССР и в руководстве КПЧ.

ЧССР: необыкновенное лето 1968 года

С середины июня газета 'Правда' начала критиковать отдельных членов КПЧ как ревизионистов. 27 июня критикуемые словно наносят ответный удар. В журнале Literarny Listy публикуется документ под названием '2000 слов', в котором содержится призыв к массам поддержать 'прогрессистов' в борьбе с 'консерваторами' и 'сталинистами'. Дубчек и премьер-министр Черник охарактеризовали '2000 слов' как несвоевременный документ, полный преувеличений, но признали, что авторами движут положительные намерения.

Совсем иначе оценивало появление '2000 слов' советское руководство. Статья в 'Правде' от 11 июля характеризовала документ как попытку дискредитировать КПЧ. Силы, стоявшие за манифестом '2000 слов', квалифицировались как контрреволюционные и еще более предательские и опасные, чем те, которые организовали антикоммунистическое восстание в Венгрии в 1956 году. Это была очевидная 'черная метка' чехословацкому руководству.

14 июля в Варшаве состоялась чрезвычайная встреча руководства стран ОВД, к удивлению многих - без представителей ЧССР. Позднее бежавший на Запад переводчик Гомулки расскажет, что чехословацкие руководители просто отказались приехать в Варшаву. В то же время Йосип Броз Тито и Николае Чаушеску выступили в поддержку КПЧ, подчеркнув: все, что происходит в ЧССР, - внутреннее дело этой страны.

19 июля 'Правда' объявила об обнаружении в Чехословакии американского оружия, переправленного из ФРГ, проинтерпретировав это как еще одно доказательство 'коварных планов американского империализма и западногерманского реваншизма'. Газета констатировала, что ЧССР недостаточно защищена от Запада. Это была еще одна 'черная метка' двойного назначения - Чехословакии и Западу. Некоторые даже полагают, что именно 19 июля было принято решение о вводе войск, что кажется маловероятным. Советское руководство, как отметил в своих мемуарах Маркус Вольф, начальник разведки ГДР, 'буквально до последнего часа не решалось отдать приказ о выступлении'. Что касается июля, то речь, скорее всего, должна идти об уточнении деталей плана, который разрабатывался с апреля на всякий случай.

Как вспоминает генерал-лейтенант Александр Михайлович Майоров, уже в апреле 1968 года он видел исполненную в одном экземпляре и подписанную министром обороны маршалом Андреем Антоновичем Гречко 'Карту-приказ' (масштаб 1:500000). На ней было написано: 'На вторжение 38-й армии в ЧССР с целью подавления, а при необходимости и уничтожения контрреволюции на ее территории'. Кто-то скажет: ага, вот уже когда готовились к вторжению - в апреле, уже тогда все было решено. На самом деле еще ничего не было решено. Решение было принято четыре месяца спустя, 16-19 августа. Что касается карты, то в генштабах всех стран постоянно разрабатывают оборонительные и

наступательные планы в соответствии с меняющимися обстоятельствами. 90% таких планов так и не реализуется, а остается пылиться в архивах.

В странах соцлагеря предложения о силовой акции активно зазвучали с конца мая. Так, первый секретарь ЦК ПОРП Гомулка считал целесообразным размещение на территории ЧССР советских войск, а первый секретарь БКП Живков предлагал создать в ЧССР революционное правительство, то есть, по сути, произвести переворот. Однако решающее слово было за советским руководством, а оно явно не торопилось, стремясь решить вопрос политическими методами и продолжая доверять руководству Чехословакии, которое то ли начало двойную игру, то ли уже не контролировало ситуацию, а возможно, и то и другое.

О том, насколько последовательно советское руководство стремилось именно к политическому решению вопроса, желая избежать военного решения, свидетельствуют переговоры в Черне-над-Тиссой.

Инициатором выступило советское руководство, пригласив практически все руководство ЧССР. Переговоры шли трудно: в какой-то момент чехословацкая делегация вообще демонстративно покинула зал переговоров, и советские руководители вынуждены были отправиться вслед за ними в спецвагон Дубчека. После четырехдневных обсуждений советская делегация, получив заверения чехословацкой стороны в верности социалистическому выбору и социалистическому лагерю (руководители ЧССР действительно никогда не делали попыток выйти из ОВД, как венгерское руководство в 1956 году), согласилась с тем, что чехи могут идти к социализму своим путем.

После этого делегации переехали в Братиславу, где и было подготовлено совместное коммюнике. Здание, в котором шла работа, окружила толпа, оказывавшая психологическое давление на советскую делегацию. 3 августа коммюнике было подписано. По сути, это была уступка со стороны СССР: фиксировалось право ЧССР проводить реформы так, как она считает нужным, при условии выполнения всех обязательств по отношению к ОВД.

Советское руководство шло на компромисс с 'центристами', а следовательно, и 'прогрессистами', чтобы избежать военного решения, несмотря на то что в руководстве КПЧ имелась довольно многочисленная группа, готовая сместить команду Дубчека с советской помощью. Как рассказал уже в 1989 году Васил Биляк (в 1968 году - первый секретарь словацкой компартии), 3 августа 19 видных партруководителей во главе с Биляком тайно направили Брежневу письмо с просьбой о военной помощи против Дубчека. Сместить его предлагалось до 19 августа, так как 20 августа Президиум ЦК КПЧ должен был собраться в последний раз перед съездом словацкой компартии, назначенным на 23 августа, а эту партию 19 подписантов считали контрреволюционной. 3 августа руководство СССР не пошло на силовое смещение Дубчека, полагая, что в Братиславе обо всем договорились. 5 августа 'Правда' назвала братиславское коммюнике сокрушительным ударом по планам империалистов.

Однако советские лидеры рано радовались: чем активнее дубчековское руководство работало над достижением компромисса с СССР, чем ниже опускался градус напряженности в их отношениях, тем мощнее становилось давление на 'центристов' со стороны 'прогрессистов' внутри руководства КПЧ и на руководство КПЧ в целом со стороны непартийных, как правило, антикоммунистических сил. Советская позиция на переговорах, колебания руководства СССР и других стран ОВД были истолкованы этими силами, да и 'прогрессистами' как слабость и неготовность применить силу.

К тому же лидеры ЧССР считали, что симпатии Запада обязательно материализуются в виде жесткой антисоветской позиции США в случае силовых действий со стороны СССР (например, объявление США Чехословакии такой же важной для себя зоной, как Западный Берлин). 'Те, кто питал такие надежды, - заметил по этому поводу Маркус Вольф, - полностью игнорировали реакцию США на события 17 июня 1953 года в Берлине, на венгерскую осень 1956 года и на строительство стены в 1961 году'.

В Праге и других крупнейших городах распространялись слухи о помощи Запада в случае обострения ситуации. Чехи и словаки поверили этому, забыв уроки Мюнхена, когда англосаксы и французы сдали их Гитлеру, чтобы обеспечить фюреру плацдарм и дополнительную военно-промышленную базу для нападения на СССР. В 1968 году Запад сумел вызвать у части верхушки и интеллектуалов Чехословакии уверенность, что поможет, провоцируя дальнейшее обострение отношений ЧССР и СССР.

Здесь уместно напомнить, что именно говорили накануне Мюнхена-38 по поводу Чехословакии представители английского истеблишмента, дававшего ранее гарантии этой стране: 'Чехословакия не стоит шпор даже одного британского гренадера' (Александр Кадаган, постоянный секретарь Министерства иностранных дел); 'Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии' (Артур Хендерсон). Англосаксы и их французские 'ведомые' не просто сдали Чехословакию Гитлеру, а сделали это в максимально унизительной форме, предупредив, что если жертвы осмелятся принять советскую помощь, то война против них со стороны Запада примет характер крестового похода, в стороне от которого не останутся ни Лондон, ни Париж. Чехословакией жертвовали в антисоветских, антирусских целях. В 1938 году Гитлера, во-первых, выводили к границам СССР, во-вторых, обеспечивали его мощнейшим военно-промышленным и финансовым потенциалом Чехословакии (опять же для войны с СССР). Для этого нужно было уничтожить Чехословакию. В 1968 году провоцировался кризис в соцсистеме. Для этого нужно было снова подставить Чехословакию, как минимум спровоцировав ввод войск.

Реформаторы из ЧССР рассчитывали на 'добрых', 'демократичных', 'гуманных' англосаксов типа Артура Невилла Чемберлена и его наследников. А ведь предупреждал видный русский геополитик Алексей Едрихин-Вандам, что хуже вражды с англосаксами может быть только одно - дружба с ними. Чехам, да и другим славянам вспомнить бы историю отношения к ним англосаксов в судьбоносные для Восточной Европы моменты прошлого.

Речь не идет о демонизации англосаксов и их отношения к неанглосаксонским народам. Это удостоверяемая историей формула их действий, сводящаяся к принципу 'Права или нет, но это моя страна', а мораль - это дело десятое. Очень четко в свое время это уловил один из крупнейших русских журналистов конца XIX - начала XX века Алексей Суворин: '...образованная Европа во главе с Англией считает негодование (моральное. - А.Ф.) - в медный грош, вежливые дипломатические фразы - в копейку, но зато ценит высоко ум, талант и энергию и стояние за родные интересы во что бы то ни стало. Она считает, нимало не смущаясь, свои родные интересы обязательными для всего человечества. Стояние же за международные и общечеловеческие интересы русских людей доказывает только, что эти русские люди, игнорируя родные интересы, показывают себя нулями и в общечеловечестве и потому и относятся к нему как крепостные к своему барину'.

Ведь не важно, что чехи и словаки - славяне западные, они прежде всего славяне. А следовательно, для Запада они всегда будут не просто чужими, но в социокультурном (как минимум) отношении людьми далеко не первого сорта. И хоть расовые идеи в Европе в

широком масштабе пытались реализовать немцы, именно англичане всю вторую половину XIX века разрабатывали теоретико-философские основы расизма как 'практической идеологии'. Блестящий русский публицист Михаил Меньшиков в статье 'Кончина века' (XIX) чутко зафиксировал 'тихий погром, который вносит англо-германская раса в остальное человечество'.

Вопреки историческим фактам многие западные (впрочем, не только западные) славяне продолжают смотреть на Запад с благоговением и ожиданием помощи за 'красивые глаза' (например, за плохое отношение к России). Чехословакия-68 - одно из ярких тому свидетельств.

Как только в Братиславе были достигнуты соглашения о том, что ЧССР может идти своим путем, не посягая в принципе на социализм и членство в ОВД, резко интенсифицировались хорошо организованные демонстрации, призывавшие руководство страны к более жесткому курсу по отношению к СССР, к нейтрализации Чехословакии, все чаще и громче звучали антикоммунистические лозунги.

Могли ли организаторы демонстраций не понимать, что они подрывают курс руководства страны на реформы, на построение 'социализма с человеческим лицом' именно тогда, когда Дубчек со товарищи получили от СССР 'добро'? Не могли не понимать.

Могли ли организаторы демонстраций, или, как выразился бы Николай Лесков, 'потрясователи', не понимать, что они провоцируют ввод советских войск в Чехословакию? Не могли. Значит, действовали сознательно?

Подлили масла в огонь визиты в Прагу Тито (9 августа) и Чаушеску (10 августа), которые выразили полную поддержку руководству ЧССР, а 16 августа многие чехословацкие газеты словно по мановению некоей волшебной палочки стали во все более жесткой форме требовать дальнейшей либерализации, тон статей становился все более вызывающим и антикоммунистическим. Можно сказать, что 16 августа стало своеобразным Рубиконом: советским лидерам стало ясно, что руководство ЧССР совсем утратило контроль над ситуацией и возможна смена правительства. 'Правда' тут же призвала команду Дубчека 'навести элементарный порядок', не позволять провокации в прессе и обеспечить выполнение условий братиславского коммюнике.

17 августа, по-видимому, уже полностью дезориентированный Дубчек упустил два последних шанса избежать военного решения вопроса.

В тот день с ним встретился Янош Кадар - единственный восточноевропейский лидер, которого уважали 'реформаторы'. Гомулку и Ульбрихта они считали старыми, враждебно настроенными маразматиками, а Живкова - просто дураком. Кадар в осторожных выражениям предупредил Дубчека о неизбежности ввода войск ОВД, если ситуация в ЧССР не изменится. Дубчек не понял или не захотел поверить. В тот же день он получил письмо от Брежнева, в котором тот предостерегал его от негативного развития ситуации и предлагал (!) вернуться за стол переговоров. Дубчек ничего не ответил.

18 августа советским руководством было резонно принято окончательное решение о проведении операции 'Дунай' - вводе войск в Чехословакию. Собравший в тот день весь руководящий состав Вооруженных сил СССР маршал Гречко сказал:

'Я только что вернулся с заседания Политбюро. Принято решение на ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Это решение будет осуществлено, даже если оно приведет к третьей мировой войне'.

Подобная формулировка потрясает. Во-первых, советское руководство могло пойти на риск мировой войны только в случае крайней геополитической опасности, представляющей прямую и явную угрозу существованию СССР. Во-вторых,

вызывает уважение решимость политического и военного руководства 1960-1970-х годов.

20 августа Дубчек получил таинственный звонок из Москвы (из посольства ЧССР?), которым его предупредили о вторжении, и собравшийся президиум ЦК КПЧ шестью голосами против четырех принял воззвание к народу с осуждением возможной интервенции, при этом 'четверка' - прежде всего Алоис Индра и Васил Биляк - обвинили Дубчека в установлении 'культа личности'.

Внимание: 'Влтава-666', или Когда терпение лопается

В ночь с 20 на 21 августа в эфире прозвучал сигнал 'Влтава-666', и началась операция 'Дунай', руководил которой генерал армии Иван Григорьевич Павловский. Как отмечает известный специалист по военной истории Игорь Дроговоз, в августе 1968 года Советская армия в послевоенный период осуществила самую грандиозную по своим масштабам стратегическую военную акцию. Около 30 танковых и мотострелковых дивизий СССР и его союзников по ОВД за 36 часов оккупировали страну в центре Европы (например, в Афганистане СССР воевал силами лишь четырех дивизий). Всего в боевую готовность были приведены 70 дивизий ОВД.

Полумиллионный контингент, включая вспомогательные службы (численность собственно советского военного контингента составила 165 тысяч человек), 4600 танков пересекли границы ЧССР в двух десятках пунктов. 200-тысячная чехословацкая армия, считавшаяся одной из лучших в Европе, осталась в казармах и не оказала сопротивления, получив соответствующий приказ.

В 4.00 здание ЦК КПЧ было окружено советскими десантниками. В 6.00 советская танковая колонна подошла к генштабу, и он был взят под контроль, между 6.40 и 7.00 было взято и блокировано здание правительства, к 9.00 взяты под контроль почта, телеграф, радио- и телецентры. В 9.00 десантники вошли в кабинет Дубчека и заявили, что он под надежной охраной. Затем Дубчек, Черник, Смрковский и Кригель были арестованы агентами службы безопасности ЧССР, которой руководил генерал Шалгович (по официальной версии, покончил с собой в 1991 году), и переданы советской стороне. Главным лицом в ЧССР стал 'генерал Трофимов', который почему-то носил полковничью форму. Это был член Политбюро ЦК КПСС, заместитель председателя Совета министров и 'начальник Чехословакии' Кирилл Мазуров.

Если армия ЧССР не оказала сопротивления, то гражданское население, главным образом молодежь, устраивало акции гражданского неповиновения, митинги, блокировало шоссе, люди бросали в танки камни и бутылки с зажигательной смесью ('коктейль

Молотова'), провоцировало солдат (главным образом советских), которые вели себя сдержанно. Представители других стран, испытывавшие к чехам давние 'братские' чувства и уважавшие 'орднунг', пресекали провокации огнем на поражение, и местное население это быстро уяснило. Кстати, именно эта 'братская' любовь стала причиной, по которой советское руководство отказалось от ввода в ЧССР уже приготовленных Ульбрихтом пяти дивизий (формальная причина: сегодня не 39-й год, в этом нет необходимости). Власти ГДР обиделись. Впрочем, небольшой восточногерманский контингент все же был введен в ЧССР и успел оставить по себе память.

Вообще войска ОВД получили приказ открывать только ответный огонь, и это правило в целом соблюдалось, хотя без эксцессов, естественно, не обошлось. По разным данным, во время операции 'Дунай' погибли (главным образом в результате несчастных случаев) от 100 до 300 чехов и словаков и примерно столько же солдат Советской армии. Официальные цифры советских потерь таковы: 11 военнослужащих погибли, в том числе один офицер, ранены и травмированы 87 военнослужащих, включая 19 офицеров, в авариях, при неосторожном обращении с оружием и т.п. погибли (а также умерли от болезней) 85 человек. Действительно, это был 'бархатный' ввод войск, ведь во время венгерских событий 1956 года погибли 669 военнослужащих и 1540 были ранены.

Вечером 21 августа все высшее руководство ЧССР на двух бронетранспортерах было доставлено в аэропорт и сначала вывезено в штаб Северной группы войск в Польшу, затем переправлено в Закарпатье, а оттуда в Москву на переговоры с советским руководством.

То, что лидеры ЧССР оказались за столом переговоров в Кремле, - заслуга Людвика Свободы. Руководители СССР не собирались ни о чем договариваться с Дубчеком и его командой: в глазах советских лидеров эти политики были полностью дискредитированы. В качестве участников переговоров Брежнев видел Свободу и министра национальной обороны генерала армии Мартина Дзура. Член ЦК КПЧ генерал Дзур умрет 15 января 1985 года от сердечной недостаточности. Это будет одна из четырех странных смертей министров обороны ОВД за короткий промежуток времени между декабрем 1984 года и январем 1985 года: член Политбюро ЦК КПСС маршал Дмитрий Устинов умер от сердечной недостаточности 20 декабря 1984 года; 2 декабря 1985 года та же участь постигла члена Политбюро СЕПГ, министра Национальной обороны ГДР генерала армии Хайнца Гофмана; а 15 декабря 1985 года не стало члена ЦК ВСРП, министра обороны Венгрии Иштвана Олаха.

Все восточноевропейские министры были лояльны по отношению к СССР, и их дружный уход с одинаковым диагнозом 'сердечная недостаточность' накануне антикоммунистических потрясений второй половины 1980-х годов не может не вызывать вопросы.

Появление Дубчека в Кремле - результат действия двух факторов: продолжающегося гражданского сопротивления в ЧССР и мужественной позиции 72-летнего президента Людвика Свободы. Не принадлежавший к лагерю реформаторов, вполне лояльный к СССР старый солдат Свобода поставил условие: арестованные руководители должны быть освобождены и принять участие в переговорах. Попытка оказать на него давление не удалась - Свобода, по некоторым сведениям, пригрозил самоубийством. К тому же поскольку советское руководство стремилось политически оформить ввод войск - иначе советское присутствие в ЧССР оказалось бы нелегитимным, - оно вынуждено было уступить. Арестованных не только пригласили в Кремль, но приняли с почестями как официальную делегацию.

В это же время в Праге на территории завода ЧКД (район Высочаны, отсюда название - Высочанский съезд) под охраной рабочей милиции состоялся чрезвычайный XIV съезд КПЧ. Он осудил интервенцию, потребовал вывода войск, обратился за помощью к мировому коммунистическому движению, но - и это очень важно - не потребовал выхода ЧССР из ОВД с ее дальнейшей нейтрализацией, а ведь эти лозунги были крайне популярны у 'прогрессистов'.

Не желая конфронтации, советское руководство сделало ответный ход, найдя асимметричный ответ: почти что блефуя, оно объявило о создании Революционного рабоче-крестьянского правительства, которое возглавили критики Дубчека - Индра и Биляк. Дубчеку дали понять, что если он и участники XIV съезда будут придерживаться жесткой позиции, то советское руководство договорится с его оппонентами. Кстати, все эти дипломатические ходы лишний раз показывают, насколько советское руководство стремилось избежать силового решения, а уж прибегнув к нему, хотело максимально смягчить его эффект.

После тяжелых четырехдневных переговоров, на которых чехословацкие представители находились по обе стороны баррикад, Дубчек со товарищи подписали соглашение, в котором одобряли ввод войск. Не поставил свою подпись лишь Кригель, пафосно заявив: 'Можете меня убить'. Естественно, его никто не тронул.

27 августа Дубчек уже был в Праге и, с трудом подбирая слова, обратился к народу. Он призвал верить ему и охарактеризовал все происходящее как временные меры. Так начиналась 'Пражская осень'.

'Осень, осень, ну давай у листьев спросим: где он, май, вечный май?'

Однако ситуация не становилась спокойнее. Национальное собрание объявило ввод войск нарушением хартии ООН. Впрочем, советскому руководству и так было ясно, что быстрой нормализации в ЧССР ожидать не приходится. Об этом прямо написал в ЦК КПСС генерал Алексей Епишев. В Праге и других крупных городах шли демонстрации с антикоммунистическими и антирусскими лозунгами. Стали возникать 'дубчековские клубы', молодежь активно вступала в КПЧ в знак поддержки ее курса: только в течение месяца после ввода войск в партию вступили 7199 человек, из них 63,8% - люди моложе 30 лет. Другой формой сопротивления стала эмиграция: 50 тысяч человек в течение первого месяца, 300 тысяч в целом. Учитывая складывающуюся ситуацию, советское руководство решило вывести большую часть войск - 25 дивизий - из ЧССР, 4 ноября они покинули страну. До 1991 года на территории ЧССР оставалась Центральная группа войск (ЦГВ) Советской армии (15-я гвардейская и 31-я танковая дивизии, 18-я и 30-я гвардейские и 48-я мотострелковые дивизии). Договор об этом был подписан 16 октября.

Чтобы прекратить выступления против советских войск, был разработан план 'Серый ястреб'. Как пишет Игорь Дроговоз, в случае массовых беспорядков в крупнейших городах он предполагал ввод 20 батальонов и, если необходимо, применение силы. Именно угроза 'взлета' 'Серого ястреба' предотвратила всеобщую политическую забастовку, назначенную на 31 декабря 1968 года. Командующий ЦГВ генерал-лейтенант Майоров сказал по этому поводу: 'Зная трусливые повадки правых, а также черты характера чехов и словаков (их говорливость и нерешительность), я был уверен, что наши

превентивные меры и демонстративные действия дадут результат'. Постепенно сопротивление стало сходить на нет, просоветски настроенные члены КПЧ, противники 'прогрессистов', начали вытеснять своих оппонентов, растворяя их в своей массе ('тактика салями', как назвал ее Матьяш Ракоши, лидер венгерских коммунистов, активно применявший этот подход в Венгрии в 1947-1948 годах).

В 1969 году Дубчек был снят со своего поста (в 1970 году - исключен из партии). Его место занял Гусак. Черника на посту председателя правительства сменил Любомир Штроугал. 'Пражская осень' закончилась, началось то, что горе-реформаторы назвали 'зимой'. 'Заморозки пришли из Кремля' - так озаглавил свою книгу Млынарж. В СССР на вопрос о том, что надо сделать с Чехословакией, отвечали: 'Дуб убрать, чека оставить'.

В одном из своих выступлений Брежнев обосновал ввод войск ОВД в ЧССР следующим образом: когда в той или иной социалистической стране внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются реставрировать капитализм, когда социализм оказывается под угрозой в одной стране, это проблема не только данного народа и данной страны, но всех социалистических стран. На Западе лицемерно назвали это 'доктриной Брежнева'. Лицемерно, потому что в Уставе НАТО зафиксировано, что в случае дестабилизации положения в стране - члене НАТО, угрожающей дестабилизацией в других странах - членах НАТО, организация имеет право на военное вмешательство. СССР и еще четыре страны - члены ОВД поступили по отношению к ЧССР в соответствии именно с этим прагматическим принципом 'реальной политики' эпохи холодной войны.

Кроме того, США незамедлительно вводили и вводят свои войска в любую страну, сколь бы далеко она ни находилась (от Доминиканской республики и Никарагуа до Ирака и Афганистана), если там возникает угроза их интересам, и сами или совместно со своими сателлитами подавляют любое сопротивление. В работе 'Отдача', посвященной внешней политике США, Чалмерс Джонсон (русский читатель знает его потретьей части трилогии, которую открывает 'Отдача', - книге 'Немезида') прямо говорит об этом. Он пишет, что в феврале 1948 года, именно тогда, когда чехословацкие коммунисты в результате переворота пришли к власти, южнокорейские правые с помощью США утопили в крови восстание на острове Чэчжу, вырезав 30 тысяч человек. В 1980 году во время бескровных польских событий южнокорейские власти с одобрения США жестоко подавили восстание в Кванчжу, убив 3 тысячи человек. Так при чем здесь 'доктрина Брежнева', которую американцы и натовцы склоняют уже 40 лет, трактуя ее как 'проявление советского империализма'?

А теперь обратимся к официальной позиции западных государств по поводу чехословацких событий.

События в ЧССР и 'змеиный глас' Запада

На Западе за событиями в ЧССР с самого начала наблюдали с большой заинтересованностью. Еще не успело смениться руководство КПЧ на январском пленуме 1968 года, а в английской прессе появились статьи, в которых прогнозировались антисоветские выступления в СМИ. Откуда такая осведомленность?

От англичан не отставали немцы и французы: в феврале канцлер ФРГ Курт Кизингер заговорил о возможности экономической помощи возглавляемой новым руководством ЧССР, что встретило полное одобрение президента Франции Шарля де Голля. В апреле 1968 года во Франции было принято решение широко отметить 50-летие образования Чехословакии в связи с развитием ситуации в ЧССР. Поспешил отметиться и русофоб Збигнев Бжезинский, который предсказал - и в принципе не ошибся - влияние изменений в ЧССР на другие страны соцлагеря. Аналогичную мысль в июле 1968 года высказал министр иностранных дел Франции Мишель Дебре. Это значит, что руководство западных стран с самого начала рассматривало чехословацкие события как фактор, воздействующий на всю мировую социалистическую систему, как средство ее (и прежде всего СССР) прямого и/или косвенного ослабления.

Западные европейцы не уставали нахваливать чехов и словаков за их 'демократическую зрелость', а группа американских сенаторов вообще предложила вернуть Чехословакии ее золотой запас, оказать экономическую помощь и улучшить условия торговли. Однако европейскими руководителями высказывались и другие весьма интересные и показательные точки зрения, наглядно демонстрирующие реальные планы по поводу ЧССР и соцлагеря в целом. Так, канцлер Австрии Йозеф Клаус рекомендовал президенту США Линдону Джонсону не оказывать экономическую помощь ЧССР, так как нынешнее правительство ЧССР не справится с экономическими трудностями и ему на смену придет новое, еще более приемлемое для Запада, а вот тогда-то и следует протянуть руку помощи. Этот совет дорогого стоит. Во-первых, он с ясностью свидетельствует о том, что для значительной части западной верхушки власть Дубчека-Свободы, несмотря на все их реформы и 'социализм с человеческим лицом', не была вполне приемлемой, поскольку была недостаточно антисоветской и антикоммунистической и оставляла Чехословакию в соцлагере. Не демократические реформы и не 'человеческое лицо' интересовали Запад, а антисоветская и антикоммунистическая направленность политики ЧССР, возможный выход из ОВД и т.д.

Во-вторых, политика определенных кругов на Западе по отношению к ЧССР строилась на расчете весьма вероятной смены правительства на более прозападное. С ним-то и собирались работать над дальнейшим расшатыванием соцлагеря. ЧССР в этом плане отводилась роль первой доминошной косточки, падение которой должно было завалить весь ряд. Весьма интересен и показателен вывод, прозвучавший на заседании консультативного комитета Европейского совета, которое состоялось в Страсбурге уже после ввода войск ОВД в ЧССР. Там было заявлено, что ввод войск и сложившаяся в результате ситуация сломали восточноевропейскую стратегию совета, поскольку предполагалось, что именно Чехословакия станет главным посредником в отношениях между Западной и Восточной Европой. По сути, речь идет о том, что именно стремительно розовеющей Чехословакии отводилась роль плацдарма для проникновения Запада в соцлагерь. Планы сорвались, и расширение контактов Западной Европой (прежде всего ФРГ) с СССР пошло на советских условиях.

Разумеется, попытка начать развал соцлагеря с помощью чехословацкого 'клина', рассекающего Восточную Европу почти посередине и выводящего к советской границе, - это программа-максимум. Когда-то Константин Леонтьев заметил, что чехи - это то оружие, которое славяне отбили у Запада и против него же направили. Программа-максимум была ориентирована на то, чтобы направить это 'оружие' вспять - против славян, против СССР, против русских. Программа-минимум была ориентирована на достижение той же цели, только более 'мягким' образом и более длинным путем. Запад надеялся спровоцировать СССР на ввод войск со всеми вытекающими последствиями для СССР, соцлагеря и мирового коммунистического движения. Но для этого нужно было, с

одной стороны, обострять ситуацию в самой Чехословакии, а с другой - всячески показывать Советскому Союзу, что в случае военной интервенции Запад, и прежде всего США, пальцем не пошевельнут, поскольку речь идет о традиционной зоне советского влияния и советских интересов.

США внешне вели себя весьма сдержанно. С самого начала активно выражая общую симпатию изменениям в ЧССР, особенно во встречах с представителями этой страны, американские политики давали понять советской стороне, что Восточная Европа - это сфера интересов СССР, а потому этот регион не станет причиной для столкновения двух сверхдержав. Официально такая позиция была зафиксирована в начале мая 1968 года на конференции Американской ассамблеи.

По мере обострения ситуации в ЧССР позиция невмешательства США в случае силового решения чехословацкой проблемы подчеркивалась все настойчивее. Между

25 июля и 5 августа американские официальные лица и политики как по команде делают ряд заявлений, смысл которых - невмешательство США в советско-чехословацкие отношения, поскольку это внутренние дела этих стран. Показательно, что американские заявления такого рода активно зазвучали еще до того, как был решен вопрос о вводе войск. Нельзя не согласиться с Игорем Орликом, который заметил: 'До решения о вводе войск в Чехословакию было еще далеко, а в западных столицах уже заявляли о своем невмешательстве в случае военной акции против Праги'.

В своем выступлении 27 июля Ричард Никсон заявил, что улучшение отношений с СССР необходимо, несмотря ни на что, и что именно такой курс он будет проводить в случае избрания его президентом. Так оно и произошло: советская интервенция в ЧССР не помешала США пойти в 1971-1972 годах на детант с СССР. Уже в августе 1968 года, когда советские танки шли по Праге, госсекретарь США Дин Раск выступал с речью, в которой говорил о прогрессе в советско-американских отношениях.

Существует вполне достоверная информация о том, что на вопрос Брежнева о том, признают ли США ялтинские договоренности, президент Джонсон ответил, что в отношении Румынии и ЧССР - полностью, то есть эти страны считались зоной, находящейся под контролем СССР. Поэтому Брежнев мог сказать чехословацким товарищам: 'Война из-за вас не начнется', - хотя до конца не был в этом уверен.

Неудивительно, что американский исследователь Иржи Валента с горечью заключил, что именно хорошо разрекламированная американцами политика невмешательства, которую Валента характеризует как политику безразличия, поощрила интервенционистский выбор СССР: 'Если бы США не рекламировали своей политики невмешательства, то вторжения могло бы не быть'.

Наивный Валента! Во-первых, ОВД ввел бы свои войска в любом случае (вспомним слова Гречко, и американцы это хорошо понимали), тем более что Америка увязла во Вьетнаме и летом 1968 года еще не успела прийти в себя от шока, связанного с вьетнамским наступлением 'Тет'. Я уже не говорю об экономических трудностях США в этом году, когда, как верно отметил Александр Саломатин, США проиграли экономическое соревнование с СССР и были вынуждены пойти на экономический симбиоз с Китаем и на политический детант с СССР. Во-вторых, США для того и рекламировали свое невмешательство, чтобы ввод войск состоялся (политический вариант 'стратегии непрямых действий').

Американцы могли бы просто сдержанно молчать, как это приличествует в таких случаях великой державе, но нет же, поспешили с громкими заявлениями, когда вопрос о вводе войск еще не стоял на повестке дня советского руководства. Первыми о такой возможности заговорили руководители именно западных стран. Какая трогательная 'забота' о советских интересах!

Но зато когда войска были введены, Запад использовал этот повод по полной программе. И правые, и левые закричали о 'советском империализме', а Госдеп США даже разработал специнструкцию для посольств США, в которой указывалось, как те должны использовать различные международные встречи (конференции и т.д.) для развертывания кампании дискредитации СССР. Еще больше старались европейские левые. На долгие годы ввод войск в Чехословакию стал одним из важнейших пунктов в стандартных обвинениях СССР в империализме.

Одно дело - декларации о невмешательстве в зону чужих интересов, другое дело - реальность холодной войны, тайные сражения которой велись именно в таких зонах. Восточная Европа была одной из важнейших досок мировых шахмат холодной войны с самого ее начала. Чехословацкие события следует рассматривать в контексте растянувшейся на четыре десятилетия восточноевропейской партии Запада против СССР. Именно этот контекст позволяет лучше понять суть 'Пражской весны', ее значение и роль в холодной войне, ее результаты различной срочности для развития мировой соцсистемы и крушения последней в конце 1980-х годов.

События в ЧССР занимают ключевое место в многоходовке, затеянной в конце 1940-х годов Западом и рассчитанной на многолетнюю - на несколько десятилетий - перспективу. Многоходовке, завершившейся победой Запада в глобальной психоисторической ('психоментальной' - Айзек Азимов) войне.

Дебютом восточноевропейской партии западных спецслужб можно считать операцию 'Сплит' (Split - 'Раскол', 'Расцепляющий фактор') 1948-1950 годов. Главной задачей операции было скомпрометировать СССР и местные компартии в глазах восточноевропейцев, в массе своей приветствовавших Красную армию как освободительницу от фашизма и его местных союзников и агентов. Суть операции заключалась в следующем. После окончания войны в руководстве восточноевропейских компартий было два крыла, которые на Западе характеризовали как 'сталинистов' (сторонники жесткого, репрессивного курса) и 'националистов' (сторонники более мягкого курса, учитывающего к тому же национальные особенности).

Многие американские политики считали необходимым поддержать 'националистов'. Иной была позиция шефа ЦРУ Аллена Даллеса. Он полагал, что 'мягкие' коммунисты могут сделать коммунизм, особенно по контрасту с фашизмом, более или менее приемлемым для основной массы населения. Отсюда вывод: 'националисты' должны быть уничтожены, причем руками самих же коммунистов и СССР, руководящие позиции должны занять 'сталинисты'.

В результате восточноевропейский коммунизм стартует со 'сталинистским лицом', что породит сопротивление ему, заложит под него бомбу замедленного действия и подорвет доверие к СССР.

Реализацией этого плана и стала жестокая и кровавая операция Split: были сфабрикованы документы о том, что часть руководства восточноевропейских компартий активно сотрудничает с английской разведкой и ЦРУ. Речь, конечно же, шла об

умеренных 'националистах', в частности о генсеке КПЧ Рудольфе Сланском, министре внутренних дел Венгрии Ласло Райке, заместителе премьер-министра Болгарии Тайчо Костове, генеральном секретаре польской компартии Владиславе Гомулке и, естественно, их окружении.

Эти документы были подброшены советской разведке с помощью предложившего свои услуги американской разведке полковника польской службы безопасности Йозефа Святло (кстати, именно он впоследствии арестовывал Гомулку) и косвенно - через бывшего американского дипломата, двойного агента Ноэля Хэвилэнда Филда. Сталин поверил, и по Восточной Европе прокатилась волна репрессий, большая часть арестованных и судимых были расстреляны (хотя имелись и исключения, например Гомулка, который был выпущен из тюрьмы и возглавил Польшу в 1956 году). Как отмечает Эдуард Макаревич, автор предисловия к исследованию Стивена Стюарта 'Операция 'Раскол', 'жестокие репрессии смели со сцены в странах Восточной Европы тех коммунистических лидеров, которые могли бы строить свой социализм, социализм с венгерским, чехословацким, болгарским или польским лицом. Но получилось так, что везде строился сталинский социализм. Что потом и привело сначала к волнениям познаньских рабочих в Польше в 1956 году, а потом, в конце 70-х, - к движению 'Солидарность', к восстанию в Венгрии в 1956 году, к 'бархатной' революции в Чехословакии в 1968 году'. Восточная Европа на какое-то время превратилась в приложение к СССР, в площадку для жестоких игр тайных полиций, что и вызвало отдачу в 1956 и 1968 годах.

Если 'Раскол' был дебютом в игре американских и английских спецслужб в Восточной Европе, то миттельшпиль начался венгерскими событиями 1956 года, а закончился Чехословакией-68. Это двенадцатилетие сыграло огромную долгосрочную роль в подрыве позиций СССР в Восточной Европе, в расколе мирового коммунистического движения (МКД), в занятии многими левыми на Западе антисоветских и/или антикоммунистических позиций. Ни в 1956 году в Венгрии, ни в 1968 году в Чехословакии Запад не достиг тех непосредственных политических задач, которые ставил: Венгрия и ЧССР остались внутри соцлагеря, Организации Варшавского договора (ОВД), контрреволюция была разгромлена, вслед за событиями наступила политическая стабилизация. Однако с точки зрения психоисторической - а холодная война была прежде всего войной психоисторической, 'психоментальной' и именно как таковая была выиграна Западом - связка событий 'Будапешт-56 - Прага-68' сыграла значительную роль в успехе Запада.

Разумеется, это выявилось в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе. Но психоисторическая война и есть долгосрочная война, и успехи в ней, как правило, могут быть только долгосрочными, поскольку цели и мишени в этой войне - не живые люди, а социальные группы (прежде всего интеллектуалы), кластеры массового сознания. В этом плане холодная (глобальная психоисторическая) война больше похожа даже не на шахматы, а на японскую стратегическую игру го. Этот долгосрочный системный характер холодной войны как самой настоящей войны так и не был понят советским руководством - не случайно у нас холодная война писалась в кавычках и с маленькой буквы (в настоящее время, правда, исчезли кавычки), а на Западе - с прописной и без кавычек. Боролись с угрозой 'горячей' войны и собственным пацифизмом помогали противнику разгромить себя в холодной войне.

Для Запада холодная война вообще и в Восточной Европе в частности не имела сроков - она должна была вестись до уничтожения СССР (а по сути - России, то есть холодная война продолжается и сегодня). Суть холодной войны очень хорошо видна по операции (и стратегии) 'Лиотэ', запущенной в 1950-е годы без определения срока окончания. Луи-Жубер-Гонзальв Лиотэ - французский маршал, служивший в колониальном Алжире.

Когда его утомила жара, он приказал насадить деревья, чтобы обеспечить тень. Когда ему сказали, что деревья вырастут лет эдак через пятьдесят, Лиотэ ответил, что именно поэтому начинать следует тотчас.

Целью операции 'Лиотэ' были поиск и использование уязвимых мест и противоречий в руководстве СССР и других соцстран, целенаправленное воздействие на выбранные объекты (руководство, интеллигенция, крестьянство и т.д.) путем психологической обработки и дезинформации. Например, в 1954 году, как отмечает Сергей Порохов, в рамках 'Лиотэ' началось проведение сразу трех акций: 'Акнэ' - работа над усилением разногласий в советском руководстве после смерти Сталина; 'Риббанд' - противодействие модернизации подводного флота СССР; 'Сплинтер' - работа на обострение противоречий между партией, с одной стороны, и армией и МВД - с другой. В конце 1950-х годов была запущена операция по усилению и обострению противоречий между руководством СССР и КНР. Многое из задуманного британскими спецслужбами (операция 'Лиотэ' была прежде всего их проектом) осуществилось.

Операция 'Лиотэ' планировалась как постоянная и непрерывная: 'Совершенно бесполезно ожидать немедленных или осязаемых результатов ранее чем через несколько лет. <...> Процесс воздействия на объект в большинстве случаев будет занимать годы и даже десятилетия'. Одним из таких объектов долгосрочного воздействия была Восточная Европа. В дебюте - операция 'Сплит' - удар был нанесен по региону в целом, а для миттельшпиля выбирались отдельные страны - Венгрия, а затем ЧССР.

Разумеется, в Венгрии в середине 1950-х годов существовало серьезное недовольство режимом. Однако не всякое недовольство приводит к восстанию - для него в качестве необходимого условия потребны организация, деньги и информация. Венгерские события продемонстрировали исключительно высокий уровень обеспечения этими необходимыми условиями, причем обеспечения с Запада, о чем впоследствии откровенно писали и вспоминали бывшие сотрудники ЦРУ. Денежные потоки шли с Запада через Вену. Тем же путем шло оружие.

Было подготовлено хорошо организованное ядро движения и, что не менее важно, хорошо информированное: так, у членов этого ядра были списки сотрудников госбезопасности, адреса проживания многих из них. Оставалось лишь разжечь и направить толпу, которая убивала и вешала этих сотрудников и вообще коммунистов. Хорошо был отработан и такой элемент информационной войны (и управляемого хаоса), как освещение венгерских событий в западных СМИ (при активной роли западных журналистов в самой Венгрии). Эти СМИ, с одной стороны, ничего не писали о зверствах со стороны восставших и в то же время создавали у них впечатление, что 'Запад поможет' - без такой надежды трудно представить себе восстание - оно меньше всего походило на бунт отчаяния. С другой стороны, черными красками рисовали действия усмирявших восстание венгерских властей и советских войск.

Впрочем, в организации венгерских событий есть еще один запутанный след, который ведет не на Запад, а на Восток - в Москву. Есть версия, что значительную роль в провоцировании венгерских событий сыграла некая группа в руководстве КПСС, подготовившая доклад Хрущева о 'культе личности' на XX съезде, и что представитель или представители данной группы находились в самом Будапеште в 1956 году. Действовала ли эта группа в союзе с Западом или же она решала сугубо свои внутрикоммунистические задачи и налицо совпадение краткосрочных целей - волновой резонанс, - неясно. В любом случае наличие такой группы проливает свет на многие темные пятна венгерских и более поздних событий. Но это к слову, и главной сути

приведенная версия не меняет: венгерские события 1956 года, имея под собой объективную местную основу (из ничего ничего не бывает), организовывались и направлялись из-за рубежа.

Это была попытка Запада использовать недовольство населения и просчеты венгерского руководства в своих системных и геополитических целях. Даже в случае провала программы-максимум - откола Венгрии от соцсодружества - Запад получал крупный морально-политический выигрыш. Вместе с докладом Хрущева венгерские события стали двойным ударом невиданной силы как по соцлагерю, так и по МКД - мощному мировому оружию СССР, положив начало его расколу. В то же время решительность действий СССР на десяток с лишним лет охладила пыл западных спецслужб и заставила их искать иные, чем Венгрия (в которой либерализация режима под руководством Яноша Кадара - на Западе это называли 'гуляш-социализм' - продвинулась уже в 1960-е годы достаточно далеко по меркам соцлагеря), слабые звенья.

В середине 1960-х годов таким слабым звеном и стала Чехословакия (конец миттельшпиля, который нанес мощнейший удар по МКД, поставив точку во многих процессах, начавшихся после подавления венгерского восстания), а на рубеже 1970-1980-х годов - Польша, событиями в которой начался восточноевропейский эндшпиль, завершившийся в 1989 году, после того как на Мальте Горбачев сдал американцам все, даже то, что не просили, включая Восточную Европу. И таким образом де-факто похоронил ялтинский мир, результаты, достигнутые Советским Союзом в Великой Отечественной войне ценою миллионов жизней.

'Ступай, отравленная сталь, по назначенью',

или Теория коммуниста Грамши как оружие антикоммунистов

Чехословацкие события существенно отличаются от венгерских. В ЧССР была избрана тактика не восстания, не лобового столкновения (Венгрия-56 показала, что это не проходит: у СССР броня крепка и танки быстры, к тому же чехи и словаки - не венгры), а 'мирных реформ' с акцентом на то, что Антонио Грамши назвал бы 'подрыв культурной гегемонии' власти. Такой подход предполагает активную роль определенным образом подготовленных и/или обработанных интеллектуалов.

Как писал в работе 'Другая Европа. Кризис и конец коммунизма' Жак Рупник, 'Пражская весна' знаменует апогей 'ревизионизма' в соцлагере, кульминацию конфликта между критически настроенными интеллектуалами и властью, апофеоз политического влияния интеллектуалов, занявших пространство между партией (КПЧ) и народом.

Рупник заметил очень важную вещь. Он говорил о том, что в ЧССР наряду с руководством КПЧ, по сути, сформировался еще один, во многом альтернативный центр власти - критически (то есть антикоммунистически) настроенные интеллектуалы. Их роль в чехословацком обществе он называл 'триумфом', 'апофеозом' влияния на общество, на события. Вопрос в том, кто влиял на самих интеллектуалов, способствовал их оргкристаллизации, поддерживал финансово. Ведь мы помним, как в начале 1968 года будто грибы после дождя сразу возникло большое количество общественно-политических клубов - готовая матрица антикоммунистического движения, давления на 'центристов', а в

перспективе - выдавливания их и замены другими. Вспомним также фразу Клауса о том, что помогать надо другому, более приемлемому для Запада правительству, которое придет на смену Дубчеку-Свободе.

В отличие от Венгрии, где не удалась тактика 'революционного перелома', в ЧССР в рамках холодной войны была применена тактика 'эволюционного перелома'. Тем более что XX съезд подарил всем антикоммунистам мощное оружие - антисталинизм, десталинизацию. Теперь и по компартиям, и по соцсистеме можно было наносить удары, прикрываясь целями и задачами десталинизации, отождествляя социализм/коммунизм со сталинизмом и навешивая этот ярлык на любого оппонента.

Политические и психологические технологии использования интеллектуалов в антисистемных целях, манипуляции ими были хорошо проработаны во время майских событий 1968 года во Франции ('студенческая революция'). Эти события показали, как легко интеллектуалов (студентов и преподавателей) можно превратить в послушную толпу.

События в Чехословакии имели иную природу, чем французский май, - здесь ставки были выше и подготовка велась дольше. При том что в целом работу западных спецслужб с интеллектуалами в ЧССР можно оценить довольно высоко, необходимо отметить еще один фактор, способствовавший их успеху. Если западные, особенно англоамериканские, спецслужбы, активно используя, как прямо, так и в качестве 'слепых агентов', левых, совершенствовали сферу интеллектуальной борьбы, работали с интеллектуалами, советское руководство, по сути, ничего не делало в этом направлении.

Марксистская теоретическая мысль в СССР в послевоенный период не развивалась (а ведь предупреждал Сталин: 'Без теории нам смерть, смерть, смерть'), все более костенела, превращаясь в набор оторванных от жизни догм. Мало того что для советского обществоведения реальный научный анализ советского общества был затабуирован, оно, по сути, перестало самостоятельно изучать Запад, как это делалось в 1920-1930-е годы, трактуя его с помощью устаревших схем и фактически не понимая, куда и как он движется, где его сильные и уязвимые места, - долдонили про империализм и тем самым обрекали себя на поражение в интеллектуальной схватке, когда небольшая, хорошо организованная группа интеллектуалов, поддержанная Западом, выглядит намного более убедительно и привлекательно, чем 'партийные интеллектуалы-идеологи' с их замшелыми, заскорузлыми схемами.

В 1968 году наличие воли позволило руководству СССР переломить ситуацию в Чехословакии. В 1980-е годы, когда воли уже не было и многое определялось в схватке на интеллектуально-идеологической, психоисторической арене, коммунизм потерпел поражение - даже идеологи перебежали в стан врага. Поскольку, во-первых, ничего не могли противопоставить ему в плане идей, во-вторых, западная теория внешне выглядела намного привлекательнее марксистской, а понять, что скрывается за ее фасадом, у тупых советских идеологов-ренегатов не было ни умения, ни желания. Западные интеллектуалы и их 'пятая колонна' в соцлагере в 1980-е годы оказались сильнее.

И все же, как показали чехословацкие события, интеллектуалы сами по себе не могут опрокинуть систему, необходима поддержка более широких слоев, прежде всего - рабочего класса, а следовательно, нужно работать с ним. Пожалуй, это был главный вывод, который сделали соответствующие западные службы, задействованные в психоисторической войне. Поэтому, не прекращая работы с интеллигенцией, в том числе и в СССР, они начали активно разрабатывать рабочий класс. Наиболее подходящей

страной оказалась Польша (начало - 1970 год, первые результаты - в самом конце 1970-х; своеобразный 12-летний цикл - 1956-1968-1980 годы).

Причин польского выбора несколько: роль католицизма, польского национализма, замешенного на русофобии, наличие сплоченных и наиболее хорошо организуемых отрядов рабочего класса - портовые рабочие (Гданьск) и шахтеры. И наконец, факт отсутствия в Польше сколько-нибудь значительной интеллектуальной элиты вообще и антикоммунистической интеллектуальной элиты в частности. Впрочем, в Польше место светской интеллектуальной элиты заняли представители Католической церкви. Таким образом, после Праги-68 Запад в расшатывании соцсистемы вернулся к тактике Будапешта-56 (национализм, религия), но с серьезной модификацией: упор на рабочий класс, на создание антикоммунистического рабочего движения, направленного против системы, против Польской объединенной рабочей партии - 'ступай, отравленная сталь, по назначенью'. Можно сказать, что события в Чехословакии эмпирическим путем вывели Запад на верную социальную стратегию борьбы с коммунизмом. По крайней мере в Польше она сработала, а Польша стала той первой костяшкой, которая если не завалила соцлагерь по принципу домино, то весьма способствовала этому. Здесь мы подходим к вопросу о результатах и последствиях ввода войск ОВД в ЧССР.

'Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется':

результаты ввода войск в ЧССР без предвидения и без благодати

Краткосрочный результат ввода войск в ЧССР был, безусловно, положительным для соцсистемы: почти в самом начале была пресечена попытка дестабилизации социалистического лагеря, не допущено ухудшение европейских и мировых геополитических позиций соцлагеря в целом и главным образом СССР.

В связи с этим нельзя согласиться с мнением тех, кто считает, что ввод войск ОВД в ЧССР нанес серьезный ущерб позициям СССР в мировой политике, осложнив отношения с Западом. Если бы это было так, то не было бы никакого детанта уже в начале 1970-х, всего через два-три года после чехословацких событий. В мировой политике, то есть борьбе, прочные позиции обеспечиваются примерным военно-стратегическим паритетом - наличием силы, а не холуйскими улыбками до ушей и готовностью соглашаться, подквакивать сильным и кланяться. Именно последние качества активно демонстрировали горбачевский СССР и постсоветская Россия, особенно в 1990-е годы. Результат - резкое, катастрофическое ослабление позиций на мировой арене, геополитическое поражение.

Именно жесткая позиция СССР, занятая во время чехословацкого кризиса, стала, как это ни парадоксально на первый взгляд, одним из факторов, приблизивших детант, то есть разрядку напряженности на уровне государств. На другом уровне - надгосударственном, наднациональном - под видом сближения с СССР с конца 1960-х годов начала реализовываться принципиально новая стратегия борьбы с соцлагерем - удушение в объятиях. Военная мощь и мастерство, проявленные СССР при вводе войск в ЧССР, были фактором, обусловившим как разрядку, так и этот поворот. В основе того и другого лежал страх, и здесь напрашивается аналогия с 1849-1850 годами, когда военная мощь, продемонстрированная Россией Николая I, которая осуществила ввод войск в Австро-Венгрию и спасла ее, подавив венгерское восстание, вызвала такой страх на Западе,

прежде всего в Великобритании, что ответной реакцией стал самый настоящий крестовый поход Запада во главе с Великобританией против России - Крымская война.

Крестовый поход против СССР, начатый на рубеже 1960-1970-х годов наднациональными и во многом специально для этого похода и созданными структурами ('Трехсторонняя комиссия' и др.), был не военным, а прежде всего информационно-экономическим - брежневский СССР стоял на неизмеримо более прочном фундаменте, чем николаевская Россия, - на сталинском, а потому ни военным путем, ни с помощью изматывающей гонки вооружений победить его было невозможно. Отсюда - выбор Запада в пользу информационно-экономического удушения в объятиях. Этот крестовый поход, как и Крымская война, увенчался победой Запада, но далеко не сразу, а спустя два десятилетия. И какую-то свою роль сыграли в этом долгосрочные последствия ввода войск в Чехословакию - те последствия, результаты которых в полной мере стали проявляться с конца 1970-х годов, совпав с усилением западного наступления, с одной стороны, и нарастанием структурного кризиса в СССР (в 1980-е горбачевщина превратит его в системный) - с другой.

Главные негативные последствия ввода войск в ЧССР касались не наших отношений с Западом, а ситуации в мировом коммунистическом и - более широко - в левом движении и в Восточной Европе, прежде всего в Чехословакии, где среди населения стали активно распространяться антисоциалистические и антирусские настроения, и в принципе чехословаков можно понять. В этом плане ввод войск ОВД в ЧССР был пирровой победой.

Прежде всего он привел к двойному обострению, если не двойному расколу - между частью мирового левого и МКД, с одной стороны, и расколу внутри самого МКД (из 88 компартий мира только 10 безоговорочно поддержали действия ОВД) - с другой. Если XX съезд КПСС стал фактором раскола, упрощенно говоря, между европейской и азиатской частями МКД, то чехословацкие события раскололи уже европейский сегмент МКД. Еврокоммунизм французской, итальянской и испанской компартий 1970-х годов - это ответ и на внутрикапиталистические изменения, и на межсистемные отношения (детант), и на ввод войск в Чехословакию. Еще в июле - начале августа 1968 года руководители компартий Франции (Вальдек Роше), Италии (Луиджи Лонго), Испании (Сантьяго Каррильо) предупредили советское руководство о недопустимости силового решения, о том, сколь негативными могут быть последствия.

После августа-68 среди западных левых интеллектуалов - традиционного внутрикапиталистического союзника СССР по таким вопросам, как критика империализма, борьба за мир и т.п., - стал активно распространяться антисоветизм. Именно левые интеллектуалы, многие из которых в 1970-1980-е годы либо поправели, либо просто перешли в правый лагерь, стали активно создавать образ СССР как обычной империалистической державы. После 1968 года СССР в глазах многих, если не большинства, левых окончательно утратил ореол революционности и антисистемности, окончательно перестал быть воплощением царства свободы, справедливости и социальных экспериментов, чему способствовали и внутренние социальные (квазиклассовые) изменения в самом Советском Союзе.

Если до миттельшпиля 1956-1968 годов СССР в лице компартий и левого движения активно присутствовал во внутренних политических играх Запада (о 1920-х - начале 1950-х годов я уже и не говорю), то после 1968 года он оказался почти вытолкнут из этой зоны, превратился главным образом во внешнюю силу. В немалой степени этому способствовал и послевоенный экономический подъем на Западе в 1945-1968/1973 годах - 'славное

тридцатилетие', совпавшее с повышательной волной кондратьевского цикла. К тому же СССР утратил системно-революционные антиимпериалистические характеристики и превратился (даже в глазах левых) не только в противника 'социализма с человеческим лицом', но и в геополитического противника Запада, каким была царская Россия. В связи с этим быстро вспомнили о социокультурном, религиозно-цивилизационном отличии России от Запада.

Это была та благоприятная почва, в которой хорошо проросли семена, брошенные 'ударниками' холодной войны по обе стороны океана - от 'империи зла' Рональда Рейгана и успешной провокации ЦРУ с корейским 'Боингом' до 'Архипелага ГУЛАГ' Александра Солженицына. Ну а ввод советских войск в Афганистан, куда дряхлое полуадекватное руководство СССР ловко заманили англосаксы (не исключено, что во взаимодействии с агентами влияния на самом верху советской властной пирамиды), стал последним мазком, завершившим новый образ СССР как реинкарнации Российской империи. Весьма показательный факт: по воспоминаниям сотрудников советской разведки, в 1970-е годы, по сути, прекратилось сотрудничество с ней западных людей по идейным соображениям - теперь только на основе денег или шантажа.

По инерции период 1968-1975 (или даже 1968-1979) годов еще был продолжением советских внешнеполитических успехов предыдущего периода. В начале 1970-х годов Запад пошел на детант, причем по многим пунктам на советских условиях. 1975 год стал триумфом - как оказалось, последним - советской внешней политики и дипломатии. Была одержана победа над США во Вьетнаме, а на Хельсинкском совещании Запад (США), по сути, признал ялтинскую систему, то есть мировое устройство послевоенной эпохи. По иронии Истории - сова Минервы вылетает в сумерки - произошло это под самый занавес послевоенной эпохи: 1975 год стал последним годом послевоенной эпохи, конец которой растянулся на семь лет - между Прагой и Хельсинки. Начиналась новая эпоха, в которой, как оказалось, ни ялтинской системе, ни СССР места не было.

Советское руководство - продукт послевоенного времени - не уловило начала новой эпохи, продолжая по инерции и по старинке курс второй половины 1960-х - первой половины 1970-х годов.

А тем временем Запад, прежде всего США, испытав болезненный шок неудач и поражений ('студенческая революция' 1968-1970 годов, нарастающие экономические и политические трудности, военно-политическое поражение во Вьетнаме), начал перестройку.

В отличие от советской перестройки западная удалась. К власти пришла молодая и хищная фракция мирового капиталистического класса - корпоратократия, в политической и интеллектуальной обслуге которой было немало бывших (разочаровавшихся) левых, ненавидевших коммунизм, СССР и все с ним связанное так, как могут ненавидеть только ренегаты.

Корпоратократия разгромила Советский Союз за три пятилетки: в 1975-1980 годах она провела активную психинформподготовку, в 1981-1985 годах устроила новый виток холодной войны. Последний, хотя во многих отношениях был имитацией и блефом, настолько напряг США, что они чуть не рухнули в 1987 году, но СССР не мог использовать представившегося случая - прозападная горбачевская команда считала себя заранее проигравшей. Ну а в 1986-1990 годах был осуществлен разгром СССР при самом активном участии номенклатурно-интеллектуальной колонны, которая начала

формироваться с середины 1950-х, а закончила в 1968-1973 годах, то есть во время чехословацких событий и медового месяца детанта.

'Пражская весна' и ее финал в августе 1968 года стали важным этапом в окончательной кристаллизации антисоветского сегмента в самом советском обществе, и это тоже один из косвенных результатов чехословацких событий. Они действительно оказали серьезное влияние на соцлагерь и на ситуацию в СССР. Причем типологически внутренние результаты похожи на внешние: укрепление системы в краткосрочной перспективе, как и ослабление в средне- и долгосрочной перспективе (консолидация либеральной фракции номенклатуры, стремящейся к превращению в квазикласс (квазибуржуазию), либеральной (прозападной) интеллигенции, стремящейся превратиться в культур- и медиабуржуазию, привели к росту антисоветизма в этой социальной среде, что, естественно, не усиливало позиции СССР в борьбе на мировой арене).

Сразу же после чехословацких событий либеральные (по сути - прозападные) тона в идейно-художественной жизни СССР были приглушены. Были сделаны попытки уйти от огульного очернения Сталина и сталинской эпохи в духе примитивного хрущевского доклада на XX съезде. Либералы, естественно, расценили это как попытку реабилитации Сталина - плохо понимая собственную страну и суть строя, от которого кормились, они не поняли, что брежневский режим намного дальше ушел от сталинизма, чем хрущевский, и что ни о какой реставрации сталинизма речи быть не может.

В феврале-марте 1969 года журнал 'Коммунист' печатает статьи о Сталине, где ему воздается должное как выдающемуся руководителю, где критикуется очернение сталинского периода истории СССР. В декабре 1969 года 'Правда' публикует статью к 90-летию со дня рождения Сталина. Меняется руководство некоторых литературно-художественных и публицистических изданий. Несколько жестче становится цензура, наиболее конъюнктурные 'либералы' навостряют лыжи в противоположный лагерь, ссучиваются или как минимум начинают 'колебаться с курсом партии'.

Во время горбачевщины они дружно побегут назад и без всяких колебаний станут трубадурами сначала 'демократического социализма', а затем - с 1993 года - антидемократического криминального капитализма.

В конце 1969 года в журнале 'Октябрь' публикуется ненавидимый совлибералами роман 'Чего же ты хочешь?' Всеволода Кочетова. Роман о том, как западные спецслужбы ведут психологическую (психоментальную) обработку советской интеллигенции, по сути, разлагают ее, превращают в антисистемный элемент: 'Разложение, подпиливание идеологических, моральных устоев советского общества - вот на что в Лондоне <...> решили потратить несколько десятков фунтов стерлингов'. Роман Кочетова был навеян событиями в ЧССР. Автор увидел в СССР ряд тенденций, которые обнажила в чехословацком обществе 'Пражская весна'.

Совлибералы обвинили Кочетова в конструировании образа врага, в антизападничестве, в сталинизме, в призывах к повторению 1937 года (что, конечно же, не соответствовало содержанию романа). Но ведь именно о необходимости разложения морально-идеологических и культурно-психологических устоев советского общества, и прежде всего его верхушки, постоянно говорили с конца 1940-х - начала 1950-х годов западные спецы по информационно-психологической войне - говорили и делали, а Кочетов показал, как это делалось, ему бы только к Лондону добавить Вашингтон и многократно увеличить сумму. Кстати, после окончания холодной войны наши бывшие противники откровенно признавали, какие огромные суммы были потрачены на подрыв

советского общества и как все это окупилось после 1991 года. Так что прав оказался Кочетов, причем не только в этом, но и во многом другом.

Всеволод Кочетов верно обратил внимание на две вещи и предсказал развитие событий - обуржуазивание компартий Запада, прежде всего итальянской, и использование детанта в качестве убаюкивающего средства противниками СССР на мировой арене. И действительно, разрядка нужна была Западу, прежде всего США, - и западные лидеры впоследствии прямо об этом говорили - в качестве, во-первых, передышки в результате тяжело складывающейся для наиболее развитых стран Запада ситуации конца 1960-х - первой половины 1970-х годов; во-вторых, в качестве отвлекающего, расслабляющего маневра, акции прикрытия для подготовки решающего удара - эдакого НЭПа в мировом масштабе, когда в качестве большевиков выступает мировой капиталистический класс, а сами большевики (СССР) - в качестве русского крестьянства 1920-х годов.

Пройдет всего лишь несколько лет, и детантных 'добрых следователей' Ричарда Никсона, Джеральда Форда и Джимми Картера сменит 'злой следователь' Рональд Рейган, который и околпачит Горбачева и его команду с их же помощью, а возможно, и желанием. Стыковка в космосе кораблей 'Союз' и 'Аполлон' была тем, что Александр Галич называл 'это, рыжий, все на публику'.

В качестве символа гораздо ближе к сути дела была хоккейная серия СССР-Канада 1972 года, которую СССР проиграл (четыре поражения, три победы, одна ничья при соотношении забитых и пропущенных шайб 32:31 в нашу пользу). Особенно символично то, что победную шайбу североамериканцы забросили на последней минуте последнего матча серии, ну прямо ситуация осени 1987 года, когда, казалось, США летят в экономическую пропасть, куда столкнула их 'рейганомика' с ее 'военным кейнсианством', и им уже не выбраться.

Чехословацкие события были пробным камнем двойного назначения: прощупать СССР, его новое - послехрущевское и послекарибское - руководство на прочность и, если получится, отбить Чехословакию; если не получится, то спровоцировать СССР на ввод войск и заложить бомбу замедленного действия по методе операции 'Раскол'. Сработал второй вариант, и, к сожалению, целостные и долгосрочные уроки из чехословацких событий советское руководство не сделало. Их сделал писатель Кочетов, который с учетом осмысления чехословацких событий и по их следам представил картину состояния советской интеллигенции (Кочетов, разумеется, по цензурным соображениям не мог показать зашедший еще дальше процесс разложения советской верхушки, номенклатуры) и дал оценку опасных для существования советского общества тенденций.

Отношение к роману 'Чего же ты хочешь?' зависит, помимо прочего, и от отношения к тому, что произошло в 1991 году и после. Если считать постсоветский социум обществом свободы (с лицом Ельцина), справедливости (с лицом Чубайса) и либеральной демократии (с лицом Жириновского), то роман Кочетова - нечто фальшивое и ходульное. Если же это общество-катастрофа, появление которого обусловлено теми процессами, симптомы которых еще в конце 1960-х годов разглядел Кочетов, то перед нами выдающийся социально-политический роман-предостережение, автор которого занимает четкую моральную позицию. Впрочем, для нас в данном случае важно другое - тот факт, что чехословацкие события стали палантиром, в котором те, кто хотел, разглядели кое-что из будущего.

В то же время ни Кочетов, ни другая часть державного лагеря - 'русисты-почвенники' - не смогли предложить реальной альтернативы разложению комстроя и перспективе

конвергенции, то есть обуржуазивания, о чем мечтала часть номенклатуры. Разумеется, они не могли это делать по цензурным соображениям - пришлось бы открыто признать факт разложения, гниения советского общества, а как известно, рыба гниет с головы. Однако мемуары показывают, что и в их подцензурных работах и разговорах такая альтернатива не просматривается. В этом плане события в ЧССР выявили острую проблему развития социализма: неспособность как властей, так и сторонников социализма сформулировать интеллектуальную и социальную альтернативу 'либерализации', которая в условиях существования двух систем в перспективе означала обуржуазивание.

Детант способствовал оживлению либеральных тенденций.

А после 1975 года с подписанием в Хельсинки соглашений по 'третьей корзине' и по мере все большего превращения номенклатуры в квазикласс (реальная социально-экономическая либерализация в виде так называемых брежневских коррупции и застоя при формально нелиберальном курсе в сферах идеологии и искусства) в стране под ковром заработали те механизмы, на которые рассчитывали (для всего соцлагеря) кукловоды 'Пражской весны'. 'Подпиливание идеологических, моральных устоев', о котором писал Кочетов, на рубеже 1970-1980-х годов уже совсем не было секретом и даже получило отражение в литературе (например, повести Юрия Полякова об армии и, что еще важнее, о комсомоле, темпы разложения которого, похоже, обгоняли темпы разложения КПСС и КГБ).

Еще один 'спор славян между собою': ретроспектива и уроки на будущее

Помимо таких аспектов, как внутреннее единство соцлагеря, противостояние системного антикапитализма и капитализма в виде холодной войны и др., чехословацкие события 1968 года имеют еще один важный аспект - исторический. Речь идет об отношениях внутри славянского мира, об отношениях славян и России, русских, об отношении славян к России и к русским.

Между русскими, с одной стороны, и чехами и словаками - с другой никогда не было такого антагонизма, как, например, между поляками и русскими, Польшей и Россией. Чехи и словаки никогда не были историческими врагами России. Напротив, живя в Австро-Венгерской империи с доминирующим в ней немецким, а с середины XIX века - немецко-венгерским элементом, явно недружественным славянству, чехи и словаки с надеждой смотрели на Россию, с симпатией относились к русским. Не случайно они не хотели воевать на Восточном фронте в Первую мировую войну и сдавались в русский плен.

Правда, в Сибири чехословаки полютовали - там приязнь к русским исчезла. Они не брезговали грабежом, конфисковывали паровозы и вагоны, выбрасывая из них сотни русских раненых, женщин, детей, оставляя их гибнуть от холода и голода. Да еще и русское золото с собой прихватили. Пошло ли оно чехословакам впрок - другой вопрос.

При этом в далеком 1918 году они полагали, что могут научить русских тому, что есть настоящий, цивилизованный социализм. Полвека спустя, в 1968 году, и 'дубчековцы', и 'прогрессисты' тоже полагали, что могут продемонстрировать остальному соцлагерю, в том числе русским, то, что есть настоящий - 'с человеческим лицом' - социализм, или

'нормальная' (читай: буржуазно-мещанская) жизнь в умеренно сытой центральноевропейской стране. При этом они мерили на свой лилипутско-европейский лад и масштаб евразийского гиганта с его проблемами и его трагической, антимещанской историей, не понимая ни России, ни Запада и близоруко не замечая реальных угроз. В этом плане они лишь воспроизвели позицию других, более ранних чешских 'социалистов-прогрессистов'.

Очень хорошо об этом написал Иван Солоневич. Настолько хорошо, что привожу довольно длинную цитату: 'Вчера вечером перечитывал некоторые творения творцов Чешской народной республики - социалистов Бенеша и Масарика. Бенеш посвятил несколько страниц разъяснению роли чешских легионеров в России вообще и в Сибири в частности. Об украденном русском золоте и о продажном командующем - конечно, нет ни слова. Общая мысль рассуждения такова: проживем и без России <...>.

Масарик тоже социалист, философ, ученый экономист, вождь чешских социалистов - не всех, конечно. Он знал русский язык и, по-видимому, знал русскую историю - во всяком случае, очень много писал о России - для писания о России русскую историю, как известно, знать вовсе не обязательно. Основная мысль его воспоминаний: некультурность России, полная некультурность, политическая безграмотность русского царизма <...>.

Мы можем допустить, что в расчеты бенешев-масариков по поводу того, что славянство может так уж спокойно прожить и вовсе без России, просто вкралась маленькая провинциальная ошибка, так простительная для чешской провинции. Можно также предположить, что об образовании Николая II Масарик не знал вовсе. <...> Но дальше идут вещи, которых даже и профессор Масарик никак не мог не знать.

Политически грамотная Чехия всю свою жизнь так и не вылезала из-под немецкой пяты. Политически безграмотный царизм сколотил величайшую империю мира. Культурная Чехия не дала миру ни одного имени, кроме разве Карла Каутского, да и тот считал себя немцем. При некультурном царизме писали Пушкин и Достоевский, работали Ломоносов и Менделеев, воевали Потемкин и Суворов. Некультурный царизм построил все-таки красивейший город мира - я не люблю Петербурга, но нельзя отрицать, что это самый законченный в художественном отношении город мира. Этот же царизм создал, уже своими силами и на свои собственные средства, лучший в мире театр, лучшую в мире оперу и лучший в мире балет. Одних денег для этого недостаточно - американские миллиардеры имели больше денег, чем русские цари, и, однако, ничего создать не смогли, ибо для этого нужна культура и нужен вкус. Всего этого Масарик никак не мог не знать. Но он был социалистом: он не мог позволить себе роскошь видеть действительность такой, как она есть. Он обязан был составлять о ней свое социалистически уродливое представление - ибо иначе что же остается от социализма? Да еще и в чешском пивно-колбасном его варианте? По Масарику, русский царизм должен был и сам пойти, и русских людей послать на выучку к Масарику - вот уж тот научил бы - Толстого и Достоевского, Ломоносова и Менделеева, Александра III и Николая II, Столыпина и Репина. А суворовых и скобелевых надо было послать на выучку к бравому солдату Швейку и еще более бравому президенту Гахе - вот те научат, как нужно и государство строить, и за государство воевать.

Когда такая мелкая рвань, как бенеши и масарики, лягают великую империю ('и я ее лягнул - пускай ослиные копыта знает'), становится, конечно, тошно. Но здесь есть и смягчающие вину обстоятельства: представители страны-мещанки в самом глубочайшем смысле этого слова - как они могли понять огромность исторических и исторически решенных задач русского царизма? Чешский социалист мечтает о пиве и колбасе для всех.

Как он может понять, что без царей и без суворовых придут татары или немцы, пиво сами выпьют, а колбасу сделают из тех же масариков? Да и не просто немцы, а немцы социалистические. Бравый солдат социализма товарищ Масарик этого понять, конечно, не может'.

Понимали ли в 1960-е годы дубчеки-млынаржи те исторические задачи, которые стояли перед Россией/СССР как персонификатором системного антикапитализма? Скорее всего, нет. Мечтали ли эти чешские социалисты о пиве и колбасе, как об этом написал Солоневич? Не знаю. Но уж точно, что 'прогрессисты' и 'клубники' хотели, чтобы русские ушли.

В конце 1980-х годов русские ушли и пришел Запад, для которого чехи и словаки - если и не славянские варвары, то все равно неровня западным людям, которые, как сказал бы Гоголь, 'почище-с'. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Ну а о 'человеческом лице' сегодня вряд ли кто вспоминает: ни капитализму, ни мещанобуржуазии (прогрессивному среднему европейцу) такие сантименты ни к чему.

Но, быть может, все, о чем сказано, имеет отношение только к западным славянам, но не к южным? Увы, в XX веке болгары и даже сербы не раз демонстрировали потребительское, порой на грани предательства (а иногда и за гранью) отношение к России и русским.

Кто-то скажет: говорить нужно только о верхушках, которые, как показали 1990-е и 'нулевые' годы, просто продались Западу. Отчасти это так. Но только отчасти. Надо признать, что зажатый между Западом и Россией, так и не создавший в эпоху Модерна собственной прочной государственности славянский мир или по крайней мере его 'модальные сегменты' - политики и интеллигенция - как правило, склонялись к Западу. А к России обращались только в тех случаях, когда 'петух клевал' - когда Запад начинал давить их или демонстративно вытирать о них ноги. Но как только русская помощь становилась ненужной, 'братья-славяне' действовали по принципу избушки на курьих ножках: повернись к лесу (русскому) задом, ко мне (Западу) передом. Показательно, что Западу славянский мир обид чаще всего не помнил. А вот России - помнил, и еще как! Проявлялось это по-разному - от плевков в лицо нашим хоккеистам во время матчей до насмешек над русским имперским прошлым.

Чехословацкие события середины 1960-х годов несут на себе отпечаток не только антикоммунистических настроений буржуазно-мещанской славянской страны, но и антирусских настроений прозападной верхушки этого народа. По-видимому, прав был Константин Леонтьев, призывавший не обольщаться идеями 'славянского единства', а смотреть трезво и на славян, и на их отношение к России и русским. И дело здесь, на мой взгляд, не только в различиях социально-экономического строя. Не имевшие в течение тысячи лет прочной государственности и неоднократно за эту тысячу лет оказывавшиеся в составе различных государств, империй, нерусские славяне испытывают инстинктивный страх перед прочной государственностью, неприязнь к ней.

Социалистическая система стала историческим экспериментом для идеи славянского объединенного мира (хотя помимо славян в нее входили немцы, венгры и румыны, но славяне вошли все). Показательно, что главным образом славяне - поляки и чехи - на протяжении всего сорокалетнего ялтинского хроноотрезка создавали больше всего проблем для СССР, России. Об этом надо хорошо помнить, планируя будущее. Как и о поведении сербов и украинцев в 1990-е и в 'нулевые' годы. Говорят, насильно мил не будешь. Да и не надо стараться быть милым. Надо блюсти свои этнокультурные,

геополитические, социально-политические и экономические интересы, учась этому у англосаксов, евреев и китайцев, и отстаивать эти интересы, что, кстати, и продемонстрировал СССР в 1956 и 1968 годах. К сожалению, это отстаивание интересов не сопровождалось - в отличие от 1920-1940-х годов - наличием активной мировой идеалистической программы, которая делала Советский Союз психоисторически непобедимым даже в тех условиях, когда материально он был слабее Запада. Парадокс: мощный СССР рубежа 1960-1970-х годов, переигравший Америку экономически и сравнявшийся с ней в военной мощи, психоисторически оказался слабее и своего главного противника, и Советского Союза 1930-1940-х годов. Потому что уже не мог предложить альтернативы нового мира, начал встраиваться в мировую капсистему, потому что номенклатура уже видела себя частью мировой 'капноменклатуры' (как бы не так, держи карман шире) и мягчела по отношению к буржуинам, рассчитывая на ответную благодарность. Эх, босота. Говорил ведь Тацит: в бою проигрывает тот, кто первым опускает глаза.

Внешнеполитические победы СССР конца 1960-х - первой половины 1970-х годов были инерционными и к тому же связанными со слабостью Запада, готовившегося к своей неолиберальной перестройке. Советское ядро уже в значительной степени ослабело и внутренне начало разлагаться и отступать - Кочетов ясно увидел и четко зафиксировал это в своем романе. На вопрос 'Чего же ты хочешь?' советская либеральная номенклатура и обслуживающий ее сегмент интеллигенции могли ответить: 'Парламентаризма, конституции, проституции, то есть конвертации власти в собственность, и чтобы ни за что не отвечать'. Популярный тост брежневских времен - 'Чтобы у нас все было и чтобы нам за это ничего не было' - был реализован посредством горбачевщины и ельцинщины.

Чехословакия-68 стала чем-то вроде воспоминания о будущем социалистической системы. Впрочем, возможна и другая ассоциация: 'Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою' (Прит., 26:11). И в этом один из аспектов ее исторического значения. Только вот 'социализм с человеческим лицом' обернулся в 1990-е годы у чехов и словаков засильем западных (прежде всего немецких) ТНК и просто компаний, а у нас - бандитским капитализмом и корпорационно-криминальным государством. История ответила и Дубчеку со товарищи, и 'советскому Дубчеку' - Горбачеву.

Чехословакия-68: вопросы и ответы

С учетом сказанного выше возникает несколько вопросов.

Первый - надо ли было вводить войска? Ясно, что ввод войск был плохим вариантом, но не вводить войска было нельзя, можно было потерять Чехословакию в мировой системно-геополитической игре. Очень четко сформулировал дилемму советского руководства Юрий Андропов во время встречи с коллегами из ГДР в сентябре 1968 года: 'У нас был выбор: ввод войск, который мог запятнать нашу репутацию, или невмешательство, что означало бы разрешить Чехословакии уйти со всеми последствиями этого шага для всей Восточной Европы (курсив мой. - А.Ф.). И это был незавидный выбор'.

В августе 1968 года ввода войск избежать уже было нельзя. Но, думаю, его можно было избежать, если бы не позднее мая-июня советское руководство помогло бы критикам Дубчека, таким как Биляк и его товарищи, отстранить команду Дубчека от власти и нейтрализовать 'прогрессистов'.

С точки зрения технологии власти это представляется вполне возможным. Однако нерешительность Брежнева и его коллег, избыточно добродушное и доверчивое отношение к Дубчеку, медлительность принятия решения послесталинской номенклатурой привели к простому результату: то, что можно было решить терапевтически, с помощью горьких лекарств, пришлось решать хирургически.

Сказанное Андроповым в значительной степени отвечает на второй вопрос: каким был главный мотив ввода войск - политико-идеологическим или геополитическим? Ясно, что вторым. Об этом свидетельствует и уже цитировавшаяся фраза маршала Гречко о том, что войска будут введены даже в том случае, если это решение приведет к третьей мировой войне. Но, быть может, слова Гречко и Андропова - это всего лишь пропаганда, оправдание военной акции, главным в которой была политико-идеологическая составляющая? Нет - об этом свидетельствует братиславское коммюнике. В нем советское руководство согласилось на 'третий путь', на 'социализм с человеческим лицом' при условии, что ЧССР остается в ОВД. Вот что было главным.

Об этом прямо говорят и неангажированные западные исследователи. Вот, например, что пишет автор книги 'Операция 'Раскол' Стюарт: '<...> в каждом из этих случаев (ввод войск в Венгрию в 1956 году и в Чехословакию в 1968 году. - А.Ф.) Россия стояла перед лицом не только потери империи, что имело бы достаточно серьезное значение, но и перед лицом полного подрыва ее стратегических позиций на военно-геополитической карте Европы. И в этом, больше чем в факте вторжения, состояла действительная трагедия. Именно скорее по военным, чем по политическим причинам контрреволюция в этих двух странах была обречена на подавление: потому что, когда в них поднялись восстания, они перестали быть государствами, а вместо этого превратились просто в военные фланги'.

В СССР хорошо помнили гитлеровское нападение через Румынию, Венгрию и Финляндию.

Третий вопрос: выходит, решая свои геополитические задачи, СССР прервал строительство демократической модели социализма? Ответ на этот вопрос прост: возможности строительства демократической модели социализма в мире, в котором идет противоборство двух систем - капиталистической и коммунистической, - ничтожны.

Размышляя о том, привело ли бы развитие событий в ЧССР (и Венгрии) к созданию реформированного социализма, если бы не ввод войск, Маркус Вольф считал такой вариант весьма маловероятным, поскольку он требовал двух условий. Первое - изменений в Москве, как это произошло при Горбачеве. Второе, что еще более важно, - 'строгого соблюдения невмешательства со стороны Запада, а кто был намерен всерьез занимать такую позицию'? Вольф знал, что говорил. В условиях системного геополитического противостояния попытка создать в той или иной стране 'социализм с человеческим лицом' тут же была бы использована Западом для буржуазной трансформации этого общества, причем, как показал пример Восточной Европы и РФ 1990-х годов, вовсе не в 'демократический капитализм', а в периферийный капитализм с бесчеловечным лицом. Нет сомнений, что так бы произошло и с Чехословакией без ввода войск в августе 1968 года.

Более того, демократизация политики и рыночные реформы - суть деятельности команды Дубчека - всегда рассматривались Западом как средства создания управляемого хаоса в своих интересах. Это прямо признают творцы стратегии управляемого хаоса на Западе. Так, Стивен Манн (высокостатусный дипломат; с 1976 года - спец по СССР; с 2004 года - спецпредставитель президента США по евразийским конфликтам) говорит о необходимости 'усиления эксплуатации критичности' (то есть максимального обострения напряженных и конфликтных ситуаций) и о 'создании хаоса' как инструментах обеспечения национальных интересов США. Ну а в качестве механизмов 'создания хаоса' в лагере противника, будь то соцлагерь, СССР или Россия, он прямо называет 'содействие демократии и рыночным реформам'. Именно это было использовано против СССР при Горбачеве и против ЧССР при Дубчеке. О том, что 'горбачевщина' и 'дубчековщина' - явления одного порядка, говорили многие, в том числе горбачевцы. Так, в свое время мидовец Геннадий Герасимов на вопрос, в чем разница между горбачевскими и чехословацкими реформами, ответил: 'В девятнадцати годах'. Только в 1968 году управляемый хаос удалось прекратить, а в 1987 году сил, способных это сделать и повернуть номенклатурную либерализацию в сторону общесоциальной демократизации в интересах общества в целом, не нашлось. Строй сгнил в результате комбинации внутренних причин и внешнего воздействия.

Повторю: СССР не мог не ввести войска - это было наименьшее из зол. Но и победой этот ввод мог быть только пирровой - здесь задумка Запада была беспроигрышной, а СССР к этому времени (сказался синдром карибского кризиса - кризиса, который требует переоценки и сам по себе, и с учетом того, что произошло в мире и с миром в последние десятилетия) главным образом реагировал на ситуации, а не создавал их. Так, советскому руководству вряд ли пришло бы в голову проявить инициативу во время майского кризиса во Франции и направить действия компартии и профсоюзов Франции в такое русло, чтобы был спровоцирован, например, ввод натовских танков в Париж из ФРГ (куда в разгар событий улетел де Голль). То-то была бы 'Парижская весна' и ее кровавое подавление сапогом натовского солдата! А как это можно было бы использовать в информационно-пропагандистской войне! Аморально?

А морально то, что делали западные спецслужбы в Чехословакии и то, как провоцировался ввод войск ОВД, как Запад использовал его в антисоветской пропаганде?

С точки зрения абстрактного гуманизма ввод войск ОВД в Прагу и силовое прекращение процессов демократизации общества могут быть оценены только негативно. Но тогда с позиций абстрактного гуманизма нужно рассматривать и действия противников СССР в холодной войне, нужно их оценивать по такой же - абстрактно-гуманной - шкале.

Во второй половине XX века США, по самой скромной оценке, более 50 раз вводили свои войска на территории других стран, подавляя левые, демократические движения и ставя у власти тиранов, палачей, в лучшем случае реакционеров (из событий 1960-х - начала 1970-х годов: агрессия против Вьетнама, ввод войск в Доминиканскую Республику в 1965 году, осуществленные с помощью ЦРУ кровавые перевороты в Греции в 1967 году и в Чили в 1973 году). А миру это представлялось как борьба за свободу и демократию. Не замеченный в симпатиях к коммунизму и СССР автор детективов и политических триллеров Джон Ле Карре устами своего героя Смайли сказал о холодной войне следующее: 'Самое вульгарное в холодной войне - это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду... <...> В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных

уважения реформаторов и друзей - из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько еще мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать'.

В послевоенный период СССР всерьез вводил войска на чужие территории трижды: в Венгрию, Чехословакию и Афганистан. Все три страны граничат с СССР, традиционно входят в зону интересов России/СССР, а что касается Венгрии и ЧССР, то они были членами соцлагеря и военно-политической Организации Варшавского договора со всеми вытекающими последствиями.

Списки нескольких десятков военных внешнеполитических акций США в послевоенном мире, причем в странах, которые вовсе не граничат с США, а находятся довольно далеко, иногда очень далеко - на других континентах, за океанами, можно посмотреть в книгах 'Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира' известного американского писателя Гора Видала и 'Почему люди ненавидят Америку?' Зиауддина Сардара и Меррил Вин Дэвис.

Я уже не говорю о варварских натовских бомбежках Югославии, Ирака, Афганистана конца 1990-х - начала 2000-х годов. Что-то не слышно по этому поводу негодующих голосов тех, кто в течение нескольких десятилетий пинает СССР за Чехословакию, - западных и местных 'правдолюбцев', а ведь число жертв в Чехословакии в августе 1968 года и, скажем, во Вьетнаме или Ираке несопоставимо. Да, конечно, каждая человеческая жизнь неповторима и ценна, и оценки различных интервенций с точки зрения потерь царапают. Но мы живем не в мире абстрактного гуманизма, а в мире конкретной геополитической хирургии, и США после ухода СССР словно задались целью наглядно продемонстрировать это всем с помощью 'предварительных (pre-emptive) войн' и 'гуманитарных интервенций'. И как на этом фоне выглядит ввод войск ОВД в Чехословакию, ввод, который к тому же провоцировался?

Да, СССР остановил процесс либерализации ЧССР. Но сегодня мы видим, что результатом процессов типа 'Пражской весны' является не социализм с гуманным лицом, а периферийный или полупериферийный капитализм - от просто негуманного до криминального. Теперь мы знаем, какую роль играет в революциях глупость и как ее используют мерзавцы, - так о революции 1848 года сказали когда-то Маркс и Энгельс. Сегодня мы знаем, как мерзавцы использовали антикоммунистические революции (1989-1991 годов) - вовсе не для того, чтобы удовлетворить демократические чаяния людей, а для того, чтобы набить кошельки, устранить геополитического и экономического конкурента и безнаказанно эксплуатировать и грабить слабых. К этому привела горбачевская перестройка, к этому привела бы 'Пражская весна'.

Да, Чехословакия как небольшая культурная почти западная страна не хлебнула со всей остротой того, что хлебнула в 1990-е годы огромная Россия, но суть процессов та же, и у нее есть ясное количественное выражение. Если в 1989 году в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жили 14 миллионов человек, то в 1996 году - 168 миллионов. Речь идет о полном уничтожении социалистического среднего слоя, об обеднении рабочего класса, крестьянства, о крушении социальных гарантий, росте социально-экономической поляризации и о многих других 'прелестях', которые скрывались под маской 'социализма с человеческим лицом', 'демократии' и 'рыночных реформ'.

Сегодня подавляющее число жителей Чехословакии активно протестуют против установки (аккурат к 40-летию событий 1968 года) в их стране комплексов ПРО, которые

нацелены, конечно же, не на Тегеран, а на Москву. Чехи и словаки протестуют, но нынешней буржуазной власти, НАТО, США плевать на эти протесты. По праву сильного они делают то, что хотят. Это лучше ввода войск ОВД? Не введи ОВД войска, ЧССР ушла бы из соцлагеря и мы получили бы вражеские ракеты у наших границ (друзья у границ радары и ракеты не размещают) не в 2008-м, а эдак в 1978 году.

Нам есть о чем сожалеть по поводу ввода войск - и с чехословацкой, и с нашей точки зрения. Но не мы придумали тот мир, в котором живем. Однако даже в этом жестоком мире мы не бросали атомные бомбы на мирные города, не поддерживали в массовом порядке одиозных кровавых диктаторов, не были мировым жандармом. И уж тем более мы не должны позволять бросать в себя камни, в том числе и по поводу пражского августа 1968 года (в том самом августе американцы уничтожили тысячи вьетнамцев - не только партизан, но и мирных жителей) пропагандистским 'шестеркам' этого жандарма, особенно в нашем собственном доме.

Капитал (закон мировой гегемонии)

17.09.2008

Господство субстанции капитала над его функцией социально-политически наиболее отчетливо выражается в господстве гражданского общества над государством (политическая модель слабо институциализированного и обособленного от господствующего класса государства в Голландии, Великобритании и т.п.).

Господство в капиталистической системе функции над субстанцией существует в двух вариантах. Первый – авторитаризм (исторически первая, точнее даже, генетическая форма – бонапартизм как Наполеона I, так и, особенно, Наполеона III), т.е. господство государства над обществом в сфере политики. Второй вариант – тоталитаризм, т.е. господство государства над обществом не только в сфере политики, но также в сфере идеологии и отчасти – экономики (фашизм в Италии, национал-социализм в Германии и др.). Подобное ограничение делало границу между государством и (гражданским) обществом в значительной степени пунктирной. Однако до конца эта граница никогда полностью не исчезала; ни одна из исторических разновидностей тоталитаризма, будь то режим Муссолини или Гитлера, не уничтожала ни частную собственность, ни право (с его разделением на публичное и частное). В обоих «тоталитарных случаях» функция капитала, обретая значительную автономию от его субстанции и в значительной степени ограничивая ее, никогда полностью от нее не отрывалась и не стремилась уничтожить.

Совершенно иначе обстоит дело в третьем – последнем по счету, но не по значению – типе отношений между капитал-субстанцией и капитал-функцией. Здесь функция полностью отрывается от субстанции, благо принципиальная возможность такого процесса существует в капитализме, заложена в нем, имманентна ему. Отрывается – и уничтожает, пожирает субстанцию, становясь «субстанцией» для самой себя и таким образом замыкаясь в функции как своего рода социальной «черной дыре». Исторически реализация и результат (реализация-результат, результат-реализация) такой возможности есть коммунизм, коммунистический порядок, в том виде, в каком он возник и оформился в России в 1917/29-1934/39 гг.

В процессе самореализации коммунизма происходит отрицание (уничтожение) не только частной собственности и классов, но также государства, (гражданского) общества, политики, идеологии и т.п. Все эти функциональные оргформы капитала используются для уничтожения капитала-субстанции, но в этом процессе уничтожаются и сами, уступая место принципиально, качественно новым феноменам функционального мира, «вторичным субстанциям» – функциесубстанциям. Потенциала этих последних хватило на семь десятков лет, до 1970-1980-х годов. Однако дело здесь не только в них, но и в том, что в это время развернулась НТР. Она предложила иное и на иной основе (производственной), чем «исторический коммунизм», решение противоречия между субстанцией и функцией.

Но это – отдельная тема, а мы сейчас конкретизируем и историзируем важнейшую функцию капитал – государство. Проблема государства не так проста, как кажется на первый взгляд. Заглянем, например, в стандартную «The social science encyclopedia». «Государство» в ней определяется двояко. Во-первых, в самом широком смысле – это «любая самоуправляющаяся группа людей, организованная таким образом, чтобы выступать по отношению к другим в качестве единой. Это территориальная единица, управляемая суверенной властью».

Во-вторых, в более узком и точном смысле слова «государство» – это «форма

централизованного гражданского правления, которая развивается в Европе с XVI в.». Далее государство современной Европы противопоставляется большинству других государств как правление на основе законов правлению на основе обычая.

Тогда как само выделение «современного государства» как state (или lo stato, если обращаться к оригиналу, к Макиавелли) и противопоставление его другим формам представляется не только оправданным, но и необходимым, то концептуализация отличия вызывает сомнения – эмпирически она верна, но явно недостаточна, как недостаточно любое индуктивное знание, фиксирующее (как правило, частности), но не объясняющее различия. Аналогичным образом не удовлетворяют такие «объясняющие противопоставления», как «рациональное государство» – «традиционное государство» и т.п. В то же время ясно, что новоевропейскому государству как state действительно нет аналогов среди форм властной организации. Почему?

Как отвечает на этот вопрос марксистская традиция? Но прежде другой вопрос: какая марксистская традиция? В ортодоксальной, полупозитивистской версии марксизма, которая была сформулирована Энгельсом, немецкими и русскими социал-демократами, заложившими основы вульгарного марксизма (хотя при этом у Энгельса немало точных и тонких замечаний и суждений по многим частным вопросам) и затем превратилась в «советский марксизм», в «марксистско-ленинскую идеологию», государство трактовалось как орган насилия, теснейшим образом связанный с классами частной собственностью, и поскольку эксплуатация в этой версии марксизма связывалась с частной собственностью, возникновение государства отождествлялось с возникновением этих явлений. Отсюда: с самого начала человеческой истории мы имеем государство как средство «силового» обеспечения эксплуатации угнетённых классов господствующими, основанной на частной собственности.

Сам Маркс не так много занимался проблемой государства. Однако помимо отдельных работ, посвящённых конкретному государству (например, французскому, причём в анализе последнего Маркс писал о значительной автономии государства от господствующих классов и общества, странным образом солидаризируясь в своих выводах с такими своими оппонентами, как Прудон и Токвиль), он оставил целый ряд рассуждений и о природе государства, и о его месте в обществе.

По логике теории Маркса, производственные отношения в «докапиталистических» обществах носили внеэкономический характер, социальное насилие было встроено в них в отношения собственности, которая в таком случае выступает, согласно Марксу, в качестве «голой собственности». В такой ситуации, как писал В.В. Крылов, т.е. «при рабстве, при крепостной зависимости и т.д., сам работник выступает как одно из природных условий производства», т.е. его лишают воли и из субъекта превращают в объект. «Объектом присвоения является здесь не предмет, но воля человека. Если экономические отношения собственности есть эксплуатация (присвоение чужого труда), то внеэкономические отношения собственности (присвоение воли, ограничение чужой воли) есть господство. При капитализме эксплуатация обусловливает господство, в традиционных отношениях, наоборот, господство есть базис эксплуатации».

Поскольку в «докапиталистических» обществах социальное насилие было неотъемлемым элементом производственных отношений, отношений собственности, то необходимости в специальном, внеположенном производственным отношениям органе насилия нужды не было. Ни феодалу, ни полису «государство» в этом смысле не было нужно. Господство, делавшее возможной эксплуатацию, осуществлялось в рамках самих производственных отношений.

По мере разложения феодализма господствующими производственными отношениями становились экономические, реализовывавшиеся как обмен рабочей силы на овеществлённый труд, и эксплуатация при капитализме превратилась в самовозобновляющийся процесс, не требующий господства, отчуждения воли в качестве предварительного условия. Социальное насилие отделилось от собственности, выделилось из сферы производственных отношений, превратившись в нечто до тех пор невиданное, чему и названия-то не было. Современники сначала лишь остро ощутили отличие того явления, которое они назвали «новыми монархиями», зафиксировав их новизну по сравнению со «старыми монархиями» XIII – середины XV в.

В чём же заключалась эта новизна? В жёсткости, агрессивности, необременённости моральными принципами – «век вывихнут». Освободившиеся от «производственного пресса» и связанной с ним «моральной экономики» (Э.П. Томпсон, Дж. Скотт), люди «новых монархий», люди «lo stato» должны были соответствовать своим структурам и быть свободными от ограничений морального, экономического и религиозного порядка, быть «завершёнными» в своей обособленности от них. Кстати, у Маркса был такой термин – «завершённое государство» (или «политическое государство»), последнее он противопоставлял «христианскому государству» средневековья.

Первоначально lo stato было лишь продуктом разложения феодализма, как и капитал. Коэволюция и комбинация прежде всего двух этих, а также некоторых других явлений, приобретение ими новых функций и породили на свет феномен капитализма, в котором государство выступает хотя и относительно автономной, но функцией капитала. Такой тип связи оформился не сразу: государство и капитал сближались постепенно, сойдясь примерно во второй половине XVIII в., между двумя мировыми войнами – Семилетней и наполеоновскими.

Именно в этот период установилось характерное для капитализма правило: мировой экономический гегемон (Великобритания, в XX в. США) автоматически является гегемоном политическим. В «докапиталистическом» мире дело часто обстояло диаметрально противоположным образом, международная политическая и экономическая гегемония не совпадали. Показательно, что в раннекапиталистическую эпоху этот «докапиталистический» принцип соотношения политической и экономической гегемонии по инерции сохранялся до тех пор, пока капитал не подчинил его своей логике. Первый экономический гегемон капиталистической системы – Голландия – не был гегемоном политическим, им была Франция.

Международно-организационный аспект государственности как особого исторического феномена, проявляющийся не только в гегемонии, но также в феномене мировых войн и уникальной межгосударственной системе, существующей в Европе со времён Вестфальского договора и выражающей вычлененное из производственных отношений автономное существование государства – до такой степени, что оно формирует собственную мировую организацию, не совпадающую с мировой экономикой, с мировым рынком, демонстрирует качественное различие между догосударственными (негосударственными) формами организации власти и «государством» как lo stato.
Если государство (state) возможно только при капитализме, то и бюрократия как особая историческая группа связана только с капиталистической эпохой. Иными словами, всякий бюрократ – чиновник, но не всякий чиновник – бюрократ, а лишь чиновник буржуазного общества или его анклавов в небуржуазном мире.

Политика, возникнув в Западной Европе в XV-XVII вв. одновременно с капитализмом и

государством, тоже со временем, в XIX в. превратилось в функцию капитала. Это превращение, как и превращение государства в функцию капитала в XIX в. тесно связано с подъёмом финансового капитала на основе индустриализации, а также кумулятивного эффекта деятельности закулисных наднациональных системных сил и наднациональных же антисистемных сил. Что же касается возникновения политики, то оно обусловлено спросом на сферу, которая должна решать внеэкономические проблемы между субъектами в таком социуме, где господствующие производственные отношения приобрели рыночно-экономический характер.

Будучи функциями капитала в зрелом буржуазном обществе, государство и политика обретают определённую автономию. Она обусловлена, во-первых, самой функциональной природой государственности и политики; во-вторых, мировым характером капиталистической системы, в различных частях которой соотношение между субстанцией и функцией, капиталом и государством/политикой может принимать различный характер (подчинение государством политической и отчасти экономической жизни в интересах своего, более слабого на мировой арене капитала в борьбе с более сильным – Франция против Англии в середине XIX в.); в-третьих, индустриальным характером производительных сил зрелого капитализма. Последнее необходимо пояснить.

Индустриальное производство требует массового рабочего класса, который должен быть интегрирован в систему (иначе «опасные классы» не превратятся в «трудящиеся классы», а так и останутся опасными, что в конечном счёте скажется на конкурентных позициях данной страны на мировом рынке. Интеграция в систему осуществляется не только экономически, но и политически, и значительную роль в этом играет государство, которое volens-nolens, по крайней мере внешне, должно в какой-то мере отражать или, по крайней мере, учитывать интересы массовых слоёв населения. Если к тому же учесть, что индустриальная эпоха – это военная эпоха, эпоха сначала борьбы за гегемонию в капсистеме (1870-1945 гг.) с двумя мировыми (1914-1918 гг. и 1939-1945 гг.), а по сути – одной «тридцатилетней войной» XX в., а затем – Холодной войны (1945-1989/91 гг.), то становится понятно, что в таких условиях государство и политика должны были отражать интересы намного более широких слоёв, чем собственно буржуазия, а это значит иметь бóльшую, чем обычно автономию.

Кроме того, выступая органом общих и долгосрочных интересов буржуазии, не совпадающих с частными и краткосрочными, state уже в силу этого обладает значительной автономией от капитала, оставаясь его функцией «на длинном поводке».

В этом плане необходимо подчеркнуть: будучи системой постоянного накопления капитала, капитализм не является ничем не ограниченным развитием капитала – лишённый ограничений и предоставленный самому себе, капитал проел/сожрал бы самого себя за короткий срок. Капитализм есть сложная социально-политическая система, регулирующая экономическое развитие, ограничивающая капитал в его собственных долгосрочных интересах и стремящаяся вынести все кризисы за пределы капсистемы, в некапиталистическую зону, превращая её в капиталистическую периферию. Ясно, что весь этот механизм может работать на основе капитала как овеществлённого труда, как такого субстрата, в котором овеществлённый труд доминирует над живым, что и порождает столь острое противоречие между субстанцией и функцией.

Нас ждут проблемы посерьезнее, чем экономический кризис, нефть или экология

Помимо нынешнего затяжного экономического и продовольственного кризисов, все чаще слышны тревожные прогнозы о том, что миру грозят еще и водный и масштабный экологический кризисы. Насколько серьезно стоит относиться к таким заявлениям?

- И да, и нет одновременно. В современном мире действительно все больше будет ощущаться нехватка пресной воды. Первым же районом, в котором, безусловно, будут конфликты по этому поводу, станет Ближний Восток. Неслучайно курдам, которые имеют полное право на свою государственность, никто ее не дает. Ведь если будет создано государство курдов, то истоки практически всех рек Ближнего Востока окажутся под контролем курдов. И тогда здесь действительно возникнут серьезные проблемы.

Но есть и другая сторона. Как правило, об экологической опасности, о водных проблемах говорят экологические движения, которые в значительной степени, при том, что там есть много идеалистов, спонсируются определенными транснациональными корпорациями, которые в борьбе за свои прибыли готовы говорить о разных вещах. Здесь ситуация двойственна.

Но есть две природные проблемы, о которых у нас значительно меньше говорят, но которые способны просто повернуть ход развития цивилизации.

Первая - это изменение оси земли. Мы вообще уже 2,5 тыс. лет живем в долг. Один раз в 12-13 тыс. лет меняется направление оси земли и это ведет к очень серьезным катаклизмам. Последнее такое изменение произошло почти 15 тыс. лет назад и наступило то, что геологи называют «долгое лето». В неледниковый период мы живем «долгим летом». Как только поменяется ось земли, начнется, причем очень быстро, новый ледниковый период. А мы живем уже 2 тыс. лет в долг.

Вторая проблема – это вулканическая деятельность. Последний раз всплеск вулканической деятельности был в XVI веке. Вся вторая половина XVI века – это извержение вулканов и в результате наступил малый ледниковый период внутри этого «долгого лета». В XVIII, XIX, XX веках была спокойная геосфера. Последние исследования геологов говорят о том, что, начиная со второй половины XXI века, а пик придется на XXII век, мы получим интенсивнейшие извержения вулканов. Это означает пепел над планетой, зазеленеет степь, нарушится трофическая цепь между хищниками и грызунами, как это часто бывало. Грызуны разносчики заразы и т.д.

Природные проблемы - это будет посерьезнее, чем экономический кризис, нефть, вода и просто экология.

Обама - идиот у власти, которого США могут себе позволить

Статья Ходорковского подтвердила точку зрения Андрея Фурсова: западная «верхушка» сознательно демонтирует капитализм. Но Барака Обаму Андрей Ильич «новым Горбачевым» не считает. Обама – типичный «идиот» у власти, которого такая страна, как США, тем не менее, «может себе позволить».

Я с большим интересом прочел статью Ходорковского. С середины 90-х годов я пишу о том, что западный истеблишмент, западная «верхушка» сознательно демонтирует капитализм, потому что капитализм уже не может решить проблему сохранения привилегий и того уровня прибыли, который он гарантировал с 45-го по 75-й год. Статья Ходорковского очень симптоматична в этом отношении. Если «переплавить» в чистую логику то, о чем он говорит, то это следующее: с середины 70-х годов западная «верхушка» - прежде всего, англосаксонская - пошла по неолиберальному курсу. Далее он называет целый ряд негативных последствий этой неолиберальной революции. Автор выдвигает тезис о том, что в 21-м веке придет неосоциализм, который будет доминировать лет 30, после чего сменится волной неолиберализма.

Это очень интересная схема, но я думаю иначе: то, что Ходорковский называет неосоциализмом, – это совсем другая вещь. Мы просто имеем дело с новой, небрутальной фазой демонтажа капитализма. Эта фаза должна привести в порядок результат «бури и натиска» неолибералов на капиталистическую систему. Дело в том, что капиталистическая система – это не просто торжество капитала, как полагают некоторые. Капитал существовал до капитализма, и он будет существовать после него. Капитализм – это, на самом деле, система институтов, которые ограничивают капитал, как таковой. Ведь капитал, предоставленный самому себе, фигурально выражаясь, очень быстро уничтожает все вокруг, включая самого себя. Демонтаж капиталистической системы шел, начиная с 70-х годов, и продолжался в течение примерно 30-ти лет. Ходорковский же описывает «неодемонтаж», который будет идти под знаком исправления ошибок предыдущего тридцатилетия.

«Неодемонтаж» будет длиться лет 20-30, а его конечным итогом станет ликвидация капиталистической системы по очень простой причине: из экстенсивной она должна, по идее, стать интенсивной, но этому препятствует то, что нужно найти социальные группы, которые следует пустить «под нож», а также создать «новые низы». В современном обществе это практически неосуществимо.

Что касается разговоров об Обаме как о новом Горбачеве, мне кажется, это очень неудачная аналогия, несмотря на то, что эту мысль уже многие цитируют. Обама, скорее, похож на президента Картера, эдакого «неудачливого президента». Обама – никто, марионетка! Но Соединенные Штаты могут себе позволить иметь «идиота на троне». Я имею в виду идиота не в обидном смысле слова, а в древнегреческом: идиот – человек, который живет так, как будто внешнего мира не существует. Это при советском строе идиот означал конец системы, а в Америке – не так. Барак может стать американским «Горбачевым» лишь тогда, когда он развалит Штаты.

Еще добавлю, что неосоциализм предполагает ограничение рынка, я бы сказал, уничтожение. Учитывая это, неосоциализм может стать системой еще более жестокой, чем ранний капитализм, системой, которая сломает хребет многим.

Кузнецы глобального социализма

Несколько недель назад Михаил Ходорковский опубликовал статью "Левый поворот – 3", в которой обрисовал нынешний кризис капитализма: с середины 1980-х годов и вплоть до наших дней имела место неолиберальная тенденция развития. Сейчас эта тенденция подошла к финишу. Ходорковский предсказывает подъем неосоциализма в ближайшие двадцать–тридцать лет, а потом, по его мнению, все опять вернется к неолиберализму.

Ходорковский затронул очень интересную тему. Но "за кадром", скорее всего и для самого Ходорковского, осталось самое интересное – глубинная суть происходящих изменений. Кризис, который переживает сейчас капиталистическая система в целом и Россия как часть этой капиталистической системы, очень интересен тем, что структурно он весьма напоминает кризис "длинного XVI века" (1453–1648).

Вопреки марксистским и либеральным схемам, согласно которым капитализм возник в результате борьбы ранней буржуазии, то есть бюргеров, и короны против феодалов, этот строй возник иначе. Исследования последних тридцати–сорока лет показали, что капитализм возникает как средство и побочный результат борьбы феодалов за сохранение привилегий в тех условиях, когда они этих привилегий лишаются. Средством решения этой проблемы для феодальной верхушки и стал демонтаж феодализма, конструирование принципиально нового строя. Естественно, феодалы не воспринимали реальность в таких категориях, да и капиталистами стали во многом помимо собственного желания.

Нынешний системный кризис чрезвычайно напоминает переход от феодализма к капитализму. Последние двадцать пять – тридцать лет с помощью неолиберальной модели западная верхушка демонтировала социально-политические институты капитализма. Ведь капитализм – это не просто торжество капитала. Напротив, капитализм – это институциональная система, которая ограничивает капитал в его же долгосрочных интересах. Капитал, предоставленный сам себе, очень быстро съедает все вокруг и самого себя. Нация-государство, гражданское общество, политика, рациональное знание (светские идеологии и наука) – вот институты, которые ограничивают капитал, конституируя капиталистическую систему и еще один институт – рынок. На первый взгляд это кажется странным, но это так. Фернан Бродель, великий французский историк, не случайно любил повторять: "Капитализм – враг рынка!", потому что капитализм стремится к монополии, которую он желает обеспечить на рынке. И главная задача капиталиста – это обеспечить себе иной источник дохода, чем прибыль, то есть ренту.

А теперь посмотрим, что произошло за последние двадцать пять – тридцать лет на Западе. Нация-государство исчезает – об этом на Западе не пишет только ленивый. Вместе с ним,

кстати, тает и средний класс. Гражданское общество "скукоживается". Политика превратилась в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса. Налицо кризис марксизма и либерализма – светских универсалистских идеологий.

Главный результат неолиберальной контрреволюции или революции (это зависит от угла зрения) за последние двадцать пять–тридцать лет заключается в том, что демонтированы или подорваны основные социально-политические институты капитализма. Что же произойдет, если в условиях нынешнего кризиса будет принята "неосоциалистическая" модель развития на глобальном уровне?

Произойдет следующее: под знаменем исправления ошибок неолибералов начнется систематическое ограничение рынка, и подано это будет как исправление ошибок неолибералов. В результате за двадцать пять – тридцать лет будет уничтожен или подорван последний институт, который ограничивает капитал, и где-то в 2030–2040-е годы мы получим полный демонтаж капитализма. Начнется посткапиталистическая эпоха под лозунгом глобального социализма. С таким же успехом его можно назвать и глобальным фашизмом – ибо речь пойдет о диктатуре "золотого миллиарда". Глобальный социализм – это тирания пятиста семейств, того, что называется "мировой закулисой".

Недавно в серии "ЖЗЛ" свет увидела книга небезызвестного Жака Аттали – "Карл Маркс". В ней читатель обнаружит полный восторг автора по поводу Карла Маркса. Почему? Аттали не говорит об этом прямо, но это следует из логики его книги: Карл Маркс разработал теорию мирового правительства. Только реализовывать ее, согласно Аттали, должен не пролетариат, а буржуазия. А мировое правительство – это, безусловно, шаг и к мировому социализму, но социализму не как высшей стадии капитализма, а как к посткапитализму, который господствующие группы капитализма, создают, чтобы сохранить власть и привилегии. Так же, как это произошло с феодалами. В 1648 году у власти в Европе оказались 90 процентов семей, которые находились у власти в 1453 году. То есть это был очень успешный системный трансгресс. Именно это и пытается сейчас сделать западная верхушка. Правда, слишком многие факторы работают против повторения сегодня успеха XV–XVII веков, но это отдельная тема.

Наступающая эра "глобального неосоциализма" политически весьма актуальна для России. Она означает смерть корпорации-государства, которое сейчас формируется и в других странах. Нынешний мир представляет собой на самом деле явно или неявно иерархию корпораций-государств. Если этот мир политически трансформируется в систему глобального социализма, то есть из иерархии корпораций-государств он может превратиться просто в иерархию корпораций. Но не в капиталистическом смысле. Это будет иерархия корпораций как орденов, у которых будут и экономические важные функции, например, как это было когда-то у ордена тамплиеров.

В ситуации глобальной "неосоциалистической" перестройки полупериферийные общества имеют лишь один шанс противостоять этому – демонтаж корпорации-государства, превращение его в нечто иное – не столько в нацию-государство (время наций-государств прошло), сколько в некую иную форму, у которой пока нет точного названия. Назовем это "нацией-корпорацией". Речь идет о новой форме властной организации, которая будет противостоять системе глобального социализма. Корпорации-государства сделать это не смогут. У корпораций-государств в мире глобального социализма есть только два варианта. Первый вариант – слияние с системой корпораций. Скорее всего, это приведет к функциональной ликвидации местных элит приказчиками-баскаками из "Западной Орды". Второй вариант – когда корпорация-государство начинает выражать не только интересы "менеджмента", но и интересы нации

в целом и перестает быть корпорацией-государством. Такие процессы никогда не происходят мирным путем, они развиваются посредством серьезных социальных потрясений. Кому придется в любом случае плохо – и при глобальном социализме, и при системе "нации-корпорации" – так это среднему слою.

Безусловная социально-политическая тенденция последних тридцати лет – это планомерное стирание среднего слоя "ластиком истории". В 1980-е годы структурные реформы МВФ уничтожили 90 процентов средних слоев Латинской Америки. Затем – в первой половине 1990-х годов – были уничтожены средние слои стран бывшего социалистического лагеря. Единственное, что может спасти средний класс, – так это активная борьба за свои права. Баррингтон Мур как-то сказал, что великие революции рождаются не из победного клича восходящих классов, а из предсмертного рева тех классов, над которыми вот-вот сомкнется волна прогресса. Средний слой на Западе – это тот сегмент, над которым вот-вот сомкнется волна прогресса. Возможно, средний слой станет сопротивляться этому процессу. Однако после всех потрясений он уже, безусловно, не будет средним слоем – так же, как и пролетариат после так называемых пролетарских революций перестал быть пролетариатом, а превратился просто в государственных рабочих. В любом случае **посткапиталистическое общество, – будет ли это общество нации-корпорации или глобального социализма, – будет социумом, для которого материальный уровень благосостояния, скажем 1945–1975 годов, будет казаться почти сказочным.** Однако низкий уровень благосостояния – удел всех новых обществ на ранней стадии их развития.

03.12.08 11:48

Холодная война, системный антикапитализм и Пересдача Карт Истории

«Какие бы голоса ни раздавались со всех сторон, историческое соперничество между Советским Союзом и либеральным Западом остаётся главной Ставкой нашего столетия, невзирая на расхождения Запада и третьего мира».
Раймон Арон

Начало очевидного взлёта карьеры Андрея Андреевича Громыко приходится на 1944–1945 гг. – конференции в Думбартон-Оксе (1944 г.), Ялте и Потсдаме (1945 г.). Затем – с 1957 по 1985 г. – должность министра иностранных дел СССР, заслужив на Западе прозвище «господин нет» (что может быть почётнее в устах врага?!). По иронии и логике истории в 1985 г. – году избрания М.С. Горбачёва генсеком КПСС, А.А. Громыко оставил пост министра иностранных дел (его занял Э.А. Шеварднадзе), а сам переместился на должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1988 г. – опять еж по иронии и логике истории – А.А. Громыко уходит на пенсию.

По **логике**, потому что в 1985 г. высшую должность в КПСС и стране занял человек, который разрушит всё, чему служил и что созидал А.А. Громыко, – советский строй, сверхдержавность СССР, ялтинскую систему, а 1988 г. стал точкой (не)возврата в крушении СССР как системы и сверхдержавы. Громыко не дожил ни до позорной сдачи Горбачёвым на Мальте (2–3 декабря 1989 г.) ялтинской системы Бушу-старшему, ни до капитуляции (без поражения) в Холодной войне – он умер за несколько месяцев до этого. Он не дожил до жуткого позора козыревщины, но успел лицезреть позор шеварднадзевщины и, возможно, почувствовал себя ронином – самураем, оставшимся без хозяина. По **иронии** – потому что именно А.А. Громыко был среди тех, кто своим авторитетом и весом вдавил бывшего ставропольского комбайнёра в явно неподходящее ему кресло генсека, а следовательно, косвенно поспособствовал крушению СССР.

Карьерный подъём А.А. Громыко совпал с подъёмом, триумфом и упадком ялтинской системы (1945–1989 гг.) и СССР как системного антикапитализма и как сверхдержавы. Внешнеполитическая деятельность А.А. Громыко – это прежде всего Холодная война (далее – ХВ), опытным бойцом которой он был. Карьера А.А. Громыко, его история – это зеркало названных выше процессов. Оставляя другим рассмотрение этих процессов сквозь призму личности А.А. Громыко, я хочу взглянуть на эпоху, в которую он жил и работал, эпоху, ставшую временем взлёта и падения СССР. И дело не только в том, что личность «господина нет» мне не очень интересна («они приходят как тысяча масок без лиц» – эти слова К. Чапека легко применимы к подавляющему числу представителей послесталинской номенклатуры). Дело в том, что если довоенное поколение советских вождей было главным образом из той породы, что в значительной мере формируют обстоятельства, чему в немалой степени способствовала водораздельная эпоха мировой смуты 1871–1933 гг., то послевоенная номенклатура формировалась обстоятельствами, причём обстоятельствами всё более мелкими, апофеоз – горбачёвщина.

Как тут не вспомнить Юрия Тынянова – о 1820–1830-х годах: «Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения. Было в двадцатых годах винное брожение – Пушкин. Грибоедов был уксусным брожением. А там – с Лермонтова идёт по

слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары. Запад самых тонких духов закрепляется на разложении, на отбросе (амбра – отброс морского животного), и самый тонкий запах ближе всего к вони. Вот – уже в наши дни поэты забыли даже о духах и продают самые отбросы за благоухание».

Перефразируя Тынянова, можно сказать, что у каждого этапа советской истории и воплощающего его верхушки – своё брожение, и развивалось оно тоже от вина через уксус к гнили, а уж на финальной стадии и сама верхушка, и её холуи, все эти «советники вождей» пытались выдать вонь отбросов за благоухание («гласность», «демократия»). Жизнь Громыко – это маленький кусочек истории брожения советской номенклатуры, её превращения из слоя в себе в слой для себя, в квазикласс со всеми вытекающими из этого последствиями для внутренней и внешней политики (в нестрогом смысле этого слова – советский коммунизм отрицал не только частную собственность, но и политику; политики в строгом смысле не было, была власть), для развития страны и строя, для хода ХВ.

В 2011 г. исполнится двадцать лет с момента формального крушения системного антикапитализма и распада СССР. Фактически же всё произошло двадцать лет назад – в 1989 г. – в году, когда умер А.А. Громыко. Символично, что Громыко скончался 2 июля, а 6 июля Горбачёв, выступая на заседании Совета Европы в Страсбурге, изложил суть «нового подхода» к развитию международного порядка: «баланс интересов», единое экономическое пространство от Атлантики до Урала, клятвенные заверения в том, что СССР не будет препятствовать «демократическим реформам» в Польше и Венгрии. Пройдёт ещё несколько месяцев, и в декабре 1989 г. Горбачёв капитулирует в ХВ, сдав Ялтинскую систему – то, что было добыто кровью миллионов советских солдат на полях сражений и такими дипломатами как Громыко за столами переговоров.

Прошло двадцать лет, а мы едва ли осмыслили феномен ХВ, причин капитуляции в ней СССР. Одна из причин этого аспекта «неосознанности происходящего» заключается в том, что ХВ изучают главным образом по разряду международных отношений, истории дипломатии, внешней политики, что является недостаточным, по сути – ошибочным и лишний раз свидетельствует о глубоком и принципиальном непонимании социальной и системно-исторической природы этого явления, о трактовке его в духе истории международных отношений XVI – начала XX в., т.е. досоветской эпохи мировой истории. Совершенно прав Раймон Арон, заметивший, что ХВ является «порождением исторической диалектики, которая, вероятно, сильнее воли дипломатов». И очень часто, добавлю я, выше их понимания.

Глобальная война

Необходимо уяснить, что ХВ не была Третьей мировой. То была Первая (и, скорее всего, последняя) глобальная война, война миров и систем. В мировых войнах (Тридцатилетняя, Семилетняя, наполеоновские, 1914–1918, 1939–1945 гг.) решались вопросы о том, кто будет гегемоном капиталистической системы (Голландия или Габсбурги, Великобритания или Франция, Германия или США), при этом с XVIII в. решающую роль в победах «моряков»-англосаксов над «континенталами» во внутрикапиталистических войнах играла Россия/СССР.

ХВ велась не за гегемонию в капиталистической системе. То было противостояние двух систем – капитализма и антикапитализма (исторического коммунизма – исторического: в смысле реального, реально существовавшего в истории XX в., а не на страницах «трудов» по «научному коммунизму», с одной стороны, в «исследованиях» западных советологов, с другой). Речь шла о двух взаимоисключающих глобальных, планетарных проектах

социально-экономического устройства, а потому ХВ велась на всей планете, т.е. была истинно глобальной. Глобальный, всеохватывающий характер ХВ хорошо подметил М. Уокер в замечательной книге «Холодная война»: «Южная Америка и Африка к югу от Сахары, – писал он, – континенты, которые раньше оказывались вне борьбы, теперь засосало в её воронку. Турки сражались в Корее, алжирцы – во Вьетнаме, кубинцы – в Анголе, а американские и русские школьники, чьи уроки в школе прерывались тренировочными сигналами угрозы атомной бомбардировки, росли, чтобы погибнуть в Сайгоне и Кабуле».

Поскольку противостояние блоков в ХВ было системным и развивалось не столько как межгосударственное (это форма), сколько как классово-идеологическое (мир труда – мир капитала, капитализм – антикапитализм, правые – левые и т.д.), оно охватывало практически всю планету, проникало в самые отдалённые уголки, вовлекало, всасывало в себя весь мир – от людоедов Центральной Африки и Новой Гвинеи до яйцеголовых интеллектуалов из Бостона, Парижа и Москвы, разрывая надвое целые страны, слои, а то и семьи. И хотя сформировался даже целый блок – Движение неприсоединения, пытавшийся «сосать от двух маток сразу», в целом и внутри этого блока идеологические симпатии и антипатии были вполне очевидны, в этом плане нейтралов практически не было: война носила тотальный – военно-политический, экономический, идеологический, психологический (психоисторический) – характер и предполагала полное уничтожение проигравшего (как это и произошло с СССР). В то же время, будучи глобальной, ХВ обеспечила глобальную стабильность в глобальных же и невиданных до сих пор (страх перед ядерным Армагеддоном) масштабах. Не удивительно, что одним из главных следствий ХВ как глобальной стала глобализация, подтвердив гераклитовское «война (борьба) – отец всего».

Есть эксперты, которые подчёркивают, что ХВ произошло взаимоналожение двух характерных для Европы типов конфликтов – между державами и религиозно-идеологического: протестанты против католиков, христиане против мусульман. Отчасти это действительно так. Но только очень отчасти, поскольку христианство и ислам охватывали определённые ареалы планеты, ориентированы они были на поту-, а не посюстороннее устройство. Капитализм и коммунизм – это о посюстороннем устройстве. В этом плане ХВ вытекает из Второй мировой: как верно заметил Тони Джадт, Вторая мировая была первой, в которой военный результат определял именно социальную систему, а, например, не религиозную принадлежность (как это было после Аугсбургского мира 1555 г. с его cuius regio ejus religio) или в ходе наполеоновских войн, революционным способом устанавливавших на месте Anciene Regime новый политический, но – подчёркиваю – не социальный строй. Кстати, это очень чётко понимал Сталин, который, как вспоминает Милован Джилас, в апреле 1944 г. в разговоре с Йозефом Броз Тито сказал следующее: «Эта война непохожа на прошлые войны; тот, кто занял какую-то территорию, устанавливает там свой общественный строй. Каждый распространяет свой строй настолько далеко, насколько способна продвинуться его армия. По-другому и быть не может». Быть не может в такую эпоху, когда наряду с капитализмом существует системный антикапитализм и война с ним капиталистических государств приобретает совершенно иной характер, чем между собой. Война СССР с Третьим Райхом принципиально отличалась от войны наших западных союзников с ним – последняя в социосистемном (да и в цивилизованном) плане была гражданской – победители не собирались отменять капитализм на захваченных территориях, достаточно взглянуть на гитлеровский «Евросоюз» и на «американскую Европу» второй половины 1940-х годов.

Верную мысль высказал Дэвид Кот, автор замечательного исследования о борьбе в сфере культуры в период ХВ, подчёркивая, что помимо прочего, ХВ это борьба за наследие Просвещения, которое СССР и США тянули на себя и наконец разорвали: у СССР осталось «равенство», а у США – «свобода». «Братство», по-видимому, оставили масонам и иже с ними рядом, а возможно и над ними находящимся, которые – создаётся впечатление, – в течение какого-то времени выбирали, на кого сделать ставку и в конечном счёте на рубеже 1940–1950-х годов выбрали США как «порт приписки» и мировой таран одновременно. Впрочем, это лишь догадки. Главное в том, что «свобода» и «равенство» отлились в принципиально разные, взаимоисключающие системы с глобальными претензиями.

После окончания Второй мировой войны коммунизм и капитализм сошлись как два альтернативных варианта организации посюстороннего мира планетарного порядка, проникая в ареалы **всех** религий и рассекая их по нерелигиозному принципу. А потому у ХВ нет ни аналогов, ни прецедентов в том числе и по внутренней сложности и парадоксальности: эта построенная на страхе взаимного уничтожения (достаточно вспомнить панику, охватившую крупнейшие города Европы и Америки в дни Карибского кризиса), завязанная на ядерное оружие глобальная война была периодом фантастической **глобальной** стабильности, такой, которой уже никогда не будет и с которой сравнить можно лишь европейскую стабильность 1815–1853 гг. и Римскую империю Антонинов – от Нервы до Марка Аврелия (96–180 гг. н.э.). Противостояние капитализма и системного антикапитализма, т.е. системы и антисистемы как двух альтернатив «светлого будущего» – уникальное явление всей посленеолитической («классовоантагонистической») истории, т.е. последних 5–6 тыс. лет.

В виде советского коммунизма, системно реализовавшего Большой Левый Проект европейского Модерна (старт ему дала Великая французская революция, в не меньшей степени антибуржуазная, чем буржуазная), впервые за несколько тысяч лет в истории неэгалитарных эксплуататорских обществ, построенных на собственности, возник социум, построенный на отрицании эксплуатации и собственности и провозгласивший равенство – т.е. социум победивших низов, угнетённых, одним словом – антисистема, вступившая в борьбу с системой. Конечно, в советской системе существовало неравенство, однако оно не шло ни в какое сравнение с таковым классовых («собственнических») обществ; в 1990-е и сегодня, когда индекс Джинни зашкаливает, когда casual для меньшинства – бесстыдно выставляемое напоказ наворованное богатство, а для большинства – беспросветная бедность, отсутствие социальных перспектив и проблема физического выживания. Конечно, в СССР существовала эксплуатация, однако, во-первых, она становилась менее интенсивной по мере развития совсистемы (а неравенство в то же время росло – и это был один из смертельных парадоксов системы); во-вторых, эксплуатация (в которой, кстати, соучаствовало огромное число людей) не была жёстко закреплённой (перемена мест) и, самое главное, в неизмеримо большей степени работала на социальное целое, на целостный интерес, чем в собственнических системах. Нарушение этого принципа в 1970-е годы взывало крайнее разочарование снизу в совстрое и стало одной из причин его крушения, поражения СССР в ХВ.

Тотальная, психоисторическая

ХВ велась тотально во всех сферах бытия – от военно-политической и финансово-экономической до идейно-психологической и организационной, причём именно «вторая пара» играла решающую роль. Зб. Бжезинский особо подчеркнул роль массовой американской культуры как одного из решающих факторов победы США в ХВ. Вольно было Алексису де Токвилю, Мэтью Арнольду, Эрнесту Ренану, Освальду Шпенглеру,

Мартину Хайдеггеру и другим смеяться над примитивностью и вульгарностью массовой культуры США. Именно этот вульгарный примитив стал оружием (одним из) американской победы. В «веке масс» именно массовая, «дебильная» культура решала если не всё, то многое. СССР стремился переиграть Запада на таких фронтах ХВ как классическая музыка (Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев и др.), балет (the Bolshoy Theatre), опера, гуманистическое кино. А Запад «выстреливал» рок-музыкой, Элвисом Пресли, «битлами» и «роллингами», боевиками и порнухой. И это, особенно с 1960-х годов, со вхождением в активный возраст бэби-бумеров – одного из самых манипулируемых поколений в истории Модерна – принесло свои плоды. Советские искусство и культура были гуманистическими и не ориентировались на массовый вкус и низменные инстинкты. Ясно, что с точки зрения психоисторического противостояния это слабоконкурентный вариант. Однако конкурентное преимущество Запада в психокультурной войне даёт о себе знать только в 1970–1980-е годы, и мы ещё поговорим об этом, равно как и о такой арене ХВ как спорт и шахматы.

Будучи тотальной, ХВ предполагала полное уничтожение проигравшего (как это и произошло с СССР). Не случайно метафорическую фразу Хрущёва «мы вас похороним» американцы восприняли буквально. Но похоронен был СССР; сын Хрущёва – американский гражданин – это одна из саркастических ухмылок истории, ответ США покойному советскому лидеру.

Поскольку ХВ, будучи по форме внешнеполитической борьбой, по сути была схваткой двух принципиально различных социально-экономических систем, чьё противостояние вовсе не ограничивалось сферой международных отношений, а носило тотально-системный характер, то в ходе этого противостояния решающее значение имела внутренняя эволюция борющихся систем – коммунистической и капиталистической. По сути именно эта эволюция в конечном счёте была решающим фактором в борьбе. Так и должно быть по логике любого системного противостояния – проигрывает тот, кто в ходе «негативного взаимодействия» слишком уподобляется оппоненту, слишком глубоко интегрируется в его систему, слишком сильно начинает развиваться не только по своей, но и по чужой системной логике. В связи с этим в борьбе не просто государств, а систем, тем более глобальной и тотальной, огромное значение приобретают идейно-психологические, социокультурные и организационные воздействия и средства, а сама война становится психоисторической. Показательно, что ещё в январе 1948 г. Конгресс США принял закон № 402, обязывающий граждан США «оказывать планомерное и систематическое воздействие на общественное мнение других народов». И законопослушные американцы оказывали. А мы смеялись над установками совпарткомов выезжающим за рубеж разъяснять за рубежом внутреннюю и особенно внешнюю политику СССР.

Психоисторическое воздействие извне, совпадающее с логикой внутренних изменений, а с какого-то момента подталкивающее и направляющее их, может сыграть огромную роль по принципу обратной связи, когда в системе в соответствии с логикой её внутреннего развития (разложения) появляется «благодарный», т.е. адекватный реципиент воздействия, который начинает существовать (материально и духовно) не только в своём системном измерении.

В связи с этим в исследовании ХВ анализ внешнеполитической составляющей, при всём его значении – это лишь поверхностный пласт, фон для анализа более серьёзных процессов, главных фронтов ХВ – системных социально-экономических сдвигов в противоборствующих системах (в нашем случае это будет главным образом СССР), фон, сам по себе явно недостаточный для понимания ХВ. Наконец, last but not least, особое

значение в таком контексте имеет анализ психоисторического аспекта ХВ – воздействие на социальные и политические группы и структуры, на их ценности, цели, взгляды и, самое главное, на потребности.

Забегая вперёд отмечу, что капитуляция СССР в ХВ совпала с разложением существующей структуры системного антикапитализма и номенклатуры как его системообразующего элемента, совпало с превращением номенклатуры из статусной группы в квазикласс. Более того, на финальной стадии этого процесса, в ходе структурного кризиса 1970–1980-годов, который горбачёвщина превратила в системный (перестройка – катастройка – катастрофа, далее везде) психоисторическое воздействие Запада посредством своего информационного и социального оргоружия – прозападной «пятой колонны» в СССР – подталкивало процесс классогенеза номенклатуры, криминализации и олигархизации уже и так загнивающих власти и строя, процесс дальнейшей интеграции в капсистему, что объективно разрушало мировую соцсистему, системный антикапитализм СССР.

С учётом сказанного выше, в данном цикле статей будут рассмотрены три комплекса проблем. Во-первых, ХВ, её суть, основные этапы, их главные события. Во-вторых, социальная природа , базовые противоречия и основные этапы развития советского общества и его системообразующего элемента – номенклатуры, её отношение к Западу по мере интеграции ССР в мировую капсистему. Здесь же тезисно будут отмечены изменения в ядре капсистемы. В-третьих, психоисторическое воздействие Запада на советское общество, на советскую верхушку, это воздействие как элемент ХВ и втягивания советской верхушки в капсистему, подрывающего системный антикапитализм изнутри.

Иными словами, речь пойдёт, перефразируя Ю. Белинкова, о сдаче и гибели советского коммунизма как системы в ходе войны и мира двух миров и систем. И начнём мы с ХВ. В данной статье речь пойдёт о феномене ХВ и о том, как он «оформился», «родился» в 1943/1945–1949 годах.

За одного битого двух небитых дают

В СССР так и не поняли, чем была ХВ. А вот на Западе с самого начала это понимали намного лучше. Поэтому если у нас ХВ писалась в кавычках и с маленькой буквы, но Западе – с прописной и без кавычек. И это очень показательно. В СССР ХВ воспринимали как войну невсамделишную – отсюда кавычки, как соревнование. Это усиливалось дурным пацифизмом советской пропаганды с её «лишь бы не было войны», тем самым подчёркивалось, что ХВ – это не война. А вот западная верхушка рассматривала ХВ не как соревнование, а как самую настоящую – на убой – войну, объектом и целью убийства в которой являются не отдельные люди, не физические индивиды, а система, социальный индивид. И до тех пор, пока мы не поймём, как и почему нас «сделали» в ХВ – «история не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом» (Борис Пастернак), – пока не сделаем правильные выводы, не проведём «работу над ошибками» в ХВ – это до сих пор не сделано, мы едва ли сможем всерьёз играть на мировой арене наравне с «глобальными племенами» – так журналисты называют англосаксов, евреев и китайцев.

Осмысление глобальной психоисторической – задача не только научно-кабинетная, но и практическая, как минимум в двух отношениях. **Первое** хорошо передаётся русской поговоркой «за одного битого двух небитых дают». Разумеется, если битый понимает, почему и как был бит, делает из поражений правильные выводы и использует их (и

осмысленный опыт поражений) для будущих побед – *«ступай, отравленная сталь, по назначенью»* (или – на выбор: *«заполучи, фашист, гранату»*).

Так, потерпевшая поражение в I мировой войне Германия, писал К. Поланьи в «Великом изменении» – одной из главных книг XX в. – «оказалась способной понять скрытые пороки мироустройства XIX в. и использовать это знание для того, чтобы ускорить разрушение этого устройства. Некое зловещее интеллектуальное превосходство было выработано её государственными деятелями в 1930-е. Они поставили свой ум на службу задаче разрушения – задаче, которая требовала разработки новых методов финансовой, торговой, военной и социальной организации. Эта задача была призвана реализовать цель – подчинить ход истории политическому курсу Германии».

Но ведь то же – о «зловещем интеллектуальном превосходстве» – можно сказать и о большевиках. Собственно, большевики и нацисты и смогли победить в своих странах, поскольку в своих странах раньше других стали людьми XX в. и осознали ошибки и уязвимые места XIX в., его людей, идей и организаций, причины поражений своих стран на выходе из XIX в. В XXI в. победят те, кто первыми станут людьми XXI в., т.е., помимо прочего, те, кто первыми сделают «работу над ошибками» по XX в., поймут причины своих поражений в нём, как это сделали – каждый по-своему и на своём языке – большевики, интернационал-социалисты в СССР и национал-социалисты в Германии.

Я уже слышу негодующие истеричные крики: как?! что?! Нас призывают учиться у большевиков и нацистов, использовать их опыт?! Позор краснокоричневым! Да, призываю учиться – у всех, кто преуспел в восстановлении центральной власти (государства, «центроверха», империи – «назови хоть горшком, только печку не суй») и (или) её сохранения-приумножения в тяжёлых условиях. Этому нужно поучиться у Византии, Китая различных эпох, у многих других.

В любом случае, до тех пор, пока мы не поймём причин нашего поражения в ХВ (а это в свою очередь невозможно без понимания сути самой ХВ, её природы и места в истории как взаимодействия двух систем, а также природы этих систем – советского коммунизма и позднего капитализма), нам не подняться. И чем скорее мы это сделаем, тем лучше – время работает против нас. Если ничего не изменится, то лет, эдак, через пять-семь (аккурат к столетнему юбилею I мировой войны или русской революции 1917 г.) уже РФ сможет сказать о себе словами Т. Кибирова то же, что мог бы сказать в конце 1980-х о себе СССР:

Ленивы и нелюбопытны,
бессмысленны и беспощадны,
в своей обувке незавидной
пойдём, товарищ, на попятный.

Пойдём, пойдём. Побойся Бога.
Довольно мы поблатовали.
Мы с понтом дела слишком много
Взрывали, воровали, врали

[…]

Мы сами напрудили лужу
со страху, сдуру и с устатку

И в этой жиже, в этой стуже
Мы растворились без остатка.

Мы сами заблевали тамбур.
И вот нас гонят, нас выводят.

Анализ ХВ должен помочь нам выработать то, что Роналд Робинсон и Джон Галахер в известной книге «Африка и викторианцы» назвали «жёсткими правилами обеспечения безопасности» («cold rules for national safety»).

Второй практический аспект целостного анализа ХВ связан не столько с «работой над ошибками», сколько с теми помехами, которые создают наши западные «друзья» и их туземные эрэфские агенты – «дети грантов и грантодателей», сотрудники различных фондов, ассоциаций и прочие околонаучные фарцовщики, стремящиеся «впарить» пропагандистскую жвачку о противостоянии Сил Добра Капиталистического Запада и Сил Зла Коммунистического Востока. С окончанием ХВ пропагандистско-психологическая – психоисторическая – война против России не закончилась. Напротив, её эффект ещё более усилился, поскольку системное противодействие западной пропаганде, западному культурно-психологическому воздействию и внедрению практически отсутствует.

У этой войны – несколько целей. Среди них: не дать осмыслить прошлое России и СССР и текущую историю РФ объективно, на основе адекватных этой истории методов и понятий; максимально очернить эту историю, представив её как сплошную полосу внутренних и внешних насилий, экспансии, милитаризма, как отклонение от нормы; выработать у русских чувство «негативной идентичности», т.е. исторической неполноценности и комплекс вины, за которую, помимо прочего, надо каяться, а потому принимать все тяготы девяностых и «нулевых» годов как должное, как расплату за коммунизм и самодержавие. При этом почему-то никому из наших чудаков (на букву «м»)-смердяковых не приходит в голову пригласить к покаянию англичан, уничтоживших десятки миллионов коренных жителей Африки, Азии, Австралии. Или, например, американцев, уничтоживших миллионы индейцев и столько же негров и оказавшихся единственными, кто применил ядерное оружие, причём против уже поверженной и неопасной Японии.

Последние 15–20 лет стали периодом интенсивного навязывания победителями нынешнего этапа передела мира остальному миру и, прежде всего, побеждённым, новых мифов и представлений как о мире, так и особенно о самих побеждённых, об их истории, об их месте в мире. ХВ стала одним из объектов подобного рода мифологизации.

Разумеется, история ХВ фальсифицировалась в своё время и в СССР и на Западе. Например, западные, прежде всего американские историки довольно долго обвиняли в развязывании ХВ Сталина и СССР. Затем новое поколение историков в США – ревизионисты – обвинили в очень многом сами США. Советские историки вплоть до перестройки виноватили во всём американский империализм. Во второй половине 1980-х и тем более в 1990-е годы ситуация изменилась: позднесоветские и постсоветские историки, точнее часть их, вдруг «прозрели» и обрушились на советский «тоталитаризм» и «экспансионизм» и лично на Сталина как главных инициаторов ХВ против «либеральных демократий» Запада: бывшие обществоведы-коммунисты обернулись антикоммунистами (как говорил один из героев «Оптимистической трагедии», «а вожак-то сукой оказался»), но к адекватному пониманию сути и причин возникновения ХВ это, естественно, не привело.

Иными словами, у нас интерпретация ХВ прошла несколько стадий: просоветскую, покаянно-советскую при Горбачёве и антисоветскую при Ельцине, по сути сомкнувшуюся не просто с антисоветскими, а нередко с откровенно антирусскими западными интерпретациями. На сегодняшний день в России у вульгарно-пропагандистских прозападных схем ХВ, пожалуй, больше сторонников, чем на Западе, где эти схемы очень часто подвергались критике, как и сама ХВ.

Вот что сказал в 1991 г. устами своего героя Смайли («Тайный пилигрим») Джон Ле Карре – антикоммунист, но в том, что касается Запада в целом объективный автор: «...самое вульгарное в ХВ – это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду... Я не хочу заниматься дидактикой, и конечно же мы делали это (глотали собственную пропаганду. – А.Ф.) в течение всей нашей истории. […] В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных уважения реформаторов и друзей – из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько еще мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать».

После капитуляции СССР в ХВ Запад и его агентура влияния России начали активно впихивать нам то, что раньше безропотно глотали сами. Задача – сделать так, чтобы ХВ осталась в исторической памяти как победа демократического Запада над «советским тоталитаризмом», над «коммунистической Россией», причём победа в войне, которую эта Россия – сталинский СССР – с её якобы «извечным экспансионизмом» и начала. Сверхзадача – использовать данную интерпретацию ХВ для пересмотра итогов и результатов Второй мировой войны, представив победу СССР в качестве если не поражения, то катастрофы и вытолкнув СССР (Россию) из числа победителей в «лагерь» одновременно побеждённых и агрессоров – вместе с гитлеровской Германией. Помимо прочего, это позволяет затушевать реальную роль Великобритании и США в качестве поджигателей войны. Ясно, что нас подобная схема не может устроить ни по научным, ни по практическим, ни даже по эстетическим резонам.

Как не может устроить и оттеснение ХВ куда-то на периферию интеллектуальных интересов и публичного дискурса в качестве чего-то такого, с чем всё в целом ясно, а детали можно оставить узким специалистам. Пушкинский Архип-кузнец из «Дубровского» в таких случаях говаривал: «как не так». Над деталями – всё более мелкими, но, тем не менее, важными (именно в них прячется дьявол) – пусть, действительно, трудятся узкие специалисты «по третьему волоску в левой ноздре». Однако целое не складывается из суммы деталей, факторов и т.д. Оно не равно сумме и никакая сумма, пусть самая полная, не объяснит целого и не заменит его. Целостное, системное осмысление ХВ – особая и неотложная задача, и именно она-то далеко не решена у нас. У нас нет – и не было – целостного ви́дения процесса ХВ как исторического целого, как некой шахматной доски, где все фигуры взаимосвязаны. Кстати, в этом – одна из причин того, что СССР капитулировал в ХВ.

А вот у англосаксов – англичан и американцев – такое целостно-шахматное видение мировой борьбы в теории и особенно на практике, как информационное оружие последние триста лет как раз на высоте. Вот что писал по этому поводу замечательный русский геополитик Е.А. Вандам (Едрихин): «Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества — никогда и ни в чём наш хвалёный инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в её целом и

оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т.е. политике, эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещрённая океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих».

Это сказано о ситуации начала XX в. Но как похоже на ситуацию конца XX – начала XXI века! Неадекватность позднесоветского, а затем эрэфского руководства современному миру, отсутствие у него адекватного целостного мировидения дорого обошлись Советскому Союзу 1980-х и РФ 1990-х. Советская верхушка оказалась совершенно не готова к тем новым формам мировой борьбы (прежде всего экономическим и психоисторическим, т.е. культурно-психологическим), которые начали использовать западные лидеры.

Это только на первый взгляд о ХВ мы знаем очень много. Однако Гесиод в своё время говаривал: «лиса знает много, а ёж – главное». Есть ряд главных вопросов, над которыми стоит поразмышлять. В чём суть ХВ, как противостояния, её место в истории? Противостояли друг другу СССР и США? Но их противостояние никогда не было войной. «Холодная», говорите – а что это значит? Кто и почему победил в ХВ? США? Это они так говорят. А может кто-то другой? К тому же США в каком качестве – как государство или как кластер ТНК? Почему СССР капитулировал? Нередко выбор, сделанный Горбачёвым и его многомудрой командой в 1987–1989 гг. объясняют так: положение СССР во второй половине 1980-х годов было настолько тяжёлым, что спастись можно было, только пойдя на сближение с Западом.

Но давайте, сравним положение СССР в 1985 и 1945 гг. Когда оно было тяжелее? В 1945 г. СССР только что вышел из тяжелейшей войны. Разрушенная экономика, предельно измотанное население. У американцев – процветающая экономика, которая даёт почти половину мирового валового продукта, и, самое главное, ядерная бомба, которой нет у нас, и готовность уже в 1945 г. (декабрьская директива Объединённого комитета военного планирования США № 432/д) обрушить 196 атомных бомб на 20 крупнейших советских городов. По логике тех, кто оправдывает горбачёвцев, Сталин в 1945 г. должен был согласиться на все условия плана Маршалла, капитулировать перед Америкой, а СССР вместе с остальной Европой – превратиться в американский протекторат. Однако советское руководство пошло по-другому пути, единственно достойному великой державы, да и плохишей-перевёртышей, готовых записаться в буржуинство любой ценой в тогдашнем советском руководстве не нашлось, почти всех отстреляли в конце 1930-х годов.

В 1985 г. СССР был сверхдержавой, обладал могучим ядерным потенциалом, вопреки перестроечным и постперестроечным манипуляциям с цифирью вовсе не находился в катастрофическом экономическом положении; это – такая же ложь, как разговоры

Гайдара о грядущем в 1992 г. голоде, от которого нас якобы спасло его правительство – упаси Бог от таких спасителей. А вот США во второй половине 1980-х годов из-за необходимости поддерживать гонку вооружений и одновременно сохранять жизненные стандарты среднего и рабочего классов, оказалась не просто перед катастрофой, а зависли над пропастью. Мы, занятые своей «перестройкой» и «оральной политикой» горбачёвцев в очередной раз упустили из виду, что происходит в мире. Падение Ельцина с моста и т.п. для нас было важнее сдвигов в мировой экономике.

Когда пахнуло холодом?

Так когда же началась ХВ? И опять вопросы. Многие считают, что началась она аж в 1917 г. Такой точки зрения придерживался, например, Андрэ Фонтэн, бывший главный редактор газеты “Le Monde”. Первый том его «Истории холодной войны» так и называется: «От Октябрьской революции до войны в Корее, 1917–1950».

Есть ли какой-то резон в таком подходе? Отчасти есть. Сам факт возникновения и существования Советской России как антикапиталистического феномена означал социосистемную угрозу для Запада. СССР как «государство» был исходно сконструирован так, чтобы с лёгкостью превратиться в Мировую Социалистическую Советскую Республику. Во введении к Конституции 1924 г. говорилось, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных ещё в октябре 1917 г. основ мирного сожительства народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». А сам СССР сначала именовался ВСССР? Где «В» означала «Всемирный»; одним словом, Земшарная республика.

Поэтому, например, русские юристы-эмигранты, в частности, П.П. Гронский с момента возникновения СССР верно указывали на иную, чем государственную, природу этого властного организма – «Советская Россия, – писал Гронский, – гостеприимно открывает двери перед всеми народами и государствами, приглашая их ко вступлению в Союз при одном лишь непременном условии – провозглашение советской формы правления и осуществление коммунистического переворота. Стоит жителям Борнео, Мадагаскара или Звулуланда установить советский строй и объявить коммунистические порядки, и, лишь в силу их заявления, эти новые, могущие возникнуть советские республики принимаются в Союз Советских Коммунистических Республик. Если бы Германия захотела перейти к благам коммунистического строя или же Бавария, или Венгрия захотели бы повторить опыты Курта Эйснера и Бэла Куна, то и эти страны могли бы войти в Советскую Федерацию». Вывод Гронского: «Союз Советских Социалистических Республик не представляет из себя прочно установленного государственного порядка, он может в любой момент исчезнуть и в то же самое время способен к беспредельному, ограниченному лишь поверхностью нашей планеты, расширению».

Другое дело, что в 1920–1930-е годы у СССР не было сил расширяться, он мог только обороняться. Запад, прежде всего Великобритания и Франция в 1920–1930-е годы проводили политику, направленную на подрыв и уничтожение СССР прежде всего силами Германии (для этого Гитлера и вели к власти). Тем не менее, и у Запада в межвоенный период, который, по сути, был лишь фазой передышки в мировой «тридцатилетней войне» XX в. (1914–1945), были ограниченные возможности давления на СССР. В 1920-е годы Запад приходил в себя после войны, после фактического заката Европы в лунку Истории, а в 1930-е годы обострились внутризападные противоречия, и СССР мог играть на них,

что, помимо прочего, нашло отражение в докладе М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. Этот доклад означал отказ советского руководства от ультрареволюционной доктрины, которой оно руководствовалось со времён гражданской войны и согласно которой любое обострение международной обстановки работало на СССР (даёшь революцию!), а любая стабилизация ухудшает его положение. С начала 1930-х годов СССР начинает всё больше вести себя как государство – член межгосударственной системы (в 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций), а не только как инкубатор мировой революции, что нашло своё отражение и во внутренней политике, в том числе и по отношению к историческому и национальному наследию.

Итак, датировать начало XB 1917 г. было бы неточно. Во-первых, до 1945 г., несмотря на деятельность Коминтерна во всём мире, у СССР не было потенциала для **глобального** противостояния капитализму; совсистема оборонялась. Во-вторых, в довоенный период – период острой борьбы за гегемонию внутри самой капсистемы советско-западное **противостояние** не выходило на мировой геополитический уровень в качестве главного; главным на этом уровне были противостояния англосаксов и Германии, с одной стороны, и США и Британской империей внутри англосаксонского «братства», с другой. СССР в такой ситуации – при всех системных противоречиях с миром капитализма – вписывался в традиционные для последних двухсот-трёхсот лет расклады европейской и мировой политики, войдя, в конечном счёте, в состав антигитлеровской коалиции и опять оказавшись на стороне моряков-англосаксов против «континентальных» европейских держав.

В 1917–1945 гг. Советский Союз противостоял одним капиталистическим государствам в союзе с другими буржуинами, используя их противоречия, а точнее – борьбу за гегемонию в капиталистической системе между двумя группами хищников – англосаксами и немцами. Это – не клише из коммунистической пропаганды, а формулировки замечательного русского журналиста Михаила Осиповича Меньшикова, в последний год XIX в. отметившего «тихий погром, который вносит англо-германская раса в остальное человечество» и зафиксировавшего: «Среди самих англичан и немцев идёт… структурная перестройка, борьба человеческих типов. Один какой-то сильный и хищный тип, по-видимому, поедает остальные». СССР в межвоенный период никогда – и в этом был успех сталинской дипломатии, которой в целом благоприятствовала эпоха внутризападного соперничества – не противостоял Западу, капсистеме в целом. Прежде всего потому, что разделённый в самом себе борьбой за гегемонию Запад не был целым, не было целого и единого Запада, целой **политико**-экономической капсистемы. В 1945 г. всё изменилось.

2 сентября 1945 г. завершилась эпоха соперничества, борьбы за гегемонию, стартовавшая 10 мая 1871 г. У капиталистической системы появился гегемон невиданной экономической мощи (около 50 % мирового валового продукта), объединивший её – США. В таких условиях СССР было уже намного труднее играть на противоречиях внутри капсистемы. Позиция Франции 1960-х годов – не делающее погоды отклонение: упёртому генералу де Голлю довольно быстро сначала поставили шах (студенческие волнения 1968 г.), а затем мат и выбросили из большой политики. И это несмотря на то, что генерал – прав Анри Костон – вовсе не был таким антиамериканским политиком, каким его нередко изображают.

Получается, XB началась в марте 1946 г., как считают многие – речью Черчилля в Фултоне? Так ли это? Что именно сказал Черчилль, почему и зачем он сделал это, тогда, когда сделал, в чём и кому был главный посыл речи и, наконец, в каких условиях это произошло?

«Нельзя ни предотвратить войну, ни объединить нации без того, что я называю братским союзом англоязычных народов», – сказал Черчилль 5 марта 1946 г. – «Сумрак опустился на международную политическую арену… Никто не ведает ни намерений советской России, ни захватнических планов международных коммунистических организаций […] От Щецина на Балтийском море до Триеста на Адриатическом «железный занавес» разделил Европу». Ключевое словосочетание здесь – «железный занавес», отразившее раздел Европы на (про)советскую и проамериканскую зоны. Однако не Черчилль употребил его первым. Биограф англичанина Ф. Бедарида упоминает Геббельса (февраль 1945 г.), английских лейбористов 1920-х, а я добавлю к этому Василия Розанова (1918 г., правда, по иному, чем Черчилль и Геббельс поводу).

Черчилль произнёс свою речь в связи с советско-британским кризисом в Иране, стремясь заручиться поддержкой США. Речь шла о конкретном случае. Однако пресса превратила речь Черчилля чуть ли не в объявление войны – холодной – Советскому Союзу.

Но мог ли объявить ХВ отставной премьер империи, едущий с Ярмарки Истории? Jamais. Похоже, американцы использовали Черчилля, как они уже использовали англичан в 1939 г., чтобы начать **свою** мировую войну, но так, чтобы ответственность легла на кого-то другого – спор кузенов между собою.

На самом деле Черчилль зафиксировал то, что уже было решено американцами, да и главным посылом его речи были не столько «железный занавес» и ХВ, сколько «союз англоязычных народов», в котором британцам было бы отведено достойное место – у американцев были совсем другие планы. Американское решение о том, что стало ХВ было принято в последние недели 1945 г. и в первые два месяца 1946 г.

5 января 1946 г. президент Трумэн вызвал в Овальный кабинет госсекретаря Бирнса и в холодной ярости прочёл ему черновик письма, которое Мартин Уокер считает реальным началом ХВ. По сути это была формулировка жёсткого курса по отношению к СССР. 10 февраля 1946 г. в речи Сталина, опубликованной в «Правде», было сказано о том, что капитализм порождает кризисы и конфликты, что создаёт угрозу войны в капиталистическом мире, что может стать угрозой для СССР. Следовательно, необходимо срочно восстанавливать советскую экономику, думая не о потребительских товарах, а о тяжёлой промышленности.

Эту речь, переведённую и напечатанную журналом «Times» американцы в пропагандистских целях охарактеризовали как призыв к войне, а Уильям Дуглас сказал, что это объявление Третьей мировой войны, об этом же говорил Пол Нитце. И хотя в США было немало людей, трезво воспринявших выступление Сталина, логика интересов правящей верхушки США разворачивала всю ситуацию в сторону обострения отношений – у американцев была атомная бомба, их доля в мировом ВНП достигала почти 50%. СССР атомной бомбы не имел, его экономическое положение было крайне тяжёлым: человеческие потери – 27 млн.; треть экономического потенциала уничтожена; 32 тыс. фабрик и заводов разрушены; 65 тыс. км железных дорог выведены из строя; разрушено 1 710 городов и 70 тыс. деревень; опустошены земли 100 тыс. колхозов. В таком состоянии войну – «холодную» ли, «горячую» – не начинают. На это можно возразить: в 1947 г. под командованием генерала Люциуса Д. Клэя в Берлине находилось 6,5 тыс. войск, а в Европе – 60 тыс., тогда как Сталин в расстоянии нанесения удара по Берлину имел 400 тыс. войск. Однако это возражение имело бы смысл в доатомную эпоху; американская атомная бомба не просто уравновешивала преимущество СССР в обычном вооружении, но резко усиливала позицию США.

Большую роль в обострении американо-советских отношений сыграл американский дипломат Джордж Кеннан, типичный «тихий американец», борец за демократию, считавший необходимым ограничение в США прав (в том числе избирательных) иммигрантов, негров и женщин. Сменив на посту посла США в СССР Аверелла Гарримана, он в течение 18 месяцев бомбардировал госдеп предупреждениями о «зловещих планах Сталина». Ситуацию вокруг речи от 10 февраля он использовал стопроцентно. Результат – знаменитая «длинная телеграмма» (5 540 слов; адресаты – Бирнс и Дин Ачесон) Кеннана. Кеннан связал «коммунистический экспансионизм» СССР с внешней политикой царей и подчеркнул, что с советским коммунизмом невозможно договориться – он стремится к мировому господству. «Это было нечто большее, чем призыв к оружию, – пишет М. Уокер, – это было приглашение к борьбе на жизнь и на смерть, в которой нельзя делать ни малейших уступок».

И с конца 1945 – начала 1946 г. я бы продлил линию ХВ как минимум до 1944 г., во-первых, до октября, когда всего лишь короткий обмен мнениями между Сталиным и Черчиллем во время московской конференции по сути зафиксировал будущий раздел Европы; во-вторых, до открытия «второго фронта», предназначенного для того, чтобы не дать СССР пройти на Запад (логически из этого вытекает план операции «Немыслимое» – планировавшийся Черчиллем на 1 июля 1945 г. удар англо-американцев совместно с немцами по Красной армии). Кстати, даже русофоб Кеннан в своей книге «Россия и Запад при Сталине и Ленине» пишет, что первые подозрения у Сталина по поводу союзников возникли летом 1944 г. – сразу же после открытия «второго фронта». Однако если от минимума перейти к максимуму, то говорить нужно о 1943 г., о Тегеранской конференции, когда западные союзники поняли: СССР победил, а следовательно, необходимо свести победу, её результаты к минимуму.

Но вернёмся к Кеннану. Средства борьбы, предложенные Кеннаном в телеграмме, не были военными – он считал, что Запад может победить СССР в мирной борьбе, избавившись, как от паразита на своём теле. По сути это и было провозглашением ХВ. К этому времени приспел ещё один кризис – между СССР и Великобританией в Иране, на него Черчилль и отреагировал своей речью в Фултоне, которая «надстроилась» на уже сформировавшийся курс на ХВ, на идеи, вставшие в Объединённом комитете начальников штабов, в Пентагоне. Телеграмма Кеннана стала обоснованием для Трумэна, Черчилль выдал звонкую фразу, а Пентагон обеспечил стратегическое обоснование» (М. Уокер).

11 марта Сталин реагируя в «Правде» на речь Черчилля, обвинил его в стремлении развязать войну на основе расовой теории, как это делал Гитлер, только место немцев должны занять англоговорящие народы. Прошёл всего год после Ялты, а в Вашингтоне и Лондоне возобладал воинственный подход: эмбрион ХВ начал формироваться, чтобы окончательно появиться на свет в 1949 г. И это несмотря на то, что у СССР не было атомной бомбы и что Сталин объявил о сокращении военного бюджета на 80 миллиардов рублей и о демобилизации армии (с 12 млн. в 1945 г. до 3 млн. в 1948 г.). Всё это уже не имело значения. В феврале 1947 г. была разработана доктрина Трумэна, которую президент США обнародовал 12 марта 1947 г. В соответствии с логикой доктрины США выделили 250 млрд. долларов Греции и 150 млрд. Турции для «сдерживания» СССР, подкрепив это американским флотом в Средиземном море.

Этот на первый взгляд локальный эпизод имеет большое практическое и особенно символическое значение. Со времён Трафальгара (1805 г.) Средиземноморье было зоной исключительно британского контроля. Однако послевоенная Великобритания уже была не способна обеспечить такой контроль и эти функции – функции, если пользоваться терминологией классической англо-американской геополитики – Мирового Острова –

взяли на себя США. Р. Арон прямо пишет об этом: «Соединённые Штаты приняли на себя роль островной державы вместо Великобритании (подч. мной. – А.Ф.), истощённой своей победой. Они ответили на призыв европейцев и заменили собой Соединённое Королевство по его же просьбе». Иными словами, после 1945 г. противостояние Остров – Хартленд приобрело характер борьбы различных социальных систем. Впрочем, возможна и иная постановка вопроса: противостояние капитализма и антикапитализма приобрело форму столкновения гиперконтинентальной и гиперостровной держав. (Я оставляю в стороне вопросы о том, случайно или нет антикапитализм геополитически явился в виде гиперконтинентальной державы или же если бы – в отличие от историков, история знает сослагательное наклонение, – Россия не упустила шанс стать Тихоокеанской державой, то антикапитализм возник, если возник бы, где-то в другом месте, либо логика системной борьбы была бы иной.)

Весной 1947 г. генерал Люциус Клей, комендант американской зоны, предложил ряд мер, которые должны были бы освободить немецкую экономику от ограничений оккупационного режима. Реакция СССР была резко отрицательной, однако американцы и англичане настаивали на восстановлении Германии.

Суровая зима 1947 г. ещё более усугубила тяжесть экономической ситуации в Германии и Европе, и 5 апреля Уолтер Липпман в «Вашингтон пост» в своей колонке «Говорит Кассандра» написал о том, что немецкий хаос грозит распространиться на Европу. США не могли допустить такой ситуации, поскольку она грозила подъёмом левых сил: во Франции и особенно в Италии казался реальным приход коммунистов к власти в 1947–1948 гг. и США готовились к военной интервенции в Италии в случае победы коммунистов на выборах. С этой целью в США был разработан план экономического восстановления Европы. 5 июня 1947 г. в Гарварде во время получения (одновременно с Томасом Стернзом Элиотом и Робертом Оппенгеймером) почётного диплома госсекретарь США генерал Джордж Маршалл в семнадцатиминутной речи изложил этот план, который получил его имя. Речь шла о комплексе мер, направленных на экономическое восстановление Европы. Хотя план Маршалла был экономическим, в его основе лежали социосистемные (классовые) и геополитические причины – и спасение капитализма в Европе и борьба с СССР. Хотя официально на первом плане была, естественно, экономика, я всё же начну с классовой борьбы и политики.

После войны коммунисты в Западной Европе были на подъёме, входили в состав правительств Франции и Италии. Поэтому в мае 1947 г. министров-коммунистов вывели из состава правительств этих стран. 19 декабря 1947 г. Совет Национальной Безопасности США проинструктировал ЦРУ предпринять все возможные действия, чтобы не допустить прихода коммунистов к власти в Италии. На подрыв позиций коммунистов в этой стране и поддержку христианских демократов, которые впоследствии и выиграли выборы (при активной поддержке Ватикана, папы Пия XII), были отпущены немалые суммы. При этом в финансировании антикоммунистических сил в Италии и вообще в Европе участвовали не только ЦРУ и другие государственные структуры США, но также частные компании, крупные корпорации, профсоюзы.

По сути и ХВ, и «американская Европа» были средствами защиты Америкой капитализма – причём не столько от СССР, сколько от внутриевропейских антикапиталистических сил, будь то коммунисты или социалисты. В конце 1940-х и даже в 1950-е годы для большей части американского истеблишмента все левые были на одно – вражеское – лицо. Весьма показателен один эпизод, когда Леон Блюм прилетел договариваться об американских займах, «Wall Street Journal» посвятила его визиту статью под названием «When Karl Marx calls on Santa Klaus» («Когда Карл Маркс просит о помощи Санта Клауса»).

Иными словами, обострение отношений с СССР в виде ХВ было не только внешним системным и геополитическим противостоянием, но и внутрисистемным, а для того чтобы защищать капитализм у себя дома и в Европе и с этой целью давить любые антикапиталистические и прежде всего коммунистические движения, нужна была конфронтация с СССР, которая была начата и к концу 1940-х годов превратилась в ХВ. Очень ясно высказался по этому поводу Р. Арон, отметивший, что американцы «хотели воздвигнуть плотину перед коммунизмом, избавить народы, в том числе народ Германии, от искушений, внушённых отчаянием (подч. мной. – А.Ф.). Бесспорно, доллары служили оружием в борьбе с коммунизмом, оружием так называемой политики сдерживания. Инструмент этот оказался действенным».

Помимо системной и геополитической составляющей у плана Маршалла была, естественно, и важнейшая экономическая составляющая. Бедственное положение Европы давало возможность США установить финансово-экономический контроль над субконтинентом, окончательно превратиться не только в гегемона капиталистической системы и транснационального банкира, но и в мирового гегемона (если бы удалось подмять СССР), используя как политические, так и финансово-экономические средства.

Центральное место в плане Маршалла занимала реинтеграция германской экономики в подконтрольную США экономику Европы; более того, план Маршалла в какой-то момент оказывался единственной связью Германии с остальной Европой. «Германский» аспект плана Маршалла имел не только экономический, но и политический аспект – он объективно обострял отношения между СССР и США и таким образом вписывался в логику постепенно развязываемой США ХВ. Не случайно Раймон Арон заметил, что удивляться следует не тому тупику, в который зашёл германский вопрос в 1947 г., а «двум годам колебаний, которые понадобились для того, чтобы принять неизбежное», т.е. разделение Германии на западную и восточную зоны.

План Маршалла важен ещё в одном отношении. Помимо прочего это была первая крупномасштабная акция в интересах американских ТНК и нарождающейся хищной фракции мирового капиталистического класса – корпоратократии, которая ярко проявит себя в начале 1950-х годов, свержением Мосаддыка, а затем совершив переворот 1963–1974 гг. и пройдя по трупам Кеннеди (физическому) и Никсона (политическому), начнёт сажать в Белый дом своих президентов. «Тээнковская» составляющая отчётливо проявилась и в том, что план Маршалла должен был реализовываться как отношения США и Европы в целом, что соответствовало интересам корпорацией, а не как двусторонние межгосударственные отношения. Сталин же, разгадав манёвр, ведущий к финансово-экономическому закабалению Штатами не только побеждённых, но и победителей (причём побеждённым в этом процессе отводилось важное место), дал инструкции Вячеславу Молотову настаивать на парижской конференции (июнь 1947 г.) на двусторонних отношениях.

Разумеется, СССР был заинтересован в американском займе миллиардов эдак в шесть. Это весьма помогло бы восстановлению экономики, поэтому ряд ведущих экономистов, например, Евгений Варга, директор Института мирового хозяйства, выступали за то, чтобы СССР присоединился к плану Маршалла. Дело, однако, было в цене вопроса, в том, чтобы не попасть в историческую ловушку, как это произошло во время горбачёвщины. Сталин колебался, взвешивая плюсы и минусы. Всё решила развединформация, которую обеспечила «кембриджская пятёрка»; хотя её неформальный руководитель Хэралд «Ким» Филби служил в это время в британском посольстве в Стамбуле, другие члены «пятёрки» работали в Великобритании. 30 июня Молотов получил шифровку от своего заместителя Андрея Вышинского, в которой содержалась полученная информация о встрече

заместителя госсекретаря США Уилла Клейтона и британских министров. Как пишут Джереми Айзекс и Тэйлор Даунинг, из полученных сведений становилось ясно, что американцы и англичане уже сговорились, действуют заодно, и план Маршалла будет не расширением практики лендлиза, а созданием принципиально иного механизма, в котором к тому же решающее место отводилось Германии, не говоря уже о диктате со стороны США по целому ряду вопросов.

3 июля с санкции Сталина, который, по-видимому, в течение 48 часов анализировал ситуацию, Молотов обвинил США в том, что они стремятся создать структуру, стоящую над европейскими странами и ограничивающую их суверенитет, после чего покинул переговоры. 12 июля в Париже начала работу новая конференция – уже без СССР, а одновременно в вдеревне Шклярска Поремба в Польше начало работу совещание коммунистических партий, результатом которого стало создание Коминформа – новой международной коммунистической организации. Это означало раскол Европы на просоветскую и проамериканскую зоны и возникновение биполярного мира.

1947–1949 годы: обмен ударами

С 1947 по 1949 годы шёл обмен ударами между США и СССР. На план Маршалла СССР ответил созданием Коминформа и советизацией Восточной Европы, наиболее серьёзные проблемы возникли в Чехословакии. Ответ США – операция «Split» («Расщепляющий фактор»), проведённая ЦРУ и МИ-6 в Восточной Европе. В 1947–1948 гг. к власти в Восточной Европе пришли относительно умеренные коммунисты, стремившиеся учитывать национальную специфику своих стран. Многие в американском истеблишменте готовы были поддержать их. Однако Аллен Даллес рассуждал иначе. Он считал, что именно этих умеренных коммунистов следует уничтожить, причём руками коммунистов-сталинистов, сторонников жёсткого курса. С этой целью были сфабрикованы документы, из которых следовало, что многие руководители компартий Восточной Европы сотрудничают с американской и английской разведками. Документы были подброшены органам госбезопасности, те клюнули и по Восточной Европе прокатилась волна массовых арестов, судов, расстрелов. Как и планировал Даллес, коммунизм стартовал в Восточной Европе с репрессий, а возглавили восточноевропейские партии (и страны) во второй половине 1940- годов сторонники жёсткого курса. Позднее Сталин поймёт, что его обманули, но будет поздно: людей не вернуть, а западная пресса всласть расписывала зверства коммунистов.

В 1948 г. произошло ещё одно событие эпохи генезиса ХВ: родилось государство, которое впоследствии станет активным участником ХВ на стороне США – Израиль. По иронии истории родилось оно при активнейшей инициативе СССР. Сталин рассчитывал на то, что создание еврейского государства на Ближнем Востоке позволит компенсировать неудачи СССР в этом регионе – Иран, Турция, арабы. Расчёт Сталина не оправдался. Евреи в борьбе за свою государственность позиционировавшие себя в качестве представителей мирового рабочего класса и антиимпериалистов, выбрали подъём не с помощью СССР, а с помощью империалистических США и репараций, взимаемых с Германии за «коллективную вину немецкого народа перед еврейским». Израиль очень быстро стал врагом СССР – страны, в революционное создание которой их представители «колен израилевых» внесли огромный вклад. Активную роль в пробивании еврейской государственности сыграл человек, к юбилею которого формально приурочена эта статья. 14 мая 1947 г. Громыко произнёс в ООН важную речь о разделении Палестины на два государства. Он прочувствованно говорил о страданиях еврейского народа в Европе, о необходимости государственности для него. Сионист Абба Эбан назвал речь Громыко

«божественным посланием». «Проект Израиль» оказался проигрышным ходом СССР в ХВ.

В июне 1948 г. разразился Берлинский кризис – единственный серьёзный кризис по поводу границ за всю историю «ялтинской» Европы. Ему предшествовали выборы в учредительное собрание трёх западных зон – по сути создание единой западной политической зоны. В ответ маршал Соколовский вышел из Межсоюзнического контрольного совета по управлению Берлином, а советская сторона 31 марта 1948 г. установила контроль над коммуникациями между Западным Берлином и западными зонами Германии. Развивая курс на конфронтацию, бывшие союзники 18 июля выпустили марку (Deutsche Mark), общую для трёх зон, заявив, что она будет иметь хождение и в Берлине. (Банкноты секретно печатались в США и перевозились во Франкфурт под охраной американских военных; новая немецкая валюта быстро стала самой сильной в Европе). К этому моменту раскол Европы на две части был полностью завершён, за исключением Вены и Берлина, разделённых на зоны Берлина и Вены. Марка ударила по Берлину.

Советским ответом стала ультиматум 24 июля: блокада западной части Берлина, пока «союзники» не откажутся от идеи «трёхзонного правительства». Уже 26 июля американцы и англичане «построили» авиамост (операции «Vittels» и «Plainfare» – соответственно) и начали доставлять в блокированный город воду и продовольствие. Летом 1948 г. США передислоцировали в Великобританию 60 новейших бомбардировщиков B-29, способных нести на борту атомные бомбы. Передислокация намеренно шумно освещалась в прессе. На самом деле атомных бомб на самолётах не было, но это хранилось в секрете. Кризис всё более обострялся, и хотя в августе 1948 г. на встрече с послами западных стран Сталин сказал: «Мы всё ещё союзники», то была не более чем дипломатическая фраза.

4 апреля 1949 г. была создана НАТО – военный кулак Запада, сжатый против СССР. В течение долгого времени – до середины 1970-х годов львиная доля содержания агрессивного по своей сути блока приходилась на США, которым приходилось вкладывать в НАТО свои средства. Не символично ли, что во время праздничной церемонии по этому поводу 9 апреля 1949 г. в Зале Конституции оркестр играл мелодию песни с красноречивым названием «I’ve got plenty of nothing» («Я заполучил массу ничего»).

12 мая 1949 г. СССР снял блокаду с Берлина, так и не добившись своей цели. Словно подчёркивая эту неудачу, Запад в мае провозгласил создание ФРГ и началось перевооружение Германии, её военное укрепление. США были готовы даже поделиться с ФРГ – единственный случай подобного рода – секретом атомной бомбы, но не сделали этого. Скорее всего, из-за появления атомной бомбы у СССР. Если это так, то возникает вопрос: а что планировали сделать США руками ФРГ, вкладывая в руки вчерашнего врага СССР и США атомное оружие? Нечто вроде «Немыслимое-2» в атомном варианте? Ответ СССР – создание ГДР и Совета экономической взаимопомощи. Словно в игре «го» противоборствующие стороны стремились рядом с каждым «камнем» противника поставить свой, нейтрализовать и по возможности окружить его «камни» и снять их с доски.

Помимо внешнеполитических шагов США планировали против СССР вполне конкретные военные акции с применением атомного оружия. Как уже говорилось, в декабре 1945 г. согласно директиве Объединённого комитета военного планирования № 432/д планировалось сбросить 196 атомных бомб на 20 крупнейших советских города. В 1948 г. был разработан план «Чериотир» – 133 атомные бомбы для 70 городов СССР. В 1949 г.

согласно плану «Дропшот» на Советский Союз должно было обрушиться уже 300 атомных бомб. Однако в том же 1949 г., 29 августа – как минимум на 18 месяцев раньше, чем прогнозировали западные разведслужбы – СССР испытал свою атомную бомбу. С этого момента горячая война США против СССР стала проблематичной.

Советская бомба вызвала шок на Западе. Британский дипломат Глэдуин Джеб, председательствовавший в суперсекретном Официальном комитете по коммунизму кабинета министров писал: «Если они (русские. – А.Ф.) могут сделать это, то они, возможно, могут создать и многое другое – истребители, бомбардировщики, ракеты – неожиданно высокого качества и удивительно быстро. […] Механизированного варвара никогда нельзя недооценивать». Джеб Оказался прав: «варвары» (характерное отношение западных людей к русским во все эпохи независимо от строя) очень скоро удивили мир быстрым восстановлением, освоением космоса и многим другим, причём это многое другое было результатом (прямым или косвенным) ведения ХВ, родившейся в августе 1949 г., как и полагается особе женского пола – под знаком Девы. Теперь, «горячая» война против ядерной державы исключалась, только Холодная. И хотя можно согласиться с Р. Ароном в том, что военный аспект и планетарный размах придала ХВ корейская война, уже в 1949 г. ХВ прорвалась в мир подобно геополитическому ребёнку со знаменитой картины Сальвадора Дали, написанной в 1943 г. – в том году, когда в Тегеране была зачата ХВ.

Глобализация Холодной войны

В 1943 году, в том самом, когда в Тегеране была зачата Холодная война (далее – ХВ), Сальвадор Дали написал одну из своих наиболее известных картин – «Геополитический ребёнок, наблюдающий рождение нового человека»: сквозь скорлупу земного шара, ломая её изнутри и помогая себе уже появившейся на поверхности левой рукой, выбирается человек. Символично, что появляется он на месте США, а опирается на то место, где находится Великобритания, полностью накрыв её пятерней. Картина представляется мне исключительно символичной: «новый человек» – это ХВ и рождается он/она в США. После войны американцы считали – и это нашло отражение в высказываниях представителей истеблишмента США, что теперь они должны управлять миром. Например, Трумэн высказывался без обиняков: «Победа поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимостью (sic! – А.Ф.) руководства миром». Дэвид Роткопф в книге «Управляя миром. Внутренняя история Совета национальной безопасности», смягчая ситуацию, представляет дело так: Трумэн и его команда были первыми в истории, кому предстояло выработать политику для легитимной глобальной державы. Вильсон и Рузвельт решали и решили проблему американского превосходства. Проблемой Трумэна была глобальная сверхдержава.

Можно называть это как угодно: американское руководство миром (читай: нещадной эксплуатации мира в качестве гегемона капиталистической системы), выработка политики для глобальной сверхдержавы (читай: для установления глобального контроля США), однако здесь на пути американцев оказывалось досадное для них препятствие – СССР, победитель в войне, ещё вчера – союзник. Но то было вчера. А сегодня, после войны, можно планировать «немыслимое» – предполагавшийся на 1 июля 1945 г. англо-американско-польский удар по Советской армии с использованием поляков и, главное, немцев (последние весной 1945 г. очень хорошо уловили изменения в коалиции и потому англо-американцам в большинстве случаев сдавались, почти не оказывая сопротивления, а с русскими бились на смерть); можно планировать атомную бомбардировку СССР; демонстрировать готовность поделиться секретом атомной бомбы с западными немцами и т.д. Иными словами, обладая монополией на атомную бомбу, США двигались к новой

войне, и то, что мы сегодня называем ХВ, в 1945–1949 годах может трактоваться как подготовка, прелюдия к новой войне. В 1949 г. советская атомная бомба – впечатляющий результат работы огромного и многостороннего коллектива под руководством блестящего советского организатора Лаврентия Павловича Берия – прекратила это движение и началась «чистая» ХВ, которую мы, глядя в прошлое ретроспективно, распространяем на 1945–1949 годы.

Первой реакцией американских «ястребов» на сообщение ТАСС от 25 сентября был шок, второй – призыв к превентивной атомной войне против СССР. Однако имея 250 бомб, американцы не могли добраться до крупнейших центров европейской части СССР – тактико-технические характеристики 840 действующих стратегических бомбардировщиков, как замечает Александр Орлов, не позволяли. Советская атомная бомба была не первым неприятным сюрпризом 1949 г. для американцев.

20 апреля 1949 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) численностью 1,2 млн. человек форсировала Янцзы, а 23 апреля 1949 г. 2-я и 3-я полевые армии взяли столицу Чан Кайши Нанкин; 22-летний гоминьдановский режим по сути прекратил своё существование. Следующие недели – это уже агония режима: 27 мая был взят Шанхай, и сотни тысяч беженцев рванули на Тайвань. Американцы попытались переиграть свою китайскую политику, объявив Чан Кайши главным виновником поражения и резко развернувшись в сторону КПК и Мао, но было поздно. Ответ, который дал Мао американцам 30 июля, Лаура Тайсон-Ли, автор биографии супруги Чан Кайши, назвала «артиллерийским залпом». Мао объявлял янки о том, что новый Китай «уже создал вместе с Советским Союзом общий фронт антиимпериалистической борьбы. Альтернатива проста: либо убить тигра, либо быть съеденным». Ну а в августе СССР огорчил «тигра» до невозможности, испытав атомную бомбу в Семипалатинске-21.

На события 1949 г. СНБ отреагировал агрессивной директивой № 68 14 апреля 1950 г. Этот почти восьмидесятистраничный документ под названием «Задачи и программы национальной безопасности США» представляет собой образчик англосаксонской агрессивности, закамуфлированной красивыми словами. По сути это катехизис ХВ. В нём утверждается, что «Советский Союз в отличие от предыдущих претендентов на мировую гегемонию фанатично одержим новой верой и стремится подчинить своей власти остальной мир» (стремление США подчинить остальной мир у авторов документа отрицательных чувств не вызывает) и, естественно, любым способом уничтожить США как единственную преграду для осуществления своего плана. В директиве разбираются намерения СССР (уничтожить свободный мир и превратить планету в концлагерь) и США (защитить цивилизацию, её свободы и свободу). С учётом этих намерений и приписываемых СССР целей, в документе намечается программа внешнего и внутреннего (изменение советского строя изнутри) воздействия на СССР. А для этого необходимо ускоренное и непрерывное наращивание военных сил, увеличение военного бюджета США с 13,5 млрд. долл. до 50 млрд. Трумэна порядок цифр ошеломил и он не стал спешить с подписанием распоряжения об увеличении бюджета Пентагона. Однако в субботу 24 июня (в США было уже 25 июня) 1950 г. северокорейские войска вторглись на территорию Южной Кореи, началась Корейская война и в конечном счёте Пентагон получил, что хотел.

На Западе до сих пор распространено мнение, что главным инициатором Корейской войны был Сталин. Документы, рассекреченные в последние годы, показывают, что это далеко не так. Начать с того, что для СССР (как и для США, но не для КНР) Корея не представляла стратегического интереса. Сталин не хотел этой войны, долго не давал «добро», а когда в конкретных обстоятельствах (создание советской атомной бомбы,

победа коммунистов в Китае, развёртывание ХВ, Берлинский кризис, активизация действий США в Восточной Азии и в Южной Корее в частности) согласился. Решение Сталина было обусловлено иными факторами, о которых речь пойдёт ниже. Но об одном следует сказать сразу. Как заметил Джеймс Кэрролл, автор книги «Дом войны. Пентагон и катастрофический рост американской мощи», именно директива СНБ-68 вызвала жёсткую и воинственную реакцию со стороны Сталина – СССР реагировал на шаги США, а не предварял их. В свою очередь, реакция СССР вызвала то, чего боялись американцы – самореализующееся пророчество – и что они отразили в директиве – её страхи парадоксальным образом материализовались. Корейская война – это то, как СНБ-68 выглядит в реальности. Я бы сказал, Корейская война – это бумеранг, пущенный в виде СНБ-68 и вернувшийся к тому, кто его запустил.

Дав после долгих размышлений «добро» на военные действия северокорейцев, Сталин жёстко оговорил две вещи: СССР помогает разработать план военной компании при двух условиях: 1) СССР не будет принимать участия в наземных операциях; 2) КНДР должна заручиться помощью КНР. План был разработан (причём на русском языке), и в соответствии с ним северокорейцы, как пишут западные исследователи, нанесли внезапный и неожиданный удар. Внезапный – да. Но неожиданный ли? Анализ ситуации показывает, что американцы и южнокорейцы не просто ожидали северо-корейского нападения, но провоцировали его, создавали ситуацию, когда северокорейцы должны решить, что Южную Корею они «возьмут легко». Нужно сказать, что эта игра американцев против северокорейцев и русских удалась. Другое дело, что военные действия пошли и кончились не по американскому плану, хотя многие задачи янки выполнили и перевыполнили. А теперь – подробнее.

Исследователи чаще всего фиксируют внимание на истории Корейской войны, в которой южнокорейцы и американцы выглядят обороняющейся стороной в совершенно определённых обстоятельствах. Но, во-первых, кроме истории есть предыстория, а во-вторых, как говорил Сталин, есть логика намерений и есть логика обстоятельств. Поговорим о предыстории и о намерениях, прежде всего американских. Замысел оккупировать всю Корею и как минимум часть Маньчжурии возник у американцев в июле 1945 г. – об этом пишет в своих мемуарах Трумэн. Однако тогда у США не было достаточно сил, к тому же нельзя было ссориться с СССР накануне войны с Японией, и Штаты удовлетворились южной частью Кореи. В ходе развития ХВ американцы выделили ряд регионов, которым «угрожает советская экспансия». В американском списке была и Южная Корея.

За неделю до начала войны в Пентагоне был утверждён план «SL-17», в котором по сути был расписан сценарий будущей войны: нападение северокорейцев, отступление южнокорейцев, вмешательство США – высадка американских войск в Инчхоне. Американцы готовились к такому варианту, а точнее – готовили его. «Никогда прежде на всём протяжении нашей истории, – писал американский журнал *Life* – мы не были до такой степени подготовлены к началу какой-либо войны, как в начале этой (Корейской. – А.Ф.) войны. Сегодня, спустя лишь несколько недель с тех пор, как началась война, мы имеем в Корее больше солдат и больше оружия, чем мы посылали для вторжения в Северную Африку в ноябре 1942 года, через 11 месяцев после Перл-Харбора» (цит. по: Окороков А. «Секретные войны Советского Союза». – М., 2008. – С. 493). За одну неделю так не подготовишься, даже если учесть, что в Японии и на Дальнем Востоке, а также в зоне Тихого океана американцы сосредоточили значительные силы.

Иными словами, шла интенсивная подготовка США к войне, тогда как официально США заявляли о том, что Южная Корея исключена из пределов «оборонительного периметра

США» (этот «периметр» был очерчен 12 марта 1947 г. «доктриной Трумэна»). О таком исключении сказал, например, Дин Ачесон 12 января 1950 г. Позднее он скажет, что его речь дала «зелёный свет» для нападения на Корею, а сенатор Роберт Тафт, обвинив Ачесона в том, что заявление Ачесона вызвало коммунистическую агрессию, потребовал его отставки. Фраза Ачесона на самом деле звучит весьма двусмысленно, особенно если вспомнить излюбленную англо-американским истеблишментом манеру провоцировать потенциального противника на некие действия, создавая у него впечатление, что англосаксы останутся в стороне от конфликта (иначе потенциальный противник не станет противником актуальным и к тому же на него нельзя будет навесить ярлык «агрессора»). Именно так британцы поступили с Вильгельмом II в 1914 г. (министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грэй создал у кайзера впечатление, что европейский конфликт – это в любом случае без британцев), а американцы – с Саддамом Хусейном в 1990 г., спровоцировав вторжение Ирака в Кувейт. 31 июля 1990 г. за 48 часов иракского вторжения помощник госсекретаря по Ближнему Востоку и Южной Азии Джон Келли на прямой вопрос, что будут делать США, если Ирак нарушит границу Кувейта, ответил: у США нет обязательств перед Кувейтом. По сути это было приглашение к агрессии, исторически и в долгосрочной перспективе вышло приглашение – Саддама – на казнь

Военный конфликт с Северной Кореей решал не только вопрос о «приобретении» всего полуострова, но и другую проблему. Дело в том, что южнокорейский режим Ли Сын Мана в 1950 г. оказался на грани краха, в стране не просто стремительно росло недовольство, а ширилось партизанское движение (в горных южных районах), в 5 из 8 провинций и в армии вспыхнули восстания; подавляя восстание на острове Чэчжу, власти с американской помощью уничтожили от 30 тыс. до 60 тыс. человек и вынудили бежать в Японию 40 тыс. человек; в 1949 г. на север перешли в полном составе и с полным вооружением два батальона, были и другие случаи бегства южан на север.

Военный конфликт и, как следствие, расширение американского присутствия, законы военного времени спасали лисынмановский режим. Оставалось лишь непосредственно спровоцировать северян на конфликт (есть информация такого рода) или сработать косвенно – создать впечатление лёгкой победы, а затем реализовать план «SL-17» и «на плечах отступающего противника» захватить весь полуостров – американцы были уверены, что СССР непосредственно не вмешается в войну. Так оно и вышло. Но американцы просчитались в двух отношениях. Во-первых, они не учли, насколько слаба южнокорейская армия; во-вторых, не предвидели военного вмешательства китайской армии, не позволившей Штатам американизировать полуостров.

Что касается советских намерений, то речь не идёт об экспансионизме. Суть в другом – в самой логике ХВ. Кроме того, обостряя ситуацию на Дальнем Востоке Евразии Сталин автоматически снижал градус противостояния в Европе, где Берлинский кризис обострил ситуацию. Корея была значительно важнее для Китая, чем для СССР. Впрочем, в случае необходимости, Сталин делал «ходы конём» и в противоположном направлении – с востока на запад. Так, в мае 1952 г., когда шла Корейская война, резко обострилась ситуация во Франции. Здесь коммунисты организовали мощные демонстрации, формально – против визита американского генерала Риджуэя. Однако некоторые исследователи полагают, что визит был лишь поводом для создания политического кризиса IV республики. Выступления коммунистов совпали не только с Корейской войной, они произошли сразу же после того, как правительство Пинэ в мае 1952 г. подписало договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества, предполагавший создание единой армии западноевропейских стран, включая ФРГ. Демонстрации переросли в серьёзные волнения, напугавшие правительство, оно ответило арестами коммунистов – ещё одно поле боя ХВ.

В отличие от троцкистов, Сталин был противником тотального насаждения коммунистических режимов в мире; в большинстве случаев он готов был удовлетвориться национализмом, хотя бы «умеренно антиимпериалистическим». Показательно, что СССР в 1945 г. не торопился признавать ДРВ, а в 1948 г. Сталин даже отправил своего представителя к Мао предупредить того, чтобы он, как пишет биограф Чан Кайши Джонатан Фенби, «не слишком давил на поверженного противника из-за возможных провокаций со стороны США». Думаю, по поводу американских провокаций Иосиф Грозный лукавил, скорее всего ему хотелось иметь либо два Китая, либо один Китай с «компромиссным» правительством – в 1963 г. Мао напишет, что «китайская революция победила вопреки воле Сталина». Тот факт, что в марте 1949 г. Ким Ир Сен дважды встречался со Сталиным и ему была обещана массированная военная помощь, не значит, что Сталин подталкивал Кима к военным действиям. Другое дело – согласие Сталина, а затем согласие Мао передать в распоряжение Кима те части НОАК, которые состояли из этнических корейцев. Прав Андрей Ланьков: именно это сыграло большую роль в подготовке войны.

Однако всё это в конечном счёте не имело значение. Главным было то, что война заставил Трумэна прислушаться к тем, кто проталкивал директиву СНБ-68. «Корея спасла нас», – откровенно признал шеф Государственного департамента Дин Ачесон. Интересная деталь: в то время как сначала американские военные были против участия американских войск в наземных операциях, госдеп выступал за и победил. «Войны ждали с минуты на минуту. А когда она началась, она разразилась как гром среди ясного неба», – так характеризует начало Великой Отечественной войны Александр Зиновьев. Но так начинаются почти все войны, Корейская – не исключение.

Корейская война

Начало войны было блестящим для северян: в ходе наступления 75-тысячной армии уже на третий день войны они взяли Сеул. Вообще численность северокорейской армии достигала 135 тыс. человек, включая 25 тыс., подготовленных советскими инструкторами и прошедших хорошую школу в войне в Китае против Гоминдана. Южнокорейская армия насчитывала 100 тыс. человек, они были хуже вооружены и плохо обучены. Эти данные приводит Стивен Хоуарт в своей истории военно-морского флота США.

К концу августа в результате успешно проведённых Тэджонской наступательной (3–25 июля 1950 г.) и Нактонганской (26 июля – 20 августа) операций северяне установили контроль над 90–95% территории страны. Однако уже в конце июля их коммуникации оказались чрезмерно растянутыми, что делало позиции армии КНДР уязвимыми. Не случайно, наблюдавший за событиями с всёвозрастающей тревогой Мао Цзэдун 4 августа на заседании Политбюро КПК поставил вопрос о необходимости оказать Северной Корее прямую военную помощь, несмотря на возможность ядерного удара США. Во второй декаде августа Мао предупредил Ким Ир Сена о возможности высадки американских войск под командованием генерала Дугласа Макартура в Инчхоне (узкий перешеек к югу от 38 параллели). Такой прогноз представил один из военных советников Чжоу Эньлая. Ким не внял и поплатился.

14 сентября американцы (формально – многонациональные силы ООН, по решению Совбеза ООН от 7 июля 1950 г., когда впервые международная организация проголосовала за использование силы против отдельного государства) высадились в Инчхоне – операция «Хромит», бросив на весы военной истории за время Корейской войны 1 млн. человек, 1 тыс. танков, 1 600 самолётов и свыше 200 кораблей 7-го флота США. Хотя резолюция ООН требовала лишь изгнания северокорейских войск за 38-ю

параллель, т.е. за границу, Макартур наплевал на это и перенёс военные действия на территорию КНДР и погнал северокорейцев на север. Высадка американцев в Инчхоне стало неприятным сюрпризом особенно для Сталина. Советский вождь хотя и не исключал полностью возможности американского вмешательства, полагал, согласно некоторым источникам, что США не станут всерьёз воевать из-за небольшого кусочка земли за далёким морем. Он ошибся; Сталин после перенесённого в октябре 1945 г. инсульта вообще стал ошибаться – «Акела промахнулся»: возраст, да и эпоха, которой Сталин был адекватен, уходила.

К 20-м числам октября 1950 г. американцы и южнокорейцы вышли в южные районы КНДР.

Терпя поражение, КНДР обратилась за помощью к КНР и СССР. 19 октября китайцы перешли р. Ялуцзян и начали развёртывать наступление. Американцев охватила эйфория. 18 октября ЦРУ сообщило: «Корейско-советская авантюра провалилась». То есть всё – победа. Но вот тут-то в дело вступили китайские добровольцы, сорвавшие все хитрые планы США. Причём вступили совершенно неожиданно для США. Если о возможности вторжения северокорейцев ЦРУ предупредило президента аж 10 марта, то возможность вмешательства КНР в войну ЦРУ отвергало полностью.

Как отмечает Тим Уайнер, автор истории ЦРУ с красноречивым названием «Наследие из пепла», ещё (или уже?) 11 октября ЦРУ заверило Трумэна, что у китайских коммунистов нет намерения широкомасштабного вмешательства в войну. 30 октября ЦРУ подтвердило свой прогноз, объяснив концентрацию китайских войск на границе необходимостью починки дамбы. И это несмотря на несколько сигналов от сотрудников управления из Токио и с Тайваня. Их не хотели слушать. Макартур, придя от таких предупреждений в ярость, пригрозил одному из «сигнальщиков» расстрелом. Хотя такой вариант был вполне предсказуем, а как пишет Кэрол Куингли в своей замечательной книге «Трагедия и мечта. История мира в наше время», почти неизбежной: Китай не мог позволить уничтожение буферного государства. 23 октября противник успел взять столицу КНДР Пхеньян (днём раньше китайцы вошли в Тибет, верно рассчитав, что в условиях вовлечённости в Корейскую войну, Запад «не дёрнется» – так оно и вышло), а 25 октября китайско-корейские части нанесли удар, отбросив противника на 50–60 км. «Воздух» обеспечили советские лётчики, получившие 1 ноября разрешение пересекать границу Кореи.

Американцы не знали, что ещё 8 октября Мао отдал приказ о создании корпуса китайских добровольцев (13-я армейская группа под командованием Пэн Дэхуая), а через несколько дней Чжоу Эньлай, как пишет Александр Окороков, автор фундаментальной и увлекательной работы «Секретные войны Советского Союза», в Москве получил заверения Сталина об ускоренных поставках Китаю вооружения для 20 пехотных дивизий. Уже в Москве Чжоу получил телеграмму от Мао: «Мы считаем, что необходимо вступить в войну. Вступить в войну для нас выгодно. Не вступив в войну – можем многое потерять».

24 ноября трёхсоттысячная китайская армия («добровольцы») развернулись вовсю, открыв третий этап войны, и погнали противника на юг, отбросив его на 400 км! Теперь в ярость пришёл уже шеф ЦРУ Уолтер Бедел Смит, но время ушло. Говоря позднее о неожиданности китайского удара, военный историк С.Л.А. Маршалл напишет: силы Мао – это дух (phantom), который не отбрасывает тени. По сути, китайцы нанесли поражение американской армии, и это был сильный психоудар по США – ничего более унизительного ни в Первой, ни во Второй мировой войнах с американцами не происходило. Ну а в СССР, естественно, приветствовали китайско-корейские победы.

Выражая общее настроение, поэт Михаил Светлов (автор знаменитой «Гренады»), в стихотворении «Корея, в которой я не был», писал:

Голову не склонишь пред снарядом,
Ясен путь, и ненависть остра…
Дай и я присяду у костра,
Где кореец и китаец рядом

[…]

И не танки и не пушки шлём
Мы бойцам священного похода –
Мы родной Корее отдаём
Опыт освоения свободы.

По сути китайцы спасли Ким Ир Сена – свою войну он проиграл. Более того, они изменили ход войны, поскольку СССР едва ли начал бы участие в наземных операциях.

Мак-Артур жёстко отреагировал на вмешательство КНР. Он предложил перенести войну на китайскую территорию и начать бомбардировку городов КНР. Однако это означало угрозу конфликта с СССР. Собственно, Мак-Артур в свойственной ему манере предложил два крайних варианта в качестве реакции на китайское наступление: либо полномасштабная война с Китаем и, возможно, с Россией и курс на уничтожение мирового коммунизма раз и навсегда, либо немедленная эвакуация из Кореи. Сталин сказал бы по поводу таких вариантов «оба хуже». Как поясняет Куингли, первый вариант развязывал СССР руки в Европе; второй означал для американцев потерю лица и невозможность в дальнейшем защищать союзников от коммунистической угрозы. Мак-Артур, как уже говорилось, был на 100% за первый вариант и рвался в бой, в том числе и с СССР. 9 октября 1950 г. два самолёта вторглись в советское воздушное пространство и атаковали советскую авиабазу, находившуюся почти в 100 км к северу от границы, в 30 км от Владивостока. После встречи с Трумэном Мак-Артур больше не отдавал провокационных приказов.

Реагируя на угрозу, которую объективно несло американское наступление в Корее и, стремясь обеспечить тыл северокорейской армии, СССР сосредоточил вдоль китайской и корейской границ 5 бронетанковых дивизий и в Порт-Артуре – Тихоокеанский флот (командующий группировкой – маршал Р. Малиновский). Трумэн, в свою очередь, пугал СССР и КНР (30 ноября 1950 г. на пресс-конференции он заявил, что если надо США начнут ядерную войну, а затем повторил угрозу 27 января 1952 г.), и хотя поговаривали о нанесении шести ядерных ударов, 11 апреля 1951 г. президент США убрал Мак-Артура от греха подальше, заменив его генералом Риджуэем; в своих мемуарах Трумэн напишет: «Я не мог отдать приказ о начале Третьей мировой войны». Джеймс Кэрролл, оценивая в данном случае позицию Трумэна, пишет, что если в 1945 г., дав приказ сбросить бомбы на Хиросиму и Нагасаки, изменил ход истории в одну сторону, то в 1951 г., отказавшись разрешить «американскому Цезарю» Макартуру атомную бомбардировку Китая, он изменил ход истории в противоположном направлении. В этом тезисе чувствуется фальшь: одно дело – бомбить уже практически поверженную и по сути беззащитную Японию, другое – отдать приказ бомбить многомиллионный Китай, за которым стоит ядерная держава СССР. Нет, не менял Трумэн ход истории, а демонстрировал нормальное чувство самосохранения.

Тем временем, советские лётчики приступили к боевым вылетам. Появление в небе Кореи реактивных самолётов МиГ-15, пишут авторы работы «Воздушные войны XX в. 1945–2000», «стало неприятным сюрпризом для американского командования. По своим лётным данным новый «МиГ» со стреловидным крылом превосходил все типы истребителей, находившиеся тогда на вооружении сил ООН, включая реактивный F-80-С». В связи с этим американцы срочно перебросили в Корею суперновейшие истребители-перехватчики F-86A «Сейбр» и истребители сопровождения F-84E «Тандержет».

Как вспоминает лётчик-ас Корейской войны, сбивший 20 вражеских самолётов, герой Советского Союза Евгений Пепеляев, «МиГ» проигрывал «Сейбрз» по всем параметрам, кроме пушки, поэтому срочто были доставлены «МиГ-15-бис», которые имели примерно равные лётные данные: «МиГ-15-бис» превосходил F-86 по максимальной скорости и скороподъёмности, но уступал ему в маневренности и характеристиках пикирования. А вот пушки у «МиГов» были намного лучше: три миговские пушки пробивали любую броню американских самолётов и разрушали протекторный слой топливных баков. Как правило, единственное попадание вело к гибели американского самолёта, а живучий «МиГ» даже при множестве попаданий чаще всего дотягивал до аэродрома.

В конце 1950 г. ООН предложила Китаю заключить перемирие; 27 декабря Китай отказался, а в новогоднюю ночь прорвал оборону противника по 38-й параллели и через три дня НОАК заняла Сайгон. В начале мая 1951 г. полумиллионная армия китайцев и корейцев вышла к районам, прилегающим к 38-й параллели. Фронт стабилизировался, война из маневренной превратилась в позиционную, а с июня 1951 г. ВВС США начали операцию «Стрэнг» («Удушение»). Задача – широкомасштабная бомбардировка линий снабжения китайской армии. В операции были задействованы все типы самолётов. Однако задачу решить не удалось – советская авиация надёжно прикрыла район в зоне своих действий (позднее он получил название «Аллея “МиГов”»). В июле начались мирные переговоры в Кесонге – на фоне продолжающихся боевых действий.

Четвёртый и последний этап войны длился до июля 1953 г. Через несколько дней после смерти Сталина журналист Повис «Тохо» Гринвуд, автор книги «Немецкая революция» (1934 г.) заключил пари с историком сэром Джоном Уиллером Беннетом на 5 фунтов, что война продлится до конца июля; аналогичное пари предлагалось и другим. Гринвуд проиграл: 27 июня 1953 г. был подписан мирный договор, и в полночь война закончилась.

Эйзенхауэр полагал, что конец войне положила угроза США (май 1953 г.) применить ядерное оружие против КНР, однако Джереми Айзекс и Тэйлот Даунинг, авторы работы «Холодная война», скептически относятся к такому выводу. По их мнению, решение о прекращении войны было окончательно принято в Москве и Пекине уже в марте 1953г. – через две недели после смерти Сталина. Айзекс и Даунинг считают, что в случае чего СССР готов был поднять перчатку, а потому главные решения принимались не в Вашингтоне, а в Москве.

Локальная Корейская война по оценке американского журнала «US News and World Report» от 26 июня 1953 г. занимает четвёртое место (после двух мировых войн XX в.) по людским и материальным потерям и первое – среди локальных войн. Потери сторон были таковы. Корейцы (с обеих сторон) – 600 тыс. убитыми; китайцы – 250 тыс. убитыми (в том числе сын Мао Цзэдуна Аньин), 148 тыс. ранеными; американцы – 52 246 (по другим данным 54 046) убитыми и умершими от ран и болезней, 103 284 – ранеными; союзники США – 3 194; СССР – 453 человека убитыми, умершими от ран и болезней. Есть и другие цифры: чуть более 1 млн. китайцев, чуть менее 1 млн. корейцев, но это, как говорят французы «c’est un peu trop» – «это немного слишком». Хотя некоторое занижение потерь

сторон налицо. Американцы потеряли около 4 тыс. самолётов (из них советские лётчики сбили 1 106 самолётов, артиллеристы – 212); СССР – около 1 000; США потеряли 1 700 танков и бронемашин. Кстати, война выявила превосходство советских танков Т-34 над американскими М24 «Чаффи»: уже 10–11 июля в первом же танковом сражении были подбиты 5 американских танков и ни одного советского, несмотря на прямые попадания.

В военном плане Корейская война окончилась вничью. Причём дважды американцы испытали шок: и в ходе самой войны, когда китайцы погнали американцев на юг, и по окончании – то была первая война, пишет Льюис Каплан в книге «Сталин. Человек, который спас капитализм», где американцы впервые не стали победителями. Впрочем, и в чисто военном (военно-политическом) плане у США были достижения: спровоцировав Кима и Сталина, американцы заставили их поступить так, как это надо было американцам; при этом соцстраны, включая КНР, выставлялись в качестве агрессоров.

Однако если говорить о геостратегических, геополитических, мировых аспектах Корейской войны, то здесь общий счёт будет скорее в пользу Запада. Корейская война существенно улучшила, усилила экономические и геополитические позиции США и их союзников как в регионе Восточной Азии, так и в мировой системе в целом.

Во-первых, если ХВ помогла Западу быстрее выйти из тяжёлой экономической ситуации, Корейская война помогла США преодолеть серьёзнейшие экономические трудности. И это была одна из причин заинтересованности США в войне. Связывая реакцию США с действиями Ирака в Кувейте в 1990 г., прежде всего с угрозой бюджету Буша – Чейни – Пентагона, Андрэ Гундер Франк в 1990 г. писал: каждый раз, когда возникает угроза военному бюджету (вспомним реакцию Трумэна на директиву СНБ-68), особенно в период спада, американская администрация, будь то демократы или республиканцы, обостряет внешнеполитическую ситуацию. Так было уже пять раз после 1945 г., первым и ВТО же время модельным случаем стала война в Корее – реакция на первый послевоенный спад 1949 г. За спадом 1957–1958 гг. последовало вторжение в Ливан. Спад 1967 г. стал серьёзной проблемой для ФРГ и Японии, но не для США – благодаря эскалации вьетнамкой войны. Спад 1979 г. заставил Картера «запустить» второй виток ХВ. Решение разместить ракеты в Европе и вести переговоры с СССР с позиции силы, равно как 3%-ное увеличение бюджета НАТО, предшествовали вторжение СССР в Афганистан. Спад 1981–1982 гг. не только вызвал к жизни «военное кейнсианство» Рейгана, но и сформировал его позицию по Никарагуа и Гренаде. Исключение составляют лишь спад 1953–1954 гг., происшедший сразу же после войны в Корее, и сильный спад 1973–1975 гг., совпавший с началом никсоновской разрядки напряжённости и завершением войны во Вьетнаме.

Огромное значение для роста экономики США имел, с одной стороны, рост оборонных расходов (с 12–13 млрд. долл. в 1950 г. до почти 50 млрд. в 1953 г.), с другой стороны – решение Трумэна использовать ООН как средство для ведения войны. «Используя ООН, – пишет Льюис Каплан, – он не только мог пренебречь обращением в Конгресс для объявления войны, но этот (корейский. – А.Ф.) конфликт вёлся вообще без всякого контроля за расходами и ценами. В результате ВВП Соединённых Штатов вырос почти на 100 миллиардов долларов, это небывалая для Америки величина. Почти весь этот прирост ВВП пришёлся на период ведения войны». Корейская война сыграла исключительно важную роль в формировании того, что американские аналитики называют permanent war economy (постоянно действующая военная экономика) и её институты, прежде всего военно-промышленный комплекс и «государство национальной безопасности». Именно война в Корее сформировала у американцев то отношение к СССР, которое отодвинуло воспоминания об СССР-союзнике в войне против Гитлера и сохранилось до конца ХВ –

здесь американская пропаганда потрудилась на славу – «well done, Judas», как пелось в поп-опере «Jesus Superstar».

Во-вторых, Корейская война способствовала экономическому рывку Японии, началу превращения этой страны из бывшего врага США в главного союзника в Восточной Азии и в одного из экономических лидеров капсистемы.

В сентябре 1951 г. был заключён американо-японский договор о мире, и поскольку теперь Япония стала стратегическим союзником, американцы пожалели о навязанной ими же статье IX Конституции (Япония лишается права иметь вооружённые силы) – Ричард Никсон прямо назвал это ошибкой. «Ошибку» обошли созданием сил самообороны, численность которых достигла 130 тыс. в 1954 г.; в 1952 г. у Японии появился ВМФ, в 1954 г. – ВВС.

Япония получила от США 3,5 млрд. долл. – это было началом пути к так называемому «японскому чуду». В начале 1950 г. промышленное производство Японии выросло на 50%; в 1952 г. уровень жизни достиг довоенного уровня, японская экономика переживала бум.

В-третьих, был спасён режим Ли Сын Мана – без войны он вряд ли удержался бы.

В-четвёртых, в выигрыше оказался Чан Кайши – для него война стала, по определению биографа Мао Филиппа Шорта, «даром небес». За несколько месяцев до начала войны Трумэн однозначно дал понять Чану, что в случае нападения коммунистов на Тайвань США будут соблюдать нейтралитет (что американцы и сделали во время успешной апрельской высадки морского десанта коммунистов на о. Хайнань и уничтожения ими гоминьдановцев). А 27 июня американцы, направив в Южную Корею войска, объявили, что 7-й флот США возьмёт под контроль Тайваньский пролив – для Чана это было спасение.

Таким образом, баланс сил в Восточной Азии в результате Корейской войны изменился резко и полностью.

В-пятых, будучи первой локально-периферийной «горячей» войной эпохи ХВ, Корейская война изменила баланс сил не только в Восточной Азии, но в Азии вообще и в мире в целом. Американцы получили предлог для наращивания своих сил и присутствия в Восточной Азии. Корейская война облегчила американцам принятие роли защитника мира от коммунизма и стала оправданием их агрессивной политики сколачивания военных блоков во всём мире, в том числе по периметру границ СССР. В сентябре 1951 г. был создан АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, США; в 1954 г. после «добавки» к этим трём странам Пакистана, Филиппин, Таиланда, Великобритании и Франции переименован в СЕАТО; в 1955 г. – Багдадский пакт (Великобритания, Турция, Иран, Ирак, Пакистан). Таким образом, в первой половине 1950-х годов, пишут авторы французской «Истории XX века» Серж Берштейн и Пьер Мильза, было достигнуто окружение социалистического блока с юга. А на западе, воспользовавшись Корейской войной и напуганные ситуацией во Франции и Италии, американцы резко наращивали свою мощь. В 1952 г. в Лиссабоне, пишет Чарлз Мессенджер, страны НАТО потребовали развернуть в Европе 50 дивизий и 4 тыс. самолётов; подчиняться они должны были Верховному главнокомандующему силами союзников в Европе Дуайту Эйзенхауэру.

Наконец, война сблизила США и их западноевропейских союзников, а что касается Великобритании, глагол «сблизила» можно заменить на «сплотила». «Главным

результатом Корейской войны для Великобритании было то, что она изменила взгляды американской администрации, – пишет Стивен Доррил, автор исследований «МИ-6. Внутри тайного мира секретной службы её величества». – В Вашингтоне Британию стали рассматривать как надёжного союзника». Таким образом, Корейская война подвела черту под почти четвертьвековой борьбой «кузенов», которая стала одной из главных причин Второй мировой войны, увенчалась американской победой над Британской империей (и, кстати, её ставленником Гитлером). Эта победа сделала возможным возвращение «кузенов» к тому, что Кэрол Куингли назвал проектом англо-американского истеблишмента. Этот проект в феврале 1893 г. разработали Сесил Родс, Реджиналд Бэллиол Бретт и Уильям Стэд. Проект дал определённые плоды в первые два десятилетия XX в, ну а затем началась борьба.

Корейская война сблизила «кузенов» до такой степени, что в течение какого-то времени МИ-6 и ЦРУ начали работать в тесном контакте, вплоть до планирования совместных операций.

Итак, Корейская война подарила США новый «баланс сил» в мире. Но «баланс сил» не есть нейтральное понятие. Это так – для простачков. Как писал в 1923 г. Норманн Энджел, один из ярких политических публицистов Великобритании, «“баланс сил” в действительности всегда означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне […] Принцип “баланса сил” означает в действительности требование превосходства. Требование превосходства сил означает акт агрессии».

Ай да англосакс! Ай да сукин сын, чётко излагает классовую и национальную позицию: установление баланса сил достигается посредством агрессии, а сам баланс сил есть фундамент и плацдарм для агрессии – англосаксонское credo. Впрочем, об этом по поводу англосаксов очень хорошо ещё в 1854 г. написал в работе «Политическое равновесие и английская империя» (второе издание – 1877 г.) блестящий русский географ и экономстатистик Иван Вернадский – отец великого геохимика и дед известного историка, сформулировавший задолго до англосаксов их теорию анаконды. Задолго до Энджела И.В. Вернадский написал, что политическое равновесие для англичан – это господство везде, где только представляется удобный случай. Корейская война создала такой «баланс сил» для США, который улучшал их позицию и облегчал агрессивные действия.

Поскольку Япония стала важным фактором обеспечения безопасности США, а американцы не хотели восстановления традиционных японо-китайских экономических связей, стало необходимым, как подчеркнул госсекретарь эйзенхауэровской администрации Джордж Фостер Даллес, развитие торгово-экономических связей Японии с некоммунистическими странами Азии, включая таковые Юго-Восточной Азии и Южную Корею, получение от них сырья, весьма желательно. О том же говорил американский банкир Джозеф Додж. Ирония истории, заключавшаяся в этих предложениях, состояла, пишет Мартин Уокер, в том, что если в начале 1940-х годов США боролись против японской Восточноазиатской сферы великого сопроцветания, а в начале 1950-х не только начали восстанавливать экономическую мощь Японии, но и способствовать созданию чего-то вроде такой сферы.

Если на востоке Евразии корейская война подхлестнула создание антикоммунистического форпоста «Япония», то на западе форпоста «Германия». В конце 1940-х годов Великобритания и Франция примирились с экономическим восстановлением Германии, но выступили резко против её ремилитаризации. Теперь, с глобализацией, ХВ, скрепя сердце и с явным неудовольствием, они вынуждены были согласиться.

Но как говорится, «не всё коту масленица». Корейская война подорвала тот вариант политики по отношению к Китаю, который в США считали весьма желательным и над которым работали. С конца 1949 г. представители американской администрации в частных разговорах подчёркивали, что в Вашингтоне надеются на скорое «исчезновение Формозы», т.е. на падение режима Чан Кайши на Тайване. За этим должно последовать признание нового Китая и принятие его в ООН. Цель – вбить клин между СССР и Китаем. «Эта версия китайского “титоизма”, – пишет Кэрол Куингли, – никогда не стала государственной (public) политикой, однако 12 октября 1949 г., после того как Объединённый комитет начальников штабов под председательством Эйзенхауэра проголосовал за то, что Формоза (Тайвань. – А.Ф.) не настолько стратегически важен, чтобы посылать туда войска; три департамента Пентагона и государственный департамент единогласно сошлись на том, что Формоза будет завоёвана Красным Китаем к концу 1950 г.». Ну а после этого американцы могут использовать КНР против СССР.

Корейская война сломала эти планы, и США начали интенсивно использовать Китай против СССР не с 1950 г., а с 1970, причём весьма успешно: именно с помощью КНР США рушили Советский Союз, выращивая себе конкурента.

Корейская война стала вторым (и намного более серьёзным) советско-американским кризисом после блокады Берлина. И опять обе страны избежали прямого конфликта. «Вашингтон и Москва, – пишет Уокер, – учились действовать в новых стратегических условиях, когда необходимость предотвратить превращение кризиса в полномасштабную войну оказывалась более важной, чем локальная победа. Холодная война в качестве системы международного контроля стала институтом». И произошло это по сути в ходе Корейской войны 1950–1953 годов. Впрочем, в этот период в ХВ происходили события в известном смысле не менее, а быть может и более важные, чем война в Корее.

Уже в самом начале ХВ, т.е. когда выяснилось, что «горячий», непосредственно военный вариант сокрушения СССР невозможен, США главный акцент сделали на ведение экономической и психологической (психоисторической) войны.

Начало экономической войны – удары и контрудары

В экономической войне расчёт был на то, что СССР выйдет на уровень 1940 г. только в 1965 г. СССР огорчил врага, выйдя на этот уровень в 1949 г., заодно снизив по сравнению с 1940 г. детскую смертность в два раза, увеличив число врачей в 1,5 раза, научных работников в 1,5 раза, числа вузов в 0,5 раза. Не случайно в 1952 г. кандидат в президенты США Эдлай Стивенсон заметил: если темпы роста производства сохранятся, то к 1970 г. объём русского производства в 3–4 раза превзойдёт американский, США проиграют экономическую гонку, что приведёт их к печальным последствиям.

Хотя объём производства СССР к 1970 г. не превзошёл американский в 3–4 раза, в главном Стивенсон оказался прав: к этому времени США проиграли СССР экономическое соревнование, экономическую компоненту ХВ, но они стремительно набирали очки в войне психологической. Именно поэтому руководство СССР не заметило американского проигрыша; благодаря американской пропаганде и другим формам психоисторического воздействия, включая системное НЛП, советские руководители и их «интеллектуальная обслуга», т.е. все эти «красненькие» и «зелёненькие», если пользоваться терминологией Эрнста Неизвестного, не могли увидеть, а увидев – поверить в проигрыш США в сфере экономики. Советские «валенки» заранее отдавали пальму первенства американским «ботинкам», и в этом был главный успех последних – как говорил Тацит, в бою проигрывает тот, кто первым опускает глаза.

Главным оружием янки в экономической войне был доллар, Сталин это прекрасно понимал. Его ответный удар был прост. 1 марта 1950 г. Совет министров СССР постановил перейти к исчислению рубля не на базе доллара (как это делалось с июля 1937 г.), а на золотой основе. Аргументировалось это ухудшением финансово-экономической ситуации на Западе: в Европе – девальвацией европейских валют; в США – ростом цен на предметы массового потребления, инфляцией и снижением покупательной способности доллара. Согласно постановлению устанавливалось золотое содержание рубля (0,222168 грамм чистого золота при цене золота 4 руб. 48 коп. за 1 грамм); цена американского доллара устанавливалась в 4 руб. вместо прежних 5 руб. 30 коп. Эта мера не только укрепляла советскую экономику, но и наносила удар по доллару как универсальной мировой валюте, как мощному средству господства США над миром и орудию ХВ, сокращала долларовое пространство. «Сталин, – верно замечает Юрий Мухин, – не то что отказался использовать доллар во всё расширяющейся международной торговле СССР, он даже оценивать товары в долларах прекратил. Можно ли сомневаться, что для США он стал самым ненавистным человеком?». «Сталин, – пишет Арсен Мартиросян, – попросту подорвал установленную после войны систему золотого стандарта доллара, опиравшегося на схему 34,5 доллара за одну тройскую унцию золота (31, 103477 грамм), под которую янки сумасшедшим образом производили бешеную эмиссию зелёных фантиков».

Покушение на доллар – это страшное преступление, которое может стоить должности, а то и жизни покушающемуся. Генералу де Голлю устроили «май-1968» в том виде, в каком он был устроен, а затем отставку именно за то, что в 1967 г. он заставил американцев вернуть Франции 66,5 тонн золота за предъявленные им во время визита в США 750 млн. бумажных долларов. Де Голль, правда, умер своей смертью. Президент Кеннеди в июне 1963 г. подписал указ, который наносил серьёзный ущерб Федеральной резервной системе и полгода не прожил после этого. Из примеров наших дней можно привести судьбу Саддама Хусейна, решившего перевести расчёты по нефти с доллара на евро. Из «давних» примеров можно припомнить главное контртребование англосаксов в ответ на мирные предложения Гитлера в 1940 г. – Германия должна вернуться в «поле гравитации» финансовой системы англосаксов (при всех противоречиях между Великобританией и США). Да, покушение на доллар – это не покушение на миражи. Сталин – покусился. Он понимал, где скрыта игла Кощеевой смерти капитализма. Но не добрался до неё – времени не хватило.

Следующий шаг в экономической войне Сталин/СССР делает в 1952 г. В апреле в Москве проходит международное экономическое совещание, на котором, как пишет в своей работе «Забытая идея без срока давности» Алексей Чичкин, СССР, восточноевропейские страны и Китай предложили создать зону торговли, альтернативную долларовой, по сути – альтернативный мировой рынок.

Теоретическая основа предложения создать новую зону мировой торговли была заложена в вышедшей в том же 1952 г. работе «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней Сталин зафиксировал фактическое возникновение мирового рынка, параллельного капиталистическому. Это означало, что некогда единый мировой рынок лишается как минимум трети своего объёма, а следовательно, миллионных прибылей.

Если учесть, что на апрельском совещании Сталин в соответствии со своими идеями предложил создать альтернативный «общий рынок» со «своей» межгосударственной расчётной валютой, которой должен был стать советский рубль, переведённый за два года до этого на золотую основу, если также учесть, что советское предложение заинтересовало Финляндию, Швецию, Исландию, Ирландию, Австрию, Иран, Эфиопию,

Мексику, Аргентину и Уругвай, то объём мирового капиталистического рынка мог сократиться ещё более, а потери прибыли возрасти на порядок.

Но и это не всё. Арсен Мартиросян отмечает малоизвестный факт, связанный с финансово-экономическим аспектом ХВ. После войны, пишет он, «Сталин отказался признать зачисление «царского золота» в уставные фонды Международного валютного фонда и Всемирного банка, куда США упрятали всё так называемое «бесхозное золото» – нацистское, «еврейское», царское и т.д. Вследствие этого доллар стал самой обеспеченной послевоенной международной платёжной валютной единицей. В знаменитом хранилище золота США – форте «Нокс» – после войны было сосредоточено свыше 14 тыс. тонн золота! Сталин такое обеспечение не признал и санкционировал поиски «царского золота», чем дополнительно крайне нервировал англичан и американцев. Был у Сталина и свой ответ на психологическую войну Запада, которая в 1951 г. приобрела отчётливые институциональные формы. В 1951 г. по инициативе Трумэна был создан Совет по психологической стратегии (Psychological Strategy Board, PSB), задачей которого стало развёртывание широкомасштабной психологической войны против СССР.

Психологическая война: первые шаги

Основные цели, принципы и направления этой войны были сформулированы в знаменитом меморандуме Алена Даллеса: «Окончится война… и мы бросим всё… на оболванивание и одурачивание людей…Мы найдём своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания». И так далее.

Некоторые считают меморандум фальшивкой. Я так не думаю – я слишком много читал о брательниках Даллесах, об их взглядах, методах, об их «морали». Но даже если бы меморандум был фальшивкой, вся психоисторическая война США против СССР развивалась на основе целей, принципов и методов изложенных в этой «фальшивке». К тому же помимо рассуждений Даллеса об ударах нарушающих социокультурный код того или иного общества, есть принадлежащие другим представителям истеблишмента. Так, сенатор Гувер Хэмфри писал Трумэну о важности «оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура». Психоисторическая война, война в сфере идей и культуры объективно требует длительных сроков. Именно на это и настраивались противники СССР. При этом необходимо отметить вклад английских спецслужб, прежде всего МИ-6, связанной с самой верхушкой британского общества, и в саму ХВ, и в определение её долгосрочного («бессрочного») характера. Именно англичане в 1947–1948 годах первыми заговорили о создании постоянно действующего «штаба планирования Холодной войны». Именно они разработали программу «Лиотэ», которую потом реализовывали совместно с американцами против СССР. Луи Жобер Гонзальв Лиотэ (1854–1934 гг.) – французский маршал, служивший в Алжире. Жара изматывала французов, и маршал приказал посадить по обе стороны дороги, которой обычно пользовался, деревья. На возражение, что они вырастут, дай Бог, лет эдак через пятьдесят, Лиотэ заметил: «Именно поэтому начните работу сегодня же». Иными словами, «программа (принцип, стратегия, операция) Лиотэ» – это программа, рассчитанная на весьма длительный срок – если считать от 1948 г., то до конца XX в.

Автор программы – полковник Валентин Вивьен, замдиректора МИ-6, руководитель внешней контрразведки. Традиционную для англичан стратегию натравливания друг на друга континентальных держав, Вивьен применил к компартиям, придав ей тотальный и

долговременный характер. Для этого задействовались все имевшиеся в наличии государственные средства.

Хочу особо подчеркнуть долговременный характер оперативного комплекса Лиотэ. С самого начала, пишет полковник Станислав Лекарев, он «задумывался как тотальный и постоянно действующий механизм. Его главной задачей являлось постоянное выявление и перманентное использование трудностей и уязвимых мест внутри советского блока». Мало этого, сами операции в рамках «комплекса Лиотэ» внешне должны были казаться противнику разрозненными, не связанными между собой, на первый взгляд, малозначительными действиями-событиями; их целостность должна была быть видна только их авторам. Как тут не вспомнить замечательного русского геополитика Алексая Едрихина (Вандама), который охарактеризовал особенности действий англосаксов на мировой шахматной доске следующим образом: англосаксы двигают фигуры и пешки «с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?».

29 июня 1953 г. (какое совпадение – в эти же дни, 26 июня, был по официальной версии арестован, а по неофициальной – застрелен Лаврентий Берия) британский Комитет по борьбе с коммунизмом (его возглавлял замминистра иностранных дел) создал спецгруппу, главной задачей которой были планирование и проведение операций Лиотэ, ведение психологической войны, спецопераций, т.е. воздействие на психологию и культурные коды (сознание, подсознание, архетипы) противника, прежде всего – его политической и интеллектуальной элиты. Психологические спецоперации, поясняет Станислав Лекарев, – «это симбиоз целенаправленного и планомерного использования высшим государственным руководством скоординированной агрессивной пропаганды, идеологических диверсий и других подрывных политических, дипломатических, военных и экономических мероприятий для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и в итоге на поведение противника с целью заставить его действовать в нужном направлении». Речь, таким образом, идёт о манипуляции поведением индивидов, групп, целых систем с целью их подрыва (реализация комплекса «Лиотэ» имеет отношение к волнениям в Берлине в июне 1953 г., в ещё большей степени – к венгерским событиям: с 1954 г. венгерских «диссидентов» тайно перевозили в британскую зону Австрии, откуда после 3–4-дневных курсов их возвращали в Венгрию – так готовили боевиков для восстания 1956 г.).

Совет по психологической стратегии был одной из структур ведения психоисторической войны. Показательно, что в рамках Совета существовала группа «Сталин», цель – анализ возможностей отстранения Сталина от власти (Plan for Stalin’s passing from power). По-видимому, в какой-то момент интересы западной верхушки и части высшей советской верхушки совпали, тем более что объективно в 1952 г. Сталин активизировал давление как на первых, так и на вторых. Понимая значение психологической войны, борьбы в сфере идей и пропаганды, а также решая прежде всего ряд важнейших внутренних проблем, Сталин в 1950–1952 гг. вёл дело к тому, чтобы сосредоточить реальную власть в Совете Министров, а деятельность партии (партаппарата) сконцентрировать на идеологии и пропаганде (во внешнем аспекте это и есть психологическая война), а также на кадровых вопросах. Ясно, что это не могло устроить партаппарат. Ну а создание структуры – концентрата орг- и психвойны как побочного продукта реконфигурации властной системы СССР (двойной удар) не могло радовать буржуинов, и здесь вполне возможна смычка внутренних и внешних интересов, сработавшая на решение задачи «уход Сталина».

И последнее по счёту, но не по значению – ещё один фактор. На 5 марта 1953 г. было назначено испытание советской водородной бомбы[1]– СССР здесь запоздал всего лишь на несколько месяцев по сравнению с США, испытавшими свою водородную бомбу в ноябре 1952 г. в Эниветоке. Из-за смерти Сталина испытание было перенесено на август и прошло успешно. Представим, что Сталин не умер между 1 и 5 марта (точную дату мы на самом деле не знаем). Идёт Корейская война, американцы бряцают атомной бомбой, а Советский Союз обретает водородную. Страх буржинов перед тем, «как шагает по тайным ходам… неминучая погибель» (Аркадий Гайдар), понятен. Но очевиден и страх высшей советской номенклатуры, которая хочет спокойной жизни, «нормальных» контактов с Западом. Напомню, доктрина «мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем» будет выдвинута советской верхушкой в лице Георгия Максимилиановича Маленкова сразу же после смерти Сталина 10 марта 1953 г. на Пленуме ЦК КПСС). Даже локальное использование атомной/водородной бомбы – это прыжок в неизвестное. Вот и ещё один криминальный мотив.

В любом случае в начале марта 1953 г. Сталина не стало. Я согласен с теми, кто считает, что Сталина убили – в последние годы появился ряд исследований, в которых убедительно доказывается эта точка зрения. В смерти Иосифа Грозного, как и Ивана Грозного были заинтересованы не просто отдельные лица в СССР и на Западе, но целые – здесь и там – структуры, интересы которых, помимо своих шкурных, реализовывали заговорщики. Что касается возможностей осуществления акции, предполагающей проникновение на высшие уровни советского руководства, напомню, что в рамках оперативного комплекса «Лиотэ» небезуспешно проводились операции «Акнэ» (усиление разногласий в советском руководстве после смерти Сталина), «Сплинтер» (стравливание армии и МВД, с одной стороны, и партструктур, с другой), «Риббанд» (противодействие модернизации советского подводного флота), действия по усилению советско-китайского раскола. Так что высокий уровень проникновения был.

Инерционная трёхлетка

Инерционно, период ХВ, начавшийся в 1949 г., продолжался до 1956 г., когда доктрина мирного сосуществования была официально провозглашена на XX съезде КПСС – съезде-пире номенклатуры, её сатурналиях, в отличие от антиноменклатурного по своей интенции XIX съезда. И тем не менее за три «инерционных» года между смертью Сталина и попыткой его развенчания троцкистом-расстригой Никитой Хрущёвым произошли определённые изменения, которые позволяют заключить: выведение Сталина из игры было важнейшим успехом для Запада в ХВ, причём успехом, достигнутом в самом начале ХВ и определившем её ход в существенно более выгодном для Запада варианте, чем это было при жизни Сталина. Уже 1953–1956 гг. продемонстрировали это со «стеклянной ясностью».

Этот отрезок времени весьма противоречив. С одной стороны, в 1953 г. подошла к концу некая эпоха. Возникновение НАТО и рождение ФРГ, победа коммунистов в Китае и выход их армий к границе французского Индокитая, окончание Корейской войны, «запуск плана» Робера Шумана – всё это, пишет Альфред Гроссер, автор исследования об отношениях США и западноевропейских стран, говорит об окончании некоего периода. Гроссер прав. Я бы только добавил почему-то забытые им две советские бомбы, атомную и водородную, и смерть Сталина. Необходимо также оиметить происшедшее в 1953–1954 гг. принципиальное изменение отношения США к колониализму и антиколониальным движениям. До начала ХВ США однозначно выступали против колониализма – он закрывал доступ на рынки колониальных империй бизнесу США. С началом ХВ и активизацией ТНК США стали весьма селективно относиться к антиколониальным и

вообще демократическим движениям в Азии, Африке и Латинской Америке, подавляя их там, где они угрожали интересам американских ТНК. Ирак и Гватемала – первый опыт такого рода. Несмотря на изменения, в течение нескольких лет новое скрывалось в уходящем старом, и только в 1956 г. чётко выявилось XX съездом КПСС (реконфигурация международных отношений), Суэцким кризисом и венгерскими событиями. Но к 1956 г. прямая линия прочерчивается от ранней весны 1953 г.

Сразу же после смерти Сталина в Москве заговорили о возможности мирного сосуществования с Западом. В ответ 16 апреля 1953 г., выступая перед представителями Американского общества редакторов газет, Эйзенхауэр призвал Кремль предъявить «конкретные свидетельства» того, что его новые хозяева порвали со сталинским наследием (Chance for peace speech). Два дня спустя Даллес позволил себе ещё более жёсткие заявления, предлагая перейти от сдерживания (containment) коммунизма к его отбрасыванию (rollback). В секретном отчёте СНБ прямо говорилось о том, что советская заинтересованность в мире – обман и противостояние сохраниться.

Спустя шесть недель после испытания в августе 1953 г. советской водородной бомбы Эйзенхауэр задал Алену Даллесу вопрос: не имеет ли смысл нанести по Москве ядерный удар пока не поздно: Даллес считал, что русские могут атаковать США в любой момент. Когда он сказал об этом Эйзенхауэру, президент дал следующий ответ: «Я не думаю, что кто-то здесь (из присутствующих. – А.Ф.) полагает, что цена победы в глобальной войне против Советского Союза слишком высока, чтобы её заплатить»; проблему он видел лишь в том, чтобы в ходе войны не была подорвана американская демократия и чтобы США не превратились в «государство-гарнизон». Что же касается американских военных, то ради победы они были готовы и на это.

Показательно, что если СССР в 1953 г. заговорил о возможности мирного сосуществования США, правящие круги США «устами» одного из сенатских комитетов возвестили о подходе, диаметрально противоположном советскому: о невозможности и иллюзорности мирного сосуществования с коммунизмом. Прав автор работы об операции «Split» Стюарт Стивен, который считает, что в 1953 г. СССР и США поменялись ролями: в 1953 г. СССР если не совсем отказался от «коминтерновской линии», то существенно приглушил её, а вот США по отношению к СССР стали проводить линию аналогичную коминтерновской, но, естественно, с противоположным знаком и противоположными целями. «Американцы, – пишет он, – вознамерились осуществлять, только в обратном направлении, то, чем занимался старый довоенный Коминтерн, инспирировавший саботаж на Западе, в попытках подорвать его институты. Многие полагали, как это сформулировал в 1953 году сенатский комитет по коммунистической агрессии, что “мирное сосуществование” является коммунистическим мифом, который может быть осуществлён только путём полного отказа от нашего свободного образа жизни в пользу рабства под игом коммунизма, контролируемого Москвой». Т.е. налицо отношение к СССР как не столько к государству, сколько к социальной системе. СССР же, постепенно переходил от активного воздействия на Запад как система на систему, стремился встроиться в неё в качестве государства, всё больше ведя себя не столько как антисистема, сколько как обычное государство. А США, повторю, постепенно наращивали именно системное воздействие на СССР. Своего полного раскрытия и успеха этот курс достигнет в 1980-е годы при Рейгане, однако его основы сформулированы в самом начале ХВ – в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Формулировка необходимости «окончательного решения» Западом советского вопроса совпадает со смертью Сталина, после которой советская верхушка развернулась в сторону Запада. Правильно опасался вождь, что после его смерти империалисты обманут его соратников-наследников «как котят», перейдя к активным действиям.

События 1953–1956 годов свидетельствуют именно об этом: перевооружение Германии; принятие в 1954 г. ФРГ в НАТО; официальное прекращение оккупации ФРГ союзниками (май 1955 г.). Число атомных бомб, которыми обладали США, в 1955 г. достигло 2 422 (в 1950 г. было 298); согласно американским оценкам, для решающей победы для СССР необходимо было 750 бомб. Провалились главным образом по вине Запада конференции министров иностранных дел в Берлине (1954 г.) и в Женеве (июль 1955 г.). Реагируя на явно конфронтационные действия Запада в 1953–1954 гг., 14 мая 1955 г. СССР создаёт военно-политическую организацию социалистического содружества – Варшавский договор и – типично хрущёвская непоследовательность: 15 мая 1955 г. СССР подписывает договор с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции о выводе советских войск из Австрии в обмен на её нейтралитет в противостоянии СССР – Запад. «В одностороннем порядке, – пишет по этому поводу Мартиросян, – был отдан важнейший стратегический плацдарм в Центральной Европе! Да и австрийцы были настроены к присутствию наших гарнизонов вполне благожелательно, куда лучше немцев и венгров, ни провокаций, ни демонстраций не устраивали». Не лучшим образом пытался набрать «международные очки» Хрущёв, чтобы зафиксировать своё отличие от Сталина: в сентябре 1955 г. – ещё одна ошибка в ведении ХВ. Во время визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра СССР признал ФРГ, причём Хрущёв сделал это в одностороннем порядке, без признания Западом ГДР, без его согласия на советские предложения по Берлину. Вину за разрыв СССР с Югославией Хрущёв полностью возложил на Сталина, т.е. на СССР.

Сразу же после снятия Никиты Хрущёва со всех должностей в октябре 1964 г. по Москве пошла гулять стилизованная под Пушкина «Сказка» – анонимная поэма, в которой остроумно и довольно системно описывалось хрущёвское правление, внутренняя и внешняя политика «царя Никиты» Думаю, распространял её скорее всего КГБ – нужно было высмеять снятого первосека, над которым и так потихоньку посмеивались. В дом пятую (полуслепую) машинописную копию принёс мой отец; ему «по дружбе» дал почитать кто-то из партийного начальства завода, на котором он работал, что весьма показательно. О примирении с Югославией там было рассказано так:

Вот мы вспомним для примера:
Полетел Никита к Неру.
С ним Булганин полетел
Улизнуть от разных дел.
Долго в Азии гостили
Ели плов, мускаты пили.
Залетели в страну,
Где хозяин был У-Ну.
И куда б не заходили
Обещали, говорили.
Так в России уплывал
Трудовой наш капитал.
И как только царь Никита
Нагулялся там досыта,
Неру дал ему слона –
Мол, не жалко нам г...на.
Чтоб кормить нам всех китайцев,
Немцев, негров и малайцев,
Царь придумал, как тут быть
Где бы денег раздобыть.
И нашел (мы это знаем),
Прекратил огромный займ,

То есть в долг с народа брал,
Но обратно не отдал.

Всё точно.

Ещё одной линией отхода от сталинской внешней политики стало резкое изменение при Хрущёве позиции СССР по отношению к Третьему миру, к так называемым «развивающимся» (читай: слаборазвитым) странам. Сталин весьма умеренно тратил средства на поддержку антиимпериалистических движений в странах Азии, Африки и Латинской Америки, предпочитая точечные воздействия и акции целевого назначения. С Хрущёвым этот курс меняется. Бывший троцкист Хрущёв в духе «мировой революции» начинает интенсивно помогать освобождающимся странам Азии и Африки, пытаясь подтолкнуть их на антиимпериалистическую борьбу, щедро предоставляет им кредиты, например, 135 млн. долл. только на строительство одного металлургического комплекса в Индии в 1955 г. И это при том, что лишних денег даже на собственные нужды у СССР не было. Вспоминаю злую карикатуру на Хрущёва из одного американского журнала: Хрущёв в рваной майке и дырявых трусах с куском колбасы в одной руке и «калашниковым» – в другой; кругом бегают доходящие ему до колен дистрофичные африканцы, восточноазиаты, латиноамериканцы; над головой Хрущёва – пузырь, в котором фраза: «Ну, кому ещё помочь?».

На всё это можно возразить, что после бандунгской конференции лидеров стран Азии и Африки (1955 г.) и создания Движения неприсоединения роль и значение афро-азиатского мира выросли, тем более в условиях ХВ. Всё так. Но, во-первых, в заключительном документе Бандунгской конференции, осудившем колониализм, ни слова не говорилось ни об СССР, ни о соцсистеме в целом, «неприсоединенцы» были прагматиками, главное получить помощь, а от кого – не важно, можно сказать «спасибо», а можно «thank you». Во-вторых, помощь может быть разной – массивной, рассчитанной на внешний эффект и бестолковой, а может быть точечной, целевой, но весьма эффективной (по принципу «как иголкой убить слона» – Александр Зиновьев). Тем более, что действия США (свержение правительств Мосаддыка в Иране в 1953 г. и Хакобо Арбенса Гусман в Гватемале в 1954 г.), Франции (колониальная война в Индокитае, а затем в Алжире), Великобритании (подавление восстания в Малайе, Суэцкий кризис) создавали хороший фон именно для «точечной помощи», для целевого воздействия, на которое, по-видимому, не хватило геополитического и системного ума плюс троцкистская р-р-революционная закваска.

Политика «Хряка – так назвал Хрущёва в «Зияющих высотах» Зиновьев по отношению к Третьему миру – в сказе характеризовалась тоже точно:

Вот мы вспомним для примера:
Полетел Никита к Неру.
С ним Булганин полетел
Улизнуть от разных дел.
Долго в Азии гостили
Ели плов, мускаты пили.
Залетели в страну,
Где хозяин был У-Ну.
И куда б не заходили
Обещали, говорили.
Так в России уплывал
Трудовой наш капитал.
И как только царь Никита

Нагулялся там досыта,
Неру дал ему слона –
Мол, не жалко нам г…на.
Чтоб кормить нам всех китайцев,
Немцев, негров и малайцев,
Царь придумал, как тут быть
Где бы денег раздобыть.
И нашел (мы это знаем),
Прекратил огромный займ,
То есть в долг с народа брал,
Но обратно не отдал.

Перед нами точное указание на отход от сталинской политики по отношению к «экзотическим» странам.

В 1956 г. на XX съезде КПСС курс на мирное сосуществование с Западом становится официальной внешнеполитической доктриной СССР. Когда-то, в 1953 г. Хрущёв подверг критике предложение подобного рода, выдвинутое Маленковым; в 1956 г. он это предложение присвоит. Провозглашение курса на мирное сосуществование совпало с развенчанием «культа личности Сталина», с отказом номенклатуры от сталинского наследия и началом превращения её сначала в квазикласс, а затем посредством горбачёвщины и ельцинщины – в класс, пусть уродливый, с полукриминальным мурлом, но класс. И вехой, переломным моментом на этом пути стали «номенклатурные сатурналии» XX съезда.

При этом номенклатура «отпускала» себя не только внутри страны, но и вне её, и во времена горбачёвщины получила «вольную» по всем статьям. Конечно же, такого варианта Хрущёв не хотел, за такое он бы «показал кузькину мать» и «сгноил» бы. Однако Крот Истории роет медленно, и он рыл три десятка лет. Но начался процесс внутреннего и внешнего изменения системы в середине 1950-х годов, именно тогда начал «тикать» часовой механизм бомбы замедленного действия, которую так и не обезвредили. Причём внутренние изменения стимулировали внешние, а изменения отношений с Западом, интеграция в мировой рынок – внутренние сталинские идеи альтернативного «общего рынка», борьбы с долларом по сути были похерены, в капиталистическую систему ещё более подхлёстывали развитие объекта изменений в том направлении, куда его окончательно завёл ставропольский деятель с характерными прозвищами.

Опубликовано: Политический класс, 2009, № 7, с. 75-100; № 8, с. 97-116.

Интересы, а не ценности - русская Европа, а не Евразия

Европа и Запад, европейская цивилизация и западная цивилизация - суть разные явления

Опубликовано в издании материалов постоянно действующего научного семинара "Цивилизационный контекст и ценностные основания российской политики" Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН, тема "Россия и Запад: что разделяет?", выпуск № 7 (16), 2009

Первое, о чем хочу сказать: я не разделяю распространенную среди многих интеллектуалов точку зрения о том, что ценности (или как теперь любят говорить, «менталитет») играют определяющую роль в истории. Иммануил Валлерстайн однажды заметил: «Values are very elastic when it concerns power and profi t» - «Ценности становятся весьма эластичны, когда речь заходит о власти и прибыли».

Власть и прибыль относятся к области интересов. Интересы - прежде всего, классовые - вот что, на мой взгляд, играет решающую роль, отодвигая религию, культуру и ценности на второй план. Христианский государь Франциск I в союзе с мусульманским государем Сулейманом Кануни воевал с христианским государем Карлом V.

Сегодня - по крайней мере, по негативу (отрицание нации-государства, других институтов Модерна) – интересы транснациональных корпораций и, например, исламских фундаменталистов совпадают - вплоть до того, что наблюдатели называют исламистов «цепными псами глобализации по-американски».

В то же время, носители одних и тех же ценностей, представители одной и той же религии со страшной силой истребляли друг друга - примеров тому не счесть. Поэтому даже в том случае, если бы ценности Западной Европы и России совпадали (в чем я очень сомневаюсь), из этого вовсе не следовало бы наличие общих интересов. Вообще же, разговоры об общих ценностях с Западом представляют (со времен печальной памяти горбачевской «концепции общеевропейского дома», куда на самом деле ни СССР, ни РФ пускать не собирались и не собираются) скорее акцию прикрытия некой базовой операции. Базовая операция очевидна: включение тем или иным способом значительной части постсоветских господствующих групп в мировой капиталистический класс.

Главный интерес значительной части постсоветских господствующих групп - «записаться в буржуинство». Это - базовая операция, которая, несомненно, провалится - надо совсем плохо представлять себе мировой капкласс и особенно его западный сегмент, насчитывающий несколько столетий истории, чтобы полагать иное. Акция прикрытия - это попытка убедить себя и других в наличии неких общих ценностей, которые, повторю, сами по себе ничего не гарантируют.

Это первое. Второй момент. Одним из наиболее успешных ходов Запада, его англосаксонского ядра, в исторической борьбе двух последних столетий было то, что его идеологи убедили весь (или почти весь) мир в том, что Европа и Запад - одно и то же. Те, кто купились на это в России и считали себя антизападниками, стали причислять себя и к антиевропейцам или, как минимум, азиатам или евразийцам.

На самом деле Европа и Запад, европейская цивилизация и западная цивилизация - суть разные явления. Европейская цивилизация исторически существует в нескольких вариантах: античном, западном (который из средневекового франкского превратился в западный в буржуазном смысле), русском (превращенной формой которого был советский).

Русский исторический субъект - это европейский субъект, освоивший евразийское пространство; русские ценности - это европейские христианские ценности, а не исламские, буддийские или конфуцианские и не их смесь с христианскими; русская власть - это не

восточный деспотизм, не системная, а субъектная форма власти; русская личность – это не совокупность функций, ролей-масок, не «контекст», а «текст» и субстанция. Тезис о некой евразийской цивилизации - это логическая и историческая подмена истории географией, субстанции - функцией.

Третий момент. Хочу откликнуться на призыв С. С. Сулакшина и порассуждать о том, что же действительно отличает нас от Запада. Думаю, это отличие носит намного более глубокий и многомерный характер, чем различие между православием и католицизмом (а затем и протестантизмом - этой иудаизированной версией католицизма).

Один из первых факторов, которые нас разделяют, заключается в том, что на Руси, в отличие от Западной Европы, вплоть до прихода Орды, не произошло разделения мирных и военных трудовых функций. Своим студентам я часто задаю вопрос: почему герои западноевропейского эпоса - короли, герцоги, рыцари, а герои русских былин - богатыри - прежде всего простые люди. Что же до князей, то они нечасто появляются на первом плане, а если и появляются, то либо в качестве «неоднозначных» персонажей (Владимир-Красное Солнышко), либо явно проигрывают на фоне других героев («Вольга и Микула»).

В чем причина? Почему в киевских летописях даже в XII в. мы постоянно встречаем вооруженный простой люд, тогда как на «франкском Западе» уже в IX–X вв. народ был по сути разоружен и несколько рыцарей могли разогнать не несколько десятков, а несколько сотен крестьян?

Причина - в наличии степного фронтира. Чтобы отогнать от города хазар, печенегов и половцев, не хватало даже киевской, самой многочисленной дружины в 800–1000 человек, нужно было вооруженное городское ополчение; а, как заметил И. Я. Фроянов, автор блестящих исследований по киевской истории, вооруженный человек - плохой объект для эксплуатации. Только Орда обеспечила русским князьям ту «массу насилия», которая была необходима для подавления населения, но это произошло во второй половине XIII в., когда былинный цикл с его героями-богатырями уже сложился.

Отсутствие четкого разделения мирных и военных трудовых функций тормозило развитие классов (даже в «докапиталистическом» смысле этого термина) и делало общество Киевской и Владимирской Руси намного более демократичным по сравнению с современным ему западным.

Немаловажным было и наличие огромного массива свободных земель. Этот фактор тоже тормозил классовое (марксист сказал бы - феодальное, но в реальности русская история не знала и не могла знать феодализма) развитие в двух отношениях:

1) крестьянам всегда было куда бежать;

2) верхушке, в отличие от Западной Европы, не надо было отбирать у крестьян ни пахотную землю, ни пустоши, ни лесные угодья (в частности, именно последние стали причиной конфликта защитника крестьян Робина Гуда и шерифа Ноттингемского - на Руси такой конфликт практически не представим).

К тому же, вплоть до XI в., до прихода турок-сельджуков в Малую Азию и «засорения» половцами Северного Причерноморья, главным источником богатства русских князей были торговля («путь из варяг в греки»), движимое имущество, а не земля и эксплуатация тех, кто ее обрабатывает.

Отсутствие свободной земли в Западной Европе при уже свершившемся разделении мирных и военных трудовых функций, отсутствие такого источника дохода, как торговля, заставили сеньоров довольно быстро перейти в социальное наступление на деревню («сеньориальная революция» IX–X вв., т. е. генезис феодализма в строгом смысле слова), а затем и на города, что вызвало реакцию последних («коммунальная революция» XI–XII). Нехватка земли, а, следовательно, ограниченные возможности экстенсивного развития сделали западную версию европейской цивилизации технически ориентированной, а феодализм - интенсивной системой с самого их «франкского» начала. Я имею в виду сельскохозяйственную революцию VII–VIII вв. - изобретение тяжелого плуга и первую промышленную революцию на Западе XI–XII вв., в результате которой Запад покрылся

мельницами (ударный труд цистерцианцев) и которая замечательно описана Ж. Гимпелем. Пространственная ограниченность, «зажатость» Запада определила технический вариант развития этой цивилизации.

Еще один аспект различия, тесно связанный с развитием права - одного из важнейших элементов западной цивилизации уже на феодальной стадии последней, заключается в следующем. В Западной Европе вассалитет носил «политический» характер, а потому споры решались на правовой основе, что было дополнительным стимулом развития права.

Руси, как отмечают исследователи, генеалогический вассалитет не обособился от родственного - Рюриковичи правили Русью как единое целое, как семья, главным образом, по родовым принципам («удельно-лествичная система»). Такой порядок, наряду с другими факторами, не способствовал развитию права и других форм, связанных со временем.

Так, в русской истории значительно меньшую роль, чем в западной, играл овеществленный труд («накопленное время»). Это было обусловлено, с одной стороны, возможностями экстенсивного развития, с другой - низким уровнем «избыточного», а точнее - совокупного прибавочного продукта. Последний фактор в огромной степени определил вектор развития русской истории.

Суть в том, что при невысоком уровне «избыточного продукта» оформление на Руси / в России западоподобных форм - феодализма (теоретически) и капитализма (практически) - возможно лишь за счет отчуждения у населения не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта. Это ведет - и русская история конца XIX - начала XX вв. и конца XX – начала XXI вв. свидетельствует об этом со всей очевидностью – к экономическому упадку, социальному распаду и насилию. Иными словами, западнизация России, прогресс западнизма здесь есть мерило регресса и упадка.

Следующий блок причин различий между Россией и Западом - влияние Орды и (в значительно меньшей степени) Византии. 250 лет контактов с Ордой заложили фундамент (и задали инерцию формирования на Руси) невиданной ни на Западе, ни на Востоке автосубъектной надзаконной власти, первой исторической формой которой было самодержавие, первой структурой - Московское царство, а средством возникновения / создания - опричнина. Греческие религиозные формы стали внешним обрамлением этой власти (никонианская реформа), оттолкнувшая от этой власти наиболее субъектную часть населения (раскол). Никонианское православие, рвавшее с традицией, таким образом лишь оформило принципиальное отличие русского варианта исторического развития от западного.

В XVI–XVII вв. в Западной Европе и Северо-Восточной (русской) Европе возникают принципиально разные исторические типы европейского субъекта: капитал и государство - в одном случае и автосубъектная власть - в другом. Запад проходит через циклы накопления капитала (голландский, британский, американский) и, соответственно, через несколько гегемоний - Нидерланды, Великобритания, США. Россия проходит через параллельные западным циклы накопления, но не капитала, а власти (московской, петербургской, коммунистической) и адекватные им структуры.

Аналогичным образом Запад и Россия в своем развитии в эпоху Модерна представлены двумя параллельными системами - Старый Порядок и капитализм versus самодержавие и коммунизм; при этом последний выступает как двойное отрицание - и самодержавия, и капитализма, в который начала интегрироваться пореформенная Россия.

Далее. В Западной Европе в XVI–XIX вв. народ превратился в нацию, т. е. такую форму социоэтнической организации, базовым элементом которой является индивид (нация не может состоять из племен, общин, кланов, полисов, каст - только из индивидов); при этом господствующие группы Запада в четырехсотлетней психоисторической войне с собственным населением сумели навязать ему свои классовые ценности как общенациональные, т. е. обеспечить «культурную гегемонию» (А. Грамши).

Как заметил А. С. Пушкин, английский мужик уважает своего барина, принимает его

превосходство, воспринимает господ как «his betters» (выражаясь словами Гоголя, как тех, «кто почище-с»), а русский мужик - нет. И неудивительно.

Русское дворянство не только не смогло навязать народу свои ценности, но вообще обособилось от него. С XVIII в. в России существуют два социокультурных уклада - западный (дворянский) и русский (крестьянский), два уклада с разными ценностями и даже с разными языками. Более того, индивидуализированное дворянство превратилось в подобие нации - но не русской, а полурусской-полузападной, а потому нежизнеспособной в долгосрочной перспективе ни экономически, ни политически, ни социокультурно (позднее эта печать легла на русскую интеллигенцию, которая, представляя собой продукт разложения самодержавного строя, во многом не была русской не только в социокультурном отношении, но и по этнической принадлежности). На Западе же слой интеллектуалов был своим, национально ориентированным. Отсюда и специфика русского революционного движения вообще и большевизма в частности, их отличие от западного.

Наконец, последнее по счету, но не по значению: наши различия с Западом резко усилились в последние 150 лет в связи с превращением Запада в ядро мировой капиталистической системы. Причем противоречия эти характеризовали обе модели включения России в мировую систему – как «модель Александра II», так и «модель Сталина» (последнюю, естественно, в намного большей степени).

В рамках «модели Александра II» («белая империя») Россия и, естественно, ее господствующие группы выступают в качестве элемента капиталистической системы, причем элемента, выполняющего функцию сырьевого придатка и финансово зависимого. Эта модель характеризуется ужесточением эксплуатации населения господствующими группами вместе с властью, которая олигархизируется, утрачивает контроль над общественными процессами (в последних распад, социальная дезорганизация начинают доминировать над организацией); как следствие - социальная напряженность, восстания, революции, гражданская война, короче - смута, угроза распада и десуверенизации страны.

Но даже в полупериферийном состоянии («модель Александра II») у России имелись существенные противоречия с Западом, обусловленные противоречием между державным (имперским) политическим статусом России и ее экономической полупериферийностью. Запад стремился снять это противоречие, приведя политику (государственность) в соответствие с экономикой, т. е. ослабить и развалить Россию (война, революция), окончательно решить «русский вопрос».

В рамках «модели Сталина» («красная империя») Россия функционирует как антисистема, как системный антикапитализм, основой которого являются мощный военно-промышленный комплекс и контроль властного центроверха над населением, прежде всего - над верхушкой (номенклатура) в виде ранжировано-иерархического потребления. При этой модели противоречия Россия - Запад достигли максимума, поскольку на первый план вышла классовая составляющая, представленная двумя взаимоисключающими глобальными проектами.

Слабость модели «красной империи» заключалась в том, что в коммунистическом порядке, являющемся основой «модели Сталина», заложена тенденция к фрагментации власти и ослаблению центроверха (подробно я описал эти характеристики в работах «Кратократия» и «Взлет и падение перестройки»), в ней работает механизм, препятствующий формированию настоящей властной элиты мирового уровня. В результате, «в шестидесятые - гордые-пузатые» советская верхушка не только проморгала экономическую победу СССР над США, но начала сырьевую интеграцию в капсистему, завершившуюся развалом СССР и возвращением к «модели Александра II» в худших условиях, в фарсовой форме и с намного более трагическими последствиями, чем в начале XX в.

Показательно, что отказ РФ от антисистемности СССР, сырьевая и финансово-зависимая реинтеграция в «буржуинство» не сделали РФ своей в глазах Запада, он воспринимает и

будет воспринимать ее как нечто чуждое и потенциально опасное до тех пор, пока она существует. Главное здесь заключается в том, что Россия - это именно европейский и христианский субъект, альтернативный Западу, - Западу, который стремительно дехристианизируется и деевропеизируется (в культурном и расовом отношении; о социобиологической деградации - рост дебилизма и психических заболеваний - я уже и не говорю).

Ситуация в отношении России не изменится даже в том случае, если в постзападных Европе и Америке к власти придут небелые властные элиты. «Мы для них чужие навсегда», - как пел Вертинский. А потому, как говорили древние, «Si vis pacem, para bellum» («Хочешь мира, готовься к войне»).

А. И. Фурсов, кандидат исторических наук

КРИЗИС-МАТРЁШКА

НОМЕР 11 (799) ОТ 11 МАРТА 2009 г. Введите условия поиска Отправить форму поиска zavtra.ru Web
Андрей Фурсов
КРИЗИС-МАТРЁШКА
Демонтаж капитализма и конец Эпохи Пирамид

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, начавшийся в 2007 г. в США и сегодня охвативший по сути весь мир, часто сравнивают с кризисом 1929-1933 гг. Последний, в свою очередь, был финальной фазой затяжного кризиса 1873-1933 гг. Кстати, с этим длительным кризисом, эпоху которого голландский историк Я. Ромейн назвал "водоразделом", нередко сравнивают кризисную хронозону, начавшуюся в 1970-е, а ещё точнее — в 1973 г. и продолжающуюся до сих пор. Кризис "водораздела" 1873-1933 гг. был временем "пересдачи карт социальной игры" (Ф. Бродель), "пересдачи Карт Истории", и те, кто ухватил главные козыри, оказались "на коне" вплоть до новой пересдачи, начавшейся в 1970-е годы. Более того, у них неплохие шансы в новую эпоху добавить к старым козырям новые. Так сказать, "деньги к деньгам". Впрочем, может оказаться и "пепел к пеплу" — это как Бог бросит кости.

Значение кризиса 1873-1933 гг. неоспоримо. Именно тогда сформировались основные субъекты (игроки, агенты) XX века: финансовый капитал, его брат-враг революционное социалистическое движение, спецслужбы, организованная преступность; именно тогда сформировались основные противоречия, которые пришлось разрубать XX веку: британско-немецкие, американо-британские, немецко-русские; именно тогда была определена философская и научная повестка дня XX в., рухнули последние империи Старого Порядка, который буржуазия ломала с конца XVIII в., оформились государственно-монополистический капитализм (ГМК), коммунизм — системный антикапитализм, фашизм, национал-социализм и национально-освободительное движение. И, тем не менее, более правильным представляется сравнивать "водораздельный" кризис конца XX — начала XXI в. не с "ромейновским", а с кризисом 1490-1560-х годов, кризисом намного более масштабным, чем таковой 1870-1930-х годов, а главное — системным.

"Ромейновский" кризис был структурным, то был переход от одной структуры капсистемы к другой, тогда как в конце XV — начале XVI в. рождалась сама капсистема, возникали её базовые институты: рынок, государство, политика и др. Т.е. возникало то, что слабеет, тает и отмирает в условиях кризиса конца XX — начала XXI в., одним из эпизодов которого является финансово-экономический кризис, стартовавший в 2007 г. Выходит, "водораздельный" кризис конца XX — начала XXI в. — системный и знаменует кризис и конец капитализма как системы? Скажу сразу — да, это конец капсистемы, причём процесс этот происходит не только стихийно. Он также является результатом сознательных действий верхушки мирового капиталистического класса, нескольких сот (максимум тысячи — полутора) семей, "властелинов колец" капиталистического Мордора, которые демонтируют капитализм в своих собственных интересах — интересах сохранения власти, привилегий и богатств. Но прежде чем разбирать этот вопрос, взглянем на другие системные кризисы — это необходимо для лучшего понимания того кризиса, в котором мы живём и который, подобно водовороту, способен унести нас в Мальстрём Истории.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИ БЛИЖАЙШИЙ к нам системный кризис — кризис феодализма и возникновения капитализма, кризис "длинного XVI века" (1453-1648 гг.), решающая фаза которого пришлась на 1490-1560 годы. Главная загадка этого кризиса — генезис капитализма.

Среди различных концепций генезиса капитализма есть две базовые — Карла Маркса и Макса Вебера. Веберовская концепция возникновения капитализма из духа протестантизма несостоятельна прежде всего эмпирически: она базируется на материале одной из германских земель, хронологически отражающем очень короткий период времени.

В марксовом объяснении проблема заключается в следующем. Согласно общей теории Маркса, переход от одной системы к другой — социальная революция — происходит тогда, когда производительные силы старой системы перерастают её производственные отношения, последние ломаются, и возникает новая система таких отношений, которые адекватны производительным силам-переросткам. Если бы Маркс был прав, то каждая новая социальная система ("формация") стартовала бы с уровня производительных сил, более высокого, чем тот, что был характерен для прежней. В исторической реальности всё наоборот. Феодализм достиг уровня производительных сил поздней Античности только в XI-XII вв., т.е. ранний феодализм по уровню развития производительных сил уступал поздней Античности; капитализм достиг уровня развития производительных сил позднего феодализма только в начале XVIII в., т.е. 300-400 лет он догонял прошлое. По-видимому, истоки кризиса как и корни генезиса капитализма надо искать — кстати, вполне в марксовом духе — в другом, а именно в классовых интересах основных, системообразующих субъектов/агентов системы. Исследования последних десятилетий показали, что именно классовый интерес феодалов (сеньоров) в сохранении власти и привилегий, борьба за это стали основой генезиса капитализма. Прав Гераклит — "борьба — отец всего". Как было дело?

В середине XIV в. в Европу пришла эпидемия чумы — Чёрная смерть, выкосившая 20 млн. из 60 млн. населения, т.е. треть. Крестьянских рук стало не хватать, сделочная социально-экономическая позиция крестьянина (а также арендатора и батрака) по отношению к сеньору улучшилась. Сеньоры попытались изменить ситуацию, ответом в 1378-1382 гг. стали сразу три восстания ("чомпи" во Флоренции, "белых колпаков" во Франции, под руководством Уота Тайлера в Англии), а по сути — народная антифеодальная революция, надломившая западноевропейскому (собственно, никакого другого в истории и не было) феодализму хребет.

С этого момента, как считают исследователи, наиболее вероятным вектором стало развитие западноевропейского социума в направлении "кулацкого рая" и "бюргерского рая", т.е. такого социального устройства, в котором сеньоры превращались просто в богатых землевладельцев или богатых бюргеров, утрачивая значительную часть привилегий и статуса. Сеньоры оказались перед выбором: утратить привилегии по отношению к массе населения или же поступиться ими по отношению к королевской власти. Да, они не любили королей, воевали с ними, но низы припёрли их к стенке, и сеньоры пошли на союз с короной.

Эта схема существенно отличается от либерально-марксистской, согласно которой союз и борьба короны и бюргеров (буржуазии) против сеньоров стали тем фундаментом, на котором "вырос" капитализм. Разумеется, и тот расклад социальных сил, о котором говорили либералы и марксисты, имел место. Но не он был главным, главным был путь превращения феодалов в капиталистов, подключения их к возникавшему в XVI в. мировому рынку. На обширном материале это хорошо показал Р. Лашмэн в работе "Капиталисты против своей воли" .

Первым же результатом союза короны и сеньоров стало появление так называемых "новых монархий" (Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии) — структур значительно более институциализированных, чем феодальные и намного более репрессивных, чем эти последние; король стал "непосредственным" сувереном по отношению ко всем подданным, а не только по отношению к своим вассалам; обязанности новой, по сути постфеодальной знати по отношению к короне стали более тяжёлыми, чем таковые вассалов эпохи феодализма . Для "новых монархий" не было термина, и он был

изобретён. Это сделал Макиавелли, "запустивший" термин lo stato — государство. Государство стало мощнейшим оружием экс-феодалов против низов. Другим оружием стала армия нового типа.
В 1492 г. Колумб открыл Америку, и в XVI в. в Западную Европу хлынуло серебро и золото. Эти средства вкладывались прежде всего в военное дело. Результат — военная революция XVI в., возникновение новой формы военной организации, с которой низам было трудно справиться. Кроме того, открытие Америки, возникновение того, что К. Маркс назвал "мировым рынком", а И. Валлерстайн — "европейской мир-системой" и что по сути представляло собой систему нового международного — североатлантического — разделения труда, обеспечило верхам качественно новые возможности. Включившиеся в эту систему экс-феодалы и купцы резко улучшили свою сделочную социально-экономическую позицию по отношению к низам, поскольку теперь оперировали на более высоком уровне экономического пространства — макрорегиональном, чем низы, оставшиеся на локальном уровне, зависимом от макрорегионального.
В результате всех этих изменений к 1648 г. в Западной Европе у власти и на разных уровнях находилось 90% семей, правивших "полуостровом" в 1453 г. Таким образом, феодалы в своих классовых интересах демонтировали феодализм, чтобы сохранить власть, привилегии и богатство и в процессе этой борьбы создали новую систему. Капитализм, таким образом, есть побочный продукт борьбы феодалов за трансляцию себя в будущее в новом системном "обличье". Удивительно? Ничуть. Ведь писал же В.В. Крылов о том, что классовая борьба есть развитие производительных сил (прежде всего социальных) за пределами сферы производства.
Следующий кризис, о котором необходимо сказать — кризис поздней Античности, антично-рабовладельческой системы (IV-VI вв. н.э.). От позднефеодального этот кризис отличается многим. Отмечу главное. Во-первых, античное рабовладение было системой экстенсивной (экстенсивно-ориентированной), ей нужны были экспансия и наличие периферии. Интенсивно-ориентированный феодализм в этом не нуждался. Во-вторых, в ходе кризиса поздней Античности верхушка Западной Римской империи была уничтожена, рассеяна или поглощена верхушкой варварских племён. Между позднеантичными и раннефеодальными верхами отсутствует преемственность, а между концом Античности и началом феодализма — Тёмные века (VI-VIII вв. н.э.). Позднеантичный кризис, в отличие от позднефеодального, — пример неудачных действий верхушки и краха системы вместе с этой верхушкой. Показательно также и то, что кризис феодализма, обернувшийся демонтажём, не уничтожил западную цивилизацию — капитализм стал (хотя и с нюансами) следующей стадией её развития, тогда как кризис антично-рабовладельческого общества стал крушением античной цивилизации, т.е. ещё и цивилизационным, в отличие от позднефеодального, кризисом (кризис "длинного XVI века" был внутрицивилизационным).
Третий кризис, о котором пойдёт речь (и третий тип кризиса) — верхнепалеолитический (25 тыс. — 10 тыс. лет до н.э.). Это, пожалуй, самый страшный — ресурсно-демографический (социобиосферный) — кризис. Он длился 15 тыс. лет, подвёл черту под несколькими сотнями тысяч лет палеолита и охватил почти всю планету, точнее, её населённую часть. Его результатом стало сокращение населения планеты на 80%, упадок и деградация общества и культуры. Выходом из кризиса верхнего палеолита стала так называемая "неолитическая революция" — возникновение земледелия, скотоводства, городов, классов и т.п., одним словом — Цивилизации.
Итак, перед нами три различных кризиса: системный формационный; системный формационно-цивилизационный (в узком, конкретном смысле термина "цивилизация") и системный социобиосферный, сменивший один тип "Игры Общества с Природой" (С. Лем) — Палеолит, на другой — Цивилизацию.
Ну а теперь, познакомившись с тремя системными кризисами, посмотрим, что происходит в современном мире, точнее, что происходило с 1970-х годов. По сути, на глазах исчезает,

тает тот мир, который возник в 1870-1930 годы и который расцвёл в "славное тридцатилетие" (Ж. Фурастье) 1945-1975 гг.

СЛАБЕЕТ И ПРИХОДИТ в упадок нация-государство; ухудшается положение средних и рабочих слоёв даже ядра капсистемы, не говоря уже о её низах и о её периферии; скукоживается гражданское общество — и по возможности влиять на власть на национальном и тем более на глобальном уровне и по сути: многие западные социумы из обществ граждан превращаются в общества общин и меньшинств, т.е. становятся постзападными; политика всё больше превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса; рынок сменяется монополией; в упадок приходит рациональное знание, будь то прогрессистские идеологии марксизма и либерализма как элементы геокультуры Просвещения, или наука — появляются книги с символическими названиями "Конец прогресса", "Поминки по Просвещению"; стремительно деградируют наука об обществе (детеоретизация, мелкотемье) и образование; Болонская система подрывает университет как феномен эпохи Модерна; налицо упадок христианской морали и нравственности — по сути мы уже живём в постхристианском обществе; в мире растёт число мусорных/трущобных людей — "новых отверженных", в среде которых зреют гроздья гнева.

Почему это происходит? Отчасти процессы, о которых идёт речь, носят стихийный характер, отчасти — проектный, т.е. представляют собой результат сознательных действий. Чьих?

В 1975 г. увидел свет доклад "Кризис демократии", написанный по заказу Трехсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки. В докладе чётко фиксируются угрозы положения правящему слою — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке. В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведёт к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти "эксцессы демократии" являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, её источник — "внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующимся высокой степенью (политического. — А.Ф.) участия". Вывод: необходимо способствовать росту невовлечённости (noninvolvement) масс в политику, развитию определённой апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный: "Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти".

Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути — их демонтаж. Речь идёт о нации-государстве, политике, гражданском обществе, рациональном знании. Иными словами, речь идёт о капитализме. Здесь необходимо отметить, что вопреки представлению многих, капитализм — это не просто торжество капитала, капитал существовал до капитализма и будет существовать после него.

Капитализм есть сложная институциональная система, ограничивающая капитал в его долгосрочных интересах и обеспечивающая (прежде всего с помощью государства) его экспансию в пространстве. Последнее имеет жизненно важное значение для капитализма в силу его экстенсивной ориентированности. Иным капитализм быть не может, он решает многие свои противоречия, вынося их за собственные рамки и прирастая пространством. Как только мировая норма прибыли снижается, капитализм выхватывает, вырывает кусок из некапиталистической зоны и превращает его в капиталистическую периферию —

источник дешёвой рабочей силы и рынок сбыта. И так до следующего серьёзного снижения прибыли; отсюда — колониализм, колониальная экспансия, которая происходила не постоянно, а рывками. Подчеркнём: для нормального функционирования капитализму необходима некапиталистическая зона, которую он превращает в капиталистическую периферию и без которой он тоже не может существовать — так же, как антично-рабовладельческая система без своей периферии. Помимо прочего, эксплуатация периферии помогает поддерживать социальный мир в центре ("ядре"), поддерживать определённый уровень жизни большей части его населения. Ну а ограничителями капитала в самом ядре являются, как уже говорилось, нация-государство, политика, гражданское общество и ряд других форм и институтов. И, как мы знаем, именно эти институты и связанные с ними социальные группы разрушаются/демонтируются с середины 1970-х годов. Демонтаж этих институтов означает по сути демонтаж капитализма как системы, который предпринимается наднациональной (мировой) верхушкой в интересах сохранения ею власти (мирового контроля), привилегий, богатства с 1970-х годов, который ускорился в 1990-е и, по-видимому, ещё более ускорится в 2010-е годы. В чём причины этого процесса?

ПЕРВАЯ ИЗ ПРИЧИН носит откровенно классовый характер. На рубеже 1960-1970-х годов верхушка буржуазии в ядре капсистемы в условиях роста экономического благосостояния и политического влияния среднего и рабочего классов, левых партий, увеличения "размеров" нации-государства в форме welfare state оказалась в положении, сходном с тем, в котором оказались феодалы в XV в. Ход был сделан аналогичный — демонтаж системы. Только если феодалы не понимали, что делают, а действовали, повинуясь социальному инстинкту, то буржуины, на которых работают тысячи "фабрик мысли" ("think tanks") затеяли демонтаж сознательно, хотя вполне возможно, что сначала думалось о демонтаже элементов, а не системы в целом. Однако вскоре системная перспектива стала очевидной.

Выявилось это с глобализацией, особенно после крушения главного бастиона "системного капитализма" — СССР. Глобализация (капиталов) — "дочка" НТР и "внучка" холодной войны — стала полной победой капитала, который превращается в электронный сигнал и преодолевает практически все ограничения (пространственные, социальные, политические); реальное не может контролировать виртуальное — разные уровни (а наоборот — возможно). Весь мир стал капиталистически-неолиберальным, включая СССР, Восточную Европу, Китай. Капитал(изм) везде! Победа! Однако как написал по другому поводу Н. Коржавин "Но их бедой была победа — / За ней открылась пустота". Исчезла некапиталистическая зона и теперь капитал(изм) уже не может решать свои проблемы, вынося их вовне — некуда. А войны типа 1914-1918 и 1939-1945 гг. тоже невозможны.

Куда ж бедному капитализму податься? Где искать источники для дальнейшего накопления? Только внутри самого себя. Но всё дело в том, что капитализм — это экстенсивно, а не интенсивно ориентированная система, он институционально "заточен" под экстенсив, и его переориентация, "перезагрузка Матрицы" требует демонтажа системообразующих элементов, т.е. самой системы и создания на её месте иной, которая типологически, эквивалентно-нишево будет похожа на феодализм, точнее, станет возвращением к принципам его организации на новом, более высоком витке "спирали развития" — с поправкой на то, что это будет уже не западный, не христианский и не локальный социум. Исчерпание земного пространства с глобализацией стало ещё одной, помимо классовой, причиной демонтажа капитализма.

Итак, демонтаж капитализма его верхушкой a la демонтаж феодализма в 1453-1648 гг. Но всё ли продумали властелины его колец и их интеллектуальная обслуга? У меня плохая новость для "демонтажников-высотников": с капитализмом не получится так, как вышло с феодализмом — у феодализма не было периферии, наличие которой существенно меняет и суть кризиса, и процесс демонтажа, и вектор их развития. Включив в свои процессы, в

мировой рынок огромные массы населения, всю планету, капитализм демографически вырастил свою афро-азиатскую и латино-американскую периферию так, как население самих этих регионов никогда не выросло бы. И теперь эта капиталистическая периферия, по сути не нужная ядру так, как в "старые добрые капиталистические времена", просто так не отвяжется. Она давит на ядро, Юг проникает на Север, создаёт свои анклавы и подрывает его; то, что А.Дж. Тойнби-младший называл "союзом внутреннего и внешнего пролетариата", способствует периферизации ядра, его захвату периферией с прямой и явной угрозой если не смены, то существенной модификации элит, по крайней мере значительной их части. Таким образом, попытка демонтировать капитализм a la феодализм оборачивается кризисом не позднефеодального, а позднеантичного типа, а ещё точнее, комбинирует черты и качества обоих. Но это не всё. Есть ещё одна плоха новость. Капитализм — глобальная, планетарная система, основанная на эксплуатации не только человека, но и природы. Включив в свои производственно-экономические процессы биосферу в целом, капитализм привёл её в состояние глобального экологического, а человечество — в состояние ресурсного кризиса. Типологически такого не было со времён верхнепалеолитического кризиса. При этом конечно, нынешний масштаб несопоставим с верхнепалеолитическим. Таким образом, демонтаж капитализма развивается на фоне глобального биосферно-ресурсного кризиса, а к его позднефеодальному и позднеантичному кризисным качествам добавляется намного более тяжёлое по своему содержанию и последствиям — верхнепалеолитическое. Мы получаем кризис-матрёшку, кризис-домино, где один кризис влечёт за собой другой, более масштабный и разрушительный.

Чертами трёх кризисов, о которых шла речь, нынешний кризис-демонтаж капитализма не исчерпывается. Его кризис автоматически означает ещё несколько кризисов. Во-первых, это кризис западной цивилизации в том виде, в каком она сформировалась за последние тысячу лет. Во-вторых, это кризис христианства в самых разных его аспектах: частном (кризис протестантского отношения к труду на фоне стремительно растущих тенденций к гедонизму, потреблению, более или менее активному ничегонеделанию как верхов, так и низов), общем (кризис христианского типа личности), проектном. О последнем стоит сказать особо, поскольку кризис капитализма конца XX — начала XXI в. это и кризис библейского проекта.

В течение двух тысячелетий верхушка (сначала средиземноморская, затем европейская, а в XIX-XX вв. — мировая), использовав и приспособив к своим нуждам протестно-эмансипаторский проект Иисуса Христа и одновременно приглушив его (идейно — с помощью прежде всего Ветхого Завета, организационно — с помощью христианской церкви), превратила его в библейский проект. Библейский проект как средство держать в узде "маленького человека" главным образом изнутри (интериоризация контроля) сменил древнеегипетский проект, последним персонификатором которого была Римская империя, с его акцентом на внешний контроль. Несмотря на то, что библейский проект дал немало сбоев (откол католицизма от православия — ортодоксии в политических целях; возникновение протестантизма как начало иудаизации христианства; возникновение пантеистического и атеистического Просвещения и его "отростков" — либерализма и особенно марксизма как не просто светской, а дехристианизированной версии библейского проекта), в течение почти двух тысяч лет в целом, пусть всё хуже, но он справлялся с задачами, для решения которых его создали. С последней трети XX в. библейский проект не работает. "Демонтажники" капитализма должны будут создать не только новую систему, но и новый проект. Глобофашизм "неоконов" — этих леваков, прошедших "правую школу" Лео Штрауса и начитавшихся Платона, вряд ли пройдёт.

В-третьих, кризис капитализма — это кризис Цивилизации, т.е. земной цивилизации в том виде, в каком он существует последние 10-12 тыс. лет (13653 года по индийской хронологии; 13542 года — по древнеегипетской и ассирийской; 10498-10499 по хронологии ольмеков и майя). Эпоху земной цивилизации я называю Эпохой (или

Временем) Пирамид и Сфинкса: археологические данные последних десятилетий свидетельствуют, что возраст пирамид и особенно Сфинкса древнее, чем предполагалось, датируются эти сооружения 8-10 тысячелетиями до н.э. и построены по-видимому представителями цивилизации, предшествовавшей египетской.
Мир Пирамид подходит к концу вместе с капитализмом. Научно-техническая революция (НТР), благодаря которой информационные (вещественные) факторы начинают господствовать над вещественными ("материальными") — это не вторая промышленная революция, а нечто более серьёзное, сопоставимое по масштабу с неолитической.
Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед кризисом-матрёшкой, аналогов которому не было и который, похоже, сметёт не только капитализм с его сторонниками и противниками, но всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5-1,0 млрд., пережить его, то новый социум скорее всего будет отличаться от Цивилизации (Мира Пирамид — в том смысле, что египетские пирамиды — главный символ всей посленеолитической эпохи) не меньше, чем она отличалась от Палеолита.
В-четвёртых, речь должна идти о кризисе белой расы, само существование которой экспансия капитализма, вызвавшая демографический взрыв на Юге и массовую миграцию его жителей на Север, поставила под угрозу — число белых в современном мире стремительно снижается.
В-пятых, на повестку дня может быть поставлен кризис Homo sapiens. Одно дело кризис биосферы 25 тыс. лет назад, и совсем другое — сегодня, на планете, напичканной атомными станциями, бактериологическим и иным оружием, с населением 6,6 млрд. человек (к 2030 г. будет 8 млрд.). Планетарная катастрофа может либо вообще выкосить население, либо оставить на нём такой отпечаток, что дальнейшее "развитие" окажется возможным лишь в одной форме — деградации.
ТАКИМ ОБРАЗОМ, демонтаж капитализма открыл невиданный ящик невиданной Пандоры с невиданными последствиями. А ведь мы ничего не сказали ни об усилении в XXI в. (пик — XXII в.) геовулканической активности, ни о неизбежном изменении направления земной оси (происходит раз в 12-15 тыс. лет, последняя произошла 12-13 тыс. лет назад), ни о том, что заканчивается "долгое лето" — тёплый десятитысячный отрезок в каждом стотысячелетии — 90 тыс. лет приходятся на ледниковый период.
Разумеется, от всего этого можно отмахнуться как от нагнетания страхов, от "черновидения" (Ст. Лем). Однако лучше жить по принципу "кто предупреждён, тот вооружён", чем стать жертвой "синдрома Сидония Аполлинария", т.е. в упор не видеть уже нависшей над головой угрозы.
Каковы варианты посткризисного развития — разумеется, если удастся выйти из кризиса минимально катастрофичным образом? Теоретически вариантов несколько — от высокотехнологичной цивилизации того типа, что описывал Иван Ефремов в "Туманности Андромеды", до футуроархаических империй того типа, что Лукас изобразил в "Звёздных войнах": иными словами от Дара Ветера до Дарта Вейдера. Реально новая система скорее всего будет футуроархаической — мир сверхновых технологий будет соседствовать с миром неоархаических или даже неоварварских структур.
Как и в XIV-XVI вв., на планете будет мозаика различных форм социального, властного и экономического устройства. Это будет мир контрастов: рядом со сверхсовременными анклавами "регион-экономик" (Е. Омаэ) будут существовать демодернизирующиеся, архаичные и даже асоциальные зоны. Капиталистическая эпоха, особенно её модерновая фаза, будет казаться фантастическим временем, которое быстро мифологизируют. Темпы развития посткапиталистического, постцивилизационного мира будут заметно ниже, чем капсистемы, а возможно даже и Эпохи Пирамид в целом. Скорее всего, Цивилизация была краткой экспонентой между двумя асимптотами — Палеолитом, и тем, что идёт на смену Цивилизации. Грустно? Да. Но грустно с точки зрения Просвещения, библейского проекта и христианства, с которыми надо попрощаться, — vixerunt. Будущее — это не линейное

продолжение эпохи капитализма и даже Эпохи Пирамид, это нечто другое, более сложное и более простое одновременно.
Развитие новой системы, а как и большинство социальных систем она просуществует 600, самое большее 1000 лет, будет протекать во всё менее благоприятных природных условиях, а потому вполне возможны, если не неизбежны дальнейшее нарастание варваризации и архаизации в разных частях планеты. В любом случае одной из важнейших задач людей этого неласкового будущего будет сохранение знаний и подготовка к природным катастрофам, прежде всего — к новому ледниковому периоду. Однако за это неласковое будущее XXIII-XXX (?) веков надо ещё будет побороться и в XXI — XXII вв., и сегодня.
Что можно сегодня противопоставить демонтажникам? Не так много, но и не так мало — волю и разум. Волю противопоставить их социал-дарвинистскому прогрессу этику брахманов и кшатриев, т.е. этике менял с их философией гешефта надо противопоставить этику воинов и жрецов (священников). Разум — это новое рациональное знание о мире. Новая этика и новое знание — вот щит и меч против цивилизации менял. Гарантирует ли это победу? Нет. Победа обретается в борьбе. Но это гарантирует волю к победе и достоинство как состояние ума и души. И надежду на то, что мы пройдём кризис, в который погружаются капитализм и западная цивилизация, что мы останемся на корабле, скользящем по волнам Океана Времени, в который погружается Эпоха Пирамид.

Студенты должны строить несложные объекты

Р.О.: *Строительством спортивных объектов олимпийского Сочи займутся студенческие стройотряды. Как вы относитесь к такой инициативе?*

А. Фурсов: А чья это инициатива?
Р.О.: *«Молодой Гвардии Единой России»*

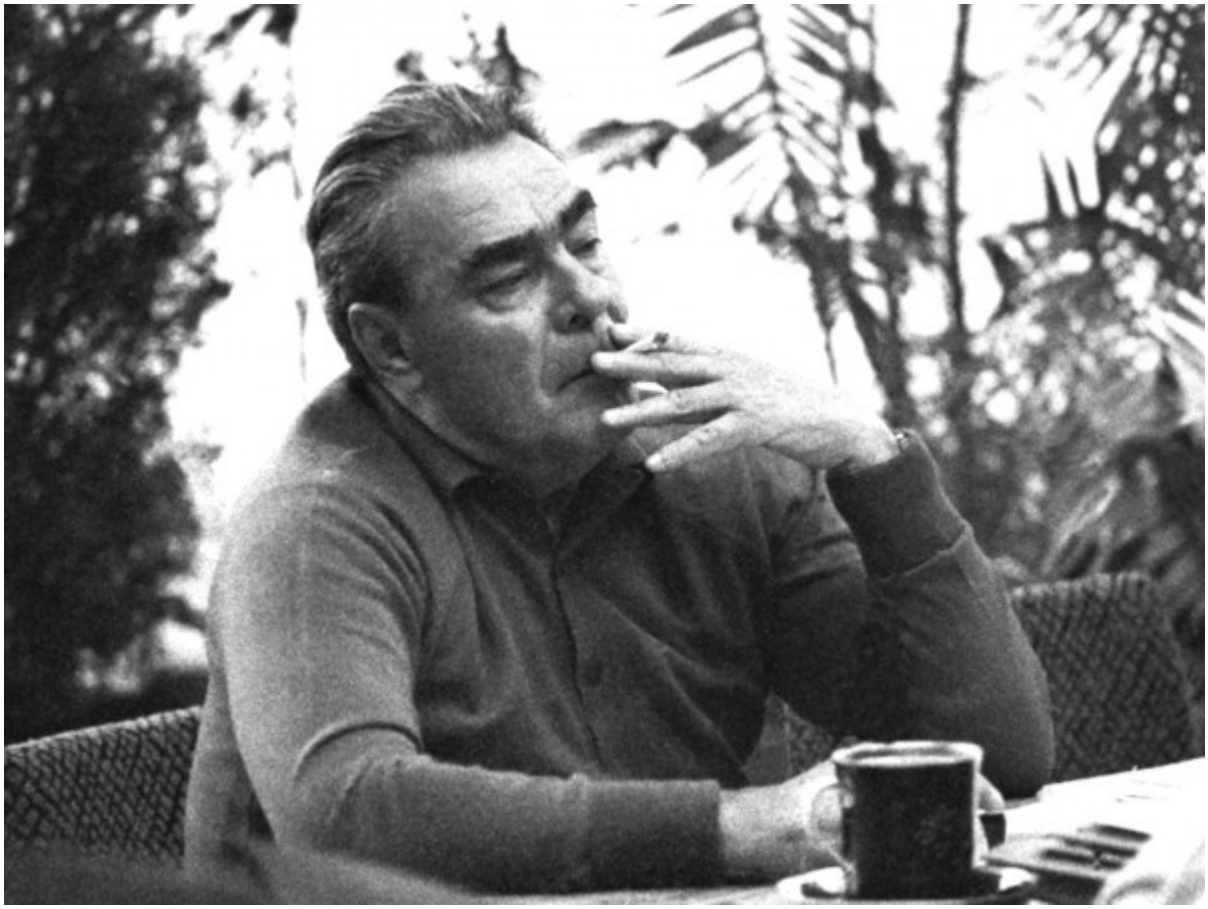
А. Фурсов: Понятно. Тут все зависит от того, что именно будут строить эти стройотряды. Если они будут строить нечто простое – как это было в советское время, когда подобные стройотряды строили объекты, которые не могут развалиться, например, нечто одноэтажное или двухэтажное, коровник какой-нибудь, - это одно дело. А если стройотряды будут использовать на строительстве серьезных крупных зданий – это совсем другое дело. Так не годится: строить сложные здания должны профессиональные строители.

Р.О.: *Члены студенческих стройотрядов будут получать в месяц около 25 тысяч рублей. Как вам такая молодежная антикризисная мера?*

А. Фурсов: Тут дело не в деньгах. Дело в том, что конкретно студенты могут построить. Если они будут получать 25 тысяч за строительство чего-то, похожего на коровник, это одно. А если это сложный спортивный объект, я – повторюсь - сомневаюсь, что неквалифицированный работник способен построить его.

Леонид Брежнев и его эпоха

0:31 | 19.05.2009



Брежневский режим был намного дальше от сталинского, чем хрущёвский.

В 1970-е годы трудно было представить, что когда-то мы будем отмечать (даже в смысле: фиксировать) столетие со дня рождения Брежнева. Интересен ли Брежнев как личность? Конечно, нет. Будучи по-человечески симпатичнее большинства своих предшественников и преемников, он, конечно же, был тем, что именуют «серой личностью». Но он и не мог быть другим, иначе никогда не сделал бы карьеры при том антиестественном отборе, который был характерен для номенклатуры и усиливался по нарастающей, кульминировав в Горбачеве и его команде.

Брежнев тем и интересен, что был ярким представителем и выразителем интересов зрелой, сытой, а потому в целом незлой, не стремящейся лить кровь номенклатуры. Брежнев был воплощением этого типа. Поэтому надо говорить не столько о нем, сколько о модели и эпохе, которую он выражал, а точнее, отражал.

Брежневская эпоха интересна не только сама по себе. Она стала снятием противоречий, накопившихся в советском обществе в 1920—1950-е годы (особенно в 1950-е), и в то же время в ее недрах возникли острейшие противоречия, которые вышли наружу в 1980-е и были разрешены посредством горбачевизма и ельцинизма. Сегодня эти противоречия в их снятом виде уже почти не существуют — эпоха, начавшаяся на рубеже 1960—1970-х у нас и в мире, стремительно подходит к концу.

Согласно одному из мифов, брежневизм — это частичная реставрация сталинизма. В основе данного мифа лежит полное непонимание социосистемной природы номенклатуры. Номенклатура возникла и всю раннюю стадию своего развития просуществовала как слой, не имевший физических, социальных и экономических

гарантий своего существования. С Хрущевым в 1953—56 годах номенклатура решила проблему физических гарантий и начала борьбу за социальные экономические гарантии. На этом пути встал Хрущев. Его устранение в 1964 году стало основой обеспечения экономических и социальных гарантий и открыло «золотой век» номенклатуры как статусной группы.

Брежневский режим был намного дальше от сталинского, чем хрущевский: брежневизм есть устранение из хрущевизма почти всего, что оставалось от сталинизма. Именно брежневская модель, а не хрущевская переходная фаза к ней от сталинской была реальной «оттепелью»: единственное тепло, которое мог выделять коммунизм, — это тепло гниения. Зрелость и начало разложения номенклатуры транслировались на весь социум. Принцип алкаша Феди из гайдаевской «Операции Ы»: «к людям надо мягше, а на вопросы смотреть ширше» — вот девиз брежневской эпохи.

Иногда говорят: при Брежневе начали сажать диссидентов. Но прежде чем сажать, надо, чтобы они появились. Диссидентское движение, невозможное при Хрущеве (уж он-то показал бы «пидарасам» «кузькину мать»), развернулось именно при Брежневе. Да, исторический коммунизм с человеческим лицом — это коммунизм с лицом Брежнева: воровато-глуповатый коммунизм с сильно выраженными олигархическими, ведомственными и обкомовскими чертами. Но «человеческого» реального коммунизма у Истории до сих пор нет.

У обретения номенклатурой социальных и экономических гарантий была еще одна сторона: усиление средневерхнего (ведомства, обкомы) уровня власти, произошедшее в брежневское время. Эта тенденция нарастала после окончания войны. Так, если в 1939 г. секретари ЦК республиканских компартий, крайкомов и обкомов составляли 20%, то в 1952 г. — уже 50%. Брежневизм был триумфом руководителей именно этого — обкомовско-ведомственного — уровня, усилением их позиций. Ясно, что это тормозило превращение СССР в единую народно-хозяйственную систему (на XXIII съезде КПСС — 1966 год! — была выдвинута идея создания территориально-производственных комплексов, которые должны были превратить страну в единый народно-хозяйственный комплекс), и полностью задача эта так и не была решена.

По сути, брежневский период стал временем олигархизации коммунистической власти. С ней произошло то же, что с самодержавием в конце XIX века. Но это — одна сторона. Другая сторона — в том, что «истком» в конце своего развития во многом воспроизвел (по крайней мере, внешне) во властном и экономическом плане генетическую, нэповскую стадию своего развития — олигархическая власть, коррупция, триумвират «комначальник — трестовик — нэпман» (последний — в роли барыги).

Не менее ошибочно противопоставлять «застой» «перестройке»: горбачевская эпоха, несмотря на внешний разрыв с брежневской, логически вытекает из нее, развивает целый ряд тенденций, снимает некоторые важнейшие ее противоречия. Если в брежневскую эпоху в виде партхозкриминальных кланов и роста своеволия ведомств в недрах исторического коммунизма в качестве его элемента и антиэлемента одновременно сформировался слой его могильщиков, то в горбачевскую эпоху этот слой получил возможность выйти из тени, а в ельцинскую — приватизировать исторический коммунизм и отсечь от созданного за советский период «общественного пирога» 90% населения.

Слой «отсекателей» был выпестован в брежневскую эпоху. Но и слой отсекаемых тоже! Формально советское общество стало урбанистическим в брежневский период. Именно он стал временем расцвета советского среднего класса, увеличения его благосостояния, включая гарантированные государством услуги. Пока цены на нефть ползли вверх, оба социальных кластера, порожденные брежневизмом, — «социотриумвиры» (номенклатура — хозяйственники — теневики/криминалитет) и средний класс увеличивали свое благосостояние (разумеется, с разной скоростью и в разных объемах). Однако скрытое противоречие между ними существовало. Это противоречие, пожалуй, было главным из возникших в брежневскую эпоху.

В середине 1980-х, когда по команде американцев саудовцы обрушили цены на нефть, это противоречие резко и стремительно вышло на первый план. В новых условиях уже для сохранения прежнего уровня потребления, привилегий и, тем более, их увеличения номенклатуре не хватало качества статусной группы. Нужно было либо возвращаться к уровню рубежа 1960—1970-х, либо превращаться из статусной группы в класс собственников. Источником этого превращения («первоначального накопления») мог быть только советский средний класс, который «на выходе из коммунизма» предстояло экспроприировать так же, как «на входе» номенклатура экспроприировала крестьянство. Однако в конце XX века на пути такого «мероприятия» стоял СССР как держава с ее ВПК, силовым комплексом и идеологией, короче — система исторического коммунизма в целом.

По сути, если очистить перестройку и события первой половины 1990-х годов от «исторической пыли» и свести их к чистой логике, то это была борьба между частью номенклатуры, связанными с ней хозяйственными сегментами, теневиками/криминалом и иностранным капиталом — с одной стороны, и советским (а затем экс-советским) средним классом — с другой. Так реализовалось противоречие, сформировавшееся в брежневскую эпоху благодаря ее достижениям.

Средний класс потерпел поражение, был уничтожен и превратился в «новую бедноту»: если в 1989 году в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жили 14 млн чел., то в 1996 году — 169 млн. Таким образом, брежневская эпоха сформировала два основных, латентно антагонистических слоя зрелого коммунистического общества (одна из ранних фиксаций-осознаний этого факта — перелом в творчестве братьев Стругацких, произошедший к середине 1960-х), и в ее конце был поставлен ленинский вопрос: «кто — кого?». Горбачевщина первой стала ответом на этот вопрос, а ельцинщина — окончательным его решением.

В брежневский период не только сформировалось базовое противоречие зрелого «исткома», но и были созданы некоторые условия его перспективного разрешения в пользу номенклатуры, получившей мощное дополнительное оружие мирового уровня. Речь идет о нефти. Если в сталинской модели — сначала аграрно-индустриальной, а затем индустриально-аграрной — экономика обуславливалась ВПК, то в брежневской модели, наряду с ВПК, все большую, нарастающую роль играл сырьевой сектор — нефть и газ. Доля топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в экспорте постоянно увеличивалась: с 1960-го по 1985-й год она выросла с 16,2 до 54,4%, а доля сложной техники упала с 20,7 до 12,5% (в 1980 г. советский ТЭК давал 10% мировой добычи нефти и газа).

Именно по сырьевой линии СССР экономически интегрировался в мировую систему, что привело к оформлению в брежневский период еще одного серьезного противоречия, взорвавшегося во второй половине 1980-х. Как часть этой мировой (капиталистической) экономики, в которую СССР начал активно интегрироваться с середины 1950-х гг., он мог выступать главным образом как сырьевой придаток этой системы. В результате возникало острейшее противоречие между антисистемными и системными характеристиками положения СССР (и его господствующих групп) в мировой системе. Разрешиться оно могло либо по линии окончательного создания альтернативной капитализму высокотехничной цивилизации (объективно это требовало отстранения от власти значительной части номенклатуры и выхода на первый план наиболее активной части среднего класса), либо по линии превращения СССР в сырьевую полупериферию, а затем и периферию капсистемы с неизбежным демонтажем «исткома» и СССР под руководством сырьевой и региональной номенклатуры в союзе с иностранным капиталом. В брежневской модели это противоречие не достигло остроты, но сформировалось оно именно в этой модели, кратко и среднесрочные достижения которой стали причиной крушения системы в долгосрочной перспективе.

Андрей Ильич Фурсов — историк. Он организовал Институт русской истории Российского государственного гуманитарного университета, возглавлял «Русский исторический журнал». Директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заместитель главного редактора журнала «Востоковедение и африканистика (зарубежная литература)», заведующий кафедрой общественных наук Высшей школы (факультета) телевидения МГУ. Член Русского интеллектуального клуба, экспертного совета «Политического журнала». По результатам интернет-голосования научного сообщества включался в списки 100 ведущих социально-гуманитарных мыслителей России. В Новосибирске выступал с докладом и вел дискуссию на форуме «Форос — Сибирь-2009». С разрешения автора «ВН» публиковал в изложении тексты его выступлений.

http://vn.ru/index.php?id=97569

А.Фурсов: «В 70-е в советском руководстве сформировалась группа «изменщиков»

По словам известного российского историка, эта группа была ориентирована на Запад и поставила себе задачу изменить строй в стране

Насколько верны рассуждения о том, что СССР распался потому, что социалистический эксперимент закончился провалом и народ отверг систему? На первый поверхностный взгляд может показаться, что это, в общем, верно. Ведь на излете перестройки были и протестные митинги, и забастовки, и пресловутые пустые прилавки. Однако, во-первых, не следует забывать, что перестройка по своей сути была антисоветским явлением. Во-вторых, нынешний опыт всевозможных «оранжевых» и прочих «революций» показывает, что для смены власти в стране одного лишь общественного недовольства недостаточно: решающее значение в данной ситуации имеют гораздо более серьезные факторы – как внутренние, так и внешние. Между тем, распад СССР знаменовал собой смену не только власти, но и самого строя, а это куда более фундаментальная трансформация. Понятно (тем более, с учетом неопровержимых фактов и свидетельств), что решающее слово здесь было не за народными массами, а за так называемой элитой. Хотя, разумеется, это не отменяет действие и других факторов, о которых говорят эксперты. Например, было бы странно отрицать заинтересованность Запада в устранении такого мощного геополитического конкурента, как СССР.

Горбачев на Съезде народных депутатов СССР, 1989 год © РИА Новости, Сергей Гунеев

Но если рассуждать о внутренних проблемах страны, то одной из наиболее уязвимых точек здесь представляется противоречие между властью и собственностью. Люди, управлявшие СССР, обладали практически абсолютной властью, распоряжались ресурсами огромной страны, но персонально этими богатствами как бы не владели. В этой связи стремление превратиться из менеджеров в собственников – это вполне понятный и логичный мотив для элиты работать не на укрепление, а на «реформирование» системы.

Почему перестройка и последующая приватизация госсобственности не начались в том или ином виде, допустим, в 30-е годы? Причин много, но можно выделить одну: тотальная мобилизация и индустриализация были жизненной необходимостью для страны и ее руководства. Потенциальные противники социализма в тогдашнем советском

истеблишменте, если таковые и были, не могли не понимать, что лишь независимость и безопасность страны являются залогом их существования. Поэтому надо не делить собственность, а укреплять страну. В противном случае советских управленцев разных уровней физически уничтожат, а собственность государства перейдет под контроль оккупантов (так оно и было бы в случае победы гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне). Так что в ту эпоху противоречие между властью и собственностью не могло завершиться для социализма поражением.

Первый день выдачи ваучеров в отделении Сбербанка, 1992 год © РИА Новости, Виталий Арутюнов

Обратимся к середине 60-х годов. Послевоенное восстановление хозяйства уже завершилось, а накопленный в СССР ядерный потенциал значительно повысил безопасность страны. Сталинизм как символ мобилизации остался в прошлом, элита получила возможность, условно говоря, расслабиться. Если в 30-40-е годы почти все ресурсы страны шли на обеспечение обороноспособности, то теперь появилась возможность повысить уровень комфорта жизни населения. Понятно, что в этой ситуации росло и влияние тех, кто эти ресурсы распределял: это не только высший истеблишмент, но и часть работников торговли и сферы услуг. В тех областях экономики, где объективно затруднен контроль, например, в сельском хозяйстве, возникали неучтенные товары или продукты, которые потом реализовывались через государственные торговые сети и колхозные рынки. То есть шло развитие теневой экономики.

Нетрудно догадаться, что теневик заинтересован в покровительстве властей. Значит, он будет искать способы, в том числе подкупать партноменклатуру, для начала хотя бы на низовом уровне. Кроме того, в самом обществе на фоне так называемой «оттепели» и кампании по «развенчанию культа личности» назревал идейный кризис.

Танковый завод, 1942 год (megabook.ru)

Если предположить, что в советском истеблишменте появились влиятельные люди, намеревавшиеся изменить курс страны, то каковы должны были быть их действия в данной ситуации? Такие люди могли быть заинтересованы в искусственном нагнетании общественного недовольства, чтобы потом использовать его в своих целях. Это отчасти объясняет то обстоятельство, почему многие годы не решались различные бытовые проблемы населения, почему советская пропаганда становилась все нелепее, почему, наконец, борьба с диссидентами выглядела весьма странно (всемогущий КГБ ну никак «не мог» справиться с горсткой антисоветчиков, которые действовали практически открыто).

К этому надо добавить, что у республиканских партийных элит был мотив выйти из-под контроля Москвы, поскольку это, во-первых, повышало их социальный статус, а, во-вторых, делало их полновластными хозяевами местной госсобственности.

К середине 80-х годов процесс подготовки масштабных реформ завершился, и началось то, что называют перестройкой, когда сворачивание социализма пошло ударными темпами. Данная версия находит подтверждение у многих экспертов, заявляющих, что аккурат к середине 80-х годов концепция передела собственности в СССР была готова.

Андрей Фурсов в гостях у KM.RU

Вот как в интервью KM.RU комментирует эту версию известный российский историк, социолог, публицист, директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук Андрей Фурсов:

- Является ли данная схема, объясняющая причины распада СССР, конспирологической теорией? Прежде чем ответить на этот вопрос, предлагаю посмотреть на другие объяснительные модели. Например, говорят, что Советский Союз не выдержал гонки вооружений. Также утверждают, что СССР оказался в 80-е экономически несостоятельным. Это абсолютная ложь.

Между тем, вышеупомянутая схема имеет отношение к классической политэкономии, здесь нет никакой конспирологии. Но только не надо думать, что собрались два-три советских деятеля и все разрушили. Люди, которые занимают высшие посты в системах типа советской, конечно, могут сделать многое, но далеко не всё. Однако если задействовать несколько тысяч человек, входящих в элиту, то тогда этого было бы достаточно для разрушения СССР. Так вот, когда номенклатура была избавлена от «чисток», началось сращивание партийной и хозяйственной номенклатур. Процесс нарастал в 50-е и 60-е годы, а в 70-е годы он увенчался «успехом». Причем хозяйственная номенклатура в значительной степени срослась с теневой экономикой, в результате появились кланы, у которых было достаточно средств, но они не могли их реализовать без изменения политической ситуации.

Вторая линия изменения советской номенклатуры была связана с интеграцией некоторых ее сегментов в мировой рынок по линии торговли сырьем. Отчасти вырученная валюта тратилась элитой на свое потребление, да и в плане потребностей номенклатура была ориентирована на Запад. Таким образом, активизировался процесс оформления социальной группы, которой стало тесно в рамках советского общества. И вот уже в середине 70-х годов в советском руководстве сформировалась группа, которая поставила себе задачу изменить социально-экономический строй страны. Все эти события не носят никакого конспирологического характера. Конечно, игры за кулисами были, но вообще власть в мире и не действует на сцене.

Андрей Фурсов: "Группировка, которая должна была «свалить» Советский Союз, сформировалась еще в середине 70-х годов"

Своим мнением по данному вопросу с корреспондентом "Руси" поделился российский историк, социолог и публицист Андрей Фурсов:

– Согласно расхожему штампу, который активно распространялся победившими «демократами», им противостояли «реакционные силы», которые попытались «встать на пути прогресса» Отечества, стремившегося к свободе и открытости внешнему миру. Однако прогрессивные силы их остановили. С тех пор прошло два десятилетия, и мы видим, какую «демократию» нам принесли силы, боровшиеся с путчистами. А также на кого они, в конечном счете, сработали. Хотя, честно говоря, люди, которые организовали ГКЧП, особых симпатий также не вызывают. Потому что если они собирались предпринять серьезные меры, чтобы спасти страну, то это нужно было делать. Но этого не произошло. Это была весьма странная попытка переворота. Точнее говоря, имитация попытки. Вообще получить прямые свидетельства о том, что же на самом деле произошло в период с 19 по 21 августа 1991 года, достаточно сложно.

Если описывать эту ситуацию, то скорее нужно ориентироваться на косвенные свидетельства и умозаключения дедуктивного порядка, которые для меня значат не меньше, чем прямые свидетельства. Не стоит думать, что когда-либо появится источник, в котором будут подробно расписаны планы людей, которые творили в те дни историю. Я реконструирую ситуацию следующим образом. Как известно, в октябре 1991 года должен был состояться пленум ЦК КПСС, на котором Горбачева должны были отлучить от должности. За этим, скорее всего, последовал бы арест. Я даже знаю людей, которые готовили юридические документы по этому поводу.

В этом контексте то, что произошло в августе, на мой взгляд, это удачная попытка сыграть на опережение со стороны тех сил, которые решили избежать «октябрьского переворота» № 2.

ГКЧП — это была тонко задуманная операция, которую вместе с заинтересованными силами из-за рубежа осуществила определенная часть советской номенклатуры. Их задачу можно определить так, если воспользоваться пушкинской строкой: «чтобы выманить из леса осторожного черкеса». То есть заставить действовать противников курса Горбачева, который вел к развалу страны и сдаче ее позиций на международной арене (это было ясно уже с конца 1989 года). Причем действовать так, чтобы скомпрометировать любые попытки сохранить Советский Союз. И надо сказать, что эта операция удалась. **Один из «невеликолепной семерки» гэкачепистов действовал вместе с ельцинской командой и Западом. Это догадка, поэтому я не буду называть имени этого человека.**

То, что я знаю, позволяет сделать предположение о наличии двух западных планов в отношении судьбы Советского Союза. Хотя, повторюсь, и в самом СССР был огромный слой номенклатуры, которая была заинтересована в превращении в собственников. Этот слой начал формироваться еще в течение 1970-х годов, после реформы Либермана-Косыгина, особенно после того, как в страну пришли огромные деньги после мирового энергетического кризиса 1973-1974 годов. Когда

в СССР стали поступать «неоприходованные» нефтедоллары, кто-то из номенклатуры, распоряжавшейся этими деньгами, вложил их частично в отечественный теневой бизнес, частично в западную экономику, в итоге оказавшись «повязанными» с Западом. Вложения осуществлялись через различные подставные фирмы, через фирмы друзей (среди которых почему-то было очень много греков). Это была отработанная схема, которая способствовала инкорпорации советской элиты в западный проект. В результате наша элита оказалась перед выбором: либо просто быть управленцами и, таясь, тратить свои деньги, либо превращаться в собственников. Но для этого нужно было демонтировать Советский Союз.

Группировка, которая должна была «свалить» Советский Союз, сформировалась еще в середине 1970-х годов. Десять лет ушло на то, чтобы ее представителям прийти к власти. Еще пять лет — на то, чтобы структурный кризис в СССР превратить в системный. А затем нужно было устранить угрозу отказа от курса на развал страны. У меня создается впечатление, что было два плана решения «советской проблемы». Условно я называю их «план Рокфеллеров» и «план Ротшильдов». Точнее, тех сил, которые ориентируются на них. План Ротшильдов был очень изящным и очень опасным для СССР. По нему Советский Союз сохранялся, включая политическую «скорлупу» во главе с Горбачевым. Только в этой скорлупе проделывалось множество «дырочек», так чтобы через «трубочки» из СССР высасывались все соки.

В результате через 20-25 лет он скукожился бы, превратившись в пустой геополитический «сморчок». И только тогда он бы демонтировался. Те силы, которые связаны с Рокфеллерами (их глашатаем является Бжезинский), исходили из того, что Советский Союз нужно просто ломать. Изначально реализовывался «план Ротшильдов», но потом произошла непредвиденная вещь: Горбачев находился «между двух огней». Ему хотелось усидеть на своем кресле и надувать щеки, по плану Ротшильда.

С другой стороны, он каким-то образом был завязан на Германию. Обратите внимание: несмотря на то, что американцы, англичане и французы со страшной силой давили на него, чтобы он не занимался объединением Германии, он тем не менее сделал это. Этого англосаксонская элита ему не простила. И сделала окончательную ставку на Ельцина. А это уже совсем другая игра. В результате на смену плану Ротшильдов пришел план Рокфеллеров. Это не значит, что некая внешняя сила взяла и легко разрушила СССР. Если бы в самом Советском Союзе не было той части номенклатуры, которая экономически интегрировалась в западную систему и которая была элементом западной корпоратократии, ничего бы не вышло. В общем, налицо «нерушимый» блок заинтересованных лиц — советских и западных. В такой ситуации стал побеждать план Рокфеллеров, который был ориентирован на слом Советского Союза. А для этого нужно было ускорить процесс, а заодно избавиться от Горбачева, приведя к власти Ельцина.

Путч 19 августа 1991 года был ключевым эпизодом в реализации этой стратегии. По принципу «два шара в лузу». То есть убирается Горбачев и одновременно на первый план выводится Ельцин и рушится СССР. А заодно Рокфеллеры спутали карты своим «заклятым друзьям» Ротшильдам. Напомню: в июне 1991 года премьер-министр Павлов вдруг потребовал для себя серьезных дополнительных полномочий и обвинил западных банкиров в заговоре против СССР. Это и было обвинение в адрес разработчиков «ротшильдовской версии». Это та «косточка»,

по которой «историки-палеонтологи» могут восстановить весь скелет «динозавра».

Безусловно, при том, что Горбачев в целом человек малокомпетентный, он о многом знал или, по крайней мере, догадывался. Единственное, чего он не ожидал, так это того, что Запад спишет его посредством путча. 19 августа — это классическая ситуация «заговора внутри заговора внутри заговора». Это можно сравнить с тем, как устраняли царя в 1917 году. Тогда тоже был тройной заговор. Потому что те люди, которые ломали монархию в России, прекрасно понимали, что без военных они не смогут этого сделать. А генералы, в свою очередь, никогда бы не согласились на введение республики. Поэтому генералов использовали вслепую. Они заставили Николая отречься от престола. А дальше им популярно объяснили, что никакой монархии не будет, а будущий строй определит Учредительное собрание. В том, что Горбачев знал о готовящейся провокации с ГКЧП, у меня лично нет никаких сомнений. То, что действия американцев, Горбачева и Ельцина координировались — тоже. Но до конца карты не раскрывались. События 19-21 августа были провокацией, которая означала точку невозврата.

Потому что те силы, которые сопротивлялись процессу разрушения СССР, делали это крайне неумело. Та часть, которая пыталась сохранить страну, была неадекватна своему времени. Эти люди не могли тягаться с теми планировщиками, которые задумали развал СССР. Грубо говоря, это как дворовая команда, которая вышла играть против профессионалов. Гэкачепистская номенклатура слишком поздно обратилась к населению. Она привыкла обделывать свои делишки келейно. **Среди них был один достойный человек. Это Борис Карлович Пуго, но именно его и убили.**

Создание комиссии положит конец оплевыванию советского прошлого

Дмитрий Медведев подписал указ «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Создание комиссии, о которой идет речь, свидетельствует о том, что наша власть, наконец, озаботилась тем «накатом», которому подверглась наша страна, и той пропагандой, той идеологической обработкой, которую ведут определенные силы на Западе и их «пятая колонна» в России. Речь идет об очернении нашего прошлого, прежде всего, советского и конкретно победы в Великой Отечественной войне. Те, кто хотят поставить под сомнение нашу победу в Великой Отечественной, преследуют две цели: Победа напоминает о великодержавном статусе России и Победа сплачивает людей на территории России и СНГ. Получается, что удар по Победе в Великой Отечественной – это два шара в одну лузу: внешнеполитическая акция наших противников и информационно-психологическая акция.

Очень хорошо, что власть поняла, что это серьезная проблема. Но здесь есть некоторое противоречие. Правительство и центральные СМИ дают «зеленый свет» не самому лучшему отношению к советскому прошлому. Недруги России у нас в стране и за рубежом всегда могут сказать: «Посмотрите, что у вас показывают по телевизору». И разницы между тем, что говорим мы и тем, что показывают по центральным каналам, нет. Мне кажется, это начало серьезного поворота власти в государственно-патриотическую сторону, к окончанию оплевывания советского прошлого. Позволяя оплевывать советское прошлое, мы оплевываем российскую историю.

Что касается работы самой комиссии. Я не знаю ее состав, а важно, чтобы состав был адекватен. Важно, чтобы в ней не было представителей «пятой колонны» и врагов России. Думаю в составе комиссии должны быть патриотически настроенные люди, а не те, кто оплевывает советскую историю в псевдоисторических телепередачах.

Р.О.: Ответственным секретарем комиссии назначен Иван Демидов...

Иван Демидов – человек, заинтересованный в поддержке патриотических, национальных сил. Это, безусловно, патриот нашей страны.

Новое образование для новой реальности или новое оружие сильных против слабых?

Юлия Бстрая. "Здание международного университета"

Никита Бринев. "Лёха - выпускник колумбийского университета"

25/05/2009

За «конкуренто- способностью» «Болонского процесса» скрывается жёсткое социальное ограничение в доступе к качественному образованию. Он по сути блокирует получение качественного образования выходцами из рабочего класса и нижней половины среднего класса и создаёт непроходимую пропасть между несколькими десятками элитарных университетов для богатых и тысячами университетов для бедных, обречённых на бытие серых студентов и серых преподавателей.

I

Последние 10 лет идёт активное реформирование европейского образования под названием «Болонский процесс» (далее - БП). Его сторонники говорят о необходимости создания нового образования для новой реальности? Однако не идёт ли речь на самом деле о подрыве образования в интересах ведомственных, групповых, классовых, формирующих эту реальность в ущерб интересам широких слоёв, лишая представителей этих слоёв по сути права на качественное образование? И нет ли злой иронии истории в самом названии: история европейского университета началась в 1088 г. в Болонье и там она рискует закончиться, ибо «Болонская декларация европейских министров образования» грозит уничтожить университет как феномен и институт европейской цивилизации? Многие утвердительно отвечают на этот вопрос. Но, быть может, они сгущают краски и правы те, кто говорит о необходимости нового образования для новой - объединённой - Европы, для новой реальности? Новая реальность действительно требует нового образования (и, кстати, новой науки). Вопрос в том, годится ли болонская система в качестве новой модели образования? Что стоит за пафосной риторикой «болонцев»?

Каковы реальность, результаты и наиболее вероятные последствия БП? В чьих интересах идёт этот процесс - cui bono?

Главное место в «лозунговой магии» БП занимает целый сонм пафосных целей (они же - ценности БП): «модернизация и оптимизация образования как эффективный ответ на вызовы Современности», «мобильность и гибкость образовательной системы», «дух инноваций и динамизма», «экспертиза качества», «компетенции», «приближение университета к реальной жизни», «конкурентоспособность», «рентабельность», «рынок (диверсификация) образовательных услуг» и т.п.

Что реально скрывается за всем этим чиновно-рыночным треском, как всё это реализуется на практике, с какими результатами для образования и общества и в чьих интересах?

Обратим внимание на «целеценность», приведённую последней - «рынок образовательных услуг». Вот это и есть главное для БП и в нём - превращение образования в рынок со всеми вытекающими последствиями. Фундаментом БП является тот факт, что европейские политики и чиновники добились включения высшего образования в список GATS (General Agreement on Trade in Services - Генеральное соглашение по торговле услугами) в рамках ВТО. Знание теперь товар, а обучение - всего лишь услуга, а потому подчиняются логике и законам рынка. Вот это и есть «модернизация», «оптимизация» и «инновация» с динамизмом в придачу, к тому же осуществлённые чиновниками безо всяких консультаций с профессионалами и общественностью. Справедливости ради надо отметить, что академическая среда проморгала это решение, не отреагировала на него, что, помимо прочего, говорит и о качестве этой среды.

Основные императивы рыночного хозяйства суть рентабельность, конкурентоспособность, самофинансируемость, стремление к снижению издержек, ориентация на краткосрочный результат. Всё это мы видим в БП. Несколько примеров. «Приближение университета к реальной жизни» - акцент на практические знания; при этом место «знаний» занимают «компетенции»: ускоренная, за четыре года подготовка узких специалистов-практиков, умеющих отвечать на вопрос «как», но не на вопрос «почему», а потому полностью зависимых как от рынка, так и от власти и, следовательно, представляющих собой великолепный объект для рекламной и политической манипуляции.

Сторонники БП в восторге - университет стал ближе к жизни. В реальности такое образование меняет суть университета, делает ненужным приобретение студентом навыков самостоятельного научного (рационального) мышления, трансформирует университет в нечто вроде профтехучилища; в таких «университетах» нормой становится серость, если не убогость как студентов, так и преподавателей - первые делают вид, что учатся, вторые - что учат.

«Рентабилизируют» не только студентов («бакалаврский большой скачок»), но и преподавателей: их стараются переводить на временные контракты, исследовательские фонды и расходы на социальные программы сокращаются - борьба за конкурентные преимущества. Именно против такого курса борются преподаватели Франции: 2 февраля 2009 г. французские университеты начали бессрочную забастовку; её главное требование - отзыв нового закона о статусе преподавателя. По этому закону преподавание в университете из служения обществу превращается в контракт на оказание услуг, а преподаватель из госслужащего становится временным наёмным работником, как это и следует из логики БП.

«Экспертиза качества» - это словно в насмешку. БП по своей сути вообще не направлен на повышение качества обучения; его цели - оказание высокорентабельных услуг по образцу англоамериканской высшей школы. А поскольку по-настоящему высококачественное образование по исследовательским специальностям - чем университет и отличается от колледжей - нерентабельно. В связи с этим рядом с преподаванием нормальных дисциплин в университетах множится преподавание не дисциплин, а специальностей, не имеющих отношение к университетскому образованию, но востребованных в данный момент на рынке - информатика, страховое дело, маркетинг, гостиничный бизнес, туризм, менеджмент и т.п. Именно они - рентабельность - становятся де-факто главными, а университетские дисциплины становятся чем-то вроде музейных экспонатов, геттоизируются и обрекаются на вымирание. Рядом с университетами, в тесной связи с ними или просто как их часть растут как поганки после дождя различные структуры, в названии которых присутствует слово «практический» (центр/институт, колледж практической - социологии, политологии и т.п.), различные школы (бизнеса, менеджмента и т.п.), где учат специальностям-однодневкам - бал правит конъюнктура рынка, но не учат главному - учиться и самостоятельно думать.

БП ведёт и к деградации преподавателей - они должны предлагать тот товар, который в ходу, паковать его в «модули» и преподавать в виде кредитов (т.е. не очень строго, иначе на данный курс не запишутся). Главным становится бизнес-план студента по получению образовательных услуг, о знании и тем более культуре речь не идёт - без надобности. А потому прежний пятилетний курс можно прогнать за четыре года, убрав лишнее - для этого (прав М. Маяцкий) и вводили бакалавриат, означающий не что иное как «макдоналдизацию образования», «образовательный фастфуд». Критик БП К. Лисманн в работе «Теория необразованности» (Theorie de Unbildung; Wien: Paul Zsolnay, 2006) саркастически заметил, что «сближение с реальной жизнью» «бакалавриата болонезе» привело к такой «унификации» университетских программ, что и мобильность не нужна - везде одно и то же. Так БП подрывает сам себя.

II

Целый блок реформы развивается под знаменем «мобильности». Под мобильностью понимается возможность студентов (и в меньшей степени преподавателей) свободно перемещаться по Европе (как это было в Средние века) в поисках интересующих их университетов, курсов, преподавателей и т.д. В основе такой возможности лежит квантификация результатов образовательного процесса: баллы всех учебных заведений - участников БП приравниваются друг к другу, превращаются в «кредит». Этот квантификат есть нечто вроде единой европейской «валюты» в сфере образования; главное - это набрать определённую сумму кредитов. Отметим сразу: речь идёт о количестве, а не о качестве. Кто-то может сказать: оно подразумевается. У меня вопросы: как? Почему разъезды студентов по различным университетам должны повысить качество знания? Где доказательства? Просто соображения? Но есть контрсоображение: обучение на чужом языке, безусловно, затрудняет образование. Где гарантия, что кредиты, набранные в глубинке, соответствуют по качеству кредитам МГУ, Тюбингена, Сорбонны, Оксфорда? Это как с нашим убогим ЕГЭ - результаты (и что не менее важно - условия) сдачи ЕГЭ в глухой провинции приравниваются к таковым лучших школ Москвы и Петербурга)? И это называется «унификация», «модернизация», оптимизация и «конкурентоспособность».

Далее, поскольку главное - набрать кредиты, то, как показывает практика, студенты записываются либо на более лёгкие и простые курсы, либо на курсы тех преподавателей, у которых легко набрать кредиты. Откуда же качество? Ясно также, что строгие преподаватели и сложные курсы, т.е. туда, где качество выше, широкой популярностью пользоваться не будут.

Ну и уж совсем удручающая для «болонцев» картина возникает при столкновении с реальностью. С момента старта БП в 1999 г. по 2007 г. общее число европейских студентов, уехавших по стипендиям в университеты других стран выросло со 111 тыс. чел. до 160 тыс. чел. в год (на 45%). А. Бикбов со ссылкой на Интернет-сайты пишет, что из-за трудностей адаптации и скромного экономического обеспечения (стипендия 150-200 евро), во-первых, во Франции только 0,5% (в Европе эта цифра - 4%) всех студентов едут за знаниями в другие страны Европы; во-вторых, студенты редко остаются в «точке прибытия» на целый семестр и их поход за знаниями превращается в «затяжные каникулы»[1].

Не случайно, как отмечает Ф. Келлер, список наиболее популярных среди студентов стран совпадает со списком преференций туристов[2], таким образом мобильность оборачивается не более чем (около)интеллектуальным туризмом. Ну а уж мобильность преподавателей - это просто фантом. В лучшем случае можно говорить о попытке перемещения единиц из бедных стран в богатые и непрестижных и бедных университетов в престижные и богатые. Трудно представить противоположное, равно как и успех самой попытки. Но, допустим, попытка увенчалась успехом. Результат в таком случае - ещё большее усиление разрыва между грандами, элитариями и массовкой, которая обречена терять лучшие кадры и становиться ещё менее конкурентоспособной. В результате второстепенные университеты, число которых в условиях «высокой рентабельности» и «самоокупаемости» (невысокая плата за обучение, низкий уровень оплаты труда преподавателей, низкое качество образования) будет расти, будут выполнять, как заметил Ф. Нейра, функцию последних классов средней школы[3] (в РФ - роль ПТУ), в которых лишённое возможностей «иммобильное большинство» за деньги получит диплом бакалавра весьма сомнительного качества, на чём его образование и закончится.

По сути дела за «конкурентоспособностью» БП скрывается жёсткое социальное (классовое) ограничение в доступе к качественному образованию. БП резко затрудняет, а по сути блокирует получение качественного образования выходцами из рабочего класса и нижней половины среднего класса. Он создаёт непроходимую пропасть между несколькими десятками элитарных университетов для богатых и тысячами университетов для бедных, обречённых на бытие серых студентов и серых преподавателей. Иными словами, мы получаем классовую сегрегацию, если не классовый апартеид в образовании. Т.е. в сфере образования с некоторым запозданием воспроизводятся те же процессы, которые полным ходом идут в экономической и социальной сферах «прекрасного нового мира» неолиберальной глобализации.

И здесь самое место поговорить о классовом содержании БП, о том, кому он выгоден.

---

[1] Бикбов А. Рассекреченный план Болонской реформы // Пушкин. - М., 2009, № 2. - С. 27.
[2] Le cauchemar de Humboldt. Les reformes de l'enseignement supérieur européen. - P.: Raisons d'agir, 2008. - P. 60.
[3] Les ravages de la "modernization" universitaire en Europe. - P.: Syllepse, 2007. - P. 159-160.

05/06/2009

Изменения социальной реальности, идеологические изменения и т.п. требуют создания новых дисциплин (мир-системный анализ, оксидентализм, россиеведение и т.д.) как направления фундаментальных исследований в университете. Однако учитывая нетрадиционную академическую ориентацию «болонского университета» и приоритет, отдаваемый им высокорентабельным «образовательным услугам», ни о каком серьёзном развитии фундаментальной науки речи быть не может.

III

Если говорить о самих университетах, то БП более всего выгоден университетской бюрократии, содержательно не связанной ни с образованием, ни с наукой, и среднему преподавателю. Во-первых, БП ведёт к численному росту университетской бюрократии. К ораве прежних, и так обсевших университеты чиновников добавляются эксперты по баллам (т.е. по уравниванию кредитов из глубинки с таковыми из центральных вузов — т.е. те, кто реализует «European Credit Transfer and Accumulation System»); советники и консультанты по различным проблемам, возникающим из несуразностей «болонской системы» — и чем больше несуразностей, тем больше потребность в консультантах-толкователях, недаром в ректоратах и деканатах появились консультанты по БП; эксперты по непрерывному (и дистанционному — куда же без него) образованию; ответственные за программу «Эразм» (т.е. за размещение и организацию обучения и жизни приезжих студентов), наконец, эксперты по аттестации преподавателей на предмет их соответствия БП. Иными словами, БП — это новая зона роста для чиновничества, именно поэтому оно так и поддерживает его. Но дело не только в количестве — в качестве.

Во-вторых, БП резко усиливает власть университетской бюрократии (т.е. функциональных аспектов образования) над профессорско-преподавательским составом (т.е. над содержательным аспектом). Усиление власти чиновников в университетах реализуется как курс на уменьшение власти учёных советов и коллективов преподавателей административным структурам университетов, президентам и их структурам; «сделочную позицию» преподавателей подрывают к тому же путём их перевода на временные контракты. Наиболее активно работает в этом направлении с 2007 года правительство Саркози во Франции.

БП предполагает постоянные переаттестации преподавателей — так якобы повышается профессиональный уровень. Нельзя не согласиться с М. Маяцким, который пишет по этому поводу: «Атмосфера контроля может быть по вкусу только корифеям от бюрократии, ...она лишь бестолково раздует никому не нужные и никем не читаемые липовые отчёты»[1]. Таким образом, деятельность глобалитарных творцов БП протекает в полном соответствии с законами Паркинсона.

В-третьих, именно маготворческий, ориентированный на формальное преподавание и бюрократические отчёты преподаватель, работающий только по спущенной сверху тупой схеме, оказывается на коне.

Требования БП становятся удавкой, которую администрация накидывает на шею профессуре: её требования резко ограничивают свободу действий преподавателя, его способности сопротивляться имманентному для БП снижению уровня образования.

Кроме того, если нормальный преподаватель руководствуется соображениями образования, «идеализмом дела» (В.Ю. Царёв), то администрация руководствуется прежде

всего рыночными императивами (прибыль, деньги), которые постепенно вытесняют всё остальные. Если учесть, что БП ориентирует университетскую бюрократию на наднациональный, транснациональный уровень, то понятно, что эта бюрократия, во-первых, обретает транснациональный («болонский») характер; во-вторых, превращается в «образовательный» сегмент транснациональной корпоратократии, главная цель которой — превратить планету Земля в глобальный унифицированный рынок товаров и услуг, лишённый какой бы то ни было национальной и/или локальной специфики, а поскольку эта последняя тесно связана с содержанием, то устраняется и содержание, оно подменяется формой, функцией, его качество падает и ограничивается очень небольшим процентом населения, становится его монопольным владением подобно земле у феодалов или капиталу у капиталистов.

IV

Один из характерных для БП путей вымывания содержания — курс на междисциплинарность как чуть ли не главное направление. Цель вроде бы бесспорная — конвенциональная наука в своё время воздвигла непроходимые высоченные стены между ставшими классикой дисциплинами. Одно из направлений БП — устранение этих стен в образовательном процессе, акцент на междисциплинарность. А вот здесь таится опасность: разумеется, стены не должны быть ни слишком высокими — нужен взгляд с высоты, ни непроходимыми — нужен сравнительный анализ, однако стены должны быть; их устранение упраздняет дисциплину, делает ненужным междисциплинарный анализ, а само образовательное (и научное) поле превращает в кашу.

Поскольку в условиях «болонской» самоокупаемости университеты вынуждены выбирать, они часто отдают предпочтение междисциплинарным курсам («инновация»!), избавляясь от традиционных дисциплин или в лучшем случае превращая их в «некредитоспособный факультатив» (нередко это делают под знаменем «борьбы против узкой специализации»). «Это может выглядеть достижением, — пишет А. Бикбов, — если не обращать внимание на **содержательные параметры** *(выделено мной. — А.Ф.)* процесса. Анализируя динамику таких элементарных, казалось бы, показателей, как число преподавателей и студентов на разных учебных специальностях, а также специальности президентов французских университетов, Шарль Сулье обнаружил, что за фасадом модернизации университетского образования происходит разрушение его научного ядра. За годы реформ по мере роста общего числа студентов исследовательские специальности становятся пустеющими нишами, которые — в условиях всё той же самоокупаемости — «междисциплинарная» университетская администрация готова ликвидировать как нерентабельные»[2] — по сути речь идёт об уничтожении университетского образования в точном смысле этого слова.

Помимо отмеченного А. Бикбовым образовательного аспекта наступления междисциплинарности, есть и собственно научный, который усиливается тем, что именно в университеты смещается центр научной деятельности в Европе.

Суть в том, что у междисциплинарного подхода есть два ограничения, которые чётко очерчивают поле его применимости и за пределами которых он не только не эффективен, но порой контпродуктивен. Во-первых, в любых междисциплинарных исследованиях всегда одна дисциплина, её подходы и методы являются ведущими, т.е. мы всё равно имеем дело с дисциплинами, ограничивающими междисциплинарность. Во-вторых, междисциплинарные исследования того или иного объекта конституируют не некую целостность (таковой может быть только новая дисциплина), а сумму. Как известно, из тысячи джонок не сделать одного броненосца. Междисциплинарные методы хороши для

описания, для сравнения, для анализа отдельных элементов или даже их совокупностей, но они не годятся для решения задач целостного анализа, для анализа системы в целом, т.е. у междисциплинарности ограниченное поле применения и к тому же работает она только в системе традиционных дисциплин. Междисциплинарность без дисциплин — это «хлопок одной ладонью».

В-третьих, изменения социальной реальности, ослабление одних сфер (гражданское общество, политика) и слоёв (средний слой), возникновение других, идеологические изменения и т.п. требуют создания новых дисциплин (мир-системный анализ, оксидентализм, россиеведение и т.д.) как направления фундаментальных исследований в университете. Однако учитывая нетрадиционную академическую ориентацию «болонского университета» и приоритет, отдаваемый им высокорентабельным «образовательным услугам», ни о каком серьёзном развитии фундаментальной науки, в частности, разработке новых дисциплин речи быть не может. «Болонский университет» не только выступает терминатором университета, но и блокирует фундаментальные исследования, т.е. происходит закупорка интеллектуальных сосудов европейской цивилизации. Это позволяет говорить об антиевропейском и антицивилизационном характере БП.

V

Что делать? Самое простое — саботировать БП, тем более что, во-первых, включение в него не является законом, исполнение которого обязательно; во-вторых, имеющиеся в текстах «творцов» БП характерные для загогулистого туманного ума чиновников слова и словосочетания вроде «свобода», «разнообразие», «специфика», которые надо «поощрять», оставляют пространство для манёвра и использования против БП его же элементов — «Ступай, отравленная сталь, по назначенью». Однако всё это на уровне тактики. На уровне стратегии необходимы две вещи. Первое (интеллектуальный уровень) — выявление связей БП с определёнными социальными интересами, реализация которых и успех адептов которых в краткосрочной перспективе ведёт в долгосрочной перспективе к разрушению одной из несущих конструкций европейской цивилизации; придание максимальной публичности полученным результатам и фиксация социальных интересов, препятствующих БП.

Второе (социально-политический уровень) — социальное и политическое сопротивление разрушению европейской цивилизации в области образования.

Ну и естественно, разработка новой модели образования и науки для новой реальности, точнее, для создания новой реальности, которая будет работать на интересы не узкой группы транснациональной корпоратократии и их «шестёрочного сегмента» из числа серой и убогой болонско-университетской администрации, а широкого слоя тех, кто хочет получить качественное образование, понимая, что знание — это сила. Разумеется, сказать всё это значительно легче, чем сделать, поскольку «сделать» означает социальную борьбу в сфере образования, которая становится одной из главных арен борьбы за то, каким будет завтрашний мир, мир наших детей и внуков. Но без борьбы нет побед.

И чтобы закончить на чешской ноте — аллюзия с гашековским «Бравым солдатом Швейком», где один из героев обращается к строю солдат: «Помните, скоты, что вы люди». Я хочу закончить своё выступление обращением к коллегам: «Давайте помнить, что мы — учёные, субъекты познания и образования, а не агенты рынка образовательных услуг, не его коммивояжёры и маркитанты». Память об этом, чёткая профессиональная

(она же — социальная) самоидентификация и позиция — *condition sine qua non* того, что БП споткнётся. На нас и вообще.

---

[1] Маяцкий М. От Болоньи до Болоньи, или тупиковый процесс // Пушкин. - М., 2009, № 2. - С. 25.
[2] Бикбов А. Ук. соч. - С. 28.

http://www.rus-obr.ru/idea/3023
http://www.rus-obr.ru/idea/3162

Улыбка чеширского кот а

Социальные науки скрывают реальность в угоду заказчикам

«Выиграет т от , кт о обеспечит зловещее инт еллект уальное превосходст во над своим оппонент ом»
«Великая трансформация»
Карл Поланьи, основоположник экономической антропологии

«Римский клуб» был создан для многих целей (в том числе и для того, чтобы «задушить Советский Союз в объятиях» - членом этого мондиалистского клуба был и небезызвестный **Джермен Гвишиани**). Но структура эта известна, в том числе, своими докладами и списком «угроз человечества» («угрозам» даже ставили дорогостоящие памятники) Интересно, что среди прочих одна из «угроз» была сформулирована, как «неосознанность происходящего» - что особенно интересно это слышать от подобной структуры.

Казалось бы, этот термин имеет отношение к широким слоям общества, но сегодня эта «неосознанность» имеет и самое прямое отношение к тем, кто называет себя «учеными» (особенно в области социальных наук) и «научными сотрудниками». Современная социальная наука сформировалась как отражение социальной реальности в конце 19 – начале двух третей 20 века, когда социальная сфера достаточно четко была отделена от политической; политическая сфера отделена от экономической; где были политика и гражданское общество.

Советский догматический марксизм зашел в тупик, рухнул советский строй, в Россию бурным потоком хлынули западные политология, социология и пр. В стране сложилось ожидание, что «сейчас мы будем приобщены к новым, «правильным» знаниям и нам откроется истина». Но необходимо констатировать, что эти дисциплины пришли к нам в тот момент, когда на Западе они переживали острейший кризис, связанный с тем, что фактически стали исчезать объекты, которые изучают эти науки и которые конституируют сами науки, поскольку любая наука существует до тех пор, пока у нее есть базовый объект исследования, которого нет ни у одной другой.

Отметим, что социология возникла как инструмент изучения западного гражданского общества, но она не подходит для изучения индийских каст – здесь нужен другой понятийный аппарат. Что происходит сейчас, в начале 21 века, на западе? – скукоживается гражданское общество. Политика превращается в комбинацию шоу-бизнеса и административной системы – недаром сейчас так много людей из этой области идет в политику - поскольку механизмы становятся идентичными и сутью политики становятся сличные процессы.

Иными словами – исчезают объекты исследования, а дисциплины остаются в воздухе как улыбка Чеширского Кота. Чеширский кот исчез, а улыбка осталась. Нынешняя «мейнстримовская» социальная наука – это в значительной степени фантомная наука. При этом у нее нет понятийного аппарата для описания современной реальности, нет социальной структуры, для описания той власти, которая реально существует в мире. И в этом плане нынешнюю «мейнстримовскую» социологию, политологию, экономику можно назвать криптоматиками – т.е. дисциплинами, которые скрывает реальность, а не анализирует ее.

И это, безусловно, соответствует позиции тех групп, которые контролируют нематериальные факторы производства, т.е. финансово-политической элите. Система фондов, которые выдают гранты на исследование, полностью поддерживают эту линию. Гранты выделяются на что угодно - на исследования гендорных отношений - пожалуйста, на исследования гомосексуалистов и лесбиянок - еще лучше. Но на исследование мировой финэлиты ни один фонд (ни частный, ни государственный), за последние 50 лет не выделили никаких денег. Совершенно не проводятся фундаментальные исследования общества потому, как подобные исследования – это исследования главного вопроса - «где у них логово». На исследования «логова» деньги не выделяются. Кризис современной социальной науки отражают эту ситуацию.

Показателем является происходящее в экономике

«Официальной» экономическим учением фактически стала школа либерального монетаризма, но ей так и не были описаны экономические процессы мирового кризиса. В результате, до сих пор практически нет серьезных обсуждений его реальных последствий.

Главным элементом стимулирования экономики «цивилизованного запада» с 1981 года является кредитная эмиссия «рейгановского образца». Осуществлялась она ФРС под уже выданные гражданам кредиты, причем стоимость этих кредитов все время падала. Но источником прибыли для предприятий все больше и больше становились именно кредиты, выданные потребителям их продукции. Это не только увеличивало роль финансовой системы в экономике, но и перераспределяло общий объем получаемой прибыли в финансовый сектор. При этом в экономической науке все большую роль начала играть школа, которая основной упор в регулировании и развитии экономики делала на финансы. В период бешеного «бума» 90-х годов (которому, по большому счету, Запад обязан растаскиванием экономического наследия мировой социалистической системы) представители школы «либерал-монетаризма» заняли ключевые посты и в правительствах, и в основных международных экономических институтах (типа МВФ и Мирового банка), и в крупнейших частных корпорациях, особенно финансовых. Официальный язык этих организаций стал откровенно монетаристским, все остальные течения экономической науки были объявлены откровенно маргинальными.

Такая скорость и успешность продвижения, в общем, достаточно неадекватного и, скорее, псевдонаучного течения связана, конечно, с деньгами.

Эмиссия не может не вызывать инфляции, но денежные власти США никак не могли допустить, чтобы она происходила в производственном и потребительском секторах экономики. Поэтому были придуманы средства канализации капиталов - финансовые «пузыри» фондового рынка, рынка дот-комов, недвижимости, нефтяных фьючерсов, создавались новые финансовые рынки, деривативы, направленные на «связывание» избыточных денег, и т.д. На финансовых рынках образовывались сверхприбыли, которые их бенефициары могли выводить на товарные рынки. Именно за счет этого механизма образовывались скороспелые мультимиллионеры и миллиардеры. Но с точки зрения классической экономики, прибыльность финансового сектора не может превышать прибыльности товарной экономики, финансовые инструменты – это инструмент сбережений, а не потребления. Сложившаяся в 80-е-90-е годы финансовая элита не могла не понимать, что она просто перераспределила в свою пользу доходы от эмиссии, что сверхдоходы этих лет она получала за счет большей части населения. Отсюда и такое острое нежелание проводить

исследования в этой области (впрочем, лично для себя мировая элита исследования все-таки проводит. Это люди с хорошими знаниями, аналитики, которые способны прогнозировать сами и нанять опытных аналитиков, которые способны спрогнозировать глобальные тенденции).

Отказываться от невероятного счастья, колоссальных сверхдоходов, ужасно не хотелось, да это и трудно было сделать по политическим причинам: политическая элита США начала активно использовать монетаристскую фразеологию и свойственные этому течению причинно-следственные цепочки со времен Рейгана, а уж в эпоху Клинтона это стало обязательным ритуалом. Отказ от них неминуемо ставил перед обществом вопрос об ответственности, который очень хотелось бы перенести на как можно более дальний срок. В результате, начало кризиса все оттягивали и оттягивали, все более и более его углубляя.

И теперь самое время перейти к последствиям. Во-первых, поскольку за это время все альтернативные монетаризму экономические школы существенно захирели, а сама она, напротив, сильно расцвела, в том числе и за счет поддержки правительственных структур разных стран, реальное обсуждение причин и последствий кризиса до сих пор невозможно. Маргинализация альтернативных теорий по прежнему один из самых сильных аргументов в руках чиновников и монетарных «гуру», а триллионы долларов эмитированных денег, которыми они распоряжаются, делает монетарный «язык» единственно возможным на официальном уровне.

Во-вторых, как следствие, правительства вынуждены ограничиваться крайне узким набором мер, которые, к тому же, неадекватны ситуации. А значит, кризис не только будет продолжаться существенно дольше, чем предписывает теория (3-5 лет, по аналогии с периодом экономического кризиса весны 1930 – конца 1932 года, который предшествовал «Великой» депрессии), но и будет существенно более глубоким.

В-третьих, он радикально изменит экономические механизмы, поскольку стимулирование спроса станет невозможным. Это означает, что структура конечного спроса принципиально изменится (и никто не может гарантировать, что она вернется, например, к ситуации 60-х годов), а значит, изменятся и механизмы получения прибыли и, как следствия, инвестирования. Именно это станет главной проблемой финансового сектора в период кризиса и после него: даже в ситуации, когда возможно делать прибыльные инвестиции, соответствующие институты, вооруженные устаревшим инструментарием и, главное, возглавляемые монетаристами, неминуемо будут раз за разом совершать серьезные ошибки, принося своим клиентам крупные убытки.

В-четвертых, ключевым моментом на пути выхода из кризиса станет создание альтернативных монетаризму научных экономических школ. Как мы уже отмечали выше, лидеры современного монетаризма «срослись» с бюрократической верхушкой на почве «распила» сверхприбылей (в США – образованных за счет эмиссии, в других странах – за счет продаж в США или паразитировании не тех или иных финансовых «пузырях») и рассчитывать на то, что они по доброй воле откажутся от власти и возьмут на себя ответственность за содеянное не приходится. А значит, нужно ждать углубления кризиса и готовиться к политическим методам смены экономической парадигмы.

Не менее проблематичны и демографические исследования

Существует множество объяснений, почему вымирает население «западных цивилизаций». Показательна демографическая динамика, как параметрической функции от времени, где, как это ни парадоксально, важнейшим параметром является баланс прав между мужчиной и женщиной. В кратком варианте теорию можно изложить так:

1. Когда женщина имеет меньше прав, чем мужчина, и несёт основную тяжесть от вынашивания ребёнка и деторождения, до ухода за ним, то рождаемость находится на экстремально высоком уровне. Цикличность этих процессов - порядка сотни лет. (на исследования демографии стран «третьего мира» деньги выделяются охотно)

2. Когда женщина начинает приобретать какие-то права, рождаемость падает и цикл удлиняется. Процесс представляется апериодическим. При некотором балансе прав мужчины и женщины, демография стабилизируется (ситуация практически не исследуется).

3. Когда бесправен мужчина, демография отрицательна. Этот случай официально не исследуется. На такие исследования не выделяются гранты. Солидные журналы не печатают такие статьи. Тем не менее, демографические проблемы первого мира - убедительнейшее свидетельство неизбежности такой ситуации. Как минимум - на длительный период ликвидации патриархата и, скажем, матриархальной реакции. Скорее всего, у дискриминировавших своих мужчин этносов перспективы не из блестящих. Они будут стареть, привлекать гастрабайтеров - и, в конечном счёте, уступать им свои земли. В лучшем случае - растворяться среди них, а в худшем - вымирать окончательно. Вероятно, они могли бы стабилизироваться в каком-то новом состоянии - размножаться клонированием. Но это - маловероятно, просто потому, что история редко даёт второй шанс. Никто не даст им достаточно времени, чтобы оправиться от причинённого самими себе ущерба. Вероятнее всего, они уйдут.

Именно этот последний случай мы наблюдаем сейчас в Европе, где место коренного этноса занимает более молодой - «привлеченный» мусульманский. С таким поворотом событий давно столкнулась «старая Европа», достаточно вспомнить столкновения двухгодичной давности во Франции или недавние в Кельне. В этом же ряду можно упомянуть и нашумевшие заявления мусульманских проповедников в Англии о грядущем «Лондонистане». Египетский ученый Бат Йеор даже ввел в оборот термин «Еврабия», имея в виду процесс «исламизации или арабизации Европы».

Почему это происходит, почему вымирает население «запада»? Прежде всего, из-за ухода от традиционного уклада, отказа от морали, которую предлагала основная европейская религия – христианство. Место традиционного уклада подменили либеральные идеи «толерантности», переросшие в идеологию вседозволенности, отказа от моральных основ. «Права человека» в теории либертарианства - господствующей идеологии современного западного общества – фактически стали означать отказ от его моральных обязанностей, что требовала традиционная религия (демографическая динамика европейского христианства соответствовала второму пункту изложенной выше теории). Либертарианские «права человека» стали синонимом отказа от обязанностей, что стало причиной наблюдаемого вырождения (третий пункт теории). Не удивительно, что воспитанные на других моральных ценностях мусульмане начинают доминировать в Европе, переживающей позднеримский упадок (демографическая динамика ислама ближе к первому пункту).Но ситуация с этих позиций не исследуется ни в демографии, ни в этнологии, ни в социологии.

«Для т ого, чт обы получит ь определённый результ ат , нуж но хот ет ь получит ь именно эт от результ ат ; если Вы хот ит е получит ь определённый результ ат , Вы его получит е»
Т. Лысенко, академик, 1939, «Спорные вопросы генетики и селекции»

Тезис, который в современных условиях полностью подтверждается таким же «принципиальным» конъюнктурщиком - ветераном получения западных грантов из Института этнологии РАН, **Валерием Тишковым**, который пишет: «…смертность давно превышает рождаемость. Это свойство всех развитых стран с достаточно высоким или средневысоким уровнем жизни населения. И сокращение населения России вызвано не плохими условиями жизни и ее ухудшением, или каким-то кризисом, а наоборот, улучшением условий жизни. Такая демографическая ситуация будет сохраняться и в будущем» Не стоит объяснять, с какой целью проталкивается тезис «спад рождаемости – это хорошо, так принято в развитых благополучных стабильных странах». Вывод делается следующий: «Нужна новая политика по обеспечению притока населения в страну… До сегодняшнего дня осуществлялась политика не миграционная, а антимиграционная. Мы практически закрыли миграцию в нашу страну при потребности как минимум в 800 тысяч мигрантов в год…».

На сегодня мы фактически довольствуемся интеллектуально-теоретическими объедками с западного стола — убогими экономикс, социологией и политологией, которые, во-первых, отражают иную социальную реальность; а, во-вторых, реальность 25–30-летней давности. При этом у нас сформировался целый кластер концептуальных падальщиков-компрадоров, воспроизводящих в научной сфере то, что в сфере социально-экономической вытворяет криминально-компрадорская элита.

В книге «Великая трансформация» (1944 г.) Карл Поланьи характеризует лидеров Третьего Рейха как обладателей «зловещего интеллектуального превосходства» над лидерами западных демократий и о том, что они успешно применили его для разрушения «версальского мира», т.е. систему сконструированную с целью воспроизводства исторического проигрыша Германии. Но то же можно сказать и о большевистском руководстве 1920-х — 30-х годов, которое тоже обладало «зловещим интеллектуальным превосходством» над своими западными оппонентами и тоже поставило это превосходство на службу разрушения существовавшего порядка. И это естественно: в мироустройстве 1920-х — 30-х гг. как СССР, так и Германии была уготована роль игроков второго плана. Качественно улучшить своё положение в рамках существовавшей системы было невозможно. Ergo: нужно было ломать систему.

Почему в России произошел Октябрьский переворот? Потому, что предыдущая система потеряла свое «зловещее интеллектуальное превосходство». Если сравнить фотографии последнего Временного правительства и первого совнаркома – то видны люди совершенно разных эпох. Персонажам 19 века с определенным физико-антропологическим типом противостояли люди 20-го века «военноспортивного типа» (по определению **Бердяева**) или пассионарии (по определению **Гумилева**).

В конце 90-х Россия утратила свое интеллектуальное превосходство и проиграла. Нынешняя мировая ситуация во многом напоминает 1920-е — 30-е годы: РФ не удастся качественно улучшить своё положение в существующей системе, для РФ и её господствующих групп в этой системе нет долгосрочно-безопасных ниш. И потому расшатывание этой системы можно только приветствовать — оно расширяет поле для нашего маневра, но игра на этом поле

предполагает наличие интеллектуально-стратегического превосходства.
Разумеется, это превосходство — условие не достаточное, таковым является политическая воля, которая должна ломать хребет оппонентам на мировой арене или, как минимум, продемонстрирует готовность это сделать. Однако интеллектуальное превосходство — совершенно необходимое условие, чтобы не только выигрывать на мировой арене, но просто попасть на неё в качестве игрока: чтобы ломать хребет, надо знать, где находятся наиболее уязвимые точки и соединения; как бы ни относиться к большевикам, но они хорошо знали болевые точки той системы, против которой работали, их власть была одновременно и тем, что Фуко называл «властью — знанием».

Нам необходимо принципиально новое знание о мире, с иной дисциплинарной сеткой, чем нынешняя, отражающая реалии уходящей эпохи, знания, прежде всего о главных тенденциях и трендах его развития, о его болевых точках: современная «мейнстримная» социология, как политология об этом не расскажут.

И естественно, помимо нового знания о мире, знания, практическая цель которого — победа, наша победа в Большой Мировой Игре, нам нужно абсолютно точное, честное и беспощадное знание о самих себе. Знания, в котором не будет, с одной стороны, самобичевания и самоунижения конца 1980-х — 1990-х, с другой, — сюсюканья и соплей о «загадочной русской душе» и воззвания к эзотерическим предкам — это только демобилизует, нам же нужно мобилизующее знание, знание-штык. Его создание — залог русского успеха в XXI веке.

Для того чтобы побеждать в 21 веке необходимо создавать совершенно новую систему рационального знания о мире, иначе ее создадут другие силы и вложат свою матрицу нам в голову.

Кто окажется источником накопления для нового исторического рывка?

За последние месяцы я слушаю выступления Г.Г. Малинецкого уже третий или четвертый раз, и с каждым разом они вызывают у меня все больший интерес.

По сегодняшнему выступлению у меня несколько замечаний.

Первое. Вы, Георгий Геннадиевич, говорите о том, что мирсистемный анализ (МСА) хорошо объясняет современный мир. Как человек, много работавший с мирсистемщиками в совместных проектах и написавший несколько работ о МСА, убежден: этот подход объясняет немало в истории раннего, доиндустриального капитализма, но «работает» только до 1830–1840-х гг., т. е. до возникновения индустриальной системы. Как известно, отец-основатель МСА И. Валлерстайн из запланированных пяти томов написал только три, доведя историю мирсистемы до 1830–1840-х гг. Позднее, уже на индустриальной основе (МСА не работает со структурами производства, в нем главное обмен, поэтому Р. Бреннер назвал подход Валлерстайна «неосмитовским марксизмом»), в «длинные пятидесятые» (1848–1867 гг.) европейская мир-система превратилась в мировую систему, нанеся удары по русской (Крымская война) и китайской (Вторая Опиумная война) мир-системам и в разной степени включив их в себя. В 1980-е гг. мировая система претерпела еще одно изменение, мутировав в глобальную. Таким образом, МСА объясняет лишь детство капитализма и самое начало (1780–1830-е гг.) современного мира, но никак не современный мир в целом, не говоря уже о сегодняшнем дне.
Второе. Я бы не стал объединять Ивана Грозного, Петра I и Сталина. На мой взгляд, можно поставить в один ряд Ива- на Грозного и Иосифа Грозного, хотя в силу объективных и субъективных причин результаты первого менее впечатляют. Петр I провалился практически во всех своих начинаниях. Да, он прорубил окно в Европу, заколотив предварительно дверь.

Должен возразить В.И. Якунину. У Гитлера почти не было практических шансов выиграть войну у СССР — это было одной из причин, почему Сталин не верил в сообщения о готовящемся нападении, процентов на 90–95 оно было самоубийственным для фюрера. Например, в 1938 г. доля Германии в мировом производстве составляла 13,2%, а СССР — 17,6%; национальный доход (данные по 1937 г.) — 17 млрд и 19 млрд долл. соответственно (расходы на оборону — 23,5% и 26,4%). Но дело даже не в этом: несопоставимы ресурсный, демографический и, если можно так выразиться, пространственный потенциал. Я уже не говорю о перспективе войны Рейха на два фронта. Теоретически Гитлер мог бы нанести поражение Советскому Союзу при соблюдении трех условий:

1) разгром всей Красной армии у границы; для этого нужно было, чтобы вся Красная армия была сосредоточена в приграничной зоне и у нее не было бы ни второго, ни третьего эшелонов обороны — именно в этом уверил Гитлера Канарис, работавший с 1939 г. на англичан и своей дезинформацией втравивший Гитлера в войну с СССР;
2) захват Рейхом украинской промышленной базы — имен- но это не позволил сделать Сталин, сконцентрировав войска не на главном направлении удара (группа армий «Центр» через Белоруссию), а для защиты Украины, чтобы дать возможность провести эвакуацию и уничтожить то, что не удастся эвакуировать;
3) победное окончание кампании в конце августа 1941 г. — только блицкриг имел шансы на победу.

Два месяца сопротивления Красной армии, несмотря на жесточайшие поражения, по сути лишили Гитлера даже теоретических шансов на победу. Неслучайно, что уже в августе 1941 г. у берегов Ньюфаундленда на борту американского крейсера «USS Augusta» и британского военного корабля «HMS Prince of Wales» Черчилль и Рузвельт (притом что США еще не вступили в войну) провели секретные встречи и обсудили будущее — после победы — устройство мира («Атлантическая хартия»).

Нападение Гитлера на СССР было акцией отчаяния, спровоцированной британской разведкой, в очередной раз успешно стравившей немцев и русских. При полноте ин- формации, как говорил сам Гитлер и как показывают исследования последних десятилетий, он никогда не рискнул бы напасть на СССР, поскольку соотношение сил было явно не в его пользу. Только в прямом союзе с Великобританией Гитлер мог бы всерьез воевать с СССР. Однако в таком случае на стороне СССР, несомненно, оказались бы США, и мировая война затянулась бы надолго, хотя результаты, скорее все-

го, были бы плачевными для британцев и немцев. Впрочем, здесь мы вступаем в область неочевидных предположений. Очевидным является то, что шансы на успех у Гитлера были сверхминимальные.

Теперь о более общих вещах. В докладе блестяще показа- но, что постсоветский социум в значительной мере утратил системные качества. Т.е. по целому ряду важнейших характеристик он обладает качествами не столько системы (система — это объединение, по определению Л.А. Петрушенко, обладающее внешней и внутренней необходимостью по своему существованию и содержанию), сколько объединение (по определению того же автора, объединение — это множество, которое по своему существованию и содержанию обусловлено случайностью, т. е. какой-либо внешней в отношении этого множества необходимостью). Тому есть вполне политэкономическое объяснение.

Во-первых, нынешняя РФ — элемент мировой системы, причем элемент, главным образом, не определяющий, а определяемый и уж тем более не системообразующий. Во-вторых, социально-экономическую ситуацию РФ характеризует следующее: те процессы, которые в Западной Европе носили диахронный характер, в РФ развиваются синхронно. Речь идет о первоначальном накоплении капитала и о собственно капиталистическом накоплении. В ядре капиталистической системы первоначальное накопление, которое не является капиталистическим, расчищает для последнего почву, нано- ся удары по докапиталистическим (в Европе — феодальным) формам, выступая их терминатором. На периферии и полупериферии капсистемы в XIX–XX вв. и на постсоветском пространстве в девяностые и «нулевые» годы оба эти процесса сосуществуют, они синхронны. Более того, первоначальное накопление (легальный, полукриминальный и криминальный передел собственности) постоянно подсекает, блокирует здесь капиталистическое, существует за его счет и в ущерб ему. Постоянный передел не позволяет сформироваться здесь не только буржуазному обществу, но организованному обществу вообще. Результат — «общество-каша», не столь- ко социальный космос, сколько социальный хаосмос. Само это состояние используется в качестве орудия управляемого хаоса, что еще более усугубляет ситуацию.

В таких условиях национальной идеи быть не может. Национальная идея — чья? Кто ее субъект? Я с интересом ознакомился с докладом Б.В. Межуева. Полагаю, однако, что «суверенная демократия», о которой он говорит, не имеет отношения ни к национализму, ни к русскости. «Суверенная демократия» — это, как сейчас любят говорить, «месседж», послание представителя одного корпорации-государства другим корпорациям-государствам, свидетельствующее о том, что данное корпорация-государство не собирается более утрачивать суверенитет, как это было во времена горбачевщины и ельцинщины.

И последнее — о прогнозах. Сложно прогнозировать, когда общество находится в точке бифуркации, т. е. у него максимум вариантов в рамках некоего коридора возможностей. Отчасти, в прогнозировании нам может помочь история — история систем. Как в свое время заметил А.А. Зиновьев, эволюция крупных сложных систем необратима. Иными словами, анализ логики истории той или иной социальной системы позволяет даже в точке бифуркации сделать некоторые предположения.

В русской истории серьезные качественные (системные) сдвиги происходили тогда, когда социум исчерпывал вещественную субстанцию, проедал наследие прошлого. До сих пор таких переломных, судьбоносных моментов было всего два — 1565 г. и 1929 г.

К середине XVI в. Русь исчерпала ордынско-удельное наследие, прежде всего земельный фонд — не осталось земли, которую можно было раздавать «детям боярским» (дворянам). Чрезвычайная комиссия (ЧК) под названием «опричнина» (она же — эмбрион самодержавия) стала средством решения проблемы перераспределения власти и собственности таким образом, который соответствовал русским национально-государственным интересам.

В 1920-е гг. было окончательно проедено русское дореволюционное наследие — промышленность встала, земельный фонд исчерпан (аграрное перенаселение). Коллективизация и индустриализация стали тем выбором, который не только создал новую систему русской истории, но и совпал с национально-государственными интересами. Оба выбора — опричный и советский — были сделаны в острой внутриэлитной борьбе, по сути — в гражданской войне элит, причем в обоих случаях верх взяли национально-ориентированные группы, группы, ориентированные на центроверх, на сохранение целостности и суверенитета страны. Советское наследие, вещественная субстанция, оставшаяся от СССР, будет проедена в ближайшие 5–6 лет и где-то в середине «десятых», эдак году в 2017-м —

аккурат к столетию Октября — встанет выбор: кто окажется источником накопления для нового исторического рывка, для создания новой социальной системы? Кто — верхушка (часть верхушки) или население? Борьба за выбор, скорее всего, расколет верхушку и вызовет обострение смуты. В таких условиях и может возникнуть новый исторический субъект, способный создать новую национально-ориентированную систему. Способом создания, однако, может быть только борьба — «отец всего».

Знание как антикризисная сила

Гуманитарные технологии

10 июня 2009 года в Институте динамического консерватизма состоялась экспертная встреча ученых и практиков-инноваторов на тему «Реальные инновации и их имитации в России». Одним из самых интересных докладов на семинаре стало выступление Андрея Фурсова, директора Института русских исследований Московского гуманитарного университета. Известный историк-кризисолог убежден: гуманитарные технологии – ключ к инновационному развитию и к выходу страны из кризиса.

I

Уважаемые коллеги, хочу сказать несколько слов о гуманитарных технологиях, о том, что они собой представляют, об их роли. В качестве эпиграфа – реальная история.

В 30-е годы XVII столетия во время Тридцатилетней войны Франция столкнулась с серьёзной проблемой – ситуационной необходимостью компенсировать недостаток военных сил и финансов. Сферой компенсации стала дипломатия. Но для побед в этой сфере нужно было некое новое сверхоружие. Его было поручено создать Декарту, который в то время работал над новым методом исследований, а следовательно рассуждений, аргументации и т.д. Ришелье «вышел» на Декарта через кружок интеллектуала-иезуита Мерсена и поставил некую задачу. Удовлетворяя свои страсть к творчеству и любопытство за государственный счёт, Декарт писал свои «Рассуждения о методе». Помимо собственно философской сферы, разработанный Декартом метод приспособили к сфере дипломатии, к ведению переговоров (сравните советский спутник как побочный продукт создания «оружия массированного возмездия» – межконтинентальных баллистических ракет). В результате, приспособив метод аргументации Декарта в своей сфере, французские дипломаты в течение 15–20 лет разделывались с дипломатами других стран так, как конкистадоры под руководством Кортеса и Писарро – с армиями ацтеков и инков. Иными словами, Декарт создал мощное информационное оружие, гуманитарную технологию убойной силы.

Мы привыкли употреблять термин «технология» применительно к технической, в лучшем случае – естественнонаучной сфере. На самом деле технология может быть социальной и гуманитарной, в смысле – относящейся к социальным, гуманитарным наукам. Наука об обществе (обществоведение в широком смысле) выполняет – так сложилось исторически – не только и даже не столько научную функцию (поиск истины), сколько функцию интеллектуального обеспечения господства господствующих групп, классов, их «культурной гегемонии» (А. Грамши), обеспечения общего рационального идейно-ценностного языка обслуживающих эти классы профессиональных групп. Недаром Мишель Фуко писал о «власти-знании» («le pouvoir-savoir») как некой единой целостности – властвующем знании, обеспечивающем и рационализирующем власть неких групп, а отец-основатель мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн прямо отметил ненаучные (а ещё точнее – вненаучные) функции науки об обществе и вообще научной культуры как феномена: научная культура стала кодом братства мировых накопителей капитала. Она служила прежде всего для оправдания как их собственной

деятельности, так и дифференцированного вознаграждения, – именно это неравенство было источником их благ. Научная культура поощряла технические нововведения. Она узаконивала грубое уничтожение барьеров на пути экспансии эффективности производства. Она породила форму прогресса, которая якобы принесла пользу всем, – если не сразу, то по крайней мере со временем.

Однако научная культура представляла собой нечто большее, чем простая рационализация. Она была формой социализации различных элементов, выступавших в качестве кадров для всех необходимых капитализму институциональных структур. Как общий и единый язык кадров, но не трудящихся, она стала также средством классового сплочения высшей страты, ограничивая перспективы или степень бунтовщической деятельности со стороны той части кадров, которая могла бы поддаться этому соблазну. Более того, это был гибкий механизм воспроизводства указанных кадров. Научная культура поставила себя на службу концепции, известной сегодня как «меритократия», а раньше – как «*la carriere ouverte aux talents*». Эта культура создала структуру, внутри которой индивидуальная мобильность была возможна, но так, чтобы не стать угрозой для иерархического распределения рабочей силы. Напротив, меритократия усилила иерархию. Наконец, меритократия как процесс (*operation*) и научная культура как идеология создали завесу, мешающую постижению реального функционирования исторического капитализма. Сверхакцент на рациональности научной деятельности был маской иррациональности бесконечного накопления.

Итак, современная (Modern) наука об обществе, будь то политическая экономия (экономика как дисциплина), социология, политическая наука и т.д. или их совокупность возникли как средство понимания некой реальности в определённых интересах определённых групп и, соответственно, навязывания этого понимания (в модифицированной форме) другим группам. Т.е. возникли как гуманитарная («информационная») технология, с помощью которой господствующие группы XIX–XX вв. могли бы разделываться со всеми остальными так, как Кортес и Писарро – с индейцами.

Неудивительно, что социальные науки (они же – гуманитарные технологии власти) возникали прежде всего из практических нужд. Политэкономия – из необходимости анализа рынка; социология – из необходимости создания новых институтов, адекватных индустриальному производству и способных превратить «опасные классы» в «трудящиеся классы»; политическая наука – из необходимости объяснить и/или поставить под контроль некие негативные процессы, начиная от социального распада Юга эпохи Реконструкции в США до фашизма и национал-социализма в Западной Европе.

Я уже не говорю об ориентализме, который Э. Саид охарактеризовал как средство интеллектуального контроля над Востоком посредством его ориентализации, т.е. представления восточной динамики как ориентальной статики, застоя, пассивности путём применения к Востоку западных мерок, ценностей и понятий. А ведь западная социальная наука отражает не только определённые классовые интересы, но и вполне определённую социальную реальность.

II

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой тип общества, в котором чётко обособлены – и это зафиксировано институционально – экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы, в котором власть отделена от

собственности, религия – от политики и т.д. Возникает вопрос: как с помощью такой науки – слепка с буржуазного общества, – с её дисциплинами, методами и понятиями изучать небуржуазные, некапиталистические (докапиталистические, антикапиталистические – исторический коммунизм СССР) социумы? Социумы, где власть не отделилась от собственности, точнее, где есть некая целостность, которая, в отличие от Европы на буржуазной стадии её развития и особенно при превращении европейской цивилизации в Запад как ядро мировой системы, так и не разделилась на власть и собственность. Социумы, в которых «рынок» интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения – в единстве борьбы и противоположностей с монополией – в капитализм. Социумы, где «религия» и «политика» – единое целое – список примеров можно продолжить. Ясно, что применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества к обществам небуржуазным искажает реальность последних, превращает её в негативный слепок западного общества. В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и как правило приводит к катастрофическим последствиям.

Например, есть стандартное определение ислама как «недифференцированного единства религии и политики». Но если это единство недифференцированное, то откуда мы знаем, что там – религия и политика? Мы это «знаем», потому что как европейские люди наблюдаем некую субстанцию, которая в своей системе выполняет функции, в западном обществе выполняемые религией и политикой. И мы, ничтоже сумняшеся, называем эту субстанцию «недифференцированным единством религии и политики», совершая логическую, методологическую и содержательную ошибки одновременно. Чем же мы лучше испанцев и португальцев XVI в., называвших вождей африканских племён герцогами, графами и баронами? А ведь XVI в. – это в плане обществоведения донаучная эпоха.

Аналогичным образом обстоит дело с наложением дисциплинарной и понятийной (класс, бюрократия, идеология) сеток западной науки на советское общество. В результате мы получаем бесперспективных и неспособных к реальному развитию «мутантов»: «политэкономия социализма», «социология советского общества», «политология советской элиты» и т.п. Всё это конечно же вело к разрухе в головах, к понятийной катастрофе, к неспособности понять собственное общество.

В середине 1980-х годов западные политологи писали о нескольких (шести – восьми) чертах, характеризующих «современное демократическое общество» и отмечали, что СССР не хватает двух – трёх. Горбачёв по совету своей интеллектуальной обслуги, всех этих «советников вождей», певших с чужого (забугорного) голоса (кто от глупости и недоразвитости, кто из алчности и русофобии) как раз и попытался добавить эти две – три «характеристики» – «права человека», «демократия», «рыночные реформы». Результат налицо: определённые гуманитарные технологии были внедрены, превратились в политические, информационные и финансово-экономические и сделали своё дело – хаотизировали и развалили СССР в интересах «неогорыныча», т.е. части номенклатуры, криминалитета и западного капитала.

Несколько лет назад Стивен Манн, высокопоставленный американский дипломат, специалист по конфликтам в Евразии, откровенно признал, что главными средствами реализации Америкой программы организованного хаоса в Восточной Европе были «рыночные реформы» и «политическая демократия». Идеи, концепции которых были предварительно внедрены в сознание верхушки – это и есть использование гуманитарной технологии для ослабления/уничтожения противника в борьбе за власть, информацию и

ресурсы. Не случайно Маркс, вступая в борьбу с системой, разрабатывал общественную науку, альтернативную конвенциональной (подзаголовок «Капитала» – «Критика политической экономики»).

Также неслучайно, что и большевики, и национал-социалисты, вступая в борьбу на мировой арене с англосаксами, предложили свои формы рационального знания и их организации. У большевиков это были диамат/истмат, у нацистов – научные исследования института Аненербе. Я говорю не о результатах, не о политической идеологии, а о задумке: если ты хочешь бороться на мировой арене за власть, информацию и ресурсы, ты должен создавать тот тип знаний, который выражает твои интересы и объективно является твоей гуманитарной технологией для борьбы на мировой арене.

Карл Поланьи – автор одной из главных книг XX века «Великое изменение» верно охарактеризовал лидеров Германии 1930-х годов, отметив наличие у них зловещего интеллектуального превосходства над их противниками. Они были людьми XX века, в отличие от их оппонентов. То же самое можно сказать и о большевиках.

Сегодня многие смеются над диаматом и истматом, радуются их кризису и крушению, забывая при этом о глубочайшем кризисе западной науки об обществе, о кризисе, который пытаются спрятать (особенно у нас) так же, как пытались спрятать кризис доллара.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, нам нужна наука, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных схем. Аналогичным образом нужны «свои» обществоведения, а точнее – социальные системологии для каждой крупной исторической системы. Последних не так много – шесть-семь, в зависимости от угла зрения. Для каждой системы должен быть свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, например, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Показательно, что Запад создал ориентализм – науку, точнее форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой о самом себе; наша задача создать такую науку, основой которой будет холодный и спокойный – sine iro e studio – критический анализ западного социума, его успехов, неудач, уязвимых мест и начинающейся трансформации в постзападное (и уже постхристианское, со сломанным «библейским проектом») общество.

Кто-то скажет: слишком много научных языков, где же универсализм? Отвечаю. Во-первых, кто сказал, что нынешний (просвещенческий) «универсализм» реален, не является симулякром? Полагаю: то, что уже два столетия выдаётся за универсализм, по сути является англосаксонским уникализмом, возведённым по принципу «нового платья короля» в ранг универсализма и навязываемым в качестве такового всем остальным. Универсализм не может быть монологом-диктатом, meum и verum одной цивилизации. Он может быть только диалогом; реальный – диалогический – универсализм ещё только предстоит создать.

Во-вторых, кто сказал, что всё многоцветие исторической цивилизационной реальности можно выразить на одном языке? «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке, – писал нобелевский лауреат Илья Пригожин. – Мы должны использовать ряд описаний, не сводимых друг к другу (подч. мной. – А.Ф.), хотя и связанных между собой тем, что технически именуется трансформациями».

Именно работами над такими трансформациями на основе предварительного создания «системного языка» – понятийного аппарата и дисциплины, сконструированных для анализа данной системы, – можно превратить гуманитарную технологию «обществоведение» в реальную науку о (том или ином) обществе.

Итак, нам нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах и научная дисциплина-«трансформатор», «универсализующая» – насколько это возможно – эти науки. Необходимо создать реальную социальную науку и использовать её в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. В ближайшие десятилетия такое оружие нам понадобится, поскольку, на мой взгляд, именно гуманитарные технологии станут главными в психоисторических войнах XXI века за посткапиталистическое будущее.

III

Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения. Разгорается глобальный смутокризис – «кризис-матрёшка»: вместе с эпохой Просвещения уходят Модерн, капитализм, Библейский проект, который был средством управления большими массами в течение двух тысяч лет. Похоже, сжимается Lebensraum белой расы. Демографически Запад вырастил на своей периферии такую массу населения, которую в своё время Рим вырастил на своей – со всеми вытекающими последствиями. Я уже не говорю о «периферийном анклаве» на самом Западе. Уже сейчас исследователи предсказывают новый тур религиозных, но на этот раз не протестантско-католических, а мусульманско-христианских войн в самой Европе.

Далее. Заканчивается эпоха, которая началась неолитической революцией и символом которой являются (по крайней мере, для меня) Пирамиды и особенно Сфинкс.

С 1970-х годов мы постепенно, но с ускорением, словно по принципу festina lente вползаем в кризис, которому аналогов в истории не было. XXI век – век великого перелома, «вывихнутый» век. Шанс пройти это узкое горлышко имеет только тот, кто выкует новое знание – двуручный меч социальной науки и гуманитарной технологии и научится виртуозно владеть им, что в свою очередь требует создания принципиально нового организационного оружия – новых структур рационального знания, принципиально новых исследовательских и образовательных институтов.

Новый украинский школьный курс — чисто политическая акция

В новой украинской школьной программе значительно шире отражены такие моменты, как история становления и развития украинского освободительного движения и борьба с ним тоталитарных режимов, голодомор 1932-1933 годов, деятельность Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии.
Эта инициатива министерства образования Украины ложится в тот антирусский, русофобский курс, который проводит президент этой страны. Из украинской истории вытягивается всё, что можно акцентировать для обострения отношений с Россией. То есть, это чисто политическая акция, к реальной науке, истории, культуре это всё не имеет отношения. Я думаю, что не случайно такая ситуация возникла в момент обострения внутриполитических украинских дел.

На образовательном уровне какой-то части школьников это, безусловно, отразится. Но я надеюсь, что рано или поздно это все свернется. Та часть украинцев, которая считает себя русскими людьми, найдет, что сказать своим детям по этому поводу.

Иран — слишком серьезная страна для «оранжевой» революции

Внешне ситуация в Иране действительно напоминает кое-что из «оранжевых» революций. Есть силы на Западе, которые заинтересованы в создании подобной ситуации. Но Иран — серьезная и сложная шиитская страна.

«Оранжевые» революции можно очень легко организовать в таких странах, как Грузия, Украина, но чтобы организовать потрясение в Иране? такой революции недостаточно, нужно что-нибудь посущественней. Кризис в Иране возник по внутренним причинам: в стране безработица, бедность, население полагает, что нефтяная аренда распределяется неравномерно. Те, кто заинтересован в дестабилизации ситуации в этой стране, приложили некоторые усилия. Но все равно Иран слишком серьезная страна, чтобы ее можно было поколебать «оранжевой» революцией.

Метаморфозы Обамы

Политический багаж визита в Москву

Обама летит в Россию. Событие действительно историческое, как всякое первое посещение нашей страны новым президентом США.

Каждой зарубежной поездке Обамы мировые СМИ придают статус главного мирового события. Обама вообще подается в СМИ как мессия, пришедший на Землю разрешить все неразрешимые противоречия. Обамомания, раздуваемая мировой закулисой, дошла до полной шизофрении: человека, который пока НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛ НИ ДЛЯ СВОЕЙ СТРАНЫ, НИ ДЛЯ МИРА, выдвигают в Нобелевские лауреаты (!!).

В этой обстановке глобального информационно-психологического давления тем более важно трезво и спокойно осмыслить то, с каким реальным политическим багажом прилетает Обама. Это осмысление потребует обращения к некоторым текстам западных исследователей, заслуживающим, на наш взгляд, пристального внимания, — в них проговариваются (в обоих смыслах этого слова) очень важные для понимания нынешней ситуации и перспектив её развития вещи.

Рассматривая гипотетический "чемоданчик Обамы", попытаемся обозначить три ключевых для него момента.

Преодоление кризиса

В заслугу Обаме ставят его "новый курс", где основное внимание уделено: усилению государственного вмешательства в экономику; созданию специальных структур, отслеживающих системные риски и контролирующих крупные компании, падение которых может привести к падению всей американской экономики; значительному увеличению ассигнований в социальную сферу, здравоохранение и образование. Особо надо отметить настойчивость, с которой Обама пытается совершить технологический прорыв, где приоритет дается разработке энергосберегающих и экологически чистых технологий.

Шаги, безусловно, важные. Но, несмотря на них, состояние экономики США продолжает ухудшаться. Об этом сам Обама заявил на пресс-конференции в Белом доме 24 июня с.г.

Обама отметил, что безработица в стране в этом году превысит 10%, хотя ранее он называл цифру не более 8%. Глава Белого дома уточнил, что ни он, ни американские граждане не удовлетворены темпами стабилизации экономики, однако он продолжает надеяться, что со временем "все образуется".

Ранее Обама заявил, что американская экономика по-прежнему находится в "глубокой рецессии", и для ее восстановления потребуется немало времени.

Главная и жизненно важная проблема для Обамы — это сохранение доллара как мировой резервной валюты.

Перед началом работы в Екатеринбурге очередного заседания ШОС в середине июня с.г. известный американский экономист Майкл Хадсон опубликовал в "Financial Times" статью "Екатеринбургский перелом: дедолларизация и конец военно-финансовой гегемонии США". В этой статье Хадсон заявил: "Возможно, Екатеринбург войдет в историю как место, где нашел свой конец не только последний русский царь, но и американская империя".

Поясняя этот тезис другому американскому экономисту Крису Хеджесу на страницах британской "RINF News", Хадсон отмечает: Китай, Россия, Индия, Пакистан и Иран официально создают военно-финансовый блок, чтобы выставить Америку из Евразии. Дефицит платежного баланса связан прежде всего с военными ассигнованиями. Половина избыточных расходов США идет на военные нужды. В конечном итоге это дефицитное финансирование зависит от зарубежных банков, от центральных банков. У них нет другого выбора, кроме как возвращать США полученные от нас деньги, скупая американские государственные облигации. Получается, что азиатские страны финансируют собственное "окружение" нашими военными базами. Их вынуждают принимать долларовые обязательства, которые никогда не будут рефинансированы. Они платят за военную агрессию Америки против самих себя. И естественно, им хочется положить этому конец.

Китай, указывает Хадсон, уже заключил двусторонние торговые соглашения с Бразилией и Малайзией, предусматривающие взаиморасчеты не в долларах, фунтах или евро, а в юанях. Россия обещает перейти на расчеты с другими странами в рублях и их собственных валютах. Председатель китайского Центробанка в открытую призывает отказаться от доллара в качестве резервной валюты, заменив его принятыми в МВФ "специальными правами заимствования". Какой будет эта новая система, пока неясно, но "бегство от доллара" явно уже началось. Цель всех этих шагов, по словам российского президента — создать "многополярный" миропорядок, который разрушит экономическую, а значит и военную гегемонию Соединенных Штатов. Китай лихорадочно расходует свои долларовые резервы на скупку промышленных предприятий и недвижимости по всему миру, избавляясь от запасов американской валюты. Китай пытается потратить как можно больше имеющихся у него долларов, заключая сделки по принципу "деньги в обмен на ресурсы", поясняет Хадсон. Они расплатятся этими долларами со странами, готовыми продавать свои сырьевые ресурсы, поскольку Америка не желает продавать им свои высокотехнологичные активы, опасаясь "желтой опасности". Пекин понимает, что очень скоро его долларовые резервы полностью обесценятся.

Далее Хадсон говорит о том, что архитекторы этой новой глобальной системы взаиморасчетов хорошо осознают: сломав хребет доллару, они покончат и с американской гегемонией в военной сфере. Без нынешнего "замкнутого цикла" постоянных заимствований финансировать военные расходы США невозможно. Официальный объем военного бюджета США на 2008 финансовый год составляет 623 миллиарда долларов, и это без учета ассигнований на исследования в ядерной области и др. Военный бюджет Китая — страны, стоящей на втором месте в мире по оборонным ассигнованиям, — по данным ЦРУ, составляет 65 миллиардов долларов.

Резюмируя выводы Хадсона, Крис Хеджес в статье "Банкротство американской империи", опубликованной в "RINF News" 17 июня 2009 года, пишет: если крупнейшие торговые партнеры США заменят доллар другой мировой резервной валютой, курс

доллара рухнет, импортируемые Америкой товары, в том числе нефть, резко подорожают, процентные ставки возрастут, а безработица примет такие масштабы, что последние месяцы покажутся нам верхом благополучия. Услуги, предоставляемые населению региональными и федеральными властями, будут сокращены в объеме или просто аннулированы из-за недостатка средств. США станут похожи на Веймарскую республику или Зимбабве. Обама, которого сегодня многие считают чуть ли не Спасителем, вдруг станет выглядеть жалким и никчемным слабаком. Озлобление, ставшее в последние недели причиной нескольких убийств и преступлений на почве нетерпимости, охватит широкие массы обездоленного и растерянного рабочего и среднего класса. Представители этих классов потребуют наказания виновных, радикальных перемен, порядка и нравственного обновления, что не преминет им пообещать разношерстная свора протофашистов.

"Когда доллар рухнет, — продолжает Крис Хеджес, — стоимость жизни — от питания до медицинских услуг — станет непосильной для подавляющего большинства американцев. Пенсионные фонды региональных и муниципальных органов власти растают, как снег, и их придется закрыть. Государство вынуждено будет распродавать объекты инфраструктуры — в том числе дороги и транспортные средства — частным корпорациям. Приватизированные коммунальные службы будут постоянно повышать тарифы за услуги населению, прежде регулировавшиеся и субсидировавшиеся государством. Коммерческая и частная недвижимость потеряет больше половины своей нынешней стоимости. Если сегодня рыночная стоимость 25% американских домовладений оказалась меньше взятых под них ипотечных кредитов, то вскоре с такой ситуацией столкнутся почти все собственники жилья. Получить кредит будет трудно, а продать недвижимость без больших убытков — невозможно. Наши городские кварталы будут представлять собой печальное зрелище — пустые магазины, заколоченные дома. По стране прокатится эпидемия выселений за долги. Массы бездомных выстроятся в очереди за бесплатным супом. Контролируемые большим бизнесом СМИ — уже сегодня примитивные и банальные — будут работать день и ночь, отвлекая нас бессмысленными сплетнями и зрелищами, сексом, сценами беспричинного насилия, "ужастиками" и пустопорожними политическими дебатами. Американское общество будет состоять из гигантского обездоленного "низшего класса" и крохотной властной олигархии, управляющей жестокой и беспощадной системой "неофеодализма" из неприступных "замков"-резиденций. Всякого, кто дерзнет сопротивляться, заставят замолчать — зачастую силой. За гигантские злоупотребления нашей правящей элиты придется заплатить нам — очень дорого и очень скоро".

Прогноз весьма мрачный, но реальный и многофакторный. Интересно знать, в России кто-нибудь просчитывал все плюсы и минусы возможного падения доллара? Пока российский вице-премьер — министр финансов Алексей Кудрин на Конференции ООН по мировому финансово-экономическому кризису 24 июня с.г. весьма оптимистично смотрит на будущее доллара и кризисную ситуацию в нашей стране. Но надолго ли такой оптимизм?

Безъядерный мир

Обама очень хочет выглядеть самым большим "голубем мира". Его призывы к безъядерному миру звучат очень красиво. Многие ждут от встречи в России серьезных

подвижек в разработке нового совместного документа по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ). Как известно, президент России Дмитрий Медведев предложил увязать готовность России сократить ядерные боезаряды и носители с отказом Вашингтона от размещения противоракетной обороны (ПРО) в Польше и Чехии.

Но 23 июня с.г. официальный представитель госдепартамента США Иэн Келли сообщил, что администрация Барака Обамы не согласна на предложение России связать сокращение СНВ с решением вопросов размещения американской системы ПРО в Восточной Европе.

Но сокращение российских СНВ без ликвидации ПРО в Польше и Чехии — это СМЕРТЕЛЬНАЯ УГРОЗА РОССИИ.

Ядерная программа Ирана

Обама и его окружение постоянно требуют от России присоединиться к самым жестким санкциям СБ ООН против Ирана в случае отказа последнего остановить ядерную программу. Допустим, Россия согласится на это. Но к кому будут адресованы эти санкции, если США и Запад в целом фактически не хотят признавать результаты последних выборов президента в Иране?

23 июня с.г. на пресс-конференции в Вашингтоне Обама выступил с осуждением действий иранских властей и словами поддержки в адрес протестующих.

Накануне сенатор от Калифорнии Дайан Фейнштейн, представляющая Комитет по специальным службам на Капитолийском холме, заявила, что способности спецслужб США в том, что касается их присутствия и возможности влияния в Иране, сильно ограничены. Таким образом, американские политики неоднократно прямо и косвенно давали понять, что спонсорами "зеленой революции" в Иране США не станут в силу объективных причин.

Обама и его команда пытаются оказаться "над схваткой". Но пудовые гири прежнего президента все время тащут их ко дну.

Бывший помощник министра финансов США Пол Крэйг Робертс в своей статье "Исчезающая сила правды" в "OpEdNews.com" от 18 июня 2009 года пишет по поводу последних иранских выборов: "американские спецслужбы вновь принялись за свое, выдавая на-гора дезинформацию по поводу "украденных" иранских выборов. Американская пресса вновь служит дезинформационной кампании правительства. И это несмотря на тот факт, что еще 23 мая 2007 года Брайан Росс и Ричард Эспозито рассказали в эфире ABC News, что ЦРУ получило секретное президентское одобрение начать секретную операцию по дестабилизации иранского правительства.

27 мая 2007 года лондонская газета Telegraph сообщила: "Г-н Буш подписал официальный документ, одобряющий планы ЦРУ по организации пропагандистской и дезинформационной кампании, призванной дестабилизировать, а со временем и свергнуть теократический режим мулл".

За несколько дней до этого, 16 мая 2007 года, Telegraph сообщил, что неоконсервативный разжигатель войны в администрации Буша Джон Болтон рассказал газете, что военная атака США на Иран станет "крайним вариантом" после того, как экономические санкции и попытки раздуть народную революцию окажутся провальными.

29 июня 2008 года Сеймур Херш написал в журнале New Yorker: "По словам действующих и бывших источников в военной среде, разведывательном сообществе и Конгрессе, в конце 2007 года Конгресс согласился с запросом президента Буша профинансировать крупномасштабную эскалацию секретных операций против Ирана. Эти операции, на которые президент запросил до 400 миллионов долларов, были описаны в "Президентских сведениях", подписанных Бушем. Их целью является дестабилизация религиозного руководства страны".

Иранские протесты, в которых преимущественно участвует европеизированная молодежь Тегерана, желающая освободиться от морального кодекса ислама, имеют признаки режиссуры. Протестующие могут найти друг друга с помощью цветного кода — зеленых напульсников. Их плакаты написаны по-английски и, очевидно, направлены на западную прессу. Они поют пропагандистские напевы, которые не имеют никакого отношения к фактам, которые знает любой иранец.

И вновь американские медиа и прочие эксперты, чьи амбиции зависят от карьер, связанных с правительством, насильно скармливают американской публике дезинформацию, призванную еще больше изолировать и ослабить, если не свергнуть, иранское правительство".

Оставаться "над схваткой" предполагает либо игнорировать то, что делают спецслужбы страны, которой руководишь. Либо — неспособность влиять на этот процесс. Либо действовать по принципу — "получится — хорошо. Не получится — я тут не при чем".

Но не надо при этом возмущаться позицией России за то, что она признала выборы в Иране законными. И которая пытается найти решение по ядерной программе с законно избранным президентом Ирана. Тем более, что теперь ясно: попытка организовать "оранжево-зелёную" революцию в Иране провалилась; Иран — не Грузия, это слишком крупная и серьёзная страна, там подобные куншtюки не проходят.

Нет сомнения, что вопросов для обсуждения на встрече руководителей России и США будет гораздо больше. Но, полагаем, именно от решения трех ключевых моментов, обозначенных выше, во многом зависит вся повестка дня и все ближайшее мировое развитие.

От «романтизма» к «реализму» — вынужденный выбор Америки

Во время своего визита в Россию Обама постоянно пытался подчеркнуть, что он проводит в США новую политику — реализма, которая концептуально отличается от того, что последние годы делал Буш.

В своем выступлении в Российской экономической школе 7 июля с.г. Обама заявил, что "Америка не может и не будет навязывать другим странам какую-либо систему

управления ", что "государственный суверенитет должен быть краеугольным камнем международного порядка", а также то, что "ни одна страна не в состоянии в одиночку справиться с вызовами XXI века и не вправе диктовать свои условия всеми миру".

Лозунги безусловно правильные. Но что скрыто за этими лозунгами? И не является ли новая риторика президента-реалиста просто риторикой, которая обеспечивает США передышку. Передышку в условиях глобального финансово-экономического кризиса, перспектива которого еще далеко не ясна. Передышку в "войне с терроризмом", которую теперь отказываются называть войной. Передышку в теневом и открытом противоборстве со своими главными геостратегическими конкурентами — Китаем и Россией. Передышку перед новым рывком к мировому господству и национальному процветанию.

О том, что Америке нужна передышка, прямо пишут американские учёные Чарлз Капчан и Адам Маунт (Джорджтаунский университет) в весьма знаковой статье "Автономное управление. Американская политика после "продвижения демократии", которая опубликована в журнале "Democracy. Journal of ideas" (2009, Spring, № 12). В данной статье есть нечто, что отличает их подход от "традиционного реалистического", позволяет считать их работу веховой во многих отношениях и даёт повод подробно остановиться на её базовых положениях, что мы и сделаем. Сначала мы изложим содержание статьи, сходу откомментировав некоторые моменты, а затем поразмышляем о том, что стоит за идеями Купчана и Маунта, каков их "скрытый шифр", к чему в реальности может привести реализация предлагаемой ими схемы мирового управления.

«Автономное управление», или Большая охота на «хищников»

Как это принято, особенно в англосаксонской традиции, статья на темы политики, будь то внутренней или внешней, обильно сдобрена моральной риторикой. Не избежали этого и Капчан с Маунтом. Они пишут правильные слова о необходимости сделать глобализацию более справедливой — и при этом утверждают, что обусловленное кризисом внесение поправок в западную экономическую модель (читай: капитализм) не затронет фундаментальные принципы этой модели и либеральной торговли. Последние, как мы знаем, и придают глобализации нарастающе эксплуататорский и неэгалитарный характер. В связи с этим использовать дальнейшее расширение глобальной экономики, как это пишут авторы, для того "чтобы добиться всеобщего процветания и взаимозависимости, покончить с нищетой во всём мире", это всё равно, что заливать огонь керосином. То, что либеральное мировое хозяйство содействовало развитию всего мира, просто не соответствует действительности.

Противоречит реальности и тезис авторов о текущем и грядущем расширении среднего класса.

Как пишет Валентина Бакмастер (США), потрясает бесславный конец "американской мечты": после взрыва пузыря недвижимости 12% домовладельцев позади графика выплаты ссуды, да плюс еще 6%, у которых дома отнимают банки. Обыватель недоумевал, — продолжает Бакмастер, — зачем давать ссуды банкам, когда страдает народ, когда из домов выбрасывают "среднюю Америку", когда закрываются "средние бизнесы" и без работы остаются "средние американцы"? Но ответа не было, были только совершенно необъяснимые огромные расходы.

Журналистские расследования радио-хоста Alex Jones показали, что обещания правительства США о "прозрачности" оказались ложью и в черной дыре ссуд из казначейства бесследно исчезли 5 трлн. долларов. Это гораздо больше, чем долг США Китаю и всем странам, вместе взятым. Это третья часть всего, что производит страна за целый год (ВВП США в 2008 году составил 14,33 трлн. долл.). "Теперь становится понятным, — пишет Бакмастер, — для чего была устроена небывалая спешка с пакетами стимулирования экономики. Практически правительство ничего не сделало для уменьшения безработицы и остановки ипотечного кризиса. Произошло беспрецедентное разворовывание "средней Америки", по масштабам напоминающее разворовывание России в результате социалистической революции 1917 года и ельцинской перестройки" (RPmonitor, 4 июля 2009).

Запад, прежде всего США, пишут Капчан и Маунт, неуклонно теряет своё влияние, сдаёт позиции — экономические, политические, идеологические. Всё сильнее позиции "недемократических", "нелиберальных" стран — Китая, России, исламских государств. Более того, западная модель уже не вызывает в мире того энтузиазма, который имел место в прошлом. А потому "принстонский проект" ("свободный мир под властью закона"), "лига демократий" Р. Кейгана и И. Даалдера (превращение НАТО и ряд других стран во всемирный союз, который будет переустраивать мир на "демократический" лад) и другие схемы оказались несостоятельны.

Учитывая изменившуюся реальность, США должны проявлять больше терпимости к различным типам государственного устройства, включая авторитарные. Самое главное, чтобы эти государства были "добропорядочными" и "ответственными" — отсюда цель: не насаждение демократии, а искоренение тирании. Критерии "добропорядочности", по Капчану и Маунту, таковы: государства должны стремиться улучшать жизнь граждан в соответствии с их предпочтениями, а эти предпочтения в разных странах могут быть разными в зависимости от местных традиций; не допускать геноцида собственного населения; не подвергать его сознательно лишениям; не притеснять нацменьшинства; уважать плюрализм; не спонсировать терроризм; не участвовать в незаконном экспорте оружия массового уничтожения; не осуществлять агрессию и т.д. Если же государство не соответствует этим критериям, то оно "хищник", и в этом случае оправдана маргинализация государств-хищников, т.е. таких, "которые ведут себя хищнически по отношению к собственным народам или соседним странам".

Именно размытые и практически не аргументированные критерии "добропорядочности" и "недобропорядочности" позволяют Капчану и Маунту ввести в оборот такое понятие, как "государства-хищники". Это не просто замена понятия "государства-изгои". "Изгоя" можно игнорировать, не допускать "ко двору", устраивать экономические блокады. А что делать с "хищником"? "Хищник" всегда подлежит уничтожению. Либо должен находиться в клетке. Поэтому, видимо, не случайно Капчан и Маунт, помимо термина "гуманитарная интервенция", вводят понятие "профилактическая интервенция", в которой объем карательных средств в отношении "хищников" по всей видимости должен быть более радикальным, чем в интервенциях "гуманитарных".

По поводу "государств-хищников" Капчану и Маунту следовало бы обратиться к историческим завещаниям первых президентов США. В 1821 году шестой президент Америки Джон Куинси Адамс предостерегал своих сограждан от стремления отправляться за границу "искать чудовищ, чтобы их уничтожать".

Конец XX—начало XXI веков показали, что "изгоями", "хищниками" или "друзьями", или "сукиными сынами, но нашими сукиными сынами" можно называть не по каким-либо

разработанным критериям, а в основном по тому, насколько свободно и выгодно те или иные страны допускали США к своим природным ресурсам. Кроме того, агрессию, т.е. "хищническое поведение" можно спровоцировать, как это неоднократно делали сами американцы. Это и взрыв корабля "Мэн", после которого США начали агрессию против Испании, и американская провокация в Тонкинском заливе, и события 11 сентября выглядят сверхподозрительно, а официальная американская версия абсолютно несостоятельна и опровергнута целым рядом независимых расследований.

Экономисты Пол Колер и Анке Хеффлер в своем исследовании "Жадность и недовольство в гражданских войнах" показывают, что наличие в стране богатых природных ресурсов повышает риск возникновения вооруженных конфликтов. Природные ресурсы могут быть использованы повстанцами для финансирования военных действий, а в случае победы над правительством являются главным трофеем. Чем меньше развита экономика той или иной страны и чем меньше она диверсифицирована, тем больше шансов, что в ней начнется гражданская война. Для стран, обладающих одним или двумя основными ресурсами, используемыми в качестве главной статьи экспорта (например, нефть или какао), вероятность того, что они столкнутся с проблемой гражданской войны, в пять раз выше, чем для диверсифицированных экономик (Washington Profile, 20.02.2009).

Иными словами, получить клеймо "хищника" имеют возможность все несговорчивые страны, обладающие богатыми природными ресурсами.

Вообще содержание понятий "благосостояние"", "геноцид", "притеснение национальных меньшинств" невозможно определить без идеологического, политического, конфессионального наполнения. Достаточно вспомнить конференцию ООН по расизму (апрель 2009 года), которую США (уже во главе с "реалистами") просто проигнорировали из-за нежелания слышать критику в свой адрес и в адрес Израиля по поводу "геноцида" и "притеснения национальных меньшинств".

Ну а что конкретно будет с государством, объявленным "хищником"? Маргинализация, изоляция, интервенция, ограничение или лишение суверенитета, т.е. уничтожение данного государства как такового (а далее — введение внешнего управления, будь то международное или региональное, поддержание управляемого хаоса и т.п.). Сохранение суверенитета для "достойных" государств становится одним из средств и одновременно одним из призов в автономном управлении миром: только суверенные государства могут наказывать, т.е. десуверенизировать "хищника", а потому суверенитет вообще, ослабленный глобализацией, надо сохранить и перестать ослаблять, считают Капчан и Маунт.

Всё это называется "автономным управлением". Возникает вопрос: что же во всём этом автономного? Ответ Капчана и Маунта таков: во-первых, определение "добропорядочности" и "ответственности" перестаёт быть делом исключительно Запада, США — к нему должны быть привлечены Германия, Япония, Бразилия, Индия, Индонезия, Египет, Нигерия, Южная Африка и некоторые другие страны.

Во-вторых, расширение консенсуса о том, кто будет назначен "хищником", требует институциональных реформ: экспансия глобальной власти (по сути синоним "автономного управления") "потребует передать международную ответственность, которая сейчас возлежит на нескольких либеральных демократиях в Северной Америке и Европе, достойным (подч. нами. — авт.) странам в разных частях земного шара". Перечисленные выше страны (Бразилия, Индия и т.д.) рекомендуется принять в

постоянные члены Совбеза ООН, т.е. расширяется число ответственных участников мирового процесса.

В данном случае важно даже не то, что Капчан и Маунт признают, что в современном мире эти страны всерьёз почти ничего не решают, а то, что Запад в одиночку больше не может управлять миром; не может управлять миром и посредством Трёхсторонней комиссии — нужна многосторонняя при верховенстве Запада, только так можно обеспечить "глобальную стабильность", т.е. глобальную эксплуатацию богатых бедными, для чего в этот процесс нужно включить верхушки полутора десятка незападных, "нелиберальных", "недемократических" стран. При этом желательна передача полномочий вовне Запада не столько отдельным странам, сколько региональным структурам (АСЕАН, Совет по сотрудничеству стран Персидского залива, Африканский союз, оборонный союз, формирующийся в Южной Америке и др.), возглавляемым, естественно, "достойными", "добропорядочными" и "ответственными" государствами из "расширенного консенсуса". Именно региональным "игрокам" следует передать больше полномочий в решении глобальных проблем.

Показательно, что расписывая преимущества региональных организаций, Капчан и Маунт ни слова не говорят об СНГ, ШОС, ОДКБ, хотя эффективность и дееспособность этих организаций для решения региональных кризисов гораздо выше, чем у тех, которые в качестве примера называют Капчан и Маунт. И дело здесь не в том, что в состав СНГ, ШОС, ОДКБ могут входить "недобропорядочные" государства. Дело в том, что априори, даже на уровне теоретических разработок "автономное управление" формируется не на основе реализма, который проповедуется, а по-прежнему, исходя из приоритета западных интересов и западных ценностей, которые стоят в тени "автономного управления" — именно в тени, оставаясь формально региональными. Капчан и Маунт настаивают на том, что западные организации, прежде всего НАТО, должны оставаться региональными и действовать в западных пределах, решая проблемы в других частях земного шара "автономно-управленческим" путём, т.е. с помощью незападных нелиберальных и недемократических стран.

В связи с этим при возникновении кризисов (т.е. объявления мировой верхушкой того или иного государства "хищником") реагировать на них, т.е. давить "хищника" должны те страны, которые географически наиболее близки к нему и "заинтересованы в исправлении ситуации". Подобная "автономная регионализация решает две задачи: 1) региональные организации и державы получат поддержку от местных игроков, а не от атлантических организаций, а потому их действия не будут восприниматься как реализация западного влияния; 2) вмешательство региональных организаций "будет, скорее всего, происходить с учётом местных ценностных установок и принципов (читай: на авторитарной, нелиберальной, недемократической основе. — авт.), а значит, решение назревших проблем приобретёт более легитимный и долгосрочный характер".

По сути, Капчан и Маунт ещё раз признают, что у Запада (США) не только не хватает сил для прямого управления миром — нужно косвенное, автономное (чужими руками), но и что западные методы управления миром, т.е. обеспечение социально-политических, культурно-идеологических условий глобальной эксплуатации утрачивают эффективность, а следовательно, необходим переход от западных "либеральных" к местным "авторитарным", которые в глазах местного населения будут легитимными, как бы своими. Иными словами, речь идёт о демонтаже западного либерального фасада глобализации и замена его вне Запада местными формами — на иное нет сил и возможностей.

Этот шаг отчасти можно сравнить с прекращением серьёзной экспансии Римской империи после Траяна (98-117 гг. н.э.) с характерным для неё стремлением переделать мир на римский лад и переходом к косвенным, дистанционным методам управления, с одной стороны, и к стратегии обороны, сдерживания (строительство валов против варваров на границах империи), с другой, ибо к концу I в. н.э. внешне находившаяся в своём зените Римская империя достигла предела в перенапряжении сил.

То же — с Америкой и Западом, и Капчан с Маунтом не скрывают этого. Они прямо пишут: "Учитывая тот факт, что продолжающиеся миссии в Ираке и Афганистане требуют от Запада колоссального напряжения ресурсов (т.е. этих двух стран хватило "за глаза" для "имперского перенапряжения" всего современного Запада, поздравим его с этим. — авт.), особенно на фоне экономического кризиса, наделение региональных организаций более широкими полномочиями позволит атлантическим демократиям, наконец, переложить часть бремени на плечи других участников мирового процесса" (подч. нами. — авт.). Откровеннее не скажешь.

Но задача не вообще переложить бремя глобального контроля Запада на незападные плечи, а обеспечить США, Западу передышку. Капчан и Маунт и об этом пишут вполне откровенно: "Взращивание (sic! — авт.) новых участников мирового процесса, делегирование ответственности за международные отношения региональным игрокам, а также перевод мировой экономики на более стабильный фундамент даёт США необходимую передышку, чтобы сосредоточиться на восстановлении фундамента национального процветания" (подч. нами. — авт.).

Вот одна из главных причин введения "автономного управления": разгрузить Америку, дать ей передышку — ну просто новая экономическая политика (НЭП), которая тоже была передышкой для обессиленного гражданской войной большевистского режима, чтобы через несколько лет развернуть наступление на крестьянство (коллективизация). Перед нами нечто вроде глобального НЭПа, у которой вполне очевидные экономические цели. Ведь поскольку Америка перенапряглась, она не может обеспечивать глобальную экспансию вглубь, а вширь глобальная экспансия закончилась в начале 1990-х годов.

Капчан и Маунт формулируют это как значительное уменьшение роли Америки в выполнении функции "кормчего мировой торговли". В таких условиях, — внимание! — по их мнению, необходимо принять меры против разрастания тенденции к протекционизму, поддерживать стабильность свободных рынков, блокировать возврат к экономическому либерализму, а раз у Америки нет на это сил и раз либеральные методы не работают, раз, вопреки прогнозам, глобализация даёт наибольшие преимущества не странам со свободным рынком, либеральной экономикой и политикой, а "авторитарным странам" типа Китая и Индии, следует подключить к решению этой задачи крупнейшие и сильнейшие авторитарные незападные государства с их нелиберальными методами (помимо прочего, это заставит их больше тратить, а следовательно, притормозит конкурентный экономический рост в условиях глобализации). Ради этого можно закрыть глаза на нелиберальность — прибыль важнее — и пойти на создание "по-настоящему плюралистического международного порядка", возглавляемого, разумеется, США.

Такой подход отчасти напоминает "новое мЫшление" a la Горбачёв, только если последний шёл от "частных" (классовых) ценностей к общим, универсальным, то Запад, согласно Капчану и Маунту, в целях более эффективного — автономного — управления миром должен перейти от универсальных ("либеральных" и "демократических") ценностей в политике к "плюрализму". И конечно же, в отличие от Горбачёва, Обама своё "новое мышлЕние" разрабатывает не для того, чтобы капитулировать, позорно сдать всё

(хотя многие в Америке его в этом подозревают), а для сохранения господства в определённых классовых, государственных и корпоративных интересах.

Впрочем, в "новом прекрасном мире" автономного управления США, если им нужно, если это выгодно и ненакладно, могут продолжать прежний курс "распространения демократии": "уважение к принципам автономного управления ни в коем случае не исключает права политического истеблишмента США ставить перед собой задачу распространения демократии во всём мире". По-видимому, тех, кто будет сопротивляться этому, объявят "государством-хищником". Аналогичным образом на роль таких государств назначат и тех, кто станет сопротивляться "глобализации вглубь", попытается противостоять ей с помощью протекционизма и "экономического национализма", т.е. ограничивать накопление и прибыли Запада.

Впрочем, здесь есть свои ограничения — далеко не всякое государство легко назначить на роль "хищника". Опыт Ирака и Афганистана показал, что на эту роль годятся только слабые — уже Иран трудно "поместить" в этот разряд (локализация бунтов после недавних выборов в Иране это наглядно показала), не говоря о многих других странах, которые Америке не под силу, для этого и нужна "глобальная преторианская гвардия "достойных".

То, что с назначением на роль "хищника" надо быть осторожным и аккуратным, выбирая жертвы, которые "можно скушать", Капчан и Маунт оговаривают специально: "акты, обосновывающие отказ в праве на суверенитет, а также на изоляцию той или иной страны и вмешательство в её внутренние дела, должны тщательно взвешиваться, чтобы более широкое толкование "преступного поведения" не привело к демонтажу международного порядка, который в обозримой перспективе будет опираться на принцип национального суверенитета".

Таким образом, во-первых, "государств-хищников" не должно быть слишком много — это может разрушить всю систему автономного управления, это чревато настоящей блоковой войной. Во-вторых, на роль "хищника" нельзя назначать режимы, которые могут дать отпор либо потому что имеют потенциал для этого, либо потому что пользуются широкой поддержкой своего населения и на такой основе проводят самостоятельную внешнюю политику, т.е. если пользоваться терминологией Капчана и Маунта, "не придерживаются принципов автономного управления во внешней политике". Американские авторы говорят об этом прямо и, мы сказали бы, с наивным цинизмом. "Изоляция или интервенция в некоторых случаях могут оказаться непродуктивными, особенно в отношении государств, которые придерживаются принципов автономного управления во внутренней политике и игнорируют их во внешней" (подч. нами. — авт.).

Такие страны, согласно Капчану и Маунту, следует не давить, не хлестать кнутом, а вовлекать, приманивая пряником (как похоже на то, что уже сейчас делает Обама!). Например, подчёркивают американцы, если Иран увидит, "что статус добропорядочной страны, доступный в обмен на отказ от ядерной программы и поддержку терроризма сулит ему реальные выгоды, он скорее пойдёт на сотрудничество, нежели в случае угроз изоляции и интервенции". Да, действительно, Иран — не Вануату, не Лесото и даже не Ирак, его так просто не нагнёшь, и Капчан с Маунтом правы, рассуждая с американской точки зрения. Однако помимо этой точки зрения и связанных с ней интересов есть и другие. Во-первых, это Израиль и произраильское лобби в США, цель которых — нанести удар по Ирану, поскольку ядерная программа Ирана представляет для них экзистенциальную угрозу. Во-вторых, это интересы ряда корпораций, у которых — свои интересы вообще и на Ближнем Востоке в частности и соответственно свои внешние

политики. Здесь необходимо отметить, что серьёзной проблемой для реализации Америкой новой — автономной — модели мирового управления — может стать столкновение интересов США как государства и транснациональных корпораций, с одной стороны, и наднациональных структур мирового управления, с другой.

Видимо, такое столкновение уже началось. Достаточно посмотреть на открытый конфликт между Обамой и бывшим вице-президентом США Чейни.

Модель автономного управления миром – открытые шифры

Что мы имеем в сухом остатке, если отбросить характерную англосаксонскую риторику, которой следует верить так же, как Гамлет верил Розенкранцу и Гильденстерну? У США нет сил и средств управлять миром, т.е. обеспечивать глобальное накопление капитала. Тем более, что, во-первых, глобальная экспансия капитала вширь окончена — нужна глобализация вглубь, требующая и дополнительных сил, и новых методов. США нужна передышка. Во-вторых, США всё больше и чаще сталкиваются не только с сопротивлением, но также с непредвиденными средне- и долгосрочными результатами своей внешней политики (прежде всего в Азии) во второй половине XX в. "Отдача" и "немезида" — так характеризует бумеранговое возвращение указанных результатов Ч. Джонсон — автор книг с одноименным названием — "Отдача" и "Немезида". Иными словами, США слабеют, несмотря на де факто превращение в течение последних 15-20 лет в военную империю, проблемы нарастают. И в то же время США должны оставаться наверху "трофической цепи" глобального накопления, не теряя бразды управления миром. В качестве решения этой дилеммы и предлагается модель автономного управления миром (МАУМ). И мы видим, что кое-какие шаги в её реализации уже имеют место. Если схему МАУМ начнут реализовывать всерьёз, то мы получим вторую, после 1973 г., важнейшую веху в развитии мирового управления, а мир вступит в новую управленческую фазу.

Напомним, что оказавшись на рубеже 1960-1970-х годов в тяжелейшей, кризисной ситуации, США вынуждены были резко и существенно повысить роль Западной Европы (прежде всего Германии) и Японии в управлении мировыми процессами. Организационным выражением этой вынужденной уступки (США требовалась передышка, и СССР, к сожалению, этим не воспользовался, предпочтя сыто почивать на "нефтяных лаврах") стало создание Трёхсторонней комиссии. Именно поддержка со стороны Европы (Германии) и Японии позволила США устоять в 1980-е годы, когда рейганомика чуть не столкнула страну в пропасть. Разрушение СССР и перекачка огромных сумм (по разным оценкам — от 200 млрд. до 1 трлн. долл.) в США на время решили их проблемы. Однако экономическое давление Китая, нарастание кризисных явлений и ряд других факторов, включая имперское перенапряжение, в очередной раз столкнули США с серьёзнейшими проблемами. "Трёхсторонности" для их решения уже не хватает, нужна много— (10-15) сторонность, необходимо подключить к решению задачи сохранение американского руководства миром верхушек уже не двух "сторон", а десятка-полутора, создать клуб управителей мира, наделить их "кольцами власти", но так, чтобы главное — Кольцо Всевластия — осталось в руках США, как и право назначать те или иные страны на роль зла, Мордора, "хищников" и т.п.

Задумано неплохо, точнее, это, пожалуй, единственный выход для США институциализировать очередную фазу — будем называть вещи своими именами — своего ослабления, утраты гегемонии, отступления как форму автономного (косвенного) управления миром. "Многосторонняя комиссия" — так тоже можно назвать этот проект, проект намного более реалистичный, чем "новое американское столетие", "лига демократий" и т.п. И в то же время более хитрый, иезуитский. Ведь, по сути, создаётся глобальная преторианская гвардия из наиболее крупных государств полупериферии, верхушке которых поручается защита интересов США, Глобальной Матрицы (хотя это не одно и то же, но в данном случае от указанного различия можно абстрагироваться) и в связи с этим делегируются некие права и полномочия (участвовать в определении "хищников", наказывать их, отнимая суверенитет, ресурсы и т.д.), и долю в отчуждаемом глобальном продукте. Речь идёт именно о верхушках, которые конституируют корпорацию-государство внутри всё более превращающегося в скорлупу нации-государства; их включение в "автономное управление" — это не включение целых стран в мировую верхушку, а включение именно аппаратов управления — корпораций-государств в верхнюю часть мировой пирамиды-иерархии корпораций-государств, над которой висит Око — недремлющий глаз хозяев пирамиды.

Однако, как гласит распространённая у англосаксов поговорка, "every acquisition is a loss and every loss is an acquisition" — "каждое приобретение — потеря и каждая потеря — приобретение". Приобретения, которые сулит МАУМ, особенно в краткосрочной перспективе, очевидны и понятны. Но, как несколько раз повторил Обама в Москве понравившуюся ему фразу одного из студентов: " В реальности мир не так рационален, как на бумаге". На наш взгляд, уже в среднесрочной, не говоря о долгосрочной перспективе, вырисовываются возможные потери, причём весьма серьёзные.

Первое. Капчан и Маунт строят свою статью так, будто в мире после крушения исторического коммунизма и распада СССР исчезло противостояние. Однако факты противоречат такому подходу. Если говорить о кризисе, то он только усилил это противостояние. Причем речь идет не только о глобальном противостоянии по осям США-Китай, США-Россия. На планете одномоментно идет каскад противостояний разного уровня, в каждом из которых просматриваются отблески глобальных противостояний.

По данным Гейдельбергского Института Исследований Международных Конфликтов, в 2008 году в мире было отмечено 345 политических конфликтов, 39 из которых перешли в военную стадию, среди них было девять "полноценных" войн. Кроме того, в 95 случаях конфликты переходили в стадию спорадического насилия, то есть там вели бои и проливалась кровь, однако число жертв было относительно небольшим. По сравнению с 2007 годом ситуация, значительно ухудшилась — в частности потому, что тогда военная стадия наблюдалась в случае с 32 конфликтами.

Кровавыми, затяжными зонами конфликтов продолжают оставаться Ирак, Афганистан. Впереди отчетливо маячат еще две более масштабные войны, в которых, возможно, предстоит участвовать США, — в Пакистане (которая опосредованно уже идет) и с Ираном. Несмотря на оптимизм новых "реалистов" по поводу недопущения этих войн, вероятность их начала весьма высока. Причем вероятность начала этих войн уже в 2009 году возрастает с каждым месяцем.

Быстрая трансформация миролюбивых июньских заявлений Обамы в Каире в отношении Ирана в июльский демарш Байдена, который фактически дал "зеленый свет" Израилю в бомбардировках Ирана, показала, что политическая верхушка США разыграла

классическую схему "доброго" и "злого" полицейских. Но итог этого "розыгрыша" — ВОЙНА.

И, наконец, последнее по счёту, но не по значению: Капчан и Маунт "забыли" о Китае, о его конкуренции с США. Действительно, Китай ломает всю МАУМ. Ответа на вопрос, как интегрировать в неё Китай, у её авторов нет. Думается, беспорядки в Синьцзяне поставили на этой интеграции жирную точку. Китайцы в своих СМИ открыто обвинили "Всемирный конгресс уйгуров" со штаб-квартирой в США в сетевой организации этого мятежа.

Второе. Резервуар, из которого черпает дополнительные силы МАУМ, создавая новое, расширенное "Глобальное Политбюро" — полупериферия, т.е. средний слой мировой системы. В результате этот мировой средний слой, мировая середина размывается, усиливается поляризация в глобальном масштабе: слабые и бедные — внизу, богатые и сильные, которые автономно управляют ими (т.е. изымают прибавочный продукт) — наверху. И почти никакой середины. Иными словами, в сфере межгосударственных отношений и на глобальном уровне должно произойти то, к чему неолиберальная глобализация уже привела в экономике как на межстрановом, так и на внутристрановом уровне — вымывание середины, разрушение среднего слоя.

Как показывают исследования ООН и Всемирного Банка, именно страны со средним уровнем дохода стали жертвами неолиберальной глобализации: со странами с высоким уровнем дохода они не могут конкурировать по технологическим и институциональным причинам, со странами с низким уровнем дохода — из-за дешевизны рабочей силы в последних. Что касается среднего слоя внутри различных стран, то его положение за последнюю четверть века ухудшается везде: в одних случаях — стремительно и катастрофически (Латинская Америка в 1980-е годы, Восточная Европа и экс-СССР в 1990-е), в других — постепенно (США, Западная Европа).

С точки зрения тренда вымывания/ослабления середины на меж— и внутригосударственном уровне МАУМ — это последний штрих, завершающий мазок в оформлении системы без середины, системы глобального апартеида. Такие системы, однако, крайне неустойчивы. Поляризация порождает не просто гроздья гнева, но социальный динамит. "Глобальный полицейский" в виде чего-то типа "Многосторонней комиссии" и её структур не сможет эффективно решить проблему отрицательных последствий уничтожения середины.

Более того — и здесь мы подходим к третьему фактору. Решив какие-то проблемы в краткосрочной перспективе, МАУМ создаст серьёзные среднесрочные проблемы, которые она решить не сможет. Причём главной проблемой, скорее всего, станут силовые структуры МАУМ — глобальная преторианская гвардия, т.е. организованные в корпорации-государства верхушки вновь принятых в ядро "ответственных" и "добропорядочных" стран. История учит: рано или поздно преторианцы ставят императоров (и империю) под контроль.

В 1991 году во Франции была опубликована весьма интересная книга Ж.-К. Рюфэна "Империя и новые варвары. Разрыв Север — Юг". Разбирая различные варианты реагирования Севера (Запада) на давление со стороны Юга, особое внимание он уделил такой форме, как "государство-буфер" (l'etat-tampon). "Государство-буфер" — это относительно развитое и граничащее с Севером или расположенное недалеко от него государство, верхушка которого защищает Север от наступления Юга, вызовов и давления с его стороны. В качестве возможных "государств-буферов" Рюфэн называет Мексику,

Алжир, Турцию и ряд других. Обеспечивая стабильность Северу, "государства-буферы" получают за свои полицейские функции долю прибавочного продукта, т.е. начинают соучаствовать в эксплуатации Юга в качестве эдакого "Полусевера".

Однако, подчёркивает Рюфэн, здесь кроется серьёзная проблема для сытого мирного и стареющего Севера — растущая зависимость от "государств-буферов", которые по определению должны быть авторитарными и милитаристскими. С какого-то момента они начнут шантажировать Север, требуя всё большую долю в отчуждаемом глобальном продукте. Аргументы у "буферщиков" — беспроигрышные и убийственные: от прекращения выполнения своих функций до угрозы (она вполне реальна) возглавить Юг в его не столько даже борьбе против Севера, сколько в организации нашествия южных масс в "северную зону", в завоевании её и создании на её руинах нового мира — sic transit Gloria mundi Запада.

Кстати, история Римской империи — наглядное свидетельство крушения стратегии типа "буферов" и МАУМ. Варвары, которым разрешали селиться на границах империи, должны были защищать её от других, более диких варваров, получая за это определённое вознаграждение. Возник целый пограничный пояс таких структур, который со временем начал давить на слабеющую империю, шантажировать её. А когда империя не смогла платить, варвары просто завоевали её, воспроизведя на международном уровне схему "преторианцы — император". Иными словами, Римская империя взрастила своего могильщика. Поэтому Капчану и Маунту следует быть более осторожными с их призывами к Западу "взращивать новых участников мирового процесса", тем более, что Америка уже "взрастила" бен Ладена, а Израиль — "Хамас" — мало не показалось. С другой стороны, у США как империи, по-видимому, просто нет другого выхода, и это, перефразируя название одной из книг Ч. Джонсона ("Печали империи"), одна из её печалей. Вопрос в том, насколько Западу (США) удастся продлить передышку и растянуть процесс сохранения "руководства многосторонним миром".

С учётом сказанного выше ясно, что МАУМ объективно является мягкой формой перехода Запада к постзападному миру, а Америки — к миру, в котором она не будет гегемоном и в котором будет 7-10 конкурирующих игроков. О скором пришествии такого мира уже пишут на Западе. Так, в 2008 году в Париже появилась книга Ж.-Ф. Сюсбьеля "Воюющие царства. К новой мировой войне". По мнению автора, мир после 2020 года вступит в эпоху, весьма похожую на эпоху "Чжаньго" ("Воюющих царств") в китайской истории, когда семь примерно равных по силе царств — Ци, Чу, Янь, Хань, Чжао, Вэй и Цинь — в течение почти двух столетий (403-221 гг. до н.э.) вели борьбу за объединение китайского мира. Похоже, глобальный мир тоже вступает в подобную эпоху, и предлагаемая МАУМ — один из индикаторов приближения новой эпохи.

Нам в России для себя надо решить: работать вместе с американцами на торможение или же действовать по принципу "падающего подтолкни", т.е. работать на приближение новой эпохи, новой глобальной смуты? Эта дилемма становится главной. И решать ее надо весьма прагматически — ничего личного, только политические, военные и экономические интересы РОССИИ. В любом случае с американцами надо говорить, тем более, что готовность Обамы к "диалогу" даже с "авторитарными" режимами обусловлена логикой "многостороннего проекта", знаменующего переход от реализма к неореализму — обстоятельства заставляют. Этого, кстати, совершенно не поняли некоторые российские "шестерки" США, которых американцы прикормили в "лихие девяностые". Накануне визита Обамы несколько так называемых либералов-прозападников разразились статьями, в которых не одобряли компромиссный настрой Обамы по отношению к РФ, требовали ужесточения позиции и даже позволили себе критиковать хозяев — это

примерно так же, как если бы Шакал Табаки вздумал учить Шер-хана охотиться. Они так и остались в ушедших в прошлое 1990-х годах. Как сказал Маугли о Белой Кобре, "она пережила свой яд".

В 1990-е годы США были "на коне", могли диктовать РФ условия (выступая перед американскими военными в октябре 1995 г., Клинтон "милостиво" заметил, что США позволят России быть, но не позволят ей быть великой державой), а российские "шестерки" привыкли к этому, именно поэтому им так не нравится все, что связано с НЕЗАВИСИМОЙ РОССИЕЙ. Но сегодня мир изменился. Штаты в состоянии перенапряжения, они ищут адекватные новой реальности подходы. Подходы эти могут быть разными, но лежат они в одной плоскости — неореализм в духе модели автономного управления миром. Ну а российской обслуге заокеанских хозяев надо срочно учить "новые песни". Впрочем, ИМ не привыкать.

Но НАМ привыкать к этому никак нельзя. Нельзя менять НАШИ концептуальные подходы к развитию и безопасности страны, если заокеанский партнер в очередной раз, как в известном анекдоте, оправится и скажет: "концепция изменилась".

Передышка для гегемона

5 июля 2009
Владимир Овчинский, Андрей Фурсов

В.С. Овчинский – д. ю. н., советник председателя Конституционного суда РФ, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике», **А.И. Фурсов** – к. и. н., директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета.

Резюме: Американский политический класс активно ищет возможность разделить с какой-либо из других держав бремя обеспечения глобального доминирования США. Для этого Вашингтон готов отказаться от продвижения демократии и допустить определенную долю идеологического плюрализма под надзором Запада.

Оказавшись в центре глобального финансово-экономического кризиса, завязнув в «войне с терроризмом» и «продвижении демократии», политическая элита США напряженно ищет альтернативные пути национального процветания и мироустройства. Такого мироустройства, где Америка снова станет доминирующей силой международной политики. Для достижения этой цели Соединенным Штатам нужны, во-первых, новая модель глобального управления, и, во-вторых, «передышка».

Об этом пишут американские ученые Чарльз Капчан и Адам Маунт в статье «Автономное управление», опубликованной в этом номере журнала. Авторы призывают к более реалистическому подходу во внешней политике. Они – не первые, кто говорит о такой необходимости. Как заметил обозреватель Financial Times Гидеон Рахман, «некоторые из первых заявлений Барака Обамы указывают на то, что мессианское в каком-то смысле представление администрации Буша о “продвижении демократии” как главном приоритете внешней политики США теперь можно спокойно отложить на полку».

А, например, бывший министр иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами высказался еще более определенно: «Принцип организации внешней политики нового президента заключается именно в отсутствии принципиальных, идеологических нормативов. Сущностью его подхода к международным вопросам является прагматизм». При этом Бен-Ами признаёт, что большинство предшественников Барака Обамы «начинали как приверженцы международного сотрудничества до тех пор, пока события не вынуждали их вернуться к стратегии противостояния».

Тем не менее в статье Купчана и Маунта есть нечто, что отличает их подход от традиционного реалистического, позволяет считать их работу веховой во многих отношениях и дает повод подробно остановиться на ее базовых положениях.

БОЛЬШАЯ ОХОТА НА «ХИЩНИКОВ»

Запад, прежде всего Соединенные Штаты, пишут Капчан и Маунт, неуклонно теряет свое влияние, сдает позиции – экономические, политические, идеологические. Западная модель уже не вызывает в мире энтузиазма, который имел место в прошлом. А потому «принстонский проект» («свободный мир под властью закона»), «лига демократий» по лекалам Роберта Кейгана или Иво Даалдера (расширение НАТО и превращение ее во всемирный союз, который будет переустраивать мир на «демократический» лад) и другие схемы несостоятельны.

Учитывая изменившуюся реальность, США следует проявлять больше терпимости к различным типам государственного устройства, включая авторитарные. Главное, чтобы эти государства были «добропорядочными» и «ответственными», – отсюда и цель: не насаждение демократии, а искоренение тирании. Критерии «добропорядочности», по Капчану и Маунту, таковы: государства должны стремиться улучшать жизнь граждан в соответствии с их предпочтениями, которые могут быть разными в зависимости от местных традиций; не допускать геноцида собственного населения; сознательно не подвергать его лишениям; не притеснять нацменьшинства; уважать плюрализм; не спонсировать терроризм; не участвовать в незаконном экспорте оружия массового уничтожения; не осуществлять агрессию и т. д.

Если же государство не соответствует этим критериям, то оно «хищник», и в этом случае оправданна «гуманитарная и профилактическая интервенция», маргинализация государств, «которые ведут себя хищнически по отношению к собственным народам или соседним странам». «В той мере, – пишут Капчан и Маунт, – в какой государство осуществляет управление в интересах роста благосостояния граждан (расплывчатое требование, поскольку всегда есть и будут группы, считающие себя обделенными. – Авт.) и не совершает актов агрессии против других стран, такому государству необходимо гарантировать полноценный территориальный суверенитет».

Именно размытые и практически неаргументированные критерии «добропорядочности» и «недобропорядочности» позволяют Капчану и Маунту ввести в оборот такое понятие, как «государства-хищники». Это не просто замена понятия «государства-изгои». «Изгоя» можно игнорировать, не допускать в «приличное общество», устраивать экономические блокады. «Хищник» же опасен и потому подлежит уничтожению. Поэтому, видимо, не случайно Купчан и Маунт, помимо давно применяемого термина «гуманитарная интервенция», вводят понятие «профилактическая интервенция», в которой применение карательных средств, по всей видимости, еще более произвольно.

«Хищническое поведение», дающее предлог для ответных действий, можно спровоцировать, как это неоднократно делали сами американцы. Достаточно вспомнить и взрыв корабля «Мэн», после которого Соединенные Штаты начали агрессию против Испании, и американскую провокацию в Тонкинском заливе, послужившую основанием для вмешательства во Вьетнаме. Да и истинную подоплеку событий 11 сентября 2001 года мы, возможно, узнаем лишь много позже.

К тому же конец XX – начало XXI века показали, что критериями причисления к «изгоям», «хищникам» либо «друзьям» в основном служат степень лояльности тех или иных государств Вашингтону и их готовность допустить США к своим природным ресурсам. Экономисты Пол Колер и Анке Хеффлер в исследовании «Жадность и недовольство в гражданских войнах» показывают, что наличие в стране богатых природных ресурсов повышает риск возникновения вооруженных конфликтов. Природные ресурсы могут быть использованы повстанцами для финансирования военных действий, а в случае победы являются главным трофеем. Для стран, обладающих одним либо двумя основными ресурсами, используемыми в качестве главной статьи экспорта (например, нефть или какао), вероятность столкнуться с проблемой гражданской войны в пять раз выше, чем для диверсифицированных экономик.

Иными словами, получить клеймо «хищника» имеют возможность все несговорчивые страны, богатые минеральным сырьем. А содержание понятий «благосостояние», «геноцид», «притеснение национальных меньшинств», как показывает практика, зависит от идеологического, политического, конфессионального наполнения.

Что будет с государством, объявленным «хищником»? Маргинализация, изоляция, интервенция, т. е. ограничение или лишение суверенитета, введение внешнего управления, будь то международное либо региональное, и т. п. Сохранение суверенитета для «достойных» государств становится средством и одновременно одним из призов. Только суверенные государства могут наказывать, десуверенизировать «хищника», а потому суверенитет вообще, ослабленный глобализацией, надо сохранить и перестать ослаблять, считают Капчан и Маунт.

Что же во всем этом автономного?

Во-первых, определение «добропорядочности» и «ответственности» перестает быть делом исключительно западных государств, США. К нему должны быть привлечены такие страны, как Бразилия, Египет, Индия, Индонезия, Нигерия, Южно-Африканская Республика и некоторые другие.

Во-вторых, расширение консенсуса о том, кого назначить «хищником», требует институциональных реформ: экспансия глобальной власти (по сути, синоним «автономного управления») «потребует передать международную ответственность, которая сейчас лежит на нескольких либеральных демократиях в Северной Америке и Европе, достойным странам в разных частях земного шара» (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Авт.). Перечисленные выше государства рекомендуется принять в постоянные члены Совета Безопасности ООН (вместе с Германией и Японией), расширив тем самым состав ответственных участников мирового процесса.

Здесь Капчан и Маунт делают два важных признания: во-первых, перечисленные страны в современной модели всерьез почти ничего не решают, а во-вторых, Запад в одиночку больше не может управлять миром. Иными словами, вместо того, что называется Трехсторонней комиссией (США – Европа – Япония), нужен «многосторонний» с участием полутора десятков незападных, «нелиберальных», «недемократических» стран. При этом передача полномочий вовне Запада желательна не столько отдельным странам, сколько региональным структурам (АСЕАН, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Африканский союз, оборонный союз, формирующийся в Южной Америке и пр.), возглавляемым «достойными», «добропорядочными» и «ответственными» государствами из «расширенного консенсуса». Именно региональным игрокам следует передать больше полномочий в решении глобальных проблем.

Показательно, что, расписывая преимущества региональных организаций, авторы ни словом не упоминают, например, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) или Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), хотя эффективность этих структур для преодоления региональных кризисов гораздо выше, чем тех, которые приводятся в качестве примеров. Дело здесь не в том, что в состав ШОС и ОДКБ могут входить «недобропорядочные» государства. Просто даже на уровне теоретических разработок «автономное управление» априори формируется не на основе настоящего реализма, а по-прежнему исходя из приоритета западных интересов и ценностей.

Американские исследователи настаивают на том, что западные организации, прежде всего НАТО, должны оставаться региональными и действовать в западных пределах (явный отход от недавно еще популярной, но нереализуемой идеи глобализации Североатлантического альянса), решая проблемы в других частях земного шара «автономно-управленческим» путем, т. е. с помощью незападных, нелиберальных и недемократических стран. А институтов, созданных державами, которые отстаивают самостоятельное виЂдение путей развития, как будто просто не существует.

В-третьих, в этой связи при возникновении кризисов давить «хищника» должны страны, которые географически наиболее близки к нему и «заинтересованы в исправлении ситуации». Подобная «автономная регионализация» решает две задачи: 1) региональные организации и державы получат поддержку от местных игроков, а не от атлантических структур, и поэтому их действия не будут восприниматься как реализация западного влияния; 2) вмешательство региональных организаций будет происходить, скорее всего, «с учетом местных ценностных установок и принципов» (читай: на авторитарной, нелиберальной, недемократической основе. – Авт.), а значит, решение назревших проблем приобретет «более легитимный и долгосрочный характер».

По сути, Капчан и Маунт не только еще раз констатируют, что у Запада (США) не хватает сил для прямого управления миром (нужно косвенное, автономное, чужими руками), но и признают: западные методы такого управления утрачивают эффективность. Следовательно, необходим переход от западных «либеральных» к местным «авторитарным» способам, которые в глазах населения будут легитимными, как бы своими. Иными словами, речь идет о демонтаже западного либерального фасада глобализации и замене его вне Запада локальными формами, поскольку на иное нет сил и возможностей.

Этот шаг отчасти можно сравнить с прекращением серьезной экспансии Римской империи после правления Траяна (98–117). К концу I века н. э. внешне находившийся в зените могущества Рим достиг предела в перенапряжении сил. И стремление переделать мир на римский лад сменилось косвенными, дистанционными методами управления, с одной стороны, и стратегией обороны, сдерживания (строительство валов против варваров на границах империи) – с другой.

Капчан и Маунт прямо пишут: «Учитывая тот факт, что продолжающиеся миссии в Ираке и Афганистане требуют от Запада колоссального напряжения ресурсов, особенно на фоне экономического кризиса, наделение региональных организаций более широкими полномочиями позволит атлантическим демократиям в конечном счете переложить часть бремени на плечи других участников мирового процесса». Откровеннее не скажешь.

Но задачей является не вообще переложить бремяна незападные плечи, а обеспечить передышку Соединенным Штатам. Капчан и Маунт и об этом пишут вполне откровенно: «Взращивание новых участников мирового процесса, делегирование ответственности за международные отношения региональным игрокам, а также перевод мировой экономики на более стабильный фундамент дают США необходимую передышку, чтобы сосредоточиться на восстановлении фундамента национального процветания».

Новая экономическая политика (НЭП), которая для обессиленного Гражданской войной (1918–1920) большевистского режима тоже была передышкой, позволила через несколько лет развернуть наступление на крестьянство в рамках коллективизации.

Авторы отмечают значительное уменьшение способности Америки выполнять функции «кормчего мировой торговли». В таких условиях, по их мнению, необходимо принять меры против разрастания тенденции к протекционизму, поддерживать стабильность свободных рынков, блокировать возврат к экономическому либерализму. Раз у Америки нет на это сил и глобализация, вопреки прогнозам, стала давать преимущества не государствам со свободным рынком, либеральными экономикой и политикой, а «авторитарным странам», то к решению данной задачи следует подключить сильнейшие авторитарные незападные государства с их нелиберальными методами. (Помимо прочего это заставит их больше тратить, а следовательно, притормозит экономический рост

конкурентов.) Ради этого можно закрыть глаза на нелиберальность и пойти на создание «по-настоящему плюралистического международного порядка», возглавляемого, разумеется, США.

Впрочем, в мире автономного управления Соединенные Штаты, если им нужно, выгодно и ненакладно, могут возвращаться и к прежнему курсу: «Уважение к принципам автономного управления ни в коем случае не исключает права политического истеблишмента США ставить перед собой задачу распространения демократии во всем мире». По-видимому, того, кто будет этому сопротивляться, объявят «государством-хищником». Аналогичным образом на роль таких государств назначат и тех, кто станет сопротивляться «глобализации вглубь», попытается противостоять ей с помощью протекционизма и «экономического национализма», т. е. ограничивать накопление и прибыли Запада.

Капчан и Маунт оговаривают специально: «Акты, обосновывающие отказ в праве на суверенитет, а также на изоляцию той или иной страны и вмешательство в ее внутренние дела, должны тщательно взвешиваться, чтобы более широкое толкование “преступного поведения” не привело к демонтажу международного порядка, который в обозримой перспективе будет опираться на принцип национального суверенитета».

Таким образом, во-первых, «государств-хищников» не должно быть слишком много – это разрушит всю систему автономного управления и чревато настоящей блоковой войной. Во-вторых, на роль «хищника» нельзя назначать режимы, которые могут дать отпор либо потому, что имеют потенциал для этого, либо потому, что пользуются широкой поддержкой своего населения и на такой основе проводят самостоятельную внешнюю политику. Американские авторы говорят об этом прямо и, мы бы сказали, с наивным цинизмом. «Изоляция или интервенция в некоторых случаях могут оказаться непродуктивными, особенно в отношении государств, которые придерживаются принципов автономного управления во внутренней политике и игнорируют их во внешней».

Такие страны надо не хлестать кнутом, а вовлекать, приманивая пряником. Например, если Иран увидит, «что статус добропорядочной страны, доступный в обмен на отказ от ядерной программы и поддержку терроризма сулит ему реальные выгоды, он скорее пойдет на сотрудничество, нежели в случае угроз изоляции и интервенции».

АВТОНОМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ - СКРЫТЫЕ ШИФРЫ

Что мы имеем в сухом остатке?

Во-первых, у США нет сил и средств управлять миром, т. е. обеспечивать глобальное накопление капитала. Тем более что мировая экспансия капитала вширь окончена – нужна глобализация вглубь, требующая и дополнительных сил, и новых подходов. Соединенным Штатам нужна передышка.

Во-вторых, США все чаще сталкиваются не только с сопротивлением, но также и с непредвиденными средне- и долгосрочными результатами своей внешней политики (прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке и в Азии) во второй половине XX столетия. «Отдача» и «немезида» – так характеризует бумеранговое возвращение указанных результатов американский политолог Чалмерс Джонсон. Иными словами, несмотря на то что в течение последних 15–20 лет Соединенные Штаты де-факто превратились в военную империю, их способность решать нарастающие проблемы снижается.

В качестве нового способа обеспечения американского лидерства и предлагается модель автономного управления миром (МАУМ) с распределением бремени на 10–15 сильных игроков. Пожалуй, для США это единственный способ институционализировать очередную фазу американского ослабления, утраты гегемонии, отступления как форму автономного (косвенного) управления миром. «Многосторонняя комиссия» – так тоже можно назвать этот проект, намного более реалистичный, чем «новое американское столетие», «лига демократий» и т. п. И в то же время более хитрый. Ведь, по сути, создается глобальная преторианская гвардия из числа наиболее крупных государств полупериферии, верхушке которых поручается защита интересов США, а в связи с этим делегируются некие права и полномочия (участвовать в определении «хищников», наказывать их, отнимая суверенитет, ресурсы и т. д.) и выделяется доля в отчуждаемом глобальном продукте. Речь идет именно о верхушках, которые конституируют корпорацию-государство внутри все более превращающегося в скорлупу нации-государства; их включение в «автономное управление» – это присоединение к мировой верхушке не целых стран, а именно аппаратов управления – корпораций-государств.

Приобретения, которые сулит МАУМ, особенно в краткосрочной перспективе, очевидны и понятны. Но уже в более продолжительной перспективе вырисовываются серьезные потери.

Первое. Капчан и Маунт строят свои рассуждения так, будто после крушения исторического коммунизма и распада СССР в мире исчезло противостояние. Однако факты противоречат такому подходу. Причем речь идет не только о глобальном противостоянии по осям США – Китай, США – Россия. Ситуация в мире заявляет о себе целым каскадом одномоментных противостояний разного уровня, в каждом из которых просматриваются отблески глобальных противоречий.

По данным Гейдельбергского института исследований международных конфликтов (ФРГ), в 2008 году в мире было отмечено 345 политических конфликтов, 39 из которых перешли в военную стадию, среди них – девять полномасштабных войн. Кроме того, в 95 случаях конфликты переходили в стадию спорадического насилия, т. е. там велись боевые действия и проливалась кровь, однако число жертв было относительно небольшим. По сравнению с 2007-м ситуация значительно ухудшилась – в частности, потому, что тогда военная стадия наблюдалась в случаях с 32 конфликтами.

Кровавыми, затяжными зонами конфликтов продолжают оставаться Афганистан и Ирак. Впереди отчетливо маячат еще две более масштабные войны, в которых, возможно, предстоит участвовать США, – с Ираном и в Пакистане. Несмотря на оптимизм новых «реалистов» по поводу недопущения этих войн, вероятность их высока, а то и выше, чем раньше. Трудно вспомнить ситуацию, чтобы американский президент, как это было в середине мая 2009 года, уговаривал премьера Израиля не бомбить иранские ядерные объекты. Редким историческим фактом является и передача индийским премьер-министром президенту Соединенных Штатов в том же месяце карты и списка ядерных объектов на территории Пакистана, которые уже находятся «частично в руках мусульманских экстремистов».

Наконец, последнее по счету, но не по значению: Капчан и Маунт «забыли» о Китае, который ни при каких обстоятельствах не согласится на роль, подчиненную США. У авторов нет ответа, как интегрировать КНР в МАУМ.

Второе. Резервуар, из которого черпает дополнительные силы МАУМ, создавая расширенное «глобальное политбюро», – полупериферия, т. е. средний слой мировой

системы. В результате эта мировая середина размывается, усиливается поляризация в глобальном масштабе: слабые и бедные – внизу, а богатые и сильные, которые автономно управляют ими (т. е. изымают прибавочный продукт), – наверху. И почти нет никакой середины. Иными словами, в сфере межгосударственных отношений и на глобальном уровне должно произойти то, к чему неолиберальная глобализация уже привела в экономике как на межстрановом, так и на внутристрановом уровне, – размывание среднего слоя.

Как показывают исследования, именно государства со средним уровнем дохода стали жертвами неолиберальной глобализации. Со странами высокого уровня дохода они не могут конкурировать по технологическим и институциональным причинам, со странами же низкого уровня дохода – из-за дешевизны там рабочей силы. Что касается среднего слоя внутри различных стран, то его положение за последнюю четверть века ухудшается всюду: в одних случаях это происходит стремительно и катастрофически (Латинская Америка в 1980-х годах, Восточная Европа и экс-СССР в 1990-х), в других – постепенно (США, Западная Европа).

Наряду с нацией-государством именно средний слой («класс») – одна из главных жертв глобализации. Если 1950–1970-е годы стали для него «славным тридцатилетием», то 1980-е – «нулевые» – нечто совсем иное. Положение среднего слоя ухудшается везде: на периферии и полупериферии капиталистической системы стремительно и катастрофически, в центре – постепенно. Так, в Латинской Америке в 1980-е годы структурные реформы МВФ смели 90% старого среднего слоя, столкнув его в бедность, на «иной путь» (Де Сото). В конце 1980-х – первой половине 1990-х годов пришла очередь восточноевропейских средних слоев: если в 1989-м за чертой бедности в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) жили 14 млн человек, то в 1996 году – 168 миллионов – крупнейший, по мнению исследователей, погром среднего слоя в истории.

Немецкие социологи говорят о том, что нижняя половина среднего слоя Германии медленно, но верно скатывается по наклонной; французские – о том, что «социальный лифт» во Франции ездит только вниз. Что касается США, то там с 1973 по 1995-й реальная зарплата с учетом инфляции упала на 17 %; личный свободный доход «середняка» в 1977 году составлял 60 % долга, в 2006-м – 126 %. Районы, в которых селится средний класс в 100 крупнейших американских городах, уменьшилась с 58 % в 1970 году до 41 % в 2000-м. Так, в Лос-Анджелесе за последние 30 лет, по данным, приведенным Дмитрием Крыловым, доля бедных районов увеличилась на 10 %, богатых – на 14 %, а доля районов проживания средних слоев уменьшилась на 24 %. Налицо социальная поляризация за счет размывания среднего слоя – недаром в западной социологии появилась теория «20:80», где 20 % – это богатые, 80 % – бедные и никакого среднего слоя. Все это неудивительно, ведь, выгоды от глобализации прежде всего получает корпоратократия, или, как называет эту группу Дени Дюкло, «гипербуржуазия». Она живет за счет среднего слоя, зажатого в тиски глобализацией.

Системы «без середины», однако, крайне неустойчивы. Поляризация порождает не просто гроздья гнева, а социальный динамит.

И, наконец, мы подходим **к третьему**. Главной из среднесрочных проблем, скорее всего, станут силовые структуры МАУМ – глобальная преторианская гвардия, т. е. организованные в корпорации-государства верхушки вновь принятых в ядро «ответственных» и «добропорядочных» стран. История учит: рано или поздно преторианцы ставят императоров (и империю) под контроль.

В 1991 году во Франции была опубликована весьма интересная книга публициста и общественного деятеля Жан-Кристофа Рюфэна «Империя и новые варвары. Разрыв Север – Юг». Разбирая различные варианты реагирования Севера (читай: Запада) на давление со стороны Юга, особое внимание он уделил такой форме, как «государство-буфер». «Государство-буфер» – это относительно развитое и граничащее с Севером или расположенное недалеко от него государство, верхушка которого защищает Север от наступления Юга, вызовов и давления с его стороны. В качестве возможных «государств-буферов» Рюфэн называет Алжир, Мексику, Турцию и ряд других. Обеспечивая стабильность Северу, «государства-буферы» получают за свои полицейские функции долю прибавочного продукта, т. е. начинают соучаствовать в эксплуатации Юга в качестве эдакого «Полусевера».

Однако, подчеркивает Рюфэн, здесь кроется серьезная проблема для сытого мирного и стареющего Севера – растущая зависимость от «государств-буферов», которые по определению должны быть авторитарными и милитаристскими. С какого-то момента они начнут шантажировать Север, требуя всё большую долю в отчуждаемом глобальном продукте. Аргументы у «буферщиков» беспроигрышные – от прекращения выполнения своих функций до угрозы (она вполне реальна) возглавить Юг в его не столько даже борьбе против Севера, сколько в организации нашествия южных масс в «северную зону».

Кстати, история Римской империи – наглядное свидетельство крушения стратегии типа «буферов» и МАУМ. Варвары, которым разрешали селиться на границах империи, должны были защищать ее от других, более диких, варваров, получая за это определенное вознаграждение. Возник целый пограничный пояс таких структур, который со временем начал давить на слабеющую империю, шантажировать ее. А когда империя не смогла платить, варвары просто завоевали ее, воспроизведя на международном уровне схему преторианцы – император. Иными словами, Римская империя взрастила своего могильщика.

Поэтому Капчану и Маунту следует быть более осторожными с их призывами к Западу «взращивать новых участников мирового процесса», тем более что Америка уже «взрастила» Усаму бен Ладена, а Израиль – ХАМАС. С другой стороны, у США как империи, по-видимому, просто нет другого выхода, и это, перефразируя название одной из книг Чалмерса Джонсона («Печали империи»), одна из ее печалей. Вопрос в том, насколько Западу (США) удастся продлить передышку и растянуть процесс сохранения «руководства многосторонним миром».

С учетом сказанного выше ясно, что МАУМ объективно является мягкой формой перехода Запада к постзападному миру, а Америки – к миру, в котором она не станет гегемоном и в котором будет 7–10 конкурирующих игроков. О скором пришествии такого устройства уже пишут на Западе. Так, в 2008 году в Париже вышла в свет книга Жан-Франсуа Сюсбьеля «Борющиеся царства. К новой мировой войне». По мнению автора, после 2020-го мир вступит в период, похожий на эпоху Чжаньго («Борющиеся царства») в китайской истории, когда семь примерно равных по силе царств – Ци, Чу, Янь, Хань, Чжао, Вэй и Цинь – в течение почти двух столетий (403–221 до н. э.) вели борьбу за объединение китайского мира. Похоже, глобальный мир тоже вступает в подобную эпоху, и предлагаемая система «автономного управления» – один из индикаторов ее приближения.

© "Россия в глобальной политике". № 3, Май - Июнь 2009

С точки зрения педагогики Россия поступает правильно

Дмитрий Медведев выразил озабоченность кризисным состоянием отношений между Россией и Украиной и в связи с этим отложил приезд в Киев нового посла РФ Михаила Зурабова.

Не думаю, что это может привести к разрыву отношений между Россией и Украиной. До сих пор слишком тесные связи существуют между нашими странами. С точки зрения геополитической и дипломатической педагогики шаг нашего президента абсолютно правилен. В конце концов, нужно показать отношение России к антирусской политике. Педагогически, повторюсь, на мой взгляд, это оправданный шаг.

Не думаю, что в отношениях России и Украины произойдут серьезные изменения, независимо от того, кто будет президентом Украины. Дело в том, что эта страна прочно встроилась в фарватер американской политики. Это страна с ограниченным суверенитетом. Об Украине можно говорить как о стране, которая в значительной степени находится под внешним управлением и поэтому серьезных изменений в российско-украинских отношениях ожидать не приходится. Они могут стать чуть лучше или чуть хуже, хотя есть некоторая вероятность (надеюсь, что она не реализуется) искусственного обострения российско-украинских отношений. Например, если нынешние новые молдавские власти решат разыграть приднестровскую карту. Новая молдавская власть экономически свои проблемы решить не может, но им нужно доказать, что они чего-то стоят. Не исключаю провокации из Приднестровья.

В такой ситуации, я думаю, Украина займет промолдавскую, прорумынскую, прозападную позицию, и будут возможны разные конфликтные ситуации. Но будем надеяться, что у украинского руководства хватит трезвости не участвовать в провокациях.

Холодная война и системный антикапитализм1[1]

Андрей Громыко - зеркало Ялтинской системы?

> Какие бы голоса ни раздавались со всех сторон, историческое соперничество между Советским Союзом и либеральным Западом остается главной ставкой нашего столетия, невзирая на расхождения Запада и третьего мира. Раймон Арон

Начало очевидного взлета карьеры Андрея Громыко приходится на 1944-1945 годы - конференции в Думбартон-Оксе (1944 год), Ялте и Потсдаме (1945 год). Затем - с 1957 по 1985 год - должность министра иностранных дел СССР и заслуженное на Западе прозвище Мистер Нет (что может быть почетнее в устах врага?!). По иронии и логике истории в 1985 году - после избрания Михаила Горбачева генсеком - Громыко оставил пост министра иностранных дел (на его место тогда пришел Эдуард Шеварднадзе) и переместился на должность председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1988 году - опять же по иронии и логике истории - Громыко отправили на пенсию.

По логике, потому что в 1985 году высшую должность в КПСС и стране занял человек, который разрушил все, чему служил и что созидал Громыко, - советский строй, сверхдержавность СССР, Ялтинскую систему, а 1988 год стал точкой невозврата в крушении СССР как системы и сверхдержавы. Громыко не дожил ни до позорной сдачи Горбачевым на Мальте (2-3 декабря 1989 года) Ялтинской системы Бушу-старшему, ни до капитуляции (без поражения) в холодной войне - он умер за несколько месяцев до этого. Он не дожил до жуткого позора козыревщины, но успел лицезреть позор шеварднадзевщины и, возможно, почувствовал себя ронином - самураем, оставшимся без хозяина. По иронии - потому что именно Громыко был среди тех, кто своим авторитетом и весом вдавили бывшего ставропольского комбайнера в явно не подходящее ему кресло генсека, а следовательно, косвенно поспособствовал крушению СССР.

Карьерный подъем Андрея Громыко совпал с подъемом, триумфом и упадком Ялтинской системы (1945-1989 годы) и Советского Союза как системного антикапитализма и как сверхдержавы. Внешнеполитическая деятельность Громыко - это прежде всего холодная война (далее - ХВ), опытным бойцом которой он был. Карьера Громыко, его история - это зеркало названных выше процессов. Оставляя другим рассмотрение этих процессов сквозь призму личности Громыко, я хочу взглянуть на эпоху, в которую он жил и работал, эпоху, ставшую временем взлета и падения СССР.

И дело не только в том, что личность Мистера Нет мне не очень интересна («они приходят как тысяча масок без лиц» - эти слова Карела Чапека легко применимы к подавляющему большинству представителей послесталинской номенклатуры). Дело в том, что если довоенное поколение советских вождей было главным образом из той породы, которая в значительной мере формирует обстоятельства, чему в немалой степени способствовала водораздельная эпоха мировой смуты 1871-1933 годов, то послевоенная

номенклатура формировалась обстоятельствами, причем обстоятельствами все более мелкими. Апофеоз - горбачевщина. Как тут не вспомнить Юрия Тынянова - о 1820-1830-х годах:

«Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения. Было в двадцатых годах винное брожение - Пушкин. Грибоедов был уксусным брожением. А там - с Лермонтова идет по слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары. Запах самых тонких духов закрепляется на разложении, на отбросе (амбра - отброс морского животного), и самый тонкий запах ближе всего к вони. Вот - уже в наши дни поэты забыли даже о духах и продают самые отбросы за благоухание».

Перефразируя Тынянова, можно сказать, что у каждого этапа советской истории и воплощающей его верхушки - свое брожение и развивалось оно тоже от вина через уксус к гнили, а уж на финальной стадии и сама верхушка, и ее холуи - все эти «советники вождей» - пытались выдать вонь отбросов за благоухание («гласность», «демократия»). Жизнь Громыко - это маленький кусочек истории брожения советской номенклатуры, ее превращения из слоя в себе в слой для себя, в квазикласс со всеми вытекающими из этого последствиями для внутренней и внешней политики (в нестрогом смысле этого слова, ибо советский коммунизм отрицал не только частную собственность, но и политику; политики в строгом смысле не было, была власть), для развития страны и строя, для хода ХВ.

В 2011 году исполнится двадцать лет с момента формального крушения системного антикапитализма и распада СССР. Фактически же все произошло двадцать лет назад - в 1989 году - году, когда умер Андрей Громыко. Символично, что Громыко скончался 2 июля, а 6 июля Горбачев, выступая на заседании Совета Европы в Страсбурге, изложил суть «нового подхода» к развитию международного порядка: «баланс интересов», единое экономическое пространство от Атлантики до Урала, клятвенные заверения в том, что СССР не будет препятствовать «демократическим реформам» в Польше и Венгрии. Пройдет еще несколько месяцев, и в декабре 1989 года Горбачев капитулирует в ХВ, сдав Ялтинскую систему - то, что было добыто кровью миллионов советских солдат на полях сражений и такими дипломатами, как Громыко, за столами переговоров.

Прошло двадцать лет, а мы едва ли осмыслили феномен ХВ, причины капитуляции в ней СССР. Одна из причин такой «неосознанности происходящего» заключается в том, что ХВ изучают главным образом по разряду международных отношений, истории дипломатии, внешней политики. А это недостаточно, по сути ошибочно и лишний раз свидетельствует о глубоком и принципиальном непонимании социальной и системно-исторической природы ХВ, о трактовке ее в духе истории международных отношений XVI - начала XX веков, то есть досоветской эпохи мировой истории. Совершенно прав Раймон Арон, заметивший, что ХВ является «порождением исторической диалектики, которая, вероятно, сильнее воли дипломатов». И очень часто, добавлю я, выше их понимания.

Глобальная война

Необходимо уяснить, что ХВ не была третьей мировой. То была первая (и, скорее всего, последняя) глобальная война, война миров и систем. В мировых войнах (Тридцатилетняя, Семилетняя, Наполеоновские, 1914-1918 и 1939-1945 годов) решались вопросы о том, кто будет гегемоном капиталистической системы (Голландия или Габсбурги, Великобритания или Франция, Германия или США), при этом с XVIII века определяющую роль в победах моряков-англосаксов над континенталами во внутрикапиталистических войнах играла Россия/СССР.

ХВ велась не за гегемонию внутри капиталистической системы. То было противостояние двух систем - капитализма и антикапитализма (исторического коммунизма - исторического в смысле реального, реально существовавшего в истории XX века, а не на страницах «трудов» по «научному коммунизму», с одной стороны, и в «исследованиях» западных советологов - с другой). Речь шла о двух взаимоисключающих глобальных, планетарных проектах социально-экономического устройства, а потому ХВ велась на всей планете, то есть была истинно глобальной. Глобальный, всеохватывающий характер ХВ хорошо подметил Мартин Уокер в замечательной книге «Холодная война». «Южную Америку и Африку к югу от Сахары, - писал он, - континенты, которые раньше оказывались вне борьбы, теперь засосало в ее воронку. Турки сражались в Корее, алжирцы - во Вьетнаме, кубинцы - в Анголе, а американские и русские школьники, чьи уроки в школе прерывались тренировочными сигналами угрозы атомной бомбардировки, росли, чтобы погибнуть в Сайгоне и Кабуле».

Противостояние блоков в ХВ было системным и развивалось не столько как межгосударственное (это форма), сколько как классово-идеологическое (мир труда - мир капитала, капитализм - антикапитализм, правые - левые и т.д.). Оно охватывало практически всю планету, проникало в самые отдаленные уголки, вовлекало, всасывало в себя весь мир - от людоедов Центральной Африки и Новой Гвинеи до яйцеголовых интеллектуалов из Бостона, Парижа и Москвы, разрывая надвое целые страны, слои, а то и семьи. И хотя сформировался даже целый блок - Движение неприсоединения, - пытавшийся «сосать двух маток сразу», внутри этого блока идеологические симпатии и антипатии были вполне очевидны. В этом плане нейтралов практически не было. Война имела тотальный - военно-политический, экономический, идеологический, психологический (психоисторический) - характер. В то же время, будучи глобальной, ХВ обеспечивала глобальную стабильность в глобальных же и невиданных до сих пор (страх перед ядерным Армагеддоном) масштабах. Неудивительно, что одним из главных следствий глобальной ХВ стала глобализация, подтвердив гераклитовское: «Война (борьба) - отец всего».

Есть эксперты, которые подчеркивают, что в ходе ХВ произошло взаимоналожение двух характерных для Европы типов конфликтов - между державами и религиозно-идеологического: протестанты против католиков, христиане против мусульман. Отчасти это действительно так. Но только отчасти, поскольку христианство и ислам охватывали определенные ареалы планеты, ориентированы они были на поту-, а не посюстороннее устройство. Капитализм и коммунизм - это о посюстороннем устройстве.

В этом смысле ХВ вытекает из Второй мировой. Как верно заметил Тони Джадт, Вторая мировая была первой войной, в которой военный результат определял именно социальную систему, а, например, не религиозную принадлежность, как это было после Аугсбургского мира 1555 года с его Cujus regio, ejus religio («Чья область, того и вера», лат.). И не форму власти, как в случае с Наполеоновскими войнами, революционным способом устанавливавшими новый политический, но - подчеркиваю - не социальный строй. Кстати, это очень четко понимал Сталин, который, как вспоминал Милован

Джилас, в апреле 1944 года в разговоре с Иосипом Броз Тито сказал следующее: «Эта война не похожа на прошлые войны; тот, кто занял какую-то территорию, устанавливает там свой общественный строй. Каждый распространяет свой строй настолько далеко, насколько способна продвинуться его армия. По-другому и быть не может». Быть не может в такую эпоху, когда наряду с капитализмом существует системный антикапитализм и война с ним капиталистических государств приобретает совершенно иной характер, чем их столкновения между собой. Война СССР с Третьим рейхом принципиально отличалась от войны наших западных союзников с ним (последняя в социосистемном, да и в цивилизационном плане была внутренней) - победители не собирались отменять капитализм на захваченных территориях, достаточно взглянуть на гитлеровский «Евросоюз» и на «американскую Европу» второй половины 1940-х годов.

Верную мысль высказал Дэвид Кот, автор интересного исследования о борьбе в сфере культуры в период ХВ, подчеркивая, что, помимо прочего, ХВ - это борьба за наследие Просвещения, которое СССР и США тянули на себя и наконец разорвали: у СССР осталось «равенство», а у США - «свобода». «Братство», по-видимому, досталось масонам и иже с ними, рядом, а возможно, и находившимся над ними - тем, которые, создается впечатление, в течение какого-то времени выбирали, на кого сделать ставку, и в конечном счете на рубеже 1940-1950-х годов выбрали США как «порт приписки» и мировой таран одновременно. Впрочем, это лишь догадки. Главное в том, что «свобода» и «равенство» отлились в принципиально разные, взаимоисключающие системы с глобальными претензиями.

После окончания Второй мировой войны коммунизм и капитализм сошлись как два альтернативных варианта организации посюстороннего мира планетарного порядка, проникая в ареалы всех религий и рассекая их по нерелигиозному принципу. А потому у ХВ нет ни аналогов, ни прецедентов, в том числе и по внутренней сложности и парадоксальности. Эта построенная на страхе взаимного уничтожения (достаточно вспомнить панику, охватившую крупнейшие города Европы и Америки в дни Карибского кризиса), завязанная на ядерное оружие глобальная война была периодом фантастической глобальной стабильности. Такой, которой уже никогда не будет и с которой сравнить можно лишь европейскую стабильность 1815-1853 годов и Римскую империю Антонинов - от Нервы до Марка Аврелия (96-180 годы). Противостояние капитализма и системного антикапитализма, или системы и антисистемы, как двух возможных вариантов «светлого будущего», - уникальное явление всей посленеолитической («классово антагонистической») истории, то есть последних 5-6 тысяч лет.

В виде советского коммунизма, системно реализовавшего Большой Левый Проект европейского Модерна (старт ему дала Великая французская революция, в не меньшей степени антибуржуазная, чем буржуазная), впервые за несколько тысяч лет в истории неэгалитарных эксплуататорских обществ, построенных на собственности, возник социум, основанный на отрицании эксплуатации и собственности и провозгласивший равенство. То есть социум победивших низов, угнетенных, одним словом - антисистема, вступившая в борьбу с системой. Конечно, в советской системе существовало неравенство, однако оно не шло ни в какое сравнение с неравенством классовых («собственнических») обществ. В 1990-е и сегодня, когда индекс Джини зашкаливает, когда casual для меньшинства - бесстыдно выставляемое напоказ наворованное богатство, а для большинства - беспросветная бедность, отсутствие социальных перспектив и проблема физического выживания. Конечно, в СССР существовала эксплуатация, однако, во-первых, она становилась менее интенсивной по мере развития совсистемы (а неравенство в то же время росло - и это был один из смертельных парадоксов системы); во-вторых, эксплуатация (в которой, кстати, участвовало огромное число людей) не была жестко

закрепленной (перемена мест) и - самое главное - в неизмеримо большей степени работала на социальное целое, на целостный интерес, чем в собственнических системах. Нарушение этого принципа в 1970-е годы вызывало крайнее разочарование снизу в совстрое и стало одной из причин его крушения, поражения СССР в ХВ.

Тотальная, психоисторическая

ХВ велась тотально во всех сферах бытия - от военно-политической и финансово-экономической до идейно-психологической и организационной, причем именно вторая пара играла решающую роль. Збигнев Бжезинский особо подчеркнул роль массовой американской культуры как одного из решающих факторов победы США в ХВ. Вольно было Алексису де Токвилю, Мэтью Арнольду, Эрнесту Ренану, Освальду Шпенглеру, Мартину Хайдеггеру и другим смеяться над примитивностью и вульгарностью массовой культуры США. Именно этот вульгарный примитив стал оружием (одним из) американской победы. В «век масс» именно массовая, «дебильная» культура решала если не все, то многое. Советский Союз стремился переиграть Запад на таких фронтах ХВ, как классическая музыка (Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев и др.), балет (The Bolshoy Theatre), опера, гуманистическое кино. А Запад «выстреливал» рок-музыкой, Элвисом Пресли, битлами и «роллингами», боевиками и порнухой. И это, особенно с 1960-х годов, с вхождением в активный возраст беби-бумеров - одного из самых манипулируемых поколений в истории Модерна, - принесло свои плоды. Советские искусство и культура были гуманистическими и не ориентировались на массовый вкус и низменные инстинкты. Ясно, что с точки зрения психоисторического противостояния это слабоконкурентный вариант. Однако конкурентное преимущество Запада в психокультурной войне дает о себе знать только в 1970-1980-е годы, и мы еще поговорим об этом, равно как и о такой арене ХВ, как спорт и шахматы. Будучи тотальной, ХВ предполагала полное уничтожение проигравшего (как это и произошло с СССР). Не случайно метафорическую фразу Хрущева «мы вас похороним» американцы восприняли буквально. Но похоронен был СССР; сын Хрущева - американский гражданин - это одна из саркастических ухмылок истории, ответ Соединенных Штатов покойному советскому лидеру.

Поскольку ХВ, будучи по форме внешнеполитической борьбой, по сути являлась схваткой двух принципиально различных социально-экономических систем, чье противостояние вовсе не ограничивалось сферой международных отношений, а носило тотально-системный характер, то в ходе этого противостояния решающее значение имела внутренняя эволюция борющихся систем - коммунистической и капиталистической. Именно эта эволюция в конечном счете стала решающим фактором в борьбе. Так и должно быть по логике любого системного противостояния - проигрывает тот, кто в ходе «негативного взаимодействия» слишком уподобляется оппоненту, слишком глубоко интегрируется в его систему, слишком сильно начинает развиваться не только по своей, но и по чужой системной логике. В связи с этим в борьбе не просто государств, а систем, тем более глобальной и тотальной, огромное значение приобретают идейно-психологические, социокультурные и организационные воздействия и средства, а сама война становится психоисторической. Показательно, что еще в январе 1948 года Конгресс США принял закон № 402, обязывавший граждан США «оказывать планомерное и систематическое воздействие на общественное мнение других народов». И законопослушные американцы оказывали. А мы смеялись над установками совпарткомов

выезжавшим за рубеж разъяснять за границей внутреннюю и особенно внешнюю политику СССР.

Психоисторическое воздействие извне, совпадающее с логикой внутренних изменений, а с какого-то момента подталкивающее и направляющее их, может сыграть огромную роль по принципу обратной связи, когда в системе в соответствии с логикой ее внутреннего развития (разложения) появляется «благодарный», то есть адекватный, реципиент воздействия, который начинает существовать (материально и духовно) не только в своем системном измерении.

В связи с этим в исследовании ХВ анализ внешнеполитической составляющей при всем его значении - это лишь поверхностный пласт, фон для анализа более серьезных процессов, главных фронтов ХВ - системных социально-экономических сдвигов в противоборствующих системах (в нашем случае это будет главным образом СССР). Фон, сам по себе явно недостаточный для понимания ХВ. Наконец, особое значение в таком контексте имеет анализ психоисторического аспекта ХВ - воздействия на социальные и политические группы и структуры, на их ценности, цели, взгляды и, самое главное, на потребности.

Забегая вперед, отмечу, что капитуляция СССР в ХВ совпала с разложением существовавшей структуры системного антикапитализма и номенклатуры как его системообразующего элемента, совпала с превращением номенклатуры из статусной группы в квазикласс. Более того, на финальной стадии этого процесса, в ходе структурного кризиса 1970-1980-х годов, который горбачевщина превратила в системный (перестройка-катастройка-катастрофа, далее везде), психоисторическое воздействие Запада посредством его информационного и социального оргоружия - прозападной «пятой колонны» в СССР - подталкивало процесс классогенеза номенклатуры, криминализации и олигархизации уже и так загнивавших власти и строя, процесс дальнейшей интеграции в капсистему, что объективно разрушало мировую соцсистему, системный антикапитализм, СССР.

С учетом сказанного рассмотрим три комплекса проблем. Во-первых, ХВ, ее суть, основные этапы, их главные события. Во-вторых, социальную природу, базовые противоречия и основные этапы развития советского общества и его системообразующего элемента - номенклатуры, ее отношение к Западу по мере интеграции СССР в мировую капсистему. Здесь же тезисно отметим изменения в ядре капсистемы. В-третьих, психоисторическое воздействие Запада на советское общество, на советскую верхушку, это воздействие как элемент ХВ и втягивания советской верхушки в капсистему - процесса, подрывавшего системный антикапитализм изнутри.

Иными словами, речь пойдет, перефразируя Аркадия Белинкова, о сдаче и гибели советского коммунизма как системы в ходе войны и мира двух миров и систем. И начнем мы с ХВ. В данной статье речь пойдет о феномене ХВ и о том, как он «оформился», «родился» в период с 1943/1945 по 1949 год.

За одного битого двух небитых дают

В СССР так и не поняли, чем была ХВ. А вот на Западе с самого начала это понимали адекватно. Поэтому если у нас ХВ писалась в кавычках и с маленькой буквы, то на Западе - с прописной и без кавычек. И это очень показательно. В СССР ХВ воспринимали как войну невсамделишную - отсюда кавычки, - как соревнование. Это усиливалось дурным пацифизмом советской пропаганды с ее «лишь бы не было войны». Тем самым подчеркивалось, что ХВ - это не война. А вот западная верхушка рассматривала ХВ не как соревнование, а как самую настоящую - на убой - войну, объектом и целью убийства в которой являются не отдельные люди, не физические индивиды, а система, социальный индивид. И до тех пор, пока мы не поймем, как и почему нас «сделали» в ХВ («история не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом» - Борис Пастернак), пока не придем к правильным выводам, не проведем «работу над ошибками» в ХВ (это до сих пор не сделано), мы едва ли сможем всерьез играть на мировой арене наравне с «глобальными племенами» - так журналисты называют англосаксов, евреев и китайцев.

Осмысление глобальной психоисторической войны - задача не только научно-кабинетная, но и практическая как минимум в двух отношениях.

Первое хорошо передается русской поговоркой «За одного битого двух небитых дают». Разумеется, если битый понимает, почему и как был бит, делает из поражений правильные выводы и использует их (и осмысленный опыт поражений) для будущих побед - «Ступай, отравленная сталь, по назначенью» (или - на выбор: «Заполучи, фашист, гранату»). Так, потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия, писал Карл Поланьи в «Великом изменении» - одной из главных книг XX века, -

> «оказалась способной понять скрытые пороки мироустройства XIX века и использовать это знание для того, чтобы ускорить разрушение этого устройства. Некое зловещее интеллектуальное превосходство было выработано ее государственными деятелями в 1930-е. Они поставили свой ум на службу задаче разрушения - задаче, которая требовала разработки новых методов финансовой, торговой, военной и социальной организации. Эта задача была призвана реализовать цель - подчинить ход истории политическому курсу Германии».

Но ведь то же - о «зловещем интеллектуальном превосходстве» - можно сказать и применительно к большевикам. Собственно, большевики и нацисты и смогли победить в своих странах, поскольку раньше других стали людьми XX века и осознали ошибки и уязвимые места XIX века, его людей, идей и организаций, причины поражений своих стран на выходе из XIX века. В XXI веке победят те, которые первыми станут людьми XXI века. То есть те, которые, помимо прочего, первыми сделают «работу над ошибками» по XX веку, поймут причины своих поражений в нем, как это сделали - каждый по-своему и на своем языке - большевики, интернационал-социалисты в СССР и национал-социалисты в Германии.

Я уже слышу негодующие истеричные крики: как?! что?! Нас призывают учиться у большевиков и нацистов, использовать их опыт?! Позор красно-коричневым! Да, призываю учиться - у всех, кто преуспел в восстановлении центральной власти (государства, «центроверха», империи - «назови хоть горшком, только в печку не суй») и(или) ее сохранении-приумножении в тяжелых условиях. Этому нужно поучиться у Византии, Китая различных эпох, у многих других.

В любом случае до тех пор, пока мы не поймем причин нашего поражения в ХВ, а это, в свою очередь, невозможно без понимания сути самой ХВ, ее природы и места в истории взаимодействия, а также природы обеих систем - советского коммунизма и позднего капитализма, нам не подняться. И чем скорее мы это сделаем, тем лучше - время работает против нас. Если ничего не изменится, то лет эдак через пять-семь (аккурат к столетнему юбилею Первой мировой войны или русской революции 1917 года) уже РФ сможет сказать о себе словами Тимура Кибирова то же, что мог бы сказать в конце 1980-х о себе Советский Союз:

Ленивы и нелюбопытны, бессмысленны и беспощадны, в своей обувке незавидной пойдем, товарищ, на попятный.

Пойдем, пойдем. Побойся Бога. Довольно мы поблатовали. Мы с понтом дела слишком много взрывали, воровали, врали. <...>

Мы сами напрудили лужу со страху, сдуру и с устатку. И в этой жиже, в этой стуже мы растворились без остатка.

Мы сами заблевали тамбур. И вот нас гонят, нас выводят.

Анализ ХВ должен помочь нам выработать то, что Рональд Робинсон и Джон Галахер в известной книге «Африка и викторианцы» назвали «жесткими правилами обеспечения безопасности» (cold rules for national safety, англ.).

Второй практический аспект целостного анализа ХВ связан не столько с «работой над ошибками», сколько с теми помехами, которые создают наши западные «друзья» и их туземные эрэфские агенты - «дети грантов и грантодателей», сотрудники различных фондов, ассоциаций и прочие околонаучные фарцовщики, стремящиеся впарить пропагандистскую жвачку о противостоянии Сил Добра Капиталистического Запада и Сил Зла Коммунистического Востока. С окончанием ХВ пропагандистско-психологическая - психоисторическая - война против России не закончилась. Напротив, ее эффект еще более усилился, поскольку системное противодействие западной пропаганде, западному культурно-психологическому воздействию и внедрению практически отсутствует.

У этой войны несколько целей. Среди них: не дать осмыслить прошлое России и СССР и текущую историю РФ объективно, на основе адекватных этой истории методов и понятий; максимально очернить эту историю, представив ее как сплошную полосу внутренних и внешних насилий, экспансии, милитаризма, как отклонение от нормы; выработать у русских чувство «негативной идентичности», то есть исторической неполноценности, и комплекс вины, за которую, помимо прочего, надо каяться, а потому принимать все тяготы девяностых и «нулевых» годов как должное, как расплату за коммунизм и самодержавие. При этом почему-то никому из наших чудаков-смердяковых не приходит в голову пригласить к покаянию англичан, уничтоживших десятки миллионов коренных жителей Африки, Азии, Австралии. Или, например, американцев, уничтоживших миллионы индейцев и столько же негров и оказавшихся единственными, кто применил ядерное оружие, причем против уже поверженной и неопасной Японии.

Последние 15-20 лет стали периодом интенсивного навязывания победителями нынешнего этапа передела мира остальному человечеству, и прежде всего побежденным, новых мифов и представлений как о мире, так и особенно о самих побежденных, об их истории, об их месте в мире. ХВ стала одним из объектов подобного рода мифологизации.

Разумеется, история ХВ фальсифицировалась в свое время и в СССР, и на Западе. Например, западные - прежде всего американские - историки довольно долго обвиняли в развязывании ХВ Сталина и СССР. Затем новое поколение историков в США - ревизионисты - обвинили в очень многом сами Соединенные Штаты. Советские историки вплоть до перестройки винили во всем американский империализм. Во второй половине 1980-х и тем более в 1990-е годы ситуация изменилась: позднесоветские и постсоветские историки, точнее часть их, вдруг «прозрели» и обрушились на советский «тоталитаризм» и «экспансионизм» и лично на Сталина как главных инициаторов ХВ против «либеральных демократий» Запада. Бывшие обществоведы-коммунисты обернулись антикоммунистами (как говорил один из героев «Оптимистической трагедии», «а вожак-то сукой оказался»), но к адекватному пониманию сути и причин возникновения ХВ это, естественно, не привело.

Иными словами, у нас интерпретация ХВ прошла несколько стадий: просоветскую, покаянно-советскую при Горбачеве и антисоветскую при Ельцине, по сути, сомкнувшуюся не просто с антисоветскими, но и нередко с откровенно антирусскими западными интерпретациями. На сегодняшний день в России у вульгарно-пропагандистских прозападных схем ХВ, пожалуй, больше сторонников, чем на Западе, где эти схемы очень часто подвергались критике, как и сама ХВ.

Вот что сказал в 1991 году устами своего героя Смайли («Тайный пилигрим») Джон Ле Карре - антикоммунист, но в том, что касается Запада в целом, объективный автор:

«<...> самое вульгарное в холодной войне - это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду. <...> Я не хочу заниматься дидактикой, и конечно же, мы делали это (глотали собственную пропаганду. - А.Ф.) в течение всей нашей истории. <...> В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных уважения реформаторов и друзей - из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько еще мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать».

После капитуляции СССР в ХВ Запад и его агентура влияния в России начали активно впихивать нам то, что раньше безропотно глотали сами. Их задача - сделать так, чтобы ХВ осталась в исторической памяти как победа демократического Запада над «советским тоталитаризмом», над «коммунистической Россией», причем победа в войне, которую эта Россия - сталинский СССР - с ее «извечным экспансионизмом» и начала. Сверхзадача - использовать данную интерпретацию ХВ для пересмотра итогов и результатов Второй мировой войны, представив победу СССР в качестве если не поражения, то катастрофы и вытолкнув СССР (Россию) из числа победителей в лагерь одновременно побежденных и агрессоров - вместе с гитлеровской Германией. Помимо прочего, это позволяет затушевать реальную роль Великобритании и США в качестве поджигателей войны. Ясно, что нас подобная схема не может устроить ни по научным, ни по практическим, ни даже по эстетическим резонам.

Как не может устроить и оттеснение ХВ куда-то на периферию интеллектуальных интересов и публичного дискурса в качестве чего-то такого, с чем все в целом ясно, а детали можно оставить узким специалистам. Пушкинский Архип-кузнец из «Дубровского» в таких случаях говаривал: «Как не так». Над деталями - все более мелкими, но тем не менее важными (именно в них прячется дьявол) - пусть действительно трудятся узкие специалисты «по третьему волоску в левой ноздре». Однако целое не складывается из суммы деталей, факторов и т.д. Оно не равно сумме, и никакая сумма, пусть самая полная, не объяснит целого и не заменит его. Целостное, системное осмысление ХВ - особая и неотложная задача, и именно она-то не решена у нас. У нас нет - и не было - целостного видения процесса ХВ как исторического целого, как некой шахматной доски, где все фигуры взаимосвязаны. Кстати, в этом - одна из причин того, что СССР капитулировал в ХВ.

А вот у англосаксов - англичан и американцев - такое целостно-шахматное видение мировой борьбы в теории, и особенно на практике, как информационное оружие, последние триста лет как раз на высоте. Вот что писал по этому поводу замечательный русский геополитик Алексей Вандам (Едрихин):

«Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества - никогда и ни в чем наш хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в ее целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, то есть политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы - живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих».

Это сказано о ситуации начала XX века. Но как похоже на ситуацию конца XX - начала XXI века! Неадекватность позднесоветского, а затем эрэфского руководства современному миру, отсутствие у него адекватного целостного мировидения дорого обошлись Советскому Союзу 1980-х и РФ 1990-х. Советская верхушка оказалась совершенно не готова к тем новым формам мировой борьбы (прежде всего экономическим и психоисторическим, то есть культурно-психологическим), которые начали использовать западные лидеры.

Это только на первый взгляд о ХВ мы знаем очень много. Однако Гесиод в свое время говаривал: «Лиса знает много, а еж - главное». Есть ряд главных вопросов, над которыми стоит поразмышлять. В чем суть ХВ как противостояния, где ее место в истории? Противостояли друг другу СССР и США? Но их противостояние никогда не было войной. «Холодная», говорите, а что это значит? Кто и почему победил в ХВ? США? Это они так говорят. А может, кто-то другой? К тому же США в каком качестве - как государство или как кластер ТНК? Почему СССР капитулировал? Нередко выбор, сделанный Горбачевым и его многомудрой командой в 1987-1989 годах, объясняют так: положение СССР во

второй половине 1980-х годов было настолько тяжелым, что спастись можно было, только пойдя на сближение с Западом.

Но давайте сравним положение СССР в 1985 и 1945 годах. Когда оно было тяжелее? В 1945 году СССР только что вышел из тяжелейшей войны. Разрушенная экономика, предельно измотанное население. У американцев - процветающая экономика, которая дает почти половину мирового валового продукта, и - самое главное - ядерная бомба, которой нет у нас, и готовность уже в 1945 году (декабрьская директива Объединенного комитета военного планирования США № 432/д) обрушить 196 атомных бомб на 20 крупнейших советских городов. По логике тех, кто оправдывает горбачевцев, Сталин в 1945 году должен был согласиться на все условия плана Маршалла, капитулировать перед Америкой, а СССР вместе с остальной Европой - превратиться в американский протекторат. Однако советское руководство пошло по другому пути, единственно достойному великой державы, да и плохишей-перевертышей, готовых записаться в буржуинство любой ценой, в тогдашнем советском руководстве не нашлось: почти всех отстреляли к концу 1930-х годов.

В 1985 году СССР был сверхдержавой, обладал могучим ядерным потенциалом, вопреки перестроечным и постперестроечным манипуляциям с цифирью вовсе не находился в катастрофическом экономическом положении; это такая же ложь, как разговоры Гайдара о грядущем в 1992 году голоде, от которого нас якобы спасло его правительство, - упаси Бог от таких спасителей. А вот США во второй половине 1980-х годов из-за необходимости поддерживать гонку вооружений и одновременно сохранять жизненные стандарты среднего и рабочего классов оказались не просто перед катастрофой, а зависли над пропастью. Мы, занятые своей перестройкой и «оральной политикой» горбачевцев, в очередной раз упустили из виду, что происходит в мире. Падение Ельцина с моста и т.п. для нас было важнее сдвигов в мировой экономике.

Когда пахнуло холодом?

Так когда же началась ХВ? Многие считают, что началась она аж в 1917 году. Такой точки зрения придерживался, например, Андре Фонтэн, бывший главный редактор газеты Le Monde. Первый том его «Истории холодной войны» так и называется: «От Октябрьской революции до войны в Корее, 1917-1950».

Есть ли какой-то резон в таком подходе? Отчасти есть. Сам факт возникновения и существования Советской России как антикапиталистического феномена означал социосистемную угрозу для Запада. СССР как государство был исходно сконструирован так, чтобы с легкостью превратиться в Мировую Социалистическую Советскую Республику. Во введении к Конституции 1924 года говорилось, что доступ в Союз открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и тем, которые возникнут в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику. А сам СССР сначала воспринимался как ВСССР, где буква «В» означала «Всемирный»; одним словом, Земшарная республика.

Поэтому, например, русские юристы-эмигранты, в частности Павел Гронский, с момента возникновения СССР верно указывали на отличную от государственной природу этого властного организма. «Советская Россия, - писал Гронский, - гостеприимно открывает двери перед всеми народами и государствами, приглашая их к вступлению в Союз при одном лишь непременном условии - провозглашение советской формы правления и осуществление коммунистического переворота. Стоит жителям Борнео, Мадагаскара или Зулуленда установить советский строй и объявить коммунистические порядки, и, лишь в силу их заявления, эти новые, могущие возникнуть советские республики принимаются в Союз Советских Социалистических Республик. Если бы Германия захотела перейти к благам коммунистического строя или же Бавария или Венгрия захотели бы повторить опыты Курта Эйснера и Бэла Куна, то и эти страны могли бы войти в Советскую Федерацию». Вывод Гронского: «Союз Советских Социалистических Республик не представляет собой прочно установленного государственного порядка, он может в любой момент исчезнуть и в то же самое время способен к беспредельному, ограниченному лишь поверхностью нашей планеты расширению».

Другое дело, что в 1920-1930-е годы у СССР не было сил расширяться, он мог только обороняться. Запад, прежде всего Великобритания и Франция, в 1920-1930-е годы проводил политику, направленную на подрыв и уничтожение СССР, прежде всего силами Германии (для этого Гитлера и вели к власти). Тем не менее и у Запада в межвоенный период, который, по сути, был лишь фазой передышки в мировой «тридцатилетней войне» XX века (1914-1945), были ограниченные возможности давления на СССР. В 1920-е годы Запад приходил в себя после Первой мировой войны, а в 1930-е годы обострились внутризападные противоречия, и СССР мог играть на них, что нашло отражение в докладе Максима Литвинова на IV сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 года. Этот доклад означал отказ советского руководства от ультрареволюционной доктрины, которой оно руководствовалось со времен Гражданской войны и согласно которой любое обострение международной обстановки работало на СССР (даешь революцию!), а любая стабилизация ухудшала его положение. С начала 1930-х годов СССР начинает все больше вести себя как государство - член межгосударственной системы (в 1934 году СССР вступил в Лигу Наций), а не только как инкубатор мировой революции, что нашло свое отражение и во внутренней политике, в том числе и по отношению к историческому и национальному наследию.

Итак, датировать начало XB 1917 годом было бы неточно. Во-первых, до 1945 года, несмотря на деятельность Коминтерна во всем мире, у СССР не было потенциала для глобального противостояния капитализму; совсистема оборонялась. Во-вторых, в довоенный период - период острой борьбы за гегемонию внутри самой капсистемы - советско-западное противостояние не выходило на мировой геополитический уровень в качестве главного; главным на этом уровне были противостояния англосаксов и Германии, с одной стороны, и США и Британской империи внутри англосаксонского «братства» - с другой. СССР в такой ситуации - при всех системных противоречиях с миром капитализма - вписывался в традиционные для последних двухсот-трехсот лет расклады европейской и мировой политики, войдя в конечном счете в состав антигитлеровской коалиции и опять оказавшись на стороне моряков-англосаксов против континентальных европейских держав.

В 1917-1945 годах Советский Союз противостоял одним капиталистическим государствам в союзе с другими, используя их противоречия, а точнее, борьбу за гегемонию в капиталистической системе между двумя группами хищников - англосаксами и немцами. Это не клише из коммунистической пропаганды, а формулировки

замечательного русского журналиста Михаила Осиповича Меньшикова, в последний год XIX века отметившего «тихий погром, который вносит англо-германская раса в остальное человечество» и зафиксировавшего: «Среди самих англичан и немцев идет <...> структурная перестройка, борьба человеческих типов. Один какой-то сильный и хищный тип, по-видимому, поедает остальные». СССР в межвоенный период никогда - и в этом был успех сталинской дипломатии, которой в целом благоприятствовала эпоха внутризападного соперничества, - не противостоял Западу, капсистеме в целом. Прежде всего потому, что разделенный в самом себе борьбой за гегемонию Запад не был целым. Не было целого и единого Запада, целой политико-экономической капсистемы. В 1945 году все изменилось.

2 сентября 1945 года, в день капитуляции Японии и соответственно окончания Второй мировой войны, завершилась эпоха соперничества, борьбы за гегемонию, стартовавшая 19 июля 1870 года Франко-прусской войной. У капиталистической системы появился гегемон невиданной экономической мощи (около 50% мирового валового продукта), объединивший ее, - США.

В таких условиях Советскому Союзу было уже намного труднее играть на противоречиях внутри капсистемы. Позиция Франции 1960-х годов - не делающее погоды отклонение: упертому генералу де Голлю довольно быстро сначала поставили шах (студенческие волнения 1968 года), а затем мат и выбросили из большой политики. И это несмотря на то, что генерал (прав Анри Костон) вовсе не был таким антиамериканским политиком, каким его нередко изображают.

Получается, ХВ началась в марте 1946 года, как считают многие - речью Черчилля в Фултоне. Так ли это? Что именно сказал Черчилль, почему и зачем он это сделал, в чем и кому был главный посыл речи и, наконец, в каких условиях это произошло?

«Нельзя ни предотвратить войну, ни объединить нации без того, что я называю братским союзом англоязычных народов», - сказал Черчилль 5 марта 1946 года. И далее: «Сумрак опустился на международную политическую арену. <...> Никто не ведает ни намерений Советской России, ни захватнических планов международных коммунистических организаций. <...> От Щецина на Балтийском море до Триеста на Адриатическом «железный занавес» разделил Европу».

Ключевое словосочетание здесь - «железный занавес». Оно отразило раздел Европы на просоветскую и проамериканскую зоны. Однако не Черчилль употребил его первым. Биограф англичанина Франсуа Бедарида упоминает Геббельса (февраль 1945 года), английских лейбористов 1920-х, а я добавлю к этому Василия Розанова (1918 год, правда, по иному, чем Черчилль и Геббельс, поводу). Черчилль произнес свою речь в связи с советско-британским кризисом в Иране, стремясь заручиться поддержкой США. Речь шла о конкретном случае. Однако пресса превратила речь Черчилля чуть ли не в объявление войны - холодной - Советскому Союзу.

Но мог ли объявить ХВ отставной премьер империи, едущей с ярмарки Истории? Никогда. Похоже, американцы использовали Черчилля, как они уже использовали англичан в 1939 году, чтобы начать свою мировую войну, но так, чтобы ответственность легла на кого-то другого, - спор англосаксов между собою.

На самом деле Черчилль зафиксировал то, что уже было решено американцами, да и главным посылом его речи был не столько «железный занавес», сколько «союз англоязычных народов», в котором британцам было бы отведено достойное место, - у американцев были совсем другие планы. Соответствующее американское решение было принято в последние недели 1945-го и в первые два месяца 1946 года.

5 января 1946 года президент Трумэн вызвал в Овальный кабинет госсекретаря Бирнса и в холодной ярости прочел ему черновик письма, которое Мартин Уокер считает реальным началом ХВ. По сути, это была формулировка жесткого курса по отношению к СССР. 10 февраля 1946 года в речи Сталина, опубликованной в «Правде», было сказано о том, что капитализм порождает кризисы и конфликты и создает угрозу войны в капиталистическом мире, что может стать угрозой для СССР. Следовательно, необходимо срочно восстанавливать советскую экономику, думая не о потребительских товарах, а о тяжелой промышленности.

Эту речь, переведенную и напечатанную журналом Times, американцы в пропагандистских целях охарактеризовали как призыв к войне, а один из видных представителей американского истеблишмента Уильям Дуглас сказал, что это объявление третьей мировой войны, об этом же говорил другой видный представитель истеблишмента Пол Нитце.

И хотя в США было немало людей, трезво воспринявших выступление Сталина, логика интересов правящей верхушки США разворачивала всю ситуацию в сторону обострения отношений. У американцев была атомная бомба, их доля в мировом ВНП достигала почти 50 процентов. СССР атомной бомбы не имел, его экономическое положение было крайне тяжелым: человеческие потери в войне - 27 миллионов; треть экономического потенциала уничтожена; 32 тысячи фабрик и заводов разрушены; 65 тысяч километров железных дорог выведены из строя; разрушены 1710 городов и 70 тысяч деревень; опустошены земли 100 тысяч колхозов. В таком состоянии войну - холодную ли, горячую ли - не начинают. На это можно возразить: в 1947 году под командованием генерала Люциуса Клэя в Берлине находилось 6,5 тысячи человек, а в Европе - 60 тысяч, тогда как Сталин имел 400 тысяч, которые в случае необходимости были способны в кратчайшие сроки ударить по Берлину. Однако это возражение имело бы смысл в доатомную эпоху. Американская атомная бомба не просто уравновешивала преимущество СССР в обычном вооружении, но резко усиливала позицию США.

Большую роль в обострении американо-советских отношений сыграл американский дипломат Джордж Кеннан, типичный «тихий американец», борец за демократию, считавший необходимым ограничение в США прав (в том числе избирательных) иммигрантов, негров и женщин. Сменив на посту посла США в СССР Аверелла Гарримана, он в течение 18 месяцев бомбардировал Госдеп предупреждениями о «зловещих планах Сталина». Ситуацию вокруг речи от 10 февраля он использовал стопроцентно. Результат - знаменитая «длинная телеграмма» (5540 слов; адресаты - госсекретарь Джеймс Бирнс и его заместитель Дин Ачесон) Кеннана. Кеннан связал «коммунистический экспансионизм» СССР с внешней политикой царей и подчеркнул, что с советским коммунизмом невозможно договориться - он стремится к мировому господству. «Это было нечто большее, чем призыв к оружию, - пишет Мартин Уокер, - это было приглашение к борьбе не на жизнь, а на смерть, в которой нельзя делать ни малейших уступок».

И с конца 1945 - начала 1946 года я бы отодвинул линию ХВ как минимум до 1944 года, во-первых, до октября, когда всего лишь короткий обмен мнениями между

Сталиным и Черчиллем во время московской конференции, по сути, зафиксировал будущий раздел Европы; во-вторых, до открытия «второго фронта», предназначенного для того, чтобы не дать СССР пройти на Запад (логически из этого вытекает план операции «Немыслимое» - намечавшийся Черчиллем на 1 июля 1945 года удар англо-американцев совместно с немцами по Красной армии). Кстати, даже русофоб Кеннан в своей книге «Россия и Запад при Сталине и Ленине» пишет, что первые подозрения у Сталина по поводу союзников возникли летом 1944 года - сразу же после открытия «второго фронта». Однако если от минимума перейти к максимуму, то говорить нужно о 1943 годе, о Тегеранской конференции, когда западные союзники поняли: СССР победил, а следовательно, необходимо свести победу, ее результаты к минимуму.

Но вернемся к Кеннану. Средства борьбы, предложенные Кеннаном в телеграмме, не были военными - он считал, что Запад может победить СССР в мирной борьбе, избавившись, как от паразита на своем теле. По сути, это и было провозглашением ХВ. К этому времени приспел еще один кризис - между СССР и Великобританией в Иране, на него Черчилль и отреагировал своей речью в Фултоне, которая «надстроилась» на уже сформировавшийся курс на ХВ, на идеи, витавшие в Объединенном комитете начальников штабов, в Пентагоне. «Телеграмма Кеннана стала обоснованием для Трумэна, Черчилль выдал звонкую фразу, а Пентагон обеспечил стратегическое обоснование» (Мартин Уокер).

11 марта Сталин, реагируя в «Правде» на речь Черчилля, обвинил его в стремлении развязать войну на основе расовой теории, как это делал Гитлер, только место немцев должны занять англоговорящие народы. Прошел всего год после Ялты, а в Вашингтоне и Лондоне возобладал воинственный подход: эмбрион ХВ начал формироваться, чтобы окончательно появиться на свет в 1949 году. И это несмотря на то, что у СССР не было атомной бомбы и что Сталин объявил о сокращении военного бюджета на 80 миллиардов рублей и о демобилизации армии (с 12 миллионов в 1945 году до 3 миллионов в 1948-м). Все это уже не имело значения. В феврале 1947 года была разработана доктрина Трумэна, которую президент США обнародовал 12 марта того же года. В соответствии с логикой доктрины США выделили 250 миллиардов долларов Греции и 150 миллиардов Турции для «сдерживания» СССР, подкрепив это американским флотом в Средиземном море.

Этот на первый взгляд локальный эпизод имеет большое практическое и особенно символическое значение. Со времен Трафальгара (1805 год) Средиземноморье было зоной исключительно британского контроля. Однако послевоенная Великобритания уже не была способна обеспечить такой контроль, и эти функции - функции, если пользоваться терминологией классической англо-американской геополитики, Мирового Острова - взяли на себя США. Раймон Арон прямо пишет об этом: «Соединенные Штаты приняли на себя роль островной державы вместо Великобритании (курсив мой. - А.Ф.), истощенной своей победой. Они ответили на призыв европейцев и заменили собой Соединенное Королевство по его же просьбе». Иными словами, после 1945 года противостояние Остров-Хартленд приобрело характер борьбы различных социальных систем. Впрочем, возможна и иная постановка вопроса: противостояние капитализма и антикапитализма приобрело форму столкновения гиперконтинентальной и гиперостровной держав. (Я оставляю в стороне некоторые вопросы. Например, случайно или нет антикапитализм геополитически явился в виде гиперконтинентальной державы? Или же если бы Россия не упустила шанс стать тихоокеанской державой, то антикапитализм возник, если возник бы, где-то в другом месте? Либо логика системной борьбы была бы иной? В отличие от историков История знает сослагательное наклонение).

Весной 1947 года генерал Люциус Клэй, комендант американской зоны, предложил ряд мер, которые должны были бы освободить немецкую экономику от ограничений оккупационного режима. Реакция СССР была резко отрицательной, однако американцы и англичане настаивали на восстановлении Германии.

Суровая зима 1947 года еще более усугубила тяжесть экономической ситуации в Германии и Европе, и 5 апреля Уолтер Липпман в «Вашингтон пост» в своей колонке «Говорит Кассандра» написал о том, что немецкий хаос грозит распространиться на Европу. США не могли допустить такой ситуации, поскольку она грозила подъемом левых сил: во Франции, и особенно в Италии, казался реальным приход коммунистов к власти в 1947-1948 годах, и США готовились к военной интервенции в Италии в случае победы коммунистов на выборах. С этой целью в США был разработан план экономического восстановления Европы. 5 июня 1947 года в Гарварде во время получения (одновременно с Томасом Стернзом Элиотом и Робертом Оппенгеймером) почетного диплома госсекретарь США генерал Джордж Маршалл в семнадцатиминутной речи изложил этот план, который получил его имя. Речь шла о комплексе мер, направленных на экономическое восстановление Европы. Хотя план Маршалла был экономическим, в его основе лежали социосистемные (классовые) и геополитические причины - и спасение капитализма в Европе, и борьба с СССР. Хотя официально на первом плане была, естественно, экономика, я все же начну с классовой борьбы и политики.

После войны коммунисты в Западной Европе были на подъеме, входили в состав правительств Франции и Италии. В мае 1947 года министров-коммунистов вывели из состава правительств этих стран. 19 декабря 1947 года Совет национальной безопасности США поручил ЦРУ предпринять все возможные действия, чтобы не допустить прихода коммунистов к власти в Италии. На подрыв позиций коммунистов в этой стране и поддержку христианских демократов, которые впоследствии и выиграли выборы (при активной поддержке Ватикана и папы Пия XII), были отпущены немалые суммы. При этом в финансировании антикоммунистических сил в Италии и вообще в Европе участвовали не только ЦРУ и другие государственные структуры США, но также частные компании, крупные корпорации, профсоюзы.

По сути, и ХВ, и «американская Европа» были средствами защиты Америкой капитализма - причем не столько от СССР, сколько от внутриевропейских антикапиталистических сил, будь то коммунисты или социалисты. В конце 1940-х и даже в 1950-е годы для большей части американского истеблишмента все левые были на одно - вражеское - лицо. Весьма показателен один эпизод: когда Леон Блюм прилетел договариваться об американских займах, Wall Street Journal посвятила его визиту статью под названием When Karl Marx calls on Santa Klaus («Когда Карл Маркс просит о помощи Санта-Клауса», англ.).

Обострение отношений с СССР в виде ХВ было не только внешним системным и геополитическим противостоянием, но и внутрисистемным, а для того, чтобы защищать капитализм у себя дома и в Европе и с этой целью давить любые антикапиталистические, и прежде всего коммунистические движения, нужна была конфронтация с СССР, которая была начата и к концу 1940-х годов превратилась в ХВ. Очень ясно высказался по этому поводу Раймон Арон, отметивший, что американцы

«хотели воздвигнуть плотину перед коммунизмом, избавить народы, в том числе народ Германии, от искушений, внушенных отчаянием (курсив мой. - А.Ф.). Бесспорно, доллары служили оружием в борьбе с коммунизмом, оружием так называемой политики сдерживания. Инструмент этот оказался действенным».

Помимо системной и геополитической составляющей у плана Маршалла была, естественно, и важнейшая экономическая составляющая. Бедственное положение Европы давало возможность Соединенным Штатам установить финансово-экономический контроль над субконтинентом, окончательно превратиться не только в гегемона капиталистической системы и транснационального банкира, но и в мирового гегемона (если бы удалось подмять СССР), используя как политические, так и финансово-экономические средства.

Центральное место в плане Маршалла занимала реинтеграция германской экономики в подконтрольную США экономику Европы; более того, план Маршалла в какой-то момент оказывался единственной связью Германии с остальной Европой. Германский аспект плана Маршалла имел не только экономическое, но и политическое наполнение - он объективно обострял отношения между СССР и США и таким образом вписывался в логику постепенно развязываемой Соединенными Штатами ХВ. Не случайно Раймон Арон заметил, что удивляться следует не тому тупику, в который зашел германский вопрос в 1947 году, а «двум годам колебаний, которые понадобились для того, чтобы принять неизбежное», то есть разделение Германии на западную и восточную зоны.

План Маршалла важен еще в одном отношении. Помимо прочего, это была первая крупномасштабная акция в интересах американских ТНК и нарождавшейся хищной фракции мирового капиталистического класса - корпоратократии, которая ярко проявит себя в начале 1950-х годов свержением Мосаддыка, а затем, совершив переворот 1963-1974 годов и пройдя по трупам Кеннеди (физическому) и Никсона (политическому), начнет сажать в Белый дом своих президентов. Тээнковская составляющая отчетливо проявилась и в том, что план Маршалла должен был реализовываться как отношения США и Европы в целом (что соответствовало интересам корпораций), а не как двусторонние межгосударственные отношения. Сталин же, разгадав маневр, ведущий к финансово-экономическому закабалению Штатами не только побежденных, но и победителей (причем побежденным в этом процессе отводилось важное место), дал инструкции Вячеславу Молотову настаивать на Парижской конференции (июнь 1947 года) на двусторонних отношениях.

Разумеется, СССР был заинтересован в американском займе миллиардов эдак в шесть. Это весьма помогло бы восстановлению экономики. Поэтому ряд ведущих экономистов - например, Евгений Варга, директор Института мирового хозяйства, - выступали за то, чтобы СССР присоединился к плану Маршалла. Дело, однако, было в цене вопроса, в том, чтобы не попасть в историческую ловушку, как это произошло во время горбачевщины. Сталин колебался, взвешивая плюсы и минусы. По-видимому, все решила развединформация, которую обеспечила «кембриджская пятерка»; хотя ее неформальный руководитель - Гарольд (Ким) Филби - служил в это время в британском посольстве в Стамбуле, другие члены «пятерки» работали в Великобритании. 30 июня Молотов получил от своего заместителя Андрея Вышинского шифровку, в которой содержалась полученная информация о встрече заместителя госсекретаря США Уилла Клейтона и британских министров. Как пишут Джереми Айзекс и Тэйлор Даунинг, из полученных сведений становилось ясно, что американцы и англичане уже сговорились, действуют заодно и план Маршалла будет не расширением практики ленд-лиза, а созданием принципиально иного механизма, в котором к тому же решающее место отводилось Германии, не говоря уже о диктате со стороны США по целому ряду вопросов.

3 июля с санкции Сталина, который, по-видимому, в течение 48 часов анализировал ситуацию, Молотов обвинил США в том, что они стремятся создать структуру, стоящую над европейскими странами и ограничивающую их суверенитет, после чего покинул переговоры. 12 июля в Париже начала работу новая конференция - уже без СССР, а одновременно в деревне Шклярска Поремба в Польше собралось совещание коммунистических партий, результатом которого стало создание Коминформа - новой международной коммунистической организации. Это означало раскол Европы на просоветскую и проамериканскую зоны и возникновение биполярного мира.

1947-1949 годы: обмен ударами

С 1947 по 1949 год шел обмен ударами между США и СССР. На план Маршалла СССР ответил созданием Коминформа и советизацией Восточной Европы. Наиболее серьезные проблемы возникли в Чехословакии. Ответ США - операция Split («Расщепляющий фактор»), проведенная ЦРУ и МИ-6 в Восточной Европе. В 1947-1948 годах к власти в Восточной Европе пришли относительно умеренные коммунисты, стремившиеся учитывать национальную специфику своих стран. Многие в американском истеблишменте готовы были поддержать их. Однако Аллен Даллес рассуждал иначе. Он считал, что именно этих умеренных коммунистов следует уничтожить, причем руками коммунистов-сталинистов, сторонников жесткого курса. С этой целью были сфабрикованы документы, из которых следовало, что многие руководители компартий Восточной Европы сотрудничают с американской и английской разведками. Документы были подброшены органам госбезопасности, те клюнули, и по Восточной Европе прокатилась волна массовых арестов, судов, расстрелов. Как и планировал Даллес, коммунизм стартовал в Восточной Европе с репрессий, а возглавили восточноевропейские партии (и страны) во второй половине 1940-х годов сторонники жесткого курса. Позднее Сталин поймет, что его обманули, но будет поздно: людей не вернуть, а западная пресса всласть расписывала зверства коммунистов.

В 1948 году произошло еще одно событие эпохи генезиса ХВ: родилось государство, которое впоследствии станет активным участником ХВ на стороне США, - Израиль. По иронии истории родилось оно при активнейшем содействии СССР. Сталин рассчитывал на то, что создание еврейского государства на Ближнем Востоке позволит компенсировать неудачи СССР в этом регионе - Иран, Турция, арабы. Расчет Сталина не оправдался. Евреи, в борьбе за свою государственность позиционировавшие себя в качестве представителей мирового рабочего класса и антиимпериалистов, выбрали подъем не с помощью СССР, а с помощью империалистических США и репараций, взимаемых с Германии за «коллективную вину немецкого народа перед еврейским». Израиль очень быстро стал врагом СССР - страны, в революционное создание которой представители «колен Израилевых» внесли немалый вклад. Активную роль в пробивании еврейской государственности сыграл человек, к юбилею которого приурочена эта статья. 14 мая 1947 года Громыко произнес в ООН важную речь о разделении Палестины на два государства. Он прочувствованно говорил о страданиях еврейского народа в Европе, о необходимости государственности для него. Сионист Абба Эбан назвал речь Громыко «божественным посланием». «Проект Израиль» оказался проигрышным ходом СССР в ХВ.

В июне 1948 года разразился Берлинский кризис - единственный серьезный кризис по поводу границ за всю историю «ялтинской» Европы. Ему предшествовали выборы в

учредительное собрание трех западных зон - выборы, знаменовавшие собой, по сути, создание единой западной политической зоны. В ответ маршал Соколовский вышел из Межсоюзнического контрольного совета по управлению Берлином, а советская сторона 31 марта 1948 года установила контроль над коммуникациями между Западным Берлином и западными зонами Германии. Развивая курс на конфронтацию, бывшие союзники 18 июля выпустили марку (Deutsche Mark), общую для трех зон, заявив, что она будет иметь хождение и в Берлине. (Банкноты секретно печатались в США и перевозились во Франкфурт под охраной американских военных, новая немецкая валюта быстро стала самой сильной в Европе.) К этому моменту раскол Европы на две части был полностью завершен, за исключением Вены и Берлина, разделенных на зоны. Марка ударила по Берлину.

Советским ответом стал ультиматум 24 июля: блокада западной части Берлина - пока «союзники» не откажутся от идеи «трехзонного правительства». Уже 26 июля американцы и англичане «построили» авиамост (операции Vittels и Plainfare - соответственно) и начали доставлять в блокированный город воду и продовольствие. Летом 1948 года США передислоцировали в Великобританию 60 новейших бомбардировщиков Б-29, способных нести на борту атомные бомбы. Передислокация намеренно шумно освещалась в прессе. На самом деле атомных бомб на самолетах не было, но это хранилось в секрете. Кризис все более обострялся, и хотя в августе 1948 года на встрече с послами западных стран Сталин сказал: «Мы все еще союзники», - то была не более чем дипломатическая фраза.

4 апреля 1949 года была создан Североатлантический альянс - военный кулак Запада, поднятый на СССР. В течение долгого времени - до середины 1970-х годов - львиная доля содержания агрессивного по своей сути блока приходилась на США. Не символично ли, что во время праздничной церемонии по этому поводу 9 апреля 1949 года в Зале Конституции оркестр играл мелодию песни с красноречивым названием I've got plenty of nothing («Я заполучил массу ничего», англ.).

12 мая 1949 года СССР снял блокаду с Берлина, так и не добившись своей цели. Словно подчеркивая эту неудачу, Запад в мае провозгласил создание ФРГ, и началось перевооружение Германии, ее военное укрепление. США были готовы даже поделиться с ФРГ - единственный случай подобного рода - секретом атомной бомбы, но не сделали этого. Скорее всего, из-за появления атомной бомбы у СССР. Если это так, то возникает вопрос: а что планировали сделать США руками ФРГ, вкладывая в руки вчерашнего врага СССР и США атомное оружие? Нечто вроде «Немыслимое-2» в атомном варианте? Ответ СССР - создание ГДР и Совета экономической взаимопомощи. Словно в игре го, противоборствовавшие стороны стремились рядом с каждым «камнем» противника поставить свой, нейтрализовать, по возможности окружить его «камни» и снять их с доски.

Помимо внешнеполитических шагов США планировали против СССР вполне конкретные военные акции с применением атомного оружия. Как уже говорилось, в декабре 1945 года согласно директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д предполагалось сбросить 196 атомных бомб на 20 крупнейших советских городов. В 1948 году был разработан план «Чериотир» - 133 атомные бомбы для уничтожения 70 городов СССР. В 1949 году согласно плану «Дропшот» на Советский Союз должно было обрушиться уже 300 атомных бомб. Однако в том же 1949 году, 29 августа, - как минимум на 18 месяцев раньше, чем прогнозировали западные разведслужбы, - СССР испытал свою атомную бомбу. С этого момента горячая война США против СССР стала проблематичной.

Советская бомба вызвала шок на Западе. Британский дипломат Глэдуин Джеб, председательствовавший в суперсекретном Официальном комитете по коммунизму кабинета министров писал: «Если они (русские. - А.Ф.) могут сделать это, то они, возможно, могут создать и многое другое - истребители, бомбардировщики, ракеты - неожиданно высокого качества и удивительно быстро. <...> Механизированного варвара никогда нельзя недооценивать». Джеб оказался прав: «варвары» (характерное отношение западных людей к русским во все эпохи независимо от строя) очень скоро удивили мир быстрым восстановлением, освоением космоса и многим другим, причем это многое другое было результатом (прямым или косвенным) ведения ХВ, родившейся в августе 1949 года, как и полагается особе женского пола - под знаком Девы. Теперь горячая война против ядерной державы исключалась, только холодная. Хотя можно согласиться с Раймоном Ароном в том, что военный аспект и планетарный размах придала ХВ корейская война, уже в 1949 году ХВ прорвалась в мир, подобно геополитическому человеку со знаменитой картины Сальвадора Дали, написанной в 1943 году - в том году, когда в Тегеране была зачата ХВ.

Глобализация холодной войны

В 1943 году, в том самом, когда в Тегеране была зачата холодная война (далее - ХВ), Сальвадор Дали написал одну из своих наиболее известных картин –

«Геополитический ребенок, наблюдающий рождение нового человека»: сквозь скорлупу земного шара, ломая ее изнутри и помогая себе уже появившейся на поверхности левой рукой, выбирается человек. Символично, что появляется он на месте США, а опирается на то место, где находится Великобритания, полностью накрыв ее пятерней. Картина представляется мне исключительно символичной: «новый человек» - это ХВ, и рождается он/она в США. После войны американцы считали - и это нашло отражение в высказываниях представителей истеблишмента США, - что теперь они должны управлять миром. Например, Трумэн высказывался без обиняков: «Победа поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости (sic! - А.Ф.) руководства миром».

Можно называть это как угодно: американское руководство миром (читай: нещадная эксплуатация мира в качестве гегемона капиталистической системы), выработка политики для глобальной сверхдержавы (читай: для установления глобального контроля США), однако здесь на пути американцев оказывалось досадное для них препятствие - СССР, победитель в войне, еще вчера - союзник. Но то было вчера. А сегодня, после войны, можно планировать «немыслимое» - предполагавшийся на 1 июля 1945 года англо-американский удар по Красной армии с использованием поляков и, главное, немцев. (Последние весной 1945 года очень хорошо уловили изменения в коалиции и потому англо-американцам в большинстве случаев сдавались, почти не оказывая сопротивления, а с русскими бились насмерть.) Можно планировать атомную бомбардировку СССР и т.д. Обладая монополией на атомную бомбу, США двигались к новой войне, и то, что мы сегодня называем ХВ, в 1945-1949 годах может трактоваться как подготовка, прелюдия к новой войне. В 1949 году советская атомная бомба - впечатляющий результат работы огромного и многостороннего коллектива под руководством блестящего советского организатора Лаврентия Берии - прекратила это движение, и началась «чистая» ХВ, которую мы ретроспективно распространяем на 1945-1949 годы.

Первой реакцией американских «ястребов» на сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 года был шок, второй - призыв к превентивной атомной войне против СССР. Однако, имея 250 бомб, американцы не могли бы добраться до крупнейших центров европейской части СССР - не позволяли тактико-технические характеристики 840 действующих стратегических бомбардировщиков.

Советская атомная бомба была не первым неприятным сюрпризом 1949 года для американцев. 20 апреля 1949 года Народно-освободительная армия Китая (НОАК) численностью 1,2 миллиона человек форсировала Янцзы, а 23 апреля 2-я и 3-я полевые армии взяли столицу Чан Кайши Нанкин. 22-летний гоминьдановский режим, по сути, прекратил свое существование. Следующие недели - это уже агония его режима: 27 мая был взят Шанхай, и сотни тысяч беженцев рванули на Тайвань. Американцы попытались переиграть свою китайскую политику, объявив Чан Кайши главным виновником поражения и резко развернувшись в сторону КПК и Мао, но было поздно. Мао объявил янки, что новый Китай «уже создал вместе с Советским Союзом общий фронт антиимпериалистической борьбы. Альтернатива проста: либо убить тигра, либо быть съеденным». Ну а в августе СССР огорчил «тигра» до невозможности, испытав атомную бомбу в Семипалатинске-21.

На события 1949 года СНБ отреагировал агрессивной директивой № 68 от 14 апреля 1950 года. Этот почти восьмидесятистраничный документ под названием «Задачи и программы национальной безопасности США» представляет собой образчик англосаксонской агрессивности, закамуфлированной красивыми словами. По сути, это катехизис ХВ. В нем утверждается, что «Советский Союз в отличие от предыдущих претендентов на мировую гегемонию фанатично одержим новой верой и стремится подчинить своей власти остальной мир» (стремление США подчинить остальной мир у авторов документа отрицательных чувств не вызывает) и, естественно, любым способом уничтожить США как единственную преграду для осуществления своего плана. В директиве разбираются намерения СССР (уничтожить свободный мир и превратить планету в концлагерь) и США (защитить цивилизацию и ее свободы). С учетом этих намерений и приписываемых СССР целей в документе намечается программа внешнего и внутреннего (изменение советского строя изнутри) воздействия на СССР. А для этого необходимы ускоренное и непрерывное наращивание военных сил, увеличение военного бюджета США.

На Западе до сих пор распространено мнение, что главным инициатором Корейской войны был Сталин. Документы, рассекреченные в последние годы, показывают, что это далеко не так. Начнем с того, что для СССР (как и для США, но не для КНР) Корея не представляла стратегического интереса. Сталин не хотел этой войны, долго не давал на нее добро, но перед лицом конкретных обстоятельств (создание советской атомной бомбы, победа коммунистов в Китае, развертывание ХВ, Берлинский кризис, активизация действий США в Восточной Азии, и в Южной Корее в частности) согласился. Как заметил Джеймс Кэрролл, автор книги «Дом войны. Пентагон и катастрофический рост американской мощи», именно директива СНБ-68 вызвала жесткую и воинственную реакцию со стороны Сталина - СССР реагировал на шаги США, а не предварял их. В свою очередь, реакция СССР вызвала то, чего боялись американцы - самореализующееся пророчество - и что они отразили в директиве - ее страхи парадоксальным образом материализовались. Корейская война - это то, как СНБ-68 выглядит в реальности. Я бы сказал, Корейская война - это бумеранг, пущенный в виде СНБ-68 и вернувшийся к тому, кто его запустил. Дав после долгих размышлений добро на военные действия северокорейцев, Сталин жестко оговорил два условия. Во-первых, СССР не будет принимать участия в наземных операциях. Во-вторых, КНДР должна заручиться помощью

КНР. План был разработан (причем на русском языке), и в соответствии с ним северокорейцы, как пишут западные исследователи, нанесли внезапный и неожиданный удар. Внезапный - да. Но неожиданный ли? Анализ ситуации показывает, что американцы и южнокорейцы не просто ожидали северокорейского нападения, но провоцировали его, создавали ситуацию, когда северокорейцы должны решить, что Южную Корею они возьмут легко. Нужно сказать, что эта игра американцев против северокорейцев и русских удалась. Другое дело, что военные действия пошли и кончились не по американскому плану, хотя многие задачи янки выполнили и перевыполнили.

Исследователи чаще всего фиксируют внимание на истории Корейской войны, в которой южнокорейцы и американцы выглядят обороняющейся стороной в совершенно определенных обстоятельствах. Но, во-первых, кроме истории есть предыстория, а во-вторых, как говорил Сталин, есть логика намерений и есть логика обстоятельств. Поговорим о предыстории и о намерениях, прежде всего американских. Замысел оккупировать всю Корею и как минимум часть Маньчжурии возник у американцев в июле 1945 года - об этом пишет в мемуарах Трумэн. Однако тогда у США не было достаточных сил, к тому же нельзя было ссориться с СССР накануне войны с Японией, и Штаты удовлетворились южной частью Кореи. В ходе развития ХВ американцы выделили ряд регионов, которым «угрожает советская экспансия». В американском списке была и Южная Корея.

За неделю до начала войны в Пентагоне утвердили план SL-17, в котором фактически был расписан сценарий будущей войны: нападение северокорейцев, отступление южнокорейцев, вмешательство США - высадка американских войск в Инчхоне. Американцы готовились к такому варианту, а точнее - готовили его. То есть шла интенсивная подготовка США к войне, тогда как официально США заявляли о том, что Южная Корея исключена из пределов «оборонительного периметра США» (этот «периметр» был очерчен 12 марта 1947 года «доктриной Трумэна»). О таком исключении сказал, например, Дин Ачесон 12 января 1950 года. Позднее он скажет, что его речь дала «зеленый свет» для нападения на Корею, а сенатор Роберт Тафт потребует отставки Ачесона, отметив, что его заявление вызвало коммунистическую агрессию. Фраза Ачесона на самом деле звучит весьма двусмысленно, особенно если вспомнить излюбленную манеру англо-американского истеблишмента провоцировать потенциального противника на некие действия, создавая у него впечатление, что англосаксы останутся в стороне от конфликта (иначе потенциальный противник не станет противником актуальным и к тому же на него нельзя будет навесить ярлык «агрессора»). Именно так британцы поступили с Вильгельмом II в 1914 году (министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грэй создал у кайзера впечатление, что европейский конфликт - это в любом случае без британцев), а американцы - с Саддамом Хусейном в 1990 году, спровоцировав вторжение Ирака в Кувейт. 31 июля 1990 года, за 48 часов до иракского вторжения, помощник госсекретаря по Ближнему Востоку и Южной Азии Джон Келли на прямой вопрос, что будут делать США, если Ирак нарушит границу Кувейта, ответил: у США нет обязательств перед Кувейтом. По сути, это было приглашение к агрессии, а исторически и в долгосрочной перспективе - приглашение Саддама на казнь.

Военный конфликт с Северной Кореей решал не только вопрос о «приобретении» всего полуострова, но и другую проблему. Южнокорейский режим Ли Сын Мана в 1950 году оказался на грани краха, в стране не просто стремительно росло недовольство, но ширилось партизанское движение (в горных южных районах). Военный конфликт и как следствие - расширение американского присутствия, а также законы военного времени спасали лисынмановский режим. Оставалось лишь непосредственно спровоцировать северян на конфликт или сработать косвенно - создать впечатление легкой победы, а затем

реализовать план SL-17 и на плечах отступающего противника захватить весь полуостров - американцы были уверены, что СССР непосредственно не вмешается в войну. Так оно и вышло. Но американцы просчитались в двух отношениях. Во-первых, они не учли, насколько слаба южнокорейская армия; во-вторых, не предвидели военного вмешательства китайской армии, не позволившей Штатам американизировать полуостров.

Что касается советских намерений, то речь здесь не шла об экспансионизме. Суть в другом - в самой логике ХВ. Обостряя ситуацию на Дальнем Востоке, Сталин автоматически снижал градус противостояния в Европе, где Берлинский кризис до предела накалил обстановку. Корея была значительно важнее для Китая, чем для СССР. Впрочем, в случае необходимости Сталин делал «ходы конем» и в противоположном направлении - с востока на запад. Так, в мае 1952 года, когда шла Корейская война, резко обострилась ситуация во Франции. Здесь коммунисты организовали мощные демонстрации, формально - против визита американского генерала Риджуэя. Однако некоторые исследователи полагают, что визит был лишь поводом для создания политического кризиса IV республики. Выступления коммунистов совпали не только с Корейской войной, они произошли сразу же после того, как правительство Пинэ в мае 1952 года подписало договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества, предполагавший создание единой армии западноевропейских стран, включая ФРГ. Демонстрации переросли в серьезные волнения, напугавшие правительство, оно ответило арестами коммунистов - еще одно поле боя ХВ.

В отличие от троцкистов Сталин был противником тотального насаждения коммунистических режимов в мире; в большинстве случаев он готов был удовлетвориться национализмом, хотя бы «умеренно антиимпериалистическим». Показательно, что СССР в 1945 году не торопился признавать освободившийся Вьетнам, а в 1948 году Сталин даже отправил своего представителя к Мао предупредить того, чтобы он, как пишет биограф Чан Кайши Джонатан Фенби, «не слишком давил на поверженного противника из-за возможных провокаций со стороны США». Думаю, по поводу американских провокаций Иосиф Грозный лукавил - скорее всего, ему хотелось иметь либо два Китая, либо один Китай с «компромиссным» правительством. В 1963 году Мао напишет, что «китайская революция победила вопреки воле Сталина». То, что в марте 1949 года Ким Ир Сен дважды встречался со Сталиным и ему была обещана массированная военная помощь, не означает, что Сталин подталкивал Кима к военным действиям. Другое дело - согласие Сталина, а затем и Мао передать в распоряжение Кима те части НОАК, которые состояли из этнических корейцев. Прав исследователь Андрей Ланьков: именно это сыграло большую роль в подготовке войны.

Однако главным было то, что война заставила Трумэна прислушаться к тем, кто проталкивал директиву СНБ-68. «Корея спасла нас», - откровенно признал шеф Государственного департамента Дин Ачесон. Интересная деталь: в то время как сначала американские военные были против участия американских войск в наземных операциях, Госдеп выступал за и победил. «Войны ждали с минуты на минуту. А когда она началась, она разразилась как гром среди ясного неба» - так характеризует начало Великой Отечественной войны Александр Зиновьев. Но так начинаются почти все войны. Корейская - не исключение.

Корейская война

Начало войны было блестящим для северян: в ходе наступления 75-тысячной армии уже на третий день войны они взяли Сеул, а к концу августа установили контроль над 90-95 процентами территории страны. Однако уже в конце июля их коммуникации оказались чрезмерно растянутыми, что делало позиции армии КНДР уязвимыми. Не случайно наблюдавший за событиями со всевозрастающей тревогой Мао Цзэдун 4 августа на заседании Политбюро КПК поставил вопрос о необходимости оказать Северной Корее прямую военную помощь, несмотря на возможность ядерного удара США. Во второй декаде августа Мао предупредил Ким Ир Сена о возможности высадки американских войск под командованием генерала Дугласа Макартура в Инчхоне (узкий перешеек к югу от 38-й параллели). Такой прогноз представил один из военных советников Чжоу Эньлая. Ким не внял и поплатился.

14 сентября американцы (формально - многонациональные силы ООН по решению Совбеза ООН от 7 июля 1950 года, когда впервые международная организация проголосовала за использование силы против отдельного государства - правда, в отсутствие представителя СССР) высадились в Инчхоне. Началась операция «Хромит». Хотя резолюция ООН требовала лишь изгнания северокорейских войск за 38-ю параллель, Макартур наплевал на это и перенес военные действия на территорию КНДР и погнал северокорейцев на север. Высадка американцев в Инчхоне стала неприятным сюрпризом, особенно для Сталина. Советский вождь, хотя и не исключал полностью возможности американского вмешательства, полагал, согласно некоторым источникам, что США не станут всерьез воевать из-за небольшого кусочка земли за далеким морем. Он ошибся. После перенесенного в октябре 1945 года инсульта Сталин вообще стал ошибаться - «Акела промахнулся»: возраст, да и эпоха, которой Сталин был адекватен, уходила.

К 20-м числам октября 1950 года американцы и южнокорейцы вошли в южные районы КНДР. Терпя поражение, КНДР обратилась за помощью к КНР и СССР. 19 октября китайцы перешли реку Ялуцзян и начали развертывать наступление. Если о возможности вторжения северокорейцев ЦРУ предупредило президента аж 10 марта, то возможность вмешательства КНР в войну ЦРУ отвергало полностью. Хотя подобный вариант был вполне предсказуем и даже, как пишет Кэрол Куигли в своей замечательной книге «Трагедия и мечта. История мира в наше время», почти неизбежен: Китай не мог допустить уничтожения буферного государства. 23 октября американцы успели взять столицу КНДР Пхеньян (днем раньше китайцы вошли в Тибет, верно рассчитав, что в условиях вовлеченности в Корейскую войну Запад «не дернется» - так оно и вышло), а 25 октября китайско-корейские части нанесли удар, отбросив противника на 50-60 километров. «Воздух» обеспечили советские летчики, получившие 1 ноября разрешение пересекать границу Кореи. 24 ноября трехсоттысячная китайская армия («добровольцы») погнала противника на юг, отбросив его на 400 километров! Получалось, что китайцы нанесли поражение американской армии, и это был сильный психоудар по США - ничего более унизительного ни в Первой, ни во Второй мировых войнах с американцами не происходило. Ну а в СССР, естественно, приветствовали китайско-корейские победы. Выражая общее настроение, поэт Михаил Светлов (автор знаменитой «Гренады») в стихотворении «Корея, в которой я не был» писал: Голову не склонишь пред снарядом, Ясен путь, и ненависть остра... Дай и я присяду у костра, Где кореец и китаец рядом. <...> И не нки и не пушки шлем Мы бойцам священного похода - Мы родной Корее отдаем Опыт освоения свободы.

Китайцы спасли Ким Ир Сена - свою войну он проиграл. Более того, они изменили ход войны, поскольку СССР едва ли начал бы участие в наземных операциях. Макартур жестко отреагировал на вмешательство КНР. Он предложил перенести войну на китайскую территорию и начать бомбардировку городов КНР. Однако это означало угрозу

конфликта с СССР. Собственно, Макартур в свойственной ему манере предложил два крайних варианта в качестве реакции на китайское наступление: либо полномасштабная война с Китаем и, возможно, с Россией и курс на уничтожение мирового коммунизма раз и навсегда, либо немедленная эвакуация из Кореи. Сталин сказал бы по поводу таких вариантов: «Оба хуже». Как поясняет Куигли, первый вариант развязывал СССР руки в Европе, второй означал для американцев потерю лица и невозможность в дальнейшем защищать союзников от коммунистической угрозы. Макартур, как уже говорилось, был за первый вариант и рвался в бой, в том числе и с СССР.

Реагируя на угрозу, которую объективно несло американское наступление в Корее, и стремясь обеспечить тыл северокорейской армии, СССР сосредоточил вдоль китайской и корейской границ 5 бронетанковых дивизий и в Порт-Артуре - Тихоокеанский флот (командующий группировкой - маршал Родион Малиновский). Трумэн, в свою очередь, пугал СССР и КНР (30 ноября 1950 года на пресс-конференции он заявил, что, если надо, США начнут ядерную войну, а затем повторил угрозу 27 января 1952 года), но вместе с тем 11 апреля 1951 года он убрал Макартура от греха подальше, заменив его генералом Риджуэем. В своих мемуарах Трумэн напишет: «Я не мог отдать приказ о начале третьей мировой войны». Джеймс Кэрролл, оценивая в данном случае позицию Трумэна, пишет, что если в 1945 году, дав приказ сбросить бомбы на Хиросиму и Нагасаки, президент изменил ход истории в одну сторону, то в 1951 году, отказавшись разрешить «американскому Цезарю» Макартуру атомную бомбардировку Китая, он изменил ход истории в противоположном направлении. В этом тезисе чувствуется фальшь: одно дело - бомбить уже практически поверженную и, по сути, беззащитную Японию, другое - отдать приказ бомбить многомиллионный Китай, за которым стоит ядерная держава - СССР. Нет, не менял Трумэн ход истории, а демонстрировал нормальное чувство самосохранения.

В новогоднюю ночь на 1951 год Китай прорвал оборону противника по 38-й параллели, и через три дня НОАК заняла Сайгон. В начале мая 1951 года полумиллионная армия китайцев и корейцев вышла к районам, прилегающим к 38-й параллели. Фронт стабилизировался, война из маневренной превратилась в позиционную. В июле на фоне продолжавшихся боевых действий начались мирные переговоры в Кесонге.

Четвертый, и последний, этап войны длился до июля 1953 года. Эйзенхауэр полагал, что конец войне положила угроза США (май 1953 года) применить ядерное оружие против КНР, однако Джереми Айзекс и Тэйлот Даунинг, авторы работы «Холодная война», скептически относятся к такому выводу. По их мнению, решение о прекращении войны было окончательно принято в Москве и Пекине уже в марте 1953 года - через две недели после смерти Сталина. Айзекс и Даунинг считают, что в случае чего СССР готов был поднять перчатку, а потому главные решения принимались не в Вашингтоне, а в Москве.

В военном плане Корейская война окончилась вничью. Причем дважды американцы испытали шок: и в ходе самой войны, когда китайцы погнали американцев на юг, и по окончании - то была первая война, пишет Льюис Каплан в книге «Сталин. Человек, который спас капитализм», где американцы впервые не стали победителями. Впрочем, и в чисто военном (военно-политическом) плане у США были достижения: спровоцировав Кима и Сталина, американцы заставили их поступить так, как это надо было американцам; при этом соцстраны, включая КНР, выставлялись в качестве агрессоров.

Однако если говорить о геостратегических, геополитических, мировых аспектах Корейской войны, то здесь общий счет будет, скорее, в пользу Запада. Корейская война существенно улучшила, усилила экономические и геополитические позиции США и их

союзников как в регионе Восточной Азии, так и в мировой системе в целом. Во-первых, если ХВ помогла Западу быстрее выйти из тяжелой экономической ситуации, Корейская война помогла США преодолеть серьезнейшие экономические трудности. И это была одна из причин заинтересованности США в войне. Связывая реакцию США с действиями Ирака в Кувейте в 1990 году, прежде всего с угрозой бюджету Буша-Чейни-Пентагона, Андрэ Гундер Франк в 1990 году писал: каждый раз, когда возникает угроза военному бюджету (вспомним реакцию Трумэна на директиву СНБ-68), особенно в период спада, американская администрация, будь то демократы или республиканцы, обостряет внешнеполитическую ситуацию. Так было уже пять раз после 1945 года, первым и в то же время модельным случаем стала война в Корее - реакция на первый послевоенный спад 1949 года. За спадом 1957-1958 годов последовало вторжение в Ливан. Спад 1967 года стал серьезной проблемой для ФРГ и Японии, но не для США - благодаря эскалации вьетнамской войны. Спад 1979 года заставил Картера запустить второй виток ХВ. Решение разместить ракеты в Европе и вести переговоры с СССР с позиции силы, равно как трехпроцентное увеличение бюджета НАТО, предшествовали вторжению СССР в Афганистан. Спад 1981-1982 годов не только вызвал к жизни «военное кейнсианство» Рейгана, но и сформировал его позицию по Никарагуа и Гренаде. Исключение составляют лишь спад 1953-1954 годов, происшедший сразу же после войны в Корее, и сильный спад 1973-1975 годов, совпавший с началом никсоновской разрядки напряженности и завершением войны во Вьетнаме.

Огромное значение для роста экономики США имел, с одной стороны, рост оборонных расходов с 12-13 миллиардов долларов в 1950 году до почти 50 миллиардов в 1953 году), с другой стороны - решение Трумэна использовать ООН как средство для ведения войны. «Используя ООН, - пишет Льюис Каплан, - он не только мог пренебречь обращением в Конгресс для объявления войны, но этот (корейский. - А.Ф.) конфликт велся вообще без всякого контроля за расходами и ценами. В результате ВВП Соединенных Штатов вырос почти на 100 миллиардов долларов, это небывалая для Америки величина. Почти весь этот прирост ВВП пришелся на период ведения войны». Корейская война сыграла исключительно важную роль в формировании того, что американские аналитики называют permanent war economy («постоянно действующая военная экономика») и ее институтами, прежде всего военно-промышленного комплекса и «государства национальной безопасности». Именно война в Корее сформировала у американцев то отношение к СССР, которое отодвинуло воспоминания об СССР - союзнике в войне против Гитлера и сохранилось до конца ХВ. Здесь американская пропаганда потрудилась на славу - well done, Judas, как пелось в рок-опере Jesus Christ Superstar. Во-вторых, Корейская война способствовала экономическому рывку Японии, началу превращения этой страны из бывшего врага США в главного союзника в Восточной Азии и в одного из экономических лидеров капсистемы.

В сентябре 1951 года был заключен американо-японский договор о мире, и, поскольку теперь Япония стала стратегическим союзником, американцы пожалели о навязанной ими же статье IX Конституции этой страны (Япония лишилась права иметь вооруженные силы) - Ричард Никсон прямо назвал это ошибкой. «Ошибку» обошли созданием сил самообороны, численность которых достигла 130 тысяч в 1954 году; в 1952-м у Японии появился ВМФ, а в 1954-м были сформированы ВВС.

Япония получила от США 3,5 миллиарда долларов - это было началом пути к так называемому японскому чуду. В начале 1950 года промышленное производство Японии выросло на 50 процентов; в 1952-м уровень жизни достиг довоенных показателей, японская экономика переживала бум.

В-третьих, был спасен режим Ли Сын Мана - без войны он вряд ли бы удержался. В-четвертых, в выигрыше оказался Чан Кайши - для него война стала, по определению биографа Мао Филиппа Шорта, «даром небес». За несколько месяцев до начала войны Трумэн однозначно дал понять Чану, что в случае нападения коммунистов на Тайвань США будут соблюдать нейтралитет (что американцы и сделали во время успешной апрельской высадки морского десанта коммунистов на остров Хайнань и уничтожения ими гоминьдановцев). А 27 июня американцы, направив в Южную Корею войска, объявили, что 7-й флот США возьмет под контроль Тайваньский пролив - для Чана это было спасение. Таким образом, баланс сил в Восточной Азии в результате Корейской войны изменился резко и полностью.

В-пятых, будучи первой локально-периферийной «горячей» войной эпохи ХВ, Корейская война изменила баланс сил не только в Восточной Азии, но в Азии вообще и в мире в целом. Американцы получили предлог для наращивания своих сил и присутствия в Восточной Азии. Корейская война облегчила американцам принятие на себя роли защитника мира от коммунизма и стала оправданием их агрессивной политики сколачивания военных блоков во всем мире, в том числе по периметру границ СССР. В сентябре 1951 года был создан АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, США).

В 1954-м, после добавки к этим трем странам Пакистана, Филиппин, Таиланда, Великобритании и Франции, блок был переименован в СЕАТО. В 1955 году был заключен Багдадский пакт (Великобритания, Турция, Иран, Ирак, Пакистан). Таким образом, в первой половине 1950-х годов, пишут авторы французской «Истории XX века» Серж Берштейн и Пьер Мильза, соцсистема оказалась заблокированной с юга. А на западе, воспользовавшись Корейской войной и испугавшись ситуации во Франции и Италии, американцы резко наращивали свою мощь. В 1952 году в Лиссабоне, пишет Чарлз Мессенджер, страны НАТО потребовали развернуть в Европе 50 дивизий и 4 тысячи самолетов; подчиняться они должны были Верховному главнокомандующему силами союзников в Европе Дуайту Эйзенхауэру.

В-шестых, война сблизила США и их западноевропейских союзников, а что касается Великобритании, глагол «сблизила» можно заменить на «сплотила». «Главным результатом Корейской войны для Великобритании было то, что она изменила взгляды американской администрации, - пишет Стивен Доррил, автор исследования «МИ-6».

Внутри тайного мира секретной службы ее величества». - В Вашингтоне Британию стали рассматривать как надежного союзника». Таким образом, Корейская война подвела черту под почти четвертьвековой борьбой англичан и американцев, которая стала одной из главных причин Второй мировой войны и увенчалась американской победой над Британской империей (и, кстати, ее ставленником Гитлером).

Итак, Корейская война подарила США новый баланс сил в мире. Но «баланс сил» не есть нейтральное понятие. Это так - для простачков. Как писал в 1923 году Норманн Энджел, один из ярких политических публицистов Великобритании, «баланс сил» в действительности всегда означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне. <...> Принцип «баланса сил» означает в действительности требование превосходства. Требование превосходства сил означает акт агрессии». Ай да англосакс! Ай да сукин сын! Четко излагает классовую и национальную позицию: установление баланса сил достигается посредством агрессии, а сам баланс сил есть фундамент и плацдарм для агрессии - англосаксонское кредо. Корейская война создала такой баланс сил для США, который улучшал их позицию и облегчал агрессивные действия.

Поскольку Япония превратилась в важный фактор обеспечения безопасности США, а американцы не хотели восстановления традиционных японо-китайских экономических связей, стало необходимым, как подчеркнул госсекретарь эйзенхауэровской администрации Джордж Фостер Даллес, развитие торгово-экономических связей Японии с некоммунистическими странами Азии, в том числе с Южной Кореей. О том же говорил американский банкир Джозеф Додж. Ирония истории, заключавшаяся в этих предложениях, состояла, пишет Мартин Уокер, в том, что если в начале 1940-х годов США боролись против японской Восточноазиатской сферы великого сопроцветания, то в начале 1950-х не только начали восстанавливать экономическую мощь Японии, но и способствовать созданию чего-то вроде такой сферы.

Если на востоке Евразии Корейская война подхлестнула создание антикоммунистического форпоста - Японии, то на западе тем временем образовался аналогичный форпост - Германия. В конце 1940-х Великобритания и Франция примирились с экономическим восстановлением Германии, но резко выступили против ее ремилитаризации. Теперь же, скрепя сердце и с явным неудовольствием, они вынуждены были на нее согласиться.

Однако Корейская война подорвала тот вариант политики по отношению к Китаю, который в США считали весьма желательным и над которым работали. С конца 1949 года представители американской администрации в частных разговорах подчеркивали, что в Вашингтоне надеются на скорое «исчезновение Формозы», то есть на падение режима Чан Кайши на Тайване. За этим должны были последовать признание нового Китая и принятие его в ООН. Цель - вбить клин между СССР и Китаем. «Эта версия китайского «титоизма», - пишет Кэрол Куигли, - никогда не стала государственной политикой, однако 12 октября 1949 года, после того как Объединенный комитет начальников штабов под председательством Эйзенхауэра проголосовал за то, что Формоза (Тайвань. - А.Ф.) не настолько стратегически важен, чтобы посылать туда войска; три департамента Пентагона и Государственный департамент единогласно сошлись на том, что Формоза будет завоевана Красным Китаем к концу 1950 года». Ну а после этого американцы смогут использовать КНР против СССР.

Корейская война сломала эти планы, и США начали интенсивно использовать Китай против СССР не с 1950-го, а с 1970-х, причем весьма успешно: именно с помощью КНР США рушили Советский Союз - одновременно взращивая своего же собственного конкурента.

Корейская война стала вторым (и намного более серьезным) советско-американским кризисом после блокады Берлина. И опять обе страны избежали прямого конфликта.

«Вашингтон и Москва, - пишет Уокер, - учились действовать в новых стратегических условиях, когда необходимость предотвратить превращение кризиса в полномасштабную войну оказывалась более важной, чем локальная победа. Холодная война в качестве системы международного контроля стала институтом».

И произошло это именно в ходе Корейской войны 1950-1953 годов. Впрочем, в этот период в ХВ происходили события в известном смысле не менее, а быть может, и более важные, чем война в Корее. Уже в самом начале ХВ, то есть когда выяснилось, что «горячий», непосредственно военный вариант сокрушения СССР невозможен, США

главный акцент сделали на ведение экономической и психологической (психоисторической) войны.

Начало экономической войны - удары и контрудары

В экономической войне расчет был на то, что СССР выйдет на уровень 1940 года только в 1965 году. СССР огорчил врага, выйдя на этот уровень в 1949-м. Не случайно в 1952 году кандидат в президенты США Эдлай Стивенсон заметил: если темпы роста производства сохранятся, то к 1970 году объем русского производства в 3-4 раза превзойдет соответствующий американский показатель, США проиграют экономическую гонку, что приведет к печальным последствиям.

Хотя объем производства СССР к 1970 году не превзошел объем американского производства в 3-4 раза, в главном Стивенсон оказался прав: к этому времени США проиграли СССР экономическое соревнование, экономический компонент ХВ, но они стремительно набирали очки в войне психологической. Именно поэтому руководство СССР не заметило американского проигрыша; благодаря американской пропаганде и другим формам психоисторического воздействия, включая системное НЛП, советские руководители и их интеллектуальная обслуга, то есть все эти «красненькие» и «зелененькие», если пользоваться терминологией Эрнста Неизвестного, не могли увидеть, а увидев - поверить в проигрыш США в сфере экономики. Советские «валенки» заранее отдавали пальму первенства американским «ботинкам», и в этом был главный успех последних - как говорил Тацит, в бою проигрывает тот, кто первым опускает глаза.

Главным оружием янки в экономической войне был доллар. Сталин это прекрасно понимал. Его ответный удар был прост. 1 марта 1950 года Совет министров СССР постановил перейти к исчислению рубля не на базе доллара (как это делалось с июля 1937 года), а на золотой основе. Аргументировалось это ухудшением финансово-экономической ситуации на Западе: в Европе - девальвацией европейских валют; в США - ростом цен на предметы массового потребления, инфляцией и снижением покупательной способности доллара. Согласно постановлению устанавливалось золотое содержание рубля (0,222168 грамма чистого золота при цене золота 4 рубля 48 копеек за 1 грамм); цена американского доллара устанавливалась в 4 рубля вместо прежних 5 рублей 30 копеек. Эта мера не только укрепляла советскую экономику, но и наносила удар по доллару как универсальной мировой валюте, как мощному средству господства США над миром и орудию ХВ, сокращала долларовое пространство.

«Сталин, - верно замечает Юрий Мухин, - не то что отказался использовать доллар во все расширяющейся международной торговле СССР, он даже оценивать товары в долларах прекратил. Можно ли сомневаться, что для США он стал самым ненавистным человеком?».

«Сталин, - пишет Арсен Мартиросян, - попросту подорвал установленную после войны систему золотого стандарта доллара, опиравшегося на схему 34,5 доллара за одну тройскую унцию золота (31,103477 грамма), под которую янки сумасшедшим образом производили бешеную эмиссию зеленых фантиков».

Покушение на доллар - это страшное преступление, которое может стоить должности, а то и жизни покушающемуся. Генералу де Голлю устроили «май-1968», а затем отставку именно за то, что в 1967 году он заставил американцев вернуть Франции 66,5 тонны золота за предъявленные им во время визита в США 750 миллионов бумажных долларов. Де Голль, правда, умер своей смертью. Президент Кеннеди в июне 1963 года подписал указ, который наносил серьезный ущерб Федеральной резервной системе, и полгода не прожил после этого. Из примеров наших дней можно привести судьбу Саддама Хусейна, решившего перевести расчеты по нефти с доллара на евро. Из более отдаленных примеров можно припомнить главное контртребование англосаксов в ответ на мирные предложения Гитлера в 1940 году - Германия должна вернуться в «поле гравитации» финансовой системы англосаксов (при всех противоречиях между Великобританией и США). Да, покушение на доллар - это не покушение на миражи. Сталин - покусился. Он понимал, где скрыта игла Кощеевой смерти капитализма. Но не добрался до нее - времени не хватило.

Следующий шаг в экономической войне Сталин/СССР делает в 1952 году. В апреле в Москве проходит международное экономическое совещание, на котором, как пишет в своей работе «Забытая идея без срока давности» Алексей Чичкин, СССР, восточноевропейские страны и Китай предложили создать зону торговли, альтернативную долларовой, по сути - альтернативный мировой рынок. Если учесть, что на апрельском совещании Сталин в соответствии со своими идеями предложил создать альтернативный «общий рынок» со «своей» межгосударственной расчетной валютой, которой должен был стать советский рубль, переведенный за два года до этого на золотую основу, если также учесть, что советское предложение заинтересовало Финляндию, Швецию, Исландию, Ирландию, Австрию, Иран, Эфиопию, Мексику, Аргентину и Уругвай, то объем мирового капиталистического рынка мог сократиться еще более, а потери прибыли - возрасти на порядок. Был у Сталина и свой ответ на психологическую войну Запада, которая в 1951 году приобрела отчетливые институциональные формы - тогда по инициативе Трумэна был создан Совет по психологической стратегии, задачей которого стало развертывание широкомасштабной психологической войны против СССР.

Психологическая война: первые шаги

Основные цели, принципы и направления этой войны были сформулированы в знаменитом меморандуме Алена Даллеса: «Окончится война <...> и мы бросим все <...> на оболванивание и одурачивание людей. <...> Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания». И так далее. Некоторые считают меморандум фальшивкой. Я так не думаю - я слишком много читал о брательниках Даллесах, об их взглядах, методах, об их «морали». Но даже если бы меморандум был фальшивкой, вся психоисторическая война США против СССР развивалась на основе целей, принципов и методов, изложенных в этой «фальшивке».

К тому же помимо рассуждений Даллеса об ударах, нарушающих социокультурный код того или иного общества, есть высказывания, принадлежащие другим представителям истеблишмента. Так, сенатор Гувер Хэмфри писал Трумэну о важности «оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура». Психоисторическая война, война в

сфере идей и культуры объективно требует длительных сроков. Именно на это и настраивались противники СССР. При этом необходимо отметить вклад английских спецслужб, прежде всего МИ-6, связанной с самой верхушкой британского общества, и в саму ХВ, и в определение ее долгосрочного («бессрочного») характера. Именно англичане в 1947-1948 годах первыми заговорили о создании постоянно действующего «штаба планирования холодной войны». Именно они разработали программу «Лиотэ», которую потом реализовывали совместно с американцами против СССР. Луи Жобер Гонзальв Лиотэ (1854-1934) - французский маршал, служивший в Алжире. Жара изматывала французов, и маршал приказал посадить по обе стороны дороги, которой обычно пользовался, деревья. На возражение, что они вырастут, дай Бог, лет эдак через пятьдесят, Лиотэ ответил: «Именно поэтому начните работу сегодня же». Иными словами, программа (принцип, стратегия, операция) «Лиотэ» - это программа, рассчитанная на весьма длительный срок. Если считать от 1948 года, то до конца XX века.

Автор программы - полковник Валентайн Вивьен, замдиректора МИ-6, руководитель внешней контрразведки. Традиционную для англичан стратегию натравливания друг на друга континентальных держав Вивьен применил к компартиям, придав ей тотальный и долговременный характер. Для этого задействовались все имевшиеся в наличии государственные средства.

Хочу особо подчеркнуть долговременный характер оперативного комплекса «Лиотэ». С самого начала, пишет полковник Станислав Лекарев, он «задумывался как тотальный и постоянно действующий механизм. Его главной задачей являлось постоянное выявление и перманентное использование трудностей и уязвимых мест внутри советского блока». Мало этого, сами операции в рамках комплекса «Лиотэ» внешне должны были казаться противнику разрозненными, не связанными между собой, на первый взгляд малозначительными действиями-событиями; их целостность должна была быть видна только их авторам.

29 июня 1953 года (какое совпадение - в эти же дни, 26 июня, был, по официальной версии, арестован, а по неофициальной - застрелен Лаврентий Берия) британский Комитет по борьбе с коммунизмом (его возглавлял замминистра иностранных дел) создал спецгруппу, главной задачей которой были планирование и проведение операций «Лиотэ», ведение психологической войны, спецопераций. То есть воздействие на психологию и культурные коды (сознание, подсознание, архетипы) противника, прежде всего - его политической и интеллектуальной элиты. Реализация комплекса «Лиотэ» просматривается в волнениях в Берлине в июне 1953 года, в еще большей степени - в венгерских событиях: с 1954 года венгерских «диссидентов» тайно перевозили в британскую зону Австрии, откуда после 3-4-дневных курсов их возвращали в Венгрию - так готовили боевиков для восстания 1956 года.

Совет по психологической стратегии был одной из структур ведения психоисторической войны. Показательно, что в рамках Совета существовала группа «Сталин», целью которой был анализ возможностей отстранения Сталина от власти. По-видимому, в какой-то момент интересы западной верхушки и части высшей советской верхушки совпали, тем более что объективно в 1952 году Сталин активизировал давление как на первых, так и на вторых. Понимая значение психологической войны, борьбы в сфере идей и пропаганды, а также решая прежде всего ряд важнейших внутренних проблем, Сталин в 1950-1952 годах вел дело к тому, чтобы сосредоточить реальную власть в Совете министров, а деятельность партии (партаппарата) сконцентрировать на идеологии и пропаганде (во внешнеполитическом аспекте это и есть психологическая война), а также на кадровых вопросах. Ясно, что это не могло устроить партаппарат. Ну а

создание структуры - концентрата орг- и психвойны как побочного продукта реконфигурации властной системы СССР (двойной удар) - не могло радовать буржуинов, и здесь вполне возможна смычка внутренних и внешних интересов, сработавшая на решение задачи «уход Сталина».

И еще один фактор. На 5 марта 1953 года было назначено испытание советской водородной бомбы (я благодарен Валентину Анатольевичу Белоконю, обратившему мое внимание на этот факт) - СССР здесь запоздал всего лишь на несколько месяцев по сравнению с США, испытавшими свою водородную бомбу в ноябре 1952 года. Из-за смерти Сталина испытание было перенесено на август и прошло успешно. Представим, что Сталин не умер между 1 и 5 марта (точную дату мы на самом деле не знаем). Идет Корейская война, американцы бряцают атомной бомбой, а Советский Союз обретает водородную. Страх буржуинов перед тем, «как шагает по тайным ходам <...> неминучая погибель» (Аркадий Гайдар), понятен. Но очевиден и страх высшей советской номенклатуры, которая хотела спокойной жизни, «нормальных» контактов с Западом. Напомню, доктрина «мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем» будет выдвинута советской верхушкой в лице Георгия Маленкова сразу же после смерти Сталина, 10 марта 1953 года, на Пленуме ЦК КПСС. Даже локальное использование атомной/водородной бомбы - это прыжок в неизвестное. Вот и еще один криминальный мотив.

В любом случае в начале марта 1953 года Сталина не стало. Я согласен с теми, кто считает, что Сталина убили, - в последние годы появился ряд исследований, в которых убедительно доказывается эта точка зрения. В смерти Иосифа Грозного, как и Ивана Грозного, были заинтересованы не просто отдельные лица в СССР и на Западе, но целые - здесь и там - структуры, интересы которых помимо своих шкурных реализовывали заговорщики. Что касается возможностей осуществления акции, предполагающей проникновение на высшие уровни советского руководства, то здесь можно привести несколько примеров.

В рамках оперативного комплекса «Лиотэ» небезуспешно проводились операции «Акнэ» (усиление разногласий в советском руководстве после смерти Сталина), «Сплинтер» (стравливание армии и МВД, с одной стороны, и партструктур - с другой), «Риббанд» (противодействие модернизации советского подводного флота), действия по усилению советско-китайского раскола. Так что высокий уровень проникновения был.

Инерционная трехлетка

Инерционно период ХВ, начавшийся в 1949 году, продолжался до 1956 года, когда доктрина мирного сосуществования была официально провозглашена на XX съезде КПСС - съезде-пире номенклатуры, ее сатурналиях - в отличие от антиноменклатурного по своей интенции XIX съезда. И тем не менее за три «инерционных» года между смертью Сталина и попыткой его развенчания троцкистом-расстригой Никитой Хрущевым произошли определенные изменения, которые позволяют заключить: выведение Сталина из игры было важнейшим успехом для Запада в ХВ, причем успехом, достигнутым в самом начале ХВ и определившим ее ход в существенно более выгодном для Запада варианте, чем это было при жизни Сталина. Уже 1953-1956 годы продемонстрировали это со «стеклянной ясностью».

Этот отрезок времени весьма противоречив. С одной стороны, в 1953 году подошла к концу некая эпоха. Возникновение НАТО и рождение ФРГ, победа коммунистов в Китае и выход их армий к границе французского Индокитая, окончание Корейской войны, запуск плана Робера Шумана по объединению Европы - все это, пишет Альфред Гроссер, автор исследования об отношениях США и западноевропейских стран, говорит об окончании определенного периода. Гроссер прав. Я бы только добавил почему-то забытые им две советские бомбы, атомную и водородную, и смерть Сталина. Необходимо также отметить происшедшее в 1953-1954 годах принципиальное изменение отношения США к колониализму и антиколониальным движениям. До начала XB США однозначно выступали против колониализма - он закрывал доступ на рынки колониальных империй бизнесу США. С началом XB и активизацией ТНК США стали весьма селективно относиться к антиколониальным и вообще демократическим движениям в Азии, Африке и Латинской Америке, подавляя их там, где они угрожали интересам американских ТНК. Иран и Гватемала - первый опыт такого рода. Несмотря на изменения, в течение нескольких лет новое скрывалось в уходящем старом и только в 1956 году четко выявилось XX съездом КПСС (реконфигурация международных отношений), Суэцким кризисом и венгерскими событиями. Но к 1956 году прямая линия прочерчивается от ранней весны 1953-го.

Сразу же после смерти Сталина в Москве заговорили о возможности мирного сосуществования с Западом. В ответ 16 апреля 1953 года, выступая перед представителями Американского общества редакторов газет, Эйзенхауэр призвал Кремль предъявить «конкретные свидетельства» того, что его новые хозяева порвали со сталинским наследием. Два дня спустя Даллес позволил себе еще более жесткие заявления, предлагая перейти от сдерживания коммунизма к его отбрасыванию. В секретном отчете СНБ прямо говорилось о том, что советская заинтересованность в мире - обман и противостояние сохранится.

Показательно, что если СССР в 1953 году заговорил о возможности мирного сосуществования с США, то правящие круги США устами одного из сенатских комитетов возвестили о подходе, диаметрально противоположном советскому: о невозможности и иллюзорности мирного сосуществования с коммунизмом. Прав автор работы об операции Split Стюарт Стивен, который считает, что в 1953 году СССР и США поменялись ролями: СССР если не совсем отказался от коминтерновской линии, то существенно приглушил ее, а вот США по отношению к СССР стали проводить линию, аналогичную коминтерновской, но, естественно, с противоположным знаком и противоположными целями. «Американцы, - пишет он, - вознамерились осуществлять, только в обратном направлении, то, чем занимался старый довоенный Коминтерн, инспирировавший саботаж на Западе в попытках подорвать его институты. Многие полагали, как это сформулировал в 1953 году сенатский комитет по коммунистической агрессии, что «мирное сосуществование» является коммунистическим мифом, который может быть осуществлен только путем полного отказа от нашего свободного образа жизни в пользу рабства под игом коммунизма, контролируемого Москвой». То есть налицо отношение к СССР как не столько к государству, сколько к социальной системе. СССР же постепенно переходил от активного воздействия на Запад как система на систему, стремился встроиться в нее в качестве государства, все больше ведя себя не столько как антисистема, сколько как обычное государство. А США, повторю, постепенно наращивали именно системное воздействие на СССР. Своего полного раскрытия и успеха этот курс достигнет в 1980-е при Рейгане, однако его основы сформулированы в самом начале XB: в конце 1940-х - начале 1950-х годов. Формулирование необходимости «окончательного решения» Западом советского вопроса совпадает со смертью Сталина, после которой советская верхушка стала разворачиваться в сторону Запада. Правильно опасался вождь, что после

его смерти империалисты обманут его соратников-наследников, «как котят», перейдя к активным действиям.

События 1953-1956 годов свидетельствуют именно об этом. Происходит перевооружение Германии, в 1954 году ее принимают в НАТО, а в 1955-м официально прекращается оккупация ФРГ союзниками. Реагируя на явно конфронтационные действия Запада в 1953-1954 годах, 14 мая 1955-го СССР создает военно-политическую организацию социалистического содружества - Варшавский договор, и (типично хрущевская непоследовательность) уже на следующий день СССР подписывает договор с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции о выводе советских войск из Австрии в обмен на ее нейтралитет в противостоянии СССР-Запад. «В одностороннем порядке, - пишет по этому поводу Мартиросян, - был отдан важнейший стратегический плацдарм в Центральной Европе! Да и австрийцы были настроены к присутствию наших гарнизонов вполне благожелательно, куда лучше немцев и венгров, ни провокаций, ни демонстраций не устраивали». Не лучшим образом пытался набрать «международные очки» Хрущев, чтобы зафиксировать свое отличие от Сталина: в сентябре 1955-го - еще одна ошибка в ведении ХВ. Во время визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра СССР признал ФРГ, причем Хрущев сделал это в одностороннем порядке, без признания Западом ГДР, без его согласия на советские предложения по Берлину. Вину за разрыв СССР с Югославией Хрущев полностью возложил на Сталина, то есть на СССР.

Сразу же после снятия Никиты Хрущева со всех должностей в октябре 1964 года по Москве пошла гулять стилизованная под Пушкина «Сказка» - анонимная поэма, в которой остроумно и довольно системно описывались хрущевское правление, внутренняя и внешняя политика «царя Никиты» Думаю, распространял ее, скорее всего, КГБ - нужно было высмеять снятого первосека, над которым и так потихоньку посмеивались. В дом пятую (полуслепую, на папиросной бумаге) машинописную копию принес мой отец; ему по дружбе дал почитать кто-то из партийного начальства (что весьма показательно) завода, на котором он работал. О примирении с Югославией там было рассказано так:

Вот однажды царь Никита Пригласил в Россию Тито И сказал: «Прости нас, брат! Ты ни в чем не виноват. В том, что долго враждовали И собакой рисовали, То Кощей в том виноват, Чтоб ему, поганцу, в ад. Потерпи-ка, Тито милый, Дай-ка мне набраться силы, И увидишь, как злодея Уберут из Мавзолея. А пока пускай лежит - Никуда не убежит». Улыбнулся маршал Тито. Обнял тут его Никита, Самолетик подарил И деньжонок посулил.

Еще одной линией отхода от сталинской внешней политики стало резкое изменение при Хрущеве позиции СССР по отношению к третьему миру, к так называемым развивающимся (читай: слаборазвитым) странам. Сталин весьма умеренно тратил средства на поддержку антиимпериалистических движений в странах Азии, Африки и Латинской Америки, предпочитая точечные воздействия и акции целевого назначения. С приходом Хрущева этот курс меняется. Бывший троцкист Хрущев в духе «мировой революции» начинает интенсивно помогать освобождающимся странам Азии и Африки, пытаясь подтолкнуть их к антиимпериалистической борьбе, щедро предоставляет им кредиты, например, 135 миллионов долларов только на строительство одного металлургического комплекса в Индии в 1955 году. И это при том, что лишних денег даже на собственные нужды у СССР не было. Вспоминаю злую карикатуру на Хрущева из одного американского журнала: Хрущев в рваной майке и дырявых трусах с куском колбасы в одной руке и «калашниковым» - в другой; кругом бегают доходящие ему до колен дистрофичные африканцы, восточноазиаты, латиноамериканцы; над головой Хрущева - пузырь, в котором фраза: «Ну, кому еще помочь?»

На все это можно возразить, что после Бандунгской конференции лидеров стран Азии и Африки 1955 год) и создания Движения неприсоединения роль и значение афро-азиатского мира выросли, тем более в условиях ХВ. Все так. Но, во-первых, в заключительном документе Бандунгской конференции, осудившем колониализм, ни слова не говорилось ни об СССР, ни о соцсистеме в целом. «Неприсоединенцы» были прагматиками, главное - получить помощь, а от кого - не важно; можно сказать «спасибо», а можно - thank you. Во-вторых, помощь может быть разной - массивной, рассчитанной на внешний эффект и бестолковой, а может быть точечной, целевой, но весьма эффективной (по проговоренному Александром Зиновьевым принципу «как иголкой убить слона»). Тем более что действия США (свержение правительств Мосаддыка в Иране в 1953-м и Хакобо Арбенса Гусмана в Гватемале в 1954-м), Франции (колониальная война в Индокитае, а затем в Алжире), Великобритании (подавление восстания в Малайе, Суэцкий кризис) создавали хороший фон именно для точечной помощи, для целевого воздействия, на которое, по-видимому, не хватило геополитического и системного ума, да и троцкистская революционная закваска помешала.

Политика Хряка (так назвал Хрущева в «Зияющих высотах» Зиновьев) по отношению к третьему миру в «Сказке» характеризовалась тоже точно: Вот мы вспомним для примера:

Полетел Никита к Неру. С ним Булганин полетел Улизнуть от разных дел. Долго в Азии гостили, Ели плов, мускаты пили И заехали в страну, Где хозяин был У-Ну. И куда б ни заходили, Обещали, говорили. Так в России уплывал Трудовой наш капитал. И как только царь Никита Нагулялся там досыта, Неру дал ему слона - Мол, не жалко нам г...на. Чтоб кормить нам всех китайцев, Немцев, негров и малайцев, Царь придумал, как тут быть, Где бы денег раздобыть. И нашел (мы это знаем), Прекратил огромный заем, То есть в долг с народа брал, Но обратно не отдал.

Перед нами точное указание на отход от сталинской политики по отношению к «экзотическим» странам. В 1956 году на XX съезде КПСС курс на мирное сосуществование с Западом становится официальной внешнеполитической доктриной СССР. Когда-то, в 1953-м, Хрущев подверг критике предложение подобного рода, выдвинутое Маленковым; а в 1956-м он присвоил себе его авторство. Провозглашение курса на мирное сосуществование совпало с развенчанием культа личности Сталина, с отказом номенклатуры от сталинского наследия и началом превращения ее сначала в квазикласс, а затем - посредством горбачевщины и ельцинщины - в класс пусть уродливый, с полукриминальным мурлом, но класс. И вехой, переломным моментом на этом пути стали «номенклатурные сатурналии» XX съезда.

При этом номенклатура «отпускала» себя не только внутри страны, но и вне ее и во времена горбачевщины получила «вольную» по всем статьям. Конечно же, такого варианта Хрущев не хотел, за такое он бы «показал кузькину мать» и «сгноил» бы. Однако Крот Истории роет медленно, и он рыл три десятка лет. Но начался процесс внутреннего и внешнего изменения системы в середине 1950-х годов, именно тогда начал тикать часовой механизм бомбы замедленного действия, которую так и не обезвредили. Причем внутренние изменения стимулировали внешние, а изменения отношений с Западом, интеграция в мировой рынок (внутренние сталинские идеи альтернативного «общего рынка», борьбы с долларом, по сути, были похерены), в капиталистическую систему еще более подхлестывали развитие объекта изменений в том направлении, куда его окончательно завел ставропольский деятель с характерными прозвищами.

Политический класс: 11.08.09; 20.08.09

http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=30&article=1664

ВРЕМЯ ГЛОБАЛЬНОЙ «ЧЕКА»

Как всегда, с интересным и парадоксальным докладом выступил директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, кризисолог Андрей Фурсов (в ИДК он возглавляет Центр методологии и информации).

Как считает А.Фурсов, две социальные системы (Россия и капитализм) родились вместе: в середине XVI века. И умрут они вместе, в объятиях – не позже середины XXI столетия. Есть два главных подхода к сегодняшней ситуации. Первый – кризис носит беспрецедентный, небывалый характер. Второй: да ерунда все это, были уже и кризисы, и войны, и смуты.

– Странным образом обе точки зрения верны, каждая по-своему, – говорит кризисолог. – В нынешней ситуации есть кое-что от прошлых кризисов. Но есть и нечто, что кардинально отличает нынешнюю ситуацию: сегодня мы имеем дело не со структурным, а с системным кризисом – как в русском, так и в капиталистическом случаях. Более того, мы наблюдаем «волновой резонанс», то есть совпадение и взаимное наложение кризисов двух систем. В русской истории системные сдвиги происходят тогда, когда проедается вещественная субстанция предыдущей эпохи и дальнейшее развитие требует передела. Это следствие того факта, что русское хозяйство характеризуется довольно низким уровнем совокупного общественного (и прибавочного) продукта. Западная цивилизация создает намного более объемный общественный продукт, а с XVI века регулярно и по нарастающей добавляющей к нему – чужой, заморский прибавочный, а то и необходимый продукт (впрочем, и к своим низам западная верхушка, особенно англосаксонская, всегда относилась с крайней жестокостью).

В русской истории было два поворотных пункта, две развилки, определившие дальнейшее развитие. Это 1565 год и 1929 год – введение опричнины и отмена нэпа. Отмена нэпа мне представляется датой не менее, а быть может, и более важной, чем 1917 год. Дело в том, что с 1917 по 1929 год Россия с точки зрения ее места в мировой системе продолжала стратегию Александра II, то есть оставалась зависимым сырьевым придатком, была не антисистемой, а системой; 1929 год – момент окончательного выбора вектора развития России в первые десятилетия XX века, начало завершения социалистической революции (1917–1933 гг.) и Гражданской войны (1918–1939 гг.). И в 1565-м, и в 1929-м главным вопросом дальнейшего развития был следующий: как перераспределить имеющуюся скудную вещественную субстанцию? В пользу олигархии или – путем непопулярных мер – в пользу основной массы населения? В русских условиях этот «материалистический» вопрос решается только «нематериалистически»-властным способом. Во времена опричнины произошло отстранение тогдашней олигархии – четырех кланов суздальских княжат. В 1929 году правящих функций лишилась «ленинская гвардия», выступавшая за «сырьевой» вариант, который обрекал Россию на зависимое положение в капсистеме, а в перспективе – на утрату суверенитета. Разумеется, вся эта борьба сопровождалась усилением «пресса» на население – иначе не бывает, а в итоге выбор оказался национально ориентированным. Оба раза Иван Грозный и Иосиф Грозный сделали выбор в пользу антиолигархического пути. В первом случае он инерционно победил к середине XVII века, во втором – к концу 1930-х годов. Сегодня Россия подошла (причем в значительно худшем состоянии, нежели при обоих Грозных) к моменту, когда вот-вот будет окончательно проедено советское наследие. Уже промотаны в основном человеческий капитал и техносфера – а значит, и «физика» и «метафизика» проедены. И году эдак в 2017-м, аккурат к столетию Октябрьской революции, встанет ленинский вопрос: «Кто кого?». Как будет решаться главный русский вопрос на сей раз? Но абсолютных повторов в истории не бывает. И нынешняя ситуация значительно острее той, что сложилась в конце XVI – начале XVII века и в начале XX столетия. Во-первых, кризис носит глобальный характер, мы – его часть, причем не субъект, а объект. Во-вторых, Россию можно было взять голыми руками в первой половине XVII века, после петровских реформ и после Октябрьской революции. Но в Европе первой половины XVII века бушевала Тридцатилетняя война, она окончилась в 1648 году, а к тому времени Россия встала на ноги. Петр I, угробив экономику России, тоже поставил страну в опасное положение. Однако Европа оказалась занята своими войнами. А к середине XVIII века русские окрепли настолько, что смогли сломать хребет Фридриху Великому в Семилетней войне. Наконец, Сталин гениально использовал межимпериалистические противоречия, причем прежде всего не между Германией и Великобританией, а между главными (так вышло объективно) поджигателями Второй мировой – между Великобританией и Соединенными Штатами. Повезет ли нам так же и на этот раз? Случай помогает только подготовленному. Еще один важный вопрос: кто выступит субъектом изменений? Какие институты и организации? В России институты всегда были слабы, часто – «нарисованы на холсте». В России работает не институциональный принцип, а «чекистский». Под чекистским принципом я имею в виду не ребят в кожаных куртках на заре советской власти, а чрезвычайные комиссии вообще. Кто совершал рывок 1565 года? Чрезвычайная комиссия под

названием «опричнина». Кто совершал петровский рывок? ЧК под названием «гвардия». Со сталинской эпохой тоже все понятно. Даже редакционные комиссии, подготовившие мягкие реформы 1861 года, – «чрезвычайка» в мягком варианте. Таким образом, в русской истории все субъекты возникают только в том случае, если создается Чрезвычайная комиссия – внесословная и внегрупповая. ЧК – не социальная группа в традиционном смысле слова. Это – неоорден, ударная сила, метафизическое расширение тела Вождя. (Такового сегодня нет.) Теперь о нынешнем кризисе. В середине XIX века капиталистическая мир-система (по Валлерстайну), обретя адекватную ей базу в виде индустриальной системы производительных сил, стала просто мировой – без дефиса. И обрушилась на две оставшиеся в мире мир-системы – русскую и китайскую. Совпадение по времени Крымской и второй Опиумной войн не случайно. Со второй половины XIX века и до сих пор развитие России так или иначе протекает в рамках мировой системы, но протекает принципиально по-разному. Если посмотреть на последние 150–160 лет функционирования России в мировой капсистеме, то очевидны две стратегии. Первая, условно называемая «стратегией Александра II» (при нем был заложен ее фундамент), заключается в том, что Россия – часть системы, ее верхушка – часть, хотя и не очень желанная, мировой верхушки, экономика – финансово несамостоятельный сырьевой придаток. В стране – нарастающая социальная поляризация, взаимоотношения верхов и низов приобретают характер отношений если не двух рас, то двух наций. Результат: три революции в 1905–1917 годах, Гражданская война, распад. Теоретически Россия после этого вообще исчезла бы с карты мира – ее должны были поделить на части. Однако национал-большевики во главе со Сталиным нанесли поражение интернационал-коммунистам (троцкистам) и собрали страну. Не всегда выходит так, как задумывается сильными мира сего. Россия выскочила из смертельной западни, и реализовалась вторая стратегия (с 1929 г.) – стратегия Сталина, или Красной империи: Россия не как часть мировой системы, а как Антисистема. Ее отличительные особенности: развитие ВПК и контроль центральной власти за потреблением верхов. Последнее – вообще важная вещь в русской истории. В условиях, когда совокупный общественный продукт невелик, одна из главных задач центроверха – контролировать потребление верхов, не дать им проесть страну и довести до белого каления народные массы. Контроль за потреблением вводится не из-за любви к низам, но прежде всего для сохранения служилой иерархии. Это правило «учета и контроля» русская власть соблюдала практически всю свою историю за исключением двух случаев. Впервые она нарушила это правило в 1860-е годы, когда сама власть олигархизировалась и вместе с верхами принялась грабить страну. Результатом стали революционные события 1905 и 1917 годов: «чемодан, вокзал, Париж, Берлин, далее – везде». И второй раз – с конца 1980-х, когда власть вместе с олигархами (превратившись в макро-олигарха) начала грабить население. Исход этого «предприятия» пока неизвестен. Таким образом, за последние полтора века Россия «прокрутила» две принципиально разные стратегии интеграции в мировую капиталистическую систему. Обе они оказались неудачными. И говорит это об одном: когда страна с низким уровнем совокупного общественного (и прибавочного) продукта втягивается в капиталистическую систему, единственный выход для ее существования – автаркия, «социализм в одной, отдельно взятой стране». Но как показал советский опыт, при демонстрационном эффекте капсистемы это весьма трудно, если не невозможно. При виде капиталистического изобилия наша элита, простите за выражение, ссучивается и с конца 1950-х годов начинает получать чувство глубокого удовлетворения, все более превращаясь в элемент капсистемы. Окончательным условием интеграции в капмир и получения капбочки варенья и капкорзины печенья были сдача и слом СССР частью советской же верхушки, то есть горбачевщина, от каинова пятна которой мы до конца не избавились до сих пор. И последнее. Помните советский фильм «Служили два товарища»? Там герой, роль которого исполняет Ролан Быков, попав в окружение, говорит: «Пусть белые гады не радуются. Мы умрем сегодни, они умрут завтри!» Нам, конечно, от того не легче, но капиталистическая система уходит вместе с СССР. Есть очень четкая синхронизация между фазами развития капиталистической и системы «Россия». Гегемония Голландии в капсистеме у них – у нас расцвет Московского царства. Кончается гегемония Голландии – и уходит Московское царство. Господство Британской империи – Российская империя, эпоха Петербурга. Уходит Великобритания – уходит и самодержавие. И дальше: гегемония США – эра СССР. Ушел Советский Союз – США тоже осталось недолго, причем США как кластеру ТНК, поскольку государство США мы победили в «холодной войне» в первой половине 1970-х годов. Другое дело, что возникнет на месте капиталистиче- ской системы? Если посмотреть работы таких авторов, как Аттали и другие, ясно, что планируется создание гораздо более жестокого, неэгалитарного и эксплуататорского мира, чем зрелый капитализм. И – минус примерно шесть миллиардов населения планеты, которые не нужны. (Это положение Андрея Ильича Фурсова подробно раскрыто в статье «Новая пересдача карт мировой истории».) Русским, в соответствии с этими планами, похоже, нет места на посткапиталистическом «празднике жизни». Кризис России совпадает с глобальным кризисом капсистемы. И это делает нашу нынешнюю Смуту не похожей ни на что. А потому поиски рецептов спасения в нашей прошлой истории в надежде на повторы (приход мининых и пожарских, которые

повесят олигархов на бушпритах их яхт) вряд ли будут успешными. Нужна новая технология власти и знания, которая обеспечит неожиданный рывок в будущее, а затем – удар-прорыв из будущего в настоящее. Вот что интересно: Россия часто показывает миру кое-что из его будущего. Например, «чекистский принцип», который реализовал себя в России, начиная с опричнины, сейчас странным образом начинает проявляться за рубежом. Когда рушатся нации-государства и возникают корпорации-государства, в мире возникает множество «чрезвычайных комиссий». Это сами корпорации-государства по утилизации собственных стран, крупные террористические группы, это транснациональные корпорации. Ведут они себя как «чрезвычайки». Мировой кризис – это столкновение не столько государств, сколько неких новых агентов, врывающихся из будущего в виде «неочрезвычаек». Глобальный кризис больше походит на то, что Фернан Бродель писал про Средиземноморье XVI–XVII веков: «Можно ли вырваться из социального ада?» Социальный ад – борьба «чрезвычаек». Как готовиться к этой борьбе? Здесь трудно сказать. В любом случае, нужно зорко смотреть в будущее, не питая иллюзий. По принципу «Не верь. Не бойся. Не проси». При этом – добросовестно изучать автомат Калашникова. И внимательно читать работы Максима Калашникова.__

Вход в турбулентную зону

Беседа известного российского социолога, кандидата исторических наук, директора Института русских исследований МосГУ Андрея Фурсова с профессором онтологии и теории познания, каббалистом М. Лайтманом

М. Лайтман: Здравствуйте, Андрей Ильич. Мне очень приятно, что мы можем поговорить. Я занимаюсь каббалой уже 30-35 лет и вижу, что ваши занятия очень близки к тому, чем и я интересуюсь. Вполне возможно, каждый из нас получит какие-то новые знания, выяснит новые мнения, и они помогут нам понять тот мир, в котором мы находимся. Я немного читал о Ваших взглядах на мир, на современный кризис, на то, каким образом мы, может быть, выйдем из него, что будет после кризиса. Давайте посмотрим, насколько наши мнения могут совпадать или дополнять друг друга.

Я для начала расскажу, как каббала рассматривает современный кризис. И оттуда пойдем дальше.

А. Фурсов: Да, конечно. Это было бы интересно.

М. Лайтман: Каббала возникла четыре с половиной тысячи лет назад в Месопотамии, в Древнем Вавилоне, когда вся цивилизация была сконцентрирована между Тигром и Евфратом на очень маленьком участке земли. И человечество тогда обнаружило себя в таком же глобальном кризисе – глобальном относительно своего времени. Люди оказались, с одной стороны, связанными друг с другом, а с другой стороны – обнаружили, что они ненавидят друг друга, что их эгоизм не позволяет им сосуществовать вместе.

И тогда у них возникла идея разделиться, отдалиться друг от друга, чтобы снять этот кризис, чтобы просто разорвать это невозможное состояние. Как в семье, когда родственники ненавидят друг друга, но при этом они связаны и существуют в четырех стенах. Семья, в конце концов, распадается, ее члены расходятся, разъезжаются. То же самое произошло и в Древнем Вавилоне с первой человеческой глобальной цивилизацией. Таким образом, кризис был как бы преодолен. Он просто исчез, потому что они разошлись.

Так вот, возникшая в то время наука каббала объясняет, как привести человечество к равновесию, к нормальному существованию, к общежитию. И тогда же было указано, что в определенное время, то есть в конце XX века, человечество снова окажется в том же состоянии: люди почувствуют, что они глобально связаны друг с другом, интегрально завязаны в одну общую систему, но им уже никуда не деться друг от друга, потому что цивилизация уже охватит всю землю. И останется единственная возможность – достичь объединения между собой.

Для этого необходимо выйти на совершенно иной уровень развития, на совершенно иное ощущение мироздания и самих себя. В этом новом измерении, дополнительном к нашему миру, каждый не просто ощутит мироздание в себе, – мы ощутим его в нашей общности, соединившись внутренне нашими мыслями, нашими помыслами.

И потому каббала говорит, что нам необходимо каким-то образом придти к связи между собой, между собой и с природой, к общему равновесию, иначе природа все равно вынудит нас к этому придти всевозможными ударами и давлением. Это уже проявляется в нынешнем мульти-кризисе, который мы сейчас переживаем – все вместе и каждый лично, в депрессиях, разводах, наркотиках, терроре, в экономике и глобальных экологических проблемах. Все это – следствие нашего неравновесия с природой. И все равно природа вынудит нас таким вот давлением к восстановлению правильной связи между людьми как одного единого целого.

А. Фурсов : Логика мне понятна. Я тоже позволю себе сказать несколько слов о той

схеме, которой я пользуюсь. Она очень далека от того, о чем Вы говорите, но как заметил Нобелевский лауреат по биохимии Илья Пригожин в своей замечательной книге “Порядок из хаоса”, мир слишком сложен, чтобы отразить его на одном языке, нужно пользоваться несколькими языками и пытаться наводить мосты между этими языками.

Я, в отличие от той схемы, которую предложили Вы, не оперирую понятиями “человечество” и “цивилизация”. Я занимаюсь социальными системами. В частности, я занимаюсь социальной системой, которая называется “капитализм”. Я не марксист, хотя очень уважаю марксистскую традицию. И я полагаю, что нынешний кризис- кризис и человеческий, и кризис в отношениях человек-общество и человек-природа – он обусловлен кризисом капиталистической системы, поскольку капитализм – это, пожалуй, единственная система, которая построена на необратимой эксплуатации природных ресурсов. Ни одна цивилизация, за исключением капиталистической, не эксплуатировала так природную среду, как это делал капитализм. Но нынешний кризис связан не только с этим.

Логика развития капиталистической системы предполагает наличие некапиталистических зон. Как только уменьшалась мировая норма прибыли, капитализм выхватывал кусок из некапиталистической зоны и превращал его в капиталистическую периферию, то есть он выносил свои кризисы вовне. А вот теперь вся планета стала капиталистической: Индия капиталистическая, Китай капиталистический, и даже в России ублюдочно-бандитско-фарсовый капитализм. То есть больше кризисы выносить некуда.

Поскольку капитализм – глобальная система. – то этот кризис касается не только капитализма, он тянет за собой очень много. Я называю это “кризис-матрешка”. Во-первых, это, безусловно, кризис всей рациональной геокультуры просвещения. Затем это кризис христианства, кризис библейского проекта. Ведь помимо прочего, библейский проект в течение двух тысяч лет позволял контролировать изнутри очень большие массы населения. Сегодня он ломается, и его светские версии – либерализм и марксизм – не срабатывают. Наконец, есть еще один кризис – это кризис людей с белым цветом кожи. Их становится все меньше и меньше в мире, и совершенно понятно, что к концу XXI века белый человек будет составлять меньшинство.

То есть мы входим в зону абсолютно тотального и глобального кризиса, многие черты которого напоминают кризис верхнего палеолита – это самый страшный кризис в истории человечества.

И дело, как мне кажется, не просто в эгоизме, а в системно обусловленном поведении людей. Потому что цивилизация, построенная на накоплении капитала, она себя исчерпала. Если мы переименуем, назовем эту цивилизацию эгоистической, – да, тогда мы сталкиваемся с системно обусловленным эгоизмом, который начал уже уничтожать самого себя, то есть он контр-продуктивен.

М. Лайтман: Я с Вами полностью согласен. Я не вижу особых противоречий в том, что Вы сказали, и тем, что я подразумевал, может быть, не совсем точно выразившись. Но что дальше? Если действительно вся эта эгоистическая или капиталистическая цивилизация себя исчерпала, у нее нет больше возможностей для экспансии, – что же дальше?

А. Фурсов: А дальше – борьба различных социальных групп за выход из кризиса. И, безусловно, б о льшая часть социальных групп, которые существуют в мире, будет руководствоваться своими групповыми интересами. Я думаю, что вторая половина XXI века будет временем очень-очень острых конфликтов. И это будут конфликты посерьезнее, чем две мировые войны XX века. Потому что ни в Первой, ни во Второй мировой войне речь не шла о переделе ресурсов, причем, таких ресурсов как вода. Насколько мне известно, через тридцать лет одной из острейших проблем Ближнего Востока будет проблема воды. И, кстати, это одна из причин, почему курдам, например, не дают создать свою государственность. Потому что если Турция, Ирак, выделят им

кусочек территории, то курды окажутся обладателями источников всех водных ресурсов Ближнего Востока.

То есть мы входим в очень-очень опасную турбулентную зону. И обычно, когда человечество входит в такие зоны, возникают новые системы идей, новые религии. Но вот сейчас не видно на горизонте такой религии. Хотя, с другой стороны, кто мог предположить, например, в самом начале нашей христианской эры, что некая небольшая группа людей, которая чему-то там молится в своих катакомбах, через четыреста лет сделает свою религию государственной религией Рима. То есть вот такие мутации происходят совершенно внезапно.

Главная проблема, на мой взгляд, состоит сейчас в том, – кто является тем историческим субъектом, который сможет создать новую систему?

М. Лайтман: А какую систему? Как Вы видите ее?

А. Фурсов: Есть желаемое, и есть действительное. Любая социальная система задает параметры своего отрицания, то есть, последующая система должна снять противоречия предыдущей. Мне представляется, что на месте капитализма, конечно же, не возникнет эгалитарная система равенства-братства. Я думаю, что на месте капитализма возникнет строй тоже со своими противоречиями. Но поскольку я исхожу в данном случае из вполне марксистского постулата о том, что объект присвоения определяет субъекта присвоения, то я думаю, что новая система, которая придет после капитализма, будет основываться на контроле над информационными процессами. Поскольку главными сейчас являются духовные факторы производства – информация, – то новая система, ее хозяева, постараются поставить под контроль именно это. И я думаю, что некоторые вещи уже очевидны сейчас.

Идет систематическое разрушение науки и образования в современном мире. Я думаю, что в этом можно усмотреть долгосрочную тенденцию к созданию такой ситуации, когда основная масса населения не будет очень образованной, а, следовательно, ею будет легко манипулировать.

Но повторяю, исход будущего зависит от столкновения воль, и в значительной степени – от нашей позиции. Ясно только одно, что будущее будет рождаться в очень острой и сложной борьбе.

М. Лайтман: То есть Вы считаете, что человечество снова вступит в период борьбы за природные источники, природные ресурсы и за влияние в информации, в коммуникации?

А. Фурсов: Но так ведь всегда и было. Рухнула Римская империя, и 300-400 лет шла борьба за тот вектор будущего, который создал новую систему. Возникла новая система – феодальная, она существовала 600-700 лет. А потом она начала ломаться, и наступил двухсотлетний период, так называемый “кризис длинного XVI века”, с 1453 по 1648 год, когда шла острейшая борьба. Она закончилась с разным результатом в разных странах Европы. Например, во Франции победила корона, в Германских Землях победили князья, а в Англии вообще была, так сказать, социальная ничья между аристократией и богатым крестьянством.

Я думаю, что выходов из кризиса первой половины XXI века будет несколько. И уж что точно – я думаю – не будет глобальной системы, а будет зональная система, разные макро-регионы, контактирующие друг с другом. Я думаю, что глобализация провалится, как она уже проваливалась несколько раз.

М. Лайтман: То есть вы полагаете, что то, к чему нас ведет природа – к чему-то глобальному, к равновесию с ней, к объединению, – это не является законом, тенденцией, которая заложена в природе?

А. Фурсов: Но равновесие с природой ведь возможно и на локальном уровне. Вот если

взять такой очень чистый пример истории отношений общества и природы – китайский пример, где не было потрясений европейского типа, где не было принципиально новых систем. Вся история Китая – это очень простая динамика. Начинается новый цикл, новая династия приходит, увеличивается численность населения, она начинает давить на ресурсы, проводятся реформы. На какое-то время это снимает напряжение в отношениях общества и природы, а потом оно достигает такого напряжения, что его уже не снимешь. В Китае в таком случае происходили крупные восстания, власть слабела, с севера вторгались кочевники, вырезалась очень большая часть населения, иногда до половины, часть разбегалась, и все начиналось снова. И гомеостазис достигался путем, грубо говоря, пускания крови. Но в истории никогда не было иначе.

М. Лайтман: Да, если мы будем думать так, то есть продолжать этот же эгоистический процесс, то, естественно, тут по-другому быть не может.

А. Фурсов: Но чтобы было иначе, мы должны убедить те 5-7% мировой верхушки, которая контролирует власть, собственность и ресурсы, что они должны остановить этот постоянный процесс накопления, они должны стать гуманистами, они должны рационально относиться к природе и резко снизить свои прибыли. Вы верите в то, что эти люди пойдут навстречу таким чаяниям?

М. Лайтман: Мне кажется, что мы входим в такое состояние, когда они будут вынуждены это сделать. Они обнаружат несостоятельность нынешнего пути. Я думаю, что человека потянет к другим ценностям. Депрессия, которая сегодня начинается в мире, проблемы, которые возникают, – они возникают именно как следствие нашей неупорядоченной связи между собой, – все они в итоге ведут к тому, чтобы мы осознали, что у нас нет другого выхода. Мы приходим к концу развития эгоистической цивилизации. Само понятие “эгоизм” себя изживает.

А. Фурсов: Да, я понимаю. Но я, к сожалению, в этом отношении пессимист. И, как мне кажется, психологию тех, кто занимается накоплением капитала, можно проиллюстрировать одним примером. Однажды я смотрел фильм BBC об акулах. Там рыбаки поймали много-много рыбы в большую сеть, и туда попала акула. У нее уже было распорото брюхо, но, находясь в этой сетке с другими рыбами, она продолжала их заглатывать. Они у нее вываливались из открытого брюха, но инстинкт заставлял ее хватать, хватать и хватать.

Я полагаю, что готовиться-то всегда нужно к худшему. К сожалению, большая часть населения планеты, и даже образованные люди, не осознают той глубины кризиса, в которую входит наша социальная система. Не случайно Римский клуб в одном из своих докладов на третье место среди глобальных проблем поместил неосознанность происходящего. И вот эта неосознанность происходящего, к сожалению, характеризует и позицию верхов. По-видимому, есть интеллектуальные ограничения, которые накладывает классовая позиция, классовый эгоизм. А он значительно страшней, чем эгоизм индивидуальный.

М. Лайтман: И Вы полагаете, что наше противостояние природе, экологические проблемы, – собственно, надвигающаяся многоплановая экологическая катастрофа – позволит нам вообще играться в эти игрушки: уничтожить две трети населения, какие-то еще произвести переделки в нашем мире?

А. Фурсов: Я думаю, что такая попытка может быть предпринята. Другое дело, что в истории вообще никогда не получается довести до конца практически ни один процесс. Потому что история – это не автомат, история – это столкновение волей, и субъект всегда шире социальной системы. Например, в России в семнадцатом году планировалось одно, а вышло совсем другое.

Есть логика массовых процессов. И, разумеется, любая система старается личность

превратить в социального индивида, но далеко не всегда это получается. По крайней мере, в зоне авраамических религий (иудаизма, христианства и ислама) это сделать очень трудно. Это легче сделать в индуизме и в конфуцианстве, но в нашей зоне это сделать трудно, к счастью. Есть нечто, например, отношение с Абсолютом, что не укладывается в системные характеристики.

М. Лайтман: А как Вы видите Россию с ее сегодняшней динамикой развития?

А. Фурсов: Россия находится в кризисе. Я думаю, что она находится сейчас в критической точке своего развития. Причем, она в третий раз подходит к такой точке. Дело в том, что в истории России, на мой взгляд, было два таких поворотных момента – это 1565 год и 1929 год.

Понимаете, в России создавался и создается совокупный общественный продукт очень низкого уровня, в отличие от Европы. И в России все радикальные перемены были связаны с периодами, когда проедалась вещественная субстанция прошлого. Вот на Западе, например, все революции происходили тогда, когда накапливался очень существенный общественный продукт, создавался прибавочный продукт, выражаясь марксистским языком, и происходил рывок. В России – все с точностью до наоборот.

Что произошло в России в середине XVI века (нам это очень важно, чтобы понять нынешнюю ситуацию)? Был проеден земельный фонд, который оставался от ордынско-удельной Руси. И встал вопрос: а как делить общественный продукт? Было два варианта: вариант олигархический, когда низам и середине общества ничего бы не осталось; и был вариант очень жестокий, самодержавный, единодержавный, но он предполагал контроль над распределением продукта. И выбор был сделан в пользу этого варианта. Опричнина и Иван Грозный, оболганные русскими либеральными и марксистскими историками, сделали этот выбор.

Второй момент наступил в 1929 году. Тогда стало совершенно ясно, что проедено наследие дореволюционной России. Все – промышленность встала, крестьяне не дают продукт. И было, опять же, два варианта развития: либо сырьевая зависимость от Запада и олигархический вариант во главе с ленинской гвардией, державшей свои средства в иностранных банках; либо национально-ориентированный вариант. Естественно, путь к нему шел через жестокую коллективизацию, но без нее невозможно было реализовать этот национально-ориентированный выбор. И он был сделан.

Сейчас мы приближаемся в третий раз к точке такого типа. Я думаю, что произойдет это, наверно, в 2017 году, к столетию октябрьской революции. Будет проедена советская вещественная субстанция, советское наследие. Потому что за последние двадцать лет ничего не построено, пилится советское наследие. И это означает, что в советском наследии было много чего, если его хищнически разбазаривают в течение двадцати лет и никак не разбазарят: никак не добьют образование, никак не добьют медицину, промышленность. Это означает, все-таки, задел был хороший.

И перед властью встанет опять вопрос: а кто будет источником накопления для дальнейшего развития – население или коррумпированные чиновники и бизнесмены? Оба выбора очень опасные. У нас соотношение в доходах верхних десяти процентов и нижних – официально 15-16 (в Советском Союзе было три к одному). Неофициальные цифры – около тридцати. То есть это очень сильная социальная поляризация, и она может спровоцировать бунт и выступления. То есть это – опасный вариант.

Другой вариант – раскурочить гвардейцев эпохи коррумпированного капитализма – тоже опасный. Потому что они связаны с криминалом, и они связаны с иностранным капиталом.

То есть перед властью в России в ближайшие пять-шесть лет встанет очень острый вопрос (почти по-ленински): кто кого? И решать этот вопрос придется. От его решения будет

зависеть судьба России.

М. Лайтман: Вы считаете, что воспитание не может дать решение этой проблемы?

А. Фурсов: Я глубоко убежден, что воспитание может дать только семья. А мы сейчас сталкиваемся с кризисом семьи. И это очень серьезная проблема. Советская школа была построена на комбинации воспитания и образования. Но в девяностые годы было провозглашено, что воспитание – это тоталитаризм. Образование должно заниматься только образованием, а воспитывать должен кто угодно – семья, улица, но школа не должна воспитывать. Я думаю, что это заблуждение. Что Вы думаете по этому поводу?

М. Лайтман: Я абсолютно согласен. Я считаю, что вообще самая большая проблема – единственная, я думаю, проблема человечества – это воспитание. Если бы мы могли бы воспитать хотя бы одно поколение, то за ним уже дальше все бы выстроилось. Мы даем человеку образование, мы делаем из него специалиста. Этим занимается школа – и высшая, и обычная. Но мы не делаем из него человека. В этом проблема всего человечества.

А. Фурсов: Но та же история показывает, что воспитание – это не гарантия. Потому что если Вы возьмете историю любой цивилизации, там бывают пики, когда практически все люди получают образование, или б о льшая часть, а потом начинается архаизация и варваризация.

Обратите внимание, что происходит даже в наиболее развитых странах современного мира. Я неоднократно преподавал в Соединенных Штатах, и жил там, у меня сын ходил в американскую школу, и он ходил в хорошую школу, но рядом были разные другие школы. И я вижу – и у российских детей, и у американских, у французских, – идет процесс социального одичания.

М. Лайтман: Да. Действительно так.

А. Фурсов: И в условиях кризиса семьи этому противопоставить нечего. Семья оказывается слабее улицы в большинстве случаев.

М. Лайтман: Вы не считаете, что государство может силовыми методами придти к какому-то решению – ввести воспитание – не образование, а воспитание? Мы же теряем поколение.

А. Фурсов: А советское государство и занималось силовым воспитанием, причем, в послевоенный период. Эта система – октябрята, пионеры, комсомольцы, – она, в общем, дала свои результаты. Я воспитывался в довольно счастливое для советской системы время. Я родился в 51-м году, и 60-е и 70-е годы – это было очень неплохое советское время. Это было время, когда страха уже не было, но еще не наступал этот индивидуализм и эгоизм, – был хороший коллективизм.

И я помню, например, свою простую подмосковную школу, у нас было огромное количество кружков, был Дом пионеров. То есть государство заботилось о том, чтобы занять детей, занять позитивно, дети занимались в секциях. Но потом это все рухнуло, и сейчас этого нет.

Министра науки и образования, господина Фурсенко, несколько месяцев назад спросили на Западе: “Почему Вы не восстанавливаете советскую систему образования?” Он сказал: “У нас нет денег на советскую систему образования”. То есть, это еще и проблема финансов.

А что Вы думаете нужно конкретно делать, чтобы реализовать ту программу, о которой Вы говорили?

М. Лайтман: Я считаю, что надо человечеству показать конечность эгоизма, что он себя изжил.

А. Фурсов: Как показать?

М. Лайтман: А просто объяснять, к чему же она нас привела, вся наша эгоистическая история: к мощному мульти-кризису, к противостоянию с природой. Впервые в своей истории человечество не видит впереди никакой перспективы. Мы не видим, к чему идти, к чему стремиться, где есть хоть какие-то предложения? Нигде. Собираются эти "двадцатка", "восьмерка", они ничего не могут сделать, им нечего предложить.

Мое мнение, что эгоистическая цивилизация себя сегодня исчерпала. Это процесс продолжался тысячи лет, и сегодня он заканчивается. Мы погружаемся в депрессию, в наркотики, разрушается семья как основа общества. Мы просто не видим своего завтра.

Наши естественные эгоистические желания (к пище, сексу, семье) принимают какие-то уродливые формы. Наши человеческие желания (к богатству, славе, власти, знаниям) тоже не дают человеку удовлетворения, удовольствия. Все это говорит о конце эгоистической цивилизации.

Небольшие группы людей должны найти выход. Как было в эпоху Возрождения, Ренессанса. Мне кажется, что для России эта идея объединения выше эгоизма, создание совершенно нового общества, которое уподобилось бы гармоничной природе, – это, мне кажется, находится в основе внутренней русской философии души.

А. Фурсов: Вы знаете, русские становятся коллективистами в экстремальных условиях, в условиях войны или катаклизмов. Например, когда несколько лет назад в Юго-Восточной Азии было знаменитое цунами, которое смело всех, в одном местечке в Индонезии, эту волну увидели, и все стали разбегаться. Что россияне? Они быстро закричали: "Эй, русские, кто-нибудь есть на пляже? Кто есть – все сюда!" Все сбежались, все вместе забрались на второй этаж гостиницы на крышу, сцепились руками, и ни один не погиб.

Но такой коллективизм у русских, к сожалению, он проявляется только в условиях очень острой опасности. В нормальном состоянии русские – индивидуалисты и анархисты. Может быть, как раз ситуация кризиса позволит акцентировать в русском сознании вот эти коллективистские, соборные черты, которые уже несколько раз помогали России выскочить из кризисной ситуации.

Серьезный выход из кризиса предполагает, как правило, возникновение нового человека. Новый человек возник в XVI веке в Европе. То есть не система создает человека, а человек создает систему. Потом система начинает его мять, гнуть под себя. Но в тот момент, когда все рушится, когда бьют колокола истории, практически очень многое зависит от человека, и очень часто от одного человека, от того, как он говорит "да" или "нет". Или как Лютер: "Моя вина. На том стою, и не могу иначе". И все, и ничего ты с этим человеком не сделаешь. И в этом отношении остается только верить в то, что человек сильней системы и сильнее обстоятельств.

М. Лайтман: Ну, давайте посмотрим, что же будет с этим новым человеком.

А. Фурсов: Давайте посмотрим. Мне было очень приятно побеседовать с Вами. Я ведь видел Ваши книги, и мне было очень интересно узнать Вашу точку зрения.

М. Лайтман: Удачи Вам, Андрей Ильич!

А. Фурсов: Удачи Вам тоже! Спасибо!

http://spkurdyumov.narod.ru/fursovlaytman.htm

АНДРЕЙ ФУРСОВ:

СЕТКА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ТРЕЩИТ ПО ШВАМ

Русский историк и кризисолог Андрей Фурсов – о новой методологии социальных исследований

Невозможно идти в будущее, пользуясь чужой «сеткой» наук об обществе и историческом развитии. Нейтрального знания не бывает.

Но именно так обстоят дела в Русской цивилизации: она пользуется импортной «сеткой» социальных наук. Это обрекает ее на проигрыш в цивилизационной гонке и несамостоятельность, на невозможность обеспечить развитие собственной страны. Ибо чтобы идти вперед, нужно сначала познать самих себя. Значит, необходимо создавать новую систему научных дисциплин об обществе.

Такова суть семинара «Методология социальных исследований», проведенного на днях А.Фурсовым в стенах Института динамического консерватизма.

БЕССИЛИЕ «БОЛЬШОЙ ТРИАДЫ»

Сегодня существует несколько структур знания: религия, идеология и наука. Мы затронем только последнюю, более конкретно – науку об обществе.

По словам Андрея Ильича, еще Иммануил Валлерстайн сказал: в основе современного обществоведения лежит триада, пришедшая из конца XIX – начала XX столетия: экономическая наука (не путать с политэкономией!), социология и политнаука.

У каждой науки есть свои базовые объекты исследований, отличные от тех, что имеются у других наук. Есть свои методология и понятийный аппарат. Экономическая наука имеет базовым объектом рынок (на сегодняшний момент), социология – гражданское общество, политнаука – политику и государство. Триада эта формировалась для реалий именно западного общества. Та же социология, например, бесполезна для изучения негражданского общества, например – кастового. Для этого у социологов просто нет понятийного аппарата.

Внешне эта триада выглядит замечательно. Многим кажется, будто любое общество можно изучать, раскладывая его на экономику, социологию и политику. Но на самом деле вся эта схема давно трещит по всем швам. Существую какие-то странные, «неправильные» науки: востоковедение (ориенталистика) и история.

- В самом деле, чем занимается востоковедение, если оно не занимается рынком, гражданским обществом и политикой государства? Если у нее нет своего объекта, то тогда, казалось бы, можно востоковедение (а заодно и историю) разбить на экономику Востока, социологию Востока и политологию Востока. Разбить - и закрыть институты востоковедения, африканистики и т.д. – говорит А.Фурсов. Но ведь не получается! Вернее, можно разложить по трем составляющим такие региональные дисциплины, как изучение Латинской Америки и Восточной Европы, как славяноведение и балканистику.

А вот с востоковедением этот номер не проходит. Не помещается Восток в пресловутую «большую триаду» классической западной либеральной науки.

И не только ее: о Восток сломал зубы и марксизм. А.Фурсов подробно поведал о том, как кончились неудачей попытки вписать Восток в классическую марксистскую схему общественного развития (первобытнообщинный строй – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм – коммунизм). Все равно Восток не подпадал ни под одну из этих стадий, все равно выпирал «азиатский способ производства».

«ЗАПАДОЦЕНТРИЗМ» БОЛЕЕ НЕУМЕСТЕН

Вывод А.Фурсова: нынешние социальные науки крайне ограничены. Они изучают только одну общественную систему – капитализм, причем в его западном варианте.

- Кстати, обратите внимание: Запад создал ориентализм или востоковедение, но в западной науке нет оксидентализма, то есть, науки, изучающей сам Запад как целостность. А есть науки, которые изучает экономику, социальный строй и политическую сферу. Причем, мы очень часто, совершенно не думая, переносим понятия европейской реальности на реальность неевропейскую. Ограничусь двумя примерами. Первый – определение ислама. Если посмотреть традиционное определение ислама в наших работах и учебниках, то ислам в них определяется «недифференцированное единство религии и политики». У меня возникает вопрос: если это – недифференцированное единство, откуда мы знаем, что там - религия и политика? Там не должно быть религии и политики, там есть что-то недифференцированное. Вполне понятно, почему это происходит. Европейский глаз видит некую субстанцию, которая в одних случаях ведет себя так, как ведет себя религия и выполняет те функции, которые в европейской системе выполняет религия, а в другой – это уже политика. Поэтому и рождается термин «недифференцированное единство религии и политики». Но это – классическая западоцентричная ошибка! – считает эксперт.

Точно так же и наука под названием «история» никак не может расчленяться на истории социальную, экономическую и политическую. Ибо теряется целостность.

Однако Запад смог навязать всему миру такое видение реальности, такую «сетку» обществоведения. В Японии, например, котируются лишь те японцы, что публикуются в англосаксонских журналах. Есть, конечно, и отдельные яркие попытки изменить это положение дел. Например, книга Эдуарда Саида «Ориентализм» 1978 года, которого можно считать «научным Хомейни». К сожалению, этот труд малоизвестен в кругах отечественных востоковедов.

Саид написал о том, что нынешний ориентализм – вовсе не наука, а «власть знания». Запад «ориентализировал» Восток, лишив последний тех качеств, что у него были. Со времен Александра Македонского Восток трактуется как отсталый. Восток – это общество, в котором нет частной собственности, нет свободных городов и нет свободного типа личности. То есть Восток определяется как негативный слепок с Запада.

Таким образом, последний с помощью своей науки (навязанной другим своей картины мира) делает примерно то же самое, что и с помощью экономики. То есть, в экономике ядро капиталистической системы (Запад) отчуждает у «Незапада» (периферии капсистемы) продукт, а с помощью науки у той же периферии отчуждаются пространство и время. Перед нами, таким образом, тонкий инструмент глобальной гегемонии.

А.Фурсов считает, что имеющая классическая триада общественных наук действительно работает лишь в «изучении только одной социальной системы - капиталистической, причем конкретно - ее Североатлантического буржуазного ядра». Для целей русского подъема и развития, таким образом, нынешние общественные науки не годятся.

НАБРОСОК НОВОЙ СИСТЕМЫ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ

Андрей Фурсов предложил новую систему научных дисциплин.

Прежде всего, нужно создать капитализмоведение, «капитализмологию». Именно сюда и должны войти экономика, социология и политология.

Однако вся эта триада ничего не говорит о том, как функционирует РЕАЛЬНАЯ власть. Ведь таковая все больше уходит в тайно-закрытые и наднациональные структуры, а обычная политика во всем мире превращается в коктейль из шоу-бизнеса и административного ресурса. Причем в усилении наднациональных структур власти нет ничего демонического, ибо капитализм – система по определению межгосударственная.

- У буржуазии есть экономически и политически наднациональные интересы. Поэтому буржуазия всегда была заинтересована в наднациональных политических структурах, которые, поскольку они существуют в мире государств, не могли быть явными. Для этого использовались, прежде всего, старые структуры – масонские, которые наполнились новым содержанием. Ротшильдам не надо было этого делать: они использовали свои еврейские структуры. Создавались также парамасонские структуры, вроде иллюминатов и т.д. То есть, без структур мирового, наднационального управления капитализм никогда не стал бы тем, что Маркс называл формацией… - убежден исследователь.

Таким образом, необходима некая новая дисциплина: кратология, «властеведение» (конспирология – название тоже подходящее). Рядом же с нею и капитализмологией должны разиваться оксидентализм, китаеведение, индология, исламоведение и, возможно, античноведение. Если базовая единица организации буржуазного общества есть индивид (на Западе социальный индивид и физический индивид совпадают),, то базовая единица социальной организации китайского общества – клан. Индийского – каста. Исламского – племя. Античного – полис. То есть, в этих обществах в отличие от западного социальный индивид и физический индивид – разные вещи.

Нужна и такая объединяющая дисциплина, как мироведение. Ибо капитализм с середины позапрошлого века превратился в глобальную систему.

ЗАВОЕВАТЬ РУССКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО!

А что у нас? Увы, отечественные науки об обществе пребывают в глубокой зависимости от Запада. Пока не нашлось у нас своего Саида, разрушающего вредные стереотипы. Большинство отечественных исследователей рабски используют чужестранные теории. Правда, сам А.Фурсов со своим коллегой написал работу «Русская система», где для объяснения отечественной истории не использовался ни один западный термин. К сожалению, это едва ли не единственная попытка. А между тем, не может быть и речи о достойном будущем нашей страны в новом веке без завоевания интеллектуального превосходства, без сбрасывания с русских глаз западных научных «шор»!

- Задача очень важна! Обратите внимание: когда нацисты и большевики шли и потом пришли к власти, какой была одна из первых вещей, которую они сделали? Они предложили свою науку, альтернативную западной. У нацистов это были их исследования, связанные с расой и т.д. В Советском Союзе то были диамат и истмат. То есть Мишель Фуко был абсолютно прав, кода говорил о «власти-знании». Если ты хочешь играть на мировой арене всерьез, ты должен предложить такую систему знания, которая будет отражать твои взгляды и твои интересы.

И когда я читаю мемуары горбачевских перестройщиков, всяких Черняевых, Шахназаровых и прочих, то вижу: они по простоте душевной взахлеб пишут о том, что уже в 60-е годы разочаровались в марксизме-ленинизме и они встраивали в свои справки генеральным секретарям идеи социологии и политологии. Конечно, отчасти они подвирают, но только отчасти. Смотрите, какая вещь получается: советники вождей СССР 60-х годов встраивают в наше знание представления нашего главного противника! Нейтрального знания не бывает вообще. Если ты начинаешь смотреть на мир чужими глазами, ты начинаешь действовать в чужих интересах. Как говорил Тацит, в битве проигрывает тот, кто первым опускает глаза. Вот это и была именно такая ситуация.

Тот, кто собирается выиграть XXI век, должен первым создать новую науку об обществе! – считает Андрей Фурсов.

Отчет подготовил Максим Калашников. Полная авторская версия доклада Фурсова будет представлена на нашем сайте позднее.

Нынешние показатели ЕГЭ вообще ни о чем не говорят

Одни из самых низких средних баллов по ЕГЭ зафиксированы у студентов-первокурсников московских вузов, начавших обучение по специальности «Образование и педагогика».

Начать надо с того, что низкий уровень будет не только у тех, кто пошел в сферу образования, но и у тех, кто выбрал другие специальности. Из разговоров со своими коллегами я знаю, что уровень поступивших в этом году очень невысокий. То же самое я вижу и по своим студентам. Что касается связи между низкими оценками по ЕГЭ и сферой образования, то здесь ситуация двойственная: с одной стороны, люди с высоким уровнем не идут сейчас в «модные» в прошлом сферы — экономику и право, потому что они уже перегружены, у нас перебор с выпуском экономистов и юристов. Кроме того, подготовка юристов и экономистов у нас идет на западной основе и это никакого отношения к нашей экономике и правовой системе не имеет.

С другой стороны, тот факт, что на специальность «Образование и педагогика» пошли люди с низким средним баллом по ЕГЭ, тоже ни о чем не говорит. Высокие показатели по ЕГЭ в ряде регионов связаны с тем, что люди попросту купили эти оценки. Нынешние показатели ЕГЭ вообще ни о чем не говорят. Этого следовало ожидать: в стране, где еще не полностью искоренена коррупция, вводить экзамен типа ЕГЭ — это означает создавать новую площадку, на порядок более широкую для коррупции, чем прежняя.

ОБАМА ПО СВОЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОПТИМИСТОМ

Здравствуйте, уважаемые радиослушатели. В эфире очередной выпуск программы «Мировая политика». Я - ее ведущий **Игорь Панарин**.

Сегодня мы обсудим тему мирового кризиса, является ли он глобальным или только экономическим, попытаемся найти пути выхода из этого кризиса. И в этом аспекте сегодня мой собеседник - это человек, который давно занимается кризисом мировым и российским кризисом и пытается найти некоторые модели выхода из этого кризиса, объяснить причины и истоки. Это **Андрей Ильич Фурсов**, историк, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета и автор девяти монографий. Здравствуйте, Андрей Ильич. Так и напрашивается сразу первый вопрос. Кризис, который сейчас происходит, - это ситуативное явление или все-таки нынешний кризис похож на предыдущие кризисы? Как вы прокомментируете сегодняшнее состояние? Год прошел, господин Обама, президент США, недавно выступая перед банкирами Уолл-стрита, подвел итоги первого года кризиса и сказал, что надеется, что скоро завершится этот кризис. Вот оптимизм господина Обамы реален, или все-таки, мне кажется, есть и другие точки зрения на ход кризиса?

Фурсов: Обама по своему положению должен быть оптимистом. И, по-видимому, даже когда и если Америка будет рушиться, он должен будет оставаться оптимистом. Конечно, до выхода из кризиса еще далеко. Я согласен с теми нашими серьезными экономистами, которые полагают, что грядет вторая волна кризиса. Но это, если говорить о кризисе экономическом. Дело в том, что нынешний кризис намного более серьезный, чем просто кризис финансов или экономики, хотя, казалось бы, уж куда серьезней. Нынешний кризис очень часто сравнивают с кризисом 1929-1933 годов. Это был тоже очень интересный кризис, безусловно, рукотворный. И в сухом остатке чистым результатом кризиса 1929-1933 года было установление контроля финансового капитала Соединенных Штатов и Великобритании над промышленным сектором и над политикой. По сути дела, это был итог очень длительного процесса, который начался в 1870-е годы, когда финансовый капитал стал подниматься и когда он очень активно пошел к власти. Здесь очень важная веха - создание Федеральной резервной системы в 1912 году.

Панарин: Если точно, 1913 год создания.

Фурсов: Да, но организационная часть началась в 1912 году. И что очень интересно, Федеральная резервная система создавалась под задачу, так сказать, выдавать деньги в долг в широком масштабе. Выдавать деньги в долг в широком масштабе можно было только на военные цели. И война действительно случилась в 1914 году.

Панарин: Вы упомянули начало 70-х годов XIX века. Вы считаете, что Великая американская депрессия - это в определенном смысле завершение цикла, еще начатого десятилетия назад?

Фурсов: Безусловно, завершение цикла, который историки называют «Водораздел». Это период с 1873 года по 1933. В 73-м году начался период стагнации мировой экономики (1873-1896), который, в общем, подорвал экономическую гегемонию Великобритании и плавно перетек в начало экономической гегемонии США. Хотя потом длительное время кузены - Великобритания и США - выясняли отношения между собой и в 1929 году (год очень важный во многих отношениях, все фокусируют внимание на кризисе), но в 1929 году произошло событие, после которого новая мировая война стала неизбежной.

Панарин: Именно в 1929 году?

Фурсов: В 1929 году Великобритания руками и мозгом директора Центрального банка Монтегю Нормана (этот человек на весах истории весит примерно столько, сколько Рузвельт) ...

Панарин: Я уточню для наших радиослушателей, Центрального банка Великобритании.

Фурсов: Этот человек на весах истории весит столько же, сколько Рузвельт, Черчилль и Гитлер вместе взятые. Так вот, в 1929 году он закрыл Великобританию от мирового рынка.

Панарин: Что значит, закрыл?

Фурсов: Закрыл - это означает, что введены были такие таможенные барьеры, что Британская империя...

Панарин: Именно Британская?

Фурсов: Британская империя, именно Британская империя. Это был удар по США на самом деле.

Панарин: Я напомню нашим радиослушателям, что в тот период времени Британская империя была колоссальной.

Фурсов: 25 процентов мирового рынка. После этого у Соединенных Штатов были два выбора. Они реализовали оба. Соединенные Штаты начали активно вкладывать в Советский Союз (чисто по экономическим причинам), а вторая вещь - они начали готовиться к новой мировой войне.

Панарин: Можно ли, скажем так, интересный сделать вывод из вашего заключения, что именно Великобритания нанесла по США превентивный удар?

Фурсов: А США потом ответили. Я по-другому скажу. Когда мы говорим о Второй мировой войне, мы фокусируем свое внимание на двух фигурах - Сталин и Гитлер. И выясняем: Гитлер напал, Сталин напал. Ни Германия, ни Советский Союз не были главными экономическими державами того времени. И я утверждаю, что главной причиной Второй мировой войны были англо-американские противоречия, а советско-германские оказались уже приплетены сюда в самом конце 30-х годов. Они существовали, но англо-американские противоречия были весьма и весьма серьезные.

Панарин: Можно ли сделать вывод из этого гипотетического вывода вашего о том, что и Великая депрессия - это результат этих противоречий в какой-то степени?

Фурсов: Великая депрессия - результат других процессов. Великая депрессия - это результат целенаправленных действий американского финансового капитала. Во-первых, нужно было убрать все мелкие банки. Это примерно в другом масштабе, как наш дефолт, который был 1998 году.

Панарин: То есть это внутренние процессы структурирования ...

Фурсов: Безусловно. Но, с другой стороны, внутренние процессы связаны, вообще, в мировой экономике, в мировой политике все процессы взаимосвязаны. Ведь в 1929 году произошло еще несколько очень важных событий. В 1929 году, например, выслали Троцкого из Советского Союза. Троцкий был человек, который тесно был завязан с самого начала с Ротшильдами.

Панарин: То есть на английский все-таки капитал, на британский капитал, на международный?

Фурсов: На международный. А вот пятилетку нам финансировали Рокфеллеры. Там много противоречий обострилось. После 1929 года стало понятно, что Троцкий - не фигура в Советском Союзе. И именно с 1929 года англичане интенсифицировали свою помощь Гитлеру, потому что ясно было, что Гитлера они бросят на Советский Союз. А вот, скажем, американцев это не очень устраивало. У них была другая игра. То есть Вторая мировая война - это параллелограмм сил - Великобритания, США, Германия и Советский Союз. Причем ударными здесь по своей экономической мощи были, конечно, США и Великобритания. К сожалению, их отношение на своей шкуре выясняли немцы и русские, то есть англосаксам в очередной раз, как в Первой мировой войне, удалось стравить Германию и Россию.

Панарин: Имеет ли то, что мы сейчас обозначили, скажем так, достаточно интересные эти англо-американские противоречия, которые привели, по сути, к бойне - и мы потеряли миллионы людей и немцы, к сегодняшнему кризису? Или все-таки наш кризис, его вина в чем-то другом?

Фурсов: Непосредственно не имеет. Сходство только в том, что кризис рукотворный. Но нынешний кризис совершенно неверно было бы рассматривать изолированно от тех процессов, которые идут в мире с середины 70-х годов уже XX века.

Панарин: То есть можно ли сказать, что это в определенной степени некая новая стадия процесса, который развивался с 70-х годов XX века?

Фурсов: Который стартовал в 70-е годы XX века. Здесь похоже на тот кризис, который стартовал в 1870-е годы и пришел к своему логическому завершению в 1933 году, после чего мир двинулся к мировой войне. Мы сейчас имеем такую же ситуацию. В середине 70-х годов тоже началась затяжная стагнация мировой экономики. Но в отличие от того, что было в 70-е годы XIX века, я смею утверждать, что нынешний кризис не структурный, а системный.

Панарин: Что значит, системный, чем он отличается?

Фурсов: Дело в том, что у системы несколько структур, система переходит от одной структуры к другой. А вот системный кризис означает, что система ни к какой другой структуре уже не перейдет, ее должна будет сменить другая система, принципиально новая. Я глубоко убежден, что к концу XX века капитализм себя исчерпал как система.

Панарин: А сколько длился век, скажем так, золотой век капитализма, с вашей точки зрения?

Фурсов: Золотой век капитализма - это с середины XIX века до 70-х годов XX. И, конечно, пик в развитии капитализма - это то, что французы называют «славное 30-летие», - 1945-1975. За это 30-летие капсистема произвела товаров и услуг больше, чем за 150-летний период до этого. Кроме того, за это 30-летие поднялся очень мощный средний слой на Западе, выросло государство всеобщего благосостояния и очень-очень много всего другого. Но счастье не бывает вечно.

Панарин: Мы пришли в первой части к выводу о том, что капитализм исчерпал себя. Что впереди?

Фурсов: Здесь нужно еще одну очень важную вещь сказать. Помимо того, что капитализм охватил планету, и у нее теперь нет некапиталистических зон, которые можно превращать в капиталистическую периферию, есть еще одна очень серьезная проблема. С 1945 по 1975 год, противостояв Советскому Союзу, мировой капкласс, мировая буржуазия, если выражаться марксистскими терминами, должна была откупаться от своих средних слоев, от верхушки рабочего класса, создавая вот это всеобщее социальное благополучие. В результате благополучие средних слоев и верхушки рабочего класса выросло весьма и весьма, и на этом политически

поднялись левые и центристские партии. В середине 70-х годов они всерьез стали угрожать истеблишменту. Истеблишмент отреагировал. В середине 70-х годов по заказу «Трехсторонней комиссии» ...

Панарин: Я напомню, что она была создана в 1973 году.

Фурсов: Как реакция, кстати, на все эти события, на кризис Америки, на войну во Вьетнаме, на то, что Америка больше в одиночку не могла решать проблемы. Так вот, по заказу «Трехсторонней комиссии», три человека - знаменитый французский социолог Круазье, не менее знаменитый американский политолог Ханкингтон и менее известный японский социолог Ватануки - написали доклад «Кризис демократии». Этот текст до сих пор не переведен на русский язык.

Панарин: Почему?

Фурсов: Не знаю, текст фантастически интересный. Там черным по-белому говорится, что на Западе за последние годы вырос слой, который может бросить эффективный вызов истеблишменту.

Панарин: Условно говоря, революция менеджеров?

Фурсов: Нет, речь шла об опасности со стороны средних слоев.

Панарин: Среднего класса.

Фурсов: Среднего класса, средних слоев. И в связи с этим, говорилось в докладе, нужно объяснять населению, что демократия - это не высшая ценность, а инструмент, это средство, и что помимо демократии есть такие ценности, как иерархия, старшинство. И речь шла о том, чтобы внести некоторую апатию в политически активные слои. То есть речь шла о том, чтобы демонтировать целый ряд политических институтов капиталистической системы. Но дело в том, что капитализм - это не просто триумф капитала, капитал существовал до капитализма и будет существовать позже. Капитализм - это сложная институциональная система, ограничивающая капитал в его же долгосрочных интересах.

Панарин: И демократия - один из инструментов ограничения?

Фурсов: Один из инструментов. Если мы посмотрим, что происходит за 25 последних лет на Западе, - гражданское общество скукоживается, политика превращается в комбинацию административной системы шоу-бизнеса. То есть, столкнувшись с острой ситуацией, верхушка мирового капкласса идет совершенно сознательно, тем более этот процесс подстегивается снижением мировой нормы прибыли, она идет совершенно сознательно на демонтаж капиталистической системы, чтобы сохранить ...

Панарин: А что она хочет построить вместо этой системы?

Фурсов: Здесь есть совершенно откровенные работы идеолога мондиализма, идеолога мирового капкласса Аттали, который очень откровенно пишет в своих работах, например, у него есть замечательная работа «Краткая история будущего». Логика у него простая, он говорит: «Карл Маркс (перед которым он преклоняется) подарил замечательную идею мирового правительства, но реализуют эту идею не пролетарии, а буржуазия. При этом, однако, она перестанет быть буржуазией, потому что задача мирового капитализма, мирового правительства - ограничить финансовый капитал, создать экономику распределения и придавить, грубо говоря, то есть демонтировать капитализм».

Панарин: А как будет называться эта новая система?

Фурсов: Он не говорит об этом, он называет хозяев этой системы неокочевниками, которым все равно где жить - в Сингапуре, в Гонконге, в Вашингтоне, в Лос-Анджелесе, они везде кочевники.

Панарин: Но ведь кочевники проиграли в борьбе с землевладельцами?

Фурсов: Когда-то проиграли, но за три тысячи до этого они доминировали над землевладельцами. Аттали имеет в виду кочевников в другом смысле, в метафорическом. Так вот, далее рассуждает Аттали: «Что нужно для скорейшего создания мирового правительства, потому что только оно решит проблемы человечества. Нужна мировая валюта. А что нужно для того, чтобы людей подтолкнуть к мировой валюте?»

Панарин: А доллар не является мировой валютой?

Фурсов: Нет, Аттали не рассматривает доллар как мировую валюту. Он говорит о чем-то другом. Так вот, говорит дальше Аттали.

Панарин: То есть крах доллара, он неизбежен, по Аттали?

Фурсов: Аттали об этом не пишет, но для Аттали это понятно. И дальше пишет Аттали: «Для введения мировой валюты нужен очень сильный мировой финансово-экономический кризис, который убедит всех в необходимости создания этой валюты». Кстати, для Аттали мировая валюта - это не доллар, это чип, например, который встроен в человека, и человек расплачивается этим чипом, а заодно это хорошее средство социального контроля. Потому что, по Аттали, главная задача мирового правительства - это контроль, социальный контроль над населением планеты.

Панарин: А чем сейчас занимается Аттали, можно ли задать такой вопрос?

Фурсов: Аттали пишет книги, Аттали, безусловно, очень важный человек в мировом истеблишменте. Я бы сказал, что это фигура уровня Киссинджера, только у него функции другие. Киссинджер - это как такой полицейский, который приезжает туда, куда дальше ...

Панарин: Ну, принцип челночной дипломатии внедрен, и он достаточно активно реализуется сегодня.

Фурсов: А вот Аттали - это человек из «мозгового треста» мирового капкласса.

Панарин: А кто кроме него еще в этом «мозговом тресте», какие-то фамилии мы можем узнать?

Фурсов: Ну, Аттали - самый известный, Збигнев Бжезинский, хотя, безусловно, Бжезинский - это реликт уходящей эпохи. Кроме того, Бжезинскому очень мешает одна вещь - ненависть к Советскому Союзу и к России.

Панарин: Оставшаяся, так сказать, по наследству.

Фурсов: Киссинджер, например, очень холодно относится и к Китаю, и к России, но если надо, он будет с Китаем против России.

Панарин: Возвращаясь к России, для нас, для России, этот кризис - это шанс, смертельный удар или погружение в болото, вашими словами говоря?

Фурсов: Знаете, как вещь. Вот сильный кризис, безусловно, Россию опрокинет. Слабый кризис, он оставит ситуацию, когда наши люди на верху будут почесывать головы, спины и думать: ну, а чего, выскочим за счет нефти. В свое время, когда в начале 70-х годов Советский Союз подошел к необходимости реформ, рванули цены на нефть. И Подгорный, был такой председатель президиума Верховного совета, главный «доминошник» Советского Союза, на большее мозгов не хватало, так вот Подгорный сказал: «Да зачем нам реформы, мы на нефти проживем». Но сейчас ситуация другая. Нынешние наши руководители, по-моему, понимают, что на нефти не проживешь. И в этом отношении слабый кризис, конечно, не заставит действовать, но вот кризис среднего уровня ...

Панарин: А сейчас средний, слабый или сильный?

Фурсов: Как мне кажется, мировой кризис не достиг серьезного уровня.

Панарин: Когда достигнет? Ваш прогноз.

Фурсов: Когда, я не знаю. Я думаю, один показатель будет совершенно понятный, когда резко подскочат цены на продовольствие. А поскольку мы 40 процентов продовольствия закупаем, мы, так сказать, уже перешли порог продовольственной безопасности.

Панарин: Вы оцениваете ближайший год, ближайшие два года, где дно кризиса или пик кризиса?

Фурсов: Я думаю, что реально пик кризиса придется на 2015-2017 годы.

Панарин: Ну, то есть не 2010 год?

Фурсов: Нет, думаю, что вообще ситуация может радикально измениться. Но при нынешних тенденциях развития - это 2015-2017 год, аккурат к столетию Октябрьской революции.

Панарин: То есть мы имеем, скажем так, для того, чтобы использовать этот кризис ....

Фурсов: Мы имеем несколько лет.

Панарин: Условно, пять-семь лет. Мы помним, Сталин в 1931 году сказал: «У нас есть десять лет». Ошибся практически на ...

Фурсов: В 1931 году он не ошибся.

Панарин: Я имею в виду, ошибся буквально там на месяц в оценке ситуации. Сейчас мы можем сделать вывод о том, чтобы использовать как шанс для России. Но как вы считаете, наша элита способна оценить ...

Фурсов: Думаю, что в нынешнем ее состоянии наша властная элита, отдельные лица в элите способны оценить, но как слой, который держит, вдобавок ко всему, деньги в иностранных банках, у нее нет вообще стратегии. Это вообще специфика, нынешняя наша элита расплачивается по долгам брежневского времени. В брежневское время у нас исчезла стратегия, и вместо нее появилась тактика, которая потом мельчала, мельчала, дойдя до маразма.

Панарин: То есть ошибка уже десятилетий?

Фурсов: Да, дойдя до маразма горбачевщины и ельцинщины, и сейчас последние, скажем, семь-восемь лет ситуация меняется, но она меняется значительно медленнее, чем меняется ситуация в мире. Мы все равно отстаем.

Панарин: Немножко опаздываем?

Фурсов: Не немножко опаздываем, мы существенно опаздываем.

Панарин: Как успеть все-таки за эти пять-семь лет совершить этот рывок и использовать шанс?

Фурсов: У меня нет ответов, у меня нет приятных ответов для тех, кто будет совершать рывок. Меня тут недавно спросили в одном интервью: «Что такое инновационное развитие?» Инновационное развитие - это не экономическая вещь. Инновационное развитие - это создание силового субъекта, который на кончике, на лезвии штыка, кинжала заставит совершить мощный рывок. И история России показывает, что у нас не классы и не ведомства являются главными субъектами прорывных технологий. Главными субъектами у нас являются чрезвычайные комиссии. И если вы посмотрите, то два рывка, которые сделала Россия, первый рывок - это конец XVI века, субъектом изменений была опричнина, середина XVI века.

Панарин: Это Иван Грозный.

Фурсов: Оболганная либеральными историками опричнина. И вторая вещь - это 1929 год, когда Россия оказалась перед выбором - превращаться в сырьевой придаток Запада, финансово зависимую структуру или пойти на очень жестокую коллективизацию и индустриализацию, но за семь-восемь лет вытащить страну и не стать придатком Запада, не пустить сюда немца, англичанина, кого угодно, что и было сделано. То есть мобилизационная экономика, других средств нет.

Панарин: То есть мы, по сути, смотря на историю России, видим два мощных рывка.

Фурсов: Совершенно верно, причем петровский рывок не был мощным, вопреки тому, что, говорят. Петровский рывок не оказался ...(неразб)..., но 25 процентов населения разбежались или погибли, экономика рухнула и восстановилась только в середине XVIII века.

Панарин: Да, Екатерина приняла страну в долгах.

Фурсов: И оставила еще больше. И есть еще одна очень важная вещь. Был такой замечательный социолог XX века Карл Полани, который в книге «Великое изменение» написал, что у немецких лидеров 30-х годов было зловещее интеллектуальное превосходство над противниками. То же самое можно сказать и о советских лидерах. Прежде, чем совершать инновационные рывки, нужно зловещее интеллектуальное превосходство над противником. Оно заключается в том, что нам нужна принципиально новая наука о современном мире. Та наука, которая развивалась в XIX, в первой половине XX века, грубо говоря, сдохла и сдохли ее оргструктуры. Если мы хотим выиграть XXI век, нам нужно новое знание, рациональное, о современном мире. Это знание о самих себе без очернения, но и без сюсюканья, о русской душе и так далее. Второе - это знание о современном мире, как он устроен. У нас нет современной картины мира.

Панарин: Причем о динамично развивающемся мире.

Фурсов: И третье - это знание о месте России в современном мире, опять же без сюсюканья о том, какая миссия России, что мы несем миру. Не надо ничего нести миру, прежде всего нужно не

пускать самое гадкое из этого мира, начиная от шоу-бизнеса и заканчивая бандитским капиталом, сюда. То есть в борьбе выигрывает тот, кто создаст новые знания. Знание - это сила.

Панарин: Я хотел напомнить уважаемым радиослушателям, что мы вели разговор о системном кризисе. Я все-таки закончу на оптимистичной ноте, я надеюсь, что этот шанс Россия использует, что лучшие представители российской политической элиты сделают выводы из прошедших десятилетий, и мы сможем этим шансом воспользоваться. До свидания.

http://russ.ru/Mestnyj-vzglyad/Esche-raz-o-kovarstve-istorii

Еще раз о коварстве истории

Русская политология

Андрей Фурсов

«Сова Минервы вылетает в сумерки». Смысл этой фразы прост: часто мы начинаем постигать суть явления тогда, когда оно завершает своё развитие, и знание о нём рискует оказаться чем-то вроде улыбки чеширского кота. К разряду таких явлений относится и капитализм. Только ныне, когда эта система вышла на финишную прямую, мы начинаем лучше понимать её суть, логику развития и, самое главное, наиболее серьёзную из «капиталистических тайн» – тайну генезиса.

Сегодня ясно, что существовавшая почти два столетия и поддерживаемая по-своему и в своих интересах либералами и марксистами схема генезиса капитализма, согласно которой корона и бюргеры (буржуазия) сокрушили феодалов и создали brave new capitalist world – не более чем миф. Реальность была совсем иной. И уж кому-кому, а марксистам с их чётким различением капитала как собственности и капиталистической собственности, с пониманием принципиального отличия капитализма от «докапиталистических» обществ, не следовало бы попадаться в ловушку мифов XIX в. о генезисе капитализма, «буржуазных революциях» и т.п.

В последние десятилетия сделано немало для воссоздания реальной картины возникновения капитализма, причём не столько марксистами и либералами, контролирующими ещё в какой-то степени мейнстрим, сколько идеологически неангажированными исследователями с явно выраженной тягой к транспрофессионализму. Один из таких исследователей – Ричард Лахман (США).

В работе «Капиталисты вопреки себе. Конфликт в среде элит и экономические изменения в раннесовременной Европе» он убедительно показывает, что капитализм и нация-государство не были созданы сознательно (прото)буржуазией и протестантами. Капитализм возник как побочный продукт борьбы позднесредневековых элит друг с другом и с низами в условиях кризиса, грозящего элитам утратой позиций и привилегий. При этом капитализм вовсе не был общеевропейской траекторией выхода из кризиса – Северная Италия, например, пошла другим путём. Да и пути Испании, Франции, Нидерландов и Англии были различными.

Главным было то, что элиты делали рациональный выбор – они стремились интегрироваться в возникающий мировой рынок и на этом уровне решить те проблемы, которые они не могли решать на локальном уровне в Европе эпохи Реформации. При этом они не отдавали себе отчёта в последствиях своих действий, и только в ретроспективе мы можем квалифицировать эти действия как капиталистические: «История социальных изменений в раннесовременной Европе – это история разрыва между намерениями и результатами», – пишет Лахман. При этом, в отличие от предыдущих эпох, внутриэлитные конфликты начиная с XVI в. оказываются тесно переплетёнными с неэлитными, что придаёт всей эпохе революционный характер, резко усиливая внутриэлитные конфликты и их потенциал с точки зрения социальных изменений. В то же время это резко усиливает исторически творческую борьбу элит за создание институтов, способных сохранить их привилегии. Будут ли эти институты капиталистическими или

иными – второй вопрос. В результате, заключает Лахман, мы и сегодня имеем дело с институтами, созданными флорентийскими патрициями, голландскими олигархами, испанскими конкистадорами, а также землевладельцами и купцами из Франции и Англии.

Я бы добавил здесь: «пока имеем», поскольку с середины 1970-х годов верхушка мирового капиталистического класса демонтирует институты, созданные в «длинном XVI веке» (1453–1648 гг.) по той же причине, по которой феодальные верхушки демонтировали феодализм.

К сказанному Лахманом я добавлю следующее. Из его эмпирического исследования можно сделать выводы, существенно корректирующие представления о капиталистической эпохе. Первыми капиталистами были отнюдь не буржуа, а постфеодалы, включившиеся в новое (сначала атлантическое, а затем мировое) разделение труда в качестве агентов рынка и конституировавшие мировой капиталистический класс (МКК). Только с конца XVIII в. буржуазия и те, кто не смог удачно встроиться в мировую систему Старого Порядка, бросили вызов и капиталистам первой волны, и монархическому государству – бросили с помощью тайных надгосударственных организаций, финансового капитала и манипуляции недовольными массами.

Масонско-«буржуазные» революции 1789–1848 гг. – это не борьба буржуазии с феодалами, а борьба буржуазии за место в первом ряду МКК. В данном случае неважно, что буржуазия в ядре капиталистической системы преуспела. Важно то, что буржуазия – лишь часть МКК, которой в случае необходимости он пожертвует, что будет означать серьезнейший внутрисвязанный конфликт, связанный с демонтажем капиталистической системы её же верхами – ситуация повторяется: «и возвращается пёс на блевотину свою» (Пр. 26:11).

Книга Лахмана весьма важна. Во-первых, методологически, лишний раз подтверждая гераклитовский тезис «борьба – отец всего» и связывая генезис новых систем с адаптацией к кризису. Во-вторых, в ряду работ Б. Мура, И. Валлерстайна, Ч. Тили, Р. Бреннера и др. она создаёт принципиально иную картину «входа» в капитализм, чем та, что навязывалась «геокультурой Просвещения», а следовательно, и иную картину капитализма. В-третьих, работа Лахмана имеет важное практическое значение: «выход» и «вход», как правило, зеркально похожи. Социальные битвы «длинного XVI века» могут позволить лучше понять логику и принципы социальной борьбы «длинного XXI века» (1975–2025? гг.) и использовать это знание как «зловещее интеллектуальное превосходство» (К. Поланьи) в мировой борьбе за власть, информацию и ресурсы, в новом туре мировой Большой Охоты.

27.10.09 13:33

Пять вузов на выбор — достаточно для абитуриента

Начиная с 2010 года, абитуриенты, имеющие на руках результаты ЕГЭ, смогут подать заявление не более чем в пять вузов.

Я отношусь к этому нововведению нормально. Ситуация, когда абитуриенты могут подавать документы в огромное количество вузов, создает бардак. Пять вузов — это тоже много, человек вполне может определиться, куда поступить. Если человек подает заявление в десять или более вузов, это означает, что ему все равно, где учиться, или он просто пытается «зацепиться». Пять вузов — это вполне резонное число, и я отношусь к этому спокойно.

Наше образование благодаря ЕГЭ и введению Болонской системы стремительно ухудшается. Тот факт, что абитуриент будет поступать в пять вузов, а не в десять или двадцать, качественно на уровне образования никак не скажется.

Конспирология - веселая и строгая наука

Или о том, что реальная власть - это тайная власть

<...> вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах, Так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют <...>. Евангелие от Марка 4: 11-12

В этом мире все не такое, каким кажется. Фраза из фильма «Теория заговора»

Миром управляют оккультные силы и их тайные общества. Бенджамин Дизраэли

Это сладкое/гадкое слово «конспирология»

Обычно под конспирологией подразумевается сфера знания, в которой история, особенно резкие ее повороты, рассматривается сквозь призму тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил - орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций и т.п. Часто к конспирологическим штудиям относятся как к чему-то несерьезному, легковесному, а то и просто одиозному. И для этого есть вполне резонные причины.

Немало конспирологических работ написано в погоне за сенсацией и заработком, отсюда - легковесность и примитивность, часто - непроверенность фактов и т.д. Многие конспирологические работы суть не что иное, как своеобразные акции прикрытия, цель которых - либо отвлечь внимание от главного, от базовой операции, заставить публику сконцентрировать внимание не на том «шаре», не на том «наперстке», да еще наварить на этом (очень похоже, что «Код да Винчи» из этого ряда), либо, напротив, привлечь внимание к какой-либо теме и проблеме, разрекламировать те или иные структуры (или тех или иных лиц) как якобы обладающие неким скрытым могуществом и т.п.

Не прибавляет доверия к конспирологии и то, что порой она становится элементом неомифологических конструкций (борьба «Добра против Зла», «сил Бытия против слуг Небытия» и пр.). В таких случаях реальный и часто корректный сам по себе анализ компрометируется ненаучным характером схемы, элементом которой он оказывается и в которой научные термины пересыпаны религиозными и мифологическими, являются их функцией. Особенно когда схемы эти подаются как озарение (типа распутинского «я так вижу»), которое на самом деле представляет собой (пост)модернистскую версию мракобесия, шаманского камлания.

Иногда имеют место более замысловатые комбинации: конспирологическая работа появляется специально для того, чтобы, попав под огонь разгромной критики, раз и навсегда скомпрометировать исследования по какому-то вопросу (часто это делается накануне выхода в свет серьезной публикации на сей счет). И невдомек публике, что автора заказухи - слепого агента - исходно снабдили недостоверной информацией, чтобы не допустить серьезного отношения к исследованиям в нежелательном для кого-то

направлении вообще и - два шара в лузу - нейтрализовать эффект серьезных публикаций, максимально подорвав цену этого товара на информационном рынке.

Кстати, сам рынок конспирологической литературы во многом призван дезориентировать людей, топить их в потоке информации, в котором они не способны разобраться, отвлекать внимание от реальных секретов, от тех мест, где их действительно прячут.

Вспомним диалог отца Брауна и Фламбо из честертоновской «Сломанной шпаги»: «После минутного молчания маленький путник сказал большому: «Где умный человек прячет камешек?» И большой ответил: «На морском берегу». Маленький кивнул головой и, немного помолчав, снова спросил: «А где умный человек прячет лист?» И большой ответил: «В лесу». Иными словами, секреты практичнее всего прятать на видном месте. Подобной точки зрения придерживались не только Гилберт Кийт Честертон и такие мастера детектива, как Эдгар По и Артур Конан Дойл, но и Александр Зиновьев: «Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности».

В этом смысле одна (но далеко не единственная) из задач реальной конспирологии - прочитывать скрытый смысл, hidden script очевидного, лежащего на виду и потому кажущегося ясным. В том числе и - высший пилотаж - скрытый смысл самих конспирологических работ. В этом (но только в этом!) плане конспирология - это не столько отдельная дисциплина (хотя потенциально и дисциплина транспрофессионального типа), сколько подход, метод - дедуктивно-аналитический поиск неочевидного в очевидном, тайного - в явном, вычисление скрытых причин и причинных связей (рядов), которые эмпирически, индуктивно непосредственно не просматриваются, в лучшем случае - проявляются в виде неких помех, отклонений, странных пустот. Можно сказать, что конспирология - неотъемлемый элемент истории, социологии, политологии, политэкономии и т.д. Настоящий профессионал в этих областях должен быть еще и профессиональным конспирологом.

Это обусловлено не только несовпадением явления и сущности, но и самой спецификой социального знания, в основе которого лежит несовпадение - принципиальное несовпадение истины и интереса, на порядок усиливающее в этой области знания несовпадение явления и сущности. Эйнштейн говорил, что природа как объект исследования коварна, но не злонамеренна, то есть не лжет сознательно, отвечая на вопрос исследователя. Человек же в качестве объекта исследования часто лжет - либо бессознательно, либо намеренно, скрывая или искажая реальность в личных, групповых, системных интересах. Или находясь в плену ложного сознания, а то и просто от незнания. Более того, в социальных системах целые группы специализируются на создании знания в интересах определенных слоев, в продуцировании ложного. Так, например, в капсистеме социальные науки и их кадры выполняют определенную функцию - анализ социальных процессов в интересах господствующих групп и с точки зрения их интересов, в конечном счете - ради сохранения существующей системы с ее иерархией. В результате социальный интерес верхов становится социальным и профессиональным интересом того или иного научного сообщества как корпорации специалистов, которая, по крайней мере ее верхняя половина, становится идейно-властными кадрами системы, особой фракцией господствующих групп, привилегированной обслугой.

Социальный интерес верхов автоматически встраивается в исследования научного сообщества, регулируя не только решение проблем, не только способы их постановки, но и то, что считать научными проблемами, а что нет. Отсюда - табу на целый ряд проблем, их практическая необсуждаемость. Список этих проблем в современной социально-

исторической науке довольно длинный - от конспирологической проблематики до расовой и холокоста. Любой анализ знания с учетом искажающих его социальных интересов, вскрытие самих этих интересов, анализ реальности с точки зрения не тех или иных групп/интересов, а системы в целом так или иначе соотносится с конспирологией - эпистемологически, по повороту мозгов. Здесь выявляется двойной скрытый смысл: самой реальности (прежде всего властной) и знания о ней (информационной).

Конспирология - это, помимо прочего, всегда раскрытие секретов власть имущих, того, как реально функционирует власть, распределяются ресурсы, циркулирует информация. А поскольку истинная власть - это, как правило, тайная власть или явная власть в ее тайных действиях, тайном измерении, то ее анализ по определению имеет конспирологический характер. Конечно же, имеется в виду не конспирология в одиозно-традиционном смысле как поиск заговорщиков, а, если угодно, политическая экономия заговора.

«Современная политическая экономия учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую превалируют над интересами более широкой публики». Эти слова принадлежат не конспирологу, а известному либеральному американскому экономисту и экономическому обозревателю, нобелевскому лауреату по экономике Полу Кругману. Он прямо пишет, что правые радикалы в Америке, будучи небольшой группой, но контролируя при этом Белый дом, Конгресс и в значительной степени юстицию и СМИ, стремятся изменить как нынешнюю американскую, так и мировую систему.

Задолго до Кругмана - в самом начале XX века - об огромной роли маленьких, хорошо организованных групп в широкомасштабных исторических процессах на материале Великой французской революции писал Огюст Кошен, приводя в пример энциклопедистов. А ведь энциклопедисты жили и действовали до эпохи всесилия средств массовой информации, контроль над которыми увеличивает потенциал «малых народов» различного типа не то что в разы - на порядки, превращая заговор в Заговор. Кругман очень хорошо показал это на примере деятельности неоконов в США в 1990-е годы.

«Никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров, - пишет он в своей работе «Великая ложь». - Однако нет ничего безумного в том, чтобы раскапывать истинные намерения правых. Наоборот, неразумно притворяться, что здесь нет никакого заговора». Слово сказано, и это слово - «заговор», причем как политико-экономический феномен, как система странового, государственного уровня.

Конспирология как политэкономия капитализма

Неявный, тайный аспект, аспект заговора как системы постоянно присутствует в истории, проявляясь по-разному в различных обществах и в различные эпохи. Например, в докапиталистических обществах, особенно в Азии, Африке и доколумбовой Америке, тайна была имманентной характеристикой власти, но эта тайна была на виду, очевидной. Люди знали о тайной власти и о тайне власти, саму власть воспринимали во многом как нечто таинственное. Поэтому в заговоре как системе, как особом феномене, в конспирологии особой нужды не было. Разумеется, это не означает отсутствия заговоров и тайной борьбы в этих обществах.

Совершенно иначе обстоит дело с капитализмом как системой. Поскольку в капиталистическом обществе производственные отношения имеют экономический характер, а эксплуатация осуществляется как очевидный обмен рабочей силы на овеществленный труд, социальный процесс почти прозрачен. Рынок, господство товарно-денежных отношений, институциональное обособление власти от собственности, экономики - от морали, религии - от политики, политики - от экономики (управление экономикой отделяется от административно-политического процесса - «закон Лэйна»), экономики - от социальной сферы - все это обнажает социальные и властные отношения в буржуазном обществе. Рационализация экономических, социальных и политических сфер и отношений максимально открывает процессы, происходящие в этих сферах, делает их принципиально читаемыми и превращает в объект исследования специальных дисциплин - экономики, социологии, политической науки.

Власть в буржуазном обществе лишается сакральности и таинственности. Помимо государства существует гражданское общество. Более того, капсистема - точнее, буржуазное общество ее ядра - единственная, в которой легализуется политическая оппозиция. Власть - государство и политика - особенно с середины XIX века если и не просвечивается, то оказывается весьма и весьма на виду, тем более что официально претендует на открытый и рациональный характер. И это, естественно, создает для нее очень серьезные проблемы, которые по мере усиления с конца XIX века социальных конфликтов, войн и революций становятся все более острыми. Нормальное функционирование государственно-политического механизма в буржуазном обществе потребовало искусственного создания тени, завесы - того, в чем не было такой потребности до капитализма. Впрочем, это далеко не единственный источник конспирологизации политических, финансово-экономических и даже некоторых социальных процессов в буржуазном обществе. Есть и другой - не менее, а, возможно, более серьезный.

Капитализм как экономическая система имеет мировой, наднациональный (надгосударственный) характер, locus standi («место, где можно стать», лат.) буржуазии - мировой рынок, мир в целом. В то же время формальная политическая организация капиталистической системы выстраивается по национальному, (меж)государственному принципу. Поскольку товарные цепи постоянно нарушают государственные границы, буржуазия испытывает острую необходимость в организациях наднационального, мирового уровня. Готовых и естественных организаций такого уровня у нее нет. Далеко не все, как Ротшильды или вообще еврейский капитал, могут воспользоваться родственными и общинными связями и таким образом решить проблему организации наднационального уровня (отсюда отмеченная многими исследователями начиная с Карла Маркса и Вернера Зомбарта тесная связь еврейства и новейшего, то есть формационного, капитала, синхронность их подъема с начала XIX века). Поэтому, естественно, буржуазия прежде всего использовала те организации, которые были в наличии, например масонские. Последние начинали выполнять новые функции, в том числе служа средством борьбы с государством (уже антифеодальным, но еще не буржуазным, старопорядковым), причем не только для буржуазии, но и для других слоев.

Дело в том, что на месте разрушившегося и разрушенного в XIV-XV веках феодализма в Западной Европе возник так называемый Старый порядок (Ancien regime - словосочетание, запущенное в оборот во Франции в 1789 году, чтобы оттенить новизну революции и припечатать в качестве негатива то, что ее вожди стремились уничтожить), просуществовавший около 300 лет. Это уже постфеодальный, но еще не капиталистический строй. По сути, это антифеодальная машина, заинтересованная в мировой торговле, но вовсе не готовая допускать в первые ряды буржуазию. Короли в

Старом порядке превратились в монархов («монархическая революция» XVII века), а феодалы - в аристократию, главным образом придворную.

Жизнь старопорядковой аристократии была, конечно же, более комфортной, чем жизнь феодальной знати, однако их политико-экономическая сделочная позиция по отношению к крепчавшему государству ухудшилась. Кроме того, они утратили феодальную организацию и вынуждены были довольствоваться теми оргформами, которые предлагало/навязывало им государство. Именно этим обусловлено возрождение в XVIII веке - второе издание старых и возникновение новых - масонских организаций. Веха здесь - именно вторая четверть XVIII века, когда совпали, с одной стороны, династическая революция в Англии конца XVII века и последовавшая за ней борьба Стюартов и Ганноверской династии - что и стало политической причиной возрождения масонства в Англии; с другой стороны, возникновение первой новоевропейской антисистемной «фабрики мысли» - компании энциклопедистов. Последние развернули систематическое воздействие (серия психоударов) на целые слои, подрывая Старый порядок сверху, с головы. Следующей вехой в развитии конспироструктур станут 1870-1880-е годы, а третьей - послевоенное тридцатилетие (1945-1975 годы). Сегодня, по-видимому, подходит к концу третья эпоха в развитии мировой тени. Возникнув в качестве средства выяснения династических отношений на национальном и общеевропейском уровнях различных сил, масонские структуры довольно быстро приобрели функции мирового управления. Этот процесс развивался одновременно с усилением Великобритании в качестве гегемона капсистемы, ростом влияния Ост-Индской компании (впоследствии она сыграет огромную роль в формировании тайных и явных форм мировой власти), а затем борьбы между ней и британским государством.

Временем становления теневых, закулисных структур мирового управления (далее - СМУ), которые, по сути, и есть конспироструктуры, стал период 1770-1840-х годов - эпоха революций и массовых движений. Но массовые движения кто-то должен организовать и профинансировать. В европейских условиях первой половины XIX века это могли быть только Великобритания и СМУ, интересы которых тогда совпадали, - эта страна превращалась в их порт приписки.

СМУ (это далеко не только масоны, но и парамасонские организации, финансовый капитал, которому положено действовать в тени и который превратился в финансовую аватару СМУ в силу своего наднационального и теневого характера, а экономической базой СМУ стала индустриальная система производства) оказались третьим - наряду с капиталом и государством - субъектом капсистемы, достроив ее до целостности и превратив государство в функцию капитала на мировом уровне. В «длинные пятидесятые» (1848-1867/1873 годы) капитализм, выражаясь марксистским языком, превратился не только в способ производства (из способа обращения), но и в формацию, в подлинно мировую систему (а не североатлантическую мир-систему).

СМУ выражают целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса, которые далеко не всегда и не во всем совпадают с интересами отдельных фракций этого класса, отдельных государств, а порой и самих СМУ - в этом проявляется диалектическая нетождественность последних самим себе. В любом случае капитализм как система невозможен без СМУ, его политэкономию и историю невозможно написать без учета этих структур - это будет нечто вроде изображения шара как круга или - еще хуже - совокупности точек.

Масонство и парамасонство, являющиеся лишь одним из источников и составных частей СМУ (наряду с традициями венецианской аристократии, ее финансовых и

разведывательных структур), на новом витке своего исторического развития стали средством тайной самоорганизации прежде всего той части господствующих групп Старого порядка, которая утратила достаропорядковые феодальные формы организации и социальные позиции которой ослаблялись прежде всего государством и отчасти подъемом новых социальных слоев.

К тому же в изменившихся условиях перед аристократией, а затем и буржуазией вставали задачи на порядки сложнее, чем перед феодалами, и решать такие задачи открыто, публично было затруднительно. Отсюда - усиление тайных организаций, закулисных структур, которые с самого начала сопровождали Модерн - как старопорядковый, так и буржуазный. Причем число этих организаций увеличивалось, а роль возрастала по мере усложнения социальной реальности и мировой экспансии Европы, то есть по мере превращения ее в Запад как ядро мировой капсистемы.

По мере публичного «огосударствления» населения, превращения его в граждан как агентов публичной политики пропорционально возрастала роль тайной, закулисной политики, тайной власти, причем не только внегосударственной - масонской и иных тайных обществ, - но и самого государства. Последнее в условиях расширения публичной сферы и возрастания значения гражданского общества уводило в тень, за кулисы наиболее важные аспекты, стороны и направления своей деятельности, реальную власть и ее главные механизмы. И чем более значительная часть населения получала избирательные права, чем публичнее становилась политика, чем (внешне) демократичнее общество, тем более значимая часть - особенно в XX веке - реальной власти уводилась в тень, действовала конспиративно, в режиме заговора.

Иными словами, заговор - это обратная, темная, теневая сторона демократии и публичности, по сути - темная/теневая сторона Модерна в его североатлантическом ядре. Эпоху Модерна можно рассматривать по-разному, в том числе и как процесс роста этой тени, которая сначала знала свое место, а затем - в «длинные двадцатые» (1914-1933 годы) - поменялась местами с хозяином, стала главной, и, что поразительно, это не нашло практически никакого отражения в науке об обществе. А ведь ясно, что тень нужно изучать принципиально иначе, чем то, что ее отбрасывает, - иными методами и средствами. А уж тень, поменявшуюся местами с хозяином, - тем более. Но вернемся в эпоху раннего Нового времени, в юность Модерна.

Если экс-феодальная аристократия использовала масонские и иные тайные общества, поскольку утратила свою традиционную явную организацию, то третье сословие (буржуазия и обслуживавшие ее адвокаты, журналисты и особенно философы) просто не имело, не успело выработать свои официальные организации, а те формы, которые предлагались государством, его не устраивали. Отсюда интерес и новых слоев Европы к тайным обществам как средству самоорганизации. Негативный фокус этой самоорганизации - государство Старого порядка («абсолютистское», «барочное») - становился для представителей старых и новых слоев общим знаменателем, общей площадкой.

Повторю: масонские и иные тайные общества были наднациональными (это объективно противопоставляло их государству, к тому же становившемуся все более массово ориентированным, открытым и публичным), что соответствовало экономическим и социальным интересам верхушки мирового капиталистического класса и особенно буржуазии. Таким образом, Заговор стал формой самоорганизации старых и новых групп Европы как мир-системы (а с середины XIX века - как мировой системы) XVIII - первой половины XIX веков по отношению к государству и массам - как на внутринациональном,

так и на мировом уровне - в борьбе за власть, ресурсы и информацию в постоянно меняющихся и усложняющихся условиях. При этом роль и значение буржуазного сегмента постоянно усиливались, переплетаясь с аристократическим, - внешне при сохранении прежних форм.

СМУ и революционеры: две стороны одной медали, или «Внизу то же, что и вверху»

В деятельности масонов и парамасонов не было ничего демонического или мистического - только борьба за власть, ресурсы и информацию, но борьба не столько в краткосрочной перспективе и с краткосрочными целями - хотя и это тоже, - сколько с долгосрочными макросоциальными, геополитическими и геоэкономическими целями. Несколько упрощая историческую реальность и вычленяя из нее векторную логику, можно сказать, что почти все крупные революции эпохи Модерна прежде всего устраняли те структуры, которые мешали эффективному функционированию верхушки мирового капкласса и связанных с ней групп как мировой, наднациональной силы. А мешали прежде всего наднациональные же структуры, но не экономического, а политического - имперского - типа: Османская, Австро-Венгерская, Германская и Российская империи. В революциях начала XX века, в их мишенях четко прослеживаются интересы англосаксонского ядра капиталистической системы - ядра, стреляющего с двух рук, по-македонски, с помощью национализма и интернационализма (социализма) - неотразимая комбинация.

Революции европейского Модерна, помимо прочего, постоянно приспосабливали-модифицировали госструктуры к нуждам мирового рынка, а следовательно - к интересам господствующих на нем групп. Не случайно революции и, естественно, войны происходили всякий раз по исчерпании-завершении определенной эпохи в истории мирового рынка, мировой системы, когда уровни мировой прибыли ядра капсистемы начинали снижаться.

Что особенно показательно, каждый новый этап в развитии капсистемы модифицировал старые или создавал новые конспироструктуры (далее - К-структуры), соответствовавшие усложнявшимся задачам управления мировыми процессами, массами, с определенного этапа - информацией, культурой (психоисторией). И эти структуры должны были быть тайными, закрытыми, поскольку создание публичных структур - процесс, во-первых, долгий, процедурный; во-вторых, обязанный учитывать широкие интересы.

Подчеркну еще раз: масштаб, сложность и закрытость, то есть сфера деятельности К-структур и их теневое качество, росли и усиливались пропорционально мировой экспансии капитала, Запада, усложнению современного мира, а также развитию публичной политики, нации-государства и формальной демократии. Иными словами - всего того, что должно сделать процессы управления обществом прозрачными в их рациональности и рациональными в их прозрачности. На это, собственно, и претендует буржуазное общество. И ставит себе это в заслугу, скрывая в тени, во внутренних серых зонах, уводя в них все то, что не должно быть прозрачным для массового взгляда и не может быть представлено как рациональное большинству населения, поскольку не соответствует его интересам или прямо противоречит им. Как заметил Майкл Паренти, в

буржуазном государстве тратятся три доллара из правительственных денежных средств для защиты одного доллара частных инвестиций, но для этого нужно либо задурить людям голову пропагандой, либо провернуть все дельце втайне.

И дело здесь не только в классовых различиях и несовпадении экономических интересов верхов и основной массы населения. Дело еще и в другом: конкретно эти различия и несовпадения проявляются в эпоху капитализма в противостоянии наднациональной (и стремящейся к созданию своей наднациональной, мирового уровня организации) верхушки и национально организованного населения.

Формально господствующие группы являются частью своих наций и, следовательно, наций-государств. Более того, у значительной их части есть национальные классовые интересы, то есть здесь налицо и содержательная принадлежность. Однако интересы существенного сегмента буржуазии объективно наднациональны и интернациональны (это и есть одно из главных внутренних противоречий буржуазии, ее национально-интернациональная нетождественность самой себе). Вообще нужно сказать, что подлинными интернационалистами вопреки мнению Маркса, Энгельса и других являются не пролетарии, а буржуа. История Интернационалов, особенно Второго, - красноречивое тому свидетельство. «Интернационалы» буржуазии - капинтерн, фининтерн - оказались в конечном счете эффективнее всех антикапиталистических Интернационалов.

Разумеется, социализм/коммунизм как движение и система возникает как антагонист капсистемы. Но оформляется он прежде всего на международном уровне, а не на уровне национально-государственном. Поле его деятельности, масштаб, важнейшие характеристики - такие же, как у международного капитала, которому он противостоит, с которым борется (причем сама эта борьба расчищает поле для будущего существования - и будущих битв). Но не только борется, имеет место и сотрудничество - косвенное, наведенное, а иногда и прямое. На рубеже XIX-XX веков такими будущими противниками, одновременно боровшимися друг против друга и совместно - с империями XIX века, были мировой социализм/коммунизм и мировой же фининтерн. Их связывал принцип единства и борьбы противоположностей. Это единство среднесрочных интересов проявилось и в закулисном механизме русской революции 1905-1907 годов, и в еще большей степени - в обеих революциях 1917 года, когда международный капитал действовал рука об руку с социалистами, сначала с умеренными, а потом - с крайне левыми.

Я уже не говорю о контактах 1960-1970-х годов между советским и американским руководством, в которых отражалось стремление не только тайно договориться верхушкам двух стран, но и создать некую наднациональную координационную структуру поверх системных барьеров. Внешним проявлением такого стремления было, в частности, создание Международного института прикладного системного анализа в Вене как некой ширмы, как акции прикрытия основной операции. В конечном счете эта операция обернулась против советского руководства, оно попало в западню и проиграло, а сами контакты из поначалу равноправных отношений превратились в отношения международных хозяев и русских приказчиков - наподобие комиссии «Гор-Черномырдин».

Важно зафиксировать следующее: природа и логика развития капитализма ведут к трем последствиям. Во-первых, возникает международный слой, интересы которого в основном не совпадают с национально-государственными интересами, а потому требуют особого, преимущественно тайного организационного оформления. Во-вторых, образуется международное социалистическое/коммунистическое движение, интересы которого в

основном тоже не совпадают с национально-государственными интересами - и потому, что цели и задачи движения имеют мировой характер, и потому, что движение это противостоит легальной власти. А это, в свою очередь, становится двойной причиной превращения как международных, так и страновых оргформ коммунизма в К-структуры. В-третьих, у действующих на одном - наднациональном - поле двух кластеров К-структур, двух заговоров - международно-капиталистического и международно-коммунистического, - несмотря на теоретический долгосрочный антагонизм, нередко совпадают среднесрочные интересы, особенно по линии объектов борьбы.

В результате между ними возникает сверхтайное - сетевое, косвенное, а иногда и непосредственное (финансирование, дипломатическая помощь, информационная война и т.п.) - взаимодействие. Перед нами сверхзаговор, тайны которого охраняются особо тщательно обеими сторонами, а попытки прояснить ситуацию отметаются представителями обеих сторон как клевета или дешевая конспирология.

Цель интернационал-коммунистов - слом системы, революция, земшарная республика во главе с коммунистической контрэлитой, иными словами - новая система. Цель интернационал-капиталистов, фининтерна - мировая капиталистическая система без империй и с максимально ослабленным нацией-государством, то есть иная, новая структура капиталистической же системы.

В период социальных кризисов - например, в ситуации снижения уровня мировой прибыли - объект борьбы у интернационалистов был один и тот же, но в разной ипостаси: коммунисты боролись против него как против системы, а капиталисты - только как против структуры, на смену которой они готовили новую структуру той же системы. В этой борьбе коммунисты пытались использовать фининтерн как антисистемный ледокол международного уровня (впрочем, конкретные результаты редко всерьез выходили за национально-государственные рамки), тогда как интернационал-капиталисты использовали социалистическое движение для структурной перестройки, для перезагрузки матрицы в духе фильма «Матрица-2». Противостоять двуручному - системно-антисистемному - мечу, двойному - финансово-политическому - удару было очень трудно. Крушение империй в два первых десятилетия XX века свидетельствует об этом со всей очевидностью. Надо ли говорить, что интернациональные верхушки - капиталистическая и коммунистическая - должны были развивать свою совместную или по крайней мере параллельную деятельность в качестве сверхтайного заговора - тем более сверхтайного, что в своей пропаганде и те и другие призывали, во-первых, к открытой и честной публичной политике, во-вторых - к непримиримой, не на жизнь, а на смерть, борьбе друг с другом?

Тень, переставшая знать свое место

Прозрачно-рациональные условия и институты крайне затрудняют нормальное функционирование капсистемы, мирового рынка буржуазного государства, накопление капитала в целом. Последнее, по крайней мере в определенные периоды, вообще требует подъема антисистемных сил, которые надо растить и готовить - естественно, к-структурным образом. Я уже не говорю о том, что национально-государственные институты объективно демондиализируют буржуазию, ослабляют ее мировой политический потенциал. Поэтому с самого начала существования капсистемы рядом с ее

материей - публичными формами власти, управления экономикой, обществом и информопотоками - возникла и развивалась антиматерия, или, если угодно, темная материя, - К-структуры, закулиса. Рядом с миром государства и партий - антимир закрытых и тайных обществ (клубов мировой элиты), как системных, так и антисистемных, отражавших, причем в скоростном варианте, нарастающую сложность мирового уровня и, таким образом, на шаг опережавших открытые структуры, а потому получавших возможность управлять ими или по крайней мере направлять их деятельность. Собственно, говорить нужно не о двух мирах, а об одном, у которого две стороны - открытая и теневая, причем, несмотря на некоторые характеристики игры с нулевой суммой, вторая постоянно теснит первую (в этом плане у конспирологии - большое будущее; это наука будущего и о будущем, к сожалению).

Теневая сторона уравновешивает видимую сторону в интересах интернационального (сегодня - глобального) меньшинства. Если она и не превращает демократию, разделение властей, гражданское общество и т.п. на Западе полностью в фикцию, то по крайней мере серьезно подрывает и ослабляет их, выхолащивает их содержание до такой степени, чтобы хозяева капсистемы с минимумом помех могли реализовывать свои интересы и свою социальную суть в качестве агентов мирового накопления капитала. Демократия становится уделом избранных - плутократии. Особенно насущной эта задача оказалась после Второй мировой войны - в условиях массового общества, подъема среднего класса, триумфа нации-государства в форме welfare state («государства благоденствия», англ.) и противостояния Запада и Советского Союза.

Заговор снимает противоречие между мировым и государственным уровнями системного бытия верхушки мирового капкласса в пользу первого. Сегодня, в условиях глобализации, это происходит почти автоматически. В этом плане глобализация, снимающая противоречие «мировой-государственный», делающая его иррелевантным, сама может рассматриваться как заговор глобального масштаба - только без мистики, демонизации и дешевой конспирологии. Между развитием государства и приобретением им все более публичных и общенациональных характеристик, с одной стороны, и усилением значения конспиративного, тайного аспекта функционирования властной системы, смещения реальной власти в теневую зону, а следовательно, деполитизации самой политической власти - с другой имеется прямо пропорциональная связь.

Наиболее полноценной формой государства является нация-государство. По сути - это пик в развитии государственности с точки зрения его формальной рационализации и включения населения в государство в качестве его граждан.

В то же время именно нация-государство, как считает Пьер Бурдье, обладает в наибольшей - по сравнению с другими формами государства - степени качествами фиктивного субъекта. Речь, таким образом, идет о фиктивности многих продекларированных качеств нации-государства как публично-правового и общенационального института. Реальным субъектом в нации-государстве являются, по мнению французского социолога, не нация и не государство, а группы индивидов, реализующие свои групповые и корпоративные интересы под видом государственных или под покровом государственной тайны.

Как показывает Бурдье, есть целый ряд профессиональных и социальных групп, которые заинтересованы в продвижении фикции государства как единого коллективного тела, или, как сказал бы Томас Гоббс, «искусственного человека». Думается, что на самом деле «искусственный человек» - это в значительной степени фиктивный Гулливер, внутри

которого снуют и действуют реальные лилипуты, представляющие свои мелкие делишки как свершения Гулливера, как общее, национальное благо.

Во Франции Бурдье считает такой группой сообщество юристов, их корпорации, чему в немалой степени способствовала централизация судов в этой стране. Еще одна группа - ученые, прежде всего в области политических, социальных и гуманитарных наук. Очень важен вывод Бурдье о том, что сама формализация-рационализация государства, превращение его в абстрактный принцип, отделенный от персонификаторов, есть не только объективный процесс эволюции государства как целостности, но и результат сознательной деятельности заинтересованных экономических, социально-политических и профессиональных групп, которые, подталкивая этот процесс, используют его материальные и идеологические результаты в своих групповых и корпоративных интересах. Одновременное возникновение нации-государства и феномена идеологии, то есть такого светского рационального знания, цель которого - представить частные интересы в качестве общих, не случайно. Это две стороны одной медали.

Если сформулировать тезисы Бурдье другим языком, то юристы и «академики» - по крайней мере та их часть, которая включена в истеблишмент или обслуживает его, - выступают в качестве персонификаторов социально-политического заговора. Однако на самом деле этот заговор вторичен, и Бурдье должен был бы зафиксировать это. Первичный заговор составляют те, в чьих руках власть и богатство, кто оплачивает функционирование в своих интересах корпораций юристов, академиков и др. В любом случае перед нами теневой мир, теневая иерархия разных уровней, обратная сторона нации-государства, которая и является реальной. Фасад оказывается лишь более или менее фикцией - холстом с нарисованным на нем очагом, за которым скрывается потайная дверца. А ключ к ней и должен раздобыть конспиролог, похитив его у карабасов-барабасов капсистемы и обслуживающих их дуремаров, лис алис и котов базилио интеллектуально-идеологического труда.

В теневом мире граница между обычным функционированием К-структур и теневым функционированием формальных и открытых структур стирается. Показательно, что именно с возникновением нации-государства, то есть той формы, с которой государство в максимальной степени превращается в функцию капитала, теневой, внеполитический, надгосударственный аспект функционирования власти обретает свой завершенный вид, что создает условия для перемены мест хозяина и тени или реального выхода на первые роли различных К-структур.

К-структуры XX века - это прежде всего (хотя и не только) ответ накопителей капитала нации-государству на мировом уровне, а гражданскому обществу и всеобщему избирательному праву - на уровне государственном. Чем более прозрачны (внешне) действия государства, чем более оно ограничено в своей открытой деятельности, тем шире закрытая, теневая, серая зона его активности. Чем больше у государства тайных функциональных органов, тем последние автономнее - вплоть до создания своей экономики (чаще всего на паях с криминалом), до ведения собственной внешней политики. Тень, как уже говорилось, начинает подчинять своего хозяина, а глобализация создает для этого хорошие условия. Чем больше достижений открытости на национальном уровне, тем больше контрусилий на теневом - причем главным образом мировом - уровне (закон сохранения вещества, энергии - и, добавлю я, информации - в социосфере).

Но вот что интересно: современная наука об обществе сконструирована так, что опознает и изучает только видимую сторону, материю, мир, - для этого у нее есть триада «экономика - социология - политическая наука». А о теневой зоне, К-структурах, темной

материи, антимире - то есть о пространстве, где принимаются главные решения, где происходит реальное управление обществом, психоисторией в различных ее информпотоках, - науки нет. Парадокс: не искажая или почти не искажая реальность сами по себе, дисциплины триады фактом своей монополизации изучения общества автоматически искажают картину мира, исключая из него как минимум половину, уравновешивающую своим скрытым удельным весом историческое значение массовых процессов и нередко направляющую их.

То, что конспирология не оформилась институционально, а остается занятием отдельных лиц, часто любителей (в научной среде конспирология, как правило, - не комильфо), не случайно: современная наука об обществе выстроена под интересы накопителей капитала, которые строго хранят собственные секреты - главный механизм функционирования своей системы. Поэтому настоящая конспирология - не просто одна из социальных дисциплин среди социологии и прочего, она рядо- и равноположенное им эпистемологическое поле со своим внутренним членением, с особыми методами обработки информации и исследования, с собственной высшей математикой. Она - поле и средство социальной борьбы в научной сфере, а К-структуры - лишь один из ее объектов.

Если говорить о последних, то модификация старых или формирование новых К-структур, как правило, происходили в канун, во время и сразу после крупных войн. Можно сказать, что заговор был конкретной формой подготовки войн - системой выявления, артикуляции и представления тайным образом определенных интересов преимущественно наднационального уровня. А лучшим средством реализации этого процесса являлись различные закрытые или просто тайные структуры и их агенты. Причем многие структуры подобного рода создавались на самом высоком уровне. Один из лучших примеров - группа Сесила Родса, историю которой великолепно описал американский историк Кэрролл Куигли (1910-1977) в работе «Англо-американский истеблишмент», изданной в 1981 году.

В феврале 1891 года в Лондоне было создано тайное общество, существование которого Куигли считает «одним из важнейших исторических фактов XX века». Отцами-основателями тайной структуры стали три влиятельнейшие фигуры британской общественно-политической жизни - Сесил Родс (основатель и совладелец алмазодобывающей корпорации «Де Бирс» и других горно-промышленных монополий в Южной Африке), Уильям Томас Стэд (самый известный и сенсационный журналист того времени) и Реджинальд Балиол Бретт (впоследствии - лорд Эшер, друг и доверенное лицо королевы Виктории, а позднее - ближайший советник Эдуарда VII и Георга V). Главная цель этой группы - укрепление Британской империи в условиях утраты Великобританией гегемонии - была сформулирована уже в первом завещании Родса в 1877 году (сама структура упоминается в пяти завещаниях из семи): «Распространение британского правления в мире, совершенствование системы эмиграции из Соединенного Королевства и колонизации британскими подданными всех земель, где средства к существованию можно приобрести энергией, трудом и предприимчивостью <...> в конечном счете возврат Соединенных Штатов Америки как составной части Британской империи, консолидация всей империи, введение системы колониального представительства в имперском парламенте, что может способствовать сплочению разъединенных членов империи, и наконец, основание такой великой державы, которая сделает войны невозможными и будет содействовать лучшим интересам человечества».

В качестве модели организации и функционирования тайного общества Родс избрал иезуитов. В двух его последних завещаниях общество не упомянуто: будучи уже весьма известным, Родс не хотел привлекать к нему внимание. Члены группы, в которой

выделялись два круга - внутренний («Общество избранных») и внешний («Ассоциация помощников»), - были видными политиками, журналистами, деятелями науки и образования. Общество привлекало на свою сторону людей со способностями и положением и привязывало их к себе посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по службе и титулы. И уже с помощью привлеченных оно влияло на государственную политику, главным образом путем занятия членами группы высоких постов, которые максимально защищены от влияния общественности, а иногда и вовсе скрыты от нее.

Тайное общество было саморазвивающейся ветвящейся системой. Так, внутри группы Родса со временем выросла группа Милнера, ставшая после 1916 года его реальным центром. Главная установка Альфреда Милнера (он почерпнул ее из идей Арнольда Джозефа Тойнби - дяди и тезки знаменитого философа истории): расширение и интеграция империи и развитие благосостояния общества необходимы, чтобы продолжал существовать британский образ жизни, раскрывающий все лучшие и высшие способности человечества.

В 1920-е годы одним из важнейших инструментов общества в целом и группы Милнера в частности стал созданный и полностью контролируемый ими Королевский институт международных отношений (КИМО). Подлинным основателем института стал Джордж Натаниэль Керзон, а начало КИМО было положено на совместной конференции британских и американских экспертов в гостинице «Маджестик» в 1919 году. Штат института составили совет с председателем и двумя почетными секретарями и небольшая группа сотрудников. Среди последних наиболее значительной фигурой был уже другой Арнольд Джозеф Тойнби - племянник друга Милнера, автор знаменитого многотомника A Study of History.

КИМО организовывал дискуссии и исследовательские группы, спонсировал исследования и публиковал их результаты. Институт напечатал «Историю мирной конференции» и издавал «Журнал» с отчетами о дискуссиях, а также ежегодный «Обзор международных дел», составляемый его служащими (прежде всего Тойнби) или членами группы Милнера. Еще одним ежегодником был «Обзор отношений в Британском Содружестве», финансируемый с помощью гранта нью-йоркской корпорации Карнеги. Институт создал филиалы в доминионах и даже распространил свое влияние на страны за пределами Содружества - с помощью Организации интеллектуального сотрудничества Лиги Наций. Со времени чехословацкого кризиса в сентябре 1938 года КИМО стал неофициальным консультантом Министерства иностранных дел, а с началом Второй мировой войны официально превратился в его исследовательское отделение.

Велико было влияние группы в средствах массовой информации. Ее рупором были газета The Times и ежеквартальный журнал The Round Table (издавался с 1910 года, был задуман как средство влияния на тех, которые формируют общественное мнение). Кроме того, группа оказывала существенное влияние на журналы Quarterly review, The Economist, Spectator.

От холодной войны - к глобализации, или Большая охота К-структур

К-структура Родса-Милнера возникла и активно действовала в эпоху империализма, которую называют еще «эпохой соперничества», в 1875-1945 годы, когда гегемония Великобритании уже уходила, а новая гегемония еще не установилась. С установлением этой гегемонии на арену активно вышли новые игроки - финансовый капитал (устроивший кризис 1929 года и сыгравший огромную роль в развязывании последней мировой войны), государственно-монополистический капитал (прежде всего в виде военно-промышленного комплекса), транснациональные корпорации и набиравшие все большую силу и автономию благодаря холодной войне спецслужбы. Все эти агенты действовали в значительной степени тайно, а потому создавали новые К-структуры (или придавали новые функции старым).

Развитие финансового капитала, формирование государственно-монополистического капитализма (ГМК) в 1920-1930-е годы и транснациональных корпораций в 1950-1960-е - все это привело к появлению новых К-структур, которые сыграли огромную роль в подготовке соответственно Второй мировой войны и холодной войны. Это и Совет по международным отношениям (1924 год), и Бильдербергерский клуб (1954 год), и Римский клуб (1968 год), и Трехсторонняя комиссия (1973 год). Боевым крещением последней, как утверждает Луис Гонсалес-Мата (бывший сотрудник Главного управления безопасности Испании, сотрудничавший с ЦРУ), была ликвидация в 1974 году премьер-министра франкистского правительства и «твердолобого недемократа Карреро Бланко». Его место занял либерал Фрага Ирибарне, ставленник Трехсторонней комиссии. Думаю, однако, что эти структуры с богатой конспиродеятельностью в значительной степени представляют собой фасад, а то и просто акции (структуры) прикрытия, - о настоящих конпироструктурах мы просто не знаем, они хорошо упрятаны там, где умный человек прячет камешки - среди камешков на морском берегу. Вычисление и научно обоснованный поиск таких структур-невидимок - одна из задач конспирологии.

Если до Второй мировой войны императивом развития мировой конспиросферы были расширение и усложнение капсистемы, то после ее окончания акцент сместился в область противостояния двух систем - капиталистической и антикапиталистической. Противостояния, породившего принципиально новую форму войны. Мы по привычке пользуемся для ее определения метафорой «холодная война». В качестве метафоры этот термин вполне годится, но он не вскрывает сути явления, принципиально новой - психоисторической - войны против СССР, которая развивалась главным образом в виде заговора и которую наряду с западными правительствами вели различные наднациональные К-структуры. Мы до сих пор не проанализировали социальную природу, механику и логику этой войны как принципиально нового феномена в мировой истории. Нового не только по своей сути - проектной, но и по генезису, то есть как феномена, в значительной степени созданного К-структурами, заговором. Холодная война - это вовсе не нечто менее опасное по своим последствиям, чем война горячая. Это не мирное противостояние, а самая настоящая война, но объект уничтожения, убийства в ней - не отдельный человек, не физический индивид, а индивид социальный, система. Да, эта война главным образом бескровная, но оттого не менее страшная.

Именно изобретение глобальной и тотальной психоисторической войны и задачи ее ведения, а не только экономическая интеграция Запада в условиях гегемонии США (эти факторы были менее важными) оформили заговор как единый мировой феномен с единым центром-спрутом. Новый феномен (психоисторическая война) и новая функция (ее ведение) потребовали полной перестройки К-структур в единую иерархическую систему. Впервые в истории публичные структуры (правительства) Запада (включая США) в важнейшем аспекте своего функционирования - противостоянии иной системе - оказались во многом зависимыми от комплекса (сети, паутины) К-структур, и возникло нечто

похожее на мировую иерархию последних. К широкомасштабной тотальной психоисторической войне пригодны только К-структуры. Правительства могут вести главным образом обычные - горячие - войны. В психоисторической войне они в лучшем случае подручные К-структур, выражающих интересы только хозяев капсистемы, не примешивая к ним даже фиктивно, на уровне риторики и пропаганды «интересы общества», то есть основной массы населения. К-структуры - это истинная власть в буржуазном обществе второй половины XX века, очищенная от представительства иных интересов, кроме интересов верхушки буржуазии, и потому абсолютно циничная (реалистическая, без моральных принципов) и тайная. Психоисторическая война и кризис Запада, прежде всего Америки, в 1973-1987 годах как эпизод этой войны позволили сформироваться Заговору как мировому (глобальному) институту, сумевшему привлечь на свою сторону важные сегменты советской верхушки и ее интеллектуальной обслуги.

Можно даже сказать, что именно холодная война - первая в истории глобальная война - и стала средой и средством создания глобального заговора. Более того, именно она создала условия для того, чтобы К-структуры заняли верхние ступени в глобальной иерархии, выдвинулись на ведущие роли в этой войне. В борьбе с СССР К-структуры во многом подчинили себе структуры явные, легальные. Это было тем легче сделать, что оперативное пространство закрытых структур К-типа качественно отличалось от такового пространства структур открытых - оно было не государственным, а глобальным. Это давало капсистеме огромное преимущество - по сути, сам этот уровень, масштаб становился мощным социальным оружием, этаким глобальным властно-технологическим гиперболоидом. В то же время в ходе холодной войны произошло еще одно изменение: некоторые государственные структуры - главные агенты этой войны (спецслужбы) - все больше превращались в К-структуры и благодаря этой мутации - в невидимые правительства.

Именно в своей к-структурной ипостаси уже с 1950-х, а еще более активно - с 1960-х годов спецслужбы, разведуправления и пр. стали тесно переплетать свою деятельность с деятельностью транснациональных корпораций (ТНК), нередко выступая в качестве органов не столько государства, сколько ТНК, создававших свою мировую паутину - как явную, так и тайную, свой мир - рядом, над и под - (с) миром государств.

Иными словами, мало того что в послевоенную эпоху в США возникла неформальная структура военных служб и служб разведки с ядром в виде ЦРУ (Майкл Паренти называет эту структуру «государством национальной безопасности»), которая со временем установила неформальные связи с аналогичными службами других стран, создав нечто вроде транснациональной корпорации спецслужб, - эти структуры начали тесно взаимодействовать с ТНК как более удобным и значимым партнером, чем государство.

Методы, с помощью которых ТНК осуществляют планирование и оперативные функции, намного опережают аналогичные методы нации-государства, благодаря такому оргоружию ТНК оставляют позади нации-государства и их международную систему. Именно на ТНК начали переключать свою деятельность К-структуры. В 1990-е годы это приведет к тому, что в мире наряду с внешней политикой государств появятся «внешние политики» ТНК, спецслужб и различных агентств. Ну а внешняя политика самих государств становится все более тайной, к-структурной, что еще больше ослабляет государство, денационализирует его.

Вернемся, однако, в начало послевоенной эпохи. СССР как антикапиталистическая система не смог создать социальное оргоружие, адекватное новой эпохе. Коминтерн как оргформа (оргоружие) и К-структура был адекватен уходящей эпохе войн и революций и

не пережил ее, так как оказался, как ни парадоксально это покажется на первый взгляд, мало приспособленным для эпохи глобального противостояния систем. Его роспуск Сталиным в 1943 году только внешне кажется конъюнктурным решением. На самом деле Коминтерн к тому времени уже выполнил свою историческую роль, причем выполнил ее главным образом в 1920-е годы. Не случайно в 1919-1928 годах прошло шесть конгрессов Коминтерна, а в 1929-1943 годах - только один (последний, VII, - в 1935-м).

Как раз именно тогда, когда СССР в противостоянии с капсистемой, по сути, отказался от коминтерновской тактики, все более интегрируясь в межгосударственную систему и ведя себя на международной арене пусть как особое, но все же государство, США приняли на вооружение коминтерновскую тактику. В 1953 году сенатский комитет по международным делам пришел к выводу о невозможности мирного сосуществования с СССР и как следствие - о необходимости активизировать противостояние на мировом (глобальном) уровне в виде подрывной деятельности, прежде всего - в психоисторической сфере.

Эта деятельность, естественно, потребовала адекватных своей природе К-структур глобального уровня, которые благодаря ей и оказались «властелинами колец» Запада. Холодная война, таким образом, - еще раз обратим на это внимание - стала средством перехода реальной власти на самом Западе, в ядре капсистемы, в руки К-структур глобального масштаба, перемещения этой власти на глобальный уровень. И произошло это именно тогда, когда системный антикапитализм этот уровень в какой-то степени освободил, ушел с него, - глобальным игроком оказалось государство, вовсе для этого уровня не приспособленное и не предназначенное.

На пороге футуроархаического мира

Глобальное пространство по своей социальной конструкции неоднородно. Глобальный мир - это вовсе не вся планета в целом. Глобальный мир - это мир богатых зон на Севере, то есть в ядре капсистемы, и их точек-анклавов в остальном мире. Глобализация - это и есть связь-сеть этих зон и точек, включение их в единую систему с одновременным и обязательным исключением из нее всего остального. Глобализация, по сути, есть исключение из мира богатых точек (пуантилистского) мира, выталкивание в неоварваризацию, в неоархаизацию, в серые зоны 80 процентов мирового населения. Именно К-структуры в их функции мирового управления наилучшим образом приспособлены для реализации подобного цивилизационного остракизма.

Ясно, что процесс этот не может быть ни мирным, ни безболезненным. Этот процесс - война. Глобализация и есть социальная война, а точнее, такая форма геоисторических действий, в которой грань между войной и миром стерта, в которой военных целей добиваются мирными средствами, и наоборот. Внешне это выглядит как мировой хаос, мировой беспорядок, где сильные и слабые воюют друг с другом и между собой, где Саддам рискует напасть на Кувейт - бросая вызов США, где режут друг друга хуту и тутси, где американцы бомбят Югославию и Афганистан. Впрочем, хаос этот во многом создается, управляется и направляется.

Если в мировых войнах решался вопрос о том, кто будет гегемоном капсистемы, то в глобальной холодной войне решался вопрос о том, кто будет хозяином планеты в целом и

какая социальная система будет на ней единственной. Всемирная точечная, пуантилистская война уже идет. Это не война-целостность, а война - совокупность локальных конфликтов, точнее, мятежей неких зон, районов против центральной власти. Так называемый международный терроризм в тех случаях, когда он не ширма и не маска спецслужб, - это одна из форм всемирной пуантилистской войны, не имеющей никакого или почти никакого отношения к эпохе, в начале которой - итальянские карбонарии, а в конце - итальянские же «Красные бригады». Всемирная война, помимо прочего, направлена на то, чтобы либо отобрать у центральной власти право распоряжаться местными ресурсами, либо насильственным - чаще всего террористическим - путем заставить эту центральную власть согласиться с тем, что локальный хищник будет в той или иной форме эксплуатировать подконтрольные ей ресурсы и население. Это, на мой взгляд, и есть всемирная война XXI века, война эпохи позднего капитализма (и, как знать, возможно, и посткапитализма, со всей очевидностью возникающего на наших глазах в качестве намного более жестокого, эксплуататорского и неэгалитарного общества, чем буржуазное).

Субъектами всемирной точечной войны выступают не только и даже не столько государства, сколько ТНК, криминальные сообщества, кланы, террористические группы, ну и, естественно, государства, причем одновременно в их официальной и неофициальной - к-структурной - ипостасях. При этом ипостаси могут вступать в острейшие противоречия друг с другом, и, условно говоря, разные этажи одного и того же учреждения могут оказаться на двух, а то и на трех или более различных сторонах. Иногда они воюют между собой, иногда - с государством. Для этого в современном мире есть все условия. С одной стороны, высокоразвитые военные технологии (ядерное, бактериологическое, информационное, организационное и т.п. оружие) перестали быть монополией государств. С другой стороны, пуантилистский характер глобального мира, представленного ограниченным пространством зон ядра и их анклавов на Юге (как правило, это крупные города), делает этот мир весьма уязвимой целью.

В наши дни совершенно по-новому оживает столь популярная в 1920-е годы тема одиночек, стремящихся захватить власть над миром, - беляевские «Властелин мира» и «Продавец воздуха», толстовский «Гиперболоид инженера Гарина» и многое другое. Глобализация подводит реальный финансово-экономический и политический базис под структуры типа «Спектра» и персонажи типа Доктора Но из бондианы - структуры и персонажи, над которыми в 1960-1970-е годы можно было понимающе посмеиваться: мол, мы-то знаем, что в реальности такого не бывает. В глобальной реальности такое возможно. Индивидуализированные К-структуры вполне соответствуют глобальному пуантилистскому миру, в котором под ковром (изрядно траченным молью) наций-государств с их полуфиктивными конфликтами идет жестокая борьба выступающих под разными масками организованных меньшинств и групп за контроль над миром или значительными его частями.

У К-структур глобальной (энтээровской, компьютерной и т.п.) эпохи появилось оружие такого качества и такого масштаба, о котором К-структуры предшествующей эпохи - империализма и ГМК (1870-1970-е годы) - и мечтать не могли. Речь идет об информационно-организационном оружии. Информоргоружие позволяет не просто в значительной степени контролировать мир, как это имело место на поздних стадиях массового общества (полный контроль над реальным миром, по сути, невозможен), а создавать виртуальный мир, подменять им с помощью электронных СМИ мир реальный и вот этот созданно-контролируемый виртуальный мир выдавать за реальный.

Если раньше создавался текст, который пытались вписать в реальный мир, то теперь творится проект-контекст, им подменяется реальный мир, и в этот виртуальный контекст вписывается любая реальность как текст, которая при этом и в результате этого утрачивает качества реальности и неконтролируемости. С этой точки зрения в эпоху глобализации по-американски, главным действующим лицом которой является то, что называют «новой американской империей», научная конспирология оказывается, помимо прочего, информоргоружием. И, как знать, может быть, именно тем оружием, которое поспособствует скорейшему окончанию этой эпохи: «Ступай, отравленная сталь, по назначенью» (Уильям Шекспир).

Но будет ли это концом К-структур? Сомневаюсь. Скорее всего, рядом с К-структурами, с одной стороны, возникнут новые, неоорденские, способные окончательно похоронить государство (или превратить его в свою оболочку), с другой стороны, на поверхность могут выйти К-структуры и ордена, которые до сих пор скрывались в глубокой тени и позиции которых в условиях глобального кризиса оказываются в опасности. Иными словами, если не случится глобальной катастрофы, нас ждут, конечно же, не счастливые, но весьма интересные времена, в которых Время свернется футуроархаическим листом Мебиуса и для понимания которых нам потребуется новая наука об обществе и о тех, кто претендует на биосоциальное Кольцо Всевластия в нем. Только так можно будет уничтожить это кольцо.

Политический класс, 11.11.09

http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=30&article=1685

Мы не успели даже как следует испугаться финансово-экономического катаклизма, как он начал рассасываться. На всей планете. Но не рано ли пить шампанское?

Евгений ЧЕРНЫХ — 12.11.2009

Странная ситуация, однако, с этим кризисом. Стращали-стращали им со всех сторон, а спустя всего год мировая экономика вдруг начала резко подниматься с колен. Во всяком случае многие экономисты, финансисты, статисты и министры так утверждают. На мировых рынках эйфория. Даже в Россию возвращаются лучшие времена. Рубль крепнет, доллар падает, цены на нефть растут. Так, может, нас попросту обманули?

Если кто-то потерял, то кто нашел?

Впрочем, если верить журналу «Форбс», наши олигархи за год стали беднее. Некоторые и вовсе вылетели из списка. И западных богатеев серьезно пощипали. Население тоже в убытках. Каждый англичанин, согласно статистике, стал беднее на 12 тысяч баксов. Но, как поется в популярной некогда песенке, «Кто-то теряет, а кто-то находит». Так кто же эти счастливчики?

- Любой кризис - игра с нулевой суммой, - утверждает директор Института русских исследований Андрей Фурсов. - Если у кого-то убавляется, значит, кому-то прибавляется. Чтобы лучше понять реалии дня, есть смысл взглянуть повнимательнее на Великую депрессию 1929 - 1933-х годов, с которой чаще всего сравнивают современный катаклизм.

- *Да уж! Пугали, что будет хуже, чем в Великую депрессию. Облапошили, получается.*

- Не спешите с выводами. Если отбросить всякие исторические частности, в сухом остатке тот кризис имел два главных результата. Разорилась масса мелких и средних банков, т. е. произошла концентрация капитала в крупных банках. И, что еще важнее, завершился процесс, начатый в 1870-х годах - сращение финансового капитала с государством. 60 лет капитал боролся за то, чтобы взять государство, политику под свой контроль. В Великую депрессию финансисты одержали наконец победу.

Любые кризисы XX века, как правило, созданы сознательно. С экономическими и политическими целями. Но их авторы остаются за кулисами. Бывает, что кризис, по крайней мере его первая волна, не всегда решает поставленные задачи. Думаю, что одна из целей архитекторов современного кризиса - притормозить рост Китая. Да, притормозили, но у других вышло еще хуже.

- *По Китаю пытались ударить еще в 1997-м, организовав азиатский кризис. Но и тогда не получилось!*

- С другой стороны, мы видим: разорилась масса мелких и средних банков, опять, как в Великую депрессию, произошла перекачка капиталов. А если говорить о

России, то наши олигархи, те люди, которые осуществляют до сих пор первоначальное накопление капитала, добились получения помощи от государства. Государство активно помогает частному капиталу. А расплачивается население.

Реальные богачи не светятся!

- Андрей Ильич, я внимательно изучил свеженький список «Форбс» 400 богатейших людей США. За последний год они сообща обеднели на 300 млрд. Было на всю честную компанию 1,57 триллиона баксов, осталось 1,27 триллиона. Только первая десятка потеряла за год 40 миллиардов. У главных богачей планеты, Гейтса с Баффетом, на двоих уплыло 17 миллиардов. Извините за обилие цифр, но я честно пытаюсь понять: а кто подобрал все эти гигантские суммы? Пишут, что финансовый спекулянт Сорос «нашел» 2 миллиарда. Было 11, стало 13. Но это же мелочь! Ясно, что не Сорос все организовал...

- Сколько, говорите, весят ныне 400 главных богатеев США?

- $1,27 триллиона. Это не я, это «Форбс» утверждает!

- А как вам одно лишь состояние в 1,9 триллиона?

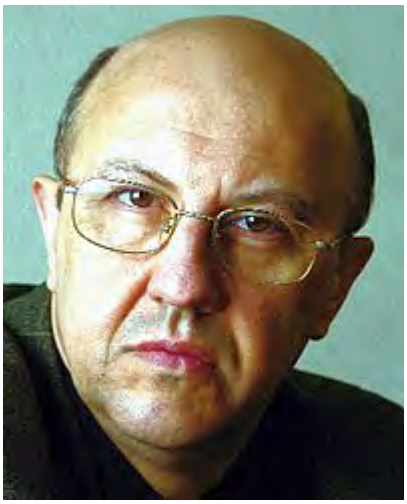
- Оно бьет всех 400 супербогачей одной левой! Неужто такое бывает?

- Есть. И не одно. Так что 50-миллиардный Гейтс по сравнению с ними нищий! Но владельцы таких состояний в светской хронике не фигурируют, на обложках глянцевых журналов их портреты не мелькают, и даже «Форбс» обходит их стороной. От греха подальше.

- А вы сами-то знаете фамилии владельцев?

- Знаю. Но пока не скажу.

- Тоже боитесь?


Директор Института русских исследований Андрей Фурсов

- Нет. Но, если сейчас озвучу, многим эти фамилии просто ничего не скажут. Другие посчитают их мифом, легендой. Куда важнее сейчас суть происходящего. Что стоит за странным кризисом? Что ждет нас с вами, наших детей, внуков в ближайшие годы? Попробую растолковать это и вам, Евгений, и читателям «Комсомолки». А уж потом назову все главные фамилии, организации.

- А чего растолковывать, Андрей Ильич? И так все ясно. Великая депрессия началась в Америке. Биржа в одночасье рухнула, тысячи самоубийств, сотни тысяч разорившихся, миллионы безработных, гигантские очереди на улицах Нью-Йорка за бесплатным супом. А ровно через 15 лет Америка стала супердержавой, доллар - главной мировой валютой. Ясно, это банкиры, обманом приватизировавшие в 1912 году печатный

долларовый станок под вывеской Федеральной резервной системы, воду замутили. И вышли в дамки! Этот кризис тоже за океаном родился. Опять США каверзу готовят.

Гитлер создал прообраз Евросоюза?

- Не надо ловиться на мифы, которые насоздавали профессиональные историки. Действительно, финансовый капитал одержал тогда верх. Но ситуация с тем кризисом очень интересная. В 1929 году директор Центрального банка Великобритании Монтегю Норман закрыл (де-юре в 1931-м) Британскую империю от мирового рынка. Британская империя - 25 процентов мирового рынка. То был удар по США! Потому в Штатах и начались серьезные проблемы.

Когда мы говорим о Второй мировой, то зацикливаемся на 2 странах и фигурах - Гитлер - Сталин, СССР - Германия. А надо говорить о параллелограмме сил: Великобритания - США - Германия - СССР. После того как британцы закрыли свою империю от мира и прежде всего от США, американцы стали активно вкладывать средства в Советский Союз. Финансируя нашу индустриализацию, помогая современными технологиями, оборудованием и т. д.

- *У советского поэта Василия Федорова была даже поэма на эту тему - «Проданная Венера». Когда знаменитая картина из Эрмитажа плыла за океан, «навстречу ей машины плыли!» Целые заводы под ключ в годы первых сталинских пятилеток поставляли нам американцы. Как позже по ленд-лизу доставляли самолеты, прочее вооружение.*

- Британцы тогда же начали активно вести к власти Гитлера. Замечательный американский историк Кэрролл Куигли в толстой книжке «Мечта и трагедия: История нашего времени» подробно это описал. Книга спокойно лежала в магазинах. Но, когда начали читать, ахнули! Автор по горячим следам вскрыл слишком много всяких финансовых тайн. Он доказал, что финансисты захватили мир. И, хотя автор был на их стороне, книгу стали изымать из магазинов, и она на долгие годы исчезла. И только новый президент - Клинтон, чьим преподавателем в Джорджтаунском университете был Куигли, - заявил: «Хорошая книга, ее надо переиздать!» Переиздали. У меня она есть. Куигли показал, как Гитлера вели к власти разные силы. Для англичан он должен был сокрушить Советский Союз. Для финансистов - разрушить государства Европы и создать наднациональную структуру, нечто вроде нынешнего Евросоюза. Или, как они сами говорили, Континентальную Венецию. Венецию в масштабе всей Европы.

- *Ну да, воспоминание о будущем! Когда-то маленькая Венеция, государство ростовщиков, уже тайно владела всей Европой.*

- Если мы посмотрим, что Гитлер успел создать на подконтрольной территории, то это и был прообраз Евросоюза. Конечно, европейцы не хотят об этом вспоминать, но никуда не денешься от правды. Гитлер должен был решить очень важную задачу: создать огромное поле деятельности для финансового капитала. А потом финансисты собирались его убрать. У него же были свои планы. Построить

Великую Германию. А вышло все совсем по-другому, как это часто бывает в истории.

Но и в США ситуация была очень острая после Великой депрессии. У нас считают, что Рузвельт своим Новым курсом спас страну. Неправда! Новый курс создал новые проблемы, которые Штаты решить не могли. Страна стояла перед социальным взрывом. У Рузвельта был очень серьезный противник. Левый популист Лонг. Те, кто читал «Всю королевскую рать» Уоррена, узнают его в главном герое Вилли Старке. Лонг создал Общество по перераспределению собственности, его членами стали 8 миллионов американцев! Лонга убили в 1935-м. Списали, как позже в случае с Кеннеди, на одиночку. Хотя ясно, что был заговор. Но все равно до конца 30-х годов Штаты испытывали серьезнейшие проблемы. Спасти Штаты могла только Вторая мировая. Когда в 39-м году Гитлер напал на Польшу, он был уверен, что англичане даже не дернутся. Но на них очень сильно давили американцы. Тот факт, что Рузвельт заставил Черчилля перевезти золотой запас Великобритании за океан, а потом объяснил, что если британцы будут плохо себя вести, то золотишко назад не получат, заставил Англию начать активно воевать с Гитлером.

- Теперь мне понятно, почему Черчилль, хваставшийся своим 200-процентным здоровьем, в конце 41-го заполучил сердечный приступ. В США, во время переговоров с Рузвельтом. Но факт болезни тогда скрыли от общественности. И лишь много позже, уже после смерти Черчилля, его личный врач признался в сокрытии сердечного приступа.

Встреча Рузвельта (сидит слева) и Черчилля в 1941 году. Вскоре железного премьера Англии свалит сердечный приступ.

Почему ошибались Норман и Сталин?

- Мировой кризис, вызванный англо-американскими противоречиями, усилил финансовый капитал, привел к Второй мировой войне, а Вторая мировая привела к гегемонии Штатов по крайней мире в значительной части мира.

- *А доллар вытеснил прежнюю мировую валюту - фунт стерлингов. Но как мог обмишуриться банкир Норман? Его называли тайным вершителем судеб планеты! Организовал Великую депрессию, чтоб опустить Америку, а вышло все наоборот.*

- Мудрость всех людей имеет ограниченные исторические рамки. Он был действительно мудрым в параметрах 20 - 30-х годов, но не предвидел ситуацию дальше. Посмотрите, сколько ошибок во внешней и внутренней политике наделал Сталин с 45-го по 53-й годы! Был уже стар, да и сформировался в эпоху Водораздела, 1870 - 1933 гг. Эпоху борьбы финансового капитала за власть. Обратите внимание, с 70-х годов XIX века формируются все основные субъекты (игроки, агенты) XX века: финансовый капитал, его брат-враг революционное социалистическое движение, спецслужбы, организованная преступность. Создание ФРС в 1912 году - результат длительной борьбы американского финансового капитала за свои позиции.

Именно тогда оформляются англо-американские, англо-немецкие, немецко-русские противоречия. Все, что потом взорвалось в XX веке. Если Ленин и Троцкий сформировались в самом конце XIX века до 1910 года, Сталин формировался позже. Он был более адекватен XX веку. Но и его не хватило на период послевоенный. То же самое с Норманом. Он решал свои задачи. Гитлера растил, чтобы тот сломал русских. И не мог предположить, что американцы так профинансируют СССР, что тот сломает хребет Гитлеру. Кстати, к чему я все так подробно рассказываю?

- *Действительно, к чему?*

- Когда мы говорим о крупных финансово-экономических кризисах, их нужно всегда помещать в исторический контекст. Великая депрессия была финальной фазой исторической эпохи, начавшейся в 1870-х годах.

Сейчас эпоха другая. И наш кризис еще не финальная фаза. Не надо думать, что если кризис оказался таким слабым, то он не повторится. Помните, в рассказе Толстого мальчик кричал: «Волки, волки!»? А они не приходили. Вот и мы кричим: «Кризис! Кризис!» - а кризиса-то, кажется, и нет. А когда надоест кричать, скажем: «Да нет никакого кризиса на самом деле!» Тут-то по сопатке так шарахнет, что юшка фонтаном забьет!

- *Так уж и забьет?!*

- Я согласен с теми экономистами, которые полагают, что нынешняя ремиссия кризиса носит временный характер. Следующая волна проявится, скорее всего, в 2015 - 2016-х годах...

ИЗ ДОСЬЕ «КП»

Андрей ФУРСОВ, 58 лет. Родился в Подмосковье в семье военного. Окончил МГУ. Кандидат исторических наук. Директор Института русских исследований Московского гуманитарного университета. Автор 250 научных работ. Сфера интересов: история, мировая борьба за власть, ресурсы, проблемы капиталистической системы. Мастер дискуссий. Хорошо известен на Западе. Читал лекции в университетах США, Канады, Германии.

Весь мир капитализма мы разрушим! До основанья! А зачем?

19.11.2009

Не стоит радоваться, что мировой кризис, которым нас усиленно пугали, оказался слабее Великой депрессии и быстро заканчивается, считает директор Института русских исследований Андрей Фурсов

На дворе другая историческая эпоха. Поэтому сравнения с Великой депрессией некорректны

«Водяные войны» не за горами

- Мы вступаем в очень напряженную и опасную эпоху - эпоху системного кризиса на планете, который комбинирует в себе все главные потрясения прошлого, - говорит историк Андрей Фурсов. - Это кризис-«матрешка». К сожалению, у нас нет серьезных исследований ни тех кризисов, ни нынешнего. Даже с Великой депрессией до конца не разобрались, все больше полагаемся на мифы. Хотя нынешнюю ситуацию надо сравнивать не с ней, а совсем с другими катаклизмами.

- Например?

- С кризисом верхнего палеолита.

- Ну, когда эт о было!

- Да, началось аж 25 тысяч лет назад. Люди жили в основном охотой на крупного зверя. Однако со временем зверья стало меньше. А людская популяция увеличилась плюс климатические изменения. И рванул ресурсно-демографический кризис, очень страшный. За 15 тысяч лет население планеты сократилось на 80 процентов. Произошла социальная и культурная деградация. Если сравнить, например, искусство наскальной живописи 35 - 25 тысяч лет назад и 10 тысяч лет назад - налицо явный упадок. Тот кризис, как никакой другой, полностью изменил жизнь всего человечества. Выходом из него стал переход от охоты к земледелию, скотоводству. Не от хорошей жизни. То был единственный способ выжить.

Капитализм - система, построенная на необратимой эксплуатации биосферы. На нас тоже неотвратимо надвигается глобальный кризис ресурсов. Начиная с минералов и кончая водой.

- Скорее уж начиная с воды. Без т ой ж е нефт и еще мож но долго прот янут ь, а без воды - несколько дней. Директ ор ЦРУ Дэннис Блер заявил на днях в сенат е США, чт о скоро самым ценным т оваром на планет е ст анет именно вода. И за пресные ист очники уж е через 20 лет будут идт и войны. Еще эксперт ы пугают , чт о через 40 лет исчезнет вся съедобная рыба в морях и океанах. А т ут еще глобальное пот епление надвигает ся...

- Я думаю, потепление - в значительной степени миф. А главное в том, что сегодня планета не такая, как 25 тысяч лет назад. Она напичкана атомными станциями, ядерным, биологическим, прочим оружием. На планете, по данным ООН, уже сейчас миллиард голодающих! И не факт, что бедолаги в Африке, стоящие перед угрозой вымирания от голода, жажды, СПИДа, не начнут шантажировать Запад.

- Сомалийские пират ы - первый звоночек!

- Пираты - ребята, которыми как раз с Запада и манипулируют. Их нужно рассматривать в рамках американо-китайского противостояния. Пираты работают на тех коммуникациях, где

очень активно идут китайские нефтеналивные суда.

Меньше на Земле народа, больше кислорода

- Второй серьезный кризис в нашей «матрешке» - кризис поздней античности, антично-рабовладельческой системы (IV - VI вв. н. э). Тогда варвары уничтожили Западную Римскую империю. Причем многие римляне той эпохи жили, «под собою не чуя страны». Сохранились письма некоего Сидония Аполлинария. Он писал другу примерно следующее: «Я сижу у бассейна на своей вилле. Мы живем в чудесное время. Прекрасная погода. Все тихо. Стрекоза зависла над гладью воды. И так будет вечно!»

Через три года варвары смели Рим!

Я думаю, что многие сейчас живут по принципу Сидония, не замечая, как буквально на глазах меняется мир. Древний Рим взрастил на своей периферии огромную массу варваров. Которые его в конце концов и «съели». Так и современная капиталистическая система взрастила огромную массу населения в Африке, Азии, Латинской Америке, чтобы эксплуатировать дешевую рабочую силу. А теперь эта рабсила не нужна. Ведь производство уже не капиталоемкое, а наукоемкое. И куда девать этих «ненужных» людей? Они хотят жить «там, где чисто и светло», и рвутся теперь со страшной силой в США, Европу. Европа к середине XXI века будет уже арабо-африканской, а часть США - латиноамериканской.

По последним прогнозам ООН, в ближайшие 40 лет 97% прироста населения Земли придется на Азию, Африку, Латинскую Америку и страны Карибского бассейна. Эксперты ожидают, что население Азии к 2050 году увеличится на 1,5 млрд. человек, Африки - на 1 млрд. Считается, что население Китая - 1,5 миллиарда. Но я знаю очень серьезных специалистов по Поднебесной, которые утверждают, что на самом деле часть населения власти просто скрывают от мира, уменьшая его численность в 1,5 - 2 раза.

- Помню, лет 10 назад знаменит ый социолог И. Бест уж ев-Лада рассказывал мне, как пост епенно в Косово христ ианское население заменялось мусульманским и чт о из эт ого вышло. Проводил ост орож ные параллели с Москвой, Россией. Тогда эт о казалось неакт уально. Но посмот рит е, как за эт и 10 лет все изменилось, сколько в России появилось мигрант ов с юга, Азии.

- Да, очевиден кризис белой расы, в который ее ввергает капитализм.

- А мож ет , специально организовано вымирание белой расы? Ест ь т акая версия. Белый человек - он свободу любит , права качает , профсоюзы создает . Выходцы из Африки, помню по дет ской книж ке про Тома Сойера, были рабами в Америке. А индусы еще недавно прислуж ивали богат ым англичанам. И у нас на Рублевке в моде азиат ская прислуга. Так зачем капит алист ам свободные белые? Будут безропот ные, а знач ит , идеальные слуги-мигрант ы.

- С версией организованного вымирания белых не согласен. Просто никто не мог представить, что эти ребята в Азии, Африке так быстро и резко размножатся и рванут к белым. Другое дело, что столько населения планета не прокормит. В свое время ученый Тимофеев-Ресовский...

- Тот самый Зубр из популярного перест роечного романа Гранина?

- Он самый. Тимофеев-Ресовский считал, что оптимальная численность населения Земли -

500 миллионов - 1 миллиард. Правда, Сергей Капица утверждает, что Земля прокормит и 15 - 16 миллиардов. Всем, дескать, места хватит. Ну да, если жить, как сегодня, в «городах-трущобах» Азии, Африки и Латинской Америки, то хватит. Но встает вопрос о качестве жизни.

- В 1900 году, Андрей Ильич, нас было 1,6 миллиарда. Сейчас - уже 6,81 млрд. По подсчет ам ученых, в 0 часов 36 минут по Гринвичу 18 окт ября 2012 года родит ся семимиллиардный ж ит ель Земли! К 2045 году ож идает ся 9 миллиардов!

- Поэтому грядущий системный кризис, предвестником которого является нынешняя странная на первый взгляд встряска мировой экономики, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ПРИВЕДЕТ К СОКРАЩЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ ПЛАНЕТЫ. Это сокращение - единственный шанс нынешних «властелинов колец» капсистемы «остаться на коне».

- Вы хот ит е сказат ь, чт о эт и власт елины сознат ельно пост арают ся сократ ит ь население?

- Они уже стараются. Способы разные: от «планирования семьи» и поощрения однополой любви до войн, голода, эпидемий, СПИДа и многого другого. В конце концов людей можно просто сбросить в нищету, которая подрывает иммунитет, психику. Посмотрите на бывший соцлагерь. В 1989 году в Восточной Европе, включая европейскую часть СССР, за чертой бедности жили 14 млн. Очень немного. А в 1996 году - уже 168 млн.! И современная высокая смертность в России, безусловно, расчищает кому-то жизненное пространство. Причем, обратите внимание, мрут-то в основном мужики репродуктивного возраста - от 20 до 50 лет. Это означает, что население России будет сокращаться и дальше высокими темпами. И к середине века нас останется, по тем же прогнозам ООН, всего 108 миллионов. Или того меньше. Зато в США будет 440 миллионов!

Черная метка России

- А еще какой сюрприз т аит ся в вашей «мат решке», Андрей Ильич?

- Системный кризис феодализма и возникновение капитализма (1453 - 1648 гг.). Хотя он не так бьет по нервам, как крах древних охотников и римлян.

Суть того кризиса: продвинутые феодалы сами возглавили процесс, демонтировали феодализм, чтобы сохранить власть, привилегии и богатства. Капитализм, таким образом, есть побочный продукт борьбы феодалов за трансляцию себя в будущее в новом системном обличье!

- Все-т о вы намеками да загадками говорит е, Андрей Ильич!

- Какие уж тут загадки, тут прямо в лоб: НА НАШИХ ГЛАЗАХ В МИРЕ ИДЕТ ДЕМОНТАЖ КАПИТАЛИЗМА, КОТОРЫЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ САМА ВЕРХУШКА МИРОВОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО КЛАССА.

- Не мож ет быт ь! Ведь после развала СССР капит ализм окончат ельно и бесповорот но победил на всей планет е!

- Это и ускорило его бег к финишной прямой.

- А, впрочем, нам-т о с вами чего переживат ь за судьбу капит ализма, Андрей Ильич? У нас

ж е нет заводов, фабрик, пароходов. Эт о пуст ь нынешние мист еры-т вист еры, владельцы роскошных яхт и нефт яных вышек волнуют ся.

- Большая ошибка так думать! В первую очередь демонтаж коснется именно нас с вами, читателей «Комсомолки», относящих себя к среднему слою!

- Не понял!

- Зато умная верхушка мирового капиталистического класса прекрасно понимает, что планета идет к серьезнейшему кризису - «матрешке». И их задача - сбросить надвигающийся кризис на плечи основной массы населения, то есть на нас с вами, наших детей и внуков. Разорить это население! Сократить! И поставить под контроль. Чтобы в посткапиталистическом мире сохранить свои привилегии, позиции и богатства.

- Каж ет ся, наконец-т о я начинаю понимат ь ваши параллели с прошлым. Пуст ь феодалов и не заст ал. Но развал СССР произошел на моих глазах. Тогда наша парт номенклат ура ловко сохранила и приумнож ила свои привилегии, власт ь, капит алы, разрушив СВЕРХУ Совет ский Союз. Большевики-т о разрушили Российскую империю снизу. К власт и в капит алист ических республиках бывшего СССР поголовно пришли члены и кандидат ы Полит бюро, секрет ари ЦК КПСС. За исключением, каж ет ся, Прибалт ики. И до сих пор многие у власт и. Либо дет и, преемники.

- Развал СССР - большой отдельный разговор. Там до сих пор много тайн и загадок. Но в целом аналогии верны.

Нынешний «странный» кризис - один из этапов разрушения системы мирового капитализма сверху. Нас, кстати, сознательно ограничивают хронологически. Смотрите, кризис вроде только начался - вроде уже и закончился! Мы смотрим лишь на то, что освещено. Хотя этот кризис - маленькая-маленькая точечка на большой доске. И, чтобы всерьез играть, нужно видеть всю доску в целом, а не заморачиваться на одной точечке. И постараться понять, что такое капитализм, о котором наши либерал-экономисты за последние 20 лет написали немало глупостей.

Дело в том, что капитализм - не просто триумф капитала. Капитал (деньги) существовал и до капитализма и сохранится какое-то время после него. Капитализм - сложная система институтов, которая ограничивает капитал в его же долгосрочных интересах и обеспечивает его экспансию. Разрушение этих институтов и есть крушение капитализма.

Капитализм в экономическом плане - экстенсивная система. Она может нормально развиваться, только когда есть, как это ни парадоксально, некапиталистическая зона. Едва начинала падать мировая прибыль, капитал вырывал из той зоны кусок, превращая ее в свою периферию. Она становилась рынком сбыта, источником дешевой рабочей силы. Прибыль вновь росла. Например, в 1870-е годы мировая прибыль стала падать. Разгорается схватка европейских держав за Африку, новый виток колониализма.

В 1884 году в Берлине крупнейшие державы приняли «Акт Берлинской конференции». Согласно акту, если страна не способна сама освоить свои природные ресурсы, она должна «открыться миру». Не хочет? Придется заставить! Формально говорилось, что речь идет об Африке. Неправда! Африка и так была открыта, приходи и забирай богатства. Что и делали европейцы. То была черная метка России.

- Так вот еще когда Запад ст ал разеват ь рот на наш каравай?!

- Да. Но Александр III был мужчина неслабонервный, на акт не отреагировал. Стало ясно, Россию не запугаешь. И тогда было решено использовать другой вариант - накинуть на шею России финансовую удавку. Средство - золотой рубль. Его в конце XIX века ввел Витте, который, выражаясь марксистским языком, выступил в качестве «агента мирового капитализма». Многие экономисты его за золотой рубль хвалят. На самом деле Витте поставил Россию в зависимость от Запада. И то, что Николай II вынужден был бросить русского мужика воевать за англо-французские интересы в Первую мировую войну, - результат золотого рубля Витте, зловещей фигуры нашей истории.

Какой строй сменит капитализм

- Весь XX век капитализм расширялся, охватывая все большее пространство. Наконец, с крушением СССР весь мир стал капиталистическим. Некуда вынести свои противоречия, нет внешнего фактора увеличения прибыли. Кто-то скажет: «Отлично! Капитализм из экстенсивного превратится в интенсивный!»

- Инновация - популярный лозунг дня!

- Но беда в том, что все институты и формы буржуазного общества заточены под экстенсив. Они препятствуют эксплуатации своего родного населения. Эти институты и формы - гражданское общество, политика, нация-государство, образование и наука, в конечном счете сам рынок. Но смотрите, что сделано за последние 25 - 30 лет на Западе. Гражданское общество скукоживается. Политика превращается в комбинацию шоу-бизнеса и административной системы. Государство слабеет, тает, уступает свое пространство корпорациям. Образование разрушается со страшной силой. Активно разрушаются, повторяю, именно те институты, которые тормозят эксплуатацию капиталом родного населения, ядра своей социальной системы. И ясно, кому суждено стать на самом Западе первой жертвой поворота к демонтажу капитализма. Среднему слою, имеющему кое-какие средства. Он-то и станет новым объектом накопления капитала.

Поэтому кризис, о котором говорим последние год-два, надо рассматривать как один из элементов стратегии мировой верхушки последних 25 - 30 лет по демонтажу капиталистической системы. Не надо демонизировать эту верхушку. Как говорится, ничего личного, только бизнес. Верхушка столкнулась с ситуацией, когда капитализм больше не приносит прибыли. Значит, чтобы сохранить свои привилегии, его нужно разрушить и на его месте создать другое общество. По логике, это общество будет значительно более жестоким, в нем будет строгий контроль над информацией (наука и образование), скорее всего, оно приобретет квазикастовый характер. Основная масса населения будет малообразованной, чтобы ею легко было манипулировать.

http://www.kp.ru/daily/24397.3/573583/

Смена модели развития России
в мировой системе в конце XX века и её результаты

В 1980-е годы «горбачёвщина» превратила структурный кризис советского общества в системный. Его источником и одновременно составной частью была смена модели интеграции России/СССР в мировую систему.

В доиндустриальную эпоху Россия (с середины XVI в.) была отдельной мир-системной — как Западная Европа, Китай, аль-Хинд (северное побережье Индийского океана от Восточной Африки до Зондских островов). В этом качестве она успешно противостояла как Османской империи, так и Западу, будь то Швеция Карла XII или наполеоновская Франция. В то же время уже с середины XVIII в. Россия начинает активно втягиваться в мировую экономику (екатерининский заём, торговля зерном), где доминирует Великобритания. До тех пор, пока и Россия и Запад «играли» в одной — доиндустриальной (или раннеиндустриальной) «лигах», это включение не создавало для России серьёзных внутренних и внешних (политико-экономических и геополитических) проблем. По крайней мере, она их решала, как это показали наполеоновские войны — *«постой-ка, брат мусью»*.

Однако к середине XIX в. ситуация изменилась. В первой половине XIX в. Великобритания создала индустриальную систему производительных сил, в результате западноевропейская (североатлантическая) мир-система отбросила дефис и превратилась в «длинные пятидесятые» (1848–1867 гг.), в подлинно мировую систему производства и обмена, которая была несовместима с другими мир-системами и должна была включить их в себя в качестве зависимых элементов, периферии, подавить их поставив под прямой или косвенный контроль, а для этого — уничтожить.

К середине XIX в. таких мир-систем оставалось две — Россия и Китай, и обе стали объектом англо-французской агрессии: Крымская война и Вторая опиумная война начались одновременно. В отличие от Китая, Россию не удалось ни превратить в полуколонию, ни загнать, как планировалось, в границы начала XVII в. (это будет сделано позже — в 1991 г.); более того, Россия нанесла Великобритании ответный асимметричный удар — «Большая игра» в Центральной Азии. И тем не менее возможности России после Крымской войны были ограничены, модель Петра I — Николая I по сути была предана забвению, началась её интеграция в мировую, контролируемую англосаксами систему в качестве поставщика сырья, сырьевого придатка, а следовательно — финансово зависимого элемента. Эту модель можно условно назвать «моделью Александра II», поскольку именно в его царствование был заложен её фундамент, именно благодаря его политике в 1860–1870-е годы она стала необратимой (при сохранении самодержавного строя), и если Александр III пытался, иногда не без успеха, затормозить её действие, то при Николае II она реализовалась полностью, приведя к революциям 1905 и 1917 гг., к крушению самодержавия и самой модели Александра II. И это не случайно. Объективно эта модель предполагала нарастающее проникновение иностранного капитала; занятие им важнейших позиций внутри страны; рост финансовой зависимости от западного капитала и, как следствие — ослабление внешнеполитических позиций и даже ограничение суверенитета, международной субъектности; формирование западоподобных (западоидных) господствующих групп с соответствующим образом жизни; обнищание широких масс — рост социально-экономической поляризации; нарастание социальной напряжённости и политической нестабильности. Всё это Россия и получила в конце XIX — начале XX в. результат — революция, распад страны, гражданская война. В лице

большевиков, интернационал-социалистов русская история подписала приговор «модели Александра II», «модели белой полуимперии».

Вторая, а точнее альтернативная модель — Россия не элемент мировой системы, а альтернативная мировая система, антисистема по отношению к капиталистической, системный антикапитализм. Эта модель, которую условно можно назвать «сталинской», или моделью «красной империи» возможна только на основе технико-экономической и финансовой независимости от капиталистического мира, а следовательно на основе создания мощного военно-промышленного комплекса (ВПК), значительной автархии по отношению к внешнему миру, мобилизационной экономики, высокой степени контроля центральной власти над верхами (вплоть до сферы потребления) и населением в целом. Результат реализации этой модели — восстановление великодержавного статуса России в виде СССР, биполярный (ялтинский мир), второе место СССР в мировой экономике, прогресс в науке, технике и структурах повседневности.

По целому ряду причин, которые здесь не место детально разбирать и которые, если говорить вкратце, были связаны с развёртыванием двух первых базовых противоречий советского коммунизма как системы, со второй половины 1950-х годов началась эрозия этой системы, и тип её отношений с мировой капсистемой был интегральным элементом этой эрозии. Советская номенклатура решила интегрировать СССР в мировой рынок. Отчасти это было связано со стремлением включиться в западную систему потребления, отчасти с тем, что благодаря экономическим успехам 1950-х годов советская верхушка приобрела уверенность в том, что сможет победить Запад на его поле — на мировом рынке, действующем по законам капитализма. Данную точку зрения разделяли многие западные политики и журналисты, и это ещё более усиливало советское «головокружение от успехов».

С середины 1950-х годов СССР резко активизирует продажу нефти. Сначала — по политическим причинам (удар по «реакционным арабским режимам» по совету Насера Хрущёву), однако довольно скоро главную роль стали играть экономические интересы, тем более, что технико-экономический прогресс СССР в мирном секторе стал замедляться, и почти единственное, что СССР мог предложить на мировом рынке — это сырьё: нефть и газ. В ещё большей степени этот процесс подстегнули кризис 1973 г. («нефтяной шок») и рост цен на нефть.

В результате в 1980 г. советский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) давал 10 % мировой добычи нефти и газа; с 1960 по 1985 г. доля ТЭК в экспорте СССР увеличилась с 16,2 % до 54,4 %, а доля сложной техники упала с 20,7 % до 12,5 %. Страна стала постепенно превращаться в сырьевой придаток Запада, усиливалась финансовая зависимость от него, т. е. СССР «выруливал» к «модели Александра II», что объективно противоречило и состоянию антисистемы, и великодержавному статусу. В реальной истории это противоречие разрешилось крушением ИК, уничтожением СССР и возвращением русского мира на новом витке истории, в условиях глобализации (она же — глобальный кризис Современности) к «модели Александра II».

Модель эта, как показывает история, порочна для России, причём не только во внешнем плане, о чём речь шла выше, но и во внутреннем плане. Дело в том, что общественный продукт, создававшийся в России, будь то в доиндустриальную, аграрную эпоху или индустриальную, никогда не был значительным, он всегда был ниже — и существенно ниже — западноевропейского. Поэтому в условиях естественного русского развития у нас никогда не могли появиться западоподобные классы и слои — феодалы, буржуазия, а также бюрократия (не путать с чиновничеством). Точнее так: их появление требует

отчуждения верхами (т. е. классами и слоями такого типа) у населения не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта, что ведёт к социальной деградации общества — упадку низов, размыванию середины и, как это ни парадоксально на первый взгляд, разложению верхов, т. е. к деградации и упадку системы в целом. В связи с этим одной из главных задач центральной власти (центроверха) в русской истории заключалась в том, чтобы по возможности ограничивать аппетиты верхов в эксплуатации населения, контролировать этот процесс. Естественно, не ради этого населения и не в его интересах. И даже не столько в интересах верхов — в лучшем случае, в их долгосрочном и совокупном интересе, совпадавшем с интересами центроверха (как самодержавного, так и коммунистического). Такую позицию центроверха я бы назвал «правилом русской власти № 1», и власть старалась это правило **всерьёз** не нарушать. Собственно, до плотного включения в мировую экономику в середине XIX в. у неё не было ни резона, ни возможности это делать, к тому же она была сильна; «модель Александра II», напомню, предполагает не просто ослабление центроверха, но его олигархизацию.

Серьёзное нарушение, когда слабеющая, олигархизирующаяся власть в союзе и совместно, «единственным блоком» с господствующими классами (западоидного типа) начинала эксплуатировать, а по сути грабить народ — грабить, поскольку отнимала у него значительную часть прибавочного продукта, имело место в русской истории дважды: первый раз в 1861–1917 гг. и второй раз — с конца 1980-х годов и по наши дни. Торжество «модели Александра II», сырьевое и финансово-зависимое включение в мировую систему и не может быть ничем иным как систематическим отчуждением необходимого продукта основной массы населения. Можно смело утверждать, что «модель Александра II» означает для русского мира не прогресс, а регресс и упадок, которые в нынешних условиях сопровождаются демографическим кризисом, депопуляцией. Эта модель есть одновременно причина и следствие глубокого кризиса развития России, она несовместима с существованием последней. Неудивительны те результаты, к которым она привела уже в кошмарно-позорные 1990-е годы, т. е. в течение нескольких лет.

Речь идёт прежде всего об общих структурных характеристиках, но именно последние трудно сформулировать для постсоветского общества, поскольку в нём процессы социального распада, социальной дезорганизации доминируют процессы организации или, по крайней мере, уравновешивают их. Происходит это сразу на нескольких уровнях.

Вся история последних 1990–2000-х гг. — это перманентный передел собственности, т. е. то, что называется первоначальным накоплением капитала, которое доминирует над собственно капиталистическим накоплением, подавляет, блокирует, деформирует на «первоначальный», т. е. внелегальный, криминальный лад. Происходит то, что обычно происходит на периферии капсистемы, когда ранее внешние зоны включаются в него в качестве зависимой или полузависимой периферии. В своё время на Западе собственно капиталистическому накоплению, с которого и начинается капитализм как система, предшествовало первоначальное накопление капитала — внеэкономическое, силовое перераспределение собственности. Если в ядре капсистемы два эти процесса в XVI–XVIII вв. носили диахронный характер, то на полупериферии и периферии капсистемы в XIX–XX вв. они приобрели синхронный характер, причём довольно часто первоначальное накопление душило, забивало или, по крайней мере, блокировало собственно капиталистическое накопление, т. е. развитие капитализма, который в этом случае вырождался в некапиталистические, паракапиталистические, а то и просто криминальные формы. Именно это и произошло в РФ в 1990-е годы.

Господство первоначального накопления над капиталистическим препятствует не только развитию капитализма, но и связанной с ним новой социальной структуры, а в данном случае, следовательно, социальной структуры вообще, общества как такового. На месте разрушившейся социальной организации возникло нечто вроде «социума-каши», в котором относительно оформлены верхние несколько процентов, однако их тесная связь с властью, с одной стороны, и внелегальные аспекты функционирования не позволяют им превратиться в буржуазию как класс. Середина практически отсутствует. Постсоветский средний класс, о котором так любят писать в журнале «Эксперт», — это в большей степени миф, чем реальность. Размываются нижние этажи социальной пирамиды, русских низов, их место занимают мигранты, нередко связанные с этнокриминалом. В таких условиях место социогенеза (классогенеза) занимают внелегальные формы (само-) организации занимают коррупция, которая уже приобрела системный характер (типа производственного отношения) и криминализация, сопровождающиеся морально-психологическим кризисом (верхов и низов). Возникает социум, который кто-то метко окрестил «обществом либер-панка». Последнее характеризуется как воспроизводство социального разложения, т. е. как воспроизводство худших черт одновременно позднесоветского и западного (капиталистического) общества. Важной чертой этого общества является то, что «тень» перестаёт знать своё место; в то время как легальный сектор общества дезорганизуется, внелегальный приобретает всё больше черт организации — экономической, социальной и даже социокультурной. В этом смысле можно сказать, что смена моделей экономического развития России в мировой системе, которая произошла в конце XX в., для самой России обернулась господством «тени» над хозяином, создававшим материальные блага в течение советского периода, торжеством распада и его персонификаторов над организованными и здоровыми формами.

2009-2014 Записи из блога «В кругу друзей» (обн. 01.09.2014) (в обратн. порядке с 2014 по 2009 гг.)

Поджигателями войны были несколько европейских государств

1 сентября в 07:44

Официально считается, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года. Это было началом европейской войны. В 1941 году с нападением Германии на Советский Союз она стала Евразийской, а в мировую эта война превратилась тогда, когда в нее включились США.

Но это формальный подход, а с сущностной точки зрения Вторая мировая война началась 28 сентября 1938 года Мюнхенским сговором. Сговор не просто отдавал Чехословакию на растерзанию Гитлеру, обеспечивая его мощным военно-промышленным комплексом, выводя его на границу с СССР и подрывая намеченный на вторую половину сентября 1938 года антигитлеровский заговор немецких генералов.

Это было создание антисоветского военно-политического блока, этакого «протоНАТО» с Великобританией в качестве мозга и нацистским Рейхом в качестве военного кулака. Это было еще и узаконенным актом агрессии четырех держав против Чехословакии.

Черчилль прекрасно отдавал себе в этом отчет. В письме к одному немецкому генералу, он писал, что нападение на Чехословакию будет означать начало новой мировой войны, в которой над Германией будет одержана победа.

Иными словами, поджигателями войны были несколько европейских государств, и прежде всего, Великобритании.

Произошедшее в США нельзя сводить только к расовым отношениям

24 августа в 07:13

События последней недели в пригороде американского города Сент Луис Фергюсоне очень симптоматичны. Произошедшее нельзя сводить к расовым отношениям, волнения идут на расово-классовой почве. Форма - расовая, а содержание классовое.

Ситуация в США постепенно накаляется, причем аналитики уже последние пятнадцать лет фиксировали рост классовой поляризации и относительное ухудшение жизни низов. Это затрагивает не только чернокожих, но белых, и все это начинает выходить наружу.

«Чернокожую Америку» трясет в то время, когда президент у них мулат. Оказывается, у него нет симпатий к своим братьям по расе, а точнее сказать, у него значительно больше симпатий к собратьям по классу вне зависимости от цвета их кожи. Обама занимает четко классовую позицию, заявляя, что не надо из происходящего делать трагедию. Обратите внимание, убивают людей, а «трагедию делать не надо».

Отмечу и еще один момент. Если бы у нас произошли волнения такого типа, то вся западная пресса выла бы от восторга и кричала о «бунте против тоталитаризма». Наши же СМИ вместо того, чтобы педалировать тему бунта против американского тоталитаризма, совершенно спокойно относятся к данной теме, лишний раз демонстрируя свое бессилие в сфере информационных войн.

На Югославию можно посмотреть как на уменьшенный СССР

21 апреля в 18:03

В прошлой своей записи я говорил, что югославская война 90-х годов была модельной, и те процессы, которые мировая верхушка закрутила тогда, были отработкой сценариев, которые планировались для России.

Полагаю, в этом смысле ничего не изменилось, и эти же модели готовятся для нас и сейчас. На Югославию можно посмотреть как на уменьшенный СССР, и проблемы, которые существовали в Югославии, были и у нас. Те, кто создавал СССР, сошли со сцены до начала 90-х, а вот тупая советская элита второго поколения все профукала.

Да, Украина была учредителем ООН, у нее было свое министерство иностранных дел. Кстати, павильон Украины когда-то стоял в центре ВДНХ. У советских республик было право на отделение, и

оно сработало в 1991 году, но в условиях раздрая 20-х годов вряд ли кто-то специально закладывал в историческую Россию механизм развала.

Да, большевики еще в 1914 году сформулировали идею права на отделение, но Ленин говорил, что централизованному социалистическому государству проще противодействовать капиталистическому окружению. Кроме того, сам механизм отделения республик от СССР не прописали, и сделали это сознательно, чтобы никто ниоткуда не вышел.

Те люди, которые создавали Советский Союз, в принципе не могли помыслить, что СССР может развалиться. Им казалось, что страну «навеки сплотила великая Русь», а мы сейчас обладаем послезнанием – тем, чего были лишены политики начала века.

Необходимы правовые меры для подавления национал-предателей

15 апреля в 17:56

Двадцать лет Россия позволяла отламывать от себя куски. Запад не выполнял свои обещания и попросту обманывал. Например, так было, когда в НАТО приняли бывшие страны Варшавского договора, а потом и некоторые постсоветские страны.

Российская верхушка утиралась, и во внешней политике мы испытали позор шеварднадзовщины, а потом и козыревщины. И вот сейчас обнаглевший от безнаказанности Вашингтон решил и вовсе вторгнуться на Украину: ведь американо-бандеровский переворот в феврале – это скрытая агрессия. Однако на этот раз Москва дала ответ, и он оказался столь жестким, что в состав России вошел Крым.

За счет чего у Москвы увеличилась прочность за последние годы? Все-таки в период высоких цен на нефть был накоплен финансовый жирок, а финансы играют важную роль в мире. Кое-что изменилось в самоощущении правящей элиты. Это показала война «08.08.08», когда все увидели, что мы способны давать сдачи.

А третья причина заключается в том, что США просто не оставили нам выбора. Я считаю, что югославская война была отработкой моделей борьбы с Россией. Думаю, эти модели и сейчас планируются для нас. Поэтому нужно быть бдительными, нас еще ждут «сюрпризы», и поэтому необходимы правовые меры для подавления национал-предателей. Для этого как раз сейчас сложились удобные обстоятельства.

Очень многих украинцев достал клан Януковича

5 февраля в 08:29

Украинские события – это совпадение двух процессов. С одной стороны, очень многих украинцев достал клан Януковича, и их социальная ярость понятна. Оборзение этого клана довело страну до точки кипения. Но, с другой стороны, некие силы пытаются использовать недовольство населения для того, чтобы оторвать Украину от России. Эти силы явно враждебны и Москве, и Киеву.

Сложившаяся ситуация – классическая иллюстрация к словам Маркса и Энгельса: «Теперь мы знаем, какую роль в революциях играет глупость, и как мерзавцы умеют это использовать». Маркс и Энгельс так отреагировали на европейские революции 1848 года.

Ясно, что экономически Украина Западу не нужна. Об этом свидетельствуют все действия представителей Запада на Украине. Сейчас часто вспоминают слова Бжезинского, который заметил, что Россия без Украины не может быть великой державой. Но сам Бжезинский не оригинален: ведь еще в начале XX века немецкий генерал Пауль Рорбах сказал, что единственный способ обезопасить Европу от России – это оторвать украинскую Россию от московской России. Обратите внимание, что он не пользовался терминами «украинцы» и «русские». Прошло сто лет, а Запад пытается реализовать старую программу.

Российское руководство сыграло на противоречиях мировой элиты

28 января 2014 г. в 08:30

Чем отмечен ушедший год? Главное – это обострение борьбы в мировой верхушке. В значительной степени усилиями России удалось предотвратить региональную войну на Ближнем Востоке, а это говорит об отсутствии единства в мировой верхушке по этому вопросу. В противном случае России даже с помощью Китая очень трудно было бы отстоять режим Асада. Война ударила бы по Евросоюзу и Китаю, подняв нефтяные цены, что было невыгодно тем финансовым кланам, которые вложились в Китай и ЕС. Российское руководство сыграло на противоречиях мировой элиты.

Обострилась борьба и в американском истеблишменте. Полагаю, в основе конфликта – противостояние кланов, выражающих интересы айтишной индустрии, с кланами, представляющими интересы нефтянки. Спецслужба АНБ традиционно связана с айтишниками, и я думаю, что ЦРУ при помощи Сноудена нанесло удар по АНБ.

Последнее событие по счету, но не по значению, говорит о том, что кроме раскола в верхушке, есть вопросы, по которым она, напротив, сплачивается. Пример – ситуация на Украине. Здесь противоречия оказались забыты, и на Украину хлынули и европейские, и американские дипломаты. Но Россия набрала достаточный вес, чтобы добиться успеха на территории ближнего зарубежья.

Октябрьский переворот 1917 года не был прорывом в будущее

23 октября в 08:30

Октябрьский переворот 1917 года сам по себе не был прорывом в будущее. Он был эпизодом в череде событий после Февраля. Большевистское правительство тоже сначала называлось Временным, и перестало быть таковым, когда большевики разогнали Учредительное собрание.

Октябрь 1917 года создал условия для выхода из кризиса. Однако до этого момента случилась Гражданская война, которую спровоцировали большевики политикой военного коммунизма; произошли и многие другие события. Так что на момент октября 1917 года ситуация была неясна. Впереди еще была борьба внутри нового руководства страны и так далее. К власти сначала пришли большевики-интернационалисты, и только в середине 20-х годов команда Сталина отодвинула Троцкого и его людей, начав проект «красной империи». Да, мы придаем значение Октябрю, потому что знаем, что было дальше, но на тот момент просто рухнуло Временное правительство, которое не могло удержать страну.

По-видимому, большевики пришли к власти с помощью ряда офицеров контрразведки бывшего царского Генерального штаба. Они понимали, что Керенский – человек англичан, Троцкий ориентировался на американцев, а среди большевиков они разглядели некоторых людей имперского склада ума, прежде всего Сталина. Потом, участие старых спецов в Октябре было закамуфлировано и затушевано, но, судя по косвенным свидетельствам, без них большевистская команда едва ли могла бы взять верх.

Николай II к концу правления оказался в абсолютном вакууме

14 июля в 08:30

16 июля 1918 года в Екатеринбурге были расстреляны Николай II и его семья. Накануне годовщины расстрела царской семьи я хотел бы поделиться в своем блоге мыслями не о самом этом событии, а дать оценку правления последнего императора России в целом.

Итог правления Николая II подвела революция. С Февралем не так все просто: это был многослойный заговор – великокняжеский, генералов, буржуазии и наших союзников. Но ведь против многих властителей, неугодных ближайшему окружению или зарубежным партнерам, плетутся заговоры, однако не все они сбываются. То, что Николай II к концу своего правления оказался в абсолютном вакууме и от него отдалились даже ближайшие родственники, которые хотели его отстранения, говорит о том, что правление этого царя было очень неудачным и неудачливым.

Николай II оказался на троне волею судьбы. Было бы по-другому в России, если бы на его месте был другой человек, – трудно сказать, потому что противоречия были острыми, и далеко не всё в отечественной истории XX века определялось в России. Многие вещи определялись за рубежом. То, что они определялись за рубежом в такой степени, как в начале XX века, – это, безусловно, вина Николая II.

Модель Александра восстановилась в трагифарсовом варианте

30 апреля в 08:30

29 апреля 1818 года родился будущий царь Александр II. Его называют Освободителем, и в дореволюционное время пресса отзывалась о нем хорошо. В СССР к нему относились прохладно, а после 1991 года оценка его деятельности вновь изменилась, и ему даже поставили памятник.

Да, он освободил крестьянство, но так, что это освобождение, как говорил Некрасов, ударило и по барину, и по мужику. Именно реформа 1861 года заложила тот социальный динамит, который потом взорвался и в 1905, и в 1917 годах. Выиграло от такого освобождения не крестьянство и не дворянство, а самодержавие, продлившее свой срок жизни на 50 лет. Революции по европейскому образцу удалось избежать, но получили по полной программе уже во времена Николая II, внука Александра II. С середины XV века по середину XIX века Россия была отдельной мир-экономикой, но потом она стала элементом мировой системы, который становился все более зависимым от финансов ядра этой системы.

Сырьевая ориентация входила в противоречие с великодержавным статусом России. Основы этой модели заложил именно Александр II. В начале XX века вопрос стоял так: либо сохраняется эта модель и Россия утрачивает этот статус, либо великодержавность остается, но тогда надо перестать быть сырьевым придатком Запада. Это произошло только когда сталинская команда начала строить социализм в одной отдельно взятой стране. После 1991 года модель Александра восстановилась в трагифарсовом варианте.

Березовский, уходя на тот свет, оставил ловушку

29 марта в 08:30

Умер Березовский, символ 90-х годов, одно из лиц ельцинизма. Кто-то злорадствует, кто-то сожалеет. Но я думаю, что Березовского как символ хоронить рано, и не только потому, что от ельцинской эпохи осталось очень много.

Дело еще и в другом: Березовский, уходя на тот свет, оставил ловушку, западню для российских олигархов и коррумпированных чиновников. Дело в том, что процесс, который он не выиграл у Абрамовича, еще аукнется. На мой взгляд, Березовский и Абрамович своими показаниями обеспечили юридическую базу для конфискации состояний очень большого числа российских олигархов и коррумпированных чиновников.

Запрос на такое обоснование существует. Летом 2012 года Morgan Stanley Management фактически призвал в своем докладе к конфискации состояний биржевых спекулянтов и торговцев энергоресурсами. А в октябре 2012 года в Токио глава МВФ Кристин Лагард отметила, что долг промышленно развитых стран составляет 110% к их ВВП. Эту ситуацию она назвала похожей на военное время. Речь не о том, что завтра начнется война, а она выразилась в том смысле, что нужно моральное основание для конфискации «молодых денег». А юридические основания уже существуют, как я говорил выше.

Сбываются кошмары британцев

31 января в 08:30

Последние два года отмечены скрытым, подковерным противостоянием Германии и Великобритании в Европе. Германия очень сильно укрепила свои позиции, а по целому ряду вопросов загнала Великобританию в угол. Все попытки британцев улучшить свою ситуацию ни к чему не привели. Сбываются кошмары британцев: Европа экономически объединяется под контролем Германии.

Как это ни парадоксально, этому очень способствует слабость России. Когда-то Тютчев сказал: «После возникновения империи Петра I империя Карла Великого в Европе невозможна». Действительно: ни Фридрих II, ни Вильгельм II, никто не смог создать общеевропейскую империю. А вот сейчас западные европейцы близки к тому, чтобы оказаться в такой экономической империи.

Перед англичанами встает вопрос: что делать? И вот последовало заявление Кэмерона, что возможен референдум о том, оставаться Великобритании в Европейском союзе или выходить. Программа-минимум тут такая: напугать европейцев тем, что британцы могут выйти из ЕС, и, например, присоединиться к Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). Это было бы логично. К тому же это заявление могло быть сделано с целью проверки реакции британского электората и американцев.

Франция сохранила финансовый контроль над своими колониями

19 января в 08:30

В связи с событиями в Мали я хочу отметить, что Франция сохранила финансовый контроль над своими бывшими колониями. В целом же деколонизация, о которой с восторгом писали коммунисты, левые, марксисты, отчасти была результатом сопротивления местного населения колонизаторам. Прежде всего это было сопротивление элит. Однако в значительной степени деколонизация была результатом сознательного сброса колоний метрополиями. Финал деколонизации на рубеже 50-60-х годов совпал с активным формированием офшорных зон, которые позволили перевести эксплуатацию колоний в новое измерение. При этом колонизаторы не должны были нести никакой ответственности по поводу колоний. Вы хотели получить свободу? Пожалуйста, вы теперь свободны от всего, в том числе и от наших обязательств перед вами... Между прочим, отмена крепостного права в России и отмена рабства в Америке в значительной степени тоже были отказом правящих, господствующих групп от обязательств по отношению к зависимым. Возвращаясь к вопросу о деколонизации, я подчеркиваю, что, за несколькими исключениями, старые зоны влияния остались за теми же бывшими метрополиями. Ситуацию можно охарактеризовать фразой «старые ключи открывают новые замки».

Выборы в США: Ротшильды против Рокфеллеров

24 октября в 08:30

На мой взгляд, нынешние выборы в США – это важный момент в противостоянии Рокфеллеров и Ротшильдов, которое длится уже столетие. В XX веке Рокфеллеры выиграли у Ротшильдов две мировые войны. Именно Рокфеллеры контролируют большую часть Федеральной резервной системы, хотя когда-то значительная доля контроля была у Ротшильдов.

Но в этом году истекает 99-летний срок аренды ФРС права на печатание доллара. Империи Рокфеллеров в мгновение ока может прийти конец, если обе палаты Конгресса США проголосуют за то, чтобы этой аренды не было, а президент не наложит на это вето. Я полагаю, что Обама не наложит вето, а Ромни это сделает. Но для того, чтобы сложилась выгодная ситуация для Ротшильдов, мало победы Обамы: нужно, чтобы еще и в Китае сложилась определенная комбинация власти. Так вот, в ноябре как раз состоится съезд Компартии Китая.

Ротшильды собираются перейти к системе резервных валют, им нужен Североамериканский Союз с новой валютой «амеро». Между тем Рокфеллеры, которые больше всех говорили о мировом правительстве, теперь вынуждены делать все, чтобы оно не возникло. Им нужны сильные США и сильная Россия.

Далеко не все в Турции приветствуют неоосманский курс

7 октября 2012г. в 08:30

Турция сегодня находится на подъеме. Это видно, когда посещаешь Стамбул – мощный город с динамичным драйвом. Прошло много десятилетий после падения Османской империи, и сегодня Турция, похоже, пытается собирать пяди и крохи утраченного. Обращает на себя внимание тот факт, что подъем Турции происходит одновременно с подъемом ее традиционного союзника, Германии, и ослаблением России. Когда-то весь Ближний Восток принадлежал Османской империи, и это осталось в памяти.

Но далеко не все в Турции приветствуют неоосманский курс. Военным, которые верны заветам Ататюрка, это не нравится. На мой взгляд, репрессивная волна, которая прошлась по турецкой армии, неслучайна. Это имперцы убирают потенциальных оппонентов. По-видимому, турки рассчитывают на то, что если Сирия будет ослаблена и разделена, они получат в свое оперативное управление ее северную часть. Но разгромить Сирию очень сложно. В случае негативного развития событий Турция

может много проиграть. Хотя ряд исследователей считают, что Турция относится к державам, подъем которых придется на середину XXI века, но пока что, я думаю, Турция находится в глубоком раздумье, потому что ставки высоки.

Чтобы вывести страну из тупика, нам нужен мобилизационный план

11 сентября 2012г. в 08:30

«Изборский клуб» – это объединение людей, причем не только членов клуба, но и его экспертов, чья задача – разработка программы социально-экономического развития России. Эта программа должна быть альтернативной той либеральной программе, которая завела весь мир, и в т. ч. Россию, в тупик. Такая программа как раз и призвана вывести нашу страну из тупика, из исторической ловушки.

Ее надо реализовывать в режиме реального времени, потому что положение России напоминает положение СССР в 1931 году, т. е. нет союзников и нужно поднимать экономику. В те годы Сталин как раз и сказал свои знаменитые слова о том, что если мы за 10 лет не пройдем путь, пройденный другими государствами за многие десятилетия, то нас сомнут. Действительно, к 1941 году страна подготовилась и поэтому выиграла войну. Неслучайно президент нашей страны недавно сказал, что мы должны совершить такой же индустриальный рывок, как в 30-е годы.

Если называть вещи своими именами, то нам нужен экономический мобилизационный план, который предполагает и серьезные идеологические изменения. Разработкой такой программы и будет заниматься «Изборский клуб».

Болонская система для образования - как ВТО для экономики

20 июля 2012г. в 08:33

Болонский процесс в образовании набирает обороты. Я полагаю, что его распространение в нашей стране приведет примерно к таким же результатам в сфере образования, к каким в экономике - вступление в ВТО. Это равнопорядковые феномены, и это часть общего пакета неолиберализма.

Болонская система ведет к резкому упрощению образовательного процесса. Четыре года бакалавриата и два года магистратуры ограничивают образование большей части молодых людей именно бакалавриатом. Раньше они учились пять лет и получали знания, а сейчас получают то, что называется труднопроизносимым словом «компетентностность». То есть обучающийся получает некие компетенции, под которыми подразумеваются навыки. На университетах, то есть вузах, дающих универсальное образование, Болонская система ставит крест как на социальном феномене.

По мнению сторонников Болонской системы, ее плюсы в том, что программы унифицируются и студенты могут ездить за границу учиться. Но вопрос: а зачем ездить за границу, если программа унифицирована? Да к тому же опыт показывает, что такие поездки зачастую становятся просто формой студенческого туризма, а не учебой.

Нельзя сказать, что прогресс остановился, но торможение налицо

15 июля 2012г. 08:30

На рубеже 60-70-х гг. XX века в мире произошло торможение научно-технического прогресса. Стало меньше выделяться денег на крупные технические проекты, и в основном наука сконцентрировалась на компьютерных технологиях. Произошло это неслучайно, потому что дальнейшее развитие научно-технического прогресса увеличивало роль тех, кто занят в промышленности. Это создавало угрозу положению мировой верхушки. Неслучайно в 60-е годы начинается идеологическая подготовка к переносу промышленности в страны третьего мира.

Между тем наукоемкое компьютерное производство не требует значительного числа людей, занятых в этой сфере. Но это – только одна сторона вопроса, а другой аспект заключается в том, что развитие компьютерных технологий позволяло создавать новые формы контроля над населением. Нельзя сказать, что прогресс остановился, но налицо его торможение. Это не только стихийный, но и сознательный процесс. Легче управлять деиндустриализированным обществом.

Но есть и еще один момент, на который я обращаю внимание. На мой взгляд, существует наука, обслуживающая мировую верхушку, и она развивается в закрытом формате. А вот что касается массовой науки, то тут кривая идет вниз.

Лукашенко не позволяет развиться социальной поляризации

10 июля 2012г. в 08:30

Я только что вернулся из поездки в Минск. Это прекрасный город с широкими улицами и чистым воздухом. Жизнь спокойная, и внешнее впечатление согласуется с содержанием белорусской жизни. Социальная поляризация отсутствует: ведь разрыв в доходах поддерживается властью на уровне, не превышающем пять раз. Организованная преступность в Белоруссии задавлена, коррупция тоже находится в рамках. Конечно, в Белоруссии есть проблемы, но они есть везде.

Когда западная публика и ее подголоски критикуют эту страну за то, как обстоят дела с экономической эффективностью, они забывают, что есть еще и социальная эффективность. Так вот, социальная эффективность там высока. Да, в Белоруссии есть недовольные: жители ощущают, что цены выросли в последнее время. Но мы же помним, сколь многим были недовольны советские граждане в 70-х годах. Они поддержали перестройку, а потом получили то, что получили.

Традиция управленческих кадров, которые привыкли мыслить стратегически, в Белоруссии сохранилась. Александр Лукашенко как раз и опирается на эту местную традицию, не позволяет развиться социальной поляризации, блокирует безграничное проникновение иностранного капитала в Белоруссию. Иными словами, руководство Белоруссии смогло заблокировать самый негативный путь постсоветского развития.

Не было бы победы в 1945-м – не было бы полета в 1961-м

21 мая 2012г. в 08:30

В год, объявленный Годом истории, уместно задуматься о том, какие даты были ключевыми для нас в XX веке. Думаю, их две: 9 мая 1945 года и 12 апреля 1961 года, т. е. День Победы и день полета советского человека в космос. Не было бы победы в 1945-м, не было бы полета в 1961-м – так что эти даты связаны.

Но коварство истории в том, что именно 1961 год стал пиком СССР, после чего начался закат. Именно в тот год состоялся XXII съезд КПСС, и на нем была принята новая программа партии. В ней смертельным вирусом для советского коммунизма оказались всего две строчки – о том, что главной задачей становится удовлетворение растущих материальных потребностей граждан. Теперь успехи коммунистического порядка стали оцениваться по капиталистическим критериям, по числу сортов колбасы в магазине.

Когда одна система внедряет в другую свои критерии, то шансов выжить у второй системы просто нет. Тацит заметил, что проигрывает тот, кто первым опускает глаза. В 1961 году советская номенклатура опустила глаза. Пройдет несколько десятилетий, и процесс завершится.

Социализм в 1941-45 гг. показал свою жизнеспособность

3 мая 2012г. в 08:30

Если кратко формулировать главную причину победы СССР в Великой Отечественной войне, то я скажу, что это мощь советского народа, организованного сталинской системой. Народ воевал и в 1914-18 гг., но проиграл, поэтому речь должна идти о системе. Все разговоры перестройщиков и постперестройщиков о том, что мы победили вопреки Сталину, вопреки системе, нелогичны. Четко же видно, как в Германии проходила мобилизация и то, что их система оказалась более слабой, хотя, конечно, им пришлось воевать не только против Советского Союза, но и против США и Британской империи.

Как бы то ни было, мобилизационные возможности социализма оказались очень высоки. Удалось эффективно организовать и человеческие ресурсы, и природные ресурсы страны. Именно социалистическая система выковала в 30-е годы модальный тип личности, которого у нас не было в 1916-17 гг. Напомню, что в 1915-16 гг. выбили офицерский корпус, и вместе с ним рухнула армия, и уже вместе с армией рухнуло самодержавие. Но в 1941 году офицерский корпус тоже оказался выбит, очень многие оказались в плену, однако в 1942 году была создана новая армия, которая и сломала хребет Гитлеру. Социализм оказался очень жизнеспособным в 1941-45 гг.

Положение 70% населения в ядре капиталистической системы ухудшилось

18 апреля 2012г. в 08:30

Есть точка зрения, согласно которой цель неолиберализма заключается в концентрации финансов в руках очень небольшой группы людей. В результате значительные массы населения беднеют.

Но на это возражают следующим образом: как бы много ни потребляли богатейшие люди мира, все равно основную часть средств они не могут потратить чисто физически, поэтому почти все их деньги лежат в банках и, соответственно, выдаются в виде кредитов другим людям. Таким образом, происходит «просачивание благ» по всему обществу. Я с этим не согласен, статистика опровергает этот подход. За последние 30 лет реальное положение 70% населения в ядре капиталистической системы ухудшилось, а у 10% улучшилось. Куда же тогда деваются деньги? Ведь мы не видим их воплощения, их вложения.

Я глубоко убежден, что существуют неафишируемые дорогостоящие научные исследования. Думаю, в этом секторе есть несколько важнейших направлений работы: первый – продление жизни, второй – генная инженерия, третий – исследование геокосмических и геоклиматических катастроф. Все это работает на укрепление положения мировой верхушки. В общем, денег много не бывает... Кстати, верхушка начала грызться между собой, а это свидетельствует о том, что богатства и власти на всех не хватает.

Февральской революции предшествовала серьезная подготовительная работа

18 марта 2012г. в 08:30

В эти дни исполняется 95 лет событиям Февральской революции, завершившей монархический период истории России. Дело в том, что по новому стилю она произошла в марте, но по исторической традиции носит название Февральской.

Каковы же причины случившегося тогда? У этого явления несколько слоев, хотя внешне все выглядело как всплеск демонстраций. На самом же деле велась серьезная подготовительная работа. Заговор по устранению царя сложился уже в конце 1916 года, и в этом были заинтересованы разные силы. Например, думцы полагали, что царь весной 1917 года распустит Думу. В это время в победе России в Первой мировой войне никто не сомневался, а русский десант должен был взять под контроль Стамбул. В результате Россия получила бы то, что ей обещали союзники.

Но британский интерес был в том, чтобы устранить царя, потому что в этом случае к власти придут лица, тесно связанные с Великобританией. Вот тогда с Россией и не поделятся трофеями победы. Судя по мемуарам генерала Жанена, британские агенты платили по 25 рублей в день солдатам Павловского полка за то, чтобы они не слушались своих командиров. Это – крупная сумма! А третья сила – это буржуазия, нажившаяся на войне и требовавшая своего участия в политике. Вот так в одной точке сошлись интересы многих групп.

Сирия – это страна, где столкнулись западные и китайские элиты

29 февраля 2012г. в 08:30

Ситуация в Сирии отличается большой сложностью, потому что на весах оказались и международные отношения, и внутриполитическое положение в США в связи с приближающимися там выборами. Североатлантические элиты заинтересованы в том, чтобы сломать Сирию, Иран и тем самым довести дугу нестабильности до Центральной Азии.

Однако обратите внимание на то, что Пакистан уже находится в зоне влияния Китая, и эти страны проводят совместные военные учения. Афганистан тоже отчасти в зоне китайского влияния, а Тегеран – союзник Пекина. Китайцы прекрасно понимают, что Сирия – это рубеж. Если североатлантические элиты этот рубеж перейдут, то начнут двигаться дальше, что создаст Китаю проблемы. Т. е. Сирия – это страна, где столкнулись западные и китайские элиты. Россия тоже не заинтересована в том, чтобы Сирия пала, и поэтому Москва и Пекин отстаивают свою позицию, несмотря на мощнейшее давление.

Что касается внутриамериканской стороны дела, то Обаме была бы выгодна эффектная, победоносная война. Но совсем не факт, что война в Сирии будет победоносной, и для республиканцев было бы очень здорово, если бы Обама вляпался в эту проблему. Вот тогда к власти точно придут республиканцы, но и сам Обама это понимает! Таким образом, ситуация очень неоднозначная, и в таких условиях важную роль играет случай.

Реальной реформой образования будет отмена и ЕГЭ, и Болонской системы

21 февраля 2012г. в 08:30

Из СМИ я узнал о том, что предполагается модернизировать ЕГЭ. Выдвигаются идеи перенести сдачу экзамена по русскому языку в девятый класс, географию – в десятый, а в будущем ЕГЭ, возможно, начнут сдавать и бакалавры. Все это напоминает мне известные рассуждения из «Золотого ключика», когда над Буратино склонились доктора и начали беседу: «Пациент скорее жив, чем мертв». – «Нет, пациент скорее мертв, чем жив». – «Если он жив, то его не надо оживлять» и т. д.

Команда, которая сначала продавливала ЕГЭ, а теперь пытается его спасти, просто не понимает, что она делает. Сейчас говорят, что процедура экзамена уже не та, какой была несколько лет назад, что это – уже не «угадайка», а творческая работа. Между тем тестовая система блокирует самое главное в обучении: умение ставить проблему, ставить вопрос, и если на осознание этого очевидного факта ушло несколько лет, то даже не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать.

Сейчас в вузы идут дети, которые сдавали ЕГЭ, и преподаватели отмечают, что уровень знаний поступающих в последние годы несравним с тем, что было раньше. А вот если еще и бакалаврам придется сдавать ЕГЭ, то это – просто перл! В этом случае в высшей школе сольются в экстазе Болонская система и ЕГЭ. Я считаю, что реальной реформой образования будет отмена и ЕГЭ, и Болонской системы.

У нас есть хорошие шансы повернуть вспять тенденцию охаивания нашей истории

24 января 2012г. в 08:30

2012 год объявлен в нашей стране Годом российской истории. Это очень своевременно, потому что за последние 20 лет на нашу историю вылито огромное количество помоев. Чтобы заняться очищением авгиевых конюшен фальсификаций, нужно хорошо представлять, по каким направлениям шло наступление на историю России.

Первое направление – это советский период, где акцент сделали на противопоставлении самодержавия коммунизму, а белых – красным. При этом сложную властную борьбу 20-30-х годов представляли как сталинские репрессии на уровне «один Сталин всех молотит». Это ошибочно и примитивно. Также необходимо отметить и попытки принизить значение победы СССР в Великой Отечественной войне. Здесь и завышение советских потерь, и раздувание западной помощи, и т. п.

Второе направление – это охаивание самого хода истории путем приписывания деспотической природы всем нашим властным режимам. Характерно, что слабых, прозападных правителей восхваляли, а сильных шельмовали (Ивана Грозного, Николая I, Сталина).

За один год не отобьешься от всего, что уже было сделано, но это нужно делать. Путин опубликовал статью о внимании к истории, это – важная вещь. Если это – не предвыборный ход, то тогда у нас есть хорошие шансы повернуть вспять тенденцию охаивания нашей истории.

Североатлантические элиты, решая свои проблемы, движутся с Запада на Восток

15 января 2012г. в 08:30

Североатлантические элиты, решая свои проблемы, движутся с Запада на Восток: Тунис, Египет, дотопали до Сирии и грозят Ирану.

Решают они несколько задач. Углеводороды - это отнюдь не главное, хотя эта причина и на поверхности. Но есть вещи поважнее, например создание хаоса в напряженном регионе. Одновременно идет китайское движение на Запад, и я считаю, что Пакистан уже, по сути, находится в зоне влияния Китая. Отметим, что Иран - союзник Китая, то есть на ближневосточном пятачке сошлись североатлантические и китайские элиты, а их силы примерно равны, и ситуация очень острая.

Что касается США, трудно предположить, что, увязнув в Ираке и Афганистане, они смогут справиться с Ираном и Сирией, ведь это более мощные страны чем Ливия. Обе страны хорошо вооружены, а главное, Китай недвусмысленно дает понять американцам, что он не останется в стороне от военного конфликта. Потенциально это если и не Третья мировая, то очень серьезная макрорегиональная война, которая вряд ли нужна сейчас американцам, ведь у них приближаются выборы.

[Так называемая «арабская весна» была устроена западными кукловодами]

24 декабря 2011 г. в 08:30

Главным событием этого года стала геоисторическая операция в Северной Африке. Т. н. «арабская весна» была устроена западными кукловодами на основе реальных противоречий, которые были в обществе. Без этих острых противоречий никакие внешние силы ничего бы не смогли сделать, но и без внешнего фактора ничего бы не было.

«Арабская весна» завязала очень тугой узел противоречий на ближайшие несколько лет, и дай Бог, чтобы этот узел не развязался большой войной. Произошла попытка «балканизации» огромной дуги, которая, по замыслу, должна быть переброшена через Сирию в Иран и далее в подбрюшье России и Китая. Но и Китай, и Россия понимают это, и, я думаю, они по этой причине и заняли особую позицию по отношению к случившимся событиям. И вот тут отмечу еще один момент: что-то подсказывает мне, что наши митинги связаны не только с выборами, но и с позицией России по сирийскому и иранскому вопросам. Именно это вызвало неудовольствие у западной верхушки.

[Судить о школе только по лучшим ученикам неправильно]

16 ноября 2011 г. в 08:30

Как пишут СМИ, у нас в стране составили рейтинги учебных заведений, и лучшие школы получат серьезное финансирование. В Москве в основу рейтингования положили результаты ЕГЭ и показатели олимпиадников.

На мой взгляд, это выглядит странно, но логично вытекает из так называемой «реформы» образования. То, что школы получат деньги согласно показателям ЕГЭ – это финансовое закрепление системы ЕГЭ, которая себя скомпрометировала. То есть налицо дополнительный стимул для школ развивать и углублять данный тип экзамена. Рассмотрим теперь второй критерий: олимпиады. Естественно, что это один из нормальных показателей успеха школ, но и тут есть подводные камни. Дело в том, что образование должно ориентироваться на все группы детей.

Судить о школе только по лучшим ученикам неправильно. Представьте, что пять-шесть ребятишек выиграли олимпиады, а остальные учатся плохо. Может получиться, что школы с несколькими отличниками окажутся в лучшем положении, чем школа с большим количеством хорошистов. То есть схема непродуманная, и она работает на усиление разрыва между школами. Кроме того, часто среди победителей олимпиад находятся ребятишки, которые занимаются дополнительно с преподавателями, и вот мы опять вышли на денежную составляющую. Оба критерия (один прямо, другой косвенно) связаны с дальнейшей коммерциализацией школы. Я это не приветствую.

[Дело дошло до «зачистки» значительной части мировой элиты]

13 октября 2011 г. в 08:30

Есть ли конфликты внутри глобальной элиты? На этот счет есть ряд признаков. Например, посмотрите, что значительная часть ливийской нефти шла в Германию. Т. е. англо-франко-итальянцы солидаризировались против Германии.

У проблемы есть и другой аспект, на который я хотел бы обратить внимание. Мир не просто вползает в кризис, у которого нет аналогов, он уже движется внутри него. Этот кризис начался на рубеже 70-80-х годов, когда мировая верхушка капсистемы решила демонтировать капитализм. Однако этот процесс вышел из-под контроля, и управляемый хаос становится в существенной мере неуправляемым.

Судя по всему, дело дошло до «зачистки» значительной части мировой элиты, и прежде всего будут «зачищаться» периферийная и полупериферийная элиты. Доминирующий тренд именно такой, и речь идет о нуворишах, у которых хотят конфисковать «молодые деньги». Для этого есть не только экономические, но и масса внеэкономических способов, а значит, эти люди не смогут «транслировать» свои привилегии и богатства своим детям.

Т. е. мы находимся в преддверии острейшей схватки внутри элиты. «Боливар кризиса» не вынесет всех, война пошла внутри элит, и для меня показателем такой борьбы стали события в Норвегии. Теракт коснулся детей, и я думаю, что это один сегмент мировой элиты показывает другому, что не пощадят в случае чего и детей.

[По форме мир возвращается в геополитическое прошлое]

7 октября 2011 г. в 08:30

Геополитическая природа не терпит пустоты. Ушел Советский Союз, и за последние 20 лет мир во многих отношениях вернулся в эпоху, которая закончилась в середине 20-х годов прошлого века.

Во-первых, резко ухудшилось положение нижних слоев капиталистической системы, а в некоторых странах оно стало походить на то, что Джек Лондон описал в «Железной пяте». Теперь «буржуинам» не надо заигрывать со своим населением: они могут диктовать ему условия, а кому не нравится – вон. Предприятия же переведут из Детройта в Южную Корею. Во-вторых, на границах бывшего СССР возникают серьезные государства и начинают движение в прошлое. Тут мы видим и усиление Турции, и амбиции Польши.

Возникает соблазн сказать, что все возвращается на круги своя. Да, по форме мир возвращается в геополитическое прошлое, но содержание у этого процесса совершенно другое. Субъектом новых имперских (по форме) амбиций является не государство, а принципиально новый тип господствующих групп – корпоратократия. Большую роль тут играют наднациональные интересы, поэтому, строго говоря, повторение происходит на новом витке, с новыми субъектом и содержанием. Так вот, между имперской оболочкой и сутью есть противоречие. Как оно разрешится, я думаю, мы увидим в середине этого века.

[Самая примитивная форма неоколониальной эксплуатации — это «ножницы цен»]

5 октября 2011 г. в 08:30

Термин «неоколониализм» употребляется очень часто, но какие механизмы стоят за ним? С колониализмом понятно – это ограбление, а с неоколониализмом дело обстоит хитрее.

Самая примитивная форма неоколониальной эксплуатации – это «ножницы цен», когда продукция страны скупается почти задарма, но есть и более изощренные методы воздействия. Это схемы, когда стране навязываются займы и проекты, которые ведут к катастрофическим последствиям. Потом происходят социальные волнения, а чтобы решить эту проблему, правительства берут еще большие займы. Так происходило в Эквадоре или, например, в Индонезии. А когда какие-то руководители не шли навстречу верхушке мировой капсистемы, то с ними обходились очень жестко.

Третий механизм – это коррупция, когда она становится формой неоколониальной эксплуатации. Т. е., говоря о неоколониализме, можно выделить три основных способа его реализации: «ножницы цен», экономические диверсии и коррупция. Если все это не срабатывает, тогда – «мы идем к вам», и появляются американский флот и т. п.

[В современном мире существует два независимых блока: западный и китайский]

6 сентября 2011 г. в 08:30

За период, прошедший с момента крушения Советского Союза, политическая карта мира изменилась. Глядя на эту карту, можно сказать: «Не верь глазам своим!» Например, есть страна в Латинской Америке. Название этой страны на карте написано, но мы знаем, что в реальности настоящего государства там нет, а есть два наркокартеля и партизаны. Есть государство в центре Африки, а на самом деле это три племенных союза. Даже у очень крупных стран суверенитет ограничен. Здесь возникает вопрос: каковы критерии независимости государства?

Если говорить о зависимости одних государств от других, то независимых государств не так много. Это явно будет Китай, безусловно, Куба, которая играет на противоречиях внутри американской системы. А мощь Российской Федерации на мировой арене не такова, какой она была у Советского Союза. Мы прекрасно видим, что целый ряд решений, связанных с выбором во внешней и внутренней политике у Российской Федерации, особенно в ельцинскую эпоху, делался с оглядкой на то, что называют «вашингтонский обком».

Возникает мысль, что Соединенные Штаты – это абсолютно независимая страна, но США – это не столько национальное государство, сколько кластер транснациональных корпораций. Некоторые

транснациональные корпорации намного сильнее иных государств. В этом плане можно сказать, что в современном мире существует два независимых блока: западный и китайский, а вот как сложатся их отношения – это отдельная тема.

Пока Россия существует, всегда есть возможность, что некий порядок восстановится

1 сентября 2011 г. в 08:30

В 1945 году возникла система, которую называют Ялтинской. С конца 1980-х гг. началась эрозия этой системы, а точкой невозврата можно считать мальтийскую встречу Буша и Горбачева 2-3 декабря 1989 года. Начался демонтаж важных составляющих «ялтинского порядка». Сначала Запад обещал СССР, что бывшие соцстраны не войдут в НАТО, но они вошли. Затем было обещано, что бывшие республики Советского Союза не войдут в НАТО, и опять обманули.

Следующий важный момент – агрессия НАТО против Югославии. Потом – Ирак, Афганистан, а то, что делается в Ливии, – это жирная точка, неприкрытая агрессия. Леонтьев в журнале «Однако» написал, что это – колониальная война XIX века, и как метафора это абсолютно верно. Ясно одно: что Америке как кластеру транснациональных корпораций никто и ничто не противостоит в этом мире. Вот она и разгулялась.

Но до тех пор, пока Россия существует, всегда есть возможность, что некий порядок восстановится. Россия пока может нанести ответный удар с неприемлемым ущербом. Будем надеяться, что у нас и после 2020 года найдется адекватный ответ, чтобы охладить горячие головы людей, которые планируют уничтожение нашей страны, начиная с 1945 года.

Капитал устранил на своем пути все препятствия

28 августа 2011 г. в 08:30

К феномену глобализации есть два подхода. Согласно одному из них, глобализация — это давнее явление, еще XIX века, а более ранней формой глобализации является эпоха XVI века. Но по этой логике можно дойти и до неолита. Согласно второму подходу, глобализация - новое явление, и, кстати, сам термин возник в начале 80-х годов.

Впервые в истории капитал устранил на своем пути все препятствия: государственные, социальные, институциональные. Произошло это благодаря научно-технической революции в коммуникациях и компьютерных технологиях. Капитал может превратиться в электронный сигнал, а значит, способен беспрепятственно двигаться из одной страны в другую.

Соотношение между вещественными и информационными факторами изменилось в самом производстве. Например, когда мы покупаем компьютер, мы платим не за железки, а за информацию, которая вогнана в компьютер. Это то, чего не было раньше, ни в XIX, ни в XVI веках. Сегодня капитал обрел весь мир, и в этом плане глобализация – явление принципиально новое. Борьба капитала с ограничениями была движущим мотором капиталистической системы. Теперь капитализм не нуждается в таких подпорках, как политика, гражданское общество, прогрессистские идеологии, массовое образование.

У капиталистической верхушки есть интересы, которые выходят за рамки государств

22 августа 2011 г. в 08:30

Есть такое слово «конспирология», к которому относятся неоднозначно. Конспирологией называют исследования, согласно которым в основе крупнейших мировых событий лежат действия каких-то лиц, преследующих свои корыстные интересы.

Марксисты критикуют конспирологию, исходя из того, что есть массовые процессы, и никакие узкие группы ничего не могут сделать. Но все зависит от того, как трактовать слово «заговор». Когда мне говорят, что конспирология – это ерунда и нет никаких организаций, я спрашиваю: «Коминтерн – это заговор или нет?» Мне отвечают, что да, это заговор против капиталистического мира. Но в таком случае, если антикапиталисты способны на это, то почему финансовый капитал не может создать такую организацию? У них нет глобальных целей, которые нужно скрывать? Безусловно, есть.

Капиталистическая система – это мировой единый рынок в экономическом смысле, а в политическом отношении это совокупность государств. Ясно, что у мировой капиталистической верхушки есть

интересы, которые выходят за рамки государств, гражданами которых они являются. Выражаясь марксистским языком, буржуазия обязана иметь закрытые структуры наднационального управления.

Мы сталкиваемся с нарастанием социальной борьбы в Евросоюзе

15 августа 2011 г. в 08:30

Я хотел бы связать несколько событий, которые, на первый взгляд, кажутся разными. Это история со Стросс-Каном, с Брейвиком и волнения в Англии. Все это работает на поправение Европы, на тенденцию к отказу от мультикультурализма и на то, чтобы закрыться от стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но на нынешнем этапе кризисных явлений Евросоюза это будет означать и тенденцию к демонтажу Евросоюза.

Дело в том, что закрыться придется не только от третьего мира, но и от ряда своих соседей по ЕС. Одно без другого не получится, а значит Германия, Франция и Италия должны будут либо выйти из ЕС, либо образовать внутри него железное ядро, что менее вероятно. Кроме того, эти события сбивают уверенность европейцев в завтрашнем дне. Брейвик убивает людей, в Лондоне идут погромы, и обратите внимание, как это перекинулось по мановению волшебной палочки на другие города.

Иными словами, мы сталкиваемся с нарастанием социальной борьбы в самом Евросоюзе, и, безусловно, власть имущие Европы должны будут как-то на это реагировать. Я думаю, та тенденция к поправению, о которой я писал выше, и является наиболее вероятной реакцией.

Не могу сказать, что СССР был абсолютно обречен

6 августа 2011 г. в 08:30

Близится годовщина создания ГКЧП. Это был последний гвоздь в гроб Советского Союза. На мой взгляд, ГКЧП – это классическая провокация спецслужб. Осенью 1991 года должен был произойти внеочередной съезд КПСС, и, насколько мне известно, на этом съезде Горбачева должны были снять с должности. В этой ситуации вся эта история с ГКЧП была, безусловно, превентивным ударом по тем людям, которые собирались спасать Советский Союз. Но этих людей легко столкнули в провокацию, да и программы у них никакой не было. Это были обычные партаппаратчики, а один из них, я думаю, работал на Горбачева и Ельцина. Возможно, он пытался играть и свою игру, но заигрался.

В любом случае им кто-то ловко манипулировал. Эта провокация вызвала неприятие, и люди вышли на улицы, а если бы это было в конце октября, когда и планировался съезд, никто бы не вышел спасать «демократию». По осени у нас люди сидят дома, потому что дождливо. Почему с гэкачепистами потом поступили либерально? Думаю, потому что вся эта ситуация была несерьезной. Я считаю, что среди них был один серьезный человек – это Пуго, и не случайно то, как он окончил свои дни. Не могу сказать, что СССР был абсолютно обречен, но те люди, которые пытались его защищать, были слабы.

«Оранжевые революции» — это все те же заговоры

19 июля 2011 г. в 08:30

В последнее время все большее распространение получает термин «оранжевые революции». У многих создается впечатление, что это некое спонтанное движение, а явные участники этих событий – это реальные субъекты истории, которые меняют режимы. Это очередной миф, который призван скрыть принципиально новые формы внутриэлитной борьбы, когда, как правило, элиты более сильных стран модифицируют ситуацию в более слабых странах.

Первый опыт «революций», которые сейчас называют «оранжевыми», был во время так называемой «студенческой революции» во Франции. Там были предпосылки к движению студентов, но кто-то их использовал, кто-то их организовал.

Внешне все выглядит якобы как протестное движение, цель которого – социальная справедливость, демократия и т. д. Но это одна из властных технологий второй половины XX – начала XXI вв. мировой верхушки для реализации своих интересов. В этой технологии есть некие новшества, но

«оранжевые революции» - это все те же заговоры, для которых выстраивается некий новый демократический фасад, а также используются некоторые новые формы коммуникации, связанные с компьютерными технологиями.

Правящий слой западного общества давно перешел к примитивизации образования

8 июля 2011 г. в 08:30

В середине 70-х годов в документе «Кризис демократии», написанном по заказу Трехсторонней комиссии, был сформулирован ряд положений, направленных на упрочение позиций правящей части мирового капиталистического класса. В качестве средства выдвигалось внесение апатии в массы среднего слоя и изменение образования.

В принципе, к примитивизации образования правящий слой западного общества перешел еще в середине 60-х. Упрощение шло по двум линиям: в высшей школе акцент сделали на эмпирические аспекты знания, а в начальной и средней школе использовали тестовую систему. Но в школах для верхушки общества тестовая система, по сути, запрещена. Это естественно, поскольку тестовая система отучает делать главное – ставить проблемы.

У нас этот процесс тоже развивается с 90-х годов. Безусловно, мы имеем дело с резким ухудшением качества образования, оно падает стремительным образом. Появляются студенты, которые никогда не слышали про Бородинскую битву. Это часть мирового процесса. Но снижение общего уровня образования рано или поздно бумерангом вернется к верхушке, потому что нельзя жить в обществе и быть свободным от него.

До сих пор есть кликуши, которые говорят, что СССР не подготовился к войне

22 июня 2011 г. в 08:30

22 июня исполняется 70 лет с того момента, как гитлеровская Германия напала на Советский Союз. В этой войне остается много неясного и сознательно запутываемого. До сих пор есть кликуши, которые говорят, что СССР не подготовился к войне. Но смотрите, Советский Союз же выдержал удар летом 1941 года.

Сталин не был наивным человеком и понимал, что Гитлер нападет. Он говорил, что нужно оттянуть начало войны, и это было связано с программой реорганизации армии, которая началась в 1940 году, и нам нужно было время для ее завершения. Увы, не получилось.

Кстати, Канарис сообщил Гитлеру, что у Советского Союза нет трех эшелонов обороны, вся Красная Армия сконцентрирована на границе и ее можно убрать одним ударом. Причем тот же Канарис убедил Гитлера, что у англичан на берегу Ла-Манша сосредоточено 20 дивизий, и это в тот момент, когда, по свидетельству Черчилля, у британцев не было ничего. То есть Канарис сделал все, чтобы Гитлер не напал на Британию, а напал на Советский Союз.

Да, мы летом 1941 года оставили огромную территорию, но в 1942 году была создана новая армия, сломавшая хребет Гитлеру. При этом даже в 1941 году у нас был ряд успехов, и СССР не дал себя разгромить в три месяца, после чего Гитлер понял, что войну не выиграть. До 1943 года у него был теоретический шанс лишь на ничью, а после и этот шанс исчез.

С помощью русско-японской войны британцы решили сразу две проблемы

23 мая 2011 г. в 08:30

Близится некруглая дата Цусимского сражения, в котором русская военно-морская эскадра потерпела сокрушительное поражение. Есть несколько версий причин поражения, но интересен более общий взгляд на русско-японскую войну как на событие, сыгравшее значительную роль в дальнейших мировых событиях.

Дело в том, что с помощью русско-японской войны британцы решили сразу две проблемы. У британцев в конце XIX – начале XX века после англо-бурской войны были серьезные проблемы. Во Франции были настроения против союза с Великобританией, а Россия колебалась между Германией и Великобританией. Британцы чувствовали себя уязвимо, и им нужно было решить две задачи: Россия должна была быть ослаблена, а Франция должна была захотеть вступить в союз с Великобританией.

Нельзя сказать, что Россия проиграла эту войну. К концу войны японцы были истощены намного более России, а Россия как раз начинала только раскручиваться. И в это время в России резко активизировались революционные события, у которых была внутренняя подоплека, особенно в деревне. Но войну к финишу привели события не в деревне, а в городе, и вот здесь ситуация контролировалась в значительной степени внешними силами. России пришлось пойти на Портсмутский мир. Россия вышла из войны ослабленной, а Франция, имея ослабленного союзника, начала разворачиваться в сторону Великобритании.

Европе нужна своя идентичность

17 мая 2011 г. в 08:30

Когда был создан Евросоюз, в мире было много разговоров о том, что Европа наконец-то объединилась. Вспоминали проект Карла Великого и говорили, что его идеи осуществились. Но попытка создать общеевропейскую империю была и у другого Карла – Карла V Габсбурга. Его держава была территориально даже больше, чем у Карла Великого, но и его попытка в итоге не увенчалась успехом.

На этом дело не закончилось, выстроить единую Европу стремились и Филипп Второй Испанский, и Людовик XIV, и др. Но вот появился Евросоюз, и выяснилось, что есть старое европейское ядро – Франция, Германия и еще ряд стран, а вот то, что за пределами ядра, очень плохо интегрируется в Европу.

Я думаю, наиболее вероятным и жизнеспособным проектом европейской интеграции будет сначала развал Евросоюза, а затем формирование империоподобного образования, подчеркиваю, не империи, а империоподобного образования: Германия, Франция и еще некоторые страны. Вот эта структура может быть вполне эффективной. Европе нужна своя идентичность. Идентичность на месте бывшей империи Карла Великого возможна, а вот идентичность на месте Европы в целом – вряд ли.

В истории с бен Ладеном и его смертью настораживает одно – не предъявлен труп

5 мая 2011 г. в 08:30

Итак, объявлено, что убит главный террорист, главный враг Америки Усама бен Ладен. Во всей истории с бен Ладеном и его смертью настораживает одна вещь – не предъявлен труп. Конечно, не владея инсайдерской информацией, можно только строить догадки. У меня, не имеющего инсайдерской информации, есть две догадки. Первая догадка заключается в том, что бен Ладен был убит давно.

Второй вариант несколько конспирологичен, но, на мой взгляд, он имеет право на существование. Хотя рейтинг Обамы снижается, сейчас уже ясно, что многие влиятельные силы в мире поставили на избрание Обамы на второй срок. Что может сделать противоположная сторона? Накинуть на него узду. То есть некие ведомственные структуры, играющие на стороне республиканцев, убеждают Обаму в том, что бен Ладен убит и что об этом надо оповестить американский народ.

Представляете, что получится, если Обама переизберется, а ему говорят: «Парень, бен Ладен жив, представляешь, что мы можем сделать с твоей карьерой, если окажется, что ты обманул американский народ?» Вот это – серьезнейшая узда на Обаму. Иными словами, вся эта операция может иметь двойное дно.

Тест как форма проверки знаний — это социальная дрессура

24 апреля 2011 г. в 08:30

О ЕГЭ за последние несколько лет не высказался только ленивый. ЕГЭ навязывается небольшим меньшинством. Профессионалам, школьникам, их родителям это все не нравится. Если мы посмотрим в словаре, что такое репрессии, то это – подавление одной группой населения другой в своих интересах.

Уже за границей говорят о том, какое «чудо» есть в России. Это «чудо» – ЕГЭ. Насколько мне известно, немцы проверили российские тесты по немецкому языку и пришли в ужас! Да мы и сами видим, что такое эта тестовая система.

Показательно, что в высших и средних учебных заведениях Запада для элиты тесты практически отсутствуют, потому что тест как форма проверки знаний – это социальная дрессура. Она выполняет двойную функцию. Во-первых, отучает человека от самого главного – от постановки проблемы. Во-вторых, она учит не отвечать на вопрос, а выбирать из уже заданных ответов. То есть воспитывают абсолютно пассивных, объектных персонажей. Я думаю, в конце концов ЕГЭ как-то будет отмодифицирован.

Полет Гагарина – одно из центральных событий в истории человечества

8 апреля 2011 г. в 08:30

Исполняется 50 лет со дня полета Юрия Гагарина в космос. Это, безусловно, одно из центральных событий в истории человечества, которое сыграло свою роль и для СССР, и для современного мира. Тогда, в 60-е годы человечество рвалось в будущее, а в 70-е этот процесс был приостановлен.

Пожалуй, полет Гагарина стал последней точкой в советской истории, когда можно было наблюдать идущее от сердца единение народа и власти. Когда сообщили о полете Гагарина, люди стихийно бросились на Красную площадь. Они пришли в центр страны, народ отождествлял себя с властью. Красная площадь – это место Парада Победы, это сакральное место власти.

Но потом, после спонтанного единения началось разобщение, и в прошлое ушли герои 30-60-х годов. В этом отношении Гагарин – это пик, вершина, после нее началось сползание. Это отразилось и на литературе. Изменилась советская фантастика, появились книги с фигой в кармане. Я говорю это не для того, чтобы умалить значение таких людей, как, например, Титов или Комаров, но они уже пришли после Гагарина. В 50-е годы предсказывали, что в начале XXI века начнется реальное освоение Луны, там будут построены станции. Но вот наступило это время, а ничего подобного мы не видим.

Международные институты, появившиеся после Второй мировой войны, свое отжили

1 апреля 2011 г. в 08:30

Ливийские события вызовут очень большие изменения в организации международной жизни. Совершенно ясно, что маски сброшены, и Запад разрушает Ливию. Свергнуть Каддафи можно только в результате наземной операции, но даже если он удержится, единой страны не будет.

Те международные институты, которые появились после Второй мировой войны, свое отжили. Под ними подведена черта, и, хотя все аналогии условны, вспоминается период развала Лиги наций. Ялтинская система начала разваливаться в 1989-91 гг., а сейчас она исчезает окончательно. И Лига наций, и Организация Объединенных Наций были попытками объединить мир в эпоху государственно-монополистического капитализма. Но этот капитализм ушел, есть транснациональные корпорации, есть и посткапиталистические структуры.

Мы вступаем в хаотический мир, причем есть процессы, которые направлены на его сознательную хаотизацию. В Ливии мы с этим и сталкиваемся. Социальный «динамит» на Ближнем Востоке был побочным продуктом неолиберальной схемы. Потом он «взорвался», и чтобы направить «взрыв» в нужное русло, убирается прозападная верхушка и на ее место ставят других людей. Теперь посмотрим, что же будет в Сирии.

Постепенно исламисты приберут Ближний Восток к рукам

26 марта 2011 г. в 08:30

Когда анализируешь события в Ливии, на ум приходят примеры из истории Римской и Византийской империй. После 7-го века у византийцев, которые тогда ослабели, сформировалась стратегия, благодаря которой они просуществовали несколько сот лет, хотя и постепенно сдавали территорию. Они изобрели ряд важных стратегий, среди которых – создание зоны «управляемого хаоса». Нечто подобное мы видим сейчас в поведении Соединенных Штатов.

США оказались в положении, которое внешне похоже на ситуацию в Римской империи времен императора Траяна. То есть дошли до высшего напряжения, и пора отступать. Им надо уйти так, чтобы Ближним Востоком никто не воспользовался. Вот мы и видим создание хаоса, который будет давить на Европу, Россию, Индию, Китай. Разумеется, в арабском мире была масса внутренних проблем и противоречий, но революционные события требуют первого толчка, денег, организации.

Пройдет короткий период и постепенно исламисты приберут эту зону к рукам. В Ливии не было исламистов, поэтому в отношении этой страны и действуют по-другому. Но история показывает, что полностью замыслы не воплощаются, и всегда возникает определенный компромисс.

Хаотизация мира – в интересах американских правящих кланов

21 марта 2011 г. в 09:00

Ливию можно считать большим «обломом» для тех, кто планировал быстро свалить Каддафи. Но Ливия – это не Тунис и не Египет, там прочная власть, и не было такого недовольного населения, как в Египте. Тем не менее процесс пошел, и все были почти уверены, что Каддафи вот-вот рухнет. Но он на определенном этапе перехватил инициативу. Кстати, наши люди, которые возвращались из Ливии, писали в блогах, что в Триполи все спокойно. Из других источников известно, что так называемые повстанцы – это в основном пакистанцы и афганцы. Это отличается от той картинки, которую показывают нам западные СМИ.

Американцы уходят с Ближнего Востока, но после себя они хотят оставить хаос. Хаотизация мира – в интересах американских правящих кланов. В этом случае Америка станет главной зоной стабильности, главным офшором и казначеем. Так сказать, появится в белом фраке, когда все будут во мраке. Для европейцев же такая стратегия очень плоха, ведь тогда Ливия станет проходным двором для нелегальных мигрантов в Европу, а это – способ ее ослабить. Хаос на Ближнем Востоке означает высокие цены на нефть, а это – удар по Китаю и Евросоюзу. Каддафи нарушил планы американцев, но посмотрим, что будет дальше.

У всякой человеческой трагедии есть экономическое и политическое измерение

17 марта 2011 г. в 08:04

Уже сейчас специалисты говорят о том, что по своим результатам японская катастрофа приближается к эффекту Чернобыля. Некоторые даже считают, что она его превзойдет. В любом случае мы имеем дело с серьезной катастрофой, с человеческой трагедией.

Но, к сожалению, мир устроен цинично, и у всякой человеческой трагедии есть экономическое, политическое измерение. Есть люди, которые используют любые ситуации для реализации своих национальных, групповых, клановых интересов. Первым откликом на ситуацию в Японии стала волна антиатомной встревоженности. Речь идет о борьбе различных групп, которые двигают различные источники энергии. Я думаю, мы здесь увидим очень много.

Вторым результатом японской катастрофы будет временное ослабление позиций Японии в мировой экономике. Безусловно, в Восточной Азии от этого выиграет Китай, а в мировом масштабе – выиграют Соединенные Штаты. Но всей правды о ситуации мы не знаем, и рано говорить о конечных результатах, однако уже сейчас видно, что последствия для мировой экономики и для (как минимум) региональной геополитики весьма существенны.

Кстати, трудно сказать, выиграют ли от этого те, кто качает нефть. Если говорить о России, то для 95% населения это, как говорит молодежь, фиолетово.

«Оранжевая революция» - это средство решения Западом своих проблем

6 марта 2011 г. в 08:30

В связи с событиями на Ближнем Востоке заговорили о новом туре «оранжевых революций». Интересно, что они происходят на периферии капиталистического мира. Правда, впервые эта модель была опробована во Франции в 1968 году. С тех пор средства управления массовыми процессами усовершенствовались, но больше на Западе такие вещи не происходят.

То есть эта технология отработана не для Запада, а для тех регионов мировой системы, где не работают социальные лифты и существует серьезная бедность. Сейчас социальный «жир», накопленный Западом, позволяет им решать проблемы без «оранжевых революций», но мы не знаем, что будет через 20 лет, когда ситуация изменится. А ведь там будет много молодого бедного населения.

Как бы то ни было, но «оранжевая революция» - это средство решения Западом своих проблем для увеличения контроля над территориями, где есть энергоресурсы и транспортные коммуникации, как в

южном Средиземноморье. Эти технологии не очень затратны и позволяют дешево и сердито опрокидывать целые правительства. Кстати, когда-то Леонтьев заметил, что чехи – это то оружие, которое славяне отбили у немцев и против немцев направили. Интересно бы было разработать антиоранжевую технологию, которая смогла бы создать Западу проблемы.

План, реализуемый на Ближнем Востоке, был разработан задолго до прихода Обамы

21 февраля 2011 г. в 08:30

Волнения добрались до той страны, до которой они по идее не должны были добраться, то есть Ливии. Там в 1969 году в результате переворота к власти пришел Муамар Каддафи.

Фоном для его прихода была политика СССР в области энергетики и нефтяных цен. Насер убедил Хрущева начать массовые продажи дешевой нефти, говоря, что в результате будут рушиться «реакционные» режимы. Вот в 1969 году и рухнул один из таких режимов. Каддафи – очень интересная личность, которая создала некое новое образование, называемое Джамахирией. В стране есть нефть, Ливия – богата, и доход на душу населения там довольно высокий, а у ее правителя неплохой рейтинг популярности. Когда начались волнения на Ближнем Востоке, все аналитики говорили, что повторение тунисских событий наименее вероятно в Ливии. Если вспомнить «финиковую революцию» в Египте, то здесь возможны кое-какие параллели.

Судя по тому, что происходит на Ближнем Востоке, можно сказать, что это реализация масштабного плана. Я думаю, он был разработан задолго до прихода Обамы к власти той группой, которая его и продвинула. Возможно, и судьба Обамы будет зависеть от того, как будет реализована эта программа. Сейчас неолиберализм заканчивается и уходят верхушки ближневосточных стран, которые возникли в этот период. Видимо, начинается новая эпоха.

Разделение Судана на две части – американский ответ китайскому присутствию

14 февраля 2011 г. в 08:30

В последние недели произошли резкие изменения в арабской части Африки. Это и Тунис, и Египет, и Судан, события в котором значительно меньше освещаются в нашей прессе. Страны разные, но у происходящих событий есть общий знаменатель. В Египте огромные слои населения находятся в бедности, в Тунисе ситуация хотя и лучше, но важно ведь то, как люди ощущают экономическое положение своей страны. Произошел взрыв массового недовольства, и его кто-то должен был организовать, проплатить и артикулировать. Интересная вещь: в Тунисе полиция сразу перешла на сторону митинговавших, и в Египте ни армия, ни полиция не бросались активно разгонять демонстрантов.

Кому же нужна дестабилизация? Это на руку части англосаксонской элиты. Дестабилизация создает проблемы конкурентам США, то есть европейцам и китайцам. Разделение Судана на две части – это американский ответ китайскому присутствию. Китайцы внедрялись в Африку через Судан, и теперь один из каналов отсечен. Египет и Тунис завязаны на Европу, и дестабилизация в этих двух странах является проблемой Евросоюза. Это дает США некоторые очки, а в политике обычно и побеждают не нокаутом, а набирая тактическое преимущество.

То, что все называют терроризмом, я называю «всемирной войной нового типа»

26 января 2011 г. в 08:30

Сегодня в мире происходит все больше и больше террористических актов, и мы по привычке называем это явление терроризмом. Однако за тем, что происходит последние 20 лет, скрывается принципиально новое явление по сравнению с карбонариями, «Народной волей», ирландскими террористами начала XX века, группой «Баадер-Майнхоф» и «красными бригадами».

Пожалуй, «Баадер-Майнхоф» и «красные бригады» были последней волной классического терроризма. А то, что наступило после, я называю «всемирной войной нового типа». Подчеркиваю, это не мировая война, а всемирная, точечная. Цели нынешних террористов отличаются оттого, что делали «красные бригады», у них были конкретные цели в каждом случае. А здесь перманентное давление, перманентный терроризм. Это война меньшинств против крупных объединений, хотя, конечно, за этими меньшинствами стоят некие группы и силы.

Что же этому противопоставить? Сначала это явление надо изучить, а потом использовать комбинацию мирных и немирных средств. Если говорить очень обобщенно, то нужно работать в трех направлениях. Первое – устранить социальную базу всемирной войны, второе – выявлять заказчиков, и, наконец, нужно иметь соответствующие структуры со знаком, обратным террористам.

Современный капиталистический мир – это «Титаник»

17 января 2011 г. в 08:30

В последнее время опять заговорили о форсировании вступления России в ВТО. Об этом говорят наши государственные деятели, депутаты, но такая позиция удивляет. Большая часть производства Российской Федерации от вступления в ВТО пострадает. Выиграют сырьевики, а что касается сельского хозяйства и производства сложной продукции, то это «слетит».

Нам приводят в пример Китай, который вступил в ВТО, и там все здорово. Но не надо забывать, что мы не можем конкурировать ни с Китаем, ни с Индией по очень важному показателю – дешевизне рабочей силы. В наших климатических условиях воспроизводство этой рабочей силы стоит значительно дороже, чем в Китае. Поэтому Китай для нас не указ, в России люди не смогут жить на том уровне потребностей, на котором готовы жить китайцы. Поэтому разговоры о примере Китая в качестве показателя удачного вступления в ВТО – некорректный аргумент.

Понятно, что вступление в ВТО более интенсивно втягивает Россию в современный капиталистический мир. Но современный капиталистический мир – это «Титаник». Если ты знаешь, что нечто есть «Титаник», не стоит вприпрыжку бежать туда, если ты не самоубийца.

Я думаю, что в 2010 году на мировой арене появился новый игрок

13 января 2011 г. в 08:30

Если ранжировать события 2010 года, то имеет смысл сказать о природных и общественных явлениях. Прошлый год стал годом серьезных природных потрясений, которые указывают на тенденцию изменения климата.

Я согласен с теми нашими исследователями, которые связывают нашу летнюю жару с тем, что произошло в Мексиканском заливе. Эти же исследователи говорят о том, что дальним эхом случившегося в Мексиканском заливе являются наши и европейские снегопады. А если катастрофа в этом заливе связана с Гольфстримом, то европейцев в ближайшее время ждут не очень веселые времена.

Если говорить о наших внутренних делах, то жара выявила, что система практически не работает. Второе явление, чисто социально-политическое – это события на Манежной площади, которые выявили недовольство широких слоев населения тем, как работают правоохранительные органы.

Наконец, главное международное событие ушедшего года – это «ВикиЛикс». Я думаю, что на мировой арене появился новый игрок, по-видимому, за ним стоит какая-то конфигурация части мировых элит. Направления, в которых работает «ВикиЛикс», вполне очевидны. Во-первых, это попытка стравить между собой правящие элиты современного мира. Во-вторых, это попытка показать населению: смотрите, кто вами правит, смотрите, что они говорят и пишут, не верьте им! В-третьих, это сигнал одной части мировой верхушки другой ее части, что мы можем вас придавить информацией. Короче говоря, в 2011 году нас ждет много интересного. Новый год не будет скучным.

В 80-е годы Советский Союз не представлял военной угрозы для Запада

14 декабря 2010 г. в 08:30

Есть расхожее мнение о том, что Советский Союз угробило падение цен на нефть в середине 80-х годов. Безусловно, падение цен создало определенные проблемы для Советского Союза. В СССР сложился кластер интересов, заинтересованных в сырьевой специализации страны. Мы в значительной степени решали свои проблемы за счет нефти, но далеко не все. Нефть в нашем экспорте играла большую роль, но далеко не доминирующую.

Падение цен ударило по номенклатуре, потому что в «жирные годы» средства шли в том числе и на сверхпотребление номенклатуры. Если сокращается поток средств, все должны затянуть пояса

потуже, в том числе и номенклатура, а сверхпотребление номенклатуры шло за счет сверхдоходов. Номенклатура оказалась перед выбором: либо отказаться от привычных стандартов, либо превращаться в собственников, а дальновидные люди понимали, что для этого придется опрокинуть СССР.

Маргарет Тэтчер откровенно сказала, что в 80-е годы Советский Союз не представлял военной угрозы для Запада, потому что у Запада был военный ответ на военный потенциал Советского Союза. Советский Союз представлял экономическую угрозу, в 80-е годы возникла реальная угроза, что Советский Союз выиграет конкуренцию у Запада. В условиях структурного кризиса номенклатура пошла на превращение этого структурного кризиса в системный и на обрушение Советского Союза. А задним числом придумали «объяснение» в виде падения нефтяных цен и про то, что гонка вооружений якобы свалила Советский Союз.

НАТО – агрессивный, лживый блок, который преследует лишь свои интересы

24 ноября 2010 г. в 08:30

Сегодня много говорят о перспективах вступления России в НАТО. Одна из главных проблем России заключается в том, что Россия часто попадает в ситуацию, когда у нее нет союзников. Так было в XVI веке, XVII веке, и после победы в Северной войне Россия оказалась вообще без союзников.

Потом был найден союзник, которым стала Австрия, а потом и Австро-Венгрия, с которой мы просоюзничали до Крымской войны. Тогда она отплатила нам черной неблагодарностью – Николай Первый помог австрийцам подавить Венгерское восстание, но Австро-Венгрия придерживалась враждебного нейтралитета во время Крымской войны.

Потом был короткий период, когда союзником у нас была Германия. Затем логика и мастерство англичан втянули нас в Антанту. В 20-30-е годы мы оказались почти без союзников, а после Второй мировой войны у нас были союзники в виде социалистической системы. Но потом мы вновь оказались без союзников, когда распался СССР.

Обретем ли мы союзника, если вступим в НАТО? Мы обретем не союзника, а партнера, который будет готов нашими руками таскать каштаны из огня в Центральной Азии, на Дальнем Востоке. Это партнер, который не подпустит нас к своим секретам, но будет совать нос в наши секреты. НАТО – это единственный на планете агрессивный блок. Кроме того, блок НАТО не самораспустился, когда самораспустился Варшавский договор. Натовцы обещали, что не будут принимать в блок социалистические страны, и обманули. То есть мы сближаемся с блоком, который является агрессивным, лживым и который преследует только свои интересы.

Белоруссия в значительной степени обезопасила себя от давления российских олигархов

17 ноября 2010 г. в 08:30

Социокультурная граница между Европой и не-Европой проводилась несколько раз. Среди самих европейцев здесь нет единой точки зрения. Согласно одной из точек зрения, такая граница проходит по линии Краков – Прага – часть берега Средиземноморья. Но эта граница подвижная.

Есть и физико-географическое обоснование границы, это январская изотерма «-6». Очень интересно, что дальше этой границы ни Россия, ни Запад не могли продвинуться настолько, чтобы закрепиться там надолго. Россия включала часть Польши, но долго там не удерживалась, а Великое княжество Литовское доходило до Смоленска, держало его два столетия, а потом уходило. А что такое два столетия в истории? Есть и жесткая европейская точка зрения, согласно которой Европа – это Франция, Германия, Северная Италия и Северная часть Испании. Но у нынешних европейцев существует арабо-африкано-турецкий анклав.

Что же касается включения в Евросоюз Белоруссии, то Белоруссия находится за пределами ареала классической католическо-протестантской цивилизации. В этом отношении втягивание Белоруссии в зону Евросоюза имеет, скорее, геополитические причины, и более ничего. Со стороны Белоруссии это – игра в связи с белорусско-российскими отношениями, хотя своими контактами с Китаем Белоруссия в значительной степени себя обезопасила от давления российских олигархов.

Курильские острова принадлежат России по праву

7 ноября 2010 г. в 08:30

Нынешний скандал между Россией и Японией по поводу визита президента Российской Федерации на Курилы очень интересен. Это сочетание двух разных по своему масштабу процессов. С одной стороны, это краткосрочная игра в политических отношениях двух стран. Но более серьезное значение, на мой взгляд, имеет другое. В принципе, такие претензии, которые Япония предъявила России, обычно предъявляют победители побежденным. С горбачевщины Запад, Америка, Япония привыкли, что СССР и Россия сдают свои позиции. Японцы погрозили пальчиком, что российский президент не должен ездить на Курилы, но президент поехал, и Япония взорвалась: «Как это так, как это Россия ослушалась!» Демарш Японии отражает простой факт: за последние 30 лет авторитет России снизился настолько, что можно грозить нам пальчиком. Это наша территория, но для Японии это неприемлемо. Единственное средство изменения этой ситуации – это повышение авторитета и нереагирование на то, что грозят пальцем.

Качнется ли сейчас Япония в сторону большего уважения к России? Думаю, что нет, потому что уважение не завоевывается одной акцией, уважение завоевывается последовательной, жесткой политикой по всем направлениям. В конце XIX – начале XX века в военных журналах, которые выходили в России, умные люди постоянно подчеркивали, что с Китаем и Японией нельзя вести себя так, как мы ведем себя с Германией, Францией и Англией, потому что они воспринимают уступки как слабость. Только последовательный курс по защите своего суверенитета, по объяснению японским товарищам, что Курильские острова принадлежат России по праву и никто пересматривать эту ситуацию не будет, – единственный способ заставить себя уважать.

В России либерализм просто стал прикрытием большого хапка

31 октября 2010 г. в 08:30

В последнее время в нашем обществе обострилась дискуссия по поводу выбора оптимальной модели модернизации. Я также внес свою лепту в этот процесс, когда примерно месяц назад подготовил доклад на близкую тематику для выступления на семинаре Института динамического консерватизма.

Сразу хотел бы заметить, что большинство обсуждающих не задумываются о том, что понятие «модернизация» является многоплановым. В том смысле, что существуют «модернизации» совершенно различные по своей направленности. Например, бывает капиталистическая модернизация или антикапиталистическая (как сталинская модернизация, за счет наследия которой мы во многом до сих пор существуем). Кроме того, бывают прогрессивные модернизации (промышленное развитие) или регрессивные (вроде плантационного рабства в США и на Караибских островах в прошлые века).

Вторая проблема заключается в том, что модернизации всегда осуществляются в ущерб кому-то. То есть данный социальный процесс – это «игра с нулевой суммой». И большая часть модернизаций в истории осуществлялась за счет низов и средних слоев общества.

Поэтому когда мы говорим о модернизации для России, то мы должны четко понимать, чего мы хотим. В связи с чем необходимо поставить вопрос: с какими результатами и под какими лозунгами мы пришли к тому, практически катастрофическому, состоянию России, в котором она оказалась сейчас?

А мы пришли к этой ситуации в результате передела государственной собственности под либеральными лозунгами. Хотя к реальному либерализму то, что делалось в 1990-е годы, не имеет никакого отношения. В России либерализм просто стал прикрытием большого хапка.

В этом плане «горбачевщина» и «ельцинщина» являются составной частью большого мирового процесса, который начался еще в 1980-е годы. Он стартовал в США и Великобритании с введения основ «тэтчеризма» и «рейганомики». На самом деле, это было большим переделом доходов в пользу верхов в ущерб низам и среднему слою.

За последние 30 лет мало что было создано не только в России, но и в мире. Продукт в основном создавался в Китае и Индии. А во всей остальной части мира шел передел в пользу верхов. В России этот процесс осуществлялся под знаменами либерализма и демократии. Так что эти лозунги в нашей стране уже навсегда себя скомпрометировали.

В социальном плане нам нужен строй, основанный на общественной справедливости. Если рассматривать в качестве индикатора децильный коэффициент (соотношение, отражающее дифференциацию доходов как отношение средних доходов 10% наиболее высокодоходных и средних доходов 10% наименее обеспеченных граждан), то если в Швеции он где-то 4 к 1, то у нас должно

быть столько же или хотя бы 5 к 1. К слову, в СССР он составлял 3 к 1, а сегодня зашкаливает за 30 к 1 по стране (не говоря уже о крупных городах, где, по разным источникам, он составляет от 40 до 50 к 1). Специалисты считают, что уменьшение индекса Джинни хотя бы вдвое уже позволило бы решить очень многие проблемы. И в первую очередь, проблему бедности. Такой строй, основанный на социальной справедливости, фактически означает построение мягкой формы социализма.

Можно поаплодировать англосаксам за то, как они «развели» советскую верхушку

20 сентября 2010 г. в 08:30

Запад очень грамотно действовал по отношении к той части советской номенклатуры, которая взяла курс на реинтеграцию в западную систему. Так же грамотно, как «развели» российскую верхушку во время Февральской революции. Ведь просто так учредить республику не получилось бы, нужно было убрать царя с помощью военных. Но военные не пойдут на республику, значит, нужен многослойный заговор: сначала убираем данного царя и берем другого. Затем быстро другого запугиваем, отодвигаем военных, учреждаем республику и создаем не правую республику, а левую.

Таким же образом реализован был и проект во время перестройки. Сначала советской элите показали «морковку», то есть что ее всю примут в «буржуинство», каждому выдадут по горшку варенья и корзине печенья. То есть шла речь о принятии Советского Союза в целом. А попробуй не прими СССР в целом, если у нас в 70-е годы был военный паритет с США, а Соединенные Штаты переживали далеко не лучшие времена (поражение во Вьетнаме, тяжелое десятилетие 70-х).

Однако дальше Запад начал развертывать наступление сначала на престарелое советское руководство, а затем на провинциала Горбачева, который, безусловно, полагал, что его запишут в «буржуинство» - и его, и Советский Союз. А дальше пошли разговоры, что – нет, весь СССР не запишем в «буржуинство», а только европейскую часть. А между тем шло разрушение Советского Союза, и в 89-90 годах уже никто на равных советскую верхушку не собирался записывать в «буржуинство». То есть с конца 70-х была разыграна классическая партия. Можно лишний раз поаплодировать англосаксам за то, как они «развели» советскую верхушку.

С 70-х годов часть советской номенклатуры взяла курс на реинтеграцию в западную систему

15 сентября 2010 г. в 08:30

В конце 50-х годов Советский Союз начал активно интегрироваться в мировую экономику по сырьевой линии. Начало интенсивной продажи нефти по низким ценам было связано с тем, что Насер убедил Хрущева в том, что если СССР выбросит дешевую нефть на рынок, то «реакционные режимы» в арабских странах будут падать один за другим. Советский Союз выбросил дешевую нефть, но «упало» только два режима – в Ираке и Ливии, а вот нефть существенно подешевела. Это очень помогло восстановлению Японии и Западной Германии. Когда США в 70-е годы закачались, именно Япония и Германия, которые выросли за эти годы, подперли Соединенные Штаты плечом.

Уже в 60-е годы сформировался кластер интересов между частью советской номенклатуры, обеспечивавшей внешнюю торговлю, а когда шарахнул нефтяной кризис 73-го года, этот кластер еще более усилился. Возникла интересная ситуация: по внешнеполитической линии Советский Союз был сверхдержавой, а по мировой экономической линии он все больше превращался в сырьевой придаток Запада, и это противоречие должно было быть каким-то образом решено. Это противоречие проецировалось на внутреннюю политику советского общества.

Та часть высшей советской номенклатуры, которая персонифицировала внешнеэкономический сектор, а их обычно называют сталинистами, была за упор на военные факторы, чистоту идеологии, и т.д., и т.п. А либералы по-советски, то есть люди, которые хотели чаще ездить за границу и как можно меньше отвечать за свои ошибки, выступали с других позиций. Я думаю, уже с конца 70-х годов часть советской номенклатуры взяла курс на реинтеграцию в западную систему.

Период между 1945 и 1965 годами стал временем расцвета «красного проекта»

30 августа 2010 г. в 08:30

Послевоенный период стал временем расцвета «красного проекта». Это период между 1945 и 1965 годами. Это было поколение победителей: были надежды на светлое будущее, и эти надежды существовали не только в СССР, но и во всем мире. Разрыв между бедными и богатыми странами

сокращался, разрыв между бедными и богатыми слоями в капиталистической системе тоже сокращался.

Казалось, вот-вот – и человечество прорвется в будущее. Но этот процесс был сознательно приостановлен верхушкой мирового капиталистического класса. Сворачивание «красного проекта» было составным элементом этого процесса. Точнее, произошел волновой резонанс двух процессов – превращение номенклатуры в «слой для себя», интеграция его в капиталистическую систему и модификация самой капиталистической системы.

Уже в начале 60-х годов появляются первые тревожные симптомы в развитии советского общества. Наиболее серьезным изменением было внедрение в программу КПСС тезиса о том, что одна из главных задач партии – это удовлетворение растущих потребностей советских граждан. Это была метафизическая и системная капитуляция антикапитализма перед капитализмом, потому что антикапитализм оценивался по капиталистическим меркам. Одновременно шел процесс интеграции номенклатуры в мировую систему. Тогда же СССР начинал активно продавать нефть. В 70-е начал формироваться кластер интересов, связанный с западными верхушками. До демонтажа «красного проекта» осталось всего ничего – буквально 10-12 лет.

Проект «мировая революция» не смог свернуть Россию с ее исторического пути

27 августа 2010 г. в 08:30

Когда мы говорим о «красном проекте» в России, нам не нужно, как сказал бы Андропов, морочить себе голову. Нужно понимать, что здесь часто смешивают (иногда – намеренно, иногда – ненамеренно) две разные вещи. Дело в том, что на самом деле были два проекта. Был проект мировой революции, которую организовывали Ленин, Троцкий и основная масса их сторонников, и было то, что получилось в результате воздействия большой системы под названием «Россия» на этот проект в тех мировых исторических условиях.

До 1936 года в Советском Союзе праздновался день не Великой Октябрьской социалистической революции, а первый день начала мировой революции. Был проект мировой революции, которую реализовывали интернационал-большевики. Однако этот проект нарвался на два очень серьезных препятствия. Мировая революция провалилась, и сталинская команда приняла решение о строительстве социализма в одной стране, а главного интернационал-революционера – Троцкого – выслали из страны.

«Красный проект» родился из взаимодействия разнонаправленных проектов, и «красный проект» начинает рождаться в ходе коллективизации и индустриализации. С одной стороны, «красный советский проект», «красный русский проект» не мог бы появиться без захода на мировую революцию, но с другой стороны, реализоваться он должен был путем отказа от проекта мировой революции - что и сделала команда Сталина. Даже проект «мировая революция» не смог свернуть Россию с ее исторического пути.

США сыграли большую роль в индустриализации СССР

22 августа 2010 г. в 08:30

США сыграли большую роль в индустриализации СССР. Причин здесь несколько. Нужно напомнить, что американский капитал активно финансировал революцию в России. Проводником американских денег и интересов был прежде всего Троцкий.

Американскому капиталу нужны были рынки и источники сырья. Но есть и проблема, связанная с англо-американскими противоречиями. В 1929 году директор Центрального банка Англии закрыл Британскую империю от внешнего мира. Он ввел жесткие протекционистские меры, и это больше всего било по США. Конечно, кризис 1929 года был рукотворным. После этого США начали активнейшим образом вкладывать средства в советскую индустриализацию.

Кроме того, был и геополитический аспект. Когда из СССР был выслан Троцкий, стало ясно, что СССР не будет играть роль дестабилизатора государств. Часть американского капитала США начали вкладывать в Советский Союз, видя в Сталине противовес Гитлеру. Здесь – переплетение интересов, а об одной вещи мы можем только догадываться. Коминтерн – это левые глобалисты, а на Уолл-стрит сидели правые глобалисты. Переплетение интересов левых и правых глобалистов, заинтересованность всех этих сил в ослаблении национального государства привела к тому, что США

стали активно вкладывать средства в советскую индустриализацию. Они и вырастили ту силу, которая сокрушила Германию.

У русской истории есть четкая логика

18 августа 2010 г. в 08:30

Есть циклически-логические вещи в русской истории. Если мы сравним самодержавие и коммунистический порядок, мы увидим, что в каждой из этих систем пять фаз. Первую фазу я называю демонархией, то есть якобы монархия. За демонархиями наступала фаза оттепели, затем приходил застой, после застоя начинались псевдореформы, а за псевдореформами приходила смута.

Самодержавно-крепостнический строй начинался с закрепощения всего общества на службу центральной власти. Обычно говорят, что в 1649 году власть закрепостила крестьянство. Это половина правды - закрепощено было все общество, в том числе и дворянство. Наиболее последовательно было закрепощено посадское население. Согласно указу 1658 года посадский человек, который без разрешения менял место жительства, подлежал смертной казни. Затем в 1762 году власть отпускает дворянство, оно имеет право не служить. В 1861 году отпускается крестьянство и начинается смута.

В 1929 году происходит новое закрепощение крестьянство, а в 1940 году резко ограничиваются возможности рабочего класса. В 1956 году номенклатура отпустила сама себя, в 1985-87 гг. отпускают всех остальных и начинается новая смута. Мы видим и здесь четкую логику истории. У русской истории есть четкая логика, если эта логика прекратится, то на этом прекратится Россия.

Коммунистическая фаза очень четко вписывается в логику русской истории

15 августа 2010 г. в 08:30

Есть ли логика в русской истории? Это один из дискутируемых вопросов, и очень многие люди, особенно, русофобски настроенные, говорят о том, что в русской истории вообще нет никакой логики. А когда вспоминают коммунистическую фазу, то говорят, что это - полное отклонение, а 1991 год есть возвращение к некоторой норме. Это весьма поверхностное суждение.

Если посмотреть на русскую историю в долгосрочной перспективе, то выясняется очень жесткая логика, и коммунистическая фаза вписывается в нее очень четко. У русской истории было несколько периодов - Московское самодержавие, Санкт-Петербургская империя, коммунистический период. Пореформенная Россия – это фаза интеграции России в мировую систему, и поэтому пореформенную часть самодержавия имеет смысл выделить в самостоятельную или полусамостоятельную фазу.

Если взять базовые показатели для любого общества - власть и собственность, - то с точки зрения власти мы имеем следующую картину. Каждая господствующая группа каждой последующей структуры русской истории (боярство, дворянство, пореформенное чиновничество и номенклатура) численно превосходила предыдущую. Дворян было больше, чем бояр, пореформенных чиновников больше, чем дворянства, а номенклатура превосходила пореформенное чиновничество. А по линии собственности каждая последующая группа владела меньшей собственностью, чем предыдущая.

Противоречие между экономически избыточным населением и развитием техники неразрешимо

11 августа 2010 г. в 08:30

Есть некое противоречие в предсказаниях футурологов. Дело в том, что техника, которая развивается на основе новых технологий, вытесняет человека. Есть проблема, а что делать с теми людьми, которые оказываются экономически и социально избыточными? В Древнем Риме социально избыточным элементам давали хлеба и зрелищ, это работало несколько веков, а потом сломалось. У нас нескольких веков нет.

Запад накопил «жирок», ему есть что расходовать, есть избыточный продукт за счет эксплуатации периферии. Это решает некоторые проблемы, но это не может решать эти проблемы вечно. Что касается стран победнее, которые прорвались некими очагами в следующий технологический уклад, то там возникает вопрос: а за пределами очагов что делать?

Омае - замечательный японский бизнесмен, автор бестселлеров, пишет, что есть новый феномен «регион-экономика», это, например, Силиконовая долина. Такие регион-экономики разбросаны по всему миру. Он пишет, что население одной регион-экономики должно быть от 5 до 20 млн, и, действительно, так оно и есть. Эти районы ориентированы друг на друга, и связь между ними обеспечивает глобализацию. Это мир, где чисто и светло, это мир глобализации. А что делать с теми людьми, которые вытеснены? Само по себе противоречие между экономически избыточным населением и развитием техники, технологии неразрешимо.

[У России начала XX века было несколько уязвимых мест]

6 августа 2010 г. в 08:30

У России начала XX века было несколько уязвимых мест. Главное из них – это разрыв между экономическим развитием и хрупкостью социальной структуры. Социальная структура не могла вынести такой быстрый, стремительный экономический рост. Разрыв между несовременной социальной структурой и темпами экономического роста создавал окно уязвимости. Второе уязвимое место - в аграрной сфере. Было страшное аграрное перенаселение.

Наконец, было еще одно уязвимое место, оно-то и сыграло решающую роль в событиях февраля 1917 года – это несформированность политического класса, отсутствие единых ценностей. Одна часть правящего класса смотрела в сторону Англии, другая - в сторону Германии (трудно сказать, какая смотрела в сторону России). Несформированность политического класса - это был тот стык, куда можно было наносить удар, натравив часть политического класса против монархии.

Но с другой стороны, и само самодержавие вырождалось. Это очевидно по многим параметрам, но одну вещь у нас почему-то не говорят. Николай Второй знал, что он женится на женщине, которая несет ген гемофилии, которая передается по женской линии, проявляется у мужчин, в результате чего мужчины редко доживают при этой болезни до 18-20 лет. Врачи предупреждали Николая, что вряд ли отрок Алексей, сын Николая, проживет дольше 18 лет. То есть Николай был династически безответственным человеком. Он поставил под удар династию.

[У революционных событий России начала XX века две компоненты]

28 июля 2010 г. в 08:30

У революционных событий России начала XX века две компоненты. Это события в городах и события в деревне. Если говорить о Февральской революции, то это - типичное городское явление, в котором сошлись несколько линий. Прежде всего это дворцовый переворот. Здесь сошлись интересы сразу нескольких групп. Это отчасти царская семья, верхушка Думы и наши т. н. «союзники», прежде всего англичане.

Война шла к концу, с Россией нужно было расплачиваться Константинополем и т. д., а здесь убирают царя, и к власти приходит промасонское англофильское правительство, с которым можно не церемониться. Безусловно, некая умелая рука вела эти события. Уже известный факт, что вокруг Петрограда хлеб был, но были перебои с его доставкой. Есть еще факт: какой-то «умник» в январе «забрил» очень многих петроградских хлебопеков в армию. Вряд ли это было сделано по недоразумению.

Известен и такой факт: в Петрограде были сконцентрированы запасные полки, которые разлагались и не хотели на фронт. Если посмотреть, как последовательно и логично использовались разные группы, то понятно, что без военных нельзя свалить царя, а военные никогда не пойдут против монархии. Значит, первая задача - убрать царя и поставить другого. Но как только военные свою роль выполнили, их тут же отодвинули. Далее речь пошла об Учредительном собрании, и тут-то вылезла вся проанглийская шушера.

[Термин «конспирология» придуман, чтобы бросить тень на попытки понять, как функционирует мир]

30 июня 2010 г. в 08:30

Очень многое можно сложить по принципу мозаики из открытых исследований. Нам нужна серьезная наука о закрытых структурах наднационального управления. Я сознательно не употребляю термин «тайный», потому что если «тайный» - значит об этом никто не знает. Но мы знаем о существовании и Совета по международным отношениям, и Трехсторонней комиссии, и Римского клуба. Это

закрытые структуры, связанные с масонерией и парамасонерией, связанные с операторами финансовых потоков.

И вот что интересно: почему-то ни у кого не вызывает сомнения, что операторы финансовых потоков должны действовать в тени. Они не находятся под лупой исследователей, но операторы финансовых потоков – это те, кто контролирует не только финансы, но и политику. Следовательно, это и есть чисто конспирологическая сфера. Иными словами, термин «конспирология» в том смысле, в котором он употребляется большей частью научного истеблишмента, и придуман для того, чтобы бросить тень на любые попытки понять, как реально функционирует современный мир.

В данном случае совпадают интересы мировой верхушки и научного истеблишмента, который тесно спаян с ней, причем не только непосредственно выполняя задания этой верхушки, но люди защищают диссертации по определенным темам. Например, тема «Массовые процессы». И как же им после этого признать, что реальная власть – это тайная власть? Но почему-то людям не приходит в голову, что ни один массовый процесс не реализуется сам по себе, он должен быть кем-то организован.

Мир устроен совсем не так, как он выглядит

27 июня 2010 г. в 08:30

Мир устроен совсем не так, как он выглядит. Он устроен не так, как нам рисует политология, социология и экономика. Реальная власть – это тайная власть, но науки о тайной власти официально не существует. Впрочем, есть конспирология, которая вроде бы этим занимается. Но когда научные работники из мейнстрима слышат слово «конспирология», они недовольно морщатся.

Под конспирологией понимается подход к реальности, согласно которому главные события мира - это события, которыми руководят небольшие группы людей, закрытые структуры, а вовсе не массовые процессы. И эта сфера конспирологии считается чем-то похожей на сферу изучения летающих тарелок. Это неслучайно, потому что на самом деле реальная власть – это тайная власть, а нынешняя наука об обществе сконструирована так, что реальная власть как раз в нее не попадает.

Чем занимается политология? Тем, что лежит на поверхности. Но главные-то вещи лежат как раз не на поверхности. Капитализм в политическом плане породил мировую систему государств, и это ячеистая структура. У буржуазии есть интересы, которые выходят далеко за рамки государств, а вся мировая система официально скроена под государства. Вот для реализации долгосрочных и непрозрачных интересов буржуазии и существуют закрытые структуры наднационального управления. Окончательно они сложились в период холодной войны.

Болтовня Горбачева закончились крупнейшей системной и геополитической катастрофой

16 июня 2010 г. в 08:30

Михаил Горбачев дал интервью агентству Reuters, в котором призвал к новому этапу гласности и демократизации России. «Модернизацию можно проводить только в том случае, если в этом процессе будет принимать участие все население страны. Нам нужны демократия, совершенствование выборной системы и т. д. Без этого никакой модернизации не будет», – заявил он.

Я считаю, что Горбачеву лучше бы помолчать. Потому что его болтовня о демократизации и народовластии, которые он первоначально «упаковывал» в разговоры о необходимости «большей демократии и социализма», закончились крупнейшей системной и геополитической катастрофой. Поэтому если у таких людей осталась хоть какая-то крупица совести (в чем я сомневаюсь, но исходя из презумпции невиновности готов это признать), им нужно только молчать. Хотя в том, что произошло со страной, виновен не только злой умысел, но и крайняя некомпетентность, а также провинциализм мышления. То, что Горбачев позволяет себе рассуждать о демократии и народовластии спустя четверть века после того, как он начал курочить страну, говорит о многом.

Постиндустриальное общество, как и информационное общество, – это миф

6 июня 2010 г. в 08:30

На чем спекулировали экологические движения? Грядет экологическая катастрофа, надо снижать уровень экономического развития, нужно создавать постиндустриальное общество. А вообще, постиндустриальное общество, как и информационное общество, – это один из мифов, который создала капиталистическая верхушка.

На самом деле, как показывает элементарная статистика, масса промышленности в мире не уменьшилась. Напротив, она увеличилась за счет таких стран, как Китай, Индия. Масса промышленности уменьшилась в ядре капиталистической системы, но там можно говорить не столько о постиндустриальном обществе, сколько о гипериндустриальном обществе, которое не отменяет индустриальный мир. Ядро живет за счет промышленности, которую вынесли в страны третьего мира.

Тезис о том, что в определенный момент научно-технический прогресс приходит в противоречие с системой, работает. Он работает и для советского общества. Это мифы и россказни наших так называемых либералов о том, что Советский Союза загибался в 70-80-е годы. Советский Союз не загибался, а тоже оказался перед развилкой, по какому пути идти. Технические нововведения, безусловно, означали бы, что номенклатуре нужно было бы потесниться.

Однако награбленного в бывшем Советском Союзе и бывшем соцлагере Западу хватило только на 90-е годы, и сейчас капсистема оказывается перед теми же трудностями, с которыми Советский Союз столкнулся в 80-х годах.

Верхушка капиталистической системы искусно манипулирует научно-техническим процессом

3 июня 2010 г. в 08:30

Хорошо известен тезис Маркса о том, что социальные системы умирают тогда, когда развитие производительных сил вступает в противоречие с характером производственных отношений. Этот тезис, в принципе, распространяется и на капитализм, и тому масса эмпирических подтверждений. С 70-х годов верхушка капиталистической системы очень искусно манипулирует научно-техническим процессом в своих интересах. Дело в том, что на рубеже 60-70-х годов индустриальное развитие достигло такого уровня, что дальнейший его прогресс ставил под сомнение господство тех социальных групп, которые осуществляли это господство весь послевоенный период.

Дальнейший технический прогресс в ядре капиталистической системы означал бы увеличение значения рабочего класса и средних слоев. Это неминуемо вело к изменению баланса политических сил. Неслучайно именно в 1975 году по заказу Трехсторонней комиссии появляется доклад «Кризис демократии», где говорится о том, что демократию надо бы притормозить.

Верхушка оказалась перед выбором, какое направление научно-технического развития стимулировать. Один вариант – это космос. Но это означало резкое усиление позиций тех групп, которых опасался истеблишмент. Вторая линия – это компьютерные технологии, наукоемкое производство, которое не требовало значительного по численности рабочего класса и еще обещало возможности манипуляции населением с помощью коммуникативных средств. Этот вариант и был выбран.

Система ЕГЭ приучает к пассивной роли дрессированной собаки

26 мая 2010 г. в 08:30

ЕГЭ - это одна из худших технологий преобразования постсоветского образования. Единый государственный экзамен с его тестовой системой, с его селективностью, по сути дела, затупляет мозги школьников. Он еще более увеличил традиционный российский бардак.

Если упростить ситуацию и сформулировать главный результат ЕГЭ, то ЕГЭ - это то, что рубит наше образование. ЕГЭ - это аналог Болонской системы, но если Болонская система – это то, что рубит высшее образование, то ЕГЭ – то, что подрубает образование школьное. Тестовая система, которая играет очень большую роль в ЕГЭ, – это, вообще, вещь очень целенаправленная, потому что тестовая система отучает обучающегося от главного. Она отучает его ставить вопрос, ставить проблему. Более того, тестовая система не просто учит только ответам, она учит выбирать ответ из уже данных.

То есть она приучает к пассивной роли дрессированной собаки. Прогавкал 4 раза – получи кусочек мяса, прогавкал 2 раза, значит, ничего не получишь. По поводу ЕГЭ самая интересная вещь то, что основная масса населения – родители - выступает против. Небольшая группа, которая продавливала ЕГЭ, оказалась «за». Именно она и оказалась победительницей. Но то, что ЕГЭ исполняет роль разрушения российского школьного образования, – это вещь совершенно очевидная.

Из Второй мировой войны Советский Союз вышел сверхдержавой

10 мая 2010 г. в 08:30

9 мая - это прежде всего наш национальный праздник. Это победа славян, прежде всего русских, в их долгом споре с немцами. Кстати, Сталин после войны так и сказал, что наконец вопрос исторической борьбы славян с немцами решен в пользу славян. Мы победили в войне не только наших противников, но и так называемых наших союзников, прежде всего англосаксов.

В 45-м году был план удара силами стотысячной немецкой армии плюс англичане-американцы по Красной армии. После войны они ввели нам холодную войну. Это лишний раз говорит о том, что великий русский геополитик Едрихин (Вандам) был прав, когда говорил: «Что может быть хуже вражды с англосаксом? Только дружба с ним».

И третье – это победа Советского Союза над мировой закулисой, потому что Вторая мировая война как логическое продолжение Первой планировалась как уничтожение и Третьего рейха и Советского Союза. С Третьим рейхом получилось, а с Советским Союзом ничего не вышло, Советский Союз вышел сверхдержавой из Второй мировой войны. Как в «Коньке-горбунке» младший из всех братьев Иван из котла вышел добрым молодцем. Вот так и мы вышли из войны, это наша тройная победа. В этом смысле другого такого праздника нет. День Победы - это то, что объединяет людей не только в нынешней России, но и на постсоветском пространстве. Неслучайно все враги России бьют именно по этому празднику.

[Россия очень плохо совмещается с капиталистической системой]

3 мая 2010 г. в 08:30

В советской исторической науке, которая очень смахивала на пропаганду, постоянно подчеркивалось, что Российская империя была отсталой и зависимой от иностранного капитала. Это абсолютная правда, но эта тема очень активно педалировалась.

Действительно, Россия в начале XX века зависела от французских и английских капиталов. Что касается отсталости, то в 1913 году по абсолютному объему производства мы были на пятом месте, а на душу населения - на 32-34-м. Статистика показывает, что, действительно, Россия была отсталой страной. Но если сравнить Российскую империю с нынешней Российской Федерацией, то по очень многим показателям Российская Федерация проиграет Российской империи. Конечно, учитывая специфику русского сельского хозяйства, Россия отставала. Это проблема не только отсталости социально-политических характеристик России.

Дело в другом. Комиссия по изучению естественных производительных сил России под руководством Вернадского четко зафиксировала в начале XX века, что Россия неконкурентоспособна в капиталистической системе, поскольку все товары, произведенные в России, будут стоить значительно дороже из-за транспортных издержек, издержек, связанных с климатом, и так далее. Россия очень плохо совмещается с капиталистической системой. Но с другой стороны, опыт Советского союза показал, что советская верхушка хотела жить на том же уровне, на котором живут по крайней мере средние слои капиталистического общества. Таким образом, куда ни кинь - всюду клин. Но вечных систем не бывает, и капитализм тоже не вечная система.

[То, что называется на Западе гуманитарными технологиями, – на самом деле средства манипуляции]

24 апреля 2010 г. в 08:30

В последнее время у нас часто говорят о гуманитарных технологиях, но при этом, как правило, не объясняют, что это такое. Мне трудно сказать, что сегодня у нас имеется в виду под гуманитарными технологиями, но я хорошо представляю, что такое гуманитарные технологии на Западе в последние 120-130 лет.

Гуманитарные технологии, если называть вещи своими именами, - это то, что Антонио Грамши называл культурной гегемонией, т. е. контролем со стороны господствующих классов и групп, контроль в сфере культуры, в сфере психологии, даже в сфере гуманитарной науки. Классический пример гуманитарных технологий - ориентализм, который был создан на Западе в конце XIX - начале XX вв. Ориентализм – это дисциплина, которая трактовала Восток как отсталый по сравнению с Западом, как нуждающийся в вестернизации. Это вбивалось в головы афро-азиатских элит, которые обучались на Западе, и которые, возвращаясь в свои страны, пытались их подверстать под западные формы.

Высокопоставленный американский дипломат Стивен Манн в самом начале XXI века признался, что в стратегии управляемого хаоса, которую в 90-е годы США применили на просторах СНГ, решающую роль играли права человека и тезис о рынке как средстве решения всех экономических проблем. Это и есть классическая гуманитарная технология.

То, что называется на Западе гуманитарными технологиями, – это на самом деле средства манипуляции.

Полет Гагарина - одно из главных достижений советской цивилизации

19 апреля 2010 г. в 08:30

Полет Гагарина является одним из главных технических достижений советской цивилизации. Гагарин - это продолжение сталинской модернизационной программы, но с другой стороны это - один из самых последних «выстрелов» этой программы. Она постепенно затухает и очень показательно, что наша фантастика отреагировала на эти изменения. Если вначале 60-х годов, скажем, Стругацкие пишут свою самую светлую вещь «Полдень XXII век (Возвращение)», то с середины 60-х годов они переходят к тому, что можно назвать черным образом советского общества. Важно, что они отразили изменение духа эпохи.

Очень изменился журнал «Техника молодежи» во второй половине 60-х годов. Я был на него подписан почти все 60-е, и в середине 60-х годов интуитивно, еще школьником я понял, что что-то меняется, потому что изменился журнал «Техника молодежи», изменилась фантастика. Если в первой половине 60-х годов журнал «Техника молодежи» был оптимистическо-футуристический, то во второй половине 60-х годов этот оптимизм становится очень натужным, неискренним, инерционным. У людей, которые пишут тексты, еще есть инерция, но эпоха изменилась, и они чувствуют, что она изменилась.

То есть можно сказать, что полет Гагарина – это одно из главных достижений советской технической цивилизации. Это достижение придало советскому обществу мощный идейный импульс, но очень ненадолго. После этого все поехало под гору.

Фундамент для полета Гагарина был заложен в сталинскую эпоху

15 апреля 2010 г. в 08:30

Полет Гагарина стал поводом, для, пожалуй, последнего в советской истории единения власти и народа. В восторге народ хлынул на Красную площадь. Народ никто не гнал именно туда, но Красная площадь – это сакральное место власти в России, и народ бросился туда, каждый в единстве с другими и с властью. Можно сказать, что оптимистическую, устремленную в будущее окраску 60-м годам придало наше освоение космоса. Иными словами чисто техническая вещь стала фактором если и не идеологии, то ценностно-идейной, важной ориентацией.

Это пришлось весьма вовремя для советского общества, потому что в 60-е годы стал изрядно тускнеть образ революции и Гражданской войны как фактора рождения социализма. На какое то время космос стал заменителем этого, хотя всего лишь на какое-то время, потому что с конца 60-х годов появился новый культ - культ победы в войне, который стал активно замещать культ революции и культ Ленина. В этом отношении фаза космического восторга заполнила переходный вакуум от одной идейно-ценностной системы к другой.

К сожалению, в начале 70-х годов наша космическая программа начала пробуксовывать, хотя по целому ряду частных проектов мы опережали американцев тогда и опережаем до сих пор. А если возвращаться к полету Гагарина, то вырос этот полет на том фундаменте, который был заложен в сталинскую эпоху.

Мир государств – не главное в современной международной системе

9 апреля 2010 г. в 08:30

Когда говорят о многополярном мире, имеют в виду мир государств, но это одномерный взгляд на современный мир. В современном мире, кроме государств, есть очень мощные закрытые структуры наднационального управления, которые в течение всего XX века усиливали себя.

Когда мы говорим «многополярный мир», мы не учитываем этого очень важного фактора современных международных отношений. Если забыть об этом факторе, то можно порассуждать о

том, что эпоха гегемонии Америки проходит, что происходит подъем новых государств. Кстати, если Евросоюз развалится, то германо-французская ось имеет шанс стать новым полюсом. Вроде бы с этой точки зрения мы имеем некий многополярный мир.

Но мир государств – это не главное в современной международной системе, главное – это закрытые структуры наднационального управления, для которых США или Великобритания в XIX веке были просто «портом приписки». Я думаю, что если многополярный мир возникает, то это в значительной степени деятельность этих структур, которые диверсифицируют свою власть. Получится ли многополярный мир по тому плану, который есть у этих структур, или национальные государства смогут переломить эту тенденцию? Этот вопрос открытый.

Что же касается нынешних разговоров о «многополярном мире», то до тех пор, пока в качестве важнейшего фактора мировой системы последних 200 лет не будут упоминаться закрытые структуры наднационального управления, это будут абсолютно пустые разговоры.

[Глобализация – это выжимание всех возможных соков из Азии и Африки]

29 марта 2010 г. в 08:30

Отношения капиталистического Запада и народов Азии, Африки и Латинской Америки прошли несколько стадий. До конца XVIII - начала XIX веков европейцы встраивались в местные системы торговли. Затем они перешли к колониальным захватам, когда часть стран стала прямыми колониями, часть попала в полуколониальную зависимость и было силовое присвоение продукта этих обществ.

С образованием Советского Союза и активизацией Соединенных Штатов началась борьба народов Азии и Африки за свою независимость. В начале 50-х годов на арену выходит новая фракция мирового капиталистического класса – корпоратократия, которая не так тесно связана с внеэкономической эксплуатацией колоний и которая вполне может это делать экономически. Начинается переход к тому, что называется «неоколониальная эпоха».

Отчасти афро-азиатские народы добились освобождения, но в значительной степени их отпустили бывшие метрополии. Отпустили потому, что выгоднее стало эксплуатировать бывшие колонии экономическим способом и при этом ничего туда не вкладывать, не нести никакой ответственности за это.

Затем наступила следующая стадия – глобализация. Глобализация – это выжимание всех возможных соков из афро-азиатского мира всеми способами. Наконец, на наших глазах мы вступаем в новую фазу. В индустриальной эпохе была нужна большая масса рабочих и крестьян, обслуживающая западное ядро, и вот теперь эти миллиарды людей абсолютно не нужны верхушке мирового капиталистического класса на Западе.

[Деградация образования отражает страхи мировой верхушки]

9 марта 2010 г. в 08:30

В сегодняшнем мире очевидна тенденция к очень жесткому закреплению классовых позиций в сфере образования. Большая часть образования теряет свой уровень, это образование упрощается, обедняется. Адекватную картину мира заменяет мозаика. С другой стороны, идет концентрация сильных вузов. На Западе это частные вузы, в России, по-видимому, эта роль уготована Московскому и Санкт-Петербургскому университетам. Это супервузы, где готовят элиту, то есть интеллектуальных и идеологических защитников существующего порядка.

Эта дебилизация образования, которая происходит во всем мире, отражает страхи мировой верхушки перед возможным появлением альтернативной элиты. В 50-60-е годы, когда образование было массовым и относительно приличным, западная верхушка столкнулась с возможностью появления альтернативной элиты. Контроль над информацией предполагает и контроль над высшим образованием и образованием вообще.

То есть здесь мы имеем два мощнейших фактора, которые ведут к классовой сегрегации в области образования. Это выход знания в качестве одного из главных факторов производства и необходимость новых форм социального контроля. По замыслам фабрик мысли нынешней мировой верхушки, это должно решить проблему недопущения появления новой элиты. Но история показывает, что новые элиты появляются не в интеллектуальной среде. Когда концентрация «диких

людей» на социальных или физических границах старого социума превышает некую норму, происходит раскол в правящей элите.

Можно говорить о мировом правительстве как о сетевой структуре

2 марта 2010 г. в 08:30

После смерти королевы Виктории было решено, что представители аристократических семей могут вступать в браки с представителями финансовых семей. С этого момента пошел процесс формирования финансово-аристократического блока, и его еще больше сплотили мировые войны XX века.

Но несмотря на то, что есть глобальный суперкласс, конечно же, он не един. У него есть некие общие долгосрочные интересы, но большинство людей живет все-таки средне и краткосрочными интересами. В Европу я не включаю Великобританию, поскольку она всегда была частью англосаксонского мира. Англосаксонский мир – это один блок, есть Западноевропейские элиты (неатлантические), и, разумеется, есть проатлантическая часть.

Я уж не говорю о таком глубоком разделении мировой элиты, грубо говоря, на два блока – Ротшильды и Рокфеллеры. Здесь, скорее, мировая элита представляет собой очень много «кругов Эйлера», которые совпадают друг с другом отчасти. Естественно, у мировой элиты был интерес сокрушить СССР, но опять же, и здесь не так все просто. Часть мировой элиты торговала с Советским Союзом, получала от этого краткосрочную выгоду и решала целый ряд проблем.

Когда говорят о мировом правительстве как о чем-то возможно едином, то это большая натяжка. Скорее, можно говорить о мировом правительстве как о некоей сетевой структуре, где люди, кланы, группы договариваются друг с другом.

Евросоюз – это рыхлая, аморфная структура

23 февраля 2010 г. в 08:30

Система европейских государств складывалась долго и мучительно. По сути, она складывалась в ходе целого ряда общеевропейских гражданских войн (если мы можем употреблять термин «гражданский» для периода Средневековья) со времен борьбы папства и Священной Римской империи. К середине XVII века сложилась система королевских государств, и эта система к середине XIX века откристаллизовалась. Именно тогда в мире и прежде всего в Европе возникает принципиально новый субъект исторического развития, и наряду с капиталом и государством появляются закрытые структуры наднационального управления (то, что иногда называют «мировой закулисой»). Они со страшной силой начинают подрывать и государство как институт, и систему государств сразу по двум линиям: одна линия – финансово-экономическая, а вторая - с помощью революционных движений.

К окончанию Второй мировой войны европейские государства находились в тяжелом положении. В этот период подрыв европейской системы государств пошел сразу по двум линиям. Во-первых, это экономический контроль со стороны США как государства и кластера транснациональных корпораций. Во-вторых - объединение Европы в некую надгосударственную систему. В этом отношении сейчас ни о какой европейской системе государств говорить не приходится. Евросоюз – это рыхлая, аморфная структура. Нация-государство вообще потихонечку слабеет.

Инновации могут быть разными

30 января 2010 г. в 08:00

Когда мы говорим об инновациях в школе, мы должны поставить вопрос: инновации ради чего? Инновации могут быть разными. Могут быть, например, инновации, которые колонизаторы вводили в странах Азии и Африки, для того чтобы эксплуатировать местное население. Вводилась упрощенная система языкового, например, образования, английского языка. Самое главное, чтобы можно было общаться с белыми господами. А могут быть инновации в образовании, которые были проведены у нас в 30-40-е годы, когда была поставлена задача для школы создать мощнейшую в мире науку, промышленность и совершить рывок.

Когда мы говорим об инновациях, первый вопрос – это целеполагание. Для чего нужна реформа школы, какую школу мы хотим? Мы хотим получить ту школу, которую мы получили за последние 20 лет и которую нам показывают сейчас в сериале «Школа»? Естественно, такая школа нуждается в

инновациях, но вопрос заключается в том, такую школу вообще можно изменить или нужно создавать ее заново?

Ведь за 20 лет практически советская школа (не надо ее идеализировать, но она была одной из лучших в XX веке) разрушена. Но та школа, которая существует сейчас, – это абсолютный скол, осколок постсоветского общества, общества, в котором сила распада доминирует над силой организации. Кстати, за последние 20 лет у нас уже были инновации в школе. Я, например, знаю о том, как изменились учебники иностранных языков. Вместо нормальных учебников английского, французского и немецкого появились глянцевые учебники колониального типа. У нас уже 20 лет было инновационное развитие, но депрессивного типа.

[В России власть во многих отношениях опережает общество]

22 января 2010 г. в 18:41

Последнее время очень много говорят об инновациях, и при этом имеют в виду технику и технологию. Это – резонный подход, но подход весьма ограниченный, потому что техника – это часть общества, а не целое, и нельзя частью подменять целое. Техника зависит от этого социального целого. Когда мы говорим об инновациях, об инновационной экономике, прежде всего имеет смысл поговорить об инновационном обществе, о том, насколько общество готово выступить в качестве инноватора. Для России эта формулировка звучит несколько иначе, поскольку здесь главное – не общество, а власть, и власть во многих отношениях опережает общество. По крайней мере, так было в XIX веке.

Если мы посмотрим на рывки, которые делала Россия при Иване Грозном, при Петре I, в начале XX века, то сначала возникал социальный субъект инноваций, который вытягивал страну до определенного уровня, и дальше начинались технические или технологические сдвиги. Классический случай – это большевистская революция, когда первое десятилетие у нас существовал абсолютно антинациональный режим, затем, в середине 20-х годов, победила концепция «социализм в одной стране» (никакой мировой революции), и дальше был создан тот субъект, который вытащил страну до такого состояния, что она смогла не только выиграть Вторую мировую войну (Великую Отечественную), но и быстро восстановиться и запустить человека в космос.

[Уже видно, насколько серьезен процесс социальной поляризации]

14 января 2010 г. в 08:30

Уже сейчас, сегодня видны некоторые мировые и российские тенденции развития на ближайшие 10-15 лет. Причем некоторые тенденции мирового развития у нас проявляются значительно более явственно и остро, чем в других странах. Так вот одна из главных тенденций современного мира – это нарастание разрыва между богатыми и бедными, между власть имущими и всеми остальными, грубо говоря, между верхушкой - с одной стороны и средними и нижними слоями - с другой. То есть средние слои очень быстро размываются. Скажем, 7-8% превращаются в новые средние слои, а остальные улетают вниз, как это произошло со средними классами Латинской Америки в 80-е годы в результате структурных реформ, проведенных Международным валютным фондом.

Сейчас можно уже четко видеть, насколько серьезен этот процесс социальной поляризации и насколько отличается повседневная жизнь элиты (властной и экономической) от средних и нижних слоев. Здесь несколько направлений вот этой новой сегрегации, которая в крайних своих формах может достичь размаха апартеида.

Безусловно, одна из важнейших линий вот этого нового классогенеза – это образование. Мы видим, что устанавливается монополия на качественное образование. Вторая линия – это культура. Это абсолютно дебильное телевидение по всем каналам. Про социально-экономическую сферу я не говорю, в ней огромная часть населения занимается проблемой выживания.

Я думаю, что в ближайшие 10-15 лет, если нынешние тенденции сохранятся, мы получим ситуацию, очень напоминающую конец XIX – начало XX века.

[2009 год был еще одним годом упущенного времени]

30 декабря 2009 г. в 08:30

2009 год не отмечен в жизни нашей страны никакими яркими событиями. Точнее, события были, некоторые из них - запоминающиеся, но ни одно из этих событий не может быть отмечено как нечто, меняющее вектор развития нашей страны, системы под названием «Россия». По сути дела, продолжалось накопление негативных тенденций в развитии этого образования под названием «Россия». Самое главное, пожалуй, что произошло, - упускается время.

2009 год был еще одним годом упущенного времени, когда не решались серьезные задачи, и, безусловно, самое главное, что не произошло в этом году, – не произошло разворота в отношении тенденции социального распада и социальной организации. Все-таки тенденция к социальной дезорганизации на разных уровнях доминирует над тенденцией к социальной организации. К сожалению, это так в совершенно различных сферах.

Ну а если говорить о науке об обществе, то я как обществовед должен сказать, что, к сожалению, этот год не оказался отмеченным какими-то серьезными, прорывными исследованиями того, что происходит у нас в стране. И в этом отношении российская наука об обществе, в общем-то, развивается в том же направлении, что и общество.

Украина - очень важная геополитическая площадка

18 декабря 2009 г. в 17:26

С экономической точки зрения, конечно же, Украина Западной Европе не нужна. Украина может представлять интерес для Запада не с точки зрения индустриальной экономики, а с точки зрения пространства и сельского хозяйства. Значительно больше Украина интересует Запад с геополитической точки зрения. В свое время Бжезинский сказал, что без Украины в составе «большой России» Россия никогда не будет великой державой. Это, конечно, перехлест, но резон здесь есть. Украина – это очень важная геополитическая площадка.

Здесь имеет смысл вспомнить о том, что, именно получив Украину в качестве некой площадки, Россия смогла добиться выхода на Балтику. Именно Украина стала плацдармом для прыжка на Балтику для Петра Первого. Именно на Украине происходили основные события сухопутной части Северной войны.

Есть еще один аспект, который очень важен для Запада. Дело в том, что Украина – это то, чем можно постоянно провоцировать и раздражать Россию, а затем выступать посредником между Россией и Украиной. Активное сближение Запада с Украиной и в конечном счете вдруг вступление Украины в НАТО надолго отбивает у России возможность воссоединения с Украиной.

В сухом остатке: Украина нужна Западу как блокиратор по отношению к России и как та мозоль, на которую постоянно будут давить, чтобы раздражать Россию, чтобы указывать России ее место.

США хотят с помощью сект переформатировать нашу культуру

3 декабря 2009 г. в 18:10

Очередной доклад Госдепа США о ситуации с соблюдением прав человека в отношении представителей тех религиозных меньшинств, которые в России принято относить к сектам, достаточно характерен. Это ничем не отличается от ситуации в прежние десятилетия, когда американцы учили нас (а заодно и весь остальной мир) соблюдать права человека, хотя в самих США с этим было даже больше проблем, чем у нас.

Деятельность сект, о которых так заботятся американцы, преследует две цели. Во-первых, это, по сути дела, органы американского влияния, представляющие ядро чужой культуры, которые, как вирусы, проникают в другую культуру, чтобы способствовать дальнейшему перерождению «социокультурных клеток» данного общества. Совершенно явно, что все эти секты чужды русской и православной культуре. Их задача состоит в том, чтобы переформатировать социокультурное пространство.

Естественно, что их появление предполагает какую-то реакцию властей. Поскольку они не просто ячейки какой-то духовной жизни, а ячейки альтернативной власти, которые подчиняют поведение людей и, по сути, выступают формой альтернативной властно-социальной организации. В свою очередь негативная реакция другого государства на появление в своем теле чужеродных вирусов ожидается американской стороной, чтобы начать кампанию по критике и дискредитацию действий

российских властей. Самой правильной реакцией было бы просто не обращать на это внимание.

Я хочу напомнить, как китайцы в свое время поступили с тайным обществом - сектой «Фалунгун», которая при, казалось бы, мирных формах, несла безусловную опасность для социальной ткани китайского общества. Они очень жестко решили этот вопрос и абсолютно никак не отреагировали на тот крик, который подняли американцы. Те покричали-покричали и успокоились. Потому что американцы в основном кричат на слабых. А крик в 1970-1980-е гг. был формой холодной войны.

Россия представляет собой общество в состоянии полураспада

27 ноября 2009 г. в 16:42

Собственно, в XX веке было три модели кино. Была модель немецкая, студия UPA, которая очень быстро ушла и влилась в Голливуд, и вся вторая половина века – это две модели кино – советская и американская. Нужно сказать, что советское кино было очень мощным средством культурной гегемонии.

В нынешнем состоянии, когда Россия представляет собой общество в состоянии полураспада, когда верхушка практически прониклась буржуазными ценностями, стремится интегрироваться в западную жизнь, ясно, что этот слой и его обслуга в сфере культуры - медиаинтеллектуалы - предложить ничего не могут в плане создания привлекательного образа России. Есть ли у России слои, которые могут это сделать? По крайней мере пока их не видно.

Следует обратить внимание, какой образ России готовы принять на Западе. Это образ «икра-водка-балалайка». Такой а-ля «рюс». А с другой стороны, если вспомнить, что за последнее время наиболее популярной группой на Западе была группа «Тату», то это тоже, в общем-то, что хотели бы видеть в культурном плане, какой хотели бы видеть в культурном плане Россию на Западе. То есть либо такой а-ля «рюс», либо вот такое разложение с нездоровым сексуальным душком. И подтекст такой: «Ну а что можно ожидать? Варвары, они и есть варвары».

С 20-х по 60-е годы СССР лидировал в сфере культурной гегемонии

26 ноября 2009 г. в 16:06

Борьба за мировую гегемонию всегда предполагала и включала в себя борьбу и за то, что Антонио Грамши назвал «культурной гегемонией». Очень хорошо осознал необходимость борьбы в области культуры уже Николай Первый. Именно он сделал заказ на создание такой русской идеологии – «Православие. Самодержавие. Народность». Но из этого ничего не получилось - создать ответ на «Свободу. Равенство. Братство» не удалось.

В XX веке, по крайней мере с 20-х по 60-е годы включительно, Советский Союз лидировал в сфере культурной гегемонии по целому ряду направлений. Речь шла о строительстве социально справедливого общества, и до конца 60-х годов западная интеллигенция (не только левая, но либеральная) признавала приоритет Советского Союза в этой области. Кроме того, Советский Союз нес высокую культуру. Если посмотреть послевоенное кино, театр, балет – это была очень мощная культура. Советское кино было альтернативой американскому кино.

Однако в 70-е годы все это начинает ломаться. Финал – горбачевщина, принятие буржуазных ценностей под видом универсальных, то есть полная капитуляция в сфере культуры, принятие худших западных образцов массовой культуры. Вот это и есть финал схватки за культурную гегемонию. Советский Союз ее проиграл, так же как он проиграл холодную войну.

«Нужно говорить о треугольнике Китай – Япония – США»

20 ноября 2009 г. в 14:48

Последнее время очень много говорят о том, что в мире появился новый центр - это Азиатско-Тихоокеанский регион. Здесь смешиваются две вещи. Действительно, во многих отношениях центр экономической активности переместился в Восточную Азию. Но что касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то в значительной степени это мифологическая конструкция.

Что значит Азиатско-Тихоокеанский регион? Сам термин предполагает, что это некая целостность, в

которую входят Восточная Азия (Китай, Япония, Корея), Юго-Восточная Азия, Австралия, Новая Зеландия, восточное побережье Южной Америки, Мексика, Соединенные Штаты и Канада. Но ведь это не так, нет никакого целостного региона, есть система взаимодействия, причем очень такая неравномерная. При этом Южная Америка явно совершенно выпадает из этой зоны.

Реально за мифом «Азиатско-Тихоокеанский регион» стоит подъем Японии, а затем Китая, значительный американский интерес в этом регионе и взаимодействие этих стран. Скорее, нужно говорить о треугольнике – Китай-Япония-США. Причем Российская Федерация, естественно, в этом участвует по-минимуму. Россия – это тихоокеанская страна, но после распада Советского Союза, после резкого снижения нашего военного потенциала и экономического на Дальнем Востоке интеграция России в так называемый АТР – это в значительной степени, в том виде, в каком это происходит, функционирование в качестве сырьевого обеспечителя Китая.

России, безусловно, нужен геополитический союз с Белоруссией

18 ноября 2009 г. в 13:50

России, безусловно, нужен геополитический союз с Белоруссией, потому что Белоруссия объективно защищает Россию с Запада, и это, пожалуй, единственное дружественное нам государство, которое прикрывает нас с Запада. Кроме того, русские и белорусы - это два народа, формально два народа (по сути это один народ), причем которые близки друг другу не только по культуре, не только по исторической традиции, но и, как показывают последние исследования, очень близки по ДНК. Различия между русскими и белорусами всего 3%.

То есть по сути это один народ в двух лицах, и, естественно, что тот развал Советского Союза, который произошел в 91-м году, – это искусственный разрыв одного народа на две разные части. Поэтому во всех отношениях, в историческом, в геополитическом, я бы даже сказал, в метаисторическом, в различных планах союз с Белоруссией, объединение – вещь просто необходимая. Я думаю, рано или поздно это произойдет.

«Мировое правительство» - это сетевая структура корпоратократии

5 ноября 2009 г. в 12:41

Мы часто слышим термин «мировое правительство». В том виде, в каком он используется, разумеется, не имеется в виду некий орган, регулярно заседающий и штампующий какие-то решения. Под мировым правительством имеется в виду то, что Ильин тоже неудачно назвал «мировой закулисой». Термин этот в значительной степени дискредитирован, хотят им пользуются и серьезные ученые, например, Иммануил Валлерстайн в 70-е годы говорил о необходимости мирового правительства. Сегодня о мировом правительстве говорит Аттали.

Когда мы говорим о мировом правительстве, нужно помнить, что это метафора. А что скрывается за этой метафорой? Совершенно очевидно, что мировой капиталистический класс – это класс мирового масштаба, а политическая организация капиталистической системы до сих пор формально носит межгосударственный характер. Но ведь у буржуазии надгосударственные, наднациональные экономические, политические и социальные интересы, и очевидно, что нужны структуры, которые будут эти решения выполнять. Ясно, что эти структуры не могут быть открытыми. Есть структура ООН – но это организация государств.

Любому господствующему классу нужны свои классовые организации, и в качестве таковых функционируют различные англосаксонские клубы, например ставший уже притчей во языцех Бильдербергский клуб. Я думаю, что самые главные структуры так называемого мирового правительства вообще скрыты. Мировое правительство в том виде, в каком оно существует сейчас в мире не как метафора, а как реальность, - это, безусловно, сетевая структура корпоратократии. Можно сказать, что именно холодная война, задача борьбы с Советским Союзом окончательно сформировала то, что именуют мировым правительством.

Европа до сих пор является протекторатом США

23 октября 2009 г. в 13:59

Недавно в Париже была опубликована работа одного французского исследователя - Сюс Биеля. Главная мысль заключается в том, что мир идет к эпохе, которая аналогична эпохе Воюющих царств

(Чжаньго) в китайской истории. Это был период V-III веков до нашей эры, когда было 7 царств, воевавших между собой, и в конце концов одно из царств (Цинь) победило все остальные и объединило Китай. Сюс Биель полагает, что в условиях упадка американской гегемонии мир идет вот к такой многополярной структуре.

У меня эта схема вызывает большие сомнения. Во-первых, при всем том, что, действительно, гегемония Соединенных Штатов идет на убыль, слухи о смерти США как гегемона явно преувеличены. Кроме того, одно дело - США как государство, другое дело - США как кластер транснациональных корпораций, которые могут выстроить совсем другую систему управления миром. Вот это сейчас пытается сделать Обама – создать систему автономного управления миром, подключив к управлению в качестве таких «полицейских» на глобальном уровне страны типа Нигерии, ЮАР, Индии, Индонезии и так далее.

Европа так и не стала центром силы. Это экономический гигант и политический карлик. По сути дела, во многих отношениях Европа до сих пор является де-факто протекторатом Соединенных Штатов. То, какие политики, какие лидеры (проатлантические) пришли в последнее время в Западной Европе ясно, об этом говорит.

Китай и Индия – все говорят о подъеме этих стран, о том, что это будущий центр силы. Да, особенно у Китая есть много шансов стать таким центром силы, но у обеих стран есть два очень уязвимых места. Во-первых, это разрыв между экономическим ростом и очень хрупкой социальной структурой. Во-вторых, огромное число молодого населения. Дело в том, что есть корреляция, как только численность молодежи, то есть людей от 16 до 30 лет, переваливает за 22-23%, начинаются серьезные социальные катаклизмы.

У России было два варианта существования в мировой системе

16 октября 2009 г. в 17:12

С момента интенсивного включения России в мировую систему в середине XIX века у России было два варианта существования в мировой системе. Первый вариант - это, как его условно можно назвать, вариант Александра Второго (потому что он при нем сформировался): «Россия - часть мировой системы». Финансово зависимая часть, ее сырьевой придаток. Господствующие группы вместе с государством нещадно эксплуатируют население, отчуждая не только прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого. Результат - процессы распада обгоняют процессы социальной организации. В этой модели Россия финиширует как страна, зависимая от Запада в финансовой области, а в значительной степени и в политической, утрачивает суверенитет.

Вторая модель - это «Россия - альтернативная система». Это модель Сталина. В основе этой модели лежит уже не сырьевая ориентация, а инновационное развитие. Прежде всего - военно-промышленный комплекс, который вытягивает все остальное. Это вольно сейчас говорить, что вот у нас «оборонка» съедала все. Отчасти это так, но с другой стороны, военно-промышленный комплекс вытягивал за собой всю остальную промышленность, он был ее локомотивом. Другое дело, что баланс не смогли найти между ВПК и всем остальным, но именно по «вэпэковской» линии мы очень здорово рванули во второй половине XX века.

США - это не столько государство, сколько кластер ТНК

12 октября 2009 г. в 18:00

С середины 70-х годов то, что мы называем «государство США», это не столько государство, сколько кластер транснациональных корпораций. Что очень интересно - с середины 70-х годов ни один представитель восточного истеблишмента, истеблишмента с Атлантического побережья Соединенных Штатов не стал президентом. Произошло это, кстати, как это ни парадоксально, не без участия Советского Союза.

Вот это - то коварство истории, о котором писал Гегель. Последним ударом по истеблишменту Восточного побережья и по государственникам Соединенных Штатов было поражение США во Вьетнамской войне. После этого возьмем любого американского президента: Картер – это человек из Джорджии, дальше Рейган - это Калифорния, затем Буши – Техас, из Арканзаса – Клинтон.

Безусловно, вот это вот внутреннее противоречие и не тождественность США самим себе как государству (то есть это одновременно и кластер транснациональных корпораций, и государство) и создает очень серьезные противоречия. Например, в бытность младшего Буша президентом французские аналитики даже стали говорить о приватизации внешних политик США.

[На месте государства-нации появляется государство-корпорация]

8 октября 2009 г. в 15:06

Внешняя форма далеко не всегда совпадает с содержанием. То, что мы называем государством, - один из примеров такой ситуации. Мы привыкли, что государство, которое существует и существовало в XX веке, - это нация-государство. Доминирующей формой в XX веке были государства-нации, колониальные империи уходили, а Советский Союз империей не был, не был он и государством-нацией.

Нация-государство - это такая форма государственности, которая включает в государственные процессы максимум населения в качестве граждан и выполняет по отношению к ним какой-то определенный объем социальных и политических обязательств.

Но в конце XX века государства во всем мире начинают сбрасывать с себя социальные обязательства и начинают себя вести не как государство, а как корпорация. Главными становятся и даже внешне прокламируются проблемы конкурентоспособности, эффективности, и так далее, и так далее. На месте нации-государства появляется корпорация-государство. Корпорация-государство - это такой государственный аппарат, который внешне сохраняет государственную оболочку, но, по сути, отказывается от выполнения своих социальных и национальных обязательств. В случае с Западом это практически подмена государственных интересов интересами транснациональных корпораций (в значительной степени). В случае с бывшими соцстранами - это просто вырастание корпорации-государства из бывших ведомств на месте рухнувшего Советского Союза.

[Малороссы, белороссы и великороссы – это один народ]

28 сентября 2009 г. в 16:56

Исходно мы можем говорить о русском народе, у которого в соответствии с местом проживания были местные, если можно так выразиться, версии: малороссийская, белороссийская и великороссийская. То есть, по сути дела, это один народ. Если посмотреть на эволюцию того народа, который называется белорусами, то есть «белые русские», то, в принципе, они ощущают себя как русские. С украинцами получилось иначе. Во-первых, с XIX века над выработкой некой особой украинской идентичности работали в Австро-Венгрии определенные круги, определенные структуры. Это было средством в геополитической борьбе против России.

Как это ни парадоксально, свой вклад в превращение малороссов в украинцев как якобы особую этническую группу внесли советские власти. После Октябрьской революции советская власть поощряла практически везде национальное развитие, кроме одной республики - РСФСР. В России поощрялся советский патриотизм, а вот во всех остальных республиках, наряду с советским патриотизмом, поощрялось и местное национальное своеобразие.

В результате уже в 20-30-е годы можно говорить о некоем латентном советском проекте украинства. А если говорить уже о послевоенном периоде, то, безусловно, здесь можно увидеть целый ряд негативных тенденций в развитии вот этого национального украинского самосознания. Оно проявлялось по-разному.

Украинизация того, что осталось от Малороссии, - это, безусловно, западный проект, который лег этаким третьим слоем на проект Австро-Венгерский, советский. Завершиться он, по их задумке, должен созданием (хотя бы формально) некоей украинской нации.

[У ШОС есть хорошие шансы становиться более сплоченной структурой]

17 сентября 2009 г. в 12:31

Нынешний кризис, конечно же, это вещь не краткосрочная. У него могут быть спады и подъемы внутри некоего временного континуума. Нынешний кризис это очень небольшая частичка очень

большого кризиса, который начался в 70-е годы и который трудно сказать, когда закончится. Если брать в краткосрочной перспективе, то нынешний кризис, пройдя горб 2008-2009, возможно несколько спадет, чтобы потом опять подняться. Если говорить о геополитических последствиях нынешнего кризиса, то, скорее всего, от нынешнего кризиса выиграет Китай, который свое экономическое преимущество постарается с очень неплохими шансами превратить в геополитическое. Это дальнейшее проникновение в американскую экономику, дальнейшее движение в Юго-восточной Азии, хотя, казалось бы, на первый взгляд, куда двигаться? Главные сектора экономики Юго-восточной Азии и так контролируются китайской диаспорой. Трудно сказать, что будет геополитически с Россией, потому что Россия находится не в лучшем положении. Здесь первый вопрос, усилится или ослабятся позиции в СНГ. Те тенденции, которые мы наблюдаем, скорее, свидетельствуют о том, что позиции России в СНГ будут слабеть. Само СНГ будет, безусловно, становиться все более и более рыхлой структурой. А вот у ШОС есть хорошие шансы становиться более сплоченной структурой, главным образом за счет китайского фактора. У США ситуация очень интересная. Как государство, Соединенные Штаты, скорее всего, из кризиса выйдут слабее, а вот как кластер транснациональных корпораций США скорее усилятся. Это еще более углубит противоречия между США -государством и США как кластером транснациональных корпораций.

[Англичане на блюдечке преподнесли Чехословакию Гитлеру]

11 сентября 2009 г. в 18:55

Когда говорят, что пакт Риббентропа-Молотова развязал руки Гитлеру и Гитлер начал войну, это, мягко говоря, лукавство. Развязал руки Гитлеру Мюнхенский договор, а вот дальше произошли очень интересные события. Ведь когда англосаксы, прежде всего англичане, конечно, на блюдечке преподнесли Гитлеру Чехословакию, они полагали, что, взяв всю Чехословакию, Гитлер выйдет к советским границам и будет над ними нависать. Вот она граница, вот она война.

А вот Гитлер, поскольку он в 38-39-м годах не собирался воевать с Советским Союзом, сделал очень ловкий ход – он Чехию превратил в протекторат Богемии и Моравии, а про Словакию сказал: ребята, а пусть она останется самостоятельной страной, и англосаксы поняли, что Гитлер их обвел, обманул. Он не собирается воевать с Советским Союзом. Спекулируя на антисоветизме все 30-е годы, он получил много от Запада. Он получил Австрию с ее валютными запасами, он получил Чехословакию с ее военной промышленностью, а теперь не собирался воевать с Советским Союзом.

Англичане были в ярости и довели до сведения Гитлера, что он может получить удар от Польши, а англичане ее поддержат, а польская армия была, на самом деле, довольно неслабой в 38-39-м годах. Она была, конечно, на 39-й год послабее немцев, но разрыв был не очень большим, плюс английская поддержка, и тогда Гитлер понял: чтобы защитить себя от этой угрозы, нужно нанести удар по Польше.
Кстати, Гитлер был совершенно уверен, что Англия не рыпнется, а если рыпнется, то только для того, чтобы сохранить лицо, а воевать не будет. Кстати, так оно и произошло – до середины 1940 года англичане решали: будут они воевать или нет, а потом американский нажим заставил их воевать. То есть Мюнхенское соглашение – вот что было главным, что привело к войне. То есть Мюнхенское соглашение – это действие прежде всего англичан, которые собирались натравить Германию на Советский Союз, и нам нечего стесняться пакта Молотова-Риббентропа.

[Мы оказались в качестве вдовы, которая сама себя высекла]

8 сентября 2009 г. в 14:20

Исполнилось 70 лет пакту Риббентропа-Молотова, и оживились разговоры вновь о пакте. Причем у нас как-то колебалось последние годы отношение к пакту Риббентропа-Молотова. С перестроечных и ранних постперестроечных времен у нас сложилось традиция хаять всячески этот пакт. Потом, в последние годы, существовала более взвешенная оценка этого пакта как проявление реальной политики.

Но последние события и решения нашей Думы, которая заклеймила пакт Риббентропа-Молотова, вернули ситуацию к перестроечным временам. Это очень странно, потому что, принимая такое решение, наша Дума и те наши деятели, которые осудили пакт Риббентропа-Молотова, должны были автоматически потребовать осуждения западной общественностью Мюнхенского соглашения. Но, насколько мне известно, Мюнхенское соглашение никто из западных деятелей не осудил. То есть мы

здесь оказались в качестве вдовы, которая сама себя высекла. С точки зрения истории дипломатии, пакт Риббентропа-Молотова – это, действительно, достижение советской дипломатии, помимо всех прочих плюсов, которые он принес. Это было, пожалуй, первое признание статуса СССР как крупной державы, потому что соглашение с Рейхом 1939 года выводило нас, по сути дела, из изоляции.

[В 1929 году произошло несколько очень важных событий]

20 августа 2009 г. в 15:43

В 1929 году произошло несколько очень важных событий. На первый взгляд они кажутся изолированными и не связанными друг с другом, но при более внимательном анализе оказывается, что они хорошо связаны, хорошо смотрятся вместе и, по крайней мере, связаны пунктирной линией.

В 1929 году директор Английского банка Монтегю Норманн, по сути дела, закрыл Британскую империю от внешней торговли. Т. е. он создал ситуацию, когда с британскими товарами в Британской империи конкурировать никто не мог, потому что был поставлен барьер. Эта мера была направлена против Соединенных Штатов Америки, которые лишились 25% мирового рынка. Товары Британской империи составляли 25% мирового рынка.

Последствия этого шага были весьма и весьма серьезными. Соединенные Штаты начали вкладывать средства в Советский Союз - им нужно было куда-то вкладывать свои средства, и в этом отношении они начали очень активно способствовать подъему СССР.

В Европе происходило следующее. Почти до конца 20-х годов англичане очень спокойно, постепенно вели Гитлера к власти, но не форсировали события. В 1929 году произошло очень важное событие - Троцкого выслали из СССР, и надежды на то, что Советский Союз спровоцирует Запад на войну призывами к мировой революции, закончились. И с 1929 года англичане резко активизировали процесс проталкивания Гитлера к власти. И здесь же, естественно, мировой экономический кризис, у которого много составляющих. Это - слишком серьезная тема, чтобы о ней говорить накоротке, но все эти события (высылка Троцкого, Монтегю Норманн, активизация британских усилий по проталкиванию Гитлера, мировой экономический кризис) очень тесно связаны.

[Некоторые говорят, что холодная война началась в 17-м году]

13 августа 2009 г. в 12:39

Есть несколько точек зрения на вопрос, когда началась холодная война. Некоторые говорят, что она началась прямо в 17-м году, как только возникло Советское государство. В этом, действительно, есть резон, потому что борьба, по крайней мере после Гражданской войны, против Советского государства велась именно как против антисистемного элемента в капиталистической системе. И тем не менее что-то не позволяет датировать начало холодной войны 17-м годом.

Дело в том, что с 17-го по 45-й год Советский Союз не противостоял капиталистической системе в целом, прежде всего потому, что она не была единой. Шла борьба с одной стороны немцев и англичан, с другой стороны - англосаксы, «кузены», американцы и англичане тоже сцепились в жестокой схватке, и в 29-м году англичане закрыли Британскую империю как огромный рынок от внешних сил, прежде всего это была мера, направленная против американцев.

Собственно, англо-американские противоречия, на мой взгляд, были решающими в возникновении Второй мировой войны. Другое дело, что разыграл ее Гитлер, основным театром был русский театр военных действий, но, думаю, правильным будет сказать, что англо-американское, атлантическое противоречие сыграло решающую роль в возникновении Второй мировой войны. То есть Советский Союз до Второй мировой войны играл на одной стороне капиталистических держав против других капиталистических держав. Все изменилось после 45-го года.

[Мы до сих пор не осознали, чем была холодная война]

5 августа 2009 г. в 12:42

Мы до сих пор не осознали, чем была холодная война. Собственно, те, кто вел ее со стороны Советского Союза, они тоже очень плохо понимали, что это такое. Показательно, что мы писали: «холодная война» - в кавычках и с маленькой буквы, а вот на Западе писали: Холодная война - с

большой и без кавычек. То есть для них это была самая настоящая война, но объектом ее были не живые люди, а социальная система. Где-то с середины 50-х годов, когда на XX съезде был окончательно провозглашен курс на мирное сосуществование двух систем и на соревнование между ними, советская верхушка реально поверила, что будет соревнование, и в этом соревновании если мы не выиграем, то точно не проиграем.

Противоположная сторона исходила из того, что это никакое не соревнование, это - игра на убой, и из двух игроков один должен просто рухнуть и вообще исчезнуть с лица Земли, собственно, что и произошло с Советским Союзом. Наше руководство успокаивало население таким дурацким пацифизмом, что самое главное, чтобы не было войны. Под войной имелась в виду горячая война, то есть тем самым они начисто лишали себя возможности понять суть холодной войны, которую поэтому и проиграли. А вот противник, рассчитывавший ходы с конца 40-х годов, вообще не ставил никаких сроков.

[В разгар перестройки в СССР хлынули схемы западной социологии]

29 июля 2009 г. в 09:41

В самый разгар перестройки в Советский Союз хлынули мутным потоком схемы западной социологии и политологии. Причем интересно, что они хлынули именно тогда, когда западная социология и политология переживали острый кризис. Но они пришли сюда, в Советский Союз, где марксизм-ленинизм был в явном кризисе, и они выглядели, скажем так, более модными, более современными.

Это активное внедрение социологии и политологии в советскую реальность для объяснения советской реальности - очень сильный пример действия гуманитарной технологии, потому что нейтрального знания не бывает, и западная социология и политология отражают реальности западного общества. А теперь представьте, что систему знаний, которая заточена под такое общество, начинают применять для познания общества принципиально иного.

Совершенно ясно, что ничего хорошего из применения такой системы знаний для познания этого общества не получится. Это в науке, в теории, а на практике результаты могут быть совершенно катастрофическими. Получается совершенно иной образ общества, чем тот, что существует; а следовательно, практические советы, как изменить это общество, будут работать на разрушение этого общества. Собственно, западные социология и политология (особенно в исполнении пятой колонны, этих всех околоинтеллектуальных «шестерок», которые подвизались в 80-е годы на этой ниве) сыграли не решающую, но определенную роль в разрушении советского общества.

[Это классический демонтаж капсистемы]

17 июля 2009 г. в 17:41

С 1976 года ни один выходец с Восточного побережья США президентом не был. Пришли люди с юга и с Запада, связанные с транснациональными корпорациями. До рубежа 60-70-х годов у транснациональных корпораций не было такой силы, которую они набрали позже, потому что было очень сильным «велфэровское» государство, а в середине 70-х годов западная верхушка поняла, что еще чуть-чуть - и средний класс просто политическую власть приберет к рукам, и началось контрнаступление.

Ударной силой этого контрнаступления могла быть только корпоратократия, поэтому буржуазия традиционная потеснилась и запустила их вперед. Как только пришли Тэтчер и Рейган к власти, они начали «мочить» средние слои и рабочий класс. К сожалению, наши американисты и наши люди, которые занимаются Западом, прохлопали этот момент и до сих пор не понимают, что произошло на Западе, что такое глобализация и неолиберальная контрреволюция. Это потрясающее изменение в капсистеме, это же классический демонтаж капсистемы для того, чтобы создать посткапиталистический строй, но в интересах буржуазии. Об этом Аттали откровенно пишет во всех своих работах.

[Достоевский правильно сказал, что Россию погубят либералы]

13 июля 2009 г. в 12:14

Гуманитарные технологии были и в позднем самодержавии. Самодержавие рушили, и Достоевский правильно об этом сказал, что Россию погубят либералы, потому что либералы были трансляторами вот этих гуманитарных технологий.

Как правило, гуманитарные технологии связаны с политикой. Они могут подготавливать крушение. Например, если вы почитаете мемуары бывших брежневских спичрайтеров, советников, то они откровенно пишут, что уже в 60-е годы они разочаровались в марксизме-ленинизме, очень стали увлекаться западной социологией и политологией. Я сейчас не говорю о том, плох или хорош был истмат и диамат, мы сейчас поговорим о том, что такое была западная социология и политология. Нейтрального знания нет. Если ты начинаешь смотреть на мир чужими глазами, значит, ты смотришь в чужих интересах. Вот это и есть гуманитарные технологии, когда тебе встраивают мировоззрение, не соответствующее той социальной системе и культурной среде, в которой ты живешь, и ты объективно начинаешь ее разлагать.

Наказы 1789 года во Франции писали масоны. В 80-е годы масоны наняли человека, который должен был разработать концепцию, возможна ли во Франции революция или нет. Они поставили ему конкретные задачи. Первая: как начать революцию. Ответ был очень простой: начать революцию надо так, чтобы это не выглядело как революционное движение. Нужно собрать Генеральные штаты, а на Генеральные штаты, сказал этот человечек, должны люди приехать с наказами - cahier. Французские историки первой половины XIX века писали об этом откровенно - все эти cahier были написаны как будто одной рукой, не в прямом смысле слова, хотя в отдельных случаях и в прямом смысле слова. Кто писал наказы? Адвокаты, врачи, они очень часто были масонами, но масонами нижних степеней, которые полгали, что они бьются за светлое будущее и так далее.

Так вот что касается наказов 17-го года в России, то они написаны по масонским лекалам французской революции 1789 года. Это классическая гуманитарная технология.

[Уравнивать нацизм и сталинизм – это уравнивать агрессора и объект нападения]

6 июля 2009 г. в 12:38

Гуманитарные технологии обычно используются не для того, чтобы прекратить кризис, а, наоборот, чтобы его спровоцировать, сделать его острее. Гуманитарные технологии в самом широком смысле - это комплекс воздействия социального, психологического, идейного и культурного на ту или иную социальную систему, на ту или иную группу или, если это имеет очень большое значение, на отдельное лицо. Например, на генерального секретаря КПСС.

Воздействие на человека - это крайне редкая вещь, когда человек занимает особое положение. Главный объект гуманитарных технологий - это социальные системы или отдельные группы. Гуманитарные технологии тесно связаны с политическими технологиями. Вот, например, Парламентская ассамблея ОБСЕ выступила с резолюцией «О воссоединении разделенной Европы», уравняла нацизм и сталинизм и призвала их осудить.

Дальше логика такая: поскольку эти вещи одинаковые, а мы не празднуем победы нацистской Германии, то и победа сталинского СССР не должна праздноваться по этой логике. В резолюции сказано о недопустимости восхваления тоталитарных режимов.

Это означает, что если мы это принимаем (я надеюсь, мы это не примем), то мы не должны восхвалять все достижения советской истории вот этого периода - 30-х, 40-х, 50-х годов. Я уже не говорю о том, что приравнивать нацизм и сталинизм - это приравнивать агрессора и объект нападения. Вот это тоже гуманитарная технология.